РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Романова — Рясовскій

Издаваемый Русскимъ Историческимъ Обществомъ

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. О-ва «Кадима». Вас. Остр., 5 лин., д. 28.
1918.

Настоящій томъ изданъ подъ редакціей члена Русскаго Историческаго Общества *Бориса Львовича Модзалевскаго.*

2005346473

Р.

Романова-Юрьева, *Іуліанія Ѳеодоровна*, въ иночествѣ *Анастасія*; была замужемъ за Романомъ Юрьевичемъ Захарьинымъ, окольничимъ. 12-го февраля 1543 г. домъ Іуліаніи Ѳеодоровны въ Москвѣ посѣтилъ св. Геннадій Костромской и предсказалъ ея дочери Анастасіи Романовнѣ супружество съ царемъ, что̀ и исполнилось, такъ какъ Анастасія Романовна вышла замужъ за царя Ивана Васильевича. 3-го ноября 1547 г. Іуліанія Ѳеодоровна была на свадьбѣ князя Юрія Васильевича (брата царя), у постели. Время кончины ея неизвѣстно; погребена она въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Москвѣ.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VI; Н. Селифонтовъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. С.-Пб. 1898 г., вып. 2; Особы великокняжеской и царской фамилій, почивающія въ Вознесенскомъ монастырѣ, М. 1902, стр. 9; „Московскій Некрополь“, т. I, М. 1907, стр. 517.

В. Корсакова.

Романова-Юрьева, *Ксенія Ивановна*, въ иночествѣ *Марѳа*, дочь Костромского дворянина Ивана Васильевича Шестова и жены его Маріи, мать царя Михаила Ѳеодоровича. Около 1590 г. она вышла замужъ за Ѳеодора Никитича Романова, двоюроднаго брата царя Ѳеодора Іоанновича; на свадьбѣ ея присутствовали и царь, и Борисъ Годуновъ. Въ наслѣдство отъ своего отца Ксенія Ивановна получила старинную вотчину дѣда своего, Василія Михайловича Шестова, село Домнино, въ Костромскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Шачѣ, съ 57 деревнями и починками (изъ этого села Домнина былъ родомъ извѣстный крестьянинъ Иванъ Сусанинъ). Отъ матери Ксенія Ивановна получила вотчину въ Углицкомъ уѣздѣ—село Климянтино съ 14 деревнями и пустошами. Семейная жизнь Ксеніи Ивановны была омрачена великимъ горемъ: 29-го ноября 1592 г. у нея умерли два сына—Борисъ и Никита, 21-го сентября 1597 г. сынъ Левъ, а 7-го іюня 1599 г. — сынъ Иванъ.

Въ 1600 г. Романовыхъ и ихъ родственниковъ и друзей — князей Черкасскихъ, Репниныхъ и Сицкихъ, а также Карповыхъ и Шестовыхъ взяли подъ стражу; допрашивали господъ, пытали слугъ,—но кромѣ „кореньевъ“, найденныхъ въ „казнѣ“ Ал. Никит. Романова и будто бы приготовленныхъ, чтобы „извести“ царя Бориса,—ничего преступнаго найдено не было. Однако, Ксенію Ивановну разлучили съ матерью, мужемъ и дѣтьми—Татьяной и Михаиломъ; дѣтей отправили съ теткой, княгиней Марѳой Никитичной Черкасской, на Бѣлоозеро, мать постригли и увезли въ Никольскій дѣвичій монастырь въ Чебоксары, мужа тоже постригли, съ именемъ Филарета, и заключили въ Сійскомъ монастырѣ; той же участи подверглись и сама Ксенія Ивановна, постриженная съ именемъ Марѳы, и ея золовка, княгиня Евфимія Никитична Сицкая (жена князя Ивана Васильевича Сицкаго), постриженная съ именемъ Евдокіи и поселенная въ пустынѣ Сумскаго острога, и самъ князь Иванъ Васильевичъ Сицкій, постриженный подъ именемъ Іоны. Братьевъ Ѳеодора Никитича—Михаила, Василія и Ивана сослали. Инокиня Марѳа Ивановна была препровождена въ Толвуйскій погостъ, въ Заонежьѣ. Священникъ—„попъ Ермолай Герасимовъ“ и жители Толвуя радушно отнеслись къ ссыльной боярынѣ-инокинѣ:

надзоръ за нею не былъ строгій, и она вошла въ сношенія съ окрестными монастырями: Палеостровской обителью, на островѣ Онежскаго озера, и Яшеозерской пустынью, недалеко отъ Петрозаводска.

Въ 1602 г. царь Борисъ смилостивился: Ѳеодору Никитичу, или, какъ его называли, „старцу Филарету“ дозволено было стоять на клиросѣ въ церкви; въ Сійскій монастырь стали допускать богомольцевъ, отъ которыхъ, быть можетъ, онъ получалъ извѣстія о женѣ и дѣтяхъ. Инокиня Марѳа изъ Заонежья и дѣти ея съ княгинею Марѳою Никитичною Черкасской съ Бѣлоозера были привезены въ старинную вотчину Романовыхъ,—село Клипы, Юрьевскаго уѣзда. При нихъ находились два пристава, но это не нарушало мирнаго теченія жизни, и Марѳа Ивановна, несмотря на свой, хотя и невольный иноческій санъ, вступила снова въ права матери и домохозяйки. Такъ шло до пріѣзда въ Москву Лжедимитрія, который вызвалъ въ столицу своихъ мнимыхъ родственниковъ, разосланныхъ Борисомъ въ отдаленныя мѣстности. Прибылъ въ Москву и Филаретъ, уже въ санѣ архимандрита, прибыла и Марѳа Ивановна съ дѣтьми. Въ кратковременное царствованіе Лжедимитрія Филаретъ былъ хиротонисанъ въ санъ митрополита Ростовскаго, а 12-ти лѣтній сынъ его Михаилъ получилъ чинъ стольника. Въ 1607 г. царь Василій Ивановичъ Шуйскій женился на княжнѣ Маріѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, а Марѳа Ивановна находилась съ ней въ дружескихъ отношеніяхъ. Дочь свою Татьяну Марѳа Ивановна выдала въ это время замужъ за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго; въ 1611 г., въ началѣ Московской осады, молодая княгиня умерла, и у Марѳы Ивановны остался единственный сынъ Михаилъ. Въ царствованіе Шуйскаго Марѳѣ Ивановнѣ пришлось пережить тяжелое испытаніе: плѣнъ Филарета Тушинскимъ воромъ, въ станѣ котораго онъ вынужденъ былъ жить, и наименованіе его, тѣмъ же Тушинскимъ воромъ, патріархомъ. 17-го іюля 1610 г. Шуйскій былъ сведенъ съ престола, а на другой день постриженъ и онъ, и жена его царица Марья Петровна, которую помѣстили въ Ивановскомъ монастырѣ въ Москвѣ. 11-го сентября 1610 г. выѣхало въ Литву Московское посольство, во главѣ котораго стояли: князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Филаретъ Никитичъ. Посольство это было снаряжено, чтобы просить Сигизмунда отпустить на Московскій престолъ сына своего, королевича Владислава, и не допустить Сигизмунда быть Московскимъ царемъ. Марѳа Ивановна и Михаилъ оставались въ Московскомъ Кремлѣ во все время осады Москвы сначала Русскимъ ополченіемъ, а затѣмъ поляками, съ гетманомъ Ходкѣвичемъ во главѣ. Они выѣхали изъ Москвы уже послѣ того, какъ Кремль былъ очищенъ княземъ Д. М. Пожарскимъ отъ поляковъ, и отправились въ свою Костромскую вотчину—с. Домнино, гдѣ ихъ застала зима. Оттуда переѣхали они въ Кострому и нашли пріютъ въ Ипатьевской обители.

Польскій король Сигизмундъ своимъ движеніемъ изъ-подъ Смоленска къ Москвѣ и приходъ Польскаго войска, подъ предводительствомъ Жолкѣвскаго, къ самой столицѣ заставили русскихъ людей задуматься, хорошо-ли они дѣлаютъ, призывая къ себѣ на царство иноземнаго и иновѣрнаго королевича? Образовалось нѣсколько партій, но ни на комъ не могли остановиться. Наконецъ, какой-то дворянинъ изъ Галича Костромского и Донской атаманъ подали на Соборъ письменныя заявленія, что Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ долженъ быть избранъ на царскій престолъ, какъ ближайшій родственникъ прежнихъ царей. Бояре, средній классъ и народъ всѣ были утомлены смутой и неурядицей и радовались, что царемъ будетъ юноша, не принадлежавшій ни къ какой дворцовой партіи, ничѣмъ себя не запятнавшій въ тяжелую годину отечественнаго бѣдствія. 21-го февраля совершилось избраніе; 2-го марта отрядили посольство бить челомъ Михаилу Ѳеодорвоичу, чтобы „пожаловалъ—ѣхалъ на свой царскій престолъ“, а его матери, „чтобы государыня пожаловала—благословила сына на царство“. Не найдя Михаила въ Ярославлѣ, послы отправились въ Кострому, куда и прибыли 13-го марта, въ субботу четвертой недѣли великаго поста. На другой день двинулся крестный ходъ въ Ипатьевскій монастырь; во главѣ шло высшее духовенство, прибывшее изъ Москвы: Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, архимандритъ Чудовскій, Новоспасскій и Симоновскій, три протоіерея и извѣстный келарь Троице-Сергіева монастыря—Авраамій Палицынъ. За ними слѣдовали: бояре

Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, окольничій Ѳеодоръ Васильевичъ Головинъ, стольники, дворяне, жильцы, выборные изъ разныхъ городовъ, Костромской воевода и жители Костромы. Марѳа Ивановна и Михаилъ встрѣтили крестный ходъ за монастыремъ и, выслушавъ челобитье пословъ, отнеслись къ нимъ неблагосклонно и едва согласились итти въ Троицкій соборъ. Послѣ молебна были поданы Марѳѣ Ивановнѣ граматы и сказана рѣчь по наказу, что въ Москвѣ и въ другихъ городахъ государства Михаилу цѣловали крестъ, и что они усердно просятъ ихъ обоихъ „не презрить моленія и слезнаго рыданія всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства“ и итти въ царствующій градъ Москву. Марѳа Ивановна и Михаилъ съ „великимъ гнѣвомъ“ отказали, заявивъ, что у нихъ и въ мысли того нѣтъ, „что на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быти государемъ; а онъ, государь, еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, да и потому, что Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовалися,— прежнимъ Московскимъ государемъ, давъ свои души, не прямо служили“. Марѳа Ивановна припомнила, какъ по смерти царя Ѳеодора, когда „пресѣкся корень въ Россійскомъ Государствѣ прирожденныхъ Великихъ Государей“, былъ выбранъ царь Борисъ, и ему и его дѣтямъ цѣловали крестъ, чтобы имъ служить и „прямить“, а затѣмъ, когда умеръ Борисъ, измѣнили его сыну Ѳеодору и отъѣхали къ „вору Гришкѣ Розстригѣ“, который назвался царевичемъ Димитріемъ; не пощадили и этого названнаго Димитрія, убили и сожгли; выбравъ на государство царя Василія Шуйскаго, многіе отъѣхали отъ него въ Тушино къ вору, а другіе, оставшіеся въ Москвѣ, съ „царства скинувъ“, постригли его и отдали въ Литву. Марѳа Ивановна поставила посламъ вопросъ, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ, видя „такія клятвопреступленія, позоры и убивство и поруганіе прежнимъ государемъ?“ Ее смущало и то обстоятельство, что царскія сокровища вывезены Литовскими людьми, а дворцовыя села, черныя волости, пригороды и посады розданы въ помѣстья дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и „запустошены“: изъ какихъ же средствъ можетъ государь выдавать жалованье служилымъ людямъ и устроить свой обиходъ и какимъ способомъ стоять противъ недруговъ Московскаго государства— польско-литовскаго короля и иныхъ пограничныхъ государей? Важнымъ препятствіемъ къ принятію Михаиломъ престола было, по мнѣнію Марѳы Ивановны, пребываніе его отца, митрополита Филарета, въ Литвѣ. Узнавъ, что Михаилъ избранъ на царство, король тотчасъ велитъ надъ его отцомъ „какое зло сдѣлать“, „а ему, государю, безъ благословенія отца своего на Московскомъ государствѣ никакъ быти не мочно“,—прибавила Марѳа Ивановна. Послы объясняли такую смѣну государей и междоусобіе тѣмъ, что Богъ, „за грѣхи“ и „рознь“ всѣхъ людей Московскаго государства, послалъ испытаніе; въ обмѣнъ за Филарета Никитича они рѣшили отдать многихъ польскихъ и литовскихъ плѣнныхъ. Съ третьяго часа дня до девятаго часа пробыли Марѳа Ивановна съ Михаиломъ и послы въ соборѣ. Видя, что мольбы ни къ чему не ведутъ, послы перешли къ угрозамъ и сказали, что если святыя Божіи церкви и весь народъ будутъ разорены непріятелемъ, то „Богъ взыщетъ на немъ, государѣ, и на ней, великой старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ“. Это подѣйствовало на Марѳу Ивановну, и она съ чувствомъ горячей вѣры произнесла передъ иконой Богоматери: „Се тебѣ, о Богомати Пречистая Богородица! въ твои руцѣ, Владычице, чадо свое предаю, и яко же хощеши, устроеши ему полезная и всему православному христіанству“. Послѣ того она благословила Михаила на царство, и онъ принялъ отъ архіепископа Ѳеодорита посохъ и благословеніе. 19-го марта Марѳа Ивановна и Михаилъ поѣхали въ Ярославль и пробыли тамъ до весны. Въ концѣ граматы Михаила Ѳеодоровича, писанной изъ Ярославля въ Москву 23-го марта, Марѳа Ивановна напоминаетъ всѣмъ людямъ Московскаго государства: „На чемъ вы, по своей волѣ, государю своему, а моему сыну Михаилу крестъ цѣловали и души свои дали, стоять въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія служити и прямити во всемъ... и быть вамъ всѣмъ межъ себя въ соединеніи и въ любви“. 16-го апрѣля Марѳа Ивановна и Михаилъ выѣхали изъ Ярославля. Съ полъ-пути юный царь писалъ въ Москву, чтобы бояре приготовили

для него Золотую Палату царицы Ирины, а для его матери—хоромы жены царя Василія Шуйскаго. Изъ отвѣта бояръ выяснилось, что поляки употребили на топливо деревянныя кровли, полы, двери и „окончины“ царскаго дворца; что надо дѣлать все новое, а нѣтъ ни денегъ, ни плотниковъ, ни пригоднаго лѣсу. Вслѣдствіе этого бояре приспособили для государя комнаты царя Ивана и Грановитую Палату, а для великой старицы Марѳы отдѣлали хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ которыхъ жила послѣдняя супруга Іоанна Грознаго—царица Марѳа Нагихъ—во время царствованія Лжедимитрія, ея мнимаго сына. Царь Михаилъ и его мать остались недовольны этими приготовленіями и настоятельно требовали исполненія прежняго приказанія. Волей-неволей, однако, великая старица, прибывъ 2-го мая въ Москву и отстоявъ съ Михаиломъ, послѣ торжественной встрѣчи за городомъ, молебенъ въ Успенскомъ Соборѣ, должна была поселиться въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ бывшихъ царицыныхъ хоромахъ. Въ сентябрѣ эти хоромы были убраны „суконнымъ нарядомъ“; повидимому, цвѣтной уборъ, состоявшій изъ червчатаго сукна, червчатой адамашки и зеленаго атласа, пришелся не по мысли великой старицѣ; можетъ быть, кромѣ того, для зимы эти обширныя хоромы не были достаточно теплы,—и къ январю 1614 г. отстроили особую „малую избушку“, куда она, вѣроятно, перешла 2-го января, такъ какъ въ это число государь послалъ матери на новоселье сорокъ соболей, по Сибирской цѣнѣ въ 60 рублей.

Несмотря на то, что Марѳа Ивановна поселялась отдѣльно отъ сына, она должна была принять на себя всѣ заботы по управленію дворцомъ, такъ какъ Михаилу было только 16 лѣтъ съ небольшимъ и онъ еще не скоро могъ жениться. Помощницей въ этомъ управленіи была верхняя ея боярыня Марья Юрьевна Головина; должность казначеи исполняла сначала какая-то Марья, неизвѣстная ни по отчеству, ни по фамиліи, а затѣмъ Анна Сумина. Великая старица жила на царскомъ положеніи и приказывала своимъ „словомъ“, какъ видно изъ записей приходо-расходныхъ книгъ, въ которыхъ сохранились мелочныя, но интересныя свѣдѣнія, касающіяся ея домашняго обихода и распоряженій. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, подъ наблюденіемъ великой старицы, производились разныя работы: изготовлялись вышитыя золотомъ, низаныя жемчугомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями пелены, покровы на мощи и на гробницы царей и царицъ, воздухи, оплечья ризъ и т. д.; шились не только новыя, но доканчивались начатыя, приводились въ порядокъ истертыя или испорченныя отъ времени. Для Михаила Ѳеодоровича великая старица „строила“ аксамитную шубу съ жемчужнымъ кружевомъ, въ которую были вставлены въ гнѣзда 16 яхонтовъ лазоревыхъ большихъ. Сорочки изъ тафты для его ежедневнаго употребленія шились тоже въ монастырѣ, а нарядныя сорочки, украшенныя жемчугомъ, подавались царю изъ сохранившагося по какой-то случайности имущества Богдана Бѣльскаго, перешедшаго въ „царскую казну“. Во время пребыванія Филарета Никитича въ польскомъ плѣну, великая старица послала лично ему охобень и соболью шубу и кромѣ того шесть сороковъ соболей, цѣною 367 р., вѣроятно для подарка полякамъ, при размѣнѣ плѣнныхъ. Въ августѣ 1617 г. она послала ему святительскую нарядную праздничную мантію, будничную мантію и ряску. Для производства всѣхъ этихъ работъ — шитья, вышиванья и т. п.,—въ хоромы великой старицы доставлялись шелки разнаго цвѣта, пряденое золото и серебро, жемчугъ, лалы, изумруды; разныя ткани, какъ, напр., тафта, зендень, киндяки, бархатъ, мухояръ черный, а также мѣха, главнымъ образомъ соболи, требовались ею въ большомъ количествѣ. Товары покупались преимущественно у гостя Надѣи Свѣтечникова.

Во время лѣтнихъ богомольныхъ походовъ великой старицы, если она шла пѣшкомъ, то надъ ней несли большой зонтикъ, или, какъ тогда называли, солночникъ изъ англійскаго гвоздичнаго сукна на киндяковой подкладкѣ; чтобы дать понятіе о его размѣрахъ прибавимъ, что на него требовалось 15 аршинъ ткани. Для своей одежды Марѳа Ивановна употребляла черную тафту виницейку и черный мухояръ, изъ котораго шились комнатныя ряски; выходной одеждой ея были: опашень, охобень, шуба и соболья шапочка. Вслѣдствіе недостатка тканей чернаго цвѣта красили цвѣтную тафту и киндяки въ черный цвѣтъ для занавѣсей къ каптанкѣ и колымагѣ.

Для тепла каптанка (повозка) была обита внутри куньимъ мѣхомъ, а двери и окошки отдѣлывались соболями.

Марѳа Ивановна выдавала иногда жалованныя граматы отъ своего имени; въ граматахъ различнымъ монастырямъ, появившихся на второй годъ царствованія Михаила, вслѣдъ за царемъ упомянута и его мать. „Божіею милостію мы великій государь... и мать наша, государыня великая старица инока Марѳа Ивановна пожаловали богомольца нашего игумена такого-то“. Попа Ермолая Герасимова, который въ бытность Марѳы Ивановны въ Толвуѣ, какъ сказано въ царской граматѣ, „про отца нашего здоровье провѣдывалъ и матери нашей обвѣщалъ“, царь Михаилъ, по ея просьбѣ, наградилъ имѣніемъ, вызвалъ въ Москву и сдѣлалъ ключаремъ Архангельскаго собора. По совѣту и прошенію матери Михаилъ въ 1614 г. далъ „обѣльную“ грамату жителямъ Толвуйской волости, крестьянамъ Тарутинымъ, а въ 1619 г. „обѣлилъ“ въ приходѣ села Домнина половину деревни Деревнищи, составлявшей земельный надѣлъ „Богдашки Сабинина“, женатаго на дочери Ивана Сусанина. Особенно сочувственно относилась Марѳа Ивановна къ судьбѣ насильственно постриженныхъ инокинь, какъ, напр., къ четвертой женѣ Іоанна Грознаго, Аннѣ Колтовской, въ иночествѣ Дарьѣ; къ женѣ царя Василія Шуйскаго—Маріѣ Петровнѣ, въ иночествѣ Еленѣ, и нѣкоторымъ другимъ. Имъ посылались „поминки“ отъ имени Михаила Ѳеодоровича въ дни радостныхъ событій въ царской семьѣ, ихъ устраивали въ лучшихъ Московскихъ монастыряхъ, великая старица дѣлала имъ подарки. Не забывала она и своихъ родныхъ, бояръ Салтыковыхъ, и родныхъ своего мужа, въ особенности Ульяну Ѳеодоровну, жену боярина Ивана Никитича Романова. Всѣ драгоцѣнности и пожитки прежнихъ царицъ, уцѣлѣвшіе въ Кремлѣ, поступили въ распоряженіе великой старицы. Она жаловала соболями, камками, бархатомъ и тафтой царицъ-инокинь и боярынь; невѣстамъ дарила серьги и запястья; новобрачныхъ благословляла иконами въ драгоцѣнныхъ окладахъ. Мастерицы, работавшія въ ея свѣтлицахъ, и старицы Вознесенской обители получали остатки тканей и мѣховъ то на рукава, то на шапку; изрѣдка мастерицамъ и швеямъ жаловалось по парѣ соболей; крестовые дьяки получали иногда настрафиль (особая ткань) на шапки. За Москва-рѣкой великая старица устроила новую ремесленную слободу, а въ своемъ собственномъ подмосковномъ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ, кромѣ ткацкихъ мастерскихъ, завела садовое хозяйство. Деньги торговымъ людямъ, ремесленникамъ, позолотчикамъ и знаменщикамъ (т. е., тѣмъ, которые составляли разные узоры для работъ) уплачивались по непосредственному приказанію великой старицы.

До возвращенія изъ польскаго плѣна Филарета Никитича царь Михаилъ находился въ полной опекѣ у своей матери, а двоюродные братья его Борисъ и Михаилъ Салтыковы, первый изъ которыхъ назначенъ былъ дворецкимъ, а второй крайчимъ, сдѣлались самовластными временщиками. Вотъ современное сказаніе о первыхъ годахъ царствованія Михаила: „Бѣ же царь младъ... и не бѣ ему еще толика разума, еже управляти землею, но боголюбивая его мати, инока великая старица Марѳа, правя подъ нимъ и поддержая царство со своимъ родомъ...“

Не станемъ подробно говорить о событіяхъ, которыя касаются лично царя Михаила; ограничимся указаніемъ на то участіе, какое принимала въ нихъ его мать. Въ 1616 г. Марѳа Ивановна благословила сына на бракъ, и Михаилъ выбралъ въ невѣсты Марью Ивановну Хлопову, дочь Московскаго дворянина. Невѣсту нарекли Анастасіей и вмѣстѣ съ матерью и бабкою поселили въ Верху, т. е., въ царскихъ хоромахъ; 9-го іюня она ударила челомъ великой старицѣ на новоселье двумя сороками соболей: будущая свекровь построила новыя хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ. Все шло благополучно до поры до времени, но послѣ того, какъ дядя невѣсты, Григорій Хлоповъ, позволилъ себѣ не согласиться съ Михаиломъ Салтыковымъ, занимавшимъ должность оружничаго, по поводу турецкой сабли въ Оружейной Палатѣ, Михаилъ Салтыковъ и его братъ Борисъ прибѣгли къ хитростямъ, чтобы невѣста была признана больной и къ „государской радости непрочной“. По всему вѣроятію недомоганье началось отъ излишняго употребленія сладостей и прошло бы само собой. Салтыковы постарались повліять на расположенную къ нимъ тетку—великую старицу Марѳу Ивановну,

и невѣста не только была „сведена съ Верху“, но сослана съ ближайшими родственниками въ Тобольскъ. Михаилъ былъ крайне опечаленъ удаленіемъ невѣсты, которая полюбилась ему за время своего пребыванія во дворцѣ, но, какъ покорный сынъ, онъ не посмѣлъ противиться волѣ матери.

По возвращеніи въ 1619 г. Филарета Никитича изъ плѣна, управленіе земскими, государственными и домашними государевыми дѣлами перешло въ его руки, и вліяніе на Михаила матери, а также и Салтыковыхъ, замѣтно ослабѣло. Черезъ два мѣсяца послѣ поставленія отца въ патріархи, царь отправился, 22-го августа, вмѣстѣ съ матерью на Унжу, на богомолье къ Макарію Желтоводскому. По дорогѣ она была въ Переяславлѣ, Ростовѣ и Ярославлѣ и у „Пречистой Богородицы Ѳедоровской“ на Костромѣ, въ день празднованія которой произошло его избраніе на царство. Богомольный походъ этотъ былъ предпринятъ повидимому по обѣщанію, въ благодарность за избавленіе изъ плѣна Филарета Никитича и Москвы отъ нашествія королевича Владислава. Въ это же время была послана грамота въ Тобольскъ о переводѣ на Верхотурье бывшей царской невѣсты Хлоповой и ея родственниковъ, причемъ невѣста упоминалась лишь какъ „племянница“ Ивана Желябужскаго. Въ граматѣ конца 1620 г. личность невѣсты, названной Анастасіей, поставлена уже во главѣ: ее и ея родныхъ велѣно перевести въ Нижній-Новгородъ. Ясно, что Михаилъ, несмотря на видимую покорность матери, не оставилъ мысли о бракѣ съ нареченною невѣстою. Весьма возможно, что, кромѣ отца, его поддерживалъ въ этомъ намѣреніи двоюродный братъ, князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій, съ 1619 г. замѣнившій при немъ Бориса Салтыкова. До 1623 г. было предпринято нѣсколько попытокъ сосватать за Михаила иноземную королевну или княжну, но всѣ попытки оказались не удачными, и родители предложили ему, по старинному обычаю, снова пріискать невѣсту въ своемъ отечествѣ. Вслѣдствіе отказа Михаила взять кого-либо, кромѣ Хлоповой, подняли дѣло о ея болѣзни, допрашивали доктора и ставили его „съ очей на очи“ съ Салтыковымъ; патріархъ и государь призывали отца и дядю Хлоповой; кромѣ того, патріархъ допрашивалъ ея духовника. Разспросы продолжались больше мѣсяца и закончились опалой и ссылкой Салтыковыхъ въ дальнія вотчины, такъ какъ раскрылся ихъ обманъ. Невѣста оказалась совершенно здоровой, патріархъ Филаретъ стоялъ за бракъ съ ней своего сына, но великая старица Марѳа Ивановна „клятвами себя закляла, что не быть ей въ царствѣ предъ сыномъ, если Хлопова будетъ царицею“. Такая постановка вопроса заставила Михаила безповоротно отказаться отъ намѣренія жениться на дѣвушкѣ, которую онъ не въ силахъ былъ забыть въ теченіе семи лѣтъ, и, спустя недѣлю послѣ ссылки Салтыковыхъ, 1-го ноября 1623 г. въ Нижній послана царская грамота: „а Ивану Хлопову сказали бъ, что мы дочь его Марью взять за себя не изволили“.

Почти годъ спустя Михаилъ, скрѣпя сердце, избралъ, по желанію матери, себѣ въ невѣсты княжну Марью Владиміровну Долгорукую. По свидѣтельству лѣтописца, „аще и не хотя, но матере не преслушавъ, поятъ вторую царицу Марью.“ Въ штатъ молодой царицы, состоявшій изъ 26 человѣкъ, Марѳа Ивановна назначила между прочимъ ея родственницъ, что̀ видно изъ приказанія великой старицы, передъ женитьбой Михаила на княжнѣ Долгорукой, выдать жалованье боярынямъ вдовамъ: княгинѣ Татьянѣ Долгорукой 30 р. и княгинѣ Прасковьѣ Долгорукой 28 р., тогда какъ ея собственная казначея Марья Головина получала только 10 рублей. 19-го сентября 1624 г. совершилась свадьба, а на другой день царица „обрѣтеся испорчена“ и скончалась 6-го января 1625 г. Вскорѣ послѣ брака Михаила, въ ноябрѣ 1624 г., Марѳа Ивановна поставила для себя позади царскихъ хоромъ избушку; несмотря на это уменьшительное названіе, помѣщеніе было просторное, такъ какъ для „избушки“ былъ купленъ за 13 рублей еловый срубъ о 23-хъ вѣнцахъ, мѣрою 3 сажени, съ углами.

5-го февраля 1626 г. царь Михаилъ обвѣнчался съ Евдокіей Лукьяновой Стрѣшневой, которая, изъ опасенія порчи, была наречена невѣстою и введена въ царскія хоромы только за три дня до свадьбы. Послѣ вѣнчанія великая старица приказала положить въ „коробью новгородцкую“ „царицынъ вѣнецъ съ косникомъ, съ каменьемъ и съ жемчуги“ и запечатала своей печатью, во избѣжаніе какого-либо лиха. На ново-

селье царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ присланы соболи отъ великой старицы, отъ царя и отъ патріарха. Осенью 1626 г. Марѳа Ивановна построила себѣ новую келью, въ которую 1-го октября была принесена оловянная солонка съ „хлѣбомъ-солью“ отъ патріарха Филарета Никитича. „Избушка“ и келья должно быть соединялись съ церковью св. Георгія, поступившею впослѣдствіи въ число храмовъ Вознесенскаго монастыря. Въ 1629 г. про церковь св. Георгія сказано: „что̀ у великія государыни иноки Марѳы Ивановны на сѣняхъ“.

Отношенія между Марѳой Ивановной и ея невѣсткой установились, повидимому, хорошія, и онѣ часто отправлялись вмѣстѣ на богомолье въ село Рубцово-Покровское. Великая старица нѣжно полюбила свою перворожденную внучку Ирину, брала ее къ себѣ въ кельи и всячески баловала и забавляла ее. Въ 1629 г., когда царевнѣ Иринѣ шелъ третій годъ и она гостила у бабушки въ кельяхъ, старица Олена Языкова приняла изъ царицыной мастерской палаты въ монастырь двадцать лоскутовъ золотого и серебрянаго атласа, камки и тафты на „потѣшныя куклы“ царевны. Надо полагать, что маленькой Иринѣ не было скучно у бабушки, обиходъ которой напоминалъ старинный обиходъ царицъ, а отнюдь не монастырей. У великой старицы жили: дурка Манка, бахарь Петрушка Макарьевъ, пользовавшійся почетомъ за свои „сказанія“, и арапъ Давыдъ Ивановъ; рядомъ съ кельями Марѳы Ивановны текла въ это время обычная монастырская жизнь, подъ начальствомъ игуменьи Ефимы Полтевой и старицы-келаря Марѳы Колычевой.

Съ теченіемъ времени, по свидѣтельству И. Е. Забѣлина, великая старица мало по малу „удалялась изъ великихъ покоевъ царскихъ хоромъ въ настоящую иноческую келью и въ полное иноческое житіе“. Она скончалась 27-го января 1631 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся многіе члены рода Романовыхъ.

Великая старица пользовалась казною государя для своего содержанія, какъ видно изъ того, что деньги, по ея приказанію, доставлялись ей на руки дьякомъ Царицыной палаты; но у нея была и собственная казна, получаемая изъ оброчныхъ доходовъ съ принадлежавшихъ ей Галицкихъ волостей, такъ что послѣ ея кончины осталось 6185 р., которые и были израсходованы на ея поминовеніе. Центромъ управленія селъ великой старицы въ Темниковскомъ уѣздѣ было село Троицкое, нынѣ заштатный городъ Пензенской губерніи Конобѣево; былъ у нея дворъ и въ Городецкомъ посадѣ. Село Рубцово-Покровское Марѳа Ивановна завѣщала своей любимой внучкѣ Иринѣ.

„Собр. Госуд. Грамотъ и Договоровъ“, тт. I, III; „Акты историческіе“, т. III: „Дворцовые разряды“, т. I; „Русская Историч. Библіотека“, тт. II и IX; А. Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 гг., М. 1877 г., вып. I-й; Н. Карамзинъ, Исторія государства Россійскаго, т. XI; С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т.т. VIII и IX; И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ; Н. Костомаровъ, Историческое изслѣдованіе „Иванъ Сусанинъ“, въ 1-мъ томѣ Собранія его сочиненій, изд. Литер. Фонда, С.-Пб. 1903 г.; „Древняя и Новая Россія“ 1876 г., № 12, стр. 317—343, статья И. П. Хрущова: „Ксенія Ивановна Романова (Великая старица инокиня Марѳа)“ и отд. изд., С.-Пб. 1877 и изд. 2-е, С.-Пб. 1882 (съ портр.); „Московскій Некрополь“, т. III; Н. Селифонтовъ, Родословная рода Романовыхъ, ч. II, С.-Пб. 1898, стр. 78.

В. Корсакова.

Романовскій, *Василій Васильевичъ*, д. с. совѣтникъ, масонъ, род. въ 1757 году, повидимому—въ Казанской губерніи, и уже въ 1766 г., т.-е., 9 лѣтъ отъ роду, былъ зачисленъ на службу; въ 1780 г., въ чинѣ коллежскаго ассессора, служилъ въ Вятской губерніи, въ 1792 году, уже будучи надворнымъ совѣтникомъ, состоялъ Предсѣдателемъ Уфимской Палаты Гражданскаго Суда, въ 1797 г. былъ Предсѣдателемъ Уфимской же Палаты Суда и Расправы и 5-го апрѣля этого года награжденъ былъ чиномъ коллежскаго совѣтника; изъ Уфы Романовскій былъ переведенъ Предсѣдателемъ Оренбургской Палаты Суда и Расправы, откуда 30-го апрѣля 1798 г. назначенъ былъ совѣтникомъ Гатчинскаго Городового Правленія; переведенный затѣмъ Членомъ Конторы С.-Петербургскихъ Запасныхъ хлѣбныхъ магазейновъ, онъ 17-го декабря 1798 г. былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники; наконецъ, произведенный 29-го ноября 1802 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ продожалъ служить старшимъ членомъ въ Конторѣ С.-Петербургскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазейновъ и въ этой же должности былъ и въ 1808 году, когда, 5-го февраля, награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Выйдя затѣмъ въ отставку, Романовскій пересе-

лился въ родную ему Казань, гдѣ состоялъ Предсѣдателемъ Казанскаго Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета (вѣдомства Имп. Человѣколюбиваго Общества) и званіе это сохранилъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 1-го октября 1827 г., въ Казани, гдѣ онъ и погребенъ на православномъ Арскомъ кладбищѣ вмѣстѣ съ женою своею Анною Ивановною (ум. 22-го іюля 1824 г., 66 лѣтъ), Архангельскою уроженкою. Профессоръ Казанскаго Университета Г. Н. Городчаниновъ написалъ на смерть его эпитафію или надгробіе.

Живя въ Петербургѣ, Романовскій, будучи масономъ, вращался въ кружкѣ Лабзина и былъ членомъ его ложи „Умирающій Сфинксъ“; по переселеніи въ Казань, онъ, по словамъ доноса Магницкаго, здѣсь открылъ ложу подъ своимъ предсѣдательствомъ; впрочемъ, одинъ изъ участниковъ собраній, профессоръ К. Ѳ. Фуксъ, отрицалъ (1824), что у Романовскаго была ложа, утверждая, что подъ предсѣдательствомъ Романовскаго онъ съ нѣкоторыми знакомыми имѣлъ „христіанскія бесѣды, по два раза въ недѣлю“; „въ сихъ бесѣдахъ, которыя были открыты для всѣхъ, проводили мы цѣлыя ночи въ чтеніи Штиллинговыхъ сочиненій и въ молитвахъ, но сіе удовольствіе наше не долго продолжалось, ибо преосвященный нашъ Амвросій и тогдашній губернаторъ графъ Толстой сдѣлали намъ препятствіе и собранія наши чрезъ полицію запретили“. Любопытныя свѣдѣнія сохранилъ о Романовскомъ С. Т. Аксаковъ, хорошо его знавшій и часто упоминающій о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ; между прочимъ, въ статьѣ „Встрѣча съ мартинистами. Воспоминаніе изъ Петербургской жизни“, Аксаковъ рядъ страницъ посвящаетъ описанію Романовскаго (котораго онъ выводитъ подъ именемъ Рубановскаго) и его семейства, въ которомъ онъ былъ постояннымъ гостемъ въ 1808 году. „Мѣсто Рубановскаго“, пишетъ Аксаковъ: „было не безвыгодное, потому что хлѣбъ отпускался недостаточнымъ людямъ по такой цѣнѣ, которая была вдвое и даже втрое ниже рыночной; и хотя для полученія хлѣба по дешевой цѣнѣ надобно было представить свидѣтельство отъ полиціи въ недостаточности состоянія, но кому не извѣстно, что при добромъ расположеніи главнаго начальника хлѣбной конторы легко можно было пріобрѣсть и доброе расположеніе частнаго пристава. При такомъ мирномъ согласіи властей добрые люди, получавшіе дешевый хлѣбъ, конечно, не остались бы неблагодарными. Но статскій Енералъ (какъ его звалъ народъ), или Генералъ-Куль (какъ называло его одно высшее лицо), старикъ Рубановскій, фанатикъ безкорыстія, самъ почти нищій, — былъ честности неподкупной, убѣжденій непреоборимыхъ, и у него нельзя было спекулировать во имя недостаточности состоянія. Рубановскій, человѣкъ религіозный до мистицизма, злой мартинистъ, какъ его звали въ обществѣ, во всю свою жизнь съ суровой строгостью и съ тягостною для всѣхъ точностью свято исполнялъ долгъ суда и правды на поприщѣ своей разнообразной и долговременной служебной дѣятельности. Добившись до порядочнаго чина, онъ служилъ и у города Архангельска предсѣдателемъ Казенной Палаты, а впослѣдствіи и въ Оренбургскомъ краѣ, тоже предсѣдателемъ какой-то Палаты. Въ Уфѣ, какъ и вездѣ, былъ онъ однимъ и тѣмъ же чиновникомъ непреклонной, неумолимой честности. Именно въ Уфѣ онъ познакомился съ моимъ отцомъ и матерью,—и это былъ единственный домъ или семейство, съ которымъ Рубановскій постоянно находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ былъ нелюбимъ въ обществѣ, ненавидимъ своими подчиненными; да, признаться, мудрено было его и любить; но не уважать его было невозможно: будучи всегда чистъ въ своихъ дѣйствіяхъ, независимъ по своему безкорыстію и умѣренности, онъ не стѣснялся въ своихъ рѣчахъ законами лицемѣрнаго приличія, не держалъ на привязи своего языка и, когда считалъ это справедливымъ, не щадилъ никого. Его боялись, какъ огня, и никогда не заводили съ нимъ ни ссоръ, ни споровъ: отъ него молча отходили прочь, но за то неутомимо дѣйствовали противъ него тайно, какъ противъ безпокойнаго чиновника и злонравнаго человѣка. Вслѣдствіе такихъ происковъ, Рубановскій никогда не засиживался долго на одномъ мѣстѣ, черезъ каждые два, три года его переводили и вотъ, наконецъ, перевели изъ Уфы въ Петербургъ, гдѣ онъ оставался довольно долго на службѣ, до выслуги пенсіи,—и то благодаря покровительству мартинистовъ“.

Н. Агафоновъ. Казань и казанцы, вып. 1, Каз. 1906, стр. 97; Сенатскій Архивъ, т. I; Д. Корсаковъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Казанскаго

края, Каз. 1908, стр. 27 и 228; Мѣсяцесловы съ росписью чиновъ: 1792 г., стр. 294, 1804, ч. I, стр. 250, 1820, ч. I, стр. 946, 1825 г., ч. I, стр. 845 и др.; Списокъ чинамъ первыхъ 4-хъ классовъ на 1806 г.; Придворный Мѣсяцесловъ на 1811 г., стр. 211; „Казанскія Извѣстія“ 1817 г., № 13, 79, 81, 84, 101 (приб.) ;„Русск. Стар.“ 1899 г., кн. 2, стр. 300; Н. П. Загоскинъ, Исторія Имп. Казанскаго Университета, т. IV, Каз. 1906, стр. 83; „Минувшіе Годы“ 1908 г., кн. 3, стр. 130 и 132 (статья В. И. Семевскаго: Декабристы - масоны); С. Т. Аксаковъ. Сочиненія, изд. тов. „Просвѣщеніе“, т. I, стр. 107, т. III, стр. 273—332 и 446 и т. IV, стр. 12 и 17; Г. Н. Городчаниновъ. Сочиненія и переводы, стр. 476 (надгробіе).

Б. Модзалевскій.

Романовскій, *Василій Ивановичъ*, протоіерей, писатель; сынъ дьякона села Романовскаго, Александровскаго уѣзда Владимірской губ., воспитывался во Владимірской Духовной Семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ, со степенью студента, въ 1844 г. и 3-го іюля 1845 г. назначенъ былъ священникомъ къ церкви села Борисоглѣбскаго (Покровскаго уѣзда той же губерніи), гдѣ и состоялъ до смерти; умеръ, съ 1882 г. будучи въ санѣ протоіерея, 30-го апрѣля 1886 года.

Будучи любителемъ садоводства и пчеловодства, о. Романовскій былъ членомъ-корреспондентомъ Юрьевскаго Общества Сельскаго Хозяйства, въ изданіяхъ котораго печаталъ свои статьи по этимъ вопросамъ; изъ статей этихъ укажемъ: „Хозяйственно-статистическое описаніе Владимірской губерніи Покровскаго уѣзда прихода погоста Борисоглѣбскаго и сопредѣльныхъ ему мѣстностей“ („Записки Юрьевскаго О. С. Х.“ 1860 г., вып. III, стр. 14—24 и 1862 г., т. I, № 2, стр. 17—29, прилож.); во „Владимірскихъ Епарх. Вѣд.“ напечатана его „Рѣчь при поднесеніи св. иконы прихожанами церковному старостѣ погоста Борисоглѣбскаго купцу С. Д. Пичугину“ (1884 г., № 24) и письмо по поводу 50-лѣтняго юбилея 1-го приходскаго училища въ г. Киржачѣ (1885 г., № 17).

„Владимірскія Епарх. Вѣдомости“ 1886 г., № 23 (некрологъ свящ. П. Евгенова); Н. Малицкій, Исторія Владимірской Духовной Семинаріи, вып. III, М. 1902, стр. 227; А. В. Смирновъ. Указатель содержанія неофф. части „Влад. Губ. Вѣд.“ и „Влад. Епарх. Вѣд.“, Влад. 1902; Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск писателей, вып. VI, стр. 109.

Н. М.

Романовскій, *Дмитрій Ильичъ*, Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ, писатель; происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи, род. 25-го февраля 1825 г., учился (съ 1839 г.) въ Николаевскомъ Инженерномъ Училищѣ и, по окончаніи курса, былъ произведенъ въ прапорщики (8-го августа 1842 г.). Оставленный при Училищѣ для слушанія курса наукъ въ офицерскомъ классѣ Училища (нынѣ Николаевская Инженерная Академія), Р. въ 1844 году, по окончаніи его съ производствомъ въ поручики, былъ зачисленъ на службу въ С.-Петербургскую инженерную команду. Здѣсь онъ оставался недолго и вскорѣ былъ переведенъ сначала въ Кіевскую инженерную команду, а затѣмъ въ Грузинскій Инженерный Округъ (31-го августа 1846 г.). Вскорѣ онъ рѣшилъ перейти въ Егерскій князя Чернышева полкъ (впосл. Кабардинскій фельдмаршала князя Барятинскаго), командиромъ котораго былъ полковникъ Козловскій, хорошо знавшій Романовскаго, который и началъ хлопотать о переводѣ въ этотъ полкъ, тѣмъ болѣе, что онъ находился въ передовой линіи дѣйствующей арміи. 19-го іюня 1847 г., уже въ чинѣ штабсъ-капитана, Романовскій былъ переведенъ въ Кабардинскій полкъ, а прибывъ въ сентябрѣ къ мѣсту служенія, уже не засталъ полковника Козловскаго, вмѣсто котораго командиромъ полка былъ князь А. И. Барятинскій.

Полковой штабъ Кабардинскаго полка находился въ то время въ крѣпости „Внезапной“, и общественная жизнь ея обитателей, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ квартирѣ командира полка. Любовь Р. къ военной службѣ и къ Кавказу сразу обратила на себя вниманіе князя Барятинскаго, и онъ съ первыхъ же дней началъ явно выказывать свое расположеніе Романовскому, все болѣе и болѣе приближая его къ себѣ. Вскорѣ послѣ прибытія Р. въ крѣпость Внезапную Кабардинскій полкъ выступилъ въ походъ въ составѣ отряда генералъ-лейтенанта Фрейтага 1-го, назначеннаго для дѣйствій въ Малой Чечнѣ.

Выступивъ изъ крѣпости Грозной 17-го ноября 1847 г., отрядъ этотъ находился почти въ безпрерывныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ по 23-е декабря, при чемъ Романовскій, за боевыя отличія, былъ награжденъ въ 1848 г. орденами св. Анны 3-й степ. съ бантомъ и св. Владиміра 4-й степ. Въ 1849 г. Р. оставилъ на время

службу на Кавказѣ и отправился въ Петербургъ, гдѣ, однимъ изъ лучшихъ, поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Курсъ ея Романовскій окончилъ блистательно и за отличные успѣхи былъ удостоенъ серебряной медали и произведенъ въ капитаны. За это время онъ еще ближе сошелся съ княземъ А. И. Барятинскимъ, который въ 1850 г. прибылъ въ Петербургъ и находился въ Свитѣ Его Величества, не занимая никакой должности. Р. часто бывалъ у князя и всегда былъ особенно любезно принятъ въ его домѣ. Благодаря частымъ и продолжительнымъ бесѣдамъ съ будущимъ фельдмаршаломъ, Романовскому удалось узнать взгляды князя Барятинскаго на Кавказъ и кавказскую войну, что впослѣдствіи отозвалось и на его литературныхъ произведеніяхъ. По окончаніи курса въ Академіи капитанъ Романовскій былъ прикомандированъ къ Образцовой пѣшей батареѣ для фронтовыхъ занятій, но, вскорѣ, принявъ участіе въ дуэли, былъ разжалованъ и исключенъ въ отставку (12-го октября 1851 г.) съ тѣмъ, чтобы впредь не опредѣлять въ службу иначе, какъ рядовымъ. Опредѣлившись въ Ставропольскій пѣхотный полкъ рядовымъ 8-го іюля 1852 г., онъ переведенъ былъ сперва въ Дагестанскій (24-го іюля), а потомъ въ Апшеронскій (14-го сентября) полки, принялъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ и за отличія получилъ чины унтеръ-офицера (1-го марта 1853 г.) и прапорщика (4-го марта), 2-го іюля 1854 г. назначенъ былъ и. д. старшаго адъютанта по части Генеральнаго Штаба въ штабѣ дѣйствующаго корпуса на Азіатско-Турецкой границѣ; вскорѣ, за отличіе при Кюрюкъ-Дара, ему возвращенъ былъ прежній чинъ капитана, при чемъ онъ былъ снова переведенъ въ Генеральный Штабъ (6-го декабря 1854 г.).

За отличіе, оказанное подъ Карсомъ 17-го сентября 1855 г., капитанъ Романовскій былъ награжденъ золотою шашкою съ надписью „за храбрость“, а въ 1856 г. бывшій главнокомандующій на Кавказѣ генералъ-адъютантъ Н. Н. Муравьевъ объявилъ Романовскому, что, на случай возобновленія военныхъ дѣйствій, онъ предполагаетъ назначить его начальникомъ Штаба войскъ, предназначавшихся для дѣйствій въ долинѣ Ріона. Въ это же время на Р. было возложено весьма серьезное порученіе: онъ ѣздилъ для переговоровъ о перемиріи къ Омеру-Пашѣ (1-го марта 1856 г.).

Утомленный постояннымъ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и имѣя надобность, по своимъ домашнимъ дѣламъ, быть въ Россіи, Р. просился въ отпускъ, на что со стороны Главнокомандующаго препятствія не воспослѣдовало, но одно обстоятельство затормозило его отъѣздъ. Передъ самымъ отъѣздомъ Р. былъ полученъ въ Тифлисѣ отзывъ бывшаго тогда военнаго министра, что до свѣдѣнія Государя дошло, что мирные Чеченцы сильно смущены дошедшими до нихъ слухами, будто правительство наше имѣетъ въ виду всѣхъ ихъ переселить на Манычъ. При этомъ передавалось Высочайшее повелѣніе, въ случаѣ существованія подобныхъ толковъ между Чеченцами, принять немедленно мѣры къ ихъ прекращенію и въ этихъ видахъ немедленно объявить всѣмъ горцамъ, что Его Величество отнюдь не желаетъ въ чемъ-либо сокращать льготы, дарованныя имъ покойнымъ Государемъ. Главнокомандующій выразилъ свое желаніе, чтобы ранѣе отъѣзда Р. исполнилъ это порученіе. Романовскій отправился въ эту новую командировку и, при участіи начальника лѣваго фланга генерала Евдокимова и начальника Кумыкской плоскости барона Николаи, собралъ самыя точныя свѣдѣнія. Оказалось, что слухи, дошедшіе до Государя, были совершенно справедливы, что объявленіе мирнымъ горцамъ Высочайшаго повелѣнія было какъ нельзя болѣе своевременно, и что Главнокомандующій былъ главною причиною возникновенія слуховъ среди горцевъ о переселеніи ихъ на Манычъ.

По возвращеніи изъ командировки Р. приготовилъ подробный докладъ для Главнокомандующаго, и много нужно было такта и умѣнья, чтобы доложить непріятныя вѣсти старику, всегда прекрасно относившемуся къ Романовскому. Свѣдѣнія, собранныя имъ, и выводы, имъ сдѣланные, шли прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Главнокомандующаго. Однако, Романовскій лгать не умѣлъ и, сознавая пользу для дѣла государственной важности, доложилъ все, не упустивъ ни мельчайшей подробности.

Повидимому Н. Н. Муравьевъ оцѣнилъ прямоту Р. и удержалъ его на своей дачѣ въ Коджорахъ, а затѣмъ, поблагодаривъ за совмѣстные труды и службу, отпустилъ его въ давно просимый отпускъ, выразивъ

желаніе, чтобы Романовскій по поправленіи здоровья скорѣе вернулся на Кавказъ. Кромѣ такого результата, эта командировка дала Р. случай познакомиться и много говорить о Кавказской войнѣ съ генераломъ Евдокимовымъ, отъ котораго онъ почерпнулъ много полезнаго матеріала для своего будущаго сочиненія „Кавказъ и Кавказская война".

Подъѣзжая къ Воронежу, Р. узналъ важную для себя новость, что на мѣсто Муравьева Главнокомандующимъ на Кавказѣ назначенъ князь А. И. Барятинскій. Явившись въ Петербургъ къ новому Главнокомандующему, онъ былъ приглашенъ состоять при немъ для сопутствованія его до Тифлиса и съ того же дня вступилъ въ завѣдываніе его военно-походною канцеляріею (2-го августа 1856 г.). Начальникомъ Штаба Кавказскихъ войскъ былъ назначенъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Д. А. Милютинъ (впослѣдствіи графъ), полюбившій Романовскаго и вообще покровительствовавшій всѣмъ офицерамъ Генеральнаго Штаба. Такимъ образомъ положеніе Р. было прекрасное. Любовь и довѣріе къ нему князя Барятинскаго усиливались съ каждымъ днемъ, и онъ сталъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Будучи въ августѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ, князь Барятинскій посылалъ Р. нѣсколько разъ въ Петербургъ, къ Д. А. Милютину, при чемъ въ первую командировку, отъ 31-го августа 1856 г., писалъ ему слѣдующее: „Посылаю къ Вамъ, въ видѣ уполномоченнаго посла, капитана Романовскаго, который мнѣ передастъ и получитъ тѣ объясненія, которыя могутъ ускользнуть или трудно передать на бумагѣ; онъ довѣренное мнѣ лицо, и смѣю думать, что онъ вполнѣ сумѣетъ заслужить и Ваше довѣріе".

Значеніе Романовскаго при Главнокомандующемъ все росло и ему пророчили блестящую будущность. Въ распоряженіи Р. состояло нѣсколько адъютантовъ, онъ былъ уже представленъ въ подполковники, а когда состоялось это производство, князь Барятинскій принесъ ему подполковничьи погоны и самъ одѣлъ ихъ на него. Всѣ приближенные князя заискивали у Романовскаго. Однако, высокое положеніе не кружило Р. голову: онъ оставался равнымъ со всѣми, однако, строго держался тѣснаго кружка офицеровъ, приближенныхъ къ князю.

Въ 1856 г. Романовскій, сопровождая Главнокомандующаго черезъ Нижній-Новгородъ, Астрахань, Петровское, Темиръ-Ханъ-Шуру, Дербентъ, Баку, Нуху и Закатлы, прибылъ въ Тифлисъ. Весною 1857 г., князь Барятинскій со штабомъ переѣхалъ въ Коджоры. Въ числѣ его свиты находился и Романовскій. Въ Коджорахъ для болѣе важныхъ офицеровъ были наняты отдѣльные дома; въ числѣ нихъ отведенъ былъ такой домъ и Романовскому, который въ то время ежедневно ожидалъ назначенія командиромъ Ширванскаго полка съ производствомъ въ полковники. Князь чуть не каждый день обѣщалъ ему полкъ, но все почему-то откладывалъ назначеніе. Однако, нежданно для Р., на открывшуюся вакансію командира полка было назначено другое лицо. Это обстоятельство сильно озадачило Романовскаго и задѣло его самолюбіе, однако, онъ перенесъ обиду. Между тѣмъ, случилось обстоятельство, совершенно перевернувшее всю его карьеру. Однажды Главнокомандующій, провѣряя казенные счета, нашелъ, что много денегъ расходуется на помѣщеніе его свиты. Тогда князю объяснили, что для каждаго офицера нанимается отдѣльный домъ, подчеркнувъ нарочно, что и Романовскому (самому младшему) отведенъ также таковой. Князь вспылилъ и тутъ же приказалъ Милютину назначить Романовскаго баталіоннымъ командиромъ Ширванскаго полка (29-го ноября 1857 г.); никому не была понятна такая рѣзкая перемѣна Главнокомандующаго къ своему любимцу; немилость была явная, но причины никто не зналъ.

Получивъ предложеніе принять баталіонъ, Романовскій отказался отъ него наотрѣзъ, что еще болѣе разсердило князя, и онъ приказалъ Романовскому въ 24 часа оставить Кавказъ.

Въ февралѣ 1858 г. Р. уѣхалъ изъ Тифлиса и по прибытіи въ Петербургъ былъ сначала назначенъ состоять при Департаментѣ Главнаго Штаба, а потомъ опредѣленъ управляющимъ временнымъ Отдѣленіемъ Департамента по войскамъ, расположеннымъ въ Кавказскомъ, Оренбургскомъ и Сибирскомъ краяхъ.

Въ 1859 г. Романовскій былъ произведенъ въ полковники и осенью того же года, состоя Завѣдывающимъ Азіатскою частью

въ Главномъ Штабѣ, имѣлъ не разъ случай видѣться и бесѣдовать съ Шамилемъ. Это особенно было важно для Романовскаго въ то время, такъ какъ онъ готовился къ публичнымъ лекціямъ о Кавказѣ и Кавказской войнѣ, а также серьезно былъ занятъ литературнымъ трудомъ.

Въ 1860 г. Р. прочелъ рядъ интересныхъ лекцій въ залѣ Пассажа, куда стекалось все избранное общество Петербурга. Печать много говорила объ этихъ сообщеніяхъ, которыя въ томъ же году были изданы отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „Кавказъ и Кавказская война". Въ это же время Романовскій былъ избранъ, 1-го февраля 1861 г., дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и много работалъ на пользу его въ продолженіе всего своего пребыванія въ Петербургѣ.

Въ сентябрѣ 1862 г. Р. былъ назначенъ редакторомъ „Русскаго Инвалида", въ каковой должности и оставался до апрѣля 1865 г. Эта дѣятельность, сопряженная съ кропотливымъ трудомъ, съ сильно ограниченнымъ полемъ дѣятельности, въ то время была не по нраву Романовскому, большую часть службы своей проведшему на Кавказѣ, и онъ искалъ другой дѣятельности. Назначенный въ то время военнымъ министромъ Д. А. Милютинъ сейчасъ же вспомнилъ о Романовскомъ и назначилъ его состоять при себѣ, а въ концѣ 1864 г. представилъ его къ чину генералъ-маіора; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (20-го) 1865 г. состоялось производство, а въ февралѣ (8-го) 1866 г. Романовскій былъ командированъ въ распоряженіе командующаго войсками Оренбургскаго военнаго округа и 4-го іюня назначенъ временнымъ Губернаторомъ Туркестанской области и командующимъ войсками, вмѣсто генерала М. Г. Черняева. Съ этимъ назначеніемъ для Романовскаго открылась широкая дѣятельность.

Выѣхавъ 10-го февраля изъ Петербурга и задержанный служебными дѣлами въ Оренбургѣ около недѣли, Р. только въ первыхъ числахъ марта 1866 г. прибылъ на Сыръ-Дарью. Первое извѣстіе, полученное имъ при въѣздѣ въ Область, было донесеніе генерала Черняева Генералъ-Губернатору объ удаленіи нашихъ войскъ послѣ неудавшейся стычки и вслѣдствіе отсутствія провіанта изъ-подъ Джюзака къ Чиназу.

Прибывъ въ новый, только что занятый, но не покоренный еще край, Романовскій сразу понялъ необходимость ослабить значеніе Бухары и, занявъ пункты, которые бы могли лишь усилить наше значеніе въ Средней Азіи, приступилъ къ убѣжденію сосѣднихъ намъ ханствъ о миролюбивыхъ видахъ нашего правительства. Осуществляя эту идею, Романовскій занялся внутреннимъ административнымъ устройствомъ Области. При тяжелыхъ условіяхъ началась его административная дѣятельность; помощниковъ у него не было совершенно, а штатъ мѣстной администраціи состоялъ изъ 8-ми человѣкъ. Пришлось много хлопотать и работать надъ созданіемъ новыхъ штатовъ для правильнаго административнаго управленія. Въ военномъ отношеніи, какъ и въ административномъ, на первыхъ же порахъ встрѣтились препятствія: недостатокъ войскъ и денегъ обнаружились сразу, а при такихъ условіяхъ невозможно было осуществить намѣченнаго плана и вообще дѣйствовать въ какомъ бы то ни было направленіи. Романовскій не сомнѣвался, что военныя дѣйствія должны усилиться, а потому, разсчитывая на возможность усилить гарнизонъ Ташкента на средства Сыръ-Дарьинской линіи, безъ ущерба для нея, онъ вытребовалъ оттуда 2 роты пѣхоты и команду стрѣлковъ и казаковъ. Между тѣмъ, было уже извѣстно, что Бухарскій Эмиръ объявляетъ Россіи священную войну (газаватъ), и что къ участію въ ней приглашаются Хива и Кокандъ. Донесеніе Начальника Штаба Туркестанской Области отъ 7-го и 14-го марта 1866 г. о томъ, что Эмиръ собралъ въ Джюзакѣ 40.000 войска при 40 орудіяхъ и переходитъ въ наступленіе, заставили Романовскаго обратиться къ начальству Западной Сибири съ просьбою о высылкѣ подкрѣпленій, а въ фортъ Перовскій имъ было сдѣлано распоряженіе о скорѣйшемъ отправленіи въ Чиназъ двухъ пароходовъ, назначенныхъ туда для военныхъ дѣйствій.

Прибывъ въ Ташкентъ 25-го марта и остановившись тамъ только на день, Р. отбылъ въ отрядъ 26-го и вступилъ въ командованіе войсками 27-го марта.

Между тѣмъ, отряды Бухарской конницы начали безпокоить наши отряды, перехватывая почту, грабя населеніе и нападая на одиночныхъ, отходившихъ отъ биваковъ солдатъ. Это обстоятельство заставило Ро-

мановскаго произвести 5-го апрѣля усиленную рекогносцировку съ цѣлью убѣдиться, находится ли партія бухарцевъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ между Ирджаромъ и Мурзарабатомъ. Въ составъ рекогносцировочной колонны входили 2 роты Оренбургскаго стрѣлковаго баталіона, 1 стрѣлковая рота 4-го Оренбургскаго стрѣлковаго баталіона, одна 3-го и одна 7-го, дивизіонъ парѣзной батареи и одна сотня Уральскихъ и Оренбургскихъ казаковъ со взводомъ конно-казачьей батареи и ракетная команда.

Едва высланная впередъ рота удалилась отъ лагеря, какъ увидѣла Бухарцевъ, пробиравшихся къ казачьимъ пикетамъ. Казаки спѣшились и выдержали атаку, убивъ одного бухарца. Тогда Романовскій приказалъ двинуться впередъ всему отряду и, нагнавъ стрѣлковую роту, обнаружилъ непріятеля у Учъ-Тюбе. Три бека: Самаркандскій, Ура-Тюбинскій и Джузакскій сосредоточили здѣсь свою конницу (3.000 всадниковъ) съ цѣлью нападенія на лагерь Романовскаго, и только военный тактъ его, перешедшаго въ наступленіе, разрушилъ планы противника, собственно составлявшаго небольшую часть военныхъ силъ, сосредоточившихся въ Ирджарѣ. Около Акъ-Тюбе бухарцы попытались атаковать Романовскаго, но выдвинутый имъ ракетный взводъ заставилъ ихъ измѣнить намѣреніе и продолжать отступленіе.

Между тѣмъ, съ разсвѣтомъ Бухарцы все же еще разъ пытались атаковать рекогносцировочный отрядъ, желая отбить захваченныхъ Романовскимъ 14.000 барановъ, но каждый разъ казаки отбивали ихъ атаки и, наконецъ, сами атаковали непріятеля, порубивъ много народу въ рядахъ его конницы. 6-го числа Романовскій съ отрядомъ вернулся въ лагерь.

Эта встрѣча русскихъ войскъ съ бухарцами у Мурзарабада была началомъ ряда непріязненныхъ дѣйствій: такъ, непріятель встрѣтилъ и провожалъ выстрѣлами нашъ пароходъ „Перовскій“, и шайки бухарцевъ появились на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, противъ ущелья Крыса и въ Зачирчикскомъ краѣ. 18-го апрѣля небольшая партія подошла къ Ташкенту и успѣла захватить въ плѣнъ трехъ русскихъ солдатъ, а 20-го пароходъ „Сыръ-Дарья“ имѣлъ перестрѣлку съ непріятелемъ. Безпрерывныя появленія значительныхъ партій въ тылу нашихъ сообщеній и расположенія главной арміи заставили Романовскаго предпринять наступательныя дѣйствія, тѣмъ болѣе необходимыя, по его убѣжденію, что Эмиръ готовился къ наступленію и для этого переправилъ часть своихъ войскъ на правый берегъ Сыръ-Дарьи въ Зачирчикскій край. Армія Эмира, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Романовскому, состояла изъ 5000 хорошо вооруженныхъ сарбазовъ и до 35.000 киргизовъ при 20 орудіяхъ. 7-го мая Романовскій съ отрядомъ въ 14 ротъ пѣхоты и 5 сотенъ казаковъ при 20 орудіяхъ и 8-ми ракетныхъ станкахъ выступилъ изъ Чиназа къ Ирджару. Одновременно съ этимъ отрядомъ приказано было и Киріучинскому отряду подъ начальствомъ полковника Краевскаго двинуться правымъ берегомъ Сыръ-Дарьи къ тому же пункту. Съ разсвѣтомъ 8-го числа стали показываться большія шайки непріятеля.

Въ продолженіе цѣлаго дня повторялись натиски непріятельской кавалеріи, отражаемой артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и, наконецъ, къ 6-ти часамъ вечера Романовскій устремилъ пѣхоту подъ начальствомъ капитана Абрамова и кавалерію полковника Пистолькорса на позицію непріятеля, который, не выдержавъ дружнаго натиска, обратился въ бѣгство, оставивъ лагерь со всѣмъ имуществомъ въ рукахъ побѣдителей. Несмотря на огромную потерю непріятеля отрядъ генерала Романовскаго потерпѣлъ очень незначительно: всего насчитывалось раненыхъ до 12 человѣкъ.

Трофеями побѣды Романовскаго при Ирджарѣ были: 6 орудій, взятыхъ съ боя на позиціи, и 4 орудія, брошенныхъ непріятелемъ во время его бѣгства; большіе запасы пороху и свинцу, найденные на позиціи, множество ядеръ, гранатъ и т. п. Ирджарская побѣда имѣла громадное значеніе на дальнѣйшія военныя дѣйствія Романовскаго, такъ какъ она явилась первою побѣдою послѣ неудачнаго дѣла подъ Джизакомъ, престижъ былъ возстановленъ и русская сила предстала передъ бухарцами во всемъ ея величіи.

Давъ отдохнуть отряду въ Ирджарѣ, генералъ Романовскій 14-го мая двинулся къ Нау и безъ боя занялъ эту крѣпость. 15-го и 16-го приводились въ порядокъ верки занятой крѣпости, въ которой и было оставлено Романовскимъ 2 роты, 2 орудія и команда казаковъ.

17-го мая Романовскій со всѣмъ отрядомъ подошелъ къ городу Ходженту, рѣшивъ овладѣть имъ, какъ оплотомъ въ то время Бухарскаго Эмира.

18-го и 19-го мая были произведены Р. рекогносцировки по правому и лѣвому берегамъ Сыръ-Дарьи и выяснены слабыя стороны крѣпости. 20-го мая Романовскій началъ бомбардировку города, а на разсвѣтѣ 21-го назначилъ штурмъ крѣпости. Однако, въ то время, когда войска уже двинулись на штурмъ, изъ города выѣхала депутація для переговоровъ, которые и затянулись на 2 дня, но не привели ни къ какимъ результатамъ. Тогда, въ 6 часовъ вечера 22-го мая, Романовскій открылъ бомбардировку города, продолжавшуюся до 2-хъ часовъ дня 24-го числа, а вслѣдъ затѣмъ началъ штурмъ. По его приказанію войска были поведены двумя колоннами: одна, подъ начальствомъ артиллеріи капитана Михайловскаго, атаковала восточную часть города, прилегающую къ рѣкѣ, а другая, подъ начальствомъ ротмистра Баранова,—ближайшія къ рѣкѣ Келенаусскія ворота. За ними въ резервѣ былъ отправленъ маіоръ Назаровъ съ особою колонною, имѣвшею назначеніе, по занятіи воротъ штурмовавшими, идти и занять цитадель. Остальныя войска Романовскій оставилъ при себѣ въ видѣ резерва для поддержанія штурмовавшихъ колоннъ.

Благодаря истинно геройскому духу войскъ и начальниковъ и правильному плану атаки, составленному Романовскимъ, къ вечеру не только весь городъ, но и цитадель были въ рукахъ Русскихъ, не смотря на упорное сопротивленіе противника, потерявшаго убитыми до 2.500 человѣкъ. Отрядъ генерала Романовскаго потерялъ 71 человѣка убитыми и ранеными, контуженными 63 и безъ вѣсти пропавшими 6. Изъ этого числа офицеровъ было ранено 1 и контужено 6. Трофеями Романовскаго, кромѣ множества разнаго оружія и значковъ, были 13 орудій и большое Кокандское знамя, принадлежавшее защитникамъ Ходжента. Трехнедѣльный походъ Романовскаго, такъ блистательно завершившійся занятіемъ Нау и Ходжента, подавалъ теперь надежду, что Бухарскій Эмиръ, наконецъ, прекратитъ свои враждебныя дѣйствія и возвратитъ задержанное Русское посольство. Между тѣмъ, за время пребыванія Романовскаго въ Ходжентѣ онъ велъ переписку съ Кокандскимъ Ханомъ Худояромъ, который всячески старался войти въ дружескія отношенія съ Россіей, а также согласно представленію Романовскаго, Оренбургскій Генералъ-Губернаторъ Крыжановскій вступилъ въ дипломатическіе переговоры съ Бухарскимъ Эмиромъ. Оставивъ надежный гарнизонъ въ занятой крѣпости, Романовскій 31-го мая выѣхалъ изъ Ходжента и 2-го іюня прибылъ въ Ташкентъ, гдѣ былъ встрѣченъ Русскимъ посольствомъ, освобожденнымъ изъ Бухарскаго плѣна, и, кромѣ того, тамъ его ожидали подарки Эмира, который, послѣ пораженія подъ Ходжентомъ, сдѣлался очень податливымъ и былъ готовъ на всѣ уступки. Этимъ удобнымъ временемъ умѣло воспользовался Романовскій и поспѣшилъ выговорить для интересовъ Россіи весьма выгодныя условія и большую контрибуцію съ Бухары. Между тѣмъ, отряды на передовой линіи не были достаточно обезпечены матеріально вслѣдствіе недостатка средствъ,—и Романовскому пришлось вынести немало хлопотъ и работы для достиженія благопріятныхъ результатовъ, взявъ на себя отвѣтственность за пользованіе средствами для содержанія отрядовъ изъ источниковъ, предназначенныхъ для другой цѣли. Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ совершенно спокойно. Самыя стычки на передовыхъ линіяхъ не имѣли важнаго значенія. Бухарскій Эмиръ, по требованію Романовскаго, отпустилъ всѣхъ задержанныхъ купцовъ и возвратилъ имъ товары. Изъ Петербурга было получено одобреніе дѣйствіямъ Романовскаго и запоздалое предписаніе занять Ходжентъ. Эти благопріятныя обстоятельства не могли не отозваться благотворно на дѣятельности Романовскаго, и онъ всецѣло занялся введеніемъ основныхъ началъ управленія краемъ и сбора доходовъ, безъ которыхъ правильное управленіе было немыслимо. Особенное затрудненіе встрѣтилъ онъ въ борьбѣ съ туземнымъ духовенствомъ, всячески старавшимся сохранить за собою всѣ права, которыми оно пользовалось до покоренія края Русскими. Обстоятельство это осложнялось еще тѣмъ, что приходилось дѣйствовать такъ, чтобы не раздражить, а, наоборотъ, расположить къ завоевателямъ этотъ важный элементъ, не предоставляя ему въ то же время особаго значенія и власти среди туземцевъ; особенное затрудненіе Романовскій встрѣтилъ въ лицѣ Казы-

Киляна, главы духовенства въ Ташкентѣ. Также трудами Романовскаго въ Ташкентѣ, Чиназѣ и Ходжентѣ были отведены мѣста для устройства Русскихъ кварталовъ и учреждены городскіе комитеты, начаты шоссейныя дороги и т. д. Одновременно съ этими мѣрами по устройству края, Р. послалъ небольшую колонну войскъ для подробнаго осмотра верховій Чирчика, гдѣ находились ботатые лѣса, въ которыхъ и укрывались разбойничьи шайки.

Такимъ образомъ, главныя и наиболѣе насущныя потребности были удовлетворены и принятыя мѣры въ первый же годъ дали блестящіе результаты.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ враждебное отношеніе Бухары снова возобновилось, а у крѣпости Нау произошли стычки съ аванпостами бухарцевъ. Однако, эти осложненія не могли вызвать серьезныхъ послѣдствій, и Романовскій не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій; между тѣмъ изъ Оренбурга генералъ-адъютантъ Крыжановскій предписывалъ ему „принять высокій тонъ“ съ Кокандскимъ Ханомъ и ни въ чемъ не уступать Эмиру Бухарскому, а также высказывалъ необходимость немедленно начать военныя дѣйствія противъ Бухары и Коканда. Такое распоряженіе Генералъ-Губернатора шло въ разрѣзъ съ намѣченнымъ Романовскимъ образомъ дѣйствій, мѣшая ему въ упроченіи установленнаго порядка въ краѣ, а потому онъ, не желая идти въ разрѣзъ своимъ убѣжденіямъ о несвоевременности начала войны съ Кокандомъ и видя въ этомъ только вредъ для интересовъ Россіи, просилъ Крыжановскаго объ увольненіи отъ должности.

Двукратная поѣздка въ Петербургъ и обратно, совершенная Р. за это время, а также сложные труды, выпавшіе на его долю, сильно утомили его и онъ требовалъ отдыха. Однако, просьба Романовскаго была отклонена, а отпускъ былъ обѣщанъ ему, но не ранѣе, какъ съ наступленіемъ зимы.

Въ первыхъ числахъ сентября, во время пребыванія въ Туркестанской области Оренбургскаго Генералъ-Губернатора, прибылъ изъ Бухары посолъ для заключенія мирнаго договора съ Россіей, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ на пунктѣ о контрибуціи Бухарскій посланникъ разошелся съ Крыжановскимъ и послѣднимъ былъ данъ ему десятидневный срокъ на размышленія по докладѣ Эмиру требованій Россіи, послѣ чего было предположено, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта Эмира, начать военныя дѣйствія. 23-го сентября оканчивался льготный срокъ. Отвѣта отъ Эмира не было получено,—и Романовскому было приказано начать военныя дѣйствія противъ Бухары. Между тѣмъ, со стороны Коканда оставалось миролюбивое отношеніе, и Романовскій былъ вполнѣ удовлетворенъ тѣмъ, что обстоятельства, осложнившія отношеніе къ Бухарѣ, не дали Крыжановскому возможности затѣять войну съ Кокандомъ и стать, такимъ образомъ, между двухъ огней. Первою крѣпостью, которою предстояло завладѣть Романовскому, была Ура-Тюбе, гнѣздившаяся на высокомъ курганѣ и представлявшая собою очень сильно укрѣпленную цитадель, значительно командовавшую надъ окружающими селеніями и холмами. Подступъ къ Ура-Тюбе также былъ очень затруднителенъ вслѣдствіе прекраснаго обстрѣла, открывавшагося съ крѣпости, а потому Романовскому пришлось предусмотрѣть всѣ случайности и дѣйствовать рѣшительно, но соблюдая большую осторожность.

Освѣтивъ мѣстность рекогносцировками 23-го, 27-го и 28-го сентября, опредѣливъ слабѣйшіе фасы крѣпости и произведя нѣсколько демонстративныхъ движеній, Романовскій въ ночь съ 29-го на 30-е сентября открылъ артиллерійскій огонь по Ура-Тюбе, который произвелъ большія опустошенія въ крѣпости. Противъ Сѣверо-Восточнаго фаса, подъ огнемъ, была заложена брешь-батарея, соединенная траншеями съ резервомъ. Для поддержанія же брешь-батареи Романовскій нашелъ необходимымъ воздвигнуть два ложемента для четырехъ нарѣзныхъ орудій, открывшихъ съ разсвѣтомъ свое разрушительное дѣйствіе. Такія же ложементы были построены и противъ южнаго фаса крѣпости для двухъ нарѣзныхъ орудій, шести облегченныхъ орудій и 4-хъ мортиръ, также съ разсвѣтомъ открывшихъ огонь. Всѣ эти работы производились подъ общимъ наблюденіемъ генерала Романовскаго, постоянно показывавшагося то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ дѣйствующаго отряда, подъ градомъ пуль и бомбъ, сыпавшихся съ укрѣпленія.

Въ ночь съ 1-го на 2-е октября 1866 г. огонь былъ усиленъ для того, чтобы противникъ не могъ поправить произведенныя разрушенія, а съ разсвѣтомъ былъ назна-

ченъ штурмъ одновременно съ сѣвернаго и южнаго фасовъ нѣсколькими колоннами. Передъ началомъ штурма Р. объѣзжалъ войска, благодарилъ ихъ за мужество и стойкость, проявленныя за минувшіе дни, и, ободряя солдатъ къ предстоящему дѣлу, выражалъ полную увѣренность въ побѣдѣ. Около полуночи на 2-е число войска, назначенныя для штурма, забравъ съ собою штурмовыя лѣстницы, расположились вблизи крѣпости, а въ $5^1/_2$ часовъ, по условному знаку, артиллерія смолкла и штурмовыя колонны двинулись впередъ.

Подъ градомъ пуль и камней штурмующіе взбѣжали на стѣны укрѣпленія и вскорѣ овладѣли крѣпостью, гдѣ завязалась рукопашная схватка. Такимъ образомъ, послѣ $1^1/_2$-часового упорнаго боя крѣпость Ура-Тюбе, составлявшая главный оплотъ Эмира въ Средней Азіи, пала, и паденіе этого столь важнаго для Бухары пункта оказало огромное значеніе не только на упроченіе нашей власти въ Средней Азіи, но подѣйствовало весьма благотворно и въ видахъ общаго умиротворенія въ краѣ. Потери противника простирались до 2.000 человѣкъ, а отрядъ Романовскаго потерялъ убитыми 3-хъ офицеровъ и 14 нижнихъ чиновъ, ранеными 1 офицера и 102 нижнихъ чина и контуженными 6 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ.

Съ паденіемъ Ура-Тюбе единственнымъ и послѣднимъ мѣстомъ, владѣя которымъ Эмиръ могъ еще надѣяться удержать за собою долину Сыръ-Дарьи, являлась крѣпость Джюзакъ, которая за послѣднее время была очень усилена тройнымъ рядомъ стѣнъ, возвышавшихся другъ надъ другомъ, изъ которыхъ наружная имѣла $3^1/_2$ сажени высоты при 4-хъ саженяхъ толщины. Тройной рядъ рвовъ, изъ которыхъ одинъ доходилъ глубиною до 11-ти аршинъ, окружалъ крѣпость. Численность гарнизона этой крѣпости достигала до 10.000 человѣкъ при 53-хъ орудіяхъ и состояла изъ лучшихъ войскъ Эмира, усиленныхъ персіянами, афганцами и туркменами, вооруженными по европейскому образцу. Зная важность занятія подобнаго пункта, Романовскій двинулся къ Джюзаку и по пути безъ боя занялъ небольшую крѣпость Зааминъ (6-го октября), оставленную бухарцами. 13-го, 14-го и 15-го октября производились рекогносцировки крѣпости Джюзака, а также были заложены батареи противъ фортовъ, на которые было предположено направить атаку.

Вылазки противника, отбитыя войсками, не повторялись, а воздвигаемыя имъ препятствія разрушались мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ. Предвидя, что противникъ за ночь можетъ свободно исправить поврежденія, произведенныя въ стѣнахъ и тѣмъ осложнить дѣло, Романовскій отступилъ отъ общаго правила, принятаго въ Азіи, атаковать крѣпость на разсвѣтѣ и назначилъ штурмъ 18-го октября въ 12 часовъ, двумя штурмующими колоннами, а для отвлеченія вниманія отъ главнаго пункта аттаки, имъ была предпринята демонстрація на сѣверо-западный уголъ крѣпости. Непріятель, не приготовившійся къ нападенію, не успѣлъ во время встрѣтить штурмующихъ огнемъ и хотя бросился на защиту обваловъ, однако былъ сбитъ и обращенъ въ самое безпорядочное бѣгство. Слѣдя за каждымъ движеніемъ дѣйствующихъ частей, Романовскій приказалъ штурмовымъ колоннамъ раздѣлиться и атаковать бреши въ слѣдующихъ стѣнахъ.

Джюзакцы геройски защищали свою крѣпость: изъ 18-ти бековъ 16-ть,—въ томъ числѣ и главный начальникъ гарнизона Такса-бай-Перванчи-Аллаяръ,—погибли въ рукопашной схваткѣ, а часть защитниковъ, видя неминуемую гибель, бросилась къ пороховому погребу и взорвала его, при чемъ отрядъ Романовскаго потерялъ 16 человѣкъ тяжело ранеными и обожженными.

Около часу самъ Романовскій былъ уже въ крѣпости и заботился о возстановленіи порядка и о тушеніи пожаровъ.

Между тѣмъ, къ бухарцамъ приближалось подкрѣпленіе, и массы бухарской кавалеріи показались вокругъ крѣпости, а вслѣдъ за нею двигался отрядъ въ 2.000 человѣкъ сарбазовъ при 18 орудіяхъ. Встрѣченные орудійнымъ огнемъ, бухарцы отступили и непріятель болѣе нигдѣ уже не показывался. Трофеями Романовскаго были 23 большихъ и 30 малыхъ орудій, 16 знаменъ, множество различнаго оружія и богатой добычи. Потери непріятеля распространялись до 6.000 человѣкъ, отрядъ же Романовскаго потерялъ: убитыми 6, ранеными 76 человѣкъ (въ томъ числѣ 5 офицеровъ), контуженными 16 человѣкъ,—въ томъ числѣ 1 штабъ-офицеръ.

Послѣ этого Эмиръ Бухарскій уже не рѣшался возобновлять военныхъ дѣйствій

противъ Россіи и былъ принужденъ уступить предъявленнымъ требованіямъ. Между тѣмъ, взглядъ Романовскаго на преждевременность завоеванія Коканда встрѣтилъ какъ бы подтвержденіе и въ высшихъ сферахъ, и Генералъ-Губернаторъ получилъ телеграмму, воспрещавшую ему движеніе къ Коканду.

Въ концѣ октября генералъ Романовскій былъ уже въ Ташкентѣ и послѣ отъѣзда Оренбургскаго Генералъ-Губернатора занялся составленіемъ Положенія для управленія краемъ, работы по которому были закончены имъ въ декабрѣ и проэкты отправлены въ Оренбургъ.

Окончаніе военныхъ дѣйствій дало возможность Романовскому заняться устройствомъ помѣщеній для войскъ во всѣхъ новыхъ пунктахъ, присоединенныхъ имъ къ Россіи, постройкою лазаретовъ и другихъ зданій, необходимыхъ подъ административныя и общественныя учрежденія. Въ концѣ ноября 1866 года, объѣзжая передовую линію, Романовскій убѣдился въ прекрасномъ состояніи гарнизоновъ, а также въ томъ, что со стороны Бухары нечего было опасаться враждебныхъ дѣйствій. Съ Кокандскимъ Ханомъ Р. вошелъ въ хорошія отношенія, въ первыхъ числахъ декабря обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими письмами и завязалъ торговыя сношенія съ Кокандомъ. Первый торговый караванъ былъ отправленъ имъ въ Кокандское Ханство и съ тѣхъ поръ торговыя сношенія съ сосѣднимъ Ханствомъ не прекращались до самаго дня паденія Худояръ-Хана и движенія русскихъ войскъ въ Кокандъ въ 1875 году. Награжденный за военныя подвиги монаршимъ благоволеніемъ за дѣло подъ Ирджаромъ (8-го мая), орденомъ св. Георгія 3-й степени за разбитіе тамъ же арміи Эмира (21-го іюня) и Анны 1-й степени съ мечами и монаршимъ благоволеніемъ за взятіе Джизака (18-го октября), Р. 12-го ноября 1866 г. былъ назначенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества, а вслѣдъ затѣмъ выѣхалъ (11-го декабря 1866 г.) изъ Ташкента, отозванный въ Петербургъ.

Блестящая карьера, начатая имъ въ Туркестанѣ, была прервана изъ-за интригъ одного изъ участниковъ военныхъ экспедицій Романовскаго графа Воронцова-Дашкова, передавшаго въ высшія сферы о какихъ-то упущеніяхъ и будтобы о злоупотребленіяхъ Романовскаго по интендантскимъ поставкамъ. Это обстоятельство очень огорчило Р. Самолюбивый, рѣшительный и честный, онъ не пользовался казенными средствами даже для устройства себѣ комфортабельной жизни въ Ташкентѣ, на что, какъ Губернаторъ, имѣлъ несомнѣнное право. Жилъ онъ, какъ простой офицеръ, и лишь для престижа, столь необходимаго въ Азіи, по отношенію къ туземцамъ держалъ себя гордо и неприступно, но милостиво. Поэтому отстраненіе его отъ должности въ разгаръ дѣятельности изъ-за простого наговора офицера, всегда имъ прекрасно аттестованнаго и получившаго благодаря ему много наградъ, жестокою болью отозвалось на Романовскомъ и губительно отразилось на его здоровьѣ. Нравственно и физически больной, онъ въ 1867 г. взялъ отпускъ и уѣхалъ заграницу.

Возвратившись изъ отпуска ранѣе срока, Р. былъ назначенъ (26-го ноября 1867 г.) Начальникомъ Штаба Казанскаго военнаго округа, а въ 1871 г. (2-го октября) назначенъ командующимъ 11-ю пѣхотною дивизіею и 30-го августа 1873 г. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Разстроенное здоровье не давало ему, однако, возможности оставаться въ строю: онъ опять по болѣзни получилъ продолжительный отпускъ, а затѣмъ былъ назначенъ (13-го марта 1877 г.) членомъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба; 1-го января 1878 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Оставя строевую и административную дѣятельность, Р. не покинулъ литературныхъ трудовъ и сотрудничества въ Имп. Русскомъ Географическомъ Обществѣ. Еще въ 1866 г. въ „Извѣстіяхъ“ Общества (т. II, № 1, стр. 9—23) имъ была напечатана статья: „О географическихъ изслѣдованіяхъ степи и Туркестанской области въ 1865 г.“ и „Нѣсколько словъ о торговомъ значеніи Ташкента“. Въ 1868 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ свою книгу „Замѣтки по Средне-Азіатскому вопросу“, съ приложеніемъ своихъ подлинныхъ донесеній и донесеній его подчиненныхъ, а также съ картою Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства.

Послѣ скоропостижной смерти въ Женевѣ генералъ-фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго появилось нѣсколько крайне безсодержательныхъ некрологовъ и даже въ „Русскомъ Инвалидѣ“ некрологъ о по-

койномъ князѣ былъ написанъ не какъ о фельдмаршалѣ, а какъ о заурядномъ генералѣ. Только Романовскій въ „Голосѣ“ 4-го марта 1879 г. и Зиссерманъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатали теплыя и сочувственныя статьи о покойномъ завоевателѣ Кавказа. Забывъ личныя отношенія къ покойному фельдмаршалу, Р. въ „Русской Старинѣ“ за 1881 г. напечаталъ свою статью: „Князь А. И. Барятинскій и Кавказская война“. Въ 1878 г. Р. принужденъ былъ лечиться заграницей и въ Женевѣ встрѣтился съ княземъ А. И. Барятинскимъ, а въ 1880 г., вернувшись изъ-за границы, поселился въ Казани, гдѣ заболѣлъ и скончался въ госпиталѣ 16-го мая 1881 г.

Какъ членъ Географическаго Общества, Р. оказывалъ ему содѣйствіе своими сообщеніями и въ отчетѣ своемъ за 1881 г. Общество почтило память Р., вспоминая о немъ, какъ о полезнѣйшемъ и дѣятельномъ сотрудникѣ, неустанно работавшемъ для Общества съ 1861 г. Кромѣ перечисленныхъ выше трудовъ, Р. принималъ дѣятельное участіе въ описаніи „Обороны Севастополя“ (С.-Пб. 1863), во время редакторства „Русскаго Инвалида“ помѣстилъ въ немъ много статей и замѣтокъ, въ „Русской Старинѣ“ напечаталъ еще статью „Князь М. С. Воронцовъ и князь А. И. Барятинскій“ (1881 г., кн. 4), а въ „Военномъ Сборникѣ“ 1862 г., № 5—6, статью: „Обзоръ главныхъ основаній французской военной администраціи и предположенія о примѣненіи ихъ къ нашей арміи“.

Д. Языковъ, Обзоръ, вып. 1; „Русскій Архивъ“ 1885 г., кн. 2, стр. 285—287 и кн. 8, стр. 558—569, 1889 г., I, стр. 128; „Русская Старина“ 1800 г., т. 28, стр. 156, 157, 605; 1881 г., т. XXX, 247—318, 680, 908—911; т. XXXII, 218; 1888 г., т. LVII, 165; 1895 г., LXXXIV, авг., 16—22; 1897 г., т. XCII, окт. 169—171; „Историческій Вѣстникъ“ 1892 г., т. XLIX, стр. 378; 1899 г., т. LXXVI, стр. 122, 895, 901, 909, 910, 913; „Русскій Инвалидъ“ 1881 г., 28 мая № 114; „Московскія Вѣдомости“ 1881 г., № 148; „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г.; „Спб. Вѣдомости“ 1886 г., № 102, № 204; „Сынъ Отечества“ 1868 г., № 125; „Русскій Туркестанъ“, выпускъ 3; „Извлеченіе изъ донесенія генерала Романовскаго“ въ 1865 и 1866 гг.—приложеніе къ 3-му выпуску „Русскаго Туркестана“; Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1881 г., стр. 10; „Голосъ“ 1881 г., № 136; „Новое Время“ 1881 г., № 1876; „Росс. Библіографія“ 1881 г., стр. 286; „Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго“, С.-Пб. 1888 г., стр. 80; „Военный Календарь“ 1883 г., стр. 155; „Русск. Инв.“ 1881 г., № 114 (некр.); „Моск. Вѣдом.“ 1881 г., № 148; Н. Затворницкій, Указатель біогр. свѣд. чиновъ Канц. Военнаго Министерства, С.-Пб. 1909 г., стр. 593 и 832—834.

Б. Т.

Романовскій, *Иванъ Васильевичъ*, докторъ медицины, Владимірскій врачебный инспекторъ, уроженецъ гор. Владиміра, сынъ наставника Владимірской Духовной Семинаріи; род. 2-го августа 1834 года. Основательно подготовленный дома, Р. окончилъ курсъ средняго учебнаго заведенія въ числѣ лучшихъ учениковъ и въ 1850 г. поступилъ казеннымъ студентомъ въ Имп. Московскій Университетъ по Медицинскому факультету и въ 1855 г. окончилъ курсъ со степенью лекаря; обязанный отслужить извѣстное число лѣтъ по назначенію, Р. опредѣленъ былъ 8-го мая 1855 г. лекаремъ въ Бѣлозерскій пѣхотный полкъ, находившійся тогда на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Крыму. Попавъ подъ начальство Н. И. Пирогова, Р. не могъ не подчасть подъ вліяніе этого великаго человѣка, который и для него, какъ для многихъ другихъ, сталъ на всю жизнь путеводной звѣздой. Благодоря этому, въ Р. окрѣпла склонность къ спеціальности по хирургіи. Получивъ за защиту Севастополя серебряную медаль, а за Крымскую кампанію бронзовую медаль на Андреевской лентѣ, Р. 24-го августа 1861 г. былъ перемѣщенъ на должность младшаго ординатора въ Замосцскій военный госпиталь и въ составѣ мѣстнаго гарнизона находился въ походѣ во время Польскаго возстанія. 17-го мая 1863 г. Р. былъ переведенъ въ Ивангородскій крѣпостной полкъ.

Недюженныя способности Р. и ревностное прохожденіе имъ службы обратили на себя вниманіе,—и 22-го сентября 1867 г. онъ былъ прикомандированъ къ Московскому Университету съ научной цѣлью (3-го іюня 1868 г.), а менѣе, чѣмъ черезъ годъ, былъ, по прошенію, уволенъ изъ военной службы и въ 1870 г. (13 января) опредѣленъ на должность старшаго врача Владимірской Губернской Земской больницы. Это было, по словамъ его біографа, переходное время отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія къ насажденію земской медицины. Тогда земство еще придерживалось порядковъ Приказа, и потому медицинская часть была въ жалкомъ видѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ такое-то время Р. принялъ въ свое завѣдываніе Губернскую больницу.

Чуждый всякаго тщеславія, искренно преданный дѣлу, онъ весь ушелъ въ свои занятія по больницѣ и по практикѣ въ городѣ. Съ 10-го апрѣля 1872 г. въ его завѣдываніе поступила медицинская часть и въ Земской женской гимназіи. Прослуживъ во Владимірѣ съ небольшимъ четыре года, онъ 1-го марта 1874 г. перемѣщенъ былъ сверхштатнымъ врачемъ при грудныхъ отдѣленіяхъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а 1-го мая того же года былъ назначенъ исправляющимъ должность старшаго врача въ тѣхъ же отдѣленіяхъ. Переходъ въ Москву для Романовскаго обусловливался главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ готовился къ экзамену на степень доктора медицины, который къ началу 1875 г. онъ и сдалъ, а 24-го мая того же года защитилъ диссертацію „О подтаранномъ вылущеніи и его значеніи сравнительно съ другими способами отнятія стопы“ (М. 1875 г., 95 стр.). Эта работа обратила на себя вниманіе и печати (см. „Медицин. Обозрѣніе“ 1875, IV, стр. 339; „Московск. Медицинск. Газета“ 1875 г., №№ 17—20), и ученыхъ. 26-го іюня 1875 г. Р. утвержденъ былъ старшимъ врачемъ при Воспитательномъ Домѣ, по собственному желанію. Въ сентябрѣ 1876 года, увлеченный общимъ тогда потокомъ, онъ на три мѣсяца ѣздилъ на войну въ Сербію, а 11-го мая 1877 г. перешелъ на должность старшаго ординатора (по хирургическому отдѣленію) Имп. Екатерининской Больницы въ Москвѣ, а затѣмъ назначенъ и въ госпитальную клинику Московскаго Университета.

Въ маѣ 1879 г. Романовскій воспользовался отпускомъ для посѣщенія родины, гдѣ случайно узналъ объ освободившемся во Владимірѣ мѣстѣ врачебнаго инспектора. На эту должность онъ и былъ назначенъ 11-го іюля 1879 г., уже будучи въ чинѣ статскаго совѣтника (съ 13-го марта 1879 г.); это мѣсто Романовскій съ честью занималъ 14 лѣтъ, — до выхода своего въ отставку 7-го іюня 1893 г., за мѣсяцъ до смерти, послѣдовавшей 17-го іюля 1893 г. въ г. Владимірѣ.

Кромѣ указанной диссертаціи, Р. въ медицинскихъ журналахъ помѣстилъ нѣсколько наблюденій изъ своей многолѣтней практики,—напр., въ „Протоколахъ Русскихъ врачей въ Москвѣ“ за 1875 годъ онъ напечаталъ статью: „О кровотеченіи послѣ ампутаціи“ (тоже — въ „Московск. Медицинск. Газетѣ“ 1876 года, № 2); въ газетѣ „Врачъ“ (1885 г., №№ 23 и 24)— „Противухолерныя народно-лекарственныя средства“ и др.

Среди Владимірцевъ Р. пользовался вполнѣ заслуженною извѣстностью, какъ врачъ и въ особенности—какъ человѣкъ. Популярность свою, говоритъ біографъ, онъ пріобрѣлъ безкорыстнымъ служеніемъ человѣчеству, примѣрнымъ отношеніемъ къ товарищамъ-врачамъ, какъ у постели больного, такъ равно и при столкновеніи на служебномъ поприщѣ; прекрасный товарищъ, отзывчивый на все доброе, одинаково ласковый и радушный со всѣми, безъ различія положеній, онъ горячо принималъ къ сердцу интересы людей, съ которыми сталкивала его судьба, своимъ искреннимъ участіемъ ободрялъ сомнѣвающихся, такъ что едва-ли кто уходилъ отъ него не успокоеннымъ надеждою на лучшее, на справедливое. Онъ за свою доброту, привѣтливость и отзывчивость оставилъ по себѣ прекрасную память въ своихъ сослуживцахъ, подчиненныхъ и товарищахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Р. былъ Предсѣдателемъ Комитета Вспомогательной медицинской кассы во Владимірѣ, и по его же иниціативѣ въ 1891 году было открыто мѣстное Медицинское Общество, котораго Предсѣдателемъ Р. былъ до самой смерти.

А. В. Смирновъ, Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, вып. II, Владиміръ. 1897, стр. 137—143; Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины (и хир.) въ Имп. Моск. Университетѣ, Л. Ѳ. Змѣева, С.-Пб., 1885, стр. 50; „Русскіе врачи-писатели“, Л. Ѳ. Змѣева, тетрадь 5-я, С.-Пб., 1889 г., стр. 99; „Владимірск. Губернск. Вѣдом.“ 1893 г., № 30 (статья А. В. Смирнова); „Врачъ“ за 1893 и 1894 годы.

В. Н. В.

Романовскій, *Константинъ Даниловичъ*, подполковникъ корпуса горныхъ инженеровъ, писатель и археологъ. Окончивъ курсъ Горнаго Корпуса, Р. началъ служебную дѣятельность на Уральскихъ казенныхъ заводахъ и здѣсь продолжалъ заниматься минералогіею. Главное вниманіе свое онъ обратилъ на опредѣленіе минераловъ и рудъ разными способами, при чемъ имъ былъ разработанъ способъ опредѣленія минераловъ и рудъ помощью

паяльной трубки. Плодомъ многолѣтней работы въ этомъ направленіи явилась его книга: „Таблица для опредѣленія минераловъ и рудъ помощью паяльной трубки“, изданная въ 1863 году. Состоя членомъ Уфимскаго Губернскаго Статистическаго Комитета почти съ самаго назначенія своего на Уралъ, Романовскій принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Комитета, въ которомъ былъ однимъ изъ видныхъ членовъ. Когда Имп. Археологическая Коммиссія обратилась къ Губернскимъ Статистическимъ Комитетамъ съ просьбою объ оказаніи въ ея работахъ содѣйствія, то Р. одинъ изъ первыхъ отозвался на это приглашеніе и дѣятельно принялся за работу; состоя въ это время управителемъ Міасскаго завода (Оренбургской губерніи), онъ принялся здѣсь за изслѣдованіе многочисленныхъ кургановъ, и результаты его работъ были блестящіе: въ курганахъ было найдено много вещей, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи. Все найденное во время раскопокъ поступило въ Музей Уфимскаго Статистическаго Комитета. Однако, дальнѣйшему изслѣдованію кургановъ въ земляхъ Міасскаго завода должно было прекратиться въ виду назначенія Р. Горнымъ Начальникомъ Богословскихъ заводовъ въ Пермской губерніи. Здѣсь Р. продолжалъ заниматься археологическими изысканіями и, страстно любя древности, собралъ прекрасную коллекцію монетъ, между которыми попадалось много экземпляровъ очень рѣдкихъ. Горнымъ начальникомъ Богословскихъ заводовъ Р. пробылъ немного болѣе года: въ февралѣ 1867 г. онъ скончался на Богословскомъ заводѣ.

„Уфимскія Губернскія Вѣдомости“ 1867 г. № 8, отд. II, часть неофиціальная, стр. 69 (ст. Р. Игнатова).

Романовскій, *Севастьянъ Павловичъ*, и. д. адъюнкта по каѳедрѣ Государственныхъ учрежденій Россійской Имперіи въ Университетѣ св. Владиміра; сынъ Кіевскаго гражданина, Р. родился въ 1816 г. въ Кіевѣ, гдѣ и воспитывался сперва въ Гимназіи, а затѣмъ въ Университетѣ (1834—1838 г.), по окончаніи курса въ коемъ, со степенью кандидата правъ, опредѣлился въ мартѣ 1839 г. въ Дубенскую Коммиссаріатскую Коммиссію. Уже въ слѣдующемъ году Р. былъ приглашенъ проф. К. А. Неволинымъ, у котораго онъ еще студентомъ съ большимъ успѣхомъ проходилъ курсъ юридическихъ наукъ, занять вакансію адъюнкта по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и учрежденій Россійской Имперіи; мѣсто это Р. занялъ 11-го января 1840 г., сначала въ видѣ опыта, а въ февралѣ уже открылъ свой курсъ. Въ 1841—1842 г. Р. читалъ „Обзоръ исторіи Россійскаго законодательства“, а затѣмъ, въ періодъ времени съ 1842 по 1844 г., велъ курсъ исторіи Русскаго законодательства и читалъ лекціи о Русскихъ государственныхъ законахъ. Дальнѣйшая преподавательская дѣятельность Р., не оставившая, впрочемъ, по себѣ какихъ-нибудь осязательныхъ слѣдовъ, прекратилась, такъ какъ, уѣхавъ въ Петербургъ на вакаціонное время, онъ 28-го августа 1844 г. опредѣлился секретаремъ въ 1-й Департаментъ Сената. Послѣдовательно онъ занималъ должности оберъ-секретаря въ 5-мъ Департаментѣ Сената, начальника Отдѣленія и Вице-Директора Департамента Министерства Юстиціи, состоялъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ во 2-мъ Департаментѣ и, наконецъ, былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Межевого Департамента Сената. Независимо отъ прямыхъ своихъ обязанностей, Романовскій въ 1860 г. былъ членомъ Коммиссіи для пересмотра правилъ объ оцѣнкѣ строеній, представляемыхъ въ залогъ по обязательствамъ съ казною, а въ 1861 г. онъ принялъ участіе въ редактированіи „Журнала Министерства Юстиціи“, который во многомъ обязанъ его трудамъ. Въ 1862 г. Р. былъ назначенъ членомъ Комитета для составленія новыхъ правилъ о пересылкѣ арестантовъ въ Сибирь. Въ дѣятельности своей Р., по словамъ некролога, отличался неутомимостью, трудолюбіемъ, прямодушіемъ, честностью и глубокимъ знаніемъ дѣла. Впослѣдствіи онъ служилъ въ 5-мъ Департаментѣ Сената (1853 г.), а затѣмъ перешелъ въ Департаментъ Министерства Юстиціи, гдѣ въ 1859 — 1860 г. занималъ должность начальника IV Отдѣленія. Умеръ Р. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника 24-го ноября 1865 г. въ Петербургѣ и погребенъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

В. С. Иконниковъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Университета св. Владиміра, Кіевъ. 1884, стр. 580—583; Адресъ-кален-

дари; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 264; „Журн. Мин. Юстиціи“ 1865, № 11; „Петербургскій Некрополь“, т. III. *Н. М.*

Романовскій, *Яковъ Ивановичъ*, писатель и переводчикъ; происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1770 г.; въ 1779 г. вступивъ въ Московскую Духовную Академію казеннымъ ученикомъ, онъ въ 1784 г. произведенъ былъ въ студенты, затѣмъ, „усовершенствовавъ себя въ теченіе четырехлѣтняго курса въ правилахъ логики, во всѣхъ частяхъ метафизики, физики, нравственной философіи, также догматической и нравоучительной богословіи, выдержалъ на публичныхъ состязаніяхъ при открытомъ собраніи четыре диспута съ похвалою, по которымъ и удостоенъ былъ въ званіе магистра поэзіи, исторіи и географіи, съ дѣйствительнымъ вступленіемъ въ отправленіе должности“; въ 1798 г. Р. перешелъ на службу въ Государственную Адмиралтействъ-Коллегію и 15-го апрѣля 1799 г. пожалованъ былъ въ коллежскіе секретари и затѣмъ былъ командированъ въ Высочайше учрежденный 25-го ноября 1799 г. при Коллегіи, подъ предсѣдательствомъ вице-адмирала А. С. Шишкова, Ученый Комитетъ—„для разсмотрѣнія и изданія морскихъ журналовъ и всякаго рода касающихся вообще до мореплаванія проектовъ, сочиненій и переводовъ“. Проведя въ этихъ ученыхъ занятіяхъ три года, Р. былъ перемѣщенъ въ Канцелярію Коллегіи на вакансію штатнаго секретаря и здѣсь „исправлялъ дѣла, заключавшія въ себѣ движенія суммъ и въ нихъ отчеты по казначейской и счетной экспедиціямъ, также по Приказному столу, а потомъ, сверхъ сего, возложено было на него производство дѣлъ о комплектованіи адмиралтействъ и флота высшими и нижними чинами и служителями, о продовольствіи людей пищею, одеждою и проч.“. За отличные труды и дѣятельность пожалованный 31-го декабря 1804 г. въ коллежскіе ассесоры, онъ 18-го февраля 1807 г., по болѣзни, былъ уволенъ отъ службы; 28-го апрѣля 1811 г. онъ поступилъ на службу въ 1-е Отдѣленіе 5-го Департамента Сената, гдѣ исправлялъ должность секретаря; однако, здѣсь онъ пробылъ лишь до февраля 1812 г., когда перешелъ снова въ Морское Министерство—въ Главную Контрольную его Экспедицію и 29-го февраля опредѣленъ былъ здѣсь Оберъ-Секретаремъ. 31-го декабря 1812 г. произведенный въ надворные совѣтники, онъ 14-го марта 1819 г. пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ. и въ томъ же году награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, а 19-го марта 1823 г. былъ опредѣленъ членомъ Высочайше утвержденнаго Комитета для составленія постоянныхъ правилъ о дѣлахъ подрядныхъ и 3-го декабря 1823 г. произведенъ былъ въ 5-й классъ, а 18-го февраля 1824 г. награжденъ 1000 рублей.

Еще будучи студентомъ Московской Славено-Греко-Латинской Академіи, Р. принялъ участіе въ сборникѣ стихотворныхъ поздравленій, поднесенныхъ Архіеп. Платону („Святѣйшаго Правит. Синода Члену Высокопреосвященному Архіепископу Платону, сими искренними изображеніями Московская Словено-греко-латинская Академія въ день тезоименитства его свидѣтельствуетъ свое высокопочитаніе...“, М. 1786); затѣмъ, уже служа въ Московской Духовной Академіи, Р. въ журналѣ „Прохладные Часы“ за 1793 г. (ч. II, стр. 401—411) напечаталъ „Оду на бракосочетаніе Ихъ Имп. Высочествъ Великаго Князя Александра Павловича и Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны“; ода эта тогда же была издана отдѣльно (М. 1793, 4^0); затѣмъ онъ перевелъ: „Гласъ трубный, зовущій на судъ“, соч. Герарда, перев. съ латинскаго языка, 2 ч., М. 1795—1796, изд. 3-е, М. 1818; „Струи сладостнаго источника, соч. славнаго Герарда“, съ латинскаго языка (посвящено Епископу Дмитровскому Сераіону), въ 4 частяхъ, М. 1799; „Жертва чувствительной души“, переводъ, М. 1799 (переводъ сдѣланъ въ селѣ Грибановѣ и посвященъ Семивскому); „Пятьдесятъ и одно священныхъ размышленій, служащихъ къ возбужденію истиннаго благочестія и ко усовершенствованію внутренняго человѣка“, соч. Герарда, переводъ съ латинскаго, М. 1802.

Сенатскій Архивъ (формулярный списокъ, сообщ. Н. А. Мурзановымъ); Г. Геннади, Словарь писателей, т. III, М. 1908; Сопиковъ, Опытъ, изд. В. Н. Рогожина; Смирдинъ, Роспись: „Моск. Вѣд.“ 1797. № 102, прилож.; В. Н. Рогожинъ, Дѣла Московской цензуры, в. I, С.-Пб. 1902, стр. 68 и 71; А. Н. Неустроевъ, Историческое розысканіе о русск. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, С.-Пб. 1874; А. Родосскій, Описаніе книгъ гражданской печати XVIII ст., хранящихся въ библіотекѣ С.-Пб. Духовной Академіи. С.-Пб. 1889, стр. 332, 480; Описаніе Архива Морскаго Министерства, т. VIII.

Б. М—ій.

Романовъ, *Александръ Евлампіевичъ*, контръ-адмиралъ, командиръ Каспійскаго флотскаго экипажа; изъ дворянъ Петербургской губ., род. 2-го августа 1815 г. и воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, куда поступилъ 17-го декабря 1827 г. По окончаніи этого учебнаго заведенія онъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ Черноморскій флотъ и вскорѣ (1838 г., 3-го октября), за участіе въ сраженіи противъ горцевъ, былъ произведенъ въ прапорщики съ назначеніемъ въ корпусъ морской артиллеріи. Въ слѣдующемъ году Р. былъ назначенъ въ 29-й флотскій экипажъ, съ переименованіемъ въ мичманы, 15-го апрѣля 1845 г. былъ произведенъ въ лейтенанты, въ 1856 — въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1862 г., 13-го февраля, онъ былъ, послѣ ряда переводовъ изъ одного флотскаго экипажа въ другой, службы въ качествѣ старшаго офицера и командира отдѣльныхъ судовъ, переведенъ въ Сибирскую флотилію и долженъ былъ отправиться въ Николаевскъ на Амурѣ, гдѣ, произведенный въ капитаны 2-го ранга въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, былъ зачисленъ въ 27-й (впослѣдствіи „Амурскій“) флотскій экипажъ и вскорѣ (въ маѣ мѣсяцѣ того же года) назначенъ исправляющимъ обязанность помощника капитана надъ портами Восточнаго океана и презуса портовой коммиссіи, а черезъ два года—исправляющимъ должность капитана вышеупомянутыхъ портовъ. Въ 1868 г. Р. былъ назначенъ исправляющимъ должность дежурнаго штабъ-офицера по морской части при Штабѣ войскъ Восточно-Сибирскаго Военнаго Округа, но въ томъ же году былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ и 20-го ноября вернулся въ Петербургъ, гдѣ былъ зачисленъ въ 8-й флотскій экипажъ, и въ слѣдующемъ году назначенъ предсѣдателемъ пріемной коммиссіи по артиллерійской части. Въ 1876 г. Р. былъ назначенъ помощникомъ командира 8-го флотскаго экипажа, съ 1883 г. по 1885 г. нѣсколько разъ исполнялъ должность командира Бакинскаго порта и Каспійскаго флотскаго экипажа, а въ 1885 г., 27-го мая, былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы. Умеръ 8-го октября 1887 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Архивъ Главнаго Штаба Морского Министерства, Наградной отдѣлъ по пенсіонной части. дѣло за № 202; Общій Морской списокъ, ч. XI; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 615.

Романовъ (Юрьевъ-Захарьинъ), *Александръ Никитичъ*, бояринъ; сынъ Никиты Романовича Юрьева; по отцу — родной братъ патріарха Филарета Никитича, двоюродный братъ царя Ѳеодора Ивановича и родной дядя царя Михаила Ѳеодоровича; по маетри принадлежалъ къ роду князей Горбатыхъ-Шуйскихъ; годъ рожденія его точно неизвѣстенъ, но по всей вѣроятности родился онъ въ 1560—65 г.г. и получилъ хорошее, по тому времени, образованіе. Въ февралѣ 1585 года Р. сидѣлъ, въ качествѣ дворянина, „въ кривой лавкѣ“ во дворцѣ, въ день пріема Литовскаго посла Лукаша Сапѣги. Въ 1586 г. онъ былъ „росписанъ“ „рындою у другого садака“, въ томъ же году былъ назначенъ кравчимъ и получилъ Каширское намѣстничество. Въ 1591 году, при защитѣ Москвы отъ нападенія крымцевъ, онъ показанъ „въ прибылыхъ, въ думе“ у воеводъ „большого полка“, и послѣ пораженія крымцевъ, когда „бѣгучи царь (Крымскій) отъ Москвы до Серпухова, металъ лошади многіе и рухледи и запасъ, и прибѣжалъ въ Серпуховъ къ реке Оке, июля в 6 день“, онъ принималъ участіе съ большимъ полкомъ въ преслѣдованіи крымцевъ „въ тульския мѣста і в каширския“.—22-го мая 1597 года, въ день пріема Цесарскаго посла Авраама Донавскаго (Abraham Burggraf zu Dohna), Р. былъ первымъ крайчимъ. Въ этомъ же году, 1-го августа, скончалась его первая жена, Евдокія Ивановна, рожд. княжна Голицина. Послѣ смерти царя Ѳеодора народная молва гласила, что Ѳеодоръ указалъ на него, какъ на одного изъ наслѣдниковъ престола. Въ 1598 г. Р. былъ на соборѣ, избравшемъ царемъ Бориса Годунова и въ томъ же 1598 г. былъ пожалованъ отъ царя Бориса „бояриномъ“. Въ 1599 году, въ качествѣ одного изъ приближенныхъ царя Бориса, „ѣлъ у него на Вербное Воскресенье въ Грановитой Палатѣ“. Въ этомъ же году казначей его, Второй Никитинъ Бартеневъ, „второй Іуда“, по выраженію современниковъ, донесъ завѣдывавшему политическимъ сыскомъ Семену Годунову, что его „государь“ Александръ Никитичъ держитъ у себя „мѣшки съ кореньемъ“ и имъ хочетъ „извести“ царя. У Романова

былъ произведенъ обыскъ и, дѣйствительно, найдены какіе-то коренья. Во время допроса его „з братьею“ „бояре, аки звѣріе пыхаху и кричаху“. Послѣ „допроса“ онъ былъ арестованъ, подвергнутъ пыткѣ и послѣ „розыска“, какъ „государевъ измѣнникъ“, сосланъ, съ приставомъ Леонтіемъ Лодыженскимъ, въ іюнѣ 1601 года, въ Усолье Луду, на берегъ Бѣлаго моря, гдѣ на слѣдующій годъ и скончался. По указу Лжедимитрія I прахъ его былъ перевезенъ въ Москву и 12-го марта 1606 года положенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ Романовыхъ. Вторая жена его, Ульяна Семеновна Погожая (Погожева), съ дѣтьми, одновременно съ нимъ, была сослана на Бѣлоозеро, а въ концѣ 1602 г. переведена въ Клинъ, Юрьево-Польскаго уѣзда Костромской (нынѣ Владимирской) губ., въ имѣніе Ѳеодора Никитича — его брата. Дѣти его неизвѣстны; вѣроятно, они умерли въ младенчествѣ, во время ссылки на Бѣлоозеро или въ Клинъ. Вторая жена его умерла 5-го декабря 1624 года и погребена также въ Новоспасскомъ монастырѣ.

„Древняя Россійская Вивліоѳика“ (изд. 2-е), т. XIV, стр. 484, 493, т. XX, стр. 63, 69, 71; Синбирскій Сборникъ, стр. 115, 116, 138 („разряды“); Памятники Дипломатическихъ Сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. I, стр. 487, 578; Русская Историческая Библіотека, т. XIII, стр. 478; Акты Историческіе, т. II, стр. 47—49; Акты Археографической Экспедиціи, т. II, стр. 42; Русская Лѣтопись по Никоновскому списку, т. VIII, стр. 45; Карамзинъ, Исторія Госуд. Россійск., т. X, прим. 140, 262, 315, 370, 418; т. XI, стр. 10, 15, 59—62, 125, прим., 11, 149, 151; Кн. М. М. Щербатовъ, Исторія россійская съ древнѣйшихъ временъ, С.-Пб. 1771—1791 г.г., т. VII. ч. 1, кн. 15, стр. 75; Князь Козловскій, Взглядъ на исторію Костромы, стр. 83, прим. 55; Массъ и Геркманъ, Сказаніе о смутномъ времени въ Россіи, С.-Пб. 1874 г., стр. 60; Буссовъ, Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, изд. 3, ч. I, стр. 13; „Временникъ Имп. Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ“, кн. X (матеріалы), стр. 88, 102; И. М. Снегиревъ, Новоспасскій монастырь, М. 1843 г., стр. 131; Описаніе Новоспасскаго монастыря, 1802 г., стр. 44; Н. Н. Селифонтовъ, Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, ч. I, стр. 48, 104, 291, 292, 305, 328, 329, 333; ч. II, стр. XIV, XV, 81—83; Русская родословная книга, изданная „Русской Стариной“ („Русская Старина“, 1878 г., № 8), стр. 10; Г. В. Мещериновъ, Замѣтка о домѣ Романовыхъ („Русск. Стар.“ 1896 г., № 7 и 1897 г., № 6); С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II (изд. Общ. Пользы), стр. 612, 734, 682, прим. 2-е; С. Ѳ. Платоновъ, Лекціи по русской исторіи, изд. 5-е, 1907 г., стр. 161; С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII в.в., изд. 2-ое, стр. 101, 176, 179, 183, 187; П. Г. Васенко, С. Ѳ. Платоновъ, Е. Ф. Тураева-Церетели, Начало династіи Романовыхъ. Истор. очерки. С.-Пб. 1912 г., стр. 44, 45, 58—60, 63, 65; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства, т. I, С.-Пб. 1886 г., стр. 9; А. Барсуковъ, Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія. С.-Пб. 1887 стр. 58; Московскій Некрополь, т. III.

А. Виноградовъ.

Романовъ, *Вадимъ Владиміровичъ*, писатель; происходилъ изъ дворянъ Херсонской губ. и былъ сыномъ контръ-адмирала В. П. Романова (см. ниже); род. 23-го апрѣля 1841 г., ум. 19-го января 1890 г., въ Ниццѣ; погребенъ въ Петербургѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Образованіе получилъ въ извѣстномъ въ 1860-хъ годахъ въ Петербургѣ англійскомъ пансіонѣ Мечина и въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ пробылъ съ 1854 по 1859 г.г. и былъ выпущенъ мичманомъ послѣ восемнадцатимѣсячнаго плаванія въ Средиземномъ морѣ и Антлантическомъ океанѣ. Для пополненія пробѣловъ своего образованія Р. въ 1860 г. поступилъ вольнослушателемъ въ Петерскій Университетъ. Въ то время впервые въ Петербургѣ возникла мысль объ устройствѣ для народа воскресныхъ бесѣдъ и школъ, и Р. сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ въ осуществленіи этой мысли. Въ 1862 г. онъ оставилъ Университетъ и былъ кандидатомъ въ мировые посредники Александрійскаго уѣзда Херсонской губ. Произведенный въ 1864 г. въ чинъ лейтенанта, Р. вскорѣ оставилъ службу и провелъ четыре года (съ 1865 по 1868 гг.) въ путешествіяхъ по Европѣ и Азіи, при чемъ прожилъ полтора года въ тайгахъ Енисейской губерніи. Пребываніе въ Сибири и близкое, непосредственное знакомство съ жизнью тамошняго населенія и работою въ тайгахъ на пріискахъ оставили неизгладимый слѣдъ на впечатлительной натурѣ Р., и во всей послѣдующей своей литературной дѣятельности онъ неоднократно останавливался,—и при томъ съ особенною любовію,—на изображеніи Сибирской жизни со всѣми ея особенностями. Общеніе въ глухихъ тайгахъ съ простымъ народомъ развило въ Р. любовь къ нему и дало ему возможность дѣйствительно понимать родной народъ. Жизнь въ Сибири закалила его въ духѣ русской народной жизни. Вернувшись въ январѣ 1868 г. въ Петербургъ, онъ посту-

пилъ въ 1869 г. на службу въ Почтовый Департаментъ чиновникомъ особыхъ порученій и затѣмъ занималъ тамъ должность секретаря (до 1876 г.), а въ 1877 г. перевелся на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и 11-го апрѣля 1878 г. былъ приглашенъ къ участію въ работахъ по созданію Добровольнаго Флота, напечаталъ воззваніе о томъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и былъ назначенъ завѣдывать пріемомъ пожертвованій, приносимыхъ въ Аничковъ Дворецъ на имя Государя Наслѣдника, и дѣлопроизводителемъ совѣта при Августѣйшемъ Предсѣдателѣ въ хозяйственномъ отдѣленіи комитета Добровольнаго Флота. Въ 1880 г. графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ пригласилъ его въ Верховную распорядительную коммиссію и командировалъ за границу. Съ 1885 г. Р. состоялъ гласнымъ Петербургской Думы, принимая дѣятельное участіе въ городской Коммиссіи по народному образованію и въ С.-Петербургскомъ Тюремномъ Комитетѣ.

Въ литературѣ Р. началъ участіе съ 1860 г., сотрудничая въ „Морскомъ Сборникѣ“, „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“, „Всемірной Иллюстраціи“ (которой онъ былъ и редакторомъ въ 1870 г., за отъѣздомъ за границу К. К. Случевскаго), „Русскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ впервые, въ 1875 г., былъ напечатанъ его романъ изъ Сибирской жизни: „За Уралъ. Разсказъ изъ воспоминаній о Сибири“, вышедшій потомъ отдѣльно въ 2-хъ частяхъ въ 1884 г.; въ „Вѣстникѣ Европы“, „Наблюдателѣ“, въ которомъ напечатана: „Исповѣдь ссыльнаго“ (1886 г., № 10, стр. 113—148) и „Одинъ медвѣдь и пять людей“ (1887 г., № 11, стр. 235 — 254); въ „Новомъ Времени“, гдѣ печатались въ 1883 г. его корреспонденціи изъ Швеціи, подъ заглавіемъ: „Письма изъ скромнаго царства“; „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ онъ помѣщалъ воскресные фельетоны за время редакторства графа Е. А. Саліаса, и въ другихъ изданіяхъ. Изъ отдѣльныхъ изданій Р., кромѣ упомянутаго „За Уралъ“, извѣстны: „Были безъ думъ. Разсказы на сонъ грядущій“, С.-Пб. 1870 г., съ псевдонимомъ— „димъ—овъ“, и „Заколдованная земля. Изъ матеріаловъ для исторіи втунѣ лежащихъ Русскихъ богатствъ“, М. 1888 г. Послѣ Р. осталось много записокъ, неоконченныхъ статей и разсказовъ, а изъ болѣе крупныхъ работъ — наполовину написанный романъ изъ Сибирской жизни подъ названіемъ „Инородка“, представляющій по содержанію продолженіе романа „За Уралъ“, а изъ вполнѣ оконченныхъ вещей — только повѣсть „Сестра декабриста“.

Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго. 1867 — 1888, С.-Пб. 1888, стр. 342; „Всемірная Иллюстрація“ 1890 г., № 9 (1101), стр. 153 (съ портр.); „Новое Время“ 1890 г., №№ 4992 и 4994; „Историческій Вѣстникъ“ 1890 г., т. XXXIX, мартъ, стр. 732; „Новости“ 1891 г., № 7; „Петерб. Листокъ“ 1890 г., № 35; „Петербургскій Некрополь“, т. III, стр. 615; Д. Языковъ. Обзоръ, вып. X.

И. Давидовичъ.

Романовъ, *Василій Никитичъ*, стольникъ; умеръ 15-го февраля 1602 г.; сынъ боярина Никиты Романовича и жены его, княжны Евдокіи Александровны Горбатой-Шуйской, дядя царя Михаила Ѳеодоровича. Въ 1597 г., мая 22-го, онъ присутствовалъ, въ числѣ другихъ стольниковъ, въ Большой Грановитой Палатѣ при пріемѣ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ посла Нѣмецкаго Императора — бургграфа Авраама Донавскаго; въ 1598 г. подписался подъ Соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи царемъ Бориса Ѳеодоровича Годунова, а въ 1601 г., когда Романовы подверглись гоненію царя Бориса, Василій Никитичъ тоже былъ сосланъ въ Яренскъ, подъ наблюденіемъ приставленнаго къ нему стрѣлецкаго сотника Ивана Некрасова. Изъ „памяти“, данной 1-го іюня 1601 г. Некрасову, изъ его донесенія и изъ отписки Смирного Маматова, которому Некрасовъ сдалъ впослѣдствіи Василія Никитича, мы узнаемъ о правительственныхъ распоряженіяхъ относительно надзора за ссыльнымъ и о его содержаніи, а также о томъ, какъ поступали пристава, не въ мѣру усердные. Василію Никитичу было разрѣшено взять съ собою въ сылку одного изъ своихъ людей, но такъ какъ во время задержанія при немъ не оказалось никого изъ его дворни, то онъ и поѣхалъ одинъ. Во время дороги Некрасовъ долженъ былъ слѣдить, чтобы Р., названный „государевымъ злодѣемъ“, ни съ кѣмъ не сносился, „лиха никотораго надъ собою не учинилъ“ и не бѣжалъ бы. О всѣхъ своихъ разговорахъ съ Р. онъ обязанъ былъ доносить въ Москву. На содержаніе Василія Никитича приставу было отпущено 100 рублей, что, по тогдашнему времени, составляло большую

сумму; ежедневно велѣно было выдавать Романову и его „дѣтинѣ“, т.-е. слугѣ, „по калачу да по два хлѣба денежныхъ, да въ мясные дни два блюда рыбы, какова гдѣ случится, да квасъ житный“. По пріѣздѣ въ Яренскъ Некрасову предписывалось выбрать дворъ, отдаленный отъ другихъ дворовъ, поселить тамъ ссыльнаго и поставить себѣ на этомъ дворѣ избу для того, чтобы удобнѣе было наблюдать за Василіемъ Никитичемъ.

Изъ опасенія, чтобы Р. „съ дороги не утекъ“, Некрасовъ заковалъ его и, „посадя въ телѣгу, повезъ съ Москвы“. Волгой, повидимому, поѣхали изъ Нижняго. Въ Чебоксарахъ приставъ расковалъ Василія Никитича,—и тотъ, желая остаться на свободѣ, добылъ потихоньку ключъ отъ замка и кинулъ его въ воду. За такое „воровство“ Некрасовъ прибралъ другой ключъ „и на него чѣпь и желѣза положилъ“.

9-го августа 1601 г. состоялось приказаніе перевезти Василія Никитича въ Пелымъ и помѣстить его тамъ вмѣстѣ съ братомъ его Иваномъ Никитичемъ, подъ надзоромъ его пристава, стрѣлецкаго головы Смирного Маматова. Во время поѣздки изъ Москвы въ Яренскъ, Василій Никитичъ избѣгалъ разговоровъ съ Некрасовымъ, а по дорогѣ въ Пелымъ произошла между ними такого рода бесѣда: „Кому Божьимъ милосердіемъ, и постомъ, и молитвою и молостынею Богъ далъ царство,—говорилъ Некрасовъ,—а вы злодѣи измѣнники хотѣли достать царьство вѣдовствомъ и кореньемъ“. Василій Никитичъ не вытерпѣлъ такого восхваленія царя Бориса и отвѣтилъ: „Свята та милостыня, что мечутъ по улицамъ, добра та милостыня,—дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала“. Большую часть пути отъ Яренска до Верхотурья Василій Никитичъ прошелъ пѣшкомъ; днемъ, на время ходьбы, съ него снимали цѣпи, ночью снова сковывали. Въ Верхотурьѣ Василій Никитичъ сильно занемогъ, вслѣдствіе чего его везли въ саняхъ „простого“, но лишь только онъ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, приставъ распорядился надѣть на него цѣпи. Прибывъ въ Пелымъ 20-го ноября 1601 г., Некрасовъ сдалъ Василія Никитича Смирному Маматову (какъ видно изъ донесенія Маматова), „больна, только чуть жива, на чѣпи“. Передалъ онъ также и кормовыя деньги—„девяносто рублевъ десять алтынъ двѣ деньги“. Несмотря на то, что Василій Никитичъ „опохъ съ ногъ“, Маматовъ оставилъ его первое время въ оковахъ и посадилъ въ одной избѣ съ Иваномъ Никитичемъ, тоже скованнымъ. Чтобы они не могли подходить другъ къ другу, ихъ держали прикованными къ стѣнѣ, въ разныхъ углахъ избы.

1-го января 1602 г. Некрасовъ явился въ Москвѣ „въ Приказъ“ съ отпиской Маматова; нѣсколько дней спустя бояринъ Семенъ Никитичъ Годуновъ и дьякъ Вылузгинъ допрашивали его, на какомъ основаніи онъ „мимо Государева наказу“ везъ Василія Никитича въ цѣпяхъ и изнурилъ его до такой степени, что сдалъ Маматову еле живымъ? Некрасовъ оправдывался и ссылался на то, что послѣдовалъ примѣру Маматова, который еще въ Москвѣ заковалъ Ивана Никитича и везъ его скованнымъ въ Пелымъ. Не извѣстно, подвергся-ли Некрасовъ какому-нибудь взысканію за самовольство, но ему и Маматову послѣдовалъ отъ имени царя выговоръ въ грамотѣ, отправленной въ январѣ 1602 г. Маматову: „и вы то сдѣлали мимо нашего указу“. Въ этой грамотѣ приказывалось расковать обоихъ братьевъ и давать имъ „кормъ доволенъ“. По всему вѣроятію, грамота получена была въ Пелымѣ уже послѣ смерти Василія Никитича, съ котораго Маматовъ въ половинѣ января велѣлъ снять цѣпи, въ виду тяжкой его болѣзни. Кромѣ Ивана Никитича въ избѣ находился его человѣкъ Семенъ, прозваніемъ „Натирка“; онъ-то и ухаживалъ за больнымъ. Маматовъ навѣщалъ Василія Никитича и нѣсколько разъ „попа къ нему пущалъ“. Скончался Василій Никитичъ 15-го февраля 1602 г., черезъ $8^1/_2$ мѣсяцевъ послѣ объявленія указа о ссылкѣ его въ Яренскъ; за похороны его заплачено было тремъ попамъ, дьячку и пономарю 20 рублевъ. Лжедимитрій, желавшій выказать вниманіе не только къ живымъ, но и къ умершимъ членамъ семьи Романовыхъ, своихъ мнимыхъ родственниковъ, послалъ 31-го декабря 1605 г. грамоту въ Пелымъ къ Алексѣю Зюзину и головѣ Максиму Радилову, чтобы вынуть гробъ Василія Никитича изъ земли и передать его людямъ, присланнымъ бояриномъ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ. Это было исполнено,—и тѣло Василія Никитича было привезено въ Москву и погребено въ Новоспасскомъ монастырѣ.

„Акты историческіе“, т. II; „Акты Археогр. Экспед.“, т. II; „Собр. Гос. Грам. и договор.“, т. II; Новый Лѣтописецъ; Пермская лѣтопись, I; Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., т.т. X и XI; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VIII; С. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты; Н. Селифонтовъ, Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеод. Романова. С.-Пб., 1901 г, вып.. 1; 1898 г., вып. 2; „Труды Вятской Ученой Архивной Коммиссіи“, 1912 г., III, стр. 70—73.

В. Корсакова.

Романовъ, *Василій Павловичъ*, генералъ-лейтенантъ; род. въ 1799 г.; поступивъ 28-го мая 1811 года въ Морской Корпусъ кадетомъ и произведенный 7-го іюля 1812 г. въ гардемарины, а 21-го іюля 1815—въ мичмана, онъ въ 1816 и 1817 г. на транспортѣ „Полифемъ“ перешелъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно, а въ 1818 г. плавалъ въ Финскомъ заливѣ на кораблѣ „Берлинъ“; 27-го февраля 1820 г. Р. получилъ чинъ лейтенанта и плавалъ: на транспортѣ „Мезень“—изъ Архангельска въ Кронштадтъ (1821), на фрегатѣ „Діана“—по Балтійскому морю (1822), на кораблѣ „Три святителя“—отъ Кронштадта до о. Исландіи (1824), на фрегатѣ „Патрикій“—по Балтійскому морю (1825), на бригѣ „Охта“—изъ Кронштадта въ Мальту (1827) и въ Адріатическомъ и Средиземномъ моряхъ (1828—1830); произведенный, 6-го апрѣля 1830 г., въ капитанъ-лейтенанты, онъ въ томъ же году, на кораблѣ „Имп. Петръ I“ крейсеровалъ у Красной Горки, а въ 1832 и 1833 г.—въ Балтійскомъ морѣ, въ 1834—1838 гг. состоялъ адъютантомъ при главномъ командирѣ Кронштадтскаго порта адмиралѣ Рожновѣ и, будучи произведенъ (6-го декабря 1838 г.) въ капитаны 2-го ранга, былъ назначенъ (18-го октября 1839 г.) состоять при Рожновѣ по особымъ порученіямъ, а 6-го декабря 1840 г. получилъ чинъ капитана 1-го ранга; черезъ 9 лѣтъ (6-го декабря 1849 г.) произведенный въ генералъ-маіоры, Р. былъ назначенъ членомъ Общаго присутствія Кораблестроительнаго Департамента Морского Министерства, а черезъ 10 лѣтъ, 4-го января 1860 г., вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Если не ошибаемся, онъ принималъ участіе въ дѣятельности Русскаго Общества пароходства и торговли и писалъ о немъ въ разныхъ изданіяхъ конца 1850-хъ—начала 1860-хъ годовъ. Онъ скончался 28-го іюня 1874 г., 75 лѣтъ, въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Общій Морской Списокъ, ч. VIII, С.-Пб. 1894, стр. 139—140; „Петербургскій Некрополь“, т. III, С.-Пб. 1912, стр. 615.

Н. М.

Романовъ, *Владиміръ Павловичъ*, контръ-адмиралъ, путешественникъ, писатель, братъ предыдущаго; онъ род. 12-го іюля 1796 г. и происходилъ изъ дворянъ Херсонской губерніи; отданный, 26-го мая 1811 г., въ Морской Корпусъ кадетомъ, Р. уже 6-го іюня былъ произведенъ въ гардемарины и, послѣ плаванія въ 1812 г. подъ командою адмирала Кроуна, въ эскадрѣ его, перевозившей Русскую гвардію, послѣ кампаніи 1812 года, изъ Франціи и Любека,—въ 1814 г. (19-го февраля) произведенъ былъ въ мичманы, послѣ чего на кораблѣ „Всеволодъ“ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ; въ 1815 и 1816 г.г. онъ плавалъ тамъ же и въ 1817 г. доходилъ до Копенгагена. Получивъ, 26-го іюля 1818 г., чинъ лейтенанта, Р. въ 1818 и 1819 г. на фрегатѣ „Проворный“ ходилъ изъ Кронштадта въ Кадиксъ и обратно, при чемъ, за спасеніе отъ потопленія на Кадикскомъ рейдѣ 6-ти испанцевъ, а на Копенгагенскомъ — 5-ти датчанъ, награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ. Въ 1820—1824 г.г. на кораблѣ Россійско-Американской Компаніи „Кутузовъ“, подъ командою капитанъ-лейтенанта Дохтурова, Романовъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе къ берегамъ Россійско-Американскихъ колоній и, во время пребыванія въ Бразиліи, съ Русскимъ генеральнымъ консуломъ Лангсдорфомъ совершилъ поѣздку во-внутрь Бразиліи. По возвращеніи въ Россію, Р. подалъ проектъ объ описи Америки, отъ р. Мѣдной до Берингова пролива, а 15-го января 1826 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта; впрочемъ, уже 15-го сентября того же года онъ вновь поступилъ на службу (прежнимъ чиномъ лейтенанта) съ опредѣленіемъ въ Черноморскій флотъ и въ 1827 году на шлюпѣ „Діана“ крейсеровалъ у Абхазскихъ береговъ, при чемъ описалъ заливы Сухумскій и Редутъ-Кале. Во время Турецкой войны 1828 г. Р. на кораблѣ „Парижъ“ (на которомъ во время осады Варны находился Имп. Николай) плавалъ съ флотомъ у крѣпости Анапы и

Варны, находясь, во время осады и взятія Анапы, при адмиралѣ князѣ А. С. Меншиковѣ. Въ ночь съ 26-го на 27-е іюля онъ командовалъ авангардомъ учебныхъ судовъ при вырѣзкѣ Турецкихъ судовъ, находившихся у стѣнъ Варны, за что и произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты (18-го августа 1828 г.), 7-го августа онъ находился при генеральной аттакѣ крѣп. Варны флотомъ, устроилъ приморскій редутъ и назначенъ былъ траншей-маіоромъ при осадныхъ работахъ; въ это время (22-го сентября) онъ былъ раненъ пулею въ голову и контуженъ въ руку,—за что награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степ. и золотою саблею съ надписью „за храбрость“. Въ 1829 г. Романовъ командовалъ гребною флотиліею въ Бургасскомъ заливѣ, овладѣлъ укрѣпленіемъ Чинганесъ-Кале и взялъ 4 орудія и множество артиллерійскихъ припасовъ, послѣ чего завѣдывалъ Ахіолломъ и Бургасомъ по морской части. Въ 1830 и 1831 гг. онъ командовалъ брандвахтеннымъ бригомъ „Мингрелія“ сперва на Одесскомъ рейдѣ, а затѣмъ на Николаевскомъ, а въ 1833 г., на флагманскомъ кораблѣ „Память Евстафія“, подъ командою адмирала М. П. Лазарева, перешелъ изъ Севастополя на рейдъ Буюкъ-Дере; Лазаревъ былъ тогда посланъ Русскимъ правительствомъ съ десантомъ, для помощи Оттоманской Портѣ, боровшейся тогда съ Египетскимъ пашею. Вернувшись съ десантными войсками въ Ѳеодосію, Р. награжденъ былъ орденомъ Станислава 2-й степ. и Турецкою золотою медалью. Въ томъ же 1833 г. Романовъ посѣтилъ острова Архипелага и совершилъ, верхомъ, путешествіе по всей Греціи. 8-го февраля 1834 г., за раною, онъ былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ, въ которомъ находился до 1842 года, когда вернулся во флотъ, но, прослуживъ (въ 30-мъ флотскомъ экипажѣ) всего съ 18-го марта по 22-е іюля, по домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ совсѣмъ въ отставку съ чиномъ капитана 2-го ранга. Съ этого времени Р. занялся приведеніемъ въ устройство своего Херсонскаго имѣнія, выучилъ крестьянъ обсаживать свои дома деревьями и разводить сады, пріохотилъ ихъ къ разведенію картофеля въ большомъ количествѣ, за что получилъ отъ начальства благодарность. Онъ первый, въ томъ краю, началъ насыпать бурты навоза для селитры. Человѣкъ любознательный, Р. объѣхалъ большую часть Россіи и былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества, Имп. Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Главнаго Общества улучшеннаго овцеводства, Комитета шелководства и Имп. Русскаго Географическаго Общества. Пробывъ въ отставкѣ около 12 лѣтъ, Р. въ 1854 г. (апрѣля 14-го) снова поступилъ на службу—въ морское ополченіе; онъ командовалъ въ Финляндскихъ шхерахъ гребною флотиліей, состоявшей изъ 15-ти канонерскихъ лодокъ; въ іюлѣ, по Высочайшему повелѣнію, онъ провелъ изъ Свеаборга въ Або 5 военныхъ пароходовъ въ виду непріятельскаго флота, 15 го августа, тоже по Высочайшему повелѣнію, разоружилъ и подорвалъ всѣ Гангутскія укрѣпленія, въ виду того же непріятеля, а въ концѣ августа на 4-хъ пароходахъ перевезъ въ 3 рейса изъ Роченсальма въ Гельсингфорсъ 3,500 человѣкъ десанта въ виду непріятельскихъ крейсеровъ. За всѣ эти дѣйствія Р. дважды удостоился получить Высочайшее благоволеніе. Въ ноябрѣ Его Высочество Генералъ-Адмиралъ въ особомъ рескриптѣ выразилъ ему благодарность за службу и за сдѣланное имъ пожертвованіе. 3-го ноября 1854 г. Р. былъ произведенъ, за отличіе, въ капитаны 2-го ранга, а въ 1855 г. переведенъ былъ, по прошенію, въ Севастополь и до 27-го августа находился для порученій при главномъ командирѣ Севастопольскаго порта. 28-го августа, при отступленіи нашихъ войскъ въ южной на сѣверную сторону, когда мостъ черезъ бухту былъ уже разведенъ и непріятель сталъ занимать Севастополь, Р. перевезъ на баркасѣ болѣе 100 человѣкъ отсталыхъ, подъ выстрѣлами непріятеля, на сѣверную сторону, при чемъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ ногу, за что и былъ награжденъ Императорскою короною къ ордену Св. Станислава 2-й степени, а 26-го августа 1856 г. произведенъ былъ, за отличіе, въ капитаны 1-го ранга. Въ 1857 г., по порученію Русскаго Общества пароходства и торговли, Р. произвелъ опись р. Днѣстра и составилъ его карту, а въ 1860 г., марта 7-го, зачисленъ былъ по резервному флоту. Въ 1861 г., 27-го марта, Его Высочество Генералъ-Адмиралъ рескриптомъ на имя Р. объявилъ ему благодарность за

сообщеніе матеріаловъ для исторіи Русскаго флота, которые онъ усердно собиралъ еще съ начала 1850-хъ годовъ. Наконецъ 30-го августа 1861 г. Р. произведенъ былъ въ контръ-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы. Въ послѣдніе годы жизни Р. былъ мировымъ посредникомъ по Александрійскому уѣзду Херсонской губерніи и въ 1863 г. отпраздновалъ 50-лѣтіе своей службы; кромѣ того, онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Морского Ученаго Комитета; онъ скончался въ г. Александріи 11-го октября 1864 г. Какъ сказано было выше, Р. въ 1827 г., во время крейсерства у Черкесскихъ и Абхазскихъ береговъ, сдѣлалъ описаніе залива Сухумъ-Кале и составилъ карту, которая тогда же была отпечатана; описаніе рейдовъ Сухумъ-Кале и Редутъ-Кале помѣщено было въ „Запискахъ Ученаго Комитета Морского Штаба Е. И. Вел." за 1829 г. (ч. III), а собранный имъ словарь абхазскаго и другихъ черкесскихъ нарѣчій былъ посланъ начальствомъ Р—ва въ Имп. Академію Наукъ.

Съ 1817 г., еще въ бытность молодымъ мичманомъ, Р. началъ сотрудничать въ „Отечественныхъ Запискахъ" Свиньина („Отрывокъ изъ походныхъ записокъ въ Испанію, 1818 г., въ отрядѣ капитана Ратманова, на фрегатѣ „Проворномъ"—1820 г., ч. II; „Предложеніе объ описи Ледовитаго моря на картахъ. Съ примѣчаніями"—1829 г., ч. XXXIX); затѣмъ печатался въ „Сѣверномъ Архивѣ" Булгарина (гдѣ помѣстилъ статью „О колюжахъ или коломахъ вообще"—1825 г., ч. XVII, стр. 17 и сл., „Мысли о путешествіи, которое можно предпринять отъ рѣки Мѣдной, по сухому пути, до Ледовитаго моря и до Гудсонова залива" — 1825 г., ч. XVII, стр. 19 и сл.), въ „Московскомъ Телеграфѣ" Полевого („Предначертаніе путешествія отъ западныхъ береговъ Сѣверной Америки до Ледовитаго моря и до Гудсонова залива"—1825 г., ч. V, стр. 18 и сл.), въ „Указателѣ открытій" Н. Щеглова и въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ", изд. Плюшара; въ „Сѣверной Пчелѣ" 1851 г. (№ 120) напечатаны его „Замѣтки на статью: Списокъ кораблей, участвовавшихъ въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ".

Общій Морской списокъ, ч. VIII. стр. 140—142 ч. XI, стр. 385—386; Справочный энциклопедическій словарь, ред. Старчевскаго, т. IX, ч. II, С.- Пб 1855, стр. 135; „Одесск. Вѣстн." 1864 г., № 235 стр. 954; „Русск. Инв." 1864 г., № 245; „Иллюстрир. Газета" 1864 г., т. XIV, № 45, стр. 319. А. П. Соколовъ, Русская морская библіотека; 1701—1851, 2-е изд., С.-Пб. 1883; „Кронштадтск. Вѣстн." 1864, № 32 (354), стр. 127 (юбилей Р—ва); Мѣсяцесловъ на 1866 г., стр. 401.

Б. М.

Романовъ, *Вуколъ Ѳедотовичъ*, писатель; родомъ Новгородецъ, онъ учился въ Новгородской Семинаріи, гдѣ дошелъ до философіи, а затѣмъ—въ Московскомъ Университетѣ, послѣ чего былъ учителемъ грамматики въ Московской же Университетской Гимназіи; онъ составилъ краткую Россійскую грамматику, которая, по словамъ митр. Евгенія, „до преобразованія Московскаго Университета, была первою классическою книгой въ своемъ родѣ въ обѣихъ Гимназіяхъ Университетскихъ" и съ 1773 года напечатана была 8 изданіями; ея полное заглавіе (она вышла безъ имени автора): „Краткія правила Россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ Россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго Университета" (изд. 2 е—1784, 8-е изд. вышло въ 1802 г.); еще будучи въ Семинаріи, Р. издалъ „Письмо Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену, Его Имп. Величества учителю Богословія, Свято-Троицкія Сергіевой лавры Высокопреподобнѣйшему господину отцу священно-архимандриту Платону отъ Новгородской Семинаріи, сочиненное тоямъ Семинаріи философіи студентомъ Вуколомъ Романовымъ 1770 года, сентября дня" (изд. въ С.-Пб.).— Р. умеръ въ 1792 году.

Митр. Евгеній, Словарь, ч. II, стр. 148; С. А. Венгеровъ, Русская поэзія, вып. VI, С.-Пб. 1897, стр. 337; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 264; Сопиковъ, Опытъ Росс. библіографіи.

Б. М.

Романовъ, *Григорій Ивановичъ*, директоръ дачи „Студенецъ" и членъ Совѣта Россійскаго Общества Любителей Садоводства, „степенный гражданинъ", родился въ 1809 г., обладалъ твердымъ характеромъ, и энергіей, и самъ прокладывалъ себѣ дорогу. Любя садоводство, Р. былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства, которое

въ 1865 году выбрало его членомъ своего Совѣта. Съ этихъ поръ онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ Общества, помогая ему своею опытностью и совѣтомъ,—особенно въ рѣшеніи экономическихъ вопросовъ. Въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ былъ назначенъ директоромъ принадлежащей Обществу дачи „Студенецъ“ и съ этихъ поръ кругъ его любимой дѣятельности сдѣлался гораздо шире. Должность директора онъ исполнялъ до самой смерти, послѣдовавшей 21-го февраля 1876 г. въ Москвѣ, гдѣ онъ и погребенъ на Преображенскомъ кладбищѣ.

„Журналъ Садоводства“ 1876 г., февраль, № 2, стр. 82—83 (некрологъ); Московскій Некрополь, М. 1908, стр. 32. *Н. М.*

Романовъ, *Даніилъ Романовичъ*, боярин и дворецкій, старшій сынъ Романа Юрьевича Захарьина и жены его Іуліаніи Ѳеодоровны; ум. 27-го октября 1564 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Будучи сыномъ Романа, внукомъ Юрія и правнукомъ Захарія, Даніилъ назывался по дѣду Юрьевымъ или же, по прадѣду, Захарьинымъ, а иногда Даніиломъ Романовичемъ Юрьевича Захарьина. Онъ былъ женатъ дважды, но фамиліи обѣихъ его женъ неизвѣстны; 1-я жена его—Анна—на свадьбѣ князя Юрія Васильевича (брата царя Іоанна Грознаго) 3-го ноября 1547 г. находилась у постели; она умерла 8-го іюля 1552 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ; 2-я жена—тоже Анна—умерла 24-го мая 1571 г., при нашествіи на Москву и сожженіи ея Крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ; погребена тоже въ Новоспасскомъ монастырѣ.

3-го февраля 1547 г. царь Иванъ Васильевичъ женился на сестрѣ Даніила Романовича—Анастасіи Романовнѣ; на этой свадьбѣ Даніилъ Романовичъ, бывшій въ чинѣ окольничаго, „ходилъ передъ царемъ“. 3-го ноября 1547 г., на свадьбѣ князя Юрія Васильевича, „вино несъ въ скляницѣ въ церковь дворецкой Данила Романовичъ“. Въ качествѣ дворецкаго онъ оповѣщалъ о рѣшеніяхъ царя, что видно изъ слѣдующихъ надписей на несудимыхъ грамотахъ: 1) 1547 г., октября 15-го—попамъ и церковнымъ причтамъ въ царскихъ селахъ; на оборотѣ грамоты вверху: „Божьею милостію Царь и Государь Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи“; по срединѣ: „А приказалъ дворецкой Данило Романовичъ“; 2) 1548 г., ноября 30-го—Переяславскому Данилову монастырю о безпошлинномъ по городамъ пропускѣ 50 монастырскихъ торговыхъ подводъ и о ежегодной дачѣ этому монастырю руги; надпись: „Приговорилъ бояринъ и дворецкой Данило Романовичъ“. Въ поручной записи бояръ и дворянъ по князѣ Иванѣ Ивановичѣ Пронскомъ о невыѣздѣ его изъ Московскаго государства, съ обязательствомъ уплатить въ случаѣ его побѣга 10000 руб., на второмъ мѣстѣ подписался Данило Романовичъ; выше его стоитъ подпись князя Ѳеодора Ивановича Шуйскаго. Начиная съ 1548 г., Данило Романовичъ участвовалъ въ походахъ царя Ивана Васильевича противъ Казанскаго царя Сафа-Гирея. Первый и второй походы были неудачны. Выступивъ изъ Москвы 11-го декабря 1548 г., войска, по случаю бездорожицы, пришли въ Роботки лишь 2-го февраля 1549 г., простояли тамъ три дня и вынуждены были, вслѣдствіе оттепелей и дождей, возвратиться въ Москву, куда прибыли 7-го марта. Въ 1550 г. царь съ войскомъ подступилъ къ Казани 14-го февраля, но, не дождавшись благопріятной погоды для осады города, ушелъ черезъ одиннадцать дней обратно.

Въ апрѣлѣ 1551 г., задумавъ поставить крѣпость на рѣкѣ Свіягѣ, царь послалъ къ Казани въ судахъ бывшаго Казанскаго царя Шигалея и съ нимъ бояръ и воеводъ; въ большомъ полку были бояре: князь Юрій Михайловичъ Голицынъ и Даніилъ Романовичъ. Черезъ четыре недѣли крѣпость была готова, а жители нагорной стороны Волги—чуваши, мордва и черемисы—не только присягнули царю, но присоединились къ Московскому войску. Князь Голицынъ и Данила Романовичъ съ остальными воеводами и со всѣми ратными людьми вернулись въ Москву по Волгѣ. Въ слѣдующемъ, 1552 г., въ маѣ, по линіи отъ Каширы до Мурома, собралось 150-тысячное войско Грознаго, готовое къ Казанскому походу. Въ судовой рати были отправлены бояре князь Александръ Борисовичъ Горбатый и Данило Романовичъ. Въ Муромѣ царь получилъ извѣстіе, что князь Микулинскій и Данило Романовичъ съ передовымъ полкомъ ходили противъ мятежныхъ черемисъ, разбили ихъ и взяли съ нихъ клятву въ вѣрности. 11-го августа

царя встрѣтили, согласно его приказанію, въ двухъ дняхъ пути отъ Свіяжска: въ первомъ полку бояре и воеводы, пришедшіе весной,—князь Ал. Бор. Горбатый, Данило Романовичъ и Борисъ Ив. Салтыковъ; во второмъ полку—годовые воеводы, а въ третьемъ—„горные люди“. Царь, довольный успѣшнымъ началомъ похода, обошелся со всѣми привѣтливо. 7-го сентября князь Сем. Ив. Микулинскій и Данило Романовичъ ходили съ передовымъ полкомъ на „Арскія мѣста“ и вмѣстѣ съ воеводами двухъ другихъ полковъ повоевали всю Арскую сторону. 2-го октября была взята Казань. Если вѣрить „Исторіи“ князя Курбскаго, царь не послушалъ „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ“, по мнѣнію которыхъ слѣдовало перезимовать въ Казани, упрочить свое владычество въ Казанскомъ царствѣ и тогда уже вернуться въ Москву: „послушалъ же совѣта шурьевъ своихъ, они бо шептаху ему во уши, да поспѣшится къ царицѣ своей, сестрѣ ихъ“. Послѣ взятія Казани царь послалъ въ Москву Данила Романовича сообщить эту радостную вѣсть царицѣ Анастасіи, митрополиту Макарію и брату своему, князю Юрію Васильевичу. 11-го октября и самъ Иванъ Васильевичъ выступилъ въ обратный путь. Во время Казанскаго похода умерла жена Даніила Романовича, такъ что возвращеніе его въ Москву произошло при печальныхъ обстоятельствахъ.

Весной 1553 г., въ первой половинѣ марта, царь Іоаннъ опасно занемогъ—у него сдѣлалась „огневая болѣзнь“, т.-е. горячка. Не надѣясь выздоровѣть, онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ назначилъ преемникомъ своего шестимѣсячнаго сына Дмитрія и требовалъ, чтобы ему присягнули князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій (двоюродный братъ царя) и бояре. Поднялся ропотъ; князь Владиміръ Андреевичъ и большинство бояръ отказывались присягать. Отецъ Іоаннова любимца Алексѣя Адашева, окольничій Ѳеодоръ Григорьевичъ Адашевъ, рѣшился высказать умирающему царю о причинѣ отказа: „Вѣдаетъ Богъ, да ты, государь: тебѣ, государю, и сыну твоему царевичу князю Дмитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ, Данилу з братіею, не служивати; сынъ твой, государь нашъ, еще въ пеленицехъ, а владѣть нами Захарьинымъ Данилу з братіею; а мы уже отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видѣли многія“.

На третій день распри царь строго приказалъ боярамъ итти въ Переднюю избу и цѣловать крестъ царевичу Дмитрію. У его постели остались князь Воротынскій, Шереметевъ, Захарьины и другіе присягнувшіе бояре. Онъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ помнить, въ случаѣ его кончины, присягу. „Не дайте бояромъ сына моего извести никоторыми обычаи, побѣжите съ нимъ въ чужую землю, гдѣ Богъ наставитъ“. Затѣмъ, обратившись къ Даніилу Романовичу и Василію Михайловичу Захарьинымъ, сказалъ имъ: „А вы, Захарьины, чего испужалися; али чаете, бояре васъ пощадятъ? Вы отъ бояръ первые мертвецы будете! И вы бы за сына моего, да и за матерь его умерли; а жены моей на поруганіе бояромъ не дали“. Въ концѣ концовъ князь Владиміръ Андреевичъ клятвенною записью обязался не думать о царствѣ и поцѣловалъ крестъ Димитрію; бояре тоже присягнули царевичу.

По выздоровленіи царя, Даніилъ Романовичъ въ томъ же 1553 г. ходилъ съ нимъ на Коломну и былъ вмѣстѣ съ бояриномъ княземъ Вл. Ив. Воротынскимъ въ „дворовыхъ воеводахъ“. Въ 1555 г. ѣздилъ онъ во главѣ посольства въ Польшу; онъ и его товарищи поднесли королю Сигизмунду подарки: кубки, кречетовъ и бубны; такъ какъ между кречетами не оказалось ни одного краснаго и притомъ они были хворые, то король велѣлъ отослать подарки назадъ. Въ томъ же 1555 г. онъ участвовалъ въ походахъ противъ луговыхъ черемисъ—былъ вторымъ воеводой большого полка (товарищемъ у князя Ив. Ѳеод. Мстиславскаго). Съ 26-го октября 1556 г. онъ былъ „по Крымскимъ вѣстямъ“ въ Калугѣ и Серпуховѣ однимъ изъ воеводъ большого полка, а затѣмъ въ передовомъ полку на Каширѣ. Въ 1557 г. войско, назначенное для Ливонскаго похода, собралось въ Новгородѣ подъ предводительствомъ царя Шигалея, Крымскаго царевича Тохтамыша и Астраханскаго царевича Кайбулы; въ большомъ полку вторымъ воеводой былъ Данило Романовичъ. Въ 1559 г. готовились къ войнѣ съ крымцами, но она не состоялась; Даніилъ Романовичъ упоминается въ числѣ дворовыхъ воеводъ, которые должны были прибыть изъ Москвы съ царемъ. Въ 1562 г. ближнюю думу со-

ставляли слѣдующіе бояре: князь Ив. Дм. Бѣльскій, князь Ив. Ѳеод.. Мстиславскій, князь Вас. Мих. Глинскій и Данило Романовичъ Юрьевича Захарьина. Каждый изъ нихъ носилъ званіе намѣстника важнѣйшихъ городовъ Московскаго государства; Даніилъ Романовичъ назывался намѣстникомъ Тверскимъ, а въ 1563 г.—дворецкимъ Московскимъ и Казанскимъ. Въ 1562—64 гг. были частыя присылки отъ литовскихъ пановъ рады къ Московскому митрополиту Макарію и къ боярамъ—князю Ив. Мих. Шуйскому и Данилѣ Романовичу—съ просьбой о перемиріи для выработки затѣмъ условій мира. Въ 1564 г. въ росписи отъ Литовской украйны значатся въ Вязьмѣ въ большомъ полку: царь Шигалей, князь Ив. Дм. Бѣльскій и Даніилъ Романовичъ; 12-го сентября они пошли къ Лукамъ Великимъ „на спѣхъ". Это извѣстіе послѣднее—о его службѣ.

У Даніила Романовича были дѣти: Михаилъ (ум. 1-го іюля 1555 г.), Иванъ и Ѳеодоръ (ум. 24-го мая 1571 г. въ одинъ день съ своей матерью, во время нашествія на Москву Крымскаго хана Девлетъ-Гирея); Ѳетинія (ум. 15-го іюня 1596 г.; была замужемъ за бояриномъ княземъ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ Шестуновымъ).

„Древняя Россійская Вивліоѳика", тт. XIII и XX; Никоновская Лѣтопись, VII; Царственная книга; „Собр. Госуд. Гр. и Договор.", т. I; „Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс." 1902, т. I; „Софійскій Временникъ", II; „Отеч. Зап." 1830 г., ч. 44; М. Погодинъ, Русскій Историч Сборн.. II; „Акты Археогр. Экспед.", т. I; „Акты Ист.", I; „Синбир. Сборн."; I; „Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.", тт. 59 и 71; Н. Карамзинъ. Исторія Госуд. Росс., т. VIII; С. Соловьевъ. Исторія Россіи, тт. VI и VII; А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. I; Н. Селифонтовъ, Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, вып. 1; С.-Пб. 1901 г., вып. 2, 1898 г.; Московскій Некрополь, т. III, стр. 34.

В. Корсакова.

Романовъ, *Дмитрій Ивановичъ*, инженеръ-полковникъ, писатель; родился въ 1828 г. Получивъ инженерное образованіе, онъ былъ произведенъ въ офицеры 12-го августа 1846 г. и былъ отправленъ въ Восточную Сибирь для изслѣдованія рѣки Амура и для проведенія Амурской телеграфной линіи. Обѣ задачи Р. исполнилъ прекрасно, выказавъ себя способнымъ и трудолюбивымъ инженеромъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько путешествій по Восточной Сибири и прошелъ пѣшкомъ почти всю линію Амурскаго телеграфа. О своихъ наблюденіяхъ Р. сообщалъ въ періодическихъ изданіяхъ: „С.-Пб. Вѣдомостяхъ", „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", „Сѣверной Пчелѣ", „Русскомъ Вѣстникѣ", „Русскомъ Словѣ" и другихъ. Во время пребыванія своего въ Сибири Р. пришелъ къ мысли о необходимости проведенія Сибирской желѣзной дороги; мысль эту онъ развивалъ въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, приводя рядъ доказательствъ въ ея подкрѣпленіе. Вернувшись изъ Сибири, Р. отправился путешествовать по Европѣ, а затѣмъ побывалъ и въ Сѣверной Америкѣ, изучая вездѣ техническую сторону интересовавшихъ его вопросовъ о телеграфѣ и желѣзныхъ дорогахъ. По возвращеніи въ Россію, Р. былъ командированъ на Кавказъ для изслѣдованія лучшаго направленія Ростово-Владикавказской желѣзной дороги. Награжденный въ 1862 г. орденомъ св. Владиміра 4-й степени, а въ 1863 г. (13-го іюля) произведенный въ полковники, Р. въ 1867 г. получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. съ Имп. короною. Въ 1873 году, во время Хивинскаго похода, Р. былъ прикомандированъ для изслѣдованія устьевъ Аму-Дарьи къ войскамъ Туркестанскаго отряда. Въ Среднеазіатскихъ степяхъ онъ построилъ укрѣпленіе Благовѣщенское и затѣмъ предпринялъ труднѣйшую часть Хивинскаго похода—черезъ безводныя степи. Прежнія его путешествія по Восточной Сибири значительно разстроили его здоровье. Особенно страдалъ Р. отъ ревматизма въ ногахъ, но, не смотря на часто повторявшуюся острую боль, рѣшилъ предпринять это трудное путешествіе. Р. ѣхалъ въ небольшой кибиткѣ, которую тащили верблюды. По дорогѣ въ Аристанъ-бель-кудукѣ Р. еще больше простудился и съ нимъ сдѣлалась лихорадка; но онъ все таки продолжалъ идти дальше съ отрядомъ, то въ повозкѣ, то верхомъ. Послѣдній способъ передвиженія окончательно ослабилъ его организмъ, такъ что въ урочище Карабаша Р. прибылъ уже въ безсознательномъ состояніи. Вечеромъ Р. очнулся; нестерпимая боль заставила его покуситься на самоубійство: онъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ изъ револьвера и черезъ 10 часовъ умеръ—19-го апрѣля 1873 г.; онъ похороненъ около урочища Карабаша, въ Бухарскихъ владѣніяхъ.

Изъ его статей назовемъ слѣдующія: „О Сибирской желѣзной дорогѣ“—„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1858 г., №№ 226—228; „Желѣзная Софіевско-Александровская дорога“ проэктъ съ картой, С.-Пб. 1859 г.; „Сибирскій телеграфъ“, С.-Пб. 1860 г.; „Вопросъ о телеграфѣ черезъ Сибирь, между старымъ и новымъ свѣтомъ“—„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1861 г., № 48; „Городъ Албазинъ“, отрывокъ изъ дневника,—„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1857 г., №№ 269 и 270; „Мезенскіе пути сообщенія“—„Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества“, ч. XVII (кн. 3), отд. II, стр. 39—66; „Проэктъ желѣзной дороги отъ Амура къ заливу де-Кастри“—„Иркутскія Губ. Вѣдомости“ 1858 г., №№ 38 и 40 и „Сѣверная Пчела“ 1858 г., №№ 249 и 251—253, стр. 1052, 1059, 1060, 1063, 1064, 1068; „Армія Соединенныхъ Штатовъ“—С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1858 г., №№ 2 и 3; „Поѣздка на пріиски Лазоревaго камня въ окрестности Байкала“ — „Русскій Вѣстникъ“ 1859 г., т. XXIV (№ 22, кн. 2), стр. 117—138; „Присоединеніе Амура къ Россіи“—„Русское Слово“ 1859 г., №№ 4, 6—8, отд. I, стр. 179—200, 329—388, 93—136, 107—171; „Изъ Японіи“—„Русское Слово“ 1859 г., № 4, стр. 221—257; „Ангарскіе пороги“ — „Морской Сборникъ“ 1863, т. LXVII, № 7, отд. III, стр. 87—107; „Глубина Байкала“—„Записки Сибирскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ 1863 г., кн. VI, отд. II, стр. 7—15; „Желѣзныя дороги и каналы“—„Отечественныя Записки“ 1860 г., т. CXXX, отд. I, стр. 479—582; „Амуръ“ — „Морской Сборникъ“, т. LXVII, № 6—7, отд. III, стр. 173—187 и 87—107 за 1863 г.; „Устье Амура“—„Русское Слово“ 1860 г., № 4, отд. 3, стр. 116; „Господину Густаву Радде (по поводу Уссурійской экспедиціи)“—„Русское Слово“ 1860 г., № 5, отд. III, стр. 18—40; „Послѣднія событія въ Китаѣ и значеніе ихъ для Россіи“, Иркутскъ. 1861 г.

„Русскій Архивъ“ 1875 г., кн. 3, стр. 465; „Петербургская Газета“ 1873 г., №№ 40 и 190; „Голосъ“ 1873 г., №№ 168, 198 и 211; А. Н. Пыпинъ, „Исторія Русской Этнографіи“, Спб. 1891 г., т. 2-й, стр. 71; „Записки Имп. Русск. Технич. Общества“ 1874 г., № 2, стр. 124—142; „Петербургскія Вѣдомости“, 2-го августа 1873; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 264. *Н. М.*

Романовъ, *Иванъ Никитичъ*, бояринъ; ум. 18-го іюля 1640 г; сынъ боярина Никиты Романовича и жены его Евдокіи Александровны, рожд. княжны Горбатой-Шуйской; женатъ былъ на княжнѣ Ульянѣ Ѳеодоровнѣ Литвиновой-Мосальской. Въ 1591 г., іюля 10-го, былъ онъ присланъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ въ Серпуховъ, гдѣ тогда остановились большіе бояре съ войскомъ, считая невозможнымъ преслѣдовать дальше Крымскаго хана Казы-Гирея, бѣжавшаго изъ-подъ Москвы. Иванъ Никитичъ пріѣхалъ отъ государя съ жалованьемъ и съ золотыми и о здоровьѣ спрашивать. Въ 1597 г., мая 22-го, онъ присутствовалъ въ Большой Грановитой Палатѣ при пріемѣ царемъ Нѣмецкаго посла—бургграфа Авраама Донавскаго. Въ 1599 г., августа 19-го, въ день пріема Шведскаго королевича Густава, Р. былъ чашникомъ у царя Бориса. Въ 1601 г., когда опала постигла Романовыхъ и ихъ родственниковъ, Иванъ Никитичъ также былъ сосланъ, 30-го іюня, въ Пелымъ, подъ наблюденіемъ стрѣлецкаго головы Смирнова-Маматова, который повезъ его изъ Москвы уже въ оковахъ не вслѣдствіе царскаго указа, а изъ опасенія, чтобы онъ не бѣжалъ съ дороги. 20-го ноября 1601 г. въ Пелымъ былъ привезенъ его братъ Василій Никитичъ, совершенно больной, вслѣдствіе изнурительнаго пути отъ Яренска до Пелыма. Три мѣсяца прожили братья въ одной избѣ, прикованные къ стѣнамъ. Къ ихъ счастью, съ Иваномъ Никитичемъ поѣхалъ въ ссылку его человѣкъ Сенька Ивановъ, по прозванію „Натирка“; онъ ухаживалъ сначала за Иваномъ Никитичемъ, который, судя по донесенію Маматова, „боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу маленько приступаетъ“, а затѣмъ и за Василіемъ Никитичемъ. Весьма возможно, что Маматовъ напрасно употребилъ выраженіе „старою болѣзнію“, желая лишь сложить съ себя отвѣтственность. На содержаніе Ивана Никитича было выдано Маматову 90 руб. и велѣно приготовлять мясныя и рыбныя кушанья и печь бѣлый хлѣбъ. Послѣ смерти Василія Никитича (15-го февраля 1602 г.) участь Ивана Никитича была облегчена. Въ мартѣ Маматовъ получилъ предписаніе ѣхать съ нимъ въ Уфу; въ концѣ мая Ивану Никитичу и его племяннику князю Ивану Борисовичу Черкасскому дозволено было быть

„на службѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а осенью имъ обоимъ велѣно было ѣхать къ Москвѣ. Если вѣрить „Новому Лѣтописцу", Иванъ Никитичъ былъ отправленъ въ родовую вотчину Романовыхъ—село Клины, гдѣ и находился подъ надзоромъ Мамотова. Въ 1605 г., іюля 30-го, въ день вѣнчанія на царство Лжедимитрія, Иванъ Никитичъ пожалованъ былъ въ бояре, а затѣмъ былъ однимъ изъ членовъ „Государственнаго Сената" въ правленіе Лжедимитрія, который „всѣмъ обилно наполнилъ" Ивана Никитича. Въ 1606 г., въ числѣ другихъ бояръ и воеводъ, онъ былъ посланъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ Козельскъ, а въ 1607 г., января 17-го, былъ однимъ изъ поѣзжанъ на свадьбѣ царя Василія Шуйскаго, а за обѣдомъ въ день свадьбы и на слѣдующій день сидѣлъ въ кривомъ столѣ. Въ 1607—1608 г. онъ неоднократно участвовалъ въ походахъ противъ „воровъ", какъ называли приверженцевъ второго Лжедимитрія; онъ бывалъ вторымъ воеводою большого полка, въ товарищахъ у князя Ив. Ив. Шуйскаго и у князя Вас. Мих. Скопина-Шуйскаго. При походѣ къ Тулѣ противъ „Тушинскаго вора", т.-е. второго Лжедимитрія, князь Гр. Петр. Ромодановскій, бывшій вторымъ воеводою въ передовомъ полку, билъ челомъ государю „о мѣстѣхъ" на Ивана Никитича Романова, второго воеводу большого полка. Для обереганія Москвы отъ нападенія Тушинскаго вора князь Скопинъ-Шуйскій и Иванъ Никитичъ стояли съ большимъ полкомъ у Тверскихъ воротъ. Въ сентябрѣ 1610 г. бояре настаивали, чтобы ввести въ Москву польскія войска, такъ какъ-де иначе черпь можетъ передать ее Тушинскому вору. Патріархъ Гермогенъ былъ сначала противъ этой мѣры, но уступилъ доводамъ Ивана Никитича, сказавшаго, что если гетманъ Жолкевскій отойдетъ отъ Москвы, то боярамъ ничего другого не останется дѣлать, какъ идти вслѣдъ за поляками для спасенія своихъ головъ. Въ 1612 г., января 25-го и 26-го, находившіеся въ Москвѣ бояре послали увѣщательныя граматы въ Кострому и Ярославль: о пребываніи въ вѣрности избранному въ Московскіе цари Польскому королевичу Владиславу, о невспоможеніи стоящимъ подъ Москвою воеводамъ князю Трубецкому и Заруцкому и о присылкѣ къ гетману Жолкевичу и къ нимъ, боярамъ, выборныхъ отъ города людей съ повинною. Подъ этими граматами подписался очень твердымъ и четкимъ почеркомъ, лучше всѣхъ остальныхъ, „Боринъ Иванъ Никитичъ Романовъ". Въ маѣ 1613 года онъ подписался подъ окружною грамотою объ избраніи на Россійскій престолъ родного племянника своего, Михаила Ѳеодоровича Романова. 11-го іюня того же года, въ день вѣнчанія на царство Михаила Ѳеодоровича, посольскій дьякъ объявилъ отъ имени царя въ Золотой Палатѣ, передъ тѣмъ, какъ идти въ Успенскій Соборъ, что государь велѣлъ князю Ѳеод. Ив. Мстиславскому осыпать себя золотыми, Ивану Никитичу Романову держать Мономахову шапку, а князю Дмитрію Тимоѳеевичу Трубецкому держать скипетръ. Князь Трубецкой билъ челомъ на Ивана Никитича „о мѣстѣхъ, что ему меньше Ивана быть невмѣстно". Государь сказалъ князю Трубецкому: „ведомо твое отчество передъ Иваномъ, мочно ему тебя менши быть; а ныне тебѣ быти для того, что мнѣ Иванъ Никитичъ по родству дядя, а быть вамъ безъ мѣстъ". Вслѣдствіе такого распоряженія Иванъ Никитичъ держалъ шапку Мономаха, когда принесли ее съ Казеннаго двора въ Успенскій Соборъ, а передъ муропомазаніемъ держалъ царскій вѣнецъ на золотомъ блюдѣ.

Въ томъ же 1613 г., сентября 8-го, въ день Рождества Богородицы, государь велѣлъ быть у стола боярамъ: князю Ѳеод. Ив. Мстиславскому, Ивану Никитичу Романову и князю Бор. Мих. Лыкову, женатому на Анастасіи Никитичнѣ Романовой. Князь Лыковъ билъ челомъ въ отечествѣ на Ивана Никитича, а тотъ, въ свою очередь, билъ челомъ, что князь Лыковъ его обезчестилъ, и просилъ учинить указъ. Государь „кручинился" и нѣсколько разъ повторилъ князю Лыкову, чтобы онъ былъ у стола „подъ Иваномъ Никитичемъ". Уговоры подѣйствовали: послѣ стола, когда царь подавалъ имъ чаши, князь Лыковъ подошелъ послѣднимъ и не билъ уже больше челомъ на Ивана Никитича.

17-го апрѣля 1614 г., въ вербное воскресенье, Государь велѣлъ быть у стола боярамъ: князю Ѳеод. Ив. Мстиславскому, Ивану Никитичу, князю Бор. Мих. Лыкову и окольничему Арт. Вас. Измайлову. Князь Лыковъ снова билъ челомъ государю въ

отечествѣ на Ивана Никитича и, несмотря на напоминаніе Михаила Ѳеедоровича, что въ день Рождества Богородицы онъ сидѣлъ за столомъ ниже Ивана Никитича, князь Лыковъ соглашался быть меньше Романова только по родству его съ царемъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ возразилъ, что „менши Ивана Никитича быти ему мочно по многимъ мѣрамъ, а не по родству". Князь Лыковъ не послушался государева указа, не сѣлъ за столъ и поѣхалъ къ себѣ на дворъ. Посланнымъ государя онъ отвѣтилъ, что „ѣхать готовъ къ казни, а менши ему Ивана Никитича не бывать". Вслѣдствіе этого послѣ стола князь Лыковъ былъ отвезенъ къ Ивану Никитичу и выданъ ему головою.

Какъ ни странно, но послѣ мѣстничества съ княземъ Лыковымъ, мы не встрѣчаемъ въ записяхъ „Дворцоваго Разряда" упоминаній о приглашеніи Ивана Никитича къ царскому столу. Довольно рѣдко присутствовалъ онъ и при пріемахъ царемъ иностранныхъ пословъ. 27-го января 1614 г. онъ сидѣлъ въ Золотой Палатѣ по правую сторону царя на пріемѣ Англійскаго посла Ивана Ульянова Мерика; въ 1631 г. упоминается онъ на первомъ мѣстѣ при пріемѣ Шведскаго посла Антона Монира; въ 1637г. былъ при пріемѣ Литовскаго гонца. Не думаемъ, чтобы причиной тому было болѣзненное состояніе Ивана Никитича, такъ какъ въ 1626 году онъ водилъ въ Вербное воскресенье „осла" подъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ; въ 1625 и 1627 г. „осла" водилъ другой родственникъ царя и патріарха—князь Ив. Бор. Черкасскій.

Въ 1623 г., послѣ того, какъ отложили намѣреніе посватать за царя Михаила одну изъ иностранныхъ принцессъ, надумали разслѣдовать дѣло о первой невѣстѣ царя, Хлоповой, которая жила въ Нижнемъ-Новгородѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ призвали на совѣтъ самыхъ близкихъ людей: Ивана Никитича, князя Ив. Бор. Черкасскаго, Ѳеод. Ив. Шереметева,—и на этомъ родственномъ совѣтѣ порѣшили послать за отцомъ и за дядей Хлоповой, чтобы узнать отъ нихъ обстоятельнѣе о болѣзни невѣсты. Несмотря на то, что здоровье ея не внушало опасеній, бракъ этотъ не состоялся: 19-го сентября 1624 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ женился на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой. Иванъ Никитичъ былъ въ „отцово" мѣсто, а жена его—Ульяна Ѳеодоровна—въ „материно" мѣсто; оба сидѣли въ первый день „въ лавкѣ", за столомъ. 5-го февраля 1626 г. на второй свадьбѣ царя Михаила съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой, войдя въ Палату передъ вѣнчаніемъ и поклоняся образамъ на всѣ четыре стороны, Иванъ Никитичъ ударилъ челомъ государынѣ царевнѣ и сѣлъ за столомъ, на большомъ мѣстѣ, въ лавкѣ, выше ея матери, а подлѣ него сидѣла его жена. Посидѣвъ немного, онъ послалъ къ царю боярина князя Дан. Ив. Мезецкаго и велѣлъ ему говорить рѣчь государю. Послѣ стола, когда новобрачные шли къ сѣннику, Иванъ Никитичъ шелъ впереди до дверей Палаты; у дверей онъ сказалъ имъ рѣчь, а изговоря, поклонился; жена его Ульяна Ѳеодоровна шла для береженья, по правую сторону государыни; возлѣ сѣнника, положивъ на себя соболью шубу мѣхомъ вверхъ, она осыпала царя и царицу „осыпаломъ". На другой день послѣ кушанья Иванъ Никитичъ и Ульяна Ѳеодоровна были съ государемъ и государыней въ сѣнникѣ. Въ 1629 г., марта 12-го, родился царевичъ Алексѣй Михайловичъ; ему ударили челомъ: Иванъ Никитичъ — золотой братиной, оцѣненной въ 121 р.; на вѣнцѣ надпись—имена царя и царевича, а между надписью, въ „гнѣздахъ", два лазоревыхъ яхонта, да два изумруда; Ульяна Ѳеодоровна — россольникомъ, стоимостью въ 40 руб., но болѣе затѣйливымъ, чѣмъ братина: „и кровля, и стоянецъ, и поддонъ хрустальные, на кровлѣ на столбикѣ птица держитъ въ когтяхъ щитъ; ниже птицы четыре головы на змѣйкахъ, литыя. У кровли краи и у россольника вѣнецъ и у поддона краи серебряно, золочено. Отъ вѣнца къ стоянцу четыре ехидны съ крылы".

На встрѣчахъ подъ Москвой въ 1625—1634 гг. Кизильбашскихъ, Шведскихъ, Датскихъ, Турецкихъ и Литовскихъ пословъ бывало особенно много конныхъ даточныхъ людей Ивана Никитича; напр., въ 1626 г. изъ общаго числа 177 человѣкъ 40 человѣкъ было выставлено Иваномъ Никитичемъ. Въ 1631 — 34 гг. онъ перевезъ на своихъ подводахъ подъ Смоленскъ 300 четей государевыхъ запасовъ для войскъ.

За Иваномъ Никитичемъ числилось въ 1613 году вотчинъ 4626 четвертей и помѣстій 448 четвертей. Не знаемъ, были ли ему возвращены всѣ земли, отобранныя ца-

ремъ Борисомъ во время опалы надъ Романовыми. Изъ „Никитичей“, при воцареніи Михаила Ѳеодоровича, находились въ живыхъ только старшій и младшій, слѣдовательно,—земельныя владѣнія Никиты Романовича должны были подѣлиться между сыномъ Ѳеодора Никитича (Филарета)—царемъ Михаиломъ и Иваномъ Никитичемъ. Въ Московскомъ уѣздѣ Иванъ Никитичъ владѣлъ деревней Бутыркиной, въ Коломенскомъ—деревней Ратчиной, въ Калужскомъ—селомъ Спасскимъ; въ Вязьмѣ на посадѣ у него была слобода. Изъ межевой книги 1628 г. извѣстно, что у Ивана Никитича, имѣвшаго вотчины въ Елецкомъ уѣздѣ, возникъ споръ о землѣ съ селомъ Романовымъ городищемъ (Лебедянскаго уѣзда). Надо полагать, что Иванъ Никитичъ никогда не заглядывалъ въ эти отдаленныя отъ Москвы вотчины, и его прикащики и крестьяне, надѣясь на силу своего господина, распоряжались по собственному усмотрѣнію. Елецкіе помѣщики подали челобитную, въ которой между прочимъ сказано: „Намъ въ украйномъ городѣ съ такимъ великимъ бояриномъ въ сосѣдствѣ жить невозможно: мочи нашей отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича не стало: каково намъ разоренье было отъ Литвы, и Литва поплѣнила насъ на одно время, а нынѣшнему плѣну, каковъ на насъ плѣнъ отъ людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича, и конца не вѣдаемъ, пуще намъ стало Крымской и Ногайской войны: во всемъ Елецкомъ уѣздѣ не осталось за нами крестьянъ и бобылей третьева жеребья“. Велѣно было сдѣлать повальный обыскъ. Боязнь ли тягаться съ „великимъ бояриномъ“, или чувство справедливости руководило допрашиваемыми—рѣшить невозможно, но при повальномъ обыскѣ 1865 человѣкъ сказали, что про такія насильства сами ничего не знаютъ и отъ другихъ не слышали; въ новыхъ слободахъ Ивана Никитича будто бы не объявилось ни одного чужого крестьянина. Вслѣдствіе этого челобитчики, за ихъ „воровство“, были биты нещадно батогами и посажены въ тюрьму.

Иванъ Никитичъ скончался 18-го іюля 1640 года. На другой день, какъ сказано въ „Дворцовыхъ разрядахъ“, государь Михаилъ Ѳеодоровичъ ходилъ къ Спасу на Новое погребать боярина Ивана Никитича Романова“. Жена его Ульяна Ѳеодоровна упоминается въ чинѣ первой свадьбы царя Алексѣя Михайловича 16-го января 1648 г.; она скончалась 23-го октября 1649 г. и погребена тоже въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Иванъ Никитичъ Романовъ, князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій и Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ составляли какъ бы семейный совѣтъ юнаго царя Михаила и пользовались большимъ уваженіемъ не только въ царской семьѣ, но и среди бояръ. Старѣйшій боринъ—князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, передъ смертью, послѣдовавшею 19-го февраля 1622 г., назначилъ ихъ своими душеприкащиками, и они приводили въ исполненіе духовную грамату этого послѣдняго представителя родовитыхъ князей Мстиславскихъ, распредѣляя по монастырямъ завѣщанныя имъ денежныя суммы.

У Ивана Никитича было четыре сына и четыре дочери: Андрей и Димитрій скончались, повидимому, въ младенчествѣ, Иванъ скончался 30-го іюля 1625 г., Никита умеръ 11-го декабря 1654 г.; Прасковья старшая, Ирина и Прасковья младшая скончались въ младенчествѣ; Марѳа была замужемъ за княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Воротынскимъ.

„Древн. Росс. Вивл.“, тт. XIII, XX; „Собр. Гос. Гр. и Договор.“, тт. I, II и III; „Акты Археогр. Экси.“, II; „Акты истор.“, II; „Акты Моск. Госуд.“, I; „Синбирск. Сбор.“; Дворцовые разряды“, тт. I и II; „Разряд. книги“, I, II; „Опис. докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст.“, тт. I и II; Русск. Историч. Библ., II, IX, XIII; С. Бѣлокуровъ, Разряд. записи за смутное время (7113 — 7121 гг.), М. 1907 г.; А. Викторовъ, Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцов. приказовъ 1584—1725 гг.. М. 1887 г., вып. 1-й; „Новый Лѣтописецъ“; „Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи, С.-Пб. 1874 г.; Карамзинъ, Исторія государства Росс., тт. X — XII; С. Соловьевъ, Исторія Россіи, тт. VII—IX; С. Платоновъ, Древне-русскія сказанія; Его же, Очерки по исторіи смуты; Н. Селифонтовъ, Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, С.-Пб. 1901 г., вып. 1; 1898 г., вып. 2; Московскій Некрополь, т. III.

В. Корсакова.

Романовъ, *Іоакимъ Константиновичъ*, протоіерей, авторъ учебниковъ по закону Божію и проповѣдникъ; род. на Кавказѣ въ 1816 году, умеръ 21-го мая 1881 г. въ Севастополѣ. По окончаніи курса въ Тифлисской Духовной Семинаріи, онъ былъ 18-го іюля 1837 года рукоположенъ во священники къ Эриванскому Покровскому собору, въ 1840 г. назначенъ учителемъ

и смотрителемъ Армянской Семинаріи, въ 1842 году переведенъ въ Тифлисъ священникомъ каѳедральнаго собора и, кромѣ того, постепенно назначенъ учителемъ татарскаго языка при мѣстныхъ Духовной Семинаріи и Духовномъ Училищѣ, казначеемъ Осетинской Духовной Коммиссіи, членомъ и казначеемъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія въ Грузіи и старшимъ благочиннымъ надъ греческимъ духовенствомъ по рѣкѣ Цалкѣ. Въ 1847 году Романовъ былъ назначенъ законоучителемъ Тифлисской Гимназіи и настоятелемъ гимназической церкви. Онъ состоялъ также законоучителемъ Школы Кавказскихъ межевщиковъ.

Въ 1864 г. Р. покинулъ Кавказъ, такъ какъ назначался ректоромъ предполагавшагося Миссіонерскаго Института въ Новгородѣ; когда же открытіе этого учрежденія не состоялось, онъ былъ назначенъ членомъ Комитета для перевода Библіи на татарскій языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ законоучителемъ Первой С.-Петербургской Военной Гимназіи (нынѣ Корпусъ), въ слѣдующемъ году переведенъ былъ настоятелемъ церкви Свято-Троицкой Общины сестеръ милосердія, а въ 1870 г. опредѣленъ законоучителемъ Александровскаго Смольнаго Училища, гдѣ и служилъ до смерти. 18-го іюля 1877 года въ стѣнахъ Смольнаго Училища скромно былъ отпразднованъ 40-лѣтній юбилей его служенія въ священническомъ санѣ.

„Покойный отецъ І. К. Романовъ—читаемъ въ некрологѣ—высоко цѣнилъ званіе законоучителя. Законоучитель—въ его глазахъ — всего менѣе школьный только учитель, наблюдающій главнымъ образомъ за выучиваніемъ уроковъ и ставящій отмѣтки по успѣхамъ. Законоучительство для него было пастырствомъ. Цѣль законоучителя, по его вѣрному пониманію, заключается въ томъ, чтобы научить вѣрѣ и благочестію не на словахъ только и для отмѣтокъ, а по возможности на дѣлѣ и для жизни. Не отвѣты на экзаменѣ, „вѣчное спасеніе“ составляло важнѣйшую заботу почившаго законоучителя. Своему дѣлу преданъ былъ покойный всею душою и къ своимъ слушательницамъ относился съ истинною отеческою любовію, подавая имъ добрый примѣръ своею религіозностію и неуклоннымъ исполненіемъ своего дѣла... Его всегда (ученицы) радостно встрѣчали, когда онъ во время праздниковъ иногда посѣщалъ ихъ; тутъ особенно становилось яснымъ, что онъ для нихъ былъ не учителемъ только, но любящимъ ихъ духовнымъ отцомъ“.

Протоіереемъ І. К. Романовымъ составлены буквари грузино-русскій и татарскій и нѣсколько руководствъ по закону Божію, какъ-то: „Избранныя молитвы и краткія понятія о церкви, о принадлежностяхъ Богослуженія и о литургіи“ (С.-Пб. 1859); „Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ“, четыре выпуска (С.-Пб. 1867); нѣкоторые выпуски выдержали до 8 изданій; „Краткія поученія о богослуженіи православной церкви“, С.-Пб. 1869, 1897 (два изданія); „Уроки церковной исторіи“ (3 выпуска), С.-Пб. 1874, 1885 (два изданія); „Уроки Закона Божія по катехизису“, С.-Пб. 1875 (въ 1904 г. вышло пятое изданіе). Руководства Романова, особенно „Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ“ и „Уроки Закона Божія по катехизису“ пользуются извѣстностію въ педагогическомъ мірѣ.

Кромѣ того, имъ составлены книги: „Пути ведущіе насъ ко Христу Спасителю“ (С.-Пб. 1867), „О правильномъ и душеполезномъ приготовленіи къ исповѣди“ (С.-Пб. 1872, 1889 — два изданія), „Краткія уроки о нравственной христіанской жизни и о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина“ (С.-Пб. 1876, 1899 — два изданія) и поученія, которыя были изданы въ 1860, 1868 и 1877 годахъ; наконецъ, было издано и „Полное собраніе поученій“ его, которое выдержало два изданія (С.-Пб. 1880, 1887).

О. Романовъ считался опытнымъ проповѣдникомъ, говорившимъ кратко, но просто, съ большой силой убѣжденія, и дѣйствовавшій на собиравшіяся толпы слушателей. „Всѣ проповѣди о. І. Романова—пишетъ проф. Н. И. Барсовъ, — принадлежатъ къ тому типу церковныхъ пастырскихъ собесѣдованій, который созданъ въ нашей духовной литературѣ многолѣтней пастырскою дѣятельностію покойнаго рыбинскаго протоіерея Родіона Путятина и, спѣшимъ прибавить, въ большинствѣ случаевъ представляютъ весьма хорошіе экземпляры своего типа. Эти поученія изъясняютъ истины вѣры и правила нравственности просто и общепонятно, съ воодушевленіемъ

и внутреннею силою, съ достаточною убѣдительностію и доказательностью".

Сороколѣтній юбилей протоіерея Іоакима Константиновича Романова, С.-Пб. 1877; „Церковн. Вѣстн." 1881, № 22; Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, Вып. I, С.-Пб. 1885; Энциклоп. словарь Брокгаузъ-Ефрона; „Церков. Вѣстн." 1880, № 5; „Нов. Вр." 1881 г., № 1892.

Романовъ, *Максимъ Григорьевичъ*, дьякъ. До 1690 г. служилъ въ Тобольскѣ въ чинѣ стараго подъячаго; 8-го февраля 1690 г., по граматѣ Великихъ Государей Іоанна и Петра, переведенъ былъ въ Тюмень исправляющимъ должность дьяка—„подъячимъ съ приписью" „вѣдать съ воеводою вмѣсто разряднаго стола". Здѣсь пробылъ онъ до 1697 года и въ томъ же году переведенъ былъ въ Якутскъ, гдѣ пробылъ до 1704 года. Въ Якутскѣ ему было поручено, помимо прямыхъ обязанностей, „вѣдать судныя дѣла по челобитнымъ", составленіе „прибыльныхъ книгъ" за 1698—1700 гг. и „сыскъ о злоупотребленіяхъ Якутскихъ воеводъ съ прокормленіемъ". По циркулярному предписанію Сибирскаго Приказа о приведеніи Якутскаго архива „въ надлежащій порядокъ", о храненіи дѣлъ „въ великой бережи", онъ въ 1701 году составилъ подробную опись всего архива въ видѣ „переписныхъ книгъ". Съ 1704 г. по 1718 гг. Р. служилъ дьякомъ въ Тобольскѣ.

„Древняя Россійская Вивліоѳика", т. III, стр. 273, 275, 281 (2-е изд.); А. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ и др. лицъ воеводскаго управленія Московскаго Государства 17 столѣтія. С.-Пб. 1902 г. стр. 255, 283; Н. Оглоблинъ, Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа (1592—1768), ч. I, стр. 29, 172, ч. III, стр. 26, 28, 123, 124, 189; „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ" 1895 г., кн. 2, стр. 29 (изслѣдованія); „Дополненія къ Актамъ историческимъ", т. XII, № 86; „Памятники Сибирской исторіи XVIII в.", кн. I, стр. 290, 294, 295, 297, кн. II, стр. 134, 156; В. Межовъ, Сибирская библіографія, т. I—II, стр. 119. „Томскія Губернскія Вѣдомости" 1875 г. № 43, стр. 4.

А. Виноградовъ.

Романовъ, *Михаилъ Никитичъ*, окольничій; третій сынъ Никиты Романовича Романова-Юрьева и второй жены его, Евдокіи Александровны, рожд. княжны Горбатой. Въ 1597 г., мая 22-го, онъ присутствовалъ, въ чинѣ стольника, при пріемѣ посла Нѣмецкаго Императора—бургграфа Авраама Донавскаго, въ 1598 г. пожалованъ былъ въ окольничіе и подписался подъ Соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи царемъ Бориса Ѳеодоровича Годунова. Въ іюнѣ 1601 г., лишенный званія, онъ былъ сосланъ въ Ныробъ, Чердынскаго уѣзда, куда привезенъ былъ зимой этого года, въ кибиткѣ, подъ присмотромъ пристава Романа Андреева Тушина и въ сопровожденіи шести человѣкъ стражи. О заключеніи и смерти Михаила Никитича въ Ныробѣ сохранились интересныя преданія, которыми мы и пользуемся. Для помѣщенія изгнанника ничего не было приготовлено, и Тушинъ распорядился выкопать землянку на томъ мѣстѣ, гдѣ они остановились. Погода была ненастная, снѣгъ валилъ хлопьями, шесть сторожей принялись копать глубокую яму, и Михаилъ Никитичъ, выйдя изъ кибитки, смотрѣлъ на ихъ работу. Онъ былъ высокаго роста и обладалъ такой силой, что въ порывѣ горести и ожесточенія схватилъ стоявшую около него кибитку и отбросилъ ее отъ себя шаговъ на десять, тогда какъ шесть сторожей едва могли сдвинуть ее съ мѣста. Это чрезвычайно поразило ныробцевъ, пришедшихъ взглянуть на ссыльнаго. Землянку прикрыли сверху досками, сдѣлавъ небольшое отверстіе, черезъ которое едва проникалъ свѣтъ въ холодное, сырое и тѣсное помѣщеніе несчастнаго Михаила Никитича. Съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ въ землянкѣ устроили небольшую печь—и, къ довершенію злоключеній закованнаго въ тяжелые кандалы Михаила Никитича прибавился удушливый смрадъ отъ дыма. Пища его состояла только изъ хлѣба и воды, да и то въ небольшомъ количествѣ; подавали пить и ѣсть черезъ упомянутое отверстіе въ потолкѣ. Такъ прошла вся зима. Весною жители Ныроба, избы которыхъ находились на югъ отъ землянки, вблизи рѣчки Ныробки, постарались хотя нѣсколько облегчить участь узника доставленіемъ ему болѣе сытной пищи, тайкомъ отъ пристава и стражи, Для этого они наливали въ дудочки квасъ, молоко и масло, давали эти дудочки вмѣстѣ съ разными съѣстными припасами своимъ дѣтямъ и посылали ихъ къ землянкѣ; дѣти дѣлали видъ, что играютъ около нея, и незамѣтно опускали въ отверстіе все, что получали отъ родителей; такъ же поступали и взрослые ныробцы, будто бы изъ любопыт-

ства приходя къ землянкѣ. Одинъ изъ жителей Ныроба,—какъ предполагаютъ тотъ, въ домѣ котораго жилъ приставъ Тушинъ,—донесъ ему обо всемъ вышеизложенномъ изъ желанія подслужиться къ нему, а можетъ быть даже въ надеждѣ получить награду. Чтобы удостовѣриться въ правильности доноса, Тушинъ пошелъ однажды прогуляться по близости отъ землянки, а крестьянскія дѣти, ничего не подозрѣвая, по обыкновенію прибѣжали съ съѣстными припасами и стали спускать ихъ. Тушинъ велѣлъ схватить дѣтей и началъ разспрашивать, кто научилъ ихъ приносить пищу? Перепуганныя дѣти отвѣтили, что дѣлали это по приказанію родителей. По одному преданію, Тушинъ немедленно донесъ объ этомъ царю Борису, который велѣлъ пять ныробцевъ увезти въ Казань и подвергнуть жестокимъ пыткамъ; одинъ изъ нихъ во время пытокъ умеръ, а остальные возвратились домой, какъ говорятъ, уже въ царствованіе Шуйскаго. Другое преданіе приписываетъ самому Тушину отсылку шести человѣкъ прямо въ Москву, за крѣпкимъ карауломъ, откуда въ царствованіе Шуйскаго вернулись будто бы только два человѣка, разсказывавшіе, что четверо умерли, не выдержавъ пытокъ и тюремнаго заключенія. Михаилъ Никитичъ, просидѣвъ годъ въ землянкѣ, скончался. Носился слухъ, что его уморили съ голоду сторожа, которые привыкли къ табаку и вину, а въ Ныробѣ не могли достать ни того, ни другого. По свидѣтельству Миллера, Михаилъ Никитичъ „былъ удавленъ“, но профессоръ Казанскаго Университета Н. П. Вагнеръ, посѣтившій въ 1850-хъ годахъ мѣсто ссылки и заключенія Михаила Никитича, пишетъ: „Бывши самъ нѣсколько разъ въ помянутомъ подземельѣ, думаю, что Михайло Никитичъ умеръ не насильственною смертью, а еще удивляюсь, какъ онъ могъ прожить годъ въ такой тѣсной и сырой ямѣ“. По словамъ „Новаго Лѣтописца“ надъ гробомъ, т.-е. надъ могилою Михаила Никитича „израстоша два древа кедри,—едино у главы, второе же у ногъ“. Впослѣдствіи возлѣ могилы была построена церковь, такъ что ея алтарь сѣверной своей стороной прилегалъ къ могилѣ.

Когда вступилъ на престолъ Лжедмитрій, то онъ приказалъ тѣла Романовыхъ, какъ своихъ мнимыхъ родственниковъ, перевезти въ Москву и похоронить подлѣ предковъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Михаилъ Никитичъ погребенъ тамъ 18-го марта 1606 г. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича построены деревянныя часовни надъ землянкой и надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежало тѣло Михаила Никитича въ Ныробѣ до перевезенія въ Москву; въ этой второй часовнѣ поставили гробницу, покрытую сукномъ, съ вышитымъ на немъ крестомъ. Обѣ деревянныя часовни и деревянная церковь сгорѣли отъ удара молніи, были вновь отстроены и опять сгорѣли отъ той же причины; послѣ этого и церковь и часовня были выстроены каменныя. Вмѣсто сгорѣвшей гробницы была впослѣдствіи устроена новая гробница и поставлена въ каменной церкви; изъ надписи на доскѣ, положенной на этой гробницѣ, узнаемъ, между прочимъ, что тѣло Михаила Никитича „изъ земли взято ничѣмъ невредимо“. Проф. Вагнеръ такъ описываетъ каменную церковь: „Холодная церковь въ Ныробѣ замѣчательна своей архитектурой. Она построена въ 1705 г., но прямой корпусъ, широкія три арки подъ карнизомъ крыши напоминаютъ церкви XVI в., а особенно окраска украшеній этихъ арокъ и оконъ: красная, зеленая и желтая придаетъ всей церкви какой-то восточный характеръ. Въ куполъ этой церкви нерѣдко ударяетъ молнія; отъ нея же сгорѣли и двѣ прежде бывшія деревянныя церкви. Вообще сильныя грозы въ этомъ краю не рѣдкость; они вызываются близостью высокихъ уваловъ, предгорій Урала“. Въ церкви хранятся „плечныя желѣза, или такъ называемый стулъ“ Михаила Никитича, вѣсомъ 39 ф., его же ручныя (12 ф.) и ножныя кандалы (19 ф.) и замокъ (10 ф.), что въ сложности составляетъ ровно 2 пуда. Народъ чтитъ эти цѣпи, какъ святое воспоминаніе о мученикѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ за услуги, оказанныя жителями Ныроба его дядѣ Михаилу Никитичу, пожаловалъ ихъ „обѣльною граматою“, въ силу которой они избавлялись отъ всѣхъ повинностей. Въ 1793 г. ныробцы построили на свои средства каменную часовню надъ землянкой-темницей Михаила Никитича, что видно изъ надписи на карнизѣ этой часовни; надпись заканчивается такъ: „единственно впамять бывшаго на томъ мѣстѣ взаключеніи болярина Михаила Никитича Романова, тщаніемъ и коштомъ здешней во-

лости крестьянъ и усерднымъ стараніемъ крестьянина Максима Пономарева".

„Акты Ист.", III; „Акты Археогр. Экспед.", II; „Древн. Росс. Вивл.", XX; Новый Лѣтописецъ; Пермская лѣтопись съ 1263 по 1881 г., Перм. 1881 г., ч. I; Пермскій Сборникъ, М. 1859 г., I, смѣсь, статья проф. Н. П. Вагнера съ рисунками (часовня, землянка-темница, цѣпи и ключъ); Сказанія Массы и Геркмана о смутн. врем. въ Россіи, С.-Пб. 1874 г.: Карамзинъ. Исторія гос. Росс., тт. X и XI; С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VIII; Н. Селифонтовъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Мих. Ѳеод. Романова, С.-Пб. 1901 г., т. I; 1898 г., т. II; „Пермск. Епарх. Вѣд. 1873 г., № 10; „Домашняя Бесѣда" 1873 г, № 21; „Моск. Епарх. Вѣд." 1873 г., № 16. „Др. и Нов. Россія" 1876 г., № 12, рисунки: 1) Гробница боярина Михаила Никитича Романова, въ церкви Св. Николая Чудотворца въ с. Ныробѣ, Чердынскаго уѣзда, 2) Часовня на мѣстѣ заключенія его; „Московскій Некрополь", т. III. *В. Корсакова.*

Романовъ, *Никита Ивановичъ*, боринъ, сынъ Ивана Никитича *Каши*, двоюродный братъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Во время народнаго движенія въ царствованіе Алексѣя Михайловича противъ боярина Б. И. Морозова особенно ярко выразились любовь и довѣріе народа къ Никитѣ Ивановичу. При томъ нравственномъ значеніи, которымъ онъ пользовался въ глазахъ своего двоюроднаго племянника, царя Алексѣя Михайловича, и въ глазахъ народа, обидно имѣть о немъ самыя скудныя, отрывочныя свѣдѣнія, не знать даже года его рожденія. Соловьевъ выражаетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „Разумѣется, желалось бы знать больше объ этомъ подстрекающемъ любопытство лицъ; но отсутствіе извѣстій доказываетъ или недостатокъ у него личныхъ средствъ играть роль болѣе видную, или то, что ему нарочно загораживали дорогу, а самъ боринъ былъ такъ остороженъ, что не пробивался чрезъ полагаемыя ему преграды".

Первое извѣстіе о Никитѣ Ивановичѣ относится къ 1629 г., когда онъ поднесъ своему двоюродному племяннику, новорожденному Царевичу Алексѣю Михайловичу, серебрянаго золоченаго единорога и яшмовую чарку, оправленную въ золоченое серебро и наведенную финифтью. Затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ нѣтъ о немъ никакихъ свѣдѣній. 12-го іюля 1639 г., въ день имянинъ царя Михаила Ѳеодоровича, онъ пожалованъ былъ въ стольники, а 14-го приведенъ былъ ко кресту въ столовой избѣ думнымъ дьякомъ Гавреневымъ. Въ 1644 г., въ день пріема Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Датскаго Королевича Вольдемара, онъ былъ чашникомъ за столомъ государя. Въ 1645 г., сентября 28-го, въ день вѣнчанія на царство Алексѣя Михайловича, онъ былъ пожалованъ изъ стольниковъ прямо въ бояре, когда царь шелъ въ Успенскій Соборъ. Во время вѣнчанія Никита Ивановичъ осыпалъ государя золотыми въ дверяхъ соборовъ и на золотой лѣстницѣ.

Въ маѣ 1648 г. произошелъ въ Москвѣ мятежъ, вслѣдствіе народнаго недовольства родственниками царскаго тестя Милославскаго: судьей Земскаго Приказа Леонтіемъ Плещеевымъ и завѣдывавшимъ Пушкарскимъ Приказомъ Траханіотовымъ,—которые наживались на счетъ казны. Съ Плещеевымъ расправилась сама толпа: умертвила его, вырвавъ изъ рукъ палача. Когда Морозовъ вышелъ на крыльцо и отъ имени царя обратился съ увѣщаніями, послышались крики, что ему грозитъ та же участь, какая постигла Плещеева. На другой день вспыхнулъ въ Москвѣ сильный пожаръ; кончился пожаръ — опять взбунтовалась чернь. Для защиты дворца былъ вытребованъ отрядъ служилыхъ иноземцевъ, а вслѣдъ за ихъ приходомъ царь выслалъ къ народу Никиту Ивановича Романова, зная, что онъ пользуется народною любовью. Никита Ивановичъ вышелъ съ открытой головой, держа шапку въ рукахъ, объявилъ, что царь обѣщаетъ исполнить все, что возможно, и уговаривалъ толпу разойтись по домамъ. На требованіе выдать Морозова и Трахоніатова, Никита Ивановичъ отвѣтилъ, что они скрылись, но приняты мѣры къ ихъ розыску, и что когда отыщутъ, то казнятъ. Толпа послушалась и разошлась.

Царь Алексѣй Михайловичъ, посовѣтовавшись съ Патріархомъ Іосифомъ, съ освященнымъ соборомъ, боярами, окольничими и думными людьми, повелѣлъ прислать въ Москву выборныхъ изъ разныхъ городовъ отъ всѣхъ чиновъ людей, „чтобы государево и земское дѣло утвердить и на мѣрѣ поставить". Выборные обратили вниманіе на нѣкоторыя нежелательныя явленія общественной жизни, какъ, напр., на „закладчиковъ", захватившихъ въ свои руки таможни, кабаки и разные откупы, вслѣдствіе чего служилые и тяглые люди обнищали и лишились промысловъ. Выборные просили, чтобы „государь пожало-

валъ бы, велѣлъ сдѣлать попрежнему, чтобы вездѣ было все государево". Закладчики, лишенные выгодъ, стали вымещать свою злобу на Морозовѣ. Въ январѣ 1649 г. одинъ старый закладчикъ боярина Никиты Ивановича Романова,—Савинка Корѣпинъ, пришелъ къ своему знакомому и началъ говорить: „Когда я былъ за бояриномъ Никитою Ивановичемъ, то мнѣ было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мнѣ худо; сдѣлали это бояре Борисъ Ивановичъ Морозовъ да Илья Даниловичъ Милославскій, и отъ этого ихъ промыслу ходить намъ по колѣна въ крови, а боярамъ Морозову, Милославскому и друзьямъ ихъ быть побитыми каменьями". На другой день возобновилась между Корѣпинымъ и его знакомымъ бесѣда про ненавистныхъ народу Морозова и Милославскаго. „Боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго—говорилъ Корѣпинъ—хотѣли сослать и подводы подъ него были готовы, но не сослали его, боясь насъ, для того, что міръ весь качается; какъ его станутъ посылать, и бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ хочетъ выѣхать на лобное мѣсто и станетъ міру говорить, и мы за него всѣмъ міромъ станемъ, а бояръ Морозова и Милославскаго побьемъ... Выѣдутъ на лобное мѣсто бояре: Никита Ивановичъ Романовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ, пристанутъ къ намъ стрѣльцы и всякіе люди и станутъ побивать и грабить Морозова, Милославскаго и другихъ". За такія рѣчи Корѣпина допрашивали, пытали и казнили смертью. Недовольнымъ нововведеніями не удалось раздуть въ Москвѣ мятежъ противъ Морозова и Милославскаго, во имя Романова и князя Черкасскаго; но чего не достигли въ Москвѣ, то разгорѣлось во Псковѣ и Новгородѣ.

Бунтъ во Псковѣ произошелъ вслѣдствіе повелѣнія царя Псковскому воеводѣ Собакину отпустить изъ Псковскихъ царскихъ житницъ 11.000 четвертей хлѣба въ Швецію, въ счетъ той суммы, которую рѣшено было уплатить Швеціи за русскихъ перебѣжчиковъ (т.-е., за перебѣжавшихъ въ Московскіе предѣлы изъ русскихъ областей, уступленныхъ Швеціи). Въ Псковѣ былъ недородъ хлѣба, и взбунтовавшаяся толпа, не слушая увѣщаній архіепископа Макарія и воеводы Собакина, кричала, что не дастъ возить изъ Кремля хлѣбъ. На смѣну Собакину былъ присланъ другой воевода, но смятеніе не затихло и Псковичи не выпустили отъ себя Собакина. Пріѣхавшій для розыску окольничій князь Волконскій едва не былъ убитъ мятежниками. Наконецъ псковичи надумали послать къ царю челобитчиковъ и просить, чтобы онъ прислалъ во Псковъ для подлиннаго сыску Никиту Ивановича Романова, который „государю радѣетъ и о землѣ болитъ". Одновременно съ этими челобитчиками къ царю, псковичи отправили тайно, проселочными дорогами, казака Михайлу Карпова съ челобитной къ самому боярину Никитѣ Ивановичу. Псковичи просили его, чтобы впередъ во Псковѣ воеводы и дьяки судили съ земскими старостами и съ выборными людьми по правдѣ, а не по мздѣ и посуламъ. Никита Ивановичъ привелъ казака къ царю. Царь принялъ всѣхъ челобитчиковъ и отправилъ съ ними къ псковичамъ отвѣтную грамоту. Относительно Никиты Ивановича сказано: „Написали вы это по воровскому заводу: намъ онъ, бояринъ, нашъ холопъ, служитъ съ своею братьями боярами вмѣстѣ, а недоброхота между боярами никого нѣтъ. При предкахъ нашихъ никогда не бывало, чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впредь того не будетъ".

Въ 1653 г. встрѣчаемъ упоминаніе о Никитѣ Ивановичѣ, когда привезли въ Москву скрывшагося въ Голштинію самозванца Тимошку Анкудинова. Онъ заявилъ, что разскажетъ всю правду одному только боярину Никитѣ Ивановичу Романову; но до этого не допустили и стали допрашивать его и пытать въ застѣнкѣ.

18-го мая 1654 г., когда былъ объявленъ походъ царя Алексѣя Михайловича противъ польско-литовскаго короля Яна-Казиміра, Никита Ивановичъ находился при царѣ и отправился съ нимъ подъ Смоленскъ.

Скончался онъ 11-го декабря 1654 г., „идучи съ государевой службы",—по всему вѣроятію въ Вязьмѣ, гдѣ царь расположился станомъ 21-го октября, въ ожиданіи прекращенія въ Москвѣ морового повѣтрія, когда по сдѣланному подсчету въ монастыряхъ, на боярскихъ дворахъ и т. д. оказалось, что въ живыхъ осталось меньше, чѣмъ умерло; во дворѣ Никиты Ивановича въ Москвѣ умерло 352, осталось 134.

Никита Ивановичъ, повидимому, не былъ женатъ—и все имущество его перешло къ царю Алексѣю Михайловичу, какъ ближайшему родственнику по мужской линіи. Вскорѣ послѣ смерти Никиты Ивановича, 22-го декабря 1654 г., думный дьякъ Александръ Ивановъ произвелъ осмотръ всего, что было на боярскомъ дворѣ, и составилъ тому подробную опись. Эта опись чрезвычайно интересна, такъ какъ даетъ понятіе о богатствѣ послѣдняго боярина и дворецкаго изъ не царственной линіи Романовыхъ.

У Н. И. Романова оказалось болѣе сотни серебряныхъ и золотыхъ кубковъ, ковшей, стопъ, рассольниковъ, ведеръ, солонокъ, чарокъ и кружекъ; серебряная утварь вѣсила 2 п. 33 ф., золотая — 1 ф. 49 зол. Царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ думному дьяку Александру Иванову отпустить въ свою казну всѣ серебряныя и золоченыя „четвертины“ и 15—20 братинъ и чашъ. Кромѣ того, отнесены къ государю жемчугъ, разные драгоцѣнные камни, перстни, кольца, запоны. 21-го февраля 1655 г. царь Алексѣй Михайловичъ далъ Патріарху Никону изъ казны Никиты Ивановича 1000 р. на шапку; въ концѣ апрѣля и въ маѣ того-же года самъ Патріархъ неоднократно отправлялся во дворъ умершаго боярина и выбиралъ, что ему нравилось; напр., онъ взялъ шкатулку чернаго дерева, 1 пудъ серебра въ слиткахъ, разную одежду и нѣсколько мелочей. Не станемъ перечислять иконъ, одеждъ и тканей, утвари и оружія, которыя остались послѣ Никиты Ивановича. Въ сундукахъ, окованныхъ желѣзомъ, помѣщались лубяныя или осиновыя коробки, мѣшки и узелки, а въ нихъ деньги, по большой части съ надписями не только суммы, но даже того года, въ которомъ былъ полученъ доходъ; напр., въ нѣсколькихъ коробкахъ хранились деньги „по росписи за рукою боярина Ивана Никитича“ 135 и 136 г.г. (1627 и 1628 г.г.), слѣдовательно, не трогались болѣе четверти вѣка. Всѣхъ денегъ было около 22.500 рублей, да безъ малаго 1.300 золотыхъ. Въ амбарахъ, кладовыхъ и подвалахъ хранились: ржаная и пшеничная мука, солодъ, сухари, толокно, разная крупа, рожь, пшеница, ячмень, хмѣль, соль, макъ, орѣхи, ветчина, гусиные и утиные полотки, вино, пиво, медъ, морсы и бочки съ лимонами. Изъ этихъ запасовъ царь роздалъ много на поминъ души Никиты Ивановича въ Московскіе монастыри, въ тюрьмы, причту Знаменской церкви, которая была у его Московскаго двора, и разнымъ лицамъ, обращавшимся съ просьбой удѣлить что-либо на прокормъ изъ хлѣбныхъ запасовъ, оставшихся послѣ Никиты Ивановича. Все оружіе было передано въ Оружейный Приказъ.

Къ сожалѣнію, составлена была опись только движимости. О вотчинахъ Никиты Ивановича сохранились отрывочныя свѣдѣнія; такъ, напр., ему принадлежалъ городокъ Скопинъ, Ряжскаго уѣзда, съ деревнями; были у него вотчины въ уѣздахъ: Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Старорусскомъ, близъ Твери, въ Коломенскомъ, въ Московскомъ уѣздахъ, въ Горетовомъ стану, а въ Васильевскомъ стану извѣстное село Измайлово. За нимъ на оброкѣ были рыбныя ловли на Волгѣ, выше и ниже Твери, и на рѣкахъ Поноѣ и Лахтѣ, въ Кольскомъ уѣздѣ. Въ самой Москвѣ у него было нѣсколько владѣній, а за Яузою, въ деревянномъ городѣ, подлѣ земляного валу, находился огородъ, мѣрою около трехъ десятинъ. Большая часть упомянутыхъ вотчинъ, а также рыбныя ловли и огородъ за Яузой были отказаны царемъ, согласно просьбѣ Патріарха Никона, Иверскому монастырю (въ Новгородскомъ уѣздѣ, на Святомъ озерѣ) и другимъ монастырямъ, къ нему приписаннымъ.

Подмосковное село Измайлово царь Алексѣй Михайловичъ оставилъ себѣ и завелъ тамъ образцовое хозяйство. Послѣ его кончины Измайлово перешло къ его старшему сыну, царю Ѳеодору Алексѣевичу, который часто ѣздилъ туда и бралъ гостить къ себѣ брата, царевича Петра Алексѣевича. Благоустройство и просторъ Измайлова, тамошніе пруды и возможность кататься по нимъ въ лодкѣ (Ѳеодоръ Алексѣевичъ развивалъ въ Петрѣ любовь къ водѣ) привлекали Петра и впослѣдствіи. Весной 1688 г., гуляя въ Измайловѣ со своимъ учителемъ математики, голландцемъ Францемъ Тиммерманомъ, Петръ заглянулъ въ одинъ изъ амбаровъ, гдѣ лежали остатки имущества Никиты Ивановича Романова. Увидавъ иностранное судно, онъ спросилъ Тиммермана, что это за судно, какъ его употреблять, какое оно имѣетъ преимущество передъ русскими судами и

найдется-ли въ Москвѣ человѣкъ, который-бы починилъ его и показалъ, какъ съ нимъ обращаться. Тиммерманъ отвѣтилъ, что судно—англійскій ботъ, что онъ можетъ ходить на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра, и что въ Москвѣ найдется мастеръ для его исправленія. Тиммерманъ разыскалъ голландца Коршенъ Бранта, который пріѣхалъ въ Россію при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вмѣстѣ съ другими мастерами для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійскомъ морѣ. Брантъ починилъ ботикъ. Несомнѣнно, что бесѣды съ нимъ заинтересовали Петра и впервые пробудили въ немъ мысль отправиться въ Голландію для изученія корабельнаго дѣла. Ботикъ, найденный въ амбарѣ Никиты Ивановича Романова, котораго Петръ называлъ „дѣдомъ“, явился родоначальникомъ кораблей въ Россіи и извѣстенъ подъ именемъ „дѣдушки Русскаго флота“.

Какъ видно, Никита Ивановичъ находился въ общеніи съ иноземцами, въ особенности съ голландцами, и оказалъ посмертное вліяніе на первое преобразованіе Петра. Подтвержденіемъ расположенія Никиты Ивановича къ иноземцамъ можетъ служить свидѣтельство извѣстнаго Олеарія, секретаря Голштинскаго посольства въ Московское государство при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, что Никита Ивановичъ ѣздилъ на охоту въ нѣмецкомъ платьѣ. Кромѣ того, Соловьевъ приводитъ извѣстіе, не ручаясь, впрочемъ, за его вѣрность въ подробностяхъ, что Никита Ивановичъ одѣлъ своихъ людей въ ливреи на иностранный ладъ, и что Патріархъ Никонъ прибѣгъ къ хитрости, чтобы добиться уничтоженія такого соблазна: онъ попросилъ у Никиты Ивановича ливрею, какъ будто для образца; въ дѣйствительности-же онъ не намѣревался одѣть своихъ служекъ въ нѣмецкое платье, а велѣлъ изрѣзать въ куски присланную Никитой Ивановичемъ ливрею.

Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что Никита Ивановичъ принадлежалъ къ кружку тѣхъ лицъ изъ высшаго Московскаго общества XVII вѣка, которыя сознавали необходимость сближенія Московскаго государства съ Западною Европою, являясь такимъ образомъ предвозвѣстниками преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

Насколько внимательно и почтительно относился Алексѣй Михайловичъ къ памяти Никиты Ивановича, видно изъ расходной книги 1654—59 гг., гдѣ записывались деньги, отпущенныя въ монастыри, въ тюрьмы и въ Приказы на поминовеніе; кромѣ царя Михаила и царицы Евдокіи Лукьяновны, совершалось поминовеніе и Никиты Ивановича. Въ 1668 г. (слѣдовательно, 14 лѣтъ спустя послѣ кончины Никиты Ивановича), апрѣля 3-го, на память преп. Никиты, царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Новоспасскій монастырь, гдѣ погребены Романовы, и слушалъ панихиду у гроба Никиты Ивановича. Въ 1674 г., декабря 12-го, литургію въ Новоспасскомъ монастырѣ совершали: Московскій Патріархъ Іоасафъ и вселенскій Патріархъ Паисій, а послѣ обѣдни служили панихиду по Никитѣ Ивановичу, со дня кончины котораго исполнилось 11-го декабря ровно двадцать лѣтъ.

„Дворцовые разряды“, т. III; „Дополненія къ актамъ историческимъ“, т. III, V, VIII; Полное собр. закон., т. I; А. Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ Приказовъ 1584—1725 г.г., М. 1877 г.; „Описаніе документовъ Московскаго Архива Мин. Юст., т. I, II; С. Бѣлокуровъ. Дневныя записки Приказа Тайныхъ дѣлъ 7165—7183 г.г., М. 1908 г.; „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1887 г., III, стр. 1—128: „Роспись всякимъ вещамъ, деньгамъ и запасамъ, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по немъ на поминъ души“; „Русская Историческая Библіотека“, т. V, X; Олеарій, Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Перев. съ нѣмецкаго Павла Барсова, М. 1870 г.; А. Мартыновъ, Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Текстъ И. М. Снегирева. Изд. 2-е. Годъ четвертый, М. 1853 г.; „Село Измайлово, родовая вотчина Измайловыхъ“, стр. 99—131; Н. Устряловъ, Исторія царствованія Петра Великаго, С.-Пб. 1858 г., II; М. Погодинъ. Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго, М. 1875 г.; Соловьевъ. Исторія Россіи, т. X и XII; Московскій Некрополь, т. III; Н. Селифонтовъ, Родословная рода Романовыхъ, ч. II, С.-Пб. 1898, стр. 100.

В. Корсакова.

Романовъ (также **Юрьевъ-Захарьинъ**), *Никита Романовичъ*, бояринъ; умеръ 23-го апрѣля 1586 г.; сынъ Романа Юрьевича Захарьина и жены его Іуліаніи Ѳеодоровны и любимый шуринъ царя Іоанна Грознаго. Онъ былъ женатъ дважды: въ первомъ бракѣ—на дочери Ивана Дмитріевича Ховрина—Варварѣ Ивановнѣ Ховриной (ум. 18-го іюня 1552 г.), во второмъ

(вѣроятно, съ 1555 г.)—на княжнѣ Евдокіи Александровнѣ Горбатовой-Шуйской, (ум. 4-го апрѣля 1581 г.), дочери князя Александра Борисовича Горбатова-Шуйскаго. Долгое время историки полагали, что отъ его перваго брака родился сынъ Ѳеодоръ, впослѣдствіи Патріархъ Филаретъ Никитичъ. Вопросъ о томъ, которая изъ двухъ женъ Никиты Романовича была матерью Ѳеодора, сильно интересовалъ Гр. Вас. Мещеринова, занимавшаго въ 1882—1901 гг. мѣсто командующаго войсками въ Казани; онъ изучилъ мельчайшія подробности, которыя могли пролить свѣтъ на выясненія этого вопроса, и доказалъ, что Ѳеодоръ былъ старшимъ сыномъ отъ второго брака его отца.

Въ 1547 г., на свадьбѣ царя Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной, Никита Романовичъ, какъ одинъ изъ братьевъ невѣсты, былъ „спальникомъ“ и „мовникомъ“. 3-го ноября того же 1547 г., на свадьбѣ князя Юрія Васильевича съ княжной Ульяной Дмитріевной Палецкой, у постели была его жена Варвара Ивановна, а самъ онъ долженъ былъ спать у постели, ѣздить съ княземъ и мыться съ нимъ въ мыльнѣ. Въ 1547—1548 гг. въ неудачномъ Казанскомъ походѣ, продолжавшемся съ 11-го декабря 1547 г. до 7-го марта 1548 г., (вслѣдствіе оттепели войска должны были вернуться изъ Роботокъ въ Москву), Романовъ находился рындой у царя. Въ 1552 г., во время взятія Казани, онъ вѣроятно былъ съ царемъ, такъ какъ князь Курбскій въ „Исторіи“ упомянулъ, что шурья, т.-е. Данило и Никита Романовичи, посовѣтовали царю немедленно вернуться въ Москву. Затѣмъ въ теченіе семи лѣтъ ничего не извѣстно о службѣ Никиты Романовича. Въ 1559 г. во время Ливонскаго похода, онъ былъ то варищемъ князя Василія Семеновича Серебрянаго въ передовомъ полку, а затѣмъ князя Андрея Ивановича Ногтева-Суздальскаго въ сторожевомъ полку, гдѣ упоминается уже въ чинѣ окольничаго. Въ 1560 г. въ Разрядѣ сказано: „А напередъ большихъ бояръ и воеводъ ходили въ войну: въ большомъ полку бояринъ князь Василій Семеновичъ Серебряный, да окольничій Никита Романовичъ Юрьевъ“. Въ 1562 г. ему пожаловано было боярство. Весной 1564 г., по Крымскимъ вѣстямъ, онъ былъ назначенъ быть въ Каширѣ вторымъ воеводой правой руки, товарищемъ къ князю Ив. Ѳеод. Мстиславскому; вторымъ воеводой въ лѣвой рукѣ былъ князь Андрей Ив. Татевъ. Воевода большого полка князь Ив. Дм. Бѣльскій писалъ государю, что князь Татевъ „списковъ не взялъ“, а самъ князь Татевъ писалъ государю, что ему „въ лѣвой рукѣ быти не мочно для Никиты Романовича, что Никита въ правой рукѣ“. Царь отвѣтилъ обоимъ, чтобъ онъ „списки взялъ, и въ лѣвой рукѣ былъ, а меньши ему Никиты быти пригоже“. По „тайной росписи“ Никита Романовичъ долженъ былъ итти съ сторожевымъ полкомъ „съ берега“ навстрѣчу къ царю Ивану Васильевичу. Въ августѣ того же 1564 г. онъ былъ вызванъ изъ Каширы въ Москву для переговоровъ съ Литовскимъ гонцомъ; изъ Коломны былъ одновременно вызванъ и князь Ив. Дм. Бѣльскій. Въ томъ же году, въ случаѣ прихода Крымскихъ людей на Украйну, Романовъ назначенъ былъ, въ числѣ другихъ бояръ, остаться въ Москвѣ. Въ началѣ 1565 г., когда царь Иванъ Васильевичъ раздѣлилъ Московское государство на „опричнину“ и „земщину“, то оставилъ Никиту Романовича членомъ Земскаго правленія. Въ маѣ 1565 года Никита Романовичъ подписался подъ грамотою объ отправленіи посольства въ Ногайскую орду, къ новому владѣтелю ея Типъ-Ахмету, сыну умершаго въ 1563 г. Измаила, заклятаго врага Крымскаго хана Девлетъ-Гирея.

Въ 1566 г., послѣ смерти своего брата Даніила Романовича, онъ былъ сдѣланъ дворецкимъ и получилъ званіе „намѣстника Тверского“. Изъ граматъ отъ 15-го января и 11-го марта 1566 г. видно, что Іоаннъ Грозный, прогнѣвавшись за что-то на своего двоюроднаго брата князя Владиміра Андреевича, далъ ему вмѣсто старинныхъ его городовъ Старицы и Вереи съ волостями свои два города: Дмитровъ и Звенигородъ, тоже съ волостями. Со стороны Іоанна при этой мѣнѣ были бояре: Ив. Петр. Ѳедоровъ и Никита Романовичъ Юрьевъ, казначей Никита Аѳан. Ѳуниковъ и дьякъ Путила Михайловъ. Съ 7-го мая по 15-е сентября 1566 г. въ Москвѣ находилось посольство отъ Польскаго короля Сигизмунда-Августа къ царю Ивану Васильевичу: паны Хоткевичъ, Тишкевичъ и писарь Гарабурда; они желали заключенія вѣчнаго мира, но ближняя дума, состоявшая изъ князя Ив. Дм. Бѣльскаго, Ив. Вас.

большого Шереметева и Никиты Романовича рѣшила толковать съ ними лишь о перемиріи. 2-го іюля 1566 г. была выдана посломъ Польскаго короля грамата объ отказѣ въ перемиріи; подъ этой граматой подписался и Никита Романовичъ. Въ 1567—1570 г. въ Москву неоднократно пріѣзжали посольства отъ Польскаго короля, и каждый разъ на долю Никиты Романовича выпадало вести съ ними переговоры. Въ 1569 г. Романовъ по росписи отъ Польской Украйны назначенъ былъ быть въ правой рукѣ товарищемъ у князя Ив. Ѳеод. Мстиславскаго, а въ случаѣ прихода Крымскихъ людей итти „за рѣку", т.-е., за Оку, съ передовымъ полкомъ. Въ 1570 г. Романовъ былъ оставленъ на Москвѣ, когда ратные люди были посланы „на берегъ" по Крымскимъ вѣстямъ. Въ 1571 г. Никита Романовичъ и Ѳеод. Вас. Шереметевъ ставили городъ на одномъ изъ полуостововъ озера Нещерди, въ нынѣшней Витебской губерніи, близъ границъ Себежскаго и Невельскаго уѣздовъ.

Въ 1572 г., въ зимнемъ походѣ царя Іоанна въ Великій Новгородъ и противъ шведовъ, Романовъ былъ однимъ изъ воеводъ передового полка, а затѣмъ оставленъ былъ въ Новгородѣ, въ числѣ годовыхъ воеводъ. Въ 1573 г. онъ былъ вторымъ воеводой передового полка въ Ливонскомъ походѣ подъ Пайду, а осенью этого года находился въ Муромѣ во время сборовъ для похода подъ Казань; походъ этотъ былъ отмѣненъ, такъ какъ „Казанскіе люди въ Муромѣ добили челомъ и договоръ учинили о всемъ по Государеву наказу". Въ томъ же году онъ былъ въ „сидячихъ боярахъ" на свадьбѣ Арцымагнуса съ княжной Марьей Владиміровной. Въ январѣ 1574 г. царь Иванъ Васильевичъ снова послалъ Никиту Романовича въ Ливонскій походъ товарищемъ Ногайскаго мурзы Аѳанасія Шейдяковича въ большомъ полку. Когда походъ окончился, расписаны были воеводы по полкамъ „Литовской украйны", и вторымъ воеводой большого полка (первымъ воеводой былъ царь Симеонъ Бекбулатовичъ) оставленъ былъ Никита Романовичъ, а вторымъ воеводой въ правой рукѣ — князь Андрей Вас. Репнинъ. Царь Симеонъ писалъ объ этомъ царю изъ Новгорода, — и государь отвѣтилъ: „велѣно на той службе быть безъ мѣстъ; а какъ служба минетца, и государь тогды дела ихъ послушаетъ". Въ маѣ 1574 г. Романовъ стоялъ съ полкомъ правой руки въ г. Мышегѣ, Тарусскаго уѣзда, для приходу Крымскихъ людей. Незадолго до того, въ февралѣ 1574 г., онъ назначенъ былъ, вмѣсто умершаго князя Мих. Ив. Воротынскаго, начальникомъ надъ сторожевою и станичною службою. Это назначеніе доказываетъ, что царь Иванъ признавалъ сторожевую службу одною изъ важныхъ отраслей государственнаго управленія и заботился, чтобы она и послѣ князя Воротынскаго продолжала совершенствоваться. Никита Романовичъ вызвалъ станичныхъ головъ, вожей и станичниковъ, разспросилъ ихъ объ урочищахъ, гдѣ назначены были станицы и разъѣзды по приговору князя Воротынскаго, и пожелалъ узнать ихъ мнѣніе, остаться ли при прежнемъ порядкѣ, или сдѣлать измѣненія? Повидимому, распредѣленіе станичныхъ разъѣздовъ и сторожъ осталось прежнее, нодля поощренія станичниковъ и сторожей Никита Романовичъ счелъ необходимымъ назначить имъ помѣстные оклады и денежное жалованье, что̀ въ томъ же году и было утверждено Боярской Думой. Въ 1575—76 гг. линія украинскихъ укрѣпленій настолько подвинулась впередъ, что въ нее поступили нѣкоторые вновь выстроенные города, а многіе прежде существовавшіе пришлось укрѣпить и приспособить къ пограничной службѣ. Вслѣдствіе этого Никита Романовичъ вызвалъ въ 1576 г., для новыхъ разспросовъ, лицъ, служившихъ на станицахъ и сторо̀жахъ, и сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія согласно съ показаніями станичныхъ головъ; напр., отмѣнено было прежнее правило высылать сторо̀жей въ степь къ первому апрѣля и велѣно сообразоваться съ временемъ открытія весны. Повидимому, тогда же было составлено росписаніе, изъ какихъ городовъ какимъ служилымъ людямъ быть на сторо̀жахъ и на какомъ жалованьѣ. Въ февралѣ 1577 г. „стоялые головы", бывшіе на станичной службѣ въ 1576 г., подали Никитѣ Романовичу жалобу, что украинскіе воеводы назначаютъ на „вторые и третьи перемѣны" людей, плохо вооруженныхъ, „худоконныхъ" и неспособныхъ для степной службы. Никита Романовичъ доложилъ объ этомъ царю и получилъ отъ него разрѣшеніе передать въ вѣдѣніе дьяковъ Разряднаго Приказа назначеніе боярскихъ дѣтей на станичную службу, на всѣ три перемѣны.

Украинскимъ воеводамъ и осаднымъ головамъ велѣно было высылать боярскихъ дѣтей въ станицы не иначе, какъ по вѣстямъ про воинскихъ людей; „а безъ вѣстей бы станицъ не посылати, и тѣмъ бы воинскимъ людемъ истомы не чинили". Кромѣ того, для облегченія боярскихъ дѣтей не велѣно назначать на степную службу подрядъ два раза однихъ и тѣхъ же людей. Ближайшій надзоръ за сторожами порученъ осаднымъ головамъ, которые обязывались слѣдить за исправностью службы и выѣзда сторожей и подвергались отвѣтственности за недосмотръ. Послѣ строгаго разбора украинскихъ сторожей, годные для сторожевой службы поверстаны были добавочными помѣстными окладами и денежнымъ жалованьемъ, а на мѣсто негодныхъ выбраны лучшіе изъ городовыхъ служилыхъ людей. Въ 1578 г. станичники подвинулись еще впередъ и оставили далеко за собою Донъ и его притоки. Крымцы, преслѣдуемые сторожами, прокладывали новыя дороги, но сторожи разыскивали эти новые пути и доносили Московскому правительству, которое немедленно принимало надлежащія мѣры. Въ 1579 г. Никита Романовичъ усилилъ отряды двухъ станичныхъ головъ и такъ распредѣлилъ ихъ „разъѣзды", что крымцы должны были отказаться отъ проѣзда по новой дорогѣ черезъ Калміусъ. Станичная служба получила столь правильную постановку, что ежегодно доставляемыя въ Разрядъ росписи достигли поразительной точности. Въ первые два года царствованія Ѳеодора Іоанновича (1584—1585 гг.) сторожевая украинская служба оставалась безъ измѣненій, а съ 1586 г., по приговору Никиты Романовича, линія укрѣпленій выдвинулась въ степь до Сосны и устья Воронежа, и рѣшено было выстроить два новыхъ города: Ливны и Воронежъ.

Разсказавъ вкратцѣ о дѣятельности Никиты Романовича по оборонѣ южной окраины Московскаго государства, о его заботливости и справедливости по отношенію къ служилымъ людямъ, находившимся подъ его начальствомъ, вернемся къ 1575 г. Участвуя въ этомъ году въ Ливонскомъ походѣ, Никита Романовичъ взялъ городъ Пернау (Перновъ) и изумилъ жителей великодушіемъ, предоставивъ имъ право добровольно присягнуть Московскому царю или удалиться изъ города со всѣмъ своимъ имуществомъ. Въ декабрѣ этого же 1575 года пріѣхали великіе послы Нѣмецкаго Императора, Іоаннъ Кобенцель и принцъ Данилъ изъ Бухова. Ихъ задержали въ Дорогобужѣ, куда явились Никита Романовичъ, князь Сицкій и дьякъ Андрей Щелкаловъ съ наказомъ отъ царя устроить съѣзжій дворъ и, „сославшись" съ Нѣмецкими послами, съѣхаться съ ними на этомъ дворѣ и спросить отъ имени царя, за какимъ дѣломъ они пріѣхали. Велѣно было выяснить, что не разъ уже подъ видомъ пословъ пріѣзжали торговые люди, которымъ оказывались почести, подобающія лишь посламъ. Іоаннъ Кобенцель и принцъ Данилъ изъ Бухова отвѣтили, что они пріѣхали, чтобы подтвердить прежній союзъ и уговориться о Литовскомъ дѣлѣ и о всякомъ христіанскомъ прибыткѣ; рѣчи Императора они желали передать самому Царю. Въ 1577 г. Никита Романовичъ былъ снова назначенъ участвовать въ Ливонскомъ походѣ; въ Новгородѣ по росписи у него должны были собираться къ Преполовенію: Костромичи, Галичане, Вотская и Обонежская пятины. Весной царь Іоаннъ прибылъ въ Новгородъ съ обоими царевичами, и Никита Романовичъ долженъ былъ предводительствовать правой рукой. Въ томъ же 1577 г. онъ былъ въ числѣ судей для разборѣ мѣстническихъ счетовъ по челобитью Ѳомы Ав. Бутурлина на Ив. Вас. Шереметева Меньшаго; судъ не состоялся, такъ какъ Ив. Вас. Шереметевъ погибъ въ сраженіи подъ Колыванью (Ревелемъ). Въ концѣ 1578 г. начались сильныя приготовленія къ войнѣ со Стефаномъ Баторіемъ; во главѣ бояръ и приказныхъ людей изъ земщины показанъ Никита Романовичъ.

Въ 1580 году Царь Иванъ Васильевичъ обратился къ Папѣ Григорію XIII съ просьбой о посредничествѣ между Россіей и Польшей. Папа послалъ для веденія дипломатическихъ переговоровъ извѣстнаго іезуита Антонія Поссевина, который и былъ неоднократно принятъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Старицѣ съ 20-го августа по 12-е сентября 1581 г. Послѣ того Поссевинъ поѣхалъ въ Польшу, откуда и послалъ царю Ивану гонцовъ съ грамотами. Въ ноябрѣ царь съ семьей находился въ Александровской Слободѣ; 9-го ноября тамъ были и Никита Романовичъ съ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ; государь „думалъ съ ними о польскихъ дѣ-

лахъ", и между прочимъ было приговорено, чтобы царь переѣхалъ въ Москву въ среду 15-го ноября, въ виду предстоявшаго пріѣзда Литовскаго гонца отъ Стефана Баторія. Послѣ отъѣзда изъ Александровской Слободы Никиты Романовича и дьяка Щелкалова сильно занемогъ царевичъ Иванъ Ивановичъ, вслѣдствіе удара, нанесеннаго ему отцомъ, въ порывѣ гнѣва, желѣзнымъ посохомъ. Царь растерялся, но надѣялся на выздоровленіе сына. Вотъ что онъ писалъ 12-го ноября: „От великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи боярину нашему Миките Романовичю Юрьеву да діяку нашему Ондрѣю Щелкалову—которого вы дня от нас поѣхали, тово дни Иван сынъ разнемогся и нынече конечно болен, и что есмя с вами приговорили, что было нам ѣхати къ Москве в Середу заговѣвши,—и нынече нам для сыновни Ивановы немочи ѣхати в Середу нелзя, и вы б о томъ помыслили, какъ тому быти, что король гонца своего прислал, а велит дѣлати наскоро, и вы б к нам отписали, какъ о гонцѣ о королеве быти, а намъ, докудова Бог помилуетъ Ивана сына, ѣхати отсюда невозможно. Писан в Слободѣ лѣта 7090, Ноября въ 12 день". На другой же день бояринъ Никита Романовичъ и дьякъ Щелкаловъ отвѣтили царю. Въ началѣ отписки, какъ это было принято, повторялось содержаніе царской грамоты. Дальше слѣдовало: „И мы холопи твои поговорили: Литовскаго для гонца тебѣ, государю, ѣхати не пригожъ, покамѣста Богъ Свое милосердіе подастъ облехченье государю нашему царевичю князю Ивану въ его болѣзни. А про гонца, государь, про Литовскаго вѣсть переновилась...: посланъ онъ въ Новгородъ ко князю Ивану Голицыну съ товарыщи отъ папина посланника отъ Онтонья (Поссевина) съ листомъ". Изъ этой отписки видно, что Никита Романовичъ и дьякъ Щелкаловъ не придали особаго значенія болѣзни царевича. 14-го ноября они вмѣстѣ съ другими боярами „сидѣли" въ Москвѣ о посольскомъ дѣлѣ и лишь 15-го или 16-го были вызваны въ Александровскую Слободу и привезли съ собой медиковъ. Помочь царевичу оказалось невозможно, и 19-го ноября онъ скончался.

Вскорѣ послѣ погребенія царевича, 27-го ноября 1581 г., Никитѣ Романовичу пришлось дѣлать распоряженія и разсылать граматы, чтобы были наготовѣ со всею службою стрѣлецкій голова и сотники, назначенные, въ случаѣ заключенія мира съ Польшею, ѣхать въ города Холмъ, Луки Великіе, Невль и Заволочье. Въ 1582 г., февраля 18-го, Антоній Поссевинъ былъ принятъ въ Москвѣ царемъ Иваномъ Васильевичемъ; въ „отвѣтѣ" съ нимъ назначены быть: Никита Романовичъ, два думныхъ дворянина и дьяки. Въ 1583 г. пріѣхалъ въ Москву Англійскій посолъ Боусъ, чтобы выхлопотать англичанамъ исключительное право входа съ товарами во всѣ Бѣломорскія пристани и жалованную грамоту Англійскимъ купцамъ на безпошлинную торговлю. Въ „отвѣтѣ" съ нимъ были: Никита Романовичъ, Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій и дьяки Андрей Щелкаловъ и Савва Фроловъ. Послѣ долгихъ переговоровъ царь велѣлъ передать Боусу окончательное рѣшеніе, которымъ онъ остался недоволенъ: къ пяти пристанямъ дозволялось приставать только англичанамъ; къ Пудожемскому устью—испанцу Ивану Белобороду; къ Колѣ—французамъ. Вскорѣ послѣ того умеръ царь Иванъ Васильевичъ, оказывавшій Боусу, по собственному его выраженію, милость, жалованье и честь великія, свыше его достоинства. По вступленіи на престолъ Ѳеодора Іоанновича отношенія къ нему измѣнились: онъ былъ, какъ позднѣе самъ говорилъ русскому посланнику въ Лондонѣ, и „опозоренъ, и обезчестенъ и не чаялъ себѣ живу быти отъ бояръ, ото князя Ивана Мстиславскаго да отъ Шуйскихъ, да отъ Никиты Романова, да отъ діака Ондрѣя Щелкалова". Если онъ остался живъ, то только благодаря заступничеству Бориса Годунова, съ великимъ жалованіемъ и честью отпустившаго его въ Англію. По словамъ Боуса, англичане не получили исключительнаго права торговли въ Россіи потому, что голландцы пріобрѣли расположеніе трехъ главныхъ совѣтниковъ царскихъ: Никиты Романовича, Богдана Бѣльскаго и Андрея Щелкалова. Голландцы будто бы подносили имъ безпрестанно подарки и заняли у нихъ большія суммы денегъ изъ 25% годовыхъ. Боусъ указывалъ на это, какъ на благовидную взятку, но въ концѣ XVI в. размѣръ роста опредѣлялся въ заемныхъ кабалахъ, „какъ идетъ въ людяхъ, на пять шестой", т.-е., обычно былъ высокъ, равняясь 20%.

Передъ смертью царь Иванъ Васильевичъ поручилъ своихъ сыновей Ѳеодора и Димитрія нѣсколькимъ приближеннымъ и именитымъ людямъ; во главѣ этихъ лицъ несомнѣнно стоялъ Никита Романовичъ, который, по единогласному указанію современниковъ, занялъ первое мѣсто при дворѣ своего племянника, царя Ѳеодора. Кромѣ того, большимъ значеніемъ пользовались шуринъ царя—Борисъ Годуновъ, князь И. Ѳ. Мстиславскій и дьяки Щелкаловы. Никита Романовичъ находился въ родствѣ, хотя и дальнемъ, съ Борисомъ Годуновымъ, такъ какъ отдалъ дочь свою Ирину замужъ за Ив. Ив. Годунова, троюроднаго его племянника; будучи женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, княжнахъ Горбатыхъ-Шуйскихъ, Никита Романовичъ и князь Ив. Ѳеод. Мстиславскій были свояками; къ Щелкаловымъ Никита Романовичъ относился весьма дружелюбно, такъ какъ цѣнилъ въ нихъ умъ и выдающіяся государственныя способности. Изъ этого ясно, что въ первые мѣсяцы царствованія Ѳеодора, пока Никита Романовичъ былъ здоровъ, власть сосредоточивалась къ кружкѣ лицъ, которыя находились между собою въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ. Когда, вскорѣ послѣ смерти Іоанна Грознаго, произошелъ въ Москвѣ мятежъ и народная толпа требовала выдачи Бѣльскаго, обвиняя его, что онъ извелъ царя Ивана и намѣренъ извести и Ѳеодора, — къ народу вышли для увѣщанія: князь Ив. Ѳеод. Мстиславскій, Никита Романовичъ и дьяки Щелкаловы.

Въ августѣ 1584 г. Никита Романовичъ сильно занемогъ и не былъ уже въ состояніи принимать участія въ дѣлахъ правленія. Чувствуя приближеніе смерти, онъ взялъ съ Бориса Годунова клятву „соблюдать“ его дѣтей и „ввѣрилъ“ ему попеченіе о нихъ; одинъ изъ современниковъ свидѣтельствуетъ, что Борисъ „клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помогателя имѣти“. Во все царствованіе Ѳеодора Годуновъ, дѣйствительно, имѣлъ Романовыхъ въ „завѣщательномъ союзѣ дружбы“, какъ выразился писатель того времени князь И. М. Катыревъ-Ростовскій, женившійся въ 1608 г. на дочери Ѳеодора (Филарета) Никитича, Татьянѣ, слѣдовательно, хорошо освѣдомленной обо всемъ, что̀ касалось Романовыхъ. Никита Романовичъ принялъ постриженіе и даже схиму передъ кончиной. Въ Новоспасскомъ монастырѣ въ памятникѣ написано: „лѣта 7094 (1586), апрѣля въ 23 день, представися рабъ Божій боляринъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ, во иноцѣхъ Нифонтъ схимникъ“.

Отъ перваго брака съ Варварой Ивановной Ховриной у Никиты Романовича не было дѣтей. Отъ второго брака съ княжной Евдокіей Александровной Горбатой-Шуйской онъ имѣлъ шесть сыновей и шесть дочерей: Ѳеодора (впослѣдствіи Патріарха Филарета), Александра, Михаила, Ивана, Василія и Льва. Дочери его: Іуліанія умерла во младенчествѣ; Анна была замужемъ за княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Троекуровымъ; Евфимія—за княземъ Иваномъ Васильевичемъ Сицкимъ (обоихъ, т.-е. и жену, и мужа, постригли при царѣ Борисѣ въ монашество); Марѳа—за княземъ Борисомъ Камбулатовичемъ Черкасскимъ; Ирина—за бояриномъ Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ; Анастасія—за боярином̀ княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ.—Сыновья Никиты Романовича были извѣстны въ концѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, а также и при царѣ Борисѣ, подъ именемъ „Никитичей“, что̀ указываетъ на ихъ сплоченность и дружбу между собой. Они-то стали называться не Захарьиными и не Юрьевыми, а Романовыми по своему дѣду, Роману Юрьевичу.

Остается сказать о земельныхъ владѣніяхъ Никиты Ром. и о томъ, какъ онъ воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ.

2-го октября 1550 г. состоялся указъ о раздачѣ подъ Москвою, верстъ на 60—70 въ окружности, помѣстій и вотчинъ избранной тысячѣ „дѣтей боярскихъ—лучшихъ слугъ“, а также боярамъ и окольничимъ, обязаннымъ быть готовыми къ посылкамъ, но не имѣющимъ жалованныхъ помѣстій и вотчинъ ближе 50 или 60 верстъ отъ Москвы. Избранная тысяча была разбита на три статьи, Никита Романовичъ записанъ былъ въ первую статью,—слѣдовательно получилъ 200 четвертей земли въ Московскомъ уѣздѣ (при переводѣ на десятины, это составитъ всего 300 десятинъ въ трехъ поляхъ). Царь Иванъ Васильевичъ щедро надѣлилъ землями Никиту Романовича и его мать Іуліанію Ѳеодоровну, что видно изъ слѣдующаго мѣста духовнаго запѣщанія Царя: „...и что есми

пожаловалъ Романову жену Юрьевича и ея сына Никиту волостьми и селы...—и въ тѣ вотчины сынъ мой Иванъ и сынъ мой Ѳедоръ не вступаются". Въ самой Москвѣ Никита Романовичъ владѣлъ, между прочимъ, огромной усадьбой въ Китай-городѣ, на Варваркѣ; часть этой усадьбы занята въ настоящее время палатами бояръ Романовыхъ.

Благодаря тѣмъ матеріаламъ, которые находятся въ статьѣ Д. В. Цвѣтаева: „Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство" („Журн. Мин. Юстиціи" 1913 г., январь), мы узнаемъ названія нѣкоторыхъ вотчинъ Никиты Романовича. Впослѣдствіи вопросъ о землевладѣніи Романовыхъ по документамъ Архива Министерства Юстиціи (какъ обѣщаетъ Д. В. Цвѣтаевъ) явится предметомъ особаго изслѣдованія. Начнемъ обзоръ съ Московскаго уѣзда. Въ Васильцовомъ стану Никитѣ Романовичу принадлежали: село Измайлово, которое такъ любилъ впослѣдствіи царь Алексѣй, и село Рубцово; при обоихъ селахъ было 7 населенныхъ деревень, три пустоши и около 1000 десятинъ пашни. Въ Монатьиномъ, Быковомъ и Коровиномъ станахъ къ нему перешли большія вотчины князей Токмакова и Серебрянаго и другихъ владѣльцевъ, село Чашниково, съ каменной двухпрестольной церковью, и сельцо Филисово; при нихъ 9 населенныхъ деревень, 24 пустоши, селище, большіе покосы, 32 десят. лѣсу и около 1300 десятинъ пашни. Въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ Большомъ Микулиномъ станѣ: села Степаново и Лысцово-Цѣпѣево, съ сѣнокосами, лѣсомъ и около 1650 десятинъ пашни; въ селѣ Степановѣ, кромѣ того, „2 пруда съ рыбою, а на прудѣ же мельница нѣмецкая, а въ селѣ—церковь Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, камена, да 2 предѣла". Въ Юрьево-Польскомъ, Владимірскомъ и Муромскомъ уѣздахъ, т.-е., въ восточной части Замосковья, находились: Петровское, Клины, Смердово, Лычево, Кишлеево, Заколнье, Георгіевское. Около Нерехты — село Денисовское. Въ уѣздахъ: Галичскомъ, Чухломскомъ и Солигаличскомъ—Анофріево, Шулева, Зосима-Савватій, Никола Мокрый, Степурино, Верховье и др. Къ сѣверу отъ Москвы, по направленію къ Бѣжецкому Верху: Хабацкое, Суслово, Лихачево, Ѳедорково. Около Твери: Тургенево, Свистуново. На западъ отъ Москвы—вотчина въ Вязьмѣ. Въ Новгородскомъ краѣ у него были владѣнія въ Буретскомъ погостѣ Шелонской пятины и въ Ивановскомъ погостѣ Вотской пятины. Въ самомъ Новгородѣ жили многіе изъ людей Никиты Романовича и занимались разными промыслами. На южной окраинѣ Московскаго государства у него были обширныя земли въ Калужскомъ (Карамышево, Спасское), Епифанскомъ, Ряжскомъ Данковскомъ, нынѣшнемъ Лебедянскомъ и Елецкомъ уѣздахъ. По мѣстоположенію вотчины распредѣлялись такъ: къ западу отъ городка Скопина, также принадлежавшаго Никитѣ Романовичу — Кремлево; къ востоку—Вослеба; къ югу отъ Данкова—Романово, Мокрое; у Ельца—Черное; между Ельцомъ и Липецкомъ—Студенецъ; къ югу отъ Липецка—Сырское и Троицкое. Въ Каширскомъ уѣздѣ—село Рожественно съ деревнями, сѣнокосами, лѣсомъ и болѣе 1500 десятинъ земли. Вѣроятно, многія изъ этихъ земель Никита Романовичъ пріобрѣлъ въ то время, когда завѣдывалъ оборону южной окраины. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ своего времени, и на его земли, а впослѣдствіи въ вотчины его сына, Ивана Никитича, стремились крестьяне, жившіе за небогатыми помѣщиками и вотчинниками, сознавая, что найдутъ въ нихъ заступниковъ и покровителей.

Существуетъ нѣсколько варіантовъ народной пѣсни, главнымъ героемъ въ которой выставленъ Никита Романовичъ. Вотъ суть этой пѣсни: на веселомъ пиру царь Иванъ Васильевичъ сталъ хвалиться, что „вывелъ измѣну" изъ своей земли. Царевичъ Иванъ Ивановичъ припомнилъ отцу, что они „много силы потратили", когда стоялъ подъ Псковомъ, и заявилъ, что произошло это вслѣдствіе „великой измѣнушки" царевича Ѳеодора. Царь сильно разсердился и приказалъ Малютѣ Скуратову взять Ѳеодора и казнить его за Москвой рѣкой. Царица Анастасія Романовна поспѣшила къ своему брату Никитѣ Романовичу, который въ это время спалъ. Надо было торопиться, чтобы застать царевича въ живыхъ, и въ пѣснѣ замѣчательно картинно представлена та быстрота, съ какой собрался Никита Романовичъ:

„Скоро вставалъ на рѣзвыя ноги,
Сапоги надѣвалъ на босыя ноги,
Шубу надѣвалъ рукавомъ на плечо;

Шапку надѣвалъ блиномъ на главу,
Садился на коня не на сѣдланнаго,
Скоро поскакалъ за Москву рѣку..."

Онъ крикнулъ Малютѣ Скуратову:

„Не за свой ты кусъ принимаешься!
Этимъ кусомъ самъ подавишься!"

При этомъ онъ толкнулъ Скуратова въ грудь; Скуратовъ не устоялъ на ногахъ и упалъ замертво. Послѣ того Никита Романовичъ увелъ племянника въ свои бѣлокаменныя палаты, а самъ отправился навстрѣчу царю Ивану, который шелъ къ ранней обѣднѣ въ „смирномъ" платьѣ, заливаясь горючими слезами. Никита Романовичъ поклонился ему и съ усмѣшкой сказалъ: „Поздравляю васъ съ двумя сынами: съ первымъ—Иванъ Ивановичемъ, съ другимъ Ѳедоромъ Ивановичемъ". Царь опалился гнѣвомъ на своего шурина за насмѣшку, но, узнавъ отъ него, что Ѳедоръ живъ и находится въ его палатахъ, обрадовался и спросилъ, чѣмъ его пожаловать: третью земли, золотой казной, городомъ, крестьянами или Москвою? Никита Романовъ просилъ пожаловать лишь тремя улицами: Арбатомъ, Никитской и Мясницкой и даровать этимъ улицамъ право убѣжища, т.-е., чтобы не захватывали и не обыскивали тѣхъ людей, которые на нихъ взойдутъ.

Въ другомъ варіантѣ пѣсни царь прогнѣвался на самого Ѳеодора Ивановича за его заявленіе на пиру, что „измѣна" не только не выведена изъ всей земли, но существуетъ въ самомъ дворцѣ и измѣнникъ постоянно находится при царѣ. Схваченный по приказанію отца Скуратовымъ, царевичъ немедленно отправилъ къ своему „дѣдушкѣ, къ любимому царскому дядюшкѣ Никитѣ Романовичу", съ извѣстіемъ о предстоящей казни. Никита Романовичъ въ „одной тоненькой сорочушкѣ безъ поясу, въ однѣхъ шолковыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ" вышелъ на крыльцо и приказалъ подвести двухъ лучшихъ коней,—одного для себя, другого для своего ключника. Такъ какъ царь приказалъ Скуратову отрубить голову царевичу и, воткнувъ ее на острый колъ, поставить передъ царскими окнами, то Никита Романовичъ пожертвовалъ своимъ любимымъ ключникомъ. Вмѣсто царевича былъ обезглавленъ ключникъ и его голова на колу помѣщена передъ царскими окнами. Самъ же Никита Романовичъ, на радости, что спасъ племянника, затѣялъ пиръ въ своихъ палатахъ.

Въ третьемъ варіантѣ царевичъ Ѳеодоръ прогнѣвилъ отца тѣмъ, что на похвальбу царя Ивана Васильевича, что онъ вывелъ измѣну изъ Кіева и выведетъ ее изъ Новгорода, Ѳеодоръ замѣтилъ, что изъ Москвы измѣна не выведена, и что три боярина Годуновы—измѣнники. Царь велѣлъ назвать ихъ по имени, но Ѳеодоръ отказался и былъ отданъ на казнь Малютѣ Скуратову. „Перепахнула вѣсть" объ этомъ въ „село Романовское (Преображенское) къ старому Никитѣ Романовичу". Не спрашивая о подробностяхъ, Никита Романовичъ сѣлъ на неосѣдланнаго и невзнузданнаго коня, посадилъ за себя любимаго конюха и поскакалъ за Москву-рѣку. Отнявъ у Скуратова царевича Ѳеодора, онъ рѣшилъ отдать ему своего конюха, чтобы было Скуратову чѣмъ „окровенить" саблю и „замарать руки бѣлыя". Спасеннаго царевича онъ увезъ въ село Преображенское. „Не пива ему варить, не вина курить (т.-е. всякихъ запасовъ вдоволь), а пиръ пошелъ у него на радостяхъ, а въ трубки трубятъ по-ратному, барабаны бьютъ по-воинскому". Увидавъ издали окровавленную саблю Скуратова и голову, которую несъ его „подмастерье", царь лишился чувствъ и три дня не пилъ—не ѣлъ. Тѣло конюха положили на большую телѣгу и привезли отпѣвать въ Соборную церковь. Царь очутился въ это время у церкви и, будучи увѣренъ, что совершается погребеніе царевича, кинулъ три горсти земли на могилу и „съ печали" пошелъ бродить по Московскимъ улицамъ. Бояре Годуновы шли съ царемъ и „подмолвилися," что въ такое скорбное время у Никиты Романовича идетъ веселый пиръ. Иванъ Васильевичъ отправилъ посла съ приказаніемъ немедленно привести къ нему боярина. Едва только поровнялся Никита Романовичъ съ царемъ, какъ царь пронзилъ его правую ногу остроконечнымъ посохомъ и сталъ выговаривать ему за пированье въ то время, какъ у него, царя, „кручина несносная". Никита Романовичъ смѣло отвѣтилъ, что пиръ идетъ для „утѣхи" царевича Ѳеодора. Царь вмѣстѣ съ Никитой Романовичемъ пошелъ въ его палаты и, увидавъ Ѳеодора невредимымъ, обратился къ Никитѣ Романовичу съ такою рѣчью:

„А чѣмъ боярина пожаловати
А стараго Никиту Романовича?
А погребъ тебѣ злата-серебра,
Второе тебѣ питья разнаго,
А сверхъ того грамота тарханная:
Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
А кто у жива мужа жену уведетъ,
И уйдетъ во село во боярское,
Къ старому Никитѣ Романовичу,—
И тамъ быть имъ не въ выдачѣ".

Изъ всѣхъ этихъ варіантовъ ясно, что въ народѣ сложилось убѣжденіе о самостоятельности Никиты Романовича, о томъ, что онъ смѣло вступался за невинныхъ, не опасаясь подпасть подъ гнѣвъ жестокаго царя Іоанна, наконецъ—о молодецкой удали и быстротѣ, съ которыми онъ приводилъ въ исполненіе свои рѣшенія. Въ первомъ изъ приведенныхъ нами варіантовъ является заступницей за царевича Ѳеодора его мать—Анастасія Романовна, умершая въ 1560 г., когда царевичу Ивану шелъ шестой годъ, а царевичу Ѳеодору третій годъ. Въ одномъ изъ варіантовъ Никита Романовичъ называется „дѣдушкой" царевича Ѳеодора и „царскимъ дядичкой," тогда какъ въ дѣйствительности онъ приходился роднымъ дядей Ивану и Ѳеодору Ивановичамъ и шуриномъ царю Ивану Васильевичу. Очевидно, что народная молва имѣла въ виду убіеніе царевича Ивана въ Александровской слободѣ, но смѣшала его съ царевичемъ Ѳеодоромъ и перенесла дѣйствіе въ Москву. Оставляя въ сторонѣ эти неточности пѣсни, обращаемъ вниманіе на тотъ почетъ и на ту любовь, которыя заслужилъ Никита Романовичъ среди народа.

Никита Романовичъ упоминается и въ пѣснѣ, сложенной по поводу женитьбы царя Ивана Васильевича на черкесской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ. Братъ ея Мамстрюкъ Темрюковичъ вызывающе заявляетъ на пиру у царя, что въ Москвѣ нѣтъ такихъ умѣлыхъ борцовъ, съ которыми ему стоило бы помѣряться силою. Не вдаваясь въ подробности многихъ варіантовъ, скажемъ только, что Никита Романовичъ, по приказанію царя, призываетъ борцовъ; въ одной пѣснѣ они названы: „Василька Маленькій" и „Потанюшко Хроменькій," въ другой „два брата Борисовичи" и т. п. Въ этой пѣснѣ ясно выразились народная любовь къ шурину царя по первой женѣ Никитѣ Романовичу, котораго Иванъ Васильевичъ называетъ „дядюшка, свѣтъ Никита Романовичъ!", и недружелюбно-насмѣшливое отношеніе къ шурину по второй женѣ, чужеземцу Мамстрюку; онъ выставленъ въ жалкомъ свѣтѣ: борцы не только одолѣваютъ его, но снимаютъ съ него всю одежду, а царь на жалобы „Кострюка-Мострюка" (какъ величаетъ его пѣснь) ссылается, что сдѣлано это не по его приказанію, а по приказанію Никиты Романовича. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь, очевидно, доволенъ исходомъ борьбы, такъ какъ говоритъ:

„А не то у меня честь въ Москвѣ,
Что Татары-тѣ борются;
То-то честь въ Москвѣ,
Что Русакъ тѣшится!"

„Древняя Россійская Вивліоѳика", т.т. VIII, XI, XIII, XIV, XX; „Собраніе Госуд. Грамотъ и договоровъ", т. I; „Отеч. Записки" 1830 г., ч. 44; „Синбирскій Сборникъ", М. 1845 г., I; М. Погодинъ. „Русскій Историческій Сборникъ", т.т. II и V; „Дополн. къ актамъ историч.", IX; „Писцовыя книги XVI в.", т. II; „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс." 1902 г., I; „Сказанія князя Курбскаго", С.-Пб. 1868 г., изд. 3-е, Н. Г. Устрялова; „Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества", т.т. 38 и 71; Н. П. Лихачевъ. Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссевина, С.-Пб. 1903 г. (Отт. изъ „Лѣтописи Занятій Археографич. Комиссіи", вып. XI); Сказанія Массы и Геркмана; П. В. Кирѣевскій. Пѣсни. Изд. Общ. Любителей Россійской Словесности, М. 1864 г., вып. VI; Н. Карамзинъ, Исторія госуд. Россійскаго, т. VIII—X; И. Д. Бѣляевъ, О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской украйнѣ Моск. госуд. до царя Алексѣя Михайловича („Чт. Моск. Общ. Ист. и Др." 1845—1846 г.г., № 4); С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. т. VI—VII; С. В. Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в., С.-Пб. 1897 г.; С. Платоновъ, Очерки смуты; Н. Селифонтовъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, С.-Пб. 1901 г., вып. I, вып. 2, 1898 г.; Д. В. Цвѣтаевъ, Избраніе М. Ѳ. на царство—„Журн. Мин. Юстиціи" 1913 г., кн. I, стр. 1—91; Баронъ М. А. Таубе — статья о гербѣ Романовыхъ въ журн. „Гербовѣдъ" 1913 г., № 7.

В. Корсакова.

Романовъ, *Павелъ Ипатьевичъ*, Управляющій Канцеляріей Кронштадтскаго Военнаго губернатора; происходилъ изъ дворянъ Петербургской губерніи, воспитывался въ Первомъ штурманскомъ полуэкипажѣ (нынѣ Техническое Училище), изъ котораго выпущенъ былъ въ 1839 году прапорщикомъ флотскихъ штурмановъ, и плавалъ по Балтійскому морю до 1845 года, когда перешелъ въ Канцелярію Кронштадтскаго Военнаго губернатора сто-

лоначальникомъ. Въ 1859 году онъ былъ назначенъ Управляющимъ губернаторской Канцеляріей и въ этой должности прослужилъ болѣе 40 лѣтъ, дослужившись до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника (въ 1887 году). Р. былъ членомъ Комитета народнаго здравія, Директоромъ Тюремнаго Комитета, почетнымъ членомъ Дома призрѣнія въ память Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, членомъ Попечительнаго Совѣта Александровской женской гимназіи и членомъ нѣкоторыхъ другихъ благотворительныхъ обществъ; онъ скончался 2-го февраля 1890 года въ Кронштадтѣ, гдѣ и погребенъ.

„Кронштадтскій Вѣстникъ“ 1890 г., 4-го февраля, № 15, стр. 3 (некрологъ); Русскій календарь на 1891 г., некрологъ, стр. 284; „Новое Время“ 1890 г., № 5006, 5007 и 5008.

Романусъ (и Романіусъ), *Авраамъ Ивановичъ*, генералъ-поручикъ; родился, повидимому, въ Австріи, изъ „шляхетства“ (дворянства) коей онъ происходилъ; въ Русскую службу вступилъ, солдатомъ, 13-го мая 1735 года, въ Псковскій пѣхотный полкъ, въ которомъ „унтеръ-офицерскими чинами происходилъ“ до 1742 г., когда, 12-го сентября, получилъ чинъ прапорщика. Переведенный въ 1744 году корнетомъ въ Кирасирскій полкъ, Р. въ 1750 г. получилъ чинъ поручика, въ 1755 г.—ротмистра, въ 1757 г. (1-го января, 30-го іюня и 12-го іюля)—секундъ-маіора, премьеръ-маіора и подполковника; послѣдній чинъ онъ получилъ послѣ того, какъ, будучи присланъ отъ фельдмаршала Апраксина въ Петербургъ съ ключами г. Мемеля и взятыми тамъ трофеями, поднесъ ихъ, 11-го іюля, Имп. Елисаветѣ Петровнѣ, отъ которой получилъ въ награду 500 рублей; въ 1759 г., 14-го апрѣля, состоя при заграничной арміи, произведенъ былъ въ чинъ полковника и въ томъ же 1759 году былъ переведенъ, съ назначеніемъ командиромъ, въ Казанскій Кирасирскій полкъ (въ которомъ уже служили въ это время Іоганнъ и Алексѣй Романусы,—вѣроятно, его братья), а 1-го іюля 1762 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять по арміи; въ 1768 и 1769 г. онъ находился въ Малороссіи, въ арміи графа П. А. Румянцова, въ 1770 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степ., 1-го января 1771 г. пожалованъ былъ въ генералъ-поручики, а 10-го іюля 1775 г. получилъ орденъ св. Александра Невскаго; въ концѣ 1771 и еще въ 1781 г. онъ командовалъ корпусомъ, стоявшимъ въ Польшѣ и Литвѣ и въ 1778 г. предназначавшимся для дѣйствій противъ Австріи и въ помощь Фридриху Великому, хотя въ 1775 г. оффиціально Р. значился при Оренбургскомъ корпусѣ; въ 1760 г., за оказанную имъ отличную къ службѣ ревность, онъ получилъ въ Лифляндіи мызу съ землею до 10 гаковъ. Имѣлъ орденъ Бѣлаго Орла (1776) и состоялъ на службѣ еще въ 1783 году; умеръ до 1799 г.

Въ 1775 г. Р. былъ пожалованъ Королемъ Польскимъ въ потомственное дворянство; владѣлъ имѣніями въ Игуменскомъ уѣздѣ Минской губерніи. Его сынъ, отставной капитанъ Александръ (род. въ 1781 г.) съ сыномъ Адамомъ внесенъ былъ въ дворянскія книги Минской губерніи (ч. I).

Въ продолженіе своей службы Р. участвовалъ въ походахъ въ Турецкую и Шведскую войны и былъ „какъ при взятіи городовъ, такъ и въ прочихъ случающихся сраженіяхъ и партіяхъ вездѣ безотлучно“. Передъ началомъ войны съ Пруссіей онъ въ 1756 и 1757 г.г. „употребляемъ былъ во многія по секретнымъ экспедиціямъ посылки“, а затѣмъ находился въ 1757 г. въ сраженіи при Гросъ-Егерсдорфѣ, а въ 1758 г.—при Фирстенфельдѣ (14-го августа) и при Цорндорфѣ; при Фирстенфельдѣ Р. былъ „раненъ пулями—первою въ правое плечо, которая вышла въ половину спины, второю—въ правую руку выше локтя, да штыкомъ въ правую ногу насквозь“ и „отъ тяжкихъ ранъ лежалъ на мѣстѣ баталіи между мертвыми, ограбленный даже до послѣдней рубашки“. Въ 1759 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Пальцигѣ и при Франкфуртѣ, а въ 1760 и 1761 г.г.—безотлучно былъ съ командуемымъ имъ Казанскимъ кирасирскимъ полкомъ во все продолженіе кампаніи и участвовалъ въ занятіи Берлина Русскими войсками.

Архивъ Департамента Герольдіи; В. Н. Шустовъ. Исторія 25-го драгунскаго Казанскаго полка. 1701—1901, Кіевъ. 1901, стр. 88, 92—93, 95, 97; Камеръ-Фурьерскій Журналъ 1757 г., стр. 55; Журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской Имп. Арміи, ч. I, 1757 и 1758 г., С.-Пб., 1761; Списокъ военнымъ генераламъ со времени Петра I до Екатерины II, С.-Пб. 1809, стр. 106 и 123; Ильенко и Масловскій. Опись дѣлъ секретнаго по-

вытья Моск. Отд. Общ. Архива Главнаго Штаба, М. 1890, стр. 125, 153, 157, 159, 162, 166, 170, 172—174, 178, 191; „Русск. Стар." 1882 г., т. XXXIV, стр. 299; „Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества", т. 12, 26, 42, 62, 65, 118 и 135; Дневникъ поручика Васильева, С.-Пб. 1896, стр. 13; Д. Н. Бантышъ-Каменскій. Историческое собраніе списковъ кавалерамъ 4-хъ Россійскихъ орденовъ, М. 1814, стр. 311; Сочиненія Державина, изд. Акад. Наукъ, т. XII, стр. 7—8; Сенатскій Архивъ, т. XIII; Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, ч. 1; Списокъ Воинскому Департаменту на 1776 г., стр. 20.

Н. М.

Романусъ (и **Романіусъ**), *Іоганнъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ „изъ шляхетства Цесарской націи, католическаго закона", родился въ 1709 году, въ военную службу вступилъ 15-го февраля 1728 г., въ томъ же году получилъ чинъ капрала (8-го іюня), въ слѣдующемъ—подпрапорщика и сержанта (1-го февраля и 5-го іюля), а въ 1732 г., января 1-го, произведенъ былъ въ прапорщики. Въ 1734 г. онъ участвовалъ въ войнѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ, былъ на баталіи при Вильнѣ, а потомъ посланъ былъ курьеромъ въ Кабинетъ, но взятъ былъ поляками въ плѣнъ, въ которомъ находился около 7 мѣсяцевъ и изъ коего былъ отбитъ на Сѣдлецкой баталіи генераломъ Измайловымъ и подполковникомъ Ливеномъ. Въ 1736 г. Р. при Азовѣ находился въ атакѣ города и при штурмѣ палисада его и 8-го іюля произведенъ былъ въ поручики; въ 1737 г. участвовалъ въ штурмѣ Очакова, гдѣ былъ раненъ пулями въ правую ногу, въ правое плечо и въ лѣвую щеку (пуля изъ щеки вышла только спустя 16 лѣтъ); въ 1738 г. Р. былъ при Днѣстрѣ, въ 1739 г. былъ въ сраженіи при Ставучанахъ и при Хотинѣ и получилъ 8-го іюня 1739 г. чинъ капитана; въ 1742 г. онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ, былъ въ Лифляндіи и при атакѣ Гельсингфорса, въ 1752 г. (25-го апрѣля) получилъ чинъ секундъ-маіора, а въ 1755 г. переведенъ былъ въ Казанскій кирасирскій полкъ и вскорѣ получилъ чинъ подполковника (25-го декабря). Въ Семилѣтнюю войну Р. въ 1757 г. былъ въ походѣ въ Пруссію, участвовалъ въ сраженіи при Гросъ-Егерсдорфѣ, а въ 1759 г., іюля 12-го,—при дер. Пальцигѣ, гдѣ „съ непріятельскими эскадронами, выѣхавшими между первою и второю линіями, дѣйствительно въ сраженіи былъ и рубился и въ тылъ оныхъ гналъ", а 1-го августа былъ въ сраженіи при Франкфуртѣ, гдѣ тяжело раненъ пулею въ голову. Получивъ 1-го іюня 1760 г. чинъ полковника, онъ служилъ въ Казанскомъ Кирасирскомъ полку до 1762 г., когда, 2-го апрѣля, произведенъ былъ въ генералъ-маіоры (въ этомъ чинѣ состоялъ и въ 1770 году); 23-го ноября 1762 г., именнымъ указомъ Имп. Екатерины Военной Коллегіи Р. былъ опредѣленъ, въ числѣ другихъ генераловъ, въ корпусъ войскъ, находившихся въ Малороссіи, на линіи и при границахъ, а въ 1769 г. находился въ главной Русской арміи, состоявшей подъ начальствомъ генералъ-аншефа князя Голицына.

В. Н. Шустовъ, Исторія 25-го Казанскаго драгунскаго полка. 1701—1901, Кіевъ. 1901, стр. 333 и 389; Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 12 и 62; Списокъ военнымъ генераламъ со временъ Имп. Петра I до Екатерины II, С.-Пб. 1809, стр. 105 и 122; Сенатскій Архивъ, т. XII, стр. 208.

Н. М.

Романусъ, *Иванъ Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, Костромской губернаторъ; род. въ 1803 г., воспитывался въ Имп. Военно-Сиротскомъ Домѣ (Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ), откуда въ 1821 г. (октября 14-го) былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Гренадерскій Короля Прусскаго полкъ; прослуживъ здѣсь съ небольшимъ годъ, Р. 29-го января 1823 г. переведенъ былъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ, въ коемъ въ 1824 г. (мая 31-го) произведенъ былъ въ подпоручики, а въ 1826 г. (6-го декабря)—въ поручики. Принявъ въ 1828 г. участіе въ Персидской кампаніи, Р. 12-го февраля этого года, за отличіе въ сраженіи, получилъ орденъ св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость" и въ томъ же году, за отличіе въ сраженіи противъ Турокъ,—тотъ-же орденъ 3-й степени съ бантомъ (6-го декабря 1828 г.). По возвращеніи съ театра войны Р. вскорѣ былъ прикомандированъ (5-го мая 1830 г.) къ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, въ 1831 г. получилъ чинъ штабсъ-капитана, а 21-го апрѣля 1835 г.—капитана, неся должность дежурнаго офицера роты гвардейскихъ подпрапорщиковъ. 20-го января 1837 г. Р. былъ произведенъ въ подполковники съ назначеніемъ въ Воронежскіе баталіоны военныхъ кантонистовъ, но 6-го февраля того-же года назначенъ былъ командиромъ 1-го Казанскаго баталіона тѣхъ-же кантонистовъ; затѣмъ, въ чинѣ

полковника (съ 16-го апрѣля 1841 г.), онъ служилъ въ Смоленской губерніи штабъ-офицеромъ 2-го округа корпуса жандармовъ и, произведенный въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ, 3-го декабря 1851 г., и. д. Вологодскаго губернатора; утвержденный въ должности 2-го іюня 1853 г., Р. 13-го августа 1854 г. былъ переведенъ Военнымъ губернаторомъ въ г. Ковно, откуда 24-го октября 1857 г. былъ перемѣщенъ Военнымъ губернаторомъ г. Костромы и Костромскимъ гражданскимъ губернаторомъ и вскорѣ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта; въ этой должности онъ и скончался въ іюнѣ 1861 г. (исключенъ изъ списковъ въ приказѣ 30-го іюня).

Формулярный списокъ за 1836 г.; Архивъ Капитула Орденовъ; Архивъ Департамента Герольдіи; Адресъ-Календари; К. П. Гуковскій, Г. Ковна, изд. 1904 г., стр. 69.

Н. М.

Романчуковъ, *Алексѣй Саввичъ*, (сынъ слѣдующаго), стряпчій; съ 1627 по 1629 г. былъ стряпчимъ съ платьемъ, а съ 1629 г. — стряпчимъ; въ 1633 году онъ былъ посланъ къ воеводѣ Баиму Болтину съ царскою грамотою и пожалованнымъ за службу „государевымъ жалованьемъ“, а въ 1636 году былъ назначенъ сопровождать Голштинское посольство въ Персію и, одновременно, „малымъ посломъ“ къ Шаху Персидскому. 24-го сентября онъ прибылъ въ Астрахань, гдѣ его ожидало посольство. На обратномъ пути, въ концѣ 1638 года, Р. поѣхалъ изъ Астрахани впередъ посольства съ донесеніемъ къ Царю Михаилу Ѳедоровичу. Какъ сообщаетъ Ад. Олеарій, это былъ человѣкъ съ здравымъ умомъ и весьма ловкій, получившій нѣкоторое образованіе, знавшій немного латинскій языкъ и имѣвшій большую склонность къ наукамъ. Во время пути онъ, благодаря голштинцамъ, вполнѣ овладѣлъ латинскимъ языкомъ и ознакомился съ началами математическихъ наукъ, до того пристрастившись къ нимъ, что безпрестанно бесѣдовалъ о нихъ съ голштинцами, занимался въ каждомъ попутномъ городѣ примѣненіемъ астролябіи и дѣлалъ математическія вычисленія. Въ 1638 году онъ, повидимому, отравился, узнавъ о неудовольствіи на него Государя за дѣйствія его въ Персіи, а также, можетъ быть, и за излишнее увлеченіе науками.

П. Ивановъ, Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Минист. Юстиціи, М. 1853, подъ годами 7135, 7137 и 7144; Акты Московскаго Государства, т. II, С.-Пб. 1894, стр. 485; Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 г.г., составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ, пер. съ нѣм. П. П. Барсова, книга IV, стр. 464—465 („Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“ 1869 ч., кн. I, отд. 4); В. С. Иконниковъ, Ближній бояринъ Авон. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, одинъ изъ предшественниковъ Петровской реформы—„Русская Старина“ 1883 г., октябрь. стр. 26.

А. Виноградовъ.

Романчуковъ, *Савва Юрьевичъ*, дьякъ. При царѣ Василіи Шуйскомъ, „будучи на Москвѣ противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и русскихъ воровъ“, выдержалъ „Московское осадное сидѣнье крѣпко и непоколебимо, безо всякія шатости“, терпя „голодъ и во всемъ оскудѣніе, и всякую осадную нужду“. При Василіи же Шуйскомъ былъ пожалованъ помѣстнымъ окладомъ въ Тверской области въ 400 четвертей. Въ 1611 году онъ получилъ чинъ дьяка „при Литвѣ“; въ 1612 году скрѣпилъ „отписку“ князя Пожарскаго къ Новгородскому митрополиту о созывѣ „выборныхъ земскихъ чиновъ для избранія государя“. Въ 1614 году онъ—дьякъ Посольскаго Приказа, „въ товарищахъ“ сперва къ И. Грамотину, потомъ къ П. Третьякову, съ завѣдываніемъ польскими и литовскими дѣлами и „Новгородской четвертью“. Въ томъ же году Р. былъ пожалованъ за „Московское осадное сидѣнье“ вотчиною въ 80 четвертей въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ Жарской волости, сельцомъ Писютинымъ. Въ 1623 году онъ именуется „государевымъ дьякомъ“; „скрѣпы“ его находятся, главнымъ образомъ, на „царскихъ грамотахъ“. Служилъ до 1624 года. Сыновья его: Алексѣй и Василій были „стряпчими съ платьемъ“ въ 1627 г., а Иванъ и Юрій—„патріаршими стольниками“ въ томъ же году. Родъ его прекратился на внукѣ его Иванѣ Ивановичѣ.

Общій Гербовникъ, т. IV, стр. 74; Архивъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, дѣло по Герольдіи № 514, связка 2478; Н. Н. Оглоблинъ, Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ Разряднаго Приказа, М. 1884 г.; Русская Историческая Библіотека, т. II, стр. 242, 363; т. V, стр. 13; т. VIII, стр. 128; т. IX, стр. 298, 311, 379—381; Акты Историческіе, т. III, стр. 136, 138,

139, 178, 456, 458, 459; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. I, стр. 294, т. IX, стр. 203; Акты Археографической Экспед., т. III, стр. 21, 31, 125, 147, 170, 180, 191, 206, 208, 221; Памятники Дипломатическихъ Сношеній, т. I, стр. 222, 282, 310, 319, 528, 531, 566, 582; т. II, стр, 1071, 1081, 1083, 1093, 1134, 1136; Н. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI в., стр. 526; Сборникъ Археолог. Инст., вып. VI, стр. 102; Акты Московскаго Государства, т. I, стр. 191; П. Ивановъ, Алфав. указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ 1-мъ Отдѣленіи Москов. Архива Минист. Юстиціи. М. 1853 г.; Описаніе актовъ собранія графа А. С. Уварова; Акты исторические, описанные И. М. Катаевымъ и А. К. Кабановымъ, подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. 1905 г., отд. II, № 132; С. М. Соловьевъ, Ист. Россіи, изд. „Общ. Пользы", т. II, стр. 1127; „Древняя Россійская Вивліоѳика", изд. 2-ое, ч. VII, стр. 224; Дворцовые Разряды, т. I, стр. 112, 159; Вѣстникъ археологіи и исторіи (изд. Импер. Археол. Инстит.), вып. XX, С.-Пб. 1911 г. статья: Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в., стр. 47, 48, 56—65, 83, 84.

А. Виноградовъ.

Романъ, преподобный Киржачскій, ученикъ св. Сергія Радонежскаго; скончался 29-го іюля 1392 года. О его происхожденіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Возникшіе въ Радонежскомъ монастырѣ, вслѣдствіе нежеланія части братіи имѣть игуменомъ преп. Сергія, раздоры заставили святого удалиться вмѣстѣ съ препод. Романомъ въ Покровскіе лѣса и поселиться близъ сельца Киржача (Покровскаго уѣзда Владимірской губ.). Здѣсь они положили основаніе Введенскому Киржачскому монастырю. Возвратившись затѣмъ въ обитель по просьбѣ митрополита Алексія и другой части братіи, преп. Сергій поручилъ преп. Роману оканчивать устроеніе новаго монастыря. Романъ устроилъ обитель, былъ ея первымъ настоятелемъ и служилъ братіи примѣромъ подвижнической жизни. Мощи препод. Романа почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ обители Киржацкой (нынѣ соборный храмъ города Киржача). Не канонизованъ.

Житіе преп. Сергія Радонежскаго, написанное Епифаніемъ Премудрымъ (Макарьевскія четьи-минеи, подъ 25-мъ сентября); В. О. Ключевскій, Древне-рус. житія святыхъ, 1871 г., стр. 131; Н. Барсуковъ, Исторія русской агіографіи, 456-57; Филаретъ. Русскіе святые, 1882 г., т. II, стр. 451, 29 іюля; Игнатій. Краткое жизнеописаніе русскихъ святыхъ. XIV в., стр. 73; Словарь историческій о святыхъ, 1862 г., стр. 205; „Книга, глаголемая Описаніе о россійскихъ святыхъ", № 219 („Чтенія" 1887 г., № 4.); Леонидъ, Святая Русь, № 561; В. Звѣринскій. Матеріалы для истор.-топогр. изслѣд. о правосл. монаст., т. II, № 864 (указана вся литература о монастырѣ).

А. Шиловъ.

Романъ, митрополитъ Литовско-Галицкій въ 1354—1361 г. Происходилъ, какъ сообщаетъ Византійскій историкъ Никифоръ Григора, изъ какого-то сосѣдняго Ольгерду, великому князю Литовскому, русскаго княжескаго рода, каковымъ, повидимому, былъ Тверской, такъ какъ дочь великаго князя Тверского Александра Михайловича—Ульяна (Іуліанія) была второю женой Ольгерда. Кѣмъ онъ былъ до назначенія на митрополичью каѳедру, неизвѣстно. Въ Лѣтописцѣ Рогожскомъ (XV в.) онъ названъ чернецомъ и сыномъ боярина Тверского. Если вѣрить Н. Григорѣ, это былъ человѣкъ не заурядный по своей природѣ, съ большими религіозно-церковными свѣдѣніями и большой общественной опытностью. Честолюбіе его — несомнѣнно. Движимый имъ, онъ предложилъ себя Ольгерду въ качествѣ исполнителя политическихъ замысловъ послѣдняго о пріоритетѣ Литовско-Русскаго государства надъ Московскимъ путемъ перенесенія каѳедры „митрополита Кіевскаго и всея Руси" изъ Москвы (гдѣ она тогда была) обратно въ Кіевъ и назначенія на нее его, Романа,—съ тѣмъ, чтобы, путемъ церковнаго главенства, взять въ свои руки и политическое. Въ 1352 году, зимою, по смерти митрополита Ѳеогноста, митрополичья каѳедра освободилась, и Романъ, снабженный грамотами Ольгерда, въ которыхъ послѣдній хвалилъ своего избранника и просилъ назначить его на митрополію, и съ достаточнымъ количествомъ золота явился въ Царьградъ, но опоздалъ: въ митрополиты Кіевскіе былъ уже посвященъ, 30-го іюня 1354 г., Алексій, архіепископъ Владимирскій, ставленникъ покойнаго Ѳеогноста, которому мѣсто митрополита было обѣщано еще до смерти послѣдняго. Считаясь съ желаніемъ Ольгерда, патріархъ Филоѳей, рукоположившій Алексія, возвелъ Романа въ Литовскіе митрополиты, при чемъ ему были опредѣлены, кромѣ двухъ Литовскихъ епархій—Полоцкой и Туровской, гдѣ должна быть митрополичья каѳедра, и епархіи „Малой Руси",—т. е. Владимірская, Холмская, Галицкая, Перемышльская и Луцкая. Такой оборотъ дѣла не входилъ въ разсчеты ни Ольгерда, ни Романа; были пущены въ ходъ деньги, при чемъ къ этому, естественно, прибѣгнулъ и Алексій; когда ихъ не хватило, „отъ обоихъ изъ Царя-Града пріидоша послы въ Тверь къ Ѳеодору, владыцѣ Тверскому", чтобы

былъ произведенъ сборъ съ духовенства, и сборъ, вѣроятно, усиленный, потому что, какъ говоритъ лѣтопись, „бысть священническому чину тяжесть велія вездѣ.“ Въ концѣ концовъ Алексій одолѣлъ Романа. Это не удовлетворило Р. и на слѣдующій годъ (1356) онъ снова отправился въ Царьградъ „искать себѣ Кіева“. Туда былъ вызванъ и Алексій, и между нимъ и Романомъ произошелъ, какъ говоритъ лѣтопись, „споръ великій“. Въ результатѣ патріаршій синодъ подтвердилъ свое прежнее постановленіе о бытіи Роману митрополитомъ „Малой Руси“. Послѣдній остался не доволенъ этимъ исходомъ дѣла; его и Ольгерда точка зрѣнія, что все, принадлежащее къ княжеству Литовскому въ политическомъ отношеніи, должно принадлежать и Литовскому митрополиту въ церковномъ отношеніи, побудила его отправиться въ концѣ 1356 года въ Кіевъ, политически принадлежавшій Ольгерду, въ церковномъ же отношеніи — Москвѣ, не взявъ даже патріаршей грамоты, опредѣлявшей предѣлы его владѣній; его здѣсь не приняли, можетъ быть потому, что имѣли своего, хотя и не канонично поставленнаго митрополита—Ѳеодорита; это, однако, его не смутило: онъ объявилъ себя единственнымъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси и, опираясь на Ольгерда, совершалъ литургіи, рукоположенія, что вызвало столкновенія, сопровождавшіяся даже кровопролитіемъ и разореніемъ христіанскихъ жилищъ, особенно въ г. Алексинѣ. Въ 1356 году Ольгердъ овладѣлъ г. Брянскомъ и областью Черниговской, что дало возможность Роману и здѣсь предъявить свои притязанія. Все это побудило Алексія отправить въ 1357 году въ Константинополь своихъ пословъ съ жалобами на Романа. Пока тянулся разборъ дѣла, Алексій, отправившись въ Кіевъ, получилъ цѣлый рядъ оскорбленій со стороны Ольгерда; но самый фактъ поѣздки Алексія Романъ учелъ съ своей точки зрѣнія тѣмъ, что отправился въ 1360 г. въ Тверь „напрасьствомъ и безстудствомъ, не обослався ни по любви съ преосвящ. Алексіемъ, но не бысть ему ничто же по его мысли и волѣ“, такъ какъ онъ не былъ принятъ архіепископомъ Ѳеодоромъ, но принятъ былъ съ большимъ почетомъ князьями, которые находились въ родствѣ и дружбѣ съ Ольгердомъ и враждовали противъ Москвы. Для прекращенія этихъ притязаній Романа и для разрѣшенія недоразумѣній его съ Алексіемъ, въ 1361 году Константинопольскій патріаршій синодъ, подъ предсѣдательствомъ самого Императора, вновь подтвердилъ свое первоначальное распредѣленіе епархій между митрополитами, а для подробнаго разбора дѣла на мѣстѣ отправилъ на Русь патріаршихъ апокрисіаріевъ—митрополита Кельчинскаго и діакона Георгія Пердикку, и была объ этомъ заготовлена особая грамота. Разборъ дѣла оконченъ не былъ, такъ какъ вскорѣ послѣ прибытія апокрисіаріевъ въ Россію—въ исходѣ 1361 года—Романъ умеръ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, т. X, стр. 226—231; т. XI, стр. 1; Степенная книга, т. I, стр. 452, 453; Лѣтопись Данилевича, стр. 173 — 174; Acta Patriarchatus Constantinopolitani, изд. Miclosich'емъ и Müller'омъ, т. I. стр. 425—430, 434—436; Русск. Ист. Библіотека, т. VI, прилож., стр. 70—92; Nicephorus Gregoras, Historiae Byzantinae, т. III, Bonnae. 1855, стр. 518—521; Акты Запад. Россіи, т. III, прм. 34; П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійск. Церкви, С.-Пб. 1877 г., стр. 2, 1039; Архіепископъ Макарій, Исторія русск. церкви, т. IV, С.-Пб. 1866, стр. 42—45, прил. № 9, стр. 44—45; Т. Барсовъ, Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою Церковію, С.-Пб., 1878 г., стр. 393—397; И. Покровскій, Русскія епархіи въ XVI—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы, т. I (XVI—XVII в.в.), Казань. 1897 г., стр. 12 — 14; А. С. Павловъ, О началѣ Галицкой и Литовской митрополій, М. 1894, стр. 3, 34—38; H. Gelzer, Beiträge zur russischen Kirchengeschichte—Zeitschrift für Kirchengeschchte, изд. Бригеромъ и Бессомъ, т. III, стр. 246 и слѣд.; Н. Тихомировъ, Галицкая митрополія, С.-Пб. 1896, стр. 95 — 108; И. П. Филевичъ, Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе, С.-Пб. 1890, стр. 150; Е. Е. Голубинскій, Исторія русск. церкви, т. II, ч. 1, М. 1900, стр. 182—185, 190—193; М. С. Грушевський, История України-Руси, т. IV, Львовъ. 1903, стр. 67—68; т. V, ib. 1905, стр. 387—390, 409, 418; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. II, ч. 1, стр. 993, 1019; ч. 2, стр. 1099, 1142, 1192; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. „Общ. Пользы“, т. I, стр. 1247—1249; А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверн. Руси въ татарскій періодъ, т. II, С.-Пб., 1891 г., стр. 543, 244; Филаретъ Русскіе святые, февр., стр. 92—93; Сборникъ статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко, С.-Пб. 1913, стр. 66—71.

А. Виноградовъ.

Романъ, игуменъ Златовратскаго Спасскаго монастыря во Владимірѣ-на Клязьмѣ, Повидимому, былъ игуменомъ отъ 1512 до 1534 г.; другихъ извѣстій о немъ не сохранилось.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви, С.-Пб. 1877, стр. 698, № 22. *А. В—въ.*

Романъ, игуменъ Николаевскаго на островѣ Липнѣ, близъ Новгорода, монастыря, основаннаго въ первой половинѣ XII в.; первый изъ извѣстныхъ намъ игуменовъ. Въ 1513 г. великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ ему была пожалована несудимая грамота. Повидимому, въ его настоятельство, въ 1518 г., при архіепископѣ Макаріи и по его предложенію, въ монастырѣ (равно какъ и во многихъ другихъ монастыряхъ епархіи) было устроено общежитіе,—и тогда „нача благодать множитися, и все благочиніе пребывати и братія въ монастырь начаша приходити".

Архим. Амвросій, Исторія Россійской іерархіи, т. V, стр. 15; П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви, С.-Пб. 1877, стр. 112, № 58; Полное Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 284—285; т. XX, ч. I, стр. 405.

А. В—въ.

Романъ, игуменъ Воскресенскаго Терехова, на Окѣ, близъ Шилова, монастыря, Рязанской епархіи. Время его настоятельства падаетъ на 1520—1534 гг.; первый изъ извѣстныхъ намъ игуменовъ монастыря. Въ 1520 году великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ была дана Роману несудимая грамота.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви, С.-Пб. 1877, стр. 433, № 12; В. В. Звѣринскій, Матеріалъ для историко-топогр. изслѣд. о правосл. монастыряхъ въ Росс. Имперіи, т. III, № 1545; Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, т. XVII, в. 1, стр. 42.

А. В—въ.

Романъ Владиміровичъ, Углицкій князь съ 1261 до 1285 г., второй сынъ Углицкаго князя Владиміра-Димитрія Константиновича, упоминается въ лѣтописяхъ только по случаю кончины: въ Троицкой лѣтописи сказано, что онъ скончался въ 1283 г.; въ первой-же Софійской и Воскресенской лѣтописяхъ годомъ его кончины показанъ 1285-й годъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ мы почерпаемъ изъ „Исторіи г. Углича", въ основаніе которой положены, повидимому, какія-то мѣстныя лѣтописи. По словамъ автора этой книги, г. Кисселя, Романъ былъ истиннымъ отцомъ подданныхъ: строилъ больницы и странноприимные дома въ Угличѣ и въ монастырахъ, при чемъ больницы содержались на его счетъ, а странноприимные дома—на счетъ монастырей. Онъ-же построилъ въ Угличѣ и другихъ городахъ и селахъ 15 церквей; при немъ, по словамъ одной изъ мѣстныхъ лѣтописей, „Угличское княжество, по числу седми городовъ, Семиградным именовалося". Города эти были слѣдующіе: Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ, Желѣзный Устюгъ, Дмитровъ, Звенигородъ, Романовъ и Угличъ, какъ столица. Кромѣ того, Угличу были подвластны слободы: „Борисоглѣбская, отъ нея-же Романовъ начало воспріимъ; Рыбная слобода, или Рыбинская, Молочная... Сіи великосадныя слободы, такъ-же и иныя многія веси и села во одержаніи своемъ Угличъ имѣяше". На основаніи мѣстныхъ лѣтописей „Исторія Углича" считаетъ князя Романа Владиміровича основателемъ г. Романова, по Экземплярскій называетъ основателемъ этого города сына Ярославскаго князя Василія Грознаго—тоже Романа.

Авторъ „Исторіи Углича" представляетъ князя Романа Владиміровича не только, какъ мудраго правителя, любившаго бесѣдовать съ умными и опытными людьми, но какъ подвижника, преисполненнаго религіозныхъ чувствъ, пламенныя молитвы котораго спасли Угличъ отъ разоренія Батыя. Молва о кроткомъ, мудромъ и милосердомъ князѣ привлекала въ Угличъ народъ даже изъ другихъ княжествъ, вслѣдствіе чего городъ расширялся и украшался. Князь Романъ былъ женатъ на какой-то Александрѣ, скончавшейся раньше его; потомства у нихъ не осталось. По свидѣтельству лѣтописца, приводимому г. Кисселемъ, князь Романъ, предузнавъ свою кончину, созвалъ бояръ и духовенство во дворецъ и завѣщалъ имъ жить въ мирѣ, любви и согласіи. Угличъ перешелъ послѣ его смерти къ его двоюроднымъ братьямъ, князьямъ Ростовскимъ. Если вѣрить „Исторіи г. Углича", то князь Романъ скончался 3-го февраля 1285 г., будучи 60 лѣтъ отъ роду; между тѣмъ, Лаврентьевская лѣтопись считаетъ, что отецъ его, князь Владиміръ Константиновичъ, женился въ 1232 г., а старше Романа былъ Андрей; слѣдовательно, Роману не могло быть 60 лѣтъ, а меньше. Тѣло князя Романа положено было въ Углицкой церкви Преображенія. Въ 1486 г., при основаніи новаго соборнаго храма, обрѣтены были нетлѣнныя мощи благовѣрнаго князя Романа. По распоряженію патріарха Іова, мощи были вновь свидѣтельствованы Казанскимъ митрополитомъ Гермогеномъ въ 1595 или 1605 гг. Н. П. Барсуковъ въ своей „Агіографіи" принимаетъ первый изъ этихъ годовъ, В.

О. Ключевскій въ „Древне-русскихъ житіяхъ святыхъ“—второй годъ, основываясь на свидѣтельствѣ сохранившагося описанія чудесъ Романа. Чудотворенія отъ мощей начались 3-го февраля 1605 г., и тогда же Казанскій митрополитъ Гермогенъ свидѣтельствовалъ мощи, а Семенъ Олферьевъ съ инокомъ Сергіемъ написали „повѣсть“ о немъ, стихиры и каноны. Въ 1609 г. поляки сожгли соборный храмъ въ Угличѣ и святыя мощи князя; погибло и житіе съ первыми чудесами. Останки мощей находятся въ придѣлѣ Собора, устроенномъ во имя князя Романа, и продолжаютъ источать исцѣленія. Сохранились служба князю и описаніе чудесъ со 2-го по 12-е марта 1605 г.

Полное Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, V и VII; П. Алексѣевъ. Словарь историч. о святыхъ, прославл. въ Россійской церкви; Филаретъ, „Русскіе святые“, февраль; В. О. Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, М. 1871 г.; Н. П. Барсуковъ. Источники русской агіографіи. С.-Пб. 1882 г.; Ѳ. Киссель. Исторія г. Углича, Ярославль. 1844 г.; А. В. Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г., С.-Пб. 1889 г., II.

В. Корсакова.

Романъ Олеговичъ, св. великомученикъ, князь Рязанскій (1258—1270), единственный сынъ Олега Ингваревича Краснаго (1230—1258). Занялъ Рязанскій столъ тотчасъ послѣ смерти отца своего, въ мартѣ 1258 г., когда Рязанская земля испытывала большія „тяготы“ со стороны татаръ. Двѣнадцатилѣтнее княженіе его лѣтописи обошли молчаніемъ. Возможно только догадываться, что это былъ человѣкъ благочестивый и „книжный“: до нашего времени дошелъ памятникъ благочестія дѣтей и супруги его—номоканонъ, списанный по ихъ усердію въ Кіевѣ. Тяжелое положеніе своего народа онъ, сколько могъ, старался облегчить и за это потерпѣлъ въ точномъ смыслѣ мученическую смерть за вѣру. Одинъ изъ баскаковъ, котораго Романъ удерживалъ отъ безчеловѣчныхъ насилій при сборѣ дани, „оклеветалъ его передъ ханомъ Менгу-Темиромъ, будто Романъ „хулитъ его и поноситъ вѣру его“. Менгу-Темиръ, не разбирая дѣла, поставилъ ему альтернативу: или отказаться отъ христіанской вѣры и принять вѣру „бесерменскую“, или принять мучительную смерть. Романъ выбралъ послѣднее. Тогда Романъ былъ преданъ „суровѣйшимъ татарамъ на мученіе“, которые старались сперва принудить его измѣнить христіанской вѣрѣ, но, встрѣтивъ твердый отказъ и даже дерзновенную хулу на ихъ вѣру, въ ярости избили его и бросили въ оковахъ въ темницу. Приведенный затѣмъ на мѣсто казни, Романъ вновь началъ говорить собравшемуся народу о святости вѣры христіанской, за что татары „распыхахуся яростію и зубы скрежюще“, подвергли его цѣлому ряду безчеловѣчныхъ мученій: отрѣзали ему языкъ, потомъ пальцы на рукахъ и ногахъ и „устнѣ и уши и прочая суставы розрѣзаша“; когда остался одинъ трупъ, они, содравши кожу, отрубили голову, воткнули ее на копье и выставили напоказъ. „Страданіемъ онъ (Романъ) подобенъ, говоритъ Иконописный Подлинникъ, Іакову Перскому; подобіемъ русъ, брада и власы, аки князя Бориса, и ризы княжескія“. Этою „страстію“ Романъ „купи себѣ царствіе небесное и вѣнецъ пріятъ отъ руки Господней съ сродникомъ своимъ великимъ княземъ Черниговскимъ Михаиломъ Всеволодовичемъ, пострадавши по Христу за православную христіанскую вѣру“. Мученическій подвигъ князя Романа произошелъ 19-го іюля 1270 года.—Память его, какъ мученика, постоянно чтится въ Русской церкви. Мѣстное празднованіе ему въ Рязани началось съ 1854 года, когда архіепископъ Рязанскій Гавріилъ „повелѣлъ въ крестныхъ ходахъ совершать молебное пѣніе святому Роману, какъ защитнику земли Рязанской“. Первый храмъ въ честь его освященъ былъ въ 1861 г. Иконы съ его изображеніемъ писались задолго до канонизаціи. Ликъ его, по преданію, изображался на иконахъ такъ: князь не старыхъ лѣтъ, съ волосами русыми, курчавыми, падающими съ ушей тонкою волною, въ собольей шубѣ на плечахъ, въ бархатной поддевкѣ, правая рука простерта на молитву, а лѣвая держитъ городъ и церковь. Въ память побѣды надъ французами 19-го іюля 1812 г. при селѣ Клястицахъ образъ Романа написанъ на стѣнѣ храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Св. Романъ погребенъ въ церкви св. Спаса въ Спасо-Рязанскомъ монастырѣ.—Князь Романъ былъ женатъ на Анастасіи, извѣстной только по имени изъ приписки къ Рязанскому списку Кормчей книги; оставилъ онъ послѣ себя трехъ сыновей: Ѳеодора, Ярослава и Константина, послѣдовательно занимавшихъ великокняжескій Рязанскій столъ.

Митроп. Филаретъ, Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно,—мѣсяцъ іюль, стр. 114—118, Черн. 1864; Архим. Игнатій, Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ, ч. I, С.-Пб. 1875; Князь Эристовъ, Словарь историческій о святыхъ православной всероссійской церкви и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ, С.-Пб. 1836, стр. 234—235; Описаніе рукописей графа Толстого, стр. 207 — 108; Митр. Макарій. Исторія русской церкви, т. IV, стр. 258, С.-Пб. 1866; Полное Собр. русск. Лѣтописей, т. IV, стр. 42; т. V, стр. 197; т. VII, стр. 170, 243; т. X, стр. 141, 149, 150; т. XV, ч. I. стр. 167; Степенная Книга, т. I, стр. 383—384; Софійскій Временникъ, т. I, стр. 283—284; „Слово о царяхъ, князѣхъ и властелѣхъ", дошедшее до насъ въ позднѣйшемъ спискѣ—„Истор. Вѣстникъ" 1897 г., № 3, стр. 1152; Архим. Леонидъ, Святая Русь, С.-Пб. 1891, стр. 196—197, № 762 (Памятники Древней Письменн., № 97); Митр. Платонъ, Ист. русс. церкви, т. I, стр. 143, прм. 182; Е. Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, ч. I, М. 1990, стр. 47—48; Его-же, Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви, изд. 2-ое, М. 1903, стр. 66 — 67, 196; Н. Карамзинъ, Исторія государства россійскаго, т. IV, стр. 45, 68, прм. 136; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, стр. 852—853 (Изд. „Обществ. Пользы"); А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси въ татарскій періодъ, т. II. С.-Пб. 1891 г., стр. 572—574; Д. И. Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества, М. 1858, стр. 136 — 137; Т. Я. Воздвиженскій, Историч. обозрѣніе Рязанской губерніи, М. 1822, стр. 118 — 119; П. Г. Васенко, Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древней русс. истор. письменн., т. I. С.-Пб., 1904, стр. 225, 230, 234; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества, т. XXVI, стр. 350—351; Журналъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, отъ 25 марта 1886 г., прилож., стр. 18; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. II, кн. I. Кіевъ, 1908, стр. 1031, 1048, 1051, 1053; Сказанія о страданіи св. Р. находятся въ слѣдующихъ рукописяхъ: Вяземск. № С(Степ. Кн., л. 296. обозр., XVII в.); Милютин. Чт.-Мин., подъ 19 іюля; Оболенская, № 85, XVIII в.; Царск., № 396, 1642 года. *А. Виноградовъ.*

Романъ, преподобный, ученикъ преподобнаго Ефрема Перекомскаго, игуменъ Ефремова Перекомскаго (или Перекопскаго) Николаевскаго Розважскаго монастыря, Новгородской епархіи. О его происхожденіи и первоначальномъ періодѣ жизни ничего не извѣстно. До 1492 года онъ былъ „въ послушаніи" у преподобнаго Ефрема Перекомскаго, игумена этого монастыря, будучи съ 1486 г. предназначенъ послѣднимъ въ преемники себѣ. Послѣ смерти преподобнаго Ефрема (ум. въ 1492 г.) Романъ вступилъ въ игуменство, въ которомъ пробылъ до 1554 года, скончавшись въ глубокой старости. Его стараніями монастырь развился и украсился. Расположенный сперва на островѣ Перекомскомъ (на Ильменскомъ озерѣ), гдѣ ему грозило разрушеніе отъ частыхъ и сильныхъ наводненій, онъ былъ перенесенъ Р. на новое мѣсто, въ 2-хъ поприщахъ отъ прежняго, въ мѣстности, именуемой Клинково. Такъ какъ земля эта была „государева", то Р. отправился, за разрѣшеніемъ строиться, къ Іоанну Грозному. Послѣдній не только разрѣшилъ это, но еще пожертвовалъ въ церковь утварь и для расходовъ по перенесенію монастыря—значительную сумму денегъ. Романъ, возвратившись въ обитель, въ томъ же 1545 г. приступилъ къ разборкѣ и перенесенію обѣихъ церквей — каменной и деревянной, устроивъ временно часовню надъ гробомъ преподобнаго Ефрема. 16-го мая церкви были перенесены, и въ каменной церкви Николая Чудотворца положены мощи преподобнаго Ефрема.

Роману приписывается житіе преподобнаго Ефрема. В. О. Ключевскій, основываясь на нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ житія, отрицаетъ принадлежность его Р. Романъ погребенъ въ самой обители; память его чтится церковью, но онъ не канонизованъ. Твореніе Романа — Житіе Преподобнаго Ефрема—находится: въ библіотекѣ Общества исторіи и древностей, № 45 (XVIII в.) и въ библіотекѣ П. Н. Царскаго (XVIII в.), № 136, принадлежавшей графу А. С. Уварову.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви, стр. 113, № 61; В. О. Ключевскій, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, М. 1871 г., стр. 263—264; Н. Барсуковъ, Источники русской агіографіи, С.-Пб. 1882 („Памятники древней письменности", вып. 81); архіеп. Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, кн. I—II, изд. 3, С.-Пб. 1884, стр. 153; В. В. Звѣринскій, Матеріалы для ист.-топогр. изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи, т. I, стр. 290, № 588; Амвросій, архим., Исторія Россійской Іерархіи, т. V, стр. 472—474; митр. Макарій, Исторія русской церкви, т. VII, стр. 448; А. Ѳ. Бычковъ, Описаніе рукописей Импер. Публ. Библіотеки, т. I, стр. 310; Кн. Эристовъ, Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ россійской Церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ, С.-Пб. 1836 г., стр. 112—113. *А. Виноградовъ.*

Романъ, архимандритъ, игуменъ Никитскаго Переяславскаго монастыря Владимірской епархіи, 1663—1685 гг. Одинъ изъ всѣхъ Переяславскихъ архимандритовъ и игуменовъ принималъ участіе въ торжественной встрѣчѣ вселенскихъ патріарховъ въ Москвѣ 2-го ноября 1666 г. За

время его настоятельства монастырь получилъ много (и большихъ) вкладовъ: царь Алексѣй Михайловичъ ежегодно посылалъ въ монастырь по 36 руб. 6 алтынъ денегъ и далъ позволеніе на монастырскій обиходъ ловить рыбу; царица Марія Ильинична, около 1668 г., исправила, большею частью на свои средства, полуразрушенную въ Смутное время шатровую каменную колокольню, построенную Іоанномъ Грознымъ, и „по ея приказу“ былъ сдѣланъ вкладъ въ 300 руб. „въ сію колокольницу“, о чемъ имѣется слѣдующая надпись: „Во 177 (1669) году, по приказу Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Ильичны, дали въ сію колокольницу вкладу болярина Іоанъ Михаиловича Милославскаго болярыни Аннѣ Ильичнѣ Т (300 р.) къ монастырскому строенію при игумене Романе з братіею“. 14-го августа 1675 года Р. былъ въ служеніи патріаршемъ „у малой вечерни и у молебна“ въ Успенскомъ московскомъ Соборѣ.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійск. Церкви, стр. 678; Амвросій, архим., Исторія россійской Іерархіи, т. VI, стр. 1030; Дворцовые разряды, т. III, стр. 653, 1592; „Владимір. Губерн. Вѣдом.“ 1854 г., № 2, стр. 11 (статья свящ. Н. Меморскаго); „Москвитянинъ“ 1853 г., № 8; „Владимір. Епарх. Вѣдом.“ 1897 г., № 13, стр. 396—397. *А. В—въ.*

Романъ, строитель Никольскаго Переяславль-Залѣсскаго (или Николаевскаго на Болотѣ) монастыря Владимірской епархіи, 1657—1661 г. Дѣятельность его падаетъ на время между началомъ обновленія монастыря схимонахомъ Діонисіемъ Затворникомъ въ 1645 г. (послѣ опустошенія его моровою язвою и поляками въ началѣ XVII в.) и энергичной дѣятельностью игумена Варлаама, конца XVII в. Точныхъ данныхъ о дѣятельности Романа не сохранилось.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійск. Церкви, стр. 686; „Владим. Губернск. Вѣдом.“ 1849 г., № 2, 19, стр. 10, 101; 1851 г., № 10, стр. 67, прм.; 1898 г., № 37. *А. В—въ.*

Романъ, строитель Анзерскаго, „что на окіанѣ морѣ“, на Анзерскомъ островѣ, скита при Соловецкомъ монастырѣ. Въ началѣ 1677 г., когда скитъ пришелъ въ упадокъ, въ немъ оставался только старецъ Романъ съ нѣкоторыми изъ братіи, въ количествѣ меньшемъ 12 (по штату). 22-го августа 1678 г. Романъ съ братіею били челомъ Царю Алексѣю Михайловичу о томъ, что „святыя церкви стоятъ безъ пѣнія и братія помираютъ голодомъ“, отъ чего они „въ конецъ погибаютъ“, и просили возстановить скитъ. Ходатайство было уважено, и было приказано „пустыни быть“, чтобы братія жила со старцемъ Романомъ и выбрала бы себѣ строителя“, которымъ и былъ избранъ Романъ. Въ октябрѣ 1680 г., по челобитью Романа Царю Алексѣю Михайловичу о томъ, что Соловецкій монастырь не даетъ скиту, какъ приписанному къ монастырю, денегъ, почему „въ Анзерской пустыни святыя церкви и иконы обветшали и колокольня обвалилась, и кельи погнили, и построить нечѣмъ, и отъ того Анзерской пустыни чинится разореніе“, — приказано было Анзерскую пустынь изъять изъ вѣдѣнія Соловецкаго монастыря и Роману, слѣдовательно, быть на положеніи игумена.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви, стр. 834; Описаніе документовъ и бумагъ Св. Правит. Сунода, т. II, ч. I, № 435; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. IX, стр. 100, 101, 148—150. *А. В—въ.*

Романъ, игуменъ Терехова монастыря, Рязанской епархіи, 1520—1534 гг. Дѣятельность его относится къ первому періоду жизни монастыря (основаннаго въ 1507 г.). Въ 1520 г. монастырю была дана великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ несудимая грамота. Съ нимъ же, вѣроятно, закончилась самостоятельность монастыря, приписаннаго при Іоаннѣ Грозномъ къ Солотченскому монастырю.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія Церкви, стр. 433; В. В. Звѣринскій, Матеріалы для ист.-топогр. изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи, т. III, № 1545; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. II, ч. I, стр. 1043; „Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи“ 1912 г., т. XVII, вып. 1, стр. 42. *А. В—въ.*

Романъ, игуменъ Молченской Путивльской пустыни, Курской епархіи. Дошедшія до насъ о немъ свѣдѣнія рисуютъ его съ невыгодной стороны. Знаменитый Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славянорусской библіографіи, характеризуетъ его въ одномъ письмѣ, какъ человѣка, „часто и богато“ употреблявшаго вино „при пивѣ и медѣ“. Проигрывая въ особенности рядомъ со строителемъ пустыни,—схимо-

нахомъ Софроніемъ, человѣкомъ рѣдкой жизни, Романъ какими-то путями добился удаленія Софронія изъ пустыни и заточенія его въ ссылку. Когда Софроній, благодаря хлопотамъ С. Медвѣдева передъ князьями Ромодановскими и Чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ (впослѣдствіи патріархомъ), черезъ годъ былъ возвращенъ изъ ссылки и возстановленъ въ своихъ правахъ, одновременно Роману была послана Іоакимомъ „увѣщевательная епистолія“, прочтя которую Романъ „испустилъ гласъ отъ великаго гнѣва и ярости и назвалъ грамоты владычни неправедными“. Спустя немного времени, Романъ былъ и совершенно устраненъ отъ игуменства, пробывъ въ немъ не болѣе 2-хъ лѣтъ (1671—1672).

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви, стр. 636; В. В. Звѣринскій, Матеріалы для ист.-топогр. изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи, т. II, № 933; А. Ѳ. Бычковъ, Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, ч. I, С.-Пб. 1882 г., стр. 359—367. *А. В—въ.*

Романъ (*Кона* или *Капа*), архимандритъ Кіево-Печерской Лавры; происходилъ изъ купеческаго званія, родился въ 1677 г. отъ родителей благочестивой жизни, и, проведя въ родительскомъ домѣ „юность богодухновенную“ и получивъ „страхъ Божій, купно съ возрастомъ растущій“, получилъ большое расположеніе къ монастырской жизни. Въ 1700 году, 23-хъ лѣтъ отъ роду, былъ постриженъ въ монашество въ Лаврѣ, при архимандритѣ Іоасафѣ Кроковскомъ; отличаясь чистотою своей жизни, смиреніемъ, кротостью и послушаніемъ, онъ представлялъ „зерцало безболѣзненнаго житія, не за страхъ, но за совѣсть непреоборимое повиновеніе и воли своей отданіе начальствующему“. Въ слѣдующемъ, 1701 году Романъ возведенъ былъ въ санъ іеродіакона епископомъ Переяславскимъ Захаріею Корниловичемъ, въ 1716 г., митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ, былъ возведенъ въ санъ іеромонаха и вскорѣ названъ игуменомъ приписаннаго къ Лаврѣ Зміевскаго Николаевскаго монастыря, „показавъ честное и другимъ образцовое игуменское начальствованіе, имъ первымъ прославленное, имъ уползованное“. Въ бытность игуменомъ этого монастыря, Романъ былъ посланъ, въ 1719 г., въ качествѣ уполномоченнаго отъ Лавры, къ Петру Великому съ ходатайствомъ подтвердить всѣ жалованныя грамоты Лавры, погибшія въ большомъ пожарѣ 1718 года. Избранный вскорѣ послѣ этого намѣстникомъ Лавры, онъ „принялъ на себя трудъ и попеченіе испепелѣвшія вся въ прежнемъ своемъ чину, крѣпости и числѣ поставить и поставилъ, съ немалымъ даже здравія своего уроном“. Въ февралѣ 1727 г. онъ былъ представителемъ Лавры на коронаціи Петра II-го. Вскорѣ послѣ этого Романъ доставилъ, по порученію Св. Сунода, изъ Москвы въ Петербургъ 50 антиминсовъ. Въ концѣ этого года онъ подалъ просьбу въ Св. Сунодъ о разрѣшеніи печатать „православнымъ народомъ благопотребныхъ книгъ“: молитвослововъ, акаѳистовъ, житій св. отецъ, алфавитовъ и проч., что въ слѣдующемъ году было разрѣшено Св. Сунодомъ указомъ 21-го февраля. Когда, въ концѣ 1729 г., умеръ архимандритъ Лавры Іоанникій, на это мѣсто представлено было шесть кандидатовъ, изъ коихъ первымъ Романъ, какъ „отъ старѣйшихъ мужей лѣтами, заслугами и житіемъ свидѣтельствованный“. Императрица Анна Іоанновна, по настоянію Ѳеофана Прокоповича, назначила не предположеннаго Лаврою Романа, а другого — Харьковскаго архимандрита Платона Малиновскаго. Вѣроятную роль въ этомъ сыграло показаніе Романа въ дѣлѣ Родышевскаго по обвиненію Ѳеофана Прокоповича „въ противностяхъ церковныхъ“, засвидѣтельствовавшаго, что въ библіотекѣ Лавры имѣется сочиненіе Аѳанасія Великаго, переправленное (несогласно съ православіемъ) Ѳеофаномъ. Братія Лавры, несогласная съ назначеніемъ Платона, отказалась принять послѣдняго и отправила депутацію къ Императрицѣ съ прошеніемъ, „чтобы въ Печерской обители Платону архимандритомъ не быть, а быть бы Роману“. По докладу Иностранной Коллегіи, 18-го апрѣля 1730 г. назначеніе Платона было отмѣнено, и архимандритомъ Лавры былъ назначенъ Романъ, посвященіе котораго было совершено Питиримомъ, архіепископомъ Нижегородскимъ и Алатырскимъ, 12-го іюня 1730 г., въ церкви Московскаго Измайловскаго дворца, въ присутствіи Императрицы. Въ настоятельствѣ своемъ Р. искалъ „не чести, но дѣла“, будучи „сущимъ пастыремъ, который съ перваго дня паствы своея безъ труда, безъ доброй пажити стаду своему промысла, ни-

когда не былъ". За шесть лѣтъ своего настоятельства онъ сдѣлалъ такъ много для Лавры,—говоритъ сказатель надгробнаго слова о немъ,—сколько другой и за десять лѣтъ не сдѣлалъ бы. Въ 1731 г., 25-го мая, онъ заложилъ Лаврскую колокольню по плану знаменитаго архитектора того времени Шейдена, современника графа Растрелли; при немъ же былъ вылитъ для колокольни большой колоколъ въ 1000 пудовъ; „другія зданія въ лучшія благолѣпія одѣлъ"; увеличилъ „благолѣпіе внутреннее церковное, ему же онъ (Романъ) своимъ иногда пособилъ имѣніемъ, а иное и все собою подѣлалъ". „Все то трофеи, все то Романовыхъ дѣлъ обелиски", восклицаетъ тотъ же сказатель. Въ октябрѣ 1735 г. Св. Сунодъ, по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ Лаврской типографіи „Календаряхъ или мѣсяцесловахъ", приказалъ отмѣнить печатаніе таковыхъ, такъ какъ эти календари представляли изъ себя „переводъ съ польскихъ календаришковъ" съ различными свѣдѣніями и астрологическими „и прочими тѣмъ подобными бреднишками", которыя къ тому же „и тѣми самыми астрологишками за суетна и ложна признаваемы суть и потому весьма ни къ чему годны",—во избѣжаніе „нареканія и безславія духовному чину". Романъ, въ своихъ представленіяхъ Св. Суноду по этому поводу, указывалъ на ихъ распространенность и разнообразіе и на массу полезныхъ въ нихъ свѣдѣній. Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно. 13-го сентября 1736 г., „разслабляемый долгою болѣзнею", Романъ скончался, провожаемый искренними слезами любившей и почитавшей его братіи. Погребенъ онъ у западной стѣны праваго или южнаго придѣла великой церкви Лавры. Внѣшность его была „вся отъ добродѣтели сложенная", какъ выражается сказатель надгробнаго слова; это былъ мужъ „высочайшаго разсужденія": „съ кѣмъ ни говорилъ, того какъ магнитною стрѣлою сердце поразилъ". Онъ пользовался большимъ уваженіемъ Петра Великаго.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви, стр. 13; Митр. Евгеній, Описаніе Кіево-Печерскія Лавры съ присовокупленіемъ разныхъ граматъ и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ Лавры и обѣихъ пещеръ, изд. 2-ое, исправ. и умнож., Кіевъ. 1831 г., стр. 150—151, а также изд. 1826 г.; Сборникъ лѣтописей Южной и Западной Руси, стр. 65; Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Сунода, т. III, д. № 455, стр. 479—480; т. VII, д. № 151/75, стр. 170—171, д. № 318/29, стр. 323—328, д. № 327/3, стр. 344—337; т. X, д. № 275, д. № 75; т. XI, д. № 247, № 298; т. XII, д. № 39, № 265, № 491; т. XIV, д. № 350/181, стр. 452, д. № 40/156, стр. 528—529; т. XV, д. № 350; т. XVI, д. № 343, стр. 428, прил. № 34, стр. 840; т. XXXI, д. № 247/94, стр 333—334; т. XXXIV, прил. № 21, стр. 623; Полное Собраніе постановленій и распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣд., т. VII, д. № 2300, № 2628; „Кіевская Старина" 1886 г., т. XV, стр. 392, 405, 613, 615; т. XVI, стр. 507, 515 — 516 (статья: „Кіево-Печерская Лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи"); И. Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время („Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ", т. IV), стр. 299, 300, 332, 500, 501; А. Страдомскій, Слово на погребеніе архимандрита Кіево-Печерской Лавры, преподобнаго отца Романа Копы—„Духовный Вѣстникъ" 1865 г., № 10, стр. 241—249; Амвросій, Исторія Россійской Іерархіи, т. II, стр. 12, 51. *А. Виноградовъ.*

Романъ Никитичъ, въ мірѣ, по преданію, *Телепневъ-Оболенскій* (въ родословныхъ росписяхъ не упоминается), схимонахъ, основатель и первый строитель Данковскаго Покровскаго монастыря Рязанской епархіи. Преданіе говоритъ, что Романъ былъ боярином царя Іоанна Грознаго, бывъ человѣкомъ значительнымъ въ кругу дворянскомъ, но, избѣгая опалы царя за какой-то совершенный имъ проступокъ, скрылся въ тогда дремучихъ Муромо-Рязанскихъ лѣсахъ и жилъ тамъ отшельникомъ. Однажды рыбаки (вѣроятно, Рязанскіе казаки) во время ловли рыбы натолкнулись въ лѣсу на отшельника Романею (или Романа) и, прельстившись мѣстоположеніемъ и жизнью отшельника, остались у него. Вскорѣ они вмѣстѣ основали Покровскую пустынь, а потомъ и первый монастырь Данковскій. П. М. Строевъ, на основаніи „Исторіи Іерархіи" Амвросія, относитъ основаніе монастыря къ 1627 году, а строительство Романа—съ этого года до 1646. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о Романѣ не сохранилось. Въ монастырѣ находится склепъ съ прахомъ Романа, надъ которымъ устроена часовня, а въ ней желѣзныя вериги и часть суконныхъ четокъ, будто-бы оставшихся послѣ Романа.

П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви, стр. 436; архим. Амвросій, Исторія Россійской Іерархіи, т. IV, стр. 11; Т. Я. Воздвиженскій, Историческое Обозрѣніе Рязанской епархіи, стр. 326; В. В. Звѣринскій, Матеріалы для ист.-топогр. изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи, т. II, № 1053, стр. 274; „Рязанскія Губернскія Вѣдом." 1846 г., № 16; „Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ"

1841 г., т. XL, стр. 474; Описаніе Московскаго Архива Минист. Юстиціи, т. XV, отд. II, стр. 157.
А. Виноградовъ.

Романъ (Романозъ), Эристовъ-Арагвскій, митрополитъ Самтаврійскій и Горійскій (1731 — 1753), писатель. Сынъ Арагвскаго „эристава" (главы народа) Георгія Іассоновича (1696 — 1723), тайнаго совѣтника и моурава (губернатора) города Тифлиса, бывшаго въ Грузіи „первымъ фамильнымъ человѣкомъ". Черезъ свою сестру Анну, жену царевича Бакара, сына царя грузинскаго Вахтанга VI, Романъ былъ въ родствѣ съ грузинскимъ царскимъ домомъ. Портретъ его, приложенный къ его рукописному сочиненію „Цымбанъ", изображаетъ его человѣкомъ высокаго роста, съ типичной грузинской физіономіей. Въ началѣ XVIII ст. онъ принялъ монашество; обстоятельства, заставившія пойти въ монашество его, человѣка женатаго, намъ неизвѣстны. Въ 1720-хъ г.г. онъ достигъ уже сана архимандрита. Въ 1720 г., когда Грузія была „со всѣхъ сторонъ отъ персіянъ, турокъ и др. подвергнута нападеніямъ и разоренію", въ его родовой замокъ, Ананурѣ, на его попеченіе, въ предохраненіе отъ новаго увоза, былъ перенесенъ крестъ св. Нины, національная святыня Грузіи. Постриженный въ монашество въ Давидо-Гареджинскомъ монастырѣ, Тифлисской губерніи, Р. жилъ тамъ 12 лѣтъ, выражая желаніе остаться въ немъ до конца жизни, но вмѣсто того, въ 1722 г., отправился въ Россію „для службы по должности и обѣщанію" и „для сбора милостыни". „Ограбленный совершенно горцами" по дорогѣ къ гор. Кизляру, Романъ пріѣхалъ въ Москву 9-го іюня, и, по ходатайству Имеретинской царевны Дарьи Арчиловны, ему (съ спутниками) было назначено жалованье по 100 руб. въ годъ и отведено помѣщеніе въ Донскомъ монастырѣ; но вскорѣ, за неимѣніемъ свободнаго помѣщенія, онъ былъ перемѣщенъ въ Богоявленскій монастырь. Въ концѣ 1722 года, прошеніемъ на Высочайшее Имя, Романъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему паспорта, денежнаго вспомоществованія и вооруженной охраны для проѣзда на родину, каковая просьба, въ февралѣ 1723 г., была удовлетворена, а вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайшимъ указомъ ему было опредѣлено жалованіе по 30 руб. въ мѣсяцъ. Р. остался въ Россіи, но выдача ему жалованья производилась очень неаккуратно и „я пришелъ въ такую скудость", пишетъ онъ, „что и которую сдѣлалъ было себѣ архимандрицкую шапку и ту на пропитаніе продалъ и на хлѣбъ проѣлъ". Вахтангъ VI, тѣснимый турками, занявшими Тифлисъ и Гори, и персами, разбитый къ тому же Кахетинскимъ царемъ, бѣжалъ въ Имеретію, и, фактически уже потерявъ престолъ, предложилъ черезъ Романа Петру Великому занять Русскими войсками крѣпость Арши — ключъ Дарьяльскаго ущелья, взамѣнъ чего Русскія войска должны были помочь Вахтангу опять занять престолъ. Однако, проэктъ этотъ не осуществился, и въ слѣдующемъ году Вахтангъ, въ сопровожденіи 43 грузинскихъ князей и дворянъ и многочисленной свиты, уѣхалъ изъ Грузіи въ Россію. На этомъ роль Р., какъ политическаго агента Вахтанга, не кончилась: по отъѣздѣ Вахтанга въ Россію былъ образованъ въ Грузіи заговоръ съ цѣлью вернуть ему престолъ, и Романъ поѣхалъ въ Грузію въ октябрѣ 1725 г. Оффиціальнымъ же предлогомъ его поѣздки было желаніе матери и родственниковъ его увидѣться съ нимъ, „а паче для обѣщанія своего, гдѣ онъ постриженъ былъ въ монастырѣ и 12 лѣтъ жилъ, — по прежнему въ томъ монастырѣ желалъ быть до конца жизни своей". Тѣмъ не менѣе, онъ жилъ все время въ Тифлисѣ; здѣсь построилъ онъ каменную церковь и основалъ монастырь, приписавъ къ нему свои деревни. Въ это время Тифлисъ былъ осажденъ персами и монастырь занятъ былъ подъ помѣщеніе для солдатъ. Давидо-Гареджинскій-же монастырь, въ 1728 г., былъ разрушенъ отъ „непріятельскихъ людей лезгинцевъ", также, какъ и вотчины Эристовыхъ, и Романъ въ 1729 г. опять уѣхалъ въ Россію. По пріѣздѣ въ Москву, онъ былъ включенъ въ число 42-хъ положенныхъ по штату духовныхъ персонъ, съ жалованьемъ по 75 руб. въ годъ и по 3 порціи хлѣба противъ прочихъ Грузинскихъ архимандритовъ. Въ маѣ 1730 г., получивъ паспортъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Романъ вновь поѣхалъ въ Грузію „для свиданія съ матерью". Этотъ годъ онъ былъ настоятелемъ Ананурскаго монастыря. Въ январѣ 1731 г., по избранію князей и дворянъ, Романъ былъ посвященъ католикосомъ Бессаріономъ въ митрополиты на епархію Самтаврійскую и Горійскую, или Карталинскую, обнимавшую все простран-

ство земли между Рехулою и Б. Ліахвою. Пробывъ въ Самтаврѣ (близъ бывшей столицы Грузіи, Мцхета) одинъ, и въ Гори — три мѣсяца, Романъ въ апрѣлѣ, изгнанный изъ Гори Турками, бѣжалъ въ Ананурскій монастырь, гдѣ былъ до сентября мѣсяца, откуда затѣмъ уѣхалъ въ Москву и прибылъ въ нее въ февралѣ 1732 г. Не имѣя при себѣ ставленной на митрополію грамоты, давать которую не было обычая въ Грузіи, Романъ долгое время не былъ признаваемъ русскимъ правительствомъ за имѣющаго санъ митрополита, и только благодаря личному ходатайству царя Вахтанга, указомъ 25-го августа, онъ былъ назначенъ въ Москву для посвященія діаконовъ и священниковъ и для отправленія богослуженія, съ жалованьемъ по 150 руб. въ годъ и по 5 порцій хлѣба, съ предоставленіемъ ему половины покоевъ на подворьѣ Саввина монастыря. Высочайшимъ указомъ 12-го сентября 1733 г. Романъ былъ назначенъ (съ архіепископомъ Іосифомъ Самобельскимъ) отправлять въ теченіе года „повсядневное служеніе“ по Ея Императорскому Высочеству царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской, въ Александро-Невскомъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ, куда онъ прибылъ 21-го октября. Прогонныхъ денегъ и другихъ суммъ за отправленіе этихъ службъ, ему было выдано разновременно около 1000 руб., кромѣ положеннаго жалованья. 15-го марта 1734 г. состоялось зачисленіе Романа въ штатъ, содержаніе же ему было оставлено прежнее. 26-го августа отъ былъ опредѣленъ окончательно въ Москву въ качествѣ „помощнаго архіерея“ для поставленія и посвященія діаконовъ и священниковъ, а „дабы не воспослѣдовало отъ Его Преосвященства производящимся въ священство и діаконство ставленникомъ напрасной волокиты“, ему было увеличено вознагражденіе за посвященіе, сравнительно съ другими архіереями; при этомъ ему было предписано, что „грузинскихъ духовныхъ ни посвящать, ни опредѣлять онъ не можетъ, заграницу отпускать также, наградъ имъ выдавать также“, донося обо всемъ Св. Суноду. Тогда же Романъ, по его личной просьбѣ, была выдана „пристройная карета“ съ четырьмя лошадьми и архіерейское облаченіе „не изъ богатаго, но изъ посредственнаго уборy“, съ предупрежденіемъ, что все это дается ему на первый случай, а впредь ему ... дачи не будетъ, и въ томъ бы онъ надѣянія не имѣлъ“. 2-го мая 1735 г., за тѣснотою Саввина подворья, Роману было предложено жить на подворьѣ Иверскаго монастыря, а за отказомъ Романа, отведено было ему помѣщеніе на подворьѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (въ Кремлѣ). Въ мартѣ 1736 г. Романъ просилъ о разрѣшеніи устроить у себя (въ Грузинахъ, куда онъ перешелъ изъ Кирилло-Бѣлозерскаго подворья), за отдаленностью его отъ мѣстожительства отъ Москвы, полотняную церковь для посвященія ставленниковъ, но вмѣсто того, безъ разрѣшенія Св. Сунода, построилъ деревянную церковь, которую Св. Сунодъ, по его просьбѣ, разрѣшилъ освятить съ напоминаніемъ, что, однако, „онъ подлежалъ бы, собственно говоря, не малому штрафу, но что оное для его иностранства нынѣ по снисхожденію Св. Сунодомъ оставляется“.

Въ 1738 г. Романъ снова уѣхалъ въ Грузію. Въ слѣдующемъ году фамилія Эристовыхъ-Арагвскихъ пала жертвою свирѣпыхъ нравовъ грузинскихъ феодаловъ. Іессей, братъ Ксанскаго эристава Шанша, стараго врага Арагвскихъ эриставовъ, былъ ограбленъ Арагвскимъ Эриставомъ Бардзимомъ, братомъ Романа. Тогда Шанша съ наемнымъ войскомъ изъ лезгинъ осадилъ Ананурскій замокъ, послѣ продолжительной осады взялъ его и разграбилъ, „порубивъ ихъ (Эристовыхъ-Арагвскихъ) фамилію до послѣдняго человѣка безъ остатку“. Романъ бѣжалъ сперва въ Имеретію, гдѣ скитался около 8 мѣсяцевъ, а затѣмъ пробрался въ Кизлярскую крѣпость и, находясь въ крайней нуждѣ, просилъ въ 1740 г., черезъ свою сестру Анну, о разрѣшеніи прибыть въ Москву и о принятіи его въ Русское подданство. По полученіи разрѣшенія, онъ пріѣхалъ въ Москву въ іюнѣ 1741 г. Для его мѣстопребыванія Св. Сунодъ назначилъ сперва Троице-Сергіевскую Лавру, но послѣ двукратной просьбы м. Романа перевелъ его въ 1743 г. въ Чудовъ монастырь на прежній окладъ. 11-го іюля 1744 г. Романъ принималъ участіе въ торжественномъ богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ по случаю заключенію мира съ нѣмцами. Перенеся въ 1748 г. тяжелую и продолжительную болѣзнь, Романъ просилъ 26-го августа объ увольненіи его въ Грузію, въ Давидо-Гареджинскій монастырь, чтобы „тамъ поскхиниться и положить свое тѣло“. 16-го

января 1749 г. Св. Сунодъ отказалъ ему въ этомъ на томъ основаніи, что онъ, Романъ, обѣщалъ быть въ Россіи въ вѣчномъ подданствѣ. 10-го мая 1749 г. Р. вновь просилъ о выѣздѣ; на этотъ разъ просьба его была удовлетворена, и онъ тотчасъ-же уѣхалъ въ Грузію. Возвратился онъ въ Россію въ 1752 г. Опасаясь, чтобы крестъ св. Нины, въ виду опаснаго политическаго положенія Грузіи, не попалъ въ руки невѣрныхъ, Романъ тайно, безъ вѣдома царей, взялъ его съ собой и передалъ царевичу Бакару. Проѣзжая тогда же, въ маѣ, черезъ Кизлярскую крѣпость, Романъ подалъ тамошнему губернатору обширное „письменное объявленіе объ обстоятельствахъ царя Теймураза и Ираклія“ (о походахъ въ Персію грузинъ и пораженіяхъ ихъ). Скончался Романъ въ городѣ Черномъ Ярѣ, 30-го января 1753 г., по дорогѣ въ Москву, а погребенъ былъ, по завѣщанію, въ Астрахани, въ мѣстной соборной Успенской церкви, епископомъ Астраханскимъ Иларіономъ, 13-го марта.

Романъ былъ настоящимъ „книжникомъ“, богословски и вообще очень начитаннымъ и образованнымъ. Еще въ 1715 г. онъ переписалъ псалтирь. Въ 1745 г. написалъ прекрасное сочиненіе подъ названіемъ: „tintili ǧaǧadebiça“ — „Гусли славословные“, или „кимвалъ взываній“, или — просто — „Цымбанъ“ пѣснопѣній, состоящее изъ свидѣтельствъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта противъ распространившихся лжеученій и утвержденія въ вѣрѣ „сладкимъ гласомъ“ Александра, сына Арчила (ум. 1762 г.). Въ 1738 г., въ Москвѣ, переписалъ онъ рядъ житій Грузинскихъ святыхъ: Евстаѳія, Трифона, Давида Гареджинскаго и др. Позже онъ переписалъ еще „Клемаксъ“ св. Іоанна Синаита. На его средства были переписаны и принесены въ даръ Гареджинскому монастырю слѣдующія книги: 1) въ 1749 г. — рукописный сборникъ, заключающій въ себѣ: а) „Аскетиконъ“ св. Ефрема Сирина, въ 2-хъ книгахъ; б) „Лавсаиконъ“ Палладія, епископа Каппадокійскаго; в) „повѣствованіе о монашеской жизни“ св. Кассіана и г) „повѣствованіе о 8-ми нечистыхъ помышленіяхъ“, его-же; 2) въ 1742 г., въ Москвѣ, Праздничная Минея на весь годъ съ послѣсловіями въ честь Грузинскихъ святыхъ (рукопись украшена иниціалами, разноцвѣтною каймою и иллюстрирована миніатюрными изображеніями, исполненными золотомъ и красками въ духѣ русской живописи). Безъ сомнѣнія, онъ принималъ участіе и въ печатаніи Грузинской Библіи, вышедшей въ 1744 г. въ Москвѣ.

Дѣло Св. Сунода, за 1753 г., № 313; за 1732 г., № 256; Дѣло Архива Главнаго Управленія Закавказскаго края, связка 91, № 819; Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссіей, т. I, стр. 33; т. V, стр. 1075, 1086; Полное Собраніе постановленій и распоряженій по Вѣдомству Правосл. Исповѣданія, т. I (1743 г.) № 338, стр. 322; № 480, стр. 455; т. II (1744 г.), № 684, стр. 166; т. VII (1730—1732 г.г.), №№ 2285, 2286, 2364; т. VIII (1733 — 1734 г.г.), № 260; т. IX (1736 г.), № 2993, стр. 322—323; т. X (1738 г.), № 3264, стр. 96; Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. Сунода, т. II, ч. 2-ая (1722), № 769, стр. 9—12; т. V (1725), № 115, стр. 194—195; т. XII (1732), № 370, стр. 717—724; т. XIV (1734), № 7, стр. 30; № 8, стр. 31; № 24, стр. 47; № 44, стр. 67; № 108, стр. 131—133; № 336, стр. 441; т. XV (1735), № 49, стр. 95; № 340, стр. 474—475; № 431, стр. 612—613; № 128, стр. 166—167; т. XVI (1736), № 200, стр. 234; прилож. XXXII, стр. 819, 820—822, 825, 826; т. XX (1740), № 519, стр. 518—523; т. XXIII (1743), № 243, стр. 335, 336; Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи, т. IX, стр. 327; Переписка, на иностранныхъ языкахъ, Грузинскихъ царей съ Россійскими Государями, отъ 1639 г. по 1770 г., С.-Пб., 1861 г., изд. Акад. Наукъ, стр. 153 — 155, 177 — 179; Описаніе рукописей Церковнаго музея Духовенства Грузинской Епархіи, кн. I, Тифлисъ, 1903 г., №№ 149, 150, 152, 154, 161, 164; кн. III, Тифл. 1908, № 914; Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle, par M. Brosset, часть II, С.-Пб., 1856 г., стр. 114—138, 577—601; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. Общ. Пользы), т. IV, стр. 703—706; Wakhoucht, Description de Géorgie; Записки Общества любителей кавказской археологіи, Тиф. 1875, кн. I, статья Д. Бакрадзе: Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 26, 130 (=Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссіей, т. V); П. Г. Бутковъ, Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 г., ч. I, С.-Пб. 1869, изд. Акад. Наукъ. стр. 389, 390; ч. III, стр. 88, 90, 542; Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ, отъ 23 ноября 1753 г.; кн. П. В. Долгорукій, Россійская родословная книга, ч. III, стр. 61; А. С. Хахановъ, Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи (Матеріалы для исторіи Грузіи), М. 1893, прилож., стр. XX; Утвержденіе Русскаго владычества на Кавказѣ, т. I, Тиф., 1901 г, стр. 36; Памятники временъ утвержденія Русскаго владыч. на Кавказѣ, вып. I, Тиф., 1901 г., стр. 90; П. Іосселіани, Описаніе древностей города Тифлиса, Тифлисъ. 1866, г., стр. 123—129, 219, 270; Его-же, Описаніе древностей гор. Душета, стр. 45; Г. Садзагеловъ-Иверіели, Ананурскій Успенскій Соборъ, стр. 10, 11 (оттискъ изъ „Древностей Восточныхъ“); А. Натроевъ, Мцхетъ и его соборъ Свэти-Цховели, Тиф. 1901, стр. 130, прим.; М. Сабининъ, Житіе и апостольскіе подвиги св. равноапостольной Нины, просвѣтительницы Грузіи, стр. 8, 9, прим.; М. Г. Джанашвили, Къ матеріаламъ по исторіи и древностямъ Грузіи и Россіи, Тиф.,

1912, стр. 9, прим.; А. С. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. III (литература XIII—XVIII в.в.), М. 1901 г., стр. 325; Лѣтопись Грузіи. Юбилейный сборникъ въ 300-лѣтію царствованія Дома Романовыхъ, державныхъ покровителей Грузинскаго народа, 1613—1913, т. I, Тифл. 1913, изд. князя П. І. Туманова, подъ ред. Б. С. Эсадзе, стр. 75, прим. 111.

А. Виноградовъ.

Ромарино, *Александръ Антоновичъ*, архитекторъ; получилъ образованіе въ Имп. Академіи Художествъ, подъ руководствомъ А. А. Тона. Будучи еще ученикомъ Академіи, онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ В. Геккеромъ, въ 1850 г. занялся исполненіемъ практическихъ чертежей строившейся въ то время архитекторомъ Кармінымъ церкви во имя св. Апостола Павла для лейбъ-гвардіи Егерскаго полка и занимался ими въ теченіе четырехъ лѣтъ. Академія очень поощряла такія работы и не только пріобрѣла ихъ для класса строительнаго искусства, но неоднократно выражала ему похвалу, а въ 1851 г. присудила ему за нихъ-же вторую серебряную медаль. Въ 1854 г. онъ получилъ обѣ серебряныя медали „за архитектурную композицію“, а въ 1858 г. признанъ былъ академикомъ за проэктъ „большой станціи на желѣзной дорогѣ при віадукѣ“. Умеръ въ 1876 г.

Отчеты Имп. Академіи Художествъ за 1862—1863 и 1875—1876 гг.; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Петербургской Академіи Художествъ, Т. III, С.-Пб. 1866.

А. Новицкій.

Ромбергъ, *Карлъ*, віолончелистъ; происходилъ изъ семьи извѣстныхъ нѣмецкихъ музыкантовъ, давшей виртуозовъ-композиторовъ Андрея и Бернгарда Ромберговъ; родился въ концѣ XVIII столѣтія въ Германіи, тамъ же получилъ свое воспитаніе и музыкальное образованіе подъ руководствомъ своего дяди, Бернгарда Ромберга. Способности и любовь къ музыкѣ сдѣлали изъ него серіознаго музыканта-виртуоза. Играя на нѣсколькихъ инструментахъ, онъ больше всего любилъ віолончель, немногимъ уступая въ искусствѣ своему дядѣ Бернгарду и брату Кипріану. Братья Карла—Генрихъ и Кипріанъ—въ началѣ 1820-хъ годовъ пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ со своимъ дядей Бернардомъ, который уже не въ первый разъ былъ въ Россіи. Выдающіяся музыкальныя качества обоихъ молодыхъ Ромберговъ обратили на нихъ вниманіе, и имъ было предложено поступить на службу Дирекціи Императорскихъ Театровъ; они приняли предложеніе, и съ тѣхъ поръ навсегда поселились въ Россіи. Въ началѣ 1830 года, по ихъ совѣту, въ Россію пріѣхалъ и ихъ младшій братъ Карлъ; Кипріанъ въ это время, въ виду бывшихъ у него съ Дирекціей несогласій, оставилъ службу, и мѣсто віолончелиста въ оркестрѣ Итальянской оперы занялъ его братъ Карлъ, съ которымъ былъ заключенъ контрактъ 2-го іюня 1830 года срокомъ на два года. Еще до истеченія этого срока Итальянская опера была упразднена и почти всѣ артисты были уволены, но только Ромберги, да еще нѣсколько человѣкъ выдающихся музыкантовъ были оставлены съ тѣмъ, чтобы играть всюду, гдѣ потребуетъ этого Дирекція. 1-го марта 1832 года съ Карломъ Ромбергомъ былъ заключенъ новый контрактъ на три года, дальше же служилъ онъ безъ контракта. Въ 1840 году исполнялось десять лѣтъ его службы Дирекціи—срокъ, установленный для полученія пенсіи иностранцами. Въ виду своего слабаго здоровья Карлъ Ромбергъ просилъ объ увольненіи его отъ службы съ назначеніемъ ему пенсіи; 17-го іюня 1840 года это увольненіе состоялось, и ему была назначена пенсія по 2000 руб. ежегодно. Будучи весьма хорошимъ віолончелистомъ-виртуозомъ, Карлъ Ромбергъ часто принималъ участіе въ концертахъ своихъ братьевъ и многихъ другихъ артистовъ. Какъ ученикъ своего дяди, онъ позаимствовалъ отъ него и главныя качества его игры: чувство, легкость, пріятность, мягкость смычка, что доставляло ему всегда симпатіи и одобреніе публики. Выйдя въ оставку, онъ, однако, оставался въ Петербургѣ, гдѣ по прежнему продолжалъ выступать въ концертахъ; скончался въ серединѣ 1850-хъ годовъ.

Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ, Дѣло 1840 года, за № 175.

Ромбергъ, *Кипріанъ-Фридрихъ*, извѣстный віолончелистъ, сынъ также извѣстнаго скрипача и композитора Андрея Ромберга и племянникъ віолончелиста Бернгарда Ромберга; родился 28-го октября 1807 г. въ Гамбургѣ и первоначаль-

ное музыкальное образованіе получивъ подъ руководствомъ отца; пристрастившись къ віолончели, онъ поступилъ подъ руководство своего дяди Бернгарда, который не разъ бралъ его съ собою въ концертныя поѣздки, при чемъ Кипріанъ Ромбергъ всегда участвовалъ въ его концертахъ. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ Бернгардъ Ромбергъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ бывалъ неоднократно и ранѣе и гдѣ его хорошо знали, встрѣчая съ энтузіазмомъ; съ нимъ пріѣхали также и два его племянника: Кирпріанъ и Генрихъ (скрипачъ, Heinrich-Maria, род. 4-го апрѣля 1802 г.) Ромберги. Познакомившись съ ихъ игрою, Дирекція Императорскихъ Театровъ предложила имъ остаться въ Петербургѣ въ качествѣ музыкантовъ оркестра Итальянской оперы, назначивъ имъ довольно большое жалованье—по 4000 рублей въ годъ. Оба молодые музыканта согласились, но Кипріанъ Ромбергъ оставался въ оркестрѣ не долго — лишь до 1828 года, когда на его мѣсто былъ назначенъ его двоюродный братъ Карлъ. Будучи страстнымъ любителемъ музыки, онъ принималъ дѣятельное участіе въ основаніи „Общества любителей музыки“ (Филармоническое Общество, основанное въ 1828 году) и, состоя потомъ его членомъ, постоянно участвовалъ въ его концертахъ. Кромѣ того, Кипріанъ Ромбергъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Генрихомъ (скрипачомъ), давалъ ежегодно 2—3 концерта въ Петербургѣ, а также ѣздилъ въ Москву и за-границу, гдѣ имѣлъ выдающійся успѣхъ. Унаслѣдовавъ отъ дяди своего Бернгарда главныя качества его игры — чувство, легкость, пріятность, мягкость смычка, онъ восхищалъ публику исполненіемъ сочиненій своего дяди и собственныхъ произведеній, преимущественно варіацій на мелодіи Русскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1830 году Дирекція Императорскихъ Театровъ снова пригласила его въ оркестръ, гдѣ онъ прослужилъ еще около шестнадцати лѣтъ. Продолжая по-прежнему принимать живое участіе въ музыкальной жизни Петербурга, Кипріанъ Ромбергъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Генрихомъ, почти каждый годъ давалъ концерты, и вниманіе и симпатіи къ нему публики не уменьшались, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные отзывы о его концертахъ, появлявшіеся въ современной періодической печати. Въ 1847 году Кипріанъ Ромбергъ снова оставилъ службу при Дирекціи Императорскихъ Театровъ, (на этотъ разъ уже навсегда), при чемъ былъ награжденъ пенсіей въ размѣрѣ 4000 рублей въ годъ. Съ этихъ поръ онъ все рѣже и рѣже сталъ появляться предъ публикой, хотя и не бросилъ совсѣмъ концертной эстрады. Еще болѣе десяти лѣтъ прожилъ онъ въ Петербургѣ, изрѣдка участіемъ въ концертахъ напоминая о себѣ, и имя любимаго музыканта въ такихъ случаяхъ всегда привлекало публику, которая по-прежнему встрѣчала его шумными овваціями. Кипріанъ Ромбергъ скончался въ 1865 году въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Лютеранскомъ кладбищѣ. Какъ музыкантъ, онъ былъ горячо преданъ любимому искуству, а какъ человѣкъ отличался веселымъ, общительнымъ и симпатичнымъ характеромъ. Изъ написанныхъ имъ мелкихъ пьесъ особенную извѣстность пріобрѣли романсы: „Тучи черныя“, „Дайте крылья мнѣ“ и др.

„Сѣверная Пчела“ 1825 г., 17 марта, № 33, ст. „Концертъ Ромберга“; 1827 г., 17-го марта, № 33, 1828 г., 16-го февраля, № 20, 25 февраля, № 24, 3-го марта, № 27, 6-го марта, № 28, 19-го апрѣля, № 47 и 3-го мая, № 53, 12-го мая, № 57; 1830 г., 13-го марта, №№ 31 и 37; „Русскій Архивъ“ 1900 г., т. II, стр. 10—11; Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ, Дѣло 1847 года, № 230; Neues Konversations-Lexikon, von H. I. Meyer, B. 13, 1866 г.; Воспоминанія Ю. Арнольда, вып. I, М. 1892, стр. 126.

Роммель, *Христофоръ Филиповичъ* (Dietrich-Christoph von Rommel), профессоръ Харьковскаго Университета по каѳедрѣ латинской словесности и древностей, директоръ Педагогическаго Института; род. 17-го апрѣля н. ст. 1781 г. въ Касселѣ, ум. 21-го января н. ст. 1859 г. тамъ же.

Отецъ его, Юстъ-Филиппъ фонъ-Роммель (Justus-Philipp von Rommel) былъ генералъ-суперинтендентомъ и главнымъ проповѣдникомъ въ Касселѣ и далъ своему сыну блестящее воспитаніе. „Образецъ крѣпкаго пастыря“, — пишетъ о немъ Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ, „онъ далъ своей семьѣ прекрасное воспитаніе, чуждое всякаго педантизма и предразсудковъ“. Воспитаніе Роммеля было просто и вполнѣ свободно. Съ удовольствіемъ онъ вспоминаетъ о чудной природѣ родного города и о горахъ, которыя онъ научился любить еще въ дѣтствѣ. Семья Юста-Филиппа Роммеля

была многочисленна, и каждому изъ дѣтей дано было воспитаніе соотвѣтственное его предполагаемой будущей дѣятельности; Роммель долженъ былъ изучать богословіе, чтобы быть впослѣдствіи пасторомъ и, можетъ быть, занять мѣсто отца въ родномъ городѣ. Сначала, съ 1790—1799 г., Роммель посѣщалъ Лицей Фридриха въ Касселѣ, гдѣ на него имѣлъ вліяніе Филиппъ-Карлъ-Людовикъ Рихтеръ, ректоръ Лицея; онъ зналъ тайну пробуждать въ своихъ ученикахъ любовь и уваженіе къ себѣ и своей наукѣ и поддерживать соревнованіе между учащимися. Ему Роммель обязанъ тѣмъ, что уже на первыхъ порахъ ученія онъ сдѣлался филологомъ: Рихтеръ вдохнулъ въ него не только любовь, но даже страсть къ филологіи. Однако, такъ какъ ему предстояло затѣмъ изучать богословскія науки, онъ долженъ былъ уже въ Кассельскомъ Лицеѣ познакомиться съ восточной литературой и изучить для этого арабскій языкъ. Объ этомъ Роммель пишетъ: „Я бралъ уроки у какого-то кандидата богословія, по имени Винкельмана, который жилъ въ дальнемъ переулкѣ Кассельскаго предмѣстья, въ темной конурѣ, въ нищетѣ и, несмотря на то, владѣлъ дорогими восточными рукописями". Знаніе арабскаго языка потомъ сослужило Роммелю, на первыхъ же порахъ его научной дѣятельности, большую службу и оказало рѣшительное вліяніе на направленіе и характеръ его дальнѣйшихъ занятій.

Окончивъ курсъ въ Кассельскомъ Лицеѣ, отъ 18-ти лѣтъ отъ роду (въ 1799 г.) поступилъ въ Университетъ въ Марбургѣ, гдѣ, согласно плану отца, сталъ изучать теологію. Изъ профессоровъ этого Университета Роммелю особенно нравились Арнольди и Крейцеръ; первый изъ нихъ преподавалъ богословіе — и это преклоненіе передъ профессоромъ отвѣчало предполагаемой спеціальности Роммеля, но второй преподавалъ греческій языкъ и, сумѣвъ пробудить въ ученикахъ любовь къ своему предмету, много способствовалъ тому, что Роммель съ особенной охотой сталъ изучать римскихъ и греческихъ авторовъ. Изъ латинскихъ авторовъ онъ особенно любилъ Цицерона и впослѣдствіи старался подражать его стилю. Кромѣ того, еще въ Марбургѣ, онъ съ особеннымъ жаромъ и охотой читалъ Вольтера, а именно его „Mélanges de la littérature et de philosophie", но увлекался не крайностями его воззрѣній, а лишь его стремленіемъ къ широкому просвѣщенію человѣчества.

Марбургскій Университетъ во время пребыванія въ немъ Роммеля достигъ высшей степени процвѣтанія вслѣдствіе назначенія въ него лучшихъ профессоровъ. Роммель жилъ въ монастырской обстановкѣ, въ квартирѣ учителя и профессора богословія, педантичнаго Арнольди. Вотъ что Роммель пишетъ о своемъ пребываніи здѣсь и о своемъ ученіи въ Марбургскомъ Университетѣ въ 1799 г. „Я не могу сказать, что я провелъ здѣсь совершенно безрезультатно первый годъ моего университетскаго ученія, ибо я нашелъ большое удовольствіе въ лекціяхъ моихъ учителей, особенно въ прекрасномъ изложеніи Исаіи Арнольди и въ изученіи арабской грамматики..., въ развитіи древнихъ писателей Фридриха Крейцера и даже въ сухомъ очеркѣ всеобщей исторіи стараго Курціуса. Я ударился въ упражненія въ латинскомъ штилѣ, излагая и переводя этическія произведенія Цицерона. Я былъ также, несмотря на всѣ предосторожности моей бабушки, почитателемъ Вольтера, особенно его „Mélanges de littérature et de philosophie", смѣлыя посылки котораго меня смѣшили... Я посѣтилъ одинъ разъ студенческое собраніе и по своемъ возвращеніи домой понялъ, какъ предостереженіе, серьезное выраженіе лица моего хозяина, весьма сдержаннаго въ изъявленіи своихъ чувствъ (онъ былъ прекраснымъ комментаріемъ къ классическому труду ректора [Кассельскаго Лицея] К. Л. Рихтера подъ названіемъ „De silentio diserto").

Въ Марбургскомъ Университетѣ Роммель пробылъ только годъ: въ началѣ 1800 г. онъ перешелъ въ знаменитый Гёттингенскій Университетъ. Здѣсь онъ, подъ руководствомъ Эйборна, посвятилъ себя изученію восточныхъ языковъ, но главнымъ учителемъ его былъ проф. Гейне, принявшій его въ свой классическій семинарій. Кромѣ этихъ двухъ профессоровъ, его учителями были Шлёцеръ, Геереиъ и Блуменбахъ.

Гёттингенскій Университетъ въ ту пору былъ питомникомъ великихъ ученыхъ и былъ замѣчателенъ, кромѣ того, своей библіотекой, собранной съ большимъ вкусомъ и богатой по составу. Здѣсь Роммель, изучая теологическую пропедевтику, незамѣтно сдѣлался историкомъ-философомъ. Уже при изученіи введенія проф. Эйборна къ изу-

ченію Ветхаго Завѣта, онъ былъ приведенъ къ предварительному изученію литературы Востока и всеобщей исторіи и къ самостоятельнымъ писаніямъ по части Восточной литературы и исторіи. Но съ особенною любовью онъ приступилъ, по его собственнымъ словамъ, къ изученію неизсякаемой сокровищницы греческой и римской литературы и древностей подъ руководствомъ проф. Гейне. Вмѣстѣ съ изученіемъ древней литературы и всеобщей исторіи Роммель, подъ вліяніемъ своего многосторонняго и живого профессора, соединилъ изученіе географіи и этнографіи, исторіи народовъ и земель, вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ странъ и расовыхъ отличій. Въ послѣднемъ его руководителями, кромѣ Эйборна и Гейне, были проф. Шлёцеръ и Геерен, а по географіи онъ слушалъ курсъ „наблюденія природы“ (die Anschauung der Natur), читанный проф. Блуменбахомъ; особенное вліяніе на дальнѣйшую научную дѣятельность Роммеля оказалъ проф. Гейне, послѣдователемъ котораго онъ остался на всю жизнь. „Онъ принялъ меня“, пишетъ Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ, „къ слушанію своихъ Esoteriker и въ филологическій семинарій, и его вдохновенный взглядъ изслѣдователя такъ часто съ каѳедры съ любовью направлялся на меня, котораго вся душа горѣла огнемъ, когда онъ, подобно священному оракулу, выходилъ изъ своего святилища, занятаго исключительно книгами и бумагами, и его существо меня никогда не пугало, такъ какъ я прекрасно, со слезами на глазахъ, понялъ, что происходящимъ во мнѣ эстетическимъ переворотомъ, мыслями, до сихъ поръ мнѣ совершенно чуждыми и направленными къ красотѣ, я обязанъ его археологическимъ лекціямъ и его необычайному искусству объяснять классическія древности. Имѣло для меня большое значеніе и то, что я жилъ вблизи библіотеки, напротивъ Гейне, и въ употребленіи утреннихъ часовъ всегда подражалъ ему“.

Результатомъ этихъ занятій было то, что уже въ 1802 году, т.-е. черезъ годъ съ небольшимъ по поступленіи въ Гёттингенскій Университетъ, Роммель получилъ высшую награду Философскаго Факультета Гёттигенскаго Университета—медаль за свою первую литературно-научную работу—изслѣдованіе описанія Аравіи Абульфеды.

Вотъ какъ пишетъ объ этомъ самъ Роммель: „Арабскій текстъ этого жившаго въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ Сиріи писателя, въ которомъ нельзя отдѣлить историка отъ географа, для коихъ мусульманская лѣтопись постоянно была главнымъ источникомъ арабской исторіи, могъ быть приведенъ по лучшимъ изданіямъ... Къ этому переводу было приложено пространное поясненіе на основаніи восточныхъ и западныхъ источниковъ. Все это было изложено по-латыни... Каждый день для этой работы я занимался около 12 часовъ, работая надъ всѣми источниками, начиная и кончая Нибуромъ. Окруживъ себя книгами и ландкартами, я даже ночью мечталъ о Меккѣ и Мединѣ. Результатомъ этого было переутомленіе и 4-хъ-недѣльная болѣзнь“. И, хотя результатами этой работы Роммель не былъ вполнѣ доволенъ, однако, руководствуясь, какъ онъ говоритъ, старымъ изрѣченіемъ: „Quod totum non scitur, tamen neque totum praetermittitur“, онъ представилъ ее на соисканіе преміи.

Трудъ его, одобренный не только профессорами Гёттингенскаго Университета, но и заслужившій весьма лестные отзывы извѣстныхъ ученыхъ востоковѣдовъ Франціи и Англіи, сразу сдѣлалъ имя Роммеля извѣстнымъ. Профессоръ Блуменбахъ переслалъ работу Р. извѣстному оріенталисту Англіи, ученику великаго Джона (Jonas) Г. Джоселею въ Калькуттѣ, издателю „Asiatic researches“ и Сильвестру де Саси въ Парижъ. Сиръ Георгъ Джоселей, бывшій тогда въ Лондонѣ, отвѣтилъ Роммелю тотчасъ письмомъ, и этому высокоавторитетному отзыву Роммель обязанъ дальнѣйшими успѣхами въ этой области.

Указанный трудъ Роммеля, вопреки шутливому тону, съ которымъ о немъ онъ самъ отзывается, представляетъ цѣнный вкладъ въ науку,—какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя письма, полученныя имъ отъ многихъ профессоровъ-оріенталистовъ всего міра. Въ немъ сказалось несомнѣнное вліяніе проф. Гейне и проф. Шлёцера: здѣсь, не говоря о прекрасномъ комментаріи текста, есть немало своеобразныхъ, хотя и не личныхъ его мыслей, въ будущемъ послужившихъ источниками важныхъ открытій въ исторіи Аравіи и Востока и всего древняго міра. Географія и этнографія въ немъ совершенно неотдѣлимы отъ исторіи и историко-литературныхъ изысканій. Книга эта и до сихъ поръ могла бы

служить прекраснымъ источникомъ для изслѣдованій внутренняго быта и этнографіи Аравіи, несмотря на то, что, въ виду позднѣйшихъ открытій извѣстныхъ оріенталистовъ, она уже устарѣла.

Отъ изученія Аравіи Роммель естественно перешелъ къ изученію Кавказа. Составленный имъ въ слѣдующемъ, 1803 году комментарій къ Страбонову описанію Кавказа заслужилъ ему почетный отзывъ Университета и славу знатока Древняго и Новаго Востока.

Кромѣ того, на молодого нѣмецкаго ученаго было обращено вниманіе въ Россіи, и уже въ 1803 году онъ получилъ предложеніе занять одну изъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ. Самого Роммеля къ принятію этого предложенія побуждали его уваженіе къ личности Имп. Александра I-го (отчасти и надежда на него, какъ на избавителя Европы отъ угрожавшаго Германіи ненавистнаго ига Наполеона) и желаніе увидѣть новую страну, достойную вниманія этнографа, и, въ особенности, Кавказъ, занимавшій его вниманіе въ это время.

Предложеніе занять каѳедру въ Харьковскомъ Университетѣ, переданное ему королевскимъ совѣтникомъ Мейнеромъ, уполномоченнымъ на то Русскимъ Правительствомъ, было очень лестно для молодого (22-лѣтняго) ученаго, но, какъ говоритъ самъ Роммель, онъ былъ далекъ отъ того, чтобы промѣнять тихій музей Геттингенской библіотеки на всѣ блага міра. Поэтому Роммель отклонилъ предложеніе и остался въ Германіи. Въ 1803 г. Роммель сдалъ докторскій экзаменъ, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе знаменитый Шлёцеръ, и, въ качествѣ приватъ-доцента, открылъ кругъ чтеній о Гомерѣ въ Гёттигенѣ.

Роммель разсчитывалъ посвятить себя исключительно ученой дѣятельности здѣсь, но въ 1804 г. онъ былъ приглашенъ профессоромъ краснорѣчія и греческаго языка въ Марбургскомъ Университетѣ (утвержденъ 23-го марта 1804 г.). Онъ выступилъ здѣсь представителемъ взглядовъ Винкельмана и Гейне, приверженцемъ эстетики и всесторонняго изученія классическаго міра. „Въ первые два семестра", пишетъ Роммель: „лекціи мои о Горація, Ювеналѣ, Аполлодорѣ и Теофрастѣ заслужили одобреніе моихъ слушателей, сильно меня порадовавшее; кураторъ Университета со своей стороны изъявилъ мнѣ письменно благодарность и утвердилъ меня ординарнымъ профессоромъ" (по каѳедрѣ латинской словесности); „тогда я не допускалъ и мысли, чтобъ мое стремленіе къ живому, эстетическому изученію древнихъ, по примѣру Винкельмана и Гейне, поставило меня въ столкновеніе съ нѣкоторыми товарищами и отдалило отъ большинства студентовъ. Въ первой же своей программѣ о филологіи и филологическомъ объясненіи древнихъ, напечатанный въ 1805 г., я объявилъ войну сухому буквоѣдству и съ большимъ жаромъ указывалъ филологическимъ наукамъ высшую, самостоятельную, разностороннюю задачу. На мой гласъ не было отвѣта, какъ въ пустынѣ. Потомъ, мало-по-малу, увидѣлъ я огромные недостатки приготовительнаго ученія въ гимназіи, потомъ грубость большинства слушателей науки, выросшихъ подъ гнетомъ тяжелыхъ общественныхъ отношеній, убѣдился въ недостаточности библіотеки, гдѣ не было большихъ собраній по археологіи; наконецъ, съ грустью замѣтилъ, что прибыльныя, доставляющія хлѣбъ науки — юриспруденція, богословіе, медицина — съ каждымъ днемъ брали перевѣсъ".

Въ то же время, не переставая читать курсъ римской словесности, Роммель занимался географіей, этнографіей и политическими науками и продолжалъ свои арабскія и кавказскія изслѣдованія. Онъ хотѣлъ дать этнографіи особое мѣсто наряду съ географіей и статистикой, разумѣя подъ этнографіей послѣдовательное и самостоятельное описаніе народовъ всего земного шара по языку, нравамъ, обычаямъ, промышленности, культурѣ и государственному устройству. Это направленіе сильно сказалось потомъ въ его воспоминаніяхъ о Россіи. Въ Марбургскомъ Университетѣ Роммель открылъ чтенія по географіи, этнографіи и статистикѣ и обнаружилъ живую писательскую дѣятельность.

Но обстоятельства вскорѣ быстро измѣнились—вслѣдствіе занятія Гессена и вообще Германіи французскими войсками. Положеніе нѣмецкихъ университетовъ въ это время было очень печальное. Въ Германіи вспыхнулъ тогда нѣмецкій патріотизмъ, и къ числу такихъ патріотовъ, выражавшихъ свое негодованіе по адресу Наполеона и французовъ, примкнулъ и Роммель, выразившій свой горячій патріотизмъ

во многихъ рѣчахъ. Курфюрстъ Гессенскій отказался вступить въ Рейнскій союзъ. „Вездѣ", пишетъ около того времени Роммель, „во время поѣздки моей въ Майнцъ и по Рейну я былъ свидѣтелемъ актовъ грубаго насилія со стороны французовъ надъ мѣстными поселянами,—и я вернулся съ тяжелымъ чувствомъ въ Марбургъ". Такое же чувство было и у его друзей—проф. Арнольди и классика Конрада. Въ Гессенѣ Роммеля познакомилъ съ положеніемъ дѣлъ королевскій совѣтникъ Кохъ. Все это уже возбудило въ Роммелѣ большое негодованіе. Онъ былъ членомъ академическаго Сената и своею ученою дѣятельностью утвердилъ за собой свою каѳедру, когда, въ въ ноябрѣ 1806 г., съ занятіемъ французами Гессенскаго герцогства и съ низверженіемъ прежняго государственнаго устройства, Роммель вступилъ въ совершенно новую эпоху политической борьбы и стремленій, которыя имѣли замѣтное вліяніе на ходъ его занятій. Въ своихъ публичныхъ (ненапечатанныхъ) рѣчахъ, въ которыхъ онъ, по примѣру Гейне, держалъ себя насколько возможно далеко отъ панегириковъ королю-узурпатору Вестфаліи, онъ перешелъ мало-по-малу къ идеалу любви къ родинѣ; указывая при этомъ на примѣры грековъ и римлянъ, выслушивая замѣчанія коллегъ-оппонентовъ насчетъ того, что онъ мечтаетъ о Платоновой республикѣ, несмотря па опасность положенія и не обращая вниманія на тонкіе намеки, которые ему отъ времени до времени дѣлало Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Роммель стремился всѣми силами пробудить въ аудиторіи патріотизмъ, способность къ самопожертвованію и протестъ противъ завоевателей-французовъ. При этомъ матеріаломъ ему служили тѣ же чтенія по Римской словесности и извлеченія изъ древнихъ классиковъ. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіи: „De generibus eloquentiae" онъ, разбирая вопросъ о четырехъ видахъ краснорѣчія: политическомъ, судебномъ, церковномъ и академическомъ, изслѣдуетъ далѣе ихъ вліяніе на развитіе національной жизни и доказываетъ, что прежде всего необходимо развитіе публичности (Mündlichkeit), указываетъ затѣмъ на древне-германскіе институты и на вредъ замкнутости и чужеземнаго вліянія, не имѣющаго корня въ національномъ геніи народа.

При уничтоженіи цеховъ и гильдій въ королевствѣ Вестфальскомъ Роммель посвятилъ этому вопросу небольшое сочиненіе, озаглавленное „De institutione publica" (1808 г.). Въ немъ высказывается мысль о необходимости учрежденія, наряду съ цехами и гильдіями, также и центральнаго торговаго собранія, или департамента, въ которомъ бы участвовали всѣ дѣятели торговли и ремеслъ и представители науки, начиная отъ простыхъ мастеровъ и кончая тонкими юристами.

Вскорѣ въ Марбургѣ вспыхнуло возстаніе, Французскій гарнизонъ былъ перерѣзанъ. Грустную картину этого происшествія, коего онъ былъ современникомъ, Роммель передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ 1807 г. начались безпорядки въ Марбургскомъ Университетѣ. Отъ Гейне Роммель узналъ, что Іеронимъ Наполеонъ во время своего пребыванія въ Гёттингенѣ сказалъ нѣсколько словъ насчетъ предстоящаго уничтоженія Германскихъ университетовъ. Эти слова, впрочемъ, не имѣли никакого значенія, въ виду извѣстной болтливости короля Вестфаліи, но настроеніе, въ дѣйствительности, было таково, что, казалось, надъ Марбургскимъ Университетомъ былъ поднятъ и висѣлъ Дамокловъ мечъ. Любовь короля Вестфаліи къ составленію новыхъ проэктовъ, неясныя и никогда не сдерживаемыя обѣщанія французовъ, отсутствіе средствъ, механическое веденіе дѣла,—все это повергло, какъ пишетъ Роммель, Университетъ въ лихорадочное безпокойство. И Гейне, и Роммель чувствовали свое положеніе непрочнымъ. Въ концѣ 1808 г. Гейне передалъ Р. вторичное предложеніе графа Разумовскаго занять мѣсто ординарнаго профессора въ Харьковскомъ Университетѣ, по каѳедрѣ древней литературы. Въ виду положенія дѣлъ на родинѣ и желая способствовать распространенію науки въ Россіи, Р. принялъ на этотъ разъ предложеніе. „Это было свѣтлое время", пишетъ онъ самъ по этому поводу: „время благороднаго Императора Александра, который составилъ большой планъ, какъ писалъ мнѣ тогда секретарь академическаго Совѣта въ Харьковѣ, при посредствѣ Университетовъ свою націю привести до высокой степени образованія. Мое рѣшеніе было вскорѣ принято: желаніе вступить въ кругъ широкой и свободной дѣятельности превозмогло природную любовь къ родинѣ".

Однако, только въ серединѣ 1810 года послѣдовало приглашеніе Р. занять каѳедру въ Харьковскомъ Университетѣ. Отъ этого времени сохранился дневникъ Р., въ которомъ находится много интересныхъ свѣдѣній о его жизни въ ту пору, и рядъ писемъ нѣмецкихъ профессоровъ по поводу его научныхъ занятій, положенія родной страны и предполагаемаго отъѣзда его въ Россію. Такъ въ письмѣ 15-го декабря 1808 г. проф. Мюллеръ совѣтуетъ Р. принять приглашеніе; то же ему совѣтуетъ 24-го ноября 1808 г. и проф. Гейне. Въ 1808 г. Р. продолжалъ читать въ Марбургскомъ Университетѣ исторію Римской литературы, но его положеніе становилось все болѣе непріятнымъ и, получивъ приглашеніе изъ Харьковскаго Университета, Р., наконецъ, 12-го іюня 1810 г. послалъ отвѣтъ съ согласіемъ и съ извѣщеніемъ о своемъ выѣздѣ и отправился черезъ Сѣверную Германію въ Россію. Въ воспоминаніяхъ Р. сохранилось его повѣствованіе о томъ, какъ его привѣтствовали ученые сѣверныхъ городовъ, съ какими напутствіями они его провожали и какіе вопросы относительно незнакомой страны они ему заранѣе предлагали. Въ Сѣверной Германіи онъ посѣтилъ Эшенбурга, Кампе, Ланге, Гервинуса, Геберлинга и многихъ другихъ ученыхъ, всюду посѣщая библіотеки, музеи и учебныя заведенія.

Въ то же время Р. съ грустью вспоминалъ объ оставленной имъ родинѣ. Въ Потсдамѣ, случайно, во время прогулки, онъ встрѣтилъ несчастнаго, но въ несчастіи покорнаго судьбѣ короля. 22-го ноября 1810 г. онъ пріѣхалъ „въ плохо освѣщенную столицу Пруссіи“, гдѣ былъ привѣтствуемъ въ собраніи Академіи, и познакомился съ Нибуромъ. Въ Данцигѣ онъ посѣтилъ извѣстнаго своимъ описаніемъ путешествія по Германіи Николаи, астронома Боде, Фихте, извѣстнаго изслѣдователя-естественника Палласа. Послѣдній упомянулъ о своей дружбѣ съ графомъ Потоцкимъ и далъ Р. письмо къ нему; посѣтилъ проф. Шлейермахера и драматурга Иффлянда. Въ Лейпцигѣ Роммеля посѣтилъ русскій консулъ Шварцъ, вручившій ему 200 дукатовъ путевыхъ денегъ и медвѣжью шубу, необходимую для путешествія по Россіи. Черезъ Шварца познакомился Роммель съ лучшими Лейпцигскими учеными: психологомъ Бекомъ, Розенмиллеромъ и др., былъ у извѣстнаго живописца Гейснера, дѣлавшаго гравюры къ путешествію Палласа, равно какъ и къ сочиненію Р. о Кавказѣ. Въ серединѣ декабря 1810 г. Р. оставилъ Дрезденъ. Въ Прагѣ онъ встрѣтилъ стараго курфюрста Гессенскаго. „Со слезами на глазахъ“,—разсказываетъ Р.: принялъ онъ меня и освѣдомился относительно положенія дѣлъ въ Кассель, спросилъ о моемъ отцѣ, о мѣстонахожденіи Харькова и прибавилъ: „Я надѣюсь, что вы будете не послѣднимъ у тѣхъ, кто мнѣ наслѣдуетъ“. Здѣсь онъ познакомился съ славянскимъ ученымъ Добровскимъ. Черезъ Лембергъ и Броды, гдѣ онъ за 20 дукатовъ нанялъ до Кіева черезъ посредство одного еврея лошадей, въ новый 1811-й годъ Роммель прибылъ къ Русской границѣ и благополучно переѣхалъ черезъ нее. Морозъ сразу встрѣтилъ профессора, а въ Бердичевѣ онъ былъ едва спасенъ однимъ докторомъ евреемъ отъ начинавшейся болѣзни. Въ одной деревнѣ Волынской губерніи Р. ночевалъ на соломѣ въ свиномъ хлѣву, такъ какъ постоялый дворъ былъ занятъ почтмейстеромъ, игравшимъ въ немъ въ карты съ женой. Очень интересны для насъ Роммеля повѣствованія о его путешествіи въ далекую Малороссію, начиная съ того момента, какъ онъ переѣхалъ Австрійскую границу. Съ наивнымъ интересомъ и удивленіемъ описываетъ Р. русскія избы и постоялые дворы, гдѣ онъ останавливался,—ямщиковъ, тройки и незнакомый ему, удивительный для него новый, дикій въ его глазахъ народъ, съ которымъ онъ не знакомъ и языка котораго онъ не знаетъ, и особенно администрацію, рогатки, полицію и т. д. Не мало у него на этомъ пути было недоразумѣній всякаго рода. Особенно его занимало, то, что по переѣздѣ черезъ границу, онъ, извѣстный на своей родинѣ ученый, въ глазахъ всѣхъ этихъ людей, сразу обратился просто въ иностранца, „нѣмца“, во что-то въ родѣ иноплеменника-бродяги, ищущаго пристанища. Но нужно отмѣтить и то пониманіе людей, чуждое недоброжелательства, и то рѣдкое безпристрастіе, свободное отъ шовинизма, съ которыми Р. описываетъ всѣхъ, кого онъ пути своемъ встрѣтилъ. Впрочемъ, онъ не былъ совершенно лишенъ общенія съ людьми за время своего путешествія, такъ какъ въ каждомъ почти городѣ онъ встрѣчалъ нѣмцевъ, у которыхъ обыкновенно и останавливался. Въ своихъ путевыхъ запискахъ особенно подробно Р. опи-

сываетъ Кіевъ. Онъ выѣхалъизъ Кіева 7-го января 1811 г. При переправѣ черезъ Днѣпръ его опрокинули, такъ что онъ едва вылѣзъ изъ проруби. На ближайшей затѣмъ почтовой станціи Р. остался безъ лошадей и едва-едва, съ помощью крестьянъ, нашелъ человѣка, согласившагося перевезти его въ Переяславль. Въ Переяславлѣ Р. былъ принятъ за доктора, и хозяинъ постоялаго двора привелъ къ нему множество евреевъ съ дѣтьми, такъ что Р. былъ принужденъ, не имѣя никакого понятія о медицинѣ, разыграть роль доктора. Здѣсь впервые Р. слышалъ русскую пѣсню, и ея глубина и грусть и что-то близкое природѣ поразили Р. Проѣхавъ Лубны, Р. узналъ, что на мельницѣ графа Румянцова живетъ арендаторъ-нѣмецъ, которому онъ долженъ былъ передать письмо съ родины. Онъ свернулъ на мельницу и провелъ здѣсь двѣ ночи и два дня, по его словамъ, какъ въ лонѣ Авраама, чувствуя необходимость отдохнуть отъ путешествія. Въ Хоролѣ Роммеля принялъ единственный нѣмецъ въ городѣ—аптекарь, въ Полтавѣ онъ посѣтилъ директора Гимназіи и пастора Лиммера, въ Валкахъ ночевалъ у русскаго офицера; наконецъ, послѣ долгаго путешествія, 17-го января 1811 г. прибылъ Роммель въ Харьковъ.

Тотчасъ по вступленіи въ должность профессора, Р. озаботился приготовленіемъ неоходимыхъ для изученія древностей матеріаловъ и руководствъ, а для практическаго изученія древностей учредилъ классическій семинарій. Въ своихъ лекціяхъ Р. читалъ о Цицеронѣ, своемъ любимомъ писателѣ, о Римскихъ историкахъ и о Тибуллѣ, Теренціи и нѣкоторыхъ Римскихъ комикахъ. Но не было здѣсь почвы для проведенія эстетическаго направленія въ преподаваніи латинской словесности въ духѣ Гейне и Винкельмана: для этого у студентовъ было слишкомъ мало подготовки. Нужно было озаботиться преподаваніемъ имъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ латинской словесности; поэтому, не переставая читать свой курсъ, Р. занялся по преимуществу педагогическою дѣятельностью.

Съ 1811 по 1814 гг. Р. съ честью занималъ въ Харьковскомъ Университетѣ каѳедру латинскаго языка и древностей. Въ качествѣ ординарнаго профессора онъ былъ членомъ Университетскаго Совѣта, въ 1813 г. былъ деканомъ Словеснаго Отдѣленія и, кромѣ того, нѣкоторое время былъ казначеемъ Университета. Въ 1811 г. ему поручено было произвести ревизію Харьковской Университетской библіотеки, и въ томъ же году онъ былъ командированъ въ Славянскъ для освидѣтельствованія найденнаго тамъ загадочнаго камня.

Въ томъ же 1811 г. по случаю смерти ректора Рижскаго Роммель говорилъ на латинскомъ языкѣ рѣчь, взявъ темой стихъ Горація: „Non omnis moriar“. Нѣсколько позднѣе онъ говорилъ на торжественномъ актѣ въ Университетѣ рѣчь на тему: „О силѣ и преимуществахъ истиннаго и совершеннаго дарованія“.

11-го октября 1813 г. Р. выступалъ неоффиціальнымъ оппонентомъ на диспутѣ Хлапонина. Когда вновь назначенный ректоръ Стойковичъ былъ отданъ подъ судъ Университетской коллегіи профессоровъ, Р., бывшій прежде высокаго о немъ мнѣнія, но глубоко разочаровавшійся въ немъ, настаивалъ въ засѣданіи Совѣта на томъ, чтобы начатое по этому дѣлу слѣдствіе было доведено до конца, а не передавалось на воззрѣніе Министра. Въ 1811 г. Роммелемъ былъ выработанъ планъ и правила Педагогическаго Института для приготовленія въ немъ кандидатовъ и окончившихъ курсъ Университета къ учительской дѣятельности, при чемъ онъ самъ и былъ избранъ, въ томъ же году, на должность директора этого Института. Его планъ и правила были напечатаны („Планъ и правила Педагогическаго Института, составленные профессоромъ Р.“, Х. 1811 г.). Не зная русскаго языка въ такой мѣрѣ, чтобы имѣть вліяніе на будущихъ кандидатовъ въ учителя, Р. ограничился письменной обработкой задачъ и методовъ (методики и дидактики); его сочиненіе впослѣдствіи было переведено на русскій языкъ и заслужило одобреніе министра графа Разумовскаго.

Въ 1812 г., въ качествѣ директора Института, Р. преподавалъ въ немъ кандидатамъ и нѣкоторымъ студентамъ, болѣе прочихъ въ наукахъ успѣвшимъ, общую и частную педагогику, дидактику и методологію, относящуюся ко всѣмъ школьнымъ предметамъ и, кромѣ того, руководилъ ихъ въ занятіяхъ ихъ своими совѣтами и наставленіями, требуя отъ нихъ отчета въ ихъ домашнихъ упражненіяхъ. Слушателей-кандидатовъ въ Институтѣ было незначительное число, но Р. привлекъ сюда

лучшихъ студентовъ. Впрочемъ, этотъ Институтъ не вызывался необходимостью и былъ устроенъ лишь на основаніи Устава, предписывавшаго его устройство.

Роммель былъ членомъ Училищнаго Комитета въ Харьковѣ, при чемъ ему было поручено ревизовать Харьковскую Гимназію и Уѣздное Училище; въ Правленіи Университета Роммель участвовалъ только годъ.

По иниціативѣ Роммеля при Университетѣ было основано ученое Общество, принявшее въ число своихъ членовъ губернатора, архіерея и всѣхъ образованнѣйшихъ и почетныхъ лицъ въ окрестности. Роммелю было предложено предсѣдательство въ этомъ Обществѣ. Оно называлось „Харьковское Общество наукъ“ и имѣло два отдѣленія: естественныхъ наукъ и словесное. Въ самомъ началѣ въ немъ было лишь десять членовъ.

На лекціяхъ Роммель въ Университетѣ наблюдалось недостаточное число слушателей; по классическимъ языкамъ онъ отмѣчаетъ отсутствіе пособій въ среднихъ школахъ, Университетѣ и въ Педагогическомъ Институтѣ. Поэтому отчасти съ цѣлью внушить своимъ будущимъ слушателямъ любовь къ классическимъ древностямъ, отчасти съ цѣлью восполнить этотъ недостатокъ руководствъ и пособій, онъ издалъ рядъ сочиненій по латинской словесности и рядъ сочиненій римскихъ классиковъ.

Р. пріѣхалъ въ Харьковъ въ неудачное время. Въ обществѣ передъ Отечественной войной была реакція противъ иностранцевъ и отчасти противъ либеральныхъ вѣяній первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра I. Подъемъ патріотизма и недовѣріе къ „нѣмцамъ“, хотя бы приносившимъ просвѣщеніе и гуманное направленіе, и общественныя перемѣны съ удаленіемъ Сперанскаго—все это сказалось понемногу и въ отношеніи Харьковскаго общества къ иностранцамъ профессорамъ. Въ Совѣтѣ Р. примкнулъ къ оппозиціи, сторонникомъ которой былъ проф. Шадъ, ревностный поборникъ просвѣщенія, какъ его называетъ Р. Оппозиція была въ меньшинствѣ, и приходилось выдерживать продолжительную борьбу за гуманное и свободное направленіе въ наукѣ и за независимое ея положеніе.

Познакомившись съ двумя-тремя помѣщиками, въ томъ числѣ съ семействомъ Черновыхъ, жившимъ въ своей деревнѣ Водолагѣ, Р. на одной изъ дочерей маіора Чернова,—Маргаритѣ Ивановнѣ женился и такимъ образомъ вошелъ въ мѣстное общество.

Всѣ свои наблюденія во время жизни въ Харьковѣ Р. изложилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, представляющихъ богатый и цѣнный матеріалъ для исторіи Харьковскаго Университета въ первое десятилѣтіе его существованія, для исторіи науки въ Россіи въ царствованіе Александра I, для исторіи внутренняго общественнаго развитія, характеристики мѣстнаго дворянства, администраціи, помѣщичьяго общества Малороссіи начала XIX вѣка и внутренней жизни академической и помѣщичьей среды.

Въ 1814 году, вслѣдствіе тяжелаго климата, разстроившаго его здоровье за трехлѣтнее съ небольшимъ пребываніе въ Харьковѣ и, наконецъ, вслѣдствіе поднявшейся послѣ войнъ 1812—1814 г. реакціи противъ иностранцевъ, Роммель рѣшилъ оставить Харьковъ. Въ іюлѣ 1814 г. онъ отправился черезъ Москву въ Петербургъ, чтобы получить болѣе подходящее назначеніе, но такъ какъ Имп. Александръ уѣхалъ на Вѣнскій конгрессъ и Роммелю его не удалось видѣть, а желаніе его занять каѳедру въ другомъ русскомъ Университетѣ не было исполнено, то онъ и отправился на свою родину, освобожденную Русскимъ Императоромъ отъ ига французовъ.

Въ Петербургѣ Роммель познакомился съ Олениннымъ, которому онъ былъ благодаренъ впослѣдствіи за его указанія по поводу древностей въ Тмутаракани и Тамани. Съ Директоромъ Публичной Библіотеки Р. вступилъ въ дебаты по поводу предпріятій англичанъ въ Остъ-Индіи. Здѣсь Роммель видѣлъ 4 письма Генриха IV къ нѣмецкимъ князьямъ и въ частности къ ландграфу Гессенскому Морицу, письма послужившія потомъ матеріаломъ для его сочиненій. У Оленина Р. видѣлъ современное ему Петербургское общество. С. С. Уваровъ, бесѣдовавшій съ нимъ по вопросу о народномъ образованіи, высказалъ тогда мысль о необходимости націонализаціи образованія, осуществленную потомъ при Имп. Николаѣ Павловичѣ. Это былъ намекъ на надвигающуюся реакцію въ Европѣ и на подъемъ національнаго шовинизма. Здѣсь же въ Петербургѣ Р. повидалъ профессоровъ и академиковъ. Въ Дерптѣ Р. встрѣтилъ проф. Г. Ф. Паррота, Моргенштерна, Эвер-

са, Рамбаха, В. Гецеля, Дейтша и др. Они приняли его весьма дружелюбно и приглашали Р. непремѣнно остаться въ Дерптскомъ Университетѣ и занять въ немъ свободную каѳедру всеобщей исторіи. Попечитель Университета генералъ Клингеръ и графъ Разумовскій — оба писали Роммелю, что, если онъ будетъ выбранъ Совѣтомъ Университета, они не откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи къ замѣщенію каѳедры. Но Роммель не рѣшался занять каѳедру всеобщей исторіи, не будучи коротко знакомъ съ исторіей Россіи и всеобщей исторіей, а проф. Эверсъ заявилъ, что будетъ препятствовать его назначенію на эту каѳедру, если найдется русскій ученый, болѣе его знающій этотъ предметъ. Это заявленіе Эверса лишь укрѣпило дружественныя отношенія къ нему Роммеля.

О Россіи у Р. сохранились хорошія воспоминанія, не смотря на всѣ невзгоды, испытанныя имъ въ ней. Съ равнымъ вниманіемъ, съ одинаковой любознательностью онъ описываетъ въ своихъ Запискахъ и русскаго кучера, и малороссійскую пѣсню, и варенье, борщъ, щи и квасъ, и русскую баню, и русскую дѣвушку. Его жена была малороссіянка, знала малороссійскія пѣсни и была склонна къ тихой грусти. Онъ съ интересомъ описываетъ новый, странный для него языкъ, съ звуковой стороны его поразившій своей мягкостью и музыкальностью (малороссійское нарѣчіе). Съ такимъ же вниманіемъ и любовью наблюдательнаго ученаго онъ описываетъ всѣхъ людей, съ которыми онъ встрѣчался въ Россіи: губернатора, двоюроднаго брата своей жены, жену, полицмейстера и своихъ товарищей-профессоровъ. Но и тутъ въ немъ обнаруживается историкъ: проѣздомъ черезъ разные города отъ Харькова до Москвы, отъ Москвы въ Петербургъ и оттуда черезъ Ригу и Митаву въ Германію Роммель останавливается съ интересомъ на древностяхъ каждаго города и присоединяетъ къ ихъ описанію краткую исторію города (главнымъ образомъ политическую исторію) и, какъ всегда, соединяетъ съ этимъ географическое его описаніе и этнографическія свѣдѣнія о его населеніи.

Въ Дерптѣ Роммель познакомился со многими Лифляндскими дворянами. Многіе изъ нихъ учились въ Гёттингенѣ. Изъ Дерпта черезъ Ригу, Митаву, Мемель и Кенигсбергъ, Роммель вернулся въ родной городъ. Изъ-за границы Роммель прислалъ письмо съ просьбой объ увольненіи его отъ службы по разстроенному здоровью.

Въ апрѣлѣ 1815 г. Роммель переѣхалъ въ Кассель къ роднымъ, а 2-го іюня 1815 г. онъ получилъ назначеніе въ качествѣ профессора исторіи въ Марбургскій Университетъ на мѣсто Вахлера. Р. приглашалъ и свою жену, жившую въ Петербургѣ у своей подруги графини Ламбертъ, слѣдовать за нимъ въ Германію; но получилъ отъ нея отвѣтъ, что она, вслѣдствіе разницы ихъ характеровъ и вслѣдствіе его привязанности къ отечеству, предпочитаетъ остаться на родинѣ. Къ письму было приложено писанное по-русски и по-нѣмецки формальное требованіе развода (12-го ноября 1815 г.). Разводъ состоялся, не безъ протеста со стороны духовенства, 22-го іюня 1816 г. Впослѣдствіи, будучи увлечена масонствомъ, она окончательно сдѣлалась девоткой и жила строгою аскетической жизнью.

Въ Германіи въ ту пору былъ подъемъ національнаго, и Р. сосредоточился на національной и мѣстной (Гессенской) исторіи.

Въ 1820 г. Р. былъ вызванъ, съ званіемъ исторіографа, изъ Марбурга въ Кассель, гдѣ ему было поручено завѣдываніе королевскимъ и государственнымъ архивомъ, а впослѣдствіи (въ 1829 г.) завѣдываніе и королевской библіотекой. Въ 1828 г. онъ получилъ дворянское достоинство.

Труды Р. относятся частью къ восточной этнографіи, частью къ древностямъ римскимъ и греческимъ. Не мало также имъ напечатано мелкихъ статей и рѣчей по общественнымъ и академическимъ вопросамъ. Наконецъ, особое и главное мѣсто занимаютъ его труды по исторіи и исторіографіи. Совершенно отдѣльно стоятъ его воспоминанія, имѣющія для насъ спеціальный интересъ. Кромѣ указанныхъ выше рѣчей и статей, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія. До поступленія въ Харьковскій Университетъ имъ были напечатаны, кромѣ указанной выше диссертаціи: „Abulfedae Arabiae descriptio commentario perpetuo illustrata“, Геттингенъ. 1802 г.; „Straboniana regionum et gentium Caucasciarum descriptio commentrio perpetuo illustrata; „De styli quibusdam virtutibus ad orationem ornandam necessariis“, Гёттингенъ. 1802 г.; „De Taciti descriptione Germanorum“; „Progr. quo Veterum de Amazonibus

narratio exponitur", Marb. 1805; „Ueber Philologie und philologische Erklärung der griechischen und römischen Classiker", Marburg. 1805; „О Кавказскихъ дикаряхъ по извѣстіямъ путешественниковъ", „Характеры Теофраста, переведенные съ примѣчаніями и разсужденіями о характерахъ"; „Аристотель и Росцій, или объ искусствѣ вообще и въ особенности о жестахъ и декламаціи" (всѣ на нѣмецкомъ языкѣ); кромѣ того, нѣсколько трудовъ по географіи, этнографіи и статистикѣ и рядъ статей въ журналахъ („Географическія Эфемериды", „Меркурій", „Morgenblatt", „Minerva" и др.).

Въ 1811 г. имъ были въ Харьковѣ напечатаны слѣдующіе труды: „M. T. Ciceronis Orationes selectae, Universitatis Charcoviensis auctoritate", 1812, XVIII, 438: „M. T. Ciceronis libri de amicitia, de senectute et de officiis, nec non paradoxa et somnium Scipionis", Charcov. 1812; „Caji Progr. I—III de systema philologiae, Charc. 1811—1813, 40; Crispi Sallustii quae exstant opera", Charcov. 1814; „Cornelii Nepotis vitae excellentium imperatorum", Charcov. 1814 и др. Эти, равно какъ и „Хрестоматія нѣмецкаго языка въ прозѣ и въ стихахъ" („Deutsche Chrestomathie. Poetischer Theil", Chark. 1813, 8°), составленная для гимназіи Р. и Шадомъ по порученію Совѣта и изданная отъ имени Университета, — сочиненія уже, главнымъ образомъ, педагогическія,— руководства, пособія для изученія языка.

Роммель находилъ, что римскія и греческія древности на современное ему поколѣніе будутъ и должны имѣть большое вліяніе. Это вліяніе должно сказаться въ области права, въ области нѣмецкой литературы и въ области общественнаго устройства. Поэтому многія изъ его статей, хотя и имѣютъ тему изъ области изученія древняго міра, но имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ современнымъ ему общественнымъ событіямъ и, слѣдовательно, приближаются ко второму роду его сочиненій. Къ числу трудовъ такого рода принадлежатъ непосредственно: „Надежда и счастіе нашего времени въ самомъ злополучіи". „О докторѣ Галлѣ въ разсужденіи его преподаванія" и мн. др.; „Deutschland und die deutsche Nationalversammlung", Kassel. 1848 г. Главные труды Р. относятся къ третьему отдѣлу, включающему сочиненія по исторіи и исторіографіи. Они немногочисленны. Это „Geschichte von Hessen" (Hamburg und Gotha. 1820-43; доведена до 1600 года; продолженіемъ этого труда служитъ „Geschichte von Hessen seit dem Westfälischen Frieden" (Kassel. 1853 und 1858). Кромѣ того, „Résumé de l'histoire de reforme ecclesiastique dans la Hesse" 8 vv., 1843 (на нѣмецкомъ языкѣ: „Kurze Geschicthe der hessischen Kirctenreformation unter dem Landgrafen Philipp dem Grossmüthigen. Wilhelm dem Weisen und Moritz dem Gelehrten", Marb. 1817); „Correspondance inédite de Henri IV, roi de France et de Navarre avec Maurice le Sevent, Landgraf de Hesse", Paris. 1840; „Leibnitz und Landgraf Ernst von Hessen-Rheinfels. Ein ungedruckte Briefwechsel über religiose und politische Gegenstände", Frankfurt a M. 1847, 2 Bde и др.

Главный трудъ Р.—Исторія Гессена—не отличается художественной обработкой и занимательностью содержанія, но за то отличается обиліемъ матеріала, подобраннаго и изслѣдованнаго съ особенной, тщательной добросовѣстностью. Напротивъ, его „Errinnerungen aus meinem Leben" написаны очень живо и мѣстами увлекательно. Они для насъ представляютъ особый интересъ въ качествѣ источника для исторіи самаго начала царствованія Императора Александра I, написаннаго иностранцемъ и, кромѣ того, — что особенно важно, — написаннаго извѣстнымъ историкомъ того времени и безпристрастнаго, хотя и не достаточно серьезнаго. Это скорѣе литературное произведеніе, чѣмъ научный трудъ.

Strieder-Justi, Hess. Gelehrten Geschichte, B. XVII, 405; A. Duncker, Der Verein S. Hessischen Geschichte und Landeskunde in den ersten 15 Jahre seines Bestehens (1834—1884). Festschrift, Kassel. 1884, S. 14—17; Allgemeine Deutsche Biographie, B. XXIX, Leipzig. 1889, S. 126—128; Biographie Universelle, T. 36, p. 415—416; Meyers Konversations-Lexicon, B. XIV, 1897, S. 898; J. G. Meusel, Das Gelehrte Teutschland, B. XIX, Lemg., 1823; Fr. Bülau, Geheime Geschichten und ratselhafte Menschen, B. V, Leipzig, 1854; Chr. Rommel. Erinnerungen aus meinem Zeit; Д. И. Багалѣй, Опытъ исторіи Харьковскаго Университета, т. 1-й, Харьковъ. 1893—1898 гг.; „Журн. Мин. Нар. Просв." 1873 г., февр., стр. 294—311: Н. А. Лавровскій, Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго Университета; „Журн. Мин. Нар. Просв." 1855 г., № 7, стр. 1—36: Рославскій-Петровскій, Объ ученой дѣятельности Харьковскаго Университета въ 1-е дѣсятилѣтіе его существованія; „Южный Сборникъ", Н. Максимова, Одесса. 1859 г.; „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго Университета" (отд. изд., Харьковъ, 1869 г.)—„Харьк. Губ. Вѣд." 1869 г., № 32 и 33: Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго Университета (1805—1905). Х. 1907, стр. 150—159.

Б. Гласко.

Ромодановскій, *Василій Ивановичъ*, докторъ медицины, писатель, профессоръ патологіи и терапіи Московскаго Университета; род. въ Москвѣ въ 1780 г.; ум. 25-го октября 1830 г. отъ холеры. Происходилъ изъ духовнаго званія и былъ сыномъ протоіерея Ивана Степановича Ромодановскаго; учился въ Славяно-Греко-Латинской Академіи и въ 1804 г. поступилъ въ Московскій Университетъ; за время пребыванія въ немъ Р. получилъ двѣ серебряныхъ медали и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1808 г., послѣ чего поступилъ на службу помощникомъ инспектора казеннокоштныхъ студентовъ Университета. Въ 1812 г. онъ защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и въ августѣ того же года отправился, въ должности инспектора студентовъ, вмѣстѣ съ послѣдними, въ Нижній-Новгородъ, по возвращеніи откуда, въ 1814 г. назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ Университета по каѳедрѣ патологіи и терапіи; должность эту онъ занималъ до самой своей смерти, читая, кромѣ указанныхъ курсовъ, еще діэтетику и общую патологію и терапію. Диссертація Р. на степень доктора медицины вышла подъ заглавіемъ: „De regimine lactationis“. Кромѣ этого труда извѣстны слѣдующія сочиненія Ромодановскаго: „De usu et praestantia remediorum domesticorum“, 1821 г. и „О пользѣ діэтетики“, 1813 г. Первая изъ этихъ темъ была имъ разработана для рѣчи на торжественномъ собраніи Университета 1821 г. и тогда же напечатана; вторая не была напечатана. Р. былъ въ свое время извѣстенъ въ Москвѣ, какъ искусный врачъ-практикъ, врагъ сложныхъ и дорогихъ средствъ и лѣкарствъ, и отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, ч. II, Москва. 1855 г.; Л. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“. Вып. I, С.-Пб. 1886 г., стр. 85; „Рѣчи и отчетъ Московскаго Университета“ 1821 г.; В. Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, т. III, стр. 415; „Московскія Вѣдомости“ 1830 г., № 94, стр. 4112 (некрологъ).

Ромодановскій, *князь Андрей Григорьевичъ*, младшій сынъ князя Григорія Григорьевича Р., участвовалъ въ 1668 г. въ военныхъ дѣйствіяхъ своего отца противъ гетмана Дорошенка и былъ взятъ въ плѣнъ крымцами. Князь Ромодановскій находился въ плѣну въ Жидовскомъ городкѣ (Чуфутъ-Кале), вмѣстѣ съ бояриномъ Вас. Бор. Шереметевымъ, который относился къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Въ 1671 г. ханъ Адиль-Гирей рѣшилъ отпустить плѣнныхъ, но не успѣлъ привести въ исполненіе своего намѣренія, какъ его мѣсто занялъ ханъ Салимъ-Гирей, отмѣнившій приказъ своего предшественника. Ближній человѣкъ хана запросилъ съ князя Р-го 80,000 ефимковъ и освобожденія 60 плѣнныхъ татаръ. „Больше 10,000 за меня не дадутъ“, отвѣтилъ князь Р.—„Какъ не дадутъ?—отецъ твой бояринъ и владѣетъ всею Украйной, хотя съ шапкою пойдетъ, то соберетъ съ Украйны больше 100,000 р.“—„Хотя-бы ханъ велѣлъ меня замучить, то больше 10,000 не будетъ“, отвѣтилъ князь Р. Въ 1674 г. отецъ его, князь Гр. Гр. Р., служившій въ Украйнѣ въ теченіе 22-хъ лѣтъ, писалъ Царю Алексѣю Михайловичу о бѣдственномъ положеніи Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ и о своихъ семейныхъ невзгодахъ: „сынишка мой Мишка служитъ шесть лѣтъ безъ перемѣны, а другой мой сынишка Андрюшка, за тебя разливъ свою недозрѣлую кровь, въ томительной нуждѣ въ Крымскомъ полону, въ кандалахъ, животъ свой мучитъ седьмой годъ“. Въ 1677 г., когда у Московскаго правительства пошли переговоры о мирѣ, размѣнѣ и выкупѣ плѣнныхъ, то Шереметева и князя Р-го привезли изъ Жидовскаго городка въ Азовъ. Такъ какъ переговоры ничѣмъ не закончились, то плѣнныхъ заковали, посадили на галеру Турецкаго паши и увезли обратно. Въ 1680 г. пріѣхали въ Крымъ посланники Царя Ѳеодора Алексѣевича—Зотовъ и Тяпкинъ; имъ пообѣщали отпустить плѣнныхъ, но опять не отпустили, потому что не были присланы за нихъ деньги. Лишь 8-го ноября 1681 г. назначенный для размѣна плѣнныхъ князь И. И. Хованскій окончилъ всѣ дѣла и выступилъ изъ Переволочны въ Курскъ съ выкупленными плѣнными, въ сопровожденіи войска. 12-го ноября они прибыли въ Ахтырку, откуда князь Хованскій отпустилъ Шереметева и князя Ромодановскаго въ Хотмыжскъ: „для опасенія бывшаго въ Крыму морового повѣтрія“ (хотя прошло уже полгода съ прекращенія этой болѣзни), имъ велѣно было жить въ Хотмыжскѣ впредь до царскаго указа; 18-го ноября указъ былъ полученъ, и князь Р-ій отправился въ свою Епифанскую вотчину.—Сколько времени онъ прожилъ въ ней и когда пожалованъ въ бояре,—неизвѣстно; 12-го ноября 1682 г. онъ подписался въ

числѣ бояръ подъ Соборнымъ опредѣленіемъ объ уничтоженіи мѣстничества. 15-го мая этого же года былъ убитъ во время стрѣлецкаго бунта въ Москвѣ отецъ князя Андрея Ромодановскаго—князь Гр. Гр. Ромодановскій; по свидѣтельству А. С. Матвѣева, оставившаго записки о первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ это время убитъ и князь Андрей. Устряловъ, подробно изучавшій вопросъ о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г., говоритъ слѣдующее. „Очевидецъ перваго стрѣлецкаго бунта, по всей вѣроятности Датскій резидентъ Бутенантъ фонъ-Розенбушъ, въ донесеніи своему правительству, напротивъ того, свидѣтельствуетъ именно, что стрѣльцы пощадили его за долговременную неволю у Татаръ Крымскихъ. О смерти князя Андрея Григорьевича молчитъ и Медвѣдевъ; имени его нѣтъ и въ числѣ убитыхъ, означенныхъ на „Каменномъ столбѣ".

Съ 12-го февраля 1682 г. князь А. Г. Ромодановскій былъ женатъ на княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ Хилковой, вдовѣ стольника князя Ѳеодора Ѳеодоровича Хилкова (ум. 1681) и дочери Ѳеодора Меньшого Михайловича Ртищева.

„Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ", т. IV; „Полное Собраніе Законовъ", т. II; С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII; А. Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб. 1886 г.;—А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Спб. 1899 и 1904 г.г., т.т. VII и VIII; Н. Устряловъ, Исторія царствованія Петра Великаго. Спб. 1858 г., I; Н. Н. Кашкинъ, Родословныя развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, Спб. 1912.

В. Корсакова.

Ромодановскій - Ряполовскій, князь *Антонъ Михайловичъ*, воевода. Въ 1574 г. на свадьбѣ царя Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной онъ несъ „другую" свѣчу къ мѣсту и къ церкви; въ 1548 г., на свадьбѣ князя Юрія Васильевича съ княжной Ульяной Дмитріевной Палецкой, тоже несъ свѣчу. Въ 1558 г. былъ однимъ изъ воеводъ въ Юрьевѣ, а 18-го августа 1562 г. отправленъ былъ посломъ въ Данію для размѣна договорныхъ грамотъ относительно Ливонской земли. Въ наказѣ ему, между прочимъ, сказано: „Да и того про короля (Фридерика) провѣдати, самъ король на что ся важетъ, до чего его большая охота, до воинскаго строенья охочь-ли, и своими людьми гораздо-ли владѣетъ, и послушны-ли ему, и люди его любятъ-ли?" Въ 1564 г. велѣно князю Ромодановскому стать „на Наколинъ день вешній" въ Калугѣ вторымъ воеводой въ передовомъ полку; 17-го октября того же года, вслѣдствіе осады Рязани Крымскимъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, было рѣшено послать за Оку боярина Ив. Петр. Яковля, а съ нимъ князя Андрея Хованскаго и князя Андрея Ромодановскаго,—съ повелѣніемъ, если ханъ пойдетъ отъ Рязани—направиться въ Лихвинъ, для береженья Козельскихъ и Бѣлевскихъ областей. Въ 1572 г. Р. былъ судьей Холопьяго Суда, а въ 1574—76 г.г.—воеводой въ Васильгородѣ; назначенный къ нему въ товарищи Ром. Вас. Олферьевъ билъ челомъ, что ему невмѣстно быть меньше князя Ромодановскаго, и получилъ царскую грамоту, въ которой признавалась неправильность такого назначенія. За княземъ Р. была вотчина въ Московскомъ уѣздѣ, въ Боховомъ станѣ: сельцо и 7 пустошей; земли значилось 500 чет., сѣна 548 копенъ, лѣсу 21 дес.—По мнѣнію князя Долгорукаго, Антонъ Михайловичъ писался „князь Ромодановскій-Ряполовскій" въ ознаменованіе однородства своего съ знаменитымъ родомъ князей Ряполовскихъ.

„Русск. Вѣстн." 1887 г., № 7, стр. 88—175 (статья о посольствѣ Р. въ Данію); „Древняя Россійская Вивліоѳика", т.т. VIII, XIII, XIV; Синбирскій Сборникъ; „Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ" 1902 г., I; Князь М. М. Щербатовъ, Исторія, т. VIII; Карамзинъ, Исторія госуд. Россійскаго, т. IX; „Русская Историч. Библіотека", т. III; Писц. книги XVI в., I; Князь П. Долгоруковъ, Росс. род. книга; П. Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки.

В. Корсакова.

Ромодановскій, князь *Василій Васильевичъ*, окольничій; старшій изъ семи сыновей князя Василія Ѳедоровича Стародубскаго, который первымъ изъ князей Стародубскихъ сталъ по своему удѣлу называться княземъ Ромодановскимъ-Стародубскимъ; князь Василій Васильевичъ былъ старшимъ братомъ боярина князя Ивана „Телеляша", князей Юрія, Ѳеодора, Михаила и Бориса Васильевичей Ромодановскихъ.

Въ 1483 г., судя по „духовной" Верейскаго удѣльнаго князя Михаила Андреевича (согласно которой, какъ извѣстно, великій князь Іоаннъ III Васильевичъ дѣлался наслѣдникомъ удѣла этого князя), князь Василій Васильевичъ Ромодановскій былъ „бояриномъ" Верейскаго князя Михаила Андреевича; по смерти (въ 1496 г.) князя Михаила князь Василій перешелъ на службу къ Мо-

сковскому Великому Князю Іоанну III, къ которому, въ силу завѣщанія, въ этомъ году перешелъ удѣлъ Верейскій, а вмѣстѣ съ удѣломъ перешли, вѣроятно, и служилые князья. Въ 1490 году князь В. В. Ромодановскій ѣздилъ посломъ въ Крымъ, откуда возвратился 16-го ноября 1491 года. Онъ привезъ съ собою изъ Крыма двухъ пословъ, но эти послы, въ виду появившейся среди нихъ моровой язвы, не были впущены въ Москву, а остановлены на берегу рѣчки Волконки, гдѣ должны были зимовать, а туда было послано уполномоченное лицо съ толмачемъ. Для безопасности, переговоры должны были вестись черезъ рѣку.

Въ 1492 году Іоаннъ III послалъ своихъ воеводъ въ Сѣверскую землю, въ помощь къ удѣльнымъ князьямъ Стародуба-Сѣверскаго. Эти князья, имѣя удѣлъ въ Сѣверской землѣ, на границѣ Литовско-Польскаго государства, служили оплотомъ отъ неожиданныхъ нападеній литовцевъ. Въ войскѣ, посланномъ къ князьямъ Стародубскимъ, князь В. В. Ромодановскій былъ вторымъ воеводой полка правой руки.

Въ 1495 году состоялась свадьба старшей дочери Іоанна III—Елены Іоанновны съ вел. кн. Литовскимъ Александромъ, сыномъ Казиміра-Ягеллона. Вѣнчаніе происходило въ Вильнѣ. Въ январѣ (6-го) прибыло за невѣстой посольство, а 13-го января Іоаннъ III отпустилъ невѣсту. Сопровождать ее было отправлено пышное Московское посольство (82 человѣка) съ бояриномъ княземъ Сем. Ив. Ряполовскимъ и бояриномъ Мих. Яковл. Русалкою во главѣ, при чемъ оба боярина были съ женами. Посольство это должно было не только сопровождать невѣсту, но и присутствовать на свадебныхъ торжествахъ. Но этого показалось мало великому князю, и онъ вскорѣ (3-го февраля), т.-е. менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, послалъ новое посольство, въ которое вошли: князь В. В. Ромодановскій съ женою, Андрей Захаровичъ Щулепниковъ и подъячій Иванъ Котовъ, чтобы „пожить при великой княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ, доколѣ она обойдется“ въ новой для нея обстановкѣ, о чемъ велѣно было послу просить въ рѣчи при пріемѣ его великимъ княземъ Литовскимъ. По окончаніи свадебныхъ торжествъ, великимъ княземъ Александромъ Литовскимъ „съ великою честью“, какъ говорится въ лѣтописи, было отпущено первое посольство, второе же (князь В. В. Ромодановскій съ женою и другіе) были оставлены на нѣкоторое время при великой княгинѣ Еленѣ; однако, и оно чрезъ новаго посла Бор. Вас. Кутузова (28-го августа) было отозвано въ Москву, куда В. В. Ромодановскій и прибылъ 20-го сентября.

Въ 1496 г. князь Ромодановскій принималъ участіе въ Шведскомъ походѣ на Финляндію, будучи вторымъ воеводою передового полка, а въ 1498 году, 30-го марта, былъ опять отправленъ посломъ въ Вильну вмѣстѣ съ дьякомъ Василіемъ Кулешинымъ. Ему было поручено учредить пограничный съѣздъ для рѣшенія „взаимныхъ спорныхъ дѣлъ“, а кромѣ того упрекнуть великаго князя Литовскаго, что онъ ведетъ переписку съ королемъ Шведскимъ, который былъ недругомъ Іоанна, и попрекнуть еще за упорство въ непризнаніи за великимъ княземъ Московскимъ титула князь „Всея Руси“. Въ томъ же 1498 г., въ сентябрѣ, когда Казанскій царь Абдулъ-Летифъ прислалъ извѣстіе, что Уракъ съ царевичемъ Салтаганомъ подступаетъ къ Казани, великій князь Іоаннъ послалъ въ Казань своихъ воеводъ, при чемъ князь Ромодановскій былъ воеводою передового полка.

Въ 1498 г. (въ концѣ), какъ извѣстно, великій князь примирился съ великою княгинею Софіей Ѳоминичной и съ сыномъ Васильемъ Іоанновичемъ и тотчасъ же приказалъ разслѣдовать дѣло о доносахъ на нихъ. Въ слѣдующемъ (1499) году, какъ результатъ этого разслѣдованія, совершилась казнь князей Ряполовскихъ и насильственное постриженіе перваго сановника государства—князя Ивана Юрьевича Патрикѣева съ сыномъ; тогда же были взяты подъ стражу и заподозрѣнные въ принадлежности къ этой партіи Андрей Ивановичъ Коробовъ и князь Василій Васильевичъ Ромодановскій. Однако, они подъ стражей были недолго, такъ какъ въ 1501 г. (въ сентябрѣ) тотъ и другой уже принимали участіе въ походѣ князей Стародуба-Сѣверской земли (князя Семена Ивановича, сына Ивана Андреевича Можайскаго-Стародубскаго и князя Василія Ивановича Шемячича), посланныхъ къ Мстиславлю. Въ этомъ походѣ князь Вас. Вас. Ромодановскій былъ воеводою сторожевого полка. Послѣ извѣстія о побѣдѣ подъ Мстиславлемъ, присланнаго князьями Сем. Ив. Стародубскимъ и Вас. Ив. Шемячичемъ, былъ отъ государя отправленъ къ князьямъ и

воеводамъ Иванъ Микулинъ Ярового съ изъявленіемъ милости отъ великаго князя, при чемъ воеводамъ князю Ив. Мих. Воротынскому и князю Петру Семеновичу Лобану-Ряполовскому было велѣно остаться у князей въ Стародубѣ, а остальнымъ, въ числѣ ихъ и князю Вас. Вас. Ромодановскому, велѣно „быть въ Москвѣ".

Въ 1502 г. (въ декабрѣ) великій князь снова снарядилъ походъ князей Стародубскихъ на Литовскую землю, и въ помощь посланы были воеводы Московскіе, при чемъ князь В. В. Ромодановскій опять былъ воеводою сторожевого полка, а въ 1507 г. (въ сентябрѣ) въ такомъ же походѣ князей Стародубскихъ-Сѣверскихъ — 3-мъ воеводою полка правой руки.

Князь Вас. Вас. Ромодановскій, кажется въ 1501 г., пожалованъ былъ окольничимъ, каковымъ упоминается „въ спискѣ бояръ, окольничихъ и т. д.", составленномъ В. Н. Берхомъ, а затѣмъ въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ" упоминается въ годъ смерти великаго князя Іоанна III, какъ старый окольничій, оставшійся новому великому князю Василію III Іоанновичу отъ отца, но въ Разрядныхъ Книгахъ, какъ окольничій, онъ нигдѣ не упомянутъ. Несомнѣнно только одно, что онъ, однако, уже былъ окольничимъ въ 1509 г., когда, какъ окольничій (вторымъ), былъ въ сентябрѣ оставленъ великимъ княземъ Василіемъ III на Москвѣ, во время отлучки своей изъ Москвы въ Новгородъ Великій. Скончался въ 1512 году.

„Собраніе Гос. Грам. и Догов.", т. I, стр. 300, 302, 394; „Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.", т. 35; „Полн. Собр. Русскихъ лѣтописей", т. IV, стр. 165; т. VI, стр. 240; т. VIII, стр. 224, 229, 238; т. XV, стр. 502; „Древн. Росс. Вивліоѳ.", изд. 2-е, кн. XX, ч. I, стр. 13, 16, П. Н. Милюковъ, „Древнѣйшая разрядная книга", стр. 16, 23, 24, 30, 32, 36, 44; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи", ч. III, стр. 80, 82; С. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т-ва „Общ. Польза", кн. I, т. V, стр. 1960; Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійскаго", изд. ж. „Сѣверъ", т. VI, стр. 149, 163, прим. къ VI т., 374, 451, 471, 508, 544; В. Н. Берхъ, „Списокъ бояръ, окольничихъ и т. д."

Н. В—и—въ.

Ромодановскій, князь *Василій Большой Григорьевичъ*, стольникъ; былъ вторымъ сыномъ князя Григорія Петровича Ромодановскаго, братомъ князей Андрея, Ивана Большого (по прозвищу Молчанки), Петра, Василія Меньшого, Ѳедора, Ивана Меньшого и Григорія Григорьевичей Ромодановскихъ. Прозвище „Большого" получилъ въ отличіе отъ 5-го сына князя Григорія Петровича—боярина князя Василія Меньшого Григорьевича Ромодановскаго. Старшій братъ его, князь Андрей Григорьевичъ, въ 1608 году участвовалъ въ битвѣ, которую далъ отецъ его, князь Григорій Петровичъ, вмѣстѣ съ княземъ Ив. Ив. Шуйскимъ и Ѳедоромъ Васильевичемъ Головинымъ, преслѣдуемому ими гетману Сапѣгѣ, котораго они настигли между сел. Воздвиженскимъ и Рахманцовымъ, мужественно сражался и палъ въ битвѣ. Въ 1613 г. князь Василій Большой Григорьевичъ съ дворяниномъ Ларіономъ Сумпнымъ назначенъ былъ въ Псковскую область на межеванье Русско-Литовской границы. Во время этого межеванья у князя Ромодановскаго съ Сумпнымъ произошла ссора въ Съѣзжей Избѣ: Сумпнъ сдѣлалъ упрекъ князю Ромодановскому, сказавъ, чтобы онъ „не государился и не воцарялся, что и братъ его (Ромодановскаго), князь Дмитрій Пожарскій, воцарялся, и стало ему это въ 20000 рублей". Пожарскіе и Ромодановскіе, какъ извѣстно, происходили отъ одного общаго рода князей Стародубскихъ, только были разныхъ вѣтвей, раздѣлившихся еще за много лѣтъ до этого времени. Правда, на допросѣ Суминъ отрекся отъ своихъ словъ, но свидѣтели ихъ подтвердили. Князь Ромодановскій за это „билъ челомъ Государю" на Сумина.

Въ томъ же (1613) году при пріемѣ Государемъ Кизильбашскихъ пословъ (Амира-Албека) Ромодановскій былъ рындою; старшими его товарищами при этомъ были два брата князя Куракиныхъ—Василій и Ѳедоръ Семеновичи, а младше его былъ Иванъ Ивановичъ Чепчуговъ. Чепчуговъ, обиженный такимъ назначеніемъ, затѣялъ мѣстническое дѣло противъ князя Василія Ромодановскаго, за котораго, какъ за представителя близкаго къ Пожарскимъ рода, заступился князь Дм. Мих. Пожарскій. Приговоръ бояръ былъ — выдать головой Чепчугова князю Василію Ромодановскому. Въ 1616 г. (16-го марта), когда вышелъ указъ „отъ прихода Крымскихъ и Ногайскихъ людей" быть воеводамъ по полкамъ, — князю Ромодановскому назначено было быть первымъ воеводой въ Ельцѣ, замѣнивъ тамъ стольника Ив. Ив. Салтыкова, и указано „по вѣстямъ"

быть на сходѣ съ первымъ воеводою большого полка—со стольникомъ княземъ Θед. Сем. Куракинымъ, стоявшимъ въ Тулѣ. Въ томъ же (1616) году, когда литовцы подошли къ Болхову и дали даже битву Болховскимъ воеводамъ, въ которой палъ второй Болховской воевода Михаилъ Самсоновичъ Дмитріевъ, то, по полученіи Государемъ объ этомъ извѣстія, были назначены полковые воеводы для этого „Сѣверскаго похода", а князь Василій Ромодановскій оставленъ воеводою въ Ельцѣ, откуда велѣно ему „быть на сходѣ" съ І-мъ воеводою княземъ Ив. Θ. Хованскимъ. Тамъ же, на Ельцѣ, мы его видимъ и въ 1617 году (въ апрѣлѣ), когда были, „для приходу крымскихъ и ногайскихъ людей", назначены воеводы и въ Украинскій, и въ Рязанскій Разряды, и онъ былъ „сходнымъ воеводою" къ тому же князю И. Θ. Хованскому, первому воеводѣ въ Тулѣ, который былъ при „Сѣверскомъ походѣ" первымъ воеводою въ Болховѣ. Въ Ельцѣ оставался Ромодановскій, вѣроятно, до осени 1617 г., когда произошла смѣна воеводъ, такъ какъ въ росписи городовыхъ воеводъ въ 1617—18 г. въ Ельцѣ уже видимъ другихъ воеводъ. Въ 1618 году (4-го января) Ромодановскій участвовалъ опять въ пріемѣ Кизильбашскихъ пословъ, при чемъ послѣ „отвѣта у бояръ" Кизильбашскаго посла „ѣздилъ со столомъ къ послу отъ Государя". Въ 1619 г. (12-го марта), при назначеніи „для оберегания отъ приходу Крымскихъ и Ногайскихъ людей" полковыхъ воеводъ въ Украинскій Разрядъ, князю Ромодановскому указано было быть 1-мъ воеводою „прибыльнаго" полка, стоявшаго во Мценскѣ, замѣнивъ тамъ стольника Василія Алексѣевича Третьякова. Въ томъ же году (21-го декабря) онъ былъ „у стола Патріарха", при чемъ ему велѣно было „смотрѣть въ кривой столъ".

Въ слѣдующемъ, 1620 году (13-го апрѣля), при назначеніи полковыхъ воеводъ въ Украинскій Разрядъ, князю Ромодановскому велѣно было быть 1-мъ воеводою передового полка въ Дедиловѣ. Это назначеніе вызвало мѣстническое дѣло со стороны 3-го воеводы сторожевого полка—князя Дмитрія Петровича Пожарскаго. Когда-то (въ 1613 г.) мы видѣли, что князь Пожарскій счелъ необходимымъ заступиться за честь князя Ромодановскаго, какъ представителя родственной фамиліи; мѣстническое же дѣло 1620 года любопытно тѣмъ, что тутъ столкнулись интересы представителей одного рода, но разныхъ фамилій, или, вѣрнѣе, двухъ линій одного и того же рода. Въ челобитной по этому мѣстническому дѣлу князь Ромодановскій, заявляя, что онъ не можетъ отрицать, что по происхожденію (по лѣствицѣ) князья Пожарскіе — старше князей Ромодановскихъ, говоритъ, что онъ беретъ въ разсчетъ не генеалогію, но выслугу: „считаемся мы и бьемъ челомъ Государю по государевымъ разрядомъ, а не по лѣствицѣ; а лѣствицу-де и родство мы знаемъ во всѣхъ Ромодановскихъ промежъ себя, а не Пожарскихъ, а Пожарскіе и съ меньшими товарищами нашими бывали". Государь „счету" по этому мѣстническому дѣлу не далъ, а велѣлъ „по прежнему государскому моженью" объявить, что передовому полку и сторожевому „быть безъ мѣстъ". Другое мѣстническое дѣло, поднятое на него вслѣдствіе того же назначенія—отъ воеводы передового полка Рязанскаго Разряда князя Юрія (Косого) Ивановича Шаховского, кончилось тѣмъ, что князь Юрій сидѣлъ въ тюрьмѣ два дня, а по выходѣ изъ тюрьмы велѣно было отвезти князя Юрія и выдать головою князю Ромодановскому.

Въ томъ же (1620) году, 15-го декабря, послѣ пріема Англійскаго посла Ромодановскій „ѣздилъ со столомъ" къ послу отъ патріарха, въ сентябрѣ (12-го) 1621 года „смотрѣлъ въ кривой столъ" (во время стола у государя), а равнымъ образомъ также 24-го сентября того же года, 14-го февраля, 1-го августа и 8-го сентября въ 1622 году. Въ 1623 г. князь Р. посланъ былъ 1-мъ городовымъ воеводой въ Путивль, а въ 1625—26 году—въ Торопецъ, вмѣсто князя Б. А. Хилкова, и оставался тамъ, вѣроятно, до 1628 года, ибо въ маѣ того же года былъ въ Москвѣ, гдѣ 28-го мая, во время „похода на богомолье" государя въ Сергіево-Троицкую лавру, „днева лъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ" съ бояриномъ Θед. Ив. Шереметевымъ, при чемъ въ спискѣ ночевавшихъ стольниковъ поставленъ на первомъ мѣстѣ. Въ 1630 году (25-го мая) указано было послать князя Ромодановскаго, послѣ пріема Венгерскихъ пословъ „на пріѣздѣ", „со столомъ" къ этимъ посламъ ѣхать, но за болѣзнью его пришлось назначить затѣмъ другое лицо. Въ 1630 году, 22-го декабря, было ему ука-

зано быть воеводою въ Брянскѣ. Въ 1631 г. (30-го ноября) отъ него, какъ 1-го воеводы Брянскаго, и отъ 2-го воеводы Никиты Вас. Оладьина прислано было извѣстіе (въ то время была война), съ Павломъ Львовымъ, что 2-й воевода ходилъ изъ Брянска подъ Почепъ, и городъ этотъ взятъ имъ и тамъ оставленъ осадный голова; такое же донесеніе было прислано и о взятіи г. Трубчевска. Вслѣдствіе этого донесенія былъ къ воеводамъ Брянскимъ посланъ, (8-го февраля слѣдующаго, 1633 г.) стольникъ Яковъ Михайловичъ Толочановъ „съ государевымъ жалованьемъ и о здоровьѣ спрашивать и съ золотыми". Въ слѣдующемъ, 1633—34 г. въ Брянскѣ были уже другіе воеводы, а князь Василій Ромодановскій оставался, вѣроятно, до осени 1633 г. Въ 1634 г. онъ принималъ участіе въ пріемѣ государемъ Алея-Аги, посла Турецкаго султана Мурата (въ 1-й, меньшей встрѣчѣ, на крыльцѣ), равнымъ образомъ и 15-го февраля, когда Турецкій посолъ былъ на отпускѣ. Въ томъ же 1634 г., по заключеніи мира съ Польшею (5-го іюля), Государь назначилъ (въ августѣ того же года) „судей для межеванья" Русско-Польскихъ границъ „по договору пословъ", при чемъ князь Василій Ромодановскій съ дворяниномъ Лар. Григ. Суминымъ, да съ дьякомъ Дмитріемъ Прокофьевымъ назначенъ былъ въ Великіе-Луки. Въ августѣ (18-го) были отправлены „межевые судьи" во Псковъ и Великіе-Луки. Производя межеваніе границъ отъ Псковской области до Великихъ-Лукъ, князь Ромодановскій, сносясь съ Москвой, въ бумагахъ опускалъ имя князя А. М. Львова, дѣлая это вопреки наказу, который повелѣвалъ писать: „по договору пословъ, боярина и намѣстника Псковскаго Ѳ. Ив. Шереметева да боярина и намѣстника Суздальскаго князя Алексѣя Михайловича Львова", а не: „бояринъ и намѣстникъ Псковской Ѳ. Ив. Шереметевъ съ товарищи". Въ этомъ было усмотрѣно безчестіе для боярина князя А. М. Львова, и князь Ромодановскій былъ посаженъ въ тюрьму.

Въ 1635 г., во время „встрѣчи за городомъ" Александра Песочинскаго да Льва Сапѣги, пословъ Польскаго короля Владислава IV, пріѣхавшихъ для „подкрѣпленія вѣчнаго докончанія" (ратификаціи), когда, по государеву указу, приняли участіе стольники и прочіе чины Московскіе, князь Василій Большой Григорьевичъ былъ головою у „сотни" стольниковъ, состоявшей изъ 12 человѣкъ; когда же эти послы, послѣ пріема (12-го марта), „на отпускѣ" были приглашены „къ столу" Государеву, данному въ честь ихъ, то князь Ромодановскій былъ въ числѣ стольниковъ, которые во время этого стола „предъ Государя пить носили"; то же самое и 12-го мая, послѣ пріема на отпускѣ Кизильбашскаго посла Аджи-Бека. Въ 1637 году (10-го марта), при назначеніи „для прихода Крымскимъ и Ногайскихъ людей" полковыхъ воеводъ въ Украинскій и Рязанскій Разряды, князю Ромодановскому велѣно быть въ большомъ полку Рязанскаго Разряда, въ Дѣдиловѣ и по вѣстямъ быть на сходѣ съ воеводою большого полка Украинскаго Разряда, стоявшаго на Тулѣ, со стольникомъ княземъ Ив. Ѳед. Хованскимъ. Въ 1639 г. (1-го мая), при назначеніи бояръ и воеводъ на Украйнѣ для прихода Крымскаго Царя, Крымскихъ и Ногайскихъ людей не „по полкамъ", а „по мѣстамъ", стольнику князю Ромодановскому было велѣно быть 1-мъ воеводой въ Веневѣ, а въ 1640—41 году—1-мъ воеводою въ Вязьмѣ, гдѣ онъ былъ, вѣроятно, до 1643 г. Въ 1644 г. (28-го января), когда, послѣ пріема „на пріѣздѣ" Датскаго королевича Вольдемара и датскихъ пословъ, былъ столъ у государя, и королевичъ съ послами былъ у стола, князю Василію Ромодановскому велѣно было „смотрѣть въ кривой столъ" 1-мъ изъ двухъ, вмѣсто назначеннаго раньше, но заболѣвшаго стольника князя Юрія Петровича Буйносова-Ростовскаго. Въ 1639 г. Р. былъ въ числѣ стольниковъ, несшихъ тѣло Царевича Ивана Михайловича (скончавшагося 9-го января) и тѣло Царевича Василія Михайловича (скончавшагося 25-го марта), а также нѣсколько разъ среди стольниковъ и другихъ чиновъ Московскихъ назначаемъ былъ „дневать и ночевать у гроба Царевичей".

„Акты Моск. Государства", т. I, стр. 140, 186, 188, 191, 224—226, 382, 393, 443—445, 450—455, 463, 464, 466, 474, 559—565, 600, 657; „Разрядныя книги", изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. I, стр. 122, 193, 262, 274, 403, 621, 622, 624, 656, 677, 679, 680, 681, 693. 694, 695, 708, 709, 712, 714, 724, 726, 731, 925, 958, 1030, 1242, 1351; т. II, стр. 81, 382, 384, 461, 466, 673, 729, 920; „Дворцовые разряды", т. I, стр. 110—111, 212, 224, 259, 267, 294, 310, 388, 422, 434, 443, 466, 476, 488, 492, 493, 395, 520, 525, 566, 689, 738, 8 6; т. II, стр. 4, 142, 179, 235, 291, 304, 305, 316, 341, 361, 364, 382, 391, 399, 407, 417, 437, 461, 514, 531, 548, 605, 661, 687, 726, 934,

942, 963, 965, 974: Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XV вѣка“, стр. 97, 210, 211, прил., 41, 51, 62; Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, кн. II, т. IX, стр. 1311; П. Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ“; А. П. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ“.

Н. В—н—въ.

Ромодановскій, князь *Василій Меньшой Григорьевичъ,* бояринъ; 5-й сынъ боярина князя Григорія Петровича Ромодановскаго и братъ князей Андрея, Василія Большого, Ивана Большого Молчанки, князей Петра, Ѳедора, Ивана Меньшого и Григорія Ромодановскихъ.

До своего назначенія (въ 1632 г.) воеводою въ Рыльскъ, будучи стольникомъ, уже принималъ участіе въ придворной Московской жизни. При пріемѣ пословъ находился среди тѣхъ чиновъ, которые должны были сидѣть въ золотѣ при Государѣ и Патріархѣ (въ 1625 г. при пріемѣ Кизильбашскихъ пословъ на отпускѣ, въ 1630 г. при пріемѣ Шведскаго посла Антона Монира) или же быть рындою (въ 1627 г.—13-го іюня; въ 1630 году 23-го, 25-го и 27-го мая; 6-го, 27-го іюня и 6-го іюля; въ 1631 г.—10-го янв., 4-го и 9-го марта) при пріемѣ пословъ. Во время „стола у государя“, дававшагося въ честь пословъ, находился въ числѣ стольниковъ, которые „ѣсть ставили предъ Государя“ (въ 1625 г., 17-го мая), а во время обычнаго „стола“ у Государя „смотрѣлъ въ кривой столъ“ (въ 1619 г. 8-го ноября; въ 1623 г. 30-го ноября; въ 1630 г. 5-го мая и въ 1631 г. 28-го августа по случаю крещенія царевны Маріы Михайловны). Въ 1627 г., 13-го іюня, при пріемѣ Англійскаго посла князь Василій былъ назначенъ 2-мъ рындою (1-мъ былъ назначенъ его братъ Иванъ Большой Григорьевичъ Ромодановскій), другими же, меньшими рындами были князья Петръ и Ѳедоръ Ѳедоровичи Волконскіе. Князья Волконскіе, вслѣдствіе такого назначенія, просили Государя на Ромодановскихъ „счетъ дать“. Результатомъ такого ходатайства было то, что Ромодановскіе были отставлены и замѣнены князьями Пожарскими.

Въ 1632 году князь Василій былъ посланъ воеводою въ Рыльскъ, откуда 10-го января слѣдующаго года, во время Польской войны, прислалъ къ Государю вѣстника, что онъ, Ромодановскій, посылалъ изъ Рыльска головъ воевать въ Литовскую землю,—и они взяли у города Романъ два острожка, пожгли его посады, много людей побили. Судя по грамотамъ князя, онъ въ апрѣлѣ 1634 г. былъ еще въ Рыльскѣ.

Въ 1635 г. имя князя Ромодановскаго встрѣчается въ числѣ стольниковъ, которые во время „стола“ у Государя, дававшагося въ честь пословъ послѣ пріема „на отпускѣ (21-го марта—Литовскаго посла Александра Песочинскаго и 19-го мая—Кизильбашскаго посла Аджи-Бека), „ѣсть ставили предъ Государя“.

Въ томъ же (1635) году, 9-го іюня, князь Р. былъ посланъ 1-мъ воеводою на Терекъ, гдѣ находился до 1637 — 38 г. Когда въ 1640 году (8-го марта) указано было „для приходу Крымскаго царя и Крымскихъ и Ногайскихъ людей“ быть воеводамъ „не по полкамъ, а по мѣстамъ“, князь Василій назначенъ былъ 1-мъ воеводою на Веневъ. По случаю этого назначенія возникло противъ Ромодановскаго мѣстническое дѣло со стороны 2-го воеводы, назначеннаго въ Веневъ,—Ив. Ѳед. Еропкина. По приговору, данному по этому мѣстническому дѣлу, Ив. Ѳед. Еропкинъ „за безчестіе“ Ромодановскаго „былъ отведенъ въ тюрьму“. Въ 1641—42 г. князь Ромодановскій былъ воеводою въ Воронежѣ, гдѣ находился еще въ мартѣ 1644 года.

Послѣ кончины царя Михаила Ѳеодоровича князь Ромодановскій былъ въ числѣ уполномоченныхъ лицъ, на которыхъ было возложено порученіе приводить къ присягѣ на вѣрность новому царю Алексѣю Михайловичу воеводъ и прочихъ чиновъ по городамъ и полкамъ. Въ 1645 г. (11-го октября) ему указано быть 2-мъ во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ при боярынѣ Ив. Вас. Морозовѣ, а 20-го марта 1646 года онъ былъ пожалованъ въ окольничіе. Въ 1646 г. (25-го декабря) онъ былъ приглашенъ, какъ окольничій, къ государеву столу, въ 1647 г., 11-го апрѣля, въ Вербное воскресенье,—къ столу Патріарха, а 28-го іюля—къ столу Государя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Въ 1648 году князь Р. былъ 2-мъ дружкой Государевымъ на 1-ой свадьбѣ Государя, жена же его Евдокія Аѳанасьевна—2-й свахой съ государевой стороны. Въ томъ же году онъ съ дьякомъ посланъ былъ воеводою на Двину, гдѣ оставался до 1650 года. По возвращеніи съ Двины, во время „походовъ на богомолье“ Государя въ монастыри (въ 1650 г. 22-го сентября;

9-го октября, 30-го ноября; въ 1651 г. 26-го сентября, въ 1652 г. 15-го января) и въ придворныя села (въ Коломенское 29-го октября 1650 г., въ село Хорошево 3-го апрѣля 1651 г.) былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Государя въ этихъ „походахъ". Для встрѣчи Литовскаго посла Станислава Витовскаго съ товарищи (9-го апрѣля 1651 г.) княземъ Ромодановскимъ было дано 10 человѣкъ „даточныхъ людей". Въ 1652 г. (5-го апрѣля) съ 3 боярами и 2-мя окольничими онъ посланъ былъ къ Спасу на Всходню, по Полоцкой дорогѣ, встрѣчать тѣло патріарха Іова.

Въ томъ же (1652) году князь Ромодановскій былъ воеводою во Псковѣ, откуда онъ возвратился не ранѣе февраля 1653 г., но во всякомъ случаѣ былъ въ Москвѣ не позже ноября 1653 года, когда ему (30-го ноября) назначено было слѣдовать за Государемъ среди другихъ лицъ въ „походѣ" на богомолье въ Звенигородъ. Въ 1654 году, съ февраля мѣсяца, онъ былъ въ Пушкарскомъ Приказѣ, а съ сентября 1654 г.— въ Челобитномъ Приказѣ. За это время въ 1654 году, 11-го апрѣля онъ былъ у стола государя, а 16-го апрѣля—у стола Патріарха, когда же государь (18-го мая) отправился въ походъ на Литовскую землю противъ короля Яна-Казимира, то на Москвѣ онъ „оставилъ за себя бояръ и окольничихъ", среди коихъ былъ оставленъ и князь Ромодановскій (3-мъ окольничимъ). Въ 1655 году (12-го февраля) при пріемѣ Макарія, патріарха Антіохійскаго, онъ принималъ участіе во 2-ой, меньшей встрѣчѣ (на лѣстницѣ) съ сыномъ своимъ княземъ Дмитріемъ Васильевичемъ.

Въ томъ же (1655) году 25-го февраля Р. былъ пожалованъ изъ окольничихъ въ бояре, а 11-го марта былъ посланъ 1-мъ воеводою въ Астрахань на смѣну боярина князя Ив. Петр. Пронскаго. Въ томъ же году (11-го марта) на мѣсто 2-го воеводы Ивана Никитича Колтовского былъ присланъ стольникъ князь Ив. Сем. Гагаринъ. Вслѣдствіе этого назначенія было мѣстническое дѣло со стороны стольника князя Гагарина на Ромодановскаго, и по приговору этого дѣла князь Гагаринъ былъ посаженъ въ тюрьму. Находясь на воеводствѣ въ Астрахани, князь Ромодановскій съ дьяками Иваномъ Городовымъ и Исаемъ Нефедьевымъ завели сношенія съ Калмыцкими тайшами, привели ихъ въ подданство Государю и взяли съ нихъ присягу, что они будутъ „подъ Государскою высокою рукою на вѣки, неотступно, на всей Государевой волѣ", да кромѣ того взяли съ нихъ заложниковъ.

Это было поставлено князю Ромодановскому въ большую заслугу: „будучи-де въ Астрахани, многую прибыль государю учинилъ въ его государевой казнѣ", „дворъ Гилянскій строилъ" и „на дворѣ палаты каменныя построилъ малымъ расходомъ"; за эту „калмыцкую службу" Государь (17-го августа 1657 г.) назначилъ отправить въ Астрахань къ князю Ромодановскому стольника А. И. Самарина „съ государевымъ жалованьемъ, милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать и съ золотыми". Самаринъ считалъ, однако, дѣломъ не подходящимъ („невмѣстнымъ") ѣхать къ князю Ромодановскому и тѣмъ „быть его меньше", о чемъ и билъ челомъ государю. По приговору, однако, „за безчестіе боярина князя Ромодановскаго", велѣно Самарина, по указу государеву, „бить батоги", послѣ чего Самаринъ все-таки былъ посланъ въ Астрахань.

Въ 1661 г. (17-го сентября) князь Р. назначенъ былъ снова въ Пушкарскій Приказъ, но на этотъ разъ бояриномъ. Въ томъ же (1661) году, 27-го октября вспомнили „Калмыцкую службу" боярина князя Ромодановскаго съ дьяками,—и они были приглашены къ „Государеву столу", а послѣ стола были награждены: князь Ромодановскій получилъ шубу „атласъ золотной, по червчетой землѣ", въ 270 рублей, кубокъ, придачи къ прежнему окладу 100 рублей, да 6000 ефимковъ. Въ 1662 г. князь Р. дважды былъ оставляемъ (первый разъ съ бояриномъ княземъ А. Н. Трубецкимъ, а второй разъ съ бояриномъ княземъ Θ. Θ. Куракинымъ) на Москвѣ, въ отсутствіе государя изъ Москвы во время его походовъ на богомолье. Въ 1663 году (26-го августа) онъ назначенъ былъ участвовать въ крестномъ ходу въ этотъ день въ Срѣтенскій монастырь по случаю праздника иконы „Владимірской Божьей Матери". Въ 1665 году съ дьякомъ Симеономъ Углецкимъ Р. былъ посланъ воеводою въ Великій Новгородъ. Въ 1668 г. (19-го января) назначенъ былъ въ Новгородъ другой воевода, 12-го февраля воеводы были отправлены изъ Москвы и только въ мартѣ бояринъ Ромодановскій получилъ смѣну. Въ томъ же году (8-го

іюня), по случаю именинъ царевича Ѳеодора Алексѣевича, князь Р. былъ „у стола государя“, въ 1669 году (6-го іюля) „дневалъ и ночевалъ“ у гроба Царевича Симеона Алексѣевича съ думными дворянами, дьякомъ и стольниками. Скончался 3-го октября 1671 года.

„Акты Истор.“, т. IV, стр. 273, 277, 280, 371; „Доп. къ Акт. Историч.“, т. III, стр. 149, 185, 189, 191, 192, 195—199, 201, 440, 461, 488, 489; т. V, стр. 155 — 157; т. IX, стр. 167, т. X, стр. 460. „Акты Арх. Эксп.“, т. IV, стр. 77; „Акты Московскаго Государства“, т. I, стр. 140, 351, 407, 460, 466, 467, 497, 515, 519, 597, 616; „Полн. Собр. Русск. Лѣт.“, т. IV (Псковск. I), стр. 339; „Русская Истор. Библ.“, т. IX, стр. 496, 540, 561; „Древн. Росс. Вивліоѳика“, кн. XIII, ч. XVII, стр. 175; кн. XIV, ч. V, стр. 72, 81, 90; кн. XVIII, ч. I, стр. 27; кн. XX, ч. I, стр. 104, 110, 122; ч. III, 293, 381, 410; „Памятн. Дипом. Сношен.“, т. VII, стр. 546—548; „Разрядныя книги“, изд. 2-го Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. II, стр. 673, 730, 817; „Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 432, 573, 574, 684, 691, 925; т. II, стр. 4, 132, 139, 141, 143, 145, 147, 150, 182, 183, 189, 190, 192, 228, 234, 247, 312, 437, 461, 468, 517, 626, 629, 673, 687, 706; прил., стр. 839, 870, т. III, стр. 3, 21, 33, 34, 54, 56, 64, 78, 79, 185, 191, 197, 205, 212, 229, 236, 265, 281, 285, 290, 304, 327, 382, 403, 407, 413, 457, 459, 460, 490, 713, 715, 776, 845, 857, 862; Доп. къ III т., стр. 62, 103, 106, 291. 295, 296, 347, 354, 393; Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XV в.“, прилож. 52; И. И. Голиковъ, „Дѣянія Петра Вел.“, кн. XIII, стр. 6; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г.“, т. III, стр. 118, 119; Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. „Общ. Польза“, кн. II, т. IX, стр. 1300; кн. III, т. XII, стр. 617; А. Олеарій, „Описаніе путешествія въ Московію и чрезъ Московію въ Персію и обратно (есть указатель); А. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ“; В. Н. Берхъ, „Списокъ бояръ, окольничихъ и другихъ чиновъ“; П. Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ“.

Н. В—к—въ.

Ромодановскій, князь *Григорій Григорьевичъ*, бояринъ; восьмой сынъ боярина князя Григорія Петровича Ромодановскаго, братъ князей: Андрея, Василія Большого, Ивана Большого Молчанки, Петра, Василія Меньшого и Ивана Меньшого Григорьевичей Ромодановскихъ. Самое раннее упоминаніе о князѣ Григоріи относится къ 1653 году: 1-го октября былъ созванъ соборъ по вопросу о присоединеніи Малороссіи, и тогда же, послѣ рѣшенія вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, посланы были (9-го октября) въ Малороссію, для приведенія къ присягѣ, бояринъ В. В. Бутурлинъ, окольничій Ив. Вас. Алферовъ, а съ Бутурлинымъ—стольники, въ числѣ которыхъ находился и стольникъ князь Г. Г. Ромодановскій. Въ слѣдующемъ, 1654 году, весною, изъ-за присоединенія Малороссіи возникла война съ Польшею, а въ маѣ былъ объявленъ походъ царя Алексѣя подъ Смоленскъ, на „недруга“ — короля Яна-Казиміра: князь Г. Г. Ромодановскій принималъ въ немъ участіе, будучи назначенъ головою жильцовъ въ полку самого Государя. Въ августѣ того же 1654 года изъ-подъ Смоленска былъ посланъ подъ Дубровну стольникъ князь Ѳ. Ѳ. Куракинъ съ 7 сотнями жильцовъ, среди „головъ сотенъ“ которыхъ былъ и князь Р. Въ началѣ 1655 г. стольникъ князь Р. былъ въ Москвѣ, гдѣ принималъ участіе (12-го февраля) во встрѣчѣ Антіохійскаго Патріарха Макарія, и въ томъ же году, 1-го марта, съ бояриномъ и дворецкимъ В. В. Бутурлинымъ посланъ былъ въ Бѣлую Церковь, на смѣну воеводамъ боярину Вас. Б. Шереметеву и Ѳед. Вас. Бутурлину, съ приказаніемъ при этомъ идти оттуда съ Хмельницкимъ подъ Литовскіе города. Воеводы съ гетманомъ Хмельницкимъ, въ іюлѣ, выступили въ походъ и, пользуясь неизмѣннымъ успѣхомъ, проникли въ Галицію, беря городъ за городомъ. 15-го сентября отъ Бутурлина и князя Г. Г. Ромодановскаго было прислано къ Государю, находившемуся тогда на пути изъ Вильны въ Москву, извѣстіе о взятіи города Черткова и другихъ городовъ, а также о томъ, что „добилъ“ челомъ государю Павелъ Потоцкій, братъ короннаго гетмана Польскаго Станислава Потоцкаго. Тѣмъ временемъ Хмельницкій съ Ромодановскимъ подступили ко Львову. Польскій коронный гетманъ Потоцкій, вслѣдъ за которымъ они проникли въ Галицію, не рѣшился дать сраженіе и отступилъ отъ Львова къ Слонигродеку (Городеку или Городку). Хмельницкій оставилъ значительную часть войска подъ Львовымъ, другую же часть — подъ начальствомъ Миргородскаго полковника Лесницкаго и еще часть Московскаго войска, — подъ начальствомъ стольника князя Ромодановскаго и Гротуса, — отправилъ въ погоню за Потоцкимъ. Преслѣдуя Потоцкаго, они настигли его въ 4-хъ миляхъ отъ Львова, около города Слонигродека. Это мѣсто было признано удобнымъ для обороны; передъ городомъ было глубокое озеро; перебравшись черезъ него, Потоцкій съ войскомъ остановился,

намѣреваясь укрѣпиться: сзади былъ городъ, впереди — озеро, которое отдѣляло Польское войско отъ непріятеля, съ боковъ впадали протекавшіе по лѣсистой мѣстности протоки; на этихъ протокахъ были разставлены караульные, да и переправа въ лѣсистой мѣстности казалась опасною. Казаки не дремали, воспользовались первою же лунною ночью (18-го сентября 1655 г.), разобрали близъ-лежавшія хаты, сдѣлали изъ нихъ плотины на протокахъ, тайкомъ перебрались черезъ нихъ, убили караулы и опрокинули небольшой отрядъ, высланный, чтобы воспрепятствовать переправѣ, какъ только это было замѣчено. Тѣмъ временемъ Русскіе, подъ начальствомъ стольника князя Г. Г. Ромодановскаго и иноземца русской службы Гротуса, очутились на той сторонѣ озера, гдѣ находилось Польское войско, а затѣмъ проникли за отступавшими Поляками въ городъ, гдѣ начался пожаръ. Напрасно Поляки тушили его, — Русскіе разогнали ихъ, а затѣмъ овладѣли и лагеремъ. Потоцкій упорно защищался,—болѣе трехъ часовъ продолжалась битва. Одно время казалось, что Московское войско подалось назадъ, но скоро оно оправилось, и оба фланга ударили на Польское войско. Русскимъ войскамъ помогъ къ тому же еще одинъ неожиданный случай: вдали показалось какое-то новое войско: это былъ отрядъ „Перемышельскаго посполитаго рушенія“, шедшій на помощь Полякамъ. Кто-то изъ Поляковъ, не узнавъ подоспѣвшую помощь, крикнулъ: „Свѣжее войско идетъ на насъ!“ Поляки въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать, подъ напоромъ Русскихъ, оставивъ имъ артиллерію, знамена и пр., которыя и достались Русскимъ, преслѣдовавшимъ Поляковъ, и только ночь прекратила это преслѣдованіе. Послѣ этой побѣды Московское войско возвратилось къ Хмельницикому, къ г. Львову, и расположилось кругомъ города въ лагеряхъ. Опираясь на эту побѣду, Хмельницкій сталъ настойчиво вести переговоры съ жителями Львова, оставленными гетманомъ Потоцкимъ, уговаривая ихъ къ сдачѣ. Переговоры затянулись; жители города ставили неподходящія условія и только послѣ долгихъ споровъ рѣшили послать депутацію къ Хмельницкому, на собраніе у котораго были приглашены двое плѣнныхъ Поляковъ, а также и стольникъ князь Ромодановскій и Гротусъ. Находясь на собраніи, Ромодановскій вмѣшивался въ переговоры, издѣвался надъ трусостью Польскаго войска и говорилъ по адресу Поляковъ всякія оскорбленія, но получилъ отпоръ со стороны плѣнныхъ Поляковъ, говорившихъ, что Московскіе люди приписывали побѣду себѣ напрасно, такъ какъ коронное войско побѣдили не Московскіе люди, а мужественные казаки. Хмельницкій съ Московскими войсками не долго, однако, пробылъ въ Польшѣ и Галиціи, такъ какъ нападеніе на Украйну Крымскихъ татаръ заставило его оттуда удалиться.

Въ 1656 г. мы видимъ князя Ромодановскаго въ Москвѣ, гдѣ онъ 5-го марта принялъ участіе во встрѣчѣ Антіохійскаго Патріарха Макарія, а послѣ его пріема у Государя „ѣздилъ со столомъ“ отъ Государя къ Патріарху. Въ томъ же 1656 году, 29-го апрѣля, князь Ромодановскій изъ стольниковъ былъ пожалованъ въ окольничіе и въ тотъ же день, съ В. В. Бутурлинымъ и другими воеводами, дѣйствовавшими въ Польскую войну въ Малороссіи, былъ приглашенъ къ Государеву столу, послѣ коего были получены ими всѣми награды „за службу“, при чемъ Ромодановскій получилъ: 1) шубу атласъ золотной, 2) кубокъ, да 3) придачу къ прежнему окладу. Послѣ пожалованія тѣ изъ воеводъ, которые были назначены воеводами „по городамъ“, были у руки Государя, а среди нихъ былъ и князь Ромодановскій, которому было указано „на Государеву службу въ Бѣлгородъ и быть въ Бѣлгородѣ отъ приходу Крымскаго царя и Крымскихъ людей.“ Въ Бѣлгородѣ Ромодановскій былъ до 13-го августа 1657 года.

Въ 1657 г., когда, послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, гетманомъ на 3 года былъ избранъ, на мѣсто Юрія Хмельницкаго, хитрый и честолюбивый Выговскій, онъ, зная, что среди старшины есть много недоброжелателей Москвы, не отправилъ посольства въ Москву ни съ извѣстіемъ о смерти стараго гетмана, ни о своемъ избраніи; но, боясь въ такое время раздражить Москву, послалъ извѣстіе о смерти гетмана въ Кіевъ—къ воеводѣ А. В. Бутурлину и въ Бѣлгородъ—къ воеводѣ, Ромодановскому. Извѣщенный черезъ Кіевскаго воеводу Бутурлина, а можетъ быть и черезъ Ромодановскаго, Государь послалъ въ Малороссію своего любимца полковника и голову стрѣлецкаго Артамона Матвѣева

съ дьякомъ Перфиліемъ Оловенниковымъ, съ выговоромъ Выговскому за неизвѣщеніе о смерти Хмельницкаго и съ повелѣніемъ объявить гетману и войску Запорожскому, что Государь „для своихъ государевыхъ дѣлъ посылаетъ боярина и намѣстника Казанскаго князя А. Н. Трубецкого и Ржевскаго намѣстника В. М. Хитрово, да дьяка Ларіона Лопухина". Кромѣ того, добавили послы, Государь, извѣщенный еще покойнымъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ о непріятельскихъ замыслахъ хана Крымскаго, посылаетъ на помощь казакамъ Московское войско подъ начальствомъ князя Ромодановскаго и В. Б. Шереметева; въ Черкасскихъ городахъ велѣно было готовить имъ „кормы" и подводы. Ромодановскій, сдавъ Бѣлгородское воеводство вновь назначенному (13-го августа 1657 г.) воеводѣ, окольничему князю Семену Петровичу Львову, немедленно выступилъ и сталъ съ однимъ отрядомъ самъ въ Переяславѣ, а другой отрядъ съ Лапуновымъ поставилъ въ Пирятинѣ. Семь недѣль поджидалъ къ себѣ князь Ромодановскій гетмана Выговскаго, чтобы договориться съ нимъ о совмѣстныхъ военныхъ дѣйстіяхъ противъ Крымцевъ.— Выговскій только 25-го октября пріѣхалъ въ Переяславль на свиданіе, на которомъ Ромодановскій, со свойственными ему прямолинейностью и рѣзкостью, сталъ выговаривать гетману за его промедленіе и упрекать его за то, что ратнымъ людямъ Царскаго Величества „запасовъ и конскихъ кормовъ не выдавали", выставляя на видъ, что „отъ безкормицы люди многіе разбѣжались, лошади попадали" и т. под. Ромодановскій, кромѣ того, пригрозилъ, что если и теперь не будутъ выдавать запасы, то ему велѣно отступить въ Бѣлгородъ. Выговскій хитрилъ и со свойственной ему изворотливостью оправдывался тѣмъ, что онъ долгое время не могъ утвердиться въ гетманствѣ и потому извинялся, что „запасы были скудны, теперь же для ратныхъ людей Царскаго Величества запасы будутъ не скудны." Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая спровадить Ромодановскаго за Днѣпръ, Выговскій предложилъ ему стать за Днѣпромъ со своими и нѣкоторыми черкасскими войсками противъ Ляховъ и Татаръ, обѣщая тотчасъ явиться къ нему, какъ только управится съ бунтовщиками въ Запорожьѣ. Ромодановскій не поддался на хитрость гетмана и не согласился на это, отговариваясь неимѣніемъ на то Царскаго велѣнія, но обѣщалъ написать обо всемъ Государю. Выговскій дѣйствовалъ двулично и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно; онъ понималъ, что онъ не могъ еще рисковать разрывомъ сношеній съ Москвою и что не могъ быть проченъ въ гетманскомъ достоинствѣ, пока существовалъ его непримиримый противникъ, Полтавскій полковникъ Пушкарь, да не было еще заключено прочныхъ союзовъ, направленныхъ противъ Москвы, главнымъ образомъ, съ Крымомъ и Польшею. Мало того, передъ радою въ Переяславлѣ (1-го февраля 1658 г.), когда Выговскій былъ утвержденъ въ гетманствѣ Московскимъ правительствомъ, онъ уже тогда, замышляя измѣну, далъ формальное согласіе на утвержденіе Московскихъ воеводствъ по украиннымъ городамъ, завѣдомо зная, что это было не по сердцу ему и его сообщникамъ. Но тогда было дѣло другое — отъ этого зависѣло его окончательное утвержденіе въ гетманствѣ и признаніе такового со стороны Москвы.

Въ томъ же 1658 году, 1-го марта, въ Бѣлгородъ на мѣсто Ромодановскаго посланъ былъ князь Хилковъ, но вскорѣ (1-го мая того же года) Ромодановскій снова посланъ былъ въ полковые воеводы въ Бѣлгородъ. Къ іюлю мѣсяцу обстоятельства измѣнились въ благопріятную для Выговскаго сторону: борьба его съ Пушкаремъ закончилась въ союзѣ съ Крымцами (1-го іюня) полною побѣдою надъ нимъ, взятіемъ Полтавы и смертью Пушкаря. Послѣ этого Выговскій сталъ еще смѣлѣе заявлять о ненужности воеводъ. Къ этому же времени относится ссора его съ Ромодановскимъ, который послѣ пораженія Пушкаря, по приказанію Московскаго правительства, вступилъ въ Украйну и расположился въ Прилуцкомъ полку. Выговскій жаловался потомъ подъячему Якову Портомоину, пріѣхавшему съ царской грамотой (поданной гетману 9-го августа), что Ромодановскій держитъ въ своемъ лагерѣ оставшихся въ живыхъ приверженцевъ Пушкаря (Довгаля, Семена Писаря, Барабаша и Лукаша), что онъ, почитая себя выше гетмана, не считается съ нимъ, какъ съ главою страны, не является къ нему, гетману, да еще похваляется схватить его. Послѣ ссоры съ Ромодановскимъ Выговскій сталъ принимать всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ при-

сутствія Московскаго войска и Ромодановскаго на Украйнѣ. Онъ понималъ, что при дальнѣйшемъ развитіи и выполненіи затѣяннаго плана перевести Малороссію на особыхъ условіяхъ въ подданство Польшѣ, помощь, присланная изъ Москвы съ Ромодановскимъ противъ его личныхъ враговъ, могла обратиться какъ разъ на него самого. Стремясь къ удаленію изъ Малороссіи Московскаго войска, отъ снесся съ Москвою и, выставляя на видъ то, что, по усмиреніи мятежныхъ казаковъ, онъ уже распустилъ находящихся при немъ наемныхъ татаръ и теперь не нуждается во вспомогательномъ Московскомъ войскѣ, добился того, что Московскія войска съ Ромодановскимъ были отозваны изъ Малороссіи. Опьяненный успѣхами въ переговорахъ съ Москвою и податливостью Московскаго правительства, въ разговорѣ съ тѣмъ же Портомоинымъ, Выговскій дошелъ до такой дерзости, что грозилъ послать къ Кіеву своего брата Данилу съ войскомъ, чтобы оттуда выслать боярина и воеводу, а если воевода не выйдетъ, то осадить его въ Кіевѣ, а городъ, который по указу Царскаго Величества сдѣланъ, разорить и разметать. Задумавъ нападеніе на Кіевъ, онъ на время отложилъ свое намѣреніе. Портомоинъ, какъ извѣстно, былъ заключенъ подъ стражу, но, находясь подъ стражей, все-таки нашелъ возможность снестись съ Москвою. Государь послалъ тогда къ гетману (въ августѣ 1658 г.) дьяка Василія Михайлова со строгимъ выговоромъ за нарушеніе присяги и съ приказаніемъ немедленно распустить собранныя казацкія и татарскія войска. Почти явно затѣвая измѣну, Выговскій не стыдился оправдываться и увѣрять Государя въ вѣрности, только на время отлагая выполненіе своего плана; вскорѣ же онъ счелъ обстоятельства благопріятными и 6-го сентября заключилъ такъ называемый Гадячскій договоръ о приведеніи на извѣстныхъ условіяхъ Малороссіи въ подданство Польшѣ. Въ Москвѣ узнали объ измѣнѣ Выговскаго въ сентябрѣ, и 24-го сентября Выговскій получилъ грозную грамоту; ко всѣмъ казакамъ, особенно же Полтавскимъ, какъ прежнимъ противникамъ Выговскаго, была прислана грамота съ призывомъ къ совмѣстному дѣйствію противъ Выговскаго,—для сверженія его и избранія новаго гетмана. Въ грамотѣ указаны были его измѣнническіе поступки—задержаніе Портомоина, готовившееся нападеніе на Кіевъ и открытое заявленіе посланцу Кикину о рѣшеніи идти съ оружіемъ на Ромодановскаго. Угрожая осадить въ Кіевѣ воеводу В. Б. Шереметева, Выговскій не рѣшался еще открыто, лично выступить до заключенія Гадячскаго договора, тѣмъ не менѣе, уже въ августѣ стянулъ войска къ Кіеву и начальникомъ для предварительной осады назначилъ брата своего Данилу. Данила Выговскій 23-го августа появился подъ Кіевомъ, но его первое нападеніе на Кіевъ окончилось неудачею, и онъ вынужденъ былъ отступить; почти вся Малороссія, примыкающая къ лѣвому берегу Днѣпра (восточная сторона) осталась вѣрна Москвѣ. На нее-то въ своихъ дѣйствіяхъ и оперлись Московскіе воеводы—князь Ѳ. Ѳ. Куракинъ и Ромодановскій, получившій приказъ въ октябрѣ снова двинуть полки въ Малороссію. Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ, не надѣясь овладѣть Кіевомъ, Выговскій завелъ мирные переговоры, а затѣмъ и совсѣмъ отступилъ отъ Кіева, двинувшись навстрѣчу надвигавшемуся въ Малороссію Ромодановскому. Появленіе въ Малороссіи Ромодановскаго съ Московскимъ войскомъ воскресило надежды сторонниковъ Москвы. Тѣмъ временемъ Ромодановскій, вступивъ въ Малороссію, бралъ городъ за городомъ (Лубны, Пирятинъ и др.); при появленіи Ромодановскаго къ нему, помимо вѣрныхъ Москвѣ казаковъ, приставала масса бѣднаго населенія („голоты"), изъ которой и образовался особый полкъ такъ называемыхъ „дейнековъ", постоянно служившій передовымъ отрядомъ для Ромодановскаго, но имѣвшій тотъ недостатокъ, что былъ падокъ до грабежа, отъ котораго съ большими усиліями Ромодановскому приходилось его удерживать. Такъ, дейнеки ограбили Мгарскій монастырь, нашли замурованныя деньги,—и Ромодановскому едва удалось отстоять обитель отъ окончательной гибели. Подверглись разоренію и сожженію Лубны и др. города. Подойдя къ Лохвицѣ, Ромодановскій расположился подъ этимъ городомъ лагеремъ и на зимнія квартиры. Къ Ромодановскому, среди другихъ, явился вновь назначенный войсковой генеральный судья Иванъ Безпалый. Въ концѣ ноября того же года Ромодановскій предложилъ вѣрнымъ Москвѣ казакамъ выбрать гетмана. Казаки лѣво-

бережной части Украйны выбрали въ городѣ Варвѣ Ивана Безпалаго „гетманомъ на время“, чтобы дѣла войсковыя не гуляли. Тогда же былъ выбранъ генеральнымъ есауломъ Воронокъ. Мѣстопребываніемъ гетмана Безпалаго былъ назначенъ городъ Ромны. Безпалый съ Воронкомъ и явились дѣятельными помощниками Ромодановскаго въ борьбѣ съ Выговскимъ. Былъ и другой претендентъ на гетманское достоинство—боевой товарищъ Пушкаря—Иванъ Искра, сынъ знаменитаго Якова Искры Острянина. Въ бытность его въ Москвѣ, при первомъ извѣстіи объ измѣнѣ Выговскаго послѣ Гадячскаго договора, Искрѣ посулили гетманство; теперь, послѣ избранія Безпалаго, онъ явился въ лагерь Ромодановскаго, которому Московское правительство предоставило сдѣлать выборъ. Но судьба сама сдѣлала этотъ выборъ: на Искру напали, въ 7-ми верстахъ отъ Лохвицы и лагеря Ромодановскаго, Чигиринскіе казаки подъ начальствомъ наказнаго гетмана Скоробогатенка,—Искра послалъ черезъ гонцовъ извѣстить Ромодановскаго объ угрожавшей ему, Искрѣ, опасности, но Ромодановскій, отговорившійся ночнымъ временемъ, послалъ войска уже тогда, когда на полѣ битвы лежали одни трупы. Выговскій, не имѣя ожидаемой помощи отъ Польши и видя, что военныя дѣйствія разоряютъ ту и другую сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая предупредить высылку все новыхъ и новыхъ воеводъ, отправилъ къ Государю Бѣлоцерковскаго полковника Кравченку съ повинною. Передъ Москвою Выговскій лицемѣрилъ, а на письмо Ромодановскаго, чтобы „Выговскій распустилъ войско и не приходилъ на царскіе города“, онъ дерзко отвѣчалъ (отъ 14-го декабря 1658 г.): „на царскіе города приходить не помыслю, а только своевольниковъ своихъ ускромлю и ускромлять буду, равно какъ и союзниковъ ихъ“. Тѣмъ временемъ, какъ въ Москвѣ находился Кравченко съ „повинной“, наказной гетманъ Выговскаго Скоробогатенко напалъ (16-го декабря) на Безпалаго, стоявшаго лагеремъ въ Ромнахъ съ преданными Москвѣ казацкими полками, но былъ послѣ упорнаго боя отогнанъ Безпалымъ, а 20-го декабря такой же участи отъ того же Скоробогатенка, поляка Груши и Переяславскаго полковника Тимоѳея Цецюры подвергся и самъ Ромодановскій въ своемъ лагерѣ въ Лохвицѣ, но отъ Лохвицы они были отбиты.

Такъ закончился 1658 годъ. Въ январѣ 1659 г. дѣйствія возобновились; главный центръ ихъ былъ подъ Миргородомъ и въ Лохвицѣ, гдѣ тогда Ромодановскаго, кажется, уже не было, такъ какъ тамъ главное начальство принадлежало князю Ѳ. Ѳ. Куракину, сподвижнику Ромодановскаго, а также и подъ Ромнами, гдѣ стоялъ Безпалый. Безпалый жаловался Государю въ Москву на Выговскаго и просилъ подкрѣпленія, но на просьбы ему сообщили, что идетъ въ Малороссію съ войскомъ ближній бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. 29-го марта князь Трубецкой и находившійся при немъ князь Ромодановскій прибыли въ Константиновъ, гдѣ къ нимъ присоединился и гетманъ Безпалый. 10-го апрѣля Трубецкой выступилъ къ Конотопу на мѣстечко Смѣлое, гдѣ находился приверженецъ Выговскаго, полковникъ Григорій Гуляницкій съ Нѣжинскимъ, Прилуцкимъ и Черниговскимъ полками и Татарами. 12-го апрѣля совершено было первое нападеніе подъ Смѣлымъ на обозъ Трубецкого, но было отбито. Изъ Смѣлаго Трубецкой двинулся къ с. Липнѣ (въ трехъ верстахъ отъ Конотопа), 19-го апрѣля прибылъ къ городу и послалъ къ Гуляницкому письменное увѣщаніе отстать отъ Выговскаго, но получилъ отказъ и сталъ готовиться къ осадѣ. 28-го апрѣля начали приступъ, ворвались въ городъ, но были опрокинуты и отступили. Осада тянулась до 29-го іюня. Въ маѣ Ромодановскій по порученію Трубецкого совершилъ 2 похода: 12-го мая съ Скуратовымъ напалъ на Борзну, разбилъ начальника казаковъ въ Борзнѣ Вас. Золотаренка (шурина Богдана Хмѣльницкаго), Борзна была взята и сожжена, много жителей истреблено, а женъ и дѣтей казацкихъ привели плѣнными подъ Конотопъ, а оттуда отправили въ Москву и вообще въ Великороссію. Второй походъ былъ къ Нѣжину съ княземъ Куракинымъ и казаками подъ начальствомъ Безпалаго; бой былъ удаченъ, татары отступили, а среди плѣнныхъ казаковъ былъ и наказной гетманъ Скоробогатенко. Ромодановскій принялся преслѣдовать татаръ, но затѣмъ, боясь, что они нарочно заманиваютъ его за собою, воротился поспѣшно къ Трубецкому подъ Конотопъ.

Между тѣмъ, обстоятельства стали неблагопріятны для Выговскаго послѣ того, какъ наиболѣе талантливый изъ его привер-

женцевъ, Переяславскій полковникъ Тимоѳей Цецюра перешелъ на сторону Москвы, сталъ перебивать сторонниковъ Выговскаго и сообщилъ объ этомъ Трубецкому. Даже Данило Выговскій, братъ гетмана, женатый на сестрѣ Юрія Хмельницкаго, перешелъ на сторону послѣдняго. Выговскій вынужденъ былъ удалиться за Днѣпръ, сдать клейноды Юрію, а оттуда едва успѣлъ бѣжать въ Польшу. Хмельницкій былъ утвержденъ на радѣ въ Переяславлѣ (17-го октября 1659 г.). Для присутствованія на этой радѣ были вызваны Московскіе воеводы съ войсками—Шереметевъ, Ромодановскій и др., при чемъ Ромодановскій прибылъ въ Переяславль 14-го октября. 21-го октября онъ выѣхалъ изъ Переяславля, а 1-го ноября изъ Переяславля пришли въ Москву гонцы съ извѣстіемъ о бывшей радѣ и объ избраніи отъ князя А. П. Трубецкого и отъ другихъ воеводъ, а среди нихъ и отъ Ромодановскаго. Въ отвѣтъ на это Государь послалъ къ воеводамъ, дѣйствовавшимъ въ Малороссіи, а среди нихъ и къ Ромодановскому, стольника Лукьяна Ивановича Ляпунова „со своимъ государевымъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ, о здоровьѣ спрашивать и съ золотыми“. Въ началѣ новаго (1660) года Московское войско подъ начальствомъ Ромодановскаго возвратилось къ Москвѣ. 17-го января 1660 г., когда войско уже приблизилось къ Москвѣ, Государь самъ лично встрѣтилъ его за Калужскими воротами и, встрѣтя, пожаловалъ Ромодановскаго къ рукѣ. 23-го февраля 1660 г. Ромодановскій среди другихъ участниковъ Малороссійскаго похода былъ приглашенъ къ Государеву столу, а послѣ стола, какъ и прочіе, получилъ награду, при чемъ ему были даны: 1) шуба „атласъ золотной“ въ 150 рублей, 2) кубокъ въ 6 гривенъ, 3) да „къ прежнему окладу придачи“ 80 рублей, 4) да на вотчину 6000 ефимковъ. Черезъ три дня послѣ стола государева Ромодановскій снова получилъ то же назначеніе: ему велѣно быть въ Бѣлгородѣ „по прежнему въ полковыхъ и осадныхъ воеводахъ“, а въ „товарищи“ ему былъ данъ стольникъ Петръ Дмитріевичъ Скуратовъ. Лѣтомъ 1660 года къ Ромодановскому, какъ къ воеводѣ Бѣлгородскому, прибыли Ногайскіе мурзы, кочевавшіе подъ Астраханью, и просили его, чтобы Государь пожаловалъ и принялъ ихъ въ свое подданство. Государь согласился, и Ромодановскій привелъ ихъ въ Русское подданство. Послѣ взятія въ плѣнъ воеводы Шереметева татарами и послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго сторонники Москвы Самко и Золотаренко, оба родственники Хмельницкаго, среди всеобщаго волненія оставшіеся вѣрными Царю, окруженные врагами, напрасно умоляли Ромодановскаго, стоявшаго въ то время съ Московскими полками въ Сумахъ, чтобы онъ поспѣшилъ въ Малороссію: Ромодановскій отказывалъ, ссылаясь на то, что ему велѣно стоять въ Сумахъ, и послалъ подъ Гадячъ только отрядъ, для того, чтобы разорять мятежныхъ казаковъ и жителей. Приверженцы Москвы принуждены были дѣйствовать за свой страхъ; мало того,—Ромодановскій на просьбу Золотаренка о присылкѣ помощи и о прибытіи его самого, вмѣсто того, чтобы двинуться въ Малороссію, двинулся изъ Сумъ въ Бѣлгородъ, прослыша о предполагаемомъ нападеніи Крымскихъ татаръ на Московскіе предѣлы. Весь почти 1661 г. Самко велъ борьбу съ приверженцами Хмельницкаго, подчиняя Царю городъ за городомъ и борясь съ Хмельницкимъ и вступившимъ съ нимъ въ союзъ Крымскимъ ханомъ Мехметъ-Гиреемъ. Въ началѣ января 1662 г. ханъ и Хмельницкій ушли за Днѣпръ, оставивъ въ Ирклеевѣ гарнизонъ, державшійся на сторонѣ Хмельницкаго, подъ начальствомъ полковника Тимоѳея Цецюры. Князь Ромодановскій подступилъ къ городу на помощь Самку, разбилъ Цецюру (въ январѣ 1662 г.), взялъ его въ плѣнъ и оправилъ въ Москву, а городъ разорилъ. Съ радостнымъ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ Ромодановскій послалъ въ Москву сына своего товарища по воеводству—Александра Петровича Скуратова, который прибылъ въ Москву въ Христову заутреню, когда Государь былъ въ соборѣ. Въ отвѣтъ на это извѣстіе Государь 5-го апрѣля, въ субботу на Свѣтлой недѣлѣ, послалъ къ Ромодановскому стольника Гр. Ив. Кафтырева „съ государевымъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать“.

Ожидая новаго нападенія со стороны Хмельницкаго, Самко созвалъ раду въ Козельцѣ (на 23-е апрѣля), какъ будто для того, чтобы посовѣтоваться о средствахъ обороны. На самомъ дѣлѣ онъ надѣялся что на этой радѣ состоится избраніе его въ гетманы. И дѣйствительно, собравшаяся тамъ казацкая рада объявила Юрія Хмель-

ницкаго измѣнникомъ и выбрала гетманомъ Самка; но въ маѣ должна была произойти новая рада для подтвержденія избранія въ присутствіи Московскаго посланца Протасьева на полѣ близъ Нѣжина. На этой радѣ долженъ былъ быть и Ромодановскій съ войскомъ, но онъ остался въ Нѣжинѣ, а на раду послалъ товарища своего, стольника Семена Зміева. Рада почти вся снова избрала Самка, но голоса все-таки раздѣлились, такъ какъ Нѣжинскій полкъ избралъ своего полковника—Василія Никифоровича Золотаренка; кромѣ того, еще не участвовалъ на радѣ Полтавскій полковникъ Жученко, такъ какъ не повинился еще передъ Государемъ. Вслѣдствіе этого, всѣмъ войскомъ рѣшено было на радѣ отдать гетманское избраніе „на волю Царскаго Величества, кого онъ, Великій Государь, пожалуетъ въ гетманы". Этимъ раздоромъ двухъ кандидатовъ, какъ извѣстно, воспользовался новый соперникъ ихъ, третій претендентъ—Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. Государь, получивъ извѣстіе о томъ, что рада подъ Нѣжиномъ (въ Быковѣ) кончилась ничѣмъ, что выборъ гетмана переданъ радой на его благоволеніе, назначилъ раду въ Переяславлѣ для окончательнаго избранія настоящаго гетмана. Хмельницкій, узнавъ о предстоящемъ избраніи и желая ему воспрепятствовать, подступилъ къ Переяславлю и осадилъ Самка, который больше мѣсяца отбивался отъ Хмельницкаго, посылалъ въ Москву просить помощи, жалуясь, что Ромодановскій не помогаетъ ему. Самко, храбро отбивая приступы, дождался прибытія Ромодановскаго съ Московскимъ войскомъ и конницей 25-го іюня; Хмельницкій еще не зналъ о прибытіи Московскаго войска, но когда услыхалъ объ этомъ отъ плѣнныхъ, то оставилъ осаду Переяславля и спѣшно отступилъ за Днѣпръ, къ Каневу, гдѣ, не доходя до города, окопался около Днѣпра. Ромодановскій, соединясь съ казаками подъ предводительствомъ Самка, двинулся за Днѣпръ, 17-го іюля подступилъ къ лагерю Хмельницкаго, овладѣлъ имъ, истребилъ вспомогательный отрядъ поляковъ, посланный отъ короля, и прогналъ татаръ. Бой открылъ Самко, и продолжался этотъ бой два съ половиною часа. Войско Хмѣльницкаго упорно держалось, когда же на него наступилъ Ромодановскій съ конницей, войско подалось и уже не могло оправиться и разбѣжалось. Московское войско приперло бѣгущихъ къ рѣкѣ, и тѣ, спасаясь отъ непріятеля, бросались въ рѣку и гибли. Овладѣвъ лагеремъ, Ромодановскій подошелъ къ Каневу и занялъ его. Хмельницкій бѣжалъ въ лѣсъ и, пользуясь тѣмъ, что лѣсъ закрывалъ его отъ непріятеля, переправился за Днѣпръ. Съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ Ромодановскій прислалъ къ Государю (30-го іюля) своего сына, стольника князя Андрея Ромодановскаго. Въ отвѣтъ на это извѣстіе Государь 11-го августа послалъ стряпчаго князя Ивана Ивановича Гагарина въ полкъ къ Ромодановскому „за ихъ службу со своимъ государевымъ жалованьемъ и о здоровьѣ спрашивать".

На другой день Самко со своими приверженцами задумалъ собрать раду для избранія гетмана, такъ какъ онъ былъ только наказнымъ гетманомъ. Находясь въ мѣстности Нѣжинскаго полка, онъ сталъ разсылать приближенныхъ лицъ, чтобы они агитировали въ его пользу противъ его соперника Нѣжинскаго полковника Золотаренка. Ромодановскій наотрѣзъ отказалъ Самку, указывая на то, что рада будетъ послѣ, когда можно будетъ собрать всѣхъ казаковъ и чернь, и непремѣнно въ присутствіи боярина, нарочно присланнаго отъ Царя, и что теперь онъ не допуститъ никакой рады.

Самко, желая добиться популярности среди Нѣжинскаго полка, привязавшись къ удобному случаю, сталъ праздновать побѣду пирами, не думая о дальнѣйшемъ походѣ. Этимъ воспользовались враги его—Епископъ Меѳодій (бывшій Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ, сторонникъ Москвы), а также Нѣжинскій полковникъ Золотаренко: зная, что Ромодановскій сильно недолюбливалъ Самка, они стали совѣтовать Ромодановскому оставить Самка въ Каневѣ, а самимъ выступить дальше. У нихъ былъ такой разсчетъ, что если война съ Хмельницкимъ закончится безъ Самка, то это окончательно подорветъ значеніе его у царя. Ромодановскій такъ и поступилъ. Не говоря ни слова Самку, онъ выступилъ изъ города и остановился лагеремъ въ Богушевкѣ надъ Днѣпромъ. Отсюда онъ послалъ своего товарища по воеводству М. В. Приклонскаго на другой, правый берегъ съ отрядомъ, а самъ пошелъ по лѣвому берегу. Приклонскій взялъ Черкасы, оставилъ тамъ полковника Михаила Гамалѣю,

а самъ двинулся внизъ по правому берегу рѣки къ Чигирину,—главному центру правобережной Украйны.

Тѣмъ временемъ Хмельницкій успѣлъ нѣсколько оправиться отъ пораженій при Переяславлѣ и Каневѣ, собрать войско и орду и выступить къ Чигирину. Приклонскій, услыхавъ о приближающихся войскахъ, двинулся къ Днѣпру и къ Бужину. Ромодановскій стоялъ въ то время какъ разъ противъ Бужина, на другой сторонѣ. Приклонскій для того и стремился туда, чтобы, переправившись черезъ Днѣпръ, соединиться съ Ромодановскимъ, но не успѣлъ: Татары нагнали его передовой отрядъ и 1-го августа разбили подъ Крыловомъ, а затѣмъ и самого Приклонскаго подъ Бужиномъ 3-го августа. Потери Приклонскаго были малочисленны (пострадали болѣе Малороссійскіе полки, которые поторопились пуститься вплавь отъ непріятеля). Въ общемъ переправу черезъ Днѣпръ Малороссійскихъ казаковъ и Московскихъ войскъ можно было считать благополучной, такъ какъ она совершилась подъ прикрытіемъ пушечныхъ выстрѣловъ войскъ Ромодановскаго, стоявшихъ на другой сторонѣ, въ мѣстечкѣ Крюковѣ. Послѣ соединенія войскъ Приклонскаго и Ромодановскаго послѣдній поспѣшно отступилъ въ Лубны. Существуетъ извѣстіе, что Ромодановскій, при отступленіи въ Лубны, при переправѣ черезъ Сулу, былъ настигнутъ ханомъ Мехметъ-Гиреемъ, который жестоко поразилъ его, взявъ 18 пушекъ и весь его лагерь, и Ромодановскій только съ остаткомъ войска отступилъ въ Лубны. Но должно съ осторожностью относиться къ этому извѣстію, такъ какъ оно, не встрѣчаясь въ другихъ источникахъ (какъ, напр., „Лѣтопись Самовидца"), взято изъ источника очень пристрастнаго—донесенія Юрія Хмельницкаго Польскому королю. Сомнительна правдоподобность этого извѣстія и потому, что самъ Хмельницкій считалъ послѣ этого пораженія борьбу законченной, отказался отъ дальнѣйшей борьбы и отъ гетманства и удалился въ монастырь; не то было бы, если бы въ дѣйствительности Ромодановскій былъ разбитъ ханомъ Мехметъ-Гиреемъ.

Когда была окончена борьба съ Юріемъ Хмельницкимъ, была назначена рада для избранія гетмана (17—18-го іюня 1663 г. въ Нѣжинѣ), на которой, какъ извѣстно, избранъ былъ гетманомъ Малороссіи „кошевой" Запорожскаго войска Иванъ Брюховецкій. Торжество Брюховецкаго надъ претендентами Самкомъ и Золотаренкомъ и пріобрѣтеніе имъ довѣрія у Московскаго правительства объясняется умѣніемъ расположить къ себѣ и заставить дѣйствовать въ свою пользу двухъ лицъ: во-первыхъ, Епископа Меѳодія Мстиславскаго, во-вторыхъ, Ромодановскаго, стоявшаго во главѣ Московскихъ войскъ въ Малороссіи. Не станемъ выяснять, какими средствами добился онъ расположенія Епископа Меѳодія; укажемъ только, какія были основанія у Ромодановскаго предпочесть Брюховецкаго двумъ другимъ кандидатамъ. Ромодановскій былъ дружественно настроенъ къ Меѳодію и часто, какъ говорится, смотрѣлъ на событія его глазами. Но были и другія основанія—личнаго, такъ сказать, свойства: онъ не долюбливалъ Самка, что и выразилъ очень характерно, когда онъ, послѣ побѣды подъ Каневомъ надъ Хмельницкимъ, оставилъ Самка праздновать побѣду, а самъ, не сказавъ Самку ни слова, ушелъ съ Московскимъ войскомъ для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій.

Самко не стѣснялся писать доносы на своего противника — Золоторенка и жаловался Царю вмѣстѣ съ тѣмъ на медлительность и нерѣшительность дѣйствій Ромодановскаго. Это, конечно, могло вредить Ромодановскому въ глазахъ Московскаго правительства, а черезъ доброжелателей въ Москвѣ Ромодановскій, конечно, былъ обо всемъ освѣдомленъ. Золотаренко тоже не пользовался симпатіей Ромодановскаго, окончательно же испортилъ свои съ нимъ отношенія такимъ поступкомъ. Въ концѣ 1662 г., когда уже была назначена окончательная рада въ Нѣжинѣ для избранія гетмана, и когда кандидаты стали готовиться къ ней, Золотаренко изъ писемъ сталъ замѣчать охлажденіе въ отношеніи къ себѣ своего друга Епископа Меѳодія, находившагося въ то время въ Гадячѣ; тамъ же находился и „кошевой" Запорожскаго войска Брюховецкій. Желая выяснить положеніе, Золотаренко рѣшилъ отправиться въ Гадячъ, предполагая найти тамъ и Ромодановскаго. Доѣхавъ до Батурина, онъ дальше не поѣхалъ, такъ какъ бывшіе его приверженцы отсовѣтовали ему ѣхать, совѣтуя побояться Брюховецкаго, примириться съ Самкомъ и помогать ему въ достиженіи гетманскаго достоинства. Не понявъ истиннаго положенія, припи-

салъ онъ это кознямъ Самка и рѣшилъ покончить съ этими бывшими друзьями: собрать ихъ всѣхъ и перебить. Когда ему не удался этотъ замыселъ, то онъ рѣшилъ снискать, во что бы ни стало, расположеніе и содѣйствіе князя Ромодановскаго. Будучи такого взгляда на Московскихъ воеводъ, что они всѣ продажны, что ихъ можно всегда подкупить въ свою пользу, Золотаренко послалъ къ Ромодановскому подарки. Ромодановскій находился въ то время въ Зеньковѣ; князь не только не принялъ подарковъ, но, по прямолинейности своего характера и со свойственною ему язвительностью, велѣлъ передать Золотаренку, что у него, князя и боярина, больше своего, чѣмъ у Золотаренка. Не такъ дѣйствовалъ третій претендентъ — Брюховецкій. Понимая, что слова его несомнѣнно дойдутъ до Ромодановскаго, Брюховецкій въ письмахъ къ Меѳодію всегда расхваливалъ Ромодановскаго: „Мы всѣ бы пропали, если бы не Ромодановскій“, писалъ онъ. Это, конечно, льстило самолюбію Ромодановскаго и онъ понималъ, что слова эти доходили въ Москву, до кого нужно, а это создавало около его имени извѣстную благопріятную атмосферу.

Въ 1663 г., въ январѣ, князь Ромодановскій былъ отозванъ на время въ Москву, 12-го февраля былъ уже у руки Государя, а 14-го марта опять посланъ былъ въ Бѣлгородъ. Возможно, что этотъ вызовъ въ Москву „на время“ былъ связанъ съ избраніемъ новаго гетмана. Избранный на радѣ въ Нѣжинѣ (17-го іюня 1663 г.) Брюховецкій счелъ свое положеніе прочнымъ только послѣ казни своихъ противниковъ Самка и Золоторенка (18-го сентября 1663 г.), а затѣмъ вступилъ въ борьбу съ гетманомъ Правобережной Украйны Тетерею и съ королемъ Польскимъ Яномъ-Казиміромъ, приглашеннымъ Тетерею совершить походъ для овладѣнія и лѣвой частью Украйны. Тотчасъ же послѣ избранія гетмана Тетеря пригласилъ короля совершить этотъ походъ; много разъ Тетеря писалъ королю и домогался этого; наконецъ, въ началѣ сентября 1663 г., король прибылъ въ Сокольники на смотръ собраннымъ войскамъ, а на 15-е сентября 1663 г. былъ назначенъ походъ. Польское войско было раздѣлено на 4 отряда; во главѣ перваго отряда поставленъ былъ коронный гетманъ Потоцкій (этотъ отрядъ долженъ былъ двинуться на Тарнополь); во главѣ 2-го—Чернецкій, долженствовавшій двинуться на Дубно; въ 3-мъ—Собѣсскій,—на Баръ, гдѣ этотъ отрядъ долженъ былъ сойтись съ союзниками татарами и ханомъ Махметъ-Гиреемъ; въ 4-мъ—Лифляндецъ Бокунъ, въ которомъ находился и самъ король Янъ-Казиміръ. 8-го октября король прибылъ въ Бѣлую Церковь, гдѣ къ Польскому войску присоединились казацкіе полки съ Тетерею и полковниками; тамъ же состоялся военный совѣтъ. Отсюда Тетеря разослалъ казакамъ лѣвой Украйны универсалы (отъ 12-го октября 1663) съ увѣщеваніемъ отстать отъ Москвы и присоединиться къ Польшѣ. Универсалы мало оказывали вліянія на Лѣвобережную Украйну: она осталась на сторонѣ Москвы; измѣнили только городки Потокъ, Переволочна и Кременчугъ. Тетеря подступилъ къ Кременчугу. Высланный Брюховецкимъ передовой отрядъ овладѣлъ Потокомъ, а оттуда двинулся на Кременчугъ, куда вскорѣ двинулся самъ гетманъ Брюховецкій съ Московскимъ отрядомъ, посланнымъ отъ князя Ромодановскаго съ воеводою Кирилломъ Осиповичемъ Хлоповымъ. Самъ Ромодановскій оставался въ Бѣлгородѣ и не двигался въ Малороссію. Тѣмъ временемъ (13-го ноября) король переправился черезъ Днѣпръ, но и на лѣвой сторонѣ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. То, что Ромодановскій не оказывалъ сопротивленія, король и Польскіе воеводы поняли, какъ тонкую военную хитрость, и стали усиливать осторожность; Брюховецкій же изъ-подъ Кременчуга писалъ въ Москву жалобы на князя Ромодановскаго, отчасти благодаря расположенію котораго недавно сдѣлался гетманомъ. Въ письмѣ къ Кіевскому полковнику Василію Дворецкому, бывшему тогда съ посольствомъ въ Москвѣ, онъ просилъ объяснить положеніе дѣлъ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, какъ человѣку вліятельному, и даже язвилъ на-счетъ Ромодановскаго. „Удивляюсь радѣнію князя Ромодановскаго, который, собравши войско, всѣ лѣто стоялъ въ Бѣлгородѣ, а какъ узналъ о приходѣ королевскомъ, то войско по домамъ распустилъ: не знаю, ужъ не пришла-ли къ нему грамотка отъ брата его Выговскаго“. Но оба они — и король, и Брюховецкій — не были правы и не поняли поведенія Ромодановскаго: ни первый съ поляками, объяснявшій поведеніе князя тонкою военною хи-

тростью, ни второй—объяснявшій это нерадѣніемъ. Ромодановскій сознавалъ положеніе, но ничего не могъ сдѣлать, безъ прямого указа не могъ двинуться въ Малороссію, а роспускъ войскъ по домамъ объясняется Московскимъ обычаемъ отпускать войска на осень, если не представлялось непосредственно угрожающей опасности; въ случаѣ же таковой опасности обыкновенно давался указъ, воспрещавшій роспускъ. Когда же Р. услыхалъ о вторженіи короля и получилъ новый царскій указъ, онъ разослалъ гонцовъ по городамъ съ отписками о высылкѣ ратныхъ людей и послалъ своего товарища по воеводству Петра Дмитріевича Скуратова со вспомогательнымъ отрядомъ къ Брюховецкому. Зимою на время военныя дѣйствія прекратились; въ первыхъ же числахъ января 1664 г. король выступилъ изъ г. Остра и, покинувъ съ войскомъ зимнія квартиры, двинулся къ Нѣжину, хорошо укрѣпленному и снабженному сильнымъ гарнизономъ, но, миновавъ Нѣжинъ, двинулся затѣмъ къ мѣстечку „Салтыкова-Дѣвица". За „Салтыковой-Дѣвицей" король взялъ Сосницу, Новый Млинъ и т. д., затѣмъ задумалъ идти на Батуринъ, гдѣ по его предположенію находился гетманъ Брюховецкій, но, по полученіи свѣдѣній о сильномъ укрѣпленіи Батурина, рѣшился двинуться къ сѣверу, такъ какъ туда на соединеніе съ королемъ шли Литовскій гетманъ Сапѣга и Польскій гетманъ Пацъ, а наперерѣзъ имъ шелъ съ Московскимъ войскомъ князь Барятинскій; сраженіе князя Барятинскаго съ ними подъ Брянскомъ было нерѣшительное. Тою же цѣлью воспрепятствовать соединенію Литовскихъ войскъ съ королевскими былъ занятъ и Путивльскій воевода князь Куракинъ и спѣшившій къ нему на соединеніе князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій. Понявъ, что соединеніе не будетъ допущено, король круто повернулъ къ Новгороду-Сѣверскому, а оттуда къ Глухову. Здѣсь были казаки Глуховской сотни подъ начальствомъ Дворецкаго, генеральный судья Животовскій и гарнизонъ Московскихъ ратныхъ людей подъ начальствомъ Авраама Лопухина. Глуховъ оказалъ отчаянное сопротивленіе. Ни приступы, ни осада, ни подкопы не поколебали мужества осажденныхъ. Тутъ пришло къ королю извѣстіе, что къ Глухову подступаютъ гетманъ Брюховецкій съ казаками и князь Ромодановскій съ Московскими войсками. Тогда Польское войско отступило отъ города и приготовилось встрѣтить ихъ въ открытомъ бою. Битва длилась весь день и была неудачна для поляковъ, которые стали отступать къ Новгороду-Сѣверскому. Ромодановскій, однако, не удовольствовался этимъ: приведя войско въ порядокъ, онъ напалъ на отступавшее Польское войско при переправѣ черезъ Десну, заставивъ его подъ непріятельскимъ натискомъ переправиться черезъ хрупкій ледъ. Къ Ромодановскому должны были придти съ подкрѣпленіемъ воеводы изъ Путивля и Брянска (вышеупомянутые князья Черкасскій и Куракинъ), но, какъ говорятъ, изъ-за мѣстническихъ счетовъ они нарочно не прибыли въ-пору; но если бы это случилось, то погибло бы все войско Польское, и королю тогда не избѣжать бы было плѣна.

Въ Бѣлгородѣ Ромодановскій былъ до іюня 1664 г.; въ 1665 году онъ былъ пожалованъ изъ окольничихъ въ бояре. Пожалованіе это совпало со временемъ пребыванія въ Москвѣ гетмана Брюховецкаго, также пожалованнаго тамъ въ званіе боярина-гетмана и женившагося въ Москвѣ на княжнѣ Долгорукой, дочери князя П. А. Долгорукаго. До 1668 г. Ромодановскій былъ, вѣроятно, въ Москвѣ. Къ этому году относится измѣна гетмана Брюховецкаго Московскому государю. Брюховецкій чувствовалъ все усиливавшуюся нелюбовь къ нему населенія Малороссіи; только одни казаки Запорожья сохраняли еще къ нему расположеніе. Съ другой стороны онъ не могъ не замѣчать все усиливавшейся популярности гетмана Правобережной Украйны—Петра Дорошенка. Брюховецкій также замѣчалъ, что Московское правительство вело какіе-то тайные переговоры съ Дорошенкомъ, и чувствовалъ, что почва уходитъ изъ-подъ его ногъ. Дѣло довершилъ Андрусовскій договоръ Москвы съ Польшею, сопровождавшійся такъ называемымъ Андрусовскимъ перемиріемъ. Не вѣря ранѣе Москвѣ, Брюховецкій счелъ невозможнымъ вѣрить и Польшѣ и рѣшилъ подчинить на извѣстныхъ условіяхъ Малороссію Турецкому султану. Кромѣ того, онъ зналъ о недовольствѣ Малороссіи Московскими воеводами, которыхъ, съ его помощью и по статьямъ заключеннаго съ нимъ въ Москвѣ договора, Московское правительство размѣстило по Малороссійскимъ городамъ. Съ цѣлью возвратить себѣ потерянное рас-

положеніе населенія, Брюховецкій рѣшилъ предпринять популярное среди Малороссіянъ дѣло—изгнать воеводъ изъ городовъ, а затѣмъ съ помощью Турціи очистить Малороссію вообще отъ Московскихъ воеводъ и людей. Для этого онъ собралъ въ Гадячѣ (1-го января 1668 г.) раду, а затѣмъ началъ изгонять городовыхъ Московскихъ воеводъ. Какъ только вѣсть объ измѣнѣ Брюховецкаго достигла Москвы, вышелъ указъ (17-го февраля 1668 г.) боярину Ромодановскому быть на государевой службѣ въ Бѣлгородѣ съ полкомъ противъ измѣнника Ивашки Брюховецкаго и Черкасъ; въ товарищи ему былъ данъ стольникъ Петръ Дмитріевичъ Скуратовъ, старый его товарищъ по Бѣлгородскому воеводству; въ Бѣлгородѣ они должны были смѣнить окольничаго и воеводу князя Ю. Н. Борятинскаго да князя Василія Дмитріевича Борятинскаго, находившихся тамъ съ 1666 г. На другой же день (18-го февраля) воеводы были у руки Государевой и отправились къ мѣсту назначенія, куда прибыли уже въ мартѣ. Ромодановскій не ранѣе мая, однако, могъ проникнуть въ Малороссію, но произошло это не по его винѣ: въ тотъ годъ, хотя была ранняя Пасха, долго стояла совершенно зимняя погода, и весна настолько запоздала, что еще мѣсяцъ спустя послѣ Пасхи не росла трава, мѣстами же лежалъ снѣгъ, и лошади не могли имѣть корму. Прибывъ въ Малороссію, Ромодановскій подступилъ къ городку Котельвѣ (въ Гадячскомъ полку), на границѣ съ Великороссійскими владѣніями, но встрѣтилъ въ немъ сильный гарнизонъ. Выборъ этого городка для осады былъ сдѣланъ потому, что Ромодановскій зналъ, что у Брюховецкаго здѣсь сосредоточена была большая часть запорожскихъ казаковъ, а они составляли самую надежную опору Гетмана. Брюховецкій двинулся къ Котельвѣ противъ Ромодановскаго. Но послѣднему уже не пришлось сразиться съ Брюховецкимъ: тѣмъ временемъ, какъ Брюховецкій собирался выступить противъ Ромодановскаго, гетманъ Правобережной Украйны Дорошенко отправилъ пословъ къ Брюховецкому съ требованіемъ снять съ себя гетманское достоинство; это требованіе разгнѣвало Брюховецкаго, который питалъ надежду сдѣлаться гетманомъ обѣихъ половинъ Украйны, такъ какъ Дорошенко одно время, изъ любви къ родинѣ, предполагалъ самъ отказаться отъ гетманства, чтобы соединить подъ властью одного гетмана всю Украйну. Получивъ такое предложеніе, Брюховецкій приказалъ заковать присланныхъ Дорошенкомъ казаковъ въ кандалы. Тѣмъ временемъ Дорошенко, получивъ отказъ и зная, что Брюховецкій двигается къ Опошнѣ и Котельвѣ, чтобы сразиться съ Ромодановскимъ, двинуля Брюховецкому на перерѣзъ, прибылъ къ Опошнѣ и оттуда вторично отправилъ къ Брюховецкому пословъ. Послѣ второго отказа явился посланникъ отъ Дорошенка съ прямымъ требованіемъ, чтобы Брюховецкій явился къ Дорошенку, какъ къ гетману обѣихъ сторонъ. Затѣмъ Брюховецкій былъ силою приведенъ къ Дорошенку и, какъ извѣстно, былъ забитъ до смерти разсвирѣпѣвшей толпою казаковъ. Послѣ убійства Брюховецкаго (1-го іюня 1668 г.) Дорошенко оставался въ нерѣшительности, не зная, кому поддаться: Москвѣ, Польшѣ или Туркамъ, и послѣ того, какъ почувствовалъ, что народъ былъ склоненъ къ туркамъ, рѣшилъ поддаться имъ. Затѣмъ, объявивъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Украины, онъ сталъ собираться противъ Ромодановскаго. Ромодановскій же не рѣшился выступить противъ Дорошенка и отступилъ. Дорошенко преслѣдовалъ отступавшаго на Путивль Ромодановскаго, но вскорѣ оставилъ преслѣдованіе, вслѣдствіе своихъ семейныхъ обстоятельствъ, и поспѣшилъ домой въ Чигиринъ, оставивъ за себя наказнымъ гетманомъ отъ лѣвой Украйны бывшаго Черниговскаго полковника, только что передъ тѣмъ сдѣлавшагося генеральнымъ есауломъ Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго, теперь получившаго названіе наказнаго „Сѣверскаго гетмана“. Ему, брату своему Григорію Дорошенку и другимъ главнымъ своимъ приверженцамъ гетманъ поручилъ изгнать оставшихся еще въ нѣкоторыхъ городахъ царскихъ воеводъ (въ Нѣжинѣ, Черниговѣ и Переяславлѣ). Съ уходомъ гетмана Дорошенка съ Лѣвобережной Украйны счастье перешло на сторону князя Ромодановскаго: онъ не только успѣлъ оправиться и пополнить свои войска, но уже счелъ себя въ силахъ дѣйствовать наступательно. Въ Котельвѣ Ромодановскій подвергся ночному нападенію отъ гетмана Дорошенка съ казаками. Съ ними были и союзные крымцы: Салтанъ съ мурзами и съ 20.000 татаръ. Ромодановскій счастливо отразилъ нападеніе, и они отошли на 7 верстъ отъ Котельвы.

Съ извѣстіемъ объ этомъ Ромодановскій прислалъ къ Государю (24-го іюня 1668 г.) рейтарскаго полковника П. Стремчевскаго. Въ отвѣтъ на это извѣстіе Государь (26-го іюня 1668 г.) послалъ къ Ромодановскому стольника князя Ник. Гр. Гагарина „съ Государевымъ жалованьемъ, милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать"—„за службу, что побилъ черкасъ и татаръ". 19-го іюля 1668 г вышелъ указъ боярину князю Григорію Семеновичу Куракину изъ Сѣвска двинуться къ Нѣжину, а боярину Ромодановскому, стоявшему въ то время въ Ахтырскомъ (отъ Котельвы онъ отступилъ), быть на сходѣ съ этимъ бояриномъ. 23-го іюля Ромодановскій прислалъ въ Москву жильца Игн. Ник. Логвинова съ извѣстіемъ, что онъ, боринъ, послалъ на Черкасскій городъ Грунь своего сына, стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго, съ товарищемъ своимъ по воеводству стольникомъ Петромъ Дмитріевичемъ Скуратовымъ и съ ратными людьми и Калмыками (500 ч.), и что они взяли городъ Грунь, но вынуждены были принять бой съ черкасами, посланными на выручку отъ Дорошенка. Вскорѣ дѣла, однако, пошли хуже: князь Андрей Ромодановскій потерпѣлъ сильное пораженіе у Гайворона и даже, говорятъ, былъ взятъ въ плѣнъ; самъ боринъ Ромодановскій не могъ оказать ему помощи за малочисленностью войска и принужденъ былъ отступить къ Путивлю, послѣ чего первымъ долгомъ поспѣшилъ на выручку оставшихся по городамъ воеводъ съ Московскими гарнизонами, которые были осаждены казаками. Восточная сторона, какъ только почувствовала силу на Московской сторонѣ, тотчасъ же потянула къ ней. Это явленіе былъ не ново: Москва испытала это и послѣ Конотопа, и послѣ Чуднова. Въ сентябрѣ 1668 г. Ромодановскій перешелъ въ наступленіе и двинулся къ Нѣжину, гдѣ сидѣлъ въ осадѣ воевода Ив. Ив. Ржевскій. Осаждавшіе, увидя у себя въ тылу войска Ромодановскаго, бѣжали, а за ними бѣжали и многіе изъ жителей Нѣжина, боявшіеся преслѣдованія Ромодановскаго. Той же участи подвергся и Черниговъ, гдѣ былъ Многогрѣшный. Онъ посылалъ къ Дорошенку просить о присылкѣ помощи, но получилъ отказъ. Тѣмъ временемъ Ромодановскій подступилъ къ Чернигову, и его ратные люди подожгли окраину города, носившую имя „новаго мѣста", и оттуда стали безпокоить артиллерійскимъ огнемъ середину города, такъ называемое „старое мѣсто". Многогрѣшный, увидѣвъ себя въ опасности, отправилъ къ Ромодановскому гонцовъ сказать, что онъ отказывается сопротивляться, сдаетъ городъ, но желаетъ получить за то свободный пропускъ съ казаками. Ромодановскій дружелюбно отнесся къ Многогрѣшному,—выпустилъ его изъ города (послѣ чего Многогрѣшный ушелъ въ Сѣднево), а самъ вошелъ въ городъ, гдѣ находился воевода Толстой съ ратными людьми. Освобожденные Ромодановскимъ отъ долгой осады, они присоединились къ его войскамъ. Съ этого времени началось сближеніе князя Ромодановскаго съ Многогрѣшнымъ, чему много способствовалъ братъ Многогрѣшнаго—Василій Игнатовичъ Многогрѣшный и бывшій Нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Они явились къ Демьяну Многогрѣшному въ Сѣднево и стали убѣждать его принять подданство Государю. Многогрѣшный съ радостью принялъ ихъ совѣтъ и тотчасъ же отправилъ ихъ къ Ромодановскому. Начались переговоры объ условіяхъ, и вскорѣ же отъ Ромодановскаго были присланы два Московскихъ полковника для принятія присяги отъ Многогрѣшнаго, а затѣмъ состоялось въ городѣ «Дѣвицѣ» свиданіе Д. Многогрѣшнаго съ Ромодановскимъ. Затѣмъ въ январѣ 1669 г. Василій Многогрѣшный съ Гвинтовкой посланъ былъ въ Москву (кромѣ нихъ были въ посольство оправлены и другія лица); 24-го января ведѣно было отъ Государя объявить Малороссійскимъ посламъ, что разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ и избраніе самого гетмана должны будутъ состояться на радѣ, на которую отправлены будутъ боринъ Ромодановскій, стольникъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, да дьякъ Григорій Карповичъ Богдановъ. Матвѣевъ съ Богдановымъ двинулись изъ Москвы, откуда они должны были направиться въ Сѣвскъ. Ромодановскій же, въ то время стоявшій съ войскомъ въ Суджѣ, долженъ былъ присоединиться къ нимъ въ Сѣвскѣ же. Относительно мѣста рады, вопреки просьбѣ посланниковъ, чтобы рада была въ Батуринѣ, Государь опредѣлилъ, чтобы рада была въ Глуховѣ, такъ какъ этотъ городъ найденъ былъ болѣе удобнымъ „для ближайшаго привоза изъ городовъ людскихъ припасовъ и конскихъ кормовъ". Кромѣ того, Государь повелѣлъ, чтобы рада была „чер-

невая", т.-е. съ представителями черни, простого народа, а не изъ однихъ только старшинъ, т.-е. высшихъ войсковыхъ должностныхъ лицъ. 1-го марта 1669 года съ указанными выше товарищами бояринъ Ромодановскій прибылъ въ Глуховъ, 2-го марта состоялось его совѣщаніе съ Д. Многогрѣшнымъ, а 3-го марта пріѣхалъ туда же Черниговскій Архіепископъ Лазарь Барановичъ; въ тотъ же день на дворѣ боярина Ромодановскаго въ Глуховѣ состоялась рада, при чемъ отъ мѣщанъ и казаковъ простыхъ были только выборные. Вопросъ о выборѣ гетмана рѣшился тотчасъ же. Лишь только Ромодановскій объявилъ, что „Царское Величество указалъ имъ, по ихъ правиламъ и вольностямъ, выбрать гетмана", какъ тотчасъ же рада отвѣтила, что выбираетъ гетманомъ Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго. Долго, однако, пришлось Ромодановскому убѣждать согласиться на требованіе Московскаго правительства по другому вопросу—о воеводахъ по нѣкоторымъ городамъ (въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Острѣ) и о ратныхъ Московскихъ людяхъ: радѣ очень хотѣлось добиться вывода воеводъ и ратныхъ людей; поэтому пришлось вести долгіе переговоры и собирать раду на 5-е и на 6-е марта, пока, наконецъ, благодаря своей настойчивости, Ромодановскій не убѣдилъ старшинъ принять статьи согласно волѣ Государя. Въ этотъ же день Ромодановскій вручилъ новому гетману вѣрительныя грамоты, затѣмъ всѣ пошли въ церковь, гдѣ и была принесена присяга. 8-го марта, согласно установившемуся обычаю, бояринъ Ромодановскій роздалъ „государево жалованье" соболями; его получили: самъ гетманъ, старшины и полковники, которые, въ свою очередь, отдарили Ромодановскаго лошадьми. Въ тотъ же день бояринъ отправилъ Государю извѣстіе объ окончаніи рады, собранной въ Глуховѣ, и объ избраніи гетманомъ Многогрѣшнаго, но не скрылъ въ своей отпискѣ-отчетѣ казацкихъ домогательствъ относительно вывода воеводъ и того, что онъ воспротивился и наотрѣзъ отказалъ въ этомъ. Послѣ этого Многогрѣшному ничего болѣе не оставалось, какъ отправить къ Государю письмо съ увѣреніями и обѣщаніями въ неизмѣнной и вѣрной преданности и не только не просить вывода воеводъ, а, напротивъ того, умолять Государя дать указъ царскимъ войскамъ, какъ только непріятель будетъ наступать на Украйну, тотчасъ же оказывать помощь. Въ апрѣлѣ того-же (1669) года отъ новаго гетмана Многогрѣшнаго отправлено было посольство въ Москву (генеральный судья и будущій гетманъ Иванъ Самойловичъ), которое высказало еще болѣе характерную просьбу, — чтобы князь Ромодановскій съ войскомъ своимъ былъ всегда наготовѣ на защиту Украйны, по первому требованію, не отговариваясь неимѣніемъ царскаго указа. Въ скоромъ времени Ромодановскій выѣхалъ изъ Глухова на три версты отъ города, провожаемый новымъ гетманомъ и старшинами.

Въ 1670 году, во время бунта Стеньки Разина, братъ Стеньки, Фролка, пробрался на Донъ, а затѣмъ поплылъ вверхъ по Дону, чтобы потомъ проникнуть въ Слободскую Украйну, а ужъ оттуда въ Малороссію и поднять тамъ возстаніе среди Малороссійскихъ полковъ. Поднявшись по Дону, Фролка напалъ на Коротоякъ, въ 80 верстахъ къ югу отъ Воронежа, на правомъ берегу Дона. Коротоякскій воевода тотчасъ же извѣстилъ князя Ромодановскаго, стоявшаго въ Острогожскѣ, въ 97 верстахъ на югъ отъ Воронежа, на берегу рѣки Тихой Сосны. Въ помощь къ Ромодановскому гетманъ Многогрѣшный отправилъ 1000 человѣкъ отборныхъ казаковъ подъ начальствомъ генеральнаго есаула Гвинтовки. Ромодановскій поспѣшилъ на помощь осажденнымъ, поспѣлъ во-время и съ государевыми ратными людьми не только отбилъ приступъ отъ города воровскихъ казаковъ Разина, но и разбилъ ихъ на-голову, такъ что тѣ побѣжали внизъ по Дону. Этой побѣдой Бѣлгородская и прочія волости Слободской Украйны были сохранены отъ бунта. Казаки остались вѣрны; только въ одномъ Острогожскѣ произошло возстаніе: воевода Московскій Тимоѳей Панютинъ былъ утопленъ въ рѣкѣ; однако, населеніе осталось вѣрно Государю, и городъ остался спокоенъ. Извѣщенный объ этомъ Царь 1-го октября 1670 г. отправилъ къ боярину князю Ромодановскому стольника Михаила Богдановича Приклонскаго, чтобы тотъ передалъ, что Государь велѣлъ „спросить васъ о здоровьѣ вашемъ, жалуетъ васъ за службу вашу и похваляетъ".

Въ 1671 г. князь Ромодановскій былъ воеводою въ Курскѣ. Въ 1672 году въ Малороссіи произошла новая перемѣна гетмана.

Противъ Многогрѣшнаго составился заговоръ, въ которомъ приняли участіе обозный Петръ Забѣлло, судьи: Иванъ Домонтовичъ и Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ), генеральный писарь Карпъ Ивановичъ Мокріевичъ (душа заговора) и полковники: Переяславскій Дмитрашко-Раичъ, наказной Нѣжинскій Филиппъ Уманецъ и Стародубскій Петръ Рославецъ. Они обвиняли гетмана въ сношеніяхъ съ П. Дорошенкомъ и въ желаніи, по примѣру Дорошенка, перейти въ подданство Турецкому султану. Какъ извѣстно, эта измѣна осталась не доказанной, тѣмъ не менѣе заговорщики въ ночь съ 12-го на 13-е марта 1672 г. явились къ воеводѣ Батуринскому Григорію Нѣлову и испросили его разрѣшенія арестовать Многогрѣшнаго, обвиняемаго ими въ измѣнѣ Государю. Нѣловъ, настроенный за что-то противъ гетмана, далъ разрѣшеніе. Они взяли у воеводы стрѣльцовъ, проникли въ замокъ, пробрались въ опочивальню и во время сна, не давши гетману возможности ни звать на помощь, ни объясниться, связали, положили на заранѣе приготовленныя сани, закрыли и такъ тихо вывезли изъ Батурина, что не только жители его до утра не знали о случившемся, но даже наемное войско, состоявшее при особѣ гетмана, не могло поспѣть ему на выручку. Поутру повезли связаннаго гетмана черезъ Путивль и Сѣвскъ въ Москву. Сопровождали его генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ, полковникъ Стародубскій Петръ Рославецъ до Москвы, а полковникъ Переяславскій Дмитрашко Раичъ свернулъ съ дороги въ Курскъ, чтобы извѣстить воеводу боярина Ромодановскаго о томъ, какъ поступили старшины съ гетманомъ. Послѣ низведенія Многогрѣшнаго и отсылки его въ Москву (откуда, помилованный отъ смертной казни, онъ былъ сосланъ въ Сибирь), управляли за гетмана старшины. Въ первыхъ числахъ мая 1672 г. стали въ Москвѣ подумывать объ избирательной радѣ. По просьбѣ старшинъ казацкихъ на радѣ поручено было присутствовать боярину Ромодановскому; въ товарищи ему былъ данъ дворянинъ Ив. Ив. Ржевскій, дьякъ, четверо подъячихъ, восемь дворянъ и переводчикъ. 18-го мая Ромодановскій получилъ отпускъ. Наказъ ему былъ данъ слѣдующаго содержанія: во-первыхъ, онъ долженъ былъ объявить старшинамъ царскую похвалу, что они не пристали къ измѣническимъ замысламъ; во-вторыхъ, сообщить прежнія Глуховскія статьи, которыя и теперь признавались дѣйствительными; кромѣ того, на радѣ долженъ былъ быть и Архіепископъ Лазарь Барановичъ, къ которому о томъ была послана отдѣльная грамота. Рада должна была быть въ Конотопѣ. 25-го мая 1672 г. Ромодановскій двинулся въ путь, а 9-го іюня, по прибытіи въ Путивль, отправилъ черезъ Харьковскаго полковника извѣщеніе о вступленіи своемъ въ Малороссію. 12-го іюня, получивъ отъ Ромодановскаго извѣщеніе, старшины, замѣщавшіе гетмана, изъ Батурина двинулись къ Конотопу на-встрѣчу Ромодановскому, выславъ напередъ себя Кіевскаго полковника Солонину съ просьбою собирать раду не въ Конотопѣ, а гдѣ-нибудь между Конотопомъ и Путивлемъ, представляя въ качествѣ возраженія противъ рады въ Конотопѣ чисто хозяйственныя соображенія. Ромодановскій отказалъ Солонинѣ, указавъ что въ царскомъ указѣ точно сказано быть радѣ въ Конотопѣ. Когда Солонина ушелъ, Ромодановскій двинулся въ путь и, перейдя рѣку Сеймъ, остановился въ мѣстечкѣ „Казачьей Дубравѣ“ на рѣчкѣ Крисени, въ 15-ти верстахъ отъ Конотопа. Туда къ нему прибылъ другой посланецъ отъ старшинъ—Прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко, съ просьбою устроить раду хотя бы въ Казачьей Дубравѣ, но и ему было отказано на томъ же основаніи. Не успѣлъ Ромодановскій послѣ ухода Горленка пройти 3-хъ верстъ отъ Казачьей Дубравы, какъ его встрѣтили всѣ старшины и стали упрашивать; какими доводами—неизвѣстно, но имъ удалось убѣдить Ромодановскаго приступить къ созванію рады. Поставили „царскій шатеръ“ и приступили къ чтенію старыхъ „Глуховскихъ статей“ съ новыми добавочными статьями. Во время прочтенія статей къ боярину изъ Москвы неожиданно прибылъ гонецъ съ царской грамотой, съ извѣщеніемъ о рожденіи Царевича Петра Алексѣевича. Старшины принесли поздравленіе боярину, а затѣмъ обратились къ начатому дѣлу. 17-го іюня явился на раду Архіепископъ Лазарь Барановичъ, и тогда же приступили къ выбору гетмана, которымъ былъ выбранъ первый генеральный судья Иванъ Самойловичъ. Послѣ присяги и наставительной рѣчи, сказанной согласно наказу, Ромодановскій велѣлъ „приложить руки“ подъ статьями, а затѣмъ пригласилъ

новоизбраннаго гетмана и старшину къ себѣ на пиръ, на другой же день самъ былъ приглашенъ къ гетману на обѣдъ, послѣ котораго произошла обычная раздача подарковъ, „государева жалованья“, новоизбранному гетману, старшинахъ и полковникамъ. 19-го іюня старшины съ гетманомъ уѣхали въ Конотопъ, а оттуда въ Батуринъ.

Начало гетманства Самойловича совпало съ наступательными дѣйствіями Турецкаго султана Магомета IV противъ Польши и Малороссіи. Давно уже Турки думали о походѣ на Польшу и Украйну, но ихъ удерживала продолжительная война съ Венеціанцами изъ-за острова Кандіи (Крита). Освободившись отъ этой войны, Султанъ всѣ свои силу устремилъ на борьбу съ Польшею. Къ 23-му апрѣля 1672 по султанскому указу должны были стянуться къ Адріанополю Анатолійскія, Румелійскія и другія войска; призваны были и Крымцы. Послана была, еще въ февралѣ или мартѣ, султанская грамота къ Польскому королю Михаилу (Вишневецкому) съ выговоромъ, что Поляки безпокоятъ владѣнія гетмана Дорошенка, который со своимъ народомъ казацкимъ поступилъ въ число „невольниковъ высокаго порога нашего“. 4-го мая прибыла отвѣтная грамота изъ Польши, въ которой указывалось, что Украйна „отъ вѣковъ была наслѣдіемъ нашихъ предшественниковъ, да и самъ Дорошенко не кто иной, какъ нашъ подданный“. Такъ завязалась война. Дорошенко былъ извѣщенъ о походѣ Султана. Весною 1672 г. 300.000 Турецкаго войска перешло Дунай. Въ началѣ Поляки какъ будто имѣли успѣхъ: 40.000-ный передовой отрядъ татаръ ворвался въ Подолію, но встрѣтилъ при Батогѣ (на рѣкѣ Бугѣ) 6000-ный польско-казацкій отрядъ подъ начальствомъ Лужецкаго, былъ разбитъ имъ и обращенъ въ бѣгство. Но Лужецкій увлекся побѣдой, сталъ преслѣдовать татаръ, вопреки совѣту гетмана Правобережной Украйны Ханенка, былъ разбитъ оправившимися отъ бѣгства татарами и самъ обратился въ бѣгство. Съ большими потерями они достигли табора гетмана Ханенка. Войска Ханенка подъ напоромъ Татаръ стали подаваться назадъ, пока не достигли, оступая, города Ладыжина, гдѣ заперлись и были осаждены, но городъ не могъ быть взятъ. Дѣла сильно измѣнились. 4-го августа Турки перешли Днѣстръ, а затѣмъ въ августѣ же все Турецкое войско обложило осадой г. Каменецъ (Подольскій), считавшійся сильнѣйшимъ оплотомъ Польши съ юга. Ужасное впечатлѣніе произвело паденіе этой первоклассной крѣпости и на Польшу, и на Москву. Послѣ взятія Каменца и Подоліи, Турки въ томъ же году двинулись въ Галицію и появились уже подъ стѣнами Львова, который и взяли 28-го сентября. Вскорѣ (5-го октября) былъ заключенъ унизительный Бугачскій миръ (Бугачъ — городъ въ Восточной Галиціи); по этому миру Украйна досталась Дорошенку на правахъ леннаго отъ Турціи владѣнія, а городъ Каменецъ съ Подоліей отошелъ къ Турціи. Султанъ лично не продолжалъ похода и по заключеніи съ Польшею Бугачскаго мира ушелъ назадъ. Нечего и говорить о тягостномъ впечатлѣніи на Малороссіянъ, которое произвелъ походъ султана Магомета IV въ Польшу. Самойловичъ тотчасъ заговорилъ о походѣ на Крымъ и на Дорошенка.

Въ мартѣ 1673 г., отправляя двухъ своихъ сыновей (Семена и Григорія), съ извѣстнымъ въ Малороссіи протопопомъ Симономъ Адамовичемъ въ Москву, Самойловичъ велѣлъ протопопу бить челомъ отъ него, Самойловича, Государю, чтобы Государь приказалъ Ромодановскому и ему, гетману, выступить тотчасъ походомъ въ Крымъ, для чего прислалъ бы пушекъ, пороху, свинцу и еще ратныхъ людей. Адамовичъ передалъ въ Москвѣ порученіе гетмана, но, при отпускѣ его обратно, ему было объявлено, что Государь велѣлъ мысль о совмѣстномъ походѣ Гетмана съ Ромодановскимъ оставить, а идти имъ обоимъ къ Днѣпру и стать лагеремъ; затѣмъ приказано было изъ лагеря заслать къ Дорошенку и объявить ему, что Государь, на его челобитье о подданствѣ, разрѣшаетъ принять его въ подданство и не только обѣщаетъ не нарушать права и вольности, но обѣщаетъ даже оборонять его, Дорошенку, отъ Турокъ. Въ противномъ же случаѣ, если Дорошенко откажется принести присягу, то велѣно было объявить ему, что царскія войска обратятся противъ него. Кромѣ того, дано было указаніе и на тотъ случай, если бы Заднѣпровскіе казаки пожелали поддаться Государю помимо Дорошенка: велѣно было привести ихъ къ присягѣ и, по уговору съ ними, выбрать вѣрнаго гетмана или изъ ихъ среды, или кого-либо съ восточной

стороны Украйны, или, наконецъ, если станутъ просить, сдѣлать гетманомъ обѣихъ половинъ Самойловича. Еще было указано протопопу Адамовичу, что обѣщанная Малороссіянамъ помощь послана, такъ какъ въ Украйну отправлено уже большое войско подъ начальствомъ боярина князя Юрія Петровича Трубецкого, который въ началѣ января 1673 г. и двинулся въ Малороссію. 13-го февраля Трубецкой былъ уже въ Кіевѣ. Предположенное совмѣстное движеніе Самойловича и Ромодановскаго къ Днѣпру замедлилось вслѣдствіе распутицы, о чемъ Ромодановскій далъ знать Государю: „У насъ на Украйнѣ съ полей снѣгъ сбило и водное располненіе большое“, писалъ князь Ромодановскій: „никоторыми мѣрами мнѣ походомъ спѣшить нельзя; ратныхъ людей при мнѣ нѣтъ никого“. Только 17-го апрѣля произошелъ съѣздъ Ромодановскаго съ гетманомъ въ Сумахъ; тамъ же было рѣшено сбираться съ ратными людьми для предстоявшаго похода. Войска гетмана должны были собираться въ Батуринѣ,—резиденціи Самойловича, войска же Ромодановскаго—въ Суджѣ, а сойтись войскамъ указано было между Глинскомъ и Лохвицей. И дѣйствительно, войска соединились 22-го мая близъ Лохвицы, а 1-го іюня отправили отрядъ за Днѣпръ къ Каневу, а также къ Дорошенку и его генеральному есаулу Якову Лизогубу, съ предложеніемъ подданства, но получили отказъ. Между тѣмъ появились на восточной сторонѣ толпы Татаръ. Ромодановскій выслалъ противъ нихъ Харьковскаго полковника, который настигъ ихъ подъ Коломакомъ, бился цѣлый день и едва избавился отъ гибели. Эта неудача заставила Ромодановскаго и гетмана отступить изъ-подъ Лубенъ, гдѣ они въ то время находились, къ Бѣлгороду, въ Москву же сообщить, что имъ нельзя переправиться черезъ Днѣпръ, такъ какъ рѣка очень располнилась, а Дорошенко отогналъ суда. На это пришло отъ Государя гнѣвное письмо къ нимъ обоимъ. „Развѣ вамъ велѣно было“, писалъ Государь, „переправляться за Днѣпръ? Вамъ велѣно было стоять у Днѣпра, гдѣ пристойно, и, устроясь обозомъ, послать къ Дорошенку, съ милостивыми грамотами, двоихъ досужихъ людей, а не полкъ“.—„Услыхавъ о татарахъ“, сказано дальше въ письмѣ, „велѣно было не отступать, а выслать противъ нихъ часть войска“. Этотъ поступокъ, вызвавшій гнѣвное Царское письмо, объясняется проще всего нежеланіемъ Самойловича привлечь въ Московское подданство Дорошенка, котораго онъ считалъ опаснымъ для себя соперникомъ, такъ какъ замѣчалъ, сколько со стороны Московскаго правительства прилагалось старанія и сколько дѣлалось попытокъ привлечь Дорошенко въ подданство Государя. Попустительство же Самойловичу со стороны Ромодановскаго объясняется, во-первыхъ, личнымъ расположеніемъ Ромодановскаго, благодаря чему былъ сдѣланъ гетманомъ Самойловичъ, а не Карпъ Мокріевичъ, бывшій душою заговора противъ прежняго гетмана Многогрѣшнаго, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что Ромодановскій, проведшій столько лѣтъ на Украйнѣ, сталъ свыкаться съ Малороссіянами и сталъ болѣе податливъ къ нимъ и болѣе обходителенъ. Не даромъ онъ снискалъ въ послѣдніе годы особое къ себѣ расположеніе Малороссіянъ. Можно собрать много отзывовъ Малороссіянъ о воеводахъ Московскихъ и о безцеремонномъ хозяйничаньѣ Московскихъ войскъ, приходившихъ защищать Малороссію. Такъ, Кіевскій полковникъ Константинъ Солонина, жалуясь на воеводъ и головъ стрѣлецкихъ, говоритъ: „Не знаю, какъ и назвать,—неужели это христіане къ христіанамъ пришли на защиту? Но и Татары то же бы сдѣлали! только тѣмъ и удивляться нечего: непріятельскіе люди и басурманы“. Жаловались они и на послѣдняго воеводу, вновь прибывшаго, князя Ю. П. Трубецкого: „полковникамъ на дворѣ и со двора ѣздить не велитъ“, „бояринъ и воеводы недоступны“, „ласки къ нимъ не держатъ“. Напротивъ, о Ромодановскомъ выражались такъ: не то, что бояринъ князь Г. Г. Ромодановскій,—кто бы изъ Малороссіянъ къ нему ни пришелъ, онъ со всякимъ обходится, какъ равный,—за это всѣ его любятъ“.

Послѣ неудачнаго похода за Днѣпръ въ 1673 г., а затѣмъ послѣ длительныхъ и не менѣе неудачныхъ попытокъ склонить Дорошенко въ подданство Царю, состоялся, наконецъ, въ ноябрѣ того же (1673) года царскій указъ Ромодановскому и Самойловичу идти съ войсками за Днѣпръ на Дорошенко. Но даже и на этотъ разъ сдѣланы были указанія, какъ поступить съ Дорошенкомъ, если онъ изъявитъ желаніе поддаться Царю и принять присягу, или если такое желаніе изъявитъ какой-нибудь изъ Заднѣпровскихъ полковъ. Указанія были

совершенно тождественны съ тѣми, какія были даны передъ предыдущимъ неудавшимся походомъ того же года. 23-го ноября къ Ромодановскому „въ товарищи“ указано было быть сыну его, стольнику князю Мих. Гр. Ромодановскому, и Ив. Ив. Вердеревскому, а 11-го декабря въ „товарищи“ къ Ромодановскому былъ назначенъ еще и стольникъ князь Борисъ Ефимовичъ Мышецкій, которому приказано быть въ Бѣлгородѣ „въ осадныхъ воеводахъ“. 31-го декабря Самойловичъ выступилъ въ походъ изъ своей резиденціи, изъ Бутурина, 8-го января 1674 г. достигъ Гадяча, 12-го января къ нему прибылъ Ромодановскій, а 14-го оба выступили къ Днѣпру съ 80,000 войска. Затѣмъ они подошли къ Днѣпру противъ Крылова, перешли рѣку, сожгли Вороновку, Боровицу, Бужинъ и 27-го января взяли Крыловъ. Затѣмъ изъ Бужина Ромодановскій и гетманъ послали отрядъ изъ казаковъ и Московскихъ ратныхъ людей подъ Чигиринъ. Отъ себя Ромодановскій послалъ товарища своего, стольника Петра Дм. Скуратова, а отъ гетмана былъ посланъ Переяславскій полковникъ Дмитрашко-Раичъ. 31-го января Скуратовъ съ полковникомъ достигли Чигирина. Противъ нихъ Дорошенко выслалъ 2.000-ный отрядъ изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ, но они были разбиты Скуратовымъ и полковникомъ и ушли, а Скуратовъ съ Раичемъ преслѣдовали ихъ до городской Чигиринской стѣны, но ограничились только тѣмъ, что пожгли посады, а затѣмъ возвратились къ Ромодановскому и гетману, стоявшимъ въ то время въ Бужинѣ. Отсюда Московскія и казацкія войска отправились по льду вверхъ по Днѣпру и 2-го февраля достигли Черкассъ; тамъ находились: Дорошенковъ обозный Гулакъ и мѣстный полковникъ Григоровичъ. Имъ послано было предложеніе сдаться, но они, осажденные, отказались. Начался бой, продолжавшійся два дня. 4-го февраля городъ сдался; Гулакъ и Григоровичъ съ мѣстнымъ протопопомъ и другими лицами вышли изъ города и принесли присягу на вѣчное подданство великому государю. Послѣ принесенія присяги этими лицами и жителями, Ромодановскій оставилъ здѣсь отъ себя Острогожскаго полковника Герасима Карабута, гетманъ же оставилъ отъ себя Прилуцкаго полковника Лазаря Горленка. 8-го февраля соединенныя войска съ Ромодановскимъ и гетманомъ достигли городка Мошны. Жители безъ сопротивленія сдались, присягнувъ Царю. Отсюда Ромодановскій съ гетманомъ отправили отрядъ къ гор. Каневу, съ предложеніемъ сдаться, а затѣмъ и сами двинулись по льду и 9-го февраля подошли къ городу, который, однако, не пришлось брать приступомъ, такъ какъ находившійся тамъ Дорошенковъ генеральный есаулъ Яковъ Лизогубъ и мѣстный Каневскій полковникъ Ив. Гурскій и др. явились къ предводителямъ соединенныхъ войскъ и просили принять ихъ въ вѣчное подданство. Боясь предстоящей распутицы, Ромодановскій съ гетманомъ не пошли далѣе Канева, но поручили Лубенскому полковнику Сербину съ его полкомъ идти по разнымъ украинскимъ правобережнымъ городкамъ и приводить ихъ къ присягѣ Государю, а затѣмъ сами перешли назадъ черезъ Днѣпръ и расположились съ обозами на лѣвомъ его берегу, противъ Канева, а 15-го февраля, вслѣдствіе недостатка корма, отступила къ Переяславлю. Вслѣдъ за Каневомъ и Черкасами много другихъ городовъ присягнули Государю. Съ извѣстіемъ объ этихъ успѣхахъ бояринъ съ гетманомъ отправили къ Государю гонца Ивана Подымова, который и прибылъ въ Москву 25-го февраля. Въ отвѣтъ на это извѣстіе былъ присланъ отъ Государя полковникъ и голова стрѣлецкій Колобовъ „спросить о здоровьѣ“, похвалить за службу, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставить въ укоръ то обстоятельство, зачѣмъ они посылали Скуратова съ полковникомъ подъ Чигиринъ, а не осадили Дорошенко всѣми ратными силами: тогда бы, видя Дорошенко въ осадѣ, всѣ его полки сдались бы. Уходя на лѣвую сторону Днѣпра, Ромодановскій на правой (западной) сторонѣ оставилъ Московскаго полковника Андрея Цея съ копейцами, рейтарами, драгунами и солдатами, Самойловичъ же—своего генеральнаго есаула Ивана Лысенко. 2-го марта они, въ 15 верстахъ отъ мѣстечка Лысенки, встрѣтились съ Григоріемъ Дорошенкомъ (братомъ гетмана) и татарами и разбили ихъ на-голову; тѣ обратились въ бѣгство, а затѣмъ, ускользнувъ отъ Цея и Лысенка, заперлись въ мѣстечкѣ Лысенкѣ, но жители выдали Дорошенко въ руки Цея и Лысенки, а тѣ препроводили ихъ въ Переяславль, къ боярину и гетману. Находившійся въ это время въ городѣ

другой братъ гетмана—Андрей Дорошенко и Дорошенковъ наказной гетманъ и Паволоцкій полковникъ Григорій Гамалѣя, подъ вліяніемъ этого пораженія, бѣжали къ Петру Дорошенку въ Чигиринъ, причемъ Гамалѣя бросилъ даже свой Паволоцкій полкъ, а оставшіеся въ Корсунѣ полковники (5 человѣкъ), со своими полками приняли присягу на подданство Государю. Обо всѣхъ этихъ событіяхъ Ромадоновскій снова послалъ извѣстія съ Подымовымъ, который прибылъ въ Москву 16-го марта; въ мартѣ же въ полкъ къ боярину и гетману Государь послалъ стольника Сем. Сем. Колтовского „съ государевымъ жалованьемъ, милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать". 15-го февраля Ромодановскій съ гетманомъ двинулись къ Переяславлю, а 17-го февраля къ нимъ туда же явился отъ Польскаго короля гетманъ Западной стороны Мих. Ханенко съ предложеніемъ положить свою гетманскую булаву и принять присягу на подданство. Вслѣдствіе отказа Ханенка отъ гетманства, Ромодановскій съ гетманомъ Самойловичемъ назначилъ полковникамъ Западной стороны съѣхаться на 15-ое марта въ Переяславлѣ, а 17-го марта была рада, на которой избранъ былъ гетманомъ Западной стороны гетманъ Иванъ Самойловичъ. Такимъ образомъ, подъ его властью соединились обѣ стороны Украйны, а бывшій гетманъ Ханенко сдѣлался полковникомъ въ одномъ изъ полковъ. Были составлены новыя „Переяславльскія статьи". Во время обычнаго обѣда у боярина, дававшагося послѣ рады въ честь старшины, прибылъ къ Ромодановскому отъ Дорошенка гонцомъ Иванъ Степановичъ Мазепа, его генеральный писарь (будущій гетманъ послѣ Самойловича), сказавшій смиренную, но витіеватую рѣчь. Онъ передавалъ, что Дорошенко проситъ принять его въ подданство подъ высокую царскую руку со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, и о томъ, чтобы Ромодановскій „взялъ бы его на свою душу, чтобы ему никакой бѣды не было". На это Ромодановскій отвѣчалъ, чтобы Дорошенко, надѣясь на милость Государя, ѣхалъ къ нему въ полкъ безъ всякаго опасенія. Однако, со стороны Дорошенка это оказалось притворствомъ: онъ и не думалъ ѣхать, какъ обѣщалъ, въ Переяславль, но, чтобы оттянуть время, сталъ просить Самойловича прислать къ нему довѣренныхъ лицъ, которыя приняли бы отъ него присягу. Ромодановскій и гетманъ послали довѣренныхъ, но тѣ напрасно ждали присылки за себя заложниковъ: прождавъ въ Черкасахъ 6 дней, они не получили ни письма, ни заложниковъ. Весь апрѣль 1674 г. не давалъ о себѣ знать Дорошенко; наконецъ, въ маѣ (5-го) послана была изъ Москвы съ головою Московскихъ стрѣльцовъ Терпигоревымъ царская грамота черезъ Ромодановскаго въ Чигиринъ, куда и прибылъ Терпигоревъ 25-го мая. Дорошенко отказался присягнуть. На замѣчаніе же Терпигорева, что его старшины и полковникъ уже безъ него „учинились въ подданствѣ Царскому Величеству и присягу на вѣрность принесли", онъ отвѣтилъ, что они скоро измѣнятъ, не вѣчно останутся въ подданствѣ, а дѣлаютъ это только для полученія соболей отъ боярина. На то же мѣсто грамоты, гдѣ сказано было, что Ромодановскій и гетманъ „учнутъ надъ Чигириномъ воинскій промыселъ чинить", отвѣчалъ, что онъ, Дорошенко, готовъ дать отпоръ, какъ только дождется Крымской орды, и что уже теперь стоятъ два Крымскихъ салтана верстахъ въ 20-ти отъ Чигирина. Видя безрезультатность грамоты, Терпигоревъ просилъ отпустить его, чтобы передать отвѣтъ Ромодановскому, но Дорошенко сказалъ, что отпуститъ его въ скоромъ времени, а затѣмъ не только совсѣмъ задержалъ, но даже заковалъ и посадилъ въ Чигиринскую тюрьму. Дерзость его объяснялась тѣмъ, что къ нему къ тому времени явился уже 4000-ный отрядъ татаръ, который въ маѣ же соединился съ Чигиринскими татарами и осадилъ въ Черкасахъ Московскаго воеводу, товарища по Бѣлгородскому воеводству Ромодановскаго, котораго Ромодановскій оставилъ въ Черкасахъ. Осажденные сдѣлали вылазку и не только отбили непріятеля отъ города, но и гнали его на протяженіи 15-ти верстъ. Тѣмъ временемъ Дорошенко послалъ своего брата возвращать отпавшіе отъ него города и мѣстечки. И дѣйствительно, Андрею Дорошенку удалось хитростью завладѣть двумя укрѣпленными мѣстечками, сказавъ, что онъ поддался царю. Когда онъ завладѣлъ этими мѣстечками, то часть жителей звѣрскимъ образомъ была умерщвлена, а другіе отданы были въ плѣнъ татарамъ. Узнавъ объ этомъ, жители третьяго мѣстечка дали битву Андрею, разбили его

и даже погнали до Чигирина. Тогда Ромодановскій съ гетманомъ отправили за Днѣпръ соединенный казацко-московскій отрядъ подъ начальствомъ рейтарскаго Московскаго полковника Беклемишева и Переяславскаго полковника Дмитрашка-Раича. Тѣ, настигнувъ Андрея и татаръ близъ мѣстечка Смѣлаго 9-го іюня, дали битву и нанесли сильное пораженіе; Андрей, Дорошенко раненый, едва убѣжалъ къ брату.

Къ затруднительному положенію въ Чигиринѣ присоединилась еще тревога: громадное скопленіе народа, сбѣжавшагося изъ разныхъ мѣстечекъ и городовъ, вызвало въ городѣ голодъ, а голодъ вызвалъ, ропотъ, народъ заволновался и сталъ требовать, чтобы Дорошенко сдалъ городъ и присягнулъ Царю. Тогда Дорошенко пустился на крайнее средство: онъ послалъ въ Турцію своего генеральнаго писаря Мазепу, отправивъ съ нимъ 9 татаръ, которые повели 15 христіанскихъ невольниковъ въ подарокъ султану. Мазепа получилъ отъ Дорошенка письмо, въ которомъ тотъ просилъ помощи. Но посланные встрѣтились съ Запорожскими казаками, убили татаръ, невольниковъ освободили, а Мазепу доставили съ письмами въ Сѣчь къ атаману Сѣрку. Запорожцы хотѣли убить Мазепу, но по настоянію Сѣрка только заковали. Гетманъ сталъ требовать у Сѣрка Мазепу, но Сѣрко, не желая нарушать стариннаго обычая и права Сѣчи не выдавать никого изъ Сѣчи, отказалъ гетману. Чтобы оказать давленіе на Сѣрка и сломить его упрямство, Ромодановскій, по совѣту гетмана, послалъ распоряженіе въ Харьковъ взять подъ караулъ проживавшую тамъ жену и зятя Сѣрка. Послѣдній уговорилъ тестя, и Мазепа былъ выданъ гетману, который однако передалъ его Ромодановскому, а 15-го мая Мазепа былъ отправленъ въ Москву. Хитрый, лукавый, ловкій и сообразительный, Мазепа успѣлъ понравиться и боярину, и гетману, да и въ Москвѣ. Попытка Дорошенка черезъ Мазепу извѣстить султана о своемъ положеніи, такимъ образомъ, окончилась неудачею; но его выручилъ другой его полковникъ—Евстафій Гоголь, который отвезъ извѣстіе въ Константинополь. Турки поспѣшили явиться на помощь къ Дорошенку. Въ началѣ іюня турецкое войско перешло черезъ Днѣстръ и стало брать городъ за городомъ, при упорномъ сопротивленіи сжигая города и истребляя все живое. Такой участи подверглись Тульчинъ, Лодыжинъ и другіе города. Никакія мольбы не могли подѣйствовать на визиря, производившаго опустошенія въ юго-западной части Украйны. Самой ужасной участи подверглась Умань, для осады которой посланъ былъ великимъ визиремъ его товарищъ. Онъ сжегъ весь городъ до тла со всѣмъ народомъ, строеніями, имуществомъ и церквами. Въ то время, какъ турки производили опустошенія на югѣ, Ромодановскій 23-го іюля подступилъ съ гетманомъ къ Чигирину, приготовляясь къ осадѣ. Для этого понадѣлали шанцы и начали громить городъ, но осада была непродолжительна, такъ какъ услышали, что татары идутъ на помощь къ Чигирину на выручку Дорошенка, и что визирь двигается туда же и стоитъ уже подъ Ладыжиномъ; поэтому они рѣшили оставить осаду. 9-го августа крымскіе татары съ ханомъ стали приближаться къ Чигирину, а 10-го Ромодановскій съ Самойловичемъ велѣли сжечь таборъ и отступили къ Черкасамъ, куда и прибыли 12-го числа. Тогда ханъ Крымскій, встрѣченный Дорошенкомъ, не остался въ Чигиринѣ, а погнался за Ромодановскимъ и гетманомъ, надѣясь застать ихъ еще въ пути, но пришелъ подъ Черкасы только 13-го августа. Побѣжденный въ незначительной стычкѣ, ханъ повернулъ опять на Чигиринъ, затѣмъ оттуда возвратился къ Умани, гдѣ находился тогда турецкій великій визирь съ войскомъ. Ромодановскій съ гетманомъ не только не могли послать помощи на юго-западъ Украйны, но и у нихъ самихъ войска рѣдѣли, много народу въ полкахъ гетмана разбѣжалось и оставалось всего до 15.000 казаковъ. Къ этому еще присоединялось и то обстоятельство, что укрѣпленія города Черкасъ обветшали, подгнили и обвалились и вообще находились въ дурномъ и ненадежномъ состояніи; тогда они рѣшили сжечь Черкассы, а жителей перевести на лѣвую сторону Днѣпра, да и сами удалились туда же за Днѣпръ. Когда ханъ удалился къ Умани, туда за нимъ послѣдовалъ и Дорошенко. Пользуясь тѣмъ, что за отсутствіемъ Дорошенка надзоръ въ Чигиринѣ ослабѣлъ, Терпигоревъ, о которомъ сказано было выше, говорятъ, взломалъ 26-го августа окно тюрьмы въ Чигиринѣ, куда былъ посаженъ Дорошенкомъ, выползъ оттуда въ оковахъ вмѣстѣ съ другими узниками и, переправившись

черезъ Днѣпръ, добрался до Кременчуга, откуда его доставили въ полкъ къ Ромодановскому, стоявшему въ то время на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Канева. Нашествіе турокъ и татаръ на Украйну продолжалось недолго. Въ началѣ сентября 1674 г. турки изъ-подъ Умани и Лодыжина пошли обратно. Дорошенко съ Крымскимъ ханомъ хотя и думали продолжать военныя дѣйствія въ Западной Украйнѣ, но попытки ихъ были неудачны: они были постоянно побиваемы,—и 8-го октября ханъ повернулъ въ Крымъ. Послѣ возвращенія хана въ Крымъ, поляки прекратили свои дѣйствія въ Малороссіи, хотя о завоевательныхъ планахъ короля Яна Собѣсскаго все время ходили слухи. Ромодановскій сообщилъ Царю о временномъ затишьѣ на Украйнѣ, на что Государь писалъ, что, если дѣйствительно на Украйнѣ непріятеля нѣтъ, то онъ, Государь, даетъ Ромодановскому позволеніе отступить къ предѣламъ собственно Московскаго государства — на воеводство въ Курскъ, Самойловичу же— въ Батуринъ, а войска Московскія распустить на осень, какъ это дѣлалось на Руси въ спокойное отъ военныхъ дѣйствій время. Но Государь ставилъ непремѣнно въ условіе, чтобы бояринъ оставилъ въ Переяславлѣ своего молодого сына стольника князя Михаила Григ. Ромодановскаго съ отрядомъ Московскихъ ратныхъ людей, а Самойловичъ—отрядъ казаковъ, выбравъ имъ наказнаго гетмана. Тогда Ромодановскій сталъ просить за сына, князя Михаила, отпустить его со службы, указывая на свою службу, на службу этого сына и на старшаго его брата Андрея. „Служу тебѣ на Украйнѣ“, пишетъ Ромодановскій: „22 года безпрестанно, да сынишка мой, Мишка, служитъ 6 лѣтъ безъ перемѣнъ, а другой мой сынишка, Андрюшка, за тебя разливъ свою недозрѣлую кровь въ томительной нуждѣ, въ Крымскомъ полону, въ кандалахъ животъ свой мучитъ седьмой годъ“. Ссылка на многолѣтнюю службу подѣйствовала, и князь Михаилъ Ромодановскій былъ отпущенъ въ Москву для свадьбы.

Къ веснѣ 1645 г. стали опять подумывать объ возобновленіи военныхъ дѣйствій. 26-го февраля Ромодановскій со своимъ сыномъ получилъ назначеніе воеводой въ Бѣлгородъ, но оставался онъ тамъ недолго, такъ какъ въ апрѣлѣ присылались гонцы отъ него изъ Курска. 26-го апрѣля получено было приказаніе Государя сбираться съ Бѣлгородскими и Сѣвскими полками и съ казаками и двинуться къ тому мѣсту Днѣпра, гдѣ онъ болѣе удобенъ для переправы, и, остановившись тамъ, послать къ Польскимъ и Литовскимъ гетманамъ, чтобы договориться съ ними о соединеніи ратей. Если турки и татары не придутъ, и при Дорошенкѣ турокъ и татаръ будетъ не много, то, сказано въ наказѣ, боярину съ гетманомъ и царскимъ войскомъ съ польскими не соединяться и далѣе Паволочи не ходить; а когда съ непріятелемъ сойдутся, то предоставить первый бой войскамъ королевскимъ, а царскихъ войскъ не посылать. Однако, въ наказѣ было упомянуто, что нужно „стоять заодно и въ нужное время другъ отъ друга не отступать. Въ благодарность же просить, чтобы за соединеніе войскъ король уступилъ на вѣки завоеванныя мѣста“. Царскій посланецъ, стряпчій Алмазовъ доставилъ Ромодановскому съ гетманомъ грамоту (29-го мая) въ Сумахъ, въ присутствіи старшинъ. Ромодановскій съ гетманомъ въ отвѣтъ на царскую грамоту указали посланцу на опасность соединенія Польскихъ и Русскихъ войскъ: поляки, вѣдь, не приходили сражаться съ общими врагами,—съ турками и татарами; между ними не происходило никакихъ стычекъ и сраженій; наоборотъ, извѣстно имъ объ ссылкѣ съ салтаномъ и съ Дорошенкомъ о мирѣ. Цѣль же появленія короля на Украйнѣ—не отпоръ туркамъ, но желаніе отобрать Украйну и Кіевъ себѣ. Напротивъ того, они просили передать Государю, что если Государь укажетъ имъ идти въ Крымъ, то они надѣются учинить тамъ великое разореніе. Въ концѣ іюля велѣно было Ромодановскому двинуться изъ Курска въ Суджу, а въ Заднѣпровье послать знающихъ людей вывѣдать настоящее положеніе дѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отписать къ коронному гетману князю Дмитрію Вишневецкому, что, если всѣ войска коронныя и литовскія въ соединеніи не будутъ, то царскія войска съ однимъ коронным гетманомъ не соединятся. Въ августѣ вышелъ новый указъ Ромодановскому— выйти изъ Суджи, а Самойловичу изъ Батурина и двинуться къ Днѣпру, а за Днѣпръ послать по отряду; Самойловичъ и на этотъ разъ объявилъ царскому посланцу, что онъ готовъ исполнить указъ великаго государя, но что, по его мнѣнію, надо только огра-

ничиться тѣмъ, что прогнать татаръ, а не соединяться съ поляками. Соединеніе польскихъ и русскихъ войскъ такъ и не состоялось; тѣмъ не менѣе, Ромодановскій и Самойловичъ сошлись у такъ называемой Обечевской гребли (между рѣкою Галицею и Прилуками, въ 50 верстахъ отъ Днѣпра, а отсюда двинулись къ Яготину, куда пришли 11-го сентября. Сюда къ нимъ явились Польскіе посланцы и объявили, что ханъ ушелъ изъ польскихъ предѣловъ къ Каменцу. Это очень обрадовало Ромодановскаго съ гетманомъ: теперь уже не было повода для соединенія съ польскими войсками; они теперь вполнѣ могли отказаться отъ этого и поступить въ этомъ случаѣ согласно царскому указу. Простоявъ подъ Яготиномъ до 16-го сентября, они приблизились къ Днѣпру, а 18-го сентября остановились въ 10-ти верстахъ отъ Канева. Однако, они послали на другую сторону Днѣпра Московскій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Франца Вульфа и казацкій—подъ начальствомъ генеральнаго есаула Ивана Лысенка. Приверженцы Дорошенковы массами бѣжали къ нему въ Чигиринъ. Это движеніе нагнало страхъ на Дорошенко, который сталъ просить помощи у турокъ и татаръ, но тщетно: они, занятые войной съ Польшею, помощи не оказали. Впечатлѣніе отъ этого движенія было очень сильно. Несмотря на то, что Ромодановскій съ гетманомъ разошлись (Ромодановскій—въ Курскъ, Самойловичъ—въ Батуринъ), не предпринявши ничего важнаго, тѣмъ не менѣе, этотъ походъ имѣлъ важныя послѣдствія, такъ какъ Дорошенко увидѣлъ, что ему, оставленному на этотъ разъ турками, пора прибѣгнуть къ послѣднему средству спасенія, которое онъ приберегалъ къ концу: Дорошенко рѣшилъ прямо и искренно отдаться въ подданство Московскому Государю. Переговоры велись при посредствѣ кошевого атамана Запорожской Сѣчи Сѣрка. Въ январѣ 1676 года Дорошенко отправилъ своихъ двухъ посланцевъ въ Москву (своего тестя Яненко и Семена Тихаго). Эти посланцы привезли въ Москву бунчукъ и санджаки, подаренные султаномъ Дорошенку подъ Уманью, оставивъ у себя только булаву, будто бы для той цѣли, чтобы ему прилично было съ ней явиться въ Москву къ великому Государю, когда Государь дозволитъ ему „видѣть свои царскія очи“.

12-го января 1676 г. состоялся съ торжественной церемоніей пріемъ знаковъ гетманскаго достоинства. При отпускѣ посланцевъ, старшему изъ нихъ Яненку была отдана отвѣтная грамота Государя, съ похвалою за желаніе отступить отъ турецкаго султана и отдаться въ подданство Государю, дано было дозволеніе по желанію избрать мѣсто жительства, но онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ сложить съ себя гетманское достоинство, а такъ какъ присяга, данная въ присутствіи кошевого атамана Сѣрка и Запорожской Сѣчи, была признана недостаточной, то его обязывали перебраться на лѣвый берегъ Днѣпра и здѣсь присягнуть передъ св. Евангеліемъ въ присутствіи гетмана Самойловича и боярина князя Ромодановскаго. 30-го января скончался Царь Алексѣй Михайловичъ, а новый Царь смягчилъ второе требованіе и послалъ для присяги стольника Доримедонтова. Доримедонтовъ проѣхалъ не прямо въ Чигиринъ, а явился сначала къ гетману Самойловичу. Послѣдній, узнавъ о томъ, что новое правительство не настаиваетъ уже на томъ, чтобы присяга была принесена передъ гетманомъ и бояриномъ Ромодановскимъ, а также, что въ грамотѣ царской на имя Дорошенка онъ былъ, вопреки обычаю, названъ съ „вичемъ“ (окончаніе отчества на „вичъ“ считалось въ то время признакомъ особенной почтительности), рѣшился на смѣлый и рискованный поступокъ. Опасаясь поворота Московской новой политики съ перемѣною царствованія, Самойловичъ задержалъ стольника Доримедонтова у себя. Самойловичъ вѣрно учелъ нерѣшительность Московской политики; къ сдѣланному уже дерзкому поступку (задержанію Доримедонтова) онъ присоединилъ безнаказано и другой: онъ не только послалъ въ Малороссійскій Приказъ письмо, но еще и съ наставленіемъ, что не слѣдуетъ такъ почтительно обращаться съ Дорошенкомъ, не слѣдуетъ никого посылать въ Чигиринъ для отобранія присяги, а напротивъ того привести, хотя бы силою, Дорошенко къ присягѣ передъ бояриномъ Ромодановскимъ и имъ, гетманомъ. Благодаря своей настойчивости, Самойловичъ добился того, что второе требованіе, а именно обязательность присяги въ присутствіи Ромодановскаго и гетмана, отмѣненная новымъ Московскимъ правительствомъ, снова была возстановлена. Затѣмъ

опять начались частыя посылки отъ боярина и гетмана съ приглашеніемъ Дорошенку явиться и въ ихъ присутствіи принести присягу. Дорошенко, хотя и желавшій принести присягу, но считавшій для себя, видимо, унизительнымъ выполненіе этого требованія, сталъ отговариваться, что онъ въ ожиданіи прибытія своихъ пословъ изъ Москвы, а также возможности нашествія непріятелей на Чигиринъ, не можетъ явиться къ боярину, боясь оставить Чигиринъ на произволъ судьбы. Желая понудить Дорошенко, гетманъ послалъ къ Чигирину казацкій отрядъ Черниговскаго полковника Василія Барковскаго (который и прибылъ 18-го марта подъ Чигиринъ), но по царскому указу вынужденъ былъ отозвать его. Наконецъ, въ концѣ іюня Дорошенко наотрѣзъ отказался сдать гетманство Самойловичу. „Не поѣду", сказалъ онъ: „и не сдамъ гетманства безъ войсковой рады: это безчестно". Въ свою очередь Самойловичъ все настойчивѣе сталъ указывать на унизительность посылать безполезныя приглашенія и добился указа (въ іюнѣ) двинуться боярину и ему, гетману, къ Днѣпру со всѣми войсками. Пославъ напередъ передовой отрядъ (Ромодановскій—Косагова съ 15.000 войска, а Самойловичъ—генеральнаго бунчужнаго Леонтія Полуботка съ 3 полками), они отправили ихъ подъ Чигиринъ, а затѣмъ и сами (15-го августа) приблизились къ Днѣпру (подъ Крыловымъ) и стали по частямъ переправлять войска. Высланные впередъ Косаговъ и Полуботокъ остановились за нѣсколько верстъ отъ Чигирина и отправили къ Дорошенку увѣщательную грамоту отъ имени Государя, а утромъ приблизились къ городу. Произошла недолговременная битва. Видя успѣхъ Московскихъ войскъ, Дорошенко созвалъ раду, на которой порѣшено было отдаться на милость Государя, а затѣмъ отдалъ приказъ прекратить бой. На другой день онъ выѣхалъ за 3 версты отъ Чигирина; съ нимъ было духовенство съ хоругвями и образами, старшина и Чигиринская знать. Тамъ (на рѣчкѣ Янчаркѣ) онъ далъ присягу въ подданствѣ Государю въ присутствіи Косагова и Полуботка. Затѣмъ были отправлены посланцы, которые должны были отвезти боярину Ромодановскому знаки гетманскаго достоинства и объявить, что Дорошенко вскорѣ вслѣдъ за ними самъ прибудетъ къ нему; кромѣ того, они должны были повезти статьи, на какихъ онъ хотѣлъ перейти въ подданство.

Получивъ согласіе на всѣ условія, Дорошенко въ сопровожденіи казацкаго войска, Косагова и Полуботка изъ Чигирина двинулся за Днѣпръ и 19-го сентября 1676 г. передалъ знаки гетманскаго достоинства боярину Ромодановскому, а тотъ—Самойловичу, какъ гетману обѣихъ половинъ Малороссіи, и на другой день отправился въ Чигиринъ. Вслѣдъ за тѣмъ были отправлены назначенные отъ боярина и гетмана для занятія Чигирина стольникъ князь Мих. Гр. Ромодановскій (сынъ боярина) и Черниговскій полковникъ Василій Борковскій, а за ними подъѣхалъ въ Чигиринъ и самъ гетманъ. Дорошенко сдѣлалъ гетману и стольнику торжественную встрѣчу, самъ вышелъ за 3 версты отъ города и, въ знакъ особеннаго удовольствія, приказалъ палить изъ пушекъ ради привѣтствія прибывшихъ. Получивъ отъ Дорошенка городскіе ключи и 16 пушекъ и переночевавъ, гетманъ со стольникомъ поутру отбыли изъ Чигирина, а затѣмъ гетманъ съ бояриномъ Ромодановскимъ переправились назадъ за Днѣпръ. Взятые у Дорошенка знаки гетманскаго достоинства были отправлены Ромодановскимъ въ Москву, куда они прибыли 12-го октября. 1-го ноября Дорошенко, по указанію гетмана, прибылъ къ нему въ Батуринъ, гдѣ Самойловичъ не только встрѣтилъ его радушно, но и почтилъ его пріѣздъ трехдневнымъ пиромъ, а затѣмъ, по уговору съ бояриномъ Ромодановскимъ, назначилъ ему жить въ Сосницѣ, но оттуда Дорошенко былъ вытребованъ въ Москву, куда и уѣхалъ 8-го марта 1677 г., а 20-го марта „видѣлъ очи государевы". Еще находясь въ Чигиринѣ, а затѣмъ въ Сосницѣ, Дорошенко предупреждалъ Ромодановскаго и гетмана о возможности слѣдующаго: Султанъ, считая себя властителемъ правобережной Украйны, послѣ отреченія Дорошенка отъ гетманскаго достоинства и даже перехода въ подданство Московскому Государю, несомнѣнно, пожелаетъ назначить отъ своего имени гетмана для правобережной части Украйны. Такимъ гетманомъ возможно, что онъ назначитъ сына Богдана Хмельницкаго Юрія, уже бывшаго гетманомъ и находившагося у него въ заточеніи въ Константинополѣ. Предсказанія Дорошенка сбылись. По совѣту Константинопольскаго патріарха, султанъ выпустилъ

Юрія Хмельницкаго изъ Семибашеннаго замка, пожаловалъ княземъ Малороссійской Украйны и приказалъ готовиться къ походу. Вновь назначенный гетманомъ и княземъ Малороссіи, Хмельницкій съ началомъ весны переправился черезъ Дунай. Онъ имѣлъ при себѣ по однимъ извѣстіямъ, 150 человѣкъ, а по другимъ—всего только 60. Во главѣ столь незначительнаго числа казаковъ Хмельницкій, какъ гетманъ и князь Малороссійскій, назначилъ отъ себя „наказнымъ гетманомъ" Евстафія Гиновскаго, который двинулся въ Подолію и сталъ повсюду разсылать универсалы, требуя, чтобы находившіеся въ подольскихъ городахъ польскіе гарнизоны выходили изъ города, такъ какъ Подолія Польшею уступлена Турціи, а кромѣ того было объявлено, что если города Подоліи признаютъ Хмельницкаго гетманомъ и княземъ, имъ обезпечивается безопасность отъ наступающихъ турецкихъ войскъ. Неохотно, недовѣрчиво отнеслись жители Подоліи и Украйны къ Хмельницкому. Одинъ такой универсалъ былъ доставленъ Самойловичу. 7-го апрѣля Хмельницкій отправилъ письмо къ кошевому Запорожья—Сѣрку. Это еще могло быть серьезно по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ Сѣрко сталъ склоняться на сторону Хмельницкаго. Вслѣдъ за Хмельницкимъ должно было выступить 60-тысячное турецкое войско, но во главѣ его былъ поставленъ не Хмельницкій, а Ибрагимъ-паша, по прозванію „Шайтанъ" (чортъ). 13-го іюля войско Ибрагима перешло черезъ Днѣстръ, а 8-го августа Ибрагимъ подступилъ къ Чигирину, чтобы тамъ соединиться съ подступавшимъ туда войскомъ Крымскаго хана. Услышавъ о появленіи Хмельницкаго, а также о приготовленіи турокъ къ походу подъ Чигиринъ, Московское правительство въ свою очередь стало принимать мѣры. Въ Чигиринъ отправленъ былъ генералъ-маіоръ Аѳанасій Траурнихтъ, съ нимъ былъ посланъ инженеръ-полковникъ фанъ-Фрастенъ, да двое стрѣлецкихъ головъ: Титовъ и Мещериновъ съ Приказами, такъ что во всѣхъ трехъ стрѣлецкихъ полкахъ было до 24.000 человѣкъ. Ромодановскій, стоявшій въ томъ году съ войскомъ въ Курскѣ, получилъ приказъ соединиться по первому требованію съ гетманомъ. На подкрѣпленіе соединеннымъ войскамъ послано было еще войско подъ начальствомъ боярина князя В. В. Голицына, при чемъ стоять ему велѣно было въ Путивлѣ. Въ концѣ іюня Траурнихтъ уже прибылъ въ Чигиринъ и началъ приводить въ порядокъ укрѣпленія. Весь іюль прошелъ въ подготовленіяхъ. 28-го іюля уже проникло первое извѣстіе о наступленіи турецкихъ войскъ, о чемъ извѣстили гетмана Самойловича, находившагося въ Ромнахъ; 3-го августа непріятели стали появляться подъ городомъ, а 4-го августа осадили его. Траурнихтъ не пользовался авторитетомъ среди подчиненныхъ; онъ былъ остороженъ, а въ этомъ видѣли подозрительность. Испытывая вѣрность казаковъ, Траурнихтъ приказалъ имъ въ ночь на 6-ое августа 1677 г. сдѣлать изъ города вылазку. Необходимость въ подобной отчаянной вылазкѣ явилась потому, что турки подвели свои траншеи уже такъ близко, что находились всего въ 100 шагахъ отъ верхняго города. Казаки не возражали и вышли изъ города въ количествѣ 1.000 человѣкъ, захвативъ съ собой до 800 царскихъ ратниковъ. Вылазка была удачна для русскихъ: они побили много турокъ въ траншеяхъ и захватили въ плѣнъ 11 человѣкъ языковъ. 10-го августа явился къ Ибрагиму Крымскій ханъ съ татарскимъ войскомъ. Въ то же самое число (10-го августа) произошло соединеніе войскъ гетманскихъ съ войсками Ромодановскаго въ Артополотѣ, и оба двинулись къ Днѣпру. Турки съ татарами, заслышавъ о движеніи Ромодановскаго съ гетманомъ, стали прилагать всѣ усилія захватить городъ приступомъ до прихода русскихъ войскъ, но всѣ приступы храбро отражались осажденными, постоянно и съ большимъ уономъ для осаждающихъ. 17-го августа Ромодановскій съ Самойловичемъ подошли къ Снятину и отсюда послали отрядъ на помощь осажденнымъ, при чемъ гетманъ послалъ пѣхотный казацкій полкъ, а Ромодановскій 1.000 драгунъ. Придя къ Чигирину, этотъ отрядъ ночью прокрался чрезъ ряды татаръ въ виду турецкаго войска, со славою, чрезъ окровавленные трупы своихъ враговъ, съ музыкою и распущенными знаменами вошелъ въ городъ. Это настолько подняло духъ осажденныхъ, что они не пали, когда 23-го августа взорвало одинъ турецкій подкопъ и турки хотѣли проникнуть черезъ прорывъ въ стѣнѣ въ городъ. Узнавъ черезъ одного плѣннаго молдаванина о намѣреніи турокъ, осажденные приготовились

и отбили турокъ, бросившихся въ прорывъ. На другой день, 24-го августа, осажденные замѣтили, что значительная часть осаждавшихъ, особенно татары, удаляется отъ города. Это не изумило, но, наоборотъ, еще ободрило осажденныхъ. Черезъ вновь прибывшій отрядъ они были извѣщены, что къ городу подступалъ Ромодановскій съ гетманомъ. Они поняли, что̀ означало отступленіе непріятеля отъ города. И дѣйствительно, 25-го августа Ромодановскій съ гетманомъ подошли къ Днѣпру противъ Чигирина, къ Бужинской пристани. Чтобы не допустить Ромодановскаго съ гетманомъ переправиться черезъ Днѣпръ, былъ отряженъ сначала ханъ Крымскій съ татарами и съ частью только турецкихъ войскъ, для чего и былъ занятъ непріятелемъ островокъ на Днѣпрѣ. Вскорѣ двинулся и самъ Ибрагимъ-паша съ большею частью своихъ силъ. 25-го августа казаки, по приказанію гетмана, подъ выстрѣлами, подплыли на лодкахъ по Днѣпру, переплыли на правый берегъ и зашли туркамъ въ тылъ, такъ что туркамъ пришлось отстрѣливаться на два фронта. Наступила ночь. На утро 26-го августа уже всѣ русскія войска были на правомъ берегу; тогда турки двинулись по направленію къ Крылову. 28-го августа произошла схватка. Турки потерпѣли пораженіе, русскіе ихъ гнали на протяженіи 5-ти верстъ. Отсюда турки двинулись къ рѣкѣ Тясьмину, перешли ее и, идя позади рѣки, къ ночи достигли Чигирина. Канонада по Чигирину была усилена, но они не думали ни о какомъ приступѣ, такъ какъ канонада была необходима, чтобы замаскировать отступленіе. И дѣйствительно, къ тремъ часамъ утра канонада стала утихать, турки вывезли весь обозъ и артиллерію, зажгли свой станъ и быстро ушли. Когда наступило утро, осажденные вышли изъ города и, къ изумленію своему, не нашли въ турецкихъ траншеяхъ ни одного турка. Въ тотъ же день (29-го августа) Ромодановскій съ гетманомъ прибыли къ Чигирину. Ромодановскій не двинулся всѣмъ войскомъ преслѣдовать ихъ, но ограничился только тѣмъ, что послалъ 3.000 отрядъ для вывѣдыванія о непріятелѣ. Привели какого-то плѣненнаго ими славянина (сербаили болгарина), который сообщилъ, что турки бѣжали въ такой паникѣ и съ такою поспѣшностью, что на переправахъ покидали лошадей и наметы и ушли за Днѣстръ въ свои владѣнія. Татары, уже дойдя до Буга, покинули союзниковъ и поворотили домой. Узнавъ объ этомъ, гетманъ отправилъ за Ингулъ большой отрядъ казаковъ, который нагналъ партію татаръ, разсѣялъ ихъ и возвратился съ большой добычей. Дальнѣйшею заботою Ромодановскаго было привести въ порядокъ и выровнять мѣстность подъ Чигириномъ: она была вся изрыта траншеями и ходами для подкоповъ. Чтобы ими на будущее время не воспользовался непріятель, Ромодановскій приказалъ зарывать траншеи и шанцы и срывать бугры, насыпанные для постановки на нихъ осадныхъ орудій. Приведя все въ порядокъ, Ромодановскій съ гетманомъ отправили свои донесенія въ Москву, а 9-го сентября (1677 г.) переправились на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ встрѣтили наготовѣ войско, шедшее на подмогу подъ начальствомъ боярина князя В. В. Голицына, а т. к. непріятеля въ правобережной части Украйны уже не было, то они и возвратились къ себѣ по мѣстамъ; Ромодановскій возвратился на воеводствовъ Курскъ. По полученіи извѣстіи объ этой побѣдѣ, Царь съ милостивымъ словомъ къ боярину князю Ромодановскому и гетману Самойловичу отправилъ стольника Василія Тяпкина. Кстати Тяпкину было поручено узнать мнѣніе относительно Чигирина и у Ромодановскаго, и у Самойловича, и у старшинъ. Всѣ они сходились на одномъ, что Чигиринъ не только не долженъ быть разрушенъ, но долженъ быть сохраненъ и даже укрѣпленъ настолько, чтобы служить оплотомъ противъ турокъ. Въ Москвѣ понимали, что турки не примирятся съ пораженіемъ при Чигиринѣ и въ слѣдующемъ, 1678 году возобновятъ попытку вторгнуться въ Украйну. Въ Москвѣ не желали войны съ турками, поэтому рѣшено было отправить въ Турцію гонцомъ Аѳанасія Парасукова, какъ бы съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, на самомъ же дѣлѣ предложить, если представится возможность, возобновить дружественныя отношенія между государствами и указать, что достаточныхъ поводовъ нарушать ихъ нѣтъ.

Вступивъ на этотъ путь, Московское правительство и въ дальнѣйшемъ старалось прибѣгать къ попыткамъ разрѣшать все мирными переговорами. Турецкое же правительство смотрѣло на дѣло иначе.

Парасукову категорически было объявлено, что, если Государь не отступится отъ Чигирина и Украйны, то война неизбѣжна. Парасуковъ сообщалъ въ Москву о поспѣшныхъ приготовленіяхъ для предстоящаго похода на Чигиринъ. Стало извѣстно въ Москвѣ, что султанъ смѣнилъ Ибрагима-пашу, замѣнивъ его Капланъ-пашею, человѣкомъ очень воинственнымъ; смѣненъ былъ также ханъ Крымскій Селимъ, которому султанъ приписывалъ неудачу Чигиринскаго похода въ прошломъ году, и онъ былъ замѣненъ ханомъ Мурадъ-Гиреемъ, который прославился побѣдой подъ Чудновомъ надъ воеводой бояриномъ В. Б. Шереметевымъ въ 1660 году.

Получая такого рода извѣстія, Государь, по совѣту съ духовенствомъ и боярами, 12-го апрѣля 1678 г. указалъ Ромодановскому идти въ Малороссію, но до начала дѣйствій попытаться вступить съ визиремъ въ переговоры, отстаивать Малороссію, доказывать, что она изстари принадлежала Россіи, что ею не могъ, не имѣлъ права распоряжаться Дорошенко, отдаваясь въ подданство турецкому султану; въ случаѣ неудачи переговоровъ, всѣми силами защищать Чигиринъ, а если это невозможно, то Ромодановскій долженъ разорить его до основанія, если же послѣ его разоренія возникнутъ у Ромодановскаго съ турками переговоры, то постановить такой договоръ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ никакихъ городовъ не строить, а жителей перевести на лѣвую сторону Днѣпра.

Ромодановскому, однако, было указано дѣлать это такъ, чтобы не возникло ропота у малороссіянъ.

Желая, на случай предстоящей войны, укрѣпить Чигиринъ, Московское правительство отправило туда воеводою окольничаго Ив. Ив. Ржевскаго, съ успѣхомъ уже раньше дѣйствовавшагося въ Малороссіи; старый гарнизонъ, уже выдержавшій осаду, былъ замѣненъ новымъ, свѣжимъ. Послано было 5 стрѣлецкихъ Приказовъ съ головами, Сѣвскій драгунскій полкъ, да еще шотландецъ инженеръ Патрикъ Гордонъ, получившій большую извѣстность въ нашей исторіи. Ржевскій съ Гордономъ прибыли въ концѣ апрѣля и дѣятельно стали заниматься укрѣпленіемъ города и подготовкою его къ осадѣ. 12-го мая прибыли туда Гадячскіе казаки подъ начальствомъ полковника Ѳед. Криницкаго, 17-го іюня къ нимъ присоединились еще казаки изъ полковъ Нѣжинскаго и Лубенскаго, предназначенные для веденія земляныхъ работъ и отданные въ распоряженіе Гордона; вообще казаки были подчинены спеціально назначенному наказному гетману Павлу Животовскому. Много хлопотъ было Ржевскому и Гордону. Когда они явились въ Чигиринъ, то увидѣли его въ полномъ разореніи; обѣщанныхъ ранѣе гетманомъ хлѣбныхъ запасовъ они также не нашли; кромѣ того обѣщано было, что въ пути къ нимъ присоединятся казаки, посланные гетманомъ, но и этого не случилось. Когда они извѣстили объ этомъ въ Москву, то въ Москвѣ забили тревогу, и къ гетману въ Батуринъ и къ Ромодановскому въ Курскъ поскакалъ, въ апрѣлѣ же, стольникъ Алмазовъ запросить того и другого, что они думаютъ.

Ромодановскій отвѣчалъ, что онъ немедленно идетъ къ Чигирину, гетманъ же оправдывался тѣмъ, что у него войска были не всѣ въ сборѣ, что онъ къ Ромодановскому пока и одинъ безъ войска пойдетъ для переговоровъ, что опасаться нечего: и войска, и запасы придутъ вѣ время. Гетманъ былъ правъ: войска и запасы пришли вѣ время, но это случилось только потому, что турецкій верховный визирь Кара-Мустафа явился къ Чигирину только 9-го іюля. Война возобновилась собственно въ мартѣ; открылъ военныя дѣйствія Крымскій ханъ Мурадъ-Гирей въ Переяславскомъ полку, гдѣ татары подъ предводительствомъ Юрія Хмельницкаго стали производить страшныя опустошенія. Между тѣмъ, изъ Москвы двинулось войско къ Ромодановскому подъ начальствомъ воеводъ Касимовскаго Царевича Василія Арасланoвича, окольничаго князя Конст. Осип. Щербатова и стольника Сем. Ѳед. Толочанова, и Ромодановскій принялъ надъ нимъ начальство. 10-го мая выступилъ изъ Батурина гетманъ и въ началѣ іюня въ Артополотѣ соединился съ Ромодановскимъ. Тутъ Ромодановскій далъ гетману пиръ, пригласилъ казацкую старшину и вообще далъ имъ предпочтеніе предъ великороссіянами; отсюда возникаетъ первая причина ненависти участниковъ похода къ Ромодановскому. Изъ Артополоты они двинулись къ Лубнамъ, куда прибыли 12-го іюня (1678 г). Отправивъ впередъ 12-ти тысячный отрядъ подъ начальствомъ Косагова для пріисканія мѣста для переправы, Ромода-

новскій съ гетманомъ въ концѣ іюня прибыли къ Днѣпру. 1-го іюля пришло извѣстіе, что Турки приблизились къ Бугу. Нужно было ждать быстраго нашествія. Тогда только Ромодановскій съ гетманомъ сообразили, что мѣсто, выбранное ими для переправы и куда былъ высланъ отрядъ съ Косаговымъ, было неудобно, такъ какъ имъ мили 3 пришлось бы двигаться къ Чигирину чрезъ лѣса и болота и быть постоянно въ страхѣ, что непріятель нападетъ на нихъ сбоку или сзади, и они рѣшили повернуть вверхъ по теченію Сулы (чрезъ нее перешли 3-го іюля), а потомъ пришли къ Бужинскому перевозу, гдѣ совершали переправу въ прошломъ (1677) году. По причинѣ большого на этотъ разъ количества войскъ, переправа затянулась и была медленной. Начавъ ее 6-го іюля, они къ 10-му іюля еще не успѣли переправить большой части войскъ, а татары въ этотъ день тайкомъ переправились черезъ Днѣпръ у Крылова, ударили сбоку на русскіе обозы, но потерпѣли большой уронъ. На другой день (11-го іюля) татары опять напали на переправившуюся часть русскихъ войскъ, но потерпѣли еще большій уронъ. 12-го іюля уже всѣ русскія войска были на правой сторонѣ, а на другой день выдержали бой съ 5 пашами и Крымскимъ ханомъ. Битва происходила съ 8 ч. утра до вечера, при селѣ Шабельникахъ, но русскіе отбили непріятеля. Затѣмъ 7 дней подрядъ происходили стычки, но Ромодановскій, согласно царскому указу, не двигался дальше, чтобы не принимать генеральнаго сраженія, такъ какъ ему велѣно было дожидаться прихода князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго, который долженъ былъ придти въ подмогу къ Ромодановскому съ калмыками и татарами. Весь іюль прождали Черкасскаго. Ромодановскій, согласно указу, не могъ двинуться къ Чигирину, а между тѣмъ осажденные все время посылали въ лагерь къ Ромодановскому съ просьбой о выручкѣ; къ 27-му іюля сообщеніе съ городомъ было отрѣзано. Черкасскій обманулъ ожиданія, приведя, вмѣсто большого вспомогательнаго войска, всего какихъ-нибудь 4 тысячи, а между тѣмъ времени было упущено много и гарнизонъ Чигирина былъ истомленъ. Съ приходомъ князя Черкасскаго Ромодановскій на другой же день послалъ его къ Чигирину, давъ отъ себя рейтаровъ и копейщиковъ, отъ гетмана—охочихъ казаковъ, такъ что всего было тысячъ около двадцати. Вслѣдъ за ними двинулось отъ Бужина къ Чигирину и все остальное войско. Между тѣмъ, осада Чигирина усилилась. 29-го іюля былъ взрывъ перваго подкопа, а на слѣдующій день произошелъ 2-ой и 3-ій взрывъ, притомъ съ такою силою, что въ нижнемъ городѣ думали, что верхній разрушенъ былъ до основанія и всѣ погибли. Образовался проломъ, но Гордонъ принялъ мѣры. 1-го августа Капланъ-паша двинулся противъ Ромодановскаго и гетмана.

Между Чигириномъ и Днѣпромъ находились горы, стоявшія на границѣ приднѣпровской равнины. Особенно господствовала надъ всей приднѣпровской мѣстностью и даже надъ Чигириномъ такъ наз. „Стрѣльниковая гора“. Турки заняли эти высоты, возвели батареи, уставили пушки и стали защищать входъ на гору. Впередъ былъ высланъ Алеппскій паша, съ которымъ и завязалась 31-го іюля битва; Алеппскій паша былъ побѣжденъ и принужденъ отступить къ Каплану-пашѣ, стоявшему на горахъ. 1-го августа Капланъ-паша, спустившись съ горы, вступилъ въ битву, но былъ отраженъ, а Ромодановскій съ гетманомъ подступили къ горамъ; хотя попытки русскихъ (1-го и 2-го августа) овладѣть высотами были неудачны, однако, Ромодановскій 3-го августа снова двинулъ значительный отрядъ и овладѣлъ высотами.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Ив. Ив. Ржевскій, главный воевода Чигирина, на радости взобрался на стѣну города, желая оттуда видѣть прибывшихъ русскихъ, но случайно осколокъ гранаты сразилъ его на смерть. Начальство надъ гарнизономъ перешло къ Гордону. Услыхавъ о побѣдѣ русскихъ, Гордонъ послалъ къ Ромодановскому съ просьбой, чтобы онъ поскорѣе прибылъ въ городъ и тѣмъ завершилъ побѣду; но Ромодановскій не сумѣлъ воспользоваться побѣдой; онъ послалъ Гордону одинъ только драгунскій полкъ, самъ же, спустившись съ высотъ, остановился въ $2^1/_2$ верстахъ отъ города. Гордонъ 5-го августа снова послалъ къ Ромодановскому съ просьбою хотя бы приблизиться къ городу, указывая даже удобное мѣсто для стана, а именно на островкѣ, пониже Чигирина, указывая, что оттуда легко можно обстрѣливать непріятеля; но Ромодановскій не послушалъ Гордона, послалъ ему еще около 3-хъ тысячъ ратныхъ людей на помощь и рекомендо-

валъ самому сдѣлать вылазку. Вылазка (6-го авг.) оказалась неудачной. Какъ ни домогался Гордонъ, Ромодановскій упорно не хотѣлъ приблизиться къ городу, посылая Гордону только на помощь все новые отряды. Въ то время, какъ Ромодановскій такъ вяло дѣйствовалъ для выручки Чигирина, въ русскій станъ перебѣжалъ Куницкій и донесъ, что былъ у турокъ въ плѣну, что они ощущаютъ большой недостатокъ въ продовольствіи и при первой неудачѣ отступятъ. Гордонъ воспользовался этимъ извѣстіемъ и послалъ къ Ромодановскому умолять придти на помощь, но и на этотъ разъ Ромодановскій ограничился посылкой отряда для вылазокъ. Чигиринъ могъ держаться только до 11-го августа. Въ этотъ день взорвало мину подъ нижнимъ городомъ, и образовался прорывъ. Много казаковъ погибло. Толпою кинулись казаки изъ города черезъ Московскій мостъ, чтобы проникнуть въ войсковой обозъ Ромодановскаго. За мостомъ стояли турки, проникшіе туда черезъ болото; они надломили мостъ; масса казаковъ потонула при крушеніи моста, другіе казаки погибли во время давки, происшедшей отъ испуга послѣ взрыва въ нижнемъ городѣ, и возникшаго пожара, такъ какъ проникшіе черезъ прорывъ турки стали зажигать строенія. Къ вечеру этого дня (11-го августа.) Ромодановскій прислалъ отъ себя гонца съ повелѣніемъ вывести гарнизонъ изъ верхняго города, но онъ не вошелъ въ городъ, а устно передалъ его—и то не Гордону, а одному изъ стрѣлецкихъ головъ, который уже въ своею очередь донесъ Гордону. Гордонъ на это отвѣтилъ: „Мнѣ дано повелѣніе лучше погибнуть, чѣмъ оставить свой постъ; и другимъ я этого не позволю, не получивши письменнаго приказа". Только въ 3 часа ночи явился барабанщикъ изъ полка стрѣлецкаго полковника Карандѣева и привелъ гонца отъ Ромодановскаго, на этотъ разъ уже съ письменнымъ приказомъ выступить изъ города съ ратными царскими людьми, взять съ собою пушки, что̀ полегче, прочія закопать, укрѣпленія разорить, боевые запасы и порохъ истребить. Гордонъ все приготовилъ къ отступленію, но не могъ вывести войско въ порядкѣ. Воины, безъ команды, побросали оружіе и съ ужаснымъ крикомъ бросились къ обозу Ромодановскаго; много ихъ погибло: частью они были перехвачены по дорогѣ и изрублены турками, частью погибли, когда переправлялись вплавь черезъ рѣку Тясьминъ. Гордонъ, говорятъ, съ пистолетомъ въ одной рукѣ, съ саблею въ другой благополучно пробрался среди непріятелей; явившись въ лагерь къ Ромодановскому, онъ сталъ упрекать и обвинять его въ гибели множества народа, такъ какъ во время не далъ помощи. Ромодановскій съ понятнымъ неудовольствіемъ выслушалъ тяжкіе упреки, но мало могъ возразить на нихъ. Пала дисциплина въ гарнизонѣ Чигирина, но не лучше дѣло обстояло и въ войскѣ самого Ромодановскаго. Нѣсколько позднѣе посланцемъ, отправленнымъ отъ гетмана въ Малороссійской Приказъ — Ив. Ст. Мазепою, была дана очень интересная характеристика войску Ромодановскаго въ то время „У насъ въ походѣ", говоритъ онъ: „съ Ромодановскимъ людей было много, а на бояхъ было ихъ мало: только солдатскіе полки да стрѣлецкіе приказы; да и стрѣльцовъ было немного, прочее все пряталось въ обозѣ, въ телѣгахъ: отъ рейтаръ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ только одинъ крикъ! Гетманъ много разъ посылалъ къ нимъ, а они не шли, и гетманъ принужденъ былъ послать въ бой свои казацкіе полки, а самъ остался со своимъ дворомъ и драгунами, которые всегда неотлучно находились при немъ". Характеристика эта дѣлаетъ понятною ту ненависть, какую питали казаки и стрѣльцы, къ прочимъ ратнымъ людямъ, упоминаемымъ имъ, такъ какъ они, казаки и стрѣльцы несли на своихъ плечахъ всю тяжесть похода и сраженій, и не мудрено, что эту ненависть они переносили и на самого Ромодановскаго, а эта ненависть впослѣдствіи была причиной трагической кончины Ромодановскаго. На другой день послѣ разрушенія и паденія Чигирина боярин съ гетманомъ повернули назадъ къ Днѣпру, подвергаясь нападеніямъ отъ непріятеля, которыя всякій разъ, правда, съ успѣхомъ отражали, пока не достигли наконецъ (къ полдню 13-го августа) до Бужинскаго перевоза; но они не переправились тотчасъ черезъ Днѣпръ, опасаясь нападенія со стороны непріятеля при переправѣ. Такъ прошло время до 19-го августа, и, послѣ кровопролитнаго сраженія въ этотъ день, въ ночь съ 19-го на 20-го августа великій визирь, не надѣясь уже завладѣть русскимъ обозомъ и лагеремъ, видя, что постоянныя кровопролитныя нападенія, со-

провождавшіяся большими потерями, всякій разъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ отражаются русскими, отступилъ къ Чигирину, а затѣмъ, разоривъ его окончательно,—оттуда къ Днѣстру. Война 1678 г. и операціи подъ Чигириномъ были послѣдними дѣйствіями Ромодановскаго въ Малороссіи, да и вообще прекращается тогда его военное поприще: Ромодановскій послѣ паденія Чигирина былъ отозванъ въ Москву, гдѣ и оставался до своей кончины въ 1682 г. Поступокъ Самойловича былъ вполнѣ понятенъ, такъ какъ онъ не могъ выставлять очень категорически свою инціативу при боярингѣ князѣ Ромодановскомъ, какъ намѣстникѣ царскомъ. Поведеніе князя Ромодановскаго казалось мало объяснимымъ и вызывало большіе толки. Съ одной стороны, говорили о его измѣнѣ. Была даже такая версія. Въ плѣну у Крымскаго хана находился его старшій сынъ, князь Андрей Григорьевичъ, взятый въ 1668 г. запорожскимъ кошевымъ Суховѣенкомъ и отосланный въ Крымъ. Говорили, будто ханъ обѣщалъ отпустить князя Андрея, если Ромодановскій допуститъ визирю взять Чигиринъ, въ противномъ случаѣ боярину пришлютъ голову сына. Эти толки тѣмъ болѣе казались правдоподобными, а дѣйствія Ромодановскаго, его медленность и неподача помощи осажденному Чигирину казались тѣмъ обиднѣе, что изъ турецкихъ областей доходили вѣсти (напр., отъ Куницкаго къ Самойловичу), что положеніе турокъ было плохо, что туркамъ пришлось бы пропасть подъ Чигириномъ, если бы Ромодановскій дѣйствовалъ иначе. Существуетъ и другое, противоположное мнѣніе. Говорили (и это извѣстный фактъ), что еще прежде, чѣмъ Ромодановскій явился съ войскомъ подъ Чигириномъ, у него былъ царскій указъ оставить Чигиринъ, предавъ разоренію, если окажется труднымъ его удерживать. Кромѣ разоренія Чигирина, указъ этотъ предписывалъ попытаться завести съ турками сношенія о мирѣ. Возможно, что этотъ указъ стѣснялъ активность военныхъ дѣйствій. Мы не имѣемъ достаточно провѣренныхъ фактовъ для утвержденія того или противоположнаго взгляда на дѣятельность Ромодановскаго подъ Чигириномъ. Возможно, что операція подъ Чигириномъ при условіи существованія вышеупомянутаго указа требовала отъ предводителя русско-казацкихъ военныхъ силъ сочетанія, помимо военныхъ, еще и дипломатическихъ способностей, но бояринъ князь Гр. Гр. Ромодановскій былъ только воинъ, и задача, возложенная на него Московскимъ правительствомъ, не соотвѣтствовала его дарованіямъ, и потому онъ потерпѣлъ неудачу. Но также возможно, что сыграло роль и общее деморализованное состояніе войска, что такъ характерно передано извѣстнымъ посланцемъ въ Москву (будущимъ гетманомъ) Ив. Ст. Мазепою (въ мартѣ 1679 г.). Въ 1678 году 27-го марта, вѣроятно, благодаря успѣху 1-го Чигиринскаго похода (1677 г.) бояринъ князь Гр. Гр. Ромодановскій получилъ въ вотчину село Ромоданово съ приселками Покровскимъ (Покрова Пресвятыя Богородицы), Николаевскимъ, да Рождественскимъ съ деревнями и съ крестьянами, пустошами, съ мельницами и рыбными ловлями, съ перевозами и со всѣми угодьями. Полученіе этой вотчины было особенно важно для него, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ когда-то его предки были владѣтельными удѣльными князьями и отъ него, села Ромоданова, и получили свою фамилію, называясь ранѣе только князьями Стародубскими. Вызваннаго въ Москву Ромодановскаго мы не видимъ въ опалѣ: мы видимъ, что онъ принималъ, правда лишь нѣкоторое, участіе въ придворной жизни. Такъ въ 1679 году, 9-го сентября, мы видимъ его среди бояръ, которые слѣдовали за Государемъ въ его о походѣ въ село Хорошево; въ 1682 г., 12-го января, онъ участвовалъ въ Соборѣ, созванномъ Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ по вопросу объ уничтоженіи мѣстничества, и мы находимъ его подпись подъ „соборнымъ дѣяніемъ“. Въ томъ же 1682 г., 2-го мая, онъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ Царя Ѳеодора, а 15-го мая палъ въ числѣ жертвъ Стрѣлецкаго бунта, когда стрѣльцы, наущенные партіей Милославскихъ, стали не только убивать лицъ, враждебныхъ или опасныхъ для партіи Милославскихъ, но и тѣхъ, къ которымъ у нихъ накопилась вслѣдствіе той или другой причины ненависть. Причиною „казни“ князя Ромодановскаго, какъ они говорили, было то, что они считали именно его виновникомъ неудачи Чигиринскаго похода, припоминали также и тѣ притѣсненія и жестокости, какія онъ имъ чинилъ во время похода. Стрѣльцы поймали его между патріаршимъ дворомъ и Чудовымъ монасты-

ремъ, противъ Посольскаго Приказа. Какъ описываетъ одинъ современникъ событія, стрѣльцы схватили его за бороду и потащили къ Разряду. „Ведуще его за власы и браду, зѣло ругательно терзаху и по лицу бивше“; тамъ они подняли его на копьяхъ, а затѣмъ, опустивъ на землю, зарубили. Издѣвательства продолжались и послѣ смерти жертвъ: за ноги потащили ихъ черезъ Спасскія ворота и Красную площадь на Лобное мѣсто, саркастически выкрикивая, какъ бы расчищая для почета дорогу: „Давайте дорогу! Се бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій“. Такъ же поступили и съ другими жертвами: притащивъ трупы на Лобное мѣсто, они рубили ихъ бердышами на куски съ костями, все время приговаривая: „Любили величаться, вотъ вамъ и вознагражденіе“. Мало того: у растерявшагося правительства было вытребовано строгое воспрещеніе называть стрѣльцовъ измѣнниками, а надъ тѣлами убитыхъ на Лобномъ мѣстѣ были поставлены столбы съ надписями, за что эти лица были „казнены.“

Бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ (фамилія неизвѣстна) и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей: князей Андрея (см. выше) и Михаила Григорьевичей (см. ниже), изъ которыхъ старшій дѣйствовалъ съ отцомъ въ Малороссіи, въ 1668 г. былъ захваченъ въ плѣнъ Суховѣенкомъ и отданъ Крымскому хану, у коего и находился въ Бахчисараѣ, въ заточеніи до 1681 г., когда, послѣ заключенія мира съ Турціею и Крымомъ, былъ 4-го ноября освобожденъ и переданъ русскимъ. Князя Андрея Ромодановскаго, пойманнаго вмѣстѣ съ отцомъ во время Стрѣлецкаго бунта, стрѣльцы освободили отъ „казни“, принимая въ соображеніе его долголѣтній тяжкій татарскій плѣнъ и неволю. Какъ бы на память о многолѣтнихъ военныхъ дѣйствіяхъ боярина князя Г. Г. Ромодановскаго, въ Малороссіи осталась большая дорога, проведенная имъ во время Чигиринскихъ походовъ прямымъ путемъ по степнымъ мѣстамъ отъ Путивля мимо Конотопа, Роменъ и Хорола. Эта дорога, построенная имъ и уцѣлѣвшая до послѣднихъ временъ, носила, по имени строителя, названіе Ромодановской, а простой народъ называлъ ее Родоманомъ.

„Акты Архивной Экспедиціи“, т. IV, стр. 197—198, 266, 268, 271, 274, 277, 306, 313, 359, 362; „Акты Историч.“, т. IV, стр. 322—323, 325; т. V, стр. 17. „Доп. къ Акт. Истор.“, т V, стр. 395, 396; т. VI, стр. 59—61, 64, 65, 285; т. VII, стр. 64—66, 68, 71, 85, 206, 211, 212, 215, 218; т. VIII, стр. 21, 84, 87, 125, 137; т. IX. стр. 23, 24, 57, 60,—62, 86, 103, 257, 261, 282, 342; т. X, стр. 203; „Акты, относ. въ ист. Южной и Западн. Россіи“, т. IV, стр. 10, 22, 23, 24, 27, 29, 34, 35, 40, 46, 48—49, 50—54, 56, 62, 64, 129, 134, 145. 148, 149, 151, 152, 153, 157, 163, 166, 167, 174, 175, 178, 181, 189, 190, 191, 199, 219, 220, 225, 235, 236, 237, 242, 252, 262, 270, 274; т. V (указатель), т. VI (указатель), т. VII (указатель), т. VIII, указатель), т. X (указатель); „Сборникъ Муханова“, стр. 388; „Акты Московскаго Государства“, т. II, стр. 402, 476, 609, 611, 623, 624, 630 — 633, 636—638, 642, 644, 648, 649, 656, 672, 676; т. III, стр. 35, 28, 29, 31, 88, 89, 97, 83, 112, 113, 120, 127, 129, 132, 138, 140—142, 157, 160—163, 175, 176, 178, 181, 182, 184, 186, 187, 191, 192, 194, 198, 196, 202, 203, 216, 220, 222, 223, 224, 245—250, 252—255, 257—262, 267, 272, 283, 296, 297, 300, 303—305, 309—321, 325, 365, 366, 381, 400, 433, 436, 441, 473, 483, 507, 512, 516, 519, 521, 541, 544, 547, 551, 552, 565, 572, 573, 574, 580; „Собр. Госуд. Грам. и Догов.“, т. IV, стр. 36, 40, 50, 59, 64, 66, 82—84, 176, 218, 226, 229, 237, 241, 264, 276, 300, 302—305, 311, 313, 328, 357, 365, 407; „Сибирскій Сборникъ“, т. I, отд. III (Малороссійскія дѣла), стр. 14, 36, 37, 75, 78, 80, 85, 88, 89, 92, 94, 95, 96, 97, 110, 111, 141, 159, 172, 178, 181, 199, 203, 206, 211, 212, 218, 219; „Памятники дипломат. сношт.“, т. IV, стр. 1124, 1126; т. V, стр. 241, 255, 256, 258, 305, 519, 877; „Памятники“, изд. Кіевск. Врем. Комм. для разб. древн. актовъ, т. III, отд. 3, стр. 297, 307, 333; т. IV. отд. 3, стр. 44, 162, 191, 197, 199, 241, 315, 331, 343, 346, 350, 367, 368, 424; „Дворцовые разряды“, т. III, стр. 20, 34, 118, 119, 142, 148, 213, 215, 256, 302, 308, 375, 394, 416, 439, 457, 461, 718, 797, 799, 811, 812, 817, 824, 826, 827, 843, 887, 909, 910, 911, 912, 914, 921, 922, 923, 930, 932, 984. 985, 1018, 1024, 1028, 1036, 1038 (прим.), 1044, 1047, 1048, 1125, 1140, 1143, 1164, 1250, 1256, 1281, 1294, 1332, 1366, 1368, 1377, 1378, 1385, 1386, 1387, 1388, 1405, 1406, 1466, 1471, 1476, 1477, 1483, 1504, 1521, 1550, 1565, 1566, 1577, 1581, 1626, 1652, (прим.), т. IV, стр. 69, 112; Доп. къ III т., стр. 8, 18, 28, 33, 34, 35, 36, 105, 122, 130, 152, 154, 202, 203, 204, 210, 216, 216, 219, 328, 329, 342, 345, 346, 347, 365, 367, 370; Сам. Величко, „Лѣтопись событій въ Ю-З. Россіи въ XVII в.“, изд. Кіевск. Врем. Комм., т. I, стр. 330, 333, 339—341, 361, 362, 365, 372—375, 460; т. II, стр. 19, 27—30 37, 85, 86, 161, 166, 168, 179, 180, 182, 184, 200, 305, 306, 310, 328, 350. 397, 398, 419, 456, 458, 460, 462—467; „Лѣтопись Гр. Грабянки“, стр. 167, 168, 186, 197, 198, 200, 212, 214, 216, 220, 221, 223, 224, 226, 231, 305; „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богд. Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малор. по его смерти“, изд. Кіевск. Врем. Комм., Кіевъ. 1878, стр. 55—58, 64—72, 82, 83, 99—103, 116; 120—122, 125, 127—130, 136—138, 141—143, 150, 253, 254, 258, 259, 262, 263, 268, 270, 274, 276—278, 280, 281. 283, 286; „Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ смежныхъ губ.“, т. I, стр. 256; „Древн. Росс. Вивліоѳика“, кн. III, ч. 2, стр. 246; кн. VII, ч. 7, стр. 392; кн. XI, ч. 49, стр; кн. XV, ч. 18, стр. 298;

кн. XVII, ч. 7, стр. 285, 288, 286, 290, 292, 293, 294, 297, 300, 302, 305, 322, 326, 330, 338, 340, 342—342; кн. XX, ч. I, стр. 112, 118, 127; И. Голиковъ, „Дѣянія Петра Вел.“, т. I, стр. 15; т. XIII, стр. 52, 53, 54, 60, 61, 65, 83, 97, 96, 99, 107, 109, 111; т. XIV, стр. 128; Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки, стр. 97; П. И. Бартеневъ, „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича“, М. 1856; И. П. Сахаровъ, „Записки русскихъ людей“, С.-Пб. 1841; А. П. Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ,“ т. III, стр. 486; т. IV, 70, 236; т. V, 90—92, 96, 101—103, 118, 119, 126, 130, 142, 143, 146—148, 161, 164, 165, 171, 173—175, 177, 178, 181, 208, 214—216, 284, 375, 382; Ю. Щербачевъ, „Датскій Архивъ“, стр. 275; Д. Н. Бантышъ Каменскій, „Исторія Малой Россіи“, изданіе Южно-Русскаго книгоиздательства Ф. А. Іогансона, Кіевъ. 1903 г., стр. 212, 222, 224, 225—227, 229, 230, 240, 241, 253, 356, 270, 271, 272, 275, 276, 277, 282, 285, 286, 289, 292, 293, 294, 295, 299, 302, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 330; Н. И. Костомаровъ, Собраніе сочиненій. Историч. монографіи. и изслѣдованія, кн. I, т. II, стр. 319, 326, 350, 351, 353, 354, 355, 356, 358, 359, 360, 361, 369, 371, 372, 373, 374, 375, 377, 380, 381, 382, 399, 479—430; кн. IV, т. XI, стр. 594, 597; кн. V, т. XII, стр. 101, 141, 142, 150, 153, 154, 159, 160, 161, 162, 163, 168, 169, 176; кн. VI, т. XV, стр. 13, 19, 21, 31, 114, 115, 118, 120, 129, 135, 136, 138, 139, 140, 143, 145, 208, 209, 210, 211, 212, 214, 229, 230, 242, 243, 244 245, 246, 249, 250, 253, 256, 260, 261, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 273, 281, 295, 296, 298, 299, 302, 303, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 327; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. т-ва „Общ. польза“, кн. II, т. X, стр. 1678; кн. III, т. XI, стр. 7, 10, 16, 17, 26, 31, 50, 55, 97, 107, 108, 109, 126, 139, т. XII, 365, 367, 380—383, 435—438, 447, 449, 450, 462—465, 469, 473—477, 484, 485, 487, 488, 489, 491, 607, 608, 612, 613, 616, 617, 680, 682, 802, 823, 824, 829, 830, 835, 836, 837, 840, 841, 899, 901, 906; М. П. Погодинъ. „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Имп. Петра Великаго (1672—1689)“, М. 1875 г., стр. 49; Н. Аристовъ, „Московскія смуты въ правленіе Царевны Софіи Алексѣевны“, Варш. 1871 г., стр. 73; А. П. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ“; П. Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ.

Н. Воронковъ.

Ромодановскій, князь *Григорій Петровичъ*, бояринъ, извѣстный дѣятель смутнаго времени; онъ былъ старшимъ сыномъ Петра Меньшого Борисовича Ромодановскаго, внукомъ князя Бориса Васильевича, правнукомъ князя Василія Ѳеодоровича Стародубскаго - Ромодановскаго (родоначальника князей Ромодановскихъ) и старшимъ братомъ князя Ивана Петровича. Въ 1586 и 1587 г. былъ 1-мъ воеводой на Михайловѣ съ намѣстникомъ Василіемъ Вердеревскимъ, а въ 1587—88 г.—1-мъ воеводой на Воронежѣ съ Юріемъ Дмитріевымъ. Въ 1590—91 году, когда приказано было быть воеводамъ „полковымъ по берегу“, князь Григорій Петровичъ былъ 2-мъ воеводою лѣвой руки при князѣ Андреѣ Ив. Голицынѣ въ городѣ Каширѣ. Тамъ же, но только однимъ воеводою лѣвой руки, оставался онъ, когда 10-го іюля „большіе“ воеводы были отпущены изъ полковъ. Въ томъ же году была роспись полковыхъ воеводъ въ Новгородѣ, на Наровское устье, за 10 верстъ отъ Ямъ-Города,—и князю Ромодановскому велѣно было быть 1-мъ воеводою сторожевого полка съ княземъ М. М. Путятинымъ. Вслѣдствіе этого назначенія у него было два мѣстническихъ дѣла: одно противъ окольничаго М. Гл. Салтыкова, какъ 1-го воеводы передового полка, а второе было возбуждено противъ него (Ромодановскаго), какъ 1-го воеводы сторожевого полка, отъ князя Александра Ѳеодоровича Жирового-Засѣкина, какъ 2-го воеводы передового полка. Въ этомъ году въ Новгородѣ Великомъ было нѣсколько полковыхъ росписей (отъ 1-го сентября, 20-го октября, 5-го декабря), при чемъ по послѣдней росписи (посланной въ Новгородъ съ разряднымъ дьякомъ Сапуномъ Авраамовымъ), ему велѣно быть воеводою передового полка съ княземъ Влад. Кольцовымъ-Мосальскимъ, которымъ и возбуждено было мѣстническое дѣло.

Въ 1597 г., въ маѣ — іюнѣ, Р. былъ „приставомъ“ у Цесарскаго посла Авр. Бургграфа Даневскаго (Abraham Burggraf zu Dohna). Сначала былъ назначенъ Петръ Никитичъ Шереметевъ, но затѣмъ, вслѣдствіе возникшаго мѣстническаго дѣла, Шереметевъ былъ замѣненъ княземъ Г. П. Ромодановскимъ. Въ томъ же 1697 году, когда Государь послалъ на берегъ воеводъ по полкамъ, то князь Г. П. назначенъ былъ 3-мъ воеводою лѣвой руки. Въ 1598—99 году онъ былъ посланъ съ княземъ Григ. Конст. Волконскимъ воеводою въ Бѣлгородъ, гдѣ былъ до 1601—02 г. Въ 1602 году онъ участвовалъ во встрѣчѣ жениха царской дочери Ксеніи Борисовны Годуновой, Датскаго королевича Іоганна, сына Датскаго короля Фридриха II и брата царствовавшаго тогда короля Христіана IV. Іоганнъ, прибывшій съ цѣлью женитьбы, умеръ до свадьбы въ томъ же (1602) году въ Москвѣ. Въ томъ же году, когда были назначены воеводы по украинымъ городамъ, князь Григорій Петровичъ назначенъ былъ воеводою сторожевого полка на Орлѣ, съ княземъ Дан. М. Барятинскимъ, а оттуда посланъ былъ на Горскихъ Черкасъ (на Кавказъ),

на Терекъ (Терки),—„городовъ ставить“. Въ 1606 г. онъ принималъ участіе въ заговорѣ противъ Лжедимитрія I и въ мятежѣ (15-го мая), когда рѣшено было убить Лжедимитрія, приверженцевъ его или, въ крайнемъ случаѣ, также Поляковъ, жившихъ во дворцѣ по случаю свадебныхъ торжествъ. Когда же чернь, опьяненная кровью, начала избивать и другихъ поляковъ, жившихъ въ Москвѣ, врываясь въ дома, такъ что въ теченіе семи часовъ перебили свыше 200 человѣкъ, бояре рѣшили принять мѣры безопасности для пословъ Польскаго короля Сигизмунда (Олесницкаго, Гонсѣвскаго и другихъ): къ посольскому двору отрядили 500 стрѣльцовъ, а съ увѣреніемъ въ личной безопасности пословъ были присланы П. Н. Шереметевъ и князь Ромодановскій. Отъ имени всѣхъ бояръ они просили пословъ и ихъ свиту не опасаться ничего, но безопасность эта давалась только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они не вмѣшивались въ дѣла другихъ поляковъ, то-есть, тѣхъ, которые пріѣхали съ воеводой Сандомірскимъ. Послы, успокоенные этимъ заявленіемъ, выразили Шереметеву и Ромодановскому свою благодарность.

Въ томъ же (1606) году князь Гр. Петр. Ромодановскій былъ пожалованъ въ окольничіе. Въ 1608 году, 17-го января, въ день свадьбы Царя Василія Ивановича Шуйскаго, окольничій князь Г. П. Ромодановскій назначенъ былъ „ѣздить дозирать по воротамъ въ Кремлѣ“. Въ томъ-же 1608 г. (въ іюнѣ) когда Лжедимитрій 2-й, въ намѣреніи угрожать, столицѣ, остановился и укрѣпился въ с. Тушинѣ (на С.-З. отъ Москвы, въ 12-ти верстахъ по Волоколамской дорогѣ), Царь Василій Ивановичъ Шуйскій для защиты столицы выставилъ войско на Ходынкѣ, подъ начальствомъ воеводъ большого полка князя М. В. Скопина-Шуйскаго и Ив. Ник. Романова, при чемъ окольничій князь Гр. Петр. Ромодановскій былъ 2-мъ воеводой передового полка. Поляки, находившіеся при Лжедимитріи во главѣ съ княземъ Ромодановскимъ, опасались нападать на Ходынскій лагерь: въ Москвѣ, вѣдь, находились князь Юрій Мнишекъ съ дочерью и послы короля Сигизмунда (Олесницкій и Гонсѣвскій). Когда же они, подъ предлогомъ мирнаго договора, выманили ихъ изъ Москвы, то обстоятельства измѣнились. Лагерь Ходынскій раньше принималъ большія мѣры предосторожности, но, когда начались переговоры, бдительность стала уменьшаться. Рожинскій вывѣдалъ объ этомъ и ночью на 24-е іюля напалъ на лагерь, захватилъ обозъ и пушки, многихъ сонныхъ и безоружныхъ вырѣзалъ въ лагерѣ, другіе же бѣжали. Когда они добѣжали до Прѣсни (предмѣстья Москвы), ихъ встрѣтило высланное царемъ изъ Москвы свѣжее войско; оно приняло бѣглецовъ и соединенными силами ударило на Поляковъ. Произошла ожесточенная битва,—и Поляки вынуждены были отступить и прогнаны были до Ходынки. Въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ принималъ участіе и Ромодановскій. Въ концѣ іюня число поляковъ увеличилось на 7.000 человѣкъ конницы, приведенныхъ княземъ Яномъ-Петромъ Сапѣгою. Сначала Сапѣга разсчитывалъ дѣйствовать совмѣстно съ княземъ Рожинскимъ и приступомъ взять Москву, но Рожинскій медлилъ, разсчитывая на скорую измѣну. Разладивъ съ Рожинскимъ, князь Сапѣга отдѣлился отъ него, чтобы захватить и разграбить Сергіево-Троицкую Лавру, славившуюся своимъ богатствомъ. Царь Василій Шуйскій, услышавъ о намѣреніи Сапѣги, отправилъ въ погоню младшаго брата своего, князя Ивана Ивановича Шуйскаго (по прозвищу „Пуговку“), окольничаго князя Гр. П. Ромодановскаго (воеводу передового полка) и Ѳ. Вас. Головина (воеводу сторожевого полка); они настигли его между селами Здвиженскимъ и Рахманцовымъ и дали бой. Русскіе не только выдержали двѣ стремительныя атаки, но многихъ побили, взяли въ плѣнъ и даже захватили пушки („тако ихъ побили, яко и нарядъ у нихъ поимали“), а Сапѣга былъ сильно раненъ въ лицо. Однако, это не удержало ему: онъ не прекратилъ боя, а наоборотъ даже еще стремительнѣе напалъ на русскихъ. Во время этой атаки князь Гр. Петр. Ромодановскій лишился своего старшаго сына Андрея, который палъ въ битвѣ, находясь подлѣ отца. Это, однако, не остановило князя, и онъ продолжалъ битву. „Храбрость и дородство“, говоритъ лѣтописецъ: „показалъ бояринъ и воевода передового полку князь Гр. Петр. Ромодановкій; туто-же у нево и сына его убиша князя Андрея“. Битва была проиграна только тогда, когда „грѣхъ же ради нашихъ“, какъ выражается лѣтописецъ, дрогнулъ со своимъ полкомъ Ѳ. Вас. Головинъ, въ смятеніи смялъ половину большого полка и побѣжалъ, несмотря на усилія князя Гр. Петр. Ромодановскаго поддержать битву.

Въ этой ожесточенной битвѣ погибло много народу, многіе были взяты въ плѣнъ; воеводы пошли въ Москву, войско же не пошло въ Москву, а тотчасъ же разошлось по домамъ, и Сапѣга безпрепятственно подступилъ къ Лаврѣ.

Въ 1609 г. окольничій князь Гр. Петр. Ромодановскій сдѣланъ былъ воеводою Каширскимъ. Въ 1610 г., послѣ знаменитой Клушинской битвы, рѣшившей участь Царя Василія Шуйскаго, многіе города стали отпадать отъ Шуйскаго, а въ числѣ ихъ и Коломна, которая присягнула „Тушинскому вору". Воеводы Коломенскіе князь Мих. Самс. Туренинъ и князь Ѳед. Тим. Долгорукій съ коломенскими жителями стали писать по другимъ городамъ, призывая ихъ присягнуть Самозванцу. Одна такая грамота попала и въ Каширу, до того вѣрную Царю Шуйскому: жители этого города отпали и присягнули Лжедимитрію, Ромодановскаго же, отказавшагося присягнуть, едва не убили, а затѣмъ силою заставили его присягнуть и, мало того, послали силою къ „Тушинскому вору". Однако, Ромодановскій не держалъ сторону самозванца и тотчасъ послѣ свержения съ престола Царя Василія Шуйскаго (17-го іюля 1610), когда стали бояре присягать королевичу Владиславу, Ромодановскій также присягнулъ. Въ 1611 г. (въ маѣ), когда первое ополченіе (Ляпуновское) стояло подъ Москвою и дѣйствовало противъ Поляковъ, туда же явился и Сапѣга, заявляя себя другомъ Россіи и объявивъ при этомъ условія, при соблюденіи которыхъ онъ желалъ бы помогать ополченію. Условія не были приняты, и тогда Сапѣга сталъ дѣлать нападенія на ополченіе, но нападенія его были отбиты. Гонсѣвскій, запершійся съ поляками въ Москвѣ, считая дѣйствія Сапѣги вредными для выполненія задуманнаго поляками плана, рѣшилъ удалить его отъ Москвы. Онъ далъ ему въ помощь отрядъ поляковъ изъ 1500 человѣкъ подъ начальствомъ пана Косяновскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ двинулся во внутрь Россіи, грабилъ тамъ и тѣмъ тревожилъ осаждающихъ Москву, а въ виду того, что въ ополченіи было большинство людей изъ Рязанскихъ мѣстъ, то Сапѣга отправленъ былъ прежде всего въ Переяславль-Рязанскій. Кромѣ поляковъ, боярами Московскими былъ приданъ и русскій ратный отрядъ подъ начальствомъ окольничаго князя Гр. Петр. Ромодановскаго (онъ же могъ служить и руководителемъ). Однако, Ромодановскій врядъ-ли долго былъ съ Сапѣгою. Во время осаднаго сидѣнія сначала отъ 1-го Ляпуновскаго, или Рязанскаго ополченія, а затѣмъ и отъ 2-го, Нижегородскаго, когда поляки заперлись въ Кремлѣ, то волею-неволею пришлось запереться въ немъ патріарху, думнымъ боярамъ и другимъ чинамъ Московскимъ; среди нихъ тогда былъ и князь Ромодановскій. Во время осаднаго сидѣнія (1611—1612) онъ былъ „1-мъ товарищемъ" у боярина Ѳед. Ив. Шереметева, завѣдывавшаго Казеннымъ Дворомъ (2-мъ былъ князь Гр. Конст. Волконскій, а затѣмъ два думныхъ дьяка). Кромѣ того, онъ назначенъ былъ отъ бояръ Московскихъ въ смѣшанную московско-польскую коммиссію, которая обязана была „чинить судъ и расправу въ случаѣ возникновенія какихъ-либо между Московскими и Литовскими людьми дѣлъ. Въ 1613 году кн. Ромодановскій подписался, какъ выборный человѣкъ, подъ грамотой объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Въ 1614 году окольничій князь Ромодановскій былъ посланъ на Крымскую посольскую размѣну въ Ливны, при чемъ ему поручено было провожать посла князя Гр. Конст. Волконскаго съ дьякомъ Петромъ Евдокимовымъ. Въ слѣдующемъ (1615) году, въ день Рождества Христова, князь Гр. Петр. Ромодановскій былъ пожалованъ въ бояре. Въ 1615—16 г. (вѣроятнѣе,—въ началѣ 1616 г.) бояринъ князь Ромодановскій посланъ былъ въ Казань „для сыску", „что Черемиса заворовала"; ему былъ данъ въ товарищи думный дворянинъ, знаменитый Кузьма Мининъ, да дьякъ Марко Поздѣевъ.

Въ 1618 году, въ ожиданіи нашествія королевича Владислава на Москву, назначены были воеводы по воротамъ Московскимъ, распредѣлены отдѣльные раіоны Москвы и защита ихъ ввѣрена была этимъ отдѣльнымъ воеводамъ, при чемъ боярину князю Гр. Петр. Ромодановскому поручено было вѣдать Никитскія ворота (онѣ были заперты), а также пространство отъ Никитскихъ воротъ до Тверскихъ, а на Никитскія ворота еще былъ данъ воевода Ѳ. Ѳ. Пушкинъ, Дм. Гавр. Аверкіевъ да дьякъ Иванъ Мизиновъ. Въ сентябрѣ того же 1618 года князь Гр. Петр. Ромодановскій присутствовалъ на Земскомъ соборѣ этого года, а во время осады вѣдалъ раіонъ, ранѣе ему назначенный. Въ томъ же

году, въ декабрѣ, тотчасъ послѣ ухода королевича Владислава, бояринъ князь Гр. Петр. Ромодановскій былъ посланъ въ Можайскъ „разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ", бывшихъ тамъ-же съ бояриномъ княземъ Бор. Мих. Лыковымъ. Въ товарищи ему былъ данъ окольничій Артемій Вас. Измайловъ, который и поднялъ вслѣдствіе этого назначенія мѣстническое дѣло на боярина князя Ромодановскаго. Разборъ этого мѣстническаго дѣла былъ очень „шумнымъ": „у Артемія шумъ съ нимъ былъ", „а браняся передъ боярами, Измайловъ попрекалъ Ромодановскихъ разрядами", и „за то", говорятъ „Дворцовые разряды", былъ посаженъ въ тюрьму, т.-е. за непристойное поведеніе (а о приговорѣ или о безчестіи „Разряды" умалчиваютъ). Въ 1619 году, въ февралѣ, боярину князю Ромодановскому указано было „сидѣть въ Московскомъ Судномъ Приказѣ „съ княземъ Иваномъ Лосемъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ. — Въ 1622 г. посланы были уполномоченные лица по разнымъ городамъ разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ, „кому мочно быть на государевой службѣ по вѣстямъ Литовскимъ", при чемъ бояринъ князь Гр. Петр. Ромодановскій посланъ былъ въ Кострому. Въ 1623 г. (вѣроятно, въ январѣ) онъ назначенъ былъ воеводою въ Новгородъ Великій, гдѣ былъ воеводой до апрѣля 1626 г., когда онъ уже былъ въ Москвѣ, 19-го апрѣля присутствуя у стола Государева. При сношеніяхъ со Швеціей Новгородскимъ воеводамъ велѣно было пользоваться титуломъ „намѣстника" какого-либо изъ городовъ, при чемъ боярину князю Гр. Петр. Ромодановскому велѣно было именоваться намѣстникомъ „Брянскимъ". Для встрѣчи (2-го декабря 1626 г.) Турецкихъ пословъ грека Ѳомы Кантакузена съ товарищами, по указу государя, отъ высшихъ чиновъ Москвы велѣно было дать „даточныхъ людей", при чемъ отъ боярина князя Гр. Петр. Ромодановскаго было на встрѣчѣ 10 человѣкъ. Будучи бояриномъ и находясь въ Москвѣ, Ромодановскій принималъ участіе въ придворной жизни. Такъ, онъ былъ оставляемъ много разъ, за отсутствіемъ Государя, среди другихъ высшихъ Московскихъ чиновъ на Москвѣ (1-го августа 1619 г., 24-го мая 1620 г.); много разъ былъ приглашаемъ къ столу Государя (21-го марта, 16-го іюня 1619 г., 9-го апрѣля 1620 г.; 18-го апрѣля, 19-го и 20-го мая, 16-го августа, 24-го сентября 1621 г.; 14-го и 28-го апрѣля, 9-го іюня, 19-го іюля, 8-го и 29-го сентября 1622 г.; 12-го іюля 1626 г.; 1-го сентября 1627 г.) и у Патріарха (15-го августа 21-го декабря 1622 г.). Въ одно изъ такихъ приглашеній къ государеву столу (6-го августа 1622 г.) бояринъ князь Ромодановскій былъ назначенъ сидѣть вторымъ, а первымъ бояринъ князь Юрій Енпеевичъ Сулешевъ. Ромодановскій затѣялъ противъ Сулешева мѣстническое дѣло, ссылаясь на то обстоятельство, что при „Крымской размѣнѣ" въ Ливнахъ въ 1614 г. для князя Сулешева Ахметъ-Паша ѣздилъ къ нему, Григорію Ромодановскому, въ шатеръ; было выяснено, что у него, Ромодановскаго, не можетъ быть счета съ Ахметомъ-Пашею, и велѣно было сидѣть ниже князя Юрія Сулешева; Ромодановскій подчинился этому рѣшенію. Другое мѣстническое дѣло изъ-за мѣста во время государева стола было у князя Гр. Петр. Ромодановскаго въ 1617 г. (8-го іюня): Ромодановскій былъ посаженъ на 4-мъ мѣстѣ, а на 3-мъ (т.-е. выше его мѣстомъ) долженъ былъ сидѣть князь Иванъ Большой Андреевичъ Хованскій. Не желая сидѣть за царскимъ столомъ ниже князя Хованскаго, Ромодановскій сказался больнымъ и не поѣхалъ. Хованскій, догадываясь объ истинной причинѣ отсутствія Ромодановскаго, билъ челомъ Государю о безчестіи. За княземъ Григоріемъ были посланы стрѣльцы; Ромодановскій явился къ государю, сказался, что боленъ отъ ранъ, но въ свою очередь билъ челомъ на Хованскаго, говоря, что ему „на такого князя бить челомъ есть чѣмъ". Однако, у стола онъ также присутствовалъ. Скончался князь Ромодановскій въ 1628 году.

„Акты Историч.", т. II, стр. 379, 388; т. III, стр. 64; „Акты Архивной Экспедиціи", т. III, стр. 207, 218, 220, 221, 233, 262, 265; „Акты Московскаго Государства", т. I, стр. 138; „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", т. I, стр. 637; „Русская Историч. Библіотека", т. II, стр. 244, 355; т. IX, стр. 372, 378, 396; „Древняя Росс. Вивліоника", т. XIII, ч. XIV, стр. 127; т. XIV, ч. XV, стр. 419; т. XX, ч. I, стр. 50, 80, 88, 94; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", т. II, стр. 495; „Разрядныя книги", изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. I, стр. 413, 414, 511, 564, 610, 782, 922, 1031, 1042, 1134, 1239; „Дворцовые разряды", т. I, стр. 139, 142, 208, 252, 253, 282, 325, 337, 351, 352, 360, 383, 385, 390, 400, 406, 410, 432, 433, 440, 453, 466, 472, 475, 477, 483, 492, 495, 506, 508, 510, 513, 517, 521, 522, 525, 528, 530, 585, 737, 795, 811, 814, 827, 939; „Памятники Дипломатическихъ Сношеній", т. II, стр.

485, 486, 493, 494, 555, 574, 579, 627, 628, 789, 792, 794, 796, 833, 834, 836, 839, 843, 845, 846, 848, 856, 858, 860, 862, 867, 868, 874, 876, 877, 900; „Синбирскій сборникъ“, т. I, стр. 95, 102, 112, 118, 121, 123, 132, 133, 139, 142, 150, 153; Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XV в.“, стр. 491, 506, прил. 33; И. П. Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго“, т. XII, стр. 229, 270, 425; Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древн. временъ“, т. IX, стр. 55, 366; Карамзинъ, „Исторія Государства Россійскаго“, т. XI, прим. 61; т. XII, стр. 88, 89, 98, 224, 228, прим. 198, 214, 553, 754; А. Барсуковъ, „Списки городовъ, воеводъ“ (указ.); Н. Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ“, т. II, стр. 44, 111, 247, 261; Н. Савельевъ-Ростиславовичъ, статья въ „Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ“; П. Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ“; В. Н. Берхъ, „Списки бояръ, окольничихъ и другихъ чиновъ“, С.-Пб. 1833.

Н. Воронковъ.

Ромодановскій, князь *Иванъ Васильевичъ*, носившій прозвища „Лихачъ“ и „Телеляшъ“, бояринъ; второй сынъ князя Василія Ѳедоровича Ромодановскаго-Стародубскаго, братъ окольничаго князя Василія Васильевича Ромодановскаго (см.). Первыя извѣстія о князѣ Иванѣ Васильевичѣ относятся къ 1485 году, когда Великій Князь Московскій Іоаннъ III Васильевичъ послалъ въ походъ на Казань противъ хана Алегама царевича Мегметъ-Аминя и съ нимъ нѣсколькихъ воеводъ, изъ коихъ четвертымъ по старшинству былъ князь Иванъ Васильевичъ Ромодановскій. Походъ этотъ окончился успѣшно: ханъ Алегамъ бѣжалъ изъ Казани и на его мѣсто былъ водворенъ Мегметъ-Аминь.

Спустя два года ханъ Алегамъ съ помощью Ногайцевъ изгналъ изъ Казани Мегметъ-Аминя и занялъ ханскій престолъ. Тогда Великій Князь вновь послалъ на Казань войско, отдѣльною частью котораго, ѣхавшей „въ судѣхъ“, самостоятельно командовалъ князь И. В. Ромодановскій. Этотъ походъ также сопровождался полнымъ успѣхомъ: Алегамъ былъ вновь изгнанъ, а Мегметъ-Аминь возстановленъ на ханскомъ престолѣ. Краткость и неполнота дошедшихъ до насъ источниковъ не позволяютъ съ увѣренностью сказать, насколько важное значеніе въ обоихъ походахъ имѣла дѣятельность князя Р., однако, судя по тому, что въ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ князь Иванъ Васильевичъ упоминается съ прозвищемъ „Лихачъ“, можно думать, что дѣятельность его на ратномъ полѣ была во всякомъ случаѣ не заурядной.

Свѣдѣнія о послѣдующемъ времени жизни князя Р. крайне скудны. Видно лишь, что онъ перешелъ ко двору Великаго Князя: въ 1495 году онъ сопровождалъ Великаго Князя, въ числѣ другихъ князей и дѣтей боярскихъ, при поѣздкѣ его въ Новгородъ.— Въ 1513 году преемникъ Іоанна III—Великій Князь Василій III Іоанновичъ, отправляясь во второй Смоленскій походъ, оставилъ „на Москвѣ“ съ зятемъ своимъ, Царевичемъ Петромъ, князя Ивана Васильевича Ромодановскаго въ качествѣ второго изъ „князей и дѣтей боярскихъ“. Черезъ два года послѣ этого князь Иванъ Васильевичъ Ромодановскій былъ пожалованъ въ бояре, а въ 1516 году былъ назначенъ намѣстникомъ трети Московской. Умеръ онъ въ 1520 году.

„Разрядная книга“ П. Ѳ. Лихачева, изд. Н. П. Лихачевымъ, стр. 78; П. Н. Милюковъ, „Древнѣйшая Разрядная книга“, стр. 14, 15, 20 и 54; Н. Карамзинъ, „Исторія Госуд. Росс.,“ т. VI, прим. 299; Родословная (Бархатная) книга, изд. 1787 г., ч. II, стр. 72; „Россійская родословная книга“, изданная княземъ Петромъ Долгоруковымъ, часть II, стр. 49; Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI вѣка“, стр 51, 52.

К. Лосскій.

Ромодановскій, князь *Иванъ Ивановичъ Меньшой*, бояринъ; младшій сынъ князя Ивана Петровича (см.), внукъ князя Петра Борисовича Меньшого и правнукъ князя Бориса Васильевича, младшаго брата князей Василія Васильевича (окольничаго) и боярина Ивана Васильевича Телеляша (см.) Ромодановскихъ; прозвище „Меньшой“ получилъ въ отличіе отъ старшаго своего брата, тоже Ивана, убитаго въ 1610 г. въ сраженіи подъ Клушинымъ съ Вольскими войсками, находившимися подъ командою гетмана Жолкѣвскаго. Первое упоминаніе о князѣ И. И. Меньшомъ Ромодановскомъ въ источникахъ мы находимъ подъ 1616 годомъ: именно, въ спискѣ бояръ, окольничихъ и другихъ должностныхъ лицъ за этотъ годъ онъ показанъ въ званіи стольника безъ денежнаго оклада и помѣстья. Послѣ 1616 года имя князя Ивана Ивановича Ромодановскаго въ источникахъ не встрѣчается до 1624 года, когда онъ, въ числѣ другихъ 70 стольниковъ, состоялъ „въ поѣзду“ Царя Михаила Ѳеодоровича при бракосочетаніи послѣдняго съ княжной Марьей Владиміровной Долгорукой. Въ 1625 году, 9-го мая, князь Иванъ Ивановичъ при обѣдѣ у Государя „смотрѣлъ въ кривой столъ“, 17-го мая, во

время пріема Царемъ Персидскихъ пословъ, „сидѣлъ въ золотѣ“ при отцѣ Государя, Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, а за обѣдомъ, даннымъ въ честь пословъ, въ числѣ 18-ти другихъ стольниковъ „носилъ пить передъ Государемъ“. Въ 1626 году, на торжествахъ бракосочетанія Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой, князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій ѣхалъ въ числѣ поѣзжанъ передъ Государемъ и въ томъ-же году, 29-го апрѣля, за столомъ у Государя „смотрѣлъ въ кривой столъ“.

Въ мартѣ 1628 года князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій былъ назначенъ первымъ воеводой сторожевого полка въ Крапивну, числившуюся въ „Украинномъ Разрядѣ“. По поводу этого назначенія возникло дѣло о мѣстничествѣ: князь Алексѣй Морткинъ, назначенный воеводой сторожевого полка въ г. Пронскъ, который числился въ Рязанскомъ Разрядѣ, и командированный затѣмъ въ помощь князю Ивану Ивановичу Р., билъ челомъ Государю о томъ, что ему „меньши князя Ивана быть невмѣстно“; съ своей стороны жаловался на безчестье и князь Иванъ Ивановичъ; на это послѣдовалъ указъ Государя, признавшій, что князю Морткину можно быть „меньше“ князя Ромодановскаго.

Служба князя Ивана Ивановича въ Крапивнѣ продолжалась, однако, недолго, такъ какъ въ ноябрѣ того же 1628 года мы видимъ его на новосельѣ у Государя въ качествѣ стольника „на службѣ“, изъ чего явствуетъ, что онъ былъ вновь отозванъ ко двору въ Москву; при дворѣ онъ находился до 1633 года, при чемъ 6-го августа 1630 года, 28-го іюля, 6-го августа и 28-го августа 1631 года за обѣдомъ у Государя онъ „смотрѣлъ въ кривой столъ“.

Въ 1633 году князь И. И. Ромодановскій былъ назначенъ первымъ воеводой большого полка въ Тулу, что вызвало челобитныя со стороны второго воеводы того же полка Бориса Колтовскаго, а равно и воеводъ остальныхъ полковъ, но челобитныя эти были Государемъ отклонены, и приказано было быть на службѣ „безъ мѣстъ“. Дѣятельность князя Р. въ Тулѣ была очень успѣшна: имъ было отражено три татарскихъ набѣга—2-го мая, 22-го іюля и 2-го августа 1633 года, за что князь Р. былъ пожалованъ помѣстьемъ и денежнымъ окладомъ. 21-го января 1635 года онъ былъ назначенъ первымъ воеводой въ Томскъ, гдѣ и находился до февраля 1639 года, когда вновь былъ отозванъ ко двору, въ Москву. 3-го января 1642 года онъ, въ числѣ другихъ придворныхъ чиновъ, принималъ участіе въ Земскомъ Соборѣ, созванномъ для разрѣшенія вопроса о томъ, удержать ли взятый Донскими казаками Азовъ, или отдать его Туркамъ.

Въ 1645 году, при вступленіи на престолъ Царя Алексѣя Михайловича, князю И. И. Ромодановскому было поручено привести къ присягѣ новому Царю воеводу и всѣхъ жителей Верхотурья, а равно и окружающихъ Вогулъ и Татаръ.

27-го ноября 1647 года князь Иванъ Ивановичъ былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе и въ томъ же году посланъ былъ въ городъ Тамбовъ для устройства вокругъ города и въ его окрестностяхъ окоповъ. Въ 1648 году, 16-го января, на свадьбѣ Царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильиничной Милославской, князь Иванъ Ивановичъ „ходилъ передъ Государемъ“; 7-го апрѣля, во время отлучки Государя въ село Покровское, былъ оставленъ „на Москвѣ“ съ боярами Морозовымъ и княземъ Темкинымъ-Ростовскимъ; 17-го мая, во время поѣздки государя въ Троицко-Сергіевскій монастырь, ѣхалъ передъ Государемъ „по станомъ“, а 21-го мая въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ сидѣлъ у Государя за трапезою. По поводу этого возникло мѣстническое дѣло, возбужденное приглашеннымъ къ той же трапезѣ окольничимъ княземъ Ѳедоромъ Волконскимъ, который дважды билъ челомъ Государю о томъ, что ему съ Ромодановскимъ быть невмѣстно; обѣ жалобы Волконскаго были оставлены, однако, Государемъ безъ результата.

28-го ноября 1648 года князь И. И. Ромодановскій былъ посланъ въ Тверь—„разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ, и жалованье имъ давать, и новиковъ верстать“, но въ ноябрѣ 1649 года мы видимъ его уже снова въ Москвѣ—сопровождающимъ Государя, въ числѣ другихъ лицъ свиты, въ Можайскъ; 21-го декабря 1649 года онъ былъ за столомъ у Патріарха Іосифа.

1-го апрѣля 1650 года князь Ромодановскій былъ приглашенъ къ царскому столу, на именины Государыни Марьи Ильиничны, вмѣстѣ съ окольничимъ Василіемъ Бутурлинымъ, ниже котораго онъ сѣсть не пожелалъ и билъ о томъ Государю че-

ломъ; Государь, однако, призналъ князя Ивана Ивановича неправымъ и посадилъ его въ тюрьму на два дня. Однако, это наказаніе его не отрезвило, и онъ 7-го апрѣля того же года, будучи приглашенъ вмѣстѣ съ тѣмъ же Бутурлинымъ къ столу Патріарха Іосифа, вновь не захотѣлъ сѣсть ниже Бутурлина, билъ Государю челомъ и отказался отъ приглашенія; Государь тогда велѣлъ думному дьяку Семену Заборовскому посадить князя Ивана Ивановича „подъ Бутурлинымъ“ силой; будучи приведенъ насильно къ Патріарху, князь Иванъ Ивановичъ упалъ со скамьи; его подняли и держали за столомъ на рукахъ. Въ наказаніе за это онъ былъ, по приказанію Государя, выданъ Бутурлину головою.

22-го мая 1650 года князь Ромодановскій находился въ свитѣ Государя при поѣздкѣ послѣдняго въ Троицко-Сергіевскій монастырь, а 28-го іюля того-же года, вмѣстѣ съ бояриномъ Иваномъ Салтыковымъ, былъ посланъ Государемъ изъ Новодѣвичьяго Монастыря „за крестами“; Иванъ Ивановичъ отъ этой поѣздки отказался, заявивъ противъ Салтыкова мѣстническій споръ, но былъ признанъ неправымъ и посаженъ на 2 дня въ тюрьму. Въ томъ же 1650 году онъ, 12-го сентября, состоялъ въ свитѣ Государя при поѣздкѣ послѣдняго на богомолье въ Звенигородъ, 22-го сентября — при такой же поѣздкѣ въ Троицко-Сергіевскій монастырь, 1-го октября былъ приглашенъ къ царскому столу, 9-го октября, при новой поѣздкѣ Государя въ Троицко-Сергіевскій монастырь, ѣхалъ передъ Государемъ „по станомъ“ вмѣстѣ съ окольничимъ Иваномъ Чевкинымъ (который возбудилъ противъ князя Ивана Ивановича мѣстническій споръ, но былъ признанъ неправымъ), 30-го ноября, во время поѣздки Государя въ Звенигородъ, былъ оставленъ „на Москвѣ“ съ боярами Морозовымъ и Салтыковымъ; въ 1651 году, 25-го—26-го сентября, онъ состоялъ въ свитѣ Государя при поѣздкѣ въ Троицко-Сергіевскій монастырь и въ этомъ монастырѣ былъ приглашенъ къ царскому столу.

8-го сентября 1653 года князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій былъ посланъ во временную посылку на Валуйку, но уже 30-го ноября былъ вновь въ Москвѣ, гдѣ и былъ оставленъ вмѣстѣ съ бояриномъ княземъ Григоріемъ Куракинымъ на время поѣздки Государя въ Звенигородъ, Боровскъ и на Волокъ на богомолье; „на Москвѣ“ же былъ оставленъ онъ и 17-го января 1654 года.

22-го мая 1654 года мы встрѣчаемъ князя Ромодановскаго воеводой въ Яблоновѣ, гдѣ ему были подчинены воеводы другихъ украинныхъ городовъ и поручено было слѣдить за татарами, ногайцами, поляками и Богданомъ Хмельницкимъ, что̀ князь Иванъ Ивановичъ, какъ усматривается изъ сохранившихся донесеній его Государю, исполнялъ весьма добросовѣстно. Изъ Яблонова ему было поручено вмѣстѣ съ полкомъ двинуться, подъ общей командой боярина Василія Борисовича Шереметева, въ походъ противъ Поляковъ. Въ Яблоновѣ онъ находился и въ 1655 году, что̀ видно изъ распоряженіи Государя на его имя о томъ, чтобы, въ виду вѣстей о моровомъ повѣтріи въ Астрахани, онъ не пускалъ въ Яблоново Донскихъ казаковъ.

Дѣятельность князя Р. была, очевидно, признана полезной: это видно изъ того, что 1-го апрѣля 1657 года, на именины Государыни Маріи Ильиничны, онъ былъ пожалованъ изъ окольничихъ въ бояре.

О боярскомъ періодѣ жизни князя Р. свѣдѣній сохранилось мало: извѣстно лишь, что 25-го сентября 1658 года онъ былъ у Государя за столомъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, 16-го октября 1660 года подавалъ челобитную Государю объ увеличеніи жалованія и вмѣсто ранѣе получавшагося оклада въ 300 рублей получилъ окладъ въ 400 рублей, а 25-го іюня и 23-го іюля 1669 года дежурилъ у гроба скончавшагося Царевича Симеона Алексѣевича.

Умеръ князь Р. въ мартѣ 1675 года и былъ погребенъ Патріархомъ 20-го марта въ Московскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

„Россійская родословная книга“, изд. кн. Петромъ Долгоруковымъ, ч. II, стр. 50; „Родословная книга (Бархатная)“, изд. 1787 г., часть II, стр. 76; „Дворцовые разряды“, т. I, стр. 635, 682, 685, 690, 776, 823, 983, 987, 992, 993, 996; т. II, стр. 18, 159, 227, 229, 234, 322—324, 411, 479, 518, 549, 587, 602, 839; т. III, стр. 74, 80, 89, 90, 92, 93, 109, 145, 153, 156, 157, 170, 179, 185, 191, 194, 197, 202, 281, 285, 364, 382, 395, 396, 423, 852, 858, 863, 1651; Доп. къ т. III, стр. 98, 149; „Разрядныя книги“, т. II, стр. 8—12, 14, 16, 20, 21, 47—49, 102, 449, 693—700, 702—708, 710, 713, 715—718, 830, 935; „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ“, ч. III, стр. 284,

380, 418, 420; „Акты Московскаго Государства“, т. I, стр. 141, 537, 538; т. II, стр. 241. 253, 377, 378, 379, 417, 454, 455; т. III, стр. 172; Московскій Некрополь, т. III; Полное Собраніе Русскихъ, лѣтописей, т. IV, стр. 341; Описаніе рукописей хранящихся въ Архивѣ Св. Правит. Синода, т. I, С.-Пб. 1904 г., стр. 534.

К. Лосскій.

Ромодановскій, князь *Иванъ Петровичъ*, дворянинъ Московскій, посолъ въ Персію; младшій братъ боярина князя Григорія Петровича (см.), сынъ князя Петра Борисовича Меньшого, внукъ князя Бориса Васильевича и правнукъ князя Василія Ѳедоровича Стародубскаго-Ромодановскаго.

Первыя извѣстія о князѣ И. П. Ромодановскомъ, которыя мы встрѣчаемъ въ источникахъ, относятся къ 1565 году, когда имъ „съ товарищи“ были списаны въ Переяславлѣ „платежныя книги“. Далѣе, подъ 1577 годомъ онъ упоминается въ спискѣ „бояръ, окольничихъ и дворянъ, которые служатъ изъ выбора“, въ качествѣ дворянина Московскаго, посланнаго въ Персію. Въ 1591 году онъ былъ назначенъ первымъ воеводой сторожевого полка, вслѣдствіе чего князь Иванъ Григорьевичъ Звенигородскій возбудилъ мѣстническій споръ за брата своего, князя Семена Григорьевича, назначеннаго въ тотъ же полкъ вторымъ воеводой; споръ этотъ, возобновленный уже въ 1600 году, окончился въ пользу князя Ивана Петровича Ромодановскаго. Въ 1595 году онъ вновь былъ назначенъ воеводой сторожевого полка въ Крапивнѣ, головой-же при немъ былъ назначенъ князь Григорій Шаховской; послѣдній билъ Царю Ѳедору Іоанновичу челомъ на Ивана Петровича и получилъ невмѣстную грамоту; однако, въ 1596 году, по возвращеніи изъ Крапивны, князь Иванъ Петровичъ въ свою очередь подалъ Царю челобитную, въ результатѣ чего невмѣстная грамота была признана недѣйствительной, и князь Иванъ Петровичъ Ромодановскій поставленъ выше князя Шаховского.

Въ 1597 году князь Ромодановскій былъ назначенъ воеводой большого полка въ Тулу, а въ 1598 году былъ вторымъ воеводой въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ. Далѣе въ источникахъ имѣется перерывъ до 17-го іюля 1605 года, когда мы встрѣчаемъ князя Ивана Петровича Ромодановскаго вторымъ воеводой въ Смоленскѣ; въ томъ-же году подъ осень онъ былъ большимъ воеводой сторожевого полка въ Орлѣ, гдѣ его смѣнилъ Еропкинъ, а онъ самъ былъ вызванъ Лжедимитріемъ I „къ Москвѣ“. Тамъ онъ встрѣчалъ нареченнаго тестя Самозванца—воеводу Сандомирскаго, а на свадьбѣ Самозванца съ Мариной Мнишекъ, въ маѣ 1606 года, былъ „въ поѣзду“, за свадебнымъ же столомъ угощалъ Польскаго посла Александра Гонсѣвскаго. Послѣ сверженія Самозванца князь Иванъ Петровичъ Ромодановскій, какъ человѣкъ, знакомый съ Персіей, былъ отправленъ туда Царемъ Василіемъ Шуйскимъ въ качествѣ посла, но на обратномъ пути въ Астрахани былъ убитъ въ томъ-же 1606 году шайкой Лжепетра или Лже-Ивана (Августа). Онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріѣ Васильевнѣ Волконской.

„Родословная книга“ (Бархатная), изд. 1787 г., т. II, стр. 74; „Россійская родословная книга“, изд. княземъ Петромъ Долгоруковымъ, т. II, стр. 49—52; „Дворцовые разряды“, т. I, стр. 445—449; т. II, стр. 30; „Разрядныя книги“, т. I, стр. 724, 725, 1042; А. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ“, стр. 209; Г. Власьевъ, „Потомство Рюрика“, т. I, ч. I, стр. 573; ч. 3, стр. 340; „Синбирскій сборникъ“, стр. 123, 142; С. А. Бѣлокуровъ, „Разрядныя записи за Смутное время“, стр. 27, 74, 75, 77, 80, 81, 85, 134, 136, 137, 141, 184, 204, 218, 219; „Акты Московскаго Государства, т. I, стр. 40 и т. II, стр. 271; Описаніе рукописей, хранящихся въ Архивѣ Св. Правит. Синода, т. I, С.-Пб. 1904, стр. 534. Соловьевъ, Исторія; Карамзинъ, Исторія.

К. Лосскій.

Ромодановскій, князь *Иванъ Ѳедоровичъ*, ближній стольникъ, князь-кесарь, главный начальникъ города Москвы, впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго, Московскій генералъ-губернаторъ и сенаторъ. Годъ рожденія его въ точности неизвѣстенъ, но, по всей вѣроятности, онъ родился въ концѣ 1670-хъ гг. Единственный сынъ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, князь Иванъ Ѳедоровичъ при жизни отца имѣлъ чинъ ближняго стольника, но упоминается въ этомъ званіи рѣдко. Извѣстно, что въ сентябрѣ 1698 г. онъ засѣдалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ допросной коммиссіи, разыскивавшей Стрѣлецкій бунтъ.

Петръ Великій, отличавшій особымъ довѣріемъ князя Ѳедора Юрьевича, соотвѣтственно относился и къ сыну его. Онъ видѣлъ въ немъ преемника отца въ исполненіи той роли, которую игралъ послѣдній. Въ письмѣ отъ 21-го іюля 1706 г. изъ Кіева Петръ писалъ князю Ѳедору

Юрьевичу: „при семъ поздравляю Вашему Величеству тезоименитствомъ сего дня вашего сына, а нашего государя царевича и великаго князя Іоанна Ѳедоровича, про котораго здравіе чашу заздравную вашъ государевъ дядя Преосвященный Мишура (князь М. Г. Ромодановскій, см. ниже) всѣмъ раздавалъ. Piter".

Послѣ смерти отца князь И. Ѳ. Ромодановскій занялъ его положеніе. Ему было тогда около 40 лѣтъ. Петръ далъ ему титулы князя-кесаря и Величества и поручилъ вѣдать Преображенскій Приказъ, которымъ долго управлялъ его отецъ. 24-го февраля 1718 г. Петръ писалъ князю Ивану Ѳедоровичу: „какъ словесно Вашему Величеству били челомъ, такъ и письменно доносимъ, дабы благоволили дѣла Приказу Преображенскаго принять такъ, какъ блаженныя памяти отецъ вашъ управлялъ".

При исполненіи своихъ обязанностей князь Иванъ Ѳедоровичъ дѣйствовалъ не такъ сурово, какъ его отецъ; „при немъ мало было работы въ застѣнкѣ, рѣдко прибѣгали къ розыскамъ и пыткамъ". Относясь къ Ивану Ѳедоровичу съ большимъ довѣріемъ, Петръ Великій окружалъ его и внѣшнимъ почетомъ. Въ апрѣлѣ 1718 г., получивъ титулъ „князя-кесаря" и назначеніе управлять Преображенскимъ Приказомъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ торжественно въѣхалъ въ Петербургъ. Петръ, сопровождаемый большою свитой, встрѣтилъ его за городомъ. „Поздравивъ его чрезвычайно учтиво съ новымъ титуломъ, Царь помѣстился въ каретѣ напротивъ новаго „князя-кесаря", а рядомъ съ собой посадилъ генералъ-поручика Бутурлина. Такъ въѣхали они въ городъ, привѣтствовавшій „князя-кесаря" пушечной пальбой. Во дворцѣ его встрѣтила Царица съ придворными дамами; она поздравила его и угощала сама водкой и виномъ". Такою же торжественностью отмѣчено отношеніе Петра Великаго къ князю Ивану Ѳедоровичу и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ 1719 г. Петръ пригласилъ князя-кесаря на свой корабль и тамъ принялъ его съ рѣдкимъ почетомъ, приказавъ салютовать князю выстрѣлами изъ 15 пушекъ съ каждаго корабля. Петръ нерѣдко посѣщалъ его домъ, являясь къ нему иногда запросто пировать со своими приближенными или же съ донесеніями о какихъ-нибудь важныхъ событіяхъ. Такъ, во время торжества послѣ заключенія Ништадскаго мира, 4-го сентября 1721 г., Петръ Великій изъ церкви св. Троицы, гдѣ совершалось благодарственное молебствіе, „тотчасъ отправился къ князю Ромодановскому, какъ князю-кесарю, и объявилъ ему о заключенномъ мирѣ". Свое почтеніе Петръ выражалъ и въ письмахъ къ князю, называя его Величествомъ и подписываясь „нижайшимъ слугой". Въ письмѣ отъ 11-го іюля 1719 г. Петръ писалъ: „О здѣшнемъ объявляю Вашему Величеству, что къ сему мѣсту какъ галерный, такъ и корабельной флоты пришли въ разные дни, только собрались всѣ въ 8 числѣ сего мѣсяца... Дай Боже доброе окончаніе, а начало зѣло благополучно учинилось. Вашего Величества нижайшій слуга Петръ". 30-го іюля того же года Петръ увѣдомлялъ князя объ удачныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ; 19-го іюля 1722 г. сообщалъ ему о своемъ выступленіи съ флотомъ изъ Астрахани въ море къ Персидскимъ берегамъ и дальнѣйшихъ своихъ предположеніяхъ и т. под.

Князю Ромодановскому часто приходилось участвовать въ забавахъ Петра, въ которыхъ принимали участіе обыкновенно многіе приближенные, а также и самъ Царь. На большомъ маскарадѣ 10-го сентября 1721 г., на которомъ праздновалась свадьба князя-папы Петра Ивановича Бутурлина со вдовою его предмѣстника, Никиты Моисеевича Зотова, Анной Еремѣевной (рожденной Пашковой, въ 1-мъ бракѣ Стремоуховой, женою капитанъ-поручика Стремоухова), „князь-кесарь И. Ѳ. Ромодановскій въ костюмѣ древнихъ царей, т.-е. въ бархатной мантіи, подбитой горностаями и сіяющей драгоцѣнными камнями, въ золотой коронѣ, со скипетромъ въ рукѣ, изображалъ древняго царя. Его окружала толпа слугъ въ старинныхъ русскихъ одеждахъ. Ему предшествовали 4 барабанщика, въ томъ числѣ и самъ Государь. Супруга князя Ивана Ѳедоровича, княгиня-кесарша, одѣтая въ длинную красную бархатную мантію, отороченную золотомъ, въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, окруженная многочисленной свитой въ старинной русской одеждѣ, являлась древнею царицею". Такую же роль игралъ князь Иванъ Ѳедоровичъ во время Московскаго маскарада въ 1722 г., устроеннаго съ необычайной пышностью въ память Ништадскаго мира: „Ѣхалъ князь-кесарь Ромодановскій въ мантіи, подбитой горностаемъ, имѣя около

себя нѣсколько смѣшныхъ наперсниковъ, изъ которыхъ одинъ облаченъ въ курфюршескую мантію. Князь-кесарь сидѣлъ въ бѣлой лодкѣ, украшенной спереди и сзади медвѣжьими чучелами, необыкновенно хорошо сдѣланными". Въ нѣсколькихъ другихъ маскарадахъ онъ принималъ такое же участіе. Выказывая князю Р. и его супругѣ наружные знаки почета лично, Петръ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы и всѣ другіе, не исключая и иностранцевъ, подражали ему въ этомъ. Замѣтивъ на происходившемъ 20-го іюня 1723 г. обѣдѣ у генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина, что Царица Екатерина Алексѣевна и Принцесса Мекленбургская сидятъ, между тѣмъ какъ княгиня-кесарша А. Ѳ. Ромодановская стоитъ, Петръ немедленно оштрафовалъ и Государыню, и Принцессу за недостатокъ почтенія къ княгинѣ-кесаршѣ, заставивъ ихъ выпить по рюмкѣ крѣпчайшаго венгерскаго.

О дѣятельности князя И. Ѳ. Ромодановскаго, какъ администратора, осталось не много воспоминаній. Вскорѣ послѣ вступленія въ должность начальника Преображенскаго Приказа ему пришлось принять участіе въ разборѣ дѣла и судѣ надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. На вынесенномъ 24-го іюня 1718 г. смертномъ приговорѣ Царевичу имѣется среди другихъ подпись: „ближній стольникъ князь Иванъ Ромодановскій".

11-го мая 1719 г. князь Р. былъ назначенъ главнымъ начальникомъ города Москвы и исправлялъ эту должность до іюля 1724 г.

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины I положеніе его оставалось попрежнему высокимъ, хотя онъ и пересталъ носить титулъ „князя-кесаря". Императрица неоднократно оказывала ему знаки вниманія: такъ, 21-го мая 1725 г., когда, по случаю свадьбы Царевны Анны Петровны съ Герцогомъ Гольштинскимъ Карломъ-Фридрихомъ, были объявлены милости многимъ, князь И. Ѳ. Ромодановскій былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1726 году онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Указы этого и послѣдующаго года называютъ князя Ромодановскаго Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Послѣ празднествъ по случаю свадьбы Царевны Анны князь Иванъ Ѳедоровичъ уѣхалъ въ Москву управлять попрежнему Преображенскимъ Приказомъ, дѣятельность котораго вскорѣ была расширена, такъ какъ въ него были переданы дѣла Тайной Канцеляріи, которая была закрыта по указу Императрицы Екатерины I. Вѣдая Преображенскій Приказъ, князь Р. иногда вступалъ въ конфликты съ другими учрежденіями. Сенатъ нѣсколько разъ жаловался Императрицѣ на князя Р., не желавшаго исполнять даннаго ему приказанія. Такъ, 30-го января 1727 г. Сенатъ доносилъ, „что дѣйствительный тайный совѣтникъ Ромодановскій въ выдачѣ на провіантъ денегъ отказалъ" и заявилъ, что „щотныхъ вѣдомостей о приходѣ и расходѣ денегъ безъ имяннаго Ея Императорскаго Величества указу въ ревизію отсылать не будетъ". Князь Р. не хотѣлъ подчиняться распоряженію правительственнаго учрежденія, считаясь только съ волей Императрицы. Подобная же жалоба на неисполненіе приказанія была подана на князя Ромодановскаго еще при Петрѣ Великомъ отъ Синода: „Подано намъ дѣло князя Долгорукова съ Салтыковымъ, и мы послали къ князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, чтобъ отправилъ въ Синодъ содержащихся въ Преображенской Канцеляріи подъ арестомъ дворовыхъ людей Салтыкова; посланъ указъ Вашего Величества за руками всѣхъ коллегіатовъ; но этотъ Вашего Величества указъ Ромодановскимъ уничтоженъ и не только требуемаго исполненія лишенъ, но, какъ неважный, присланъ къ намъ обратно". Послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта Преображенскій Приказъ подлежалъ его контролю. Князь Ромодановскій долженъ былъ давать въ Верховный Тайный Совѣтъ „для разсужденія и рѣшенія" краткія выписки по важнѣйшимъ дѣламъ, рѣшенія которыхъ по личному усмотрѣнію не осмѣливался брать на себя.

Въ маѣ 1727 г. снова смѣнилось правленіе: на престолъ вступилъ Петръ II. Новое правительство отнеслось къ князю Р. съ прежнимъ довѣріемъ и вниманіемъ. На другой же день по воцареніи Петра II князь И. Ѳ. Ромодановскій получилъ увѣдомленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта объ оставленіи его въ званіи Московскаго генералъ-губернатора на мѣсто графа Мусина-Пушкина, который назывался главнымъ начальникомъ Москвы. Петръ II поручилъ князю Ивану Ѳедоровичу привести къ присягѣ жителей Москвы. 8-го мая 1727 г.

онъ прислалъ ему указъ объ этомъ: „Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и Московской губерніи генералъ-губернатору и кавалеру князю Ромодановскому съ товарыщи . . . . . Должны вы и всѣ наши подданные, обрѣтающіеся въ Москвѣ и въ городѣхъ той губерніи и уѣздѣхъ, какъ духовнаго, воинскаго, гражданскаго и всякаго чина и достоинства въ вѣрной намъ службѣ присягу учинить. . . . О томъ въ нашъ Верховный Тайный Совѣтъ рапортовать.“ Князь Иванъ Ѳедоровичъ являлся главнымъ административнымъ лицомъ Москвы; дѣятельность его подлежала только контролю Верховнаго Тайнаго Совѣта. Указомъ отъ 22-го мая 1727 года опредѣленъ былъ порядокъ управленія Преображенскимъ Приказомъ политическихъ дѣлъ и его отношенія къ Совѣту, о трехъ пунктахъ: „т. е. первое, ежели кто за кѣмъ знаетъ злое умышленье на здоровье Его Императорскаго Величества, второе о измѣнѣ, третье о возмущеніи или бунтѣ,—о тѣхъ изъ ближнихъ къ С.-Петербургу Новгородской, Эстлянской, Лифлянской губерній доносить въ Сенатъ, а изъ дальнихъ губерній и провинцій писать въ Москву къ дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-губернатору князю Ромодановскому, а въ Верховный Тайный Совѣтъ писать имъ о томъ для вѣдома немедленно“. 31-го іюля 1727 года князю Ромодановскому былъ данъ указъ о помѣщеніи Царицы Евдокіи Ѳеодоровны, въ монашествѣ Елены, въ Новодѣвичій монастырь; 2-го октября того же года состоялся указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о подчиненіи ему Московской полиціи, а 31-го октября того же года Верховный Тайный Совѣтъ прислалъ ему указъ о постройкѣ трехъ тріумфальныхъ воротъ къ пріѣзду Петра II въ Москву для бракосочетанія съ княжной Долгорукой. Князь Иванъ Ѳедоровичъ устроилъ молодому Императору торжественную встрѣчу въ Москвѣ. „Князь съ превеликимъ прилежаніемъ старался, дабы Его Величество наипреславнѣ принять, а понеже тамошнія мѣста натурою и разными художествами зѣло украшены и ко всѣмъ весельямъ весьма были угодны,“ то и пріемъ Государю удалось ему устроить великолѣпный.

Имѣя въ своемъ вѣдѣніи широкій кругъ дѣлъ въ царствованіе Петра II, князь Иванъ Ѳедоровичъ не всегда могъ быть исполнительнымъ; онъ былъ уже старъ и часто хворалъ, страдая подагрой и каменной болѣзнью. Ему трудно было вести дѣла въ Преображенской Канцеляріи, и его замѣщалъ А. И. Ушаковъ, хотя князь Иванъ Ѳедоровичъ и считался офиціально управителемъ Приказа. Въ 1729 г. онъ подалъ прошеніе „освободить его отъ дѣлъ“, такъ какъ онъ боленъ. Указомъ отъ 4-го апрѣля 1729 г. онъ получилъ отставку, и вмѣстѣ съ тѣмъ Преображенская Канцелярія, бывшій Преображенскій Приказъ, прекратила свое существованіе.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ, оставивъ дѣла, тихо доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ, вдали отъ политическихъ событій Петербурга. Въ 1730 г. четвертый разъ смѣнилось при немъ правительство: на престолъ вступила Императрица Анна Іоанновна, и князь Иванъ Ѳедоровичъ въ числѣ другихъ сановниковъ (ихъ было 21 человѣкъ) получилъ отъ нея новое назначеніе въ возстановленный въ прежнемъ значеніи Сенатъ. Но онъ былъ такъ боленъ, что не могъ даже побывать въ Сенатѣ, и 15-го марта 1730 г. умеръ. Тѣло его было погребено „съ преславной процессіей въ монастырѣ св. Георгія, при его предкахъ“...

Въ домашней жизни князь Иванъ Ѳедоровичъ держался укладовъ старины. Жилъ онъ обыкновенно въ Москвѣ, гдѣ у него былъ домъ на Моховой улицѣ, недалеко отъ Преображенскаго Приказа, доставшійся отъ отца, обставленный съ роскошью старинныхъ боярскихъ домовъ. При Петрѣ Великомъ онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Петербургъ и иногда жилъ тамъ подолгу. Петръ подарилъ ему одно изъ своихъ любимыхъ владѣній—Ропшу, гдѣ иногда гостилъ Иванъ Ѳедоровичъ. Въ домѣ князя нерѣдко устраивались шумные пиры, въ которыхъ принимали участіе самъ Государь, именитые вельможи, а также знатные иностранные гости, какъ, напр., Герцогъ Гольштинскій и другіе. Въ качествѣ „вселенскаго князя-цесаря сумасброднѣйшаго, всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора, князь Иванъ Ѳедоровичъ принималъ близкое участіе въ засѣданіяхъ этого собора и въ избраніи князя-папы, и имя его, „великаго государя, вселенскаго князь-цесаря Іоанна Ѳеодоровича“, часто встрѣчается въ спискахъ и другихъ документахъ, оставшихся отъ „всепьянѣйшаго собора“.

Любимымъ развлеченіемъ князя Ивана Ѳедоровича была охота; особенно страстно любилъ онъ травить зайцевъ. Въ Преображенскихъ лѣсахъ нерѣдко устраивалась охота съ соколами; въ ней принимали участіе многіе знатные люди, и она обставлялась съ необыкновенной роскошью. Устраивались охоты и въ Ропшинскомъ имѣніи князя И. Ѳ. Ромодановскаго, въ 40 верстахъ отъ С.-Петербурга, „гдѣ мѣста были весьма угодныя". Петръ II, большой любитель этого удовольствія, бралъ у князя Ромодановскаго обученыхъ кречетовъ и ястребовъ. Почти безъ образованія, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій отличался здравымъ умомъ, честностью и прямотою, за что и былъ любимъ Петромъ, тѣмъ болѣе, что, любя старинные русскіе обычаи и вѣрный завѣтамъ старины, князь не былъ противникомъ вводимыхъ Царемъ новшествъ. Князь Иванъ Ѳедоровичъ былъ женатъ на Анастасіи Ѳеодоровнѣ Салтыковой (ум. 2-го сентября 1736 г.), родной сестрѣ Царицы Прасковьи Ѳеодоровны, супруги Царя Іоанна Алексѣевича. У него была единственная дочь княжна Екатерина Ивановна (род. 22-го ноября 1701 ум. 20 го мая 1791 г.), вышедшая замужъ за графа Михаила Гавриловича Головкина. Со смертью князя Ивана Ѳедоровича прекратилась мужская линія рода князей Ромодановскихъ.

Сенатскій Архивъ, Указы Императора Петра Великаго, книга 65; „Родословная книга князей и дворянъ, извѣстная подъ названіемъ Бархатная книга", Москва. 1787, ч. II, стр. 72, 300, 371; Князь П. Долгорукій, „Россійская родословная книга", ч. II, С.-Пб. 1855 г.; И. И. Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго", Москва. 1789 г., т. VI, стр. 139, 160—162, 352, 408 и „Дополненія", т. XI, стр. 130; „Письма и бумаги Императора Петра Великаго", т. I, С.-Пб.; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", тт. 62 и 63; Бергманъ, „Исторія Петра Великаго", С.-Пб. 1833 г., IV, стр. 226; V, 76, 184, 185; VI, 156 — 158; С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Изд. 2-е, кн. IV (см. указ.); И. Кирилловъ, „Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства", кн. 1, Москва. 1831, стр. 9, 84; М. Д. Хмыровъ, „Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время", С.-Пб. 1867; „Дневникъ камеръ-юнкера Ф. В. Берхгольца (1721 — 1725), переводъ съ нѣмецкаго И. Ѳ. Аммона, Москва. 1902; Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли", Москва 1836; Старчевскій, Справочный энциклопедическій словарь, С.-Пб. 1855 г., т. IX; „Птенцы Петра Великаго 1721 — 1725 гг. Сообщилъ С. И. Турбинъ, съ замѣчаніями В. Андреева, „Русская Старина" 1872 г., т. V, № 6; „Письма къ князю Меньшикову А. И. Ушакова и князя И. Ѳ. Ромодановскаго, 1711 г." — „Древняя и Новая Россія" 1876 г., т. I, № 3, стр. 303; „Русская Старина", т. VIII, стр. 18, т. XXIII, стр. 173; „Владимирскія Губернскіе Вѣдомости" 1870 г., № 47; 1871 г., № 17, 18; 1876 г., № 9: „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ" 1860 г., книга 1; Spada. „Ephémérides russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques", С.-Пб. 1806 т. I; Levêque, Histoire de Russie; R. Michaud, „Biographie universelle К. Арсеньевъ, „Царствованіе Петра II, С.-Пб. 1839; В. И. Веретенниковъ, „Исторія Тайной Канцеляріи Петровскаго времени", Харьковъ. 1910; М. И. Семевскій, „Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в. „Слово и дѣло" 1700 — 1725, С.-Пб. 1885; С. Шубинскій, „Историческіе очерки и разсказы", С.-Пб. 1911; Е. П. Карновичъ, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, С.-Пб. 1874; Графъ Павелъ Шереметевъ, Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737, т. I—II, Москва. 1914; Платонъ Бекетовъ. Собраніе портретовъ Россіянъ знаменитыхъ, М. 1823, ч. I, отд. IV, стр. 192.

А. Петровъ.

Ромодановскій, князь *Михаилъ Григорьевичъ*, бояринъ, воевода, Московскій губернаторъ; сынъ боярина князя Г. Г. Ромодановскаго (см. выше) и младшій братъ боярина князя А. Г. Ромодановскаго (см. выше), родился въ 1653 году; въ 1669 году, будучи уже стольникомъ, онъ 6-го и 20-го іюля дневалъ и почевалъ у гроба Царевича Симеона Алексѣевича, затѣмъ находился на службѣ при отцѣ, на Украйнѣ, а въ 1673 году, ноября 22-го, ему, съ И. И. Вердеревскимъ, велѣно было быть на Государевой службѣ въ Бѣлгородскомъ Разрядѣ, съ отцомъ, бояриномъ и воеводою княземъ Г. Г. Ромодановскимъ, „въ товарищѣхъ"; 24-го ноября князь М. Г. Ромодановскій и И. И. Вердеревскій были на отпускѣ у Государя, у руки, въ передней. Въ февралѣ 1674 г., послѣ присоединенія къ Россіи нѣкоторыхъ Заднѣпровскихъ городовъ, князю М. Г. Ромодановскому велѣно было остаться осаднымъ головою въ Каневѣ, но затѣмъ приказъ этотъ былъ отмѣненъ, и Р. остался попрежнему „въ товарищѣхъ" у отца своего. 18-го декабря 1674 г. онъ былъ въ Москвѣ, у руки Государевой и у Царевича, и вскорѣ (вѣроятно, въ началѣ слѣдующаго года) женился на Авдотьѣ Васильевнѣ Голохвастовой (род. 1656, ум. 30-го января 1716 г.), дочери думнаго дворянина Василія Яковлевича Голохвастова.

Въ 1675 году, 26-го февраля, будучи стольникомъ, онъ былъ снова назначенъ товарищемъ къ своему отцу, воеводѣ Бѣл-

городскому боярину князю Г. Г. Ромодановскому и 6-го марта былъ „у руки Государевой“, а въ концѣ марта ему указано было быть „своимъ полкомъ“ въ Сѣвскѣ съ И. И. Вердеревскимъ, „а въ сходъ по вѣстямъ велѣно ему итти къ отцу“.

Въ 1678 г. князь Ромодановскій участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ своего отца, при чемъ 12-го апрѣля этого года ему съ отцомъ были посланы „статьи“ о томъ, какъ поступать въ походѣ, а 11-го іюля того же года имъ была дана царская грамота о принятіи предосторожностей въ мирныхъ переговорахъ съ Турціею, объ употребленіи всевозможнаго старанія удержать по трактату за Россіей Чигиринъ и о срытіи этой крѣпости до основанія, когда турки будутъ ея домогаться неотступно. Въ томъ же 1678 г. (въ серединѣ) 25-лѣтній князь Ромодановскій былъ пожалованъ въ бояре. 20-го іюня 1679 г. онъ былъ въ походѣ Царя Ѳеодора Алексѣевича изъ Москвы въ село Воробьево и въ томъ же и въ 1680 году принималъ постоянное участіе въ другихъ событіяхъ придворной жизни Царя Ѳеодора, который, очевидно, благоволилъ къ своему боярину; равнымъ образомъ и по воцареніи Петра Алексѣевича князь М. Г. Ромодановскій оставался въ кругу ближайшихъ ко Двору лицъ; въ 1683 году, напримѣръ, онъ ходилъ за молодымъ Царемъ въ село Воробьево (6-го мая), а въ 1684 году участвовалъ въ крестномъ ходу 20-го іюля и т. под.

Въ 1682 г. (12-го января) князь М. Г. Ромодановскій подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества. Въ 1685 году, 30-го января, онъ былъ назначенъ воеводою во Псковъ, съ дьякомъ Миною Гробовымъ, и здѣсь пробылъ до 14-го января 1687 г., въ 1688 году былъ въ Москвѣ, гдѣ, 2-го іюля, сопровождалъ Царя Іоанна и Царевну Софью въ ихъ „походѣ“ въ Новодѣвичій монастырь, а 19-го августа и 1-го сентября — въ село Коломенское. 17-го сентября того же 1688 г. князю Р. указано было быть въ Володимерскомъ Судномъ Приказѣ. Въ 1689 году онъ, въ маѣ мѣсяцѣ, сопровождалъ Царей Іоанна и Петра въ ихъ „походѣ“ въ Новодѣвичій монастырь, а въ концѣ года назначенъ былъ воеводою въ Кіевъ, съ дьякомъ Иваномъ Алферьевымъ. Здѣсь князю Р. пришлось слѣдить за дѣятельностью гетмана Мазепы и доносить о ней въ Москву.

Въ 1692 г., въ мартѣ, князь Р. былъ снова въ Москвѣ, при дворѣ Царей Іоанна и Петра. 10-го декабря 1692 г., въ домѣ боярина Петра Васильевича Шереметева, у князя Р. произошла ссора съ бояриномъ Алексѣемъ Семеновичемъ Шеинымъ: въ пылу ссоры оба боярина наговорили другъ другу много дерзостей, взаимно задѣвъ честь одинъ другого; по случаю этой ссоры 10-го января 1693 г. былъ изданъ особый указъ Царей Іоанна и Петра, общаго значенія, о взаимныхъ обидахъ двухъ поссорившихся лицъ. Придворную службу несъ князь Р. и въ 1693 году, когда, 5-го марта, онъ съ Имеретинскимъ Царевичемъ Александромъ Арчиловичемъ, окольничимъ Ѳедоромъ Саввичемъ. Нарбековымъ и думнымъ дьякомъ Г. Ѳ. Деревнинымъ, былъ, по приказу Царей, въ церкви Успенія Богородицы „у дѣйства“, а 8-го іюля провожалъ иконы въ Чудовъ монастырь; въ 1694 году, въ апрѣлѣ и іюнѣ, онъ снова принималъ участіе въ подобныхъ церемоніяхъ, а въ іюлѣ былъ оставленъ на Москвѣ, на Государевомъ дворѣ, на время отсутствія Царя Іоанна Алексѣевича въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Въ 1695 г., 2-го октября, въ Москвѣ сгорѣлъ дворъ князя Р., а въ февралѣ 1696 г. онъ дневалъ и ночевалъ у гроба Царя Іоанна. — 7-го марта 1697 г. Царь Петръ указалъ князю быть въ полкахъ на Лукахъ Великихъ, на Литовской границѣ, съ Новгородскимъ Разрядомъ, при чемъ съ нимъ посланъ былъ дьякъ Петръ Исаковъ; войска эти назначались Царемъ Петромъ въ помощь Польскому Королю Августу II въ его борьбѣ съ Принцемъ Конти Бурбонскимъ и его сторонниками. Находясь въ 1698 г. въ Торопцѣ, Р. пришлось дѣйствовать противъ возмущенія стрѣльцовъ, сосланныхъ Петромъ къ нему подъ начальство, а по усмиреніи ихъ — участвовать въ особой судной надъ ними коммиссіи.—И. А. Желябужскій сохранилъ указаніе, что въ 1699 году, когда князь Ромодановскій, въ числѣ другихъ придворныхъ, былъ въ Воронежѣ съ Петромъ Великимъ, то „на Воронежѣ былъ гнѣвъ и опала на боярина князь Михайла Григорьевича Ромодановскаго, и присланъ съ Воронежа съ солдаты во деревню свою, что̀ на Клязьмѣ“, при чемъ въ маѣ онъ изъ деревни этой былъ взятъ въ село Семеновское—„для розыску и очныхъ ставокъ съ достальными стрѣльцами, и очныя ставки у него съ ними

были". Однако, подозрѣніе въ сочувствіи къ стрѣльцамъ, очевидно, князю Ромодановскому удалось съ себя снять, такъ какъ уже въ слѣдующемъ, 1700 году (19-го февраля) онъ, въ числѣ прочихъ, былъ назначенъ Царемъ Петромъ къ работамъ по составленію новаго Уложенія, т. е., по кодификаціи Уложенія 7157 г. съ позднѣйшими, „новоуказными" статьями и съ „новосостоятельными" указами. Въ 1703 году князь Р. былъ, съ полками, въ Сѣвскѣ, Сумахъ и Ахтыркѣ и за Сумскій походъ получилъ похвальную грамоту, а въ 1705—1707 гг. завѣдывалъ Провіантскимъ Приказомъ, снабжая войска всѣмъ необходимымъ во время непрерывныхъ походовъ Шведской кампаніи. Въ 1711 году, по полученіи извѣстія о разрывѣ мира со стороны Турокъ, Петръ Великій поднялъ свои воинскія силы, при чемъ князю М. Г. Ромодановскому приказано было отправиться въ Путивль и здѣсь собрать дворянскіе полки. Здѣсь бояринъ и воевода Р. простоялъ цѣлый годъ, послѣ чего получилъ новое назначеніе: именнымъ указомъ отъ 23-го января 1712 г. онъ былъ назначенъ Московской губерніи губернаторомъ (его помощникомъ, т. е. вице-губернаторомъ, назначенъ былъ В. С. Ершовъ); въ своей дѣятельности Р. на первыхъ же порахъ столкнулся съ новоучрежденнымъ Сенатомъ и горячо жаловался Императору Петру на притѣсненія и обиды, чинимыя ему „господами сенатами"; однако, побѣда была видимо не на его сторонѣ, такъ какъ, напр., 20-го сентября 1712 г. Помѣстный Приказъ былъ изъятъ изъ его вѣдѣнія и назначенъ въ вѣдѣніе Сената. Вскорѣ послѣ этого князь Р. скончался: 30-го января 1713 г., 60 лѣтъ отъ роду, что̀ видно изъ слѣдующей эпитафіи на его могилѣ въ трапезѣ Богоявленской церкви села (нынѣ слободы) Мстеры, Вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи:

Тысяча семь сотъ десять третья лѣта
Іануарія дне тридцатаго воспѣта,
Волею Бога рабъ вѣрнъ и скончася,
Благородный князь Михаилъ мертвъ стася
Григорьевичъ Ромодановскій славный,
Боляринъ, въ службѣ воевода давный,
Града Москвы онъ губернаторъ бывый
Христіанскъ конецъ въ Христѣ получивый;
На семъ мѣстѣ онъ тѣломъ положися,
О душѣ его, зрѣвъ гробъ сей, молися.
Боже, упокой сего раба вѣрна,
Любовь бо Твоя къ намъ и милость безмѣрна.
Живе 60 лѣтъ, въ именованіе ноемврія 8-го.

Съ нимъ погребена и жена его, княгиня Авдотья Васильевна Ромодановская, рожд. Голохвастова, и сынъ, стольникъ князь Андрей Михайловичъ, умершій 17-го февраля 1712 года, 32-хъ лѣтъ.

Будучи членомъ „Всепьянѣйшаго собора", князь М. Г. Ромодановскій носилъ данное ему Петромъ Великимъ насмѣшливое прозвище „Преосвященнаго Мишуры".

Среди другихъ имѣній у князя М. Г. Ромодановскаго въ Калужскомъ уѣздѣ была вотчина—село Ромоданово (1713), въ Московскомъ уѣздѣ (Манатьина, Быкова и Коровина стана) села Льялово и Никольское (1694), въ Пехрянской десятинѣ — село Вешняково (1703) и др.

Князь П. Долгоруковъ, Родословная Книга, т. II; В. В. Руммель, Родословный Сборникъ, т. I; А. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, С.-Пб. 1902; Н. П. Волынской, Постепенное развитіе русской регулярной конницы въ эпоху Великаго Петра, Вып. I, кн. 3, С.-Пб. 1912, стр. 320 (3 письма князя Р. къ князю А. Д. Меншикову, 1704—1706 г.); П. Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ, М. 1853, стр. 357; Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки, С.-Пб. 1888, стр. 364 (упоминается Родословная книга, ему принадлежавшая и находящаяся нынѣ въ Рукописномъ Отдѣленіи Библіотеки Имп. Академіи Наукъ); Князь Н. Н. Голицынъ, Указатель къ Дворцовымъ Разрядамъ, С.-Пб. 1912 и „Дворцовые Разряды", т. III и т. IV; Письма и бумаги Имп. Петра Великаго, т. I, II, III (письмо князя М. Г. Ромодановскаго къ князю Н. И. Репнину отъ 10-го февраля 1705 г.; указъ ему Петра отъ 21-го іюня 1705 и письма отъ 14-го октября и 6-го декабря 1705), т. IV (указъ ему 1-го іюля 1706), т. V и VI; Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III и IV; Доклады и приговоры Сената въ царствованіе Петра Великаго, т. I, II, III; Записки Желябужскаго, С.-Пб. 1840; Памятники дипломатическихъ сношеній, т. VIII, С.-Пб. 1867, столб. 1023—1024 и Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. XX, стр. 10—11 (грамота Петра къ Р. отъ 3-го октября 1697 г.); Описаніе документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, кн. I и др.; „Владим. Губ. Вѣд." 1876 г., № 2, (указъ Р. въ свою вотчину—с. Мстеры), 1870 г., № 42 (челобитная его крестьянъ 1711 г.), 1868 г., № 26 (уставная грамота на его слободу Мстеру); Великій Князь Николай Михаиловичъ, Провиціальный Некрополь, т. I; И. Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго (по указателю); Полное Собраніе Законовъ (1-е), т. I, стр. 965, 976; т. II, стр. 155, 166, 970, т. III, стр. 149—151, 483, т. IV, стр. 649, 674, 703, 776, 808, 821, 853, 857, 876; Сборникъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. VI, М. 1914; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. IV, М. 1826; Н. В. Берхъ, Систематическіе списки боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ, С.-Пб. 1833.

Б. Модзалевскій.

Ромодановскій, князь *Никита Ивановичъ*, сынъ князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго-Гнуса; въ первый разъ упоминается въ 1561 (7068) году—головою въ полку воеводы князя Ѳедора Ивановича Троекурова, въ походѣ въ Нѣмецкой землѣ подъ городомъ Веляномъ. Въ 1570 г. онъ состоялъ воеводою Пермскимъ.

П. Н. Милюковъ, Древнѣйшая разрядная книга официальной редакціи (по 1565 г.), М. 1901; и Акты Историческіе, т. I, стр. 340—341.

Б. Е.

Ромодановскій, князь *Петръ Григорьевичъ*, стольникъ; сынъ боярина князя Григорія Петровича Ромодановскаго, впервые упоминается въ 1618 году—при пріемѣ Шведскихъ пословъ рындой. Въ 1624 году, на свадьбѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, былъ въ царскомъ поѣздѣ въ званіи стольника; въ 1625 году въ большой Грановитой Палатѣ, при пріемѣ Кизилбашскаго посла Русамъ-бека, онъ отъ Государя подавалъ посламъ къ столу, въ 1630 году присутствовалъ въ Золотой Палатѣ при пріемѣ гонца Шведскаго короля Адольфа и въ томъ же году, въ большой Золотой Грановитой Палатѣ, присутствовалъ при отпускѣ Турскаго посла Ѳомы Кантакузена. Въ теченіе 1631 года князь Р. часто упоминается въ Дворцовыхъ Разрядахъ при пріемахъ и отпускѣ пословъ различныхъ государствъ; затѣмъ до 1638 года онъ въ Разрядахъ не встрѣчается—повидимому, за отсутствіемъ изъ Москвы, находясь на воеводствѣ въ провинціи. Извѣстно, что въ 1634 году онъ былъ воеводою въ Курскѣ, но уже въ слѣдущемъ году былъ отпущенъ къ Москвѣ. Въ 1638 году онъ снова находился въ Москвѣ—головою у стряпчихъ и 23-го мая, по указу Царя Михаила Ѳеодоровича, въ числѣ другихъ бояръ и воеводъ, встрѣчалъ за Калужскими воротами посла Крымскаго царя Бахты-Гирея. Въ 1639 году, въ февралѣ, онъ дневалъ и ночевалъ у гроба Царевича Ивана Михайловича, а въ мартѣ—у гроба Царевича Василія Михайловича. Въ 1644 году князь Р. находился воеводою въ Брянскѣ, а въ 1648 году опять былъ въ Москвѣ и участвовалъ въ свадебномъ поѣздѣ на свадьбѣ Царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильиничной Милославской Въ 1650 году князь Р. состоялъ воеводою въ Веневѣ, въ 1654 году значился въ полку Царя Алексѣя Михайловича „у огней головою", а въ 1655 году—съ тѣмъ же полкомъ выступилъ изъ Смоленска въ походъ противъ Польскаго короля. Годъ смерти князя Петра Григорьевича Ромодановскаго неизвѣстенъ; умеръ онъ бездѣтнымъ.

„Акты Московскаго Государства", т. I, стр. 141, 574, 616; „Разрядныя книги", изд. 2-го Отд. Собств. Е. В. Канцеляріи, т. II, стр. 804; Князь П. В. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга", т. II; А. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ"; П. Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ", стр. 357; „Дворцовые Разряды", т. I, стр. 318, 319, 386, 691, 635, 931; т. II, стр. 4, 132, 141, 143, 145; 148, 150, 182—184, 189—192, 228, 437, 461, 576, 580, 738, 870, 934, 942, 965, 974; т. III, стр. 82, 163, 176, 380, 418, 466, 476.

Б. Еловскій.

Ромодановскій, князь *Юрій Ивановичъ*, боринъ; сынъ боярина князя Ивана Меньшого Ивановича Р. Первый разъ упоминается 16-го января 1648 г. на свадьбѣ Царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильиничной Милославской, стольникомъ въ свадебномъ поѣздѣ. Съ этого времени имя его постоянно встрѣчается въ Разрядахъ: онъ служилъ у стола Государя, сопровождалъ Государя въ ближніе походы, посылался на воеводства. Такъ, въ 1649 году онъ находился съ Алексѣемъ Михайловичемъ въ поѣздкахъ въ село Коломенское, въ село Голенищево, въ село Покровское и въ походѣ въ Можайскъ. Въ 1650 году онъ въ томъ же званіи стольника былъ назначенъ воеводой въ Мценскъ; здѣсь, однако, онъ оставался недолго, такъ какъ, по указу отъ 20-го сентября того же года, былъ отпущенъ къ Москвѣ. Въ 1652 году, на Праздникъ Благовѣщенія, за столомъ Государя, въ присутствіи Патріарха Іосифа, на князя Юрія Ивановича Р. билъ челомъ дядя его князь Григорій Григорьевичъ, не желая служить за кривымъ столомъ въ то время, какъ князь Юрій служилъ у большого стола. Князь Юрій доказывалъ въ свою очередь, что, хотя князь Григорій ему и дядя, однако, онъ не можетъ претендовать на старшинство, такъ какъ дѣдъ князя Юрія, князь Иванъ Петровичъ, былъ старшимъ братомъ отца князя Григорія Григорьевича; поэтому князю Григорію Григорьевичу велѣно было по-прежнему служить въ кривомъ столѣ, чего, однако, князь Григорій не послушался и былъ за то „посаженъ въ желѣза".

Въ 1654 году князь Юрій Ивановичъ въ званіи есаула и стольника отправился въ походъ съ Государемъ въ государевомъ полку подъ Смоленскъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года князь Ромодановскій ѣздилъ изъ Рославля по порученію Царя въ Полоцкъ, къ боярину Василію Петровичу Шереметеву. Въ томъ же году 23-го сентября онъ, по царскому повелѣнію, былъ отправленъ въ Москву къ Царицѣ, къ Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу и къ Патріарху Никону съ извѣстіемъ о взятіи Смоленска. Въ 1655 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, князь Р. былъ назначенъ воеводою въ Могилевъ, но еще 22-го декабря того же года, на новосельѣ у Патріарха Никона въ новой крестовой палатѣ, въ присутствіи Царя, Антіохійскаго Патріарха Макарія и Царевичей: Грузинскаго, Касимовскаго и Сибирскаго, служилъ у стола и наливалъ пить и до іюня слѣдующаго, 1656 г. оставался въ Москвѣ, при чемъ на придворныхъ торжествахъ этого времени исполнялъ всегда одну и ту же обязанность: „пить наливалъ". 20-го іюня этого года Государь изъ Смоленска выступилъ противъ Шведскаго короля подъ Ригу; въ Государевомъ полку сотеннымъ головою у стряпчихъ отправился туда и князь Ю. И. Ромодановскій. Въ октябрѣ этого же года онъ ѣздилъ въ Москву съ извѣстіемъ отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Царицѣ, Царевичу и Патріарху Никону о взятіи города Юрьева (Ливонскаго). Въ январѣ 1658 г. онъ встрѣчалъ за городомъ, за Срѣтенскими воротами, Кизылбашскаго посла Ханедалука-Салтана. Въ этомъ же году князь Юрій Ивановичъ оказался случайнымъ участникомъ въ распрѣ Царя съ Патріархомъ Никономъ. 8-го іюля, на праздникъ Казанской Богородицы, Царь не былъ въ соборѣ ни на одной службѣ, а 10-го числа, въ большой праздникъ Ризы Господней, перенесенной изъ Персіи при Царѣ Михаилѣ, явился передъ обѣдней къ Патріарху князь Ромодановскій съ приказаніемъ отъ Царя, чтобы его не дожидались къ обѣднѣ въ Успенскомъ соборѣ; къ этому онъ прибавилъ: „Царское Величество на тебя гнѣвенъ,—ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь—Царь".— Называюсь я великимъ государемъ не самъ собою",—отвѣчалъ Никонъ: „такъ восхотѣлъ и повелѣлъ Его Царское Величество, свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою".—„Царское Величество", продолжалъ Ромодановскій, „почтилъ тебя, какъ отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь Царское Величество велѣлъ мнѣ сказать, чтобы ты впередъ не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ не будетъ". Впослѣдствіи, на соборѣ, осудившемъ Никона, Ромодановскій отрекся отъ своихъ словъ „о гнѣвѣ на Никона Государя". — Въ 1659, 1660, 1662 и 1663 гг. въ жизни князя Юрія Ивановича, повидимому, не произошло никакихъ перемѣнъ, но имя его рѣже встрѣчается на разныхъ торжествахъ при дворѣ. Въ 1664 году при пріемѣ посла Англійскаго Короля Карла—князя Чарлуса Говарта—въ Грановитой Палатѣ князь Ромодановскій упоминается въ званіи чашника съ тѣми же обязанностями: „пить носилъ". Послѣ этого въ теченіе четырехъ лѣтъ имя князя Р. не упоминается на придворныхъ торжествахъ и выходахъ; надо думать, однако, что онъ не покидалъ въ это время Москвы, такъ какъ служба его за это время подвинулись быстро впередъ.

Въ 1668 году, на именины Государя, который праздновалъ ихъ, въ виду поста, не 17-го, а 24-го марта, князь Р. упоминается уже въ званіи боярина, которое онъ получилъ въ 1665 году; съ 1667 по 1671 г. онъ завѣдывалъ также Пушкарскимъ Приказомъ. Въ 1669 году онъ, вмѣстѣ съ другими боярами, окольничими, думными людьми и дьяками дневалъ и ночевалъ у гроба Царевича Симеона Алексѣевича. Въ 1671 году, января 22-го, князь Юрій присутствовалъ на свадьбѣ Царя Алексѣя Михайловича съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, а съ 1673 по 1676 г. онъ былъ воеводою въ Казани. Въ 1674 году, въ отсутствіи боярина Ромодановскаго, дворовые его люди въ Москвѣ, завлекши къ себѣ на загородный дворъ старосту Серебряннаго ряду торговыхъ людей съ товарами, убили его и вывезли на Дѣвичье поле, а товары его и лошадь съ сѣдломъ взяли себѣ. Схваченные по приказанію Государя и приведенные въ Стрѣлецкій Приказъ, они сознались въ убійствѣ и, кромѣ того, разсказали объ убійствѣ еще 20-ти человѣкъ въ разное время, при чемъ оговорили товарищей своихъ, находившихся съ бояриномъ Ромодановскимъ въ Казани. За ними были посланы въ Казань сотникъ стрѣлецкій и 20 человѣкъ стрѣльцовъ. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ, къ

сожалѣнію, не сообщается, чѣмъ кончилось это дѣло, но, вѣроятно, оно доставило много непріятностей князю Юрію. Въ 1676 году, въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ, князь Ромодановскій ѣздилъ въ походъ съ Государемъ въ село Покровское, въ Кашинскій походъ, въ походъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, въ Александрову слободу, въ Переславль-Залѣсскій. Въ 1678 году, 17-го марта, Государь ѣздилъ въ село Измайлово, и его сопровождалъ, въ числѣ другихъ бояръ, и князь Юрій. Въ 1679 году онъ въ послѣдній разъ упоминаетсявъ Разрядахъ: въ ноябрѣ этого года Государь изволилъ идти въ село Измайлово, а на Москвѣ велѣлъ быть боярамъ князю Черкасскому и Ромодановскому. Скончался князь Юрій Ивановичъ въ 1683 г. и 21-го февраля былъ погребенъ Патріархомъ въ Георгіевскомъ монастырѣ въ Москвѣ.

„Акты Московскаго Государства“, томъ II, стр. 394; т. III, стр. 36, 37; „Акты Историческіе“, т. III, стр. 253, 256; т. IV, стр. 212, 466—467, 469—470; т. V, стр. 91, 221, 228, 294, 379, 391; т. VI, стр. 305; т. VII, стр. 53, т. IX, стр. 4, 5; „Акты Археографической Экспедиціи“, т. IV, стр. 129; П. Ивановъ, „Указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 357; Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. „Обществ. Пользы“, т. III, стр. 211, 258, 617, 682, 755; А. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ“, стр. 89, 139; кн. П. В. Долгоруковъ, „Россійская Родословная книга“, т. II; „Московскій Некрополь“, т. III; „Дворцовые Разряды, т. III, стр. 82, 93, 128, 133, 136, 138, 142, 148, 164, 176, 177, 190, 302, 394, 395, 407, 418, 434, 450, 456, 489, 520, 565, 732, 799, 829, 835, 840, 854, 860, 876, 1119, 1120, 1144, 1465, 1578, 1636, Дополненіе къ III-му тому, стр. 18, 21, 22, 25, 27, 29, 34, 52, 59, 80, 96, 118, 187, 194, 334, 365, 368; т. IV, стр. 10, 14, 15, 20, 127; Н. Берхъ, Систематическіе списки, боярамъ окольничимъ и думнимъ дворянамъ, С.-Пб. 1833 г., стр. 40.

Б. Еловскій.

Ромодановскій, князь *Ѳедоръ Борисовичъ*, бояринъ; сынъ князя Бориса Васильевича Р.; въ вервый разъ упоминается въ 1538 (7045) году—воеводою въ Нижнемъ-Новгородѣ, за городомъ. Въ 1544 (7051) году онъ былъ воеводою во Владимірѣ, въ полку, въ лѣвой рукѣ, и въ томъ же году состоялъ воеводою во Владимірѣ же, въ сторожевомъ полку. Въ 1545 (7052) году онъ находился воеводою въ передовомъ полку въ Суздалѣ, а въ 1550 (7057) году служилъ воеводою въ Муромѣ, въ передовомъ полку отъ Казанской украйны. Въ томъ же году онъ былъ посланъ на Укречь, а въ 1552 (7059) году, „какъ Свіяжской городъ поставили, царь и великій князь повелѣлъ ему съ другими воеводами тамъ годовати“. Въ 1554 (7061) году, послѣ взятія Казани, князь Ѳ. Б. Ромодановскій, находясь воеводою въ передовомъ полку, выѣхалъ по приказу Царя изъ Казани на судахъ въ Нижній-Новгородъ. Въ 1556 (7063) году онъ, уже въ званіи боярина, былъ назначенъ воеводою въ Казань. Князь Ѳедоръ Борисовичъ Ромодановскій скончался въ монашествѣ, съ именемъ Ѳеодорита, въ 1573 году и погребенъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ; умеръ онъ бездѣтнымъ.

Князь П. В. Долгоруковъ, Россійская родословная книга, т. II; П. Н. Милюковъ, „Древнѣйшая Разрядная Книга оффиціальной редакціи (по 1565 г.)“, М. 1901 г., стр. 102, 116, 118, 119, 134, 139, 149, 158, 175; Московскій Некрологъ, т. III, стр. 413.

Б. Еловскій.

Ромодановскій, князь *Ѳедоръ Григорьевичъ*, бояринъ; сынъ боярина князя Григорія Петровича Ромодановскаго. Имя его въ первый разъ встрѣчается въ 1635 году, въ мартѣ, при пріемѣ Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Литовскихъ пословъ, когда князь Ѳедоръ былъ стольникомъ. Въ 1639 году, въ январѣ мѣсяцѣ, онъ дневалъ и ночевалъ у гроба Царевича и Великаго Князя Ивана Михайловича, а въ апрѣлѣ—у гроба Царевича и Великаго Князя Василія Михайловича. Въ январѣ 1644 г., въ званіи стольника, Ромодановскій смотрѣлъ за большимъ столомъ при пріемѣ въ Грановитой Палатѣ Датскаго королевича Вольдемара Христіановича, графа Шлезвигскаго и Голштинскаго и иныхъ. 1-го октября 1645 г., на праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, князь Ѳедоръ упоминается при столѣ въ столовой избѣ, въ присутствіи Государя и Патріарха Іосифа. Далѣе, до 1651 года имя князя Ѳ. Г. Ромодановскаго не встрѣчается въ Разрядахъ; только въ сентябрѣ этого года, уже въ званіи дворянина Московскаго, онъ ѣздилъ съ Государемъ въ походъ въ Троице-Сергіевъ монастырь въ числѣ многихъ другихъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ и дворянъ. Въ 1654 году онъ отправился въ походъ сотеннымъ головою у жильцовъ въ Государевомъ полку противъ Польскаго и Литовскаго короля Яна Казиміра. Въ 1655 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, князь Ѳедоръ Гри-

горьевичъ находился при встрѣчѣ Макарія, Патріарха Антіохійскаго и всего Востока. Съ 1664 г. по 1665 годъ онъ былъ воеводою въ Псковѣ. 30-го іюня 1672 г. Ромодановскій находился въ Грановитой Палатѣ при родинномъ столѣ (по случаю рожденія Царевича Петра, впослѣдствіи Императора Петра Великаго), въ присутствіи Государя, Новогородскаго Митрополита Питирима и архимандритовъ Московскихъ монастырей, а также Царевичей: Грузинскаго, Касимовскаго и Сибирскаго. Въ 1674 году князь Ѳедоръ находился воеводою въ Рыльскѣ: въ этомъ же году ему было приказано возвратиться въ Москву. Въ 1677 году онъ былъ пожалованъ въ бояре и въ 1678 году, по указу Государя, оставался въ Москвѣ, съ другими боярами, когда Государь ѣздилъ въ село Измайлово и село Покровское и ходилъ въ Новодѣвичій монастырь для моленія. Въ маѣ 1679 г., по указу Государя, онъ опять оставался въ Москвѣ, когда Государь ходилъ въ село Воробьево. Въ послѣдній разъ имя князя Ѳедора Григорьевича упоминается въ разрядахъ въ 1688 г. Скончался онъ въ 1689 г. и погребенъ былъ Патріархомъ 14-го января того же года въ Москвѣ, въ церкви Василія Кесарійскаго, на Тверской улицѣ. Онъ умеръ бездѣтнымъ.

„Акты Историческіе“, томъ IV, стр. 515, т. VII, стр. 310; „Акты Московскаго Государства“, т. III, стр. 354, 553, 561—563, 565, 569, 570, 577; П. Ивановъ, „Указатель къ боярскихъ книгамъ“, стр. 357; кн. П. В. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга“, т. II; А. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ“, стр. 186; „Московскій Некрополь“, т. III; „Дворцовые разряды“, т. II, стр. 438, 462, 726, 872, 936, 944, 968; т. III, стр. 20, 285, 394, 416, 457, 466, 475, 484, 890, 948, 1044, 1143, 1199; Дополненіе къ III тому, стр. 28, 52, 67, 76, 467; т. IV, стр. 27, 53, 55, 79—81, 112, 142, 170, 173, 398; Н. В. Берхъ, Систематическіе списки боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ. С.-Пб. 1833 г., стр. 40.

Б. Еловскій.

Ромодановскій, князь *Ѳедоръ Юрьевичъ*, ближній стольникъ при Царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ, Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ; потѣшный генералиссимусъ 4-хъ выборныхъ Петровскихъ гвардейскихъ полковъ и адмиралъ; князь-кесарь, обладавшій высшей юрисдикціей по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ; начальникъ Преображенскаго Приказа и главный начальникъ города Москвы; Пресбургскій король.

Происходилъ изъ стариннаго рода князей Стародубскихъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Рюрика. Въ родословной князей Стародубскихъ значится, что потомокъ великаго князя Владиміра Святого, крестившаго Русскую Землю, князь Иванъ Всеволодовичъ, получилъ отъ брата своего, великаго князя Ярослава Всеволодовича въ удѣлъ Стародубъ, и что отъ него пошли князья Стародубскіе. Праправнукъ этого князя Ивана, князь Ѳедоръ Андреевичъ Стародубскій, имѣлъ сына князя Василія Ромодановскаго. Въ Бархатной Книгѣ записано, что „У пятаго сына князя Ѳедора, княжъ Андреева сына Стародубскаго, у князя Василія Ѳедоровича *Ромодановскаго* дѣти“... Такимъ образомъ, князь Василій Ѳедоровичъ Стародубскій, прямой потомокъ Рюрика, жившій во второй половинѣ XV вѣка, первый началъ называться и писаться Ромодановскимъ. Потомки этого князя служили въ боярахъ и другихъ высшихъ званіяхъ и чинахъ. Однако, по свидѣтельству Котошихина, при немъ князья Ромодановскіе принадлежали къ меньшимъ, или вторымъ родамъ Московской знати. Въ XVI и XVII вѣкахъ фамилія Ромодановскихъ встрѣчается въ перечнѣ знатныхъ родовъ второго разряда, члены которыхъ служили какъ въ боярахъ, такъ и въ окольничихъ: въ XVI вѣкѣ, по 7108 годъ, они упоминаются въ боярахъ всего одинъ разъ, а въ XVII вѣкѣ, по 7185 годъ,— 5 разъ. Но уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича — при жизни отца Ѳедора Юрьевича—начинается возвышеніе фамиліи Ромодановскихъ. Такъ, дѣдъ Ѳедора Юрьевича, князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій, пишется еще въ Боярскихъ книгахъ сначала стольникомъ (1626 г.), а затѣмъ уже бояриномъ (1657 годъ). Отецъ Ѳедора Юрьевича, князь Юрій Ивановичъ, также пишется стольникомъ, а затѣмъ и бояриномъ. Но, помимо этого, князь Юрій Ивановичъ пользовался благосклонностью и неограниченнымъ довѣріемъ Царя Алексѣя Михайловича и былъ его любимцемъ и другомъ.

Годъ и мѣсто рожденія князя Ѳедора Юрьевича, равно какъ и первые годы его службы, не извѣстны, но повидимому, какъ сынъ друга царскаго, князь Ѳедоръ съ малыхъ лѣтъ находился при дворѣ. Когда въ 1672 году праздновалось рожденіе Петра Алексѣевича, то въ числѣ десяти дворянъ,

приглашенныхъ къ родинному столу въ Грановитой Палатѣ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій показанъ первымъ. Послѣ того онъ получилъ званіе ближняго стольника, которое не переставалъ носить въ теченіе всей своей долгой жизни. Въ боярской же книгѣ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій пишется комнатнымъ стольникомъ въ 1675 году. Въ 1678 году также показанъ онъ въ стольникахъ и въ томъ же году былъ первымъ воеводою войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ. 13-го августа этого года онъ разбилъ близъ Чигирина турецкія войска, находившіяся подъ начальствомъ Каплана-паши и Хана Крымскаго, и овладѣлъ всѣмъ ихъ оружіемъ и обозомъ. Быстрое возвышеніе князя Ромодановскаго начинается съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра Великаго. Впервые о дѣятельности его въ это царствованіе упоминается подъ 1689-мъ годомъ, во время второго стрѣлецкаго бунта. Когда бунтъ былъ подавленъ, и Царевна Софья заключена была въ Новодѣвичій монастырь,—князю Ѳедору Ромодановскому былъ порученъ надзоръ за нею. „Для крѣпкаго ея содержанія вскорѣ поставленъ былъ передъ монастыремъ тѣмъ крѣпкій караулъ изъ потѣшныхъ солдатъ Преображенскаго полка, надъ которымъ командовалъ тогда въ главномъ правленіи изъ комнатныхъ стольниковъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, мужъ вѣрный и твердый, со всегдашнимъ надзирательствомъ". Стоя во главѣ Преображенскаго полка, князь Ѳ. Ю. Ромодановскій вмѣстѣ съ нимъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ четырехъ потѣшныхъ походахъ Петра. Въ октябрѣ 1691 года, во время перваго похода Петра на крѣпость Пресбургъ, построенную въ 1684 г. Тиммерманомъ и бывшую стольнымъ городомъ князя Ѳедора Юрьевича, самъ князь былъ назначенъ генералиссимусомъ и дѣйствовалъ подъ именемъ Фридриха Ромодановскаго. Въ результатѣ „великаго и страшнаго боя", „равнявшагося судному дню", ротмистръ Петръ Алексѣевъ, т.-е. самъ царь Петръ, взялъ генералиссимуса въ плѣнъ. Въ 1693-мъ и въ 1694-мъ гг. были сдѣланы два морскихъ похода къ Архангельску. Готовясь къ походу 1693 года, „Петръ выбралъ лучшихъ солдатъ для состава морскихъ экипажей, придумалъ морскіе сигналы, начертилъ планъ маневровъ и назначилъ командировъ будущаго флота: адмираломъ—генералиссимуса Ромодановскаго, вице-адмираломъ—Бутурлина, а себя шкиперомъ".

Въ походѣ 1694 года опять всей флотиліей командовалъ адмиралъ Ромодановскій, „человѣкъ", по выраженію Петра: „зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути". „Съ того похода Великій Князь Петръ Алексѣевичъ изволилъ притти къ Москвѣ въ августѣ мѣсяцѣ, а князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго встрѣтили всѣ палатные люди на Мытищахъ" (подмосковное село). Въ томъ же 1694 году, осенью, былъ сдѣланъ большой потѣшный походъ Кожуховскій (село Кожухово—въ 4-хъ верстахъ отъ Москвы, по Коломенской дорогѣ), и въ этомъ походѣ князь Ѳ. Ю. Ромодановскій занималъ самое видное мѣсто, командуя „Русскою" арміею, состоявшею изъ потѣшныхъ полковъ—Преображенскаго и Семеновскаго,—выборныхъ полковъ солдатскихъ—Лефортова и Бутырскаго, трехъ ротъ гранатчиковъ, восьми выборныхъ ротъ рейтарскихъ, двухъ ротъ даточныхъ людей, подъ именемъ нахаловъ и налетовъ, и 20-ти ротъ стольничьихъ и дѣйствовавшей противъ непріятельской арміи, находившейся подъ командою „короля Польскаго" — Ивана Ивановича Бутурлина. Во время подготовленія къ походу былъ изданъ указъ о высылкѣ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ къ ротному ученію. Люди пріѣзжали въ Москву, записывали пріѣзды свои въ Разрядѣ, а изъ Разряда ихъ всѣхъ отсылали въ Преображенское, указывая явиться къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, въ большомъ полку. Въ этомъ походѣ Ромодановскій осаждалъ безыменную крѣпость,—село, защищаемое стрѣльцами и ротами изъ дьяковъ и подъячихъ подъ начальствомъ Бутурлина. Послѣ 4-хъ-недѣльной осады село было взято, а плѣненный Бутурлинъ приведенъ въ шатеръ къ Ромодановскому. По словамъ современника, „Главнокомандующій былъ поздравленъ отъ регулярныхъ полковъ бѣглымъ огнемъ, чѣмъ вся сія примѣрная война и кончилась". Послѣ Кожуховскаго похода, привѣтствуемый, какъ побѣдитель, генералиссимусъ Ромодановскій задалъ великолѣпный пиръ всѣмъ участникамъ маневровъ.

Въ 1695 году, когда Петръ отправился въ Азовскій походъ, князь Ѳ. Ю. Ромодановскій былъ имъ оставленъ въ Москвѣ.

Къ этому времени относится начало обширной переписки Петра и Ромодановскаго, продолжавшейся и въ послѣдующіе годы, во время отъѣздовъ Петра изъ Москвы. Петръ сообщаетъ въ этихъ письмахъ о своихъ дѣлахъ, о постройкѣ флота и т. под. или просто возвѣщаетъ о своемъ здоровьѣ. Изъ переписки этой, по тому времени весьма оживленной (сохранилось 17 писемъ, написанныхъ Петромъ князю съ мая по ноябрь 1695 года, и много писемъ князя къ Государю за этотъ періодъ) видно, что князь Ѳедоръ Юрьевичъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Царя и что ему было поручено вѣдать важнѣйшія дѣла. Въ письменныхъ сношеніяхъ Петръ окружаетъ Ромодановскаго тѣмъ же почетомъ, какъ и въ личныхъ, величаетъ его высшими титулами: Siir, Min Her Kenich, Ваше Пресвѣтлѣйшество, Ваше Величество и т. п., являетъ передъ нимъ видъ подданнаго. Такъ, въ письмѣ изъ Нижняго отъ 19-го мая 1695 года Петръ пишетъ: „Min Her Kenich. Письмо Вашего Пресвѣтлѣйшества, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Прешпурхѣ маія въ 14 день писанное, мнѣ въ 18 день отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней капли крови своей пролить, для чего и нынѣ посланы... За симъ отдаюсь въ покровъ щедротъ Вашихъ, всегдашній рабъ пресвѣтлѣйшаго вашего Величества бомбардиръ Piter“. Также и въ другихъ письмахъ къ Ромодановскому и другимъ лицамъ Петръ постоянно пишетъ о „государевой“ его (князя Р.) милости, о счастливомъ его пребываніи въ государствѣ, подписываясь: „Его Пресвѣтлѣйшества, генералиссимуса князя Ѳедора Юрьевича бомбардиръ“, „under Knech Piter“, „Aldach iv Knecht“, „холопъ вашъ Kaptein Piter“ и т. п. и адресуя письма „Государю князю Ѳедору Юрьевичу“.

Нельзя не отмѣтить также весьма интереснаго по своей формѣ письма Петра къ Ромодановскому отъ 19-го іюня 1695 года. „Сего мѣсяца въ 14 день отецъ твой, великій господинъ святѣйшій киръ Іанникитъ, архіепископъ Прешпурскій и всея Яузы и всего Кокуя патріархъ, такожде холопы твои... въ добромъ здравіи. Нижайшіе услужники пресвѣтлаго вашего величества Ивашка меньшой Бутурлинъ, Яшка Брюсъ, Ѳедька Троекуровъ, „Петрушка Алексѣевъ“, Ивашка Гумертъ — челомъ бьютъ“. Но въ большинствѣ случаевъ письма выдерживались въ строгомъ, офиціальномъ тонѣ; особенно это слѣдуетъ сказать про письма въ случаяхъ важныхъ. Такъ, 20-го іюля 1696 года, донося о сдачѣ Азова, Петръ писалъ: „Min Her Koninch. Извѣстно вамъ, государю, что благословилъ Господь Богъ оружія ваша государскія, понеже вчерашняго дня молитвой и счастьемъ вашимъ государскимъ, Азовцы, видя конечную тѣсноту, сдались, а какимъ поведеніемъ и что чего взято, буду писать въ будущей почтѣ. Измѣнника Якушку отдали жива. Piter“. Любопытно отмѣтить, что въ послѣдующіе годы — во время Шведской войны — письма Петра измѣняютъ свой характеръ; нѣтъ уже прежняго величанія, нѣтъ торжественности. Адресуетъ онъ письма просто князю Ѳедору Юрьевичу, и даже князю Ѳедору. Воля Петра здѣсь кратко и опредѣленно выражается словомъ: „изволь“. Но въ торжественныхъ случаяхъ, при извѣстіяхъ о побѣдахъ и пр., Петръ по старому обращается къ Ромодановскому въ высоко почтительной формѣ: „Извѣстно Вашему Величеству“ и т. д. — Отвѣтныя письма князя Ѳедора Юрьевича почти всегда носятъ строго дѣловой характеръ. Только иногда и онъ позволяетъ себѣ шутку, заканчивая письмо словами: „Послѣдней пьяной Ѳетка Чемодановъ, воспоминая васъ за пипкою, челомъ бьетъ“, или дѣлая, напримѣръ, выговоръ „капитану Питеру“ за то, что тотъ поздравилъ его съ праздникомъ Пасхи заодно съ другими. Петръ немедленно отвѣчалъ: „Изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными, и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наши братья, въ чинахъ неискусны“.

Особенное возвышеніе Ромодановскаго относится къ 1697 году. Отправляясь съ посольствомъ въ путешествіе за границу, Петръ поручилъ управленіе Москвою совѣту, составленному изъ бояръ: Льва Кириловича Нарышкина, князя Петра Ивановича Прозоровскаго, князя Бориса Алексѣевича Голицына, Тихона Никитича Стрешнева и ближняго стольника князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, объявивъ сего послѣдняго предсѣдателемъ совѣта и Намѣстникомъ въ Москвѣ. „А чтобъ уважить болѣе главнаго правителя князя Ромодановскаго, то далъ ему титло Князя Кесаря и Величества, и самъ дѣлалъ

видъ передъ нимъ подданнаго". Письмо Царя отъ 18 апрѣля 1697 года, писанное, вѣроятно, изъ Митавы, свидѣтельствуетъ о томъ, что Петръ позаботился и о средствахъ, которыми должна была поддерживаться власть князя-кесаря: послѣдній получилъ отъ Царя „нѣкоторую вещь на отмщенье враговъ своего маестату". „Вещью" этой была особая машина или, какъ называлъ ее Петръ, „мамура" для отсѣканія головъ. Это видно изъ письма князя къ Царю, писаннаго въ августѣ того же года: „Писалъ Ты, господине, ко мнѣ въ своемъ письмѣ, чтобъ къ тебѣ отписать, которая отъ тебя прислана мамура ко мнѣ Московскимъ людемъ недобрымъ въ подарки, и тою мамурою учиненъ опытъ надъ крестьяниномъ Покровскаго села, что прежъ сего бывало Рупцово, отсѣчена голова за то, что онъ зарѣзалъ посацкого человѣка; пытанъ трожды и въ томъ винился, что зарѣзалъ съ умыслу. Другова человѣка своего, Сидорку серебряника, который былъ въ Московскомъ разбоѣ съ Ваською Звѣревымъ, тою жъ мамурою указъ учиненъ. А еще многіе такіе жъ той мамурѣ подлежатъ, только еще указъ не учиненъ, и къ сей почтѣ къ вѣдомости не поспѣло. Буду о томъ къ тебѣ впредь писать К. Ѳ. Р.".

Событія послѣдующаго, 1698 года оправдали цѣлесообразность особыхъ полномочій, которыми былъ облеченъ князь Ромодановскій. Когда стрѣльцы самовольно двинулись къ Москвѣ съ Литовской границы (бывшей тогда у Великихъ Лукъ), гдѣ со времени перваго бунта находились они въ видѣ ссылки подъ командой князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго,—бояре сильно обезпокоились, и лишь распорядительностью князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго бунтъ былъ подавленъ. Объ этомъ бунтѣ Ромодановскій доносилъ Петру: „Извѣстно тебѣ, господине, буди: которые стрѣлецкіе 5 полковъ были на Лукахъ Великихъ съ княземъ Михаиломъ Ромодановскимъ, а изъ тѣхъ полковъ побѣжали въ разныхъ числахъ и явились многіе на Москвѣ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ разныхъ же числахъ 40 человѣкъ и били челомъ винами своими о побѣгѣ своемъ и побѣжали де они отъ того, что хлѣбъ дорогъ. И князь Иванъ Борисовичъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ сказалъ стрѣльцамъ указъ, чтобы они по прежнему государеву указу въ тѣ полки шли. И они сказали князь Ивану Борисовичу, что иттить готовы, и выдалъ бы стрѣльцамъ за тѣ мѣсяцы, на которые не дано стрѣльцамъ, деньгами. И имъ на тѣ мѣсяцы и выдали деньгами. И послѣ того показали стрѣльцы упрямство и дурость передъ князь Иваномъ Борисовичемъ и съ Москвы иттить не хотѣли, допрасу..., а такую дурость и невѣжество передъ нимъ явили, и о томъ подлинно хотѣлъ писать милости вашей самъ князь Иванъ Борисовичъ... Прислалъ ко мнѣ князь Иванъ Борисовичъ съ вѣдомостью... рѣля противъ четвертаго числа часа въ отдачу... хотятъ стрѣльцы иттить въ городъ и бить въ колокола у церквей. Я по тѣмъ вѣстямъ велѣлъ полки собрать Преображенскій, Семеновскій и Лафертовъ и, собравъ, для опасенія послалъ полуполковника князя Никиту Рѣпнина въ Кремль, а съ нимъ послано солдатъ съ 700 человѣкъ съ ружьями во всякой готовности. А Чамарса съ тремя ротами Семеновскими велѣлъ обнять у всего Бѣлаго города ворота всѣ. И послѣ того отъ стрѣльцовъ ничего, слуху никакого не бывало. А какъ они невѣжествомъ говорили,—и на завтра князь Иванъ Борисовичъ собралъ бояръ и боярамъ стрѣлецкій приходъ къ Москвѣ и ихъ невѣжество боярамъ доносилъ. И бояре усовѣтовали въ сидѣньѣ и послали по меня, и говорили мнѣ, чтобъ послать мнѣ для высылки стрѣльцовъ на службу полковника съ солдаты; а съ нимъ послалъ солдатъ съ шестьсотъ человѣкъ и велѣлъ сказать стрѣльцамъ государевъ указъ, чтобы они шли на службу у Троицы по прежнему государеву указу, гдѣ кто въ которыхъ полкахъ былъ. И стрѣльцы сказали ему, Чамарсу, что мы иттить на службу готовы; и пошли на завтрея—которые были на Лукахъ Великихъ—тѣ на Луки, а иные въ Торопецъ, а пятаго сборнаго полка во Брянскъ. А для розыску и наказанія взяты въ Стрѣлецкій Приказъ изъ тѣхъ стрѣльцовъ 3 человѣка да четвертый стрѣлецкій сынъ. А стрѣльцы пошли на службу и безъ нихъ милостью Божей все смирно". Въ отвѣтъ на это донесеніе Петръ писалъ Ромодановскому 9-го мая изъ Амстердама: „Въ томъ же письмѣ объявлено бунтъ отъ стрѣльцовъ и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ—Богъ тебя судитъ!

Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ. Для чего и Автамона (Головина, командира Преображенскаго полка) взялъ, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались), и для того, боясь, и въ дѣло не вступаешь: воистинно скорѣе бы почты вѣсть была; только, слава Богу, ни единъ человѣкъ не умеръ: всѣ живы. Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій. Мало ль живетъ, что почты пропадаютъ? А се въ ту пору была и половодь. Неколи ничего дѣлать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистинно отъ болѣзни сердца писалъ". Но вытѣсненные изъ столицы стрѣльцы не успокоились и вскорѣ снова подняли мятежъ. По словамъ Голикова, въ числѣ лицъ, намѣченныхъ стрѣльцами къ убійству, былъ и князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Объ этомъ новомъ мятежѣ Ромодановскій доносилъ „...Слушавъ бояре тѣхъ допросныхъ рѣчей и полковничьихъ писемъ, приговорили: противъ тѣхъ ослушниковъ иттить съ Москвы съ полки боярину и воеводѣ Алексѣю Семеновичу Шеину съ товарищи и въ полку у него быть Московскихъ чиновъ людямъ и отставнымъ и недорослямъ Московскаго же чину всѣмъ, да солдатамъ" (письмо отъ 17-го іюня). Видя серьезность положенія, Петръ писалъ въ отвѣтъ на это письмо изъ Вѣны 16-го іюля 1698 года. „Min Her Kenih, письмо твое, іюня 17-го дня писанное, мнѣ отдано, въ которомъ пишешь ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) растетъ, въ чемъ прошу быть васъ крѣпкихъ, а кромѣ сего, ничѣмъ сей огнь угасить не мочьно. Хотя зело намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (поѣздки въ Венецію), однакоже сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете. Piter".

Какъ до такъ и послѣ возвращенія Петра, главный розыскъ по стрѣлецкому дѣлу чинилъ князь Ѳ. Ю. Ромодановскій. Но особенно развертывается его дѣятельность по возвращеніи Петра. Въ Преображенскомъ—мѣстѣ этого въ высшей степени строгаго допроса — пылало ежедневно, какъ свидѣтельствуютъ современники, по тридцати и болѣе костровъ. Ежедневно происходили казни. Князь Ѳедоръ Юрьевичъ превосходилъ другихъ свирѣпостью розыска въ такой же степени, какъ и былъ вообще суровѣе прочихъ: въ изысканіи истины онъ былъ упрямъ и строгъ даже до безчеловѣчія. Во время казней Ромодановскій собственноручно однимъ и тѣмъ же лезвіемъ отсѣкъ 4-мъ стрѣльцамъ головы. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ характеристикѣ Ромодановскаго сходятся всѣ изслѣдователи. Такъ, весьма ярко его рисуетъ Бантышъ-Каменскій: „Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій былъ человѣкъ нрава жестокаго, не зналъ, какъ милуютъ. Видъ его, взоръ, голосъ вселялъ въ другихъ ужасъ. Воровъ Ромодановскій вѣшалъ за ребра": такимъ образомъ имъ было однажды повѣшено 200 человѣкъ. Неоднократно самъ Петръ упрекалъ Ромодановскаго въ жестокости. Такъ, въ одномъ изъ писемъ (отъ 22-го декабря 1697 года изъ Амстердама) Государь писалъ: „Звѣрь! долго-ль тебѣ людей жечь? И сюды раненые отъ васъ пріѣхали. Перестань знаться съ Ивашкой (Хмельницкимъ, т.-е. пьянствовать). Быть отъ него рожѣ драной". Достаточно выразительны и собственныя слова Ромодановскаго, писанныя Петру въ отвѣтъ на это обвиненіе въ пьянствѣ: „Неколи мнѣ съ Ивашкою знаться — всегда въ кровяхъ омываемся"; ваше то дѣло на досугѣ стало знакомство держать съ Ивашкой, а намъ недосугъ".

Въ 1699 году Петръ, опять покидая столицу, вновь передалъ всю полноту власти въ руки Ромодановскаго и въ частности поручилъ ему продолженіе розыска по дѣлу стрѣльцовъ. Розыскъ занималъ 1698 и 1699 годы, но и послѣ этого розыскная дѣятельность Ромодановскаго не замерла, а напротивъ,—расширилась. Стоя съ первыхъ лѣтъ правленія Петра во главѣ Преображенскаго Приказа, Ромодановскій вѣдалъ дѣла какъ политическія, такъ и общеполицейскія. Но въ началѣ XVIII столѣтія въ Преображенскомъ Приказѣ сосредоточиваются дѣла исключительно политическія. Указомъ 1702 года приказывается всѣхъ людей, доносившихъ „Государево слово и дѣло", присылать въ Преображенскій Приказъ, къ стольнику князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. Тенденція изъять изъ вѣдѣнія „страшнаго Пресбургскаго короля" обычныя уголовныя дѣла замѣтна у Петра еще въ 1698 году. Когда лучшій изъ учениковъ „морского дѣла", посланныхъ Петромъ за границу, Скляевъ, при проѣздѣ изъ-за границы въ Воронежъ, гдѣ его ожидалъ Царь, задрался въ Москвѣ съ Преображенскими солдатами

и вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, Лукьяномъ Верещагинымъ, попалъ въ руки Ромодановскаго, Петръ, указывая на то, что данное дѣло—не *государственное*, просилъ князя-кесаря освободить виновныхъ. На это князь отвѣчалъ: „Что ты изволишь ко мнѣ писать о Лукьянѣ Верещагинѣ и о Скляевѣ, будто я ихъ задержалъ,—я ихъ не задержалъ, только у меня сутки ночевали. Вина ихъ такая: ѣхали Покровскою слободою пьяны и задрались съ солдаты Преображенскаго полку, изрубили двухъ человѣкъ солдатъ и по розыску явилось на обѣ стороны неправы; и я, розыскавъ, высѣкъ Скляева за его дурость, также и челобитчиковъ, съ кѣмъ ссора учинилась, и того часу отослалъ къ Ѳедору Алексѣевичу (Головину). Въ томъ на меня не прогнѣвись: не обыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя-бъ и не такова чину были". Но не только привычка заставляла князя Ромодановскаго разбирать дѣла и не политическія: онъ долженъ былъ, какъ глава государства, оберегать порученныхъ ему Петромъ мирныхъ гражданъ отъ насилій и грабежей и вести войну съ разбойниками, отъ которыхъ не было житья.

Среди насильниковъ бывали и знатные люди, которымъ князь Ромодановскій также не давалъ пощады. Онъ старался отклонять отъ себя дѣла, въ которыхъ были замѣшаны его родственники, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ пристрастіи и дабы не быть „въ ругательствѣ и лаѣ". Когда мужъ его дочери Ѳедосьи Ѳеодоровны Абрамъ Ѳедоровичъ Лопухинъ былъ обвиненъ въ замыслахъ противъ Государя, князь Ѳедоръ Юрьевичъ не замолвилъ за него ни единаго слова, и Лопухинъ былъ казненъ. Въ ряду разнообразныхъ дѣлъ Ромодановскій велъ въ 1705 году разслѣдованіе о „ворахъ" Астраханскихъ и съ Дону, а въ 1707 году—по дѣлу Мазепы. Вѣдая Преображенскій Приказъ, занимая должность, которая важностью своей и силой ни съ какой другой не равнялась, Ромодановскій вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдалъ еще и другія дѣла. Въ 1698 году князь имѣлъ смотрѣніе за торговлею табакомъ, вѣдалъ пошлиннымъ табачнымъ сборомъ и долженъ былъ, по должности начальника Преображенскаго Приказа, разслѣдовать дѣло о злоупотребленіяхъ табачнаго откупщика Орлёнка. Петръ писалъ ему: „Писалъ ко мнѣ Виніусъ, жалуясь на Орлёнка и товарищей его во всякихъ насильствахъ и убійствахъ въ Сибири,—и то изволь своимъ премудрымъ разумомъ разыскать, чтобъ тамошніе дикіе края къ какому смущенію не пришли". Въ 1703 году вѣдалъ онъ Аптекарскій и Сибирскій Приказы. Какъ главный начальникъ города Москвы, князь Ромодановскій въ 1700 г. производилъ сборъ денегъ съ обывателей для замощенія столицы. Въ 1701 г., послѣ сильнаго пожара, опустошившаго Москву, князь Ѳедоръ Юрьевичъ занялся отстраиваніемъ ввѣренной ему столицы. На ряду съ этимъ князь Ѳ. Ю. Ромодановскій завѣдывалъ снабженіемъ арміи артиллеріей, литьемъ пушекъ, и заготовленіемъ снарядовъ къ нимъ. Наконецъ, князь и вѣдалъ производствомъ въ чины, которые отъ него получалъ и самъ Петръ: всѣ высшіе чины—полковника (1706 г.) генералъ-поручика и шоутбейнахта (контръ-адмирала; 1709) и вице-адмирала (1714) были пожалованы Петру Княземъ-Кесаремъ. Особенно большой торжественностью было обставлено послѣднее производство. Князь-кесарь Ромодановскій сидѣлъ въ Сенатѣ. Весь кортежъ, сопровождавшія Царя, остановился передъ палатами сенатскими. Петръ велѣлъ доложить Его Величеству Князю Кесарю и, получивъ позволеніе, вошелъ и подалъ Князю-Кесарю рапортъ и рекомендательное о себѣ отъ Генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина письмо. Князь Кесарь, прочитавъ вслухъ рапортъ и письмо, похвалилъ Царя за службу и пожаловалъ его вице-адмираломъ сказавъ: „Здравствуй, Вице-Адмиралъ!" Въ этой церемоніи, а также въ томъ величаніи, которымъ окружалъ Петръ Ромодановскаго, нѣкоторые изслѣдователи склонны видѣть насмѣшку надъ нимъ Петра, а въ лицѣ Ромодановскаго—шута. Соловьевъ идетъ даже еще дальше и пишетъ: „Ромодановскій былъ шутовской адмиралъ, какъ былъ шутовской король, шутовской генералиссимусъ". Съ этимъ, однако, нельзя согласиться. Правда, одинъ изъ современниковъ князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, передавая въ своей „Гисторіи о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ" о забавахъ Царя, о потѣшныхъ его баталіяхъ и о томъ, какъ баталіи эти происходили подъ начальствомъ двухъ „шутошныхъ" государей, однимъ изъ которыхъ былъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ, склоненъ перенести эту „шутошность" и на самую

личность князя, говоря, что онъ былъ „характеру партикулярнаго и собою видомъ, какъ монстра, превеликій нежелатель добра никому, пьянъ во вся дни“, но этотъ отзывъ врядъ ли можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ. Свидѣтельство о „партикулярномъ“ характерѣ князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго плохо мирится съ извѣстіями о достигнутыхъ имъ на полѣ брани успѣхахъ, о побѣдѣ его надъ турками и татарами и удачномъ веденіи потѣшныхъ баталій, а также о томъ умѣніи, съ которымъ князь вѣдалъ артиллерійскимъ снабженіемъ арміи во время походовъ Петра Великаго. Достаточно прослѣдить переписку Петра съ княземъ по сему вопросу, чтобы убѣдиться, насколько Царь довѣрялъ ему въ этомъ дѣлѣ и какъ умѣло справлялся князь съ данными ему Царемъ порученіями. Напримѣръ, 1706 года, 22 дня февраля, Петръ писалъ Ромодановскому:

„Sir. Письмо ваше государское приняѣ, отвѣтствую, Пороху ізволь держать 25.000 путъ постоянна въсегда, а что убудетъ, тотчасъ дополънить. Ѳетилю 400 путъ ізволь прислать; такожъ 600 палубъ для пороха і двѣ тысячи телѣгъ простыхъ с нарочитымъ числомъ колесъ і осей [сиу бъ число съ тѣми бъ было, которые въ Смоленску есть], также 20 пушекъ полковыхъ новова образца, [при которыхъ желѣзныя мортирцы есть] і 20 мѣдныхъ мортирцовъ [которыхъ по два на одномъ станку безъ пушекъ] новаго же обрасца прислать въ Смоленескъ поскоряя. Да послалъ я при семъ письмѣ два текена пушкамъ, 12-і 6-оунтовой. Ізволь здѣлавъ, такожъ симъ путемъ прислать в Смоленескъ все сие. Которое какъ привезутъ въ Смоленскъ, прежде бы описывались къ намъ въ полки, а, не описаѣъся, не возили. Здѣсь, слава Богу, все добро, і наши въ Гроднѣ во всякой целости, и вѣдомости частыя отъ нихъ емѣемъ“.

Объ исполненіи распоряженій государя, объявленныхъ въ этомъ письмѣ, князь Ромодановскій сообщилъ Петру Великому въ нижеслѣдующихъ трехъ письмахъ: „Господине капитанъ Петръ Алексѣевичъ, здравіе твое да сохранитъ десница Вышняго на лѣта многа. Писмо твое мнѣ отдано ѳевраля въ 25 день, въ которомъ писано о присылкѣ пушекъ въ Смоленескъ трехѳунтовыхъ съ мартирцы да дватцать мартирцовъ, которые по два на станку. Вышлю тотчасъ въ Смоленскъ; палубы и телѣги противъ писма приказалъ дѣлать; двѣнатцатиѳунтовыхъ пушекъ десять, пятиѳунтовыхъ десять же дѣлать почяли, и дѣлаютъ немедленно днемъ и по начамъ. И что чево будетъ въ готовности, отпущать прикажу безъ задержанія. И велѣлъ до вашей милости изъ Смоленска описыватца, что чево въ Смоленскъ привезено будетъ“.

„Господине капитанъ Петръ Алексѣевичъ, здравіе твое да сохранитъ десница Вышняго на лѣта многа. Извѣсно милости твоей буди: противъ писма милости твоей отпущено въ Смоленескъ дватцать пушекъ трехѳунтовыхъ съ мартирцами желѣзными да дватцать мартирцавъ мѣдныхъ, которыхъ по два на станкѣ, четыреста пудъ ѳетилю, да десеть тѣсечь восемсотъ гранатъ штиѳунтовыхъ, сто деветь палубъ, да въ Смоленску девяноста три палубы. А достальные палубы дѣлаютъ наскора, также и телѣги противъ твоево писма; и велѣно надзирать надъ всѣми, чтобъ дѣлали денно и ношна. Пушки двѣнатцатиѳунтовыя и штиѳунтовыя къ литью готовятца, и, чаю, милостію Божію не замедлетца. Въ остаткѣ восемдесятъ мартирцавъ мѣдныхъ, по два на станкѣ; какъ объ нихъ укажешь: всѣ ль присылать въ Смоленескъ, или до указу быть на Москвѣ? О томъ желаю отповѣди“.

„Господине капитанъ Петръ Алексѣевичъ. Здравіе твое да сохранитъ десница Вышняго на лѣта многа. Писмо твое отъ милости твоей получилъ марта 11-го числа, въ которомъ писано: какъ ко мнѣ о чемъ станетъ писать господинъ Меншиковъ, чтобъ исправлено было не мѣшкавъ. И я дѣлаю такъ, какъ возможно. Въ томъ же писмѣ писано, чтобъ готовить пятдесятъ телѣжекъ, въ чемъ скарастрѣльные патроны возить. И у меня ихъ пятдесятъ готовятъ; а здѣлавъ, немедленно пришлю. Извѣсно милости вашей буди, что отпущено въ Смоленскъ марта 8-го числа нынѣшняго 706-го году съ капитаномъ съ Васильемъ Кривцовымъ 20 пушекъ мѣдныхъ новой манеры, ядромъ по три ѳунта, и съ мартирцы желѣзными, съ станки и съ колесы; 20 шухлъ мѣдныхъ къ трехѳунтовымъ; 20 набойниковъ; 30 банниковъ къ мѣднымъ мартирцамъ и къ железнымъ 11.000 гранатъ штиѳунтовыхъ; 4.000 ядеръ трехѳунтовыхъ; 400 пудъ ѳетилю; 110 палубъ. А въ Смоленскѣ старова отпуску 93 палубы, итого 203 палубы. А телѣгъ простыхъ въ

Смоленску ничего нѣтъ. Противъ писма твоево указное число палубы и телѣги готовятъ; а какъ изготовятъ, немедленно пришлю въ Смоленскъ. Да нынѣшняго 706-го году марта 14-го числа отпущено въ Смоленскъ съ капитаномъ съ Аѳтамономъ Петровымъ, по писму Василья Карчмина велѣно 2 пушки прислать, чтобъ ис трехѳунтовыхъ пушекъ стрѣлять штиѳунтовыми ядрами. И тѣ двѣ пушки розсверлины и посланы съ тѣмъ капитаномъ съ станки, и съ калесы, и съ перетки, съ шухлы, и з банники и съ набойники; да въ запасъ къ тѣмъ пушкамъ 2 колеса переднихъ, да 2 колеса заднихъ, 400 ядеръ штиѳунтовыхъ, 400 картечь обвязаныхъ штиѳунтовыхъ, 400 картузниковъ штиѳунтовыхъ з дробью жестяныхъ, 2000 трубокъ скарастрѣльныхъ жестяныхъ къ треми штиѳунтовымъ пушкамъ, 3.000 трубокъ жестяныхъ къ мѣднымъ и желѣзнымъ мартирцамъ, 100.000 кремней къ ѳузѣямъ и къ пистолетамъ и х карабинамъ, 50 осей дубовыхъ къ осмнатцатиѳунтовымъ пушкамъ, 3.000 трубокъ деревеныхъ къ штиѳунтовымъ гранатамъ по обрасцу Василья Карчмина. Пушки по новому обрасцу, которые обрасцы присланы отъ милости твоей, станутъ лить марта 19-го числа штиѳунтовые, а двѣнатцатиѳунтовые станутъ лишь марта 26-го числа, а скоряя тово управитца невозможно: и такъ дѣлали денно и ночно, покою себѣ не знали. Которые въ остаткахъ восмдесетъ мартирцовъ мѣдныхъ, въ Смоленескъ ли прислать, или на Москвѣ до указу быть? Желаю отповѣди. Князь Ѳедаръ Рамаданаѳскай. Уже эти письма въ достаточной степени опредѣляютъ характеръ дѣятельности князя и отношенія къ нему Петра.

Даровавъ Ромодановскому первые чины еще во время потѣшныхъ походовъ, „когда на умѣ ничего, кромѣ игры, не было“, Петръ не только сохраняетъ ихъ за нимъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, но даже даетъ ему еще новые чины отнюдь не для смѣха, а несомнѣнно въ виду выдающихся достоинствъ князя и, можетъ быть, отчасти и для того, чтобъ сокрушить „господствующую до сего“, по выраженію Голикова, гидру мѣстничества: „...Петръ Великій, съ самаго начала правленія своего желая показать подданнымъ своимъ примѣръ подчиненности самимъ собою, хотѣлъ, чтобы его почитали нѣкоторымъ образомъ подвластнымъ Князю Ромодановскому, дабы чрезъ сіе заставить Россіянъ уважать своихъ начальниковъ, какого бы они ни были происхожденія, и показать имъ, что не знатность и богатство даютъ право на полученіе чиновъ и почестей, но душевныя достоинства и дарованія“. И если Петръ окружалъ иногда Ромодановскаго излишней торжественностью и дѣлалъ его предметомъ шутки, какъ то было въ 1702 г., на свадьбѣ шута Шанскаго, когда Ѳедоръ Юрьевичъ изображалъ собою стариннаго царя въ прежнихъ одеждахъ, то въ этомъ проявлялось скорѣе „больше настроенія, чѣмъ тенденціи“.

Во второй половинѣ Петровскаго царствованія князя Ѳ. Ю. Ромодановскій, какъ правитель, отошелъ на второй планъ. Во главѣ управленія стали коллегіальныя учрежденія, и въ составъ нѣкоторыхъ изъ нихъ вошелъ и Ромодановскій. Такъ, извѣстно, что князь Ѳедоръ Юрьевичъ входилъ въ Ближнюю Канцелярію: въ спискѣ же членовъ Сената мы его не находимъ. Впрочемъ, до учрежденія Сената Петръ постоянно обращался къ Ромодановскому. Въ 1707 году Царь писалъ ему изъ Вильны, поповоду неакуратнаго посѣщенія боярами, членами Совѣта, засѣданій въ Ближней Канцеляріи: „Изволь объявить при съѣздѣ въ Палатѣ всѣмъ министрамъ, которые въ конзилію съѣзжаются, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли бы, ибо симъ всякаго рода дурость явлена будетъ“.— Какъ бы то ни было, роль князя Ѳедора Юрьевича сильно измѣнилась: „ихъ милость, правящій *все*“, мало-по-малу долженъ былъ передать различныя отрасли управленія въ руки болѣе молодыхъ, болѣе образованныхъ сподвижниковъ Петра и остаться царить въ одномъ своемъ Преображенскомъ Приказѣ, надъ которымъ онъ до конца дней сохранилъ всюполноту власти. Въ послѣдніе годы жизни князя Ѳедора Юрьевича на него было не мало нареканій, но Петръ Великій, увѣренный въ его безпристрастіи и безкорыстіи, мало обращалъ вниманія на доносы на грознаго князя и самъ сносилъ отъ него разныя непріятности. Въ 1713 году Царь писалъ графу Апраксину: „Съ дѣдушкомъ нашимъ, какъ съ чортомъ вожуся, а не знаю, что дѣлать. Богъ знаетъ, какой человѣкъ?“

Въ частномъ обиходѣ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій жилъ укладомъ стариннаго боярина, любилъ и почиталъ старые нравы и придерживался старинныхъ обычаевъ; былъ гостепріименъ, но требовалъ отъ всѣхъ къ себѣ особаго почтенія. Въ обществѣ передъ нимъ всѣ стояли. „Никто не смѣлъ въѣзжать къ нему во дворъ,— самъ Государь оставлялъ свою одноколку у воротъ его". Домъ князя Ромодановскаго находился въ Москвѣ, на Моховой, около Каменнаго моста; на столбахъ у него было изображеніе родового герба князей Ромодановскихъ: чернаго крылатаго дракона въ золотомъ полѣ. Во дворѣ дома князя находились ручные медвѣди, одинъ изъ которыхъ привѣтствовалъ посѣтителей, поднося каждому чару крѣпчайшей перцовки, которую обязательно было выпить, чтобы не быть оцарапаннымъ звѣремъ.

Ближайшій исполнитель предначертаній Петра, князь Ѳедоръ Юрьевичъ не всегда раздѣлялъ его взгляды: такъ, между прочимъ, онъ не сочувствовалъ женитьбѣ Петра на Екатеринѣ.

Умеръ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій въ преклонномъ возрастѣ, 17-го сентября 1717 года; мѣсто его погребенія неизвѣстно.

Личность князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго и отношеніе къ нему Петра Великаго занимали многихъ изслѣдователей, но не могутъ считаться окончательно выясненными до настоящаго времени: въ отношеніи историковъ къ князю-кесарю замѣчается двойственность, порождаемая такимъ же отношеніемъ къ нему и самого Царя. Вернувшись изъ-за границы въ 1698 году, Царь собственноручно обрѣзалъ бороду Ромодановскому; въ другой разъ, когда князь сталъ защищать Шеина отъ обвиненій Петра, Царь бросился на него съ обнаженной шпагой и, ударивъ по рукѣ, едва не отрубилъ ему пальцевъ; неоднократно заставлялъ онъ князя играть шутовскія роли—это факты, записанные исторіей. Но, съ другой стороны, исторія знаетъ, что въ руки князя Ѳедора Юрьевича была передана фактически сильная власть административная, что ни одно политическое дѣло не вершилось безъ его участія и наблюденія, что въ хозяйственнымъ дѣлахъ Петръ оказывалъ ему большое довѣріе, и потому трудно думать, чтобы князь Ромодановскій былъ, какъ говоритъ М. И. Семевскій, только подставной куклой, куклой весьма комичной" и чтобы титулъ князя-кесаря былъ ему приданъ „изъ шутовства, ради насмѣшки", и если не вызывалъ таковой, то только потому, что съ княземъ, имѣвшимъ въ своемъ вѣдѣніи застѣнокъ, въ рукахъ кнутъ, а на дворѣ медвѣдей, готовыхъ, по мановенію хозяина, помять дерзкаго, шутить было опасно. Никто не рѣшался смѣяться надъ званіемъ князя-кесаря и разсуждать объ его значеніи, и потому въ письмахъ, реляціяхъ и всевозможныхъ офиціальныхъ бумагахъ либо о князѣ Ромодановскомъ, либо къ нему писанныхъ, нигдѣ не встрѣчается какихъ-либо остротъ надъ его званіемъ, которыя были бы неизбѣжны, если бы князь-кесарь имѣлъ только пародію власти. Совершенно невѣроятно, чтобы Царь Петръ, зная, въ какомъ состояніи находятся умы въ оставляемомъ имъ государствѣ, и какой опасности подвергается задуманное имъ великое дѣло преобразованія, могъ поставить во главѣ правительства шута, подставную куклу, а не достойнаго всеобщаго уваженія твердаго мужа, способнаго разобраться въ сложныхъ и разнообразныхъ государственныхъ вопросахъ.

Родословная книга князей и дворянъ, извѣстная подъ названіемъ Бархатная Книга, Москва. 1787 ч. II; Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I-мъ отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Москва. 1853 г.; Князь П. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга", ч. II, С.-Пб. 1855 г.; И. И. Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго", Москва. 1789 г., т.т. I, II, III, IV, X, XI. XII и „Дополненія", т.т. IV—VIII, X, XV; Н. Г. Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго", С.-Пб. 1858; Г. Котошихинъ, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, С.-Пб. 1859; И. Желябужскій, „Дневныя записки" — „Русскій Архивъ", 1910 г. № 9; „Записки русскихъ людей", изд. Сахарова, „Записки Матвѣева", стр. 57, 63; „Достопамятныя повѣсти и рѣчи Петра Великаго, записанныя денщикомъ его Нартовымъ" („Москвитянинъ, 1842 г., №№ 4, 6, 8, 11); Патрикъ Гордонъ, „Дневникъ, веденный имъ во время его шведской и польской службы отъ 1655 по 1661 годъ и во время его пребыванія въ Россіи отъ 1661 по 1699 годъ" ч. I, Москва. 1892; Іоганнъ-Георгъ Корбъ, „Дневникъ путешествія въ Московію" (1698—1699). Переводъ съ примѣчаніями А. І. Малеина, С.-Пб. 1906; „Россійской Магазинъ, составленный трудами Ѳедора Туманскаго", С.-Пб. 1793 г., ч. I и V; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества" т. 63; „Письма и бумаги Петра Великаго" т.т. I—VI; В. И. Веретенниковъ, „Исторія Тайной Канцеляріи Петровскаго времени", Харьковъ, 1910; Н. Я. Токаревъ, „Ближняя Канцелярія при Петрѣ Великомъ и ея

дѣла", стр. 47; А. А. Востоковъ, „О дѣлахъ генеральнаго двора", стр. 3 (обѣ статьи въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи", т. V, Москва. 1888); „Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ" т.т. IV — V, 1778 г.; А. Катифоръ, Житіе Петра Великаго, С.-Пб. 1772, изд. I, стр. 112, 328; А. Градовскій. Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры, С.-Пб. 1866; Н. П Павловъ-Сильванскій, „Государевы служилые люди". С.-Пб. 1909; Н. В. Чарыковъ, „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія" (1637—1691), С.-Пб 1906; „Птенцы Петра Великаго". Сообщилъ С. И. Турбинъ — „Русская Старина" 1872 г., т. V, № 6; „Записки Юста Юля, Датскаго посланника при Петрѣ Великомъ" (1709—1711) — „Русскій Архивъ" 1892, ч. III; М. Д. Хмыровъ, „Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время (1701—1791), С.-Пб. 1867; М. И. Семевскій, „Очерки и разсказы изъ русской жизни XVIII в. Слово и дѣло, 1700—1725", С.-Пб. 1884; Онъ же „Царица Прасковья Ѳедоровна", С.-Пб. 1883; „Альбомъ Сѣверныхъ Музъ" 1828 г.; „Древняя и новая Россія" 1876 г., № III; „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ", 1860 г.—кн. 1; И. Н. Козановскій, Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго". „Русская Старина" 1910 г., № VIII; А. Брикнеръ, „Иллюстрированная исторія Петра Великаго", С.-Пб. 1882; В. О. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, часть 4 (литографированный курсъ); С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Второе изданіе, С.-Пб., кн. III и IV; П. Н. Петровъ, Исторія Петербурга. 1703 -1782, С.-Пб., 1885; „Архивъ князя Куракина", кн. I. С.-Пб. 1890; Графъ Павелъ Шереметевъ. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. I—II. Москва 1914; Платонъ Бекетовъ. Собраніе портретовъ Россіянъ знаменитыхъ. Ч. I, отд. IV, стр. 188—192; Петръ Великій, его полководцы и министры съ присовокупленіемъ краткихъ о жизни ихъ описаній. Изданіе В. Алексѣева. Москва 1848; Е. П. Карповичъ, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи", С.-Пб., 1885. С. Елагинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго флота", ч. I. С.-Пб., 1865; М. П. Азанчевскій; Исторія Л.-гв. Преображенскаго полка, Москва, 1819; М. Г. Ф. Извѣстіе о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіи; Корниловичъ, Извѣстіе о первыхъ маневрахъ при Петрѣ I-мъ.—„Сѣверный Архивъ" 1834 г.; Павловскій и Сторковскій. „Полтавская битва и ея памятники", Полтава, 1895 г.; „Владимирскія губернскія вѣдомости" 1865 г., № 10, 1870 г., № 6; 1871 г., №№ 33, 39, 1876 г., № 3; „Русскій Архивъ" 1865 г., № 5—6; „Русская Старина" 1878 г., т. XXIII; „Mémoires pour servir à l'histoire de l'Empire Russien sous Pierre le Grand" p. 300; Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли". Москва, 1836 г.; Старчевскій. Справочный Энциклопедическій Словарь, С.-Пб. 1855, т. IX, ч. II.; Michaud. Biographie universelle, v. R; Levêque, Histoire de Russie; Spada, Ephémérides Russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques, С.-Пб. 1806, т. 1.

А. Петровъ.

Ромодановскій - Ладыженскій, князь *Николай Ивановичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ; сынъ стольника Ивана Петровича Ладыженскаго отъ брака его съ княжною Екатериною Андреевною Ромодановскою: родился въ серединѣ 1740-хъ (въ 1746?) гг., въ 1755 г. былъ записанъ въ службу, 10-го февраля 1762 г. изъ вахмистровъ Конной Гвардіи былъ произведенъ въ корнеты, а 1-го сентября 1770 г. изъ секундъ-ротмистровъ Конной же Гвардіи былъ переведенъ въ армію подполковникомъ; 17-го марта 1774 г. Л. получилъ чинъ полковника и въ 1776 г. въ этомъ чинѣ служилъ въ Ростовскомъ карабинерномъ полку, а впослѣдствіи дослужился до чина генералъ-поручика, каковой получилъ 14-го апрѣля 1789 г., будучи въ это время членомъ Военной Коллегіи. Пріобрѣтя милость Императора Павла, онъ 29-го ноября 1797 г. получилъ отъ него чинъ генерала-отъ-инфантеріи, а 2-го декабря того-же 1797 года, переименованный въ дѣйствительные тайные совѣтники, назначенъ былъ сенаторомъ и вскорѣ (8-го апрѣля 1798 г.), какъ сынъ послѣдней въ родѣ княжны Ромодановской, получилъ отъ Императора Павла разрѣшеніе именоваться княземъ Ромодановскимъ-Ладыженскимъ; 8-го декабря 1798 г. онъ получилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Полоцкую экономію съ 596 мужского пола душами и землями и угодьями; 26-го января 1799 г. разрѣшено ему было пользоваться Императорскою придворною ливреею, пожалованною Императоромъ Петромъ Великимъ его дѣду, князю Андрею Ромодановскому, а 7-го февраля 1800 г. онъ былъ уволенъ, по прошенію, отъ службы съ пенсіономъ получавшагося имъ жалованья. Черезъ $3^1/_2$ года, 10-го іюля 1803 г., князь Н. И. Ромодановскій-Ладыженскій скончался въ своемъ Бѣлорусскомъ имѣніи, оставивъ отъ брака своего (въ который вступилъ въ 1763 г.) съ баронессой Маріей Исаевной Шафировою (род. 1736 г., ум. 5-го декабря 1799 г.) одного сына, *князя Александра Николаевича* Ромодановскаго-Ладыженскаго; послѣдній воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ, въ службу былъ записанъ въ 1770 г., 7-го августа 1783 г. изъ камеръ-пажей былъ выпущенъ поручикомъ въ Конную Гвардію, въ 1789 г. произведенъ былъ въ ротмистры, а 1-го января 1795 г. изъ ротмистровъ Конной Гвардіи былъ пере-

веденъ въ армію полковникомъ, въ 1796 г. состоялъ въ Оренбургскомъ драгунскомъ полку, а впослѣдствіи былъ генералъ-лейтенантомъ (1800); съ 1798 года, октября 25-го, по 23-е января 1799 г. Р.-Л. былъ шефомъ Кирасирскаго своего имени (нынѣ 4-й Харьковскій уланскій) полка, а съ 23-го января 1799 г. по 31-е марта 1801 г. — шефомъ-же другого Кирасирскаго своего имени (нынѣ 14-й драгунскій Малороссійскаго) полка. Отъ брака своего съ воспитанницею своего холостого дяди Петра Исаевича Шафирова—N. N. Фировою онъ оставилъ двухъ сыновей Константина и Юрія — и трехъ дочерей; родъ его пресѣкся.

В. В. Руммель, Родословный Сборникъ, т. I, стр. 491 (родословіе и гербъ); князь П. В. Долгоруковъ, Россійскій Родословный Сборникъ, кн. 3, С.-Пб. 1841, стр. 66; П. Петровъ, Исторія родовъ Русскаго дворянства; Сенатскій Архивъ, т. I; Полный списокъ шефовъ; пелковыхъ командировъ и офицеровъ л.-гв. Коннаго полка, С.-Пб. 1886 г.; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества, т. 62, стр. 221 и 741; Н. А. Мурзановъ, Списки сенаторовъ, С.-Пб. 1911 г.; фонъ-Фрейманъ, Пажи за 183 г.; Списокъ Воинскому Департаменту на 1776 г., стр. 73 и на 1792 г., стр. 3 и 29; Списокъ Воинскому Департаменту на 1796 г.; Е. Альбовскій, Исторія Харьковскаго полка, 2 т., Х. и Минскъ. 1895—1897, Исторія 37-го Драгунскаго Военнаго Ордена полка; т. I, С.-Пб. 1907.

Г. Барскій.

Ромздеръ (Рамсдесъ), *Яковъ*, серебряныхъ дѣлъ мастеръ; происхожденіемъ голландецъ, онъ въ 1632 году пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и служилъ до 1647 года въ „Приказѣ золотаго дѣла“ и „мѣста царскія и всякія дѣла дѣлалъ“, послѣ чего былъ отпущенъ съ семьей на родину, но въ 1660 году снова подалъ прошеніе о зачисленіи его на службу; каковы были результаты этого прошенія, намъ неизвѣстно.

Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, Дѣла о выѣзжихъ въ Россію иностранцахъ, №№ 4 и 6.

А. Новицкій.

Ронкони, *Феликсъ*, профессоръ пѣнія; родился въ 1811 г. въ Венеціи и былъ сыномъ извѣстнаго въ свое время пѣвца и преподавателя пѣнія Доменико Ронкони, вся семья котораго отличалась музыкальностью и хорошими голосами; наиболѣе выдавались изъ нея старшій сынъ Доменика — Джорджіо, пріобрѣвшій себѣ впослѣдствіи извѣстность и какъ пѣвецъ (баритонъ), и какъ профессоръ пѣнія, и Феликсъ Ронкони, рано, впрочемъ, прекратившій свою артистическую карьеру и посвятившій себя преподаванію. Десяти лѣтъ отъ роду онъ былъ принятъ въ число пѣвчихъ Миланскаго собора и Придворной церкви; изучая пѣніе подъ руководствомъ своего отца, Р. еще молодымъ человѣкомъ началъ давать уроки и вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность хорошаго преподавателя. Не ограничиваясь Миланомъ, онъ посѣщалъ и другіе города Италіи, всюду съ успѣхомъ давая уроки пѣнія. Въ 1836 г. Феликсъ Ронкони отправился въ Вюрцбургъ, гдѣ также занялся преподаваніемъ, но пробылъ здѣсь недолго и переѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ оставался до 1844 г., когда снова вернулся въ Миланъ, такъ какъ получилъ тамъ мѣсто профессора пѣнія въ Миланской Консерваторіи, и въ томъ же году былъ избранъ въ члены Музыкальной Академіи св. Цециліи въ Римѣ. Пробывъ въ Миланѣ 4 года, Р. со всѣмъ тщаніемъ и добросовѣстностью исполнялъ свои обязанности до начала революціи въ Миланѣ въ 1848 г., когда ему пришлось прекратить свои преподавательскія занятія въ этомъ городѣ тогда; онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ уже былъ хорошо извѣстенъ; здѣсь Ронкони предложили мѣсто директора пѣнія при Ковентгарденскомъ театрѣ, гдѣ онъ и пробылъ около 4-хъ лѣтъ, а въ 1852 г., по совѣту брата, который уже неоднократно рекомендовалъ ему отправиться въ Россію, поѣхалъ въ Петербургъ. Опытность Р., глубокое знаніе своего предмета и умѣніе преподавать были извѣстны и здѣсь,—поэтому онъ вскорѣ нашелъ себѣ множество уроковъ, какъ частныхъ, такъ и въ Институтахъ: Николаевскомъ, Екатерининскомъ, Патріотическомъ и Павловскомъ, при которыхъ онъ и оставался въ качествѣ преподавателя до самой своей смерти. Въ 1867 году король Италіи пожаловалъ Р. орденъ Маврикія и Лазаря, а въ началѣ 1870-хъ годовъ Императоръ Александръ II пожаловалъ ему орденъ св. Станислава за его полезную службу при Институтахъ. Проработавъ на педагогическомъ поприщѣ болѣе пятидесяти лѣтъ, при чемъ на долю Россіи изъ этого числа пришлось 23 года, Ф. Ронкони скончался 29-го августа 1875 года въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на католическомъ кладбищѣ на Выборгской сторонѣ. У него

было три дочери; одна изъ нихъ, Клотильда Ронкони (умерла 6-го февраля 1900 г.) пошла по слѣдамъ отца и пользовалась извѣстностью, какъ хорошая учительница пѣнія.

„Иллюстрированная Недѣля“ 1875 г., 12-го октября, № 40 (некрологъ); „Петербургскій Некрополь“, т. III, стр. 617; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. 62.

Я. Е.

Рончевскій, *Александръ Тимоѳеевичъ*, докторъ медицины, Секретарь Кавказскаго Медицинскаго Общества; род. въ 1831 г. въ Витебской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ; среднее образованіе получилъ сначала въ Витебской, а потомъ въ Полоцкой Гимназіи, по окончаніи курса въ который поступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи въ 1854 г. Черезъ четыре года онъ окончилъ курсъ Академіи со званіемъ лѣкаря и назначенъ былъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, а въ слѣдующемъ году переведенъ былъ младшимъ врачомъ въ Тифлисскій Военный Госпиталь. Здѣсь прослужилъ онъ три года, готовясь къ докторской диссертаціи, и съ этою же цѣлью въ 1860 году. прикомандировался къ Харьковскому Университету. Въ слѣдующемъ году Р. защищалъ въ этомъ Университетѣ диссертацію на тему: „Общее кровопусканіе, какъ противувоспалительное средство на Кавказѣ“— (Дисс. Д. М., Харьковъ. 1861 г.) и получилъ степень доктора медицины, послѣ чего вернулся на Кавказъ, гдѣ былъ назначенъ старшимъ врачомъ Тифлисскаго Военнаго Госпиталя. Здѣсь Р. занялся популяризаціей медицинскихъ свѣдѣній, былъ однимъ изъ членовъ-учредителей и первымъ Секретаремъ Кавказскаго Медицинскаго Общества и напечаталъ нѣсколько популярныхъ сочиненій по медицинѣ. Такъ, въ 1863 г. имъ были напечатаны: „Общепонятныя лекціи о строеніи и отправленіи человѣческаго тѣла „съ изложеніемъ правилъ къ сбереженію здоровья, читанныя въ 1862 г. для писарей Главнаго Штаба„? (Тифлисъ. 1863 г.; 2 изд., Тифлисъ. 1867). Въ 1865—1866 г. онъ прочелъ нѣсколько популярныхъ лекцій о холерѣ и затѣмъ издалъ ихъ (Тифлисъ. 1866—1867). Около этого же времени Р. былъ командированъ за-границу, но пробылъ тамъ не долго. Въ 1866 г., въ „Медицинскомъ Сборникѣ Кавказскаго Медицинскаго Общества“, онъ напечаталъ свою работу: „О средствахъ противъ холеры“, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ медикомъ для командировокъ пятаго разряда при Кавказскомъ Военно-Медицинскомъ Управленіи, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ перешелъ въ гражданское вѣдомство Кавказскаго Медицинскаго Управленія и въ концѣ года уѣхалъ въ Петербургъ. Въ послѣдній годъ его жизни временами у него замѣчалось разстройство умственныхъ способностей и, вѣроятно, это было причиной его смерти; Рончевскій скончался въ Петербургѣ 2-го января 1868 г., на 37 году отъ рожденія, отравившись стрихниномъ, котораго принялъ сразу 5 гранъ. Незадолго до своей смерти онъ издалъ отдѣльнымъ изданіемъ (Тифлисъ. 1867 г.), съ нѣкоторыми измѣненіями, печатавшіеся раньше въ „Современникѣ“ и „Военномъ Сборникѣ“ три своихъ разсказа: „Вопросъ“, „Неспособный“ и „Транспортъ“.

„Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 2033; Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе Врачи-Писатели“, вып. I, С.-Пб., 1886 г., тетр. 2, стр. 85; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1868 г., 15-го января, № 14, стр. 1—2 (некрологъ); „Медицинскій Вѣстникъ“ 1868 г., № 2 (некрологъ); „Иллюстрированная Газета“ 1868 г., № 4 (некрологъ); Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 265.

Я. Е.

Ронъ, *фонъ-Александръ Осиповичъ*, Директоръ Заемнаго Банка; происходилъ „изъ цесарскихъ дворянъ“ и родился въ 1764 г.; записанный 13-го января 1771 г. въ службу артиллеріи капраломъ, онъ черезъ годъ былъ произведенъ въ сержанты, а 13-го января 1773 г. переведенъ былъ въ Егерьскій Императорскій корпусъ яхтъ-пажемъ; 13-го января 1775 г. опредѣленный сержантомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, Р. 1-го января 1782 г. переведенъ былъ въ Казанскій кирасирскій полкъ съ чиномъ ротмистра, затѣмъ, поступилъ, 20-го марта 1783 г., въ С.-Петербургскій гарнизонный баталіонъ секундъ-маіоромъ, но пробылъ здѣсь лишь нѣсколько мѣсяцевъ и 7-го ноября 1783 г. былъ назначенъ прокуроромъ С.-Петербургскаго Верхняго Надворнаго Суда; 3-го мая 1784 г. онъ былъ назначенъ прокуроромъ Верхняго Земскаго Суда, а 11-го декабря 1796 г. назначенъ былъ Директоромъ Государственнаго Заемнаго Банка. Въ должности Директора

онъ получилъ чины: 5-го апрѣля 1797 г.— коллежскаго, а 14-го октября 1798 г. — статскаго совѣтника, 27-го іюля 1804 г. былъ опредѣленъ Совѣтникомъ Правленія этого Банка и въ этой должности 12-го декабря 1807 г. пожалованъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; время смерти его не извѣстно.

Сенатскій Архивъ (формулированный списокъ); Шустовъ, Исторія Казанскаго полка, Кіевъ 1901 г.

Г. Б.

Рооде, *Яковъ Ѳомичъ*, Управляющій Петергофскою Гранильною фабрикою; вступивъ въ военную службу въ 1739 г, онъ въ 1762 году перешелъ въ статскую, 22-го августа 1768 г. произведенъ былъ въ надворные совѣтники и въ 1772 — 1773 г. служилъ въ Канцеляріи Главнаго Правленія Сибирскихъ, Казанскихъ и Оренбургскихъ заводовъ въ Екатеринбургѣ; въ 1774 г. Р. былъ членомъ Канцеляріи Главнаго Заводовъ Правленія и членомъ Горной Экспедиціи золотыхъ производствъ въ Бергъ-Коллегіи; черезъ 14 лѣтъ, уже будучи статскимъ совѣтникомъ (съ 21-го апрѣля 1785 г.) и кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степени, Р. состоялъ (1789 г.) Командиромъ или Начальникомъ Петергофской Гранильной и шлифовальной фабрики и 2-го сентября 1793 г. награжденъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; скончался онъ 13-го октября 1806 г., будучи въ отставкѣ.

Списки чиновъ на 1772, 1773 и 1793 г.; Мѣсяцословъ 1774 г., стр. 111, 1789 г. и 1793 г., стр. 112; Высочайшій указъ 2-го сентября 1793 г.; Архивъ Капитула Орденовъ (дата смерти).

Г. Б.

Роозъ, *Андрей Ивановичъ*, докторъ медицины; родился въ 1781 г. въ Саксоніи; во время Отечественной войны Р. былъ взятъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Студянкою, близъ г. Борисова, и 17-го ноября 1812 г. опредѣленъ въ Русскую службу графомъ Витгенштейномъ, въ должность старшаго врача; черезъ годъ (30-го ноября 1813 г.), для выдержанія экзамена, онъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскій Военный Госпиталь, гдѣ успѣшно пользовалъ больныхъ съ 28-го января 1814 до 28-го сентября 1815 г., когда вышелъ въ отставку, еще въ 1814 году (11-го ноября) будучи утвержденъ Имп. Медико-Хирургическою Академіею въ званіи доктора медицины. Пробывъ въ отставкѣ $^1/_2$ года, Р. 1-го февраля 1816 г. былъ опредѣленъ Имп. Маріей Ѳеодоровной въ Петербургскую Больницу для бѣдныхъ (нынѣ Маріинская) и въ 1818 году получилъ чины коллежскаго ассесора и надворнаго совѣтника (3-го и 20-го февраля); 1-го декабря того же года Р. былъ назначенъ врачомъ въ С.-Петербургское Коммерческое Училище, а 1-го января 1819 г.—въ Училище Ордена св. Екатерины. Въ 1824 г. Р. былъ опредѣленъ (24-го августа), по волѣ Имп. Маріи Ѳеодоровны, старшимъ врачомъ въ Больницу для бѣдныхъ, въ 1826 г. получилъ чинъ коллежскаго и въ 1830 г. (18-го марта) статскаго совѣтника и былъ награжденъ въ 1820 г. орденомъ св. Владиміра, а въ 1828 г. — св. Анны 2-й степени. Въ Маріинской Больницѣ Р. служилъ главнымъ врачомъ еще въ 1838 году, а въ 1840 г. уже въ ней не значился. 29-го августа 1819 г. онъ былъ избранъ членомъ С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества.

Архивъ Капитула Орденовъ (формулярный списокъ 1831 г.); Н. Версиловъ, Списокъ членовъ Имп. С.-Пб. Минералогическаго Общества, С.-Пб. 1902 г., стр. 76.

Г. Б.

Роопъ, *Евстафій (Густавъ) Антоновичъ*, генералъ-маіоръ, комендантъ и директоръ г. Гатчины; происходилъ изъ Эстляндскихъ дворянъ и родился въ 1788 году. Службу началъ 1-го января 1802 г. фаненъ-юнкеромъ въ Казанскомъ драгунскомъ полку, въ 1804 г. произведенъ былъ въ прапорщики и принималъ участіе въ походѣ противъ французовъ въ 1806 г.; между прочимъ, онъ въ 1807 г., 22-го января, былъ у прикрытія арріергарда при ретирадѣ арміи изъ-подъ деревни Янендорфъ, 25-го января находился въ дѣйствительномъ сраженіи при г. Гейльсбергѣ, въ отрядѣ генералъ-маіора Варнека, для удержанія въ переправѣ непріятельскихъ отрядовъ чрезъ рѣку Оль и для уничтоженія предпріятія ускорить маршъ свой къ мѣстечку Прейсишъ-Эйлау; 26-го и 27-го января Р. участвовалъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ, бывъ во фланкерахъ, раненъ былъ пулею въ правое плечо на вылетъ и саблею въ лѣвую бровь; 28-го

января онъ былъ отправленъ, для излеченія ранъ, въ Кёнигсбергъ, гдѣ и находился по 13-е марта; 12-го декабря 1809 г. Роопъ былъ переведенъ л.-гв. въ Драгунскій полкъ, а черезъ годъ произведенъ былъ въ поручики. Получивъ 21-го января 1813 г. чинъ штабсъ-капитана, Р. въ этомъ году принялъ участіе въ походѣ: съ 14-го февраля — до границъ герцогства Варшавскаго, а съ 20-го апрѣля—за границу, черезъ Пруссію, Силезію, Богемію, въ Саксонію до Дрездена, гдѣ 15-го августа участвовалъ въ сраженіи; затѣмъ 17-го и 18-го августа онъ находился въ Богеміи, въ битвѣ при Кульмѣ, и за отличіе въэтомъ дѣлѣ былъ, 15-го сентября 1813 г., награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и знакомъ отличія Прусскаго Желѣзнаго креста. 3-го сентября 1813 г. объявлено было Р. Высочайшее благоволеніе за успѣшное исполненіе возложеннаго на него порученія по сформированію резервовъ и по проводу ихъ къ арміи. Находясь въ сраженіи 4-го и 6-го октября при Лейпцигѣ, Р. и здѣсь былъ раненъ въ лѣвую ногу обломкомъ гранаты и получилъ контузію отъ ядра въ грудь, но службы не оставилъ, лечился при полку и уже 11-го октября находился при Бутельштадтѣ и при преслѣдованіи непріятеля до рѣки Рейна. Въ 1814 г., переправясь 1-го января чрезъ Рейнъ во Францію, Р. принялъ участіе въ сраженіяхъ 21-го и 22-го января, 2-го, 3-го и 5-го февраля, а затѣмъ былъ командированъ съ командою отъ генералъ-квартирмейстера барона Дибича, для открытія коммуникаціи съ арміею генералъ-фельдмаршала Блюхера. За исполненіе этого порученія Р. 18-го апрѣля 1814 г. былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью „за храбрость“. 10-го и 11-го марта онъ находился снова въ сраженіи, а 13-го числа—въ дѣлѣ при Фершампенуазѣ и при преслѣдованіи непріятеля до Парижа и 18-го марта участвовалъ въ битвѣ при Парижѣ и въ занятіи города. За участіе въ сраженіяхъ 10-го, 11-го и 13-го марта и 28-го мая 1814 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени. 12-го октября 1814 г. Роопъ вернулся въ Россію, 25-го марта 1816 г. былъ произведенъ въ капитаны, 14-го мая 1819 г. — въ полковники, а въ 1820 г. ему Всемилостивѣйше пожаловано было, въ вѣчное и потомственное владѣніе, 3000 десятинъ земли въ Саратовской, Астраханской, Вологодской, Вятской, Кавказской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Пермской и Сибирской губерніяхъ. 17-го сентября 1823 г. Роопъ былъ назначенъ командиромъ учебнаго кавалерійскаго эскадрона, 12-го декабря 1824 г., за выслугу лѣтъ, пожалованъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. 11-го іюня 1827 г. получилъ алмазные знаки ордена св. Анны 2-й степени, 25-го марта 1828 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, 6-го декабря 1831 г. пожалованъ орденомъ св. Станислава 2-й степени, а 10-го января 1832 г. назначенъ былъ въ должность коменданта и директора города Гатчины; въ этихъ должностяхъ онъ и скончался 22-го апрѣля 1842 г. въ Гатчинѣ, гдѣ и погребенъ на Колпинскомъ кладбищѣ; 13-го апрѣля 1840 г. онъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Жена его Анна Евстафьевна пережила мужа.

Сенатскій Архивъ (формулярный списокъ); „С.-Пб. Вѣд.“ 1840 г., № 85; „Русскій Инвалидъ“ 1842 г., № 241 (дата смерти); „Петербургскій Некрополь“, т. III, стр. 618; Jahrbuch für Geneologie u. s. w., 1905 und 1906, Mitau. 1908, S. 103.

Н. М.

Роопъ, *Богданъ (Эммануилъ) Антоновичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи и родился 18-го января 1795 г.; воспитывался съ 15-го сентября 1811 г. въ Дворянскомъ полку, 27-го декабря 1812 г. произведенъ былъ въ прапорщики, съ переводомъ въ формировавшіеся тогда гвардейскіе резервные эскадроны. Принявъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Отечественной войны, онъ за отличіе подъ Кульмомъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й ст. и переведенъ былъ (12-го марта 1813 г.) въ л.-гв. Драгунскій полкъ, къ которому прибылъ лишь 10-го января 1814 г.; за отличіе въ сраженіи при Фершампенуазѣ награжденный орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ (13-го марта 1814 г.), онъ 25-го марта 1816 г. произведенъ былъ въ поручики, а 26-го апрѣля 1817 г. переведенъ былъ, капитаномъ, въ Лифляндскій Конно-Егерьскій полкъ, откуда 25-го іюня 1822 г. перешелъ ротмистромъ въ Люблинскій гусарскій полкъ, 11-го мая 1825 г. произведенъ былъ въ маіоры съ переводомъ въ Сумскій гусарскій полкъ, а 10-го января 1827 г.—

въ Ольгіопольскій гусарскій же полкъ; произведенный, за отличіе по службѣ, въ подполковники (6-го августа 1830 г.), Р. 24-го августа 1833 г., по расформированіи Ольгіопольскаго полка, переведенъ былъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, въ февралѣ 1834 г. назначенъ былъ командиромъ резервнаго эскадрона, съ которымъ въ 1835 г. (23-го іюня) былъ командированъ въ Стародубовскій кирасирскій полкъ; 4-го сентября 1837 г. онъ произведенъ былъ въ полковники, въ августѣ 1839 г. командированъ былъ въ Образцовый кавалерійскій полкъ и въ декабрѣ прикомандированъ къ Лейбъ-Кирасирскому Наслѣдника Цесаревича полку, изъ котораго въ августѣ 1840 г. снова отчисленъ былъ въ Образцовый полкъ, а 2-го февраля 1841 г. назначенъ былъ командиромъ Оренбургскаго казачьяго № 2 полка; 12-го мая 1845 г. Р. былъ назначенъ командиромъ 2-го военнаго округа Оренбургскаго казачьяго полка, 16-го марта 1850 г. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ. и 7-го мая 1850 г. отчисленъ отъ должности и только 25-го апрѣля 1854 г. получилъ назначеніе Президомъ Коммиссіи военнаго суда при Хотинскомъ Ордонансъ-Гаузѣ, изъ котораго откомандированъ 20-го мая 1855 г. къ Кіевскому, а 4-го февраля 1856 г. назначенъ Президомъ Эриванскаго Ордонансъ-Гауза; отчисленный 29-го марта 1864 г. въ запасныя войска, Р. 27-го октября того же года назначенъ былъ состоять при Кавказской арміи и по армейской кавалеріи, а 11-го декабря 1865 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ отъ службы; умеръ въ томъ же 1865 году.

Кромѣ указанныхъ выше, Р. участвовалъ въ сраженіяхъ: 1813 г. — при Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Бутельштедтѣ и при Ла-Ротьерѣ; въ 1814 г.—при дер. Піонѣ, при мѣст. Сезаннѣ и Монмираль, при Реймсѣ, при дер. Суди и Сомпьи, подъ Парижемъ и при взятіи его, послѣ чего вернулся въ Россію. Въ Польскую кампанію 1831 г. Р. 5-го февраля участвовалъ въ стычкѣ при Калушинѣ, при Минсѣ, при корчмѣ Ваверъ, подъ Прагою, на Гроховскомъ полѣ, близъ мѣст. Латавича, на р. Ловицѣ близъ Венгрова, близъ Куфіева, подъ Минскомъ (14-го апрѣля), при Енджіевѣ (4-го мая); затѣмъ, оставшись въ Кобринѣ, онъ „угрожалъ командѣ мятежника Пусловскаго безпрестанными опасностями и отличался распорядительностію и неусыпными стараніями"; 17-го августа, по распоряженію генерала барона Розена, Р. былъ командированъ въ Тирасполь съ 3-мя эскадронами, съ которыми, при наступленіи Ромарино, содержалъ пикеты и „всѣ даваемыя ему порученія исполнялъ съ примѣрною точностію и усердіемъ".

Формулярный списокъ 1865 г.; Архивъ Капитула Орденовъ.

Н. М.

Роппъ, *фонъ-деръ, Іоганнъ Готгардовичъ* (Іоганнъ-Готгардъ), генералъ-маіоръ; происходилъ изъ древняго рыцарскаго рода, переселившагося въ XIV в. въ Прибалтійскій край изъ Нидеръ-Рейна, и былъ сыномъ капитанъ-лейтенанта Польской службы Готгарда-Фридриха Ивановича Р. и третьей жены его Екатерины-Агаты Ивановны фонъ-Вейсъ; въ 1725 году, „по разсмотрѣнію генералъ-фельдмаршала и кавалера князя Мих. Мих. Голицина", Р. написанъ былъ изъ вахмистровъ въ Выборгскій драгунскій полкъ въ подпоручики, а затѣмъ былъ опредѣленъ флигель-адъютантомъ къ своему дальнему родственнику генералъ-лейтенанту Х. Ф. фонъ-Роппу см. ниже); въ 1726 году, взятый кавалергардомъ въ Кавалергардскій корпусъ, Р. произведенъ былъ въ капитаны, а 12-го января 1728 года переведенъ былъ „изъ кавалергардіи" тѣмъ же чиномъ въ Кіевскій драгунскій полкъ. Въ томъ же 1728 году Р. подалъ челобитную въ Верховный Тайный Совѣтъ о назначеніи ему „иноземческаго оклада *новыхъ* выѣздовъ"; Кригсъ-Коммиссаріатъ нашелъ, что ему не слѣдуетъ давать оклада *новыхъ* выѣздовъ, такъ какъ „въ прошломъ-де 1715 г., по Имянному указу... Петра Перваго, велѣно иноземцамъ, обрѣтающимся въ россійской службѣ, которые выѣхали въ Свейскую войну и жалованье съ ихъ выѣзда давано имъ новыхъ выѣздовъ иноземцевъ, высокій окладъ, тѣмъ всѣмъ, которые хотя и капитуляцій не имѣютъ, платить по такому-жъ высокому иноземческому окладу, а которые впредь офицеры иноземцы въ службу по призыву и собою выѣдутъ,—и такимъ платить ровно съ тѣми прежнихъ выѣздовъ иноземцами, которые выѣхали до Свейской войны, развѣ тѣхъ, которые по Имянному Его Величества указу капитулованы будутъ, — тѣмъ по капитуляціямъ". 20-го мая 1728 г. Военная Коллегія „подала въ Верховный

Тайный Совѣтъ доношеніе и требовала высокоповелительнаго указа: ...иностранцамъ маіору Каркетелю и капитану Роппу жалованье по какому окладу давать, понеже за вышеозначеннымъ 1715 г. указомъ о дачѣ имъ новаго оклада Коллегія того опредѣленія учинить не можетъ". „И вышепомянутое доношеніе изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Контору Военной Коллегіи прислано возвратно, а по слушанію того доношенія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ на реестрѣ отмѣчено, чтобъ о той дачѣ учинить по указамъ", а Роппу, „по опредѣленію онаго Коммиссаріата, надлежащее жалованье платить иноземческое старыхъ выѣздовъ". Однако, послѣ того, какъ Каркетелю удалось, при помощи Остермана, добиться „иноземческаго жалованья *новыхъ* выѣздовъ", — Верховный Тайный Совѣтъ 16-го мая 1729 г. милость эту распространилъ и на Роппа. Въ 1732 г., декабря 7-го, онъ былъ произведенъ въ подполковники. Служа съ 15-го декабря 1731 г. въ полку фонъ-деръ-Роппа, онъ участвовалъ въ походѣ въ Польшу, 31-го декабря 1737 г. былъ произведенъ въ полковники, а 25-го октября 1740 г.—въ генералъ-маіоры и скончался въ 1741 году; онъ былъ женатъ на баронессѣ Маргаритѣ-Елисаветѣ Фабіановнѣ Цёге-фонъ-Мантейфель, но потомства не оставилъ.

Сборникъ біографій кавалергардовъ, подъ ред. С. А. Панчулидзева, т. I, стр. 204; Князь П. В. Долгоруковъ, Россійская родословная книга, т. III, стр. 450; Н. Григоровичъ, Исторія 37-го Драгунскаго Военнаго Ордена генералъ-фельдмаршала графа Миниха полка, т. I, 1709—1809 гг., прилож.

Г. Барскій.

Роппъ, *Христоферъ-Фромгольдъ*, генералъ-поручикъ; сынъ Саксонскаго полковника Христофора Фридриха Р. и его 2-й жены Урсулы Раппе; родился въ Курляндіи, служилъ „въ Саксонскомъ войскѣ маіоромъ въ Государствѣ Польскомъ Его Королевскаго Величества Августа"; принятый въ Русскую службу Петромъ Великимъ въ 1703 г. и участвуя въ войнѣ Петра I съ Польшей подъ начальствомъ генерала Шумбурха, онъ находился въ дѣлѣ при Пуницеге (на Шленской границѣ), а затѣмъ въ 1704 году—въ баталіи при Фронштаммѣ, въ которой былъ раненъ. Въ 1706 году Роппъ служилъ въ полку генералъ-лейтенанта Паткуля и совершалъ съ нимъ походъ въ Цесарію (Австрійскія владѣнія) и въ дѣлѣ при Дюрингервальде отбивалъ съ успѣхомъ аттаки шведовъ. Во время этого похода онъ былъ пожалованъ, въ 1707 г., въ подполковники, а по возвращеніи изъ похода произведенъ былъ въ полковники съ оставленіемъ въ томъ же полку, но вскорѣ переведенъ былъ старшимъ генеральсъ-адъютантомъ къ генералъ-фельдмаршалу князю А. Д. Меншикову. Въ слѣдующемъ, 1708 г., 12-го апрѣля, именнымъ указомъ Р. былъ „пожалованъ" Астраханскимъ Драгунскимъ полкомъ, съ которымъ въ Полтавскую кампанію участвовалъ въ сраженіи при Головчинѣ, былъ раненъ, увѣченъ и отпущенъ для лѣченія ранъ. Послѣ почти годоваго лѣченія Р. возвратился вновь на службу и при сформированіи изъ драгунскихъ полковъ трехъ десятиротныхъ полковъ, получилъ въ командованіе (въ сентябрѣ 1709 г.) одинъ изъ этихъ полковъ, названный его именемъ: полкъ фонъ-деръ-Роппа (нынѣ 13-й драгунскій Военнаго брдена полкъ; другими двумя командовали Оратья Андрей и Гавріилъ Семеновичи Кропотовы), который и принялъ 6-го сентября 1709 г., въ то время, когда полкъ, послѣ Полтавской битвы, былъ направленъ для усиленія отряда русскаго генералъ-фельдмаршала Гольца, находившагося въ предѣлахъ Польши. Въ послѣдовавшемъ вскорѣ (въ октябрѣ 1709 года) сраженіи съ воеводою Кіевскимъ Потоцкимъ при мѣст. Одоляны подъ фонъ-деръ-Роппомъ одна лошадь была убита, а двѣ ранены. Затѣмъ фонъ-деръ-Роппъ участвовалъ съ полкомъ въ Турецкой войнѣ, былъ въ дѣлѣ при Рашковѣ, а затѣмъ при р. Прутѣ, въ которомъ потерялъ немало людей. По заключеніи перемирія онъ былъ посланъ Царемъ съ труднымъ порученіемъ добыть, по недостатку въ арміи лошадей, венгровъ пѣшихъ и конныхъ и выполнилъ это порученіе очень удачно. Послѣ этого онъ участвовалъ въ Померанской войнѣ, по окончаніи которой изъ состава его полка были выбраны въ 1716 г. 12 великановъ, отправленныхъ въ подарокъ Прусскому королю, оставшемуся очень довольнымъ такимъ подаркомъ. Въ 1716 г. фонъ-деръ Роппъ былъ произведенъ въ бригадиры, но продолжалъ командовать полкомъ, который сдалъ Манштейну, послѣ своего производства въ генералъ-маіоры 15-го марта 1719 года.—Произведенный затѣмъ, 1-го января 1726 года, въ генералъ-лейтенанты, Р. состоялъ въ

Украинскомъ корпусѣ войскъ, находившемся подъ главною командою генерала Лессія, на югѣ, около Днѣпра, завѣдуя Царицынскою пограничною линіею и ведя сношенія съ Калмыцкими князьями; въ декабрѣ 1726 г. онъ значился, въ спискѣ генералитета, „при арміи“ и до смерти своей находился на Царицынской линіи. Умеръ Р. въ 1728 г. (въ январѣ-мартѣ). Уже послѣ его смерти указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 18-го марта 1728 г. было поручено Президенту Алексѣю Зыбину произвести изслѣдованіе по жалобамъ Малороссіянъ на генерала Вейсбаха, генералъ-маіора Дукласа и покойнаго генералъ-лейтенанта Роппа, съ увольненіемъ двухъ первыхъ отъ ихъ командъ; 21-го іюня Зыбинъ былъ замѣненъ въ роли слѣдователя генералъ-фельдмаршаломъ княземъ М. М. Голицынымъ. Изложеніе обидъ, причиненныхъ Роппомъ малороссіянамъ, см. въ т. 79 „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, а также въ „Исторіи Россіи“ Соловьева. Фонъ-деръ-Роппъ владѣлъ имѣніями, которыя оставилъ своимъ племянникамъ Христофору-Адаму и Эрнесту-Вилиму фонъ-деръ-Роппамъ и племянницѣ Шарлоттѣ фонъ-Мюлленфельсъ и Василію фонъ-Виттену.

Князь П. В. Долгоруковъ, Россійская родословная книга, т. III, стр. 451; Дворянскій Адресъ-Календарь 1898 г., ч. II, стр. 88; П. Барановъ, Опись Высоч. указамъ и повел., хранящ. въ Сенатск. Архивѣ, т. II; С. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. IV, стр. 1107; Фельдмаршалъ гр. Б. П. Шереметевъ. Военно-Походный журналъ 1711 и 1712 гг., изд. А. З. Мышлаевскаго, С.-Пб. 1898; Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 25, 55, 56, 62, 63, 79, 84, 94, 101; Н. Григоровичъ, Исторія 37-го Драгунскаго Военнаго Ордена генералъ-фельдмаршала графа Миниха полка, т. I, 1709—1809 гг., стр. 19—20 и 55 и прилож., стр. II и VIII; Д. Масловскій, Сѣверная война 1708 г., стр. 132.

Г. Барскій.

Рорбекъ, *Трофимъ Людвиговичъ*, генералъ-лейтенантъ, командиръ 4-й бригады кавалерійскаго запаса; происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи, родился 10-го октября 1823 года; по окончаніи образованія въ бывшемъ Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, 8-го августа 1842 г. былъ выпущенъ корнетомъ въ 13 Уланскій Владимірскій полкъ, 19-го марта 1845 г. произведенъ былъ въ поручики, 26-го февраля 1849 г.—въ штабсъ-ротмистры, 3-го апрѣля 1851 г. переведенъ поручикомъ л.-гв. въ Уланскій полкъ, въ коемъ 15-го апрѣля 1856 г. произведенъ былъ въ штабсъ-ротмистры, 23-го марта 1858 г.—въ ротмистры, а 17-го апрѣля 1862 г.—въ полковники; 27-го марта 1866 г. назначенный командиромъ 8-го Уланскаго Вознесенскаго Принца Александра Гессенскаго полка, онъ 30-го августа 1874 г. за отличіе по службѣ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ, 1875 г. (27-го іюля) назначенъ былъ командиромъ 2-й бригады 8-й кавалерійской дивизіи. Во время войны 1877—78 гг. Р. состоялъ въ отрядѣ генерала Веревкина, участвовалъ 4-го сентября 1877 г. при обстрѣливаніи Турецкимъ пароходомъ нашего поста близъ Тульджи, а въ началѣ 1878 г. былъ командированъ въ Добруджу начальникомъ сводной бригады 7-й кавалерійской дивизіи. Къ 1-му января 1878 г. ему пожалованъ былъ орденъ св. Станислава 1-й ст.; въ 1880 г. (13-го октября) Р. назначенъ былъ командиромъ 2-й бригады 6-й кавалерійской дивизіи, а 26-го марта 1881 г.—командиромъ 4-й запасной кавалерійской бригады, которою и командовалъ до самой своей смерти. 30-го августа 1882 г. ему пожалованъ былъ орденъ св. Анны 1-й ст., въ слѣдующемъ году (15-го мая) онъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и скончался 6-го мая 1885 года.

Формулярный списокъ за 1885 г.; „Новое Время“ 24-го мая 1885 г., № 3316; „Русскій Инвалидъ“ 1885 г., № 109; „Петербургскій Листокъ“ 1885 г., № 162; П. О. Бобровскій, Исторія л.-гв. Уланскаго полка, прил., т. II, стр. 152.

Н. Н. Павловъ-Сильванскій.

Росковшенко, *Иванъ Васильевичъ*, писатель, Предсѣдатель Московскаго Цензурнаго Комитета, тайный совѣтникъ; происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи (гдѣ у него было въ Миргородскомъ и Зеньковскомъ уѣздахъ небольшое родовое имѣніе), родился 4-го августа 1809 г. въ селѣ Штеповкѣ, Лебединскаго уѣзда Харьковской губерніи; воспитывался въ Харьковѣ, въ частномъ пансіонѣ Рейпольскаго, а затѣмъ — на эѳико-политическомъ отдѣленіи Философскаго Факультета Имп. Харьковскаго Университета, въ который онъ поступилъ въ 1826 году; по окончаніи курса въ Университетѣ со званіемъ дѣйствительнаго студента въ 1829 г., Росковшенко поступилъ на службу въ Департаментъ Министерства Юстиціи — канцелярскимъ чиновникомъ (1-го января 1832

года), оттуда перемѣщенъ былъ въ Коммиссаріатскій Департаментъ Военнаго Министерства (15-го іюля 1832 г.) и здѣсь былъ, 3-го апрѣля 1834 г., утвержденъ Помощникомъ Столоначальника, а 1-го мая 1836 г., по случаю преобразованія Военнаго Министерства и уменьшенія числа чиновниковъ Коммиссаріатскаго Департамента, согласно изъявленному желанію, былъ уволенъ отъ службы и 29-го января 1837 г. былъ опредѣленъ въ Канцелярію Хозяйственнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ Помощникомъ Правителя Канцеляріи; отсюда Росковшенко, согласно прошенію, перемѣщенъ былъ въ Редакцію „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (16-го іюля 1837 г.) помощникомъ редактора этого изданія; здѣсь своимъ трудолюбіемъ и способностями Р. обратилъ на себя вниманіе тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова и, благодаря ему, уже черезъ два года опредѣленъ былъ Инспекторомъ Тифлисской Гимназіи (5-го сентября 1839 г.), при чемъ дважды исправлялъ должность Директора Закавказскихъ училищъ (съ 15-го ноября 1840 года по 13-е февраля 1841 года и съ 10-го іюня 1841 года по 16-е сентября 1843 года). Въ 1844 году Росковшенко былъ командированъ (съ 22-го іюля по 5-е ноября) въ Петербургъ и Москву „для доставленія назначенныхъ по Высочайшему повелѣнію въ тамошнія учебныя заведенія дѣтей изъ грузинскаго дворянства“.

Въ 1845, 1847 и 1848 гг. Росковшенко неоднократно исправлялъ должность Директора Закавказскихъ училищъ и съ 12-го декабря 1845 по 16-е іюля 1847 г., по назначенію Намѣстника Кавказскаго, находился членомъ временной Коммиссіи для окончанія училищныхъ домовъ въ Закавказскомъ краѣ, а 6-го мая 1848 года произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. При отъѣздѣ Росковшенка изъ Петербурга въ 1839 году ему дано было порученіе подробно ознакомиться съ положеніемъ учебной части въ Закавказьѣ и составить проектъ ея преобразованія. Во время своей службы въ этомъ краѣ Росковшенко выступилъ горячимъ противникомъ мысли объ устройствѣ Университета въ Тифлисѣ, доказывая, что учрежденіе особаго Закавказскаго Университета послужитъ къ обособленію Закавказья и отдалитъ его отъ Россіи; средство же сближенія окраины съ Россіей онъ видѣлъ въ посылкѣ Кавказскихъ уроженцевъ въ Русскія образовательныя заведенія. Это мнѣніе Росковшенка, какъ извѣстно, было принято; равнымъ образомъ былъ также одобренъ и его проектъ преобразованія учебной части въ Закавказьѣ. Враждебное отношеніе къ Росковшенку многихъ лицъ мѣстной администраціи, несмотря на полное къ нему сочувствіе Намѣстника Кавказскаго князя М. С. Воронцова, заставило его проситься о переводѣ изъ Тифлиса,—почему онъ и былъ переведенъ Директоромъ училищъ Подольской губерніи—22-го іюня 1848 г. Вскорѣ же, за дѣятельныя мѣры, принятыя имъ къ улучшенію состоянія частныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній, состоявшихъ въ Подольской губерніи, и за доставленіе подробныхъ свѣдѣній объ нихъ, ему объявлена была Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ благодарность (1-го мая 1850 г.). Въ томъ же 1850 году Росковшенко былъ уволенъ для поправленія здоровья къ Карлсбадскимъ минеральнымъ водамъ, а въ 1851 г., за постоянно усердную и полезную службу, объявлена ему была Начальникомъ Кіевскаго Учебнаго Округа благодарность (1-го ноября).

Въ 1852 году Р. снова ѣздилъ за границу, въ Карлсбадъ, а въ слѣдующемъ, 1853 г. былъ переведенъ Директоромъ Ровенской Гимназіи (1-го сентября), но уже черезъ два года, 28-го августа 1855 г., былъ уволенъ отъ службы, по болѣзни. Пробывъ въ отставкѣ три съ половиною года, Росковшенко снова вступилъ въ службу, бывъ назначенъ, 30-го апрѣля 1859 года, цензоромъ въ Московскій Цензурный Комитетъ и черезъ 5 лѣтъ, 19-го апрѣля 1864 г., произведенъ былъ, за отличіе, въ дѣйствительные статскіе совѣтники; съ 21-го декабря 1865 г. до 16-го марта 1866 г. онъ исправлялъ должность Предсѣдательствующаго въ Комитетѣ, а 6-го іюня того же года Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ поручено ему было предсѣдательствовать въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ; эти обязанности, совокупно съ цензорскою, Росковшенко исправлялъ по 7-е декабря 1879 года, получивъ послѣдовательно ордена: св. Владиміра 3-й ст. (27-го марта 1866 г.), св. Станислава 1-й ст. (1-го марта 1868 г.) и св. Анны 1-й ст. (8-го апрѣля 1873 г.).

По распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ Росковшенку было назначено (1-го

января 1870 г.) производство содержанія по должности Предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета, а 1-го января 1880 г онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Въ томъ же 1880 г. Росковшенко вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и скончался 25-го апрѣля 1889 г. въ селѣ Высокомъ, Рыльскаго уѣзда Курской губерніи.

Еще будучи въ Харьковскомъ Университетѣ, Росковшенко принадлежалъ къ кружку передовыхъ студентовъ, группировавшемуся около И. И. Срезневскаго, и былъ не чуждъ литературныхъ занятій, а черезъ годъ по переселеніи въ Петербургъ выступилъ и въ печати, помѣстивъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1830 года (кн. 3) стихотвореніе „Забвеніе“. Жизнь въ Петербургѣ и знакомство съ лицами, причастными къ литературѣ, побудили Росковшенко его дѣятельнѣе отдаться литературнымъ занятіямъ,—и онъ напечаталъ въ различныхъ журналахъ, газетахъ и альманахахъ 1830-хъ годовъ много статей разнообразнаго, преимущественно историческаго содержанія (частью безъ подписи), а также много стихотвореній съ подписью своихъ иниціаловъ (И. Р.) или съ псевдонимомъ „Вильгельмъ Мейстеръ“, а также сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ извѣстнаго „Энциклопедическаго Лексикона“ Плюшара (т. VIII—XII, С.-Пб. 1837—1838); наконецъ, онъ выступилъ въ качествѣ переводчика Шекспира; изъ сочиненій послѣдняго онъ перевелъ: „Ромео и Юлію“ („Библіотека для Чтенія“ 1839 г., т. 33, № 4, отд. II, стр. 81—228; объ этомъ переводѣ сочувственно отозвался Бѣлинскій; отд. изданіе—М. 1861 г.); „Сонъ въ Ивановскую ночь“ (тамъ же, 1841 г., т. 45, № 4, отд. II, стр. 181—224) и „Три сцены изъ „Ричарда III“ („Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“ за 1838 г., № 28, стр. 544—548: Дѣйствіе I, сцена IV и Дѣйствіе IV, сцены II и III); къ Шекспиру онъ снова вернулся въ старости, переведя, уже незадолго до смерти, комедію „Виндзорскія проказницы“ (не напечатано).

Въ послѣдній періодъ жизни своей И. В. Росковшенко усердно занимался изученіемъ живописи на Западѣ, а также исторіей Малороссіи. Онъ имѣлъ, кромѣ того, обширную и рѣдкую коллекцію монетъ греческихъ, римскихъ и восточныхъ, большая часть которыхъ была пріобрѣтена Имп. Эрмитажемъ. Изъ переписки его напечатаны его любопытныя письма, за 1831—1832 гг., къ И. И. Срезневскому изъ Петербурга („Русск. Стар.“ 1900 г., т. 101, стр. 477—480); одно письмо, 1868 г., опубликовано въ „Щукинскомъ Сборникѣ“, вып. IX, стр. 206—208.

Вотъ перечень (кромѣ указанныхъ выше) извѣстныхъ намъ произведеній Росковшенка: „Тоска по югѣ“, стих.—„Невскій Альманахъ“ на 1832 г., стр. 186 (съ подп. И. Р.); рецензія на „Руководство къ первоначальному обученію Русской Исторіи“ Н. Г. Устрялова — „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1837 г., ч. XIII, отд. IV, стр. 413—423; рецензія на „Словарь достопамятныхъ людей“ Д. Н. Бантыша-Каменскаго—тамъ-же, стр. 426—429; стихотворенія: „Нѣтъ Миньоны“ („Библ. для Чтенія“ 1838 г., т. 26, стр. 100), „Прости“ (тамъ-же, т. 28, стр. 157—158), „Разлука“ (тамъ-же, т. 30, стр. 10—11), „Два сонета„ (тамъ-же, 1839 г., т. 32, стр. 12—13), „Сонетъ“ („Отечественныя Записки“ 1839 года, т. III, стр. 251). Наконецъ, слѣдуетъ указать, что въ изданіи И. И. Срезневскаго „Собраніе памятниковъ народной украинской словесности“ помѣщено 14 записей И. В. Росковшенка, а въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г. имъ опубликовано „Письмо графа К. Г. Разумовскаго къ зятю его И. В. Гудовичу“.

Формулярный списокъ 1880 г.; „Правит. Вѣстникъ 1889 г., № 98; „Московскія Вѣдомости“ 1889 г., № 113; „Новое Время“ 1889 г., № 4733; Русскій Календарь Суворина на 1890 г., стр. 249; „Русскій Архивъ“ 1890 г., кн. I, стр. 310—315; „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1898 г., ч. 315 кн. 1, отд. 2 стр. 5—6 и 9—10 (въ статьѣ В. И. Срезневскаго: „Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго); „Библ. для Чтенія“ 1838 г., т. XXXI, отд. VI, стр. 79; Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей, вып. IX, М. 1905, стр. 60—61; Сочиненія Кольцова, изд. подъ ред. А. І. Лященка, С.-Пб. 1910; Сочиненія Бѣлинскаго, изд. подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 249—250; „Русск. Стар.“ 1900 г., т. 101, стр. 477—490.

Б. Модзалевскій.

Рославецъ, *Викторъ Яковлевичъ*, Херсонскій губернаторъ; происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи и былъ сыномъ коллежскаго протоколиста и помѣщика Глуховского уѣзда Якова Васильевича Рославца; родился въ 1796 г., воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ; въ 1815 г., въ чинѣ

титулярнаго совѣтника, онъ служилъ при Комитетѣ Министровъ, гдѣ былъ и въ 1820 году; съ 22-го мая 1829 г. Рославецъ былъ Саратовскимъ вице-губернаторомъ, а вскорѣ, уже будучи въ чинѣ статскаго совѣтника, былъ назначенъ Саратовскимъ же гражданскимъ губернаторомъ (26-го октября 1830 г.); отсюда, послѣ неудачной дѣятельности по прекращенію холеры, Р. 26-го апрѣля 1831 г. былъ переведенъ въ Енисейскъ, но уже 21-го іюня, не вступивъ, вѣроятно, въ должность, вышелъ, „по болѣзни“, въ отставку; вступивъ опять въ службу, Рославецъ 13-го мая 1837 г. былъ назначенъ Архангельскимъ губернаторомъ, но уже 6-го іюля переведенъ былъ въ Смоленскъ, однако, едва вступивъ въ должность, былъ, 11-го ноября того же года, назначенъ Херсонскимъ губернаторомъ; здѣсь прослужилъ онъ до 13-го августа 1839 г., когда, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ д. с. совѣтники и съ причисленіемъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; черезъ 4 года (19-го января 1843 г.) Р. былъ назначенъ Таврическимъ губернаторомъ, а 22-го января 1845 г. вторично перешелъ губернаторомъ Херсонской губерніи и умеръ въ Одессѣ 16-го марта 1848 г., на 53 году.

В. Я. Рославецъ былъ женатъ на Е. Н. Панкратьевой (дочери генерала Н. П. Панкратьева), сестра коей была замужемъ за Таганрогскимъ градоначальникомъ свѣтлѣйшимъ княземъ А. К. Ливеномъ.

Архивъ Департамента Герольдіи: дѣло о дворянствѣ Р.; Мѣсяцословы 1816 г., ч. II, стр. 187, 1820, ч. I, стр. 80; „Моск. Вѣд.“ 1830, № 84, стр. 3681; „Саратовскій Край“, вып. I, Сарат. 1893; стр. 192 и сл.; „Русскій Инвалидъ“ 1831, № 164, стр. 655: „С.-Пб. Вѣд.“ 1839 г., № 203; „Вѣдом. С.-Пб. Полиціи“ 1848 г., № 74; „Мѣсяцословъ на 1849 г.“, стр. 175; О. Шишкина, Замѣтки и воспоминанія русской путешественницы, ч. II, С.-Пб. 1848, стр. 65; Н. Сушковъ, Московскій Универс. Благородный Пансіонъ, стр. 34; „Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества“, т. 62 и 78; Историч. данныя объ образованіи губерній...., изд. Департ. Общихъ Дѣлъ М. В. Д., С.-Пб. 1902, стр. 28, 61, 136, 137, 148, 165; В. Модзалевскій, Малороссійскій Родословникъ, т. IV, К. 1914, стр. 357—358.

Г. Барскій.

Рославецъ, *Петръ Ивановичъ*, полковникъ Стародубскій. Происходилъ изъ мѣщанъ города Почепа, принадлежавшаго къ составу Стародубскаго полка. Несмотря на свою неграмотность, Рославецъ въ 1653 году занималъ урядъ Почепскаго сотника, но черезъ три года былъ уже смѣщенъ съ сотничества, какъ это видно изъ универсала наказнаго полковника Стародубскаго Яцка Обуйноженка 1657 года, которымъ утверждалось за „Петромъ Рославченкомъ, козакомъ и полковымъ товарищемъ“, занятое имъ на рѣчкѣ Костѣ мѣсто для устройства мельницы. Въ 1660 году Рославецъ былъ наказнымъ полковникомъ Стародубскимъ, поставленнымъ отъ полковника Нѣжинскаго Василія Золотаренка; на этомъ урядѣ онъ оставался по 1663 годъ, когда Брюховецкимъ былъ образованъ самостоятельный отъ Нѣжинскаго Стародубскій полкъ и когда Рославецъ сдѣланъ былъ и „цѣлымъ“ полковникомъ новаго полка. Полученію такого высокаго уряда, какъ полковническій, Рославецъ обязанъ былъ, повидимому, лишь своимъ способностямъ, которыми онъ, видимо, выдѣлялся изъ среды полкового „товариства“. Вскорѣ, однако, въ томъ-же 1663 году, онъ былъ смѣщенъ гетманомъ со своего уряда, который понадобился для Ивана Плотника, одного изъ тѣхъ полковниковъ, которые, по выраженію лѣтописца Грабянки, были наставлены Брюховецкимъ „зъ гультяйства Запорожского“, изъ среды котораго происходилъ и самъ гетманъ. Задумавъ подъ конецъ своего гетманства измѣну, Брюховецкій въ сентябрѣ 1668 года снова назначилъ Рославца полковникомъ Стародубскимъ, — должно быть, думая найти въ немъ сочувствіе своимъ планамъ и разсчитывая на его популярность въ одномъ изъ главныхъ полковъ. Рославецъ, однако, не раздѣлялъ замысловъ гетмана; соединившись съ полковникомъ Черниговскимъ Многогрѣшнымъ, онъ поспѣшилъ, въ первыхъ числахъ октября 1668 года, присягнуть Царю на вѣрность и тутъ-же уговорился съ будущимъ гетманомъ, „чтобъ другъ на друга быть надежнымъ“. Управляя съ 1668 года полкомъ и пользуясь покровительствомъ новаго гетмана Многогрѣшнаго, Рославецъ сдѣлался полнымъ властителемъ Стародубщины, чѣмъ и пользовался для безконтрольной раздачи земель полковой старшинѣ. Распоряжаясь войсковымъ имуществомъ, Рославецъ не обходилъ и себя, отчего сильно разбогатѣлъ, наживъ при этомъ много враговъ и завистниковъ,—а съ 1672 года и Многогрѣшный сталъ ему завидовать и хуже къ нему относиться. Видя нескрываемую не-

пріязнь къ себѣ гетмана, Рославецъ въ декабрѣ 1672 года отказался отъ уряда, „одмовляючись подешлыхъ лѣтъ своихъ недолужностью“, но Многогрѣшный, опасаясь, должно быть, его интригъ, посадилъ Рославца въ Батуринскую тюрьму. Однако, еще до своего заключенія Рославецъ успѣлъ написать письмо своему всегдашнему покровителю Лазарю Барановичу, который немедленно обратился къ гетману съ горячимъ ходатайствомъ за заключеннаго полковника. Гетману удалось выйти изъ этого затрудненія: посланный имъ въ это время въ Стародубъ для устройства избранія въ полковники гетманскаго брата Саввы Шумки, генеральный есаулъ Грибовичъ, добившійся этого избранія, возвратился обратно со множествомъ жалобъ, поданныхъ на Рославца его полчанами. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Барановичу, отъ 2-го февраля 1673 года, гетманъ оправдывался передъ нимъ въ заключеніи Рославца указаніемъ на эти жалобы, а черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ этого (въ мартѣ 1673 года) Рославецъ, вмѣстѣ съ генеральнымъ писаремъ Мокріевичемъ, везъ скованнаго Многогрѣшнаго въ Москву. Освободившись такимъ образомъ отъ грозившей ему опасности, Рославецъ опять получилъ полковничество Стародубское, а новый гетманъ Самойловичъ позволялъ ему обогащаться безпрепятственно. Рославецъ былъ настолько богатъ, что въ 1674 году предлагалъ Артамону Матвѣеву доставить ему возможность поставлять вино на Москву, обѣщая за это Матвѣеву неограниченное количество ведеръ вина. Привыкнувъ за продолжительное время своего полковничества къ широкой власти въ своемъ полку и имѣя громадныя богатства, Рославецъ сталъ тяготиться зависимостью отъ гетмана и задумалъ поставить Стародубскій полкъ въ положеніе слободскихъ казачьихъ полковъ, на которые гетманская власть не простиралась. Своей мыслью Рославецъ подѣлился съ полковой старшиной и предлагалъ ей ѣхать съ нимъ въ Москву, чтобы бить челомъ Царю объ освобожденіи Стародубскаго полка изъ-подъ власти гетмана, однако не встрѣтилъ сочувствія своимъ намѣреніямъ и уже въ августѣ 1676 года былъ одинъ въ Москвѣ съ жалобой на гетмана. Одновременно съ доносомъ онъ предлагалъ Царю выдѣлить свой полкъ изъ состава гетманщины и сдѣлать его слободскимъ. Съ доводами Рославца въ пользу его предложенія на Москвѣ, однако, не согласились, доносъ оказался ложнымъ, — и Стародубскій полковникъ, выданный Самойловичу, былъ преданъ послѣднимъ на судъ старшины, приговорившей его къ смертной казни. Наказаніе гетманомъ было смягчено замѣною смертной казни ссылкой въ Сибирь, куда Рославецъ и былъ сосланъ въ томъ-же 1676 году, по царскому указу.

Акты Южной и Западной Россіи, т. V, стр. 11, т. VII, стр. 88 и 89, т. IX, стр. 644, т. X. стр. 834; т. XII, стр. 869; Письма Лазаря Барановича, Черниговъ. 1865 г., стр. 161; Ал. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I. Полкъ Стародубскій, Кіевъ. 1889, стр. 11, 13, 15—18, 180, 255, 256, 262, 263, 294, 295, 315, 316, 325, 338, 348; Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ рода Рославцовъ; В. Модзалевскій, Малороссійскій Родословникъ, т. IV, к. 1914, стр. 347—348; „Кіевская Старина“ 1885 г., іюнь, стр. 435; Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. I, С.-Пб. 1830, стр. 805, 841; Синбирскій Сборникъ, 1845, стр. 18; Труды Черни-говской Губернской Архивной Коммиссіи, вып. I, стр. 37—38; В. Эйнгорнъ, Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ. Сношенія Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, М. 1889, стр. 174, 201, 453, 471, 480, 492—4, 795, 835, 837, 989, 1002.

В. Модзалевскій.

Рославлевъ (Расловлевъ), *Николай Ивановичъ*, генералъ-поручикъ; род. въ 1724 г. и былъ сыномъ бригадира Ивана Семеновича Рославлева, помѣщика Ярославскаго, Даниловскаго и Коломенскаго уѣздовъ; воспитывался, со 2-го марта 1732 г., въ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда 4-го ноября 1736 г. былъ выпущенъ въ армію капраломъ; въ 1740 г. онъ началъ службу въ л.-гв. Измайловскомъ полку, откуда, будучи капраломъ, былъ пожалованъ въ гренадеры Лейбъ-Кампаніи (7-го апрѣля 1742 г.) и здѣсь въ 1750 г. (25-го февраля) произведенъ былъ въ вице-капралы; въ 1752 г. Р. былъ капитанъ-поручикомъ, а 25-го ноября 1758 г. изъ вице-капраловъ Лейбъ-Кампаніи пожалованъ былъ въ капитаны л.-гв. въ Измайловскій полкъ. 19-го іюля 1761 г. Р. Императрицею Елизаветою былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры Высочайшаго Двора, при чемъ это пожалованіе было конфирмовано, 22-го января 1762 г., и Императоромъ Петромъ III. Въ томъ же 1762 г., будучи премьеръ-маіоромъ Измайловскаго полка, Р. сталъ въ ряды сторонниковъ Великой Княгини Екатерины Алексѣевны и принялъ

дѣятельное участіе въ возведеніи ея на престолъ. Одинъ изъ участниковъ переворота 28-го іюня, камеръ-юнкеръ Ѳ. А. Хитрово, передаетъ слѣдующее: „Алексѣй Орловъ сказывалъ, что Панинъ сдѣлалъ подписку съ тѣмъ, чтобъ Государынѣ быть Правительницею,— и она на это согласилась, а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то не согласны, а поздравляютъ ее самодержавной Императрицей и велѣли солдатамъ кричать ура". Въ награду за это Р. 3-го августа былъ награжденъ пожалованіемъ 600 душъ крестьянъ и, „въ дополненіе",—6000 рублей; ставъ въ число наиболѣе близкихъ къ новой Государынѣ лицъ, Р. въ ея свитѣ сопровождалъ ее, въ сентябрѣ, въ поѣздкѣ въ Москву для коронованія, въ день коего, 22-го сентября, во время обѣда въ Грановитой Палатѣ, Р. стоялъ около трона Императрицы, рядомъ съ графомъ Гендриковымъ и А. Г. Орловымъ, и въ тотъ же день пожалованъ былъ въ генералъ-маіоры и кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени. Вскорѣ, 11-го ноября того-же 1762 г., въ Москвѣ, Р. женился на Екатеринѣ Николаевнѣ Чоглоковой (род. 7-го марта 1746, ум. въ 1794), внучатной сестрѣ Имп. Петра III (по ея матери—графинѣ М. С. Гендриковой); Императрица присутствовала на его свадьбѣ.

Считая себя обиженнымъ въ дѣлѣ распредѣленія наградъ участникамъ возведенія на престолъ Екатерины, Р. примкнулъ къ числу тѣхъ, кои съ неудовольствіемъ смотрѣли на все возраставшее вліяніе братьевъ Орловыхъ,—и въ маѣ 1763 г. оказался замѣшаннымъ въ дѣло вышеупомянутаго камеръ-юнкера Хитрово. Какъ выяснилось изъ слѣдствія, Р. былъ, между прочимъ, противъ возбужденнаго тогда вопроса о бракѣ Государыни съ графомъ Г. Г. Орловымъ, но въ особенную вину ему вмѣнено было то, что онъ передавалъ Хитрово и, вѣроятно, распространялъ по Москвѣ слухъ, что „дѣло затихло и остановлено совсѣмъ" благодаря вмѣшательству Н. И. Панина, и объяснялъ это вліяніе тою записью, которую онъ взялъ съ Императрицы,—что быть ей только Правительницею до совершеннолѣтія Павла Петровича. За это Р. былъ высланъ съ семьею въ крѣпость Св. Елисаветы; здѣсь онъ былъ уже въ августѣ 1763 г. и просилъ заступничества И. П. Елагина. Возвращенный оттуда, Р. 6-го февраля 1765 г. былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ генералъ-поручика; скончался онъ 10-го апрѣля 1785 г.

Р. имѣлъ сыновей Владиміра и Ивана (генералъ-поручикъ, род. 1764, ум. 1811) и дочерей Марью (ум. 8-го марта 1820 г., на 48 г.) и Анну, бывшую фрейлиной Имп. Маріи Ѳеодоровны.

Въ 1752 г. Р. купилъ у вдовы своего дяди — М. И. Рославлевой ея имѣнія въ разныхъ мѣстахъ.

„Именной списокъ ...кадетамъ Шляхетнаго Корпуса, С.-Пб. 1761, стр. 19; Прибавл. къ С.-Пб. Вѣд. 1758 г., № 97; „Словарь кавалергардовъ", подъ ред. С. А. Панчулидзева, т. I, стр. 316—317; „С.-Петерб. Вѣдом." 1765 г., № 18; П. Барановъ, Опись Высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Сенатскомъ Архивѣ, т. III, №№ 10092, 11968; Восемнадцатый Вѣкъ, кн. III, стр. 344—346, 491; „Сенатскій Архивъ", т. XV; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXV, стр. 257, 261, 375; В. Бильбасовъ, Исторія Имп. Екатерины II; Д. Бантышъ Каменскій, Историч. собраніе списковъ кавалерамъ орденовъ. М. 1814, стр. 321; Записки княгини Дашковой, С.-Пб. 1907.

Б. Модзалевскій.

Рославскій-Петровскій, *Александръ Петровичъ*, профессоръ и ректоръ Харьковскаго Университета; род. въ селѣ Слабинѣ, близъ Чернигова, 9-го апрѣля 1816 г. Рано лишившись отца, онъ своимъ воспитаніемъ всецѣло обязанъ былъ заботамъ и любви матери; она жертвовала послѣдними средствами своего небольшого состоянія, чтобы дать своему единственному сыну образованіе. Подъ ея наблюденіемъ съ Р.-П. занимался одинъ изъ студентовъ Черниговской Семинаріи. Съ 1825 г. Р. сталъ учиться въ Черниговѣ,— сначала у преподавателя Гимназіи Негаченка, а потомъ у профессора Семинаріи Осипа Яковлевича Самчевскаго. Послѣдній имѣлъ значительное вліяніе на развитіе способностей Р. Подъ руководствомъ Самчевскаго Р. началъ изучать произведенія лучшихъ русскихъ писателей, и постепенно въ немъ развилась любовь къ чтенію. Самчевскій, кромѣ того, задавалъ Р. темы для сочиненій и старался выработать у него хорошій слогъ. Домашнее образованіе Р. шло столь успѣшно, что, отвезенный въ 1828 г. матерью въ Нѣжинъ, для поступленія въ Гимназію Высшихъ Наукъ князя Безбородко, онъ былъ принятъ прямо въ IV классъ, а по языкамъ—въ 3-е отдѣленіе, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ находились ученики гораздо старше его по возрасту и высшихъ классовъ (въ томъ числѣ Е. П. Гребенка).

Здѣсь своими познаніями въ латинскомъ языкѣ Р. вскорѣ обратилъ на себя вниманіе профессора Андрущенка, назначившаго Р. авдиторомъ авдиторовъ всего отдѣленія. Въ то время въ Нѣжинской Гимназіи вѣялъ литературный духъ: воспитанники высшихъ классовъ составляли кружки, гдѣ съ жадностью читалось и подвергалось обсужденію все, что выходило замѣчательнаго въ стихахъ и прозѣ. Воспитанники составляли рукописные альманахи, въ которыхъ помѣщали свои литературные опыты, и представляли ихъ затѣмъ профессору Русской словесности Парѳенію Ивановичу Никольскому. Это былъ человѣкъ, получившій основательное классическое образованіе и прославившійся своей непріязнью къ такъ называемому романтизму. Р., мечтавшій еще въ дѣтствѣ о славѣ писателя, увлекся направленіемъ, господствовавшимъ въ Нѣжинской Гимназіи, и принялся писать. Отчасти по собственному уваженію къ Державину и Крылову, отчасти по совѣту Никольскаго, Р. занялся преимущественно сочиненіемъ одъ и басенъ. Одна ода, въ честь генералъ-фельдмаршала Паскевича, написанная имъ въ 13 лѣтъ, заслужила особенное одобреніе профессора, находившаго ее даже достойной напечатанія. Однако, у ученика оказалось больше пониманія поэзіи, чѣмъ у преподавателя,—и мало по-малу Р. охладѣлъ къ поэтическому творчеству и въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Нѣжинской Гимназіи совсѣмъ не писалъ стиховъ.

Въ 1832 году Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко была переименована въ Лицей и подверглась преобразованію, придавшему этому заведенію спеціальный характеръ, между тѣмъ, какъ прежде тамъ господствовало энциклопедическое образованіе. Вскорѣ послѣ этой перемѣны Р. окончилъ курсъ Лицея и въ 1834 г. поступилъ въ Харьковскій Университетъ на Филологическій Факультетъ, гдѣ слушалъ науки филологическія, римскія древности и объясненіе римскихъ писателей у И. Я. Кронеберга.

Вниманію декана Факультета, профессора Русской исторіи, извѣстнаго малорусскаго поэта П. П. Артемовскаго-Гулака Р. обязанъ тѣмъ, что, по окончаніи въ 1837 г. курса со степенью кандидата, онъ получилъ отъ университетскаго начальства приглашеніе занять мѣсто преподавателя въ Университетѣ. По выдержаніи экзамена на степень магистра историческихъ наукъ въ 1839 г., Р. былъ назначенъ адъюнктомъ въ 1-е отдѣленіе Философскаго факультета для преподаванія статистики. Когда Р. началъ свое поприще, старыя понятія въ этой наукѣ были еще во всей силѣ, а новѣйшая статистическая литература почти не существовала. Р. вскорѣ созналъ неудовлетворительность господствующаго воззрѣнія на статистику и стремился приложить новый методъ къ ея разработкѣ. Постоянно слѣдя за западно-европейской литературой, Р. стоялъ на высотѣ новѣйшихъ научныхъ требованій. Онъ болѣе всего заботился о логической послѣдовательности и ясности изложенія и принялъ за исходную точку такой пунктъ, въ которомъ сходились мнѣнія всѣхъ ученыхъ. Такимъ пунктомъ являлась ему цѣль изученія статистики. Отсюда Р. вывелъ неудовлетворительность принятыхъ до него способовъ обработки статистическаго матеріала и предложилъ новую теорію, составленную имъ подъ вліяніемъ незадолго передъ тѣмъ появившагося сочиненія Кетле „Sur l'homme et le développement de ses facultés". „Лекціи Статистики", читанныя Р. въ Харьковскомъ Университетѣ, обратили на себя вниманіе тогдашнихъ ученыхъ. Что же касается Харьковскаго Университета, то можно сказать, что Р. создалъ въ немъ статистику: ни раньше, ни послѣ него этотъ предметъ не стоялъ на такой высотѣ. Сверхъ теоріи науки и общей сравнительной статистики европейскихъ государствъ Р. излагалъ своимъ слушателямъ спеціальные курсы статистики Россіи, Франціи и Англіи съ цѣлью представить имъ образцы статистическихъ монографій. Въ 1841 г., по представленію графа Ю. А. Головкина, преподаваніе статистики въ Харьковскомъ Университетѣ было отдѣлено отъ каѳедры политической экономіи, и Р. былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора статистики.

Въ 1844 г. Р. получилъ порученіе руководить практическими занятіями студентовъ Педагогическаго Института при Университетѣ по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ. Эту обязанность онъ исполнялъ до открытія въ 1852 г. въ Харьковскомъ Университетѣ каѳедры педагогики. Въ 1845 г. Р., вслѣдствіе избранія и ходатайства Совѣта, перешелъ на каѳедру всеобщей исторіи, остававшуюся свободной въ Университетѣ послѣ смерти ординарнаго

профессора М. М. Лунина. Въ томъ же году Р. получилъ ученую степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики. Въ февралѣ 1846 г. Имп. Географическое Общество избрало его въ свои члены-сотрудники и въ томъ же году Р. утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а спустя шесть мѣсяцевъ—ординарнымъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Несмотря на то, что главнымъ предметомъ преподаванія Р. сдѣлалась всеобщая исторія, онъ продолжалъ, по распоряженію Факультета, преподаваніе статистики, которое въ 1850 г., согласно программѣ, предписанной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, ограничивалось общими предварительными понятіями о наукѣ, изложеніемъ экономической статистики Россіи. Въ теченіе второго семестра $18^{49}/_{50}$ академическаго года Р. читалъ политическую экономію.

По всеобщей исторіи Р. издалъ много сочиненій, свидѣтельствующихъ о знакомствѣ его съ литературой своего предмета. Однако, какъ лекторъ, Р. не только не пользовался популярностью, но былъ даже не любимъ за свой педантизмъ и весьма дурное чтеніе. Всего непріятнѣе дѣйствовало на слушателей то, что Р. говорилъ по своимъ лекціямъ слово въ слово, не позволяя себѣ ничего измѣнять, а если ему случалось ошибаться то онъ сейчасъ же поправлялся, повторяя фразу въ томъ видѣ, въ какомъ она была у него въ лекціяхъ. Все прочитанное на одной лекціи, Р. имѣлъ обыкновеніе повторять въ началѣ слѣдующей лекціи, но съ такой быстротой, что попавшему въ аудиторію въ первый разъ нельзя было ничего понять. Р., имѣя въ виду, что всеобщая исторія обладаетъ весьма богатой литературой, которой посвящали свою дѣятельность многіе изъ лучшихъ умовъ, не считалъ нужнымъ предлагать своимъ слушателямъ собственныя изслѣдованія и вырабатывать новыя взгляды. Онъ постоянно заботился лишь о томъ, чтобы передать имъ въ строго систематической формѣ и съ юридической точностью, избѣгая многословія, результаты, добытые другими и получившіе уже признаніе въ наукѣ. Онъ также обращалъ вниманіе на полноту содержанія излагаемаго предмета, для чего, независимо отъ изложенія политической исторіи, посвящалъ значительную часть своихъ лекцій внутренней исторіи, изученію духовной жизни народовъ и тому, какъ она отразилась на ихъ религіи, государственномъ устройствѣ, въ наукѣ и искусствѣ, въ промышленной и частной жизни. Вообще о направленіи и значеніи его дѣятельности, какъ преподавателя исторіи, можетъ дать вѣрное понятіе изданный имъ въ 1851 г. конспектъ, подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе исторіи древняго міра". Объ этомъ сочиненіи, явившемся однимъ изъ первыхъ въ Россіи руководствъ по древней исторіи, отозвались съ весьма выгодной стороны профессора Лоренцъ и Грановскій; преподаватель исторіи въ Московскомъ Университетѣ С. В. Ешевскій помѣстилъ на первый выпускъ этого труда пространную и сочувственную рецензію въ № 125 „Московскихъ Вѣдомостей" за 1851 г.

Кромѣ обязанностей по преподаванію, Р. исполнялъ разныя учено-административныя должности и порученія. Такъ, онъ состоялъ: секретаремъ (болѣе 14 лѣтъ) и членомъ (9 лѣтъ) Комитета для испытанія лицъ, ищущихъ званія домашнихъ учителей и учительницъ; секретаремъ Факультета (въ $184^{2}/_{3}$ г.); цензоромъ неоффиціальной части „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" ($185^{1}/_{2}$ г.) и, по назначенію Совѣта, принималъ участіе въ пріемныхъ студенческихъ испытаніяхъ (10 разъ въ качествѣ экзаменатора и одинъ разъ въ качествѣ предсѣдателя 2-го Комитета). Въ 1842 г. на Р. было возложено составленіе отчета о состояніи Харьковскаго Университета для произнесенія на торжественномъ актѣ и за отличное исполненіе этого порученія ему была изъявлена письменная благодарность отъ Совѣта. Въ 1851 г., по желанію управлявшаго Харьковскимъ Учебнымъ Округомъ генералъ-адъютанта С. А. Кокошкина, Р. составилъ краткую историческую записку объ Университетѣ для Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Въ 1854 г., по поводу проекта, представленнаго правительству одною частною компаніей, объ устройствѣ желѣзной дороги между Харьковомъ и Ѳеодосіей, Р. занимался собираніемъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія пользы, обѣщаемой этимъ предпріятіемъ. Въ томъ же году Р. составилъ записку для устраненія сомнѣній, возбужденныхъ насчетъ пользы устройства означенной дороги. По случаю празднованія пятидесятилѣтія существованія Харьковскаго Университета Р. читалъ написанный имъ краткій историческій его очеркъ. Съ 1853 г. Р., вслѣдствіе избра-

нія товарищей-профессоровъ, утвержденнаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, былъ назначенъ Деканомъ Историко-Филологическаго Факультета, а съ 1859 по 1862 г. состоялъ Ректоромъ Харьковскаго Университета. Р. умеръ въ Харьковѣ 25-го декабря 1871 года.

Р. написалъ много сочиненій по исторіи и статистикѣ. Изъ крупныхъ его трудовъ можно указать на слѣдующіе: „Сравнительная статистика пяти первоклассныхъ державъ Европы"; „Конспектъ исторіи древняго міра"; „Руководство къ исторіи народовъ древняго востока"; Руководство къ статистикѣ", Харьковъ. 1844 и 1856; „Австрійское посольство въ Москвѣ въ 1698 г." въ „Очеркахъ Россіи", издаваемыхъ Вад. В. Пассекомъ, 1840 г., кн. IV, стр. 67; „Объ ученой дѣятельности Харьковскаго Университета въ первое десятилѣтіе его существованія"—„Журн. Минист. Народн. Просвѣщ." 1853 г., ч. LXXXVI, отд. V; „Очеркъ исторіи Персидскихъ войнъ"—„Москвитянинъ" 1855 г., №№ 21 и 22, отд. 1-й, стр. 31 и сл; „Критическій обзоръ исторіи 3-хъ послѣднихъ Римскихъ царей" — „Журн. Минист. Народн. Просвѣщ." 1856 г., ч. LXXXIX, отд. 2, стр. 299 и сл.; „Статистико-экономическія замѣтки о Харьковской губ." — „Экономическій Указатель". 1857 г., № 25, стр. 586; „О торговлѣ на Харьковскихъ ярмаркахъ" — „Харьк. Губ. Вѣдомости" 1847 г.; „Обороты Харьковскихъ ярмарокъ за пятилѣтіе"—тамъ же 1849 г.; „Русскіе университеты и университетскій вопросъ г-на Пирогова", Харьк. 1864 г.; „Нѣсколько словъ объ Альфредѣ Великомъ" — „Русское Слово" 1860 г., № 7, отд. II, стр. 48—106; „Статистическія свѣдѣнія о государственныхъ крестьянахъ Харьковской губерніи"—„Сборникъ статистич. свѣдѣній о Россіи" 1854 г., кн. II-я, стр. 85; „Мысли объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Харькова къ Черному морю", Харьковъ, 1852 г.; „Изслѣдованіе о движеніи народонаселенія въ Россіи"—„Вѣстн. Импер. Русскаго Географ. Общ." 1853 г., кн. 3, стр. 1 сл; „Москва въ 1698 г."—„Очерки Россіи", изд. Вадимомъ Пассекомъ; „Очеркъ быта и правленія Спарты", Харьк. 1838 г.; „Рѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ состоитъ истинное значеніе прагматической исторіи и какова должна быть ея обработка", Харьк. 1839 г.; „Статистическое обозрѣніе Европейскаго народонаселенія и управленія"—„Маякъ" 1843 г., т. II., № 22, стр. 83.

„Лицей князя Безбородко", изд. 1859 г., отд. II, стр. 112—115, 201; „Харьков. Календарь" на 1884 г., стр. 431; Е. Пѣтуховъ, „Гимназія Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ", С.-Пб. 1895 г., стр. 38, 39; „Моск. Вѣдом." 1862 г., № 250; А. Старчевскій, „Справочный Энциклопедическій Словарь", С.-Пб. 1855 г., т. IX, ч. II, стр. 147; „Харьк. Губ. Вѣдомости" 1872 г., № 5; „Русскій Календарь" на 1873 г., С.-Пб. 1873 г., стр. 477; А. Н. Пыпинъ; „Исторія Русской Этнографіи", С.-Пб. 1890 г., т. I, стр. 340, т. II, С.-Пб. 1891 г., стр. 422; М. Ѳ. де-Пуле, Харьковскій Университетъ и Д. П. Каченовскій. Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ" — „Вѣстникъ Европы" 1874 г., кн. 1-я, стр. 98—101; Д. Багалѣй, Исторія Харьковскаго Университета, т. II; Н. Сумцовъ. Матеріалы для исторіи Харьковскаго Университета, Харьковъ. 1894, стр. 17—20; Г. Н. Геннади, Словарь т. III, М. 1908; Историко-Филологическій Факультетъ Имп. Харьковскаго Университета 1805—1905, X. 1908.

Г. Барскій.

Росленъ, *Александръ*, художникъ-портретистъ; родился 15-го іюля 1718 г. въ Мальмё, въ Швеціи; съ дѣтства обучался живописи, имѣя къ ней большую природную склонность, а затѣмъ, усовершенствовавшись въ Парижѣ, быстро пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ портретный живописецъ. Въ 1753 г. онъ былъ назначенъ членомъ Академіи Живописи въ Парижѣ и до 1791 г. выставлялъ свои произведенія на ежегодныхъ выставкахъ въ Луврѣ. Росленъ написалъ множество портретовъ, въ которыхъ особенно поражаетъ тщательность отдѣлки аксесуаровъ—одежды, кружевъ, украшеній и т. д.. Король Шведскій Густавъ III пожаловалъ Рослену, за его работы, орденъ Вазы (въ 1772 г.); кромѣ того, онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Парижской Академіи Художествъ (въ 1767 году) и избранъ членомъ Имп. Академіи Художествъ въ Петербургѣ, гдѣ Росленъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлавъ много замѣчательныхъ портретовъ, въ томъ числѣ портретъ Императрицы Екатерины II въ блестящемъ Императорскомъ одѣяніи, портретъ Наслѣдника Павла Петровича и его Супруги, Ив. Ив. Бецкаго (съ котораго гравировалъ Дюпюи), Ландграфини Гессенъ-Гомбургской Анастасіи Ивановны, рожденной княжны Трубецкой и т. д. Кромѣ того, очень извѣстны его портреты: Линнея (въ Версали), Королевы Маріи-Антуанетты (въ Луврѣ), Короля Густава II и его братьевъ (въ Сток-

гольмѣ), Герцогини Маріи-Христины Шведской, Герцога Ларошфуко и т. д. Въ свое время Рослень пользовался большою известностью. Онъ умеръ 5-го іюля 1793 года въ Парижѣ, 75 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ женатъ во Франціи на художницѣ Маріи Сюзаннѣ Жиру (Girout), скончавшейся въ 1772 году.

Nagler, Neues allgemeines Künstler-Lexicon, oder Nachrichten von dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Baumeister etc. etc., 13 Band, München; Grand dictionnaire universel, par Larousse; Biographie universelle ancienne et moderne. par Michaud, Paris, v. 37; Allgemeines Künstler-Lexicon von Singer, IV Band, 1901; Revue universelle des arts, т. IV, 1856; Великій Князь Николай Михаиловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX ст. (воспроизведены многіе портреты работы Рослена); Каталогъ Исторической Выставки портретовъ въ Таврическомъ Дворцѣ (перечень многихъ портретовъ работы Рослена); „Старые Годы“ (passim); Словарь Брокгауза-Ефрона.

П. Майковъ.

Росляковъ, *Михаилъ Яковлевичъ*, авторъ книги; въ службѣ находился съ 1781 г., служилъ по вѣдомству св. Синода въ Москвѣ и былъ секретаремъ въ Московской Св. Синода Конторѣ (1805), имѣлъ съ 20-го іюля 1803 г. чинъ надворнаго совѣтника; тамъ же былъ и въ 1808 г., вскорѣ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и умеръ 11-го декабря 1812 года; имѣлъ орденъ св. Владиміра 4-й степ. Въ 1811 г. въ Москвѣ Р. издалъ книгу: „Простое умозаключеніе о всеобщемъ языкѣ, изобрѣтенномъ отъ Ріема, Майнцскаго адвоката“ (8^0).

Г. Геннади, Словарь писателей, т. III, М. 1908, стр. 266; Сопиковъ, Опытъ, № 12139; Архивъ Капитула Орденовъ (дата смерти).

Б. М—й.

Роспини, *Антонъ*, „Императорскій физико-механикъ“, какъ онъ именовалъ себя въ объявленіяхъ о публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Петербургѣ по опытной физикѣ и химіи; одно изъ объявленій объ этихъ лекціяхъ, напечатанное въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1816 г. (№ 241), помѣщаемъ здѣсь: „Курсъ опытной Физики. Почтенный и дѣятельный согражданинъ нашъ, Г-нъ Механикъ *Роспини*, по желанію нѣкоторыхъ особъ, посѣщавшихъ прошедшею зимою его курсъ опытной Физики, намѣренъ продолжать оный и на сей годъ. Мы почитаемъ за долгъ нашъ упомянуть о семъ въ Военныхъ Вѣдомостяхъ и обратить вниманіе тѣхъ изъ читателей нашихъ, кои не участвовали въ прошлогоднемъ курсѣ, на красоту залы и на изобиліе и превосходство инструментовъ. Г-нъ Профессоръ Делошь, извѣстный Публикѣ какъ обширными своими свѣденіями, такъ и даромъ преподаванія, и нынѣ принялъ на себя теоретическую часть сего курса, коего главные предметы суть слѣдующіе: Естество и общія качества тѣлъ; Динамика, Гидродинамика и Статика; натура и качества воздуха, воды и огня; ученіе о свѣтѣ; Оптика, Катоптрика и Діоптрика; Электрическая и Магнетическая сила и Гальванизмъ. Изъясненія здѣланы будутъ на Французскомъ языкѣ. Лекціи сіи начнутся въ первыхъ числахъ Ноября и продолжаться будутъ каждую среду и суботу, съ 7 до 9 часовъ вечера. Подписная цѣна за весь курсъ, который состоять будетъ по крайней мѣрѣ изъ 30 лекцій, 125 руб. асс. Учители, сопровождающіе своихъ воспитанниковъ, имѣютъ входъ безъ особливаго билета. — Сказываютъ, что нѣкоторыя знатнѣйшія и образованнѣйшія Дамы здѣшней Столицы намѣрены удостоить сіи лекціи своимъ присутствіемъ. Подписка принимается у Г-на Роспини, въ домѣ Католической церкви, на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ читаны будутъ и самыя лекціи“.

Лекціи свои Роспини читалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и свѣдѣнія о нихъ помѣщены были, между прочимъ, въ „Conservateur Impartial“ 1821 г., № 92, стр. 443 и № 101, стр. 493; въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1821 г., т. VI, стр. 347—349, въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1822 г., № 286, стр. 1142, въ „С.-Пб. Вѣд.“ 1825 г., № 95, прибавл., стр. 1123 и т. д. Съ 1812 г. Распини работалъ для физическаго кабинета Царскосельскаго Лицея, а въ 1829 г. принялъ на себя оборудованіе физическаго кабинета Главнаго Педагогическаго Института и до смерти своей состоялъ его коммиссіонеромъ; дѣлалъ онъ инструменты и для Обсерваторіи Дерптскаго Университета.

Актъ 25-лѣтія Главнаго Педагогическаго Института, С.-Пб. 1853, стр. 75; Селезневъ, Историческій очеркъ Имп. Александровскаго Лицея, стр. 77; Г. Левицкій, Астрономы Юрьевскаго Университета съ 1802 г., Юр. 1899, указ.; указанныя въ текстѣ статьи и объявленія въ періодическихъ изданіяхъ.

Б. М.

Россель, *Юрій Андреевичъ*, писатель-публицистъ; родился въ 1838 году въ англійской семьѣ, издавна жившей въ Россіи, умеръ 1-го февраля 1878 г. въ С.-Петербургѣ, погребенъ на Успенскомъ лютеранскомъ кладбищѣ, близъ Петербурга, по линіи Финляндской желѣзной дороги. Поступивъ въ Медико-Хирургическую Академію и будучи уже на пятомъ курсѣ, Россель, вслѣдствіе личнаго столкновенія съ однимъ изъ надзирателей, былъ принужденъ оставить Академію до окончанія ея курса; уѣхавъ послѣ этого въ Лондонъ, онъ оставался тамъ болѣе года и много работалъ надъ окончаніемъ своего умственнаго развитія. По возвращеніи въ Россію, Россель отдался литературной дѣятельности и сначала сотрудничалъ въ газетѣ „Современное Слово“, гдѣ дѣлалъ выборки изъ англійскихъ корреспонденцій и писалъ фельетоны преимущественно по соціальнымъ вопросамъ, послѣ же прекращенія этой газеты, въ 1863 г., сталъ работать въ „Голосѣ“, а затѣмъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (временъ Корша), въ „Руси“, „Новомъ Времени“ и другихъ изданіяхъ.

Въ 1869 году съ Е. И. Конради и П. А. Гайдебуровымъ Россель сталъ издавать газету „Недѣля“, гдѣ до 1873 года онъ велъ политическій отдѣлъ и иногда помѣщалъ статьи по русской журналистикѣ, обращавшія на себя вниманіе читателей мѣткостью приговоровъ и оцѣнки. Большею частію его статьи появились въ печати безъ подписи, и потому совершенно невозможно составить списокъ его печатныхъ трудовъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ имъ помѣщены статьи: „Корнеллевскій университетъ въ Америкѣ“ (1869, № 9); „Джонъ-Стюартъ Милль и его школа“ (1874, № 5, 6, 7, 8, 10, 12); „Спеціальный журналъ для русской публицистики“ (1875, № 4); „Южные Штаты Сѣверо-Американской республики и ихъ настоящее“ (1877, № 3); „Аграрный вопросъ и его главныя задачи: землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ, князя А. Васильчикова“ (1877, № 6) и „Среднеазіатская культура и наша политика на Востокѣ“ (1878, № 6, 7).

Ю. А. Россель былъ человѣкъ прямодушный, съ твердымъ характеромъ; у него слово никогда не расходилось съ дѣломъ. „Въ житейскихъ дѣлахъ,—читаемъ въ его некрологѣ: онъ былъ крайне неопытенъ и легко поддавался увлеченію, между тѣмъ, какъ уму его именно увлеченіе было чуждо. И въ литературѣ это былъ человѣкъ недостаточно высказавшійся, далеко не сдѣлавшій того, что могъ бы сдѣлать. Но все же онъ оставилъ въ нашей журналистикѣ воспоминаніе о себѣ, какъ объ умномъ писателѣ и безукоризненно честномъ человѣкѣ, который былъ гораздо выше того, что ему удалось сдѣлать въ теченіе его недолгой жизни—40 лѣтъ“.

„Вѣстн. Евр.“ 1878, № 3; „Новое Время“ 1878, № 697; „Недѣля“ 1878, № 7; „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1878, № 37.

Пр. Д—скій.

Россетъ, *Аркадій Осиповичъ*, сенаторъ; происходилъ изъ дворянъ Херсонской губ., родился въ 1811 году и былъ сыномъ коллежскаго совѣтника Іосифа Ивановича Россета, служившаго Инспекторомъ Одесскаго Портоваго Карантина, бывшаго другомъ устроителя Одессы герцога Ришелье и умершаго 11-го декабря 1813 г Мать Россета, овдовѣвъ, вышла замужъ за Ивана Карловича Арнольди, боевого генерала-артиллериста, который и опредѣлилъ своего старшаго пасынка въ Пажескій Корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ Россетъ изъ камеръ-пажей поступилъ на службу лейбъ-гвардіи Конной артиллеріи въ 1-ю легкую батарею (22-го сентября 1830 года), откуда въ томъ же году (17-го декабря) онъ перешелъ въ батарейную батарею. Въ 1831 году, во время Польскаго возстанія, Россетъ участвовалъ въ его подавленіи, находясь подъ командою генералъ-адъютанта Бистрома, и былъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: 5-го мая—близъ Стараго Акаца; 6-го и 7-го—подъ Соколовымъ (гдѣ получилъ орденъ св. Анны 4-ой степени съ надписью: „за храбрость“), 8-го мая—при деревнѣ Рудкѣ и 9-го мая—подъ Тыкоциномъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени съ бантомъ; 14-го мая онъ участвовалъ въ генеральномъ сраженіи подъ городомъ Остроленкою и былъ награжденъ золотою саблею съ надписью: „за храбрость“, 25-го, 26-го и 27-го августа—при взятіи Варшавы и, затѣмъ, въ преслѣдованіи остатковъ Польской арміи до Прусской границы. Въ декабрѣ 1838 года Россетъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и переведенъ во 2-ю легкую батарею той же Конной артиллеріи, но вскорѣ вернулся обратно.

Въ 1839 году (въ ноябрѣ) онъ получилъ чинъ капитана, а въ декабрѣ — бриллiантовый перстень. 8-го января 1840 г. Россетъ былъ прикомандированъ къ Штабу Управленія Генералъ-Фельдцейхмейстера, которымъ вскорѣ и былъ командированъ для осмотра по всѣмъ частямъ артиллерійскихъ гарнизоновъ Сибирскаго и Оренбургскаго округовъ. Въ этой командировкѣ Россетъ пробылъ пять мѣсяцевъ. 10-го февраля 1842 года онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ Правителемъ дѣлъ Комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей, съ правомъ въ немъ голоса. Въ 1843 году онъ лѣчился за границею (лѣтомъ), а 25-го февраля 1850 года былъ назначенъ для особыхъ порученій къ Виленскому военному губернатору и Гродненскому, Минскому и Ковенскому генералъ-губернатору. Въ слѣдующемъ году (14-го марта), за отличіе по службѣ Р. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ Виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ этомъ же году, „за удовлетворительное поступленіе податей и недоимокъ съ мѣщанъ и другихъ сословій“ Виленской губерніи Россету было объявлено Монаршее благово, леніе, а въ слѣдующемъ, 1852 году, за 25-тилѣтнюю службу, онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-го класса. Въ 1855 году Россетъ состоялъ вице-президентомъ Комитета Попечительнаго Общества о тюрьмахъ въ Виленской губ., за труды въ которомъ въ 1856 году получилъ Монаршее благоволеніе, 18-го октября 1857 года былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ г. Минска и Минскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а 3-го февраля 1858 года былъ переведенъ членомъ Временнаго Распорядительнаго Комитета по устройству Южныхъ поселеній, въ которомъ 8-го января 1861 года назначенъ былъ Предсѣдателемъ. Когда Комитетъ этотъ былъ упраздненъ, Россетъ былъ назначенъ (16-го іюля 1864 года) завѣдывающимъ поселеніями, въ должности котораго состоялъ вплоть до упраздненія поселеній, т.-е. до 1-го января 1867 года. 10-го ноября 1865 года ему было поручено исправлять должность Товарища Министра Государственныхъ Имуществъ, въ которой черезъ мѣсяцъ онъ былъ утвержденъ. Въ слѣдующемъ году, 1-го января, ему повелѣно было присутствовать въ Общемъ собраніи 4-го и 5-го Департаментовъ Правительствующаго Сената и, независимо отъ сего, въ Общемъ Собраніи первыхъ 3-хъ Департаментахъ и Департамента Герольдіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ немъ будутъ разбираться дѣла, касающіяся Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ 1867 г. Россету былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла и въ этомъ же году онъ нѣкоторое время управлялъ Министерствомъ, а 3-го марта 1870 года былъ отъ должности Товарища Министра уволенъ и награжденъ орденомъ Александра Невскаго; въ этомъ же году, въ ноябрѣ, онъ былъ переведенъ къ присутствію въ 7-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, а съ 1-го сентября 1871 года, сверхъ того, сталъ присутствовать еще и въ 6-мъ Департаментѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1871 года, въ виду упраздненія 6-го и 7-го Департаментовъ и Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ съ января 1872 года, Россету было разрѣшено жительство въ Москвѣ, съ зачисленіемъ въ сенаторы неприсутствующіе. Умеръ А. О. Россетъ 29-го августа 1881 г. Онъ состоялъ въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, съ которымъ познакомился, вѣроятно, черезъ свою сестру, извѣстную А. О. Смирнову, и у котораго былъ постояннымъ, домашнимъ гостемъ, и съ Гоголемъ, который во время своего пребыванія за границей обращался къ нему относительно хлопотъ по изданію его „Ревизора“ и „Писемъ“ и просилъ собирать отзывы о послѣднихъ. Онъ же выбралъ Россета въ устроенный имъ комитетъ для распоряженія суммами, поступавшими отъ продажи новаго изданія комедіи „Ревизоръ“.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1882 г. (стр. 245—248) Россетомъ помѣщены были его весьма цѣнные разсказы про Пушкина, а въ 1890 г. (кн. I, стр. 279—310 и 360—392) напечатано 53 его любопытныхъ письма къ его сестрѣ, А. О. Смирновой, и къ брату, К. О. Россету, за 1831—1864 гг.

Формулярный списокъ; Военный Календарь на 1883 г., стр. 158; „Русская Старина“, т. VI, стр. 283, 311, 323, 327, 337, 570, 589, 590; т. VIII, стр. 943, 947; т. XLI, стр. 163—172, 437—440; т. LVIII; стр. 33, 42, 48, 50, 52, 56, 69, 72; т. LIX, стр. 52—60; LX стр. 128, 134, 140; LXVI, стр. 642, 644, LXVII, стр. 196, 280, 282; LXVIII, стр. 356, 657, 658; „Русскій Архивъ“ 1878 г., стр. 391; 1888 г. т. II, 297; 1895 г., т. I, стр. 540, 541; т. II, стр. 25, 323, 456—458; 1896 г., т. I, стр. 279—310, 320, 361—392, 603; 1897 г., т. II, стр. 615—632; т. III, стр. 123—133, 377, 392; В. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя; Письма Гоголя, подъ ред.

В. Шенрока, т. I—IV; Переписка Грота съ Плетневымъ (по указ.); Н. Барсуковъ, Погодинъ (по указ.).

Г. Барскій.

Росси (де-Росси), танцовщикъ придворнаго балета конца XVIII столѣтія; французъ по происхожденію, онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1779 году и былъ принятъ на службу въ придворный балетъ 1-го іюля того же года съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ; въ серединѣ 1780-хъ годовъ онъ женился на только-что выпущенной тогда изъ Театральнаго Училища фигуранткѣ Маріи Молодецкой, которая впослѣдствіи, благодаря своимъ недюженнымъ способностямъ, сдѣлалась довольно извѣстною солисткой. Танцовщикъ де-Росси прослужилъ въ придворномъ балетѣ болѣе двѣнадцати лѣтъ и 1-го января 1792 года, въ виду преклоннаго возраста, вышелъ въ отставку. Свыкшись съ Россіей, онъ жилъ въ ней до самой своей смерти.

„Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ", Изд. Дирекціи Импер. Театровъ, вып. I (за 1746—1801 гг.), С.-Пб. 1892 г., Отд. I, Отд. II и Отд. III.

Я. Е.

Росси (**де-Росси**), *Игнатій Петровичъ*, генералъ-маіоръ, участникъ Отечественной войны; родомъ былъ изъ Миланскихъ дворянъ, но родился въ Петербургѣ 17-го января 1765 г.; умеръ 10-го ноября 1814 г. въ Курляндіи. Дѣдъ его, вызванный въ Россію при Петрѣ Великомъ, былъ строителемъ дворцовъ и другихъ зданій, а отецъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, былъ раненъ и, дослужившись до чина полковника, умеръ въ 1770-хъ годахъ. Росси на восьмомъ году отъ рожденія былъ опредѣленъ (2-го февраля 1772 г.), въ Артиллерійскій и Инженерный (впослѣдствіи 2-й) Кадетскій Корпусъ откуда по окончаніи образованія былъ выпущенъ, 4-го марта 1781 г., подпоручикомъ въ Нарвскій мушкатерскій полкъ. 20-го апрѣля 1783 г. онъ былъ произведенъ въ поручики, а 1-го января 1786 г.—въ капитаны, съ переводомъ во вновь сформированный Софійскій мушкатерскій полкъ. Съ этимъ полкомъ онъ поступилъ, въ 1789 г., на гребной флотъ вице-адмирала Принца Нассау-Зигена и находился съ нимъ въ сраженіяхъ противъ шведовъ 4-го и 13-го августа близъ Роченсальма, за что былъ награжденъ чиномъ секундъ-маіора. 21-го числа того же мѣсяца онъ сражался со шведами въ Роченсальмскомъ заливѣ и потомъ участвовалъ въ преслѣдованіи ихъ сухимъ путемъ за границу. Въ слѣдующемъ году Р. поступилъ опять подъ начальство Принца Нассау-Зигена и былъ въ сраженіяхъ съ непріятельскимъ флотомъ 23-го мая и 22-го іюня. Въ началѣ царствованія Императора Павла I-го, при уничтоженіи секундъ и премьеръ-маіорскаго чиновъ, Росси былъ переименованъ въ маіоры, 22-го декабря 1792 г. произведенъ въ подполковники, а 10-го марта 1800 г.—въ полковники, 6-го апрѣля 1802 г. переведенъ былъ въ Псковскій мушкатерскій полкъ, а 13-го іюля 1805 г. назначенъ шефомъ Волынскаго мушкатерскаго полка. Въ ноябрѣ того же года онъ ходилъ съ полкомъ за границу, на усиленіе арміи Кутузова, но, вслѣдствіе скораго прекращенія военныхъ дѣйствій, въ сраженіяхъ не участвовалъ. Лѣтомъ 1806 г., при раздѣленіи арміи вмѣсто инспекцій на дивизіи, Волынскій полкъ поступилъ въ 6-ю дивизію Седморацкаго и состоялъ въ одной бригадѣ съ Ревельскимъ мушкатерскимъ полкомъ. 22-го октября, при началѣ второй войны Императора Александра съ Наполеономъ, Росси, состоя въ корпусѣ Беннигсена, перешелъ съ нимъ черезъ границу у Гродно. 5-го ноября войска этого корпуса расположились у Остроленки, откуда вскорѣ двинулись къ Пултуску. Въ продолженіе первыхъ шести дней Росси, находясь со своимъ полкомъ на аванпостахъ вдоль рѣки Вкры, близъ Помихова, имѣлъ перестрѣлки съ французами, а 14-го декабря участвовалъ въ сраженіи подъ Пултускомъ, гдѣ стоялъ во второй линіи. Послѣ того 6-я дивизія отошла къ Гоніондзу и въ началѣ января 1807 г. поступила въ составъ отдѣльнаго корпуса генералъ-лейтенанта Эссена 1-го. Черезъ мѣсяцъ она получила приказаніе соединиться съ главною арміею, расположенною у Кёнигсберга. Военныхъ дѣйствій тогда не происходило вслѣдствіе изнеможенія русскихъ и французскихъ войскъ отъ зимняго похода и Прейсишъ-Эйлауской битвы. Дѣйствія возобновились во второй половинѣ мая. Въ Гейльсбергскомъ сраженіи, 29-го мая 1807 г., Росси находился съ своимъ полкомъ на лѣвомъ крылѣ и вмѣстѣ съ Перновскимъ и Бѣлозерскимъ полками ходилъ въ штыки на непріятеля. Въ послѣдовавшей затѣмъ Фридландской битвѣ, 2-го іюня, онъ стоялъ со своимъ полкомъ на правомъ крылѣ арміи, которымъ командовалъ князь А. И.

Горчаковъ. Долго наши бились мужественно, но наконецъ должны были отступить, и князь Горчаковъ повелъ войска назадъ, къ городу Фридланду, уже занятому французами. Пока нашъ арріергардъ отбивалъ атаки непріятельской конницы, другіе полки, въ томъ числѣ Волынскій, отчаянно ворвались въ объятый пламенемъ Фридландъ и выгнали оттуда французовъ. Нужно было потомъ переправиться черезъ рѣку Алле, но такъ какъ бывшіе на ней мосты сгорѣли до тла, то наши бросились въ рѣку и вплавь достигли противоположнаго берега. Вскорѣ послѣдовалъ Тильзитскій миръ, и Волынскій полкъ возвратился въ Россію. Въ томъ же году 12-го декабря Росси былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ 1808 по 1811 гг. онъ командовалъ бригадою изъ Тобольскаго и Волынскаго пѣхотныхъ полковъ, находившейся въ 4-й пѣхотной дивизіи Принца Евгенія Виртембергскаго и принадлежавшей ко 2-му пѣхотному корпусу генералъ-лейтенанта Багговута. Въ мартѣ 1812 г. этотъ корпусъ поступилъ въ 1-ю западную армію Барклая де-Толли. При извѣстіи о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ, 12-го іюня, наши войска начали отступать отъ границы, и Росси направился со своею бригадою въ укрѣпленный Дриссинскій лагерь. По приходѣ 1-й арміи подъ Смоленскъ, 4-го августа, 2-й корпусъ расположился въ двухъ верстахъ отъ Петербургскаго предмѣстья и не участвовалъ въ сраженіи, происходившемъ въ тотъ день. На другой день Волынскій полкъ вмѣстѣ съ 4-ю дивизіей былъ посланъ на усиленіе Дохтурова, который оборонялъ Смоленскъ, атакованный Наполеономъ. Росси получилъ приказаніе идти со своею бригадою къ Раченскому предмѣстью, гдѣ сражался Невѣровскій съ 27-ю дивизіей, и, смѣнивъ утомленный боемъ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, далъ Невѣровскому возможность отстоять предмѣстіе. Отъ Смоленска наша армія направилась къ Бородину. Здѣсь, при размѣщеніи войскъ на позиціи, 2-й пѣхотный корпусъ поставленъ былъ на оконечности праваго нашего крыла.

Во время Бородинскаго боя князь Кутузовъ послалъ 2-й пѣхотный корпусъ на подкрѣпленіе нашего центра и лѣваго крыла. Едва Росси занялъ указанное ему мѣсто за Семеновскимъ оврагомъ въ первой линіи сражающихся, какъ былъ тяжело раненъ въ голову, вслѣдствіе чего и не могъ болѣе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ и только черезъ годъ возвратился въ армію, получивъ за Бородинское сраженіе орденъ св. Владиміра 3-й степени. Прибывъ въ 1813 г. въ Варшавское герцогство, Росси поступилъ въ „Польскую“ армію генерала-отъ-кавалеріи Беннигсена и въ іюлѣ пошелъ съ нею въ Богемію. Съ 28-го сентября по 3-е октября, состоя въ авангардѣ Беннигсена, онъ былъ въ дѣлахъ съ французами, потомъ, вступивъ въ командованіе 13-ю пѣхотною дивизіей, пошелъ къ Лейпцигу и за блистательное участіе во взятіи приступомъ селенія Гольцгаузена 6-го октября и Гримскаго предмѣстія 7-го, получилъ Аннинскую звѣзду. Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Лейпцигѣ, Росси пошелъ съ Польскою арміей черезъ Люценъ, Галле и Бернбургъ къ Магдебургу, занятому французами. По прибытіи Польской арміи, французы были вытѣснены изъ окрестныхъ селеній, и Беннигсенъ обложилъ Магдебургъ. Черезъ мѣсяцъ онъ получилъ повелѣніе идти къ Гамбургу, вслѣдствіе чего сдалъ блокаду Магдебурга Прускому корпусу генералъ-лейтенанта Гиршфельда, а въ помощь ему были оставлены Росси и Крейцъ. 3-го ноября утромъ до 9,000 французовъ вышли изъ Магдебурга, вытѣснили два наши баталіона изъ селеній Заленъ и Додендорфъ и стали подвигаться впередъ. Росси наскоро собралъ отрядъ и обратилъ французовъ назадъ. Не довольствуясь этимъ, онъ преслѣдовалъ непріятелей и вогналъ ихъ въ крѣпость. За этотъ подвигъ король Прусскій наградилъ его орденомъ Краснаго Орла 2-й степени. Въ томъ же мѣсяцѣ, по приказанію Беннигсена, Росси выступилъ къ Гамбургу, занятому французскими войсками подъ начальствомъ маршала Даву. Онъ пришелъ къ мѣсту своего назначенія 11-го января 1814 г. и при распредѣленіи блокадныхъ войскъ вошелъ въ составъ центральнаго корпуса графа Толстого, занимавшаго пространство отъ деревни Гамъ до лѣваго берега рѣки Альстера. 14-го января предпринята была атака на непріятеля, стоявшаго въ ближнихъ отъ Гамбурга селеніяхъ. Въ этомъ дѣлѣ, которое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, Росси явилъ новыя доказательства своей распорядительности. Спустя двѣ недѣли, Беннигсенъ, желая воспользоваться льдомъ, покрывавшимъ Эльбу, вознамѣрился нанести гарнизону

ударъ со стороны лежащихъ на этой рѣкѣ острововъ и повелъ атаку тремя колоннами со стороны Оксенвердера. Росси находился во главѣ средней колонны съ Великолуцкимъ и Галицкимъ пѣхотными полками и нѣсколькими охотниками изъ мѣстныхъ жителей. Сбивъ встрѣченные имъ передовые французскіе посты, онъ дошелъ до укрѣпленія, окруженнаго глубокимъ водянымъ рвомъ и засѣкою, но не атаковалъ его, такъ какъ получилъ приказаніе отступить, потому что Беннигсенъ отложилъ нападеніе, и Росси со всѣми войсками возвратился въ свой лагерь. Черезъ недѣлю, 5-го февраля, онъ участвовалъ въ ночномъ нападеніи на Вильгельмсбургъ и потомъ оставался подъ Гамбургомъ до конца іюля, когда всѣ наши войска возвратились изъ-за границы. За отличія, оказанныя подъ Гамбургомъ, Росси получилъ золотую, алмазами украшенную шпагу съ надписью: „за храбрость“, и вскорѣ послѣ этого, страдая отъ Бородинской раны, скончался.

А. И. Михайловскій-Данилевскій. Императоръ Александръ I-й и его сподвижники. Военная Галлерея Зимняго дворца, т. 5-й, вып. 117-й, тетр. 13-я, С.-Пб. 1848 г.; Военная Галлерея Зимняго Дворца, изд. подъ ред. Великаго Князя Николая Михаиловича, С.-Пб. 1912 (съ портретомъ).

И. Марченко.

Росси, *Игнатій Ивановичъ (Яковлевичъ)*, „штукатурнаго и гротическаго дѣла мастеръ“ въ царствованіе Елисаветы Петровны и Екатерины II; род. въ 1706 г., умеръ 16-го декабря 1780 г. Р. въ службу вступилъ въ 1724 г., въ 1746 г. былъ мастеромъ въ Канцеляріи отъ строеній и въ 1747 г. имѣлъ рангъ маіора; онъ участвовалъ, между прочимъ, въ постройкѣ флигелей при Екатерингофскомъ Дворцѣ; имѣлъ съ 21-го іюля 1762 г. чинъ коллежскаго, а въ 1766 г.—статскаго совѣтника и былъ членомъ Канцеляріи отъ строеній, а въ 1772 г. состоялъ при Главной Полиціи.

Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общ., т. LXII; „Художественныя Сокровища Россіи“. 1903 г., стр. 113; Сенатскій Арх., т. 65; П. Майковъ, И. И. Бецкій, С.-Пб. 1904; Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ, т. VIII, С.-Пб. 1895; Адресъ-Календарь на 1765.

А. Новицкій.

Росси, *Карлъ Ивановичъ*, архитекторъ; род. въ 1775 г., умеръ 6-го апрѣля 1849 г. Біографія этого выдающагося строителя столькихъ замѣчательныхъ Петербургскихъ зданій очень мало извѣстна. Мы знаемъ только, что онъ занималъ должность главнаго архитектора при строеніяхъ Кабинета Его Величества, а въ 1821 г. находимъ его имя въ числѣ членовъ Коммиссіи по построенію храма св. Исаакія, Высочайше утвержденной 13-го августа этого года. Въ 1822 г. Совѣтъ Имп. Академіи Художествъ удостоилъ его званія почетнаго члена Академіи, какъ человѣка, „извѣстнаго многими важными зданіями, произведенными по его проектамъ“. Вѣроятно, здѣсь главнымъ образомъ разумѣлись постройки его при Павловскомъ дворцѣ, гдѣ онъ, по повелѣнію Императрицы Маріи Ѳеодоровны (отъ 16-го февраля 1822 г.) выстроилъ надъ открытой галлереей, сооруженной архитекторомъ Гонзаго и имѣющей пять пролетовъ среди колоннъ,—закрытую галлерею, для помѣщенія въ ней библіотеки. Принимая во вниманіе большую тяжесть верхняго помѣщенія, рѣшеніе задачи требовало отъ архитектора не только большого таланта, но и большихъ практическихъ свѣдѣній.

Въ августѣ 1825 г. имъ оконченъ былъ Михайловскій дворецъ, по Инженерной улицѣ, предназначенный для Великаго Князя Михаила Павловича и обошедшійся около семи милліоновъ. Государь остался такъ доволенъ постройкою, что наградилъ архитектора орденомъ св. Владиміра 3-й степени и брилліантовымъ перстнемъ со своимъ шифромъ.

Въ 1828 г. архитектору А. Е. Штауберту поручена была перестройка зданія Правительствующаго Сената. Одобривъ, въ общемъ, представленные имъ планы и фасады, Государь, тѣмъ не менѣе, повелѣлъ: „Дабы зданію Сената дать характеръ, соотвѣтствующій огромности площади, на которой оно находится, учредить, для сочиненія плановъ сему зданію, между архитекторами конкурсъ, призвавъ къ сему архитекторовъ Росси, Штауберта, Стасова и Шустова“. Изъ представленныхъ ими 18-го февраля 1829 г. плановъ, заслужилъ Высочайшее одобреніе проектъ Росси,—и 24-го августа того же года состоялась закладка зданія, при чемъ на закладной доскѣ было обозначено: „Чертежъ фасада, Высочайше утвержденный, составленъ былъ архитекторомъ Кар-

ломъ Росси. Строителемъ былъ архитекторъ Александръ Штаубертъ".

Въ 1823—1830 гг. по планамъ Росси было расширенно помѣщеніе Императорской Публичной Библіотеки пристройкою, выходящею на Александринскую площадь. Въ 1832 г., по его же проекту, отстроенъ былъ Александринскій Театръ, а 27-го мая 1835 г. было освящено зданіе св. Синода, заложенное 26-го августа 1830 г., которое строилъ, по его же проекту, уже упоминавшійся выше А. Е. Штаубертъ. Смѣта была составлена на 1.700.000 руб. асс. Наконецъ, Росси же была построена еще арка Главнаго Штаба и Елагинскій дворецъ. Умеръ Р. въ чинѣ коллежскаго совѣтника; погребенъ въ Петербургѣ, на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

„Журналъ Изящныхъ Искусствъ", издаваемый Григоровичемъ, С.-Пб. 1825 г., стр. 82—83; Исторія и достопамятности Исаакіевскаго собора, С.-Пб. 1858 г.; М. Михайловъ, Петербургъ и его окрестности — „Сѣверное Сіяніе" 1862 г.; В. Серафимовъ и М. Фоминъ, Описаніе Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, С.-Пб. 1865; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. С.-Петербургской Академіи Художествъ, т. II, С.-Пб. 1865 г.; А. Безродный, Исторія постройки Сенатскаго и Синодскаго зданій— „Строитель" 1899 г., № 7—8; Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе Императора Николая I. Изд. подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина — „Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества", т. CXIII, С.-Пб. 1902; „Міръ Искусства" 1902 г., т. I; „Художественныя Сокровища Россіи" 1903 г., стр. 404 и 426; Д. Д. Ивановъ, Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ Петербурга, С.-Пб. 1904 г.; Каталогъ историко-художественной выставки русскихъ портретовъ 1905 г., С.-Пб. 1905 г.; Баронъ Н. Н. Врангель, Музей Имп. Александра III, т. I (біографія и портретъ); „Русскій Худож. Листокъ" Тимма 1852 г., № 22; Мѣсяцесловъ на 1850 г., стр. 156; „Сѣв. Пчела" 1849 г., № 76.

А. Новицкій.

Росси (де-Росси), *Петръ Игнатьевичъ* (Петръ-Эдуардъ), генералъ-лейтенантъ; сынъ генералъ-маіора Игнатія Петровича де-Росси (см. выше), род. 16-го марта 1809 г.; въ 1826 г. былъ выпущенъ въ гвардію офицеромъ, въ 1828—1829 гг. участвовалъ въ Турецкой войнѣ, затѣмъ перешелъ въ Корпусъ Горныхъ Инженеровъ, 3-го апрѣля 1849 г. получилъ чинъ полковника и въ 1855 году состоялъ Дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ; съ 30-го августа 1858 г. по день смерти состоялъ Членомъ Горнаго Совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ и умеръ 23-го декабря 1875 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта; погребенъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Историческое Обозрѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, ч. I, стр. XIX; Исторія Министерства Финансовъ, 1802—1902, т. II, стр. 671; Списокъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ, С.-Пб. 1855, стр. 12; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 620.

Г. Барскій.

Росси, *Петръ Осиповичъ* (Pierre de Rossi), миніатюристъ; род. въ 1789 г., умеръ 10-го іюля 1831 г. отъ холеры. Состоялъ придворнымъ живописцемъ и работалъ миніатюрные портреты для Кабинета Его Величества. Въ 1813 г. удостоенъ былъ званія академика Имп. Академіи Художествъ по части миніатюрной живописи; написалъ портреты И. П. Мартоса, П. С. Валуева, И. В. Васильчикова, князя Д. В. Голицына, графа А. Ѳ. Ланжерона, графа М. А. Милорадовича, Я. А. Потемкина, Н. Н. Раевскаго, Н. М. Сипягина, князя П. Д. Цицianова, которые гравированы были Скотниковымъ, Вендрамини и другими. На Историко-Художественной выставкѣ русскихъ портретовъ 1905 г. находился его работы портретъ скульптора И. П. Мартоса.

Отчеты Имп. Академіи Художествъ за 1828, 1829 и 1830 гг.; „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ" за 1830 г., № XLIV, стр. 212; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. С.-Петербургской Академіи Художествъ, т. I, С.-Пб. 1864.; Каталогъ историко-художественной выставки русскихъ портретовъ 1905 г., С.-Пб. 1905; Ю. Иверсенъ, Медали въ честь Русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, вып. IV, С.-Пб. 1882, стр. 156 и 157.

А. Новицкій.

Россильонъ, баронъ *Василій (Вильгельмъ) Васильевичъ;* родился въ 1778 г. въ Марбургѣ, воспитывался въ Германіи, а потомъ служилъ въ военной службѣ въ Австріи, въ кавалеріи; въ 1806 г. (февраля 28-го) онъ перешелъ въ Русскую службу и въ 1818 г. былъ ассессоромъ въ Эстляндскомъ Губернскомъ Правленіи, въ Ревелѣ; въ 1832 г., въ чинѣ коллежскаго совѣтника, онъ былъ тамъ же совѣтникомъ и, несмотря на плохое знаніе Русскаго языка, состоялъ цензоромъ предпринятаго въ 1832 г., подъ покровительствомъ печальной памяти Магницкаго,

патріотическаго журнала „Радуга“; 18-го мая 1840 г. баронъ Р. получилъ чинъ статскаго совѣтника, будучи въ это время уже Директоромъ Училищъ Эстляндской губерніи; въ этой должности онъ прослужилъ до самой смерти, послѣдовавшей 30-го октября 1855 г. въ Ревелѣ.

Сынъ его, баронъ *Левъ Васильевичъ* Россильонъ (род. 1803, умеръ въ Дерптѣ въ концѣ 1883 года), начавшій службу въ 1822 г. юнкеромъ въ 1-мъ Егерьскомъ полку, а въ 1829 г. переведенный подпоручикомъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ, съ 1832 г. служилъ въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ и съ 1838 г. находился на Кавказской линіи (гдѣ прослужилъ до 1845 г.); здѣсь онъ познакомился съ Лермонтовымъ, но не пользовался его расположеніемъ; поэтъ выражался про него: „не то нѣмецъ, не то полякъ, а пожалуй и жидъ“. Причисленный впослѣдствіи къ Почтовому Департаменту (19-го марта 1845 г.), баронъ Р. 14-го апрѣля 1846 г. былъ назначенъ Виленскимъ Губернскимъ Почтмейстеромъ и въ этомъ званіи служилъ еще въ 1867 г., въ 1856 г. получивъ чинъ д. с. совѣтника.

„Русск. Стар.“ 1875 г., т. XIV, стр. 482; „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ Щукина“, вып. VIII, М. 1901, стр. 288—289; Списокъ чиновъ I—VI кл. за 1849 г.; Мѣсяцесловы и Адресъ-Календари; „Русск. Стар.“ 1883 г., т. XL, стр. 591—592; 1884 г., т. XLI, стр. 84—87, 239; 1885 г., т. XLV, стр. 474—475; формулярный списокъ за 1867 г.

Г. Барскій.

Россинскій, *Кириллъ Васильевичъ*, протоіерей войска Черноморскаго, проповѣдникъ; родился 17-го марта 1774 г. въ г. Новомиргородѣ, гдѣ отецъ его, родомъ малороссіянинъ, былъ священникомъ. Учился Р. въ Новороссійской Духовной Семинаріи, гдѣ былъ 20-го апрѣля 1795 г. посвященъ въ стихарь для проповѣдыванія слова Божія. По окончаніи здѣсь курса Р. поступилъ учителемъ информаторскаго класса и Закона Божія при Новороссійской Семинаріи, въ 1798 г. вступилъ въ супружество, 13-го іюня былъ посвященъ въ священники и, оставивъ учительскую службу, 24-го августа былъ опредѣленъ священникомъ къ Новомиргородской Рождества Богородицы церкви. Строгій образъ жизни и краснорѣчивыя проповѣди обратили на Р. вниманіе епархіальнаго начальства, — и ему было поручено учить произнесенію проповѣдей вновь поставляемыхъ священниковъ при каѳедральной церкви. За ревность и труды при исполненіи возложенныхъ на него порученій Р. въ 1800 г. былъ возведенъ въ санъ протоіерея и переведенъ въ г. Таганрогъ, гдѣ его проповѣди заставили говорить о немъ, какъ о рѣдкомъ явленіи на церковной каѳедрѣ. 19-го іюня 1803 г., по просьбѣ всего войска Черноморскаго, Р. былъ назначенъ Аѳанасіемъ, Архіепископомъ Екатеринославскимъ, въ городъ Екатеринодаръ войсковымъ протоіереемъ Черноморскаго войска, и, одновременно, первоприсутствующимъ Екатеринодарскаго Духовнаго Правленія. Благодаря выдающемуся уму, талантливости и обширнымъ и, по тому времени, разностороннимъ знаніямъ, Р. скоро пріобрѣлъ среди Черноморскаго войска и населенія его большой вѣсъ и значеніе, что̀ очень помогало ему въ его послѣдующей дѣятельности. Озабочиваясь малымъ количествомъ въ краѣ священниковъ (всего 10 человѣкъ) и не имѣя возможности вызвать подходящихъ лицъ изъ Россіи, гдѣ ходили преувеличенные слухи о гибельномъ климатѣ Черноморья, Р., съ согласія войскового начальства, избралъ изъ мѣстныхъ жителей способныхъ и истинно-расположенныхъ къ духовному званію людей, самъ обучилъ ихъ всему необходимому и отправилъ затѣмъ ихъ къ Екатеринославскому Преосвященному для рукоположенія. Такъ какъ церквей въ краѣ было всего четыре (не считая часовенъ), то Р. иногда мѣсяца по два разъѣзжалъ по краю „для испрашиванія подаяній на построеніе церквей“. Въ самое короткое время Р. заложилъ на собранныя суммы во многихъ станицахъ деревянныя церкви, вызвалъ изъ Россіи мастеровъ и самъ завѣдывалъ постройкою церквей. За все время его службы въ Черноморьѣ имъ было заложено и выстроено 27 церквей. За эти заслуги Р. былъ награжденъ бархатною скуфьею и палицею.

Дальнѣйшая дѣятельность Р. почти всецѣло была отдана дѣлу просвѣщенія въ Черноморскомъ краѣ, имѣвшемъ до него только одно низшее учебное заведеніе. По справедливости Р. и до сихъ поръ именуется „просвѣтителемъ Черноморскаго края“. По иниціативѣ Р. существовавшая въ Екатеринодарѣ школа была

14-го декабря 1806 г. преобразована въ Уѣздное Училище; на постройку зданія для него и на его содержаніе Войсковая Канцелярія постановила отпускать ежегодно пособіе въ 1500 рублей. Благодаря стараніямъ Р., назначеннаго Смотрителемъ Училища, оно въ самое короткое время наполнилось воспитанниками; изъ Россіи Р. вызвалъ хорошихъ преподавателей, среди которыхъ самъ онъ былъ примѣрнымъ законоучителемъ. Въ 1809 г., вѣроятно, умерла его жена,—и ея смерть сильно подѣйствовала на Р.; по просьбѣ заштатнаго протоіерея І. Гоздава-Бочковскаго, онъ согласился уступить ему свое мѣсто, а самъ намѣревался идти, „по своему одиночеству и вдовству", въ монастырь; на эту комбинацію не согласился Екатеринославскій Архіепископъ, къ которому поступило изъ св. Сѵнода прошеніе о. Гоздаво-Бочковскаго,—и Р. остался въ Черноморьѣ. Въ 1811 г., по ходатайству Р., въ Уѣздномъ Училищѣ былъ образованъ первый классъ Гимназіи, чѣмъ было положено начало къ учрежденію въ Екатеринодарѣ Гимназіи, открытіе которой составляло завѣтную мечту Р. За заслуги по дѣлу просвѣщенія въ краѣ Р. былъ Высочайше пожалованъ, 19-го января 1812 г., орденомъ св. Анны 3-й степени. Чтобы увеличить притокъ учащихся въ Уѣздное Училище и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подготовить контингентъ учениковъ для Гимназіи, Р. задался цѣлью открыть приходскія школы. Не разсчитывая на помощь Войсковой Канцеляріи, Р. вновь обратился къ благотворительности; напечатавъ и распространивъ Высочайшую грамоту 1806 г. Черноморскому войску за пожертвованія на учебное дѣло, онъ собралъ сумму денегъ, достаточную для открытія трехъ школъ, каковыя и открылъ въ Темрюкѣ, Щербиновкѣ и ст. Брюховецкой. Надзирателями въ эти школы Р. выбралъ лицъ изъ зажиточныхъ и почетныхъ жителей, которые, на основаніи Устава, должны были заботиться о внѣшнемъ и внутреннемъ благосостояніи школъ; у Екатеринославскаго Архіепископа онъ испросилъ разрѣшеніе на преподаваніе въ школахъ латинскаго языка и нотнаго пѣнія для дѣтей священно- и церковно-служителей, съ правомъ отчислять за это на школы извѣстную часть кружечнаго сбора. Вскорѣ Р. открылъ четвертое Училище—въ Гривномъ. Неожиданно въ 1815 г. Екатеринославскій Архіепископъ запретилъ пользоваться церковно-кружечными суммами, потребовавъ отъ Р. отчета въ израсходованіи этихъ суммъ; все оказалось правильнымъ, но источникъ доходовъ изсякъ, благодаря чему многіе учителя оставили свои мѣста. Время съ 1815 г. по 1817 г. было самымъ тяжелымъ въ жизни Р.,—временемъ борьбы его за существованіе школъ. Школьное дѣло было спасено, когда въ 1817 г. явился благотворитель—Курскій купецъ С. В. Антимоновъ, который пожертвовалъ 6.500 рублей, благодаря коимъ было упрочено существованіе открытыхъ школъ. Заботясь о просвѣщеніи и образованіи дѣтей духовенства Черноморскаго края, Р. открылъ въ августѣ мѣсяцѣ 1818 г. Духовно-Приходское Училище и былъ первымъ его смотрителемъ. Въ 1819 г. Р. открылъ еще школы въ станицахъ: Риговской, Темрюкѣ, Медвѣдовской, Кущевской, Леушковской и Пластуновской. 1-го декабря 1819 г. было Высочайше разрѣшено на собранныя Р. 45.000 рублей открытіе Гимназіи въ Екатеринодарѣ; самое открытіе Гимназіи состоялось 17-го мая 1820 года. Первымъ Директоромъ ея, въ изъятіе правилъ, былъ Высочайше назначенъ Р. Его стараніями была при Гимназіи сформирована библіотека, куда поступили книги изъ Войсковой Канцеляріи, Межигорскаго монастыря и др. мѣстъ; Р. не щадилъ на нее средствъ: все лучшее, что тогда выходило,—учебники и спеціальныя ученыя сочиненія,—все пріобрѣталось въ библіотеку. Кромѣ наукъ, положенныхъ по Уставу, въ которомъ числились и изящныя науки, основанія политической экономіи и коммерціи, а съ 1821 г. и греческій языкъ для желающихъ; Р., въ виду особаго, какъ онъ говорилъ, военнаго характера населенія, ввелъ еще преподаваніе военныхъ наукъ: артиллеріи и фортификаціи; онъ хотѣлъ также ввести въ курсъ и турецкій языкъ, но не нашлось для этого подходящаго преподавателя. Въ своей дѣятельности Р. былъ совершенно лишенъ поддержки Войсковой Канцеляріи, и только Харьковскій Университетъ, въ вѣдѣніи котораго находилось школьное дѣло Черноморскаго края, являлся единственнымъ пособникомъ и ходатаемъ за Р., неоднократно давая блестящіе отзывы о его дѣятельности. Два года (1821 и 1822) Р. преслѣдовала клевета за то, будто онъ занимался взяточ-

ничествомъ и присвоеніемъ общественныхъ суммъ; разслѣдованіе совершенно сняло съ него эти обвиненія. Напряженная дѣятельность, при отсутствіи поддержки, подорвала силы Р.; въ началѣ 1825 г. онъ заболѣлъ и, не имѣя болѣе возможности отправлять свои служебныя обязанности, просилъ школьный комитетъ Харьковскаго Университета объ отставкѣ; послѣ многихъ попытокъ удержать его, Комитетъ, наконецъ, предписалъ Р. сдать должность по формѣ одному изъ учителей; какъ ни торопился Р. скорѣе окончить сдачу дѣлъ и имущества Гимназіи, сдача шла медленно по причинѣ его болѣзни, и, не окончивъ сдачи, 12-го декабря 1825 года онъ скончался.

Р. былъ извѣстенъ, какъ писатель и сотрудникъ журналовъ „Соревнователь Просвѣщенія“ и „Украинскій Вѣстникъ“. Онъ былъ членомъ Харьковскаго Общества наукъ, считавшаго его въ числѣ своихъ внѣшнихъ членовъ по отдѣленію словесныхъ наукъ, Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей Россійской словесности. „Всѣ эти Общества, избирая его въ свои члены, спѣшили изъявить и дарованіямъ его, и ревности къ наукамъ, и всякимъ общеполезнымъ намѣреніямъ высокое почитаніе и уваженіе“. Въ 1815 г. Р. составилъ руководство подъ заглавіемъ: „Краткія правила Россійскаго правописанія“ (дважды изданныя въ Харьковѣ, иждивеніемъ Черноморскаго войска подполковника С. М. Дубоноса); кратко, просто и понятно изложенныя правила составлены были такъ раціонально, что могли бы съ пользою служить еще и теперь, тогда же они были рѣдкое, если не единственное явленіе въ Россіи. Занимался онъ также иногда и стихосложеніемъ. Рѣчи его издавались въ 1818 („Рѣчь при публичномъ собраніи въ Екатеринодарскомъ Уѣздномъ Училищѣ 1816 года іюля 30-го. Харьковъ) и въ 1820 („Рѣчь при открытіи Черноморской Гимназіи въ Екатеринодарѣ, 1820 г., маія 17-го“, С.-Пб. и „Рѣчь при публичномъ собраніи, въ заключеніе годичнаго испытанія, въ Екатеринодарскомъ Училищѣ“, Харьковъ) годахъ. Погребенъ Р. въ Екатеринодарскомъ Воскресенскомъ соборѣ, по лѣвую сторону алтаря. Надъ прахомъ его не поставлено памятника, но на портретѣ его, хранящемся въ Екатеринодарскомъ Окружномъ Училищѣ, собственною рукою Р. написаны слова, знаменующія всю его жизнь: „Alienis inserviendo consumor“. Въ память Р. нынѣ открыта въ Екатеринодарѣ безплатная городская читальня.

Дѣла Архива Св. Сѵнода: № 634, отъ 6-го ноября 1805 г.; № 755, отъ 23-го іюня 1806 г.; № 1014, отъ 14-го декабря 1806 г.; № 681, отъ 23-го августа 1809 г.; № 57—1810 г.; № 1381—1821 г.; № 4367, отъ 11-го февраля 1812 г., № 587, отъ 3-го іюня 1822 года; „Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссіей“, т. VI, стр. 136, 137, 139—142, 145; П. Кеппенъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. вып. II—Библіографическіе листы 1825 г., С.-Пб. 1826 г., стр. 586—589; Труды Вольнаго Общества любителейРоссійской словесности въ С.-Пб., ч. XII, стр. 3—32 („Соревнователь“, № 10); ч. IX, С.-Пб, 1820 г., стр. 109, 339—340; ч. XVI, С.-Пб., 1821, стр. 109, 357; Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1896 г., стр. 48; „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, ч. LXVI, за 1850 г., отд. V, стр. 1—12; „Вѣдомости Московской городской Полиціи“ 1849 г., № 97, ст. В. Золотаренка; Приложеніе къ циркуляру по управленію Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ, № 10, 1876 г., стр. 1—43; Г. Н. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 268; Кубанскій Сборникъ на 1913 г. (біографія съ портретомъ).

А. Виноградовъ.

Россицкій, *Евсевій Андреевичъ*, интендантъ дѣйствующей арміи въ 1877—1878 г.; родился въ 1823 г. и былъ сыномъ оберъ-офицера; воспитаніе получилъ въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1842 г., послѣ чего поступилъ на службу въ штабъ Бессарабскаго военнаго губернатора (20-го сентября), откуда черезъ годъ перешелъ въ Бессарабскую Палату Государственныхъ Имуществъ столоначальникомъ. Въ февралѣ 1850 г. Р. поступилъ столоначальникомъ въ полевое провіантское Коммиссіонерство 5 пѣхотнаго корпуса и въ августѣ сдѣланъ членомъ Коммиссіонерства, а вскорѣ (1852) перешелъ въ Кременчугскую Провіантскую Коммиссію; въ 1856 г. выйдя въ отставку, Р. въ 1858 г. поступилъ въ Новгородскую Провіантскую Коммиссію и вскорѣ прикомандированъ былъ къ Провіантскому Департаменту, откуда былъ посланъ въ Бессарабію дистанціоннымъ смотрителемъ провіантскихъ магазиновъ, 29-го ноября 1859 г. назначенъ Бессарабскимъ оберъ-провіантмейстеромъ, въ январѣ 1860 зачисленъ въ Департаментъ, 17-го апрѣля 1860 г. назначенъ Таврическимъ, а 25-го февраля 1862 г. Ковенскимъ оберъ-провіантмейсте-

ромъ, 21-го октября того же года переведенъ состоящимъ при Виленскомъ Окружномъ интендантствѣ, гдѣ съ 1864 г. состоялъ начальникомъ вещевого отдѣленія, въ 1867 г. назначенъ былъ помощникомъ окружнаго интенданта Туркестанскаго Военнаго Округа, въ 1868 г. назначенъ былъ начальникомъ г. Ташкента, и. д. предсѣдателя Сыръ-Дарьинскаго Областного Правленія и и. д. губернатора этой области (29-го октября 1868), въ 1869 г. произведенъ въ д. с. совѣтники (5-го октября) и назначенъ (28-го ноября) помощникомъ военнаго губернатора и Предсѣдателя Семирѣченскаго Областного Правленія, а также Предсѣдателемъ Вѣрненскаго Комитета для призрѣнія китайскихъ эмигрантовъ и Попечительнаго Совѣта Вѣрненскаго Училища, членомъ Комитета по постройкѣ собора въ г. Вѣрномъ и и. д. Директора Семирѣченскаго Тюремнаго Комитета. Съ 18-го августа 1872 г. Р. былъ и. д. военнаго губернатора Семирѣченской области, а 1-го мая 1877 г. былъ назначенъ состоять въ распоряженіи Главнокомандующаго дѣйствующей арміей и 2-го октября 1877 г. опредѣленъ былъ интендантомъ дѣйствующей арміи. Получивъ, 22-го января 1878 г., чинъ тайнаго совѣтника, Р. уже 7-го мая того же года былъ зачисленъ по Военному Министерству, а 1-го іюля 1884 г. былъ исключенъ изъ службы, безъ лишенія, однако, чиновъ, но съ заключеніемъ въ крѣпости на 10 мѣсяцевъ и 20 дней и съ потерею нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Умеръ Р. 24-го августа 1885 г. въ Кіевѣ, гдѣ и погребенъ на Аскольдовой могилѣ.

Н. Затворницкій, Указатель біографическихъ свѣдѣній... касающихся чиновъ... Канцеляріи Военнаго Министерства, С.-Пб. 1909, стр. 627—628; надгробіе; „Ришельевскій Лицей“, сборникъ, ч. I, Од. 1898, списки, стр. 24.

В. Николаевъ.

Ростиславовъ, *Александръ Ивановичъ*, протоіерей, настоятель Градо-Калужской Воскресенской церкви, родной братъ профессора Д. И. Р. (см. ниже); родился въ 1821 г.; по окончаніи курса въ Рязанской Духовной Семинаріи въ 1841 г., онъ въ томъ же году поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію и окончилъ курсъ послѣдней въ 1845 г., кандидатомъ XVI курса, послѣ чего, 20-го сентября, былъ опредѣленъ учителемъ церковно-библейской исторіи, археологіи и каноническаго права въ Калужскую Духовную Семинарію; въ 1847 г. исполнялъ обязанности помощника Инспектора Семинаріи и затѣмъ нѣкоторое время былъ секретаремъ семинарскаго Правленія. Въ 1850 г. женился на племянницѣ преосвященнаго Антонія (Амфитеатрова), 17-го октября 1858 г. былъ рукоположенъ въ священники къ Градо-Калужской Воскресенской церкви, съ оставленіемъ въ должности учителя Семинаріи. При открытіи, въ 1860 г., въ Калугѣ воскресныхъ школъ, Р. принялъ на себя обязанности законоучителя сперва въ мужской, а потомъ въ женской школѣ; въ 1864 г. былъ приглашенъ преподавать Законъ Божій въ первыхъ трехъ классахъ Калужской мужской Гимназіи, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ штатнымъ законоучителемъ Гимназіи, съ увольненіемъ отъ должности учителя Семинаріи. Обладая „обширными познаніями и несомнѣннымъ талантомъ при завидной памяти“, Р. „воспиталъ много поколѣній въ духѣ истинной вѣры и доброй нравственности, оставивъ по себѣ память, какъ прекрасный наставникъ и воспитатель“. При дѣятельномъ участіи его, какъ приходскаго священника, былъ устроенъ въ Воскресенской церкви придѣлъ во имя Ахтырской иконы Божьей Матери. Р. скончался въ ночь на 2-е марта 1889 г., отъ рака въ печени. При окончаніи курса Академіи Р. писалъ кандидатское сочиненіе на тему: „Сравненіе секты духоборцевъ (молоканъ) съ сектою квакеровъ (рукопись въ библіотекѣ С.-Пб. Духовной Академіи).

„Калужскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1889 г., № 5 и 6; А. С. Родосскій, Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Пб. Дух. Академіи (1814—1869), С.-Пб. 1907, стр. 412—413.

А. Виноградовъ.

Ростиславовъ, *Димитрій Ивановичъ*, профессоръ и Инспекторъ С.-Петербургской Духовной Академіи, писатель; родился въ 1809 году, умеръ 18-го февраля 1877 г.; происходилъ изъ духовнаго званія, былъ сыномъ священника, родомъ изъ Рязанской губерніи села Палищъ, Касимовскаго уѣзда. Образованіе получилъ въ Касимовскомъ и Рязанскомъ Духовныхъ Училищахъ и въ Рязанской Семинаріи, а высшее—въ С.-Петербургской Духовной Академіи. По окончаніи курса Академіи, Р. былъ утвержденъ въ степени магистра и опредѣленъ бакка-

лавромъ по каѳедрѣ физико-математическихъ наукъ въ той же Академіи — въ 1833 году (6-го октября); съ 25-го ноября 1835 г. по 28-е сентября 1836 г. онъ исправлялъ должность профессора физико-математическихъ наукъ, а 27-го іюля 1838 года былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Любовь профессора къ предметамъ своихъ лекцій, ясность и общедоступность изложенія привлекали въ аудиторію многочисленнѣйшихъ, противъ прежняго, слушателей, въ виду чего высшее начальство въ 1842 г. признало необходимымъ объявить слушаніе лекцій по физикѣ, математикѣ и всеобщей исторіи обязательнымъ для всѣхъ студентовъ, тогда какъ раньше выборъ ихъ былъ предоставленъ на произволъ студентовъ. Стараніями Р., во время его профессорства, былъ устроенъ довольно полный физическій кабинетъ, снабженный многими инструментами, собрана была и библіотека по части физики и математики. Но духовное начальство на всѣ эти нововведенія смотрѣло не вполнѣ одобрительно: тогдашній митрополитъ Антоній находилъ „страннымъ“ успѣхи въ Академіи по физикѣ и математикѣ, — предметамъ, яко бы не имѣющимъ ничего общаго съ богословіемъ. Однако, отъ такого неблагосклоннаго отношенія начальства энергія Р. не ослабѣвала...—Въ 1840 г., 2-го декабря, по прошенію, Ростиславовъ былъ уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское и въ 1847 г., 6-го октября, произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Во время своего пребыванія при Академіи онъ нѣсколько разъ на короткое время исправлялъ должность Инспектора Академіи, а также въ продолженіе 12 лѣтъ, съ 1834 по 1846 годъ, былъ экономомъ Академіи. Въ 1852 г., 19-го іюня, Ростиславовъ вышелъ въ отставку по болѣзни и поселился въ Рязани.—Въ скоромъ времени онъ оправился отъ своей болѣзни и снова принялся за педагогическую дѣятельность на мѣстѣ новаго своего жительства: въ 1858 г. онъ испросилъ у Св. Синода разрѣшеніе на безплатное чтеніе лекцій по физикѣ въ Рязанской Духовной Семинаріи. Въ аудиторію его устремились толпы и постороннихъ слушателей; о лекціяхъ Р. заговорилъ весь городъ, но многіе отнеслись съ подозрѣніемъ къ лекціямъ по важнѣйшей отрасли естествознанія,— особенно, когда Р. началъ еще читать лекціи по астрономіи, метеорологіи, физической географіи и геологіи. Многолюдство слушателей побудило Р. перенести свою аудиторію въ залъ Благороднаго собранія, гдѣ лекціи и читались въ 1860, 1861, 1862 и 1866 годахъ. Но подъ конецъ Р. навлекъ на себя обвиненія въ безбожіи и въ сочувствіи протестантизму со стороны извѣстной части мѣстныхъ дѣятелей...

Въ октябрѣ 1859 г. Директоръ Канцеляріи св. Синода И. С. Гаевскій полуоффиціальнымъ письмомъ предложилъ Р., какъ бывшему воспитаннику духовно-учебныхъ заведеній и одному изъ усерднѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго образованія, сообщить свои замѣчанія и соображенія о перемѣнахъ къ улучшенію Духовныхъ училищъ, какъ въ учебномъ, нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Составителю записки предоставлена была полнѣйшая свобода мнѣній, безъ всякаго стѣсненія канцелярской формалистикой. Это предложеніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало завѣтнымъ и давнишнимъ мечтамъ Ростиславова. Съ жаромъ и съ свойственной ему энергіей онъ принялся за дѣло,—и черезъ 9 мѣсяцевъ записка была окончена и отправлена Гаевскому, который черезъ нѣсколько времени возвратилъ ее автору съ отзывомъ, что „записка, по своему направленію, не можетъ получить дальнѣйшаго хода“. Не желая, чтобы добросовѣстный трудъ его пропалъ безслѣдно, Р. передалъ свою рукопись М. П. Погодину. Невѣдомо какими путями рукопись попала за границу и была напечатана въ 1863 г. въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: „Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи“ (т. I — 502, т. II — 581 стр.). Книга эта была принята весьма сочувственно. Ея успѣхъ поощрилъ Р. къ дальнѣйшему труду и въ 1866 году онъ отпечаталъ въ Лейпцигѣ новый замѣчательный трудъ свой: „Черное и бѣлое духовенство въ Россіи“. Эти сочиненія впослѣдствіи, съ ослабленіемъ строгости цензурнаго Устава, были допущены къ обращенію и у насъ и напечатаны: первое — въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ 1875 года, второе—тамъ же за 1874 годъ. Оба произведенія Ростиславова достигли главнѣйшей своей цѣли: въ 1867 году, при преобразованіи Семинарій и низшихъ Духовныхъ училищъ имѣлись въ виду и сочиненія Р., и многое было исправлено

по указаніямъ, заключавшимся въ его трудахъ. Съ того времени до конца своей жизни Р. посвятилъ себя исключительно литературнымъ трудамъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ „Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ въ доходахъ нашихъ монастырей", С.-Пб. 1872 и 1876 гг. Четвертый, громадный трудъ Р., оставшійся въ рукописи, имѣетъ предметомъ обозрѣніе степеней вѣротерпимости во всѣхъ древнихъ и новыхъ религіяхъ, равно во всѣхъ исповѣданіяхъ и ересяхъ христіанскаго ученія.

Кромѣ сочиненій, посвященныхъ духовно-историческимъ изслѣдованіямъ, Р. написалъ нѣсколько руководствъ по части физики и высшей математики (напр., „Начальная алгебра", М. 1868). Помимо указанныхъ трудовъ, братомъ Д. И. — Николаемъ Ивановичемъ—еще сообщены въ печать „Записки Дм. Ив. Ростиславова" — въ „Русской Старинѣ" 1880 г., т. 27 и 28; 1882 г., т. 33 и 34; 1884 г., т. 42 и 43; 1887 г., т. 56; 1888 г., т. 57 и 59; 1892 г., т. 76; 1893 г., т. 77—80; 1894 г., т. 81 и 82; 1895 г., т. 83. Наиболѣе интересны записки „О Николаѣ Ивановичѣ Надеждинѣ" („Русская Старина" 1894 г., т. 81, іюнь); „О Балашевѣ" (тамъ же 1894 г., т. 82, декабрь); „О Рюминѣ и нѣкоторыхъ другихъ Рязанскихъ жителяхъ мирянахъ" (тамъ же 1894 г., т. 82, декабрь); „О Симонѣ и Амвросіи, Рязанскихъ Архіепископахъ" (тамъ-же 1894 г., т. 82, декабрь); „О Θеофилактѣ, Архіепископѣ Рязанскомъ" (тамъ же 1895 г., т. 83, мартъ); „О пріѣздѣ въ Рязань новаго архіерея Филарета и о смерти Императора Александра I" (тамъ же 1895 г., т. 83, іюнь). При жизни Р. напечатаны также: „С.-Петербургская Духовная Академія до графа Пратасова" („Вѣстникъ Европы" 1872 г., кн. 4 и 5), „С.-Петербургская Духовная Академія при графѣ Пратасовѣ" („Вѣстникъ Европы" 1883 г., кн. 7, 8 и 9) и „Θеофилактъ Русановъ, 1-й экзархъ Грузіи" (тамъ же, 1873 г., кн. 6); „О преподаваніи словесности въ Духовныхъ Семинаріяхъ"—„Православное Обозрѣніе" 1860 г., № 11 подъ (псевд. Д. Варникъ) и нѣсколько статей въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ".

Послужной списокъ, хранящійся въ Архивѣ Св. Сѵнода; „Церковно-Общественный Вѣстникъ" 1877 г., № 24; „Новое Время" 1877 г., № 363; „Русская Старина"; В. Иконниковъ, Русская исторіографія", К. 1891 г., т. I, кн. 1, стр. 683, 771, CLXXXI, CC; „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1907, №39; „Голосъ" 1877 г., №62; „Щукинскій Сборникъ", т. V, стр. 501 и сл.; А. Родосскій, Біографическій словарь студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи 1814—1869, С.-Пб. 1907, стр. 413—415.

И. Давидовичъ.

Ростиславовъ, *Иванъ Николаевичъ*, преподаватель Ярославской Духовной Семинаріи; родился въ 1808 г. и былъ сыномъ діакона Вологодской епархіи; поступивъ въ 1826 г. въ Вологодскую Духовную Семинарію и окончивъ въ ней курсъ въ 1831 г., онъ въ томъ же году поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, курсъ которой окончилъ въ 1835 г., и 10-го октября былъ возведенъ въ степень кандидата съ назначеніемъ преподавателемъ словесности въ Иркутскую Духовную Семинарію. По пріѣздѣ на мѣсто службы, Р. корпораціей Семинаріи былъ избранъ (съ 10-го января 1836 г.) библіотекаремъ Семинарской библіотеки и занималъ эту должность до 22-го февраля 1838 г. Съ 22-го февраля 1836 г. по 8-е іюня 1841 г., почти во все время службы въ Семинаріи, Р. былъ, по избранію, секретаремъ семинарскаго Правленія; за временнымъ отсутствіемъ нѣкоторыхъ учителей онъ неоднократно преподавалъ различные предметы въ разныхъ отдѣленіяхъ Семинаріи: св. Писаніе, церковно-библейскую исторію, математику, греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій языки. 24-го октября 1841 г. Р. былъ перемѣщенъ въ Ярославскую Семинарію, въ высшее ея Отдѣленіе, на Священное Писаніе. Вслѣдствіе недостатка печатныхъ руководствъ, Ростиславовъ составлялъ немало своихъ записокъ по Священному Писанію, при чемъ для правильнаго и точнаго толкованія смысла объясняемыхъ мѣстъ онъ обыкновенно обращался къ подлиннымъ текстамъ—еврейскому и греческому. Желая возможно лучше ознакомиться съ французскимъ языкомъ, Ростиславовъ большую часть своего скуднаго жалованья тратилъ на выписку учебниковъ, хрестоматій, словарей и т. п. пособій по этому языку. Съ 22-го февраля 1845 года по 26-е мая 1847 г. онъ исполнялъ обязанности помощника Инспектора Семинаріи, состоя въ то же время членомъ комитета по повѣркѣ экономическихъ отчетовъ за 1843—44 гг. по Ярославскому Духовному Училищу и за 1845—6 гг.—по Ярославской Духовной Семинаріи. Разно-

временно преподавалъ онъ въ это время и позже математику, французскій и греческій языки и словесность, съ 16-го іюля 1855 г. по 24-е декабря 1856 г. состоялъ членомъ коммиссіи для ревизіи церковнаго имущества въ соборахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ по г. Ярославлю и его уѣзду, 19-го іюня 1857 г. перемѣщенъ на каѳедру Всеобщей гражданской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ 1-го февраля 1860 г. Р. былъ уволенъ, согласно прошенію, изъ духовнаго званія, а 15-го сентября 1862 г., согласно прошенію, уволенъ былъ и отъ духовно-учебной службы.

Ростиславовъ былъ однимъ изъ малоизвѣстныхъ, но рѣдкихъ преподавателей первой половины XIX в. Преданный до самозабвенія дѣлу воспитанія молодежи, ограниченный скуднымъ (280 р.) жалованьемъ, онъ сознательно остался холостякомъ, отдавая всего себя преподаванію и, послѣ отставки, безмездно продолжая занятія французскимъ языкомъ съ бѣдными воспитанниками Семинаріи. Скончался 5-го февраля 1888 г. При окончаніи курса Академіи написалъ кандидатское сочиненіе на тему: „О почитаніи св. иконъ“ (рукопись Академической Библіотеки).

„Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1871 г., часть неофф., № 3, стр. 23—24; 1888 г. № 7, часть неофф., стр. 110—112; А. Родосскій, Біографическій Словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи (1814—1869), С.-Пб. 1907, стр. 415.

А. Виноградовъ.

Ростиславовъ, *Николай Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, магистръ С.-Петербургской Духовной Академіи; сынъ священника Рязанской Епархіи, род. 14-го марта 1823 г. въ селѣ Шеянкахъ, Касимовскаго уѣзда Рязанской губ. (братъ Д. И Р.—см. выше). Окончивъ въ 1843 г. курсъ Рязанской Духовной Семинаріи, онъ въ томъ же году поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію и, окончивъ курсъ послѣдней въ 1847 году 9-мъ магистромъ, былъ въ томъ же году назначенъ профессоромъ Казанской Духовной Семинаріи по церковной исторіи, гражданской всеобщей исторіи, русской исторіи и нѣмецкому языку. Въ 1849 г. въ Чистопольскомъ Духовномъ Училищѣ, подчиненномъ Казанской Духовной Семинаріи, изъ-за неумѣлаго руководительства смотрителя училища учащимися, вспыхнули волненія. Въ качествѣ ревизора въ Училище былъ посланъ Ростиславовъ, но его ревизія, веденная неумѣло, повела только къ еще большему разладу въ Училищѣ. По требованію Ростиславова, отпускъ учениковъ на вакатъ былъ нѣсколько задержанъ, а между тѣмъ за ними уже пріѣхали въ городъ ихъ родные и проводники съ подводами; толпа родителей и учениковъ, враждебно настроенная противъ ревизора, выбила стекла въ домѣ смотрителя, гдѣ тотъ помѣщался. Ростиславовъ такъ и не кончилъ своей ревизіи: сказавшись больнымъ, онъ уѣхалъ въ Казань. Подъ вліяніемъ, вѣроятно, этой непріятности онъ въ 1851 г. перешелъ на гражданскую службу—въ Самарскую Палату Гражданскаго Суда, въ 1853 г.—въ Рязанскую Палату Гражданскаго Суда, затѣмъ въ Канцелярію Рязанскаго прокурора, а въ 1856 г. — въ Канцелярію I Отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената. Не имѣя спеціальнаго юридическаго образованія, Ростиславовъ поступилъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій Университетъ, по Юридическому Факультету. Подготовленный, такимъ образомъ, опытомъ и спеціальнымъ юридическимъ образованіемъ, Ростиславовъ въ 1863 г. поступилъ въ Канцелярію Морского Министерства на должность младшаго помощника дѣлопроизводителя, а въ 1866 г. занялъ должность дѣлопроизводителя по совѣтскому Отдѣленію Министерства, въ которой и состоялъ до 1886 г. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Коммиссіи по пересмотру и окончанію работъ бывшаго Кодификаціоннаго Управленія по составленію „Свода морскихъ постановленій“, въ каковой должности и состоялъ до самой смерти. Въ концѣ 1887 г. болѣзнь, которою онъ страдалъ (ракъ желудка), настолько усилилась, что онъ не могъ уже выѣзжать изъ дому, но не переставалъ работать надъ дѣлами Коммиссіи, закончивъ ихъ въ январѣ 1888 г., а 28-го марта того же года скончался; погребенъ на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Ростиславовъ оставилъ по себѣ прекрасную память во всѣхъ, знавшихъ его. Въ литературѣ имя его извѣстно, какъ издателя посмертныхъ трудовъ его брата, Д. И. Ростиславова, а особенно автобіографіи послѣдняго, помѣщенной имъ въ „Русской Старинѣ“. Самому Ростиславову принадлежитъ статья „О заштатныхъ чиновникахъ“, напечатан-

ная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1860 г., № 10. Магистерское сочиненіе Ростиславовъ писалъ на тему: „Опыты объясненія VI—VIII главъ посланія св. апостола Павла къ Римлянамъ“.

„Церковный Вѣстникъ“ 1888 г., № 15, стр. 313—315; А. Родосскій, Біографическій Словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи (1814—1869), С.-Пб. 1907, стр. 412—413; И. Чистовичъ, Исторія С.-Пб. Духовной Академіи, С.-Пб. 1857, стр. 453; П. Знаменскій, Исторія Казанской Духовной Академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870), Казань. 1891, стр. 346—347; А. Благовѣщенскій, Исторія Казанской Духовной Семинаріи, Казань. 1883, стр. 326; „Новое Время“ 1888 г., № 4340, и 4341; „Русская Старина“ 1880 г., іюль, стр. 405—406 (Записки Д. И. Ростиславова); Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 621; „Новости“ 1838 г., № 89; „Сынъ Отечества“ 1888 г., № 86.

А. Виноградовъ.

Ростиславъ Владиміровичъ, князь Тмутораканскій; сынъ старшаго сына Ярослава Мудраго—князя Новгородскаго Владиміра Ярославича,—родился въ 1038 году. Такъ какъ Владиміръ Ярославичъ умеръ раньше отца своего—въ 1052 году, то при дѣлежѣ наслѣдства послѣ Ярослава Мудраго князь Ростиславъ Владиміровичъ, какъ „изгой“, потерявшій старшинство, не могъ разсчитывать на полученіе крупнаго удѣла, а долженъ былъ ограничиться подчиненнымъ положеніемъ князя одной какой-нибудь волости, которую ему дадутъ старшіе родичи. Послѣдніе первоначально дали Ростиславу Владиміровичу Ростовскій удѣлъ, затѣмъ въ 1056 году перевели его во Владиміръ-Волынскій и, наконецъ, въ 1061 году—въ Новгородъ. Тамъ онъ княжилъ до 1064 года, когда, съ двумя родовитыми извѣстными людьми Порѣемъ и Вышатой, сыномъ Новгородскаго посадника Остромира, „бѣжалъ“, по выраженію лѣтописи, въ Тмуторакань. Въ Тмуторакани княжилъ тогда двоюродный братъ его—Глѣбъ Святославичъ; Ростиславъ изгналъ оттуда послѣдняго и завладѣлъ княженіемъ. На помощь къ сыну явился тогда съ ратью Святославъ Ярославичъ, князь Черниговскій. Ростиславъ, по словамъ лѣтописи, „отступи кромѣ (вонъ) изъ города, не убоявся его, но не хотя противу стрыеви (дяди) оружья взяти“. Святославъ ввелъ вновь своего сына на княженье, но едва онъ удалился домой, какъ Ростиславъ опять изгналъ Глѣба и окончательно утвердился въ Тмуторакани. Отсюда онъ предпринималъ походы на сосѣднихъ Касоговъ и Ясовъ, покорилъ ихъ и заставилъ платить себѣ дань. Такая энергичная дѣятельность показалась опасною Грекамъ, которые подослали къ Ростиславу Корсунскаго начальника Котопана; Ростиславъ принялъ его весьма радушно, какъ посла дружественаго государства. Но однажды, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, „пьющу Ростиславу съ дружиною своею, и рече Котопанъ: Княже, хочю на тя пити. Оному-же рекшу: пій. Онъ-же, испивъ половину, а половину дасть князю пити, дотиснувся пальцемъ въ чашю: бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенье смертное“ (ядъ). Ядъ этотъ долженъ былъ подѣйствовать на восьмой день. Котопанъ, возвратившись въ Корсунь, объявилъ, что въ такой-то день (13-го февраля 1065 года) Ростиславъ умретъ, что и случилось. За это Корсунцы побили Котопана камнями, боясь мщенія Русскихъ, такъ какъ, по свидѣтельству лѣтописи, Ростиславъ пользовался общей любовью; онъ былъ добръ къ рати и милостивъ къ убогимъ, высокъ ростомъ и красивъ лицомъ.

Ростиславъ былъ женатъ на дочери Венгерскаго короля и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей, изъ коихъ младшій—Василько—извѣстенъ своей трагической судьбой. Послѣ смерти Ростислава вдова его пожелала возвратиться въ Венгрію, къ отцу своему; великій князь Изяславъ Ярославичъ согласился отпустить ее, но сыновей ея удержалъ на Руси.

Ростиславъ былъ похороненъ въ церкви св. Богородицы въ Тмуторакани.

С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. второе, т. I, стр. 286, 289, 290; Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, изд. 1892 г., т. II, стр. 48, 49, прим. 116, 117, 120, 138, 145; Татищевъ, Исторія Россійская, т. II, стр. 117; Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 70, 71, 72; т. II, стр. 269, 270; т. III, стр. 2, 121; т. V, стр. 140, 141; т. VII, стр. 219, 232, 334, 335; т. IX, стр. 92, 93, 94; т. XV, стр. 154, 156; В. Иконниковъ, Опытъ Русской исторіографіи, т. II, стр 148, 476, 540, 1370; П. Нехачинъ, Историческій словарь Россійскихъ государей, князей и пр., стр. 156.

К. Лосскій.

Ростиславъ Всеволодовичъ, князь Переяславскій, сынъ Всеволода I Ярославича, младшій единокровый братъ Владиміра Мономаха (отъ разныхъ матерей). Матерью Ростислава была Половецкая кня-

жна, по имени Анна; родился онъ въ 1070 году. Въ лѣтописяхъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ упоминанія о князѣ Ростиславѣ, гдѣ бы одновременно не былъ упомянутъ и братъ его Владиміръ: видимо, первый былъ всегда только вѣрнымъ помощникомъ старшаго брата и никогда нигдѣ не выступалъ самостоятельно. Въ 1086 году онъ вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ принималъ участіе въ похоронахъ въ Кіевѣ безвременно погибшаго князя Ярополка, а въ 1089 году онъ, опять-таки съ отцомъ и братомъ, присутствовалъ при освященіи Печерской церкви въ Ѳеодосіевскомъ монастырѣ во имя Успенія Пресв. Богородицы. Какъ разсказываетъ Владиміръ Мономахъ въ своей духовной, онъ вмѣстѣ съ Ростиславомъ побѣдоносно сражался съ Половцами у городка „Варина", гдѣ взялъ у нихъ вежи. Въ борьбѣ съ Половцами Ростиславъ и погибъ, участвуя въ несчастномъ походѣ Святополка Изяславича и Владиміра Мономаха, въ скоромъ времени послѣ смерти великаго князя Всеволода Ярославича — въ 1093 году. Объ этомъ походѣ лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее: когда Половцы узнали о кончинѣ Всеволода и о переходѣ Кіевскаго стола къ Святополку Изяславичу, то послали къ послѣднему пословъ, предлагая, по своему обыкновенію, купить миръ. Святополкъ на это не согласился и велѣлъ заключить пословъ въ темницу. Узнавъ объ этомъ, Половцы значительными полчищами пошли на Русь и осадили городъ Торческъ. Испугавшись, Святополкъ самъ предложилъ Половцамъ миръ, но они на токовый не согласились, почему Святополкъ и былъ вынужденъ выступить противъ нихъ. Предварительно онъ, по совѣту дружины, обратился за помощью къ Владиміру Мономаху, который не замедлилъ явиться, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и брата Ростислава изъ Переяславля. Соединенныя войска подошли къ Триполью. Ихъ было такъ мало, что Владиміръ и многіе дружинники стали совѣтовать заключить съ Половцами миръ, но Святополкъ и большинство Кіевской дружины настояли на томъ, чтобы воевать. Войска перешли за рѣку Стугну. Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ—лѣвое, а Ростиславъ шелъ по серединѣ. Половцы прежде всего набросились на правое крыло, смяли его и обратили въ бѣгство, а затѣмъ стали наступать на Владиміра и Ростислава. Дружины этихъ князей оборонялись мужественно, но въ концѣ концовъ не выдержали и побѣжали. Добѣжавъ до Стугны, они стали переправляться въ бродъ, и при этой то переправѣ Ростиславъ утонулъ на глазахъ брата, который хотѣлъ спасти его, но едва не утонулъ самъ. Тѣло Ростислава удалось извлечь изъ воды, и онъ былъ похороненъ въ Кіевѣ, въ церкви Св. Софіи. „И плакася по немъ мати его и вси людіе, пожалиша си много по немъ юности ради его,"—говоритъ лѣтописецъ.

Въ Печерскомъ Патерикѣ разсказывается, что кончина Ростислава отъ воды была предсказана ему Григоріемъ, чудотворцемъ Печерскимъ, и что Ростиславъ велѣлъ утопить предсказателя, сказавъ ему: „Мнѣ ли смерь повѣдаеши отъ воды, умѣющу плавать посредѣ ея? самъ тоя вкусиши".

С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. второе, т. I, стр. 318, 319, 742; Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, изд. 1892 г., т. II, стр. 64, 65, 67, 71, 72, прим. 146, 156, 164, 166, 229; В. Иконниковъ, Опытъ Русской исторіографіи, т. I, стр. 141, 195, 248, 462; И. Нехачинъ, Историческій словарь Россійскихъ государей, князей и проч.; Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 75, 88, 89, 93, 94, 103; т. II, стр 272, 277, 278, 279; т. III, стр. 2; т. V, стр. 143, 148, 149; т. VII, стр. 4, 6, 7, 232, 337; т. IX., стр. 97, 114, 115, 120, 121; т. XV, стр. 160, 176, 182.

К. Лосскій.

Ростиславъ-Михаилъ Мстиславичъ, третій сынъ Мстислава Владиміровича, внукъ Владиміра Мономаха, князь Смоленскій (1125—1159 г.), а затѣмъ Кіевскій. Профессоръ П. В. Голубовскій, въ своей монографіи „Исторія Смоленской земли до начала XV ст." отводитъ ему первенствующее мѣсто въ дѣлѣ устроенія Смоленской земли. „Значительная населенность,—говоритъ онъ,—развитіе торговли съ востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ давали Смоленскому князю обильныя средства для приданія своему княжеству политическаго вѣса въ общерусскихъ дѣлахъ, и, несмотря на всю отрывочность имѣющихся у насъ данныхъ, можно сказать, что Ростиславъ умѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ и поставилъ Смоленскую землю на высшую степень политическаго могущества, какой она уже никогда не достигала послѣ его смерти". Стремясь поставить свой удѣлъ въ независимое положеніе и въ церковно-административномъ

отношеніи, Ростиславъ основалъ въ Смоленскѣ въ 1137 г. епископскую каѳедру, а въ 1151 г., „сдумавъ съ людьми своими", т.-е., съ согласія вѣча, написалъ уставную грамоту, въ которой назначилъ десятую часть доходовъ князя и княгини, земельныя владѣнія, бобровые гоны, „сѣножаты" (сѣнокосы) и т. д.—„Святѣй Богородици (Соборной церкви во имя Успенія Пресвятой Богородицы) и епископу, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья". Примѣры назначенія десятой части доходовъ въ пользу церкви были, какъ извѣстно, и ранѣе: начало „десятинъ" въ пользу церкви положилъ, какъ извѣстно, Владиміръ Святой, при построеніи имъ Десятинной церкви въ Кіевѣ. Въ случаѣ упраздненія епископской каѳедры въ Смоленской землѣ и присоединенія этой земли, какъ то было раньше, къ Переяславской епископіи,—всѣ преимущества, дарованныя Смоленскому епископу, должны быть, какъ сказано въ уставной грамотѣ 1151 г., уничтожены. Изъ этой же уставной грамоты видно, что ежегодный доходъ князя Ростислава составлялъ на наши деньги около 535.869 рублей, а если присоединить колеблющіеся доходы: гостинную и торговую дани, мыто, корчемную и вѣсовую пошлины, то сумма эта, вѣроятно, превышала 600.000 рублей.

Первымъ епископомъ Смоленскимъ былъ назначенъ въ 1137 г. грекъ Мануилъ, пришедшій изъ Греціи въ Кіевъ къ великому князю Мстиславу, отцу Смоленскаго князя Ростислава, съ двумя пѣвцами. Будучи знатокомъ церковнаго пѣнія (деместикъ), онъ развилъ въ жителяхъ Смоленска любовь къ хорошему церковному пѣнію, о которомъ впослѣдствіи такъ заботился Преп. Авраамій. Выборъ въ епископы Мануила и бесѣды съ выдающимися лицами изъ Смоленскаго духовенства даказываютъ, что Ростиславъ любилъ окружать себя образованными и учеными людьми. Изъ посланія Кіевскаго митрополита Климента (Клима) Смолятича (Смоленскаго уроженца) къ его старому другу, священнику г. Смоленска Ѳомѣ, видно, что Климентъ писалъ передъ тѣмъ самому Ростиславу, что князь бесѣдовалъ по поводу его письма съ Григоріемъ (тоже изъ высшаго Смоленскаго духовенства) и Ѳомой и поручилъ послѣднему написать отвѣтъ, вызвавшій со стороны митрополита новое посланіе. Изъ посланія Климента къ священнику Ѳомѣ ясно также, что творенія святыхъ отцовъ и классическихъ писателей Греціи были извѣстны высшему Смоленскому духовенству въ подлинникѣ, что̀ свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ его образованности.

Просвѣщеніе, торговля и богатство Смоленской земли обусловливались ея географическимъ положеніемъ. Находясь въ верховьяхъ Днѣпра, Западной Двины и Волги, она рано вступила въ торговыя сношенія съ Западной Европой черезъ посредство Полоцкой земли, съ Кіевомъ, Новгородомъ, Суздальской землей вообще и выдѣлившимся изъ нея впослѣдствіи Тверскимъ княжествомъ. Ведя оживленную торговлю съ сосѣдями, Смоленская земля—черезъ нихъ или даже непосредственно, вошла въ сношенія съ далекими образованными странами на Востокѣ, какъ, напр., съ Волжской Булгаріей и Багдадскимъ халифатомъ, а на югѣ—съ Византіей, подъ сильнымъ вліяніемъ которой и развилось ея просвѣщеніе. Смоленскіе бояре, пришедшіе съ Ростиславомъ въ Кіевъ, когда онъ сдѣлался великимъ княземъ, ѣздили въ 1161 г. въ Византію по дѣлу о постановленіи новаго митрополита въ Кіевъ. Вслѣдствіе умѣнья Ростислава ладить съ вѣчемъ, во все время его долгаго княженія въ Смоленской землѣ господствовало внутри страны спокойствіе.

Для большей ясности повѣствованія о дѣятельности Ростислава Мстиславича мы должны помнить, что послѣ смерти Владиміра Мономаха стало обнаруживаться въ отдѣльныхъ княженіяхъ Южной и Западной Руси стремленіе къ самостоятельности. Кіевъ привлекалъ къ себѣ и Мономаховичей (сыновей и внуковъ Владиміра Мономаха), и Ольговичей. Кіевляне были болѣе расположены къ Мономаховичамъ, считая ихъ своими законными князьями, но и Ольговичамъ случалось занимать кіевскій столъ, для достиженія котораго многіе изъ нихъ опирались на половцовъ, опустошавшихъ Русскія земли. Вслѣдствіе этого возникла борьба между Мономаховичами и Ольговичами, оставившая глубокій слѣдъ въ южнорусскихъ лѣтописяхъ.

Въ 1125 г. скончался Владиміръ Мономахъ, и Кіевское княженіе перешло къ его старшему сыну Мстиславу, который перевелъ брата Вячеслава изъ Смоленска въ Туровъ, а сына своего Ростислава посадилъ въ Смоленскѣ. Въ 1128 г. Ростиславъ ходилъ съ смольянами къ Друцку

противъ Полоцкихъ князей, въ 1130 г. противъ Чуди, а въ 1131 г. Мстиславъ бралъ его съ собой въ походъ противъ Литовцевъ. Такое участіе Смоленскаго князя въ походѣ великаго князя Кіевскаго можно объяснить повиновеніемъ сына отцу и желаніемъ оказать ему помощь, но изъ послѣдующихъ событій видно, что Смоленскъ находился въ зависимости отъ великаго князя. Послѣ смерти въ 1132 г. Мстислава Кіевляне выбрали въ князья его брата Ярополка, и Ростиславъ вносилъ ему со Смоленской земли извѣстную дань, или „даръ", за которымъ пріѣзжалъ въ Смоленскъ, по порученію Ярополка, старшій братъ Ростислава—Изяславъ. Въ 1139 г. Ростиславъ помогалъ Ярополку въ его походѣ противъ Чернигова.

Въ томъ-же 1139 г. умеръ бездѣтный Ярополкъ, и великимъ княземъ Кіевскимъ, помимо его брата Вячеслава, сдѣлался Всеволодъ Ольговичъ, троюродный братъ Изяслава и Роститлава Мстиславичей, женатый на ихъ сестрѣ и настолько съ нимъ расположенный, что въ 1142 г. его родные братья роптали на него за любовь къ Мстиславичамъ. Какъ видно, Смоленскъ продолжалъ и Всеволоду платить подать: въ лѣтописи встрѣчается извѣстіе, что въ 1142 г. Ростиславъ шелъ „съ Смоленскимъ посломъ въ Кіевъ къ своему зятю" и, слыша, что Ольговичи бились у Переяславля съ его дядей Вячеславомъ и братомъ Изяславомъ, напалъ на владѣнія Ольговичей и захватилъ все, что имъ принадлежало около Гомія. Въ 1144 и 1146 г.г. Ростиславъ участвовалъ въ походахъ великаго князя Всеволода противъ князя Галицкаго Владиміра. По возвращеніи изъ перваго похода, Ростиславъ построилъ въ 1145 г. при Смядынскомъ монастырѣ церковь во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, желая почтить память Муромскаге князь Глѣба, убитаго неподалеку отъ этого мѣста въ 1015 г.; въ 1146 г. онъ построилъ въ томъ же монастырѣ церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла.

Послѣ смерти Всеволода Ольговича въ 1146 г., произошли сильныя распри изъза Кіевскаго княженія между его братомъ Игоремъ и Изяславомъ Мстиславичемъ. Верхъ одержалъ Изяславъ, а Игорь былъ сосланъ имъ въ Переяславль для заключенія въ „порубѣ" при монастырѣ св. Іоанна. Съ этого времени Ростиславу пришлось приниматъ дѣятельное участіе въ большей части походовъ своего старшаго брата Изяслава. Скажемъ объ этихъ походахъ, не вдаваясь въ подробности, умѣстныя въ біографіи Изяслава.

По вступленіи на великокняжескій столъ, Изяславъ предоставилъ Переяславское княженіе Ростиславу, а Смоленскъ назначилъ своему меньшому брату Владиміру; но Ростиславъ не пожелалъ разстаться со Смоленскомъ и Владиміръ жилъ при братѣ въ Кіевѣ. Въ 1147 г. Ростиславъ участвовалъ въ походѣ на Святослава Ольговича, пожегъ Любичъ и, соединившись съ Изяславомъ на урочищѣ Черная Могила, посовѣтовалъ ему итти къ р. Сулѣ навстрѣчу непріятелю. Они взяли и разграбили г. Всеволожъ; изъ нѣсколькихъ городовъ населеніе бѣжало въ Черниговъ, а послѣ того, какъ жителямъ г. Глѣбла удалось отъ нихъ отбиться, братья Мстиславичи отправились въ Кіевъ, и нѣсколько времени Ростиславъ мирно тамъ прожилъ. Въ 1148 г. Изяславъ прислалъ своихъ людей къ Ростиславу за совѣтомъ, мириться ли съ князьями, имѣвшими противъ него вражду изъза убіенія Игоря Ольговича Кіевлянами? Ростиславъ отвѣтилъ, что если „старшій братъ дѣлаетъ ему такую честь", что желаетъ узнать его мнѣніе, то, „для блага земли Русской и православныхъ, онъ предпочитаетъ миръ", а потому, если князья перестанутъ враждовать изъ-за Игоря, то слѣдуетъ помириться.

Въ 1149 г. Изяславъ пришелъ къ Ростиславу въ Смоленскъ за помощью противъ своего дяди Юрія Долгорукаго, князя Суздальскаго. Сговариваясь относительно похода, они проводили время не только въ кругу своихъ дружинниковъ, но и со Смольянами, что указываетъ на близкія отношенія, существовавшія между Ростиславомъ и жителями Смоленска. Изяславъ и Ростиславъ сдѣлали другъ другу большіе подарки: Изяславъ привезъ брату въ даръ произведенія Русской, т.-е. Кіевской земли и Византіи, Ростиславъ отдарилъ Изяслава тѣмъ, что получалъ изъ „верхнихъ" земель и отъ Варяговъ. Изъ Смоленска Изяславъ поѣхалъ въ Новгородъ къ своему сыну Ярославу, собралъ тамъ войско и нѣсколько времени спустя соединился на устьѣ рѣки Медвѣдицы (притокѣ Дона) съ братомъ Ростиславомъ, который привелъ съ собой Русскіе (южные) и Смоленскіе полки. Раньше, чѣмъ предпринять походъ,

Ростиславъ отправилъ къ дядѣ Юріюословъ, думая, вѣроятно, войти съ нимъ въ мирное соглашеніе, но Юрій задержалъословъ и оставилъ племянника безъ всякаго отвѣта. Опустошивъ земли Юрія по обоимъ берегамъ Волги, Ростиславъ вернулся въ Смоленскъ, а Изяславъ въ Новгородъ, такъ какъ наступила Вербная недѣля, сдѣлалось тепло, и Волга и Мологa вскрылись. Въ августѣ того же года Юрій собралъ большое войско и призвалъ половцовъ, чтобы итти мстить Изяславу за весеннее опустошеніе и за обиду, нанесенную сыну Юрія—Ростиславу. Услыхавъ о сборахъ Юрія, Изяславъ послалъ за своимъ братомъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, который и принялъ участіе въ сраженіяхъ противъ Юрія. Походъ окончился пораженіемъ союзныхъ войскъ Мстиславичей; Юрій занялъ Кіевъ, Изяславъ съ семьей отправился во Владиміръ Волынскій, а Ростиславъ вернулся въ Смоленскъ. По поводу борьбы съ Юріемъ замѣтимъ кстати, что онъ ни разу не рѣшился прорваться черезъ Смоленскую землю,—слѣдовательно, признавалъ могущество Ростислава. Дальнѣйшія распри изъ-за Кіева между Юріемъ и Изяславомъ обошлись безъ содѣйствія Ростислава, а потому мы и не говоримъ о нихъ. Когда же Изяславъ посадилъ въ 1151 г. въ Кіевъ дядю Вячеслава, старшаго представителя Мономаховичей, а самъ сдѣлался его соправителемъ, то понадобилась помощь венгровъ и Ростислава. Вячеславъ и Изяславъ послали звать Ростислава, при чемъ Вячеславъ велѣлъ сказать ему, что считаетъ и его, и Изяслава своими „сыновьями“, а Изяславъ признавался, что „посадилъ“ дядю въ Кіевѣ вслѣдствіе неоднократныхъ доводовъ Ростислава, всегда отстаивавшаго право старшинства. „Ты меня, братъ, не разъ понуждалъ“, должны были сказать послы Изяслава Ростиславу, „чтобы я оказалъ честь дядѣ своему и отцу, а теперь Богъ привелъ меня въ Русскую землю,—и я посадилъ дядю моего и твоего въ Кіевѣ для тебя и всей Русской земли“...

Вскорѣ послѣ призыва Вячеслава Ростиславъ явился въ Кіевъ съ большимъ войскомъ и былъ дружески принятъ дядей и братомъ. Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ, 1152 г. Ростиславъ участвовалъ въ походахъ противъ Юрія, а въ промежутокъ между походами жилъ у себя въ Смоленскѣ. Въ 1152 г. Ростиславъ и союзные князья, придя на помощь Изяславу Давидовичу, выдержали въ Черниговѣ 12-тидневную осаду отъ половцовъ и Юрія съ его союзниками, которые только тогда отступили отъ Чернигова, когда узнали, что Вячеславъ и Изяславъ Мстиславичъ двинулись къ нему со своими полками.

Въ 1154 г. умеръ Изяславъ Мстиславичъ. Вячеславъ, назвавшій Ростислава „сыномъ“, немедленно извѣстилъ его о кончинѣ брата и до его прихода въ Кіевъ не пустилъ къ себѣ Изяслава Давидовича, очевидно, опасаясь, что онъ захватитъ Кіевскій столъ. Чтобы не оставаться одному, Вячеславъ послалъ за любимымъ племянникомъ Ростислава, Святославомъ Всеволодовичемъ, который и пріѣхалъ въ Кіевъ. Вся Русская (т.-е. Кіевская) земля и Черные Клобуки были довольны, что Ростиславъ пришелъ въ Кіевъ. Вячеславъ передалъ ему свой полкъ и дружину и сказалъ, чтобы онъ властвовалъ и распоряжался по примѣру Изяслава, а Кіевляне обѣщали Ростиславу, что Кіевъ будетъ за нимъ въ теченіе всей его жизни, и требовали только, чтобы онъ почиталъ Вячеслава такъ же, какъ почиталъ его Изяславъ. Ясно, что Кіевляне были твердо намѣрены устранить Юрія Долгорукаго отъ Кіевскаго стола, несмотря на его старшинство. Между тѣмъ, Изяславъ Давидовичъ Черниговскій и его двоюродный братъ Святославъ Ольговичъ Новгородъ-Сѣверскій извѣстили Юрія Суздальскаго обо всемъ происшедшемъ, и онъ прислалъ своего сына Глѣба съ половцами на Переяславль, гдѣ находился Мстиславъ, сынъ умершаго великаго князя Кіевскаго Изяслава. Ростиславъ со своимъ сыномъ Святославомъ и племянникомъ Мстиславомъ количествомъ войска нагналъ страхъ на половцовъ, и они ушли за рѣку Сулу. Предстояло итти противъ Изяслава Давидовича къ Чернигову, а потому Ростиславъ, не возвращаясь въ Кіевъ, выступилъ со своими полками въ походъ; онъ взялъ съ собою племянниковъ: Святослава Всеволодовича и Мстислава Изяславича, Торковъ и Кіевлянъ и, перейдя Днѣпръ, остановился напротивъ Вышгорода. На другой день прискакалъ изъ Кіева гонецъ съ извѣстіемъ о внезапной смерти Вячеслава. Оставивъ свои полки, Ростиславъ поспѣшилъ въ Кіевъ; тамъ онъ оплакалъ Вячеслава, какъ своего отца, и похоронилъ его въ храмѣ Св. Софіи. Послѣ

похоронъ Ростиславъ пріѣхалъ на „Ярославовъ дворъ“ и велѣлъ принести къ себѣ имущество Вячеслава—одежды, золото и серебро. Онъ взялъ только крестъ на благословеніе, а все имущество роздалъ по монастырямъ, по церквамъ, отшельникамъ и нищимъ. Распорядившись поминовеніемъ, Ростиславъ поѣхалъ къ войску и совѣтовался съ племянниками относительно похода къ Чернигову. На военномъ совѣтѣ дружинники, очевидно Кіевляне, знавшіе настроеніе населенія, отговаривали его отъ похода къ Чернигову, считая, что слѣдуетъ ему прежде упрочить свое положеніе въ Кіевѣ. „Если твой дядя Юрій и придетъ на тебя, когда ты съ Кіевлянами уладишься, удобно будетъ — если захочешь мириться, то мириться, а если предпочтешь воевать, то—воевать съ нимъ“. Ростиславъ не послушалъ этого совѣта, двинулся къ Чернигову и предложилъ Изяславу Давидовичу цѣловать крестъ, что онъ признаетъ Ростислава Кіевскимъ княземъ. Изяславъ отвергъ мирныя предложенія и, соединившись съ Глѣбомъ Юрьевичемъ и Половцами, вышелъ къ Боловесу навстрѣчу Ростиславу. Видя огромное число половцовъ. Ростиславъ оробѣлъ и сталъ посылать къ Изяславу Давидовучу, прося мира; при этомъ онъ отдавалъ ему Кіевъ и Переяславль. Услышавъ это, Мстиславъ Изяславичъ разсердился: „Пусть-же не будетъ ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева“, сказалъ онъ и вмѣстѣ со своею дружиною покинулъ дядю. Послѣ двухдневной упорной битвы съ Половцами полки Ростислава обратились въ бѣгство; Святославъ Всеволодовичъ былъ взятъ въ плѣнъ Половцами, а Ростиславъ едва избѣжалъ той же участи. Не заключивъ никакого договора съ Кіевлянами, Ростиславъ не рѣшился вернуться въ Кіевъ и отправился въ Смоленскъ. Изяславъ Давидовичъ предложилъ себя въ князья Кіевлянамъ и былъ ими принятъ; своему союзнику Глѣбу Юрьевичу онъ далъ Переяславскую волость.

Между тѣмъ, князь Юрій Долгорукій, призванный въ Кіевъ Святославичами, узналъ на дорогѣ о вышеупомянутыхъ происшествіяхъ и направился къ волости Ростислава. Собравъ войско, Ростиславъ вышелъ къ нему навстрѣчу и послалъ просить у него мира. При свиданіи онъ сказалъ Юрію: „Отецъ, кланяюсь тебѣ, ты ко мнѣ былъ прежде добръ, а я—къ тебѣ, и теперь кланяюсь тебѣ; ты, мой дядя, мнѣ какъ отецъ“. Юрій отвѣчалъ: „И вправду, сынъ мой; съ Изяславомъ поладить я не могъ, а ты мой братъ и сынъ“. Они цѣловали между собой крестъ, чтобы быть въ любви и дружбѣ. Ростиславъ вернулся въ Смоленскъ, а Юрій отправился въ Кіевъ, гдѣ и вокняжился мирно, такъ какъ Изяславъ добровольно уступилъ ему Кіевскій столъ. Узнавъ, что многіе князья готовятся къ походу противъ него, Юрій послалъ въ Смоленскъ за Ростиславомъ и велѣлъ ему сказать: „Сынъ мой, кто мнѣ поможетъ удержать Русскую землю, какъ не ты? Ступай сюда“. Въ это же время жена Юрія пріѣхала со своими дѣтьми изъ Суздаля въ Смоленскъ къ Ростиславу. Вслѣдствіе приглашенія Юрія, Ростиславъ отправился провожать тетку и повелъ въ Кіевъ весь свой полкъ. Юрій встрѣтилъ его съ великою любовью и честью и они проводили время въ пирахъ. При посредствѣ Ростислава состоялось примиреніе Юрія съ сыновьями Изяслава Мстиславича, и всѣ они вмѣстѣ ѣздили въ Каневу для переговоровъ съ Половцами относительно мира. Вернувшись затѣмъ въ Смоленскъ, Ростиславъ заключилъ союзный договоръ со своими родственниками — Рязанскими князьями, которые, какъ сказано въ лѣтописи, „смотрѣли на Ростислава, какъ на отца своего, и такъ его почитали“.

Въ 1158 г. Изяславъ Давидовичъ рѣшилъ воспользоваться возобновившимся неудовольствіемъ сыновей Изяслава Мстиславича противъ Юрія и началъ замышлять походъ, при чемъ заручился союзомъ Мстислава Изяславича и Ростислава. Надо полагать, что Ростиславъ согласился примкнуть къ Изяславу Давидовичу вслѣдствіе того, что разсердился на Юрія изъза своихъ племянниковъ и младшаго брата Владиміра, княжившихъ въ Волыни и потерпѣвшихъ отъ Юрія. Стали собираться въ походъ; Ростиславъ отрядилъ уже своего сына Романа съ полкомъ на югъ, какъ пришло извѣстіе о смерти Юрія, послѣдовавшей 16-го мая 1158 г. Немного болѣе полугода прокняжилъ вторично въ Кіевѣ Изяславъ Давидовичъ, а затѣмъ Мстиславъ Изяславичъ овладѣлъ Кіевомъ для своего дяди Ростислава и послалъ въ Смоленскъ звать его на Кіевскій столъ. Ростиславъ сознавалъ, что уронилъ себя въ глазахъ Кіевлянъ бѣгствомъ съ поля сраженія послѣ

смерти Вячеслава, и могъ предполагать, что храбрый Мстиславъ станетъ относиться къ нему, какъ Изяславъ относился въ былое время къ старому дядѣ Вячеславу: оказывая наружное уваженіе и называя отцомъ, быть настоящимъ княземъ-правителемъ. Вслѣдствіе этого Ростиславъ послалъ сказать союзнымъ князьямъ: „Если зовете меня въ правду съ любовію, то я пойду въ Кіевъ на свою волю, чтобъ вы имѣли меня отцемъ себѣ въ-правду и въ моемъ послушаніи ходили; и прежде всего объявляю вамъ: не хочу видѣть Клима митрополитомъ, потому что онъ не взялъ благословенія отъ св. Софіи и отъ патріарха". Лишь послѣ долгихъ споровъ и пререканій Романъ, старшій сынъ Ростислава, уговорился въ Вышгородѣ съ Мстиславомъ о принятіи новаго митрополита изъ Константинополя.

Ростиславъ въѣхалъ въ Кіевъ 12-го апрѣля 1159 г., въ самый день Пасхи; Кіевляне приняли его „съ достохвальною честью",—„и бысть людямъ двоя радость: и воскресеніе Господне, и княже сѣденіе". Въ Смоленскѣ Ростиславъ оставилъ своего старшаго сына Романа, а сына Рюрика взялъ въ Кіевъ; Мстиславу Изяславичу онъ далъ изъ Кіевскихъ волостей Бѣлгородъ, Торческъ и Треполь. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Кіевъ Ростиславъ назначилъ свиданіе въ Моравскѣ своему давнишнему врагу Святославу Ольговичу. Они обѣдали другъ у друга и помѣнялись дарами: Ростиславъ дарилъ Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, бѣлыми волками, рыбьими зубьями; Святославъ отдарилъ Ростислава барсомъ и двумя рѣзвыми конями въ кованыхъ сѣдлахъ. Этотъ союзъ, вызванный ихъ общей враждой къ Изяславу Давидовичу, показался Кіевлянамъ страннымъ и подозрительнымъ. Для успокоенія Кіевлянъ и берендеевъ, Ростиславъ взялъ къ себѣ Всеволода, сына Святослава Всеволодовича, взамѣнъ своего сына Рюрика, котораго отправилъ къ Святополку Ольговичу въ Черниговъ противъ Изяслава Давидовича. Вслѣдствіе прихода Половцевъ на помощь Изяславу, Ростиславъ послалъ противъ него еще нѣсколькихъ князей и галицкій отрядъ. Удача въ этомъ походѣ была на сторонѣ Ростислава и его союзниковъ, и это побудило Изяслава прибѣгнуть къ хитростямъ, чтобы поссорить Ростислава съ новымъ его пріятелемъ Святославомъ Ольговичемъ. Вслѣдствіе этого положеніе дѣлъ измѣнилось, и Изяславъ началъ борьбу за Кіевскій столъ, соединившись съ Ольговичами; самъ Святославъ, однако, въ походъ не выступилъ. Война велась съ перемѣннымъ счастьемъ: сначала Изяславъ не рѣшился встрѣтить Ростислава, стоявшаго съ войскомъ въ Треполѣ, и бѣжалъ, а Половцы ушли въ степь. Нѣсколько времени спустя Изяславъ съ союзными князьями и Половцами приступилъ къ Подолью (въ Кіевѣ) и застигъ Ростислава врасплохъ; такъ какъ къ нему не успѣли еще притти вспомогательные отряды Мстиславичей, то Ростиславъ, по совѣту дружины, очистилъ Кіевъ и со своими полками отступилъ къ Бѣлгороду. Вслѣдъ затѣмъ—12-го февраля 1161 г. Изяславъ Давидовичъ вступилъ въ Кіевъ въ третій и послѣдній разъ. Около трехъ недѣль длилась осада Бѣлгорода Изяславомъ. Святославъ Ольговичъ совѣтовалъ ему мириться съ Ростиславомъ или отступить за Днѣпръ, но Изяславъ не согласился и продолжалъ осаду. Узнавъ о приближеніи Мстислава съ большимъ войскомъ, Изяславъ обратился въ бѣгство, а Ростиславъ, соединившись съ пришедшими подкрѣпленіями, отправился за нимъ слѣдомъ. Изяславъ былъ раненъ въ сраженіи, вѣроятно, черными клобуками и отвезенъ въ Кіевскій монастырь св. Симеона, гдѣ и скончался въ тотъ же день, 6-го марта 1161 г. Ростиславъ возвратился въ Кіевъ, сохраненный ему, благодаря содѣйствію племянника Мстислава Изяславича. Вскорѣ, однако, между ними возникли несогласія, и Мстиславъ уѣхалъ изъ Кіева. Давидъ Ростиславичъ, безъ приказанія отца, отправился въ Торческъ, схватилъ тамъ посадника Мстиславова и привелъ въ Кіевъ: было необходимо занять Торческъ, чтобы отрѣзать Мстиславу сообщеніе съ черными клобуками. Въ Бѣлгородъ Ростиславъ посадилъ своего сына Мстислава. Лишь два года спустя эти города были возвращены Мстиславу Изяславичу и къ нимъ прибавленъ Каневъ вмѣсто Триполя, даннаго Ростиславомъ младшему брату, Владиміру Мстиславичу. Въ 1161 г., вслѣдъ за кончиной Изяслава Давидовича, Ростиславъ выдалъ свою дочь за Олега Святославича, а въ 1164 г. принялъ его сторону, когда у него произошли пререканіе изъ-за волостей съ Святославомъ Всеволодовичемъ, который наслѣдо-

валъ Черниговскій столъ послѣ смерти Святослава Ольговича.

М. С. Грушевскій въ своей монографіи „Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст." такъ характеризуетъ Ростислава во время его Кіевскаго княженія: „Ростиславъ съ честью носилъ достоинство Кіевскаго князя; не обладая особенными дарованіями государя и полководца, онъ внушалъ къ себѣ уваженіе своею честностью и справедливостью. Онъ, дѣйствительно, былъ первымъ между равными и обладалъ нѣкоторымъ авторитетомъ: въ Смоленской области, на Волыни, въ Новгородѣ сидѣли его дѣти и племянники; онъ также имѣлъ вліяніе на Полоцкія дѣла; Ярославъ Галицкій и Ольговичи присылали полки свои по его призыву; только Сѣверо-Востокъ оставался внѣ сферы вліянія Ростислава".

По поводу участія Смоленска въ дѣлахъ Полоцкихъ мы встрѣчаемъ интересныя соображенія у проф. Голубовскаго. Въ 1159 г. вернулся изъ своихъ скитаній Рогволодъ, сынъ бывшаго Полоцкаго князя Бориса. Полочане признали его своимъ княземъ и прогнали княжившаго у нихъ Ростислава Глѣбовича. „Полоцкая земля"— говоритъ проф. Голубовскій, „сосредоточилась въ рукахъ одной семьи Глѣба Всеславича, энергическаго защитника самостоятельности Полоцкой земли, постоянно грозившаго цѣлости Новгородской и Смоленской территоріи. Такое положеніе дѣла не могло не внушать опасенія смоленскимъ князьямъ, и потому вполнѣ естественно было Ростиславу Мстиславичу поддержать теперь Рогволода Борисовича, чтобы раздѣлить Полоцкую землю между князьями двухъ семей. Вслѣдъ за уходомъ Ростислава Глѣбовича изъ Полоцка Рогволодъ двинулся на него къ Минску. Ростиславъ Мстиславичъ послалъ ему въ помощь двоихъ своихъ сыновей,—Романа и Рюрика, боярина Внѣзда и Смоленскія ополченія. Полоцкая земля раздробилась снова на два крупныхъ удѣла: Полоцкій и Минскій, и на два меньшіе: Изяславльскій и Стрѣжевскій. Этимъ вмѣшательствомъ Ростислава въ распрю Полоцкихъ князей было положено прочное основаніе для распространенія протектората Смоленска надъ землей Полоцкой, который устанавливается въ началѣ XIII столѣтія".

Какъ мы видѣли выше, Половцы доставляли Ростиславу много непріятностей. Въ 1163 г. онъ счелъ необходимымъ заключить съ ними миръ и женилъ своего сына Рюрика на дочери хана Белука. Но такъ какъ Половцы не представляли изъ себя сплоченнаго народа, и каждая орда находилась подъ начальствомъ независимаго хана, то не могло быть общаго продолжительнаго мира. Половцы были опасны не только въ военномъ отношеніи: они вредили торговлѣ Руси съ греками, которая была очень важна для Кіева. Въ 1166 г. Половцы засѣли въ придпѣпровскихъ порогахъ и начали грабить „гречниковъ", т.-е. купцовъ, производившихъ торговлю съ Греціей; Ростиславъ послалъ своего боярина Владислава съ войскомъ, подъ прикрытіемъ котораго гречники прошли пороги и достигли Кіева. Лѣтописное извѣстіе 1166 г. показываетъ, что приходилось принимать иногда большія предосторожности для охраны торговыхъ судовъ отъ нападенія Половцовъ. Въ этомъ году Ростиславъ послалъ ко многимъ князьямъ приказъ собираться со всѣми своими полками; пришли: Мстиславъ Изяславичъ изъ Владиміра Волынскаго, съ братьями—Ярославомъ изъ Луцка и Ярополкомъ изъ Бужска; Владиміръ Андреевичъ, Владиміръ Мстиславичъ, Глѣбъ Юрьевичъ, Глѣбъ Городненскій, Иванъ Юрьевичъ Туровскій; сыновья Ростислава — Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ, Галицкій отрядъ, и всѣ долгое время стояли у Канева; когда поднялись торговыя суда—всѣ князья разошлись по домамъ.

Какъ видно, Ростиславу удалось умиротворить всѣхъ князей и на западной, и на восточной сторонѣ Днѣпра; предстояло устроить дѣла на сѣверо-западѣ.

Мы не сказали въ своемъ мѣстѣ ничего объ отношеніяхъ Ростислава къ Новгороду, чтобы не прерывать повѣствованія о Кіевѣ. Въ 1154 г. Новгородцы прогнали Ярослава Изяславича за то, что онъ „нарушилъ порядокъ", т.-е., былъ причиною борьбы сторонъ, Софійской и Торговой. Не желая разрывать съ Мстиславичами и великимъ княземъ Кіевскимъ, они призвали изъ Смоленска Ростислава Мстиславича, который, конечно, не могъ занять Новгородъ безъ согласія старшаго брата Изяслава. Но и Ростиславъ не только не установилъ порядка, а еще болѣе надѣлалъ смуты. Онъ спѣшно уѣхалъ въ Кіевъ, вызванный туда

послѣ смерти Изяслава, и оставилъ въ Новгородѣ сына Давида. Новгородцы были недовольны послѣдними распоряженіями Ростислава, а потому „показали по немъ путь сыну его“ и взяли къ себѣ въ князья Мстислава, сына Юрія Долгорукаго. Въ 1157 г. въ Новгородѣ произошла сильная распря между жителями: одни стояли за Мстислава Юрьевича, другіе—за Ростиславичей. Пріѣхали сыновья Ростислава, Святославъ и Давидъ, а три дня спустя и самъ Ростиславъ, направляясь въ Кіевъ для занятія великокняжескаго стола. Мстиславъ Юрьевичъ бѣжалъ изъ Новгорода, и Ростиславу удалось на этотъ разъ примирить враждовавшія стороны. Уѣзжая изъ Новгорода, Ростиславъ оставилъ тамъ Святослава, а Давида посадилъ въ Торжкѣ, вѣроятно для обереганья границы со стороны Суздальской. Ростиславичи не съумѣли ладить съ Новгородцами, которые въ 1160 г. потребовали у Святослава вывода его брата Давида изъ Торжка. Святославъ исполнилъ ихъ желаніе, но вскорѣ вспыхнуло возстаніе противъ него самого. Новгородцы схватили Святослава и его жену, сковали дружинниковъ и разграбили княжеское имущество. Святослава они отправили на Ладогу, а его жену—въ монастырь Св. Варвары. Узнавъ объ этомъ, Ростиславъ приказалъ посадить Новгородцевъ, бывшихъ въ Кіевѣ, въ Пересѣченскую тюрьму (погребъ), и въ одну ночь умерло 14 человѣкъ. Ростиславъ былъ очень огорченъ этимъ и велѣлъ остальныхъ Новгородцевъ освободить и развести по разнымъ городамъ. Святославъ бѣжалъ изъ Ладоги въ Полоцкъ къ Рогволоду, который и проводилъ его въ Смоленскъ. Новгородцы просили князя у Андрея Боголюбскаго; онъ далъ имъ своего племянника Мстислава (сына Ростислава Юрьевича); но въ 1161 г., стараніями Ростислава Мстиславича, Андрей Боголюбскій вывелъ его изъ Новгорода. Снова призвали къ себѣ Новгородцы Святослава и при томъ, какъ сказано въ лѣтописи, „на всей воли его“. На этотъ разъ причинъ къ недовольству княземъ оказалось еще больше, такъ какъ онъ былъ данъ Новгородцамъ помимо ихъ воли, вслѣдствіе рѣшенія двухъ сильныхъ князей.

Въ концѣ 1168 г. Ростиславъ отправился въ Новгородъ, чтобы установить тамъ спокойствіе. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ г. Чичерскъ, къ своему зятю Олегу, и получилъ много подарковъ и отъ него, и отъ дочери, а ихъ, въ свою очередь, осыпалъ еще большими дарами. Затѣмъ онъ отправился въ Смоленскъ. Смольняне стали встрѣчать его за 300 верстъ отъ своего города, потомъ встрѣтили его внуки, за ними сынъ Романъ, епископъ Мануилъ, тысяцкій Внѣздъ и чуть не всѣ жители вышли ему на встрѣчу. Всѣ сильно обрадовались пріѣзду Ростислава и поднесли ему множество подарковъ. Изъ Смоленска Ростиславъ отправился въ Торопецъ и послалъ звать сына Святослава съ Новгородцами въ Великіе-Луки, потому что болѣзнь не позволяла ему ѣхать дальше. Уговорившись съ Новгородцами, которые клялись въ вѣрности Святославу, и получивъ много даровъ отъ нихъ и отъ сына, онъ возвратился въ Смоленскъ совсѣмъ больной. Сестра Рогнѣда совѣтовала ему остаться въ Смоленскѣ и лечь въ построенной имъ церкви, но Ростиславъ отвѣчалъ: „Не могу здѣсь лечь,—везите меня въ Кіевъ; если Богъ призоветъ меня еще дорогою, то положите меня въ отцовскомъ благословеніи—у св. Ѳеодора; а если, Богъ дастъ, выздоровлю, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ“. Передъ смертью онъ говорилъ своему духовнику, священнику Симеону: „Отдашь ты отвѣтъ Богу, что не допустилъ меня до постриженія“. Ростиславъ постоянно имѣлъ эту мысль и неоднократно говорилъ Печерскому игумену Поликарпу: „Тогда мнѣ пришла мысль о постриженіи, какъ получилъ я вѣсть изъ Чернигова о смерти Святослава Ольговича“. Съ тѣхъ поръ онъ все твердилъ игумену: „Поставь мнѣ келью добрую, боюсь напрасной смерти“. Но Поликарпъ возражалъ: „Вамъ, князьямъ, Богъ такъ велѣлъ быть: правду блюсти на этомъ свѣтѣ, судъ судить праведный и стоять въ крестномъ цѣлованіи.“ Ростиславъ отвѣчалъ на это: „Отецъ! княженіе и міръ не могутъ быть безъ грѣха, а я уже не мало пожилъ на этомъ свѣтѣ, такъ хотѣлось бы поревновать святымъ“. Поликарпъ, наконецъ, согласился: „Если уже ты такъ сильно этого хочешь, князь, то да будетъ воля Божія.“ На Ростислава напало раздумье: „Подожду еще немного; есть у меня кое-какія дѣла“. Теперь всѣ дѣла были устроены,—и Ростиславу хотѣлось скорѣе пріѣхать въ Кіевъ и постричься тамъ. По дорогѣ изъ Смоленска въ с. Зарубѣ, принадлежавшемъ

его сестрѣ Рогнѣдѣ, Ростиславъ почувствовалъ приближеніе смерти и послалъ за духовникомъ. Въ лѣтописи приведена молитва его къ Пресвятой Богородицѣ, читая которую, онъ плакалъ, отирая платкомъ слезы, катившіяся по его лицу; онъ скончался въ полной памяти 14-го марта 1168 г. Погребеніе его совершилось 21-го марта въ Кіевѣ, въ монастырѣ св. Ѳеодора.

Въ лѣтописи сказано, что Р. имѣлъ обыкновеніе въ теченіе великаго поста каждую субботу и воскресеніе сажать съ собой обѣдать двѣнадцать монаховъ и игумена Поликарпа; въ Лазареву субботу онъ звалъ всѣхъ Печерскихъ монаховъ и изъ другихъ монастырей приглашалъ братію. Самъ каждое воскресенье великимъ постомъ пріобщался св. Таинъ и такъ усердно молился и „смирялъ“ себя, что видѣвшіе это не могли удержаться отъ слезъ. Князь Ростиславъ помѣщенъ въ „Книгѣ о святыхъ“ между Святыми „Града Кіева, по благочестіи въ немъ и въ пещерахъ“. Князь Ростиславъ не канонизованъ.

С. М. Соловьевъ подводитъ такого рода итогъ дѣятельности Ростислава: „И этотъ Мстиславичъ представляетъ также замѣчательное явленіе между древними князьями нашими: далеко уступая старшему брату своему Изяславу въ дѣятельности, отвагѣ и распорядительности ратной, Ростиславъ отличался охранительнымъ характеромъ: постоянно почтительный предъ старшимъ братомъ, покорный его волѣ, онъ былъ почтителенъ и передъ дядьями, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на борьбу съ ними старшаго брата, уговаривалъ его уступить имъ, и когда самому пришла очередь быть старшимъ въ родѣ, то потребовалъ отъ младшихъ такого же повиновенія, какое самъ оказывалъ своимъ старшимъ. Принявши старшинство, онъ не уступилъ пылкому племяннику своему Мстиславу въ требованіяхъ,—какъ по всему видно, неумѣренныхъ, но послѣ и его, и всѣхъ остальныхъ младшихъ родичей ни въ чемъ не обидѣлъ, всѣхъ старался примирить, всѣхъ надѣлилъ волостями, такъ что при концѣ его жизни повсюду водворилось спокойствіе“.

У Ростислава Мстиславича было пять сыновей и одна дочь: Святославъ княжилъ въ Новгородѣ; Романъ въ Смоленскѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ; Рюрикъ-Василій (женатъ съ 1163 г. на дочери Половецкаго хана Белуха, а во второмъ бракѣ на Аннѣ, дочери Юрія Ярославича)—въ Новгородѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ; Давидъ княжилъ послѣдовательно въ Новгородѣ, Торжкѣ, Вышгородѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ; Мстиславъ Храбрый (женатъ на дочери Глѣба Рязанскаго)—въ Треполѣ, а затѣмъ въ Ростовѣ и Новгородѣ. Дочь Агапія была замужемъ за княземъ Олегомъ Святославичемъ.

Черезъ браки своихъ семи сестеръ Ростиславъ Мстиславичъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ Норвежскимъ, Оботритскимъ и Венгерскимъ королями, съ Греческимъ императоромъ Іоанномъ и съ князьями: Брячиславомъ Борисовичемъ (внукомъ Всеслава Полоцкаго), Ярославомъ (сыномъ Святополка II Михаила) и Всеволодомъ (сыномъ Олега Святославича), княземъ Черниговскимъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, т. II (Ипатьевская лѣтопись); Софійскій временникъ, М. 1820 г., I; Новгородская лѣтопись, С.-Пб. 1888 г., I и II; Карамзинъ, Исторіи госуд. Росс., т. II; М. Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. 1855 г., т. VI; Соловьевъ, Исторія Россіи, т.т. I и II; А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г., С.-Пб. 1889 г., т. I; Никитинъ, Исторія города Смоленска, М. 1848 г.; Голубовскій, Исторія Смоленской земли до начала XV ст., Кіевъ. 1895; М. С. Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли, Кіевъ. 1891 г.; Строевъ, Списки іерарховъ, С.-Пб. 1877 г., Н. П. Барсуковъ, Источники русской агіографіи, С.-Пб. 1882 г.

В. Корсакова.

Ростиславъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Давидовича, князь Смоленскій, а потомъ Кіевскій. Княженіе его въ Смоленскѣ см. подъ словомъ; „Смоленскіе князья“. Въ Кіевъ Ростиславъ явился изъ Смоленска въ 1239 году, послѣ того, какъ княжившій тамъ Михаилъ Всеволодовичъ, испугавшись возможности осады Кіева татарами, подходившими къ лѣвому берегу Днѣпра подъ предводительствомъ племянника Батыя — Менгу-Хана, бѣжалъ въ Венгрію. Княженіе Ростислава въ Кіевѣ продолжалось очень недолго, такъ какъ старшій по родовой лѣстницѣ четвероюродный братъ его Даніилъ Галицкій въ томъ же 1239 году явился съ войскомъ въ Кіевъ, завладѣлъ городомъ, полонилъ Ростислава и увезъ его съ собою. Въ 1240 году Даніилъ отправился къ Венгерскому королю Белѣ за помощью противъ татаръ и взялъ съ собой Ростислава Мстиславича, который и

скончался въ Венгріи во время этого путешествія.

Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, изд. 1892 г., т. IV, стр. 7, прим. 7, 107; Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 2-ое, т. I, стр. 824; Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 177, 339; т. IV, стр. 36; т. V, стр. 175; т. VII, стр. 144, 145, 236, 239; т. XV, стр. 374.

К. Лосскій.

Ростиславъ Рюриковичъ, князь Кіевскій; сынъ Рюрика II Ростиславича, шуринъ Романа Галицкаго. Родился 4-го октября 1172 года въ городѣ Лучинѣ (нынѣ Люцинъ, Витебской губ.) и нареченъ былъ въ крещеніи Михаиломъ. На мѣстѣ того дома, гдѣ онъ родился, отецъ его поставилъ церковь во имя св. Михаила. Ростиславъ княжилъ сначала въ Бѣлгородѣ; тамъ онъ женился, въ 1187 году, на второй дочери Всеволода III Большое Гнѣздо—Верхуславѣ или Антоніи, имѣвшей въ то время 8 лѣтъ. По описанію лѣтописца, свадьба эта была одною изъ рѣдкихъ въ то время по великолѣпію. „Посла-же (Всеволодъ) съ нею (невѣстой) сестричича своего Якова съ женою и иные бояре съ женами. Приведоша ю въ Бѣлгородъ на Ефросининъ день, а заутре Богослова вѣнчана у св. Апостолъ въ деревянной церкви блаженнымъ Епископомъ Максимомъ. Сотвори же Рюрикъ Ростиславу велми силну сватбу, яка-же не была въ Руси, и быша на сватбѣ князи мнози, за 20 князей. Сносѣ же своей далъ (Рюрикъ) многы дары и городъ Брягинъ, тако-жь и свата съ бояры отпусти въ Суждаль, дары многими одаривъ". Въ 1189 году князь Романъ Галицкій, будучи изгнанъ изъ Галича Венграми, обратился за помощью къ Рюрику Ростиславичу, княжившему въ то время въ Овручѣ, и просилъ тестя отпустить съ нимъ Ростислава для завоеванія Галича. Рюрикъ согласился. Походъ, однако, былъ неудаченъ: отправленный Романомъ передовой отрядъ былъ разбитъ наголову Галичанами и Венграми подъ городомъ Плѣсненскомъ, что заставило Романа прекратить походъ и отпустить Ростислава домой.

Съ 1190 года Ростиславъ сталъ принимать участіе въ борьбѣ отца своего, дѣйствовавшаго въ союзѣ съ великимъ княземъ Кіевскимъ Святославомъ, съ Половцами. Такъ, въ 1190 году осенью Ростиславъ съ дружиной несъ сторожевую службу въ городѣ Торческѣ, на Поросьи, гдѣ онъ ожидалъ Половцевъ, предпринявшихъ походъ на Русь; Половцы взяли городъ Чурпаевъ и хотѣли итти къ другому городу—Боривому, но, услыхавъ, что Ростиславъ находится въ Торческѣ, возвратились къ своимъ становищамъ и стали предпринимать отсюда мелкіе набѣги на различныя мѣста по рѣкѣ Роси. Ростиславъ остался въ Торческѣ зимовать; зимой къ нему явились „лучшіе люди" изъ Черныхъ Клобуковъ и просили о помощи въ борьбѣ съ Половцами. Великій князь Святославъ находился въ это время за Днѣпромъ, а князь Рюрикъ—въ Овручѣ, почему Ростиславъ Рюриковичъ рѣшился самостоятельно сразиться съ Половцами, пригласивъ на помощь лишь князя Ростислава Владиміровича (сына Владиміра Мстиславича). Соединившись съ Черными Клобуками, онъ внезапно напалъ на половецкія вежи, захватилъ женъ, дѣтей и стада. Половцы, услыхавъ, что вежи взяты, поднялись за Ростиславомъ и настигли его. Ростиславъ, однако, не испугался того, что Половцевъ много, и велѣлъ молодымъ стрѣльцамъ своимъ начать дѣло. Половцы стали-было перестрѣливаться съ ними, но когда увидѣли знамена самого Ростислава, то обратились въ бѣгство, при чемъ Русскіе стрѣльцы и Черные Клобуки взяли до 600 плѣнныхъ.

Такой успѣхъ побудилъ Черныхъ Клобуковъ осенью 1192 года, когда Половцы предприняли новое нашествіе на ихъ землю, обратиться къ князю Рюрику съ просьбой отпустить сына въ походъ противъ Половцевъ, но Рюрикъ, желая сохранять съ Половцами мирныя отношенія, на это не согласился, а осенью слѣдующаго, 1193 года посылалъ даже Ростислава къ ханамъ Лукоморскихъ Половцевъ съ приглашеніемъ для заключенія полнаго мира въ г. Каневъ. Ростиславъ привезъ хановъ, но переговоры ничѣмъ не закончились вслѣдствіе несогласія на миръ Половцевъ-Бурчевичей и нежеланія великаго князя Святослава Кіевскаго мириться съ одной лишь частью Половецкой земли, а не со всею землею.

Зимой того же 1193 года Черные Клобуки вновь обратились къ Ростиславу Рюриковичу съ просьбой предпринять походъ на Половцевъ. Ростиславъ, находившійся въ это время въ Чернобылѣ, тайно отъ отца отправился къ дружинѣ въ Торческъ, пригласилъ на помощь двоюроднаго брата

Мстислава Мстиславича, княжившаго въ Трипольѣ, и выступилъ противъ Половцевъ. Перейдя рѣчку Ингулу, онъ захватилъ Половецкіе сторожевые дозоры и, узнавъ, что Половцы находятся на Русской сторонѣ Днѣпра, на разстояніи дня пути, напалъ на нихъ на разсвѣтѣ и взялъ огромную добычу.

Слава объ этомъ удачномъ походѣ разошлась далеко, и тесть Ростислава, Всеволодъ III пригласилъ къ себѣ зятя съ женой. Ростиславъ привезъ въ Суздаль взятые у Половцевъ трофеи, прожилъ тамъ съ женой всю зиму и къ веснѣ возвратился въ Бѣлгородъ съ богатыми подарками.

Въ 1194 году скончался князь Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ, и Кіевскій, столъ при содѣйствіи Всеволода III, перешелъ къ Рюрику Ростиславичу. По этому поводу происходили торжества и задавались пиры у Рюрика—въ Кіевѣ, брата его Давыда—въ Смоленскѣ и у Ростислава Рюриковича—въ Бѣлгородѣ. Однако, въ скоромъ времени начались недоразумѣнія у Рюрика съ Всеволодомъ III, недовольнымъ тѣмъ, что Рюрикъ отдалъ города по рѣкѣ Роси зятю своему Роману, и Рюрикъ, чтобы умилостивить сильнаго князя Суздальскаго, передалъ въ 1195 году Поросье въ распоряженіе послѣдняго. Всеволодъ отдалъ лучшій изъ городовъ Порочья—Торческъ Ростиславу Рюриковичу. Это вызвало крайнее неудовольствіе со стороны Романа, который послѣ этого соединился съ князьями Ольговичами и началъ съ тестемъ своимъ долгую борьбу. Ростиславъ Рюриковичъ поддерживалъ отца и въ 1196 году опустошилъ около Каменца часть принадлежавшей тогда Роману Волынской области.

Въ 1197 году скончался князь Владиміръ Галицкій. Жители Галича обратились къ Рюрику съ просьбой дать имъ на княженіе Ростислава, но Романъ, услыхавъ объ этомъ, соединился съ Поляками и Венграми и пошелъ походомъ на Галичъ. Это заставило Галичанъ, не получившихъ, къ тому же, отъ Рюрика отвѣта, принять къ себѣ на княженіе Романа.

Послѣ этого—до 1203 года, надобно думать,—Ростиславъ оставался княземъ Бѣлгородскимъ, хотя въ лѣтописи имѣется одно указаніе на то, что онъ проживалъ въ Вышгородѣ; именно, подъ 1198 годомъ показано, что у Ростислава родилась дочь Евфросинія,—„и бысть радость велика во градѣ Кіевѣ и въ *Вышегородѣ*“. Указаніе это, однако, очень сомнительно, такъ какъ Вышгородъ входилъ въ область Романа Галицкаго, находившагося тогда въ силѣ, и врядъ ли могъ быть отданъ сыну врага. Скорѣе всего здѣсь можно предположить ошибку переписчика, знавшаго, что Ростиславъ былъ впослѣдствіи княземъ Вышгородскимъ, и поставившаго въ данномъ мѣстѣ слово „Вышгородъ“ вмѣсто „Бѣлгородъ“.

Подъ 1200 годомъ мы встрѣчаемъ Ростислава присутствующимъ на пирѣ въ Выдубецкомъ монастырѣ по случаю окончанія постройкой новой каменной монастырской стѣны, а подъ 1201 годомъ—гостящимъ въ Переяславлѣ у шурина своего—князя Ярослава Всеволодовича; оттуда, по словамъ лѣтописи, онъ поѣхалъ въ Триполье, гдѣ находились въ это время отецъ его и Романъ, бывшіе тогда въ мирныхъ отношеніяхъ. Въ 1203 году вновь возгорѣлась борьба между Рюрикомъ и Романомъ; послѣдній захватилъ тестя въ плѣнъ вмѣстѣ съ женой и сыновьями, велѣлъ постричь въ монашество Рюрика, его жену и дочь—свою жену, съ которой онъ разошелся, а сыновей Ростислава и Владиміра забралъ съ собою въ Галичъ. Однако, въ виду заявленнаго Всеволодомъ III Суздальскимъ протеста, Романъ, изъ боязни передъ Всеволодомъ, долженъ былъ отпустить сыновей Рюрика, городъ же Кіевъ предоставить въ распоряженіе Всеволода. Послѣдній тогда посадилъ въ Кіевѣ на княженіе Ростислава Рюриковича.

Княженіе Ростислава въ Кіевѣ продолжалось до смерти Романа Галицкаго, то-есть до 1205 года. Узнавъ о смерти Романа, Рюрикъ снялъ схиму и вновь объявилъ себя княземъ Кіевскимъ вмѣсто сына, котораго послалъ съ дружиной на владѣнія Романа Галицкаго. Въ этомъ походѣ Ростиславъ захватилъ городъ Вышгородъ, изгнавъ оттуда князя Ярослава Владиміровича, и сталъ тамъ княжить. Оттуда онъ ходилъ на помощь Рюрику въ походахъ послѣдняго въ 1206 и 1207 годахъ на Галичъ и на Кіевъ, когда послѣдній былъ захваченъ княземъ Всеволодомъ Чермнымъ.

Въ 1210 году князь Ростиславъ былъ приглашенъ на княженіе въ Галичъ, но въ слѣдующемъ же году былъ оттуда Галичанами изгнанъ и возвратился въ Вышгородъ, гдѣ и княжилъ до самой смерти. Скончался онъ въ 1218 году.

Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, изд. 1892 г., т. III, стр. 44, 51, 58, 62, 69, 76, прим. 12, 74, 77, 80, 89, 104, 110, 115, 118, 135, 153, 155; Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 2-е, т. I, стр. 537, 540, 542, 548, 552, 558, 562, 638, 639, 640; В. Татищевъ, Исторія Россійская, т. II, стр. 283; Полное Собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 171, 179, 180; т. II, стр. 107, 136, 137, 140—145, 149, 152, 153, 313, 321, 323 — 326, 328 — 330, 334; т. VII, стр. 101, 103, 108, 109, 112, 113, 116, 117, 125, 234.

К. Лосскій.

Ростиславъ Юрьевичъ, князь сначала Новгородскій, а потомъ Переяславскій; старшій сынъ князя Юрія Долгорукаго, братъ князя Андрея Боголюбскаго. Годъ рожденія его неизвѣстенъ, первое же упоминаніе о немъ въ лѣтописи находимъ подъ 1138 годомъ, когда онъ былъ призванъ на княженіе Новгородцами, желавшими имѣть дружественныя отношенія съ Юріемъ Долгорукимъ, княземъ Суздальскимъ. Въ Новгородѣ Ростиславъ пробылъ нѣсколько болѣе года и ушелъ оттуда въ 1139 году, разсердившись на Новгородцевъ за то, что они не захотѣли оказать помощь Юрію Долгорукому въ борьбѣ его съ Всеволодомъ Ольговичемъ, великимъ княземъ Кіевскимъ.

Въ 1141 году Новгородцы обратились къ Юрію Долгорукому, призывая его на княженіе, но послѣдній лично ѣхать отказался и вторично послалъ въ Новгородъ Ростислава. Это княженіе продолжалось менѣе года, ибо въ 1142 году Новгородцы, узнавъ, что великій князь Всеволодъ Ольговичъ посылаетъ къ нимъ княжить Святополка Мстиславича, сначала заключили Ростислава Юрьевича въ епископскомъ домѣ, а затѣмъ, по пріѣздѣ Святополка, отправили Ростислава къ отцу.

Въ 1147 году Ростиславъ совмѣстно съ братомъ Андреемъ былъ посланъ отцомъ, находившимся въ это время въ союзѣ съ княземъ Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ, въ помощь послѣднему въ борьбѣ его съ Изяславомъ Мстиславичемъ, великимъ княземъ Кіевскимъ. Они разбили дружину союзника Изяслава—князя Ростислава Ярославича Рязанскаго и заставили послѣдняго бѣжать къ Половцамъ.

Въ 1148 году князь Ростиславъ Юрьевичъ былъ вновь посланъ отцомъ въ Южную Русь въ помощь Святославу Ольговичу, съ тѣмъ, чтобы завоевать себѣ удѣлъ, такъ какъ въ Суздальской землѣ отецъ не могъ дать ему такового. Но, придя на югъ и убѣдившись въ томъ, что дѣла Черниговскаго князя идутъ плохо, и что онъ хочетъ заключить съ великимъ княземъ Изяславомъ миръ, Ростиславъ счелъ за лучшее обратиться къ послѣднему съ ходатайствомъ объ удѣлѣ, заявивъ, что отецъ его обидѣлъ и не хотѣлъ дать ему волости. „Я пришелъ сюда“, говорилъ онъ Изяславу: „поручивши себя Богу да тебѣ, потому что ты старше всѣхъ насъ между внуками Владиміра; хочу трудиться за Русскую землю и подлѣ тебя ѣздить“. Изяславъ отвѣчалъ ему: „Всѣхъ насъ старше отецъ твой, но онъ не умѣетъ съ нами жить; а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою всю и весь родъ свой, имѣть въ правду, какъ душу свою; если отецъ тебѣ волости не далъ, такъ я тебѣ даю“. И далъ ему 6 городовъ на Волыни: Бужскъ, Межибожы, Котельницу, Городецъ-Остерскій и еще два, неизвѣстныхъ по имени.

Въ одномъ изъ этихъ городовъ, а именно Городцѣ Остерскомъ былъ въ томъ же году съѣздъ князей, на которомъ было рѣшено итти зимой 1149 года походомъ на князя Юрія Долгорукаго, чтобы наказать его за притѣсненія, чинимыя имъ Новгородцамъ. Въ съѣздѣ участвовалъ и Ростиславъ Юрьевичъ, но въ походъ великій князь его не взялъ, а, возвратившись со съѣзда въ Кіевъ, сказалъ ему: „А ты иди въ Божеськый (Бужскъ), пострези оттолѣ русьскыя земли, и буди тамо, дондеже схожу на отца твоего, миръ ли съ нимъ возьму, или како съ нимъ ся ни управлю“.

По возвращеніи Изяслава изъ этого похода въ 1149 году бояре донесли ему, что яко бы Ростиславъ Юрьевичъ подговариваетъ противъ великаго князя Кіевлянъ и Берендеевъ и хочетъ захватить семью и имущество послѣдняго. Изяславъ повѣрилъ доносу, несмотря на отрицаніе Ростиславомъ своей вины, заковалъ его дружину и отправилъ его къ отцу, посадивъ на барку съ 4-мя отроками и отнявъ у него имѣніе.

Ростиславъ Юрьевичъ, явившись къ отцу въ Суздаль, заявилъ ему, что вся Кіевская земля и Черные Клобуки недовольны Изяславомъ и желаютъ имѣть своимъ княземъ Юрія. Послѣдній, страшно возмущенный позорнымъ изгнаніемъ сына, предпринялъ походъ на Изяслава, разбилъ его подъ Переяславлемъ и изгналъ изъ Кіева. Въ Переяславлѣ Юрій посадилъ княземъ

Ростислава, гдѣ онъ и княжилъ до самой смерти.

Послѣ этого Ростиславъ участвовалъ, въ 1150 году, въ новомъ походѣ отца своего противъ Изяслава Мстиславича, при чемъ усиленно противодѣйствовалъ заключенію мира съ послѣднимъ. Миръ, однако, былъ заключенъ по настоянію Андрея Боголюбскаго, при чемъ, какъ извѣстно, Изяславъ отказался отъ великокняжескаго стола въ пользу брата своего Вячеслава. Когда, въ скоромъ времени, Изяславъ вновь нарушилъ миръ и захватилъ Кіевъ, сынъ его Мстиславъ захотѣлъ отнять у Ростислава Юрьевича Переяславль. Однако, Ростиславъ, пригласивъ на помощь брата Андрея и кочующихъ Торковъ, разбилъ и полонилъ союзниковъ Мстислава—Турпѣевъ, что заставило Мстислава отказаться отъ мысли взять Переяславль.

Ростиславъ Юрьевичъ скончался въ 1151 году, на Страстной недѣлѣ, рано утромъ въ Великую пятницу, и погребенъ братьями Андреемъ, Глѣбомъ и Мстиславомъ въ церкви Св. Михаила въ Переяславлѣ, близъ дядей своихъ Андрея и Святослава Владиміровичей.

Дочь Ростислава Юрьевича, Евфросинія, была замужемъ за княземъ Рязанскимъ Глѣбомъ Ростиславичемъ.

Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, изд. 1892 г., т. II, стр. 122, 127, 128, 141, 148—155, 157, прим. 276, 278, 299, 313, 315, 317, 323, 324, 328, 331, 344; т. III, стр. 23, прим. 35; Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 2-ое, т. I, стр. 378, 382, 390, 391, 402, 410, 411, 413, 414, 415, 417, 419, 420, 434; Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 133—135, 138—142; т. II, стр. 17, 18, 29, 39—41, 45—47, 50, 52, 57, 296, 299, 300; т. III, стр. 8, 9; т. IV, стр. 6; т. V, стр. 158; т. VII, стр. 31—33, 38, 44—49, 51, 90, 242.

К. Лосскій.

Ростиславъ Ярославичъ, княжичъ, сынъ Ярослава Владиміровича, князя Новгородскаго. Родился въ Новгородѣ въ 1193 году, скончался тамъ-же въ 1198 году. Погребенъ вмѣстѣ съ братомъ Изяславомъ, одновременно скончавшимся въ Великихъ-Лукахъ, въ Новгородскомъ монастырѣ Св. Георгія.

Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, изд. 1892 г., т. III, прим. 153; Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, изд. 2-ое, т. I, стр. 576, прим. 1; Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. III, стр. 24; т. IV, стр. 18; т. V, стр. 171; т. VII, стр. 106; т. XV, стр. 288.

К. Лосскій.

Ростовская, М. Ѳ.—см. Растовская, М. Ѳ.

Ростовскіе и Бѣлозерскіе *удѣльные князья.*

Политическая исторія княжествъ Ростовскаго и Бѣлозерскаго, разсматриваемая какъ единое цѣлое, можетъ быть раздѣлена на четыре почти равномѣрныхъ періода: 1) исторію „Залѣсской“ страны отъ конца IX до конца X вѣка; 2) исторію Ростовско-Суздальской земли, сперва (до начала XII вѣка) зависимой отъ Кіева, затѣмъ самостоятельной (до начала XIII в).; 3) исторію собственно удѣльныхъ—Ростовскаго и Бѣлозерскаго—княжествъ съ начала XIII в. до конца XIV в. и 4) исторію этихъ княжествъ, самостоятельныхъ de jure и вполнѣ зависимыхъ de facto отъ Московскаго княжества въ XV вѣкѣ.— Территорія, составлявшая собственно удѣльныя княжества—Ростовское и Бѣлозерское,—занята была съ древнѣйшихъ временъ финскими племенами Мерею и Весью („первіи насельницы въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ—Весь“), о которыхъ исторія не знаетъ ничего достовѣрнаго; отдѣленная отъ Южной Руси непроходимыми лѣсами, она получила названіе „Залѣсской“; въ ней существовали города, самыми древними изъ коихъ были Ростовъ (на берегу Ростовскаго, встарину Каово, позднѣе—Неро озера), время основанія котораго теряется въ глубинѣ вѣковъ, и—Суздаль. Край этотъ, лежавшій на перекресткѣ торговыхъ путей Новгородцевъ и Кривичей (а еще ранѣе—волжскихъ болгаръ и норманновъ) съ Востокомъ и Византіей, задолго до „призванія князей“ исподволь и незамѣтно подвергался мирной колонизаціи Новгородскихъ славянъ и въ эпоху „призванія варяговъ“, вѣроятно, вошелъ въ составъ владѣній брата Рюрика (владѣвшаго Бѣлоозеромъ), послѣ смерти котораго начинаетъ разсматриваться, какъ отдѣльная, самостоятельная область, хотя и съ неопредѣленными границами, но въ политическомъ отношеніи зависимая отъ Новгорода. Съ начала X вѣка „Залѣсская“ земля, какъ и всѣ другія „земли“, подчинилась Кіеву и управлялась княжими мужами или князьями-намѣстниками (при Олегѣ); главный городъ ея — Ростовъ — являлся однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Руси, которому, по договору князя Олега

съ Византіей въ 907 г., византійцы обязаны были платить опредѣленные „уклады". Съ 913 по 988 годъ въ лѣтописяхъ ничего не встрѣчается о Ростовской землѣ, вслѣдствіе чего можно предполагать, что она въ въ это время пользовалась достаточной независимостью отъ южныхъ князей, управляясь, быть можетъ, потомками „князей, сущихъ подъ Олегомъ". Съ X и до половины XII вѣка слагались элементы гражданственности Ростовской земли и опредѣлялись основы ея послѣдующаго развитія. Со второй половины XII в. совершенно растворившіяся въ славянской средѣ финскія племена способствовали образованію новаго этнографическаго цѣлаго—великорусской народности, колыбелью которой явился Ростовско-Суздальскій край. Съ конца X вѣка въ Ростовской землѣ, какъ единомъ политическомъ цѣломъ, сидѣли великокняжескіе сыновья: въ 988 г. Владиміръ Святой назначилъ въ Ростовъ сына своего Ярослава (988—1010 г.г.), затѣмъ Бориса (1010, ум. 1015 г.); послѣ кратковременнаго (1015—1019 г.г.) княженія убійцы послѣдняго—Святополка, Ростовская земля перешла къ великому князю Ярославу Владиміровичу, а отъ него къ его сыновьямъ: сперва къ Святославу, затѣмъ, съ присоединеніемъ Суздаля и Бѣлоозера,—къ Всеволоду, при сынѣ котораго, Владимірѣ Мономахѣ, вся земля стала наслѣдственной волостью въ родѣ послѣдняго, получивъ названіе „земли Ростовской"; границы послѣдней были весьма неопредѣленны, идя, приблизительно, къ сѣверу до Бѣлоозера, вверхъ по теченію р.р. Мсты, Мологи, Костромы и Унжи, а къ югу ограничиваясь р.р. Клязьмою и Москвою; на востокѣ—границы еще не доходили до р. Оки, а на западѣ шли неопредѣленно между безчисленными рѣчками земель Кривской и Новгородской.

Такихъ размѣровъ Ростовская земля достигла при князѣ Юріи Владиміровичѣ Долгорукомъ, сынѣ Владиміра Мономаха, который былъ первымъ отдѣльнымъ Ростовскимъ княземъ—устроителемъ Ростовской земли, и при которомъ закончился процессъ созиданія послѣдней. При Долгорукомъ Ростовская земля получаетъ рѣшительное преобладаніе передъ остальными областями Русской земли; однако, значеніе ея начинаетъ постепенно падать: уже Юрій Долгорукій отдаетъ предпочтеніе старому „пригороду" Ростова—г. Суздалю и его землѣ (и вся земля начинаетъ называться Ростовско-Суздальской), а сынъ его—Андрей Боголюбскій—новому „пригороду"—Владиміру. Въ борьбѣ г. Ростова за политическое вліяніе и первенство, достигшей наивысшаго напряженія въ убійствѣ великаго князя Андрея Боголюбскаго, побѣдилъ „пригородъ" Владиміръ,—и область Ростовско-Суздальская получила названіе великаго княжества Владимірскаго. Возвышеніе г. Владиміра относится всецѣло къ дѣятельности Всеволода III Большого-Гнѣзда, хотя ни онъ, ни, въ особенности, его сынъ Константинъ не теряли связи съ Ростовомъ. Со Всеволода III начинается дробленіе дотолѣ единой, недѣлимой Ростовско-Суздальской области на удѣлы по старшинству городовъ, образующихъ послѣдніе. Первымъ выдѣлился Ростовскій удѣлъ, когда Всеволодъ III въ 1207 году отдалъ Ростовъ „и иныхъ 5 городовъ" (которыми можно считать Ярославль, Устюгъ, Бѣлоозеро, Углече-Поле и Кострому), своему старшему сыну Константину. Къ этому времени можетъ быть отнесенъ конецъ второго періода и начало третьяго—эпоха самостоятельнаго удѣльнаго существованія Ростовскаго княжества. Константинъ Всеволодовичъ можетъ считаться первымъ княземъ Ростовскаго удѣльнаго княжества, включавшаго, однако, въ свой составъ такія части, изъ коихъ позже образовались другія самостоятельныя княжества.

Первый раздѣлъ, учиненный Всеволодомъ III, повелъ къ усобицѣ, окончившейся Липецкою битвой (1216 г.), послѣ которой началось временное, очень короткое объединеніе при Константинѣ Всеволодовичѣ (№ 71), послѣ коего Ростовское княжество, оставаясь у его потомковъ, никогда не достигало своего первоначальнаго значенія, раздробившись на удѣлы внутри и будучи ослаблено вмѣшательствомъ татаръ и Москвы извнѣ.

Константинъ Всеволодовичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, раздѣлилъ свой прежній Ростовскій удѣлъ между своими сыновьями, при чемъ Ростовъ и Бѣлоозеро отдалъ старшему сыну — Василько (26). По смерти Василька въ Ростовѣ сидѣли сперва оба его сына—Борисъ (15) и Глѣбъ (32), затѣмъ одинъ Борисъ, а Глѣбъ—въ отдѣлившемся отъ Ростова—Бѣлоозерѣ (съ 1277 г.). По смерти

Бориса въ Ростовѣ сѣлъ помимо племянниковъ Глѣбъ, соединивъ вновь (на одинъ годъ) оба удѣла—Ростовъ и Бѣлоозеро; послѣднее онъ выдѣлилъ передъ смертью въ особый удѣлъ для своего сына Михаила (79). По смерти Глѣба (ум. 1278) въ Ростовѣ сѣли сыновья Бориса—Димитрій (39) и Константинъ (67), которые отняли у Михаила Бѣлоозеро (впрочемъ, не надолго); послѣ просоединенія (въ 1285 г.) къ Ростову Угличскаго удѣла увеличившееся княжество братья Борисовичи подѣлили между собою по жребію, при чемъ Угличъ достался Димитрію, а Ростовъ—Константину (впрочемъ, они скоро обмѣнялись своими удѣлами). По смерти Димитрія (ум. 1294 г.) Константинъ занялъ Ростовъ, а въ выдѣленномъ Угличѣ посадилъ сына своего Александра. По смерти Константина (ум. 1307 г.) и его сына Василія (ум., вѣроятно, въ 1316 г.) княжить сталъ внукъ Константина, Углицкій князь Юрій Александровичъ (93), преемниками котораго явились дѣти Василія (21)—Ѳедоръ (101) и Константинъ (68), при которыхъ Ростовское княжество раздѣлилось на двѣ части (въ 1328 г.) и притомъ такъ, что раздѣлился и самый гор. Ростовъ на двѣ „стороны"—Срѣтенскую (Устрѣтенскую) и Борисоглѣбскую; первую взялъ себѣ Ѳедоръ, вторую — Константинъ. Такимъ образомъ единоцѣлое прежде Ростовское княжество раздѣлилось на двѣ части, которыя въ свою очередь начали дѣлиться на болѣе мелкіе волости: Гвоздево, Пріимково, Пугоболы, Хохлово и многія другія. Съ территоріальнымъ дробленіемъ начинается политическое подчиненіе Ростовскихъ и Бѣлозерскихъ князей Москвѣ, великій князь которой—Иванъ Калита началъ понемногу дѣлать „примыслы"—скупать села и города у бѣднѣйшихъ Ростовскихъ князей; послѣдніе, продавъ свои земельныя владѣнія, пользовались, однако, нѣкоторой частью доходовъ съ нихъ и даже имѣли право чеканить монету, называясь „откупными" князьями. Городъ Ростовъ въ это время подвергся всѣмъ невзгодамъ намѣстническаго правленія (Аверкій), съ чѣмъ соединилось и паденіе вѣча. Вообще XIV вѣкъ въ исторіи Ростовскаго княжества былъ эпохой его окончательнаго паденія; многочисленность князей все болѣе и болѣе дробила княжество, и князья мало-по-малу превращались въ мелкихъ владѣтелей-помѣщиковъ, находившихся въ полномъ подчиненіи у Московскихъ князей. Владѣтельные же князья Ростовскіе во второй половинѣ XIV вѣка до того ослабѣли и подчинились Москвѣ, что въ концѣ этого столѣтія и въ началѣ XV, сохраняя еще значеніе князей владѣтельныхъ, являлись какъ бы обыкновенными слугами великаго князя Московскаго.

Съ великаго князя Московскаго Димитрія Донского установилось полное подчиненіе Ростовскихъ князей Москвѣ. Перечисленіе послѣднихъ въ лѣтописи за XV в. представляетъ печальный некрологъ вымирающаго потомства Константина Всеволодовича; уступая свои владѣнія Московскому князю, Ростовскіе князья передъ смертью поступали въ монахи, принимали схиму; къ концу XV вѣка всѣ удѣлы Ростовскаго княжества уже вошли въ составъ Московскаго княжества. Отъ раздѣленія Ростовскаго княжества (въ 1328 году) на двѣ половины владѣтельные Ростовскіе князья располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: А. Срѣтенской стороны — Ѳедоръ (101), при которомъ Ростовъ находился въ полномъ распоряженіи Московскаго князя, сынъ его Андрей (11), не выходившій изъ воли великаго князя Московскаго, и Иванъ (48); Б. Борисоглѣбской стороны — Константинъ Васильевичъ (68), Василій (22), Александръ (4) и Владиміръ Константиновичи (29), Андрей (8) и Ѳедоръ (97) Александровичи, Иванъ (51) и Владиміръ (27) Андреевичи и Иванъ Ивановичъ Долгій (58); трое послѣднихъ продали Ростовскій удѣлъ въ 1474 году великому князю Московскому Ивану III. Бѣлозерское княжество занимало ту мѣстность, гдѣ въ древности жила Весь. Исторія Бѣлозерскаго княжества вполнѣ входитъ въ исторію Ростовскаго княжества, котораго оно, повидимому, составляло значительную часть. Самостоятельное существованіе Бѣлозерскаго княжества начинается съ отдѣленія его отъ Ростовскаго при князѣ Глѣбѣ (32). Въ составъ его въ то время входили города: Вологда, Устюгъ, Бѣлоозеро, села: Сугоръ, Шелешпань, Карголома, Каргополь, Андома, Вадбола, Бѣлое село и др. Утвердившись за потомствомъ Глѣба Васильевича, оно существовало, какъ самостоятельный удѣлъ до половины XIV в., когда было куплено великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Калитою у

размножившихся и обѣднѣвшихъ Бѣлозерскихъ князей. Послѣ Глѣба княжилъ сынъ его Михаилъ (79); сынъ послѣдняго—Романъ Михайловичъ (86) представлялъ собою оппозицію властолюбивымъ замысламъ Ивана Калиты. Послѣ Романа княжилъ сынъ его Ѳедоръ (105), павшій геройской смертью со своимъ сыномъ Иваномъ (65) на Куликовомъ полѣ. Послѣднимъ самостоятельнымъ княземъ Бѣлозерскимъ былъ племянникъ Романа—Юрій Васильевичъ (95), при которомъ, въ періодъ 1380—1389 гг., Бѣлозерское княжество перешло къ Москвѣ, раздробившись на цѣлый рядъ мелкихъ княжествъ: Шелешпанское, Сугорское, Кемское, Карголомское, Ухтомское, Андожское, Вадбольское, Бѣлосельское (по нѣкоторымъ даннымъ еще Осготинское и Лозское). Димитрій Донской отказалъ Бѣлозерское княжество своему сыну—князю Можайскому Андрею, отъ котораго оно перешло къ его сыну — Михаилу, послѣ смерти котораго, по договору съ великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ III, было присоединено окончательно къ Москвѣ. Отъ князей Ростовскихъ произошли слѣдующія, большею частью угасшія княжескія фамиліи съ присоединеніемъ слова „Ростовскій“: князья Бахтеяровы, Буйносовы, Бычковы, Голенины, Голубые, Косаткины, Катыревы, Ласкины, Лобановы, Пріимковы, Пужбольскіе, Темкины, Хохолковы, Щепины и Яновы; отъ князей Бѣлозерскихъ: князья Андожскіе, Бѣлосельскіе, Вадбольскіе, Карголомскіе, Кемскіе, Сугорскіе, Ухтомскіе и Шелешпанскіе.

I. Родословныя: „Родословная книга князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ“ („Бархатная книга“), ч. II, М. 1787 г.; Т. Мальгинъ, „Зерцало Россійскихъ государей“, изд. 3-ье, М. 1791 г.; М. Г. Спиридовъ, „Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ“, М. 1810 г.; „Родословная книга великихъ и удѣльныхъ князей рода Рюрикова“—въ „Запискахъ касательно Россійской исторіи“, ч. V, С.-Пб. 1793 г.; „Родословникъ князей великихъ и удѣльныхъ рода Рюрикова“, С.-Пб. 1793 г. (приписываемый Екатеринѣ II); Родословная книга въ трехъ спискахъ, синодальномъ и двухъ другихъ“—„Врем. Общ. ист. и древ. росс.“, кн. X, М. 1851 г.; П. Строевъ, „О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ“—„Сынъ Отеч.“ 1844 года, ч. XIV; Н Головинъ, Родословная роспись потомковъ вел. князя Рюрика, М. 1851 г.; П. Хавскій, О родословныхъ росписяхъ потомства великаго князя Рюрика — „Сѣв. Пчела“ 1825 г., № 135; князь П. В. Долгоруковъ, Россійская родословная книга, I—II т.т., С.-Пб., 1854—1855 г.г.; Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, С.-Пб. 1895 г.; Руммель и Голубцовъ, Родословная книга, т. I; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства, т. I, С.-Пб. 1885 г; Гр. Бобринскій, Русскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи, ч. I — II, С.-Пб. 1890 г.; П. Д. Хмыровъ, Перечень князей Рюрикова дома. Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ, С.-Пб. 1871 г.; Родословная роспись Ростовскихъ князей, изд. С. А. Серебренниковымъ — „Яросл. Губ. Вѣд.“ 1851 г., № 36.

II. Лѣтописи и акты: Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т.т. I—VIII и XV; Никоновская лѣтоп., т.т. III—V; Суздальская лѣтопись по Академическому списку; Акты Историческіе, т. I; Акты Юридическіе или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства; Акты Археографической экспедиціи, т. I; Собраніе Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, т. I; Степенная книга, т. I; А. А. Титовъ, Кекинскій лѣтописецъ, Яросл. 1887 г.

III. Пособія общаго характера: В. Татищевъ, Исторія Россіи, т. IV; Карамзинъ, Исторія, т.т. I—V; Арцыбашевъ, Повѣствованіе о Россіи, т. II; М. П. Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи, т.т. IV—VI; Князь М. М. Щербатовъ, Россійская исторія, т. II; Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I; Его-же, Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847; К. Д. Кавелинъ, Сочиненія, т. I; В. С. Борзаковскій, Исторія Тверского княжества, С.-Пб. 1876; Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи, т.т. I — III; К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, т.т. I—II; Н. Костомаровъ, Лекціи по русской исторіи, ч. I, С.-Пб. 1861 г.; В. И. Сергѣевичъ, Лекціи по русскому праву, С.-Пб. 1887 г.; А. Е. Прѣсняковъ, Княжое право, С.-Пб. 1908 г.; И. Е. Забѣлинъ, Московское единодержавіе—„Истор. Вѣстн“. 1880 г., кн. IV; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ 1908 г., т. II, кн. I, гл. 10; А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверней Руси въ татарскій періодъ отъ 1238 г. по 1505 годъ, т.т. I—II, С.-Пб. 1889—1891 г.г.; С. Ѳ. Платоновъ, Лекціи по русской исторіи, изд. 8-ое, С.-Пб. 1913 г., стр. 103 — 107, 111 — 119; В. О. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, т. I, М. 1908 года, изд. 3-ье, стр. 334 — 415; Т. П. Мятлева, Владиміро-Суздальскій край и начало Московской Руси, ч. I — III, С.-Пб. 1913 г.

IV. Спеціальныя сочиненія: Д. Полѣновъ, Библіогр. обозр. русск. лѣтопис., С.-Пб. 1850 г. (изъ „Ж. М. Н. П.“); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ и происхожденіи Русскихъ лѣтописей; И. А. Тихомировъ, Обозрѣніе Московск. сводовъ; А. А. Шахматовъ, Ермолинская лѣтопись и Ростовскій владычній сводъ—„Извѣстія Акад. Наукъ“ 1904 г., т. I, стр. 72—98; Его-же, Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV в.в. — „Ж. М. Н. П.“ 1901 г., № 11, стр. 55; Гр. А. С. Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ—„Труды Перваго Археологич. Съѣзда, т. II, стр. 633—687; Его-же: Меря, М. 1870; П. Ефименко, Заволжская Чудь, Арханг. („Арханг. Губ. Вѣд.“ 1868 г., №№ 88—95; 1869 г., №№ 68—71, 73—75, 81—86); Соловьевъ, Объ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія—„Сборн. антропол. и этнограф. статей о Россіи“, изд. В. А. Дашковымъ, т. I, стр. 111—117; А. И. Соболевскій, Откуда шла русская колонизація въ Ростово-Суздальскую область—„Труды Ярослав. Област. Съѣзда“, стр. 99—103; А. А. Спицинъ, Разселеніе др.-русскихъ племенъ по археологиче-

скимъ даннымъ—„Ж. М. Н. П.“ 1899 г., № 8, стр. 334—337; Е. В. Барсовъ, Изъ исторіи, колонизаціи и культуры Ростовскаго края—„Труды Ярославл. Област. Съѣзда“, стр. 164—170; С. С., Очеркъ древней исторіи г. Ростова и политической системы Ростовскихъ владѣтельныхъ князей—„Яросл. Губ. Вѣд.“ 1842 г., №№ 6—7; Историч. свѣд. о г. Ростовѣ—„Яросл. Епарх. Вѣд.“ 1869 г., №№ 20, 21, 23, 25, 26, 28; Лѣтописный обзоръ достопамятныхъ событій Ростовской области по 1868 г.—„Яросл. Епарх. Вѣд.“ 1868 г.; Статистическое описаніе Ярослав. губ.—„Яросл. Губ. Вѣд.“ 1850 г., №№ 1—47 (здѣсь и Исторія Ростов. княжества); П. Кандаковъ, Ростовскія древности—„Ярослав. Губ. Вѣд.“ 1869 г., № 48; А. В. Экземплярскій, Ростовскіе владѣтельные князья, Яросл. 1888 г.—изъ „Яросл. Губ. Вѣд.“; Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ, съ прим. А. А. Титова, С.-Пб. 1890 г.; А. Крыловъ, Обзоръ истор.-статист. Ростовско-Ярославской епархіи, Яросл. 1861 г.; Гр. М. Толстой, Древнія святыни Ростова Великаго—„Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. росс.“, 1847 г., годъ 3-ій, кн. 2, стр. 1—86, 3-ье изд., М. 1866 г.; Сказанія по исторіи Ростова и Ростовскихъ князей А. Артынова—„Чтенія въ Общ. Ист. и древн. росс.“ 1882 года, кн. 1, стр. 1—88; А. А. Титовъ, Преданія о Ростовскихъ князьяхъ, М. 1885 г.; Его-же, Ростовскій уѣздъ Ярославской губ., М. 1885; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли, Казань. 1872 года; И. Д. Бѣляевъ, Великій князь Константинъ Всеволодовичъ Мудрый—„Временн. Общ. ист. и древн. росс.“, т. III, стр. 50—78; „Василій Константиновичъ, князь Ростовскій“—„Яросл. Губ. Вѣд.“ 1843 г., № 9 и „Ростов. Епарх. Вѣд.“ 1868 г.; М. П. Погодинъ, Битва на р. Сити—„Яросл. Губ. Вѣд.“ 1869 г., № 14; И. Лажечниковъ, Замѣтки историческія о мѣстѣ сраженія на р. Сити въ 1238 году съ монголами—Прибав. къ „Русс. Инвал.“ 1838 года, № 22; В. Лѣствицынъ, Мѣсто побоища на р. Сити—„Яросл. Губ. Вѣд.“ 1868 г., № 41; С. Серебряниковъ, Послѣднія междоусобія князей русскихъ и битвы ихъ въ Ярослав., Ростов. и Углической обл.—„Ярослав. Губ. Вѣд.“ 1856 г., №№ 7—8; С. С., О избавленіи Ростова отъ разграбленія татарск. хана Ахмыла—„Яросл. Губ. Вѣд.“ 1843 г., № 34; И. Троицкій, Исторія Бѣлозерскаго княжества и князей его—„Яросл. Губ. Вѣд.“ 1868 г., №№ 20—23; С. Серебряниковъ, Заозерское княжество—„Яросл. Губ. Вѣд.“ 1843 г., № 3.

1. *Александръ Ивановичъ*, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ивана Владиміровича (55) Бычка. Жилъ въ XIV—XV вв. Извѣстенъ только по родословнымъ, которыя даютъ ему 5 сыновей: 1) *Василія Ластку* (16), родъ котораго угасъ съ сыномъ его *Юріемъ Ластокю-Ростовскимъ*; 2) *Михаила Касатку* (75), родоначальника существующаго рода князей Касаткиныхъ-Ростовскихъ; 3) *Ивана Лобана* (45), родоначальника существующаго рода князей Лобановыхъ-Ростовскихъ; 4) *Ивана-Яна* (46), бездѣтнаго и 5) *Ѳедора Голубого* (98), родоначальника (черезъ сына *Василія*) угасшихъ князей Голубыхъ-Ростовскихъ, потомство котораго пресѣклось (въ концѣ княженія великаго князя Московскаго Ивана III) съ внукомъ его, княземъ *Петромъ Васильевичемъ Голубымъ-Ростовскимъ*.

Родословныя; Гр. М. Толстой, Древнія святыни Ростова Великаго—„Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“, М. 1847 г., № 2, стр. 82; А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 г. по 1505 г., т. II, С.-Пб. 1891 г., стр. 54, 55.

2. *Александръ Ивановичъ* (колѣно отъ Рюрика XVIII), младшій сынъ князя Ивана Александровича (44), XIV—XV в., извѣстный только по родословнымъ. Долженъ считаться еще удѣльнымъ княземъ, такъ какъ, очевидно, онъ умеръ раньше старшаго брата своего Ивана Долгаго (58), въ противномъ случаѣ послѣдній долженъ былъ бы продавать (въ 1474 г.) „половину Ростова со всѣмъ“ съ согласія также и князя Александра, чего изъ сохранившихся лѣтописныхъ извѣстій не видно.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VIII, стр. 180; Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 61, примѣч. 206.

3. *Александръ Ивановичъ Хохолокъ* (колѣно X, отъ Рюрика XIX), князь Ростовскій, сынъ князя Ивана Андреевича Брюхатаго (50), умеръ до 1474 г.; былъ еще (хотя, быть можетъ, и не до конца своей жизни) удѣльнымъ княземъ, такъ какъ только при немъ (см. Андрей Ивановичъ Хохолокъ), въ 1474 г., дядья его Владиміръ и Иванъ Долгій, за себя и за него, продали свою отчину великому князю Московскому. Былъ женатъ на нѣкоей Матренѣ, которая въ селѣ Козловѣ, Звѣринцевской волости Ростовскаго уѣзда, содержала большія козлиныя стада, а также была любительницей разводить ихъ. У него былъ сынъ *Иванъ Буйносъ* (47).

А. В. Экземплярскій, т. II, стр. 56; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ Ярославской губ. М. 1885, стр. 293, 334, 577; Гр. М. Толстой, Древнія святыни Ростова Великаго—„Чт. Имп. Общ. ист. и древн. Росс.“, 1847 г., № 2, стр. 82.

4. *Александръ Константиновичъ*, князь Ростовскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Константина Васильевича (68). Княжескій престолъ занялъ въ 1365 году, тотчасъ послѣ смерти своего отца, и про-

должалъ политику послѣдняго къ Москвѣ—полное ей повиновеніе. Въ 1375 году, по приказу великаго князя Московскаго Димитрія Ивановича (Донского), онъ, въ числѣ другихъ Ростовскихъ князей, принималъ участіе въ карательномъ походѣ противъ Тверского князя Михаила Александровича, который, будучи побѣжденъ, долженъ былъ признать главенство Москвы. При немъ въ Ростовъ явился еретикъ Маркіанъ, „армяновѣръ, зѣло хитръ въ словесахъ и въ писаніи книжномъ коваренъ", и возбудилъ къ своему ученію значительный интересъ среди народа, бояръ и у самого князя; въ виду грозившей „вѣрѣ православной" опасности, состоялось публичное преніе епископа Іакова съ еретикомъ, въ присутствіи князя, бояръ и народа, и еретикъ, будучи побѣжденъ, былъ изгнанъ изъ города. Князь Александръ скончался въ іюнѣ (по однимъ извѣстіямъ 9-го, по другимъ—19-го) 1404 года, передъ смертью принявъ иноческій чинъ съ именемъ Андрея. Повторявшееся въ старыхъ и новыхъ родословныхъ указаніе, будто бы онъ былъ епископомъ Ростовскимъ подъ именемъ Арсенія, надо рѣшительно отбросить, какъ противорѣчащее хронологіи: епископъ Арсеній скончался гораздо позже князя Александра. Онъ имѣлъ 3-хъ сыновей: Андрея (8), Ѳеодора (97) и Ивана (44).

Полн. собр. Русск. лѣтоп., т. I, стр. 233; т. IV, стр. 70; т. V, стр. 233; т. VI, стр. 128, 132; т. VIII, стр. 22; т. XV, стр. 99; т. XXIII, стр. 119, 167; Троицкая лѣтопись, т. I, стр. 223; Суздальская лѣтоп. по Академич. списку, стр 510; Родословныя: Долгорукова и Головина; Хмыровъ, Перечень, стр. 14, № 250; кн. М. М. Щербатовъ, Историч. повѣств. о Россіи; Карамзинъ, Исторія, изд. Эйнерлинга; Гр. М. Толстой, Древнія Святыни Ростова Великаго („Чт. Общ. ист. и древн. Росс." № 2, 1847 г.), стр. 14, 16, 52, 81, 82; Митр. Макарій, Исторія Русской церкви, т. IV, стр. 247, 248; Описаніе Спасо-Яковлевскаго монастыря, С.-Пб. 1879 г., стр. 6, 7; В. Талицкій, Святой Іаковъ, епископъ Ростовскій (по рукописи А. А. Титова), Яросл. 1892 г.; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ Ярославской губерніи, М. 1885 г., стр. 75, 504, 572; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество. Очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли, Казань. 1872 г., стр. 169; Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 106, 411, т. II, стр. 50, 52—54, 58, 61; В. С. Иконниковъ, Опытъ Русской исторіографіи, Кіевъ. 1908 г., т. II, кн. 1, стр. 875.

5. *Александръ Ѳедоровичъ Щепа*, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ѳедора Андреевича (99). По однимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ Псковичи, въ заботахъ о защитѣ своей земли отъ ливонцевъ, отправили въ 1410 г. пословъ съ „челобитьемъ" къ князю Александру и просили его быть Псковскимъ намѣстникомъ; по согласіи князя и по пріѣздѣ его во Псковъ, Псковичи приняли его „съ честію" и посадили на княженіе 26-го сентября; по другимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ (и это болѣе достовѣрно) князь Александръ пріѣхалъ во Псковъ „изъ рукы великаго князя Василія Димитріевича", съ Псковичами не ладилъ, или Псковичи съ нимъ не могли ужиться—не извѣстно; съ небольшимъ чезъ 2 года (15-го мая 1412 года) Псковичи „выпроводиша" князя, который „возложилъ на Псковъ крестное цѣлованіе" (т. - е., что Псковичи поступили противъ крестнаго цѣлованія), „а Псковичи, замѣчаетъ лѣтопись, въ крестномъ цѣлованіе прави" (Псковская лѣтоп.). Въ 1421 г. тѣ же Псковичи, опасаясь близкой войны съ литовскимъ княземъ Витовтомъ, просили у великаго князя Московскаго дать имъ въ князья князя Александра, который прибылъ во Псковъ въ томъ же году и былъ принятъ съ честію, но уже въ 1423 г. выѣхалъ изъ Пскова „съ челядью". Въ 1428 г. передъ грядущей со стороны Витовта опасностью Псковичи вновь обратились къ великому князю Московскому съ просьбой назначить къ нимъ княземъ - намѣстникомъ князя Александра, который, очевидно, не желая ѣхать во Псковъ, послалъ туда сперва сына своего Димитрія (37), обѣщая въ скоромъ времени пріѣхать самъ. Димитрій, пробывъ во Псковѣ до половины зимы и, не дождавшись отца, уѣхалъ въ Москву. Въ слѣдующемъ году великій князь вновь назначилъ во Псковъ князя Александра, который пріѣхалъ туда съ сыномъ 20-го февраля. „Сіе-же буде вѣдомо, прибавляетъ лѣтописецъ, яко сій князь Александръ уже третіе пріѣха въ Псковъ княземъ". На этотъ разъ князь Александръ пробылъ во Псковѣ до 1434 года. Дѣятельность его въ этотъ періодъ выразилась въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ посадникомъ Сильвестромъ заложилъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1431 г. на новомъ мѣстѣ „на рѣкѣ надъ Ругодивомъ (Нарвой) въ Залѣсьи" (по другой лѣтописи „въ Котеленскомъ обрубѣ") новый городокъ Выборъ; въ томъ же году, на пятой недѣлѣ по Пасхѣ, князь Александръ съ посадникомъ Яковомъ Павловичемъ, „нанявъ 300 чело-

вѣкъ (рабочихъ) заложи городъ на рѣкѣ на Гдовѣ, а на Гдовскихъ земцахъ, въ кого тамо отчина, взяша 300 въ камену стѣну". Спустя 3 года (28-го февраля 1434 года) князь Александръ выѣхалъ изъ Пскова со всей челядью. „А былъ тотъ князь,—говоритъ лѣтописецъ,—во Псковѣ трижды, а житія его всего во Псковѣ (было) 12 лѣтъ". По одной Псковской записи на книгѣ о кончинѣ его упоминается подъ 1442 годомъ (6950 г.) въ монашествѣ. По нѣкоторымъ родословнымъ онъ былъ женатъ дважды: первый разъ, съ 17-го января 1412 года, на княжнѣ N. Ивановнѣ Ярославской (этотъ бракъ является сомнительнымъ), второй разъ — на дочери Димитрія Константиновича Зернова, праправнука Мурзы-Чета, также неизвѣстной по имени; отъ второго брака онъ имѣлъ сына Димитрія (37) и неизвѣстную намъ по имени дочь, бывшую за мужемъ за княземъ Литовскимъ Владиміромъ Даниловичемъ. Черезъ сына своего князь Александръ является родоначальникомъ князей Щепиныхъ-Ростовскихъ.

Полн. собр. Русск. лѣтоп., т. IV, стр. 201, 205, 206, 207 — 28; т. V, стр. 21, 23, 24, 26, 27; Карамзинъ, Исторія; Соловьевъ, Исторія; А. В. Экземплярскій, назв. соч. т. I, стр. 143, 145, 146, 151, 152, 161, 410—415; т. II, стр. 43 — 46; Хмыровъ, Перечень, стр. 17, № 264; кн. М. М. Щербатовъ, Исторія, т. IV; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М., 1885 г., стр. 574, 577; Евгеній (Болховитиновъ), Исторія княжества Псковскаго, ч. IV, стр. 63 и слѣд.; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; В. С. Иконниковъ, Опытъ Русской исторіографіи, Кіевъ. 1908 г., т. II, кн. 1, стр. 788, 813.

6. *Александръ Ѳедоровичъ*, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), единственный сынъ князя Ѳедора Александровича (97); время жизни его относится къ первой четверти XV вѣка; въ большей части родословныхъ онъ оказывается пропущеннымъ; Хмыровъ, на основаніи нѣкоторыхъ оффиціальныхъ документовъ, передаетъ, что его женой была дочь Ивана Владиміровича, князя Серпуховскаго, — Марія.

Хмыровъ, Перечень, №№ 263, 264; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 45, 55, 60, 91, 138, 305.

7. *Андрей*, князь Кемскій, сынъ неизвѣстно какого князя; жилъ въ концѣ XIV в. и принималъ участіе въ Куликовской битвѣ, въ которой былъ убитъ въ числѣ четырехъ другихъ Бѣлозерскихъ князей: „и пріидоша, говоритъ лѣтопись, князи Белозерстии крѣпцы суще и мужественни на брань съ воинствы своими, князь Ѳедоръ Семеновичъ (107), князь Семенъ Михайловичъ (91), князь Андрей Кемскии, князь Глѣбъ Каргапольскии и Адожкии".

Пол. собр. русск. лѣтоп., т. XI, стр. 52; Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 48; Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 163; В. С. Иконниковъ, опытъ Русской исторіографіи, т. II, кн. 1, Кіевъ. 1908 г., стр. 883.

8. *Андрей Александровичъ*, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Александра Константиновича (4). Именуясь еще владѣтельнымъ княземъ, онъ, какъ и всѣ Ростовскіе князья второй половины XIV вѣка, фактически является какъ бы обыкновеннымъ слугою великаго князя Московскаго. О немъ извѣстно только, что въ 1415 г., по волѣ великаго князя Московскаго, онъ отправился во Псковъ намѣстникомъ, но уже 17-го іюля 1417 г. Псковичи выгнали его,—можетъ быть, за слишкомъ сильные притѣсненія и поборы. По родословнымъ у него были слѣдующіе сыновья: *Иванъ* Брюхатый (50), *Димитрій* (38), *Ѳедоръ* (100), *Владиміръ* (27), *Иванъ-Янъ* (51) и *Петръ* (84). Черезъ сыновей онъ является родоначальникомъ отдѣльныхъ княжескихъ фамилій: Хохолковыхъ, Буйносовыхъ, Яновыхъ и Темкиныхъ-Ростовскихъ.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. V, стр. 22; Акты истор., т. I, стр. 48; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885 г., стр. 573; Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 187, 411, 412; т. II, стр. 44, 53, 55, 56, 60.

9. *Андрей Ивановичъ*, князь Ростовскій, XV вѣка (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), старшій сынъ князя Ивана Александровича (44); извѣстенъ только по родословнымъ; бездѣтенъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М., 1885 г., стр. 575, Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 61.

10. *Андрей Ивановичъ Хохолокъ*, князь Ростовскій, XV в. (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ивана Андреевича Брюхатаго (50), былъ, хотя, можетъ быть, и не до конца своей жизни, удѣльнымъ княземъ, такъ какъ только при немъ въ 1474 г. дядья его—Владиміръ Андреевичъ и Иванъ

Ивановичъ Долгій (58), за себя и за него, продали отчину свою великому князю Московскому. По Хлѣбниковскому лѣтописцу, списанному Артыновымъ (Титовъ, стр. 409), онъ былъ женатъ на княжнѣ Татьянѣ, дочери Ивана Ѳедоровича, внучкѣ князя Константина Владиміровича, и взялъ за ней въ приданое мѣстность, занимаемую нынѣ селомъ Рославлевымъ, Новоселкопеньковской волости Ростовскаго уѣзда. Самому ему принадлежала мѣстность, занимаемая нынѣ селомъ Соколовымъ, Звѣринцевской волости. Онъ имѣлъ сына *Ивана Катыря* (49), родоначальника угасшихъ княжескихъ фамилій Хохолковыхъ-Ростовскихъ и Катыревыхъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885 г., стр. 362, 409, 461, 577; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56.

11. *Андрей Ѳедоровичъ*, князь Ростовскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), единственный сынъ князя Ѳедора Васильевича (101), родился неизвѣстно когда. На княженіе „отчиной“ — Срѣтенской стороной города Ростова—вступилъ тотчасъ послѣ смерти отца своего, въ 1331 году. Будучи вполнѣ самостоятельнымъ княземъ, являлся вѣрнымъ союзникомъ и слугою великаго князя Московскаго, предоставивъ какъ себя, такъ и свое княжество въ полное распоряженіе послѣдняго. Въ 1347 году женился и спокойно владѣлъ своей „отчиной“ до 1360 года; въ этомъ году дядя его Константинъ Васильевичъ (68), владѣвшій Борисоглѣбской стороной Ростова, пользуясь происходившими въ это время княжескими неурядицами, выхлопоталъ для себя въ Ордѣ ярлыкъ на все Ростовское княжество и выгналъ изъ Ростова князя Александра, который удалился въ Переяславль. Въ 1363 году, какъ отмѣчаютъ лѣтописи, между нимъ и Константиномъ Васильевичемъ „произошло нелюбье“, въ результатѣ котораго князь Александръ, поддержанный великимъ княземъ Московскимъ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, прислалшимъ ему на помощь большую Московскую рать подъ начальствомъ князя Ивана Ржевскаго (Жревскаго?), заставилъ дядю своего удалиться въ 1364 году изъ Ростова въ Устюгъ. Въ 1371 году онъ, какъ ближайшій сподручникъ Димитрія Ивановича, сопровождалъ послѣдняго въ Орду, а въ 1375 году принималъ участіе въ его походѣ на Тверь. Есть извѣстіе, что въ 1380 году онъ участвовалъ въ Куликовской битвѣ, находясь, какъ сообщаетъ Карамзинъ, на правомъ крылѣ и показавъ себя героемъ. Въ 1408 году, когда одинъ изъ татарскихъ отрядовъ, разосланныхъ ханомъ Едигеемъ по окрестностямъ Москвы, пришелъ къ Ростову, князь Александръ вмѣстѣ съ жителями бѣжалъ оттуда, а татары разграбили и сожгли Ростовъ. По преданію, князь Александръ возобновилъ знаменитый звѣринецъ, устроенный княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ (71) въ мѣстности, занимаемой нынѣ селомъ Звѣринцевымъ, Ростовскаго уѣзда; позже звѣринецъ этотъ былъ уничтоженъ его сыномъ—Борисомъ (14). Въ 1409 году князь Александръ скончался, принявъ передъ смертью иноческій чинъ съ именемъ Аѳанасія. Отъ брака съ неизвѣстной имѣлъ шестерыхъ сыновей: *Ивана* (48), *Ѳедора* (99), *Юрія* (93), *Константина* (66), *Михаила* (76) и *Бориса* (14). По рукописи Хлѣбникова (Титовъ, стр. 573) у него была дочь *Вѣра*, бывшая за мужемъ за Иваномъ Владиміровичемъ Бычкомъ, родоначальникомъ князей Бычковыхъ-Ростовскихъ, и дочь *Дарья*, которая за нѣкоторое время до Куликовской битвы пропала изъ отцовскаго терема и впослѣдствіи оказалась женою Ростовскаго князя Ивана Александровича, вмѣстѣ съ которымъ она участвовала, будучи въ мужскомъ одѣяніи, въ битвѣ. Сохранилась одна монета Ростовскаго княжества съ надписью: „печать князя Андр... Ф...“, котораго Карамзинъ считаетъ за князя Александра Ѳедоровича.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 230, 231, 234; т. IV, стр. 64, 70; т. V, стр. 229, 233; т. VIII, стр. 18, 22; т. XV, стр. 435, 483; Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 29, 42, 64; Головинъ, Родословныя, № 496; Карамзинъ Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 16, 81; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 168, 169; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885 г., стр. 77, 78, 334, 346, 459, 572; Н. П. Петровъ, Исторія родовъ Русскаго двор., т. I; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 96, 106; т. II, стр. 39—45, 49, 50, 52, 53, 183, 407, 423.

12. *Андрей Юрьевичъ*, князь Бѣлозерскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Юрія Васильевича (95); удѣльнымъ княземъ не былъ. При его отцѣ, въ періодъ между 1380 и 1389 гг., совершился переходъ Бѣлозерскаго удѣла, купленнаго

еще великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Калитой (на особыхъ, вѣроятно, условіяхъ)въ родъ Димитрія Ивановича Донского; сыновья же Юрія Васильевича: бездѣтный Давидъ (35), Романъ (87) и Андрей подѣлили между собою отцовскій удѣлъ, изъ котораго князь Андрей получилъ земли по рѣкѣ Андогѣ и Вадбольскую волость, которыя перешли по наслѣдству къ сыновьямъ его: *Михаилу*, получившему Андожскую волость, и *Ивану*, получившему волость Вадбольскую; по названіямъ этихъ волостей Михаилъ и Иванъ получили свои родовыя прозвища и явились родоначальниками князей Андожскихъ и Вадбольскихъ.

Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, т. VIII, стр. 33; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; Петровъ, Ист. родовъ русск. двор., т. I; А. В. Экземплярскій, назв. соч, стр. 165, 167, 171.

13. *Аванасій Васильевичъ*, князь Сугорско-Шелешпанскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Василія Романовича (23), жилъ въ концѣ XIV вѣка. Послѣ смерти своего отца онъ получилъ въ удѣлъ Шелешпанскую волость, былъ первымъ и послѣднимъ ея удѣльнымъ княземъ и далъ своему потомству фамилію князей Шелешпанскихъ. Отъ брака съ неизвѣстной у него былъ сынъ *Иванъ* (53), изъ четырехъ сыновей котораго два старшихъ, *Юрій* и *Димитрій*, были продолжателями рода князей Шелешпанскихъ: отъ Юрія пошла старшая вѣтвь рода (угасшая), а отъ Димитрія, прозваніемъ Судницы,—младшая, теперь тоже уже угасшая.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; П. Н. Петровъ, Ист. родовъ русскаго двор., т. I, стр. 108; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 168, 169; Краткое повѣствованіе о началѣ родовъ князей Россійскихъ, М. 1785 г.; Энциклопедич. лексиконъ Плюшара, т. VII, стр. 550.

14. *Борисъ Андреевичъ*, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Андрея Ѳедоровича (II), жилъ въ XIV—XV вв. По рукописи Хлѣбникова (А. Титовъ, стр. 334), онъ уничтожилъ возобновленный его отцомъ знаменитый звѣринецъ въ Ростовскомъ уѣздѣ. По родословнымъ росписямъ, потомства отъ него не показано и другихъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885 г., стр 573, 334; А. В. Экземплярскій, назв. соч., стр. 42, 47.

15. *Борисъ Васильковичъ*, князь Ростовскій (колѣно III, отъ Рюрика XII), сынъ св. князя Василька Константиновича (26), родился 24-го іюля 1231 года въ г. Ростовѣ и подъ тѣмъ же годомъ упоминается въ числѣ лицъ, бывшихъ 14-го августа на освященіи церкви св. Богородицы въ Ростовѣ. По смерти отца въ 1238 году, онъ съ младшимъ братомъ своимъ Глѣбомъ подѣлилъ, по существовавшему тогда отчинному раздѣльному владѣнію, между собой Ростовское княжество такимъ образомъ, что Ростовъ взялъ Борисъ, а Бѣлоозеро—Глѣбъ, хотя de facto оба они, по малолѣтству своему, жили въ Ростовѣ при матери, которая и управляла всѣмъ княжествомъ. Въ 1244 году Борисъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Владиміромъ Константиновичемъ, княземъ Углицкимъ, и другими князьями, ѣздилъ въ Орду „про свою отчину“, т.-е. хлопотать передъ ханомъ объ утвержденіи себя и младшаго брата Глѣба въ правахъ на наслѣдственные удѣлы; Батый „разсудилъ имъ когождо въ свою отчину, и пріѣхаша (они) съ честію на свою землю“. Въ концѣ 1245 года Борисъ сопровождалъ своего дѣда Михаила Всеволодовича, князя Черниговскаго, въ Орду и тамъ уговаривалъ его исполнить „волю цареву“—поклониться „кусту, солнцу и идоламъ“,—но безуспѣшно. Послѣ мученической кончины дѣда князь Борисъ былъ отправленъ Батыемъ къ его сыну Сартаку, который, „почтивъ, его отпусти во свояси“. Въ 1248 г. князь Борисъ женился на Маріи, дочери Муромскаго князя Ярослава Юрьевича. Зимой слѣдующаго года онъ съ матерью, младшимъ братомъ и княземъ Александромъ Невскимъ сопровождалъ въ Ярославль изъ Владиміра тѣло князя Ярославскаго Василія Всеволодовича. Съ 1250 года вновь начинаются поѣздки князя Бориса въ Орду; въ этомъ же году онъ былъ у хана Сартака, который принялъ его съ честію. Послѣ 1252 года князь Борисъ побратался съ бѣжавшимъ изъ Орды и жившимъ въ Ростовѣ татарскимъ царевичемъ Даиромъ Кайдагуломъ (впослѣдствіи св. Петромъ Ордынскимъ), а въ 1256 и предыдущемъ году подносилъ въ Ордѣ дары приближенному хана—Улавчію, которому ханъ Берка поручилъ вѣдать дѣла Руси. 1257 и 1258 годы изобилуютъ поѣздками князя Бориса съ другими князьями въ Орду къ тому же Улавчію; наиболѣе правдопо-

добнымъ объясненіемъ этихъ, столь частыхъ поѣздокъ надо считать догадку Карамзина о томъ, что князья Сѣверо-Восточной Руси, „свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить Сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно: вслѣдъ за ними пріѣхали чиновники татарскіе въ области Суздальскую, Рязанскую, Муромскую и изочли жителей. Въ 1259 году князь Борисъ вмѣстѣ съ братомъ Глѣбомъ и матерью своею принимали въ Ростовѣ въ середу средокрестной недѣли князя Александра Невскаго, а въ 1261 году они съ Александромъ Невскимъ назначили въ помощники Ростовскому епископу Кириллу архимандрита Игнатія. Въ 1274 году князь Борисъ женилъ своего старшаго сына *Димитрія*, и затѣмъ до 1277 года о немъ лѣтописи ничего не говорятъ, а въ этомъ году князь Борисъ прибылъ въ Орду на помощь хану Менгу-Тимуру въ его походѣ противъ Кавказскихъ ясовъ (алановъ), но, тотчасъ по прибытіи въ Орду, заболѣлъ и, ожидая кончины, хотѣлъ-было принять иноческій санъ, но жена его, въ надеждѣ на благополучный исходъ болѣзни, отговорила его отъ этого намѣренія. Князь Борисъ скончался въ Ордѣ 16-го сентября того же года; тѣло его было перевезено женою и сыномъ Димитріемъ въ Ростовъ и 13-го ноября того же 1277 года погребено въ Соборной Успенской церкви, по правой сторонѣ.

Князь Борисъ былъ большимъ любителемъ книгъ, и несомнѣнно онъ есть тотъ „княжъ лѣтописецъ“, который въ такъ называемой Суздальской и Тверской лѣтописяхъ (исчезнувшая Ростовская лѣтопись) описываетъ событія, относящіяся преимущественно къ Ростовской землѣ. Изъ фактовъ, бывшихъ въ его княженіе въ Ростовѣ, лѣтопись отмѣчаетъ, кромѣ переписи 1257 года, также изгнаніе татаръ изъ Ростова въ 1262 году. У князя Бориса были сыновья: *Димитрій* (39), *Василій* (17) и *Константинъ* (67), княжившіе одинъ за другимъ послѣ отца.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 195, 196, 199—204, 224—228, 252; т. IV, стр. 29, 32—34, 43; т. V, стр. 174, 184, 199; т. VII, стр. 137, 143, 152, 154—156, 159, 160, 162, 167, 173; т. XV, стр. 373, 385, 395, 400, 401, 403—405; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 3, 4, 18—26, 32, 37—41, 46, 54, 61—63; Тверская лѣтоп. (рукоп. Археограф. Ком.), стр. 14; Степенная книга, т. I, стр. 335, 339, 347—349, 393; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 10, 12, 26, 29, 50—52, 81; Соловьевъ, Исторія; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 164, 165, 229; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 310, 311, 569; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 23, 27, 28, 36, 38, 44, 46, 53; т. II, стр. 21—25, 31, 34, 35, 71—74, 78, 127, 154—156, 159, 210, 263, 450, 617, 634; В. С. Иконниковъ, Опытъ Русской исторіографіи, Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1, стр. 863, 877, 906—909; А. Е. Пресняковъ, Княжое право, С.-Пб. 1909, стр. 152.

16. *Василій Александровичъ Ластка*, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), старшій сынъ князя Александра Ивановича (1), старшаго внука Владиміра Константиновича (29). Съ 1520 г. по 1525 годъ былъ воеводою московскихъ войскъ. Преданія о немъ, приводимыя А. Титовымъ изъ рукописей Хлѣбникова, носятъ баснословный характеръ. Владѣнія князя Василія въ нынѣшнемъ Ростовскомъ уѣздѣ были на мѣстѣ нынѣшнихъ селъ: 1) Деболы, гдѣ было его жилище, которое служило притономъ разбойничьей шайки Василія Шемяки и 2) с. Сельца. Князь былъ очень друженъ со Св. Исидоромъ блаженнымъ, вмѣстѣ съ которымъ навѣщалъ киновію Ростовскаго архіепископа Діонисія. При князѣ Василіи, его братѣ Иванѣ Лобанѣ и при архіепископѣ Діонисіи 29-го мая 1423 года на „Сахотскомъ болотѣ“, притонѣ чародѣевъ и волшебниковъ, явился животворящій крестъ съ иконы св. Николая Чудотворца, съ какового креста князь Василій приказалъ написать четыре такихъ же креста. Онъ имѣлъ сыновей: *Семена* и *Юрія*, съ которыми угасъ родъ князей Ласткиныхъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 77, 171, 349, 350, 459, 460, 528, 550, 578; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 55.

17. *Василій Борисовичъ*, княжичъ Ростовскій (колѣно IV, отъ Рюрика XIII), сынъ князя Бориса Васильковича (15). По лѣтописямъ извѣстно только, что онъ родился 16-го апрѣля 1268 года. Можно предполагать съ большой вѣроятностью, что онъ умеръ въ младенчествѣ, такъ какъ послѣ смерти его дяди—князя Глѣба Васильковича (32)—сѣли на княженіе только два сына Бориса Васильковича (15): Димитрій (39) и Константинъ (67).

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VII, стр. 167; т. XV, стр. 403, 404; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 46; Акты археогр. Эксп., т. I, стр. 340; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 12, 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 570; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 56; т. II, стр. 23, 25, 34, 634; В. С. Иконниковъ, Опытъ русск. исторіогр., Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1, стр. 910.

18. *Василій Глѣбовичъ*, князь Бѣлозерскій (колѣно IV, отъ Рюрика XIII), сынъ князя Глѣба Васильковича (32). Въ нѣкоторыхъ родословныхъ отсутствуетъ; онъ служилъ у великаго князя Московскаго, чѣмъ приравненъ былъ къ боярамъ. Умеръ въ 1283 году.

Кн. Долгорукій, Родосл. книга, т. I, стр. 217; Головинъ, Родословныя, №№ 293, 335, 336; Родословныя во Временникѣ Общ. ист. и древн. Росс., вып. X, стр. 41 и слѣд.; „Историч. Вѣстн." 1880 г., т. IV, стр. 513 (И. Е. Забѣлинъ, Московское единодержавіе); А. В. Экземплярскій, назв. соч., стр. 157; В. С. Иконниковъ, Опытъ русск. исторіогр., Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1, стр. 883.

19. *Василій Ивановичъ Губка*, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ивана-Яна Андреевича (51), былъ воеводою великаго князя Московскаго Василія III. Титовъ ведетъ отъ него родъ князей Губкиныхъ-Ростовскихъ, чего не встрѣчается въ другихъ родословныхъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885 г., стр. 387, 426, 578; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 58.

20. *Василій-Варсонофій Ивановичъ*, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ивана Александровича (44). Извѣстенъ только по родословнымъ; жилъ приблизительно въ XV вѣка.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 61.

21. *Василій Константиновичъ I*, князь Ростовскій (колѣно V, отъ Рюрика XIV), сынъ князя Константина Борисовича (67). Родился въ 1291 году; въ 1316 г. пришелъ изъ Орды съ татарскими послами Казанчіемъ и Сабанчіемъ, съ которыми „много зла сотвориша въ Ростовѣ". Причиной появленія татаръ, составлявшихъ передовой отрядъ, можно считать участіе князя Василія въ борьбѣ племянника своего Юрія Даниловича Московскаго съ Михаиломъ Ярославичемъ княземъ Тверскимъ. Князь В. былъ женатъ на неизвѣстной, отъ брака съ которой у него были сыновья: *Ѳедоръ* (101) и *Константинъ* (68), при которыхъ Ростовское княжество раздѣлилось на два удѣла.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 229; т. IV, стр. 47, 48; т. V, стр. 205, 206; т. VII, стр. 185, 187; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 89, 105; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 52, 81; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Казанъ. 1872, стр. 168; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 529; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 29, 34—38, 40, 45, 47, 56, 210, 211.

22. *Василій Константиновичъ II*, князь Ростовскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Константина Васильевича (68). Кромѣ извѣстія о томъ, что въ 1375 году онъ вкупѣ съ Андреемъ Ѳедоровичемъ (11), Александромъ Константиновичемъ (4) и Ѳедоромъ Романовичемъ (106) участвовалъ въ походѣ великаго князя Московскаго Димитрія Ивановича на Тверь, никакихъ другихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. По родословнымъ росписямъ онъ показанъ бездѣтнымъ; былъ-ли женатъ, неизвѣстно.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. IV, стр. 70; т. V, стр. 233; т. VIII, стр. 22; Карамзинъ, Исторія; Родословныя Головина и Долгорукова; гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 16, 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 572; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 106; т. II, стр. 50, 52, 53.

23. *Василій Романовичъ*, князь Сугорскій (колѣно VI, отъ Рюрика XV), младшій изъ двухъ сыновей князя Романа Михайловича (86). Извѣстенъ только по родословнымъ. Со смертью Романа Михайловича, отца его, Бѣлозерскій удѣлъ раздѣлился на двѣ части; старшій сынъ его Ѳедоръ (106), братъ князя Василія, получилъ Бѣлозерскъ, а самъ Василій — Сугорье (восточную половину за рѣкой Шексной). Можно предполагать съ большой достовѣрностью, что князь Василій скончался до 1380 года — на основаніи того, что послѣ смерти брата его, князя Ѳедора (ум. 1380), удѣлъ послѣдняго перешелъ къ сыну Василія Романовича — Юрію, иначе онъ самъ занялъ бы Бѣлозерскъ, предоставивъ Сугорье Юрію. У него были сыновья: *Юрій* (95), *Аванасій* (13), *Семенъ* (89) и *Иванъ* (54), а по нѣкоторымъ родословнымъ еще и *Константинъ* (69). Они явились родоначальниками слѣдующихъ отдѣльныхъ княжескихъ фамилій: Шелеш-

панскихъ, Кемско-Сугорскихъ и Кемскихъ, Карголомскихъ, Ухтомскихъ, Андожскихъ, Вадбольскихъ и Бѣлосельскихъ.

Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; Н. Петровъ, Исторія родовъ русскаго двор., т. I, стр. 108; А. В. Экземплярскій, назв. соч., стр. 162, 165, 167 — 171.

24. *Василій Романовичъ*, князь Бѣлозерскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Романа Юрьевича (80), жилъ въ XV вѣкѣ. Извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 172.

25. *Василій Ѳедоровичъ*, князь Бѣлозерскій (колѣно VI, отъ Рюрика XV), сынъ князя Ѳедора Михайловича (104), внукъ Михаила Глѣбовича (79). На основаніи большинства родословныхъ существованіе его можно признать дѣйствительнымъ.

Родословныя; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 162, примѣч. 484.

26. *Василько* (*Василій*) *Константиновичъ*, святой, князь Ростовскій (колѣно II, отъ Рюрика XI), старшій сынъ князя Константина Всеволодовича (71), великаго князя Владимірскаго, былъ первымъ самостоятельнымъ княземъ отдѣльнаго Ростовскаго княжества. Родился 7-го декабря 1209 года въ Ростовѣ. Подъ 1212 годомъ, 23-го мая, лѣтопись отмѣчаетъ о совершеніи надъ нимъ извѣстнаго стариннаго обряда пострига: „и бысть радость велика въ градѣ Ростовѣ“,—замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ. Въ 1216 г. отецъ его, Константинъ Всеволодовичъ, по утвержденіи своемъ во Владимірѣ, оставилъ своего семилѣтняго сына въ Ростовѣ на попеченіи епископа Пахомія, извѣстнаго своей книжностью („исполненъ книжнаго ученія“), а въ 1219 г., не задолго до кончины, окончательно назначилъ сыну въ удѣлъ Ростовскую землю, поручивъ В. непосредственному попеченію своего брата Юрія Всеволодовича, великаго князя Владимірскаго, дабы онъ ему былъ „въ его мѣсто“. Во все время своего княженія Василько подчинялся указаніямъ своего дяди Юрія Всеволодовича. Въ 1220 году онъ, по приказанію послѣдняго, а также, вѣроятно, и по своему желанію, когда Волжскіе болгары въ 1219 году разорили Устюгъ (его городъ), принималъ участіе въ военной экспедиціи противъ болгаръ въ верховья Камы. По просьбѣ южно-русскихъ князей Юрій Всеволодовичъ послалъ въ 1223 году на помощь русскимъ князьямъ противъ татаръ князя Василька, который, однако, дойдя до Чернигова и узнавъ о пораженіи русскихъ на рѣкѣ Калкѣ, вернулся въ Ростовъ. Въ 1224 году онъ со своею ратью сопровождалъ дядю своего въ походѣ его на Новгородскую землю, а въ 1226 г. съ нимъ же участвовалъ въ походѣ на Олега, князя Курскаго. Въ 1227 году, по совѣту и желанію дяди, онъ 10-го февраля женился (въ Москвѣ „въ церкви Благовѣщенія“) на княжнѣ Маріи Михайловнѣ, дочери князя Черниговскаго, а 12-го февраля прибылъ съ женою въ Ростовъ. Въ 1228 году дядя посылалъ его, вмѣстѣ со Владимірскимъ воеводою, Еремѣемъ Глѣбовичемъ, на Мордву для наказанія ея за набѣги на Суздальскую область, но, по случаю непогоды, приказалъ ему вернуться обратно; черезъ четыре мѣсяца (въ январѣ) В. принималъ участіе въ новомъ походѣ на Мордву, во время котораго было много побито мордвы, край опустошенъ огнемъ и мечемъ, а князья возвратились домой съ многочисленнымъ полономъ. Въ слѣдующемъ (1229) году между Васильковъ и его дядею Юріемъ нарушилось бывшее до тѣхъ поръ согласіе, „Но, говоритъ лѣтопись, Богъ не попусти лиху быти“, и въ скоромъ времени князья помирились на Суздальскомъ съѣздѣ. Княземъ Васильковъ былъ достроенъ въ Ростовѣ Успенскій храмъ, постройка котораго была начата еще его отцомъ, Константиномъ Всеволодовичемъ. Въ 1230 году онъ присутствовалъ на освященіи храма и тогда же просилъ дядю Юрія и епископа Владимірскаго Митрофана о назначеніи Ростовскимъ епископомъ архимандрита Кирилла, игумена Рождество-Богородицкаго монастыря, на что получилъ согласіе, и въ слѣдующемъ году послалъ архимандрита Кирилла въ Кіевъ для посвященія въ епископы. Въ 1232 году онъ участвовалъ въ походѣ на Михаила Всеволодовича, князя Черниговскаго, въ защиту интересовъ Ярослава Всеволодовича, брата великаго князя Владимірскаго. Походъ закончился разореніемъ области князя Михаила: князья выжгли Серенскъ, осадили Мосальскъ и много сдѣлали зла жителямъ этого края.

Въ 1237 году, во время движенія татаръ на Владиміръ, князь Василько вмѣстѣ съ Юріемъ Всеволодовичемъ, великимъ княземъ Владимірскимъ, ушелъ за Волгу. Въ слѣдующемъ году, 4-го марта, во время битвы на р. Сити между татарами и русскими, татары взяли въ плѣнъ князя Василька, увели его съ собою и на одной остановкѣ въ Шеренскомъ лѣсу (нынѣ Калужской губ.), послѣ того какъ Василько съ презрѣніемъ отвергъ предложеніе татаръ принять ихъ вѣру, онъ былъ убитъ, а трупъ его тутъ же брошенъ былъ въ лѣсу. Спустя нѣкоторое время трупъ былъ найденъ, по преданію, какою-то женщиною, которая разсказала о своей находкѣ нѣкоему благочестивому поповичу Адріану, который взялъ тѣло и скрылъ его въ укромномъ мѣстѣ; затѣмъ оно было перевезено въ Ростовъ и тамъ погребено въ соборной Успенской церкви. По словамъ лѣтописи Василько былъ очень любимъ жителями Ростова, а особенно своею дружиной, храбръ, красивъ лицомъ и имѣлъ ясный и грозный взоръ; „кто изъ бояръ служилъ ему, кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, тотъ, по словамъ лѣтописи, не могъ уже служить другому князю“.

За свои страданія Василько причисленъ русскою церковью къ лику святыхъ; память о немъ совершается 4-го марта. Время канонизаціи его неизвѣстно. Въ настоящее—время, именно, какъ полагаютъ, съ конца XVIII в., съ переводомъ архіерейской каѳедры изъ Ростова въ Ярославль,—память Василька не празднуется. Начало „страданія“ его (Милютинскія четьи-минеи): „Во время же страсти святаго благовѣрнаго князя Георгія Всеволодовича“; начало другого „страданія“: „Егда убо не исправихомся и не потребни быхомъ, зависти же и гордости и неправды не лишихомся“. Въ Ростовѣ существуетъ преданіе, что мощи Василька были прежде во вскрытіи.

У него были сыновья: *Борисъ* (15) и *Глѣбъ* (32), которые послѣ смерти отца подѣлили между собою Ростовское княжество; 1-ый взялъ собственно Ростовскій удѣлъ, а 2-ой—Бѣлозерскій. Жена Василька, — княгиня Марія Михайловна, послѣ убіенія мужа татарами, основала въ память супруга, въ верстѣ отъ г. Ростова, Спасскій на Пескахъ Княгининъ женскій монастырь, въ которомъ сама и была погребена въ 1271 г., а въ 1278 г. здѣсь же былъ „закопанъ“ и сынъ ея — Глѣбъ (32).

„Страданіе блаженнаго князя Василька Ростовскаго“ напечатано въ „Степенной книгѣ царскаго родословія“, т. I, стр. 338—340; Рукописныя „страданія“ находятся въ Милютинскихъ четьихъ-минеяхъ въ Имп. Публ. Библ. (рукописи Толстого, отд. III, № 69, XVII в.) и въ рукописяхъ И. Н. Царскаго, № 136, XVIII в.; Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 183 — 185, 187, 189 — 196, 198, 199, 222, 224, 225, 252; т. III, стр. 41; т. IV, стр. 27, 32, 33; т. V, 173, 174; т. VII, стр. 116, 125—128, 132—138, 140—143, 236; т. X, стр. 150; т. XV, стр. 327, 365, 368, 370—372; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 54, 93; Тверск. лѣтоп., стр. 404; Карамзинъ, Исторія; князь Эристовъ, Словарь историческій о святыхъ, прославляемыхъ въ Россійской церкви, С.-Пб. 1836, стр. 53 и 54; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 6, 7, 9—12, 20, 29, 34, 44, 70, 81; Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 261, 262; Его же, Исторія Россіи; Филаретъ, Русскіе святые, сентябрь; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 129, 134, 159—162, 164, 166, 229, 231; Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ, составленныя арх. Игнатіемъ, ч. I, С.-Пб. 1875 г.; Житія Ростовскихъ угодниковъ Божіихъ, соч. Н. К., С.-Пб. 1865; Гр. М. Толстой, Разсказы изъ исторіи Русской церкви, кн. 1, гл. VII, М. 1866; Благовѣрный князь Василько Константиновичъ Ростовскій — „Яросл. Епарх. Вѣд.“ 1843 г., № 9; 1868 г., №№ 36, 37; 1887 г., № 6; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 361, 463, 464; Его-же, Ростовъ и его святыни, стр. 8, 25; Н. Барсуковъ, Источники русской агіографіи, С.-Пб. 1882, стр. 94; „Чтенія Общ. любит. духовн. просвѣщ.“, М. 1868; Описаніе рукописей графа Ѳ. А. Толстого, сост. К. Ѳ. Калайдовичемъ и П. М. Строевымъ, М. 1825; Описаніе рукописей И. Н. Царскаго, сост. П. М. Строевымъ, М. 1848; Архим. Леонидъ; Святая Русь, С.-Пб. 1891 г., стр. 158, 159, № 613, Р. В. Зотовъ, О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время (=Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи 1882—1884 гг., вып. IX, отд. I, стр. 186, 286, 287); Е. Е. Голубинскій, Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви, изд. 2-ое, М. 1903, стр. 141; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 13, 14, 21, 56, 283; т. II, стр. 15—21, 25, 26, 35, 64—69, 123, 125, 126, 128, 154, 177, 204, 206, 211, 263, 387, 389; В. В. Звѣринскій, Матеріалы для историко-топографич. изслѣдованія о правосл. монастыряхъ въ Росс. Имп., т. II, С.-Пб. 1892, № 1195, стр. 341, 342; П. Г. Васенко, Книга степенная царскаго родословія, ч. I, С.-Пб. 1910, стр. 230; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіогр., т. II, кн. 1, Кіевъ. 1908, стр. 872, 878; А. Е. Пресняковъ, Княжое право, С.-Пб. 1909, стр. 152, 231, 254.

27. *Владиміръ Андреевичъ*, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), четвертый сынъ князя Андрея Александровича (8). Именуясь удѣльнымъ княземъ, фактически вполнѣ зависѣлъ отъ великаго

князя Московскаго, который послалъ его въ 1461 году, какъ „намѣстника своего", во Псковъ на княженіе, назначивъ его, какъ говоритъ лѣтопись, „не по Псковскому прошенію, не по старинѣ"; однако, псковичи приняли его съ честію и посадили „на княженіе". Подъ слѣдующимъ—1462 г. —первая Псковская лѣтопись отмѣчаетъ закладку имъ новаго городца „на обидномъ мѣстѣ" подъ Великимъ озеромъ и церкви Космы и Даміана „у примостья на Запсковьи"; тогда же „псковичи заложиша иный городокъ новъ на Володчикѣ горѣ и нарекоша и Володымерецъ"; городъ былъ названъ такъ или въ честь князя, бывшаго тогда во Псковѣ, или по самой горѣ, на которой онъ поставленъ. Хотя псковичи приняли Владиміра „съ честію", но не ужились съ нимъ, находя, что онъ „на народъ не благъ", и „на вѣчи съ степени съпхнули его" и въ сентябрѣ 1462 года „показали ему путь". Обиженный такимъ отношеніемъ къ себѣ, князь отправился изъ Пскова съ жалобою на псковичей въ Москву, къ великому князю, который сильно разгнѣвался на псковичей за самоуправство, но изъ лѣтописи не видно, что̀ предпринялъ онъ для наказанія псковичей. Кромѣ этихъ извѣстій, въ лѣтописи сохранился еще одинъ фактъ изъ жизни князя Владиміра, а именно, что онъ, вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Иваномъ Ивановичемъ Долгимъ, за себя и за своихъ дѣтей продалъ свою отчину—Борисоглѣбскую сторону Ростова—великому князю Ивану III. Князь Владиміръ имѣлъ двухъ сыновей: *Димитрія* и *Александра*, сперва княжившихъ во Псковѣ, а затѣмъ служившихъ въ Москвѣ, въ санѣ бояръ.

Полн. собр. русс. лѣтоп., т. IV, стр. 221,222; т. V, стр. 33, 34; т. VII, стр. 227; т. VIII, стр. 3, 180; Степенная книга, т. II, стр. 132; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 17, 54, 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 575, 577, 578; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 186, 187, 189, 190, 420; т. II, стр. 56—58, 61, 62.

28. *Владиміръ Ивановичъ Волохъ*, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ивана Ивановича Долгаго (58). Удѣльнымъ княземъ можетъ считаться лишь до 1474 года, — года продажи отчины Ивану III; съ этого года — вмѣстѣ съ братьями: Иваномъ Брюхомъ, Иваномъ Вершей и Михаиломъ Шенданомъ—онъ началъ писаться княземъ Пужбольскимъ-Ростовскимъ.

А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 61; А. Крыловъ, Историко-статистическій обзоръ Ростовско-Ярославской епархіи. стр. 207.

29. *Владиміръ Константиновичъ*, князь Ростовскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Константина Васильевича (66), жилъ въ XIV—XV вв. Въ 1375 г. вмѣстѣ съ братомъ Александромъ Константиновичемъ (4), помогалъ великому князю Московскому Димитрію Ивановичу въ его борьбѣ съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Въ Куликовской битвѣ 1380 года былъ „воеводой правой руки"; въ свое время былъ очень извѣстенъ любовью къ соколиной охотѣ; охотился очень часто въ своей вотчинѣ, расположенной въ мѣстности, занимаемой нынѣ дер. Емельяниковомъ, Ростовскаго уѣзда. У него было два сына: *Константинъ* (70) и *Иванъ*, прозваніемъ Бычокъ (55).

Родословныя; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 312, 504, 572; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 50, 52, 54, 55.

30. *Владиміръ Семеновичъ*, князь Сугорскій (колѣно VIII, онъ отъ Рюрика XVII), сынъ князя Семена Васильевича (89), князя Кемско-Сугорскаго. Извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 169.

31. *Гавріилъ Ѳедоровичъ*, князь Бѣлосельскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ѳедора Романовича (106), князя Бѣлозерскаго. Владѣлъ Бѣлымъ селомъ (въ нынѣшнемъ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губ.), отъ котораго принялъ фамилію Бѣлосельскій. При Павлѣ I-мъ, для того, чтобы сохранить память объ угасшихъ князьяхъ Бѣлозерскихъ, отъ которыхъ происходятъ князья Бѣлосельскіе, къ имени послѣднихъ прибавлено было названіе „Бѣлозерскіе".

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 172.

32. *Глѣбъ Василькovичъ*, князь Бѣлозерскій и Ростовскій (колѣно III, отъ Рюрика XII; его краткая біографія и свѣдѣнія о его потомствѣ помѣщены въ томѣ „Словаря" на букву Б., стр. 649—651); сынъ Святого князя Василька Константиновича (26). Родился въ 1237 году. Въ слѣдующемъ, 1238 году былъ убитъ татарами его отецъ, и по одному лѣтописному извѣстію

князь Глѣбъ „сѣлъ на Бѣлоозерѣ“; несомнѣнно, это извѣстіе означаетъ только то, что Бѣлоозеро было предназначено ему въ удѣлъ, а самъ онъ, за малолѣтствомъ, жилъ при матери въ Ростовѣ, или, какъ говоритъ лѣтопись, съ братомъ Борисомъ, по уходѣ Батыя, „сѣлъ на Ростовское княженіе“. Уже будучи 7-ми лѣтъ отъ роду, онъ сопровождалъ брата въ Орду для утвержденія за ними ханомъ ихъ наслѣдственныхъ удѣловъ, и Бѣлоозеро было укрѣплено за Глѣбомъ. Въ 1249 году, повидимому, одинъ, безъ брата, который былъ въ Ордѣ въ 1245 году, Глѣбъ ѣздилъ въ Орду къ сыну Батыя—Сартаку, по всей вѣроятности, для представленія и для новаго утвержденія въ правахъ на удѣлъ, такъ какъ Батый совершенно отказался отъ дѣлъ и ханомъ фактически былъ Сартакъ. Въ томъ же году Глѣбъ провожалъ въ Ярославль тѣло Василія Всеволодовича, князя Ярославскаго, скончавшагося во Владимірѣ. Въ 1251 году князь Глѣбъ въ первый разъ поѣхалъ въ свой удѣлъ на Бѣлоозеро и поселился тамъ; надобно полагать, что именно въ этомъ году на Бѣлоозерѣ поселился первый Бѣлозерскій князь. Но, живя тамъ, Глѣбъ не порывалъ связи съ Ростовомъ, часто наѣзжая въ него. Въ 1257 году онъ ѣздилъ въ Орду съ братомъ своимъ Борисомъ и тамъ женился на родственницѣ хана, названной во св. крещеніи Ѳеодорой, и въ томъ же году возвратился въ Ростовъ; „и бысть“, замѣчаетъ лѣтопись, „въ Ростовѣ радость велика о Глѣбовѣ пріѣздѣ“. Въ 1259 г., вмѣстѣ съ братомъ и матерью, онъ принималъ и чествовалъ въ Ростовѣ князя Александра Невскаго, проѣзжавшаго изъ Новгорода во Владиміръ. Въ 1261 году, вмѣстѣ съ Александромъ Невскимъ и братомъ, онъ назначилъ, по благословенію митрополита, Богоявленскаго архимандрита Игнатія въ помощники Ростовскому епископу Кириллу. Въ 1268 году Глѣбъ снова ѣздилъ въ Орду и вернулся оттуда больнымъ, а въ слѣдующемъ году присутствовалъ въ Юрьевѣ Польскомъ при кончинѣ князя Димитрія Святославовича. Въ 1271 г. онъ вновь ѣздилъ въ Орду; въ его отсутствіи умерла его мать, а въ 1273 году, 20-го декабря, скончалась и его жена, которая была погребена въ Ростовской церкви Пресв. Богородицы. Въ 1276 г. Г. присутствовалъ въ Костромѣ на похоронахъ великаго князя Василія Ярославовича Мизиннаго, а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, онъ принималъ участіе въ военной экспедиціи хана Менгу-Тимура на Кавказскихъ Ясовъ. Русскіе князья оказали большую помощь татарамъ: сожгли городъ Ясовъ — Дедяковъ (Тетяковъ), въ южномъ Дагестанѣ, и забрали большой полонъ. Въ благодарность за это ханъ богато одарилъ князей и отпустилъ ихъ съ честью. Въ этомъ же году, по смерти брата своего Бориса, Глѣбъ занялъ Ростовское княжество, соединивъ подъ своей властью Ростовъ и Бѣлоозеро. Возвратившись изъ Орды послѣ похода, Глѣбъ въ 1278 году женилъ своего сына Михаила на дочери Ярославскаго князя Ѳедора Ростиславовича и въ томъ же году послалъ его въ Орду, гдѣ готовились къ походу въ Болгарію, противъ явившагося тамъ самозванца, бывшаго свинопаса и извѣстнаго въ греческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ „Лахана“, который увѣрялъ народъ, что онъ освободитъ его отъ ига Монгольскаго. 13-го декабря 1278 г., послѣ 7-ми дневной болѣзни, князь Глѣбъ „тихо и кротко испусти душю“ въ Ростовѣ; онъ былъ погребенъ въ соборной Ростовской церкви епископомъ Игнатіемъ, рядомъ съ супругою и братомъ; но спустя 9 недѣль Игнатій, неизвѣстно почему, велѣлъ „изринуть его поругана и безчестна изъ церкви соборныя въ полнощь и повелѣ просто закопати его въ землѣ у Св. Спаса въ Княгининѣ монастыри“. За этотъ поступокъ еп. Игнатій былъ отлученъ митрополитомъ Кирилломъ отъ священнослуженія, но затѣмъ прощенъ по ходатайству князя Димитрія Борисовича (39). Лѣтописи съ похвалой отзываются о Глѣбѣ, какъ князѣ богобоязненномъ, кроткомъ и щедромъ, почитавшемъ монашескій чинъ, не гордомъ, ревнивомъ къ церковному благолѣпію. „Отъ юности своея, говоритъ Троицкая лѣтопись, по нахожденіи поганыхъ татаръ, нача служити имъ и многихъ хрестьяны обидимыя отъ нихъ избави и печальныя утѣшая, и брашна своего и питія нещадно требующимъ подавая... и многы церкви созда и украси иконами и книгами“. Съ именемъ Глѣба связано возникновеніе монастырей въ Бѣлозерскомъ краѣ; имъ основаны: 1) около 1260 года Спасо-Каменный монастырь, на небольшомъ островкѣ Кубенскаго озера, по случаю чуднаго спасенія отъ бури на озерѣ, и 2) Устьшехонскій Троицкій на Устьѣ, въ 1251 году, въ благодарность за чудесное исцѣленіе сына его Михаила отъ слѣпоты. Князь Глѣбъ замѣчателенъ еще

и тѣмъ, что первый въ Россіи возымѣлъ мысль объ искусственныхъ водяныхъ сообщеніяхъ; мѣстныя (Ростовскія) лѣтописи разсказываютъ, что однажды онъ плылъ изъ Бѣлоозера въ Устюгъ и, выйдя изъ Кубенскаго озера рѣкою Сухоной, замѣтилъ, что эта рѣка образуетъ недалеко отъ озера круглую излучину версты на двѣ отъ прямого пути, между тѣмъ, какъ прямо, поперекъ, разстояніе было бы не болѣе, какъ на „верженіе камня". Князь Глѣбъ приказалъ перекопать этотъ перешеекъ,—и рѣка пошла по каналу, который съ тѣхъ поръ сталъ называться „Княже-Глѣбовою простью"; такой же каналъ онъ сдѣлалъ и на р. Вологдѣ. По родословнымъ у князя Глѣба были различные сыновья: одни родословныя даютъ ему въ сыновья Демьяна и Михаила, другія—еще Василія и Романа; третьи — Демьяна, Василія и Михаила или Василія и Михаила; съ увѣренностью можно говорить только о Демьянѣ (36), Михаилѣ (79) и, отчасти,—Василіи (18), извѣстныхъ по лѣтописямъ; остальные являются лицами сомнительными. По нѣкоторымъ источникамъ, отъ Глѣба пошли князья Шехонскіе, Солнцевы, Засѣкины, Щетинины и Шаховскіе.

Полн. собр русск. лѣтоп., т. I, стр. 199—204, 224—227, 252; т. IV, стр. 32—34, 38, 43; т. V, стр. 174, 196, 199; т. VII, стр. 143, 159, 161, 163, 168, 173, 174; т. X, стр. 157; т. XV, стр. 373, 400, 401; Никоновск. лѣтоп., т. III, стр. 3, 4, 18, 33, 35, 37, 40, 48, 54, 58, 61—65, 66, 69; Тверск. лѣтоп., стр. 404; Троицк., лѣт. т. IV, стр. 34; Родословныя: Долгорукова, т. I, стр. 217; Головина, №№ 293, 335, 336; „Временника Общества исторіи и древностей россійскихъ", ч. X, стр. 41 и сл.; Степенная книга, т. I, стр. 335, 339, 393; Собр. госуд. грам. и догов., т. I, № 34; Энциклопед. лекс. Плюшара, т. VIII, стр. 551; Карамзинъ, Исторія; П. М. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви, С.-Пб. 1877 г., стр. 85, 742,; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 10, 12—14, 23, 30, 44, 81, 82; В. С. Борзаковскій, Исторія Тверского княжества, С.-Пб. 1876, стр. 85; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 569; С. М. Соловьевъ, Исторія; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 164, 165, 178, 205, 228; Н. П. Петровъ, Исторія родовъ русск. двор., т. I, стр. 107; „Историч. Вѣстн." 1904 года, № 1, стр. 234, 235; В. В. Звѣринскій, Матеріалы для ист.-топогр. изслѣд. о правосл. монастыряхъ въ Росс. Имп., т. I, С.-Пб. 1890 г. № 446, стр. 237, 238, 239; т. II, Спб. 1892 г., № 1195, стр. 342, № 1322, стр. 394; Амвросій, Исторія Россійской іерархіи, т. III., стр. 472; т. IV, стр. 325, 327; т. VI, стр. 584, 997; „Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ.", в. XXII, смѣсь, стр. 13; А. Бычковъ, Описаніе рукописей Имп. Публ. Библіотеки, т. I, стр. 7, № 4; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 23, 38, 44, 46, 47, 53; т. II, 21—25, 31, 71—74, 76, 78, 127, 154—160, 167, 209, 214, 259, 263; А. Е. Пресняковъ, Княжое право, С.-Пб. 1909, стр. 152; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1, стр. 863, 868, 882, 883, 894, 907, 971.

33. Глѣбъ Константиновичъ, князь Ростовскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Константина Васильевича (68). Какъ и братъ его Иванъ (60) упоминается только въ родословныхъ; съ большимъ вѣроятіемъ можно полагать, слѣдуя Экземплярскому, что князь Глѣбъ скончался въ 1365 году, основываясь на сообщеніи Никоновской лѣтописи, гдѣ подъ 1365 годомъ сказано: „того же лѣта князь Констянтинъ и з женою и з дѣтьми преставись" (отъ моровой язвы); здѣсь слѣдуетъ разумѣть, повидимому, именно Ивана и Глѣба Константиновичей, дѣтей Константина Васильевича, такъ какъ другіе его сыновья еще упоминаются въ лѣтописяхъ послѣ этого года.

Никоновск. лѣтоп., т. IV, стр. 8; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 50, 51; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 125, 207, 292, 293.

34. Давидъ Семеновичъ, князь Кемскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Семена Васильевича (89), князя Кемско-Сугорскаго. Жилъ въ XIV—XV вв. Послѣ смерти отца получилъ, съ братомъ Константиномъ (74), Кемскую волость Бѣлозерскаго уѣзда; но Константинъ вскорѣ оставилъ мірскую жизнь для монашеской келіи,—и князь Давидъ сталъ единоличнымъ владѣтелемъ волости. Отъ брака съ Ѳеодосіей, извѣстной только по имени, онъ имѣлъ 5 сыновей: *Александра*, *Ивана*, *Аѳанасія Фуника* (что является не прозвищемъ, а скорѣе уменьшительнымъ именемъ отъ *Аѳанасія*), *Юрія* и *Ѳеодора*, которые были уже простыми землевладѣльцами-вотчинниками и носили фамилію князей Кемскихъ; поэтому князя Давида можно считать родоначальникомъ угасшихъ князей Кемскихъ.

Акты Юрид., № 13; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русскаго дворянства, т. I, стр. 108; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 169.

35. Давидъ Юрьевичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Юрія Васильевича (95). Жилъ въ XIV—XV вв. Удѣла уже не имѣлъ;

извѣстенъ только по родословнымъ; бездѣтенъ.

Графъ М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 165, 171.

36. Демьянъ Глѣбовичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно IV, отъ Рюрика XIII), сынъ князя Глѣба Васильковича (32), родился въ 1263 году, 1-го іюля. По нѣкоторымъ родословнымъ носитъ имя Демьяна-Василія или просто Василія. Извѣстенъ только по родословнымъ; бездѣтенъ. Умеръ, по всей вѣроятности малолѣтнимъ, до 1277 года: это можно предположить изъ того, что отецъ его, отправляясь въ Орду, взялъ съ собой сына Михаила, о князѣ же Демьянѣ, старшемъ сынѣ, при этомъ не упоминается.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 204; т. VII, стр. 163; т. XV, стр. 403; Троицкая лѣтоп., стр. 226; М. Д. Хмыровъ, Перечень, № 662; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 157 — 159.

37. Димитрій Александровичъ Щепа, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Александра Ѳедоровича Щепы (5). Въ 1428 году отецъ его, котораго Псковичи выпросили себѣ княземъ у великаго князя Московскаго Василія Васильевича, послалъ князя Димитрія прежде себя во Псковъ; тамъ онъ дожидался отца „до полузимы“ и, не дождавшись, уѣхалъ въ Москву. Въ слѣдующемъ году онъ вновь пріѣхалъ съ отцомъ во Псковъ. Въ 1431 году въ его присутствіи былъ заложенъ новый городъ на Гдовѣ; онъ является родоначальникомъ князей Щепиныхъ-Ростовскихъ. У него былъ сынъ *Семенъ* Горбатый.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. IV, стр. 206; т. V, стр. 26; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 577, 580; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 152, 414; т. II, стр. 45, 46.

38. Димитрій Андреевичъ, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Андрея Александровича (8). Извѣстенъ только по родословнымъ, которыя считаютъ его бездѣтнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, назв. соч., стр. 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56.

39. Димитрій Борисовичъ, князь Ростовскій (колѣно IV, отъ Рюрика XIII), сынъ князя Бориса Васильковича (15), родился 11-го сентября 1253 года. О немъ въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій до 1276 года,—года его женитьбы на неизвѣстной намъ по имени княжнѣ. Въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и младшимъ братомъ Константиномъ, онъ былъ въ Ордѣ и послѣ кончины тамъ отца, перевезъ тѣло его въ Ростовъ. Въ 1278 году, послѣ смерти своего дяди, князя Глѣба Васильковича, занялъ Ростовскій престолъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ и въ слѣдующемъ году „со грѣхомъ и неправдою великою“ отнялъ удѣлъ у своего двоюроднаго брата князя Михаила Глѣбовича (73); не лишено вѣроятія предположеніе, что такой поступокъ его явился какъ-бы отместкою князю Глѣбу Васильковичу (32), ничѣмъ не надѣлившему князя Димитрія при занятіи Ростовскаго удѣла послѣ смерти его отца; этимъ же предположеніемъ можно объяснить ходатайство его въ 1280 году передъ Митрополитомъ Кирилломъ за Ростовскаго Епископа Игнатія, приказавшаго вырыть изъ могилы тѣло князя Глѣба Васильковича. Въ 1281 году у него произошла съ братомъ Константиномъ ссора (причина коей неизвѣстна; лѣтопись глухо говоритъ: „воздвиже діаволъ вражду и крамолу межи братома“),—и Константинъ, какъ младшій, долженъ былъ уѣхать во Владиміръ къ великому князю Димитрію Александровичу, а князь Димитрій „нача рать съвкуплять въ Ростовѣ, блюдяся братьи, и городъ весь замете“. Но, благодаря посредничеству Ростовскаго Епископа Игнатія и великаго князя, кровопролитія между братьями не произошло и въ скоромъ времени они помирились. Въ 1285 году, по кончинѣ, безъ потомства, Углицкаго князя Романа Владиміровича, удѣлъ послѣдняго былъ присоединенъ къ Ростовскому княжеству; благодаря этому территоріальному увеличенію, въ 1286 году (по Никоновской лѣтописи—въ 1287 году) между Димитріемъ Борисовичемъ и его братомъ произошелъ раздѣлъ (вѣроятно, по жребію) Ростовскаго княжества, при чемъ Димитрію достался Угличъ, а его брату—Ростовъ. Въ 1288 г. князь Димитрій участвовалъ въ походѣ великаго князя Владимірскаго Димитрія Александровича (сынъ котораго Иванъ года за три до этого женился на дочери Димитрія) на Тверского князя Михаила. Въ этомъ же году между Димитріемъ и его братомъ произошла добровольная мѣна удѣлами: Димитрій сѣлъ въ Ростовѣ, а Константинъ получилъ Угличъ. Спустя годъ, какъ глу-

хо отмѣчаютъ лѣтописи, татары были выгнаны Ростовцами изъ города, и Димитрій долженъ былъ, для умилостивленія хана, отправиться съ братомъ въ Орду. Въ концѣ жизни его добрыя отношенія, существовавшія между нимъ и великимъ княземъ Владимірскимъ, омрачились вслѣдствіе того, что князь Димитрій принялъ участіе въ происках братa великаго князя, Андрея Александровича, противъ великаго князя и въ 1293 году, вмѣстѣ съ другими враждебными лицами, оклеветалъ великаго князя Димитрія Александровича передъ ханомъ и даже принималъ участіе въ походѣ татаръ для наказанія великаго князя. Въ 1294 году князь Димитрій Борисовичъ скончался, оставивъ послѣ себя сына *Михаила* (80); по нѣкоторымъ извѣстіямъ у него былъ еще сынъ *Александръ*, но существованіе такового надо признать сомнительнымъ. Кромѣ сына, у него было три дочери: первая, неизвѣстная по имени, вышла замужъ въ 1292 году за Ивана Димитріевича, князя Переяславскаго, вторая—Анна (преподобная Анна Кашинская) въ 1294 г.—за Михаила Ярославича Тверского и третья—Василиса въ томъ же году за Андрея, сына Александра Невскаго.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 202, 226, 227, 228, 222; т. IV, стр. 38, 43, 44, 45; т. V, стр. 199, 201, 202; т. VII, стр. 160, 173, 174, 175, 179, 181; т. X, стр. 170; т. XV, стр. 403, 406, 407; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 35, 46, 61, 71, 85, 86—88, 89—91, 93; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 12, 14, 27, 30, 81; Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 282, 284; Прудиковъ, Историческія свѣдѣнія о благовѣрной княгинѣ Кашинской, С.-Пб., 1859; А. Иноземцевъ, Удѣльные князья Кашинскіе — „Чт. Общ. ист. и древн. Росс.“, 1873, кн. 6, стр. 31—58; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 165, 180—182; Соловьевъ, Исторія; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 306, 430, 570; Н. Барсуковъ, Источники русской агіографіи, С.-Пб. 1882, стр. 42; Е. Е. Голубинскій, Исторія канонизаціи Святыхъ въ русской церкви, изд. 2-е, М. 1903, стр. 159, 558; В. С. Борзаковскій, Исторія Тверскаго княжества, С.-Пб. 1876, стр. 89, 113; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 47, 50, 51, 54—56, 58; т. II, стр. 6, 21, 23 — 34, 80, 130, 131, 156, 159, 160, 267, 268, 388, 458, 459, 523; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. II, кн. 1, Кіевъ. 1908, стр. 886, 907, 1002, 1017.

40. Димитрій Ивановичъ, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ивана-Яна Андреевича (51). Извѣстенъ только по родословнымъ. Жилъ въ XV вѣкѣ. Можетъ считаться однимъ изъ родоначальниковъ угасшихъ князей Яновыхъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 578; А. В. Экземплярскій, назв. соч., стр. 58.

41. Димитрій Ивановичъ Бритый, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ивана Владиміровича Бычка (55), жилъ во 2-ой половинѣ XV вѣка. Извѣстенъ только по родословнымъ. У него были сыновья: *Василій*, *Юрій* и *Владиміръ*, прозвищемъ Волохъ, — князья Бритые-Ростовскіе, уже не бывшіе удѣльными. Отъ одного изъ внуковъ Димитрія, князя Василія Юрьевича, по прозванію—какъ и прадѣдъ его — Бычка, произошелъ давно уже угасшій родъ князей Бычковыхъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 576, 579; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 54, 55.

42. Димитрій Семеновичъ, князь Сугорскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Семена Васильевича (82), князя Кемско-Сугорскаго. Жилъ въ XV вѣкѣ; извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 169.

43. Димитрій Ѳедоровичъ Пріимокъ, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ѳедора Андреевича (99). Жилъ въ XV вѣкѣ. Имѣлъ (по Титову) 2-хъ сыновей: *Ѳедора* и *Димитрія*. Извѣстенъ только по родословнымъ; является родоначальникомъ угасшихъ князей Пріимковыхъ, Гвоздевыхъ и Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81, 83; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 575 и 577; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 44, 60, 61.

44. Иванъ Александровичъ, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), 3-ій сынъ князя Александра Константиновича (4), жилъ въ XIV и XV вѣкахъ. Извѣстенъ только по родословнымъ. По Титову у него была жена Дарья, дочь князя Ростовскаго Андрея Ѳедоровича, отъ котораго убѣжала къ князю Ивану Александровичу и вмѣстѣ съ нимъ сражалась на Куликовскомъ полѣ (см. Андрея Ѳедоровича); имѣлъ 5 сыновей: *Андрея* (9), *Василія-Варсонофія* (20), *Константина* (72)—бездѣтныхъ, *Ивана*, по прозванію Долгаго, (58), и *Александра* (2).

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 346, 573; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 53, 61.

45. Иванъ Александровичъ Лобанъ, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Александра Ивановича (1), жилъ въ XIV и XV вѣкахъ. Родоначальникъ существующаго рода князей Лобановыхъ-Ростовскихъ. При немъ и братѣ его Василіи Александровичѣ Ласткѣ (16) явился животворящій крестъ Господень (см. біографію Василія Александровича).

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 171, 419, 578; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 55.

46. Иванъ-Янъ Александровичъ, князь Ростовскій, братъ предыдущаго. Извѣстенъ только по родословнымъ; былъ бездѣтенъ.

Библіографію см. у предыдущаго.

47. Иванъ Александровичъ Буйносъ, князь Ростовскій (колѣно XI, отъ Рюрика XX), сынъ князя Александра Ивановича Хохолка (3). Извѣстенъ только по родословнымъ. Отъ него произошелъ родъ нынѣ угасшихъ князей Буйносовыхъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 581; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56.

48. Иванъ Андреевичъ, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Андрея Ѳедоровича (11); жилъ въ XV вѣкѣ. Въ 1474 году продалъ свою часть г. Ростова (Срѣтенскую сторону) великому князю Московскому Василію Димитріевичу. Имѣлъ 2-хъ сыновей: *Юрія* (96), по прозванію Нѣмого, и *Ѳедора* (103), по прозванію Голеня, родоначальника угасшихъ князей Голенинихъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 343; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 42, 43.

49. Иванъ Андреевичъ Катырь, князь Ростовскій (колѣно XI, отъ Рюрика XX), сынъ князя Андрея Ивановича Хохолка (10); жилъ въ XV в. Извѣстенъ только по родословнымъ. Является родоначальникомъ угасшихъ князей Хохолковыхъ-Ростовскихъ и Катыревыхъ-Ростовскихъ.

А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56.

50. Иванъ Андреевичъ Брюхатый, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Андрея Александровича (8); жилъ въ XV в. Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что онъ не упоминается по случаю продажи половины Ростова въ 1474 году, можно заключить, что онъ умеръ до этого года. У него было 2 сына: *Андрей* (10) и *Александръ* (3) Хохолки.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 430, 431, 440, 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56.

51. Иванъ-Янъ Андреевичъ, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Андрея Александровича (8); жилъ въ XV в. Въ 1425 г. у него умерла мать. Умеръ до 1474 года. У него было 4 сына: *Василій* Губка (19), *Иванъ* Темка (59), *Семенъ* (90) и *Димитрій* (40). Считается родоначальникомъ угасшихъ князей Яновыхъ и Темкиныхъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56, 58.

52. Иванъ Андреевичъ, князь Вадбольскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Андрея Юрьевича (12), князя Бѣлозерскаго. Владѣя Вадбольской волостью, сталъ называться по имени этой волости, передавъ это названіе своему, еще не угасшему и теперь потомству. Жилъ въ XV вѣкѣ.

Энцикл. Лекс. Плюшара, т. VIII, стр. 33; П. Н. Петровъ, Ист. род. русск. двор., т. I, стр. 114; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 165, 171.

53. Иванъ Аѳанасьевичъ, князь Шелешпанскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Аѳанасія Васильевича (13); жилъ въ XV вѣкѣ. Извѣстенъ только по родословнымъ. Имѣлъ 4-хъ сыновей, изъ которыхъ двое старшихъ—*Юрій* и *Димитрій* были продолжателями рода князей Шелешпанскихъ: отъ Юрія пошла старшая вѣтвь рода князей Шелешпанскихъ, нынѣ угасшая, а отъ Димитрія, по прозванію Судницы—младшая, нынѣ тоже уже угасшая.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; Н. П. Петровъ, Ист. родовъ русск. двор., т. I, стр. 108; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 168, 169; Краткое повѣствованіе о началѣ родовъ князей Россійскихъ, М. 1785; Энциклопедич. Лексиконъ Плюшара, т. VII, стр. 550.

54. Иванъ Ивановичъ Брюхо, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX),

сынъ князя Ивана Ивановича Долгаго (58), который продалъ свою отчину въ 1474 году великому князю Московскому Ивану III Васильевичу; такимъ образомъ, онъ не былъ удѣльнымъ княземъ, начавъ писаться княземъ Пужбольскимъ-Ростовскимъ.

А. В. Экземплярскій, назв. соч. т., II, стр. 61.

55. Иванъ Владиміровичъ, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Владиміра Константиновича (29). Жилъ въ XIV и XV вв. Извѣстенъ только по родословнымъ; у него было 2 сына: *Александръ* (1) и *Димитрій* (42), по прозванію Бритый.

А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 52, 54, 93.

56. Иванъ Васильевичъ, князь Карголомскій и Ухтомскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Василія Романовича (23), князя Сугорскаго. При раздѣлѣ Бѣлозерскаго удѣла, послѣ смерти отца, получилъ во владѣніе село Карголомъ, волость котораго тянулась на востокъ по берегу Бѣлаго озера, выше впаденія рѣки Шексны, не доходя Кубенскаго озера, и Ухтомскую волость. Извѣстенъ только по родословнымъ. Жилъ въ XIV и XV вв. Имѣлъ 2-хъ сыновей: *Ивана* и *Ѳедора* (102), которые послѣ смерти отца раздѣлили удѣлъ: Иванъ взялъ себѣ Ухтомскую волость, а Ѳедоръ—Карголомскую.

П. Н. Петровъ, Ист. родовъ русск. двор., т. I, стр. 108, 111; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т, II, стр. 168, 170.

57. Иванъ Ивановичъ Верша, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ивана Ивановича Долгаго (57); жилъ въ XV в. и не былъ удѣльнымъ княземъ. Братъ Ивана Ивановича Брюха (56). Библіографію см. у послѣдняго.

58. Иванъ Ивановичъ Долгій, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ивана Александровича (44); жилъ въ XV в.; извѣстенъ тѣмъ, что зимой 1474 г., совмѣстно съ двоюроднымъ братомъ и „со всѣми своими дѣтьми и съ братаничи", „продаша великому князю Московскому Ивану Васильевичю... свою отчину, половину Ростова (Борисоглѣбскую сторону) со всѣмъ". У него были дѣти *Владиміръ* Волохъ (28), *Иванъ* Брюхо (54), *Иванъ* Верша (57) и *Михаилъ* Шенданъ (81), которые не были уже удѣльными князьями; черезъ своихъ сыновей считается родоначальникомъ князей Пужбольскихъ, получившихъ эту фамилію отъ главнаго селенія своей волости—села Пужболъ.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VII, стр. 227; т. VIII, стр. 3, 180; А. Крыловъ, Историко-статистическій обзоръ Ростовско-Ярославской епархіи, стр. 207; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 17, 54, 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56, 57, 61, 62.

59. Иванъ Ивановичъ Темка, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ивана-Яна Андреевича (51); жилъ въ XV—XVI вв. Какъ князь, не имѣвшій удѣла, служилъ воеводою у великаго князя Московскаго и былъ убитъ 8-го сентября 1514 года въ битвѣ съ литовцами подъ г. Оршею. Считается родоначальникомъ князей Темкиныхъ-Ростовскихъ, нынѣ угасшихъ.

А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 59, 578; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 58.

60. Иванъ Константиновичъ, князь Ростовскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Константина Васильевича (68); жилъ въ XIV в. Владѣлъ въ Ростовскомъ уѣздѣ, какъ вотчиною, деревней Мартюковой, которая впослѣдствіи перешла къ его сыновьямъ (о послѣднихъ сообщаетъ одинъ Титовъ) *Андрею*, *Ѳедору* и *Ивану*; деревнею Ивановой, которую сынъ его Ѳедоръ далъ въ приданое за своей дочерью Дарьей, выданной замужъ за князя Димитрія Ивановича Бритаго-Бычкова (41), а въ 1321 г. къ нему перешло во владѣніе и село Вознесенское. Можно полагать съ большою достовѣрностью, что онъ скончался въ 1365 году.

Никоновская лѣтоп., т. IV, стр. 8; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 70, 310, 376, 572; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 50, 51.

61. Иванъ Михайловичъ, князь Ростовскій (колѣно XI, отъ Рюрика XX), сынъ князя Михаила Ивановича Шейдана (81); жилъ въ XVI в. Съ нимъ пресѣкся родъ князей Пужбольскихъ-Ростовскихъ. Извѣстенъ только по родословнымъ.

А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 61.

62. *Иванъ Романовичъ*, князь Бѣлозерскій-Бѣлосельскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Романа Юрьевича (87); жилъ въ XV в. Извѣстенъ только по родословнымъ; бездѣтенъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 172.

63. *Иванъ Ѳедоровичъ большой* и *Иванъ Ѳедоровичъ меньшой*, князья Ростовскіе (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сыновья князя Ѳедора Андреевича (99); жили въ XV в. Извѣстны только по родословнымъ, гдѣ оба показаны бездѣтными.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 43, 44.

64. *Иванъ Ѳедоровичъ*, князь Карголомскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ѳедора Ивановича (102); жилъ въ XV в. Извѣстенъ только по родословнымъ; бездѣтенъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82, 84; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр 170.

65. *Иванъ Ѳедоровичъ*, князь Бѣлозерскій (въ одной лѣтописи названъ „Бѣлозерецъ“) (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Ѳедора Романовича (105); жилъ въ XIV вѣкѣ. Многія родословныя называютъ его сыномъ князя Константина. Род. въ 1350 году; былъ союзникомъ Суздальскаго князя Димитрія Константиновича, который, пользуясь малолѣтствомъ великаго князя Московскаго Димитрія Ивановича, пытался самъ занять великокняжескій престолъ, и въ 1363 году князь Иванъ, очевидно по порученію Димитрія Константиновича, ѣздилъ въ Орду и привезъ оттуда послѣднему ханскій ярлыкъ на великое княженіе. Но когда Димитрій Ивановичъ осилилъ Димитрія Константиновича, князь Иванъ сталъ на сторону перваго и вмѣстѣ со своимъ отцомъ умеръ геройской смертью на Куликовскомъ полѣ 8-го сентября 1380 года. Князя Ивана, какъ проведшаго всю жизнь при отцѣ, нельзя считать отдѣльнымъ, самостоятельнымъ Бѣлозерскимъ княземъ; онъ имѣлъ единственнаго бездѣтнаго сына *Константина* (73).

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 232; т. III, стр. 92; т. IV, стр. 81; т. VI, стр. 95; т. VIII, стр. 12, 39; Никон. лѣтоп., т. IV, стр. 4—6, 121; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82, 84; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 95, 409; т. II, стр. 162—167, 406; В. С. Иконниковъ, Опытъ русск. исторіогр., т. II, кн. I, Кіевъ. 1908, стр. 883.

66. *Константинъ Андреевичъ*, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Андрея Ѳедоровича (11); жилъ въ концѣ XIV и началѣ XV вв. Изъ лѣтописей извѣстно лишь, что онъ скончался 27-го апрѣля 1407 г., передъ смертью принявъ иноческій санъ съ именемъ Кассіана. Потомства у него не осталось.

Полное собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 234; гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 573; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 169; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, 1891 стр. 42, 47.

67. *Константинъ Борисовичъ*, князь Ростовскій (колѣно IV, отъ Рюрика XIII), сынъ князя Бориса Васильковича (15). Родился 30-го іюля 1255 года (по Лаврентьевской и Никоновской лѣтописямъ—въ 1254 году). Имя его начинаетъ появляться въ лѣтописяхъ съ 1277 года, когда онъ сопровождалъ отца и брата Димитрія въ Орду, откуда они должны были принять участіе въ организованномъ ханомъ Менгу-Тимуромъ походѣ на непокорныхъ Кавказскихъ ясовъ (аланъ). Еще до похода отецъ князя Константина скончался въ Ордѣ и съ его тѣломъ отправился въ Ростовъ братъ его, а самъ онъ съ дядею Глѣбомъ Васильковичемъ (32) участвовалъ въ походѣ, изъ котораго вернулся домой въ половинѣ іюня 1278 г. и тогда же сѣлъ на отчій престолъ вмѣстѣ съ братомъ. Въ концѣ этого лѣта онъ пировалъ на свадьбѣ у своего двоюроднаго брата Михаила Глѣбовича. Какъ младшій братъ и человѣкъ болѣе миролюбивый, князь Константинъ не принималъ участія въ обидахъ, чинимыхъ братомъ князю Михаилу Глѣбовичу, а въ 1281 году изъ-за ссоры, подпятой его братомъ, онъ и самъ долженъ былъ уйти изъ Ростова къ великому князю Владимірскому Димитрію Александровичу, который, при посредничествѣ епископа Ростовскаго Игнатія, примирилъ враждующихъ. Въ томъ же году онъ принялъ сторону Андрея Александровича, враждовавшаго съ братомъ своимъ, Димитріемъ Александровичемъ, великимъ княземъ Владимірскимъ. Въ 1286 году по дѣлежу между братьями (вѣроятно по жребію) ему достался Ростовъ, однако въ 1289 году, вѣроятно добровольно, онъ, уступивъ Ростовъ, занялъ Угличъ. Въ томъ же году ѣздилъ въ Орду; туда же

онъ ѣздилъ и въ 1293 году, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ и другими князьями поддерживалъ клевету на великаго князя Владимірскаго, стараніями котораго состоялось примиреніе между нимъ и братомъ. Въ томъ же году, послѣ смерти брата, онъ занялъ Ростовскій удѣлъ, отдавъ Угличъ сыну своему Александру, а въ 1294 году поссорился съ Ростовскимъ Епископомъ Тарасіемъ, который вслѣдствіе этого покинулъ Ростовъ и отправился въ Устюгъ, но по дорогѣ былъ настигнутъ княземъ, который „ятъ Владыку и люди около его поима". Въ 1293 году Андрей Александровичъ, князь Городецкій, занявъ великокняжескій Владимірскій престолъ, задался цѣлью подчинить своей власти удѣльныхъ князей, найдя вѣрныхъ себѣ помощниковъ въ лицѣ князя Константина и князя Ѳедора Ярославскаго; послѣднимъ пришлось вступить въ длительную борьбу съ противниками великаго князя Андрея. Эта борьба закончилась въ 1301 году на Дмитровскомъ съѣздѣ примиреніемъ князей, за исключеніемъ Константина, который, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, „заратися" съ Иваномъ, княземъ Переяславскимъ, и только вмѣшательство владыки Семена „смири ихъ". Послѣ кончины въ 1299 г. супруги князя Константина, послѣдній женился въ 1302 году въ Ордѣ у какого-то, какъ сказано въ лѣтописи, „Кутлукорткы", и въ томъ же году женилъ своего сына Александра. Въ 1307 году князь Константинъ скончался въ Ордѣ. Отъ перваго брака онъ имѣлъ двухъ сыновей: *Александра*, князя Угличскаго, и *Василія* (21) и, можетъ быть, дочь, ту княжну Ростовскую, на которой женился въ 1297 году Юрій Даниловичъ, князь Московскій (см. біографію князя Димитрія Борисовича).

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 202, 226, 227, 228, 229, 252; т. IV, стр. 38, 43, 44, 45, 47; т. V, стр. 199, 201, 202, 204; т. VII, стр. 160, 174, 175, 179, 181, 185; т. XV, стр. 398, 400; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 35, 64, 65, 89—91, 94; Карамзинъ, Исторія; М. Толстой, назв. соч., стр. 12, 14, 15, 27, 30, 81; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, стр. 165, 166; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 161, 528, 529, 570; В. С. Борзаковскій, Исторія Тверского княжества, С.-Пб. 1876, стр. 89; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 47, 50, 51, 54—56, 87; т. II, стр. 6, 8, 24 — 26, 28 — 34, 77, 80, 81, 130, 131, 156, 159, 160, 179, 210, 211, 260, 267, 459; Соловьевъ, Исторія; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіогр., Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1, стр. 868, 886, 907.

68. Константинъ Васильевичъ, князь Ростовскій (колѣно VI, отъ Рюрика XV), 2-ой сынъ князя Василія Константиновича (21); первый князь младшей линіи рода Василія Константиновича, владѣвшей Борисоглѣбской стороной гор. Ростова. По Корсакову, родился въ 1291 году. Въ 1328 году князь Константинъ женился на дочери князя Ивана Калиты—Маріи. Благодаря этому родству съ сильнымъ Московскимъ княземъ онъ былъ, разумѣется, сильнѣе всѣхъ остальныхъ князей Ростовскихъ, которые дошли въ XIV в. до такого униженія, что ихъ „ограбиша въ Ордѣ и пустиша нагихъ", но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ вполнѣ подчиненъ Московскому князю, являясь его подручникомъ, въ области котораго Иванъ Калита распоряжался, какъ въ своей, прислалъ даже въ Ростовъ, въ качествѣ своего намѣстника, боярина Василія Кочеву. Въ 1340 году князь Константинъ былъ посланъ Калитою на помощь татарскому военачальнику Товлубію, шедшему наказать за что-то Смоленскихъ князей, и въ томъ же году сопровождалъ сына Калиты, Семена Гордаго, въ походѣ на Новгородъ; черезъ 2 года, какъ и другіе русскіе князья, ѣздилъ въ Орду на поклонъ новому хану Чанибеку. Въ 1248 году, по приказанію князя Семена Гордаго, вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, ходилъ на помощь Новгородцамъ противъ шведовъ. Въ продолженіе одиннадцати лѣтъ послѣ этого похода лѣтописи не упоминаютъ о немъ; имя его появляется лишь въ 1360 году, когда онъ, пользуясь происходившими въ то время раздорами между Московскимъ княземъ и Суздальскимъ, выхлопоталъ для себя у хана ярлыкъ на все Ростовское княжество, — значитъ, и на Срѣтенскую сторону, которою владѣлъ племянникъ его Андрей Ѳедоровичъ (11). Въ томъ же 1360 г. онъ принималъ участіе въ образованномъ въ Костромѣ, по приказанію хана, съѣздѣ князей для рѣшенія вопроса „о разбойницѣхъ" (Новгородскихъ ушкуйникахъ, ограбившихъ и побившихъ въ Жукотинѣ множество татаръ), результатомъ какового совѣщанія явилась выдача ушкуйниковъ въ руки татарскихъ властей. Въ 1361 г., въ числѣ другихъ русскихъ князей, онъ ѣздилъ въ Орду для рѣшенія, повидимому, своихъ домашнихъ споровъ. Пребываніе его въ Ордѣ совпало съ „замятней", результатомъ которой явилось

убійство хана Хидыря; не считая себя въ безопасности, князья поспѣшили удалиться изъ Орды, но не всѣ выбрались счастливо оттуда: есть извѣстіе, что татары тогда „ограбиша князей Ростовскихъ и пустиша ихъ нагихъ“; одна только Никоновская лѣтопись говоритъ, что именно Ростовскіе князья избѣжали „грабленія“. Полученіе княземъ Константиномъ ханскаго ярлыка на все княжество Ростовское создало между нимъ и племянникомъ его Андреемъ Ѳедоровичемъ (11) „нелюбіе“, послѣ чего Андрей Ѳедоровичъ долженъ былъ покинуть Ростовъ въ 1363 году, но въ слѣдующемъ году пришлось покинуть Ростовъ и самому князю Константину и удалиться въ Устюгъ—изъ-за невозможности бороться съ племянникомъ, поддержаннымъ Московскою ратью. Черезъ годъ онъ, вѣроятно, помирившись съ племянникомъ, пріѣхалъ въ Ростовъ, гдѣ черезъ годъ (въ 1365 г.) вмѣстѣ съ женой скончался отъ моровой язвы и былъ погребенъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. У него были сыновья: *Иванъ* (60), *Глѣбъ* (33), *Василій* (22), *Александръ* (4), *Владиміръ* (29) и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, дочь—княжна *Анна*, бывшая второю супругою Любарта Гедиминовича, во св. крещеніи Василія, князя Волынскаго. Въ 1363 году княземъ Константиномъ былъ основанъ въ Ростовѣ Константино-Борисоглѣбскій монастырь.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 231, 280; т. II, стр. 350; т. IV, стр. 51, 55, 64; т. V, стр. 218, 222, 229, 230; т. VII, стр. 201, 206, 215; т. VIII, стр. 11; т. XV, стр. 248; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 171, 173, 179, 187, 189, 192, 216—218; т. IV, стр. 7—9; Троицк. лѣтоп., стр. 231; Воскресенск. лѣтоп., т. VII, стр. 215; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 15, 16, 17, 52, 58, 81, 82; „Яросл. Губ. Вѣд.“ 1850 г., № 4, стр. 60 (Историч. очеркъ Яросл. губ.); М. Д. Хмыровъ, Перечень, №№ 24, 41, 328; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 168, 169; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, стр. 110, 571, 572; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 83, 87, 95; т. II, стр. 34, 35, 37, 40, 41, 45, 47—51, 53, 55, 87, 104, 182, 260, 400, 405, 407—409; „Историч. Вѣсти.“ 1891 года, № 12, стр. 768; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіогр., Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1, стр. 736, 859, 939, 940.

69. Константинъ Васильевичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Василія Романовича; жилъ въ XIV—XV вв. Извѣстенъ только по родословнымъ, которыя смѣшиваютъ его съ княземъ Константиномъ Ивановичемъ (73).

А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 162, 165—168.

70. Константинъ Владиміровичъ, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), старшій сынъ князя Владиміра Константиновича (29). По лѣтописямъ извѣстно только, что онъ умеръ въ 1415 году, принявъ передъ смертью иноческій чинъ съ именемъ Кассіана. Былъ бездѣтенъ.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 234; Троицк. лѣтоп., стр. 226; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между русск. князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 390; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 170; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 75, 409; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 52, 54.

71. Константинъ Всеволодовичъ, Мудрый, князь Ростовскій и великій князь Владимірскій (колѣно I, отъ Рюрика X), сынъ великаго князя Владимірскаго Всеволода III Юрьевича Большое Гнѣздо. Первый князь въ ряду самостоятельныхъ Ростовскихъ князей. Родился въ 1186 году, въ Ростовѣ, отъ перваго брака его отца съ Маріею, дочерью Чешскаго князя Шварна. Уже на десятомъ году отецъ женилъ его на дочери князя Смоленскаго Мстислава Романовича. До 1205 года онъ находился при отцѣ, присутствуя, какъ представитель послѣдняго, при освященіи церквей во Владимірѣ и участвуя въ 1199 году въ походѣ на половцевъ, а въ 1205 г. былъ посланъ отцомъ на княженіе въ Новгородъ, гдѣ пробылъ до 1207 года, но большую часть времени проводилъ не въ Новгородѣ, а во Владимірѣ и въ Ростовѣ. Тогда же онъ, собравъ новгородцевъ, псковитянъ, ладожанъ и новоторжцевъ, прибылъ съ ними къ Москвѣ для оказанія помощи отцу противъ половцевъ. Спустя нѣкоторое время, отецъ далъ ему въ удѣлъ Ростовъ съ другими пятью городами, но какими именно,—неизвѣстно. Въ его отсутствіе въ 1211 году выгорѣлъ почти весь Ростовъ, и онъ, узнавъ объ этомъ, немедленно возвратился въ него изъ Владиміра, куда ѣздилъ для свиданія съ отцомъ. Какъ уроженецъ Ростова и человѣкъ, долго жившій тамъ, онъ завязалъ со своей родиной не только нравственную связь, но проникся и ея политическими идеалами, добиваясь какъ старшинства Ростова передъ Влади-

міромъ, такъ и политической недѣлимости всей Ростовско-Суздальской земли. Въ 1212 году, когда отецъ его „нача изнемогати", онъ послалъ въ Ростовъ за княземъ Константиномъ, съ тѣмъ, чтобы „благословить" его великимъ княжествомъ Владимірскимъ, а Ростовъ передать его брату Юрію. Князь Константинъ отказался ѣхать во Владиміръ и передать Ростовъ, доказывая, что онъ, какъ старшій сынъ, имѣетъ право на все великое княжество. Послѣ троекратнаго приглашенія Всеволодъ лишилъ его старшинства, назначивъ великимъ княземъ брата его—Юрія, которому далъ Владиміръ и Суздаль, а Константину—Ростовъ и Ярославль. Константинъ, опираясь на право старшаго въ родѣ, началъ домогаться великаго княженія, и Юрій, желая покончить миромъ, уступалъ ему Владиміръ, а себѣ просилъ Ростовъ, но Константинъ не согласился, оставаясь непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи. Усобица между братьями закончилась въ 1216 г. Липицкой битвой, которая возвратила Константину права на великое княженіе. Сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, онъ не порывалъ, однако, связей съ Ростовомъ, проводя здѣсь бо̀льшую часть времени, заложивъ соборную церковь и оставивъ послѣ себя много другихъ памятниковъ, и, между прочимъ, библіотеку, которая продолжала увеличиваться при сынѣ его Василькѣ. Скончался князь Константинъ 2-го февраля 1219 года, вызвавъ всеобщую печаль въ народѣ; лѣтопись такъ говоритъ: „плакали плачемъ великимъ,—бояре, како заступники земли ихъ, слуги, какъ о кормителѣ и господинѣ, убогіе и чернецы, какъ о своемъ утѣшеніи и одѣяніи наготы ихъ". Лѣтопись изображаетъ его правдивымъ, кроткимъ, щедрымъ. Князь Константинъ имѣлъ 3-хъ сыновей: *Василька* (26), *Всеволода* и *Владиміра*, между которыми раздѣлилъ Ростовско-Суздальскую землю, отдавъ Ростовъ — Василькy, Ярославль—Всеволоду и Угличъ—Владиміру.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 167, 171, 174, 175, 176, 179, 177—178, 181, 182, 183—184, 185, 186, 210, 212; т. III, стр. 29, 30, 34; т. IV, стр. 19, 20, 21, 22; т. V, 172; т. VII, стр. стр. 98, 101, 103, 106, 108, 112, 113—114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 124, 235, 212; Никон. лѣтоп., т. II, стр. 310, 311; т. III, стр. 261; Троицк. лѣтоп., стр. 215; Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, стр. 110, 111; Карамзинъ, Исторія; гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 8, 19, 23, 34, 69, 81; С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 261—263; М. П. Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. VI, стр. 243—248; И. Д. Бѣляевъ, Великій князь Константинъ Всеволодовичъ Мудрый—„Временникъ Общ. ист. и древн. Росс." 1849 г., кн. 3-ья, отд. I, стр. 59—78; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 152—160, 163, 170, 229, 231, 232, 235: „Яросл. Губ. Вѣд." 1843 г., № 5; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 75, 122, 332, 333, 334, 405. 438, 568; Соловьевъ, Исторія; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 7, 8, 10, 11, 20, 21, 23, 34, 278, 330, 331, 394; т. II, стр. 15, 16, 30, 64—66, 102, 123—125, 128, 154, 175—177, 204—206, 255, 256, 261—263, 272, 381, 383, 389, 446, 566, 615, 622; В. С. Иконниковъ, Опытъ Русск. исторіогр., Кіевъ. 1908 г., т. II, кн. 1 и 2; В. О. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, ч. I, изд. 3-ье, М. 1908, стр. 413.

72. Константинъ Ивановичъ, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ивана Александровича (44); жилъ въ XV в.; извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 61.

73. Константинъ Ивановичъ (по другимъ—Васильевичъ), князь Бѣлозерскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Ивана Ѳедоровича (65). Время его жизни относится къ періоду полной политической зависимости Бѣлозерска отъ Москвы. Не желая подчиняться Москвѣ, онъ ушелъ въ 1393 году въ Новгородъ, который легко открывалъ доступъ служилымъ князьямъ, назначая имъ въ управленіе города и волости и требуя отъ нихъ лишь защиты города въ минуту опасности. Въ томъ же году, во время войны великаго князя Московскаго Василія Димитріевича съ Новгородомъ, со стороны послѣдняго, вмѣстѣ съ княземъ Литовскимъ Романомъ, сражался „съ охвочею ратью" и князь Константинъ, принимая участіе во взятіи Клигена и Устюжны и въ сожженіи Устюга и Бѣлозерска. Въ 1394 году Новгородцы съ княземъ Романомъ Литовскимъ и княземъ Константиномъ пришли ко Пскову ратью и „въ заѣздѣ между ними и Псковичами произошелъ бой, послѣ чего Новгородцы ушли отъ Пскова въ розмирьи". Въ 1395 г. князь Константинъ разбилъ Шведовъ, пришедшихъ къ новому городку Ямy. Черезъ годъ, во время нападенія нѣмцевъ на Корельскую землю, онъ преслѣдовалъ ихъ, но не нагналъ: поймалъ только одного языка и прислалъ его въ Новгородъ; въ 1408 году пере-

шелъ на службу во Псковъ, по всей вѣроятности, для оказанія помощи въ бывшей тогда войнѣ Псковичей съ нѣмцами и литовцами, но въ томъ же году „Князь Констянтинъ Бѣлозерскій", говоритъ Псковская лѣтопись: „выѣха вонъ изъ Пскова, а не учинивъ помощи никоея же". Когда и гдѣ умеръ онъ,—неизвѣстно. Родословныя считаютъ его бездѣтнымъ.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. III, стр. 96, 97; т. IV, стр. 99, 100, 101, 102, 140, 141, 199: т. V; стр. 21, 245, 246, 248; т. VI, стр. 123, 124; т. VIII, стр. 63, 64; Никон. лѣтоп., т. IV, стр. 254, 266; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 162, 165—168; В. С. Иконниковъ, Опытъ русск. исторіогр., Кіевъ. 1908 г., т. II, кн. 1, стр. 620, 788, 883.

74. Константинъ Семеновичъ, князь Кемскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Семена Васильевича (89), князя Кемско-Сугорскаго. Послѣ смерти отца, вмѣстѣ съ братомъ Давидомъ получилъ во владѣніе Кемскую волость, но вскорѣ оставилъ мірскую жизнь для монашеской келіи.

Акты Юрид., № 13; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русск. дворянства, т. I, стр. 108; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 169.

75. Михаилъ Александровичъ Касатка, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Александра Ивановича (1); жилъ въ XV вѣкѣ; извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 77, 171, 349, 350, 459, 460, 528, 550, 578; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 55.

76. Михаилъ Андреевичъ, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Андрея Ѳедоровича (11); жилъ въ XIV—XV вв. Извѣстенъ только по родословнымъ, въ которыхъ потомства отъ него не показано. Изъ рукописи Артынова (Титовъ, стр. 459) видно, что онъ палъ на Куликовскомъ полѣ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 459, 573; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 42, 47.

77. Михаилъ Андреевичъ, князь Андожскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Андрея Юрьевича, князя Бѣлозерскаго (12). Когда, послѣ смерти Юрія Васильевича (95), началось дробленіе Бѣлозерскаго удѣла, то онъ получилъ отъ своего отца волость по р. Андогѣ, которая беретъ начало въ нынѣшнемъ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, а въ Череповецкомъ впадаетъ въ рѣку Суду, изливающуюся въ Шексну; по р. Андогѣ обладатели бассейна этой рѣки стали называться, начиная съ дѣтей князя Михаила, князьями Андожскими. Время жизни его можно отнести къ XV вѣку.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русск. двор., стр. 114; А. В. Экземплярскій, назв. соч., стр. 165, 171.

78. Михаилъ Андреевичъ, князь Верейско-Бѣлозерскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Андрея Димитріевича, внукъ Димитрія Ивановича Донского, не изъ рода князей Ростовскихъ. Получивъ послѣ смерти отца часть Можайскаго удѣла — Верею и Бѣлоозеро, входившее уже въ составъ Московскаго княжества со времени Ивана Калиты, князь Михаилъ владѣлъ имъ до смерти (1485 г.). Такимъ образомъ, дѣятельность его относится главнымъ образомъ къ Верейскому княжеству; въ Бѣлозерскомъ же удѣлѣ дѣятельность его отмѣчена, главнымъ образомъ, выдачей жалованныхъ грамотъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю (7), касавшихся рыбныхъ промысловъ и Ѳерапонтовой пустыни (3) и освобождавшихъ пустынь отъ княжескихъ даней и пошлинъ. Въ политическомъ отношеніи онъ былъ совершенно зависимъ отъ Московскаго князя, сохранивъ за собою только видимость княжеской власти, и въ концѣ своей жизни по особому договору съ своимъ двоюроднымъ дядею, великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ III, навсегда отказался отъ правъ на Бѣлоозеро—какъ за себя, такъ и за свое потомство.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. IV, стр. 125, 153; т. V, 267, 268; т. VI, стр. 9, 20, 21, 33, 34, 35, 170, 171, 172, 193, 224, 238, 277, 278; т. VIII, стр. 4, 112, 113, 114, 163, 164, 166, 167, 200, 206, 238, 278; т. XV, стр. 492; Никон. лѣтоп., т. V, стр. 201, 215; т. VI, стр. 25, 27, 31, 33, 112; Акты историч., т. I, стр. 77, 98, 99, 300—306; Акты Археографич. экспед., т. I, стр. 23, 24, 28, 35, 36, 48, 49, 78, 82, 83, 86, 466, 467, 474—478, (№№ 30, 31, 36, 47, 48, 65, 66, 67, 73, 100, 107, 114, 124); т. III, № 48; Собр. госуд. грам. и догов., т. I, №№ 64, 78, 45—47, 49, 50, 61, 65, 67, 75, 90—94, 118; Дополн. къ Акт. Историч., т. I, № 191; Акты Западн. Россіи, т. I, № 50; Древн. Росс. Вивл., т. I, стр. 254; Карамзинъ, Исторія; гр. М. Толстой, назв. соч, стр. 81; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 178 — 180; Соловьевъ, Исторія; Е. В. Викторовъ, Описаніе рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи, стр. 150; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 158, 167—170, 176, 177, 179, 180, 191, 192, 201, 202, 204, 228, 246—248; т. II,

стр. 113, 115, 117, 145, 147, 173, 199, 231, 241, 242, 246, 247, 312, 313, 321, 323—325, 328—334, 336, 339, 522, 637, 638; В. В. Звѣринскій, Матеріалы для историко-топографич. изслѣдованій о православныхъ монастыряхъ въ Росс. Имп., С.-Пб. 1890, т. I, стр. 280, 281, № 556; т. II, стр. 394. № 1332; стр. 166, 167 и слѣд. № 867; В. С. Иконниковъ, Опытъ русск. историіогр., Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1—2, стр. 895, 896, 1153, 1715.

79. Михаилъ Глѣбовичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно IV, отъ Рюрика XIII), сынъ князя Глѣба Васильковича (38). Родился въ 1263 году. 14-ти лѣтъ отъ роду (въ 1277 году) принималъ участіе въ походѣ хана Менгу-Тимура на Кавказскихъ ясовъ, а въ слѣдующемъ году; въ іюлѣ мѣсяцѣ, женился на неизвѣстной по имени дочери Ярославскаго князя Ѳедора Ростиславовича. Въ началѣ октября слѣдующаго года ходилъ съ тестемъ помогать татарамъ, воевавшимъ въ Болгаріи съ самозванцемъ Лаханомъ, который выдавалъ себя за посланника Божія, пришедшаго для освобожденія отъ монгольскаго ига. Занявъ послѣ смерти отца Бѣлозерскій удѣлъ, князь Михаилъ пробылъ въ немъ очень недолго, такъ какъ двоюродный братъ его Димитрій Борисовичъ Ростовскій (39) отнялъ у него удѣлъ „со грѣхомъ и неправдой великою". Изгнанный изъ удѣла, князь Михаилъ скитался неизвѣстно гдѣ и только въ 1286 году, при дѣлежѣ Ростовскаго княжества между Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами, ему вновь былъ предоставленъ Бѣлозерскій удѣлъ. Въ 1292 году онъ принялъ участіе въ интригахъ князя Городецкаго Андрея Александровича противъ брата его, великаго князя Димитрія: вмѣстѣ съ другими князьями онъ ѣздилъ въ слѣдующемъ году въ Орду и тамъ клеветалъ на послѣдняго хану. Въ Ордѣ лѣтомъ того же года онъ и скончался, а погребенъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. У него было 3 сына: *Ѳедоръ* (104), *Романъ* (86) и *Василій* (18).

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 226—228; т. IV, стр. 39, 44, т. VII, стр. 173, 174; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 61, 65—68, 85, 89—91; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 12, 14, 15, 26, 27, 82; С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 282, 283; Его же, Исторія; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 47, 50, 51, 55; т. II, стр. 6, 25, 26, 31, 76, 83, 156—161, 209, 214; В. С. Иконниковъ, Опытъ русск. историіогр., Кіевъ. 1908 г., т. II, кн. I, стр. 883.

80. Михаилъ Дмитріевичъ, княжичъ Ростовскій (колѣно V, отъ Рюрика XIV), сынъ князя Димитрія Борисовича (39); родился въ 1286 г. Такъ какъ имя его упоминается только одинъ разъ по поводу его рожденія, а родословныя считаютъ его бездѣтнымъ, то можно полагать, что онъ умеръ въ младенчествѣ.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 227; т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201; т. VII, стр. 179; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 571; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 6, 29—31.

81. Михаилъ Ивановичъ Шенданъ, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ивана Ивановича Долгаго (58). Свѣдѣній о немъ не сохранилось.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VII, стр. 227; т. VIII, стр. 3. 180; А. Крыловъ, Историко-статист. обзоръ Ростовско-Ярославск. епархіи, стр. 207; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 17, 54, 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ. М. 1885, стр. 575; А. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56, 57, 61.

82. Михаилъ Константиновичъ, князь Ростовскій (колѣно V, отъ Рюрика XIV), сынъ князя Константина Борисовича (67). Родился въ 1287 году. По рукописи Артынова (А. А. Титовъ, стр. 161) видно, что онъ получилъ отъ отца своего во владѣніе въ XIII в. село Исаевское. Шадневской волости Ростовскаго уѣзда. Умеръ бездѣтнымъ.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 227; т. IV, стр. 44, т. V, стр. 201; т. VII, стр. 179; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 161, 571; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 29, 30.

83. Михаилъ Юрьевичъ, князь Ростовскій. Въ лѣтописи имѣется только одно указаніе, что онъ скончался въ 1405 году: кто былъ его отецъ — неизвѣстно; есть предположеніе, что онъ былъ сыномъ князя Юрія Александровича (93), правнука Бориса Васильковича (15).

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 233; Д. А. Корсаковъ, Мера и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 169; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 54.

84. Петръ Андреевичъ, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Андрея Александровича (8). Умеръ бездѣтнымъ; извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56.

85. Романъ Глѣбовичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно IV, отъ Рюрика XIII); сомнительный сынъ князя Глѣба Васильковича

(32). Извѣстенъ только по нѣкоторымъ родословнымъ.

Князь П. Долгоруковъ, т. I, стр. 217; Головинъ, №№ 293, 335, 336; „Врем. Общества Исг. и древн. Росс.“ вып. X, стр. 41 и др.; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 158.

86. Романъ Михайловичъ, „*Романчукъ*“, князь Бѣлозерскій (колѣно V, отъ Рюрика XIV), сынъ князя Михаила Глѣбовича (79). Въ 1338 или 1339 г., изъ-за интригъ Ивана Калиты, ѣздилъ вмѣстѣ съ княземъ Ярославскимъ въ Орду къ хану Узбеку. Послѣ этого года имя его въ лѣтописи не упоминается. С. М. Соловьевъ высказываетъ догадку, что при немъ именно Бѣлозерскій удѣлъ былъ купленъ Иваномъ Калитою на такихъ условіяхъ, которыя до извѣстнаго времени оставляли за князьями Бѣлозерскими права князей самостоятельныхъ. Отъ брака съ неизвѣстною онъ имѣлъ 2-хъ сыновей: *Ѳедора* (105) и *Василія* (23), съ которыми началъ дробиться Бѣлозерскій удѣлъ.

Полн. собр. русскихъ лѣтоп., т. XV, стр. 422; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 79, 167; т. V, стр. 221; т. VII, стр. 205; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; Соловьевъ, Исторія; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 85, 160—163, 168.

87. Романъ Юрьевичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Юрія Васильевича (95). Извѣстенъ только по родословнымъ, которыя даютъ ему трехъ сыновей: *Ѳедора* (106), *Ивана* (62) и *Василія* (24); послѣдніе были бездѣтны, а черезъ сына перваго князь Романъ считается родоначальникомъ князей Бѣлосельскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 165, 171, 172.

88. Русанъ Ѳедоровичъ, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ѳедора Андреевича (99). Въ нѣкоторыхъ родословныхъ называется Ѳедоромъ Русаномъ, у Титова же представленъ онъ двумя разными лицами: Ѳедоромъ (см.) и Русаномъ. Извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 44, 46.

89. Семенъ Васильевичъ, князь Кемско-Сугорскій и Кемскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVI), сынъ князя Василія Романовича Сугорскаго (23); жилъ приблизительно въ XIV — XV вв. При дробленіи, послѣ смерти отца, Бѣлозерскаго удѣла получилъ двѣ мелкія волости: Сугорскую и Кемскую, будучи первымъ и послѣднимъ княземъ этихъ волостей. Извѣстенъ только по родословнымъ, которыя приписываютъ ему 5 сыновей: *Владиміра* (30), *Ѳедора*, по прозванію Дурака (108), *Давида* (34), *Димитрія* (42) и *Константина* (74). Первые трое владѣли Сугорьемъ, а послѣдніе двое—Кемской волостью и явились родоначальниками князей Кемскихъ и Сугорскихъ.

А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 168, 170; Гр. М. Толстой, назв. соч., М. 1885, стр. 82.

90. Семенъ Ивановичъ, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Ивана-Яна Андреевича (50); жилъ въ XV вѣкѣ. До 1474 г. можетъ считаться удѣльнымъ княземъ, такъ какъ въ этомъ году Ростовскій удѣлъ былъ проданъ его отцомъ великому князю Московскому Ивану III. Извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 58.

91. Семенъ Михайловичъ, князь Бѣлозерскій; неизвѣстнаго происхожденія. Упоминается въ Никоновской лѣтописи, какъ принимавшій участіе въ Куликовской битвѣ. Д. И. Иловайскій считаетъ его племянникомъ князя Ѳедора Романовича (105), но на какомъ основаніи — неизвѣстно.

Никон. лѣтоп., т. IV, стр. 48; Полн. собр. русск. лѣтоп., т. XI, стр. 52; Карамзинъ, Исторія; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 162, 163; Д. И. Иловайскій, Куликовская битва, изд. по случаю 500-лѣтія годовщины Куликовской битвы.

92. Семенъ Юрьевичъ, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Юрія Ивановича Нѣмого (96). По Титову, былъ женатъ на Маріи, дочери князя Александра Борисовича, внука Юрія Долгорукаго. Умеръ бездѣтнымъ. Съ нимъ пресѣклось потомство князя Юрія Нѣмого.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 576; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 43.

93. Юрій Александровичъ, князь Углицкій и Ростовскій (колѣно VI, отъ Рюрика XV), сынъ князя Александра Константиновича, князя Углицкаго. Еще малолѣтнимъ, послѣ смерти своего отца (умершаго въ 1307 г.), занялъ Углицкій столъ, на которомъ сидѣлъ приблизительно до

1316 года, когда получилъ еще и Ростовскій удѣлъ послѣ смерти дяди своего Василія Константиновича (21), дѣти котораго были младшими троюродными братьями Юрія, почему и заняли Ростовскій столъ только послѣ смерти послѣдняго. При немъ въ Ростовѣ въ 1318 году былъ изъ Орды „посолъ лютъ", именемъ Кочка, причинившій много бѣдствій Ростову. Въ 1320 г., 30-го мая, князь Юрій умеръ, когда ему было лѣтъ 17 или 18, не оставивъ потомства. Послѣ него Ростовское княжество раздѣлилось на 2 половины, такъ же, какъ и самъ Ростовъ, раздѣлившійся на 2 стороны—Борисоглѣбскую и Срѣтенскую. Есть предположеніе, что у него былъ одинъ сынъ Михаилъ Юрьевичъ (83), Ростовскій князь неизвѣстнаго происхожденія.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 229; т. IV, стр. 49; т. V, стр. 216; т. VII, стр. 198; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 125; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 70, 571; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 67; т. II, стр. 29, 30, 35, 38, 40.

94. Юрій Андреевичъ, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Андрея Ѳедоровича (11). Въ 1398 году, во время борьбы великаго князя Московскаго Василія Димитріевича съ Новгородомъ, былъ въ Устюгѣ, будучи, вѣроятно, тамъ въ качествѣ воеводы. Когда Новгородцы, разбившіе Московскую рать, въ поискахъ за Новгородцемъ Анфаломъ, перешедшимъ на сторону Москвы, подошли къ Устюгу и спросили князя и гражданъ: стоятъ ли они за Анфала, то получили отрицательный отвѣтъ и оставили Устюгъ въ покоѣ; между тѣмъ какъ, спустя нѣкоторое время, тѣ же устюжане съ княземъ пришли на помощь Анфалу. Въ 1313 году князь Юрій умеръ, принявъ передъ кончиной иноческій чинъ съ именемъ Герасима. Потомства у него не было.

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 234; т. IV, стр. 103, 141; т. V, стр. 251; т. VI, стр. 130; Никон. лѣтоп., т. IV, 272, т. IV, 277; Троицк. лѣтоп., стр. 226; Собр. госуд. грам. и догов., т. I, № 86; Росс. родосл. книга кн. Долгорукова, т. I, стр. 208; Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 170; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 573; А. В. Экземплярскій, назв. соч., стр. 42, 46; В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіогр., Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1, стр. 736, 883.

95. Юрій Васильевичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно VII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Василія Романовича (23). Князь Юрій, оставшись старшимъ изъ князей Бѣлозерскихъ послѣ 1380 года, занялъ Бѣлозерское княжество, которымъ владѣлъ приблизительно до 1389 г., когда таковымъ началъ распоряжаться великій князь Московскій Димитрій Ивановичъ Донской; около этого года, вѣроятно, Юрій умеръ. Послѣ его смерти Бѣлозерское княжество, какъ самостоятельный удѣлъ, перестало существовать, такъ что онъ былъ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ Бѣлозерскимъ. У него было три сына: бездѣтный *Давидъ* (35), *Романъ* (87) и *Андрей* (12).

Продолж. Древ. Росс. Вивл., т. III, 1788 г., стр. 172; В. В. Звѣринскій, Матеріалы для истор.-топогр. изслѣд. о правосл. монастыряхъ въ Росс. Имп., С.-Пб., т. II, 1892, стр. 82, № 675; П. Н. Петровъ, Исторія родовъ русск. двор., т. I, стр. 107; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 165—168, 171, 172.

96. Юрій Ивановичъ Нѣмой, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ивана Андреевича (48). Потомство его пресѣклось на единственномъ сынѣ его *Семенѣ* (92), умершемъ бездѣтнымъ. По Титову, онъ имѣлъ дочь Марію, бывшую за мужемъ за княземъ Ѳедоромъ Дмитріевичемъ Пріимковымъ, и другую, неизвѣстную по имени дочь, бывшую замужемъ за Ростовскимъ княземъ Юріемъ Димитріевичемъ Бычковымъ. По рукописи Артынова (Титовъ, стр. 354), князь Юрій, спустя два съ половиной мѣсяца послѣ Мамаева побоища, 20-го ноября 1380 г. участвовалъ на съѣздѣ Ростовскихъ князей въ г. Городцѣ на Сарѣ для обсужденія послѣдствій Куликовской битвы.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 403, 404, 354, 524, 576; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 43.

97. Ѳедоръ Александровичъ, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Александра Константиновича (4). Въ 1397 году, во время борьбы великаго князя Московскаго Василія Димитріевича съ Новгородомъ, Двинская земля стала на сторону Москвы и, боясь своей метрополіи—Новгорода, просила у великаго князя намѣстника, которымъ былъ посланъ князь Ѳедоръ. Послѣдняго Новгородцы осадили въ крѣпости Орлицѣ и, послѣ упорной мѣсячной осады, взяли ее, а князя Ѳедора, взявъ съ него „присудъ и пошлину", отпустили во-свояси со всѣми его

ратными людьми. Десять лѣтъ спустя, (а по Никоновской лѣтоп.—одиннадцать), во время княженія въ Ростовѣ князя Ѳедора, городъ выгорѣлъ едва не весь и къ тому же былъ разграбленъ татарами, а князь съ жителями бѣжалъ изъ города. Въ 1411 г., въ числѣ другихъ Ростовскихъ князей, князь Ѳедоръ стоялъ на сторонѣ Москвы въ борьбѣ послѣдней съ Нижегородскими князьями и принималъ участіе въ „злой сѣчи“ при селѣ Лысковѣ, которая окончилась пораженіемъ Московскихъ войскъ. Князь Ѳедоръ принималъ участіе и въ другомъ походѣ противъ Нижегородскихъ князей, предпринятомъ Московскимъ княземъ въ 1414 году. Онъ служилъ Московскимъ князьямъ не только, какъ воинъ, но и какъ администраторъ. Въ 1417 году, по просьбѣ Псковичей, князь Ѳедоръ былъ назначенъ великимъ княземъ Московскимъ къ нимъ намѣстникомъ и, какъ кажется, пришелся по нраву Псковичамъ. На второй годъ своего княженія во Псковѣ онъ заключилъ выгодный для Пскова „миръ по старинѣ съ Новгородомъ“. Въ 1420 г., во время свирѣпствовавшаго во Псковѣ мора, князь Ѳедоръ, заболѣвъ и ожидая близкой кончины, постригся въ монахи и уѣхалъ въ Москву, гдѣ, вѣроятно, тогда же и скончался. Супруга его, неизвѣстная намъ по имени, скончалась въ 1425 г. Изъ всѣхъ, приписываемыхъ ему родословными дѣтей съ несомнѣнностью можно говорить лишь о сынѣ *Александрѣ* (6).

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. III, стр. 99; т. IV, стр. 103, 141, 202; т. V, стр. 22, 23, 250, 263; т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 71; т. XV, стр. 481, 483; Никон. лѣтоп., т. IV, стр. 275, 276; т. V, стр. 15, 22—24, 36, 44; Тверская лѣтоп., стр. 487; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 573; М. Д. Хмыровъ, Алфавитно-справочный перечень, стр. 17, № 263; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 134, 135, 375, 311; т. II, стр. 44, 45, 53, 58—60.

98. Ѳедоръ Александровичъ Голубой, князь Ростовскій (колѣно X, отъ Рюрика XIX), сынъ князя Александра Ивановича (1). По Титову, имѣлъ двухъ сыновей: *Александра* и *Василія*, на сынѣ котораго *Петрѣ Голубомъ* пресѣклось потомство князей Голубыхъ-Ростовскихъ, родоначальникомъ которыхъ былъ князь Ѳедоръ. Извѣстенъ только по родословнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, Ростовскій уѣздъ, М. 1885, стр. 376, 521, 578; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 55.

99. Ѳедоръ Андреевичъ, князь Ростовскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Андрея Ѳедоровича (11). Жилъ въ XIV в. Извѣстенъ только по родословнымъ; имѣлъ 6 сыновей: *Александра*, по прозванію *Щепа* (5), *Ивана Большого* (67) и *Ивана Меньшого* (63), *Русана* (88), *Димитрія* (43) и *Ѳедора* (109).

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, назв. соч., стр. 573; А. В. Экземплярскій, назв. соч., стр. 42—45.

100. Ѳедоръ Андреевичъ, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Андрея Александровича (8). Извѣстенъ только по родословнымъ, которыя считаютъ его бездѣтнымъ; лишь Титовъ даетъ ему дочь Дарью, которая была замужемъ за княземъ Димитріемъ Бритымъ-Ростовскимъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титовъ, назв. соч., стр. 575; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 56.

101. Ѳедоръ Васильевичъ, князь Ростовскій (колѣно VI, отъ Рюрика XV), сынъ князя Василія Константиновича (21). По С. М. Соловьеву, родился въ 1311 году. Лѣтописныя извѣстія о немъ весьма скудны и ограничиваются передачей двухъ фактовъ изъ его жизни: въ 1326 году онъ женился, неизвѣстно на комъ, и 28-го марта 1331 года скончался, оставивъ единственнаго сына, князя *Андрея* (11).

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 229, 230; т. III, стр. 131; т. IV, стр. 47, 52; т. V, стр. 24, 205; т. VII, стр. 185, 202; Никон. лѣтоп., т. III, стр. 157; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой, назв, соч., стр. 16, 52, 81; А. А. Титовъ, назв. соч., стр. 571; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 35—40, 42.

102. Ѳедоръ Ивановичъ, князь Карголомскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Ивана Васильевича (54). По родословнымъ у него былъ единственный, но бездѣтный сынъ *Иванъ* (64), бывшій послѣднимъ княземъ Карголомскимъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81, 82, 84; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 170.

103. Ѳедоръ Ивановичъ Голеня, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ивана Андреевича (48). Извѣстенъ только по родословнымъ. Является родоначальникомъ угасшихъ князей Голенинихъ-Ростовскихъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, назв. соч., стр. 537, 574; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 43.

104. Ѳедоръ Михайловичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно V, отъ Рюрика XIV), сынъ князя Михаила Глѣбовича (79). Въ 1293 году, послѣ смерти отца, занялъ княжескій престолъ. Въ 1302 году женился въ первый разъ на дочери Велъбласмыша, въ Ордѣ, а въ 1314 году—на дочери нѣкоего Димитрія Жидимирича, какъ кажется, Новгородскаго боярина. Никакихъ другихъ извѣстій объ этомъ князѣ до насъ не дошло. Родословныя, хотя и не всѣ, считаютъ Ѳедора Михайловича бездѣтнымъ.

Полн. собр. русс. лѣтоп., т. I, стр. 228, 229; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 160, 161.

105. Ѳедоръ Романовичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно VI, отъ Рюрика XV), сынъ князя Романа Михайловича (86), послѣ смерти котораго занялъ княжескій престолъ. О немъ извѣстно только, что въ 1375 году онъ принималъ участіе, въ числѣ другихъ удѣльныхъ князей, въ походѣ великаго князя Московскаго Димитрія Ивановича Донского противъ Твери. Въ 1380 г., вмѣстѣ съ сыномъ *Иваномъ* (65), принималъ участіе въ Куликовской битвѣ, гдѣ оба были убиты. Послѣ него Бѣлозерское княжество перешло къ Юрію Васильевичу (95).

Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, стр. 232; т. III, стр. 92; т. IV, стр. 70, 81; т. V, стр. 233; т. VI, стр. 95; т. VIII, стр. 22, 39; Никон. лѣтоп., т. IV, стр. 7, 42—44, 121; Карамзинъ, Исторія; Гр. М. Толстой. назв. соч., стр. 16, 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. I, стр. 106; т. II, стр. 161—163, 165, 166, 168, 172; В. С. Иконниковъ, Опытъ русск. исторіогр., Кіевъ. 1908, т. II, кн. 1, стр. 883.

106. Ѳедоръ Романовичъ, князь Бѣлозерскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Романа Юрьевича (87). Извѣстенъ только по родословнымъ. Жилъ въ XV в.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 172.

107. Ѳедоръ Семеновичъ, князь Бѣлозерскій, неизвѣстный по происхожденію. Извѣстно лишь, что онъ участвовалъ въ Куликовской битвѣ 1380 года, гдѣ, повидимому, и былъ убитъ.

Полн. собр. русс. лѣтоп., т. XI, стр. 52; Никон. лѣтоп. т. III, стр. 118—121; т. IV, стр. 48; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 162, 163.

108. Ѳедоръ Семеновичъ, по прозвищу *Дуракъ*, князь Сугорскій (колѣно VIII, отъ Рюрика XVII), сынъ князя Семена Васильевича, князя Кемско-Сугорскаго (89). Послѣ смерти отца былъ однимъ изъ владѣтелей Сугорской половины Бѣлозерскаго удѣла. Извѣстенъ только по родословнымъ, которыя считаютъ его бездѣтнымъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 169.

109. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, князь Ростовскій (колѣно IX, отъ Рюрика XVIII), сынъ князя Ѳедора Андреевича (99). Въ нѣкоторыхъ родословныхъ считается за одно лицо съ Русаномъ (88). Извѣстенъ только по родословнымъ. Бездѣтенъ.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титовъ, назв. соч., стр. 574; А. В. Экземплярскій, назв. соч., т. II, стр. 44.

А. Виноградовъ.

Ростовскій (Растовскій), *Андрей Александровичъ*, Директоръ училищъ С.-Петербургской губерніи; происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи, слушалъ не долгое время лекціи въ Имп. Казанскомъ Университетѣ (съ 27-го іюня по 4-е октября 1829 г.), а затѣмъ поступилъ юнкеромъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, гдѣ въ 1831 г. (19-го апрѣля) былъ произведенъ въ подпоручики, принялъ участіе въ Польской кампаніи, былъ раненъ въ правую руку и лѣвую ногу, въ 1840 г. (23-го января) уволенъ былъ, за ранами, въ чинѣ штабсъ-капитана въ отставку, въ 1846 г. назначенъ былъ уполномоченнымъ по размежеванію земель Казанской губерніи, а въ іюнѣ 1851 г.—директоромъ Казанской 1-й Гимназіи. 23-го февраля 1856 г. Р. былъ опредѣленъ директоромъ училищъ С.-Петербургской губерніи и одновременно состоялъ директоромъ С.-Петербургской Пятой Гимназіи; однако, уже вскорѣ Р. перемѣнилъ снова родъ должности: сперва онъ былъ причисленъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, а потомъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-провіантмейстерѣ П. А. Булгаковѣ (своемъ родственникѣ) и въ 1866 г. состоялъ членомъ Временнаго Общаго Присутствія Главнаго Интендантскаго Управленія. Выйдя затѣмъ въ отставку въ чинѣ д. с. совѣтника, онъ умеръ 8-го мая 1871 г. въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Его жена—Марія Ѳедоровна, рожд. Львова, была извѣстною дѣтскою писательницею (см. Растовская, М. Ѳ.).

А. И. Михайловскій, Преподаватели, учившіеся и служившіе въ Имп. Казанскомъ Университетѣ, ч. I, вып. I, Каз. 1901, стр. 144; Исторія л.-гв.

Егерскаго полка, С.-Пб. 1896, прилож., стр. 54; Н. К. Горталовъ, Памятная Книжка Имп. Казанской 1-й Гимназіи на 1897—1898 уч. годъ, Казань, стр. 12; Петербургскій Некрополь, т. III; „С.-Петерб. Вѣд." 1871 г., № 127.

Н. М.

Ростовцовъ, *Александръ Александровичъ*, гофмейстеръ; сынъ А. И. Ростовцова (см. ниже); воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ и изъ камеръ-пажей выпущенъ былъ, 13-го августа 1853 г., въ прапорщики въ л. гв. Конно-Піонерный дивизіонъ; въ 1862 г. перешелъ въ Кавалергардскій полкъ, былъ въ 1867 г. ротмистромъ и состоялъ адъютантомъ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ; 1-го апрѣля 1876 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи, вскорѣ былъ пожалованъ въ должность гофмейстера Высочайшаго Двора и управлялъ Дворомъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, затѣмъ былъ переименованъ въ д. с. совѣтники и состоялъ (1885) при Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ; умеръ 6-го марта 1888 г. въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

О. фонъ-Фрейманъ, Пажи за 185 лѣтъ, стр. 483; „Петерб. Листокъ" 1888 г., № 66, некр.; Петербургскій Некрополь, т. III; Адресъ-Календари и Списки чинамъ за разные годы.

Н. М.

Ростовцовъ, *Александръ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ; сынъ И. И. Ростовцова (см. ниже), родился 27-го августа 1800 г.; отданный въ 1807 г. (14-го сентября) въ Пажескій Корпусъ, онъ въ 1819 г. (29-го марта) былъ произведенъ въ камеръ-пажи, а 26-го марта 1821 г. выпущенъ былъ прапорщикомъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, въ которомъ въ 1822 г. получилъ чинъ подпоручика, а въ 1824 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ (19-го февраля) и произведенъ въ поручики (15-го іюня). Въ 1828 г. Р. участвовалъ въ Турецкой войнѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и нѣкоторое время прожилъ въ Константинополѣ; въ 1830 г., 8-го февраля, Р. былъ уволенъ изъ Егерскаго полка „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ" и 15-го ноября того же года былъ причисленъ къ Министерству Финансовъ, въ которомъ и прошла вся дальнѣйшая его служба. Назначенный, 18-го февраля 1831 г., и. д. столоначальника въ Канцеляріи Министра Финансовъ, онъ 8-го августа того же года получилъ въ ней мѣсто секретаря 1-го стола въ 1-мъ Отдѣленіи Канцеляріи, 5-го декабря 1833 г. пожалованъ былъ въ званіе камергера Высочайшаго Двора, 15-го ноября 1835 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій Министерства и Членомъ Общаго Присутствія Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли; впослѣдствіи занималъ мѣсто Начальника Отдѣленія въ Канцеляріи Министра, а затѣмъ былъ Вице-Директоромъ Департамента Государственнаго Казначейства, Управляющимъ Экспедиціей Государственнаго Банка (съ 15-го октября 1854 г. по 17 іюня 1860), Управляющимъ Государственнымъ Коммерческимъ Банкомъ (съ 1-го апрѣля по 17-е іюня 1860 г.), Управляющимъ Государственной Коммиссіей Погашенія долговъ (съ 17-го іюня 1860 по 22-е января 1862 г.) и, наконецъ, членомъ Ученаго Комитета Министерства Финансовъ. Умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника 18-го мая 1867 г. въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви, съ женою, Александрою Александровною, рожд. Ольхиной (род. 26-го октября 1815, ум. 14-го октября 1880).

О. фонъ-Фрейманъ, Пажи, стр. 224; Архивъ Департамента Герольдіи; „Голосъ" 1867 г., № 137—138; „С.-Пб. Вѣдом." 1867 г., № 136; Мѣсяцесловы и Адресъ-Календари; Исторія л.-гв. Егерскаго полка; Исторія Министерства Финансовъ, т. II, стр. 686 и 688; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 621 и 622; Записки А. В. Никитенка, т. I, С.-Пб. 1905, стр. 196.

Н. М.

Ростовцовъ, *Василій Ивановичъ*, Директоръ Коммерческаго Банка (братъ предыдущаго); род. 18-го іюня 1798 г., воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ, въ который былъ зачисленъ пажомъ 4-го сентября 1807 г. и изъ котораго былъ выпущенъ 20-го апрѣля 1817 г. прапорщикомъ въ Учебный карабинерный полкъ; переведенный, 28-го декабря того же года, л.-гв. въ Финляндскій полкъ, Р., въ чинѣ подпоручика (съ 8-го іюня 1818 г.) переведенъ былъ, 4-го ноября 1821 г., л.-гв. въ Егерскій полкъ, съ коимъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1828 и 1829 гг., находился при осадѣ и взятіи Варны, а въ ночь съ 13-го на 14-е сентября участвовалъ во взятіи турецкаго укрѣпленнаго лагеря, а

затѣмъ находился въ траншеяхъ; 8-го ноября 1830 г. Р. былъ произведенъ въ полковники съ переводомъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ; принявъ участіе въ Польской кампаніи 1830—1831 г., Р. находился при взятіи Варшавы (за что имѣлъ серебряную медаль) и 16-го октября 1831 г., „за блистательную храбрость и мужество", оказанныя имъ 25-го и 26-го августа при штурмѣ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій, городового вала и г. Варшавы (командуя въ этомъ сраженіи охотниками, онъ былъ раненъ пулею навылетъ въ лѣвую ногу ниже колѣна), награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а 6-го ноября 1832 г. назначенъ былъ состоять по арміи. Въ 1835 г. (15-го марта), по Высочайшему повелѣнію, Р. былъ назначенъ Директоромъ въ Государственный Коммерческій Банкъ сверхъ штата, при чемъ черезъ 2 мѣсяца былъ, за раною, уволенъ отъ военной службы. Впослѣдствіи онъ былъ (съ 24-го апрѣля 1849 г.) Старшимъ Директоромъ этого Банка и былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники (28-го сентября 1849 г.); умеръ 24-го іюня 1858 г. въ Петербургѣ и погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Былъ женатъ на Екатеринѣ Егоровнѣ, рожд. Пшеницыной (род. 24-го ноября 1815, ум. 5-го ноября 1840).

Формулярный списокъ за 1832 г.; О. фонъ-Фрейманъ, Пажи за 185 лѣтъ, стр. 194 — 195 и 872; Архивъ Департамента Герольдіи (дѣло о дворянствѣ Ростовцовыхъ); Исторія л.-гв. Егерскаго полка, прилож.; Исторіи л.-гв. Преображенскаго полка (списки офицеровъ); Петербургскій Некрополь, т. III; „Полицейская Газета" 1858 г., № 139.

Н. М.

Ростовцовъ, *Григорій*, купецъ. Въ 1767 г. былъ выбранъ депутатомъ отъ города Ельца въ Екатерининскую Коммиссію о сочиненіи Проекта Новаго Уложенія. Въ засѣданіяхъ 7-го и 19-го ноября 1767 г. Коммиссіею выслушано было его мнѣніе о запрещеніи разночинцамъ производить торговлю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть купцы, и лишь при условіи записи ихъ въ купечество. Съ 10-го іюля по 9-е сентября 1768 года Р. участвовалъ въ засѣданіяхъ по разсмотрѣнію проекта правъ благородныхъ. Онъ стоялъ за ограниченіе правъ дворянъ на производство торговли валовою продажей произведеній собственныхъ деревень и на владѣніе фабриками и заводами; поддерживалъ мнѣнія о необходимости обращенія взысканій по долгамъ на родовыя имѣнія, въ случаѣ, если нѣтъ благопріобрѣтенныхъ, и о недозволеніи дворянамъ представлять отъ себя особаго судью въ уголовныхъ дѣлахъ. Р. былъ въ числѣ высказавшихся противъ положенія ст. 31-й Проекта о признаніи недѣйствительными доносовъ и свидѣтельствъ крѣпостныхъ на благородныхъ. Когда при обсужденіи вопроса о порядкѣ разсмотрѣнія проекта мнѣнія депутатовъ рѣзко раздѣлились, Р. присоединился къ мнѣнію депутата князя Вяземскаго, предлагавшаго, предварительно обсужденія, просить Императрицу объ учиненіи разбора дворянамъ, каковымъ и руководствоваться при разсмотрѣніи проекта.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общ., т. VIII, стр. 219 и 293 и т. XXXII, стр. 245, 252, 260, 267, 275, 277, 278 и 282.

Н. М.

Ростовцовъ, *Иванъ Ивановичъ*, Директоръ Петербургскихъ Народныхъ Училищъ; происходилъ изъ купцовъ, родился 9-го сентября 1764 г. и 19 лѣтъ отъ роду поступилъ на службу (26-го августа 1782 г.) бухгалтеромъ и въ то же время былъ надзирателемъ С.-Петербургской Учительской Семинаріи, гдѣ получилъ чинъ коллежскаго секретаря (20-го марта 1786 года); въ 1797 произведенъ былъ въ коллежскіе ассессоры и затѣмъ записался въ родословную книгу дворянъ С.-Петербургской губерніи; въ 1798 г. Р. состоялъ въ вѣдомствѣ Коммиссіи о учрежденіи училищъ, подъ начальствомъ Ѳ. И. Янковича-де-Міріево, 20-го іюня 1798 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а 14-го апрѣля 1800 г., служа въ Камеральномъ Департаментѣ, назначенъ былъ Директоромъ Экономіи и Директоромъ С.-Петербургскихъ Народныхъ Училищъ, 13-го декабря того же года получилъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, 30-го августа 1801 г.—чинъ статскаго совѣтника, 30-го августа 1802 г.—орденъ Анны 2-й степ. и, наконецъ, 16-го августа 1806 г. награжденъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1803—1806 г., кромѣ того, Р. состоялъ Управляющимъ Конторою и Казначеемъ Главнаго Училищъ Правленія и былъ Непремѣннымъ членомъ С.-Петербургскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, а въ 1805 году, при

учрежденіи С.-Петербургской Губернской Гимназіи (нынѣ С.-Петербургская 2-я Гимназія Императора Александра I) былъ назначенъ, какъ опытный педагогъ-администраторъ, ея Директоромъ, но уже черезъ два года, 24-го августа 1807 г., умеръ (погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры). Былъ женатъ дважды, во 2-мъ бракѣ — на дочери С.-Петербургскаго купца Ивана Кусова Александрѣ (род. 18-го февраля 1778, ум. 4-го февраля 1843) и имѣлъ дѣтей: Ивана (колл. асс., род. 21-го октября 1786, ум. 24-го апрѣля 1814) и Екатерину отъ 1-го брака и Илью (полковникъ л.-гв. Финляндскаго полка, род. 15-го апрѣля 1797, убитъ подъ Кюстенджи, въ Турціи, 11-го августа 1828), Василія (см. выше), Александра (см. выше), Якова (будущій дѣятель по освобожденію крестьянъ; см. ниже) и Пелагею—отъ 2-го брака.

Сенатскій Архивъ, форм. списки 1798 г., № 21, л. 8; Архивъ Департамента Герольдіи Прав. Сената; Мѣсяцесловъ 1804 г.; Сенатскій Архивъ, т. I; А. Вороновъ, Историко-статистическій обзоръ учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, ч. I, стр. 84; Историческая записка 75-лѣтія С.-Петербургской Второй Гимназіи, ч. I, С.-Пб. 1880, стр. 8, 16, 35, 125; Петербургскій Некрополь, т. III, С.-Пб. 1912, стр. 622—623; Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. I, С.-Пб. 1893.

Б. М—ій.

Ростовцовъ, *Павелъ Яковлевичъ*, Витебскій губернаторъ; родился 1-го августа 1826 г. и былъ сыномъ Директора Училищъ Черниговской губерніи Якова Павловича Ростовцова (см. ниже); по окончаніи курса въ Черниговской Гимназіи, Р. 16-го ноября 1846 г. поступилъ на службу и въ 1851 г. былъ Начальникомъ газетнаго стола въ Черниговскомъ Губернскомъ Правленіи, въ 1855 г. былъ въ отставкѣ, а въ концѣ 1850-хъ годовъ служилъ столоначальникомъ въ III Отдѣленіи Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, вскорѣ былъ назначенъ Начальникомъ I Отдѣленія того же Департамента, 16-го апрѣля 1867 г. произведенъ былъ въ д. с. совѣтники и 14-го ноября 1869 г. назначенъ Витебскимъ губернаторомъ; здѣсь Р. прослужилъ до 20-го апрѣля 1880 г.; умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника 22-го ноября 1882 г.

Архивъ Департамента Герольдіи Правит. Сената; Адресъ-Календари и Списки чинамъ первыхъ классовъ; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества, т. 62, стр. 223; Гр. Г. Милорадовичъ, Родосл. книга Черниговскаго Дворянства, т. II, С.-Пб. 1901, стр. 282.

Н. М.

Ростовцовъ, *Яковъ Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ; род. 28-го декабря 1803 г. и былъ сыномъ Ивана Ивановича Р. (см. выше) и его второй жены, урожденной Кусовой, дочери богатаго и вліятельнаго купца; 4-го сентября 1807 года, вскорѣ послѣ смерти отца, онъ былъ зачисленъ въ пажи Высочайшаго двора и отданъ въ Пажескій Корпусъ; здѣсь онъ отличался наклонностію къ шалостямъ и даже бывалъ въ нихъ коноводомъ, но учился такъ хорошо, что 29-го марта 1821 г. получилъ награду и былъ назначенъ камеръ-пажомъ. 31-го марта 1822 года Р. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, гдѣ 13-го декабря 1823 года произведенъ былъ въ подпоручики и назначенъ казначеемъ (послѣднее назначеніе объясняется тѣмъ, что Р. сильно заикался и потому не могъ служить въ строю), 21-го апрѣля 1825 года получилъ должность адъютанта въ дежурствѣ всей пѣхоты Гвардейскаго Корпуса, командиромъ котораго былъ генералъ К. И. Бистромъ. Часы досуга Ростовцовъ проводилъ съ княземъ Е. П. Оболенскимъ, Ѳ. Н. Глинкой и К. Ѳ. Рылѣевымъ и принималъ участіе въ ихъ спорахъ и бесѣдахъ на политическія темы. Когда дѣятельность тайнаго общества, послѣ смерти Александра I, оживилась и стало ясно, что члены его собираются перейти отъ словъ къ дѣлу, Ростовцовъ понялъ, что дальнѣйшее его пребываніе въ этомъ кружкѣ грозитъ ему гибелью, и 24-го ноября 1825 года, на предложеніе князя Е. П. Оболенскаго вступить въ тайное общество членомъ отвѣтилъ отказомъ. Но боязнь, что дружба съ Оболенскимъ можетъ навлечь на него подозрѣніе въ участіи въ замыслахъ тайнаго кружка, заставила Ростовцева довести до свѣдѣнія Великаго Князя Николая Павловича о готовившемся возстаніи. 12-го декабря, въ 8 часовъ вечера, онъ явился во дворецъ и передалъ Великому Князю письмо, въ которомъ были изложены намѣренія тайнаго общества и просьба о томъ, чтобы Великій Князь Константинъ Павловичъ

прибылъ въ Петербургъ и публично, передъ войсками, отказался отъ престола. 14-го декабря Ростовцовъ участвовалъ въ рядахъ войскъ, оставшихся вѣрными Николаю Павловичу и подавлявшихъ возстаніе, былъ раненъ и увезенъ домой. 18-го декабря онъ былъ произведенъ въ поручики, а 19-го января 1826 года, по распоряженію генерала Бистрома, отчисленъ отъ должности адъютанта и переведенъ въ строй. Во время слѣдствія надъ декабристами, изъ боязни быть замѣшаннымъ ими въ дѣло, Р. написалъ Императору письмо, гдѣ доказывалъ, что онъ не только не могъ быть участникомъ заговора, но даже не могъ быть увѣреннымъ въ его существованіи. 28-го января 1826 г. Ростовцовъ, по личной просьбѣ, обращенной къ Императору, былъ назначенъ состоящимъ при особѣ Великаго Князя Михаила Павловича, а 1-го января 1828 г. былъ утвержденъ его адъютантомъ.

Съ 1-го мая 1828 г., въ качествѣ адъютанта Великаго Князя, Ростовцовъ участвовалъ въ Русско-Турецкой войнѣ, былъ при осадѣ Браилова, Шумлы и Варны и за этотъ походъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени, а 26-го октября, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Съ 11-го апрѣля 1831 г., съ отрядомъ Гвардейскаго Корпуса, Р. участвовалъ въ Польской войнѣ—въ бояхъ при Якацахъ (6-го мая), при Жолткахъ (9-го мая) и въ штурмѣ Варшавы 25-го и 26-го августа. За эту войну онъ былъ произведенъ въ капитаны (25-го іюня) и получилъ орденъ св. Анны 2-ой ст. Въ ноябрѣ этого же года Ростовцовъ прибылъ, съ докладомъ Государю о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ, въ Петербургъ, гдѣ уже и остался и 23-го декабря былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ Управленія Главнаго Начальника Кадетскихъ Корпусовъ Великаго Князя Михаила Павловича, съ оставленіемъ его адъютантомъ; 8-го ноября 1832 г. Р. былъ произведенъ въ полковники, 7-го апрѣля 1835 г. назначенъ исправляющимъ должность Начальника Штаба Его Императорскаго Высочества Главнаго Начальника Кадетскихъ Корпусовъ, а 29-го марта 1836 г. утвержденъ въ должности. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1836 г. началъ издаваться, подъ руководствомъ Ростовцова, „Журналъ для чтенія воспитанникамъ старшаго и средняго возрастовъ Военно-Учебныхъ Заведеній"; ходатайство педагога В. П. Бурнашева объ изданіи журнала для младшаго возраста было отклонено, и Ростовцовъ, отнесшійся сочувственно къ этой идеѣ, мотивировалъ отказъ отсутствіемъ въ Главномъ Управленіи денежныхъ средствъ. Въ 1838 г. Штабомъ Его Высочества былъ разработанъ проектъ „систематическаго уложенія по управленію и устройству военно-учебныхъ заведеній" и составлено, по порученію Великобританскаго правительства, на французскомъ языкѣ, „подробное обозрѣніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній, дворянскихъ, кантонистскихъ и морскихъ"; за эти работы Я. И. Ростовцовъ получилъ (22-го апрѣля 1838 г.) денежную награду.—16-го апрѣля 1841 г. Р. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

25-го марта 1843 г. было утверждено Государемъ разработанное Штабомъ Его Высочества„ Положеніе о кадетскихъ корпусахъ", по которому Великому Князю было присвоено званіе „Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній", а Ростовцову — Начальника Штаба этого управленія. При Главномъ Начальникѣ былъ образованъ „Совѣтъ военно-учебныхъ заведеній", на членовъ котораго (равно и на Начальника Штаба) была возложена обязанность инспектированія всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, для чего была составлена подробная инструкція. За разработку этого „Положенія" Ростовцовъ 28-го марта 1843 г. былъ награжденъ орденомъ Станислава 1-ой степени, а 6-го декабря того же года получилъ, за выслугу лѣтъ, орденъ св. Георгія 4-ой степени. Въ 1843 г. онъ ѣздилъ за границу, 6-го января 1845 г. назначенъ былъ членомъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, а 10-го апрѣля 1846 г.—членомъ Коммиссіи по сокращенію переписки въ войскахъ, съ оставленіемъ во всѣхъ прежнихъ должностяхъ, а вскорѣ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени (20-го декабря 1847 г.). 24-го декабря 1848 г. утверждено было составленное Ростовцовымъ „Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній", гдѣ даны были указанія: преподавателямъ—какъ и чему учить, а директорамъ—чего требовать отъ преподавателей и какъ провѣрять ихъ дѣятельность.

1-го января 1849 г. Ростовцовъ получилъ званіе генералъ-адъютанта, а 19-го сентября того же года былъ назначенъ Начальни-

комъ Штаба Наслѣдника Цесаревича, который, послѣ смерти Великаго Князя Михаила Павловича, занялъ должность Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній. Это было время реакціи, наступившей въ Россіи послѣ событій 1848 года, когда и Ростовцовъ долженъ былъ сложить свое прогрессивное знамя и въ дѣлѣ образованія юношества начать движеніе назадъ: программы были сокращены до минимума, и вся цѣль обученія была направлена къ тому, чтобы согласовать науку съ оффиціальными требованіями власти. Въ учебныхъ заведеніяхъ, даже высшихъ, были введены наставники-наблюдатели за профессорами, которымъ вмѣнялось въ обязанность контролировать образъ мыслей профессоровъ и о малѣйшемъ проявленіи либерализма доводить до свѣдѣнія административныхъ властей. 24-го сентября 1849 г. Ростовцовъ былъ награжденъ золотою табакеркой, усыпанной брилліантами, съ портретомъ Государя, 11-го октября назначенъ былъ членомъ Комитета для пересмотра учрежденій Министерства Народнаго Просвѣщенія и 6-го декабря 1850 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1851 г. онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а въ 1853 г.— орденъ Александра Невскаго и 26-го февраля того же года назначенъ былъ Членомъ Совѣта Императорской Военной Академіи. 22-го февраля 1855 г., послѣ смерти Императора Николая I, онъ получилъ званіе Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ, съ правами и обязанностями, присвоенными Главному Начальнику военно-учебныхъ заведеній Положеніемъ 1843 года, а 24-го февраля зачисленъ былъ въ списки 1-го Кадетскаго Корпуса.

Когда, послѣ неудачной Крымской войны, наступила эпоха реформъ въ государственной и общественной жизни страны, Ростовцовъ могъ снова вернуться ко взглядамъ на образованіе и воспитаніе юношества, господствовавшимъ до 1848 года: во внутренней жизни военно-учебныхъ заведеній было сдѣлано много улучшеній какъ въ области воспитанія, такъ и обученія, были открыты военныя училища и 22 училища для призрѣнія дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ. 27-го марта 1856 г. Ростовцовъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и присутствующимъ въ Комитетѣ Министровъ и награжденъ брилліантовымъ перстнемъ съ портретомъ Императора; 14-го февраля 1856 г. назначенъ членомъ Комитета о раненыхъ, 7-го апрѣля—членомъ Комитета для обсужденія вопроса объ офицерскихъ бракахъ; 3-го мая—членомъ особаго Комитета по обсужденію вопроса, относящагося до устройства юнкерскихъ училищъ, 26-го сентября получилъ алмазныя украшенія на орденъ Александра Невскаго, а 2-го ноября назначенъ главнымъ попечителемъ инвалиднаго дома Овсяникова, 17-го апрѣля 1858 года награжденъ орденомъ Владиміра 1-ой степени и 8-го ноября 1859 года произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Къ этому же году относится изданіе 3-го и послѣдняго тома „Узаконеній по военно-учебнымъ заведеніямъ“.

Тогда-же Ростовцовъ былъ привлеченъ и къ дѣлу освобожденія крестьянъ въ качествѣ члена „Секретнаго Комитета“, образованнаго 3-го января 1857 года и переименованнаго 8-го января 1858 года въ „Главный Комитетъ“. Онъ пробовалъ уклониться отъ этой обязанности, такъ какъ самъ не владѣлъ крестьянами и не интересовался ихъ положеніемъ, а потому имѣлъ объ этомъ вопросѣ лишь слабое представленіе, но Императоръ Александръ II настоялъ на своемъ желаніи, и Р. долженъ былъ согласиться: по словамъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Левшина то было время, когда „всякій думалъ только о томъ, чтобы угодить Царю, а своимъ мнѣніемъ не дорожилъ совершенно“. Первая резолюція Секретнаго Комитета, 18-го августа 1857 года, подъ которою подписался и Ростовцовъ, имѣла цѣлью затянуть дѣло освобожденія на многіе годы. Съ назначеніемъ въ Секретный Комитетъ членомъ Великаго Князя Константина Николаевича дѣло стало быстро подвигаться впередъ, и съ этого момента Ростовцовъ, являясь его ближайшимъ сотрудникомъ, сталъ сознательнѣе относиться къ крестьянскому вопросу: онъ началъ читать соотвѣтствующія книги, вести бесѣды съ знатоками крестьянскаго дѣла и, благодаря этому, къ 15-му іюля 1858 г., когда онъ былъ назначенъ членомъ Особаго Комитета изъ четырехъ лицъ, онъ явился туда съ запасомъ нужныхъ знаній, ярымъ поборникомъ идеи освобожденія и ревностнымъ исполнителемъ царской воли— не „токмо за страхъ, но и за совѣсть“. Есть указанія, что въ маѣ 1858 года, въ Дрезденѣ, сынъ Ростовцова передъ смертью завѣщалъ

своему отцу просьбу загладить поступокъ своихъ молодыхъ лѣтъ и посвятить всю жизнь безкорыстному служенію народному благу. За границею Ростовцовъ знакомился съ иностранной литературой по крестьянскому вопросу и пріобрѣтаемыми познаніями дѣлился въ письмахъ съ Императоромъ, поддерживая въ немъ этимъ энергію и рѣшимость довести дѣло освобожденія до благополучнаго конца, не взирая ни на какія препятствія. Письма эти, впрочемъ, отличаются нѣкоторою спутанностью понятій, желаніемъ освободить крестьянъ такъ, чтобы не обидѣть и помѣщиковъ, но за то въ нихъ чувствуется вѣра въ необходимость этого освобожденія, которое Ростовцевъ сталъ называть не иначе, какъ „святымъ дѣломъ". Съ сентября 1858 года онъ принялся за работу; результатомъ этихъ занятій явилась собственная записка его: „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса", съ дополненіемъ къ ней, и „Общее положеніе объ освобожденіи крестьянъ", изъ 12-ти пунктовъ, послужившее основаніемъ для дальнѣйшихъ работъ редакціонныхъ коммиссій 1859 года. Изучая присланныя Губернскими Комитетами постановленія, Ростовцовъ пришелъ къ заключенію, что поручить разработку уже составленнаго имъ „Общаго Положенія" этимъ Комитетамъ—значитъ отложить разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи на неопредѣленное время, а потому 1-го января 1859 года онъ представилъ Императору проектъ образованія нравительственныхъ редакціонныхъ коммиссій, куда были бы приглашены члены Губернскихъ Комитетовъ, но не только отъ реакціоннаго большинства, но и отъ либеральнаго меньшинства. 17-го февраля проектъ Ростовцова былъ утвержденъ, а самъ онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій. Засѣданія этихъ Коммиссій открылись 4-го марта,— и съ этого момента дѣло освобожденія всецѣло перешло изъ Главнаго Комитета въ Редакціонныя Коммиссіи. 8-го сентября 1859 года уже были закончены и поднесены Государю 3 тома перваго періода занятій Редакціонныхъ Коммиссій. Между тѣмъ, у Ростовцова начала развиваться болѣзнь — карбункулъ, и здоровье его съ каждымъ днемъ ухудшалось, такъ что съ октября онъ уже не могъ выходить на улицу, а бывалъ только на засѣданіяхъ коммиссій, которыя происходили въ зданіи 1-го Кадетскаго Корпуса, гдѣ онъ и жилъ. 23-го октября онъ написалъ Императору письмо съ изложеніемъ хода работъ по крестьянскому дѣлу, гдѣ дѣлалъ любопытрое сравненіе взглядовъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій со взглядами депутатовъ отъ дворянъ и Губернскихъ Комитетовъ: „Первые, говоритъ онъ, при рѣшеніи вопросовъ исходятъ изъ права государственнаго и государственной необходимости, а вторые—изъ права гражданскаго и частныхъ интересовъ". Во всѣхъ спорныхъ вопросахъ Ростовцовъ старался склонять большинство голосовъ въ пользу крестьянъ, исходя изъ того, что потомъ найдется много охотниковъ и достаточно силъ, чтобы перерѣшить вопросы въ пользу помѣщиковъ. 14-го ноября 1859 года онъ присутствовалъ въ послѣдній разъ въ залѣ засѣданій Редакціонныхъ Коммиссій, а съ этого дня ограничивался только непродолжительными совѣщаніями передъ началомъ засѣданій съ членами Коммиссій у себя на квартирѣ. Со 2-го декабря, по настоянію врачей, ему пришлось прекратить и эти совѣщанія, и уже до самаго дня смерти, 6-го февраля 1860 года, Р. не вставалъ. Лежа въ постели, онъ еще писалъ Императору письма и диктовалъ своему секретарю „записку" съ изложеніемъ того, что уже сдѣлано по крестьянскому вопросу, и съ указаніемъ дальнѣйшаго пути, по которому, по его мнѣнію, было необходимо идти, чтобы съ честью окончить „святое дѣло". Съ 1-го февраля 1860 г. Р. былъ уже безъ сознанія и не могъ подписать своей „записки", но Государь, присутствовавшій при его кончинѣ, взялъ ее съ собою, велѣлъ отпечатать и разослать всѣмъ членамъ Главнаго Комитета и Редакціонныхъ Коммиссій для ознакомленія и руководства. Эта записка была отпечатана съ такимъ заглавіемъ: „Всеподданнѣйшая записка Предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій генерала Ростовцова, представленная Его Императорскому Величеству 6-го февраля 1860 г." (см. „Русскій Архивъ" 1868 г., №№ 7 и 8). Къ сожалѣнію, послѣ смерти Р. работы Редакціонныхъ Коммиссій приняли другое направленіе, и почти всѣ планы этой „записки" остались невыполненными.

Какъ человѣкъ, Я. И. Ростовцовъ отличался доступностью и справедливымъ отношеніемъ къ своимъ подчиненнымъ. Извѣстенъ его приказъ отъ 28-го января 1857 года, гдѣ онъ извиняется передъ Директо-

ромъ Кадетскаго Корпуса за несправедливо-сдѣланный ему выговоръ. Образованіе онъ считалъ необходимымъ не только чиновникамъ, но также дворянамъ и купцамъ; царскую власть онъ идеализировалъ и называлъ ее орудіемъ Провидѣнія, а приказанія этой власти ставилъ выше велѣній совѣсти человѣка. Этимъ отчасти объясняется та двойственность въ его дѣятельности, когда онъ увольнялъ талантливыхъ, по его мнѣнію, преподавателей за высказанное ими несочувствіе распоряженіямъ уже покойнаго Императора, и вмѣстѣ съ этимъ созывалъ съѣзды педагоговъ для публичнаго обсужденія вопросовъ воспитанія и образованія юношества. Онъ не обладалъ большими познаніями, но во всякое дѣло, за которое брался, вкладывалъ душу и отдавался этому дѣлу съ юношескимъ энтузіазмомъ. Если онъ началъ свою жизнь съ безсознательнаго поклоненія суровой дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ кончилъ ее, какъ борецъ за народное благо и свободу. Есть указанія, что Р. это дѣлалъ изъ эгоизма, изъ боязни строгаго надъ нимъ суда потомства и изъ желанія занять почетное мѣсто на страницахъ исторіи, — но этимъ онъ платилъ дань своему времени и той средѣ, въ которой воспитался и жилъ. Ростовцовъ никогда не считался съ чинами или происхожденіемъ, а всегда окружалъ себя людьми, сочувствовавшими его идеямъ, и былъ неутомимъ въ трудѣ. Наконецъ, онъ обладалъ незаурядным литературнымъ талантомъ, и если не оставилъ большого литературнаго наслѣдства, то только потому, что на свои занятія поэзіею и литературой смотрѣлъ, какъ на забаву. Въ 1820-хъ годахъ въ различныхъ журналахъ печатались его мелкія стихотворенія. На литературное поприще Р. выступилъ въ 1821 г., еще будучи камеръ-пажомъ, когда въ февральской книжкѣ журнала „Невскій Зритель“ появилось его стихотвореніе „Тоска араба по милой“, о которомъ въ майской книжкѣ того же журнала (въ которой было напечатано стихотвореніе Р. „Осень“) помѣстилъ цѣлую восторженную статью нѣкто И. Б—въ, не находившій словъ для похвалы опыту молодого поэта. Въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г. (ч. 68, № 12, стр. 232—233) помѣщено было стихотвореніе Р. „Къ зоиламъ поэта“ (Жуковскаго); въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. (ч. IX, № 10, стр. 117—119) — стихотвореніе „Тоска души“; стихи И. С. Т—ву (1849) напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., т. II, стр. 90 — 92; посланіе къ А. Н. Креницыну (1853) — тамъ же, стр. 91—92; имъ написана трагедія „Персей“ (отрывокъ опубликованъ въ „Сынѣ Отечества“ 1822 г., ч. 78, стр. 268—280; перепечатано въ „Собраніи новыхъ русскихъ стихотвореній, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годъ“, С.-Пб. 1824 г., ч. I, стр. 114—129; отд. изд., С.-Пб. 1823 г.); въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 года (т. IV, № 14, стр. 129—135) напечатаны отрывки изъ другой его трагедіи: „Князь Димитрій Пожарскій“, а въ журналѣ „Благонамѣренный“ за 1821 годъ (кн. 15) — „Отрывокъ изъ Арнольдовой трагедіи Оскаръ“. Кромѣ того, извѣстны его шуточныя стихотворенія, написанныя разнымъ лицамъ по различнымъ поводамъ. Скажемъ также, что Р. водилъ знакомство съ Гречемъ, Булгаринымъ (письма къ нему Ростовцова см. въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., № 2, стр. 386—387) и Н. В. Кукольникомъ, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ; на его рукахъ умеръ Крыловъ, за которымъ Р. трогательно ухаживалъ во время его предсмертнаго недуга и который назначилъ его своимъ душеприказчикомъ; по его же иниціативѣ и ходатайству воздвигнутъ Крылову памятникъ въ Лѣтнемъ саду (см. письмо Р. къ Жуковскому въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 г., кн. III, стр. 370). Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г., кн. I, стр. 460—461, напечатанъ „Отрывокъ изъ моей жизни“ Я. И. Ростовцова (тутъ же переписка его съ княземъ Е. П. Оболенскимъ и опроверженія статей о немъ „Колокола“). Въ 1849 г. Ростовцовъ былъ членомъ слѣдственной Коммиссіи по дѣлу Петрашевскаго.

Ростовцовъ умеръ въ Петербургѣ 6-го февраля 1860 г.; онъ похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской Лавры; на гробницу его, по повелѣнію Александра II, положена золотая медаль „за труды по освобожденію крестьянъ“ и прибита мѣдная доска съ вырѣзаннымъ на немъ рескриптомъ Имп. Александра II отъ 23-го апрѣля 1861 г., коимъ вдова Ростовцова и его потомство возведены были въ графское Россійской Имперіи достоинство. Онъ былъ женатъ на дочери Выборгскаго губернатора, Вѣрѣ Николаевнѣ Эминой (род. 21-го мая 1807 г., умерла 2-го февраля 1888 г.), племянницѣ извѣстнаго писателя-

драматурга Н. И. Хмѣльницкаго, и имѣлъ двухъ сыновей — графовъ Николая и Михаила Яковлевичей. Ростовцовъ былъ членомъ Общества Поощренія Художествъ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго Университетовъ, Академіи Наукъ, Академіи Художествъ, Императорской Публичной Библіотеки, Коммиссіи для изданія древнихъ актовъ въ Кіевѣ и Кіевскаго Общества Древностей. Въ зданіи 1-го Кадетскаго Корпуса существуетъ залъ, посвященный имени Ростовцова, съ его портретомъ и бюстомъ.

„Русскій Архивъ“ 1873 г., № 1 (Два документа изъ бумагъ І. И. Р.), 1886 г., № 7 (Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи), 1868 г., стр. 1214—1246 (Послѣдняя записка генерала Р.), 1906 г., № 1, стр. 160, № 4, стр. 610; 1902 г., № 5, стр. 161 и 162 и № 7, стр. 476, 1886 г., т. II, стр. 200, 220, 353—401 и т. III, стр. 180 и 185; М. Лалаевъ, Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, ч. II; А. Скребицкій, Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II, 1862 — 1868, Боннъ на Рейнѣ; Н. П. Семеновъ, Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II, 3 тома, С.-Пб. 1889—1893 г.; „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., № 2 (Болѣзнь и кончина генерала Р.), 1862 г., № 8, стр. 821—840, 1864 г., № 10, 11 и 12 (статья Н. П. Семенова о дѣятельности Я. И. Р.); „Русская Старина“ 1880 г., т. 27; 1881 г., т. XXX, 1882 г., т. XXXIII и 1884 г., № 2, 3 (Записки сенатора Соловьева); Празднованіе по случаю 25-лѣтія службы генералъ-адъютанта Ростовцова по управленію военно-учебными заведеніями, С.-Пб. 1857 г., 24 стр.; Schnitzler, La mission de l'Empereur Alexandre II et le général Rostoftsof, Paris. 1860, VIII+158 стр.; „Русская Старина“ 1903 г., сентябрь, стр. 537; 1905 г., № 3, стр. 548, 1906 г., іюнь, стр. 555, 568, 572—575, 587, 592; 1904 г., май, стр. 386, 388 и 610; 1879 г., т. XXIV, стр. 317—334; 1892 г., № 3, стр. 812; 1889 г., №№ 2, 3, 4, 6 и 9 (Дневникъ Никитенко); 1890 г., №№ 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11 (Дневникъ Никитенко; Воспоминанія гвард. офицера и Воспоминанія Маркова); 1870 г., т. II, стр. 90; „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“ подъ редакціей С. А. Венгерова, С.-Пб. 1903 г., стр. 30—34; О. фонъ-Фрейманъ, Пажи за 185 лѣтъ, Фридрихсгамъ. 1897 г., стр. 230 — 233; „Странникъ“ 1860 г., т. III, № 7, отд. V, стр 1—4; „Мѣсяцесловъ“ 1861 г., приложеніе, стр. 110—113; „Отечественныя Записки“ 1865 г., кн. 16, стр. 293—294; тоже 1860 г., № 2, стр. 41—42; „Голосъ“ 1868 г., № 260; „Наше Время“ 1860 г., № 5; „Древняя и Новая Россія“ 1876 г., № 1, стр. 93 - 98; Schnitzler, Histoire intime de la Russie, P. 1847, t. I, p. 201 et 216; А. Старчевскій, Справочный Энциклопедическій Словарь, С.-Пб. 1855 г., т. IX, ч. II, стр. 211—213; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. Погодина, кн. XVI и др.; Брокгаузъ и Ефронъ, Энциклопедическій Словарь, т. XXVII, ст. 132—133; „Современная Лѣтопись“ 1864 г., № 7 (статья П. Семенова о Р.); „Русскіе военные дѣятели“, т. I, изд. В. Березовскаго; Гр. Милорадовичъ, Матеріалы для исторіи Пажескаго Корпуса. 1711—1875 годовъ, Кіевъ. 1876 г.; І. И. Ростовцовъ и его дѣятельность въ крестьянскомъ вопросѣ. Некрологъ (Еленева), С.-Пб. 1860 г., 24 стр.; Иванюковъ, Паденіе крѣпостного права; Г. Джаншіевъ, Эпоха великихъ реформъ, М. 1898 г., 7-е изд.; Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного права, Берлинъ. 1860 г.; Бумаги по крестьянскому дѣлу М. Позена, Дрезденъ. 1864 г., стр. 265 и 329; „Историческій Вѣстникъ“ 1901 г., № 11, стр. 518—522 и 1904 г., стр. 122, 126, 227; А. Мюнстеръ, Портретная галлерея, т. I, С.-Пб. 1865, стр. 75; Г. Геннади, Словарь русскихъ писателей, т. II, М. 1908, стр. 269—270; С. А. Переселенковъ, Литературная дѣятельность Я. И. Ростовцова — „Педагогическій Сборникъ“ 1913 г., № 8 и отдѣльные оттиски, С.-Пб. 1913 г.; „Русск. Вѣд.“ 1899 г., конецъ февраля (статья К. Н. Боборыкина о Р.).

А. Лосскій.

Ростовцовъ, *Яковъ Павловичъ*, Директоръ училищъ Черниговской губерніи; происходилъ изъ мѣщанъ и родился въ 1791 году въ г. Острогожскѣ, Воронежской губерніи; обучался сперва въ Острогожскомъ Уѣздномъ и Воронежномъ Главномъ народномъ училищахъ, а затѣмъ, въ качествѣ вольнослушателя,—на Юридическомъ Факультетѣ Имп. Харьковскаго Университета „россійскому языку, всеобщей и математической географіи, россійской и всеобщей исторіи, алгебрѣ, геометріи, физикѣ, естественной исторіи, архитектурѣ, механикѣ, философіи, естественному, народному, россійскому и римскому правамъ, политической экономіи, риторикѣ, поэзіи и эстетикѣ, языкамъ французскому, нѣмецкому, латинскому и англійскому“,—на что и имѣлъ аттестатъ. 21-го октября 1814 г. Р. былъ опредѣленъ учителемъ философіи, экономіи и словесности въ Полтавскую Гимназію, въ 1820 году перемѣщенъ былъ въ Кіевскую Гимназію учителемъ философскихъ наукъ и съ 1834 г. состоялъ въ ней старшимъ учителемъ Русской словесности и логики, отличаясь ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, благодаря чему ученики его оказывали отличные успѣхи. Въ 1839 г. (27-го октября) Р. былъ назначенъ и. д. Директора Черниговской Гимназіи и Училищъ Черниговской губерніи, въ февралѣ 1844 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника, а 10-го января 1846 г. вышелъ въ отставку. Умеръ 12-го ноября 1871 г. въ селѣ Злѣевѣ, Городнянскаго уѣзда Черниговской губерніи. По словамъ некролога, Р. „никогда не пе-

реставалъ расширять кругъ своихъ познаній, занимаясь, кромѣ своего главнаго предмета — Русской словесности,—высшей математикой, ботаникой и медициной. Р. принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени. Воспитанники, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣли литературную извѣстность, и многочисленныя воспитанницы усопшаго сохранили свѣтлое воспоминаніе о познаніяхъ и педагогической способности его". По выходѣ въ отставку, Р. „до того усиленно читалъ и днемъ, и ночью, что потерялъ зрѣніе".

Архивъ Департамента Герольдіи Прав. Сената; Столѣтіе Кіевской Первой Гимназіи (1809—1811—1911 гг.), т. I, Кіевъ 1911, стр. 169; Гр. Г. Милорадовичъ, Родословная книга Черниговскаго Дворянства, т. II, С-Пб. 1901, стр. 282; „Кіевлянинъ" 1871 г., № 140.

Н. М.

Ростопчина, *графиня Евдокія Петровна*, рожденная *Сушкова*, поэтесса; родилась 23-го декабря 1811 г., въ Москвѣ, отъ брака Петра Васильевича Сушкова съ Дарьей Ивановной Пашковой. Занятый разными дѣлами, отецъ ея не интересовался воспитаніемъ своихъ дѣтей, оставшихся послѣ смерти матери въ 1817 г. сиротами, и поручилъ ихъ наблюденію дѣда и бабки Пашковыхъ. Будущая поэтесса росла въ семьѣ, гдѣ за ея воспитаніемъ никто не слѣдилъ, такъ какъ старики Пашковы на своихъ внуковъ обращали мало вниманія, живя свѣтской жизнью и думая только о себѣ. Дѣвочка была поручена гувернанткамъ, которыя часто мѣнялись; лишь одна изъ нихъ, русская, питомица Смольнаго Института, который въ тѣ времена ближе всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній въ Россіи соотвѣтствовалъ началамъ истиннаго воспитанія, оказала благотворное, хотя и недолго длившееся вліяніе на свою воспитанницу. Учили Евдокію Петровну такъ, какъ полагалось тогда учить свѣтскую барышню, которой назначено судьбою блистать въ обществѣ, — всему понемножку: Закону Божьему, русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, рисованію, музыкѣ, танцамъ, слегка — исторіи и географіи, начаткамъ ариѳметики—„un peu de mythologie, un peu de géographie", по выраженію Салтыкова. Къ счастью, Р-ну не окаменило это бездушное воспитаніе: въ ребенкѣ жила чуткая, нѣжная душа; говоря ея же словами („Предопредѣленіе"), дитя на зарѣ жизни „уже страдать могло и слезы горячія на лиліи и розы тайкомъ роняло часто, объяснить само себѣ не могши ихъ причины"... Особенно тоска брала его подъ сумерки, когда вокругъ него, „торжественно сливаясь въ гулъ единый, колоколовъ несчетный звонъ гудѣлъ, и день, кончаясь тихо, вечерѣлъ. И чудный гулъ, и многовѣщій звонъ ребенка слухъ и душу поражали, какъ будто къ жизни дальной призывали, къ борьбѣ его: впередъ стремился онъ! Грядущее съ насмѣшкой и угрозой страшилищемъ вставало передъ нимъ"... Хорошая память, любознательность и влеченіе къ литературѣ, поддерживавшееся въ окружавшей ее средѣ, которая увлекалась литературными интересами, въ связи съ поэтическимъ настроеніемъ дѣвушки и врожденной каждой талантливой натурѣ страстью къ творчеству, сдѣлали Сушкову писательницей уже въ раннемъ возрастѣ. Особенно сильное вліяніе на нее оказали ея великій современникъ Пушкинъ, Байронъ, Жуковскій, Шиллеръ; она написала оду Шарлоттѣ Кордэ (вѣроятно, не безъ вліянія Андрэ Шенье), но впослѣдствіи сожгла этотъ свой первый опытъ. Съ дѣтства хорошо обезпеченная, Евдокія Петровна всю свою жизнь прожила въ довольствѣ и роскоши; ей не пришлось растрачивать по мелочамъ свои силы и дарованія въ изсушающей душу борьбѣ за кусокъ хлѣба, и она имѣла досугъ и возможность уходить въ себя, мечтать, а это еще болѣе обострило ея воспріимчивость. Въ 1830 году бывавшій у Пашковыхъ извѣстный литераторъ князь П. А. Вяземскій, другъ Пушкина, познакомился со стихами Додо Сушковой и одну пьесу, „Талисманъ", безъ ея позволенія напечаталъ въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты" на 1831 годъ; это былъ ея первый дебютъ въ печати.

Евдокія Петровна Сушкова была очень хороша собою; когда она стала выѣзжать въ свѣтъ, ея свѣжая дѣвическая красота и окружавшій ея юную головку ореолъ зарождавшейся поэтической славы доставили ей рядъ головокружительныхъ тріумфовъ. Ее сразу „замѣтили",—и нѣсколько лѣтъ веселой свѣтской жизни пронеслись предъ ней быстрымъ, волшебнымъ видѣніемъ. Въ 1833 г. (28-го мая) Евдокія Петровна вышла замужъ за графа Андрея Ѳеодоровича Ростопчина, сына знаменитаго Московскаго генералъ-губернатора

графа Ѳеодора Васильевича Р.; женихъ былъ нѣсколько моложе невѣсты. Любви къ нему Евдокія Петровна не питала и сначала отказала ему, но потомъ, уступая дружному напору всей семьи и друзей, дала слово богатому и знатному жениху. Счастья въ бракѣ Р-на не нашла, что̀ наложило свою печать на ея творчество, но двери большого свѣта еще шире распахнулись передъ красивой, богатой графиней; Евдокія Петровна стала увѣреннѣе, рѣшительнѣе. Дѣтскіе порывы къ высокому, даже къ „борьбѣ“ замѣнились спокойнымъ наслажденіемъ свѣтскою жизнію, полною веселья и удовольствій. Графиня Ростопчина стала вѣрить, что цѣль жизни — наслажденіе: „я только женщина, — гордиться тѣмъ готова, я балъ люблю!.. отдайте балы мнѣ“; „въ слезахъ-ли, въ радости-ль собою занята, я знаю лишь себя“,— безъ смущенія, даже съ нѣкоторою наивностью исповѣдуетъ она догму мелкаго эгоизма. Евдокія Петровна сама себя замкнула въ мелкомъ кругу невысокихъ чувствъ личной неудовлетворенности семейной жизнью. Она рѣшила, что „женской долѣ единый путь лишь къ счастью данъ: чрезъ церковь!.. Если же обманъ, холодность, пустоту, неволю на томъ пути мы обрѣли,— для насъ все кончено!.. Прошли на вѣкъ дни жизни сердца“. Еще до замужества Р. познакомилась съ Пушкинымъ. Съ нимъ она встрѣтилась въ 1829 или 1830 г. на балѣ у Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына и произвела на него прекрасное впечатлѣніе; позже она вспомнила о Пушкинѣ въ стихотвореніи „Двѣ встрѣчи“: „онъ дружбой безъ лести меня ободрялъ, онъ думъ моихъ тайну развѣдать желалъ... Ему разсказала молва городская, что, душу высокой мечтою питая, поэзіи чары постигла и я,—и онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на меня... Стихи безъ искусства ему я шептала и взоръ снисхожденья съ восторгомъ встрѣчала“... Въ 1836 году супруги Ростопчины переѣхали въ Петербургъ и заняли здѣсь видное положеніе въ обществѣ благодаря своимъ связямъ и родству въ высшемъ свѣтѣ; они получили доступъ и ко двору; на ихъ званыхъ обѣдахъ бывали Пушкинъ, Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ѳ. Одоевскій, А. И. Тургеневъ, П. А. Плетневъ, С. А. Соболевскій, И. П. Мятлевъ, графъ В. А. Соллогубъ, графы Вьельгорскіе. Жуковскій былъ такого высокаго мнѣнія о дарованіи Р., что подарилъ ей черновую книгу, приготовленную Пушкинымъ для стиховъ; посылая ее, поэтъ писалъ: „вы дополните и докончите эту книгу, она теперь достигла настоящаго своего назначенія“. Ростопчина приняла этотъ подарокъ, сознавая (пьеса „Черновая книга Пушкина“), что „не исполнить мнѣ такого назначенья, не достигнуть мнѣ желанной вышины, не всѣ источники живого пѣснопѣнья, не всѣ предметы мнѣ доступны и даны“. Съ Лермонтовымъ Ростопчина познакомилась въ 1841 году, когда онъ пріѣхалъ съ Кавказа въ Петербургъ, у Карамзиныхъ; они стали встрѣчаться тамъ часто. Впослѣдствіи Ростопчина писала Александру Дюма о своемъ знакомствѣ съ Лермонтовымъ: „мы постоянно встрѣчались и утромъ, и вечеромъ; что̀ насъ окончательно сблизило, это мой разсказъ объ извѣстныхъ мнѣ его юношескихъ проказахъ; мы вмѣстѣ вдоволь надъ ними посмѣялись и такимъ образомъ вдругъ сошлись, какъ будто были знакомы съ самаго того времени“. Оба они были молоды, умны, остроумны; между ними, несмотря на огромную разницу въ дарованіяхъ, была нѣкоторая общность во влеченіяхъ и вкусахъ. Памятникомъ ихъ отношеній остались нѣсколько стихотвореній Ростопчиной, между прочимъ пьеса „На дорогу“, написанная въ напутствіе уѣзжавшему на Кавказъ поэту, и два стихотворенія Лермонтова, одно изъ которыхъ очень популярно: „Я вѣрю, подъ одной звѣздою мы съ вами были рождены; мы шли дорогою одною, насъ обманули тѣ же сны“...

Успѣхъ Ростопчиной все возрасталъ; стихи ея заучивались наизустъ, ихъ охотно печатали лучшіе журналы. Она сдѣлалась модной писательницей, о ней говорили. Ободряемая этимъ успѣхомъ, Ростопчина выпустила въ 1841 г. сборникъ своихъ стихотвореній. Въ этой книжкѣ было девяносто одно стихотвореніе; она обнимала періодъ 1829—1839 гг. Почти всѣ стихи были уже извѣстны публикѣ, но книга была встрѣчена общими похвалами и лестными критическими отзывами. П. А. Плетневъ писалъ въ „Современникѣ“: „Мы смотримъ на это собраніе стихотвореній съ чувствомъ, которому трудно пріискать названіе. Тутъ заключены впечатлѣнія, ощущенія, думы,

мечты, надежды, радости, утраты, — все, чѣмъ жизнь такъ волнуется и чѣмъ она такъ очаровательна въ лучшіе наши годы,— тутъ десять лѣтъ цвѣтущаго возраста женщины, тутъ исторія прекраснѣйшаго существа въ его прекраснѣйшую эпоху. Какъ не сказать, что это—явленіе, какого еще не бывало въ нашей литературѣ,—явленіе, на которое нельзя смотрѣть безъ полнаго участія, безъ особеннаго любопытства и неизъяснимаго удовольствія? Передъ нами открытъ непроницаемый лабиринтъ юнаго, пылкаго, трепещущаго сердца; мы видимъ всѣ его изгибы, всѣ уклоненія, весь путь, гдѣ десять лѣтъ играли, тревожились и бодрствовали умъ и воля поэта съ его дѣтства до нынѣшнихъ его блестящихъ дней юношества... Разсматривая книгу, вы чувствуете, какъ увеличивается дѣятельность поэта, какъ укрѣпляются силы его таланта, какъ все въ немъ получаетъ зрѣлость и могущество... Сліянная съ жизнью, не отдѣляясь отъ нея для исполненія какихъ-нибудь условій искусства, здѣсь поэзія во всемъ есть власть духа надъ явленіями и вещественностью". С. П. Шевыревъ въ „Москвитянинѣ" писалъ, что стихи Ростопчиной представляютъ по большей части „поэтическія размышленія о разныхъ впечатлѣніяхъ женской души. Въ нихъ всякое чувство, всякая страсть, всякое созерцаніе переведены на мысль и умѣрены строгою, важною думою". А. В. Никитенко писалъ въ „Сынѣ Отечества": „Не ищите поэтической архитектоники въ этихъ милыхъ произведеніяхъ женскаго ума и фантазіи; вы не найдете въ нихъ также творческаго могущества, которое превращаетъ идею въ дѣйствительное явленіе, въ живой образъ. Это звуки идеально настроенной души, а не вещи и силы— результаты лирическаго ея воодушевленія, безъ воззрѣнія на тѣ предметы, которые его возбуждаютъ. Поэтъ прямо и непосредственно вводитъ васъ въ ея святилище; вы не видите тамъ боговъ, которымъ онъ приноситъ свои жертвы, а только слышите тихую, очаровательную мелодію молитвы, которая заставляетъ васъ вѣрить, что они только тутъ присутствуютъ. Такъ вообще женщина раскрываетъ предъ вами движенія своего гибкаго ума и своего прекраснаго чувства, не объясняя причины ихъ; занятая единственно тѣмъ, что въ ней происходитъ, она указываетъ на свое сердце и говоритъ вамъ: „Вотъ мой и вашъ міръ".— Въ первую минуту, читая „Стихотворенія графини Ростопчиной", вы не испытываете тѣхъ сладостныхъ, сильныхъ впечатлѣній, какія обыкновенно возбуждаются въ душѣ, когда окружатъ ее безплотные небесные лики, созданные творческимъ воображеніемъ; но чѣмъ болѣе вы, такъ сказать, въ нихъ вчитываетесь, чѣмъ внимательнѣе становитесь къ подробностямъ, тѣмъ ощутительнѣе для васъ дѣлается отрадное, благоухающее вѣяніе невидимой, но живущей и дѣйствующей красоты и поэзіи. Сфера ея идей принадлежитъ современному поколѣнію: это большею частію тревоги и страданія неудовлетвореннаго бытія. У многихъ они суть не иное что какъ общія мѣста или спазматическія трепетанія сердца, приведеннаго въ насильственное раздраженіе, жалкая нищета мысли, прикрывающая себя лоскутьями модныхъ, оборванныхъ фразъ. Но среди этой лицемѣрной скорби людей, которыхъ ничтожествомъ должно бы обезпечиваться ихъ счастіе, нерѣдко раздаются жалобы и стоны истиннаго и существеннаго страданія души, виновной только тѣмъ, что она не умѣетъ стать ни выше, ни ниже самой себя. Конечно, есть выходъ и изъ этого лабиринта внутреннихъ треволненій; есть нравственная высота, на которой и подъ темнымъ небосклономъ, при шумѣ бурь, душа можетъ вкушать возвышенный миръ и успокоеніе; но достиженіе-то ея и покупается дорогою цѣною. Элегическій характеръ стихотвореній графини Ростопчиной есть характеръ самой истины и простоты; ея грустные порывы текутъ изъ глубины сердца, а по ихъ энергіи вы видите, что они не есть плодъ поэтическаго разслабленія духа. Вообще, нѣжная прелесть чувствъ у ней вездѣ поддерживается и облагороживается крѣпостью мысли... Такихъ благородныхъ, гармоническихъ, легкихъ и живыхъ стиховъ вообще немного въ нашей современной литературѣ, а въ женской — это рѣшительно лучшіе стихи изъ всѣхъ"... Основными мотивами поэзіи Ростопчиной были разочарованіе,—не такое, правда, сильное и дышащее протестомъ, какъ у Лермонтова, которому она явно подражала,—тоска и задумчивость, неясныя, неопредѣленныя: „грезы ходятъ кругомъ... и манятъ, и зовутъ за предѣлы земного; такъ неясны онѣ, а такъ много даютъ сладко-том-

наго, грустно-святого". Намеки на неудачно сложившуюся семейную жизнь сквозятъ въ тѣхъ стихахъ, гдѣ она говоритъ о запоздаломъ счастьѣ, разрывѣ, поздней встрѣчѣ; напримѣръ, въ пьесѣ „На прощанье": „Межъ нами такъ много созвучій! Сочувствій насъ цѣпь обвила, и та же мечта насъ въ міръ лучшій, въ міръ грезъ и чудесъ унесла. Въ поэзіи, въ музыкѣ оба мы ищемъ отрады живой, душой близнецы мы... Ахъ, что бы намъ встрѣтиться раньше съ тобой!.. Прощай! Роковая разлука настала... О, сердце мое!.. Поплатимся долгою мукой за краткое счастье свое!" Но Р—на не ищетъ сожалѣнія и сочувствія, она для этого слишкомъ горда: „бушуй и волнуйся, глубокое море, и ревомъ сердитымъ грозу оглушай! О, бѣдное сердце, тебя гложетъ горе, но гордой улыбкой судьбѣ отвѣчай"! Счастье и утѣшеніе Р. находитъ только въ царствѣ мысли: „все, что въ лучшіе дни утѣшало меня, все прошло съ мимолетностью сна... Мнѣ осталась вѣрна только дума моя, только дума моя спасена". Одинъ изъ недостатковъ Р., чаще всего нарушающій гармонію ея поэзіи, — холодное, разсудочное резонерство, иногда слишкомъ сильно разрастающееся; вдобавокъ, резонерство это ведетъ къ обыкновенному кодексу „житейской морали", которую Р. чтила, какъ святыню. Это свойство поэзіи Р. отмѣтилъ Бѣлинскій, въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ своей рецензіи на „Стихотворенія" Р. „Отличительныя черты музы графини Ростопчиной", — говоритъ знаменитый критикъ, — „рефлексія и свѣтскость. Это муза разсуждающая и свѣтская... Несмотря на все уваженіе къ музѣ графини Ростопчиной, мы не можемъ не замѣтить, что разсужденіе охлаждаетъ даже мужескую и мужественную поэзію и придаетъ ей какой-то однообразный и прозаическій колоритъ. Правда, этого нельзя безусловно отнести къ прекраснымъ медитаціямъ графини Ростопчиной, но все-таки нельзя не сказать, чтобы ея стихотворенія не выиграли больше въ поэзіи, если-бъ захотѣли оставаться поэтическими откровеніями міра женственной души, мелодіями мистики женственнаго сердца: тогда они были бы и любопытнѣе для остальной половины человѣческаго рода, Богъ знаетъ почему присвоившей себѣ право суда и награды... Исключительное служеніе „богу салоновъ" также не совсѣмъ выгодно. Наши салоны — слишкомъ сухая и безплодная почва для поэзіи. Правда, они даже и зимой дышатъ ароматомъ, но этотъ ароматъ искусственный, возросшій на почвѣ горшковъ, а не на раздольѣ плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. Балъ, составляющій источникъ вдохновеній графини Ростопчиной, конечно, образуетъ собой обаятельный міръ даже и у насъ,—не только тамъ, гдѣ царитъ образецъ, съ котораго онъ довольно точно скопированъ; но балъ у насъ—заморское растеніе, много пострадавшее при перевозкѣ, помятое, вялое, блѣдное. Поэзія—женщина: она не любитъ показываться каждый день въ одномъ уборѣ; напротивъ, она каждый часъ любитъ являться новою: всегда быть разнообразною—это жизнь ея... Между тѣмъ поэзія графини Ростопчиной, такъ сказать, прикована къ балу: даже встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ, какъ совершившіяся на балѣ, суть собственно описаніе бала, которое болѣе бы шло къ письму или статьѣ съ прозѣ, чѣмъ съ риѳмами. Муза графини Ростопчиной не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышащихъ не однимъ умомъ, но и глубокимъ чувствомъ. Правда, это чувство ни въ одномъ стихотвореніи не выказалось полно, но болѣе сверкаетъ въ отрывкахъ и частностяхъ, зато эти отрывки и частности ознаменованы печатью истинной поэзіи... Даже и въ рефлектированныхъ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной встрѣчаются мѣста, ознаменованныя думою и чувствомъ... Такія думы и чувства доказываютъ, что талантъ графини Ростопчиной могъ бы найти болѣе обширную и болѣе достойную себя сферу, чѣмъ салонъ, и что стихи, подобные слѣдующимъ, выражаютъ только безсознательность, несправедливую какъ къ своему собственному, такъ и вообще къ высокому назначенію женщины". (Здѣсь критикъ выписываетъ четверостишіе, оканчивающееся словами: „Я только женщина, гордиться тѣмъ готова... Я балъ люблю, отдайте балы мнѣ!"...). Еще раньше Бѣлинскій хвалилъ въ своихъ рецензіяхъ „прекрасные, полные души и чувства стихи" Ростопчиной; объ одномъ отрывкѣ, изъ поэмы „Существенность и вдохновеніе, или жизнь дѣвушки", Бѣлинскій въ восторгѣ писалъ, что онъ „поражаетъ удивленіемъ". Отзывъ Бѣлинскаго о ея „Стихотвореніяхъ", отзывъ сочувственный и справедливый, заключалъ

въ себѣ выраженный въ мягкой и деликатной формѣ упрекъ въ безсодержательности и пустотѣ увлеченій Ростопчиной, въ поверхностномъ отношеніи къ жизни со стороны талантливой натуры, которая могла бы дать больше, чѣмъ дала. Упрекъ знаменитаго критика не повліялъ на поэтессу, и ходъ ея поэзіи остался тотъ же, что и былъ.

Ростопчина писала не только стихами, но и прозой. Первыми прозаическими ея произведеніями были двѣ повѣсти: „Чины и деньги" и „Поединокъ", напечатанныя въ журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ" 1838 г. (февраль и апрѣль) и подписанные псевдонимомъ: „Ясновидящая". Въ 1839 году онѣ были выпущены въ свѣтъ отдѣльной книжкой, подъ общимъ заглавіемъ: „Очерки большого свѣта". Въ предисловіи къ своей книгѣ Ростопчина писала: „Свѣтъ—живая книга, книга пестрая, трепещущая занимательностью; но не всякому дается ея мудренная грамота. Двоякій путь ведетъ къ оцѣнкѣ свѣта, къ познанію страстей и тайнъ, въ немъ кипящихъ: умственныя способности разбираютъ, обсуждаютъ, доискиваются, сердечность отгадываетъ и понимаетъ. Умъ видитъ и заключаетъ; сердце видитъ и сочувствуетъ. Первому свѣтъ—зрѣлище; для послѣдняго—онъ драма. И не вѣрьте имъ, говорящимъ, что одна только собственная опытность доводитъ до разумѣнія другихъ; не вѣрьте, что необходимо самому прожить и прочувствовать, чтобъ постичь и угадать жизнь и чувства въ окружающихъ. Нѣтъ, достаточно носить въ душѣ зародышъ сильныхъ впечатлѣній, чтобъ отозваться на вопль души чужой; достаточно вблизи смотрѣть, какъ страдаютъ, какъ любятъ, чтобъ говорить ихъ языкомъ съ страдающими и любящими; достаточно прозрѣть и прослышать, чтобъ на все найти отблескъ и отзвукъ". Ростопчина ратовала въ своихъ повѣстяхъ за право женщины любить, не скрывая своего чувства, клеймила высшій свѣтъ за то, что онъ цѣнитъ людей не по личнымъ достоинствамъ ихъ, а по чинамъ и деньгамъ, возставала противъ дуэлей. Несмотря на психологическую глубину и литературный талантъ, повѣсти не обратили на себя вниманія критики. Только Н. А. Полевой, бывшій редакторомъ „Сына Отечества" и читавшій эти разсказы въ корректурѣ, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Читалъ повѣсть Ростопчиной. Какая прелесть! Это наша Жоржъ-Зандъ". Молчаніе публики и критики, повидимому, смутило Ростопчину: больше 10 лѣтъ она не писала прозой.

Въ 1837—1839 г. г. у графини Ростопчиной родились двѣ дочери и сынъ. Два года провела она вдали отъ большого свѣта, хотя и порицаемаго, но все-таки любимаго ею, въ принадлежавшемъ ея мужу Воронежскомъ имѣніи—селѣ Аннѣ; затѣмъ Ростопчины переѣхали въ Петербургъ, и опять потянулась свѣтская жизнь. У Ростопчиныхъ собирались артисты, давались музыкальные вечера, на которыхъ бывали Ф. Листъ, М. И. Глинка, князь В. Ѳ. Одоевскій, заѣзжали Віардо, Рубини, Тамбурини. Весною 1845 г. Ростопчины всей семьей отправились за-границу, гдѣ прожили болѣе двухъ лѣтъ. Изъ Италіи Р. въ 1846 г. прислала въ „Сѣверную Пчелу" свою извѣстную аллегорическую балладу „Насильный бракъ" (иначе называемую „Старый баронъ"). По словамъ Н. В. Берга, Ростопчина написала свою балладу подъ впечатлѣніемъ политическаго угнетенія Польши. Въ Римѣ она читала свое стихотвореніе навѣстившему ее Н. В. Гоголю, который, будто бы, посовѣтовалъ ей послать пьесу въ Петербургъ, гдѣ ее навѣрно напечатаютъ, такъ какъ цензора не разберутъ въ чемъ дѣло и не поймутъ аллегоріи. Пьеса была напечатана, и сначала-было, дѣйствительно, почти никто ничего не замѣтилъ, но, на бѣду Ростопчиной, какая-то французская газета помѣстила разъясненіе стихотворенія. III Отдѣленіе стало отбирать у подписчиковъ преступный номеръ „Сѣверной Пчелы"; имя Ростопчиной стало извѣстно въ такихъ читательскихъ кругахъ, гдѣ ее раньше не знали; стали носиться слухи, что поэтесса по возвращеніи въ Россію подверглась тяжкимъ непріятностямъ. Судя по всему, что̀ мы знаемъ о Ростопчиной, всѣ эти слухи невѣрны, и можно легко повѣрить, что поэтесса вовсе не имѣла въ виду изобразить несчастную участь Польши, которой она никогда не сочувствовала, а просто описала горькую судьбу женщины, выданной противъ ея воли замужъ за нелюбимаго человѣка. Ростопчина была далека отъ политическаго протеста, она была счастлива въ несчастной Россіи 30-хъ—40-хъ годовъ и свободы требовала только для сердечнаго чувства,

для права любить, да и требовала-то безъ особаго подъема, безъ горячаго увлеченія. То же самое подтверждаетъ знавшій Ростопчину и близкій ей человѣкъ—ея дядя Сушковъ. Братъ Ростопчиной разсказываетъ, что она „въ задушевныхъ разговорахъ искренно сознавала свою вину и каялась въ написаніи этого злополучнаго стихотворенія, которое вырвалось изъ-подъ ея пера совершенно случайно и необдуманно, подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ ею заграницею ложныхъ и вздорныхъ толковъ о политическомъ положеніи Польши, судьбою которой она никогда прежде не интересовалась и ничего опредѣлительнаго по этому вопросу не знала". Тѣмъ не менѣе, доступа ко Двору Ростопчина лишилась; злоязычіе язвило ее, и Ростопчины переселились, въ декабрѣ 1849 г., на постоянное жительство въ Москву. Зажили они роскошно, богато, хоть и не особенно открыто. Графъ увлекался цыганами, тройками, балетомъ, посѣщалъ Англійскій клубъ, графиня жила отдѣльно отъ него и на своей половинѣ проводила время по-своему, принимала гостей, изрѣдка выѣзжала. Писала она теперь уже не мелкія лирическія пьесы, а вещи болѣе крупныя, а также романы въ прозѣ; писала она и небольшія пьесы для театра; послѣднія были легкими, милыми пустячками, приготовленными обыкновенно для чьего-нибудь бенефиса. Потерпѣвъ крупную неудачу при попыткѣ занять въ высшемъ свѣтѣ и при Дворѣ прежнее положеніе (ее пригласили удалиться съ придворнаго бала), Ростопчина окружила себя людьми, къ которымъ собственно ее никогда и не тянуло, и которыхъ она въ душѣ считала чуждыми себѣ. У нея стали бывать А. Н. Островскій, М. П. Погодинъ, Л. А. Мей, Е. Эдельсонъ, Т. И. Филипповъ, Н. Ф. Павловъ, артисты М. С. Щепкинъ и Самаринъ, Ю. Н. Бартеневъ, С. А. Соболевскій, В. А. Вонлярлярскій, Д. В. Григоровичъ, И. С. Тургеневъ, А. Н. Майковъ, Н. Ѳ. Щербина. Время проводили у Ростопчиной весело, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ вечеровъ, когда нѣсколько тщеславная и жаждущая похвалъ хозяйка начинала читать гостямъ свои длинныя повѣсти и драмы. Другой страстью Ростопчиной сдѣлались въ то время лошади, большимъ знатокомъ и цѣнителемъ которыхъ былъ ея мужъ.

Въ „московскій періодъ" своей жизни (1849—1858) Ростопчина написала цѣлый рядъ произведеній, изъ которыхъ главныя—слѣдующія: „Нелюдимка", драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ бѣлыхъ стихахъ („Москвитянинъ" 1850 г.), „Поэзія и проза жизни. Дневникъ дѣвушки", романъ въ стихахъ („Москвитянинъ" 1850 г.), „Семейная тайна", драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ („Библіотека для Чтенія" 1851 г.), „Счастливая женщина", романъ въ прозѣ („Москвитянинъ" 1851—1852 г.), „Одаренная", драматическая фантазія, взятая изъ волшебныхъ сказокъ XVII вѣка, въ бѣлыхъ стихахъ („Библіотека для Чтенія" 1852 г.), „Палаццо Форли", романъ въ прозѣ (Библіотека для Чтенія" 1854 г.), „Дочь Донъ-Жуана", драматическая фантазія, написанная бѣлыми стихами („Пантеонъ" 1856 г.), „Угасшая Звѣзда", сцены въ бѣлыхъ стихахъ и въ прозѣ („Библіотека для Чтенія" 1856 г.), „У пристани", романъ въ прозѣ (изд. Смирдина 1857 г.). Въ разныхъ журналахъ Ростопчина помѣстила разныя произведенія, написанныя то риемованными, то бѣлыми стихами: романсеро „Любовь въ Испаніи", разсказы изъ воспоминаній „Уроки жизни", историческая сцена „Монахиня", отрывокъ изъ романа „Бальная сцена", „Версальскія Ночи", „Донна Марія Колонна-Манчини". Въ „Пантеонѣ" Ростопчина напечатала комедіи: „Домашнее уложеніе", „Ни тотъ, ни другой", „Кто кого проучилъ?", „Уѣдетъ или нѣтъ?", „Людмила и Люба", „Барынѣ скучно" (всѣ—въ прозѣ). Къ этимъ произведеніемъ Ростопчиной критика отнеслась отрицательно, видя въ нихъ паденіе ея таланта. „Дневникъ дѣвушки" былъ очень растянутъ; мысли отличались банальностью и непріятной, приторной сантиментальностью. Просто—у Ростопчиной съ современнымъ ей поколѣніемъ ничего уже не было общаго: она отстала отъ новаго теченія и, желая попасть ему въ тонъ, была только неискренна и фальшива. Героиня ея „Нелюдимки" удаляется въ деревню, разочаровавшись въ блескѣ большого свѣта, и тамъ занимается помощью „мужичкамъ", устраивая для нейзановъ школу рукодѣлія и богадѣльню, но продолжаетъ выписывать платья изъ Парижа. Короче говоря,—для Ростопчиной наступило самое ужасное въ жизни писателя время: она стала смѣшна. Ея философія женскаго чувства и взглядъ на женскій вопросъ (въ романахъ „У

пристани", „Счастливая женщина") забавно-мелки и вертятся только около брачныхъ и любовныхъ отношеній; другихъ она себѣ какъ будто и представить не могла. Со своимъ вѣкомъ Р. все болѣе и болѣе расходилась, и, наконецъ, ея обособленное положеніе обозначилось ярко и рѣшительно. Общественные запросы, высокія цѣли были ей чужды; ея идеалъ былъ мелкій, дешевый идеалъ личнаго матеріальнаго устроенія. Надъ забываемой поэтессой смѣялись, ее игнорировали, замалчивали,—и Ростопчина постепенно озлобилась. Въ 1851 г. въ „Письмѣ къ Ѳ. Н. Глинкѣ", напечатанномъ въ „Москвитянинѣ", она предостерегаетъ молодежь отъ „гибельнаго чтенія жалкихъ и вредныхъ современныхъ теорій"; бывшая жоржзандистка находила въ литературѣ „навожденіе реализма и скудости духовной, прикрытой нынѣшнимъ именемъ разума и разсудка". Въ 1852 г. она напечатала „Оду поэзіи", въ которой писала: „Молодое поколѣнье, не признавая вдохновенья, пошло дорогою иной...; они—потѣшники народа, изъ грязи вылѣпя урода, его включаютъ въ сонмъ боговъ... умамъ зоиловъ полудикихъ чуждъ дивный строй безсмертныхъ лиръ..." Узкость пониманія великаго общественнаго движенія, начинавшагося на глазахъ гр. Ростопчиной, и ея озлобленіе окончательно погубили ея былую славу. Она и сама это понимала и въ элегической пьесѣ „Господь зоветъ" (1854 г.) писала: „Мы чужды и смѣшны для новыхъ поколѣній, расторглась цѣпь межъ нихъ и насъ; межъ нихъ былого мы глашатаи и тѣни, и не для насъ грядущій часъ!.." Тѣмъ не менѣе, неудачница-поэтесса продолжала злобствовать. Въ 1856 году она написала сатиру—сценическій разговоръ въ стихахъ, въ одномъ дѣйствіи: „Возвратъ Чацкаго въ Москву, или встрѣча знакомыхъ лицъ послѣ двадцатипятилѣтней разлуки. Продолженіе комедіи Грибоѣдова Горе отъ ума" (издана она была уже по смерти Ростопчиной,—въ 1865 г.). Въ пьесѣ изображается, какъ Чацкій, послѣ четверте-вѣкового отсутствія, вернулся въ Москву и снова посѣтилъ домъ Фамусова. Софья Павловна—замужемъ за Скалозубомъ; Молчалинъ—генералъ, Загорѣцкій разбогатѣлъ откупами; Зизи и Мими стали эмансипированными дамами, остригли волосы, курятъ сигары; авторомъ онѣ причислены къ прогрессивной молодежи, надъ которой Ростопчина издѣвается, не менѣе, впрочемъ, чѣмъ и надъ славянофилами, тоже выведенными въ „Возвратѣ". Авторская мудрость выражается устами Чацкаго, который изрекаетъ умныя вещи, вродѣ: „зачѣмъ намъ камеръ-юнкеръ, камергеръ взамѣнъ дворянъ и отроковъ дворцовыхъ" и желаетъ видѣть Русь устроенной по такому образцу: „на пашнѣ—мужичокъ, въ помѣстьѣ—господинъ". Большинство выведенныхъ лицъ были портреты живыхъ людей; строгость осужденія, съ которымъ отнеслась Ростопчина къ двумъ великимъ историческимъ теченіямъ, объясняется ея раздраженіемъ передъ непонятнымъ, недоступнымъ ея уму грандіознымъ общественнымъ явленіемъ и личной злобой на представителей обоихъ направленій, которые одинаково оставляли въ тѣни пережившую себя писательницу.

Ростопчиной пришлось, однако, еще разъ напомнить о себѣ. Въ 1857 г. вышли первые два тома второго изданія ея стихотвореній въ изданіи А. Ф. Смирдина; два остальные тома вышли въ 1860 г. Изъ принадлежащихъ къ Московскому десятилѣтію большихъ произведеній, написанныхъ бѣлыми стихами, въ это собраніе вошелъ только „Дневникъ дѣвушки", занявшій весь третій томъ. Мелкихъ стихотвореній было помѣщено 314 и нѣсколько произведеній подъ заглавіями: поэмы, повѣсти, романы въ стихахъ; почти всѣ уже раньше были напечатаны въ разныхъ журналахъ. Позднѣйшіе изъ мелкихъ стиховъ написаны въ 1857 году; послѣднее помѣчено февралемъ 1858 г. Критика встрѣтила новое изданіе стихотвореній Ростопчиной весьма недружелюбно. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" была помѣщена весьма насмѣшливая рецензія. Н. Г. Чернышевскій писалъ въ „Современникѣ" 1856 г. о пустотѣ и безпринципности Ростопчиной и безпощадно говорилъ объ эготизмѣ поэтессы: „Кто можетъ сочувствовать этому „я", въ томъ нѣтъ ни капли поэзіи. Ростопчина же велика тѣмъ, что осмѣиваетъ это „я", возбуждаетъ къ нему полнѣйшее презрѣніе",—язвительно иронизировалъ критикъ. „Высокъ подвигъ поэта, рѣшающагося избрать пафосомъ своихъ стихотвореній изобличеніе ничтожества и порока на благое предостереженіе людямъ... Этимъ, безъ сомнѣнія, надо объяснять то уваженіе, которымъ почтили

талантъ и произведенія графини Ростопчиной три величайшіе поэта трехъ поколѣній: Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ". До того никто не могъ такъ говорить о Ростопчиной. Черезъ годъ молодой соратникъ Чернышевскаго Н. А. Добролюбовъ написалъ въ томъ же „Современникѣ" по поводу романа Ростопчиной „У пристани" сокрушающую статью. Добролюбовъ отмѣтилъ у Ростопчиной отсутствіе опредѣленнаго идеала, узость нравственнаго кругозора, ничтожество стремленій, непониманіе того вопроса, которому Ростопчина посвятила столько страницъ,— женскаго вопроса. Такъ же иронизируя, какъ Чернышевскій, Добролюбовъ говоритъ, что Ростопчина сама осмѣиваетъ своихъ героевъ. „Это умѣнье автора не высказывать своего взгляда на изображаемыя личности можетъ, пожалуй, ввести многихъ въ заблужденіе. Могутъ подумать, судя по тону изложенія, что авторъ серьезно считаетъ свои лица людьми честными, благородными и неглупыми. Это было бы, безъ сомнѣнія, очень грустно для автора, и потому мы думаемъ, что, рѣшившись на такой подробный разборъ, оказываемъ автору услугу, ставя читателя на настоящую точку зрѣнія". Ростопчина писала въ отвѣтъ („Моимъ критикамъ"): „Я разошлася съ новымъ поколѣньемъ, прочь отъ него идетъ стезя моя; понятьями, душой и убѣжденьемъ принадлежу иному міру я. Иныхъ боговъ я чту и призываю и говорю инымъ я языкомъ; я имъ чужда, смѣшна,— я это знаю, но не смущаюсь передъ ихъ судомъ", такъ говорила давно утратившая всякихъ боговъ и уже ни предъ чѣмъ не смущавшаяся Ростопчина. Она становилась все смѣшнѣе: „вы скажете неосторожно слово о барствѣ, о неравенствѣ людей,— и завистью ужъ закипѣть готовы тревожныя сердца невѣждъ-дѣтей"; ремесленникъ отдалъ свою дѣвочку въ школу,— она научилась писать любовныя письма; помѣщичья дочка начиталась либеральныхъ журналовъ, влюбилась въ домашняго учителя и ушла съ нимъ, проклятая отцомъ и уложивъ въ могилу мать, и т. д. („Простой обзоръ"). Въ 1858 г., незадолго до смерти, Ростопчина написала окончательно сумбурное и неудачное произведеніе—сатиру „Домъ сумасшедшихъ въ Москвѣ", подражаніе извѣстному остроумному „Дому сумасшедшихъ" А. Ѳ. Воейкова. Къ сатирѣ Ростопчина рвалась давно, долго подумывала осуществить свое намѣреніе и, наконецъ, написала длинную, растянутую, грубоватую сатирическую поэму, отражающую упадокъ таланта и, попрежнему,—отсутствіе у автора какихъ бы то ни было общественныхъ взглядовъ; правда, Ростопчина любила говорить о своей „безпартійности", но ясно, что эта безпартійность граничила съ безпринципностью. Посылая новую сатиру своему дядѣ Н. В. Сушкову, Ростопчина писала о современныхъ литераторахъ, какъ о какой-то таинственной, зловредной сектѣ, стремящейся покорить весь міръ,— до того была она озлоблена и словно не хотѣла замѣчать, что ненавистные ей разрушители міра просто враги русскаго безправія и произвола: „А что́, если метемпсихоза точно существуетъ, и ваши друзья-западники и враги-славянофилы ужъ жили, кутили, ломали и разрушали подъ именами французскихъ реформаторовъ предъ революціей?.. Старайтесь угадать маски! Кто изъ нихъ Вольтеръ? По уму и по добротѣ ни одинъ!" — писала Ростопчина. Разбранены въ сатирѣ и „славянобѣсы", и „прудонисты, герценисты, соціалисты". Политической оцѣнки нѣтъ никакой, и даже въ основѣ добрыхъ отзывовъ и похвалъ лежитъ личная симпатія или просто капризъ. Всѣ изображены сумасшедшими, кромѣ самой поэтессы, которая видитъ въ себѣ „Сафо" и „Кассандру новой Трои", ищущую родинѣ „избавителя-героя". Ростопчина рубила сплеча и безъ оглядки, такъ что безъ основаній иныхъ записала въ западники, другихъ пожаловала славянофилами. Ясно было, что Ростопчина пережила себя. Н. П. Огаревъ даже бросилъ ей въ лицо кличку—„Отступница", а А. И. Герценъ напечаталъ эти стихи.

Въ послѣдній разъ Р. взялась за перо въ концѣ августа 1858 г., чтобы написать для А. Дюма, бывшаго тогда въ Россіи, свои краткія воспоминанія о Лермонтовѣ. Письмо ея Дюма получилъ на Кавказѣ, въ декабрѣ, когда Ростопчиной уже не было въ живыхъ: 3-го декабря 1858 г. она скончалась въ Москвѣ, гдѣ и погребена на Пятницкомъ кладбищѣ.

Глубокое размышленіе—одинъ изъ основныхъ мотивовъ поэзіи Ростопчиной. Жизнь представляется ей тяжелымъ бременемъ; она учитъ насъ злу, учитъ насъ „тому, что мы не кроткой голубицей, а мудрымъ змѣемъ съ

жаломъ и отравой должны на свѣтѣ жить; тому, что тщетно и дружбѣ, и друзьямъ, и даже, даже самой любви мы вѣримъ... что отъ нихъ, какъ страннику отъ марева въ пустынѣ, одинъ песокъ бѣгучій остается...; что счастье есть легкій сонъ съ просоньемъ неизбѣжнымъ удушливыхъ волненій,—и потомъ у изголовья горе наяву тяжелымъ, неизбѣжнымъ сядетъ гостемъ! Лишь одному отрадному насъ учитъ безжалостная жизнь: молитвѣ теплой, да тихой смерти тихому желанью!" Отсюда — прямой переходъ къ религіозному чувству, на выраженіе котораго Ростопчина была очень нескупа. Поэтесса любила молитву и находила въ ней отраду: „невидимо благодать на душу слабую нисходитъ и долгой горести печать она съ чела мнѣ тихо сводитъ. И вдругъ съ надеждой неземной ко мнѣ слетаетъ утѣшенье, и вѣрой чистой и живой трепещетъ сердце въ упоеньѣ". „Молитвы даръ—чудесный даръ, безцѣнный, замѣна всѣхъ непрочныхъ благъ земныхъ; блаженъ, кому дано душою умиленной извѣдать таинство святыхъ отрадъ твоихъ... блаженъ, кто молится въ минуту счастья... блаженъ, кто, битвой жизни испытуемъ, смиренно вѣруетъ, смиренно ждетъ"... Вѣра въ Бога заставляла Ростопчину любить жизнь: „здѣсь, на землѣ, вѣрю сердцу высокому, чувству горячему, нѣжнымъ душамъ; вѣрю друзей поминанью далекому, генію, въ мірѣ всегда одинокому, и вдохновеньямъ его и мечтамъ!" Немало стихотвореній Ростопчиной выражаетъ ея патріотическое чувство. Оно сказалось въ нѣсколькихъ піесахъ, внушенныхъ ей родной стариною, а особенно въ стихотвореніяхъ, написанныхъ по поводу Крымской войны. Но патріотизмъ Ростопчиной—патріотизмъ холодный; это не пламенная любовь къ родинѣ Хомякова, проникнутая въ то же время скорбью и негодованіемъ: это оффиціальный, патріотизмъ Погодина, Кукольника, Бенедиктова. Русь Ростопчина прославляетъ за ея „любовь къ царю", а противниковъ называетъ „нехристями", и пророчитъ, что Богъ возвеличитъ Россію. Лучшій и самый глубокій, задушевный мотивъ поэзіи Ростопчиной—любовь, самый важный потому, что любовь Ростопчина считала самымъ значительнымъ, что̀ есть въ жизни женщины, ея единственнымъ счастьемъ. „Да, если двое сошлись и въ сближеніи души и сердецъ обрѣли упоеніе,—счастье возможно имъ, счастье не сонъ". Но чаще всего Ростопчина изображала мученіе любви. „Надѣяться мнѣ разумъ не велитъ, любить ни Богъ, ни свѣтъ не разрѣшитъ, тяжелаго мы не измѣнимъ рока, нѣтъ счастья намъ"; „я не могу дать сердцу воли, своей души я не должна сроднить съ другой,— такъ мудрено ли, что я грустна и холодна?" Не найдя счастья въ семьѣ, не имѣя близкой души, Ростопчина любила поэзію и природу и вѣрила въ „связь межъ сердцемъ безпокойнымъ, кипящимъ жизнію, и этимъ дивно стройнымъ, но хладнымъ, мертвымъ естествомъ..."; мечты мои цвѣтъ неба отражаютъ, сочувствія міръ видимый сдружаютъ съ неосязаемымъ умомъ"... „Поэзія—она благоуханье и ѳиміамъ восторженной души, но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши, но не дано на языкѣ изгнанья ей высказать всѣ таинства свои". Какъ истинный поэтъ, Р—на мучилась несоотвѣтствіемъ между словомъ и ощущеніемъ: „и много думъ и много чувствъ прекрасныхъ не имутъ словъ, глагола не найдутъ и на душу обратно западутъ; и больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ порывы ихъ навѣкъ со мной умрутъ". Глядя, какъ облако окутываетъ мѣсяцъ, поэтесса думаетъ: „жизни духовной, судьбы человѣческой образъ здѣсь вижу я, въ сердцѣ волнуемомъ такъ же встрѣчаются, спорятъ и ратуютъ съ радостью свѣтлою туча печаль. Кто одолѣетъ?.." Вообще жизнь души, любовь къ природѣ, задумчивость—лучшія стороны поэзіи Ростопчиной; вся она читаться не будетъ, но нѣсколько лирическихъ стихотвореній Ростопчиной навсегда сохранятъ свое мѣсто въ русской литературѣ.

Библіографія: „Стихотворенія" графини Е. Ростопчиной, С.-Пб., 1841; „Стихотворенія" графини Е. Ростопчиной, изданіе 2-ое, т. I и II, С.-Пб. 1857; т. III и IV, С.-Пб. 1860, изданіе А. Смирдина; его же изданіе, Лейпцигъ. 1862; „Сочиненія" графини Е. П. Ростопчиной, изд. С. П. Сушкова, съ предисловіемъ и біографическимъ очеркомъ, два тома, С.-Пб. 1890; „Москвитянинъ" 1853 г., № 4, журналистика, стр. 216—219; № 5, смѣсь, стр. 24—28; „Памятникъ искусствъ" 1840 г., № 1; „Essais poétiques" par le prince N. Galizine, S.-Pb. 1849 („A ma croix-protectrice". traduit du russe, de la comtesse R.); кн. Н. Голицынъ, „Словарь русскихъ писательницъ", С.-Пб. 1889; „Русск. Старина" 1871 г., III, 237—238; „Библіограф. Записки" 1861 г., № 1, ст. 3—4; „Московскія Вѣдомости" 1836 г., № 14, стр. 293—294; „Литерат. Прибавленія къ Русскому Инвалиду" 1837 г., стр. 195; „Русск. Старина"

1893 г., іюнь, 563; „Отъ досуга“, собраніе стихотвореній Ю. Ш—ной, М. 1880, стр. 54—56 (подражаніе Ростопчиной); „Сынъ Отечества“ 1841 г., № 18, литерат. обозрѣніе, 95—104, ст. А. В. Никитенко; „Русск. Старина“ 1882 г., сентябрь, 610—620 (письма Ростопчиной къ А. Дюма и воспоминанія ея о М. Ю. Лермонтовѣ); „Сынъ Отечества“ 1838 г., I, 145—146; „Современникъ“ 1838 г., № 3; „Вѣстн. Европы“ 1867 г., іюнь, 192; 1869 г., сентябрь, 303—304; 1885 г., мартъ, 42—81 (ст. Е. С. Некрасовой „Графиня Е. П. Ростопчина“); 1888 г., май, 388—437 („Возраженіе на статью Е. С. Некрасовой о гр. Е. П. Ростопчиной“ С. П. Сушкова); „Историч. Вѣстн.“ 1885 г., май, 495—496, замѣтка И. Бѣлова: „По поводу сочиненій гр. Ростопчиной“; 1893 г., т. 51, стр. 690—708, ст. Н. В. Берга. „Графиня Ростопчина въ „Москвѣ“; 1904 г., № 1, 2, 3, 4: ст. графини Л. А. Ростопчиной „Правда о моей бабушкѣ“; „Сочиненія“ Ѳ. И. Тютчева, С.-Пб. 1899 г., стр. 181—182, 218; „Иллюстриров. газета“ 1863 г., т. XII, № 18, стр. 278; „Сынъ Отечества“ 1840 г., I, 815—816; „Живописная Русская Библіотека“ 1859 г., IV, № 2, стр. 15—16; „Отечеств. Записки“ 1855 г., т. CII, IV, 113—115; 1856 г., CIX, III, 77—85; „Древняя и Новая Россія“ 1877 г., зам. Гильтебрандта о Ростопчиной; С. Браиловскій, Изъ прошлаго отечественной литературы, А. Е. Измайловъ, кн. Д. П. Горчаковъ, гр. Е. П. Ростопчина“ Воронежъ, 1893 („Филолог. Зап.“ 1892, вып. III); „Всемірная Иллюстрація“ 1887 г., т. 38, стр. 439; „Древняя и Новая Россія“ 1878 г., № 7, 238—243; № 10, 176; „Нива“ 1887 г., № 44, ст. 1081; „Русск. Архивъ“ 1865 г. 1349; 1870 г., 1281; 1902 г., № 3, 5205—28; „Библіот. для Чтенія“ 1856 г., іюнь, реценз.; „Современникъ“ 1856 г., мартъ, реценз.; „Новое Время“ 1881 г., № 1769 („Вопросы и отвѣты“); альманахъ „Раутъ“; „Пантеонъ“ 1852, 1853, 1854, 1855, 1856 г. г.; „Библіотека для Чтенія“ 1851, 1853, 1854, 1856 г. г.; „Московск. Наблюдатель“ 1835 и 1836 г. г.; „Сѣверная Пчела“ 1846, 1854, 1855, 1857 г. г.; „Библіограф. Записки“ 1859 г., № 20; „Сборникъ въ память Смирдина“, т. I; портретъ Ростопчиной, писанный П. А. Ѳедотовымъ—въ Московской Третьяковской Галлереѣ; „Новый русскій базаръ“ 1875 г., № 12, ст. П. В. Быкова о Ростопчиной; „Истор. Вѣстникъ“ 1881 г., іюнь, ст. Д. Сушкова; „Русск. Старина“ 1872 г., № 2; „Сѣверное Обозрѣніе“ 1848 г., № 1; „Отечествен. Записки“ 1850 г., № 5, критика; „Современникъ“ 1852 г., № 4, критика; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1856 г., № 30; № 17; критика; „Современникъ“ 1856 г., № 3; „Сочиненія Н. А. Добролюбова“, т. I; „Книжный Вѣстникъ“ 1865, № 2; „Русская Старина“ 1885 г., мартъ, 671—709, апрѣль, 225—227; „Живоп. Русская Библіотека“ 1856 г., № 8 и № 27, 210—211, „Извѣстія о книгахъ“; „Полное собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго“, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, 393: IV, 279, 529—530; VI, 264—265, 317—321; VII, 68; „Каррикатурные рисунки“ Н. Степанова, тетр. I, 2-ое изд., С.-Пб., 1860, каррикатура; „Полн. собр. сочиненій“ Н. Ѳ. Щербины, С.-П. 1873, стр. 333; Ю. Веселовскій, „Поэзія гр. Е. П. Р.“ („Этюды по русс. и иностр. литературѣ“, т. I, М. 1913).

Н. Лернеръ.

Ростопчина, графиня *Екатерина Петровна;* писательница, дочь генералъ-поручика и сенатора Петра Степановича Протасова (ум. 1794) и его жены Александры Ивановны, рожд. Протасовой же (ум. 1782), родилась 30-го ноября 1775 г.; потерявъ мать въ младенчествѣ, воспитывалась, вмѣстѣ съ четырьмя своими сестрами, у своей тетки (сестры отца) — извѣстной камеръ-фрейлины и друга Императрицы Екатерины II — графини А. С. Протасовой и получила прекрасное по тому времени образованіе, при чемъ главное вниманіе воспитательницъ было обращено на изученіе дѣвушкою иностранныхъ языковъ, не исключая даже латинскаго и греческаго, но въ ущербъ русскому, которому ее совсѣмъ не обучали, и отечественной исторіи и религіи. Очень красивая, стройная, высокаго роста, съ правильными и выразительными чертами лица и великолѣпными черными глазами, полными живости и огня (см. ея портретъ на группѣ съ теткой и сестрами, писанный Анжеликою Кауфманъ), Р. была сдержаннаго и несообщительнаго характера, не любила свѣтскихъ развлеченій и имѣла мало успѣха въ свѣтѣ. Пожалованная въ 1791 г. во фрейлины Императрицы Екатерины, Р. въ началѣ 1794 г. вышла замужъ за любимца Цесаревича Павла — извѣстнаго Ѳедора Васильевича Ростопчина, въ 1799 г. получившаго графскій титулъ. Цѣня въ женѣ не только ея красоту, но и серьезный, вдумчивый характеръ, Р. былъ счастливъ съ нею до тѣхъ поръ, пока душевный переломъ, происшедшій съ Ростопчиной и завершившійся переходомъ ея въ католичество, не нарушилъ ихъ единенія и согласія въ ихъ семейной жизни. Сторонясь отъ свѣтскихъ удовольствій, графиня стала размышлять надъ религіозными вопросами, отъ которыхъ въ дѣтствѣ ее старались держать далеко. Уже давно ее привлекала эстетическая сторона христіанства: „Какъ жаль“, говорила она, „что такое прекрасное ученіе ложно“. Истолкователями христіанства для нея явились іезуиты, въ началѣ XIX вѣка кишѣвшіе въ Русскомъ высшемъ обществѣ. Съ графиней велъ бесѣды знаменитый графъ де-Местръ, а аббатъ Сюрюгъ былъ ея духовнымъ наставникомъ и въ 1806 г. принялъ ее въ нѣдра Римской церкви... Первое время переходъ графини въ католичество держался въ глубокой тайнѣ. „Аббатъ Сюрюгъ“ разсказываютъ про нее: „разъ въ недѣлю обѣдалъ у графа Ростоп-

чина, и каждый разъ послѣ обѣда графиня начинала ходить съ нимъ по обширнымъ комнатамъ дома, какъ бы ведя обыкновенный разговоръ,—но тутъ она исповѣдывалась у него". Съ теченіемъ времени переходъ графини въ католичество сталъ общеизвѣстнымъ и поставилъ ея мужа, бывшаго въ 1812—1814 г. Московскимъ Главнокомандующимъ, въ неловкое положеніе, такъ какъ жена его, будучи ревностною католичкою, должна была разыгрывать роль „хозяйки" первопрестольной столицы.

Послѣ увольненія графа въ 1814 г. отъ дѣлъ, Ростопчины переселились заграницу, жили долгое время въ Германіи и Франціи и лишь къ 1824 году вернулись въ Москву, гдѣ 1-го марта умерла отъ чахотки 18-дѣтняя дочь ихъ Елизавета, любимица отца, передъ самою смертію принявъ католичество — при обстоятельствахъ, заставляющихъ предполагать въ этомъ непосредственное воздѣйствіе матери. Этотъ новый ударъ окончательно сломилъ здоровье графа Ростопчина, и онъ скончался 18-го января 1826 г., успѣвъ, однако, устранить жену отъ воспитанія ихъ сына графа Андрея (род. 1813 г.) и отъ управленія громаднымъ, завѣщаннымъ ему состояніемъ. „Слѣдуя", по словамъ біографіи, „фанатическимъ принципамъ католичества, графиня Р. не присутствовала даже на похоронахъ мужа. Къ дѣтямъ своимъ она всегда относилась холодно и мало ими интересовалась. Сдержанный и сосредоточенный характеръ ея съ годами становился угрюмѣе и суровѣе, и она жила замкнутой жизнью, лѣтомъ — въ оставленномъ ей мужемъ подмосковномъ селѣ Вороновѣ, а зимой—въ старомъ, запущенномъ домѣ на Басманной, окруженная француженками-компаніонками и воспитанницами и католическими аббатами, пользовавшимися ея состояніемъ для дѣла католической пропаганды. Рѣдко кого принимая, она выѣзжала только къ обѣднѣ, а остальную часть времени проводила въ чтеніи духовныхъ книгъ и въ молчаливомъ хожденіи взадъ и впередъ по длинной амфиладѣ комнатъ мрачнаго и опустѣлаго дома. Въ 1825 г. она представляла Митрополиту Филарету выписки изъ славянскихъ книгъ въ защиту латинскаго ученія о главенствѣ Папы, и Филаретъ полемизировалъ съ нею, а въ 1833 г. онъ производилъ слѣдствіе по поводу дошедшихъ до него слуховъ о томъ, что жившій у графини въ Вороновѣ аббатъ Боржуа входилъ въ священническомъ облаченіи въ алтарь сельской церкви. Тогда же было выясненно, что у графини воспитывалось въ Вороновѣ до 12 дѣвочекъ 7—14 лѣтъ,— всѣ католички, француженки и нѣмки. Въ Вороновѣ былъ устроенъ и католическій храмъ, въ которомъ служилъ проживавшій въ имѣніи аббатъ.

Графиня Ростопчина скончалась въ Москвѣ 14-го сентября 1859 года, 83 лѣтъ отъ роду, и погребена на католическомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. Графиня Р. написала нѣсколько сочиненій духовнаго содержанія: „Recueil de preuves sur la vérité de la religion", Moscou. 1810, 12°; „Miroir de la vie d'un véritable disciple du Christ. Traduit du Russe", Moscou. 1817; „Album allégorique", Moscou, 1829, 16°; „Recueil d'anti-alogies, ou Discussions religieuses, par une dame convertie à la religion catholique. Ouvrage publié par M. Gaston de Ségur", Paris. 1842, 18°.

Князь Н. Н. Голицынъ, Библіографическій словарь русскихъ писательницъ. С.-Пб. 1889, стр. 301; „Русск. Арх." 1888 г., кн. I, стр. 489—490; Девятнадцатый вѣкъ, кн. II, стр. 13; Д. А. Ровинскій, Словарь гравированныхъ портретовъ, т. II; Великій Князь Николай Михаиловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. I и V; Великій Князь Николай Михаиловичъ, Письма Высочайшихъ особъ къ графинѣ А. С. Протасовой, С.-Пб. 1913, стр. XXII—XXIII; Г. Н. Геннади, Словарь писателей, т. III, М. 1908, стр. 270—271; „Московскій Некрополь", т. II; Графъ Д. А. Толстой, Римскій католицизмъ въ Россіи, т. II, стр. 206—207; „Русск. Стар." 1893, т. LXXVII, стр. 172; Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, т. II, С.-Пб. 1885, стр. 121—134 и томъ дополн. 1887. стр. 590—593 (тоже, что въ „Русск. Арх." 1888, кн. I, стр. 489—490); „Чтенія въ Моск. Общ. Люб. дух. просвѣщ." 1865 г., т. IV, стр. 1—16; Графиня Л. Ростопчина, Правда о моей бабушкѣ — „Ист. Вѣстн." 1904, № 1—4; ея же: „Семейная хроника (1812)", М. 1912.

М. Б—ъ.

Ростопчинъ, *Андрей Юрьевичъ*, воевода; былъ сыномъ Юрія Ивановича Ростопчина, Новгородскаго помѣщика; съ 1635 года былъ стряпчимъ, въ 1638 году былъ воеводою въ г. Боровскѣ, а въ 1646 и 1647 г.г.— въ Черни.

„Русская Историческая Библіотека", т. X., стр. 132, 306; Н. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ XVII вѣка; В. В. Руммель, Родословный Сборникъ, С.-Пб. 1888 г., т. II; П. И. Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ.

Н. В—н—въ.

Ростопчинъ, графъ *Андрей Ѳедоровичъ*, библіофилъ, писатель-библіографъ, тайный совѣтникъ; младшій сынъ графа Ѳ. В. Ростопчина и жены его графини Екатерины Петровны, рожд. Протасовой; родился 13-го октября 1813 года въ Москвѣ; рожденіе его, по словамъ его сестры Н. Ѳ. Нарышкиной, „не обрадовало его отца, который въ то время былъ разстроенъ предыдущими событіями, грустилъ, не принималъ участія въ событіяхъ, происходившихъ около него, и усиленно лѣчился". Раннее свое дѣтство графъ Р. провелъ, съ родителями, за границей и воспитывался сперва дома, а потомъ, по возвращеніи отца въ Россію въ 1824 году,—въ Пажескомъ корпусѣ, откуда 22-го сентября 1830 года, не имѣя еще и 17-ти лѣтъ отъ роду и не окончивъ курса, былъ выпущенъ корнетомъ въ Лейбъ-Кирасирскій Ея Величества (затѣмъ—Лейбъ-Кирасирскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича) полкъ, съ которымъ былъ въ походѣ въ Царствѣ Польскомъ съ 1-го марта 1831 года и участвовалъ въ сраженіяхъ съ поляками: 8-го мая—подъ мѣст. Снядовымъ, при с. Рудкахъ, 9-го мая при с. Жолткахъ, а потомъ былъ при отступленіи за р. Наревъ, откуда шелъ обратно при преслѣдованіи повстанцевъ; 14-го числа графъ Р. былъ въ авангардномъ дѣлѣ между дер. Замосцемъ и Ержекунемъ, а оттуда былъ посланъ съ другими, для подкрѣпленія генеральныхъ силъ, подъ Остроленку, 8-го іюля переправился при Очепѣ на лѣвый берегъ Вислы и дошелъ до г. Ловича, 24-го участвовалъ въ стычкѣ между сел. Небаровымъ и Борисовымъ подъ командою генерала графа Витта, послѣ чего, подойдя къ Варшавѣ, находился 25-го и 26-го августа при взятіи Варшавы штурмомъ и 27-го—при покореніи ея, съ 15-го же по 24-е сентября былъ при преслѣдованіи остатковъ Польской арміи, послѣ чего черезъ Варшаву вернулся 25-го октября въ Россію, получивъ за эту кампанію знакъ отличія за военныя достоинства 4-й степени и серебряную медаль за взятіе Варшавы. Послѣ этого графъ Р. прослужилъ уже недолго—до 27-го января 1833 г., когда вышелъ въ отставку тѣмъ же чиномъ, „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ".

Молодой Р. причинялъ, видимо, немало хлопотъ своему опекуну А. Ѳ. Брокеру, пріятелю его покойнаго отца, графа Ѳ. В. Ростопчина (его мать, графиня Е. П., какъ извѣстно, была устранена отъ опеки надъ дѣтьми и отъ распоряженія имѣніемъ): „А. Ѳ. Брокеръ", писалъ А. Я. Булгаковъ своему брату 16-го января 1832 г.,—„долженъ возиться съ молодымъ Ростопчинымъ. Вообрази себѣ, что этотъ повѣса просить дать ему попечителя, въ противность завѣщанію отца. Это бы еще ничего, но онъ попался въ лапы матери и брата, коего избираетъ себѣ попечителемъ,—брата, который, просвиставъ все имѣніе, сидѣлъ въ S-te Pélagie, а теперь самъ на соломѣ. Чего ждать отъ такого опекуна? Вообрази, что Андрюша не былъ еще у меня... „У этого молодца",—прибавляетъ раздраженно Булгаковъ,—„мало чувствъ благородныхъ. Онъ себя только одурачитъ просьбою своею: или Сенатъ, или опека спросятъ: развѣ опекунъ Брокеръ не соблюдаетъ интересовъ малолѣтняго?.." Выйдя въ отставку графъ Ростопчинъ 18-го апрѣля 1833 г., въ Москвѣ былъ помолвленъ съ Евдокіею (Додо) Петровною Сушковою, прекрасною и образованною дѣвушкою, уже тогда пользовавшеюся нѣкоторою литературною извѣстностію, а впослѣдствіи ставшею извѣстною поэтессою (ум. въ 1858). По этому случаю А. Я. Булгаковъ писалъ своему брату: „Ежели бы Ростопчину было года три болѣе, то хорошо бы, но онъ еще не вышелъ изъ опеки. Дай Богъ, чтобы были счастливы! Отъ нея зависитъ: надобно держать его въ рукахъ. Она умна, будетъ умѣть ладить и съ нимъ, и съ графинею полоумною. Андрюшу люблю по отцѣ, но вѣрно бы никогда не отдалъ Катю свою за него". Послѣ свадьбы, состоявшейся уже 28-го мая 1833 г. въ Москвѣ, въ церкви Введенія, что̀ на Лубянкѣ, молодые прожили нѣкоторое время въ одномъ изъ многочисленныхъ имѣній графа Ростопчина—селѣ Аннѣ, Бобровскаго уѣзда Воронежской губ., потомъ поселились въ Москвѣ, гдѣ жили нѣсколько лѣтъ, а въ 1836 и 1839 гг. совершили поѣздки на Кавказскія минеральныя воды. 1836-й и слѣдующіе годы Р. жили въ Петербургѣ, а 6-го февраля 1840 г. графъ Р. снова зачислился на службу—корнетомъ въ Гусарскій Е. И. В. Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго (нынѣ 9-й Гусарскій Кіевскій) полкъ; 16-го іюня того же года онъ произведенъ былъ въ поручики, а 29-го марта 1843 года былъ уволенъ отъ службы (съ чиномъ штабсъ-ротмистра), живя постоянно въ деревнѣ; въ 1844 г. Р. состоялъ

корреспондентомъ спеціальной Коммиссіи въ Управленіи Государственнаго Коннозаводства. 1845, 1846 и 1847 гг. графъ Р. провелъ съ семьею за границей—въ Италіи, Франціи и Германіи. Позже, уже къ концу войны нашей съ Англіей, Франціей и Турціей, графъ Р. вступилъ (3-го апрѣля 1855 г.) въ дружину № 15 Московскаго ополченія, въ которой былъ назначенъ сперва ротнымъ командиромъ (3-го іюня), а потомъ и командующимъ ея (21-го іюня); 23-го октября, будучи въ Одессѣ, онъ получилъ Высочайшее благоволеніе за отличное состояніе дружины, вскорѣ (16-го декабря) былъ прикомандированъ къ Люблинскому резервному егерскому полку, 31-го марта 1856 г. откомандировался отъ него, а 29-го сентября, по расформированія ополченія, уволенъ былъ отъ службы съ прежнимъ чиномъ штабсъ-ротмистра и съ награжденіемъ (28-го ноября), орденомъ Анны 3-й степени, получивъ также крестъ Государственнаго Ополченія.—7-го марта 1858 г. графъ Р. вновь опредѣленъ былъ на службу, будучи пожалованъ въ должность церемоніймейстера Высочайшаго Двора, съ чиномъ губернскаго секретаря и съ причисленіемъ къ Государственному Коннозаводству, въ которомъ онъ и прослужилъ до закрытія, 13-го ноября 1859 г. Комитета Коннозаводства, въ засѣданіяхъ котораго присутствовалъ; въ іюнѣ 1858 г. онъ исполнилъ спеціальное порученіе осмотрѣть скаковыя испытанія въ Тулѣ и с. Хрѣновомъ. 1-го января 1864 г. онъ былъ пожалованъ въ должность шталмейстера Двора Е. И. В. (званіе это онъ носилъ до своей отставки въ 1881 году), а черезъ четыре года перешелъ на службу въ Сибирь, будучи 15-го апрѣля 1868 г. причисленъ къ Главному Управленію Восточной Сибири. Поселившись съ мая 1868 г. въ Иркутскѣ (гдѣ служилъ и сынъ его, графъ Викторъ, состоявшій штабъ-офицеромъ для порученій при Управленіи Начальника мѣстныхъ войскъ Иркутской и Енисейской губерній), графъ Р., въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, постоянно былъ командированъ Генералъ-Губернаторомъ М. С. Карсаковымъ въ разныя мѣстности Восточной Сибири и съ различными назначеніями; такъ, напр., въ первый же годъ своего прибытія въ Иркутскъ, въ 1868 г. онъ былъ посланъ: 1) на Жилтугинскіе золотые промыслы Кабинета Его Величества—съ порученіемъ войти тамъ въ ближайшее разсмотрѣніе и разъясненіе на мѣстѣ существующихъ порядковъ и способовъ снабженія различными необходимыми матеріалами отдаленныхъ Нерчинскихъ казенныхъ золотыхъ промысловъ, послѣ чего долженъ былъ посѣтить Нерчинскіе заводы и сдѣлать здѣсь внимательный осмотръ Окружнаго Училища; 2) въ Иркутскій и Енисейскій Приказы Общественнаго Призрѣнія—для осмотра ихъ дѣлопроизводства; въ 1869 г.—3) въ Верхнеудинскъ и Троицкосавскъ—для обозрѣнія гражданскихъ больницъ; 4) въ Красноярскъ—для производства секретнаго удостовѣренія по безпорядкамъ въ Красноярской Гимназіи; 5) въ Шилкинскую Коммиссію Военнаго Суда презусомъ—по случаю передачи ссыльно-каторжныхъ Нерчинскаго и Петровскаго заводовъ въ гражданское вѣдомство и т. д. Уже 30-го января 1870 г. получивъ чинъ статскаго совѣтника, графъ Р. 2-го марта того же года былъ назначенъ и. д. старшаго чиновника особыхъ порученій при Главномъ Управленіи Восточной Сибири. Въ іюлѣ 1871 г. генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ онъ былъ командированъ въ Петербургъ, для исполненія лично ему данныхъ спеціальныхъ порученій и затѣмъ въ Иркутскъ уже не вернулся; 16-го апрѣля 1872 г. онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 18-го сентября 1881 г. окончательно вышелъ въ отставку, при чемъ былъ награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника. Съ 1871 года графъ Ростопчинъ проживалъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался.

28-го мая 1858 г. графъ Ростопчинъ былъ избранъ Почетнымъ Членомъ Имп. Публичной Библіотеки, съ которою съ тѣхъ поръ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, жертвуя ей и деньги и, подчасъ, весьма богатыя коллекціи рѣдкихъ книгъ и гравюръ. Графъ Р., унаслѣдовавшій отъ отца его архивъ (часть котораго, отобранная въ 1826 г. въ III Отдѣленіе, была возвращена графу А. Ѳ. Ростопчину лишь около 1881 года), картинную галлерею и библіотеку, былъ просвѣщеннымъ библіофиломъ, любившимъ и знавшимъ книгу. О его библіотекѣ можно судить по любопытному, чрезвычайно рѣдкому (изданъ онъ былъ въ количествѣ всего 50 экземпляровъ) каталогу, имѣющему слѣдующее необычное заглавіе: „Gensiskhana. Pour comprendre ce titre, lisez la

note du № 468. Catalogue anecdotique, bibliographique, biographique et facétieux des livres de la bibliothèque du Comte André Rastapchine; accompagné d'une vinaigrette de notes, la plupart malsonnantes, pour les morts comme pour les vivants. Dédié à mon maître en bibliographie S. S. [Sobolevsky], Bruxelles, Mars 1862. Avec un portrait de l'auteur, fort rassemblant. Tiré à cinquante exemplaires. Bruxelles, Imprimerie de M.-J. Poot et C-ie. 1862, 8° [шмутцтитулъ + загл. листъ + 2 нен. стр. + 332 стр. + XXI стр.—Table des auteurs]; портретъ, приложенный къ книгѣ, литографированный, изображаетъ графа А. Ѳ. Ростопчина въ его библіотекѣ, стоящимъ на лѣстницѣ, подставленной къ книжнымъ полкамъ, при чемъ Р. повернулся почти совсѣмъ спиной къ зрителю, такъ что виденъ лишь его затылокъ, лысина и ухо. Въ экземплярѣ этой рѣдчайшей книги, принадлежавшемъ С. А. Соболевскому, а нынѣ украшающемъ извѣстную библіотеку Московскаго библіофила Д. В. Ульянинскаго, графъ А. Ѳ. Ростопчинъ сдѣлалъ слѣдующую любопытную позднѣйшую приписку, характеризующую и автора, и его собраніе: „Tous les ouvrages marqués d'un croix se vendent et sont bien emballés dans 19 caisses. Les reliures sont belles, en bon état, et tous des ouvrages sont complets. En outre des livres marqués d'un croix, les caisses contiennent une centaine de bons ouvrages en français, achetés depuis la publication du catalogue, et à peu prés 300 tomes en russe, parmi lesquels nos meilleurs classiques et plusieures éditions de luxe, entre autres les памятники русскихъ древностей; les différents peuples de la Russie, par Paouly; etc. etc. etc. Ces deux derniers ouvrages se sont vendu plus de cinq cent roubles argent. En un mot ce qui se vend est la crême de ma bibliothèque et consiste environ en 2500 volumes". На другомъ экземплярѣ Каталога, подаренномъ также Соболевскому, графъ Ростопчинъ написалъ: „Ce catalogue, qui est plus qu'un catalogue, contient la recette infaillible pour se guérir de la bile. Ayant bien craché une fois à la face du genre humain, tout ce qu'on a à lui reprocher, on peut redevenir sensible et bon homme tout à fait. Comte André Rastaptchine". Библіотека графа Р. была въ 1860-хъ годахъ продана, но гдѣ и кому, намъ въ точности неизвѣстно.

Картинная галлерея графа Р. въ свое время была очень извѣстна. Она состояла въ значительной степени, по словамъ самого владѣльца, изъ предметовъ, собранныхъ его отцомъ, графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ, въ 1817—1823 г., въ Парижѣ и помѣщавшихся въ его домѣ на Лубянкѣ; затѣмъ она была перевезена графомъ А. Ѳ. Ростопчинымъ въ 1836 году въ Петербургъ, гдѣ и оставалась до 1849 г., увеличенная новыми пріобрѣтеніями, сдѣланными въ Италіи и Франціи въ 1846 и 1847 годахъ; когда же графъ Р., переселившись зимою 1849 г. въ Москву, временно переѣхалъ къ матери на Басманную, то онъ заново отдѣлалъ купленный имъ домъ на Садовой (бывшій губернатора Небольсина) и 8-го января 1850 года открылъ здѣсь, для обозрѣнія публики, свое художественное собраніе, которому тогда же издалъ особый каталогъ: „Catalogue des portraits, tableaux, marbres et objets d'art de la galerie du Comte Rastaptchine", Moscou, Imprimerie W. Cautier, 1850, 8°, 96 стр. Погодинъ, отмѣчая этотъ, по его мнѣнію, важный фактъ общественнаго значенія, помѣстилъ въ своемъ „Москвитянинѣ" особую статью о „богатѣйшемъ собраніи картинъ" графа Р. и свидѣтельствовалъ, что, „по первому скромному объявленію" въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" объ открытіи галлереи для публики, „толпы хлынули, несмотря на жестокій морозъ 8 января, въ новый, отлично устроенный домъ на Садовой улицѣ... Дворяне, купцы, духовные и даже двое крестьянъ ходили по великолѣпнымъ заламъ и любовались изящными произведеніями искусства... Для художниковъ,—писалъ Погодинъ: галлерея открыта ежедневно, для публики—по воскресеньямъ, отъ 12 до 4 часовъ. Честь и слава владѣтелю сокровищъ, предлагающему ихъ съ такимъ радушіемъ для общественнаго наслажденія, поученія и употребленія"... Въ галлереѣ Р. (всего въ Каталогѣ ея описано 282 картины и портрета и 26 мраморовъ и objets d'art) были картины и портреты русскихъ и чужеземныхъ дѣятелей работы отечественныхъ и иностранныхъ мастеровъ: Греза, Веласкеца, Ванъ-Дика, Мурильо, А. Дюрера, Рембрандта, Гвидо Рени, Рубенса, Тиціана, Ванъ-Остадовъ, Рюисдаля, Пуссена, Вувермановъ, Теньера, Доу и Ларжильера (автопортретъ и др.), П. и І. Вернетовъ, Скіавоне и другихъ (всего 133 мастеровъ, не считая

анонимныхъ), портреты Имп. Екатерины (Лампи), Павла I (Щукина), Суворова, Ермолова (копія съ Доу, сдѣланная художницею Е. М. Бакуниною), графа П. А. Румянцова, графовъ С. Р. и М. С. Воронцовыхъ, графа Ѳ. В. Ростопчина (бюстъ работы Гальенса, сдѣланный въ Парижѣ въ 1819 году, и портреты—два работы Тончи и Кипренскаго; послѣдній нынѣ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), князя П. Д. Цицианова (раб. Тончи), графа Н. И. Головина, Д. А. Новосильцова, Тончи (автопортретъ), графини Е. П. Ростопчиной (раб. Кипренскаго) и многіе другіе, а изъ иностранцевъ—Робеспьера, Наполеона, Георга IV, Людовика XVIII, Карла X, Франца II, Бернадота и другихъ. Галлерея графа Р. впослѣдствіи была по частямъ распродана и такимъ образомъ разошлась по разнымъ рукамъ и собраніямъ.

Что касается научной и литературной дѣятельности графа Ростопчина, то ему принадлежатъ слѣдующія изданія: 1) „Histoire Universelle", Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Semen, 1843—1844, 2 тома, 8⁰ (460+1 неп. и 474+Шстр.)—компиляція, составленная графомъ Ростопчинымъ для своихъ дѣтей и не предназначавшаяся для изданія, но напечатанная имъ „по частнымъ соображеніямъ", съ единственною цѣлью облегчить юношеству изученіе исторіи. Изложеніе доведено до конца Римской республики; ссылокъ на источники и пособія, служившіе автору, нѣтъ; 2) „Trois relations de l'époque du faux Démétrius, tirées de la Bibliothèque Impériale Publique de St-Pétersbourg. et du Musée Roumiantzow, St-Pétersbourg. Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences. 1862.—Три записки временъ Лже-Дмитрія, изданныя по спискамъ Императорской Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музея", С.-Пб. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1862, мал. 8⁰, 59 стр.; 3) „Четыре сказанія о Лже-Димитріи, извлеченныя изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки", С.-Пб. 1863. Въ типографіи И. И. Глазунова, 12⁰, 2 нен.+132 стр. Объ эти книжки были напечатаны графомъ Ростопчинымъ на свой счетъ, въ пользу Имп. Публичной Библіотеки; 4) „R. Minzloff. Les Elzevirs de la Bibliothèque Impériale de St.-Pétersbourg", St.-Pétersbourg. 1862, 16⁰, XIV+223 стр.; издано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ на средства графа Р., принимавшаго участіе и въ описаніи книгъ; 5) „Matériaux en grande partie inédits, pour la biographie future du Comte Théodore Rastaptchine, rassemblés par son fils. Tiré à douze exemplaires, Bruxelles. 1864 (цѣнное изданіе, къ сожалѣнію, напечатанное въ столь маломъ количествѣ экземпляровъ; перечень содержанія этой книги см. у Г. Н. Геннади: Словарь русскихъ писателей, т. III, М. 1908, стр. 272); 6) „Russie anecdotique, bibliographique, biographique, géographique, historique, littéraire, statistique et contrairement à l'ordinaire—véridique. Ouvrage dédié aux étrangers, curieux de la connaitre non pour l'injurier, par le Comte André Rastaptchine", Bruxelles. 1874, 8⁰, 4 неп.+II+413 стр. Это—мѣстами остроумный и очень краткій объяснительный словарь русскихъ замѣчательныхъ людей, географическихъ названій (крайне злобная характеристика дана Иркутску, въ которомъ жилъ тогда Р.) и нѣкоторыхъ терминовъ вродѣ: Kniaz, Siatelstvo, archine, poude, statskiy sovétnik tchine и т. д.; въ словарь дѣятелей вошло много современниковъ графа Ростопчина, помѣстившаго, напр., замѣтки о П. И. Бартеневѣ, С. А. Соболевскомъ, М. Н. Лонгиновѣ, С. Д. Полторацкомъ и другихъ лицахъ; выборъ именъ, однако, довольно случайный, а въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ попадаются ошибки,—напр., графиня Ловичъ названа урожденною Грушинскою, Некрасову дано отчество Александровичъ, Пестелю—Петровичъ и т. под., но есть и любопытныя свѣдѣнія, имѣющія значеніе личныхъ сообщеній графа Р.,—напр., объ А. Я. Булгаковѣ, о гр. Ростопчиныхъ. Въ этой книгѣ графъ Р. говоритъ про себя, между прочимъ, что онъ составилъ Словарь художниковъ и Путеводитель по Сибири („Dictionnaire des peintres" и „Guide pour la Sibérie"). Первый—вѣроятно, списокъ живописцевъ, съ краткими о нихъ свѣдѣніями, напечатанный въ „Catalogue" его галлереи, а второй намъ вовсе неизвѣстенъ.

Кромѣ изданія этихъ книгъ, графъ Р. сообщилъ нѣсколько матеріаловъ своего семейнаго архива для опубликованія: 1) въ „Москвитянинѣ" 1849 г., ч. I, III и IV—„Путешествіе въ Пруссію графа Ѳ. В. Ростопчина"; 2) въ „Русскомъ Архивѣ"—„Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину", съ біографическимъ предисловіемъ о графѣ

Воронцовѣ и съ примѣчаніями (1872 г., кн. II, стр. 2174—2246); 3) „Записку графа Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія“ (тамъ же 1878 г., кн. I, стр. 103—110); 4) „Къ исторіи 1812 года“ (тамъ же 1866 г., кн. 5, стр. 689—735); 5) „Новонайденныя бумаги гр. Ѳ. В. Ростопчина“ (тамъ же 1881 г., кн. III, стр. 215—227 и 412—419); наконецъ, слѣдуетъ указать: 1) „Объясненіе“ графа Р. по поводу писемъ его отца, опубликованныхъ въ статьѣ о немъ Н. С. Тихонравова въ „Отечественныхъ Запискахъ“, напечатанное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1854 г., № 141, Литер. Отд., стр. 588 (перепечатано въ книгѣ Н. П. Барсукова „Жизнь и труды Погодина“, т. XIII, стр. 266—267); 2) „Письмо къ Редактору“, представляющее собою возраженіе на „Дополненіе къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Сперанскомъ“—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1860 г., т. XXVI, кн. 5, Соврем. Лѣтоп., стр. 33—34; 3) „Голосъ изъ Иркутска по поводу кончины С. А. Соболевскаго“—въ „Русск. Арх.“ 1871 г., кн. 2, стр. 383—384; 4) „Письмо къ издателю „Русскаго Архива“ (по поводу романа графа Л. Н. Толстого „Война и миръ“)—въ „Русск. Арх.“ 1869, кн. 5, стр. 935—936; 5) Замѣтка о князѣ Н. Г. Щербатовѣ—въ „Русск. Стар.“ 1887, т. 53, стр. 388; 6) письма графа Р. къ М. П. Погодину (отъ 4-го января 1849 и отъ 6-го февраля 1864 г.) напечатаны въ сочиненіи Н. П. Барсукова о Погодинѣ, т. X, стр. 370 и 371, и т. XXI, стр. 407—408 и 431—432.

Характеромъ и складомъ ума графъ Р. походилъ на своего отца; онъ былъ веселый, живой, остроумный человѣкъ, любившій свѣтскія развлеченія, постоянно участвовавшій во всѣхъ Московскихъ праздненствахъ (такъ, напримѣръ, въ 1849 году онъ участвовалъ въ маскарадѣ въ домѣ Московскаго Генералъ-Губернатора, изображая, съ княгиней С. В. Мещерской, Москву), и жившій открытымъ домомъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, куда онъ по временамъ переселялся; подолгу онъ живалъ и въ своемъ имѣніи въ Воронежской губерніи, къ дворянству которой онъ приписался въ 1839 году. Въ Петербургѣ, гдѣ, по связямъ своимъ и богатству, Р. занялъ видное положеніе въ высшемъ столичномъ обществѣ, онъ вращался,—между прочимъ благодаря своей женѣ-поэтессѣ, — и въ кругу литературныхъ дѣятелей, былъ хорошо знакомъ съ Жуковскимъ, А. И. Тургеневымъ, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ, Плетневымъ, княземъ Одоевскимъ, графомъ Соллогубомъ, Тютчевымъ, Карамзиными, съ С. А. Соболевскимъ, М. Н. Лонгиновымъ (шуточное стихотворное посланіе обоихъ послѣднихъ къ графу Р., отъ 11-го апрѣля 1870 г, въ Иркутскъ см. въ „Русск. Арх.“ 1900 г., кн. I, стр. 319 и въ сборникѣ В. В. Каллаша „Эпиграммы и экспромпты С. А. Соболевскаго“, М. 1912), И. П. Мятлевымъ, графами М. Ю. и. М. Ю. Віельгорскими, Лермонтовымъ и др. У нихъ бывали и артисты, и музыканты, давались обѣды и вечера, на которыхъ появлялись Листъ, М. И. Глинка, Віардо, Рубини, Тамбурини... „Онъ очень не глупъ и оригиналенъ“,—писалъ о Ростопчинѣ Плетневъ Гроту 19-го мая 1843 г. изъ Петербурга, гдѣ жилъ тогда графъ съ женою-поэтессою; вскорѣ (18-го сентября 1843 г. изъ Петербурга же) Плетневъ сообщалъ своему другу, что Ростопчины „собирались-было за границу, но я надѣюсь, что не соберутся, ибо у графа по вечерамъ уже начали играть въ карты, и есть надежда, что скоро они останутся опять безъ денегъ“. Любопытныя подробности о жизни графа Ростопчина сохранила дочь его — графиня Лидія (см. ея „Семейную хронику“, М. 1912), а также, въ своихъ Воспоминаніяхъ, Н. В. Бергъ; разсказъ его относится къ концу 1840-хъ годовъ, когда, по возвращеніи изъ поѣздки съ семьею за-границу, Ростопчинъ поселился въ Москвѣ, въ упомянутомъ выше, купленномъ, на Садовой, въ приходѣ Ермолая, „извѣстномъ всей Москвѣ домѣ Небольсиныхъ, лежавшемъ глубоко во дворѣ, съ примыкавшимъ къ нему довольно большимъ садомъ,—домѣ обширномъ, помѣстительномъ, но всего въ два этажа. Графиня поселилась внизу“, а „графъ занялъ верхнюю половину дома, отдѣлавъ ее по своему вкусу, довольно просто, но комфортабельно. Въ томъ же этажѣ помѣстилась наслѣдственная картинная галлерея и библіотека... Средства Ростопчиныхъ въ то время были еще въ надлежащемъ порядкѣ. Можно было бросать деньги,—и графъ бросалъ,—Богъ видитъ куда и на что. Ни баловъ, ни вечеровъ и многолюдныхъ съѣздовъ графъ не любилъ... Жили они относительно довольно скромно. Графъ проводилъ утро

преимущественно у себя дома. Временами къ нему заглядывали кое-какіе пріятели и знакомые по Англійскому Клубу, гдѣ онъ былъ членомъ: коннозаводчики, любители троекъ, цыганъ, балета, добрыхъ закусокъ", и т. д. Такую жизнь графъ Ростопчинъ, къ тому же большой гастрономъ, велъ въ Москвѣ до окончательнаго переселенія своего въ Петербургъ; онъ возстановилъ, по возможности, знаменитую подмосковную отца—село Вороново, и здѣсь, будучи большимъ любителемъ лошадей, привелъ въ порядокъ „огромныя конюшни, гдѣ воспитывались хорошія заводскія лошади, предметъ немалыхъ попеченій графа и графини". Однако, когда скончалась мать графа Ростопчина и Вороново поступило въ его полное распоряженіе, онъ тотчасъ же продалъ „лѣсъ одному англичанину, который сильно ухаживалъ за графомъ,—можно сказать, не отходилъ отъ него ни на шагъ,—съ цѣлью именно купить что-нибудь за полцѣны. И удивительный Вороновскій лѣсъ, тянувшійся на огромное пространство, почти до самыхъ стѣнъ Москвы,—лѣсъ, которому цѣны не было, пошелъ въ трехъстахъ тысячахъ, стоя, на худой конецъ, милліонъ! Немного позже улыбнулось и все Вороново. Затѣмъ проданъ домъ на Садовой, а въ заключеніе неизвѣстно куда дѣвались и вырученныя за все это большія деньги. Графъ опредѣлился на службу въ Иркутскъ, служилъ тамъ довольно долго, смертельно скучая... ему было о чемъ скучать". То же сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о крушеніи состоянія графа Р. и его родственница Е. А. Нарышкина, рожд. княжна Куракина, говоря, что онъ „ухитрился въ продолженіе тридцати лѣтъ промотать огромное состояніе, оставленное ему отцомъ. Дома въ Москвѣ, великолѣпныя имѣнія въ лучшихъ губерніяхъ, картинная галлерея, библіотека, знаменитый Ростопчинскій конскій заводъ,—все исчезнуло, какъ дымъ. Катастрофа завершилась въ 68 году".

Графъ А. Ѳ. Ростопчинъ скончался въ Петербургѣ 24-го ноября 1892 г., на 80-мъ году отъ рожденія, и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ; отъ брака своего съ Е. П. Сушковой онъ имѣлъ сына—графа Виктора, служившаго сперва въ л.-гв. Гусарскомъ полку, а затѣмъ—на Кавказѣ и въ Сибири (род. въ с. Аннѣ 12-го декабря 1839 г., ум. 9-го августа 1878 г.), женатаго со 2-го ноября 1873 г. на Маріи Григорьевнѣ фонъ-Рейтлингеръ, и дочерей: графиню Ольгу Андреевну (род. 5-го сентября 1837), бывшую за Итальянскимъ посланникомъ во Франціи графомъ Іосифомъ Торніелли ди-Брузати, и графиню Лидію Андреевну (род. 25-го сентября 1838), писательницу, живущую нынѣ въ Парижѣ (1915) и въ 1912 г. издавшую любопытную „Семейную хронику". Овдовѣвъ въ 1858 г., графъ Р. впослѣдствіи женился на вдовѣ капитана Франца Александровича Мирецкаго — Аннѣ Владиміровнѣ, рожд. Скоробогачъ (ум. въ Одессѣ 4-го сентября 1901 г.), и имѣлъ усыновленную въ 1885 г. дочь Анну (род. въ Петербургѣ 8-го января 1876 г.).

Существуетъ два именныхъ жетона-приза имени графа Ростопчина (изъ нихъ первый—съ фамильнымъ гербомъ), назначавшагося, вѣроятно, за скачки или въ награду лучшимъ лошадямъ; они описаны въ трудѣ Ю. Б. Иверсена о „Медаляхъ въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ", вып. IV, С.-Пб. 1882, стр. 159 и табл. XLIV, № 4.

Архивъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената (метрика рожденія, формулярный списокъ и другія свѣдѣнія); Д. Н. Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей, ч. III, С.-Пб. 1847, стр. 175; Князь П. В. Долгоруковъ, Россійская Родословная Книга, т. II, стр 247; В. В. Руммель, Родословный Сборникъ, т. II, стр. 345 и 894; Дворянскій Адресъ-Календарь на 1898 г., т. II, стр. 89 (изд. А. Шапошникова); „Петербургскій Некрополь", т. III, стр. 624; „Моск. Листокъ" 1892 г., № 334; Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, вып. XII, С.-Пб. 1912, стр. 152—154; „Русск. Стар." 1893 г., т. 77, стр. 172; „Русск. Арх." 1881 г., кн. III, стр. 121; 1900 г., кн. I, стр. 226 (о рожденіи графа А. Ѳ. Р.), 190 и 1902, 1903 и 1906 г.; „Русск. Арх." 1868 г., стр. 854; Воспоминанія Н. В. Берга о графинѣ Е. П. Ростопчиной — „Ист. Вѣстн." 1893, мартъ, стр. 691—697 и 706—708 и „Записки" его же — „Русск. Стар." 1891, т. LXIX, стр. 253, 271; Мои Воспоминанія. Е. А. Нарышкиной, рожден. княжны Куракиной, С.-Пб. 1906, стр. 299; „Ист. Вѣстн." 1881 г., т. V, стр. 305 (въ статьѣ Д. П. Сушкова); Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. I; стр. 585 и 647 и т. II, стр. 83—84, 90, 117, 156 и 327; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. III, стр. 232—233, 602 и др.; „Архивъ князя Воронцова", т. VIII, стр. 456, 504, 535, 538, 560 и 561; т. XVII, стр. 482, 521, 522; т. XXIV, стр. 282 и т. XXXVIII, стр. 533; Полк. Марковъ, Исторія лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка, С.-Пб. 1884, прилож., стр. 122; Библіотека Д. В. Ульянинскаго. Библіографическое описаніе, т. I. М. 1912, стр. 328, и т. II, М. 1913, стр. 868—869 и 1137—1138; Библіографическіе матеріалы. Опись... библіотеки Сенатора Н. П. Смирнова,

С.-Пб. 1898, стр. 522—523; Отчеты Имп. Публичной Библіотеки за 1858—1863 (pass.) и 1892, стр. 2—3; Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ за 1908 г., стр. 52—53; Ю. Иверсенъ, Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, вып. IV, С.-Пб. 1882, стр. 158—159; „Москвитянинъ“ 1850 г., кн. 2 (описаніе галлереи графа Р.); „Стар. и Новизна“, кн. VII, стр. 104; Catalogue de la collection précieuse de livres anciens et modernes formant la bibliothéque de feu M. Serge Sobolewski (de Moscou). Leipzig. 1873, S. 35 и 170—171; Имп. Публичная Библіотека за сто лѣтъ, С.-Пб. 1914, стр. 220, 221 и прилож., стр. XIX; О. фонъ-Фрейманъ, Пажи за 185 лѣтъ, Фридрихсгамнъ. 1897; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 207, 330, 370—371, т. XI, стр. 99, 227—232 (о его галлереѣ); т. XIII, стр. 260—262, 264, 266, 267; т. XVIII, стр. 297; т. XXI, стр. 407—408 и 431; Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I и т. III, ч. 1, М. 1898; В. С. Иконниковъ, Опытъ Русской исторіографіи, т. I и т. II, ч. 2; 1812. „Le Comte Rostopchine et son temps. (Par Madame Narichkine née comtesse Rostopchine)“, St.-Pétersb. 1912, p. 214; Comte A. Rastaptchine, Russie anecdotique, bibliographique, biographique..., Brux. 1874, p. 289 (автобіографическая замѣтка); „Magazin für die Literatur des Auslandes“ 1875, № 25, стр. 367—371 (статья L. S. о книгахъ графа Р.: „Gensiskhana“ и „Russie anecdotique“); Гр. Л. Ростопчина, Семейная хроника, М. 1912; Кн. Е. А. Куракина, Мои воспоминанія, С.-Пб. 1906.

Б. Модзалевскій.

Ростопчинъ, графъ *Сергѣй Ѳедоровичъ*, старшій сынъ графа Ѳедора Васильевича Ростопчина и его супруги Екатерины Петровны, рожд. Протасовой; родился въ концѣ 1794 г. и, какъ первенецъ, былъ нѣжно любимъ отцомъ, много о немъ заботившимся; 12-го декабря 1809 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-пажи и оставленъ въ домѣ родителей, гдѣ и получилъ образованіе. 23-го марта 1812 г. онъ былъ произведенъ безъ экзамена, по Высочайшему повелѣнію, офицеромъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ и вскорѣ назначенъ адъютантомъ къ главнокомандующему Барклаю-де-Толли, при чемъ во время Бородинской битвы исполнялъ различныя его приказанія. По словамъ Сегюра, едва ли, впрочемъ, достовѣрнымъ, ему пришлось быть свидѣтелемъ убійства въ Москвѣ Верещагина, по приказанію его отца. Сопровождал главнокомандующаго, молодой Ростопчинъ участвовалъ въ различныхъ сраженіяхъ войнъ 1812—1814 г.г. и 12-го марта 1813 г. былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ; за битву подъ Лейпцигомъ 4—7-го октября онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны съ алмазами, а 2-го апрѣля 1814 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры. По возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы, Ростопчинъ въ 1814 г., неумѣренно предаваясь всѣмъ удовольствіямъ молодости, разстроилъ свое здоровье, надѣлалъ много долговъ и въ 1815 году уѣхалъ лѣчиться за границу. Возвратясь снова въ полкъ осенью 1816 года, онъ въ мартѣ слѣдующаго 1817 года былъ снова уволенъ на два года за границу для лѣченія. Отецъ его очень тревожился болѣзненнымъ состояніемъ сына, жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Парижѣ въ 1818 году, заботился о серьезномъ его лѣченіи и о поправленіи разбитаго его здоровья. Ростопчинъ сначала относился внимательно къ лѣченію и установленному для него строгому образу жизни, но вскорѣ кинулъ все это, предался снова увлеченіямъ Парижской жизни и, мотая деньги, опять задолжалъ немало. Отецъ его, заплативъ часть долговъ, отказался, наконецъ, уплачивать ихъ за легкомысленнаго своего сына, предоставивъ заимодавцамъ поступать съ нимъ по закону. Послѣдствіемъ этого было заключеніе молодого Ростопчина въ тюрьму несостоятельныхъ должниковъ (St.-Pélagie), а затѣмъ и увольненіе его отъ службы по болѣзни (2-го октября 1820 г.). Отецъ былъ въ негодованіи и не хотѣлъ знать своего сына, который нѣкоторое время влачилъ незавидное существованіе. Предъ смертью своею графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, по убѣжденію своего друга А. Я. Булгакова, простилъ сына, благословилъ его и, назначивъ ему немалую долю имущества, сказалъ, что если долги его превышаютъ то, что онъ ему оставляетъ, то онъ назначаетъ ему пожизнено по 20,000 р. въ годъ. Это дало возможность Ростопчину вернуться снова въ Россію и здѣсь продолжать свою праздную жизнь, проживая по преимуществу въ извѣстномъ Вороновѣ, подмосковномъ имѣніи графа Ѳ. В. Ростопчина. Графъ Сергѣй Ростопчинъ умеръ въ Москвѣ 4-го апрѣля 1836 г. и похороненъ на томъ же Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ покоится его родитель.

Еще въ молодости, путешествуя по Италіи, молодой Ростопчинъ обратилъ на себя особенное вниманіе красивой итальянки, вдовы графа Филиппи, рожденной княжны Маріи Круа де Сольжъ (Croy de Solges), и вскорѣ, еще до брака своего, имѣлъ отъ нея сына; позднѣе она сдѣлалась его законною супругою и носила имя Маріи Игнатьевны.

Московское Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба, формуляры № 2354, опись 152, св. 586; Біографіи Кавалергардовъ, подъ редакціей С. А. Панчулидзева, т. III стр. 253; В. Руммель и Голубцовъ, Родословный сборникъ, кн. II; Сегюръ, Жизнь графа Ѳ. В. Ростопчина (на франц. языкѣ), стр. 211—15; Н. А. Поповъ, Дѣло Верешагина—„Чтенія Общ. Ист. и Древностей“ 1885; Щукинскій Сборникъ, т. V; „Русск. Арх.“ 1868 г., ст. 1875; Записки Богуславскаго—„Русск. Старина“ 1879, стр. 110; Записки гр. Бутурлина—„Русск. Архивъ“ 1897 г., т. II; Архивъ кн. Воронцова, т. VIII и XXXVIII; „Русскій Архивъ“ 1887 г., I (Письма Ростопчина); 1901. IV, VI (Письма Булгакова); 1888, III (Кедровъ: Гр. Ростопчинъ); „Историческій Вѣстникъ“ 1904, III (Моя бабушка); Astreé pour l'an 1868, p. 175; Московскій Некрополь“, т. III, стр. 42; „Моск. Вѣд.“ 1829, № 22, стр. 1070; Е. А. Нарышкина, Мои Воспоминанія, С.-Пб. 1906.

Ростопчинъ, графъ *Ѳеодоръ Васильевичъ*, оберъ-камергеръ, Главнокомандующій Москвы въ 1812—1814 г.г., членъ Государственнаго Совѣта. Родъ Ростопчиныхъ родоначальникомъ своимъ считаетъ прямого потомка великаго монгольскаго завоевателя Чингизъ-Хана—Бориса Давидовича Ростопчу, выѣхавшаго изъ Крымской орды въ Россію при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ, т.-е., въ началѣ XVI в. При слѣдующихъ Московскихъ государяхъ предки Ростопчина несли разныя службы, были жалованы помѣстьями, но ничѣмъ особенно не выдвигались. Отецъ графа—Василій Ѳедоровичъ Ростопчинъ принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, вышелъ въ отставку въ чинѣ маіора, жилъ безвыѣздно у себя въ деревнѣ Орловской губерніи и не щадилъ средствъ, чтобы дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ родился 12-го марта 1763 года въ деревнѣ Ливны, Орловской губерніи; его мать, рожденная Крюкова, умерла въ 1766 году, въ молодыхъ годахъ, вскорѣ послѣ рожденія брата Ѳедора Васильевича. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ въ миніатюрѣ“, написанныхъ имъ уже на склонѣ жизни, графъ Р. слѣдующимъ образомъ характеризовалъ, въ присущемъ его натурѣ шутливомъ тонѣ, свое первоначальное воспитаніе: „Меня обучали сразу цѣлой кучѣ вещей и разнымъ языкамъ. Благодаря тому, что я обладалъ нѣкоторой долей безстыдства и шарлатанства, меня принимали порой за мудреца. Моя голова скоро превратилась въ библіотеку, ключъ отъ которой хранился у меня“. Первыя пятнадцать лѣтъ жизни онъ провелъ въ имѣніи отца своего—въ селѣ Козмодемьянскомъ, росъ безъ матери, подъ надзоромъ учителей иностранцевъ, которые часто мѣнялись; но все же, по его словамъ, онъ остался русскимъ, „помня поученія священника Петра и слова мамки Герасимовны“.

Получивъ, по обычаю того времени, домашнее образованіе, молодой Р. еще 10 лѣтъ отъ роду былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и прошелъ обычную для тогдашняго дворянина военную карьеру; въ 1775 г., состоя уже въ чинѣ капрала Преображенскаго полка, онъ былъ зачисленъ къ Пажескій Корпусъ, въ 1776 г. произведенъ былъ фурьеромъ, въ 1777 г. сержантомъ, въ 1782 г.—выпущенъ прапорщикомъ, въ 1785 г. пожалованъ въ подпоручики, въ 1787 г. получилъ чинъ поручика, а въ 1789 произведенъ въ капитанъ-поручики л.-гв. Преображенскаго полка.

Будучи въ чинѣ подпоручика, Р. рѣшилъ на время оставить службу и, взявъ продолжительный отпускъ, предпринялъ въ 1786—1788 гг. поѣздку за границу для пополненія своего образованія. Во время этого путешествія Ростопчинъ посѣтилъ, между прочимъ, Берлинъ, Лейпцигъ, Парижъ и Лондонъ. Въ Берлинѣ онъ былъ коротко принятъ у тогдашняго русскаго полномочнаго министра графа С. П. Румянцова, который ввелъ молодого Ростопчина въ тамошнее великосвѣтское общество. Здѣсь же Р. довольно усердно занимался математикой, беря уроки ея у преподавателя Кастильона-сына, и кромѣ того изучалъ фортификацію подъ руководствомъ Беллера. Въ Лейпцигѣ Р., насколько извѣстно, посѣщалъ лекціи въ Университетѣ и, наконецъ, въ Лондонѣ, куда онъ прибылъ въ началѣ 1788 г., сильно увлекался англійскимъ боксомъ и даже бралъ уроки кулачнаго боя... Въ этомъ же городѣ завязалось его знакомство съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, съ которымъ впослѣдствіи онъ почти постоянно находился въ дружеской перепискѣ и которому онъ многимъ былъ обязанъ на первыхъ шагахъ своей карьеры.

По возвращеніи изъ-за границы весной 1788 г., т.-е. почти наканунѣ Русско-Шведской войны, Р. сразу отправился въ главную квартиру русскихъ войскъ, расположенную въ Фридрихсгамѣ, и оставался при ней, находясь въ рядахъ небольшой арміи, предназначенной для защиты этой

части страны отъ вторженія шведовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вернувшись изъ Фридрихсгама въ Петербургъ, Р. сознательно уклонился отъ возвращенія въ гвардію, такъ какъ не желалъ оставаться простымъ зрителемъ войнъ, происходившихъ тогда на двухъ противоположныхъ концахъ Россіи: въ Финляндіи и на границѣ съ Турціей. Избѣгая гвардейской службы, которая не могла, конечно, быстро выдвинуть молодого офицера почти безъ всякихъ связей, онъ предпочелъ поэтому принять участіе въ походѣ противъ турокъ и съ этой цѣлью въ томъ же 1788 г. причислился къ князю Виктору-Амедею Ангальтъ-Бернебургъ-Шаумбургскому, только-что прибывшему въ Петербургъ изъ-подъ Очакова, отправился съ нимъ обратно къ южной арміи и принялъ тамъ участіе въ штурмѣ упомянутой крѣпости. Когда же князь Ангальтъ-Бернебургскій долженъ былъ на время отлучиться въ Германію, Ростопчинъ оставался еще около года при дѣйствующей арміи, служа подъ начальствомъ Суворова, и получилъ даже отъ послѣдняго въ знакъ расположенія походную палатку; все это время онъ продолжалъ числиться по Преображенскому полку. Между прочимъ въ это время онъ принялъ участіе въ Фокшанскомъ и Рымникскомъ сраженіяхъ. Ему удалось заслужить расположеніе къ себѣ князя Ангальта, но этимъ онъ отдалилъ себя отъ Потемкина. Когда Ангальтъ вернулся изъ Германіи и получилъ назначеніе въ дѣйствующую армію противъ шведовъ, онъ тотчасъ же вызвалъ къ себѣ Р., который къ этому времени, по окончаніи Турецкаго похода сдачею Бендеръ, успѣлъ вернуться въ Петербургъ. Онъ поспѣшилъ на призывъ Ангальта и вторично принялъ участіе въ Финляндскомъ походѣ, но ему какъ-то особенно не везло въ эту пору. Ангальтъ вскорѣ умеръ (въ апрѣлѣ 1790 г.)—и Ростопчинъ, такимъ образомъ, лишился своего покровителя. Приблизительно въ это же время Р. лишился также и своего единственнаго брата, служившаго во флотѣ и геройски погибшаго: чтобы не сдаться шведамъ, онъ взворвалъ свою галеру. Между тѣмъ, расположеніе, которымъ пользовался Р. у Ангальта, внушило его близкому другу Принцу Нассау-Зигену желаніе приблизить молодого гвардейца къ себѣ. Принцъ Нассау поручилъ Ростопчину командованіе гренадерскимъ батальономъ, во главѣ котораго онъ и принялъ участіе въ окончившихся неудачею сраженіяхъ Принца 21 — 28 іюня 1790 года. За участіе въ этихъ дѣлахъ Р. былъ представленъ къ Георгіевскому кресту, но почему-то не получилъ его, хотя отзывы о немъ были даны самые лестные. Не получая обѣщанной награды, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ содѣйствію Принца Нассау, чтобы тотъ выхлопоталъ ему по крайней мѣрѣ зачисленіе въ камеръ-юнкеры. Имп. Екатерина II согласилась на это назначеніе, поддержанное Принцемъ Нассау, и приказала даже заготовить указъ о пожалованіи Р., но послѣднее почему-то не состоялось, а заготовленный указъ остался неподписаннымъ въ портфелѣ князя Безбородка до самой весны 1791 года. Между тѣмъ, у Принца Нассау относительно Ростопчина составился своеобразный планъ: молодой гвардейскій офицеръ такъ понравился ему, что онъ рѣшилъ его женить на своей незаконной дочери; въ качествѣ же заманчивой награды Принцъ обѣщалъ Ростопчину настоять на его пожалованіи въ камеръ-юнкеры. Къ чести Ростопчина надо сказать, что онъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе своего начальника, которое привело его даже въ бѣшенство, и онъ окончательно порвалъ отношенія съ Принцемъ Нассау, не побоявшись громогласно назвать его поступокъ „безчестнымъ“.

Раздосадованный неудачами своей военной карьеры и невозможностію попасть ко Двору Императрицы Екатерины, Ростопчинъ уже рѣшилъ-было навсегда покинуть Петербургъ, намѣреваясь провести нѣкоторое время въ имѣніи отца и болѣе не возвращаться въ армію, „гдѣ чинъ не защищаетъ и гдѣ надо скрывать свою честность, если желаешь успѣховъ“, — какъ писалъ онъ въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ писемъ своихъ къ послу въ Лондонѣ графу Воронцову,—но намѣреніямъ Р. не суждено было осуществиться: благодаря содѣйствію того же графа Воронцова, въ немъ принялъ участіе Принцъ Вюртембергскій, который предложилъ Ростопчину отправиться съ нимъ на югъ Россіи, гдѣ въ то время военныя дѣйствія противъ Турціи подходили къ концу и близилось заключеніе мира. Р. рѣшилъ еще разъ попытать счастья и отправился вмѣстѣ съ Принцемъ въ г. Яссы. Но едва они прибыли на

мѣсто, какъ Принцъ Вюртембергскій получилъ желчную лихорадку и, проболѣвъ нѣсколько дней, скончался. Ростопчинъ, такимъ образомъ, и на этотъ разъ остался не при чемъ: его продолжалъ преслѣдовать какой-то рокъ; несмотря на всѣ его старанія и на все обнаруживаемое имъ усердіе, онъ испытывалъ лишь невзгоды. По смерти Принца онъ хотѣлъ тотчасъ же вернуться, но еще не успѣлъ получить разрѣшеніе на отъѣздъ, какъ и самъ заболѣлъ лихорадкою, — къ счастію въ легкой формѣ. Поневолѣ ему пришлось остаться нѣкоторое время въ Яссахъ. Здѣсь его и засталъ графъ А. Н. Самойловъ, назначенный тогда уполномоченнымъ со стороны Россіи для присутствія на Ясской конференціи. Самойловъ, зная немного Ростопчина по Петербургу, пригласилъ его къ себѣ въ сотрудники; прибывшій вслѣдъ за нимъ графъ А. А. Безбородко вполнѣ одобрилъ этотъ выборъ и поручилъ Ростопчину составленіе журнала и веденіе протоколовъ конференціи. Работы этой конференціи прекратились быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, благодаря тому, что Безбородко снялъ съ обсужденія вопросъ о контрибуціи, такъ сильно волновавшій Турецкихъ делегатовъ, и Ростопчина хотѣли сперва отправить съ бумагами въ Варшаву, но, благодаря вмѣшательству самого Безбородка, въ Варшаву былъ отправленъ другой курьеръ, а Ростопчину поручили, три дня спустя по заключеніи мира, ѣхать немедленно въ Петербургъ и представить Императрицѣ Екатеринѣ II три послѣдніе протокола конференціи. Кромѣ того, въ письмѣ, приложенномъ графомъ Безбородкомъ къ протоколамъ, сообщалось, что посланецъ является въ то же время и составителемъ этихъ протоколовъ. Ясскій миръ состоялся 29-го декабря 1791 г., а 14-го февраля 1792 г., по пріѣздѣ въ Петербургъ, Р. получилъ уже званіе камеръ-юнкера „въ рангѣ бригадира“ (т.-е., 5 класса). Такимъ образомъ исполнилась давнишняя мечта Ростопчина.

По возвращеніи изъ Яссъ Ростопчинъ дважды болѣлъ возвратными приступами лихорадки. Благодаря расположенію графа Безбородка, который нѣсколько разъ писалъ о немъ Екатеринѣ II, Р. былъ назначенъ состоять при посольствѣ графа Самойлова, но посольство это постоянно откладывалось и въ концѣ концовъ совершенно не состоялось. За то ему удалось сблизиться съ графомъ С. П. Румянцовымъ и даже добиться, въ апрѣлѣ 1793 г., назначенія состоять при немъ. Сближеніе съ Румянцовымъ приблизило Ростопчина и ко Двору. Но первые шаги его на этомъ новомъ поприщѣ не были особенно удачны. Онъ попытался-было заслужить расположеніе Императрицы, передразнивая при ней нѣкоторыхъ придворныхъ, сочиняя пословицы и т. п.,—словомъ, взявшись за роль придворнаго шута; Екатерина охотно забавлялась шутками Р., которому особенно удавалось подражать манерамъ и голосу одного нѣмецкаго проповѣдника, но дальше смѣха ея расположеніе къ Ростопчину не шло, и онъ такъ и остался въ ея глазахъ „сумасшедшимъ Өедькой“, какъ она сама его назвала. Насмѣшливо относились къ Р. и придворные круги, и онъ самъ вскорѣ долженъ былъ почувствовать, что сталъ не на вѣрный путь, чтобы добиться расположенія Государыни. Но, помимо чисто практическихъ соображеній о ненадежности избраннаго имъ пути, у Ростопчина смутно проскальзывало сознаніе и о непристойности такимъ способомъ добиваться карьеры. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу Воронцову онъ прямо заявлялъ, что боится „извѣстности, заслуженной ремесломъ комедіанта“, и спрашивалъ у него дружескаго совѣта по этому поводу.

Не успѣвъ ничего достигнуть при Дворѣ Императрицы, Ростопчинъ не упалъ, однако, духомъ и попытался снова испытать свои способности,—на этотъ разъ при такъ называемомъ маломъ дворѣ Великаго Князя Павла Петровича, къ которому онъ былъ прикомандированъ на дежурства съ середины 1793 года. Это новое назначеніе, которому суждено было сыграть такую важную роль въ жизни Ростопчина и которому онъ, въ сущности, былъ обязанъ всей своей дальнѣйшей карьерой, открывало передъ нимъ съ одной стороны богатыя перспективы войти въ довѣріе Наслѣдника престола и заслужить его расположеніе, а съ другой стороны заключало въ себѣ немало и непріятнаго. Гатчинскій дворецъ, въ которомъ постоянно жилъ въ то время Великій Князь со своей семьей, представлялъ особый, странный и необычный для всякаго посторонняго міръ. Не находившій болѣе серьезнаго дѣла, Великій Князь Павелъ Петровичъ занимался по цѣ-

лымъ днямъ со своими Гатчинскими войсками, устраивая маневры, плацпарады, присутствуя на разводахъ и экзекуціяхъ, если онѣ случались, и требовалъ проявленій такого же увлеченія военной муштровкой и отъ своихъ приближенныхъ. Натянутыя отношенія, существовавшія въ это время между Екатериной II и ея сыномъ, еще болѣе сгущали Гатчинскую атмосферу, такъ какъ приближенные Государыни совершенно не считались съ Наслѣдникомъ престола и позволяли себѣ явно смѣяться надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. А это, въ свою очередь, раздражало Павла, которому казалось, что ему не хотятъ оказывать должнаго уваженія. Въ эту-то тяжелую Гатчинскую жизнь и пришлось вскорѣ войти Ѳ. В. Ростопчину. Будучи назначенъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими камеръ-юнкерами, поочередно дежурить при Наслѣдникѣ, онъ отнесся серьезно къ возложеннымъ на него обязанностямъ, а такъ какъ другіе его товарищи, предпочитая удовольствія Петербургской жизни пребыванію въ Гатчинѣ, часто манкировали своими дежурствами, то ему сплошь и рядомъ приходилось замѣнять ихъ и почти безотлучно находиться при Наслѣдникѣ. Послѣдній вскорѣ обратилъ на Р. свое вниманіе, полюбилъ его сообразительность, мѣткія шутки и проявленіе вниманія къ нему самому и, въ знакъ своего расположенія, поспѣшилъ даровать Ростопчину заведенную имъ военную форму прусскаго образца и назначилъ капраломъ своихъ войскъ.

Первое время послѣ назначенія состоять при Павлѣ Петровичѣ Р. старался дѣйствовать осторжно, чтобы не выставлять на видъ свои отношенія къ Великому Князю, такъ какъ онъ отлично понималъ, съ какими непріятными послѣдствіями для его карьеры можетъ быть сопряжены слишкомъ явные знаки благоволенія опальнаго Наслѣдника, пока жива Царица Мать. „Для меня“, пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этому періоду его жизни, „нѣтъ на свѣтѣ ничего страшнѣе, кромѣ безчестія, какъ благодарность Павла“. И онъ былъ, конечно, правъ въ своихъ опасеніяхъ. Но независимо отъ его воли, сближеніе Павла Петровича со своимъ камеръ-юнкеромъ продолжалось и не замедлило сказаться еще въ томъ же 1793 году. 2-го сентября Ростопчинъ былъ представленъ къ ордену св. Владимира, но „какіе-то бездѣльники помѣшали этому“, по его словамъ. Вскорѣ онъ долженъ былъ окончательно убѣдиться въ безысходности своего положенія, такъ какъ невозможно было въ то время играть двойную игру съ какимъ-нибудь разсчетомъ на успѣхъ. Ростопчину необходимо было сдѣлать выборъ и либо пойти за болѣе сильнымъ теченіемъ,—примкнуть къ свитѣ любимцевъ Екатерины и въ особенности позаботиться о расположеніи ея тогдашняго фаворита графа Зубова,—либо же открыто стать въ ряды „Гатчинцевъ“ и этимъ, по крайней мѣрѣ временно, поставить крестъ на своей придворной карьерѣ. „Благосклонность Великаго Князя, писалъ Р. въ это время Воронцову, не составляетъ рекомендаціи въ глазахъ Императрицы, и если бы я вздумалъ хлопотать о какомъ-нибудь мѣстѣ, то это значило бы итти навстрѣчу неизбѣжнымъ оскорбленіямъ и отказамъ...; было бы странно чего-либо добиваться, когда предержащая власть предубѣждена противъ тебя, а всемогущій министръ тебя ненавидитъ“. Онъ такимъ образомъ остановился на второмъ изъ открывавшихся предъ нимъ путей, и надо думать, что сдѣлалъ онъ этотъ выборъ послѣ зрѣлаго размышленія. Правда, онъ самъ въ своихъ письмахъ и запискахъ старался представить обстоятельства въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, подчеркивая, что имъ руководили при этомъ не грубо эгоистическіе разсчеты, но чувство долга, соединенное съ состраданіемъ къ печальной судьбѣ Гатчинскаго плѣнника и взаимной благодарностью за то расположеніе, которое къ нему питалъ Наслѣдникъ престола. „Чувство благодарности за дружеское расположеніе Великаго Князя, говоритъ Р., внушало мнѣ рѣшимость доказать ему, въ какой мѣрѣ я цѣню это расположеніе. Видя, что онъ всѣми забытъ, унижаемъ и оставленъ въ пренебреженіи, я не хочу видѣть его недостатковъ, происходящихъ, быть можетъ, отъ характера, ожесточеннаго обидами... Я слишкомъ чуждъ разсчетовъ честолюбія, чтобы предаваться какимъ-нибудь мечтамъ о будущемъ, но нахожу, что, доказывая ему мою благодарность усердіемъ и живымъ вниманіемъ ко всему, что до него касается, я только исполняю мой долгъ“. Ростопчинъ, дѣйствительно, какъ это видно и изъ другихъ

мѣстъ его переписки, постепенно привязывался къ Наслѣднику, съ которымъ его, кромѣ того, до извѣстной степени сближало сходство характеровъ,—та же страстность и порывистость натуры и неудовлетворенность положеніемъ, съ которымъ приходилось мириться и тому, и другому; онъ поэтому съ горечью наблюдалъ развитіе въ Павлѣ Петровичѣ отрицательныхъ чертъ его характера и разнаго рода причудъ, которыми тотъ „какъ бы изыскивалъ всѣ средства внушить къ себѣ нелюбовь"; но въ то же время Ростопчинъ врядъ ли былъ искренъ, когда утверждалъ, что онъ совершенно чуждъ разсчетовъ честолюбія и что не они заставили его остаться при Гатчинскомъ дворѣ. Его стремленіе къ быстрой и вѣрной карьерѣ, его постоянная погоня за расположеніемъ лицъ, могущихъ оказать ему въ этомъ отношеніи услугу, настолько преобладали во всѣ предыдущіе годы его службы, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, чѣмъ, въ глубинѣ души, наединѣ съ самимъ собой, руководствовался онъ, дѣлая свой выборъ. Слѣдуетъ только припомнить, что здоровье Екатерины II къ этому моменту уже успѣло пошатнуться, и можно было поэтому надѣяться на скорую перемѣну правленія. Самъ Ростопчинъ въ своихъ письмахъ къ Лондонскому другу неоднократно отмѣчалъ ухудшенія здоровья Императрицы и, какъ видно, зорко слѣдилъ за ними, строя именно на нихъ разсчеты на свою будущую карьеру. Впрочемъ, причудливый характеръ Павла Петровича, его наклонность къ быстрымъ перемѣнамъ и невозможность, вслѣдствіе этого, особенно полагаться на его чувства,—все это осложняло положеніе Ростопчина.

Но нѣкоторыя случайныя и привходящія обстоятельства вскорѣ помогли Ростопчину обойти затрудненія этого рода. Въ октябрѣ 1793 г. Р. посватался къ родной племянницѣ фаворитки Екатерины II, ея камеръ-фрейлины, графини Анны Степановны Протасовой—Екатеринѣ Петровнѣ Протасовой (есть указаніе, что это было уже второе его сватовство: въ первый разъ онъ добивался руки княжны Варвары Алексѣевны Хованской (ум. въ апрѣлѣ 1788 г.), но потерпѣлъ неудачу, такъ какъ княжна предпочла ему старика сенатора князя Кирилла Александровича Багратіона). На этотъ разъ, хотя Р. и не сомнѣвался во взаимности Протасовой, но, не особенно надѣясь на согласіе ея тетки, игравшей при дворѣ видную роль, прибѣгъ къ помощи письма для объясненія своихъ намѣреній и, кромѣ того, заручился содѣйствіемъ графа Безбородка. Его сперва попросили обождать, но уже въ декабрѣ того же года онъ могъ назвать красавицу Протасову своею невѣстой, а въ началѣ слѣдующаго года въ большой церкви Зимняго Дворца состоялось въ присутствіи Императрицы его бракосочетаніе (10-го февраля 1794 г.).

Привязанность къ молодой супругѣ заставила Р. тяготиться его служебными обязанностями, тѣмъ болѣе, что онъ часто долженъ былъ нести дежурство при Наслѣдникѣ не только за себя, но и за своихъ манкировавшихъ товарищей. До своей женитьбы Р. охотно оставался безотлучно при Наслѣдникѣ, теперь же отлучки изъ дома внѣ очереди стали его тяготить, и однажды онъ даже написалъ по этому поводу рѣзкое письмо къ оберъ-камергеру Двора Наслѣдника И. И. Шувалову, въ которомъ жаловался на своихъ товарищей, раскрывалъ безъ стѣсненій истинныя причины ихъ уклоненій отъ дежурствъ и даже обозвалъ ихъ по этому поводу негодяями. Письмо это получило извѣстность и даже было показано самой Императрицѣ, но та первоначально только посмѣялась надъ всею исторіей и острословіемъ „сумасшедшаго Ѳедьки", не стѣснявшагося въ выраженіяхъ. Между тѣмъ, сослуживцы Р., задѣтые его письмомъ, коллективно потребовали, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Когда же Ростопчинъ отвергнулъ это предложеніе, они стали поочередно требовать отъ него удовлетворенія. Дуэли, однако, по какимъ-то причинамъ не состоялись; по словамъ самого Р., причиною этого была трусость его противниковъ, но, тѣмъ не менѣе, по городу стали ходить слухи, будто онъ самъ испугался въ послѣднюю минуту и просилъ извиненія. Взбѣшенный этимъ, Р. вызвалъ на дуэль одного изъ распространителей этихъ слуховъ—Всеволожскаго; но дуэли помѣшали, доложивъ о ней Екатеринѣ II; та приказала нарядить слѣдствіе, по окончаніи котораго Ростопчину было предложено на годъ покинуть Петербургъ и уѣхать къ отцу въ Орловскую губернію. Какъ видно изъ всей обстановки этого происшествія, закончившагося для Р. высылкой, ему пришлось пострадать не столько за свой го-

рячій нравъ, сколько за близость къ Наслѣднику. Уже по возвращеніи Ростопчина изъ ссылки Екатерина II велѣла ему передать, что она „не имѣла намѣренія его наказать, но сочла его удаленіе необходимымъ, какъ единственное средство предотвратить послѣдствія, еще болѣе прискорбныя, которыя заставили бы ее прибѣгнуть ко всей строгости законовъ“. Императрица при этомъ прибавляла, что она даже надѣялась „освѣжить голову Р., и что битый стоитъ двухъ небитыхъ“. Необходимость же, о которой упоминалось только-что въ словахъ Государыни, заключалась въ томъ, что Ростопчина ей пришлось принести въ жертву болѣе сильнымъ вліяніямъ, поддерживавшимъ другую сторону въ этомъ случайномъ эпизодѣ, такъ какъ Ростопчинъ задѣлъ своимъ письмомъ одного изъ родственниковъ всесильнаго въ то время графа Зубова.

Ростопчинъ отправился въ ссылку вмѣстѣ съ женой и перенесъ ее совершенно незамѣтно среди новыхъ семейныхъ заботъ, вызванныхъ рожденіемъ первенца Сергѣя (род. въ концѣ 1794 г.). Проживъ около года въ Ливенской деревнѣ своего отца, онъ снова, вернувшись въ Петербургъ, приступилъ къ исполненію прежнихъ своихъ придворныхъ обязанностей. Но, совершенно неожиданно для него самого, ссылка сыграла въ его дальнѣйшей судьбѣ весьма важную роль. Прежде всего, неизбалованный вниманіемъ придворныхъ Великій Князь Павелъ Петровичъ былъ очень тронутъ поступкомъ Ростопчина и съ этихъ поръ началъ считать его преданнымъ себѣ человѣкомъ, хотя въ дѣйствительности поступокъ Р. скорѣе вытекалъ не изъ его внимательности къ Павлу Петровичу, а былъ вызванъ лишь необходимостью нести тройную службу и часто покидать свою молодую супругу. Но, тѣмъ не менѣе, расположеніе Великаго Князя къ Ростопчину возросло до того, что онъ, со времени отъѣзда Р. въ ссылку, демонстративно не захотѣлъ допускать къ себѣ на дежурство никого изъ другихъ камеръ-юнкеровъ, и тѣ являлись въ Гатчину обыкновенно лишь за тѣмъ, чтобы тотчасъ же по представленіи Павлу вернуться обратно. Какъ только Ростопчинъ возвратился изъ ссылки, Великій Князь послалъ передать ему, чтобы онъ немедленно явился къ нему въ Павловскъ, осыпалъ его знаками своего расположенія и сталъ настаивать на томъ, чтобы Р. безъ стѣсненій посѣщалъ его всегда и повсюду, гдѣ бы онъ ни находился и когда бы ему самому ни заблагоразсудилось. Наконецъ, въ знакъ величайшей своей милости, Павелъ Петровичъ разрѣшилъ Ростопчину носить у себя на службѣ особый его мундиръ, каковой милости до этой поры у него не удостанвался еще никто.

Такимъ образомъ ссылка Р. оказала окончательное и рѣшающее вліяніе на его приверженность къ Наслѣднику престола, и въ ней надо видѣть одну изъ главныхъ причинъ ихъ дальнѣйшаго сближенія, имѣвшаго такое важное значеніе въ судьбѣ ихъ обоихъ. Всѣ же другія обстоятельства, какъ, напр., подарокъ военной игрушки, вывезенной Р. изъ Пруссіи и сильно понравившейся Павлу, и т. п. могли играть лишь второстепенное значеніе въ этомъ процессѣ. Въ результатѣ этого сближенія Р. вскорѣ сталъ необходимъ Павлу, „какъ воздухъ“,—по его собственнымъ словамъ: Павелъ не могъ провести безъ своего любимца ни одного дня, и, если тотъ почему-либо не появлялся у него во дворцѣ, Наслѣдникъ спѣшилъ послать за нимъ. Впрочемъ, не одному только Наслѣднику престола Р. внушилъ чувство привязанности: онъ пользовался также расположеніемъ и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, а Цесаревичъ Александръ Павловичъ привѣтствовалъ его возвращеніе изъ ссылки проявленіемъ искренней своей по этому поводу радости.

Р. продолжалъ оставаться на своемъ скромномъ посту камеръ-юнкера, прикомандированнаго къ малому двору до самаго конца 1796 г. и дѣлилъ время между пребываніемъ въ Гатчинѣ, Павловскѣ и Петербургѣ. Незадолго до кончины Екатерины II, а именно 2-го ноября 1796 г., онъ получилъ отъ Наслѣдника орденъ св. Анны 3-й степени. Одно время стали упорно носиться тревожные слухи, грозившіе крушеніемъ всѣхъ его плановъ, связанныхъ съ возможностью скораго воцаренія Павла Петровича: Екатерина II вела въ это время переговоры съ Цесаревичемъ Александромъ о назначеніи его самого Наслѣдникомъ, минуя отца, какъ вдругъ 5-го ноября 1797 г. Великую Императрицу неожиданно сразилъ ударъ. Ростопчинъ въ этотъ памятный для него день нахо-

дился случайно въ Петербургѣ и долженъ былъ вечеромъ отправиться обратно въ Гатчину. Ничего еще не зная о случившемся, передъ отъѣздомъ въ Гатчину Р. отправился въ Эрмитажъ, чтобы проститься съ графиней Протасовой, которая пользовалась въ этомъ зданіи квартирой. Протасову онъ засталъ въ слезахъ и тутъ только узналъ о внезапной болѣзни Екатерины II и о томъ, что нѣтъ никакихъ надеждъ на ея выздоровленіе. Тамъ же онъ встрѣтилъ разыскивавшаго его курьера Цесаревича Александра Павловича, который только въ 5-мъ часу вечера былъ допущенъ къ умиравшей бабкѣ своей. По выходѣ изъ спальни Императрицы Александръ подозвалъ Ростопчина и убѣдительно просила его немедленно отправиться въ Гатчину, чтобы какъ можно скорѣе извѣстить отца о безнадежномъ положеніи Императрицы, прибавивъ, что „хотя туда и отправленъ уже графъ Зубовъ, но Р. сможетъ лучше разсказать о семъ печальномъ происшествіи отъ его имени". Р. тотчасъ же исполнилъ волю Великаго Князя и, приказавъ запречь въ легкія сани тройку, поскакалъ по направленію къ Гатчинѣ. Спустя часъ онъ былъ уже въ Софіи, гдѣ и встрѣтился со спѣшившимъ въ Петербургъ Павломъ. Тотъ сразу же узналъ его по голосу и окликнулъ его по-французски: „Это вы, мой дорогой Ростопчинъ?" Затѣмъ, разспросивъ подробно о происшествіяхъ этого дня, онъ приказалъ ему слѣдовать за собою, прибавивъ: „Я люблю видѣть васъ возлѣ себя". Ростопчинъ поскакалъ за каретой Наслѣдника. По дорогѣ они должны были ежеминутно останавливаться, такъ какъ безпрерывно встрѣчали посланныхъ изъ Петербурга разными лицами курьеровъ и при мерцающемъ свѣтѣ луны прочитывали записки и донесенія.

По прибытіи въ Зимній дворецъ Ростопчинъ все время безотлучно находился при Павлѣ, исполняя различныя его порученія и служа посредникомъ между восходившимъ на тронъ Государемъ и слугами минувшаго царствованія. Павелъ I своимъ обращеніемъ съ Ростопчинымъ и довѣріемъ, ему оказываемымъ, давалъ понять всѣмъ окружающимъ, что его давнишній любимецъ отнынѣ становится его правою рукой. Онъ вручилъ ему свою именную печать, которую носилъ постоянно при своихъ часахъ, и приказалъ ему вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ графомъ А. Н. Самойловымъ немедленно опечатать двери кабинета умиравшей Императрицы, а нѣсколько дней спустя, совмѣстно съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ и княземъ А. Б. Куракинымъ, Р., по порученію Павла, долженъ былъ разобрать бумаги Императрицы; тогда, между прочимъ, по взаимному согласію участниковъ, было уничтожено завѣщаніе Екатерины, которымъ она хотѣла отстранить отъ престола Павла Петровича, назначивъ вмѣсто него своимъ преемникомъ его сына Александра. При докладѣ графа Безбородка, на другой день, Императору Павлу, послѣдній приказалъ Ростопчину оставаться при докладѣ, а по окончаніи его доклада, когда министръ иностранныхъ дѣлъ собирался удалиться съ бумагами, Государь представилъ ему своего фаворита, говоря: „Вотъ человѣкъ, отъ котораго я не намѣренъ ничего скрывать".

Еще до кончины Екатерины II, когда, однако, по увѣренію придворныхъ медиковъ, уже не оставалось никакой надежды на ея поправленіе и съ минуты на минуту можно было ожидать кончины, Павелъ, почувствовавъ себя самодержцемъ, подозвалъ къ себѣ Ростопчина и обратился къ нему со слѣдующими словами: „Я тебя прекрасно знаю такимъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ: будь поэтому откровененъ и скажи мнѣ, въ качествѣ кого ты желалъ бы находиться при моей особѣ?" Р. не замедлилъ отвѣтомъ,—и его желанія, по крайней мѣрѣ съ виду, были довольно скромны: онъ просилъ позволенія быть личнымъ секретаремъ Императора по пріему прошеній. Павелъ I, послѣ короткой паузы, отвѣтилъ ему: „Я не считаю это достаточной наградой для тебя; знай, что я назначаю тебя генералъ-адъютантомъ, но, разумѣется, не для того, чтобы ты прогуливался изъ одного конца дворца въ другой съ тросточкой въ рукѣ, но чтобы ты принималъ участіе въ дѣлахъ Военной Коллегіи". Такъ какъ Ростопчинъ не чувствовалъ особаго призванія къ этой, чисто-военной должности, онъ попробовалъ убѣдить Павла назначить его на какую-нибудь другую, но Императоръ остался непреклоненъ: Ростопчину пришлось примириться съ этимъ назначеніемъ и оставаться генералъ-адъютантомъ въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ царствованія Павла I.

Въ качествѣ близкаго къ Государю лица,

Ростопчину пришлось присутствовать при послѣднихъ минутахъ жизни Екатерины II. Выдѣленный изъ общей толпы придворныхъ, онъ сталъ, вмѣстѣ съ Плещеевымъ, у изголовья умиравшей, почти рядомъ съ Павломъ Петровичемъ и Маріей Ѳеодоровной. „Я никогда не забуду этой минуты, восклицаетъ онъ въ своихъ, написанныхъ позднѣе воспоминаніяхъ: она не изгладится изъ моей памяти до конца моей жизни!“

Тотчасъ же послѣ смерти Екатерины и по окончаніи церемоніи присяги придворныхъ новому Государю, Павелъ I, несмотря на поздній часъ, отправилъ Р., вмѣстѣ съ Архаровымъ, позднѣе исполнявшимъ должность Петербургскаго военнаго губернатора, на Васильевскій Островъ, привести къ присягѣ старика Алексѣя Орлова, которому Императоръ не могъ простить его участія въ событіяхъ 29-го іюня 1762 г.

Такимъ образомъ, силою историческаго хода вещей Ростопчинъ оказался у самаго источника власти. Его надежды и планы блистательно сбылись, и годы, проведенные имъ возлѣ Наслѣдника въ Гатчинѣ, должны были теперь сторицею вознаградить его за долгое терпѣніе. Съ первыхъ же дней новаго царствованія на него посыпался потокъ разнаго рода милостей и высочайшихъ наградъ. Будучи назначенъ еще 7-го ноября адъютантомъ Его Имп. Величества (т.-е., флигель-адъютантомъ), бригадиръ Р. въ тотъ же день получилъ орденъ св. Анны 2-й степени; еще черезъ день былъ произведенъ въ генералъ-майоры и сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, а 12-го ноября сталъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени. 18-го декабря онъ получилъ отъ Государя домъ на Невѣ и Милліонной улицѣ, купленный у камеръ-юнкера Павла Бакунина за 45,000 рублей.

Тотчасъ же послѣ смерти Екатерины II Ростопчинъ становится постояннымъ и вліятельнымъ собесѣдникомъ Павла I и дѣлитъ первое время это вліяніе на новаго государя всего съ двумя лицами: графомъ Безбородкомъ и фрейлиной Нелидовой. Отношеніе придворныхъ къ нему не замедлило перемѣниться: всякій старался теперь попасться ему на глаза, оказать ему какую-нибудь услугу, польстить, — въ надеждѣ, что новый фаворитъ замолвитъ слово передъ Императоромъ при распредѣленіи ожидавшихся по случаю восшествія на престолъ милостей.

Помня участіе, которое принималъ въ немъ графъ Безбородко, Р. счелъ своимъ долгомъ и прямою обязанностью почти тотчасъ же послѣ пожалованія его самого въ генералъ-адъютанты заступиться передъ Павломъ I за своего бывшаго покровителя, который ожидалъ себѣ опалы и просилъ только объ одномъ—выхлопотать ему чистую отставку. Но, благодаря заступничеству Ростопчина, Павелъ не только не проявилъ никакихъ признаковъ неудовольствія, но даже просилъ своего новаго генералъ-адъютанта передать Безбородку, чтобы тотъ забылъ все прошедшее и не покидалъ службы, такъ какъ его дарованія и способности пригодятся Государю. Самому же Р. Павелъ сказалъ при этомъ: „Этотъ человѣкъ для меня даръ Божій; спасибо же тебѣ, что ты меня съ нимъ помирилъ“. Не забывалъ Р. о Безбородкѣ и впослѣдствіи: это онъ подалъ Павлу I мысль возвести старика въ княжеское достоинство и щедро наградить землями при коронаціи. Даже къ своему прежнему врагу графу Зубову, больше всѣхъ пораженному смертью Екатерины II и тотчасъ же всѣми оставленному, Р. постарался выказать свое расположеніе. Увидя, что Зубовъ сидитъ въ слезахъ и не можетъ допроситься стакана воды, а толпа придворныхъ избѣгаетъ его, точно зачумленнаго, Р. приказалъ лакею исполнить требованіе Зубова и самъ поднесъ ему стаканъ съ водой. Но по отношенію къ остальной массѣ придворныхъ, спѣшившихъ заискивать передъ любимцемъ новаго Государя, Р. могъ испытывать только чувство отвращенія. „Предъ глазами у меня,—писалъ онъ въ Лондонъ Воронцову,—отвратительное зрѣлище внезапно постигшей смерти; весь этотъ дворъ, графъ Зубовъ, покинутый всѣми. Ахъ!.. какъ люди глупы!“ Когда постепенно событія при дворѣ стали принимать обычное теченіе, Р. сосредоточилъ свое преимущественное вниманіе на дѣлахъ, которыя входили въ кругъ обязанностей генералъ-адъютанта Императора. Какъ мы уже указывали, Павелъ I не совсѣмъ обычно толковалъ эту должность, и Ростопчину, въ сущности, пришлось взять на себя завѣдываніе всею воинской частью, поскольку она, по крайней мѣрѣ, сосредоточивалась вокругъ личности самого Императора. Онъ долженъ былъ разсылать всѣ приказы Государя и получалъ всѣ рапорты для пред-

ставленія и прочтенія ему. Зная по опыту, какъ мало можно полагаться на другихъ, Р. предпочиталъ все дѣлать самъ, возлагая на секретарей лишь переписку и наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ. Въ общемъ работы по новой должности у него было не мало: въ 6¼ часовъ утра онъ уже долженъ былъ ежедневно являться съ докладомъ къ Павлу I и оставался при немъ до полудня или до 1 часу, а все время послѣ полудня, съ 4-хъ до 9-ти часовъ вечера уходило на разборку новыхъ депешъ и на подготовку къ слѣдующему докладу. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, очередныхъ дѣлъ по его должности, Павелъ I довѣрилъ Ростопчину окончательную редакцію своего Военнаго Устава, составленнаго по Прусскому образцу. Характеръ редактированія этого Устава Ростопчинымъ можно опредѣлить тѣмъ, что онъ не ограничился однѣми детальными поправками, но внесъ въ Уставъ много существенныхъ измѣненій, совершенно отступивъ отъ первоначальнаго образца. Между прочимъ, онъ постарался ослабить значеніе фельдмаршала въ Русской арміи и соотвѣтственно усилилъ положеніе инспекторовъ войскъ, поступая въ данномъ случаѣ въ угоду личнымъ цѣлямъ, такъ какъ инспекція войскъ была подчинена ему непосредственно, тогда какъ должность фельдмаршала оставалась и по новому Уставу болѣе или менѣе независимой. Всѣ эти измѣненія Устава были одобрены Павломъ I, который вообще привыкъ довѣрять своему любимцу и легко, по крайней мѣрѣ первое время, позволялъ ему себя убѣждать.

Въ концѣ марта 1797 г. Р. сопутствовалъ Павлу I въ его поѣздкѣ въ Москву на коронацію; Императоръ Павелъ пожаловалъ своему любимцу 5-го апрѣля 1797 г. орденъ св. Александра Невскаго и кромѣ того — помѣстье въ Орловской губерніи съ 473 душами. На обратномъ пути изъ Москвы Р. посѣтилъ вмѣстѣ съ Государемъ рядъ Литовскихъ городовъ, а по возвращеніи продолжалъ занимать прежнюю должность. Съ 17-го мая 1797 г. Р. несъ (до 4-го марта 1798 г., когда былъ уволенъ со службы) еще обязанности Начальника Военно-Походной Канцеляріи.

Между тѣмъ, при дворѣ новаго государя не замедлили возникнуть вліянія разныхъ лицъ, стремившихся всецѣло овладѣть вниманіемъ Павла I, чтобы затѣмъ постараться использовать его въ своихъ личныхъ цѣляхъ. Съ этими вліяніями волей-неволей приходилось считаться и Ростопчину, разъ онъ не хотѣлъ, чтобы его постепенно отодвинули на задній планъ. Но, проученный опытомъ, онъ теперь старался по возможности сдерживать порывистость своего характера, избѣгалъ затѣвать по пустякамъ ссоры, стремясь, напротивъ, всѣми способами ладить съ людьми, окружавшими Павла. Онъ довольно быстро усвоилъ нехитрую науку придворной дипломатіи и научился обходить подводные камни, сниская расположеніе однихъ или пользуясь услугами и глупостью другихъ. Прежде всего онъ постарался заручиться прочнымъ расположеніемъ къ себѣ тогдашняго оберъ-гардеробмейстера П. И. Кутайсова. Близкія отношенія поддерживалъ Р. также съ княземъ Безбородкомъ. По отношенію же къ придворной партіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, руководимой въ то время фрейлиной Нелидовой, Р. придерживался совершенно иной тактики, которая, впрочемъ, неоднократно мѣнялась,—сообразно съ обстоятельствами. Еще до восшествія Павла на престолъ дѣятельность этой партіи давала о себѣ знать, сильно развивая при дворѣ духъ шпіонства. Ростопчинъ въ это время еще сочувствовалъ Маріи Ѳеодоровнѣ и считалъ для себя унизительнымъ вмѣшиваться въ отношенія Великой Княгини къ ея интимному другу Плещееву. Того же сочувственнаго или, во всякомъ случаѣ, безразличнаго отношенія продолжалъ придерживаться Р. по отношенію къ этой партіи и въ первое время по восшествіи Павла I на престолъ; но когда, вслѣдъ затѣмъ, вліяніе партіи Императрицы на Павла стало усиливаться и одно время грозило совершенно устранить всѣ постороннія вліянія, Р. пришлось, изъ одного чувства самосохраненія, перемѣнить свое прежнее отношеніе къ Маріи Ѳеодоровнѣ и фавориткѣ государя Е. И. Нелидовой и даже противопоставить ихъ вліянію на Павла другія вліянія, замѣнивъ Нелидову новою фавориткой, А. П. Лопухиной, что ему, въ концѣ концовъ. и удалось осуществить при содѣйствіи Кутайсова и отчасти князя Безбородка. „Жаль, что на Императора дѣйствуютъ внушенія Императрицы, которая вмѣшивается во всѣ дѣла, окружаетъ себя нѣмцами и позволяетъ обманывать себя нищимъ (т.-е. эми-

грантамъ)", — такъ отзывался объ Императрицѣ Р. еще лѣтомъ 1797 года; нѣсколько дальше въ томъ же письмѣ своемъ къ Воронцову онъ говоритъ: „Мы, три или четыре человѣка, отверженные люди для этихъ дамъ (т.-е., для Маріи Ѳеодоровны и для Нелидовой), потому что мы служимъ одному только Императору, а этого не любятъ и не хотятъ". Ростопчину не удалось избѣгнуть козней враждебной ему партіи, и онъ былъ даже удаленъ на время Павломъ I; но за то, когда Императоръ, удаливъ отъ себя Марію Ѳеодоровну и Нелидову и приблизивъ вмѣсто нихъ Лопухину, позволилъ Ростопчину вернуться ко двору, вліяніе послѣдняго не только упрочилось, но и значительно возросло. Однако, забѣгая нѣсколько впередъ, мы должны сказать, что хотя эта придворная борьба и отразилась на отношеніяхъ Р. къ Государынѣ, она не помѣшала ему немного позже выступить снова въ ея защиту, когда пылкій Павелъ I, не умѣвшій сдерживать своихъ чувствъ и не особенно разбиравшійся въ людяхъ, повѣрилъ взводимымъ на свою супругу неосновательнымъ обвиненіямъ и хотѣлъ-было предать ее суду Сената. Ростопчину было поручено написать по этому поводу указъ. Для Р. было, конечно, ясно, что подобнымъ поступкомъ Императоръ обезславитъ себя на всю Европу; поэтому онъ, не взирая на опасность, какую представляло самое пустое противорѣчіе выраженной волѣ Императора, не побоялся высказать ему всю правду. По одной версіи онъ высказалъ эти соображенія лично государю и при этомъ прибавилъ: „Я сказалъ все, какъ вѣрноподданный Вашего Величества, а теперь дѣлайте со мной, что̀ хотите!" По другой же, какъ кажется, болѣе достовѣрной версіи, Р. въ это время серьезно заболѣлъ и написалъ Павлу I смѣлое письмо, въ которомъ оправдывалъ Императрицу, а Императоръ на томъ же самомъ письмѣ выразилъ свое согласіе съ мнѣніемъ своего вѣрнаго слуги.

Между тѣмъ, служба Ростопчина при Павлѣ продолжалась; онъ безотлучно находился при Императорѣ, который повѣрялъ ему всѣ свои самыя сокровенныя мысли, такъ какъ съ одной стороны безгранично довѣрялъ своему любимцу, а съ другой—находилъ удовольствіе въ общеніи съ нимъ, какъ съ оживленнымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Удачныя остроты Ростопчина, на которыя онъ былъ мастеръ, приводили Павла I въ восторгъ, а его разносторонній умъ казался Государю незамѣнимымъ, такъ какъ ловкій придворный часто помогалъ ему легко преодолѣвать всѣ затрудненія, какія бы ни возникали. Въ то же время Р. былъ, конечно, достаточно сообразителенъ, чтобы считаться съ настроеніями своего покровителя, не быть докучливымъ и не надоѣдать своимъ присутствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если даже согласиться, что на сближеніе Ростопчина съ Павломъ I оказала главное вліяніе его прежняя приверженность къ опальному наслѣднику, а также его близость къ нему въ памятныя для Павла Петровича дни восшествія его на престолъ, то все же необходимо признать, что Р. долженъ былъ обладать умѣньемъ сохранить за собою эту благосклонность Государя; а онъ дѣйствительно пользовался ею (если не считать нѣсколькихъ мимолетныхъ вспышекъ Павла I) почти во все время царствованія этого Императора и долженъ былъ удалиться отъ двора только за мѣсяцъ до его кончины. Правда, задача Ростопчина нѣсколько облегчалась тѣмъ, что между нимъ самимъ и Государемъ можно было подмѣтить большое сходство и соотвѣтствіе настроеній, благодаря которымъ между ними часто царила полная гармонія. Но все же Р. долженъ былъ обладать достаточной чуткостью ко всякимъ перемѣнамъ въ настроеніи своего повелителя, который, какъ извѣстно, отличался большими странностями и могъ быть сегодня веселымъ, смѣяться, быть полнымъ доброты, а на завтра — стать суровымъ, озлобленнымъ, мрачнымъ, а порой даже жестокимъ.

Въ началѣ 1798 г. произошла первая размолвка Ростопчина съ Государемъ, непосредственнымъ поводомъ къ которой послужили разногласія по службѣ; настоящей же причиной ея приходится считать козни враждебной Ростопчину придворной партіи Императрицы, которая видѣла въ немъ, равно какъ и въ рядѣ другихъ приближенныхъ Павла, помѣху для осуществленія своихъ собственныхъ плановъ. Одновременно съ Ростопчинымъ та же участь постигла и Аракчеева. Детали самаго столкновенія намъ неизвѣстны, но, судя по уцѣлѣвшимъ письмамъ Р., оно имѣло почву въ стремленіяхъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны упрочить свои Германскія симпатіи. 4-го марта 1798 г.

Р. былъ отставленъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, послѣ чего нѣкоторое время оставался не у дѣлъ въ Петербургѣ, а затѣмъ, 3-го іюля, черезъ Москву, отправился въ отцовскую деревню. Свое пребываніе въ Петербургѣ онъ употребилъ на подготовку той интриги, направленной противъ партіи Нелидовой и Маріи Ѳеодоровны, о которой мы говорили выше, и главнымъ выполнителемъ которой долженъ былъ стать Кутайсовъ. Интрига эта блестяще удалась, и Ростопчинъ успѣлъ пробыть у своего отца всего три дня, какъ туда прискакалъ курьеръ съ письмомъ отъ Государя, въ которомъ тотъ высказывалъ желаніе видѣть опять при себѣ своего любимца. Р. тотчасъ же вернулся въ С.-Петербургъ и уже 24-го августа 1798 г. снова вступилъ въ отправленіе прерванныхъ обязанностей начальника Военнаго Департамента, будучи вновь принятъ въ службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта и съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества. Но, помимо прямыхъ его обязанностей, Павелъ I сплошь и рядомъ возлагалъ на него порученія иного рода, когда почему-либо не довѣрялъ другимъ или же желалъ, чтобы его воля была точно и быстро исполнена. Такой порядокъ былъ, впрочемъ, весьма обыченъ при этомъ Государѣ, который часто, не лишая своихъ министровъ занимаемыхъ ими должностей, поручалъ тому или другому изъ своихъ любимцевъ выполненіе какого-либо порученія, тѣсно связаннаго съ должностью первыхъ. Такимъ-то образомъ Ростопчину приходилось неоднократно выполнять порученія Государя по части дипломатическихъ сношеній. Не имѣя тайнъ отъ своего генералъ-адъютанта, Павелъ I охотно посвящалъ его во всѣ закулисные ходы своей политики, разбиралъ вмѣстѣ съ нимъ дипломатическую переписку Екатерины II, часто поручалъ ему составленіе дѣловыхъ писемъ къ иностраннымъ государямъ и князьямъ, къ начальникамъ армій и флота; на него же была возложена Павломъ и переписка съ фельдмаршаломъ Суворовымъ и Римскимъ-Корсаковымъ. Его участіе въ веденіи дипломатическихъ переговоровъ было настолько сильно, что уже въ январѣ 1798 г., когда князь Безбородко задумалъ уйти изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, многіе обвиняли въ этомъ Ростопчина, предполагая, что онъ желаетъ освободить это мѣсто для себя. Но это обвиненіе едва-ли правдоподобно, особенно, если принять во вниманіе, что и позднѣе Р. не чувствовалъ особаго влеченія къ дипломатической карьерѣ и неохотно соглашался на это назначеніе; тогда же онъ прямо отклонялъ его отъ себя, откровенно заявляя, что не на столько безразсуденъ, чтобы домогаться главнаго завѣдыванія дѣлами, когда едва только успѣлъ ознакомиться съ ними. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ же по возвращеніи изъ Ливенской отцовской деревни Ростопчину снова пришлось столкнуться съ дѣлами Иностранной Коллегіи, а когда, въ серединѣ октября 1798 г., изъ этой Коллегіи ушелъ П. А. Обресковъ, Павелъ I назначилъ Р., 17-го октября, исполняющимъ обязанности кабинетъ-министра по иностраннымъ дѣламъ, а черезъ нѣсколько дней, а именно 24-го октября—третьимъ присутствующимъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Кромѣ того, 21-го декабря того же 1798 г. онъ былъ пожалованъ въ командоры ордена Іоанна Іерусалимскаго, черезъ 10 дней, 31-го декабря, награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго съ алмазами; затѣмъ вскорѣ, 22-го февраля 1799 г., Ростопчинъ былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство, а 30-го марта того же года назначенъ былъ Великимъ Канцлеромъ ордена Іоанна Іерусалимскаго и кавалеромъ Большого Креста этого ордена. 20-го апрѣля Имп. Павелъ пожаловалъ отца Ростопчина, отставного маіора, въ дѣйствительные статскіе совѣтники и вскорѣ далъ ему орденъ Анны 1-й ст.,—вмѣсто княжескаго достоинства, которое онъ предложилъ-было сыну. Павелъ хотѣлъ также повысить Р. въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и предложилъ ему мѣсто вице-канцлера, но Р., не сознавая за собою особенныхъ способностей къ управленію и не желая брать на себя обязанности вице-канцлера, заявилъ Павлу I, что онъ почтетъ это назначеніе за наказаніе; однако, вопросъ о его повышеніи вновь возникъ послѣ смерти князя Безбородка, и съ 25-го сентября 1799 года Р. долженъ былъ взять на себя исполненіе обязанностей первоприсутствующаго въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, еще ранѣе, 28-го іюня, получивъ, на 37-мъ году отъ роду, орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ то время, какъ вице-канцлеръ графъ Панинъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ

смотрѣлъ на подготовлявшееся самымъ ходомъ европейскихъ событій сближеніе Россіи съ Франціей, графъ Р. исходилъ изъ совершенно противоположной точки зрѣнія. Примѣняясь къ измѣнившемуся настроенію Павла I, онъ старался использовать его въ цѣляхъ политическаго переустройства Европы. Его планы, правда, не имѣли ничего общаго съ рыцарскимъ, безкровнымъ вмѣшательствомъ Павла, въ качествѣ великаго магистра Мальтійскаго ордена, въ европейскія дѣла, приводившее на практикѣ лишь къ упроченію чужихъ выгодъ за счетъ Россіи; эти планы Ростопчина скорѣе можно разсматривать, какъ въ нѣкоторомъ родѣ возвращеніе къ политическимъ завѣтамъ предшествовавшаго царствованія. О томъ, какъ оцѣнивалъ въ это время самъ графъ Ростопчинъ политическую ситуацію, онъ самъ довольно подробно говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лондонскому своему другу графу Воронцову: по его словамъ, онъ никогда не довѣрялъ Англіи, которая „послѣдовательно, почти цѣлое столѣтіе, не щадитъ никакихъ усилій для полнаго возобладанія на моряхъ“, а съ другой стороны онъ не считалъ опаснымъ для Россіи Францію—прежде всего въ силу отдаленности этой страны. Не считая прочнымъ въ то время положеніе во Франціи Наполеона, Р. не видѣлъ ничего страшнаго и въ возстановленіи тамъ республиканскаго образа правленія. Сомнѣнія у него вызывали лишь планы реставраціи власти Бурбоновъ. Аргументируя и неудачами прежнихъ попытокъ, и осторожностью, съ какою велъ себя во время французскихъ войнъ Суворовъ, который не рѣшился вступать въ предѣлы Франціи, дабы не вызвать поголовнаго возстанія ея населенія, графъ Ростопчинъ полагалъ также, что, принужденная къ обратному принятію Бурбоновъ, Франція можетъ оказаться уже не въ силахъ „служить уздой для двухъ нашихъ сосѣдокъ-завистницъ, — Австріи и Пруссіи“. Таковы были въ общемъ взгляды Р. на внѣшнюю политику Россіи въ тотъ любопытный моментъ, когда, по волѣ Павла I, въ этой политикѣ наступилъ рѣзкій и неожиданный переворотъ. Между тѣмъ, европейскія событія приняли слѣдующій оборотъ. Въ отвѣтъ на занятіе Англіей острова Мальты, въ каковомъ фактѣ вспыльчивый Павелъ I не замедлилъ усмотрѣть личное оскорбленіе себѣ, онъ приказалъ тотчасъ же наложить во всѣхъ портахъ Россійскихъ „амбарго“ на англійскіе суда и товары. Въ декларации отъ 23-го октября 1800 года ко всѣмъ державамъ, за подписью графа Ростопчина, было сообщено объ этомъ распоряженіи, имѣвшемъ цѣлью служить отвѣтомъ на занятіе британскимъ флотомъ владѣній великаго магистра. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ I готовился вступить въ тѣсный союзъ съ представителемъ начавшей уже успокоиваться послѣ бурныхъ лѣтъ революціи Франціи. Государь поручилъ обоимъ вліятельнымъ членамъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ—Н. И. Панину и Ростопчину—составить докладныя записки о томъ, какого направленія въ будущемъ должна придерживаться наша политика. Панинъ предлагалъ созвать европейскій конгрессъ и вызывался быть на этомъ конгрессѣ уполномоченнымъ самого Павла I. Выступая съ этимъ планомъ, Н. И. Панинъ врядъ-ли могъ разсчитывать на его одобреніе, и онъ, дѣйствительно, не только не былъ одобренъ, но и облегчилъ Ростопчину его задачу свести давнишніе счеты со своимъ противникомъ: онъ постарался превратно истолковать Павлу намѣренія Панина, неоднократно ставилъ Государю на видъ, что вице-канцлеръ неохотно скрѣпляетъ своей подписью рискованные рескрипты и декларации иностраннымъ державамъ, уклоняясь отъ этого подъ всевозможными предлогами, и этимъ путемъ въ концѣ концовъ добился, въ серединѣ ноября 1800 года, удаленія его изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а затѣмъ и высылки изъ Петербурга.

Отвергнувъ планъ Панина, Павелъ I остановился на проектѣ, который защищалъ Ростопчинъ и который сводился къ возстановленію добрыхъ отношеній съ Франціей, чтобы вмѣстѣ съ послѣдней обрушиться противъ Англіи. Государь приказалъ Ростопчину составить болѣе подробный меморіалъ и изложить въ немъ свои мысли о тогдашнемъ политическомъ состояніи Европы. Ростопчинъ исполнилъ волю государя и представилъ свой меморіалъ, не полагая нимало, какъ онъ самъ признавался впослѣдствіи, что этотъ документъ произведетъ столь важную перемѣну въ политикѣ и станетъ служить основаніемъ новой системы. Впослѣдствіи, основываясь на этомъ рѣшеніи Павла I, Ростопчинъ любилъ говорить, что оно „можетъ служить сильнымъ и новымъ дока-

зательствомъ, что удобная минута въ большихъ и самоважнѣйшихъ дѣлахъ содѣлываетъ возможнымъ прежде и послѣ вѣками невозможное". Этотъ меморіалъ Р. былъ конфирмованъ Павломъ 2-го октября 1800 г.; имъ, дѣйствительно, руководилась политика Россіи до самой кончины этого Императора. Онъ представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, явленіе большой важности и на немъ стоитъ остановить вниманіе. Записка начинается полной и довольно удачно начертанной картиной Русской политики въ то необычное время, которое послѣдовало за побѣдами Суворова въ Италіи и за разрывомъ нашего союза съ Австріей. Коснувшись при этомъ политическаго положенія всѣхъ иностранныхъ державъ, а равно и тѣхъ интересовъ, которые связывали съ ними Россію, авторъ меморіала главное свое вниманіе сосредоточиваетъ на оцѣнкѣ взаимоотношеній Россіи съ Англіей, Франціей, Австріей и Пруссіей. Союзъ съ Франціей, по мысли Ростопчина, долженъ былъ повести къ раздѣлу Турецкой Имперіи, которую онъ признавалъ „*безнадежнымъ больнымъ*, коему медики не хотятъ объявить о грозящей ему опасности". Насколько извѣстно, эта мѣткая характеристика Турціи сдѣлана была впервые Ростопчинымъ, и отъ него получила право гражданства это прозвище Отоманской Имперіи. Къ раздѣлу Турціи Р. полагалъ привлечь Австрію и Пруссію. Россіи должна была достаться, по его плану, „Романія, Булгарія и Молдавія, а по времени греки и сами подойдутъ подъ скипетръ Россійскій"; Франціи предназначался Египетъ; Австріи— Боснія, Сербія и Валахія; Пруссію же онъ предполагалъ удовлетворить расширеніемъ ея владѣній на сѣверѣ, а изъ Греціи и острововъ Архипелага—„учредить по примѣру Венеціанскихъ острововъ республику". Успѣхъ этого плана Р. возлагалъ на тайну дипломатическихъ сношеній и на быстроту его осуществленія. Центральная роль въ немъ была отведена Бонапарту, который долженъ былъ увидѣть и найти „въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и къ утвержденію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ". Гораздо слабѣе была заключительная часть этого меморіала, въ которой авторъ его предлагалъ Павлу I поручить ему конфиденціальный объѣздъ всѣхъ главныхъ европейскихъ дворовъ для проведенія въ жизнь задуманной имъ мысли. По проекту Ростопчина Павелъ I долженъ былъ разыграть сцену устраненія его отъ должностей, чтобы послѣдующая поѣздка Р. въ Западную Европу не привлекла ничьего вниманія. Этотъ нѣсколько водевильный конецъ, быть можетъ, внушенный честолюбивымъ желаніемъ не уступать никому другому столь важной дипломатической миссіи, соединенной съ личными сношеніями съ Бонапартомъ и главами другихъ державъ, вносилъ извѣстнаго рода диссонансъ въ общій тонъ записки и, повидимому, не встрѣтилъ поддержки въ Императорѣ Павлѣ, который на самомъ меморіалѣ противъ того мѣста, гдѣ Р. развивалъ планъ, какъ лучше обмануть бдительность дипломатовъ, замѣтилъ отъ себя: „зачѣмъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ!" Но если оставить въ сторонѣ эту неудачную попытку Р. добиться столь высокой миссіи, то необходимо признать, что вообще этотъ меморіалъ произвелъ на Государя сильное впечатлѣніе. Онъ испещрилъ его своими помѣтками. Такъ, напр., къ словамъ Ростопчина, что Англія „вооружила поперемѣнно угрозами, хитростію и деньгами всѣ державы противъ Франціи", Государь прибавилъ: „и насъ грѣшныхъ"; характеристика, данная Ростопчинымъ Австріи, которая „подала столь справедливыя причины къ негодованію Государя" и, „вооружась на скорую руку для произведенія раздѣла Франціи..., потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики", — эта характеристика вызвала слѣдующее восклицаніе Павла Петровича: „чего захотѣлъ отъ мокрой курицы!" Замѣчаніе Ростопчина, что „Россія съ прочими державами не должна имѣть иныхъ связей, кромѣ торговыхъ", Павелъ I сопроводилъ восклицаніемъ: „святая истина!" Противъ словъ меморіала, что Англія „своей завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи...", Императоръ на поляхъ помѣтилъ: „мастерски писано!" Надъ предложеніемъ уступить Австріи Боснію, Сербію и Валахію онъ поставилъ знакъ вопроса и написалъ: „не многоль?" Наконецъ, одобривъ весь меморіалъ Ростопчина, Императоръ Павелъ въ отношеніи заключительной его части, въ которой говорилось, что „если Творецъ міра... благословитъ предпріятіе сіе, тогда

Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ Вашего Императорскаго Величества, соединившаго воедино престолы Петра и Константина, двухъ... основателей знатнѣйшихъ Имперій свѣта"—съ грустью замѣтилъ: „А меня все-таки бранить будутъ!" Само одобреніе предложеннаго Ростопчинымъ дипломатическаго плана Императоръ выразилъ въ слѣдующихъ торжественныхъ словахъ, помѣщенныхъ сверху докладной записки: „Апробуя планъ вашъ, желаю, чтобы вы приступили къ исполненію онаго. Дай Богъ, чтобъ по сему было". Трудно сказать, насколько Ростопчинъ успѣлъ подвинуть выполнніе этого плана. Занятый тысячею другихъ очередныхъ дѣлъ, онъ не могъ отдаться цѣликомъ этому дѣлу и постоянно долженъ былъ отвлекаться въ сторону, но во всякомъ случаѣ коренной переломъ внѣшней политики Павла I былъ произведенъ при его непосредственномъ участіи не только въ видѣ наложенія амбарго на англійскія суда, но и въ видѣ заключенія ряда конвенцій о возстановленіи вооруженнаго нейтралитета противъ Англіи. Въ частности же для осуществленія новаго курса политики Императора Павла I была учреждена въ С.-Петербургѣ конференція подъ предсѣдательствомъ графа Ростопчина, главнымъ предметомъ дѣятельности которой было осуществленіе союза трехъ Сѣверныхъ морскихъ державъ съ цѣлью положить конецъ своеволію англійскихъ крейсеровъ. Ростопчину удалось довольно легко склонить къ этому союзу Швецію, которая охотно пошла навстрѣчу планамъ Императора Павла и согласилась наложить амбарго на британскіе корабли, но Данія уклонилась отъ этого. Тогда Р., дабы принудить и Данію примкнуть къ союзу, предложилъ отозвать Русскаго посланника изъ Копенгагена.

Вмѣсто самого Ростопчина въ Парижъ былъ посланъ генералъ Спренгпортенъ, назначенный оффиціально для пріемки плѣнныхъ, но проекты Ростопчина столкнулись при этомъ съ собственными планами Наполеона, переговоры затянулись,—а вскорѣ Ростопчину пришлось покинуть постъ Министра иностранныхъ дѣлъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что все описанное усвоеніе Павломъ I политической системы Ростопчина надо принимать со значительными оговорками, ни на минуту не забывая личныхъ особенностей этого Государя, который не допускалъ никакого противодѣйствія малѣйшимъ своимъ желаніямъ. Самъ Ростопчинъ впослѣдствіи писалъ, что онъ не могъ имѣть своей системы „при Государѣ, который все хотѣлъ дѣлать самъ, который требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно... Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благопріятныя мгновенія и пользоваться добрымъ расположеніемъ его духа, чтобы достигнуть отмѣны отданнаго приказанія, разубѣдить его въ чемъ-либо и склонить къ мѣрамъ, которыя почиталъ я лучшими".

Другимъ результатомъ дипломатической дѣятельности Ростопчина было его содѣйствіе благополучному окончанію завязавшихся въ то время переговоровъ Павла I съ послѣднимъ Грузинскимъ Царемъ Георгіемъ XII. Хотя самый фактъ присоединенія Грузіи произошелъ лишь при Александрѣ I, когда Ростопчинъ былъ отстраненъ отъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе, вся почва для присоединенія этого царства къ Россіи была подготовлена именно имъ. Будучи уполномоченъ Павломъ I вести переговоры съ Грузинскими послами, Ростопчинъ еще 14-го ноября 1800 г. объявилъ имъ о рѣшеніи Императора принять во всегдашнее подданство Царя и весь его народъ. Согласно утвержденной Павломъ I запискѣ Ростопчина, предполагалось, принимая Грузію въ Русское подданство, не чинить населенію ея особыхъ стѣсненій въ ихъ внутреннемъ управленіи. Онъ находилъ возможнымъ предоставить имъ право выбирать судей, гражданскихъ и духовныхъ представителей и только для общаго надзора находилъ нужнымъ командировать въ Тифлисъ Русскаго чиновника который бы слѣдилъ за правосудіемъ и порядкомъ внутренняго управленія. Онъ предлагалъ также Павлу I обѣщать Георгію XII сохраненіе за нимъ права на престолъ до самой смерти, а послѣ его кончины утвердить его сына Давида въ званіи генералъ-губернатора съ титуломъ Царя и такимъ образомъ причислить самую страну къ числу Русскихъ губерній, подъ названіемъ „Царства Грузинскаго". Онъ настоялъ также, чтобы, для защиты присоединяемыхъ земель, были посланы на Кавказъ новыя войска. Самый планъ присоединенія былъ имъ выработанъ такой. Двое изъ прибывшихъ въ Петербургъ Грузинскихъ пословъ, посланныхъ Георгіемъ XII хлопотать о присоединеніи Грузіи къ Рус-

ской державѣ, должны были отправиться обратно, чтобы отвезти Царю условія, на которыхъ Павелъ I согласился принять Грузію подъ свое покровительство и, заручившись какъ согласіемъ самого Георгія, такъ и Грузинскаго народа, вернуться въ С.-Петербургъ. Въ письмѣ къ Георгію XII Ростопчинъ просилъ его, по разсмотрѣніи условій, не задерживать пословъ, но, въ случаѣ согласія, утвердить ихъ своею подписью и возвратить въ Петербургъ вмѣстѣ съ благодарственною грамотой. Одновременно же онъ предложилъ посланному Павломъ I на Кавказъ Кнорингу прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы до момента опубликованія манифеста о присоединеніи Грузіи „вещи въ той землѣ остались въ первобытномъ ихъ положеніи“; совѣтуя тому же Кнорингу успокоить Грузинскихъ пословъ насчетъ ихъ сосѣдей, онъ указывалъ ему на всю важность выполненія этого для успѣшнаго окончанія его миссіи; если, писалъ онъ ему, „все приведено будетъ въ должный порядокъ,—и мы будемъ имѣть удовольствіе соучаствовать въ дѣлѣ, столь Богу и Государю угоднымъ“. Но когда, вслѣдъ затѣмъ, осуществленіе этого плана замедлилось вслѣдствіе неожиданной кончины самого Георгія XII, который умеръ еще до возвращенія пословъ въ Тифлисъ, Ростопчинъ постарался заинтересовать Павла I въ немедленномъ же присоединеніи Грузіи, указавъ ему на ту пользу, которую можетъ оказать Россіи этотъ край на случай возможныхъ столкновеній съ Англіей, а также по отношенію къ Турціи, въ случаѣ обострения Восточнаго вопроса, и настоялъ на обнародованіи въ Петербургѣ манифеста о присоединеніи этого царства 18-го января 1801 г. Эта мысль такъ понравилась Павлу I, что онъ живо интересовался положеніемъ вопроса о Грузіи и задолго еще началъ готовиться къ торжественной встрѣчѣ Грузинскихъ пословъ. Продолжая еще въ январѣ 1801 г. вести переговоры съ оставшимся въ Петербургѣ посломъ Георгія XII, княземъ Чавчавадзе, Ростопчинъ подтвердилъ ему незыблемость прежнихъ условій, на которыхъ, согласно манифесту, Грузія присоединялась къ Россіи на вѣчныя времена. Таково было участіе Ростопчина въ этомъ дѣлѣ.

За время дѣятельности Ростопчина въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, ему пришлось участвовать въ составленіи и ратификаціи слѣдующихъ договоровъ съ различными иностранными державами: 17-го ноября 1798 г. Ростопчинъ участвовалъ въ заключеніи договора съ Неаполитанскимъ дворомъ срокомъ на 8 лѣтъ, по которому Россія обязывалась охранять союзника противъ Франціи и вмѣстѣ съ Турціей брала на себя охрану Сицилійскихъ береговъ. 16-го декабря того же года имъ былъ заключенъ 12-ти-лѣтній дружественный договоръ Россіи съ Португальскимъ дворомъ, заключавшій въ себѣ 37 статей, касавшихся главнымъ образомъ торговли и мореплаванія, а 17-го декабря при его участіи былъ подписанъ оборонительный союзъ съ Великобританіей противъ Франціи, по которому Россія обязывалась выставить для войны 45-ти-тысячное войско, Англія же должна была содержать его на свой счетъ. Въ 1799 г. 10-го іюня Р. подписалъ новую конвенцію съ Англіей, измѣнявшую нѣсколько условія предыдущей, но носившую по-прежнему оборонительный характеръ и направленную противъ успѣховъ революціонной Франціи; по этой конвенціи проэктировалось изгнать французовъ изъ семи соединенныхъ острововъ: Корфу, Занта, Кефалоніи, Сантъ-Мавра, Итаки, Пикса и Черигo и образовать изъ послѣднихъ Греческую республику. Согласно этой конвенціи Россія выставляла всего 17.593 человѣка, а Великобританія—отъ 8.000 до 13.000 и, кромѣ того, на послѣднюю было возложено прокормленіе союзной арміи и снабженіе Русской кавалеріи лошадьми. Въ томъ же 1799 г. Ростопчинымъ были заключены и подписаны, въ качествѣ первоприсутствующаго члена Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, нѣсколько другихъ оборонительныхъ договоровъ съ Европейскими державами, а именно: съ Португаліей (7-го сентября 1799 г.); обѣ стороны уславливались о взаимной помощи для охраны союзныхъ владѣній, а также для поддержанія спокойствія въ Европѣ. Россія обязывалась выставить въ случаѣ надобности 6.000 пѣхоты, а Португалія должна была въ подобномъ же случаѣ прислать на помощь своей союзницѣ 6 военныхъ судовъ. 20-го сентября того же года былъ заключенъ договоръ съ Баваріей, по которому Императоръ Павелъ I бралъ на себя защиту Баварскихъ владѣній и ихъ охрану при заключеніи общаго мира, а также брался ходатайствовать передъ Ве-

ликобританіей о назначеніи Баваріи денежной субсидіи на содержаніе 20.000 отряда регулярнаго войска; Баварія же ограничивалась лишь признаніемъ Павла I великимъ магистромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и соглашалась возстановить этотъ орденъ въ своихъ владѣніяхъ. Наконецъ, 17-го октября 1799 года былъ заключенъ и подписанъ Ростопчинымъ 6-ти-лѣтній оборонительный договоръ со Швеціей; обѣ державы обязывались имѣть наготовѣ и немедленно выставлять, въ случаѣ надобности, вспомогательныя войска: Россія — 12.000 пѣхоты, 4.000 кавалеріи, 9 линейныхъ кораблей и 2 фрегата, а Швеція — 8.000 пѣхотинцевъ, 2.000 конныхъ, 6 линейныхъ кораблей и 2 фрегата. Жалованье вспомогательному войску уплачивала та сторона, которая прибѣгала къ посторонней помощи. Обѣ державы, кромѣ того, обязывались во время войны не вступать въ переговоры о мирѣ или перемиріи безъ взаимнаго согласія, и, наконецъ, особой статьей договора разрѣшалось Шведскому королю ежегодно закупать въ Русскихъ Балтійскихъ портахъ по 50.000 четвертей хлѣба, не платя за него пошлины.

16-го августа 1800 года Павелъ I поручилъ Ростопчину вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ составить текстъ декларації, которою Русскій Императоръ приглашалъ Датскаго, Прусскаго и Шведскаго королей возобновить вооруженный нейтралитетъ, существовавшій между этими державами въ 1780 году противъ Англіи. На основаніи этой декларації Ростопчинымъ были заключены слѣдующія двѣ конвенціи: одна тогда же со Шведскимъ дворомъ о защитѣ свободнаго мореплаванія; 6-го декабря такая же конвенція была подписана и съ представителями Пруссіи, а 15-го февраля 1801 года (т.-е., уже послѣ ухода Ростопчина изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ) къ ней примкнула, наконецъ, и Данія.

Слѣдуетъ также упомянуть, что Ѳ. В. Ростопчину неоднократно удавалось удерживать вспыльчиваго и неуравновѣшеннаго Павла Петровича отъ рискованныхъ шаговъ, послѣдствіемъ которыхъ должно бы было быть объявленіе войны; три раза, по его настояніямъ, отмѣнялось объявленіе войны съ Пруссіей, и дважды онъ предотвратилъ разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Австріей. Удавалось ему равнымъ образомъ удерживать Павла и отъ другихъ рискованныхъ шаговъ; такъ, напр., со словъ младшаго сына Ростопчина—графа Андрея Ѳедоровича, извѣстенъ слѣдующій эпизодъ, характеризующій отношенія Ростопчина къ Государю. Однажды, во время парада, Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что сукно, поставляемое Русскими фабрикантами для солдатскихъ мундировъ, никуда не годно. Взбѣшенный этимъ, онъ, возвратясь во дворецъ, тотчасъ же послалъ за Ростопчинымъ и приказалъ тому немедленно же, въ его присутствіи, написать графу Воронцову, чтобы тотъ передалъ поставку суконъ для всей Русской арміи Англійскимъ фабрикантамъ. Ростопчинъ пытался возразить, что это распоряженіе должно повлечь за собой закрытіе всѣхъ Русскихъ фабрикъ, разорить ихъ владѣльцевъ и т. п., но его возраженія лишь раздражали Государя, и онъ все-таки принужденъ былъ написать это письмо. Государь прочелъ его, подписалъ и приказалъ отправить. Но передъ отправкой Ростопчинъ успѣлъ сдѣлать къ письму приписку, помѣстивъ послѣ подписи Государя слѣдующее обращеніе къ своему Лондонскому другу: „Не выполняйте этого повелѣнія, потому что онъ не въ своемъ умѣ“. Но Павелъ I, ходившій въ это время по своему кабинету, замѣтилъ, что Ростопчинъ снова взялся за перо. „Мнѣ сдается, Милостивый Государь,—обратился онъ тогда къ Ѳ. В.,—что вы осмѣлились что-то прибавить къ моему приказанію“. Ростопчинъ утвердительно отвѣтилъ и подалъ Государю письмо. Тотъ прочелъ приписку, поблѣднѣлъ, началъ нервно ходить взадъ и впередъ, но черезъ нѣсколько мгновеній овладѣлъ собой и, бросивъ письмо въ пылавшій каминъ, обнялъ Ростопчина и сказалъ ему: „Спасибо тебѣ, ты правъ; молю Бога, чтобы всѣ мои слуги могли походить на тебя“.

Въ качествѣ первоприсутствующаго Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, графъ Ростопчинъ озаботился выработкой новыхъ штатовъ, которые и были введены при немъ, но самъ онъ все время довольствовался жалованьемъ, полагавшимся третьему члену Коллегіи, хотя исполнялъ обязанности Канцлера. Впрочемъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ современниковъ, Ростопчинъ оставался при этомъ не въ накладѣ, такъ какъ только за заключеніе договоровъ и бракосочетаній, помимо наградъ орденами, успѣлъ получить за годы своей дипломатической карьеры свыше 300.000 рублей деньгами.

Одновременно съ дѣятельностью въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Ростопчину приходилось нести еще и другого рода обязанности. 31-го мая 1799 г. на имя графа Ростопчина послѣдовалъ слѣдующій указъ: „Для приведенія въ желаемый порядокъ Почтоваго Департамента вообще, всемилостивѣйше повелѣваемъ Вамъ быть Главнымъ Директоромъ онаго... и по всѣмъ дѣламъ относиться безпосредственно къ Намъ, оставляя въ прежнихъ должностяхъ". Дѣятельность Ростопчина въ качествѣ Главнаго Директора Почтоваго Департамента выразилась, между прочимъ, въ томъ, что 24-го апрѣля 1800 г. былъ санкціонированъ его докладъ о постепенномъ развитіи въ Россіи сѣти почтовыхъ станцій. Вмѣсто существовавшей въ то время 81 станціи, Ростопчинъ проэктировалъ довольно густо посрыть всю Россію сѣтью новыхъ конторъ и станцій; всего было намѣчено имъ къ открытію 377 губернскихъ и уѣздныхъ конторъ и 2.975 почтовыхъ станцій. Но самому Ростопчину удалось лишь приступить къ осуществленію этого обширнаго проэкта. Въ томъ же году имъ былъ введенъ вѣсовой и полупроцентный сборъ съ денежныхъ суммъ и посылокъ; при немъ же, наконецъ, впервые была введена пересылка почтою денегъ за границу. Впослѣдствіи Р. ставилъ себѣ въ заслугу то, что при немъ доходы почтоваго вѣдомства удвоились вслѣдствіе прекращенія имъ злоупотребленій и кражъ. Кромѣ того, онъ настоялъ на отмѣнѣ проэкта бывшаго Московскаго, а затѣмъ и С.-Петербургскаго Почтъ-Директора Пестеля, который, подъ предлогомъ усиленія почтовыхъ доходовъ, предлагалъ запретить перевозку писемъ иначе, какъ по почтѣ, и проэктировалъ надѣлить губернаторовъ, комендантовъ и вообще представителей администраціи правомъ обыскивать всѣхъ проѣзжающихъ и конфисковать перевозимыя ими письма.

Благодаря настояніямъ Ростопчина, было введено отбываніе рекрутской воинской повинности въ Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи и въ Польскихъ губерніяхъ наравнѣ съ остальными частями Имперіи. Онъ выхлопоталъ также указъ объ учрежденіи 80 командорствъ, каждое съ доходомъ не менѣе 300 рублей въ годъ, для офицеровъ, отличившихся на войнѣ, и ихъ семей.

28-го іюня того же 1799 года, за усиленную дѣятельность, Ростопчинъ былъ награжденъ орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго. На Ростопчина, кромѣ того, было возложено съ 1799 г. завѣдываніе дѣлами по бракосочетаніямъ и ему же поручалось Императоромъ проведеніе цѣлаго ряда другихъ дѣлъ, часто въ обходъ и устраненіе другихъ ближайшихъ помощниковъ Павла I. Изъ этой дѣятельности Ростопчина здѣсь слѣдуетъ отмѣтить его упорную борьбу съ іезуитами, которую онъ провелъ вмѣстѣ съ епископомъ Станиславомъ Сестренцевичемъ. Послѣдній представилъ черезъ Ростопчина сочиненный имъ Регламентъ для церквей и монастырей римско-католическаго исповѣданія въ Россійской Имперіи, каждый параграфъ котораго являлся чувствительнымъ ударомъ какъ для іезуитовъ, такъ и для всего чернаго духовенства, такъ какъ указывалъ на злоупотребленія ихъ. Регламентъ этотъ былъ утвержденъ Павломъ, а кромѣ того, по настояніямъ графа, Государь издалъ еще въ 1798 г. особый указъ объ уничтоженіи съѣздовъ католическаго духовенства.

Эти многообразныя обязанности отнимали у Ростопчина весь день, такъ что часто у него не было не только свободной минуты на необходимый для поддержанія здоровья моціонъ, но порой и для ѣды. „Въ четыре года адской работы, — писалъ онъ самъ: я разрушилъ себѣ здоровье и пришелъ къ увѣренности, что смерть застигнетъ меня врасплохъ..." Тяжесть служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на него Павломъ I, усиливалась еще болѣе тою атмосферой, которая постепенно скоплялась вокругъ Государя. Изъ-за неуравновѣшенности Павла I никто не могъ поручиться за то, что̀ готовитъ ему завтрашній день. Еще въ декабрѣ 1798 года Ростопчину пришлось испытать на себѣ самомъ перемѣну въ расположеніи Императора: за то, что, будучи тяжело боленъ, онъ не могъ быстро явиться по зову Государя (Ростопчинъ жилъ тогда на Англійской набережной), ему было вообще запрещено являться ко двору. Но эта вспышка Павла I на своего любимца была лишь мимолетной и снова прошла, благодаря заступничеству Кутайсова. Когда обиженный этой немилостью Ростопчинъ подалъ прошеніе объ отставкѣ или хотя бы только объ отпускѣ для лѣченія, Павелъ I отказалъ ему и въ томъ, и въ другомъ, приказавъ вступить въ отправленіе прежней должности съ 8-го декабря 1798 г.

Однако Ростопчинъ, попрежнему пользуясь расположеніемъ Государя, начиналъ уже тяготиться службою. Онъ чувствовалъ себя не вполнѣ приспособленнымъ къ придворной атмосферѣ, значительно усложнившейся въ послѣдніе годы царствованія Павла I, гдѣ всѣ должны были быть всегда на-чеку и гдѣ нельзя было не имѣть враговъ. „На меня косо смотрятъ въ публикѣ,—писалъ Ростопчинъ своему другу въ Лондонъ,—полагая, что я пользуюсь довѣріемъ Государя, котораго не любятъ. Многіе министры подозрѣваютъ меня въ приверженности къ демократическимъ началамъ, потому что я былъ близокъ съ графомъ Кутайсовымъ, находящимся подъ вліяніемъ француженки Шевалье, мужъ которой слыветъ ярымъ якобинцемъ. Я убѣжденъ, что Императрица и Наслѣдникъ терпѣть меня не могутъ...“ „Я ненавижу происки,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ; если бы даже я хотѣлъ ими заняться, то мой характеръ и моя наружность представляютъ къ тому неодолимое препятствіе... Я не обнаруживаю самой слабой человѣческой струны,—именно корыстолюбія. Я ничего не просилъ для себя и не буду просить. Это знаютъ и это-то не нравится...“ Ростопчинъ, дѣйствительно, выдѣлялся среди другихъ придворныхъ Павла I своею щепетильностью относительно личныхъ просьбъ. Императоръ самъ никогда не забывалъ своего любимца и, помимо безпрестанныхъ служебныхъ наградъ, знаковъ отличія и помѣстья, пожалованнаго во время коронаціи, подарилъ Ростопчину въ разное время болѣе 3.000 душъ крестьянъ въ Орловской и Воронежской губерніяхъ и, кромѣ того, особо 33.000 десятинъ земли въ послѣдней губерніи. Въ апрѣлѣ 1799 года онъ даже предложилъ своему фавориту княжескій титулъ, но Р. предпочелъ отказаться отъ этой новой милости, упросивъ Государя, вмѣсто того, произвести его старика-отца въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и наградить его орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ рескриптѣ Павла I по этому поводу говорилось: „за вѣрность и преданность нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Ростопчина и въ знакъ нашего къ нему благоволенія, всемилостивѣйше жалуемъ отца его, отставного маіора Ростопчина, въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники, увольняя его отъ всѣхъ дѣлъ“. Кромѣ того, самъ Ростопчинъ былъ награжденъ слѣдующими иностранными орденами: Французскимъ — св. Лазаря, Неаполитанскимъ—св. Ферди-нанда, Баварскимъ — св. Губерта и Сардинскими: св. Маврикія и Аннонціады, (послѣдній орденъ давался весьма немногимъ и считался весьма важнымъ). Наконецъ, 14-го марта 1800 г. онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Императора. Но, несмотря на всѣ эти почести, Ростопчинъ все болѣе и болѣе тяготился своей службой при Павлѣ I. Его, прежде довольно близкія отношенія къ князю Безбородку испортились, когда послѣдній, во время размолвки Ростопчина съ Павломъ I, выказалъ по отношенію къ первому холодность и этимъ возстановилъ его противъ себя. Но, разойдясь съ Безбородкомъ, Р. долженъ былъ почувствовать себя почти одинокимъ среди толпы придворныхъ Павла. Это чувство одиночества еще болѣе усилилось, когда при дворѣ стало возрастать вліяніе графа Палена, назначеннаго на постъ Петербургскаго военнаго губернатора. Послѣдній постарался поссорить Ростопчина съ графомъ Кутайсовымъ и безъ труда добился этого. Въ то же время, съ усиленіемъ Палена, вліяніе Ростопчина на Императора начало замѣтно падать, чего онъ также не могъ не замѣтить. Все это должно было дѣйствовать на Ростопчина, а тѣ интриги, жертвой которыхъ онъ вскорѣ сталъ и которыя постоянно заставляли его самого быть настороже, еще болѣе ухудшили его положеніе. Онъ началъ въ это время жаловаться на свою участь: „Труды мои напрасны. Я ни на что не годенъ и только убиваюсь, глядя на то, что дѣлается и чему воспрепятствовать я не могу“. Ему приходилось въ это время тщательно обдумывать каждый свой шагъ и малѣйшій поступокъ, чтобы не дать случайно оружія противъ себя въ руки врагамъ и тайнымъ завистникамъ. Но борьба все-таки оказалась для него не по силамъ. Собственными руками Ростопчину пришлось подписать, въ началѣ апрѣля 1800 года, отставку своего друга, Лондонскаго посла графа С. Р. Воронцова. Пересылая ему этотъ рескриптъ, онъ присовокуплялъ въ запискѣ, написанной шифромъ, къ которому онъ все чаще долженъ былъ въ это время прибѣгать и въ своей личной перепискѣ: „Видите, что мнѣ приходится подписывать, и могу ли я оставаться. Если съ вами такъ поступаютъ,

чего ждать мнѣ?“ Онъ, какъ видно, предчувствовалъ, что ему не удержаться долго на своемъ мѣстѣ. Охлажденіе къ себѣ Павла I онъ въ это время объяснялъ происками враждебной партіи графа Панина, которая ему мстила за разрушеніе ея плановъ: „За разрушеніе союза съ коварнымъ Вѣнскимъ дворомъ означены четыре жертвы: князь Суворовъ, графъ С. Р. Воронцовъ, Англія и я. Три первыя принесены, а я еще остался, но весьма холодно и спокойно ожидаю своего жребія“. Временно, затѣмъ, его положеніе улучшилось, когда Павелъ I принялъ его меморіалъ о внѣшней политикѣ Россіи и поручилъ ему, въ октябрѣ 1800 года, приступить немедленно къ его выполненію. Но улучшеніе это было очень непрочно, и, начиная уже съ декабря того же года, Ростопчинъ снова началъ думать о своей отставкѣ. „Мнѣ противно покидать службу на 38-мъ году возраста, но я сказалъ себѣ, что оставаться долѣе нельзя“,—писалъ онъ въ концѣ 1800 г. Воронцову. Въ другомъ письмѣ, адресованномъ неизвѣстному и писанномъ почти наканунѣ отставки, онъ выражается еще опредѣленнѣе и со свойственной ему рѣзкостью: „Я не въ силахъ долѣе бороться противъ каверзъ и клеветы и оставаться въ обществѣ негодяевъ, которымъ я неугоденъ и которые, видя мою неподкупность, подозрѣваютъ, и — не безъ основанія, что я противодѣйствую ихъ видамъ. Лишь бы мнѣ позволили жить въ Вороновѣ (недавно пріобрѣтенное имъ имѣніе подъ Москвою) съ женой,—вотъ чѣмъ ограничивается все мое домогательство“. Непосредственнымъ поводомъ, повлекшимъ за собою окончательное удаленіе Ростопчина отъ Павла I, послужило слѣдующее обстоятельство. Завѣдуя, въ качествѣ Директора Почтъ, перлюстраціей писемъ, Р. обратилъ однажды вниманіе на одно письмо, не совсѣмъ ясное по содержанію и сильно напоминавшее ему почеркъ ненавистнаго графа Панина, въ то время уже удаленнаго отъ двора и даже сосланнаго въ Москву. Письмо показалось Ростопчину подозрительнымъ, и онъ, не долго думая и не провѣривъ своихъ догадокъ, тотчасъ же представилъ его Павлу I, заявивъ, что письмо принадлежитъ Панину. Привыкшій довѣрять своему вѣрному слугѣ во всемъ, Павелъ I повѣрилъ ему и на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что почеркъ письма и ему показался схожимъ, и тотчасъ же отдалъ приказъ уличить графа Панина и сослать его за 2000 верстъ отъ Москвы. Но скоро Ростопчину пришлось раскаяться въ томъ, что онъ такъ легкомысленно отдался чувству ненависти противъ Панина, забывъ свою обычную осторожность: нашелся истинный авторъ письма, который, изъ чувства расположенія къ Панину, открылъ свое имя и объяснилъ истинный смыслъ своего письма, вообще довольно невиннаго. При посредствѣ Кутайсова, который въ это время уже былъ враждебно настроенъ графомъ Паленомъ по отношенію къ Ростопчину, обо всемъ этомъ было доложено самому Павлу I. Доводы этихъ лицъ были такъ энергичны и такъ убѣдительны, что Государь не могъ ни на минуту усумниться въ ихъ истинности и, говорятъ, при этомъ воскликнулъ: „Ростопчинъ — настоящее чудовище! Онъ хочетъ сдѣлать меня орудіемъ своей личной мести; такъ пусть же послѣдствія ея падутъ на него самого!“

20-го февраля 1801 года, т.-е. ровно за 3 недѣли до кончины Павла I Ростопчинъ былъ по прошеніи уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; ему кромѣ того было приказано отправиться къ себѣ въ подмосковное имѣніе, куда онъ вскорѣ же и уѣхалъ вмѣстѣ съ семьей. Эта немилость Павла I къ Ростопчину, который до того почти не переставалъ пользоваться довѣріемъ Государя, казалась всѣмъ худымъ предзнаменованіемъ. Дѣйствительно, она не замедлила повлечь за собой рядъ другихъ перемѣнъ. Съ удаленіемъ Ростопчина Императоръ лишился послѣдняго изъ своихъ прежнихъ любимцевъ, преданныхъ ему во всякомъ случаѣ искренно и которыхъ ему теперь не кѣмъ было замѣнить. Самъ Р. впослѣдствіи не разъ заявлялъ, что не будь онъ удаленъ изъ Петербурга и продолжай занимать постъ Директора Почтоваго Вѣдомства, онъ несомнѣнно разстроилъ бы планъ заговорщиковъ. Быть можетъ, подобное заявленіе его и слишкомъ самоувѣренно, но несомнѣнно то, что онъ являлся большой помѣхой для графа Палена, который поэтому и постарался отстранить его отъ Павла.

Оцѣнивая разностороннюю дѣятельность Ростопчина при Павлѣ I, которая неоднократно подвергалась голословному осужденію, мы должны признать, что онъ отда-

валъ этой службѣ все свое время, не щадя здоровья, и оказывалъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на ходъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики почти во все время царствованія этого Государя. За исключеніемъ двухъ весьма короткихъ перерывовъ онъ въ продолженіе пятидесяти мѣсяцевъ былъ крупнымъ дѣятелемъ этого царствованія. Необходимо также признать, что Ростопчинъ, наряду съ графомъ Паленомъ и Кутайсовымъ, пользовался дѣйствительнымъ значеніемъ при Павлѣ I. Его нельзя ставить въ одинъ рядъ со всѣми прочими крупными и мелкими царедворцами, постоянно окружавшими Императора и извѣстными въ исторіи подъ именемъ „гатчинцевъ", т.-е. людьми, умѣвшими съ усердіемъ и точностію исполнять волю государя, но которые, не отличаясь ни умомъ, ни образованіемъ, оказались не въ состояніи возвыситься до болѣе широкаго пониманія государственныхъ задачъ, но всегда привыкли слѣдовать буквѣ велѣній Императора, а не духу ихъ. Павелъ I вскорѣ же раскаялся въ своей вспыльчивости по отношенію къ Ростопчину. Всемогущество Палена начинало его тяготить и даже пугало подозрительнаго монарха. Существуетъ разсказъ, очень характерный, хотя и похожій на анекдотъ, что въ одну изъ такихъ минутъ онъ, тайкомъ отъ Палена, написалъ своему старому любимцу письмо, въ которомъ просилъ забыть обиду и немедленно вернуться въ Петербургъ. Но такъ какъ это письмо было отправлено по почтѣ, оно не миновало рукъ графа Палена. Послѣдній на слѣдующее утро показалъ его самому Императору, заявивъ, что подъ его руку поддѣлываются враги. Смущенный, Императоръ принужденъ былъ промолчать, дабы не показать, что онъ самъ былъ авторомъ этого письма. Такимъ образомъ попытка эта успѣха не имѣла. Впрочемъ, извѣстна и другая версія, согласно которой Имп. Павлу удалось переслать Р. короткую записочку, состоявшую всего изъ пары строкъ: „Возвращайтесь немедленно; вы мнѣ крайне необходимы. Павелъ". Согласно этой версіи, Ростопчинъ поспѣшилъ исполнить желаніе своего государя, но едва успѣлъ онъ пріѣхать въ Москву, какъ тамъ уже стало извѣстно о скоропостижной смерти Павла I. Прямолинейный по своей натурѣ Ростопчинъ тѣмъ съ бо̀льшимъ осужденіемъ отзывался о тогдашнихъ событіяхъ придворной жизни, что къ покойному Государю онъ былъ дѣйствительно искренно привязанъ и сохранилъ это чувство до конца своей жизни. Онъ не воздерживался отъ рѣзкихъ осужденій какъ всей партіи Палена, такъ и самого Александра Павловича, а такъ какъ сужденія эти не оставались для послѣдняго тайной, то и помимо прочихъ причинъ они должны были отдалять Ростопчина отъ молодого Государя. Извѣстно, напр., что до свѣдѣнія Александра Павловича дошло письмо Ростопчина, писанное имъ въ 1806 г. своей свояченицѣ княгинѣ Голицыной, въ которомъ онъ высказывалъ увѣренность, что Аустерлицкое пораженіе явилось „божескимъ наказаніемъ" за 12-ое марта. Но помимо этого у Ростопчина съ Александромъ Павловичемъ были, конечно и старые счеты, подъ вліяніемъ которыхъ онъ, еще задолго до кончины Павла, писалъ графу Воронцову въ Лондонъ, что Наслѣдникъ его „ненавидитъ"; наконецъ, молодой государь, являвшійся во многомъ полною противоположностью своему отцу, поспѣшилъ съ первыхъ же шаговъ своего царствованія окружить себя тѣснымъ кругомъ молодыхъ сподвижниковъ, воодушевленныхъ прогрессивными стремленіями, и сперва заодно съ ними, а позднѣе рука объ руку со Сперанскимъ энергично принялся за обновленіе и переустройство большинства сторонъ государственнаго порядка. Ростопчинъ по своимъ взглядамъ и административнымъ навыкамъ совершенно не гармонировалъ съ вѣяніями новаго царствованія; онъ не сочувствовалъ большинству реформъ, проводимыхъ Александромъ I; на попытки послѣдняго приняться за разрѣшеніе крестьянскаго вопроса путемъ уничтоженія крѣпостного права смотрѣлъ съ нескрываемымъ ужасомъ, пророча Россіи всѣ бѣды и напасти, которыя пришлось пережить въ эпоху революціи Франціи; къ сподвижникамъ же Александра Павловича онъ также не могъ питать особыхъ симпатій, считая ихъ либо „мальчишками", либо выскочками, вродѣ Сперанскаго. Все это, вмѣстѣ взятое, совершенно лишило его возможности возобновить при Александрѣ I свою служебную карьеру.

Оставшись не у дѣлъ, Ростопчинъ посвятилъ свои силы дѣятельности на поприщѣ улучшенія отечественнаго сельскаго хозяйства. Такое стремленіе къ сельскому

хозяйству родилось у него, вѣроятно, не сразу, а скорѣе всего подъ вліяніемъ заботъ о приведеніи въ порядокъ его собственнаго, довольно значительнаго, но обремененнаго долгами имущества. Незадолго до выхода въ отставку при Павлѣ I Ростопчинъ пріобрѣлъ подъ Москвой (въ 50 верстахъ по старой Калужской дорогѣ) получившее впослѣдствіи, въ 1812 году, всеобщую извѣстность помѣстье Вороново (принадлежавшее затѣмъ графу Шереметеву, а нынѣ г. Сабурову). Кромѣ того, онъ располагалъ значительнымъ количествомъ земли въ Орловской и Воронежской губерніяхъ. Поселившись сперва въ Вороновѣ, Ростопчинъ предался разнаго рода хозяйственнымъ заботамъ и вскорѣ дѣйствительно упорядочилъ свои дѣла. Но, не довольствуясь достигнутыми результатами, а быть можетъ и тяготясь однообразіемъ деревенской жизни, Р. вскорѣ рѣшилъ повести свое хозяйство шире, сдѣлавъ его нѣкоторымъ образомъ образцовымъ; съ этой цѣлью онъ сталъ разводить сперва у себя въ Вороновѣ, а затѣмъ и въ другихъ своихъ имѣніяхъ хорошія породы скота, выписывая изъ Англіи овецъ и барановъ, съ сѣвера Россіи — рогатый скотъ, а изъ Англіи и Аравіи скаковыхъ лошадей. Вскорѣ у него образовался конный заводъ въ селѣ Вороновѣ (основанъ въ 1802 г.); позднѣе другой такой же заводъ былъ учрежденъ имъ въ селѣ Аннѣ, Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи, куда въ 1812 г. были переведены и всѣ лошади Вороновскаго завода. Относясь серьезно къ конскому спорту, Р. ставилъ цѣлью своей дѣятельности на этомъ поприщѣ полученіе такой породы лошадей, которая, обладая высокими качествами англійскихъ и арабскихъ скакуновъ, въ то же время всего лучше отвѣчала бы условіямъ Русскаго коннозаводства. Въ качествѣ коннозаводчика Р. часто не шелъ вслѣдъ за другими, а примѣнялъ имъ самимъ продуманные методы и пріемы, въ результатѣ примѣненія которыхъ выпускаемыя имъ лошади дѣйствительно отличались нѣкоторыми настолько своеобразными качествами, что даже создалась особая порода ихъ, извѣстная подъ именемъ „Ростопчинской“, пользовавшаяся довольно долго заслуженной славой и не однократно побѣждавшая на скачкахъ и бѣгахъ. Аннинскій заводъ Ростопчина продолжалъ существовать до самой смерти Р., а затѣмъ перешелъ во владѣніе его сына графа Андрея Ѳедоровича Ростопчина и послѣднимъ былъ проданъ въ 1845 г. Главному Управленію Государственнаго Коннозаводства въ количествѣ 240 головъ.

Помимо конскаго завода, какъ мы уже упоминали, Р. заботился и о разведеніи и улучшеніи породъ домашнихъ животныхъ, при чемъ его преимущественное вниманіе было обращено, однако, не на нихъ, а на улучшеніе и развитіе всей вообще техники сельскаго хозяйства. Имѣя это въ виду, онъ не только производилъ самъ опыты по усовершенствованію русской простой сохи, по устройству разнаго рода молотилокъ, но и задался цѣлью создать у себя въ имѣніи образцовую школу сельскаго хозяйства, въ которой какъ его собственныя крестьяне, такъ и крестьяне сосѣднихъ помѣщиковъ могли бы получать элементарное, но по возможности всестороннее знакомство съ основными правилами сельскаго хозяйства. Такая школа позднѣе была дѣйствительно основана имъ въ Вороновѣ; преподаваніе въ ней было поручено двумъ шведамъ: Паттерсону и Гумми. Съ поступавшихъ въ нее чужихъ крестьянъ взималась самая малая плата; ученики могли пріобрѣтать на льготныхъ для себя условіяхъ усовершенствованныя орудія, а также образцы сѣмянъ и удобреній. Срокъ обученія не превышалъ восьми мѣсяцевъ. Во время жизни въ Вороновѣ Р. сохранялъ за собой руководство дѣятельностью этой школы, удѣлялъ ей не мало заботъ и попеченій и даже попробовалъ выступить въ печати съ пропагандой своихъ сельско-хозяйственныхъ затѣй, защищая, между прочимъ, отечественную соху въ противовѣсъ англійскому плугу. Въ этомъ первомъ выступленіи Р. уже чувствуется его привязанность ко всему русскому и протестъ противъ иностранныхъ новшествъ: „То, что содѣлалось въ другихъ земляхъ вѣками и отъ нужды, мы хотимъ посреди изобилія у себя завести въ годъ. Теперь проявилась скоропостижно мода на англійское земледѣліе, и англійскій фермеръ столь же начинаетъ быть нуженъ многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французскій эмигрантъ, итальянскія въ домахъ окна и скаковыя лошади въ запряжку“. Одновременно съ этимъ не прекращалъ онъ и своихъ собственныхъ хозяйственныхъ занятій, ради которыхъ

часто вставалъ въ пятомъ часу утра, проводилъ цѣлые дни въ полѣ, то пробуя засѣвать озимый ячмень, американскій овесъ, сирійскую и мексиканскую пшеницу, то производя опыты по уноваживанію полей землей изъ пруда или купоросной кислотой. Одно время онъ такъ измучился отъ заботъ и хлопотъ, что, въ связи съ запутавшимися дѣлами, хотѣлъ было продать свое Вороново въ казну, дабы, благодаря этой операціи, покрыть свои долги; онъ даже сдѣлалъ кое-какіе шаги въ этомъ направленіи черезъ В. П. Кочубея, но покупка эта не состоялась,—и все осталось по старому.

Жизнь Р. въ Вороновѣ была довольно однообразной и уединенной; онъ, правда, пробовалъ развлекаться музыкой, а также позаботился обставить свой домъ, заново имъ самимъ перестроенный, возможно пышнѣе, не жалѣя средствъ на украшеніе его произведеніями искусства; но, несмотря на это, онъ и самъ почти не ѣздилъ къ сосѣдямъ, и еще рѣже принималъ ихъ у себя. Его отношенія къ крестьянамъ складывались также не всегда благопріятно. Крѣпостникъ по убѣжденію и рускій баринъ временъ Екатерины по природѣ, Р. считалъ себя „отцомъ“ своихъ крѣпостныхъ. Въ то же время онъ не былъ охотникомъ до всякаго рода новшествъ; и хотя, съ одной стороны, напр., извѣстно, что онъ простилъ своимъ крестьянамъ свыше 30.000 недоимки за забранные ими хлѣбъ, лѣсъ и т. п. предметы, но за то съ другой—ни за что не соглашался отпускать ихъ на оброкъ, грозя сослать непокорныхъ въ Сибирь. Хотя установленное имъ обложеніе не было слишкомъ тяжелымъ, однако, крестьяне тяготились имъ. Но сельское хозяйство все же не могло захватить Ростопчина всецѣло; даже отдаваясь ему, онъ не переставалъ надѣяться, что его устраненіе отъ государственной службы лишь кратковременно и вплоть до 1812 г. предпринималъ цѣлый рядъ попытокъ приблизиться къ Александру Павловичу. Одна изъ первыхъ такихъ попытокъ его относится къ тому моменту, когда Россія въ 1806 году очутилась передъ возможностью кроваваго столкновенія съ Наполеономъ. Изданный Александромъ I манифестъ объ учрежденіи по губерніямъ ополченія, породилъ у Ростопчина надежду, что молодой Государь, принужденный тяжелыми обстоятельствами, долженъ будетъ вспомнить о вѣрныхъ слугахъ своего отца,—и онъ счелъ поэтому умѣстнымъ напомнить ему о себѣ письмомъ отъ 17-го декабря 1806 года, стараясь обратить его вниманіе на опасность, которую могли представить оставшіеся въ Россіи иностранцы, поспѣшившіе принять Русское подданство. По его мнѣнію, всѣ они почти поголовно являлись тайными врагами Россіи и были заняты пропагандой освободительныхъ идей среди крѣпостного населенія, которое, по словамъ графа, „уже ждетъ Бонапарта, дабы быть вольными“. Для прекращенія этой пропаганды, а равно и въ цѣляхъ поддержанія дворянскаго сословія, Р. просилъ Александра I: „Исцѣлите Россію отъ заразы и, оставя лишь духовныхъ, прикажите выслать за границу сонмище ухищренныхъ злодѣевъ, коихъ пагубное вліяніе губитъ умы и души несмыслящихъ подданныхъ вашихъ“. Одновременно съ этимъ письмомъ Р. рѣшилъ выступить также въ качествѣ народнаго трибуна, чтобы бороться съ увлеченіемъ верховъ Русскаго общества французскимъ языкомъ, искусствомъ, нравами, воспитаніемъ и т. д. Съ этой цѣлью онъ написалъ въ Москвѣ въ 1807 г. небольшую статейку, носившую заглавіе „Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ“. Въ ней авторъ говоритъ устами „Ефремовскаго дворянина, отставного подполковника Силы Андреевича Богатырева“, который никакъ не можетъ понять близорукости своихъ соотечественниковъ, въ особенности молодежи, не только одѣтой, обутой по-французски, но и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ французской“, которой „отечество—на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное—въ Парижѣ“. Основная мысль автора высказана имъ въ самомъ началѣ брошюры: „Господи помилуй! Да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? не пора ли намъ опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: Сгинь ты, дьявольское навожденіе“. Бичуя подражательность Русскихъ людей, авторъ не забывалъ и французовъ и изливалъ на нихъ потоки своего желчнаго остроумія: „Что за народъ эти французы!“, восклицалъ онъ: „копѣйки не стоятъ, смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху, ни совѣсти нѣтъ... во французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и

сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ — разбойники...“ Особенно сильна была его ненависть къ Наполеону, котораго онъ сравнивалъ съ угорѣлой кошкой, мечущейся изъ угла въ уголъ. „Что за Александръ Македонскій“, восклицалъ по адресу Бонапарта авторъ: „Мужчинишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья. Разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ лѣзетъ впередъ на русскихъ...“

Въ такомъ духѣ, „простымъ“ слогомъ былъ составленъ весь памфлетъ Ростопчина, вызвавшій въ свое время оживленные споры и толки. Его съ особымъ сочувствіемъ приняли въ Москвѣ въ купеческой средѣ. Самъ графъ не рѣшался первоначально выпустить въ широкій свѣтъ свой литеретурный опытъ, который ходилъ по рукамъ лишь въ спискахъ. Но одинъ изъ списковъ попалъ въ Петербургъ и тамъ былъ отпечатанъ, при чемъ издатель внесъ въ него кое-какія поправки. Между прочимъ была, къ негодованію Р., добавлена похвала по адресу главнокомандующаго русской арміей въ 1807 году Л. Л. Беннигсена, котораго самъ Ростопчинъ сознательно обошелъ молчаніемъ, такъ какъ не могъ ему простить его участія въ заговорѣ противъ Павла I. Появленіе памфлета въ печати вызвало рядъ сочувственныхъ отзывовъ, — между прочимъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; но на ряду съ благожелательнымъ отношеніемъ встрѣчались и возраженія, при чемъ въ вину Ростопчину ставили главнымъ образомъ излишнія рѣзкости, надъ которыми охотно смѣялись въ устной бесѣдѣ, но которыя находили неумѣстными въ печати. Самъ Р. отнесся къ успѣху своего памфлета нѣсколько иронически: „Ба! Опять въ честь попалъ; смотри, пожалуй; дай Богъ, чтобъ въ прокъ пошло!“—писалъ онъ послѣ появленія сочувственной замѣтки въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Но успѣхъ перваго опыта все же окрылилъ его надежды, такъ какъ давалъ во всякомъ случаѣ исходъ его вынужденному восьмилѣтнему устраненію отъ общественной дѣятельности. Въ слѣдующемъ же году Р. выступилъ съ новымъ произведеніемъ въ прежнемъ духѣ, но на этотъ разъ съ комедіей въ одномъ дѣйствіи: „Вѣсти или Убитой-живой“. Комедія была представлена имъ Дирекціи Имп. Московскаго театра и въ первый разъ была сыграна 2-го февраля 1808 г. Въ ней Р. вывелъ опять-таки того же С. А. Богатырева, какъ представителя старой Россіи, противопоставляя его „модникамъ, сплетницамъ и зараженнымъ заморскими проказами“. Олицетвореніемъ сплетни являлась въ ней Маремьяна Бабровна Набатова, на пустозвонствѣ и преувеличеніяхъ которой авторъ построилъ фабулу своей комедіи. Особыми литературными достоинствами послѣдняя не отличалась, являясь скорѣе разсужденіемъ въ лицахъ, чѣмъ драматическимъ произведеніемъ; впрочемъ, и самъ авторъ преслѣдовалъ гаавнымъ образомъ публицистическія цѣли, пропаганду своихъ патріотическихъ взглядовъ. Его alter ego—Богатыревъ произносилъ цѣлые монологи, въ которыхъ между прочимъ, такъ опредѣлялъ свою любовь къ родинѣ: „Я люблю все русское, и если бы не былъ, то желалъ бы быть русскимъ, ибо ничего лучше и славнѣе не знаю: это брилліантъ между камнями, левъ между звѣрями, орелъ между птицами...“ Въ новомъ произведеніи Ростопчина имъ было допущено не мало намековъ на тогдашніе нравы и привычки высшихъ круговъ русскаго общества; комедія поэтому многихъ уколола не въ бровь, а въ глазъ и многимъ не понравилась. Верхніе ярусы театра встрѣтили ее сочувственно, публика же ложъ и креселъ отнеслась къ ней далеко не благосклонно, справедливо замѣчая, что многое въ пьесѣ утрировано и пересолено. Въ Московскомъ театрѣ пьеса Ростопчина пошла только одинъ разъ, но сценическая неудача объясняется не столько длинностой дѣйствія и однообразіемъ его развитія, сколько отмѣченнымъ выше неудовольствіемъ извѣстной части современнаго автору Московскаго общества, которая считала себя задѣтою сильно его перомъ и на его сатирическія выходки смотрѣла, какъ на личности.—Р. пытался-было оправдываться и съ этой цѣлью опубликовалъ въ томъ же году два составленныхъ имъ письма: 1) „Письмо Вѣникова къ Силѣ Андреевичу Богатыреву“ и 2) „Отвѣтъ Силы Андреевича Богатырева Устину Ульяновичу Вѣникову“. Эта литературная дѣятельность если и не доставила Р. славы писателя, то все же заставила вновь заговорить о немъ. Впрочемъ, его писанія не ограничивались только-что перечисленнымъ. Помимо появившихся въ печати, онъ составлялъ на досугѣ не

мало другихъ ѣдкихъ памфлетовъ и комедій, выводя въ нихъ, подъ разными именами, многихъ изъ своихъ современниковъ; но всѣ эти произведенія, по свидѣтельству А. Я. Булгакова, обыкновенно прочитывались только въ тѣсномъ кругу знакомыхъ графа и тотчасъ же, во избѣжаніе огласки, предавались сожженію. Только одна повѣсть „Охъ, французы!“ избѣгла этой участи. Оцѣнивая вообще участіе графа Ростопчина въ литературномъ движеніи того времени, нельзя не замѣтить, что онъ почти всегда прокладывалъ самостоятельно дорогу, избѣгая подражаній модньмъ теченіямъ и направленіямъ, а его оригинальная манера писанія довольно замѣтно выдѣляется на общемъ, довольно блѣдномъ фонѣ подражательной литературы того времени.

Нельзя сказать, чтобы литературныя выступленія Ростопчина остались безъ всякаго вліянія на тогдашнее Русское общество; они, быть можетъ, не вполнѣ достигали той цѣли, какую преслѣдовалъ ихъ пылкій авторъ, но все же производили извѣстное впечатлѣніе и мало-по-малу выдвинули самого Р. на авансцену общественной жизни. Между прочимъ, надо отмѣтить, что успѣхъ литературныхъ выступленій графа Ростопчина окрылилъ надеждами С. Н. Глинку и послужилъ толчкомъ, заставившимъ его взяться за изданіе „Русскаго Вѣстника“. Самъ Р. также близко интересовался этимъ изданіемъ и даже принялъ въ немъ участіе, выступивъ въ одномъ изъ первыхъ номеровъ журнала съ открытымъ письмомъ къ издателю „Русскаго Вѣстника“.

Вокругъ Р. въ Москвѣ постепенно стали группироваться нѣкоторые элементы Московскаго общества, но объединяла всѣхъ этихъ лицъ не столько привязанность къ старинѣ, сколько недовольство тѣмъ характеромъ правительственной политики, которой оставался вѣренъ Александръ I, — по крайней мѣрѣ въ первую половину своего царствованія. Ростопчинъ же, почувствовавъ у себя подъ ногами нѣкоторую почву, рѣшилъ снова сдѣлать попытку добиться довѣрія Александра. На этотъ разъ онъ рѣшилъ прибѣгнуть для этого къ посредничеству княгини Дашковой, жившей въ то время въ Москвѣ, и любимой сестры государя — Великой Княгини Екатерины Павловны. Послѣдняя была особенно расположена къ Р. и, благодаря ея настояніямъ, Александръ I не только постарался скрыть свое нерасположеніе къ Ростопчину, такъ какъ все еще не могъ простить ему его откровенныхъ писемъ, но и позволилъ ему представиться во время его посѣщенія Москвы въ декабрѣ 1809 года. В. К. Екатеринѣ Павловнѣ удалось даже настоять на томъ, чтобы Императоръ поручилъ Р. обревизовать и представить отчетъ о состояніи Московскихъ богоугодныхъ заведеній. Александръ I отнесся тогда вообще довольно милостиво къ Ростопчину и, между прочимъ, назначилъ его старшаго сына Сергѣя камеръ-пажемъ. Можно себѣ представить, съ какимъ рвеніемъ принялся Р. за выполненіе скромной, но окрылявшей его надеждами на лучшее будущее задачи. Представленный имъ въ началѣ 1810 года отчетъ отличался рѣдкой обстоятельностью и продуманностью. Р. совѣтовалъ въ немъ завести въ смирительномъ домѣ, наряду съ ткацкой фабрикой, кузнечныя и столярныя работы, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшія преслѣдуемымъ тюрьмой цѣлямъ исправленія, обращалъ вниманіе, что продолжительное неподвижное пребываніе въ острогѣ при спертомъ воздухѣ быстро разрушаетъ здоровье и только пріучаетъ къ лѣни; лицъ же, не приписанныхъ къ помѣщикамъ и попавшихъ въ тюрьму за кражи, онъ совѣтовалъ сдавать въ солдаты. Къ отчету своему Ростопчинъ приложилъ письмо на имя Государя, въ коемъ заявлялъ, что нашелъ въ тюрьмахъ не мало случаевъ неправосудія и имѣлъ возможность убѣдиться, какъ часто „лѣнь, корысть и плутовство останавливаютъ, даже уничтожаютъ силу законовъ“. Поэтому онъ просилъ Александра I разрѣшить ему лично сноситься съ различными учрежденіями, если ему придется и въ будущемъ наталкиваться на „злоупотребленія, притѣсненія, явное нарушеніе законовъ и упущеніе пользы государственной“. Эта просьба его, однако, не была уважена, хотя, въ награду за произведенную ревизію, Александръ I назначилъ его, 24 февраля 1810 г., оберъ-камергеромъ, но съ правомъ числиться въ отпуску и не пріѣзжать въ Петербургъ; обязанности же, связанныя съ его званіемъ, были поручены старшему оберъ-камергеру А. Л. Нарышкину.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ бездѣйствіе Ростопчина не прекратилось. Та-

кое отношеніе Александра къ Ростопчину продолжалось до самаго нашествія Наполеона на Россію.

При первыхъ тревожныхъ признакахъ приближенія новой войны съ французами Ростопчинъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и предложилъ себя Государю, „не избирая напередъ никакого назначенія или мѣста, но чтобы находиться при его особѣ". Вмѣстѣ съ собою онъ взялъ и своего старшаго сына Сергѣя, камеръ-пажа, чтобы зачислить его въ армію. Государь принялъ Ростопчина довольно милостиво, назначилъ его сына, тогда всего въ чинѣ гусарскаго поручика, адъютантомъ къ Герцогу Ольденбургскому, говорилъ съ нимъ долго и подробно о своей рѣшимости повести смертельную борьбу съ Наполеономъ и не только исполнилъ его просьбу, зачисливъ его состоящимъ при своей особѣ, но и рѣшился довѣрить ему весьма отвѣтственный постъ Московскаго Главнокомандующаго. Дѣлая это, Александръ I не только преодолѣвалъ свое давнишнее нерасположеніе къ Ростопчину, но сознательно привлекалъ его къ себѣ, какъ представителя партіи „старыхъ русскихъ", содѣйствіемъ которой ему необходимо было заручиться въ то критическое для Россіи время. Графъ Ростопчинъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей этой партіи; общественное мнѣніе Москвы давно на него указывало; за него же усиленно хлопотала Великая Княгиня Екатерина Павловна, а также и многія вліятельныя лица въ Петербургѣ. На Ростопчина, какъ на достойнаго замѣстителя слишкомъ дряхлаго, а потому не годившагося быть Главнокомандующимъ Москвы въ трудное время графа Гудовича Александру I указывалъ и Великій Князь Константинъ. Императоръ пригласилъ Р. къ себѣ въ кабинетъ послѣ обѣда и тамъ, послѣ ряда настояній, убѣдилъ его принять на себя эту должность. „Императоръ настаивалъ", пишетъ самъ Ростопчинъ, „осыпая меня похвалами... и, видя, что я съ трудомъ поддаюсь его убѣжденіямъ, заключилъ наконецъ словами: Я этого желаю. Это уже было приказаніе, и я уступилъ покорно". Согласившись на назначеніе, Ростопчинъ хотѣлъ получить точную инструкцію, на которую бы могъ опереться въ своей предстоящей дѣятельности, но Александръ I уклонился отъ этого, заранѣе соглашаясь на утвержденіе ряда проектовъ Ростопчина. Послѣдній, такимъ образомъ, долженъ былъ руководствоваться лишь общимъ Положеніемъ о губерніяхъ, которое приравнивало должность Московскаго Главнокомандующаго къ должности генералъ-губернатора. Между Государемъ и Ростопчинымъ было рѣшено хранить въ тайнѣ это предположеніе до отставки графа Гудовича. По возвращеніи въ Москву, въ концѣ марта, Ростопчинъ нѣкоторое время былъ занятъ исполненіемъ нѣкоторыхъ частныхъ порученій и въ томъ числѣ заботами по устройству мастерской для изготовленія управляемаго аэростата. Отставка Гудовича послѣдовала только въ концѣ мая и вслѣдъ затѣмъ въ Вильнѣ 24-го мая Государь подписалъ указъ, коимъ Р. былъ назначенъ Московскимъ Военнымъ Губернаторомъ. Назначеніе это нѣсколько разнилось отъ первоначальнаго предложенія Александра Павловича—занять постъ Главнокомандующаго въ Москвѣ; оно кромѣ того не соотвѣтствовало ни прежнимъ должностямъ Р., ни его званію оберъ-камергера и, наконецъ, должно было поставить его въ странныя отношенія съ Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, равнымъ съ нимъ по должности. Одновременно съ этимъ указомъ Александръ I писалъ Ростопчину по поводу вынужденной нѣкоторой отсрочки его назначенія: „Только долгъ приличія, которое я долженъ былъ сохранить въ отношеніи фельдмаршала, замедлилъ ваше назначеніе... Я полагаюсь на васъ и льщу себя увѣренностью, что вы оправдаете мое довѣріе". Но уже черезъ нѣсколько дней послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, отъ 29-го мая 1812 г., коимъ Ростопчинъ назначался Главнокомандующимъ въ Москвѣ при чемъ переименованъ былъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Было ли первое назначеніе случайною ошибкой, тотчасъ же исправленной, или же сдѣлано было Александромъ I сознательно, но Ростопчинъ, повидимому, былъ нѣсколько оскорбленъ первымъ своимъ назначеніемъ и, получивъ вскорѣ Высочайшее повелѣніе, въ которомъ онъ назывался уже „Главнокомандующимъ", рѣшилъ выждать оффиціальнаго опубликованія новаго своего назначенія. Объ этомъ онъ писалъ въ сдержанномъ тонѣ Имп. Александру Павловичу отъ 4-го іюля. Но вскорѣ повелѣніе Государя о его назначеніи было обнародовано,—и недоразумѣніе такимъ образомъ было устранено. Еще до оффиціальнаго назна-

ченія Ростопчина на постъ Главнокомандующаго ему пришлось сыграть нѣкоторую роль въ нашумѣвшей въ свое время исторіи устраненія и ссылки Сперанскаго. Роль Ростопчина въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ не вполнѣ разъяснена, но отрицать ее совершенно, какъ это пытался сдѣлать онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ, невозможно. Уже само назначеніе Ростопчина, который ненавидѣлъ Сперанскаго и выражался о немъ не иначе, какъ „le misérable Speransky", состоялось подъ вліяніемъ противной послѣднему партіи.

Московскимъ населеніемъ назначеніе Ростопчина на отвѣтственный постъ Главнокомандующаго было встрѣчено различно. Въ то время, какъ одни изъ современниковъ находили, что „Александръ I былъ вдохновленъ свыше, когда въ преемники графу Гудовичу выбралъ графа Ростопчина и всѣ жители Москвы чрезвычайно этому обрадовались...",—другіе отзывались о Ростопчинѣ болѣе сдержанно, не довѣряя его опытности, такту и административнымъ талантамъ. Но первые же шаги Ростопчина на новомъ поприщѣ помогли ему расположить въ свою пользу общественное мнѣніе. Прежде всего онъ позаботился о томъ, чтобы стать доступнымъ населенію, позволяя каждому приходить къ нему съ нуждами и жалобами; въ эти жалобы онъ старался вникать подробно, часто самолично производилъ разслѣдованія. Подчиненныхъ своихъ онъ встрѣтилъ сурово, строго, нѣкоторыхъ даже отправилъ, за провинности по службѣ, подъ арестъ; довольно часто производилъ объѣзды города, обращая вниманіе на непорядки и быстро ихъ исправляя. Вскорѣ Ростопчинъ пріобрѣлъ славу дѣятельнаго и неутомимаго начальника. Знаніе народной массы, ея привычекъ и слабостей еще болѣе облегчало Ростопчину возможность завоевать ея симпатіи. „Двухъ дней мнѣ достаточно было, признавался онъ самъ впослѣдствіи, чтобы бросить пыль въ глаза и убѣдить большую часть жителей Москвы, что я неутомимъ и что меня видятъ повсюду". Для достиженія своихъ цѣлей—порядка и благоустройства въ столицѣ — Р. не останавливался и передъ крутыми мѣрами прибѣгая, напр., къ палочной расправѣ, къ высылкамъ, тюрьмѣ по однимъ только подозрѣніямъ, не вполнѣ провѣреннымъ; все это не вредило его популярности. Онъ сознательно стремился къ этой популярности, объ ней постоянно писалъ Государю, ей же много удѣлилъ мѣста и въ своихъ воспоминаніяхъ о 1812 годѣ, но стремился онъ къ ней, по его словамъ, не какъ къ завѣтной цѣли, а какъ къ средству для осуществленія другихъ плановъ—охраны Москвы и спасенія Россіи. „Я очень хорошо понималъ", говоритъ онъ,—что Москва послужитъ примѣромъ для всей Россіи, и употребилъ всѣ старанія, чтобы пріобрѣсть довѣріе и расположеніе ея жителей. Необходимо было, чтобы Москва служила указателемъ, маякомъ и электрическимъ очагомъ". Ростопчинъ реорганизовалъ тайную полицію, усиливъ главнымъ образомъ надзоръ за Московскими масонами и мартинистами,—вѣрнѣе же говоря за послѣдними представителями Новиковскаго кружка, значеніе которыхъ Ростопчинъ сильно переоцѣнивалъ, считая ихъ политическою партіей, чуть ли не заговорщиками, способными на измѣну и осуществленіе государственнаго переворота, тогда какъ на самомъ дѣлѣ лица, отданныя имъ подъ тайный надзоръ, ограничивались посѣщеніями масонскихъ собраній. Поставивъ своей цѣлью во что бы то ни стало открыть ихъ козни и помѣшать осуществленію ихъ „преступныхъ" намѣреній, Р. довольно долго не имѣлъ, однако, никакого повода вмѣшаться въ ихъ дѣятельность и начать противъ нихъ преслѣдованія. Но даже и это обстоятельство въ глазахъ Ростопчина играло роль улики противъ Московскихъ мартинистовъ: онъ заключилъ отсюда и даже доносилъ объ этомъ Государю, что мартинисты притихли съ цѣлью присмотрѣться къ его управленію, чтобы потомъ, соображаясь съ нимъ, приступить къ своей разрушительной дѣятельности. Особенно вредными въ этомъ отношеніи онъ считалъ попечителя Московскаго Университета Павла Ив. Голенищева-Кутузова, подозрѣвая его даже въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, а также Московскаго Почтъ-Директора Ѳ. П. Ключарева и одного изъ его помощниковъ—Дружинина. Въ это время совершенно неожиданно въ его руки попали ходившіе въ Москвѣ по рукамъ два рукописныхъ списка воззваній Наполеона, переведенныхъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Это было, во 1-хъ) „Письмо Наполеона къ Прусскому Королю" и во-2-хъ)

„Рѣчь, произнесенная Наполеономъ къ князьямъ Рейнскаго союза въ Дрезденѣ". Въ обоихъ воззваніяхъ возвѣщался походъ на Россію, а во второмъ изъ нихъ Французскій Императоръ хвастливо заявлялъ, что не пройдетъ и 6 мѣсяцевъ, какъ двѣ сѣверныя столицы Европы будутъ у его ногъ. Въ этихъ переводахъ, конечно, не было ничего преступнаго (хотя иностранныя газеты, изъ которыхъ были заимствованы эти воззванія, и не были пропущены Русской цензурой), но Ростопчинъ постарался придать этому открытію какую-то особую, чрезвычайную важность. Имъ тотчасъ же было произведено разслѣдованіе, черезъ Московскаго оберъ-полиціймейстера Ивашкина, въ результатѣ котораго выяснилось, что переводчикомъ воззваній является молодой человѣкъ, сынъ Московскаго 2-й гильдіи купца Верещагина, а переписчикомъ воззваній — губернскій секретарь Мѣшковъ. Оба они были тотчасъ же арестованы, заключены подъ стражу и преданы суду. Первоначальное слѣдствіе не дало въ руки Ростопчина, усердно наблюдавшаго за его ходомъ, никакихъ нитей воображаемаго имъ заговора, но совершенно случайно пристегнуло къ дѣлу Верещагина Московскаго Почтъ-Директора Ключарева. Ростопчинъ, давно уже косившійся на послѣдняго, теперь окончательно увѣрился въ его неблагонадежности и рисовалъ Ключарева въ своихъ письмахъ къ Государю въ самомъ ужасномъ видѣ. Такъ какъ заграничныя изданія могли попасть въ Россію скорѣе всего черезъ Почтамтъ, то одною изъ первыхъ мѣръ Ростопчина было выяснить, кто выдалъ эти газеты молодому Верещагину; но посланнаго въ Почтамтъ Полиціймейстера не пропустили туда по распоряженію Ключарева. Когда же былъ вызванъ послѣдній, онъ увелъ Верещагина въ особую комнату и тамъ долго наединѣ съ нимъ бесѣдовалъ. Это поведеніе Почтъ-Директора заставило Ростопчина поднять передъ Государемъ и тогдашнимъ исправляющимъ должность министра полиціи С. К. Вязьмитиновымъ вопросъ объ удаленіи Ключарева съ занимаемаго имъ поста, но тщетно. Изъ разслѣдованія вскорѣ выяснилось, что Верещагинъ, какъ купецъ, не подлежитъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и дѣло его можетъ быть разрѣшено окончательно лишь Сенатомъ, пройдя первоначально черезъ Магистратъ и Палату. Черезъ обѣ эти инстанціи Ростопчину удалось чрезвычайно скоро для того времени провести дѣло, но изъ-за Сената вышли задержки, и Ростопчинъ, считая, что приговоръ долженъ быть исполненъ какъ можно скорѣе „въ виду важности преступленія, волненій въ народѣ и сомнѣній въ обществѣ", предлагалъ Александру I слѣдующее средство, которое, по его мнѣнію, должно было согласовать правосудіе съ милосердіемъ: онъ просилъ Государя прислать на его имя указъ, приговаривающій Верещагина къ смертной казни черезъ повѣшеніе, брался торжественно обставить эту экзекуцію и только въ послѣдній моментъ, на эшафотѣ, объявить осужденному о помилованіи его и о ссылкѣ его въ Сибирь въ каторжныя работы. Но Императоръ категорическими отклонилъ придуманную Ростопчинымъ мѣру и не согласился на это ни тогда, ни позднѣе, во время своего пребыванія въ Москвѣ. Онъ не согласился изъять это дѣло изъ общаго законнаго порядка судебнаго производства и ограничился лишь тѣмъ, что позволилъ Ростопчину, когда дѣло поступитъ въ Сенатъ, объявить послѣднему Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи его внѣ очереди и о немедленной постановкѣ по немъ рѣшенія. Какъ судомъ первой, такъ и второй инстанціи Верещагинъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Нерчинскъ на вѣчную каторгу. Затѣмъ приговоръ Палаты съ отзывомъ на него самого Главнокомандующаго въ Москвѣ былъ пересланъ въ Сенатъ. Графъ Ростопчинъ съ своей стороны не задержалъ этого отзыва, но, не согласившись съ рѣшеніемъ Палаты, которая признала Верещагина виновнымъ лишь въ переводѣ пасквильныхъ статей, настаивалъ, считая обвиняемаго сочинителемъ распространенныхъ имъ „дерзкихъ бумагъ", на наказаніи его кнутомъ и ссылкѣ въ Нерчинскъ. Сенатъ 19-го августа согласился съ этимъ отзывомъ Главнокомандующаго въ Москвѣ и постановилъ усилить наказаніе. Но и приговоръ Сената, согласно указу 1802 г., не могъ быть окончательнымъ и подлежалъ представленію черезъ Министра юстиціи на утвержденіе Государя.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи и оставалось это дѣло до 2-го сентября, когда, покидая Москву, графъ Ростопчинъ нашелъ способъ раздѣлаться съ Верещагинымъ (см. ниже).

Продолжая слѣдить за Московскими масонами, Р. былъ склоненъ считать ихъ виновниками безчисленныхъ, порою нелѣпыхъ слуховъ, которые стали сильно волновать Московское населеніе тотчасъ послѣ отъѣзда Государя. Слухи эти, находившіе обильную почву въ общей нервной и повышенной атмосферѣ того времени, еще болѣе должны были усиливаться по мѣрѣ того, какъ въ Москву стали прибывать въ довольно большомъ количествѣ бѣглецы изъ уже опустошенныхъ областей и приносили съ собою извѣстія о положеніи воюющихъ армій, о наступательномъ движеніи Наполеона и т. п. Къ этому присоединилась критика правительственныхъ мѣропріятій, о проявленіяхъ которой агенты Московскаго Главнокомандующаго не переставали его увѣдомлять. Ростопчинъ, не задумываясь, обвинялъ во всемъ этомъ Московскихъ мартинистовъ. Основываясь на нѣкоторыхъ перехваченныхъ письмахъ, онъ распорядился арестовать надв. сов. Дружинина, служившаго секретаремъ у Московскаго Почтъ-Директора Ключарева, и, вмѣнивъ ему въ вину критику нѣкоторыхъ правительственныхъ дѣйствій, отправилъ его въ Петербургъ къ Министру полиціи. Но арестованнаго Дружинина Ростопчинъ, при всемъ желаніи, не могъ выставить въ качествѣ главаря масоновъ; такимъ главаремъ онъ считалъ самого Московскаго Почтъ-Директора Ѳ. П. Ключарева. Уже одно то, что Дружининъ былъ его секретаремъ, въ глазахъ Ростопчина было уликой; затѣмъ то участіе, которое Ключаревъ принялъ въ Верещагинѣ, должно было еще болѣе усилить подозрительность Ростопчина. Къ этому, наконецъ, присоединилась его увѣренность, что Почтъ-Директоръ слѣдитъ за его корреспонденціей и вскрываетъ всѣ его письма. Ростопчинъ уже раньше по этому поводу просилъ Государя не посылать ему черезъ почту такихъ приказаній, которыя никому, кромѣ него, не должны быть извѣстны. Самого Ключарева онъ аттестовалъ Государю, какъ человѣка „негоднаго“, котораго необходимо устранить отъ занимаемой имъ должности. Послѣ же ареста Дружинина и не получая отвѣта отъ Государя относительно устраненія Московскаго Почтъ-Директора, Ростопчинъ рѣшилъ еще разъ повторить свои настоянія и поставить вопросъ ребромъ. „Я осмѣливаюсь просить васъ, Государь,—писалъ онъ Имп. Александру 4-го августа 1812 г.: если вы сочтете возможнымъ оставлять здѣсь еще Ключарева, назначить на мое мѣсто кого-либо другого, потому что я буду считать себя недостойнымъ долѣе занимать его“. Чтобы еще болѣе возстановить Государя противъ Ключарева и мартинистовъ, Р. въ слѣдующемъ же письмѣ своемъ, отъ 6-го августа, не остановился даже передъ тѣмъ, чтобы сообщить Александру I о циркулирующихъ по Москвѣ слухахъ, будто гибель Россіи является Божіимъ наказаніемъ за кончину Императора Павла I. „Я не сомнѣваюсь, прибавлялъ онъ отъ себя, что сочинители этой безсовѣстной молвы суть Лопухинъ, Ключаревъ, Кутузовъ и Лубяновскій, но который изъ нихъ пустилъ ее въ ходъ, этого открыть невозможно“, и, несмотря на всю смутность собственныхъ подозрѣній, онъ рѣшился еще разъ просить у Александра Павловича полномочій расправиться съ ними. „Не рѣшитесь-ли вы, Государь, для предотвращенія большихъ несчастій, приказать мнѣ сообщить этимъ господамъ, чтобы они отправлялись въ свои деревни и оставались тамъ до дальнѣйшаго распоряженія? Я обязуюсь на одного себя обратить ихъ гнѣвъ, ибо пущу въ ходъ слухъ, что я поступилъ такъ самовольно“... Но Александръ Павловичъ долго не отзывался на всѣ эти письма, такъ какъ его въ это время даже не было въ Петербургѣ: онъ уѣзжалъ въ Або для свиданія съ наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ. Ростопчинъ же, не получая отвѣта на свои предложенія, рѣшился, наконецъ дѣйствовать самостоятельно. Основываясь на новыхъ дошедшихъ до него слухахъ о какихъ-то ночныхъ собраніяхъ въ квартирѣ Ключарева, онъ 10-го августа распорядился выслать Почтъ-Директора изъ столицы въ Воронежскую губернію, а его должность впредь до новаго назначенія передать своему другу князю Циціанову. Рѣшившись на такую экстраординарную мѣру, Ростопчинъ оправдывалъ ее необходимость передъ Государемъ: „Къ этому поступку, писалъ онъ, я принужденъ былъ прибѣгнуть, какъ къ единственному средству предупредить замыслы мартинистовъ, которые доведены уже до того, что угрожали несчастіемъ Россіи и Вамъ—участію Людовика XVI“. Поступокъ Ростопчина былъ дѣйствительно необыченъ и вызвалъ переполохъ въ Петербургѣ. Тогдашній Министръ внутреннихъ Дѣлъ О. П. Козо-

давлевъ, увѣдомленный о высылкѣ Ключарева, былъ крайне пораженъ и писалъ по этому поводу Александру I: „Признаюсь... въ первомъ движеніи подумалъ я, что Почтъ-Директоръ Ключаревъ бѣжалъ изъ Москвы; ибо, не имѣя и не видя указа, ни Высочайшаго Вашего предписанія, не могъ я себѣ представить, чтобы отсутствіемъ Почтъ-Директора могла быть ссылка его и что въ какомъ бы то ни было государствѣ начальникъ города могъ кого-нибудь, а тѣмъ болѣе такого чиновника, каковъ есть Почтъ-Директоръ, отправить самовластно въ ссылку". Самъ А. Д. Балашовъ, пользовавшійся довѣріемъ Ростопчина и имъ самимъ увѣдомленный о происшествіи, былъ удивленъ не менѣе Министра внутреннихъ дѣлъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Имп. Александру I онъ заявлялъ, что его поразила рѣшимость Ростопчина, тѣмъ болѣе, что никакого явнаго преступленія Ключарева онъ назвать не можетъ. „Я опасаюсь, прибавлялъ при этомъ Балашовъ,—чтобы таковые поступки не стали иные относить насчетъ слабости правительства, попускающаго излишнему самовластію: ибо одному генералу послать въ ссылку другого генеральскаго же чина чиновника, безъ повелѣнія Государя, мнѣ кажется, иначе нельзя, какъ въ важности первой степени". Поразившую такъ Министровъ расправу Ростопчина съ Ключаревымъ и другими мартинистами слѣдуетъ объяснить съ одной стороны административными навыками Главнокомандующаго въ Москвѣ, унаслѣдованными имъ еще изъ эпохи прежняго царствованія, а съ другой—тою дозой подозрительности и даже ненависти, какую Ростопчинъ питалъ къ масонамъ, хотя въ прежнее время, находясь не у дѣлъ, онъ пытался сблизиться съ Новиковымъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что чувства эти къ мартинистамъ возникли у Ростопчина не впервые; съ дѣятельностью ихъ онъ познакомился еще при Павлѣ, который позволялъ своему любимцу знакомиться съ бумагами, хранившимися въ архивахъ Екатерины II. Въ своей „Запискѣ о мартинистахъ", составленной имъ незадолго до Отечественной войны и представленной Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, Ростопчинъ приписываетъ именно себѣ заслугу охлажденія къ мартинистамъ Павла I. „Я воспользовался, говоритъ онъ тамъ, поѣздкой наединѣ съ Государемъ въ Таврическій дворецъ и возстановилъ его противъ Лопухина, упомянувъ о письмѣ Баварскихъ мартинистовъ къ Новикову, объ ужинѣ, на которомъ бросали жребій, кому убить Екатерину II, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что разговоръ этотъ нанесъ смертельный ударъ мартинистамъ и произвелъ сильное броженіе въ умѣ Павла I, крайне дорожившаго своей самодержавной властью и склоннаго видѣть во всякихъ мелочахъ зарожденіе революціи". Послѣ этого отступленія въ эпоху предыдущаго царствованія должна стать болѣе понятной дѣятельность Ростопчина въ Москвѣ, когда ему самому пришлось столкнуться съ тамошними мартинистами. Онъ, дѣйствительно, готовъ былъ увѣрять и Александра Павловича въ томъ, въ чемъ удалось увѣрить ему его отца, и самъ рѣшался расправиться съ ними, какъ съ явными участниками чудовищнаго заговора. Помимо Ключарева Ростопчинъ видѣлъ мартиниста и въ лицѣ тогдашняго Попечителя Московскаго Университета Пав. Ив. Голенищева-Кутузова, считая его за опаснаго революціонера, находившагося въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ и мечтавшаго о низверженіи трона. Самого опальнаго уже въ то время Сперанскаго Ростопчинъ хотя и считалъ не принадлежащимъ ни къ какой изъ масонскихъ сектъ, но полагалъ, что онъ пользуется услугами послѣднихъ и держитъ ихъ въ зависимости отъ себя. Наконецъ, не менѣе серьезныя опасенія внушалъ ему и доживавшій свои дни въ Московской губерніи Н. И. Новиковъ, съ которымъ онъ нѣкогда искалъ сближенія при посредствѣ Лабзина. Не имѣя возможности придраться къ нему до занятія Москвы французами, Ростопчинъ послѣ оставленія ими Первопрестольной воспользовался первыми же неясными слухами о сношеніяхъ Новикова съ французами и предписалъ Бронницкому исправнику Давыдову разузнать и донести ему, какія сношенія были у Новикова съ чиновниками Наполеоновской арміи и не принималъ ли онъ къ себѣ въ домъ больныхъ французовъ...

Настроеніе Москвы въ описываемое время было довольно спокойнымъ, если не считать тѣхъ разнорѣчивыхъ толковъ, которые возникали повсюду и которые въ горячемъ воображеніи Ростопчина принимали видъ какого-то чудовищнаго заговора мартинистовъ. Правда, въ самой Москвѣ, главнымъ образомъ въ верхахъ общества, было

не мало лицъ, которыя относились отрицательно къ войнѣ Россіи съ Франціей. Самъ Ростопчинъ такъ характеризовалъ тогдашнее настроеніе Московской интеллигенціи: „Было всего печальнѣе, что недовольные и трусы обвиняли Императора въ томъ, что предстоявшія бѣдствія для Россіи были послѣдствіемъ нежеланія или неумѣнія предупредить или устранить третью войну съ врагомъ уже два раза побѣдившимъ насъ... Отчаяніе до того доходило, что превозносили до небесъ умъ и доблести покойнаго Императора и сожалѣли о его царствованіи". Съ этого рода толками Ростопчинъ предпочиталъ бороться даже и тогда, когда, съ приближеніемъ французовъ, уныніе стало распространяться, и продолжалъ самолично бороться съ нимъ повсюду. Онъ открыто смѣялся надъ страхами дворянскаго общества, заявляя, что, пока онъ будетъ оставаться главнокомандующимъ, онъ не отдастъ ключей Наполеону, „Ну, а если васъ заставятъ?"—спросили его однажды. — „Меня заставятъ?" — воскликнулъ Ростопчинъ и поднялся во весь свой ростъ. „Но, графъ,—пытались-было возражать ему: — вѣдь Вѣна, Берлинъ, Мадридъ..."—„Москва не будетъ имъ подражать и останется неподражаемой!.." — воскликнулъ съ пыломъ Ростопчинъ. Своимъ пыломъ онъ заражалъ другихъ; тѣмъ не менѣе, подозрительность къ настроенію Московскаго общества почти не покидала Ростопчина. Впрочемъ, по временамъ и самъ Ростопчинъ, отмахнувшись отъ призраковъ готовящагося заговора, смотрѣлъ трезво на положеніе дѣлъ; въ такія минуты, забывая о томъ, что онъ незадолго передъ тѣмъ пугалъ Александра Павловича участью Людовика XVI, онъ сообщалъ Государю, что „Москва такъ спокойна, что надо удивляться". Чтобы противодѣйствовать распространявшимся слухамъ о пораженіи Русской арміи, Р. первоначально рѣшилъ-было прибѣгать также къ помощи слуховъ, распуская извѣстія объ успѣхахъ Русскихъ войскъ; онъ старался также заподозривать всякое вновь приходившее съ театра военныхъ дѣйствій извѣстіе, подвергалъ ихъ критикѣ, надѣясь этимъ способомъ подорвать вѣру къ нимъ въ обществѣ. Но такъ какъ подобная борьба со слухами оказывалась мало дѣйствительной и ужъ совершенно никуда не годилась для противодѣйствія тому впечатлѣнію, которое производило на всѣхъ безостановочное отступленіе нашихъ армій, графъ Ростопчинъ принужденъ былъ остановиться на какомъ-либо иномъ, болѣе дѣйствительномъ средствѣ. Быть можетъ случайно, а вѣрнѣе всего благодаря своей причастности къ литературѣ, онъ напалъ при этомъ на мысль ознакомлять населеніе съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ путемъ печати, публикуя возможно чаще во всеобщее свѣдѣніе получаемыя имъ самимъ извѣстія. Такія публикаціи и воззванія для того времени были явленіемъ совершенно необыкновеннымъ и уже по одному этому должны были привлечь къ себѣ вниманіе всѣхъ. „Лишь только вышелъ,—разсказываетъ одинъ изъ современниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—изъ типографіи приказъ Государя арміямъ, какъ тучи листковъ его разлетѣлись по Москвѣ. Толпившійся на Никольской народъ подхватывалъ, перехватывалъ ихъ другъ у друга и съ жадностью читалъ". Эти листки обыкновенно составлялись не на тяжеломъ языкѣ оффиціальныхъ донесеній, мало понятномъ простому народу, а въ томъ самомъ стилѣ, въ которомъ Ростопчинъ уже испробовалъ свои силы въ 1807—1808 г.г. Объявленія эти далеко не были одинаковы: одни изъ нихъ ограничивались сухою передачей въ понятной формѣ того, что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій; другія же носили форму прокламацій, имѣвшихъ цѣлью поднять патріотическое настроеніе Московскаго населенія. Во всякомъ случаѣ всѣ они имѣли огромный успѣхъ. Такъ какъ они печатались на отдѣльныхъ листкахъ, а затѣмъ расклеивались на людныхъ улицахъ и разносились по домамъ, на подобіе театральныхъ афишъ, то за ними вскорѣ утвердилось прозвище „афишекъ", и они подъ этимъ именемъ „Ростопчинскихъ афишекъ" извѣстны и до сихъ поръ въ Русской литературѣ. Дабы обезпечить своевременное поступленіе извѣстій изъ арміи, Р. отправилъ въ Смоленскъ полицейскаго офицера Вороненко и просилъ Барклая-де-Толли сообщать тому всѣ свѣдѣнія,—какъ дурныя, такъ и хорошія,—для скорѣйшей передачи въ Москву эстафетами. Эти извѣстія дѣйствительно вскорѣ стали поступать и доводились до общаго свѣдѣнія частью въ формѣ „афишекъ", частью же на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей". Первое такое извѣстіе, о движеніяхъ Русскихъ армій у Смоленска и объ авангардномъ дѣлѣ у Молева болота

было опубликовано 2-го августа; оно сухо и безъ всякихъ прикрасъ излагало событія. Такого же характера были и многія изъ послѣдующихъ публикацій Московскаго Главнокомандующаго.

Афишки Ростопчина производили на низшіе слои горожанъ и подмосковскихъ крестьянъ очень сильное впечатлѣніе. Образный и сильный языкъ Ростопчина, не стѣснявшагося въ выраженіяхъ, приводилъ ихъ въ восторгъ и вызывалъ слезы. По словамъ С. Н. Глинки, когда въ одномъ мѣстѣ Москвы грамотей дошелъ до фразы написаннаго Ростопчинымъ „дружескаго посланія“, въ которой говорилось: „Когда дѣло дѣлать, я съ вами, на войну идти,—передъ вами, а отдыхать—за вами“, — у многихъ изъ глазъ лились слезы, на лицахъ всѣхъ пылала отважность, и всѣ въ ту минуту готовы были поднять оружіе на врага... Про самого же Ростопчина эти люди говорили, что „онъ крѣпкій слуга государевъ, онъ отецъ Москвы“. Ростопчину въ этой дѣятельности помогалъ также С. Н. Глинка, получившій черезъ него отъ Александра I 300.000 рубей на патріотическія изданія. Ростопчинъ, относившійся сперва не совсѣмъ доброжелательно къ редактору „Русскаго Вѣстника“, послѣ изъявленія этой воли Государя примирился съ нимъ и часто даже пользовался его услугами для изданія своихъ афишекъ. Когда Александръ I рѣшилъ оставить свою армію и съѣздить на нѣсколько дней въ Москву, „дабы устроить тамъ новыя войска и поднять тамошній духъ“, онъ попросилъ Аракчеева увѣдомить объ этомъ Ростопчина, который лично долженъ былъ выѣхать на встрѣчу Государю 11-го іюля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ростопчину поручалось опубликовать воззваніе Государя къ Москвѣ и подготовить къ его встрѣчѣ жителей. Проведя за работой всю ночь, Ростопчинъ успѣлъ отдать всѣ необходимыя распоряженія и не только напечатать воззваніе Александра I, но и прибавить къ нему извѣщеніе, составленное имъ самимъ, въ которомъ онъ постарался выразить причины, цѣль и надежды Государя, который ѣхалъ въ древнюю столицу, чтобы совѣщаться со своими подданными, какъ остановить и побѣдить страшнаго непріятеля. На слѣдующій день Ростопчинъ отправился вмѣстѣ съ княземъ В. С. Трубецкимъ на встрѣчу Александру I въ деревню Перхушково. Встрѣча произошла около 5 часовъ пополудни 11-го іюля; Государь около часа бесѣдовалъ наединѣ съ Ростопчинымъ, который въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ самъ разсказываетъ, что Александръ хвалилъ способъ его дѣйствій для пріобрѣтенія расположенія жителей Москвы, сообщилъ ему свое намѣреніе обратиться къ дворянству съ предложеніемъ образовать земское ополченіе. Ростопчинъ, между прочимъ, отсовѣтовалъ Государю останавливаться въ Слободскомъ дворцѣ, рекомендуя предпочесть старый Кремль. Императоръ согласился съ этимъ. Затѣмъ, взглянувъ на эполеты Ростопчина, онъ сказалъ: „здѣсь кой-чего недостаетъ“,—подразумѣвая свой вензель, т.-е. особый знакъ отличія, который въ то время имѣли только двое Главнокомандующихъ,—и прибавилъ при этомъ: „Мнѣ пріятно быть на вашихъ плечахъ“...

Три дня спустя по прибытіи Александра въ Москву, въ залахъ Слободскаго дворца должно было состояться его торжественное обращеніе къ дворянскому и торговому сословіямъ. Ростопчинъ, по порученію Государя, долженъ былъ отправиться въ это собраніе вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ А. С. Шишковымъ и еще до прибытія туда Государя прочесть какъ дворянству, такъ и купечеству манифестъ отъ 6-го іюля. При входѣ во дворецъ Ростопчинъ, указавъ своему спутнику на залу, гдѣ были собраны купцы, сказалъ: „Отсюда польются къ намъ милліоны, а наше дѣло — выставить ополченіе и не щадить себя“. Его слова, какъ извѣстно, оказались пророческими.

Растроганный самопожертвованіемъ Московскаго дворянства, которое бралось выставить въ полномъ вооруженіи 32.000 ополченія (по 10 со ста крѣпостныхъ) и содержать ихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а также значительностью суммы, собранной купечествомъ, Александръ I въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ высказалъ Ростопчину свою признательность и благодарность, сказавъ ему между прочимъ, что считаетъ счастливѣйшимъ днемъ своей жизни тотъ день, когда у него утвердилась мысль назначить Ростопчина Московскимъ Главнокомандующимъ, и въ заключеніе, прощаясь, съ чувствомъ поцѣловалъ его. Ростопчинъ, однако, далеко не раздѣлялъ всеобщаго энтузіазма, охватившаго Московское населеніе съ пріѣздомъ Государя. Будучи настроенъ болѣе трезво, онъ даже не вполнѣ сочувствовалъ рѣшенію дворянства

выставить такое значительное ополченіе: онъ считалъ болѣе правильнымъ и разумнымъ предложеніе графа Гудовича, который высказался за вооруженіе каждаго двадцать пятаго изъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ.

Покидая Москву, Императоръ Александръ поручилъ Ростопчину имѣть въ своихъ рукахъ главное руководство и надзоръ за составленіемъ ополченій всего перваго Округа. Ростопчинъ первоначально хотѣлъ отклонить отъ себя назначеніе быть во главѣ ополченія и просилъ Государя освободить его отъ этого порученія, но назначеніе осталось въ силѣ; только составленіе ополченій Тверской и Ярославской губерній было поручено Александромъ I, по пріѣздѣ его въ Тверь, генералъ-губернатору этихъ губерній Принцу Георгу Ольденбургскому. Заботы о своевременномъ составленіи и обученіи ополченія, а также о сносномъ вооруженіи его должны были отнять у Ростопчина не мало времени. Передъ отъѣздомъ Александра изъ Москвы онъ попытался еще разъ просить у Государя подробныхъ наставленій и приказаній о томъ, какъ поступать ему въ разныхъ предвидимыхъ обстоятельствахъ. Но Императоръ и на этотъ разъ уклонился отъ прямого отвѣта. Ссылаясь на трудность, связанную съ выполненіемъ его просьбы, онъ говорилъ Ростопчину: „Я даю Вамъ полную власть дѣйствовать, какъ сочтете нужнымъ. Какъ можно предвидѣть въ настоящее время, что̀ можетъ случиться? Я полагаюсь на васъ“. „Онъ... уѣхалъ,—вспоминалъ позднѣе самъ Ростопчинъ, — оставивъ меня *полновластнымъ*, вполнѣ облеченнымъ его довѣренностью и въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи импровизатора, которому задали задачу: *Наполеонъ и Москва*“. Самъ Ростопчинъ былъ, повидимому не вполнѣ доволенъ тою полнотой власти, которая ему была предоставлена Государемъ, но которая предполагала и такую же полноту отвѣтственности. Онъ не могъ не сознавать, что по многимъ вопросамъ внутренней политики и административной практики его собственные взгляды сильно расходятся отъ воззрѣній Александра I, которые поэтому неизбѣжно должны были его связывать. Посему онъ охотнѣе предпочелъ бы располагать болѣе ограниченной сферой власти, лишь бы имѣть возможность опереться на ясно выраженную волю Монарха.

Впослѣдствіи характеръ дѣятельности, проявленной Ростопчинымъ въ Москвѣ до ея занятія французами, породилъ всевозможнаго рода слухи, которые не имѣли подъ собою основаній. Многіе изъ современниковъ Отечественной войны въ своихъ воспоминаніяхъ передавали съ твердою увѣренностью, что Александръ I оставилъ Московскому губернатору подписанные бланки, которые тотъ и заполнялъ по мѣрѣ надобности. Но они, конечно, ошибались, такъ какъ Александръ I никогда и никому не ввѣрялъ такихъ бланковъ. Болѣе вѣрное объясненіе дѣятельности Ростопчина можно найти, вспомнивъ, съ одной стороны, что онъ считался „состоящимъ при особѣ Государя“—отличіе, даваемое весьма рѣдко, и потому, напр., онъ могъ позволить себѣ ту смѣлость, какою отличаются его письма къ Александру I. Съ другой же стороны, не надо забывать, что, въ бытность министромъ при Павлѣ I, ему стали знакомы всѣ пружины правительственнаго механизма, и этой освѣдомленностью, быть можетъ, и слѣдуетъ объяснять многія черты его дѣятельности въ 1812 году. Также было довольно распространено мнѣніе, будто планъ сожженія Москвы, зародившійся въ головѣ Ростопчина, былъ одобренъ Государемъ еще во время его посѣщенія Москвы. О томъ, какъ на самомъ дѣлѣ относился Александръ Павловичъ къ сожженію столицы, намъ еще придется говорить ниже; здѣсь же можно ограничиться указаніемъ на то, что во время пребыванія Александра I въ Москвѣ было бы трудно вообще загадывать о неизбѣжности такой печальной участи для столицы, такъ какъ тогда объ Русскія арміи еще не успѣли соединиться у Смоленска, не было еще извѣстно, удержатъ ли онѣ натискъ Наполеона, или же принуждены будутъ отступать далѣе, и, наконецъ, было совершенно неизвѣстно, по какому направленію думаетъ продолжать свое наступленіе самъ Наполеонъ. Впрочемъ, объ укрѣпленіи столицы на всякій случай рѣчь между Ростопчинымъ и Александромъ Павловичемъ шла; послѣдній поручилъ также Московскому Главнокомандующему принять въ случаѣ надобности мѣры по охранѣ и спасенію разнаго рода государственныхъ цѣнностей и сокровищъ, и Ростопчинъ, почти тотчасъ же по отъѣздѣ Государя, нанялъ подъ благовиднымъ предлогомъ, дабы не вызывать у населенія ни-

какихъ преждевременныхъ подозрѣній, нѣсколько барокъ въ Коломнѣ, чтобы на нихъ отправить все необходимое по рѣкѣ Окѣ. Но, исполняя эту мѣру, предписанную ему Государемъ, самъ Ростопчинъ въ это время не задумывался еще серьезно о предстоявшей Москвѣ участи. Всѣ его письма за этотъ періодъ времени дышали спокойствіемъ и были полны надеждъ на отраженіе непріятеля.

Новое назначеніе Р. на постъ начальника надъ всѣмъ ополченіемъ шести смежныхъ съ Московской губерній въ значительной степени усложнило занятія и обязанности Московскаго Главнокомандующаго. Ему предстояло все время сноситься съ гражданскими губернаторами этихъ губерній, отправляя къ нимъ курьеровъ и сообщая правила, которыми они должны были въ этомъ случаѣ руководствоваться. Ростопчинъ назначалъ также мѣсто для сбора ополченій и руководилъ ихъ перемѣщеніями и обученіемъ. Въ результатѣ этой усиленной дѣятельности, 24 дня спустя послѣ опубликованія манифеста, ополченіе всего перваго Округа было выставлено и обмундировано, но вооружить ружьями удалось лишь часть вновь составленныхъ полковъ. Всего полковъ было образовано 12, въ томъ числѣ одинъ конный, а общее число Московскихъ ополченцевъ достигало 25.834 человѣкъ. Для содѣйствія Ростопчину въ этой новой сферѣ его дѣятельности были организованы два комитета. Одинъ изъ нихъ былъ открытъ самимъ Р. на слѣдующій же день послѣ отъѣзда Государя. Въ составъ его входили лица, назначенныя Александромъ I, хотя члены этого комитета имѣли въ немъ только совѣщательный голосъ. Впослѣдствіи Ростопчинъ обвинялъ своихъ товарищей въ томъ, что они „ничего не дѣлали, только болтали и спорили съ генераломъ Апраксинымъ; этотъ постоянно вмѣшивался въ дѣла, до него не касавшіяся, предлагалъ новыя мѣры, съ которыми не соглашались, и разсылалъ приказанія, которымъ не повиновались“. Другіе современники также подтверждаютъ, что „въ ратническомъ комитетѣ возникла шаткость“. Но если Р. имѣлъ основанія быть недовольнымъ дѣятельностью только-что названнаго комитета, въ которомъ ему все же было обезпечено независимое положеніе, то еще менѣе могъ онъ мириться съ существованіемъ второго комитета, организованнаго Александромъ Павловичемъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ. Этотъ особый, высшій комитетъ по дѣламъ ополченій, учрежденный какъ для общаго наблюденія надъ всѣми окружными и губернскими комитетами, такъ и для того, чтобы придать единство ихъ дѣйствіямъ, былъ для Ростопчина уже высшей инстанціей; назначеніе въ составъ его графа Аракчеева, съ которымъ у Р. въ это время уже начались тренія, еще болѣе должно было обострить его положеніе и сильно его нервировало. „Я не ребенокъ,— говорилъ онъ самъ съ досадой по этому поводу,—и меня поздно водить на помочахъ“.

Ростопчинъ былъ также избранъ Московскимъ дворянствомъ кандидатомъ на постъ командующаго собраннымъ ополченіемъ, но, разумѣется, онъ не могъ выполнять этихъ обязанностей, продолжая оставаться Главнокомандующимъ въ Москвѣ, и вмѣсто него былъ утвержденъ Александромъ I отставной генералъ-лейтенантъ графъ Морковъ.

Выше уже говорилось, съ какой подозрительностью относился Ростопчинъ къ дѣятельности иностранцевъ, остававшихся въ Москвѣ. Подозрительность эта была въ немъ давняя, такъ какъ еще въ 1806 году онъ предостерегалъ Александра противъ козней французовъ, принявшихъ лишь для видимости Русское подданство. Такъ какъ планъ Главнокомандующаго въ Москвѣ совершенно очистить столицу отъ этого элемента не былъ одобренъ Государемъ, то Ростопчину оставалось лишь продолжать слѣдить за дѣятельностью наиболѣе безпокойныхъ членовъ французской колоніи. Еще 26-го іюня онъ обратился къ настоятелямъ двухъ католическихъ приходовъ въ Москвѣ со слѣдующимъ объявленіемъ: „Императоръ Французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи. Война началась. Зная образъ мыслей вашихъ, обращаюсь къ вамъ, милостивые государи мои, прося покорно употребить убѣдительнѣйшее средство, по мѣрѣ возможности, ко внушенію иностранцамъ прихода вашего, чтобъ они въ поступкахъ своихъ были благоразумнѣе и въ разговорахъ ограничивали себя скромностью“. Не довольствуясь этимъ и не особенно полагаясь на дѣятельность собственныхъ агентовъ, Ростопчинъ обращался также за содѣйствіемъ и помощью ко всему Московскому населенію; въ своихъ афишахъ онъ именно имѣлъ въ виду иностранцевъ, когда

просилъ, чтобы всякаго, кто начнетъ восхвалять Наполеона, тащили „за хохолъ да и на Съѣзжую“. Этотъ призывъ его былъ, разумѣется, услышанъ, и дѣло не обошлось безъ ряда недоразумѣній, которыя только благодаря случаю не окончились слишкомъ печально для нѣкоторыхъ изъ жертвъ возбужденія противъ иностранцевъ. Въ концѣ концовъ Ростопчинъ вынужденъ былъ самъ вмѣшаться въ эти дѣла: всѣхъ арестованныхъ должны были приводить къ нему и онъ самъ творилъ судъ и расправу; впрочемъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти задержанные оказывались совершенно невинными и ихъ приходилось отпускать. Особенно усилилась вражда къ иностранцамъ въ послѣдніе дни передъ занятіемъ столицы французами. Многіе уже чувствовали приближеніе роковой развязки и, безсильные ей противодѣйствовать, хотѣли выместить свою злобу, питаемую къ недосягаемому врагу, на ни въ чемъ неповинныхъ иностранцахъ. Нѣкоторыя выраженія Ростопчинскихъ афишъ лишь усиливали общее возбужденіе и озлобленіе. На этой почвѣ дважды составлялись даже заговоры о поголовномъ истребленіи всѣхъ иноземцевъ, и лишь благодаря счастливой случайности эти планы не были приведены въ исполненіе.

Заботы Ростопчина о внутреннемъ спокойствіи Москвы концентрировались все время на томъ, чтобы не дать возможности вспыхнуть какимъ-либо безпорядкамъ. Съ этой точки зрѣнія онъ подходилъ и къ воображаемому имъ заговору мартинистовъ и къ агитаціи иностранцевъ среди крѣпостныхъ. Но въ самой Москвѣ въ то время было достаточное количество элементовъ безпокойныхъ помимо мартинистовъ и иностранцевъ. Разнаго рода ремесленники, поденщики, мелкіе торговые служащіе и т. под. вплоть до трактирныхъ завсегдатаевъ и тѣхъ подонковъ населенія, которые имѣются во всякомъ большомъ городѣ,—представляли изъ себя слишкомъ горючій матеріалъ, чтобы Ростопчинъ, ставившій своей главной цѣлью спокойствіе столицы, могъ его оставить безъ всякаго вниманія. Совершенно случайно былъ открытъ цѣлый заговоръ шайки, собиравшейся устроить рядъ поджоговъ, чтобы подъ прикрытіемъ вызванной этимъ тревоги учинить грабежъ. Съ помощью денегъ Ростопчину удалось тотчасъ же раскрыть всѣ планы этой шайки, переловить ея главарей и разогнать остальныхъ участниковъ; но на мѣсто первой вскорѣ возникла другая, еще болѣе внушительная. Ростопчину пришлось поэтому поставить на ноги всю подвѣдомственную ему полицію и самому постоянно быть наготовѣ, чтобы при первыхъ же тревожныхъ извѣстіяхъ лично явиться на мѣсто происшествія. „Я позабылъ о существованіи кровати“, говорилъ онъ самъ про послѣднія недѣли своей дѣятельности въ Москвѣ; другіе современники также свидѣтельствуютъ о его неутомимой дѣятельности въ эти дни. С. Н. Глинка, часто бывавшій у Ростопчина въ разное время дня и ночи, всегда заставалъ его на ногахъ. По этому поводу онъ не удержался даже однажды отъ вопроса: „Когда къ вамъ ни заѣду... вы всегда въ военномъ сюртукѣ. Успокоенная вами Москва спитъ, а вы когда спите? Вы живете на дачѣ, а днемъ то у Тверской Божьей Матери, то въ Кремлѣ, то во всѣхъ концахъ Москвы. Вы какъ будто размножаетесь“.—„Стыдно было бы мнѣ, отвѣчалъ Глинкѣ Ростопчинъ, и дремать, и спать... Наступило мое время. Я дѣйствую въ полнотѣ моихъ силъ,—вотъ и все!“ Его энергіи Москва дѣйствительно была обязана тѣмъ, что до самаго вступленія въ нее французовъ въ ней не было ни грабежей, ни серьезныхъ безпорядковъ. Чтобы лишить участниковъ безпорядковъ легкаго способа вызвать общую тревогу, Р. отдалъ распоряженіе снять съ церковныхъ колоколовъ веревки и держать всегда на запорѣ колокольни; а такъ какъ многіе изъ послѣднихъ были ветхи, Ростопчинъ распорядился немедленно ихъ исправить. Слѣдуетъ отмѣтить, что этого рода дѣятельность Ростопчина осталась почти совершенно незамѣченной ни обществомъ, ни самимъ Александромъ I. Когда позднѣе, уже послѣ изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи, за Ростопчинымъ упрочилась слава виновника Московскаго пожара, никто и не заикнулся, что ему принадлежитъ заслуга сохраненія въ Москвѣ спокойствія и порядка, заслуга быть можетъ тѣмъ болѣе важная, что въ ту пору на Первопрестольную столицу дѣйствительно были устремлены глаза всей остальной Россіи, чутко прислушивавшейся къ настроеніямъ Московскаго общества. Только самъ Ростопчинъ, считавшій этого рода заслугу еще важнѣе первой, имъ совер-

шенно незаслуженной, отдавалъ ясный отчетъ въ значеніи достигнутыхъ имъ въ этомъ отношеніи результатовъ и, не встрѣчая себѣ воздаянія, съ грустной ироніей писалъ объ этомъ своей дочери: „Всего смѣшнѣе, что моя такъ называемая знаменитость основана на Московскомъ пожарѣ,—событіи, которое я подготовилъ, но вовсе не приводилъ въ исполненіе,—и никто ни слова не говоритъ ни о томъ, что народонаселеніе Москвы постоянно сохраняло спокойствіе, ни о героизмѣ народа".

Еще до оффиціальнаго назначенія Ростопчина Московскимъ Главнокомандующимъ его попеченіямъ былъ ввѣренъ изобрѣтатель Леппихъ, предложившій Русскому правительству соорудить управляемый аэростатъ огромныхъ размѣровъ, который былъ бы въ состояніи поднимать на воздухъ цѣлую роту солдатъ съ запасами разрывныхъ снарядовъ. Александръ Павловичъ, заинтересованный этимъ изобрѣтеніемъ, поручилъ Р. посодѣйствовать устройству гдѣ-либо подъ Москвой мастерской для этихъ работъ и просилъ доносить ему о ходѣ ихъ. Ростопчинъ довольно аккуратно выполнялъ эту обязанность, неоднократно посѣщая Леппиха, которому для опытовъ было отведено помѣщеніе въ помѣстьѣ Воронцова, въ 7 верстахъ отъ Москвы по Калужской дорогѣ. Изъ писемъ къ Александру I легко усмотрѣть, что Ростопчинъ въ то время раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими лицами увѣренность въ возможности постройки такого шара и самъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ окончанія работъ Леппиха. Черезъ руки Р. шли всѣ ассигнованія на эту затѣю, достигшія довольно значительныхъ размѣровъ; кромѣ того, Р. принималъ всевозможныя мѣры, чтобы сохранить постройку шара въ секретѣ. Съ этою цѣлью по городу онъ старательно распускалъ разнаго рода слухи, выдавая Леппиха то за фабриканта земледѣльческихъ орудій, то за поставщика пластырей для арміи. Но вскорѣ Ростопчину пришлось такъ же разочароваться въ Леппихѣ, какъ онъ увѣровалъ въ осуществимость его фантастическихъ плановъ. До 22-го августа онъ еще, однако, не терялъ этой вѣры и, готовясь приступить къ опытамъ съ шаромъ меньшихъ размѣровъ, предупреждалъ объ этомъ Московское населеніе особымъ объявленіемъ, чтобы избѣжать переполоха и кривотолковъ. Но, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, приготовленный для образца шаръ плохо наполнялся газомъ и едва былъ въ состояніи поднять двухъ человѣкъ. Донося объ этихъ неудачахъ Александру I, Р. писалъ: „Большая машина не готова, и, кажется, надо отказаться отъ надежды на успѣхъ, котораго ожидали отъ этого предпріятія. Менѣе всего, конечно, можно пожалѣть объ истраченныхъ на него деньгахъ. Леппихъ — сумасшедшій шарлатанъ..." Послѣ этой неудачи, незадолго до оставленія Москвы, Ростопчинъ поспѣшилъ отправить всѣ заготовленные для шара матеріалы и рабочихъ въ Нижній-Новгородъ, а Леппиха и его помощника Іордана — въ Петербургъ. Позднѣе, уже во время пребыванія за границей, Р. позабылъ про свое увлеченіе мечтой Леппиха и заявлялъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ ни минуты не сомнѣвался въ шарлатанствѣ этого изобрѣтателя; но въ данномъ случаѣ ему либо измѣняла память, либо имъ руководило желаніе не выставлять себя въ смѣшномъ видѣ передъ иностранцами. Предпріятіе Леппиха обошлось не дешево (свыше 150,000 рублей).

Почти съ момента назначенія на постъ Московскаго Главнокомандующаго и до конца 1812 г. Ростопчинъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Александромъ I, донося о каждомъ предпринятомъ имъ шагѣ и спрашивая согласія на большинство проектируемыхъ мѣропріятій. Имп. Александръ, занятый другими очередными заботами и часто отвлекаемый изъ Петербурга, отвѣчалъ Ростопчину довольно рѣдко. Какъ большинство писаній, исходившихъ изъ-подъ пера Ростопчина, письма его носятъ своеобразный, исключительно имъ свойственный отпечатокъ; особенно въ нихъ поражаетъ откровенность, съ какою Ростопчинъ находилъ возможнымъ бесѣдовать съ Государемъ; въ нихъ отсутствуетъ лесть, желаніе выдвинуться самому и доминируетъ преданность, забота о наилучшемъ выполненіи порученнаго ему дѣла и, пожалуй, стремленіе внушить Александру I увѣренность въ правдивости и искренности автора писемъ. Ростопчинъ, не смущаясь, сообщалъ Государю о всевозможныхъ слухахъ, ходившихъ насчетъ него. Онъ не боялся смѣло высказывать свои сужденія, порою весьма рѣзкія, о лицахъ, близкихъ Госу-

дарю или пользовавшихся его довѣріемъ. Другимъ, не менѣе примѣчательнымъ качествомъ этой переписки является ея содержательность. На небольшихъ, сравнительно, страницахъ письма Ростопчинъ успѣвалъ вкладывать столько содержанія, такъ ясно ставилъ вопросы, давалъ отвѣты, что однихъ этихъ писемъ было бы достаточно, чтобы почти цѣликомъ возсоздать всю картину его дѣятельности въ Москвѣ въ качествѣ ея Главнокомандующаго. Порою автору ихъ нельзя отказать и въ рѣдкой проницательности, съ какою онъ пытался разобраться въ развертывавшихся событіяхъ и оцѣнить создавшееся положеніе вещей.

Александръ I, уѣзжая изъ Москвы, поручилъ Р. озаботиться своевременнымъ вывозомъ изъ Москвы государственнаго имущества и сокровищъ. Мѣра эта въ то время еще не предрѣшала оставленія столицы, но принималась лишь въ благоразумной предусмотрительности, на всякій случай. Ростопчинъ тогда же, какъ сказано было выше, исполняя приказаніе Государя, нанялъ нѣсколько барокъ для этой цѣли, но, не желая вызывать безъ времени тревогу среди жителей, оставилъ ихъ въ Коломнѣ. Но когда арміи стали постепенно приближаться къ Москвѣ, т.-е., въ двадцатыхъ числахъ августа, Р. долженъ былъ, наконецъ, приступить какъ къ вывозу государственныхъ сокровищъ, такъ и къ удаленію изъ столицы присутственныхъ мѣстъ и архивовъ. Чтобы не вызвать паники населенія при видѣ заколоченныхъ присутственныхъ мѣстъ, Ростопчинъ въ одной изъ своихъ „афишекъ“ писалъ: „Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли: дѣла прибрать надобно; а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ, и деревенскихъ: я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо,—я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: французъ не тяжеле снопа ржанова“.

Съ 15-го по 30-е августа Ростопчину удалось собрать съ 9 незанятыхъ еще уѣздовъ Московской губерніи 52,000 подводъ, не считая заготовленныхъ барокъ. „Я рѣшилъ,—писалъ впослѣдствіи онъ самъ,—что при отступленіи нашихъ войскъ ихъ прибытіе въ Гжатскъ послужитъ указаніемъ къ вывозу изъ Москвы всего, что предположено было вывезть“... Кромѣ Судовъ, Сената, Военной Коллегіи, Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,—сокровища казны, Оружейной Палаты и патріаршей ризницы, монастырей Троицкаго и Воскресенскаго, да еще 96 пушекъ—были отправлены въ теченіе 10 дней въ Нижній, Казань и Вологду. Ростопчину приходилось также озаботиться упорядоченіемъ передвиженія чиновниковъ, ихъ семей и частныхъ жителей, а также и тѣмъ, чтобы во Владимірѣ и Нижнемъ-Новгородѣ обозы могли найти достаточное количество лошадей, чтобы слѣдовать далѣе. На многое, правда, при этомъ приходилось закрывать глаза, смотрѣть сквозь пальцы на злоупотребленія, но все же, благодаря личному вмѣшательству Р. въ дѣло, оно обошлось безъ особенныхъ затрудненій. Впослѣдствіи Ростопчина неоднократно упрекали въ томъ, что онъ препятствовалъ оставленію Москвы ея жителями и далеко не все вывезъ изъ столицы изъ порученнаго ему Государемъ, такъ какъ принялся за это слишкомъ поздно. Что касается первой части этого обвиненія, то она не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: изъ Москвы не запрещалось никому уѣзжать; что же касается второго обвиненія, то, дѣйствительно, надо сказать, что Ростопчинъ началъ вывозъ казеннаго имущества слишкомъ поздно.

Не мало хлопотъ доставляло Ростопчину снабженіе приближавшейся къ Москвѣ Русской арміи всѣмъ необходимымъ. Кутузовъ постоянно обращался къ нему съ безчисленными просьбами о присылкѣ подкрѣпленій, о доставкѣ провіанта, водки, пушекъ, снарядовъ и т. п. Такъ какъ въ самой Москвѣ были довольно значительные запасы всѣхъ этихъ предметовъ, то на первыхъ порахъ посылка ихъ шла довольно гладко, но съ середины августа положеніе измѣнилось, такъ какъ подрядчики стали уклоняться отъ подобныхъ поставокъ, не желая рисковать потерею своихъ лошадей, которыхъ стали забирать въ армію.

Съ 9-го августа въ Москву стали пріѣзжать первые транспорты раненыхъ и больныхъ, пострадавшихъ еще подъ Витебскомъ и при отступленіи къ Смоленску. Р. отвелъ подъ госпиталь Головинскій дворецъ, обращенный еще при Павлѣ I въ казармы, организовалъ цѣлый корпусъ врачей и фельдшеровъ и самъ постоянно на-

вѣщалъ больныхъ. Дабы обезпечить имъ необходимое продовольствіе, Р. обратился съ просьбой принять заботы о нихъ къ самому Московскому населенію: „Сюда раненыхъ привезено, писалъ Р. въ грамотахъ къ народу: они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ, посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь".

Съ назначеніемъ на постъ главнокомандующаго Кутузова сношенія между Ростопчинымъ и русской арміей еще болѣе усилились. Съ одной стороны самъ Р. склоненъ былъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, болѣе довѣрять Кутузову, чѣмъ его предшественнику Барклаю де-Толли, а съ другой—и Кутузовъ, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, былъ вынужденъ обращаться туда за множествомъ различныхъ вещей, необходимыхъ для арміи. Ростопчинъ и Кутузовъ въ это время рѣдкій день не обмѣнивались письмами, иногда даже по нѣсколько въ день. Графъ Ростопчинъ первый обратился къ Кутузову съ вопросомъ, будетъ ли тотъ защищать Москву и нуждается ли въ дальнѣйшихъ подкрѣпленіяхъ. Съ своей стороны онъ предлагалъ приступить къ вооруженію Московскаго населенія, что, по его разсчетамъ, могло составить около 80.000 человѣкъ. Отвѣтъ Кутузова на это письмо долженъ былъ успокоить Московскаго Главнокомандующаго. „Съ потерей Москвы соединена потеря Россіи", — писалъ онъ Ростопчину, но при этомъ добавлялъ, что вопросъ о томъ, потерять ли армію, или Москву — имъ окончательно еще не рѣшенъ. Съ своей стороны, онъ просилъ Р. озаботиться доставкой ему хранившагося въ арсеналѣ оружія, а также спѣшной починкой ружей, мушкетовъ и карабиновъ, необходимыхъ для вооруженія ополченій; просилъ онъ также немедленно заготовить для всей арміи сухарей; ополченіе изъ Московскихъ жителей-добровольцевъ совѣтовалъ сосредоточивать въ Можайскѣ. Занявшись спѣшно порученными ему приготовленіями и отправкой провіанта и оружія, Р. долженъ былъ сразу же столкнуться лицомъ къ лицу съ тѣмъ хаосомъ, который царилъ въ это время на большой Смоленской дорогѣ и въ самой Русской арміи. Дорога была страшно загромождена транспортами съ ранеными, обозами; чтобы возстановить хотя бы относительный порядокъ, Р. разставилъ на пространствѣ ближайшихъ 20-ти верстъ отряды формировавшихся въ Москвѣ полковъ и поручилъ имъ слѣдить за правильностью передвиженія. Въ нѣсколько дней имъ было собрано и доставлено до 10.000 ружей; началась также спѣшная заготовка и доставка сухарей съ такимъ разсчетомъ, чтобы обезпечить продовольствіе 120-ти - тысячной арміи въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Для этой цѣли имъ былъ учрежденъ особый комитетъ, который энергично приступилъ къ дѣлу: „всѣ булочники были заняты печеніемъ хлѣба, другіе рѣзали его на ломти и сушили день и ночь въ нанятыхъ для того печахъ. Каждое утро обозъ изъ 600 подводъ отправлялся отъ главнаго магазина съ сухарями и крупой для каши къ нашимъ войскамъ, и такой способъ продовольствованія для 116.000 человѣкъ продолжалъ дѣйствовать до кануна вступленія непріятеля въ Москву". Когда Кутузовъ потребовалъ присылки передъ Бородинской битвой саперныхъ инструментовъ, все требуемое также было ему доставлено на слѣдующій день. Исполняя все, что было нужно, Р. просилъ Кутузова только „принять скорѣйшія мѣры для очищенія дороги Московской отъ обозовъ и разбоевъ: безъ того цѣлые транспорты попадутъ въ руки мародерамъ и казакамъ". А въ слѣдующемъ письмѣ свою просьбу онъ подкрѣплялъ заявленіемъ, что слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за своевременную доставку провіанта: „Если за арміей будутъ происходить подобные бывшимъ безпорядки, то я вамъ ни за что отвѣчать не могу, и сношенія отъ грабежей съ столицей прервутся". Такъ какъ для обоза арміи и для организаціи подвижныхъ магазиновъ необходимы были значительныя количества лошадей, Ростопчинъ выставилъ ихъ по 1000 на каждой станціи между Москвой и Можайскомъ; благодаря послѣдней мѣрѣ, былъ положенъ конецъ тому ненормальному явленію, что подводы частныхъ лицъ задерживались въ арміи, вслѣдствіе чего многіе подрядчики отказывались отъ выполненія срочныхъ поставокъ.

Уклончивый отвѣтъ Кутузова на первое письмо Ростопчина относительно судьбы Москвы заставилъ его вторично изложить фельдмаршалу свою точку зрѣнія на этотъ

вопросъ. Онъ не желалъ въ это время допускать и мысли о возможности оставленія столицы непріятелю. Особенно опасною онъ считалъ подобную мѣру въ виду того, что изъ Москвы Наполеону будетъ легче вызвать волненія и возстаніе среди крестьянъ: „Народъ Русскій есть самый благонамѣренный; но кто можетъ отвѣчать за него тогда, когда древняя столица сдѣлается мѣстопребываніемъ сильнаго, хитраго и счастливаго непріятеля рода человѣческаго?.. Какого повиновенія и ревности ожидать въ губерніяхъ, когда злодѣй издавать будетъ свои манифесты въ Москвѣ?“ Но Кутузовъ и на этотъ разъ уклонился отъ прямого отвѣта, а какъ разъ въ это же время въ Москву пришли частныя извѣстія о дальнѣйшемъ отступленіи Русской арміи. Сильно встревоженный всѣмъ этимъ, Р. на слѣдующій же день отправилъ къ Кутузову нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ настаивалъ на прямомъ и немедленномъ отвѣтѣ: „Извольте мнѣ сказать,—писалъ онъ, выдавая необычной рѣзкостью обращенія свое нервное настроеніе,—твердое ли вы намѣреніе имѣете удерживать ходъ непріятеля къ Москвѣ и защищать городъ сей. Посему я приму всѣ мѣры: или, вооружа всѣхъ, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, что есть военнаго, направлюсь къ вамъ на соединеніе. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня, а я по смыслу его дѣйствовать буду съ вами передъ Москвой или одинъ въ Москвѣ“. Въ отвѣтъ на это нервное письмо Кутузовъ поспѣшилъ успокоить Ростопчина увѣреніями, что онъ не уклонится отъ сраженія передъ Москвой. Ростопчинъ забывалъ при этомъ, что, по закону, во время военныхъ дѣйствій „приказанія Главнокомандующаго какъ въ арміи, такъ и всѣми гражданскими чиновниками пограничныхъ областей и губерній исполняются, яко Высочайшія именныя повелѣнія“; избалованный еще при Павлѣ I быстрымъ возвышеніемъ и довѣріемъ Государя, онъ и теперь не хотѣлъ считаться со своимъ положеніемъ. Но Кутузовъ, повидимому, тогда уже понялъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Стараясь не противорѣчить Московскому Главнокомандующему, онъ соглашался въ письмахъ съ его планами и доводами, всячески избѣгая начальническаго тона и замѣняя его просьбами, и въ то же время скрывалъ отъ Ростопчина свои истинные планы и намѣренія, продолжая его увѣрять до самой послѣдней минуты въ своемъ рѣшеніи защищать Москву во что бы то ни стало.

На время Ростопчинъ готовъ былъ повѣрить успокоительнымъ увѣреніямъ Кутузова. Но постепенно, въ особенности послѣ Бородинской битвы, глаза его стали раскрываться на дѣйствительное положеніе вещей. Когда въ Москву пришло донесеніе Кутузова о Бородинской битвѣ, Ростопчинъ, по словамъ А. Я. Булгакова, воскликнулъ: „Кутузовъ называетъ это побѣдой... Дай Богъ, чтобы такъ было, но въ этомъ кровавомъ потокѣ поглощены одинаково и побѣдители, и побѣжденные. Они свое сдѣлали... теперь моя очередь... Доходятъ до Москвы, но Москва не Можайскъ. Москва—Россія! Все это ужасное бремя ляжетъ на меня. Что я буду дѣлать?“ При этихъ словахъ Ростопчинъ закинулъ обѣ руки на голову и, казалось, готовъ былъ рвать на себѣ волосы. Итакъ, уже тотчасъ послѣ Бородинской битвы у Ростопчина не могло оставаться никакихъ сомнѣній относительно судьбы, которая должна постигнуть ввѣренную его попеченію столицу; Кутузовъ, между тѣмъ, продолжалъ увѣрять, что не уступитъ Москвы Наполеону безъ новаго сраженія. Убѣдившись тогда, что фельдмаршалъ попросту ему не довѣряетъ, Ростопчинъ оскорбился и уже до конца своей жизни не могъ простить Кутузову этого недовѣрія. Былъ, впрочемъ, и цѣлый рядъ другихъ причинъ, возстановившихъ Ростопчина противъ Кутузова. Серьезное, напр., недоразумѣніе возникло между ними по поводу 80.000 новаго Московскаго ополченія, или, иначе, „Московской дружины“, выставить которую, въ случаѣ надобности, Ростопчинъ вызывался въ одномъ изъ своихъ писемъ къ фельдмаршалу. Кутузовъ принялъ въ-серьезъ это предложеніе; и когда, послѣ отступленія съ Бородинскаго поля, правому крылу Русской арміи сталъ серьезно угрожать Французскій корпусъ, онъ обратился къ Ростопчину со спѣшнымъ запросомъ, не будетъ ли въ состояніи Московская дружина выступить по направленію къ Звенигороду, чтобы воспрепятствовать обходному движенію непріятеля и защитить Москву. Но у Ростопчина въ этотъ моментъ не было ни войскъ изъ состава ополченія, такъ какъ они еще раньше всѣ

были отправлены къ арміи, ни дружины, ибо организовать ее Московскій главнокомандующій собирался лишь въ послѣдній моментъ. Такимъ образомъ получилось досадное недоразумѣніе, которое Ростопчинъ счелъ „дурною шуткой“ по своему адресу со стороны Кутузова. Но вина за это недоразумѣніе цѣликомъ ложится на самого Ростопчина, такъ какъ Кутузовъ имѣлъ всѣ основанія, зная размѣры народнаго воодушевленія, полагаться на обѣщаніе Ростопчина выставить эту дружину и даже включить ея силы въ свои стратегическіе разсчеты. Въ Москвѣ же къ этому времени оставалось не болѣе 50.000 населенія, изъ котораго едва ли можно было бы набрать болѣе 2—3 тысячъ людей, способныхъ носить оружіе. Поэтому, когда Кутузовъ предложилъ Р. выставить Московскую дружину, послѣдцему не оставалось ничего другого, какъ промолчать ему въ отвѣтъ. Ростопчинъ досадовалъ также и на другое предложеніе главнокомандующаго арміей, полученное имъ приблизительно въ это же время и состоявшее въ просьбѣ дѣйствовать вооруженной рукой противъ мародеровъ и дезертировъ, начавшихъ уже пробираться въ Москву. Онъ, опять-таки по той же причинѣ, счелъ этотъ совѣтъ за насмѣшку надъ собой, такъ какъ въ его личномъ распоряженіи въ это время уже не было никакихъ военныхъ силъ: два послѣднихъ полка ополченія, численностью до 4.000, подъ начальствомъ Миллера, ушли въ Можайскъ на подкрѣпленіе арміи. „Разъѣздовъ двумя стами драгуновъ дѣлать невозможно“,—писалъ онъ по этому поводу Министру полиціи. Съ Кутузовымъ Ростопчинъ прервалъ переписку, хотя и продолжалъ исполнять всѣ поступавшія отъ Главнокомандующаго арміями просьбы и требованія. Такъ, для прекращенія мародерства, не располагая вооруженной силой, онъ распорядился 30-го августа, чтобы главное управленіе виннымъ откупомъ прекратило отпускъ вина и спирта частнымъ торговцамъ, а полиціи приказалъ вечеромъ того же дня запереть всѣ кабаки и удалить изъ нихъ сидѣльцевъ.

Только теперь, когда отступившая Русская армія приблизилась къ Москвѣ почти на 40 верстъ и по вечерамъ можно было уже легко различать въ Западной части небосклона зарево отъ огней ея бивуака, передъ Ростопчинымъ всталъ во всей наготѣ вопросъ о неизбѣжности оставленіи Москвы безъ новаго сраженія. Только теперь онъ ясно понялъ всю несбыточность надеждъ, возлагавшихся имъ все время на Кутузова, который, конечно, не могъ снова рисковать всей арміей, не пополнивъ, какъ слѣдуетъ, ея недавняго урона. Только теперь Ростопчинъ рѣшилъ выслать изъ Москвы свою семью, съ которою до того времени онъ жилъ на дачѣ въ Сокольникахъ. Когда 30-го августа утромъ къ нему явился С. Н. Глинка и задалъ ему вопросъ, будетъ ли „сдана Москва съ кровью или безъ крови?“—Ростопчинъ отвѣтилъ ясно и категорично, что сраженія не будетъ, хотя онъ не былъ даже приглашенъ на совѣтъ, въ Филяхъ назначенный. Онъ тогда же предсказалъ, что Русская армія займетъ старую Калужскую дорогу, и тогда же обѣщалъ сжечь свое богатѣйшее помѣстье Вороново, расположенное на этой дорогѣ. Во время этого разговора съ С. Н. Глинкой Ростопчинъ въ сильномъ волненіи подошелъ къ письменному столу и „летучимъ перомъ“ написалъ „Воззваніе на Три Горы“. Подавая это воззваніе Глинкѣ и поручая ему немедленно его напечатать, Р. прибавилъ: „У насъ на Трехъ Горахъ ничего не будетъ; но это вразумитъ нашихъ крестьянъ, что имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву“. Такимъ образомъ, Ростопчинъ былъ однимъ изъ первыхъ, выдвинувшихъ необходимость партизанской войны. „Я васъ призываю,—говорилось въ этомъ воззваніи,—именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ Москвы и земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба“. Но, будучи въ это время самъ уже окончательно увѣренъ въ неизбѣжности оставленія Москвы, Ростопчинъ въ своихъ воззваніяхъ продолжалъ еще поддерживать въ населеніи противоположную увѣренность. Отправляясь на слѣдующій день на свиданіе съ Главнокомандующимъ арміями, онъ въ новомъ обращеніи своемъ къ Московскимъ жителямъ писалъ: „Я завтра рано ѣду къ Свѣтлѣйшему Князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ. Станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять. Я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, додѣлаемъ—и злодѣевъ отдѣлаемъ“.

Отправившись ва слѣдующій день рано

утромъ изъ Москвы на свиданіе съ Кутузовымъ, Ростопчинъ засталъ его, окруженнаго своимъ штабомъ, на Поклонной горѣ. Кутузовъ сидѣлъ на своей походной скамейкѣ передъ огнемъ; это было первое свиданіе двухъ дѣятелей Отечественной войны, знавшихъ до того другъ друга лишь по наслышкѣ и по дѣловой перепискѣ. Принявъ чрезвычайно учтиво Московскаго Главнокомандующаго, Кутузовъ отвелъ его немного въ сторону и въ теченіе болѣе получаса велъ съ нимъ бесѣду наединѣ. Ростопчинъ старался разузнать о дальнѣйшихъ планахъ Главнокомандующаго, но послѣдній уклонился отъ прямого отвѣта, сказавъ лишь, что, въ случаѣ нужды, онъ отступитъ съ арміей по Тверской дорогѣ, чтобы прикрыть собою Петербургъ. Р. принялся горячо возражать противъ этого плана, доказывая, что тогда Русская армія можетъ оказаться лишенной продовольствія и отрѣзанной отъ всего юга Россіи. Со своей стороны онъ совѣтовалъ Кутузову запять Калужскую дорогу, приводя всѣ доводы, говорящіе за это, и не подозрѣвая, что Кутузовъ, быть можетъ, просто не хотѣлъ посвящать его въ свои планы. По окончаніи этой бесѣды Ростопчинъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ приблизился къ остальной группѣ генераловъ, собравшихся на Поклонной горѣ, и принялъ участіе въ ихъ оживленной бесѣдѣ, вращавшейся вокругъ вопроса о предстоящемъ сраженіи. Основываясь на воспоминаніяхъ многихъ изъ участниковъ Отечественной войны, надо признать, что уже во время этихъ совѣщаній на Поклонной горѣ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ дѣлился съ другими своимъ планомъ, —разъ ужъ нельзя отстоять столицы,—оставить наступавшему врагу вмѣсто нея лишь груду развалинъ и пепла. Такъ, онъ сказалъ тогда между прочимъ А. П. Ермолову, подъѣхавшему къ Кутузову съ докладомъ о недостаткахъ избранной позиціи: „Не понимаю, для чего вы усиливаетесь непремѣнно защищать Москву, когда, овладѣвъ ею, непріятель не пріобрѣтетъ ничего полезнаго... Если безъ боя оставите Москву, то увидите ее за собою пылающею“. Еще болѣе интересный въ этомъ смыслѣ разговоръ имѣлъ тогда же Ростопчинъ съ Принцемъ Евгеніемъ Вюртембергскимъ: „Если бы меня спросили“,—заявилъ Р., подразумѣвая сдачу Москвы врагу: „я бы сказалъ: уничтожьте городъ прежде, чѣмъ отдадите его непріятелю! Но таково мое личное мнѣніе; въ качествѣ генералъ-губернатора, которому поручена охрана и благоденствіе города, я, конечно, не могу дать подобнаго совѣта“. Все это было сказано имъ громко, во всеуслышаніе. Пораженный этими словами, Принцъ Евгеній могъ только отвѣтить: „Чтобы рѣшиться на это, необходимо быть русскимъ“.

Ростопчинъ не остался въ Филяхъ до совѣта, но вскорѣ же послѣ разговора съ Кутузовымъ вернулся пѣшкомъ въ Москву, получивъ разрѣшеніе взять съ собою своего сына Сергѣя, контуженнаго въ руку 26-го августа. Печальное состояніе Русской арміи въ то время произвело на Ростопчина удручающее впечатлѣніе и еще болѣе укрѣпило его мнѣніе о необходимости оставить Москву французамъ. Однако, устраненіе его отъ обсужденія вопроса объ оставленіи Москвы, видимо, задѣло Ростопчина. Впослѣдствіи онъ высказывалъ это въ слѣдующихъ словахъ, подъ покровомъ благодарности Кутузову за то, что тотъ не пригласилъ его присутствовать на военномъ совѣтѣ: „Я точно такъ же настаивалъ бы на необходимости отступленія, и это мнѣніе было бы принято, а мое съ нимъ (т.-е., съ Кутузовымъ) согласіе только бы послужило ему оправданіемъ, что онъ отдалъ Москву непріятелю“.

Почти тотчасъ же по возвращеніи въ Москву Ростопчинъ отправилъ съ нарочнымъ письмо къ Государю, стараясь подготовить послѣдняго къ мысли о потерѣ столицы. Въ этомъ письмѣ, сообщая о всемъ, что онъ предпринялъ за послѣдніе дни, Ростопчинъ заявлялъ, что если войска оставятъ Москву въ добычу непріятелю, онъ самъ рѣшилъ присоединиться къ арміи „въ качествѣ простого офицера“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заклиналъ Александра Павловича не заключать мира съ Наполеономъ. „Государь, писалъ Р.: чтобы слово миръ удалилось отъ Васъ! Исторія Вашего царствованія не должна быть запятнана позоромъ, который неизгладимымъ пятномъ легъ бы на Русскій народъ“.

Въ 8 часовъ вечера того же дня онъ получилъ отъ Кутузова оффиціальное извѣщеніе объ оставленіи Москвы. Сообщая объ этомъ рѣшеніи, Главнокомандующій просилъ Ростопчина прислать къ нему всѣхъ имѣющихся полицейскихъ офицеровъ, которые помогли бы провести армію

черезъ городъ на Рязанскую дорогу. Отдавъ спѣшно соотвѣтствующія распоряженія, Р. вторично въ этотъ день послалъ донесеніе Государю о ходѣ событій и далъ при этомъ полную волю своему негодованію на Кутузова: „Рѣшеніемъ Главнокомандующаго, писалъ Р. Государю, рѣшается участь этой столицы и Вашей Имперіи, которая задрожитъ отъ гнѣва, когда узнаетъ, что онъ отдаетъ непріятелю городъ, въ которомъ заключалось величіе Россіи и гдѣ покоится прахъ Вашихъ предковъ".

Всю послѣднюю ночь своего пребыванія въ Москвѣ Ростопчинъ провелъ на ногахъ. Отправивъ къ Кутузову затребованныхъ тѣмъ полицейскихъ офицеровъ, Р. вслѣдъ затѣмъ поручилъ Московскому оберъ-полиціймейстеру увести изъ Москвы всю полицію, захвативъ съ собою весь пожарный обозъ столицы. Затѣмъ онъ увѣдомилъ Московскаго Архіепископа объ оставленіи Москвы и поручилъ ему немедленно отправиться во Владиміръ, захвативъ съ собою три находившіяся въ то время въ столицѣ чудотворныя иконы Богородицы: Иверскую, Смоленскую и Владимірскую, а также все, что возможно, изъ церковныхъ драгоцѣнностей. Увозить эти иконы и церковную утварь до самаго послѣдняго момента препятствовалъ самъ Ростопчинъ, опасавшійся, какъ бы возбужденное населеніе, оставшееся въ Москвѣ, не оказало сопротивленія этой мѣрѣ. Многіе изъ вѣрующихъ, дѣйствительно, опасались увоза святынь и даже наряжали дежурства при нихъ, но въ послѣднюю минуту Архіепископу удалось безъ особаго труда выполнить порученіе Ростопчина, объявленное имъ въ качествѣ Высочайшаго повелѣнія.

Особенно много энергіи потребовала отъ графа Ростопчина въ эту ночь отправка изъ Москвы Русскихъ раненыхъ. Хотя ему приходилось отправлять ихъ ежедневно передъ тѣмъ по 1—2 тысячи въ день, но послѣ Бородинской битвы раненые стали прибывать въ столицу такими огромными транспортами, что къ 1-му сентября ихъ скопилось въ Москвѣ около 30,000 человѣкъ. Къ счастью, у Ростопчина въ резервѣ оказалось до 5,000 подводъ, которыя онъ и поспѣшилъ употребить для этой цѣли. Около 25,000 раненыхъ были спасены такимъ образомъ, доставлены на подводахъ въ Коломну, а оттуда должны были отправиться далѣе. Но все-таки удалось перевезти далеко не всѣхъ желающихъ. Даже по свидѣтельству самого Ростопчина пришлось оставить въ Москвѣ около 2,000 человѣкъ, — въ томъ числѣ всѣхъ тяжело раненыхъ; французскіе же свидѣтели-очевидцы приводятъ болѣе крупныя цифры, исчисляя количество остававшихся въ Москвѣ раненыхъ въ 10,000 человѣкъ. Впослѣдствіи большая часть покинутыхъ несчастныхъ жертвъ войны нашла тяжелую, мучительную смерть во время пожара Москвы, и въ этомъ многіе склонны были обвинять Ростопчина, порицая его непредусмотрительность; врядъ ли, однако, подобное обвиненіе можетъ быть строго обосновано, если припомнить размѣры потерь, понесенныхъ Русскою арміею при Бородинѣ.

Около полуночи на 2-е сентября къ Ростопчину прибыли Принцъ Вюртембергскій и Герцогъ Ольденбургскій съ намѣреніемъ пригласить его отправиться съ ними къ Кутузову и уговорить послѣдняго не покидать Москвы. Но Ростопчинъ уклонился отъ этой поѣздки, которую считалъ безцѣльной, сославшись, что у него нѣтъ возможности тратить 4—5 часовъ на поѣздку, такъ какъ еще много дѣла до утра. Этотъ же отвѣтъ давалъ Р. и другимъ лицамъ, являвшимся къ нему съ мольбой уговорить Главнокомандующаго не покидать столицы. Послѣдними распоряженіями Р. въ эту памятную ночь были слѣдующія мѣры: онъ поспѣшилъ отправить изъ Москвы Леппиха со всѣми его приспособленіями для изготовленія воздушнаго шара; въ самой Москвѣ оставилъ 6 человѣкъ переодѣтыхъ полицейскихъ офицеровъ, которымъ было поручено доставлять ему черезъ Сокольницкій лѣсъ въ главную квартиру донесенія о положеніи дѣлъ. Кромѣ того, онъ поручилъ полицейскому чиновнику Вороненку отправиться на винный и мытный дворы, а также на запоздавшія казенныя и частныя баржи у Краснаго холма и Симонова монастыря и, въ случаѣ внезапнаго вступленія непріятельскихъ войскъ, стараться истребить всѣ ихъ огнемъ, что и было дѣйствительно исполнено въ день вступленія въ Москву французовъ. До послѣдней минуты Московскаго Главнокомандующаго не оставляли разнаго рода просители, въ особенности раненые офицеры; всѣмъ имъ Р. находилъ время оказывать посильную помощь, щедро раздавая свои собственныя средства. „Что касается денегъ,—пишетъ

Р. въ своихъ воспоминаніяхъ,—я роздалъ ихъ столько, что выѣхалъ изъ Москвы одновременно человѣкомъ самымъ богатымъ и самымъ бѣднымъ, такъ какъ увозилъ съ собою 130,000 рублей, оставшихся у меня изъ экстраординарныхъ суммъ, и 630 рублей, собственно мнѣ принадлежавшихъ. Мысль о томъ, откуда добыть денегъ впослѣдствіи, не приходила мнѣ въ голову". Уже рано утромъ Ростопчину пришлось еще озаботиться отправкой изъ Москвы Экзарха Грузіи, Грузинскихъ Царевенъ и Княженъ, покинутыхъ П. С. Валуевымъ; съ большимъ трудомъ ему удалось найти для нихъ лошадей. Все же свое имущество, представлявшее цѣнность не менѣе полумилліона рублей, Ростопчинъ сознательно рѣшилъ предоставить на разграбленіе французамъ, чтобы впослѣдствіи его не могли упрекнуть въ томъ, что онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ въ ущербъ общественнымъ интересамъ. „Хотя я и наперед былъ увѣренъ, что все это будетъ разграблено, говоритъ онъ самъ, но хотѣлъ понести тѣ же потери, какія понесены были другими, и стать на одинъ уровень съ жителями, имѣвшими въ Москвѣ свои дома. Какихъ-нибудь двадцать телѣгъ могли увезти всю эту обстановку...; въ распоряженіи моемъ находились тысячи лошадей, да кромѣ того еще лошадей 500 могли бы быть доставлены изъ помѣстья моего Воронова,—но таковы ужъ были побудительныя причины моего пожертвованія". Дѣйствительно, изъ всего движимаго имущества Р. увезъ лишь два наиболѣе цѣнныхъ для него портрета—своей жены и Императора Павла I, да шкатулку съ наиболѣе цѣнными бумагами.

Къ 10 часамъ утра 2-го сентября всѣ сборы Ростопчина были закончены, и, въ сопровожденіи своего сына, онъ спустился на дворъ, чтобы сѣсть на лошадь. Вся улица передъ его домомъ оказалась запруженной народомъ, который собрался сюда со всей Москвы, чтобы узнать отъ самого Главнокомандующаго, дѣйствительно ли Москва будетъ уступлена безъ сраженія непріятелю. Здѣсь разыгралась трагическая сцена, воспоминаніе о которой ложится темнымъ пятномъ на Ростопчина. Дѣло идетъ о смерти купеческаго сына Верещагина, осужденія котораго Р., какъ сказано было выше, уже раньше, но безуспѣшно добивался у Александра I. Сама обстановка этого событія не могла способствовать сохраненію о немъ точныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ; послѣднія, поэтому, довольно разнорѣчиво излагаютъ подробности происшествія, но даже если отбросить тѣ версіи, которыя наиболѣе неблагопріятны для Ростопчина, то и тогда нельзя не отнестись съ осужденіемъ къ проявленной имъ жестокости и самовластію, ничѣмъ въ данномъ случаѣ, казалось бы, не вызывавшимся. По словамъ самого Ростопчина, когда онъ вышелъ на крыльцо, вся толпа обнажила головы. Онъ приказалъ тогда вывести Верещагина и одного французскаго фехтовальнаго учителя, по фамиліи Мутона, который былъ уже приговоренъ Уголовною Палатой къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ Сибирь. Оба эти узника оказались случайно забытыми въ долговой тюрьмѣ и только потому не были отправлены вмѣстѣ съ остальными заключенными изъ Москвы во Владиміръ. „Я обратился къ первому, говоритъ Ростопчинъ,—упрекая его въ преступленіи, тѣмъ болѣе ужасномъ, что изъ всего народонаселенія Москвы нашелся онъ одинъ, который хотѣлъ предать Отечество. Я ему сказалъ, что Сенатъ приговорилъ его къ смерти и приговоръ долженъ быть исполненъ. Я приказалъ двумъ унтеръ-офицерамъ изъ находившихся при мнѣ драгунъ бить его саблями. Онъ упалъ, не произнеся ни одного слова". Такъ излагаетъ это событіе самъ Ростопчинъ; въ другихъ же воспоминаніяхъ приводятся чаще всего указанія, что Ростопчинъ былъ вынужденъ пожертвовать Верещагинымъ, дабы отвлечь отъ себя самого вниманіе народной толпы, которая, считая себя обманутой, требовала отъ графа отвѣта, на какомъ основаніи войска оставляютъ Москву беззащитной. Но дальнѣйшее поведеніе Ростопчина, какъ кажется, исключаетъ эту версію; онъ ни въ чемъ не проявилъ растерянности: предавая смерти Верещагина, онъ обратился къ другому узнику—Мутону, который уже ожидалъ своей участи, со словами: „Я оставляю тебѣ жизнь, ступай къ своимъ и скажи имъ, что несчастный, котораго я наказалъ, былъ единственный изъ русскихъ измѣнникъ своему Отечеству". Съ этими словами онъ самъ провелъ Мутона къ воротамъ и сдѣлалъ толпѣ знакъ, чтобы его пропустили. Въ этомъ обращеніи къ французу, явившемуся очевидцемъ жестокой расправы съ

Верещагинымъ, кроется наиболѣе вѣролтная разгадка намѣреній Ростопчина. Неудержимый въ своихъ порывахъ, взволнованный наступавшими событіями и столкновеніями съ Кутузовымъ, онъ въ данномъ случаѣ не только давалъ исходъ своему гнѣву и ненависти противъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ считалъ врагами Россіи, но и хотѣлъ, съ одной стороны,—еще болѣе усилить народное негодованіе противъ французской арміи и ея вождя, а съ другой—хотѣлъ дать понять послѣднимъ, какое ожесточеніе ихъ ожидаетъ въ гостепріимной Москвѣ, когда одно подозрѣніе въ измѣнѣ могло побудить къ подобной расправѣ. Хотя Ростопчинъ и заявилъ Верещагину, что онъ приговоренъ Сенатомъ къ смертной казни, но эти слова его не отвѣчали дѣйствительности. Приговоръ Сената, во-первыхъ, нуждался еще въ санкціи Александра I, а во-вторыхъ, этимъ приговоромъ Верещагинъ былъ присужденъ лишь къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Это обстоятельство еще болѣе усиливаетъ вину Ростопчина, такъ какъ, даже если бы имѣлся смертный приговоръ, онъ былъ бы обязанъ привести его въ исполненіе предписаннымъ закономъ способомъ, а не отдавать несчастнаго Верещагина на растерзаніе толпѣ. Хотя объ этомъ послѣднемъ фактѣ самъ Р. умалчиваетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, говоря, что Верещагинъ свалился послѣ первыхъ же ударовъ драгунъ, но единогласное свидѣтельство другихъ очевидцевъ заставляетъ принять другую версію: раненый первыми ударами драгунъ, Верещагинъ былъ отданъ затѣмъ на растерзаніе толпѣ и подъ ея ударами испустилъ духъ; впрочемъ, и самъ Р. въ своемъ донесеніи о судимости Верещагина писалъ въ 1813 году: „Измѣнникъ сей и государственный преступникъ былъ предъ самымъ вшествіемъ злодѣевъ нашихъ въ Москву *преданъ мною* столпившемуся предъ нимъ народу, который, видя въ немъ гласъ Наполеона и предсказателя своихъ несчастій, сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости“. Нѣкоторые изъ писателей обвиняли Ростопчина также и въ томъ, что онъ собственной рукой нанесъ первый ударъ Верещагину, но это уже преувеличеніе. Однако, Ростопчину впослѣдствіи не легко было отдѣлаться отъ угрызеній совѣсти за смерть своей жертвы. Десять лѣтъ спустя, въ своихъ воспоминаніяхъ о 1812 г., онъ не рѣшился воспроизводить всю ужасную картину этой расправы, ограничившись лишь слѣдующими словами, приводимыми имъ въ заключеніе описанной имъ расправы съ Верещагинымъ: „Я не оглядывался, чтобы не смущаться тѣмъ, что произошло. Глаза закрывались, чтобы не видѣть ужасной дѣйствительности“. Нѣкоторые утверждали даже, что всѣ послѣдніе годы его жизни онъ постоянно страдалъ отъ галлюцинацій и былъ не въ силахъ отогнать отъ себя образъ убитаго Верещагина, но подтвержденія этого нельзя найти въ воспоминаніяхъ такихъ близкихъ къ Ростопчину лицъ, какъ А. Ѳ. Брокеръ, А. Я. Булгаковъ и другіе; да оно, кажется, противорѣчитъ и его характеру. Оказало это обстоятельство вліяніе и на дальнѣйшую карьеру Московскаго Главнокомандующаго, такъ какъ было одною изъ главныхъ причинъ, возбудившихъ неудовольствіе противъ Ростопчина Императора Александра I. „Я былъ бы вполнѣ доволенъ вашимъ образомъ дѣйствій при этихъ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, писалъ государь Ростопчину въ письмѣ отъ 6-го ноября 1812 г., если бы не дѣло Верещагина, или, лучше сказать, не окончаніе этого дѣла. Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами иначе, какъ съ полной откровенностью. Его казнь была не нужна, въ особенности ее отнюдь не слѣдовало производить подобнымъ образомъ. Повѣсить или разстрѣлять было бы лучше“.

Отправившись изъ дому къ центру Москвы, Ростопчинъ остановился на одномъ изъ бульваровъ столицы и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока къ нему не подскакалъ ординарецъ съ донесеніемъ, что Милорадовичъ съ Русскимъ аріергардомъ уже прошелъ черезъ Арбатъ, а непосредственно за нимъ слѣдуетъ непріятельскій авангардъ. Тогда, считая свои обязанности по охранѣ и поддержанію порядка въ столицѣ оконченными, Ростопчинъ направился къ Рязанской заставѣ; здѣсь, у моста черезъ Яузу, онъ столкнулся съ Кутузовымъ и обмѣнялся съ нимъ холоднымъ поклономъ. Часъ спустя, онъ былъ уже за Рязанской заставой—и какъ разъ въ это время пушечные выстрѣлы возвѣстили о занятіи Москвы французами. Тамъ онъ присоединился сперва къ штабу Барклая-де-Толли, а затѣмъ къ главной квартирѣ Кутузова.

Съ первой же ночи послѣ занятія Мо-

сквы французами въ ней начались пожары, которые съ 3-го сентября приняли такіе размѣры, что охватили сплошнымъ кольцомъ всю столицу.

Въ первые дни этихъ зловѣщихъ пожаровъ сами французы не придавали имъ большого значенія и не отдавали себѣ отчета въ томъ, кто является дѣйствительнымъ виновникомъ поджоговъ. Наполеонъ, какъ, впрочемъ, и большинство его генераловъ, склонны были объяснять ихъ излишествами или просто неосторожностью своихъ войскъ, почти неизбѣжными при занятіи враждебной арміей покинутаго жителями города. Но когда, вслѣдъ затѣмъ, при попыткѣ организовать борьбу съ пожарами, было обнаружено, что изъ Москвы вывезены всѣ противопожарныя средства, а съ другой стороны сторожевые патрули стали ловить на мѣстѣ преступленія отдѣльныхъ поджигателей — русскихъ,—французамъ пришлось измѣнить свое мнѣніе. Къ этому присоединились также разсказы иностранцевъ, оставшихся въ Москвѣ, которые не замедлили познакомить своихъ соотечественниковъ съ агитаціонной дѣятельностью графа Ростопчина, старавшагося всѣми мѣрами привить Русскому простонародью ненависть къ французамъ. Многіе изъ нихъ, конечно, могли слышать о намѣреніяхъ графа скорѣе сжечь столицу, чѣмъ оставить ее врагу. Всего этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы гнѣвъ Наполеона, разочаровавшагося въ своихъ ожиданіяхъ и нашедшаго въ Москвѣ вмѣсто желаннаго мира серьезную преграду своимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ, со всей, свойственной ему силой обрушился на голову Московскаго Главнокомандующаго. Никто никогда не доводилъ его до такой степени бѣшенства, какъ это удалось сдѣлать Ростопчину. Императоръ не находилъ словъ, способныхъ, по его мнѣнію, заклеймить Ростопчина. Въ своихъ бюллетеняхъ онъ называлъ его „негодяемъ“, „сумасшедшимъ“, „Геростратомъ“. Впрочемъ, Наполеономъ въ данномъ случаѣ руководило не одно только чувство ненависти: его побуждала къ этому и потребность къ самозащитѣ, такъ какъ онъ не могъ не видѣть и не отдавать себѣ отчета въ томъ, что общественное мнѣніе всего міра выскажется противъ него, когда узнаетъ, что вступленіе его войскъ въ покинутую древнюю столицу Россіи сопровождалось страшнымъ пожаромъ. Онъ понималъ, что обвинять въ пожарѣ станутъ прежде всего его самого, и поэтому счелъ нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы сложить эту вину на самихъ русскихъ и на Русское Правительство въ лицѣ его высшаго представителя въ Москвѣ—Московскаго Главнокомандующаго.

По приказу Наполеона, тотчасъ по прекращеніи пожара была организована, подъ предсѣдательствомъ главнаго военнаго судьи арміи, генерала Лаури, особая коммиссія, на которую было возложено разслѣдованіе причинъ пожара. 12-го сентября эта коммиссія вынесла приговоръ, составленный весьма пространно и съ явнымъ желаніемъ показать, что при разборѣ дѣла были соблюдены всѣ формальности правосудія. Въ этомъ приговорѣ говорилось, что Русское Правительство уже за три мѣсяца до вступленія французовъ въ Москву рѣшилось прибѣгнуть къ такимъ необычайнымъ средствамъ защиты, какъ пожаръ, и для этой цѣли воспользовалось услугами Шмидта (т.-е., Леппиха), который, подъ видомъ постройки воздушнаго шара, занимался изготовленіемъ поджигательныхъ снарядовъ. Такимъ образомъ, сожженіе Москвы, по мысли коммиссіи, являлось дѣломъ преднамѣреннымъ, и представшіе предъ нею подсудимые являлись лишь слѣпымъ орудіемъ и исполнителями приказаній, полученныхъ ими отъ Московскаго генералъ-губернатора. Далѣе въ приговорѣ говорилось, что Ростопчинъ приступилъ къ выполненію плана сожженія столицы тотчасъ же послѣ Бородинской битвы. Съ этою цѣлью онъ, будто бы, выпустилъ на волю изъ острога и изъ ямы уголовныхъ преступниковъ, приказавъ имъ поджечь со всѣхъ сторонъ городъ черезъ 24 часа послѣ занятія его непріятелемъ. Чтобы руководить поджогами, онъ-де распорядился оставить въ Москвѣ переодѣтыхъ военныхъ и полицейскихъ офицеровъ и, дабы помѣшать французской арміи бороться съ пожарами, вывезъ всѣ противопожарные инструменты. Въ этомъ обвинительномъ актѣ противъ Р. крупицы правды оказывались перемѣшанными съ вымысломъ и небылицами, которыя подсказывало Московскимъ французамъ и другимъ иностранцамъ ихъ напуганное воображеніе. Коммиссія, однако, не остановилась на этомъ: въ подтвержденіе своихъ выводовъ она включила въ свой приго-

воръ отрывокъ одной изъ Ростопчинскихъ афишъ, въ которой онъ будто бы призывалъ Москвичей къ поджогу своихъ жилищъ. Въ редакціи коммиссіи этотъ отрывокъ гласилъ слѣдующее: „Вооружитесь, чѣмъ ни попало, особенно вилами, которыя наиболѣе пригодны для французовъ, такъ какъ они не тяжелѣ соломеннаго снопа. Если же не побѣдимъ ихъ, то сожжемъ въ Москвѣ, коль скоро они осмѣлятся войти въ нее". Первая часть этого отрывка, дѣйствительно, заимствована изъ одного, упомянутаго нами, воззванія Ростопчина, но вторая, наиболѣе существенная, оказывается цѣликомъ сочиненной, такъ какъ Ростопчинъ не только ни разу не рисковалъ печатно выступить съ планомъ сожженія Москвы, но и вообще въ своихъ воззваніяхъ не допускалъ и мысли о возможности занятія столицы арміей Наполеона; наоборотъ, онъ „честью клялся", что „нога непріятеля не будетъ въ Первопрестольной". При этомъ убѣжденіи онъ долгое время оставался и самъ, а поддерживать его среди Московскаго населенія онъ не переставалъ до самаго послѣдняго дня.

Тѣмъ не менѣе, съ легкой руки Наполеона, слава главнаго виновника Московскаго пожара, его вдохновителя и организатора быстро упрочилась за Ростопчинымъ сперва въ Западной Европѣ, а потомъ и въ Россіи; а такъ какъ сожженная Москва стала въ то же время могилой славы самого Наполеона, положивъ предѣлъ его завоеваніямъ и повлекши за собой пораженіе его арміи, а затѣмъ и сверженіе съ престола его самого, то вполнѣ понятны тѣ чувства удивленія, даже энтузіазма,—соединенныхъ, впрочемъ, съ значительной долей ужаса,—которыми вскорѣ оказалось окружено имя Ростопчина. О немъ заговорили всѣ; его портреты и біографіи, часто фантастическія, расходились за границею въ тысячахъ экземпляровъ; многіе иностранцы направлялись въ Москву спеціально съ тѣмъ, чтобы взглянуть на славнаго и въ то же время страшнаго Ростопчина...

Наполеонъ, убѣжденный въ томъ, что Ростопчинъ является главнымъ виновникомъ Московскаго пожара, въ безсильной злобѣ своей отдалъ распоряженіе по арміи, а въ особенности по авангарду задержать во что бы то ни стало Московскаго Главнокомандующаго; въ этомъ приказѣ содержались болѣе или менѣе точныя примѣты Ростопчина и была обѣщана крупная денежная награда за его голову.

Самъ Ростопчинъ первоначально, казалось, старался отклонить отъ себя славу организатора Московскаго пожара. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ заявлялъ въ своихъ письмахъ Имп. Александру Павловичу по оставленіи Москвы. Вмѣстѣ съ Кутузовымъ и другими русскими, при первыхъ извѣстіяхъ о сожженіи столицы, онъ обвинялъ въ этомъ поступкѣ всецѣло Наполеона и французовъ. Но когда Московскій пожаръ возбудилъ всеобщее вниманіе въ Европѣ и имя Ростопчина получило такую громкую извѣстность повсюду, что даже французы считали подвигъ его внушеннымъ пламенною любовью къ родинѣ, дѣломъ хотя варварскимъ, но высокимъ и получавшимъ оправданіе въ событіяхъ того времени, когда дѣло шло о спасеніи отечества,—то Ростопчинъ не могъ остаться къ этому равнодушнымъ. Онъ, правда, не выражалъ своего согласія съ обвиненіемъ, но за то и не опровергалъ, почти въ теченіе 10 лѣтъ, его справедливости. Его молчаніе только укрѣпляло всеобщую увѣренность, что именно онъ является виновникомъ Московской катастрофы; даже когда, порой, онъ самъ пытался отклонить отъ себя незаслуженную честь спасителя Отечества, ему никто не вѣрилъ и считалъ это проявленіемъ скромности съ его стороны. Такъ, напр., обстояло дѣло и со старинымъ пріятелемъ и другомъ Ростопчина—графомъ С. Р. Воронцовымъ. Послѣ 1801 г. переписка между друзьями оборвалась, но когда, въ 1813 году, имя Ростопчина прогремѣло на всю Европу и съ особеннымъ восторгомъ произносилось именно въ Англіи, графъ Воронцовъ первый пошелъ навстрѣчу возобновленію сношеній съ Ростопчинымъ. „Я ни съ кѣмъ не могу васъ сравнить, кромѣ князя Пожарскаго",—писалъ онъ Ростопчину,—„но вашъ подвигъ былъ еще труднѣе... Вы были благотворною искрою, возбудивъ возвышенный характеръ моихъ дорогихъ соотечественниковъ..." Ростопчинъ отвѣчалъ ему на это: „Наполеонъ предалъ городъ пламени для того, чтобы имѣть предлогъ допустить свои войска ограбить его... Вы хвалите мою любовь къ Отечеству; но сколько же лицъ, которыя превзошли меня!.. Я вознагражденъ уже тѣмъ, что исполнилъ мой долгъ". Еще болѣе искренни были его признанія женѣ,

которой онъ писалъ: „Ты видишь, мой другъ, что моя мысль поджечь городъ до вступленія въ него злодѣя была полезна. Но Кутузовъ обманулъ меня и когда онъ расположился наканунѣ отступленія отъ Москвы въ 6 верстахъ отъ нея, было уже поздно. Французы ничего не нашли въ Москвѣ, но они могутъ говорить, что разграбили и сожгли ее; это все-таки торжество. Напротивъ, если бы они нашли только одинъ пепелъ, Москва наполнила бы сердца солдатъ яростью, а они увидали бы, съ какимъ народомъ имѣютъ дѣло". Но подобнаго рода заявленія Ростопчина, дѣлавшіяся имъ въ частной перепискѣ, оставались, конечно, тайною для всѣхъ остальныхъ, пока, наконецъ, лишь въ близкое къ намъ время они не были опубликованы. Для остального же міра его имя оставалось очень долго неразрывно соединеннымъ съ великою жертвой, принесенною Русскимъ народомъ. Упорное молчаніе самого Ростопчина или его уклончивые отвѣты способны были лишь усилить и укрѣпить эту увѣренность. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Московскаго пожара, онъ переселился за границу, одинъ нѣмецъ-врачъ попробовалъ-было задать ему прямой вопросъ, дѣйствительно-ли онъ является виновникомъ сожженія Москвы; Ростопчинъ отвѣтилъ ему, что подобнаго вопроса ему никогда не задавалъ даже самъ Александръ I, и что онъ не обязанъ никому отвѣчать на него. Подобнымъ же образомъ отдѣлывался онъ и отъ другихъ назойливыхъ разспросовъ или же просто переводилъ разговоръ на другіе предметы. Когда въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія Д. П. Бутурлинъ, подготовляя къ изданію свою Исторію войны 1812 г., въ которой онъ приписывалъ Московскій пожаръ распоряженіямъ Правительства и въ первую голову самого Ростопчина, послалъ къ нему на просмотръ свою рукопись, прося дополнить и исправить ее, Ростопчинъ возвратилъ ее автору безъ всякихъ замѣчаній, какъ бы соглашаясь съ его объясненіемъ событій. Когда, наконецъ, въ 1822 г. въ англійской печати появилось сообщеніе, что Робертъ Вильсонъ, будучи въ 1812 г. въ Москвѣ, „помогалъ Ростопчину привести въ исполненіе задуманное имъ намѣреніе сжечь столицу",—Ростопчинъ поспѣшилъ помѣстить опроверженіе на него, въ которомъ писалъ, что впервые встрѣтилъ Вильсона въ главной квартирѣ на рѣкѣ Пахрѣ, и добавлялъ: „Слѣдовательно, ему поздно было и безполезно помогать мнѣ". Послѣ всего сказаннаго будетъ вполнѣ понятно то впечатлѣніе, которое произвело въ 1823 г. опубликованіе Ростопчинымъ въ Парижѣ его сочиненія „Правда о Московскомъ пожарѣ" („La vérité sur l'incendie de Moscou"), въ которомъ онъ категорически отклонялъ отъ себя честь сожженія Москвы, возражая по пунктамъ какъ противъ всѣхъ обвиненій, взводившихся на него Наполеономъ въ его бюллетеняхъ и военной коммиссіей, разбиравшей дѣло о Московскихъ поджигателяхъ, — такъ и противъ ошибочныхъ свидѣтельствъ современниковъ. Этимъ заявленіемъ онъ разрушалъ собственными руками тотъ пьедесталъ, на который его возвело общественное мнѣніе всего міра. „Я,—говорилъ онъ про себя,— самъ разрушаю зданіе моей знаменитости, но я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководить исторіей". Въ своей книжкѣ Ростопчинъ отрицалъ не только то, будто онъ принималъ участіе въ организаціи Московскаго пожара въ качествѣ представителя власти, но и всякое личное прикосновеніе къ этому событію; онъ опровергалъ сообщенія о заготовкѣ зажигательныхъ снарядовъ, объ освобожденіи изъ тюремъ преступниковъ, самую мысль о сожженіи Москвы называлъ „ужасной, жестокой и неблагоразумной" и высказывалъ увѣренность, что размѣры пожара, благодаря наличности въ Москвѣ множества садовъ, бульваровъ и пустырей, не могли бы быть такъ грандіозны, если бы этому не помогло чисто случайное обстоятельство — необычайно сильный вѣтеръ. Заявленія Ростопчина вызвали всеобщій интересъ; французская печать, отмѣчая, что самые просвѣщенные умы считали его главнѣйшей причиной не только спасенія Россіи, но и паденія Наполеона, и что „въ заревѣ Московскаго пожара уже виднѣлась св. Елена", заявляла, что нельзя не вѣрить такому самоотверженному свидѣтельству, которое не можетъ быть заподозрѣно. Но, тѣмъ не менѣе, этому самоотреченію Ростопчина почти никто не вѣрилъ—какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ до самаго послѣдняго времени оставался окончательно не выясненнымъ: дѣйствительно-ли размѣры Московскаго пожара должны быть приписаны стихійному стеченію обстоятельствъ, какъ

пытался объяснить дѣло самъ Ростопчинъ, или же ему самому должна быть приписана инициатива и рѣшающая роль. Только теперь, на основаніи опубликованныхъ въ послѣднее время архивныхъ матеріаловъ, а въ томъ числѣ на основаніи обширной переписки, которую Московскій Главнокомандующій поддерживалъ въ то время съ различными лицами, можно составить болѣе или менѣе полное представленіе о всѣхъ важныхъ шагахъ дѣятельности Ростопчина на его отвѣтственномъ посту и нѣсколько разобраться въ этомъ запутанномъ противорѣчивыми показаніями и свидѣтельствами историческомъ вопросѣ.

Прежде всего, на основаніи уже изложеннаго необходимо признать, что Ѳ. В. Ростопчину не была чужда мысль о возможности предать огню Москву и тѣмъ ускорить развязку войны. Онъ самъ говорилъ объ этомъ болѣе или менѣе свободно, — по крайней мѣрѣ въ тѣсномъ кругу лицъ, принимавшихъ близкое участіе въ судьбахъ Россіи того времени. Но при этомъ необходимо отмѣтить, что Р. говорилъ объ этой мѣрѣ не какъ Московскій Главнокомандующій, а лишь, какъ частное лицо, какъ гражданинъ или, вѣрнѣе, какъ пламенный патріотъ. Разбираясь въ мотивахъ, которые могли толкать его на осуществленіе этой идеи, прежде всего приходится остановиться на его давней ненависти къ республиканской Франціи. Этой ненависти, при обычной страстности характера Р., было вполнѣ достаточно, чтобы внушить ему мысль о сожженіи Москвы и даже чтобы заставить агитировать въ пользу осуществленія ея; но этого все же было недостаточно, чтобы Ростопчинъ рѣшился взять ее цѣликомъ на свою личную отвѣтственность. Какъ бы ни были широки полномочія, данныя ему Александромъ I при назначеніи его въ Москву или позднѣе, во время личнаго ихъ свиданія при посѣщеніи Государемъ Москвы, они не могли простираться такъ далеко, чтобы Р. могъ считать себя вправѣ располагать судьбами столицы. Конечно, отъ порывистаго и не знавшаго удержу въ проявленіяхъ страстности Ростопчина можно было ожидать всего, какъ отъ человѣка, рѣшавшагося высылать лицъ, не зависѣвшихъ непосредственно отъ него, способнаго отдать на растерзаніе толпѣ Верещагина... Всѣмъ своимъ поведеніемъ въ Москвѣ въ 1812 году Р. какъ бы оправдывалъ опасенія подобнаго рода; въ его собственныхъ жалобахъ по адресу Кутузова можно найти фразы, которыя какъ бы свидѣтельствуютъ, что если бы фельдмаршалъ заранѣе сообщилъ ему о своемъ намѣреніи уступить Москву французамъ безъ боя и не лишилъ бы его возможности заблаговременно предпринять всѣ мѣры, то Наполеону не было бы суждено вступить въ Московскій Кремль. Но въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе. Уже послѣ Бородинской битвы Р. врядъ-ли могъ сомнѣваться съ судьбахъ столицы. Хотя Кутузовъ и продолжалъ его обнадеживать, что не оставитъ Москвы безъ новаго сраженія, но Р. уже отдавалъ себѣ ясный отчетъ о размѣрахъ понесенныхъ русскими войсками потерь подъ Бородиномъ и въ томъ, что фельдмаршалу врядъ-ли удастся задержать дальнѣйшее наступленіе французовъ на Москву. Когда же Кутузовъ, въ цѣляхъ предупрежденія обходнаго движенія двухъ французскихъ корпусовъ, потребовалъ отъ Ростопчина обѣщаннаго послѣднимъ 80,000-го ополченія, у того не могло оставаться никакого сомнѣнія насчетъ истиннаго положенія дѣлъ. Если бы, такимъ образомъ, все зависѣло исключительно отъ освѣдомленности самого Р., его перѣшительность должна была бы казаться ничѣмъ необъяснимой, но на самомъ дѣлѣ вопросъ стоялъ не такъ ужъ просто. Ростопчинъ прекрасно понималъ, что проектируемая имъ мѣра далеко выходитъ за границы его полномочій. Если онъ еще и могъ разсчитывать на то, что другія чрезвычайныя мѣры, принятыя имъ, могутъ найти оправданіе въ наличности чрезвычайныхъ же обстоятельствъ, то не могъ онъ не понимать, что гибели Москвы ему никогда не проститъ ни Императоръ Александръ, ни Россія. Правда, онъ самъ считалъ эту мѣру единственно въ данныхъ условіяхъ цѣлесообразной и спасительной, такъ какъ она, по его мнѣнію, съ одной стороны должна была ожесточить сердца русскихъ солдатъ и вдохнуть въ нихъ мужество отчаянія, а съ другой—показать французамъ, съ какимъ самоотверженнымъ народомъ приходится имъ вести войну. Но его собственнаго убѣжденія, конечно, было далеко недостаточно, попытки же его убѣдить въ спасительности своего плана другихъ оканчивались неудачами: одни отмал-

чивались, другіе пожимали плечами и почти никто не выказывалъ намѣренія поддержать Московскаго Главнокомандующаго. Ростопчинъ попытался-было посвятить въ свои планы Кутузова, но послѣдній, до того времени совершенно не знавшій графа, а теперь убѣдившійся, что имѣетъ дѣло съ энтузіастомъ, малоспособнымъ считаться съ дѣйствительностью, рѣшилъ всячески противодѣйствовать его намѣреніямъ и до тѣхъ поръ не переставалъ увѣрять его, что онъ ни въ коемъ случаѣ не уступитъ Москвы, пока вступленіе обоза Русской арміи въ столицу не помѣшало Ростопчину привести въ исполненіе свой планъ; послѣдній дѣйствительно могъ явиться помѣхой для фельдмаршала, который намѣренъ былъ, проведя войска черезъ городъ на Рязанскую дорогу, вслѣдъ затѣмъ удачнымъ маневромъ скрыть свою настоящую позицію отъ вниманія французскаго авангарда. Сожженіе столицы Главнокомандующій русскими арміями считалъ вообще безцѣльнымъ, такъ какъ онъ разсчитывалъ воспользоваться задержкою французовъ въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы привести въ порядокъ ряды своихъ войскъ и поднять на должную высоту уже начавшую было падать дисциплину. Но всѣ эти намѣренія и соображенія были скрыты Кутузовымъ отъ Ростопчина, который первоначально разсчитывалъ, что фельдмаршалъ утвердитъ своимъ авторитетомъ его проектъ уничтоженія столицы. Такимъ образомъ у Р. въ послѣдніе дни передъ оставленіемъ Москвы не хватило рѣшимости осуществить свой планъ; когда же черезъ Москву двинулись обозы Русской арміи и транспорты раненыхъ, онъ и фактически не могъ осуществить своего намѣренія—сжечь столицу еще до вступленія въ нее французовъ, такъ какъ это было бы равносильно гибели всего обоза арміи и осужденію на смерть ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ войны. Теперь остается выяснить, каково же на самомъ дѣлѣ было его участіе въ пожарахъ, начавшихся почти вслѣдъ за занятіемъ Москвы Наполеономъ. Первые изъ этихъ пожаровъ были произведены полицейскимъ чиновникомъ Вороненкомъ, исполнявшимъ непосредственное приказаніе Ростопчина истребить и, если нужно, поджечь на баркахъ и складахъ съѣстные припасы, дабы они не достались въ руки непріятеля. Отвѣтственность за эту мѣру должна быть цѣликомъ возложена на Р., но это приказаніе было продиктовано ему вполнѣ разумными соображеніями. Пожары начались въ первую же ночь по оставленіи Москвы русскими; первоначально французамъ удавалось ихъ тушить, и они сами были склонны приписать возникновеніе ихъ чисто случайнымъ причинамъ. Только новые поджоги, въ слѣдующую ночь, и поднявшійся тогда же вѣтеръ придали огненной стихіи такую мощь, что всѣ усилія французскихъ войскъ локализовать ея распространеніе оказались тщетными. Уже эта картина возникновенія Московскихъ пожаровъ заставляетъ отнестись съ сомнѣніемъ къ утвержденіямъ иностранныхъ авторовъ, будто пожаръ Москвы явился дѣломъ заранѣе обдуманнымъ и осуществленнымъ по непосредственному приказанію Ростопчина. Изъ всѣхъ взведенныхъ на Ростопчина французской судебной коммиссіей обвиненій остается въ силѣ лишь одно,—а именно, что онъ сознательно вывезъ изъ Москвы пожарный обозъ и предписалъ покинуть столицу пожарнымъ командамъ, чтобы лишить французскую армію возможности бороться съ пожарами. На первый взглядъ можетъ показаться, что уже въ одной этой мѣрѣ, принятой Р., содержится косвенное признаніе его участія въ организаціи поджоговъ. На самомъ дѣлѣ Р., будучи хорошо знакомъ съ настроеніемъ и духомъ русскаго народа, имѣлъ много основаній разсчитывать, что пожары въ Москвѣ начнутся и безъ спеціальныхъ или организованныхъ поджоговъ. Еще задолго до вступленія Наполеона въ столицу Ростопчину, по его собственнымъ признаніямъ, неоднократно приходилось слышать среди купцовъ и среди мастеровыхъ, ремесленниковъ и другихъ группъ простонародья подобное сужденіе. „Лучше сжечь Москву“,—говорили эти люди, высказывая ему съ грустью опасенія, что Москва можетъ достаться въ руки непріятеля. Р. зналъ объ этомъ также и по донесеніямъ своихъ агентовъ; ему было, кромѣ того, извѣстно о существованіи нѣсколькихъ заговоровъ, иниціаторы коихъ также соединяли свои планы съ пожаромъ Москвы, но исходили далеко не изъ патріотическихъ побужденій. Вотъ что, напр., писалъ Р. князю П. И. Багратіону послѣ полученія извѣстія о потерѣ Смоленска: „Народъ

здѣшній... рѣшительно умретъ у стѣнъ Московскихъ. А если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу: „не доставайся злодѣю!“ обратитъ городъ въ пепелъ“. Наконецъ, не надо забывать и всей его предшествовавшей дѣятельности, направленной почти исключительно на то, чтобы возбудить среди Московскаго населенія сильнѣйшую ненависть къ французамъ. „Я поджогъ духъ народа“,—говорилъ впослѣдствіи Р. при встрѣчѣ съ Варнгагеномъ фонъ-Энзе въ Базелѣ въ 1817 г.: „а этимъ страшнымъ огнемъ легко зажечь множество факеловъ“. При тогдашнемъ настроеніи Московскаго населенія и его отношеніи къ французамъ, вся предшествующая дѣятельность Ростопчина именно должна была имѣть такой характеръ. Разумѣется также, что проникновеніе въ народную массу толковъ о томъ, будто самъ губернаторъ собирается сжечь столицу и относится сочувственно къ намѣреніямъ лицъ, желающихъ уничтожить все цѣнное, дабы ничто не досталось врагу,—подобные толки могли лишь окончательно развязать руки оставшимся въ Москвѣ жителямъ. Но если этого рода дѣятельность и была заслугою Ростопчина, онъ самъ все же придавалъ гораздо большее значеніе другой сторонѣ ея, а именно тому, что ему все время удалось сохранить въ Москвѣ спокойствіе и настолько враждебно настроить противъ французовъ и Наполеона все окрестное населеніе, что неминуемо должны были потерпѣть крушеніе планы Наполеона заручиться сочувствіемъ крѣпостныхъ при объявленіи ихъ свободными. Хотя въ дѣйствительности Наполеонъ и не привелъ въ исполненіе этихъ плановъ, но они несомнѣнно существовали; также несомнѣнно, что Р. ихъ предугадывалъ и, какъ уже приходилось выше указывать, считалъ эти планы опасными для существовавшаго тогда гражданскаго правопорядка. Неудачу же Наполеона онъ склоненъ былъ приписывать почти исключительно собственному воздѣйствію на народную массу и видѣлъ въ этомъ едва ли не высшую свою заслугу.

Хотя по оставленіи Москвы непосредственныя обязанности Ростопчина, какъ Главнокомандующаго, сами собою оказались прерванными, онъ все же считалъ своимъ долгомъ не прекращать заботъ о судьбахъ столицы. Съ этою цѣлью онъ оставался при арміи до тѣхъ поръ, пока она, наконецъ, не покинула предѣловъ Московской губерніи; насколько это было возможно, онъ старался поддерживать съ Москвою сношенія, посылая туда самъ развѣдчиковъ и получая донесенія о положеніи дѣлъ въ самой Москвѣ и въ ея окрестностяхъ отъ полицейскихъ агентовъ, оставленныхъ тамъ спеціально для этой цѣли. Результатами добытыхъ свѣдѣній онъ дѣлился постоянно съ Государемъ, обвиняя передъ нимъ въ сожженіи Москвы исключительно французовъ, хотя самъ врядъ-ли уже тогда хоть сколько-нибудь сомнѣвался въ истинныхъ причинахъ возникновенія пожаровъ. Отношенія Ростопчина къ Кутузову въ это время если не обострились еще сильнѣе, то во всякомъ случаѣ — не улучшились, и его отзывы о Главнокомандующемъ арміей дышали всѣмъ пыломъ ненависти и сарказма, на какой онъ только былъ способенъ. По отзывамъ же современниковъ, оба центральныхъ дѣятеля Отечественной войны жили въ это время, „какъ собака съ кошкой“. Вынужденный къ бездѣйствію и стремясь чѣмъ-либо наполнить время лагерной жизни, Р. принялся разъѣзжать по окрестностямъ, возбуждая крестьянъ, и помогая имъ образовывать партизанскіе отряды для нападеній на французовъ. Съ этою же цѣлью имъ было составлено и распространено воззваніе, обращенное къ крестьянамъ, жителямъ Московской губерніи. Написанное очень вразумительно, огненнымъ языкомъ и съ патріотическимъ подъемомъ, посланіе это должно было произвести сильное впечатлѣніе. Вотъ что писалъ въ немъ Ростопчинъ: „Врагъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, дьявольское навожденіе,—злой французъ взошелъ въ Москву; предалъ ее мечу и пламени; ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ алтари непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ; надѣвалъ ризы вмѣсто попонъ; сорвалъ оклады, вѣнцы со святыхъ иконъ; поставилъ лошадей въ церкви православной вѣры нашей; разграбилъ дома, имущества; надругался надъ женами, дочерьми, дѣтьми малолѣтними; осквернилъ кладбища и, до второго пришествія, тронулъ изъ земли покойниковъ, предковъ нашихъ родителей“... Предупреждая вслѣдъ затѣмъ под-

московныхъ крестьянъ не поддаваться на обѣщанія Наполеономъ свободы и всякихъ благъ, авторъ воззванія убѣждалъ ихъ оставаться „покорными христіанскими воинами Божіей Матери"; „не слушайтепу стыхъ словъ; почитайте начальниковъ и помѣщиковъ: они ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть, кормить и поить. Истребимъ достальную силу непріятельскую, погребемъ ихъ на святой Руси, станемъ бить, гдѣ ни встрѣнутся... А злодѣй французъ—некрещеный врагъ; онъ готовъ продать и душу свою; ужъ былъ и туркою, въ Египтѣ обасурманился, ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ-босыхъ, а теперь лается и говоритъ, что не быть грабежу, а все взято имъ, собакою, и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ—закричатъ пардонъ, а вы будто не слышите. Ужъ имъ одинъ конецъ: съѣдятъ все, какъ саранча, и станутъ стѣнью, мертвецами непогребенными; куда ни придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубокую. Солдаты русскіе помогутъ вамъ: которой побѣжитъ, того казаки добьютъ; а вы не робѣйте, братцы удалые, дружина Московская, и гдѣ удастся поблизости—истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда къ Царю въ Москву явитеся и дѣлами похвалитеся..." Наконецъ, въ заключеніе Ростопчинъ суровыми карами и даже наказаніемъ въ загробной жизни грозилъ всякому, кто окажется народнымъ измѣнникомъ. Безъ сомнѣнія, это воззваніе является самымъ яркимъ образчикомъ Ростопчинскихъ писаній; оно выставляетъ своего автора хорошимъ знатокомъ народной психологіи, сумѣвшимъ затронуть сердце каждаго, благодаря чему это воззваніе его должно было оказать сильное вліяніе на активныя выступленія Московскихъ поселянъ противъ французовъ.

Прослѣдить непосредственное вліяніе самого Ростопчина и его воззваній на начавшееся вслѣдъ затѣмъ партизанское движеніе, конечно, трудно, но его участіе въ немъ не подлежитъ сомнѣнію. Всѣ эксцессы этого движенія, къ которымъ онъ призывалъ крестьянъ и которые дѣйствительно наблюдались, быть можетъ, также имѣютъ непосредственную причинную съ нимъ связь.

Слѣдуя въ своихъ передвиженіяхъ и разъѣздахъ по окрестностямъ за движеніемъ Русской арміи, Р. переѣзжалъ сперва въ Красную Пахру, оттуда въ свое Вороново и, наконецъ, въ Тарутино. По пріѣздѣ въ Вороново, расположенное по Старо-Калужской дорогѣ, Р. рѣшилъ сжечь его, не желая, чтобы оно досталось французамъ. Трудно въ настоящее время разобраться въ тѣхъ чувствахъ, которыя на самомъ дѣлѣ толкали его на такой поступокъ. Съ одной стороны имъ руководило желаніе „явить міру примѣръ истинно-римской",— или, какъ онъ самъ спѣшилъ поправиться,— „русской доблести"; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему, бытьможетъ, не было чуждо и сознаніе нравственной своей отвѣтственности въ Московскомъ пожарѣ, заставившее его, изъ свойственныхъ ему рыцарскихъ побужденій, поставить и самого себя въ то же самое положеніе, въ какомъ оказалось большинство жителей Москвы. По пріѣздѣ въ Вороново, Р. громогласно заявилъ о своемъ намѣреніи находившимся тамъ нѣсколькимъ русскимъ генераламъ и, несмотря на всѣ ихъ просьбы и убѣжденія не дѣлать этого, поджегъ на слѣдующій день, 19-го сентября, свой домъ и конскій заводъ. Вскорѣ затѣмъ, разрѣшивъ крѣпостнымъ покинуть Вороново, Р. прибилъ къ церковной двери слѣдующую записку на французскомъ языкѣ: „Восемь лѣтъ украшалъ я это село, въ которомъ наслаждался счастіемъ среди моей семьи. При вашемъ приближеніи обыватели, въ числѣ 1.720, покидаютъ свои жилища, а я предаю огню домъ свой, чтобы онъ не былъ оскверненъ вашимъ присутствіемъ. Французы! Въ Москвѣ оставилъ я вамъ два мои дома и движимости на полъ-милліона рублей, здѣсь найдете вы только пепелъ". Переѣхавъ затѣмъ въ Тарутино, Р., считая, что за предѣлами Московской губерніи кончаются и его полномочія, рѣшилъ покинуть армію и направился въ Ярославль. Но еще по дорогѣ туда, а именно во Владимірѣ, его застало извѣстіе объ оставленіи Москвы Наполеономъ.

Узнавъ объ этомъ, Ростопчинъ тотчасъ же поспѣшилъ командировать въ Москву полицейскихъ чиновниковъ, дабы воспрепятствовать остававшимся въ Москвѣ русскимъ разорить до конца то немногое, что еще оставалось невредимымъ въ разоренной столицѣ, а вслѣдъ затѣмъ, получивъ донесеніе отъ полиціймейстера, направился туда и самъ. Поселившись въ своемъ домѣ (на Лубянкѣ), который почему-то былъ оставленъ французами невредимымъ, хотя

Наполеонъ и отдалъ приказаніе непремѣнно его взорвать передъ оставленіемъ Москвы (всего вѣроятнѣе, что французы отказались отъ выполненія этого намѣренія въ виду близкаго сосѣдства дома Ростопчина съ деревянной католической церковью и съ другими строеніями, уцѣлѣвшими отъ пожара), Р. долженъ былъ сразу же приняться за упорядоченіе всѣхъ сторонъ жизни въ городѣ.

Печальную картину представляла Москва въ это время. Главное вниманіе Ростопчину пришлось сосредоточить прежде всего на урегулированіи жилищнаго вопроса, на организаціи доставки съѣстныхъ припасовъ какъ для самого Московскаго населенія, такъ и для воинскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ окрестностяхъ Москвы, а также для раненыхъ русскихъ и французовъ, свозившихся туда ото всюду. Одновременно съ этимъ Ростопчину пришлось озаботиться прекращеніемъ безпорядковъ и грабежей со стороны Московской черни и подмосковныхъ крестьянъ и принять рядъ мѣръ для предотвращенія развитія эпидемическихъ заболѣваній. Въ борьбѣ съ отрицательными явленіями Р., конечно, не останавливался передъ обычными для него мѣрами и строгостями, но, не полагаясь всецѣло на нихъ, онъ снова сталъ прибѣгать къ воздѣйствію на населеніе путемъ печатнаго слова, обратившись къ крестьянамъ Московской губерніи съ новымъ воззваніемъ, въ которомъ, взывая къ патріотизму населенія и напоминая ему заслуги его по уничтоженію Французской арміи, убѣждалъ не слушаться подстрекателей и прекратить грабежи: „Бонапарта не слушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашняго вора; вѣдь опять и капитанъ-исправники, и засѣдатели вездѣ есть на мѣстѣ. Гей, ребята! живите смирно да честно“. Въ то же время Р. возобновилъ опубликованіе какъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, такъ и въ отдѣльныхъ листахъ донесеній Главнокомандующаго, приказовъ по арміи, собственныхъ своихъ распоряженій и другихъ свѣдѣній, распространеніе которыхъ среди народныхъ массъ могло содѣйствовать ихъ успокоенію. Для борьбы съ распространеніемъ заразныхъ заболѣваній Р. немедленно же приступилъ къ очищенію столицы и ея окрестностей отъ заполнявшихъ ихъ труповъ людей и животныхъ. Лошадей вывозили за городъ и тамъ предавали сожженію. Людей погребали въ братскихъ могилахъ. Кромѣ того, такъ какъ много умершихъ отъ ранъ и убитыхъ были закопаны сравнительно не глубоко, то по приказанію Ростопчина всѣ такія могилы были разрыты и найденныя въ нихъ тѣла погребены вновь—глубже. То же самое было произведено и на Бородинскомъ полѣ, и самъ Ростопчинъ выѣзжалъ туда, дабы убѣдиться, насколько точно выполнены его приказанія, и не станетъ ли угрожать это огромное кладбище распространеніемъ заразы. Въ самой Москвѣ было сожжено въ теченіе зимы 1812—1813 г. свыше 23.000 мертвыхъ тѣлъ, а на Бородинскомъ полѣ—58.630 людскихъ труповъ и 32.765 конскихъ. Благодаря этимъ, своевременно принятымъ мѣрамъ, а также холодному времени года, опасность развитія эпидемій была предотвращена, но, тѣмъ не менѣе, опасенія возможности чумныхъ заболѣваній еще долго существовали, и Ростопчину приходилось даже печатно заявлять о неосновательности подобныхъ страховъ, которые мѣшали быстрому заселенію столицы. Къ концу декабря 1812 года въ Москвѣ, благодаря указаннымъ выше мѣрамъ, насчитывалось уже до 70.000 жителей; столица начала быстро застраиваться вновь, уцѣлѣвшія зданія ремонтировались; однѣхъ лавокъ было выстроено до 3.000, базары и рынки привлекали крестьянъ почти со всей губерніи. Ростопчину пришлось также озаботиться поправкой и реставраціей Кремля и находившихся въ немъ историческихъ памятниковъ; къ счастью, взрывъ кремлевскихъ стѣнъ, произведенный французами въ моментъ отступленія изъ Москвы, несмотря на всю свою силу, произвелъ тамъ сравнительно незначительныя поврежденія, такъ что достаточно было нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы все привести въ прежній видъ. Много времени отнимало у Р. разбирательство всякаго рода споровъ по поводу разграбленнаго имущества. Прежніе собственники, находя у кого-либо свою вещь, стремились получить ее обратно и обращались за содѣйствіемъ къ Ростопчину; но послѣднему разрѣшать подобнаго рода споры, не вызывая въ то же время на себя нареканій, было почти невозможно, и онъ, въ концѣ концовъ, принужденъ былъ установить для прекращенія тяжбъ и домогательствъ, въ видѣ общаго правила, что

все имущество, пріобрѣтенное съ сентября по ноябрь 1812 года, обращалось въ добычу отъ непріятеля и оставалось за послѣднимъ пріобрѣтателемъ.

Ростопчинъ счелъ также нужнымъ, по возвращеніи въ Москву, возобновить преслѣдованіе мартинистовъ и масоновъ, а также и тѣхъ лицъ, противъ которыхъ были хотя какія-либо данныя, уличавшія ихъ въ сношеніяхъ съ французами. По его настоянію въ Москвѣ была учреждена для этого особая коммиссія, которая и занялась разслѣдованіемъ дѣятельности русскихъ подданныхъ, остававшихся въ Москвѣ, и ихъ участія въ организованномъ французами городскомъ самоуправленіи. Въ числѣ прочихъ были обвинены имъ гофъ-маклеръ Коммерческаго Банка Г. Н. Кольчугинъ (переводчикъ поэмы Геслера „Авелева смерть“) и преподаватель Московскаго Университета Годфруа, высланный въ Оренбургъ. Такъ какъ всѣ Московскіе соборы, монастыри и церкви требовали освященія, то Ростопчинъ еще 18-го октября 1812 г. обратился съ письмомъ къ Московскому викарію Августину, въ которомъ просилъ его направить свой путь „къ первопрестольному граду, коего жители желаютъ возвращенія Вашего, церкви — освященія и всѣ истинные христіане присутствія чудотворныхъ иконъ для принесенія теплыхъ молитвъ за избавленіе отъ нашествія врага и униженія гордыни его“.

Къ концу декабря 1812 г. въ Москвѣ уже снова дѣйствовали почти всѣ присутственныя мѣста, возобновлены были регулярныя почтовыя сношенія, и вся жизнь постепенно начала входить въ свое обычное русло; но исключительность обстоятельствъ того времени требовала и чрезвычайныхъ мѣръ и такого напряженія со стороны самого общества, на которое далеко не всѣ были способны. Ассигнованныхъ Александромъ I 2.000.000 рублей на оказаніе помощи бѣднѣйшему населенію было, конечно, далеко недостаточно; пособія приходилось выдавать далеко не всѣмъ и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, а такъ какъ главное завѣдываніе раздачею этихъ пособій было возложено на Р., то на него же посыпались и разнаго рода упреки. Учрежденное имъ особое отдѣленіе при Приказѣ Общественнаго Призрѣнія для помощи и поддержки безпріютнаго населенія также не могло удовлетворить всѣхъ желающихъ; собственники имуществъ были недовольны тѣмъ, что, озабочиваясь сборомъ средствъ въ опустѣвшую государственную казну, Ростопчинъ распорядился взымать съ нихъ налоги и за то время, когда Москва находилась во власти французовъ; наконецъ, всѣ, кому сожженіе столицы причинило непоправимые убытки, въ душѣ не могли простить Московскаго пожара тому, на кого стоустая молва указывала, какъ на главнаго виновника. Недовольство это возникло, правда, не сразу,—оно накапливалось постепенно и особенно сильно стало проявляться къ концу службы Ростопчина въ Москвѣ; въ первые же мѣсяцы по оставленіи столицы французами общій энтузіазмъ по случаю побѣдъ Русской арміи надъ отступавшимъ непріятелемъ былъ еще настолько силенъ, что каждое публиковавшееся Ростопчинымъ извѣстіе съ театра военныхъ дѣйствій встрѣчалось съ радостью; когда же, наконецъ, въ Москвѣ было получено извѣстіе объ окончательномъ пораженіи Наполеона, самъ Р. распорядился организовать по городу празднества и богато иллюминовалъ свой собственный домъ. Но, тѣмъ не менѣе, несмотря на энтузіазмъ, Ростопчину приходилось на каждомъ шагу наталкиваться на проявленія неудовольствія его дѣятельностью. Даже самъ Московскій пожаръ, являвшійся основой славы Ростопчина, первоначально вызвалъ двойственное отношеніе къ себѣ. Многіе изъ современниковъ этого событія разсказываютъ, что первоначально даже въ Петербургѣ можно было слышать проклятія по адресу Р., котораго обвиняли въ чудовищной жестокости,—и только когда проклинать Ростопчина начали сами французы, въ Русскомъ общественномъ мнѣніи произошелъ коренной переворотъ.

Не будучи въ состояніи многое брать на свое личное усмотрѣніе, Р. сталъ собираться, въ декабрѣ 1812 г., съѣздить въ Петербургъ, чтобы въ личной бесѣдѣ съ Государемъ представить ему истинное положеніе дѣлъ, ходатайствовать объ облегченіи участи пострадавшаго отъ войны Московскаго населенія и разрѣшить рядъ назрѣвшихъ по административному управленію столицей вопросовъ и недоумѣній. Кромѣ того, онъ хотѣлъ лично представить Имп. Александру къ наградѣ тѣхъ изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, которые, по его мнѣнію,

этого болѣе всего заслуживали. Но поѣздкѣ этой не суждено было осуществиться, такъ какъ вскорѣ Александръ Павловичъ надолго покинулъ сѣверную столицу, отправившись сперва въ Вильно, а оттуда за границу. Не успѣвъ, такимъ образомъ, осуществить своихъ намѣреній путемъ личныхъ объясненій съ Государемъ, Р., продолжая оставаться на посту Главнокомандующаго до сентября 1814 г., успѣлъ добиться учрежденія въ Москвѣ „Коммиссіи для строенія", которая была образована по Высочайшему повелѣнію отъ 26-го мая 1813 г., при чемъ для ея цѣлей была отпущена ссуда въ 5 милліоновъ рублей съ разсрочкою этихъ денегъ на пять лѣтъ.

11-го іюля 1813 г. на имя Р. послѣдовалъ указъ, которымъ на него было возложено регулированіе рекрутскихъ наборовъ въ Московской губерніи и было предписано при осуществленіи ихъ учитывать то напряженіе, какое понесло въ предыдущемъ году Московское дворянство, выставившее въ усиленномъ размѣрѣ ополченіе. Другимъ, болѣе раннимъ Высочайшимъ приказомъ ему поручалось собирать у себя въ Москвѣ всю отнятую у французовъ артиллерію, которую туда долженъ былъ направлять, по распоряженію Государя, Кутузовъ, чтобы затѣмъ соорудить изъ нея достойный памятникъ славы Русскаго оружія—„для уничиженія и помраченія самохвальства" непріятеля.

Между тѣмъ, здоровье графа, — вообще говоря, крѣпкое, — начало расшатываться.

Страшное напряженіе, которое Р. пришлось нережить передъ оставленіемъ Москвы французамъ, конечно, не могло пройти для него безслѣдно; къ этому присоединились лишенія лагерной жизни по оставленіи Москвы, къ которымъ онъ никогда не былъ пріученъ. Еще въ сентябрѣ 1812 г. въ лагерѣ подъ Тарутиномъ у него начались первые признаки серьезнаго разстройства здоровья, выражавшіеся первоначально въ безпричинныхъ обморокахъ. Къ служебнымъ заботамъ присоединились еще безпрестанныя огорченія, дѣйствовавшія на здоровье Р. самымъ губительнымъ образомъ. Нервный и быстро возбуждающійся по натурѣ, онъ слишкомъ сильно реагировалъ на малѣйшее противодѣйствіе или даже на разногласіе съ нимъ во мнѣніяхъ. Поводовъ же для раздраженія у Р. было болѣе, чѣмъ достаточно. Особенно много огорченій должны были ему доставить лукавыя отношенія къ нему Кутузова, а впослѣдствіи обильную пищу для постоянныхъ раздраженій доставляли ему жалобы и нареканія со стороны пострадавшихъ Московскихъ жителей. Вскорѣ во главѣ всѣхъ недовольныхъ Ростопчинымъ сталъ тогдашній начальникъ Кремлевской Экспедиціи П. С. Валуевъ; отношенія Р. съ нимъ крайне обострились. Слѣдуетъ отмѣтить, что Р. еще до занятія Москвы французами какъ бы предвидѣлъ, что его одного какъ главнаго начальника столицы, станутъ потомъ обвинять за всѣ тяжелыя послѣдствія оставленія Москвы. Когда въ Москвѣ были получены извѣстія объ исходѣ Бородинской битвы, Ростопчинъ, не сомнѣвавшійся болѣе въ неизбѣжности гибели Москвы, говорилъ тогда Булгакову: „Москва—не Можайскъ... Москва—Россія! Все это ужасное бремя ляжетъ на меня! Что я буду дѣлать?"... И въ отвѣтъ на успокоительныя завѣренія своего собесѣдника, старавшагося увѣрить графа, что отвѣтственность за оставленіе столицы долженъ нести главнокомандующій арміей, Р. возражалъ тогда: „такъ не будетъ никто судить, я буду всему виною... Я буду за все и всѣмъ отвѣчать... меня станутъ проклинать сперва барыни, а тамъ купцы, мѣщане, подъячіе, а тамъ всѣ умники и православный народъ... Я знаю *Москву!*" Дальнѣйшія событія дѣйствительно показали, что онъ не ошибся. Позднѣе, когда всеобщее недовольство противъ него достигло своего апогея, онъ попытался оправдаться, напечатавъ въ мартѣ 1813 года въ „Русскомъ Вѣстникѣ" письмо къ издателю, въ которомъ пытался защищаться тѣмъ, что онъ никого не удерживалъ въ Москвѣ. Забывая о томъ, какъ въ своихъ афишкахъ онъ клялся, что Москва не будетъ отдана французамъ, Ростопчинъ теперь упиралъ главнымъ образомъ на то, что защита Москвы зависѣла не отъ него, что онъ даже не былъ приглашенъ 1-го сентября на военный совѣтъ въ Филяхъ. „Меня бранятъ за то, говорилъ онъ въ этомъ письмѣ, что (если смѣю сказать) для многихъ здоровыхъ людей рубль дороже жизни".

Въ результатѣ всѣхъ этихъ огорченій у Р. образовалось разлитіе желчи, разстроились нервы, началась ипохондрія, доставлявшая ему много страданій, и здоровье его вообще сильно пошатнулось. По отзывамъ совре-

менниковъ, Ростопчинъ въ это время „сильно похудѣлъ, утратилъ свою насмѣшливую улыбку. На лбу его, еще болѣе обнажившемся отъ волосъ и покрытомъ морщинами, лежала печать тяжкой думы“... Но онъ продолжалъ оставаться на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока не возвратился изъ Франціи Имп. Александръ. Послѣдній хотя и не могъ слѣдить во время пребыванія за границей за дѣятельностью Ростопчина, но до него все же доходили постоянныя на него жалобы. Александръ I возвратился въ Петербургъ въ серединѣ іюля 1814 года, а уже 30-го августа состоялась отставка Ростопчина отъ должности Главнокомандующаго Москвы. Къ удивленію Р., онъ былъ оставленъ въ званіи состоящаго при особѣ Государя и пожалованъ при этомъ въ званіе члена Государственнаго Совѣта.

Еще будучи Главнокомандующимъ въ Москвѣ, Р. задумалъ-было издать на свой собственный счетъ роскошное описаніе Отечественной войны съ портретами всѣхъ лицъ, отличившихся во время нея. Съ этой цѣлью онъ началъ собирать матеріалы и поручилъ талантливому художнику А. Л. Витбергу (впослѣдствіи академику) рисовать для этого изданія виньеты, картины и портреты, но начавшаяся вскорѣ ипохондрія помѣшала ему осуществить это благое намѣреніе. Изъ собранныхъ же Ростопчинымъ матеріаловъ былъ имъ опубликованъ только „Подробный списокъ всѣхъ корпусовъ, составлявшихъ французскую Армію въ 1812 году, съ приложеніемъ росписанія потерь...“, составленный имъ по рапортамъ Французскаго Генеральнаго Штаба, покинутымъ въ Москвѣ Принцемъ Невшательскимъ (Бертье); изданіе этого списка Р. снабдилъ своимъ предисловіемъ, въ которомъ указывалъ, откуда заимствованы имъ публикуемыя свѣдѣнія.

По выходѣ въ отставку и по приведеніи въ порядокъ своихъ личныхъ дѣлъ, Р. пробылъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, но, окончательно убѣдившись, какъ враждебно настроены противъ него придворныя сферы, онъ счелъ за лучшее на время совершенно удалиться отъ дѣлъ; сперва его намѣреніемъ было снова поселиться въ сожженномъ имъ самимъ Вороновѣ, но все продолжавшая развиваться болѣзнь, осложнившаяся появленіемъ геморроидальныхъ страданій, вынудила его отказаться отъ этого плана и уѣхать за границу. Р. выѣхалъ 16-го мая 1815 года, разсчитывая провести внѣ Россіи только курсъ лѣченія, но ему суждено было остаться за границей въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ, т.-е. до конца 1823 года.

Первоначально Р. направился въ Германію, пробылъ нѣкоторое время въ Берлинѣ, а оттуда поѣхалъ въ Карлсбадъ, гдѣ и приступилъ къ леченію. Оставленіе Россіи должно было въ общемъ подѣйствовать на Р. благотворно уже по одному тому, что онъ удалялся отъ самаго источника своихъ постоянныхъ раздраженій. За границей его никто не только не донималъ жалобами, но, напротивъ, часто даже самое имя его, какъ виновника Московскаго пожара, вызывало чувства уваженія и изумленія. Правда, примѣры подобнаго преклоненія передъ подвигомъ, всѣми ему приписываемымъ, Ростопчину приходилось встрѣчать со стороны иностранцевъ еще и въ Россіи. Такъ, напр., онъ самъ разсказывалъ со смѣхомъ А. Ѳ. Брокеру про пріѣзжихъ англичанъ, остававшихся въ Петербургѣ спеціально съ тѣмъ, чтобы получить возможность взглянуть на него. Еще тогда же доходили до него, конечно, извѣстія, что за границей имя его повсюду пользуется почетомъ, что, напр., въ Ливерпулѣ новой городской площади дали его имя, что въ Испаніи вошло въ пословицу говорить „Это Ростопчинъ!“, если что-нибудь было очень сильно или честно... Но тамъ, на родинѣ, къ этого рода фактамъ,—конечно, льстившимъ самолюбію графа,—присоединялись и огорчавшія его непріятности и, какъ онъ думалъ, неблагодарность соотечественниковъ. За границей же его почти повсюду ожидалъ самый трогательный пріемъ. Почти вездѣ въ городахъ къ его пріѣзду собирались изъ окрестностей жители, дамы просили позволенія зайти въ его комнату и, извиняясь, объясняли свой визитъ желаніемъ взглянуть на виновника гибели Наполеона; отцы приводили съ тою же цѣлью дѣтей, хозяева гостинницъ отказывались брать съ него плату, а городскія власти просили разрѣшенія срисовать съ него портретъ... Все это вниманіе, разумѣется, сильно трогало Р., трогало „чрезвычайно, до слезъ“,—какъ онъ самъ признавался въ своихъ письмахъ къ русскимъ друзьямъ, и утѣшало за перенесенныя въ прошломъ обиды. „Въ Нѣмецкой землѣ“, говорилъ онъ въ одномъ изъ

своихъ писемъ: „мнѣ дѣлаютъ почести и признаютъ главнымъ орудіемъ гибели Наполеона. По крайней мѣрѣ, когда своимъ не угодилъ, то чужіе спасибо скажутъ".

Интересъ, возбужденный Ростопчинымъ за границей, не ослабѣвалъ почти все время его пребыванія тамъ; даже напротивъ,—онъ достигалъ своего апогея, когда Р. случалось попадать въ крупные центры. Въ Берлинѣ его пригласилъ къ себѣ Прусскій Король; въ Парижѣ, куда Р. направился послѣ лѣченія въ Карлсбадѣ и гдѣ онъ рѣшилъ остановиться на болѣе продолжительное время вмѣстѣ со своей семьей, онъ также и при томъ неоднократно получалъ аудіенціи, а въ 1820 году спеціально былъ приглашенъ въ Лондонъ Англійскимъ Королемъ Георгомъ IV, пожелавшимъ познакомиться съ прославившимся Русскимъ вельможей. Ростопчинъ тѣмъ охотнѣе исполнилъ просьбу Георга IV, что онъ самъ въ 1814 году, еще будучи въ Россіи, добивался, черезъ посредство своего друга графа Воронцова, оказанія ему какой-либо почести со стороны Англіи и въ особенности ея столицы—Лондона.

Съ 1817 года Р. окончательно устроился за границею со всею своею семьей, рѣшивъ обосноваться въ Парижѣ; оттуда онъ часто предпринималъ путешествія и по другимъ странамъ, побывалъ въ Италіи и снова посѣтилъ Германію и Англію. Въ Парижѣ онъ продолжалъ вызывать всеобщее любопытство, и часто случалось, напр., во время спектаклей, что взоры всей публики обращались не на сцену, а на ложу, занимаемую Ростопчинымъ. Не прекращавшаяся болѣзнь заставляла Р. время отъ времени возобновлять свое лѣченіе—главнымъ образомъ въ Баденѣ.

Выѣхавъ за границу вмѣстѣ съ семьею,—въ томъ числѣ со старшимъ сыномъ своимъ Сергѣемъ, подававшимъ большія надежды въ первые годы своей службы, но вскорѣ сильно разстроившимъ свое здоровье непрерывными кутежами, Ростопчинъ вскорѣ долженъ былъ окончательно разочароваться въ своемъ первенцѣ. Послѣдній, пренебрегая лѣченіемъ, продолжалъ вести въ Парижѣ настолько широкую жизнь, что вскорѣ вошелъ въ большіе долги. Уплативъ нѣсколько разъ долги сына, Р. въ концѣ концовъ отказался погашать ихъ,—и молодой Ростопчинъ попалъ въ долговую тюрьму—St.-Pélagie. Многіе упрекали отца въ жестокосердіи, тѣмъ болѣе, что онъ все-таки уплатилъ долги сына, собравъ всѣхъ его кредиторовъ и уплативъ имъ болѣе 85.000 рублей.

Еще болѣе серьезное огорченіе доставляло Р. въ послѣдніе годы его жизни поведеніе его супруги, графини Екатерины Петровны (см. выше), перешедшей въ католичество и стремившейся обратить въ католицизмъ своихъ дѣтей, родныхъ и даже знакомыхъ. Такъ, вслѣдъ за женой въ католичество перешли и дочери Р., что̀ заставило Р. приложить всѣ усилія къ тому, чтобы предохранить отъ этого шага хотя бы своего младшаго сына Андрея. Съ годами здоровье Р. все болѣе разстраивалось, чему много способствовали семейныя неурядицы. Ко всему этому присоединилась, наконецъ, и тоска по родинѣ. Покинувъ Россію неоцѣнённымъ, Р. могъ, однако, надѣяться, что съ теченіемъ времени и тамъ его заслуги оцѣнятъ по достоинству. Но годы шли, а на родинѣ о немъ почти не вспоминали; самъ же онъ, хотя и провелъ за границей болѣе 8 лѣтъ, не могъ никакъ привыкнуть къ новому укладу жизни; когда же и за границей постепенно привыкли къ его имени, перестали говорить о его заслугахъ и постепенно стали забывать о немъ, его все сильнѣе начало тянуть въ Россію. Задумавъ вернуться на родину, Ростопчинъ долженъ былъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы примирить себя съ общественнымъ мнѣніемъ Россіи и Москвы; съ этою цѣлью, еще будучи въ Парижѣ, онъ подготовилъ и издалъ свою „Правду о Московскомъ пожарѣ" („La vérité sur l'incendie de Moscou"), надѣлавшую въ свое время такъ много шума и поразившую современниковъ. Съ этою же цѣлью Р. задумалъ—и частью осуществилъ—рядъ другихъ работъ, которыя также должны были служить оправданіемъ его дѣятельности въ качествѣ Московскаго Главнокомандующаго. Такъ, въ 1824 г. онъ собралъ и подготовлялъ къ печати свою переписку съ Кутузовымъ, но осуществить это немѣреніе ему почему-то не удалось. Приблизительно тогда же (т.-е., вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію) Ростопчинъ написалъ и свои „Воспоминанія о 1812 годѣ", которыя также, надо думать, предназначались къ печати, но остались неизданными и послѣ смерти ихъ автора были

взяты вмѣстѣ съ перепиской и другими бумагами Р. и отданы на храненіе въ Государственный Архивъ. Содержаніе ихъ ясно свидѣтельствуетъ, что они написаны долгое время спустя послѣ описываемыхъ событій, когда свѣжесть впечатлѣній успѣла уже сильно поблекнуть, а потому въ нихъ неоднократно встрѣчаются противорѣчія съ тѣмъ, что дѣлалъ и заявлялъ Р. въ качествѣ активнаго участника Отечественной войны.

Окончательнымъ толчкомъ, побудившимъ Р. разстаться съ Парижемъ и вернуться на родину, явилась болѣзнь его младшей, нѣжнолюбимой имъ дочери Елизаветы, только что выступившей въ свѣтѣ и сразу же пріобрѣвшей репутацію красавицы и дѣвушки рѣдкаго, блестящаго ума. Въ надеждѣ, что больной поможетъ климатъ родины, отецъ перевезъ ее первоначально въ свое подмосковное село Вороново, барскій домъ въ которомъ, сожженный Ростопчинымъ въ 1812 г., былъ уже возобновленъ. По дорогѣ въ Россію самъ Р. заболѣлъ и принужденъ былъ остановиться въ Лембергѣ,—вслѣдствіе чего переѣздъ его въ Москву осуществился лишь къ серединѣ сентября 1823 года. Почти тотчасъ же по возвращеніи въ Россію, именно въ серединѣ октября, Р. сталъ хлопотать объ окончательномъ выходѣ въ отставку, хотя и до того онъ лишь номинально числился членомъ Государственнаго Совѣта. Желаніе его было исполнено и 14-го декабря 1823 г. онъ былъ уволенъ, съ сохраненіемъ, однако, званія оберъ-камергера.

Получивъ черезъ Аракчеева указъ объ увольненіи, Р. писалъ этому временщику: „Извѣщеніе о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня отъ службы я имѣлъ честь получить. Теперь остается мнѣ единственно избрать кладбище, гдѣ, соединясь съ прахомъ вельможъ и нищихъ сего міра, пролежу до страшнаго суда, на коемъ предстану съ чистой совѣстію предъ правосудіемъ Божіимъ. Пожелавъ сего всякому христіанину и Вамъ, имѣю честь пребыть и пр.“.

Здоровье дочери, однако, не поправлялось и въ Подмосковской деревнѣ; Р. вскорѣ переѣхалъ ради нея въ свое Ливенское помѣстье, но и тамъ болѣзнь дѣвушки продолжала прогрессировать, и она скончалась въ Москвѣ 1-го марта 1825 г. Смерть ея окончательно сразила Ростопчина, и безъ того уже надломленнаго; съ возвращенія въ Москву онъ все время сильно хворалъ; состоявшіеся въ декабрѣ два консиліума врачей нашли у него начало астмы, разлитіе желчи и геморрой. Наканунѣ Рождества 1825 г. судороги и удушье до того усилились, что близкіе рѣшили пригласить священника. Больной успѣлъ исповѣдаться и причаститься, а черезъ день, 26-го декабря, его поразилъ припадокъ нервнаго паралича, отнявшій у него способность рѣчи. Съ этихъ поръ онъ уже не поднимался съ постели, почти не владѣлъ языкомъ, хотя и продолжалъ оставаться въ полной памяти. Эта предсмертная агонія затянулась почти на мѣсяцъ; каждую минуту можно было ожидать паралича мозга, но крѣпкій организмъ Р. продолжалъ упорно бороться. Онъ успѣлъ еще составить новое (второе) завѣщаніе, которымъ лишилъ наслѣдства свою жену, тогда какъ по первому завѣщанію, написанному имъ еще въ 1811 г., ей предоставлялось все его огромное состояніе. Въ заботахъ о своихъ младшихъ дѣтяхъ, въ особенности о сынѣ Андреѣ, Р. назначилъ опекунами А. Ѳ. Брокера и Д. В. Нарышкина (мужа своей младшей дочери—Наталіи Ѳедоровны), завѣщавъ имъ препятствовать совращенію женой сына въ католицизмъ. Брокеръ, неотлучно проведшій при постели больного почти мѣсяцъ, кромѣ того, былъ назначенъ душеприказчикомъ, и ему умирающій поручалъ разобрать послѣ евоей смерти бумаги и сохранить ихъ для младшаго сына.

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ умеръ 18-го января 1826 г., въ 7 ч. 20 мин. утра, въ Москвѣ. Погребеніе его состоялось при большомъ стеченіи народа на Московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой его дочери Елизаветы и другихъ дѣтей. Исполняя волю покойнаго, на могилу его возложили простую мраморную плиту съ лаконической надписью: „Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, оберъ-камергеръ; родился 12 марта 1765 г., умеръ 18 января 1826 г.“ и съ эпитафіей его собственнаго сочиненія: „Посреди своихъ дѣтей покоюсь отъ людей“.

Кромѣ дочери Елизаветы (см. выше) у Ростопчина были еще слѣдующія дѣти: Сергѣй (род. въ 1793 г., ум. 4-го апрѣля 1836; см. выше), Наталья, въ 1819 г. вышедшая замужъ за Дмитрія Васильевича Нарышкина,

бывшаго впослѣдствіи Таврическимъ губернаторомъ (скончалась въ Царскомъ Селѣ 2-го іюля 1863 г., погребена въ Москвѣ, съ отцомъ), Софья (род. въ іюлѣ 1799 г.), бывшая за графомъ Евгеніемъ де-Сегюръ, Марія (род. и ум. въ 1805 г.), Павелъ (род. 27-го января 1811, ум. 12-го августа того же года) и Андрей (см. выше), женатый на Евдокіи Петровнѣ Сушковой, извѣстной писательницѣ (см. выше).

Извѣстно нѣсколько портретовъ Ростопчина, изъ коихъ писанный художникомъ Сальваторомъ Тончи находится нынѣ въ залѣ Совѣта Имп. Акад. Художествъ (этотъ портретъ гравированъ Клауберомъ); другой портретъ, работы Кипренскаго, находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; третій, работы А. Л. Витберга—въ Московскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ; четвертый, карандашный, неизвѣстнаго художника,—въ собраніи портретовъ русскихъ дѣятелей въ Румянцовскомъ Музеѣ. Существуетъ много гравированныхъ портретовъ Р.; однихъ основныхъ оригиналовъ считается пять, число же различныхъ копій съ нихъ доходитъ до 30,—въ томъ числѣ, правда, и нѣсколько карикатуръ. Изъ гравюръ одною изъ лучшихъ считается портретъ работы Клаубера, изображающій графа на 37-мъ году его жизни, а за болѣе позднее время самымъ похожимъ считается портретъ, гравированный Осиповымъ въ 1812 г. Подъ однимъ изъ этихъ портретовъ Р. подписалъ въ годы своего вынужденнаго бездѣйствія двустишіе: „Безъ дѣла и безъ скуки сижу, поджавши руки“; другую гравюру онъ снабдилъ такой же краткой надписью: „Онъ въ Москвѣ родился и ей пригодился“; наконецъ, на третьемъ портретѣ извѣстна слѣдующая стихотворная надпись, принадлежащая перу самого Р.: „Je suis né Tartare et j'ai voulu être Romain. Les Français m'ont fait barbare, et les Russes—Georges-Dandin“.

Не о многихъ дѣятеляхъ Русской исторіи существуетъ столько разнообразныхъ и большей частью противорѣчивыхъ и непримиримыхъ характеристикъ, какъ о Ростопчинѣ. Уже одно это свидѣтельствуетъ, что онъ былъ личностью незаурядною, оригинальною, съ трудомъ укладывающеюся въ рамки обычнаго пониманія. Трудно, поэтому, дать его исчерпывающую и всеобъемлющую характеристику, пріемлемую какъ для почитателей, такъ и для противниковъ его, когда даже въ оцѣнкѣ одной его политической роли въ 1812 г. приходится сталкиваться съ такими діаметрально противоположными отзывами, какъ эпитеты „Геростратъ“ и „несравненный патріотъ“. Оцѣнка его личнаго характера также представляетъ не мало затрудненій въ виду тѣхъ противорѣчій, какія были заложены въ немъ самою природой. По внѣшности Р. былъ средняго роста, плотнаго тѣлосложенія; широкое лицо и хотя правильный, но короткій носъ какъ бы напоминали о его монгольскомъ происхожденіи; онъ имѣлъ голубые глаза, въ движеніяхъ былъ быстръ и даже рѣзокъ. Онъ самъ говорилъ про себя: „ростомъ великъ, лицемъ калмыкъ, плѣшивъ, не спесивъ, сердцемъ прямъ“... Нервный, раздражительный и даже желчный во вторую половину жизни темпераментъ дѣлалъ Ростопчина не всегда уживчивымъ, но это качество не помѣшало ему завязывать и поддерживать продолжительныя и живыя связи съ такими людьми, какъ князь Цицiановъ, графъ Воронцовъ, графъ Головинъ, Карамзинъ и др. Раздражительность не мѣшала ему быть общительнымъ, и онъ умѣлъ соединять въ себѣ, говоря словами одного изъ его біографовъ, „неумолимую жестокость башкира съ любезностью француза начала XIX вѣка“. Въ немъ, дѣйствительно, непостижимымъ образомъ соединялись коренной русскій, истый москвичъ—съ чистокровнымъ парижаниномъ. По отзывамъ большинства современниковъ, Р. былъ вообще человѣкомъ словоохотливымъ, былъ чуждъ всякаго педантства, натяжекъ и принужденія; обладалъ даромъ краснорѣчія, почему роль его собесѣдника сводилась лишь къ тому, чтобы слушать его пересыпанную остроумными выраженіями рѣчь. Онъ всегда умѣлъ соразмѣрять свои разсказы съ умомъ и понятіями того, съ кѣмъ разговаривалъ. Сообщество людей ему было необходимо, — по отзыву одного изъ современниковъ, „какъ хирургу-оператору нужна клиника...; уединеніе, отшельничество не могли ладить съ натурой его: онъ любилъ быть дѣйствующимъ лицомъ на живой и свѣтской сценѣ; ему, какъ актеру, отличающемуся великимъ дарованіемъ и художествомъ, нужны были партеръ и ложи, занятыя избранными и блестящими слушательницами... Въ избранныхъ салонахъ онъ былъ душою общества.

Онъ прекрасно владѣлъ даромъ слова, по-русски и по-французски. При немъ охотникамъ говорить самимъ было мало простора. Разговоръ его былъ разнообразенъ содержаніемъ, богатъ красками и переливами оттѣнковъ. Онъ хорошо зналъ историческое царствованіе Екатерины и анекдотическое царствованіе Павла. Онъ былъ довольно искрененъ и распашистъ въ воспоминаніяхъ и разсказахъ своихъ... Въ продолженіе рѣчи своей имѣлъ привычку медленно и, такъ сказать, поверхностно принюхивать щепотку табаку, особенно передъ острымъ словомъ или при остромъ словѣ; онъ табакомъ, какъ будто порохомъ, заряжалъ свой выстрѣлъ. Острословіе было отличительной чертой Ростопчина какъ въ его бесѣдахъ, такъ и въ перепискѣ, и многимъ было небезопасно попасть подъ его перо или подъ его острый, какъ бритва, языкъ. Онъ умѣлъ, говоря словами русской пословицы, „подбивать слова бархатныя атласомъ“. Порою эта острота переходила у него въ насмѣшливость и злорѣчіе, отъ котораго, въ концѣ концовъ, подъ конецъ жизни ему пришлось поплатиться самому: покинутый обществомъ, онъ доживалъ свой вѣкъ въ одинокомъ желчномъ раздраженіи. Слывя за хорошаго разсказчика, Р. умѣлъ отмѣнно искусно представлять въ лицахъ разные случаи“... Его разсказы всегда имѣли широкій успѣхъ. Про себя самого онъ такъ писалъ въ своей автобіографіи: „Былъ христіанинъ, россіянинъ, бахарь, пахарь, язычникъ, птичникъ, наѣздникъ, насмѣшникъ, читатель, писатель и во весь вѣкъ—честный человѣкъ“. Ѣдкая насмѣшка не покидала Ростопчина почти до самой его кончины. Извѣстны его слова, сказанныя имъ о декабристахъ, когда онъ самъ стоялъ уже одной ногой въ гробу: „Обыкновенно сапожники дѣлаютъ революцію, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками“.

Проявившаяся во вторую половину его жизни желчность имѣла своимъ послѣдствіемъ развитіе въ характерѣ Р., подъ конецъ его жизни, мизантропіи, которая такъ противорѣчила его общительности; на первыхъ порахъ это новое настроеніе проявлялось въ немъ лишь урывками, и ему часто удавалось подавлять въ себѣ такіе приступы; но съ годами его презрѣніе къ людямъ все болѣе возрастало, чѣмъ больше ему приходилось углубляться въ жизнь и приходить въ столкновеніе съ людьми. Первоначально оно, быть можетъ, находило себѣ исходъ въ его ненависти къ Франціи и къ французамъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и ругалъ на чистомъ французскомъ языкѣ, поражая ихъ оружіемъ, которое онъ у нихъ же самъ заимствовалъ. Позднѣе, особенно въ годы невольнаго изгнанія, это чувство овладѣло имъ почти всецѣло, находя для себя пищу сперва въ двусмысленныхъ отношеніяхъ къ нему Кутузова, затѣмъ въ неблагодарности къ нему москвичей и, наконецъ, въ охлажденіи Императора Александра.

Большинство современниковъ считало Ростопчина человѣкомъ весьма талантливымъ и энергичнымъ; его ума не отрицала и Екатерина Великая, называвшая его за его гаерскія выходки „сумасшедшимъ Ѳедькой“; цѣнилъ его и фельдмаршалъ Суворовъ. Но умъ Ростопчина былъ нѣсколько особаго свойства: въ немъ было больше блеска и внезапности, чѣмъ основательности и убѣжденія; онъ былъ достаточно разностороненъ, чтобы не замкнуться въ узкомъ кругу одной какой-нибудь спеціальности, но въ немъ не было и той широты и мощи, которая такъ необходима для дѣятельности государственной. Эти качества обезпечили Ростопчину его жизненный успѣхъ, но они же намѣтили и предѣлъ его. Что касается нравственной характеристики Ростопчина, то нельзя умолчать о такихъ его качествахъ, какъ неподкупная честность и искренность характера; можно разно оцѣнивать его отношенія къ Императору Павлу I, но нельзя отказать ему въ преданности и благодарности, какую онъ всегда питалъ къ своему благодѣтелю и къ его памяти. Онъ былъ на рѣдкость щепетиленъ относительно личныхъ просьбъ; во многихъ поступкахъ, какъ, напр., въ пожертвованіи своею усадьбою въ Воронове или имуществомъ въ Москвѣ, онъ выступаетъ настоящимъ рыцаремъ, но наряду съ этимъ, въ силу своей страстности и невоздержности, онъ бывалъ порою безъ мѣры жестокъ и безпощадно суровъ къ тѣмъ, кто становился на его пути. Рисуя свой нравственный портретъ, Р. самъ говоритъ, что онъ „былъ упрямъ, какъ лошакъ, капризенъ, какъ кокетка, веселъ, какъ дитя, дѣятеленъ,

какъ Бонапарте,—но все это, когда и какъ вздумается". Несмотря на всю рѣзкость и прямолинейность своего характера, Ростопчинъ былъ добръ и великодушенъ; плохой педагогъ сочетался въ немъ съ нѣжнымъ отцомъ, и это сочетаніе явилось одною изъ основныхъ причинъ крушенія его семейнаго счастія. Ко всему этому надо, наконецъ, добавить, что Р. обладалъ рѣдкою наблюдательностью, умѣньемъ быстро схватывать и подмѣчать особенности народной жизни и чуждой ему среды. За годы своего вынужденнаго пребыванія въ деревнѣ подъ Москвой онъ до тонкости изучилъ психологію великорусскаго простонародья, что̀ и использовалъ въ своихъ пламенныхъ дружескихъ посланіяхъ. Таковъ встаетъ предъ нами обликъ Ростопчина; онъ имѣлъ полное право сказать про себя въ концѣ жизни: „вышелъ самъ собою, дѣлами, чинами, орденами, мѣстами въ вельможи".

Выше уже было указано, какое важное историческое значеніе имѣетъ переписка Ростопчина съ Имп. Александромъ. Не менѣе замѣчательна, но значительно болѣе обширна переписка Р. съ графомъ С. Р. Воронцовымъ. Сближеніе Р. съ тогдашнимъ Русскимъ посломъ въ Лондонѣ относится къ самой началѣ карьеры перваго,—а именно къ періоду его заграничнаго путешествія въ 1787—1788 г., когда, будучи всего въ чинѣ поручика Преображенскаго полка, молодой Ростопчинъ посѣтилъ Англію и здѣсь обратилъ на себя вниманіе Воронцова, когда-то также начавшаго свою службу въ Преображенскомъ полку. Воронцовъ принялъ близкое участіе въ судьбѣ молодого офицера, и между ними, несмотря на значительную разницу лѣтъ и полное несоотвѣтствіе положеній, завязалась уже тогда живая переписка, оборвавшаяся затѣмъ въ 1803 г. и возобновившаяся въ 1813 году. Особенно усернымъ корреспондентомъ Р. былъ въ годы царствованія Екатерины II; руководимый отчасти чувствомъ благодарности, отчасти же высокимъ почитаніемъ, съ какимъ онъ относился къ своему покровителю, онъ не уставалъ посвящать его во всѣ себытія придворной жизни, во всѣ толки, слухи и мелочи придворныхъ интригъ.

Съ воцареніемъ Павла I роль обоихъ друзей радикально измѣнилась въ связи съ перемѣной положенія самого Ростопчина, но переписка ихъ отъ этого еще болѣе выиграла въ интересѣ. Ставъ близко къ кормилу власти, Р. не только пересталъ нуждаться въ поддержкѣ своего Лондонскаго друга, но, по ироніи судьбы, самъ превратился въ его покровителя. Въ первые же дни новаго царствованія онъ выхлопоталъ ему чинъ и вообще постарался расположить Павла въ пользу Воронцова. Это ему и удалось какъ нельзя болѣе, и онъ писалъ по этому поводу въ Лондонъ: „Знайте, что ваша личность и ваши труды угодны и нужны Императору,—не лишайте его такого слуги, какъ Вы". Ростопчину удалось также настоять на томъ, чтобы Воронцовъ былъ оставленъ въ Лондонѣ, тогда какъ Павелъ I первоначально проектировалъ вызвать его въ Петербургъ. Эта услуга была особенно цѣнна для Воронцова, который не хотѣлъ разставаться съ Англіей и уже подумывалъ объ отставкѣ. Но и помимо этой Ростопчинъ оказалъ своему другу не мало иныхъ услугъ, щедро отплативъ ему за прежнее участіе въ его судьбѣ, и Воронцовъ въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ не переставалъ его благодарить. Въ письмахъ Р. за этотъ періодъ, когда онъ стоялъ во главѣ управленія политическими дѣлами, находится множество сообщеній животрепещущаго интереса, приправленныхъ желчными и рѣзкими выходками по адресу отдѣльныхъ лицъ. Въ этой письменной бесѣдѣ, не прекращавшейся въ теченіе ряда лѣтъ, Р. отводилъ свою душу, дѣлился съ Воронцовымъ всѣми новостями, перемѣнами, проектами и планами; письма эти по историческимъ показаніямъ должны быть причислены къ важнѣйшимъ документамъ эпохи, хотя и не всегда, быть можетъ, безпристрастнымъ. Лишь начиная съ 1800 г. письма Ростопчина становятся болѣе краткими, отрывочными и служатъ скорѣе намеками на то, что приходилось ему переживать, чѣмъ подробными отчетами; такой характеръ писемъ этого періода всецѣло объясняется атмосферой, царившей въ Россіи въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Павла, когда всякій жилъ съ опаской, остерегался проговориться не только на бумагѣ, но и на словахъ. Ростопчинъ въ это время даже просилъ Воронцова сжигать его письма, а при перепискѣ чаще всего прибѣгалъ къ шифру. Вскорѣ Р. еще болѣе охладѣлъ къ перепискѣ,—отчасти подъ вліяніемъ собственныхъ неудачъ и удаленія отъ двора, отчасти потому, что графъ Воронцовъ не

соглашался съ его оцѣнкой графа Панина, котораго тотъ считалъ главнымъ виновникомъ крушенія своей политической карьеры. Изрѣдка поддерживаемая въ первые годы новаго царствованія, переписка друзей въ 1803 г. совершенно оборвалась и возобновилась лишь девять лѣтъ спустя, когда историческія событія вновь выдвинули Ростопчина на политическую арену. На этотъ разъ первый шагъ къ возобновленію переписки сдѣлалъ Воронцовъ, восторгавшійся образомъ дѣйствій Ростопчина въ качествѣ Главнокомандующаго въ Москвѣ. Съ этихъ поръ переписка между ними не прекращалось уже до самой смерти Р., а послѣ того, какъ ему въ 1815 г. пришлось покинуть Россію, почти ежегодно происходили и личныя свиданія друзей въ Парижѣ или Лондонѣ.

Письма Р. въ этотъ періодъ являются хроникой тогдашнихъ новостей, полны живого интереса, поражаютъ необычайной мѣткостью, желчно-остроумной наблюдательностью и неумолимымъ скептическимъ отношеніемъ ко всѣмъ вопросамъ дня и ко всѣмъ тогдашнимъ событіямъ европейской жизни. По отношенію къ Франціи и къ французамъ авторъ остается прежнимъ Ростопчинымъ 1806—1812 г.г., полнымъ ненависти и презрѣнія ко всему французскому, къ самой націи, которую онъ не перестаетъ считать пустой, развращенной до мозга костей и стремящейся заражать ядомъ своихъ пороковъ чуть ли не весь человѣческій родъ. Эта же оцѣнка, если только не болѣе сгущенная, замѣчается и въ его письмахъ по отношенію къ Россіи; съ рѣзкимъ осужденіемъ относится онъ къ той средѣ, которая въ описываемую эпоху окружала Императора Александра I; онъ недоволенъ буквально всѣмъ и всѣми,—и въ этомъ недовольствѣ нельзя не усмотрѣть отпечатка его личнаго разочарованія и болѣзненнаго чувства оскорбленнаго самолюбія; но при этомъ трудно подмѣтить его собственные положительные идеалы: въ одно и то же время онъ обнаруживаетъ и глубочайшую антипатію къ либеральнымъ стремленіямъ общества, и къ реакціонной политикѣ власти. Быть можетъ, въ этомъ отразились его оторванность отъ русской почвы и нежеланіе войти цѣликомъ въ чужую жизнь, но политическое чутье не покидало его и въ эту пору, и онъ съ рѣдкой наблюдательностью подмѣчалъ симптомы приближавшагося крушенія Реставраціи и непрочность трона Бурбоновъ во Франціи.

Оцѣнивая всю переписку Ростопчина съ Воронцовымъ, охватывающую съ небольшимъ промежуткомъ почти 40-лѣтній періодъ времени, необходимо отмѣтить, что она, помимо автобіографическаго значенія (Р. дѣлился съ своимъ другомъ также и мельчайшими подробностями своей семейной жизни, вплоть до самыхъ интимныхъ) имѣетъ большой историческій интересъ. Въ этихъ его письмахъ и замѣткахъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, вся современная ему жизнь; въ его лицѣ передъ нами не только политическій дѣятель и писатель-памфлетистъ, но и лѣтописецъ, хотя и не всегда безпристрастный, но показанія котораго не могутъ быть опущены уже въ силу одной лишь важности тѣхъ ролей, какія ему довелось играть. Цѣлое поколѣніе нашло въ этихъ письмахъ Ростопчина своего мѣткаго критика. Страстность и впечатлительность автора приводятъ его, правда, иногда къ противорѣчіямъ и сплошь и рядомъ объ одномъ и томъ же лицѣ у него можно встрѣтить совершенно различные отзывы; но какъ бы ни были невѣрны отдѣльныя сужденія Ростопчина, въ цѣломъ его переписку нельзя не цѣнить за сообщеніе множества цѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, а автору ея нельзя отказать въ зоркой наблюдательности и въ рѣдкой живости изложенія. Вотъ какъ характеризуетъ эту переписку Р. одинъ изъ его современниковъ, князь Вяземскій: „Это горячій памфлетъ; но памфлеты обыкновенно и пишутся сгоряча на нѣсколькихъ страницахъ, на извѣстное событіе или по извѣстному вопросу. А здѣсь памфлетъ почти полувѣковой и ни на минуту не остывающій... Нельзя оторваться отъ чтенія, хотя не всегда сочувствуешь писавшему; нерѣдко и осуждаешь его. Многому научишься изъ этой переписки, за многое поблагодаришь; но общее заключительное впечатлѣніе нѣсколько тягостно. Бранныя слова такъ и сыплятся: онъ за ними въ карманъ не лѣзетъ; они натурально такъ и брызгаютъ съ пера. Не хотѣлось бы помянуть покойника лихомъ, а невольно скажешь, что онъ былъ большой ругатель; но вмѣстѣ съ тѣмъ признаешься, что ругательство его часто очень забавно, и пришлось бы пожалѣть, если бы онъ менѣе ругался“...

Письменныя сношенія Р. были вообще весьма обширны: хотя и до сихъ поръ опубликована далеко не вся переписка его, но даже одно опубликованное достигаетъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Въ виду важнаго значенія этихъ писемъ для исторіи, помимо чисто біографическаго интереса, ниже приведены свѣдѣнія о его перепискѣ съ отдѣльными лицами. Такъ, письма гр. Ѳ. В. Ростопчина напечатаны: *1*) Къ Александру I: Отрывки изъ 29 писемъ (съ 7-го мая по 2-е декабря 1812 г. и 2 письма 1813 г.), по подлинникамъ въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба, появлялись въ печати въ разныхъ изслѣдованіяхъ, напр. у А. Попова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 — 1876 г. и въ „Русской Старинѣ“ 1877 г.; отрывокъ изъ письма на французскомъ языкѣ—въ сочиненіи Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“, 1861 г., т. II, стр. 66; отрывки изъ нихъ переизданы также въ Matériaux, стр. 271—273; отдѣльныя письма помѣщены также: въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г., стр. 1843; 1881 г., кн. III, стр. 216—219, 412—414; 1892 г., кн. II, стр. 399—447 и 520—565, 1909 г., кн. I, стр. 26—36, 50—51; у Н. Ѳ. Дубровина: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, стр. 2—5; значительно пополнена переписка Р. съ Имп. Александромъ Н. Шильдеромъ въ „Русской Старинѣ“ 1893 г., т. LXXVII, январь, стр. 173—208; тамъ же приведены и отвѣтныя письма Александра I.—главнымъ образомъ за 1813 и 1814 г.; у П. И. Щукина: „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г.“, ч. VII, стр. 418 — 428 (11 французскихъ подлинниковъ писемъ за 1812—1814 гг.). *2*) Къ князю Кутузову: донесеніе отъ 4 сентября 1812 г.—въ „Запискахъ“ Ермолова, изд. 1, 1865 г., ч. I, прилож., стр. 224; 11 писемъ за августъ и сентябрь 1812 г. хранятся въ дѣлахъ Моск. Отд. Общ. Арх. Главнаго Штаба; напечатаны они въ „Русск. Архивѣ“ 1875 г., кн. III, стр. 456—460; въ книгѣ Н. Дубровина „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, стр. 153; „Русск. Старина“ 1870 г., т. II (№ 9), стр. 305; „Библіограф. Записки“ 1861 г., № 1. *3*) Къ А. А. Петрово-Соловово: копія письма отъ 15 февр. 1813 г.—въ сборникѣ Щукина: Бумаги, относящіяся до Отеч. войны, ч. VI, стр. 95; *4*) Къ графу Румянцову: письма за 1788 г.—въ „Matériaux“, изд. въ Брюсселѣ, стр. 26—27; „Русск. Архивъ“ 1887 г., „Девятнадцатый вѣкъ“ Бартенева. *5*) къ князю А. И. Горчакову—„Русск. Архивъ“ 1871 г., стр. 152—153. *6*) къ женѣ: Correspondance avec la comtesse Rostopchine 1814—1820 г. помѣщена въ „Matériaux“, стр. 289—363, а также въ „Русск. Архивѣ“ 1901 г., кн. II, стр. 461—507. *7*) къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ: 3 письма 1810 г. въ „Русск. Архивѣ“ 1869 г., стр. 759—763, 1876 г., кн. I, стр. 374—375; письмо 1812 г.—1878 г., кн. II, стр. 370, 371; 1909 г., кн. I, стр. 37—38. *8*) къ Великому Князю Константину Павловичу: 2 письма за февраль 1811 г.—въ „Русск. Архивѣ“ 1869 г., стр. 763 — 766. *9*) къ графу П. А. Толстому: 7 писемъ, съ 31-го іюля по 2-е октября 1812 г.—въ Военно-Учен. Архивѣ Главнаго Штаба; одно изъ нихъ напечатано въ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. II, стр. 380—381; „Заря“ 1871 г., авг., стр. 186—190. *10*) къ графу Н. И. Салтыкову, отъ 30-го іюня 1812 г.—въ Военно-Учен. Архивѣ Главнаго Штаба, напечатано въ „Русск. Архивѣ“ 1875 г., кн. II, стр. 287—288; въ соч. Н. Дубровина: Отеч. война въ письмахъ современниковъ, стр. 47. *11*) къ А. Ѳ. Брокеру: письма за 1815—1818 гг.—въ „Русск. Архивѣ“ 1868 г., стр. 1873—1924. *12*) къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому: 4 письма за августъ 1812 г.—въ „Русск. Архивѣ“ 1875 г., кн. III, стр. 291—295; „Русск. Старина“ 1889 г., № 10, стр. 191—192. *13*) къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ у Н. Дубровина: Отеч. война въ письм. соврем., стр. 511—512, 523, 530. *14*) Къ фельдмаршалу князю А. В. Суворову: Фуксъ, Исторія Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г., ч. III, стр. 272—274; 2 письма въ „Отеч. Зап.“ 1854 г., т. 95, отд. 2; „Русск. Вѣстникъ“ 1842 г., № 3, отд. II, стр. 365; „Русск. Архивъ“ 1871 г., стр. 1460—1462; „Историческій, стат. и геогр. журналъ“ 1828 г., ч. I, № 3, стр. 210 (3 письма 1799 г.); „Русск. Инвалидъ“ 1835 г., № 40—44 (письма 1799 г.); „Журн. для чтенія воспит. Военно-Учебн. Завед.“ 1838 г., т. XIII, стр. 116—117; Полн. собр. сочин. Ростопчина, изд. Смирдина, стр. 145—160; „Московскій Телеграфъ“ 1826 г., ч. VIII, стр. 191 — 205 (9 писемъ за 1799 г.); письма Суворова къ Р.—„Военный Журн.“ 1811, ч. IV. *15*) къ князю П. Д. Циціа-

нову—29 писемъ и отрывковъ изъ нихъ помѣщены въ „Отеч. Зап.“ 1854 г., т. 95, отд. 2, стр. 3—57; письма за 1803—1806 г. напечатаны въ „Matériaux“, стр. 447—525, и въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ“, кн. II, стр. 1—113. *16*) къ Н. И. Мосоловой—Щукинскій Сборн., т. IV, стр. 362—364 (два письма). *17*) къ Д. М. Полторацкому 3 письма—въ „Отеч. Зап.“ 1854 г., т. 95, отд. 2, стр. 25—26. *18*) къ О. П. Козодавлеву—въ „Трудахъ Черниг. Губ. Архивн. Комм.“, вып. II, стр. 23—24 (письмо отъ 11 сент. 1813 г.). *19*) къ С. Н. Глинкѣ—1 письмо въ „Отеч. Зап.“ 1854 г., т. 95, отд. 2, стр. 64; „Русск. Архивъ“ 1876 г., кн. III, стр. 430—432; „Русск. Вѣстникъ“ 1813 г., № 5, стр. 65—75; С. Глинка, „Русское чтеніе“, вып. III, С.-Пб. 1845 г., стр. 215—256. *20*) къ князю П. И. Багратіону: отрывокъ письма—въ Словарѣ Бантыша-Каменскаго, т. III, стр. 153; 2 письма (отъ 2 августа 1812 г.)—въ Военно-Учен. Арх. Главн. Штаба; „Русск. Архивъ“ 1875 г., кн. III, стр. 6; 1896 г., кн. 1, стр. 562 — 563; 2 письма отъ августа 1812 г.—въ книгѣ А. Терещенка: Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, ч. II, С.-Пб. 1837, стр. 221—223 и примѣч. 240-е. *21*) къ П. С. Валуеву: „Библіогр. Записки“ 1861 г., стр. 21—23 (письмо 1813 г.), „Русск. Старина“ 1901 г., апр., стр. 46—52 (письма 1812 г.). *22*) къ Ѳ. П. Ключареву—у Н. Дубровина: „Отеч. война въ письмахъ соврем.“, стр. 32. *23*) къ Д. И. Киселеву—4 письма въ „Русск. Архивѣ“ 1863 г. (2-ое изд.), стр. 812. *24*) къ А. П. Нащокину—въ книгѣ: „Чудесное исцѣленіе, или путешествіе къ водамъ Спасителя въ селѣ Рай-Семеновское“, С.-Пб. 1817 г., стр. 79—80 (письмо отъ 30 августа 1812 г.). *25*) къ князю А. Н. Голицыну—„Русск. Архивъ“ 1895 г., кн. III, стр. 484—485; у Н. Дубровина: Отеч. война въ письмахъ соврем., стр. 103; въ „Журн. Ряз. Уч. Арх. Комм.“ 1885 г., № 11, стр. 6—7. *26*) къ Крюкову, Нижегородскому губернатору—въ книгѣ барона М. А. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“, 1861 г., т. II, стр. 56. *27*) къ А. Д. Балашову — въ „Русск. Архивѣ“ 1875 г., кн. II, стр. 385—386; 1881 г. кн. III, стр. 226 — 227 и 1909 г. кн. I, стр. 47; „Русск. Старина“ 1881 г., т. XXXII, стр. 219—220; у Н. Дубровина: Отеч. война въ письмахъ современниковъ, стр. 1, 9, 12, 37, 58, 63, 69, 75, 80, 89, 90, 94, 102, 104, 114, 303, 316, 430, 439, 446, 456, 459, 461, 481, 490, 498, 517, 526). *28*) къ графу М. М. Сперанскому—письмо, считаемое апокрифическимъ—въ „Историческомъ сборникѣ“, изд. въ Лонд. 1859 г., кн. I. *29*) къ Я. И. Булгакову — „Русск Архивъ“ 1875 г., кн. I, стр. 6. *30*) къ графу Головкину—„Matériaux“, стр. 409—443. *31*) къ Г. Р. Державину—1 письмо въ „Др. и Нов. Россіи“ 1875 г., № 8; перепеч. въ соч. Державина. *32*) къ графу С. Р. Воронцову—„Русск. Архивъ“ 1876 г., кн. I, стр. 77—120, 206—222, 393—415; кн. II, стр. 57, 81—90; кн. III, стр. 65—103, 414—429; 1887 г. (изъ „Архива Воронцова“); „Matériaux“, стр. 363 — 409; отрывки — въ „Русск. Старинѣ“ 1876 г., т. XVII, стр. 437—460, 691—705; „Архивъ князя Воронцова“, т. VIII (130 писемъ 1791—1825 гг.) и т. XXIV (въ „Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.“, т. XXIX, стр. 192—512—выписки изъ писемъ Р.). *33*) къ Московскому гражданскому губернатору Обрескову — предписаніе отъ 20-го дек. 1812 г. помѣщено въ сборникѣ П. Щукина: Бум., относ. до Отеч. войны, т. IV, стр. 357. *34*) къ князю С. М. Голицыну—„Русск. Архивъ“ 1876 г., кн. II, стр. 144—146; П. Щукинъ, Бумаги, относ. до Отеч. войны 1812 г., ч. VII, стр. 207 (письмо отъ 8 іюня 1813 г.. *35*) къ графу Н. М. Каменскому: Щукинскій Сборникъ, т. IX, стр. 187—188 (письмо 1810 г.). *36*) къ графу Панину—„Русск. Архивъ“ 1876 г., кн. III, стр. 432—436; три письма — „Русск. Архивъ“ 1909 г., кн. II, стр. 445—454. *37*) къ графу С. К. Вязьмитинову: Щукинъ, Бумаги, относ. до Отеч. войны, ч. VII, стр. 416 (письмо отъ 30 октября 1812 г.), „Русск. Архивъ“ 1881 г., кн. III, стр. 222—225, 414—417; 1909 г., кн. I, стр. 39—47; у Н. Дубровина: Отеч. война въ письмахъ соврем., стр. 46, 458, 481, 493. *38*) къ князю С. Н. Долгорукову—„Русск. Архивъ“ 1888 г., кн. II, стр. 265—288. *39*) къ управителю Орловскихъ деревень (1815 г.)—„Русск. Архивъ“ 1864 г., стр. 834—835. *40*) къ князю В. Н. Горчакову—„Русск. Архивъ“ 1888 г., кн. II, стр. 291; *41*) къ князю А. И. Горчакову—1 письмо отъ 17 авг. 1812 г.—у Щукина, Бумаги 1812 г., ч. VII, 413—415, (2 письма за сент. 1812 г.,—ч. VIII, стр. 77 — 80. *42*) къ кн. Н. Б. Юсупову—„Русск. Архивъ“ 1895 г., кн. II, стр. 114. *43*) къ Имп.

Маріи Ѳеодоровнѣ: донесенія отъ января 1814 г.—Щукинъ, Бумаги Отеч. войны 1812 г., ч. VIII, стр. 412; тамъ же, ч. VI, стр. 126 (письмо Р. отъ 11 іюля 1812 г.). *44*) къ А. Ѳ. Лабзину — „Русск. Стар." 1913 г., т. CLIII, февр., стр. 419 — 430 (8 писемъ, 1800 — 1813 г., съ примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго). *45*) къ Н. И. Новикову — „Русск. Библіофилъ" 1913 г., апр. (письмо 21-го марта 1804 г., сообщ. по копіи Б. Л. Модзалевскимъ). *46*) Письма къ неизвѣстнымъ лицамъ: 1) въ Альманахѣ „Русская Правда" 1860 г., 2) въ „Русск. Архивѣ" 1878, кн. I, стр. 292—298 (о состояніи Россіи въ концѣ царствованія Екатерины II; написано приблизительно въ 1794 и служило дополненіемъ къ письмамъ Р. къ графу С. Р. Воронцову); 3) „Русск. Арх." 1881 г., т. III, стр. 220 — 221; 4) „Щукинскій сборникъ", т. VI, стр. 397. *47*) Рапорты Сенату—„Русск. Арх." 1868 г., стр. 884. *48*) дѣловая переписка съ Московскимъ оберъ-полицм. Ивашкинымъ—П. Щукинъ, Бумаги, относ. до Отеч. войны 1812 г., ч. I, стр. 48—128, ч. II, стр. 10—124 и 210—217, ч. III, стр 108—195 и ч. VII, стр. 104—105.

Выше упоминалось уже о литературной дѣятельности Ростопчина, но послѣдняя далеко не исчерпывается произведеніями, о которыхъ шла рѣчь. Въ виду разногласій относительно принадлежности ему нѣкоторыхъ произведеній, считаемъ нелишнимъ привести здѣсь ихъ списокъ, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ ихъ написанія или появленія въ печати. Въ 1806—1812 гг. Р. напечаталъ: 1) „Плугъ и соха" (брошюра, Москва. 1806 г., изд. безъ имени автора); первоначально приписывалась кн. Е. Р. Дашковой, хотя изъ эпиграфа, приложеннаго къ ней, явствуетъ, что авторомъ былъ Ростопчинъ; 2) „Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ, съ приложеніемъ письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ", С.-Пб. 1807 г., изд. А. С. Шишковымъ; въ томъ же году переиздана самимъ Р. въ Москвѣ. Перепечатано въ собр. Соч., изд. Смирина; 3) Вышеупомянутое Письмо Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ, 1807 г., вошло въ Собр. соч. Р., изд. Смирдина, стр. 14 — 24; 4) „Вѣсти, или убитой живой. Комедія въ одномъ дѣйствіи", изд. въ Москвѣ въ 1808 г.; перепеч. въ „Русск. Архивѣ" 1867 г. и въ изд. Смирдина, стр. 25—134; 5) Письмо Устина Вѣникова къ Силѣ Андреевичу Богатыреву и отвѣтъ Силы Андреевича Богатырева Устину Ульяновичу Вѣникову, М. 1808 г.; въ изд. Сочин. Смирдина, стр. 135—144, оба письма помѣщены отдѣльно; 6) О Суворовѣ—„Русск. Вѣстникъ" 1808 г., № 3, стр. 241—249; 7) Письмо Устина Вѣникова къ издателю „Русскаго Вѣстника"—„Русск. Вѣстникъ" 1808 г, № 1, стр. 68; позднѣе перепечатано въ „Отеч. Зап." 1854 г., т. 95, отд. 2, стр. 62; 8) „Охъ, французы". Народная повѣсть изъ былей, написана въ періодъ 1808—1812 г.; авторъ предполагалъ предать ее тисненію, но не успѣлъ, повидимому, окончательно обработать, и она осталась неизданной. Повѣсть эта, разбитая на LIX небольшихъ главъ, полна язвительныхъ сарказмовъ, дышащихъ ненавистью къ французамъ и направленныхъ противъ нравовъ тогдашняго Русскаго общества. Оригинальная манера письма, образный языкъ, знаніе окружающей среды роднятъ это произведеніе Р. съ тѣми, о которыхъ приходилось уже говорить выше. Напечатана она была впервые въ „Отечеств. Запискахъ" 1842 г., т. XXIV, отд. I, стр. 257; по-французски—въ „Matériaux" переиздана по-русски въ „Русск. Архивѣ" 1902 г., кн. II, стр. 5—52; 9) „La vérité sur l'incendie de Moscou", написанная въ Парижѣ 5-го марта 1823 г., издана тамъ же; по-русски, въ переводѣ А. Волкова, появилась въ Москвѣ также въ 1823 году; переиздана по-французски въ „Matériaux"; см. въ Собр. сочин., изд. А. Смирдина, С.-Пб. 1853 г., стр. 255—298; тамъ же помѣщенъ Русскій переводъ, стр. 199—254; возраженія на нее въ брошюрѣ: „Reponse à l'auteur de la „Vérité", par Chambray, Paris. 1823; 10) „Картины Франціи въ 1823 г."; была представлена Ростопчинымъ Александру I; это—политическій трактатъ на французскомъ языкѣ, рекомендовавшій правительству аггрессивную политику по отношенію къ Франціи. Напечатано въ „Matériaux"; въ переводѣ—„Русск. Архивъ" 1872 г., стр. 965—985; 11) „Fragments des mémoires sur l'année 1812"; записки эти, взятыя послѣ смерти Ростопчина по распоряженію правительства для помѣщенія вмѣстѣ съ другими бумагами Р. въ Государственный Архивъ, долгое время находились въ Архивѣ III Отдѣленія Соб-

ственной Е. И. В. Канцеляріи, затѣмъ были переданы въ Архивъ Канцеляріи Военнаго Министра, а въ 1880-хъ гг. поступили въ Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба. Они составляютъ рукопись на 42 полулистахъ, на французскомъ языкѣ; со списка, снятаго съ рукописи, были изданы въ „Matériaux“ сыномъ Р. значительныя выдержки; въ переводѣ использованы А. Н. Поповымъ въ его „Очеркахъ объ Отечественной войнѣ“—„Русск. Архивъ“ 1875 и 1876 гг. и въ „Русской Старинѣ“ 1877 г., а также въ сочиненіи Сегюра: „Vie du Comte Rostopchine“, Р. 1871 и въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ“, кн. II, стр. 114—120; полностью же переводъ сдѣланъ И. И. Ореусомъ и помѣщенъ въ „Русск. Старинѣ“ 1889 г., № 12, стр. 643—725; 12) „Mes mémoires, ou moi au naturel, écrits en dix minutes“,— довольно изящная миніатюра въ 15-ти главкахъ, полная ѣдкой иронiи, написана была въ 1823 г., уже по возвращеніи изъ-за границы въ Москву, по вызову гр. Анны Влад. Бобринской. Напечатано въ Собр. соч., изд. Смирдина, стр. 303—320, вмѣстѣ съ переводомъ на русскій языкъ; въ „Matériaux“, въ „Русск. Мірѣ“ за 1860 г., № 50, у Ségur'a: Vie du comte Rostopchine, p. 342—347; у Schnitzler'a и др. Въ Парижѣ вышло въ изданіи С. Д. Полторацкаго въ 1839 г. подъ названіемъ: „Mémoires du C-te Rostoptohine écrits en dix minutes“; 13) „Journal écrit à Berlin, les années 1786 et 1787“; напечатанъ по-французски въ „Matériaux“, изданныхъ сыномъ, графомъ А. Ѳ. Ростопчинымъ въ Брюсселѣ; 14) „Путешествіе по Пруссіи“, относящееся къ тому же пребыванію Р. за границей (1784); почти половина очерка занята описаніемъ непріятностей, которыя суждено было испытать путешественнику; съ обычной иронiей авторъ отмѣчаетъ странный для него характеръ и обычаи нѣмцевъ; между прочимъ, онъ подробно останавливается на описаніи торжества Берлинской Академіи Наукъ. Впервые было напечатано въ переводѣ на русскій языкъ въ „Москвитянинѣ“ 1849 г., кн. I, стр. 69—92, кн. X, стр. 77—90, кн. XIII стр. 3—14 и кн. XV, стр. 121; затѣмъ въ журналѣ L„'Observateur“ и въ „Matériaux“ Ростопчина-сына; 15) „Послѣдніе дни жизни Императрицы Екатерины II“; написано почти тотчасъ послѣ событій; напечатано на французскомъ языкѣ въ „Matériaux“; въ „Чт. Общ. Ист. и Др.“ 1860 г., кн. III, отд. V, стр. 155—166, безъ конца, и во второй разъ—въ 1863 г., кн. 11, отд. V, стр. 171—184—полностью; въ „Русск. Архивѣ“ 1869 г.; 16) записка „О политическомъ состояніи Европы“. Извѣстна въ двухъ, нѣсколько разнящихся редакціяхъ; одна изъ нихъ напечатана въ первый разъ въ сборникѣ „Памятники новой русской исторіи“, изд. В. Кашпиревымъ (С.-Пб. 1871 г., т. I, стр. 102) подъ заглавіемъ: „Картина Европы въ началѣ XIX столѣтія и отношеніе къ ней Россіи“; затѣмъ была перепечатана въ 1873 г. въ „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ и документовъ“, изд. М. Михайловымъ, стр. 102—111. Этотъ списокъ записки былъ сдѣланъ княземъ А. И. Гагаринымъ съ подлинника, полученнаго имъ отъ Вел. Княгини Екатерины Павловны, которая въ свою очередь получила его отъ самого Ростопчина. Другой же списокъ, въ копіи изъ бумагъ Р., былъ переданъ сыномъ его Андреемъ редакціи „Русскаго Архива“ и былъ напечатанъ въ этомъ журналѣ за 1878 г. (кн. I, стр. 103—110) подъ заглавіемъ: „Записка графа Ѳ. В. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія“. Въ „Revue d'histoire diplomatique“ (1889 г., № 1) она помѣщена въ искаженномъ французскомъ переводѣ; поправки къ нему см. въ „Revue d'histoire“ 1889 г., № 2. Наконецъ, въ книгѣ Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“ (т. I, стр. 285) помѣщена еще одна записка Р., но уже совершенно иного содержанія: въ ней рѣчь идетъ не о раздѣлѣ Турціи, но о совокупныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Франціи противъ Пруссіи. Эта записка была найдена французами въ Москвѣ въ домѣ графа Р. въ 1812 г. и озаглавлена въ печати: „Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800, après l'époque de la signature de la paix de Luneville“. Выраженный Р. въ запискѣ этой взглядъ на Францію повторенъ былъ имъ и въ интересномъ письмѣ его къ графу С. Р. Воронцову отъ 30 іюня 1801 г. (см. „Архивъ князя Воронцова“, кн. VIII), представляющемъ политическое самооправданіе автора; 17) Предисловіе къ „Le Sottisier de Voltaire“. Имѣя возможность свободно разсматривать, въ качествѣ довѣреннаго лица Павла I, всѣ бумаги его матери, Р. соб-

ственноручно переписалъ тетрадь болѣе раннихъ произведеній Вольтера, пріобрѣтенную Екатериной II тотчасъ же послѣ его смерти. По этому-то списку Ростопчина эти произведенія Вольтера и появились впервые въ 1881 г., подъ приведеннымъ выше заглавіемъ; послѣднее, впрочемъ, не принадлежитъ Ростопчину: онъ предполагалъ назвать книгу „Вольтеръ въ халатѣ". Въ предисловіи Р., указывая, что входящія въ составъ книги произведенія Вольтера полны наивности, легковѣрія, невѣжества и даже глупости, прибавляетъ: „Однако, подлецъ былъ уменъ... Но не эта книга о томъ свидѣтельствуетъ. Первенствующія качества Вольтера: сарказмъ, внезапность, порывъ — тутъ отсутствуютъ". 18) Замѣчанія на книгу графа Стройновскаго: Объ условіяхъ съ крестьянами. Существуютъ три варіанта этихъ возраженій: одинъ изъ нихъ напечатанъ въ „Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс." за 1859 г., кн. III, отд. V, стр. 37—45, но авторство графа Ростопчина отвергъ сынъ его графъ Андрей Ѳедоровичъ (см. „Русскій Вѣстникъ" 1860 г., кн. 5); и дѣйствительно, содержаніе этого возраженія противорѣчитъ нѣкоторымъ біографическимъ даннымъ о Р.; два другихъ варіанта помѣщены въ „Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс." за 1860 г., кн. II, отд. V, стр. 195—217, при чемъ только послѣдній приписанъ Ростопчину; между тѣмъ, самый фактъ составленія Р. возраженій на книгу графа Стройновскаго не вызываетъ сомнѣній и былъ извѣстенъ въ свое время многимъ лицамъ. Изъ опубликованныхъ варіантовъ какъ по характеру мышленія, такъ и по совпаденію отдѣльныхъ данныхъ, графа Ростопчина скорѣе всего можно счесть авторомъ послѣдняго изъ нихъ („Чтенія" 1860 г., кн. II, отд. V, стр. 213—217); составленъ онъ около 1811 г. 19) „Записка о мартинистахъ", представленная Р. въ 1811 г. Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Она написана была съ очевиднымъ стремленіемъ раскрыть глаза Императора Александра I на мартинистовъ чрезъ посредство его любимой сестры. Ростопчинъ очерчиваетъ сперва исторію возникновенія общества мартинистовъ, а затѣмъ даетъ оцѣнку ихъ дѣятельности и вліянія. Авторъ исходитъ изъ мысли, что Наполеонъ I покровительствовалъ мартинистамъ и желалъ использовать ихъ для достиженія своихъ цѣлей. „Тогда увидятъ, предостерегалъ Р. въ заключеніи записки, но слишкомъ поздно, что замыслы ихъ не химера, а дѣйствительность, что они намѣрены быть не посмѣшищемъ дня, а памятными въ исторіи, и что эта секта не что иное, какъ потаенный врагъ правительствъ и государствъ". Нельзя отказать Р. въ искренности его непріязни и предубѣжденій противъ мартинистовъ, такъ какъ и въ своей дѣятельности онъ оставался вѣренъ самому себѣ. Несмотря на очевидное пристрастіе автора и не взирая на наличность другихъ матеріаловъ по этому вопросу, „записка" Ростопчина имѣетъ несомнѣнное значеніе для историка,—между прочимъ по тому, что авторъ ея, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ при Павлѣ I, имѣлъ возможность узнать многое изъ того, что осталось скрытымъ отъ современниковъ. Сохранилась „записка" во французскомъ спискѣ въ бумагахъ А. Н. Аѳанасьева; русскій переводъ ея, принадлежащій М. А. Жуазелю, напечатанъ въ „Русск. Архивѣ" 1875 г., кн. III, стр. 75—81; 20) „Fragments d'un journal, écrit l'année 1815", во время пребыванія въ Германіи для поправленія здоровья вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Россіи; 21) „Le mystère des forêts, ou l'arbre bavard"; 22) „Ce que j'ai lu, vu et entendu", 1818—1819 г.; 23) „Le cimetière du père Lachaise". Четыре послѣднихъ произведенія Ростопчина не появлялись на русскомъ языкѣ и напечатаны были впервые въ „Materiaux"; 25) „Dernières pages" 1825 г.,—послѣднія страницы, написанныя Ростопчинымъ незадолго до его смерти; напечатаны въ „Materiaux"; 26) Краткая нотація нѣкоторымъ мусьямъ, М. 1812 г., 7 стр. Сатирическіе стихи на французскомъ языкѣ, напечатанные графомъ Ростопчинымъ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. 27) Подробный списокъ всѣхъ корпусовъ, составлявшихъ французскую армію, вышедшую въ походъ противъ Россіи въ 1812 г. съ приложеніемъ расписанія потерь, сдѣланныхъ непріятелемъ съ начала кампаніи въ разныхъ сраженіяхъ, до вступленія въ Москву"; снабженъ предисловіемъ Ростопчина; составленъ на основаніи документовъ, захваченныхъ въ Москвѣ по оставленіи ея французами, въ переводѣ съ французскаго языка; изданъ въ М. въ 1813 г. Перепечатанъ въ Собр. соч. Р. (изд. Смирдина), стр. 339—364; 28) Ростопчину принадле-

жатъ также нѣсколько стихотворныхъ опытовъ, въ большинствѣ случаевъ мелкихъ, но всегда достаточно мѣткихъ и попадающихъ въ цѣль; извѣстно, напр., его пятистишіе на смерть Павла, написанное на французскомъ языкѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1902 г., кн. III, стр. 72), три стихотворныя подписи подъ своими портретами—см. „Русскій Архивъ“ 1868 г., стр. 856; автобіографія въ стихахъ, найденная въ бумагахъ А. Ѳ. Брокера.

Сочиненія Р. были изданы въ одномъ томѣ А. Ф. Смирдинымъ въ 1853 г. Неправильно приписывалась Ростопчину брошюра: „Мысли не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго“, являющаяся однимъ изъ подражаній его „Мыслямъ вслухъ“... (включено въ собраніе Сочиненій Ростопчина, изд. Смирдинымъ).

Знаменитыя Ростопчинскія афишки еще и до сихъ поръ вызываютъ споры относительно хронологіи и общаго числа ихъ. Въ полномъ собраніи сочиненій Р., изд. Смирдинымъ (С.-Пб. 1853, стр. 163—182), не только не полномъ, но и крайне небрежномъ, эти афиши напечатаны въ безпорядкѣ и безъ обозначенія чиселъ; общее число ихъ въ изданіи Смирдина—14; кромѣ того, тамъ же еще помѣщены: его „Объявленіе къ аббатамъ католическихъ церквей, находящихся въ Москвѣ“ (отъ 26-го іюня 1812 г.), „Объявленіе къ Викарію Московскому Августину“ (отъ 18-го октября 1812.), записка, оставленная Р. французамъ въ Вороновѣ, и его воззваніе „Къ крестьянамъ Московской губерніи“ отъ 20-го октября 1812 г. Это изданіе афишекъ является, хронологически по счету третьимъ: первое, насколько извѣстно, состоялось въ „Историческомъ, Статистическомъ и Географическомъ Журналѣ“, ч. III, кн. II, стр. 182—189, гдѣ были собраны 15 афишъ Р. подъ общимъ заглавіемъ: „Дружескія посланія отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ къ ея жителямъ“. Вторично издалъ ихъ И. М. Снегиревъ въ приложеніяхъ къ „Очеркамъ жизни преосв. Августина“ (всего 9 афишъ), изд. 1841 г., прилож. 16, стр. 116—122; въ четвертый разъ онѣ переизданы ген. Богдановичемъ въ „Исторіи царствованія Александра I“ (т. III, гл. 35, прилож., стр. 69—73); всего помѣщено 10 афишъ, да кромѣ того, въ текстѣ самой Исторіи (гл. XXV, стр. 259 и 262) еще двѣ. Въ 1859 г. въ „Библіографич. Записках“ (т. II, стр. 48—49) были помѣщены еще двѣ афиши. Первая попытка объединить эти афишки и снабдить ихъ точнымъ указаніемъ мѣсяца и числа ихъ изданія принадлежитъ М. Н. Лонгинову въ его замѣткѣ о сочиненіяхъ графа Ростопчина („Русск. Архивъ“ 1868 г., ст. 856—858); отдѣльныя афиши, кромѣ того, приводились не только русскими историками, но и французскими (напр., у Ségur'a, Schnitzler'a и др.); отрывки изъ нихъ помѣщены въ „Словарѣ“ Бантыша-Каменскаго, въ статьѣ А. Н. Попова: „Москва въ 1812 г.“ („Русскій Архивъ“ 1875—1876 г.). Въ 1889 г. 18 афишекъ были переизданы Суворинымъ подъ редакціей В. И. Саитова. Наконецъ, въ 1904 г. появилось собраніе ихъ, составленное П. А. Картавовымъ, который включилъ въ свое изданіе („Летучіе листки 1812 г. Ростопчинскія афиши“, С.-Пб. 1904 г.) не только листки, составленные или проредактированные самимъ Ростопчинымъ, но и опубликованныя послѣднимъ Высочайшія повелѣнія, воззванія Св. Синода, донесенія Голенищева-Кутузова, Барклая-де-Толли, молитву Архіеп. Августина, приказы по арміямъ, составленные государственнымъ секретаремъ А. С. Шишковымъ, и т. п. Въ 1912 г. „Ростопчинскія афиши“ были вновь изданы товариществомъ Суворина, подъ ред. Н. В. Борсука. Общее число листковъ въ этомъ послѣднемъ собраніи достигаетъ 57, изъ коихъ только 23 составитель собранія приписываетъ перу Ростопчина. Объ отдѣльныхъ афишахъ и воззваніяхъ, изданныхъ Р., см. также: „Московскія Вѣдомости“ за 1812 г., № 50, 51, 53—57, 59—60, 64—69, 99, 104; эти же извѣстія перепечатывались въ „Сѣверной Почтѣ“ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (въ прибавленіи къ нимъ); „Русскій Вѣстникъ“ 1812 г., кн. 8, стр. 78, кн. 10, стр. 82—86, 1813 г., кн. 5, стр 71, 1814 г., кн. 9, стр. 43, кн. 10, стр. 33; Собраніе Высочайшихъ манифестовъ, грамотъ, указовъ, рескриптовъ и т. п. за 1812—1816 г., С.-Пб. 1816 г., стр. 36—49, 83—84; Князь П. И. Шаликовъ, Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ въ 1812 г., М. 1813, стр. 56; Русскіе и Наполеонъ Бонапарте, М. 1813 г., стр. 111 — 115; С. Н. Глинка, Записки о 1812 годѣ, С.-Пб. 1836, стр. 55; И. М. Снегиревъ, Біографическія черты изъ жизни Архіеп. Московскаго Августина, М. 1824,

стр. 27, 121; „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. Ун.“ 1866 г., кн. 4 (ст.: Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ); М. С. Любецкій, Москва въ 1812 г., М. 1872 г., стр. 75—77; „Русск. Архивъ“ 1875 г., кн. II, стр. 388—402. Отдѣльныя афишки хранятся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, въ Библіотекѣ Бородинскаго Музея, а также въ коллекціяхъ частныхъ лицъ (П. А. Картавова, В. И. Яковлева, А. П. Бахрушина, П. И. Щукина и др.).

„Отечеств. Записки“ 1826 г., ч. XXV, стр. 79; ч. XXVI, стр. 54 (ст. А. Я. Булгакова); А. Терещенко, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, С.-Пб. 1837 г., ч. II, стр. 203—224; Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, ч. III, С.-Пб. 1847 г., стр. 106—175 (съ портретомъ); Н. Тихонравовъ, Графъ Ростопчинъ и литература въ 1812 г., С.-Пб. 1854 г. (отгискъ изъ „Отеч. Записокъ“ 1854 г., т. XCV, стр. 1—70); Н. Тихонравовъ, Собраніе Сочиненій; статья Н. Дубровина въ „Военномъ Сборникѣ“ 1863 г., № 7; „Русскій Вѣстникъ“ 1860 г., т. XXV, № 1 (ст. А. Аѳанасьева); „Московскія Вѣдомости“ 1859 г., № 25 (ст. М. Дмитріева) и № 234 (восп. Варнгагена фонъ-Энзе); „Журналъ Коннозаводства“ 1873 г., № 3, стр. 1—43; Чистовичъ, Руковод. дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи, С.-Пб. 1894, стр. 33—34; „Вѣстн. Сельскаго Хозяйства“ 1901 г., № 101, стр. 3—6; „Русскій Архивъ“ 1877 г., кн. II, стр. 69—78 (ст. князя Вяземскаго); „Русская Старина“ 1893 г., т. LXXVII, январь, стр. 161—172 (ст. А. Ѳ. Брокера); „Русскій Вѣстникъ“ 1902 г., № 8, стр. 589—598 (ст. М. М-ва); Энциклопедич. Словари Брокгауза, Граната, Толля, Справочный Словарь, т. IX, ч. 2-я, стр. 212—216; Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, т. VI; Schnitzler, Rostopchine et Koutousof, P. 1863 (въ 1912 г. вышелъ русскій переводъ этой книги А. Ельницкаго); Ségur, Vie du comte Rostopchine, Paris. 1872, V+366 стр.; его же статья въ „Revue de Paris“ 1902 г. (Rostopchine en 1812); Biographie Universelle, т. LXXX, стр. 19; „Военно-Энциклопедическій лексиконъ, изд. 2, т. XI, С.-Пб. 1856 г., стр. 98—100; „Русскіе портреты XVIII и XIX ст.“, изд. Великаго Князя Николая Михаиловича, С.-Пб., т. V, стр. 12; 1812. Le comte Rostopchine et son temps. Par Madame Narichkine née Rostopchine“, St.-Pétersb. 1912 (съ портретами графа Ѳ. В. и графини Е. П. Ростопчиныхъ); В. В. Руммель, Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, С.-Пб. 1887, стр. 341; кн. Долгоруковъ, Родословная книга, ч. II, стр. 217; Списки титулованнымъ родамъ, I, 883; гр. А. Бобринскій, Дворянскіе роды, ч. I, стр. 486—487; Бархатная книга, стр. 371, 423; П. Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ, стр. 358; Л. Саведовъ, Воронежское дворянство—въ газетѣ „Донъ“ 1897 г., № 22; Дворянскій Адресъ-Календарь на 1898, т. II (стр. 89); Общій Гербовникъ, т. II, стр. 72, IV, стр. 12; Н. Шильдеръ, Императоръ Павелъ I, С.-Пб. 1901, стр 276—284, 286—290, 394, 400, 408—414, 423, 468, 469, 471; Сборникъ Историческихъ матеріаловъ (изд. М. Михайлова), С.-Пб. 1873, стр. 102—111; Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 274—275, кн. II, стр. 638—642; Д. Милютинъ, Исторія войны 1799 г, т. III, стр. 499 и т. V, стр. 213; А. И. Михайловскій-Данилевскій, Полное собр. сочиненій, т. IV, стр. 292; Исторія лейбъ-гвардіи Преображ. полка 1683—1883 г., т. IV, прил., стр. 181; Бутковъ, Матеріалы для новой исторіи Кавказа, т. II, стр. 120—130; Н. Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. II, стр. 9—10; М. Броссе, Переписка Грузинскихъ Царей съ Россійскими Государями, С.-Пб. 1861 г., стр. XII; Краткое историч. свѣдѣніе о сост. Имп. Академіи Художествъ, С.-Пб. 1829, стр. 30; Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, т. II, стр. 16, 20; т. III, стр. 306; т. IV, стр. 286; Н. Дубровинъ, Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи, изданіе 2-е, С.-Пб. 1897 г., стр. 166—167, 184—186; М. Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, С.-Пб. 1867 г., ч. I, стр. 349, 352, 362; З. Аваловъ, Присоединеніе Грузіи къ Россіи, изд. II, С.-Пб. 1906, стр. 195; „Историч., статистич. и географич. журналъ“, 1828 г., мартъ, стр. 210, 212, 213; И. М. Снегиревъ, Очерки жизни Преосв. Августина, 1841 г., прил. 16, стр. 64—65, 116—122; М. Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. III, 1869 г., гл. 35, прилож., стр. 69—73; его же, Исторія Отечественной войны, С.-Пб. 1869, т. III, гл. XXV, стр. 226, 227, 259, 262, 319, 326, 328—333, 339—341; Записки о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ съ исхода 1812 г. до половины 1813 г., С.-Пб. 1837, стр. 43—44; Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 349, 350, 398, 399, 402, 416, 507; Девятнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 327—329 (Записки графа Комаровскаго), кн. II, стр. 114—120; Толычева, Разсказы очевидцевъ, стр. 30—31; Д. В. Давыдовъ, Сочиненія, т. I, стр. 8; „Русскій Инвалидъ“ 1846 г., № 270; Кн. Н. Б. Голицынъ, Souvenirs et impressions d'un officier russe pendant les campagnes de 1812—1814, С.-Пб. 1849 г., стр. 10; Записки А. П. Ермолова, ч. I, стр. 209; „Русскій Вѣстникъ“ 1813 г., № 1, стр. 7—15, № 3, стр. 6—19, № 4, стр. 65—74, № 5, стр. 65—96, 65—74; 1814 г., кн. № 10, стр. 8; „Сѣверная Почта“ 1812 г., №№ 69, 76; „Сынъ Отечества“ 1812 г., № 1, стр. 1—17, № 12, стр. 253—258; Русскіе и Наполеонъ Бонапарте, М. 1813 г., стр. 71—74; Пораженіе французовъ на Сѣверѣ, М. 1814 г., ч. I, стр. 88—95; Н. Ѳ. Дубровинъ, Отечественная война въ письмахъ современниковъ, С.-Пб. 1882; Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Александра I, С.-Пб. 1883 г.; Н. К. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, т. I и III; П. И. Щукинъ, Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г., ч. II, стр. 7, 10—124; ч. III, стр. 108, 111, 120, 128, 138—140, 142, 187, 191, 195; ч. IV, стр. 357; ч. V, стр. 183; ч. VI, стр. 126; ч. VII, стр. 104—105; ч. VIII, стр. 47—74; ч. IX, стр. 131; ч. X, стр. 50—259 (Журналъ исходящихъ бумагъ Гр. Ѳ. В. Ростопчина); Историческій Сборникъ, Лондонъ. 1859 г., кн. I; И. Липранди, „Не голодъ и не морозъ...“, С.-Пб 1854 г.; Домъ графа Орлова-Денисова, прежде бывшій графа Ростопчина, М. 1850, стр. 1—28. Гр. Лидія Ростопчина: Семейная хроника (1812), изд. Н. Орфенова, М. (1912); („Изъ Русской старины“, изд. А. Мартынова; гр. Л. Толстой, Война и Миръ; Verbrennung der Stadt Moskau, Leipzig. 1813; Lecointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, Paris. 1814, стр. 136—150; Obraz spalenia i opalowania Moskwy przez Francuzów, w miesiącu Wrzesniu 1812 roku, 1814; Voyages d'une

dame française en Russie en 1812, témoin oculaire de l'incendie de Moscou, Paris. 1814; M-me Fusil, L'incendie de Moscou, Paris. 1817; B-ch, Histoire de la destruction de Moscou en 1812, Paris. 1822, стр. 28, 44, 47, 50, 64—66, 68; Réponse de l'auteur de l'histoire de l'expédition de Russie à la brochure de M. le Comte Rostopchin, intitulée: „La vérité sur l'incendie de Moscou", Paris. 1823, стр. 1—18; Historich-Politische Blätter für das Katholische Deutschland, 1873, № 11 (статья о графѣ Ростопчинѣ); Masson, Mémoires secrets, томъ I, стр. 307—308; Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812, Paris. 1824, т. I, стр. 369—374; Varnhagen von Enze, Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften, Leipzig. 1842, стр. 171—172; I. I. E. Roy, Les Français en Rusie, Tours. 1886, стр. 50—51; (Comte A. Rastaptchine) Matériaux, en grande partie inédits, pour la biographie future du Comte Théodore Rastaptchine, rassemblés par son fils (tiré à douze exemplaires), Bruxelles. 1864 г., стр. 1—525; Louise Fusil, Souvenirs d'une actrice, Paris. 1841, стр. 51—54; „L'Atheneum Français" 1854 г., № 41, 1855, № 2, 3 (Anecdotes sur Rostopschin); „Mercure de France", т. IX, стр. 144; D-r Gantscho Tzenoff, Wer hat Moskau im Jahre 1812 im Brand gestickt? Berlin. 1900; Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville au R. P. Bouvet, de la compagnie de Jésus, Paris. 1823, стр. 12—15; Opinion de M. le général du génie Nempde sur l'incendie de Moscou, Paris. 1826, стр. 1—16; Relation du séjour des français à Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812, Bruxelles. 1871, стр. XIV, 50—61, 85, 91, 98, 101, 112, 175, 183, 185; Le Rebours, Moscou pendant l'incendie, Paris. 1891, стр. 9; Ségur, comte, Incendie de Moscou et la retraite de la grande armée, 1902, стр. 7; Lydie Rostoptchine, Les Rostoptchine, P. 1909, стр. 1—79; Гансъ Шмидтъ, Виновники пожара Москвы въ 1812 году, Рига. 1912, 100 стр. (изданіе Н. Киммеля); О дѣлѣ Верещагина см.: „Военный Сборн." 1863 г., № 7, стр. 109—115, № 8, стр. 462—464 (ст. Н. Дубровина: Москва и графъ Ростопчинъ въ 1812 г.); „Русскій Архивъ" 1875 г., т. Н, стр. 287—291, ст. А. Н. Попова: „Москва въ 1812 г.", ibid., т. III, стр. 285—286; „Р. Архивъ" 1870 г., стр. 517—522: „Замѣтки объ убіеніи Верещагина" Д. Н. Свербеева; „Чтенія Общ. ист. и древн." 1866 г., кн. 4, стр. 231—247, ст. П. В. Шереметевскаго: „Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ" и И. Ф. Жукова: „Разборъ извѣстій и дополнительное свѣдѣніе о казни купеческаго сына Верещагина; „Московск. Вѣдом." 1859 г., № 234, 258 и 1860 г., №№ 7, 8, 13; Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины, С.-Пб. 1876 г., стр. 433—469 (ст. А. Попова: „Дѣло о Верещагинѣ"); „Русскій Архивъ" 1872 г., стр. 511—512 (Воспомин. Ѳ. П. Лубяновскаго); „Русск. Старина" 1889 г., № 12, стр. 723—724; „Русск. Арх." 1868 г., стр. 851—859 (матеріалы для біографіи); 1674—1675 (Замѣтка Лонгинова); „Русская Старина", т. V, 19—22, 479, 551—579 (Записки А. Л. Витберга); 1881 г., т. XXXII (отвѣтъ С. А. Богатыреву); 1882 г., т. XXXIII, XXXV и XXXVI (Записки Я. И. де-Санглена); 1888 г., т. LVII (Шильдеръ, Россія и ея отношенія къ Европѣ); 1889, т. LXI и LXIV (Записки Ростопчина о 1812 г.); Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества, т. II, стр. 178, 219, 270; т. III, стр. 89; т. IX, XXVI, XXIX, XLV, LXX, LXXIII, LXXXIX, CXIX; „Русскій Вѣстн." 1902 г., № 8, стр. 589—598; Архивъ гр. Мордвиновыхъ, т. III; Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, т. I, II, III, т. V, вып. I; Архивъ кн. Воронцова, т.т. V, VIII, IX, X, XI—XXIV, XXVI—XXX, XXXII, XXXIV—XXXVIII; Геннади, Справочный словарь о русскихъ писат. и ученыхъ, т. III, М. 1908 г.; „Сенатскій Архивъ", т. 1, стр. 22, 69 и др.; т. IV, стр. 253—627; т. X, стр. 203; А. Е. Бурцевъ, Описаніе рѣдкихъ Росс. книгъ, С.-Пб. 1897 г., ч. II, стр. 396; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т.т. I, II, V, VIII, X, XI, XII, XIII, XVI, XXI; Д. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. II, С.-Пб. 1889 г.; Е. П. Карновичъ, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, С.-Пб. 1874 г., стр. 375—376; М. Н. Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, М. 1867 г.; „Московск. Полицейск. Вѣдомости" 1851 г., № 113; „Москвитянинъ" 1843 г., кн. 2, стр. 499 (ст. А. Я. Булгакова); „Московскія Вѣдомости" 1812 г., № 58 (ст. Нелединскаго-Мелецкаго), 1859 г., № 25 (ст. М. А. Дмитріева), № 264 (восп. Варнгагена-фонъ-Энзе); Щукинскій Сборникъ, т. IV, стр. 362—361; т. VI, стр. 397, т. IX, стр. 187—188; „Русскій Міръ" 1860, № 50; Записки Ф. Ф. Вигеля, С.-Пб. 1892—93 г.; Подробныя свѣдѣнія о коннозаводствѣ Россійскомъ въ 1839 г., изд. Комитета Коннозаводства; Объ архивѣ Р.—В. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. 2, стр. 1143—1144; В. Межовъ, Русская Историческая библіографія, т. VIII и др.; Литературная дѣятельность Ростопчина: „Отеч. Зап." 1853 г., т. LXXXIX, № 9, отд. V, стр. 79—88; „Современникъ" 1853 г., т. XL, № 7, отд. IV, стр. 16—20; „Русск. Арх." 1868 г., № 4—5 (статья М. Лонгинова); А. Пыпинъ, Исторія русской литературы, С.-Пб. 1899 г., т. IV, стр. 151, 239, 283, 306, 326; Н. А. Энгельгардтъ, Исторія русской литературы XIX ст., С.-Пб. 1902 г., т. I, стр. 126; „Русск. Архивъ" 1877 г., кн. II, стр. 73—76; А. Галаховъ, Исторія русской литературы, С.-Пб. 1878 г., стр. 378, 381—383.

А. Ельницкій.

Ростъ, *Иванъ Акимовичъ* (и *Юрьевичъ*; *Іоаннъ-Іоахимъ-Юліусъ*), профессоръ Московскаго Университета; родился 29-го сентября 1726 года въ Ганноверѣ и происходилъ изъ Саксонскаго дворянскаго рода. Учился и окончилъ курсъ въ Гёттингенскомъ Университетѣ и въ серединѣ 1757 года прибылъ въ Москву для поступленія, въ званіи адъюнкта, въ число преподавателей Московскаго Университета, только-что тогда открытаго.

Приглашеніе занять это мѣсто Ростъ получилъ отъ академика и извѣстнаго русскаго исторіографа Г. Ф. Миллера, съ которымъ потомъ находился въ постоянной перепискѣ, содержащей много интересныхъ свѣдѣній о состояніи и дѣятельности Московскаго Университета въ первыя десятилѣтія его существованія; въ 1761 году онъ даже породнился съ Миллеромъ, же-

нившись на его двоюродной сестрѣ, дѣвицѣ Маріи Вольфъ.

Предметомъ преподаванія Роста въ теченіе перваго года его дѣятельности въ Московскомъ Университетѣ былъ англійскій языкъ. Въ каталогѣ лекцій на вторую половину 1757 года онъ заявлялъ также о своемъ намѣреніи преподавать приватно, для желающихъ, механику, военную и гражданскую архитектуру и первыя три части чистой математики, то-есть ариѳметику, геометрію и плоскую тригонометрію. По отсутствію желающихъ между очень немногочисленными въ то время студентами Университета, намѣреніе Роста, однако же, не осуществилось, и приступить къ дѣйствительному преподаванію математическихъ наукъ онъ получилъ возможность только со слѣдующаго года, когда состоялось постановленіе университетской Конференціи отъ 4-го іюля 1758 года о порученіи этого преподаванія ему и магистру Барсову. Ростъ преподавалъ на латинскомъ языкѣ, но такъ какъ не всѣ изъ его слушателей понимали этотъ языкъ, то ему пришлось выбрать одного изъ студентовъ своимъ переводчикомъ. Во время лекціи этотъ послѣдній долженъ былъ переводить на русскій языкъ и объяснять все, что говорилъ профессоръ. До 1761 года Ростъ продолжалъ также преподавать и англійскій языкъ, за что получалъ ежегодно по 100 рублей. Кромѣ того, состоя, какъ преподаватель математики, въ званіи ординарнаго профессора, онъ пользовался присвоеннымъ этому званію содержаніемъ въ размѣрѣ 500 рублей въ годъ. Такъ какъ въ число преподаваемыхъ имъ предметовъ входила и архитектура, то онъ долженъ былъ взять на себя безвозмездный надзоръ за университетскими зданіями. Кромѣ того, и также безвозмездно, ему былъ порученъ надзоръ за математическими классами и за практическими работами по геодезіи. Въ теченіе 1761 года Ростъ не преподавалъ въ Университетѣ; причиною этому было, повидимому, заключеніе съ нимъ Университетомъ новаго контракта. Послѣ этого перерыва Ростъ уже не возвращался болѣе къ преподаванію англійскаго языка; что же касается математическихъ наукъ, то при раздѣленіи ихъ преподаванія между нимъ и новымъ профессоромъ Д. С. Аничковымъ, онъ взялъ на себя прикладную математику и экспериментальную физику. Раздѣленіе это, однако же, не было строгимъ; были годы, когда къ предметамъ своего обычнаго преподаванія Ростъ присоединялъ еще и нѣкоторые изъ отдѣловъ чистой математики. Прикладную математику Ростъ читалъ по сочиненію Вейдлера: „Institutiones Matheseos selectis observationibus illustratae in usum academicarum“, состоящему изъ отдѣльныхъ частей, посвященныхъ какъ чистой, такъ и прикладной математикѣ. Послѣдняя была представлена въ немъ слѣдующими отдѣлами: Optica proprie dicta, Ars perspectiva, Catoptrica, Dioptrica, Astronomia sphaerica, Astronomia theorica, Geographia generalis, Chronologia, Gnomonica, Mechanica, Hydrostatica, Aërometria, Hydraulica, Architectura civilis, Architectura militaris. Всѣ эти науки въ преподаваніи Роста, за исключеніемъ астрономіи, занимали не одинъ годъ, а нѣсколько, при чемъ никакого опредѣленнаго порядка въ ихъ слѣдованіи другъ за другомъ не соблюдалось. Къ нимъ нерѣдко были присоединяемы профессоромъ еще и слѣдующія, не содержащіяся въ книгѣ Вейдлера: геодезія, подземная геометрія (излагаемая по сочиненію Фогеля „Geometria subterranea“), Артиллерія, ученіе о треніи и гидротехнія. Для преподаванія математическихъ наукъ, отличавшагося, говоря вообще, крайнею элементарностью, Ростъ назначалъ обыкновенно четыре 2-часовыя лекціи въ недѣлю, а для преподаванія экспериментальной физики такихъ же двѣ лекціи. Экспериментальную физику Ростъ излагалъ въ первые годы своего преподаванія по сочиненію Винклера „Anfangsgründe der Physik“ (8°, Leipzig. 1753; 2-ое изд., 1755; англійскій переводъ—Лондонъ. 1757), а потомъ по книгамъ „Philosophia naturalis, experimentis confirmata“ (3 книги, 8°, Halle. 1753) Іоганна-Готтлоба Крюгера и „Course of Experimental Philosophy“ by J. T. Desaguliers (London. 1717 и 1745, т. I и II, 4°).

Для производства физическихъ опытовъ во время лекцій Ростъ имѣлъ лаборантовъ: сначала француза Петра Дюмуленя, а потомъ итальянца Іосифа Маджи. Обоими ими Ростъ, однако же, не былъ доволенъ и часто съ ними ссорился. Нѣкоторыя изъ столкновеній съ первымъ разбирались даже Конференціею Университета. Главнымъ

ихъ поводомъ были обвиненія профессоромъ Дюмуленя въ крайней небрежности исполненія своихъ обязанностей, выражавшейся какъ въ безпорядкахъ по содержанію физическаго кабинета, дѣлавшихъ иногда невозможнымъ производство нѣкоторыхъ опытовъ, такъ и въ дурныхъ отношеніяхъ къ ученикамъ, прикомандированнымъ къ нему для изученія механическаго искусства.

Лекціи экспериментальной физики Роста имѣли очень большой успѣхъ—на нихъ собирались студенты всѣхъ факультетовъ. Причиною этого, кромѣ характера самого предмета и его способности къ популярному изложенію, было умѣнье профессора соединять логическую ясность изложенія съ живостью, доходившею иногда до шутливости. Что касается лекцій прикладной математики, то, по невозможности въ нихъ популярнаго изложенія и при общей малочисленности студентовъ, онѣ могли имѣть и имѣли только очень немногихъ слушателей. Кромѣ лекцій для студентовъ, Ростъ читалъ еще съ помощью студента-переводчика публичныя лекціи по физикѣ съ присоединеніемъ иногда космологіи для постороннихъ и давалъ много частныхъ уроковъ.

Ростъ обладалъ замѣчательными лингвистическими свѣдѣніями, стоявшими значительно выше его знаній по математикѣ и физикѣ. Онъ зналъ теоретически и практически языки: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, итальянскій и испанскій. Разсказывали, что во время посѣщенія Московскаго Университета Австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, Ростъ при входѣ императора въ его аудиторію обратился къ нему съ вопросомъ, на какомъ языкѣ желаетъ онъ слушать лекцію. Императоръ выбралъ итальянскій языкъ и нашелъ изложеніе Роста очень краснорѣчивымъ.

Не оставляя Университета, Ростъ занималъ съ 1763 года въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ должность Главнаго Надзирателя въ только-что основанномъ тогда Воспитательномъ Домѣ. Несмотря на свою обширность, преподавательская и вообще педагогическая дѣятельность имѣла для Роста только второстепенное значеніе: главнымъ предметомъ его занятій были коммерческія предпріятія, состоявшія въ закупкѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ отправкѣ за-границу на корабляхъ Голландско-Россійской Компаніи, агентомъ и коммиссіонеромъ которой онъ состоялъ, различныхъ сырыхъ матерьяловъ: хлѣба, пеньки, конопляного и льняного сѣмени, растительныхъ маслъ, сала, волоса, пуха и пр. При невозможности уѣзжать изъ Москвы онъ велъ всѣ эти большія коммерческія дѣла при помощи нѣсколькихъ сотенъ приказчиковъ, которыхъ онъ держалъ на жалованьѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Черезъ нихъ онъ получалъ очень обстоятельныя свѣдѣнія объ урожаяхъ въ Россіи и вообще о размѣрахъ сборовъ того сырья, которое отправлялось имъ за-границу. На основаніи этихъ свѣдѣній онъ составлялъ для руководства въ своей коммерческой дѣятельности очень интересныя и въ свое время единственныя записки объ ежегодной производительности Россіи въ интересующей его области. Къ сожалѣнію, эти записки оказались утраченными безвозвратно. Торговая дѣятельность Роста сдѣлала его очень богатымъ человѣкомъ; онъ имѣлъ въ Москвѣ собственный домъ, находившійся за Варваркою около монастыря Св. Іоанна Богослова, и послѣ своей смерти оставилъ своимъ тремъ сыновьямъ—Якову, Ивану и Лаврентію—имѣніе съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ 1000 человѣкъ крѣпостныхъ крестьянъ и капиталъ въ нѣсколько сотенъ тысячъ рублей.

Строго-практическое направленіе дѣятельности Роста нашло себѣ яркое выраженіе и въ его учено-литературныхъ произведеніяхъ, состоявшихъ исключительно изъ рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Университета и затѣмъ напечатанныхъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Разработкою и рѣшеніемъ вопросовъ преподаваемыхъ имъ наукъ Ростъ не занимался; поэтому предметомъ его рѣчей были не успѣхи этихъ наукъ, а различные практическіе вопросы, почему-нибудь особенно важные или интересные для современниковъ. Такъ, необходимость для оздоровленія русскихъ городовъ закрытія находящихся въ ихъ чертѣ кладбищъ послужила темою его первой рѣчи „De effluviorum in corporibus, inprimis animalium, penetranti efficacia“, произнесенной 22 апрѣля 1765 года (въ русскомъ переводѣ: „О проницательномъ дѣйствіи малѣйшихъ частицъ, которыя изъ тѣлъ,

особливо животныхъ, проистекаютъ"). Очень интересовавшее Роста по своему отношенію къ нѣкоторымъ сторонамъ его торговой дѣятельности добываніе соли въ Россіи заставило его произнесть въ 1769 году рѣчь „De faciliori melioris fontium salis praeparatione" (заглавіе русскаго перевода: „Объ удобнѣйшей выварке соли изъ соляныхъ источниковъ"), въ которой, говоря о способахъ образованія крупныхъ кристалловъ соли, онъ познакомилъ слушателей также и съ результатами своихъ собственныхъ опытовъ по тому же предмету. Московская чума 1771 года вызвала произнесеніе Ростомъ въ слѣдующемъ же году рѣчи: „De aëre nocuo in tricliniis praesertim plebeiorum et quomodo ille facili negotio salubrior reddi potest" (въ русскомъ переводѣ: „О вредномъ воздухѣ, въ жилищахъ особливо простого народа примѣчаемомъ, и о средствахъ, удобныхъ къ поправленію онаго"). Въ ней онъ высказывалъ отвергнутую впослѣдствіи спеціалистами мысль, что чумная зараза могла быть не только заносима въ Россію, но и зарождаться въ ней самостоятельно, какъ въ Египтѣ. Три большіе пожара, происшедшіе въ Москвѣ въ 1773 году, заставили Роста произнести въ слѣдующемъ году рѣчь „De commodis in Russia contra incendiorum furorem adminiculis" (въ русскомъ переводѣ: „О лучшихъ средствахъ прекращать въ Россіи свирѣпство пожаровъ"). Слѣдующая рѣчь—„De perenni gloria Imperantium, quam ex felicitate populi promota acquirunt" (въ русскомъ переводѣ: „Торжественное слово о вѣчной славѣ Государей, происходящей отъ умноженія благополучія народнаго"), произнесенная въ 1776 году, была посвящена восхваленію мудраго правленія Императрицы Екатерины II. Основаніе и построеніе при той же Императрицѣ многихъ новыхъ городовъ вызвали со стороны Роста произнесенную имъ въ 1781 году рѣчь: „De eo, quod conducit et observari oportet ratione valetudinis in eligendo exstruendarum urbium novarum loco" (въ русскомъ переводѣ: „О избраніи здоровыхъ мѣстъ къ построенію городовъ"). Послѣднею рѣчью Роста, произнесенною имъ въ 1787 году и также занимающеюся дѣятельностью Екатерины II, была „Oratio solemnis, qua Dominae Catharinae II de itinere feliciter peracto per Rossiam Meridionalem ea, qua decet, gratulatur Ioannes Ioachimus Iulius Rost D. XXX Iunii" (въ русскомъ переводѣ: „Слово торжественное и поздравительное Императрицѣ Екатеринѣ II съ благополучнымъ свершеніемъ путешествія по Южной Россіи").

За свои труды по устройству Воспитательнаго Дома Ростъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, а за другія заслуги—орденъ св. Владиміра 4-ой степени. Онъ умеръ 7-го апрѣля 1791 года въ Москвѣ.

Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, часть II, М. 1855, стр. 362—369; „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн. Росс." 1872, № 3; Г. Геннади, Словарь, т. III.

В. В. Бобынинъ.

Ростъ, *Софія*, рожд. Теръ-Реегенъ, основательница перваго Зоологическаго сада въ Петербургѣ; род. 4-го марта 1813 года въ Голландіи, въ городѣ Гронингенѣ, гдѣ родители ея занимались торговлей. Они оставили маленькія средства своей дочери, которая, организовавъ небольшой звѣринецъ, пріѣхала съ нимъ въ 1842 году въ Россію и начала здѣсь путешествовать изъ города въ городъ, показывая своихъ звѣрей и вездѣ имѣя успѣхъ. Побывавъ въ Варшавѣ, Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ, Т.-Р. пріѣхала въ Одессу; красивая собой, неутомимая, предпріимчивая, она повсюду обращала на себя вниманіе; въ 1848 году она вышла замужъ за доктора зоологіи Гебгардта, послѣ чего еще 15 лѣтъ странствовала изъ города въ городъ съ звѣринцемъ, улучшая его при всякой возможности. Въ 1864 году она, вмѣстѣ со своимъ мужемъ Гебгардтомъ, основала первый Зоологическій садъ въ Петербургѣ. Садъ этотъ первое время отличался весьма скромными размѣрами, но мало-по-малу число коллекцій и оранжерей стало въ немъ увеличиваться. Когда же, по смерти своего перваго мужа, Софія Гебгардтъ въ 1873 году вышла вторично замужъ за Эрнста Роста, то дѣла Зоологическаго сада пошли лучше, такъ какъ самъ Ростъ не жалѣлъ ни времени, ни труда, чтобы достигнуть процвѣтанія своего учрежденія, а С. Ростъ тоже не мало поработала на пользу любимаго ею дѣла. Живая, энергичная, хлопотливая, она и въ послѣдніе годы жизни, будучи уже семидесятилѣтней

старухой, продолжала помогать своему мужу. Она скончалась 20-го февраля 1887 г.; погребена на римско-католическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ.

„Петербургскій Листокъ“ 1887 г., 22-го февраля, №49 (некрологъ); Петерб. Некрополь, т. III, стр. 624.

Н. М.

Ростъ, *Христіанъ*, врачъ, писатель; въ службѣ находился съ 1745 года; съ 29-го сентября 1783 г. имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника; въ 1793 году служилъ въ вѣдомствѣ Конторы строенія Ея Величества домовъ и садовъ штабъ-лекаремъ. Въ 1793 году, въ Москвѣ, Р. издалъ книгу: „Врачебникъ деревенской, или легкій способъ пользоваться недостаточнымъ людямъ отъ всякихъ болѣзней простыми или домашними вещами, не имѣя надобности въ лекарствахъ аптекарскихъ, сочиненный Хр. Ростомъ“ (8°, цѣна 60 коп.).

Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ 1793 г., стр. 106; Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 62, стр. 224; Сопиковъ, Опытъ, № 2664; Геннади, Словарь, т. III, М. 1908.

Б. М.

Ростъ, *Яковъ Ивановичъ* (*Jacob-Gottlieb Rost*), писатель; род. 14-го сентября 1766 г.; сынъ профессора Московскаго Университета И. Ю. Роста (см. выше) отъ брака его съ Маріею Карловною Вольфъ, двоюродною сестрою исторіографа Г. Ф. Миллера; службу началъ въ 1786 году въ Штабѣ Московскаго Главнокомандующаго П. Д. Еропкина, съ которымъ по самую его кончину былъ „въ дружескомъ обращеніи“. 22-го октября 1802 г., числясь „при Герольдіи“, получилъ чинъ надворнаго совѣтника и въ 1806 г. также состоялъ „при Герольдіи“; въ 1804 году онъ былъ назначенъ Директоромъ основаннаго 22-го іюля Имп. Маріею Ѳеодоровною Московскаго Коммерческаго Училища и прослужилъ здѣсь до 1809 года; умеръ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ Москвѣ, черезъ день послѣ занятія ея французами — 4-го сентября 1812 г., и погребенъ на Иновѣрческомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. У него былъ сынъ Петръ (1855 г.).

Въ 1805 г., когда Россійская Академія объявила премію въ 100 червонныхъ за сочиненіе похвальнаго слова Петру Дмитріевичу Еропкину, Р., бывшій съ нимъ въ „давнишнемъ и короткомъ обращеніи“, откликнулся на приглашеніе изданіемъ книжки: „Краткія извѣстія о жизни, дѣлахъ и кончинѣ покойнаго Генералъ-Аншефа и разныхъ орденовъ Кавалера Петра Дмитріевича Еропкина. Собранныя изъ вѣрныхъ и несомнительныхъ источниковъ“ (М., въ тип. Кряжева и Мея, 1805, 39 стр.; авторъ скрылся подъ буквами Я. Р.); кромѣ того, въ 1808 году онъ же собралъ и издалъ „Высочайшія собственноручныя письма и повелѣнія... Государыни Императрицы Екатерины. Великія къ покойному генералу Петру Дмитріевичу Еропкину и всеподданѣйшія его донесенія, въ трехъ отдѣленіяхъ; Собранныя и съ Высочайшаго дозволенія въ печать изданныя Коллежскимъ Совѣтникомъ Яковомъ Ростомъ (съ выгравированнымъ съ почерка Императрицы письмомъ), М. въ Университетской типографіи, 1808 (8°, 8+343 стр.), цѣна 3 рубля.

Списокъ чинамъ 6 и 7 классовъ на 1806 г., стр. 147; Сопиковъ, изд. В. Н. Рогожина, № 4421 и 8149; Б. Модзалевскій, Библіотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 88—89; Геннади, Словарь, т. II, стр. 48 и т. III, стр. 273; Московскій Некрополь, т. III, стр. 42; Сочиненія Державина, т. III, стр. 505; Высоч. указъ Сенату отъ 22 октября 1802 г.; Словарь профессоровъ Имп. Московскаго Университета, М. 1855, т. II, стр. 367.

Б. Модзалевскій.

Росцишевскій, *Іосафатъ Игнатьевичъ*, докторъ медицины; родился въ 1788 году; медицинское образованіе получилъ въ Виленскомъ Университетѣ, гдѣ выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины, и 7-го апрѣля 1812 г. былъ опредѣленъ на службу въ 41-й Егерьскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ походахъ Отечественной войны; 2-го мая 1814 г., за отличное усердіе въ кампанію, былъ помѣщенъ на окладъ младшаго лѣкаря 1-го класса, въ январѣ 1815 г. — на окладъ старшаго лѣкаря 2-го класса, а въ февралѣ награжденъ подаркомъ въ 300 рублей. Уволившись, 13-го апрѣля 1820 г., отъ военно-медицинской службы, Р. занимался частною практикою до 1-го апрѣля 1825 г., когда былъ опредѣленъ штатнымъ врачемъ въ Полтавскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ прослужилъ до 9-го декабря

1830 г., а затѣмъ, 13-го февраля 1831 г., выдержавъ соотвѣтствующій экзаменъ въ Харьковскомъ Университетѣ, получилъ званіе акушера и 17-го апрѣля того же года назначенъ былъ акушеромъ въ Полтавскую Врачебную Управу; эту должность Р. занималъ еще въ 1854 г., будучи съ 31-го декабря 1843 г. въ чинѣ статскаго совѣтника. Умеръ 12-го ноября 1856 г.

Формулярный списокъ за 1832 г.; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 224.

Ротари, графъ *Петръ* (Pietro Rotari), живописецъ; род. въ Веронѣ, по однимъ свѣдѣніямъ—около 1707 г., по другимъ—въ 1710 г.; ум. въ Петербургѣ 31-го августа 1762 г. Учился онъ сперва у Р. Ауденарде и у Антоніо Балестра, затѣмъ — у Тревизани въ Римѣ и у Солимена въ Неаполѣ. За это время имъ исполнены нѣсколько образовъ въ Веронскую церковь, картины: „Св. Людовикъ“ и „Вознесеніе“, находящіяся въ Падуѣ, и „Рождество Богородицы“, находящуюся въ Римѣ. Въ 1750 г. Р. переѣхалъ въ Вѣну, а оттуда—въ Дрезденъ и Мюнхенъ. Въ Дрезденѣ онъ написалъ: „Бѣгство въ Египетъ“, „Портретъ Карла, Герцога Курляндскаго“, „Св. Іоакова“, „Монаха“ и „Св. Магдалину“; въ Мюнхенѣ — „Прерванный сонъ“, „Плачущую дѣвочку“ и др. Въ 1757 г. Императрица Елисавета Петровна вызвала его въ Петербургъ, гдѣ онъ и оставался до конца своей жизни.

Дѣятельность его въ Россіи была необыкновенно плодовита. Изъ его Петербургскихъ работъ назовемъ портретъ И. А. Бутурлина, находящійся у графини М. В. Бутурлиной, въ имѣніи „Дубны“, Тульской губерніи; поясной портретъ графини М. А. Воронцовой, принадлежащій графу Воронцову-Дашкову; портретъ графа Ив. Ил. Воронцова, по-грудь, бывшій у князя С. М. Воронцова; портреты: графа М. Ил. Воронцова, копія съ котораго, работы Быкова, находится въ Гатчинскомъ дворцѣ; княгини А. А. Голицыной (1759 г.), находящійся у князя С. М. Голицына въ с. Кузьминкахъ, близъ Москвы; князя А. М. Голицына—въ Академіи Художествъ; Принцессы Екатерины Петровны Голштейнъ-Бекъ — у князя А. В. Барятинскаго, въ имѣніи „Ивановское“, Курской губ.; Св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго (1759 г.), изданный въ „Очеркахъ“ Тромонина; Императрицы Екатерины II, поясной, писанный въ бытность ея еще Великою Княжною (около 1758 г.)—въ Эрмитажѣ; такой же портретъ ея, по-грудь, въ Музеѣ Александра III и, кромѣ того, — въ Цербстскомъ дворцѣ и у графа С. Д. Шереметева въ „Кусковѣ“, и неоконченный, оставшійся у графа И. И. Шувалова; Императрицы Елисаветы Петровны, въ черной мантильѣ — въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ; ея же поясной — въ Царскомъ Селѣ и неоконченный—въ Гатчинѣ; Карла, Принца Курляндскаго; княгини Е. С. Куракиной, рожд. Апраксиной,—у князя А. Б. Куракина; Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (1782 г.), поясной, принадлежащій Имп. Эрмитажу; графа Гр. Гр. Орлова — у графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ, въ им. „Отрада“; Императора Павла I, въ раннемъ дѣтствѣ; графа В. В. Растрелли — у А. И. Штукенберга, гравированный Н. С. Мосоловымъ; его же — у графини Е. А. Воронцовой-Дашковой, въ „Андреевскомъ“, Владимірской губерніи; графини А. А. Рибопьеръ—у графа Г. И. Рибопьера въ Петербургѣ; графа П. С. Салтыкова (1760 г.)— у Е. А. Балашовой, въ Петербургѣ; такой же — у графа А. Д. Шереметева; графа Ф. М. Санти—у А. Е. Голубицкаго, въ селѣ „Всѣхсвятскомъ“ подъ Москвою; графа Е. В. Сиверса, гравированный Чемесовымъ; графа К. Е. Сиверса; графа А. С. Строганова — у князя П. П. Голицына, въ „Марьинѣ“, Новгородской губ.; графа А. В. Суворова-Рымникскаго, писанный въ Ригѣ, въ 1793 г.; графини В. А. Шереметевой, въ черной косынкѣ—у графа С. Д. Шереметева, въ „Кусковѣ“; графа П. Б. Шереметева, съ книгою въ рукахъ,— тамъ же; Ив. Ив. Шувалова, поколѣнный— бывшій у Хр. Хр. Гиля, въ Петербургѣ; его же, по-грудь—въ Гатчинскомъ дворцѣ; князя Эстергази — тамъ же; собственные портреты художника — у графини Е. А. Воронцовой-Дашковой, въ „Андреевскомъ“, Владимірской губерніи, и въ Гатчинскомъ дворцѣ. Кромѣ того, въ Александро-Невской лаврѣ его кисти принадлежитъ „Рождество Спасителя“, а въ 1780 г. на Императорской шпалерной фабрикѣ былъ вытканъ по его картинѣ „Образъ Богоматери“.

Еще Императрица Елисавета Петровна купила у Р. пятьдесятъ женскихъ головокъ,

а послѣ его смерти Екатерина II пріобрѣла еще триста такихъ же головокъ и приказала ихъ развѣсить въ одной изъ залъ Большого Петергофскаго дворца, получившей названіе „Кабинета модъ и граціи". Въ Китайскомъ дворцѣ, въ Ораніенбаумѣ, тоже находится особый „Кабинетъ Ротари", въ которомъ развѣшены двадцать двѣ подобныхъ головки.

Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ Р. принялся и за преподавательскую дѣятельность и имѣлъ не мало учениковъ, которые копировали его произведенія, а также писали и оригинальныя картины. Изъ нихъ нѣкоторые вышли довольно хорошими мастерами.

Кромѣ живописи, Р. занимался также и офортомъ, и у Наглера описаны 21 листъ его гравюръ; но всѣ они не имѣютъ никакого отношенія къ Россіи, исполнены же мастерски.

В... О состояніи художествъ въ Россіи — „Сѣверные Цвѣты" на 1828 г., стр. 16—17; Фишеръ, Указатель находящихся въ Академіи произведеній, С.-Пб. 1842; К. Тромонинъ, Очерки, стр. 41 и 42; Д. Р—ій (Ровинскій Д. А.), Академія Художествъ до временъ Императрицы Екатерины II—„Отечественныя Записки" 1855 г., Отд. II, стр. 64; А. Н. Андреевъ, Живопись и живописцы, С.-Пб. 1857; Каталогъ Выставки портретовъ русскихъ достопримѣчательныхъ людей на постоянной выставкѣ Общества Любителей Художествъ, М. 1868; П. Н. Петровъ, Каталогъ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вв., устроенной Обществомъ Поощренія Художниковъ, С.-Пб. 1870; A. Wassiltschikoff Liste alphabétique de portraits russes, St.-Ptsb., 1875; Д. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, С.-Пб. 1889; Его же, Подробный словарь русскихъ граверовъ, С.-Пб. 1895 г.; „Художественныя Сокровища Россіи" 1901 г., №№ 9 и 10, и 1902 г., стр. 74 и 204; „Міръ Искусства" 1902 г. и 1904 г.; Н. Спиліоти, Императорская Шпалерная Мануфактура — „Художественныя Сокровища Россіи" 1905 г., стр. 245; Каталогъ историко-художественной выставки русскихъ портретовъ 1905 г., С.-Пб. 1905; Великій Князь Николай Михаиловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, pass.; Баронъ Н. Н. Врангель, Каталогъ Музея Имп. Академіи Художествъ.

А. Новицкій.

Ротенбергъ, И. Д., врачъ; род. въ 1801 году; по окончаніи курса Медицинскаго Факультета въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, Р. поселился въ Бердичевѣ, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность опытнаго врача и энергичнаго человѣка. Интересамъ этого города онъ прослужилъ свыше 60-ти лѣтъ, много сдѣлавъ для мѣстнаго населенія и для развитія общественной жизни города. Впервые Р. проявилъ свою дѣятельность въ 1838 году, когда раввинъ докторъ Лиліенталь Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія былъ командированъ въ Юго-Западный край и другія мѣстности для открытія еврейскихъ училищъ. Мѣстное населеніе противилось открытію школъ, и только благодаря необыкновенной настойчивости и энергіи Р. д-ру Лиліенталю удалось открыть нѣсколько училищъ въ Бердичевѣ и въ смежныхъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, по иниціативѣ и при непосредственномъ участіи Р. въ началѣ 1860-хъ годовъ была учреждена въ Бердичевѣ Общественная русская библіотека и открытъ общественный клубъ. Въ 1884 году его разбилъ параличъ, но онъ продолжалъ заниматься практикой, посѣщая больныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ (съ послѣднихъ онъ обыкновенно ничего не бралъ); скончался 23-го апрѣля 1891 года.

„Кіевское Слово" 1891 г., 28-го апрѣля, № 1230, ст. О. III. (корреспонденція изъ Бердичева); „Русская Медицина" 1891 г., № 17, стр. 273 (некрологъ); „Медицинская Бесѣда" 1891 г. (некрологъ)

Е. Я.

Роткирхъ, фонъ-, *Василій Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, писатель; происходилъ изъ дворянъ Финляндскаго рыцарскаго дома и, по женской линіи, происходилъ отъ Абрама Петровича Ганнибала; родился 1-го января 1821 года; по окончаніи курса въ Могилевской Губернской Гимназіи, Р. 25-го марта 1837 г. поступилъ въ военную службу—юнкеромъ въ Галицкій егерьскій (нынѣ 20-й пѣхотный Галицкій) полкъ и въ 1843 г. былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ; въ 1847 г., уже въ чинѣ поручика, Р. былъ назначенъ плацъ-адъютантомъ въ крѣпость Динабургъ, а въ 1853 г., за отличіе по службѣ, получилъ чинъ штабсъ-капитана. Въ октябрѣ 1859 г. онъ былъ переведенъ въ Главное Дежурство бывшей 1-й арміи, гдѣ въ ноябрѣ 1861 г. получилъ должность старшаго адъютанта Главнаго Штаба 1-й арміи, и за отличіе произведенъ былъ въ маіоры (5-го апрѣля 1861 г.). Когда въ 1861 г. Царство Польское было объявлено на военномъ положеніи, Р. былъ назначенъ вице-директоромъ „Особой Канцеляріи по дѣламъ воен-

наго положенія", учрежденной при Намѣстникѣ Царства Польскаго, и въ 1863 г., 10-го декабря, едва не былъ убитъ на Краковскомъ предмѣстьѣ въ Варшавѣ, при нападеніи на него нѣсколькихъ злоумышленниковъ, при чемъ былъ раненъ въ голову и въ грудь отравленнымъ кинжаломъ. Въ 1864 г., по замиреніи края, Р. былъ переведенъ на службу дежурнымъ штабъ-офицеромъ Управленія III Округа Корпуса жандармовъ (въ Варшавѣ), въ 1865 г. прикомандированъ къ Штабу Корпуса жандармовъ, а затѣмъ—командированъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Одессу и произведенъ въ подполковники. Въ томъ же году Р. былъ командированъ въ Парижъ, куда и проѣхалъ черезъ Константинополь, Пирей, Мессину, Аяччіо и Марсель. Въ 1867 г. Р. получилъ назначеніе (9-го мая) въ Могилевъ начальникомъ Губернскаго Жандармскаго Управленія и занималъ послѣдовательно должности: Начальника Управленія Митаво-Риго-Орловской желѣзной дороги (съ 1868 до 1873 г.), начальника Минскаго Жандармскаго Полицейскаго Управленія желѣзныхъ дорогъ (съ апрѣля 1873 г.) и Виленскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія (съ 1882 г.). Въ 1885 г. Р. былъ произведенъ (24-го марта) въ генералъ-маіоры, а въ 1890 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-лейтенанта.

Кромѣ прямыхъ служебныхъ обязанностей, Р. принималъ дѣятельное участіе: въ Минскомъ и Виленскомъ Обществахъ вспомоществованія нуждающимся учащимся (въ коихъ былъ предсѣдателемъ), въ учрежденномъ имъ Виленскомъ „Домѣ для бѣдныхъ", въ Виленскомъ Свято-Духовскомъ Братствѣ, а также работалъ въ Предварительномъ Виленскомъ Комитетѣ по устройству въ Вильнѣ Археологическаго Съѣзда.

Досуги свои Р. посвящалъ литературѣ; такъ, большое число статей его помѣщено въ „Виленскомъ Вѣстникѣ", „Виленскомъ Календарѣ", „Русской Старинѣ" и другихъ изданіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ онъ подписывалъ псевдонимомъ „Теобальдъ". Часть писаній его была собрана имъ въ одну книгу и вышла въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи, подъ заглавіемъ „Воспоминанія Теобальда" (ч. 1, 2, 3, 4 и 5, Вильна. 1890 г.). — Въ теченіе долгаго времени Р. занимался вопросомъ о Литовской миѳологіи, но обширный трудъ его подъ этимъ заглавіемъ не вышелъ въ свѣтъ и хранится въ рукописи въ Библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ, куда переданъ былъ въ 1890 г.

Проведя послѣдній годъ жизни за-границей, откуда онъ посылалъ корреспонденціи въ „Виленскій Вѣстникъ", Р. скончался въ Вильнѣ 10-го ноября 1891 г.

Въ „Русскомъ Архивѣ" напечатаны слѣдующія статьи Р. (частью подъ псевд. Теобальда): „О Польскомъ Катехизисѣ" (1882 г., кн. III, стр. 244—251); „Изъ давнихъ воспоминаній. Капитанъ Платовъ. Сиротинушка-дѣвушка" (1886 г., кн. II, стр. 128—142); „Борьба за старшинство въ чинѣ" (1886 г., кн. III, стр. 515—517); „Далекое прошлое" (1890 г., кн. I, стр. 131—138); „Двѣ службы" (1889 г., кн. I, стр. 425—445); „Люди прежняго закала. А. М. Симборскій, Динабургскій комендантъ" (1888 г., кн. III, стр. 271—293); „Анекдоты о генералѣ Ѳедоренкѣ" (1886 г., кн. III, стр. 266—267 и 517); „Еще нѣсколько словъ о загадочной кончинѣ Варшавскаго генералъ-губернатора А. Д. Герштенцвейга" (1887 г., кн. II, стр. 528—534); „Поляки о Польшѣ" (1885 г., кн. III, стр. 548—552); „Апологія графа Ѳ. Ѳ. Берга отъ Польскихъ навѣтовъ" (1885 г., кн. III, стр. 433—442); „Рука Всевышняго отечество спасла", драма Кукольника. Изъ воспоминаній" (1889 г., кн. III, стр. 509—511); „Желѣзнодорожныя впечатлѣнія". Изъ воспоминаній (1895 г., кн. I, стр. 57—90); „Изъ воспоминаній В. А. Роткирха.—С. Г. Батуринъ" (1894 г., кн. II, стр. 427—432); въ „Русской Старинѣ": „Динабургское комиссаріатское дѣло 1846—1850. Изъ Послѣдней Польской смуты 1862 г. Изъ Одесской жизни. Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ" (1889 г., т. 64, стр. 67—102); „Императоръ Николай Павловичъ" (1890 г., т. 66, стр. 353—359); „Генералъ А. К. Ушаковъ и А. О. Сабашинскій" (1890 г., т. 67, стр. 439—442); „Бородинская годовщина" (1889 г., т. 62, стр. 43—58); отдѣльно изданы статьи: „Спартанка. Эпизодъ изъ событій 1863 года"—Приложеніе къ „Виленскому Вѣстнику" № 96, Вильна. 1885; „Необыкновенный феноменъ въ Кандійскомъ морѣ", отд. отт. изъ „Виленскаго Вѣстника", Вильна. 1886; „Историческая новелла. Озеро „Дѣвичье око" (Каметское). Эпизодъ изъ жизни королевы Боны", отд. отт. изъ „Виленскаго Вѣстника", Вильна.

1886; „Жидовка. Драма въ 5 дѣйствіяхъ“, М. 1887; „Двѣ службы. Изъ воспоминаній“, М. 1889; „Бродящій портретъ. Новелла“, отд. отт. изъ „Виленскаго Вѣстника“ 1890 г., Вильна. 1890; „Литовско-языческіе очерки“, Вильна. 1890.—Рукописи нѣкоторыхъ сочиненій хранятся въ Рукописномъ Отдѣленіи Имп. Академіи Наукъ и въ Виленской Публичной Библіотекѣ и Музеѣ (здѣсь находится и его переписка). — В. А. Роткирхъ былъ женатъ на вдовѣ Каролинѣ Христіановнѣ Закревской, рожд. Литке, но дѣтей не имѣлъ.

„Виленскій Календарь на 1893 г.“, Вильна. 1892 г., стр. 246 — 248; „В. А. Роткирху 28 августа 1890 года“. Стихотвореніе М. Г., Вильна. 1890; „Нов. Вр.“ 1902 г., № 9298, стр. 3; Отчетъ Имп. Академіи Наукъ за 1890 г., стр. 13; „Свѣдѣнія о рукописяхъ, поступившихъ въ Библіотеку Имп. Академіи Наукъ въ 1904 г.“, стр. 110—111; Извлеченіе изъ Отчета Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1901 г., С.-Пб. 1903, стр. 73.

Б. М—ій.

Ротчевъ, *Александръ Гавриловичъ*, писатель; происходилъ изъ „оберъ-офицерскихъ дѣтей“, родился въ 1806 или 1807 году; высшее образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, но вышелъ изъ него до окончанія курса и 6-го іюля 1833 г. поступилъ на службу кошістомъ и исправляющимъ должность переводчика въ Контору Императорскихъ С.-Петербургскихъ Театровъ (при Директорѣ Театровъ князѣ Сергѣѣ Сергѣевичѣ Гагаринѣ); отсюда черезъ два года (2-го апрѣля 1835 г.) онъ перешелъ въ Россійско-Американскую Компанію и 2-го августа того же года отправился въ колоніи, на компанейскомъ кораблѣ „Елена“, комиссіонеромъ; со 2-го іюля по 13-е октября 1836 г. Р. находился въ плаваніи въ Калифорнію, въ заливъ Бодего и въ порты Монтерей и св. Франциска на принадлежавшемъ Компаніи шлюпѣ „Ситха“, будучи посланъ съ особыми порученіями отъ Главнаго Правителя Компаніи, при которомъ онъ состоялъ до 1-го августа 1838 года, когда былъ назначенъ правителемъ компанейскаго поселка „Россъ“, а съ 15-го іюля 1841 до 1-го января 1842 г. исправлялъ должность комиссіонера по дѣламъ Компаніи въ Калифорніи. Вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, онъ представилъ Главному Правителю Компаніи отчетъ о своемъ пребываніи въ Америкѣ, а 5-го мая 1843 г., послѣ того, какъ Русско-Американскія Колоніи были проданы Соединеннымъ Штатамъ, вышелъ въ отставку, въ которой и пробылъ до 21-го октября 1850 г., когда опредѣлился младшимъ помощникомъ контролера въ Департаментѣ разныхъ податей и сборовъ; здѣсь, однако, онъ прослужилъ всего годъ—до 4-го октября 1851 г. Поступивъ, затѣмъ, въ Канцелярію Военнаго Министерства, онъ въ январѣ 1855 г. получилъ брилліантовый перстень за сочиненіе „Правда объ Англіи“, 28-го февраля 1857 г. переведенъ былъ чиновникомъ на усиленіе въ Артиллерійскій Департаментъ, при чемъ 11-го декабря, сверхъ того, былъ назначенъ переводчикомъ въ редакцію газеты „Русскій Инвалидъ“, гдѣ проработалъ лишь до 8-го февраля 1858 г.; 20-го іюля того же года ему пожалованъ былъ, за труды по Театрально-Литературному Комитету, брилліантовый перстень, а 10-го апрѣля 1859 г.—подарокъ; затѣмъ Р. служилъ въ редакціи оффиціальной газеты „Сѣверная Почта“, откуда перешелъ управляющимъ типографіею и редакторомъ (съ конца 1862 до середины 1866 г.) „Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи“; вышелъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника; въ 1867 г. недолгое время былъ редакторомъ „Петербургскаго Листка“. Въ 1870 г. Р. жилъ въ Ташкентѣ и участвовалъ въ изданіи „Туркестанскихъ Вѣдомостей“; наконецъ, онъ въ 1872 г. переселился въ Саратовъ и здѣсь былъ редакторомъ „Саратовскаго Справочнаго Листка“. Такъ какъ самому Ротчеву не разрѣшено было быть редакторомъ, то за него оффиціально подписывался утвержденный „за редактора“ А. Вознесенскій, служившій въ редакціи конторщикомъ. „Саратовскій Листокъ“ въ 1872 и особенно въ 1873 году отличался большимъ литературнымъ оживленіемъ. Р., бывшій, по отзывамъ его сотрудниковъ, образованнымъ, живымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, сумѣлъ привлечь въ „Листокъ“ талантливыхъ молодыхъ писателей. При немъ впервые выступилъ въ качествѣ фельетониста С. С. Гусевъ (подъ псевдонимомъ „Tutti quanti“) и вступили въ редакцію И. П. Горизонтовъ, Любомудровъ, Блюммеръ и другіе.

Ротчевъ скончался въ Саратовѣ 20-го августа 1873 г. и похороненъ на кладбищѣ Спасо-Преображенскаго монастыря. На пли-

тѣ, покрывающей его могилу, по его желанію вырѣзана надпись: „Онъ былъ человѣкомъ и какъ человѣкъ заблуждался".

Объ Америкѣ и своихъ путешествіяхъ туда и обратно Р. написалъ много статей въ нашихъ журналахъ; укажемъ изъ нихъ нѣкоторыя: „Очерки сѣверо-западнаго берега Америки"—въ „Сынѣ Отечества" 1838 г., т. I, № 1; „Сцена на морѣ" — въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1835 г.; „Новый Эльдорадо въ Калифорніи" — въ „Отечественныхъ Записках" 1852 г., т. LXII, отд. VIII; „Воспоминанія Русскаго путешественника о Вестъ-Индіи, Калифорніи и Остъ-Индіи", 3 статьи—„Отечественныя Записки" 1854, т. XCII, XCIV и XCV; „Русскія письма изъ Европы, Америки, Азіи и Африки" — въ „Сѣверной Пчелѣ" 1854 г., № 71; „Столкновеніе Англіи съ Соединенными Штатами въ Сѣверозападной части Сѣверной Америки"—„Сѣв. Пчела" 1856 г., № 27.—Возвратясь въ Россію, Р. доказывалъ, что уступка нашихъ Американскихъ владѣній Соединеннымъ Штатамъ крайне невыгодна и убыточна; по этому поводу въ „Русскомъ Инвалидѣ" была помѣщена его статья подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ газеты Русскій Инвалидъ Главному Правленію Россійско-Американской Компаніи о бывшихъ ея владѣніяхъ въ Калифорніи" („Русскій Инвалидъ" 1857 г., № 237 и отд. отт.). Спустя нѣсколько лѣтъ, мнѣніе Р. подтвердилось, когда американцы открыли въ уступленныхъ земляхъ богатыя розсыпи золота.

Въ 1867 году въ Петербургской Судебной Палатѣ, по Уголовному Департаменту, разбиралось дѣло Юркевича-Литвинова и Ротчева по обвиненію ихъ въ нарушеніи постановленій о печати: Р. привлекался за статью о судопроизводствѣ, помѣщенную имъ въ газетѣ „Народный Голосъ" за 1867 г. (№ 70 и 71), редакторомъ которой въ это время состоялъ Юркевичъ-Литвиновъ; Р. былъ оправданъ (см. „Биржевыя Вѣдомости" 1867 г., № 320 и „Судебный Вѣстникъ" 1867 г., № 261, 262 и 1868 г. № 27) и затѣмъ уѣхалъ въ Ташкентъ, гдѣ участвовалъ въ изданіи „Туркестанскихъ Вѣдомостей". Въ 1869 году онъ снова уѣхалъ за границу и въ теченіе Франко-Прусской войны 1870—71 годовъ писалъ о войнѣ обстоятельныя корреспонденціи въ русскія газеты.

На литературномъ поприщѣ Р. выступилъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, издавъ въ 1825 г., въ Москвѣ, свой переводъ комедіи Мольера: „Мнимый рогоносецъ"; затѣмъ онъ помѣстилъ много стихотвореній въ альманахѣ „Уранія" Погодина 1825 года, въ „Сѣверной Лирѣ" Раича и Ознобишина, въ „Московскомъ Телеграфѣ" Полевого, 1826, 1827, 1828, 1829, 1831 г. („Разбитіе Сеннахерима", „Подражаніе Байрону", „Поэзія", „Жуковскому" и мн. др.), въ „Атенеѣ" Павлова, въ „Невскомъ Альманахѣ" на 1830, на 1832, на 1846 и на 1847—1848 г.; въ „Театральномъ Альманахѣ на 1830 г.", въ „Одесскомъ Альманахѣ на 1831 г." и др. Отдѣльно издалъ: „Подражанія Корану", М. 1828, 16° (стихи), „Мессинская невѣста", трагедія Шиллера; М., въ типогр. Селивановскаго, 1829, 8°; „Вильгельмъ Телль, трагедія Шиллера", М., типографія Семена, 1829, 8° (переводъ въ стихахъ, представленный одинъ разъ въ бенефисъ Каратыгина); „Макбетъ", трагедія Шекспира, М. 1830 (отрывки были помѣщены въ „Невскомъ Альманахѣ на 1830 г."), „Гернани, или Кастильская честь", трагедія Виктора Гюго, С.-Пб. 1830; „Правда объ Англіи и сказаніе о расширеніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта", С.-Пб. 1854 (5 тетрадей), изд. 2-е, С.-Пб. 1855. Изъ статей назовемъ еще: „Двойственное избраніе Господаря Молдавіи и Валахіи" — „Сынъ Отеч." 1859 г., № 14, стр. 367 — 368; „Театральныя новости" (о г-жѣ Богдановой)—„Сѣв. Пч." 1861 г., № 245 и 261 (отвѣтъ В. Я. Стоюнину); „Очерки торговли Семирѣченской области"—„Русск. Вѣсти." 1870 г., № 12; „Нѣсколько словъ по поводу пониженій биржевого курса"—„С.-Пб. Вѣд." 1859 г., № 126, и отд. отт., С.-Пб. 1859, 12°; Письмо изъ-за границы — „Сѣв. Пчела" 1853, стр. 1164; „Значеніе гласности"; по поводу статьи „Дѣло гласности" въ № 96 С.-Пб. Вѣд."—„Сѣв. Пч." 1860 г. и отд. отт.

За переводъ двухъ трагедій Шиллера (см. выше) Ротчевъ 15-го марта 1829 г. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Россійской словесности; въ 1860 г. онъ былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества.

А. Г. Ротчевъ былъ женатъ, съ 1820-хъ гг., на княжнѣ *Еленѣ Павловнѣ* Гагариной, которая была въ 1850-хъ гг. смотрительницей Сиропитательнаго дома Медвѣдни-

ковой въ Иркутскѣ и издала книжку для дѣтей: „Маленькій натуралистъ или семейныя бесѣды о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ, сочиненіе г-жи Уллькъ-Тремадеръ“, С.-Пб. 1852, 16°, 2 части (посвящено Великому Князю Николаю Александровичу).

„Голосъ“ 1873 г., № 240; Н. Затворницкій, Указатель біограф. свѣдѣній... касающихся чиновъ Канцеляріи Военнаго Министерства, С.-Пб. 1909; „Воспоминанія А. М. Каратыгиной“—„Русск. Вѣстн.“ 1881 г., мартъ, стр. 590; „Русск. Архивъ“ 1875 г., стр. 465, 466. 1882 г., кн. III, стр. 103 и 106—107; 1883 г., кн. I, стр. 293; „Судебный Вѣстникъ“ 1867 г., №№ 261, 262, 265 и 1868 г., № 27; „Биржевыя Вѣдомости“ 1867 г., № 320; „Саратовскій Край“, историческіе очерки, воспоминанія и матеріалы. Вып. I-й, Саратовъ. 1893 г., стр. 304; „Библіографическіе Листы“ П. И. Кеппена, 1825 г., II, 547; Д. И. Завалишинъ, Записки, Мюнхенъ. 1904, т. I, стр. 65; Геннади, Словарь, т. III, М. 1908; Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IV; „Русск. Обозр.“ 1895 г., № 12, стр. 603—604; „Щукинскій Сборникъ“, кн. I, стр. 131, 132, 140, кн. IV, стр. 286 (эпиграмма Р. на актера Толченова); Словарь членовъ Общества Любителей Россійской словесности, М. 1911 г., стр. 244; Отчетъ Вольнаго Экономическаго Общества за 1876 г., С.-Пб. 1877, стр. 72; „Моск. Телегр.“ 1829 г., ч. XXVII, стр. 236; Записки Кс. А. Полевого, С.Пб. 1888; „Ист. Вѣстн.“ 1896 г., № 8 (Воспоминанія В. Р. Зотова).

Б. М—ій.

Ротчевъ, *Василій Яковлевичъ*, см. **Родчевъ**, *В. Я.*

Ротштейнъ, *Вильгельмъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, Начальникъ Военно-Топографическаго Училища; сынъ фельдъегеря, лютеранинъ, родился въ 1820 году; зачисленный въ службу топографомъ 4-го мая 1833 года, онъ въ 1835—1841 гг. находился на съемкахъ Псковской губерніи, г. Москвы и окрестностей Петербурга и 1-го апрѣля 1841 г. произведенъ былъ по экзамену прапорщикомъ, послѣ чего въ 1842—1857 гг. послѣдовательно участвовалъ въ работахъ по тріангуляціи Кіевской губерніи (1842—1846), Бѣлостокской и Бессарабской областей (1846—1847), Царства Польскаго (1848—1849), между Петербургомъ и Москвою, Новороссійскаго края и Приволжья. Получивъ въ 1845 г. чинъ подпоручика, въ 1850 г. поручика и въ 1853 г. штабсъ-капитана, Р. былъ назначенъ въ 1857 г. Помощникомъ Начальника Геодезическаго Отдѣленія Военно-Топографическаго Депо, а въ 1862—Правителемъ Канцеляріи Депо и, наконецъ, въ 1863 г., будучи уже подполковникомъ (съ 17-го апрѣля 1862 г.), былъ опредѣленъ Инспекторомъ Училища Топографовъ; произведенный, затѣмъ, 4-го апрѣля 1865 г., въ полковники, Р. вскорѣ переименованъ былъ въ Начальники Военно-Топографическаго Училища и въ 1878 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Дѣятельность Р. оставила замѣтный слѣдъ въ исторіи Училища съ 1863 года: онъ постарался привести его въ такое положеніе, чтобы оно удовлетворяло прежде всего своему спеціальному назначенію, для чего практиковалъ топографовъ въ съемкахъ, которыми самъ лично руководилъ, и т. под.

Выйдя въ отставку въ 1886 г. съ чиномъ генералъ-лейтенанта, Р. умеръ 16-го марта 1888 г. въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Волковомъ православномъ кладбищѣ. Онъ издалъ „Генеральную карту Европейской Россіи“ безъ подписей (нѣмую), на 4 большихъ листахъ (цѣна 2 р. 50 к.).

„Историческій очеркъ дѣятельности Корпуса Военныхъ Топографовъ. 1822—1872“, С.-Пб. 1872, стр. 207 и др. и приложеніе № 1, стр. 27—28 (№ 142); Ю. Б. Иверсенъ, Медали въ честь Русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, вып. IV, С.-Пб. 1882, стр. 159—160; „Нов. Время“ 1888 г., № 4328 и 4329 (некрологъ); „Русскій Календарь“ на 1889 г., стр. 261; „Всеобщ. Календарь“ на 1889 г., стр. 567; „Петербургскій Некрополь“, т. III; В. И. Межовъ, Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ А. Ѳ. Базунова, С.-Пб. 1869, стр. 428.

Н. М.

Ротъ, фонъ-, *Іоганнъ-Филиппъ* (Iohann-Philipp von-Roth), писатель; род. въ Перновѣ 13-го ноября 1754 г.; 12-ти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Collegium Friderici anum въ Кёнигсбергѣ, по окончаніи курса въ которомъ слушалъ въ продолженіе полугода лекціи въ Кёнигсберскомъ Университетѣ, затѣмъ былъ студентомъ въ Галле, гдѣ сперва изучалъ юриспруденцію, а впослѣдствіи теологію. Въ серединѣ 1770-хъ годовъ Р. вернулся въ отечество и съ 1777 по 1780 г. занимался частнымъ преподаваніемъ. Указомъ 9-го апрѣля 1780 г. онъ былъ назначенъ пасторомъ въ Каппарäh, близъ Верро, гдѣ основалъ епархіальную и вмѣстѣ съ тѣмъ ремесленную школу, о которой очень заботился. Въ 1798 г. онъ былъ назначенъ пробстомъ округа Верро, или, вѣрнѣе, пробстомъ второй Дерптской пре-

позитуры. Съ 1803 Р. былъ ассессоромъ Лифляндской Оберъ-Консисторіи, съ 1809 г.— ассессоромъ Дерптскаго Главнаго по дѣламъ церковнымъ Управленія, съ того же года— совѣтникомъ Консисторіи и въ 1815 г. былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-ой степени. Въ качествѣ пробста онъ учредилъ совѣтъ священниковъ, который съ 1802 г. сталъ ежегодно собираться въ Дерптѣ; Дерптское Отдѣленіе Русскаго Библейскаго Общества также обязано ему своимъ возникновеніемъ. Въ 1817 г. онъ былъ избранъ членомъ Курляндскаго Общества литературы и искусства и членомъ-корреспондентомъ литературнаго комитета при Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ въ С.-Петербургѣ. Умеръ 13-го іюня 1818 г.

Р. извѣстенъ слѣдующими своими трудами: „Sädusse, ma-rahwa perrastantu, kea Liiwlandi gubernementi wallitsuse al ellawa“, Dorpat. 1804; „Amts-Erfahrung eines Propster“, въ „Gravés Magaz.“ 1817; „Ueber Volksbildung durch die Kurl. Gesellschaft für Literatur u. Kunst“, zwei Sentiments— въ „Jahresverh.“ этого Общества, ч. I, стр. 57—61.

Moritz, Erinnerungen an I. P. von-Roth — въ „Gravés Magaz.“ 1818, S. 225—244; прибавленіе къ этому Sonntag'a — тамъ же, 358 — 374; „Neue inländ. Bl.“ 1818, № 31, ст. 225 — 227; „Jahresverh. der Kurl. Gesellsch. für Lit. u. Kunst“, ч. II, 44—47; Recke und Napiersky, Allg. Schriftsteller u. Gelehrten-Lexicon, III, S. 575—576.

Б. В. С.

Ротъ, фонъ-, *Георгъ-Филиппъ-Августъ*, лекторъ Дерптскаго Университета; сынъ консисторскаго совѣтника, родился въ Лифляндіи 8-го октября 1783 г.; въ 1802 — 1803 гг. состоялъ студентомъ богословскаго факультета Дерптскаго Университета, въ 1803 — 1806 гг. продолжалъ свои учебныя занятія за границей, въ Германіи, а въ 1806 г. снова числился студентомъ того же факультета въ Дерптѣ. До 1809 г. Р. занимался частнымъ преподаваніемъ въ Оденпэ, а съ 3-го марта 1810 года состоялъ лекторомъ Эстонскаго языка и вообще финскихъ нарѣчій въ родномъ Дерптскомъ Университетѣ. Скончался, занимая эту должность, 15-го февраля 1817 г.

A Hasselblatt und G. Otto, Album academicum d. Kais. Universität Dorpat, D. 1889, № 4; Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, Университета, т. II, Юр. 1903, стр. 630.

М. Б.

Ротъ, *Константинъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, почетный опекунъ; родился 26-го февраля 1821 года; по окончаніи курса въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, онъ произведенъ былъ въ прапорщики 5-го августа 1841-го года и, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ оставленъ при Училищѣ для продолженія курса наукъ въ офицерскомъ классѣ (нынѣ Академія); по окончаніи въ немъ полнаго курса, Р. въ іюнѣ 1843 г. вышелъ въ 19-ую конную батарею. Въ декабрѣ 1844 г. онъ заболѣлъ и вышелъ въ отставку, но уже въ январѣ 1846 года вновь поступилъ на службу, съ назначеніемъ въ конно-артиллерійскую № 3 батарею и съ прикомандированіемъ къ артиллеріи дѣйствующей арміи.

Въ январѣ 1847 г. Ротъ былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику артиллеріи дѣйствующей арміи, а въ мартѣ 1849 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны. Затѣмъ онъ былъ командированъ въ Вѣну для участія въ работахъ по устройству мѣстнаго артиллерійскаго парка въ крѣпости Ольмюцѣ, послѣ чего принималъ участіе въ кампаніи противъ Венгровъ. За сраженіе 5-го іюня 1849 года подъ Вайценомъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени съ бантомъ, а въ декабрѣ 1849 года былъ назначенъ адъютантомъ къ Инспектору артиллеріи и въ 1851 г. переведенъ, тѣмъ же чиномъ, въ гвардейскую конную артиллерію; 6-го мая 1855 года произведенъ былъ въ капитаны.

Въ апрѣлѣ 1856 года Р. былъ произведенъ въ полковники съ назначеніемъ состоять при Штабѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера для особыхъ порученій, а по упраздненіи этого Штаба назначенъ былъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій въ Главное Артиллерійское Управленіе и, на основаніи Высочайше утвержденной въ 1863 году записки о мѣрахъ, необходимыхъ для обороны Финляндіи на случай военныхъ дѣйствій, былъ командированъ временно въ Гельсингфорсъ, въ распоряженіе Командующаго войсками въ Финляндіи, для порученій по артиллерійской части.

По возвращеніи изъ этой командировки

Ротъ въ сентябрѣ 1863 года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ ноябрѣ 1867 года былъ назначенъ Предсѣдателемъ Строительнаго Комитета, учрежденнаго для техническаго надзора за производствомъ работъ по устройству новаго помѣщенія для Главнаго Артиллерійскаго Управленія, за что и получилъ Монаршее благоволеніе.

Назначенный совѣщательнымъ членомъ Артиллерійскаго Комитета, Р. въ августѣ 1871 года былъ назначенъ Начальникомъ Михайловскаго Артиллерійскаго Училища и Артиллерійской Академіи. Почти десять лѣтъ находился онъ въ этой должности; особенно заботился онъ о поднятіи образовательной части какъ Академіи, такъ и Училища. До назначеніи его въ Академіи вовсе не проходился курсъ стратегіи, а также фортификаціи; хорошо сознавая, насколько необходимы эти науки для артиллерійскаго офицера, онъ ввелъ преподаваніе ихъ въ академическій курсъ, а также сдѣлалъ обязательнымъ занятія по иностраннымъ языкамъ, что̀ современемъ дало возможность офицерамъ Артиллерійской Академіи совершенствовать свои спеціальныя знанія по заграничнымъ учебникамъ, въ то время значительно превосходившимъ наши.

Въ Артиллерійскомъ Училищѣ Ротъ расширилъ также курсъ общеобразовительныхъ предметовъ и ввелъ въ немъ преподаваніе исторіи Русской литературы. Обращая вниманіе на развитіе юнкеровъ, онъ поощрялъ чтеніе, для чего библіотека Училища была обильно пополнена и въ нее выписывалось много журналовъ и новѣйшихъ книгъ.

Въ 1872 году К. И. Ротъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а затѣмъ, по сдачѣ Училища, назначенъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Присутствія Опекунскаго совѣта. К. И. Ротъ умеръ 28-го января 1885 года въ С.-Петербургѣ; погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

„Историческій Очеркъ образованія и развитія Артиллерійскаго училища“, С.-Пб.; „Русскій Инвалидъ“ 1885 г., № 25 и 30; „Нов. Вр.“ 1885, 30 янв. и 2 февр.; „Петерб. Лист.“ 1885 г., № 50 и 57; Петербургскій Некрополь, т. III. *Б. Т.*

Ротъ, *Логинъ Осиповичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи; происходилъ изъ французскихъ дворянъ; родился въ 1780 году; въ службу вступилъ во Французскую армію офицеромъ, на 13 году отъ роду, 4-го іюня 1792 года; въ русскую службу перешелъ вмѣстѣ съ корпусомъ Принца Конде 30-го августа 1797 года и уже въ 1799 году былъ произведенъ въ капитаны. Въ слѣдующемъ году, 30-го августа, Ротъ вмѣстѣ съ тѣмъ же корпусомъ Принца Конде оставилъ Россійскую службу, но два года спустя, 4-го сентября 1802 года, онъ принялъ русское подданство и поступилъ на дѣйствительную службу, съ переименованіемъ въ поручики, въ Выборгскій пѣхотный полкъ. 23-го марта 1806 года Ротъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а 29-го апрѣля 1808 года былъ назначенъ дивизіоннымъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Олсуфьеву и въ томъ же году, 30-го августа, произведенъ въ капитаны. Въ слѣдующемъ году, 18-го марта, Ротъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій батальонъ тѣмъ же чиномъ и съ оставленіемъ въ прежней должности. 18-го іюля 1811 года, за отличіе въ сраженіяхъ, Ротъ былъ произведенъ въ полковники, послѣ чего былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ Молдавскою арміею генералѣ-отъ-инфантеріи М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Въ томъ же году, 22-го августа, состоялось назначеніе его полковымъ командиромъ 45-го Егерскаго полка. 6-го ноября 1814 года Ротъ былъ назначенъ шефомъ 26-го Егерскаго полка, который въ апрѣлѣ этого года былъ переименованъ, за отличіе въ сраженіи, въ Гренадерскій Егерскій, а послѣ переименованъ въ 5-й Карабинерный. 1812-го года, октября 6-го, за отличіе въ сраженіяхъ, Ротъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 18-го марта 1814 года—въ генералъ-лейтенанты. Въ томъ же году, 27-го апрѣля, онъ былъ назначенъ начальникомъ 3-ей гренадерской дивизіи, а 30-го августа 1818 года—начальникомъ 15-й (нынѣ 8-й) пѣхотной девизіи. Черезъ два года, а именно 4-го марта 1820 года, состоялось назначеніе Л. О. Рота командующимъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, затѣмъ, 26-го сентября 1823 года, — командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса, спустя три года послѣ чего, 16-го сентября 1826 года, онъ былъ назначенъ командиромъ 4-го пѣхотнаго корпуса. Затѣмъ Ротъ былъ послѣдовательно командующимъ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ (съ 26-го февраля 1827 года) и командиромъ того же корпуса, впослѣдствіи переименованнаго въ 5-й,—съ 17-го мая 1827 года. 28-го іюня

1828 года Л. О. Ротъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и, состоя въ этомъ чинѣ, послѣдовательно назначенъ: 6-го октября 1831 года командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса (что прежде былъ Литовскій), 12-го февраля 1833 года—помощникомъ главнокомандующаго I-ою арміей и, наконецъ, 12-го ноября 1835 года—состоящимъ при Особѣ Его Императорскаго Величества.

Боевая дѣятельность Л. О. Рота началась въ 1792 году, тотчасъ по вступленіи его на службу въ корпусъ Принца Конде. Съ 4-го іюня этого года онъ во все время кампаніи находился на дѣйствительной службѣ и принималъ участіе въ сраженіяхъ, въ которыхъ былъ раненъ пулею въ животъ и въ лѣвую руку. По переходѣ корпуса Принца Конде въ русскую службу, Ротъ участвовалъ въ походѣ русскихъ войскъ въ Швейцарію въ 1799 и 1800 гг. и въ сраженіи съ французами 27-го сентября 1799 года при городѣ Констанцѣ былъ раненъ пулею въ ляжку правой ноги, съ переломомъ кости, на вылетъ. Въ 1805 году въ чинѣ поручика Ротъ участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, а въ 1806 и 1807 гг. находился въ Пруссіи, принимая участіе въ различныхъ дѣлахъ противъ французовъ. За отличіе въ сраженіи 27-го января 1807 года при городѣ Прейсишъ-Эйлау былъ за храбрость награжденъ Высочайше установленнымъ за это дѣло золотымъ знакомъ и прусскимъ военнымъ орденомъ „за заслуги“. Затѣмъ, съ 13-го по 15-е февраля этого года, онъ находился въ авангардѣ, ведшемъ бой съ непріятелемъ, а 27-го и 30-го мая — при рѣкѣ Пассаргѣ, во время отступленія нашихъ войскъ къ Кёнигсбергу: въ этомъ дѣлѣ, командуя 1-ою гренадерскою ротою Выборгскаго пѣхотнаго полка, онъ вмѣстѣ съ Прусскимъ отрядомъ состоялъ подъ главнымъ начальствомъ прусскаго подполковника Принца Ангальтъ-Кётенскаго. Когда расположенный на высотѣ противъ Кёнигсберга отрядъ этотъ былъ окруженъ французскими войсками, и начальникъ отряда сдалъ его непріятелю въ плѣнъ, Ротъ со своею ротою бросился съ горы, пробился черезъ непріятеля и благополучно доставилъ свою роту въ Кёнигсбергъ. За это дѣло и спасеніе роты отъ плѣна онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Съ 19-го іюля 1808 года Л. О. Ротъ находился въ Молдавіи и Валахіи; съ 9-го апрѣля 1809 года по 6-е мая того же года—при блокадѣ крѣпости Браилова и 20-го мая—при штурмѣ ея. 8-го и 12-го сентября того же года Ротъ былъ командированъ генералъ-лейтенантомъ Олсуфьевымъ 3-мъ, съ эскадрономъ и казаками, для отраженія вылазки Турецкой кавалеріи, которую неоднократно атаковалъ и совершенно разсѣялъ съ большимъ для непріятеля урономъ, за что былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью „за храбрость“. 22-го іюля 1810 года Ротъ принималъ участіе въ штурмѣ крѣпости Рущука. 31-го января 1811 года, при взятіи штурмомъ крѣпости Ловчи, онъ съ 500 охотниковъ овладѣлъ главнымъ бастіономъ крѣпости, съ тремя пушками и девятью знаменами, и этимъ открылъ путь слѣдовавшимъ за нимъ колоннамъ къ совершенному занятію этой крѣпости. За это дѣло Л. О. Ротъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. 2-го февраля 1811 года онъ былъ откомандированъ въ Балканы по Софійской дорогѣ, послѣ чего 14-го февраля атаковалъ непріятеля въ мѣстечкѣ Тетевинѣ, выбилъ его оттуда и занялъ мѣстечко. 22-го іюня Ротъ участвовалъ въ генеральномъ сраженіи при Рущукѣ и за отличіе въ этомъ сраженіи былъ произведенъ изъ гвардіи капитановъ въ полковники и назначенъ состоять при главнокомандующемъ Молдавскою арміей генералѣ-отъ-инфантеріи М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Съ 3-го сентября того же года Ротъ, въ качествѣ командира 45 Егерскаго полка, принималъ участіе въ обложеніи главнаго Турецкаго корпуса, находившагося подъ командою верховнаго визиря и успѣвшаго переправиться на лѣвый берегъ Дуная.

Въ 1812 году Л. О. Ротъ вновь былъ переведенъ на сѣверо-западный фронтъ. 18-го іюля этого года, состоя въ авангардѣ генерала Кульнева, въ корпусѣ графа Витгенштейна, онъ былъ посланъ вытѣснить непріятеля изъ лѣса близъ мѣстечка Клястицы, при чемъ опрокинулъ непріятельскій отрядъ, взялъ болѣе 100 человѣкъ въ плѣнъ и принудилъ непріятеля отступить къ Клястицамъ; съ разсвѣтомъ 19-го числа онъ атаковалъ это мѣстечко, вытѣснилъ изъ него непріятеля и занялъ Клястицы. Въ тотъ же день и на слѣдующій онъ содѣйствовалъ общему пораженію непріятельскихъ войскъ, находившихся подъ командою маршала

Удино, и преслѣдовалъ послѣдняго до Полоцка.—6-го августа, когда непріятель сдѣлалъ внезапно общее нападеніе на наши войска, Ротъ принялъ на себя стремительные удары лѣваго непріятельскаго фланга и мужественно выдержавъ ихъ, самъ перешелъ въ контръ-атаку и заставилъ непріятеля отступить въ Полоцкъ. Въ виду угрожавшаго корпусу графа Витгенштейна обхода со стороны непріятеля, этотъ корпусъ получилъ приказаніе отступить и, согласно диспозиціи, въ ту же ночь двинулся по Псковской дорогѣ, а нашъ авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Властова, остановился въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, гдѣ 10-го августа пополудни былъ атакованъ Баварскимъ корпусомъ и послѣ горячаго боя долженъ былъ отступить для присоединенія къ главнымъ силамъ, оставивъ для наблюденія за непріятелемъ полковника Л. О. Рота съ 25-мъ и 26-мъ Егерскими полками, четырьмя орудіями и сотнею казаковъ. — Освѣдомившись, что начальникъ непріятельскаго отряда, которому было извѣстно, что наши войска продолжаютъ отступать, не выставилъ даже передовыхъ постовъ, въ полной увѣренности, что графъ Витгенштейнъ не рискнулъ оставить какую-либо часть вблизи французскаго расположенія, Л. О. Ротъ, лично удостовѣрившись въ оплошности непріятеля, съ наступленіемъ ночи приблизился къ господскому дому, у котораго была расположена часть непріятельской дивизіи, открылъ по ней орудійную пальбу, бросился затѣмъ на нее въ штыки и нанесъ значительный уронъ непріятельскимъ батальонамъ, которые бѣжали, оставивъ большую часть своего оружія. Пользуясь темнотою ночи, Ротъ немедленно пустился преслѣдовать разбитыя непріятельскія части, которыя, достигнувъ другихъ своихъ полковъ, произвели въ нихъ панику, результатомъ чего было отступленіе непріятеля съ большими потерями до Полоцка. Получивъ донесеніе объ этомъ удачномъ дѣлѣ, графъ Витгенштейнъ совершенно пріостановилъ свое отступленіе, а Рота за его смѣлый и рѣшительный образъ дѣйствій представилъ къ награжденію орденомъ св. Георгія 3-й степени.—5-го октября 1812 года, состоя въ авангардѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Балка, Ротъ принималъ вмѣстѣ съ начальникомъ участіе въ развѣдкѣ, во время которой генералъ Балкъ былъ раненъ пулею въ лобъ, и Роту, какъ старшему, пришлось вступить въ командованіе авангардомъ. Принявъ начальство, онъ немедленно атаковалъ непріятельскій авангардъ и принудилъ его отступить до главной непріятельской позиціи. Затѣмъ, несмотря на громадныя усилія непріятеля выбить наши войска, онъ удержалъ за собою занятыя позиціи до прибытія корпуса графа Витгенштейна, которому удалось разбить непріятеля и 6-го октября занять Полоцкъ.—Въ этомъ сраженіи Ротъ былъ раненъ пулею въ правое колѣно съ разбитіемъ чашки и, за проявленную имъ въ этомъ дѣлѣ мужественную распорядительность, произведенъ въ генералъ-маіоры.—Съ 17-го марта 1813 года Ротъ находился въ Пруссіи, гдѣ командовалъ авангардомъ нашей арміи. Командированный затѣмъ съ отрядомъ въ Прусскій корпусъ генерала Клейста, Р. защищалъ 16-го апрѣля городъ Галле отъ непріятельскаго приступа; 20-го апрѣля командовалъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ при Лейпцигѣ, противъ непріятельскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ вице-короля итальянскаго; 8-го и 9-го мая принималъ участіе въ генеральномъ сраженіи подъ Бауценомъ, гдѣ 8-го взялъ до 500 плѣнныхъ, а 9-го, при самомъ началѣ сраженія, когда маршалъ Ней оттѣснилъ генерала Барклая-де-Толли, командовавшаго правымъ флангомъ, Ротъ былъ посланъ со ввѣренными его русскими и прусскими войсками для удержанія натиска маршала Нея и быстрымъ нападеніемъ заставилъ его вновь отступить за рѣку Шпре; за это отличіе онъ получилъ ордена св. Анны 1-й степени и прусскій Краснаго Орла 1-го класса. Послѣ Бауценскаго сраженія Ротъ командовалъ арьергардомъ, прикрывая отступленіе Прусской арміи; затѣмъ, послѣ окончанія перемирія, вновь получивъ подъ свое начальство сильный авангардъ, атаковалъ 10-го августа маршала Сенъ-Сира при селеніи Петерсвальде въ Саксоніи и принудилъ его отступить до Дрездена, при чемъ овладѣлъ городомъ Пирною. Въ происшедшемъ 14-го августа генеральномъ сраженіи подъ Дрезденомъ Ротъ, имѣя въ своемъ распоряженіи одинъ только авангардъ и будучи обойденъ непріятелемъ съ обоихъ флангoвъ, сумѣлъ, несмотря на это, удержать за собою Гроссгартенъ, находившійся подъ самымъ городомъ, до утра слѣдующаго дня, послѣ чего отступилъ въ полномъ порядкѣ. 16-го августа, когда во

время отступленія наша армія прошла чрезъ мѣстечко Дипольдисвальдъ, а часть непріятеля, преслѣдовавшая австрійскія войска, успѣла до прибытія нашего арьергарда занять это мѣстечко и, такимъ образомъ, отрѣзала арьергардъ отъ сообщенія съ остальною арміей, Ротъ быстрымъ нападеніемъ вытѣснилъ непріятеля изъ Дипольдисвальда и пошелъ на соединеніе съ главными нашими силами, при чемъ 17-го числа захватилъ въ Богемскихъ горахъ брошенныя нашими союзниками-австрійцами и пруссаками вслѣдствіе изнуренія лошадей 33 орудія и, несмотря на сильныя атаки непріятеля на нашъ арьергардъ, не только отправилъ эти орудія въ главную квартиру въ городъ Теплицъ, но захватилъ еще нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Въ этомъ дѣлѣ Ротъ былъ раненъ пулею въ лицо съ раздробленіемъ нижней челюсти, которая была разбита на четыре части. За отличіе въ этомъ сраженіи онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени и Австрійскимъ военнымъ орденомъ Маріи Терезіи 3-го класса.

Въ 1814 году Ротъ находился въ войскахъ, дѣйствовавшихъ во Франціи: 9-го марта онъ принималъ участіе въ сраженіи при городѣ Арсисѣ, 13-го числа того же мѣсяца — въ бояхъ подъ, Фершампенуазомъ, а 17-го генераломъ-отъ-кавалеріи Н. Н. Раевскимъ ему было приказано овладѣть селеніемъ Пантенъ, находившемся недалеко отъ Парижа, на большой дорогѣ. Ротъ блестяще исполнилъ данное ему приказаніе и, несмотря на двукратныя отчаянныя попытки непріятеля взять Пантенъ обратно, оба раза отбросилъ его отъ Пантена и этимъ открылъ нашей арміи безпрепятственный путь къ Парижу, который былъ взятъ въ тотъ же день послѣ общаго пораженія непріятеля. Раненый въ сраженіи у Пантена пулею въ лѣвую бедренную кость, Л. О. Ротъ былъ за отличіе произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а вскорѣ назначенъ начальникомъ 3-й гренадерской девизіи.

Въ 1815 году, находясь съ дивизіей въ Вильнѣ, Л. О. Ротъ получилъ приказаніе отправиться во второй французскій походъ и въ апрѣлѣ выступилъ изъ Вильны во Францію, дошелъ съ дивизіею до Парижа, гдѣ былъ начальникомъ русскаго гарнизона во время пребыванія Императора Александра I, послѣ чего вернулся въ Россію.

Въ январѣ 1826 года Роту пришлось принять участіе въ усмиреніи Черниговскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ нашли себѣ откликъ Петербургскія событія 14-го декабря 1825 года. За отличную дѣятельность и рѣшительность проявленныя имъ въ дѣлѣ усмиренія и успокоенія умовъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Въ 1828—1829 гг. Л. О. Ротъ, уже въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, принималъ участіе въ Турецкой войнѣ и во взятіи Адріанополя. За храбрость и отличную распорядительность во время кампаніи 1829 года, при переправѣ черезъ рѣку Камчикъ, разбитіе корпуса Сераскира, взятіе Мезембріи, Ахіолло, Бургаса и сраженіе при городѣ Сливно, Ротъ получилъ 29-го сентября орденъ св. Георгія 2-й степени. По прибытіи на зимніи квартиры онъ былъ назначенъ начальствующимъ войсками и краемъ въ Румеліи, а по отъѣздѣ главнокомандующаго 2-ою арміею въ апрѣлѣ 1830 года на него было возложено главное начальство надъ войсками и завѣдываніе управленіемъ Румеліей и Баваріей. По очищеніи нашими войсками Румеліи Ротъ нѣкоторое время находился въ крѣпости Варнѣ, которую впослѣдствіи взорвалъ, и 1-го октября 1830 года возвратился въ предѣлы Россіи.—Мѣстомъ пребыванія его былъ назначенъ Кишиневъ, и на него было возложено главное начальство надъ карантинными и кордонными линіями по Днѣстру, Пруту и Дунаю. Въ февралѣ 1831 года Ротъ былъ назначенъ управляющимъ военной частью Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернаторства до возвращенія изъ заграничнаго отпуска генералъ-адъютанта графа Воронцова. Съ началомъ Польскаго возстанія въ юго-западномъ краѣ, получивъ донесеніе о вторженіи мятежниковъ въ Волынскую губернію и о подготовкѣ мятежа въ Подольской губерніи, Ротъ двинулъ войска въ эту послѣднюю, затѣмъ, получивъ свѣдѣнія о сборахъ повстанцевъ въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, немедленно отправился ихъ преслѣдовать и 2-го мая, въ 6 верстахъ отъ мѣстечка Дашева Кіевской губерніи, настигъ большой повстанческій отрядъ въ 7000 человѣкъ конницы и 500 пѣхоты при семи орудіяхъ, который разбилъ совершенно, чѣмъ прекратилъ волненіе въ краѣ и заставилъ неспокойные элементы удалиться за границу.

За совершенное уничтоженіе мятежа и возстановленіе спокойствія въ краѣ Ротъ получилъ 26-го мая золотую съ алмазами табакерку съ портретомъ Государя Императора.—Въ августѣ того же года главнокомандующимъ 1-ою арміею Роту было поручено принять подъ свою команду, сверхъ 5-го пѣхотнаго корпуса, всѣ войска, расположенныя въ Волынской, Кіевской и Подольской губерніяхъ, а затѣмъ и войска, находившіяся подъ крѣпостью Замостьемъ и въ Люблинскомъ воеводствѣ. Услышавъ объ его прибытіи къ Замостью и о выступленіи его съ частью войскъ къ Вислѣ, находившійся тамъ корпусъ Польскаго войска подъ начальствотъ Ромарино уклонился отъ боя и бѣжалъ въ Галицію. Затѣмъ, съ 9-го сентября по 3-е октября онъ принималъ участіе въ блокадѣ крѣпости Замостья, послѣ чего вмѣстѣ съ войсками 5-го пѣхотнаго корпуса возвратился въ предѣлы Имперіи. 6-го октября 1831 года, въ виду возвращенія изъ отпуска генералъ-адъютанта графа Воронцова, Ротъ сдалъ ему управленіе военною частью въ Новороссійскомъ краѣ и остался въ должности корпуснаго командира, которую занималъ вплоть до назначенія своего въ помощь къ Главнокомандующему 1-ою арміею, т.-е. до 12-го февраля 1833 года.

„Въ ознаменованіе признательности за долговременную, дѣятельную и полезную службу, ознаменованную многими опытами отличнаго усердія къ Престолу и Отечеству, и точное исполненіе важныхъ порученій“ Роту было пожаловано вензелевое изображеніе Имени Его Императорскаго Величества на эполеты, съ назначеніемъ состоять при Особѣ Государя Императора.

Высочайшимъ приказомъ 1-го февраля 1851 года Ротъ былъ исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Храбрый полководецъ и опытный стратегъ, Л. О. Ротъ не пользовался, однако, любовью и уваженіемъ подчиненныхъ. Человѣкъ сухой, формалистъ, въ высшей степени придирчивый даже въ мелочахъ, онъ получилъ въ арміи прозвище „Рвотъ“. „Запорю, закатаю!“—были самыя любимыя его слова. Неоднократно онъ служилъ мишенью для насмѣшекъ офицеровъ. Анекдотовъ о немъ существуетъ множество. На него писались стихи, одно изъ дѣлъ о которыхъ восходило даже на Высочайшее усмотрѣніе, но за невозможностью открыть ихъ сочинителя было прекращено. Мимо его оконъ однажды была направлена похоронная процессія съ его же гробомъ, но виновниковъ устройства ея также не удалось обнаружить. Лютая жестокость его по отношенію къ подчиненнымъ нашла себѣ отраженіе даже въ беллетристикѣ.

Кавалерскіе списки въ Архивѣ Капитула Орденовъ; „1812—1912. Издано по повелѣнію Государя Императора. Военная Галлерея 1812 года“, С.-Петербургъ 1912; Н. С. Лѣсковъ. Полное собраніе сочиненій. Изд. А. Ф. Маркса, т. XVIII, С.-Пб. 1903 (Жидовская кувырколлегія); „Императоръ Николай Павловичъ и графъ Дибичъ-Забалканскій“. (Переписка)—„Русская Старина“ 1880 г., т. XXVII, стр. 776—779; т. XXVIII, стр. 409—425; т. XXIX, стр. 906, 912—921; 1881 г. т. XXX, стр. 103—125; т. XXXII, стр. 288—301; 1882, т. XXXIV, стр. 156—173; „Дѣло о стихахъ на генерала Ротъ“ (Записная книжка „Русской Старины“ (1882, т. XXXIV, стр. 277—279); „Русская Старина“ 1874 г., т. XI, стр. 180, 428, 540, 778; 1877 г., т. XIX, стр. 10, 163; 1878 г., т. XXII, стр. 273; 1879 г., т. XXV, стр. 160, 161, 168, 169; 1880 г., т. XXVII, стр. 83, 772; XXIX, стр. 46, 48, 49; т. XXX, стр. 97; т. XXXI, стр. 557; т. XXXII, стр. 562, 570, 573, 712, 713, 734, 735; 1882 г., т. XXXIV, стр. 196; т. XXXV, стр. 196, 198, 204, т. XXXVI, стр. 84, 89 и 90; 1890 г., т. LXVII, стр. 53, т. LXVIII, стр. 491—493; 1891 г., т. LXIX, стр. 1, 11, 106, 519; 1893 г., т. LXXVII, стр. 609, 610, 614; т. LXXIX, стр. 200 и 357; 1894 годъ т. LXXXI; стр. 176, 193; 1895 г., 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1904, 1905 (passim,—см. указатели за означенные годы).

А. Петровъ.

Ротъ, *Ѳедоръ Филипповичъ* (Johann-Friedrich von Roth), числившійся по спискамъ 3-мъ, генералъ-лейтенантъ; род. въ февралѣ 1793 года, происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи, образованіе получилъ въ Дерптскомъ Университетѣ, пробывъ въ немъ на медицинскомъ факультетѣ съ 1810 по 1812 годъ, но курса не кончилъ. Службу началъ въ 1-мъ гусарскомъ полку Россійско-Германскаго легіона, куда поступилъ юнкеромъ въ 1812 году; въ томъ же году былъ произведенъ въ корнеты. Въ 1813 году, произведенный въ поручики, Ротъ былъ переведенъ во 2-й гусарскій полкъ Россійско-Германскаго легіона, съ которымъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ французовъ до 1814 года. Въ этомъ году Ротъ былъ прикомандированъ къ Иркутскому гусарскому полку, къ которому и причисленъ въ слѣдующемъ, 1815 году. Въ Иркутскомъ полку Ротъ оставался до 1825 года, когда, въ чинѣ ротмистра, былъ назначенъ адъютантомъ къ

Начальнику 2-й гусарской дивизіи генералъ-лейтенанту Будбергу 2-му. Въ 1827 г. онъ былъ произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ гусарскій эрцгерцога Фердинанда полкъ, а въ слѣдующемъ, 1828 году по домашнимъ обстоятельствамъ былъ уволенъ отъ службы. Однако, въ отставкѣ онъ оставался недолго и уже въ 1829 году былъ вновь принятъ на службу въ тотъ же гусарскій эрцгерцога Фердинанда полкъ. Въ рядахъ этого полка Ротъ принималъ участіе въ усмиреніи Польскаго возстанія 1831 года, былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ раненъ—ружейною пулею въ голову, штыкомъ въ лѣвое бедро и пикою въ лѣвую лопатку и лѣвый високъ. Въ 1833 году Ротъ былъ назначенъ состоять по кавалеріи съ утвержденіемъ командиромъ Кубанскаго линейнаго казачьяго полка, во главѣ котораго принималъ съ 1834 по 1838 годъ участіе въ многочисленныхъ походахъ противъ Кавказскихъ горцевъ. Въ 1839 году онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году назначенъ исправляющимъ должность коменданта крѣпости Анапы на мѣсто Е. Е. фонъ-Бринка, произведеннаго въ генералъ-маіоры и назначеннаго Начальникомъ всей дѣйствующей кавалеріи въ предполагавшуюся въ то время большую экспедицію. По отзыву современника, генерала М. Ф. Федорова, Ѳ. Ф. Ротъ „по нравственнымъ достоинствамъ ни въ чемъ не уступалъ своему предмѣстнику: такой же добрый, внимательный, честный и справедливый, онъ не измѣнилъ ни одного распоряженія прежняго командира, но многое дополнилъ по указаніямъ опыта". Между прочимъ, онъ предполагалъ сформировать особый эксадронъ изъ шапсуговъ и натухайцевъ. Утвержденный въ 1841 году въ должности Анапскаго коменданта, Ѳ. Ф. Ротъ въ теченіе слишкомъ трехлѣтняго пребыванія въ этой должности принималъ самое дѣятельное участіе въ обезпеченіи ввѣренной ему крѣпости отъ нападеній горцевъ, для чего самъ предпринималъ противъ нихъ частые походы. Болѣе значительные изъ нихъ были предприняты въ 1841 и 1842 гг. Въ 1844 году онъ былъ отчисленъ по запаснымъ войскамъ, но уже въ слѣдующемъ назначенъ состоять при Отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. Въ томъ же году состоялось назначеніе Ѳ. Ф. Рота Начальникомъ Самурскаго округа и Завѣдывающимъ ханствами Казикумыхскимъ и Кюринскимъ. Въ 1847 г. Роту пришлось принять участіе въ большомъ походѣ противъ горцевъ, вдохновленныхъ Шамилемъ, при чемъ въ маѣ этого года состоявшій подъ его командою отрядъ движеніемъ на селеніе Цахуръ содѣйствовалъ войскамъ ген.-лейт. Шварца въ дѣлѣ окончательнаго изгнанія скопищъ Даніель-бека изъ верхнихъ деревень Джаро-Бѣлоканской области. Въ августѣ 1848 года на него возложена была охрана Самурскаго округа отъ скопищъ Елисуйскаго султана, шедшихъ въ авангардѣ значительныхъ отрядовъ мюридовъ, находившихся подъ предводительствомъ самого Шамиля. Получивъ 28-го августа извѣщеніе о томъ, что непріятельскія толпы въ 900 человѣкъ конницы и 3000 человѣкъ пѣхоты готовятся напасть на селеніе Ихрекъ, Ротъ немедленно командировалъ на помощь жителямъ этого селенія бутульскаго наиба прапорщика Абу-Муслим-бека съ Самурскими беками, которые при мужественной поддержкѣ мѣстныхъ жителей разбили непріятеля и прогнали его за гору Куртай, захвативъ при этомъ знамя Муса-Хаджи, главнаго начальника вторгнувшейся партіи. Однако, уже 30 числа мюриды, посланные ускорившимъ свое движеніе Даніель-султаномъ, снова показались у селенія Ихренъ въ количествѣ около 1000 человѣкъ.

На этотъ разъ Ротъ во главѣ милиціи лично встрѣтилъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Вынужденный недостаткомъ провіанта распустить милицію, онъ оставилъ въ селеніи Лучекъ 800 человѣкъ, чтобы этимъ удержать дальнѣйшія покушенія непріятеля, а самъ отправился въ укрѣпленіе Ахты, чтобы сдѣлать новый наборъ милиціи и снабдить ее порохомъ, а затѣмъ снова вести на границу Самурскаго округа. Къ 3-му и 4-му сентября Роту удалось собрать въ Рутунѣ 1200 человѣкъ милиціи, а въ Ахтахъ 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ 300 человѣкъ конницы, но вести ихъ на границу не пришлось, такъ какъ вечеромъ 5-го сентября внезапно показался въ Шиназскомъ ущельи Даніель-бекъ, захватившій селеніе Лучекъ съ находившейся тамъ милиціей и весь Рутульскій магалъ, за исключеніемъ наиба, прапорщика Абу-Муслим-бека, прибывшаго со своимъ семействомъ подъ защиту Ахтинскаго укрѣпленія. 8-го сентября Ротъ во главѣ 300 человѣкъ конной и 1000 человѣкъ пѣшей

милиціи, подкрѣпленный ротою пѣхоты изъ Ахтинскаго гарнизона, предпринялъ рекогносцировку вверхъ по рѣкѣ Самуру и выгналъ непріятельскіе караулы изъ селенія Кахва и Хрюнъ, но къ вечеру того же числа, тѣснимый огромными массами непріятеля, находившагося подъ предводительствомъ Хаджи-Мурада, долженъ былъ отступить подъ стѣны укрѣпленія Ахта, гарнизонъ котораго состоялъ всего изъ 300 человѣкъ пѣхоты и 27 артиллеристовъ. Въ виду явнаго перевѣса непріятельскихъ силъ, которыя росли съ каждымъ днемъ благодаря прибытію къ Ахтамъ самого Шамиля, Ротъ попросилъ подкрѣпленія у начальника 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи генералъ-майора Бриммера, и 14-го сентября въ Ахты прибыла 5-я гренадерская рота князя Варшавскаго полка, проникшая въ укрѣпленіе исключительно благодаря своевременно принятымъ Ѳ. Ф. Ротомъ мѣрамъ. По прибытіи гренадеръ Ротъ тотчасъ же привелъ укрѣпленіе въ усиленное оборонительное положеніе.

Вечеромъ 15-го сентября, когда мюриды, предводительствуемые Шамилемъ, съ большимъ успѣхомъ вели осадныя работы, Ротъ былъ тяжело раненъ ружейною пулею, прошедшею чрезъ шею въ лѣвую лопатку, и вынужденъ былъ поручить начальствованіе гарнизономъ „на время своего изнеможенія“ капитану 5-й гренадерской роты Новоселову. Собравъ офицеровъ, Ѳ. Ф. Ротъ приказалъ имъ „къ непремѣнному исполненію“, чтобы во всякомъ случаѣ гарнизонъ держался до послѣдней крайности, и въ случаѣ, если непріятелю удастся ворваться въ укрѣпленіе, чтобы пороховые погреба были взорваны. Но уже на слѣдующій день, 16-го числа, въ полдень, непріятелю удачнымъ выстрѣломъ, пробившимъ крышу порохового погреба, удалось взорвать до 400 пудовъ пороху и множество артиллерійскихъ снарядовъ. Многочисленность непріятеля и удачныя его дѣйствія побудили Рота отправить донесеніе командующему войсками генералъ-адъютанту князю Аргутинскому, самъ же онъ, несмотря на страданія отъ раны, обошелъ укрѣпленіе и напомнилъ изнуренному безпрерывнымъ шестидневнымъ боемъ гарнизону о священномъ долгѣ не щадить своей жизни для службы Государю Императору и Русскому оружію. Убѣдившись въ одушевленіи солдатъ, съ радостнымъ крикомъ „ура“ единогласно клявшихся умереть каждый на своемъ мѣстѣ, Ротъ мужественно защищалъ крѣпость, несмотря на успѣшность осадныхъ работъ непріятеля, на удачный взрывъ минъ и на временный захватъ отрядами 1-й, 4-й и 5-й батарей. 20-го числа гарнизонъ крѣпости отразилъ ожесточенныя атаки противника, который былъ вдесятеро многочисленнѣе и проникнутъ религіознымъ фанатизмомъ. 22-го сентября лишенный ближайшаго своего помощника, капитана Новоселова, тяжело раненаго во время штурма крѣпости, Ротъ вторично взялъ съ нижнихъ чиновъ клятву держаться до послѣдняго человѣка и сталъ готовиться къ новому штурму, но въ это время на выручку Ахтинскому укрѣпленію прибыли войска Дагестанскаго отряда. Въ своемъ донесеніи главнокомандующему войсками на Кавказѣ князю М. С. Воронцову отъ 25-го сентября 1848 г. № 1069 князь Аргутинскій, упоминая о защитникахъ Ахтинскаго укрѣпленія, находилъ, что „всѣхъ ихъ имена достойны быть произнесены, но умолчать нельзя о полковникѣ Ротѣ, капитанахъ Жоржѣ и Новоселовѣ, штабсъ-капитанѣ Бучкіевѣ и прапорщикѣ Бенистѣ. Въ свою очередь, донося о геройской защитѣ укрѣпленій Ахты Императору Николаю Павловичу, князь М. С. Воронцовъ писалъ, что защита эта „равняется съ самыми блистательными дѣйствіями въ этомъ родѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе занимаютъ Кавказъ“, и всеподданнѣйше просилъ о производствѣ „достойнаго начальника“ укрѣпленія Ахты полковника Рота въ генералъ-майоры.

Произведенный въ 1848 году въ генералъ-майоры за отличіе, Ѳ. Ф. Ротъ былъ въ слѣдующемъ году назначенъ состоять при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ и по кавалеріи и затѣмъ въ томъ же 1849 году назначенъ былъ Тифлисскимъ комендантомъ. Въ должности этой онъ пробылъ девять лѣтъ и былъ за это время награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени (въ 1850 году) и произведенъ въ генералъ-лейтенанты (въ 1858 году). Въ 1858 же году состоялось назначеніе его на должность начальника Управленія сельскаго хозяйства и иностранныхъ колоній на Кавказѣ и за Кавказомъ.

Въ 1860 году Ѳ. Ф. Ротъ былъ отчисленъ отъ этой должности съ оставленіемъ при Кавказской арміи и по армейской ка-

валеріи. Выйдя въ отставку, Ротъ поселился на родинѣ, въ Лифляндіи, въ Пауленгофѣ, затѣмъ жилъ въ Дерптѣ, гдѣ и умеръ 27-го мая 1880 года.

Album Academicum des Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. Otto, Dorpat. 1884; „Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссіею, Архивъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго", томъ X. Изданъ подъ редакціею Предсѣдателя Комиссіи д. с. с. А. Берже, Тифлисъ. 1885, стр. XXX, 451, 487, 492, 493; „Кавказскій Сборникъ", т. III, стр. 183, 195, 197; „Русская Старина", т. VIII, стр. 601, 613, 614.

А. Петровъ.

Роутъ, Иванъ Николаевичъ, архитекторъ; въ 1850 году получилъ званіе академика архитектуры. Служилъ въ Департаментѣ проектовъ и смѣтъ Министерства Путей Сообщенія и въ Департаментѣ Военныхъ Поселеній; въ 1850-хъ годахъ онъ участвовалъ въ отдѣлкѣ зданія Имп. Эрмитажа, гдѣ занимался составленіемъ и выполненіемъ детальныхъ чертежей въ натуральную величину. По его проектамъ построены: кладбищенская церковь въ г. Тихвинѣ, Новгородской губерніи; соборная церковь въ г. Грайворонѣ, Курской губерніи, и офицерскія казармы въ лейбъ-гвардіи Конной артиллеріи; постройку послѣднихъ производилъ академикъ Гемилліанъ. Кромѣ того, Гемилліанъ построилъ по проектамъ Р. казармы лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича полка въ Гатчинѣ.

Отчеты Имп. Академіи Художествъ за 1850—51 г. и за 1864—5 г.; „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1851 г., № 247.

А. Новицкій.

Роше, *Павелъ Егоровичъ*, инженеръ-генералъ-маіоръ, профессоръ строительнаго искусства въ Николаевской Инженерной Академіи и Училищѣ; образованіе получилъ въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ (нынѣ Николаевское Инженерное Училище), изъ котораго въ 1836 году былъ выпущенъ съ чиномъ прапорщика. Прослуживъ въ строю четыре года, онъ былъ прикомандированъ къ Главному Инженерному Училищу и назначенъ въ 1840 году преподавателемъ строительнаго искусства. Съ этихъ поръ Роше всецѣло посвятилъ себя учено-педагогической дѣятельности. Въ концѣ 1840-хъ годовъ онъ началъ разрабатывать цементъ; работы его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и цементъ „Роше" употребляется едва-ли не до сихъ поръ. Въ 1853 году Р. былъ назначенъ профессоромъ строительнаго искусства и членомъ Конференціи Николаевскаго Инженернаго Училища, спустя три года былъ произведенъ въ полковники, а въ 1866 году—въ генералъ-маіоры. 2-го іюля 1869 г. онъ скончался въ Петербургѣ; погребенъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

„Ежегодникъ Русской Арміи" 1871 г., ч. II, стр. 67; „Русскій Инвалидъ" 1869 г., № 79, стр. 5 (некрологъ); „Инженерный Журналъ" 1869 г., № 9; сентябрь, офиціальная часть, стр. 53 (некрологъ); Петербургскій Некрополь, т. III.

М. Б.

Рошеръ, *Карлъ-Христіанъ* (Roscher), докторъ медицины; родомъ изъ Штутгарта, родился 30-го сентября 1800 г., въ 1823—1827 гг. обучался медицинѣ въ Дерптскомъ Университетѣ и удостоенъ былъ степени доктора медицины; былъ затѣмъ окружнымъ врачемъ въ г. Тарѣ, Тобольской губерніи, городовымъ врачемъ въ Тобольскѣ, акушеромъ и и. д. Инспектора Врачебной Управы, а потомъ — врачемъ при Кавказскихъ Минеральныхъ водахъ въ Пятигорскѣ; въ 1858—1860 гг. жилъ въ Ригѣ, а съ 1860 г. — въ Штутгартѣ; имѣлъ чинъ статскаго совѣтника; умеръ въ Штутгартѣ въ 1864 г.

A. Hasselblatt und G. Otto, Album academicum der Kais. Universität Dorpat, D. 1889, № 1759.

Н. М.

Рощаковскій, *Константинъ Александровичъ*, коллежскій совѣтникъ, Предводитель дворянства Бобринецкаго уѣзда; род. 1-го ноября 1815 г.; окончилъ курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ со степенью дѣйствительнаго студента, послѣ чего поступилъ на службу въ Департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ канцелярскимъ чиновникомъ въ декабрѣ 1835 г., потомъ былъ помощникомъ столоначальника, но прослужилъ до мая 1840 г. и, выйдя въ отставку, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи въ Бобринецкомъ уѣздѣ. Въ 1843 г. онъ былъ выбранъ въ почетные смотрители Бобринецкаго Уѣзднаго Училища, которому принесъ много пользы своими широкими пожертвованіями и за-

ботами, а затѣмъ въ 1859 былъ выбранъ Бобринецкимъ и Елисаветградскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ дворянства; должность эту онъ занималъ до самой своей смерти. Занявъ должность Предводителя послѣ окончанія Крымской кампаніи, когда уже шли разговоры объ освобожденіи крестьянъ, Р. много работалъ, будучи человѣкомъ въ высшей степени добрымъ и гуманнымъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и честныхъ служителей мѣстнаго общества, которое многимъ обязано ему. Выработавъ себѣ взглядъ на сословныя отношенія въ весьма примирительномъ духѣ, онъ всячески старался привести крестьянскій вопросъ къ благопріятному для обѣихъ сторонъ рѣшенію. Этому вопросу посвящалъ онъ большую часть своей дѣятельности; онъ былъ членомъ Херсонскаго Дворянскаго Комитета по освобожденію крестьянъ; стараясь и при помощи печати и гласности установить въ обществѣ правильный взглядъ на это дѣло, онъ довольно дѣятельно сотрудничалъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ помѣстилъ не мало статей. Редакція „Одесскаго Вѣстника“ очень дорожила имъ, какъ однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ своихъ сотрудниковъ, который писалъ исключительно для разъясненія и освѣщенія дѣла. Напряженная дѣятельность вредно отразилась на здоровьѣ Р. и онъ 18-го (или 20-го) марта 1862 г. скончался въ Елизаветградѣ, гдѣ и погребенъ. Его „Мемуары времени освобожденія крестьянъ“ напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“ 1887 г., іюнь и іюль, стр. 396—450.

„Одесскій Вѣстникъ“ 1862 г., 31-го марта, № 36 (некрологъ); В. Л. Модзалевскій, Малороссійскій Родословникъ, т. IV, Кіевъ. 1914, стр. 365.

Н. М.

Ртищевъ, *Андрей Петровичъ*, дворянинъ Московскій; потомокъ древняго Дмитровскаго рода, служилъ стрѣлецкимъ сотникомъ въ Новгородѣ въ 1580 и слѣдующихъ годахъ; въ той же должности находился въ отрядѣ П. Ѳ. Басманова, отстоявшемъ Новгородокъ-Сѣверскій отъ осады Лжедимитрія I, за что пожалованъ отъ царя Бориса 31-го января 1605 г. золотою деньгой; въ декабрѣ 1607 г., пріѣхавъ изъ Москвы въ Устюжну Желѣзопольскую, Р. былъ выбранъ въ воеводы и отстоялъ городъ отъ осады Тушинцевъ, разбивъ ихъ нѣсколько разъ и отнявъ у нихъ часть артиллеріи, что было приписано чудесной помощи ему иконы Божіей Матери Одигитріи. Въ 1615 г. служилъ въ отрядѣ Ѳ. И. Шереметева, въ слѣдующіе 2 года—объѣзжимъ головой „для береженья отъ огней“ въ Москвѣ, затѣмъ упоминается дворяниномъ Московскимъ; умеръ до 1627 г. Имѣлъ помѣстье въ Зубцовскомъ уѣздѣ, вотчину въ Дмитровскомъ уѣздѣ и былъ жалованъ за отраженье осады Устюжны Желѣзопольской; имѣлъ одну дочь.

Рукописные сборники Имп. Публ. Библіотеки, изъ древлехранилища Погодина, №№ 1693 и 1957, и рукопись архива Кашкиныхъ въ с. Н. Прыскахъ Козельскаго уѣзда (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ); „Акты Моск. Государства“, т. I; „Русская Истор. Библіотека“ т. II; „Новгородскія Губ. Вѣдомости“ 1859 и 1861 г.г.; Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, оклеенные столпцы по Дмитрову 253, д. 13, и 240, д. 8, и писцовая книга Зубцовскаго у. 1628—1629 гг., № 150; „Книги Разрядныя“ т. I, и 198, 215 и 408; „Дворц. Разряды“, т. I, стр. 235 и 298; Н. Н. Кашкинъ Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Василій-Юрій Макарьевичъ-Пятаго*, извѣстный дьякъ Иноземскаго Приказа; ум. въ 1654 г. Происходилъ изъ древняго рода Дмитровскихъ вотчинниковъ; съ 1609 г. служилъ 5 лѣтъ „съ дворяны“, а въ 1614 г. поступилъ въ подъячіе Иноземскаго Приказа. Пожалованный въ дьяки того же Приказа 24-го января 1634 г., отличался большой дѣятельностью. Участвовалъ иногда въ пріемахъ иностранныхъ гонцовъ, бывалъ при „отвѣтѣ“ чужеземнымъ посланникамъ, допускался ко двору—„видѣть очи государскія“ „въ передней“, дневать и ночевать у гроба умершаго Царевича. Благотворилъ Николо-Шѣшношскому Дмитровскому монастырю, гдѣ была „обѣтная церковь“ его предковъ. Въ 1642 г. на его жизнь покушался маіоръ Ричардъ Кармихаль и былъ за это высланъ на родину, въ Шотландію. 22-го февраля 1654 г. по челобитной съ перечнемъ заслугъ своихъ и своего рода (гдѣ онъ упоминалъ, между прочимъ, получившаго, по молитвѣ къ преп. Саввѣ Сторожевскому въ его Звенигородскомъ монастырѣ, даръ цѣленія Ивана Ѳедоровича Ртищева), пожалованъ въ дворяне Московскіе и назначенъ воеводой въ Козьмодемьянскъ, но вскорѣ скончался. Имѣлъ вотчины въ Ростовскомъ

и Нижегородскомъ уѣздахъ и помѣстье во Владимірскомъ. Оставилъ трехъ сыновей; потомство его нынѣ въ Костромской губерніи.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столпцы Моск. стола 250, №№ 222—225; 243, № 397; записная книга Московскаго стола 1633—4 гг.; Моск. столпцы по Дмитрову 40, д. 2; оклеенные столпцы: по Ростову — 227, д. 2; по Дмитрову 253, д. 13; 240, д. 8, — и мн. др. „Дворцовые Разряды“, т. II, стр. 868, 874, 878, 942; „Дневникъ Патрика Гордона“, т. II, стр. 26, пр. 31; „Историч. описаніе монастыря св. чуд. Николая, что на Пѣшношѣ“, стр. 50 и 133; Н. Н. Кашкинъ, Родословныя развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Василій Михайловичъ*, оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаръ и генералъ-маіоръ; род. около 1683 г., умеръ послѣ 1743 г.; внучатный племянникъ „милостиваго мужа“ Ѳ. М. Ртищева и сынъ комнатнаго и ближняго стольника и судьи Расправной Палаты при Сенатѣ Михаила Большого Ѳедоровича Ртищева отъ перваго брака его съ рано умершей Прасковьею Семеновною Васильчиковой. Близость его отца ко двору доставила Р. возможность начать службу прямо съ должности комнатнаго стольника Царя Іоанна Алексѣевича еще въ 1693 (7201) году, а по кончинѣ Іоанна (29-го января 1696 года) онъ былъ, въ слѣдующемъ (7205) году, пожалованъ въ комнатные стольники къ Царю Петру. Уже въ 1698 г., т.-е. лѣтъ пятнадцати отъ роду, Р. началъ военную службу, будучи записанъ, со смотра генерала Автамона Головина, сержантомъ въ Семеновскій полкъ. Отецъ его, по волѣ Петра Великаго побывавшій, уже въ зрѣломъ возрастѣ, съ образовательной цѣлью въ Италіи, такъ горячо желалъ и для сына подобной поѣздки, что, составляя завѣщаніе на случай смерти въ походѣ, настойчиво требовалъ отъ душеприказчиковъ, чтобы они непремѣнно, хотябы занявъ денегъ, отправили сына его въ чужіе края года на три или на четыре; назначилъ ему на прожитокъ заграницею по триста рублей въ годъ, но не болѣе, и опредѣлилъ даже, какихъ дворовыхъ людей съ нимъ послать. Волю эту, вернувшись изъ Азовскаго и Шведскаго походовъ невредимымъ, Р.-отецъ осуществилъ лично: сынъ его въ 1702 г. былъ посланъ „для наукъ въ иностранныя европейскія государства“. По возвращеніи оттуда онъ въ 1704 г. получилъ назначеніе въ адъютанты капитанскаго чина сперва къ генералу Ренне, а затѣмъ къ графу Гессенъ-Дармштадтскому. Только въ 1707 году, января 30-го, былъ впервые назначенъ Ртищеву окладъ — въ размѣрѣ 650 четвертей, при жалованьѣ въ 40 рублей въ годъ. Произведенный въ маіоры въ 1708 году, Р. былъ, по смерти графа Дармштадтскаго, опредѣленъ въ томъ же году генеральсъ-адъютантомъ къ князю А. Д. Меньшикову и зачисленъ въ конный „шквадронъ“ свѣтлѣйшаго. Участвуя въ рядѣ походовъ, онъ побывалъ въ Лифляндіи, гдѣ упоминается въ 1709 и 1710 годахъ, и въ Польшѣ; былъ онъ тогда и раненъ. Въ 1712 году, 4-го августа, Р., какъ и отцу его и многимъ высшимъ служилымъ людямъ, велѣно было жить, по окончаніи войны, на островѣ Котлинѣ, гдѣ раздавались земли и дворы, и разрѣшено построить себѣ домъ въ Петербургѣ, „на первый пріѣздъ“. Со времени назначенія къ Меньшикову служебное движеніе Р., дотолѣ быстрое, остановилось. Можно предположить, что на судьбѣ его отозвались и недовольство Петра Меньшиковымъ, начавшееся съ бытности послѣдняго въ Польшѣ, и раскрытіе злоупотребленій князя Григорія Ивановича Волконскаго, названнаго Петромъ Іудою и наказаннаго женіемъ языка въ апрѣлѣ 1715 года: князь Г. И. Волконскій былъ тестемъ Василія Михайловича Ртищева, который былъ женатъ съ 1710 года на дочери его Пелагеѣ. Какъ-бы то ни было, но Ртищевъ пробылъ маіоромъ цѣлыхъ 17 лѣтъ; въ этомъ чинѣ попалъ онъ и въ Кронштлотскій драгунскій полкъ, составленный 7-го марта 1721 года изъ лейбъ-шквадрона и другихъ войсковыхъ частей, при чемъ въ 1722 году было повелѣно и солдатъ его набирать изъ однихъ дворянъ лучшаго образованія и поведенія, для подготовки ихъ въ кавалерійскіе офицеры, и полкъ этотъ былъ предназначенъ стать лейбъ-регементомъ (какъ онъ и былъ переименованъ 4-го декабря 1725 года и какъ назывался до преобразованія его въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ). Между тѣмъ Р., на коронацію Имп. Екатерины I, былъ взятъ вице-капраломъ въ кавалергарды, а затѣмъ снова сталъ подвигаться по службѣ довольно быстро: въ 1725 г. произведенный въ подполковники съ переводомъ изъ Кронштлотскаго въ Архангелогородскій дра-

гунскій полкъ, онъ 3-го іюня 1726 года былъ назначенъ комендантомъ въ Нѣжинъ, отозванъ въ Петербургъ указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 20-го мая 1727 г. и переведенъ въ Петербургскій драгунскій полкъ. При ссылкѣ въ Соловки графа Ивана Петровича Толстого, женатаго съ 1711 г. на старшей изъ двухъ сестеръ Ртищева—Прасковьѣ Михайловнѣ, по дѣлу отца его, печально знаменитаго графа Петра Андреевича Толстого, тоже сосланнаго въ Соловки, и графа Девьера—Р. уцѣлѣлъ; надо думать, поэтому, что виновникъ этой ссылки, всесильный тогда князь Меньшиковъ, считая его преданнымъ себѣ человѣкомъ, не заподозрилъ его; однако, первое видное назначеніе Р. получилъ уже послѣ паденія „герцога Ижорскаго“,—только въ царствованіе Императрицы Анны, при воцареніи которой онъ примкнулъ къ числу дворянъ, подписавшихъ такъ называемый проектъ Секіотова. Высочайше утвержденнымъ докладомъ Сената Р. 30-го августа 1730 г. былъ назначенъ оберъ-кригсъ-коммиссаромъ при арміи и въ теченіе всего царствованія Анны Іоанновны былъ занятъ этой дѣятельностью,—„у исправленія по той должности различныхъ дѣлъ и для довольствія полковъ находился въ Ригѣ, Украйнѣ и за границею“. По сообщенію Кабинетъ-Министровъ въ Сенатъ отъ 27-го іюня 1736 г. назначенный оберъ-кригсъ-коммиссаромъ походнаго коммиссаріата, Р. несъ эту нелегкую обязанность во время войны съ Турціей, при чемъ въ 1737 г., въ Кіевѣ, перенесъ тяжкую болѣзнь; въ 1738 г. онъ былъ повышенъ въ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссары и продолжалъ свою хлопотливую дѣятельность, сопряженную съ постоянными разъѣздами: такъ, въ началѣ 1739 г. онъ находился въ Полтавѣ, въ іюлѣ—въ Харьковѣ и т. д. По окончаніи войны и по воцареніи Имп. Елисаветы Петровны, Р. въ концѣ 1741 г. былъ назначенъ присутствовать въ Московской Воённой Конторѣ, а въ слѣдующемъ году состоялъ при вновь учрежденномъ Главномъ Коммиссаріатѣ, но не долго: 25-го іюня 1742 г. онъ получилъ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, по болѣзни, которая и свела его въ могилу—повидимому вскорѣ послѣ того: послѣднія упоминанія о немъ въ бумагахъ семейнаго архива относятся къ 1744 году.

То обстоятельство, что изъ всѣхъ отраслей военнаго дѣла Р. посвятилъ себя хозяйственной, было, повидимому не случайно: хозяйственныя наклонности были очень развиты въ немъ. Богатый отецъ его изъ многихъ своихъ имѣній весьма рано, уже въ 1696 г. передалъ ему нѣкоторыя Лихвинскія и иныя помѣстья, и Р. началъ мѣняться ими и, вообще, округлять свое состояніе. Между прочимъ, получилъ онъ въ приданое въ 1710 году помѣстье тестя своего князя Волконскаго въ Суздальскомъ уѣздѣ и 600 рублей на покупку вотчины, а впослѣдствіи село Карцево съ деревней Житцевой въ Козельскомъ уѣздѣ. Въ томъ же году въ одну изъ Козельскихъ своихъ вотчинъ—Антоньево—онъ прислалъ добровольно поступившихъ къ нему въ Польшѣ въ крестьяне Поляковъ и Полекъ изъ разоренной Шведами Сапѣгиной маетности около мѣстечка Невли, числомъ 41, потомки коихъ доселѣ сохранили особенности въ говорѣ. Въ томъ же году была освящена въ селѣ Старо-Никольскомъ, Московскомъ родовомъ имѣньѣ Р., гдѣ въ древности былъ Николаевскій монастырь, выстроенная имъ по обѣту каменная церковь, а послѣ 1736 г. онъ построилъ новую церковь, деревянную, въ Алаторской своей вотчинѣ—селѣ Архангельскомъ-Погибелкѣ, Новый Починокъ тожъ. Въ 1722—1724 г. онъ скупилъ много земель въ Ефремовскомъ уѣздѣ при селѣ Нижнихъ-Гольскихъ или Евгани, впослѣдствіи Ртищево тожъ. По смерти отца оказавшись человѣкомъ вполнѣ богатымъ, В. М. Ртищевъ не оставилъ привычекъ хозяйственной заботливости, которою проникнута его переписка со старшимъ сыномъ его Николаемъ, уцѣлѣвшая въ семейномъ архивѣ. Въ Москвѣ онъ имѣлъ дома: въ Земляномъ Городѣ, въ приходѣ церкви великомученика Власія, въ Старой Конюшенной улицѣ и въ приходѣ Григорія Неокесарійскаго; имѣлъ онъ также домъ и въ Петербургѣ. Въ 1736 г. за нимъ числилось уже до 2500 душъ крестьянъ. Единственную свою дочь Марью онъ выдалъ замужъ за извѣстнаго мореплавателя капитанъ-командора Алексѣя Ивановича Скуратова, а трехъ сыновей своихъ раздѣлилъ 5-го февраля 1743 года. Въ мужскомъ поколѣніи потомство его угасло въ 1775 г. въ лицѣ внука его, гвардіи капитана Василія Николаевича, сына воеводы Брянскаго и перваго Козельскаго уѣзднаго предводителя дворянства Николая Васильевича Ртищева, скончавшагося въ 1770 году;

братья же послѣдняго—Ѳедоръ и Михаилъ имѣли только дочерей. Нынѣ изъ этого рода Ртищевыхъ, имѣвшаго три вѣтви (вторая гнѣздилась въ Мещовскомъ уѣздѣ и угасла въ 1831 г.), существуетъ лишь самая младшая—въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской губерніи и въ г. Москвѣ.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, боярская книга № 11, л. 108; боярскіе списки, книги 36—60; дѣла старыхъ лѣтъ по Коломнѣ (кн. 14, д. 41), по Суздалю (кн. 11, д. 47, л. 1) и др.; С. Панчулидзевъ, „Сборникъ біографій кавалергардовъ“ 1724—1766 гг.; „Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Сенатѣ“, т. II, ч. 2, стр. 101; П. Барановъ, „Опись Высочайшихъ указовъ и повелѣній, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ“, по указателю; Г. А. Власьевъ, „Потомство Рюрика“, т. I, ч 3, стр. 403, 503—504; В. и Г. Холмогоровы, „О церквахъ и селахъ Московской епархіи, вып. III, Загородская десятина“, стр. 283—285; В. Холмогоровъ, „Матеріалы для исторіи Симбирскаго края“, стр. 113—114; М. Бѣляевъ, „Историческія свѣдѣнія о Московской Григоріе-Неокесарійской церкви“, стр. 185; „Москва. Актовыя книги XVIII столѣтія“, т. IX, стр. 136; Семейный архивъ Кашкиныхъ въ с. Нижнихъ Прыскахъ Козельскаго уѣзда (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ); Н. Н. Кашкинъ, Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 349—353.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Григорій Ивановичъ*, воевода и думный дворянинъ; умеръ въ 1671 г.; былъ единственнымъ сыномъ не оставившаго по себѣ никакого слѣда Ивана-Сергія Давыдовича Р.; началъ службу въ рядахъ Лихвинскаго дворянства и въ 1636 г. былъ въ Калугѣ стрѣлецкимъ головою, но въ ноябрѣ 1646 г. получилъ видное городовое воеводство—въ той же Калугѣ, гдѣ и пробылъ три года. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ онъ былъ обязанъ двоюродному брату своему Михаилу Алексѣевичу Ртищеву, ставшему къ этому времени, въ должностяхъ сперва стряпчаго съ ключемъ, а затѣмъ постельничаго, лицомъ вліятельнымъ при юномъ Царѣ Алексѣѣ. Въ 1649 году, ноября 15-го, Ртищевъ за службу „по Лихвину многіе годы“, испросилъ себѣ пожалованіе въ Московскій списокъ, а 15-го августа 1650 г., когда въ постельничіе, на мѣсто пожалованнаго въ окольничіе Михаила Алексѣевича Ртищева, былъ назначенъ его старшій сынъ—знаменитый „милостивый мужъ“ Ѳедоръ Большой Михайловичъ, — то должность, занимавшаяся дотолѣ послѣднимъ,—стряпчаго съ ключемъ,—была дана Григорью Ивановичу, послѣ чего ему былъ назначенъ окладъ помѣстный въ 1000 четвертей и 12 рублей жалованья. Объявить ему о пожалованіи его въ стряпчіе съ ключемъ велѣно было думному разрядному дьяку (изъ воеводъ и первостатейныхъ Бѣжецкихъ дворянъ) С. И. Заборовскому, который незадолго предъ тѣмъ неудачно мѣстничалъ съ М. А. Ртищевымъ; „и Семенъ Заборовскій билъ челомъ Государю, что ему стряпчество сказать Григорью невмѣстно; и бивъ челомъ, сказалъ. А за Григорьево безчестье Ртищева, что на него билъ челомъ, велѣлъ Государь Семена Заборовскаго послать въ тюрьму“. Съ тѣхъ поръ неразлучный, по обязанностямъ своей должности, съ Государемъ, Ртищевъ сопровождалъ его и въ богомольные походы (въ монастырь Саввы Сторожевскаго, съ 15-го января 1652 года; къ Троице-Сергію, въ 1650—1652 гг., пять разъ), и въ подмосковныя села (Покровское—съ 16-го апрѣля 1651 г.), и, наконецъ, въ походъ ратный противъ Польши, въ которомъ онъ несъ также должность есаула и головы жильцовъ въ государевомъ полку — со дня выступленія изъ Москвы 18-го мая 1654 года. 11-го іюня онъ и нѣсколько другихъ головъ съ ихъ сотнями были посланы въ Дорогобужъ, къ воеводѣ П. Шереметеву, для преслѣдованія напавшихъ на этотъ уѣздъ Поляковъ и Литовцевъ, но не нагнали ихъ. Остальное время Р. былъ, повидимому, безотлучно при Царѣ. По возвращеніи въ Москву удостоившись, 12-го мая 1656 г., пожалованія (въ Чудовѣ монастырѣ) въ постельничіе, онъ черезъ три дня вновь выступилъ,—сопровождая Государя сперва въ Смоленскъ, а затѣмъ въ Ригу,—въ походъ противъ Швеціи, снова въ должности головы жилецкой сотни въ государевомъ полку. За эти службы ему, по окончаніи войны, было прибавлено 40 рублей жалованья. Любопытно, что и затѣмъ, оставаясь постельничимъ, завѣдуя Государевой Мастерской Палатой, начальствуя надъ дворцовыми стряпчими и неся множество мелкихъ обязанностей, сопряженныхъ съ его должностью, онъ, видимо, продолжалъ числиться головой надъ жилецкой сотней, во главѣ которой назначался встрѣчать прибывавшихъ въ Москву иноземныхъ пословъ: Персидскаго („Кизельбашскаго“)—Ханедалука Салтана, 30-го января 1658 г.; Короля Венгерскаго — фонъ-Фрагштейна и фонъ-деръ-Бина — въ 1661 г. Въ этомъ году благоволеніе къ нему Царя Алексѣя

Михайловича, неизмѣннаго покровителя всей этой семьи Ртищевыхъ, выразилось въ удовлетвореніи его челобитья о томъ, чтобы сыну его Максиму Григорьевичу не считаться въ отрядѣ князя Ю. А. Долгорукова ниже стольниковъ и воеводъ Ѳ. Сукина и С. Змѣева.

Постельничимъ Г. И. Ртищевъ прослужилъ долго, видимо удовлетворяя требованіямъ Царя Алексѣя, и наградою ему за это явилось пожалованіе въ думные дворяне—13-го апрѣля 1669 г., предупредившее его смерть года на два. Послѣдній разъ упоминается онъ на свадьбѣ Царя Алексѣя съ Н. К. Нарышкиной, 29-го января 1671 года. Послѣ него осталось четверо сыновей: Максимъ, Ѳедоръ, Тимоѳей и Лука. Жилъ Г. И. Ртищевъ въ Москвѣ, неподалеку отъ окольничаго Ѳ. М. Ртищева,—тоже близъ Боровицкаго моста, по лѣвую сторону, отъ Знаменки въ третьемъ переулкѣ. Состояніемъ онъ владѣлъ незначительнымъ, хотя и пытался съ 1659 г. завести въ Обоянскомъ уѣздѣ будный промыселъ и получилъ разрѣшеніе строить тамъ заводы и мельницы, ставя только осьмую часть выдѣланныхъ имъ поташа и смольчуги безплатно въ казну. Изъ земельныхъ владѣній упоминаются за нимъ лишь помѣстья: Лихвинское – полдеревни Песочной, 120 четвертей, Кашинское — сельцо Фроловское съ деревнями, 182 четверти, да подмосковное—въ Таракманскомъ стану. На поминовеніе записанъ онъ въ сунодикѣ Козельской Введенской Оптиной пустыни, гдѣ между его именемъ и именами его сыновей стоитъ имя Мавры: вѣроятно, такъ звали его жену.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, боярскія книги 5, л. 19, кн. 6, лл. 25 и 25 об.; боярскіе списки, книги 2—11; столпцы Бѣлгородскаго стола Разряднаго Приказа 83, лл. 96—100; 706, III, лл. 52—753; столпцы Московскаго стола Разряднаго Приказа 227, № 365 330, № 178: отказная книга по Мурому Н. 854, № 320; „Русская Историческая Библіотека“, т. X, стр. 305; „Дворцовые Разряды“, т. III, ст. 59, 102, 122, 182, 191, 198, 241, 255, 281, 315, 416, 429, 465, 474, 840, 853, 859, 864, 876; дополненія къ т. III, ст. 40, 52 и 118; „Памятники дипломатическихъ сношеній“; Переписная книга г. Москвы 1668 года; семейный архивъ Кашкиныхъ въ селѣ Нижнихъ Прыскахъ (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ); Н. Н. Кашкинъ, Родословныя развѣдки, под. ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 353—356.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Даніилъ Максимовичъ*, городовой воевода; умеръ въ 1700 г.; сынъ дворянина Московскаго и воеводы полкового Максима Григорьевича Р., онъ началъ службу въ жильцахъ 22-го августа 1674 г. и провелъ этотъ годъ въ полку князя В. А. Долгорукова подъ Сѣвскомъ; въ слѣдующемъ году онъ былъ въ полку князя В. В. Голицына, а 10-го іюня 1676 г. пожалованъ былъ въ стряпчіе. Проведя 1677-й годъ снова въ полку князя Голицына,—въ походѣ на Днѣпръ къ Чигирину, онъ въ слѣдующемъ году участвовалъ во второмъ, неудачномъ Чигиринскомъ походѣ, служа въ полку князя Г. Г. Ромодановскаго вмѣсто своего отца, — уже въ званіи стольника, полученномъ 2-го апрѣля, но тѣмъ не менѣе провелъ и часть 1679 года въ походѣ къ Кіеву, подъ предводительствомъ князя М. А. Черкасскаго. Когда же отецъ его былъ назначенъ воеводою на Балахну, съ порученіемъ ему же завѣдывать дворцовыми волостями Заузольскою и Толоконцовскою, Р. былъ опредѣленъ сюда же въ товарищи къ отцу; многія грамоты писались даже на имя его одного; вообще надо замѣтить, что по межевой и судебной частямъ у него въ названныхъ волостяхъ дѣла и переписки было очень много. Здѣсь онъ провелъ 1683 и 1684 годы; въ 1686 г. похоронилъ онъ отца, а Крымскіе походы князя В. В. Голицына опять вернули Ртищева къ ратной службѣ: былъ онъ въ обоихъ этихъ походахъ, въ рядахъ большого полка, и поплатился раною,—правое плечо его было пробито копьемъ. Это не помѣшало ему въ 1696 г. участвовать въ походѣ подъ Азовъ въ полку А. С. Шеина; не избавило это его и отъ призыва, въ іюнѣ 1700 года, къ участію въ Сѣверной войнѣ, которое оказалось очень непродолжительнымъ: въ бою подъ Ругодивомъ (Нарвою), вѣроятно 19-го ноября, Ртищевъ былъ убитъ, всего лишь въ началѣ пятаго десятилѣтія своей жизни. Помѣщикъ Пошехонскій, Шуйскій, Новосильскій, Лихвинскій, Козельскій и Мещовскій, онъ, повидимому, чаще бывалъ въ послѣднемъ уѣздѣ, какъ можно думать по тому, что вклады по отцѣ своемъ и по дядѣ Лукѣ онъ вносилъ въ Мещовскій Георгіевскій монастырь, въ сунодикѣ коего и записанъ самъ, вмѣстѣ съ братомъ и съ родомъ своимъ, на вѣчное поминовеніе. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ Даніилъ Максимовичъ выслужилъ (въ 1688 г.) въ вотчину, за

Чигиринскій походъ, отъ дѣда и отца дошедшую до него помѣстную деревню Песочную; около того же времени получилъ онъ часть наслѣдства дяди своего Луки Ртищева. Наслѣдовавъ также единственному меньшому брату своему Ильѣ, стольнику Царицы Прасковьи Ѳедоровны, а также—царскому, умершему 15-го февраля 1700 г., Даніилъ Максимовичъ оставилъ по себѣ вдову Дарію Яковлевну (умершую въ 1735 г., а происходившую, повидимому, изъ рода Ждановыхъ) и двухъ сыновей: Андрея, въ годъ смерти отца начавшаго службу жильцомъ, въ 1717 г. посланнаго учиться въ Голландію, а въ 1741 г. произведеннаго въ бригадиры съ опредѣленіемъ „къ статскимъ дѣламъ“, и Михаила Даніиловича, капитана артиллеріи, скончавшагося въ сентябрѣ 1735 г. Потомство Андрея Даніиловича угасло въ лицѣ его внуковъ—Алексѣя (умеръ въ 1775 г.) и Максима (умеръ въ 1758 г.) Георгіевичей, потомство же Михаила Даніиловича — тоже въ лицѣ внуковъ, изъ коихъ долѣе всѣхъ прожилъ старшій, — Михаилъ Львовичъ Ртищевъ, гвардіи прапорщикъ съ 1776 года, уѣздный Предводитель дворянства Серпейскій въ 1795 г., а позже Мещовскій, женатый на Аннѣ Сергѣевнѣ Богдановой, а вторично—на Татьянѣ Евгеніевнѣ Кашкиной и умершій 7-го октября 1831 года.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, боярскія книги: 7, лл. 196, 286, 301, 598, 622, 636 и сл. книги; боярскіе списки, кн. 14, 15, 21, 23, 26, 28, 29, 40, 43, 44 и др.; столпцы Московскаго стола Разряднаго Приказа, 467, № 267–8, и 356; 501, № 797, 538, №№ 444—446; 551, № 249; 612, V столпикъ № 156; 1031, № 208 и др.; Арх. Леонидъ. „Историческое описаніе Мещовскаго Георгіевскаго монастыря“, стр. 21, 147, 171; семейный архивъ Кашкиныхъ въ с. Нижнихъ Прыскахъ (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ), Н. Н. Кашкинъ, Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 356—357.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Иванъ Пятаго Макарьевичъ*, старшій братъ дьяковъ Василья и Исая (см. выше и ниже), Дмитровскій городовой дворянинъ; служилъ головою у черкасъ на Тулѣ, причемъ вызвалъ жалобы своими обидами и налогами, въ 1638 — 1642 гг., а въ 1647 г. посланъ основать Сокольскій острогъ и обратить въ драгунскую службу бывшихъ крестьянъ боярина кн. А. Н. Трубецкого, селъ Соколья и др., Лебедянскаго уѣзда; за непослушаніе Козловскому воеводѣ, извѣстному Роману Ѳедоровичу Боборыкину, посаженъ въ тюрьму на 3 дня. Прослуживъ приказнымъ Сокольскаго острога 2 года, смѣненъ. Въ войну съ Польшей отличался въ 1655 г., служа маіоромъ пѣшаго строя, подъ Велижемъ и Сурожемъ, во главѣ отряда черкасъ и Смоленскихъ вольныхъ людей. Умеръ не позже 1663 г. Имѣлъ родовыя вотчины въ Дмитровскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ и помѣстья въ уѣздахъ Кашинскомъ и Углицкомъ. Оставилъ трехъ дочерей.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столпцѣ: Бѣлгородскаго стола 102, лл. 1—278; 227, лл. 1—86; 245, лл. 2—21, 26 и слѣд.; Владимірск. стола 117, № 156; Новгородскаго—164, I, столпикъ, лл. 47, 568—570 и слѣд.; разрядная вязка 1, дѣла 54, 57, 64; оклеенные столпцы: по Мурому, 207, дѣло 1, по Дмитрову 253, д. 13, по Ростову 227, д. 2; дѣла молодыхъ лѣтъ: по Дмитрову книга 23, д. 3, по Угличу книги 1, 2, 4 и др.; Кашинскія отказныя книги 11852, д. 174; 11853, д. 195; 11854, д. 73; Н. Н. Кашкинъ, Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912.

Н Кашкинъ.

Ртищевъ, *Исаакъ-Исай Макарьевичъ Пятаго*, съ 1621 г. подъячій Иноземскаго Приказа, 25-го февраля 1649 г. по челобитью назначенъ дьякомъ въ Вязьму, гдѣ и умеръ въ 1650 году. Имѣлъ дворъ въ Москвѣ, на Покровкѣ, и вотчины въ Ростовскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ; былъ бездѣтенъ.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столпецъ Московск. стола 223, № 364; оклеенный столпецъ по Дмитрову 253, д. 13; Н. Н. Кашкинъ, Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Константинъ Петровичъ*, дворянинъ Московскій; въ маѣ 1594 года приставъ при Кизылбашскомъ гонцѣ Искендерѣ, въ 1604 г. посланный въ Холмогоры къ Англійскому послу; въ декабрѣ 1612 г., служа воеводою въ Каргополѣ, отрядомъ Литовцевъ, шедшихъ туда съ Чаронды, убитъ на рѣкѣ Свири вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, а жена его и дочери увезены Литовцами въ плѣнъ. Происходя изъ весьма древняго Дмитровскаго рода, онъ владѣлъ въ этомъ уѣздѣ вотчиною, а въ Вяземскомъ уѣздѣ—помѣстьемъ.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столпцы Московск. стола, 250, № 222; оклеенный по Дмитрову 240, дѣло 8, и неоклеенный по Дми-

трову 40, д. 2; „Памятники дипломат. и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей“ т. I, с. 214; Имп. Публ. Библіотеки F IV, 8; рукопись Спиридова, ч. 12, DCLIX, 11; „Дополненіе къ Актамъ Историч.“ I, № 171, с. 304; „Писцовыя книги XVI вѣка“ 1, 2, сс. 668—673; Н. Н. Кашкинъ, Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Максимъ Григорьевичъ*, воевода городовой и полковой; умеръ въ 1686 году; былъ старшимъ изъ четырехъ сыновей думнаго дворянина Григорія Ивановича Ртищева; службу началъ, когда послѣдній былъ еще воеводою въ Калугѣ, 8-го октября 1647 года „по жилецкому списку“; выдвигаться сталъ онъ по окончаніи Литовскаго похода, когда, въ званіи дворянина Московскаго, былъ назначенъ, 17-го февраля 1656 г., воеводою въ дальній Енисейскъ. Отъ здѣшней его дѣятельности, весьма разнообразной, сохранилось довольно много письменныхъ слѣдовъ. Изъ нихъ видно, между прочимъ, что въ 1658 г. онъ посылалъ Енисейскихъ дѣтей боярскихъ Якова Тургенева да Ивана Максимова звать подъ царскую руку откочевавшихъ вслѣдствіе насильствъ и налоговъ сына боярскаго Ивана Похабова, „Енисейскаго уѣзда Братскихъ остроговъ Братскихъ ясачныхъ людей“: то были Бурятскіе князцы—Инкѣй „съ товарыщи“, ушедшіе за Камень „въ Мунгалы“. Про обиды и злоупотребленія Похабова Ртищевъ сыскивалъ и доносилъ въ Москву. Доносилъ онъ также, 16-го января того-же года, о находкѣ посадскимъ человѣкомъ Алексѣевымъ Жилинымъ слюды, изъ которой десятую часть Ртищевъ взялъ съ него въ пошлину и послалъ 1 пудъ, для образца, въ Москву съ самимъ Жилинымъ. Отвѣтною грамотою, отъ 26-го ноября 1658 г., ему было предписано оказать содѣйствіе Жилину въ ломкѣ слюды, плавленіи мѣдной руды и пріисканіи серебра и золота, со взысканіемъ десятой части въ Сибирскій Приказъ. Возлагались также на Ртищева заботы о снабженіи продовольственными запасами не только служивыхъ, но и ясачныхъ людей Ленскаго края и о доставленіи въ Якутскъ этихъ запасовъ. Смѣненный въ 1659 году, по истеченіи обычнаго двухлѣтняго срока воеводствъ, Максимъ Григорьевичъ вернулся въ Москву, составивъ себѣ, повидимому, доброе имя, почему и получилъ весьма скоро новое назначеніе: поставленный во главѣ особаго полка, онъ былъ посланъ съ нимъ „промышлять надъ шишами“, т.-е, шпіонами, „отъ Серпейска и отъ Мосальска“, а вслѣдъ затѣмъ былъ отправленъ, во главѣ того же полка, въ отрядъ боярина князя Ю. А. Долгорукова въ Мстиславскій и Кричевскій уѣзды,—противъ „государевыхъ измѣнниковъ повѣтовой шляхты и Черкасъ“, и пришелъ къ нему „во сходъ“ передъ боемъ подъ Могилевомъ 24—26-го сентября, въ которомъ были разбиты Литовскіе гетманы Сапѣга, Чарнецкій, Пацъ и Полубенскій. У Долгорукова въ полковыхъ товарищахъ былъ воевода О. И. Сукинъ, человѣкъ по происхожденію „родословный“, а 7-го октября въ товарищи князю Юрію Алексѣевичу былъ посланъ еще С. Д. Змѣевъ, и вскорѣ Долгоруковъ, въ одномъ донесеніи Царю, помѣстилъ имя Ртищева, въ росписи воеводъ, ниже именъ вышеназванныхъ своихъ товарищей. Это вызвало челобитную отца Максима Ртищева, въ то время постельничаго, Григорія Ивановича, въ которой, находя, что сынъ его тѣмъ обезчещенъ, онъ просилъ: „не выдай, государь, сынишка моего стольникамъ и воеводамъ Осипу Сукину и Семену Змѣеву, чтобы тѣмъ мнѣ, холопу твоему, и сынишку моему отъ иныхъ родовъ, кому л, холопъ твой, въ версту, въ попрекѣ и обезчещену не быть“. Въ тотъ же день, 4-го января 1661 г., Максима Ртищева „Государь пожаловалъ,—велѣлъ его челобитье записать; а быть ему съ бояриномъ и воеводою со княземъ Ю. А. Долгоруково, а товарищамъ, Осипу Сукину и Семену Змѣеву до него дѣла нѣтъ“. Вслѣдъ затѣмъ отрядъ князя Долгорукова былъ распущенъ, воеводѣ же Ртищеву было велѣно, 16-го января, зимовать со своимъ полкомъ—повидимому на рѣкѣ Басѣ. Сохранился и списокъ этого полка, состоявшаго изъ 4 жильцовъ, 429 рейтаровъ Касимовскихъ и 289 Кадомскихъ, преимущественно князей и мурзъ, и 208 солдатъ разныхъ чиновъ, пришедшихъ изъ Царевичева Дмитріева города (Кокенгаузена) изъ полковъ Ирика Андерсона Лукса и Андрея Гамильтона, въ томъ числѣ 79 казачьихъ дѣтей, верстанныхъ помѣстными окладами.—Полковое воеводство Максима Ртищева кончилось въ томъ-же году: въ декабрѣ, будучи на Москвѣ, онъ уже отдался совсѣмъ другому дѣлу, а именно хлопоталъ, вмѣстѣ съ другими помѣщиками Перемышельской волости Московскаго уѣзда, о при-

пискѣ ко вновь отстроенной ими церкви св. Великомученицы Прасковьи Пятницы земли, отнятой патріаршимъ дьякомъ Кокошиловымъ, извѣстнымъ корыстолюбцемъ. Хлопоты эти увѣнчались, несмотря на ловкость и силу Кокошилова, успѣхомъ: помянутая земля была возвращена церкви, хотя только въ августѣ 1663 г. Живя въ Москвѣ, Ртищевъ, несмотря на то, что положительно всѣ его однородцы носили въ то время какія-либо придворныя званія, что троюродный братъ его Ѳедоръ Большой Михайловичъ Ртищевъ стоялъ во главѣ всего дворцоваго вѣдомства, а отецъ былъ царскимъ постельничимъ, самъ не искалъ близости ко двору и до смерти своей остался въ званіи дворянина Московскаго. На Москвѣ онъ изрѣдка исполнялъ лишь такія обязанности, какъ участіе, въ качествѣ головы у сотни дворянъ Московскихъ, въ торжественной загородной встрѣчѣ Англійскаго посла „князя Чарлуса Говорна“, — при дворѣ же онъ почти никогда не появлялся. Это не мѣшало ему числиться по такъ называемымъ „боярскимъ спискамъ“ дворяниномъ „чиновнымъ“ и получить въ 1668 году новое назначеніе на городовое воеводство—на Тотьму. 11-го іюня означеннаго года воевода Пименъ Савельевичъ Орловъ, по грамотѣ изъ Приказа „Устюжской четверти“, сдалъ Ртищеву „городовые ключи и въ казенномъ амбарѣ городовой нарядъ, и зелье и свинецъ, и всякіе пушечные запасы, и все въ казенномъ амбарѣ за отчетомъ Тотемскаго и всеуѣзднаго земскаго старосты, что ключи того казеннаго амбара живутъ у нихъ земскихъ старостъ“, составивъ длиннѣйшій списокъ всему передаваемому, включая приходныя книги, граматы изъ Приказовъ и всякія судныя и иныя дѣла вершеныя и невершеныя. Принявъ воеводство, Ртищевъ пробылъ на Тотьмѣ вмѣсто обычныхъ двухъ лѣтъ—около трехъ, и служба его оказалась не изъ спокойныхъ. Уже въ іюнѣ 1669 года Максиму Ртищеву пришлось доносить въ Москву о появленіи въ Тотемскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ шайки, ограбившей князя Савелія Ивановича Козловскаго и многихъ другихъ. Позже броженіе въ низшихъ слояхъ населенія все усиливалось. Бунтъ Стеньки Разина, потрясшій Поволжье, отъ Козьмодемьянска распространился на луговую сторону Волги и охватилъ и Заволжье. Изъ пятнадцати-тысячнаго скопища мятежниковъ, собравшихся въ Козьмодемьянскѣ, отдѣлилась небольшая шайка подъ главенствомъ одного изъ Разинскихъ атамановъ, Кадомскаго Черкашенина Ильюшки Иванова Пономарева („а Поповъ онъ же“), ушла на Ветлугу и оттуда на Унжу, разсылая по окрестнымъ селамъ „прелестныя граматы“, грабя помѣстья и вотчины служилыхъ людей и, по указанію крестьянъ, умерщвляя помѣщичьихъ приказныхъ людей и выжигая усадьбы. Возросши, съ приставшими къ ней крестьянами, до 700 человѣкъ, ватага Пономарева, подчинившаяся черемисскому приставу Мумарину и уже обратившаяся въ „войско“ и распредѣлившаяся по сотнямъ и десяткамъ подъ нѣсколькими красными пестрядинными знаменами,—всѣ на коняхъ или на саняхъ,—3-го ноября 1670 г. явилась въ Унженскій посадъ, гдѣ, разбивъ тюрьмы и освободивъ заключенныхъ, которые всѣ пристали къ ней, разграбила кружечный и таможенный дворы, отняла всю государеву денежную казну“ и порубила головы, послѣ пытки, стрѣльцамъ и ихъ сотникамъ. Уйдя затѣмъ на рѣку Шангу, мятежники были разбиты въ открытомъ бою догнавшимъ ихъ стольникомъ и воеводою В. С. Нарбековымъ, а ловить разсѣянныя скопища ихъ Василій Саввичъ послалъ нѣсколько отрядовъ. Вожди мятежниковъ Пономаревъ и Мумаринъ скрылись. О примѣтахъ ихъ писалъ Нарбековъ Ртищеву и Галицкому воеводѣ С. М. Нестерову.

Хотя Семенъ Михайловичъ Нестеровъ раньше и враждовалъ съ Максимомъ Григорьевичемъ (сосѣдомъ по Козельскимъ его помѣстьямъ), онъ поспѣшилъ, однако, посовѣтовать ему „жить на Тотьмѣ съ великимъ опасеніемъ и береженіемъ“ и въ случаѣ появленія Пономарева съ мятежниками „чинить надъ ними промыслъ, сколько Господь Богъ помочи подастъ“, и просилъ о дальнѣйшемъ писать къ нему въ Галичъ.

Получилъ Ртищевъ „отписку“ Нестерова 10-го декабря—и имѣлъ удовольствіе отвѣтить ему, очень скоро, что уже 11-го декабря ему удалось, пославъ своихъ людей и Тотьмянъ посадскихъ и жилецкихъ людей человѣкъ 100 ловить Пономарева, по слухамъ, близъ Усолья Леденскаго, поймать его съ 5 товарищами на болотѣ, за рѣкою Сухоною. Жалости къ нимъ Ртищевъ не обнаружилъ: подвергнувъ ихъ пыткѣ и

узнавъ отъ нихъ все нужное (и всю повѣсть ихъ похожденій), онъ 12-го декабря, по челобитью всѣхъ Тотемянъ, повѣсилъ ихъ на берегу Сухоны, трупы же ихъ послалъ въ Галичъ, чтобы ихъ казнь „была вѣдома всему народу впредь для смятенія". Затѣмъ, предупрежденный Пономаревымъ о предстоящемъ приходѣ на Тотьму Мумарина „съ войскомъ", Ртищевъ собралъ „изъ посадскихъ людей и изъ всякихъ чиновъ людей съ ружьемъ мало-мочныхъ людей и поставилъ сотни сторожею, а по дорогамъ заказъ учинилъ крѣпкій и заставы поставилъ и засѣки велѣлъ засѣчь, чтобы тѣ воры на Тотьму не прокрались", и написалъ на Устюгъ Великій и Вагу, въ дворцовыя села и деревни, чтобъ они „жили со всякимъ опасеніемъ"; Нестерова же Ртищевъ просилъ, буде прибылъ въ Галичъ ожидавшійся съ Москвы воевода Иванъ Вельяминовъ съ ратными людьми, то направить его противъ Мумарина въ Тотьму, потому что „на Тотьмѣ служилыхъ людей и ружья никакого нѣтъ". „Ружья" не осталось, очевидно, за раздачею его сторожевымъ сотнямъ; посадъ же оставался совсѣмъ беззащитнымъ и уцѣлѣлъ лишь по счастливой случайности, благодаря поимкѣ Мумарина съ товарищами на Устюгѣ, ибо когда, 1-го февраля 1671 г., новый воевода—Андрей Непейцынъ принялъ Тотьму отъ Ртищева, то донесъ, что „города и башень, и городовыя стѣны, и пороху, и свинцу на Тотьмѣ нѣтъ, и крѣпости никакія отъ воевальнаго времени не учинено".

Отсюда Максимъ Григорьевичъ вернулся на Москву, гдѣ владѣлъ въ то время домомъ на излюбленной Ртищевыми Знаменкѣ, у Боровицкаго моста: домъ Ѳедора Большого Михайловича былъ въ пятомъ переулкѣ отъ Знаменки направо; домъ Максима—въ четвертомъ, а отца его (скончавшагося въ томъ же году) — въ третьемъ. Имѣлъ Максимъ Григорьевичъ и другой домъ—въ тупикѣ у церкви Антипія Чудотворца. Ртищевъ состоялъ въ государевомъ полку и 1-го января 1674 г. участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ Кизылбашскихъ пословъ въ качествѣ головы и жильцовъ, а въ 1677 г. долженъ былъ отправиться въ походъ, въ полку князя В. В. Голицына, но двоюродный дядя его, заслуженный и престарѣлый окольничій Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ, имѣвшій несчастье пережить всѣхъ своихъ дѣтей и въ то время тяжко больной, упросилъ царя Ѳеодора оставить Максима Григорьевича при немъ; челобитье это было удовлетворено: Максимъ Ртищевъ былъ вновь зачисленъ въ государевъ полкъ и, конечно, оставался при дядѣ до кончины его—въ декабрѣ того-же года. Въ 1680-мъ же году онъ и самъ почувствовалъ себя настолько старымъ, что билъ челомъ объ отставкѣ отъ полковой службы и зачисленъ былъ въ царицыны дворяне—походные, т. е. въ число дворянъ, сопровождавшихъ царицъ Наталью Кирилловну и Марѳу Матвѣевну въ ихъ „походы" по подмосковнымъ монастырямъ и „потѣшнымъ" селамъ. Однако, уже въ слѣдующемъ году онъ получилъ новое дѣловое назначеніе,—на третье въ его жизни воеводство,—въ Балахну, съ завѣдываніемъ, сверхъ того, дворцовыми волостями Заузольскою и Толоконцовскою, при чемъ въ помощь ему былъ назначенъ товарищемъ къ нему старшій изъ двухъ его сыновей Даніилъ. Эта служба оказалась послѣднею въ жизни Ртищева: въ 1686 году его не стало. Память о немъ хранилась въ Лихвинскомъ Успенскомъ Гремячемъ монастырѣ, благодаря пожертвованной имъ туда въ 1668 году, „въ вѣчное поминовеніе", „Цвѣтной Тріоди" изданія 1660 г., съ его надписью, но монастырь этотъ упраздненъ уже весьма давно. Родъ Максима Григорьевича Ртищева записанъ въ сунодикѣ 1670 года Козельской Введенской Оптиной Пустыни, которой, очевидно, онъ тоже что-нибудь жертвовалъ. Обладанье 80 крестьянскими дворами въ уѣздахъ Шуйскомъ, Новосильскомъ, Мещовскомъ, Лихвинскомъ и Козельскомъ давало ему возможность, при денежномъ жалованьѣ и частыхъ воеводствахъ, жить безбѣдно и дѣлиться съ „церковью Божіей". Послѣ него осталась вдова, Ѳетинья Яковлевна (вторая его жена), и сыновья отъ перваго брака: стольникъ Даніилъ, продолжатель рода въ Мещовской его вѣтви, и бездѣтный стольникъ же Илья Максимовичъ Ртищевъ.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, боярскія книги: 5, лл. 256 и 375 об., и др. книги; боярскіе списки, кн. 1, л. 89; 7, л. 60; 17, л. 152 об.; 18, л. 201; 19, л. 223 об.; 21, лл. 274 и 740, и др. книги; столпцы Московскаго стола Разряднаго Приказа: 526, № 30; 528, II столпикъ, № 230; 822, № 920; Переписныя книги г. Москвы 1669 и слѣдующихъ годовъ; „Дополненія къ Актамъ историческимъ", т. IV, № 46; № 57; № 80; № 97; т. V,

№ 94; т. VI, № 24; „Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива“, стр. 350—351; „Дворцовые Разряды“, т. III, ст. 554 и 1158, и дополненія къ т. III, ст. 26, 240, 250; В. и Г. Холмогоровы, „О церквахъ и селахъ Московской епархіи“, вып. VII, стр. 12—15; Арх. Леонидъ, „Описаніе упраздненныхъ монастырей Калужской епархіи“, ст. 121; Архивъ Кашкиныхъ въ с. Нижнихъ Прискахъ Козельскаго уѣзда (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ); Н. Н. Кашкинъ, Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 359—365.

Н. Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Михаилъ Алексѣевичъ*, окольничій; род. въ послѣдней четверти XVI вѣка, ум. въ концѣ 1677 года; былъ сыномъ убитаго на полѣ брани Алексѣя Давыдовича Ртищева и происходилъ изъ рода Лихвинскихъ, а ранѣе Медынскихъ помѣщиковъ, предокъ коихъ, выѣзжій изъ Золотой Орды Асланъ-Челеби-мурза, былъ около 1389 г. Великимъ Княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ пожалованъ,—очевидно въ кормленіе,—городомъ Кременескомъ. Михаилъ Алексѣевичъ имѣлъ старшаго брата Осипа и сестру Пелагею, которая вышла замужъ за Матвѣя Елизаровича Хитрово и была матерью впослѣдствіи знаменитаго боярина и оружейничаго Богдана-Іова Матвѣевича Хитрово. Осипъ Ртищевъ при царѣ Василіи Шуйскомъ служилъ по Лихвину съ окладомъ въ 600 четвертей. Въ сентябрѣ 1608 г., когда множество городовъ уже присягнуло второму Самозванцу, и онъ стоялъ подъ самою Москвою въ селѣ, отъ котораго получилъ прозвище Тушинскаго вора, а Сапѣга, поразивъ Московское войско подъ предводительствомъ царскаго брата, князя Ивана Шуйскаго, шелъ на Троицкій монастырь, и Царь Василій рѣшилъ выдержать въ Москвѣ осаду,—братья Ртищевы приняли участіе въ ней, вытерпѣли много страданій и въ мартѣ 1610 г. имѣли радость видѣть „Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ“ отходящими отъ Москвы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Осипъ Ртищевъ получилъ въ награду 120 четвертей изъ Лихвинскаго своего помѣстья въ вотчину, а по сверженіи Шуйскаго, 17-го іюля, принялъ участіе въ Земскомъ Ополченіи подъ начальствомъ боярина и воеводы князя Д. Т. Трубецкого. Въ войнѣ съ Поляками нашелъ старшій изъ братьевъ Ртищевыхъ и смерть свою, годовщину коей потомки его поминали 24-го іюля; погибъ онъ, надо думать, въ „Королевичевъ приходъ“ 1618 г., подъ Можайскомъ. Михаилу же Алексѣевичу Ртищеву выпалъ жребій попасть къ Полякамъ въ плѣнъ, не очень, впрочемъ, продолжительный, такъ какъ въ 1614 г. онъ уже былъ въ рядахъ войска, пытавшагося вернуть взятый Поляками за три года передъ тѣмъ Смоленскъ. Затѣмъ сражался онъ съ Литовцами подъ Орломъ, подъ предводительствомъ знаменитаго князя Пожарскаго, въ 1615 г., и подъ Ельцомъ и Калугою въ 1617 году. Награжденъ былъ онъ за все это пожалованіемъ ему, по грамотѣ Царя Михаила 1615 года, вотчины въ 70 четвертей изъ Лихвинскаго его помѣстья, а затѣмъ—званіемъ жильца. Въ 1622-мъ же году, по жалованной грамотѣ 31-го января, онъ получилъ въ томъ же уѣздѣ вышеупомянутую вотчину покойнаго своего брата. Послѣ заключеннаго въ декабрѣ 1618 г., на $14^1/_2$ лѣтъ, Деулинскаго перемирія съ Польшею и Литвою онъ получилъ возможность вернуться въ родной уѣздъ и заняться хозяйствомъ въ своихъ небольшихъ и лишь медленно приставшихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Мѣстомъ жительства служило ему село Покровское, находившееся въ пяти верстахъ отъ Покровскаго же Добраго монастыря, чрезвычайно пострадавшаго въ смутное время, какъ и весь окрестный край, выжженный и разграбленный Черкасами и шайками Лисовскаго. Заботы по возстановленію хозяйства дѣлила съ Михаиломъ Алексѣевичемъ ставшая около этого времени его женою Ульяна Потемкина. Родъ, изъ коего она происходила, отличался отъ большинства современныхъ ему русскихъ служилыхъ людей свою образованностью; очень выдѣлялся ею братъ Ульяны Семенъ (впослѣдствіи въ иночествѣ Спиридонъ) Потемкинъ, учености котораго, свойственной многимъ его однородцамъ, выдающееся благочестіе придало богословское направленіе. Набожность была также чертою, общею М. А. Ртищеву и его женѣ. Не удивительно поэтому, что въ описаніи ихъ сельской церкви, составленномъ въ 1625—1627 годахъ, читается: „а церковь и въ церкви образы, и свѣчи, и книги, и ризы, и сосуды, и колокола, и все церковное строеніе—помѣщиково“. Къ той же церкви были даны изъ помѣстной земли Ртищева лугъ по рѣчкѣ Сваботи, да 10 четвертей земли, на которыхъ жилъ полный причтъ.

Прослуживъ годы перемирія въ выборѣ

Лихвинскаго дворянства, Ртищевъ уже 27-го февраля 1632 г. показывалъ, бывъ вызванъ въ Москву и явившись въ Разрядный Приказъ, что помѣстья за нимъ въ Алексинскомъ уѣздѣ 130 четвертей, да въ Лихвинскомъ 160, кромѣ 178 четвертей вотчинъ; что дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ за нимъ 18, и что на государевой службѣ онъ будетъ на конѣ съ пищалью, да за нимъ будутъ одинъ человѣкъ на конѣ съ пищалью, а другой—въ обозѣ. Показаніе это потребовалось отъ него въ виду начинавшихся приготовленій къ походу противъ Польши; участвовать въ немъ Михаилъ Алексѣевичъ былъ призванъ въ должности головы. Пришлось ему выдержать несчастную осаду подъ Смоленскомъ, которая окончилась 19-го февраля 1634 года сдачею боярина Шеина и окольничаго Измайлова на милость Владислава. Съ разрѣшенія послѣдняго, потянулись жалкіе остатки Русскаго войска къ Москвѣ, гдѣ вышеназванныхъ вождей ожидала смерть, пощадившая ихъ въ бояхъ; послѣ казни ихъ,—по обвиненію въ измѣнѣ,—многіе другіе воеводы и второстепенные чины были сосланы,—но служба Ртищева не дала повода къ подозрѣніямъ и была достойно награждена прибавкою ему за рану и за ратные подвиги денежнаго и помѣстнаго оклада. Вслѣдъ за тѣмъ оцѣнка его заслугъ выразилась въ предоставленіи ему подходящаго назначенія. Потерпѣвъ неудачу на окраинѣ западной, правительство обратило вниманіе на восточную и южную и стало укрѣплять ихъ и увеличивать назначенныя для ихъ защиты силы, опасаясь попытокъ безпокойныхъ сосѣдей воспользоваться годиною слабости государства, только что потерявшаго десятки тысячъ ратныхъ людей. Осенью 1635 года были посланы многіе дворяне „разныхъ засѣкъ досматривать, и дѣлать имъ же“, а въ соотвѣтствующихъ городахъ были сосредоточены отряды воинскихъ людей. Между прочимъ, въ Темниковъ, значительный Мордовскій городъ, гдѣ, по счету Разряда, было Мордвы 1120 дворовъ, назначенъ былъ воеводою М. А. Ртищевъ, подъ начальствомъ коего здѣсь находились служилые мурзы и рядовые Татары, Черкасы и посадскіе люди. Изъ Москвы, черезъ посредство полковыхъ и городовыхъ воеводъ и засѣчныхъ головъ, зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ грозившихъ нападеніемъ инородцевъ—Крымскихъ Татаръ, Нагайцевъ, Калмыковъ—Приказъ Казанскаго Дворца, напряженная бдительность коего раскрывается, между прочимъ, въ трехъ любопытныхъ указахъ его М. А. Ртищеву, сохранившихся въ числѣ многихъ сотенъ бумагъ рода Ртищевыхъ въ семейномъ архивѣ ихъ потомковъ Кашкиныхъ.

Два года жизни Михаила Алексѣевича въ Темниковѣ были полны постоянныхъ заботъ, связанныхъ съ ожиданіемъ враговъ; по истеченіи же этого, обычно предѣльнаго срока воеводствъ онъ былъ отозванъ въ Москву, откуда лишь изрѣдка удавалось ему получить отпускъ въ Покровское, но гдѣ онъ не сразу выдѣлился изъ толпы жильцовъ и уѣздныхъ дворянъ: лишь въ 1641 году былъ онъ пожалованъ въ чинъ дворянина Московскаго, открывавшій ему возможность видныхъ назначеній по службѣ, а сыновьямъ его, уже подраставшимъ, дававшій право на начало службы прямо „по Московскому списку“.

Слѣдующіе четыре года Ртищевъ провелъ на Москвѣ, если не считать почти ежегодныхъ поѣздокъ его, по хозяйственнымъ надобностямъ, въ деревни и отпуска, взятаго имъ въ 1642 г., 6-го сентября, на Тулу, по дѣлу о розыскѣ по поводу убійства зятя Ртищева — Вельяминова — его крестьянами. Этотъ Вельяминовъ, Вонифатій Кузьмичъ, потомокъ знаменитыхъ тысящкихъ, въ 1629 году былъ взятъ къ себѣ Патріархомъ Филаретомъ въ стольники, а по смерти его былъ пожалованъ въ дворяне Московскіе; на дочери Ртищева Аннѣ Михайловнѣ онъ женился всего за годъ до своей насильственной смерти, послѣ коей она весь остатокъ жизни провела во вдовствѣ.

Около того же времени потерпѣлъ М. А. Ртищевъ еще болѣе тяжкую утрату въ лицѣ своей жены. О добродѣтеляхъ ея и о предсмертномъ наказѣ ея старшему ея сыну, Ѳедору Большому Михайловичу, сохранились извѣстія въ его знаменитомъ „Житіи“.

По вступленіи на престолъ, 13-го іюля 1645 года, Царя Алексѣя Михайловича, для новыхъ дѣлъ потребовались и новые исполнители, которыхъ молодой самодержецъ сумѣлъ найти и быстро, и, въ большинствѣ случаевъ, удачно. Въ числѣ лицъ, всего ранѣе приближенныхъ имъ къ себѣ, оказался и Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ. Онъ находился въ Тулѣ, въ полку столь-

ника и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасскаго, посланнаго туда еще при Царѣ Михаилѣ на случай нрихода Крымцевъ. При Ртищевѣ были и оба его сына, начинавшіе полковую службу. Въ іюлѣ пріѣзжавшимъ изъ Москвы княземъ А. Н. Трубецкимъ были они приведены ко кресту на вѣрную службу новому Царю, а 27-го августа князь Черкасскій съ товарищами получилъ грамату, повелѣвавшую „Михайла Ртищева съ дѣтьми отпустить съ государевы службы, съ Тулы, къ государю, къ Москвѣ", что и было исполнено въ тотъ же день. Прибывъ въ Москву, Михаилъ Алексѣевичъ 6-го сентября 1645 г. былъ пожалованъ стряпчимъ съ ключемъ и немедленно приведенъ, въ царской столовой, къ присягѣ на эту должность. Стряпчіе присягали, между прочимъ, „государю своему служити и прямити, и лиха никакого ему государю не мыслите, и въ платкѣ и въ полотенцѣ и во всякой стряпнѣ коренья лихова самому не положити и мимо себя никому положити не велѣти, и его государева здоровья во всемъ оберегати". Предмѣстникъ Ртищева—И. М. Аничковъ былъ въ тотъ же день повышенъ въ постельничіе, и обрядъ объявленія ему этого пожалованія исполнялъ Михаилъ Алексѣевичъ, начавшій, такимъ образомъ, уже на склонѣ лѣтъ новую для него службу—придворную. Какъ случился этотъ переворотъ въ его судьбѣ, сохранившіеся источники не объясняютъ; былъ ли онъ почему-либо лично извѣстенъ новому Царю, или кѣмъ-либо указанъ послѣднему,—не извѣстно; изъ родни же его находился въ то время при дворѣ одинъ лишь упомянутый выше племянникъ его Б. М Хитрово, служившій тутъ уже двѣнадцать лѣтъ, все въ той же невысокой должности стряпчаго у крюка въ комнатѣ. Смѣненъ онъ былъ въ ней двоюроднымъ братомъ своимъ Ѳедоромъ Большимъ Михайловичемъ Ртищевымъ одновременно съ назначеніемъ отца послѣдняго въ непосредственные ему начальники—стряпчіе съ ключемъ.

Обязанности отца и сына Ртищевыхъ сводились къ заботѣ о царскомъ платьѣ, о постельныхъ принадлежностяхъ и о прочихъ предметахъ комнатнаго, спальнаго и дорожнаго царскаго обихода, къ наблюденію за изготовленіемъ этихъ предметовъ въ Государевой Мастерской Палатѣ и т. п., при чемъ всѣ стряпчіе были подчинены постельничему. Сколь ни ничтожны были эти должности по существу, онѣ представлялись, тѣмъ не менѣе, весьма завидными вслѣдствіе постоянной близости лицъ, занимавшихъ ихъ, къ особѣ Царя. При немъ ежедневно находились постельничій и означенные придворные стряпчіе,—будь то будничный день или день какого-либо торжества; такъ, напримѣръ, 28-го сентября 1645 г., при вѣнчаніи Алексѣя Михайловича на царство, М. А. Ртищевъ держалъ мису съ золотыми, которыми осыпалъ Царя бояринъ Н. И. Романовъ. При царѣ находились они во время всѣхъ походовъ—какъ ратныхъ, такъ и на богомолье или на охоту. Съ Царемъ дѣлили они его развлеченія, дѣлили иногда и заботы. Ставъ, благодаря этому, коротко знакомъ Царю, Михаилъ Алексѣевичъ былъ высоко оцѣненъ имъ и принятъ въ немногочисленный кружокъ ближайшихъ къ нему людей. Видно это, между прочимъ, изъ извѣстнаго шуточнаго прошенія Царя Алексѣя, въ которомъ онъ бьетъ челомъ нѣсколькимъ „бояромъ нашимъ, и окольничимъ, и кравчему съ путемъ, и стряпчему съ ключемъ", т.-е., Ртищеву, приглашая ихъ въ подмосковное дворцовое село Озерецкое на медвѣжью охоту, и, напоминая разныя ихъ просьбы и свои милости каждому порознь, просить и ихъ не отказать ему. Кромѣ подаренной Ртищеву лошади, упомянутой въ этомъ „прошеніи", царское благоволеніе къ нему выражалось въ то время и иными пожалованіями. Конечно, цѣнилъ въ немъ Царь Алексѣй не способность только вѣдать „государеву стряпню": иначе онъ, напримѣръ, не послалъ бы его, въ январѣ 1646 года, во Мценскъ къ стоявшему тутъ во главѣ предназначеннаго противъ Крымцевъ войска князю А. Н. Трубецкому съ порученіемъ—о здоровьѣ спросить (что было Ртищеву выгодно, ибо пожалованные царскимъ спросомъ о здоровьѣ всегда, по обычаю, одаривали привозившаго имъ эту государеву милость) и съ повелѣніемъ остаться при князѣ Трубецкомъ „во дворянехъ": ясно, что Царь Алексѣй разсчитывалъ при этомъ на пользу отъ боевой опытности Ртищева. Но на этотъ разъ быть въ сраженіяхъ ему не пришлось, ибо Татары, не дойдя до Мценска, были разбиты воеводами князьями Ѳ. А. Хилковымъ и С. Р. Пожарскимъ и другими и поспѣшили вернуться во свояси, а Трубец-

кому съ товарищами въ томъ же январѣ было указано возвратиться на Москву.

Въ теченіе перваго года придворной службы Ртищева положеніе его окрѣпло вполнѣ, и уже въ 1646 г., „сентября въ 8 день, на Рожество Пречистые Богородицы, пожаловалъ государь въ постельничіе стряпчаго съ ключемъ Михаила Алексѣевича Ртищева". По новой должности на него ложилось не мало разныхъ мелкихъ хлопотъ, но ихъ значеніе прекрасно выясняется текстомъ присяги, которую онъ долженъ былъ принесть. Въ „приписи постельничему" выдвинуты на первое мѣсто двѣ обязанности: обереганіе царскаго здоровья и сохраненіе въ тайнѣ, впредь до указа, „государскихъ думъ", которыя, предполагалось, могли—такъ сказать неизбѣжно — быть извѣстными постельничему, по особой его близости къ царю. Требуетъ отъ него эта „припись", главнымъ образомъ, личной преданности государю, котораго онъ долженъ старательно охранять; о хозяйственныхъ же обязанностяхъ его по отношенію къ „государевой казнѣ", т.-е., ко всѣмъ предметамъ домашней царской обстановки, упоминается на послѣднемъ мѣстѣ, при чемъ требуется лишь сохраненіе „казны", т.-е., честность, а о разнообразныхъ заботахъ, связанныхъ хотя бы только съ управленіемъ Государевой Мастерской Палатой, даже вовсе не говорится. Заботы эти едва-ли и тяготили Ртищева, ибо ихъ дѣлили съ нимъ занявшій мѣсто стряпчаго съ ключемъ сынъ его Ѳедоръ Большой и цѣлый штатъ подчиненныхъ,—напримѣръ, особый подъячій, впослѣдствіи пожалованный дьякомъ, который, съ чрезвычайной тщательностью, велъ книги царскому платью. Лично на Михаила Алексѣевича постоянно возлагались особыя, самыя разнообразныя порученія. Черезъ него производились иногда пожалованія въ чины; ему же обычно поручался разборъ ссоръ, безпрестанно происходившихъ на „постельномъ крыльцѣ" между проводившими тамъ ежедневно долгіе часы стольниками, стряпчими и иными чинами. Изъ Сибирскаго Приказа взносилась „въ верхъ", въ Государеву Мастерскую Палату, по именному царскому приказу, „казна соболиная", которою Царь жаловалъ своихъ приближенныхъ; принималъ соболей Ртищевъ или его дьякъ. Жалуя другихъ при посредствѣ Ртищева, Алексѣй Михайловичъ не забывалъ и его самого: такъ, 11-го февраля 1647 года сдѣланы были въ подарокъ дочери Ртищева нарядные лѣтникъ, шубка и каптуръ; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, на праздникъ Благовѣщенія, Михаилу Алексѣевичу была оказана новая милость пожалованіемъ его сына Ѳедора Меньшого изъ простыхъ стряпчихъ въ стольники.

Конецъ этого года ознаменовался встрѣчею Царя Алексѣя у своихъ сестеръ съ красавицею Марьею Ильинишною Милославской, вскорѣ избранной въ царскія невѣсты. Въ этомъ званіи она, по обычаю, жила уже „въ верху"—во дворцѣ. Въ это время всевозможныя заботы объ ея обиходѣ, какъ-то покупка мыла индѣйскаго и грецкаго, тафты червчатой и т. п., лежали на Ртищевѣ. Наканунѣ свадьбы, 15-го января 1648 г., пожалованы были ему и сыну его Ѳедору Большому, безденежно, два сорока соболей по сорокъ рублей, да два сорока соболей по тридцать рублей, чтобы они имѣли возможность тѣми соболями ударить челомъ Царю и новой Царицѣ „на ихъ государской радости". Пожалованы были для того же десять сороковъ соболей сестрамъ государевымъ, Царевнамъ Иринѣ, Аннѣ и Татьянѣ, которымъ передавалъ соболей М. А. Ртищевъ. 16-го января, въ торжественномъ обрядѣ царской свадьбы, онъ находился „у мыльни", сынъ его Ѳедоръ Большой былъ „у государева платья", а Ѳедоръ Меньшой Михайловичъ былъ вторымъ изъ четырехъ стольниковъ, которые „путь государю и государынѣ стлали отъ церкви къ мѣсту и отъ мѣста къ сѣннику". Были на свадьбѣ, въ числѣ дворянъ „сверстныхъ", и Соковнины: Прокофій Ѳедоровичъ значится въ свадебномъ разрядѣ въ концѣ списка дворянъ, шедшихъ за государственными „санми" передъ И. А. Милославскимъ, а сынъ его Ѳедоръ Прокофьевичъ Соковнинъ записанъ послѣ Милославскихъ въ числѣ стольниковъ-поѣзжанъ. Мѣста, занятыя ими при этомъ, являются несомнѣннымъ подтвержденіемъ догадокъ И. Е. Забѣлина и нѣкоторыхъ другихъ историковъ, указывающихъ на родство Соковнинныхъ съ Царицею Маріею Ильинишною, хотя родословами родство это доселѣ не разъяснено. Михаилу же Алексѣевичу Ртищеву Прокофій Ѳедоровичъ Соковнинъ приходился, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ, частью обнародованныхъ, частью еще не изданныхъ документовъ, двоюрод-

нымъ братомъ (повидимому, матерью Соковнина была сестра Алексѣя Давыдовича Ртищева, носившая, кажется, имя Анны). Рождается вопросъ: не участвовалъ-ли М. А. Ртищевъ въ доставленіи Марьѣ Милославской доступа къ Царевнамъ, у которыхъ впервые увидалъ ее Царь Алексѣй? Обращеніе его вниманія на дочерей И. Д. Милославскаго приписывается Коллинсомъ боярину Борису Ивановичу Морозову, впослѣдствіи женившемуся (26-го января 1646 г.) на Аннѣ Ильинишнѣ Милославской; но слѣдуетъ вспомнить, какъ близокъ былъ къ Морозову племянникъ М. А. Ртищева и, слѣдовательно, двоюродный племянникъ П. Ѳ. Соковнина—Богданъ Хитрово. Есть, впрочемъ, и разнорѣчіе: Котошихинъ разсказываетъ, что Алексѣй Михайловичъ впервые увидалъ свою будущую жену въ Успенскомъ соборѣ и послѣ того самъ велѣлъ представить ее своимъ сестрамъ, но случайна ли была эта встрѣча въ соборѣ? Какъ-бы то ни было, въ ряду назначеній на многочисленныя должности двора молодой Царицы виднѣйшія мѣста были отданы П. Ѳ. Соковнину и дочери Ртищева—А. М. Вельяминовой. 28-го января Соковнинъ (кстати сказать, и землякъ Ртищева по Лихвинскому уѣзду, и товарищъ его по осадному сидѣнію при Шуйскомъ, а въ концѣ царствованія перваго Романова — по службѣ на Москвѣ) былъ пожалованъ въ царицыны дворецкіе, т.-е., въ управляющіе ея дворомъ: въ дѣловыхъ сношеніяхъ его именовали потомъ даже „царицынымъ окольничимъ“, то-есть, чиномъ не существовавшимъ; но въ окольничіе обыкновенные онъ дѣйствительно пожалованъ былъ — 17-го марта 1650 г., чему могъ способствовать происшедшій въ 1649 году бракъ его дочери Ѳедосьи съ бояриномъ Глѣбомъ Ивановичемъ Морозовымъ, братомъ знаменитаго, а тогда уже павшаго Бориса. Дочь М. А. Ртищева — Анна Вельяминова получила немедленно послѣ царской свадьбы высокую должность царицыной кравчей, а уже 30-го марта того же 1648 г. заняла мѣсто второй царицыной боярини „верховой“ или „дворовой“ и вскорѣ стала однимъ изъ вліятельнѣйшихъ при дворѣ лицъ; младшій же братъ ея, Ѳедоръ Меньшой, младшій сынъ Прокофья Соковнина Алексѣй и нѣсколько позже семилѣтній сынъ Вельяминовой Борисъ были назначены стольниками къ Царицѣ.

Въ октябрѣ 1648 г. Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ былъ посланъ въ Бѣлгородъ къ воеводамъ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и князьямъ Д. и С. Львовымъ и въ Карпово-Сторожевье къ воеводамъ В. П. Шереметеву да А. Плещееву — о здоровьѣ ихъ, отъ имени Царя, спросить и объявить имъ и всѣмъ подчиненнымъ имъ служилымъ людямъ похвальное слово за устройство вала отъ Бѣлгорода къ Карпову. Нѣтъ сомнѣнія, что за исполненіе этого порученія Ртищевъ былъ, по обычаю, одаренъ воеводами [1]). Въ виду изложеннаго, вполнѣ понятно, что положеніе М. А. Ртищева послѣ свадьбы Царя стало еще прочнѣе. Усиленіе его сказалось, между прочимъ, въ небываломъ значеніи, приданномъ подвѣдомой ему Мастерской Палатѣ: она обратилась, съ 1649 года, въ особый Приказъ для исполненія такихъ порученій молодого Царя, дѣятельнаго и настойчиваго, которыя онъ желалъ выдѣлить изъ обычнаго теченія приказныхъ дѣлъ, желалъ видѣть выполненными въ особомъ порядкѣ. Говоря словами проф. И. Я. Гурлянда, „нужны ли были Царю деньги на расходы, а какіе — про то Царь вѣдаетъ; желалъ ли Царь послать на тюремные дворы милостыню колодникамъ, назначалъ ли онъ раздачу бѣднымъ всякимъ людямъ, зимняго ради времени, на шубы — обо всемъ этомъ Царь приказывалъ Мастерской Палатѣ, а та уже отъ себя посылала памяти въ разные Приказы, требуя присылки денегъ „въ верхъ“. На подъячихъ Палаты возлагались самыя разнообразныя порученія—напримѣръ, „вывѣдывать прохладныя цѣны мимо Большого Приходу“ и т. п. Палата помѣщалась въ самомъ дворцѣ, а въ походы сопровождала Алексѣя Михайловича въ видѣ „Мастерского шатра“. Невозможность брать съ собою хотя бы лишь „шатры“ или отдѣленія рѣшительно всѣхъ Приказовъ усугубляла потребность создать для личныхъ, особыхъ порученій Царя по всѣмъ вѣдомствамъ отдѣльный штатъ состоявшихъ въ его непосредственнымъ распоряженіи подъячихъ, изъ котораго постепенно и выработался самостоятельный и знаменитый „Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ“.

Безцѣльно перечислять особыя поруче-

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., столпецъ Бѣлгородскаго стола Разряднаго Приказа 230, лл. 67—77.

нія, возлагавшіяся на главу Мастерской Палаты; ихъ было тѣмъ больше, что онъ пользовался славой добраго человѣка, привлекавшей къ нему обездоленныхъ людей. Въ архивѣ его потомковъ сохранились акты вродѣ отписи отъ 30-го августа 1647 года, сообщающей, что къ Ртищеву „била челомъ во дворъ“ бѣглая отъ мужа жена сына боярскаго и т. п. Все существо его было проникнуто глубокою вѣрою, — настолько живою, что даже въ лѣтописи Троице-Сергіевой Лавры записано о чудѣ исцѣленія отъ жестокой, мучившей его два года болѣзни „чрева“, совершившемся надъ Ртищевымъ, когда онъ сопровождалъ Царя, съ 22-го мая 1650 года, въ походъ, чрезъ Троицу, въ Угличъ,—черезъ помазаніе водою, захваченной съ собою въ Угличъ изъ незадолго предъ тѣмъ открытаго въ Лаврѣ чудодѣйственнаго источника; воды было взято съ собой мало, Михаилъ Алексѣевичъ посылалъ за новымъ запасомъ ея; помазавшись ею, онъ выздоровѣлъ вполнѣ, но сперва опасался возврата болѣзни, а убѣдившись въ окончательномъ исцѣленіи, поспѣшилъ къ Троицѣ молить у преподобнаго Сергія прощенія въ невѣріи! Такая набожность сближала его съ людьми церкви; коротокъ былъ онъ въ описываемые годы даже съ человѣкомъ узкимъ и жаднымъ, хотя нелишеннымъ и достоинствъ,— съ Патріархомъ Іосифомъ, отъ котораго, между прочимъ, присланный однажды къ нему отъ Царя спросить о здоровьѣ, получилъ онъ въ подарокъ художественный серебряный кубокъ и другіе предметы.

Уже 6-го августа 1650 г. удостоился Ртищевъ новаго пожалованія — прямо въ чинъ окольничаго, что, по „неродословности“ его, являлось отличіемъ выдающимся. Объ ней пришлось Михаилу Алексѣевичу вспомнить въ самый день своего пожалованія: обрядъ объявленія ему „чести окольничества“ долженъ былъ совершить думный разрядный дьякъ С. И. Заборовскій, потомокъ древняго польскаго рода, служившаго на Руси съ княженія Василія Іоанновича, бывшій до дьячества даже воеводою въ Суздалѣ; „и Семенъ Заборовскій билъ челомъ государю въ отечествѣ на Михаила Ртищева“, но потерпѣлъ полную неудачу: по указу Царя Алексѣя, явно преуменьшившаго въ пользу своего приближеннаго тѣ данныя, которыя имѣлъ Семенъ Ивановичъ на это мѣстничество, ему было объявлено, что „мочно ему, Семену, быть съ Михайловымъ внукомъ, не токмо съ Михайломъ“, и за безчестье послѣдняго онъ былъ отведенъ въ тюрьму. Послѣ этого болѣе никто съ Ртищевымъ не мѣстничалъ.

Въ должности постельничаго Михаилъ Алексѣевичъ былъ смѣненъ 11-го августа старшимъ сыномъ своимъ (замѣщеннымъ 15-го августа въ должности стряпчаго съ ключемъ двоюроднымъ дядей своимъ Григоріемъ Ивановичемъ Ртищевымъ) и освободился отъ хлопотливой придворной службы, менѣе соотвѣтствовавшей его годамъ и опытности, нежели новая его служба— думная. Но, кромѣ обязанности участвованія въ Думѣ боярской, на него вскорѣ была возложена еще одна, при томъ самостоятельная — управленіе Новою Четью. Такъ назывался Приказъ, вѣдавшій казенную продажу питей въ кружечныхъ дворахъ и дѣла о корчемникахъ,—очень важный по крупному доходу, который онъ собиралъ. Памятникомъ Ртищевскаго управленія имъ остался появившійся 15-го февраля 1652 г. весьма необходимый царскій указъ, опредѣлившій всѣ стороны дѣла казенной продажи питей. Полезенъ былъ Ртищевъ въ этомъ вѣдомствѣ, гдѣ постоянно царили злоупотребленія, и по своей честности, доказываемой тѣмъ, что при высокихъ своихъ окладѣ и положеніи онъ, какъ видно изъ многихъ документовъ, остался человѣкомъ средняго достатка и при томъ постоянно нуждался въ деньгахъ.

При дворѣ онъ въ это время появлялся изрѣдка, по приглашеніямъ на царскіе обѣды; еще рѣже сопровождалъ онъ Царя на богомолья (такъ, уѣхавъ въ объѣздъ 15-го сентября 1650 г., Алексѣй Михайловичъ поручилъ Москву двумъ боярамъ и окольничему Ртищеву),—но случайно ли, нѣтъ ли, онъ переставалъ показываться на придворныхъ пиршествахъ и торжествахъ послѣ кончины (15-го апрѣля 1652 г.) Патріарха Іосифа, глубоко его поразившей. Царь Алексѣй, описывая Никону погребеніе Іосифа, разсказывалъ, что и самъ „надсѣлся, плачучи“, и ближніе его „перервались, плачучи“,—въ томъ числѣ Ртищевъ, который затѣмъ изъ казны покойнаго получилъ, по государеву распоряженію, тысячу рублей для раздачи бѣднымъ и на выкупъ несостоятельныхъ должниковъ, вы-

ставленныхъ „на правежъ“. Можно думать, что тогда и созрѣла въ немъ окончательно мысль уйти „отъ здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго свѣта“, какъ выразился въ означенномъ письмѣ Царь Алексѣй. Еще одно, послѣднее порученіе его исполнилъ Ртищевъ, — съѣздилъ въ знакомый ему издавна Темниковъ по какому-то тайному дѣлу, — „для сыскныхъ дѣлъ“, въ сопровожденіи племянника своего Петра Сомова, лѣтомъ 1652 года. Позже мы видимъ во главѣ Новой Чети Богдана Хитрово, а Ртищева—живущимъ „по обѣщанію“ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. Проводя въ его „священномъ уединеніи остатокъ жизни своей“, онъ, по свидѣтельству одного посѣтившаго тогда Москву поляка, бывалъ все-таки „иногда приглашаемъ для тайнаго совѣщанія съ царемъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ“, — преимущественно, надо думать, по дѣламъ благочестія и благотворительности, которымъ въ кругѣ вѣдѣнія Приказа Тайныхъ Дѣлъ принадлежало столь видное мѣсто. Большого пострига Ртищевъ, несомнѣнно, не принялъ, такъ какъ до конца жизни именовался, даже въ спискахъ монастырской братіи, окольничимъ, но былъ, можетъ быть, въ тайномъ рясофорѣ. На это намекаетъ, между прочимъ, „похвальная“ грамата съ „милостивымъ словомъ и поздравленіемъ“ и съ росписью завоеванныхъ городовъ, присланная ему государемъ съ похода противъ Польши отъ 14-го ноября 1655 года: обращена эта грамата къ „окольничему нашему *или рабу Христову* Михаилу Алексѣевичю Ртищеву“. Слишкомъ двадцать лѣтъ, проведенныхъ имъ въ монастырѣ, были полны то предстательствомъ за лицъ, прибѣгавшихъ къ его содѣйствію, то исполненіемъ предсмертныхъ порученій знакомцевъ, избиравшихъ его, за честность и благочестіе, въ душеприказчики (какъ дворянинъ Московскій Григорій Ивановичъ Горихвостовъ и окольничій Жданъ-Тимоѳей Васильевичъ Кондыревъ), то строеніемъ храмовъ. Мирное, несмотря на заботы эти, теченіе жизни Ртищева было, однако, нарушено въ 1662 году появленіемъ въ Новоспасскомъ монастырѣ новаго келаря—Іоакима Савелова.

Объ отношеніяхъ къ нему Ртищева сохранились повѣствованія двухъ современныхъ писателей самыхъ противоположныхъ направленій. Именно поэтому надлежитъ признать достовѣрнымъ вполнѣ совпадающій разсказъ ихъ о покровительствѣ, оказанномъ Савелову какъ Ѳедоромъ Большимъ Ртищевымъ, такъ и его отцомъ. Знаменитый раскольникъ Ѳедоръ дьяконъ (Московскаго Благовѣщенскаго собора), бывъ сосланъ въ Пустозерскъ, въ посланіи оттуда къ сыну своему Максиму обрисовалъ жизнь и личность Іоакима красками самыми мрачными, тогда какъ Новоспасскій инокъ Игнатій Римскій-Корсаковъ, составившій житіе Патріарха Іоакима, приравниваетъ этого гонителя „древляго благочестія“ къ святымъ; но и у послѣдняго находится разсказъ о томъ, какъ однажды, во время всенощной, недовольные келаремъ Іоакимомъ клирики отказались идти пѣть на клиросъ и грозили покинуть монастырь; какъ архимандритъ не принялъ Іоакима подъ защиту и дѣло могло плохо кончиться для послѣдняго, если бы не выступилъ Ртищевъ и увѣщаніемъ и угрозами не побудилъ клириковъ пойти пѣть, а затѣмъ и примириться съ Іоакимомъ. Конечно, авторъ панегирическаго „Житія“ изображаетъ Ртищевыхъ плѣненными высокими духовными качествами Савелова, тогда какъ лишенный языка Пустозерскій узникъ выставляетъ Іоакима человѣкомъ безъ всякихъ искреннихъ убѣжденій, да и твердыхъ нравственныхъ началъ; но изъ сопоставленія повѣствованій обоихъ писателей нельзя не заключить, что безъ покровительства и своевременной защиты Ртищевыхъ безвѣстному до монашества Савелову врядъ ли удалось бы занять первенствующее положеніе въ Русской церкви. Когда онъ достигъ его, одинъ изъ Ртищевыхъ уже окончилъ жизнь, другой былъ близокъ къ ея концу, но свѣтлыя стороны шестнадцатилѣтняго патріаршества Іоакима продолжали выдавать нѣкоторыя свойства и взгляды его, напоминавшія о бывшихъ его покровителяхъ. Такое отношеніе къ Савелову отчасти объясняется положеніемъ, занятымъ имъ въ дѣлѣ церковныхъ нововведеній и борьбы Никона съ приверженцами старины. Въ житіи знаменитой боярыни Морозовой (дочери Прокофія Соковнина) приведены бесѣды съ нею дяди ея М. А. Ртищева, тщетно пытавшагося убѣдить Ѳедосью Прокофьевну въ разумности Никоновскихъ новшествъ. Кстати сказать, что при дворѣ не было у Никона болѣе страстной защитницы, чѣмъ Анна

Михайловна Вельяминова; отецъ же ея отъ дѣятельнаго участія въ судьбѣ Никона былъ удержанъ своимъ иноческимъ житіемъ, но лично былъ настолько друженъ съ нимъ, что изъ стана старообрядцевъ получилъ именованіе „любимый сосудъ Никоновъ“, хотя между приверженцами старины имѣлъ людей столь близкихъ, какъ шуринъ его Спиридонъ Потемкинъ, какъ Соковнины и многіе другіе.

Неизвѣстно, когда именно, но только послѣ 1663 года Р. въ своей выслуженной и, очевидно, любимой вотчинѣ — селѣ Покровскомъ—выстроилъ, взамѣнъ прежней деревянной, новую каменную церковь; ближайшему же къ селу Покровскому монастырю,— Доброму Покровскому, — онъ благодѣтельствовалъ издавна. Еще 2-го февраля 1653 г. онъ упросилъ Царя Алексѣя пожаловать этой обители рыбныя ловли по частямъ рѣкъ Оки и Упы съ притоками и озерами, а въ 1667 году въ этомъ монастырѣ была выстроена соборная каменная церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, съ теплою трапезою, „промысломъ и радѣніемъ окольничева Михаила Алексѣевича Ртищева со вкладчики“. По его ходатайству, на постройку эту Царь Алексѣй „пожаловалъ связнаго желѣза четыреста пудъ съ Тульскихъ заводовъ“,—какъ сообщаетъ вкладная книга Добраго монастыря, — а самъ Ртищевъ пожертвовалъ 400 рублей. Очень вѣроятно, что его же просьбамъ былъ обязанъ этотъ монастырь множествомъ вкладовъ, вслѣдъ затѣмъ внесенныхъ туда близкими Михаилу Алексѣевичу лицами — Соковниными, Милославскими, Хитрово, Ртищевыми и другими. Съ его легкой руки Добрый монастырь процвѣлъ, какъ никогда,—особенно послѣ того, какъ здѣсь, по его челобитью, учреждена архимандрія, а въ 1672 году архимандритамъ дозволено совершать священнослуженіе въ епископской шапкѣ и на ковръ. Такимъ образомъ соорудилъ себѣ М. А. Ртищевъ въ Добромъ монастырѣ прекрасный памятникъ, благополучно существующій и по настоящее время; но благотворилъ онъ и другимъ обителямъ,— напримѣръ Перемышльскому Успенскому Шаровкину монастырю и инымъ.

Старость Ртищева была омрачена рядомъ тяжелыхъ семейныхъ утратъ: сперва— меньшого его сына, затѣмъ старшаго, знаменитаго „милостиваго мужа“, а наконецъ и дочери. Еще до кончины ея, а именно въ мартѣ 1675 г. составилъ онъ, повидимому, послѣднее завѣщаніе, назначивъ душеприказчиками боярина и оружейничаго Б. М. Хитрово, да „зятьевъ“ своихъ (т.-е., мужей внучекъ) князей Василія Ѳедоровича Одоевскаго и Ѳедора Ѳедоровича Хилкова и духовника своего, священника Никифора, „что книгъ печатныхъ справщикъ“. Распредѣливъ между наслѣдниками образа, два Московскихъ двора и вотчины, купленныя и вымѣненныя въ разныхъ уѣздахъ, и оставивъ единственному внуку своему Ртищеву, сыну Ѳедора Меньшого,—Михаилу, всѣ свои книги, онъ завѣщалъ на отпѣваніе свое пригласить Патріарха Іоакима да митрополита Павла, а похоронить себя въ Добромъ монастырѣ. 10-го апрѣля 1677 года Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ слушалъ челобитную „холопа своего стараго и увѣчнаго“ Михаила Алексѣевича Ртищева,—послѣднюю на его вѣку,—о томъ, что „заскорбѣлъ онъ великою тяжкою болѣзнію“, и быть при немъ некому (кромѣ, разумѣется, женщинъ-родственницъ), а потому просилъ не посылать на службу племянника его (двоюроднаго) Максима Григорьевича Ртищева, назначеннаго въ полкъ боярина и воеводы князя В. В. Голицына. Молодой царь удовлетворилъ прошеніе заслуженнаго старца вполнѣ: „для его болѣзни и старости велѣлъ племянника его написать въ свой, государевъ, полкъ“.

Михаилъ Алексѣевичъ скончался, достигши глубокой старости, и былъ отпѣтъ патріархомъ 3-го декабря 1677 г. въ ближайшей къ дому, гдѣ жила (въ пятомъ переулкѣ Знаменки) семья Ртищевыхъ, церкви Николая Чудотворца за Боровицкимъ мостомъ, у богадѣльни. Погребенъ ли онъ, согласно завѣщанію, въ Добромъ монастырѣ, —не извѣстно, и преданія о погребеніи его здѣсь въ обители этой не сохранилось...

* Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, боярскія книги, боярскіе списки, столпцы Московскаго стола, дѣла старыхъ лѣтъ по Лихвину и Алексину, писцовыя книги и мн. др.; Моск. Арх. Мин. Юст., столпецъ Московскаго стола Разряднаго Приказа 526, № 30; Архивъ Департамента Герольдіи, дѣла о дворянствѣ Ртищевыхъ по Калужской, Курской и др. губерніямъ; Московское Отдѣленіе Общаго Архива Министерства Имп. Двора, книга № 947; Архивъ Кашкиныхъ въ с. Нижнихъ-Прыскахъ (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ): грамоты жалованныя, похвальныя, указы изъ Приказа Казанскаго Дворца, два списка завѣщанія М. А. Ртищева, „Житіе милостиваго мужа Ѳеодора званіемъ Ртищева“ и мн. др. документы; „Акты

Московскаго Государства", т. I, стр. 81, томъ II, стр. 164 и др.; „Русская Историческая Библіотека", т. XV, стр. 87, X, с. 316 и др.; „Дворцовые Разряды", т. II, ст. 486, 655, 752, 836, 959, 967 и др: III, ст. 13, 22—26, 47—80, 82, 83, 84, 151, 181—183, 187, 198, 220, 290, 302 и мн. др.; „Книги Разрядныя", т. II, ст. 931; „Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества", т. II, стр. 711; А. Е. Викторовъ, „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ Московскихъ Приказовъ", вып. I, стр. 201; И. Е. Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ царей", т. I, стр. 270—273 и 283—285 и др.; онъ же, „Домашній бытъ русскихъ царицъ", стр. 496 — 7 и др.; приложенія стр. 83, 95 и др.; А. Зерцаловъ, „О мятежахъ въ г. Москвѣ и селѣ Коломенскомъ", стр. 4—6 и мн. др.; „Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи" 1897 г., № 5, стр. 75; И. Я. Гурляндъ, „Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ", стр. 66—68, 69—70; „Церковно-Историческій Мѣсяцесловъ Троице-Сергіевой Лавры", стр. 55; „Древняя Россійская Вивліоѳика", изд. 2, т. XX, стр. 343; „Полное Собраніе Законовъ", т. I, стр. 262, № 72; „Акты, собр. Археографической Экспедиціей", т. IV, № 57, стр. 83—84; „Сѣверный Архивъ" 1825 г., ч. 19; Н. Субботинъ, „Матеріалы для исторіи раскола", т. V—житіе Аввакума; т. VI, стр. 228, 229; т. VIII, стр. 149 и сл.; „Житіе св. патріарха Московскаго Іоакима", по изданію Л. М. Савелова, стр. 8 и 10; Арх. Леонидъ, „Описаніе упраздненныхъ монастырей въ предѣлахъ Калужской епархіи", стр. 68; его же, „Описаніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря", стр. 511, 516, 562; его же, „Описаніе Покровскаго Лихвинскаго Добраго монастыря", стр. 12—14, 30, 37, 52 и др.; Н. Н. Кашкинъ. Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 365 — 381.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, комнатный стольникъ всѣхъ сыновей Царя Алексѣя Михайловича, воевода, комендантъ и, наконецъ, судья Расправной Палаты при Сенатѣ; родился во второй половинѣ 1662 года, скончался въ 1720-хъ годахъ. По смерти отца своего, комнатнаго стольника и „ближняго человѣка" Царя Алексѣя—Ѳедора Меньшого Михайловича Ртищева, послѣдовавшей 28-го января 1663 года, онъ остался моложе полугода. На рукахъ матери его, Ульяны Степановны, происходившей изъ довольно богатаго Владимірскаго служилаго рода Навалкиныхъ, остались, кромѣ него, двѣ дочери: Евдокія и Марья. Ульяна Степановна, повидимому, скончалась вскорѣ послѣ мужа, а потому естественно, что въ воспитаніи сироты Михаила родственники его со стороны отца приняли участіе очень дѣятельное. Родственники эти были (не упоминая про отдаленныхъ): дѣдъ его, окольничій Михаилъ Алексѣевичъ, въ то время уже маститый старецъ, жившій въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, иногда вызываемый оттуда высоко цѣнившимъ его Царемъ для тайныхъ совѣщаній; единственный родной дядя Михаила Ѳедоровича—окольничій и дворецкій, знаменитый „милостивый мужъ" Ѳедоръ Большой Михайловичъ Ртищевъ, и единственная родная тетка — вдова Анна Михайловна Вельяминова, рожденная Ртищева, кравчая и верховая боярыня Царицы Марьи Ильинишны, съ которою Ртищевы были, повидимому, связаны, черезъ родственниковъ своихъ Соковниныхъ, узами дальняго свойства. Ѳедоръ Большой Ртищевъ и жена его Ксенія Матвѣевна (рожденная Зубова),—родители двухъ дочерей: Акулины и Анны,—не имѣли утѣшенія вырастить сына, а потому Михаимъ Ѳедоровичъ и оказался единственнымъ внукомъ и продолжателемъ рода Михаила Алексѣевича Ртищева въ мужскомъ поколѣніи. Едва ли онъ и не жилъ у дядя Ѳедора Большого Михайловича: по крайней мѣрѣ, положительно извѣстно, что по смерти его онъ жилъ у его вдовы въ домѣ ихъ на Знаменкѣ. Давно потерявъ этого дядю (ум. 21-го іюня 1673), тетку Анну Михайловну (ум. въ ноябрѣ 1675 г.) и дѣда (ум. около 1-го декрбря 1677 г.), юный Ртищевъ, продолжая, вѣроятно, жить у тетки Ксеніи Матвѣевны (скончавшейся въ октябрѣ 1681 г.), сохранилъ еще покровительство крестнаго отца и двоюроднаго дяди своего, боярина и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, бывшаго послѣ Ѳедора Большого Михайловича дворецкимъ и имѣвшаго, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, огромное вліяніе; а послѣ его кончины (27-го марта 1680 г.) сталъ дворецкимъ бывшій кравчій съ путемъ, теперь бояринъ князь Василій Ѳедоровичъ Одоевскій, мужъ Акулины Ѳедоровны Ртищевой, которому, наравнѣ съ Хитрово и съ мужемъ старшей изъ родныхъ сестеръ Михаила Ѳедоровича, — стольникомъ княземъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Хилковымъ, поручилъ его въ своемъ завѣщаніи дѣдъ. Но Хилковъ умеръ въ 1681 г., а второй мужъ (съ 1-го февраля 1689 г.) его вдовы—бояринъ князь Андрей Григорьевичъ Ромодановскій, выходецъ изъ Крымскаго плѣна и сынъ извѣстнаго полководца, умеръ въ маѣ 1686 года; въ томъ же же году, 20-го декабря, скончался и Одоевскій; но въ жи-

выхъ оставался еще мужъ (съ декабря 1680 г.) меньшой изъ двоюродныхъ сестеръ Ртищева, Анны Ѳедоровны, занявшій вскорѣ очень видное положеніе, — бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, воспитатель Царя Іоанна Алексѣевича. Такимъ образомъ, до полной возмужалости своей Михаилъ Ѳедоровичъ имѣлъ покровителей въ лицѣ самыхъ вліятельныхъ при дворѣ, да и въ Приказахъ лицъ, и выросталъ въ обстановкѣ, рѣдко кому выпадавшей въ удѣлъ. Подробностей объ ученіи его не сохранилось, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что просвѣщеннѣйшій Ѳедоръ Большой Михайловичъ Ртищевъ, блестяще образовавшій воспитанника своего, Царевича Алексѣя, далъ и своему племяннику наилучшее, мыслимое въ то время образованіе. Дѣдъ его, умирая, завѣщалъ ему по особой росписи всѣ свои книги, хранившіяся у него въ кельѣ; то же, вѣроятно, дѣлали и другіе его родственники.

Ко двору Р. былъ введенъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ: уже въ 1667 г.,—слѣдовательно, четырехъ или пяти лѣтъ отъ роду,— онъ былъ пожалованъ въ комнатные стольники къ Царевичу Алексѣю Алексѣевичу, воспитаннику его дяди Ѳедора Большого Михайловича и ученику Алексѣя Тимоѳеевича Лихачева, а послѣ кончины этого юноши (17-го января 1670 г.), прожившаго менѣе шестнадцати лѣтъ и унесшаго въ могилу столько свѣтлыхъ надеждъ, на него всѣми возлагавшихся, онъ былъ взятъ въ число комнатныхъ стольниковъ къ слѣдующему изъ царственныхъ братьевъ—Ѳеодору Алексѣевичу, при чемъ одновременно состоялъ стольникомъ и спальникомъ при новой Царицѣ—Натальѣ Кирилловнѣ. По восшествіи Ѳеодора Алексѣевича на престолъ, 29-го января 1676 г., Ртищевъ былъ опредѣленъ комнатнымъ стольникомъ и спальникомъ же къ юному Царю, но уже черезъ 6 лѣтъ ему пришлось участвовать въ погребеніи послѣдняго, перенося „кровлю“ его гроба изъ дворца въ Архангельскій соборъ, а затѣмъ чередуясь съ другими спальниками въ сидѣньѣ у постели покойнаго государя въ теченіе шести недѣль. Въ наступившее послѣ того двоецарствіе Ртищевъ былъ назначенъ въ комнату къ старшему изъ братьевъ-царей, Іоанну, съ 11-го іюня 1682 года, тоже въ стольники и спальники. Въ томъ, что онъ попалъ къ нему,—сыну Милославской, а не къ Царю Петру, сыну Нарышкиной, сказался, конечно, отголосокъ старинной близости Ртищевыхъ къ покойной царицѣ Маріѣ Ильинишнѣ; однако, дружескія связи Михаила Ѳедоровича сосредоточивались не въ станѣ Милославскихъ: бумаги, отъ Ртищева оставшіяся, указываютъ, что онъ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ „новыми людьми“, столь выдвинувшимися или выдвинутыми Богданомъ Хитрово, — братьями А. Т. и М. Т. Лихачевыми, старыми знакомыми Ртищевыхъ; велъ знакомство съ этой семьей и И. М. Языковъ, а извѣстно, что онъ съ Лихачевыми отстранилъ Милославскихъ отъ власти, и что передъ смертью Ѳедора они хлопотали передъ нимъ за Матвѣева и Нарышкиныхъ. Женитьба Ртищева, очень ранняя, на Прасковьѣ Семеновнѣ Васильчиковой не измѣнила въ этомъ отношеніи его положенія: и шуринъ его, Григорій Семеновичъ, служилъ стольникомъ Царицы Натальи Кирилловны. Выше было уже сказано, что самъ Ртищевъ подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича служилъ одновременно въ „комнатахъ“ Царицы Натальи Кирилловны и Царевича Ѳеодора, между которыми, по воцареніи послѣдняго, несогласія начались неукротимыя. Не удивительно поэтому, что когда борьба Царевны Софіи съ братомъ ея Петромъ приняла оборотъ, заставившій Петра Алексѣевича въ ночь на 8-е августа 1689 года спасаться верхомъ, полураздѣтымъ, въ Троице-Сергіевъ монастырь, садиться здѣсь какъ бы въ осаду и сзывать къ себѣ отсюда, грамотами, ратныхъ людей, — то Ртищевъ оказался въ числѣ первыхъ пріѣхавшихъ къ Троицѣ и въ село Воздвиженское „въ скорыхъ числахъ многолюдствомъ“, и здѣсь, служа Царю Петру „вѣрно“, „всякую нужду принималъ“. По разсказу своякa Петра Великаго, князя Б. И. Куракина, столь быстро затѣмъ послѣдовавшія выдача Шакловитаго и сверженіе правительницы Софіи были дѣломъ вышеупомянутаго мужа двоюродной сестры М. Ѳ. Ртищева— князя П. И. Прозоровскаго, „который былъ человѣкъ набожной и справедливой и весьма противной Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ“, а удалось это ему тѣмъ легче, что воспитанникъ его, Царь Іоаннъ „былъ въ его рукахъ и волѣ“. По переходѣ власти къ Нарышкинымъ, такъ скоро раскрывшимъ всѣ свои отрицательныя свойства, „другая же комната — Царя Іоанна Алексѣевича—

содержала себя въ тишинѣ; токмо Его Величество отправлялъ церемоніи церковныя и публичныя, а въ правленіе никакъ не мѣшался. И той стороны только дядька его, бояринъ князь П. И. Прозоровскій сидѣлъ въ Большой Казнѣ и вѣдалъ Денежной Дворъ и управлялъ со всякою вѣрностію и безъ мздоимства, понеже былъ человѣкъ набожной, которой до своей смерти былъ содержанъ честно, и такъ скончалъ свою жизнь". Къ тихому и незамѣтному двору Іоанна Алексѣевича пристроилъ Ртищевъ въ 1693 г. въ комнатные стольники и десятилѣтняго сына своего Василія,— и до самой кончины (29-го января 1696 г.) этого жалкаго, больного Царя тихо и незамѣтно текла при немъ жизнь Ртищевыхъ. Такимъ образомъ, до 35-го года жизни несъ Михаилъ Ѳедоровичъ исключительно стольничьи и спальничьи обязанности,—конечно, какъ въ Москвѣ, такъ и при царскихъ выходахъ въ подмосковныя „потѣшныя" села и на богомолья въ окрестные монастыри. Въ томъ же родѣ были и немногія особыя порученія, на него возлагавшіяся, вродѣ посылки его въ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ) 12-го іюля 1681 г., съ приказаніемъ отслужить соборне молебенъ о здравіи и многолѣтіи Царевича Ильи Ѳедоровича; „и стоялъ до отпуску молебное пѣніе, и далъ великаго государя жалованье братіи на милостыню 100 рублей денегъ". Но наступило единодержавіе Петра,—и вмѣстѣ съ преображеніемъ всей Россіи преобразилась и жизнь Ртищева.

Зачисливъ его въ свои ближніе стольники, Петръ I не могъ ограничить свои требованія къ нему тѣмъ, что̀ удовлетворяло его царственныхъ братьевъ: онъ видѣлъ въ Ртищевѣ свойства ума и духа, которыми дорожилъ для общей службы родинѣ, видѣлъ даже образованность и предполагалъ способность къ воспріятію знаній; но не видѣлъ тѣхъ именно свѣдѣній, въ которыхъ нуждался. Все это побудило Петра, несмотря на зрѣлый возрастъ Ртищева, включить его въ число тѣхъ, большей частью молодыхъ комнатныхъ стольниковъ, которыхъ онъ, 11-го января 1697 года, рѣшилъ отправить за границу,— частью въ Англію и Голландію (22 человѣка), частью въ Италію (по бумагамъ Кабинета Петра Великаго—43 человѣка, а по другимъ свѣдѣніямъ—меньше). 25-го февраля были написаны о послѣднихъ двѣ грамоты къ Венеціанскому дожу Сильвестро Валеріо и посланы при двухъ поѣхавшихъ въ Венецію отрядахъ стольниковъ, при чемъ приняты было мѣры „для того, чтобы въ иноземческихъ краяхъ подлинно не вѣдали, какого чина и какихъ породъ для науки въ ихъ государства посланы", какъ записалъ въ свой дневникъ П. А. Толстой (впослѣдствіи графъ). Но тѣмъ временемъ, по доносу стрѣльца Елизарьева, Петръ узналъ про недовольство, вызванное имъ въ Цыклерѣ, Пушкинѣ и послѣдователѣ (какъ и родня его) „Капитонской ереси" окольничемъ Алексѣѣ Прокопьевичѣ Соковнинѣ,—между прочимъ тѣмъ, что сыновья Пушкина и Соковнина предназначались также въ посылку за море для ученья. Слѣдственный розыскъ окончился казнью Соковнина 4-го марта и ссылкою, по указу 20-го марта, его брата боярина Ѳедора и всѣхъ ихъ сыновей,— людей, близкихъ Ртищеву и по родству, и по воспоминаніямъ о тѣсной дружбѣ предыдущихъ поколѣній Ртищевыхъ и Соковниныхъ. Гроза, стряслаяся надъ этой семьей, задѣла Михаила Ѳедоровича лишь нравственно; болѣе, чѣмъ вѣроятно, однако, что подозрительный Царь запомнилъ связь Ртищева съ противниками его новшествъ. Тѣмъ не менѣе, Ртищевъ въ Италію былъ посланъ. Помянутый выше сего князь Б. И. Куракинъ, тоже туда посланный „для наукъ навтичныхъ", разсказалъ въ своихъ запискахъ, что выѣхалъ онъ съ товарищами въ мартѣ на Смоленскъ, Варшаву, Ченстоховъ, Силезію, Моравію, Ольмюцъ, Вѣну и черезъ горы доѣхалъ до Венеціи въ іюнѣ, и что къ нимъ было приставлено на эту поѣздку по солдату Преображенскаго полка; Ртищева сопровождалъ Павелъ Волковъ. Проучившись до осени въ Венеціи, поплыли стольники въ концѣ сентября въ Далмацію; изъ Рагузы—въ „Боръ-градъ", при чемъ едва не утонули, попавъ въ жестокую бурю; были у мощей Николая Чудотворца, съѣздили въ Неаполь, въ Римъ и вернулись въ Венецію. Отсюда слѣдующимъ лѣтомъ они вновь ходили въ морское плаваніе. Пребываніе ихъ въ Италіи увѣковѣчено, между прочимъ, донынѣ висящей въ ратушѣ далматскаго городка Перасто картиной, изображающей морехода Марка Мартиновича за обученіемъ пяти молодыхъ русскихъ, представленныхъ въ одеждахъ и

шапкахъ древнерусскаго покроя. Въ надписи на картинѣ переименовано 16 учениковъ, а именно 9 князей и 7 „бояръ", въ томъ числѣ Ртищевъ („Mihailo Nrtisev"). Князь Куракинъ, а потомъ, вѣроятно, и остальные, выучился у Мартиновича и у Франциско Даміани графа ди Вергада „аретьметики, гіометріи теярики—5 книгъ Евклидеса, гіометріи практики, тригонометріи пляны, острономіи часть до навтики, навтики, механики, фортофикаціи офеньсивы и дифенсивы; и также нѣкоторую часть въ разговорѣ и читать и писать италинскаго языку". Сюда, въ Италію, ждали къ себѣ стольники Царя, побывавшаго въ Голландіи и Англіи, гдѣ тогда учился родственникъ Михаила Ѳедоровича—Иванъ Богдановичъ Ртищевъ, впослѣдствіи маіоръ, убитый въ Саксоніи,—вѣроятно, въ 1704 г. Изъ Вѣны й Пресбурга Петръ собирался въ Венецію, но вѣсть о новомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ заставила его повернуть въ Москву, на новые розыски и казни... Пока онъ былъ занятъ ими, стольники-студенты, въ октябрѣ 1698 года, уже двинулись въ обратный путь — на Вѣну, Краковъ и Кіевъ, гдѣ „сподобились видѣть мощи чудотворцевъ Печерскихъ", и вернулись въ Москву въ февралѣ, но уже не застали здѣсь Царя, еще 23-го октября уѣхавшаго на судостроеніе въ Воронежъ. Отдохнуть въ родной Москвѣ пришлось Ртищеву очень мало—его дальнѣйшая служба была уже опредѣлена, какъ видно изъ завѣщанія, написаннаго имъ 26-го февраля 1699 года, „при отъѣздѣ своемъ на службу Великаго Государя подъ Азовъ". Впрочемъ, по запискамъ князя Куракина, въ мартѣ стольники отправились въ Воронежъ на испытаніе ихъ Царемъ, а оттуда Петръ послалъ только его и Толочанова прямо къ Азову, а прочихъ отпустилъ,—можетъ быть только на время; служба же подъ Азовомъ, незадолго передъ тѣмъ завоеваннымъ, заключалась въ сопровожденіи отправлявшагося въ Турцію посла Е. И. Украинцева до Керчи, куда онъ отъ Таганрога плылъ на сорока-шести-пушечномъ кораблѣ „въ государевомъ морскомъ корабельномъ и галерномъ караванѣ", подъ предводительствомъ генералъ-адмирала Ѳ. А. Головина, причемъ на одномъ изъ кораблей флота — „Апостолъ Петръ" — командиромъ былъ самъ Царь. 28-го августа Украинцевъ отплылъ въ Константинополь, а участники плаванья въ Керчь въ октябрѣ вернулись въ Москву. Морскія познанія, вывезенныя изъ Италіи, не обратили ни Ртищева, ни сочениковъ его въ офицеровъ флота и въ начавшійся въ слѣдующемъ году сухопутный Шведскій походъ былъ назначенъ и онъ. Однако, до ухода на войну онъ еще успѣлъ выдать замужъ старшую изъ двухъ дочерей своихъ, Агриппину, 1-го мая 1700 года, за князя Василія Андреевича Кольцова-Масальскаго, впослѣдствіи маіора Троицкаго драгунскаго полка (род. 1666 г., ум. 15-го февраля 1733 г.), и затѣмъ пересоставить завѣщаніе. Не помѣшало участіе въ Сѣверной войнѣ и самому, давно уже вдовѣвшему Михаилу Ѳедоровичу жениться вторично, въ началѣ 1703 года, на вдовѣ патріаршаго боярина Матвѣя Григорьевича Баскакова (умершаго въ 1701 году)—Иринѣ Ивановнѣ. — Въ войнѣ принималъ участіе и тезка Ртищева, тоже Михаилъ Ѳедоровичъ, стольникъ и поручикъ, четвероюродный его братъ, годами много моложе его; съ цѣлью избѣжать случавшейся путаницы, старшій Ртищевъ испросилъ указъ, послѣдовавшій 29-го іюля 1701 года, чтобъ ему „писаться въ спискахъ" и самому подписываться Михаиломъ Ѳедоровичемъ Большимъ Ртищевымъ, но вскорѣ послѣ того онъ избавился отъ непосреднаго участія въ войнѣ, удостоившись назначенія на должность воеводы въ г. Сѣвскъ—должность, весьма отвѣтственную и хлопотливую, между прочимъ потому, что черезъ Сѣвскъ, издревле смотрѣвшій на татарскую „Свиную дорогу", или „Бакаевъ шляхъ", шла въ Москву дорога отъ Чернаго моря, а также оттого, что въ Сѣвскій уѣздъ входила знаменитая Камарицкая волость, изстари населенная бродячею и бѣглою буйною „вольницею". Въ правительственныхъ архивахъ сохранилась поэтому очень обширная и разнообразная переписка Ртищева „съ товарыщи", за 1704 — 1705 года, съ Приказами, напримѣръ, о разныхъ Грекахъ, Нѣжинскихъ и иныхъ, задерживаемыхъ въ Сѣвскѣ по подозрѣнію въ шпіонствѣ и въ силу указа о непропусканіи торговыхъ Грековъ „съ товары и безъ товары" и „проѣзжихъ изъ-за рубежа Палестинскихъ властей и архимандритовъ и игуменовъ съ причетники, которые станутъ проситься для челобитья къ Великому Государю о милостынѣ или для какихъ дѣлъ"; о подъемныхъ лошадяхъ;

о копейномъ дѣлѣ; о пойманныхъ ворахъ и разбойникахъ; о розыскѣ про бой и грабежъ Камаричанами и Камарицкимъ бурмистромъ посланцевъ гетмана Мазепы; о передачѣ денегъ въ Приказъ Военныхъ Дѣлъ; о тяжебныхъ дѣлахъ частныхъ лицъ и т. д. По обстоятельствамъ военнаго времени всеобъемлющая воеводская должность осложнялась еще болѣе, но Ртищевъ справился съ нею благополучно, что и вызвало впослѣдствіи новое назначеніе его—комендантомъ въ Ярославскую провинцію, 28-го марта 1712 года; но такъ какъ Ртищевъ „въ Москвѣ заскорбѣлъ“, то новоучрежденный Сенатъ 3-го іюня того же года опредѣлилъ назначить его къ дѣламъ вмѣсто Ярославской провинціи—въ Московскую губернію. Можно думать, поэтому, что хотя 4-го августа 1712 г. и было велѣно ему съ сыномъ (въ то время уже женатымъ на дочери сенатора князя Г. И. Волконскаго—Пелагеѣ Григорьевнѣ), какъ и всѣмъ „царедворцамъ“ и высшимъ служилымъ людямъ, жить на островѣ Котлинѣ, гдѣ раздавались безденежно земли и дворы, но въ отношеніи его указъ этотъ не былъ выполненъ. Зато пришлось ему подчиниться, въ числѣ прочихъ „палатныхъ людей“ и царедворцевъ, указу отъ 3-го іюня 1714 года о постройкѣ для себя дома въ Петербургѣ.

Между тѣмъ, уже съ сентября 1712 г. онъ состоялъ „судьею расправныхъ дѣлъ“, т.-е., судьею Расправной Палаты при Сенатѣ. Учрежденіе это произошло изъ Палаты того же имени, бывшей судным отдѣленіемъ при Боярской Думѣ, и вершило весьма многіе виды спорныхъ дѣлъ. Изъ числа первыхъ сенаторовъ (коихъ было всего девять) въ Расправной Палатѣ засѣдали М. М. Самаринъ и Г. А. Племянниковъ, а судьями были, кромѣ Ртищева, Д. П. Протасьевъ, И. И. Леонтьевъ и Г. М. Петрово-Соловово. Сперва и Сенатъ, и Палата пребывали въ Москвѣ, но уже въ 1714 г. были переведены въ Петровскій „Парадизъ“. Однако, одинъ только Ртищевъ поѣхалъ въ Петербургъ тогда же: остальные судьи не являлись и по Сенатскому указу отъ 26-го января 1715 года были въ Петербургъ высланы, а деревни ихъ отписаны на государя. Здѣсь Расправная Палата просуществовала при Сенатѣ, хотя и подчиненная его надзору, но снабженная правами высшаго апелляціоннаго и кассаціоннаго органа, до 16-го января 1719 года, когда перешла подъ надзоръ Юстицъ-Коллегіи, а 15-го іюля того же года преобразована въ С.-Петербургскій Надворный Судъ — высшую инстанцію областного судопроизводства (подобные суды были учреждены и въ другихъ значительныхъ городахъ). Ртищевъ въ должности судьи пережилъ всѣ эти преобразованія Палаты, но, повидимому, послѣ превращенія ея въ Надворный Судъ получилъ, не ставъ его членомъ, нѣкоторый разрядъ дѣлъ въ личное свое вѣдѣніе. Сохранилась, напримѣръ, подлинная и „заручная“ (т. е., собственноручно подписанная) „сказка“ стольника П. С. Тимирязева да двухъ приказныхъ людей Мещовскихъ имѣній „тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера“ Петра Андреевича Толстого, села Серебрянаго да села Растворова, которые 10-го октября 1722 г. передъ ближнимъ стольникомъ М. Ѳ. Ртищевымъ сказали, что обязуются впредь признавать за истинную межу между имѣньями Тимирязева и Толстого ту предположенную ими полюбовную межу, на которой Ртищевъ „признаки учинитъ и столбы повелитъ поставить, и ямы покопать по описанію съ мѣрою, и тѣ признатные росписи закрѣпитъ онъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, своею рукою“. Надо думать, что въ данномъ случаѣ Ртищевъ исполнялъ въ Мещовскомъ уѣздѣ особое порученіе Юстицъ-Коллегіи; но если и нѣтъ, то уже. очевидно, не С.-Петербургскаго Суда. Кстати замѣтить, что печальной памяти П. А. Толстой, будущій графъ, старый сослуживецъ Ртищева по двору Іоанна, сталъ съ апрѣля 1711 года его сватомъ, ибо сынъ Толстого—Иванъ женился на меньшой дочери Ртищева,—Прасковьѣ (а не на княжнѣ Троекуровой, какъ утверждаютъ нѣкоторые генеалоги вопреки документамъ).

Позднѣйшихъ свѣдѣній о службѣ Михаила Ѳедоровича не имѣется, изъ приведенныхъ же видно, что, несмотря на всѣ данныя для достиженія весьма высокаго положенія, онъ и къ шестидесяти годамъ своей жизни такого не пріобрѣлъ. Между тѣмъ, цѣлыхъ двѣ сотни бумагъ, дошедшихъ отъ него потомкамъ, раскрываютъ картину хозяйственной дѣятельности его,—необычайно живой, доказывающей недюжинную трудоспособность, а нѣтъ основаній предполагать, чтобы о „государевомъ дѣлѣ“ онъ радѣлъ менѣе, нежели о своемъ.

Объясненія слѣдуетъ, повидимому, искать въ томъ, что носитель преданій „милостиваго мужа“ Ѳедора Большого Ртищева былъ по духу слишкомъ далекъ отъ порочныхъ приближенныхъ Петра I и отъ самого Императора, который не могъ не чувствовать этого и не могъ желать, выдвинувъ его на видную государственную должность, часто имѣть его передъ своими глазами...

Хозяйственная дѣятельность Ртищева была очень сложна. За всю его жизнь помѣстій перебывало у него около ста: такъ, часто онъ получалъ ихъ, покупалъ въ вотчины, вымѣнивалъ на меньшія съ доплатою ему, отдавалъ сыну и вновь испрашивалъ въ свой окладъ. Вотчинъ кромѣ наслѣдственныхъ отцовскихъ онъ получилъ нѣсколько въ даръ—и отъ дяди Ѳедора, и отъ его вдовы Ксеніи Матвѣевны, и (двѣ) отъ Богдана Матвѣевича Хитрово. Первая жена если и принесла ему какое-либо приданое, то самое ничтожное: дочь простого стряпчаго, выбрана она была, надо думать, за личныя свои качества; вторая же его жена имѣла нѣсколько вотчинъ и помѣстій, да домъ за Москвою рѣкою, въ приходѣ церкви Григорія Неокесарійскаго, который Ртищевъ значительно расширилъ пристройками. Самъ онъ унаслѣдовалъ въ Москвѣ дворъ загородный, а 31-го января 1679 года купилъ за 800 рублей у дворянина Московскаго Матвѣя Никифоровича Спиридонова дворъ на Знаменкѣ, въ приходѣ церкви Іоанна Предтечи. Получалъ онъ и наслѣдства: послѣ умершихъ младшей сестры своей Марьи Ѳедоровны Бутурлиной (въ 1683 году) и двоюродной сестры—княгини А. Ѳ. Одоевской (Арзамасскую вотчину) въ 1687 г. Безцѣльно перечислять всѣ уѣзды, гдѣ у него были имѣнья; по нѣскольку же ихъ было въ уѣздахъ Московскомъ, Лихвинскомъ, Козельскомъ, Воронежскомъ, Тарусскомъ и другихъ. Помимо покупки имъ многихъ вотчинъ, ему были пожалованы: 14-го октября 1676 г., за службу отца его, треть сельца Лысцова въ Коломенскомъ уѣздѣ, а 23-го сентября 1689 г., за Троицкій походъ,—пустоши Домашовка и Барачна въ Козельскомъ уѣздѣ. Многія свои земли онъ впервые населилъ, напримѣръ, „Дикое поле“ Керенскаго уѣзда, „за валомъ“, полученное имъ въ помѣстье (а рядомъ испросили себѣ помѣстья родственникъ его Тимоѳей Кирилловичъ Ртищевъ и нѣсколько знакомцевъ), куда онъ перевелъ крестьянъ изъ Тарусской своей вотчины (сельца Кольцова) и Коломенской и основалъ въ 1697 г. деревню Лютежъ. По землевладѣнію его очень много было у него тяжбъ,—напримѣръ, съ Саввинымъ Сторожевскимъ монастыремъ о крестьянахъ, съ Н. Б. Пушкинымъ—о Козельской вотчинѣ, съ княземъ П. М. Долгоруковымъ и его братьями—о Коломенскихъ сѣнныхъ покосахъ, съ Ханыковыми—объ Алаторской вотчинѣ, съ Евдоксѣемъ Племянниковымъ—о Лихвинской, съ Дуровымъ и Тургеневымъ—о Воротынской вотчинѣ, съ И. М. Ладыженскимъ—о другой Воротынской же вотчинѣ. Послѣднюю свою тяжбу, какъ и большинство своихъ дѣлъ, Ртищевъ выигралъ (рѣшеніе дѣла напечатано въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, т. II, стр. 682); не одну тяжбу окончилъ онъ миромъ, но все-таки многія изъ нихъ тянулись годами; для нихъ Ртищевъ даже былъ вынужденъ держать особаго „человѣка, который за дѣла ходитъ“, но, направляя самъ ходъ этихъ тяжбъ, онъ обнаруживалъ несомнѣнную дѣловитость. Въ итогѣ, онъ создалъ крупное земельное состояніе: по выдѣлѣ сына и надѣленіи дочерей большими придаными, у него (въ 1714 г.) все-таки оставалось 424 крестьянскихъ двора.

Въ роду Ртищевыхъ Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ единственный въ своемъ поколѣніи представитель старшей вѣтви,—при томъ самой знатной и богатой,—считался главою и былъ добрымъ родственникомъ; напримѣръ, въ 1688 году онъ озоботился выдачею замужъ дальней родственницы своей—сироты Стефаниды Богдановны Ртищевой — за стряпчаго Сытнаго Дворца Ивана Степановича Великопольскаго, и хотя отрокъ-братъ ея Иванъ далъ за ней помѣстье въ 43¼ четверти въ пустоши Коптевой (Бѣлевскаго уѣзда), Михаилъ Ѳедоровичъ подарилъ ей при этомъ нѣсколько крестьянъ, да справилъ приданаго на 350 рублей. Тимоѳей Кирилловичъ Ртищевъ, жилецъ, Лихвинскій и Бѣлевскій помѣщикъ, бездѣтный, жилъ у Михаила Ѳедоровича, и тотъ не забылъ его въ своемъ завѣщаніи.

Когда, послѣ кончины Царя Ѳеодора, его преемниками былъ подтвержденъ указъ его о подачѣ въ Палату Родословныхъ Дѣлъ поколѣнныхъ родовыхъ росписей,

пришлось, наконецъ, заняться этимъ дѣломъ и Ртищевымъ, какъ ни далеки они были, по завѣту незабвеннаго Ѳедора Большого Михайловича, отъ „высокосѣданія въ родословіяхъ“. Велъ это дѣло Михаилъ Ѳедоровичъ, и сохранившіеся въ его бумагахъ три столпца открываютъ весь ходъ такового. Поручилъ его Ртищевъ крестнику Ѳедора Михайловича Большого—стольнику Самуилу Ѳедоровичу Николеву,—быть можетъ, потому, что послѣдній, какъ сынъ выѣзжаго француза Nicol de Manor, самъ родившійся въ католичествѣ, могъ быть болѣе знакомъ, чѣмъ русскіе, съ составленіемъ родословій. Для этой цѣли были собраны извлеченія изъ Разрядовъ, изъ „выѣзжей книги“ и изъ частныхъ родословцевъ; былъ посланъ человѣкъ къ игумену Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря за выпискою изъ соборнаго synodика, были использованы семейныя бумаги,—въ томъ числѣ отмѣтки о дняхъ кончины и именинъ разныхъ Ртищевыхъ; велась переписка съ членами другихъ родовъ, происходившихъ отъ общаго съ ними родоначальника—Аслана-Челеби-мурзы; по всѣмъ этимъ источникамъ составлялась поколѣнная роспись, дополнялась и исправлялась самимъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и была, наконецъ, переписанная набѣло, подписана имъ и представителями второй вѣтви рода, его троюродными дядьями Ѳедоромъ и Тимоѳеемъ Григорьевичами и племянникомъ ихъ Даніиломъ Максимовичемъ Ртищевыми; тѣмъ не менѣе, документъ этотъ остался среди семейныхъ бумагъ,—быть можетъ потому, что не былъ подписанъ представителями младшей вѣтви рода (а въ числѣ поданныхъ въ Разрядъ росписей Ртищевской нѣтъ, но пропала-ли она, или вовсе не была подана, сказать невозможно). Нельзя не замѣтить, что столь добросовѣстное составленіе своей родословной, безъ украшенія ея какими-либо вымыслами для приданія своему происхожденію большаго блеска, представляло въ то время (а отчасти и въ позднѣйшее) величайшую рѣдкость.

Для характеристики Михаила Ѳедоровича имѣетъ немалое значеніе вышеупомянутое завѣщаніе его, въ которомъ онъ, между прочимъ, особенно настаивалъ на отправленіи сына своего Василія за границу, для ученья, года на два или на три, озаботившись и денежною стороной этой посылки, и выборомъ слугъ для сопровожденія Василія Михайловича.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, боярскія книги: 6, лл. 167 и 195; 7, лл. 93 и 95 об., 409 и 429; 10, лл. 67 и 70 об; боярскіе списки съ книги 12-й и по послѣднюю; столпцы Московскаго стола Разряднаго Приказа: 642, №№ 971 и 1233; 623, №№ 734 и 735; 976, № 639; 657, №№ 443 и 444; 472, № 291; исполненныя по Архиву справки 1793 г., кн. 113, дѣло 69; жалованнымъ граматамъ записныя книги 5, лл. 335 об.; 15 лл. 281 об.—282; оклеенные столпцы по Арзамасу № 83, д. 13; цо Калугѣ 51, д. 2; по Алексину 92, дд. 4 и 6; Вотчинной Коллегіи дѣла старыхъ лѣтъ по Коломнѣ, кн. 14, д. 41. и мн. др.; Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Греческія дѣла 1704 г., № 26; 1705 г., № 31 и разныя др.; „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юст.“, т. V, статья А. А Голубева: „Расправная Палата при Сенатѣ“, стр. 337, 366, 367, 372, 376, 883, 388, 400, 407; „Дворцовые Разряды“ т. III, ст. 1114, 1415, 1625; IV, ст. 243; С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. „Общ. Пользы“, приложенія къ XIII тому, ст. 950, 951, 968, 970; Архим. Леонидъ, „Историческое описаніе Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастырь“; с. 40; С. Шумаковъ, „Столпцы, записи и грамоты“, III, стр. 105; дневникъ П. А. Толстого „Русск. Архивъ“ 1888 г., январь; Азанчевскій, „Исторія Л.-гв. Преображенскаго полка“, прил., сс. 13 и 14; „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина“, I, сс. 254—256 и др.; IV, сс. 77—79; кн. Н. Н. Голицынъ. „Родъ кн. Голицыныхъ“, с. XII и прил. къ с. 124; А. Ѳ. Бычковъ, „Письма и бумаги Имп. Петра Великаго“, т. I, сс. 133—135 и 610—611; „Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Сенатѣ“, II, ч. I, сс. 217, 360, ч. 2. сс. 101 и 323, 345; III, ч. и I с. 50; IV ч. I. с. 445 и др.; архивъ Кашкиныхъ при с. Нижнихъ Прыскахъ, Козельскаго уѣзда нынѣ въ Имп. Акад. Наукъ, Н. Кашкинъ. Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, Спб. 1912, стр. 381—395.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Никифоръ Тимоѳеевичъ*, дворянинъ Московскій; извѣстенъ побѣдой надъ Разинцами; потомокъ Дмитровскихъ вотчинниковъ и сынъ Вязьмитина (умершаго отъ изнуренія и ранъ, полученныхъ при защитѣ Смоленска, въ 1634 г.), жилецъ съ 20-го августа 1648 г., зачисленный въ рейтарскій строй съ 1654 г., провелъ въ походахъ безотлучно болѣе семи лѣтъ; въ 1654 г. на приступѣ подъ Шкловъ раненъ былъ въ ногу пулей, навсегда въ ней оставшейся; въ 1659 г. былъ подъ Бѣховымъ, а на приступѣ подъ Мстиславль раненъ изъ пищали въ голову. Въ 1660 г.—капитанъ, въ 1661 г. уже маіоръ драгунскаго полка, онъ 24-го августа, за свои заслуги и за боевую смерть братьевъ На-

зарія и Евтихія Тимоѳеевичей, пожалованъ былъ въ дворяне Московскіе. Продолжая полковую службу въ рейтарахъ, Р. 10-го декабря 1670 г. посланъ былъ изъ Красной слободы противъ отряда Разинцевъ, разгромилъ его и занялъ село Алгуново. Р. умеръ отъ ранъ въ 1675 или слѣдующемъ году. Онъ имѣлъ небольшую вотчину въ Вяземскомъ уѣздѣ; оставилъ вдову, принявшую постригъ, и сына, рано умершаго.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столпцы Моск. стола 822, № 720; 321, № 454; 244 № 150; 650, №№ 155—156; 524, № 516, и мн. др.; боярскія книги 5, л. 469 об., и 6, л. 691; оклеенный столпецъ по Дмитрову 48, № 3; А. Поповъ, „Исторія возмущенія Стеньки Разина“, стр. 98; Н. Н. Кашкинъ, Родословныя развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Николай Петровичъ*, генералъ-маіоръ; родился 9-го мая 1804 г. въ дер. Старой Туголуковкѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда, которою впослѣдствіи владѣлъ вмѣстѣ съ двумя младшими братьями; умеръ 14-го января 1884 г. въ Тамбовѣ; происходилъ изъ рода, владѣвшаго съ конца XIV вѣка вотчинами въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Воспитывались въ Тамбовскомъ дворянскомъ училищномъ корпусѣ; произведенный въ прапорщики 1-го Кадетскаго Корпуса 16-го мая 1824 г., онъ служилъ затѣмъ въ Переяславскомъ конноегерьскомъ полку; участвуя въ усмиреніи Польскаго мятежа съ 24-го января по 28-е октября 1831 г., въ одномъ и томъ же сраженіи вынесъ изъ боевого огня тѣло своего полкового командира Новосильцова и спасъ жизнь своему брату Сергѣю. Позже служилъ въ Казанскомъ драгунскомъ полку, а съ 11-го февраля 1844 г.—въ Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ и за боевыя отличія былъ произведенъ въ подполковники (3-го декабря 1844 г.). Въ Крымскую кампанію Р. былъ въ составѣ кавалеріи, находившейся на Таврическомъ полуостровѣ, былъ командиромъ 8-го драгунскаго Казанскаго полка, по производствѣ же въ генералъ-маіоры командовалъ кавалерійской бригадой. Имѣлъ ордена св. Георгія 4 ст., золотое оружіе и другіе боевые знаки отличія. Дожилъ вѣкъ въ Тамбовѣ, гдѣ и погребенъ рядомъ съ женою (Анастасіей Дмитріевной Свѣчиной, по первому браку Шеховцовою), скончавшись на 80-мъ году. По словамъ автора некролога Ртищева, „въ частной жизни это былъ человѣкъ высокаго прямодушія, истиннаго рыцарства и честности“ и пользовался большимъ уваженіемъ и извѣстностью въ Тамбовскомъ обществѣ.

Архивъ Департамента Герольдіи, дѣло Ртищевыхъ по Тамбовской губ. 1862 г.; некрологъ въ „Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ“ 1883 г., № 6; Н. Н. Кашкинъ, Родосл. развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912.

Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Николай Ѳедоровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, Главнокомандующій Грузіи; родился въ 1754 г., умеръ 8-го января 1835 г. Происходя изъ древняго рода Дмитровскихъ вотчинниковъ, онъ былъ правнукомъ стольника и воеводы Михаила Дмитріевича Ртищева (см. выше); отца потерялъ въ двухлѣтнемъ возрастѣ; на первый смотръ матерью своею Маріею Васильевною (рожденной Лихаревою) онъ представленъ былъ шести лѣтъ, въ февралѣ 1761 г. Воспитывался въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда выпущенъ былъ въ армію поручикомъ 16-го іюля 1773 г. и 30-го сентября назначенъ адъютантомъ къ генералъ-фельдмаршалу графу З. Г. Чернышеву. Черезъ шесть лѣтъ, 30-го сентября 1779 г., Р. былъ произведенъ въ секундъ-маіоры, во 2-ой гренадерскій полкъ, но уже 6-го ноября вернулся, генеральсъ-адъютантомъ, въ штатъ Главнокомандующаго въ Москвѣ и Московской губерніи графа З. Г. Чернышева. 30-го іюня 1783 г. единственная сестра Ртищева—Елисавета Ѳедоровна вышла замужъ за графа Ивана Григорьевича Орлова (ум. 16-го ноября 1791 г.), старшаго брата знаменитыхъ Екатерининскихъ „Орловъ“ Григорія и Алексѣя, но на службу Николая Ѳедоровича Р. это не повліяло. По смерти графа Чернышева онъ 4-го сентября 1784 г. произведенъ былъ въ полковники, въ Навагинскій полкъ, и только 21-го апрѣля 1789 г. произведенъ былъ въ бригадиры въ сформированный изъ Навагинскаго и Тенгинскаго полковъ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, съ которымъ былъ, съ 26-го мая, въ походѣ противъ Швеціи на галерномъ флотѣ, подъ предводительствомъ Принца Нассау-Зигена. Во время этой войны Ртищевъ былъ въ сраженіяхъ: 4-го августа—при островахъ Ментукари и Леттѣ, 13-го—при пораженіи непріятельскаго флота

у острововъ Кутцель, Мулима, Котка и Муссала, 21-го—въ Рюнконлапландскомъ (Рикулахтъ) заливѣ, при сбитіи непріятеля съ баттарей на островѣ Кусисари и на слѣдующій день былъ пожалованъ, за дѣло 13-го августа. золотою шпагою съ надписью „за храбрость". 21-го сентября онъ участвовалъ въ поискѣ на непріятельской сторонѣ въ Гервнискахъ, подъ пушечною канонадою. Въ 1790 г. Ртищевъ съ 17-го апрѣля находился въ сухопутномъ походѣ и былъ 24-го числа при переходѣ черезъ рѣку Кюмень въ Мемель, при сбитіи непріятеля съ баттарей и завладѣніи ими, а 25-го—при прогнаніи непріятеля. Съ 7-го іюня и до конца войны Р. оставался со своимъ полкомъ на канонерскихъ лодкахъ въ гребномъ флотѣ, въ отдѣльномъ отрядѣ вице-адмирала Повалишина, по заключеніи же мира съ Швеціею былъ посланъ съ Навагинскимъ и Куринскимъ полками на гребной флотъ въ Ревель, подъ начальство вице-адмирала Козлянинова, а въ 1791 г.—командированъ въ Ригу для начальствованія вновь построенною гребною флотиліею и стоялъ близъ крѣпости Дюнамюнде, подъ начальствомъ генералъ-фельмаршала графа Салтыкова, до конца кампаніи. Затѣмъ, произведенный 1-го января 1793 г. въ генералъ-маіоры, онъ служилъ въ заграничной арміи въ Польшѣ, подъ начальствомъ печальной памяти генерала-отъ-инфантеріи Игельстрома; съ того же года пробылъ годъ въ отпуску (вѣроятно, по случаю кончины, 22-го мая 1793 г., матери, для устройства своихъ имущественныхъ дѣлъ), а въ послѣдніе два года царствованія Екатерины II, состоя по арміи, присутствовалъ въ Военной Конторѣ.

Императоръ Павелъ 24-го января 1797 г. назначилъ Ртищева шефомъ Нарвскаго его имени мушкетерскаго полка, а 25-го марта 1798 г. произвелъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ Астраханскимъ комендантомъ и шефомъ Астраханскаго гарнизоннаго его имени полка. Въ должность Ртищевъ вступилъ 5-го іюня. По его донесенію о невзносѣ жителями Астрахани денегъ на полковыя надобности послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ: „Расположить въ дома ослушниковъ пѣхотный полкъ",—что и было имъ исполнено съ большою строгостью 19-го іюля. Службою своею здѣсь Ртищевъ, однако, сталъ тяготиться и по прошенію уволенъ былъ въ отставку, съ мундиромъ, 22-го сентября, а 25-го октября того же 1798 года объявлено ему было Высочайшее благоволеніе за расторопность и усердіе, оказанныя въ бытность комендантомъ.

Находясь въ отставкѣ, Ртищевъ 23-го октября 1799 г. женился, въ церкви родового своего имѣнія села Яринскаго, Калязинскаго (прежде Дмитровскаго) уѣзда, при чемъ выборъ его палъ весьма неудачно на Генріетту-Фредерику—въ обшежитіи Екатерину Николаевну—вдову Мильетъ, вѣроисповѣданіемъ кальвинистку. Дѣтей этотъ бракъ не принесъ. Едва-ли отъ избытка семейнаго счастія захотѣвъ принять участіе въ войнахъ Александра I, Ртищевъ былъ вновь принятъ въ службу въ 1806 г. и зачисленъ по арміи 3-го апрѣля, а 27-го сентября назначенъ начальникомъ 16-ой пѣхотной дивизіи, за успѣшное сформированіе которой онъ 1-го августа 1807 года пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Съ 8-го марта 1808 г. находясь въ походѣ, Р. участвовалъ съ 14-го апрѣля по 5-ое мая въ осадѣ крѣпости Браилова и по 12-ое мая 1809 г. пробылъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи. 15-го мая назначенный начальникомъ 25-ой пѣхотной дивизіи, онъ съ 22-го сентября по 8-ое декабря 1809 г. былъ въ походѣ въ Австрійской Галиціи; 26-го ноября 1810 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени, а 8-го января 1811 г. назначенъ начальникомъ 19-ой пѣхотной дивизіи. Въ томъ же году онъ впервые попалъ въ край, въ лѣтописи коего записалъ свое имя чертами неизгладимыми: 7-го іюля опредѣленный въ должность Главнаго Начальника войскъ, расположенныхъ по Кавказской линіи, и всего этого края, равно какъ и губерній Астраханской и Кавказской, онъ уже 16-го февраля 1812 г. назначенъ былъ Главнокомандующимъ Грузіи и Главноуправляющимъ по гражданской и по граничной частямъ въ этой области и въ вышеназванныхъ губерніяхъ.

„Хворый, увѣчный и престарѣлый (?) генералъ", по отзыву Ф. Ф. Вигеля въ его „Воспоминаніяхъ", онъ принялъ ввѣренный ему край въ положеніи чрезвычайно трудномъ и опасномъ. Ртищеву предстояло: отстаивать отъ Турціи взятые Котляревскимъ, почти чудомъ, Ахалкалаки; отражать Персіянъ, прорвавшихся въ Елисаветпольскую дистанцію и направлявшихся въ

Шамшадильскую; бороться съ Лезгинами, которые вторглись въ Грузію и угрожали самому Тифлису; усмирять Дагестанцевъ и Казикумыкцевъ; подавлять возстаніе Хевсуровъ и другихъ племенъ, обитавшихъ по обѣ стороны Военно-Грузинской дороги, которые сожгли всѣ мосты и прекратили сообщеніе Кавказской линіи съ Европейскою Россіей, вслѣдствіе чего ждать помощи оттуда было невозможно, между тѣмъ какъ наличный составъ мѣстныхъ войскъ былъ крайне недостаточенъ. Но, благодаря энергіи и большой распорядительности Ртищева, благодаря боевымъ качествамъ многихъ изъ подчиненныхъ ему генераловъ и выдающимся свойствамъ войскъ, удалось необычайно быстро достичь какъ внѣшней безопасности Закавказья, такъ и внутренняго его усмиренія.—Ранѣе всего, уже къ концу 1812 г. генералъ-маіорами Симановичемъ и преемникомъ его Дельпоццо былъ водворенъ порядокъ на Большой Грузинской дорогѣ и возстановлено сообщеніе съ Владикавказомъ.

Борьба г.-м. Хотунцева съ Дагестанскими и Казикумыкскими мятежниками сопровождалась непрерывнымъ успѣхомъ въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ его дѣятельности и въ послѣдніе годы возстаніе проявлялось лишь мелкими вспышками.

Бухарестскій миръ съ Портою далъ Ртищеву возможность поручить князю Орбеліани, командовавшему до тѣхъ поръ предназначеннымъ для защиты отъ Турціи отрядомъ, дѣло внутренняго усмиренія Грузіи, Кахетіи и Карталиніи. Оно было достигнуто быстрѣе, чѣмъ черезъ два года. Генералъ-маіорами Орбеліани и Гурьевымъ и полковникомъ Тихановскимъ Лезгины были разбиты въ цѣломъ рядѣ сраженій и послѣ разгрома ихъ 15-го октября 1813 г., около селенія Сабуй, водворилось полное спокойствіе.

Въ войнѣ съ Персіей прославились, кромѣ незабвеннаго ген. Котляревскаго, баронъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ и Лисаневичъ. Послѣ многихъ пораженій, сынъ Фетъ-Али-шаха, Аббасъ-Мирза, предложилъ переговоры о мирѣ. Ртищевъ 23-го августа 1812 г. выѣхалъ изъ Тифлиса къ Персидской границѣ, вступилъ на берегахъ Аракса, при посредничествѣ Англійскаго посланника, въ переговоры, но не принялъ условій, предложенныхъ Аббасъ-Мирзою, и отдавъ г.-м. Котляревскому соотвѣтствующія стратегическія распоряженія, возвратился въ Тифлиссъ. Аббасъ-Мирза, пославшій часть войскъ разорять области Шекинскую и Ширванскую, готовился къ переправѣ черезъ Араксъ, но Котляревскій предупредилъ его, перешелъ на правый берегъ рѣки, въ первомъ же сраженіи разбилъ вдесятеро сильнѣйшаго врага, отнялъ весь его лагерь и значительную часть артиллеріи, оттѣснилъ къ Асландузу, а 20-го октября взялъ послѣдній, со множествомъ орудій и иной добычи. Выступивъ, затѣмъ, 17-го декабря, съ двухтысячнымъ отрядомъ, на освобожденіе Талышинскаго ханства, онъ прошелъ пустынную и безводную Муганскую степь и подъ новый 1813 годъ взялъ съ остававшимися полутора тысячами войска, почти неприступную и сильно вооруженную крѣпость Ленкорань, при чемъ погибъ весь ея четырехтысячный гарнизонъ, съ нѣсколькими ханами во главѣ; плѣнныхъ не было. Раненый при этомъ тремя пулями, Котляревскій навсегда уѣхалъ съ Кавказа, но Персидскія войска продолжали терпѣть пораженія сперва въ областяхъ Шекинской и Бомбакской, а затѣмъ и въ ханствѣ Гриванскомъ, гдѣ полковникъ Пестель 3-го апрѣля 1813 г. разбилъ ихъ при Кара-Бюкъ. Снова вызвалась Персія къ заключенію мира; 10-го октября Ртищевъ опять выѣхалъ изъ Тифлиса въ Карабахъ и на Персидской границѣ, въ урочищѣ Гюлистанъ, заключилъ 12-го октября 1813 г. вѣчный миръ, по которому Персія отказалась отъ притязаній на Дагестанъ, Грузію, Имеретію, Абхазію, Мингрелію и признала наши права на всѣ завоеванныя и добровольно подчинившіяся Россіи области и ханства (Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубанское, Бакинское и Талышинское). За распоряженія, слѣдствіемъ коихъ было взятіе Асландуза, Ртищевъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго (30-го ноября 1812 г.), а за заключеніе достигнутаго имъ Гюлистанскаго мира—чинъ генерала-отъ-инфантеріи и отъ Персидскаго правительства орденъ Льва и и Солнца I-ой стенени съ алмазами.

Державинъ писалъ ему:

„Какіе ужасы Персида ни являла,
„Но предъ оружіемъ вмигъ Александра пала
„Отъ Ртищева меча".

Успѣхи, достигнутые Ртищевымъ, были тѣмъ замѣчательнѣе (какъ указалъ Ад. Берже

въ предисловіи къ т. V-му „Актовъ, собранныхъ Кавказскою Археографическою Коммиссіею", посвященному времени управленія Ртищева), „что высшее правительство наше, занятое политическими замѣшательствами въ Европѣ и войною Россіи съ Наполеономъ, естественно не могло удѣлять южной своей окраинѣ того вниманія, котораго требовали обстоятельства даннаго времени. Всѣ эти причины влекли за собою то, что Ртищевъ былъ, такъ сказать, предоставленъ самому себѣ и тѣмъ средствамъ, какія находились въ его распоряженіи. И дѣйствительно, онъ не только не могъ разсчитывать на новыя подкрѣпленія его войсками, но даже по дѣламъ меньшей важности бывалъ вынужденъ приносить жалобы Императору Александру на встрѣчаемое къ себѣ со стороны министровъ равнодушіе. Такъ, напримѣръ, по поводу Царевича Александра онъ писалъ, что графъ Нессельроде прекратилъ всякія съ нимъ сношенія, и что на многія. весьма серьезныя представленія его не получаетъ въ теченіе двухъ лѣтъ никакого разрѣшенія". Съ Царевичемъ Грузинскимъ Александромъ Ираклiевичемъ, скрывавшимся въ Дагестанѣ подстрекателемъ мятежей, Нессельроде даже сносился черезъ армянина прапорщика Курганова, помимо Ртищева, вопреки послѣднему довѣряя готовности Царевича выѣхать въ Россію, тогда какъ Ртищевъ, долго пытавшійся склонить его къ этому, прервалъ, убѣдившись въ его коварствѣ, мирныя съ нимъ сношенія. Въ чрезвычайно прямодушныхъ всеподданнѣйшихъ рапортахъ отъ 10-го іюня и 3-го сентября 1816 г. Ртищевъ, докладывая о неправильномъ образѣ дѣйствій Управлявшаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, справедливо предсказывалъ, что Царевичъ Александръ, несмотря на свои обѣщанія и полученіе денегъ отъ графа Нессельроде, никогда не выѣдетъ въ Россію.—Не взирая на такое отношеніе къ Ртищеву многихъ представителей высшаго правительства, время его направленія должно (говоря словами Ад. Берже) „занять въ лѣтописяхъ Русскаго владычества на Кавказѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ по событіямъ, имѣвшимъ несомнѣнно громадное вліяніе на дальнѣйшія судьбы края. Къ такимъ событіямъ относятся:..... слѣдующія выдающіяся мѣропріятія:

1) „Введеніе въ обращеніе ассигнацій, о которыхъ народъ не имѣлъ никакого понятія; онѣ были только отчасти извѣстны и принимались одними купцами, которые имѣли торговыя связи съ Россіею, при чемъ употребленіе ихъ не распространялось далѣе Тифлиса и крѣпости Баку, по коммерціи послѣдней съ Астраханью;

2) Учрежденіе въ Тифлисѣ Грузино-Имеретинской Св. Сунода Конторы. Учрежденіе это начинало собою эру благоустройства духовной части въ Грузіи, хотя въ то же время не обошлось безъ нѣкотораго замѣшательства. Оно повело генерала Ртищева почти до явнаго столкновенія съ высшею центральною духовною властью, благодаря той привилегіи, которая давалась присутствію Сунодальной Конторы—имѣть на первомъ мѣстѣ Императорскій тронъ.

3) Устройство горнаго дѣла на Кавказѣ".

Съ теченіемъ лѣтъ отношеніе къ Ртищеву высшихъ правительственныхъ учрежденій все ухудшалось. Такъ, напримѣръ, когда онъ вызвалъ противъ себя, объѣзжая Имеретію, недовольство всѣхъ сословій тѣмъ, что подготовлялъ ихъ къ передачѣ церковныхъ имуществъ въ казну, заботясь о средствахъ для предуказаннаго положеніемъ о Грузино-Имеретинской Конторѣ устройства духовной части въ Тифлисѣ, то Святѣйшій Сунодъ увѣдомилъ его чрезъ князя А. Н. Голицына, что имѣетъ въ виду не отчужденіе церковныхъ имуществъ, а лишь приведеніе ихъ въ порядокъ для устройства и содержанія на доходы съ нихъ церквей, училищъ и богоугодныхъ заведеній (каковою мѣрой возбужденіе Имеретинъ уменьшено не было). Подобно этому и Государственный Совѣтъ, хотя 27-го января 1812 г. утвердилъ проектъ Ртищева о торговлѣ съ горцами солью, а 21-го ноября того же года—его мнѣніе о продажѣ въ Персію, въ обмѣнъ на серебро, казенной мѣди съ грузинскихъ горныхъ заводовъ,—однако не разрѣшилъ предложеннаго имъ въ 1816 году возстановленія Тифлисскаго монетнаго двора для введенія въ Грузіи въ обращеніе, наравнѣ съ ассигнаціями, мѣдныхъ денегъ чеканенныхъ изъ излишка запаса мѣди. Въ общемъ, гражданское управленіе Ртищева Кавказомъ было менѣе успѣшно, нежели военное, и давало поводъ къ разнымъ темнымъ слухамъ, помрачавшимъ его добрую славу. Впрочемъ, большинство отзывовъ современниковъ объ немъ лично были благопріятны; за то всѣ сходились въ при-

знаніи состава подчиненныхъ, его окружавшихъ, крайне плохимъ, а жену Ртищева называли взяточницей.

Послѣднюю служебную поѣздку Ртищевъ совершилъ для осмотра Имеретіи, обозрѣнія Турецкой границы и учрежденія кордоновъ на ней, съ 14-го марта по 15-е октября 1815 года, а 9-го апрѣля 1816 г. былъ, по прошенію, уволенъ отъ занимаемыхъ должностей, но управлялъ краемъ до прибытія, въ слѣдующемъ году, опредѣленнаго на его мѣсто А. П. Ермолова.

Назначенный сенаторомъ 26-го мая 1817 г., Ртищевъ 25-го іюня получилъ повелѣніе присутствовать во 2-мъ Отдѣленіи 6-го Департамента Сената и, поселившись въ Москвѣ (на улицѣ Шаболовкѣ, въ приходѣ Св. Троицы), несъ эту службу лѣтъ 15, пока не зачисленъ былъ, съ 1832 года, сенаторомъ неприсутствующимъ. Досуги свои онъ проводилъ въ Англійскомъ Клубѣ, гдѣ состоялъ старшиною. Весьма обремененъ былъ онъ долгами, итогъ коихъ, помимо долга Опекунскому Совѣту, превышалъ 200.000 рублей, тогда какъ въ его имѣніяхъ Вяземскаго, Калязинскаго и Касимовскаго уѣздовъ, полученныхъ имъ по наслѣдству отъ родителей и по раздѣлу съ роднымъ дядей, премьеръ-маіоромъ Никитою Алексѣевичемъ Ртищевымъ, въ 1782 г., состояло всего 435 душъ. Стѣсненное положеніе вынудило его возбудить, въ декабрѣ 1833 г., ходатайство о пособіи на уплату долговъ, и 16-го января 1834 г. онъ получилъ на этотъ предметъ 35.000 рублей.

Проживъ послѣдніе годы вдовцомъ, Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ 30-го ноября 1834 г. потерялъ и сестру (схороненную рядомъ съ матерью въ Донскомъ монастырѣ) и, переживъ ее весьма мало, послѣдовалъ, скончавшись 8-го января 1835 г., на то же кладбище.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла молодыхъ лѣтъ по Дмитрову, кн. 24, д. 45 и дѣла по Герольдіи о недорослях, кн. 58, д. 14; два формулярныхъ списка; дѣло Министерства Юстиціи 1833 г., № 1405; метрическіе книги церкви села Яренскаго; Архивъ Департамента Герольдіи: дѣло о дворянствѣ Ртищевыхъ по Владимірской губерніи, № 518; „Москвитянинъ“ 1842 г., № 2, стр. 521—524; „Русская Старина“ 1903 г., кн. 3, стр. 520 и слѣд.; „Сѣверная Пчела“ 1852 г., №№ 62, 154 и 156; Н. Устряловъ, „Русская Исторія“, II, стр. 326—7; „Сочиненія Державина съ примѣчаніями Я. К. Грота“, т. VI, стр. 284—6; Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: переписка Ртищева о Царевичѣ Александрѣ Грузинскомъ и съ нимъ; Чистовичъ, „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи“, стр. 96—97; „Архивъ Госуд. Совѣта“, журналы 1810—1825 гг., стр. 971—2, 1259, 595; „Архивъ кн. Воронцова“, т. 36, стр. 180; „Русскій Архивъ“ по указателямъ; надгробіе; Великій Князь Николай Михаиловичъ, Русскіе портреты, т. IV; Н. Н. Кашкинъ „О Ртищевыхъ Дмитровскаго корня“, стр. 98—106; его же, „Родословныя развѣдки“, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912 г.

Н. Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Тимофей Григорьевичъ*, городовой воевода; ум. въ 1709 году. Началъ службу въ 1651 году,—какъ сынъ тогдашняго стряпчаго съ ключемъ Григорія Ивановича Ртищева,—прямо съ должности царицына стольника, что̀ не помѣшало ему находиться въ походахъ 1654—1656 годовъ, быть 15-го февраля 1659 г. поверстаннымъ помѣстнымъ окладомъ и жалованьемъ и участвовать въ несчастнѣйшемъ Конотопскомъ бою того же года въ полку князя А. Н. Трубецкого, а въ 1661 г.—въ полку В. Б. Шереметева въ Кіевѣ. Лишь послѣ этого, со слѣдующаго года, перечисленный въ стольники царскіе, онъ вновь былъ въ походахъ: противъ Запорожцевъ, въ 1668—1669 годахъ, въ полку князя Г. Е. Куракина; противъ Стеньки Разина, въ 1671 г., въ большомъ полку начальника всего отряда князя Ю. А. Долгорукова; въ Чигиринскомъ походѣ 1678 г., въ полку князя Г. Г. Ромодановскаго, и въ Путивлѣ, въ полку князя В. В. Голицына, въ 1680 г. Въ промежуткахъ между походами бывая на Москвѣ, онъ не разъ исполнялъ стольничьи обязанности при торжественныхъ обѣдахъ: царевичу Грузинскому Николаю Давыдовичу 8-го мая 1660 г., Англійскому послу „князю Чарлусу Говорту“ 19-го февраля 1664 г., Польскимъ посламъ—Беневскому съ товарищами—12-го ноября 1671 г.; въ день объявленія совершеннолѣтнимъ царевича Ѳеодора Алексѣевича, 1-го сентября 1674 г. Пришлось ему также дневать при гробѣ царевича Алексѣя (умершаго 17-го января 1671 г.) и, участвуя, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ Лукой, въ погребеніи Царя Алексѣя Михайловича, нести, перемѣнясь съ другими стольниками, гробъ съ его тѣломъ въ Архангельскій соборъ 30-го января 1676 года. При его преемникѣ Ртищевъ участвовалъ иногда въ выходахъ двора въ подмосковныя села, а въ 1681 г. получилъ назначенія: сперва по писцовому дѣлу, а затѣмъ на одно изъ

лучшихъ Сибирскихъ воеводствъ—въ Тюмень. Пробывъ здѣсь первымъ (и, повидимому, единственнымъ) воеводой обычный двухлѣтній срокъ, т.-е. 1682 и 1683 года, онъ почему-то остался тутъ еще на два года—уже въ должности второго или „другого“ воеводы, подъ Никифоромъ Ивановичемъ Колобовымъ, бывшимъ начальникомъ одного изъ Московскихъ стрѣлецкихъ полковъ, во время стрѣлецкой смуты битымъ батогами и лишеннымъ вотчинъ и помѣстій. Въ обстоятельствахъ воеводства Тимоѳея Ртищева много неяснаго и любопытнаго. Попавъ въ мѣстность, гдѣ давно гнѣздился и процвѣталъ расколъ, и будучи подчиненъ, какъ всѣ воеводы Тобольскаго Разряда, воеводѣ Тобольскому князю Алексѣю Андреевичу Голицыну, Тимоѳей Григорьевичъ долженъ былъ помогать ему въ преслѣдованіи „раскольниковъ и раздорщиковъ“. Въ маѣ 1682 года Голицынъ увѣдомилъ его объ опасности, какъ бы не возникъ въ Утяцкой слободѣ, куда со всѣхъ сторонъ съѣзжалось много всякихъ людей къ слободчику Ѳедору Иноземцеву, новый скитъ, подобный существовавшему ранѣе на о. Березовкѣ, гдѣ сожегся монахъ Даніилъ со своими послѣдователями. Голицынъ требовалъ отъ Ртищева производства розыска и принятія мѣръ къ тому, чтобы никого въ названную слободу не пропускать. При допросѣ „затворщиковъ старца Аврамія и слободчика Ѳедки Иноземцева и его единомысленниковъ“ они показали, что „крестъ не цѣловали и впредь они великимъ государемъ креста цѣловать не хотятъ же“. Никакихъ мѣръ противъ нихъ Ртищевъ, повидимому, не принялъ, а Утяцкіе фанатики, собравшись съ женами и дѣтьми въ числѣ 400 человѣкъ, для спасенія душъ сожгли себя въ запертыхъ дворахъ. Ужасный этотъ случай долженъ былъ породить вспышки вѣроисповѣдной смуты въ окрестностяхъ и усилить преслѣдованія. Голицынъ выслалъ противъ раскольниковъ письменнаго голову Родіона Пименовича Орлова съ ратными людьми; Ртищевъ долженъ былъ послать туда же вооруженный отрядъ въ 150 человѣкъ Тюменскихъ служилыхъ людей и Литвы, далъ память объ этомъ Татарскому головѣ Текутьеву въ октябрѣ, но и въ половинѣ декабря Текутьевъ съ отрядомъ въ стоянку Орлова — Ялуторовскую слободу — не прибылъ, за что Ртищевъ получилъ отъ Голицына письменный выговоръ. Затѣмъ Голицынъ послалъ въ три уѣзда, въ томъ числѣ и въ Тюменскій, сына боярскаго Ѳефилова со стрѣльцами „для провѣдыванія и сыску раскольниковъ, гдѣ заводятъ пустыни“. Ѳефиловъ, между прочимъ, нашелъ въ деревнѣ Гилевой, у посадскаго Ивана Коробейникова 13 книгъ, 2 ящика писемъ и человѣческіе волосы въ коробьѣ, но увезти Коробейникова и эти предметы мѣстные жители не дали, выразивъ готовность скорѣе умереть за своихъ старцевъ и учителей. Ртищевъ и тутъ никакихъ мѣръ противъ раскольниковъ не принялъ, но, напротивъ, когда Гилевцы обратились къ нему съ жалобами на крутость Ѳефилова и на жестокій обыскъ, произведенный имъ безъ предъявленія указа, то ихъ Ртищевъ выслушалъ и показанія ихъ, 15-го февраля 1683 г., велѣлъ записать. По этимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ и всѣмъ другимъ актамъ, относящимся до первыхъ двухъ лѣтъ воеводства Тимоѳея Григорьевича, нельзя не заключить, что онъ положительно противился воздвигнутому Голицынымъ гоненію на раскольниковъ, разгорѣвшемуся, по пріѣздѣ Колобова, съ новой силою. Иначе и быть не могло, такъ какъ Тимоѳей Григорьевичъ выросъ въ семьѣ, стоявшей, по терпимости своей, во главѣ тогдашняго общества, создавшей лучшаго представителя его—Ѳедора Большого Михайловича Ртищева — и въ свою очередь несомнѣнно подчинившейся его вліянію. Не даромъ Тимоѳей Ртищевъ, по смерти всѣхъ старшихъ членовъ семьи, остался въ тѣсной близости, засвидѣтельствованной сохранившимися документами, съ единственнымъ роднымъ племянникомъ, воспитанникомъ и наслѣдникомъ преданій „милостиваго мужа“ — Михаиломъ Большимъ Ѳедоровичемъ Ртищевымъ. То обстоятельство, что по назначеніи Колобова въ Тюмень, гдѣ Ртищевъ былъ до него единственнымъ воеводой, послѣдній остался здѣсь же, какъ видно изъ „боярскихъ списковъ“ и другихъ актовъ,—побуждаетъ догадываться, что его мирволеніе раскольникамъ повлекло какое-нибудь обвиненіе его, какое-нибудь слѣдствіе, требовавшее пребыванія его тутъ. Казнь Никиты Пустосвята 9-го іюля 1682 г., ставъ извѣстною въ Сибири, должна была усугубить рвеніе защитниковъ Никоніанства, ихъ подозрительность и жестокость; граматы о преслѣ-

дованіи раскольниковъ, разосланныя изъ Москвы въ ноябрѣ того же года, подлили масла въ огонь. Поведеніе Ртищева, естественно, должно было вызвать травлю его, и, вѣроятно, въ пылу начавшейся борьбы, онъ и позволилъ себѣ заглазно оскорбить, поносить Тобольскаго архіерея. Гласитъ объ этомъ слѣдующее, не вполнѣ ясное повѣствованіе: „Того жъ (1685) году ѣхалъ изъ Якутскаго воевода стольникъ Иванъ Васильевичъ сынъ Приклонской и въ Тобольскѣ, по государевой граматѣ, за архіерейской поносъ саженъ въ тюрьму, на тюремномъ дворѣ, и ко архіерею изъ Приказныя Палаты присыланъ былъ головою. А другой Тюменской воевода стольникъ Тимоѳей Григорьевичъ Ртищевъ иманъ былъ съ Тюмени и отсыланъ головою жъ ко архіерею; и велѣно его въ тюрьму жъ садить; и онъ архіерея умолилъ, и простилъ его архіерей, а въ тюрьму не саженъ по умоленію боярскому“, — то есть, боярина князя П. С. Прозоровскаго, новаго воеводы Тобольскаго.

Не удивительно, поэтому, что по возвращеніи въ Москву Ртищевъ никогда болѣе не получалъ отвѣтственныхъ назначеній. Отъ Крымскаго похода князя В. В. Голицына онъ освободился по болѣзни ногъ, заплативъ по 2 рубля съ каждаго изъ принадлежавшихъ ему 147 крестьянскихъ дворовъ, а 15-го августа 1692 г. получилъ и полную отставку отъ полковой службы по старости, — ранѣе старшаго своего брата Ѳедора. Но совсѣмъ безъ дѣла при Петрѣ Великомъ не оставался никто: въ 1696 году Ртищева посылали въ Мирополье принять тамъ солдатъ и отвести на Валуйку; съ 1703 года ему было велѣно жить ежегодно три мѣсяца въ Москвѣ для посылокъ изъ Разряднаго Приказа; въ 1708 г. онъ еще являлся, пріѣхавъ въ Москву, В. Д. Корчмину, а въ слѣдующемъ — 1709 г. — скончался.

Вещественнымъ памятникомъ по немъ остается пожертвованное имъ излюбленному Ртищевыми монастырю — Лихвинскому Доброму Покровскому — въ 1692 году, для поминовенія его родителей, евангеліе, печатанное на александрійской бумагѣ и стоившее 150 рублей. Даръ этотъ былъ ему подъ силу, ибо обезпеченъ онъ былъ имущественно вполнѣ. Военными службами своими онъ давно пріобрѣлъ, кромѣ помѣстнаго оклада въ 1000 четвертей, и жалованье свыше 100 руб. въ годъ, а за женою своей Евдокіей получилъ отъ ея отца, дворянина Московскаго Тимоѳея Дмитріевича Клокачева, 13-го августа 1672 г., небольшую вотчину въ Шуйскомъ уѣздѣ; имѣвъ въ разное время помѣстья въ Переяславле-Залѣсскомъ, Дмитровскомъ, Ржево-Володимірскомъ, Зубцовскомъ, Углицкомъ и Елецкомъ уѣздахъ, онъ пріобрѣлъ вотчины на Пошехоньѣ, на Орлѣ; изъ Кашинскаго его помѣстья пожаловано было ему въ вотчину, за Чигиринскую его службу, 200 четвертей (изъ числа его крестьянъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ 29 дворовъ долгіе годы находились въ спорѣ съ бояриномъ Кондратьемъ Ѳомичемъ Нарышкинымъ). Получилъ онъ также часть наслѣдства бездѣтнаго меньшого своего брата Луки; самъ онъ тоже дѣтей не имѣлъ, и наслѣдовали по немъ потомки старшаго его брата — Максима Ртищева.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, боярскія книги: 5, л. 92 об.; 6, л. 123 об.; 7, л. 161; 10, л. 111; 11, л. 126; боярскіе списки съ 1-ой по 57 книгу; столпцы Московскаго стола 420, № 59; 397, I столпикъ, № 98, 532, VI столпикъ, № 209; 590, № 226; 253, № 36; 731, № 1085; 775, № 412; 1009, XIII столпикъ, № 12; 297, № 140; 704, № 1; 700, №№ 74—79; жалованнымъ граматамъ записная книга 13, лл. 352 об.—353; столпцы вотчинной записки 1673 г., № 18285; переписная книга Кашинскаго уѣзда 1678 г., № 11. 837, д. 164, д. 192 и др.; „Дворцовые Разряды“, т. III, ст. 522, 567, 979; дополн. къ т. III, ст. 415; т. IV, ст. 5. 8, 12, 106; „Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, т. X, № 3, акты I — VIII; „Древняя Россійская Вивліоѳика“, изд. 1-ое, т. VII, стр. 367 и 387; Архим. Леонидъ, „Описаніе Лихвинскаго Покровскаго Добраго монастыря“; семейный Архивъ Кашкиныхъ въ с. Нижнихъ Прыскахъ (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ); Н. Н. Кашкинъ, Родословныя Развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 395—399.

Н. Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Ѳедоръ Григорьевичъ*, городовой воевода; ум. въ 1701 году; былъ вторымъ изъ сыновей думнаго дворянина Григорія Ивановича Ртищева. Возмужавъ въ тѣ годы, когда отецъ его еще не выбился изъ рядовъ уѣзднаго дворянства, но уже достигъ воеводства, онъ началъ службу въ 1649 г. въ скромномъ чинѣ жильца, но, вслѣдствіе приближенія его отца ко двору, уже въ слѣдующемъ году попалъ въ стряпчіе, въ каковомъ званіи упоминается въ свитѣ, сопровождавшей Царя Алексѣя въ Троице-Сергіевъ монастырь и въ подмосковное село Хорошево, гдѣ въ 1652 году онъ пожало-

ванъ былъ въ стольники. 1654—1656 годы Р. провелъ въ походахъ Царя Алексѣя, въ рядахъ его, государева, полка. Очевидно въ видѣ награды было дано ему 4-го августа 1656 г. порученіе съѣздить въ Вильну къ великимъ посламъ князю Н. И. Одоевскому съ товарищи „съ государевымъ жалованьемъ—спросить о здоровьѣ“ и передать грамату о взятіи у Шведовъ Динабурга: несомнѣнно, онъ былъ за это, по обычаю, одаренъ лицами, взысказанными царскою милостью. По окончаніи войны онъ не несъ иныхъ обязанностей, кромѣ придворныхъ, общихъ всѣмъ стольникамъ, до 1664 г., когда былъ призванъ въ полкъ князя Я. К. Черкасскаго, съ которымъ былъ въ Можайскѣ и Почепѣ, а въ слѣдующемъ году—въ полкъ князя Ю. А. Долгорукова въ Дубровнѣ. Удостоенный затѣмъ назначенія на воеводство, нѣкогда занятое его отцомъ и, конечно, имъ, какъ Лихвинцамъ, самое пріятное,—въ Калугу, онъ пробылъ тутъ не только обычный двухлѣтній срокъ, но и на третій, 1669-й, годъ былъ здѣсь оставленъ, несмотря на то, что не разъ вызывалъ жалобы на свою пристрастность; такъ, добился освобожденія отъ подвѣдомственности ему, ссылаясь на ихъ „недружбу“, Воротынецъ Тургеневъ въ 1669 г.; такъ, стольникъ (впослѣдствіи думный дворянинъ) Семенъ Михайловичъ Нестеровъ хлопоталъ о томъ, чтобы не Ртищевъ, а Козельскій воевода разслѣдовалъ дѣло по обвиненію, якобы несправедливому, одного крестьянина Нестеровской вотчины С. Чуносова въ убійствѣ, 6-го мая 1669 г., „обморнаго бобылька“ Артемія Герасимова, каковое дѣло неправильно принялъ и распорядился приводомъ въ Калугу обвиняемаго Ѳедоръ Григорьевичъ Ртищевъ, „радѣючи Артемью по ближнему своему свойству“, а Нестерову „мстя недружбу брата своего родного Максима“. Надо думать, что Ѳедоръ Григорьевичъ вообще отличался неуживчивостью: такъ, напримѣръ, самъ онъ однажды тоже ходатайствовалъ о передачѣ дѣла о кражѣ сѣна у него отъ Данковскаго воеводы Севастьяна Силича Крюкова, по недружбѣ съ послѣднимъ, Пронскому воеводѣ.

Памятникомъ службы Ртищева въ Калугѣ остался составленный имъ смѣтный списокъ этого города. Ему же пришлось, во исполненіе одного изъ условій Андрусовскаго договора, отсылать на Разрядъ 15 бывшихъ въ Калугѣ польскихъ и литовскихъ колоколовъ, подлежавшихъ возвращенію въ Литву. Послѣ воеводства Р. снова вернулся въ полковую службу, при чемъ въ 1671 г., участвуя въ походѣ противъ Разина, былъ въ рядахъ полка князя Ю. А. Долгорукова подъ Арзамасомъ и Красной Слободой. Съ конца 1673 г. онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, зачисленный въ стольники походные, состоя въ государевомъ полку и изрѣдка назначаемый стольничать при дворѣ, встрѣчать за городомъ пословъ въ качествѣ головы у одной изъ жилецкихъ сотенъ и т. п., а 30-го января 1676 г. онъ отдалъ послѣдній долгъ Царю Алексѣю Михайловичу, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Тимоѳеемъ и другими стольниками перенося тѣло почившаго Царя изъ дворца въ Архангельскій соборъ. При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ онъ вновь состоялъ въ стольникахъ походныхъ и сопровождалъ его чуть ли не во всѣ его богомолья и посѣщенія подмосковныхъ селъ по 1681 г., когда вторично получилъ назначеніе на городовое воеводство — во Гдовъ. По истеченіи обычнаго срока онъ опять служилъ на Москвѣ, взамѣнъ участія въ ратныхъ походахъ платилъ подворныя деньги и вѣдалъ отправку изъ Москвы ратныхъ людей. Въ 1694 г. онъ нѣсколько разъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ Царицы Натальи Кирилловны, 13-го февраля 1696 г. на смотру, произведенномъ Тихономъ Никитичемъ Стрешневымъ, Р. освобожденъ былъ отъ военной службы вовсе, а черезъ 5 лѣтъ—скончался.

Ѳ. Г. Ртищевъ имѣлъ около сотни крестьянскихъ дворовъ въ уѣздахъ Московскомъ, Каширскомъ, Елецкомъ, Рязанскомъ, гдѣ онъ имѣлъ помѣстья, и Ряжскомъ и Воротынскомъ, гдѣ у него были вотчины; изъ числа послѣднихъ, грамотою отъ 16-го апрѣля 1685 года, были пожалованы ему въ вотчину, „за Чигиринскую службу“ 1678 года, 215 четвертей его помѣстья при деревняхъ Рындиной и Петраковой, Воротынскаго уѣзда. Послѣ него осталось двое сыновей: Алексѣй (смолоду былъ стольникомъ Царицы Прасковьи Ѳедоровны) и Михаилъ *Меньшой* Ѳедоровичъ, оба полковые стольники въ „начальныхъ людяхъ“, участники Нарвскаго боя, долго служившіе въ офицерскихъ чинахъ и умершіе бездѣтными. Едва ли не дочерью Ѳ. Г. Ртищева была жена Ѳедора Леонтьевича Лопухина, ком-

натнаго стольника царя Петра, — Ѳекла Ѳедоровна.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, боярскія книги: 5, лл. 28 и 81; 6, лл. 47 и 14 и слѣд.; боярскіе списки, кн. 1—45; столпцы Московскаго стола Разряднаго Приказа 250, №№ 205 — 206; 532, VI столпикъ № 197; 590, № 249; 354, III столпикъ, № 128; 700, № 54; 704, № 3; столпцы Бѣлгородскаго стола 1338, лл. 645—648; жалованнымъ граматамъ записная книга 13, лл. 331—332; „Дворцовые Разряды“, т. III, ст. 256, 308, 522, 916, 1054, 1194, 1642; дополненія къ т. III, ст. 67; т. IV, ст. 2, 8, 12, 16, 21, 858; Моск. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Приказныя дѣла подъ 1679 г. іюня 6—іюля 11; „Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Архива М-ва Юстиціи“, т. IX, стр. 152; „Акты Московскаго Государства“, т. II, ст. 532; Князь П. В. Долгоруковъ, „Россійская Родословная Книга“, ч. II, стр. 58, № 87; семейный архивъ Кашкиныхъ въ с. Нижнихъ Прыскахъ, Козельскаго уѣзда (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ); Н. Н. Кашкинъ, Родословныя развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 399—402.

Н. Н. Кашкинъ.

Ртищевъ, *Ѳеодоръ Большой Михайловичъ*, окольничій, „милостивый мужъ“; род. въ апрѣлѣ 1626 г., ум. 21-го іюня 1673 г.; сынъ Михаила Алексѣевича Ртищева, Лихвинскаго городового дворянина, и жены его Іуліаніи Ѳеодоровны, рожд. Потемкиной. Дѣтство Ѳ. М. Р. протекло, по всему вѣроятію, то въ Москвѣ, то въ вотчинѣ отца — селѣ Покровскомъ, находившемся въ 15 верстахъ отъ Лихвина и въ 5 отъ древняго Покровскаго Добраго монастыря, а въ 1635—36 гг. въ Темниковѣ, городѣ въ Мордовской землѣ, куда его отецъ былъ назначенъ воеводой. Къ сожалѣнію, неизвѣстны подробности того, какъ росъ и воспитывался Р. вмѣстѣ со своей старшей сестрой Анной и младшимъ братомъ, носившимъ тоже имя Ѳеодора. Несомнѣнно, однако, что такъ какъ М. А. и І. Ѳ. Ртищевы были людьми благочестивыми и набожными, удѣлявшими отъ своего незначительнаго состоянія и на благолѣпіе храма, и на нужды братіи, то и дѣти росли въ страхѣ Божіемъ и привыкли больше думать о своихъ ближнихъ, чѣмъ о себѣ.

По словамъ Н. Н. Кашкина, написавшаго біографическій очеркъ Ѳ. М. Ртищева, онъ „воплотилъ въ себѣ идеалъ высшей нравственности русскаго мірянина XVII в.“ Профессоръ В. О. Ключевскій сравнилъ его съ маякомъ: по его мнѣнію, онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые „изъ своей исторической дали не перестанутъ свѣтить, подобно маякамъ среди ночной мглы, освѣщая намъ путь“. По своей близости къ Царю Алексѣю Михайловичу, поручавшему ему выполненіе важныхъ государственныхъ дѣлъ, Р. занималъ выдающееся мѣсто среди высшей придворной знати, но современники оцѣнили его главнымъ образомъ не съ этой точки зрѣнія. Онъ стоялъ для нихъ на недосягаемой высотѣ вслѣдствіе того, что цѣлью своей частной жизни поставилъ служеніе страждущему и нуждающемуся человѣчеству. Вскорѣ послѣ его кончины было составлено „Житіе милостиваго мужа Ѳеодора, званіемъ Ртищева“ — явленіе чрезвычайно рѣдкое для мірянина старинной Московской Руси, такъ какъ въ тѣ времена составлялись, главнымъ образомъ, жизнеописанія святыхъ и духовныхъ лицъ, а не мірянъ.

Р. рано лишился матери, и ея предсмертныя наставленія укрѣпили въ немъ желаніе угодить Богу. Усердное посѣщеніе церкви, созерцательная молитва, постъ, служеніе сирымъ и убогимъ, проявленіе „смиренія истиннаго, кротости незазорной“ съ одной стороны и удаленіе отъ игръ и забавъ со сверстниками съ другой — вотъ какъ рисуется нравственный обликъ отрочества Р. въ его „Житіи“.

Изъ „недорослей“ Р., по обычаю того времени, по достиженіи извѣстнаго возраста, былъ верстанъ помѣстьемъ и сталъ „новикомъ“, а затѣмъ, такъ же, какъ и отецъ его, Лихвинскимъ городовымъ дворяниномъ. Въ 1645 г. онъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со своимъ отцомъ (въ то время уже Московскимъ дворяниномъ) и братомъ находился въ Тулѣ, въ полку князя Якова Куден. Черкасскаго, посланнаго туда на случай прихода „Крымскаго царя и Крымскихъ и Ногайскихъ людей“. Вскорѣ послѣ кончины Царя Михаила Ѳеодоровича въ томъ же 1645 г. Ртищевы были вызваны изъ Тулы „къ государю къ Москвѣ“. Мих. Ал. Ртищевъ назначенъ былъ въ „стряпчіе съ ключемъ“, а Р. пожалованъ быть стряпчимъ у государя въ „комнатѣ у крюка“. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ эту должность занималъ Богд. Матв. Хитрово, родной племянникъ Мих. Ал. Ртищева, получившій затѣмъ назначеніе на должность полкового воеводы въ Темниковѣ. Весьма возможно, что начало приближенія ко двору Ртищевыхъ произошло благодаря стара-

ніямъ Хитрово, который пользовался уже извѣстнымъ значеніемъ при дворѣ и особенно почиталъ своего дядю Мих. Ал. Ртищева. Въ 1646 г. помѣстный окладъ Ѳ. М. Р. опредѣленъ былъ въ 650 четв., да жалованья дано 40 р. Къ этому же приблизительно времени относится его женитьба на Ксеніи Матвѣевнѣ Зубовой, въ приданое за которой онъ получилъ вотчину своего тестя въ Кинешемскомъ уѣздѣ. Осенью 1646 года Р. занялъ должность стряпчаго съ ключемъ, послѣ того, какъ отецъ его былъ пожалованъ въ постельничіе.

Со времени женитьбы Царя Алексѣя на Маріѣ Ильинишнѣ Милославской въ 1648 г., положеніе Ртищевыхъ при дворѣ еще болѣе упрочилось, и на разныя должности при царицѣ были назначены не только Ртищевы, но и ихъ родственники Соковнины. Въ день бракосочетанія Царя Алексѣя Михайловича Р. находился „у государева платья“, а наканунѣ свадьбы Царь подарилъ Р. и его отцу 4 сорока соболей, чтобы они имѣли чѣмъ ударить челомъ государю и государынѣ „на ихъ государской радости“. Сестра Р. Анна Михайловна Вельяминова, овдовѣвшая еще въ 1642 г., была назначена 17-го января 1648 г. кравчею, а затѣмъ и „второю верховою боярыней“. Повидимому Анна Михайловна была женщиной незаурядной, съ сильнымъ характеромъ; Р. почиталъ ее, какъ мать, а при дворѣ она скоро пріобрѣла большое значеніе. Жена Ртищева была „пріѣзжей боярыней Царицы“, братъ его, Ѳеодоръ Мих. Меньшой,— комнатнымъ стольникомъ, а когда онъ женился, то и его жена стала тоже „пріѣзжей боярыней“. Двоюродный дядя Р., Прокофій Ѳеодоровичъ Соковнинъ, занялъ высшую должность при дворѣ Царицы—должность дворецкаго; сынъ Прокофія Ѳеодоровича, Алексѣй, назначенъ комнатнымъ стольникомъ. Затѣмъ Ртищевы черезъ Соковниныхъ вступили въ свойство съ Морозовыми, а слѣдовательно и съ Царемъ: Царь Алексѣй и Борисъ Ивановичъ Морозовъ были женаты на двухъ сестрахъ Милославскихъ, а старшій братъ Бориса Ивановича, Глѣбъ, женился на дочери Прокофія Ѳеодоровича Соковнина—Ѳеодосіи.

Чтобы имѣть возможность болѣе подробно остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ разнообразной дѣятельности Р., скажемъ сначала о его службѣ вообще. 11-го августа 1650 года Р. назначенъ былъ въ постельничіе, а его отецъ, занимавшій эту должность, пожалованъ въ окольничіе. Въ 1654 г. Р. сопровождалъ Царя въ Литовскій походъ, продолжавшійся съ 18-го мая до осени этого года, но вслѣдствіе морового повѣтрія пришлось передъ возвращеніемъ въ Москву въ теченіе трехъ мѣсяцевъ простоять въ Вязьмѣ. Возвратившись въ Москву лишь 10-го февраля 1655 г., Р. 11-го марта снова выступилъ съ Царемъ въ Литовскій походъ, во время котораго проявилась его благотворительность (какъ мы увидимъ ниже) не только по отношенію къ русскимъ, но и къ иноземцамъ и даже къ врагамъ. Въ сентябрѣ этого года Царь возложилъ на Р. весьма серьезное порученіе. Великій гетманъ Литовскій князь Янушъ Радзивиллъ, стоявшій во главѣ соединенныхъ Польскихъ и Литовскихъ войскъ и облеченный большими полномочіями, не сумѣлъ своевременно устроить оборону Литвы. Вслѣдствіе этого многіе важные города были взяты русскими войсками, а другіе шведскимъ королемъ Карломъ X. Князь Радзивиллъ вступилъ въ сношенія съ послѣднимъ и просилъ его принять Литву подъ свое покровительство, на что тотъ съ радостью согласился. Между тѣмъ, польный гетманъ Литовскій Гонсѣвскій, предпочитая Московское покровительство Шведскому, обратился къ Царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой о присылкѣ довѣреннаго лица для переговоровъ о мирѣ. Царь назначилъ Р., который немедленно отправился, 5-го сентября, въ станъ главнаго русскаго военачальника, князя Я. К. Черкасскаго и засталъ тамъ гонцовъ, прибывшихъ отъ князя Радзивилла и отъ гетмана Гонсѣвскаго. Судя по рѣчамъ гонцовъ, было ясно, что если бы Царь Алексѣй Михайловичъ обратился своевременно съ граматами къ нѣкоторымъ Литовскимъ вельможамъ, напр., къ старостѣ Жмудскому Глѣбовичу, то Москва одержала бы перевѣсъ надъ Швеціей. Р. поспѣшилъ извѣстить объ этомъ Царя, и Алексѣй Михайловичъ распорядился посылкой поощрительныхъ грамотъ въ разныя мѣстности Литвы. Переправившись черезъ Нѣманъ, Р. сталъ наводить справки относительно того, гдѣ находится Гонсѣвскій. Эти развѣдки дорого обошлись Р.: Литовскій отрядъ Юрія Хрептовича схватилъ его, какъ подозрительную личность, и препроводилъ въ мѣстечко Крынки, близъ Гродна. Р. спасла только царская грамата, бывшая при немъ и до-

казавшая, что онъ дѣйствительно посланникъ Московскаго Царя. Какъ разъ въ это время Гонсѣвскій, за свою приверженность къ Москвѣ, находился подъ стражей, князь Радзивиллъ былъ удаленъ за то, что передался Швеціи, а мѣсто гетмана занялъ Павелъ Сапѣга. Р. долго отказывался ѣхать къ Сапѣгѣ съ царской граматой, ссылаясь на то, что онъ посланъ къ Гонсѣвскому, а потому не можетъ вступать въ какіе бы то ни было переговоры съ другимъ лицомъ. Когда Р. заявили, что во всякомъ случаѣ его не отпустятъ изъ Литвы безъ разрѣшенія Сапѣги, онъ покорился необходимости и согласился на свиданіе съ Сапѣгой, находившимся въ Брестѣ. Изъ представленнаго Р. статейнаго списка было видно, что Царь прислалъ его, по просьбѣ Гонсѣвскаго, съ извѣщеніемъ о согласіи на веденіе мирныхъ переговоровъ. Далѣе въ статейномъ спискѣ шла рѣчь о земельныхъ уступкахъ и о денежномъ вознагражденіи со стороны Литвы и о выборѣ мѣста для съѣзда пословъ. Въ заключеніе Р. выразилъ удивленіе, что Польскій король Янъ-Казиміръ, зная силу Московскаго Царя, не вступилъ съ нимъ заблаговременно въ переговоры. Сапѣга отвѣтилъ, что князь Радзивиллъ былъ уполномоченнымъ короля и сейма въ дѣлѣ веденія войны и мирныхъ переговоровъ, вслѣдствіе чего король держался въ сторонѣ. Теперь же, когда князь Радзивиллъ передался на сторону Швеціи, Сапѣга и сенаторы пошлютъ къ Царю Алексѣю гонца Глядолицкаго для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ.

Только 21-го октября Р. получилъ возможность отправить къ Царю гонца съ извѣстіемъ о томъ, какъ онъ правилъ посольство. Въ это время Алексѣй Михайловичъ, долго ничего не зная о Р., сильно безпокоился о немъ, какъ видно изъ граматъ Царя князю Урусову и А. Л. Ордынъ-Нащокину, воеводѣ въ Друѣ. Въ одной изъ граматъ сказано, между прочимъ: „про постельничаго нашего Ѳедора Михайловича Ртищева провѣдали бы есте всякими обычеи накрѣпко, гдѣ онъ нынѣ, у Радзивила-ль, или у нѣмецъ, или къ королю посланъ, а что отъ ково про то увѣдаете—и вы бъ о томъ писали къ намъ тотчасъ“. Въ началѣ ноября Р. прибылъ къ Царю въ Смоленскъ. Главной заслугой Р. было удачное выполненіе тайнаго наказа объ увеличеніи титула Московскаго Царя: Сапѣга написалъ въ своихъ статьяхъ, по настоянію Р., титулъ Царя, съ прибавленіемъ словъ „и Малыя и Бѣлыя Россіи“. 10-го декабря, во время торжественнаго въѣзда Царя въ Москву, по сторонамъ его шествовали царевичъ Сибирскій и Ртищевъ.

12-го января 1656 г. совершилось торжественное объявленіе Р-ву думнымъ разрядным дьякомъ С. И. Заборовскимъ пожалованія его въ окольничіе. При этомъ была прочитана „сказка“, въ которой похвалялась его посольская служба въ Литвѣ: „Служба твоя къ намъ, великому государю, отмѣнна, потому что ты взялъ нашу государеву титлу съ новоприбылыми титлами“, тогда какъ „и въ предкахъ того не бывало, что въ ратной брани между великими государи и не учиня миру титлъ сполна послы и посланники не имывали“. На поляхъ этой сказки Царь собственноручно написалъ: „от горазд!“ Не въ примѣръ другимъ окольничимъ, Р. былъ учиненъ окладъ на 400 четвертей больше обыкновеннаго оклада окольничихъ. Одновременно съ пожалованіемъ въ окольничіе Царь указалъ Р. „сидѣть во дворцѣ“, т.-е. назначилъ его въ дворецкіе, а эту должность занимали обыкновенно только бояре.

15-го мая 1656 года Царь Алексѣй выступилъ въ походъ противъ Швеціи. Сопутствовалъ ему также Р., поставленный передъ тѣмъ во главѣ Литовскаго Приказа: эта должность наложила на него новыя обязанности, и онъ велъ 7-го декабря переговоры съ посланникомъ Гонсѣвскаго Казиміромъ Журавскимъ. По возвращеніи 14-го января въ Москву Р. былъ назначенъ главнымъ судьей Приказа Лифляндскихъ дѣлъ и вступилъ въ переписку съ Гонсѣвскимъ по поводу безпорядковъ въ недавно завоеванныхъ мѣстностяхъ Литвы и о желательности избранія Алексѣя Михайловича на Польско-Литовскій престолъ. Въ 1657—1664 гг. Р. управлялъ также Дворцовымъ Суднымъ Приказомъ, затѣмъ Приказомъ Большого Дворца и въ связи съ нимъ—Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ,—надо полагать, до того времени, какъ онъ выдѣлился въ особое учрежденіе. Послѣдній изъ этихъ Приказовъ вѣдалъ разныя дѣла, смотря по тому, что главнымъ образомъ заботило Царя. Приказъ Лифляндскихъ дѣлъ завѣдывалъ между прочимъ поселеніемъ въ Сибири плѣнныхъ нѣмцевъ, поляковъ и

литовцевъ. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что хотя ссылкой въ Сибирь знаменитаго Крижанича, произведенной по царскому повелѣнію, долженъ былъ распорядиться Р., но Крижаничъ отзывается въ своихъ писаніяхъ особенно тепло и лестно о Р. и о Морозовѣ. Во время своего пребыванія въ Москвѣ въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ Крижаничъ вращался въ кругу Андреевскихъ старцевъ и надѣялся очевидно черезъ Р. снискать довѣріе Царя и добиться соединенія православной церкви съ римско-католической. Крижаничъ старался также объ изданіи исправленной славянской Библіи и о составленіи и изданіи славянской грамматики и словаря, разсчитывая въ этомъ отношеніи на Р., какъ на человѣка образованнаго. По свидѣтельству Крижанича Р. и Морозовъ одобрили его намѣреніе перевести описаніе путешествія Олеарія и написать на него возраженія и велѣли привести въ исполненіе. Н. Н. Кашкинъ пишетъ по поводу отношеній Ртищева къ Крижаничу, между прочимъ, слѣдующее: „Очевидно, докладывалъ о немъ (Крижаничѣ) Царю Ртищевъ, почему знаменитый писатель и оказался подвѣдомъ ему по Приказу Большого Дворца. Очевидно также, что если имъ или кѣмъ другимъ истинныя цѣли Крижанича были разгаданы, то въ этомъ и разгадка ссылки, которую самъ ссыльный, какъ ясно изъ безпристрастныхъ, то есть хвалебныхъ отзывовъ его о Р., въ глубинѣ души признавалъ естественною; да и обставилъ ему „дивный милостивый мужъ“ ссылку эту со всей той мягкостью, съ которою всегда относился къ людямъ искренно вѣрующимъ, хотя бы, по его мнѣнію, и заблуждающимся“.

Отношенія къ Малороссіи. По окончаніи Польской войны, Московскому правительству пришлось вмѣшиваться во внутреннія дѣла Малороссіи, вслѣдствіе происходившихъ тамъ раздоровъ. Ртищевъ, будучи близокъ къ Царю и извѣстенъ въ Малороссіи, какъ ученикъ Кіевскихъ старцевъ (о чемъ рѣчь будетъ ниже), силою обстоятельствъ выступилъ на политическое поприще. Большая часть духовенства и простой народъ не раскаявались, что отдались подъ покровительство Московскаго Царя, войсковая старшина и шляхта стремились къ соединенію съ Польшей. По смерти Богдана Хмѣльницкаго въ 1657 г. былъ избранъ въ гетманы Выговскій и тяготѣніе къ Польшѣ еще болѣе усилилось. Посредникомъ между Московскимъ правительствомъ и Малороссійскимъ народомъ выступило малороссійское духовенство, при чемъ у Ртищева завязались отношенія со многими духовными лицами, которыя обращались къ нему даже по своимъ частнымъ дѣламъ. Гетманъ Выговскій измѣнилъ Московскому правительству; такъ же поступилъ преемникъ его Юрій Хмѣльницкій. Ощутилась крайняя необходимость имѣть въ Малороссіи надежное лицо, которое употребило бы вліяніе свое въ пользу Москвы. Ртищевъ указалъ на Нѣжинскаго протопопа Максима Филимоновича, съ которымъ состоялъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ перепискѣ. Филимоновичъ былъ вызванъ въ Москву, возведенъ въ санъ епископа Мстиславскаго и Оршинскаго, подъ именемъ Меѳодія, и назначенъ блюстителемъ Кіевской митрополіи. Въ то время было три кандитата на гетманство въ Малороссіи: наказной гетманъ Самко, полковникъ Золотаренко и Запорожскій кошевой Брюховецкій. Притворяясь преданными Москвѣ, они старались показать видъ, что не только не стремятся получить гетманскую булаву, но считаютъ желательнымъ, чтобы Малороссіей вѣдалъ москвичъ. Самко, а съ нимъ вмѣстѣ многіе полковники и старшіе козаки заявляли, что самымъ подходящимъ правителемъ былъ-бы Ртищевъ, потому что онъ ласковъ съ малороссіянами, доводитъ до свѣдѣнія Царя ихъ прошенія, внимательно относится къ ихъ посланцамъ и что имъ говоритъ — то все правдиво, а „имъ де, казакамъ, старшинамъ и всей черни то любо и надобно и надежнѣе будутъ на великаго государя милость“. Брюховецкій писалъ епископу Меѳодію: „намъ не о гетманствѣ надо заботиться, а о князѣ Малороссійскомъ отъ Его Царскаго Величества, на это княжество желаю Ѳеодора Михайловича“. Назначеніе Ртищева правителемъ Малороссіи, однако, не состоялось, и гетманство получилъ Брюховецкій. За Брюховецкимъ, тоже измѣнившимъ Московскому Царю, слѣдовалъ гетманъ Многогрѣшный; при немъ особеннымъ вліяніемъ въ дѣлахъ Малороссіи пользовался Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ. Съ какимъ уваженіемъ онъ относился къ Ртищеву, видно изъ его письма къ Симеону Полоцкому, котораго онъ просилъ переговорить по поводу удовлетворенія нѣкоторыхъ желаній казаковъ съ „господи-

номъ Ѳедоромъ Иртищемъ, какъ съ мужемъ разсудительнымъ".

Денежная реформа. Чтобы имѣть возможность платить жалованье ратнымъ людямъ во время войны съ Польшей, а затѣмъ со Швеціей, Московское правительство увеличило налоги съ купцовъ и съ крестьянъ. Если мы припомнимъ, что оставались тщетными всѣ попытки Московскаго правительства найти въ предѣлахъ своего государства серебряную и золотую руду, и что на денежномъ рынкѣ обращались только иностранныя монеты, то будетъ понятно, почему въ государственной казнѣ ощущался въ это время сильный недостатокъ въ серебряной монетѣ. Въ 1656 г. придумали чеканить мѣдныя деньги и выпустить ихъ въ одинаковой цѣнѣ съ серебряными. Въ точности неизвѣстно, кому пришла мысль о подобной денежной реформѣ, но считаютъ, что она произведена по совѣту Ртищева. Изъ приведенныхъ выше нравственныхъ свойствъ Р-ва, оставившаго такой глубокій слѣдъ въ памяти его современниковъ, мы приходимъ къ заключенію, что онъ не могъ быть иниціаторомъ монетной реформы, и что приписываемое ему въ этой реформѣ участіе является поклепомъ со стороны его враговъ. Искусственное уравненіе мѣдныхъ денегъ съ серебряными не могло долго держаться, тѣмъ болѣе, что появились т. наз. „воровскія", а по теперешнему фальшивыя деньги. Въ 1658 г. мѣдныя деньги стали понижаться въ цѣнѣ, а съѣстные припасы и предметы первой необходимости дорожать. Головы и цѣловальники, приставленные правительствомъ для надзора за пріемомъ и расходомъ какъ мѣди, такъ и денегъ, злоупотребляли царскимъ довѣріемъ и богатѣли. Повторилось то же, что и въ началѣ денежной реформы: какъ тогда „ворамъ", т.-е. фальшивымъ монетчикамъ, такъ теперь головамъ и цѣловальникамъ мирволили за посулы бояринъ Милославскій и думный дворянинъ Матюшкинъ. Къ лѣту 1662 г. паденіе цѣны мѣднаго рубля дошло до того, что онъ стоилъ въ 12 или 13 разъ дешевле серебрянаго. Это совпало съ новымъ налогомъ: на войну съ Польшей изъ-за Малороссіи производился сборъ уже не десятой деньги, какъ было раньше, а пятой деньги. 25-го мая 1662 г. вспыхнулъ въ Москвѣ мятежъ, поводомъ къ которому послужили подметные листы, расклеенные ночью неизвѣстными лицами на воротахъ и городскихъ стѣнахъ. Въ подметныхъ листахъ объявлялось о намѣреніи передаться Польшѣ двухъ Милославскихъ, Сем. Лукьян. Стрѣшнева, Ѳ. М. Ртищева, Б. М. Хитрово и гостя Шорина. Узнавъ, что Царь Алексѣй въ своемъ любимомъ селѣ Коломенскомъ, въ семи верстахъ отъ Москвы, толпа двинулась туда. Царь былъ у обѣдни и при видѣ толпы, шумно требовавшей выдачи вышеупомянутыхъ лицъ за ихъ злоупотребленія, велѣлъ всѣмъ приближеннымъ, въ томъ числѣ и Ртищеву, спрятаться въ комнатахъ царицы и царевенъ. Н. Н. Кашкинъ приводитъ интересную догадку какого-то писателя, что „на Ртищева народъ былъ направленъ именно изъ Польши, ибо гибель этого виднаго дѣятеля православія и борца за возсоединенія Малой и Московской Руси никому не была такъ выгодна, какъ полякамъ..." Возможно, что толпа обвиняла Ртищева въ злоупотребленіяхъ вслѣдствіе его близости къ Хитрово, который, дѣйствительно, отличался корыстолюбіемъ. Что касается царскаго тестя, Милославскаго, то Ртищевъ былъ съ нимъ въ дурныхъ отношеніяхъ. Благодаря находчивости Царя мятежъ былъ подавленъ и никто изъ бояръ не погибъ. Въ 1663 г. мѣдныя деньги были изъяты изъ обращенія.

Просвѣтительная дѣятельность. Ртищевъ стремился пріобрѣсти знанія и просвѣтить своихъ соотечественниковъ, а такъ какъ въ то время наука въ представленіи православнаго человѣка была исключительнымъ достояніемъ церкви, то весьма естественно, что у него явилась мысль основать училищный монастырь. Еще въ 1640 г. южно-русскій насадитель просвѣщенія Петръ Могила обращался къ Царю Михаилу съ просьбой о построеніи въ Москвѣ обители, гдѣ бы старцы Кіевскаго Братскаго монастыря могли обучать дѣтей греческой и славянской грамотѣ. Что не устроилось при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, то создалось при сынѣ его Алексѣѣ Михаиловичѣ, благодаря стараніямъ Ѳ. М. Ртищева. По близости отъ Москвы, почти у самыхъ Воробьевыхъ горъ, надъ Москвой рѣкой, существовалъ небольшой храмъ во имя Андрея Стратилата. Выборъ Ртищева палъ на это урочище, называвшееся „Пленицы", т.-е. „узы". Съ разрѣшенія Царя и съ благословенія Патріарха Іосифа, Ѳ. М. Ртищевъ выстроилъ тамъ церковь во имя Преображенія

Господня и на свои, весьма скудныя средства учредилъ въ 1648 г. училищный монастырь, въ которомъ поселилось 30 иноковъ, вызванныхъ имъ еще въ 1646 — 47 гг. изъ нѣсколькихъ Малороссійскихъ монастырей. Устройство обители Царь возложилъ на келаря Новоспасскаго монастыря Пафнутія Еропкина; настоятелемъ Ртищевъ выбралъ „мужа", по отзыву „Житія", „добродѣтелми украшенна"—Досиѳея. По просьбѣ Царя Кіевскій Митрополитъ Сильвестръ прислалъ въ 1649 г. ученыхъ иноковъ Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго, а въ 1650 г.—Дамаскина Птицкаго. Желающіе могли учиться въ Ртищевской школѣ и сдѣлаться со временемъ переводчиками св. Писанія и справщиками богослужебныхъ книгъ; ученые иноки должны были приняться за изданіе славянской Библіи, исправленной предварительно по греческому тексту. Епифаній Славинецкій, отличавшійся замѣчательнымъ трудолюбіемъ и основательными лингвистическими познаніями, принесъ русскому обществу большую пользу своими переводами не только церковныхъ книгъ, но и книгъ по философіи, исторіи, космографіи и географіи и составленіемъ нѣсколькихъ словарей. Между прочимъ, какъ сказано въ „Житіи", имъ составленъ по просьбѣ Ртищева „триглоссонъ" — словарь славяно-латино-греческій, заключавшій до 7000 словъ. Нѣкоторое время Славинецкій жилъ въ Андреевскомъ монастырѣ, и бесѣды съ нимъ давали богатую пищу уму Ѳ. М. Ртищева. Въ „Житіи" читаемъ: „любомудрія рачитель Ѳедоръ... яко въ днехъ служеніе своего чина исполняя, въ нощехъ же, презирая сладостный сонъ, со мужи мудрыми и божественнаго писанія изящными въ любезномъ ему бесѣдованіи иногда цѣлыя ночи бодростнѣ препровождая, и паки своего чина къ служенію обращашеся". Нашлись лица, которыя готовы были считать Р-ва еретикомъ за то, что онъ учился греческому языку; Морозовъ тоже жаловалъ Кіевлянъ, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, и онъ уклонился въ ересь. Что касается латыни, то ея изученіе было, по воззрѣнію этихъ лицъ, равносильно совращенію съ истиннаго пути. Навѣты въ такомъ смыслѣ одного изъ учениковъ Андреевскаго братства царскому духовнику Вонифатьеву остались безъ послѣдствій, такъ какъ Вонифатьевъ хорошо зналъ и цѣнилъ Ртищева.

Сношенія съ учеными южноруссами открыли Ртищеву глаза на многія неправильности, допускавшіяся въ церковномъ обиходѣ, и онъ ревностно принялся за ихъ устраненіе. Съ помощью Вонифатьева, протопопа Казанской церкви въ Москвѣ Неронова и архимандрита Новоспасскаго монастыря (впослѣдствіи Патріарха) Никона Р-ву удалось ввести церковныя проповѣди, чему было до тѣхъ поръ чуждо Великорусское духовенство. Особеннымъ успѣхомъ, какъ проповѣдники, пользовались Епифаній Славинецкій и Нероновъ. Р-въ пошелъ дальше и, въ своемъ стремленіи возстановить благолѣпіе въ церковномъ служеніи, доказалъ Вонифатьеву, а черезъ Неронова—многимъ Московскимъ священникамъ, что слѣдуетъ замѣнить „единогласнымъ" пѣніемъ „хомовое" пѣніе и „многогласіе". По правиламъ „хомоніи" произвольно мѣнялись ударенія въ словахъ, напр., сѣмени вмѣсто сѣмени, или вставлялись гласныя на мѣсто полугласныхъ: *Сопасо* вмѣсто *Съпасъ*, *во монѣ* вмѣсто *во мънѣ* (ъ=о). Противъ „многогласія" высказался еще Стоглавый соборъ, созванный Царемъ Іоанномъ IV, но оно продолжало существовать. Возникло „многогласіе" вслѣдствіе того, что церковныя службы, какъ положено ихъ совершать по уставу, казались длинными и утомительными, а пропускать что-либо считали грѣхомъ. Для ускоренія стали совершать богослуженіе „многими голосами": одновременное пѣніе, провозглашеніе эктиній и возгласовъ и чтеніе въ нѣсколько голосовъ производили такую путаницу, что ничего нельзя было разобрать. Печалясь о такомъ нестроеніи, Р-въ желалъ, чтобы исправленіе было произведено „тихо и безмятежно", а не насильственно,—„долгимъ бо временемъ въ обычаи всего народа укрѣпися". Особенно дѣятельную поддержку онъ нашелъ въ Никонѣ, когда тотъ сдѣлался Новгородскимъ Митрополитомъ. Никонъ ввелъ у себя въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ внятное раздѣльное чтеніе и стройное пѣніе, а когда пріѣзжалъ въ Москву, то служилъ по новому порядку и со своими пѣвчими въ придворной церкви, въ присутствіи Царя Алексѣя Церковный Соборъ, созванный Царемъ по совѣту Р-ва 11-го февраля 1649 г., постановилъ, вслѣдствіе упорства Патріарха Іосифа, ничего не предпринимать противъ „многогласія". Алексѣй

Михайловичъ не утвердилъ соборнаго постановленія и обратился къ Константинопольскому Патріарху, который рѣшилъ этотъ вопросъ въ благопріятномъ для Ртищева смыслѣ. Въ февралѣ 1651 г., послѣ новаго собора, было объявлено введеніе „единогласія“ по всѣмъ церквамъ. Для полнаго успѣха дѣла Ртищевъ послалъ въ Кіевъ, съ согласія Царя, за образцовыми пѣвчими и за нотными книгами.

Вслѣдъ за измѣненіями въ богослуженіи началось исправленіе Никономъ церковныхъ книгъ, которое повело за собой, какъ извѣстно, возникновеніе въ Русской церкви такъ называемаго раскола. Многіе выдающіеся люди какъ, напр., Нероновъ, протопопъ Аввакумъ и его ревностная послѣдовательница боярыня Морозова стали въ первые ряды поборниковъ „древляго благочестія“. Никонъ одержалъ верхъ, но самъ палъ вслѣдствіе своего высокомѣрія по отношенію къ Царю, который въ расцвѣтѣ дружбы съ Патріархомъ называлъ его „собиннымъ другомъ“. Ртищевъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми вышеупомянутыми лицами. Вотъ какъ характеризуетъ проф. Козловскій роль Р-ва въ это время: „Въ эпоху первой борьбы съ расколомъ онъ явился чуть-ли не самымъ разумнымъ дѣятелемъ просвѣщенія, чуждымъ крайностей и рѣзкостей; онъ старался перенести споры на академическую, богословскую почву, устраивалъ на дому диспуты противныхъ сторонъ, съ равнымъ уваженіемъ относился къ крупнымъ дѣятелямъ обѣихъ партій. Для него на первомъ планѣ, очевидно, было дѣло, а не лица... По своимъ передовымъ взглядамъ на права свободы слова, свободы совѣсти и свободы вѣры онъ стоитъ далеко выше не только своихъ современниковъ, но и потомковъ“. Ученые люди, — какъ жившіе въ Москвѣ, такъ и пріѣзжавшіе туда,—съ уваженіемъ отзывались о Р-вѣ. Цареградскій архимандритъ Венедиктъ, посѣтившій Москву съ просвѣтительными цѣлями, называлъ его „сыномъ своимъ о Дусѣ Святѣ любимымъ и мудрѣйшимъ“. Терпимость Р-ва къ чужимъ воззрѣніямъ и къ религіознымъ вѣрованіямъ, которыя онъ не раздѣлялъ, видна, напр., изъ того, что онъ не отвернулся отъ Неронова (въ иночествѣ „старца Григорія“) и отъ Аввакума, когда они возвратились въ Москву изъ ссылки. Они находили у Р-ва радушный пріемъ и покровительство. По свидѣтельству Аввакума, получившаго въ даръ отъ Царя, Царицы, царскаго духовника и Родіона Стрѣшнева по 10 р., „старый нашъ дружище Ѳедоръ Ртищевъ—тотъ и шестьдесятъ рублей велѣлъ своему казначею сунуть мнѣ“. Дружба, возникшая у Р-ва съ Никономъ по поводу церковныхъ реформъ, поколебалась послѣ того, какъ, будучи возведенъ въ санъ Патріарха, Никонъ сталъ вмѣшиваться въ дѣла государственнаго управленія. Ртищевъ неоднократно указывалъ ему на несоотвѣтствіе его поступковъ съ духомъ церкви и ученіемъ Священнаго Писанія. Иногда Никонъ выслушивалъ Р-ва, но случалось ему раздражаться и однажды даже выгнать настойчиваго друга „съ безчестіемъ“. Послѣ удаленія Никона Р-въ недоумѣвалъ, какъ поставить себя по отношенію къ нему, но вскорѣ сдѣлался однимъ изъ немногихъ ходатаевъ за опальнаго и затѣмъ низверженнаго Патріарха.

Воспитательство Царевича Алексѣя Алексѣевича. Царь Алексѣй и Царица Марья Ильинишна такъ высоко ставили нравственныя и умственныя свойства Ртищева, что выбрали его вторымъ дядькой къ своему сыну, наслѣднику престола Царевичу Алексѣю Алексѣевичу, когда тому минуло 10 лѣтъ, т.-е., въ 1664 г. Первымъ дядькой числился бояринъ князь И. П. Пронской, но его назначеніе можно считать только ради почета; въ учителя былъ выписанъ Бѣлорусскій ученый, іеромонахъ Симеонъ Петровскій Ситіановичъ, извѣстный подъ именемъ *Симеона Полоцкаго*. Принявъ на себя обязанности воспитателя Царевича, Ртищевъ освободился отъ службы въ Приказахъ: Дворцовомъ, Лифляндскихъ дѣлъ и Литовскомъ. Изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя сохранились о Царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ, видно до какой степени онъ былъ даровитъ отъ природы, и какъ умѣло велъ его воспитаніе Ртищевъ, а ученіе Симеонъ Полоцкій. Можно сказать съ увѣренностью, что Ртищевъ сознавалъ ту отвѣтственность, которая падала на него, въ качествѣ воспитателя наслѣдника престола, и что онъ прилагалъ всѣ силы для должнаго выполненія возложеннаго на него важнаго дѣла. Житіе говоритъ: „Онъ же прилежнымъ ко Государю Царевичу служеніемъ наипаче себе изнури, бодрствуя и смотряя, и поучая его благочестно“. Царственные родители хотѣли возвести Рти-

щева въ бояре, но онъ, по своему смиренію, уклонился отъ этой чести.

1-го сентября 1667 г. Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ торжественно провозглашенъ совершеннолѣтнимъ и сталъ участвовать въ пріемахъ и отпускахъ своимъ отцомъ иностранныхъ пословъ. Той же осенью Царевичъ принималъ у себя въ покояхъ великое Польское посольство и произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о важности единенія между славянскими племенами. Рѣчь эта была произнесена наполовину по-польски, наполовину по-латыни, и привела пословъ въ такое восхищеніе, что они обѣщали поддержать кандидатуру Царевича на Польскій престолъ. Не суждено было, однако, Царевичу стать во главѣ ни Польши, ни Россіи: 17-го января 1670 г. онъ скончался совершенно неожиданно, и врачи не съумѣли объяснить причину его смерти иначе, какъ только недостаточно подвижнымъ образомъ жизни. Изъ вещей Царевича Ртищеву былъ данъ на память золотой крестъ, который онъ на себѣ постоянно носилъ. Смерть даровитаго юноши, бывшаго на попеченіи Р-ва въ теченіе шести лѣтъ, такъ его поразила, что онъ удалился отъ двора и государственной дѣятельности и только однажды присутствовалъ на придворномъ торжествѣ: 22-го января 1671 г., на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной.

Благотворительность. Во время Польской войны 1654 г. представилось широкое поприще для благотворительности Р-ва. Онъ подбиралъ по пути больныхъ и раненыхъ и довозилъ ихъ до мѣста стоянки, при чемъ нерѣдко уступалъ особо труднымъ больнымъ мѣсто въ своей повозкѣ, а самъ садился верхомъ на коня, хотя, какъ сказано въ „Житіи", „самъ же нозѣ имѣ болѣзненнѣ, ея же ради болѣзни не бѣ ему удобь кромѣ колесницы путешествовати, обаче совершенная въ немъ любовь къ Богу превозмогаше скорбь его". Для помѣщенія больныхъ, раненыхъ и изнемогавшихъ отъ зимней стужи Р-въ нанималъ въ попутныхъ городахъ дома, пріискивалъ врачей и надзирателей, заботился о пропитаніи призрѣваемыхъ и расходовалъ на это изъ собственныхъ средствъ, а также изъ денегъ, данныхъ ему Царицей Марьей Ильинишной.—Во время Шведской войны онъ спасъ трехъ купцовъ грековъ, которыхъ шведы ограбили и еле-живыхъ пустили на произволъ судьбы. Греки съ трудомъ добрались до Московскаго войска и скитались, изнемогая отъ голода и холода. Слухъ о ихъ бѣдственномъ положеніи дошелъ до Р-ва; онъ довезъ ихъ на своихъ лошадяхъ до Москвы и покоилъ до полнаго выздоровленія.

Помощь во время войны Р. оказывалъ не только русскимъ, но и плѣннымъ непріятелямъ, потому что зналъ, до какой степени тяжело положеніе русскихъ плѣнныхъ въ разныхъ государствахъ, и хотѣлъ поступать по евангельскому завѣту: „любите враги ваши, добро творите ненавидящимъ васъ". Въ царствованіе Алексѣя Михайловича выкупъ плѣнныхъ считался дѣломъ общественнымъ и существовалъ особый налогъ, такъ называемыя „полоняничныя деньги". Выкупныя ставки были настолько высоки, что собираемыхъ денегъ оказывалось недостаточно, и русскіе плѣнные томились въ неволѣ. Р. обратился къ знакомому купцу—греку Аѳанасію, неоднократно выкупавшему плѣнныхъ на свои деньги, и далъ ему 1,000 р. серебромъ (на наши деньги 17,000 р.) для выкупа плѣнныхъ изъ Крыма и Турціи. Благотворительность Р. была весьма разнообразна. Видя на улицахъ Москвы множество больныхъ, безпріютныхъ и пьяныхъ,—такъ какъ въ то время въ Москвѣ не было ни богадѣленъ, ни странноприемныхъ домовъ, ни больницъ,—Р. придумалъ два способа оказанія помощи. Слуги его разыскивали и приводили въ особо устроенный имъ домъ больныхъ, неимущихъ и пьяныхъ; имъ давался временный пріютъ: больныхъ лѣчили, неимущихъ кормили и одѣвали, пьяныхъ протрезвляли. Р. посѣщалъ этотъ домъ и наблюдалъ за тѣмъ уходомъ, какимъ пользовались его случайные обитатели. Другой домъ онъ предназначилъ для постояннаго призрѣнія 13—15 неимущихъ и больныхъ. Послѣ кончины Р. домъ сгорѣлъ; родственники не пожелали дать средства для возобновленія этого учрежденія, но почитатели Р. выстроили домъ, который существовалъ и при Петрѣ Великомъ подъ именемъ „Больницы Ѳедора Ртищева": туда принимали неизлѣчимо больныхъ, стариковъ, слѣпыхъ и содержали на добровольныя пожертвованія.

На церковномъ соборѣ 1681 г. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ предложилъ устроить больницы и богадѣльни не только въ Мо-

сквѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ,— слѣдовательно починъ, сдѣланный Ртищевымъ, показалъ, насколько необходимы такого рода убѣжища.

Особенно ярко выразилась благотворительность Р. въ 1671 г., во время сильнаго голода въ Вологдѣ. Онъ послалъ къ тамошнему архіепископу Симону 200 мѣръ хлѣба, а затѣмъ 900 рублей серебромъ и 100 золотыхъ, вырученныхъ главнымъ образомъ отъ продажи одежды и утвари. Слѣдуетъ замѣтить, что тогдашній рубль равнялся теперешнимъ 17-ти рублямъ. Слѣдуя евангельскому ученію, чтобы лѣвая рука не знала о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя творитъ правая, Р. писалъ архіепископу Симону при отправкѣ хлѣба: „Нѣкоторые Христолюбивые человѣцы, при отшествіи своемъ отъ сего міра, вручили мнѣ имѣніе свое на раздаяніе нищимъ и убогимъ, паче же скорбнымъ и гладнымъ, и я, увѣдавъ настоящую скорбь и гладъ града Вологды и въ предѣлахъ его, извѣстно умысливъ, отъ того оставленнаго имѣнія послалъ двѣсти мѣръ хлѣба съ боголюбивыми людьми“. Въ благодарность за оказанную помощь, архіепископъ Симонъ вписалъ въ свой синодикъ, раньше имени своего отца, имена тѣхъ лицъ, которыхъ просилъ поминать Р.

Щедрость Р. была безгранична. У него былъ возлѣ города Арзамаса большой участокъ земли, за который ему давали 1000 рублей. Узнавъ, что земля эта нужна городу, онъ не захотѣлъ продать ее въ частныя руки и послалъ предложить арзамасцамъ. Денегъ у арзамасцевъ не было, и они должны были отказаться отъ покупки. Не долго думая, Р. подарилъ городу эту землю.

Землевладѣнія Ртищева. Промыслы его. Его отношенія къ крѣпостнымъ и холопамъ.

У Р. были помѣстья и вотчины въ нѣсколькихъ уѣздахъ, но Андреевское братство и дѣла благотворительности поглощали такія суммы, что надо было подумать объ увеличеніи доходовъ. Вслѣдствіе этого Р., вмѣстѣ со своимъ братомъ Ѳеодоромъ Михайловичемъ Меньшимъ, взялся за промыселъ „будный“, т.-е. за выдѣлку поташа и смолы, на которые былъ постоянный спросъ за границу. Имъ были отданы на оброкъ изъ казны съ 1652 по 1672 г. три свободныхъ будныхъ завода съ приписанными къ нимъ лѣсами въ Олешенскомъ уѣздѣ, на Ахтыркѣ и въ Путиловскомъ уѣздѣ, и дозволеніе заводить новыя буды и рубить лѣса, кромѣ заповѣдныхъ. Сами Ртищевы не имѣли досуга наблюдать за этимъ дѣломъ, а потому вели его вскладчину съ другими лицами и въ нѣкоторые годы получали большой доходъ. Близость заводовъ къ западной границѣ Московскаго государства давала возможность пользоваться для этой тяжелой работы наемнымъ трудомъ поляковъ и литовцевъ. Но политическія событія того времени причинили Р. большой убытокъ: въ 1659 г. подъ Олешню пришелъ гетманъ Выговскій съ крымцами, и „будники“ разбѣжались съ заводовъ. Послѣ ухода крымцевъ, олешенцы напали на пустые заводы и растащили все имущество, такъ что Р. пришлось обратиться съ челобитной къ Царю о возстановленіи порядка. Прекративъ временно работу на будныхъ промыслахъ, Р. вскорѣ возобновилъ ее и долженъ былъ, повидимому, кромѣ наемныхъ людей пользоваться и своими крѣпостными, такъ какъ иначе заводы не приносили бы достаточнаго дохода. Долгое время братья Ртищевы сообща владѣли вотчиной въ Лихвинскомъ уѣздѣ, уступленной имъ отцомъ въ 1650 г., и другими земельными угодьями, которыя имъ случалось покупать или мѣнять. Въ 1661 г., когда братья раздѣлились, у Ѳеодора Михайловича Большого оказалось въ вотчинахъ Лихвинскаго, Тарусскаго и Московскаго уѣздовъ 715 четвертей, да въ помѣстьяхъ, составъ которыхъ часто мѣнялся, набиралось до 1500 четвертей.

Составитель „Житія“ сообщаетъ, что Ртищевъ заботливо относился къ своимъ слугамъ и крестьянамъ, и если ему случалось наказывать кого-нибудь, то онъ дѣлалъ это съ сожалѣніемъ, считая своимъ долгомъ наставлять ихъ: „и о ихъ скорбѣхъ не веселяся, но яко съ ними состраждя, и о нихъ, яко о своемъ тѣлеси, пекійся“. Будучи милостивъ къ постороннимъ, Р. не отягощалъ своихъ крестьянъ и довольствовался, сравнительно съ другими вотчинниками и помѣщиками, небольшими оброкомъ и барщиной. Даже при продажѣ вотчины онъ не переставалъ заботиться о населявшихъ ее крестьянахъ. Такъ, напр., уговорившись съ купцомъ относительно цѣны на село Ильинское, которое онъ вынужденъ былъ продать, онъ призвалъ купца и сказалъ ему: „азъ тебѣ цѣну умаляю ради села

того поселянъ, да имѣеши ихъ въ милости, и трудами и податми ихъ да не отяготиши, но по возможности имъ вся та да будутъ свободно". Для большей увѣренности въ исполненіи этого Р. заставилъ купца поклясться предъ иконой.

Лѣтомъ 1673 г. Р. сталъ настолько сильно недомогать, что счелъ необходимымъ составить духовное завѣщаніе. Мысль о благоденствіи крестьянъ не покидала его даже во время предсмертной болѣзни. Онъ призвалъ свою дочь и ея мужа, князя Вас. Ѳеод. Одоевскаго, и умолялъ ихъ быть, въ память его, милостивыми къ крестьянамъ: „да будутъ подъ властію вашею во отрадѣ и въ возможности работы и оброковъ вашихъ; ибо они намъ суть братія. Таковаго отъ васъ прошу по себѣ строенія". Въ „Житіи" Р-ва помѣщено нѣсколько разсказовъ о тѣхъ видѣніяхъ и предзнаменованіяхъ, которыя случились предъ его кончиной, свѣтлой и радостной. На немъ исполнились, по мнѣнію составителя „Житія", слова св. Іоанна Лѣствичника: „дѣлъ бо ради милосердія кійждо свой прибытокъ въ исходѣ познаваетъ". Имя Р. записано въ синодикахъ многихъ монастырей и церквей, въ благодарность за его денежные вклады и предстательство передъ Царемъ, Царицей и Патріархомъ.

При составленіи біографіи Ѳ. М. Ртищева мы руководствовались главнымъ образомъ трудами: 1. Проф. Козловскаго: Ѳ. М. Ртищевъ. Историко-біографическое изслѣдованіе, Кіевъ. 1906 г., и 2. Н. Н. Кашкина: Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго, С.-Пб. 1912 г., гдѣ на стр. 402—447 помѣщена подробная біографія Ѳ. М. Ртищева, а вслѣдъ за ней, на стр. 448—449,—полная о немъ библіографія.

В. Корсакова.

Ртищевъ, *Ѳедоръ Меньшой Михайловичъ*, „ближній человѣкъ" Царя Алексѣя Михайловича; род. послѣ 1626 года, сконч. 28-го января 1663 г.; былъ сыномъ окольничаго М. А. Ртищева и братомъ „милостиваго мужа" Ѳедора Большого Михайловича. Вся служба его протекла при дворѣ Царя Алексѣя Михайловича, въ самомъ началѣ царствованія коего онъ, находясь на Тулѣ, въ полку князя Я. К. Черкасскаго, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ былъ вызванъ „къ Государю къ Москвѣ" граматою, полученной 27-го августа 1645 года. Здѣсь отецъ его занялъ должность стряпчаго съ ключемъ, а черезъ годъ—постельничаго; поэтому слѣдуетъ думать, что Ѳедоръ Меньшой Михайловичъ, упоминаемый въ это время въ должности стряпчаго, былъ изъ числа не полковыхъ или приказныхъ, а дворцовыхъ стряпчихъ, непосредственно подчиненныхъ его отцу; оттого въ день Благовѣщенья 1647 года и повышенъ онъ былъ въ званіе стольника „комнатнаго". На свадьбѣ Царя Алексѣя съ Марьей Ильиничной Милославской, близкой семьѣ Ртищевыхъ, Ѳедоръ Меньшой стлалъ путь новобрачнымъ „отъ церкви къ мѣсту и отъ мѣста къ сѣннику" (16-го января 1648 г.), а затѣмъ былъ назначенъ въ число комнатныхъ стольниковъ молодой Царицы, окруженной его родственниками—сестрою его Анной Вельяминовой и Соковниными. Неся только придворныя обязанности, онъ въ дворцовыхъ лѣтописяхъ упоминается при многихъ торжествахъ, особенно часто чашникомъ, то-есть, наливающимъ питья за обѣдами; иногда — въ царскихъ походахъ на богомолья; но во время войнъ съ Польшей и Швеціей онъ и въ ратныхъ этихъ походахъ былъ со дня выступленія Царя Алексѣя изъ Москвы, 18-го мая 1654 г., и до окончанія Лифляндскаго похода въ январѣ 1657 г.,—вездѣ, гдѣ былъ Государь, ѣздя за нимъ въ должности его есаула и ближняго человѣка. Упоминается онъ и въ числѣ стольниковъ царскихъ (22-го августа 1658 г.); при царицыномъ же дворѣ онъ, повидимому, оставался недолго. Какого рода порученія получалъ онъ отъ доброй и нищелюбивой Царицы Марьи Ильиничны, видно по слѣдующему примѣру. 2-го іюня 1652 г., при выходѣ царской семьи въ Троице-Сергіеву Лавру, Государыня во многихъ мѣстахъ жаловала милостыню нищимъ и послала въ Тверскую богадѣльню ста нищимъ по алтыну, а распоряжался этимъ Ѳедоръ Меньшой Ртищевъ. Наградою за его службу явилась не разъ выраженная забота Царя Алексѣя о его благосостояніи: такъ, на Святой недѣлѣ 1657 г. онъ былъ назначенъ подносить Государю „великоденскіе" золотые, мѣха и прочіе дары отъ духовныхъ, посадскихъ и иныхъ неслужилыхъ людей и, по обычаю, жалованъ „за золотой по рублю, а за ширинку по 5 рублевъ" — всего 275 рублями (что, по нынѣшней стоимости рубля, соотвѣтствуетъ 4675 рублямъ). При указанной близости его къ Царю и Царицѣ, естественно, что

и жена Р. стала пріѣзжей боярыней Царицы Марьи и несла разныя придворныя обязанности,—напримѣръ, въ маѣ 1659 г. упоминается она при гробѣ Великой Княжны Анны Алексѣевны. Женой Ѳедора Меньшого Ртищева была съ 1649 г. Ульяна, дочь дворянина Московсваго Степана Петровича Навалкина, происходившаго изъ довольно богатаго Владимірскаго рода; рано осиротѣвъ, Ульяна Степановна унаслѣдовала вотчину при селѣ Языковѣ съ сельцомъ Радиловымъ и деревнями, во Владимірскомъ уѣздѣ, пространствомъ въ 501 четверть. Мать ея, изъ рода Киселевыхъ, постриглась съ именемъ Каптелины въ Вознесенскомъ Московскомъ монастырѣ, гдѣ была келаремъ.

Отъ брака своего Ѳедоръ Меньшой Ртищевъ имѣлъ дочерей Евдокію и Марью и сына Михаила, которому, когда умеръ Ѳедоръ Михайловичъ, его отецъ, было лишь около полугода. Марья Ѳедоровна впослѣдствіи была замужемъ за Иваномъ Бутурлинымъ, Евдокія же съ 1668 г. — за стольникомъ княземъ Ѳ. Ѳ. Хилковымъ, умершимъ въ 1681 г., а съ 12-го февраля 1682 г.—за бояриномъ княземъ А. Г. Ромодановскимъ, Крымскимъ плѣнникомъ, умершимъ въ маѣ 1686 г.

Скончавшись лѣтъ тридцати пяти отъ роду, Ѳедоръ Михайловичъ не успѣлъ ни проявить себя на какой-либо службѣ, кромѣ придворной, ни очень преуспѣть на поприщѣ хозяйственномъ. Послѣ него остался, впрочемъ, домъ въ Бѣломъ городѣ, на Никитской улицѣ, купленный имъ за 3000 рублей; помѣстій по немъ осталось въ уѣздахъ Коломенскомъ, Алексинскомъ и Козельскомъ 652 четверти; вотчинъ, по раздѣлу съ братомъ 1661 года, въ уѣздахъ Московскомъ, Лихвинскомъ, Козельскомъ, Воротынскомъ и Шацкомъ — 1253½ четверти въ полѣ, а вдву потому-жъ; большая часть этихъ имѣній была пріобрѣтена имъ вмѣстѣ съ братомъ; съ нимъ же вмѣстѣ онъ арендовалъ землю въ Алаторскомъ уѣздѣ, занимался будным заводскимъ дѣломъ въ Алешинскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ и на Ахтыркѣ, — словомъ, велъ почти всѣ свои дѣла сообща съ Ѳедоромъ Большимъ Михайловичемъ и, надо думать, занимался ими болѣе, чѣмъ послѣдній, всегда поглощенный множествомъ заботъ высшаго порядка.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: боярская книга 5, л. 62; столпецъ Московскаго стола, 199, № 417б.; столпцы Бѣлгородскаго стола 348, лл. 52—54 и 124—129; 706, л. 54, и 500, листы 34—35; оклеенные столпцы: по Арзамасу 42, д. 2; по Алексину 92, д. 4; столпецъ вотчинной записки $\frac{18223}{4}$ 1649 г.; дѣла старыхъ лѣтъ по Коломнѣ, кн. 14, дѣло 41, и др.; „Русская Историческая Библіотека“, т. X, стр. 357; „Дворцовые Разряды“, т. III, ст. 83, 291, 404 — 5, 418, 476, 530, 520; дополненія къ т. III, ст. 32, 43, 53, 57, 84, 187; И. Е. Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ царицъ“, т. II, стр. 351, 513, матеріалы, стр. 16; „Домашній бытъ русскихъ царей“, стр. 509 — 510; „Акты Московскаго Государства“, т. II, стр. 390; „Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи“, т. V, стр. 318; семейный архивъ Кашкиныхъ въ с. Нижнихъ Прыскахъ (нынѣ въ Имп. Академіи Наукъ); Н. Н. Кашкинъ, Родословныя развѣдки, подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, С.-Пб. 1912, стр. 449—451.

Н. Н. Кашкинъ.

Ру, *Игнатій Анжеловичъ* (Ignace-Nicolas-Jean Roux), докторъ медицины; родился 26-го іюня 1784 года въ Туринѣ, тамъ же обучался врачебнымъ наукамъ и получилъ въ 1808 году отъ Туринскаго Университета званіе доктора медицины. Прибывъ въ Россію въ 1812 году съ непріятельскими войсками, въ званіи полкового врача при корпусѣ маршала Нея, онъ былъ взятъ въ плѣнъ казаками подъ Смоленскомъ и затѣмъ навсегда остался въ Россіи. Въ 1815 году онъ получилъ отъ Харьковскаго Университета званіе лѣкаря, въ 1819 г. переѣхалъ въ Москву, гдѣ 9-го августа 1819 г. былъ принятъ въ штатъ Московской полиціи частнымъ лѣкаремъ, имѣя уже 36 лѣтъ отъ роду, а 18-го августа того же года поступилъ въ Московскую Голицынскую Больницу палатнымъ ординаторомъ. 2-го іюня 1822 года произведенный въ штабъ-лѣкари, Ру 26-го ноября 1823 года, по экзамену въ Московскомъ Отдѣленіи Имп. Медико-Хирургической Академіи, удостоенъ былъ степени доктора медицины; 27-го марта 1828 г. получивъ чинъ коллежскаго ассессора, онъ 20-го апрѣля 1833 г. былъ назначенъ Помощникомъ Инспектора и Главнаго Доктора Голицынской Больницы. Дослужившись до чина статскаго совѣтника и получивъ еще въ 1825 году орденъ св. Владиміра 4-ой степени, Ру умеръ отъ удара, въ домѣ Больницы, 26-го марта 1847 года; погребенъ на Московскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ.

Въ 1821—1834 гг. Ру безплатно лѣчилъ больныхъ въ Якиманской Богадѣльнѣ Московскаго Попечительнаго Комитета Имп. Человѣколюбиваго Общества. Въ 1852 году собраніе медицинскихъ книгъ Ру поступило въ Имп. Публичную Библіотеку.

Формулярный списокъ за 1835 г.; Ив. Сейделеръ, Московская Голицынская Больница, М. 1865, прилож., стр. 264; Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1852 годъ; „Московскій Некрополь“, т. III, стр. 45.

Б. М.

Рубанъ, *Василій Григорьевичъ*, писатель, переводчикъ и издатель; род. въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Бѣлгородѣ, въ 40 верстахъ отъ Кіева, 14-го марта 1742 г. Происходилъ отъ Мирона Рубана, по всѣмъ вѣроятіямъ — казака, который еще въ XVII вѣкѣ обзавелся въ Малороссіи довольно крупнымъ имѣніемъ. Отецъ Р.— Григорій жилъ въ царствованіе Елисаветы Петровны и былъ дважды женатъ; имя матери писателя остается неизвѣстнымъ; знаемъ лишь, что онъ родился отъ 1-го брака отца и, такимъ образомъ, вторая жена отца—вдова Марѳа Васильевна Салтанова—приходилась ему мачехой. Послѣ домашняго обученія Р. былъ отданъ отцомъ въ Кіевскую Духовную Академію, находившуюся тогда въ апогеѣ своей славы, гдѣ въ числѣ близкихъ товарищей Рубана были, между прочимъ, оба брата Бантыши-Каменскіе — Николай и Иванъ. Во главѣ Академіи въ то время стоялъ Георгій Конисскій, подъ руководствомъ котораго Р. и началъ въ 1752 году свои занятія. Знакомство наставника съ ученикомъ сохранилось и позднѣе и даже укрѣпилось благодаря общности ихъ литературныхъ интересовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ довольно живой обмѣнъ письмами и взаимными услугами, поддерживавшійся въ теченіе долгихъ лѣтъ. Окончивъ въ два года курсъ философіи, Р. не пожелалъ продолжать въ Кіевѣ богословское образованіе, на завершеніе коего требовалось въ то время четыре года, и перевелся около 1754 года въ Московскую Духовную Академію, но здѣсь пробылъ сравнительно недолго: когда, въ 1755 году, въ Москвѣ былъ основанъ Университетъ и при немъ учреждены двѣ Гимназіи—для дворянъ и для разночинцевъ, Рубанъ вышелъ изъ Академіи, чтобы поступить въ Университетъ; но такъ какъ, по дѣйствовавшимъ тогда правиламъ, въ Университетъ нельзя было поступить прямо, безъ спеціальной подготовки при Университетскихъ Гимназіяхъ, то въ одну изъ нихъ долженъ былъ опредѣлиться и Р. Надо полагать, что онъ былъ зачисленъ въ составъ Гимназіи для разночинцевъ, такъ какъ въ сохранившихся спискахъ „благородной гимназіи“ его имени не значится. Р. выказалъ хорошіе успѣхи и, по выдержаніи установленнаго экзамена, былъ, въ числѣ первыхъ воспитанниковъ Гимназіи, удостоенъ званія студента 27-го апрѣля 1759 г. Во время прохожденія университетскаго курса Р. слушалъ, между прочимъ, лекціи по риторикѣ и стихотворству у Н. Н. Поповскаго, преподававшаго также и въ Университетской Гимназіи. Повидимому, подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого профессора и создалась у Р. страсть къ стихосложенію, которой онъ остался вѣренъ до послѣднихъ дней жизни. Первые шаги Рубана на литературномъ поприщѣ также относятся еще къ студенческимъ годамъ. Среди его товарищей по Университету было не мало лицъ, впослѣдствіи выдвинувшихся на литературномъ поприщѣ, какъ, напр., Д. И. Фонвизинъ, Ип. Ѳ. Богдановичъ, С. Г. Домашневъ, М. Д. Чулковъ и др. Нѣкоторые изъ нихъ уже и въ то время принимали участіе въ журналѣ Хераскова „Полезное Увеселеніе“. Въ этомъ же журналѣ началъ сотрудничать и Рубанъ, помѣстивъ въ 1761 г. свой первый литературный опытъ—переводъ съ латинскаго: „Папирія, Римскаго отрока, остроумные вымыслы и молчаніе“ („Полезное Увеселеніе“, т. III, стр. 135).

Кромѣ стихотворства, риторики и другихъ предметовъ, Р. обучался въ Университетѣ пяти иностраннымъ языкамъ: латинскому, греческому, французскому, нѣмецкому и татарскому и „за успѣхи въ наукахъ получалъ медали золотыя и серебряныя“. Въ 1761 г. Рубанъ окончилъ курсъ въ Университетѣ, получивъ 12-го іюня 1762 г. чинъ коллежскаго актуаріуса Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и поступилъ вскорѣ на службу переводчикомъ турецкаго языка въ Запорожьѣ, у Никитина перевоза на Днѣпрѣ (нынѣ Никополь, мѣстечко Екатеринославской губерніи), гдѣ на его обязанности лежала выдача паспортовъ русскимъ подданнымъ, отправлявшимся по своимъ торговымъ дѣламъ въ

Крымъ. На этой должности Р. оставался, однако, не долго, покинувъ ее 10-го августа 1763 года и получивъ аттестатъ о своей службѣ изъ „Коша войска Ея Императорскаго Величества Запорожскаго Низоваго". Вслѣдъ затѣмъ Р. перебрался въ Петербургъ и, повидимому, продолжалъ служить по вѣдомству Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ то же время принимая дѣятельное участіе въ рядѣ журналовъ того времени и даже выступая съ собственными изданіями. Дальнѣйшая служебная карьера Р. складывалась слѣдующимъ образомъ. 12-го іюля 1767 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго переводчика и оставался въ немъ до 25-го февраля 1771 года, когда получилъ патентъ на чинъ коллежскаго секретаря; въ маѣ 1773 года онъ, однако, оставилъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и перешелъ на службу въ Сенатъ—на должность протоколиста Межевой Экспедиціи, подъ начальство генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго. Но въ Сенатѣ Рубанъ оставался очень недолго: получивъ въ 1774 году чинъ коллежскаго ассессора, онъ, по приглашенію князя Г. А. Потемкина, занялъ при немъ должность секретаря. Въ этой должности онъ оставался въ продолженіе 18 лѣтъ, постепенно повышаясь въ чинахъ и исправляя по временамъ и другія служебныя обязанности. Въ 1775 г., послѣ назначенія князя Потемкина генералъ-губернаторомъ Новороссійской, Астраханской и Азовской губерній, Р. послѣдовалъ за своимъ начальникомъ на югъ Россіи въ качествѣ человѣка, знакомаго съ этими мѣстами по прежней своей службѣ переводчикомъ въ Запорожьѣ. Будучи произведенъ 29-го сентября 1779 г. въ надворные совѣтники и оставаясь по-прежнему секретаремъ при Потемкинѣ, Р. одновременно съ этимъ былъ назначенъ временно исправлять должность Директора Новороссійскихъ училищъ; обязанности эти, впрочемъ, прекратились уже въ слѣдующемъ году. Вмѣстѣ же съ Потемкинымъ, который въ декабрѣ 1784 г. былъ назначенъ Президентомъ Военной Коллегіи, въ это учрежденіе былъ назначенъ и Р., занявъ въ Коллегіи должность завѣдывающаго иностранной перепиской и переводчика дѣловыхъ бумагъ съ польскаго языка. Въ этой послѣдней должности Рубанъ оставался до самой смерти своей, дослужившись, въ февралѣ 1786 г., до чина коллежскаго совѣтника. Въ одномъ изъ своихъ позднихъ стихотворныхъ произведеній,—а именно въ рукописномъ посланіи къ графу П. А. Зубову, въ январѣ 1794 г., поздравляя его съ назначеніемъ членомъ Военной Коллегіи, Р., между прочимъ, такъ характеризуетъ свою службу:

Въ Военной бо и я совѣтникомъ служу,
Но не совѣтую, а только превожу
На русской польскіе патенты и дѣла.

На службѣ его удерживала исключительно полная необезпеченность; въ другомъ его посланіи—къ графу Н. И. Салтыкову, написанномъ въ томъ же 1794 г., находимъ слѣдующее мѣсто: „Шестой же отъ роду имѣю лѣтъ десятокъ—и въ жалованьѣ весь мой состоитъ достатокъ, да развѣ мнѣ своей деревней счесть Парнасъ, скотины же одинъ, но ветхій ужъ Пегасъ".

Эта же необезпеченность, какъ увидимъ ниже, неоднократно заставляла Рубана прибѣгать къ помощи и покровительству вельможъ-меценатовъ того времени, такъ какъ получаемаго имъ жалованія далеко не хватало на жизнь и на изданіе его произведеній. Одно время у Рубана была надежда получить отъ Потемкина, при которомъ онъ прослужилъ 18 лѣтъ, въ награду за усердіе, помѣстье гдѣ-нибудь на югѣ Россіи, но, повидимому, смерть князя помѣшала ему осуществить это намѣреніе; Р. остался не при чемъ и слѣдующимъ образомъ, не безъ горечи, сообщалъ объ этихъ своихъ разбитыхъ надеждахъ П. Б. Пассеку: „Пять тысячъ четвертей земли мнѣ князь Таврида давалъ, но на письмѣ ея лишь зрятся виды; въ помѣстье-жъ не пришла сія поднесь мнѣ часть, и я не знаю, кто пріялъ ее во власть, или казенною она осталася понынѣ".

Вспоминая о своей службѣ при Потемкинѣ, Рубанъ подчеркиваетъ свою близость къ князю и довѣріе, оказывавшееся послѣднимъ своему секретарю: „Я изъ сенатскихъ взятъ къ нему секретарей, правителемъ его былъ письменныхъ идей", говоритъ онъ въ своемъ посланіи къ А. Н. Самойлову; изъ этого же посланія между прочимъ видно, что Рубанъ умѣлъ вообще жить въ ладу со своимъ начальникомъ: „Зрѣлъ милости его и гнѣвы иногда, но гнѣвы мнѣ его не принесли вреда".

Къ концу службы Рубанъ сталъ страдать слабостью зрѣнія и слуха. Къ прежъ

ней нуждѣ присоединились еще болѣзни, и положеніе Р. еще болѣе ухудшилось. Чувствуя себя не въ состояніи продолжать службу, Р. въ послѣдніе годы жизни не разъ обращался къ А. Н. Самойлову, графу Н. И. Салтыкову и къ другимъ лицамъ съ просьбами о назначеніи ему пенсіи. Въ письмѣ къ А. Н. Самойлову въ январѣ 1794 г. онъ писалъ: „И въ прозѣ, и въ стихахъ и день и ночь трудяся, нерѣдко бодрствовалъ, спать сутки не ложася; чрезъ то и зрѣніе, и слухъ мой потерялъ и болѣе служить уже не въ силахъ сталъ". А въ августѣ того же года онъ въ слѣдующихъ стихахъ излагалъ свою просьбу графу Салтыкову: „Не лишнихъ требую при старости наградъ, но чтобъ коллежскихъ мнѣ совѣтниковъ окладъ, какой въ семъ городѣ по штатамъ утвердила (т.-е. Императрица),— чтобъ оный дать и мнѣ по смерть опредѣлила или, яснѣй сказать, чтобъ до послѣднихъ дней мнѣ семьсотъ пятьдесятъ въ годъ пенсіи рублей высокимъ повелѣть изволила указомъ, и чтобъ уволенъ я военнымъ былъ приказомъ отъ службы, ибо я и слѣпъ уже, и глухъ, лишился зрѣнія и потерялъ мой слухъ".

Но всѣ хлопоты Р. о полученіи пенсіи остались безрезультатными. Не удалось ему также осуществить и другое желаніе— пріобрѣсти на старости хотя бы клочекъ земли, чтобы тамъ безмятежно провести послѣдніе годы своей жизни. Съ подобной просьбой Р. обратился въ послѣдній разъ къ П. Б. Пассеку, когда тотъ былъ избранъ Президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества; жалуясь въ своемъ посланіи на свое одиночество и на полную необезпеченность, онъ писалъ: „Я бобылемъ живу и въ горестной судьбинѣ и нанимаю домъ, хоть не весьма хорошъ, доколѣ есть еще въ карманѣ царскій грошъ; своей же нѣтъ земли ни четверти аршина; наслѣдіе мое— всѣхъ улицъ грязь и тина, котору всякій день ногами я мѣшу".

Въ самые послѣдніе дни его жизни кое-кто изъ друзей Р., стараясь его ободрить, совѣтовалъ ему покинуть Петербургъ и поѣхать отдохнуть. На Украйну звалъ его Курскій Епископъ Ѳеоктистъ, а С. Г. Зоричъ приглашалъ его къ себѣ въ Шкловъ и даже выслалъ ему денегъ на поѣздку, но оба приглашенія уже запоздали: разбитый болѣзнью Рубанъ не могъ тронуться съ мѣста и вскорѣ послѣ этого умеръ, такъ и не избавившись отъ тягостнаго чувства одиночества и вѣчной нужды.

Какъ уже упоминалось выше, литературная дѣятельность Рубана началась еще со студенческой скамьи, но особенно ревностно предался онъ ей послѣ переѣзда изъ Запорожья въ С.-Петербургъ. Уже въ 1764 году онъ началъ сотрудничать въ журналѣ В. Д. Санковскаго „Доброе Намѣреніе", помѣстивъ въ немъ рядъ замѣтокъ. Не оставляя и позднѣе сотрудничества въ цѣломъ рядѣ журналовъ своего времени, В. Г. Рубанъ вскорѣ предпринялъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ изданій: трижды принимался онъ за изданіе періодическихъ журналовъ, выпустилъ значительное количество какъ собственныхъ трудовъ и переводовъ, такъ и произведеній другихъ лицъ, опубликовывалъ историческіе памятники, статистическіе сборники и справочники. Изъ опубликованныхъ имъ собственныхъ его произведеній значительная часть состоитъ изъ мелкихъ изданій, часто даже изъ оттисковъ, на одномъ листѣ, различныхъ торжественныхъ одъ и надписей; но наряду съ ними Рубаномъ было издано немало и капитальныхъ вещей, имѣвшихъ значеніе не только въ его время, но сохранившихъ его и долгое время спустя.

Кромѣ журнала „Доброе Намѣреніе", Р. сотрудничалъ также въ „Парнасскомъ Щепетильникѣ", издававшемся въ 1770 г. М. Д. Чулковымъ, и въ двухъ Новиковскихъ журналахъ—въ „Трутнѣ" въ 1770 году и въ „Живописцѣ" въ 1772 г. Но еще раньше этого, а именно въ 1769 г., въ лучшую пору дѣятельности сатирическихъ журналовъ XVIII вѣка, Р., замѣчая успѣхъ „Всякой Всячины" В. Г. Козицкаго и „И то и сіо" Чулкова, рѣшилъ выступить съ самостоятельнымъ органомъ. 21-го февраля 1769 г. начали появляться, подъ его редакціей и при участіи С. Башилова, еженедѣльные періодическіе листки подъ заглавіемъ „Ни то, ни сіо" (съ эпиграфомъ изъ Проперція: „Maxima de nihilo nascitur historia"). Листки составлялись въ прозѣ и въ стихахъ, выходили по субботамъ и стоили недорого, какъ это явствуетъ изъ двустишія, напечатаннаго на заглавномъ листѣ перваго изданія:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ,
Тому ни То ни Сіо дадутъ листокъ одинъ.

Но, несмотря на успѣхъ, которымъ у насъ пользовались въ то время сатириче-

скія изданія, журналъ Рубана особеннаго успѣха не имѣлъ. Причина этого въ настоящее время ясна: Р., какъ редакторъ, какъ разъ не обладалъ тѣми качествами, которыя давали жизнь и смыслъ сатирической журналистикѣ. Его листки не отличались мѣткими нападками на темныя стороны тогдашней дѣйствительности, мало было въ нихъ и искренности, простоты и задушевности. Въ довершеніе всего самъ Р. довольно смутно сознавалъ назначеніе и цѣль своего журнала. По его собственнымъ словамъ, одною изъ основныхъ причинъ, побудившихъ его сдѣлаться журналистомъ, было собственное самолюбіе. „Эта страсть, говоритъ самъ Рубанъ: будучи сопровождаема еще охотою показаться грамотными и желаніемъ услужить публикѣ, сдѣлала изданіе сихъ листковъ необходимымъ“. Но при этомъ онъ едва-ли отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какого же рода услугу онъ долженъ оказывать своимъ читателямъ; по крайней мѣрѣ, характеръ самаго журнала не представлялъ изъ себя чего-нибудь выдержаннаго. Напротивъ, выражая свои редакторскіе взгляды, Р. находилъ необходимымъ „мѣшать поученія съ увеселеніями и угрюмость строгихъ правилъ умягчать какими-нибуь пріятностями или закрывать прелестными цвѣтами“. Въ его журналѣ, поэтому, очень мало было сатиры, больше же прославленія современнаго ему порядка вещей. Благодаря упомянутому же соображенію, выборъ статей для „Ни то, ни сіо“, не былъ объединенъ какой-нибудь общей мыслью или направленіемъ. По обнародованной уже въ № 1 журнала программѣ, содержаніемъ его должна была являться „смѣсь, состоящая изъ прозы и стиховъ, сочиненій и переводовъ“. И дѣйствительно, содержаніе „Ни то, ни сіо“, можно сказать, оставалось вѣрно этой программѣ, съ тѣмъ только добавленіемъ, что въ немъ отдавалось особенное предпочтеніе разнаго рода риторическимъ упражненіямъ. Чуть-ли не единственнымъ исключеніемъ за все время изданія журнала является статья: „Планъ воспитанія и вояжа Г***, имъ самимъ написанный“, изображающая въ преувеличенномъ видѣ невѣжество тогдашнихъ педагаговъ-иностранцевъ и плачевные итоги ихъ обученія и заключающая въ себѣ элементы хоть и грубой, но все же сатиры. Принимая самое близкое участіе въ веденіи журнала, Р. старался, правда, оживить его эпиграммами и блестками остроумія, но чаще всего у него на это не хватало таланта и умѣнія. Какъ на примѣръ такихъ неудачныхъ попытокъ, можно сослаться на одну изъ статей № 1 журнала, обращавшуюся непосредственно къ читателямъ: „Сочиненіе наше, говорилось тамъ,— покажется читателямъ или полезно, или безполезно, или ни то, ни другое. Что до перваго принадлежитъ, то мы обѣщаемся понести великодушно, если кто наше „Ни то, ни сіо“ захочетъ превратить въ нѣчто. Что же касается до второго, то мы не обязуемся отвѣтствовать за тѣхъ читателей, которые изъ сего нашего затору произведутъ непріятную чувствамъ кислоту, а если случится третье, то мы уже будемъ не первые отягощать свѣтъ безполезными сочиніями: между множествомъословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ...“ Помимо самого Р., помѣстившаго въ журналѣ рядъ стихотвореній и переводовъ, въ немъ принимали болѣе или менѣе близкое участіе С. Башиловъ, В. П. Петровъ, М. В. Поповъ и нѣкоторые другіе, менѣе извѣстные писатели. „Ни то, ни сіо“, несмотря на всѣ свои недостатки, все-таки расходилось и даже годъ спустя было перепечатано, въ 1771 году, вторымъ изданіемъ, съ сохраненіемъ всего прежняго содержанія. Но, тѣмъ не менѣе, не встрѣчая особой поддержки со стороны читающей публики, оно не могло просуществовать даже всего года сполна и прекратилось на № 20, вышедшемъ 11-го іюля. Впрочемъ, и выходилъ журналъ не вполнѣ регулярно: уже въ іюнѣ случился перерывъ, послѣ котораго сразу были выпущены четыре листа; эту задержку Р. объяснялъ тѣмъ, что „сочинители его (т.-е. журнала), желая доставить себѣ возможность пользоваться пріятностьми исходящей весны и начинающагося лѣта“, разрѣшили сами себѣ мѣсячный отпускъ. Прекращая выпускъ въ свѣтъ своего журнала, Р. въ послѣднемъ листѣ этого изданія помѣстилъ слѣдующее стихотворное обращеніе къ читателю, въ которомъ не трудно подмѣтить затаенную горечь отъ постигшей его неудачи. Какъ ни старается авторъ скрыть свои подлинныя чувства, прочесть ихъ не составляетъ особаго труда: „Ужъ намъ „Ни то, ни сіо“ наскучило писать, читатели, а вамъ наскучило читать. Къ другимъ трудамъ свои мы обратили руки, но нынѣ публика терпѣть не будетъ скуки.

Здѣсь „Всяка Всячина“ досель еще цвѣтетъ, отъ ней „И то и сіо“, и съ „Трутнемъ“ „Смѣсь“ растетъ, и пишется при томъ „Полезное съ пріятнымъ“: предметовъ много есть и добрымъ, и развратнымъ. Для умноженія забавы и отрадъ помѣсячно завелъ свою здѣсь *почту ад*. Пусть публика сіи листы теперь читаетъ, веселья съ пользой ей „Ни то, ни сіо“ желаетъ, но нынѣ для чего окончилось оно, то въ слѣдующемъ здѣсь письмѣ помѣщено“.

Въ упоминаемомъ же письмѣ сообщалось, что редакція, убѣдившись на собственномъ опытѣ, какъ прилипчива болѣзнь „марать бумагу прозой“, нашла на нее надежное лекарство въ „многодѣліи“, котораго, „если дать добрый пріемъ больному, то сколь бы въ немъ сія болѣзнь ни застарѣлась, то онъ, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ исцѣлится“. Разсуждая далѣе о причинахъ неудачи журнала, Рубанъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „...мы не угодили ни петиметрамъ, ни степеннымъ людямъ: первымъ — потому что не грезили ни о нарядахъ, ни объ модахъ, но о томъ жалѣть нечего: вѣдь они и сами больны головою, однако не ломомъ, а пустотою въ головѣ; а вторымъ—потому что мы писали на лоскуткахъ, которыхъ они и въ руки не берутъ; они охотники до увѣсистыхъ книгъ, но, по несчастію, прекратившаяся скоропостижно наша болѣзнь не дала намъ времени сгромоздить ничего такого, что бы имъ руки обломить могло. Итакъ, осталось намъ ожидать себѣ похвалы отъ однихъ здоровыхъ людей, но, по несчастію, ихъ очень мало“... Не удовлетворяя вкусамъ тогдашней читающей публики, „Ни то, ни сіо“ было встрѣчено недружелюбно и своими собратьями—другими періодическими журналами. Чуть ли не съ перваго номера возгорѣлась ссора между нимъ и „Всякой Всячиной“, особенно же усердствовала въ этомъ отношеніи „Смѣсь“, неоднократно ополчавшаяся противъ Рубана и его журнала. Уже вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ первыхъ листовъ „Ни то, ни сіо“ въ „Смѣси“ было помѣщено „Разсужденіе“, въ которомъ авторъ его, играя словомъ *рубить* и пользуясь сходствомъ между этимъ словомъ и фамиліей Рубана, осмѣивалъ страсть послѣдняго къ стихотворству. Въ другой разъ въ той же „Смѣси“ было прямо сказано по адресу Рубана: „Сей стихотворецъ могъ бы всползти на Парнасъ, но онъ не пишетъ стихи, а рубитъ ихъ, какъ дрова“. Наконецъ, не прошло безъ насмѣшекъ со стороны „Смѣси“ и прекращеніе журнала „Ни то, ни сіо“. Въ своемъ 17-мъ листѣ она помѣстила слѣдующую эпитафію: „Немного времени „Ни то, ни сіо“ трудилось, въ исходѣ февраля родившися на свѣтъ: вся жизнь его была единый только бредъ, и въ блоху, наконецъ въ іюлѣ прародилось; а сею тварію презрѣнно бывъ вездѣ, исчезло во своемъ убогонькомъ гнѣздѣ“.

Въ послѣднихъ стихахъ содержится намекъ на стихотвореніе: „Блоха, изъ Овидіевыхъ фрагментовъ“, помѣщенное въ послѣднемъ листѣ журнала „Ни то, ни сіо“. Въ наши дни журналу Рубана было приписано А. И. Незеленовымъ въ его изслѣдованіи „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“ нигилистическое и матеріалистическое направленіе. Что касается перваго пункта этого обвиненія, основаннаго на невѣрно понятомъ смыслѣ стихотворенія „Скажите, отчего родилось „То и сіо“, въ которомъ прославляется дѣятельность нулей, то его, по мнѣнію Б. Л. Модзалевскаго (въ его изслѣдованіи о литературной дѣятельности Рубана) врядъ ли можно считать основательнымъ, если не дѣлать натяжекъ. Но еще болѣе неосновательно и второе обвиненіе, выводимое Незеленовымъ изъ стихотворенія „Деньги“, напечатаннаго во второмъ номерѣ журнала. Стихотвореніе это дѣйствительно представляетъ настоящій дифирамбъ деньгамъ, но, какъ бы предчувствуя возможность обвиненія въ матеріализмѣ, Рубанъ сопровождаетъ его объясненіемъ, почему „Ни то, ни сіо“ „заглядѣлось такъ пристально“ на презрѣнный металлъ: „У голодныхъ,—читаемъ мы въ этомъ поясненіи,—хлѣбъ на умѣ, а мы недавно вышли изъ безсребреннаго Минервиныхъ питомцевъ жилища [т.-е. изъ Университета], гдѣ и слово „деньги“ только въ лексиконахъ видали... При всемъ томъ мы, не обинуясь, можемъ сказать, что не они насъ взманили писать сіи листки; но дѣло въ томъ только состоитъ, что недостатокъ оныхъ не дозволяетъ намъ быть щедрыми“. Признаваясь далѣе въ томъ, что до издательской дѣятельности ему приходилось преимущественно вращаться въ обществахъ, „гдѣ ничто такъ не маловажно, какъ деньги“, Рубанъ

говоритъ: „Потомъ, какъ выступили вдругъ на такой ѳеатръ, гдѣ почти всѣ дѣйствія производятся деньгами, то не можно повѣрить, какъ мы были удивлены чудесами, творимыми отъ оныхъ“. Сопоставляя эти признанія редактора-издателя „Ни то, ни сіо“ съ отмѣченною уже выше постоянной его нуждой въ деньгахъ и полной необезпеченностью, можно повѣрить ихъ искренности, опровергающей какую бы то ни было пропаганду матеріализма.

Первая неудача на поприщѣ журналистики не остановила Рубана, и уже въ 1771 году онъ началъ, со второй половины года, издавать (на счетъ купца М. Сѣдельникова) новый еженедѣльный журналъ—„Трудолюбивый Муравей“. Новый журналъ началъ выходить какъ разъ въ такое время, когда всѣ прежніе Петербургскіе журналы прекратили свое существованіе. Ставя себѣ цѣлью увеселять публику и тѣмъ доставлять „сугубое удовольствіе себѣ и читателямъ, сидящимъ во скукѣ безъ еженедѣльныхъ новостей“, Р. приглашалъ всѣхъ и каждаго „къ споспѣшествованію трудовъ своихъ“ и обнадеживалъ ихъ“ въ изданіе свое вмѣщать всѣ присылаемыя къ нему сочиненныя или переведенныя въ прозѣ и стихахъ піесы, которыя здравому разсудку и благопристойности противны не будутъ“. Но „Трудолюбивому Муравью“ не удалось по замыслу издателя „выходомъ своимъ оживотворить кости усопшихъ своихъ собратій“. Оцѣнка съ точки зрѣнія „благопристойности“ у Рубана на этотъ разъ зашла еще дальше, чѣмъ при изданіи „Ни то ни сіо“, заставляя его безжалостно исключать со страницъ журнала какъ серьезную критику тогдашней общественности, такъ, наряду съ ней, даже и невинную сатиру. Онъ такимъ образомъ вторично остался глухъ къ запросамъ своего времени и взялъ еще болѣе невѣрный тонъ, чѣмъ въ первый разъ. „Трудолюбивый Муравей“, не встрѣтивъ поддержки, вскорѣ же прекратился едва дотянувъ до конца 1771 г. Въ послѣднемъ выпускѣ журнала Р. сообщалъ, будто онъ удостовѣрился во вниманіи къ нему читателей „великимъ, бывшимъ на листы его расходомъ во все время своего теченія“, и обѣщалъ въ слѣдующемъ же году выступить съ новымъ еженедѣльнымъ изданіемъ; надо, однако, полагать, что это заявленіе не было вполнѣ справедливымъ, да и не могло быть таковымъ, ибо читатель, оставшійся неудовлетвореннымъ при изданіи „Ни то, ни сіо“, врядъ ли могъ удовлетвориться „Трудолюбивымъ Муравьемъ“,—тѣмъ болѣе, что изданіе послѣдняго велось еще болѣе безъидейно и представляло собраніе матеріаловъ, неспособное удовлетворить даже читателей, смотрѣвшихъ на литературу, какъ на лѣкарство отъ скуки и пріятное препровожденіе времени. Подавляющее большинство статей этого журнала представляло переводы французскихъ и латинскихъ писателей, къ тому же выбранныхъ наудачу, и въ большинствѣ случаевъ было лишено не только общественнаго, но и литературнаго интереса. Сотрудниками „Трудолюбиваго Муравья“, помимо многихъ лицъ, скрывшихся подъ разными иниціалами, выступали между прочимъ: В. И. Майковъ, И. У. Вансловъ, М. Г. Спиридовъ и Дмитрій Грозинскій—архимандритъ Спасскаго монастыря въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Самъ же Рубанъ помѣстилъ въ журналѣ нѣсколько надписей въ стихахъ и стихотворный же переводъ изъ Лукіана: „Діогенъ и Александръ“. Исполнить обѣщаніе, данное читателямъ при прекращеніи „Трудолюбиваго Муравья“,—выступить въ слѣдующемъ году съ новымъ еженедѣльнымъ изданіемъ Рубану не пришлось, но онъ все же не отказался отъ мало свойственной ему роли журналиста и съ августа 1772 г. выступилъ съ изданіемъ сборниковъ „Старина и Новизна“; вторая книжка сборника появилась въ слѣдующемъ, 1773 году и на ней изданіе окончательно прекратилось. Содержаніемъ своимъ оба сборника не отличаются отъ предыдущихъ изданій Рубана: въ нихъ та же смѣсь стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ статей по самымъ различнымъ вопросамъ, касающимся главнымъ образомъ Россіи; есть даже, между прочимъ, статьи, посвященныя статистикѣ, педагогіи и духовному краснорѣчію. Есть основаніе полагать, что въ сборники вошелъ матеріалъ, накопившійся для предполагаемаго журнала; между прочимъ самъ Р. въ „предувѣдомленіи“ къ I части „Старины и Новизны“ заявлялъ, что побудительнымъ мотивомъ къ выпуску сборниковъ явилось съ одной стороны наличность значительнаго количества „сочиненныхъ и переведенныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ разнаго содержанія небезполезныхъ рукописей“, а съ другой—же-

ланіе „услужить публикѣ, къ чтенію книгъ охоту имѣющей". Интересно отмѣтить, что въ числѣ сотрудниковъ „Старины и Новизны" встрѣчается больше лицъ, пользовавшихся въ то время извѣстностью; такъ, въ ней участвовали: М. М. Херасковъ, княжна Е. С. Урусова, бывшій наставникъ Рубана по Кіевской Академіи—Георгій Конисскій, М. Г. и А. Г. Спиридовы, Петербургскій митрополитъ Гавріилъ Петровъ, М. И. Веревкинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Г. Н. Тепловъ и др.; наконецъ, въ этомъ же изданіи впервые выступилъ на литературное поприще Державинъ, помѣстивъ въ „Старинѣ и Новизнѣ" свой (анонимный) переводъ съ нѣмецкаго: „Ироида, или письмо Вивлиды къ Кавну". Самимъ Рубаномъ были помѣщены въ этихъ сборникахъ, помимо многочисленныхъ надписей и одъ, нѣсколько стихотворныхъ переложеній молитвъ и загадокъ.

Въ „Старинѣ и Новизнѣ" обращаетъ на себя вниманіе преобладаніе статей историческаго содержанія. Это обстоятельство пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ виду дальнѣйшаго направленія литературной дѣятельности Рубана, выявившейся въ изданіи цѣлаго ряда книгъ историко-географическаго содержанія, памятниковъ русской литературы и другихъ сочиненій какъ своихъ, такъ и чужихъ. Очевидно, годы изданія „Старины и Новизны" приходится считать переходнымъ періодомъ, когда окончательно опредѣлились наклонности В. Г. Рубана, и онъ, окончательно оставивъ поприще журналиста, промѣнялъ его на болѣе благодарную для себя стезю посильнаго служенія обществу путемъ изданія и составленія полезныхъ книгъ научнаго содержанія. Отдѣльныя произведенія этого рода были переводимы и издаваемы Рубаномъ и до 1772—1773 г., но ими онъ тогда какъ бы нащупывалъ почву и лишь въ послѣдующіе годы окончательно и уже безповоротно сталъ на избранный путь. Въ хронологической послѣдовательности его научно-литературная дѣятельность сперва исключительно состояла изъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ—французскаго, латинскаго и греческаго. Такъ, еще въ 1765 г. онъ напечаталъ книгу: „Настоятель Килеринскій, нравоучительная исторія, сочиненная изъ записокъ одной знатной Ирландской фамиліи", соч. д'Аржанса, переводъ съ французскаго. Начавъ изданіе „Настоятеля" въ 1765, Р. закончилъ его (въ 6 частяхъ) лишь въ 1781г. Въ 1770 г. появился „Канонъ Пасхи св. Іоанна Дамаскина", переложенный стихами. Это изданіе выдержало въ 1779 г. второе изданіе, а послѣ смерти В. Г. Рубана, въ 1821 году въ Синодальной Типографіи было отпечатано и 3-мъ изданіемъ (на обложкѣ оно ошибочно обозначено вторымъ). Въ 1771 г. Р. перевелъ съ латинскаго „Царскій свитокъ, посвященный Греческому императору Іустиніану, діакона Агапита, состоящій изъ 72 главъ" и „Карла Линнея наставленіе путешествующему", переводъ съ латинскаго, С.-Пб. 1771 г.; въ слѣдующемъ же году была издана „Омирова Ватрахоміомахія, то-есть война мышей и лягушекъ, забавная поэма"; въ 1788 году этотъ переводъ былъ изданъ вторично. Начиная же съ 1773 года, какъ мы уже указывали, издательская дѣятельность Рубана особенно усилилась и приняла болѣе опредѣленный характеръ. Начиная съ этого года, онъ составилъ и издалъ слѣдующія собственныя сочиненія: въ 1773 г. „Краткія географическія, политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи, съ пріобщеніемъ украинскихъ трактатовъ и извѣстій о почтахъ, такожъ списка духовныхъ и свѣтскихъ тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа и пр." Изданіе это имѣло успѣхъ и уже въ 1777 году потребовалось второе изданіе его, а одновременно съ нимъ Рубаномъ было составлена и издана въ Петербургѣ „Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ, такожъ землеописанія, съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній". Между прочимъ, эта „Лѣтопись" была переведена Шереромъ на французскій языкъ, но безъ упоминанія имени Рубана. Самому Рубану въ „Краткой лѣтописи" принадлежитъ главнымъ образомъ редакціонная обработка, такъ какъ лѣтописный сводъ событій до 1734 г. былъ присланъ ему Георгіемъ Конисскимъ, болѣе поздніе событія и списки начальствующихъ лицъ сообщилъ А. А. Безбородко, а землеописаніе и прочія свѣдѣнія составилъ кто-то изъ Украины. Въ видѣ дополненія къ „Краткой лѣтописи" въ томъ же году появилось

„Землеописаніе Малыя Россіи, изъясняющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей и сколько гдѣ выборныхъ казаковъ, подпомощниковъ и посполитыхъ по ревизіи 1764 года находилось". Это „Землеописаніе" начинается топографическимъ очеркомъ Малороссіи и содержитъ довольно много статистическихъ свѣдѣній. Подробнѣе другихъ описанъ Полтавскій полкъ, почти о всѣхъ городахъ котораго приведены краткія историческія данныя; въ концѣ „Землеописанія" былъ приложенъ алфавитный географическій указатель.

Въ 1775 г. Рубанъ выпустилъ „Любопытный Мѣсяцесловъ на 1775 годъ, являющій и на всѣ простыя лѣта, кромѣ высокосныхъ, числа или дни мѣсяцевъ по старому и новому стилю"... Кромѣ чисто календарныхъ свѣдѣній, это изданіе содержало въ себѣ краткій перечень историческихъ событій и изобрѣтеній, роспись русскихъ государей и лицъ царствующаго дома, краткія астрономическія и почтовыя извѣстія, наставленія садоводамъ и др.; но больше всего вниманія было удѣлено исторіи русской духовной іерархіи и историко-статистическому отдѣлу, подробно описывающему намѣстничества, губерніи, города, епархіи, монастыри, церкви, кладбища, училища, аптеки и типографіи. „Любопытный Мѣсяцесловъ" продолжалъ выходить и въ слѣдующіе годы, а именно въ 1776, 1778 и 1780 г., печатаясь въ С.-Петербургѣ, и только въ 1776 г. появился „Московскій Любопытный Мѣсяцесловъ". Въ полномъ заглавіи „Мѣсяцеслова" Рубанъ, между прочимъ, указывалъ, что издаетъ его „для пользы Россіянъ"; съ этой же цѣлью позднѣе имъ было выпущено нѣсколько изданій различныхъ справочниковъ, въ томъ числѣ: „Дорожникъ чужеземный и Россійскій и поверстная книга Россійскаго государства...", С.-Пб. 1777 г.; „Всеобщій и совершенный гонецъ и путеуказатель", С.-Пб. 1791 г., разошедшійся тремя изданіями (второе въ С.-Пб. въ 1793 г., а 3-е, посмертное, — С.-Пб. 1808 г.); „Дорожный перечень, представляющій знатнѣйшіе Россійскіе и иностранные, въ Европѣ и Азіи находящіеся города", С.-Пб. 1785 г.; „Историческая табель владѣтельныхъ великихъ князей, царей и императоровъ всероссійскихъ", С.-Пб. 1782 г.; „Россійскій царскій памятникъ, содержащій по абевегальному, т.-е. азбучному порядку краткое описаніе жизни Россійскихъ государей, ихъ супругъ и чадъ обоего пола, съ показаніемъ времени и мѣста рожденія, кончины и погребенія онымъ, съ пріобщеніемъ панихидной росписи по днямъ и мѣсяцамъ всего лѣта", С.-Пб. 1783 г. Книжка эта, разосланная первоначально Рубаномъ по церквамъ, въ короткое время выдержала шесть изданій, изъ нихъ первыя три—въ теченіе одного 1783 г.; „Изъявленіе по полосамъ губерній, намѣстничествъ и областей всей Россійской Имперіи, съ означеніемъ времени ихъ открытія, званія ихъ городовъ..., также и описанія тамошнихъ мундировъ...", С.-Пб. 1785 г.; „Краткій степенникъ владѣтельныхъ Великихъ Князей, Императоровъ и Императрицъ Всероссійскихъ", С.-Пб. 1786 г.; „Посѣтитель и описатель Святыхъ мѣстъ, въ трехъ частяхъ свѣта состоящихъ, или путешествіе Мартына Баумгартена, нѣмецкой Имперіи дворянина и кавалера, въ Египетъ, Аравію, Палестину и Сирію..., также Исторія о нравахъ и обычаяхъ тамошнихъ народовъ, нѣкоторыхъ Государей и Государствъ, о ихъ началѣ, происхожденіи и приращеніи или упадкѣ...", переводъ съ латинскаго, С.-Пб. 1794; „Геройскій подвигъ Екатеринославскаго корпуса егеря" (время и мѣсто изданія не обозначено); „Изъявленіе настоящаго образа правленія Малыя Россіи", С.-Пб. (время изданія не обозначено).

Уже изъ одного перечня изданныхъ Рубаномъ книгъ не трудно заключить, что большинство ихъ отвѣчало чисто практическимъ потребностямъ того времени и благодаря этому пользовалось успѣхомъ. Но среди его трудовъ были и болѣе выдающіеся, обратившіе на себя вниманіе не только современниковъ; изъ такихъ его изданій прежде всего слѣдуетъ остановиться на трудѣ, посвященномъ жизни и дѣятельности Петра I. Сочиненіе это, носящее заглавіе: „Начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго, съ пріобщеніемъ хронологической росписи главнѣйшихъ дѣлъ и приключеній жизни сего великаго государя", С.-Пб. 1778 г.,—хотя и написано, по отзывамъ изслѣдователей, подъ вліяніемъ иностранной литературы о Петрѣ, имѣло и свои достоинства, какъ выпуклая и умѣло составленная характеристика внѣшней и внутренней исторіи Петровскаго царствованія; кромѣ того ей предшествовала картина состоянія Россіи при Іоаннѣ Грозъ-

номъ и его ближайшихъ преемникахъ. Посвященъ былъ этотъ трудъ графу З. Г. Чернышеву. Другимъ, еще болѣе цѣннымъ изданіемъ В. Г. Рубана было опубликованное имъ въ 1779 г. „Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга отъ начала заведенія его съ 1703 г. по 1751 годъ...“, съ 84 гравированными рисунками и портретомъ Петра Великаго. Составлено было это „Описаніе“ первоначально А. И. Богдановымъ, помощникомъ библіотекаря и архиваріуса Академіи Наукъ и было открыто Рубаномъ въ Новгородской Семинарской библіотекѣ; но потомъ Р. дополнилъ его собственными изысканіями, снабдилъ предметнымъ указателемъ и украсилъ изданіе гравюрами, изображающими строенія, отъ которыхъ теперь по большей части не осталось слѣда. Кромѣ того къ „Описанію“ былъ приложенъ списокъ надгробій Александро-Невскаго монастыря, опять-таки теперь уже давно исчезнувшихъ. Въ 1903 г. А. А. Титовъ издалъ Дополненіе къ изданному Рубаномъ „Описанію Петербурга“, составленное тѣмъ-же Богдановымъ.

По словамъ изслѣдователя исторіи Петербурга — П. Н. Петрова, — изданіе Рубана и до сихъ поръ выгодно отличается отъ прочихъ матеріаловъ по исторіи столицы точностью и добросовѣстностью собранныхъ свѣдѣній. Тщательно составленное по архивнымъ документамъ, оно и теперь еще сохранило цѣнность справочника благодаря обилію въ немъ историческаго матеріала. Издано оно было на средства князя Г. А. Потемкина и посвящено Екатеринѣ II, коей, по словамъ издателя, „сей градъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и славою одолженъ“. Три года спустя послѣ изданія „Описанія“ Петербурга, въ 1782 г., Рубаномъ было издано и „Описаніе Императорскаго столичнаго города Москвы“. Этотъ трудъ не представляетъ уже такого интереса, какъ предшествующій, и ограничивается главнымъ образомъ топографіей Первопрестольной столицы и описаніемъ ея церквей, присутственныхъ и казенныхъ мѣстъ. Любопытно только, что на обложкѣ его Рубанъ именуетъ себя „издателемъ описанія Санктпетербурга“, а это даетъ основаніе къ заключенію, что первое произведеніе пользовалось въ свое время широкимъ успѣхомъ и содѣйствовало популярности издателя.

Наконецъ, В. Г. Рубаномъ въ разное время было издано нѣсколько историческихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о его желаніи сохранить для потомства эти старинные и важные матеріалы. Занимаясь изданіемъ ихъ, Р., правда, не держался никакой системы, публикуя, вѣроятно, то, что попадалось ему подъ руку; но онъ понималъ, что изданіе старинныхъ памятниковъ, „изъ челюстей ѣдкія древности исхищаемыхъ, нарочито умножило знаніе отечественной исторіи и обогатило природный языкъ, отъ многаго чужеземныхъ нарѣчій введенія оскудѣвать начинавшій“. Въ 1773 г. съ этой цѣлью имъ былъ изданъ „Походъ боярина и большого полку воеводы Алексѣя Семеновича Шеина къ Азову, взятіе сего и Лютика города и торжественное оттуда съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращеніе въ Москву“. Памятникъ этотъ представляетъ изъ себя журналъ А. С. Шеина о двухъ его экспедиціяхъ въ Азовъ; онъ снабженъ именнымъ спискомъ участвовавшихъ въ этомъ походѣ лицъ; изданіе посвящено графу П. И. Панину. Четыре года спустя, по распоряженію князя Г. А. Потемкина, Рубаномъ былъ изданъ въ свѣтъ найденный въ Оружейной Палатѣ списокъ „Устава ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящей въ 663 указахъ или статьяхъ въ Государствованіе царей и Вел. Кн. Василія I Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича... въ 1607 и 1621 годахъ“. Составленная по иностраннымъ источникамъ Онисимомъ Михайловымъ, рукопись этого „Устава“ представляетъ весьма интересный памятникъ начала XVII ст., дающій ясное представленіе о способахъ веденія въ то время военныхъ дѣйствій. При опубликованіи „Устава“ Р. пришлось затратить не мало времени на разысканіе утерянныхъ чертежей (которые, однако, такъ и не нашлись), что сильно задержало печатаніе, такъ что вторая часть его могла появиться только въ 1781 г. Редактируя текстъ „Устава“, Р. позволялъ себѣ дѣлать въ немъ произвольныя поправки, хотя въ предисловіи къ нему онъ и отрицаетъ это, говоря, что въ его изданіи „ничего въ подлинникѣ находящагося не упущено, исключая явныхъ нѣкоторыхъ погрѣшностей писцовыхъ“. Еще менѣе научно Р. обошелся съ двумя другими изданными имъ памятниками: 1) „Пѣше-

ходца Василія Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпринятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году", С.-Пб. 1778 и 2) „Путешествіе Московскаго купца Трифона Коробейникова съ товарищами въ Іерусалимъ, Египетъ и къ Синайской горѣ въ 1583 году", С.-Пб. 1783 г. Первое изъ этихъ „Путешествій", пользовавшееся въ XVIII в. извѣстностью, напечатано было Р. съ значительными пропусками и измѣненіями, исправленіемъ слога подлинника и т. п., что дѣлаетъ это изданіе совершенно неудовлетворительнымъ въ научномъ отношеніи. Опущены въ изданіи и всѣ рисунки и чертежи, имѣвшіеся въ подлинникѣ Барскаго, при чемъ Р. мотивируетъ это тѣмъ, что „всѣ видѣнныя сочинителемъ мѣста столь обстоятельно и живо описаны, что и безъ рисунковъ читатель совершенное понятіе пріобрѣсть можетъ". Но, несмотря на эти дефекты, „Путешествіе" Барскаго выдержало четыре изданія при жизни Р. и два—послѣ его смерти (II изд. С.-Пб. 1785 г.; III — посадъ Клинцы, 1788 г.; IV—С.-Пб. 1793 г.; V—С.-Пб. 1800 и VI—С.-Пб. 1819 г.). Что касается второго „Путешествія, то съ нимъ повторилось то же, что и съ первымъ. По словамъ И. П. Сахарова, занимавшагося сличеніемъ рукописей „Путешествія Коробейникова", Р. позволилъ въ своемъ изданіи дѣлать произвольныя вставки и исправленія слога. Въ предисловіи къ этому „Путешествію" Рубаномъ, между прочимъ, было высказано сомнѣніе въ принадлежности этого памятника Коробейникову. Новѣйшія историческія разысканія вполнѣ подтвердили эти сомнѣнія Р., установивъ, что изданный имъ памятникъ въ своей большей части является пересказомъ записокъ паломника 1552 г. Василія Позднякова.

Помимо историческихъ памятниковъ, В. Г. Рубаномъ въ разное время были изданы слѣдующіе чужіе труды: 1) „Китайскій мудрецъ, или наука жить благополучно въ обществѣ, состоящая въ наиполезнѣйшихъ нравоучительныхъ наставленіяхъ, сочиненныхъ древнимъ восточнымъ браминомъ. Переводъ съ французскаго", С.-Пб., I изд. 1773 г.; II—1777 г., III—1785 г. Авторъ перевода неизвѣстенъ, но, по догадкамъ самого Рубана, имъ былъ Сенатскій протоколистъ Колосовъ; 2) „Энеида" Виргилія, переводъ съ латинскаго В. Санковскаго, съ комментаріями Рубана, С.-Пб. 1775 г.; 3) „Слово о промыслѣ Божіи, вообще ко всему свѣту, и особливо къ Россіи", Гавріила Бужинскаго, произнесенное 11 октября 1720 г., съ предисловіемъ, написаннымъ В. Г. Рубаномъ, С.-Пб. 1776; 4) „Хоры на торжество мира съ Отоманской Портой", соч. аудиторомъ Иваномъ Селецкимъ, С.-Пб. 1776 г.; 5) „Путешествіе англинскаго Лорда Балтимура изъ Константинополя черезъ Румелію, Болгарію, Молдавію, Польшу, Германію и Францію въ Лондонъ", переводъ съ англійскаго С. И. Плещеева, С.-Пб. 1776 г.; II изд.—1778 г.; 6) „Гимназическій или семинарскій, то-есть школьный наставникъ учащагося юношества, Генриха Милса, переводъ съ латинскаго Г. Данкова, С.-Пб. 1781 г.; 7) „Исторія философическая", сочиненіе Фридриха Генцкенія. Перевелъ съ латинскаго К. Быстрицкій, С.-Пб. 1781 г.

Наряду съ научной и издательской дѣятельностью В. Г. Рубанъ не порывалъ со своей давнишней страстью къ стихотворству; можно даже сказать, что она съ годами въ немъ возрастала. Свои стихотворныя произведенія и переводы,—главнымъ образомъ съ латинскаго—онъ помѣщалъ либо въ журналахъ, сотрудничая въ 1776 г. въ „Собраніи Новостей", въ 1779 г. въ „Утреннемъ Свѣтѣ", въ 1780 г. въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ", въ 1786 г. въ „Растущемъ Виноградѣ" и съ 1791 по 1796 гг. въ „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ", либо же издавалъ ихъ отдѣльно. Преобладающей формой его стихотвореній являются либо оды, такъ распространенные въ XVIII в., либо „надписи", сочинявшіяся имъ на разные случаи. Въ послѣдніе годы жизни стихотворная производительность Рубана достигла особенно значительныхъ размѣровъ, такъ какъ въ стихахъ онъ велъ даже свою личную переписку. Сохранился записанный П. Ѳ. Карабановымъ разсказъ о томъ, какъ Потемкинъ однажды поручилъ своему секретарю написать, вмѣсто отношенія, о выдачѣ 10,000 рублей стихотворное посланіе въ Соляную Контору.

Рубанъ пользовался въ свое время малозавидной славой стихотворца-панегириста, и дѣйствительно можно сказать, что онъ не упускалъ случая выступать

съ прославленіемъ сильныхъ міра сего и прибѣгалъ къ ихъ покровительству очень часто. Какъ уже указывалось, единственнымъ оправданіемъ такого поведенія Р. служитъ его постоянная необезпеченность, особенно усилившаяся къ старческимъ годамъ, когда болѣзненное состояніе давало себя сильно чувствовать. Къ этому можно еще прибавить лишь указанія на его скромность и довольство даже и незначительными благодѣяніями со стороны покровителей и меценатовъ. Такъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ посланій къ Н. Н. Д.—Рубанъ заявлялъ: „... отъ другихъ, не такъ достаточныхъ людей я съ удовольствомъ въ даръ беру и сто рублей, и меньшій даръ цѣны съ пріятностью пріемлю; отъ многихъ же совсѣмъ и ничего не вземлю“. Какими мелочами иногда приходилось Рубану довольствоваться въ качествѣ подачки, видно, напр., изъ слѣдующаго „Щета забранныхъ въ зачетъ надгробія вещей“: „Вы ласковы ко мнѣ бывали всякій часъ: фунтъ чаю получилъ отъ вашего я сына и въ ангелъ мой сукна для фраку три аршина, да вашей фабрики иголокъ двадцать шесть...,—вотъ безуронная вамъ вся до нитки смѣта, чѣмъ своего снабдить изволили поэта“. Сохранились и другія указанія, за что приходилось Р. благодарить своихъ покровителей: извѣстнаго богача С. С. Яковлева онъ благодарилъ (въ стихахъ) за муфту и шубу, митрополита Гавріила—за бутылку меда, графиню Мусину-Пушкину — за манжеты, г. Даева—за нюхательный табакъ и т. п. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что другіе стихотворцы—современники Рубана упрекали его въ пресмыкательствѣ съ корыстными цѣлями. Одинъ изъ нихъ—В. В. Капнистъ не останавливается въ своей „Сатирѣ первой“ передъ слѣдующимъ рѣзкимъ отзывомъ о Рубанѣ: „Можно ли какимъ спасительнымъ закономъ принудить Рубова мириться съ Аполлономъ, не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ и рыломъ не мутить Кастальскихъ чистыхъ водъ“.

Другой его современникъ—графъ Д. И. Хвостовъ заявлялъ, что Рубанъ „не иначе восходилъ на Парнасъ, какъ для прославленія богатыхъ и знатныхъ особъ“. Это, конечно, преувеличеніе, такъ какъ нельзя отрицать за Р. довольно сильной страсти къ стихотворству и помимо выгодъ, получаемыхъ имъ отъ хвалебныхъ одъ, но само собой разумѣется, на основаніи одной этой страсти его нельзя еще назвать поэтомъ. Сынъ своего времени, Рубанъ, какъ и большинство тогдашнихъ русскихъ стихотворцевъ, видѣлъ поэзію въ риѳмѣ и выработалъ себѣ извѣстный навыкъ по части составленія одъ и эпистолъ. Являясь вѣрнымъ подражателемъ Ломоносова, онъ примѣнялъ повсюду, вмѣсто искренняго чувства и собственныхъ переживаній, риторическія сравненія, вдохновлялся чужими восторгами. Все это дѣлаетъ его стихотворные опыты искусственными и тяжеловѣсными, что и обрекло ихъ на полное забвеніе въ потомствѣ. То же самое приходится повторить и о большинствѣ его „надгробій“. Только одна его надпись получила нѣкоторую извѣстность и пережила самого автора, а именно его „Надпись къ камню, назначенному для подножія статуи Императора Петра Великаго“:

Колоссъ Родосскій! свой смири прегордый видъ
И Нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ
Престаньте болѣе считаться чудесами:
Вы—смертныхъ бренными содѣланы руками!
Нерукотворная здѣсь росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго Петра.

Эта надпись въ свое время создала Рубану извѣстность и долгое время считалась образцовой. О ней упоминаетъ между прочимъ Державинъ въ своемъ разсужденіи о лирической поэзіи, указывая на нее, какъ на примѣръ „правдоподобія“; Пушкинъ также считалъ ее удачной; она помѣщалась и во многихъ сборникахъ и хрестоматіяхъ, какъ образецъ этого рода поэзіи. Впрочемъ, это мнѣніе раздѣлялось далеко не всѣми, и эта же надпись вызвала насмѣшки со стороны Хемницера, посвятившаго ей двѣ эпиграммы.

Любопытно, что самъ Рубанъ совершенно не замѣчалъ слабыхъ сторонъ своей стихотворной дѣятельности; напротивъ, онъ былъ склоненъ считать себя „чистѣйшимъ ключемъ, прохладу подающимъ“. Въ составленныхъ имъ себѣ самому акростихахъ онъ ставитъ себѣ, между прочимъ, въ заслугу то, что онъ „сколь часто говорилъ вдругъ множество стиховъ, отличнымъ связанныхъ союзомъ пышныхъ словъ“, сообщалъ свои разсужденія „въ прекраснѣй-

шихъ стихахъ“ и „часто, въ двухъ словахъ, давалъ преострые мнѣнья“.

Не легко даже перечислить всѣ стихотворныя упражненія В. Г. Рубана, тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ изъ нихъ были имъ опубликованы. Онъ поэтому былъ вполнѣ правъ, указывая на „множество“ своихъ стиховъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что писаніе ихъ давалось ему очень легко: въ оставшихся послѣ него бумагахъ сохранились слѣды, какъ по многу разъ приходилось ему мѣнять одинъ и тотъ же стихъ, а часто передѣлывать и цѣлыя стихотворенія. Наиболѣе крупныя стихотворныя произведенія его принадлежатъ къ числу переводныхъ съ латинскаго: „Двѣ Ироиды, или два письма древнихъ героинь“, соч. Овидія Назона, С.-Пб. 1774; „Виргиліева Еклога Титиръ“, С.-Пб. 1777 г.; „Виргилія Марона Георгикъ, или о земледѣліи четыре книги“, С.-Пб. 1777 г.; „Ироида, или письмо въ стихахъ отъ Врисеиды къ Ахиллу“, соч. П. Овидія Насона, С.-Пб. 1791. Изъ собственныхъ же стихотворныхъ произведеній Рубана, кажется, только одинъ „Эпицинтіонъ, или неумирающая память славныхъ дѣлъ свѣтлѣйшаго князя Г. А. Потемкина“ выдержалъ два изданія (I-ое въ 1792 г., II—въ 1794 г.), да его „Сочиненныя и переведенныя надписи на побѣды россіянъ надъ турками, одержанныя въ 1769 и 1770 г. и на другія достопамятности“ вышли въ 1771 г. отдѣльнымъ изданіемъ. Напечатанныя имъ посланія, оды, надписи обнимаютъ самые разнообразные случаи общественной и даже частной жизни тѣхъ лицъ, къ которымъ Р. приходилось обращаться за помощью или просто поддерживать съ ними сношенія. Въ хронологическомъ описаніи трудовъ В. Г. Рубана, составленномъ А. Н. Неустроевымъ, перечислены,—между прочимъ, далеко не всѣ изданныя отдѣльно Р. стихотворенія, даже не всѣ—изъ хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Вотъ значительно пополненный нами перечень изданныхъ Р. отдѣльными оттисками мелкихъ его самостоятельныхъ стихотвореній и переводовъ: „Ода на кончину графини В. А. Шереметевой, послѣдовавшую 1767 года“, М. 1767 г.; „Ода, читанная въ публичномъ по окончаніи погребенія собраніи при присутствіи Св. Прав. Синода членовъ... на кончину... преосвященнаго Тимоѳея, Митрополита Московскаго и Калужскаго, послѣдовавшую 18 апрѣля 1767 г.“; „Ода на день рожденія Императрицы Екатерины II“, С.-Пб. 1768 г.; „Ода въ честь геройскихъ дѣлъ побѣдоносной Е. И. В. арміи главнаго предводителя, князя А. М. Голицына надъ турками и татарами и на взятіе Хотина“, С.-Пб. 1769; „Надписи къ камню, назначенному для подножія статуи Императора Петра Великаго“, С.-Пб. 1770; „Пѣснь на торжественное пораженіе и разогнаніе многочисленныхъ Оттоманскихъ силъ, собравшихся на сей сторонѣ Дуная, Россійскими Имп. войсками, подъ предводительствомъ главнокоманд. первой арміей ген.-фельдм. и разн. орденовъ кавалера П. А. Румянцова, іюля 7, 21 и 27 числъ 1770 года и на занятіе города Измаила“; „Ода Императрицѣ Екатеринѣ II на привитіе оспы“; „Канонъ покаянный, переложенный стихами“, С.-Пб. 1770; „Памятникъ повседневный каждаго православнаго христіанина“, М. 1770; „Стихи на великолѣпное зданіе соборной Исаакіевской церкви съ придѣломъ храма святыхъ Кира и Іоанна, сооружаемое въ С.-Петербургѣ“, С.-Пб. 1770 г.; „М. А. Мурета отроческое наставленіе“, переводъ съ латинскаго, С.-Пб. 1770; „Надпись на прибытіе Его Сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова изъ Архипелага въ С.-Петербургъ“, С.-Пб. 1771 г.; „Надпись на завоеваніе Крымскихъ городовъ и на покореніе ихъ... княземъ Василіемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ въ 1771 г.“; „Надпись на благополучное возвращеніе Его Сіят. графа Гр. Гр. Орлова изъ Москвы въ С.-Петербургъ декабря 1771 г.“; „Стихи на день рожденія Императрицы Екатерины II“, С.-Пб. 1772; „Надпись на положеніе Екатериною Великою предъ надгробіе Петра I флага, взятаго у турокъ въ Архипелагѣ августа 29 дня 1772 г.“, С.-Пб. 1772; „Стихи на день рожденія Его Императорскаго Высочества 20 сент. 1772 г.“; „На день рожденія Е. И. Высоч. Благовѣрн. Государя Цесаревича и Вел. Кн. Павла Петровича 20 сент. 1773“, С.-Пб.; „Елегія на смерть господина ген.-аншефа лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковника, депутатскаго маршала и орденовъ Бѣлаго Орла, Ал. Невскаго и св. Анны кавалера Александра Ильича Бибикова, послѣдовавшую къ сожалѣнію всѣхъ Оренбургской губерніи въ слободѣ Бугульмѣ... Апрѣля 9 дня 1774 года“; „Надписи, изъявляющія достопамятности заключеннаго въ Кучукъ-Кайнарджи въ окрестностяхъ

Силистрійскихъ, по ту сторону Дуная, у Россіи съ Портой мира 10 іюля 1774 г."; „На пожалованіе Его Высокопревосх. Григорію Алекс. Потемкину ордена св. Апостола Андрея 25 декабря 1774 года", С.-Пб.; „Его Сіятельству Высокопревосходительному Господину ген.-фельдмаршалу, главнокомандующ. въ Императорск. столич. г. С.-Петербургѣ, Сенатору, Е. И. В. ген.-адъютанту, дѣйствит. камергеру и разн. орденовъ кавалеру князю Александру Михайловичу Голицыну на принятіе начальства надъ Петербургомъ", С.-Пб. 1774 г.; „Ода на день брачнаго сочетанія ихъ свѣтлостей владѣющаго Курляндскаго герцога Петра и герцогини Евдокіи Борисовны, урожденной княжны Юсуповой, февр. 23 дня 1774 г."; „Стихи Его Превосход. господину ген.-поручику Гр. Ал. Потемкину", С.-Пб. 1774: I. На прибытіе его изъ арміи въ Петербургъ; II. На полученное имъ письмо, извѣщающее о пожалованіи въ генералъ-адъютанты; III. На пожалованіе въ генералъ-адъютанты; IV. На тотъ же случай; V. На тотъ же случай; „Стихи, поданные Ея Императорскому Величеству, при отшествіи Ея Величества изъ Царскаго Села въ Москву, 16 генваря 1775 г., въ 11 ч. пополудни и удостоенные Высоч. награжденія, оказаніемъ сочинителю оныхъ Монаршей милости"; „Ода на истребленіе злодѣевъ графомъ П. И. Панинымъ", М. 1775 г.; „Его Свѣтлости Священныя Римскія имперіи князю Г. А. Потемкину на пріобрѣтеніе княжескаго достоинства 22 марта 1776 г., въ день именинъ сочинителя сего, и на полученіе королевск. орденовъ Датск. Бѣлаго Слона и Прусск. Чернаго Орла", „Надпись, изъявляющая достопамятность времени, въ которое получена первая вѣсть заключенія мира..."; „На великолѣпное торжество мира съ Отоманской Портою, продолжавшееся съ 10 по 24 число іюля 1775 г. въ Москвѣ на Ходынкѣ", 1776 г.; „На заложеніе Его Имп. Высочествомъ Вел. Кн. Павломъ Петровичемъ Петропавловской каменной церкви, при домѣ для морскихъ инвалидовъ, 17 мая 1776 г."; „На обрученіе Ихъ Импер. Высоч. Благовѣрнаго Государя Цесарев. и Вел. Кн. Павла Петровича и Благовѣрн. Государ. Вел. Княжны Маріи Ѳеодоровны, урожд. Принцессы Виртембергъ-Штутгардской въ Санктпетербургѣ 15 сент. 1776 г."; „На день тезоименитства Его Свѣтлости князя Григ. Алекс. Потемкина 30 сент. 1777 г."; „Надпись на пожалованіе Его Превосход. Семену Гавриловичу Зоричу Польскихъ орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Станислава, 26 ноября 1777 г."; „На пожалованіе Королевскаго Шведскаго ордена Меча Сем. Гавр. Зоричу, Ораніенбаумъ 1777 г."; „На пожалованіе Генералъ-Майоромъ и Кавалергардскаго полка корнетомъ Его Превосх. С. Г. Зорича, 22 сент. 1777 г. въ Санктпетербургѣ"; „Стихи на день рожденія Ея Велич. Госуд. Имп. Екатерины II 21 апр. 1778 г."; „На день рожденія Елизаветы Тихоновны, супруги Надв. Совѣтника Степана Силича Аничкова, 15 апр. 1778 г."; „Стихи на кончину ея Свѣтлости Евдокіи Борисовны, владѣющей Герцогини Курляндской и Семигальской, урожд. княжны Юсуповой..., послѣдовавшую, въ 33 лѣто отъ ея рожденія, 8 іюля 1780 года, въ Санктпетербургѣ...", С.-Пб. 1780 г.; „На пожалованіе Его Сіят. князя Василію Васильевичу Долгорукову ордена св. Анны", С.-Пб. 1781 г.; „Акростихи, поднесенные Его Свѣтлости кн. Григ. Алекс. Потемкину на новый 1781 годъ"; „Гимнъ на бракосочетаніе ихъ Сіятельствъ графа Франциска Браницкаго, Великаго коронnаго гетмана... и графини Александры Васильевны, урожденной Энгельгардовой, благополучно совершившееся ноября 8-го дня 1781 года"; „Списокъ съ надписи, вырѣзанной на мраморномъ монументѣ, покрывающемъ гробъ Его Сіят... князя Сергѣя Васильевича Мещерскаго... въ Свято-Троицкомъ Александро-Невскомъ монастырѣ", С.-Пб. 1781 г.; „Списокъ съ надписи, вырѣзанной на мраморномъ монументѣ, покрывающемъ гробъ Михаила Гавриловича Вершницкаго... въ Троицкомъ Александро-Невскомъ монастырѣ", С.-Пб. 1781 г.; „Стихи на день тезоименитства Его Свѣтлости, кн. Григ. Алекс. Потемкина, 30 сент. 1781 г."; „Надпись къ камню Грому, находящемуся въ С.-Петербургѣ въ подножіи коннаго вылитаго лицеподобія Имп. Петра Великаго", С.-Пб. 1782 г. (второе изданіе—въ томъ же году на разныхъ языкахъ); „Краегранесіе, изображающее свойство нравовъ благотворительнаго дворянина" (акростихъ этого стихотворенія даетъ имя Михаила Леонтьевича Фалѣева), С.-Пб. 1783.; „Стихи на всевожделѣнное и всерадостнѣйшее рожденіе Ея И. В. Госуд. Вел. Кн. Елены Павловны, ко щастію всея Россіи, послѣдовавшее во градѣ св. Петра Декабря 13 дня 1784 года"; „Благодарствен-

ные стихи Его Свѣтлости... князю Гр. Алекс. Потемкину... за оказанную милость сочинителю сего новопринятіемъ онаго въ высокое Его Свѣтлости Начальство и покровительство", С.-Пб. 1784; „Надпись на новостроющійся Ея Императорскаго Величества дворецъ близъ Невскихъ пороговъ, въ 30 верстахъ отъ С.-Петербурга по Шлиссельбургской дорогѣ при мызѣ Пеллѣ", С.-Пб. 1785 г.; „Акростихи, сочиненные на 28 іюня 1786 года"; „Переписка учителя съ ученикомъ о лѣтнемъ посѣщеніи, 1791 года и Елегія о славѣ стихотворцевъ, изъ Овидія, умершаго въ 1-мъ столѣтіи по Р. Хр.", переводъ съ латинскаго 2-е изд., С.-Пб. 1791 г.; „Лавры, прозябшіе на югѣ, изъ побѣдъ, Императорскимъ Россійскимъ воинствомъ надъ турками одержанныхъ въ окончаніи 1790 года пораженіемъ и плѣненіемъ оныхъ на Кубани, взятіемъ Измаила и другихъ, по обѣимъ сторонамъ Дуная, въ Бессарабіи и Булгаріи лежащихъ турецкихъ городовъ и крѣпостей, подъ главнымъ начальствомъ высокоповелительнаго господина генералъ-фельдмаршала, Екатеринославскихъ войскъ великаго гетмана, многихъ орденовъ кавалера и проч. Свѣтлѣйшаго Князя Гр. Ал. Потемкина-Таврическаго", С.-Пб. 1791; „Диѳирамбъ пану Ѳаддею Костюшкѣ, разбитому и взятому въ плѣнъ съ предводимыми имъ польскими мятежниками при замкѣ Мачевицѣ, въ 60 верстахъ отъ Варшавы 29 сентября 1794 года; „Пеанъ, или пѣснь на побѣды, одержанныя генераломъ графомъ Алекс. Вас. Суворовымъ-Рымникскимъ надъ мятежниками Польскими въ окрестностяхъ города Бреста Литовскаго, близъ Крунчитскаго Монастыря при рѣкахъ Муховицѣ и Бугѣ, текущемъ въ Вислу, 6 и 8 сент. 1794 г.", С.-Пб. 1794"; „Его Высокопревосходит. Александру Николаевичу Самойлову 5-го октября 1794 г."; „На маловременное наводненіе, приключившееся въ С.-Петербургѣ на Петровскомъ острову 20 іюля и на бывшій тамъ послѣ онаго праздникъ въ лагерѣ Корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ того же іюля 26 дня 1794 г."; „Ода на торжественный день восшествія на престолъ Е. И. В. Екатерины II Императрицы и Самодержицы Всероссійской 28 іюня 1795 г."; „Ода на торжественный день тезоименитства Е. И. В. Благовѣрныя Государыни, Великія Княжны Маріи Ѳеодоровны 22 іюля 1795 г."; „Парнасскій цвѣтокъ на память въ Бозѣ почивающія Благовѣрныя Государыни, Великія Княжны Ольги Павловны", С.-Пб. 1795; „Письмо Его Высокопреосвященству Самуилу, Митрополиту Кіевскому и Галицкому изъ Санктпетербурга 20 августа 1795 года"; „Пукъ цвѣтовъ Парнасскихъ, въ память въ Бозѣ почившему Ивану Ивановичу Бецкому", С.-Пб. 1795; „Стихи въ память Его Высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина, Ея Императорскаго Величества обершенка, скончавшагося во градѣ св. Петра 21 маія 1795"; „Посланіе Россійской музы къ Овидію, знаменитому Римскому стихотворцу, объ учрежденіи и открытіи Вознесенской губерніи", С.-Пб. 1795 г. Кромѣ перечисленныхъ отдѣльныхъ изданій стихотвореній, В. Г. Рубану принадлежатъ также и слѣдующія, время выхода которыхъ въ свѣтъ неизвѣстно: „Епистола Генералъ-Аншефу П. Б. Пассеку", С.-Пб.; „Епистола графу Г. А. Потемкину", С.-Пб.; Его Высокопревосход. Григ. Алекс. Потемкину, господину ген.-аншефу, командующ. легкой конницей... Государственной Военной Коллегіи Вице-Президенту, Новороссійскому ген.-губ. и войскъ, тамъ поселенныхъ главному командиру, Ея Императ. Величества ген.-адъютанту, дѣйствительному камергеру, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковнику и орденовъ Росс. Св. Александра Невск. и Св. Великомуч. и побѣдоносца Георгія; Польскихъ: Бѣлаго Орла и Св. Станислава и Голстинскаго Св. Анны кавалеру" (заключающія четыре надписи); „Надпись къ Санктъ Петербургской Пантелеймоновской церкви, что на Фонтанкѣ, противу Лѣтняго дворца и саду"; „Къ портрету Александры Васильевны Енгельгардовой, Е. И. В. Фрейлины"; „Къ портрету Варвары Васильевны Енгельгардовой, Е. И. В. Фрейлины"; „Къ портретамъ трехъ сестеръ Александры, Варвары и Екатерины Васильевнъ Энгельгардовыхъ".

Какъ уже упоминалось, далеко не всѣ стихотворныя произведенія Р. попадали въ печать; лишь за два послѣдніе года его жизни въ оставшихся послѣ него бумагахъ накопилось не мало неизданныхъ его посланій, писемъ въ стихахъ и т. п. Среди нихъ встрѣчаются какъ знакомыя имена благотворителей Рубана, такъ и рядъ новыхъ: А. Н. Нарышкинъ, епископъ Тверской и Кашинскій Ириней, П. Е. Родзянко, Ѳеоктистъ епископъ Бѣлогородскій и Курскій, графъ И. А. Ферзенъ, И. П. Хмельницкій, П. А. Баку-

нинъ, гр. П. В. Завадовскій, духовникъ Императрицы Савва Исаевъ и др., съ которыми Р. поддерживалъ переписку и сношенія. Кромѣ того, извѣстно, что онъ своими сочиненіями обратилъ на себя вниманіе такихъ лицъ, какъ графъ П. А. Румянцовъ, П. Д. Еропкинъ, графъ Н. И. Панинъ, князь А. А. Безбородко и Георгій Конисскій, и находился съ ними въ перепискѣ.

Почти всѣ самостоятельныя стихотворенія Р. носятъ характеръ одъ и посланій; какъ на исключеніе, можно указать на стихотворенія: „Къ Черной рѣчкѣ“ и „Пѣсня рабочихъ“; послѣднее стихотвореніе любопытно также и тѣмъ, что носитъ совершенно несвойственный творчеству Рубана игривый характеръ.

Послѣднія стихотворенія Р. были напечатаны уже послѣ его смерти въ 1796 г.; одно изъ нихъ: „Стихи на кончину графа Ѳ. Г. Орлова“ были изданы отдѣльнымъ оттискомъ, а другое: „Размышленіе о надгробіяхъ и общая эпитафія“ — помѣщено въ CXX части „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій“.

Подводя итогъ болѣе чѣмъ тридцатилѣтней литературной дѣятельности Рубана, приходится поневолѣ быть скромнымъ и согласиться съ оцѣнкой его біографа—Б. Л. Модзалевскаго, что лишь въ дѣлѣ собиранія и обнародованія историко-географическихъ матеріаловъ, полезныхъ какъ для современниковъ, такъ и для потомства, Рубанъ „занимаетъ довольно видное мѣсто среди многочисленныхъ „трудолюбивыхъ муравьевъ“ Екатерининскаго времени“; что же касается остальныхъ областей литературы, въ которыхъ Рубанъ принималъ участіе, то, какъ журналистъ, онъ оказался не въ состояніи понять духъ своего времени, а какъ поэтъ—не былъ одаренъ талантомъ.

Принимая нѣкоторое участіе въ общественной дѣятельности, В. Г. Рубанъ въ 1774 г. вступилъ въ образовавшееся въ Москвѣ, при тамошнемъ Университетѣ „Вольное Россійское Собраніе“, а въ сентябрѣ 1777 года былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Вольно-Экономическаго Общества. Будучи, какъ издатель, въ то же время и страстнымъ библіофиломъ, Р. собиралъ повсюду рукописи и книги для своей библіотеки; но вообще жить ему приходилось болѣе, чѣмъ скромно; послѣ его смерти не осталось ничего, кромѣ долговъ, и для уплаты ихъ собранныя Рубаномъ книги были проданы съ молотка. Умеръ В. Г. Рубанъ въ С.-Петербургѣ 24-го сентября 1795 г. и былъ погребенъ на Большеохтенскомъ кладбищѣ, близъ паперти Георгіевской кладбищенской церкви. По словамъ А. Н. Неустроева, его могила сохранялась вплоть до 1850 г. и была покрыта двухъаршинной плитой, на которой мелкими буквами была высѣчена надпись, дававшая чуть-ли не полную біографію этого литературнаго труженика. Но позднѣе его могила была срыта по распоряженію кладбищенскаго начальства и теперь на этомъ мѣстѣ образована площадка. Послѣ смерти Р. въ Петербургѣ была издана брошюра: „Памятникъ на кончину Россійскаго пѣснопѣвца коллежскаго совѣтника В. Г. Рубана“, а графъ Д. И. Хвостовъ, посѣтивъ въ 1799 г. могилу Рубана, написалъ слѣдующее надгробіе, напечатанное имъ въ сборникѣ „Аониды“ (кн. III, стр. 148):

Здѣсь Рубанъ погребенъ; онъ для писанья жилъ;
Надгробописецъ бывъ, надгробну заслужилъ.

Портретъ Рубана, написанный съ него въ 1786 г. масляными красками Ал. Клепиковымъ, находится въ Имп. Академіи Наукъ, а снимки съ него были воспроизведены въ изслѣдованіи Б. Л. Модзалевскаго о Р. въ „Русской Старинѣ“ 1897 г. и въ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича „Русскіе портреты XVIII и XIX ст.“, т. IV.

Б. Л. Модзалевскій, Василій Григорьевичъ Рубанъ. (Историко-литературный очеркъ), С.-Пб. 1897 г. (оттискъ изъ „Русской Старины“ 1897 г., августъ, стр. 393—415); А. Н. Неустроевъ, Литературные дѣятели XVIII вѣка. I. Вас. Григ. Рубанъ, С.-Пб. 1896 г.; Н. С. Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. I, М. 1898 г., стр. 163—181, прим., стр. 24—25; Рукописи Имп. Публичной Библіотеки, F. XIV, № 46, т. I и II; тамъ же хранятся его патенты на чины и письма къ нему Георгія Конисскаго (напечатанныя Б. Л. Модзалевскимъ въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., № 11); Н. И. Новиковъ, Словарь писателей, изд. С.-Пб. 1867 г., стр. 95; Н. Обручевъ, Обзоръ рукописей и печатн. памятн., относящ. до исторіи военнаго искусства въ Россіи, С.-Пб. 1853 г., стр. 21; А. Пыпинъ, Исторія русской литературы, изд. 2-е, 1903 г., т. II, стр. 204, т. IV, стр. 190; А. П. Незеленовъ, Литерат. направленія въ Екатерининскую эпоху, С.-Пб. 1889 г., стр. 81—85; С. А. Венгеровъ, Русская поэзія, вып. VI, стр. 338—344; С. К. Смирновъ, Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи, М. 1855 г., стр. 253; А. Н. Аѳанасьевъ, Русскіе сатирич. журналы 1769—1774 гг., М. 1859 г., стр. 3, 11—14, 16, 23, 24, 34; „Историческій Вѣстн.“ 1890 г., т. 40, статья И. Р.

Тимченко-Рубанъ: Изъ воспоминаній о прожитомъ, стр. 332—333; „Русск. Старина“ 1872 г., т. V, стр. 467; 1891 г., т. LXXII, стр. 595; 1892 г., т. LXXV, стр. 425; В. И. Аскоченскій, Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ-Академіей, К. 1856 г., ч. II, стр. 139, 204—205; П. И. Страховъ, Краткая Исторія Академической Гимназіи, М. 1855 г., стр. 3—4; С. П. Шевыревъ, Исторія Московскаго Университета, М. 1855 г., стр. 59, 93; Справочный энциклопедическій словарь, подъ ред. А. В. Старчевскаго, С.Пб. 1855 г., т. IX, ч. II, стр. 219; „Книжный Вѣстникъ“ 1865 г., стр. 293; „Смѣсь“ 1769 г., листъ 12, стр. 96; Е. Ф. Шмурло, Петръ Великій въ русской литературѣ, С.-Пб. 1889 г., стр. 98; П. Н. Петровъ, Исторія С.-Петербурга, С.-Пб. 1884 г., стр. 3; И. П. Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, т. II, С.-Пб. 1849 г., стр. 136; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1795 г., № 89, стр. 2004; „Сынъ Отечества“ 1821 г., ч. 71, № 30, стр. 191; „Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго собранія“, М. 1775 г., стр. 17; Продолженіе „Трудовъ Вольнаго Экономич. Общества“ 1779 г., ч. I, Реестръ членамъ; тамъ же 1795 г., ч. 50; „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ 1780 г., іюнь, стр. 446; И. И. Хемницеръ, Сочиненія, С.-Пб. 1873 г., стр. 362; Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей, Митроп. Евгенія, 1845 г., т. II, стр. 151; Опытъ историч. словаря о Росс. писателяхъ, Н. Новикова, С.-Пб. 1772 г., стр. 191; „Журн. Мни. Народн. Просвѣщ.“ 1898 г., № 1, стр. 170; Н. Н. Буличъ „Сумароковъ и современная ему критика“, стр. 122; „Русскіе портреты XVIII и XIX ст.“, изд. Великаго Князя Николая Михаиловича, т. IV, стр. 66; „Русскій Вѣстн.“ 1811 г., № 5, ч. XIV, стр. 11—34; А. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, изд. 3-е, Одесса. 1885 г., ч. I, стр. 225; Л. Весинъ, Обзоръ учебниковъ географіи, стр. 52, № 15; „Заволжскій Муравей“ 1833 г., № 3; „Финскій Вѣстникъ“ 1845, т. III, стр. 223—5 (ст. А. В. Старчевскаго „Очеркъ историч. дѣят. въ Россіи до Карамзина“); Письмовникъ Курганова, 6-е изд., С.-Пб. 1796, ч. II, стр. 21—24; И. Божеряновъ, Невскій проспектъ, С.-Пб. 1903, стр. 256—7; Кн. Н. В. Голицынъ, Портфели Г. Ф. Миллера, М. 1809, стр. 95, 107; Гр. Д. И. Хвостовъ, Стихотворенія, 1830 г., т. V, стр. 157, 321, 382; Б. Н. Алмазовъ, Сочиненія, т. II, М. 1892, стр. 484; В. А. Олешевъ, „Вождь къ истиному благоразумію и къ совершенному счастію“, С.-Пб. 1780, стр. 167; „Сынъ Отечества“ 1823, ч. 83, стр. 134; С. Артемьевъ, Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Имп. Казанскаго Университета, С.-Пб. 1882, стр. 34—40, 68—72; „Русское Обозрѣніе“ 1896, № 9, стр. 339; Н. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ. прилож., стр. 87; „Иллюстрація“ 1846 г., № 9, стр. 133, столб. 1; Н. Собко, Календари и мѣсяцесловы, Берлинъ 1880, стр. 36, 37, 38; Проповѣдь на блаженную кончину въ Бозѣ почившаго Св. Прав. Синода члена Преосвящ. Тимоѳея, митропол. Моск. и Калужскаго, послѣдовавшей 18 апрѣля 1767 г.“, М. 1766 (см. заглавный листъ); Г. Н. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908; В. П. Семенниковъ, Матеріалы для исторіи Русской литер. и для словаря писателей, II. 1915; его же „Русскіе сатирич. журналы 1769—1774“, С.-Пб. 1914; его же „Собраніе, старающееся о переводѣ иностр. книгъ“, С.-Пб. 1913 (со снимкомъ съ автографа Р.).

А. Ельницкій.

Рубанъ, *Иванъ Осиповичъ*, военный инженеръ, генералъ-маіоръ; сынъ полковника Осипа Ивановича Р. (ум. 26-го ноября 1866 г.), родился около 1840 года и 16-го іюня 1856 г. выпущенъ былъ въ военную службу прапорщикомъ, послѣ чего поступилъ, для полученія высшаго образованія, въ практическій классъ Николаевской Инженерной Академіи, откуда вышелъ, прапорщикомъ же, по 1-му разряду, въ 1858 году, съ назначеніемъ въ л.-гв. Саперный баталіонъ и съ оставленіемъ репетиторомъ при Николаевской Инженерной Академіи и Училищѣ; въ 1869 году, въ чинѣ капитана л.-гв. Сапернаго баталіона, Р. состоялъ преподавателемъ архитектуры въ Инженерной Академіи 17-го апрѣля 1870 г. произведенъ былъ въ полковники и въ 1880 г. состоялъ при Инженерномъ Училищѣ. Умеръ въ чинѣ генералъ-маіора 6-го января 1888 г. и погребенъ на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Ко дню 50-лѣтія Инженерной Академіи Р. составилъ и представилъ ей въ рукописи „Курсъ начертательной архитектуры“.

М. Максимовскій, Историческій очеркъ развитія Главнаго Инженернаго Училища, С.-Пб. 1869, стр. 201 и прил., стр. 130; Списокъ полковникамъ 1880 г., стр. 250; Исторія л.-гв. Сапернаго баталіона, С.-Пб. 1879 г., по указ.; Петербургскій Некрополь, т. III.

Н. М.

Рубанъ, *Яковъ Андреевичъ*, профессоръ, писатель; родился около 1760 года; будучи студентомъ Кіевской Академіи, онъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ отличнѣйшихъ студентовъ Академіи (А. А. Прокоповичъ-Антонскій, П. А. Сохацкій и др.), былъ въ 1782 году выписанъ оттуда „на иждивеніе“ Новиковскаго Дружескаго Ученаго Общества въ Москву и опредѣленъ въ Филантропическую Семинарію при Московскомъ Университетѣ, при чемъ получалъ отъ Общества содержаніе наравнѣ съ казеннокоштными студентами. Будучи студентомъ Университета, Р. принималъ участіе въ основанномъ И. Г. Шварцемъ и М. И. Антоновскимъ студенческомъ ученомъ обществѣ, члены котораго, питомцы Дружескаго Общества, должны были упражняться, въ свободное отъ лекцій время, въ сочиненіяхъ и въ переводѣ полезныхъ книгъ, для изданія ихъ въ свѣтъ, при чемъ въ 1783 г., когда Антоновскій покинулъ службу при

Университетѣ, Р., въ числѣ другихъ товарищей, посвятилъ своему наставнику нарочито по этому случаю написанные стихи. Окончивъ курсъ Университета, Я. А. Рубанъ былъ назначенъ профессоромъ Черноморскаго Корабельнаго Училища въ Николаевѣ; по закрытіи Училища въ 1803 году Р. остался за штатомъ и просилъ объ опредѣленіи его профессоромъ въ Харьковскій Университетъ; Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ ему представить соотвѣтственную диссертацію въ Московскій Университетъ; однако, уже въ 1805 году онъ былъ уволенъ отъ службы со званіемъ профессора; имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника, въ каковой былъ пожалованъ 29-го января 1802 г. Умеръ, повидимому, до 1806 г. Онъ напечаталъ: 1) „Историческое разсужденіе о возмутительномъ и насильственномъ переселеніи въ среднихъ вѣкахъ варварскихъ сѣверныхъ народовъ въ провинціи Римской Имперіи, ими до основанія разоренной“, М. 1789, 8°; 2) „Математическая географія, почерпнутая изъ достовѣрныхъ писателей и въ пользу юношества выработанная“, Николаевъ. 1802, 8°; 3) „Кантово основаніе для метафизики нравовъ“, переведено съ нѣмецкаго языка профессоромъ Я. Рубаномъ, Николаевъ. 1803, 8°.

С. Шевыревъ, Исторія Московскаго Университета, М. 1855, стр. 267; Записки М. И. Антоновскаго—„Русск. Арх.“ 1885 г., кн. I, стр. 150 и 151; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 277; Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства, т. III, С.-Пб. 1882, стр. 880; т. VI, С.-Пб. 1891, стр. 257; т. IX, С.-Пб. 1902, стр. 11 и 332; Матеріалы для исторіи Русскаго Флота, т. XVII; Словарь профессоровъ Московскаго Университета, т. II, М. 1855, стр. 435.

Б. Модзалевскій.

Рубановъ, *Василій Степановичъ*, переводчикъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; родился въ 1724 году, службу началъ въ 1740 году въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и въ 1747 г. находился при Неплюевѣ въ Константинополѣ, затѣмъ былъ переводчикомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; въ 1764 году состоялъ переводчикомъ при Русскомъ консулѣ въ Крыму, премьеръ-маіорѣ Никифоровѣ; около 1772 г. состоялъ при ст. сов. Обресковѣ; 18-го марта 1782 г. произведенъ былъ въ ассессоры и въ 1784 г. получалъ жалованья 600 рублей, да изъ почтовыхъ доходовъ 100 рублей.

Въ 1790 г., сентября 8-го, Р. былъ пожалованъ въ надворные совѣтники и въ 1793 г. въ этомъ же чинѣ состоялъ въ вѣдомствѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; умеръ, будучи статскимъ совѣтникомъ, въ мартѣ 1799 года и 18-го марта былъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ печати неизвѣстно переводовъ Р., а въ рукописи сохранилось начало его перевода съ итальянскаго языка: „Основаніе и правленіе владѣнія, сочиненные Іоанномъ Ботеромъ Бенескимъ“,—перевода, который былъ законченъ Дандоломъ и хранится нынѣ въ Библіотекѣ Казанскаго Университета.

Александренко, Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в., т. II, Варш. 1897, стр. 349, 394; Сенетскій Архивъ, т. VII; А. И. Артемьевъ, Описаніе рукописей, хранящихся въ Библіотекѣ Казанскаго Университета, С.-Пб. 1882, стр. 92; Метрическія книги Смоленскаго кладбища въ Петроградѣ; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. LI; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 148.

Б. М.

Рубиконди, мозаичистъ. Въ 1846 году, во время путешествія своего по Италіи, императоръ Николай Павловичъ, любуясь итальянскими мозаиками и вспомнивъ о строившемся въ Петербургѣ Исаакіевскомъ соборѣ, пожелалъ, чтобы и въ послѣднемъ были сдѣланы образа изъ мозаики, а такъ какъ императоръ любилъ, чтобы его желанія тотчасъ воплощались въ жизнь, то сопровождавшій его Министръ Двора князь П. М. Волконскій получилъ порученіе устроить въ Римѣ мастерскую для выучки, подъ руководствомъ итальянскихъ мастеровъ, изъ присланныхъ академическихъ учениковъ „русскихъ мозаичистовъ“. Мастерская была устроена въ Римѣ, изъ Россіи прислали четырехъ учениковъ: Раева, Солнцева, Шаповалова и Ѳедорова, а въ число руководителей былъ приглашенъ изъ Ватикана мастеръ Рубиконди. Въ Римѣ мастерская просуществовала только четыре года, когда нашли нужнымъ перевести ее въ Петербургъ. Мастеръ-учитель Рубиконди былъ приглашенъ и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и устраивалъ эту мастерскую на Стеклянномъ заводѣ. Впослѣдствіи мастерская была переведена въ помѣщеніе при Академіи Художествъ. Кромѣ обученія вышеуказанныхъ русскихъ художниковъ мозаичному искусству, Рубиконди съ помощью Ѳедорова, Гартунга, Тихобразова,

Лебедева и Щетинина, исполнилъ мѣстную икону Божіей Матери для Исаакіевскаго собора. Кажется, послѣ исполненія этой работы въ 1851 году Рубиконди вернулся въ Италію, такъ какъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ мы не нашли. Впрочемъ, изъ прошенія швейцарскаго уроженца Франческо Ботта о заданіи ему программы для полученія званія художника по скульптурѣ, при чемъ ему дозволено было сдѣлать для того бюстъ мозаичиста Рубиконди (2-го іюля 1855 года), можно заключить, что Рубиконди въ 1855 году еще былъ въ Петербургѣ, хотя, конечно, швейцарскій уроженецъ Ботта могъ дѣлать бюстъ и по памяти и по портретамъ. Во всякомъ случаѣ Рубиконди заслуживаетъ упоминанія, какъ первый учитель нашихъ немногочисленныхъ мозаичистовъ.

Серафимовъ, Описаніе Исаакіевскаго собора, стр. 74—77; П. Петровъ, Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ, т. III, стр. 240.

П. С—кій.

Рубини, *Іосифъ (Giuseppe) Павловичъ*, лекторъ итальянскаго языка въ Московскомъ Университетѣ, писатель; род. 22-го января 1793 г. въ г. Дервіо, въ Ломбардіи, на берегу озера Комо, и происходилъ изъ благородной семьи; первые годы дѣтства провелъ въ Тирано, въ Валтеллинѣ, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ Управленія государственными имуществами; затѣмъ Р. учился въ Collegio Gallico, въ Комо, а потомъ въ Университетѣ въ Павіи, гдѣ и окончилъ курсъ. Въ 1822 году онъ поселился въ Мюнхенѣ, занявъ, по приглашенію генерала Тауша, начальника Кадетскаго Корпуса, мѣсто преподавателя итальянскаго языка въ Корпусѣ, а 20-го іюля 1824 г. отправился въ Россію, „съ нетерпѣніемъ ожидая увидѣть страну, которая, подъ мудрымъ управленіемъ и при отеческихъ попеченіяхъ своихъ Государей, идетъ столь быстрыми шагами на поприщѣ просвѣщенія“; въ Петербургъ онъ явился 7-го августа, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Королевы Баварской Каролины къ ея сестрѣ — Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Лѣто 1825 г. Р. провелъ въ Царскомъ-Селѣ, при чемъ „не избѣгъ разныхъ случайностей, которымъ подвергается всякій молодой человѣкъ, оставаясь одинъ, вдалекѣ отъ своей родины“... Здѣсь, въ домѣ графа Ю. П. Литты, онъ познакомился съ Карамзинымъ, который подарилъ ему французскій переводъ „Исторіи Государства Россійскаго“, сдѣланный St.-Thomas и Jouffret, а по переѣздѣ въ Петербургъ былъ представленъ А. С. Шишкову, тогдашнему Министру Народнаго Просвѣщенія. При его помощи Р. 17-го августа 1826 г. былъ принятъ въ Русскую службу и опредѣленъ преподавателемъ итальянскаго языка въ Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, а вскорѣ (11-го февраля 1827 г.) получилъ каѳедру итальянскаго языка и литературы въ Имп. Московскомъ Университетѣ. 13-го марта 1843 г. Р. принялъ Русское подданство, а 17-го августа 1851 г., по прослуженіи 25 лѣтъ, былъ, по представленію Совѣта Университета, утвержденъ лекторомъ еще на 5 лѣтъ; въ 1862 году Р. еще читалъ лекціи. Время его смерти намъ неизвѣстно.

Р. издалъ слѣдующія книги: 1) „Cours grammatical de la langue Italienne“ (М. 1828), съ посвященіемъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, пожаловавшей автору, 17-го декабря 1828 г., золотую табакерку; Папа Левъ XII прислалъ Р. за поднесеніе этой книги четки и золотую медаль при письмѣ на латинскомъ языкѣ (которое, по распоряженію Попечителя Университета А. А. Писарева, было опубликовано, въ переводѣ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“), а Король Баварскій Людвигъ—золотую медаль съ надписью „Zum Andenken“; 2-е изданіе этой грамматики Р. выпустилъ въ 1850 г.; 2) „Scelta di Prose Italiane“, съ итальянско-французско-русскимъ словаремъ (М. 1832); 3) „L'Inferno di Dante“, съ комментаріемъ, М. 1838; 4) „Antologia Italiana Poetica del secolo decimo nono“ (М. 1843—1844), съ біографіями 26 итальянскихъ поэтовъ (между прочимъ,—художника С. Тончи), сочиненія которыхъ включены въ сборникъ; 5) „Dei doveri degli nomini“, соч. Сильвіо Пеллико, съ итальянско-французско-русскимъ словаремъ (М. 1849); 6) „Tre squarci tratti dal manoscritto della Storia Russa“ (М. 1854, 8°); 7) „Storia di Russia“ (Torino. 1858, 8°); надъ этою книгою Р. усердно работалъ болѣе 20 лѣтъ и при составленіи ея пользовался, кромѣ Карамзина, Устрялова, Бантыша-Каменскаго и другихъ историковъ, сказаніями о Россіи иностранцевъ—Контарини, Да-Колло, Поссевина, Гербер-

штейна, М. Бера, Жолкевскаго, Петрея, Гордона, Манштейна, Альгаротти и др.; 8) „Storia della letteratura Russa“ (Firenze. 1862, 12°), составленная вмѣстѣ съ С. П. Шевыревымъ; книга эта была разсмотрѣна 2-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ и заслужила вполнѣ благопріятный отзывъ; рецензія о ней И. И. Срезневскаго напечатана въ „Запискахъ Имп. Академіи Наукъ“, т. II, кн. 2, С.-Пб. 1862.

Біографическій словарь профессоровъ Имп. Московскаго Университета, т. II, М. 1855, стр. 369—373 (автобіографія); Г. Геннади, Словарь русскихъ писателей, т. III, М. 1908, стр. 277; Rossica Имп. Публичной Библіотеки, т II; Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, С.-Пб. 1896, стр. 785.

Г. Б.

Рубинскій, *Николай Яковлевичъ*, врачъ; род. въ 1828 году и происходилъ изъ дворянъ Каменецъ-Подольской губерніи; окончивъ курсъ въ одной изъ южныхъ гимназій, Р. былъ принятъ въ 1850 году въ Кіевскій Университетъ св. Владиміра, на Медицинскій Факультетъ, и въ 1854 г. былъ выпущенъ лѣкаремъ: въ томъ же году онъ поступилъ въ Минскій пѣхотный полкъ, спустя два года былъ переведенъ въ 6-ой Новоодесскій, а въ 1859 году—въ 18-ю артилерійскую бригаду, въ коей прослужилъ пять лѣтъ; кромѣ служебныхъ обязанностей и частной практики, Р. еще сотрудничалъ и въ медицинскихъ журналахъ, преимущественно въ „Современной Медицинѣ“, гдѣ помѣщались его корреспонденціи. Въ 1864 г. онъ вышелъ въ отставку, но черезъ восемь лѣтъ снова поступилъ на службу—въ 76-й пѣхотный резервный батальонъ, въ слѣдующемъ году перевелся въ Орловскій пѣхотный полкъ, а затѣмъ—въ 13-ый стрѣлковый баталіонъ, гдѣ прослужилъ до 1875 года, когда былъ назначенъ старшимъ врачемъ въ Литовскій пѣхотный полкъ; съ этимъ полкомъ онъ сдѣлалъ Русско-Турецкую кампанію 1877—1878 гг.

Скончался 28-го января 1884 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, вып. III. С.-Пб. 1889 г., тетрадь V, стр. 86: „Военно-Медицинскій Журналъ“ 1884 г., часть 149, Мартъ, ч. офф. стр. 81.

Н. М.

Рубинскій, *Сергѣй Михайловичъ*, докторъ медицины, главный врачъ Чемкентскаго военнаго полугоспиталя; род. въ 1838 году и былъ сыномъ священника; медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1865 году лѣкаремъ; служилъ съ 1866 г. врачемъ въ Оренбургскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, а въ 1868 г. переведенъ былъ на должность секретаря Туркестанскаго Военно-Медицинскаго Управленія; въ 1870 году былъ назначенъ главнымъ врачемъ Туркестанскаго военнаго полугоспиталя, въ 1871 году прикомандировался къ клиникѣ Московскаго Университета, работалъ здѣсь два года и написалъ диссертацію: „О расположеніи губчатаго вещества костей“ (Дисс. Д. М., М. 1873 г., 64 стр., 8°), защитивъ которую былъ, 21-го мая 1873 г., удостоенъ степени доктора медицины. Будучи назначенъ главнымъ врачемъ въ Чемкентскій военный полугоспиталь, Р. вскорѣ, 22-го февраля 1874 г., скончался, на 36 году отъ рожденія.

„Военно-Медицинскій Журналъ“ 1874 г., ч, 120. Май, № 5, ч. офф. стр. 7.; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели“, вып. II, С.-Пб. 1889 г., тетр.V, стр. 100.

Н. М.

Рубинштейнъ, *Николай Григорьевичъ*, піанистъ-виртуозъ, основатель Московскаго Музыкальнаго Общества и Консерваторіи; родился 2-го іюня 1835 года; отецъ его, Григорій Романовичъ, Рубинштейнъ, православный, по происхожденію еврей, былъ уроженцемъ Бердичевскаго уѣзда, а мать, Калерія Христофоровна, рожд. Левенштейнъ (ум. 15-го сентября 1891 г.), была уроженка Прусской Силезіи, гдѣ, кажется, впервые и встрѣтилась со своимъ мужемъ. Изъ старшихъ братьевъ Николая Григорьевича пріобрѣли извѣстность Яковъ Григорьевичъ — врачъ (ум. 30-го сентября 1863 г.) и въ особенности Антонъ Григорьевичъ, знаменитый композиторъ и виртуозъ, основатель Музыкальнаго Общества и Консерваторіи въ Петербургѣ. Около 1834 года семья Рубинштейнъ поселилась въ Москвѣ, гдѣ вскорѣ пріобрѣла домъ на Ордынкѣ, въ Толмачевомъ переулкѣ. Здѣсь Р.-отецъ устроилъ карандашную и булавочную фабрику и въ этомъ-то домѣ родился Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ. Образованіе ему было дано домашнее, при чемъ главнымъ образомъ, по тогдашнему обыкновенію, все вниманіе было обращено на практическое изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ; кромѣ того, его съ че-

тырехъ лѣтъ начали учить музыкѣ: у мальчика оказались блестящія способности, и уже черезъ годъ онъ всѣхъ поражалъ своей игрой, почему мать Р. обратила особенное вниманіе на его музыкальное образованіе; будучи хорошей піанисткой, она сама начала заниматься съ сыномъ игрою на фортепіано, и успѣхи его были столь блестящи, что когда въ 1842 году въ Москву пріѣхалъ знаменитый Листъ, ему представили маленькаго Рубинштейна, при чемъ послѣдній игралъ не сидя за роялемъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ ему было трудно дотянуться въ виртуозныхъ пассажахъ съ одного конца клавіатуры на другой, а стоя, ибо ему болѣе удобно было перемѣщаться всѣмъ корпусомъ; игра маленькаго виртуоза привела въ восторгъ Листа, который расхвалилъ и обласкалъ мальчика. Однако, такихъ блестящихъ результатовъ Николай Рубинштейнъ достигъ далеко не шутя. Тогда какъ отецъ его отличался мягкимъ, добрымъ и даже нѣжнымъ характеромъ, мать, напротивъ, будучи женщиной умной и образованной, обладала твердымъ, властнымъ, почти суровымъ характеромъ. Замѣтивъ у младшаго сына Николая блестящія музыкальныя способности, она рѣшила сдѣлать изъ него піаниста, а потому будила его ежедневно въ 6 часовъ утра (даже и зимой) и заставляла его играть на фортепіано въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подрядъ; сама же она въ это время брала работу и уходила въ смежную комнату, изъ которой въ маленькое окошко видно было фортепіано. Случалось часто, особенно зимой, когда въ комнатѣ бывало и темно, и холодно, что мальчика начиналъ одолѣвать сонъ, но стоило ему только задремать, какъ Калерія Христофоровна уже стучала въ окно,—и мальчикъ зналъ, что это не пройдетъ ему даромъ, такъ какъ его мать вѣрила въ воспитательное значеніе розги и примѣняла ее довольно часто, такъ что маленькому виртуозу случалось иногда бывать въ день раза по два и даже по три высѣченнымъ. Музыкальныя занятія Р. обыкновенно состояли въ томъ, что мать задавала сыну сыграть извѣстное число разъ нѣсколько гаммъ, упражненій и какую-нибудь пьеску. Чтобы контролировать сына, она брала колоду картъ и откладывала послѣ каждаго сыгранаго раза по картѣ. Въ виду того, что она требовала сыграть каждую пьеску по нѣскольку десятковъ разъ,—а благодаря своимъ блестящимъ способностямъ Николай Григорьевичъ зналъ ее обыкновенно наизусть послѣ второго или третьяго раза,—то понятно, что она ему скоро надоѣдала. Поэтому, замѣтивъ, что мать обыкновенно помнила пьесу не особенно хорошо, онъ рѣшилъ часть пьесы пропускать, а чтобы это было не такъ замѣтно, сочинялъ небольшія модуляціи на мотивахъ пьесы, которыя замѣняли собою пропущенное; такимъ образомъ онъ значительно сокращалъ время игры. Это длилось довольно долго, пока однажды Калерія Христофоровна не замѣтила неестественной быстроты выполненія урока и, взявъ ноты, не открыла обмана. „И порка же была послѣ этого! тутъ уже сразу досталось и за обманъ, и за лѣность“, — разсказывалъ Р. объ этомъ случаѣ. Однако, такое принужденіе къ музыкальнымъ занятіямъ не испортило дѣла: мальчикъ по прежнему продолжалъ любить музыку, благодаря же требованіямъ матери занимался ею не шутя и поэтому дѣлалъ блестящіе успѣхи. О томъ, какъ твердо заставляла его мать разучивать въ дѣтствѣ пьески, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды, много лѣтъ спустя, будучи уже Директоромъ Консерваторіи, онъ услышалъ въ классѣ фортепіано, какъ одна изъ ученицъ разучивала пьеску „Cheval de bataille“, дѣлая ошибки; когда она окончила, Р. сѣлъ за рояль и сыгралъ наизусть эту пьеску, сказавъ, по окончаніи, удивленнымъ слушателямъ: „Вотъ какъ твердо было выучено,—до сихъ поръ помню, а игралъ я эту пьесу семи лѣтъ“.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ матерьяльныя средства Григорія Романовича Рубинштейна стали ухудшаться и коммерческія дѣла его почему-то пришли въ разстройство; несмотря, однако, на это, весною 1844 года Калерія Христофоровна рѣшила съ двумя своими сыновьями, Антономъ и Николаемъ, и дочерью отправиться за границу, чтобы тамъ дать дѣтямъ болѣе серьезное музыкальное образованіе. Николаю Рубинштейну было въ то время только девять лѣтъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ и представивъ своихъ дѣтей тогдашнимъ музыкальнымъ знаменитостямъ, которые знали уже ея старшаго сына, а теперь восторгались и младшимъ, Калерія Христофоровна пригласила въ качествѣ преподавателя му-

зыки знаменитаго въ то время Дена, который когда-то былъ учителемъ М. И. Глинки, къ младшему же сыну, кромѣ того, пригласила еще и Т. Куллака, извѣстнаго піаниста и фортепіаннаго композитора. Въ Берлинѣ Николай Рубинштейнъ пробылъ два года, дѣлая большіе успѣхи. Въ 1846 году въ Москвѣ внезапно умеръ его отецъ; это имѣло большое значеніе для Р., такъ какъ, за неимѣніемъ средствъ, его занятія музыкой въ Берлинѣ должны были прекратиться. Калерія Христофоровна Р. вмѣстѣ съ нимъ и дочерью вернулась въ Россію и здѣсь, въ качествѣ преподавателя музыки, къ Николаю Р. приглашенъ былъ Виллуанъ. Несмотря на весьма стѣсненныя обстоятельства, ей и въ голову не приходило начать эксплоатировать дарованія своихъ сыновей. Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ тяжелой нужды, она рѣшила принять мѣсто классной дамы въ томъ Пансіонѣ, въ который помѣстила свою дочь, и изъ своихъ скудныхъ средствъ нерѣдко удѣляла кое-что младшему сыну.

Вскорѣ по пріѣздѣ Николая Григорьевича въ Москву—Виллуанъ предпринялъ съ нимъ концертную поѣздку по Россіи, которая длилась около двухъ лѣтъ и создала мальчику обширную извѣстность, такъ какъ уже въ то время онъ былъ прекраснымъ піанистомъ, въ большинствѣ случаевъ превосходя своей игрой игру мѣстныхъ музыкантовъ. Объ этомъ артистическомъ турнэ впослѣдствіи Р. разсказывалъ, шутя, что въ теченіе двухъ лѣтъ ему постоянно было только одиннадцать лѣтъ, а по возвращеніи въ Москву стало сразу тринадцать. Въ это время онъ уже игралъ такую трудную пьесу, какъ фантазія Листа изъ „Донъ Жуана“. Видя, что онъ передалъ мальчику все, что могъ передать, и что больше учить его нечему, Виллуанъ прекратилъ свои уроки. Съ этихъ поръ Р. сталъ жить вполнѣ самостоятельно и самъ зарабатывалъ на все ему необходимое уроками музыки. Въ то же время Р. начиналъ подумывать и о будущемъ.

По смерти отца, когда прекратились гильдейскіе взносы, Рубинштейны снова были записаны въ мѣщанство, —и такимъ образомъ Р. грозила въ будущемъ солдатчина, которую въ то время отбывали только крестьяне и мѣщане. Къ тому же, будучи отъ природы умнымъ и любознательнымъ юношей, онъ стремился получить серьезное общее образованіе; этому вначалѣ мѣшали его усиленныя занятія музыкой и концертныя поѣздки, но, по возвращеніи въ Москву и послѣ прекращенія занятій съ Виллуаномъ, Р. рѣшилъ непремѣнно поступить въ Университетъ. Это возможно было сдѣлать двумя путями: или окончивъ для этого курсъ Гимназіи, или прямо выдержавъ вступительный экзаменъ въ Университетъ; Рубинштейнъ рѣшился на послѣднее и началъ готовиться. Пригласить хорошихъ преподавателей средствъ у него не было, а потому ему пришлось заниматься одному, но, несмотря на это, онъ все-таки менѣе, чѣмъ въ три года, настолько успѣлъ подготовиться, что въ 1851 году успѣшно выдержалъ вступительный экзаменъ и былъ принятъ на Юридическій Факультетъ; въ это время ему было только 16 лѣтъ. Увлекшись вначалѣ юридическими науками, онъ въ первый годъ посѣщалъ лекціи очень аккуратно и, не довольствуясь лекціями по своему курсовому росписанію, въ свободные часы слушалъ и другихъ профессоровъ. Однако, такое усердіе его вскорѣ охладѣло,—онъ началъ вести разсѣянную жизнь и сталъ рѣдко посѣщать Университетъ. Его блестящія музыкальныя способности открыли ему доступъ въ высшее Московское общество, благодаря же своему уму и независимому характеру, онъ вскорѣ занялъ тамъ вполнѣ твердое положеніе.

Студенческая жизнь его была полна самыхъ разнообразныхъ приключеній. Обладая страстнымъ, увлекающимся характеромъ, Р. сошелся съ однимъ обѣднѣвшимъ княземъ, бывшимъ вольнослушателемъ Университета, жившимъ въ старомъ собственномъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ. Здѣсь вскорѣ они вдвоемъ, пригласивъ еще нѣсколькихъ товарищей, основали коммуну, просуществовавшую болѣе года. Въ эту же пору Р. началъ увлекаться карточною игрою и предался кутежамъ съ товарищами.

Между тѣмъ, музыкальная извѣстность Рубинштейна все возрастала, и онъ могъ имѣть уроковъ столько, сколько хотѣлъ; кромѣ того, его весьма часто приглашали концертировать; однако, денегъ попрежнему у него никогда не было, чему главной причиной были карты. Такъ, однажды ему было предложено дать концертъ во Владимірѣ, при чемъ былъ гарантированъ довольно значительный сборъ. Какъ разъ въ это время у Р. вовсе не было денегъ, поэто-

му 15 рублей на дорогу собраны были среди товарищей и на нихъ онъ отправился во Владиміръ. Концертъ удался прекрасно, сборъ превзошелъ всѣ ожиданія и далъ 300 рублей чистаго дохода. Однако, по окончаніи концерта молодой виртуозъ засѣлъ играть въ карты, — и въ тотъ же вечеръ проигралъ все, что получилъ, такъ что возвращаться ему опять было не на что. Эта страсть къ картамъ сохранилась у Р. до самой смерти, и впослѣдствіи онъ нерѣдко проигрывалъ въ одинъ вечеръ сотни и тысячи рублей. Будучи отъ природы человѣкомъ пылкимъ, страстнымъ, впечатлительнымъ, онъ любилъ посѣщать великосвѣтскіе балы; правда, недостатокъ средствъ часто мѣшалъ этому, но тутъ на выручку ему приходили отцовскіе карандаши, которые хранились въ кладовой у матери: взявъ нѣсколько пачекъ, онъ несъ ихъ въ Ножевую линію, а на вырученныя деньги покупалъ то, что ему было необходимо.

Въ началѣ 1854 года на одномъ изъ баловъ Р. встрѣтился со своей будущей женой. Увлекшись ею и сдѣлавъ ей предложеніе, онъ рѣшилъ жениться, несмотря на всѣ препятствія со стороны какъ ея родныхъ, такъ и своихъ. Особенно возставали противъ этого брака его родные, боявшіеся, чтобы бракъ его не помѣшалъ дальнѣйшей артистической его карьерѣ, тѣмъ болѣе, что родные невѣсты поставили непремѣннымъ условіемъ женитьбы, чтобы онъ отказался отъ появленія въ концертахъ. Однако, несмотря на все это, молодой артистъ упорно стоялъ на своемъ и лишь согласился отложить свадьбу до окончанія курса Университета.

Въ 1855 году Рубинштейнъ окончилъ курсъ въ Университетѣ и вскорѣ затѣмъ женился. Не смотря на свои двадцать лѣтъ, онъ пользовался уже широкою извѣстностью, какъ прекрасный виртуозъ и преподаватель музыки. Поэтому его желаніе взять всѣ расходы по дому на себя было бы легко выполнимо, если бы онъ могъ устраивать концерты; но въ этомъ отношеніи онъ какъ разъ былъ связанъ словомъ, даннымъ роднымъ жены,—не появляться на концертныхъ эстрадахъ; поэтому ему приходилось довольствоваться одними уроками. Правда, ихъ онъ могъ имѣть сколько угодно, но для того, чтобы хватало на довольно большіе домашніе расходы, ему пришлось ѣздить по урокамъ часовъ по двѣнадцати въ день. Все это сильно утомляло его, такъ что, возвратившись съ уроковъ домой, онъ старался поскорѣе лечь въ постель и уснуть, чтобы хоть немного отдохнуть и встать на другой день во-время. Между тѣмъ, жена его продолжала вести великосвѣтскій образъ жизни, вставала поздно, выѣзжала, принимала у себя гостей. Супруги видѣлись рѣдко, и охлажденіе наступило быстро, тѣмъ болѣе, что дѣтей у нихъ не было. Наконецъ, въ 1858 году они окончательно разошлись.

Окончивъ курсъ Университета, Р. тѣмъ самымъ избавлялся отъ отбыванія воинской повинности, но, по существовавшему въ то время взгляду въ обществѣ, онъ долженъ былъ поступить на какую-нибудь службу. Широкія связи въ высшихъ кругахъ Москвы дали ему возможность легко устроиться при Канцеляріи Московскаго Генералъ-Губернатора. Служба эта была, конечно, только номинальная, такъ какъ, обремененный уроками музыки, онъ чуть-ли ни разу не былъ въ Канцеляріи и уже въ 1857 году вышелъ въ отставку съ чиномъ губернскаго секретаря.

Разойдясь съ женой, Р. снова вернулся къ своей прерванной артистической дѣятельности. Значительно сокративъ число уроковъ и облегчивъ, такимъ образомъ, свой трудъ, онъ получилъ возможность употреблять гораздо больше времени на собственныя занятія музыкой; недостающія же средства съ избыткомъ давали ему концерты, которые онъ сталъ ежегодно давать Великимъ постомъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Кромѣ того, въ это же время онъ получилъ постоянный ангажементъ отъ антрепризы Chappell's въ Лондонѣ, куда уѣзжалъ обыкновенно весной. Помимо этихъ концертовъ, многіе богатые представители англійскаго общества нерѣдко приглашали его играть на своихъ музыкальныхъ вечерахъ, за что платили очень хорошо.

Время удаленія отъ эстрады и публики не пропало для Рубинштейна даромъ: кромѣ того, что за эти годы онъ сильно развилъ свою технику, онъ сосредоточился внутренно и углубился въ искусство, что дало ему возможность выработать твердые, самостоятельные музыкальные принципы. Это впослѣдствіи особенно рельефно обрисовалось во время его двадцатилѣтняго руководительства Московскимъ музыкальнымъ Обществомъ, а съ 1866 года и Московскою

Консерваторіею. Хотя въ 1858 году ему было только 23 года, однако онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ широкую извѣстность не только въ Москвѣ и Россіи, но даже и во всей Европѣ. Вездѣ считали его выдающимся піанистомъ-виртуозомъ, и концерты его всегда дѣлали полные сборы. Съ 1858 же года популярность его возрасла еще больше,—этому способствовали многочисленные концерты, которые онъ давалъ въ разныхъ городахъ въ 1858—1860 гг. Въ эти годы онъ концертировалъ почти во всѣхъ крупныхъ провинціальныхъ городахъ: въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Казани, Саратовѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ. Успѣхъ его вездѣ былъ выдающійся.

Не обладая крупнымъ и яркимъ композиторскимъ талантомъ, какой былъ у его старшаго брата, къ тому же за два года занятій у Дена не пріобрѣвъ необходимой композиторской техники, онъ естественно не могъ разсчитывать сдѣлаться композиторомъ; нѣсколько пьесокъ, написанныхъ и изданныхъ имъ еще въ ранніе, юношескіе годы, не отличались особенною оригинальностью и самобытностью таланта и не имѣли успѣха; съ тѣхъ поръ онъ никогда болѣе и не принимался за композиторскую работу. Между тѣмъ, въ концѣ 1850-хъ годовъ передъ нимъ всталъ вопросъ о томъ, какого рода музыкальной дѣятельности посвятить себя. Карьера концертнаго виртуоза его особенно не увлекала; при своемъ огромномъ талантѣ, неисчерпаемой энергіи и глубокомъ умѣ онъ не могъ удовлетворяться одними виртуозными успѣхами: ему нужна была широкая дѣятельность, способная увлечь все существо его, могущая заставить посвятить ей всѣ силы. Между тѣмъ, въ то время музыканту не композитору съ сильнымъ талантомъ, кромѣ виртуозной карьеры, посвящать себя было нечему; капельмейстерская дѣятельность тогда цѣнилась не высоко, такъ какъ существовало убѣжденіе, что капельмейстеромъ можетъ быть всякій порядочный музыкантъ, и что для этого не нужно особеннаго таланта. Поэтому капельмейстерской дѣятельности посвящали себя обыкновенно тѣ артисты, которые не надѣялись имѣть успѣха ни въ качествѣ композиторовъ, ни въ качествѣ виртуозовъ. Рубинштейну удалось создать себѣ такое поприще дѣятельности, гдѣ онъ былъ наиболѣе полезенъ. Больше всего любя исполнять камерные ансамбли, онъ прекрасно изучилъ фортепіанную литературу камерной музыки и, имѣя обширныя знакомства какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ кругахъ Московскаго общества, онъ всюду былъ любимъ и съ радостью принимаемъ. Этими знакомствами и связями, концертами и уроками Р., быть можетъ, въ началѣ еще безсознательно, приготовлялъ Московское общество къ принятію и укрѣпленію въ немъ идеи Московскаго Отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества. Мысль объ учрежденіи этого Общества явилась въ Петербургѣ въ серединѣ 1850-хъ годовъ. Ревностнымъ пропагандистомъ этой идеи былъ старшій братъ Николая Григорьевича—Антонъ Рубинштейнъ. Благодаря стараніямъ послѣдняго и нѣкоторыхъ вліятельныхъ любителей музыки, въ началѣ 1859 года задуманное Общество, наконецъ, было учреждено, и однимъ изъ директоровъ его и руководителемъ былъ выбранъ Антонъ Р., при чемъ Уставъ Общества, прежде окончательнаго его утвержденія, былъ посланъ Антономъ Григорьевичемъ въ Москву, на просмотръ къ брату. Такимъ образомъ Николай Григорьевичъ принималъ нѣкоторое участіе въ организаціи Музыкальнаго Общества и въ Петербургѣ. Въ силу одного изъ параграфовъ Устава, это Общество могло открывать свои филіальныя Отдѣленія во всѣхъ городахъ, гдѣ найдетъ это нужнымъ; тотчасъ по возникновеніи Общества рѣшено было открыть самостоятельное Отдѣленіе его въ Москвѣ, почему Комитетъ Дирекціи въ 1860 году назначилъ въ Москвѣ особую Коммиссію для осуществленія этого плана. Въ составъ членовъ этой Коммиссіи вошли: П. С. Киселевъ, В. М. Лосевъ, князь Ю. А. Оболенскій, В. И. Якунчиковъ, а главнымъ руководителемъ—Н. Г. Рубинштейнъ.

Благодаря неутомимой энергіи, съ которою члены Коммиссіи, а особенно Р., взялись за дѣло, еще въ томъ же 1860 году Музыкальное Общество въ Москвѣ было открыто. Въ составъ Дирекціи вошли почти всѣ члены Комиссіи, въ томъ числѣ и Николай Григорьевичъ. Хотя въ это время ему было лишь 25 лѣтъ, онъ пользовался уже такою установившеюся популярностью, такимъ широкимъ авторитетомъ среди Московской публики, какъ ни одинъ артистъ.

Считая, не безъ основаній, что главную поддержку Обществу можетъ оказать дворянство, Р. старался привлечь въ члены Общества наиболѣе видныхъ его представителей; недостатокъ матеріальныхъ средствъ и отсутствіе необходимаго для концертовъ и спѣвокъ хора любителей помѣщенія легко устранялись, благодаря связямъ и стараніямъ Р.—Московскій Генералъ-Губернаторъ П. А. Тучковъ, знавшій и благоволившій къ Рубинштейну, сочувственно отнесся къ Обществу и предоставилъ для нуждъ его на первое время одну изъ залъ генералъ-губернаторскаго дома. Когда Музыкальное Общество въ Москвѣ, наконецъ, было вполнѣ устроено, Р. постарался какъ можно шире поставить его дѣятельность. Устроенъ былъ хоръ и оркестръ изъ членовъ Общества, организованы квартетныя собранія, на которыя пріѣзжали лучшіе артисты Европы и въ которыхъ самъ Рубинштейнъ всегда принималъ участіе. Его обширныя знанія фортепіанной литературы и камерной музыки давали ему полную возможность предоставлять пріѣзжимъ скрипачамъ, віолончелистамъ и другимъ артистамъ выбирать что̀ угодно для исполненія съ нимъ въ квартетныхъ собраніяхъ Музыкальнаго Общества. Кромѣ того, Обществомъ устраивались концерты, которыми дирижировалъ тоже Рубинштейнъ. Благодаря этому, Музыкальное Общество въ Москвѣ пріобрѣло вскорѣ широкую популярность, и билеты на его концерты и собранія доставать было очень трудно.

Между тѣмъ, Р. давно уже думалъ объ учрежденіи высшаго музыкальнаго училища — Консерваторіи. Выполненію этой идеи много помогло то твердое положеніе, въ которое сразу стало Музыкальное Общество, и общее къ нему довѣріе и уваженіе. Поэтому, вслѣдъ за открытіемъ Консерваторіи въ Петербургѣ, рѣшено было открыть ее и въ Москвѣ. Рубинштейнъ, со свойственной ему энергіей и страстностью, весь отдался этому дѣлу. Самостоятельный, гордый, никогда и ни у кого не просящій для себя ничего, онъ все забывалъ, когда дѣло касалось Общества или Консерваторіи: здѣсь онъ готовъ былъ поступиться своею гордостью и просить кого угодно. Московская Консерваторія обязана своимъ существованіемъ всецѣло заботамъ Р.

Она была открыта въ 1866 году и первымъ Директоромъ ея былъ назначенъ Н. Г. Рубинштейнъ; кромѣ того, онъ велъ въ ней также и фортепіанный классъ. Не лишенный нѣкоторыхъ личныхъ недостатковъ, онъ былъ образцовымъ Директоромъ Консерваторіи, и, благодаря ему, послѣдняя дала не мало хорошихъ артистовъ; въ числѣ его учениковъ былъ, напримѣръ, Зилотти и нѣкоторые другіе извѣстные впослѣдствіи музыканты. О той высотѣ, на которой стоялъ тогда фортепіанный классъ Московской Консерваторіи, руководимый Н. Г. Р., можно судить хотя бы по тому, что онъ вскорѣ пріобрѣлъ европейскую извѣстность и привлекалъ учениковъ даже изъ-за границы.

Продолжая по-прежнему во время Великаго поста давать концерты въ Москвѣ и Петербургѣ, Рубинштейнъ не прекратилъ своихъ поѣздокъ и въ провинцію и за границу. Кромѣ Лондона и Парижа, онъ неоднократно выступалъ въ качествѣ піаниста въ Кёнигсбергѣ и Вѣнѣ. Когда въ 1877 году началась война съ Турціей, Р., по свойственной ему добротѣ сердца, рѣшивъ хоть чѣмъ-нибудь помочь раненымъ воинамъ, предпринялъ поѣздку по всей Россіи, давая концерты въ каждомъ большомъ провинціальномъ городѣ; объѣхавъ 33 города и повсюду пользуясь огромнымъ успѣхомъ, онъ весь сборъ съ этой поѣздки, который простирался свыше 30.000 рублей, пожертвовалъ въ пользу раненыхъ.

Въ началѣ 1881 года Р. сталъ хворать, однако, по-прежнему продолжалъ неутомимо нести свои обязанности. Еще въ февралѣ онъ давалъ, хотя и совсѣмъ больной, концертъ въ Петербургѣ, а затѣмъ, возвратившись въ Москву несмотря на то, что ему дѣлалось все хуже, рѣшилъ дирижировать на симфоническомъ концертѣ Музыкальнаго Общества; онъ былъ такъ слабъ, что не могъ уже стоять на ногахъ и дирижировалъ сидя; къ концу концерта ему сдѣлалось такъ худо, что его пришлось унести съ эстрады на рукахъ... Въ то же время ему было предложено руководить Русскими концертами на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ. Туда же, для совѣта съ спеціалистами, его посылали и Московскіе врачи; въ концѣ февраля Р. выѣхалъ въ Парижъ, но ему не пришлось уже выступать на эстрадѣ: несмотря на усилія лучшихъ французскихъ врачей, болѣзнь быстро подвигалась впередъ, и 11-го марта 1881 года Рубинштейнъ скончался въ Парижѣ.

Московская Городская Дума ассигновала

3000 рублей на привезеніе тѣла Р. и на погребеніе его въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ; на могилѣ Р. поставленъ памятникъ съ его бронзовымъ портретомъ-барельефомъ.

„Полярная Звѣзда“ 1881 г., мартъ, стр. 162—164 (некрологъ); „Русское Обозрѣніе“ 1897 г., сентябрь, № 9, стр. 151—169 и 1898 г. № 5, стр. 328—338, ст. Кашкина: „Воспоминанія о Николаѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ“; „Россія“ 1901 г., № 812, 31-го іюля (иллюстрированное приложеніе), ст. К. Н. де-Лазари: „Воспоминанія о Николаѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ“, стр. 5—8; „Современная Лѣтопись“ 1866 г., № 30, ст. Н. С.: „Открытіе Московской Консерваторіи, стр. 2—4; „Репертуаръ Русскаго Театра и Пантеонъ Русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“ 1844 г., т. 6, театральная лѣтопись, стр. 93; „Московскія Вѣдомости“ 1881 г., 13-го марта, № 72, ст. Ignotus'a: „Смерть Н. Г. Рубинштейна“; „Русскія Вѣдомости“ 1881 г., 13-го марта, № 72, стр. 2—3 (некрологъ); „Нувеллистъ“ 1881 г., апрѣль, № 4, ст. М. М. Иванова: „Н. Г. Рубинштейнъ“, стр. 2—6 (фельетонъ), ст. П. И. Чайковскаго: „Послѣдніе дни жизни Н. Г. Рубинштейна“, стр. 6—7; некрологъ, стр. 12; „Новое Время“ 1881 г., 14-го марта, фельетонъ М. М. Иванова; „Современныя Извѣстія“ 1881 г., мартъ; „Московская Иллюстрированная Газета“ 1892 г., № 32; „С.-Петерб. Вѣд.“ 1843 г., № 53, стр. 250 и № 56, стр. 262; 1844 г., № 58, стр. 258, № 66, стр. 283—284; „Моск. Вѣд.“ 1847 г., № 149; „Москвитянинъ“ 1849 г., т. I, № 2, янв., кн. 2, стр. 55; „Нива“ 1879 г., № 17, стр. 321, и 1881 г., № 14, стр. 324 (съ портр.); „Голосъ“ 1881 г., № 74, статьи Ц. Кюи; „Воспоминанія Юрія Арнольда“, вып. III, М. 1893; А. Фитингофъ-Шель, Міровыя знаменитости, С.-Пб. 1899, стр. 130—145; Н. Г. Рубинштейнъ. На память цѣнителямъ искусства, М. 1881, съ портр.; „Русск. Стар.“ 1889 г., № 11; „Русск. Стар.“ 1890 г., № 1; Н. М. Лисовскій, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Пятьдесятъ лѣтъ его музыкальной дѣятельности, С.-Пб. 1889, стр. 1, 11, 12 и др. и прил., №№ 1, 2, 9, 12, 73, 94, 135, 266. „Московскій Некрополь“, т. III, стр. 45.

М. Н.

Рубо, *Иванъ Марковичъ*, купецъ 1-й гильдіи; род. въ 1786 г.; въ 1803 г. прибывъ изъ Марсели въ Одессу и основавшись здѣсь, съ тѣхъ поръ пользовался, въ теченіе 38 лѣтъ, постояннымъ расположеніемъ главныхъ начальниковъ Новороссійскаго края—адмирала де-Рибаса, герцога Ришелье, графа Ланжерона и графа М. С. Воронцова и довѣріемъ согражданъ, постоянно избиравшихъ его въ разныя городскія должности. Въ 1832 г. онъ награжденъ былъ кубкомъ за разведеніе отличной пшеницы, а въ 1834 г.—золотою медалью за труды по лѣсоводству и садоводству; кромѣ того, Р. имѣлъ медаль „за полезное“ и „за прекращеніе чумы“; онъ былъ извѣстенъ во всей Южной Россіи своими обширными и дѣятельными торговыми оборотами, за которые имѣлъ званіе почетнаго гражданина; умеръ въ Одессѣ весною 1852 года, на 67 году.

„Сынъ Отеч.“ 1852 г., т. III, № 5, совр. лѣтопись, стр. 52; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62,

Н. М.

Рубцовъ, *Иванъ*, подъячій Большого Прихода въ 1660 г.; въ іюлѣ 1663 состоялъ дьякомъ того же Приказа, въ 1666 г. былъ дьякомъ въ Кіевѣ; въ февралѣ 1668 г. былъ назначенъ дьякомъ Новгородскимъ; прибылъ въ Новгородъ въ мартѣ того же года; состоялъ дьякомъ Новгородской Приказной Избы до 1670 г., а въ 1671—1672 г. находился въ Москвѣ.

„Доп. къ Акт. Ист.“, IV, 403; VIII, 336; „Дворц. Разр.“, III, 715, 845, 888, III, дополн., 371; „Чтенія Моск. Общ. Ист. и др.“ 1858, кн. 2, матер. отеч., 66; „Доп. къ Акт. Ист.“, V, 409, 411; „Акты Гр. Распр.“, II, стр. 314, 457; А. Ю. Б., II, 188, 200, 207.

А. Андреевъ.

Рувимъ, игуменъ Николаевской Добринской пустыни Тверской епархіи въ 1713 г.; въ бытность свою тамошнимъ игуменомъ, подалъ митрополиту Рязанскому Стефану доношеніе на Ивана Максимова, одного изъ единомышленниковъ Тверитинова, за его хулу на церковные догматы во время пребыванія Р. въ Богоявленскомъ монастырѣ въ Москвѣ; по обстоятельствамъ дѣла былъ допрошенъ въ Преображенскомъ Приказѣ въ апрѣлѣ 1713 г. и выступалъ позднѣе свидѣтелемъ по дѣлу Ивана Максимова. Въ 1717—1718 годахъ Р. былъ архимандритомъ Тихвинскаго Успенскаго монастыря Новгородской епархіи, куда переведенъ былъ изъ Троицкаго Великолуцкаго монастыря (1715—1717 г.г.).

„Опис. Докум. и бум. Арх. Святѣйш. Синода“, II, ч. 1, с. 271, 281; прилож., с. XXIV, № X; Записка Л. Магницкаго по дѣлу Тверитинова (изд. Общ. Люб. Древн. Письм., LXXX), стр. 10, 117, 129, 130; Звѣринскій, II, № 1280; С. Строевъ, Списки іерарховъ, 482, 64.

А. Андреевъ.

Рувимъ, архимандритъ; былъ архимандритомъ въ двухъ Астраханскихъ монастыряхъ: Николаевскомъ въ 1693 г. и Воскресенскомъ въ мартѣ 1706 г.

Строевъ, Списки іерарховъ, стр. 316; С. Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. Общ. Пользы) III, стр. 1388.

А. А.

Рувимъ (Петулинскій), игуменъ Георгіевскаго монастыря, Черниговской епархіи, куда переведенъ былъ въ 1777 г. изъ Кіевскаго Петропавловскаго монастыря; скончался въ 1784 году.

Козелецкій Георгіевскій третьеклассный мужской монастырь, Черниговъ. 1862, стр. 17; С. Строевъ, Списки іерарховъ, стр. 528.

А. А.

Ругѳ, фонъ-, *Эмильянъ Викторовичъ*, генералъ-лейтенантъ, топографъ; родился въ 1790-хъ гг., въ службу вступилъ въ 1815 г.; въ 1823 г., будучи подполковникомъ квартирмейстерской части, составилъ карту Турціи; въ 1829 году, въ чинѣ полковника, находился при генералѣ П. Д. Киселевѣ и, числясь по Генеральному Штабу, состоялъ при Главной квартирѣ 2-й арміи; въ 1842 г. получилъ орденъ св. Георгія за 25 лѣтъ, затѣмъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, состоялъ начальникомъ съемокъ: Кіевской губерніи—съ 1847 по 1849 г., Херсонской губерніи—съ 1850 по 1852 г., Екатеринославской губерніи—съ 1853 по 1854 г. и сѣверной части Таврической губерніи—въ 1855 г. Въ 1857 г., будучи Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантомъ, былъ уволенъ, по прошенію, отъ службы. Имя Р. находится на медали, выбитой въ память 50-лѣтія Корпуса Военныхъ Топографовъ, въ числѣ дѣятелей послѣдняго.

Историческій очеркъ дѣятельности Корпуса Военныхъ Топографовъ, стр. 335; Н. Григоровичъ и В. Степановъ, Въ память столѣтняго юбилея военнаго отдѣла св. Георгія, стр. 161; Н. П. Глиноецкій, Исторія русскаго Генеральнаго Штаба, т. II, С.-Пб. 1894, стр. 19—22, 26, 45; Ю. Б. Иверсенъ, Медали въ честь Русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Вып. IV, С.-Пб. 1882, стр. 160.

Н. М.

Рудаковъ, *Александръ Ильичъ*, вице-адмиралъ (братъ адмирала Д. И. Рудакова); родился въ 1817 году; воспитывался съ 28-го марта 1829 г. въ Морскомъ Корпусѣ и 8-го декабря 1832 г. произведенъ въ гардемарины. Въ 1833 г., на кораблѣ „Императоръ Петръ I“, крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ, 19-го декабря 1834 г. произведенъ былъ въ мичманы, съ назначеніемъ въ Черноморскій флотъ; въ 1835 и 1836 г. на шхунѣ „Гонецъ“ перешелъ изъ Николаева въ Севастополь, а оттуда въ Константинополь, въ распоряженіе Россійскаго посольства, и плавалъ въ Архипелагѣ и Средиземномъ морѣ до береговъ Египта.

Въ 1837—1841 г. на той же шхунѣ, бригѣ „Касторъ“, фрегатахъ „Штандартъ“, „Агатополь“, „Флора“ и „Бургасъ“ Р. крейсировалъ у Восточнаго берега Чернаго моря и за отличіе, оказанное въ 1837 г. въ дѣлѣ противъ горцевъ, награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й ст. „за храбрость“, а за участіе при десантной высадкѣ въ 1839 г. при занятіи мѣстечекъ Субаши и Шахе былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. съ мечами.

14-го апрѣля 1840 г. Р. произведенъ былъ въ лейтенанты и въ 1842 г. переведенъ изъ Черноморскаго въ Балтійскій флотъ и крейсировалъ на кораблѣ „Орелъ“ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1844 г. на бригѣ „Аяксъ“ плавалъ по портамъ Финскаго залива.

1-го ноября 1844 г. Р. поступилъ на службу въ Россійско-Американскую Компанію и въ 1845—1849 гг., командуя компанейскими кораблями: „Наслѣдникъ Александръ“, „Князь Меншиковъ“ и бригами „Байкалъ“ и „Промыселъ“, плавалъ изъ Ново-Архангельска въ Калифорнію, Санъ-Франциско и къ берегамъ Камчатки, послѣ чего въ 1850 г. возвратился берегомъ въ Петербургъ.

9-го мая 1851 г. произведенный въ капитанъ-лейтенанты, Р. 11-го іюля назначенъ былъ помощникомъ Главнаго Правителя Россійско-Американской Компаніи, съ производствомъ въ капитаны 2-го ранга, и въ 1851 и 1852 г., на компанейскомъ кораблѣ „Кадьякъ“, перешелъ изъ Кронштадта въ Ново-Архангельскъ.

Въ 1854—1857 г. Р. находился въ откомандировкѣ на островѣ Кадьякѣ для водворенія тамъ разработки и для устройства торговли мѣстными произведеніями и 30-го августа 1855 г. произведенъ былъ въ капитаны 1-го ранга. 6-го октября 1858 г. Р. былъ прикомандированъ къ 20-му флотскому экипажу, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности, 29-го декабря 1859 г. назначенъ былъ Начальникомъ Астрабадской станціи, а 4-го апрѣля 1862 г. переведенъ былъ въ 45-й флотскій экипажъ, въ Астрахань, 5-го сентября того же года прикомандированъ былъ къ 14-му экипажу и, наконецъ, 16-го марта 1863 г. былъ причисленъ къ 8-му экипажу.

1-го января 1865 г. Р. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ зачисленіемъ по резервному флоту, а 12-го января 1870 г.

произведенъ въ вице-адмиралы, съ увольненіемъ отъ службы. Скончался 15-го февраля 1875 г. въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

„Общій Морской Списокъ, ч. XI, С.-Пб. 1900, стр. 593—395; надгробіе.

Н. М.

Рудаковъ, *Александръ Павловичъ*, протоіерей, авторъ учебниковъ Закона Божія; сынъ причетника Петербургской епархіи, родился въ Петербургѣ 27-го октября 1824 года, умеръ 13-го марта 1892 г.; погребенъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Образованіе получилъ въ С.-Петербургскихъ Духовныхъ Семинаріи и Академіи, курсъ коей окончилъ въ 1849 году, по первому разряду, магистромъ богословія. 19-го іюля 1850 года рукоположенный во священника къ церкви преп. Макарія Египетскаго, что при С.-Петербургскомъ Горномъ Институтѣ, и опредѣленный законоучителемъ названнаго Института, Р. это мѣсто занималъ до 1882 года, когда, по слабости здоровья, былъ уволенъ за штатъ. Кромѣ того, въ 1853—55 годахъ онъ безвозмездно преподавалъ Законъ Божій во Второй дѣвичьей школѣ Человѣколюбиваго Общества, а въ 1856—1876 годахъ состоялъ законоучителемъ въ старшихъ классахъ Ларинской Гимназіи.

3-го апрѣля 1866 года о. Рудаковъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея и 4-го іюля 1867 г. опредѣленъ былъ членомъ Учебнаго Комитета при св. Синодѣ. Въ 1868 году, по порученію С.-Петербургскаго Митрополита, имъ составленъ былъ пенсіонный Уставъ и Положеніе объ эмеритальной кассѣ духовенства С.-Петербургской епархіи; онъ участвовалъ также въ составленіи программы преподаванія Закона Божія въ Гимназіяхъ и Прогимназіяхъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Составленные Р. учебники Закона Божія служили и до настоящаго времени служатъ учебной книгой въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ и вышли въ свѣтъ во многихъ изданіяхъ. Вотъ списокъ его трудовъ:

„Священная исторія Новаго Завѣта“, С.-Пб. 1854 (въ 1904 году вышло 34-е изданіе); „Географія Палестины“ (С.-Пб. 1855), „Исторія Христіанской православной церкви“ (С.-Пб. 1856; въ 1903 году вышло 26-е изданіе), „Священная исторія Ветхаго Завѣта“, С.-Пб. 1858 (въ 1904 г. вышло 34-е изданіе), „Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви“, С.-Пб. 1861 (въ 1903 г. вышло 29-е изданіе), „Краткіе разсказы о важнѣйшихъ событіяхъ Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“, С.-Пб. 1872 (8-е изданіе вышло въ 1900 г.), „Православное догматическое богословіе“, С.-Пб. 1876 и 1894 (два изданія), „Наставленіе въ Законѣ Божіемъ“, С.-Пб. 1878 (13-е изданіе вышло въ 1904 г.), „Краткая церковная исторія, составленная по программѣ городскихъ училищъ“, С.-Пб. 1885 (въ 1904 г. вышло 13-е изданіе).

Кромѣ того, А. П. Рудаковъ перевелъ съ нѣмецкаго: „Письма противъ матеріализма“, Соч. Ф. Фабри (С.-Пб. 1867) и „Очеркъ церковной исторіи“ Куртца, со многими измѣненіями и дополненіями въ соотвѣтствіи съ ученіемъ Православной церкви (С.-Пб. 1868).

„Церковн. Вѣдости“ 1892, № 12; „Новое Время“ 1892, № 5764 и 5766; „Библіограф. Записки“ 1892, № 7; „Нива“ 1892, № 15; „День“ 1892, № 1353; „Петербург. Листокъ“ 1892, № 72, 73, 74, 75; Д. Д. Языковъ, Обзоръ, вып. XII, С.-Пб 1912, стр. 159—161; А. С. Родосскій, Біографическій Словарь студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи. 1814—1869, С.-Пб. 1907.

П. Дилакторскій.

Рудаковъ, *Алексѣй Гавриловичъ*, граверъ; род. въ 1748 году и былъ сыномъ Гаврилы Р., служившаго съ 1-го января 1730 года въ Словолитной Палатѣ Академіи Наукъ ученикомъ пунсоннаго художества, а потомъ бывшаго пунсоннымъ мастеромъ и медальеромъ и умершаго 25-го сентября 1772 года; въ 1761 году Алексѣй Р. былъ принятъ (13-го августа) въ академическую службу „рисовальнымъ ученикомъ гравированія“; въ 1766 г., будучи ученикомъ въ 3-мъ классѣ, обучался гравированію у подмастерья А. Грекова и получалъ по 30 рублей жалованья; 5-го іюня 1773 г. назначенъ подмастерьемъ; былъ подмастерьемъ и въ 1784 г.; работалъ еще въ 1803 году.

Изъ работъ его извѣстны: „Титъ Веспасіанъ, Цесарь Римскій“, 1766 г.; одна доска въ книгу Реймерса 1793 г.: „Внутреній видъ Церкви св. Софіи въ Константинополѣ“; двѣ доски въ книгу П. Сумарокова: „Досуги Крымскаго судьи“, С.-Пб. 1803 (рисунки 9 и 21); съ Челноковымъ исполнилъ рядъ чертежей къ „Описанію С.-Пе-

тербурга", В. Г. Рубана, изд. 1779 г., и много мелкихъ чертежей въ различныя изданія Академіи Наукъ.

Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ; Д. А. Ровинскій, Подробный Словарь Русскихъ гравюровъ XVI—XIX вв., С.-Пб. 1895, стр. 566—567.

Б. М.

Рудаковъ, *Дмитрій Ильичъ*, вице-адмиралъ; род. въ 1819 году, воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ, откуда былъ выпущенъ гардемариномъ въ 1835 г. Первое двадцатилѣтіе своей служебной дѣятельности, вплоть до конца Крымской войны, Р. провелъ въ плаваньяхъ на морѣ; въ 1836 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы, въ 1839 г. за храбрость, обнаруженную въ сраженіи съ горцами, получилъ орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость", въ 1842 г. былъ произведенъ въ лейтенанты, а въ 1845 г.—въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1850 г. Р. былъ переведенъ въ 18-й флотскій экипажъ и назначенъ командиромъ шхуны „Метеоръ", въ 1854 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и получилъ въ командованіе фрегатъ „Цесаревна". Когда въ 1855 году англичане, не имѣя возможности нанести вредъ нашимъ крѣпостямъ на берегахъ Финскаго залива, систематически занимались разореніемъ издали нашихъ прибрежныхъ городовъ, вродѣ Фридрихсгама, Нарвы и др. Р. въ 1856 г. была поручена защита Транзундскихъ проходовъ съ моря къ Выборгу. Это порученіе онъ исполнилъ блестящимъ образомъ. 1-го іюля англійскія судна: фрегатъ „Arrogount", пароходъ „Magicienne" и винтовая канонерка „Ruly" вошли въ Малый Транзундскій рейдъ и, посадивъ десантъ на шлюпки эскадры, хотѣли прорваться сквозь Транзундскій проливъ къ Выборгу. Распоряжаясь 8-ю гребными лодками и 2 или 3 сотнями сухопутныхъ войскъ, Р. не только успѣлъ помѣшать намѣреніямъ непріятеля, но нанесъ ему весьма серьезный уронъ и за храбрость и распорядительностъ въ этомъ бою получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ томъ же году Р. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1857 г. былъ назначенъ командующимъ 25-мъ флотскимъ экипажемъ и кораблемъ „Великій князь Михаилъ". Въ мартѣ 1860 г. Р. назначенъ былъ командиромъ Свеаборгскаго порта и 21-го октября 1866 г. произведенъ былъ въ контръ-адмиралы, а 1-го января 1874 г.—въ вице-адмиралы.

Въ теченіе своей службы Р. сдѣлалъ 16 морскихъ кампаній. Вступивъ въ командованіе Свеаборгскимъ портомъ, Р. нашелъ его въ крайне плохомъ состояніи, и ему пришлось употребить много труда для приведенія порта въ лучшее состояніе. Портовая дѣятельность Свеаборга по изготовленію къ плаванію и вооруженію военныхъ судовъ за время командованія портомъ Р. выражается слѣдующими цифрами: въ немъ было изготовлено 51 винтовая канонерская лодка, 3 пловучихъ маяка, 3 шхуны, 1 пловучій докъ, 4 гребныхъ канонерскихъ лодки, 4 кр. плашхоута, 4 паровыхъ катера, 1 винтовой пароходъ и 29 баржъ. Подъ управленіемъ Р. Свеаборгскій портъ, кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, по ходатайству Р. у высшаго начальства, находилъ возможнымъ оказывать безвозмездныя пособія сооруженію православнаго собора въ Гельсингфорсѣ, а также при постройкѣ Финляндской желѣзной дороги—разными подъемными, перевозочными и другими средствами. Въ должности командира Свеаборгскаго порта Р. пробылъ болѣе 15 лѣтъ и успѣлъ привести его въ прекрасное состояніе. Въ 1872 г., по Высочайшему повелѣнію, Р. былъ командированъ въ Москву главнымъ распорядителемъ церемоніала торжественнаго шествія ботика Петра Великаго въ ознаменованіе 200-лѣтняго юбилея дня рожденія Петра I и открытія въ Москвѣ 1-й Политехнической Выставки.

Р. умеръ въ Петербургѣ 8-го октября 1875 г. и похороненъ близъ Выборга; былъ женатъ на Александрѣ Андреевнѣ Костылевой.

Въ „Морскомъ Сборникѣ" 1862 г. (№ 10) былъ напечатанъ рапортъ Р. о поврежденіи винтовой лодки „Хватъ", ставшей въ шхерахъ на камень.

„Голосъ" 1875 г., № 290; „Гражданинъ" 1876 г., № 4, стр. 105; „Кронштадтскій Вѣстникъ" 1875 г. № 120, „Общій Морской Списокъ", ч. XI, стр. 395—397; „С.-Петерб. Вѣд." 1875 г. (объявл.).

Рудаковъ, *Иванъ*, одинъ изъ живописцевъ Партикулярной Верфи, могущей считаться родоначальницею нашей Академіи Художествъ; Р. работалъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ промежутокъ времени съ 1731 по 1748 годъ; онъ испол-

нялъ сперва малярныя работы,—красилъ и золотилъ панели, расписывалъ камины, балясины, рамы въ царскихъ дворцахъ и въ церквахъ Петербурга. При исполненіи этой работы на Р. обратилъ вниманіе итальянецъ Перезиноттн и взялъ его къ себѣ въ ученики. Очевидно, Р. оказался способнымъ ученикомъ, потому что отъ золоченія рамъ перешелъ къ „письму стѣнъ“, а послѣднее изъ имѣющихся о немъ свѣдѣній говоритъ, что онъ „вмѣстѣ съ Перезиноттн писалъ плафоны въ новомъ лѣтнемъ домѣ въ саду, въ мыльнѣ“ и „предъ Армитажъ въ свѣтлую галлерею“. Армитажъ (эрмитажъ) — неизвѣстная постройка Елисаветы Петровны, гдѣ то въ нынѣшнемъ Михайловскомъ саду; этой постройкою очень интересовалась Императрица и, конечно, Гофъ-Интендантская Контора не послала бы росписывать её Ивана Рудакова, если бы онъ не обладалъ талантомъ живописца.

А. И. Успенскій, Словарь художниковъ, стр. 146.

П. С—кій.

Рудаковъ, *Иванъ*, писатель; родился въ 1743 году; былъ старшимъ наборщикомъ въ Типографіи Академіи Наукъ, въ 1771 году получалъ жалованья по 72 р. въ годъ; 10-го октября 1772 г. уволился съ аттестатомъ, „для опредѣленія въ другой командѣ“; потомъ былъ поручикомъ и корректоромъ въ Типографіи Военной Коллегіи; по сообщенію Новикова, онъ „сочинялъ разныя весьма курьезныя стихотворенія, а по большей части сатирическія, но напечатанныхъ нѣтъ“; въ своемъ „Опытѣ“ Новиковъ напечаталъ написанные Рудаковымъ „Стихи къ Опыту Историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ“ (нач.: „Представленъ свѣту здѣсь мужей разумныхъ родъ, Которы принесли Россіи вѣчный плодъ“...), изъ коихъ видно знакомство Р. и съ древними классиками, и съ сочиненіями западныхъ писателей; онъ умеръ или въ послѣдній день 1791 или въ первый день 1792 года и 2-го января 1792 года погребенъ былъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Метрическія книги Смоленскаго кладбища; Н. И. Новиковъ, Опытъ словаря о Россійскихъ писателяхъ, изд. С.-П. 1867 г., стр. 96—97; Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. 543, § 564.

Б. М.

Рудаковъ, *Павелъ Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, авторъ „Записокъ“; происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Тверской губерніи, родился 10-го января 1811 года и былъ сыномъ капитана Дмитрія Матвѣевича Р.; воспитывался въ Александровскомъ Сиротскомъ Домѣ, а затѣмъ въ Дворянскомъ Полку (нынѣ Константиновское Военное Училище), откуда былъ выпущенъ въ 1828 году прапорщикомъ въ батарейную № 1 роту 14-й артиллерійской бригады. Первые годы своей службы Р. провелъ при Штабѣ 6-й артиллерійской дивизіи, въ 1838 году назначенъ былъ адъютантомъ при Начальникѣ 6-й артиллерійской дивизіи, въ 1844 году прикомандированъ былъ къ С.-Петербургскому Арсеналу по искусственной части и въ томъ же году былъ утвержденъ адъютантомъ къ исправляющему должность Инспектора мѣстныхъ арсеналовъ. Въ 1846 г., по собственному желанію, Р. отчисленъ былъ во фронтъ, будучи прикомандированъ къ образцовой пѣшей батареѣ; въ 1847 г. назначенъ былъ командующимъ резервной № 12 батареей 4-й артиллерійской бригады, въ 1848 году—командиромъ легкой № 6 батареи той же бригады, при чемъ произведенъ былъ, за отличіе, въ подполковники.— Затѣмъ Рудаковъ, принявъ участіе въ Венгерской кампаніи, былъ во многихъ походахъ и сраженіяхъ въ 1848—1849 г., также, какъ и въ 1853—1854 гг.,—а именно въ слѣдованіи на Кавказско-Турецкую границу, гдѣ присоединился къ дѣйствующему корпусу; въ 1854 г., 24-го іюня, съ 1-мъ дивизіономъ батареи, въ составѣ Александропольскаго отряда, сражался при этомъ городѣ; въ сраженіи при селеніи Кюрюкъ-Дара Р. командовалъ на правомъ флангѣ нашей боевой линіи своднымъ дивизіономъ, состоявшимъ изъ одного взвода бывшей легкой № 6 и одного взвода легкой № 8 батареи 18-й артиллерійской бригады при совершенномъ разбитіи въ этомъ дѣлѣ 60.000-го корпуса, бывшаго подъ начальствомъ мушира Зарифа-Мустафа-паши. Послѣ этого блестящаго сраженія, П. Д. Рудаковъ произведенъ былъ, за отличіе, въ полковники и награжденъ орденомъ. Равнымъ образомъ и въ теченіе 1855 г. П. Д. Рудаковъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ перестрѣлкахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ: 17-го сентября былъ при штурмѣ крѣпости Карса и при

ея блокадѣ, а 16-го ноября 1855 г.—при сдачѣ Карса съ находившимся въ ней Турецкомъ гарнизономъ.

По окончаніи войны 1853—1856 гг. П. Д. Рудаковъ оставилъ фронтовую службу и былъ назначенъ Начальникомъ Московскаго Арсенала, въ 1876 году, за отличіе, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 30-го декабря того же года произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ увольненіемъ, за болѣзнію, отъ службы.

Послѣдніе годы своей жизни П. Д. Рудаковъ провелъ почти безвыѣздно въ имѣній своей жены—селѣ Крестъ, Велижскаго уѣзда Витебской губерніи, гдѣ съ любовью занимался садоводствомъ и наслаждался деревенскою жизнью, которую всегда любилъ. Боевая походная жизнь и тяжкій ударъ судьбы, лишившей его единственнаго сына, поручика 1-й Его Величества батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады, Александра Павловича Рудакова, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ 26-го мая 1873 года, подкосили его силы. Покушеніе Соловьева (2-го апрѣля 1879 г.) на жизнь Императора Александра II окончательно разбило потрясенное уже здоровье П. Д. Рудакова и низвело его въ преждевременную могилу: онъ скончался 6-го ноября 1879 г.

„Мы лично знали Павла Дмитріевича", пишетъ М. И. Семевскій: „это былъ человѣкъ чрезвычайно симпатичный—скромный, честнѣйшій служака, русскій человѣкъ до мозга костей, страстно любившій отечество и безгранично преданный Верховному Державному Вождю Россіи".

Послѣ Р. остались очень интересныя Записки, начало которыхъ, подъ заглавіемъ „Два эпизода изъ войны въ Азіатской Турціи", было напечатано его вдовою въ 1883 г., въ 40-мъ томѣ „Русской Старины" (стр. 523—552); это начало состоитъ изъ 4-хъ главъ, остальная же часть (т.-е. 106 главъ) была Рудаковымъ въ 1878 г. уничтожена по мотивамъ довольно непонятнаго свойства. Въ той же „Русской Старинѣ" В. Д. Корсакова опубликовала „Дневникъ П. Д. Рудакова о войнѣ въ Малой Азіи въ 1854—1855 г." (1905 г., № 5, стр. 274—304 и № 6, стр. 481—508, съ портретомъ П. Д. Рудакова при № 5); при отрывкѣ изъ „Записокъ", въ „Русской Старинѣ" 1883 г. напечатаны также нѣкоторыя стихотворенія Рудакова. По поводу его Записокъ см. статью А. Л. Зиссермана въ „Русск. Архивѣ" 1885 г., кн. II, стр. 329.

„Русск. Стар." 1883 г., т. XC, и 1905 г., т. CXXII; „Новое Время" 1889 г., № 1342; „С.-Петерб. Вѣдом." 1889 г., № 322.

Б. М.

Рудаковъ, *Филологъ Васильевичъ*, педагогъ, Главный Инспекторъ училищъ Восточной Сибири, писатель; род. 6-го января 1827 г. въ Каинскѣ, уѣздномъ городѣ Томской губерніи, гдѣ отецъ его былъ штатнымъ смотрителемъ Уѣзднаго Училища. Первоначальное образованіе Р. получилъ въ Томскѣ, куда, послѣ смерти мужа, переѣхала съ дѣтьми его мать,—сначала въ Уѣздномъ Училищѣ, а затѣмъ, съ 1838 г., во вновь открывшейся Томской Гимназіи; успѣшно окончивъ въ ней курсъ, Р. былъ отправленъ на казенный счетъ въ Казанскій Университетъ, гдѣ поступилъ на камеральное отдѣленіе Юридическаго Факультета. Окончивъ курсъ въ 1848 г. съ золотою медалью за сочиненіе: „О статистическихъ отношеніяхъ киргизскихъ и калмыцкихъ степей и настоящемъ управленіи народами", Р. рѣшилъ, поступить на службу непремѣнно въ Сибирь, не смотря на то, что ему предлагали остаться при Университетѣ, съ возможностью даже заграничной командировки. Насколько Р. обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ профессоровъ (напр., Мейера, Осокина), показываетъ тотъ фактъ что онъ, по предложенію Университета, въ годъ своего окончанія и не сдавая магистерскаго экзамена, за неимѣніемъ третьяго профессора, выступилъ оффиціальнымъ оппонентомъ на защитѣ кандидатомъ Рязановымъ диссертаціи „Объ очистительной присягѣ въ уголовныхъ дѣлахъ".

19-го января 1849 г. Р. былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ судопроизводства въ Томскую Гимназію, а 28-го іюля 1850 г. къ этому присоединилась еще обязанность старшаго учителя законовѣдѣнія; кромѣ учительскихъ обязанностей и библіотекарства въ гимназическихъ библіотекахъ, Р. съ 15-го января 1853 г. по августъ 1854 г исправлялъ еще должность надзирателя за казенными воспитанниками; здѣсь онъ впервые обнаружилъ свои воспитательскіе таланты и вскорѣ былъ опредѣленъ постояннымъ воспитателемъ. Позд-

нѣе, будучи уже Директоромъ Тобольской Гимназіи, Р. составилъ изложеніе тѣхъ мѣръ, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ инструкціи надзирателямъ Тобольской Гимназіи (см. „Тобольскія Губернскія Вѣдомости“ 1863 г., № 12, отд. неофф.: „Инструкція надзирателямъ при Тобольской Гимназіи о предоставляемыхъ имъ мѣрахъ нравственнаго исправленія воспитанниковъ внесена Директоромъ Училищъ на разсмотрѣніе Педагогическаго Совѣта 13-го августа и затѣмъ представлена вмѣстѣ съ журналами совѣта на утвержденіе Главнаго Инспектора Училищъ 24-го августа 1862 г.“).

9-го марта 1862 г. Р. былъ назначенъ, минуя инспекторскую должность, Директоромъ Училищъ Тобольской губерніи и мѣстной Гимназіи; послѣдняя находилась въ сильномъ упадкѣ, и новый Директоръ предпринялъ рядъ оригинальныхъ мѣръ съ цѣлью оживить и поднять Гимназію и ея педагогическій персоналъ; между прочимъ, онъ испросилъ разрѣшеніе провести слѣдующія мѣры къ улучшенію вообще учебной части Гимназіи: 1) печатать въ „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, съ соблюдоніемъ цензурныхъ правилъ, тѣ журналы Педагогическаго Совѣта, которые признано будетъ полезнымъ сообщать во всеобщее свѣдѣніе; 2) открыть доступъ въ Педагогическіе Совѣты Гимназіи желающимъ родителямъ и другимъ лицамъ, интересующимся дѣломъ воспитанія дѣтей; 3) дозволить родителямъ и другимъ членамъ общества во всякое время посѣщать Гимназію (въ присутствіи Инспектора и не въ ущербъ учебнымъ занятіямъ).

На призывъ Директора откликнулись всѣ преподаватели, начиная со священника-законоучителя и кончая учителемъ рисованія и черченія. Ихъ замѣтки, поступавшія предварительно на разсмотрѣніе Педагогическаго Совѣта, значеніе котораго новый Директоръ всѣми силами старался поднять, съ заключительною резолюціею его, были первыми журналами Педагогическаго Совѣта, отпечатанными въ „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1862 (№ 43 и слѣдующіе и 1863 г., № 1—36).

Не менѣе труда, вниманія, заботливости и истинной любви къ дѣлу Р. высказалъ въ завѣдываніи и прочими учебными заведеніями Тобольской губерніи: при немъ и его стараніями было открыто много школъ; онъ устроилъ Педагогическіе Съѣзды учителей и добился увеличенія жалованья учителямъ народныхъ школъ.

Въ должности Директора училищъ Р. оставался до 20-го іюня 1879 г., когда былъ назначенъ Главнымъ Инспекторомъ Училищъ Восточной Сибири. За время своей тридцатилѣтней службы онъ дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника (8-го марта 1875 г.). Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, онъ еще въ Томскѣ принялъ на себя, безъ жалованья, обзанности секретаря Комитета Общества попечительнаго о тюрьмахъ, а въ Тобольскѣ состоялъ съ 1865 года Директоромъ Тобольскаго Тюремнаго Комитета. Р. возродилъ къ жизни Общество вспомоществованія бѣднымъ студентамъ изъ уроженцевъ Тобольской губерніи (въ половинѣ 1870-хъ годовъ), выбравшее его въ почетные члены, и онъ же устроилъ въ Тобольскѣ Музыкальное Общество.

Дѣятельность Р. въ Иркутскѣ въ должности Главнаго Инспектора была недолговремена—всего 4 года, и не была для него счастлива: онъ не поладилъ съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Анучинымъ и получилъ отставку раньше окончанія срока своей службы. Проводя свою любимую идею объ объединеніи педагогическаго міра, Р. устроилъ въ Иркутскѣ собранія учителей и учительницъ всѣхъ учебныхъ заведеній Иркутска, съ диспутами; подъ его руководствомъ сталъ издаваться, по примѣру другихъ учебныхъ округовъ, спеціальный органъ—„Циркуляръ по Восточно-Сибирскимъ Учебнымъ заведеніямъ“.

Покинувъ Иркутскъ въ 1883 году, Р., причисленный къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, скончался въ Тобольскѣ 31-го мая 1885 г. Уже въ послѣднее время жизни Р. хотѣлъ посвятить себя литературной дѣятельности и предпринялъ трудъ, который озаглавилъ: „Тяжелое время на Руси. 1849—1882 г.“. Отдѣльныя главы этого труда напечатаны въ приложеніи къ его біографіи. Ему принадлежатъ статьи: „Отъ Тобольской Гимназіи“—„Тобольскія Губернскія Вѣдомости“ 1862 г. № 43, часть неофф., стр. 289; „Сочуствіе общества къ учебнымъ заведеніямъ“—тамъ же № 49; „Отвѣтъ на замѣчанія журнала „Воспитаніе“ противъ педагогическихъ статей Тобольской Гимназіи“ тамъ же 1863, № 18, ч.

неофф.; „Отъ Гимназіи“ ibid., 1863 г., № 36, ч. неофф.

„Филологъ Васильевичъ Рудаковъ“, Тобольскъ. 1890 г.; некрологъ—„Тобольскія Губ. Вѣд.“ 1885 г., № 23; „Тобольская Дирекція училищъ и Тобольское общество“—„Современ. Слово“ 1863 г.; „Нововведенія Тобольской Гимназіи“, — „Воспитаніе“ 1863 г., т. 13, № 1, внутр. изв., стр. 11—13; „Педагогическая дѣятельность въ Тобольской Гимназіи“—тамъ же, № 2, Внутр. Изв., стр. 30—36.; „Тобольскимъ педагогамъ“ — тамъ же, т. 14, № 10, стр. 77—83; „Голосъ“ 1863 г., № 11, стр. 41; С. Замахаевъ и Г. Цвѣтаевъ, Тобольская Губернская Гимназія, Тоб. 1889, стр. 215 и сл.

Инн. Соколовъ.

Рудаковъ, *Яковъ Тихоновъ* Казанецъ, иконописецъ XVII вѣка; былъ, повидимому, крестьяниномъ князя Черкасскаго и опредѣленъ былъ въ жалованные иконописцы одновременно съ Симономъ Ушаковымъ, въ 1648 г., при чемъ—по старшей противъ послѣдняго статьѣ, съ окладомъ наравнѣ съ лучшимъ иконописцемъ того времени — Иваномъ Паисеиномъ; изъ этого можно заключить, что онъ былъ, вѣроятно, старѣе Ушакова годами.

Изъ работъ Рудакова, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, можно назвать иконы: Алексія, человѣка Божія, Маріи Египетской (въ моленіи Богоматери) и образъ Казанской Богородицы; имъ же писана „до лицъ“ извѣстная икона Благовѣщенія въ церкви Грузинской Богоматери, въ Москвѣ.

Г. Филимоновъ, Сименъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи — „Сборникъ на 1873 г.“, М. 1873, стр. 5 и 18.

А. Новицкій.

Рудановскій, *Лавръ Яковлевичъ*, общественный дѣятель, д. с. с.; происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, гдѣ и родился въ родовомъ имѣніи въ 1824 году; образованіе получилъ въ гимназіи, службу началъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ, а затѣмъ перешелъ въ Хозяйственный Комитетъ Человѣколюбиваго Общества; здѣсь работалъ до 1863 года, когда поступилъ на службу въ Городскую Думу, гдѣ исполнялъ различныя обязанности по городскому хозяйству, и, благодаря своей опытности, оказалъ городу не мало услугъ. По преобразованіи Думы Р. былъ выбранъ въ гласные и, кромѣ того, состоялъ членомъ Управы; въ 1881 году былъ избранъ членомъ-распорядителемъ Правленія Городского Общества взаимнаго страхованія; послѣднее время Р. состоялъ еще попечителемъ Обуховской больницы и принималъ участіе въ устройствѣ городскихъ кладбищъ; умеръ 19-го августа 1888 года.

„Новое Время“ 1888 г. 22-го августа, № 4483 (некрологъ); „Портреты гласныхъ С.-Петербургской Городской Думы сессіи 1877—1890“, С.-Пб. 1890, стр. 107.

Рудановскій, *Леонидъ Платоновичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 29-й пѣхотной дивизіи; род. 21-го ноября 1814 г. въ городѣ Нѣжинѣ, Черниговской губерніи. Отецъ его, бывшій сначала учителемъ Нѣжинскаго Уѣзднаго Училища, а потомъ Инспекторомъ Нѣжинской же Гимназіи, человѣкъ образованный, съ раннихъ лѣтъ старался воспитать въ сынѣ любовь къ труду и привычку къ чтенію; мальчикъ чуть не пяти лѣтъ выучился читать и зачитывался историческими книгами, изъ которыхъ главнымъ образомъ состояла библіотека его отца, увлекался, по словамъ Н. В. Гербеля, военными подвигами героевъ Греціи и Рима и мечталъ о военной славѣ. Въ 1826 году онъ поступилъ въ 4-й классъ Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородка и въ іюлѣ 1832 года окончилъ въ ней курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса. По желанію отца Р. поступилъ, 29-го іюля 1833 года, канцелярскимъ чиновникомъ въ Департаментъ разныхъ податей и сборовъ, въ августѣ того же года былъ утвержденъ въ чинѣ губернскаго секретаря, но гражданская служба была не по душѣ ему: 13-го февраля 1834 г. онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Нѣжинъ, а затѣмъ 1-го ноября поступилъ, на правахъ студентовъ, унтеръ-офицеромъ въ Якутскій пѣхотный полкъ, выказавъ себя, какъ онъ самъ выражался, „непокорнымъ сыномъ“. 17-го сентября 1835 г. Р. былъ произведенъ въ прапорщики, 25-го марта 1838 года—въ подпоручики, 6-го ноября 1838 поступилъ въ Императорскую Военную Академію (нынѣ Николаевская Академія Генеральнаго Штаба), 8-го мая 1840 года былъ произведенъ въ поручики, а 29-го декабря, по окончаніи курса Академіи, причисленъ былъ къ Генеральному Штабу, 2-го января 1841 года назначенъ былъ въ Штабъ 3-го пѣхотнаго корпуса, 9-го декабря 1841 года былъ переведенъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ и уже 25-го декабря 1842 года, за

отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, получилъ орденъ св. Станислава 3-й ст. Съ этихъ поръ до 1860 года почти непрерывно продолжалась боевая дѣятельность Р., и этотъ періодъ является самымъ блестящимъ періодомъ его жизни и дѣятельности. 4-го іюля 1844 года за экспедицію 1843 года ему объявлено было Высочайшее благоволеніе, 24-го іюля онъ произведенъ былъ въ капитаны, а въ экспедицію 1845 г. принималъ дѣятельное участіе въ атакѣ праваго непріятельскаго фланга, въ завладѣніи высотами Данкуль-Бярскаго хребта и въ преслѣдованіи бѣжавшихъ горцевъ до сел. Ницы. За это Р. получилъ орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ и 10-го апрѣля 1845 г. произведенъ въ подполковники. Въ томъ же 1845 г., 10-го декабря, Р. пожалованъ былъ орденомъ св. Владимира 4-й ст. съ бантомъ, а 4-го октября 1846 года онъ былъ назначенъ въ Штабъ войскъ Кавказской Линіи и Черноморіи и 11-го марта 1847 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. за взятіе (25-го іюля 1846 г.) штурмомъ завалова на хребтѣ Тлія, въ экспедицію 1846 г.; 27-го октября 1847 года Р. былъ перечисленъ обратно въ корпусную квартиру, а 20-го апрѣля 1848 г. отправленъ для исправленія должности дивизіоннаго квартирмейстера 20-й пѣхотной дивизіи, въ каковой должности и утвержденъ приказомъ отъ 28-іюля того же года. 20-го марта 1849 года Р. назначенъ былъ оберъ-квартирмейстеромъ войскъ Кавказской Линіи и Черноморіи, 16-го августа того же года, за экспедицію противъ горцевъ 1848 года, ему пожалована была золотая шпага съ надписью „за храбрость“, 3-го іюня 1850 года онъ произведенъ былъ въ полковники и получилъ послѣдовательно цѣлый рядъ наградъ, въ томъ числѣ 26-го ноября 1853 г. орденъ св. Георгія 4-й ст. — 12-го марта 1854 г., съ переходомъ Кавказской Линіи и Черноморіи въ вѣдѣніе Атамана Войска Донского, Р. командированъ былъ въ его распоряженіе для сообщенія ему свѣдѣній о Кавказской Линіи и Черноморіи, 8-го іюля 1854 г. ему пожалованъ былъ перстень съ вензелевымъ изображеніемъ Императорскаго имени за экспедицію противъ горцевъ 1853 года. 8-го мая 1855 года Р. командированъ былъ, безъ отчисленія отъ должности оберъ-квартирмейстера, въ дѣйствующій корпусъ на Кавказско-Турецкой границѣ и 3-го іюня принималъ участіе въ кавалерійскомъ дѣлѣ нашего авангарда подъ стѣнами Карса; 28-го іюня онъ произвелъ рекогносцировку части карсскихъ укрѣпленій, лежащихъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, 17-го сентября участвовалъ въ штурмѣ Карса въ составѣ колонны генерала Ковалевскаго, атаковалъ со своимъ отрядомъ турецкія войска, расположенныя на Шорохскихъ высотахъ. Приступъ былъ отбитъ, при чемъ самъ Ковалевскій — смертельно раненъ, большинство офицеровъ перебито, а Рудановскій раненъ осколкомъ гранаты въ ступню лѣвой ноги съ поврежденіемъ костей, но сѣлъ на лошадь и, пока позволяли силы, не покинулъ поля сраженія. Послѣ боя онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Тифлисъ, а въ маѣ мѣсяцѣ 1856 года снова принялъ команду надъ отрядомъ, назначеннымъ для укрѣпленія Анапы. 5-го марта 1856 года ему объявлено Высочайшее благоволеніе за дѣла противъ турокъ, а 21-го марта онъ произведенъ въ генералъ-майоры, 8-го апрѣля назначенъ командиромъ 1-й бригады Черноморско-Линейныхъ батальоновъ и 16-го августа—начальникомъ Штаба 20-й пѣхотной дивизіи и войскъ лѣваго крыла Кавказской Линіи. 22-го февраля 1857 года ему пожалованъ былъ орденъ св. Станислава 1-й ст. за укрѣпленіе Анапы, и тогда же Государь разрѣшилъ ему ходить съ ручнымъ костылемъ для облегченія раненой ноги, которая давала себя чувствовать во время походовъ. Въ сентябрѣ 1857 г. Р. начальствовалъ экспедиціей противъ горцевъ, взялъ штурмомъ аулъ Османъ-Юртъ и за это 6-го октября награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. съ мечами.—10 апрѣля 1858 года Р. былъ командированъ въ распоряженіе командующаго войсками праваго крыла Кавказской Линіи (нынѣ Кубанской области) для исправленія должности его помощника и 12-го іюля утвержденъ въ этой должности. Въ экспедиціи, предпринятой въ 1858 г. подъ начальствомъ генерала Евдокимова для занятія Аргунскаго ущелья, онъ командовалъ лѣвою колонною и посланъ былъ по правому берегу Шаро-Аргута черезъ Измаилъ-Юртъ, лѣвѣе Дутена, на хребтѣ Шимберды, чтобы угрожать непріятелю обходомъ, еслибы онъ рѣшилъ держаться въ Дутенѣ. Затѣмъ, уже вполнѣ самостоятельно, Р. построилъ и укрѣпилъ Майкопъ — штабъ-квартиру Кубанскаго полка—и, начальствуя осеннею экспедиціею, взялъ и истребилъ

укрѣпленный Баракаевскій аулъ, за что былъ награжденъ 6-го ноября орденомъ св Анны 1-й ст. съ короною и мечами. Въ 1859 г. Рудановскій былъ Начальникомъ войскъ Майкопскаго и Бѣлорѣченскаго отрядовъ, а также Люблинскаго, которымъ командовалъ и въ 1860 году. Съ весны 1860 г. Шапсугскій отрядъ, начальство надъ которымъ было поручено Рудановскому, началъ наступательныя дѣйствія, взялъ штурмомъ аулъ Кубаницъ, уничтожилъ аулы, извѣстные подъ общимъ названіемъ Этогу-Охо, аулы Тей-Мазъ-Хобль, два большіе аула въ ущельѣ Догай и множество другихъ, такъ что, по словамъ газеты „Кавказъ“ (1860 г., № 77), только съ 21-го по 24-е сентября 1860 г. Рудановскій разорилъ 38 большихъ ауловъ, не считая малыхъ, взялъ до 100 головъ крупнаго скота, много сѣна и очистилъ отъ непріятеля все ущелье р. Азипса. Въ сентябрѣ Р. возвелъ еще Григорьевское укрѣпленіе и построилъ мостъ на р. Шебшѣ. 17-го октября 1860 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, но уже въ началѣ 1861 г. въ его служебной дѣятельности произошелъ крутой переворотъ; Н. В. Гербель въ своей статьѣ о Рудановскомъ объясняетъ этотъ переворотъ возникшими у него несогласіями съ начальствомъ,—фактъ только тотъ, что съ 1861 года карьера Рудановскаго почти закончилась. 20-го апрѣля 1861 года онъ былъ переведенъ съ Кавказа въ распоряженіе Главнокомандующаго бывшею 1-ю арміею, затѣмъ назначенъ (31-го мая 1861 г.) Военнымъ Начальникомъ Августовской губерніи, 1-го августа—начальникомъ 8-й пѣхотной дивизіи, 5-го марта 1862 года получилъ Высочайшее именное благоволеніе за успѣшные результаты, оказанные 8 стрѣлковымъ батальономъ по всѣмъ предметамъ образованія. Во время подавленія Польскаго возстанія 1863 г. онъ командовалъ, съ января по ноябрь 1863 г., сначала Владиміро-Волынскимъ, а затѣмъ Кременецкимъ отрядомъ, 3-го іюня 1863 г., въ видѣ награды получилъ денежную аренду по двѣ тысячи рублей въ годъ на двѣнадцать лѣтъ, но вмѣстѣ съ этимъ 22-го сентября былъ причисленъ къ Генеральному Штабу съ зачисленіемъ по запаснымъ войскамъ. Затѣмъ до 1869 г. Р. еще получилъ нѣсколько наградъ (16-го января 1864 г.—орденъ св. Владимира 2-й ст., 15-го апрѣля 1866 г.—орденъ Бѣлаго Орла и, наконецъ, въ маѣ 1868 г.—табакерку съ портретомъ Его Величества), 20-го декабря 1864 г. былъ назначенъ начальникомъ 29-й пѣхотной дивизіи, но 25-го марта 1869 года былъ окончательно отчисленъ въ запасъ съ оставленіемъ въ Генеральномъ Штабѣ и съ назначеніемъ кандидатомъ на должность коменданта, какъ увѣдомилъ его въ письмѣ Военный Министръ. Р. не могъ примириться съ увольненіемъ въ запасъ и черезъ полтора года обратился съ письмомъ къ Военному Министру, въ которомъ говорилъ, что здоровье его поправилось, что онъ хотѣлъ бы болѣе живого дѣла, чѣмъ должность коменданта, такъ какъ онъ еще чувствуетъ себя полнымъ энергіи и не жаждетъ отдыха. „Служба для общества, писалъ онъ, была всегда цѣлью моей жизни, и теперь дѣятельность — лучшее лекарство для меня. Ни частная жизнь, ни матеріальныя выгоды никогда не имѣли для меня значенія; о средствахъ я не забочусь, такъ какъ привыкъ довольствоваться самымъ необходимымъ“; отвѣта Р. не получилъ, и это окончательно подорвало его здоровье: лѣтомъ 1874 г. его поразилъ нервный ударъ, который почти парализовалъ у Р-го обѣ ноги и обѣ руки. Два раза ѣздилъ онъ за границу лечиться, но ничто уже не могло помочь ему, и 20-го августа 1877 года онъ скончался въ Маріенбадѣ, въ Богеміи; похороненъ на семейномъ кладбищѣ въ мѣст. Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда.

Рудановскій былъ человѣкъ хорошо образованный; свободное отъ походовъ время посвящалъ занятіямъ исторіей и, между прочимъ, по словамъ Гербеля, составилъ мемуары въ 4-хъ большихъ томахъ: „Военный обзоръ Южнаго Дагестана“ и „Записки очевидца о нѣкоторыхъ происшествіяхъ кампаній на Кавказѣ въ 1843, 1844, 1845 и 1846 гг.“ — матеріалы для исторіи Кавказской войны. Записки эти достались его наслѣднику. При Нѣжинской Гимназіи онъ учредилъ двѣ стипендіи въ память отца своего, Платона Осиповича Рудановскаго.

Послужной списокъ отъ 30 янв. 1866 г.; статья Н. В. Гербеля въ книгѣ „Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко“, С.-Пб. 1881 г., стр. 432—441; „Одинъ изъ героевъ Кавказа“, Н. В. Гербеля (отд. отт., С.-Пб. 1881 г., стр. 1—19); „Русскій Инвалидъ“ 1877 г., № 229; „Кавказъ“ 1860 г., № 77; „Акты Кавказской Археографической Коммиссіи“, т. X, стр. XXX; „Лицей Князя Безбо-

родко", 1859, отд. II, стр. 116—118 (статья В. Толбина); „Русск. Стар." 1879 г., стр. 610; 1882, дек., стр. 583, 1889, апр., стр. 373, 1895, сент., стр. 112—114; „Ежегодникъ Русской арміи", 1878, дек., стр. 94; Н. П. Глиноецкій, Исторія Русскаго Генеральнаго Штаба, т. II, С.-Пб. 1894, стр. 246—247 и 253.

Н. Н. П.-С.

Рудановскій, *Николай Васильевичъ*, контръ-адмиралъ, изслѣдователь Сахалина; род. 15-го ноября 1819 года; образованіе получилъ въ 1-мъ штурманскомъ полуэкипажѣ, куда поступилъ кадетомъ 14-го ноября 1835 года; 30-го марта 1841 г. произведенъ въ прапорщики Корпуса штурмановъ, въ слѣдующемъ году находился у описи и при промѣрахъ въ Финляндскихъ шхерахъ, а съ 1843 по 1850 годъ—на корабляхъ „Кацбахъ", „Императрица Александра", „Императоръ Александръ I" и винтовомъ фрегатѣ „Архимедъ"—крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ; 8-го апрѣля 1851 года произведенъ въ подпоручики, а 19-го декабря того же года—въ поручики, съ переименованіемъ въ мичмана и съ назначеніемъ въ Петропавловскій портъ. Съ этого времени начинается дѣятельность Р. по изслѣдованію Амура и о. Сахалина. Еще до прибытія въ Петропавловскій портъ Р. былъ, 30-го марта 1852 г., произведенъ въ лейтенанты. Въ слѣдующемъ году, на транспортѣ „Иртышъ", онъ плавалъ старшимъ офицеромъ въ Охотскомъ морѣ, потомъ на компанейскомъ кораблѣ „Николай I" перешелъ къ Сахалину и здѣсь поступилъ въ распоряженіе Начальника Амурской экспедиціи капитана 1-го ранга Невельского и принялъ участіе въ производствѣ гидрографическаго и статистическаго описанія о. Сахалина. Въ томъ же году Р. былъ назначенъ начальникомъ описной партіи, произвелъ опись Восточнаго берега залива Анива и составилъ карту южной части Сахалина. Въ 1854 г. за Сахалинскую экспедицію Р. получилъ орденъ св. Станислава 3-й ст. и тогда же, по случаю Крымской войны, перешелъ на транспортѣ „Двина" отъ Муравьевскаго поста въ Императорскую гавань и нѣкоторое время командовалъ Константиновскимъ постомъ, но вскорѣ былъ назначенъ помощникомъ начальника Аянскаго порта и тамъ возводилъ укрѣпленія. Въ слѣдующемъ году Р. занимался перевозкой войсковыхъ частей и производилъ опись и промѣръ праваго берега рѣки Амура, въ 1856 г. получилъ порученіе озаботиться возможно лучшимъ устройствомъ на Сахалинѣ добычи каменнаго угля, а также опредѣленіемъ нашихъ границъ съ Японіей; результатомъ его работъ было открытіе трехъ новыхъ каменноугольныхъ копей—Путятинской, Воздвиженской и Отасу—и основаніе на рѣкѣ Косукой поста; кромѣ того, Р. описалъ еще западный берегъ Сахалина. Въ 1858 году онъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, а за труды по Сахалинской экспедиціи повелѣно было производить Рудановскому пенсію по 350 рублей въ годъ.

Въ 1861—1863 гг. Р. командовалъ винтовыми лодками „Громъ и Молнія" и „Чайка", 1-го января 1862 года былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а спустя два года командированъ въ приволжскіе порта для изученія хлѣбной торговли; съ этого же времени начинается дѣятельное его сотрудничество въ „Морскомъ Сборникѣ", гдѣ онъ помѣстилъ рядъ статей по вопросамъ хлѣбной торговли и другимъ. Въ 1865 г. Р. вернулся изъ командировки и въ слѣдующемъ году представилъ отчетъ о нашей хлѣбной торговлѣ, получивъ за него орденъ св. Станислава 2-й степени. Въ 1869 году Р. былъ назначенъ членомъ Коммиссіи для разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ, возникавшихъ при составленіи Сборника узаконеній по хозяйственной части для военныхъ судовъ; 1-го января 1870 года былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а 15-го мая слѣдующаго года уволенъ для службы на коммерческихъ судахъ, но уже менѣе, чѣмъ черезъ годъ, снова былъ зачисленъ на дѣйствительную службу и назначенъ въ 8-ой флотскій экипажъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—младшимъ помощникомъ командира надъ Кронштадтскимъ портомъ. Въ томъ же году ему было поручено разсмотрѣть и дать отзывъ о новой системѣ Н. П. Столпянскаго для первоначальнаго обученія грамотѣ нижнихъ чиновъ Гвардейскаго экипажа.

1-го января 1873 года Р. произведенъ былъ въ капитаны 1-го ранга и назначенъ завѣдующимъ кадромъ мастеровыхъ и рабочихъ Кронштадтскаго порта, а 7-го ноября 1881 года былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы. Помимо своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, онъ неоднократно принималъ участіе въ разныхъ коммиссіяхъ, какъ, напр., въ Ком-

миссіи, образованной въ Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ для обсужденія вопроса о пенсіи рабочимъ, въ Коммиссіи для пересмотра и исправленія, сообразно дѣйствительной потребности, Положенія о численности постоянныхъ мастеровыхъ и рабочихъ Кронштадтскаго порта и др.

Н. В. Рудановскій скончался въ Петербургѣ 2-го января 1882 г., на 63 г. отъ рожденія.

Въ „Морскомъ Сборникѣ“ напечатаны слѣдующія его статьи: „О морской Кронштадтской Библіотекѣ“—1862 г., № 3, стр. 4—15; „Свѣдѣнія о хлѣбной торговлѣ въ низовыхъ Волжскихъ пристаняхъ. (Изъ Отчета по путешествію кап.-лейт. Рудановскаго по рѣкѣ Волгѣ и ея притокамъ для изысканія способа полученія въ команды Балтійскаго флота лучшаго провіанта)“—1865 г., № 11, ч. неоф., стр. 3—59, № 12, стр. 147—182, 1866 г., № 6, стр. 3—15; „О хлѣбной торговлѣ въ С.-Петербургѣ, о заготовкѣ провіанта въ зернѣ и о новомъ приваркѣ“—1866 г., № 10, ч. неоф., стр. 125—140 и № 11, стр. 79—112; „О состояніи Бѣломорской хлѣбной торговли“—1866 г., № 12, ч. неоф., стр. 213—219.—Ему же принадлежитъ статья: „По поводу воспоминаній Н. В. Буссе объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853 г.“ („Вѣстн. Евр.“ 1872, № 8), съ предисловіемъ Р. Невельского.

Общій Морской Списокъ, т. XI, С.-Пб. 1900 г., стр. 397—400; „Кронштадтскій Вѣстникъ“ 1882 г., 6-го янв., № 3, стр. 2 (некрологъ).

Н. М.

Рудановскій, *Петръ Васильевичъ*, докторъ медицины; происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1829 г. въ Казани и въ 1854 г. окончилъ курсъ Медицинскаго Факультета Казанскаго Университета; будучи стипендіатомъ Горнаго вѣдомства, онъ началъ службу врачемъ въ Верхне-Туринскомъ казенномъ заводѣ Верхотурскаго уѣзда, черезъ годъ переведенъ былъ въ Каменскій казенный заводъ Камышловскаго уѣзда и здѣсь прослужилъ до 1858 г., когда былъ командированъ Горнымъ вѣдомствомъ за границу съ научною цѣлью—для ознакомленія съ устройствомъ госпиталей въ горнозаводскихъ округахъ и для усовершенствованія по глазнымъ болѣзнямъ. Въ 1859 г., вернувшись на Уралъ, Р. былъ назначенъ въ Нижне-Тагильскіе заводы Демидова, гдѣ получилъ въ завѣдываніе больницу въ самомъ Нижнемъ Тагилѣ; здѣсь онъ оставался до самой своей смерти въ продолженіе почти 30 лѣтъ. Прекрасно оборудовавъ больницу, Р., на средства Демидова, богато обставилъ ее научными пособіями (библіотека, музей) и такъ блестяще велъ дѣло, что пріобрѣлъ по всей округѣ и даже по Сибири славу искуснѣйшаго хирурга и окулиста. Печатные труды его по вопросамъ нервной патологіи и физіологіи доставили ему извѣстность въ наукѣ; Казанскій Университетъ присудилъ ему, въ 1875 г., степень доктора медицины honoris causa; въ 1868 г. отъ Имп. Академіи Наукъ онъ получилъ премію Л. Рклицкаго за сочиненіе: „Изслѣдованіе надъ строеніемъ нервной системы человѣка и нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ“ (съ приложеніемъ атласа, состоящаго изъ болѣе 200 фотографическихъ рисунковъ). Парижская Академія Наукъ избрала Р. своимъ корреспондентомъ; онъ велъ переписку съ такими учеными физіологами, какъ Клодъ Бернаръ, Шарко, Реклингаузенъ и др. Помимо ученой, Р. отдавался также и общественной дѣятельности: основалъ въ Нижнемъ Тагилѣ Санитарный Комитетъ, въ которомъ самъ былъ Предсѣдателемъ; при больницѣ устроилъ школу для подготовки фельдшеровъ; былъ членомъ Училищнаго Совѣта, по выбору земства, по Верхотурскому уѣзду и Почетнымъ Мировымъ Судьею; въ 1873 г. онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ Съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Казани; наконецъ, онъ завѣдывалъ всею врачебною частью на Тагильскихъ заводахъ П. П. Демидова князя Санъ-Донато. Рудановскій пользовался неограниченною любовью рабочаго населенія и его полнымъ довѣріемъ; даже мѣстные раскольники относились къ нему довѣрчиво и благожелательно.

П. В. Рудановскій умеръ 27-го января 1888 г., въ Петербургѣ; погребенъ въ Нижнемъ Тагилѣ, въ оградѣ Введенской церкви.

Рудановскій написалъ слѣдующія ученыя работы и статьи:

1) „Практическія замѣтки о крупѣ у дѣтей“—„Московская Медицинская Газета“ 1858 г., № 26; 2) „Случай жирового худосочія“ и „Совпаденіе измѣненій воздуха съ появленіемъ болѣзней“—тамъ же 1858 г., № 42; 3) „Объ атмосферномъ давленіи въ примѣненіи къ патологіи“ — „Протоколы

Общества Русскихъ Врачей въ Петербургѣ", 1858—1859 г., стр. 265; 4) „Иридектомія при нѣкоторыхъ страданіяхъ глаза"—тамъ же, стр. 436; 5) „О глазѣ, какъ гидростатическомъ аппаратѣ"—„Московская Медицинская Газета" 1859 г., № 23 и 24; 6) „Неблагопріятное вліяніе хлороформа при нѣкоторыхъ глазныхъ операціяхъ" — тамъ же, № 30; 7) „О вдыханіи воднаго раствора брома и бромистаго кали при лѣченіи крупа"—„Московская Медицинская Газета" 1860 г., № 7 и 15; 8) „Къ этіологіи нѣкоторыхъ болѣзней кишечнаго канала у дѣтей"—тамъ же, 1860 г., № 52; 9) „Животный паразитъ въ мочѣ" и „Патологическія замѣтки"—тамъ же 1861 г., № 20 и 31; 10) „Микроскопическое изслѣдованіе язвъ послѣ ожога"—„Современная Медицина" 1861 г., стр. 933; 11) „Новый способъ образованія искусственнаго зрачка" и „Выхожденіе круглыхъ глистъ черезъ пупокъ"—тамъ же 1862 г., стр. 209 и 926; 12) „Письмо изъ Нижняго Тагила" (этнотопографія завода); „Къ изслѣдованіямъ надъ строеніемъ головного и спинного мозга" и „Первый дебютъ молодого врача Туржанскаго"—тамъ же 1863 г., №№ 5, 30 и 31; 13) „Observations sur la structure de tissu nerveux par une nouvelle méthode"—„Journal de l'anatomie par Robin", 1865, fasc. 23—24. Это изслѣдованіе о методѣ замораживанія, впервые примѣненномъ къ гистологіи, сообщено было въ Парижской Академіи Клодъ-Бернаромъ 12-го декабря 1864 г., а по-русски появилось въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ" 1865 г., № 8—12 и въ „Современной Медицинѣ" 1867 г., № 7; 14) „Краткая замѣтка по поводу такъ называемой возвратной горячки"—„Современная Медицина" 1865 г., № 21; 15) „Анатомическія отличія чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ спинного мозга" — „Медицинскій Вѣстникъ" 1866 г., № 3; 16) „Нервныя ячейки и ихъ пигментація"—тамъ же 1866 г., № 26 и 1867 г., № 4; 17) „Corpuscula hyaloidea s. gelatinosa въ нервной системѣ, какъ особенный нервный элементъ" —тамъ же 1866 г., № 32 и 1867 г., № 6; 18) „Etudes photographiques sur le système nerveux de l'homme et de quelques animaux supérieures; d'après les coupes de tissu nerveux congélé, avec atlas de 20 planches, contenant 203 photographies" (1867).—Къ этому относится „Письмо въ Съѣздъ", съ приложеніемъ еще пяти новыхъ таблицъ,— „Труды II Съѣзда Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей", 1869 г.; 19) „Замораживаніе мозга для приготовленія микроскопическихъ препаратовъ"—„Протоколы Общества Русскихъ Врачей" 1868—1869 г., стр. 184; 20) Употребленіе красящихъ веществъ при изслѣдованіи нервной системы" —тамъ же 1869—1870 г., стр. 126; 21) „О присутствіи сократительныхъ элементовъ въ первичныхъ трубочкахъ периферическихъ нервовъ"—„Медицинскій Вѣстникъ" 1869 г., № 18; 22) „О строеніи осевыхъ цилиндровъ въ первичныхъ трубкахъ спинно-мозговыхъ нервовъ"—тамъ же 1870 г., № 36; то же на нѣмецкомъ языкѣ напечатано въ журналѣ Вирхова: „Archiv für pathol. Anatomie und Physiologie und für klin. Medicin", 1870, Band XXII, Heft 2; 23) „Методъ изслѣдованія нервной ткани и о строеніи стволовъ и спинныхъ нервовъ"—„Журналъ для нормальной гистологіи, фармакологіи и клинической медицины" 1870, т. II, стр. 50; 24). „О строеніи корешковъ спинныхъ нервовъ, спинного и продолговатаго мозга человѣка и нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ", Казань. 1871—1876 г., три выпуска, съ приложеніемъ фотографическихъ рисунковъ.—Это изслѣдованіе было переведено на французскій языкъ дочерью автора—О. П. Рудановской и напечатано въ Парижѣ въ 1876 году; 25) „Методъ изслѣдованія нервной ткани и строеніе корешковъ спинныхъ нервовъ и нервной ткани въ центральныхъ органахъ"—„Протоколы Общества Казанскихъ Врачей" 1872—1873 гг. и въ „Трудахъ Казанскихъ Врачей" за 1872 г.; 26) „Объ эпидеміи травматическихъ поврежденій" — „Современная Медицина" 1872 г., № 16 и 17; то же напечатано въ „Запискахъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія" 1872 г., стр. 131; 27) „Объ ядрѣ и околоплодной полости нервныхъ ячеекъ" — „Протоколы Общ. Русск. Врачей" 1873 г., стр. 181; 28) „О фотографированіи микроскопическихъ препаратовъ"—„Дневникъ, изд. Обществомъ Казанскихъ Врачей" 1873 г., стр. 192; 29) „Рѣчь при открытіи Верхотурскаго Санитарнаго Комитета"—„Протоколы Общества Пермскихъ Врачей" 1874—1875 г.г., стр. 22—26; 30) „Микротопографическое изслѣдованіе извилинъ головного мозга собаки" „Труды V Съѣзда Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей" 1876 г.; то же въ „Протоколахъ Съѣзда Русскихъ Врачей" 1876—

1877 г.г., стр., 9 и 33; 31) „Случай микроцефалума“ — „Протоколы Съѣзда Псих. Врачей“ 1880 г., стр. 26—30; 32) „О механическихъ измѣненіяхъ въ осевыхъ цилиндрахъ“ — „Протоколы Съѣзда Русскихъ Врачей“ 1880—1881 гг.

По указанію одного авторитетнаго лица, „нѣкоторые изъ препаратовъ П. В. Рудаковскаго хранятся, какъ образцовые, въ коллекціяхъ гистологической и зоологической лабораторіи Московскаго Университета“.

„Труды Пермской Ученой Архивной Коммиссіи“, вып. V, Пермь. 1902, стр. 54—56; „Дѣловой Корреспондентъ“ 1888, № 40 и 53; „Пермскія Губ. Вѣдом.“ 1888, январь (и отд. брошюра подъ ред. П. А. Вологдина); Д. Д. Языковъ, Обзоръ, вып. VIII, М. 1900; „Нов. Вр.“ 1888, № 4282 и 4285.

Н. М.

Руданскій, *Степанъ Васильевичъ*, — одинъ изъ наиболѣе выдающихся украинскихъ поэтовъ; род. въ с. Хомутинцахъ, Винницкаго уѣзда Подольской губерніи, въ 1833 (?) г.; отецъ его, священникъ, прочилъ сына на свое мѣсто, но поэтъ, пройдя курсъ наукъ въ бурсѣ и Каменецкой Семинаріи (гдѣ онъ учился съ украинскими дѣятелями: писателемъ Свидницкимъ и этнографомъ Шейковскимъ), въ 1855 г., вопреки волѣ отца, поступилъ въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію и окончилъ въ ней курсъ въ 1861 г. Расхожденіе Р. съ отцомъ усилилось изъ-за различія въ ихъ національныхъ взглядахъ: отецъ относился отрицательно къ поэтическимъ упражненіямъ сына и вообще къ употребленію имъ украинскаго языка въ разговорѣ и письмахъ. Годы студенчества Р. провелъ въ борьбѣ съ нуждой, въ самой убогой обстановкѣ (стихотв. „Студентъ“), лишь изрѣдка получая изъ дому отравленную попреками матеріальную помощь. Все это, вмѣстѣ съ неудачнымъ для поэта сердечнымъ увлеченіемъ, пагубно отразилось на его слабомъ здоровьѣ, и начавшійся туберкулезный процессъ заставилъ его поселиться въ Ялтѣ. Тамъ онъ сошелся съ простой крестьянской дѣвушкой-украинкой, отъ которой имѣлъ 2-хъ дѣтей, и въ 1873 г., не доживъ и до 40 лѣтъ, скончался отъ чахотки и былъ погребенъ на городской счетъ, оплакиваемый всѣми, какъ популярный среди населенія врачъ-безсребренникъ. Глубокій идеалистъ, обаятельный въ обращеніи, желанный членъ всякаго общества, Р. отличался широтою умственныхъ запросовъ, занимался исторіей Египта, хорошо зналъ древне-еврейскій, классическіе, чешскій и польскій языки, былъ талантливымъ живописцемъ и оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи украинскихъ фольклорныхъ изученій (его цѣнныя записи — во 2-мъ т. „Трудовъ Эксп. въ Юг.-Зап. Край“, въ „Малоросс. Преданіяхъ и разсказахъ“ Драгоманова и въ Собраніи его сочиненій: „Байки світовіі в людських оповідках“).

Изъ обширнаго поэтическаго наслѣдія Р. при жизни поэта было напечатано лишь нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Основѣ“ въ 1861 г. Въ 1872 г., въ № 2—3 галицкой „Правды“, не полученномъ Р., былъ помѣщенъ небольшой отрывокъ его перевода на украинскій языкъ „Иліады“; самая же исторія помѣщенія тамъ этого перевода, сопровождавшаяся недоразумѣніями, явилась для Р. источникомъ огорченій и едва ли не ускорила его кончину. За то многія изъ произведеній Р., частью еще при его жизни, сдѣлались достояніемъ народа и стали народными пѣснями; таковы: „Ой з-за гори, із-за кручи“, „Повій, вітре, на Вкраїну“ и особенно популярныя въ народѣ комическія „Засідатель“ (теперь „Становой“), „Жалібний дьяк“, „Вареники“. Многія его пьесы исполняются лирниками. Послѣ смерти Р. его произведенія опубликовывались въ теченіе ряда лѣтъ въ „Кіевской Старинѣ“ и въ галицкихъ журналахъ „Правда“, „Зоря“, „Нове Зеркало“, въ альманахѣ „Ватра“. Въ 1880 г. издана небольшою книжечкой часть его „Співомовокъ“ (28 №№) въ Кіевѣ; въ 1886 г.—2-е ихъ собраніе во Львовѣ (изд. Е. Олесницкій). Лишь въ 1895 г. приступлено было къ изданію собранія его сочиненій, выходившему во Львовѣ (послѣдній томъ въ 1903 г.) подъ послѣдовательной редакціей украинскаго библіографа М. Комарова, галичанина Володимира Левицкаго (Василь Лукичъ), проф. А. Крымскаго и д-ра И. Франка, со вступительными статьями, библіографическимъ обзоромъ литературы о Р. и его произведеній до 1895 г. и описаніемъ его автографовъ. Невошедшими въ изданіе оказались немногія мелкія вещи, появившіяся въ печати послѣ 1895 г. (напечатаны въ „Лит. Науков. Вістникѣ“ и въ „Кіевск. Стар.“), его письма и переводы: части Вергиліевой

„Энеиды“ и Лермонтова „Демона“ (послѣдній законченъ М. Старицкимъ). Въ 1902 г. въ Кіевѣ вышелъ I-й томъ его „Творів“; въ 1911 въ Каменцѣ-Подольскомъ снова I-й т. (изд. Дністер). Собраніе сочиненій Р. составляютъ: 1) нѣсколько сотъ мелкихъ пьесъ, представляющихъ необыкновенно искусную, полную юмора, легкую по формѣ и поэтичную обработку народныхъ анекдотовъ, легендъ, повѣрій — всевозможныхъ народныхъ фабльо, подчасъ легкомысленнаго содержанія; 2) лирическія пьесы: однѣ изъ нихъ созданы на основѣ личныхъ переживаній и рисуютъ скорбный душевный міръ поэта (удачны очень всѣ „пѣсни“ и особенно хороша „Моя смерть“—вещь, исполненная самаго возвышеннаго идеализма); въ другихъ изображена сочувственно и ярко крестьянская крѣпостная неволя („Над колискою“, „П'яниця“); въ третьихъ—общечеловѣческія ноты протеста противъ привитія молодому поколѣнію рабской морали („Наука“) и призывъ къ протесту и прогрессу („До дуба“, „Гей бики“ и др.); (въ лирическихъ мотивахъ замѣчается сходство съ Некрасовымъ и Кольцовымъ); 3) эпическія: а) патріотическія поэмы, основанныя на довольно наивныхъ историч. представленіяхъ о прошломъ „Украйны“ (д. б. по Исторіи Малороссіи Маркевича); ихъ 6; наиболѣе интересны „Павло Полуботокъ“ и „Ив. Мазепа“; 4) большая аллегорическая поэма „Царь Соловей“, рисующая съ замѣтнымъ славянофильскимъ оттѣнкомъ исторію славянскихъ народовъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ и въ борьбѣ съ католизаціей и клерикализмомъ, а также и великорусско-украинскія отношенія; 5) переводы (сверхъ упомянутыхъ выше): съ русскаго, польскаго, чешскаго—мелкія вещи; съ древне-русскаго „Слово о полку Игоревѣ“ съ интереснымъ предисловіемъ; съ чешскаго —отрывки изъ „Краледворск. Рукописи“, „Любушинъ Судъ“, „Вышеградск. Пѣснь“; съ греческаго вся Иліада („Омирова Ильйонянка“) и „Война мышей и лягушекъ“. Въ переводахъ не соблюденъ размѣръ подлинника (написаны 12-ти-слоговымъ бѣлымъ стихомъ, что вмѣстѣ съ украинизаціей собственныхъ именъ (Аидъ—Невидъ; Муза—Съпіва; Аресъ—Ярило и т. п.) составляетъ ея недостатокъ, несмотря на близость къ тексту и легкость для чтенія.

Какъ художника слова, историки украинской литературы оцѣниваютъ Р. очень высоко. „Въ Степанѣ Руданскомъ—пишетъ д-ръ Ив. Франко — мы видимъ большой, наряду съ Шевченкомъ наиболѣе выдающійся въ украинской литературѣ XIX в. поэтическій талантъ“... Различіе между этими двумя поэтами въ томъ, что „въ то время какъ Шевченко въ каждомъ своемъ произведеніи — настоящій оригинальный творецъ, Р. является лишь только необычайно талантливымъ репродукторомъ, будь ли то традиціонный матеріалъ, или историческіе факты (здѣсь онъ, прибавимъ, довольно слабъ и безъ искры свойственнаго Шевченку огня), или переводы иноязычныхъ произведеній. При всей грусти, свойственной характеру украинца-подолянина, поэзія Руданскаго вездѣ ясна и жизнерадостна“: „этотъ юмористъ въ чахоткѣ—по словамъ другого историка украинской литературы С. Ефремова—пессимистъ во всемъ, что касается современности, надѣется все же на лучшую долю родного края въ будущемъ“.

Слѣдуетъ еще отмѣтить никѣмъ не подчеркнутое значеніе литературной дѣятельности Р. и въ другомъ отношеніи: онъ первый въ поэзіи заговорилъ на западно-украинскомъ діалектѣ, чѣмъ положилъ начало обогащенію украинскаго литературнаго языка и родную свою литературу, представленную ранѣе одними приднѣпрянцами, спаялъ съ родной ей литературой галичанъ, съ которыми говорилъ и писалъ на одномъ нарѣчіи.

Біографическія данныя — въ Галицкомъ журн. „Зоря“ 1886 г., № 5 и 6, ст. Одессита: „С. В. Руданський. Знадоби до його біографії з патретом Р., малюнком могили його“. Ibid. его письма къ Ковалеву и въ № 9 того же года ст. Б. Познанскаго: „До біографії Ст. Руданського“ (сообщеніе о его картинахъ); у Омеляна Огоновскаго въ его Исторіи литературы руской, ч. II, 1 вóддѣлъ, стр. 319—329; въ ст. О. Лотоцького въ I томѣ сочиненій Р. (Камен.-Под. 1911); въ статьяхъ, сопровождающихъ львовское изд. его сочиненій. Обзоръ и оцѣнка литерат. дѣятельности—въ трудахъ по исторіи украинской литературы С. Ефремова, проф. Петрова, д-ра Ив. Франка и Огоновскаго; рукописи—главн. образ. въ библіотекѣ Наук. Товар. им. Шевченко во Львовѣ, частью же въ рукахъ частныхъ лицъ.

П. Зайцевъ.

Рудецкій, *Василій*, украинскій живописецъ половины XVIII столѣтія; работалъ безплатно и написалъ иконостасъ въ церковь Архангела Михаила въ с. Малиновки, около г. Чугуева, и иконы въ Святогорскій

монастырь; за послѣднюю работу игуменъ упомянутаго монастыря благословилъ его иконою Св. Апостола Андрея съ мощами, которую художникъ отдалъ въ ту же церковь с. Малиновки; икона эта имѣетъ слѣдующую надпись: „Сіи части мощей даны мнѣ, Василію Рудецкому, въ благословеніе отъ игумена Святогорскаго Сильвестра Кіяновскаго и мною-жъ грѣшнымъ принесены въ сей храмъ св. Архистратига Михаила, 1767 г., іюня 24 дня".

Матеріалы для археологическаго словаря — „Древности. Труды Московскаго Археологическаго общества", т. VIII, М. 1880, стр. 14.

А. Новицкій.

Руджа, *Маркъ*, каменныхъ дѣлъ мастеръ, род. въ 1754 г., ум. 24-го сентября 1834 г. въ Петербургѣ; работалъ при сооруженіи Казанскаго и Исаакіевскаго соборовъ въ Петербургѣ и въ литейной для отливанія бронзовыхъ статуй при Академіи Художествъ, гдѣ ему поручалось главнымъ образомъ наблюденіе за исправностью кладки сводовъ.

Исторія и достопримѣчательности Исаакіевскаго собора, С.-Пб. 1858; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. С.-Петербургской Академіи Художествъ, т. I, С.-Пб. 1864.

А. Новицкій.

Рудзевичъ, *Александръ Яковлевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи; род. въ 1776 году, ум. 23-го марта 1829 г. въ Валахіи, похороненъ близъ Карасубазара.

Отецъ Р.—татаринъ Якубъ Измайловичъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II оказалъ Россіи важныя услуги при покореніи Крыма, за что пользовался расположеніемъ Императрицы, и умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника. По смерти Якуба жена его съ двумя малолѣтними сыновьями и двумя дочерьми была вызвана изъ Крыма въ Петербургъ, помѣщена въ домѣ графа Брюса и получала содержаніе отъ правительства. Вскорѣ дѣти ея были крещены въ православную вѣру, при чемъ воспріемниками ихъ были—сама Императрица, Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна и Великіе Князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ; старшій сынъ Якуба Измайловича получилъ имя Александра; 6-го апрѣля 1786 г. онъ былъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ и поступилъ въ существовавшій тогда въ Петербургѣ Греческій Кадетскій Корпусъ, гдѣ учился шесть лѣтъ; 27-го марта 1792 г. былъ онъ произведенъ въ капитаны Генеральнаго Штаба, а черезъ три мѣсяца отправленъ въ армію, дѣйствовавшую въ Польшѣ. Въ день возмущенія въ Варшавѣ, 6-го апрѣля 1794 г., Р. выступилъ оттуда вмѣстѣ съ другими войсками и въ одной изъ схватокъ съ мятежниками былъ раненъ въ правую руку. Оставаясь потомъ въ корпусѣ генерала Ферзена, Р. былъ въ сраженіяхъ при Песочномъ и Служевѣ, снялъ планъ укрѣпленій Варшавы во время блокады ея русско-прусскими войсками, строилъ батареи при переправѣ корпуса Ферзена черезъ Вислу, обозрѣлъ непріятельскія позиціи подъ Мацеіовицами и снялъ планъ ихъ, а на другой день, 29-го сентября, при атакѣ на поляковъ, велъ колонну генералъ-маіора Тормасова. 20-го октября онъ участвовалъ въ дѣлѣ при Кобылкѣ, а 24-го былъ на Прагскомъ приступѣ, за который получилъ золотой знакъ на Георгіевской лентѣ. Пріобрѣтя извѣстность въ названныхъ дѣлахъ, Р. въ 1796 г. былъ вызванъ въ Петербургъ и посланъ въ Выборгъ—для снятія топографическихъ картъ Финляндіи.

По воцареніи Императора Павла Р. былъ отправленъ имъ въ Казань съ повелѣніемъ снять планъ съ окрестностей ея и составить маршруты войскамъ, назначеннымъ для маневровъ подъ Казанью. Потомъ Р. состоялъ при корпусѣ князя Дашкова; въ январѣ 1799 года былъ командированъ въ армію генерала-отъ-инфантеріи Ласси, расположенную между Ковной и Брестъ-Литовскомъ, и 9-го ноября произведенъ въ подполковники. Въ мартѣ 1800 г. Р. былъ вызванъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Петербургъ и въ началѣ 1801 г., когда послѣдовалъ разрывъ Россіи съ Англіею, Императоръ Павелъ послалъ его обозрѣть берега Финскаго залива отъ Петербурга до устья Наровы и составить описаніе береговой мѣстности для предполагавшейся тогда обороны отъ нападенія англичанъ.

Въ первый годъ царствованія Императора Александра происходили у насъ жаркія схватки съ горцами на Кавказѣ, и туда стремились молодые офицеры. Р. по собственному желанію былъ переведенъ, 19-го апрѣля 1801 г., въ Троицкій мушкетерскій полкъ, расположенный тогда въ Крыму и предназначенный для дѣйствій за

Кубанью. Въ декабрѣ 1804 г. Р., произведенный въ полковники, выступилъ со своимъ полкомъ за Кубань. Находясь въ отрядѣ генералъ-маіора Лихачева, онъ три недѣли участвовалъ въ успѣшныхъ схваткахъ съ хищниками въ ущельяхъ горъ, а 30-го декабря—въ отрядѣ генералъ-маіора Баркова—съ двумя ротами ворвался на штыкахъ въ Арбское укрѣпленіе и истребилъ большую часть защищавшихъ его. Этотъ подвигъ Р. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-го класса на шпагу. Въ мартѣ 1805 г. Р. командовалъ авангардомъ въ поискѣ начальника Кавказской Линіи генералъ-лейтенанта Глазенапа. Съ тысячею линейныхъ казаковъ онъ болѣе другихъ участниковъ поиска содѣйствовалъ усмиренію Большой Кабарды и особенно отличился въ дѣлахъ 11-го марта при урочищѣ Ергдіоки и 15-го марта — при Кизбурунѣ. По окончаніи поиска Р. получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Вскорѣ потомъ Глазенапъ узналъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Засунженскихъ чеченцевъ; чтобы прекратить набѣги ихъ на грузинскую дорогу, отъ Моздока до Владикавказа, Р. было поручено избрать мѣсто для постройки редута. Онъ исполнилъ порученіе удачно и, командуя притомъ отрядомъ войскъ, навелъ такой страхъ на горцевъ, что вскорѣ явились отъ нихъ къ Глазенапу старшины съ изъявленіемъ покорности. Главнокомандовавшій въ Грузіи, князь Циціановъ испросилъ Р. въ награду орденъ св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніями. Въ январѣ 1806 г. Р. былъ назначенъ шефомъ Тифлисскаго мушкетерскаго полка, одна часть котораго находилась въ Елисаветполѣ, а другая въ Шекинскомъ ханствѣ, но въ продолженіе всего года не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1807 г. онъ стоялъ съ полкомъ своимъ въ Куракчаѣ при отрядѣ, наблюдавшемъ границы Персіи, когда преемникъ князя Циціанова, графъ Гудовичъ дѣйствовалъ противъ Турокъ.

Послѣ шестилѣтней службы на Кавказѣ Р. по домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Крымъ, на родину. Приведя свои дѣла въ порядокъ, онъ просилъ объ опредѣленіи его снова на службу, и 3-го декабря 1809 г. былъ назначенъ шефомъ 22-го егерскаго полка, находившагося за Кубанью, въ походѣ противъ горцевъ. 1-го февраля 1810 г. Р. находился уже при своемъ полку и 4-го числа разбилъ и преслѣдовалъ въ самыхъ ущельяхъ напавшаго на него непріятеля. 22-го февраля и 14-го марта онъ разсѣялъ скопища Закубанцевъ, а 11-го іюля разбилъ ихъ близъ Куматырь-Аула, гдѣ предводительствовалъ ими Анапскій паша Гуссейнъ. Въ половинѣ декабря, получивъ отъ своего дивизіоннаго начальника, герцога Ришелье, предписаніе взять на берегу Чернаго моря крѣпость Суджукъ-Кале, Р. 20-го числа выступилъ въ походъ и въ Суджукъ-Калеской тѣснинѣ былъ атакованъ горцами, но отразилъ ихъ, а 24-го разбилъ на-голову скопища Натухайцевъ и занялъ Суджукъ-Кале. Послѣ двухнедѣльнаго тамъ пребыванія, разрушивъ крѣпость, онъ 6-го января 1811 г. пошелъ къ Анапѣ, гдѣ продолжалъ военныя дѣйствія съ 11-го января по 24-е февраля противъ Шапсуговъ и Натухайцевъ. Непріятели, всюду разстроенные и разбитые, изъявили покорность и дали заложниковъ. За взятіе Суджукъ-Кале Р. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а за другіе подвиги награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Въ октябрѣ того же года новыя хищничества Шапсуговъ побудили герцога Ришелье составить отрядъ изъ четырехъ батальоновъ 12-го и 22-го егерскихъ полковъ, батальона Великолуцкаго мушкатерскаго и шести пѣшихъ и двухъ конныхъ полковъ Черноморскихъ казаковъ, съ 22-мя орудіями артиллеріи. Герцогъ самъ находился при семъ отрядѣ, а главнымъ его помощникомъ былъ Р. Войска переправились черезъ Кубань и 1-го ноября вошли въ селенія Шапсуговъ; 5-го и 6-го подъ огнемъ непріятелей они выжгли многіе аулы и 16-го возвратились въ Екатеринодаръ.

Вскорѣ для Р. началось новое обширнѣйшее поприще дѣятельности. Въ декабрѣ 1811 года онъ перешелъ съ своимъ полкомъ въ Крымъ и осенью 1812 г. получилъ приказаніе идти на усиленіе Дунайской арміи Чичагова, уже находившейся въ дорогѣ для соединенія съ арміей Тормасова. Въ началѣ ноября онъ соединился съ корпусомъ графа Ланжерона и раздѣлялъ съ нимъ труды и славу походовъ 1813 и 1814 годовъ. Во время переправы французовъ черезъ Березину Р. былъ посланъ со своимъ полкомъ на усиленіе генерала Чаплица и въ первый разъ сра-

жался съ Французами 16-го ноября при селеніяхъ Стаховѣ и Бриляхъ. Цѣлый мѣсяцъ, по 17-е декабря, оставался онъ въ авангардѣ Чаплица и принималъ безпрерывное участіе въ пораженіи несчастныхъ остатковъ Наполеоновой арміи, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ. 17-го декабря онъ возвратился съ полкомъ своимъ въ корпусъ графа Ланжерона и, по переходѣ за Нѣманъ, участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля до Торна. Во время осады этой крѣпости Р. съ 25-го января командовалъ на правомъ крылѣ бригадою изъ 10-го и 22-го егерскихъ полковъ и 4-го февраля успѣшно отразилъ вылазку изъ крѣпости. До покоренія Торна онъ раздѣлялъ труды осаждавшихъ и получилъ за то алмазные знаки ордена св. Анны 1-й степ. При сближеніи войскъ около Бауцена бригада его поступила въ авангардъ Чаплица и заняла мѣсто на правомъ крылѣ, къ Кликсѣ. 6-го мая онъ участвовалъ въ дѣлѣ при Кенигсварте, а 8-го и 9-го мая находился въ Бауценскихъ сраженіяхъ. При отступленіи союзниковъ отъ Бауцена онъ находился въ аріергардѣ, подъ начальствомъ Чаплица, а 17-го мая, по болѣзни его, принялъ начальство надъ аріергардомъ и занималъ эту важную и трудную при тогдашнихъ обстоятельствахъ должность до прибытія арміи въ Швейдницъ, гдѣ было заключено съ Наполеономъ перемиріе. Во время перемирія русскія войска, составлявшія корпусъ графа Ланжерона, поступили въ составъ Силезской арміи Блюхера, и Р-у былъ порученъ авангардъ графа Ланжерона. Силезская армія должна была наблюдать за каждымъ шагомъ Наполеона, не упускать его изъ вида и пользоваться каждою оплошностью его, каждымъ случаемъ къ раздѣленію его силъ, чтобы тѣмъ дать возможность главной и другимъ союзнымъ арміямъ привести въ исполненіе общій операціонный планъ.

При такомъ назначеніи Силезской арміи авангардъ ея могъ быть ввѣренъ только самому опытному въ бояхъ начальнику, какимъ былъ Р. 6-го августа, по Высочайшему приказу, Р. былъ назначенъ начальникомъ штаба графа Ланжерона, но онъ пока удержалъ его начальникомъ авангарда, а должность начальника штаба временно поручилъ исправлявшему ее до тѣхъ поръ полковнику квартирмейстерской части Нейдгардту. 7-го августа Силезская армія открыла военныя дѣйствія движеніемъ впередъ, при чемъ Р., прибывъ съ авангардомъ къ Цобтену, долженъ былъ сдѣлать обозрѣніе и занять Зибенэйхенскія высоты для устройства тамъ переправы черезъ Боберъ, такъ какъ мосты на этой рѣкѣ были сожжены непріятелемъ. Генералъ-маіоръ Грековъ 8-й съ казачьими полками перешелъ рѣку въ бродъ и завязалъ дѣло съ непріятелемъ, отвлекая его вниманіе отъ мѣста настоящей переправы, гдѣ 12-й и 22-й егерскій полки перешли рѣку по поясъ въ водѣ и быстро овладѣли лѣсомъ на лѣвомъ берегу; послѣ сего Р. переправился со всѣмъ авангардомъ и атаковалъ селеніе Зибенэйхенъ; непріятель сопротивлялся упорно,—селеніе три раза переходило изъ рукъ въ руки, и, наконецъ, послѣ трехъ-часового жестокаго боя русскіе егеря утвердились въ немъ. Конница Р., подъ начальствомъ генералъ-маіора Эммануеля, также перешедшая черезъ рѣку, выстроилась за лѣсомъ, опрокинула двѣ подходившія на помощь къ непріятелю колонны и преслѣдовала ихъ версты двѣ. Всѣ старанія сбить Р. съ занятыхъ имъ высотъ были безуспѣшны; егеря даже подвинулись впередъ и дали конницѣ возможность врубиться во французскую колонну, прикрывавшую корпусный обозъ. Много плѣнныхъ, весь обозъ и даже собственный экипажъ маршала Макдональда достались побѣдителямъ. Такъ исполнилъ Р. данное ему предписаніе, занявъ твердую позицію для прикрытія переправы. Успѣхъ этотъ былъ началомъ другого подвига, болѣе труднаго. Р. получилъ извѣстіе, что сильныя непріятельскія колонны приближаются съ лѣваго крыла его и хотя генералъ Грековъ довольно долго удерживалъ ихъ, но число непріятелей увеличивалось, и Р. былъ атакованъ съ обоихъ фланговъ. Рѣка отдѣляла его отъ главныхъ силъ корпуса Ланжерона. Непріятели уже заняли селеніе Зибенэйхенъ. Генералъ-маіоръ графъ Виттъ, съ 1-мъ и 3-мъ Украинскими полками, нѣсколько времени задержалъ ихъ въ селеніи и такимъ образомъ далъ время Р. отойти съ позиціи безъ потерь на Шпербергскія высоты. Между тѣмъ, графъ Ланжеронъ, уже приславшій къ нему шедшіе впереди главной колонны полки Московскій и Либавскій, лично атаковалъ Зибенэйхенъ 22-ю диви-

зіей Турчанинова. Непріятель, опасаясь приближенія всего корпуса нашего, пересталъ тѣснить Р., который и удержался на Шпербергѣ до вечера, когда перешелъ за рѣку между Мерцдорфомъ и Диппельсдорфомъ. Пруссаки, бывшіе свидѣтелями боевого отступленія и переправы Р., удивлялись его распорядительности, а также порядку, съ какимъ русскіе произвели всѣ движенія и спустили пушки почти съ отвѣснаго берега. 8-го августа войска, составлявшія авангардъ Р., были смѣнены другими, и 9-го онъ снова перешелъ къ Цобтену. Блюхеръ намѣревался сдѣлать общее нападеніе на французовъ, но въ это самое время Наполеонъ прибылъ къ своей арміи и направилъ большія силы противъ Блюхера, съ цѣлью овладѣть Гольдбернскою дорогою и разорвать центръ Силезской арміи. Блюхеръ уклонился отъ боя и приказалъ Р. прикрывать отступленіе арміи. Атакованный самимъ Наполеономъ, Р. исполнилъ повелѣніе Блюхера,—и Наполеонъ, видя невозможность настигнуть Силезскую армію и вынужденный спѣшить къ Дрездену, угрожаемому главною арміей союзниковъ, возложилъ на маршала Макдональда главное начальство надъ корпусами: его собственнымъ, Лористона и Нея, вмѣсто котораго командовалъ Сучамъ. Въ Силезской арміи еще не знали объ отбытіи Наполеона къ Дрездену съ гвардіею и другими войсками и оставались въ убѣжденіи, что онъ лично предводительствуетъ тутъ тремястами тысячъ войска. Желая усилить заблужденіе союзниковъ, непріятель съ 7-ми часовъ утра 11-го августа повелъ сильное нападеніе на Гольдбергъ, защищаемый Р. Графъ Ланжеронъ отправилъ на подкрѣпленіе его 15-ю дивизію. Усиленный ею Р., дѣйствовавшій до сихъ поръ оборонительно, атаковалъ французовъ, три раза бралъ Вольфсбергскую высоту, но каждый разъ былъ вытѣсняемъ превосходными силами непріятеля. Несмотря на неудачи, онъ атаковалъ высоту въ четвертый разъ и овладѣлъ ею. Блюхеръ приказалъ ему прекратить бой, послѣ чего началъ общее отступленіе, продолжавшееся 12-го и 13-го августа. На слѣдующій день, 14-го августа, узнавъ объ отъѣздѣ Наполеона изъ Силезіи въ Дрезденъ, Блюхеръ пошелъ съ главными силами впередъ къ Кацбаху, оставивъ графа Ланжерона дѣйствовать отдѣльно. Въ тотъ же день произошло Кацбахское сраженіе, въ которомъ Р. бился отъ утра до вечера. На слѣдующій день онъ преслѣдовалъ непріятеля и занялъ Гольдбергъ, идучи дорогами едва проходимыми отъ безпрерывныхъ дождей; 16-го дошелъ до Пильграмсдорфа, а 17-го встрѣтилъ дивизію генерала Пюто, отрѣзанную отъ Макдональдовой арміи разлившимися рѣками. Видя себя стѣсненнымъ со всѣхъ сторонъ войсками Ланжерона, Пюто утвердился на высотахъ при Левенбергѣ и рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Р. занялъ противолежащія высоты Гиршберга и Вейнберга, послалъ къ князю Щербатову просить подкрѣпленія и открылъ по непріятелю пушечный огонь. Когда приблизились князь Щербатовъ и слѣдовавшая за нимъ конница барона Корфа, Р. свернулъ пѣхоту свою въ колонны и ударилъ на непріятеля; въ то же время атаковалъ его князь Щербатовъ. Французы, смятые, сбитые отовсюду, бросались въ рѣку Боберъ, скрывались по берегамъ ея и на деревьяхъ.

Дивизія Пюто, состоявшая первоначально изъ 11.000 человѣкъ, разстроенная сдалась въ числѣ 3,500 человѣкъ. Преслѣдованіе Макдональда продолжалось до 19-го августа, когда Наполеонъ, возвратясь изъ Дрездена въ Силезію, устремился противъ Блюхеровой арміи. 22-го числа Р. участвовалъ въ дѣлѣ подъ Гохкирхеномъ и послѣдовалъ за арміею до Лихтенбергскихъ высотъ. Тутъ вслѣдствіе болѣзни отъ безпрерывныхъ трудовъ Р. сдалъ командованіе арріергардомъ генералу Корнилову, но 31-го числа, когда армія возобновила наступательныя дѣйствія, онъ снова явился къ своему мѣсту. 11-го сентября при селеніи Волькау авангардъ Р—а былъ сильно атакованъ. Имѣя приказаніе не вступать въ дѣло до прибытія главнаго корпуса на позицію, Р. медленно отступалъ, оспаривая у непріятеля каждый шагъ земли. Прошедши Шпительвицъ, онъ замѣтилъ, что многочисленные непріятельскіе стрѣлки выдвинулись впередъ слишкомъ далеко отъ своихъ резервовъ. Тотчасъ по его приказанію генералы Эммануэль и графъ Виттъ съ авангардною конницей кинулись на стрѣлковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Раздраженный этою неудачей непріятельскій генералъ двинулъ сильныя колонны въ подкрѣпленіе своего разстроеннаго авангарда. Р., имѣя цѣлью только удерживать непрія-

теля, медленно отступалъ на позицію, когда между тѣмъ уже прибылъ главный корпусъ. За свои подвиги Р. Императоромъ Александромъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта, а король Прусскій пожаловалъ ему орденъ Краснаго Орла 2-й ст.

Съ 13-го сентября французы начали общее отступленіе, и арріергардъ Р—а, сдѣлавшись опять авангардомъ Ланжеронова корпуса, 21-го сентября переправился черезъ Эльбу подъ Вартенбергомъ. 23-го прибывъ въ Дюбенъ, онъ началъ устраивать переправу черезъ Мульду, но въ это время непріятельская дивизія заняла противоположный берегъ и открыла огонь. Городокъ Дюбенъ загорѣлся. Р. приказалъ тушить пожаръ и направилъ столь сильный огонь на непріятельскія батареи, что сбилъ ихъ, послѣ чего сталъ спѣшить постройкой моста, который скоро и былъ наведенъ. Въ слѣдующіе дни Р. продолжалъ движеніе впередъ, соблюдая возможную осторожность, такъ какъ въ Силезской арміи хотя знали о выступленіи Наполеона изъ Дрездена, но не могли пока угадать его плановъ. Далеко посылая разъѣзды изъ авангарда, Р. постоянно доставлялъ свѣдѣнія въ главную квартиру Блюхера, благодаря чему движеніе Силезской арміи было вѣрно и точно. Р. первый понялъ замыселъ Наполеона сосредоточить силы свои у Лейпцига и произвести нападеніе на Блюхера. 4-го октября, когда союзныя войска приближались къ Лейпцигу, Р. принималъ дѣятельное участіе въ сраженіи при Клейнъ и Гроссъ Видеричѣ. Всѣ войска авангарда его были въ сильномъ огнѣ. 6-го октября, въ день громадной Лейпцигской битвы, идучи утромъ во главѣ корпуса графа Ланжерона къ Таухѣ, Р. получилъ лично отъ Блюхера приказаніе овладѣть селеніемъ Мокау, занятымъ французами, чтобы устроить тамъ переправу черезъ рѣку Парту, на противоположномъ берегу которой стояли непріятели и стрѣляли изъ 16-и орудій. Р. открылъ батареи и подъ огнемъ ихъ 7-й, 12-й, 22-й и 30-й егерскіе полки перешли Парту въ бродъ, выбили французовъ изъ Мокау, ударили въ штыки и опрокинули непріятеля съ высотъ, куда онъ вступилъ потерявши селеніе. Конница авангарда слѣдовала за пѣхотою къ селенію Шенфельду, гдѣ корпусъ Ланжерона присоединился къ арміи Шведскаго наслѣднаго принца. Тутъ произошло упорное и жестокое сраженіе при взятіи этого селенія. Войска, составлявшія авангардъ Р—а, были въ жесточайшемъ огнѣ сряду девять часовъ и покрыли себя славою. На слѣдующій день корпусъ Ланжерона, перешедши на правый берегъ Парты, послѣ блестящаго сраженія взялъ приступомъ Галльское предмѣстіе и защищавшія его укрѣпленія, и передовыя войска его прежде другихъ достигли моста на Эльстерѣ, что окончательно повело къ разстройству французовъ. Р. былъ награжденъ за Лейпцигскую битву орденами св. Александра Невскаго и Шведскаго Меча 2-й степени.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія Силезской арміи было назначено обложить крѣпость Касселя и Майнца. Р., принявшій начальство надъ 10-мъ пѣхотнымъ корпусомъ вмѣсто П. М. Капцевича, тяжело раненнаго подъ Лейпцигомъ, обложилъ Кассель. Блокаду онъ снялъ 22-го января, когда передалъ ее прибывшимъ германскимъ войскамъ, подъ начальствомъ принца Саксенъ-Кобургскаго, самъ же съ 22-ю пѣхотною дивизіей переправился черезъ Рейнъ, при Оппенгеймѣ. 7-го февраля онъ присоединился къ Силезской арміи, расположенной близъ Шалона, и потомъ успѣшно прикрывалъ ея отступленіе черезъ рѣку Уркъ. 20-го февраля, когда вся Силезская армія прошла черезъ Суассонъ, Р—у была ввѣрена защита этого города. 21-го, раннимъ утромъ, разъѣзды извѣстили его о приближеніи корпусовъ маршаловъ Мармона и Мортье, имѣвшихъ приказаніе овладѣть Суассономъ. Не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ, Р. съ непоколебимою твердостью приготовился къ оборонѣ: поставилъ главный резервъ въ ближайшихъ къ городу частяхъ предмѣстья; второй на валу, окружающемъ Суассонъ; стрѣлковъ на краю предмѣстья; артиллерію размѣстилъ въ удобныхъ мѣстахъ; одну часть конницъ оставилъ въ городѣ, а другую расположилъ по обѣимъ сторонамъ Суассона для извѣщенія о непріятелѣ и для наблюденія дорогъ изъ Брена и Компьена. Каждому отряду далъ онъ проводниковъ на случай отступленія; для раненыхъ очистилъ домъ префектуры, и собралъ тамъ всѣ врачебныя пособія. Окончивъ приготовленія, Р. объѣхалъ войска и говорилъ имъ объ обязанностяхъ къ Государю, о чести и славѣ русскаго оружія. Войска радостно привѣтствовали доблестнаго вождя. Въ семь часовъ утра Мортье

и Мармонъ атаковали предмѣстье Суассона, но были отбиты; второе покушеніе также не имѣло успѣха. При началѣ сраженія Р. являлся среди войскъ и ободрялъ ихъ. Въ предмѣстьѣ французы разломали кровли на занятыхъ ими домахъ, встащили туда пушки и стрѣляли въ русскихъ, стоявшихъ на валу; внизу кипѣлъ также батальный огонь. Бой продолжался до поздняго вечера, и хотя маршалы были вдвое сильнѣе Р—а, они не могли оттѣснить его ни на одинъ шагъ. Въ 10 часовъ огонь прекратился и французы отступили къ концу предмѣстья. Русскіе удержали Суассонъ; начальникъ Р—а, графъ Ланжеронъ, прибывшій наканунѣ въ Суассонъ, не только одобрилъ всѣ его распоряженія, но и вызвался быть помощникомъ его и всегда превозносить его подвигъ. 23-го февраля, по приказанію Блюхера, Р. оставилъ Суассонъ и присоединился къ Силезской арміи, а 4-го марта принялъ начальство надъ прибывшимъ изъ Реймса 8-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, командиръ котораго, графъ Сенъ-Пріестъ былъ передъ этимъ смертельно раненъ.—Въ битвѣ подъ Парижемъ 18-го марта 1814 г. Р—у было приказано взять Монмартръ во что бы то ни стало. Преодолѣвъ всѣ препятствія на пути къ Монмартру, Р. построилъ войска въ колонны къ атакѣ, на дорогѣ изъ Сенъ-Дени въ Булонскій лѣсъ. Подъ ружьемъ у него считалось 8000 человѣкъ. Не надѣясь остаться живымъ, онъ подозвалъ къ себѣ любимца своего, дежурнаго штабъ-офицера подполковника Храповицкаго, передалъ ему свою послѣднюю волю относительно семейства, простился съ нимъ, сталъ между 1-ю и 2-ю колоннами и далъ сигналъ къ приступу. Барабаны загремѣли „походъ“, и колонны двинулись бѣглымъ шагомъ, оглашая воздухъ ревущимъ грознымъ ура! Въ то же время гранаты и ядра посыпались на защитниковъ Монмартра. Пораженные французы заколебались и быстро стали подыматься на гору. Русскіе въ удивительномъ порядкѣ и съ безпримѣрнымъ мужествомъ взбирались за ними и шли на смерть. Графъ Ланжеронъ увѣрялъ, что въ теченіе многолѣтней боевой своей службы и девятнадцати сдѣланныхъ имъ походовъ онъ не видалъ ничего подобнаго, за исключеніемъ Измаильскаго приступа. Солдаты рвались на Монмартръ другъ передъ другомъ; при перемѣнѣ раненыхъ стрѣлковъ нужно было силою удерживать порывавшихся на мѣста ихъ. Атака была столь стремительна, что французы успѣли выстрѣлить только два раза картечью и вывели у насъ только нѣсколько десятковъ храбрыхъ. Нижняя батарея тотчасъ была схвачена. Видя ее во власти русскихъ, непріятель сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ изъ всѣхъ орудій верхней батареи; огонь артиллеріи и ружейная пальба изъ домовъ и укрѣпленій не поколебали наступавшихъ: ровно въ десять минутъ всѣ укрѣпленія и батареи были взяты приступомъ. Французы, устрашенные грознымъ наступленіемъ русскихъ, побѣжали въ безпорядкѣ въ Парижъ, преслѣдуемые стрѣлками, и поспѣшили извѣстить графа Ланжерона, что они прекращаютъ военныя дѣйствія. Восхищенный графъ обнялъ Р—а въ виду войскъ. Императоръ Александръ тотчасъ велѣлъ поздравить его кавалеромъ ордена св. Георгія 2-го кл., а Прусскій король прислалъ ему орденъ Краснаго Орла 1-й ст. Такимъ образомъ судьба предоставила Р—у нанести въ войнѣ 1814 года послѣдній ударъ Наполеону.

Черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ взятія Парижа Р. выступилъ изъ предѣловъ Франціи и, прибывъ въ Россію, при новомъ росписаніи войскъ, получилъ въ командованіе 13-ю пѣхотную дивизію въ корпусѣ генерала Ермолова, принадлежавшемъ къ Южной арміи Беннигсена. Съ 26-го октября 1814 г. до 1-го января 1816 г. Р. исправлялъ должность Херсонскаго военнаго губернатора, за отсутствіемъ герцога Ришелье. Въ то же время онъ командовалъ послѣ Ермолова корпусомъ его, названнымъ 6-мъ, а 9-го мая 1816 г. былъ назначенъ начальникомъ Главнаго Штаба 2-й арміи. 22-го февраля 1819 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 7-го пѣхотнаго корпуса. — 23-го октября 1823 г. въ присутствіи Государя Р. производилъ маневры, которыми Государь остался очень доволенъ и, изъявивъ благодарность ему, вскорѣ затѣмъ пожаловалъ его супругу кавалерственною дамою ордена св. Екатерины меньшаго креста. Императоръ Николай наградилъ Р. въ день своего коронованія, 22-го августа 1826 г., чиномъ генерала-отъ-инфантеріи, а 8-го ноября того же года онъ былъ назначенъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса, принадлежавшаго къ 1-й арміи фельдмаршала Сакена.

Въ 1828 г. передъ началомъ войны съ

Турціею 3-й пѣхотный корпусъ вошелъ въ составъ 2-й арміи, и Р. приказано было спѣшить съ нимъ къ Дунаю, переправиться черезъ эту рѣку и обратиться къ крѣпостямъ Тульчѣ, Исакчѣ, Мачину, занять Бабадагъ и посылать разъѣзды отъ Троянова Вала. Въ маѣ находившіяся подъ начальствомъ Р. войска сосредоточились близъ Измаила. Они состояли изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій генераловъ Засса, Ушакова, Бартоломея и Свѣчина, 3-й гусарской дивизіи ген.-лейтенанта Ридигера, 11-ти пѣшихъ и двухъ конныхъ ротъ артиллеріи, двухъ піонерныхъ батальоновъ и двухъ тысячъ казаковъ,—всего 35,000 человѣкъ пѣхоты и до 5,000 конницы. По приближеніи къ Дунаю, около Сатунова, гдѣ назначено было Р. произвести переправу, оказалось, что противоположный берегъ занятъ турками. 27-го мая, раннимъ утромъ, войска Р., одушевляемыя присутствіемъ Императора Николая Павловича, двинулись къ Дунайскому берегу по длиннымъ гатямъ, устроеннымъ черезъ протоки и посреди камышей. Подъ прикрытіемъ огня съ флотиліи и съ береговой батареи, предварительно устроенной на лѣвомъ берегу, бригада егерей начала переправляться на судахъ и, не взирая на сильную пальбу непріятелей, три роты 17-го егерскаго полка полковника Лаппы первыми ступили на берегъ. Выскочивъ изъ лодокъ, по поясъ въ водѣ, люди шли около версты болотомъ, держа ружья и сумы надъ головою. Достигнувъ луга, они начали тотчасъ строиться и, мужественно удержавъ стремительную атаку турецкой конницы, дали время выстроиться тремъ шедшимъ за ними батальонамъ. Переправа совершилась еще и въ другомъ мѣстѣ, подъ распоряженіемъ генерала П. Д. Киселева. Охотники бросились впередъ. Турки взорвали пороховой погребъ, когда наши ворвались въ первый редутъ сквозь амбразуры, но егеря овладѣли батареею и устремились впередъ, захватывая одно укрѣпленіе за другимъ. Р. переправился съ 8-ю дивизіей и окончательно выбилъ Турокъ изъ лагерей на возвышеніяхъ: они бѣжали къ Исакчѣ и Тульчѣ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ, днемъ совершена была достопамятная переправа, несмотря на упорное сопротивленіе непріятеля. Р. съ 5-ю батальонами пѣхоты, съ 6-ю орудіями и сотнею казаковъ немедленно двинулся къ Исакчѣ и обложилъ ее, а 30-го мая крѣпость эта сдалась. Въ тотъ же день былъ готовъ мостъ на Дунаѣ, и остальныя войска Р. переправились на правый берегъ. Въ продолженіе іюня взяты были крѣпости Мачинъ, Гирсово, Кюстенджи и Тульча. 28-го іюня Р. съ главною квартирой прибылъ въ Базарджикъ, занятый Ридигеромъ. Затѣмъ авангардъ Ридигера занялъ Козлуджи и 5-го іюля пришелъ туда и Р.; на другой день онъ выступилъ къ Шумлѣ и занялъ Енибазаръ; 8-го числа вся армія начала сближаться къ Шумлѣ. Три бригады 9-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріей составляли авангарды подъ начальствомъ Р.; за нимъ шли другія войска. Непріятель занималъ крѣпкую позицію въ четырехъ верстахъ отъ Шумлы. Р. перешелъ черезъ рѣку Буланлыхъ; едва передовыя наши войска остановились на другомъ берегу для прикрытія переправы прочихъ, — турецкіе наѣздники напали на нихъ, одинъ подскакалъ къ самому Р., который, распоряжаясь переходомъ войска, стоялъ подлѣ пѣхотнаго батальона; наѣздникъ выстрѣлилъ въ него изъ четырехъ пистолетовъ и изъ ружья, но всѣ пять разъ далъ промахъ. Вскорѣ первая линія уже шла на непріятельскую позицію—и турки, оказавъ сначала отчаянное сопротивленіе, обратились въ бѣгство. Главнокомандующій Гуссейнъ-Паша воткнулъ въ землю нѣсколько знаменъ и свои бунчуки и тѣмъ остановилъ бѣгущихъ. Они обратили противъ насъ огонь. Р. велѣлъ бросить нѣсколько гранатъ въ толпу, и тѣмъ окончательно обратилъ ее въ бѣгство. Вечеромъ того же дня заложили редутъ № 1-й, названный редутомъ Рудзевича. До 16-го іюля построено было еще нѣсколько редутовъ, и 16-го числа наши войска заняли возвышеніе у самой крѣпости. За всѣ эти дѣйствія Р. были пожалованы алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго.—Главной цѣлью собранныхъ вокругъ Шумлы русскихъ войскъ было удержать турецкую армію въ бездѣйствіи и отнять у нея возможность посылать подкрѣпленія къ Варнѣ и Силистріи. Корпусъ Р. и часть войскъ 7-го корпуса охраняли редуты, остальныя войска подвинулись къ Чифлику. 14-го августа ночью турки атаковали оба фланга нашей позиціи. При шумѣ сильнаго вѣтра они незамѣтно подошли къ редуту № 5, находившемуся очень близко къ крѣпости, напали на него и истребили

малочисленныхъ его защитниковъ, прежде нежели подоспѣла къ нашимъ помощь. Турки выкатили изъ редута 6 орудій и начали стрѣлять изъ нихъ вдоль линій русскихъ войскъ. Конница ихъ напала на слѣдующій редутъ; въ то же время другой конный отрядъ обходилъ наше лѣвое крыло. Турокъ отбили повсюду, но редутъ № 5 они удерживали съ ожесточеніемъ. Нѣсколько разъ Р. водилъ въ атаку часть 15 и 16-го егерскихъ и Тамбовскаго пѣхотнаго полковъ, и только по прибытіи конно-артиллерійской батареи непріятель былъ вытѣсненъ изъ оспариваемаго редута. Спустя нѣсколько времени часть нашихъ войскъ отдѣлилась отъ Шумлы, и корпусъ Р. одинъ охранялъ тамъ редуты, успѣшно отражая нападенія на нихъ. По взятіи Варны, когда не было болѣе надобности наблюдать неприступную Шумлу, а наступавшее позднее осеннее время не позволяло предпринимать дальнѣйшихъ дѣйствій, корпусу Р. было приказано идти къ Силистріи и прикрывать ее со стороны Шумлы. 2-го октября выступилъ онъ къ мѣсту своего назначенія. Вслѣдствіе грязи отъ проливныхъ дождей переходы были весьма затруднительны. Однажды Р. нужно было подниматься изъ долины на крутую гору. Лошади были очень изнурены и солдаты на себѣ вывозили орудія и полковые обозы. Турки въ значительномъ числѣ напали на оставшихся въ долинѣ. Р., видя опасность, велѣлъ роздать людямъ все, что можно было нести, истребилъ часть обозовъ, не вывезенныхъ изъ долины, и въ порядкѣ продолжалъ движеніе. Отъ Силистріи выслали къ нему нѣсколько лошадей подъ артиллерію, и онъ скоро прибылъ къ этой крѣпости. Переправясь на лѣвый берегъ Дуная, Р. расположилъ корпусъ свой на зимнія квартиры въ Валахіи. Но здѣсь онъ вскорѣ умеръ — 23-го марта 1829 г.

Р. былъ женатъ на Маріѣ Евстафьевнѣ Нотара, отъ которой имѣлъ 8 человѣкъ дѣтей; дочь его Марія была (съ 1830 г.) фрейлиною; одинъ изъ сыновей былъ убитъ подъ Варною.

Рудзевичъ, одаренный отъ природы недюжиннымъ умомъ и получившій хорошее образованіе, всего себя посвятилъ военному дѣлу. На войнѣ онъ являлся начальникомъ самымъ распорядительнымъ и не знавшимъ опасности; вездѣ онъ проявлялъ хладнокровіе, смѣтливость, вѣрный взглядъ на дѣло; въ молодости онъ былъ исполнителемъ важныхъ порученій, въ годы мужества совершилъ рядъ подвиговъ. Все это даетъ ему право занять видное мѣсто среди знаменитѣйшихъ генераловъ своего времени.

Императоръ Александръ I-й и его сподвижники. Военная галлерея Зимняго Дворца, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, т. 3-й, С.-Пб. 1846; Н. К. Шильдеръ, Императоръ Александръ I-й, его жизнь и царствованіе, т. 4-й, С.-Пб. 1898 г., стр. 102, 411, 414, 419, 470, примѣч. 237; Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, ген.-лейт. Леера, т. 6, вып. 4, С.-Пб. 1893 г., стр. 587; „Историческій Вѣстникъ“ 1889 г., т. 38-й, окт., стр. 56—57, примѣч., дек., стр. 688—693, историч. справка Н. Щербаня; Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, т. 11, С.-Пб. 1847 г., стр. 561—564; „Записки Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей“, т. 10, Одесса. 1877 г., стр. 256; „Военный Сборникъ“ 1874 г., т. 99-й, № 11, стр. 31—32, статья Н. Глиноецкаго: Русскій Генеральный Штабъ въ царствованіе Императора Александра I-го; Н. Глиноецкій, Исторія Русск. Генер. Штаба, т. I, С.-Пб. 1883, стр. 272—273, 274, 275, 408; Военная Галлерея 1812 г., С.-Пб. 1912 (съ портретомъ); Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1907 г., С.-Пб. 1914, стр. 111; Энциклопедич. Словарь Крайя, подъ ред. Старчевскаго; О. Шишкина, Замѣтки и воспоминанія русской путешественницы, ч. II, С.-Пб. 1848, стр. 246, 247, 255—258, 260, 264, 266—268, 282. „Русск. Стар.“ 1881, т. XXX, 1895, т. 83, 1896, т. 86; 1898, декабрь, 1900, pass.; I. Дебу, О Кавказской Линіи, С.-Пб. 1829, стр. 93; Г. Гераковъ, Продолженіе путевыхъ записокъ, С.-Пб. 1830, стр. 58—59, 61.

И. Давидовичъ.

Рудзевичъ, *Николай Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ; сынъ А. Я. Рудзевича (см. выше), родился въ 1811 г., въ службѣ числился съ 6-го ноября 1825 г., въ офицеры произведенъ былъ 25-го марта 1828 г. и сразу принялъ участіе въ Турецкой войнѣ; за рядъ боевыхъ отличій награжденъ былъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а затѣмъ находился въ Польской кампаніи 1831 г.; за дѣло подъ Варшавой и за другія сраженія этой войны получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и золотую шпагу съ надписью „за храбрость“; въ 1853 г., за 25-лѣтнюю службу, получивъ орденъ св. Георгія 4-й степени, въ 1853—1855 г. участвовалъ въ Крымской кампаніи, командуя отдѣльною частью, и получилъ ордена св. Станислава и св. Анны 1-й степени съ мечами; 27-го марта 1855 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1857 и 1859 гг. участвовалъ въ Кавказскихъ войнахъ, а именно въ покореніи Чечни и Дагестана, и 18-го февраля 1860 г. произ-

веденъ былъ въ генералъ-лейтенанты; съ 11-го іюля 1861 г. по 9-е декабря 1866 г. былъ Костромскимъ губернаторомъ, послѣ чего былъ зачисленъ по армейской кавалеріи, съ состояніемъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, при которомъ числился до смерти, получивъ въ 1878 г. орденъ Бѣлаго Орла. Скончался въ іюнѣ 1889 г.; погребенъ въ г. Симферополѣ.

„Новое Время“ 1889 г., № 4783; „Сынъ Отеч.“ 1889 г., № 167; Списки генераламъ за разные годы.

Рудзкій, *Фелиціанъ Матѳеевичъ*, Вице-Инспекторъ Корпуса Лѣсничихъ, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ дворянъ Волынской губерніи, род. въ Подольской губерніи 10-го ноября 1802 (или 1803) года; воспитаніе получилъ въ Винницкой Гимназіи и, по выходѣ изъ оной, поступилъ въ военную службу, въ Тарутинскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ во взятіи приступомъ Варшавы въ 1831 г. По учрежденіи Корпуса Лѣсничихъ, Р. перешелъ въ этотъ Корпусъ и назначенъ былъ окружнымъ лѣсничимъ въ Черниговскую губернію. Съ упраздненіемъ должностей окружныхъ лѣсничихъ Ф. М. Рудзкій былъ назначенъ лѣснымъ ревизоромъ въ Черниговской губерніи, а затѣмъ—губернскимъ лѣсничимъ сперва въ Оренбургъ, а потомъ въ Ковно. Когда въ 1856 году, со вступленіемъ въ управленіе Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ графа М. Н. Муравьева, почти всѣ губернскіе лѣсничіе были замѣнены спеціалистами по лѣсной части, Р. оставленъ былъ въ этой должности (несмотря на то, что не получилъ спеціальнаго образованія), такъ какъ по практическимъ знаніемъ дѣла и изъ ряда выходящимъ честнымъ отношеніемъ къ службѣ обратилъ на себя особое вниманіе. При Министрѣ генералъ-адъютантѣ Зеленомъ Ф. М. Рудзкій былъ назначенъ Вице-Инспекторомъ Корпуса Лѣсничихъ, что составляло также исключительное явленіе, такъ какъ институтъ Вице-Инспекторовъ комплектовался тогда преимущественно изъ заслуженныхъ полковниковъ и генераловъ арміи и флота.

Р. умеръ 12-го августа 1887 года въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на католическомъ кладбищѣ на Выборгской сторонѣ.

Дѣло о службѣ Р. въ Архивѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ; сообщенія родственниковъ и личныя воспоминанія.

П. Н. Вереха.

Рудинскій, *Василій Ивановичъ*, докторъ медицины, старшій ординаторъ Московскаго Военнаго Госпиталя; род. 25-го декабря 1837 года и по происхожденію принадлежалъ къ духовенству Воронежской губерніи; среднее образованіе получилъ въ Воронежскомъ Духовномъ Училищѣ и въ Воронежской Духовной Семинаріи, откуда въ 1856 г., изъ высшаго Отдѣленія, поступилъ въ Московскій Университетъ на Медицинскій Факультетъ, курсъ котораго окончилъ въ 1861 году со званіемъ лѣкаря и опредѣленъ былъ въ Перновскій гренадерскій полкъ, отсюда въ слѣдующемъ году Р. былъ переведенъ младшимъ врачемъ въ Московскій Военный Госпиталь и здѣсь началъ готовиться къ докторской диссертаціи. Въ 1863 году Р. напечаталъ свою первую статью въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“: „Объ отнятіи предплечія на продолженіи костей съ двумя лоскутами“ (1863 г., ч. 88, февраль, № 2, стр. 109—114); въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ появился рядъ его статей: „Замѣчаніе о камнесѣченіи по способу Буханана“, „Случай сращенія мягкаго нёба съ заднею стѣнкою глотки“ и др. Кромѣ того, въ томъ же 1864 году Р. издалъ книгу: „Малая хирургія и ученіе о повязкахъ, съ краткимъ изложеніемъ обязанностей фельдшеровъ и цирульниковъ 2-го комплекта“ (Москва. 1864 г.). Въ 1866 году Рудинскій подготовилъ диссертацію: „Обзоръ современно-употребляемыхъ способовъ бокового камне-изсѣченія у мужчинъ“ (Дисс. Д. М., Москва. 1866), которую защищалъ 28-го мая того же года, и былъ удостоенъ степени доктора медицины. Въ слѣдующемъ году Р. былъ назначенъ старшимъ врачемъ въ гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, но пробылъ въ немъ не долго и въ 1868 году былъ переведенъ на ту же должность въ 139-й пѣхотный Моршанскій полкъ, а черезъ пять лѣтъ (въ 1873 году) назначенъ былъ главнымъ лѣкаремъ Ярославскаго мѣстнаго госпиталя. Въ этомъ году онъ напечаталъ въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ“ свое изслѣдованіе: „Обрѣзаніе крайней плоти по способу Виндаля въ военной практикѣ“ (1873 г., № 17—20 и „В.-Мед. Журн.“ 1874 г., ч. 121, мартъ, № 3, стр. 209—214) и „Трахеотомъ“ („В.-Мед. Журн.“ 1874 г., мартъ, № 3, стр. 215—239). Въ скоромъ времени Р. былъ командированъ за границу на два года, съ переводомъ на должность старшаго ординатора Московскаго Военнаго

Госпиталя. Возвратившись изъ-за границы, онъ заболѣлъ и скончался 19-го іюля 1876 года, на 39 году отъ рожденія.

„Военно-Медицинскій Журналъ“ 1876 г., ч. 127, сентябрь, № 9, офиціальная часть, стр. 19; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе Врачи-Писатели“, вып. II, С.-Пб. 1889, тетр. 5, стр. 100—101; В. В. Литвиновъ, Питомцы Воронежской Духовной Семинаріи, вышедшіе изъ духовнаго званія, Вор. 1914, стр. 76—77.

И. М.

Рудинскій, *Викторъ Игнатьевичъ*, гражданскій инженеръ; род. въ 1837 году; отданный въ 1850 г., въ Строительное Училище (теперь Институтъ Гражданскихъ Инженеровъ) и пробывъ въ немъ девять лѣтъ, Р., по окончаніи курса, въ 1859 году занялъ мѣсто помощника начальника искусственнаго стола въ Пермской губернской строительной и дорожной Коммиссіи, въ слѣдующемъ году былъ назначенъ начальникомъ искусственнаго стола, а черезъ два года, въ 1862 году, былъ переведенъ на ту же должность въ Нижегородскую строительную и дорожную Коммиссію; здѣсь онъ оставался до преобразованія Коммиссій въ 1865 году, когда остался за штатомъ; затѣмъ занимался наблюденіемъ по постройкамъ частныхъ лицъ—до 1870 года, когда снова поступилъ на службу сверхштатнымъ техникомъ Нижегородскаго Губернскаго Правленія, въ слѣдующемъ году былъ назначенъ архитекторомъ Нижегородскаго Маріинскаго Института, а въ 1874 году—Нижегородскимъ младшимъ инженеромъ. Скончался отъ чахотки 9-го іюля 1874 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и погребенъ.

„Юбилейный Сборникъ 1842—1892 г. Института Гражданскихъ Инженеровъ“, С.-Пб. 1892 г., стр 293.

Рудинскій, *Орестъ Ивановичъ*, докторъ медицины, тайный совѣтникъ; родился 22-го марта 1816 года въ селѣ Сагунахъ, Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи, гдѣ отецъ его былъ настоятелемъ церкви; среднее образованіе получилъ въ Воронежской Духовной Семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1835 году отправленъ былъ на казенный счетъ въ Московскій Университетъ, на Медицинскій Факультетъ; въ 1840 году окончилъ курсъ Университета со званіемъ лѣкаря съ отличіемъ и былъ назначенъ врачемъ въ Тульскій егерскій полкъ, но уже въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ Московскій Военно-Сухопутный Госпиталь; здѣсь прослужилъ онъ восемь лѣтъ и въ 1849 году получилъ отъ Московскаго Университета званіе штабъ-лѣкаря; успѣвъ зарекомендовать себя, какъ прекрасный хирургъ, Р. вскорѣ былъ командированъ въ Главную квартиру дѣйствовавшей въ Венгріи арміи. Здѣсь ему впервые пришлось работать подъ пулями. По окончаніи Венгерской кампаніи Рудинскій былъ назначенъ главнымъ докторомъ военнаго 3-го класса временнаго госпиталя въ Севастополѣ, а съ началомъ военныхъ дѣйствій въ 1853 году исполнялъ обязанности главнаго хирурга въ 4-мъ и 5-мъ армейскихъ корпусахъ, а потомъ — въ южной арміи. Когда рѣшено было защищать Севастополь, О. И. Рудинскому поручена была въ завѣдываніе вся хирургическая часть, и онъ работалъ подъ руководствомъ Н. И. Пирогова. Условія, при которыхъ эти хирурги подавали первую помощь раненымъ, были самыя тяжелыя,—особенно въ дни бомбардировокъ и послѣ ночныхъ вылазокъ, когда Н. И. Пирогову и О. И. Рудинскому приходилось дѣлать по сту и болѣе серіозныхъ операцій въ день. Когда въ 1855 г. Н. И. Пироговъ уѣхалъ на время въ Петербургъ, Рудинскій одинъ остался завѣдующимъ хирургической частью. По окончаніи Севастопольской кампаніи онъ возвратился въ Москву и былъ назначенъ помощникомъ главнаго доктора Московскаго Военнаго Госпиталя. Съ этого времени онъ сталъ готовить диссертацію на степень доктора медицины и хирургіи. Еще до войны онъ написалъ изслѣдованіе: „Образованіе носа изъ кожи лба съ возстановленіемъ части щеки, прилежащей къ лѣвому крылу носа“ („Военно-Мед. Журн.“ 1854 г., ч. 63, Январь, № 1, стр. 12). Въ 1859 году онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ Московскаго Военнаго Госпиталя, а въ слѣдующемъ году, 6-го іюня, защищалъ диссертацію на степень доктора медицины и хирургіи: „De ratione qua vesica urinaria et urethra cum partibus viciscis in sexu virili conjunctae sunt“ (Diss. D. M., M. 1857 г.) Получивъ степень доктора, О. И. Рудинскій въ томъ же году былъ назначенъ профессоромъ-консультантомъ молодыхъ врачей въ Московскомъ Военномъ Госпиталѣ и эту должность занималъ въ теченіе девяти лѣтъ, посвящая все свое время и силы руководству практическими и научными

занятіями молодыхъ врачей-хирурговъ. Въ этотъ періодъ времени онъ написалъ нѣсколько сочиненій: „О резекціяхъ трубчатой кости человѣческаго тѣла вообще“, „Первоначальныя понятія объ устройствѣ человѣческаго тѣла. Для фельдшеровъ“ (С.-Пб. 1862), „Шесть случаевъ meningitidis cerebro-spinalis, встрѣтившихся въ Московскомъ Военномъ Госпиталѣ“, „Два случая удачнаго вылущенія большихъ членовъ: вылущеніе праваго плеча и лѣваго бедра, произведенныя въ Московскомъ Военномъ Госпиталѣ“ („Военно-Медиц. Журн.“ 1870 г., ч. 107, октябрь, № 10). Кромѣ этихъ работъ, имъ было написано еще нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ разныхъ медицинскихъ и общихъ журналахъ.

Съ 1869 года начинается собственно административная дѣятельность Р.: въ этомъ году онъ былъ назначенъ окружнымъ Медицинскимъ Инспекторомъ Московскаго Военнаго Округа, а въ 1872 г. назначенъ былъ, кромѣ того, Почетнымъ Членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета. Тогдашнимъ Главнымъ Начальникомъ Военно-Медицинскаго Управленія Н. Ил. Козловымъ Р. былъ въ 1875 году вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему предложено было занять мѣсто Помощника Главнаго Начальника Военно-Медицинскаго Управленія, а когда вскорѣ Н. И. Козловъ оставилъ свой постъ, то исполнять его должность въ 1878 году назначенъ былъ Рудинскій, утвержденный въ должности лишь въ 1884 году. Во время Р. Главное Военное Медицинское Управленіе, однако, ничѣмъ особеннымъ не проявило своей дѣятельности, такъ какъ Р. часто болѣлъ и уже въ 1887 году долженъ былъ по болѣзни оставить должность Главнаго Начальника, будучи назначенъ Непремѣннымъ Членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета и Членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; скончался онъ въ Петербургѣ 6-го апрѣля 1889 года, на 74 году отъ рожденія; погребенъ на родинѣ.

Кромѣ вышеприведенныхъ, въ разное время О. И. Рудинскимъ было опубликовано много и другихъ работъ,—какъ то: „Двѣ трахеотоміи въ Московскомъ Военномъ Госпиталѣ“ („Другъ Здравія“ 1857 г., № 45 и „Московскія Вѣдомости“ 1857 г., № 101), „Трахеотомія“ („Военно-Медиц. Журн“. 1874 г., декабрь), „Раненые подъ Альмой въ 1854 году, доставленные англичанами въ Одессу“ („Медиц. Вѣстн.“ 1871 г., № 28), „Объ учрежденіяхъ, необходимыхъ для общества попеченія о больныхъ и раненыхъ на военное время“ (Москва. 1873), а также нѣсколько другихъ работъ, напечатанныхъ или отдѣльно, или въ медицинскихъ журналахъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе Врачи-писатели, вып. I, С.-Пб. 1886, тетр. 2, стр. 87; „Врачъ“ 1889 г., № 15, стр. 364 (некрологъ); „Русская Медицина“ 1889 г., № 15, стр. 240 (некрологъ); „Русскій Инвалидъ“ 1889 г., № 78, стр. 6 (некрологъ); „Гражданинъ“ 1889 г., № 99, 3-го апр. (некрологъ); „Новое Время“ 1889 г., 9-го апрѣля, № 4710 (некрологъ); „Новости и Биржевая газета“ 1889 г., 8-го апрѣля, № 97, стр. 2 (некрологъ); В. В. Литвиновъ, Питомцы Воронежской Духовной Семинаріи, вышедшіе изъ духовнаго званія, Вор. 1914, стр. 77.

Рудневъ, *Даніилъ Владиміровичъ*, контръ-адмиралъ; поступилъ въ Морской Кадетскій Корпусъ въ 1786 г., 6-го августа, и произведенъ въ гардемарины 28-го сентября 1788 г. Въ 1789 г. участвовалъ въ Эландскомъ сраженіи, а въ слѣдующемъ году—въ Красногорскомъ и Выборгскомъ. Въ томъ же году Р. былъ произведенъ въ мичманы, а въ 1791 г. командированъ въ Архангельскъ, откуда на слѣдующій годъ сдѣлалъ переходъ въ Кронштадтъ. Въ 1793 г., 11-го марта, онъ былъ произведенъ въ лейтенанты и съ 1793 по 1797 г. ежегодно плавалъ въ Финскомъ Заливѣ, затѣмъ былъ командированъ въ Тульскую губернію, за рекрутами, и „за хорошій приводъ рекрутъ“ въ слѣдующемъ же, 1798 г., февраля 24-го, былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Командированный затѣмъ въ томъ же году въ Архангельскъ, Р. перешелъ оттуда на кораблѣ Ярославъ, въ эскадрѣ вице-адмирала Баратынскаго, къ берегамъ Англіи, а оттуда въ Кронштадтъ съ дессантными войсками.

Съ 1801 года Р. началъ командовать отдѣльными судами и продолжалъ свои почти ежегодныя плаванія; въ 1810 г., за 18 кампаній, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса, въ 1808 г. былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга и въ томъ же году крейсировалъ въ Финскомъ заливѣ на кораблѣ „Всеволодъ“. Уходя однажды отъ преслѣдованія англійскаго флота, Р. сѣлъ у Пакеорта на мель и былъ взятъ двумя англійскими кораблями на абордажъ. Въ 1810 г. Р. былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга и въ слѣдующемъ году командовалъ оборо-

ною цитадельской крѣпости въ Кронштадтѣ. Послѣ командировки въ Архангельскъ въ 1812 г., откуда въ 1813 г. онъ привелъ корабль „Гамбургъ“ въ Ревель, и въ слѣдующемъ—въ Кронштадтъ, Р. въ теченіе 1815 и 1816 гг. командовалъ 26-мъ корабельнымъ экипажемъ въ Кронштадтѣ, въ 1817 г. плавалъ въ Кале, откуда съ дессантными войсками вернулся въ Кронштадтъ, и затѣмъ крейсировалъ съ флотомъ у Красной Горки; затѣмъ годъ Р. командовалъ 14-мъ флотскимъ экипажемъ въ Кронштадтѣ, въ 1819 г. былъ снова командированъ въ Архангельскъ, гдѣ, при посѣщеніи флота Государемъ Императоромъ, былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Послѣ возвращенія на кораблѣ „Трехъ Святителя“ въ 1820 г. въ Кронштадтъ, Рудневъ съ 1821 г. по 1826 г. командовалъ 5-мъ флотскимъ экипажемъ и въ 1824 г. былъ произведенъ въ капитанъ-командоры; въ 1826 г. онъ командовалъ отрядомъ гвардейскихъ парусныхъ судовъ въ Невской губѣ и за маневры этого отряда получалъ троекратно Монаршее благоволеніе; въ томъ же году 6-го декабря Р. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы; въ теченіе времени съ 1827 г. по 1830 г. онъ командовалъ сначала 3-ею, а потомъ 1-ою флотскими бригадами. Скончался 11-го августа 1831 г.

„Общій Морской Списокъ“, т. IV, стр. 697—699; „Матеріалы для исторіи Русскаго флота“, ч. XIV (см. указ.); А. С. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательнѣйшихъ событій въ Россійскомъ флотѣ“, стр. 321—324; „Записки Ученаго Комитета Главнаго Морского Штаба“ 1832 г., ч. VIII, стр. 319—320 (біографія).

Н. М.

Рудневъ, *Матвѣй Даниловичъ*, протоіерей, писатель; сынъ сельскаго священника Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи, родился въ 1803 г.; воспитывался въ Тульской Семинаріи откуда, изъ богословскаго класса, въ полкурса, отправленъ былъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію (1821 г.), и здѣсь окончилъ курсъ въ 1825 г. 22-мъ магистромъ VI курса, послѣ чего былъ опредѣленъ въ Рязанскую Духовную Семинарію профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка; въ январѣ 1828 г. назначенный инспекторомъ той же Семинаріи, съ перемѣщеніемъ на классъ философіи, Р. въ августѣ того же 1828 г. былъ переведенъ, по прошенію, профессоромъ философскихъ наукъ и еврейскаго языка въ Тульскую Духовную Семинарію, гдѣ былъ также помощникомъ инспектора и секретаремъ Семинарскаго Правленія. Въ 1831 г. Р. рукоположенъ былъ во священника къ Староникольской церкви г. Тулы и въ 1841 г. возведенъ былъ въ санъ протоіерея, въ 1855 г. перемѣщенъ былъ ключаремъ къ Тульскому каѳедральному собору, а въ 1861 г. былъ уволенъ отъ профессорской службы; скончался въ Тулѣ 18-го мая 1875 г. Будучи студентомъ Петербургской Духовной Академіи, Р. въ сборникѣ „Нѣкоторыхъ упражненій студентовъ VI курса“ (ч. II, стр. 72) напечаталъ „Слово въ Недѣлю 5-ю по Пасхѣ“; въ „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1862—1864 гг. напечатано было нѣсколько статей Р.

А. Родосскій, Біографическій словарь студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи, С.-Пб. 1907, стр. 417; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 277; „Тульскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1875 г., т. XXVII, стр. 317 и 362—364 (некрологъ и надгробное слово, прот. Державина); В. И. Черноплатовъ, Тульскій Родословецъ, ч. III, стр. 130.

Б. М.

Рудневъ, *Михаилъ Матѳеевичъ*, докторъ медицины, профессоръ и Ученый Секретарь Медико-Хирургической Академіи, Вице-Президентъ Общества Русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, редакторъ-издатель „Журнала нормальной и патологической гистологіи, фармакологіи и клинической медицины“; род. 31-го октября 1837 года, умеръ 10-го декабря 1879 года.

Родился въ Тулѣ, въ семьѣ протоіерея и заслуженнаго профессора Тульской Духовной Семинаріи М. Д. Руднева (см. выше); получивъ первоначальное образованіе въ той же Семинаріи и окончивъ въ ней среднее Отдѣленіе, Рудневъ въ 1855 г. поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію и въ 1860 году окончилъ въ ней курсъ со званіемъ лекаря съ отличіемъ (cum eximia laude), „за успѣхи въ наукахъ“ былъ награжденъ серебряною медалью и оставленъ, въ числѣ лучшихъ десяти человѣкъ, на три года при Академіи, для дальнѣйшаго спеціальнаго образованія. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ Рудневъ работалъ, въ качествѣ ординатора, въ сифилидологической клиникѣ профессора П. П. Заблоцкаго-Десятовскаго и состоялъ помощникомъ въ патолого-анатомической лабораторіи профессора Т. С. Иллинскаго, который только что былъ назначенъ

на эту, вновь учрежденную въ Академіи каѳедру. Занимая съ 1860 года должность ассистента при каѳедрѣ патологической анатоміи, Рудневъ весь отдался изслѣдованіямъ въ области этой науки. Какъ ближайшій помощникъ профессора Иллинскаго, онъ постоянно принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ практическихъ занятіяхъ по патологической анатоміи, приготовлялъ при патолого-анатомическихъ вскрытіяхъ труповъ препараты для Музея, устроеннаго при каѳедрѣ, и микроскопическіе препараты для демонстрацій во время чтенія лекцій. Кромѣ работъ при двухъ названныхъ каѳедрахъ, Р. прослушалъ въ первый же годъ по окончаніи курса Академіи частный курсъ физіологіи у профессоровъ Сѣченова и Якубовича и курсъ физики у профессора Хлѣбникова. Сдавъ затѣмъ экзамены на степень доктора медицины, Р. защитилъ въ 1863 году диссертацію, темой для которой взялъ мало разработанный въ то время вопросъ „о бугоркахъ и бугорковидныхъ образованіяхъ на серозныхъ оболочкахъ“, и получилъ искомую степень. Въ это время окончился срокъ его прикомандированія, но Конференція Академіи, обративъ вниманіе на большую работоспособность и внимательное отношеніе Руднева къ своей работѣ, отправила его на два года за границу, для научнаго усовершенствованія въ патологической анатоміи, которую онъ окончательно избралъ своей спеціальностью.

Въ продолженіе заграничной командировки Рудневъ работалъ въ Вюрцбургѣ у профессоровъ Ферстера и Шерера и въ Вѣнѣ у профессора Брюкке, но большую часть своей командировки онъ провелъ въ Берлинѣ, куда въ то время были обращены взоры всего образованнаго міра: тамъ въ полномъ блескѣ сіяло новое свѣтило науки — знаменитый Рудольфъ Вирховъ, первый показавшій настоящее значеніе патологической анатоміи и создавшій целлюлярную патологію. Къ нему въ лабораторію стекались молодые ученые со всѣхъ концовъ свѣта. Къ нему то тянуло и Руднева съ самаго начала командировки. Онъ посвятилъ себя всецѣло изученію патологической анатоміи и почти все время проработалъ въ лабораторіи Вирхова; послѣдній съ большимъ интересомъ слѣдилъ за его изслѣдованіями и, такъ же, какъ профессоръ Иллинскій въ Петербургѣ, пользовался его микроскопическими препаратами для демонстрацій на своихъ знаменитыхъ курсахъ. Но въ Берлинѣ Р. пользовался вниманіемъ не одного только Вирхова: многіе европейскіе ученые занимались вмѣстѣ съ нимъ научными изслѣдованіями; такъ, напримѣръ, много статей, помѣщенныхъ въ нѣмецкихъ журналахъ того времени, подписаны: Kühne и Рудневъ, Max Schultze и Рудневъ. Вообще тѣ два года, которые Рудневъ провелъ за границей, были самыми плодотворными по количеству серьезныхъ, строго научныхъ его трудовъ. Къ такого рода трудамъ Руднева надо отнести его химическія и микроскопическія изслѣдованія надъ амилоиднымъ веществомъ. Этою работою, написанною на нѣмецкомъ языкѣ и помѣщенною въ „Архивѣ Вирхова“ за 1865 годъ, Р. разрѣшилъ волновавшій въ то время медицинскій міръ вопросъ о томъ, вырабатывается ли въ человѣческомъ тѣлѣ крахмалъ, — вещество, свойственное исключительно растительному царству. Этотъ вопросъ возникъ вслѣдствіе полученной при амилоидномъ перерожденіи органовъ химической реакціи, какъ будто указывавшей на сходство этого патологическаго продукта съ крахмаломъ. Благодаря изслѣдованіямъ сначала Friedereich'a и Kecule, а затѣмъ Руднева и Kühne, особенно благодаря точнымъ химическимъ анализамъ послѣднихъ, было установлено, что сходство реакцій не есть доказательство тождества, и что амилоидное вещество относится не къ углеводородамъ, а къ разновидностямъ бѣлковыхъ, азотистыхъ веществъ, не чуждыхъ человѣческому организму. Въ это же время Рудневымъ произведены были интересныя микроскопическія изслѣдованія „О развитіи патологической кости“, которыя были напечатаны на двухъ языкахъ—русскомъ и англійскомъ; „О новообразованіяхъ въ печени и почкахъ при вторичномъ сифилисѣ“, объ опухоляхъ костей, сальника и такъ далѣе. Кромѣ того, своими „Изслѣдованіями надъ осміевой кислотой“ Рудневъ указалъ на ея значеніе, какъ микроскопическаго реагента, чѣмъ обогатилъ гистологическую технику, которая, благодаря этому, получила возможность видѣть и изучать неизвѣстныя до того времени тонкости въ устройствѣ тканевыхъ элементовъ. И тотчасъ же самъ Рудневъ использовалъ свое открытіе, написавъ работу„ Объ эпидермоидальномъ слоѣ кожи лягушки“,

познакомившую ученыхъ съ особыми причудливыми формами клѣточекъ кожнаго эпителія. Этотъ трудъ его былъ напечатанъ въ „Архивѣ“ Max'a Schultze.

Обогатившись такимъ солиднымъ количествомъ научныхъ знаній, старательно изучивъ методы преподаванія въ лучшихъ европейскихъ университетахъ, для чего онъ побывалъ еще въ университетахъ Парижа и Лондона, Рудневъ вернулся въ концѣ 1865 г. въ Россію. Тотчасъ же по возвращеніи онъ былъ избранъ Конференціей Медико-Хирургической Академіи на должность прозектора при каѳедрѣ патологической анатоміи, къ тому же профессору Иллинскому, у котораго онъ работалъ до заграничной командировки. Въ скромной роли прозектора, съ весьма скудными матеріальными средствами и научными пособіями, Рудневъ принялся за преподавательскую дѣятельность. Началъ онъ ее въ Академіи съ открытія не существовавшихъ въ ней до того времени курсовъ практическихъ занятій патологической гистологіей, на которые перенесъ духъ ученія Вирхова. Этимъ онъ далъ то направленіе занятіямъ патологіей, которое было уже принято вездѣ за границей, но у насъ еще извѣстно не было; работы производились по строгому и точному научному методу. Благодаря этому, его ученики пріобрѣли обширное поле для самостоятельнаго изученія боѣзненныхъ процессовъ. Нужнаго для каѳедры матеріала,— напримѣръ, труповъ было достаточно, и Иллинскій тщательно разбиралъ и оцѣнивалъ весь матеріалъ, который брался со вскрытій, обогащая тѣмъ коллекціи патологическаго музея Академіи; однако, со времени основанія каѳедры прошло слишкомъ мало времени, чтобы возможно было довести ее до совершенства. Эта каѳедра была открыта лишь въ 1859 г., и на ея содержаніе отпускались столь незначительныя суммы, что даже такихъ необходимыхъ для лабораторіи предметовъ, какъ микроскопы, было лишь пять, тогда какъ число студентовъ на старшихъ курсахъ было болѣе, чѣмъ по сто человѣкъ. Къ тому же еще профессоръ Иллинскій работалъ одинъ, такъ какъ Рудневъ былъ первый прозекторъ этой каѳедры. Имъ онъ пробылъ только одинъ годъ, при чемъ за это время былъ еще разъ командированъ за границу на лѣтній семестръ.

4-го августа 1867 года профессоръ Иллинскій скончался въ Парижѣ, и Р. былъ избранъ на его мѣсто и утвержденъ въ этой должности 30-го ноября 1867 г. Еще въ сентябрѣ 1867 года Рудневу было поручено читать лекціи по патологической анатоміи; въ то же время на засѣданіяхъ Конференціи Академіи рѣшался вопросъ о замѣщеніи вакантной каѳедры. Вскорѣ послѣ избранія профессоромъ Академіи Рудневъ былъ приглашенъ преподавателемъ патологической гистологіи въ Ветеринарный Институтъ Медико-Хирургической Академіи. Какъ профессоръ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Медико Хирургической Академіи того времени. Въ его лабораторіи, которая едва вмѣщала всѣхъ желавшихъ пользоваться совѣтами и руководствомъ замѣчательнаго учителя, кипѣла широкая научная дѣятельность. Всѣ очередные вопросы разрабатывались здѣсь подъ личнымъ руководствомъ Руднева.

Въ высшей степени мягкое обращеніе со студентами, постоянная отзывчивость ко всѣмъ, кто къ нему обращался, доставили Р-ву искреннюю любовь и глубокое уваженіе всѣхъ его учениковъ. Большая часть врачей, посѣщавшихъ Академію, стремилась работать въ его лабораторіи; поэтому большинство защищавшихся тогда въ Академіи докторскихъ и магистерскихъ дисертацій выходило изъ его лабораторіи. Въ короткое время Рудневъ создалъ въ Россіи цѣлую самостоятельную школу патолого-анатомовъ, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи сами занимали профессорскія каѳедры при Университетахъ и въ Медико-Хирургической Академіи. Рудневъ пользовался большимъ уваженіемъ среди своихъ товарищей—профессоровъ Академіи. Такъ, въ 1868 году, вскорѣ послѣ избранія его профессоромъ, онъ былъ избранъ Ученымъ Секретаремъ Конференціи Академіи, послѣ ухода профессора Буяльскаго. Но эту почетную должность Рудневъ занималъ недолго: въ томъ же году у него вышли несогласія со студентами, которые были недовольны отношеніемъ Р. къ одному изъ ихъ товарищей, — протестъ ихъ принялъ довольно крупные размѣры, и Рудневу пришлось извиниться передъ студентами; въ виду же того, что онъ, какъ уже было указано, любилъ своихъ слушателей, приведенный случай произвелъ на него такое тяжелое впечатлѣніе, что онъ тотчасъ-же просилъ Конференцію уволить его отъ

обязанностей Ученаго Секретаря. Освобождая его отъ этой должности, Конференція писала Рудневу слѣдующее: „Избирая Васъ въ 1868 году представителемъ своей педагогической и административной дѣятельности, Конференція руководилась почетной извѣстностью, которую Вы снискали себѣ въ наукѣ и по каѳедрѣ. Теперь же, лишаясь Васъ, она утѣшаетъ себя мыслію, что освобожденіе отъ занятій, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, дастъ Вамъ возможность всецѣло посвятить себя Вашей учебной и ученой дѣятельности, которою, по праву и справедливости, гордится Академія".

Съ 1872 года Рудневъ началъ читать патологическую анатомію для слушательницъ Женскихъ врачебныхъ курсовъ. Сначала онъ читалъ ихъ въ патологическомъ институтѣ Медико-Хирургической Академіи, а потомъ, съ переходомъ Курсовъ въ Николаевскій военный госпиталь,—въ послѣднемъ. Вопросамъ женскаго медицинскаго образованія въ Россіи Рудневъ удѣлялъ много времени. Уже при самомъ учрежденіи Женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ участниковъ въ ихъ дѣлахъ; когда же онъ занялъ на курсахъ мѣсто преподавателя, то внесъ сюда свой обычный трудъ, направленіе и свою душу. И здѣсь слѣдствіемъ его работы были многіе научные труды его ученицъ. Насколько сочувственно относился Рудневъ къ женскому образованію, видно изъ того, что начатое имъ „Руководство по общей патологіи" посвящено „слушательницамъ медицинскихъ курсовъ". Къ сожалѣнію, этотъ трудъ его остался не оконченнымъ: вслѣдствіе болѣзни онъ успѣлъ издать только 14 листовъ своего руководства, которые не захватывали и половины всего предмета общей патологіи.

Будучи профессоромъ, Рудневъ не переставалъ и самъ обогащать своими научными трудами медицинскую литературу — не только русскую, но и иностранную, особенно нѣмецкую. Уже въ первое время по возвращеніи изъ-за границы, Рудневу удалось открыть въ Петербургѣ трихинную болѣзнь, которой до него никто въ Россіи не встрѣчалъ. Послѣ же его статьи: „Über das Vorkommen der Trichinen in Russland", напечатанной въ „Архивѣ" Вирхова за 1866 годъ, и статьи въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ" за 1868 годъ: „Нерѣшенные вопросы въ исторіи трихинной болѣзни",— русскіе врачи научились отыскивать этихъ паразитовъ, и послѣдніе оказались даже нерѣдкими: въ одномъ Петербургѣ въ томъ же 1866 году они были найдены три раза на 150 вскрытіяхъ; вскорѣ затѣмъ они были найдены и въ другихъ городахъ Россіи. Послѣ этого Рудневъ указалъ и на другую невиданную въ Россіи болѣзнь—эпидемію цереброспинальнаго менингита. До тѣхъ поръ эта болѣзнь считалась свойственной лишь странамъ Западной Европы; гарантія отъ цереброспинальнаго менингита для Россіи кончилась въ 1867 году, когда Рудневъ указалъ на нѣсколько случаевъ вскрытія труповъ лицъ, умершихъ отъ этой болѣзни въ Петербургѣ. Послѣдующими работами какъ самого Руднева, такъ и его учениковъ были разъяснены многія темныя стороны дифференціальныхъ патолого-анатомическихъ свойствъ этой болѣзни.

Когда лѣтомъ 1866 года въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, то Рудневъ всецѣло отдался изученію этой болѣзни. Все лѣто онъ работалъ надъ анатомическими и микроскопическими изслѣдованіями обильнаго матеріала. Онъ нисколько не боялся заразы, хотя уже испыталъ на себѣ опасность работы патолого-анатома, заразившись однажды трупнымъ ядомъ. Плодомъ такихъ его трудовъ является „Патологическая анатомія холеры, господствовавшей въ Петербургѣ въ 1866 году",— работа, представляющая цѣнный вкладъ въ русскую научную литературу. Кромѣ того, Рудневъ постоянно знакомилъ иностранныхъ ученыхъ съ успѣхами патологической анатоміи въ Россіи, сообщая въ нѣмецкіе журналы рефераты работъ, которыя производились подъ его руководствомъ. Въ 1870 году Рудневъ приступилъ къ изданію спеціальнаго „Журнала для патологической анатоміи, гистологіи и клинической медицины". На работу по изданію этого журнала онъ тратилъ массу силъ и энергіи, печаталъ въ немъ собственные труды, рецензіи и рефераты иностранныхъ и русскихъ работъ; привлекалъ къ сотрудничеству въ немъ видныхъ ученыхъ и профессоровъ: Богдановскаго, Заварыкина, Забѣлина и др. Однако, журналъ не имѣлъ большого распространенія, причины чего лежали внѣ самого изданія: во всей постановкѣ нашего медицинскаго дѣла. И

все же Рудневъ не поддавался унынію и до самой своей болѣзни, безъ всякой матеріальной поддержки и выгоды, изъ одного только желанія принести пользу отечественной наукѣ, продолжалъ это изданіе. Только въ 1878 году, когда болѣзнь заставила его прекратить ученую дѣятельность, кончилась и его издательская работа, такъ что послѣдняя книга его журнала вышла благодаря участію Н. П. Ивановскаго.

Когда въ 1872 году Рудневъ былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ въ Медицинскій Совѣтъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, то онъ и здѣсь нашелъ себѣ много работы. Съ первыхъ же шаговъ онъ столкнулся съ неудовлетворительнымъ положеніемъ натолого-анатомическаго изслѣдованія судебно-медицинскихъ случаевъ; и здѣсь онъ старался помочь своею опытностью, для чего издалъ въ 1873 году книгу: „Методъ судебно-медицинскаго изслѣдованія мертвыхъ тѣлъ". Этотъ трудъ представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ судебную токсикологію, ясно указывая на то большое значеніе, какое можетъ занимать микроскопическій анализъ въ судебно-медицинской экспертизѣ.

Рудневъ велъ очень правильную жизнь, но, съ увлеченіемъ занимаясь любимой наукой, забывалъ объ опасности чрезмѣрнаго умственнаго переутомленія. А отсюда-то и угрожала ему опасность: уже въ послѣднихъ его произведеніяхъ (послѣдніе листы „Общей патологіи": Обзоръ медицинской литературы) появляются фальшивыя нотки, предвѣщающія что-то недоброе. И все же Р. въ первую половину 1877 года продолжаетъ исполнять свои обязанности, хотя уже безъ обычнаго своего увлеченія и съ замѣтнымъ утомленіемъ. Его тяжелая болѣзнь (прогрессивный параличъ) продолжалась годъ, и 10-го декабря 1878 года, Р. умеръ, всего на 41 году жизни; погребенъ онъ въ Тульской губерніи.

Сразу же послѣ его смерти Конференція Медико-Хирургической Академіи постановила поставить бюстъ его въ стѣнахъ Академіи, гдѣ такъ кратковременно, но такъ плодотворно и много трудился для науки покойный М. М. Рудневъ. Для этого была открыта подписка среди его товарищей—профессоровъ и многочисленныхъ его учениковъ. Въ этой подпискѣ дѣятельное участіе приняло Общество Русскихъ врачей въ С-Петербургѣ, въ которомъ Рудневъ былъ вице-президентомъ съ 1870 до 1872 года. Уже къ началу 1880 года была собрана достаточная сумма, и бюстъ былъ заказанъ скульптору-академику Чижову. Постановка этого бюста происходила въ торжественномъ собраніи 15-го ноября 1883 года; онъ находится въ той аудиторіи анатомическаго института, гдѣ читалъ лекціи Рудневъ.

За свою короткую, но кипучую научную дѣятельность Рудневъ написалъ слѣдующіе научные труды: „Случай перехода саркомы въ ракъ"—„Медицинскій Вѣстникъ" 1862 г., № 15; „О бугоркахъ и бугорковидныхъ образованіяхъ на серозныхъ оболочкахъ," дисс., С.-Пб. 1863; „О новообразованіяхъ въ печени и почкахъ при вторичномъ сифилисѣ"—„Медицинскій Вѣстникъ" 1863 г., № 11; „Къ ученію о развитіи патологической кости"—тамъ же, 1864 г., №№ 38 и 39; „Ueber die Structur und chemische Zusammensetzung einer Geschwulst des Oberschenkels" — „Virch. Arch." 1865, № 33; „Zur Chemie der amyloiden Gewebseurartung", von Dr Kühne und Dr Rudnew—„Virch. Arch." 1865, № 33; „Einige Bemerkungen bezüglich der morphologischen Verhältnisse bei der Amyloidentortung der Bauchorgane"—„Virch. Arch." 1865, № 33; „О строеніи эпидермоидальнаго слоя кожи лягушки, предварительное сообщеніе" — „Медицинскій Вѣстникъ" 1865 г., № 29; „Объ употребленіи осміевой кислоты при гистологическихъ изслѣдованіяхъ и въ частности при изслѣдованіи свѣтящагося органа насѣкомаго Lampyris splendidula"—тамъ же, 1865 г., №№ 31 и 32; о томъ-же—„Arch. Max Schultze", Heft I, S. 132; „Weitere Mitteilungen über die Einwirkung der Ueber Osmium-Saüre auf tierische Gewebe, von M. Schultze und Dr M. Rudnew" — тамъ же 1865 г., № 1; „О кровоточивомъ воспаленіи твердой мозговой оболочки"—предварительное сообщеніе въ Протоколахъ Общества Русскихъ врачей въ С.-Пб. 1865—1866 гг.; „Ueber das Vorkommen der Trichinen in Russland und ein Fall von primaren medullaren Zottenkrebs des grossen Netzes"—„Virch. Arch." 1865, № 35; „О трихинахъ въ Россіи. Не рѣшенные вопросы въ исторіи трихинозной болѣзни"—„Медицинскій Вѣстникъ" 1866 г., №№ 17—21; „О средствахъ къ изученію патологической анатоміи въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи" — тамъ же 1866 г.,

№№ 22, 23, 24; „О растительныхъ паразитахъ въ желудкѣ“—Протоколы Общества Русскихъ врачей въ С.-Пб. 1866—1867 г.; „Патологическая анатомія холеры, господствовавшей въ С.-Петербургѣ лѣтомъ 1866 года“ — тамъ же 1866 — 1867 г.; „On the development of morbid boue“ — „Dr Beale's Arch. of Medec.“ 1867, № 16; „Pachymeningitis acuta interna infantum“— Протоколы Общества русскихъ врачей въ С.-Пб. 1866 — 1867 гг.; „Meningitis cerebro-spinalis epidemica in Russland“ — „Centrlbl. f. d. Med. Wiss.“ 1867 г., № 18; „Ueber die Epidemie von Meningitis cerebro-spinalis in Russland, v. Dr M. Rudnew und J. Burzew“—„Virch. Arch.“ 1867, № 21; Некрологъ Т. С. Иллинскаго—„Медицинскій Вѣстникъ“ 1867 г.; „О тифѣ, господствовавшемъ въ С.-Петербургѣ съ сентября 1869 до марта 1870 года“—Проток. Общества русскихъ врачей въ С.-Пб. 1869—1870 гг.; „О простыхъ и сложныхъ келоидахъ“ — „Журналъ для нормальной и патологической гистологіи“ 1870 г., томъ I; „Общая гистологія раковыхъ образованій“ — тамъ же 1870 г., томъ II; „О сифилитическихъ стриктурахъ желудка“ — тамъ же, 1870 г., т. II; „О собачьемъ бѣшенствѣ“—тамъ же 1871 г., т. III; „О спинно-мозговой сухоткѣ и леченіи ея Кавказскими минеральными водами“—Протоколы Общества кавказскихъ врачей 1871 г.; „Конституціональный сифилисъ и Кавказскія минеральныя воды“— тамъ же 1871—1872“ гг.; „Руководство къ изученію общей патологіи. Лекціи, читанныя на женскомъ курсѣ при Императорской Медико-Хирургической Академіи въ приложеніи къ „Журн. для норм. и патолог. гист.“ за 1873 и 1874 г.; „По вопросу о введеніи обязательнаго оспопрививанія въ Россіи“—тамъ же 1875 г., т. X; „Международный медицинскій конгрессъ въ Филадельфіи“—Проток. Общества русск. врачей въ С.-Пб. 1876—1877 г.; „Современное состояніе спеціальной медицинской литературы въ Россіи“—„Журналъ для норм. и патологической гистологіи“ 1877 г., т. XI.

Подъ редакціей Руднева вышли слѣдующія сочиненія: „О пищѣ и пр.“, Э. Вильсона, перев. съ англійскаго, 1867; „О параличѣ, невралгіи и пр.“, Ю. Алтгауса, переводъ съ англійскаго, 1867 г.; „Ученіе объ опухоляхъ“, Р. Вирхова, перев. съ нѣмецкаго, 1868 г.; „Руководство къ патологической анатоміи“, Э. Клебса, перев. съ нѣмецкаго, 1871 г.; „Методъ судебно-медицинскаго изслѣдованія мертвыхъ тѣлъ“,—обработка и перев. судебной медицины Каспера-Лимана—въ „Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ“ 1873 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, вып. I, С.-Пб., 1886 г.; его же, Былое врачебной Россіи; Исторія Имп. Военно-Мед. Академіи за 100 лѣтъ, 1798 — 1898, С.-Пб. 1898 г.; Вл. Крыловъ, Къ исторіи трихиноза въ Россіи, Москва. 1876 г.; Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ Медико-Хирург. Академіи въ 1860 году, С.-Пб. 1885 г.; А. Таренецкій, Историческій очеркъ каѳедры и музея нормальной анатоміи при Имп. Военно-Медицинской Академіи за сто лѣтъ, С.-Пб. 1895 г.; М. Лавдовскій, Историческій очеркъ каѳедры гистологіи и эмбріологіи въ Имп. Военно-Медиц. Академіи, С.-Пб. 1898 г.; „Русскій Міръ“ 1878 г., №№ 341, 353; „Медицинскій Вѣстникъ“ 1879 г., октябрь; „Врачебн. Вѣдом.“ 1879 г., окт.; „Всем. Илл.“ 1879, № 527 (съ портр.); „Военно-Мед. журн.“ 1879 г., окт.; „Новое Время“ 1879 г., окт.; „Голосъ“ 1879 г., окт.; „С.-Петерб. Вѣдомости“ 1879 г. окт.; Д-ръ И. Коровинъ, Краткій историческій очеркъ каѳедры патологической анатоміи при Имп. Военно-Медицинской Академіи, С.-Пб. 1898 (съ портр.); Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908.

Н. Кульбинъ.

Рудневъ, *Михаилъ Прохоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ Военно-Топографической съемки Новгородской губерніи; происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, родился 1806 г., воспитывался въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, 16-го мая 1824 г. поступилъ прапорщикомъ изъ фельдфебелей 1-го Кадетскаго Корпуса въ Саперный (нынѣ Гренадерскій саперный) батальонъ, въ 1825 г. (8-го ноября) произведенъ былъ въ подпоручики, а 19-го декабря 1828 г.— въ поручики. Съ 1829 г. (18-го марта) по 7-е декабря 1833 г. Р. послѣдовательно служилъ: въ резервномъ батальонѣ поселенной 1-й саперной бригады (съ 18-го марта 1829 г. по 10 е апрѣля 1832 г.), въ Генеральномъ Штабѣ, и (съ 21-го іюня 1832 г. по 7-е декабря 1833 г.) въ Штабѣ Начальника военныхъ поселеній Херсонской и Екатеринославской губерній; наконецъ, произведенный, 6-го декабря 1833 г., въ штабсъ-капитаны, былъ назначенъ (7-го декабря) дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 5-й легкой кавалерійской дивизіи. Эту должность Р. исполнялъ до 1846 г. въ различныхъ только частяхъ войскъ, 12-го мая 1835 г. онъ былъ переведенъ въ 4-ю легкую кавалерійскую дивизію, 30-го мая 1836 г.— во 2-ю легкую кавалерійскую дивизію, 25-го

ноября 1838 г.—въ первую, потомъ опять въ четвертую дивизію и, наконецъ, 23-го мая 1841 г.—въ 11-ю пѣхотную дивизію, въ которой и находился до назначенія своего, 6-го марта 1846 г., въ Штабъ Отдѣльнаго Корпуса Внутренней стражи. За это время въ 1833 г. онъ, между прочимъ, завѣдывалъ въ гор. Вознесенскѣ съемкою и раздѣленіемъ полей Округовъ военнаго поселенія первыхъ бригадъ 4-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій, а 11-го сентября 1836 г. командированъ былъ въ г. Дерптъ для слушанія лекцій астрономіи у проф. Струве, гдѣ и находился по 30-е января 1838 г.—24-го марта 1836 г. Р. произведенъ былъ въ капитаны, а въ 1847 г. (6-го декабря) произведенъ въ полковники и 18-го іюля 1849 г. назначенъ исправляющимъ обязанности Члена Военно-Цензурнаго Комитета, а 11-го декабря 1853 г.—исправляющимъ обязанности Правителя Канцеляріи Департамента Генеральнаго Штаба. 25-го февраля 1854 г. Р. былъ утвержденъ въ этой должности и 13-го марта 1860 г. произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ начальникомъ военно-топографической съемки Новгородской губерніи. Занимая эту должность, Р., помимо служебныхъ обязанностей, участвовалъ въ составленіи Атласа ко дню тысячелѣтія Россіи, поднесеннаго Государю Императору, и статистическаго описанія Новгородской губерніи. Работы по съемкѣ были, несмотря на неудобства мѣстности, закончены имъ за годъ до назначеннаго срока. 31-го января 1867 г. Р. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и 20-го февраля, по болѣзни, уволенъ отъ службы; въ томъ же году, въ сентябрѣ, онъ скончался въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Послужной списокъ 1867 г.; „Петербургскій Некрополь“, т. III, стр. 632; „Полицейскія Вѣдомости“ отъ 17-го сентября 1867 г., № 202.

Н. Н. П.-С.

Рудневъ, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, докторъ медицины и хирургіи; род. въ 1840 году, происходилъ изъ духовнаго званія; среднее образованіе получилъ въ Духовной Семинаріи, по окончаніи курса которой поступилъ въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, въ 1868 году былъ выпущенъ лѣкаремъ и въ слѣдующемъ году назначенъ врачемъ сначала въ 11-й пѣхотный Псковской полкъ, а потомъ во 2-ой Оренбургскій линейный баталіонъ, въ которомъ прослужилъ шесть лѣтъ; въ 1875 году Р. былъ назначенъ врачемъ въ 13-й Туркестанскій баталіонъ и вслѣдъ за этимъ прикомандированъ къ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, такъ какъ намѣревался защищать диссертацію на степень доктора. Въ 1877 году Р. получилъ званіе полевого хирурга, защищать же диссертацію ему не удалось, такъ какъ, вслѣдъ за полученіемъ званія полевого хирурга, онъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона, а затѣмъ—въ резервъ врачей-хирурговъ дѣйствующей арміи. По окончаніи Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Р. снова былъ прикомандированъ къ Академіи и началъ готовить диссертацію: „О репланташи и трансплантаціи цѣльныхъ трубчатыхъ костей и костныхъ кусковъ“ (Дисс. Д. М., С.-Пб. 1880 г.), которую и защитилъ 24-го мая 1880 года, получивъ степень доктора медицины и хирургіи.—Назначенный въ Оренбургскій линейный баталіонъ, а затѣмъ во 2-ой Закаспійскій стрѣлковый баталіонъ, Р. въ 1882 году перевелся въ Оренбургскую Неплюевскую Военную Гимназію, а въ слѣдующемъ году—старшимъ врачемъ Оренбургской же военной Прогимназіи и здѣсь оставался до 24-го января 1885 года, когда былъ назначенъ старшимъ ординаторомъ Оренбургскаго военнаго госпиталя, но въ серединѣ 1885 года скончался въ Оренбургѣ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе Врачи-писатели, вып. II, С.-Пб. 1889 г., тетр. 5, стр. 101; „Военно-Медицинскій Журналъ“ 1882 г., ч. 144, августъ, № 8, официальная часть, стр. 69 и 1885 г., ч. 152, февраль, № 2, офиц. часть, стр. 24.

Н. М.

Рудневъ, *Николай Алексѣевичъ*, профессоръ Ярославскаго Демидовскаго Училища; происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1783 году, первоначальное образованіе получилъ въ Тульской Семинаріи, а закончилъ—въ С.-Петербургскомъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, по окончаніи курса въ которомъ, 20-го октября 1809 г., былъ опредѣленъ учителемъ въ Ярославское Уѣздное Училище, откуда 20-го іюля 1812 г. переведенъ былъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Ярославскую Гимназію; 15-го марта 1824 г. Рудневу вмѣсто латинскаго языка поручено

было преподавать историческія науки, но въ томъ же году (1-го сентября) онъ былъ назначенъ штатнымъ смотрителемъ Ярославскаго Уѣзднаго Училища; 21-го ноября 1829 года Р. былъ утвержденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія профессоромъ политической исторіи, всеобщей и русской исторіи и статистики въ Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ Училищѣ; въ 1832—1834 гг. онъ исправлялъ должность секретаря Совѣта Училища, гдѣ читалъ также и курсъ географіи.

Р. издалъ книжку: „Разсужденіе о постепенномъ распространеніи свѣдѣній о земной поверхности“, М. 1830 г., 4°; ему же, вѣроятно, принадлежитъ статья „Статистико-географическое описаніе Россійскаго Государства въ началѣ XVII столѣтія“ (изъ сочиненія Нейгебауера подъ названіемъ „Moscovia“) въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, ч. XI.

Умеръ въ іюнѣ 1836 года.

Формулярный списокъ въ Сенатскомъ Архивѣ (сообщенъ Н. А. Мурзановымъ); „Временникъ Демид. Юрид. Лицея“, кн. 42, статья Головщикова, стр. 87; „Моск. Вѣдом.“ 1830 г., № 56, стр. 2517; Г. Геннади, Словарь русскихъ писателей, т. III, М. 1908, стр. 278.

Б. М—й.

Рудневъ, *Николай Андреевичъ*, профессоръ Московской Духовной Академіи; воспитывался въ Московской Духовной Семинаріи (до 1832 г.) и въ Московской Духовной Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1836 г. 1-мъ магистромъ 10-го курса, послѣ чего былъ назначенъ, въ августѣ 1836 г., профессоромъ словесности въ Московскую Семинарію, а въ январѣ 1837 г. перемѣщенъ былъ баккалавромъ въ Московскую Академію; въ 1840 году рукоположенный во священника, онъ служилъ при Георгіевской въ Грузинахъ церкви; умеръ въ санѣ протоіерея, въ Москвѣ, 5-го сентября 1876 г.; имъ написано „Разсужденіе о евреяхъ и расколахъ“, изданное въ Москвѣ въ 1838 г.

П. Кедровъ, Московская Духовная Семинарія. 1814—1889, М. 1889, списки, стр. 17 и 61; Г. Геннади, Словарь русск. писателей, т. III, М. 1908, стр. 278; „Моск. Епарх. Вѣдом.“ 1876, № 39, стр. 336.

Б. М—й.

Рудницкій, *Николай Ивановичъ*, художникъ; происходилъ изъ дворянъ и былъ родомъ полякъ; родился въ 1831 году; по окончаніи курса ученія въ Виленскомъ Дворянскомъ Институтѣ, онъ въ 1846 году былъ опредѣленъ въ Радзивилловскую Таможню, откуда въ 1851 году переведенъ былъ въ Бессарабскую Казенную Палату, но, по страсти къ живописи, вышелъ въ 1855 году въ отставку и отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ въ классъ гипсовыхъ фигуръ Академіи Художествъ (15-го апрѣля 1855 года), черезъ два года переведенъ былъ въ натурный классъ, гдѣ пробылъ сравнительно долго, при чемъ весь 1859 годъ, „по домашнимъ обстоятельствамъ“, не посѣщалъ классовъ; въ 1861 году Академія наградила 30-лѣтняго ученика-художника второю серебряною медалью за авто-портретъ, а въ 1866-мъ году выдала ему аттестатъ на званіе некласснаго художника; дальнѣйшая дѣятельность и работы Рудницкаго неизвѣстны, но нельзя не отмѣтить, что въ 1864 году художникъ просилъ отъ Академіи отпуска (и получилъ его) для поѣздки въ Бессарабію „для художественныхъ занятій“.

Архивъ Академіи Художествъ, д. № 33/Р; П. Петровъ, Матеріалы, т. III, стр. 83 (упоминаемый здѣсь Рудницкій, ученикъ Академіи въ 1847 году, авторъ картинъ „женская головка“ и „акварельный портретъ“, присланныя изъ Радзивилова, быть можетъ,—одно лицо съ Н. Р.).

П. С—кій.

Рудольскій, *Александръ Андреевичъ*, архитекторъ; родился въ 1806 году; происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Московской губерніи; 11-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ число учениковъ или, какъ тогда говорили, „вступилъ въ службу въ Архитектурную школу вѣдомства Экспедиціи Кремлевскаго строенія“, гдѣ и пробылъ въ теченіе 6 лѣтъ, когда опредѣлился ученикомъ архитектуры въ Московскій Почтамтъ. Служа архитектурнымъ ученикомъ, что̀ соотвѣтствуетъ нынѣшнему строительному десятнику, Рудольскій 31-го декабря 1824 года былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы, а черезъ три года (28-го января 1827 года) былъ переведенъ, уже архитекторскимъ помощникомъ, въ штатъ Московскаго Губернскаго Архитектора, но въ этой службѣ оставался недолго, поступивъ 1-го августа 1828 года „учителемъ Россійскаго языка и рисованія“ въ Московскій Кадетскій Корпусъ. Учительствовалъ Рудольскій въ теченіе 7 лѣтъ, выйдя 7-го іюля 1835 года въ отставку въ чинѣ титулярнаго со-

вѣтника. Затѣмъ 19-го апрѣля 1840 года онъ снова поступилъ на службу—на казенную Лосиную фабрику, при которой исполнялъ обязанности архитектора.

6-го декабря 1845 г. Рудольскій отправилъ прошеніе въ Императорскую Академію Художествъ и, указывая, что „онъ возымѣлъ желаніе получить званіе архитектора, просилъ Академію назначить ему проектъ. Академія,—что̀ очень характерно, какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго изложенія,—потребовала „предварительно архитектурнаго черченія съ надлежащимъ исполненіемъ безъ посторонней помощи“; Рудольскій доставилъ такіе чертежи, и Академія задала ему проектъ „гимназіи на 100 человѣкъ“; въ августѣ 1847 года Рудольскій представилъ проектъ и явился самъ въ Академію Художествъ для устныхъ испытаній въ строительномъ искусствѣ, но его постигла неудача: титулярный совѣтникъ не выдержалъ испытанія, а 30-го октября 1847 года программа его была найдена „неудовлетворительною“. Объ этомъ Академія Художествъ извѣстила Рудольскаго по мѣсту его службы—въ Богородскій уѣздъ Московской губерніи, на казенную Лосиную фабрику. Рудольскій не замедлилъ письменно разъяснить Академіи Художествъ причину своей неудачи: онъ писалъ, что въ то время, какъ получилъ заданіе проекта отъ Академіи Художествъ, былъ слишкомъ занятъ по службѣ и потому не могъ съ достаточнымъ вниманіемъ разработать этотъ проектъ. Приводя оправданіе, Рудольскій просилъ задать ему другой конкурсъ.—4-го іюня 1848 года Академіей Художествъ ему дана была вторая тема: проектъ концертнаго зала на 1200 человѣкъ. Разработка Рудольскимъ этого проекта была признана удовлетворительною, но оставалось еще препятствіе: нужно было ѣхать въ Академію и держать устный экзаменъ по строительному искусству; очевидно, боясь неудачи, Рудольскій съумѣлъ найти выходъ: онъ обратился къ профессору К. Тону, который былъ въ то время въ Москвѣ, на постройкѣ храма Христа Спасителя, и Тонъ 1-го мая 1851 года выдалъ Рудольскому аттестатъ, въ которомъ признавалъ его свѣдѣнія въ теоріи строительнаго искусства вполнѣ достаточными. Этотъ аттестатъ, вмѣстѣ съ указаніемъ на невозможность, вслѣдствіе казенной службы, явиться въ Петербургъ, въ Академію Художествъ, на устныя испытанія, Рудольскій представилъ въ Академію; послѣдняя не могла заподозрить Тона и, признавъ аттестатъ, выданный Тономъ, равносильнымъ испытаніямъ при Академіи, 26-го ноября 1851 года опредѣлила: выдать Рудольскому аттестатъ на званіе художника по архитектурѣ. Дальнѣйшая служба Рудольскаго протекла въ качествѣ архитектора при Московской Коммисаріатской Коммиссіи.

Говоря о требованіи Академіей Художествъ отъ Рудольскаго архитектурныхъ чертежей, да еще завѣренныхъ подлежащимъ начальствомъ, мы подчеркнули, что это требованіе Академіи было очень характерно для послѣдней, и вотъ на какомъ основаніи. Пять лѣтъ отставки (съ 1835 по 1840 г.) Рудольскій не отдыхалъ, а посвятилъ себя издательской дѣятельности. Въ 1838 году онъ издалъ книгу „Домостроеніе. Съ планами, фасадами каменныхъ и деревянныхъ городскихъ и сельскихъ зданій, расположенныхъ въ изящномъ и простомъ вкусѣ, флигелей, кухонь, сараевъ, амбаровъ, конюшенъ, разныхъ садовыхъ украшеній, какъ-то бесѣдокъ, гротовъ, мостовъ и многими другими чертежами, составленное титулярнымъ совѣтникомъ Александромъ Рудольскимъ“, въ 3 частяхъ, Москва, въ типографіи Николая Степанова: 1-ая часть—20 стр. текста (Вступленіе. О зданіяхъ вообще) и 17 чертежей, 2-ая часть—14 стр. текста (описаніе строительныхъ матеріаловъ) и 7 чертежей, 3-я часть—10 стр. текста (изъясненіе плановъ и фасадовъ) и 126 чертежей, а въ 1839 году появилось другое изданіе Рудольскаго: „Архитектурный альбомъ для хозяевъ, содержащій въ себѣ болѣе 100 архитектурныхъ чертежей, нужнѣйшихъ для сельскихъ строеній, какъ-то: сельскихъ домовъ, конныхъ и скотныхъ дворовъ, овиновъ и многихъ другихъ рисунковъ, касающихся до сельскаго домостроительства“, Москва, въ типографіи Ивана Смирнова при Императорскихъ Московскихъ Театрахъ, 1839 г., 24 стр. текста+139 чертежей на 99 таблицахъ. Очевидно, имѣя за собою такія работы по архитектурѣ, Рудольскій, обращаясь въ Академію Художествъ съ просьбою дать ему проектъ, думалъ, что его работы Академіи Художествъ небезъизвѣстны. Но наше высшее учрежденіе по распространенію

художественныхъ знаній или не знало о работахъ Рудольскаго, или игнорировало ихъ и, основываясь на буквѣ своего Положенія, потребовало представленія спеціальныхъ архитектурныхъ чертежей, чтобы судить о томъ, умѣетъ ли Рудольскій „чертить“. Не менѣе характерны и тѣ темы, которыя Академія задавала Рудольскому. Послѣдній, въ своемъ прошеніи, указывалъ, что онъ исполняетъ обязанности архитектора при казенной фабрикѣ; въ своихъ двухъ книгахъ Рудольскій разрабатывалъ спеціальныя заданія для сельскихъ хозяевъ,—а Академія задала ему сперва проектъ гимназіи, а потомъ—проектъ концертнаго зала,—которые не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ дѣятельности Рудольскаго.

Изданныя Рудольскимъ пособія не безъинтересны, и будущій историкъ архитектуры въ Россіи не сможетъ обойти ихъ молчаніемъ. Къ первой своей книгѣ Рудольскій приложилъ слѣдующее введеніе: „Получивъ отъ искусныхъ и опытныхъ наставниковъ твердыя начала гражданской архитектуры въ Училищѣ, Высочайше учрежденномъ при Московской Кремлевской Экспедиціи, я почувствовалъ непреодолимую склонность и, смѣю сказать, открылъ въ себѣ достаточныя способности для сей благороднѣйшей и необходимой въ общежитіи науки. Опыты, пріобрѣтенные мною на службѣ, въ вѣдѣніи Московскаго Почтамта и Губернскаго Правленія, внимательныя наблюденія при земляныхъ, деревянныхъ и каменныхъ работахъ и свѣдѣнія, собранныя мною въ сочиненіяхъ лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ архитекторовъ дали мнѣ способъ самому приступить къ дѣлу, и первый шагъ на этомъ трудномъ и опасномъ пути былъ удаченъ. Собственные мои планы, фасады, смѣты, прочность и красивость удовлетворили удобности въ помѣщеніи, желанію и вкусу образованнѣйшихъ и именитыхъ домовладѣлъ. При всемъ томъ, имѣя предъ собою лучшія произведенія опытнѣйшихъ зодчихъ, я не осмѣлился бы представить ученому свѣту изложеніе заимствованныхъ правилъ и собственныхъ моихъ дополненій, еслибы, признаюсь съ благодарною скромностью, не побудило меня къ сему настоятельное желаніе особъ, которымъ оказалъ я удовлетворительныя услуги въ семъ родѣ. Строгій судъ и благосклонный пріемъ трудовъ моихъ въ разсчетливомъ мнѣніи домостроителей, имѣющихъ вкусъ образованнѣйшій, будутъ для меня и поощреніемъ къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ, и лестною наградою“.

Предисловіе это очень характерно: оно свидѣтельствуетъ, прежде всего, о томъ, что Рудольскій не былъ заурядным архитекторомъ, что въ немъ были заложены хорошія начала,—стремленіе къ самоусовершенствованію и развитію; далѣе, въ этомъ предисловіи есть указаніе, что работы Рудольскаго,—„прочность и красивость“, какъ говоритъ онъ самъ,—обращали на себя вниманіе. Но, очевидно, были какія-то обстоятельства, которыя не позволили Рудольскому пойти по тому пути, который онъ намѣчалъ себѣ изданіемъ двухъ вышеуказанныхъ книгъ, а заставили поступить на казенную службу; кажется, нѣкоторую роль играли семейныя обстоятельства: Рудольскій былъ дважды женатъ, имѣлъ дѣтей, изданіе же архитектурныхъ книгъ съ чертежами въ то время (1838 и 1839 г.) стоило очень дорого, расходились книги туго и кромѣ убытка, вѣроятно, ничего не давали. Конечно, могли быть и другія обстоятельства, но намъ, къ сожалѣнію, не удалось ихъ отыскать.

Введеніе въ „Домостроительство“ интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ способность Рудольскаго улавливать въ другихъ сочиненіяхъ главныя мысли и умѣніе излагать кратко и ясно. Судя по этому „введенію“, можно думать, что Рудольскій былъ хорошимъ преподавателемъ Русскаго языка. Конечно, во „Введеніи“ онъ не высказываетъ какихъ-либо своихъ мыслей, а пересказываетъ лучшія сочиненія по архитектурѣ того времени. Многочисленныя ссылки на Палладія, Ваньолу, Витрувія, Дюрана и т. д. показываютъ, что Рудольскій основательно познакомился съ литературою предмета, и, безусловно, читатели 1840-хъ годовъ не безъ интереса и любопытства могли прочесть этотъ краткій очеркъ развитія архитектуры. Обращаясь къ практическимъ совѣтамъ, укажемъ, что, по мнѣнію Рудольскаго, при самомъ легкомъ размышленіи мы увидимъ, что всегда и вездѣ всѣ мысли и дѣйствія человѣка происходили отъ двухъ главныхъ началъ: отъ любви добра къ самому себѣ и отъ отвращенія отъ зла. Поэтому люди, при построеніи частныхъ домовъ и публичныхъ зданій, должны стараться: 1-ое, по-

лучить отъ нихъ большую выгоду и, слѣдовательно, строить ихъ сообразно назначенію; 2-ое, смотрѣть, чтобъ работы не были слишкомъ тяжелы и не требовали бы большихъ издержекъ, когда надобно платить за нихъ деньги.

Если, издавая первый свой трудъ—„Домостроеніе“, Рудольскій преслѣдовалъ и общія задачи—познакомить русскаго читателя съ развитіемъ архитектуры, то при изданіи „Архитектурнаго Альбома“ онъ имѣлъ въ виду исключительно нужды русскаго помѣщика. Конечно, эта послѣдняя книга въ настоящее время имѣетъ исключительно историческій интересъ: по ней можно судить о томъ, какъ строился небольшой, средняго достатка русскій помѣщикъ; въ настоящее время мы болѣе или менѣе изучили усадьбу русскихъ аристократовъ и богатыхъ людей, мы знаемъ, что дворцы въ подмосковныхъ и другихъ имѣніяхъ строили первоклассные архитектора, но какъ строился средній, рядовой русскій человѣкъ, какъ онъ украшалъ свою резиденцію, какіе разбивалъ сады, какія строилъ бесѣдки и т. д.,—мы на это не обращали и не обращаемъ вниманія. Въ этомъ отношеніи „Архитектурный Альбомъ“ Рудольскаго даетъ большой матеріалъ: здѣсь мы находимъ, кромѣ „сельскаго одноэтажнаго дома длиною на $9^1/_2$ шириною на $7^1/_2$ саж.“, и „двухъэтажный небольшой сельскій домикъ для лѣтняго пребыванія“, и „хлѣбный амбаръ“, и рядъ скотныхъ и конныхъ дворовъ, и „оранжереи“, и „бесѣдки“, и „каменный гротъ“, и „пустыньку для сада“, „вороты для околицы селенія“ и т. д.

Что же касается до самыхъ чертежей, то они вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись къ чертежамъ въ 1840-хъ годахъ: они изящны, отличаются художественностью въ исполненіи, всѣ детали ихъ ясны и точны. Если въ „Архитектурномъ Альбомѣ“ проекты хозяйственныхъ построекъ и могутъ быть признаны плодомъ собственнаго творчества Рудольскаго, то большинство фасадовъ „Домостроенія“ является перепѣвами и перефразировками проектовъ большихъ мастеровъ, но все же нельзя не отмѣтить, что это не простое, рабское подражаніе или перекопировка: во многихъ случаяхъ проектъ большого мастера подвергался значительной переработкѣ, въ зависимости отъ условій строительства. Греческихъ и римскихъ построекъ Рудольскій не предлагалъ строить русскимъ хозяевамъ и тщательно слѣдовалъ вышеприведеннымъ двумъ правиламъ строительства.

Архивъ Академіи Художествъ, дѣло № 21/Р.; „Сѣверная Пчела“, pass.

П. Столпянскій.

Рудольфовъ, *Яковъ Васильевичъ*, профессоръ Казанской Духовной Академіи, род. въ 1833 году въ семьѣ небогатаго священника, въ Саратовской губерніи; воспитаніе получилъ сначала въ Саратовскомъ Духовномъ Училищѣ, а потомъ въ Саратовской же Духовной Семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1852 году былъ посланъ на казенный счетъ въ Казанскую Духовную Академію; здѣсь шелъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ и воспитывался на казенный счетъ; въ 1856 году окончилъ курсъ Академіи со степенью магистра богословія и, въ виду выдающихся способностей и рѣдкаго трудолюбія, былъ оставленъ при Академіи и назначенъ баккалавромъ по классу еврейскаго языка, а 9-го декабря слѣдующаго года взялъ на себя преподаваніе патрологіи и эту каѳедру занималъ до самой своей кончины; нѣкоторое время былъ помощникомъ секретаря академическаго Правленія, а потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ экономомъ Академіи. Въ 1868 году онъ оставилъ послѣднюю должность, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ, не прекращая лекцій даже тогда, когда его тяжкая болѣзнь достигла крайняго развитія; скончался 3-го декабря 1869 года, на 37-мъ году отъ роду.

„Православный Собесѣдникъ“ 1869 г., январь, ст. А. Грекова: „Яковъ Васильевичъ Рудольфовъ“ (некрологъ), стр. 57—78; Г. Геннади, Словарь русскихъ писателей, т. III, М. 1908, стр. 278.

Н. М.

Рудольфъ, *Иванъ Яковлевичъ* (Johann-Heinrich-Friedrich Rudolph), академикъ Императорской Академіи Наукъ, ботаникъ; родился въ Іенѣ 11-го января 1754 года и былъ сыномъ Якова Р., бывшаго секретаремъ въ Эйзенахѣ; образованіе получилъ сперва въ Іенской школѣ, а затѣмъ, съ 1771 года,—въ Іенскомъ Университетѣ, гдѣ ревностно изучалъ математику у Гамбергера и Видербурга (изъ коихъ послѣдній обу-

чалъ его у себя на дому и астрономіи), философію у Геннингса и Ульриха, физику и статистику—у Суккова (который поручилъ ему въ смотрѣніе сына своего), естественныя науки—у знаменитаго Валха. По окончаніи курса Р. собирался поступить въ Штутгартскую военную школу, но, поступивъ помощникомъ письмоводителя къ д-ру Нейбаеру, Р. рѣшилъ заняться медициной, которую и изучалъ у Нейбаера (анатомію, хирургію и акушерство), Николаи, Грунера, Шенке и др. При экзаменахъ Р. представилъ ботаническую диссертацію на латинскомъ языкѣ (о растеніяхъ Іенской флоры) и, успѣшно защитивъ ее, 1-го февраля 1781 г., получилъ дипломъ на степень доктора медицины и хирургіи. Въ 1782 г., въ январѣ, по его словамъ, онъ получилъ приглашеніе отъ Петербургской Академіи Наукъ принять участіе въ ученой экспедиціи на Кавказъ, въ качествѣ ботаника, но по болѣзни не могъ пріѣхать во-время, почему вмѣсто него отправился съ экспедиціею Зуевъ, а Р., пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1783 году, получилъ отъ Академіи приглашеніе занять мѣсто ея адъюнкта, однако отказался отъ этого предложенія, по незначительности содержанія, получавшагося адъюнктами, и вскорѣ опредѣленъ былъ, 24-го октября 1783 г., врачемъ въ г. Рождественъ, но поспѣшилъ уѣхать изъ этого глухого городка, выйдя въ отставку „по домашнимъ обстоятельствамъ". Пріѣхавъ снова въ Петербургъ, Р. поступилъ 1-го апрѣля 1784 г. во вновь открытый Калинкинскій Медико-Хирургическій Институтъ профессоромъ хирургіи, клиники и повивальнаго искусства и отъ Медицинской Коллегіи получилъ право медицинской практики въ Россіи (21-го октября 1784 г.); кромѣ того, Р. служилъ въ теченіе 18 лѣтъ врачемъ при Госпиталѣ Хирургическаго Института, безвозмездно. Калинкинскій Институтъ д-ру В. Груздеву рисуется, какъ „созданіе нѣмецкихъ рукъ", основанное „со спеціальною цѣлью облегчить русскимъ нѣмцамъ полученіе лѣкарскихъ дипломовъ"; по его словамъ, „каѳедры въ Институтѣ отдавались лицамъ, единственное достоинство которыхъ заключалось въ ихъ нѣмецкомъ происхожденіи".

Когда затѣмъ знаменитый академикъ П. С. Палласъ представилъ Р-фа Адмиралтейской Коллегіи, какъ перваго естествоиспытателя, въ экспедицію въ Западный Архипелагъ (Океанію), для открытій, съ жалованьемъ за три года 6.000 рублей, да сверхъ того на инструменты и книги 2.000 р., а по истеченіи 3-хъ лѣтъ и по окончаніи путешествія, съ 2.000 р. единовременной награды, пожизненной пенсіей въ 1.000 р., повышеніемъ чина и награжденіемъ орденомъ,—Р. уже сталъ готовиться къ экспедиціи, увѣренный въ своемъ участіи въ ней, но экспедиція не состоялась, и ему пришлось остаться профессоромъ Калинкинскаго Института, гдѣ онъ и прослужилъ до 1791 года, когда былъ, по прошенію, уволенъ отъ службы; однако, уже 1-го августа 1793 г. Р. снова поступилъ въ тотъ же Институтъ, получилъ затѣмъ чинъ надворнаго совѣтника (27-го сентября 1799 г., со старшинствомъ съ 24-го октября 1794 г.), а послѣ выхода въ оставку профессора Петра-Фридриха Гофмана (30-го апрѣля 1800 г.), преподававшаго въ Институтѣ патологію и терапію, а также завѣдывавшаго Петербургскимъ Ботаническимъ Садомъ, лекціи его, до пріисканія другого преподавателя, были поручены Рудольфу, съ профессорскимъ жалованьемъ по этой каѳедрѣ; точно такъ же, когда профессоръ Ѳ. К. Уденъ, замѣстившій Гофмана, взялъ мѣсячный отпускъ, Р. читалъ за него лекціи и потомъ потребовалъ за это жалованье, которое получилъ изъ суммъ Медицинской Коллегіи (1800 г.). Въ 1796 г., по случаю посѣщенія акушерской клиники въ Медико-Хирургическомъ Институтѣ Императрицею Маріею Ѳеодоровною, Р. получилъ отъ нея золотую табакерку, а отъ Императора Александра I—перстень.

28-го августа 1797 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Имп. Академіи Наукъ; весною 1802 г. Р. былъ предложенъ Конференціи Академіи къ избранію въ члены Академіи по каѳедрѣ ботаники, но, однако, не былъ избранъ; когда же, 22-го декабря 1804 г., академики Озерецковскій, Фусъ и Шубертъ снова предложили Р. къ избранію, — Конференція 15-го февраля 1804 года избрала его ординарнымъ академикомъ по ботаникѣ.

Рудольфъ былъ довольно дѣятельнымъ членомъ академическаго собранія и завѣдывалъ ботаническимъ садомъ Академіи. Въ 1804 г. онъ совершилъ, по порученію Конференціи, научную экскурсію въ Финляндію.

Съ 1803 года, послѣ того, какъ Калинкинскій Институтъ былъ упраздненъ и присоединенъ къ Медико-Хирургической Академіи, превратившись въ нѣмецкое ея Отдѣленіе, Р. былъ назначенъ профессоромъ Медико-Хирургической Академіи по каѳедрѣ ботаники, повивальнаго искусства и судебной медицины и читалъ первую—по Линнею, второе—по Штейну и третью—по Пленку; съ 1808 г. онъ читалъ ботанику и фармакологію и завѣдывалъ Ботаническимъ Садомъ.

Р. былъ съ 1786 г. членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, въ „Трудахъ“ коего помѣстилъ рядъ статей, и въ 1787 г. принятъ въ члены Физическаго и въ 1789 г. — Минералогическаго Іенскихъ Обществъ, а въ 1801 г. признанъ былъ членомъ Лондонскаго Линнеева Общества; въ 1802 г. онъ былъ удостоенъ званія Почетнаго Члена Медицинской Коллегіи.

Р. умеръ 19-го августа 1809 года, отъ антонова огня, въ Петербургѣ. Библіотека Р. послѣ его смерти была продана его вдовою для библіотеки Имп. Медико-Хирургической Академіи; вдовѣ было выдано 4000 р. изъ суммъ Московскаго Отдѣленія Академіи,—съ тѣмъ, чтобы въ него поступили дублеты библіотеки Рудольфа. Въ Академію Наукъ купленъ былъ его гербарій за 2000 р. (болѣе 5000 видовъ).

Изъ работъ его извѣстны: 1) „Commentatio botanica in genus Ziziphora dictum“ (Conventui exhibitum die 1 maii 1805)—„Nova Acta Acad. Imp. Scient.“, t. XV, p. 468—472, „Mém. de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg“, V série, t. I, p. 423—437 и (sectio tertia)—ibid., t. II, p. 307—317 (съ 3 таблицами; представлено 15-го іюня 1808 г.); 2) „Descriptio botanica novae speciei Myosotidis“, съ табл. (представлено 2-го іюля 1806 г.)—„Mém. de l'Acad.“, V série, t. I, p. 349—354; 3) „Descriptio botanica novae speciei Fumariae“, съ табл. (представлено 4-го февраля 1807 г.)—ibid., t. I, p. 379—383; 4) „Dissertatio exhibens novissimas plantas Sibiriae Orientalis“, съ 2 табл. (представлено 1-го марта 1809 г.)—ibid., t. IV, p. 339—349. Въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“ онъ напечаталъ статьи: „Описаніе красильныхъ мховъ“ (ч. 55, стр. 30—47), „О хлѣбныхъ произрастеніяхъ“ (ч. 53, 1803, стр. 1—29), „Сусликъ, хлѣбное растеніе“ (ч. 56, стр. 120), „Описаніе Алтайскаго или озимаго лука, Бутунъ называемаго, сера rupestris, въ отношеніи къ хозяйству и врачебнымъ силамъ“ (ч. 57, 1805, стр. 313—319); „Описаніе растенія каперсовъ“ (ч. 50, 1807, стр. 17—26, съ рис.); „Описаніе земляного орѣха или подземнаго американскаго орѣха, Arachis hypogaea, у Линнея, яко растенія, очень полезнаго къ разведенію въ южныхъ областяхъ Россіи“ (ч. 59, 1807, стр. 271—281, съ фигур.); „Рѣчь о масляныхъ растеніяхъ въ Россіи, говоренная декабря 21-го 1807 г. въ торжественномъ собраніи Имп. Вольнаго Экономическаго Общества“ (ч. 60, 1808, стр. 326—338). Упомянутая выше диссертація Рудольфа носитъ слѣдующее заглавіе: „Dissertatio botanica sistens florae Jenensis plantas ad polyandriam monogymiam Linnaei pertinens“, Jenae. 1781, 4°.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Правленія Импер. Академіи Наукъ (кн. I, л. 89); „Mémoires de l'Académie Impér. des Sciences de St.-Pétersbourg“, t. III, St.—P. 1811, p. 8; Митр Евгеній, Словарь свѣтскихъ писателей, т. III, М. 1845, стр. 153—156; Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, С.-Пб. 1883, стр. CCLXXXV—CCLXXXVI; „Всеобщій Журналъ врачебной науки“, 1811 г., № 2, стр. 101—106; Б. Л. Модзалевскій, Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ, С.-Пб. 1908; Протоколы Конференціи Имп. Академіи Наукъ, т. IV, ч. 1; Исторія Имп. Военно-Медицинской Академіи за сто лѣтъ, С.-Пб. 1898, стр. 91, 126, 182; Систематическій Каталогъ Библіотеки Имп. Медико-Хирургической Академіи, ч. I, т. 1, С.-Пб. 1871, стр. IV; П. Г. Голубевъ, Историческій Очеркъ Библіотеки Имп. Военно-Медицинской Академіи, С.-Пб. 1898, стр. 8; В. Груздевъ, Историческій Очеркъ каѳедры акушерства и женскихъ болѣзней Имп. Военно-Медицинской Академіи, С.-Пб. 1898, стр. 12—13, 20—23, 24, 33; П. П. Сущинскій и С. Д. Костюринъ, Очеркъ исторіи каѳедры фармакологіи... въ Имп. Военно-Медицинской Академіи, С.-Пб. 1898, стр. 11; В. И. Липскій, Историч. очеркъ Имп. Ботаническаго Сада, т. III, С.-Пб. 1913, стр. 230, 248, 249, 254—255; его же, Біографіи и литератур. дѣятельность ботаниковъ и лицъ, соприкасавшихся съ Имп. Бот. Садомъ, вып. III, Петр. 1915, стр. 422—424.

В. М—ій.

Рудольфъ, *Михаилъ Давыдовичъ*, землемѣръ, писатель; жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ февралѣ 1867 г. Онъ издалъ нѣсколько полезныхъ картъ и плановъ, а именно: 1) „Москва, съ топографическимъ указаніемъ всей ея мѣстности и окрестностей“, 3 ч., съ планомъ, М. 1842, 12°; 2) „Указатель мѣстности въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ столичнаго г. Москвы“, Вып. I, М. 1846; съ планомъ; 3) „Карта же-

лѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою", съ 2 планами обѣихъ столицъ, М. 1851; 4) „Историко-топографическое описаніе къ плану Троице-Сергіевой лавры и ея окрестностей". Изданіе М. Неронова, М. 1859, въ 16° д. л.; 5) „Описаніе мѣстности Москвы и С.-Петербурга", М. 1852, 16°; 6) „Топографическая подробная карта Московской губерніи", на 2 листахъ, М. 1866; 7) „Планъ Москвы и окрестностей", М. 1853..., 6-е изданіе, М. 1865 и 8-е—1868; 8) „Топографическій Купеческій рядскій Календарь къ плану Московскихъ рядовъ и гостинныхъ дворовъ". Изданіе В. Руднева, М. 1862, 16°.

Г. Геннади, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ, т. III, М. 1908, стр. 278—279.

Н. М.

Рудольфъ, *Федоръ Федоровичъ (Фридрихъ-Адольфъ)*, архитекторъ; сынъ камеръ-музыканта, родился 29-го іюля 1818 года; былъ, можетъ быть, родственникомъ умершаго въ февралѣ 1787 году въ Петербургѣ комнатнаго живописца изъ Штетина Іоганна-Михаила Рудольфа (см. „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1787 г., стр. 1130), работавшаго въ Петербургѣ и Царскомъ-Селѣ al fresco. Первоначальное образованіе, какъ сынъ камеръ-музыканта, Р. получилъ въ Театральномъ Училищѣ, курса ученія въ которомъ не окончилъ, а поступилъ въ ученики къ архитектору Стасову. 15-го января 1845 года, представляя свои работы въ Академію Художествъ, онъ просилъ назначить ему программу, и Академіей была дана тема: „проектъ больницы для неизлечимыхъ". Разработка программы была признана удовлетворительной, но устныхъ испытаній Рудольфъ не выдержалъ и не рискнулъ держать при Академіи вторичный экзаменъ, а 20-го мая 1846 года обратился къ пей съ прошеніемъ, въ коемъ, указавъ, что послѣ неудачнаго испытанія въ теоріи строительнаго искусства онъ особенно усиленно занялся теоріей, просилъ провѣрить его знанія въ „Департаментѣ проектовъ и смѣтъ", гдѣ программа испытанія была, по его словамъ, совершенно одинакова съ программою испытанія въ Академіи Художествъ и гдѣ Рудольфъ выдержалъ испытаніе съ полнымъ успѣхомъ. Получивъ это прошеніе, Академія удовлетворила ходатайство Рудольфа и признала его, 20-го іюня 1846 года, „въ званіи некласснаго художника по архитектурѣ".

Получивъ званіе архитектора, Рудольфъ опредѣляется (15-го ноября 1847 г.) исправляющимъ должность архитектора въ Правленіе 1 Округа Путей Сообщенія, который въ то время наблюдалъ за постройками въ С.-Петербургѣ. Видимо, Рудольфъ былъ на хорошемъ счету у начальства, и въ слѣдующемъ, 1848 году откомандированъ былъ производителемъ работъ по зданію С.-Петербургской Городской Думы, въ которой расширялся и украшался залъ думскихъ засѣданій. По окончаніи этой работы Рудольфъ получилъ назначеніе членомъ Коммиссіи по устройству домовъ на Охтѣ (19-го февраля 1850 г.). Въ это время былъ поднятъ вопросъ о присоединеніи Охты къ городу и поэтому полагали усилить вниманіе надъ этимъ пригородомъ Петербурга.

8-го мая 1853 года Р. обратился въ Академію Художествъ съ просьбою назначить ему программу на званіе академика. Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ Академіи не сохранилось свѣдѣній, дала ли Академія просимую программу и выполнилъ ли ее Рудольфъ.

У архитектора Фридриха-Адольфа Рудольфа былъ еще старшій братъ—Карлъ Рудольфъ, который, по экзамену въ Академіи въ 1824 году, былъ принятъ въ число учениковъ Академіи, а черезъ 6 лѣтъ, въ 1830 году, переведенъ въ 1-ый возрастъ; очевидно у Карла Рудольфа не было художественныхъ способностей.

Архивъ Академіи Художествъ, д. № 61/Р; П. Н. Петровъ, Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ, т. II, стр. 198, 249.

П. С—кій.

Рудольфъ, *Эрнестъ Ѳедоровичъ*, агрономъ, писатель; жилъ въ усадьбѣ Халезовой, Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, а въ 1842 г. проживалъ въ селѣ Гущинѣ, Галичскаго уѣзда Костромской губерніи. Въ „Земледѣльческій Газетѣ" онъ напечаталъ статьи: „Нѣкоторыя замѣчанія на вопросы г. Ельчанинова" (1838 г., № 51), „О предсказаніи погоды" (1838 г., № 82), „О сельскомъ производствѣ въ сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ" (1839 г., № 78; въ этой статьѣ Р. извѣщалъ, что онъ переводитъ сочиненіе Амона: „Полное руковод-

ство для конскихъ извозчиковъ"), „Нѣчто о времени жатвы ржи" (1843 г., № 4).

Рукопись Р., съ девизомъ „Что хорошо для предка и для внука", представленная въ 1841 г. на конкурсъ, получила въ 1842 г. отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ имуществъ малую золотую медаль, а книга „Сходка кладоискателей" (181 стр., 4°, на русскомъ языкѣ, съ девизомъ: „Покуда до ананаса, довольны будьте ковшомъ кваса"), представленная на конкурсъ въ Ученый Комитетъ того же Министерства, въ 1844 г. награждена была малой золотой медалью въ 50 червонцевъ. Въ 1845 г. въ Петербургѣ Р. издалъ (при „ЖурналѣМинистерства Государственныхъ Имуществъ" 1844 и 1845 гг.) „Земледѣльческій Календарь" (50 экз. котораго было пріобрѣтено Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ) и „Земледѣльческій Календарь, примѣненный къ хозяйству сѣверной и средней полосы Россіи" (Прибавленіе къ журналу „Экономъ" на 1849 годъ), изд. 2-е, значительно дополненное и исправленное, С-Пб. 1849; „О плугѣ и плугахъ въ механическомъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ", съ рисунками, С.-Пб. 1846, 8°.

Рудольфъ былъ съ 1842 г. членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и корреспондентомъ Вольнаго Экономическаго Общества; былъ живъ еще въ 1855 году, когда получилъ отъ послѣдняго Общества большую серебряную медаль за отвѣты на конкурсную отъ Общества тему о сушкѣ хлѣба и о храненіи его.

Въ „Земледѣльческомъ Журналѣ" Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства Р. напечаталъ статьи: „О конскихъ породахъ и о вліяніи, подъ которымъ онѣ образуются" (1841 г.), „Что стоитъ содержаніе домашнихъ животныхъ и какой получается отъ нихъ доходъ въ средней и сѣверной полосахъ Россіи" (1842 г.), „О распредѣленіи и учетѣ зимняго корма для скота въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи" (1842 г.), „Нѣкоторые очерки издѣльнаго хозяйства въ Костромской губерніи", съ таблицами (1843 г.).

А. А. Титовъ, „Матеріалы для біо-библіографическаго Словаря". Словарь писателей духовнаго и свѣтскаго чина Костромской губерніи. По рукописи М. Я. Діева, М. 1892 (изъ журнала „Библіогр. Записки"), стр. 37—38, № 111; А. И. Ходневъ, Исторія Имп. Вольнаго Экономическаго Общества. С.-Пб. 1865, стр. 285 и 437; С. Масловъ. Историческое обозрѣніе Имп. Московскаго Общества сельскаго хозяйства, Москва. 1846, стр. 125 и прил., стр. 204 и 276

Н. М.

Рудыковскій, *Андрей Петровичъ*, авторъ Воспоминаній; братъ Е. П. Рудыковскаго (см. ниже); родился 2-го октября 1796 г. въ с. Ольшанкѣ, Васильковскаго уѣзда Кіевской губерніи, и рано потерялъ отца; воспитывался, на казенномъ содержаніи, въ Кіевской Академіи, откуда вышелъ еще изъ низшаго Отдѣленія въ 1811 г., вслѣдствіе пожара, случившагося въ Кіевѣ, на Подолѣ, отъ котораго сгорѣлъ Братскій монастырь съ церковью, академическіе классы и бурса. Проживъ два года въ деревнѣ въ великой бѣдности, Р., потерявъ мать и оставшись сиротой, отправился къ родственнику своему въ Житомиръ, гдѣ занимался столярнымъ ремесломъ, потомъ жилъ у дяди въ деревнѣ, а въ 1815 г. былъ выписанъ братомъ Евстафіемъ,—врачемъ въ Кіевѣ,—и опредѣленъ, со званіемъ недоросля изъ дворянъ, подпрапорщикомъ въ Томскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Черниговской губерніи, черезъ два года произведенъ былъ въ офицеры, а спустя годъ былъ переведенъ, служа въ Бутырскомъ полку, въ 1820 г., въ военныя поселенія въ Новгородскую губернію, гдѣ пробылъ до ноября 1821 г., затѣмъ до 1830 года служилъ въ Харьковской губерніи, командуя ротою Бутырскаго полка и дослужившись до чина капитана; въ 1830 г. Р. былъ съ маршевымъ баталіономъ отправленъ въ Польшу, переведенъ въ Волынскій полкъ, въ 1833 г. участвовалъ въ походѣ въ Молдавію и Валахію, въ 1839 г. переведенъ былъ въ Измаильскую крѣпость плацъ-адъютантомъ, а въ 1848 г. уволенъ былъ по прошенію отъ службы, „съ награжденіемъ чиномъ маіора, мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья по 315 р. въ годъ". Поселившись затѣмъ въ Кіевѣ, Р. жилъ здѣсь до самой смерти, послѣдовавшей 3-го августа 1874 г.; погребенъ онъ на Кіевскомъ кладбищѣ „Щековиха".

Любопытный отрывокъ изъ воспоминаній Р.: „Устройство военныхъ поселеній. (Изъ записокъ отставного маіора А. П. Рудыковскаго)" напечатанъ былъ, еще при его жизни, въ „Русской Старинѣ", т. VIII, 1873, кн. 10, стр. 594—596; его „Воспоминанія отъ юности бурсацкой жизни до вступленія въ военную службу и до офи-

церскаго чина",—искренній и неприкрашенный разсказъ о внутреннемъ бытѣ дореформенной бурсы, о бытѣ сельскаго духовенства въ юго-западномъ краѣ въ началѣ XIX вѣка, о службѣ въ войскахъ въ провинціи, — изданы внукомъ Р.—В. П. Щербиною въ „Кіевской Старинѣ" 1892 г., май, и отдѣльнымъ оттискомъ въ брошюрѣ: „Изъ семейнаго архива. I. Записки А. П. Рудыковскаго. II. Стихотворенія Е. П. Рудыковскаго", Кіевъ. 1892, стр. 1—18.

В. П. Щербина, Изъ семейнаго архива, Кіевъ. 1892 г.; надгробная надпись.

Б. М—ій.

Рудыковскій *Евстафій Петровичъ*, врачъ, авторъ воспоминаній; старшій сынъ изъ дворянъ священника въ с. Ольшанкѣ, Васильковскаго уѣзда Кіевской губерніи (имѣніи графа К. Браницкаго); родился 21-го сентября 1784 г., учился въ Кіевѣ, въ бурсѣ, на казенномъ содержаніи, затѣмъ въ Кіевской же Академіи, которою былъ избранъ для отправки (1806 г.) въ Петербургъ, въ Медико-Хирургическую Академію; въ ней онъ и окончилъ курсъ, со званіемъ лѣкаря, въ 1810 г. и въ томъ же году, 30-го іюня, опредѣленъ былъ на службу лѣкаремъ въ Томскій пѣхотный полкъ, съ которымъ въ 1812—1815 гг. участвовалъ въ Отечественной войнѣ (за которую имѣлъ медаль), находился въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ (5-го августа 1812 г.), при Бородинѣ (24—26-го августа), подъ Малымъ Ярославцемъ (12-го октября), подъ Краснымъ (6-го ноября); въ 1813—1815 гг. былъ съ полкомъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ, Силезіи, Саксоніи, Баваріи, Франціи, Пруссіи; въ походѣ онъ познакомился съ Н. Н. Раевскимъ, генераломъ М. Ѳ. Орловымъ и др. Въ 1818 г. Р. перешелъ на службу въ родной Кіевъ, въ военный госпиталь и вскорѣ былъ прикомандированъ къ Штабу 4-го пѣхотнаго корпуса, главная квартира коего была въ Кіевѣ же.

Въ 1820 г. Р. сопровождалъ генерала Н. Н. Раевскаго, совершавшаго съ сыномъ и дочерьми поѣздку изъ Кіева на Кавказскія минеральныя воды; съ ними ѣхалъ и Пушкинъ (упоминающій о Р. въ своемъ письмѣ къ брату отъ 24-го сентября 1820 года),—и Р. оставилъ намъ свои воспоминанія о встрѣчѣ своей съ поэтомъ въ Екатеринославѣ и о совмѣстной поѣздкѣ съ нимъ на Кавказъ—„Встрѣча съ Пушкинымъ. (Изъ записокъ медика). 19 мая 1820",—напечатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1841 г., т. I, стр. 273—274 (перепечатаны П. В. Анненковымъ въ „Матеріалахъ" для біографіи Пушкина, стр. 66—67); въ записной книжкѣ Пушкина того времени сохранилось двустишіе: „Аптеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ, И не мори больныхъ, но усыпляй здоровыхъ"; эту эпиграмму съ большимъ вѣроятіемъ можно относить къ Рудыковскому, который занимался писаніемъ стиховъ и въ одномъ шуточномъ стихотвореніи вспоминаетъ даже, какъ онъ воспѣвалъ съ Пушкинымъ Нарзанъ; былъ знакомъ Р. и съ Грибоѣдовымъ. Отношенія его съ семьею Раевскаго не прерывались и позже; у него въ домѣ, а также по службѣ Рудыковскій сталкивался со многими декабристами, лѣчилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, но о планахъ ихъ не былъ освѣдомленъ.

Въ 1825 г. Р. оставилъ военную службу и поселился въ Кіевѣ, опредѣлившись въ больницу Приказа общественнаго призрѣнія (Кирилловскую), а въ 1834 г., уже въ чинѣ статскаго совѣтника (съ 31-го декабря 1831 г.), перешелъ въ Кіевскій Военный Госпиталь, въ которомъ служилъ до самой смерти, сперва младшимъ, а потомъ старшимъ ординаторомъ и имѣлъ званіе штабъ-лѣкаря. Въ Кіевѣ онъ имѣлъ обширную практику и пользовался репутаціею искуснаго врача; былъ близокъ съ генераломъ А. И. Красовскимъ (начальникомъ 4-й дивизіи), на судъ котораго любилъ отдавать свои стихотворные опыты. Былъ близокъ Р. и къ университетскимъ профессорамъ, особенно къ В. Я. Шульгину, М. А. Максимовичу, К. А. Неволину и др. По характеру Р. былъ человѣкъ идеалистическаго склада, не практикъ, и житейскія дѣла мало его интересовали; онъ имѣлъ слабость къ рѣдкимъ и старинымъ книгамъ и собралъ прекрасную библіотеку; въ зрѣлые годы изучилъ новые языки, интересовался литературою, исторіею, политикою и богословскими вопросами. Онъ любилъ писать стихотворенія, и до внука его дошло нѣсколько десятковъ его пьесъ—одъ и религіозныхъ стиховъ, патріотическихъ стихотвореній; на малорусскомъ Р. написалъ много басенъ, сказокъ, пѣсенъ, пародій и т. под. Произведеній своихъ Р. не печаталъ; нѣкоторыя изъ нихъ опубликованы внукомъ его, В. П. Щербиною, въ „Кіевской Стари-

нѣ“ 1892 года (май, стр. 193—224, іюнь, стр. 363—398, іюль, стр. 55—84) и 1894 г., іюль, стр. 115—122 въ статьѣ: „Изъ семейнаго архива. I. Записки А. П. Рудыковскаго. II. Стихотворенія Е. П. Рудыковскаго“ (издано также и отдѣльнымъ оттискомъ, Кіевъ. 1892). Стихотворенія Р. писаны на русскомъ и на малорусскомъ языкахъ; послѣднія относятся еще къ 1825 г. и даютъ Р-му, по мнѣнію В. П. Щербины, право быть причисленнымъ къ самымъ раннимъ представителямъ новой украинской литературы; на Р., какъ малорусскаго поэта, оказалъ вліяніе извѣстный профессоръ М. А. Максимовичъ, въ архивѣ котораго сохранился сборникъ малорусскихъ стихотвореній Р., относящихся къ 1840—1841 гг. (байки и казки).

Р. умеръ въ Кіевѣ въ 1851 году.

Исторія Имп. Военно-Медицинской Академіи' С.-Пб. 1898, прилож.; Списки чинамъ и Медицинскіе списки; „Русск. Арх.“ 1866, ст. 1102—1105; „Архивъ Раевскихъ“, т. I, С.-Пб. 1908; Соч. Пушкина, изд. Академіи Наукъ, т. II, С.-Пб. 1905; „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1906 г., ноябрь, крит. и библ., стр. 203—204 (въ статьѣ Н. Лернера); В. П. Щербина, Изъ семейнаго архива, Кіевъ. 1892, стр. 1—117.

Б. Л. М-ій.

Рудѣевъ, *Кузьма Ивановичъ*, подъячій, писецъ Дмитровскаго уѣзда въ 7193—7194 гг.; въ іюнѣ 1688 г. межевалъ вотчинныя земли окольничаго Вен. Андр. Змѣева, пустоши Сосенскаго стана Московскаго уѣзда; въ 1699—1700 г. былъ дьякомъ.

„Опис. докум. и бум. М. А. М. Ю.“, кн. I, №№ 652—654 и 1546; Акты Гражд. Распр., II, стр. 679; П. Ивановъ, Указат. къ боярскимъ книгамъ, стр. 360.

А. Андреевъ.

Рукавишниковъ, *Николай Васильевичъ*, основатель и Директоръ Московскаго Исправительнаго Пріюта; род. 27-го ноября 1845 г. въ Казани; отецъ Р. занимался золотымъ промысломъ и часто отлучался изъ дому, вслѣдствіе чего воспитаніемъ Р. занималась мать, строго придерживавшаяся патріархальныхъ воззрѣній; въ основу воспитанія она старалась положить религіозность и безусловную покорность старшимъ, особенно отцу. Въ 1862 г. мать Р. заболѣла и уѣхала, по предписанію докторовъ, за границу, на воды, взявъ съ собою 16-лѣтняго сына. Выздоровѣвъ, она предприняла съ нимъ путешествіе по Европѣ. Возвратившись въ Россію, Р. поступилъ въ Университетъ; крайне экзальтированный и религіозный, Р. усердно посѣщалъ церковь и проявлялъ сильную набожность; съ товарищами онъ не сходился и вообще держался въ сторонѣ отъ общественной жизни Университета. Окончивъ въ 1868 г. курсъ Физико-Математическаго Факультета со степенью кандидата, Р., по желанію отца, имѣвшаго нѣсколько желѣзодѣлательныхъ заводовъ, поступилъ вольнослушателемъ въ Петербургскій Горный Институтъ, несмотря на то, что ему не хотѣлось разставаться съ горячо любимой матерью. Въ Петербургѣ Р. жилъ совершенно одиноко и считалъ дни, когда наступитъ каникулярное время, чтобы вернуться домой. Пріѣхавъ въ Москву, онъ сталъ умолять отца позволить ему остаться дома, давая слово, что будетъ трудиться и самостоятельно изучитъ предметы, необходимые для управленія заводами. На этомъ основаніи отецъ позволилъ Р. оставить Горный Институтъ.

Въ 1870 г. М. Н. Капустинъ предложилъ Р. мѣсто Директора Исправительнаго Пріюта, основаннаго „Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ“. Р. просилъ нѣсколько времени на размышленіе; ему было о чемъ подумать: онъ выбиралъ въ это время путь для всей своей дальнѣйшей жизни. Рѣшившись принять на себя обязанности Директора Пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, Р. захотѣлъ ихъ исполнить, какъ должно; это былъ громадный трудъ, и Р. посвятилъ ему все свое время; съ ранняго утра и до поздняго вечера Р. находился въ Пріютѣ, за всѣмъ наблюдалъ, обо всемъ думалъ и все исправлялъ. Отецъ Р. долго не хотѣлъ примириться съ подобной жизнью сына, но послѣдній былъ необыкновенно твердъ въ принятомъ рѣшеніи посвятить свою жизнь исправленію малолѣтнихъ преступниковъ.

Пріютъ имѣлъ крайне скудныя средства, при которыхъ нельзя было думать не только объ образованіи, но даже о здоровой жизни дѣтей; поэтому Р. на свои средства сдѣлалъ все необходимое и привелъ Пріютъ въ прекрасное состояніе. Впослѣдствіи этотъ Пріютъ былъ переименованъ въ „Рукавишниковскій Пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ“. Задавшись цѣлью сдѣлать изъ своихъ воспитанниковъ честныхъ и искусныхъ ремесленниковъ, Р. устроилъ при Пріютѣ мастерскія: сапожную, портняжную,

столярную, переплетную и брошюровочную. Р. старался пріучить мальчиковъ къ труду и, чтобы доставить имъ возможность сдѣлаться хорошими мастерами, пригласилъ завѣдывать мастерскими лучшихъ ремесленниковъ, далъ имъ хорошее жалованье и принялъ ихъ семьи на свое содержаніе. Но, кромѣ обученія мастерствамъ, Р. заботился также объ умственномъ развитіи своихъ воспитанниковъ; они обучались Закону Божьему, Русскому языку, первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики, географіи всеобщей и русской, исторіи и нотному пѣнію. Часто Р. самъ водилъ гулять своихъ воспитанниковъ по Москвѣ, показывалъ имъ Кремль, Румянцовскій Музей, картинныя галлереи или панораму Москвы съ Ивановской колокольни или Воробьевыхъ горъ... Въ часы, свободные отъ занятій или въ праздничные дни, Р. самъ распоряжался дѣтскими играми и вообще все свое время посвящалъ Пріюту. Въ 1873 г. Рукавишниковскій пріютъ посѣтилъ деканъ Вестминстерскаго Аббатства, докторъ Стекли; онъ вынесъ изъ этого осмотра самое отрадное впечатлѣніе.

Совершая однажды прогулку съ своими воспитанниками на Воробьевы горы, Р. простудился и умеръ, на 30-мъ году жизни, 8-го августа 1875 года; погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Т. Толычева: „Николай Васильевичъ Рукавишниковъ“, М. 1878 г.; „Московскія Вѣдомости“ 1875 г., № 217 и 240; „Православное Обозрѣніе“ 1875 г., I—II, 667—696, III, № 9, стр. 218—224, № 12, стр. 781—791; „Въ память Ник. Вас. Рукавишникова“. Слово при отпѣваніи Директора Московскаго Исправительнаго Пріюта малолѣтнихъ, Н. В. Рукавишникова, Протоіерея Н. А. Сергіевскаго“, М. 1875 г.; „Илл. Недѣля“ 1875 г., № 35; „Гражданинъ“ 1876 г., № 4, стр. 104; „Церковный Вѣстникъ“ 1875 г., № 21, стр. 19, 20, № 33, стр. 16—18; „Московскій Некрополь“, т. III, стр. 47.

Н. М.

Рукавкинъ, *Данила*, Самарскій купецъ; въ 1767 г. былъ выбранъ депутатомъ отъ города Самары въ Екатерининскую Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Въ засѣданіи 19-го октября 1767 г. выслушано было его мнѣніе о томъ, что разрѣшеніе крестьянамъ производства торговли хлѣбнымъ товаромъ, путемъ перекупки поведетъ ихъ къ отвращенію отъ земледѣлія и обратитъ къ лѣности; основываясь на законахъ Петра I, предоставившаго право торговли исключительно купцамъ, Р. стоялъ за мнѣнія о воспрещеніи торговать и имѣть заводы также разночинцамъ и дворянамъ. Въ засѣданіи 18-го іюня 1768 г. имъ было высказано мнѣніе о необходимости принятія строгихъ мѣръ противъ набѣговъ и разбоевъ, производимыхъ въ Самарѣ калмыками; къ мнѣніямъ Р. присоединилось большинство депутатовъ отъ купечества.

„Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества“, т. VIII, стр. 99, 144, 147, 148 и 155; т. XXXII, стр. 140 и т. CVII, стр. 460.

Рукинъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, первый редакторъ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; окончилъ курсъ Вологодской Духовной Семинаріи въ 1824 году по первому разряду и въ 1826—27 годахъ служилъ у Ярославскаго Губернскаго предводителя дворянства П. А. Соколова учителемъ его дѣтей; въ 1831 году, когда были основаны „Ярославскія Губернскія Вѣдомости“, И. Ѳ. Рукинъ былъ назначенъ ихъ редакторомъ, каковую должность занималъ въ теченіе пяти лѣтъ.

Въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за его подписью статей нѣтъ, но можно предполагать, что въ первое время изданія „Вѣдомостей“ всѣ неподписанныя статьи принадлежатъ ихъ редактору, т.-е. Рукину. Онъ велъ записки, впослѣдствіи пріобрѣтенныя В. И. Лѣствицынымъ, изъ которыхъ напечаталъ отрывки: „Преданіе о Царѣ Иванѣ Васильевичѣ“ —„Русск. Стар.“ 1880, № 5, и въ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1880 г.: „Кладъ, найденный въ 1827 г. на берегу р. Ухтомы“, „Праздникъ Пасхи въ селѣ Минчаковѣ въ 1827 г.“, „Пожаръ въ с. Погорѣловѣ въ 1827 г.“, „Средство сдѣлаться благоразумнымъ“ и др.

„Русская Стар.“ 1880 г., № 5, стр. 148; А. А. Титовъ, Описаніе рукописей И. А. Вахромѣева, т. III, стр. 154—169.

П. Д—ій.

Рукинъ, *Степанъ Васильевичъ*, капитанъ-командоръ; поступилъ на службу матросомъ въ 1716 г., съ 1721 былъ подшкиперомъ, а съ 1726 г.—шкиперомъ, въ 1733 г. былъ произведенъ въ мастера капитанскаго ранга отъ солдатъ, въ 1741 г. пожалованъ въ лейтенанты, въ 1751 г.—въ капитанъ-лейтенанты, въ 1754 г.—въ капитаны 3 ранга, въ 1758 г.—въ капи-

таны 2 ранга,—послѣ многочисленныхъ кампаній, въ которыхъ неоднократно въ старшихъ чинахъ командовалъ кораблями, то плавая единолично, то въ составѣ флота; наконецъ, въ 1762 г., „по старости лѣтъ“, Р. былъ назначенъ капитаномъ Ревельскаго порта; незадолго передъ тѣмъ, въ 1760—61 г., онъ, командуя, въ чинѣ капитана 1 ранга, кораблемъ „Наталія“, въ отрядѣ Мордвинова, участвовалъ въ дѣлѣ подъ Кольбергомъ и атаковалъ крѣпостныя его батареи. Въ 1763 г. Р. былъ произведенъ въ капитанъ-командоры, а въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе полной глухоты, былъ уволенъ отъ службы съ половиннымъ жалованьемъ.

Общій Морской Списокъ, т. II, стр. 357—358; А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ“, стр. 333, 346, 349; „Матеріалы для исторіи Русскаго флота“, ч. XI (указ.); Достопамятныя происшествія, относящіяся къ военной морской части и проч.—„Записки Госуд. Адмиралт. Денарт.“ 1824, ч. VII, стр. 238.

Н. М.

Рукомойкинъ, *Илья Семеновичъ*, граверъ на мѣди, сынъ крестьянина, род. въ Петербургѣ въ 1726 г. (у Ровинскаго годъ рожденія Р. указанъ неправильно); въ собственноручной сказкѣ, поданной въ апрѣлѣ 1744 года при генеральной ревизіи, Р. объявилъ, что его отецъ—крестьянинъ „Ржевы Володимеровы уѣзда, Осипова монастыря Осташковой слободы, былъ отпущенъ для прокормленія въ Петербургъ“, куда и прибылъ въ 1726 году; отца своего Р. не помнилъ, такъ какъ онъ „поѣхалъ для ловленія рыбы въ Выборгъ и Нарву и до днесь не возвратился, и никакого извѣстія о немъ не имѣется“. Воспитанный матерью, Р. въ 1739 году попалъ „въ Академію Наукъ рисовальнаго дѣла ученикомъ“, и въ 1744 году получалъ жалованья 18 рублей въ годъ, а въ 1745 году былъ назначенъ къ Гмелину, въ числѣ другихъ живописцевъ, „для малеванія собранныхъ имъ въ Камчатской экспедиціи травъ“; хотя Гмелинъ неоднократно жаловался Конференціи Академіи, что присланные къ нему живописцы ничего не дѣлаютъ и рѣдко приходятъ, изданная Академіей „Flora Sibirica“ съ многочисленными рисунками свидѣтельствуетъ, что живописцы, въ томъ числѣ и Рукомойкинъ, свое дѣло дѣлали; многіе изъ рисунковъ „Флоры“ прямо художественны; къ сожалѣнію, они не подписаны, и опредѣлить, что̀ именно сдѣлалъ Рукомойкинъ, невозможно. У Гмелина Р. оставался до октября 1745 года, когда, за исполненіемъ большей половины рисунковъ живописцы были возвращены въ Рисовальную Палату. Въ этомъ же году Рукомойкинъ попался въ обычномъ для академическихъ учениковъ того времени дебошѣ: въ пьяномъ видѣ, съ тремя товарищами, онъ отнималъ у извозчика лошадь; извозчикъ „сталъ имъ говорить, чего ради они озорничествомъ своимъ берутъ лошадь“, ученики „того извозчика стали бить и разбили у него носъ до крови“, а когда на помощь извозчику выбѣжалъ „рогаточный караульный служитель“, то и его „стали бить кулаками и топунками и подбили у него правый глазъ и выше глаза на лбу“. Въ концѣ концовъ ученики попали въ полицію, которая „за ту продерзость“ положила „учинить имъ наказаніе кошками“, а послѣ наказанія отослать въ Академическую Канцелярію. Въ 1747 году Р. изъ рисовальнаго класса взятъ былъ въ Гридировальную Палату къ мастеру Ивану Соколову, и ему повышено жалованье до 24 рублей въ годъ. Въ 1750 году Соколовъ возбудилъ ходатайство о прибавкѣ всѣмъ находящимся у него гравераамъ жалованья, при чемъ Рукомойкину предполагалъ повысить жалованье на 36 рублей, т.-е. до 60 р. въ годъ. Кромѣ исполненія разныхъ гравировальныхъ работъ, напримѣръ, въ 1754 году „историческихъ фигуръ“, Рукомойкину былъ порученъ надсмотръ за Фигурною Палатою.

Д. Ровинскій, Словарь граверовъ, стр. 275; „Матеріалы для Исторіи Имп. Академіи Наукъ“, т. V, стр. 552, т. VII, стр. 70, 220, 272, 457, 658, 716; т. VIII, стр. 369, 371, 726; т. IX, стр. 176, т. X, стр. 659.

П. Столпянскій.

Рулье, *Карлъ Францовичъ*, ординарный профессоръ зоологіи Московскаго Университета, извѣстный ученый; родился 8-го февраля 1814 г. въ Нижнемъ Новгородѣ; родители его были французскіе эмигранты и не обладали состояніемъ; сначала Р. воспитывался дома, а потомъ родители отдали его въ небольшой частный пансіонъ. На 16-мъ году Р. поступилъ въ Московское Отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи; отличаясь выдающимися способностями, онъ окончилъ свое медицинское образованіе въ Академіи блестящимъ обра-

зомъ и былъ выпущенъ изъ нея въ 1833 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія, съ первой серебряной медалью. Не имѣя никакихъ средствъ, Р. долженъ былъ поддерживать себя собственнымъ трудомъ и поэтому, когда представилась вакансія, поступилъ докторомъ въ Рижскій драгунскій полкъ, въ которомъ пробылъ до 1836 г.; здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Академіи, Р. убѣдился, насколько практическое занятіе медициной не соотвѣтствуетъ его характеру; поэтому онъ съ радостью принялъ въ 1836 г. предложеніе Г. И. Фишера-фонъ-Вальдгейма, бывшаго тогда Президентомъ Московской Медико-Хирургической Академіи, поступить въ Академію репетиторомъ. Съ перваго же времени занятія по должности репетитора при такомъ выдающемся ученомъ, какимъ былъ Г. И. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, показали Р. крайнюю скудость его знаній въ области естественно-историческихъ наукъ. Но Р. чувствовалъ къ нимъ большое влеченіе и потому принялся съ большой энергіей за ихъ изученіе. Онъ началъ съ практическаго знакомства съ окрестностями Москвы, затѣмъ перешелъ къ различнымъ областямъ Россіи и дошелъ до исторіи преимущественно зоологіи въ Россіи, для чего имъ было собрано значительное количество матеріаловъ. Однако, вмѣстѣ съ практическими работами Р. не забывалъ и теоретическую часть естественно-историческихъ наукъ, изучая ее съ особеннымъ интересомъ.

Обладая очень живымъ темпераментомъ, интеллигентнымъ складомъ ума, недюжинными способностями и любовью къ труду, Р. быстро завоевалъ себѣ общую любовь и уваженіе и вскорѣ былъ назначенъ адъюнктомъ и отдѣльнымъ преподавателемъ минералогіи и зоологіи въ Медико-Хирургической Академіи. Въ 1837 г. Р. выдержалъ экзамены на степень доктора медицины, защитивъ диссертацію „О геморроѣ“. Около этого же времени Р. было поручено завѣдываніе естественно-историческимъ кабинетомъ Медико-Хирургической Академіи и Музеемъ Московскаго Университета. Эти новыя занятія очень способствовали ознакомленію Р. съ естественно-историческими науками. Кромѣ преподаванія минералогіи и зоологіи въ Академіи, Р. нѣкоторое время состоялъ преподавателемъ естественной исторіи въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ и въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

Въ 1840 г. Р. началъ читать лекціи по зоологіи въ Московскомъ Университетѣ. Обладая уже значительными свѣдѣніями и опытностью въ научныхъ занятіяхъ, Р. пожелалъ ознакомиться съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ за-границей и въ 1841 г. уѣхалъ въ Германію, гдѣ осмотрѣлъ извѣстнѣйшіе кабинеты зоологіи и анатоміи въ Берлинѣ и Кёнигсбергѣ, посѣтилъ университеты сѣверной и средней Германіи и слушалъ лекціи профессоровъ Эренберга, Мюллера, Вагнера, Зибольда, Хушке, Г. Розе, Митчерлиха, Савиньи и др. свѣтилъ естественно-историческихъ наукъ. Однако, Р. остался недоволенъ преподаваніемъ этихъ наукъ въ Германскихъ Университетахъ; эрудиція знаменитыхъ профессоровъ поражала его, и онъ удивлялся громадности накопленныхъ знаній, но въ то же время замѣчалъ въ лекціяхъ и сочиненіяхъ этихъ ученыхъ почти полное отсутствіе глубоко сознанной необходимости построить зоологію на чисто научныхъ началахъ и согласить различныя ея части между собою по цѣли и по способу обработки и изложенія. Р. вынесъ много пользы изъ своего путешествія, — но полезнѣе всего для его будущей дѣятельности было то, что въ немъ проснулось страстное желаніе возвести зоологію на степень науки. Онъ тутъ же, во время путешествія, изложилъ свои мысли въ небольшомъ сочиненіи, озаглавленномъ: „Сомнѣнія въ зоологіи, какъ наукѣ“ (было помѣщено въ томъ же году въ „Отечественныхъ Запискахъ“); въ этомъ произведеніи Р. высказалъ нѣсколько мыслей, касавшихся понятія о видѣ, зооэтики, и, главное, логическаго плана зообіологіи. Вся послѣдующая ученая дѣятельность Р. была направлена на то, чтобы найти отвѣты на эти вопросы, сильно заинтересовавшіе его пытливый умъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія (въ 1842 г.) Р. былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1850 г. ординарнымъ профессоромъ Московскаго Университета. Начавъ свое ученое поприще палеонтологическими трудами („Геологическія экскурсіи подъ Москвой“—въ „Извѣстіяхъ Моск. Общ. Испыт. Природы“), заслужившими полное одобреніе знаменитаго Леопольда фонъ-Буха, Р. въ послѣдніе годы посвятилъ всѣ свои труды разработкѣ во-

просовъ общей зоологіи. Ни въ одномъ Русскомъ Университетѣ, кромѣ Московскаго, не читалась общая зоологія въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее Жоффруа Сентъ-Илеръ и Броннъ. Всю свою жизнь Р. проработалъ надъ труднѣйшими частями этой науки, достигая часто блестящихъ результатовъ, какъ, напр., въ вопросѣ о „перелетѣ птицъ". Однако, самой цѣнной и плодотворной его работой было созданіе имъ плана общей зоологіи, какъ самостоятельной науки. Результаты своихъ трудовъ Р. постоянно высказывалъ въ своихъ лекціяхъ, которыя не были сухимъ перечнемъ унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ поколѣній знаній — въ нихъ живымъ ключемъ била современная наука, давая только-что открытыя истины и указывая любознательнымъ умамъ еще неразрѣшенныя загадки природы. Лекціи Р. производили громадное вліяніе на слушателей необыкновеннымъ мастерствомъ, съ которымъ онъ сводилъ частности въ одно общее, силой синтеза, картинностью и поэтичностью изложенія. Р. пользовался извѣстностью замѣчательнаго лектора. Его вліяніе на молодыхъ зоологовъ было весьма плодотворно, они находили въ немъ не только учителя, но друга и руководителя. Р. не останавливалъ холоднымъ, насмѣшливымъ словомъ трудъ начинающаго,—напротивъ, теплымъ участіемъ и совѣтомъ возбуждалъ его къ дѣятельности. Хотя Р. былъ докторомъ медицины, но не любилъ практической работы врача; онъ не занимался собственно медицинскими науками, но съ любовью и увлеченіемъ касался всего, что изъ сферы естественныхъ наукъ могло найти примѣненіе въ медицинѣ. Примѣромъ можетъ служить статья его объ „озонѣ", помѣщенная въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ" за 1838 г.

Послѣдніе годы своей жизни Р. посвятилъ приложенію своихъ научныхъ знаній къ дѣлу практической пользы. Сознавая всю важность утилитарнаго направленія, онъ вмѣстѣ со своими учениками дѣятельно принялся за акклиматизацію въ Россіи полезныхъ животныхъ, чтобы этимъ путемъ увеличить средства русскаго народа въ борьбѣ съ природой. Однимъ изъ любимыхъ предметовъ изслѣдованія для Р. было и человѣчество. Занятія по изданію „Вѣстника Естественныхъ Наукъ", котораго онъ былъ редакторомъ въ 1854—1858 г., чтеніе лекцій, работы по Комитету акклиматизаціи, котораго Р. былъ основателемъ и директоромъ съ 1856 г., обязанности секретаря при Московскомъ обществѣ испытателей природы, которымъ онъ состоялъ съ 1840 до 1851 г., отнимали у Р. много времени и затрудняли ему такимъ образомъ обработку добытыхъ результатовъ и открытій. Вслѣдствіе этого немногіе изъ трудовъ Р. были вполнѣ обработаны и напечатаны, большинство же ихъ состоитъ изъ замѣтокъ и начатыхъ, но неоконченныхъ статей.

Р. состоялъ членомъ нѣсколькихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ и завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ наукѣ. Преждевременная смерть не дала ему возможности выполнить многихъ изъ задуманныхъ имъ работъ, даже обработкой добытыхъ имъ истинъ принуждены были заняться его ученики.

Р. умеръ въ Москвѣ отъ апоплексическаго удара 10-го апрѣля 1858 г.; погребенъ на Иновѣрческомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ.

Изъ его печатныхъ трудовъ укажемъ слѣдующіе: 1) Біографіи профессоровъ Медико-Хирургической Академіи и Московскаго Университета: a) Г. И. Фишера-фонъ-Вальдгейма—въ юбилейномъ „Актѣ Общества Испытателей Природы"; b) А. Л. Ловецкаго—въ „Bulletin" Московскаго Общества Испытателей Природы и въ „Рѣчахъ Московскаго Университета"; c) И. А. Двигубскаго — тамъ же; 2) Рѣчь „О животныхъ Московской губерніи", произнесенная въ 1845 г. въ Московскомъ Университетѣ; 3) „Naturhistorische Notiz über die Umgebung von Moscou"—„Bull. de la Soc. des Natur. de Moscou", 1844, III, 625; 4) „Voyage scientifique (Voyage de Kareline)"—„Bull. de la Soc. des Natur. de Moscou", 1840, III, 379); 5) „Aegoceras Pallasii, ein neuer russischer Zweihufer"—тамъ же, 1841, IV, 910; 6) „Les principales variations de Terebratula acuta dans l'Oolithe de Moscou" — тамъ же, 1844, IV, 889; 7) „Explications de la coupe géologique des environs de Moscou"—тамъ-же, 1846, II, 444, IV, 359; 8) „Études progressives sur la géologie de Moscou"—тамъ же, 1849, I, 3; 9) „Etudes paléontologiques sur les environs de Moscou"—(въ „Jubilaeum semisaecular. Doctoris Medicinae et Philosophiae Gotthelf Fischer de Waldheim", 1847; 10) „Ходъ рыбы противъ теченія воды" — въ „Запискахъ объ

уженьѣ рыбы" С. Т. Аксакова; 11) „Три открытія въ естественной исторіи пчелы"—Приложеніе къ „Русскому Вѣстнику", 1856 г.; 12) „О кохинхинскихъ курахъ"—въ „Запискахъ Комитета Акклиматизаціи", 1889 г., кн. 1-я; 13) „Растенія, ловящія насѣкомыхъ"—„Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ", 1855 г., т. 2, стр. 521 — 616; 14) „Описаніе Кавказскаго тура"—въ „Извѣстіяхъ Общества Испыт. Прир."; 15) Публичныя лекціи 1852 г. „Объ отношеніи животныхъ ко внѣшнимъ условіямъ", изданныя вмѣстѣ съ лекціями другихъ профессоровъ; 16) нѣсколько статей въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ"; нѣсколько замѣтокъ (въ томъ числѣ о мамонтѣ, найденномъ подъ Москвой, и др.) помѣщено въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ „Современникѣ", въ „Живописномъ Обозрѣніи", въ „Живописной Энциклопедіи", въ „Журналѣ Общества Сельскаго Хозяйства" и др. Свои статьи Р. иногда подписывалъ псевдонимомъ.

С. Шевыревъ, Словарь профессоровъ Московскаго Университета, М. 1855 г., ч. 2-я, стр. 373—376; „Московскія Вѣдомости" 1858 г., № 49, стр. 203; „Московская Медицинская Газета" 1858 г., № 16, стр. 132; „Журналъ Общества Полезныхъ Свѣдѣній" 1858 г., № 44, стр. 383—384 (статья Н. Вагнера); „Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ", 1858 г., № 8, стр. 225—228 (статья С. Усова); „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1858 г., т. XCVIII, отдѣлъ VII, стр. 131 — 134; „Семейный Кругъ", 1859 г., № 12, стр. 192—202 (статья Н. Волокитина); „Воспоминанія о К. Ф. Рулье, его предсмертныя минуты", М. 1858 г., Александра Барабина; Степанъ Масловъ, „Историческое Обозрѣніе Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго хозяйства", М. 1846 г.; „К. Ф. Рулье и его предшественники по каѳедрѣ зоологіи въ Московскомъ университетѣ", очеркъ Анатолія Богданова, Москва. 1885 г.; „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1886 г., ч. 243, февраль, отд. 2-й, стр. 370 — 371; „Сынъ Отечества" 1858 г., № 16, стр. 473, „Сѣверная Пчела" 1858 г., № 81, стр. 380; „Московскія Вѣдомости" 1858 г., Литературный отдѣлъ, № 64, стр. 255; „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1842 г., ч. 33, № 22, стр. 21—42; „Московскій Некрополь, т. III; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 280.

Н. Рудинъ.

Руммель, фонъ-, *Карлъ-Христіанъ-Леопольдъ (Карлъ Фридриховичъ)*, заслуженный профессоръ Дерптскаго Университета; сынъ совѣтника Верхняго Надворнаго Суда въ Газенпотѣ, Курляндской губерніи, гдѣ и родился 1-го ноября 1812 года. Тринадцати лѣтъ отъ роду, въ 1825 году, опредѣленъ былъ въ Митавскую Гимназію, курсъ которой окончилъ въ 1832 году, а затѣмъ поступилъ въ Дерптскій Университетъ, въ которомъ съ 1835-го по 1839 годъ изучалъ юриспруденцію. Находясь въ Университетѣ, Руммель въ 1838 году получилъ золотую медаль за сочиненіе: „Comparantur Romani et Russici juris principia in dominii acquisitione, facta a bonae fidei possessore in fructibus perceptis. Quomodo amplificari et emendari possint leges in libro Сводъ Законовъ гражданскихъ et in ejus libri supplementis inde ab anno 1832 usque ad annum 1834 editis, quaeritur". Въ слѣдующемъ (1839) году Руммель получилъ степень кандидата юридическихъ наукъ за диссертацію, напечатанную въ 1840 году въ Дерптѣ подъ заглавіемъ: „Das Verhältniss des Fiscus zu den bona vacantia". 9-го декабря 1840 года, на основаніи представленной диссертаціи pro venia legendi: „De collatione bonorum a descendentibus facienda secundum juris romani principia" (Dorpat. 1840), Р. былъ избранъ совѣтомъ Университета сверхштатнымъ приватъ-доцентомъ по части юриспруденціи, въ каковомъ званіи и былъ утвержденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го января 1841 года. Избранный затѣмъ единогласно Совѣтомъ Университета въ нотаріусы университетскаго суда, Руммель утвержденъ былъ въ этомъ званіи 22-го ноября 1841 года; одновременно онъ держалъ устные экзамены на степень магистра правъ, 1-го февраля 1843 года защитилъ диссертацію: „Zur Lehre von der Einwerfung des Vorausempfangenen nach livesth- und kurländischen Landrecht" (Dorpat. 1843), а 4-го марта того же года состоялось утвержденіе его въ степени магистра правъ. Получивъ 17-го іюля того же 1843 года мѣсто штатнаго приватъ-доцента провинціальнаго Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго правъ, Руммель въ ноябрѣ того же года уволенъ былъ отъ должности нотаріуса университетскаго суда, а въ декабрѣ Гейдельбергскій Университетъ удостоилъ его степени доктора правъ. Однако, степень эта, пріобрѣтенная Руммелемъ за границей, не давала ему права на званіе экстраординарнаго профессора, ибо по закону русскіе подданные должны были пріобрѣтать ее въ отечественномъ университетѣ; поэтому, избранный Дерптскимъ Уни-

верситетомъ въ экстраординарные профессора по каѳедрѣ Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго правъ еще 1-го февраля 1845 года, Руммель, по двукратномъ ходатайствѣ за него Университета, лишь 6-го іюля того же года былъ допущенъ къ временному исполненію обязанностей экстраординарнаго профессора, впредь до пріобрѣтенія имъ докторской степени въ русскомъ университетѣ. Защитивъ въ 1847 году въ Дерптскомъ Университетѣ диссертацію на степень доктора правъ: „De statu actatis secundum juris livonici principia“ (Dorpat. 1847), Руммель тотчасъ же былъ представленъ Совѣтомъ Университета въ экстраординарные профессоры, но Министерство утвердило его въ этомъ званіи лишь 22-го апрѣля 1849 года. 10-го марта 1851 года Руммель произведенъ былъ въ надворные совѣтники, 14-го декабря того же года—въ коллежскіе совѣтники, а 12-го декабря 1852 года утвержденъ былъ въ должности ординарнаго профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго правъ, будучи представленъ Университетомъ въ эту должность еще 10-го марта 1852 года. Пожалованный 5-го января 1854 года въ чинъ статскаго совѣтника, Руммель 17-го іюля того же года утвержденъ былъ предсѣдателемъ апелляціоннаго и ревизіоннаго суда Дерптскаго Университета и 1-го января 1859 года назначенъ деканомъ Юридическаго Факультета на четыре года. 1-го января 1855 года Р. вновь былъ утвержденъ деканомъ Юридическаго Факультета на четыре года, а 18-го сентября того же года утвержденъ заступающимъ мѣсто Проректора Дерптскаго Университета, тоже на четыре года, и затѣмъ былъ вновь утвержденъ въ должностяхъ впредь на четыре года: Декана Юридическаго Факультета съ 1-го января и заступающаго мѣсто Проректора Университета — съ 24-го сентября 1863 года. За особые труды, понесенные при составленіи 3-ей части „Свода мѣстныхъ узаконеній“, Руммель 10-го іюня 1865 года получилъ орденъ св. Анны 2-й степени съ короною, а 4-го февраля 1866 года утвержденъ былъ Проректоромъ Дерптскаго Университета на три года, съ увольненіемъ отъ должности Декана Юридическаго Факультета. Въ 1867 году Руммель утвержденъ былъ вновь (4-го февраля) предсѣдателемъ апелляціоннаго и ревизіоннаго университетскаго суда и уволенъ (20-го февраля) отъ должности Проректора Университета.

Выслуживъ 25 лѣтъ по учебной части, Руммель 12-го мая 1867 года оставленъ былъ при Университетѣ еще на пять лѣтъ, а 13-го сентября того же года вновь избранъ Деканомъ Юридическаго Факультета, коимъ и былъ по день увольненія отъ службы. 20-го декабря 1868 года Руммель получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 18-го августа 1869 года—званіе заслуженнаго профессора и 1-го января 1872 года—орденъ св. Владиміра 3-ей степени. Въ 1872 году Руммель подвергался въ Совѣтѣ Университета баллотировкѣ къ оставленію на слѣдующее пятилѣтіе, но, вслѣдствіе полученія недостаточнаго количества голосовъ, былъ уволенъ въ отставку 3-го іюня 1872 года. Помимо исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, Руммель исправлялъ въ 1857, 1868 и 1869 годахъ должность Ректора Университета, въ 1869—должность Попечителя Учебнаго Округа и въ 1851—должность цензора. Кромѣ перечисленныхъ выше диссертацій, Руммель оставилъ еще слѣдующіе труды: 1) „Instructorium des Kurländischen Processes nach Vergleichung mehrerer Handschiften herausgegeben“, Dorpat. 1844; 2) „Die Quellen des Kurländischen Landsrehts“ (въ Bunge's und Madai's Sammlung der Rechtquellen Liv, Esth-und Kuhrlands (I u. II B.),—ibid. 1844—51; 3) „Acta Commissionis de anno 1617, erhaltend unter Anderem die kurländischen Formula regiminis und die kurländischen Statuten. Nach Vergleichung der bisherigen Ausgaben und mehreren Handschriften herausgegeben“ — ibid. 1848; 4) „Des vormaligen piltenschen Kreises Gesetze und Statuten von 1611“; 5) „Modus procedendi in liquiden Rechtssachen von 1746 und Modus procedendi in Restitutions-Sachen von 1775 und Nachtrag zu den Acta Commissionis de anno 1617“—ibid. 1850; 6) „Kurländische Landtags- und Conferenzial-Schlüsse von 1618 — 1759, nach Vergleichung mehrerer Handschriften herausgegeben“—ibid. 1851; 6) „Das curländische Vormundschaftsrecht“—ibid. 1850.

Скончался Руммель 30-го декабря 1887 года въ Дерптѣ.

Послужной списокъ 1868 года (сообщенъ Б. Л. Модзалевскимъ); H. Hasselblatt und Dr. G. Otto, „Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat“, Dorpat. 1889, № 3376; Біографическій

словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго Университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902), т. I, подъ ред. Г. В. Левицкаго, Юрьевъ. 1902, стр. 565—569; Е. В. Пѣтуховъ, Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій Университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902), т. I, Юрьевъ. 1902, стр. 404.

В. Гарскій.

Румницкій, *Иванъ Михайловичъ*, врачъ; род. въ концѣ 1770-хъ гг., происходилъ изъ дворянъ; получивъ званіе лекаря около 1799 г., онъ въ теченіе 40 лѣтъ служилъ при Имп. Воспитательномъ Домѣ, пріобрѣлъ исключительную опытность въ лѣченіи дѣтскихъ болѣзней и пользовался, поэтому, широкою извѣстностью и имѣлъ большую практику; особенно благожелательно относился онъ къ молодымъ врачамъ, начинавшимъ практическое поприще подъ его руководствомъ; онъ слѣдилъ за новѣйшими открытіями и наблюденіями въ медицинѣ, но печатныхъ трудовъ не оставилъ; умеръ въ званіи штабъ-лекаря и въ чинѣ статскаго совѣтника въ Петербургѣ 21-го марта 1839 г.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1839 г., № 74.

Румовскій, *Николай Лукичъ*, протоіерей; родился въ городѣ Великомъ-Устюгѣ, Вологодской губерніи, въ 1797 году, умеръ въ Устюгѣ же 31-го іюля 1867 года; сынъ протоіерея Устюжской Преображенской церкви, Р. послѣ домашней подготовки поступилъ въ Вологодскую Духовную Семинарію, курсъ которой окончилъ въ 1820 году по второму разряду; 6-го февраля 1821 года онъ рукоположенъ былъ во священника въ Устюжскій Успенскій соборъ, въ 1828 году Совѣтомъ Имп. С.-Петербургскаго Университета былъ опредѣленъ законоучителемъ въ Устюгское Уѣздное Училище, гдѣ и служилъ до 13-го іюня 1854 года; кромѣ того, безвозмездно преподавалъ Законъ Божій въ Устюгскихъ приходскихъ училищахъ: мужскомъ (1836—1845 гг.) и женскомъ (1844—1845 г.). Въ 1850 году Р. возведенъ былъ въ протоіерея и въ томъ же 1850 г. получилъ благодарность отъ Попечителя Округа М. Н. Мусина-Пушкина за „очень хорошіе успѣхи учащихся, вразумительное преподаваніе и за стремленіе къ усовершенію себя въ дѣлѣ образованія юношества“.

17-го октября 1851 года Р. переведенъ былъ протоіереемъ въ заштатный городъ Лальскъ, Вологодской губерніи, въ Воскресенскій соборъ, но въ декабрѣ того же года, по прошенію, перемѣщенъ былъ вновь въ Устюгскій Успенскій соборъ, на мѣсто второго священника. Въ серединѣ 1850-хъ годовъ Р. былъ перемѣщенъ протоіереемъ къ Великоустюжской Стефановской градской кладбищенской церкви, гдѣ и служилъ до смерти.

Изъ его печатныхъ трудовъ извѣстно „Описаніе Велико-Устюжскаго Успенскаго собора“, печатавшееся сначала на страницахъ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1851 г. (№ 20—22, 24—28, 31, 34, 36, 37, 39—41, 48, 51), а затѣмъ вышедшее отдѣльною книгой (Вологда. 1862, 8°).

Формулярный списокъ; П. Диаконорскій, Вологжане-писатели.

П. Д—ій.

Румовскій, Степанъ Яковлевичъ, академикъ и Вице-Президентъ Имп. Академіи Наукъ; родился 29-го октября 1734 года въ селѣ Старомъ-Погостѣ, Владимірской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Послѣ переѣзда отца, въ 1739 году, вмѣстѣ со всею семьею на службу въ Петербургъ, Румовскій поступилъ въ Невскую Семинарію, гдѣ и получилъ свою фамилію: отецъ его не имѣлъ фамиліи и въ оффиціальныхъ бумагахъ назывался обыкновенно „попомъ Яковомъ Борисовымъ“. Въ апрѣлѣ 1748 года Румовскій вмѣстѣ съ тремя другими товарищами былъ переведенъ изъ Семинаріи въ Гимназію при Академіи Наукъ и 10-го мая того же года вступилъ въ учрежденный при Академіи Университетъ. Изъ наукъ, преподаваемыхъ въ послѣднемъ, Румовскій избралъ въ 1750 году для спеціальныхъ занятій математику.

Руководителемъ его въ дѣлѣ изученія высшей математики былъ профессоръ Рихманъ. На экзаменѣ въ концѣ 1752 года Румовскій представилъ экзаменаторамъ свое первое математическое сочиненіе: „Нахожденіе прямой линіи посредствомъ тангенсовъ такой, которая бы равна была кривой эллиптической линіи“; имъ, по словамъ экзаменаторовъ (проф. Рихмана, Брауна и Попова), Румовскій „довольно показалъ, что онъ въ математикѣ и въ выкладкахъ изрядный успѣхъ имѣетъ, и ежели онъ съ такимъ же прилежаніемъ и ревностію въ математикѣ и физикѣ вдаль происходить

будетъ, съ какою упражнялся понынѣ, то по общему согласію достоинъ онъ повышенія изъ студентовъ по академическому Регламенту". Пребываніе Румовскаго въ академическомъ Университетѣ окончилось возведеніемъ его въ званіе адъюнкта, состоявшимся 13-го декабря 1753 года на основаніи представленнаго имъ „специмена" подъ заглавіемъ: „Solutio problematis Keplerіani ex dato sectore invenire semiordinata". Такъ какъ въ это время между академиками не было представителя высшей математики, то специменъ Румовскаго посылали въ Берлинъ на разсмотрѣніе Л. Эйлеру, который далъ о немъ вполнѣ удовлетворительный отзывъ, найдя, что сдѣланныя въ немъ выкладки стоили большого труда и несомнѣнно доказываютъ способность автора къ математическимъ вычисленіямъ.

Весною 1754 года Румовскій былъ посланъ въ Берлинъ для дальнѣйшаго изученія математики подъ руководствомъ Эйлера. Недостаточность суммы, ассигнованной на этотъ предметъ Академіею, не позволила, однако, Румовскому пробыть въ Берлинѣ столько времени, сколько было нужно для окончательнаго достиженія поставленной цѣли. Въ августѣ 1756 года онъ возвратился въ Петербургъ. Здѣсь съ рѣдкимъ въ современной академической средѣ рвеніемъ онъ принялся за отправленіе своихъ обязанностей, какъ члена Академіи и профессора академическаго Университета. Въ засѣданіи 20-го января 1757 года онъ прочелъ свой первый мемуаръ: „De dracone volante", оставшійся, впрочемъ, ненапечатаннымъ. Въ этомъ же году появился въ свѣтъ и его первый печатный трудъ научно-популярнаго характера: „Разсужденіе о кометахъ" („Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія", часть II, іюль 1757, 8°, стр. 40—53). Въ Университетѣ Румовскій читалъ (повидимому, съ 1757 г.) лекціи математики на русскомъ языкѣ и, кромѣ того, для нѣкоторыхъ особо назначаемыхъ студентовъ—теоретическую и практическую астрономію. Для руководства своихъ слушателей, въ виду „недостатка на Россійскомъ языкѣ до наукъ касающихся книгъ", Румовскій издалъ въ 1760 году „Сокращенія математики часть первая, содержащая начальныя основанія ариѳметики, геометріи и тригонометріи" (С.-Пб., 8°, 20 + 458 + 4 стр. и 10 таблицъ).

Ораторомъ въ торжественныхъ публичныхъ собраніяхъ Академіи Румовскій выступалъ три раза со слѣдующими рѣчами на русскомъ языкѣ: „Изъясненіе наблюденій по случаю явленія Венеры въ Солнцѣ, въ Селенгинскѣ учиненныхъ, читанное въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ сентября 23 дня 1762 года" (С.-Пб., 4°, 24 стр.); „Рѣчь о началѣ и приращеніи оптики до нынѣшнихъ временъ, при Высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая, говоренная въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ іюля 2 дня 1763 года Астрономомъ и Профессоромъ Экстраординарнымъ Степаномъ Румовскимъ" (С.-Пб., 4°, 2 + 26 стр.); „Содержаніе сочиненій о сутошномъ земли обращеніи, удостоенныхъ награжденія отъ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ, читанное въ публичномъ собраніи октября 10 дня 1783 года" (С.-Пб., 4°, 20 стр.) или во французскомъ переводѣ: „Precis des mémoires couronnés par l'Académie sur le mouvement diurne de la terre" („Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae", t. I, Hist. Acad., p. 122—140). Съ французскаго перевода эта рѣчь была снова переведена на русскій языкъ и напечатана въ „Академическихъ сочиненіяхъ, выбранныхъ изъ перваго тома Дѣяній Императорской Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Nova Acta Academiae Scientiorum Imperialis Petropolitanae" (часть I, 1801, стр. 168—194).

Экстраординарнымъ профессоромъ Румовскій былъ избранъ по предложенію Президента Академіи, графа Разумовскаго, съ 1-го января 1763 года. Въ 1766 году онъ же, несмотря на свою сравнительную молодость, былъ назначенъ членомъ Коммиссіи, поставленной во главѣ Академіи и въ теченіе многихъ лѣтъ завѣдывавшей ея управленіемъ; затѣмъ съ 1767 года онъ былъ уже ординарнымъ профессоромъ астрономіи, съ 1800 года (3-го ноября) назначенъ былъ Вице-Президентомъ Академіи Наукъ и съ 1767 г., сверхъ того, состоялъ ея почетнымъ членомъ.

О качествахъ профессорской дѣятельности Румовскаго можно судить по блестящимъ успѣхамъ въ изученіи практической астрономіи, оказаннымъ, благодаря его

руководству, нѣсколькими моряками-астрономами, командированными Адмиралтействомъ съ цѣлью этого изученія въ Академію Наукъ. Въ награду за труды, приведшіе къ такимъ результатамъ, Румовскій получилъ въ 1799 году (10-го іюля), по представленію Морского вѣдомства, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Кромѣ этого, въ XVIII столѣтіи очень рѣдко даваемаго чина, Румовскій получилъ отъ правительства еще ордена Св. Анны 2-го класса (25-го марта 1802 г.) и Св. Владиміра 3-ей степени (23-го января 1809 г.).

Ученая дѣятельность Румовскаго въ области физико-математическихъ наукъ раздѣлялась главнымъ образомъ между чистою математикою и астрономіею съ геодезіею. Первой принадлежали слѣдующіе мемуары: „Solutio problematis cujusdam ad maxima minimave pertinentis“ („Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae“, Tomus VIII pro annis 1760 et 1761, Petropoli. 1763, 4°, p. 189—194), бывшій первымъ напечатаннымъ въ академическихъ изданіяхъ мемуаромъ автора; „Methodus investigandi integrale aequationis $dp\,(1-p)\,(nn-ss)+ds\,(nn+p^3+ps+pps)=0$“ („Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae“. Pro anno 1781. Pars prior, Petropoli. 1784, 4°, p. 147—154); „Summatio seriei $1^n-2^n+3^n-4^n+5^n-6^n+7^n-8^n+$ etc. denotante n numerum quemcunque integrum“ (читано 5-го октября 1789 года) („Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae“, Tomus VI, Petropoli. 1790, 4°, p. 114—122); „Integratio formulae

$$\frac{dz}{(3-zz)\sqrt[3]{(1+zz)}}$$

aliarumque nonnullarum“ (чит. 22-го января 1795 г.) (тамъ же, т. X, С.-Пб. 1797, p. 126—136); „Integratio formularum

$$\frac{dx}{1+x)\sqrt[3]{(1-z)^3}}\ \text{et}\ \frac{dx\sqrt[3]{(1-x^3)}}{1+x}$$

(чит. 3-го декабря 1795 г.) (тамъ же, т. XI, С.-Пб. 1798, p. 213—219); „Integratio formulae $p^3vvdv=nvdp+npdv\,(1-p)\,(2-p)$“ (чит. 14-го ноября 1797 г.) (тамъ же, т. XII, С.-Пб. 1801, p. 192—195); „Integratio formularum

$$\frac{dz\,(1-zz)^2}{(1+zz)\sqrt[4]{(1+6zz+z^4)^3}}\ \text{et}\ \frac{dz\,(1+zz)^2}{(1-zz)\sqrt[4]{(1+6zz+z^4)^3}}$$

(читано 2-го августа 1807 г.) („Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St-Pétersbourg“, T. II. 1810, 4°, p. 84—94). Главнымъ предметомъ занятій Румовскаго въ области чистой математики былъ такимъ образомъ Анализъ безконечно-малыхъ и въ частности интегральное исчисленіе.

Въ астрономіи и геодезіи работы Румовскаго были главнымъ образомъ практическими. Для наблюденія прохожденія Венеры по солнцу 26-го мая (6-го іюня) 1761 года онъ былъ посланъ Академіею Наукъ въ Селенгинскъ. Вслѣдствіе пасмурной и дождливой погоды ему удалось наблюдать только прикосновеніе западнаго края Венеры съ западнымъ краемъ солнца, да и то вслѣдствіе вѣтра и облаковъ недостаточно точнымъ образомъ. Соединяя свои наблюденія въ Селенгинскѣ съ наблюденіями того же явленія въ другихъ мѣстахъ, Румовскій нашелъ средній горизонтальный параллаксъ солнца равнымъ 8″, 33. Чтобы вознаградить себя и Академію за неудачу въ отношеніи главной цѣли своей поѣздки, Румовскій сдѣлалъ все, что позволяли находившіяся въ его распоряженіи средства: онъ опредѣлилъ долготу Селенгинска, произвелъ въ немъ наблюденія надъ маятникомъ и дѣлалъ метеорологическія наблюденія. Отчетъ о всѣхъ произведенныхъ имъ въ Селенгинскѣ работахъ представляетъ его сочиненіе: „Brevis expositio observationum occasione transitus Veneris per solem in urbe Selenginsk anno 1761 institutarum“ (С.-Пб. 1762, 4°, 28 стр.; также въ „Novi Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae“, T. XI, pro anno 1765, Petropoli. 1767, p. 443—486). Тому же явленію и связаннымъ съ нимъ наблюденіямъ были посвящены еще слѣдующія два сочиненія Румовскаго: „Investigatio parallaxeos solis ex observatione transitus Veneris per discum solis Selenginski habita, collata cum observationibus alibi institutis“ (Petropoli. 1764, 4°, 32 p.; также въ „Novi Commentarii“ etc., T. X, pro anno 1765, Petropoli. 1767, p. 487—538); „Animadversiones in supplementum cel. Pingre ad dissertationem ejus de parallaxi Solis. Cum additamento: Disquisitio errorum tabularum lunarium Maieri ex observatione eclipseos Solis anno 1761 23 maii (3 iunii) instituta“ („Novi Commentarii“ etc., t. XII, pro annis 1766 et 1767, Petropoli. 1768, 4°, p. 575—586).

Для наблюденія слѣдующаго, второго прохожденія Венеры по солнцу—23-го мая (3-го іюня) 1769 года—Румовскій ѣздилъ въ Колу. Эта поѣздка была удачнѣе прежней: благодаря болѣе благопріятной погодѣ, ему удалось наблюдать первыя три фазы явленія, то-есть, первое наружное прикосновеніе краевъ Венеры и солнца и первое и послѣднее внутреннія ихъ прикосновенія. Ускользнула отъ него только послѣдняя фаза — послѣднее наружное прикосновеніе краевъ обоихъ свѣтилъ. Величина средняго горизонтальнаго параллакса солнца, выведенная Деламбромъ изъ сочетанія наблюденій Румовскаго съ наблюденіями другихъ астрономовъ, равнялась 8″, 47. По выраженію Бесселя, Румовскій въ Колѣ болѣе угадывалъ, чѣмъ видѣлъ. Второму прохожденію Венеры по солнцу и относящимся къ нему своимъ наблюденіямъ Румовскій посвятилъ „Observationes spectantes transitum Veneris per discum solis et eclipsin solarem die 23 maii (3 iunii) 1769 Kolae in Lapponia institutae“ (Petropoli, 1769; 4°, 22 p.; также въ „Novi Commentarii“ etc., t. XIV pro anno 1769, Petropoli. 1770, p. 111—153) и „Наблюденія явленія Венеры въ солнцѣ въ Россійской Имперіи въ 1769 году учиненныя съ историческимъ предъувѣдомленіемъ, сочиненнымъ Степаномъ Румовскимъ, Академіи Наукъ членомъ“ (С.-Пб. 1771, 4°, 8+165 стр. и 1 таблица). Въ Колѣ, также какъ и въ Селенгинскѣ, Румовскимъ были произведены опредѣленія долготы и широты и наблюденія магнитныя и метеорологическія.

Съ 1763 года, посли смерти академика Гришова, астрономическая обсерваторія при Академіи Наукъ была передана въ фактическое завѣдываніе Румовскаго, хотя первое время и „подъ дирекціею“ академика Эпинуса. Въ теченіе своего многолѣтняго, продолжавшагося до 1803 года, управленія обсерваторіею Румовскій произвелъ на ней рядъ наблюденій, составившихъ содержаніе слѣдующихъ его мемуаровъ: „Observatio eclipseos lunaris die 19 (30) august. 1765 habita in observatorio Imperiali Petropolitano“ („Novi Commentarii“ etc., t. XI pro anno 1765, Petropoli. 1767, p. 567—568). „Observationes nonnullae in observatorio Imperiali Petropoli habitae (тамъ же, т. XII pro annis 1766 et 1767, С.-Пб. 1768, стр. 587—596). „Observationes nonnullae observatorio Petropoli institutae“ (тамъ же, т. XV pro anno 1770, С.-Пб. 1771, стр. 565—570). „Observationes astronomicae Petropoli anno 1772 institutae“ (тамъ же, т. XVII pro anno 1772, С.-Пб. 1773, стр. 681—685). „Observationes astronomicae Petropoli habitae“ („Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Pro anno 1779. Pars prior“, Petropoli. 1782, 4°, p. 340—348). „Locus lunae ex occultatione γ Virginis anno 1780 die 9 (20) martii observata determinatur“ (тамъ же, pro anno 1780, p. pr., С.-Пб. 1783, стр. 399—403). „Comparatio observationis eclipsis lunae anno 1783 die 7 (18) martii in urbe Charkow habitae cum observatione Petropoli et Parisiis instituta“ (тамъ же, pro anno 1781, p. posterior, С.-Пб. 1785, стр. 380—383). „Commentatio de eclipsi solis anno 1779 die 3 (14) junii observata“ (тамъ же, pro anno 1782, p. pr., С.-Пб. 1786; стр. 344—356). „Commantatio de transitu Mercurii per discum solis anno 1786 die 23 apr. (4 maii) tempore civili Petropoli observato“ (чит. 6-го ноября 1786 г.) („Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae“, t. I, Petropoli. 1783, 4°, p. 376—388), или въ русскомъ переводѣ—„Разсужденіе о явленіи Меркурія въ Солнцѣ въ 1786 году апрѣля 23 (маія 4) дня примѣченномъ“ („Академическія Сочиненія“, часть I, 1801, стр. 75—78). „De momento conjunctionis Mercurii cum Sole nec non latitudine illius tempore transitus per discum solis anno 1786“ (чит. 18-го октября 1787) (тамъ же, т. II, С.-Пб. 1788, стр. 267—274). „De transitu Mercurii per Solem anno 1786 die 23 april. (4 maii) Bagdati observato“ (чит. 22-го ноября 1787) (тамъ же, стр. 275—280). „Observatio eclipsis Solis anno 1787 die 4 (15) junii habita in observatorio Petropolitano“ (чит. 22-го нояб. 1787) (тамъ же, стр. 281). „De eclipsi solis anno 1787 die 4 (15) junii observata“ (чит. 6-го ноября 1788 г.) (тамъ же, т. IV, С.-Пб. 1789, стр. 293—305). „De eclipsi solis anno 1788 die 24 maii (4 junii) observata“ (чит. 29-го апр. 1790) (тамъ же, т. VI, С.-Пб. 1790, стр. 322—329). „Observatio eclipsis solis anno 1791, die 23 Mart (3 April.) Petropoli habita“ (чит. 25-го апр. 1791) (тамъ же т. VII, С.-Пб. 1793, стр. 363—364). „De eclipsi Solis anno 1791 die 23 Mart. (3 April). Petropoli observata“ (чит. 1-го дек. 1791 г.) (тамъ же, стр. 382—387). „Observa-

tiones nonnullae astronomicae Petropoli habitae (Emersiones et immersiones satellitum Jovis 1775, 1778—1785) (чит. 2-го дек. 1793) (тамъ же, т. VIII, С.-Пб. 1794, стр. 379—383). „Commentatio de eclipsi solis anno 1791 die 23 Mart. (3 april.) observata" (чит. 25-го авг. 1796 г.). „Additamentum" (чит. 27-го окт. 1796 г.) (тамъ же, т. X, С.-Пб. 1797, стр. 463—469 и 470—473). „Tentamen investigandi parallaxin Lunae ex eclipsi Solis, quae contigit anno 1793 die 23 mart. (3 april.) (чит. 31-го авг. 1797 г.) (тамъ же, т. XII, С.-Пб. 1801, стр. 415—447). „Observatio transitus Mercurii per discum Solis, habita in observatorio Petropolitano anno 1799 die 26 aprilis (7 maii) tempore civili" (чит. 31-го окт. 1799 г.) (тамъ же, стр. 493—496). „De transitu Mercurii per Solem. Anno 1799, die $\frac{26 \text{ April.}}{7 \text{ Maii}}$ Petropoli expectando" (чит. 13-го авг. 1798) (тамъ же, т. XIV, С.-Пб. 1805, стр. 603—608). „Observatio eclipsis Solis anno 1802, die $\frac{16}{28}$ Augusti habita in Observatorio Petropolitano" (чит. 19-го сент. 1802) (тамъ же стр. 728). Къ этимъ мемуарамъ долженъ быть присоединенъ и еще одинъ, написанный при соучастіи Лекселля: „Observationes astronomicas ab astronomis Academiae Imperialis scientiarum Stephano Rumovski et Andr. J. Lexell. anno 1773 institutas, recensuit And. J. Lexell" („Novi Commentarii" etc., t. XVIII pro anno 1773. Petropoli. 1774, p. 602—630).

Геодезическіе труды Румовскаго состояли, главнымъ образомъ, въ опредѣленіи положенія различныхъ мѣстъ Россійской Имперіи на основаніи наблюденій, произведенныхъ частью имъ самимъ во время его поѣздокъ въ Селенгинскъ и Колу, частью другими астрономами.

Изложенію результатовъ этихъ трудовъ были посвящены слѣдующіе мемуары Румовскаго: „Experimenta circa longitudinem penduli simplicis minuta secunda Kolae et Archangelopoli oscillantis" („Novi Commentarii" etc., t. XVI pro anno 1771, Petropoli. 1772, p. 567—585). „Determinatio latitudinis et longitudinis quorundam Sibiriae locorum deducta ex observationibus a Domino Islenieff institutis anno 1770" (тамъ же, т. XVII pro anno 1772, С.-Пб. 1773, p. 686—703). „Determinatio longitudinis et latitudinis quorundam Moldaviae et Walachiae locorum deducta ex observationibus a Johanne Islenieff institutis" (тамъ же, t. XVIII pro anno 1773, С.-Пб. 1774, p. 631—646). „Determinatio longitudinis et latitudinis quorundam Imperiae Russiae locorum [anno 1773] deducta ex observationibus a Johanne Isleni-ff institutis" („Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae", Pro anno 1777, Pars II, Petropoli. 1780, p. 359—380). „Animadversio in longitudines urbium Neschin, Lubny et Kiowiae" (тамъ же, Pro anno 1781, P. II, С.-Пб. 1785, p. 373—379). „Observationes astronomicae in Chersoneso Taurica anno 1785 institutae a Theodoro Tchernoi. Referente Stephano Rumovski" (тамъ же, Pro anno 1782, P. II, С.-Пб. 1786, p. 329—341). „Determinatio latitudinis et longitudinis fortalitii Mosdok deducta ex observationibus anno 1785 a Theodoro Tchernoi institutis" (чит. въ засѣданіи Академіи 5-го мая 1788 г.)—„Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae", T. III, Petropoli. 1788, p. 298—301). „Determinatio differentiae meridianorum Petropolis, Gothae et Lilienthal ex occultatione a luna binarum stellarum δ Tauri" (чит. 2-го марта 1797 г.) (тамъ же, t. XI, С.-Пб. 1798, p. 511—519). „Meditatio de figura tellutis exactius cognoscenda" (чит. 11 марта 1799 г.) (тамъ же, t. XIII, С.-Пб. 1802, p. 407—417). Широты и долготы разныхъ мѣстъ Россіи, найденныя въ этихъ мемуарахъ, а также и почерпнутыя изъ трудовъ другихъ ученыхъ, Румовскій соединилъ въ таблицы, появившіяся первоначально въ „Мѣсяцесловѣ на лѣто отъ Рождества Христова 1780" подъ заглавіемъ „Таблицы съ показаніемъ широты и долготы мѣстъ Россійской Имперіи чрезъ наблюденія опредѣленныя" (стр. 52—58). Дополненныя новыми опредѣленіями, эти таблицы были еще разъ напечатаны въ 1786 г. и, кромѣ того, помѣщены въ двухъ иностранныхъ изданіяхъ: въ Берлинскихъ „Эфемеридахъ" и въ „Connaissance des temps, à l'usage des astronomes et des navigateurs, pour l'année commune 1789, avec des additions, publiée par ordre de l'Académie Royale des sciences, par M. Méchain, de la même Académie" (Paris. 1786, pp. 328, 346—348 etc.).

Геодезическія работы, произведенныя Румовскимъ во время его поѣздки въ Селенгинскъ и обнаружившія въ немъ искуснаго геодезиста, были едва ли не главною по-

будительною причиною передачи въ 1766 году въ его завѣдываніе учрежденнаго при Академіи Наукъ Географическаго Департамента. Дѣятельность Румовскаго по этой должности, непрерывно занимавшейся имъ до 1803 года, состояла въ теченіе долгаго времени главнымъ образомъ въ составленіи, повѣркѣ и изданіи географическихъ картъ, то-есть, въ той работѣ, которая въ 1730-хъ годахъ стоила Леонарду Эйлеру потери праваго глаза.

Въ области физическихъ наукъ Румовскому принадлежали обработка труда Исленьева: „Observationes meteorologicae anno 1768 et 1769 a Johanne Islenieff in Jakutsk institutae, quarum potiora momenta recensuit Steph. Rumovsky“ (чит. въ засѣданіи 25-го іюня 1795 года) („Nova Acta“ etc., t. X, p. 474—485) и собственное сочиненіе „Methodus exactior declinationem acus magneticae observandi“ („Acta“ 1781, pars I, p. 191—195).

Неоднократно избираемый въ члены коммиссій, назначаемыхъ для разсмотрѣнія представляемыхъ въ Академію сочиненій и новыхъ изобрѣтеній, Румовскій участвовалъ въ составленіи слѣдующихъ докладовъ о результатахъ этихъ разсмотрѣній: Румовскаго, Николая Фусса и Лекселля „Rapport fait à l'Académie au sujet d'un ouvrage de M. l'Abbé Rochon qui a pour titre: Recueil de mémoires sur la mécanique et la physique“ (чит. 30-го іюня 1783 года) („Nova Acta“, t. I, hist, p. 115—119), или въ русскомъ переводѣ „Донесеніе Академіи о сочиненіи аббата Рошона подъ заглавіемъ: „Собраніе механическихъ и физическихъ размышленій“ („Академическія сочиненія“, ч. I, 1801, стр. 38—44). Румовскаго, Крафта и Лекселя „Rapport au sujet d'un nouvel instrument nautique envoyé et soumis à l'approbation de l'Académie, par. M. de Magellan“ („Nova Acta“, t. I, hist., p. 141—150), или въ русскомъ переводѣ „Мнѣніе о новоизобрѣтенномъ корабельномъ орудіи, представленномъ отъ г. Магеллана на разсмотрѣніе Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, читанное въ публичномъ собраніи 10 октября 1783 года“ („Академическія сочиненія“, ч. I, стр. 45—58). Румовскаго и Крафта „Rapport sur un memoire de Mr. Jonathan Williams „On the use of the thermometre in navigation“ („Nova Acta“, t. XII, hist., p. 40—42). Котельникова и Румовскаго „Sur une machine pour mâter les vaisseaux. Extrait du rapport sur un mémoire de Mr Polet“ (тамъ же, t. XIII, hist., p. 35—36).

Въ 1775 году Румовскій, въ прибавленіе къ лежавшимъ уже на немъ обязанностямъ, долженъ былъ взять на себя, по предложенію Академіи, еще новую, состоявшую въ изданіи академическихъ календарей и исполнявшуюся имъ затѣмъ до 1801 года. Дѣло этого изданія передъ его переходомъ въ руки Румовскаго представлялось ежегоднымъ составленіемъ и печатаніемъ на слѣдующій годъ девяти календарей: „Мѣсяцеслова на лѣто отъ Рождества Христова, сочиненнаго на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи“, „Историческаго мѣсяцеслова“, „Географическаго мѣсяцеслова“, „Мѣсяцеслова въ пользу домостроительства“, „Мѣсяцеслова съ наставленіями“; Придворнаго календаря“; „Стѣннаго Календаря“; „Мѣсяцеслова съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ“ и „Дорожнаго Мѣсяцеслова“. Всѣ эти календари вышли и въ первый годъ завѣдыванія ими Румовскимъ; но уже въ слѣдующемъ году онъ нашелъ возможнымъ соединить „Мѣсяцословъ въ пользу домостроительства“ и „Мѣсяцесловъ съ наставленіями“ въ одинъ, имѣющій заглавіями: на 1777 годъ—„Мѣсяцесловъ съ разными наставленіями, а паче служащими къ домостроительству“ и на слѣдующіе годы—„Мѣсяцесловъ съ наставленіями“. Та же участь постигла въ слѣдующемъ году „Мѣсяцесловъ историческій“ и „Мѣсяцесловъ географическій“, которые вышли на 1778 годъ уже въ соединенномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Мѣсяцословъ историческій и географическій“. Позднѣе всѣ эти, преобразованные Румовскимъ календари были совсѣмъ прекращены: „Мѣсяцесловъ съ наставленіями“ съ 1787 года, а „Мѣсяцесловъ историческій и географическій“ съ 1798 года. Труды самого Румовскаго въ дѣлѣ изданія календарей состояли главнымъ образомъ въ составленіи астрономическаго отдѣла, въ группировкѣ матеріала, получаемаго Академіею изъ различныхъ источниковъ и отъ разныхъ вѣдомствъ, и въ общемъ редактированіи. Что касается астрономическаго отдѣла, то его содержаніе въ „Мѣсяцесловѣ, сочиненномъ на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи“, составляли: долгота дней и ночей, восхожденіе и захожденіе солнца въ главныхъ городахъ Россіи, явле-

ніе планетъ, кульминаціи луны и „Выписка учиненнымъ при Санктпетербургской Академіи Наукъ наблюденіямъ о погодахъ и воздушныхъ приключеніяхъ". Къ этому постоянному содержанію отдѣла Румовскій въ первые годы своего завѣдыванія изданіемъ календарей находилъ иногда нужнымъ прибавлять еще небольшія астрономическія статьи, обыкновенно не подписанныя авторомъ и, повидимому, принадлежащія самому Румовскому. Этими статьями были: въ „Мѣсяцесловѣ" на 1779 годъ „Способъ по горизонтальнымъ солнечнымъ часамъ находить время посредствомъ луны" (стр. 54—57); въ „Мѣсяцесловѣ" на 1780 годъ—упомянутыя уже таблицы географическихъ положеній мѣстъ; „Таблицы, по которымъ, по данному году, мѣсяцу и числу, можно находить день недѣли, въ которой то число было или впредь будетъ, вычисленныя по „Іуліанскому счисленію" (стр. 58—61); „Какъ боевые и карманные часы ставить исправно" (стр. 62—65); „Увѣдомленіе о Кометѣ, въ 1780 и 1781 ожидаемой" (стр. 66—70) и въ „Мѣсяцесловѣ" на 1781 годъ—„Собраніе разныхъ астрономическихъ знаній" (20 стр.). Также Румовскому принадлежало, повидимому, и помѣщенное рядомъ съ послѣднею изъ названныхъ сейчасъ статей „Собраніе разныхъ знаній о законахъ рожденія и смертности въ родѣ человѣческомъ" (21 стр.).

Дѣятельность Румовскаго, какъ популяризатора науки, не ограничилась календарными работами и произнесеніемъ общедоступныхъ рѣчей въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи, но распространилась также и на издаваемыя Академіею періодическія изданія популярнаго характера. Онъ былъ редакторомъ двухъ изъ нихъ: „Академическихъ Извѣстій" (1779—1781, 8 частей, 8°) и „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій" (1786—1796, 20 частей, 8°). Первое онъ редактировалъ только нѣкоторое время; во второмъ помѣстилъ слѣдующія свои статьи: „Разсужденіе о предсказаніи погоды" („Новыя ежемѣсячныя сочиненія" 1786, Часть I, стр. 1—13); „Разсужденіе о вопросѣ, убываетъ ли на шарѣ земномъ количество воды, или постоянно одно и то же количество ея сохраняется?" (Тамъ же, ч. V, стр. 12—39; продолженіе—1787, ч. VII, стр. 83—114). Обѣ эти статьи подписаны буквами С. Р. Кромѣ нихъ, были, вѣроятно, и другія изъ числа неподписанныхъ авторами, также принадлежащія Румовскому. Въ XIX столѣтіи онъ помѣстилъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ подъ своею подписью слѣдующія статьи популярнаго характера: „Извѣстіе о новой планетѣ"—„Ученыя Извѣстія" прибавленіе къ „Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ" 1802, стр. 3—5); „О различіи Юліанскаго и Грегоріанскаго счисленія времени" (тамъ же, стр. 59—62; „Технологическій Журналъ" (прибавленіе), 1806, часть I, стр. 1—11); въ немъ же была помѣщена и статья „Извѣстіе о новой планетѣ" (на стр. 19—26). Кромѣ собственныхъ популярныхъ статей, Румовскому принадлежатъ еще слѣдующіе переводы иностранныхъ сочиненій того же рода: „Извѣстіе о новѣйшихъ опытахъ въ Англіи, учиненныхъ въ разсужденіи опредѣленія долготы мѣста. Изъ Астрономическаго Парижскаго календаря" („Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ" 1764 г., Часть I, стр. 347—377); „Письма о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ, писанныя къ нѣкоторой нѣмецкой принцессѣ" (8°; часть I, 14+319 стр. и 1 таблица, С.-Пб. 1768; ч. II, 12+339 стр. и 3 табл., С.-Пб. 1772; ч. III, 14+406 стр. и 9 табл., С.-Пб. 1774; 2-ое изданіе, С.-Пб. 1785; 3-е изд., С.-Пб. 1790—91; 4-ое изд., С.-Пб. 1796). „Письма" были написаны Леонардомъ Эйлеромъ къ его ученицѣ, принцессѣ Ангальтъ-Дессау изъ Прусскаго Королевскаго Дома; „Всеобщая и частная Естественная Исторія графа де Бюффона". Часть I, переведенная Румовскимъ и Лепехинымъ (С.-Пб. 1789, 4°, 378 стр. и 5 листовъ. Изд. 2-ое, С.-Пб. 1792). „Похвальная рѣчь покойному Леонгарду Эйлеру, сочиненная на французскомъ языкѣ и читанная въ собраніи Академіи октября 23 дня Николаемъ Фуссомъ" („Академическія сочиненія", ч. I, 1801, стр. 97—167). Изъ спеціальныхъ сочиненій Румовскимъ было переведено только одно „Руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, служащимъ къ опредѣленію долготы и широты мѣстъ, въ пользу офицеровъ Генеральнаго Штаба по Высочайшему повелѣнію сочиненное Фридерикомъ Ѳедоромъ Шубертомъ" (С.-Пб. 1803, 8°, IV+113 стр. и 1 таблица).

Пріобрѣтенное Румовскимъ еще въ молодости многостороннее образованіе позволило ему развить свою ученo-литературную дѣятельность не только въ области

физико-математическихъ наукъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ литературы и науки. Такъ, въ изданіи французскаго ученаго Робине „Dictionnaire universel des sciences morales, économiques, politiques et diplomatiques, ou bibliothèque de l'homme d'état et du citoyen“ (Londres — Neuchatel). 1777—1783, 30 volumes) Румовскій, по порученію Академіи Наукъ, вызванному обращеніемъ къ ней издателя, помѣстилъ статью „Des divers changements arrivés dans les lois Russes jusqu'à ce jour et de la rédaction d'un nouveau Code Russe“ (t. XXVIII, 1783, pp. 40—69). По мысли Академіи, эта статья должна была составлять простое извлеченіе изъ рѣчи академика Штрубе-де-Пирмонта: „Discours sur l'origine et les changements des lois russiennes, lu dans l'assemblée publique de l'Académie Impériale des sciences le 6 septembre 1756, à l'occasion de l'anniversaire du jour du nom de sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies etc. par Mr Strube de Piermont“. Но Румовскій не нашелъ возможнымъ ограничиться однимъ извлеченіемъ и ввелъ въ статью много своего: онъ измѣнилъ нѣсколько порядокъ изложенія, вновь сообщилъ подробныя свѣдѣнія о Наказѣ Екатерины II и разсмотрѣлъ законодательную дѣятельность Петра Великаго съ обстоятельностью и подробностями, далеко превосходящими оригиналъ. Еще болѣе самостоятельными были работы Румовскаго, какъ члена Россійской Академіи.

Основанная въ 1783 году, эта Академія, согласно ея Уставу, должна была имѣть своими цѣлями „очищеніе и обогащеніе русскаго языка, установленіе употребленія словъ, свойственное русскому языку витійство и стихотворство“. Вмѣненными ей въ обязанность средствами достиженія этихъ цѣлей были составленіе и изданіе русской грамматики, русскаго словаря, риторики и правилъ стихотворства. Въ спискѣ первыхъ членовъ Академіи, назначенныхъ ко дню ея открытія 21-го октября, находился и Румовскій. Кромѣ исправнаго посѣщенія засѣданій и дѣятельнаго участія въ преніяхъ, въ нихъ происходившихъ, дѣятельность Румовскаго, какъ члена Россійской Академіи, имѣла и разнообразныя другія проявленія. Для толковаго Словаря, изданнаго Академіею въ шести томахъ (in 4°), выходившихъ соотвѣтственно въ 1789, 1790, 1792, 1793 и 1794 (V-й и VI-й) годахъ подъ заглавіемъ „Словарь Академіи Россійской“, Румовскій доставилъ приведенное въ порядокъ собраніе словъ на букву Е, объясненія математическихъ и астрономическихъ терминовъ и слова, выбранныя изъ „Новгородскаго Лѣтописца“. Примѣрами данныхъ Румовскимъ объясненій терминовъ могутъ служить „Звѣздоблюститель — Обсерваторъ, наблюдающій свѣтила небесныя“ (т. III, стр. 32); „Наблюдалище—Строеніе, мѣсто, гдѣ дѣлаются наблюденія“ (I, 236); „Геометрія — Наука, имѣющая предметомъ все то, что измѣряемо быть можетъ въ длину, ширину и вышину, и служитъ основаніемъ другимъ частямъ математики“ (II, 33); „Числословіе—Ариѳметика“ (VI, 779). За свои труды по составленію и изданію Словаря Румовскій получилъ отъ Россійской Академіи золотую медаль. При дѣятельномъ участіи Румовскаго происходило также и изданіе Академіею другого Словаря, отличавшагося отъ перваго какъ расположеніемъ словъ въ алфавитномъ порядкѣ, а не по корнямъ, такъ и многими измѣненіями и дополненіями. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ 1806—1822 годахъ въ шести частяхъ подъ заглавіемъ „Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный“ (in 4°). Для него Румовскій сообщилъ и привелъ въ алфавитный порядокъ объясненія словъ и реченій на букву О и вмѣстѣ съ Озерецковскимъ передъ началомъ изданія составилъ его планъ.

Изъ сочиненій, представляемыхъ въ Россійскую Академію для напечатанія или для соисканія премій, Румовскій, по ея порученію, далъ письменные разборы и отзывы о „Glossaire Russe“ академика Штрубе-де-Пирмонта; о „Правилахъ русскаго правописанія“, собранныхъ членомъ Академіи В. Г. Григорьевымъ; о „Руководствѣ къ логикѣ“ И. С. Рижскаго; о русскомъ переводѣ „Образцоваго расположенія человѣческихъ познаній; о планѣ риторики академика Озерецковскаго и объ одномъ изъ конкурировавшихъ на премію похвальныхъ словъ Царю Іоанну IV.

Участіе Румовскаго въ переводческой дѣятельности Россійской Академіи выразилось въ стоившемъ ему большихъ трудовъ и даже непріятностей переводѣ „Анналовъ“ Тацита съ латинскаго языка и въ переводѣ рѣчи Геллерта съ нѣмецкаго языка. Къ

первому изъ этихъ переводовъ, напечатанному вмѣстѣ съ латинскимъ подлинникомъ въ четырехъ томахъ (С.-Пб. 1806—1809) подъ заглавіемъ „Лѣтопись К. Корнелія Тацита", Румовскій приложилъ двѣ помѣщенныя въ началѣ I тома собственныя статьи: „Извѣстіе о жизни Тацита" и „Краткое изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ лѣтописи Корнелія Тацита". Второй переводъ, подъ заглавіемъ: „Рѣчь Геллерта о причинахъ преимущества древнихъ писателей предъ новѣйшими, особливо въ стихотворствѣ и краснорѣчіи", былъ напечатанъ въ возникшемъ при дѣятельномъ участіи Румовскаго періодическомъ изданіи „Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею" (7 частей, 1805—1823 годы).

Румовскій не отстранялся также и отъ участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ Россійской Академіи. Избранный въ члены Комитета, завѣдывавшаго постройкою академическихъ зданій, онъ много способствовалъ успѣшному окончанію этого дѣла. Съ 16-го января 1812 г. Р. былъ почетнымъ членомъ Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ Университетѣ.

Педагогическая дѣятельность Румовскаго не ограничивалась исполненіемъ профессорскихъ обязанностей, но распространялась также на среднія и низшій школы. Въ 1776—83 годахъ онъ былъ инспекторомъ учрежденной въ Петербургѣ для „чужестранныхъ одновѣрцевъ" и въ особенности Грековъ Гимназіи, а съ 1803 года сдѣлался и затѣмъ оставался до конца жизни членомъ Главнаго Правленія Училищъ и былъ первымъ Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа (съ 20-го іюня 1803 по 9-е іюля 1812 г.). Въ Гимназіи учебное дѣло было поставлено Румовскимъ такъ хорошо, что въ обществѣ стали смотрѣть на нее, какъ на одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній Петербурга. Слѣдствіемъ этого взгляда было вступленіе въ пансіонеры Гимназіи многихъ дѣтей изъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Открывъ Казанскій Университетъ, Румовскій употребилъ много труда и усилій для привлеченія къ нему лучшихъ профессоровъ. Въ какой степени былъ удаченъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣланный имъ выборъ, показываетъ приглашеніе изъ-за границы такихъ выдающихся профессоровъ, какъ математикъ Бартельсъ и астрономъ Литтровъ. Однако, новѣйшій историкъ Университета находитъ въ дѣятельности Румовскаго въ Казани много отрицательныхъ чертъ. Въ своей дѣятельности въ Главномъ Правленіи Училищъ Румовскій являлся сторонникомъ постепеннаго, свободнаго отъ скачковъ, прогрессивнаго движенія. Такъ, взявъ на себя вмѣстѣ съ Озерецковскимъ и Фуссомъ разсмотрѣніе учебниковъ для среднихъ и низшихъ школъ, онъ всегда руководился мыслью, что прежніе учебники должны быть только тогда замѣняемы новыми, когда послѣдніе превосходятъ ихъ въ чемъ-нибудь существенномъ.

Свобода слова не занимала Румовскаго и даже, повидимому, какъ это ни странно въ писателѣ, не имѣла его своимъ сторонникомъ. По его настоянію, напримѣръ, редакціи издаваемыхъ Академіею Наукъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" были въ 1790 году запрещены всякія сообщенія, которыя могутъ умалить значеніе Академіи въ глазахъ русскаго общества.

Имя Румовскаго, главнымъ образомъ какъ астронома, получило, благодаря его работамъ, извѣстность и за границею. Онъ былъ избранъ въ члены Стокгольмской королевской Академіи Наукъ, а его біографія вмѣстѣ съ портретомъ появилась въ 1800 году подъ заглавіемъ „Stephan von Rumovski, russisch-kaiserlicher wirklicher geheimer Staats-Rath, kaiserl. Astronom, Mitglied der St.-Petersburger und anderer Academien der Wissenschaften" въ журналѣ барона Цаха: „Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erd und Himmelskunde" (Erster Band, S. 281—291). Эта біографія, въ составленіи которой принималъ участіе и самъ Румовскій, какъ находившійся въ перепискѣ съ Цахомъ, послужила для появившихся послѣ нея справочныхъ иностранныхъ изданій, а также и для сочиненій по исторіи астрономіи, главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности Румовскаго. Упомянутыми справочными изданіями были: J. J. Lalande: Bibliographie astronomique avec l'histoire de l'astronomie depuis 1781 jusqu'à 1802. (Paris, 1803, p 479—480); Meyer's Conversation-Lexicon, VI Band, zweite Abtheilung (1851, S. 621) и Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften von Poggen-

dorff, II Band (1863, S. 720). Изъ сочиненій по исторіи астрономіи можно указать, какъ на содержащія свѣдѣнія о Румовскомъ и его астрономическихъ работахъ, на Geschichte der Astronomie von *Rudolf Wolf* (München. 1877, S. 644) и на Geschichte der Himmelskunde von Dr. *Mädler* (2 тома, Braunschweig. 1873).

Румовскій умеръ въ Петербургѣ 6-го іюля 1812 года, отъ припадка паралича. Его смерть вызвала появленіе трехъ посвященныхъ ему некрологовъ, далеко, впрочемъ, уступающихъ по точности и обстоятельности сообщаемыхъ свѣдѣній біографіи въ журналѣ Цаха. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ № 57 отъ 16-го іюля 1812 г. „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей"; второй, почти тождественный по содержанію съ первымъ, появился на французскомъ языкѣ въ „Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg" (t. V, 1815, Histoire de l'Académie pour l'année 1812, p. 3—6) и третій — въ № XXXIV „Періодическаго сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія" (1813 г., стр. 154—156). Біографическіе очерки, посвященные Румовскому въ болѣе позднее время, появлялись частью въ словаряхъ, частью въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи науки и литературы въ Россіи. Изъ первыхъ достаточно назвать „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей" митрополита Евгенія (т. II, 1845, стр. 156—158), а изъ вторыхъ—„Опытъ краткой исторіи русской литературы" *Греча* и „Казанскій Университетъ въ Александровскую эпоху" Н. Н. Булича („Извѣстія и ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета" 1875, № 1, стр. 20—40 и 45—48) и его же книга „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета" (т. I, Каз. 1887). Единственная подробная и довольно полная біографія Румовскаго, занимающаяся главнымъ образомъ его дѣятельностью въ Россійской Академіи, написана академикомъ Сухомлиновымъ и напечатана въ его „Исторіи Россійской Академіи" (вып. II, 1875, стр. 3—157 и 389—451).

Въ печати появились не всѣ написанныя Румовскимъ сочиненія. Кромѣ его, уже упомянутыхъ выше студенческихъ работъ, какъ на оставшіяся ненапечатанными можно указать на „Examen observationum occasione transitus Veneris a Popovio Irkuzki habitarum" (представлено въ засѣданіи Академіи 8-го марта 1764 года); „Положеніе государства Россійскаго на земномъ шарѣ" и „Климаты Россійскіе, судя по наблюденіямъ погоды". Послѣднія два сочиненія авторъ приготовлялъ для задуманнаго Академіею Наукъ въ 1777 году, но не вышедшаго въ свѣтъ изданія подъ заглавіемъ: „Начертаніе общаго топографическаго и физическаго описанія Россійской Имперіи, предпріятаго Императорскою Санктпетербургскою Академіею Наукъ".

Къ сочиненіямъ Румовскаго можетъ быть причислена также еще и не подписанная авторомъ статья „О системѣ міра", напечатанная въ издававшемся Академіею Наукъ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова" (1783 г., часть II, стр. 166—191; ч. V, стр. 173—185); основаніемъ для этого причисленія служитъ упоминаніе въ двухъ письмахъ Румовскаго къ Миллеру о составляемой первымъ статьѣ по предмету системы міра.

Перечисленные выше источники, а также: „Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн." 1865, III, 190; Справочный Энциклопедическій Словарь Крайя, подъ ред. Старчевскаго, т. IX, ч. 2, стр. 223; А. Н. Пыпинъ, Исторія Русской Этнографіи, т. I; „Словарь членовъ Общества Любителей Россійской словесности", М. 1911, стр. 244; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 281; Н. П. Загоскинъ, Исторія Имп. Казанскаго Университета, т. I—IV, Казань. 1902—1906, pass. (съ портр.); Сорокъ семь портретовъ членовъ Имп. Россійской Академіи. Съ историческою справкою Б. Л. Модзалевскаго, С.-Пб. 1911; Протоколы Конференціи Имп. Академіи Наукъ, т. II—IV, С.-Пб. 1899—1911 гг., pass.

В. В. Бобынинъ.

Румяной, *Никита*, былъ митрополичьимъ дьякомъ въ 1569—1572 гг.; вѣроятно, онъ же съ февраля 1588 по іюль 1589 г. былъ дьякомъ Большого Прихода.

„Арх. Строева", I, стр. 495, 500; Акты Арх. Эксп., I, 314, № 342 и III, стр. 152; „Рус. Ист. Библ.", XIV, стр. 827; Акты Юр., № 209, V (Арх. Строева, I, № 336 и 339), № 214, II; Акты Ист., I, № 152; Н. Лихачевъ, Разр. дьяки, 473.

А. Андреевъ.

Румянцова, графиня *Екатерина Михайловна*, дочь знаменитаго сподвижника Петра I, фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына отъ брака его съ Татьяною Борисовною Куракиною и родная сестра полководца временъ Екатерины II князя Николая Михайловича Голицына; род.

25-го сентября 1724 г. въ Москвѣ; впрочемъ, о годѣ рожденія графини Румянцовой существуетъ не малое разногласіе: такъ, графъ Д. А. Толстой говоритъ, что она родилась 25-го сентября 1714 г. и по достиженіи уже 34-лѣтняго возраста вступила въ бракъ съ графомъ П. А. Румянцовымъ; авторъ изслѣдованія о родѣ князей Голицыныхъ, г. Серчевскій, заявляетъ, что она родилась въ 1723 г., но того же 25-го сентября; князь Лобановъ-Ростовскій, въ своей Русской Родословной Книгѣ, т. II, принимаетъ годомъ рожденія графини 1725 годъ; авторъ книги „Родъ Князей Голицыныхъ", т. I,—князь Н. Н. Голицынъ показываетъ, что она родилась въ 1724 году того же 25-го сентября; этотъ годъ изображенъ и на ея надгробномъ памятникѣ въ Москвѣ и подтверждается не только словами самой графини въ письмѣ къ ея супругу, въ которомъ она высказываетъ, что она ему ровесница (графъ родился въ 1724 году), но также письмомъ ея отца князя М. М. Голицына къ князю Борису Ивановичу Куракину, что „Всевышній даровалъ ему дочь *Екатерину* сего 25-го сентября 1724 года". („Старина Новизна", вып. XIV, стр. 88). Проживая въ домѣ своихъ родителей, княжна получила хорошее для того времени образованіе, владѣла хорошо французскимъ языкомъ, знала также и нѣмецкій,—но хуже. О дѣтствѣ и молодости ея свѣдѣній не имѣется; извѣстно только, что, имѣя 24 года, она вступила въ бракъ съ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ, въ то время извѣстнымъ, впрочемъ, болѣе различными неблаговидными своими приключеніями, не безъизвѣстными даже Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ: свою громкую боевую славу онъ пріобрѣлъ гораздо позднѣе, а въ 1740-хъ гг. онъ былъ только очень молодымъ полковникомъ (благодаря своему отцу), имѣлъ небольшія средства, могъ сдѣлать блестящую карьеру въ силу служебнаго положенія возведеннаго въ графское достоинство родителя своего, былъ красивъ собою, уменъ, любимъ женщинами и т. д. Все это дѣлало молодого Румянцова желательнымъ женихомъ для молодой княжны, которая обладала очень привлекательной наружностью, была умна, владѣла немалымъ состояніемъ и обширными, при томъ, родственными связями. Можно предположить, что княжну, по обычаямъ того вѣка, не много разспрашивали о ея чувствахъ къ будущему супругу,—и родители обѣихъ сторонъ, по взаимнымъ переговорамъ, заключили въ 1748 году бракъ своихъ дѣтей, оказавшійся вскорѣ же неудачнымъ. Причину этой неудачи графъ Д. А. Толстой объясняетъ значительною разницею лѣтъ обоихъ супруговъ: по его словамъ, жена оказывалось старѣе мужа на 10 лѣтъ Но такой разницы не было: супруги были почти *однихъ лѣтъ*, и на основаніи всей жизни молодой графини надо искать причину ея несчастнаго брака въ характерѣ ея супруга, вся жизнь котораго ясно доказываетъ, что онъ былъ человѣкъ, не владѣвшій своими страстями и прихотями, не постигшій всѣхъ обязанностей супружеской жизни, а главное—не желавшій себя въ чемъ-либо стѣснять и подчиняться требованіямъ нравственнаго долга. Онъ и послѣ супружества не воздержался отъ различныхъ увлеченій и приключеній, которыя вскорѣ привели къ тому, что онъ совсѣмъ покинулъ супругу, оказавшуюся на дѣлѣ образцовою, попечительною матерью, прекрасною, разсудительною хозяйкою, отлично управлявшею хозяйствомъ, и при томъ вѣрною и любящею супругою, добивавшеюся если не до самой своей кончины, то очень долго совмѣстнаго супружескаго житья съ мужемъ „*такъ, какъ жила первые годы*". Проживая первое время брачной жизни сначала въ Москвѣ зимою, а лѣтомъ въ принадлежавшемъ княгинѣ подмосковномъ имѣніи Стрепковѣ, супруги Румянцовы жили согласно; вскорѣ у нихъ родилась дочь, прозывавшаяся Танюша, но рано умершая, а затѣмъ родился сынъ Михаилъ—въ 1750 году, потомъ Николай—въ 1754 г. и Сергій—17-го марта 1755 г., чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ рожденія Николая. Вскорѣ послѣ этого возникла въ Европѣ Семилѣтняя война, на которую отправился и молодой гр. П. А. Румянцовъ. Война окончилась для него благополучно и въ продолженіе ея онъ былъ произведенъ изъ полковниковъ прямо въ генералъ-аншефы, прославился взятіемъ Кольберга и вмѣстѣ съ тѣмъ возымѣлъ намѣреніе остаться въ Данцигѣ; онъ писалъ супругѣ, что боленъ, намѣренъ оставить службу, а на самомъ дѣлѣ, забывъ супругу и дѣтей, увлекся какою-то обывательницею Данцига и намѣревался ѣхать съ нею за границу, на воды, на что требовалъ отъ жены денегъ. Супруга денегъ не дала и отвѣчала рядомъ

писемъ, въ которыхъ упорно отстаивала свои права супруги, упрекала мужа въ невѣрности, напоминала ему о дѣтяхъ и т. д. Весь длинный рядъ писемъ графини Е. М. Румянцовой, большею частью изданный графомъ Д. А. Толстымъ, а также еще хранящійся неизданнымъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, не достигъ желаемой цѣли. Графъ, отдавая своей супругѣ должную справедливость за попеченіе о дѣтяхъ и о хозяйствѣ, въ то же время всячески браннымъ образомъ писалъ ей, что видѣть ее не желаетъ. Прибывъ въ Петербургъ въ 1762 г., онъ не сообщилъ ей о своемъ пріѣздѣ, и графиня, стороною узнавъ о возвращеніи мужа въ отечество, продолжала ему писать о совмѣстной жизни, тѣмъ болѣе необходимой, что дѣти подрастали, необходимо было давать имъ образованіе, средствъ же на это было недостаточно вообще, а при житьѣ на два дома—еще затруднительнѣе имѣть таковыя. Она въ каждомъ письмѣ писала мужу о его дѣтяхъ, надѣясь тѣмъ возвратить его къ себѣ, но все это оставалось безъ успѣха. Она даже предлагала ему жить въ одномъ помѣщеніи только для видимости, *pro forma*, въ отстраненіе разныхъ толковъ и пересудовъ, но графъ не соглашался и на это. Къ сожалѣнію, письма самого графа П. А. Румянцова къ его супругѣ до сихъ поръ неизвѣстны: не только не напечатаны, но неизвѣстно,—хранятся ли гдѣ-либо.

Съ назначеніемъ графа П. А. Румянцова въ 1765 г. правителемъ Малороссіи, супруга его отправилась также въ Глуховъ,—въ то время мѣстопребываніе правителя Малороссіи, — чтобы не подать повода къ разнымъ толкамъ объ отношеніяхъ ея къ супругу, который самъ въ 1765 и 1766 г. почти не бывалъ въ своей резиденціи и находился въ разъѣздахъ то по ввѣренной ему Малороссіи, то въ Петербургъ, то въ Буртневъ (его имѣніе въ Лифляндіи). Графиня скучала, много писала своему мужу и, наконецъ, покинувъ Малороссію въ началѣ 1767 г., возвратилась въ Москву. Съ этого времени по день своей кончины въ 1779 г. она состояла только въ перепискѣ съ супругомъ. Она повидимому уже потеряла надежду жить вмѣстѣ съ нимъ и писала ему преимущественно о хозяйственныхъ дѣлахъ, о дѣтяхъ и объ ихъ обученіи, что̀ всецѣло оказалось возложеннымъ на нее одну: отецъ вовсе этого не касался. Графиня напоминала мужу своему, что долгъ его давать дѣтямъ воспитаніе (разумѣя это въ обширномъ значеніи слова, т.-е. воспитывать и обучать); что она сама все согласна дѣлать для дѣтей своихъ; что она лично, со своей стороны, съ радостію отдала бы ихъ и въ Кадетскій Корпусъ, и послала бы въ чужіе краи, видя что не имѣетъ способа сама воспитывать ихъ, какъ надобно, въ Москвѣ; она добавляла при этомъ: *за что это образованіе отнимать у нихъ* (т.-е. дѣтей). Не получая отъ супруга своего даже отвѣта на все это, она предлагала ему просить Ея Величество чрезъ графиню Пр. А. Брюссъ объ отпускѣ на каждаго изъ ея сыновей по 800 руб. въ годъ для отправки ихъ за границу и на содержаніе ихъ тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Узнавъ, что дѣти графа Разумовскаго отданы въ учрежденный Г. Н. Тепловымъ особый пансіонъ, она просила мужа, находившагося временно въ Петербургѣ, узнать объ этомъ пансіонѣ, намѣреваясь временно помѣстить въ него своихъ сыновей, и добавляла, что „она лично съ радостію отдала бы ихъ въ чужіе края“. Между тѣмъ, чтобы не терять времени въ обученіи дѣтей, она взяла отставного артиллерійскаго подполковника учить ихъ ариѳметикѣ. Позднѣе изъ ея писемъ усматривается, что въ домѣ ея является учитель для дѣтей—маіоръ Прусской службы, *родомъ Швейцаръ*, нѣкто Цвилеръ, который прибылъ сюда для службы, но, не имѣя протекціи, по нуждѣ пошелъ обучать дѣтей, съ условіемъ, чтобы звали гувернеромъ, а не учителемъ. Кондиціи его были сносныя: онъ согласился сверхъ содержанія и экипажа получать 300 руб. въ годъ и сверхъ того *дусеры*, т.-е. подарки. Такимъ образомъ, у дѣтей графини находился гувернеромъ Прусскій маіоръ и учителемъ математики—подполковникъ. Потомъ былъ еще маіоръ французской службы Моно, а также нѣкто Лаянсъ,—впрочемъ, недолго. Заботясь ничего не упускать, что по смыслу ея, а также по ея возможности и силамъ (средства денежныя были незначительны) она въ состояніи была сдѣлать для образованія своихъ сыновей, графиня Екатерина Михайловна позднѣе, когда сыновья ея становились болѣе взрослыми, находила нужнымъ обучать ихъ также верховой ѣздѣ, танцамъ, фехтованію (какъ она пишетъ „биться на рапи-

рахъ"), рисованію и кромѣ того географіи, исторіи, но только денегъ у нея не хватало. Это можетъ свидѣтельствовать о неблестящемъ въ это время денежномъ положеніи графини Румянцовой, которое понуждало ее и ранѣе дѣлать по возможности сокращенія въ расходахъ—даже необходимыхъ. Оно побудило ее еще въ 1765 г. даже сократить учебный персоналъ ея дѣтей, отправляясь изъ Москвы въ Украйну, гдѣ супругъ ея былъ генералъ-губернаторомъ. Она спрашивала тогда его мнѣнія: надо ли ей брать съ собою француза, живущаго въ домѣ, а также и нѣмца Цвилера, высказывала, что намѣрена взять одного нѣмца, ибо онъ можетъ учить не только нѣмецкому и латинскому, но также и французскому, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и математикѣ. При этомъ она хотѣла знать, нельзя ли будетъ въ Украйнѣ обучать дѣтей ея вмѣстѣ съ другими. Въ Украйнѣ она пробыла, какъ сказано выше, весьма не долго и, возвратясь въ Москву, продолжала заботиться о воспитаніи своихъ трехъ сыновей, которымъ, несмотря на нелады съ своимъ супругомъ, сумѣла внушить изумительную привязанность, преданность и какъ бы благоговѣніе къ совсѣмъ не заботившемуся о нихъ отцу—какъ это можно усмотрѣть изъ писемъ сыновей къ послѣднему, не всегда изъявлявшему желаніе даже просто видѣть ихъ. Графиня, не теряя надежды вернуть къ себѣ своего супруга, подробно писала ему о дѣтяхъ и объ ихъ занятіяхъ, о всѣхъ своихъ хлопотахъ и заботахъ по хозяйству и управленію различными имѣніями и домами въ Москвѣ, о домашнихъ дѣлахъ и даже объ исполненіи ею различныхъ порученій своего супруга, которому она заказывала мундиры, шляпы, чепраки, винчуры и т. д. По мѣрѣ того, какъ сыновья ея подростали, являлась для графини новая забота — объ опредѣленіи ихъ на службу. Она намѣревалась опредѣлить старшаго сына, въ концѣ 1768 г., волонтеромъ въ армію подъ начальствомъ своего супруга, чтобы была оказія сыну научиться военному дѣлу. Но, встрѣтивъ упорное несогласіе на это со стороны мужа, опредѣлила его въ л.-гв. Преображенскій полкъ и хлопотала о полномъ его снаряженіи, отправляя въ Петербургъ. Затѣмъ подошла очередь заботамъ о службѣ остальныхъ двухъ ея сыновей, которые оба были записаны въ л.-гв. Конный полкъ. Но уже въ началѣ 1768 г., по совѣту графа Брюса, она хлопотала о переводѣ сына Николая въ л.-гв. Семеновскій полкъ, при чемъ Брюсъ изъявилъ готовность взять его въ ординарцы и доставить ему возможность жить дома, числясь на службѣ. Скоро они были произведены оба въ прапорщики (въ 1769 г.), а затѣмъ пожалованы, 1-го августа 1772 г., камеръ-юнкерами, послѣ чего вскорѣ, въ 1774 г., отправились, для дальнѣйшаго своего образованія, за границу, при чемъ графиня-мать заботилась о снабженіи ихъ деньгами и сожалѣла, что отецъ ихъ даетъ имъ слишкомъ мало. Но еще ранѣе этого графиня была принуждена покинуть родную Москву: будущій Наслѣдникъ престола, Великій Князь Павелъ Петровичъ достигъ уже возраста для вступленія въ бракъ, и въ супруги ему была избрана Принцесса Гессенъ-Дармштадтская, позднѣе получившая, при святомъ крещеніи, имя Наталіи Алексѣевны. Встрѣтить Принцессу въ Москвѣ въ 1773 г. назначена была, по указанію, безъ сомнѣнія, гофмейстерши, графини Маріи Андреевны Румянцовой, и ея дочери, графини Прасковьи Александровны Брюсъ (какъ извѣстно, обѣ пользовались большимъ расположеніемъ Императрицы), графиня Екатерина Михайловна, которую Екатерина II встрѣчала и ранѣе. Графиня исполнила возложенное на нее порученіе—и въ день бракосочетанія Великаго Князя, 15-го августа 1773 г., была пожалована въ дѣйствительныя статсъ-дамы и назначена гофмейстериною при маломъ дворѣ Великаго Князя. По этой новой должности она участвовала во всѣхъ проявленіяхъ придворной жизни, какъ-то выходахъ, пріемахъ, обѣдахъ, вечерахъ и т. д., какъ это видно изъ писемъ ея къ супругу въ 1773 и 1774 г., а также изъ камеръ-фурьерскаго журнала за это время. Вмѣстѣ съ дворомъ она ѣздила въ 1775 г. въ Москву на торжественныя празднованія побѣдъ ея супруга, довершенныхъ извѣстнымъ миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи. Въ воспоминаніе этого славнаго мира былъ возложенъ на нее, 12-го іюля 1775 г., орденъ Св. Екатерины малаго креста. Находясь въ Москвѣ, она видѣлась съ супругомъ на празднествахъ и была „до того пренебрежена своимъ супругомъ и такъ худо *трактована* имъ, что николи ни о чемъ не говорилъ, что она послѣ ни о чемъ не хотѣла ему совѣтывать" (см. письмо ея къ супругу 7-го

февраля 1776 года). По возвращеніи въ Петербургъ въ 1775 г. она продолжала переписку съ мужемъ, просила его о совмѣстномъ сожитіи, хотя только *pro forma*, и сокрушалась до слезъ, получивъ отъ него рѣшительный въ этомъ отказъ. Она твердо рѣшилась уже въ это время оставить дворъ, почитая тягостнымъ для себя сопряженныя съ ея должностью безпокойства. Но неожиданная кончина отъ неблагополучныхъ родовъ Великой Княгини, 15-го апрѣля 1776 года, удержала Румянцову отъ исполненія ея намѣренія. Императрица была безмѣрно довольна понесенными ею при этомъ трудами и безпокойствами, убѣждала ее остаться при дворѣ хотя бы на годъ и заявила, что коль скоро Великій Князь увидитъ свою невѣсту, то ей, Румянцовой, необходимо будетъ ѣхать со свитою встрѣчать ее въ Мемелѣ. Румянцова согласилась исполнить желаніе Императрицы. Вскорѣ дѣйствительно Великій Князь Павелъ Петровичъ, въ сопровожденіи фельдмаршала Румянцова, 13-го іюня поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ видѣлся съ будущею своею второю супругою, Принцессою Виртембергскою Софіею-Доротеею, названною при миропомазаніи Маріею Ѳеодоровною, а затѣмъ и графиня Е. М. Румянцова со свитою 12-го іюля отправилась въ Мемель для встрѣчи долженствующей прибыть невѣсты, причемъ Императрица возложила на графиню орденъ Св. Екатерины большого креста и послала съ нею подарки для самой невѣсты и ея матери. По прибытіи съ невѣстою въ Петербургъ графиня продолжала отправлять при маломъ дворѣ обязанности гофмейстерины. Великій Князь составилъ своей супругѣ особую инструкцію, по которой предлагалось ей предоставить графинѣ Румянцовой полную свободу относительно прислуги и другихъ мелкихъ домашнихъ распоряженій, даже относительно гардероба Великой Княгини, и никогда не допускать, чтобы ей жаловались на супругу фельдмаршала, и т. д. Пребывая при дворѣ, графиня часто писала своему супругу, пребывавшему въ Малороссіи, сообщала ему придворныя событія, разные слухи и новости при дворѣ, а также о своемъ неудачномъ хозяйствѣ въ деревняхъ, о невыгодной поставкѣ вина въ казну, о постройкахъ и т. д. Но она не покидала мысли удалиться отъ двора, несмотря даже на богатые подарки, полученные ею при крестинахъ, 21-го декабря 1777 г., перваго сына Великаго Князя—Александра. Въ началѣ 1778 г. она уже формально просила увольненія отъ двора, воображая, какую блаженную жизнь будетъ вести въ Кайнарджи—имѣніи Румянцова подъ Москвою. Ихъ Высочества не дали никакого отвѣта на ея просьбу объ увольненіи, но прислали графа Ник. Ив. Панина уговаривать ее остаться при дворѣ; однако, „онъ тщетно мучилъ ее *сладкоглаголаніемъ*“; затѣмъ Великая Княгиня убѣждала ее остаться, дѣлая разныя *препозиціи* и обѣщанія, но, видя непреклонность графини, приняла отъ нея письмо къ Ея Величеству съ изложеніемъ просьбы разрѣшить ей покинуть дворъ. Получивъ чрезъ графа Безбородко на другой день сообщеніе, что Ея Величество, хотя и съ сожалѣніемъ, увольняетъ графиню отъ двора, послѣдняя отправилась благодарить Императрицу и вмѣстѣ съ тѣмъ испросить дозволеніе взять съ собою въ деревню младшаго сына—Сергѣя, зачисленнаго уже въ военную службу. Государыня соизволила на эту просьбу графини, но, по словамъ послѣдней, уволила ее „такъ хорошо, какъ бы я въ наказаніе была выгната вонъ; ниже чай на дорогу, не спросила, съ чѣмъ ѣду, есть ли сани, есть ли карета. Сказала только: „худа дорога будетъ“. Ихъ Высочества же при прощаніи пожаловали ей на руку браслетъ съ ихъ портретами, осыпанными бриллiантами. Замѣтимъ кстати, что въ книгѣ Волкова: „Дворъ Русскихъ Императоровъ въ XVHI столѣтіи“ ошибочно показано, будто Румянцова въ 1776 г. была отпущена на всегдашнее пребываніе въ Москву по кончинѣ Великой Княгини Натальи Алексѣевны.

Удалившись отъ двора, графиня Е. М. Румянцова ни разу болѣе не была въ Петербургѣ. Она проживала зимою въ Москвѣ, очень скромно, имѣя небольшой кругъ знакомыхъ—и то по преимуществу изъ ближайшихъ ея родственниковъ. Сперва она какъ бы скучала, по словамъ княгини Агр. А. Куракиной, но потомъ успокоилась, утѣшилась своимъ новымъ домомъ и заботилась о приращеніи своего прибытка. Она всецѣло посвятила себя дѣтямъ и своему хозяйству, для котораго большую часть года проводила въ селѣ Кайнарджи, или Троицкомъ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, куда переѣзжала раннею весною. Она попрежнему продолжала писать своему мужу

и описывала ему о томъ, какъ сооружаетъ церковь въ Кайнарджи, какъ строитъ оранжерею, передѣлываетъ мельницу, роетъ пруды, выписываетъ холмогорскихъ коровъ, воловъ изъ Малороссіи для полевыхъ работъ и т. д. Она намѣревалась всѣ постройки дѣлать каменныя и притомъ сперва соорудить всѣ хозяйственныя постройки, а затѣмъ уже самый домъ для себя и спрашивала своего супруга, гдѣ поставить домъ, по какому рисунку и т. д. Какъ особа очень хозяйственная и разсчетливая, она увидѣла, что выгоднѣе самой косить луга, нанимая косцовъ, нежели отдавать ихъ въ аренду, и перестала поэтому давать покосы постороннимъ лицамъ. Ревностно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, она вскорѣ усмотрѣла, къ сожалѣнію, что работы обходятся ей дорого, рабочіе малознающіе, нерадѣтельные своимъ господамъ; къ тому же въ 1775 г. урожай былъ плохой, и она все была принуждена покупать, а доходовъ не было. Однако, она не падала духомъ, находила большое удовольствіе жить въ Кайнарджи, въ которомъ ходила, по ея словамъ, какъ влюбленная въ свою деревню. Она не упускала случая прикупать близлежащія земли по дешевой цѣнѣ, если продавали сходно, и, сообщая объ этомъ супругу, просила у него денегъ на подобныя покупки. Она часто ѣздила по другимъ, принадлежавшимъ ей деревнямъ близъ Москвы, описывала ихъ хозяйственное состояніе, писала, что въ одной устроила фабрику для выдѣлки трипа, въ другой—обучаетъ ткать ковры и т. д. Она не упускала изъ виду и домовъ своихъ въ Москвѣ и совѣтовала супругу одинъ изъ нихъ продать совсѣмъ. Въ это время она уже вполнѣ подчинилась своей горькой судьбѣ, отказалась совсѣмъ отъ мысли возвратить себѣ своего супруга, къ которому сохраняла попрежнему нѣжную привязанность и внимательную заботливость, вселяемыя чувствомъ любви къ человѣку, который ее совсѣмъ покинулъ. Она даже ласкала себя мыслію, что онъ когда-либо посѣтитъ ее въ Кайнарджи, и совѣтовала ему лучше пріѣхать лѣтомъ, чтобы лучше все осмотрѣть, и т. д. Но этого она не дождалась. Уже съ половины 1778 года графиня начала недомогать: у нея часто болѣли глаза, безъ очковъ она не могла ничего читать или писать; часто хворала лихорадкою, а потомъ у нея появилась, по словамъ доктора, какая-то скорбутика. Эта болѣзнь заставила ее пробыть долго въ Кайнарджи, и только въ половинѣ ноября 1778 г. она переѣхала въ Москву и еще 27-го декабря писала своему супругу; она скончалась 22-го августа 1779 г. въ Москвѣ, на 55 году жизни; погребена въ Донскомъ монастырѣ.

Князь Н. Н. Голицынъ, Родъ Князей Голицыныхъ, т. I; Русская Родословная Книга, князя Лобанова-Ростовскаго, т. II; Записки о родѣ князей Голицыныхъ, С.-Пб., составилъ Серчевскій, С.-Пб. 1853; „Московскій Некрополь“, т. III; „Старина и Новизна“, кн. IV (письма гр. Завадовскаго къ гр. П. А. Румянцову) и кн. XIV, стр. 88; Гр. Д. А. Толстой, Письма гр. Е. М. Румянцовой къ ея супругу, фельдмаршалу гр. П. А. Румянцову, С.-Пб. 1881; „Сборникъ Императорскаго Русск. Историч. Общества“, т. XXVI, стр. 247 (Біографія Князя Безбородка), т. XXVII, стр. 95—108; „Архивъ Куракиныхъ“, т. VIII, стр. 219, т. X, стр. 398; Императорская Публичная Библіотека, Рукоп. Отдѣлъ: бумаги, поступившія отъ Н. А. Дивова (см. Отчетъ Библіотеки за 1888 годъ, стр. 18 и слѣд.); „Русская Старина“, т. II: Записки Карабанова, 1871, кн. 2; т. 76, 81, 93; 1898 г., февраль, стр. 251 и слѣд.; Записки И. И. Неплюева, изд. 1893 г., стр. 177; Волковъ, Дворъ Русскихъ Императоровъ въ XVIII столѣтіи; Камеръ-Фурьерскій журналъ за 1771 — 1778 годы; „Историческій Вѣстникъ“ 1888 года, іюль: „Покорная и вѣрная жена“; „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1888 г., т. 257, ст. 404 и слѣд.; „Кіевская Старина“ 1888 г., т. 23, стр. 183 и слѣд.; Архивъ Мин. Имп. Двора, опись № 36—1629, д. № 132.

П. Майковъ.

Румянцова, графиня *Марія Андреевна*, дочь дѣйств. тайн. сов. графа Андрея Артамоновича Матвѣева и первой его супруги Анны Степановны, рожд. Аничковой (дочери стольника); родилась 4-го апрѣля 1698 г. и провела первые годы своей жизни въ Вѣнѣ и Гаагѣ, гдѣ отецъ ея былъ посломъ Россіи до 1710 года. Она рано лишилась своей матери, скончавшейся 4-го октября 1699 г., и росла подъ надзоромъ мачехи, второй супруги отца, Анастасіи Ермиловны (неизвѣстно, кто она была рожденная), бывшей ранѣе въ супружествѣ за Михаиломъ Аргамаковымъ. Самъ графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ любилъ читать, знакомъ былъ близко съ внѣшней стороной европейской жизни, устроилъ домъ свой на иностранный образецъ и т. д., а потому естественно, что и дочерямъ своимъ старался дать образованіе, нѣсколько иное отъ общепринятаго тогда въ нашемъ отечествѣ. Молодая графиня Матвѣева свободно владѣла французскимъ язы-

комъ, умѣла довольно бойко говорить, хорошо танцовала, такъ что не замедлила обратить на себя вниманіе Петра I на ассамблеяхъ, не задолго предъ возвращеніемъ Матвѣева изъ-за границы установленныхъ въ нашемъ отечествѣ по царскому указу 1718 года. По словамъ Карабанова, Петръ I не только имѣлъ большое расположеніе къ М. А. Матвѣевой, но и ревновалъ ее къ другимъ до того, что однажды даже наказалъ ее собственноручно за слишкомъ смѣлое обращеніе съ кѣмъ-то другимъ и пригрозилъ ей, что выдастъ ее замужъ за человѣка, который сумѣетъ держать ее въ строгости и не позволитъ ей имѣть любовниковъ, кромѣ него одного. Дѣйствительно, когда вскорѣ одинъ изъ его любимыхъ денщиковъ—Александръ Ивановичъ Румянцовъ возымѣлъ намѣреніе вступить въ бракъ, Петръ I пріѣхалъ съ нимъ къ А. А. Матвѣеву сватать его дочь за своего денщика. Матвѣевъ не счелъ удобнымъ противиться этому предложенію,—и въ скоромъ времени, въ присутствіи царя и царицы, состоялось бракосочетаніе 19-лѣтней Маріи Андреевны Матвѣевой съ Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ (10-го іюля 1720 года). На другой день, 11-го іюля, Ихъ Величества кушали на почтовомъ дворѣ у Румянцова (см. Журналъ 1720 года). Петръ I щедро наградилъ новобрачныхъ. Результатомъ этого брака явилась дочь Екатерина, родившаяся въ ноябрѣ 1721 г., а затѣмъ еще двѣ дочери и сынъ Петръ, будущій фельдмаршалъ, родившійся въ Москвѣ 8-го января 1725 года, во время пребыванія мужа Марьи Андреевны въ Константинополѣ, а затѣмъ на Персидской границѣ для размежеванія. Графиня уже въ то время, несмотря на молодость ея лѣтъ, имѣла вліяніе при дворѣ; чрезъ нее сблизился съ ея мужемъ Французскій посланникъ Кампредонъ, дѣлавшій ей подарки, которые, по его словамъ, очень ему помогли въ его дѣлахъ. М. А. Румянцова была въ близкихъ отношеніяхъ къ Великой Княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, если придать полную вѣру разсказу дюка де Лирія (XVIII вѣкъ, т. II, ст. 117 и слѣд.) о томъ, что Великая Княжна, узнавъ, что ее сватаютъ за старшаго сына маркграфа Альберта (дяди Прусскаго короля), дала знать Прусскому посланнику барону Мардефельду, чрезъ посредство *одной дамы по фамиліи Румянцовой, которая бываетъ въ домѣ Принцессы и пользуется ея любовью и довѣренностью*, чтобы онъ оставилъ всѣ хлопоты по этому дѣлу, ибо она вовсе не думаетъ выходить замужъ и никогда не выйдетъ за сына маркграфа Альберта".

Вскорѣ графинѣ пришлось раздѣлить печальную участь супруга, подвергшагося опалѣ и лишенію чиновъ, и отправиться съ дѣтьми на житье, подъ строгимъ присмотромъ, въ Алатырскую деревню, гдѣ она и пребывала около трехъ лѣтъ, а затѣмъ, при назначеніи ея мужа въ армію Миниха, перебралась съ семействомъ же въ Кіевъ, откуда, при посредствѣ извѣстной Мавры Егоровны Шуваловой, поддерживая прежнія свои связи съ Петербургомъ, посылала самой Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ поклоны свои, гостинцы, книгу, а затѣмъ не замедлила поздравить Императрицу Елисавету съ восшествіемъ на родительскій престолъ послѣ удачно свершеннаго переворота. Въ Кіевѣ Румянцова пробыла недолго. Съ назначеніемъ ея супруга уполномоченнымъ на конгрессъ въ Або въ 1740 году она переѣхала въ Петербургъ, при празднованіи заключенія мира въ Або удостоилась получить званіе статсъ-дамы и въ 1743 году, кромѣ того, портретъ Ея Величества; мужъ же ея (а слѣдовательно и она) былъ возведенъ въ графское достоинство. Новая графиня пріобрѣла вскорѣ большое вліяніе при дворѣ, которое удержала до конца царствованія Елисаветы Петровны. Этому очень содѣйствовали ея умъ, большой тактъ, знаніе людей, умѣнье расположить ихъ къ себѣ и привлекательная наружность. Представители иностранныхъ державъ, зная о вліяніи Румянцовой при дворѣ, старались расположить ее въ свою пользу. Такъ, Шведскій генералъ Дюрингъ хвалился тѣмъ, что успѣхъ его порученія обнадеженъ ему пріязнью генеральши Румянцовой; Французскій посланникъ Даліонъ находилъ нужнымъ производить ей пенсію отъ своего двора и писалъ своему правительству, что она въ большой милости у Императрицы; Англійскій посланникъ *Вейчъ* склонялъ ее также на сторону своего кабинета. Но Румянцова, равно какъ и ея супругъ, были сторонниками Французскаго двора и держались партіи Шуваловыхъ. Особенно видную роль получила графиня М. А. Румянцова съ назначеніемъ въ 1744 году со-

стоять при Принцессѣ Ангальтъ-Цербстской (привезенной для бракосочетанія съ наслѣдникомъ Русскаго престола Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ), въ качествѣ довѣренной особы Ея Величества, для надзора и опеки надъ Принцессой, съ обязательствомъ отдавать Императрицѣ подробный отчетъ о всемъ замѣчаемомъ ею. Это, конечно, вооружило противъ Румянцовой будущую Императрицу Екатерину II, при торжественномъ бракосочетаніи которой графиня принимала большое участіе. Она сопровождала Императрицу Елисавету въ ея поѣздкѣ изъ Москвы къ Разумовскому въ Глуховъ въ 1744 г., а затѣмъ въ Петербургъ, была съ нею же на пиру у Разумовскаго въ Гостилицахъ въ день ея именинъ 5-го сентября 1745 года и т. д.

Послѣ бракосочетанія будущей Императрицы Екатерины II графиня М. А. Румянцова была уволена отъ должности гофмейстерины и получила приказаніе вернуться къ своему супругу, о чемъ никто при дворѣ не сожалѣлъ, потому что она подавала поводы ко многимъ пересудамъ. Причинами же этого удаленія должно считать непріязненное къ ней отношеніе со стороны матери Великой Княжны, на которую М. А. Румянцова наговаривала Императрицѣ Елисаветѣ, и нерасположеніе къ ней канцлера Бестужева-Рюмина, сила котораго все увеличивалась. Но это увольненіе отъ должности не удаляло М. А. Румянцову отъ двора Императрицы, такъ какъ она попрежнему пользовалась расположеніемъ Елисаветы Петровны, и сама Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна брала отъ нея совѣты, какъ сама заявляетъ объ этомъ въ своихъ Запискахъ.

Лишившись своего супруга въ 1749 г., графиня М. А. Румянцова, оставаясь при дворѣ, продолжала тотъ же самый широкій родъ жизни и занимала собиравшихся у ней гостей разговорами, которые даже гораздо позднѣе извѣстный графъ Сегюръ находилъ чрезвычайно занимательными. Съ годами она замѣнила танцы, въ которыхъ была большая искусница, картами и не мало проигрывала, увлекаясь игрою съ утра до поздней ночи. Будучи къ тому же неразсчетлива и расточительна, она нерѣдко нуждалась въ деньгахъ и обращалась съ просьбами о вспомоществованіи къ Императрицѣ Елисаветѣ, а затѣмъ и къ Екатеринѣ II, при дворѣ которой, какъ старѣйшая придворная дама, современница Великаго Преобразователя, пользовалась большимъ уваженіемъ, чему отчасти содѣйствовали и заслуги ея сына. Екатерина II не вспоминала многихъ непріятностей, испытанныхъ ею ранѣе отъ Румянцовой, и 12-го іюня 1775 года наградила ее орденомъ Св. Екатерины, годъ спустя, 10-го іюня 1776 г., пожаловала ее гофмейстериною, а въ 1782 г. подарила ей богатый перстень. Графиня весьма часто присутствовала на разныхъ обѣдахъ, свадьбахъ и торжествахъ при дворѣ; въ день перваго бракосочетанія Великаго Князя Павла Петровича (1773 г.) она, очень хорошо еще танцовавшая, просила Великаго Князя оказать ей честь протанцовать съ нею, такъ какъ она въ свое время имѣла честь танцовать съ его прадѣдушкою, дѣдушкою, и батюшкою, а затѣмъ, еще много лѣтъ спустя, на придворномъ балу 24-го ноября 1781 г., въ день именинъ Императрицы, прошлась въ польскомъ съ однимъ изъ внуковъ Екатерины II—Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ. 22-го сентября 1778 года графиня Румянцова была пожалована оберъ-гофмейстериною Высочайшаго двора, — къ великому ея удовольствію. Проживая попрежнему въ Петербургѣ, она расходовала не мало денегъ и, нуждаясь постоянно въ деньгахъ, прибѣгала къ щедрости Императрицы, которой въ 1784 г. поднесла также особое письмо объ устройствѣ ея домашнихъ дѣлъ на случай своей смерти. Вскорѣ ее постигло семейное горе: сперва она лишилась одной дочери—графини П. А. Брюсъ, а затѣмъ умерла и жившая съ нею другая дочь—Е. А. Леонтьева, чрезъ годъ послѣ которой скончалась и она сама. Графиня сперва стала часто недомогать, сильно кашляла, затѣмъ ее постигъ параличъ, но, по чрезвычайно счастливой крѣпости своего сложенія, она долго превозмогала болѣзни и, сохранивъ до глубокой старости веселость и живость ума и воображенія, скончалась 4-го мая 1788 года, пережившъ своего супруга почти на 40 лѣтъ. Она погребена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской Лавры.

Необходимо упомянуть, что графиня М. А. Румянцова отличалась необыкновенною добротою и готова была помогать всѣмъ и каждому по мѣрѣ силъ своихъ. Она была изъ первыхъ, выразившихъ въ 1763 году готовность принимать въ своемъ домѣ без-

помощныхъ приносимыхъ дѣтей и оказывать имъ призрѣніе и воспитаніе. Съ назначеніемъ ея сына правителемъ Малороссіи всѣ отправлявшіеся въ эту страну являлись къ графинѣ просить у нея предстательства предъ сыномъ, рекомендательнаго письма и т. д. Графиня никому не отказывала и писала сыну о лицахъ, которыхъ даже вовсе не знала. Кончина ея, поэтому, произвела впечатлѣніе въ Петербургѣ, и знаменитый Державинъ посвятилъ ей одну изъ своихъ одъ—„На смерть графини Румянцовой".

Гр. М. А. Румянцова имѣла одного сына Петра, будущаго фельдмаршала, родившагося въ 1725 г. (біографія его помѣщена ниже), и трехъ дочерей, о которыхъ скажемъ въ немногихъ словахъ. Старшая изъ нихъ—Екатерина, первый ребенокъ М. А. Румянцовой, родилась въ ноябрѣ 1721 года[1]) и, получивъ, какъ и прочія дѣвицы того времени, домашнее, довольно ограниченное образованіе, вступила позднѣе въ бракъ съ генералъ-лейтенантомъ Николаемъ Михайловичемъ Леонтьевымъ, бывшимъ значительно старше ея лѣтами и повидимому обладавшимъ нравомъ довольно крутымъ. Супруги не сошлись характерами, и Екатерина Александровна, покинувъ своего мужа около 1760 года, возвратилась въ домъ къ своей матери, у которой и проживала до самой своей кончины. По словамъ Гарновскаго, автора извѣстныхъ Записокъ, она была одною изъ первѣйшихъ корреспондентокъ своего брата фельдмаршала и умерла 3-го апрѣля 1788 года (См. дѣла Госуд. Архива, XI, № 64; Стар. и Нов., т. IV, стр. 71). Дѣтей она не имѣла. Мужъ ея погибъ преждевременно: 19-го сентября 1769 г. онъ былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ въ хоромное окно въ своемъ селѣ Голощаповѣ (Крапивенскаго уѣзда) однимъ изъ своихъ крѣпостныхъ, съ которыми звѣрски обращался. Князь Я. П. Шаховской сообщаетъ, что графиня Марья Андреевна, пользуясь отмѣнною милостію Ея Величества, исходатайствовала, чтобы изъ имѣнія Н. М. Леонтьева была выдѣлена его женѣ указная часть, т.-е. изъ недвижимаго одна седьмая часть, гдѣ пожелаетъ взять, а вмѣсто четвертой части движимаго—дать деньгами 35,000 руб. Указъ объ этомъ Сенату къ исполненію состоялся 21-го марта 1761 г. Но затѣмъ, добавимъ мы отъ себя, Сенатъ нашелъ, что запрещено дѣлать такія противныя дѣла, чтобы при живой женѣ или при живомъ мужѣ *части брать*, и потому оной женѣ генералъ-поручика Леонтьева части давать не слѣдуетъ, и ежели ей что дано по указу, то надлежитъ оное возвратить прежнему мужу, а буде чего не дано—того и не давать. Императрица Екатерина II конфирмовала это 8-го августа 1762 г. Вторая дочь М. А. Румянцовой—*Дарья* родилась, какъ надо предполагать, въ концѣ 1723 года[1]) и впослѣдствіи, въ 1755 году, вступила въ бракъ съ графомъ Францомъ-Іосифомъ Вальдштейномъ (р. 1719 г., ум. въ 1758), будучи помолвлена съ нимъ еще въ 1752 г., но чрезъ три года овдовѣла и была 7-го апрѣля 1760 г. помолвлена и вскорѣ обвѣнчана съ сыномъ извѣстнаго генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого,—княземъ Юріемъ Никитичемъ. Она получила въ 1755 г. отъ своей матери во владѣніе часть имѣнія Буртнекъ, которое было раздѣлено между нею и братомъ ея, графомъ Петромъ Александровичемъ. Мужъ ея, князь Юрій Никитичъ (р. 1736 г., ум. въ 1811) находился въ военной службѣ, былъ произведенъ въ 1775 г. въ генералъ-лейтенанты и вышелъ въ отставку, но при короноваціи Павла I переименованъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ въ сенаторы, а въ 1797 г. произведенъ въ дѣйств. тайн. совѣтники. Онъ былъ членомъ общества мартинистовъ. Супруга его отличалась искреннимъ и примѣрнымъ благочестіемъ,—говорили даже что она въ послѣдніе годы жизни была даже посхимлена, хотя и не жила въ предѣлахъ монастырскихъ стѣнъ. Она скончалась въ 1817 г. и погребена въ Александро-Невской лаврѣ въ Петербургѣ. Отъ брака съ Трубецкимъ она имѣла одного сына, князя Александра, родившагося въ 1765 году и умершаго въ 1805 г. въ чинѣ статскаго совѣтника, и одну дочь Прасковью, р. въ 1762 г. и ум. 1848 г. (она была замужемъ за кн. Ѳедоромъ Сергѣе-

[1]) Дѣлаемъ это предположеніе потому, что *самыя* крестины новорожденной происходили 26-го ноября 1721 г., въ присутствіи Его Величества и Его супруги, по словамъ Берхгольца. (Дневникъ камеръюнкера Берхгольца, переводъ Аммона, 1857, стр. 243).

[1]) Это предположеніе основано на словахъ того же Берхгольца, записавшаго въ своемъ дневникѣ за 1723 г., т. II, стр. 248, октября 31-го, что въ тотъ день А. И. Румянцовъ уѣхалъ въ Астрахань, а жена его, беременная въ послѣднемъ періодѣ, осталась въ Петербургѣ.

вичемъ Гагаринымъ). Кромѣ того, отъ перваго ея брака съ графомъ Вальдштейномъ она имѣла дочь *Марію* Александровну, бывшую въ числѣ первыхъ воспитанницъ учрежденнаго въ 1763 г. Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ въ Петербургѣ. Позднѣе она вступила въ бракъ съ графомъ Иваномъ Александровичемъ Апраксинымъ и съ 1809 г., апрѣля 9-го, была кавалерственною дамою ордена св. Екатерины малаго креста.—Третья и послѣдняя дочь графини М. А. Румянцовой—Прасковья родилась 7-го октября 1731 г. (имѣя въ виду слова Императрицы, что эта дочь Румянцовой была на два года моложе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны [1]), при которой ея мать была въ родѣ гофмейстерины). Это доставило молодой Румянцовой доступъ къ будущей Императрицѣ, и она скоро сдѣлалась близкою ея подругою, постоянно ее сопровождавшею и пользовавшеюся большимъ ея расположеніемъ. Императрица первую часть своихъ записокъ посвятила ей („*другу своему гр. Брюссъ*, которому можетъ сказать все, не опасаясь послѣдствій"). Она вступила въ бракъ въ 1751 году, мая 27-го, съ очень богатымъ гвардіи офицеромъ—графомъ Яковомъ Брюсомъ, и была обвѣнчана въ придворной церкви, при чемъ для брачнаго торжества отпущены были изъ Придворной Конторы различные предметы. Она бывала по-прежнему весьма часто при дворѣ и была пожалована въ статсъ-дамы 15-го августа 1773 г., въ день бракосочетанія великаго князя Павла Петровича. Она имѣла неосторожность не только увлечься фаворитомъ Императрицы—молодымъ Римскимъ-Корсаковымъ, но довести дѣло до того, что Екатерина II застала ихъ вмѣстѣ въ своей комнатѣ, послѣ чего они оба были удалены отъ двора,—и прежняя ихъ дружба обратилась въ немалую ненависть. Пользуясь въ свое время значеніемъ и вліяніемъ при дворѣ, она успѣла доставить своему супругу сенаторство (въ 1779 г., въ январѣ), чинъ генералъ-аншефа, и подполковника л.-гв. Семеновскаго полка и даже должность Московскаго генералъ-губернатора по смерти графа Захара Григорьевича Чернышева. Графиня Брюсъ скончалась 17-го апрѣля 1786 года. Отъ Брюса она дѣтей не имѣла, по словамъ князя Долгорукова, но отъ Корсакова имѣла дочь Екатерину, которую намѣревалась выдать за графа Дмитріева-Мамонова, любимца Императрицы; предположеніе это не осуществилось по той причинѣ, что Мамоновъ влюбился во фрейлину княжну Щербатову, и дочь Брюса (позднѣе въ 1793 г.) вступила въ бракъ съ графомъ Василіемъ Мусинымъ-Пушкинымъ (тайн. совѣтн. и посланникомъ въ Испаніи), который присоединилъ къ своей фамиліи еще фамилію Брюсъ. Съ кончиною его въ 1836 г. прекратился родъ графовъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

[1]) Императрица Екатерина II род. 21-го апр. (2 мая) 1729 г.

„Русская родословная Книга", князя Лобанова-Ростовскаго, т. I, стр. 366; Дѣянія Петра Великаго, Голикова; „Русская Старина", т. II, ст. 476, т. IV, ст. 587 и слѣд., т. XXII, ст. 57, т. XXV, ст. 289, т. LXXXIV, стр. 9[illegible]; 1870 г., кн. 2, стр. 448, 473, 1871, кн. 4, ст. 586 и слѣд., кн. 2, ст. 587; „Юрналы 1720 года"; „Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца съ 1721 по 1725 годъ", перев. Аммона, Москва. 1857, т. I, стр. 88, 201, 243, т II, ст. 100; 248; „Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.", т. VIII, ст. 36 и слѣд., X, стр. 320, XII, донесен. Каскарта 19 (30) сент. 1768; т. XXVII, письмо 27 мая 1788 года; LVI, стр 539 и слѣд.; LXIII, стр. 132 и слѣд.; LXVI, стр. 328; CVIII, стр. 188; CXI, стр. 86, т. XXX (донесенія Кампредона) ст. 190, 390, т. CV ст. 83, 354, 447; Исторія Россіи, С. М. Соловьева, т. IV, ст. 940 (изд. Общ. Польз.), т. V, ст. 409; Волковъ, Дворъ Русскихъ Императоровъ въ XVIII столѣтіи; „Архивъ князя Воронцова", т. I, стр. 83, т. II, стр. 407, 441, 475, 461; т. IV, стр. 164, 167, т. V, т. VII, ст. 625, 649, т. XXVIII; „Русскій Архивъ" 1888, кн. III, стр. 316—363; 1894, кн. II, стр. 115; Записки Императрицы Екатерины II, переводъ съ подлинника, изданіе Имп. Акад. Наукъ, С.-Пб. 1907 г., стр. 52 и слѣд., 211 и слѣд., 229, 233 и 236, 264, 357, 481, 862; „Историческій Вѣстникъ" 1883, декаб., 634; 1897 г., кн. I (статья Михневича), ст. 115—130; XVIII вѣкъ, т. II, стр. 117 и слѣд.; „Старина и Новизна", т. IV, ст. 71, и т. XIV, стр. 507; Сочиненія Державина, издан. Я. К. Гротомъ, т. I, стр. 214 и слѣд. и т. VIII, стр. 609, т. IX, 257, 321; „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1763 г., октября 14; „Архивъ кн. Куракина" т. VIII, стр. 454; Семейство Разумовскихъ, соч. А. Васильчикова, т. II, ст. 408—435; Камеръ-фурьерскій журналъ съ 1745 года, 1751 г. (особенно много въ 1762—1777 годахъ); Mémoires du prince P. Dolgoroukoff, т. I, p. 171—181; Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. Барсуковымъ; Mémoires du Comte de Ségur, t. III; Д. Фонъ-Визинъ—въ Сочиненіи: „Придворная грамматика"; Госуд. Архивъ, р. XI, д. № 6, № 30 и 34, а также 64, П. Мещерскаго; Сказаніе о родѣ кн. Трубецкихъ, изд. кн. Е. Трубецкою, С.-Петербургъ. 1891, стр. 344; Записки князя Я. П. Шаховского, изд. 1872, стр. 159; Архивъ Правител. Сената, книги Высоч. указовъ, № 102, л. 117—118; Московскій Некрополь, т. II, стр. 167; Петербургскій Некрополь, т. I; Архивъ Министерства Императ. Двора, опись 36-1629, № 84 и № 132; Н. Мурзановъ, Правительствующій Сенатъ, Списки сенаторовъ, С.-Петербургъ. 1911.

П. Майковъ.

Румянцовъ, *Александръ Васильевичъ*, контръ-адмиралъ; род. 17-го апрѣля 1826 г. и послѣ первоначальнаго обученія въ домѣ родителей былъ опредѣленъ, 21-го февраля 1845 года, кадетомъ въ штурманскій полуэкипажъ; чрезъ три года, 11-го апрѣля 1848 г., онъ былъ произведенъ въ Кондукторы Корпуса флотскихъ штурмановъ и началъ совершать плаванія отъ кронштадта до Дагерорда сперва на яхтѣ „Королева Викторія", а затѣмъ на пароходѣ „Фонтанка", 6-го декабря 1849 г. былъ произведенъ въ прапорщики, а въ слѣдующемъ году крейсировалъ по Финскому заливу и Балтійскому морю на кораблѣ „Полтава" и „Амфитрида". 15-го октября 1851 г. Румянцовъ былъ переименованъ въ мичманы и продолжалъ до 1854 года плаванія по Балтійскому морю, предѣлы котораго онъ въ своихъ плаваніяхъ во всю службу не преступалъ. При возникшей въ 1853 г. войнѣ съ Турками и ея союзницами, Румянцовъ принималъ участіе въ защитѣ крѣпости Свеаборга отъ нападенія въ 1854 года англо-французскаго флота, которое ограничилось непродолжительнымъ и безуспѣшнымъ бомбардированіемъ этой крѣпости.

Послѣ этого Румянцовъ въ 1855—56 г. находился въ кампаніи на восточномъ Кронштадтскомъ рейдѣ на кораблѣ „Гремящій" и по заключеніи въ скоромъ времени Парижскаго мира въ 1856 г. былъ назначенъ на корабль „Парижъ", стоявшій на Ревельскомъ рейдѣ. 1-го января 1858 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты съ назначеніемъ командиромъ 2-й роты и вмѣстѣ съ тѣмъ экипажнымъ адъютантомъ 10-го флотскаго экипажа. Въ періодъ времени съ 1858 г. по 1866 г. онъ совершалъ обычныя плаванія по Финскому заливу сперва на кораблѣ „Гремящій", а съ 1863 г.—на кораблѣ „Императоръ Павелъ" и былъ награжденъ въ 1865 г. орденомъ св. Станислава 3 степ. за успѣшное обученіе морской команды. Въ 1866 г. Румянцовъ былъ назначенъ командиромъ винтовой канонерской лодки „Забіяка" и плавалъ въ Финляндскихъ шхерахъ, въ 1867 г. находился при проводкѣ гидравлическаго дока изъ Кронштадта въ Петербургъ. Произведенный 1-го января 1869 г. въ капитанъ-лейтенанты, Румянцовъ былъ назначенъ, 22-го марта того же года, завѣдывать фрегатомъ „Свѣтлана", а также предсѣдателемъ экипажнаго суда 1-го флотскаго экипажа. Въ слѣдующемъ, 1870 г. онъ былъ переведенъ въ 7-й флотскій экипажъ. Въ это время онъ на пароходѣ „Петербургъ" совершалъ рейсы преимущественно между Кронштадтомъ и Петербургомъ, 1-го января 1877 г. былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга, 1-го января 1881 г.—въ капитаны 1-го ранга, а съ производствомъ 1-го января 1886 г. въ контръ-адмиралы былъ уволенъ отъ службы и въ томъ же году 21-го октября скончался.

„Общій Морской Списокъ", ч. XI.

Румянцовъ, *Александръ Ивановичъ*, сынъ Костромского дворянина, стольника Ивана Ивановича, родной братъ генералъ-маіора и сенатора Никиты Ивановича Румянцова, въ біографіи котораго, помѣщенной ниже, сообщаются свѣдѣнія о происхожденіи рода Румянцовыхъ; родился, какъ надо заключить изъ надписи на памятникѣ, сооруженномъ на его могилѣ въ Златоустовскомъ монастырѣ въ Москвѣ, въ самомъ концѣ 1679 г. или въ началѣ 1680 г. и, вѣроятно, первые годы своей жизни проводилъ въ деревнѣ, въ кругу семьи, обучаясь, какъ и его сверстники, русской грамотѣ и Закону Божьему у мѣстнаго дьячка и не помышляя о болѣе широкомъ образованіи. Ему, однако, посчастливилось попасть въ число тѣхъ потѣшныхъ, которыхъ Царь Алексѣй Михайловичъ набиралъ для своего юнаго сына, будущаго преобразователя Россіи, замѣтивъ въ немъ склонность къ военнымъ забавамъ. Совмѣстное пребываніе въ рядахъ этихъ потѣшныхъ сблизило молодого Румянцова со многими изъ будущихъ великихъ сподвижниковъ Петра I, какъ-то: съ княземъ М. М. Голицынымъ, А. Д. Меншиковымъ, Гр. П. Чернышевымъ, П. И. Ягужинскимъ и другими, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставило ему случай сдѣлаться лично извѣстнымъ будущему Царю, который могъ и въ то уже время обратить вниманіе на усердіе и ревность Румянцова въ службѣ, на его исполнительность и другія качества, которыя онъ проявлялъ и позднѣе. По достиженіи установленныхъ для военной службы лѣтъ, Румянцовъ былъ опредѣленъ въ армію и вскорѣ принялъ участіе въ начавшейся въ то время великой Сѣверной войнѣ. Онъ былъ посланъ съ дворянами изъ недорослей подъ Нарву въ 1700 г. и опредѣленъ

былъ адъютантомъ къ бывшему тогда окольничему Петру Матвѣевичу Апраксину. Онъ участвовалъ въ злополучномъ для насъ сраженіи 19-го октября 1701 г. подъ Нарвою, вскорѣ послѣ котораго былъ переведенъ, въ 1703 г., въ л.-гв. Преображенскій полкъ нижнимъ чиномъ, по выбору самого Петра I, и участвовалъ въ походахъ совершенныхъ полкомъ въ это время. Этотъ переводъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ въ то время имѣлъ большое значеніе, потому что это былъ не только любимый полкъ Царя, но какъ бы разсадникъ сановниковъ и должностныхъ лицъ Русскаго государства того времени. Царь давалъ постоянно различныя порученія офицерамъ Преображенскаго полка и по степени ихъ исполненія заключалъ о способностяхъ исполнявшаго, о степени рвенія его къ царской службѣ и намѣчалъ того или другого офицера на различныя, болѣе или менѣе видныя должности. Изъ этого же полка посылались Царемъ молодые люди за границу для пріобрѣтенія различныхъ техническихъ свѣдѣній. Находясь въ строю, Румянцовъ совершалъ съ полкомъ походъ въ 1704 г. подъ Нарву и участвовалъ во взятіи оной штурмомъ въ томъ же году 16-го августа, а затѣмъ, возвратясь въ Москву, былъ отправленъ въ 1705 г. къ Полоцку во время военныхъ дѣйствій Шведскаго короля Карла XII и его генераловъ противъ Польскаго короля Августа II, союзника Петра I. Овладѣвъ Митавою 2-го сентября, Петръ подошелъ 2-го октября къ Гродно и, усмотрѣвъ намѣреніе Карла XII отрѣзать его отъ Россіи, благополучно отошелъ къ Кіеву, сдѣлавъ смотръ Преображенскому полку въ Оршѣ. Можно предположить, что около этого времени Румянцовъ былъ произведенъ въ сержанты. Въ слѣдующемъ, 1706 г. Петръ двинулся къ Выборгу, причемъ въ осадѣ этого города участвовалъ и Румянцовъ; осада была не успѣшна и скоро, въ 1707 г., русскія войска, а въ томъ числѣ Преображенскій полкъ съ Румянцовымъ, были стянуты около Гродно для дѣйствія противъ Карла XII. Въ это время Румянцовъ былъ произведенъ 1-го мая въ капралы, а затѣмъ пожалованъ Его Величествомъ въ сержанты въ томъ же году,—вѣроятно, въ награду за отличіе по службѣ. Карлъ XII, какъ извѣстно, въ это время началъ зимнюю кампанію, которая привела его къ Полтавѣ, при чемъ ранѣе, при м. Лѣсномъ, около г. Пропойска, былъ разбитъ, 28-го сентября 1708 г., его фельдмаршалъ Левенгауптъ. Въ этомъ сраженіи особенно отличились полки л.-гв. Преображенскій и Семеновскій. Въ слѣдующемъ, 1709 г. послѣдовала знаменитая битва при Полтавѣ 27-го іюня, въ которой также отличился и Преображенскій полкъ и въ томъ числѣ Румянцовъ, произведенный незадолго до того въ прапорщики (8-го февраля 1708 г.). Карлъ XII бѣжалъ въ Турцію, а Петръ I предпринялъ опять осаду Выборга и овладѣлъ имъ въ 1710 г. 14-го іюня. Преображенцы, а съ ними Румянцовъ, вступили въ этотъ городъ и затѣмъ возвратились въ Петербургъ. Въ 1711 г. полкъ этотъ, вмѣстѣ съ другими войсками, участвовалъ въ войнѣ съ Турціею, закончившеюся мирнымъ договоромъ при р. Прутѣ, при чемъ договоръ былъ посланъ на ратификацію султана съ Румянцовымъ, который и привезъ его обратно 9-го мая 1712 года, какъ объ этомъ упомянуто въ походномъ журналѣ 1712 г. Наши войска, въ то время дѣйствуя противъ шведовъ въ Помераніи, осаждали гор. Штетинъ. Петръ I того же 9-го мая отправилъ Румянцова къ нашему представителю въ Копенгагенѣ князю Долгорукову для сообщенія королю Датскому о мирѣ, заключенномъ съ Турціею, и писалъ Долгорукому: „сего приносителя подпоручика Румянцова объявите въ нашемъ (т.-е. Преображенскомъ) полку поручикомъ“. По словамъ Румянцова, онъ вмѣстѣ съ полкомъ принималъ участіе въ походѣ въ Померанію и участвовалъ въ осадѣ г. Штетина, Стральзунда, Фридрихштадта и въ дальнѣйшемъ движеніи въ Тенигсену, взятому нами 3-го мая 1713 г. Онъ отправлялъ въ это время должность адъютанта при Его Величествѣ, исполняя различныя его порученія. По возвращеніи Царя въ Петербургъ послѣ капитуляціи Штетина 21-го сентября 1713 г. Румянцовъ продолжалъ исполнять различныя порученія Петра I. Такъ, въ 1714 году Петръ I посылалъ Румянцова, уже капитанъ-поручика, въ г. Архангельскъ для набора 500 матросовъ изъ Сумскаго острова и другихъ прилегающихъ мѣстъ на строющійся военный корабль въ 60 пушекъ. Въ слѣдующемъ, 1715 г. ему же поручено было занять отдаленный городъ въ Финляндіи—Каянсбергъ; Румянцовъ овладѣлъ имъ 26-го апрѣля

1716 г. и вмѣстѣ съ нимъ 20 пушками и немалымъ количествомъ аммуниціи. Въ 1716 же году Румянцовъ сопровождалъ Петра, отправившагося съ очень небольшою свитою въ заграничное путешествіе. Получивъ въ Амстердамѣ извѣстіе о бѣгствѣ своего сына Царевича Алексѣя, Петръ немедленно послалъ Румянцова съ тремя другими офицерами съ письмомъ къ нашему послу Веселовскому въ Вѣну, съ тайнымъ повелѣніемъ схватить Царевича и отвезти въ Мекленбургъ. Узнавъ въ Вѣнѣ, что Царевичъ въ Тиролѣ, Румянцовъ немедленно направился туда и, удостовѣрившись, что Царевичъ Алексѣй пребываетъ въ Эренбергѣ, въ цесарскомъ замкѣ, возвратился въ Вѣну и донесъ о всемъ Царю, испрашивая повелѣнія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Веселовскій, однако, приказалъ ему опять ѣхать въ Эренбергъ, слѣдить за Царевичемъ и при отъѣздѣ его изъ замка слѣдовать за нимъ неотлучно. Царевичъ Алексѣй еще до второго прибытія Румянцова покинулъ, однако, Эренбергъ и пробрался, какъ оказалось впослѣдствіи, въ Неаполь. Румянцовъ, узнавъ объ этомъ по прибытіи своемъ въ Эренбергъ, пустился далѣе и прослѣдилъ Царевича до самаго Неаполя, гдѣ узналъ, что онъ пребываетъ въ замкѣ Сенъ-Эльмо, расположенномъ на одной изъ высотъ, окружающихъ Неаполь. Съ этимъ извѣстіемъ Румянцовъ вернулся въ Вѣну и затѣмъ поѣхалъ въ Спа, къ Царю Петру I, пользовавшемуся въ то время водами. Петръ I 1-го іюля 1717 г. отправилъ Румянцова вмѣстѣ съ П. А. Толстымъ обратно въ Вѣну, съ письмами, изъ коихъ одно было къ Царевичу, а другое—къ Императору Германскому съ требованіемъ о выдачѣ ему сына. Тайная конференція не признала возможнымъ удовлетворить требованіе Царя, но для доказательства дружбы къ нему разрѣшила Румянцову и Толстому ѣхать въ Неаполь, видѣться съ Царевичемъ, переговорить съ нимъ и, если онъ не пожелаетъ возвратиться, то неволею его не пошлютъ. На особой аудіенціи поблагодаривъ Цесаря за такую откровенность, Румянцовъ и Толстой 21-го августа уѣхали изъ Вѣны въ Неаполь, куда прибыли 24-го сентября, видѣлись съ Царевичемъ Алексѣемъ и убѣдили его вернуться въ отечество. Румянцовъ, сопровождая Царевича изъ Неаполя, заѣхалъ въ Барри для поклоненія мощамъ Св. Николая, а затѣмъ чрезъ Римъ, Болонью, Венецію, Инсбрукъ добрался сухимъ путемъ до Линца, откуда уже водою прибылъ въ Вѣну 4-го декабря, поздно вечеромъ. Не являясь Цесарю, путешественники направились сухимъ путемъ прямо въ Брюннъ и затѣмъ чрезъ Бреславль и Данцигъ добрались до Риги къ 10-му января 1718 года, откуда чрезъ Новгородъ и Тверь прибыли 30-го января въ Москву поздно вечеромъ и сдали на другой день Петру I его сына, надъ которымъ былъ назначенъ верховный судъ изъ 27 лицъ, въ числѣ коихъ былъ и Румянцовъ. Судъ приговорилъ Царевича къ смертной казни. За успѣшное исполненіе царскаго приказанія А. И. Румянцовъ, 13-го декабря 1718 г., особымъ указомъ, былъ пожалованъ двумя чинами, именно отъ гвардіи маіоромъ и генералъ-адъютантомъ, да деревнями Александра Кикина и Кирилла Матюшкина.

Заботясь о приготовленіяхъ къ морской кампаніи, Петръ I уже въ слѣдующемъ, 1719 году послалъ Румянцова осмотрѣть Ревель, т. е. гавань, цитадель и батареи, а также вооружавшіяся тамъ суда. Кромѣ того, въ томъ же 1719 г. онъ былъ посланъ въ Москву, чтобы захватить въ іезуитскомъ монастырѣ всѣхъ іезуитовъ, проживавшихъ въ городѣ, осмотрѣть и взять ихъ письма и на разсвѣтѣ объявить іезуитамъ указъ объ ихъ изгнаніи и затѣмъ, давъ имъ убраться, послать изъ Москвы за рубежъ съ добрымъ провожатымъ. Румянцовъ все въ точности исполнилъ, и іезуиты были удалены въ 1719 г. изъ предѣловъ нашего государства.

Въ слѣдующемъ, 1720 г. Румянцовъ вознамѣрился вступить въ бракъ съ избранною имъ особою, но Петръ I не одобрилъ его выбора невѣсты и поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ къ боярину графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву—сватать его дочь, молодую красавицу Марію Андреевну, бывшую не малое время за границею вмѣстѣ съ отцомъ. Матвѣевъ, считая Румянцова бѣднымъ дворяниномъ, находилъ его недостойнымъ руки своей дочери, но не счелъ удобнымъ противиться желанію Петра I, тѣмъ болѣе, что Царь выразилъ ему, что любитъ Румянцова, и что въ его власти сравнить жениха съ самыми знатнѣйшими. Свадьба Румянцова съ гр. Маріею Андреевною Матвѣевою состоялась 10-го іюля 1720 г. въ присутствіи Царя и его супруги, которые на

другой день, 11-го іюля, кушали у Румянцова на Почтовомъ дворѣ.

Вскорѣ послѣ бракосочетанія Румянцовъ былъ посланъ Царемъ въ Швецію, 9-го августа 1720 г., къ Шведскому королю Фридриху I Гессенскому, супругу Ульрики Элеоноры, сестры Карла XII, съ грамотою поздравительною о вступленіи его на королевскій престолъ послѣ кончины бездѣтнаго Карла XII въ 1718 году. При этомъ Царь поручилъ Румянцову выразить Фридриху I, что имѣетъ желаніе быть въ мирныхъ отношеніяхъ съ новымъ королемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцову была дана особая инструкція, на основаніи которой онъ долженъ былъ поступать въ Стокгольмѣ, т.-е., что и какъ говорить, что узнать и т. д. Румянцовъ, какъ писалъ Царю съ дороги, благополучно доѣхалъ въ Або въ сентябрѣ мѣсяцѣ, переправился чрезъ заливъ въ Стокгольмъ и 14-го и 16-го октября имѣлъ аудіенцію у короля и королевы. Онъ былъ принятъ очень ласково и примѣтилъ въ королѣ и его министрахъ готовность къ заключенію мира. Онъ доставилъ Петру I письмо короля съ выраженіемъ желанія начать картель о размѣнѣ плѣнныхъ и открыть переговоры о мирѣ прямо, при чемъ мѣстомъ для переговоровъ предполагалось избрать г. Або. Петръ I приказалъ въ декабрѣ 1720 Остерману написать Шведскому королевскому секретарю Гепкену письмо отъ имени Румянцова, обѣщая въ скоромъ времени начать переговоры о мирѣ, которые на дѣлѣ скоро открылись въ Нюштадтѣ, близъ Або. Румянцовъ въ этихъ переговорахъ прямого участія не принималъ, но находился въ Финляндіи въ 1720 и 1721 г. въ качествѣ генералъ-адъютанта при главномъ командирѣ нашихъ войскъ въ Финляндіи и былъ обязанъ о всѣхъ дѣйствіяхъ и всемъ поведеніи командира доносить прямо Его Величеству. Когда на конгрессѣ встрѣтилось сомнѣніе въ точности имѣвшихся у него географическихъ картъ, Петръ I приказалъ Румянцову ѣхать въ Выборгъ и обще съ губернатомъ Шуваловымъ исправить карты и доставить къ нему для отправки на конгрессъ. Равнымъ образомъ чрезъ Румянцова Петръ I напоминалъ своимъ представителямъ на конгрессѣ о включеніи въ мирный трактатъ со Швеціею пункта о свободной торговлѣ въ Балтійскомъ морѣ всѣхъ народовъ. Интересуясь очень ходомъ переговоровъ въ Нюштадтѣ, Петръ I, находясь въ Рогервикѣ, писалъ Румянцову 8-го іюня 1721 г., чтобы онъ изъ Нюштадта ѣхалъ прямо сухимъ путемъ въ Рогервикъ, „а письмо пошли водою, дабы я съ обѣихъ путей свѣдалъ скорѣе“. Румянцовъ прибылъ въ Рогервикъ съ пріятнымъ извѣстіемъ, что дѣла конгресса идутъ по его желанію; желанный миръ былъ заключенъ 30-го августа 1721 года. На празднованіяхъ этого мира Румянцовъ былъ пожалованъ въ бригадиры и вскорѣ отправленъ въ Малороссію для разслѣдованія по жалобамъ, поданнымъ Петру въ Петербургѣ Малороссійскою старшиною, съ Полуботкомъ во главѣ, на дѣйствія Малороссійской Коллегіи подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова и назначенныхъ должностныхъ лицъ изъ великороссіянъ и по просьбѣ-жалобѣ старшины и козаковъ Стародубовскаго полка, чтобы опредѣлить имъ изъ великороссіянъ *„правамъ ихъ хранителей“*. При этомъ Петръ I приказалъ Румянцову осмотрѣть всѣ Малороссійскіе города, освѣдомиться, желаютъ ли всѣ малороссіяне великорусскихъ коллегій и судовъ, а также русскихъ полковниковъ, узнать, вѣдаютъ ли старшины и козаки о челобитной, поданной Царю отъ ихъ имени, разузнать, какія обиды учинены козакамъ отъ старшинъ въ отнятіи земель и мельницъ, и т. д.

Румянцовъ, прибывъ въ главный пунктъ Малороссіи въ то время,—г. Глуховъ, объѣхалъ по полкамъ, на которые она дѣлилась, и поручилъ въ каждомъ полку особому офицеру вмѣстѣ съ бунчуковымъ товарищемъ произвести разслѣдованіе по вышеприведеннымъ жалобамъ и вопросамъ. Кромѣ того, онъ самъ ѣздилъ по полковымъ городамъ, собиралъ на сходъ полковую старшину и по нѣсколько сотъ козаковъ, убѣждалъ ихъ, что имъ будетъ лучше при новыхъ порядкахъ, когда вмѣсто выбираемыхъ ими полковниковъ имъ будутъ назначены полковники изъ великороссіянъ, и спрашивалъ ихъ, довольны ли они опредѣленнымъ полковникомъ Кокошкинамъ, на что козаки, сообразивъ въ чемъ дѣло, отвѣтили: „по высокой царской милости зѣло удовольствованы“. Изъ разспросовъ Румянцовъ узналъ, что козаки не просили ни объ упраздненіи Малороссійской Коллегіи, ни объ избраніи гетмана, что все это измыслила въ своихъ интересахъ войсковая старшина, которую настраивали къ этому находившіеся въ Петербургѣ

малоруссы и научали побуждать Малороссійскій народъ заявлять о желаніи имѣть у себя великорусскихъ судей и такихъ же полковниковъ. Кромѣ того, онъ спрашивалъ о томъ, когда и гдѣ бываютъ ярмарки, о положеніи ихъ хозяйства, о занятіяхъ и промыслахъ и т. д.

Во время своего пребыванія въ Малороссіи Румянцовъ смѣнилъ въ Переяславлѣ наказныхъ полковниковъ, найдя ихъ ненадежными, и назначилъ другихъ, давъ имъ строгое предписаніе управлять хорошо, по указамъ Его Величества, честно и вѣрно. Кромѣ того онъ заложилъ такъ называемый Александръ-шанецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Херсонъ.

Возвратясь въ Петербургъ, Румянцовъ засталъ Царя, занятаго приготовленіями къ Персидскому походу, предпринятому Петромъ для утвержденія владычества Россіи на Каспійскомъ морѣ, съ цѣлью проникнуть не только въ Персію, но въ Хиву, Бухару и т. д. Румянцовъ находился при Царѣ въ первомъ его походѣ 1722 года и дошелъ до г. Дербента, но сильная буря, разбившая не малое число нашихъ судовъ, какъ извѣстно, принудила Петра, за недостаткомъ провіанта, возвратиться обратно въ Торки, а затѣмъ 4-го октября и въ Астрахань, гдѣ онъ сталъ готовиться къ новому походу. Встрѣчая необходимымъ имѣть для этого особый флотъ, Петръ отправилъ изъ Дербента 20-го октября 1722 г. Румянцова, уже гвардіи маіора, въ Казань для постройки къ веснѣ будущаго года не малаго числа плоскодонныхъ судовъ, которыя и были имъ сооружены во-время. Петръ остался этимъ очень доволенъ и 23-го апрѣля 1723 г. благодарилъ Румянцова за скорое исполненіе даннаго порученія, приказавъ ему, отправивъ послѣднія суда, проводить ихъ лично до устья р. Камы и затѣмъ пріѣзжать самому въ Астрахань. Румянцовъ все это исполнилъ и былъ отправленъ позднѣе съ войскомъ для участія во взятіи г. Баку, которымъ и овладѣлъ Матюшкинъ 26-го іюля 1723 г. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ союзный договоръ съ Персіею, вызвавшій необходимость произвести новое разграниченіе земель въ Азіи между Россіею, Персіею и Турціею, возложенное позднѣе на Румянцова, который, возвратясь изъ Персидскаго похода въ концѣ 1723 г., направился въ слѣдующемъ году въ Москву на коронованіе супруги Петра I—Екатерины I и командовалъ, въ чинѣ бригадира, при этомъ войсками, собранными на Ивановской площади. Вскорѣ послѣ коронованія Румянцовъ былъ отправленъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посломъ къ султану, при чемъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ тѣмъ, чтобы начать именоваться этимъ чиномъ только по пріѣздѣ въ Турцію. Предстояло ратификовать заключенный съ Турціею мирный трактатъ 1724 г., и кромѣ того Петръ I далъ Румянцову промеморію, собственноручно написанную, изъ семи слѣдующихъ пунктовъ, относящихся до дѣлъ нашихъ съ Персіею. Ему поручалось озаботиться, чтобы мѣра таковая была правдивая, узнать состояніе дорогъ отъ Баку до Грузіи, а также и возлѣ Азова и Чернаго моря можно ли идти по нимъ съ войскомъ, можно ли добыть на пути провіантъ, фуражъ, лошадей, можно ли р. Курою плыть до Грузіи, хотя бы и малыми судами, узнать состояніе и силу армянъ, грузинъ, и т. д. Помимо этого изъ Государственной Коллегіи была дана Румянцову обширная инструкція, относившаяся по преимуществу до размежеванія земель въ Малой Азіи, и выдана полномочная грамота за большою печатью. Кромѣ этого, Царь приказалъ Румянцову для обученія турецкому языку выбрать изъ учениковъ Московской Духовной Академіи четырехъ изъ шляхетства и взять ихъ съ собою въ Константинополь. Ему было отпущено не мало денегъ на расходы и много всякой мягкой рухляди и червонцевъ для раздачи на подарки. При немъ состояла немалая свита различныхъ должностныхъ лицъ и военная команда. Румянцовъ двинулся изъ Петербурга въ октябрѣ 1724 года, добрался съ трудомъ до Кіева къ 13-му ноября и былъ уже 27-го числа въ Бендерахъ, гдѣ встрѣченъ съ почетомъ и комплиментами турецкими властями и 26-го декабря достигъ Константинополя, гдѣ видѣлся съ нашимъ резидентомъ при Портѣ въ то время—Ив. Ив. Неплюевымъ. Румянцовъ имѣлъ 2-го января 1725 г. аудіенцію у визиря, а затѣмъ 5-го января—первую аудіенцію у султана, а послѣ оной слѣдующую 19-го января для принятія ратификованныхъ грамотъ. Румянцовъ не замедлилъ донести о своихъ аудіенціяхъ у султана Царю, но донесеніе отъ 5-го января не застало уже въ живыхъ великаго преобразователя,—и Румянцовъ не замедлилъ написать его вдовѣ, Императрицѣ Екатеринѣ I,

поздравительное письмо о вступленіи ея на Всероссійскій престолъ. Онъ самъ торопился приступить къ исполненію остальныхъ порученій, касавшихся Персіи и разграниченія съ нею нашихъ земель, которое должно было быть произведено между прочимъ при участіи представителя Французскаго двора. Турецкія власти неразъ заявляли Румянцову на словахъ, что не замедлятъ отправить его въ Персію, а на дѣлѣ все отсрочивали его отправленіе подъ разными предлогами, въ числѣ которыхъ самымъ существеннымъ являлось происшедшее въ то время въ Персіи возстаніе Эшрефа, объявившаго себя законнымъ правителемъ Персіи вмѣсто Тохмасиба. Турція не признала Эшрефа владѣтелемъ Персіи и для его изгнанія изъ предѣловъ Персіи отправила свои войска, которыя, постепенно занимая одинъ персидскій городъ за другимъ, стали приближаться постепенно къ нашимъ границамъ у Каспійскаго моря.

На вопросъ Румянцова, что̀ ему дѣлать и ожидать ли въ Константинополѣ водворенія тишины и порядка въ Персіи, послѣдовалъ въ февралѣ 1726 г. изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ на его имя указъ, что если со стороны турокъ склонности къ разграниченію не видно и пребываніе его въ Константинополѣ имъ непріятно, то онъ можетъ уѣхать въ Петербургъ со всею свитою, сдавъ всѣ бумаги и деньги Неплюеву. Если же Порта намѣрена приступить къ разграниченіямъ, то пусть отправитъ его съ коммиссарами къ мѣстамъ разграниченія. Противъ различныхъ завоеваній, сдѣланныхъ турками въ Персіи, ему предписывалось возражать. Румянцовъ сообщилъ все это визирю и, послѣ многихъ приватныхъ аудіенцій у него, имѣлъ наконецъ прощальную у него аудіенцію 12-го мая, послѣ которой направился безъ французскаго медіатора Далліона, какъ предполагалось первоначально, 18-го числа моремъ и прибылъ 2-го іюня въ Требизондъ, откуда пустился далѣе сухимъ путемъ. Изъ писемъ его къ Неплюеву, а также князю А. Д. Меншикову видно, что онъ, больной, ѣхалъ верхомъ или въ качалкѣ, по пустыннымъ мѣстамъ, имѣлъ дорогу *злую* на Ерзерумъ, а затѣмъ въ Карсъ, куда прибылъ 21-го іюня и добрался довольно счастливо до Ганжи къ 3-му іюля, но все время былъ боленъ лихорадкою. Онъ поѣхалъ далѣе на Шемаху, куда прибылъ лишь 4-го августа, и сталъ торопить туроκъ приступить къ разграниченію. Турки медлили; онъ пребывалъ въ Шемахѣ безъ дѣла, а большая часть лицъ, его сопровождавшихъ, болѣла лихорадкою. Наконецъ, спустя мѣсяцъ, было приступлено къ разграниченію, которое было закончено 27-го октября 1726 г., когда въ м. Мабурѣ былъ подписанъ *инструментъ* (актъ) о разграниченіи между Россіею и Турціею земель въ Ширванской провинціи, принадлежащей Персіи. Но еще во время работъ по этому разграниченію возникъ вопросъ о созваніи, по желанію шаха Тохмасиба, общаго конгресса (Россіи, Персіи и Турціи) для рѣшенія спорныхъ вопросовъ о земельныхъ границахъ этихъ трехъ государствъ, и командующіе нашими войсками на азіатской границѣ, Левашевъ и кн. Долгоруковъ, находили необходимымъ участіе въ этомъ конгрессѣ Румянцова, производившаго разграниченіе земель съ Персіею близъ Каспійскаго моря, затянувшееся во многомъ по неимѣнію вѣрныхъ географическихъ картъ тѣхъ мѣстностей, которыя еще приходилось составить, и по нежеланію нѣкоторыхъ независимыхъ владѣтелей горскихъ племенъ дозволить проводить линію и проходить межею по ихъ владѣніямъ. Это вызывало долгіе переговоры съ ними и съ Портою, которой они признавали себя подчиненными, а тѣмъ временемъ Румянцовъ былъ принужденъ пребывать въ бездѣйствіи то въ Баку, то въ Дербентѣ. Онъ писалъ объ этомъ Неплюеву, нашему послу въ Константинополѣ, добавляя: „продолжаю праздную бытность, которой скуки мое перо не можетъ описать“. Отъ двора онъ получилъ рескриптъ, что невозможно ему уѣхать, не дождавшись вѣдомости отъ Совѣта и отъ Порты. Въ это время, 27-го іюня 1727 г. Румянцовъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, причемъ ему повелѣвалось по окончаніи работъ по разграниченію земель въ Персіи „быть въ командѣ у генерала кн. Долгорукова“. Онъ въ это время находился въ частной перепискѣ съ могущественнымъ кн. А. Д. Меншиковымъ, писалъ ему, что турки только время проводятъ, и просилъ исходатайствовать ему милостивую резолюцію, — „дабы мнѣ еще праздность мою здѣсь не продолжать“. Но этого Меншикову не суждено было сдѣлать для своего прежняго сотоварища по службѣ при Петрѣ I.

Въ половинѣ 1727 г. Румянцовъ получилъ указъ о кончинѣ, 6-го мая, Импера-

трицы Екатерины I и о вступленіи на престолъ по ея тестаменту внука Петра I, молодого Петра II, сына Царевича Алексѣя, въ поимкѣ и печальной кончинѣ котораго проявилъ не малую дѣятельность Румянцовъ. Онъ могъ справедливо опасаться подвергнуться опалѣ, но на дѣлѣ эти опасенія не осуществились, и во все непродолжительное царствованіе Петра II Румянцовъ пребывалъ въ Закавказьѣ и отправлялъ возложенныя на него еще ранѣе служебныя обязанности. Онъ скоро сильно заболѣлъ въ Ширванѣ и прибылъ въ октябрѣ 1728 г. въ Баку до того больнымъ, что не могъ самъ донести Коллегіи о своемъ болѣзненномъ состояніи, продолжавшемся до начала февраля 1729 г. Въ мартѣ того же года молодой Царь, признавъ заслуги Румянцова, въ благодарность выдалъ ему 20.000 руб. за отобранныя у него ранѣе помѣстья. Ему предписывалось еще ранѣе не допускать Ширванскаго хана Сурхая присваивать себѣ Куралинцевъ, живущихъ близъ Дербента, производить изъ доходовъ съ Баку ежегодное жалованье различнымъ горскимъ владѣтелямъ и сестрѣ Грузинскаго Царя Вахтанга игуменьѣ Нинѣ и т. д. Румянцовъ, пребывая въ Дербентѣ, просилъ указа, какъ поступать съ Кабардинцами, ибо ему совершенно неизвѣстно, когда Кабарда поступила подъ державу Его Величества и границы Кабарды ему неизвѣстны. Онъ очень просилъ о присылкѣ ему войска, потому что, хотя и спокойно среди горскихъ народовъ, но необходимо смотрѣть за мелкими князьями; кромѣ того, онъ очень опасался набѣговъ со стороны Муганской степи, полагая, что могутъ еще возстать и волноваться Кизилъ-баши и подвергнуть край большой опасности.

Утомившись до крайности своимъ пребываніемъ въ прикаспійскихъ земляхъ, Румянцовъ просилъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ освободить его отъ возложеныхъ на него обязанностей и разрѣшить возвратиться въ Москву. Верховный Тайный Совѣтъ еще 30-го мая 1730 г., сообщивъ ему, что по дѣлу о разграниченіи съ Персіею отъ Куры до Гилякъ будетъ присланъ съ инструкціями генералъ-маіоръ Еропкинъ, поручалъ ему окончить разграниченіе не только въ Ширвани, но и въ Мугани, приготовить доказательства о всѣхъ обидахъ отъ Сурхая, составить вѣрную карту съ описаніемъ и т. д. Но все это ему не пришлось исполнять, потому что 16-го іюля 1730 г. состоялся указъ о возвращеніи Румянцова въ Москву, при чемъ командованіе всѣми русскими войсками въ прикаспійскихъ земляхъ возложено было на Левашова, а всѣ бумаги, бывшія у Румянцова, надлежало передать генералу Венедьеру. Румянцовъ еще 29-го августа благодарилъ Остермана изъ Дербента за такую милость и добавлялъ, что направится въ путь 2-го сентября. Прибывъ въ Москву 12-го ноября 1730 г., онъ былъ очень ласково принятъ новою Императрицею [1]), которая указомъ 27-го ноября 1730 года „генералъ-поручика и гвардіи Преображенскаго полка маіора Румянцова пожаловала въ тотъ же полкъ въ подполковники и въ свои генералъ-адъютанты“. Но, человѣкъ Петровскаго закала, любившій все русское, чуждый роскоши и изнѣженности, дѣятельный, преданный отечеству, какимъ былъ Румянцовъ, не могъ соотвѣтствовать порядкамъ, водворявшимся при дворѣ, гдѣ господствовалъ Герцогъ Биронъ и прочіе нѣмцы, и потому весьма естественно, что онъ имѣлъ скоро столкновеніе съ братомъ всесильнаго временщика, навлекшее для него печальныя послѣдствія и по другому совсѣмъ дѣлу. Императрица возъимѣла намѣреніе предложить Румянцову мѣсто Президента Камеръ-Коллегіи. Румянцовъ отказался, сказавъ, что съ раннихъ лѣтъ будучи солдатомъ, ничего не смыслитъ въ финансахъ, не умѣетъ выдумать средствъ для удовлетворенія роскоши и т. д. и, конечно, высказалъ при этомъ сгоряча много непріятнаго для Императрицы о новыхъ порядкахъ при дворѣ, вслѣдствіе чего она приказала ему удалиться и затѣмъ отдала приказаніе его арестовать и предать суду Сената, который 19-го мая 1731 г. приговорилъ его къ смертной казни. Царица изъ милости сохранила ему жизнь, замѣнила казнь ссылкою въ предѣлы Казанской губерніи, лишивъ *чиновъ* и ордена св. Александра Невскаго и отобравъ пожалованные ему ранѣе 20.000 руб. Румянцовъ со всѣмъ семействомъ своимъ былъ отправленъ въ село *Чеборчино*, Алатырской провинціи, гдѣ и прожилъ болѣе трехъ лѣтъ подъ строгимъ присмотромъ капитана Шипова, который, по данной ему инструкціи, долженъ былъ неотлучно при немъ находиться, никого къ

[1]) Петръ II скончался съ 18-го на 19-е января 1730 г., и на престолъ вступила 25-го января 1730 г. Анна Іоанновна.

нему не допускать, читать всѣ получаемые имъ письма и списывая съ нихъ копіи, присылать въ Петербургъ, вести дневныя записки о всемъ происходящемъ въ домѣ Румянцова, слѣдить за его расходами, даже за мелочными и по хозяйству, которые послѣдній не могъ производить безъ разрѣшенія Шипова. Не получая ничего отъ казны, Румянцовъ существовалъ на средства, имѣвшіяся у него и у его супруги, которая для насущныхъ потребностей продавала свое имущество. Въ такомъ уединеніи Румянцовъ прожилъ болѣе четырехъ лѣтъ и только въ концѣ іюля 1735 года, вѣроятно, по ходатайствамъ родственниковъ и близкихъ графини Матвѣевой, состоялся указъ 28-го іюля о томъ, что Александръ Румянцовъ пожалованъ былъ въ Астраханскіе губернаторы, на мѣсто престарѣлаго Ивана Измайлова, при чемъ Румянцовъ жалуется прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Румянцовъ едва успѣлъ послать 20-го августа благодарственное письмо Аннѣ Іоанновнѣ, какъ состоявшимся тѣмъ временемъ новымъ указомъ 12-го августа былъ назначенъ правителемъ Казанской губерніи и главнымъ командиромъ войскъ, опредѣленныхъ къ прекращенію башкирскихъ *замѣшаній*. Ему были даны указы и инструкціи, какъ поступать съ башкирами, и сообщены донесенія Кирилова объ этомъ возстаніи, при чемъ Кирилову было предписано слѣдовать предложеніямъ и ордерамъ Румянцова во всемъ, что касается башкирскихъ замѣшаній, и во всемъ поступать неотступно. Румянцовъ уже 19-го сентября вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей и въ октябрѣ того же года доносилъ изъ Мензелинска о заложеніи Оренбургской крѣпости. Онъ разослалъ отъ себя во всю Башкирію „разсудительные универсалы“, которыми, а также своими поступками и обращеніями съ башкирами, достигъ вскорѣ того, что главные бунтовщики принесли ему повинную и учинили присягу по своему закону. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, вмѣстѣ съ Кириловымъ, составилъ подробный планъ о совершенномъ успокоеніи башкиръ и отправилъ его съ Кириловымъ на утвержденіе въ Петербургъ. Румянцовъ, исходя изъ того, что главною причиною бунта башкирцевъ были суровые и незаконные поступки съ ними Тевкелева, опасался еще болѣе взволновать башкиръ строгими мѣрами усмиренія бунтовщиковъ (на чемъ настаивалъ Кириловъ) и полагалъ, за неимѣніемъ также достаточнаго войска и необходимыхъ проводниковъ, оставить бунтовщиковъ до удобнѣйшаго времени въ тишинѣ, ибо „ихъ къ вѣрности государству и къ накладу на нихъ податей скоро безъ всякаго ихъ возмущенія никакъ привести невозможно“, а надобно дѣлать къ тому постепенныя приготовленія. Императрица, одобривъ этотъ планъ, приказала Кирилову пріѣхать къ Румянцову въ Мензелинскъ и обсудить мѣры окончательнаго успокоенія башкиръ.

Выработанныя Румянцовымъ къ концу декабря 1735 г. мѣры состояли главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) привести въ должное состояніе полки, находящіеся въ Башкиріи; 2) основать Оренбургъ и другія намѣченныя крѣпости и тѣмъ огородить ими башкирцевъ какъ бы стѣною и 3) устраивать городки среди башкирскихъ земель; 4) въ каждой волости башкирской имѣть выборныхъ старшинъ, отвѣтственныхъ за всякое преступленіе; 5) оставивъ въ каждой дорогѣ одного только ахуна (священника), взять съ нихъ присягу, чтобы не совращали въ свою вѣру, не строили мечетей и школъ безъ разрѣшенія и сообщали бы о всякомъ совершенномъ преступленіи; 6) разрѣшить покупать и арендовать у башкиръ земли и угодья; мещерякамъ, тептярямъ и бобылямъ старымъ за ихъ вѣрность отдать въ вѣчное владѣніе всѣ земли, снимаемыя ими у башкиръ; 7) воспретить дѣлать сборища, а также устроивать кузницы и держать кузнецовъ въ уѣздѣ и не отпускать послѣднихъ изъ городовъ въ уѣзды; 8) башкирамъ, замѣченнымъ въ воровствѣ, вообще воспретить имѣть при себѣ оружіе и т. д. Съ проектомъ этихъ мѣръ Кириловъ былъ отправленъ въ Петербургъ, а тѣмъ временемъ въ 1736 году Румянцовъ, уповая, что все тихо, поѣхалъ изъ Мензелинска въ Казань для правленія губерніею. Но едва прибывъ въ этотъ городъ, онъ получилъ извѣстіе о новомъ и значительномъ замѣшаніи башкиръ на р. Демѣ (большой притокъ р. Бѣлой) и прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ. Румянцовъ быстро вернулся и двинулся къ р. Демѣ съ войскомъ, гдѣ и производилъ поиски надъ воровскими шайками. Тогда же вернулся и Кириловъ съ указами, одобрявшими представленіе Румянцова о башкирахъ и предоставлявшими ему полную мочь къ пре-

кращенію всѣхъ башкирскихъ замѣшаній, которыя, утихнувъ на р. Демѣ, возникли въ сторонѣ Уфы, подъ предводительствомъ двухъ мятежниковъ—Акая и Кильмяка. Румянцовъ двинулся на нихъ и 29-го іюня подвергся сильному съ ихъ стороны нападенію, на разсвѣтѣ, въ то время, какъ стоялъ лагеремъ на р. Косумѣ, при деревнѣ Урмекеевой, въ 120 верстахъ отъ Уфы и 28 верстахъ отъ Белебея. Румянцовъ потерялъ въ этомъ дѣлѣ одними убитыми 180 человѣкъ и 60 ранеными; бунтовщики угнали всѣхъ его лошадей и удалились въ горы. Лошади были возвращены, когда команда оправилась. Румянцовъ послѣдовалъ за ними, но не могъ ихъ настичь; онъ возвратился къ Мензелинску и въ 20 верстахъ отъ него узналъ, что мятежники напали на вѣрныхъ намъ башкиръ. Онъ снова вернулся, дошелъ до села Елдяшева (120 верстъ отъ Мензелинска), но не найдя нигдѣ воровъ, прибылъ 29-го августа въ городъ, гдѣ засталъ новый указъ Ея Величества отъ 13-го іюля 1736 г. о томъ, чтобы при башкирской коммиссіи быть гвардіи маіору Хрущову, а ему, Румянцову, отдавъ команду, слѣдовать къ главной арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала графа Миниха. Румянцовъ 14-го октября 1736 г. оставилъ Мензелинскъ и въ январѣ 1737 г. прибылъ въ Глуховъ, гдѣ получилъ указъ о назначеніи его въ Малую Россію, на мѣсто князя Барятинскаго, который былъ потребованъ въ Москву. Вскорѣ послѣ этого, указомъ 22-го января 1737 г., Румянцовъ былъ произведенъ въ дѣйствительные полные генералы и зачисленъ въ комплектъ генералитета, въ армію фельдмаршала Миниха, по его о томъ представленію. Румянцовъ не замедлилъ принести благодарность за таковую монаршую милость и занялся дѣлами Малороссіи,—преимущественно дѣлами по снабженію арміи всѣмъ необходимымъ по ея требованіямъ для предстоящаго похода. Онъ учредилъ также въ Глуховѣ школу для обученія пѣнію при искусномъ регентѣ, приступилъ къ собранію свѣдѣній о лицахъ, коимъ были розданы по универсаламъ гетмановъ различныя деревни и земли и т. д. Но скоро Барятинскій возвратился и, вступивъ въ управленіе Малороссіею, принялъ обратно всѣ дѣла отъ Румянцова, который уже въ 1737 году принималъ участіе въ приготовленіяхъ ко второму походу графа Миниха. По плану похода надлежало въ эту кампанію подчинить весь Крымъ, Кубань, Кабарду, Азовское море и гирла рѣкъ, впадающихъ между Крымомъ и Кубанью. Одною изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій въ арміи Миниха командовалъ Румянцовъ, находясь, конечно, въ полномъ подчиненіи Миниха. Его дивизія 10-го апрѣля двинулась съ береговъ рѣкъ Псёла и Сула, 16-го іюня была у Буга, а послѣ *зѣло трудной* переправы имѣла такой же трудный маршъ безводными мѣстами, соженной степью, претерпѣвая большой недостатокъ въ водѣ, и, подойдя къ Очакову, сдѣлала на него нападеніе. При этомъ войска неожиданно наткнулись на широкій и глубокій передовой ровъ, не въ состояніи были перейти его и должны были прекратить штурмъ. Однако, 2-го іюля въ Очаковѣ произошелъ взрывъ большого порохового погреба, разрушившій часть города. Турки просили перемирія, но получили отказъ отъ Миниха, предложившаго имъ сдаться на капитуляцію, добавивъ, что если чрезъ часъ не сдадутъ крѣпости, то гарнизону не будетъ пощады. Турки сдались и часть русскихъ войскъ заняла Очаковъ, послѣ чего Минихъ хотѣлъ двинуться къ Бендерамъ, но значительныя потери въ людяхъ, недостатокъ продовольствія, подножнаго корма и даже воды, множество больныхъ въ арміи побудили Миниха возвратиться на зимнія квартиры. Однако, изъ Петербурга пришло приказаніе идти на Бендеры. На созванномъ въ арміи Совѣтѣ это признали невозможнымъ и она, направясь на Очаковъ, Александръ-шанецъ на Днѣпрѣ, достигла, 23-го сентября Переволочной и была расположена на зимнія квартиры [1]). Минихъ раздѣлилъ обширныя границы, ввѣренныя его охраненію, на 2 части: одну отъ Кіева по Днѣпру до начала Украинской линіи онъ поручилъ Румянцову, а другую—отъ Днѣпра по Украинской линіи—генералу Леонтьеву, а позднѣе Кейту. Вся зима прошла въ приготовленіяхъ къ кампаніи 1738 г., въ продолженіе

[1]) Во время этого неудачнаго похода, въ Немировѣ велись переговоры о мирѣ, не имѣвшіе никакого успѣха. Австрійцы, наши союзники въ этой войнѣ съ Турціею, также не имѣли успѣха въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи, но домогались получить Боснію, а главнымъ образомъ Молдавію и Валахію; Турки, конечно, не соглашались на это,—и предстояла слѣдующая кампанія 1738 года.

которой надлежало по первому плану Миниха занять Бѣлгородскія и Буджакскія орды по ту сторону Днѣпра, а также Молдавію и Валахію. Съ наступленіемъ весны Минихъ располагалъ выступить въ походъ, а въ это время умеръ князь Барятинскій, на мѣсто котораго въ Петербургѣ назначенъ былъ генералъ-маіоръ Шиповъ; Минихъ же, до полученія объ этомъ указа, въ виду нужнѣйшихъ экспедицій, возложенныхъ на князя Барятинскаго, чтобы не остановить снабженіе арміи, немедленно отправилъ въ Глуховъ на мѣсто умершаго—Румянцова, поручивъ ему отправленіе всѣхъ дѣлъ, лежавшихъ на князѣ. Это было одобрено Императрицею, какъ видно изъ указа, состоявшагося 6-го марта 1738 года. Съ приближеніемъ теплыхъ дней хотя не вся армія была въ готовности двинуться 15-го апрѣля къ Днѣстру, тѣмъ не менѣе, Минихъ, исполняя желаніе Императрицы, выступилъ изъ лагеря при Омельникѣ, оставивъ въ Переволочной Румянцова, которому было предписано, собравъ все необходимое для кампаніи и взявъ съ собою всѣ почему-либо опоздавшія команды, присоединиться съ возможной скоростью къ арміи. Движеніе Миниха чрезвычайно замедлялось переправами чрезъ множество рѣкъ различныхъ размѣровъ, протекавшихъ между Днѣпромъ и Бугомъ, и онъ только 15-го іюня подошелъ къ притоку Буга — Ташлыку, гдѣ узналъ о появленіи опасной болѣзни (т.-е. чумы) въ нижней части Днѣпра. Принявъ мѣры предосторожности, Минихъ пришелъ къ Бугу, переправился по устроеннымъ мостамъ 23-го и 24-го іюня, и тогда же присоединился къ нему Румянцовъ со всѣми обозами, а также рекрутами, которые были распредѣлены по полкамъ. Затѣмъ въ арміи узнали, что опасная болѣзнь свирѣпствуетъ въ Яссахъ и около Бендеръ. Въ виду этого, на собранномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было двинуться далѣе нѣсколько инымъ путемъ къ берегамъ р. Кодымы (притокъ Буга), гдѣ появились татары, намѣревавшіеся напасть на Миниха; для отраженія ихъ онъ послалъ Румянцова обратно чрезъ р. Кодыму, который успѣшно ихъ отбилъ 30-го іюня и 1-го іюля, когда явился и самъ Минихъ и оттѣснилъ татаръ. Затѣмъ онъ имѣлъ съ ними дѣло при р. Савраны, причемъ Румянцовъ съ небольшимъ отрядомъ былъ оставленъ для обороны обоза. Эти дѣла съ татарами задерживали движеніе арміи, которая, подходя къ Днѣстру 24-го іюля, узнала, что ее ожидаютъ 60.000 турокъ и 78.000 татаръ, расположенныхъ на правомъ берегу Днѣстра, въ крѣпкой позиціи, и на лѣвомъ берегу р. Молокиша, впадающей въ Днѣстръ. Ближайшее разсмотрѣніе силъ непріятеля и занимаемыхъ имъ мѣстъ убѣдило Миниха въ невозможности для него переправы чрезъ Днѣстръ, и 29-го іюля онъ отступилъ къ р. Каменкѣ, перейдя трудное дефиле чрезъ р. Билочь, при чемъ для облегченія лошадей и ускоренія марша рѣшено было 4-го августа сжечь всѣ негодныя и лишнія аммуниціи, кафтаны, сбрую и т. д. и двинуться къ р. Догны и затѣмъ внизъ по оной до впаденія въ Бугъ. Направляясь по ея берегамъ, армія прошла 20-го августа къ Бугу, а затѣмъ къ р. Сорока, откуда одна колонна подъ командою Румянцова была направлена въ Бѣлую Церковь и Кіевъ, а другая подъ начальствомъ Миниха—къ Канёву. На маршѣ онъ получилъ приказаніе Императрицы возвратиться опять къ Днѣстру. На собранномъ военномъ совѣтѣ Румянцовъ и многіе другіе генералы высказывали опредѣлительно, что этого учинить невозможно по неимѣнію провіанта и подножнаго корма, по причинѣ наступающихъ холодовъ, большой убыли въ людяхъ, причемъ здоровые весьма *уфатигованы*, а одежда вся износилась. Императрица, по докладу всего этого, одобрила рѣшеніе военнаго совѣта о возвращеніи арміи. Румянцовъ прибылъ 15-го сентября въ Кіевъ, а Минихъ—25-го въ Канёвъ. Походъ былъ неудаченъ; кромѣ того, приказано было покинуть крѣпости Очаковъ и Кинбурнъ, разрушивъ всѣ укрѣпленія. Неудача въ войнѣ побуждала союзниковъ [1]) желать болѣе, чѣмъ когда-либо мира, и для скорѣйшаго его заключенія принять посредничество въ этомъ дѣлѣ Франціи. Турки возгордились своими успѣхами и сдѣлались еще несговорчивѣе. Сдѣлавъ распоряженіе объ охраненіи границъ зимою, Минихъ въ началѣ января 1739 г. уѣхалъ въ Петербургъ для обсужденія плана кампаніи весною, передавъ всю команду надъ арміею Румянцову и снабдивъ его подроб-

[1]) Австрія въ 1737 г. также воевала неудачно: она потеряла Нишъ 18-го сентября 1737 г., а затѣмъ г. Оршу—ключъ Трансильваніи, а также Темешваръ и готовились потерять Бѣлградъ.

ною инструкціею относительно подготовки арміи къ предстоящему походу, обезпеченія границъ отъ набѣговъ татаръ, о мѣрахъ противъ чумы и т. д. Вскорѣ по отъѣздѣ Миниха татары стали вторгаться въ наши предѣлы въ разныхъ мѣстахъ. Румянцовъ отправился самъ противъ татаръ и отразилъ Крымскаго Калгу-султана. Затѣмъ особымъ Высочайшимъ указомъ на Румянцова былъ возложенъ сборъ въ Малороссіи воловъ, потребныхъ для арміи въ огромномъ количествѣ, что было сопряжено съ немалыми затрудненіями; при этомъ Румянцовъ очень заботился о прекращеніи всякаго самоуправства со стороны войскъ при этомъ сборѣ. Волы поставлялись медленно, что вызывало неудовольствіе начальниковъ войскъ и навлекало на Румянцова непріятные ему указы. Работы по приведенію въ порядокъ полевой и осадной артиллеріи производились также попеченіемъ Румянцова, а равно и снаряженіе къ походу Малороссійскихъ полковъ, о которыхъ онъ озаботился заблаговременно и весьма настоятельно. Много хлопотъ доставляло ему снабженіе арміи продовольствіемъ: надо было собрать оное не только для довольствія арміи въ походѣ, но и на время, предшествующее выступленію ея въ походъ, устроить перевозку продовольствія въ походѣ и т. д. Много затрудненій причиняла свирѣпствовавшая чума, которая не давала возможности пользоваться запасами, находившимися въ мѣстностяхъ, охваченныхъ чумою; то же самое было и въ отношеніи фуража. Хотя по проекту Миниха въ 1739 г. русскія знамена должны были развѣваться на стѣнахъ Константинополя, но дѣйствительный планъ кампаніи 1739 г. былъ значительно скромнѣе: надлежало только занять Хотинъ и, по обстоятельствамъ, дѣйствовать далѣе, противъ Очакова и Кинбурна, только препятствуя сооруженію новыхъ укрѣпленій.

Румянцовъ, не ожидая возвращенія Миниха, приказалъ въ началѣ марта тяжелой артиллеріи начать передвиженіе съ зимнихъ квартиръ и предписалъ полкамъ наблюдать за исправностью проселочныхъ дорогъ, мостовъ, гатей, гребней и т. д. Въ концѣ апрѣля Минихъ съ 4 дивизіями, изъ коихъ первою командовалъ генералъ-аншефъ Румянцовъ, совершивъ переправу чрезъ Днѣпръ при большомъ разливѣ и весьма холодной погодѣ, двинулся къ Василькову и затѣмъ далѣе къ р. Бугу, при чемъ каждая дивизія шла самостоятельно. Къ 17-му іюня армія стала подходить къ Бугу; отряды татаръ, всего до 50.000, находились у Дубоссаръ и на р. Савранѣ и Кодымѣ. Переправившись спокойно чрезъ Бугъ, Минихъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено идти прямо къ Хотину на Днѣстрѣ, одна дивизія отъ другой не въ дальнемъ разстояніи и съ большими осторожностями, такъ какъ и турки оказались не вдалекѣ.—6-го іюля армія собралась на р. Бованецъ, притокѣ Збруча, гдѣ узнали, что въ Хотинѣ крѣпость вполнѣ исправна, имѣетъ до 90 пушекъ, гарнизонъ въ 40.000 и поджидаетъ прибытія еще 20.000 турокъ, и что рѣшено не допустить русскую армію совершить переправу чрезъ Днѣстръ; Поляки же въ большой дружбѣ съ турками.

Военный Совѣтъ рѣшилъ идти скорѣе къ Хотину и совершить переправу чрезъ Збручь, обойти Недоборгскія горы и явиться къ Хотину съ другой стороны. Все это было исполнено, хотя и съ большими затрудненіями. Но полученное извѣстіе о чумѣ въ Каменцѣ-Подольскомъ принудило измѣнить направленіе движенія арміи и совершить переправу чрезъ Днѣстръ выше Хотина. Чтобы скрыть это отъ непріятеля, часть нашей арміи въ 30—40.000 подъ начальствомъ Румянцова должна была показывать видъ, что вся армія идетъ прямо къ Хотину, и тѣмъ удерживать путь непріятеля. Другая же часть, около 27.000, съ Минихомъ во главѣ, подъ видомъ конвоя лица, ѣдущаго отъ Ея Величества въ Турцію, должна была идти къ Днѣпру выше Хотина и переправиться тамъ. Все это вполнѣ удалось. Минихъ переправился 19-го іюля у сел. Сосновицы и сталъ поджидать Румянцова, который, чтобы ввести турокъ въ заблужденіе, сперва подвинулся впередъ, а потомъ перешелъ р. Ничлаву и къ 26-му іюля подошелъ къ Днѣстру. Минихъ потребовалъ его къ себѣ и поручилъ его начальству свой коръ-де-батайль (главный отрядъ). Скоро послѣдовала битва при Ставучанахъ, 17-го августа, въ которой турецкая армія въ 70.000 была совершенно разбита и разсѣяна. Минихъ немедленно подошелъ къ Хотину и тотъ же часъ потребовалъ сдачи: Хотинъ сдался ему 19-го августа. Желая воспользоваться удобнымъ временемъ года,

Минихъ немедленно двинулся къ Яссамъ и занялъ ихъ 3-го сентября. Молдавія соглашалась признать надъ собою власть Русской Императрицы. Но вдругъ Минихъ получилъ увѣдомленіе, что Австрія заключила миръ съ Турціею въ Бѣлградѣ 7-го сентября; онъ пришелъ въ негодованіе и рѣшилъ продолжать военныя дѣйствія и двинулся по Пруту въ урочищу Кайнаръ, но наступившее холодное время, дожди и плохія дороги побудили его возвратиться къ Хотину, гдѣ онъ получилъ указъ изъ Петербурга также о заключеніи мира съ Турціею; при этомъ Миниху предписывалось возвратиться съ арміею въ предѣлы Имперіи. Вся армія Миниха предприняла обратный походъ, и Румянцовъ 16-го ноября 1739 г. возвратился съ ввѣренными ему полками на зимнія квартиры въ Переяславль, о чемъ не замедлилъ сообщить Бирону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ходатайствовалъ предъ всемогущимъ Герцогомъ объ опредѣленіи 13-лѣтняго сына своего—будущаго фельдмаршала—въ Швецію или Данію къ нашимъ посольствамъ (министрамъ) для обученія его практикѣ, съ назначеніемъ ему, если возможно, жалованья *„за моимъ недостаткомъ“*. При этомъ А. И. Румянцовъ добавлялъ, что „не для какой пользы сіе намѣреніе воспріялъ, токмо проча впредь его, сына моего, дабы годенъ былъ въ высокой службѣ Ея Величества“.

Эти непрерывные и продолжительные походы Миниха чрезвычайно отрывали Румянцова отъ непосредственнаго управленія Малороссіею, о которомъ, однако, дошли до насъ весьма благопріятные отзывы. Такъ, по словамъ Бантыша-Каменскаго, поведеніемъ своимъ онъ пріобрѣлъ отъ всѣхъ полную довѣренность и доброхотство. При немъ воспріяло начало и далеко распространилось вѣжливое, свободное и благонравное поведеніе между малороссіянами, увеличившееся при его преемникѣ генералѣ Кейтѣ. Командованіе Румянцова, по личнымъ его качествамъ, было кроткое, справедливое для малороссіянъ и утѣшительное, какъ заявляетъ Георгій Конисскій. При Румянцовѣ имѣлъ большое значеніе въ дѣлахъ Малороссіи его любимецъ, генеральный писарь Андрей Безбородко (отецъ будущаго великаго дѣльца Екатерины II), отличавшійся своими способностями: онъ забралъ въ свои руки мѣстную администрацію и много содѣйствовалъ окончательной демонализаціи низшей старшины, получавшей мѣста исключительно изъ его рукъ. Въ 1740 г. состоялся указъ, коимъ Румянцовъ назначенъ былъ штатгальтеромъ, а на его мѣсто повелѣно быть генералъ-маіору и Измайловскаго полка маіору Шипову (Арх. Малор. Колл., д. № 26658), а вскорѣ затѣмъ Румянцовъ былъ пожалованъ каменнымъ домомъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ исполненіе одного изъ условій только-что заключеннаго 7 (18) сентября 1739 г. мира съ Турціею, онъ поставленъ былъ во главѣ великаго посольства, которое надлежало отправить въ Константинополь. Румянцовъ, крайне этимъ довольный, писалъ благодарственное письмо Императрицѣ за лестное назначеніе и за цѣнное пожалованіе. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и принималъ участіе въ составленіи посольства, которое было довольно многочисленно [1]). Румянцову было отпущено на подъемъ и экипажи 15.000 руб., назначено на столъ со дня выступленія изъ предѣловъ Россіи по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ и на различные чрезвычайные расходы 20.000 рублей. Кромѣ того, ему была отпущена парадная карета для въѣзда, балдахинъ, кресла и парадная палатка, серебряные сервизы и всякаго рода блюда для угощенья турецкихъ властей и много богатой мягкой рухляди для раздачи въ видѣ подарковъ въ Турціи.

Ему былъ данъ 16-го мая Высочайшій указъ, что онъ посылается въ характерѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго посла, обязаннаго именемъ Ея Величества наикрѣпчайше обнадежить Турецкое правительство, что съ нашей стороны постановленія мира будутъ во всѣхъ артикулахъ твердо и ненарушимо соблюдены, охранены и никогда противно поступлено не будетъ. Послѣ отпускной аудіенціи 19-го мая Румянцовъ выѣхалъ изъ Петербурга 20-го мая, былъ въ Москвѣ 30-го числа и, забравъ все необходимое, направился въ Кіевъ 4-го іюня, куда прибылъ только 22-го и вступилъ въ переписку о времени размѣна на границѣ съ Турецкимъ посломъ Мегметъ-Эминемъ,

[1]) Въ свитѣ Румянцова, кромѣ секретаря и маршала посольства, священника съ причтомъ, лѣкаря съ подмастерьями и переводчиковъ, находилось до 200 гренадеръ, 12 дворянъ посольства, 36 лакеевъ, 12 гайдуковъ, нѣсколько трубачей, егарей, музыкантовъ, много повозокъ съ багажемъ, не мало лошадей всякаго рода и т. д., словомъ,—цѣлый караванъ, останавливавшійся ежедневно лагеремъ для ночлега и отдыха.

ѣхавшимъ уже въ Петербургъ изъ Константинополя. По условію мира размѣнъ пословъ долженъ былъ произойти на Днѣпрѣ, у Конскихъ водъ; однако Турецкое правительство признало удобнѣе для себя совершить это вблизи Очакова у р. Ялпы, гдѣ есть граница, на что не соглашался А. И. Румянцовъ,—преимущественно по неудобству и затруднительности пути на р. Ялпѣ, и убѣждалъ письменно Турецкаго посла ѣхать чрезъ Польшу. Мегметъ-Эминь долго не соглашался на это, но наконецъ послы сговорились учинить свой размѣнъ у самыхъ Польскихъ рубежей, по сей сторонѣ Днѣпра, причемъ Турецкаго посла приметъ и будетъ сопровождать въ Петербургъ братъ А. И. Румянцова, генералъ и сенаторъ Н. И. Румянцовъ (см. ниже его біографію). Затѣмъ пошли переговоры и препирательства о церемоніалѣ и порядкѣ размѣна, такъ что только 16-го августа А. И. Румянцовъ съ братомъ своимъ выѣхалъ изъ Кіева, со всѣмъ посольствомъ на 1400 подводахъ къ Егорлыку, гдѣ была въ то время Турецкая граница. Предстояло ѣхать много степью и ненаселенными мѣстами. Перейдя Польскую границу близъ Василькова, Румянцовъ 1-го сентября былъ въ Немировѣ, гдѣ получилъ отъ Эминь-паши письмо, что ему разрѣшено не ѣхать къ Конскимъ водамъ, и что размѣнъ послѣдуетъ близъ р. Буга. Равнымъ образомъ и онъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе о кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны, а затѣмъ о рожденіи внука ея Принца Іоанна Антоновича; онъ узналъ также и о гайдамакахъ появившихся на предстоявшемъ ему пути, что побудило его двинуться на Умань и затѣмъ стать на р. Синюхѣ, гдѣ находился также лагерь и Турецкихъ коммиссаровъ, а равно генерала Кейта и генерала Н. И. Румянцова, учинившихъ торжественную встрѣчу А. И. Румянцову.—Назначенный встрѣтить А. И. Румянцова и проводить его до Константинополя Нуманъ-паша также скоро подошелъ къ этому мѣсту; послѣ переговоровъ съ нимъ Румянцовъ объявилъ, что размѣнъ пословъ состоится 17-го октября при устьѣ р. Великій Канаръ. Онъ дѣйствительно и состоялся торжественнымъ образомъ, и Румянцовъ не замедлилъ, 21-го октября, подробно донести объ этомъ Ея Величеству, которая тѣмъ временемъ скончалась (17-го октября вечеромъ), о чемъ и было сообщено Румянцову съ доставленіемъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ новыхъ вѣрительныхъ грамотъ. Затѣмъ 23-го октября Румянцовъ двинулся далѣе къ Бендерамъ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ, и, пробывъ до 12-го ноября, пустился далѣе. Какъ усматривается изъ его донесеній, онъ былъ не совсѣмъ доволенъ отношеніемъ, турокъ къ нему и ко всему посольству: онъ жаловался на скудость отпускаемыхъ припасовъ и провизіи, такъ что дорогою находился почти на своемъ иждивеніи. Дальнѣйшій путь его изъ Бендеръ шелъ на Измаилъ, откуда 4-го декабря онъ поплылъ на галіотахъ до Тульчи, а затѣмъ, промѣшкавъ два дня, за неимѣніемъ подводъ, двинулся на Бабабисъ, Базарджикъ и Праводы къ Адріанополю и т. д., при чемъ въ Базарджикѣ, куда онъ прибылъ 20-го декаяря, возникли затрудненія изъ-за квартиръ, которыхъ турки не хотѣли ему отводить, а затѣмъ также изъ-за подводъ. Въ Праводахъ въ день Рождества Христова онъ посѣтилъ со всею свитою греческую церковь, гдѣ служилъ Польскій іерей. Тутъ онъ получилъ указъ 28-го ноября съ манифестомъ о низверженіи Бирона и о вступленіи на престолъ дочери Великаго Преобразователя—Имп. Елисаветы, приводилъ къ присягѣ всѣхъ находившихся при немъ лицъ и затѣмъ 1-го января 1741 г. приступилъ къ затруднительному переходу чрезъ турецкія Балканы. Онъ благополучно прибылъ въ Айдосъ, а затѣмъ 15-го января подошелъ къ Адріанополю, гдѣ тогда свирѣпствовала чума. Тѣмъ не менѣе, онъ совершилъ съ большою церемоніею торжественный въѣздъ въ этотъ городъ, дѣлалъ обычныя посылки съ комплиментами, раздавалъ подарки, бывалъ на обѣдахъ и угощеньяхъ. Тѣмъ временемъ изъ Царьграда пришло повелѣніе отпустить ему всего 300 паръ воловъ и 230 лошадей для дальнѣйшаго его слѣдованія; этого было недостаточно, и послѣ объясненія Румянцова ему отпустили необходимыя подводы, и онъ 5-го февраля направился къ Бургасу, откуда 6-го числа послалъ извѣстіе въ Константинополь о скоромъ своемъ прибытіи. Ему было предложено остановиться въ Санъ-Стефано, чтобы, въ виду наступающаго празднованія малаго Байрама, не тревожить Порту, а затѣмъ, 19-го числа февраля, совершить въѣздъ въ Константинополь. Румянцовъ на все это согласился. Между тѣмъ, настала ненастная погода, снѣгъ, стужа, и торжественный въѣздъ Румянцова состоялся только 17-го

марта. Онъ помѣстился въ старомъ домѣ Русскаго посольства, свитѣ же его отвели десять домовъ изъ лучшихъ,—„но едва ли вы будете довольными“, писалъ Канчіони. Слѣдующіе дни Румянцовъ съ офицерами свиты и секретаремъ дѣлалъ визиты посламъ иностранныхъ державъ, раздавалъ подарки турецкимъ сановникамъ, принималъ у себя многихъ являвшихся къ нему обывателей Перы, а также началъ переговоры о пріемѣ его визиремъ и султаномъ. При этомъ возникли разныя пренія объ этикетѣ, о правой рукѣ, о потребныхъ для пріема экипажахъ, лошадяхъ, казакахъ и т. д., но все это, послѣ неоднократныхъ объясненій, уладилось, и пріемная аудіенція состоялась у визиря 26-го марта, а затѣмъ и у султана, очень торжественная. Никто изъ здѣсь пребывавшихъ, зная гордость турокъ, не думалъ, что будетъ такой пріемъ, „тѣмъ болѣе, что этого не оказали даже Австрійскому послу Уллефельду“,—добавлялъ Румянцовъ, донося въ тотъ же день въ Петербургъ о данныхъ ему аудіенціяхъ.

Послѣ этого Румянцовъ пробылъ въ Константинополѣ болѣе шести мѣсяцевъ, занятый переговорами по возложеннымъ на него порученіямъ, а именно: 1) о признаніи за Ея Величествомъ титула Императорскаго, 2) о выдачѣ нашихъ соотечественниковъ, бывшихъ въ плѣну у турокъ, 3) о выборѣ мѣстъ для построенія нами новыхъ крѣпостей близъ Турецкой границы и 4) о срытіи укрѣпленіи въ Азовѣ. По всѣмъ этимъ пунктамъ въ то же время шли переговоры и въ Петербургѣ,—съ прибывшимъ въ нашу столицу Турецкимъ посломъ, окончившіеся обоюднымъ соглашеніемъ, выраженнымъ въ четырехъ артикулахъ, которые и были сообщены Румянцову, получившему безъ труда согласіе на нихъ Султана. Во время переговоровъ Румянцовъ часто посѣщалъ представителей различныхъ европейскихъ державъ въ Константинополѣ, принималъ ихъ у себя, часто былъ трактованъ великимъ визиремъ, проводилъ время въ развлеченіяхъ и т. д. Однако, развившаяся въ городѣ чума побудила его принимать различныя мѣры предосторожности; онъ долженъ былъ даже прекратить сношенія съ лицами своей свиты, изъ числа коей нѣкоторые умерли отъ чумы, и перебраться въ Буюкъ-Дере, не прерывая сношеній съ Портою и начатыхъ переговоровъ. Онъ посѣщалъ верховнаго визиря въ его загородномъ дворцѣ, давалъ самъ празднества съ иллюминаціею въ день рожденія Ея Величества. Наконецъ, 26-го августа онъ былъ приглашенъ въ великому визирю, и, въ присутствіи всего Турецкаго министерства, съ соблюденіемъ обоюдно всякаго рода учтивостей, ему вручена была конвенція, состоявшая изъ трехъ пунктовъ, которою Порта впредь признавала Императорское Высочайшее достоинство за Ея Величествомъ и Ея фамиліею; Россія и Турція обязывались учинить размѣнъ плѣнныхъ и осводить ихъ немедленно; кромѣ того, Россія обязывалась дѣйствительно разорить и подорвать Азовскую крѣпость:

5-го сентября, въ день тезоименитства Императрицы, а также въ день рожденія Его Высочества Румянцовъ приглашалъ къ себѣ большое и знатное общество въ числѣ болѣе 200 особъ; у него былъ большой обѣдъ, балъ, ужинъ и большая иллюминація. Онъ полагалъ, что недолго пробудетъ еще въ Константинополѣ, надѣялся уѣхать въ началѣ октября и велъ объ этомъ переговоры съ Портою, которая затягивала его отъѣздъ, желая окончательно согласиться съ Россіею о многихъ оставшихся по трактату неисполненныхъ съ обѣихъ сторонъ дѣлахъ, преимущественно же о выборѣ мѣстъ для сооруженія новыхъ крѣпостей. Но все это было возложено разрѣшить особымъ коммисарамъ. Румянцовъ же, находясь еще въ Константинополѣ, получилъ извѣстіе объ объявленіи войны Швеціею Россіи и 25-го сентября объ одержанной нами побѣдѣ надъ шведами. Румянцовъ не замедлилъ совершить торжественное богослуженіе въ греческой церкви.

Наконецъ, получивъ отпускную аудіенцію у Султана, онъ отправился обратно въ отечество и дорогою узналъ, что 12-го декабря 1741 г. онъ награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Прибывъ въ Москву въ маѣ 1742 г., онъ принималъ участіе въ коронованіи Императрицы Елисаветы Петровны, а затѣмъ въ конференціяхъ, происходившихъ съ Шведскими депутатами и барономъ Нолькеномъ, преимущественно о Французской медіаціи въ нашихъ дѣлахъ со Швеціею. Но уже въ концѣ іюня мѣсяца Румянцовъ, назначенный состоять при корпусѣ Выборгскомъ и въ Ингерманландіи, уѣхалъ изъ Москвы, —какъ оказалось, чтобы образумить духъ буйства, проявившійся въ нашей арміи,

стоявшей въ Финляндіи. При отъѣздѣ Императрица пожаловала Румянцову, 2-го іюня 1742 г., богатую табакерку съ алмазами, денегъ 35.000 руб. и назначила его полковникомъ гвардіи Преображенскаго полка, въ которомъ онъ начиналъ свою службу при ея родителѣ. Румянцовъ изъ Петербурга 2-го іюня поздравлялъ Императрицу со взятіемъ нашими войсками Фридрихсгама и въ тотъ же день выѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ и принялся за разслѣдованіе дѣла о гренадерахъ л.-гв. Семеновскаго полка, обвиняемыхъ въ дракѣ съ офицерами напольныхъ полковъ и въ произведеніи ими якобы бунта. Можно допустить, что все это дѣло, сильно преувеличенное молвою, было ничѣмъ инымъ, какъ простымъ буйствомъ пьяныхъ солдатъ, кричавшихъ въ хмелю неизвѣстно что́ и почему и притомъ безъ всякаго подговора и умысла. Это подтверждается незначительнымъ числомъ (всего 18 человѣкъ — и то солдатскаго званія) обвиняемыхъ по этому дѣлу, препровожденныхъ Румянцовымъ въ Тайную Канцелярію по ея требованію. Самъ же Румянцовъ, пребывая еще въ Выборгѣ, получилъ указъ 16-го августа 1742 г. о назначеніи его уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Або для мирныхъ переговоровъ со Швеціею. Какъ извѣстно, возникшая со Швеціею война 1741—43 г. окончилась довольно скоро завоеваніемъ нашими войсками всей Финляндіи до береговъ Ботническаго залива включительно. Видя невозможность продолжать войну, шведы старались начать переговоры о мирѣ въ Або, для чего назначены были съ нашей стороны А. И. Румянцовъ и Люберасъ (находившійся тогда въ Москвѣ), при чемъ въ данномъ ему указѣ отъ 16-го августа выражалось желаніе распространить наши границы по р. Киминь (т.-е. Кюмень) близъ г. Фридрихсгама, имѣя право и далѣе распространять претензію. Успѣхи нашего оружія (военныя дѣйствія продолжались и во время переговоровъ о мирѣ) вызвали новый указъ на имя Румянцова и Любераса — отъ 20-го сентября, въ которомъ кондиціи мирной негоціаціи и *градусы* всеконечно должны быть отмѣнены, и надлежитъ начать переговоръ не инако, какъ кто чѣмъ владѣетъ. При этомъ добавлялось, что уступки всегда будетъ время сдѣлать позже. Разграниченіе земель теперь опредѣлить трудно по неимѣнію здѣсь (въ Петербургѣ) точныхъ и подробныхъ картъ Финляндіи, которыя надлежитъ получить отъ Ласси (главнаго нашего командующаго арміею въ Финляндіи). Румянцову кромѣ того предписывалось домогаться о томъ, чтобы наслѣдникомъ Шведскаго престола былъ избранъ племянникъ Императрицы— Герцогъ Голштинскій. Ему было дано обширное полномочіе договориться и заключить миръ, который Ея Величество указомъ 20-го декабря обязывалась во всемъ апробовать и утвердить съ ратификаціею. Нельзя не упомянуть, что Румянцовъ, находясь все еще въ Выборгѣ, завѣдывалъ, какъ видно изъ множества дѣлъ, всѣмъ относящимся до завоеваннаго края. Онъ получалъ рапорты генераловъ о всемъ, происходившемъ на театрѣ войны, давалъ предписаніе о заготовкѣ провіанта и фуража, объ устройствѣ почтовыхъ дорогъ, объ описи хлѣбныхъ мельницъ и т. д.; дѣлалъ распоряженія о приводѣ обывателей Финляндіи къ присягѣ, о томъ чтобы обыватели, покинувшіе свои жилища, возвращались бы въ свои дома и принимались за мирныя занятія, и т. д. Въ половинѣ декабря онъ, съ разрѣшенія Ея Величества, ѣздилъ въ Петербургъ благодарить за милости и чтобы распорядиться всѣми приготовленіями къ конгрессу въ Або, хотя и находилъ это мѣсто по многимъ причинамъ неудобнымъ для этого. Онъ заботился не только о помѣщеніи для конгресса, объ убранствѣ онаго, но также о продовольствіе, необходимомъ для нашихъ представителей, а также и Шведскихъ, какъ это было при предшествовавшихъ конгрессахъ, и т. д. Самъ Румянцовъ направился въ Або 18-го января, куда и прибылъ 23 числа вечеромъ, а на другой день послалъ извѣщеніе о своемъ прибытіи Шведскимъ уполномоченнымъ барону Цедеркрейцу и Нолькену (находившимся въ Або съ 6-го января) и, послѣ обмѣна визитами, открылъ 7-го февраля первое засѣданіе конгресса рѣчью на французскомъ языкѣ. Затѣмъ потянулись длинные переговоры о мирѣ. Шведскіе уполномоченные пришли въ ужасъ отъ предъявленныхъ имъ требованій и выразили желаніе ограничиться одними условіями Нюштадтскаго мира, на что, конечно, не могъ согласиться Румянцовъ. Переговоры остановились до дальнѣйшихъ Высочайшихъ повелѣній съ обѣихъ сторонъ, но уполномоченные по-

сѣщали другъ друга и бесѣдовали о способахъ къ соглашенію обоихъ дворовъ. Нолькенъ при этомъ однажды высказалъ, что избраніе епископа Любскаго на Шведскій престолъ, вѣроятно, послѣдуетъ, если Императрица возвратитъ Швеціи всѣ завоеванныя у нея въ минувшую войну земли, дастъ Швеціи субсидію и заключитъ съ нею оборонительный и наступательный союзъ противъ всѣхъ тѣхъ, кои одну или другую сторону аттаковать вздумаютъ. Это до того показалось страннымъ Румянцову, что онъ отвѣтилъ Нолькену, что сіе не конференція, а дискурсъ (т.-е. разрывъ) конференціи, и что не для чего долѣе пребывать въ Або. О ходѣ переговоровъ Румянцовъ очень часто доносилъ въ Петербургъ, откуда сталъ получать указы о болѣе и болѣе значительныхъ уступкахъ, которыя могли быть сдѣланы шведамъ для скорѣйшаго заключенія мира, съ непремѣннымъ, однако, условіемъ избранія епископа Любскаго на Шведскій престолъ. Сперва было приказано Румянцову объявить шведамъ, что Ея Величество возвращаетъ имъ Нюландію, съ удержаніемъ одного ландсгевдингсшафства Кюменегородскаго (о размѣрахъ котораго имѣлось смутное въ Петербургѣ понятіе), но это не повліяло на шведовъ. Потомъ имъ же было объявлено, что Россія уступаетъ всю Тавастію и Савалаксъ, а затѣмъ еще добавили и изъ Кексгольма то, что границами не занято. Но шведы оставались недовольными и этими послѣдними предложенными уступками: они упорно стояли на своемъ и заявляли, что уѣдутъ съ конгресса. Румянцовъ же, съ своей стороны, доносилъ, что настоящій миръ со шведами не инымъ чѣмъ, но дѣйствительнымъ приготовленіемъ къ предбудущей кампаніи скорѣе достать льзя (т.-е. можно); что, въ виду мало оказуемой склонности къ миру со шведской стороны, должно вооруженіемъ кораблей и галернаго флота всевозможно поспѣшать; что скорѣйшее вооруженіе и высылка нашего флота и прибавка войска въ Финляндіи для успокоенія здѣшняго народа *необходимы очень*; что финны, *какъ намъ не манятъ, но въ сердцѣ своемъ*, по единовѣрію и давности, больше къ шведамъ склонности имѣютъ и т. д. Но все это оставлялось безъ вниманія въ Петербургѣ, а Румянцовъ, предвидя отъѣздъ шведскихъ уполномоченныхъ изъ Або, просилъ даже снабдить его повелѣніемъ въ случаѣ отъѣзда Цедеркрейца, что ему дѣлать и въ Петербургъ возвращаться ли, къ чему единый путь есть водяной. Но до этого, однако, не дошло. Узнавъ, что Ласси около половины іюня мѣсяца угрожаетъ высадкою на берега Швеціи, ея уполномоченные рѣшились заключить миръ и скоро на конгрессѣ пришли къ соглашенію съ Румянцовымъ. Россія возвращала Швеціи значительно большую часть Финляндіи, нежели предполагалось сначала (именно, граница Россіи со Швеціею переносилась отъ Выборга только на рѣку Кюмень, причемъ Россія отказывалась отъ всѣхъ завоеванныхъ въ Финляндіи земель и сохраняла за собою изъ завоеванныхъ только Кюменегородскую провинцію) и Нейшлотъ съ округомъ. Епископъ Любскій, Адольфъ Фридрихъ братъ наслѣдника Русскаго престола Петра Ѳедоровича, былъ избранъ на Шведскій престолъ. Мирный договоръ былъ подписанъ 7-го августа 1743 г. и посланъ немедленно въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ ратификованъ, послѣ чего послѣдовалъ 27-го числа обмѣнъ ратификацій и выдача Шведскимъ уполномоченнымъ щедрыхъ наградъ: Цедеркрейцъ и Нолькенъ получили по 3.000 червонцевъ и изъ мягкой рухляди по собольему мѣху, причемъ первому было обѣщано выдать еще 2.000 червонцевъ, но чтобы Нолькенъ отнюдь этого не зналъ. Кромѣ того, Цедеркрейцу былъ пожалованъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго; Нолькену же орденъ Св. Александра Невскаго пожалованъ не былъ, потому что онъ несоотвѣтственный рангъ имѣлъ и кавалеріи (т.-е. орденовъ) не имѣлъ вовсе.

Заключивъ миръ, Румянцовъ оставался въ Або для переговоровъ со Шведскими уполномоченными о различныхъ второстепенныхъ вопросахъ, о которыхъ, однако, позднѣе было признано болѣе удобнымъ договориться въ Петербургѣ. Ему оставалось еще сдѣлать распоряженія по производству разграниченія земель между Россіею и Швеціею, которое было возложено на князя Н. В. Репнина. По окончаніи этого, Румянцовъ получилъ указъ 1-го сентября о возвращеніи въ Петербургъ; но онъ пребывалъ въ Або еще 5-го сентября и праздновалъ въ этотъ день тезоименитство Императрицы и даже 10-го сентября, когда дѣлалъ различные прощальные визиты, и только послѣ

торжественныхъ проводовъ 11-го числа покинулъ 12-го Або, и 16-го прибылъ въ Выборгъ, гдѣ поджидалъ Любераса, съ которымъ вмѣстѣ отправился и, пріѣхавъ 2-го октября въ Петербургъ вечеромъ, въ тотъ же вечеръ былъ у Ея Величества. При этомъ возвращеніи своемъ онъ не получилъ какой-либо награды за конгрессъ,—вѣроятно, потому, что торжественное празднованіе мира со Швеціею было назначено въ Москвѣ въ 1744 году, куда отправилась Императрица и весь ея дворъ [1]). При этомъ празднованіи Румянцовъ 15-го іюля 1744 г. былъ возведенъ съ потомствомъ своимъ въ графское достоинство, при чемъ ему была дана грамота на этотъ титулъ съ означеніемъ заслугъ, оказанныхъ какъ имъ самимъ, такъ и предками его, и данъ еще гербъ съ извѣстною надписью *nov solum armis*, т.-е. „не токмо оружіемъ“. При этомъ Императрицею было выражено желаніе, чтобы означенный гербъ оставался бы *ненарушимо* во всѣ времена. (Гос. Арх., XI, крас. № 2). Кромѣ того, Румянцову пожаловано $84^3/_8$ гака земли въ Прибалтійскомъ краѣ, а супруга его пожалована въ статсъ-дамы Ея Величества. По возвращеніи въ Петербургъ пошли толки о назначеніи графа А. И. Румянцова вице-канцлеромъ, чего очень добивался извѣстный Лестокъ, но это не осуществилось, и Румянцовъ, не имѣя особой государственной должности, состоялъ въ числѣ сенаторовъ, числясь по войскамъ Украинской дивизіи. Онъ проживалъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, принимая участіе по временамъ и въ засѣданіяхъ Совѣта 1745 и 1746 гг. при обсужденіяхъ плана предстоящихъ военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, въ которыхъ самъ Румянцовъ, по старости лѣтъ, уже не принималъ непосредственнаго участія. Въ 1748 г. Императрица, изъ особливой къ нему милости, въ разсужденіе его старости и слабости здоровья, уволила его и отъ сенатскихъ дѣлъ и отъ воинскихъ командъ, позволивъ ему жить съ супругой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ за способное изобрѣтетъ. Онъ по временамъ являлся ко двору, бывалъ на торжественныхъ обѣдахъ и праздникахъ орденовъ Св. Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго въ 1748, былъ на бракосочетаніи при дворѣ фрейлины Ягужинской съ графомъ Ефимовскимъ 14-го февраля 1748, имѣлъ счастье принимать Ея Величество въ Москвѣ въ своемъ домѣ 28-го февраля 1749 года [1]) и послѣ этого вскорѣ, 4-го марта того же года, скончался почти неожиданно. Онъ похороненъ въ Златоустовскомъ монастырѣ, подъ соборомъ св. Іоанна Златоуста, при чемъ на надгробной плитѣ показано, что онъ жилъ 68 лѣтъ 2 мѣсяца и 3 дня.—Послѣ него остались вдова, графиня Марья Андреевна, три дочери и одинъ сынъ Петръ, будущій фельдмаршалъ, о которыхъ біографическія свѣдѣнія сообщены ниже.

Если А. И. Румянцовъ и не можетъ быть причисленъ къ выдающимся государственнымъ дѣятелямъ, оставляющимъ надолго слѣды плодотворной своей дѣятельности, тѣмъ не менѣе, онъ является безкорыстнымъ и самоотверженнымъ исполнителемъ приказаній и предначертаній свыше, которыя велъ не щадя своихъ силъ и всегда горячо отстаивая интересы отечества; онъ не уклонялся отъ возлагаемыхъ на него дѣлъ и всегда оказывался вѣрнымъ и точнымъ исполнителемъ. По словамъ В. А. Нащокина, онъ имѣлъ въ генеральскомъ чинѣ только смѣльство добраго солдата, безъ диспозиціи, тогда какъ фельдмаршалъ Минихъ, знавшій его хорошо и близко, пишетъ въ 1737 году: „до сихъ поръ имѣетъ всѣ силы, которыя нужны для полевой службы, и здоровъ, однако же склонность имѣетъ болѣе къ статской службѣ, чѣмъ къ военной. При замиреніи можно будетъ поручить ему главную команду въ Украйнѣ“. По словамъ Долгорукова, лично, конечно, не знавшаго Румянцова, послѣдній былъ попросту шпіонъ (?), но обладалъ большимъ умомъ, былъ тонкій человѣкъ, съ большою придворною и дипломатическою ловкостію. Онъ былъ пріятный собесѣдникъ, очень любезенъ и предупредителенъ, имѣлъ удивительную память, доставлявшую его разговору большую занимательность. Онъ обладалъ добрымъ сердцемъ—и это уменьшало число его враговъ и обезоруживало его соперниковъ.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. II; Н. П. Селифонтовъ, Родословная Селифонтовыхъ и Румянцовыхъ. Для друзей, С.-Пе-

[1]) Въ это же время, 29-го іюня состоялось торжественное обрученіе Великаго Князя Петра Ѳедоровича съ Принцессою Ангальтъ-Цербтскою Екатериною Алексѣевною.

[1]) Изъ вышеизложеннаго очевидно, что А. И. Румянцовъ не могъ быть умершимъ въ 1745 году, какъ означено на его надгробномъ памятникѣ.

тербургъ. 1890 г.; „Общій Гербовникъ Россійской Имперіи“, т. III и IX; Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба, формуляръ о службѣ Румянцова; Исторія Военнаго Министерства за сто лѣтъ. Исторія Главной Квартиры, стр. 53 и прилож.; Государственный Архивъ, разр. XI, № 2, красн.; „Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества“, т. 9, 30, 52, 55, 56, 58, 64, 69, 79, 84, 94, 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130; „Русскій Архивъ“, годы: 1865, 1864, 1872, кн. 2, 1880, кн. 1, 1883, кн. 1 и 2, 1889, кн. 5, 1892, кн. 3; „Русская Старина“, томы II по V включ., VIII, XI, XV, XXIII, XXV, XXVI, LXI, LXV, LXXXIX, XC, CIII, CXXIII, CXXVII; „Кіевская Старина“ 1882, № 2, 1883 г., № 6, 1884, № 1 и № 4, 1886, № 10, 1890, № 2; Описаніе дѣлъ Архива Сената, составилъ Барановъ, №№ 7505, 7550, 7559, 7704, 7913; Архивъ Правит. Сената, дѣла №№ 87, стр. 47—48; Азанчевскій, Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, Москва. 1859; Чичеринъ и Долговъ, Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, т. I и т. IV, стр. 180; Исторія Петра Великаго, П. Устрялова, т. VI; Исторія Россіи, С. М. Соловьева, изд. Общ. Пользы, т. IV, стр. 1215—1224; В. Татищевъ и его время, Никла Попова, 1861, стр. 161—178; „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе“ за 1759 г., ч. I, стр. 13—22, 195—225; 1-ое Полное Собраніе Законовъ, №№ 4651, 6571, 6567, 6576, 6584, 6890; И. Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, т. IV, ст. 32, т. V, 58, 271, 584; VI—115, VII—151; VIII—96—232; IX ст. 199, 254, 397—408; X—59, 85; XIII—354, 372; XV ст. 72, 73, допол. къ дѣяніямъ, т. X, ст. 245; т. XII, ст. 151, т. VII—430; XVIII вѣкъ, т. I, статья М. Лонгинова, стр. 164, т. II и III (Записки дюка де Лирія); Московск. Отд. Государ. Архива: портфели Миллера, т. II, № 728—761, стр. 29; реестры дѣламъ Турецкаго двора; сами *дѣла Турецкія* 1724, № 16, 1725 г., св. 64, 67, 68, 73, 1726, св. 69; 1727 г., св. 10, 11; 1737 г., V. 43; *дѣла персидскія*: V. 22 св. 25. 1728 № 10 и 12. 1729. V. св. 82; 1741 г. № 61, 63, 64. *дѣла кабардинскія*. № 1; *дѣла калмыцкія* № 11; Краткій историческій взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ, С.-Петербургъ, 1847 г.; Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ россійскихъ завоеваній, С.-Петербургъ. 1763 г., соч. Ив. Соймонова; Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII ст., Бутурлина, переводъ Корниловича, т. 2, стр. 10 и слѣд.; Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, переводъ съ нѣмецкаго И. Аммона, Москва. 1857 г.: за 1721 г. ст. 88, 178, 228, 236, 1722 г. ст. 100, 201, 236, 248—1724 г.. ст. 302; Исторія Малой Россіи, Бантыша-Каменскаго, Кіевъ. 1903, изд. 4, стр. 425—447; Біографіи россійскихъ генералисимусовъ и генералъ-фельдцейхмейстеровъ Бантыша Каменскаго изд. 1840; Дневникъ Я. А. Марковича, изд. „Кіевской Старины“ 1893, т. XI, ст. 10—33; Н. Витевскій, П. И. Неплюевъ и Оренбургскій Край до 1758 года. стр. 144, 510. Записки Неплюева, изд. Суворина, стр. 60—80, 121, 178 и слѣд.; Mémoires du prince P. Dolgoroukow, стр. 171 и слѣд.; Списокъ военныхъ генераловъ со временъ Петра до Екатерины II (изъ архива Госуд. Военной Коллегіи), изд 1809 года, стр. 17, 25, 33, 58; Д. Ивановскій, Государственный Канцлеръ Н. П. Румянцовъ, С.-Петербургъ. 1870; Жизнь Петра Великаго, соч. Галема, переводъ по Высочайшему повелѣнію, С.-Петербургъ. 1813 г., т. II, 246, 359, III, ст. 49, 167, 202, 244; Жизнь графа Миниха, генерала-фельдмаршала, соч. Галема, перев. Тимковскаго, ч. I; Манштейнъ, Современныя Записки о Россіи, переводъ съ французскаго, т. I, ст. 122, 218, 303, 392, 428, т. II. 6, 8, 23; Записки фельдмаршала графа Миниха, переводъ съ франц., изд. Шубинскаго, 1874; Русская армія въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны (Война Россіи съ Турціею въ 1736—1739 гг.). Изслѣдованіе А. К. Баіова, С.-Петербургъ, 1906 г., 4 части; И. Пушкаревъ, Исторія Императорской гвардіи, стр. 113, 116, 133, 233; А. Терещенко, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ и т. д., ч. II, стр. 222; „Сѣверный Архивъ“ 1822 г., кн. 1, стр. 206; Ourousoff, Resumé historique des principaux traités de paix conclues entre les puissances Européennes depuis le traité de Westphalie 1648 jusqu'au traité de Berlin (1878), Evreux. 1884; Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, выпускъ X, XI и XIII (всеподданнѣйшее донесеніе гр. Миниха), выпускъ II (Ставучанскій походъ 1739 г., г. Масловскаго); Кочубинскій, Гр. Андрей Ивановичъ Остерманъ 1735—1739 — въ „Запискахъ Имп. Новороссійскаго Университета“, Одесса. 1899 г., т. 74, стр. 28, 67, 80, 374, 471—473, 477; Матеріалы Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба, т. I, подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова, стр. 531, 729; Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, т. VI (Исторія Академіи Наукъ, Миллера), стр. 58, 112, 389, 452; „Архивъ князя Воронцова“, т. I, стр. 119, 125, 127, 140, 177, 179, 180, 302, 476, 563; т. II, 33; т. IV—206, 208, 213, 228, 356; VII—220; Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи, выпускъ 3, стр. VI—X, 3; Архивъ Министерства Имп. Двора, Московское Отдѣленіе, опись 52, № 2004; Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи съ 1800 года, составилъ Бантышъ-Каменскій, т. I, стр. 48, 256; т. II, 152, 197; т. III, стр. 24, т. IV, стр. 37, 218, 236; Орловъ, Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго Гренадерскаго Короля Вильгельма III полка, изд. 1887, стр. 18 и слѣд.; Лавровъ, Краткое описаніе боевой жизни и дѣятельности 77 пѣхотнаго Тенгинскаго Его Имп. Высоч. Вел. Кн. Алексѣя Александровича полка, Тифлисъ. 1900.

П. Майковъ.

Румянцовъ, *Василій Ивановичъ*, вице-адмиралъ; род. въ 1798 г. и съ раннихъ лѣтъ (23-го іюня 1802 г.) былъ опредѣленъ кадетомъ въ Морской Корпусъ, въ которомъ, за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, былъ произведенъ 10-го мая 1809 г. въ гардемарины, а затѣмъ и въ мичманы 16-го февраля 1812 г., съ назначеніемъ дежурнымъ офицеромъ при тогдашнемъ Морскомъ министрѣ адмиралѣ де-Траверсе. При началѣ знаменитой Отечественной войны 1812 года Румянцовъ былъ переведенъ на фрегатъ „Свеаборгъ“, въ составъ офицеровъ Балтійскаго флота, и въ теченіе 1812—1814 годовъ находился въ плаваніи у береговъ Англіи, Голландіи и Франціи, состоя флагъ-офицеромъ при адмиралѣ Тетѣ, сперва на фрегатѣ „Свеаборгъ“, а потомъ на кораблѣ

„Храбрый“, вошедшемъ въ составъ эскадры, перевозившей наши войска изъ Шербурга въ Россію. Въ 1816 г., марта 30-го, Румянцовъ былъ произведенъ въ лейтенанты.— Оставивъ службу по домашнимъ обстоятельствамъ въ апрѣлѣ 1817 г., Румянцовъ уже 23-го января слѣдующаго года снова поступилъ во флотъ и въ 1818 и 1819 г., на фрегатѣ „Поспѣшный“, сдѣлалъ переходъ изъ Кронштадта въ Кадиксъ, откуда, возвратясь на Испанскомъ транспортѣ въ Кронштадтъ, крейсировалъ по Финскому заливу на кораблѣ „Орелъ“, до назначенія его, въ 1820 году, адъютантомъ къ главному командиру Черноморскаго флота и портовъ, извѣстному вице-адмиралу Грейгу.

Румянцовъ, однако, не долго состоялъ адъютантомъ и уже въ 1822 г. получилъ командованіе надъ яхтами сперва „Утѣха“, а затѣмъ „Твердая“ и совершалъ на нихъ плаванія въ Черномъ морѣ въ 1822—1827 годахъ, въ продолженіе которыхъ былъ награжденъ въ 1824—орденомъ Св. Анны 2 ст., а въ 1826 г.— орденомъ Св. Владимира 4 ст. Въ 1827 г., декабря 8-го, онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Когда при началѣ Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ Императоръ Николай призналъ необходимымъ находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій и отправился въ армію, осаждавшую Варну, супруга же его, Императрица Александра Ѳеодоровна пожелала пребывать въ Одессѣ и въ Крыму, то на время Высочайшаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ Румянцовъ, какъ отлично образованный офицеръ, получилъ назначеніе состоять при Ея Величествѣ и находиться въ распоряженіи Императрицы; за исполненіе этой обязанности онъ былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Въ 1828 г., состоя при адмиралѣ Грейгѣ по особымъ порученіямъ на кораблѣ „Парижъ“, Румянцовъ принималъ также участіе во взятіи Турецкихъ крѣпостей Анапы и Варны и за вырѣзку Турецкаго транспорта гребными судами между Анапою и Геленджикомъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за храбрость. Командуя яхтою „Твердая“, онъ сопровождалъ отъ Варны до Одессы корабль „Императрица Марія“, на которомъ находился Императоръ Николай, и выдержалъ при этомъ очень опасную бурю. По заключеніи Адріанопольскаго мира, положившаго конецъ нашей войнѣ съ Турціею, Румянцовъ былъ переведенъ изъ состава Черноморскаго флота въ Балтійскій и получилъ въ 1829 г. въ командованіе брандвахтенный фрегатъ „Крейсеръ“ на Кронштадтскомъ рейдѣ, а затѣмъ въ 1830 г. фрегатъ „Екатерина“, съ которымъ въ 1830—32 крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1831 г.— преимущественно около Полангена, для прегражденія всякаго сношенія съ моремъ полякамъ, не задолго передъ этимъ произведшимъ мятежъ, на усмиреніе котораго было направлено не мало войскъ. Для возможнаго прекращенія всякаго подвоза моремъ мятежникамъ оружія, пороха и прочихъ военныхъ потребностей и было учреждено крейсерство нашихъ судовъ около Полангена,—и Румянцовъ дважды высаживалъ на берегъ десантъ и дѣйствовалъ противъ мятежниковъ. По подавленіи мятежа Румянцовъ съ 1832 по 1834 гг. командовалъ въ Гельсингфорсѣ 1 флотскимъ экипажемъ, а въ 1835 г. командовалъ фрегатомъ „Аврора“ и завѣдывалъ переводкою его изъ Петербурга въ Кронштадтъ. Въ 1836 г., марта 28-го, онъ произведенъ былъ въ капитаны 2 ранга и крейсировалъ на томъ же фрегатѣ у Дагерорда, а въ 1837 и 1838 гг. плавалъ по Балтійскому морю, командуя кораблемъ „Лѣсное“. Въ 1839 г., марта 26-го, Румянцовъ былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга и получилъ въ команду корабль „Ретвизанъ“, съ которымъ совершилъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ и былъ награжденъ орденомъ Станислава 2 ст. Продолжая командовать тѣмъ же кораблемъ, Румянцовъ крейсировалъ съ 1840 по 1846 годъ по Балтійскому морю, а въ 1847 г.—въ Нѣмецкомъ морѣ и былъ 26-го ноября того же года произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 2-й флотской дивизіи; ранѣе еще,—въ 1846 г. награжденный орденомъ Св. Анны 2 степ., Румянцовъ съ 1847 года по 1853 г. по прежнему крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ, имѣя свой флагъ на кораблѣ „Полтава“, а затѣмъ на корабляхъ „Императоръ Петръ I“ и „Императрица Александра“. Въ 1853 г., апрѣля 19-го, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й ст. и назначенъ командующимъ 3-й флотской дивизіи; онъ пребывалъ на Свеаборгскомъ рейдѣ, имѣя свой флагъ на кораблѣ „Прохоръ“. Румянцовъ имѣлъ отличную репутацію по судовымъ порядкамъ, которые онъ строго соблюдалъ. Въ 1855 г., января 1-го, онъ

былъ назначенъ завѣдывающимъ морскою частью въ Финляндіи, на правахъ главнаго командира, съ оставленіемъ при прежней должности. Но эту новую обязанность онъ отправлялъ весьма недолго и въ маѣ мѣсяцѣ того же года былъ назначенъ членомъ Генералъ-Аудиторіата въ Петербургѣ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 30-го августа произведенъ въ вице-адмиралы, съ оставленіемъ въ той же должности. Исполняя усердно до конца жизни обязанности высшаго военнаго суда, Румянцовъ, кромѣ того, былъ призванъ для разсмотрѣнія проекта основныхъ положеній преобразованія военно-судной части Имперіи и къ присутствованію въ военной кодификаціонной Коммисіи для участія въ разсмотрѣніи проектовъ о преобразованіи военныхъ арестантскихъ ротъ и устройства военныхъ тюремъ. Румянцовъ былъ награжденъ затѣмъ, 1-го января 1858 года, орденомъ Св. Анны 1-й степ., а въ день пятидесятилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ,—въ 1862 г.—золотою съ брилліантами табакеркою, украшенною портретомъ Государя Императора. Произведенный въ адмиралы въ 1866 г., онъ скончался 17-го декабря того же года, послѣ непродолжительной болѣзни. Румянцовъ ни разу не былъ раненъ но въ 1854 году былъ сильно контуженъ въ голову при разрывѣ орудія, возлѣ котораго онъ близко стоялъ во время стрѣльбы въ цѣль.

Общій Морской Списокъ, часть VIII, стр. 149 и слѣд.; „Морской Сборникъ“, т. 88, 1867 года; „Иллюстрированная Газета“ 1867 г., № 12, стр. 190.

П. Майковъ.

Румянцовъ, *Иванъ Николаевичъ*, писатель; род. въ 1845 году и происходилъ изъ крестьянъ Пензенской губерніи; скончался 24-го іюля 1880 г. Въ 1879 г. онъ пріобрѣлъ отъ Ив. Исакова еженедѣльный журналъ „Гражданинъ. Журналъ литературы, политики и общественной жизни“, пригласивъ затѣмъ въ соиздатели П. Я. Бугайскаго; № 1-й вышелъ въ Петербургѣ, подъ редакціей Р., 30-го сентября, № 2-й—7-го октября 1879 г., а затѣмъ журналъ былъ переименованъ въ „Лучъ. Журналъ политики, литературы и общественной жизни“, выходилъ еженедѣльно, въ Петербургѣ, въ 4°; вышло 26 №№; нѣкоторое время соиздателемъ Р. былъ П. Я. Бугайскій, а съ 19 №—Е. Я. Румянцева; въ „Лучѣ“ Р. помѣстилъ нѣсколько романовъ, повѣстей и разсказовъ. Въ 1877 г. вышла книга Р.: „Въ плѣну у Шамиля. Записки Русскаго“ (С.-Пб.).

Румянцовъ, *графъ Михаилъ Петровичъ*, старшій сынъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова и его супруги, графини Екатерины Михайловны; родился въ Москвѣ въ 1751 году, какъ можно заключить изъ письма княгинѣ Татьяны Голицыной къ Е. М. Румянцовой отъ 9-го сентября 1751 г., въ которомъ она поздравляетъ ее съ *новорожденнымъ сыномъ*. Онъ провелъ все свое дѣтство и первые годы юности въ домѣ своей матери, проживавшей преимущественно въ Москвѣ и ея окрестностяхъ и очень заботившейся о воспитаніи и обученіи своихъ дѣтей. Покинутая своимъ супругомъ, графиня одна руководила ихъ обученіемъ и старалась дать имъ возможно широкое образованіе, не ограничивая его, по принятому въ то время порядку, однимъ умѣньемъ хорошо говорить по-французски. Она, какъ видно изъ ея біографіи, нанимала сыновьямъ различныхъ гувернеровъ и учителей для обученія ихъ географіи, исторіи, математикѣ, нѣмецкому языку и т. д. Впрочемъ, по отзыву одного изъ нихъ, француза Моно, графъ Михаилъ Петровичъ не проявлялъ склонности къ ученію и къ занятіямъ или проявлялъ склонность очень малую: „Онъ безплодно тратитъ на ученіе время“, писалъ Моно: „которое можно употребить лучше, приготовляясь къ предназначаемому ему роду жизни“. Графиня Е. М. Румянцова намѣревалась отправить сыновей своихъ за границу, для дальнѣйшаго образованія, но не получила на то разрѣшенія своего супруга и не имѣла къ тому своевременно средствъ. А тѣмъ временемъ молодой графъ Михаилъ Петровичъ, записанный, по обычаю того времени, съ малолѣтства въ военную службу и произведенный въ сержанты гвардіи 5 го января 1759 г., пребывая въ родительскомъ домѣ, долженъ былъ явиться на дѣйствительную службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ въ качествѣ уже прапорщика—съ 15-го февраля 1763 года. Онъ въ началѣ февраля 1764 г. былъ представленъ Императрицѣ, въ бытность ея въ Москвѣ, а затѣмъ, въ чинѣ подпоручика съ 12-го января 1766 года, опять явился въ полкъ въ ноябрѣ 1767

года, но вскорѣ захворалъ и, по расположенію къ нему графа А. Гр. Орлова, былъ отпущенъ съ 1-го января 1768 г. въ годовой срокъ, по истеченіи котораго, т.-е. въ началѣ 1769 г., снова прибылъ на службу и лѣтомъ былъ съ командою въ Петергофѣ, при чемъ проводилъ много времени у Великаго Князя Павла Петровича, пользовался его милостію, очень часто обѣдалъ и ужиналъ у него. Въ виду ожидаемыхъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ тогда шла рѣчь о переводѣ его волонтеромъ въ армію, подъ начальствомъ отца, но это не состоялось, и только послѣ производства его въ поручики въ 1771 году молодой графъ М. П. Румянцовъ, по повелѣнію Ея Величества, былъ назначенъ генеральсъ-адъютантомъ при отцѣ своемъ, фельдмаршалѣ П. А. Румянцовѣ (17-го іюня 1771 года). Прибывъ къ нему въ армію въ Фальдешты въ августѣ 1771 года, онъ вскорѣ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ первой Турецкой войны. Онъ находился при корпусѣ генералъ-поручика фонъ-Ессена и, командуя баталіономъ, участвовалъ въ пораженіи турокъ подъ Бухарестомъ, а затѣмъ и при взятіи города Журжи. Въ началѣ кампаніи 1772 г. онъ былъ отправленъ въ Польшу для сформированія гренадерскаго баталіона и, возвратясь съ нимъ въ главную армію, былъ включенъ въ составъ главнаго корпуса подъ начальствомъ самого фельдмаршала, а затѣмъ въ концѣ года находился въ корпусѣ князя Долгорукова дѣйствовавшемъ противъ крѣпости Браилова. Въ кампанію 1773 г. онъ командовалъ баталіономъ гренадеръ и находился въ лагерѣ при Фальчи; затѣмъ онъ составлялъ авангардъ корпуса генерала Вейсмана. Дойдя до Карасу, онъ разбилъ со своимъ баталіономъ турокъ и овладѣлъ ихъ лагеремъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степ. Послѣ этого онъ участвовалъ въ разбитіи Турецкихъ войскъ при переправахъ чрезъ Дунай, при м. Гуробалю, находясь подъ командою ген.-поруч. Ступишина, и затѣмъ подошелъ къ самой Силистріи. При штурмѣ этой крѣпости 18-го іюня ген. Вейсманомъ наши войска преодолѣли *самыя невозможности*, достигли подошвы окоповъ, но смѣшались, увидѣвъ убитымъ своего полковника Лунина. Однако, Ступишинъ и Румянцовъ съ гренадерскимъ баталіономъ подоспѣли и вмѣстѣ съ другими ворвались въ укрѣпленіе, послѣ чего турки заперлись въ самой Силистріи, отъ взятія которой фельдмаршалъ отказался и отступилъ обратно за Дунай. Послѣ этого, находясь въ отрядѣ генерала Долгорукова Румянцовъ участвовалъ во вторичномъ пораженіи турокъ при Карасу и затѣмъ во взятіи Базарджика. Въ 1774 г. онъ находился въ корпусѣ князя Н. В. Репнина, совершалъ переправу чрезъ Дунай и былъ въ авангардѣ при движеніи опять къ Силистріи. Фельдмаршалъ Румянцовъ послалъ своего сына къ Императрицѣ съ донесеніемъ о счастливомъ переходѣ чрезъ Дунай. Получивъ это извѣстіе, Екатерина II, поздравляя фельдмаршала съ такимъ успѣхомъ, сообщала ему вмѣстѣ съ тѣмъ, что пожаловала сына его, графа Михаила Румянцова полковникомъ (25-го сентября 1773 года). При заключеніи же съ Турціею извѣстнаго мира въ Кучукъ-Кайнарджи съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ былъ присланъ въ Петербургъ снова графъ М. П. Румянцовъ, который былъ въ самый день своего пріѣзда, 23-го іюля 1774 г., пожалованъ изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры, а затѣмъ, при торжественномъ празднованіи этого мира въ Москвѣ, Императрица возложила на него орденъ св. Александра Невскаго (12-го іюля 1779 года). Въ торжественномъ поѣздѣ 3-го августа того же года гр. М. П. Румянцовъ ѣхалъ въ парадной каретѣ вмѣстѣ съ Р. С. Воронцовымъ. Въ томъ же году мать его, графиня Е. М. Румянцова намѣревалась устроить брачный союзъ его съ одною изъ наиболѣе видныхъ невѣстъ того времени—съ дочерью гр. Гаврила Ивановича Головкина, очень богатою и достойною особою, и писала объ этомъ своему супругу, но бракъ этотъ не состоялся. Въ 1777 году графъ М. П. Румянцовъ былъ посланъ въ Порховъ—выбирать рекрутъ для пополненія нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Крыму противъ татаръ. Въ 1778 г. онъ намѣревался ѣхать къ своему отцу и, повидимому, переговорить съ нимъ о своемъ переходѣ къ нему въ армію, но, получивъ отъ отца приказаніе обождать, долженъ былъ остаться, хотя былъ отпущенъ въ отпускъ съ дозволеніемъ поступить на службу по опредѣленію отца своего.

Вскорѣ его постигло великое несчастье: онъ лишился своей горячо любимой матери, графини Е. М. Румянцовой, послѣдовавшей въ 1779 году. Онъ впалъ въ тяжкую ме-

ланхолію. Чтобы „извлечь его изъ печальнаго состоянія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все напоминаетъ ему утрату", братъ его Николай Петровичъ ѣздилъ къ нему въ Москву съ намѣреніемъ его куда-нибудь вывезти—„для разрывки", какъ писалъ гр. Безбородко его отцу. Можно не безъ основанія допустить, что послѣ этой утраты гр. М. П. Румянцовъ поѣхалъ въ продолжительный отпускъ къ водамъ за границу, былъ въ Спа, а затѣмъ въ Парижѣ, гдѣ встрѣтился и долго прожилъ вмѣстѣ съ своею теткою гр. Пр. А. Брюсъ и братомъ Сергѣемъ Петровичемъ. Онъ намѣревался пробыть годъ въ этомъ городѣ, на что имѣлъ разрѣшеніе начальства и своего отца, но на дѣлѣ въ 1783 году покинулъ Парижъ въ виду сильныхъ толковъ о предстоящей войнѣ турокъ съ нами.—Въ концѣ сентября мѣсяца 1783 г. онъ возвратился въ Петербургъ, съ посылкою отъ Гримма Императрицѣ. Онъ намѣревался ѣхать къ отцу, но, по письмамъ его брата Сергѣя Петровича къ ихъ отцу, онъ 21-го октября 1783 г. долженъ былъ отложить поѣздку, потому что у него возобновились *почешуйные припадки*, отъ которыхъ онъ „претерпѣвалъ разные недуги". Отецъ совѣтовалъ ему перемѣнить воздухъ и жизнь и перейти въ Московскую дивизію, но гр. М. П. Румянцовъ этого не пожелалъ сдѣлать и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ своего отца. Тѣмъ временемъ графъ М. П. Румянцовъ 28-го іюня 1782 г. былъ произведенъ въ *генералъ-поручики*, какъ видно изъ писемъ гр. А. А. Безбородка и гр. П. В. Завадовскаго къ фельдмаршалу. Его взялъ князь Г. А. Потемкинъ въ составъ своей арміи, думая, какъ писалъ князь, угодить этимъ фельдмаршалу, отцу его, послѣ того, какъ ему сказали, что послѣдній его любитъ отмѣнно предъ другими. М. П. Румянцовъ не принадлежалъ, однако, къ отряду войскъ, дѣйствовавшихъ подъ Кинбурномъ, но находился въ Кременчугѣ, гдѣ формировалъ гренадерскіе баталіоны. Позднѣе онъ командовалъ въ арміи Потемкина кавалеріею въ составѣ 12 полковъ въ районѣ войскъ Екатеринославскаго намѣстничества, гдѣ генералъ-аншефомъ былъ князь Долгорукій. Находясь при князѣ Потемкинѣ въ 1786 г., графъ М. П. Румянцовъ сообщилъ ему о прибытіи въ Кременчугъ въ декабрѣ 1786 года принца Нассау-Зигена и по порученію князя приглашалъ къ нему на ужинъ Принца, который позднѣе, 7-го февраля 1787 г., представился Императрицѣ и сопровождалъ Ея Величество въ путешествіи по р. Днѣпру. Гр. М. П. Румянцовъ участвовалъ также въ путешествіи Императрицы Екатерины на югъ Россіи и находился въ Кіевѣ 30-го марта 1787 года, въ 5 день св. Пасхи, на обѣдѣ у Ея Величества, послѣ чего отправился на галеру съ Императрицею и былъ на обѣдѣ, данномъ ею Польскому королю Станиславу-Августу на галерѣ „Десна", по пріѣздѣ его въ Каневъ. Послѣ этого онъ отправился къ Потемкину и скоро былъ посланъ на встрѣчу Императору Іосифу, прибывшему, подъ именемъ графа Фалькенштейна, въ Херсонъ, и привѣтствовалъ его отъ имени Императрицы. Затѣмъ онъ отправился къ Екатеринѣ II съ донесеніемъ, что графъ Фалькенштейнъ прибылъ 6-го мая въ Кайдакъ и намѣревается посѣтить ее. Императрица, узнавъ объ этомъ, вышла изъ галеры, пересѣла въ экипажъ, слѣдовавшій берегомъ, и направилась навстрѣчу Іосифу II; Румянцовъ же поѣхалъ обратно къ Потемкину и скоро направился изъ Берислава въ Тавриду, вмѣстѣ съ гр. Браницкимъ, Принцемъ Насау-Зигеномъ и т. с. Чертковымъ, для встрѣчи Ея Величества. Въ іюлѣ 1787 г. онъ прибылъ въ Петербургъ и все былъ нездоровъ, но, однако, немного выѣзжалъ и былъ при дворѣ Ея Величества въ Царскомъ Селѣ, какъ писала гр. Марья Андреевна своему сыну фельдмаршалу. Въ слѣдующемъ, 1788 г. М. П. Румянцовъ находился при главномъ корпусѣ войскъ генерала Мих. Васил. Каховскаго, дѣйствовавшаго въ Крымскомъ полуостровѣ, но скоро прибылъ въ Петербургъ; по словамъ Завадовскаго, онъ „подъ видомъ болѣзни сюда въ Петербургъ пріѣхалъ и *какъ Авессаломъ* скитался на дачѣ, не показываясь въ городѣ", намекая этимъ, что онъ являлся приверженцемъ Потемкина, а не отца своего. Князь Потемкинъ, взявъ къ себѣ М. П. Румянцова въ армію, думалъ угодить самому фельдмаршалу, какъ и писалъ ему, „потому что ему сказали, что *вы его любите* отмѣнно предъ другими; онъ не можетъ никакъ сказать, чтобы я его не для чего бралъ". Между тѣмъ, фельдмаршалъ негодовалъ на сына за то, что онъ служитъ у Потемкина въ арміи, и писалъ о немъ Завадовскому, какъ объ извергѣ; онъ будто предательствовалъ его въ

угожденіе князя. Насколько послѣднее справедливо, рѣшить трудно за неимѣніемъ точныхъ данныхъ; нельзя не замѣтить только, что положеніе М. П. Румянцова являлось не изъ удобныхъ. Отецъ не желалъ, чтобы сынъ его занималъ соотвѣтствующее его чину мѣсто въ арміи, имъ предводительствуемой, и въ то же время негодовалъ на сына за служеніе поневолѣ въ другой арміи. Помимо этого, физическое здоровье его было очень разстроено въ это время и побудило его пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ, по словамъ его брата С. П. Румянцова, въ 1789 г. здоровье его хотя и поправлялось, но еще долго не поправится; онъ при этомъ просилъ своего отца, въ виду жалкаго здоровья брата, простить ему вольныя и невольныя его вины.

Въ 1790 г., когда стали стягивать войска къ границамъ Польши, въ виду происходившихъ тамъ смутъ, въ числѣ начальниковъ этихъ войскъ, по словамъ Гельбига, былъ назначенъ также графъ М. П. Румянцовъ, вмѣстѣ съ барономъ Игельстромомъ и графомъ Ив. Петр. Салтыковымъ. Онъ находился въ этихъ мѣстахъ и въ началѣ 1792 г. и принималъ мѣры для предупрежденія вторженія непріятельскихъ отрядовъ по направленію къ Ригѣ. Онъ все не пользовался расположеніемъ къ нему отца своего, что̀ очень печалило не только его лично, но и брата его Сергѣя Петровича, не разъ за него ходатайствовавшаго предъ отцомъ. Въ томъ же 1792 г. гр. М. П. Румянцовъ получилъ ордеръ принять команду въ Ригѣ надъ Нумсеномъ, что̀ считалось назначеніемъ, для него лестнымъ. Но затѣмъ, при отъѣздѣ кн. Н. В. Репнина въ свои губерніи, М. П. Румянцовъ принялъ команду надъ войсками близъ Польскихъ границъ, но не получилъ особаго назначенія для участія въ войнѣ съ Польскими мятежниками, ознаменованной блестящими дѣйствіями графа А. В. Суворова и довершенной штурмомъ Праги; поэтому въ описаніи военныхъ дѣйствій этой кампаніи имя графа М. П. Румянцова и не упоминается. Можно полагать, что онъ считалъ себя обиженнымъ, что оставленъ былъ безъ дѣла. Изъ письма его брата, графа Сергѣя къ отцу отъ 10-го февраля 1795 г. усматривается, что въ февралѣ 1795 г. М. П. Румянцовъ просилъ разрѣшенія отца покинуть службу, почитая себя обиженнымъ, и намѣревался поручить своему брату Сергѣю Петровичу подать о томъ прошеніе Ея Величеству. Но до этого не дошло. М. П. Румянцовъ, повидимому, былъ вскорѣ польщенъ повелѣніемъ Императрицы пропускать „за постъ кавалергардовъ“ не только князя Репнина и фельдмаршала Румянцова, но также и генералъ-поручика Михаила Румянцова и его мать, графиню Марію Андреевну. Онъ продолжалъ отправлять обязанности командующаго войсками въ Литвѣ до самой кончины Императрицы и затѣмъ также и при новомъ Императорѣ. Въ чинѣ уже генералъ-лейтенанта, гр. М. П. Румянцовъ дѣлалъ всѣ надлежащія распоряженія по переѣзду бывшаго Польскаго короля Станислава Понятовскаго изъ Гродна въ Петербургъ на жительство, послѣ 3-го раздѣла Польши. Графъ Безбородко сообщалъ ему заблаговременно объ этомъ переѣздѣ. Новый Императоръ, должно быть, не призналъ въ М. П. Румянцовѣ военныхъ способностей и 9-го апрѣля 1797 года пожаловалъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники и вскорѣ повелѣлъ ему присутствовать въ Сенатѣ, назначивъ жалованье по 4.000 рублей. Повидимому къ Румянцову относились благосклонно и Павелъ I, и особенно его супруга, которую Румянцовъ выручалъ въ ея нерѣдко затруднительныхъ денежныхъ отношеніяхъ, ссужая ей не малыя суммы. Будучи сенаторомъ, онъ былъ избранъ въ 1798 году Петербургскимъ дворянствомъ на должность губернскаго предводителя дворянства на три года и отправлялъ эту обязанность по 1801 годъ.

Въ 1799 году графъ Михаилъ Петровичъ внесъ вмѣстѣ со своимъ братомъ графомъ Николаемъ 50.000 рублей въ Сохранную Казну при Воспитательномъ Домѣ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы было пріумноженіе воспитанниковъ Военно-Сиротскаго Дома. По кончинѣ Павла онъ часто посѣщалъ вдовствующую Императрицу въ Павловскѣ, вмѣстѣ со своимъ братомъ С. П. Румянцовымъ. Пребывая сенаторомъ, особеннаго значенія по службѣ М. П. Румянцовъ не имѣлъ ни при Павлѣ I, ни при Александрѣ I,—вѣроятно, по слабости здоровья. Изъ писемъ за это время Императрицы Екатерины Алексѣевны усматривается, что здоровье гр. М. П. Румянцова уже въ 1806 г. было въ очень плохомъ положеніи: онъ очень измѣнился съ осени. Одно время онъ бывалъ въ обществѣ, но въ январѣ 1806 г. опять

заперся у себя дома. Должно принять, что у графа уже тогда проявлялось умопомѣшательство, отъ котораго онъ позднѣе и скончался. Императоръ, однако, облекъ М. П. Румянцова одною изъ важнѣйшихъ придворныхъ должностей: въ концѣ 1807 г. онъ назначилъ его *оберъ-шенкомъ* Высочайшаго Двора, послѣ смерти камергера Николая Александровича Загряжскаго. По этому званію онъ принималъ ближайшее участіе во всѣхъ торжествахъ и празднествахъ различнаго рода, происходившихъ какъ при Высочайшемъ Дворѣ, такъ и при Дворѣ вдовствующей Императрицы, какъ это можно усмотрѣть изъ камеръ-фурьерскихъ журналовъ за время 1808—1810 годовъ. Въ 1809 году, 16-го апрѣля, по случаю бракосочетанія Великой Княжны Екатерины Павловны съ Принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ М. П. Румянцовъ удостоился получить брильянтовые знаки къ ордену св. Александра Невскаго стоимостью въ 9.500 рублей. Изъ письма А. А. Николаи къ гр. Воронцову отъ 7-го января 1810 г. видно, что графъ Румянцовъ перенесъ въ томъ же 1809 г. *тяжкую* болѣзнь, отъ которой полагали, что онъ не поправится вовсе. Онъ имѣлъ сильный припадокъ безумія (folie). Однако если графъ и поправился, то не надолго; уже чрезъ годъ съ небольшимъ онъ былъ Всемилостивѣйше уволенъ по болѣзненному состоянію, 22-го февраля 1811 года, къ Кавказскимъ теплымъ водамъ впредь до выздоровленія, хотя еще 5-го февраля былъ на обѣдѣ при Высочайшемъ Дворѣ. Въ то же время надъ всѣмъ имѣніемъ больного графа М. П. Румянцова была учреждена опека по нахожденію въ Петербургѣ имѣнія, состоявшаго въ дачѣ, смежной съ дачею Его Имп. Величества, которая была одно время у него взята въ казенное Петергофское вѣдомство безъ всякой платы или замѣны и затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію 15-го мая 1811 года, отдана по прежнему во владѣніе графа, при чемъ повелѣно было дачу не считать въ казенномъ вѣдомствѣ. Графъ отправился на Кавказскія минеральныя воды и въ томъ же году, около іюня мѣсяца, скончался, о чемъ 3-го іюля былъ извѣщенъ братъ его графъ Сергій. Въ письмѣ своемъ отъ 4-го іюля 1811 г. къ гр. Н. П. Румянцову извѣстный Барклай де Толли выражалъ сердечное сожалѣніе о кончинѣ графа М. П. Румянцова. Графъ М. П. Румянцовъ былъ погребенъ въ крѣпости Константиногорской, въ 40 верстахъ отъ гор. Кизляра. Женатъ онъ не былъ и потомства не оставилъ. Значительныя земельныя владѣнія, доставшіяся на его долю послѣ смерти отца его, были поручены въ 1801 г. въ управленіе д. т. с. Державина, доколѣ графиня Мусина-Пушкина Брюсъ (племянница М. П. Румянцова, которой онъ, по всей вѣроятности, оставлялъ послѣ себя свои владѣнія) пробудетъ въ отсутствіи или не сдѣлаетъ другого *по праву ея собственности* распоряженія.

Неблагопріятный отзывъ о М. П. Румянцовѣ дѣлаетъ гр. В. Н. Головина въ своихъ воспоминаніяхъ: она пишетъ, что графъ былъ самый ограниченный человѣкъ, очень гордый и къ тому же сплетникъ. Будучи недоволенъ Суворовымъ, онъ написалъ кн. Н. В. Репнину, что Суворовъ овладѣваетъ умами поляковъ, намекая, что подготовляется возстаніе; Репнинъ же сообщилъ это Павлу I и слѣдствіемъ этого была опала и ссылка Суворова. Головина, впрочемъ, не приводитъ никакихъ доказательствъ къ обвиненіямъ, взводимымъ ею. Карабановъ въ своихъ разсказахъ также голослокно сообщаетъ почти то же, именно что графъ Румянцовъ донесъ самъ Павлу I, что у Суворова собирается много военныхъ чиновниковъ.

Архивъ Главнаго Штаба въ Москвѣ, формуляръ о службѣ графа Румянцова (книга формул. генераловъ съ 1773 по 1784 г., листъ 127); „Сѣверный Архивъ“ 1822, кн. 2, стр. 334; Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ: письма Румянцова и Императрицы Екатерины II; Госуд. Архивъ, Дѣло XI разряда, № 273, также дѣло № 13, 4, 116 и 200 красн., того же разр. XI и № 103, разр. V по 29 августа 1771 года; „Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества“, т. I, т. V, стр. 154, т. XIII, стр. 428, т. XIX, стр. 423 (донесеніе Гуннинга графу Суффольку), т. XXIII, стр. 281, 285; т. XXVI, стр. 182; т. XXXVII, стр. 221; т. XLIV, письма Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II, стр. 196, 339; т. XLVII, стр. 325; Колотовъ, Царствованіе Императрицы Екатерины II, ч. II, стр. 134, 203; „Архивъ кн. Воронцова“, т. XXXII, стр. 165, т. XXIV, стр. 244, т. XXII, стр. 409, т. XXVI, стр. 471; М. Богдановичъ, Походы Румянцова, Потемкина и Суворова; А. Н. Петровъ, Вторая Турецкая война въ царствованіе Екатерины II, 1787—1791 гг., приложеніе; Н. Ѳ. Дубровинъ, разборъ сочиненія А. Н. Петрова: Вторая Турецкая война въ царствованіе Екатерины II; Пушкаревъ, Исторія Императорской Гвардіи, стр. 312; Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, Чичерина и Долгова, т. IV, стр. 180; „Кіевская Старина“ 1891 г., т. 32—34; Г. В. Есиповъ, Путешествіе Имп. Екатерины II въ Южную Россію въ 1787 г.; Письма гр. А. А. Безбородка къ гр. П. А. Румянцову—въ „Старинѣ и

Новизнѣ“ 1900 г., стр. 51; Письма гр. П. В. Завадовскаго къ гр. Румянцову—въ „Старинѣ и Новизнѣ“ 1901 года; Письма гр. Сергія Петровича Румянцова къ отцу его, фельдмаршалу—въ Императорской Публичной Библіотекѣ, рукописное отдѣленіе, бумаги Дивова; Гр. Д. А. Толстой, Письма гр. Е. М. Румянцовой къ ея супругу, фельдмаршалу Румянцову (продолженіе этихъ писемъ—въ рукописн. отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки, см. п. 7 августа 1778 г.); Бумаги князя Потемкина Таврическаго въ IV выпускѣ „Сборника военно-историческихъ матеріаловъ“, стр. 137, 283, 254; Н. А. Мурзановъ, Списки сенаторовъ, С.-Пб. 1911; Камеръ-Фурьерскій Журналъ за 1808—1810 гг. включительно; „Русская Старина“, т. VI, стр. 93, т. 83, стр. 165, т. 96, стр. 406, и 1898 г., августъ, стр. 403; Архивъ Министерства Императорскаго Двора, опись 36—1629, № 232, л. 22 и дѣло № 201, л. 129; Собраніе сочиненій Державина, изд. Грота, т. IX, стр. 321; Гельбигъ, Случайные люди, перев. Бильбасова; Souvenirs de la comtesse Golovine, née princesse Galitzine, 1766—1821, avec une introduction de Waliszewsky, Paris, Plon, p. 171—172; Императрица Елисавета Алексѣевна, изд. Великаго Князя Николая Михаиловича, т. II, стр. 181; Историческія монографіи В. А. Бильбасова, т. IV, статья „Принцъ Нассау-Зигенъ“, стр. 525 и т. д.; „Письма и бумаги Имп. Екатерины, хранящіяся въ Имп. Публ. Библіотекѣ“, изд. А. Ѳ. Бычкова, С.-Пб. 1873; Госуд. Архивъ, разр. XI, № 76 (письма В. Попова къ гр. П. А. Румянцову) и разр. XI, № 267 (п. кн. Потемкина къ гр. П. А. Румянцову); „Сборникъ Историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Соб. Е. И. В. Канцеляріи“, т. VI, стр. 45; Архивъ Правит. Сената, Высоч. повелѣнія 1797, апр. 9 и 28; Архивъ С.-Петербургскаго дворянства; Письма гр. С. П. Румянцова къ его отцу отъ 13-го авг., 30-го сент. и 5-го ноября 1789 года (Имп. Публ. Библіот., рукописное отдѣленіе).

П. Майковъ.

Румянцевъ, *Макаръ Ивановичъ*, скульпторъ; род. въ 1833 году и происходилъ изъ государственныхъ крестьянъ; увольненіе получилъ, по Высочайшему повелѣнію, уже въ 1853 году, находясь въ Академіи Художествъ; увольненіе это послѣдовало потому, что Румянцевъ былъ „на рекрутской очереди“. Въ Академіи Художествъ Румянцевъ обучался успѣшно: уже почти тотчасъ по поступленіи ему была объявлена похвала за сдѣланный съ натуры бюстъ и выдано 50 рублей изъ суммы, назначенной на поощреніе художникамъ; 14-го марта 1857 года онъ получилъ серебряную медаль 1-го достоинства за вылѣпленный барельефъ: „Ахиллесъ влачитъ тѣло Гектора“; еще раньше этой академической награды, на второй годъ послѣ поступленія въ Академію, Р. уже выставилъ на Академической Выставкѣ 1854 года бюстъ актера Петра Каратыгина; бюстъ этотъ былъ найденъ очень схожимъ. Но, видимо, матеріальная необезпеченность, заставлявшая Румянцева браться за частные заказы, не позволяла ему заниматься въ Академіи такъ, какъ требовалась; по крайней мѣрѣ, съ конкурсомъ на золотую медаль у Румянцова вышли какія-то затрудненія. 11-го августа 1858 года ему была задана программа: „Цинциннатъ принимаетъ Римскихъ пословъ“; не исполнилъ-ли Румянцевъ эту программу, или исполненіе было признано неудачнымъ, но въ 1859 году ему была задана новая тема: „Сцена изъ Олимпійскихъ игръ“,—и опять-таки безъ результата, такъ какъ въ 1860 году ему дана была третья программа—„барельефъ: Муцій Сцевола изъ Тита Ливія“; эскизъ ея былъ утвержденъ 22-го декабря 1860 г., но выполненія не послѣдовало, и Румянцевъ 19-го сентября 1861 года получилъ отъ Академіи аттестатъ на званіе класснаго художника по скульптурѣ. Въ то же время, не успѣвая или недостаточно хорошо, по мнѣнію Академіи, выполняя назначенныя работы, Румянцевъ участвовалъ на Выставкахъ; такъ, на Выставкѣ $18^{59}/_{60}$ года была его бронзовая статуя „Путница“. Можетъ быть, въ неполученіи академическихъ наградъ играла роль и извѣстная самостоятельность Румянцева и увѣренность его въ своемъ талантѣ; это видно изъ двухъ слѣдующихъ случаевъ. Въ 1863 году Румянцевъ предложилъ Министерству Двора сдѣлать для Зимняго Дворца мраморную статую „Сусанны“; Министерство отвѣчало ему, что онъ долженъ обратиться въ Академію Художествъ, а между тѣмъ послѣдняя, какъ видно изъ чернового отпуска, сохранившагося въ дѣлахъ Академіи, отвѣчая на запросъ Министерства о способностяхъ Румянцева, не отрицала этихъ способностей, но указывала, что онъ еще недостаточно опытенъ для такихъ серьезныхъ работъ, какъ скульптура въ Зимній Дворецъ. Далѣе характеренъ со стороны Румянцева и способъ, избранный имъ для полученія степени академика: онъ не обращался къ Академіи съ просьбою дать ему программу, а прислалъ „4 модельки (такъ, въ уменьшительной формѣ, и написано въ опредѣленіи Совѣта Академіи Художествъ) статуй въ эскизахъ: 1) сидящаго сатира подъ дубовою вѣткою (лѣность), 2) разносчика съ фруктами, 3) статую Сусанны и 4) „Фаустъ соблазняетъ Маргариту“,

и просилъ „утвержденія оныхъ для исполненія на званіе академика“. На это прошеніе Академія Художествъ отвѣтила, что „утвержденіе эскиза работы послѣдуетъ тогда, когда представится что-либо болѣе опредѣленное въ сочиненіи и исполненное въ видѣ модели“. Надежда сдѣлаться академикомъ скульптуры, такъ же, какъ и раньше надежда на полученіе золотой медали,— такъ и осталась надеждою, и въ началѣ 1866 года Румянцевъ обратился въ Совѣтъ Академіи Художествъ съ собственноручнымъ прошеніемъ (написаннымъ съ грубыми орѳографическими ошибками, почеркомъ малообразованнаго человѣка), въ которомъ просилъ Академію назначить его учителемъ рисованія въ Виленскій Военный Округъ и заодно командировать оцѣнщиковъ къ Петербургскому откупщику Карали для оцѣнки сдѣланной Румянцевымъ послѣднему статуи, такъ какъ, по мнѣнію Румянцева, откупщикъ назначилъ ему слишкомъ незначительную сумму. Въ этомъ прошеніи Румянцевъ мотивировалъ свое желаніе поступить въ Виленскій Округъ тѣмъ, что онъ хорошо знаетъ условія этого Округа, такъ какъ окончилъ Варшавское Военное Училище, подразумѣвая подъ послѣднимъ, очевидно, Школу кантонистовъ. На первую просьбу Академія отвѣтила, что въ Виленскомъ Военномъ Округѣ не имѣется вакансій, а вторую просьбу—оцѣнку статуи—обошла молчаніемъ. Свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Румянцева не имѣется. Въ Музеѣ Академіи Художествъ хранится гипсовый бюстъ архитектора А. И. Штакеншнейдера работы Румянцева (принесенный въ даръ Академіи Художествъ въ 1902 году); кромѣ того, извѣстенъ бюстъ Жуковскаго работы Румянцева же.

Безусловно, Румянцевъ обладалъ скульптурнымъ талантомъ, но, не получивъ общаго образованія, не имѣя достаточныхъ средствъ, не могъ развить свои задатки и, принужденный работать, изъ-за куска хлѣба, на разныхъ откупщиковъ, не далъ ничего болѣе или менѣе выдающагося. Представленные имъ эскизы на званіе академика интересны потому, что въ нихъ видно стремленіе художника отойти отъ трафарета. Правда, какъ бы въ угожденіе Академіи Художествъ, онъ представилъ эскизъ изъ древне-греческаго міра, но рядомъ поставилъ и чистый жанръ: „Разносчикъ фруктовъ“, и иллюстрацію къ Гете: „Фаустъ, соблазняющій Маргариту“. Можетъ быть, это стремленіе уйти отъ классицизма, быть болѣе жизненнымъ и заставило Академію Художествъ, въ то время строгую хранительницу завѣтовъ старины, отклонить просьбу Румянцева. Не получивъ помощи, Румянцевъ, видимо, испытывалъ большую нужду, если хотѣлъ даже уѣхать изъ Петербурга въ Виленскій Военный Округъ.

Архивъ Академіи Художествъ, дѣло № 34/Р.; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г., № 231; „Сѣверная Пчела“ 1852 года, № 228 и 1854 года, стр. 1095 и 1328; П. Петровъ, Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ, т. III, 184, 283, 315, 334, 366, 369, 437; Исаковъ, Императорская Академія Художествъ, Музей, Русская скульптура, стр. 127; С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ, стр. 270.

П. Столпянскій.

Румянцовъ, *Никита Ивановичъ*, сенаторъ, генералъ; родной братъ Александра Ивановича Р. (см. выше), принадлежалъ также къ роду Румянцовыхъ, родоначальникомъ котораго, по справкѣ Разряднаго Архива, признается Нижегородскій бояринъ Василій Румянецъ, оказавшій большія услуги Московскому великому князю Василію Дмитріевичу при завоеваніи имъ въ 1391 году Нижняго-Новгорода. Дѣти этого Василія Румянца, предавшаго въ руки князя Василія Димитріевича своего князя Бориса и его удѣлъ, стали называться Румянцовыми и образовали семейство, раздѣлившееся современемъ на нѣсколько отраслей или вѣтвей, встрѣчающихся среди дворянскихъ родовъ въ различныхъ губерніяхъ: Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Смоленской и Ярославской, при чемъ степени ихъ родственныхъ отношеній совсѣмъ не установлены. О большинствѣ лицъ этого обширнаго дворянскаго рода дошли до насъ только одни имена, не всегда съ прозвищами, безъ указанія годовъ рожденія и смерти этихъ лицъ и безъ означенія, хотя бы въ самыхъ краткихъ словахъ, ихъ службы или иной какой-либо дѣятельности. Не приводя поэтому здѣсь этотъ перечень однихъ именъ различныхъ лицъ, скажемъ только, что представители рода Румянцовыхъ рано встрѣчаются въ числѣ служилыхъ лицъ Россійскаго государства. Такъ, въ самомъ началѣ XVII вѣка ихъ не мало состояло на службѣ

въ смутные годы 1604—1617, по изслѣдованію Л. М. Сухотина; затѣмъ А. П. Барсуковъ указываетъ немало Румянцовыхъ, бывшихъ воеводами въ XVII вѣкѣ. Такъ, Иванъ Ивановичъ Р. былъ въ 1627—28 гг. воеводою въ Балахнѣ, а за тѣмъ съ 1631 г. въ Кетскомъ острогѣ; Федоръ Ивановичъ служилъ стольникомъ, былъ воеводою въ Чебоксарахъ съ 1686 года. Сила Никитичъ былъ стряпчимъ и воеводою въ Бѣлоозерѣ съ 1681 года, а Степанъ Семеновичъ—съ 1687—въ Бѣжецкомъ Верхѣ (Тверской губ). Правнукъ упомянутаго Василія Румянцова—*Иванъ Румянцовъ*, жившій въ половинѣ XVI ст., имѣлъ внука Василія Никитича, который былъ стольникомъ, былъ жалованъ вотчинами въ 1620 и 1670 гг. и состоялъ дьякомъ при посольствѣ Потемкина въ Голландію, Францію и Италію въ 1669 году. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ (т. III) упоминается подъ 1663 годомъ (стр. 589) дьякъ *Семенъ Румянцовъ*, бывшій въ 1666 году, въ праздникъ Алексѣя митрополита, въ походѣ Царя изъ села Преображенскаго въ Чудовъ монастырь, а затѣмъ находившійся при пріемѣ Грузинскаго Царевича Николая. Въ 1675 году этотъ же Семенъ Румянцовъ былъ въ походѣ Царя въ Троицкій Сергіевъ монастырь и состоялъ дьякомъ въ Помѣстномъ Приказѣ (стр. 906, 1412). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ гг. Холмогоровыми [Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи, вып. X, стр. 61—67], дьякъ *Семенъ Румянцовъ* владѣлъ, около 1681 г., въ Можайскомъ уѣздѣ, у села Покровскаго, пустошью вмѣстѣ съ стряпчимъ Василіемъ Семеновымъ Румянцовымъ; равнымъ образомъ тою же землею владѣлъ въ 1695 г. Яковъ Румянцовъ, промѣнявшій село Покровское съ церковью архимандриту Донского монастыря. Упомянутый выше Семенъ Румянцовъ, дьякъ, завѣдывалъ въ 1673—74 гг. доставкою большого Голландскаго наряда государева полка для предполагавшагося похода противъ Крымскаго хана и Турецкаго султана по соглашенію съ Польскимъ королемъ Михаиломъ, а въ 1705 г. дьякъ Семенъ Румянцовъ назначенъ былъ къ окольничему кн. Ив. П. Барятинскому при провозѣ наряда р. Окою до Бѣлева и Орла и далѣе въ Путивль [См. Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Архива Министерства Юстиціи, т. XIII].

Въ тѣхъ же Дворцовыхъ Разрядахъ (т. III) нерѣдко упоминается дворянинъ Иванъ Ивановичъ Румянцовъ (который могъ быть сыномъ старшаго брата указаннаго Василія). Онъ находился въ 1645 году, сентября 6-го, въ походѣ Государя къ Троицѣ для *становъ въ окольничье мѣсто* (стр. 12). Въ подобнаго рода походахъ (т. е. шествіяхъ) Царя и Царицы на богомолье къ Троицѣ, а также въ село Коломенское, Покровское, Хорошево означенный Ив. Ив. Румянцовъ находился и въ 1650—51 и 52 гг. (тамъ же, стр. 189, 208, 231, 259, 317). Въ 1654 г. онъ участвовалъ въ походѣ на Польскаго и Литовскаго короля Яна Казиміра (тамъ же, стр. 419) „чтобы съ *другими головы ставить сторожи*“. Подобную же обязанность онъ исполнялъ въ 1655 году. Позднѣе, въ 1672 г., онъ былъ стряпчимъ въ Астрахани при воеводѣ кн. Яковѣ Никитичѣ Одоевскомъ (стр. 884), а въ 1674 г. ему, стряпчему, приказано, вмѣстѣ съ воеводою, быть изъ Астрахани въ Москву. Этотъ дворянинъ Ив. Ив. Румянцовъ, служившій Царю Алексѣю Михайловичу съ 1663 г., а затѣмъ Царямъ Іоанну и Петру и могшій быть и Костромскимъ помѣщикомъ, по словамъ князя А. Б. Лобанова. Ростовскаго (Русская Родословная книга, т. II), за труды, понесенные въ Крымскомъ походѣ 1689 г., былъ пожалованъ *стольникомъ* какъ для его собственныхъ, такъ и для многихъ службъ отца его *Ивана Никитича*, который находился въ военной службѣ Царя Алексѣя Михайловича и былъ убитъ въ войну съ Польшею подъ Вильною. Этотъ упомянутый Иванъ Ивановичъ *могъ* имѣть *дочь* Анну, вступившую въ бракъ съ Иваномъ Александровичемъ Еремѣевымъ, на дочери котораго Натальѣ въ 1734 женился Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ (отецъ извѣстнаго Николая Семеновича Мордвинова), а также *сына* Ѳедора, поступившаго въ Преображенскій полкъ одновременно съ Никитою Ивановичемъ Румянцовымъ и затѣмъ умершаго въ 1729 году въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, и еще *сына Ивана*, состоявшаго на службѣ въ Канцеляріи Строеній [1]). Въ дѣйствительности онъ имѣлъ, какъ утверждаютъ, *двухъ* сыновей: *Александра*—

[1]) Онъ былъ маіоромъ Выборгскаго гарнизона и изъ капитановъ указомъ 1722 года опредѣленъ въ Канцелярію отъ Строеній (см. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 69, стр. 753, 756, т. 94, стр. 347, 758 и т. 104, стр. 223.

будущаго графа, родившагося въ 1677 году, и другого—*Никиту*, родившагося 3-го апрѣля 1688 года. Имя матери, а также какія-либо свѣдѣнія о ранней молодости этого Никиты Ивановича Румянцова до насъ не дошли; можно не безъ вѣроятія принять, что онъ, по обычаю того времени, подобно большинству своихъ сверстниковъ, проводилъ свою юность въ деревнѣ, въ кругу семьи, обучаясь грамотѣ и Закону Божьему у мѣстнаго дьячка и вращаясь въ сферѣ сельской жизни того времени. Съ достиженіемъ совершеннолѣтія онъ былъ опредѣленъ на службу въ л. гв. Преображенскій полкъ солдатомъ въ 1707 году,—въ то самое время, когда полкъ, входившій въ составъ арміи, дѣйствовавшей противъ Шведскаго короля Карла XII, въ Великую Сѣверную войну, былъ расположенъ на квартирахъ между Петроковомъ до Мозыря и занимался ученіями и постройкою моста на упомянутой рѣкѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1707 г. полкъ двинулся на соединеніе съ войсками, стоявшими близъ Кіева, и на этомъ пути осаждалъ крѣпость Быховскую, гдѣ заперся приверженецъ Карла XII — Синицкій, и чрезъ мѣсяцъ овладѣлъ ею и сталъ около Кейданъ на зимнія квартиры. Карлъ XII, намѣреваясь, повидимому, проникнуть въ Москву, двинулся къ г. Гродну и занялъ его 26-го января 1708 г., имѣя намѣреніе понемногу приблизиться къ Малороссіи, гдѣ имѣлъ союзника въ лицѣ гетмана Мазепы. Занятіе шведами Гродна побудило нашу армію постепенно отступать къ Смоленску, прикрывая путь къ Москвѣ. По прибытіи въ 1708 г. изъ Петербурга къ арміи самого Петра I, не совсѣмъ еще оправившагося послѣ болѣзни, были вскорѣ заняты нами мѣста переправъ и затѣмъ кн. Голицынъ въ очень удачномъ для насъ дѣлѣ при с. *Добромъ*, на берегу р. Черной Ниппы, 28-го августа разбилъ Шведскій отрядъ Росса и отошелъ къ Мстиславлю. Узнавъ въ то время о приближеніи изъ Риги къ Пропойску ген. Левенгаупта съ большими обозами, Петръ I, съ Преображенскимъ полкомъ, нанесъ ему полное пораженіе при дер. Лѣсной 27-го сентября 1708 года. Карлъ XII направился въ Малороссію чрезъ Глуховъ, Лебедянь и Сумы, дѣлая походъ при суровой зимѣ и сжигая на пути деревни. Слѣдя за его движеніями, кн. Голицынъ узналъ, что довольно сильно занято шведами, подъ командою Альбедиля, мѣстечко *Рашевка* и прикрыта тремя рядами рогатокъ. Онъ приказалъ выбить шведовъ, что и послѣдовало послѣ упорнаго штурма 15-го февраля 1709 г., въ которомъ Преображенскій полкъ понесъ не малую потерю. Петръ I былъ сперва недоволенъ этимъ, но потомъ призналъ дѣйствія Голицына правильными. Изъ Рашевки Преображенскій полкъ и съ нимъ Н. И. Румянцовъ двинулся къ Полтавѣ, которую осаждалъ уже Карлъ XII. Вскорѣ послѣдовалъ извѣстный Полтавскій бой 27-го іюня 1709 г., послѣ котораго Карлъ XII бѣжалъ въ предѣлы Турціи съ весьма небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ, а Преображенскій полкъ былъ сперва направленъ къ осадѣ Риги, но за позднимъ временемъ направленъ въ Москву, куда прибылъ 13-го декабря и участвовалъ въ происходившихъ въ честь Полтавской побѣды празднествахъ, подолжавшихся до самаго новаго года. Румянцовъ былъ въ это время произведенъ въ прапорщики. Въ слѣдующемъ, 1710 году Преображенскій полкъ изъ Москвы направленъ былъ къ осадѣ Выборга, при чемъ на пути прапорщику Н. И. Румянцову поручено было продать собранный въ Новгородѣ провіантъ и деньги доставить въ Петербургъ, что онъ исполнилъ и затѣмъ на судахъ изъ Петербурга отплылъ съ полкомъ къ Выборгу, который послѣ бомбардированія сдался, до штурма, 8-го іюля; Преображенскій полкъ вступилъ въ Выборгъ 14-го іюля 1710 года. Затѣмъ имѣлось намѣреніе войска, бывшія подъ Выборгомъ, направить въ Лифляндію, но свирѣпствовавшее тамъ *моровое повѣтріе* (чума) воспрепятствовало этому, и Н. И. Румянцовъ съ полкомъ остановился въ Лугѣ и въ концѣ октября прибылъ въ Петербургъ, для торжества по случаю бракосочетанія племянницы Петра I-го—Анны Іоанновны съ Герцогомъ Курляндскимъ 31-го октября 1710 года. Тѣмъ временемъ Турція, подстрекаемая Карломъ XII, рѣшилась на войну съ нами; посолъ нашъ въ Царьградѣ П. А. Толстой 22-го декабря сообщилъ о разрывѣ Порты съ нами, послѣ чего состоялся 25-го февраля 1711 г. манифестъ о войнѣ съ Турціей, а затѣмъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ войскъ, назначенныхъ для войны съ Турціею, былъ назначенъ г. Брацлавъ, куда къ 1-му іюня 1711 года прибылъ самъ Царь и Преображенскій полкъ. Армія скоро переправилась чрезъ р. Днѣстръ и, двигаясь далѣе къ Яссамъ,

терпѣла не мало отъ недостатка провіанта и воды и отъ сильнаго зноя. Перейдя Прутъ, подошли къ р. Жижѣ и скоро получили отъ нашего ген. Януса извѣстіе, что турки переходятъ Прутъ и уже заняли Фальчу. Армія наша остановилась, и Янусу приказано было отходить и къ ней присоединиться. Между тѣмъ, на дѣлѣ турки не думали переправляться, но, увидѣвъ отступленіе Януса, тотъ же часъ переправили свои лучшія войска и, занявъ г. Фальчи, стали его преслѣдовать. Петръ I съ нѣкоторыми полками, въ томъ числѣ Преображенскимъ, двинулся на его подкрѣпленіе. Произошло очень горячее дѣло, въ которомъ Н. И. Румянцовъ былъ раненъ, а затѣмъ наши войска стали постепенно отходить, при чемъ турки насѣдали непрерывно на арріергардъ и останавливали его движеніе на каждомъ шагу. Отбиваясь отъ турокъ, пройдя мѣстечко Гужъ, близъ рѣки Прута, наша армія стала лагеремъ въ видѣ треугольника, который турки стали скоро окружать. Затруднительное положеніе арміи и большая потеря въ людяхъ принудила, какъ извѣстно, Петра I начать переговоры о мирѣ. Визирь очень медлилъ отвѣтомъ, Петръ даже сталъ готовиться къ выступленію и выстроилъ свою армію у лагеря; визирь, увидѣвъ это, поспѣшилъ согласиться на перемиріе для переговоровъ о мирѣ, который и былъ заключенъ 12-го іюля 1711 года. Послѣ этого въ тотъ же вечеръ армія наша покинула лагерь и 1-го августа была у Днѣстра, а затѣмъ Преображенскій полкъ съ Румянцовымъ, произведеннымъ въ то время въ подпоручики, былъ направленъ къ Эльбингу на усиленіе русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Польской Пруссіи. Главнокомандующимъ тамъ въ то время былъ Царевичъ Алексѣй, жившій въ Торнѣ. Недостатокъ въ продовольствіи и неудовольствіе Польши на размѣщеніе въ ея земляхъ нашихъ войскъ на зимнія квартиры побудили Петра I двинуться въ Померанію, гдѣ Меншиковъ не могъ овладѣть Штетиномъ по неимѣнію артиллеріи. Давъ необходимыя указанія къ занятію этого важнаго для союзниковъ опорнаго пункта, Петръ двинулся далѣе къ Стральзунду, чтобы осадить его, но пораженіе, нанесенное датско-саксонскимъ войскамъ при Гадебушѣ Шведскимъ генераломъ Стенбокомъ, побудило его пріостановить предпринятое движеніе и направиться чрезъ Гистрау, Гамбургъ и Ренсбургъ къ Фридрихштадту, занятому шведами, и осадить его. Наши войска, съ Преображенцами во главѣ, постепенно заняли передовыя укрѣпленія этого города и тѣмъ побудили Штейнбока отойти къ Тюнингсену съ отрядомъ въ 4000 ч. Занявъ 1-го февраля 1713 года Фридрихштадтъ, наши войска немедленно двинулись къ Тюнингсену и обложили его; Преображенцы исполняли при этомъ должность саперъ. Недостатокъ продовольствія, развивавшіяся болѣзни, а также наши бомбардировки и осадныя работы заставили Стенбока сдаться на капитуляцію 3-го мая 1713 г. Этимъ и завершились наши дѣйствія въ Голштиніи, и послѣ того, какъ и Штетинъ сдался 21-го сентября, наши войска возвратились въ отечество.

Въ наступившей затѣмъ войнѣ въ Финляндіи, ознаменованной взятіемъ Нишлота 27-го іюня 1714 г. и сраженіемъ при Гангеудѣ, въ которомъ былъ взятъ въ плѣнъ контръ-адмиралъ Эреншильдъ съ частію флота, Румянцовъ повидимому также принималъ участіе вмѣстѣ съ Преображенскимъ полкомъ [1]). Въ слѣдующемъ году происходили снова приготовленія къ войнѣ со Швеціею, при чемъ предполагалось, соединивъ нашъ флотъ съ датскимъ, прикрывать перевозку десанта изъ Мекленбурга въ Зеландію и затѣмъ, совмѣстно съ датскими войсками, сдѣлать десантъ въ Шонію (южную провинцію Швеціи). Въ исполненіе этого плана, въ 1716 г. Преображенскій полкъ, расположенный отъ Митавы до Мемеля, занимался постройкою судовъ (скамповей) и со вскрытіемъ водъ ото льда 20-го марта направился на судахъ къ Данцигу и Ростоку, гдѣ былъ 8-го мая, и получилъ приказаніе плыть къ Копенгагену. Въ столицу Даніи онъ прибылъ 8-го іюля и расположился лагеремъ. Недоброжелательство Ганноверскаго правительства разстроило высадку въ Швецію,

---

[1]) Въ формулярномъ спискѣ о службѣ Н. И. Румянцова послѣ перечисленія походовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, имѣется такая оговорка: „да *сверхъ писаннаго*, въ бытность мою съ 1708 года въ гвардіи, во время продолжавшейся войны, былъ во многихъ знатныхъ акціяхъ и партіяхъ какъ въ Малороссіи и прочихъ мѣстахъ. Также *ідъ оная гвардія* въ тѣ годы ни была, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ *былъ безъ отлучно*“. Надо заключить изъ этого, что онъ былъ и въ войнѣ со Швеціею въ Финляндіи и другихъ мѣстахъ.

и наши войска, простоявъ до 2-го октября у Копенгагена, возвратились въ Мекленбургъ, гдѣ пробыли до января 1717 г. и направились обратно въ свое отечество.

Въ Персидскомъ походѣ, предпринятомъ въ 1722 году съ цѣлью овладѣть берегомъ Каспійскаго моря, Н. И. Румянцовъ находился въ составѣ Преображенскаго батальона, который подъ начальствомъ его брата (А. И. Румянцова) принималъ участіе въ этомъ походѣ. Онъ дошелъ до Нижняго-Новгорода, а затѣмъ на судахъ 15-го іюня 1722 года приплылъ въ Астрахань и 30-го числа двинулся берегомъ Каспійскаго моря къ Таркамъ. Шамхалъ Тарковскій добровольно подчинился Петру I 12-го августа. Затѣмъ, послѣ незначительнаго дѣйствія съ горскими народами подъ начальствомъ различныхъ владѣтелей, въ томъ числѣ Даудъ-бека, нашъ отрядъ, при сильной жарѣ, дошелъ до Дербента, наибъ котораго вышелъ навстрѣчу, палъ на колѣни и сдалъ городъ, занятый нами 23-го августа. Недостатокъ провіанта побудилъ Петра отказаться отъ дальнѣйшаго движенія въ Баку. Оставивъ гарнизонъ въ занятыхъ мѣстахъ и сдѣлавъ распоряженіе къ походу въ слѣдующемъ году, Петръ I съ Преображенцами и Семеновцами направился водою до Царицына, а оттуда сухимъ путемъ въ Москву, куда прибылъ 18-го декабря 1722 г. Отпраздновавъ новый годъ въ Москвѣ и затѣмъ торжественное коронованіе своей супруги Екатерины, Царь возвратился съ гвардейцами въ Петербургъ въ 1723 г. Въ наступившее мирное время Румянцовъ, уже въ чинѣ капитанъ-поручика, получилъ приказаніе заняться расчисткою пороговъ на Волховѣ, соединяющемъ озеро Ильмень съ Ладожскимъ. Ему поручено было выбрать плиту въ рѣкѣ, что̀ стоитъ ребромъ, занесена пескомъ или каменьями и очищать до фундамента каменнаго, что̀ подъ водою, гладкій, который не ломать. Изъ представленныхъ имъ отчетовъ видно, что въ 1725 и 1726 г. вычищено было, по правую сторону отъ берега, по рѣкѣ въ длину 530 саженъ въ разныхъ мѣстахъ, въ ширину рѣки на 20 саженъ и въ глубину выломано на $1^1/_2$ фута; выбраны каменья одинокіе и плиты наносныя, какъ указъ повелѣваетъ. „А сколько саженъ пороговъ,—того обстоятельно написать невозможно, ибо подъ водою не видно“. Онъ имѣлъ иногда до 30.000 рабочихъ въ мѣсяцъ. Но въ 1727 году, іюня 12-го, рѣшено было для чистки пороговъ Румянцова не посылать и предписать ему сдать остаточныя деньги въ Камеръ-Коллегію, а инструменты и припасы—Ладожскому коменданту.

Продолжая службу въ Преображенскомъ полку, Н. И. Румянцовъ указомъ Императрицы Анны Іоанновна отъ 6-го августа 1731 г. былъ пожалованъ въ полковники съ опредѣленіемъ въ Рижскій гарнизонъ и пребывалъ въ городѣ Ригѣ до 1737 года, будучи командированъ въ 1735 году, по ордеру Рижскаго вице-губернатора, генералъ-лейтенанта Гофмана, съ полкомъ для прикрытія Лифляндскихъ границъ и содержанія кордоновъ на Польской границѣ, во время войны съ Польшею. Затѣмъ, при началѣ войны съ Турціею (см. біографію А. И. Румянцова) въ 1737 году Н. И. Румянцовъ былъ опредѣленъ къ главной арміи въ Днѣпровскую экспедицію, въ Санктъ-Петербургскій пѣхотный полкъ, и находился по старшинству въ должности бригадирской. Онъ совершилъ въ этомъ званіи походъ (Днѣпровскій) 1737 г. къ Очакову, находясь въ составѣ дивизіи, командуемой его братомъ, и по занятіи этой крѣпости 2-го іюня возвратился вскорѣ въ Кіевскую губернію. Затѣмъ въ 1738 г. онъ участвовалъ въ походѣ графа Миниха для занятія Бѣлгородской и Буджакскихъ ордъ, по ту сторону Днѣпра, а также Молдавіи и Валахіи. Походъ этотъ былъ неудаченъ (см. біографію А. И. Румянцова), но Минихъ не упалъ духомъ и сталъ готовиться къ новому походу съ цѣлью занять Хотинъ и по обстоятельствамъ дѣйствовать противъ Очакова и Кинбурна. Въ чинѣ уже бригадира Н. И. Румянцовъ совершилъ и этотъ походъ, также подъ начальствомъ своего брата. Выступивъ въ концѣ апрѣля 1739 г., армія двинулась къ Хотину (на Днѣстрѣ) и 6-го іюля была у рѣки Бованецъ, гдѣ узнала о сильномъ укрѣпленіи Хотина и о приближеніи къ нему еще Турецкой арміи въ 20.000 человѣкъ. Рѣшено было, обойдя Недоборгскія горы, явиться къ Хотину съ противоположной стороны, что̀ и было исполнено удачно, и 17-го августа послѣдовала извѣстная битва при *Ставучанахъ*, послѣдствіемъ которой было полное пораженіе Турецкой арміи, а затѣмъ и сдача Хотина 19-го августа. Во время этого сраженія турки произвели сильное

нападеніе на Бутырскій и С.-Петербургскій пѣхотные полки, которыми командовалъ Н. И. Румянцовъ, произведенный вскорѣ 14-го февраля 1740 года, въ генералъ-маіоры. Въ томъ же году 2-го марта онъ былъ назначенъ и сенаторомъ, и вскорѣ принялъ участіе въ разсмотрѣніи дѣла извѣстнаго кабинетъ-министра Артемія Волынскаго и подписалъ смертный его приговоръ 23-го іюня 1740 года. Въ слѣдующемъ, 1741 году онъ получилъ особое почетное порученіе, именно—онъ былъ отправленъ для пріема на границахъ и препровожденія въ столицу особаго Турецкаго посла, такъ какъ, по условіямъ Бѣлградскаго мира 1739 г., между прочимъ, договаривавшіяся державы (Австрія, Россія и Турція) должны были обмѣняться торжественными посольствами. На этомъ основаніи Россія въ 1740 году отправила, въ качествѣ своего посла, въ Константинополь генералъ-аншефа Александра Ив. Румянцова, котораго торжественно встрѣтилъ на Турецкой границѣ особый, назначенный къ тому Турецкій уполномоченный; Турція же въ свою очередь послала въ Петербургъ своего посла Эминя-Магмета пашу, котораго принять на границѣ и препроводить по назначенію поручено было, указомъ 10-го іюля 1740 г., сенатору Ник. Ив. Румянцову. Это порученіе было по различнымъ причинамъ не изъ легкихъ: предстояло не только условиться о мѣстѣ и времени размѣна пословъ, но соблюдать *равность* въ *трактаментѣ пословъ* съ обѣихъ сторонъ, при чемъ Н. И. Румянцовъ долженъ былъ стараться выдавать послу такъ называемый *таинъ*, т.-е. поденное пропитаніе послу и всей его свитѣ и при томъ въ натурѣ, а не деньгами; „если же посолъ принимать ихъ не будетъ, то объявить со всею учтивостью, что дается по требованію“. Румянцову была дана при этомъ особая инструкція изъ Кабинета Министровъ 16-го іюля 1740 г., которою ему приказывалось ѣхать съ всевозможнымъ поспѣшеніемъ на самую границу для пріема Турецкаго посла, условиться заранѣе о прибытіи къ мѣсту размѣна пословъ, дабы не было спору о времени размѣна, а также о всѣхъ лицахъ, долженствующихъ быть при размѣнѣ, и о церемоніалѣ самаго размѣна. Онъ долженъ взять съ собою въ Кіевъ конвой изъ драгунъ и козаковъ, хорошихъ, въ добрыхъ мундирахъ, въ такомъ числѣ, какое будетъ имѣть и Турецкій посолъ, взять также деньги, необходимыя на покупку съѣстныхъ припасовъ и питья. Ему же поручалось распорядиться заготовкою отъ Петербурга до г. Сѣвска хорошихъ дворовъ для остановки посла со свитою, а также заготовкою на этихъ станахъ всякаго провіанта, фуража, дровъ, свѣчей и прочихъ жизненныхъ потребностей. При этомъ предусматривалось, что Турецкій посолъ могъ потребовать нѣкоторые предметы (сахаръ, кофе, корицу, шафранъ, имбирь, пшено) въ такомъ количествѣ, что невозможно было бы достать въ пути, и на этотъ случай Румянцову разрѣшалось закупить ихъ въ Москвѣ или Петербургѣ по знатной части и везти собою, а чай зеленый и черный, въ количествѣ по два пуда каждаго, принять въ Москвѣ изъ Сибирскаго Приказа. Въ принятіи посла, содержаніи его, оказаніи ему чести и *дистинкціи* Н. И. Румянцову предписывалось поступать сообразно получаемымъ о всемъ этомъ свѣдѣніямъ отъ брата его, А. И. Румянцова, и по тому же примѣру. А если не получитъ надлежащаго о томъ увѣдомленія, то поступать съ совѣта Кіевскаго губернатора, примѣняясь къ прежде бывшимъ примѣрамъ. Ему дозволялось предоставить Турецкому послу медлить въ Кіевѣ, сколько онъ пожелаетъ, а при назначеніи имъ дня отъѣзда—доставить потребныя ему и его свитѣ подводы, а также купить послу коляски и телѣги, если это потребуется, и дать конвой такой же, какой данъ Русскому послу. На пути изъ Кіева до Москвы и Петербурга онъ не долженъ былъ понуждать посла въ ѣздѣ, ниже гдѣ противъ воли его останавливать или удерживать; все это предоставлялось на волю посла, которому Румянцовъ долженъ былъ дѣлать все съ величайшею учтивостью и смотрѣть за тѣмъ, чтобы отъ людей свиты посла наглостей и безпорядковъ не происходило и подданнымъ Ея Величества обидъ показано не было; если же таковыя будутъ, то объ униманіи того и достойномъ наказаніи тѣхъ продерзостныхъ свиты посла людей дружескимъ и учтивымъ образомъ представлять послу. Н. И. Румянцову на расходы по посольству дано было 20.000 руб. и ему лично 1.500 руб. на экипажъ и прочія потребности; ежели сверхъ того будутъ издержки, то предоставлялось ему получить деньги въ Москвѣ.

Отправившись изъ Петербурга въ концѣ

іюля, Румянцовъ изъ Калуги 1-го августа доносилъ о плохомъ состояніи мостовъ по перспективной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву и отъ Москвы по Кіевскому тракту и о необходимости ихъ починить, ибо по нѣкоторымъ изъ нихъ съ посломъ будетъ невозможно проѣхать. Затѣмъ, прибывъ въ Кіевъ, онъ 13-го августа сообщалъ, что засталъ тамъ брата А. И. Румянцова и узналъ отъ него, что Турецкій посолъ поѣхалъ уже изъ Адріанополя на Бендеры къ Очакову, намѣренъ переправиться чрезъ Днѣпръ и, слѣдуя Крымскою стороною, прибудетъ къ Конскимъ водамъ, гдѣ начинается новая граница между обѣими державами. Этимъ маршрутомъ Турецкаго посла измѣнялось первоначальное предположеніе учинить размѣнъ пословъ *въ Васильковѣ*,—по той собственно причинѣ, что въ упомянутомъ мѣстѣ не сошлись границы Турецкія и Россійскія. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашему послу предстояло ѣхать въ Константинополь крайне неудобнымъ путемъ—пустыми степями, вмѣсто того, чтобы имѣть путь удобный чрезъ Польскія владѣнія. Н. И. Румянцовъ, поэтому, получивъ въ Кіевѣ 1500 конныхъ гренадеръ и драгунъ съ литаврщиками, трубачами и музыкантами, 2000 казаковъ и 6 пушекъ полковыхъ, двинулся въ августѣ мѣсяцѣ въ Переволочную и Усть-Самару, а затѣмъ далѣе и, условившись заранѣе съ подъѣзжавшимъ Турецкимъ посломъ, учинилъ 17-го октября, при рѣчкѣ *Великій Канаръ*, впадающей въ Бугъ, размѣнъ пословъ, по церемоніалу, подробно имъ описанному, послѣ котораго братъ его, А. И. Румянцовъ, направился далѣе по пути въ Константинополь а Н. И. Румянцовъ съ посломъ Турецкимъ Эминь-Мегметъ пашою двинулся обратно къ Переволочной и прибылъ 3-го ноября къ ретраншементу у Днѣпра, невдалекѣ отъ Мишурнорожской крѣпости. Затѣмъ онъ направился въ Глуховъ, при чемъ на пути получилъ извѣстіе о кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны, о чемъ объявилъ также послу. Найдя необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія султана, Турецкій посолъ требовалъ отъ Румянцова для этого особыя подводы, которыя и были ему даны. Подвигаясь не быстро, около 25—30 верстъ въ сутки, Румянцовъ съ посломъ прибылъ 30-го ноября въ Сѣвскъ и здѣсь узналъ объ учрежденіи регентства и только 1-го генваря 1741 г. прибылъ въ Москву, а 4-го числа имѣлъ торжественный съ посломъ въѣздъ съ церемоніею. Посольство Турецкое размѣстилось близъ Донского монастыря, у Калужскихъ воротъ, занявъ до 50 домовъ, но самъ посолъ былъ помѣщенъ въ домѣ бароновъ Строгоновыхъ. Онъ ожидалъ теперь изъ Константинополя новыхъ кредитивныхъ грамотъ на имя новой Правительницы, чтобы ѣхать въ Петербургъ, и продолжалъ вести непріятныя пререканія и объясненія съ Н. И. Румянцовымъ относительно отпуска ему таина; эти объясненія вызвали очень натянутыя отношенія между нимъ и посломъ, которыя еще болѣе обострились задержаніемъ въ карантинѣ, по случаю чумы, курьера, ѣхавшаго изъ Константинополя къ послу съ бумагами. Посолъ выразилъ, наконецъ, что ничего не будетъ брать отъ Румянцова—ни денегъ, ни провизіи и все будетъ покупать на свои деньги и писалъ объ этомъ въ Петербургъ, требуя, чтобы всемѣрно перемѣнили Румянцова. Это требованіе въ Петербургѣ уважили. Кабинетъ еще ранѣе удивлялся, что Румянцовъ ничего не пишетъ о поведеніи и склонности посла, объ изъясненіяхъ его о дѣлахъ и состояніяхъ здѣшнихъ, о томъ, какіе онъ получаетъ указы изъ Порты, о чемъ онъ пишетъ отъ себя, о чемъ говорилъ съ встрѣтившимся въ Мценскѣ сераскиромъ и Колчанъ-пашою, ѣхавшими изъ Петербурга, и т. д. „Намъ о всемъ этомъ надо знать“, писалъ Кабинетъ,—и для того, наиприлежнѣйшее и всякимъ образомъ провѣдавъ, намъ доносить имѣете“. Получивъ жалобу посла, Кабинетъ прислалъ Н. И. Румянцову указъ отъ 24-го января 1741 года, что если съ посломъ вступать въ изъясненія о неотпускѣ ему припасовъ и денежной дачи, то изъ того напрасныя дальности произойтить могутъ, и для убѣжанія сего признано за лучшее при немъ, послѣ, и всю коммиссію вмѣсто Румянцова поручить генералъ-маіору и вице-губернатору Москвы графу Брюсу“, которому и надлежитъ передать данную Румянцову инструкцію, также деньги и всю переписку по этому посольству. Но дабы посолъ Турецкій не призналъ и не мнилъ, что Румянцовъ отлучается отъ него якобы по его жалобамъ, то въ указѣ къ генералу и оберъ-гофмейстеру графу Салтыкову предписано, чтобы онъ поручилъ Румянцову въ Москвѣ на время какую-либо знатную коммиссію, которая бы къ большей чести, а не къ униже-

нію Румянцова и не въ *сатисфакцію* послу была и ежели онаго знатнаго тамъ въ Москвѣ мѣста нѣтъ, то велѣно Салтыкову опредѣлить Румянцова въ Контору Сенатскую, гдѣ онъ имѣетъ при немъ, генералѣ, до нашего впредь указа у дѣлъ присутствовать". При этомъ Румянцову указывалось, что ему „потребно быть съ Брюсомъ у Турецкаго посла и о своей смѣнѣ и опредѣленіи къ другимъ дѣламъ (*не упоминая отнюдь* того, что по его требованію отъ него отлучается), съ надлежащимъ почтеніемъ объявить и отъ него съ пристойною учтивостью отпускъ взять". Румянцовъ не замедлилъ 2-го февраля 1741 г. донести о точномъ исполненіи всего предписаннаго ему указомъ 21-го генваря, приложивъ подробный экстратъ изъ его журнала для лучшаго и обстоятельнѣйшаго усмотрѣнія всего происходившаго у него въ бытность его при Турецкомъ послѣ.

Въ Москвѣ Н. И. Румянцовъ оставался недолго: 9-го іюля 1742 г. онъ былъ назначенъ въ Перновъ для командованія драгунскими и пѣхотными полками, а въ слѣдующихъ 1743 — 1751 годахъ онъ находился разновременно при полевой командѣ въ Смоленскѣ, Лифляндіи, Эстляндіи и въ С.-Петербургѣ, а также и при ревизіи командъ въ этихъ мѣстахъ. Въ 1752 г., апрѣля 23-го, онъ былъ уволенъ отъ службы за старостью и болѣзнями и, проживая въ Москвѣ, скончался 6-го сентября того же 1752 года. Онъ погребенъ въ Златоустовскомъ монастырѣ, при соборѣ св. Іоанна Златоуста, проживъ, какъ усматривается изъ надгробной надписи, 64 года, 5 мѣсяцевъ и 3 дня.

Никита Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Васильевнѣ Мещерской (бывшей въ первомъ бракѣ за Милославскимъ) и имѣлъ отъ нея только *одну* дочь *Анну*, которая родилась 11-го февраля 1730 года. Она позднѣе вступила въ бракъ, 8-го октября 1749 г., съ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ (позднѣе оберъ-шенкъ и сенаторъ), при чемъ Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна (будущая Императрица), хотя и не совсѣмъ здоровая, должна была, по приказанію Имп. Елисаветы, убрать къ вѣнцу невѣсту, племянницу состоявшей при ней гофмейстерины гр. Марьи Андреевны Румянцовой. Самое бракосочетаніе совершалось въ Москвѣ, въ Анненгофской дворцовой церкви, въ присутствіи Петра Ѳеодоровича и его супруги Екатерины Алексѣевны, которыми новобрачные были препровождены, при сильномъ морозѣ, въ домъ статсъ-дамы Нарышкиной, чрезъ всю Москву на краю Нѣмецкой слободы, куда прибыла также Императрица Елисавета Петровна со всѣмъ дворомъ. Молодой А. А. Нарышкинъ назначенъ былъ вскорѣ гофмейстеромъ Ихъ Высочествъ, и это доставило еще бо́льшую возможность Великой Княгинѣ близко узнать Анну Никитишну, коротко сойтись съ нею и сдѣлаться ея другомъ по уму и отличнымъ ея качествамъ. По словамъ Екатерины II, бракъ Нарышкиной имѣлъ не болѣе послѣдствій, чѣмъ ея собственный: „Сходство положеній моего и Нарышкиной много способствовало установленію дружеской между нами связи, которая долго насъ соединяла". Она очень любила Нарышкину, и когда послѣдняя была больна, то Екатерина, не смѣя безъ позволенія выходить, переодѣвалась въ мужское платье и, въ сопровожденіи Льва Ал. Нарышкина) ходила навѣщать больную послѣ ужина съ Великимъ Княземъ. У Нарышкиной она встрѣтилась съ Понятовскимъ. Нарышкина была очень добрая и сострадательная особа; она въ числѣ немногихъ выразила позднѣе желаніе принимать у себя приносимыхъ дѣтей и оказывать въ своемъ домѣ пособія безпомощнымъ младенцамъ. Въ торжественный день миропомазанія и бракосочетанія Великой Княгини Натальи Алексѣевны (супруги Павла Петровича) 15-го сентября 1773 года Нарышкина была пожалована въ статсъ-дамы, а 20-го марта 1787 г. награждена орденомъ Св. Екатерины, присланномъ ей Императрицею изъ Кіева. Императоръ Павелъ I пожаловалъ ее, 12-го ноября 1796 г., гофмейстериною Императорскаго Двора. Она скончалась 2-го февраля 1820 года, почти 90 лѣтъ, пережившъ своего супруга на 25 лѣтъ, и погребена въ Александро-Невской Лаврѣ въ Петербургѣ. Дѣтей она не имѣла и оставила свое достояніе своимъ племянникамъ—графамъ Николаю и Сергѣю Румянцовымъ, изъ которыхъ первый былъ очень къ ней привязанъ.

Общій Гербовникъ Россійской Имперіи, т. III и IX; Холмогоровы, Историч. матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи, выпускъ X, стр. 66—67; Дворцовые Разряды, т. III и Дополн.; Описаніе документовъ и бумагъ Московскаго Архива Мств. Юстиціи, т. XIII; А. П. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ и дру-

гихъ лицъ воеводскаго управленія Московскаго государства XVII столѣтія, С.-Петербургъ. 1902 г.; Л. М. Сухотинъ, Четвертчики смутнаго времени 1604—1617 года, Москва. 1912 года; Кн. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. II; Н. Н. Селифонтовъ, Родословная Селифонтовыхъ и Румянцовыхъ, для друзей, С.-Пб. 1890 г.; Государственный Архивъ, разр. XI, красн. № 2, копія съ грамоты; Московское Отдѣл. Архива Главнаго Штаба, формул. о службѣ Н. И. Румянцова 1, выписка изъ дѣла армейск. повытья, Опись № 8, книга 384; Исторія л. гв. Преображенскаго полка, 1683—1883 гг., Чичерина и Долгова, т. I, стр. 242 и слѣд., т. IV, стр. 180; Азанчевскій. Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, Москва, 1859 г.: Журналы Петра Великаго; И. Голиковъ Дѣянія Петра Великаго, т. XV; Е. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV и V; Госуд. Архивъ въ Москвѣ, дѣла Турецкія 1740 года, № 72; Архивъ Министерства Импер. Двора, опись 36/1629, дѣло № 132; „Русская Старина“, т. II, стр. 476 и т. 84, стр. 95; Русская армія въ царствованіе Импер. Анны Іоанновны. Война Россіи съ Турціей въ 1736—1739, изданіе ген.-м. Баіова, С.-Петербургъ. 1906 г., т. I и прилож. и т. II, примѣч. и прилож.; Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества (Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, pass.), т. 104 (бумаги Кабинета Министровъ); также т. 106, т. 114, стр. 91; Волковъ, Дворъ Русскихъ Императоровъ, 1900 г.; „Петербургскій Некрополь“, т. III, стр. 211; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1749 г., № 83, стр. 662, 1763, декабря 14; Записки Имп. Екатерины II, переводъ съ подлин., изданнаго Импер. Академіей Наукъ, С.-Петербургъ. 1907 г., изд. Суворина, стр. 168, 287, 379, 427; Списокъ военныхъ генераловъ со временъ Петра I до Екатерины II, изъ Архива Госуд. Воен. Коллегіи, изд. 1809, стр. 45, 53, 72; Барановъ, Опись Высоч. указамъ, хранящ. въ Архивѣ Сената, № 7705.

П. Майковъ.

Румянцовъ, *графъ Николай Петровичъ*, канцлеръ, второй сынъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова и его супруги, графини Екатерины Михайловны, рожд. княжны Голицыной; родился въ 1754 году, 3-го апрѣля, и первые годы своей жизни провелъ подъ непосредственнымъ надзоромъ своей матери, заботившейся о его воспитаніи и образованіи. По обычаю того времени, графъ Н. П. Румянцовъ воспитывался дома, хотя его мать, сознавая неудовлетворительность домашняго воспитанія, намѣревалась отправить своихъ сыновей за границу или опредѣлить ихъ въ особый пансіонъ, основанный въ Петербургѣ, подъ главнымъ руководствомъ Г. Н. Теплова, графомъ Разумовскимъ для своихъ сыновей. Не получивъ на это разрѣшенія супруга, графиня нанимала для обученія своихъ сыновей отставного артиллерійскаго подполковника (имя его не дошло до насъ), чтобы учить ихъ ариѳметикѣ, а затѣмъ—маіора Прусской службы, *родомъ швейцарца*, вѣроятно Мейера, „на сносныхъ кондиціяхъ“. Позднѣе появился нѣмецъ Цвилеръ, обучавшій графа Николая не только нѣмецкому и латинскому языкамъ, но также исторіи, географіи, ариѳметикѣ и математикѣ, при чемъ оказалось, что графъ Николай проявлялъ большія способности къ математикѣ. Давалъ ему уроки также нѣкто Лайонсъ, но короткое время. Позднѣе въ домѣ проживалъ французъ Моно, который, разставаясь съ своими учениками въ 1765 г., писалъ ихъ отцу, что оба младшіе сына, т.-е. графы Николай и Сергѣй Петровичи, очень прилежны и стараются пріобрѣсти познанія, любятъ занятія, могутъ служить во всемъ примѣромъ всѣмъ 15-лѣтнимъ юношамъ и со-временемъ будутъ предметомъ большой радости родителямъ; „эти растенія, пишетъ Моно, обѣщаютъ богатые плоды, если будутъ воздѣланы рукою искусною и опытною въ наукахъ“. Графиня Е. М. Румянцова, заботясь ничего не упускать, по ея смыслу, силамъ и возможности, въ образованіи своихъ дѣтей, позднѣе, когда сыновья ея дѣлались взрослыми, старалась обучать ихъ верховой ѣздѣ, танцамъ, фехтованію, а затѣмъ озаботилась объ опредѣленіи на службу графа Николая, который, по порядкамъ того времени, былъ съ раннихъ лѣтъ записанъ въ л.-гв. Конный полкъ. По просьбѣ его матери и по совѣту графа Брюса, онъ былъ въ 1768 г. переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, числился дѣйствительно служащимъ ординарцемъ при Брюсѣ, но проживалъ дома и 1-го января 1769 г. былъ пожалованъ, пользуясь старшинствомъ, въ прапорщики,—за службу отца своего. Скоро Румянцовъ былъ назначенъ адъютантомъ полка,—конечно, по представленію своего родственника, гр. Брюса, а затѣмъ, 1-го августа 1772 г., Высочайшимъ указомъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ съ производствомъ установленнаго жалованья (по 1000 р. въ годъ). Графъ проживалъ въ Петербургѣ, съ матерью, назначенною вскорѣ оберъ-гофмейстериною при дворѣ Великаго Князя Павла Петровича, вступившаго тогда въ первый бракъ съ Принцессою Гессенъ-Дармштадтскою. Это назначеніе, а также уваженіе и расположеніе, которыми пользовались со стороны Императрицы Екатерины не только самъ фельдмаршалъ Румянцовъ, но и его мать, статсъ-дама графиня Марія Андреевна, а также и его супруга,

а равно родственныя ихъ связи доставили молодому графу Николаю Петровичу возможность не только посѣщать высшее общество столицы, но и сдѣлаться быстро извѣстнымъ Екатеринѣ II, которая, узнавъ его, вскорѣ удостоила его разрѣшеніемъ присутствовать на ея извѣстныхъ собраніяхъ въ Эрмитажѣ, въ которыхъ участвовали только самыя избранныя и наиболѣе извѣстныя и приближенныя къ Императрицѣ лица. Изъ молодыхъ людей на эти собранія допускались только братья Румянцовы. Тутъ графъ Николай познакомился съ извѣстнымъ ученымъ и публицистомъ-писателемъ барономъ Мельхіоромъ Гриммомъ, какъ извѣстно, пользовавшимся большимъ расположеніемъ Екатерины II; онъ не задолго предъ этимъ прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Наслѣднымъ Принцемъ Дармштадтскимъ, воспитаніемъ котораго онъ руководилъ. Графъ Н. П. Румянцовъ, имѣвшій желаніе посѣтить чужіе края и пополнить свое образованіе въ одномъ изъ Германскихъ университетовъ, о которыхъ, особенно о Лейденскомъ, много зналъ отъ своего двоюроднаго брата, князя Александра Борисовича Куракина, былъ очень обрадованъ, узнавъ, что баронъ Гриммъ согласенъ руководить имъ и его братомъ въ поѣздкѣ за границу, и отправился, въ концѣ 1773 г., въ Молдавію, къ отцу своему, командовавшему нашею арміею, для испрошенія его согласія на предполагаемую поѣздку и для полученія необходимыхъ на то денежныхъ средствъ. Получивъ желаемое безъ особыхъ затрудненій, графъ Николай Петровичъ испрашивалъ разрѣшеніе Ея Величества на свою поѣздку, вслѣдствіе чего состоялся 14-го апрѣля 1774 г. указъ объ увольненіи его въ чужіе края, безъ вычета жалованья во всю его тамъ бытность. Срокъ увольненія опредѣленъ въ указѣ не былъ: Императрица совѣтовала сопровождавшему его Гримму путешествовать спокойно и возвратиться не спѣша.

Покинувъ отечество въ концѣ апрѣля 1774 г., графъ Николай вмѣстѣ съ братомъ, барономъ Гриммомъ и тремя слугами отправились сухимъ путемъ, — единственнымъ въ то время способомъ путешествія,— въ своихъ экипажахъ на перемѣнныхъ лошадяхъ, въ Варшаву, а затѣмъ заѣхалъ въ Карлсбадъ, гдѣ Гриммъ, вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ, пилъ воды, хотя самъ графъ Николай былъ совсѣмъ здоровъ. Послѣ этого, посѣтивъ Лейпцигъ, Готу, берега Рейна и Голландію, онъ прибылъ въ Лейденъ, гдѣ около года слушалъ лекціи въ пользовавшемся въ то время извѣстностью Университетѣ этого города, о которомъ имѣлъ различныя необходимыя свѣдѣнія отъ упомянутаго уже выше князя А. Б. Куракина, своего двоюроднаго брата. Въ концѣ сентября 1775 г. графъ Николай съ братомъ заѣхалъ на короткое время въ Парижъ, чтобы вмѣстѣ съ Гриммомъ, оставившимъ ихъ въ Лейденѣ однихъ, совершить совмѣстное путешествіе по Италіи. На пути изъ Парижа они остановились въ Женевѣ, посѣтили здѣсь уже престарѣлаго Вольтера, а затѣмъ направились въ Геную, Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь, откуда поѣхали обратно на Венецію и Вѣну. Узнавъ въ Венеціи о кончинѣ Великой Княгини Натальи Алексѣевны и о томъ, что фельдмаршалъ Румянцовъ сопровождаетъ Великаго Князя Павла Петровича въ поѣздкѣ его въ Берлинъ, чтобы ознакомиться съ предназначаемою ему въ супруги Принцессою Виртембергскою, путешественники поспѣшили ѣхать въ Берлинъ, чтобы повидаться съ родителемъ. Но послѣдній почему-то призналъ это для себя нежелательнымъ и неудобнымъ и чрезъ князя Куракина приказалъ своимъ сыновьямъ не пріѣзжать въ Берлинъ во время его тамъ пребыванія; они, конечно, повиновались этому приказанію и вблизи Берлина, въ небольшой деревнѣ, выждали отбытія изъ этого города своего отца, чтобы самимъ въѣхать въ столицу великаго короля. Пробывъ недолго въ Берлинѣ, графъ Николай возвратился 6-го сентября 1776 г. въ Петербургъ, не видавъ ни Франціи, ни Англіи,—по недостатку необходимыхъ на это средствъ, довольно скудно отпущенныхъ на поѣздку его родителемъ. Въ томъ же году, 30-го сентября, онъ былъ посланъ въ Вѣну съ возвѣщеніемъ о совершившемся второмъ бракѣ Павла Петровича съ Принцессою Виртембергскою. По возвращеніи въ Петербургъ графъ Николай сталъ снова отправлять придворную службу, его, однако, тяготившую: онъ желалъ получить мѣсто представителя нашего государства въ Дрезденѣ, но это не состоялось; просилъ, затѣмъ, но также безъ успѣха, назначить его въ Крымъ, готовъ былъ перейти на военную службу бригадиромъ (не имѣя никакого понятія о военномъ дѣлѣ) или ѣхать на два года въ Вѣну къ дядѣ— князю Д. М. Голицыну для ознакомленія со

службою по дипломатической части. Но собственно въ гражданскую службу онъ не находилъ для себя возможнымъ поступать, считая это для себя неудобнымъ, и просилъ отца своего содѣйствовать назначенію его по дипломатической части въ Лондонъ или въ Дрезденъ; другого какого-либо назначенія онъ принимать не желалъ. Несмотря на ходатайство отца, назначеніе графа Николая затягивалось, а тѣмъ временемъ удалилась отъ Двора въ деревню его мать, графиня Е. М. Румянцова, и положеніе его въ Петербургѣ стало тяготить его еще болѣе; онъ просилъ отца ходатайствовать о немъ не только предъ Государынею, но и предъ княземъ Потемкинымъ; однако, эти ходатайства успѣха не имѣли, но 5-го мая 1779 г. графъ Н. П. Румянцовъ, вмѣстѣ съ братомъ Сергіемъ, былъ пожалованъ каммергеромъ Двора Ея Величества, а въ Дрезденъ былъ назначенъ посланникомъ князь Юсуповъ. Графъ Н. П. Румянцовъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ просить отца ходатайствовать объ его назначеніи, а тѣмъ временемъ, отправляя придворную службу при Дворѣ Великаго Князя, постепенно пріобрѣталъ все болѣе и болѣе расположеніе не только послѣдняго, но и его молодой супруги. Послѣдовавшая въ августѣ 1779 года кончина нѣжно любимой матери очень опечалила графа и заставила его нѣкоторое время заняться приведеніемъ въ порядокъ оставшагося послѣ нея имущества, предоставленнаго ею въ собственность сыновей ея, трехъ братьевъ, при чемъ онъ купилъ небольшой домъ графа Ягужинскаго въ Петербургѣ, а затѣмъ по прежнему проводилъ свое время при Ихъ Высочествахъ и съ ихъ соизволенія просилъ отца доставить ему мѣсто при какомъ-либо иностранномъ дворѣ. Упомянемъ также, что графъ Николай уже въ это время читалъ Россійскую исторію или, какъ онъ выражался, „вознамѣрился ее изслѣдовать“ и просилъ отца своего о доставленіи ему нѣкоторыхъ книгъ, для этого необходимыхъ. Послѣ четырехъ лѣтъ домогательства, при немаломъ содѣйствіи графа А. А. Безбородка, въ 1781 году, Императрица Екатерина II, уважая службу и просьбу фельдмаршала Румянцова, назначила его сына своимъ Уполномоченнымъ Министромъ при Курфюрстскомъ округѣ Нижняго Рейна и при многихъ другихъ владѣтельныхъ принцахъ ближайшихъ округовъ; онъ долженъ былъ имѣть свое мѣстопребываніе во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщать рекомендованныхъ ему мелкихъ князей; обязанъ былъ слѣдить за соблюденіемъ Германской конституціи, т.-е., охранять въ равной мѣрѣ какъ права фюрстовъ, такъ и власть императора въ своей столицѣ. Пользуясь тѣмъ, что въ Иностранной Коллегіи стали составлять ему инструкціи для отправленія его служебныхъ обязанностей въ сферѣ только-что вновь учрежденной дипломатической должности, графъ Румянцовъ направился къ отцу своему въ Малороссію поблагодарить его за успѣшное о немъ ходатайство и, пробывъ у него нѣкоторое время, возвратился въ Петербургъ и только 8-го февраля 1782 г. поѣхалъ во Франкфуртъ чрезъ Берлинъ, такъ какъ Прусскій король Фридрихъ II, чрезъ своего посла Герца, выразилъ желаніе видѣть его въ своей столицѣ. Императрица Екатерина II пожелала, чтобы Румянцовъ посѣтилъ также Императора Іосифа II въ Вѣнѣ.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ февралѣ 1782 г., Румянцовъ 1-го марта прибылъ въ Берлинъ, былъ милостиво принятъ Фридрихомъ II, но разговоръ ихъ вообще былъ непродолжителенъ и холоденъ; Министръ его Герцбергъ говорилъ съ нимъ о властолюбіи Австріи. Затѣмъ, прибывъ въ Дрезденъ, графъ, по недомоганію своему, пробылъ тутъ дней шесть и былъ въ Вѣнѣ 30-го марта (10-го апрѣля), имѣлъ продолжительный разговоръ съ Іосифомъ II на прогулкѣ въ Аугартенѣ о Цвейбрюкенскомъ дѣлѣ, затѣмъ обѣдалъ съ нимъ въ Лаксенбургѣ и получилъ отъ Императора приказаніе явиться къ нему еще разъ, что̀ графъ, конечно, исполнилъ и имѣлъ объясненіе по тому же дѣлу. Послѣ довольно продолжительнаго недомоганія покинувъ Вѣну, графъ заѣхалъ въ Аугсбургъ, намѣреваясь представиться курфюрсту, но это ему не удалось по внезапной болѣзни сестры послѣдняго, и онъ поѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ былъ очень хорошо принятъ курфюрстомъ Баварскимъ, а затѣмъ снова отправился въ Аугсбургъ, гдѣ провелъ нѣсколько дней, пользуясь гостепріимствомъ курфюрста. Тутъ онъ узналъ о кончинѣ фельдмаршала верхне-рейнскаго округа Принца Георга Дармштадтскаго, объ учрежденіи въ Баваріи пріорства Мальтійскаго ордена, о стараніяхъ Франціи умножить доходы Герцога Цвейбрюкенскаго и т. д. Изъ Аугсбурга Румянцовъ прибылъ

въ назначенный ему для его пребыванія Франкфуртъ-на-Майнѣ и занялся устройствомъ своего помѣщенія и крайне незначительной канцеляріи, ему назначенной. Онъ вскорѣ получилъ извѣстіе, что Наслѣдникъ Русскаго престола съ супругою, совершая путешествіе по Европѣ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, должны скоро прибыть во Франкфуртъ. Это побудило Румянцова выѣхать имъ на встрѣчу въ Люттихъ и сопровождать ихъ въ поѣздкѣ чрезъ Спа въ Аахенъ и Франкфуртъ и состоять при Ихъ Высочествахъ во время пребыванія ихъ въ этомъ городѣ, а послѣ сопровождать Ихъ Высочества чрезъ Дармштадтъ въ Монбельяръ, а затѣмъ также къ Штутгардтскому двору.

По возвращеніи своемъ во Франкфуртъ Румянцовъ приступилъ къ акредитованію себя при различныхъ владѣтельныхъ князьяхъ духовныхъ и свѣтскихъ, входившихъ въ составъ его дипломатическаго округа [1]), посѣтивъ прежде всего курфюрста Майнцскаго, какъ наиболѣе значительнаго и вліятельнаго, а затѣмъ Кельнскаго, престарѣлаго Максимиліана-Фридриха фонъ-Кенигсенъ-Ротенфельсъ. Это акредитованіе тянулось довольно долго, вызывало много разъѣздовъ и не малую трату времени, потому что при средствахъ сообщенія того времени на каждое акредитованіе шло не мало дней; это, впрочемъ, доставило Румянцову возможность ознакомиться съ различными фюрстами того времени, о которыхъ онъ доносилъ въ Петербургъ не въ приглядномъ видѣ. Если не всѣ безъ исключенія, то значительное большинство ихъ въ образѣ жизни подражали Версальскому двору, не имѣя на это достаточно средствъ, предавались разнымъ удовольствіямъ, нуждались въ деньгахъ, постоянно помышляли о томъ, какъ ихъ добыть, были привязаны до крайности къ мелочамъ и обрядамъ, издавна принятымъ, постоянно о чемъ-то хлопотали, превращали политику въ сплетни и замѣняли мысль и доводы, по словамъ Румянцова, розсказнями и пересудами. Онъ находилъ, что не должно вмѣшиваться въ кучу внутреннихъ связей и раздоровъ Германіи, а слѣдить только за Императоромъ, стараться заслужить уваженіе всѣхъ князей и вообще обходиться съ ними построже, чтобы они не воображали, будто у нихъ заискиваютъ. Соблюдая честь и достоинство Россіи, Румянцовъ держалъ себя высокомѣрно и иногда ссорился съ иностранными посланниками изъ-за мелочей придворнаго этикета, желая взять надъ ними верхъ. Онъ до того усердно слѣдилъ за интересами Россіи, что его ненавидѣли всѣ друзья Пруссіи, а самъ Фридрихъ II называлъ его *дьяволомъ*, *бѣшенымъ* и не могъ равнодушно говорить о немъ. Нельзя не замѣтить, что самому Румянцову очень скоро не понравилась вся эта нѣмецкая среда, въ которой должна была протекать его дипломатическая дѣятельность. Онъ уже въ 1783 году писалъ графу Безбородку, а также и отцу своему, что чувствуетъ, „сколь недобровольное есть мое отъ отечества временное отлученіе, что вы вѣроятно доставите мнѣ одно изъ тѣхъ двухъ мѣстъ, которыя мнѣ занимать приличнѣе того, въ которомъ нынѣ нахожусь; что постъ мой маловажный, имѣетъ не весьма пространное поле для радѣнія къ службѣ Ея Величества, на которомъ однако принужденъ прилагать самый большой трудъ. Если человѣкъ съ нѣкоторою способностью къ дѣламъ долго здѣсь пробудетъ, то онъ оную способность въ себѣ истребитъ“ и т. д... Но это желаніе графа получить другое назначеніе весьма долго не осуществлялось, и ему ничего не оставалось иного, какъ, пребывая во Франкфуртѣ, доносить Императрицѣ и ея слабому помощнику Остерману, весьма подробно, не только о всѣхъ мелкихъ событіяхъ, происходившихъ въ Германіи въ то время, но также о разныхъ лицахъ и принцахъ, ихъ министрахъ и людяхъ, имѣющихъ самое малое вліяніе въ Германской Имперіи. Нельзя не удивляться тому, какъ много писалъ графъ Н. П. Румянцовъ, если принять въ соображеніе, что онъ не имѣлъ даже порядочнаго секретаря, и не только самъ писалъ черновыя своихъ бумагъ, но и самъ весьма часто переписывалъ ихъ набѣло. По содержанію своему, т.-е. по большей или меньшей важности сообщаемыхъ свѣдѣній, донесенія графа Румянцова не представляли особенно глубокаго интереса, потому что относились до предметовъ, не имѣв-

[1]) Онъ получилъ кредитивныя грамоты къ тремъ духовнымъ курфюрстамъ (Майнцскому, Кельнскому, Трирскому) и епископу Бамбергскому и къ *пяти Имперскимъ округамъ* югозападнымъ, т.-е.: верхнерейнскому, нижне-рейнскому, Швабскому, Франконскому и Вестфальскому и еще особыя вѣрительныя грамоты къ владѣтельнымъ князьямъ: Аншпаха, Бадена, Вюртемберга, Гессена (для Дармштадта и Касселя) и Цвейбрюкена.

шихъ особаго значенія или интереса для Россіи. Германію въ это время занималъ вопросъ объ устьяхъ рѣки Шельды или такъ называемый Голландскій вопросъ. По Вестфальскому еще миру изъ Нидерландовъ, принадлежавшихъ Испаніи, выдѣлилась самостоятельная Голландская республика, а остальная часть Нидерландовъ (нынѣ Бельгія) осталась по Утрехтскому миру 1713 года во владѣніи Габсбургскаго дома, подъ именемъ Австрійскихъ Нидерландовъ, причемъ за голландцами сохранилось право распоряжаться устьями рѣки Шельды, по которой производилась вся торговля Нидерландовъ. Эта торговля разными мѣрами голландцевъ была убита, потому что они не пускали чужихъ кораблей въ устье Шельды. Кромѣ того, Габсбурги обязаны были вѣчно владѣть этой страной (т.-е. Австрійскими Нидерландами) и ничего изъ нея не уступать никакому Принцу не изъ ихъ рода. Голландія же получила право содержать въ нѣсколькихъ Нидерландскихъ крѣпостяхъ свои гарнизоны и получала отъ Габсбурговъ (т.-е. Австріи) за это извѣстную сумму денегъ, такъ какъ Нидерланды служили защитой для Голландіи противъ французовъ (такъ называемый „барьеръ-трактатъ“). Австрія давно пыталась освободиться отъ этого платежа денегъ голландцамъ. Іосифъ II въ 1781 г. приказалъ срыть крѣпости, занятыя голландцами, которые, не имѣя силъ сопротивляться Австріи, должны были исполнить это. Іосифъ II въ 1783 г. завелъ съ ними споръ о какихъ-то земляхъ и изгналъ ихъ гарнизоны изъ нѣсколькихъ спорныхъ фортовъ, въ томъ числѣ изъ Мастрихта. Кромѣ того, онъ же отнялъ немалую часть земель, лежавшихъ въ Австріи, у епископства Пассау. Затѣмъ онъ же придумалъ промѣнять свои Австрійскіе Нидерланды на Баварію, вступивъ въ добровольное объ этомъ соглашеніе съ курфюрстомъ Баварскимъ Карломъ-Теодоромъ и съ его наслѣдникомъ—Карломъ, герцогомъ Цвейбрюкенскимъ. Въ 1784 г. Австрійскій посланникъ въ Мюнхенѣ, графъ Лербахъ, представилъ упомянутому Карлу-Теодору планъ этого обмѣна, по которому Карлъ-Теодоръ уступалъ Іосифу Баварію, за исключеніемъ Люксембурга и Намюра; Іосифъ же II обязывался отдать ему Нидерланды, уплатить еще полъ-милліона гульденовъ и доставить ему титулъ Бургундскаго короля. Обмѣнъ долженъ былъ получить гарантію Россіи и Франціи. Весь этотъ обмѣнъ былъ совсѣмъ незаконнымъ. Выше сказано, что Австрія не имѣла права уступать Нидерландовъ кому бы то ни было; Іосифъ II по Тешенскому миру 1779 г. отказался отъ всякихъ притязаній на Баварію, и кромѣ того Карлъ-Теодоръ Баварскій также не имѣлъ права уступать кому-либо Баварію по Павійскому договору 1329 г., на основаніи котораго всѣ земли Баварскаго дома считались общею собственностью дома и при вымираніи одной линіи соединялись въ рукахъ другой; курфюрстское достоинство переходило то къ той, то къ другой линіи, смотря по тому, гдѣ представитель старше. О соблюденіи этого договора представители разныхъ линій Виттельсбахскаго дома заключили между собою тайное условіе весьма недавно,—незадолго до кончины Максимиліана-Іосифа въ 1778 году. Тѣмъ не менѣе Императоръ Іосифъ II своимъ намѣреніемъ вызвалъ волненіе въ Германіи и борьбу между княжескими дипломатами и придворными, при чемъ главнымъ поприщемъ борьбы являлся г. Мюнхенъ и Цвейбрюкенъ. Король Фридрихъ II (Прусскій) обѣщалъ Карлу прислать генерала для устройства Баварскихъ войскъ и чтобы управлять, по словамъ Румянцова, не только войсками, но и особою будущаго курфюрста. Французы снабжали его деньгами. Румянцовъ, имѣвшій приказаніе не допускать обмѣна земель, почти не выѣзжалъ изъ Цвейбрюкена, слѣдилъ за каждымъ шагомъ герцога, вмѣшивался въ его домашнія дѣла и о всемъ доносилъ въ Петербургъ, получая приказанія не упускать ничего, что̀ можетъ утвердить или умножить связь фюрстовъ съ Россійскою Имперіею, не показывая вида, что ими интересуются. Послѣ долгихъ и неоднократныхъ объясненій Румянцова съ герцогомъ Цвейбрюкенскимъ въ продолженіе трехъ недѣль (описанныхъ имъ на 30 большихъ листахъ въ донесеніи Екатеринѣ II) дѣло объ обмѣнѣ земель прекратилось. Въ началѣ 1785 г. Іосифъ призналъ, что обмѣнъ сталъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, и его министръ Кауницъ засвидѣтельствовалъ признательность своего двора Екатеринѣ II какъ за добрыя ея намѣренія, такъ и за исполненіе. Дѣло съ Голландіею о рѣкѣ Шельдѣ и крѣпостяхъ также скоро окончилось. Хотя Іосифъ II отправилъ ультиматумъ въ

Голландію объ открытіи Шельды, приказалъ стягивать войска къ Бельгіи и отозвалъ своего посланника, но участіе къ Голландіи, проявленное Франціею, заставило его удовлетвориться только вознагражденіемъ за военныя издержки и отмѣною такъ называемаго *барьеръ-трактата*. Шельда осталась по-прежнему въ полной власти голландцевъ, не пропускавшихъ чужихъ кораблей въ устье этой рѣки. Эти обѣ неудачи Іосифа II, уронивъ его нравственное вліяніе въ Германіи, возвысили національное значеніе Пруссіи, принявшей сторону и Голландіи, и Цвейбрюкена. Ея король Фридрихъ II выступилъ еще въ 1784 году со своимъ планомъ *Союза князей*, т.-е. устройства въ Германской Имперіи изъ фюрстовъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, рода ассоціаціи, на подобіе бывшей нѣкогда Шмалькальденской лиги, съ тѣмъ, чтобы добыть себѣ союзниковъ. Очевидно, этотъ Союзъ князей въ пользу Пруссіи готовился противъ Австріи и Россіи. Подробное изложеніе развитія и осуществленіе на дѣлѣ этого плана не входитъ въ біографію графа Н. П. Румянцова, тѣмъ болѣе, что и въ инструкціи, ему данной, ничего не упомянуто объ этомъ Союзѣ. Онъ лично находилъ, что въ составѣ Союза не было не только ни одного свѣтскаго курфюрста, но даже ни одного фюрста 1-го разряда, а только одинъ фюрстъ II разряда и нѣсколько князей низшаго разряда; всѣ они пользуются почестями верховной власти, не имѣя и тѣни характеризующаго ее могущества. Словомъ сказать, они не имѣли ни достаточнаго войска, ни денегъ для его содержанія. Лига эта, писалъ Румянцовъ, при первыхъ о томъ стараніяхъ не сбылась; она безсильна и послужитъ лишь къ торжеству императорскихъ домовъ, если только за нихъ будутъ Баварія, Вюртембергъ и Кассель. Впрочемъ, и Фридрихъ II самъ не возлагалъ большихъ надеждъ на лигу, принимая, что она можетъ выставить никакъ не болѣе 27000 войска. Румянцовъ же, стараясь противодѣйствовать этому союзу, обратилъ особенное вниманіе на эти три названныя государства, а также нѣкоторыя другія. Такъ, онъ ѣздилъ къ герцогамъ Цвейбрюкенскимъ, гдѣ встрѣтился съ Прусскимъ агентомъ Штейномъ, сдѣлавшимся столь извѣстнымъ въ 1813 году,—съ цѣлью не допустить его примкнуть къ лигѣ; но это ему не удалось: Штейнъ умѣлъ склонить Карла и Максимиліана на сторону лиги, они подписали договоръ о лигѣ и дали подписку за себя и потомковъ никогда не соглашаться на обмѣнъ баваро-пфальцскихъ наслѣдныхъ земель. Равнымъ образомъ курфюрстъ Майнцскій Фридрихъ Карлъ Іосифъ по убѣжденіямъ Штейна и Бемера 18-го октября 1785 г. также подписалъ союзный договоръ, несмотря на стараніе Румянцова и Троутсмандорфа, посланника Вѣнскаго. По слѣдамъ Майнцскаго владыки пошелъ и маркграфъ Баденскій. Но курфюрсты Трирскій и особенно Кельнскій, принявъ очень любезно Румянцова, отказались отъ Союза князей. Изъ епископовъ, которыхъ также посѣтилъ Румянцовъ, всѣ отказались примкнуть къ лиги, за исключеніемъ епископа Оснабрюкскаго. Среди свѣтскихъ фюрстовъ Румянцовъ имѣлъ мало успѣха. Въ Карлсруэ маркграфъ Баденскій приступилъ къ лигѣ; равнымъ образомъ, послѣ колебаній и разныхъ прельщеній и угрозъ со стороны агентовъ Прусскихъ, ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, а также и многіе другіе, менѣе значительные фюрсты, пристали къ лигѣ, потому что, какъ замѣчалъ Румянцовъ, въ Германіи слабые всегда слѣдуютъ за сильными. Противъ союза князей явились герцоги Ольденбургскій, Виртембергскій и курфюрстъ Баварскій; къ нимъ изъ Пруссіи даже и не посылали приглашенія приступить къ Союзу, сознавая заранѣе тщетность. Такимъ образомъ за годъ съ небольшимъ до кончины великаго короля, послѣдовавшей 6-го августа 1786 года, былъ заключенъ Союзъ князей. Его преемникъ на престолѣ и племянникъ Фридрихъ-Вильгельмъ II явился ревностнымъ приверженцемъ этого Союза и, по словамъ Н. П. Румянцова, „далъ ей новое приращеніе. Переписка, переѣзды и сношенія всякаго рода интригантовъ болѣе прежняго событіе возымѣли“. Молодой король и особенно его министръ старались укрѣпить Союзъ князей и извлечь изъ него общую пользу. Скоро къ Союзу или лигѣ примкнулъ даже коадъюторъ Майнцскаго архіепископа и оба герцога: Мекленбургъ-Шверинъ и Стрелицъ. Такимъ образомъ, вопреки стараніямъ Румянцова, по предписаніямъ изъ Петербурга, состоялся въ пользу Пруссіи такъ называемый Союзъ князей, который, впрочемъ, существовалъ недолго. Между союзниками стали проявляться раздоры, каждый изъ нихъ старался преслѣдо-

вать свои эгоистическія цѣли, князья завидовали другъ другу и подозрительно слѣдили одинъ за другимъ. Саксонія и Ганноверъ составляли тайную оппозицію противъ успѣховъ Пруссіи въ Германіи; Баденъ стремился образовать частную унію и т. д. Скоро появились разные памфлеты противъ Союза князей (въ томъ числѣ извѣстнаго Іоганна Мюллера) и уже въ 1792 году Союзъ князей какъ бы и не существовалъ уже, а *Пруссія и Австрія* заключили союзъ между собою, для борьбы съ Французскою революціею 1789 года. Въ это время предстояло произвести выборъ коадъютора Майнцскаго. Это была особенно важная должность, такъ какъ самый курфюрстъ Майнцскій занималъ первое мѣсто въ Германіи; онъ руководилъ императорскими выборами, предсѣдательствовалъ въ коллегіи курфюрстовъ на императорскомъ сеймѣ, помазывалъ избраннаго императора на царство, назначалъ имперскаго вице-канцлера. въ имперскій Надворный Совѣтъ, заправлялъ всѣмъ Имперскимъ Сеймомъ и т. д. Поэтому выбору ему помощника, имѣющаго его замѣстить со временемъ, придавали большое значеніе; въ Германіи очень интриговали по поводу этого избранія. Кромѣ того, интриговали и Пруссія и Австрія въ пользу выбора выставляемыхъ ими кандидатовъ, въ числѣ которыхъ являлся и *Дальбергъ*, въ то время намѣстникъ Майнцскаго архіепископа въ Эрфуртѣ и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и выдающихся лицъ Германіи въ то время. „Онъ слыветъ отмѣнно мудрымъ, доносилъ Румянцовъ, въ великомъ уваженіи во всей здѣшней Имперіи, имѣетъ безмѣрныя знанія въ высшихъ наукахъ“ и т. д. Австрійскій канцлеръ князь Кауницъ ручался, что императоръ доставитъ мѣсто коадъютору Дальбергу, которому было обѣщано и содѣйствіе Екатерины II, черезъ Румянцова. Пруссія же старалась провесту нѣкаго Дингейма и отклонить отъ Дальберга сочувствіе Майнцскихъ канониковъ. Послѣ не малыхъ происковъ и хлопотъ всякаго рода самъ Майнцскій курфюрстъ согласился на выборъ Дальберга, послѣ чего онъ и былъ избранъ 5-го іюня 1787 года Майнцскимъ коадъюторомъ, къ немалому собственному его изумленію.

Вскорѣ послѣ этого выбора графъ Н. П. Румянцовъ, давно желавшій посѣтить Петербургъ, получилъ, наконецъ, въ 1789 году разрѣшеніе прибыть въ отечество. Онъ былъ милостиво принятъ Ея Величествомъ и старался освободиться отъ дальнѣйшаго пребыванія во Франкфуртѣ, указывая на худое состояніе своего здоровья и на продолжительное уже пребываніе на одномъ мѣстѣ, во Франкфуртѣ. Онъ готовъ былъ, за неимѣніемъ свободныхъ посольскихъ и министерскихъ мѣстъ, принять временное назначеніе въ члены Иностранной Коллегіи, до открытія первой вакансіи. Но это не осуществилось, а между тѣмъ внезапная кончина 26 февраля 1790 г. Императора Іосифа II принудила его отправиться въ скорѣйшемъ времени обратно во Франкфуртъ и принять участіе въ предстоящемъ избраніи и коронованіи новаго Императора. Пространнымъ рескриптомъ Имп. Екатерина поручила графу Н. П. Румянцову присутствовать при всѣхъ имѣющихъ быть по этому случаю торжествахъ, о всемъ происходящемъ ее увѣдомлять и выражать почти увѣренность, что выборъ курфюрстовъ, по крайней мѣрѣ большинства, падетъ на особу короля Венгріи и Богеміи,—*моего союзника*, (т.-е. брата умершаго Іосифа II Леопольда), чѣмъ Германская Имперія пріобрѣтетъ императора справедливаго и миролюбиваго, Дѣйствительно, избранъ былъ Леопольдъ II, и коронованъ 28-го сентября (9 октября) 1790 г. Румянцовъ присутствовалъ на всѣхъ происходившихъ по этому поводу торжествахъ и самъ принималъ у себя въ особомъ помѣщеніи, истративъ на это представительство не мало собственныхъ денегъ, данныхъ ему на этотъ предметъ его отцомъ. Леопольдъ II, какъ извѣстно, былъ недолго Императоромъ: онъ скончался въ концѣ февраля мѣсяца 1792 г., послѣ чего Румянцову пришлось снова присутствовать во Франкфуртѣ на различныхъ торжествахъ и празднествахъ, происходившихъ во время избирательнаго сейма для выбора новаго Императора—Франца II 24-го іюня (5-го іюля) и затѣмъ его коронованія (или *вѣнчанія*, какъ доносилъ Румянцовъ) 14-го іюля 1792 года. Все это было сопряжено снова съ немалыми расходами для Н. П. Румянцова, занятаго въ то время совсѣмъ другимъ дѣломъ, какъ изложено ниже. Румянцовъ же былъ произведенъ, 1-го января 1791 года, въ тайные совѣтники.

Происходившія около этого времени событія во Франціи привлекли Румянцова вскорѣ къ новой дѣятельности. Какъ извѣстно, послѣ происшедшей въ Парижѣ

въ 1789 г. революціи и взятія 14-го іюня Бастиліи братья короля Людовика XVI, какъ-то герцогъ Прованскій (будущій король Людовикъ XVIII), герцогъ д'Артуа (будущій Карлъ X), принцъ Кондэ и многія другія лица, бывшія при дворѣ, а также очень многіе дворяне, пользовавшіеся различными преимуществами стараго порядка, 17-го іюня покинули Францію и послѣ скитанія по разнымъ мѣстамъ Европы собрались, подъ именемъ эмигрантовъ, близъ самаго Кобленца, въ замкѣ, принадлежавшемъ родственнику Французскаго королевскаго семейства курфюрсту Трирскому. Видя спасеніе Французской монархіи въ примѣненіи вооруженной силы, эмигранты прилагали всѣ усилія возстановить Европу противъ революціонной Франціи, чтобы спасти корону Франціи, которую ея король не въ силахъ былъ защищать. Нуждаясь сами и въ деньгахъ, и въ войскѣ, королевскіе принцы и эмигранты просили различныя государства (Швецію, Пруссію, Австрію и Россію), а также различныхъ нѣмецкихъ курфюрстовъ придти имъ на помощь. Тѣмъ временемъ, въ силу различныхъ мѣръ, принимавшихся во Франціи, значительно увеличилось число эмигрантовъ, покидавшихъ отечество и собиравшихся у Кобленца и преимущественно у Вормса, гдѣ они, подъ начальствомъ принца Кондэ, составляли цѣлый военный отрядъ. По близости этихъ мѣстъ отъ Франкфурта и въ виду письменныхъ сношеній принцевъ и другихъ эмигрантовъ съ Императрицею Екатериною II, Н. П. Румянцову поручено было быть какъ бы посредникомъ между Ея Величествомъ и принцами въ Кобленцѣ. Это и вызвало его неоднократныя поѣздки въ Кобленцъ, гдѣ его принимали съ очень большимъ почетомъ и уваженіемъ, устраивали различныя овація (какъ, напр., маршалъ Брольи во главѣ 800 дворянъ-эмигрантовъ въ парадной формѣ произносилъ ему въ 1791 году благодарственную рѣчь), принимали всегда очень ласково, такъ что Румянцовъ, помимо личнаго сочувствія дѣлу эмигрантовъ, находилъ удовольствіе проводить время въ такомъ отмѣнномъ обществѣ. Онъ явился ревностнымъ ходатаемъ эмигрантовъ предъ Императрицею, хотя очень хорошо зналъ, что Государыня не приметъ дѣятельнаго участія въ ихъ дѣлѣ и, не посылая свои войска на берега Рейна, ограничится только денежными вспомоществованіями.

Румянцовъ доносилъ въ Петербургъ очень часто и весьма подробно о всемъ происходившемъ въ Кобленцѣ и касавшемся дѣла эмигрантовъ; онъ нерѣдко въ самыхъ цвѣтистыхъ фразахъ, притомъ на французскомъ языкѣ, передавалъ Государынѣ ихъ признательность Императрицѣ за доставляемыя имъ деньги, за ея благосклонное къ нимъ расположеніе, ходатайствовалъ весьма часто объ опредѣленіи многихъ изъ эмигрантовъ на службу Ея Величества, представлялъ въ яркихъ краскахъ бѣдственное ихъ положеніе въ денежномъ отношеніи и т. д. Какъ извѣстно, въ 1792 году Франція, послѣ извѣстнаго свиданія въ Пильницѣ 26-го августа 1791 г. Австрійскаго императора съ Прусскимъ королемъ и изданной ими декларації 27-го августа, объявила имъ, 20-го апрѣля 1792 г., войну, возникшую вскорѣ въ различныхъ мѣстахъ по границамъ Франціи, при чемъ принцъ Конде съ 35.000 французовъ направился въ составѣ Австрійской арміи подъ начальствомъ принца Гогенлоэ, а прочіе принцы—въ Прусскую армію, подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, съ цѣлью скорѣе вступить въ предѣлы Франціи. Должно замѣтить, что отсутствіе единства въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ со стороны французовъ, боровшихся съ революціею, и недостатокъ средствъ матеріальныхъ не могли доставить желаемаго успѣха предпринимаемому дѣлу—возстановить старую монархію во Франціи. Король Людовикъ XVI и его супруга, находившіеся въ заключеніи, не желали прибѣгать къ военной силѣ и вмѣшательству иностранныхъ войскъ для своего освобожденія и водворенія на престолѣ Франціи. Какъ извѣстно, чрезъ преданнаго имъ Бретеля они послали къ Императрицѣ Екатеринѣ нѣкоего маркиза Бомбелля въ 1792 г. съ порученіемъ убѣдить Государыню *созвать конгрессъ* для обсужденія способовъ и возстановленія порядка во Франціи прежняго королевства. Императрица, не долюбливавшая Бретеля еще съ 1762 года, приняла Бомбелля сухо и съ высокомѣріемъ, отвѣчала уклончиво на его предложеніе, которое не замедлила сообщить гр. Н. П. Румянцову, въ свою очередь поспѣшившему извѣстить объ этомъ принцевъ, графовъ Прованскаго и д'Артуа, желавшихъ во главѣ войскъ вернуться во Францію и силою оружія низложить революціонное правленіе, доставить торжество

роялистамъ и овладѣть престоломъ Франціи. Они оба очень разсердились на Людовика XVI. Партія роялистовъ въ то время представляла при иностранныхъ дворахъ „скандалъ и даже посмѣшище, что часто хуже скандала", по словамъ Ланжерона въ его запискахъ. При каждомъ дворѣ оказывалось два представителя Франціи: одинъ отъ короля и королевы, а другой—отъ принцевъ и братьевъ короля; эти представители зависѣли отъ различныхъ кабинетовъ; во главѣ перваго стоялъ Бретель, во главѣ другого — Калонъ, и оба, прибѣгая къ разнымъ средствамъ, относились враждебно другъ къ другу и къ республиканцамъ. Императрица Екатерина II и ея представитель графъ Н. П. Румянцовъ приняли сторону принцевъ, но ограничивались исключительно денежными вспомоществованіями, не принимая участія въ войнѣ Австріи и Пруссіи съ революціонною Франціею, хотя, по словамъ Ланжерона, она намѣревалась, вмѣстѣ съ королемъ Шведскимъ Густавомъ III и подъ его начальствомъ, по договору 19-го октября 1791 г., высадить въ Нормандіи отрядъ войскъ изъ 24.000 русскихъ и 12.000 шведовъ, которыми вообще долженъ былъ распоряжаться талантливый, храбрый и предпріимчивый генералъ, маркизъ Буллье. Внезапное убійство Густава III 16-го марта 1792 года на маскарадѣ въ Стокгольмѣ разстроило совершенно это предпріятіе; Екатерина II занялась вторымъ раздѣломъ Польши, куда были направлены ея войска. Война же Австріи и Пруссіи съ Франціею, какъ извѣстно, тянулась долго и съ перемѣннымъ успѣхомъ. Н. П. Румянцовъ при самомъ началѣ войны умолялъ Императрицу Екатерину II, 24-го іюня 1792 года, дозволить ему послѣдовать за принцами и доблестнымъ французскимъ дворянствомъ и служить Ея Величеству, находясь при принцахъ. Это ему было разрѣшено и онъ успѣлъ присоединиться къ принцамъ 1-го (12-го) октября, въ то время, когда они съ арміею герцога Брауншвейгскаго отступали изъ предѣловъ Франціи послѣ неудачнаго похода и въ большомъ смятеніи и безпорядкѣ вступали обратно въ Люксембургъ и расположились на зимнія квартиры. Изъ Люксембурга Румянцовъ доносилъ 8-го (19-го) и 23-го октября (2-го ноября) о герцогѣ д'Артуа и о свиданіи его съ королемъ Прусскимъ, о бѣдственномъ положеніи французскихъ эмигрантовъ, а затѣмъ сообщилъ Ея Величеству 17-го (28-го) декабря, что братья Людовика XVI, исполняя волю короля Прусскаго, поселяются въ м. Гаммъ, въ Вестфаліи, принадлежащей Пруссіи; самъ же король Прусскій остается во Франкфуртѣ довольно долго, и что онъ, Румянцовъ, будетъ находиться при немъ, какъ министръ Ея Величества. Уже во Франкфуртѣ Румянцовъ получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ о пожалованіи ему, 24-го ноября 1792 г., ордена св. Александра Невскаго. Въ Парижѣ въ продолженіе этой войны совершилось потрясающее событіе: казнь въ январѣ 1793 г. Людовика XVI (а затѣмъ, позднѣе, и его супруги, Маріи-Антуанеты), послѣ котораго остался малолѣтній сынъ, Людовикъ XVII, признанный роялистами въ то время королемъ Франціи, при чемъ, въ виду его малолѣтства, регентомъ Франціи объявленъ былъ старшій братъ умершаго короля, герцогъ Прованскій (будущій король Людовикъ XVIII); братъ же, герцогъ д'Артуа, былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ военной силы Франціи (lieutenant-général du Royaume). Послѣдствіемъ этого было, между прочимъ, прекращеніе со стороны Россіи всѣхъ политическихъ сношеній съ революціонною Франціей по указу 8-го февраля 1793 года, прекращеніе всѣхъ торговыхъ сношеній между Россіею и Франціею указомъ 8-го апрѣля и выселеніе изъ предѣловъ Имперіи всѣхъ французовъ, не желавшихъ принять присягу на вѣрность королевской власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россіею было признано регентство въ лицѣ герцога Прованскаго, и представителемъ Императрицы при немъ былъ назначенъ графъ Н. П. Румянцовъ, по его о томъ желанію, въ 1793 году. Съ этого времени онъ постоянно пребывалъ при регентѣ и его братѣ; дѣлами же Франкфуртской миссіи завѣдывалъ за него нѣкто Вукасовичъ, по временамъ извѣщавшій его о совершавшемся въ Германіи. Между тѣмъ, обстоятельства складывались весьма неблагопріятно для стремленій роялистовъ, и положеніе эмигрантовъ становилось все плачевнѣе. Денежныя средства ихъ, полученныя отъ благосклонной щедрости нѣкоторыхъ царствующихъ особъ, быстро исчезали, при тѣхъ легкомысленныхъ расходахъ, которые они себѣ позволяли на представительство, на поддержаніе блеска и роскоши при дворѣ, большого

придворнаго штата, къ числу котораго надо причислить и нѣкоторыхъ дамъ, пользовавшихся особымъ расположеніемъ герцоговъ Прованскаго, д'Артуа, Кондэ и пр. Вскорѣ эти герцоги принуждены были прибѣгать къ различнымъ займамъ, заключать которые становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, такъ какъ военныя дѣйствія Австріи и Пруссіи, предпринятыя въ ихъ пользу, не сопровождались успѣхомъ. Войска революціонной Франціи подошли сами къ берегамъ Рейна и Майна, и ея правительство стало требовать все болѣе и болѣе настойчиво удаленія эмигрантовъ изъ сопредѣльныхъ съ Франціею мелкихъ Германскихъ государствъ и недопущенія формированія отдѣльныхъ отрядовъ изъ эмигрантовъ, явно враждебныхъ Франціи. Къ тому же и населеніе этихъ мелкихъ государствъ стало тяготиться пребываніемъ въ своей средѣ эмигрантовъ, не имѣвшихъ никакихъ средствъ и проживавшихъ какъ бы на его счетъ. Вскорѣ послѣдовали распоряженія различныхъ нѣмецкихъ правительствъ объ удаленіи эмигрантовъ изъ предѣловъ ихъ территоріи, особенно послѣ того, какъ предпринятая въ мартѣ мѣсяцѣ 1793 года поѣздка графа д'Артуа въ Петербургъ не имѣла успѣха; онъ былъ принятъ съ различными почестями, но холодно, хотя самъ былъ въ восторгѣ отъ Императрицы, подарившей ему при отъѣздѣ золотую шпагу съ большимъ солитеромъ, но недовольной его пріѣздомъ. Екатерина II рѣшительно отклонила его просьбы принять сторону королевскаго трона во Франціи дѣятельнымъ образомъ и послать свое войско въ предѣлы Франціи. Она ограничилась предоставленіемъ д'Артуа небольшой относительно суммы въ 200.000 рублей. Вскорѣ послѣдовало приказаніе со стороны Австріи и Пруссіи о роспускѣ отряда принца Кондэ, какъ самостоятельной части арміи, и объ удаленіи эмигрантовъ изъ пограничныхъ съ Франціею государствъ, а также и Нидерландовъ. Затѣмъ и сами графы Прованскій и д'Артуа, видя, что надежды ихъ неосуществляются, покинули свое мѣстопребываніе—Кобленцъ. Первый, послѣ долгихъ переговоровъ, перебрался въ Испанію въ видѣ частнаго лица; графъ д'Артуа переѣхалъ со старшимъ сыномъ въ Англію, а позднѣе—въ Митаву. Румянцовъ же 1-го (12-го) августа 1794 г. изъ Гамма въ Вестфаліи доносилъ Императрицѣ, что „таковымъ дѣломъ и отсутствіемъ положенъ миссіи моей при Королевскихъ Высочествахъ предѣлъ", и что онъ возвращается къ исполненію своихъ обязанностей по должности во Франкфуртъ-на-Майнѣ, согласно приказанію Ея Величества. Дѣла во Франкфуртѣ съ 1793 по 1795 годъ не представляли чего-либо замѣчательнаго; все вниманіе было обращено на военныя дѣйствія Пруссіи и Австріи съ Франціей [1]). Румянцовъ слѣдовалъ приказанію Екатерины II,—„не подавалъ вида, чтобы въ Петербургѣ придавали какую-либо важность Союзу князей или опасались какихъ-либо весьма значущихъ отъ него послѣдствій". Ему предстояло дѣйствовать съ осторожностью и дѣлать къ нѣмецкимъ князьямъ представленія и указанія въ такой формѣ, чтобы они, убѣждаясь въ ихъ правильности, сами отставали отъ возникавшихъ въ нихъ несправедливыхъ сужденій. Пользуясь затишьемъ въ своей миссіи, графъ Румянцовъ испросилъ себѣ увольненіе въ Петербургъ въ 1795 году, на что послѣдовало тогда же Высочайшее соизволеніе, при чемъ управленіе дѣлами миссіи было возложено на бывшаго при Румянцовѣ повѣреннаго въ дѣлахъ надв. сов. Ивана Вукасовича, управлявшаго дѣлами, за невозвращеніемъ болѣе графа Румянцова къ возложенному на него посту, до 1797 года, когда, въ февралѣ мѣсяцѣ, послѣдовало назначеніе барона Ивана Карловича Стакельберга на должность чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра.

Пребывая болѣе 11 лѣтъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, графъ Н. П. Румянцовъ, помимо прямыхъ своихъ дипломатическихъ обязанностей, исполнялъ и другія порученія, возлагавшіяся на него Императрицею. Такъ, ему не разъ поручалось пріискивать и отправлять въ Россію иностранцевъ, обладавшихъ различнаго рода техническими познаніями. Въ исполненіе этого онъ рекомендовалъ нѣкоего де-Фаллуа, ученика Белидора, бывшаго начальника инженеровъ въ арміи Генриха Прусскаго; Бейста,—управлявшаго солеварнями въ Сардиніи, а затѣмъ въ Саксоніи; Зильбершлака — извѣстнаго по части гидравлики и гидроста-

[1]) Пруссія вскорѣ заключила съ революціонною Франціею миръ въ Базелѣ—въ 1795 г., марта 5-го; Австрія же продолжала войну дольше и только послѣ битвы при Маренго 14-го іюня 1800 г. заключила миръ съ Франціею въ Люневиллѣ.

тики; Фельдгейма — по части механики и особливо по рудокопной наукѣ; Канкриніуса,—также извѣстнаго познаніями по соляной части, и т. д. Нѣкоторыя изъ сихъ лицъ и были приняты на службу Ея Величества.

Графъ собиралъ также свѣдѣнія объ училищѣ въ Штутгардтѣ, въ которомъ воспитывались дѣти нѣкоторыхъ Русскихъ дворянъ.

Въ концѣ 1790 г. на Румянцова было возложено особо важное порученіе, доказывающее степень довѣрія къ нему Императрицы Екатерины II: ему поручено было среди германскихъ княжескихъ домовъ пріискать наиболѣе соотвѣтствующую невѣсту будущему наслѣднику престола Великому Князю Александру Павловичу, при чемъ Императрица не разъ писала Румянцову весьма обширныя письма, на которыя и онъ отвѣчалъ пространными сообщеніями. Большая часть этихъ писемъ напечатана уже въ трудѣ Великаго Князя Николая Михаиловича: „Императрица Елисавета Алексѣевна, Супруга Императора Александра I“.

Румянцову въ этомъ, особенно затруднительномъ для него порученіи указывалось, какъ извѣстно, обратить вниманіе на одну изъ дочерей наслѣднаго принца Карла-Людвига, маркграфа Баденскаго, Луизу-Августу 11 лѣтъ и Фредерику-Доротею 9 лѣтъ, что̀ онъ и исполнилъ, и послѣ продолжительной переписки онѣ обѣ, 31-го октября 1792 г., прибыли въ Петербургъ, а 28-го сентября 1793 года совершилось бракосочетаніе старшей принцессы Луизы съ любимымъ внукомъ Императрицы Екатерины II.

Равнымъ образомъ Румянцовъ по порученію Императрицы пріискивалъ невѣсту и второму ея внуку, Великому Князю Константину Павловичу, ѣздилъ по ея приказанію ко дворамъ принцевъ Нассау-Вейльбургскаго, Нассау-Усингенъ и принцу Кобургскому, гдѣ обратилъ особенное вниманіе на принцессу Юлію; въ своемъ донесеніи 24-го мая (4-го іюня) 1795 г. онъ писалъ, что всѣ такъ стремятся быть супругою Великаго Князя Константина Павловича, что онъ ручается за успѣшное исполненіе даннаго порученія; но Великій Князь можетъ вступить въ бракъ лишь съ одною изъ принцессъ, и онъ опасается за себя, что неизбранныя имъ побьютъ его каменьями („Je m'attends à être lapidé par toutes celles qu'il n'aura pas pris“)...

Въ концѣ 1795г. графъ Н. П. Румянцовъ прибылъ снова въ Петербургъ, но съ намѣреніемъ не возвращаться болѣе во Франкфуртъ; онъ надѣялся, при посредствѣ очень любившей его тетки — Анны Никитичны Нарышкиной и при содѣйствіи князя П. А. Зубова быть назначеннымъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, но это не осуществилось, и графъ Румянцовъ былъ назначенъ сперва въ особую Комиссію для обсужденія вопроса объ измѣненіи курса нашей мѣдной монеты, а затѣмъ, 11-го апрѣля 1796 года, занялъ мѣсто графа П. В. Завадовскаго въ Государственномъ Заемномъ Банкѣ; при этомъ онъ былъ назначенъ сенаторомъ по I Департаменту Сената. Съ учрежденіемъ же особаго Комитета для изысканія средствъ къ скорѣйшему погашенію государственныхъ долговъ и къ изысканію новыхъ средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, графъ Румянцовъ 8-го мая 1796 г. былъ назначенъ членомъ этого Комитета вмѣстѣ съ княземъ П. А. Зубовымъ, графомъ А. А. Безбородкомъ, графомъ А. Н. Самойловымъ и другими. Вскорѣ скончалась Великая Императрица. Ея преемникъ, Императоръ Павелъ, равно и его супруга, Императрица Марія Ѳеодоровна, очень благоволили къ графу Н. П. Румянцову и оба находились въ перепискѣ съ нимъ; новый Императоръ не замедлилъ уже 16-го ноября 1796 г. пожаловать его въ гофмейстеры, а затѣмъ, 22-го ноября того же года,—въ оберъ-гофмейстеры, а чрезъ четыре дня, 26-го ноября, произвелъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники. Вскорѣ графъ Н. П. Румянцовъ лишился отца своего, фельдмаршала графа П. А. Румянцова, скончавшагося въ Ташани (близъ Кіева), и послѣ него сдѣлался обладателемъ весьма значительнаго состоянія. По должности, имъ занимаемой, онъ обязанъ былъ постоянно находиться при Дворѣ и пользовался расположеніемъ къ нему Монарха и его Супруги. Въ день коронованія Императора, 9-го марта 1797 г., онъ награжденъ былъ очень цѣнною табакеркою съ портретомъ Его Величества. Съ учрежденіемъ особаго Вспомогательнаго для дворянства Банка, 18-го декабря 1797 года, графъ Н. П. Румянцовъ былъ назначенъ однимъ изъ его Директоровъ.

При Императорскомъ Дворѣ, какъ извѣстно, вскорѣ возникли придворныя интриги изъ-за вліянія на Императора, одно время находившагося подъ благотворнымъ вліяніемъ своей супруги и особенно ея фрейлины — Е. И. Нелидовой; обѣ онѣ были очень расположены къ братьямъ Румянцовымъ. Вскорѣ, однако, противная партія успѣла удалить Нелидову, въ 1798 году, послѣ чего опала постигла братьевъ Куракиныхъ, а затѣмъ и ихъ двоюродный братъ, оберъ-гофмейстеръ графъ Румянцовъ 6-го сентября 1798 г. былъ уволенъ отъ службы и получилъ приказаніе *уѣхать въ чужіе края*; на его мѣсто былъ назначенъ Ив. Ан. Тизенгаузенъ.

Графъ Н. П. Румянцовъ принужденъ былъ, такимъ образомъ, покинуть Петербургъ и только при вступленіи на престолъ Александра I получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, затѣмъ, 17-го августа 1801 г., былъ назначенъ присутствовать въ Совѣтѣ, а 27-го того же мѣсяца — и въ I Департаментѣ Сената (см. Арх. Сената, кн. № 241, отъ 1801 г., стр. 215 и 296). Немного ранѣе, 21-го августа 1801 г., благодаря покровительству вдовствующей Императрицы, онъ былъ назначенъ Директоромъ водяныхъ коммуникацій, на мѣсто Кушелева, отправлявшаго эту обязанность при Павлѣ I. При коронованіи Императора Александра, 15-го сентября того же года, ему была пожалована табакерка съ брилліантами въ 8.500 рублей.

Графъ Румянцовъ не замедлилъ распредѣлить завѣдываніе водяными сообщеніями между 4 членами Департамента и, въ виду недостатка въ то время отечественныхъ техниковъ, испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на отправку за границу,—въ Англію и Францію,—нѣсколькихъ лицъ для изученія производства гидравлическихъ и другихъ работъ. Онъ озаботился окончаніемъ работъ, начатыхъ его предшественниками, и приступилъ къ исполненію новыхъ сооруженій, какъ-то каналовъ Березинскаго, Вельевскаго, Ивановскаго, Маріинскаго и Огинскаго, Свирскаго, Сясскаго, Сѣверо-Екатерининскаго и Тихвинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ началъ расчистку фарватеровъ многихъ рѣкъ для улучшенія по нимъ судоходства, какъ-то: по рѣкамъ Бугу, Волхову, Западной Двинѣ, Дону, рѣкѣ Москвѣ, Сурѣ, Упѣ и т. д. Онъ принималъ мѣры къ нарѣзкѣ и устройству бечевниковъ, необходимыхъ для тяги судовъ, и къ составленію правилъ о пропускѣ судовъ по каналамъ. При немъ же въ вѣдѣніе Департамента поступилъ въ 1805 г. водопроводъ въ г. Москвѣ изъ Мытищъ, а въ Петербургѣ — Лиговскій каналъ, снабжавшій водою Таврическій садъ; при немъ же былъ устроенъ и Обводный каналъ. Позднѣе, въ 1807 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ улучшеніи системы Вышневолоцкихъ водъ и рѣки Волги, а также объ исправленіяхъ по тремъ водянымъ путямъ, соединяющимъ Петербургъ съ Каспійскимъ моремъ. Графъ Румянцовъ управлялъ водяными коммуникаціями Имперіи до 1809 года, когда возложенное на него, сверхъ Министерства Коммерціи, еще управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ побудило его просить объ освобожденіи отъ управленія водяными коммуникаціями. 18-го апрѣля 1809 г. онъ былъ освобожденъ отъ этого управленія и награжденъ весьма лестнымъ рескриптомъ; преемникомъ ему былъ въ то же время назначенъ Принцъ Георгъ Ольденбургскій, главный начальникъ губерній Новгородской, Тверской и Ярославской.

Ранѣе этого, съ учрежденіемъ Министерствъ въ 1802 г., графъ Н. П. Румянцовъ былъ назначенъ Министромъ коммерціи и отправлялъ эту обязанность до самаго упраздненія Министерства Коммерціи 25-го іюня 1811 года и передачи ея дѣлъ вѣдѣнію Департамента внѣшней торговли, входившаго въ составъ Министерства Финансовъ. Время 1802—1811 годовъ не представлялось благопріятнымъ для торговли; Россія въ этотъ небольшой промежутокъ времени воевала два раза съ Франціею, едва не все время—съ Турціею и, кромѣ того, съ Швеціею и Англіею. Поэтому едва ли можно было ожидать значительнаго развитія нашей торговли въ это время. Тѣмъ не менѣе, и въ это время состоялись распоряженія по этой части, заслуживавшія вниманія, какъ, напр., слѣдующія: въ 1806 г. графомъ Румянцовымъ были собраны свѣдѣнія о торговлѣ (т.-е., о привозѣ и вывозѣ товаровъ въ Имперіи) за 1802—1805 годы въ формѣ синоптическихъ таблицъ, которыя Императоръ приказалъ сдѣлать извѣстными всѣмъ вѣрноподданнымъ,—съ тѣмъ, чтобы всякій могъ содѣйствовать общественной пользѣ. Эти свѣдѣнія указывали наглядно, что торго-

вый балансъ склонялся не въ нашу пользу, и графъ Румянцовъ заботился не мало о его поправленіи.

Еще въ 1802 году онъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на изданіе съ 1803 г. подъ его надзоромъ „С.-Петербургскихъ Коммерческихъ Вѣдомостей“, которыя печатались въ типографіи Коммерцъ-Коллегіи. Газета хотя не окупалась, но выходила до 1811 года. Кромѣ того, при графѣ Румянцовѣ издавались еще, съ 1802 по 1807 годъ, „Виды государственной внѣшней торговли Россіи“. Въ Петербургѣ было открыто Училище корабельной архитектуры. При Румянцовѣ же приступлено, въ 1804 г., къ сооруженію новаго зданія С.-Петербургской Биржи, являющагося украшеніемъ столицы и въ наши дни (она была закончена въ 1809 году), а также къ сооруженію новыхъ амбаровъ въ Ригѣ для склада пеньки (въ 1804 году). Румянцовъ, на основаніи особаго рескрипта отъ 18-го марта 1802 г., имѣлъ особое наблюденіе за развитіемъ торговли въ Одессѣ и Южномъ Краѣ Россіи и велъ обширную и очень любопытную переписку съ извѣстнымъ дюкомъ де Ришелье, назначеннымъ Императоромъ Александромъ I, 27-го января 1802 г., градоначальникомъ города Одессы и въ 11 лѣтъ своего управленія много сдѣлавшимъ для ввѣреннаго ему города. Ришелье прилагалъ стараніе къ привлеченію торговли въ Одессу и другіе порты Чернаго моря и къ направленію товаровъ транзитомъ изъ Одессы въ Молдавію, Валахію, Австрію и Пруссію; заботился объ устройствѣ портовыхъ сооруженій, мола, набережной, таможенныхъ и карантинныхъ строеній въ Одессѣ, а также объ учрежденіи Коммерческаго Суда, размѣнной и учетной Конторъ Банка и т. д. Кромѣ того, онъ основалъ Коммерческую Гимназію и благородный Институтъ, преобразованный со временемъ въ Лицей, названный въ честь его Ришельевскимъ. Для города Одессы Ришелье разбилъ городской садъ, построилъ соборъ и театръ. Одновременно съ Одессою *дюкъ*, какъ звали для краткости дюка де Ришелье, обращалъ вниманіе на весь обширный югъ Россіи отъ Днѣстра до Кубани. Онъ поселялъ колоніи иностранцевъ, облегчалъ Ногайскимъ кочевникамъ переходъ къ осѣдлости и сельскому хозяйству, водворялъ остатки запорожцевъ на Кубани, учреждая изъ нихъ Кубанское войско, основалъ Никитскій Садъ въ Крыму и крымское винодѣліе, выписывая лозы изъ Франціи, развивалъ овцеводство, пріобрѣтая опытныхъ овчаровъ и племенныхъ овецъ, и т. д. Кромѣ того, онъ заботился о развитіи образованія въ южныхъ губерніяхъ, учредилъ Институтъ для дѣтей дворянъ, нѣсколько пріютскихъ школъ. Въ подобныхъ непрестанныхъ заботахъ о ввѣренномъ ему краѣ Ришелье былъ въ дѣятельной перепискѣ съ Н. П. Румянцовымъ, отъ котораго, въ качествѣ Министра Коммерціи, онъ былъ въ непосредственной зависимости по отношенію коммерціи и промышленности вообще. Графъ являлся горячимъ сторонникомъ просвѣщенныхъ взглядовъ Ришелье относительно мѣръ, предлагавшихся имъ къ развитію торговли и промышленности ввѣреннаго ему края, и усерднымъ предстателемъ предъ Его Величествомъ различныхъ мѣропріятій, предлагавшихся Ришелье. По представленіямъ Румянцова состоялись Высочайшія повелѣнія, разрѣшавшія большую часть указанныхъ выше предположеній дюка де Ришелье и отпускъ необходимыхъ для этого денежныхъ средствъ. Кромѣ того, были, по докладамъ Румянцова, уменьшены пошлины на всѣ товары, привозимые въ Одессу и отвозимые изъ этого порта, и т. д. Любопытная переписка дюка де Ришелье съ графомъ Н. П. Румянцовымъ хранится въ Государственномъ Архивѣ и нельзя не пожелать ея изданія. Въ 1803 году Румянцовъ испросилъ разрѣшеніе на учрежденіе Архангельской Торговой Компаніи для производства рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ въ Бѣломъ морѣ. Кромѣ того, онъ очень покровительствовалъ основанной ранѣе Россійско-Американской Компаніи, имѣвшей обширныя земли на сѣверо-восточномъ берегу Америки, гдѣ находился также портъ или гавань, носившая его имя.

Румянцовъ заботился о развитіи вывоза нашихъ товаровъ, о поощреніи торговли по Закавказскому прибрежью, о распространеніи овцеводства вообще на югѣ Имперіи — для доставленія хорошей шерсти нашимъ суконнымъ фабрикамъ, выдѣлывавшимъ различныя сукна, необходимыя для обмундированія нашей арміи и флота, а также объ увеличеніи числа означенныхъ фабрикъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи. Нельзя не упомянуть, что при графѣ Румянцовѣ положено начало производству въ

нашей Имперіи сахара изъ свекловицы, получившему впослѣдствіи весьма значительное развитіе; первый заводъ былъ устроенъ помѣщикомъ Бланкенгагеномъ въ Тульской губерніи, при чемъ ему было выдано пособіе въ размѣрѣ около 50.000 рублей. Число лицъ, принадлежавшихъ къ торговому сословію, значительно увеличилось при Румянцовѣ предоставленіемъ, по его докладамъ, правъ заниматься торговлею лицамъ, до этого такими правами не пользовавшимся. Такъ, въ 1802 г. было дозволено лицамъ дворянскаго сословія производить оптовую заграничную торговлю, а въ 1804 г. имъ же разрѣшено было входить въ составъ купеческихъ товариществъ и записываться въ 1-ю и 2-ю гильдіи; для поощренія купечества заниматься торговлею непрерывно, изъ рода въ родъ, была заведена такъ называемая *Бархатная книга*; лицамъ, торговавшимъ оптомъ по всему государству или за границею, присвоенъ былъ титулъ *первостатейный купецъ*. Разрѣшено было записываться въ купечество *всѣмъ лицамъ* и во всякое время, кромѣ мѣщанъ и поселянъ. Въ гильдіи разрѣшено записываться иностранцамъ, принимавшимъ навсегда подданство Россіи. Всѣмъ крестьянамъ разрѣшено торговать собственнымъ именемъ, по свидѣтельствамъ четырехъ родовъ, при чемъ торгъ хлѣбомъ и произведеніями хозяйственными, крестьянскому быту свойственными, оставался свободнымъ и для крестьянъ. Разрѣшался и самый переходъ крестьянъ въ купечество въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ не упражнялся хлѣбопашествомъ, обзавелся въ городѣ и земля, имъ покидаемая, не остается впустѣ.

Графъ Румянцовъ былъ, по его собственнымъ словамъ, приверженецъ свободной торговли и врагъ различныхъ привилегій, данныхъ разновременно различнымъ иностраннымъ компаніямъ, въ ущербъ прямому интересу нашего отечества. Заботясь о выгодномъ для насъ торговомъ балансѣ, онъ принималъ мѣры къ усиленію нашего вывоза и къ возможному уменьшенію привоза иностранныхъ товаровъ, что̀ вызвало къ нему нерасположеніе и даже какую-то злобу со стороны приверженцевъ безграничной, свободной торговли и нашего торговаго союза съ Англіею. Къ числу такихъ лицъ должно причислить и бывшаго его друга графа Семена Романовича Воронцова, рѣшавшагося высказывать даже письменно, „что самый глупѣйшій таможенникъ въ Константинополѣ менѣе графа Н. П. Румянцова несвѣдущъ въ общихъ началахъ государственной торговли“.

Будучи Министромъ Коммерціи, графъ Н. П. Румянцовъ состоялъ Членомъ Государственнаго Совѣта со дня его учрежденія въ 1801 году, принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи дѣлъ, доходившихъ до разсмотрѣнія Совѣта, и нерѣдко высказывалъ особыя мнѣнія, изъ которыхъ многія позднѣе были напечатаны. При преобразованіи Государственнаго Совѣта въ 1810 г., графъ Н. П. Румянцовъ былъ назначенъ *первымъ Предсѣдателемъ* онаго,—на тѣ случаи, когда Его Величество не предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ. Когда же въ 1812 году, 1-го апрѣля, графу Румянцову повелѣно было находиться при Императорѣ по особымъ порученіямъ, на мѣсто Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, со времени отбытія Государя изъ столицы, назначенъ былъ фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ. Помимо этого, Румянцовъ принималъ также участіе въ особыхъ Комиссіяхъ или Комитетахъ, которые учреждались при Государственномъ Совѣтѣ для разсмотрѣнія особенно важныхъ дѣлъ и возникавшихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, въ 1810 году—для окончательнаго разсмотрѣнія образованія Министерствъ, для разсмотрѣнія проекта учрежденія Сената, записки Н. С. Мордвинова о рекрутской повинности, многихъ дѣлъ объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы и т. д.

Вскорѣ графъ Румянцовъ получилъ еще другое назначеніе.

Извѣстно, что заключенный въ Тильзитѣ въ 1807 году миръ совершенно измѣнилъ существовавшія ранѣе отношенія между Россіею и Франціею; возникшія дружественныя между ними отношенія дѣлали невозможнымъ сохраненіе за барономъ Будбергомъ, отъявленнымъ врагомъ Наполеона, занимаемой имъ должности Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Наполеонъ добивался его замѣщенія другимъ лицомъ и, кромѣ того, выражалъ желаніе, чтобы въ Парижъ было прислано торжественное посольство со стороны Россіи. Императоръ Александръ I намѣревался первоначально послать въ Парижъ графа Н. П. Румянцова, но, возвратясь изъ Тильзита въ столицу, нашелъ его до того осунувшимся, больнымъ и не могу-

щимъ слѣдовать вездѣ за Наполеономъ, что не рѣшился назначить его въ Парижъ, къ великому сожалѣнію самого Румянцова, и предпочелъ назначить туда графа П. А. Толстого. Графъ же Румянцовъ, указомъ Сенату отъ 12-го февраля 1808 г., былъ назначенъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ и Министромъ Коммерціи и при всѣхъ прочихъ должностяхъ, на него возложенныхъ. Румянцовъ долго не соглашался принять этотъ постъ, но уступилъ убѣжденіямъ Государя, по словамъ Стединга, а также потому, что былъ плѣненъ представившеюся ему перспективою славы включенія своего имени въ число тѣхъ, которые удостоятся чести быть упомянутыми въ столь великомъ вѣкѣ, уготовляемомъ Наполеономъ: графъ Румянцовъ въ то время имѣлъ великое довѣріе къ Наполеону и его обѣщаніямъ и старался дѣлать ему все угодное, какъ это надо заключить изъ словъ Савари, посланника Наполеона при Россійскомъ дворѣ.

Назначеніе Румянцова не могло не возбудить неудовольствія со стороны лицъ, впрочемъ, не весьма въ то время еще многочисленныхъ, желавшихъ войны съ Наполеономъ и не одобрявшихъ такой угодливости къ нему со стороны нашего правительства. Означенныя лица отзывались о графѣ Н. П. Румянцовѣ весьма неблагопріятно. Такъ, Гречъ въ своихъ Запискахъ называетъ его неспособнымъ говоруномъ; князь А. А. Прозоровскій считалъ, что графа Румянцова купить, конечно, нельзя, но что онъ не болѣе, какъ полный глупецъ (animal à manger du foin). Н. Н. Новосильцовъ писалъ, что это безумецъ, котораго морочатъ, и т. д. Бунина считала, что графъ Румянцовъ по своимъ способностямъ могъ бы управлять Департаментомъ иностранныхъ дѣлъ въ республикѣ Санъ-Марино, что онъ *подлый льстецъ*, душою всегда преданъ былъ Наполеону и т. д. Не останавливаясь далѣе на подобныхъ голословныхъ отзывахъ о графѣ Н. П. Румянцовѣ, замѣтимъ только, что онъ, гораздо ранѣе назначенія его Министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ извѣстенъ, какъ не желавшій войны съ Франціею, какъ приверженецъ союза съ Франціею, и еще въ 1804 году, при казни герцога Энгіенскаго, а затѣмъ и въ 1805 г., послѣ сраженія при Аустерлицѣ, высказывался *противъ разрыва* съ Франціею, настойчиво совѣтуя *беречь силы Россіи для собственныхъ ея ближайшихъ цѣлей*, каковыми, по его мнѣнію, въ то время являлись *вопросы Польскій и Турецкій*. Онъ находилъ необходимымъ добиться осуществленія обѣщаній, данныхъ Наполеономъ въ Тильзитѣ,—именно присоединить къ Имперіи нашей Молдавію и Валахію, чтобы прочно утвердиться на Дунаѣ; этимъ онъ навлекъ на себя ненависть Меттерниха, видѣвшаго въ этомъ намѣреніи стремленіе охватить Австрію славянами съ сѣвера и юга. Въ отношеніи Польши онъ не допускалъ и мысли о ея возстановленіи, къ чему вселяло надежды среди Поляковъ учрежденіе Герцогства Варшавскаго въ 1807 году; онъ прямо говорилъ Коленкуру: „Мы продадимъ послѣднія наши рубашки, а не согласимся на возстановленіе Польши“. Онъ раздѣлялъ мысль Императора Александра I, что Галиція, отнятая Франціею отъ Австріи, должна быть раздѣлена между Россіею и Герцогствомъ Варшавскимъ. Придерживаясь союза съ Наполеономъ, графъ Румянцовъ предвидѣлъ, что рано или поздно Франція съ ея союзниками объявитъ войну Россіи, и что война сія можетъ и даже неминуемо должна рѣшить участь Россіи, и писалъ объ этомъ Барклаю-де-Толли еще 30-го марта 1810 г. При назначеніи же его на должность Министра въ 1807 году онъ самъ и его Императоръ были, конечно, очень далеки отъ мысли о войнѣ съ Наполеономъ. Въ слѣдующемъ, 1808 году состоялось извѣстное свиданіе обоихъ монарховъ въ Эрфуртѣ, на которое графъ Румянцовъ сопровождалъ Александра I, и велъ дипломатическіе переговоры съ Шампаньи, назначеннымъ на мѣсто Талейрана. Онъ вырабатывалъ совмѣстно съ Шампаньи проекты разрѣшенія различныхъ вопросовъ, которые окончательно рѣшались совмѣстно обоими Императорами. На этомъ свиданіи (съ 15-го (27) сентября по 2-е (14) октября 1808 года), въ которомъ, подъ вліяніемъ тайныхъ бесѣдъ съ Талейраномъ, зародились разочарованія Александра I въ своемъ союзникѣ, Наполеонъ предоставилъ Александру I завоевать себѣ Финляндію, а также присоединить къ Россіи Дунайскія княжества, если бы ей удалось принудить къ такой уступкѣ Порту. — Оба Императора согласились обратиться къ Англіи съ предложеніемъ мира съ Франціею и послали въ Лондонъ соотвѣтствующую депешу, отвѣтъ на

которую должны были ожидать въ Парижѣ Шампаньи съ графомъ Румянцовымъ. Поэтому послѣдній, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1808 года, отправился въ Парижъ, съ полномочіемъ Императора Александра на заключеніе желаемаго съ Англіею мира. Онъ представлялся не разъ Наполеону, вскорѣ отправившемуся въ Испанію, гдѣ шла упорная война со всѣмъ населеніемъ этой страны, бывалъ часто при дворѣ Императрицы, посѣщалъ высшее французское общество, осматривалъ всѣ достопримѣчательности города и т. д., но желаемой, главной цѣли поѣздки ему достичь не удалось: Англія отказалась вступить въ переговоры о мирѣ. При томъ же Наполеонъ былъ занятъ предстоявшею ему войною съ Австріею, которую всѣми силами старался предотвратить Императоръ Александръ I, обязанный, по секретной конвенціи, заключенной 30-го сентября (12-го октября) въ Эрфуртѣ, въ случаѣ объявленія Австріею войны Наполеону, дѣйствовать заодно съ Франціею. По возвращеніи изъ Испаніи Наполеонъ осыпалъ графа Румянцова милостями и подарками; во время этого пребыванія его въ Парижѣ и передъ отъѣздомъ его 3-го (15-го) февраля 1809 г. изъ Парижа вручилъ ему письмо къ Императору Александру отъ 2-го (14) февраля, въ которомъ выражалъ, что *„никто, кромѣ графа Румянцова, по его талантамъ и полнѣйшей осторожности*, не былъ склоненъ осуществить все то, что́ мы (т.-е. Императоръ Александръ и онъ) предначертали для блага міра... Онъ передастъ вамъ на словахъ весь нашъ разговоръ объ Австріи“.—Покинувъ Парижъ, графъ Румянцовъ, не заѣзжая ни въ Карлсруэ, ни въ Веймаръ, быстро приближался въ Кёнигсбергу (гдѣ въ то время имѣлъ резиденцію король Прусскій, лишенный Наполеономъ большей части его владѣній послѣ погрома при Іенѣ и Ауерштедтѣ) и получилъ въ Маріенвердерѣ, 17-го февраля (1 марта) 1809 года, письмо Императора Александра, который, предполагая, что графъ еще близъ Парижа, приказывалъ ему остановиться и ожидать на мѣстѣ приказаній Наполеона въ отношеніи взглядовъ, выраженныхъ Государемъ о дѣйствіяхъ Вѣнскаго двора. Александръ I, не одобряя таковыхъ, находилъ необходимымъ сдѣлать Австріи, для полученія положительнаго отъ нея отвѣта, намѣревается ли она воевать съ Франціею, представленіе рѣшительное, но благородное, не дѣлая ей какихъ-либо угрозъ, но силою неотразимыхъ доводовъ доказавъ ей, что собственный интересъ Австріи побуждаетъ ее быть въ неразрывномъ союзѣ съ обоими Императорами и держаться системы, принятой въ Эрфуртѣ. Александръ I добавлялъ, что, по его мнѣнію, *одинъ графъ Румянцовъ* можетъ быть облеченъ необходимымъ довѣріемъ для предстоящихъ объ этомъ переговоровъ съ Австріею. Графъ Румянцовъ сообщилъ Наполеону содержаніе этого письма и добавилъ, что охотно бы ожидалъ его приказаній, но, находясь уже не близъ Парижа и не на дорогѣ въ Вѣну, но почти у границы своего отечества, онъ будетъ при своемъ повелителѣ ожидать распоряженій Наполеона къ достиженію мирнаго союза съ Австріею, съ полною готовностью ѣхать въ Вѣну, если это будетъ признано необходимымъ. Затѣмъ графъ Румянцовъ посѣтилъ въ Кёнигсбергѣ короля Прусскаго, обѣдалъ у него, имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду, которую предпочелъ передать Его Величеству на словахъ, и, получивъ отъ короля орденъ Чернаго Орла съ брилліантами, поѣхалъ далѣе. Онъ прибылъ въ Петербургъ 15-го марта 1809 г. и былъ очень милостиво принятъ Императоромъ Александромъ I, занятымъ въ то время войною со Швеціею, тянувшеюся уже второй годъ. Послѣ извѣстнаго перехода нашихъ войскъ по льду Ботническаго залива въ 1809 году, опасность грозила столицѣ Шведскаго короля Густава-Адольфа IV и принуждала его желать мира. Поэтому вмѣстѣ съ военными приготовленіями стали подготовляться и къ дипломатическимъ переговорамъ, и еще въ бытность графа Румянцова въ Парижѣ Императоръ Александръ 16-го февраля 1809 г. поручилъ Д. Алопеусу (бывшему нашему послу въ Стокгольмѣ) вступить съ новымъ Шведскимъ Министромъ иностранныхъ дѣлъ Лагербьёлке въ переговоры о мирѣ на заранѣе установленныхъ условіяхъ, въ числѣ коихъ главнѣйшимъ являлась полная уступка Россіи всей остальной Финляндіи, принятіе Ботническаго залива и рѣки Торнео границами обоихъ государствъ и т. д. Съ этими условіями Алопеусъ и отправился въ Або, но вскорѣ узналъ, что въ Стокгольмѣ 2-го (13) марта 1809 г. король Густавъ IV былъ устраненъ отъ престола со всѣмъ потомствомъ, и что корона Шведская перешла къ его дядѣ

Карлу XIII (герцогу Зюдерманландскому), не имѣвшему дѣтей. Сей послѣдній прислалъ въ Петербургъ своего адъютанта съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ и о желаніи Швеціи заключить съ Россіею миръ. Вслѣдствіе этого Алопеусу поручено было съѣздить въ Стокгольмъ и выяснить шведамъ, на какихъ условіяхъ Россія согласна переговариваться. Въ то же почти время Императоръ, намѣреваясь присутствовать на открытіи Финляндскаго Сейма въ Борго 16-го марта, направился туда 13-го числа въ сопровожденіи князя А. Н. Голицына, М. М. Сперанскаго, Толстого, а также графа Н. П. Румянцова, который не считалъ, однако, созваніе подобнаго Сейма умѣстнымъ и необходимымъ. Открывъ Сеймъ, Его Величество и сопровождавшія его лица 17-го числа уѣхали въ Гельсингфорсъ, а затѣмъ прибыли въ Петербургъ. Тѣмъ временемъ Алопеусъ, пробывъ въ Стокгольмѣ дня четыре, вернулся также въ Петербургъ. Вскорѣ подъ главнымъ руководствомъ Канцлера должны были открыться въ Фридрихсгамѣ 19-го іюля 1809 г., переговоры о мирѣ, при чемъ со стороны Россіи представителями были графъ Румянцовъ и упомянутый выше Алопеусъ, а со стороны Швеціи—Стединтъ, бывшій въ Петербургѣ при Екатеринѣ II Шведскимъ посломъ, и полковникъ Шёльдсбрантъ. Переговоры тянулись довольно долго. Стединтъ по болѣзни и другимъ причинамъ прибылъ только 2-го августа, а засѣданія Конгресса начались только 4-го августа. Затѣмъ Стединтъ возбуждалъ безчисленныя затрудненія о границахъ, объ Аландскихъ островахъ, о долгахъ Швеціи и т. д. Но успѣшныя дѣйствія Каменскаго въ Швеціи при Севарѣ и Ратанѣ сдѣлали Стединга уступчивѣе. Графъ Румянцовъ, для скорѣйшаго окончанія этого дѣла, испросилъ разрѣшеніе Государя принять границею не рѣку Торнео, а рѣку Кемь, немного восточнѣе, пожертвовавъ желѣзными рудниками между Торнео и Каликсомъ. „Стоитъ-ли настойчиво гоняться за такимъ убогимъ богатствомъ, писалъ графъ Румянцовъ, рискуя замедлить заключеніе мира“. Императоръ согласился на это, но съ тѣмъ, чтобы это было сдѣлано при самой послѣдней крайности и притомъ, чтобы вмѣсто рѣки Кеми была принята границею рѣка Торнео. Тѣмъ временемъ Стединтъ заболѣлъ лихорадкою; король же Шведскій непремѣнно желалъ сохранить за собою Аландскіе острова и принять границею на сѣверѣ непремѣнно рѣку Кемь. Начались снова безконечныя пренія. Видя ихъ безполезность, графъ Румянцовъ сдѣлалъ видъ, что считаетъ переговоры, по несогласію Швеціи, прекратившимися и выразилъ сожалѣніе, что Фридрихсгамская конференція не привела къ установленію мира. Стединтъ, по болѣзни котораго это засѣданіе происходило у него на квартирѣ, просилъ дать ему время на размышленіе и при томъ дождаться возвращенія его адъютанта изъ Стокгольма съ дополнительными приказаніями. Графъ Румянцовъ согласился на это и писалъ Его Величеству, что со стороны шведовъ возраженій не видитъ даже по вопросу о сѣверной границѣ. Государь остался очень доволенъ графомъ Румянцовымъ и писалъ ему 29-го августа, что „невозможно было вести переговоры съ бо̀льшимъ талантомъ и мудростію. Россія обязана Вамъ признательностью“. Послѣ этого было приступлено къ составленію самаго мирнаго договора, который и былъ подписанъ 5-го сентября 1809 года (I П. С. З., № 23883) и по которому Швеція навсегда уступала Россіи завоеванныя оружіемъ губерніи: Кимменегродскую, Нюландскую, Тавастгусскую, Абовскую и Бьернёборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео. За успѣшное достиженіе такихъ мирныхъ условій графъ Румянцовъ былъ возведенъ въ званіе Государственнаго Канцлера 7-го сентября 1809 года.

Вскорѣ послѣ этого закончилась и война Наполеона съ Австріею—миромъ въ Шёнбруннѣ 2 (14)-го ноября 1809 г., по которому, за оказанное Франціи содѣйствіе въ этой войнѣ, Россія получила небольшую Тарнопольскую область Галиціи. Нерѣшительныя дѣйствія русскихъ войскъ въ этой послѣдней войнѣ Франціи съ Австріею вызвали охлажденіе отношеній Наполеона къ Россіи; участіе въ континентальной системѣ, принятое на себя Александромъ по обязательству въ Тильзитѣ, наносило ущербъ торговлѣ Россіи и тяготило Государя, а присоединеніе части Галиціи къ образованному Герцогству Варшавскому и земель Герцогства Ольденбургскаго къ Франціи усиливали раздраженіе Александра противъ

Наполеона, который, въ свою очередь, былъ также раздраженъ неудачнымъ исходомъ переговоровъ о своемъ бракѣ съ сестрою Императора — Великою Княжною Анною Павловною, въ концѣ декабря 1809 года. Оба прежніе союзника начинали помышлять о войнѣ между собою и приготовляться къ ней,—но Канцлеръ не допускалъ и мысли о подобной войнѣ.

Еще до начала Отечественной войны графъ Румянцовъ успѣлъ осуществить давно задуманную имъ мысль: 30-го мая 1811 г. онъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе учредить при Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ особую Комиссію, съ извѣстнымъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ во главѣ, для собранія и напечатанія всѣхъ Россійскихъ древнихъ и новыхъ публичныхъ трактатовъ, конвенцій и тому подобныхъ актовъ,—по примѣру сборника, составленнаго во Франціи Дюмономъ. Графъ Румянцовъ всѣ расходы (до 67.000 руб.) по этому изданію принималъ на себя. Къ концу 1811 года бо́льшая половина 1-й части „Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ“ была приготовлена къ печати, но наступившая Отечественная война задержала дальнѣйшія работы этой Комиссіи [1]). Въ виду приближенія французовъ къ Москвѣ всѣ дѣла не только этой Комиссіи, но и всего Архива были вывезены въ Нижній-Новгородъ, а самъ графъ Румянцовъ, назначенный указомъ 1-го апрѣля 1812 г. состоять при особѣ Государя Императора, долженъ былъ сопровождать его въ Вильно, куда Александръ направился для осмотра своихъ войскъ, собранныхъ на нашихъ западныхъ границахъ. Какъ извѣстно, наши арміи вскорѣ отступили отъ границъ и продолжали отступленіе до самой Москвы. Императоръ и графъ Румянцовъ покинули Вильну; первый поѣхалъ въ Москву, а второй въ Петербургъ. Дорогою, въ Великихъ Лукахъ, ударъ паралича постигъ графа Румянцова, окончившаго только-что переговоры о договорѣ съ Испаніею и ея представителемъ Зеа-Бермудесъ 8 (20) іюля 1812 года.

Оправившись отъ паралича, значительно повредившаго его слухъ, графъ Румянцовъ прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей, когда уже знаменитая Отечественная война 1812 года была въ разгарѣ. Наполеонъ со своими арміями направлялся къ нашей древней столицѣ, при чемъ по нашему плану войны наши арміи постоянно отступали. Это непрерывное отступленіе нашихъ войскъ вызвало, какъ извѣстно, неудовольствіе не только въ арміи, но и во всей странѣ противъ одного изъ главныхъ ея начальниковъ — графа Барклая де-Толли; онъ былъ замѣщенъ княземъ М. И. Кутузовымъ. Это же неудовольствіе распространялось и на графа Н. Н. Румянцова, извѣстнаго обществу по своему расположенію къ Наполеону и къ Франціи. Враги его сдѣлали попытку его смѣстить; въ началѣ августа 1812 года, послѣ взятія Смоленска французами, они поручили Англійскому генералу Вильсону, пріѣхавшему изъ Константинополя въ Петербургъ, намекнуть Императору о смѣнѣ графа Румянцова. Вильсонъ это выполнилъ, и Александръ отвѣтилъ ему, что армія заблуждается въ отношеніи графа Румянцова,—что графъ никогда не совѣтовалъ ему покориться Наполеону и никогда не подавалъ повода ни къ какому несогласію, либо разномыслію съ нимъ, и что онъ, Императоръ, „не можетъ *напрасно пожертвовать вѣрнымъ* и преданнымъ ему лицомъ“. Графъ Румянцовъ такимъ образомъ остался во главѣ ввѣреннаго управленія, но уже только номинально: бо́льшая часть бумагъ и дѣлъ шла чрезъ руки графа де-Местра и молодого Нессельроде; графъ же Румянцовъ былъ отстраненъ отъ личныхъ сношеній съ Императоромъ по дипломатической части, и ему давали подписывать и скрѣплять бумаги, написанныя другими лицами. При вторичной поѣздкѣ, въ декабрѣ 1812 года, Императора Александра въ Вильну, къ арміи, послѣ окончательнаго пораженія Наполеона при Березинѣ стоявшей уже на берегахъ Нѣмана, графъ Румянцовъ не сопровождалъ уже Государя—„изъ уваженія къ его преклоннымъ лѣтамъ и болѣзненному состоянію“; онъ оставался въ столицѣ, облеченный почетною должностью Предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Графъ Румянцовъ принадлежалъ къ числу немногихъ лицъ, не сочувствовавшихъ намѣренію Императора Александра кровію русскихъ воиновъ и деньгами населенія Россіи пуститься, въ со-

[1]) Сообщимъ здѣсь, что упомянутый томъ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ былъ изданъ въ 1813 г.; слѣдующія три части изданы въ 1819 — 1828 гг., но уже подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Малиновскаго, управлявшаго Архивомъ послѣ кончины Н. Н. Бантыша-Каменскаго. Изданіе актовъ доведено до 1696 года. Пятая часть издана уже въ 1894 г.

юзѣ съ другими державами, на освобожденіе Европы отъ ига Наполеона. „Не желая слыть Государственнымъ Канцлеромъ, когда отлученъ отъ участія и свѣдѣнія государственныхъ дѣлъ“, графъ Румянцовъ рѣшилъ совсѣмъ покинутъ службу, испросивъ на то разрѣшеніе Государя при удобномъ случаѣ, каковой и представился ему въ 1813 году. Необходимо здѣсь припомнить, что послѣ мира съ турками въ Бухарестѣ въ 1812 году ихъ союзники, персы, тѣмъ не менѣе, продолжали войну съ нами въ Малой Азіи, за Кавказомъ, но вскорѣ герой Кавказа, генералъ Котляревскій, 19-го и 20-го октября 1812 года нанесъ имъ жестокое пораженіе при Асландузѣ, послѣ котораго и былъ заключенъ съ персами 12-го октября 1813 г. мирный трактатъ въ Гюллистанѣ, подписанный Главнокомандующимъ въ то время на Кавказѣ генераломъ Н. Ѳ. Ртищевымъ. По установленному канцелярскому порядку этотъ трактатъ былъ доставленъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ для представленія его на Высочайшее воззрѣніе Его Величества. Графъ Румянцовъ представилъ таковой Государю при особомъ письмѣ 29-го апрѣля 1813 г., въ которомъ, упомянувъ, что служилъ 12 лѣтъ Его Величеству, при чемъ, въ послѣднія 6 лѣтъ, различныя войны закончились благополучно мирными трактатами съ Швеціею, Турціею, Англіею и Персіею, просилъ увольненія отъ службы, добавивъ: „не лѣта и не болѣзнь изъ оной меня выводятъ, *а необходимость*, что продолжаю слыть Государственнымъ Канцлеромъ, когда отлученъ пребываю отъ участія и свѣдѣнія государственныхъ дѣлъ“. Не получая на это никакого отвѣта отъ Императора, занятаго въ то время военными дѣйствіями противъ Наполеона на Эльбѣ, графъ Румянцовъ рѣшился напомнить ему о своей просьбѣ при первомъ удобномъ случаѣ, а тѣмъ временемъ неоднократно просилъ графа А. А. Аракчеева, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ, содѣйствовать разрѣшенію его просьбы. Императоръ оставлялъ долго подобныя просьбы Канцлера безъ послѣдствій и только въ 1814 г., по возвращеніи своемъ изъ-за границы въ Петербургъ, послѣ ряда писемъ графа Румянцова къ графу Аракчееву и послѣ того, что графъ Румянцовъ написалъ Его Величеству 11-го февраля 1814 года, что онъ *устранился отъ всѣхъ дѣлъ, ему вѣренныхъ*, и *передалъ ихъ*, по порядку, старшему послѣ себя т. с. Вейдемейеру, состоялись, наконецъ, 1-го августа 1814 года, краткій указъ Сенату объ увольненіи Румянцова отъ дѣлъ, на него возложенныхъ, съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ нынѣ окладовъ, и рескриптъ графу съ выраженіемъ отличной благодарности за оказанныя имъ отечеству услуги и непоколебимаго уваженія къ нему Его Величества, при чемъ высказывалась надежда, что графъ не отречется быть полезнымъ отечеству своими познаніями и опытностью, когда состояніе здоровья его то дозволитъ.

Послѣ этого графъ Румянцовъ чрезъ графа Аракчеева, 13-го августа 1814 г., испрашивалъ милости откланяться Его Величеству и прочесть ему докладную записку о сдачѣ, кому будетъ повелѣно, работъ Обводнаго около столицы канала, что̀ займетъ не болѣе десяти минутъ. Повидимому, графъ Румянцовъ пріема у Его Величества не имѣлъ; объ этомъ не упоминается и въ Камеръ-Фурьерскихъ журналахъ послѣ 13-го августа.

Румянцовъ вскорѣ уѣхалъ въ свой любимый Гомель и очень занялся имъ. Скажемъ объ этой новой дѣятельности графа въ нѣсколькихъ словахъ, упомянувъ ранѣе, что за время управленія графомъ Румянцовымъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ началось постепенное преобразованіе центральнаго управленія этого вѣдомства на новыхъ началахъ: была учреждена особая министерская Канцелярія, и изъ вѣдѣнія Коллегіи изъяты были дѣла по дипломатической части, возникающія въ *Азіатскихъ государствахъ*; они возложены были на особый Азіатскій Департаментъ. Кромѣ того, была учреждена особая Экспедиція консульскихъ дѣлъ, съ начальникомъ, утверждаемымъ Высочайшею властью, во главѣ; эта Экспедиція, кромѣ дѣлъ консульскихъ вообще, завѣдывала дѣлами о призахъ и предметами, до торговли и мореплаванія относящимися.

На живописномъ берегу р. Сожи, притокѣ Днѣпра, былъ расположенъ, при мѣстечкѣ Гомелѣ, барскій домъ графа Румянцова съ большимъ садомъ и церковью возлѣ него во имя Св. Петра и Павла, въ которой позднѣе былъ преданъ землѣ прахъ владѣльца мѣстечка Гомель, прилегавшаго къ усадьбѣ. Графъ Н. П. Румянцовъ не только любилъ, но и увлекался сельскимъ хозяйствомъ, слѣдилъ за его развитіемъ и усовершенствованіемъ въ другихъ земляхъ и ста-

рался вводить у себя въ Гомелѣ все, что было доступно и возможно. Это вовлекло его не только въ немалые расходы, но и въ большую переписку съ различными лицами, болѣе или менѣе извѣстными въ то время, по части сельскаго хозяйства. Изъ этой переписки можно усмотрѣть, что графъ получалъ изъ Лиссабона сѣмена португальскихъ овощей, изъ Кременецкаго Лицея—разныя сѣмена, полученныя изъ Новой Голландіи, въ томъ числѣ китайскую коноплю, изъ Устюга—сѣмена кедровъ; изъ дворцоваго сада въ Кіевѣ — деревья грецкаго орѣха, изъ Никитскаго Сада въ Крыму—различныя растенія и т. д. Онъ выписывалъ луковичныя сѣмена и сѣмена клевера изъ Гамбурга, чрезъ нашего резидента Струве, который покупалъ и отправлялъ ему голландскихъ коровъ, а также мериносовъ и овчаровъ для нихъ. Графъ обращалъ особенное вниманіе на овцеводство и выписывалъ овецъ и бонитеровъ (особыхъ ученыхъ пастуховъ овецъ) изъ Саксоніи, а также мериносовъ отъ графа Нессельроде. Стада тонкорунныхъ овецъ графа были извѣстны графу Канкрину, посылавшему графу статьи и правила объ овцеводствѣ.

Графъ Румянцовъ не гнался за доходомъ отъ своего имѣнія; онъ находилъ, что ему неприлично дѣлать спекуляціи и гоняться за будущими важными прибылями; онъ желалъ покойно пользоваться своими знатными имѣніями и держать ихъ не только въ устройствѣ, но и въ отличномъ порядкѣ. Помимо добыванія различныхъ произведеній сельскаго хозяйства онъ стремился ихъ переработывать у себя и съ этою цѣлью устраивалъ у себя различные заводы. Кромѣ очень хорошей сыроварни, тутъ имѣлись заводы винокуренный, стеклянный, гончарный, прядильный, выдѣлывавшій изъ льна и конопли пряжу и затѣмъ салфетки, скатерти и пр. При этомъ заводѣ была еще бѣлильная фабрика. Для лучшей перевозки своихъ произведеній графъ Румянцовъ учредилъ пароходство по рѣкамъ Сожѣ и Днѣпру (существующее и понынѣ). Помимо этого, графъ заботился и о самомъ мѣстечкѣ Гомелѣ: онъ построилъ новый мостъ чрезъ рѣку Сожъ, каменную католическую церковь, а также еврейскую школу, съ тѣмъ, чтобы на содержаніе ея Гомельское еврейское общество взносило ежегодно 12.000 руб. по частямъ; водворялъ въ мѣстечкѣ мастеровыхъ и т. д.; онъ помышлялъ и объ устройствѣ ланкастерскихъ школъ для обученія мѣстнаго населенія. Какъ любитель, интересующійся сельскимъ хозяйствомъ, графъ Н. П. Румянцовъ состоялъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, отпускалъ неоднократно деньги въ распоряжаніе Общества на выдачу премій въ поощреніе различныхъ сельско-хозяйственныхъ усовершенствованій, открытій и сочиненій, доставлялъ Обществу различныя сѣмена для ихъ распространенія въ нашемъ отечествѣ. Общество не разъ выражало графу Румянцову свою признательность за такія приношенія и 7-го декабря 1804 года поднесло ему особую золотую медаль, при бумагѣ за подписью всѣхъ членовъ Общества, а затѣмъ, съ 1807 года, онъ получалъ всѣ изданія Общества. Нельзя не упомянуть также о довольно обширной перепискѣ графа Румянцова съ Христіаномъ Христіановичемъ Стевеномъ, начальникомъ Никитскаго Сада въ Крыму, касавшейся исключительно разведенія въ Саду различныхъ полезныхъ въ хозяйствѣ деревьевъ и растеній, съ цѣлью распространенія ихъ въ нашемъ отечествѣ. Графъ не разъ посылалъ въ Садъ различныя деревья и растенія и позднѣе пожертвовалъ Саду свой бюстъ.

Но эти занятія графа Гомелемъ и ежегодные почти объѣзды его обширныхъ земельныхъ владѣній являлись для него какъ бы минутами отдохновенія отъ занятій болѣе важныхъ и возвышенныхъ, которымъ онъ всецѣло предался, удалясь отъ государственной службы, и которыя доставили ему вѣнецъ безсмертія въ лѣтописяхъ Русской исторической науки. Объ этой дѣятельности графа не разъ уже подробно говорилось въ различныхъ изслѣдованіяхъ, указанныхъ ниже, на основаніи которыхъ, для полноты біографическаго очерка графа Н. П. Румянцова, скажемъ только нѣсколько словъ и объ этой его дѣятельности. Графъ съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ расположеніе къ отечественной исторіи: еще въ 1777 году онъ просилъ отца своего о доставленіи ему церковныхъ книгъ, находя, что онѣ являются дополненіями къ сказаніямъ лѣтописцевъ. Позднѣе, будучи посломъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, онъ также занимался собираніемъ историческихъ выписокъ и сочиненій, относящихся до славянской исторіи и сношеній Россіи съ Германіею въ XI вѣкѣ, и самъ составилъ крат-

кій очеркъ Русской исторіи на французскомъ языкѣ. Кромѣ того, при посредствѣ Австрійскаго министра Стадіона, онъ вступилъ въ сношенія съ извѣстнымъ Добровскимъ о розысканіи памятниковъ древнихъ сношеній Россіи съ Моравіею и Чехіею. Въ то время уже онъ сожалѣлъ, что не могъ отдаться вполнѣ изученію Русской исторіи и древностей и, желая оказать какую-либо пользу ея изученію, предложилъ еще въ 1790 году Императрицѣ Екатеринѣ II приступить къ изданію, по образцу Дюмона, Русскихъ трактатовъ и договоровъ съ различными государствами, принимая расходы по изданію на свой счетъ. Мысль эта не получила въ то время осуществленія, но графъ Румянцовъ ее не покинулъ, какъ сказано уже выше, и, будучи Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, испросилъ разрѣшеніе Императора Александра I на учрежденіе для этого особой Комиссіи въ Москвѣ, какъ сказано выше, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго и его помощника А. Ѳ. Малиновскаго, которые не замедлили издать 1-й томъ, а затѣмъ и слѣдующіе, на средства графа. Это изданіе положило начало оживленной перепискѣ графа съ А. Ѳ. Малиновскимъ, которая продолжалась до конца его жизни и касалась почти всѣхъ предпринимаемыхъ графомъ ученыхъ изданій и изысканій, а также пріобрѣтенія рукописей, медалей, монетъ, остатковъ старины и т. д. Но еще ранѣе этого Канцлеръ вступилъ въ сношенія съ извѣстнымъ нашимъ іерархомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, а именно, еще въ 1804 году, когда Евгеній прислалъ ему рисунокъ Корсунскихъ вратъ въ Новгородѣ, а затѣмъ неоднократно высказывалъ ему, какія розысканія по библіотекамъ и архивамъ желательно произвести, при чемъ указывалъ также лицъ, которымъ можно было поручить подобные труды (въ томъ числѣ извѣстнаго современемъ А. Х. Востокова). Румянцовъ вскорѣ возымѣлъ мысль о собраніи памятниковъ Отечественной исторіи и представилъ разновременно Императорской Академіи Наукъ 25.000 р. для изданія рукописи лѣтописца Нестора по Кёнигсбергскому или Радзивиловскому списку, а также сводъ ея по тремъ другимъ спискамъ: Ипатьевскому, Ермолаевскому и Хлѣбниковскому. Въ то же почти время (1813 г.) онъ поручалъ Н. Н. Бантышу-Каменскому отыскать Кипріяновскую Степенную Книгу и сличить ея текстъ, намѣреваясь приступить къ изданію древнихъ нашихъ рукописей, хранящихся въ Библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ. Онъ желалъ издать также древнія богатырскія сказки, древнія стихотворенія и т. д. и просилъ А. Ѳ. Малиновскаго ихъ пріискать. Для этихъ трудовъ были приглашены имъ К. Ѳ. Калайдовичъ и П. М. Строевъ. Занимавшійся ранѣе этого въ Синодальной Библіотекѣ, Калайдовичъ обратилъ на ея сокровища вниманіе графа, который поручилъ Малиновскому испросить разрѣшеніе духовнаго начальства на изданіе описанія рукописей этой Библіотеки. Въ 1817 году графъ Румянцовъ поручилъ П. М. Строеву осмотрѣть и описать монастырскія библіотеки Московской епархіи, начавъ съ обители св. Іосифа Волоколамскаго, при чемъ Строевъ получилъ указанія отъ А. Ѳ. Малиновскаго для этого труда, который былъ выполненъ имъ къ великому удовольствію графа, намѣревавшагося занять Строева изданіемъ древнихъ Россійскихъ путешествій, начавъ съ путешествія Аѳанасія Тверетинова въ Индію, а также составленіемъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ описи всѣмъ древнимъ рукописямъ, хранящимся въ библіотекѣ Троице-Сергіевской Лавры. Строевъ по порученію графа потрудился надъ изданіемъ Софійскаго Временника, при чемъ изъ-за вознагражденія за этотъ трудъ отношенія графа и Строева нѣсколько обострились, но это не препятствовало Строеву предложить графу приступить къ составленію словарей: историческаго, географическаго, топографическаго и толковаго для уразумѣнія языка лѣтописей и другихъ памятниковъ древней нашей словесности, на что исчислялось около 10.000 р. Послѣдовавшая вскорѣ кончина графа Румянцова воспрепятствовала осуществленію этого полезнаго изданія, которому графъ готовъ былъ содѣйствовать. До этого графъ вступилъ въ переписку съ молодымъ Григоровичемъ, священникомъ въ Гомелѣ, котораго зналъ съ дѣтства, составителемъ историческаго и хронологическаго „Опыта о посадникахъ Новгородскихъ“, предложившимъ графу составить обозрѣнія архивовъ Бѣлорусскихъ монастырей и актовъ сѣверозападнаго края съ переводами оныхъ. Графъ испросилъ на это новое разрѣшеніе и принялъ на свой счетъ расходы по изданію составленной Григоровичемъ I части Бѣлорусскихъ архивовъ древнихъ грамотъ. По-

слѣ этого Григоровичъ сообщалъ графу о древнѣйшемъ Литовскомъ лѣтописцѣ, найденномъ въ Польшѣ, о лежащихъ въ г. Мстиславлѣ старыхъ дѣлахъ и т. д.

Графъ также зналъ и очень любилъ молодого Лерберга, написавшаго на нѣмецкомъ языкѣ свое изслѣдованіе къ объясненію древней Русской исторіи, которое было переведено, по порученію графа, Д. И. Языковымъ. Лербергъ очень скоро умеръ, и графъ купилъ его библіотеку, при чемъ познакомился съ академикомъ Ф. И. Кругомъ, по совѣту котораго приступилъ къ изданію нѣкоторыхъ византійскихъ источниковъ Русской исторіи, какъ-то: Льва Дьякона, Георгія Амартола и прочихъ. Съ этою цѣлью Кругъ, по порученію графа Румянцова, вступилъ въ переписку съ эллинистомъ Газе и другими лицами относительно пріобрѣтенія неизданныхъ сочиненій византійскихъ историковъ, хранящихся въ монастыряхъ Малой Азіи, Испаніи, а также въ книгохранилищахъ Англіи.

По тѣсной связи нашей отечественной исторіи съ судьбами сосѣдняго Польскаго королевства графъ Н. П. Румянцовъ не могъ не обратить вниманія на различные акты, относящіеся къ исторіи сего государства и вступилъ въ переписку съ нѣкоторыми польскими учеными изслѣдователями того времени. Такъ, съ проф. Ив. Ник. Лобойко графъ переписывался объ изданіи сочиненія о народѣ, жившемъ въ Литвѣ, и языкѣ его, объ изданіи Волынскаго лѣтописца и о бумагахъ Супрасльскаго монастыря, а также о различныхъ Литовскихъ древностяхъ. Графъ выражалъ ему желаніе издать на свой счетъ Литовско-Самогитскій словарь. Равнымъ образомъ графъ имѣлъ сношенія съ профессоромъ Самуиломъ Линде, а также съ извѣстнымъ Іоахимомъ Лелевелемъ, изъявлявшимъ готовность взять на себя, по желанію графа, наблюденіе за печатаніемъ труда Даниловича о Литовскомъ Статутѣ; Лелевель узнавалъ также для графа и о хроникѣ тевтонскихъ рыцарей Вигандта. Графъ Румянцовъ получалъ отъ профессора Варшавскаго Университета Буссе свѣдѣнія о богатомъ собраніи славянскихъ рукописей въ базиліанскомъ монастырѣ въ Журавицахъ, а также о найденной Ганкою древнѣйшей рукописи Чешскаго права XIV вѣка, бывшей до этого неизвѣстною, и о договорѣ гетмана Жолкевскаго съ Русскими боярами объ избраніи Владислава на престолъ Московскій. Другой Польскій ученый—Бандтке сообщалъ графу объ историческихъ матеріалахъ, относящихся до Литвы, Польши и Россіи и хранящихся въ трудно доступныхъ библіотекахъ Вѣны.

Графъ Румянцовъ, понимая важность для исторіи Россіи многихъ писателей Востока, вступилъ, при посредствѣ нашего академика Френа, въ сношенія съ извѣстнымъ Гаммеромъ относительно изданія восточныхъ рукописей, касающихся исторіи, географіи и этнографіи Россіи, а также съ Козегартеномъ по поводу изданія хроники Масуди. Самъ же Френъ, по желанію графа, трудился надъ переводомъ исторіи Абулгази и Беласори, а также Ибнъ-Фацлана. Помимо этого, Френъ содѣйствовалъ графу при пріобрѣтеніи различныхъ рукописей, а также монетъ и медалей восточнаго происхожденія, опредѣлялъ ихъ стоимость и значеніе для науки и составлялъ подробный имъ каталогъ. Френъ опредѣлилъ и заслуги самого Румянцова въ отношеніи литературы Востока. Подъ вліяніемъ Френа графъ постепенно все болѣе и болѣе сталъ увлекаться восточною и русскою нумизматикою, особенно, когда были найдены въ 1822 году въ самомъ Гомелѣ около 82 куфическихъ монетъ, которыя были описаны Френомъ. Графъ Румянцовъ дорожилъ очень монетою Спартака IV, купленною въ Крыму, и очень интересовался также памятниками греческаго и римскаго происхожденія, встрѣчающимися на югѣ Россіи, по преимуществу въ мѣстахъ существованія Генуэзскихъ колоній, въ позднѣйшее время. Онъ обращался къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу Ланжерону объ отводѣ ему по берегу моря полосы земли у подножья Митридатовой горы и далѣе за Золотую гору, на протяженіи 5 верстъ, при ширинѣ въ полторы версты, гдѣ находилась древняя Пантикапея, для производства раскопокъ и для доставленія отечеству пользы и наукамъ приращенія. Графъ Ланжеронъ, не отводя графу Румянцову береговой полосы, принялъ мѣры, чтобы никто, кромѣ графа, не касался этой земли. Подъ вліяніемъ того же Френа графъ Румянцовъ понемногу сталъ увлекаться и восточною и русскою нумизматикою.

Оживленную переписку велъ Румянцовъ съ Аделунгомъ и А. Х. Востоковымъ. Первый сообщалъ ему о хроникѣ Вигандта,

о рѣдкихъ изданіяхъ въ Лейпцигѣ, объ описаніи Тибета, о переводчикѣ географіи Геродота французѣ Гэлѣ (Gail) и писалъ ему о путешествіи Мейерберга и о рисункахъ къ нему, а также о продажѣ разныхъ коллекцій; онъ же составилъ планъ систематическаго изданія сказаній иностранныхъ писателей о Россіи; Румянцовъ очень сочувствовалъ этому изданію и содѣйствовалъ его осуществленію, но судьба допустила ихъ обоихъ издать только двѣ монографіи, именно—путешествія Герберштейна и Мейерберга. Кромѣ того, Аделунгъ являлся какъ бы посредникомъ въ сношеніяхъ графа съ Шёгреномъ, Кеппеномъ, Беттихеромъ и Вукомъ Караджичемъ, а также исполнителемъ множества порученій и пожеланій графа, по преимуществу научнаго содержанія. Востоковъ же велъ, по порученію графа, обширную переписку по разнымъ рѣдкимъ, по преимуществу славянскимъ, книгамъ и научнымъ историческимъ вопросамъ и затѣмъ, завѣдуя отдѣломъ русскихъ книгъ и славяно-русскихъ рукописей въ библіотекѣ самого графа, заботился объ ихъ пополненіи, разсматривалъ пріобрѣтенія графа по части славяно-русскихъ лѣтописей и древнихъ книгъ, сличалъ рукописныя книги, ему присылаемыя, и составилъ множество библіографическихъ описаній для каталога славяно-русскихъ рукописей графской библіотеки.

Петръ Ивановичъ Кеппенъ, издатель „Библіографическихъ Листовъ“, путешествуя по Россіи и за границею, сообщалъ графу о различныхъ рукописяхъ и рѣдкихъ сочиненіяхъ, которыя онъ видѣлъ въ книгохранилищахъ Европы. Графъ, въ свою очередь, писалъ ему о своихъ пріобрѣтеніяхъ и спрашивалъ его мнѣнія о томъ, не лучше ли сдѣлать изданіе Сербской рукописи Даніила въ самой Вѣнѣ, поручивъ это Вуку или Копитару.

Расширяя постепенно кругъ своихъ научныхъ изысканій, графъ Румянцовъ вошелъ въ сношенія съ В. Н. Берхомъ, извѣстнымъ собирателемъ матеріаловъ Пермскаго края, и поручилъ ему отыскивать въ томъ краю лѣтописи и граматы, описывать надписи на камняхъ и утесахъ, собирать образцы инородческихъ словъ, богатырскія пѣсни, преданія, сказки, а также монеты и рукописи на татарскомъ языкѣ и т. д. Равнымъ образомъ графъ переписывался съ М. Ѳ. Берлинскимъ о различныхъ древностяхъ г. Кіева и его окрестностей, о надгробныхъ надписяхъ, древнихъ священныхъ книгахъ, о росписяхъ древнихъ митрополитовъ. Чрезъ него графъ вступилъ въ сношенія съ пріоромъ Доминиканскаго ордена, обладавшимъ рукописью о древнемъ бытѣ г. Кіева, и освѣдомлялся о томъ, не находится ли въ Кіевскихъ католическихъ монастыряхъ и помѣщичьихъ архивахъ древнихъ документовъ и рукописныхъ книгъ, особенно на пергаментѣ, ранѣе XV вѣка, относящихся до Россіи, на языкахъ латинскомъ, польскомъ и русскомъ. Съ протоіереемъ Новгородскаго Знаменскаго собора Скородумовымъ графъ съ 1817 года сносился о разныхъ древнихъ лѣтописяхъ и рукописяхъ въ Новгородской епархіи и въ Софійской библіотекѣ, о лѣтописцѣ Ферапонтова монастыря и выражалъ при томъ желаніе, чтобы протоіерей уговорился съ двумя изъ лучшихъ семинаристовъ или писчиковъ относительно переписки старыхъ рукописей. Кромѣ того, графъ писалъ ему о розысканіи древнихъ монетъ, о покупкѣ старой гривны серебра и другихъ какихъ-либо древностей. Означенными выше лицами далеко не ограничивалась переписка графа Н. П. Румянцова по ученой части, потому что онъ, прочтя въ газетахъ или узнавъ какимъ-либо инымъ образомъ о научныхъ новостяхъ, его интересовавшихъ, имѣлъ обыкновеніе обращаться письменно за разъясненіемъ и доставленіемъ ему болѣе подробныхъ письменныхъ объ этомъ свѣдѣній. Съ другой стороны и сами владѣльцы интересовавшихъ его предметовъ вступали съ нимъ въ переписку. Такъ, напр., графъ Румянцовъ писалъ Броневскому о монгольской бронѣ; А. М. Тургеневу (Тобольскому губернатору)—о покупкѣ древняго вооруженія бурятъ; П. Н. Пизани—о славянскихъ рукописяхъ на пергаментѣ; Бутеневу—о продажѣ на Аѳонѣ въ монастырѣ „Изографъ“ библіотеки, о доставленіи каталога книгъ Синайскаго монастыря; князю П. А. Голицыну—о кожаныхъ деньгахъ, найденныхъ при сломкѣ старой кремлевской стѣны въ Серпуховѣ; князю Г. С. Волконскому въ Оренбургѣ—о древнихъ рукописяхъ, могущихъ быть въ мѣстныхъ церквахъ и у дворянъ этого края; г. Василевскому въ Омскѣ—объ иконѣ Премудрости Божіей въ Софійскомъ храмѣ этого города; графу В. Н. Панину—о славянскихъ или русскихъ рукописяхъ, а также и объ описаніи путешествій испанцевъ до

конца XVI вѣка, имѣющихся въ Эскуріалѣ, и т. д. [1]).

Нельзя не замѣтить, что графъ въ своей перепискѣ, какъ и вообще въ обращеніи со своими сотрудниками, отличался необычайною вѣжливостью, скромностью и простотою; онъ обходился съ ними, какъ съ лицами, совершенно равными ему, несмотря на значительное между ними различіе и по общественному положенію, и по состоянію; принималъ большое участіе въ нихъ, старался сдѣлать все для нихъ возможное и былъ очень аккуратенъ въ денежныхъ съ ними расчетахъ. Онъ любилъ заранѣе точно опредѣлить все по возможности, вступая съ авторомъ или издателемъ въ обязательства по какому-либо изданію или труду вообще, и не допускалъ, чтобы сдѣланный для него трудъ оставался безъ вознагражденія или былъ бы недостаточно имъ оцѣненъ. Онъ принималъ ближайшее участіе въ самихъ изданіяхъ совершаемыхъ по его желанію научныхъ трудовъ и входилъ во всѣ мелочи изданія, внимательно просматривая не только текстъ, но и предисловія, въ которыхъ не допускалъ высказывать какихъ-либо похвальныхъ словъ самому себѣ, и заставлялъ перепечатывать листы, если что-либо подобное въ нихъ встрѣчалось. При такомъ личномъ участіи графомъ были напечатаны слѣдующія изданія: 1. „Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ“. Три части, со многими изображеніями печатей и рукоприкладствъ, Москва. 1813, 1819 и 1822 годовъ; 2. „Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя, съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва“, составилъ К. Ѳ. Калайдовичъ, Москва. 1818 года; 3. „Законы великаго князя Іоанна Васильевича и Судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича съ дополнительными указами и съ образцами почерковъ, изданные К. Ѳ. Калайдовичемъ и П. М. Строевымъ“, Москва. 1819 года; 4. „Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи, сочиненныя Лербергомъ“, С.-Петербургъ. 1819 года; 5. „Рустрингія, первоначальное отечество перваго Россійскаго великаго князя Рюрика и братьевъ его. Историческій опытъ Голлмана, переведенный Снегиревымъ“, Москва. 1819 г.; 6. „Исторія Льва Дьякона Калойскаго и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изданныя въ первый разъ съ рукописей Королевской Парижской Библіотеки и объясненныя примѣчаніями Карломъ Бенедиктомъ Газе“, переведены съ греческаго Д. Поповымъ, С.-Петербургъ. 1820 года; 7. „Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней Азіи, соч. Филиппа Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса переводчика, посыланнаго въ Кокандъ въ 1813 и 1814 годахъ“, С.-Петербургъ. 1821 года; 8. „Памятники Россійской словесности XII вѣка, изданные съ объясненіями, варіантами и образцами почерковъ К. Ѳ. Калайдовичемъ“, Москва. 1821 года; 9. „Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ, изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей извлеченный протоіереемъ Г. Григоровичемъ“, Москва. 1821 года; 10. „Софійскій Временникъ или русская лѣтопись съ 862 по 1534 годъ. Издалъ П. Строевъ“, 2 части, съ изображеніемъ почерковъ, Москва. 1820 и 1821 года; 11. „Письма къ Алексію Ѳедоровичу Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 году древностей“, К. Ѳ. Калайдовича, Москва. 1823 года; 12. „Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X столѣтія, написано К. Ѳ. Калайдовичемъ, съ 16-ю гравированными изображеніями“, Москва. 1824 года; 13. „Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ, собранный протоіереемъ Г. Григоровичемъ“, часть I съ изображеніями, Москва. 1824 г.

Помимо этихъ изданій, появившихся въ печати иждивеніемъ графа Н. П. Румянцова, неутомимый труженикъ науки имѣлъ намѣреніе обогатить историческую нашу литературу и другими столь же полезными изданіями, какъ это видно изъ его переписки, но преждевременная и неожиданная кончина графа воспрепятствовала осуществленію на дѣлѣ его благихъ намѣреній. На эти различныя изданія и научныя предпріятія графомъ затрачено было до 300.000 рублей и при томъ безвозвратно, такъ какъ всѣ его изданія, несмотря на ихъ безспорную важность и полезность для нашей исторической науки, раздѣлили общую участь, постигающую научные труды въ на-

[1]) Въ Госуд. Архивѣ имѣется цѣлый рядъ подобныхъ дѣлъ въ разрядѣ XVI краснымъ.

шемъ отечествѣ и по настоящее время, т.-е. раскупались до крайности медленно и не всегда окупали расходы по изданію. Но это не смущало графа въ его заботахъ объ успѣхѣ отечественной науки, и до самой своей кончины онъ сохранилъ къ ней глубокую привязанность; на смертномъ даже одрѣ просилъ онъ брата своего докончить начатое имъ изданіе путешествія по Россіи Мейерберга.

Помимо изданій, графъ пытался приготовить лицъ для занятія русскою исторіею, помѣщая лучшихъ учениковъ духовной семинаріи въ Кіевскую Духовную Академію подъ руководство Евгенія Болховитинова. Кромѣ того, Румянцовъ давно имѣлъ мысль, для будущаго полнаго сочиненія Россійской исторіи, образовать общество писцовъ, которымъ, собравшись вмѣстѣ, одна особа читала всѣ русскія лѣтописи, и каждый изъ нихъ вносилъ бы въ свою тетрадь выписку того, что къ его труду принадлежитъ. Трудъ этотъ должно было производить подъ надзоромъ мудраго вѣдателя Россійской Исторіи. Кромѣ того, для трудовъ на поприщѣ Русской исторіи графъ признавалъ необходимымъ приготовить полезныхъ дѣятелей изъ отличныхъ учениковъ Могилевской Семинаріи, помѣстивъ ихъ пансіонерами на его счетъ въ Кіевскую Духовную Академію. Эти свои мысли онъ сообщалъ очень уважаемому имъ Митрополиту Евгенію, который не раздѣлялъ, однако, этихъ взглядовъ графа.

Графъ Н. П. Румянцовъ, не ограничиваясь осмотромъ нашихъ отечественныхъ хранилищъ историческихъ актовъ и бумагъ, приступилъ также къ розысканію и разсмотрѣнію памятниковъ отечественной исторіи, находящихся въ чужихъ земляхъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ г. Штрандмана въ Италію, а Шульца—въ Германію, преимущественно въ Кёнигсбергъ, Струве — въ Гамбургъ, а также другихъ лицъ въ Копенгагенъ, Стокгольмъ, Вольфенбюттель, Любекъ, Бременъ Мекленбургъ-Шверинъ и т. д. для снятія самыхъ точныхъ копій съ соотвѣтствующихъ актовъ и бумагъ. Въ Англіи осмотръ подобныхъ рукописей шелъ съ большимъ успѣхомъ, благодаря содѣйствію нашего посланника графа С. Р. Воронцова, друга Румянцова и страстнаго любителя отечественныхъ древностей. Такимъ путемъ графъ Н. П. Румянцовъ получилъ значительное количество списковъ, весьма важныхъ, вошедшихъ въ составъ рукописей Румянцовскаго Музеума. Штрандманъ также доставилъ любопытные списки изъ знаменитыхъ библіотекъ Италіи, въ томъ числѣ съ писемъ русскаго Митрополита Исидора. Изъ Парижа оріенталиты Газе и Сенъ-Мартенъ сообщали графу, что открыли не мало важныхъ документовъ на греческомъ и восточныхъ языкахъ, касающихся Россіи,— какъ въ Парижѣ, такъ и въ библіотекахъ Венеціи, въ Генуѣ и Миланѣ. Румянцовъ предложилъ имъ издать на его счетъ рядъ Византійскихъ писателей и препроводилъ на это не мало денегъ въ Парижъ. Онъ также заботился о пополненіи своей библіотеки, не упуская удобныхъ къ тому случаевъ, при помощи постоянныхъ своихъ корреспондентовъ въ этомъ отношеніи, какъ, напр., князя Козловскаго въ Лондонѣ, Лизакевича въ Даніи, состоявшихъ при нашихъ посольствахъ, ученаго библіографа Трескау въ Германіи и библіотекаря Вихмана, высылавшихъ графу антикварные каталоги различныхъ книгъ и изданій, а также подробныя описанія продаваемыхъ болѣе или менѣе обширныхъ собраній различныхъ книгъ и т. д. При посредствѣ означенныхъ лицъ графу Н. П. Румянцову удалось собрать у себя весьма обширную и цѣнную библіотеку.

Интересуясь также географіею и вопросомъ объ открытіи морского прохода на сѣверѣ изъ Атлантическаго океана въ Ледовитый океанъ и на югѣ изъ Южнаго океана въ Атлантическій, графъ Н. П. Румянцовъ снарядилъ, на свои средства, корабль „Рюрикъ“, совершившій замѣчательное для того времени плаваніе подъ начальствомъ Коцебу. 30-го іюля 1815 г. онъ отплылъ изъ Петербурга и, совершивъ благополучно переходъ въ Тенерифъ и Бразилію, обогнулъ бурный мысъ Горнъ и поднялся до Камчатки. Открывъ въ сѣверной широтѣ 14°57′20″ цѣлую группу острововъ, Коцебу одинъ изъ нихъ назвалъ островомъ графа *Румянцова*, а затѣмъ дошелъ до острова св. Лаврентія и, возвратясь, по причинѣ большихъ тумановъ, въ Уналашку и портъ св. Франциска, направился къ Сандвичевымъ островамъ и группамъ острововъ Радакъ, причемъ одну изъ этихъ группъ, подъ 9° 28′ 9″ широты, назвалъ купою острововъ графа Румянцова, а самый большой изъ ея острововъ — островомъ графа Аракчеева. Затѣмъ Коцебу, чрезъ Манилу и Зондскій проливъ, достигъ острова Мадагаскара, обо-

гнулъ мысъ Доброй Надежды и чрезъ Англію благополучно прибылъ въ Петербургъ 20-го августа 1818 г. (т.-е. чрезъ три года), и сталъ на р. Невѣ предъ домомъ канцлера, который затѣмъ издалъ на свой счетъ также описаніе этого плаванія подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Южный Океанъ изъ Беринговъ проливъ для изысканія сѣверо-восточнаго морского прохода въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ, иждивеніемъ государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова на кораблѣ Рюрикъ, подъ начальствомъ флота отставнаго лейтенанта Коцебу", С.-Петербургъ. 1821—1823 г., въ трехъ частяхъ.

Нельзя не упомянуть также что тогда же, по предложенію П. М. Строева, былъ выработанъ планъ ученыхъ поѣздокъ по нѣкоторымъ губерніямъ, нашего государства, для изслѣдованія монастырскихъ библіотекъ и архивовъ, и что самъ графъ Румянцовъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, болѣзнь глазъ и глухоту, принималъ личное участіе въ этихъ поѣздкахъ, при чемъ дѣлалъ не мало цѣнныхъ пріобрѣтеній всякаго рода. Такъ, въ началѣ мая 1822 года онъ совершилъ, вмѣстѣ съ К. Ѳ. Калайдовичемъ, поѣздку, для разысканія древностей, по монастырямъ Московской губерній, а также въ Микулино Городище и въ города Ржевъ и Старицу; этотъ объѣздъ доставилъ ему цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ рукописей, хранившихся въ монастыряхъ. Въ слѣдующемъ, 1823 году, лѣтомъ, онъ предпринялъ еще болѣе тяжелое путешествіе, также на лошадяхъ, въ окрестности Пятигорска для пользованія, по совѣту врачей, Кавказскими минеральными водами. Изъ Пятигорска онъ сухимъ же путемъ направился въ Крымъ и объѣхалъ всю наиболѣе интересную часть этого полуострова. Онъ остался очень доволенъ поѣздкою, усталъ, но, по его словамъ, вознаградился впечатлѣніями и воспоминаніями и пріобрѣлъ не мало различныхъ монетъ и медалей, большею частью древнихъ, о которыхъ писалъ Ф. И. Кругу. Изъ Крыма онъ проѣхалъ въ Кіевъ, навѣстилъ Евгенія Болховитинова и прибылъ въ свой любимый Гомель, гдѣ навѣстилъ его графъ Аракчеевъ, проведшій у него нѣсколько дней. Въ началѣ февраля 1824 года графъ Румянцовъ прибылъ въ Петербургъ и вскорѣ сталъ собираться въ Москву, чтобы оттуда проѣхать въ Нижній-Новгородъ. Накупивъ не мало медалей и монетъ, онъ прибылъ въ Гомель, но здѣсь очень ослабѣлъ; къ тому же зрѣніе его было чрезвычайно разстроено и онъ могъ только подписывать письма и бумаги, заготовляемыя его домашнимъ секретаремъ, дѣлая иногда лишь небольшія приписки. Въ 1825 г. графъ пробылъ въ любимомъ Гомелѣ первую половину года и затѣмъ ѣздилъ на ярмарку въ Ромны, откуда въ іюнѣ мѣсяцѣ возвратился въ Петербургъ.

Графъ Румянцовъ былъ очень обрадованъ, узнавъ, что Императоръ Александръ I, путешествуя по Крыму, посѣтилъ также Никитскій Садъ, остался имъ очень доволенъ и выписалъ для Сада особый видъ дуба. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ пораженъ и опечаленъ кончиною монарха, которому былъ искренно преданъ.

Пребывая въ Петербургѣ, графъ, по обыкновенію, проживалъ въ своемъ домѣ—на Англійской набережной, близъ Николаевскаго моста,—купленномъ имъ еще въ 1802 году отъ англійскаго купца Вара. Онъ занималъ весь главный этажъ, а кругомъ, въ различныхъ залахъ и другихъ помѣщеніяхъ, хранились всѣ его драгоцѣнныя рукописи, медали, монеты и обширная библіотека. Въ этомъ домѣ онъ и скончался. Выйдя однажды изъ кабинета безъ провожатаго, графъ Н. П. Румянцовъ отъ слабости упалъ и ушибъ лѣвую ногу; у него появилась изнурительная лихорадка, отъ которой онъ и скончался. Онъ на словахъ поручилъ брату своему, графу Сергѣю Петровичу, не покидавшему больного, предоставить на общую пользу занимаемый имъ домъ и все его собраніе книгъ, рукописей, медалей и монетъ, а также докончить изданіе путешествія Мейерберга по Россіи, приготовленное къ печати Аделунгомъ. Съ этими словами графъ и скончался 3-го января 1826 г.

По выраженному имъ ранѣе желанію, прахъ его былъ отвезенъ въ Гомель и преданъ землѣ въ соборѣ св. Петра и Павла, въ лѣвой сторонѣ отъ главнаго престола. Надъ могилою Румянцова возвышается постаментъ изъ чернаго мрамора, на которомъ водруженъ поясной бронзовый бюстъ канцлера, а рядомъ съ нимъ стоитъ бронзовая фигура Ангела мира, съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ. На одной сторонѣ постамента изображены слѣдующія слова: „Воздалъ Божія—Богови, Кесарево—Кесарю, отечеству—любовію и жертвами".

Обычной же надписи, указывающей, кто погребенъ, сколькихъ лѣтъ умеръ, какія имѣлъ званія и т. д. на памятникѣ не имѣется.

Графъ Н. П. Румянцовъ женатъ не былъ и потомства не оставилъ. Все его достояніе, за исключеніемъ дома, въ которомъ онъ жилъ, и богатаго книгохранилища съ монетами и медалями, завѣщанныхъ на словахъ Русскому обществу на благое просвѣщеніе, перешло единственному въ то время брату его, графу Сергію Петровичу, исполнившему въ точности послѣднія его желанія (см. ниже, въ біографіи графа С. П. Румянцова).

Кромѣ этого замѣчательнаго и драгоцѣннаго пожертвованія на пользу общества, канцлеръ разновременно принесъ въ даръ не мало денегъ на общественную пользу. Такъ, еще въ 1799 г. онъ внесъ 50.000 руб. въ Сохранную Казну Воспитательнаго Дома, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы увеличено было число воспитанниковъ Военно-Сиротскаго Дома. Въ 1812 г. онъ обратилъ на пользу изувѣченныхъ защитниковъ Отечества всѣ разновременно полученные имъ отъ иностранныхъ дворовъ ордена и табакерки, при продажѣ которыхъ было выручено 75,000 рублей. На этотъ же предметъ графъ, кромѣ того, жертвовалъ ежегодно по 3.000 рублей. Въ 1814 году, по увольненіи его отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, онъ испросилъ соизволеніе Его Величества на зачисленіе въ капиталъ на пользу инвалидовъ всѣхъ окладовъ содержанія, сохраненныхъ за нимъ при увольненіи. Въ 1813 г. и 1825 г. онъ внесъ въ Императорскую Академію Наукъ 25.000 рублей на изданіе русскихъ лѣтописей и 4.149 р. для напечатанія Греческаго словаря. Онъ выстроилъ каменный домъ въ Гомелѣ для Духовнаго Училища, оставивъ ему, кромѣ того, капиталъ въ 4.399 рублей для поддержанія его; въ Харьковскій Духовный Коллегіумъ—далъ 2.000 руб. для раздачи ежегодно медалей отличнѣйшимъ ученикамъ въ память князя Д. М. Голицына и въ Кіевскую Духовную Академію 3.000 р. для выдачи изъ % премій за лучшее сочиненіе по исторіи древностей или географіи Кіевскаго края. Онъ пожертвовалъ на отливку статуи Императрицы Екатерины II, для постановки въ домѣ Благороднаго Собранія въ Москвѣ,—2.000 рублей, на сооруженіе памятника въ Ярославлѣ д. с. с. Павлу Григорьевичу Демидову 1.000 рублей и т. д.

Графъ Н. П. Румянцовъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорской Россійской Академіи (съ 18-го января 1819 года), а съ 1814 года былъ членомъ Финляндскаго Экономическаго Общества, почетнымъ членомъ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества (съ 1802 г.); былъ онъ и членомъ литературнаго общества Арзамасъ (см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 93). Кромѣ того, онъ былъ почетнымъ членомъ Философскаго Общества въ Филадельфіи и членомъ Азіатскаго Общества въ Парижѣ (съ 1822 г.), почетнымъ членомъ Харьковскаго Университета (съ 1814 года); почетнымъ членомъ Общества любителей исторіи и древностей Россійскихъ въ Москвѣ (съ 1823 года) членомъ Географическаго Общества въ Парижѣ, учрежденнаго извѣстнымъ географомъ Мальтъ-Брюномъ (съ 1822 года).

Если служебная дѣятельность графа Румянцова и могла вызвать неблагопріятные для него отзывы о ней,—какъ указано въ надлежащихъ мѣстахъ,—то служеніе его Русской исторической наукѣ и всему дѣлу просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ снискало ему единогласные отзывы великой за это признательности и было высоко оцѣнено всѣми, болѣе или менѣе съ нимъ знакомыми. Такъ, напримѣръ, его современникъ Шлёцеръ писалъ, что Румянцовъ создалъ самъ себѣ „памятникъ безсмертный“; онъ понималъ истинное значеніе науки, онъ привлекалъ къ себѣ людей, раздѣлявшихъ съ нимъ любовь къ наукѣ и неутомимо трудившихся для нея, какъ и онъ самъ. По словамъ А. Ѳ. Малиновскаго, графъ „покинулъ суету дѣлъ міра и обратился къ наукѣ, показавъ, какъ и въ отставкѣ можно служить Отечеству“. Какъ человѣкъ строгихъ научныхъ интересовъ, говоритъ Кочубинскій, графъ въ своихъ научныхъ начинаніяхъ шелъ твердо по одному, ясно сознанному пути, съ твердою цѣлью глубоко изучить былое Русской земли, искалъ вездѣ матеріалъ къ этому изученію и всюду призывалъ всѣхъ къ работѣ. Современникъ поэта Пушкина и близкій къ нему человѣкъ, П. А. Плетневъ говоритъ: „Если только чье-нибудь помышленіе клонилось на путь народной славы, никого не отчуждалъ графъ Н. П. Румянцовъ, сей благородный вельможа, отъ своей поучительной

бесѣды и благороднаго вспомоществованія, былъ ли то историкъ, или мореходецъ, поэтъ или антикварій, географъ или художникъ, грамматикъ или законовѣдъ. Онъ обратилъ домъ свой въ храмъ общественныхъ музъ, котораго самая надпись „на благое просвѣщеніе“ служитъ для насъ завѣтомъ назидательнымъ“.

Формулярный списокъ о службѣ графа Н. П. Румянцова въ Государственномъ Архивѣ (дѣло № 48); Общій Гербовникъ Россійской Имперіи, т. III и IX; Русская Родословная книга, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, т. II, стр. 188; Письма графини Е. М. Румянцовой-Задунайской, изд. графомъ Д. А. Толстымъ; дополненія къ тѣмъ же письмамъ—въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Рукописное Отдѣленіе (по Отчету 1888 года, № 1); Каммеръ-фурьерскій журналъ (по алфавитн. указателю); Полное Собраніе Законовъ: *первое*: т. XXVI, стр. 768, 860, 867, XXVII, стр. 37, 65, 69, 82, 199, 226, 232, 250, 313, 365, 381, 426, 518, 532, 832, прил. 36; XXVIII, стр. 413, 711, 758, 899, 901, 902, 1106, прил. 5; XXIX, стр. 320, 361, 991, 1011, 1173, 1191, 1214, 1221, 1297, 1321; XXX, стр. 50, 61, 111, 184, 278, 744, 875, 893, 913, 951, 993, 1015, 1037, 1115, 1188, 1229, 1231, 1233; XXXII, стр. 240, 390, 607, 875; XXXIV, стр. 945, 947; XXXV, стр. 410; XXXVI, стр. 401; XL, прил. 96; *Второе*: I, 552; III, 524, 325, 785; VI, 412; IX, 288; X, 59; XX, 1042; XXI, 551; XXIV$_1$, 311; XXVIII, 526; XXXI$_2$, доп. 4; XXXVI, 777; XXXVII, 529; XXXIX, 415; XLIII$_2$, 316; XLIV, 524; Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, томы III, IV, VIII, XV, XX, XXI, XXIII, XXVIII, XXIX, XXXII, XXXVII, XLII, XLVII, LIII, LVI, LIX—LXII включ., LXIV, LXV, LXVIII, LXXVI, LXXVIII—LXXXI вкл. LXXXIV, LXXXV, LXXXIX—XCI, XCV, XCIX, CIII—CVIII включ., CXI, CXIV, CXVII, CXXII—CXXVI включ., CXXVIII; „Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. въ Москвѣ“, 1880, кн. I и IV, 1882, кн. I; „Русскій Архивъ“ 1864, 1866, 1867, 1869—1873 включ., 1875, 1876, 1878, 1880, 1881—1883, 1888, 1891, 1893, 1894, 1896, 1897, 1899, 1901, 1902 гг.; „Русская Старина“, т.т. II, IV, X, XI, XX, XXIII, XXVIII, XXIX, XXXII, XXXVII, XXXIX, XLII, XLVII, LIX, LIII, LVI, LXI, LXIV, LXVIII, LXXIX; LXXX, LXXXI, LXXXIII, LXXXV, CV—CVIII, CXIII, CXXIII, CXXV—CXXVIII; Архивъ Государственный: *въ Петербургѣ*, разр. IX, №№ 2—109, 121—197; разр. XI, № 116, 272; XV, № 37—44, 427; XVI, № 12, XVII, №№ 28—86 вкл., также Campagne de Suède 1809, négociations de paix, кар. 83; *въ Москвѣ*—д. Франкфуртскія, III, карт. 1—10; „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ“, т. III, стр. 414—446, т. IV, стр. 51, 396, 413, 465, 610; V, 413; VI, 668; „Архивъ кн. Куракина“, т. 15; „Архивъ князя Воронцова“, т. 7 по 10 вкл., 13, 15—24 включ., 27, 29, 30, и 32; Архивъ Мин. Импер. Двора въ Петербургѣ, опись 212—646, раз. I, д. № 289, карт. 5343; оп. 36—1629, д. 106, 125; оп. № 52—886, д. № 29; оп. 214—648, раз. I, д. № 74, карт. 4015; Архивъ Конференціи Имп. Акад. Наукъ, № 85 (письма Румянцова къ Кругу); Архивъ Мин. Путей Сообщенія, дѣла 1797 г., №№ 30, 32; 1799, № 41; 1802, № 17—49, 55; 1803, № 70—133; 1805, №№ 35—63, 66—71; 1804, № 49—67; 1807, № 96—143; Архивъ Прав. Сената, кн. Высоч. пов. № 184, ст. 54; № 232, ст. 358; № 236, ст. 134; Архивъ Департ. Мануфактуръ и внутр. торговли 1803, св. 72; 1814, св. 153, 248; 1808, св. 21; Архивъ Государств. Совѣта, т. I; Государственный Совѣтъ, 1801—1901, изданіе Государственной Канцеляріи, С.-Пб. 1901 г.; „Древняя и Новая Россія“ 1877 г., т. I, стр. 5—22, 387 и слѣд., 1880, т. I, стр. 18, 289, 361; т. II, стр. 723—770; т. III, стр. 619; И. Пушкаревъ, Исторія Императорской гвардіи; Карцовъ, Исторія л.-гв. Семеновскаго полка; А. Ивановскій, Государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ; Списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ 1725—1907 г., составилъ Б. Л. Модзалевскій, С.-Пб. 1908 г., стр. 342; Сборникъ Историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собств. Его Имп. Велич. Канцеляріи, т. VI, стр. 145 и слѣд., и т. XII, стр. 84—214; А. Старчевскій, О заслугахъ графа Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи—„Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.“ 1846, т. 49, № 1—3; 1849, 1850 г., т. 65, отд. V, стр. 1—27; „Путешествіе въ Южный Океанъ и въ Беринговъ проливъ для отысканія сѣверо-восточнаго морского прохода въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ, иждивеніемъ Государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова на кораблѣ „Рюрикъ“, подъ начальствомъ флота отст. лейт. Коцебу, С.-Петербургъ. 1821—23 г., въ 3-хъ частяхъ; „Сынъ Отечества“ 1830 г., № 2, стр. 110—113; В. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. 1 и т. II; Кочубинскій, Адмиралъ Шишковъ и Канцлеръ Румянцовъ, Одесса; „Переписка Митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова съ госуд. канцлеромъ графомъ Румянцовымъ, Воронежъ 1868 г., 3 выпуска; К. Ѳ. Калайдовичъ, два біографическихъ очерка Безсонова въ 1861 и 1862 гг., изд. въ Москвѣ; П. М. Строевъ, Жизнь и труды, изслѣдованіе Н. П. Барсукова; Переписка протоіерея Іоанна Григоровича съ графомъ Н. П. Румянцовымъ, въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ“, 1864 г., кн. I; Біографія Круга, напечатанная Куникомъ на нѣмецкомъ языкѣ, помѣщена въ „Forschungen in der älteren Geschichte Russlands“, 2 Band, S.-Petersburg. 1848 г.; Содѣйствіе Круга канцлеру Румянцову... въ „Отечествен. Запискахъ“, т. 65, V; Шиманъ, Смерть Павла I, стр. 8; Шильдеръ, Императоръ Павелъ I; Е. С. Шумигорскій, Фрейлина Е. И. Нелидова; Сочиненія Державина, изд. акад. Я. К. Грота, т. VI, стр. 777 и слѣд.; Верховскій, Историческій очеркъ Министерства Путей Сообщенія, С.-Пб. 1898 г., часть I; С. Соловьевъ, Собраніе сочиненій, т. I, Императоръ Александръ, стр. 294, 433; Tableaux du commerce de l'Empire de Russie, années 1802—1805, publiés par M. le comte de Roumantzoff et traduits de l'original en forme synoptique par M. Pfeiffer, St.-Petersbourg; П. П. Семеновъ, Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 годъ, т. II; Кайдановъ, Систематическій каталогъ дѣламъ Государственный Коммерцъ-Коллегіи, С.-Петербургъ, 1884; Тихменевъ, Историческое обозрѣніе Россійско-Американской Компаніи и дѣйствію ея до настоящаго (1860 г.) времени; Семейство Разумовскихъ, А. Васильчикова, т. III, стр. 149, 151, 179; т. IV, стр. 392—397, 414—430, 441—511; т. V, 112, 313, 317; Записки, мнѣнія и переписка А. С. Шишкова, Берлинъ. 1870, т. I, стр. 105, 125—128, 221; За-

писки Имп. Екатерины II, переводъ съ подлинника, изданнаго Имп. Академіей Наукъ, С.-Петербургъ. 1907 г., изданіе Суворина; „Труды Вольно-Экономическаго Общества“ за 1802 г.; А. Ходневъ, Историческій очеркъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, С.-Пб.; Е. Ѳ. Коршъ, Опытъ нравственной характеристики графа Н. П. Румянцова; Столѣтіе Военнаго Министерства, т. V, кн. I, стр. 407; Исторія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по случаю 100-лѣтія его существованія, С.-Пб. 1912; „Журналъ Мин. Народн. Просв.“ 1834 г., т. I, стр. 27 и слѣд. (рѣчь П. А. Плетнева на актѣ 1833 года); Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. IV, предисловіе А. Ѳ. Малиновскаго; „Записки Имп. Одесскаго Общества Исторіи и древностей“, 1902, т. XXIV, статья: „Къ отысканію древностей въ Новороссійскомъ краѣ“; „Императорское Одесское Общество исторіи и древностей“, статья М. Г. Попруженко въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1914 г., ноябрь, стр. 514 и слѣд.; „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи“, т. IV, стр. 130—164; „Временникъ Московскаго Общества Исторіи“, кн. V, статья Максимовича; Письма гр. Румянцова къ пр. Захарію Скородумову, изд. Прудниковъ, С.-Петербургъ, 1854 г.; Письма гр. Николая Петр. Румянцова къ его отцу, фельдмаршалу — въ Имп. Публичной Библіотекѣ, въ Рукописномъ Отдѣленіи (за октябрь и декабрь 1777 г. и п. 16 апр. 1780 г.); Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи съ 1800 года, т. I, стр. 86; т. II, 262; Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ, К. Ордина, т. II; П. Н. Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли, С.-Петербургъ. 1913 г., изд. 3, стр. 178—221; „Императрица Елисавета Алексѣевна, Супруга Императора Александра I“, Изслѣдованіе Великаго Князя Николая Михаиловича, С.-Пб. 1908 г., т. I и II; Ernest Daudet, Histoire de l'émigration, t. I; Les Bourbons et la Russie, и II: Coblenz ou les émigrés et le 18 fructidor. 1789 — 1793; Comte Steding, Mémoires, traduits par Beck, v. II, p. 336, 457, Catherine II et la Révolution Française, par Charles de Larivière, Paris, 1895; Le duc de Richelieu en Russie et en France 1766—822, par Léon de Crousar-Crété, Paris, Librairie Firmin Didot, 1897; Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, classés et réunis par A. Klinkowstroem, Paris. 1880, 2 vol.

П. Майковъ.

Румянцовъ, графъ *Петръ Александровичъ*, генералъ-фельдмаршалъ; сынъ перваго графа Румянцова—Александра Ивановича (см. выше) и супруги его графини Маріи Андреевны, рожд. графини Матвѣевой (см. выше); родился въ Москвѣ, незадолго до кончины Петра Великаго, — а именно 4-го января 1725 года, и при св. крещеніи получилъ имя Петра,—весьма вѣроятно, въ честь Великаго преобразователя, очень благоволившаго къ его отцу; онъ праздновалъ позднѣе день своихъ именинъ 14-го января, когда Св. Церковь чтитъ память Св. Петра въ веригахъ. Воспріемницею новорожденнаго желала быть сама Императрица Екатерина I, благоволившая къ матери будущаго фельдмаршала, но графиня Марія Андреевна пожелала, чтобы воспріемницею была Царица Имеретинская. Самъ графъ А. И. Румянцовъ находился въ то время въ дальнемъ и продолжительномъ отсутствіи—въ Константинополѣ и въ Малой Азіи—и возвратился въ Москву только въ 1730 году (см. выше); это одно уже достаточно опровергаетъ пущенное недавно въ ходъ свѣдѣніе, будто молодой Румянцовъ родился въ глухой Молдавіи, въ селѣ Строенцахъ, въ то время, когда его мать поѣхала навстрѣчу своему супругу, будто-бы возвращавшемуся изъ Константинополя въ 1725 году: жена его вовсе не должна была ѣздить въ то время въ Молдавію,—по той причинѣ, что мужъ ея *не возвращался* изъ Константинополя чрезъ Молдавію, ибо онъ позднѣе поѣхалъ чрезъ Малую Азію на Кавказъ и вернулся въ Москву, когда его сыну было уже лѣтъ шесть. По обычаю того времени, молодой Румянцовъ былъ записанъ на службу рядовымъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, хотя оставался въ домѣ родителей и вскорѣ послѣдовалъ съ ними въ село Чеборчино, Алатырскаго уѣзда, куда былъ сосланъ его отецъ, и здѣсь пребывалъ до 1737 года, а затѣмъ перебрался въ Малороссію, когда отецъ его, назначенный въ армію Миниха, долженъ былъ пребывать въ Глуховѣ (главномъ городѣ Малороссіи въ то время). Мальчику было уже около 13 лѣтъ, и весьма вѣроятно, что, по обычаю того времени, онъ обучался грамотѣ у мѣстнаго дьячка, каковымъ былъ нѣкто Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ, причемъ иностраннымъ языкамъ, которые онъ зналъ съ ранней молодости, обучала его мать, долго пребывавшая въ юности за границей. Отецъ же его, графъ Александръ Ивановичъ, принимавшій нѣсколько лѣтъ дѣятельное участіе въ походахъ въ Крымъ, не могъ не только руководить, но даже слѣдить за воспитаніемъ и первоначальнымъ образованіемъ своего единственнаго сына, находившагося подъ надзоромъ матери. Желая, однако, доставить сыну возможность чему-либо обучиться и въ Императорской службѣ *впредь искуснымъ быть*, а также дать возможность ознакомиться съ порядками и обычаями въ другихъ европейскихъ государствахъ, графъ А. И. Румянцовъ

просилъ всесильнаго тогда временщика Бирона отправить его сына въ Швецію или въ другое государство, гдѣ имѣется Русское посольство, и назначить ему жалованье. Въ концѣ августа 1739 г., дѣйствительно, послѣдовалъ на имя тайн. сов. барона Бракеля, въ то время нашего представителя въ Берлинѣ, особый рескриптъ о томъ, что, „снисходя къ просьбѣ генерала Румянцова, сынъ его отправляется *дворянином посольства* къ Вамъ, дабы Вы его при себѣ содержали и какъ въ своей канцеляріи для обученія письма употребляли, такъ и въ прочемъ ему случаи показывали, чтобы онъ въ языкахъ и другихъ, ему потребныхъ наукахъ отъ добрыхъ мастеровъ наставленъ былъ и искусства достигнуть могъ, дабы впредь въ Нашу службу съ пользою употребленъ былъ". Жалованье ему всемилостивѣйше опредѣлено было 400 рублей.

Молодой Румянцовъ прибылъ въ Берлинъ, но оставался при Бракелѣ весьма недолго: послѣдній уже въ октябрѣ того же 1739 г. доносилъ о невѣроятныхъ и часъ отъ часу умножающихся его продерзостяхъ и мотовствѣ. Румянцовъ, по словамъ Бракеля, ничему обучаться не хотѣлъ; приставленные къ нему учителя жаловались на его лѣнь и забіячество; онъ дѣлалъ долги, закладывалъ свои вещи и платье, чтобы продолжать безпутныя мотовства съ солдатами, лакеями и другими бездѣльными людьми; наконецъ, онъ скрывался изъ своей квартиры и т. д. Все это окончилось тѣмъ, что молодой Румянцовъ, въ первыхъ числахъ мая 1740 г., по письму отца своего къ Бракелю, былъ отправленъ изъ Берлина на фурманѣ (т.-е. на поводѣ) въ Данцигъ, а затѣмъ водою въ Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ мая мѣсяца,—въ то время, какъ отецъ его собирался ѣхать снова въ Контантинополь, но уже въ качествѣ чрезвычайнаго нашего посла.

Желая дать какое-либо образованіе къ служебной дѣятельности своего сына, графъ А. И. Румянцовъ просилъ Императрицу объ опредѣленіи сына въ Шляхетный Кадетскій Корпусъ,—и 5-го августа того же 1740 г. состоялся указъ объ опредѣленіи сына генерала А. И. Румянцова Петра въ Кадетскій Корпусъ, при чемъ предписывалось за нимъ и его поступками имѣть особливое смотрѣніе. Въ корпусѣ графъ П. А. Румянцовъ былъ только нѣсколько мѣсяцевъ; уже въ началѣ 1741 г. онъ не числился болѣе въ спискахъ кадетъ; въ формулярномъ спискѣ о его службѣ даже не упоминается о пребываніи его въ Корпусѣ; изъ списка этого видно, что онъ 28-го октября 1740 г. произведенъ былъ въ подпоручики,—очевидно по просьбамъ отца, и стоялъ со своимъ полкомъ въ Финляндіи. По словамъ Бантыша-Каменскаго, пылкій, огненный юноша, пользуясь отсутствіемъ отца, проводилъ жизнь, полную всевозможныхъ увлеченій и разгула, ничѣмъ и никѣмъ не сдерживаемаго. Возникшая тѣмъ временемъ война со Швеціею довольно скоро окончилась, и начались переговоры о мирѣ въ Або, для веденія которыхъ съ нашей стороны былъ назначенъ уполномоченнымъ графъ А. И. Румянцовъ (а также г. Люберасъ), взявшій къ себѣ, въ качествѣ флигель-адъютанта, своего сына, который не принималъ, конечно, по молодости лѣтъ и неопытности, ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ конгресса, а только при полномъ окончаніи переговоровъ былъ посланъ, 29-го іюля 1743 г., изъ города Або отъ отца своего въ Петербургъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ съ бумагами и съ ратификаціею Шведскимъ королемъ мирнаго Абоскаго трактата. За доставку этихъ бумагъ Румянцовъ, будучи въ то время уже капитаномъ, былъ пожалованъ, 3-го іюля 1743 года, въ полковники и, по словамъ Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, получилъ въ награду Воронежскій пѣхотный полкъ, которымъ и сталъ командовать, имѣя всего 18 лѣтъ отъ роду. О самомъ командованіи полкомъ и о служебной дѣятельности Румянцова за это время свѣдѣній не имѣется, такъ какъ архивъ полка за это время не дошелъ до насъ. Онъ продолжалъ, повидимому, свою разгульную жизнь, разсказамъ о которой не было конца. Императрица Елисавета, до которой доходили эти разсказы, свѣдавъ о какой-то выходкѣ молодого полковника, приказала отправить его, для примѣрнаго наказанія, къ отцу, подвергшему сына-полковника наказанію розгами. Императрица, тѣмъ не менѣе, принимала немалое участіе въ молодомъ Румянцовѣ, что̀ выразилось, между прочимъ, въ томъ, что она предназначала и сватала ему богатую невѣсту—Марію Артемьевну Волынскую, дочь знаменитаго кабинетъ-министра. Этимъ былъ очень польщенъ отецъ молодого Румянцова, но послѣдній не изъявилъ, однако, въ то время желанія вступить въ

бракъ вообще; онъ продолжалъ вести свой прежній разгульный и неспокойный образъ жизни,—какъ съ офицерами, такъ и съ посторонними, что̀ и побудило Императрицу въ 1747 г. сказать отцу его, чтобы онъ унялъ сына, а ежели онъ того не учинитъ, „то де я болѣе власти имѣю, нежели онъ, его унять“. Старикъ-отецъ въ письмахъ уговаривалъ сына перемѣнить свое поведеніе, быть постепеннѣе, не уморить безвременно его съ супругою, матерью молодого Румянцова, писавшей послѣднему, что „видно въ немъ ни страху Божескаго нѣтъ, ни жалости объ насъ;... мы совсѣмъ отъ васъ отречемся“ и т. д.

Въ началѣ слѣдующаго, 1748 года канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ былъ посланъ во Франконію вспомогательный корпусъ нашихъ войскъ подъ начальствомъ князя В. Н. Репнина, вскорѣ возвратившійся обратно, при чемъ никакихъ военныхъ дѣйствій не происходило. Хотя Воронежскій полкъ и не вошелъ въ составъ войскъ, ввѣренныхъ князю Репнину, и не имѣется прямыхъ указаній, чтобы Румянцовъ участвовалъ въ этомъ походѣ, но изъ словъ отца его въ письмѣ къ нему: „слыша объ васъ, какъ вы были *въ походѣ, какъ (т.-е. сколько) чрезъ свои худые поступки потеряли*“,—должно заключить, что молодой П. А. Румянцовъ въ этомъ походѣ участвовалъ и безъ всякой при томъ для себя пользы по службѣ. Въ томъ же 1748 году графъ П. А. Румянцовъ вступилъ въ бракъ съ княжною Екатериною Михайловною Голицыною (см. выше); бракъ этотъ къ числу счастливыхъ и удачныхъ причисленъ быть не можетъ: супруги жили вмѣстѣ очень недолго; конецъ ихъ супружеской жизни положила наступившая чрезъ нѣсколько лѣтъ Семилѣтняя война, въ которой Румянцовъ началъ пріобрѣтать немалую боевую извѣстность, будучи произведенъ, 24-го декабря 1755 года, въ генералъ-маіоры, къ великому удовольствію его родителей и родныхъ. Канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, считая короля Прусскаго Фридриха II „*такимъ* для насъ сосѣдомъ, который *опаснѣе всѣхъ* и *является всегдашнимъ* и натуральнымъ Россіи непріятелемъ“, заключилъ въ 1756 г. наступательный трактатъ съ Австріею, чтобы поддержать ее и пресѣчь королю Прусскому Фридриху II пути въ Саксонію. Къ этому трактату примкнула Франція, небольшая Саксонія, а позднѣе и Швеція, такъ что лѣтомъ 1756 г. Фридрихъ II, король Прусскій, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами. Онъ быстро вступилъ въ Саксонію въ концѣ августа 1756 года, когда наша армія, еще не въ готовности стоявшая вдоль Западной границы Россіи, не могла угрожать диверсіею Прусской арміи, находившейся подъ начальствомъ Левальда въ Восточной Пруссіи. Русскій главнокомандующій, графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, рѣшилъ безпокоить Пруссаковъ въ зимнее время легкими набѣгами. По плану военныхъ дѣйствій предстояло занять Кёнигсбергъ и блокировать Пилау. Апраксинъ приказалъ конницѣ, подъ командою Румянцова и Ливена, вступить въ предѣлы Литвы, а затѣмъ, осмотрѣвъ ее, рѣшилъ перейти за Нѣманъ въ предѣлы Восточной Пруссіи, не ожидая результатовъ дѣйствій Фермора, направленнаго къ осадѣ Мемеля, который и сдался Фермору 24-го іюня. Это движеніе Фермора обезпокоило Прусскаго генерала Левальда, который стянулъ свои войска на укрѣпленную позицію при дер. Каленен̀ъ и Илишкенъ. Тѣмъ временемъ Апраксинъ занялъ Гумбинен̀ъ и Инстербургъ и затѣмъ, соединившись съ Ферморомъ близъ Инстербурга, у Старкене, двинулся на Алленбургъ, при чемъ 19-го августа 1757 г. произошло извѣстное сраженіе при Гроссъ-Егерсдорфѣ, на берегахъ р. Прегеля. Исходъ этого сраженія, клонившагося въ началѣ на сторону Пруссаковъ, былъ рѣшенъ тѣмъ, что два полка бригады Румянцова пробрались чрезъ болота, считавшіяся непроходимыми, ударили во флангъ Прусской пѣхоты, дали залпъ и бросились въ штыки, послѣ чего пруссаки пришли въ полное замѣшательство и обратились въ бѣгство. Апраксинъ почти не преслѣдовалъ ихъ,—по неимѣнію въ должномъ порядкѣ войскъ для преслѣдованія и по недостатку продовольствія. Левальдъ быстро отступилъ къ Велау, на р. Алле. Намѣреваясь обойти эту позицію справа, Апраксинъ двинулся выше Велау, но недостатокъ провіанта и особенно фуража для лошадей побудилъ собранный военный совѣтъ предпринять движеніе на Тильзитъ, чтобы еще осенью овладѣть м. Лабіау и рѣкою Дейме, съ цѣлью обезпечить арміи доставленіе всего необходимаго. Апраксинъ, пройдя чрезъ Тильзитъ, перешелъ рѣку Нѣманъ и расположился на зимнія квартиры. Онъ вскорѣ былъ отрѣшенъ отъ занимаемой должности и преемникомъ его

назначенъ былъ Ферморъ. Прибывъ въ армію 21-го октября 1757 г., Ферморъ занялся подготовленіемъ войскъ къ предстоявшей новой кампаніи, по плану которой предполагалось весною занять Тильзитъ, овладѣть Кёнигсбергомъ и плѣнить Прусскую армію. Занятіе Тильзита поручено было графу Румянцову. Зимою 1757—1758 года онъ неоднократно посѣщалъ кавалерійскіе полки, ему ввѣренные, наблюдалъ за ихъ занятіями, производилъ строгій разборъ людей, подготовленныхъ къ боевой службѣ, отъ неподготовленныхъ къ оной, а также разборъ лошадей по ихъ годности и т. д.,—словомъ, устраивалъ кавалерію и, на основаніи повелѣнія Конференціи двинуться въ Пруссію еще зимою, вступилъ уже въ январѣ 1758 въ ея предѣлы, занявъ 2-го января Тильзитъ; затѣмъ онъ направился на Лабіау и далѣе къ Кёнигсбергу съ войсками генерала Ивана Салтыкова и уже 11-го января 1758 г. занялъ окрестности и форштаты города. Фридрихъ II, не обративъ вниманія на это наступленіе русскихъ и выставивъ противъ Фермора армію въ 30.000 подъ командою Левальда, самъ обрушился сперва на австрійцевъ. Ферморъ, пользуясь этимъ, приказалъ графу Румянцову распорядиться и занять Эльбингъ, что̀ и было исполнено 20-го февраля, и направиться въ Столбцы, около Кёнигсберга, для организованія остальной кавалеріи и переформированія кирасирскихъ полковъ. графъ Румянцовъ выполнилъ это порученіе къ 16-му мая. Въ то время получено было изъ Петербурга предписаніе Конференціи Фермору дѣйствовать на Кюстринъ, войти въ сношеніе со Шведскими войсками и привести Фридриха II въ смущеніе, дѣйствуя одновременно на Штетинъ, Бреславль и Франкфуртъ на Одерѣ. Во исполненіе этого Ферморъ вступилъ тремя колоннами въ Пруссію, при чемъ кавалерія графа Румянцова прикрывала правый флангъ и тылъ нашей арміи, на маршѣ къ р. Нетцѣ, и демонстрировала по направленію къ Нижнему Одеру, чтобы утвердить пруссаковъ въ мнѣніи, что въ Помераніи военныхъ дѣйствій не будетъ. Графъ Румянцовъ занялъ г. Конницъ 5-го іюня и, двинувшись далѣе, обнаружилъ, что Прусская армія генерала фонъ-Дона, оттѣснивъ шведовъ, двигается на встрѣчу Фермору и подходитъ къ Шведту. Позднѣе были получены отъ нашего начальника Штофельна свѣдѣнія, что корпусъ Дона сосредоточивается между Кюстриномъ и Франкфуртомъ на Одерѣ. Ферморъ приказалъ графу Румянцову придвинуться къ главной арміи и самъ отошелъ къ Кёнигсвальду, гдѣ былъ созванъ военный совѣтъ, рѣшившій выдвинуть графа Румянцова впередъ къ Гамерау, для прикрытія арміи. Румянцовъ, усматривая трудность возлагаемой на него задачи, докладывалъ объ этомъ Фермору, но, получивъ подтвержденіе даннаго приказанія, началъ приближаться къ главнымъ силамъ и, подходя къ Ландсбергу, получилъ приказаніе наблюдать и за Кольбергомъ и, если возможно, занять его. Но сильный гарнизонъ Кольберга дѣлалъ исполненіе этого приказанія невозможнымъ. Графъ Румянцовъ вскорѣ занялъ мостъ чрезъ р. Одеръ у Шведта, на который было обращено все вниманіе Румянцова и Фермора, въ томъ предположеніи, что пруссаки ради переправы чрезъ Одеръ не замедлятъ попытаться овладѣть этимъ мостомъ. Между тѣмъ, пошли слухи, что Фридрихъ II самъ спѣшитъ на выручку Кюстрина, обложеннаго Ферморемъ, который, узнавъ объ этомъ, сталъ укрѣплять свои позиціи, съ цѣлью воспрепятствовать королю перейти р. Одеръ у крѣпости. Фридрихъ II быстро явился, осмотрѣлъ позиціи Фермора и рѣшилъ сдѣлать переправу у Гюстенбиза, чтобы, разрѣзавъ Русскую армію, разбить сперва Фермора, а затѣмъ и графа Румянцова, отрѣзаннаго уже отъ главной арміи. Послѣдовалъ 14/25-го августа безпримѣрный, жесточайшій бой при Цорндорфѣ, въ которомъ Фридрихъ II убѣдился, что Русскія войска можно скорѣе перебить, чѣмъ разбить. Ферморъ удержалъ всѣ занимаемыя имъ позиціи и только 16/27-го августа съ разсвѣтомъ выступилъ чрезъ Конницу къ Гроссъ-Камину на соединеніе съ графомъ Румянцовымъ, стоявшимъ въ Марвицѣ, что̀ доставило арміи нашей возможность безъ опасности достигнуть Ландсберга. Во время сраженія при Цорндорфѣ 14/25-го августа пруссаки усиленно демонстрировали къ Шведту. Графъ Румянцовъ заботился объ его удержаніи, тѣмъ болѣе, что получилъ отъ Фермора нѣсколько приказаній держать Шведтъ. Ночью съ 14-го на 15-е августа, узнавъ отъ бѣжавшихъ съ поля сраженія о затруднительномъ положеніи Фермора, изображенномъ ими въ мрачныхъ краскахъ, графъ Румянцовъ послалъ отрядъ Берга къ мѣсту Цорндорфскаго боя,

но это было уже поздно. По словамъ Д. Масловскаго, „теперь, когда весь ходъ сраженія вполнѣ выяснился, очевидно было, что графъ Румянцовъ могъ, не ожидая приказанія Фермора, выступить еще 13-го августа къ Цорндорфу, явиться во флангъ и тылъ пруссаковъ и тѣмъ содѣйствовать нанесенію имъ полнаго пораженія". „Но Румянцовъ этого не сдѣлалъ", пишетъ Екатерина II въ своихъ Запискахъ. По словамъ Ѳ. П. Лубяновскаго, предполагалось даже отдать графа Румянцова и весь его корпусъ подъ судъ, и Румянцовъ былъ, по его словамъ, даже вызванъ въ Петербургъ, но почему-то благополучно отдѣлался отъ генералъ-прокурора князя Н. Ю. Трубецкого.

Послѣ Цорндорфа армія наша пришла къ Ландсбергу, гдѣ 22-го августа былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ графъ Румянцовъ подалъ особое мнѣніе о расположеніи на зиму въ округахъ Познани по рѣкамъ Вартѣ и Проснѣ, въ которыхъ войска Ея Величества еще не бывали и, слѣдовательно, могли найти себѣ все необходимое для пропитанія. Въ то время, 5-го сентября, былъ полученъ указъ Конференціи сперва о занятіи зимнихъ квартиръ въ Бранденбургѣ, а затѣмъ о взятіи Кольберга и о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Дона и т. д. Но на военномъ совѣтѣ арміи 1-го сентября было рѣшено, что оставаться въ Бранденбургіи нельзя, а движеніе прямо къ Вислѣ навлечетъ гнѣвъ Императрицы, а потому надо избрать среднее—идти въ Померанію, стать лагеремъ у Старгардта и послать отрядъ войска занять Кольбергъ, важный пунктъ для подвоза всякихъ припасовъ въ Русскую армію. Напасть на Дона не представлялось возможнымъ по пребыванію его въ неприступныхъ мѣстахъ, съ превосходною кавалерію и артиллеріею; около рѣки Одера—отъ Кюстрина до Шведта—не имѣлось пропитанія и т. д. Отправленный къ Кольбергу генералъ Пальменбахъ не могъ имъ овладѣть, и Ферморъ со всею арміею отступилъ къ Вислѣ, гдѣ войска и расположились на зимнія квартиры.

Графъ Румянцовъ, перейдя Вислу, расположился въ Кульмѣ, Растенбургѣ и окрестныхъ мѣстахъ, командуя 3-ю дивизіею. Усмотрѣвъ въ генеральной диспозиціи неопредѣленность директивъ для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій, онъ вступилъ съ Ферморомъ по этому предмету въ переписку, не имѣвшую, однако, результатовъ. Ферморъ, въ началѣ января 1759 года, былъ вызванъ на короткое время въ Петербургъ, куда и направился, передавъ команду надъ арміею Фролову-Багрѣеву, а затѣмъ, для обсужденія плана будущей кампаніи, былъ вызванъ въ столицу и графъ Румянцовъ. Переходъ пруссаковъ въ наступленіе въ февралѣ мѣсяцѣ 1759 года побудилъ ихъ обоихъ отправиться изъ Петербурга на берега Вислы, гдѣ, по новому распредѣленію войскъ, былъ образованъ особый тыловой корпусъ для прикрытія отъ нападенія непріятелей военныхъ магазиновъ по Вислѣ и въ Восточной Пруссіи; этотъ корпусъ порученъ былъ графу Румянцову. На него, кромѣ того, были возложены и другія немаловажныя задачи по укомплектованію арміи и по снабженію ея, по наблюденію за Данцигомъ и управленію занятой нами Восточной Пруссіи, не сосредоточенному въ однѣхъ его рукахъ (управленіе оставалось въ рукахъ генерала Корфа), что представляло не мало затрудненій. По плану кампаніи 1759 года нашей арміи предстояло направиться прямо къ Саксонскимъ границамъ до самаго Одера. Наша армія 21-го апрѣля стала переправляться чрезъ Вислу, послѣ чего вскорѣ послѣдовало совершенно неожиданное назначеніе на мѣсто Фермора главнокомандующимъ Петра Семеновича Салтыкова, прибывшаго въ армію 19/30-го іюня 1759 года. Ферморъ изъявилъ желаніе остаться начальникомъ дивизіи подъ начальствомъ Салтыкова, военныя дѣйствія котораго ставились въ зависимость отъ дѣйствій Австрійской арміи, бывшей подъ начальствомъ Дауна. Салтыковъ двинулся на соединеніе съ Дауномъ, узнавъ, что ему угрожаетъ нападеніе со стороны пруссаковъ. При этомъ 12/23-го іюля 1759 г. онъ имѣлъ упорное сраженіе съ пруссаками при Пальцигѣ (или при р. Кай, или Цюллихау), въ которомъ пруссаки потерпѣли сильное пораженіе и отступили на лѣвый берегъ Одера. Въ этомъ сраженіи принималъ участіе и графъ Румянцовъ, ранѣе сдавшій командованіе тыловымъ корпусомъ Фролову-Багрѣеву. Послѣ сраженія русскія войска заняли Кроссенъ 16-го іюля, и тогда соединились съ ними и австрійскія войска, остававшіяся ранѣе этого въ бездѣйствіи. Салтыковъ 20-го іюля занялъ Франкфуртъ на Одерѣ и намѣревался послать графа Румянцова совершить набѣгъ на

Берлинъ,—для взятія военной контрибуціи, провіанта, быковъ, лошадей и пр. Приближеніе Фридриха II съ арміею на защиту его столицы побудило Салтыкова отказаться отъ этого намѣренія, а требованіе Дауна соединить русскую армію съ австрійскою на р. Бобрѣ заставило Салтыкова отступить къ Кроссену, при чемъ Фридрихъ II вскорѣ атаковалъ русскія войска 1/12-го августа на высотахъ Куннерсдорфа, у рѣки Одера. Графъ Румянцовъ, со второю дивизіею, занималъ центръ нашей позиціи и въ рѣшительную минуту бросился на прусскихъ кирасиръ и опрокинулъ ихъ, что̀ и содѣйствовало одержанію нами рѣшительной побѣды надъ Фридрихомъ II, котораго Салтыковъ преслѣдовалъ до самаго Франкендорфа. У пруссаковъ было захвачено 172 орудія, громадное количество огнестрѣльныхъ припасовъ и 5000 плѣнныхъ. Салтыковъ былъ возведенъ въ званіе фельдмаршала, а графъ Румянцовъ былъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго и, кромѣ того, получилъ отъ Императрицы Маріи-Терезіи 2000 червонцевъ. Армія наша послѣ такой битвы требовала отдыха и приведенія въ порядокъ матеріальной части; она не въ состояніи была двинуться на Берлинъ безъ содѣйствія Дауна, находившаго, что надо помышлять уже и о винтеръ-квартирахъ. Послѣ взаимныхъ объясненій обоихъ главнокомандующихъ рѣшено было сперва занять Дрезденъ, а затѣмъ двинуться въ Верхнюю Силезію и потомъ уже идти на Берлинъ. Дрезденъ вскорѣ сдался, и Даунъ, во исполненіе приказаній своего Двора, двинулся къ Бауцену, удалившись значительно отъ Салтыкова, который, придя въ негодованіе отъ движенія Дауна, самъ отошелъ къ Губену, откуда послалъ графа Румянцова къ Дауну для переговоровъ о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. По словамъ самого графа Румянцова, Даунъ изъявилъ готовность прислать Салтыкову вспомогательный отрядъ въ 10—12.000 человѣкъ, а также осадную артиллерію и обезпечить ему фуражъ и продовольствіе, въ которомъ Русская армія испытывала крайній недостатокъ; но это послѣднее далеко не было выполнено австрійцами: вмѣсто обѣщанныхъ 20.000 центнеровъ муки было поставлено въ Христіанштадтъ только 600 центнеровъ. Вскорѣ было получено извѣстіе, что Фридрихъ II спѣшитъ на соединеніе съ принцемъ Генрихомъ, а Даунъ, вмѣсто того, чтобы не допускать этого соединенія или поставить Фридриха II между двухъ огней, рѣшился идти къ рѣкѣ Эльбѣ въ Саксонію. Это удаленіе Австрійской арміи лишало Салтыкова возможности имѣть спокойныя зимнія квартиры въ Силезіи, а потому онъ перевелъ свою армію на правую сторону р. Одера и отошелъ до Прима, гдѣ и оставался до ноября, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ расквартированія. Конференція въ Петербургѣ упрекала его за отступленіе отъ данныхъ ему инструкцій и, подчиняясь все болѣе и болѣе вліянію Австрійскаго кабинета, приказала ему изъ состава арміи отдѣлить 20.000 человѣкъ въ распоряженіе Австрійскаго начальства. Ближайшая къ союзнику дивизія графа Румянцова была назначена къ выполненію этого приказанія, которое не состоялось, однако, по той причинѣ, что Лаудонъ вскорѣ отступилъ въ Австрію, а графъ Румянцовъ расположился на зиму на Вислѣ, отъ Грауденца до Эльбинга. Послѣ этого вскорѣ Салтыковъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его планъ дѣйствій на предстоящую кампанію 1760 г. не былъ одобренъ Конференціею [1]). По соглашенію съ Австріею, Конференція предписала арміи наступать по р. Одеру и искать соединенія съ австрійскими войсками между Глогау и Франкфуртомъ на Одерѣ. Графъ Румянцовъ, получивъ командованіе 1 дивизіею (бывшею Фермора), названною теперь 2-ю, занялъ 1-го іюня г. Познань, гдѣ вскорѣ собралась вся армія. Тутъ было получено Салтыковымъ предписаніе Конференціи отъ 18-го іюля скорѣе наступать на г. Бреславль и соединиться съ австрійцами. Однако, въ виду измѣнившагося положенія австрійцевъ, Конференція вскорѣ, 22-го августа, предписала Салтыкову перенести операціи въ Померанію. Между тѣмъ, фельдмаршалъ Лаудонъ и первый министръ Маріи-Терезіи князь Кауницъ требовали, чтобы Салтыковъ осадилъ Глогау, а Даунъ—привлеченія Салтыковымъ на себя войскъ Фридриха II и принца Генриха, чтобы тѣмъ дать себѣ возможность пройти къ Швейдницу. На созванномъ Салтыковымъ военномъ совѣтѣ признано было невозможнымъ овладѣть Глогау по неимѣнію къ тому осад-

[1]) Онъ предлагалъ овладѣть Помераніею до крѣпостей по рѣкѣ Одеру, занять Данцигъ и осадить Кольбергъ, прикрывая его осаду главною арміею, а послѣ приступить къ осадѣ одной изъ крѣпостей по Одеру.

ныхъ средствъ, и рѣшено было а) образовать отряды: одинъ—для набѣга на Берлинъ, а другой—для операцій подъ Кольбергомъ; б) главнымъ силамъ — слѣдовать по обоимъ берегамъ р. Одера и в) дивизію графа Румянцова направить по правому берегу рѣки Одера для прикрытія артиллеріи и обоза. Дѣйствія противъ Кольберга успѣха не имѣли. Первый набѣгъ на Берлинъ, произведенный генераломъ Тотлебеномъ, былъ неудаченъ, но произведенный позже графомъ З. Г. Чернышевымъ былъ успѣшенъ: Берлинъ сдался на капитуляцію 27-го сентября (8-го октября); съ города была назначена контрибуція въ 1.500.000 талеровъ. Получивъ, однако, извѣстіе, что Фридрихъ II спѣшитъ къ Берлину, Чернышевъ отступилъ и прибылъ во Франкфуртъ 3/14-го октября, куда подошелъ и графъ Румянцовъ. Слухъ о приближеніи Фридриха II озаботилъ Салтыкова; онъ рѣшилъ отступить за Варту и расположиться около Ландсберга, зная, что уже назначенъ ему преемникъ, именно генералъ-фельдмаршалъ Александръ Бутурлинъ, прибывшій въ армію 14/25-го октября. Бутурлинъ убѣдился, что, по недостатку средствъ пропитанія, невозможно зимовать въ Помераніи, и потому предписалъ арміи, согласно заключенію военнаго совѣта, двинуться къ Вислѣ, при чемъ графъ Румянцовъ со своею дивизіею расположился въ Грауденцѣ и его окрестностяхъ.

Зима 1760—1761 года прошла спокойно. Конференція полагала начать кампанію весною—взятіемъ Кольберга, а затѣмъ совершить переходъ чрезъ р. Одеръ, двинуться къ Берлину и захватить Кюстринъ. Она соглашалась двинуть главныя силы въ Силезію, но идти не далѣе Бреславля. Кампанію 1761 г. союзники начали неудачно; французскій маршалъ дюкъ де-Брольи былъ недопущенъ въ Ганноверъ; австрійцы были отброшены къ Бамбергу и разобщены отъ русской арміи, стоявшей еще у Вислы; Бутурлинъ только-что стягивалъ свои силы на правомъ берегу Вислы, какъ получилъ отъ Конференціи приказаніе двинуться на соединеніе съ Лаудономъ, отправивъ въ то же время графа Румянцова, съ отдѣльнымъ корпусомъ, осаждать Кольбергъ и снабдивъ его инструкціею для дѣйствія въ Помераніи. Графъ Румянцовъ, съ отрядомъ около 11.000 чел., переправился 15/26-го мая 1761 г. чрезъ Вислу, занялъ Кеслинъ и, организовавъ особый осадный корпусъ, приступилъ къ овладѣнію Кольбергомъ, въ которомъ имѣлся гарнизонъ въ 5.000 человѣкъ подъ командою г. Гедике; кромѣ того, близъ Кольберга, въ укрѣпленномъ лагерѣ, на правомъ берегу р. Персанты, стоялъ значительный корпусъ прусскихъ войскъ въ 12.000 человѣкъ подъ начальствомъ принца Виртембергскаго и генерала Платена. Скоро подошелъ къ Кольбергу нашъ флотъ, подъ начальствомъ Полянскаго, съ десантомъ въ 6.000 человѣкъ и съ осадною артиллеріею; все это было свезено на берегъ въ началѣ августа, послѣ чего графъ Румянцовъ открылъ дѣйствія противъ корпуса герцога Виртембергскаго, разбилъ его кавалерію при Трептовѣ 3/14-го сентября и попытался овладѣть передовыми укрѣпленіями Кольберга 7/18-го сентября. Попытка эта оказалась неудачною, послѣ чего, на созванномъ военномъ совѣтѣ, было постановлено снять осаду и слѣдовать къ р. Вартѣ и Нетце. Графъ Румянцовъ положительно не допускалъ мысли объ отступленіи; онъ рѣшилъ приступить къ постепенной атакѣ Прусскаго лагеря, усиленно бомбардировать Кольбергъ, держать его гарнизонъ въ строгой блокадѣ и требовать отъ Бутурлина подкрѣпленія для охраны тыла отъ дѣйствій корпуса Платена, угрожавшаго сообщеніямъ графа Румянцова съ Вислою и Рюгенвальдомъ. Та же мысль о снятіи осады высказывалась и на военномъ совѣтѣ 28-го сентября (2-го октября), созванномъ послѣ того, какъ Платену удалось уклониться отъ высланнаго противъ него отряда князя Долгорукова и, быстро отступивъ подъ Кольбергъ, утвердиться на прилегающихъ высотахъ и войти въ сношеніе съ герцогомъ Виртембергскимъ. Но графъ Румянцовъ не раздѣлялъ мысли объ отступленіи, несмотря даже на то, что сильная буря 30-го сентября разбросала всѣ корабли Полянскаго и побудила его отойти отъ Кольберга. Графъ Румянцовъ сталъ рѣшительно дѣйствовать на сообщенія Кольберга со страною и тѣмъ вскорѣ принудилъ Платена съ корпусомъ отойти къ Нижнему Одеру. Затѣмъ Румянцовъ принудилъ 14/25-го октября генерала Кноблоха сдаться ему со всѣмъ отрядомъ. Принцъ Виртембергскій, стѣсненный строгою блокадою Румянцова, незамѣтно отошелъ отъ Кольберга. Тѣмъ временемъ Бутурлинъ сообщилъ графу Румянцову, что,

отказавшись отъ всякихъ демонстрацій, онъ отступаетъ къ Вислѣ, направивъ одинъ корпусъ на Варту для прикрытія Познани, а другой, въ 40.000,—для усиленія корпуса графа Румянцова. Послѣдній энергично повелъ осаду Кольберга по обѣимъ сторонамъ р. Персанты. Вскорѣ наступила зима и холодъ Нападеніе принца Виртембергскаго и Платена 1/12-го декабря на Трептовъ, занятый войсками графа Румянцова, было отбито, послѣ чего храбрый комендантъ Кольберга сдался на капитуляцію 5/16-го декабря со всѣмъ гарнизономъ числомъ въ 2.815 человѣкъ. Донесеніе графа Румянцова о взятіи Кольберга было, по Высочайшему повелѣнію, напечатано и разослано по Имперіи чрезъ Правительствующій Сенатъ 25-го декабря 1761 года. Побѣдитель не былъ ничѣмъ награжденъ за взятіе Кольберга,—вѣроятно потому, что въ этотъ самый день (т.-е. 25-го декабря 1761 года) Императрица Елисавета Петровна скончалась и на престолъ вступилъ ея племянникъ, Петръ III Ѳеодоровичъ, великій приверженецъ Фридриха II. На мѣсто Бутурлина, отправившагося изъ арміи въ Петербургъ 27 го декабря 1761 года, былъ назначенъ 4/15-го января 1762 года любимецъ арміи П. С. Салтыковъ, а графъ Румянцовъ экстренно вызванъ въ Петербургъ. Сдавъ весь корпусъ свой князю Волконскому, онъ отбылъ изъ арміи и былъ очень милостиво принятъ новымъ Императоромъ, возложившимъ на него орденъ Св. Андрея Первозваннаго и произведшимъ графа въ генералъ-аншефы. Затѣмъ, особымъ рескриптомъ отъ 25-го февраля 1762 г. ему было предписано приготовить корпусъ „къ извѣстному назначенію“, при чемъ Салтыковъ и гр. П. И. Панинъ должны были во всемъ ему содѣйствовать. Особымъ рескриптомъ отъ 21-го мая 1762 года графу Румянцову указывалось, что онъ долженъ быть „какъ можно въ большей готовности къ полученію силою отъ Даніи того, намъ принадлежащаго, къ полученію чего добровольно употреблены были уже послѣднія средства, и что онъ долженъ распоряженіе сдѣлать, какими мѣстами до Голштиніи маршировать и гдѣ по тому путевымъ и настоящимъ магазинамъ быть“. Онъ долженъ былъ вступить въ Мекленбургъ ранѣе появленія датчанъ въ этой мѣстности. По прибытіи на мѣсто въ армію, ему надлежало сдѣлать немедленно производство оберъ-офицерское, а о штабъ-офицерахъ, что̀ кому слѣдуетъ, представить Императору на основаніи указа 2-го марта 1762 г.

Графъ Румянцовъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ возвратился къ войскамъ въ Померанію и приступилъ къ исполненію данныхъ ему приказаній; ему предстояло занять Висмаръ и Шверинъ и въ началѣ іюля утвердиться въ Мекленбургѣ съ арміею въ 50.000 человѣкъ. Графъ Румянцовъ ни однимъ словомъ не возражалъ противъ непреклонной воли Монарха, не вмѣшиваясь въ политику, для него чуждую, быстро приводилъ въ исполненіе получаемыя имъ приказанія и въ концѣ іюня мѣсяца 1762 года былъ уже на пути къ Анкламу и Штетину, когда получилъ манифестъ за подписью новой Императрицы—отъ 28-го іюня 1762 г., которымъ ему сообщалось о вступленіи на престолъ супруги Петра III, Императрицы Екатерины II, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось сдать немедленно команду графу П. И. Панину и немедленно же явиться въ Петербургъ. Графъ Румянцовъ, донеся, что ввѣренныя ему войска приведены имъ къ присягѣ, испрашивалъ у Императрицы увольненія своего въ отставку. Получивъ отъ нея собственноручное письмо, въ которомъ Императрица Екатерина позволяла ему для излѣченія жить въ деревнѣ или ѣхать на воды, графъ Румянцовъ нашелъ для себя удобнымъ продолжать службу и завѣрялъ ее: „благополучіе мое и спасеніе со всѣми моими соотчичами заключается въ особѣ Вашего Императорскаго Величества“.

Лишеніе графа Румянцова командованія корпусомъ и отозваніе его отъ арміи, конечно, было для него огорчительно, по словамъ князя Гр. Гр. Орлова, но объясняется тогдашней необходимостью смѣнить его для новаго правительства, которому опасно было оставлять во главѣ значительнаго отряда лицо, отличавшееся своею преданностію только-что свергнутому Императору. Графъ П. А. Румянцовъ, получивъ, какъ упомянуто, дозволеніе или ѣхать къ цѣлительнымъ водамъ, или жить въ деревнѣ, никуда, однако, не уѣхалъ, а проживалъ въ Данцигѣ, увлеченный одною изъ его обывательницъ, ради которой измѣнилъ своей супругѣ, намѣревался покинуть службу, и, пребывая въ Данцигѣ или въ иномъ мѣстѣ, даже оставить свое отечество. Въ началѣ слѣдующаго, 1763 года графъ Румянцовъ просилъ уже полнаго увольненія

отъ службы по своему болѣзненному состоянію. Императрица Екатерина II, зная, что Румянцовъ въ арміи Апраксина считался въ числѣ лучшихъ полковниковъ и немало отличился своими военными дѣйствіями въ минувшую Семилѣтнюю войну, а также взятіемъ Кольберга, не пожелала лишиться такого генерала и письмомъ изъ Москвы 13-го января 1763 г. предлагала графу Румянцову пріѣхать въ Москву, если его здоровье это дозволяетъ, добавляя, что онъ „будетъ принятъ съ тою отмѣнностію, которую его заслуги отечеству и его чинъ требуютъ". Графъ Румянцовъ, хотя и обѣщалъ Императрицѣ пріѣхать, но медлилъ исполненіемъ своего обѣщанія, что было непріятно его матери, которую, какъ видно изъ писемъ ея къ сыну, Императрица Екатерина II спрашивала не разъ о времени прибытія ея сына въ Россію.

Наконецъ графъ Румянцовъ рѣшился покинуть Данцигъ и возвратиться въ Петербургъ, что̀ не мало удивило Дворъ, по словамъ Сольмса, который объяснялъ это возвращеніе содѣйствіемъ графа Гр. Гр. Орлова и любезностію Екатерины II къ фавориту и добавлялъ, что „Румянцовъ съ его надменнымъ нравомъ и рѣшительнымъ тономъ едва ли долго удержится, благодаря только своимъ достоинствамъ". Эти слова Сольмса оправдались только отчасти: графъ П. А. Румянцовъ, очень ласково принятый Императрицею, остался недолго при Дворѣ; въ 1764 г. онъ, по прошенію, былъ уволенъ на годъ для излѣченія болѣзни, съ дозволеніемъ жить, гдѣ пожелаетъ, т.-е., въ отечествѣ или ѣхать за границу. Однако, Румянцовъ никуда не поѣхалъ и въ концѣ того же 1764 г. былъ назначенъ правителемъ Малороссіи, куда и отправился въ концѣ того же года, откланявшись Ея Величеству 21-го декабря 1764 года. Дорогою, близъ Москвы, онъ былъ опрокинутъ вмѣстѣ со своимъ экипажемъ, получилъ значительные ушибы, заставившіе его промедлить не мало въ Москвѣ, и только 8-го апрѣля 1765 г. прибылъ въ Глуховъ, главный въ то время городъ Малороссіи, откуда и послалъ 20-го апрѣля свое первое донесеніе Ея Величеству о ввѣренномъ ему краѣ, въ которомъ предполагалось совершить не мало преобразованій. Какъ извѣстно, по присоединеніи Малороссіи, въ гетманство Богдана Хмѣльницкаго, къ Россіи въ 1682 г., начинаютъ проявляться стремленія со стороны Русскаго правительства объединить по возможности новую присоединенную окраину съ остальнымъ государствомъ. Такъ, при Петрѣ I уже была учреждена въ 1722 г. особая Малороссійская Коллегія, подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова, явившагося на дѣлѣ правителемъ всей Украйны, а въ 1722 году, по смерти гетмана Скоропадскаго, 3-го іюля 1722 года, выборы гетмана были отложены на неопредѣленное время, а исполненіе его обязанностей поручено Полуботку съ генеральною старшиною, съ тѣмъ, чтобы онъ во всѣхъ дѣлахъ совѣщался съ Вельяминовымъ. Хотя, послѣ смерти Петра I, Малороссійская Коллегія была упразднена и гетманомъ Малороссіи былъ избранъ въ 1726 году Даніилъ Апостолъ, но и при немъ состоялъ особый резидентъ (сперва Наумовъ, а потомъ Нарышкинъ), замѣнившій собою гетмана послѣ смерти Апостола въ 1737 г. Лѣтъ чрезъ десять, при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, гетманство было возстановлено въ лицѣ ея любимца графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, при чемъ главнымъ центральнымъ управленіемъ края явилась Генеральная или Войсковая Канцелярія, съ войсковымъ писаремъ во главѣ и Генеральный Судъ. Такой порядокъ просуществовалъ до Императрицы Екатерины II, когда, въ видахъ объединенія съ Имперіею и обрусенія провинцій, имѣвшихъ свои особенные законы, были приняты также мѣры, чтобы и въ Малороссіи „во вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бы персона какая была произведена въ это достоинство". Графъ К. Г. Разумовскій вскорѣ отказался отъ гетманства; одновременно съ его увольненіемъ манифестомъ 10-го ноября 1764 г. было объявлено объ учрежденіи снова Малороссійской Коллегіи и о назначеніи графа П. А. Румянцова, „яко генералъ-губернаторомъ и Президентомъ означенной Коллегіи". Вмѣстѣ съ этимъ выражалось упованіе, что народъ Малороссійскій, „видя наше толикое объ немъ матерное попеченіе, не оставитъ оное принять съ тою подданническою благодарностью, которой Мы отъ него несумнѣнно ожидаемъ". При этомъ назначеніи графу Румянцову была дана Императрицею въ ноябрѣ 1764 года особая секретная инструкція, такъ какъ одно губернаторское наставленіе, недавно

изданное, было для него недостаточно, „ибо состояніе вашей губерніи отъ другихъ весьма разнствуетъ“. Это наставленіе могло быть отъ времени до времени дополняемо посылаемыми къ нему секретными повелѣніями. Главныя положенія этой инструкціи заключались въ слѣдующемъ. Исходя изъ того, что въ Малороссіи получается очень мало дохода (даже излишній расходъ въ 48.000 рублей), Императрица поручала графу Румянцову: 1) произвести полное камерально-статистическое описаніе страны; 2) прекратить переходъ поселянъ съ одного мѣста на другое, а также всякій непорядокъ, отъ перепутаннаго правленія происходящій; 3) развивать всѣми мѣрами промыслы и торговлю и 4) обратить вниманіе на продовольствіе края солью, на неправильное истребленіе лѣса, на его сбереженіе и новые его посѣвы; 5) наблюдать за благоустройствомъ городовъ, прекращать заразительныя болѣзни; 6) по смежности края съ Турціею и Польшею принять мѣры къ прекращенію побѣговъ въ эти государства и къ охраненію общей отъ нихъ безопасности; 7) обратить особенное вниманіе на политическія обстоятельства края: всѣ возникающія въ немъ смуты и ненависть малороссіянъ къ великоруссамъ происходятъ отъ слуховъ и толкованій нерѣдко ложныхъ, вызываемыхъ новыми мѣрами, принимаемыми для пресѣченія прежнихъ безпорядковъ и корыстолюбій; 8) пока время откроетъ народу глаза и докажетъ ему пользу принимаемыхъ правительствомъ мѣръ, необходимо стараться объ уменьшеніи сокровенной ненависти народа Малороссіи противъ здѣшняго, о пріобрѣтеніи довѣрія народа правосудіемъ, безкорыстіемъ, снисхожденіемъ, ласкою и т. д.; 9) необходимо всемѣрно стараться правильно устроить взимаемые съ народа повинности и сборы, имѣть свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ народныхъ поборовъ и другихъ податей и доходовъ, а также ввести бережливость и законномѣрность въ расходахъ. „Теперь же доходы скарба (то-есть Малороссійской казны) въ самовольномъ расхищеніи, народъ въ разореніи, войско въ худомъ состояніи, безъ порядковъ, и множество земли, опредѣленное на урядъ полковъ, обращено въ вотчины главныхъ и низшихъ чиновниковъ“. Исправить все это является трудомъ великимъ, „ибо не всегда можно употреблять власть ввѣренную, болѣе приходится изворачиваться средствами снисхожденія, смотря по дѣлу, времени и человѣку, а для того необходимо имѣть и волчьи зубы, и лисій хвостъ“; 10) содержать границу въ надлежащей безопасности отъ набѣговъ и нападеній непріятельскихъ и воровскихъ; предостерегать переходы и побѣги за границу; не допускать огорченій выходцамъ изъ Польской границы; 11) накрѣпко смотрѣть и провѣдывать тайно, нѣтъ ли кому утѣсненій всякаго рода въ судахъ; 12) въ губерніи имѣть двухъ докторовъ, а по городамъ—потребное число лекарей и учениковъ; учредить аптеки, гдѣ необходимо. Въ губерніи для предосторожности отъ падежа скота и лошадей имѣть двухъ или хотя бы одного иностраннаго искуснаго коновала и придать ему изъ молодыхъ людей—учениковъ; 13) въ городахъ учредить магистраты и ратуши по примѣру Европейскихъ городовъ и поручить имъ полицію, благоустройства и благочинія; 14) заботиться объ исправности проѣзжихъ дорогъ, строить постепенно мосты каменные; 15) исподволь осушать болота и обращать ихъ въ удобныя для земледѣлія земли; въ степяхъ насаждать разнаго рода лѣса; 16) составить описаніе судоходныхъ рѣкъ по губерніи, предположенія объ ихъ взаимномъ соединеніи, а также подробную ландкарту водяныхъ путей и сообщеній; 17) имѣть на казенномъ жалованьѣ искуснаго строителя всякихъ машинъ и мельницъ; 18) собрать свѣдѣнія о торговыхъ людяхъ и купцахъ всякаго рода и ихъ капиталахъ, а также о всякаго рода ремесленникахъ и охранять ихъ отъ всякихъ притѣсненій и обидъ; прилежно наблюдать о заграничномъ торгѣ и о торговомъ балансѣ, стараясь обращать его и умножать въ нашу сторону; 19) развивать производство и разведеніе многихъ растеній, имѣющихъ сбытъ, а также овцеводство для шерсти и знать обстоятельно о состояніи земель владѣльческихъ и войсковыхъ; 20) наблюдать за дѣйствіемъ духовенства и помогать ему въ дѣлѣ вкорененія въ народѣ страха Божьяго, узнавать о вліяніи и власти духовенства на народъ и представлять кандидатовъ на вакансіи архіереевъ; учредить по церквамъ книги метрическія, о вступившихъ въ бракъ, объ умершихъ и т. д.

Одно уже исполненіе этого наставленія должно было поглотить всю дѣятельность графа Румянцова, а между тѣмъ онъ вскорѣ былъ отвлеченъ начавшимися войнами съ Турціею, обратившими его вниманіе совсѣмъ на другіе предметы. Кромѣ того, онъ призналъ еще отъ себя необходимымъ обратить вниманіе и на другія потребности ввѣреннаго ему края, усмотрѣнныя имъ уже на мѣстѣ.

По прибытіи 8-го апрѣля 1765 года въ Глуховъ графъ Румянцовъ немедленно совершилъ объѣздъ по своему генералъ-губернаторству и, усмотрѣвъ плохое состояніе дорогъ, особенно по большимъ плотинамъ и гатямъ у мельницъ, далъ предписаніе Малороссійской Коллегіи отъ 12-го іюня о содержаніи дорогъ въ надлежащей исправности, а затѣмъ 25-го іюня представилъ Ея Величеству записку объ усмотрѣнныхъ имъ въ Малой Россіи недостаткахъ и о необходимыхъ переустройствахъ. Императрица нѣкоторыя его предположенія утвердила, какъ, напримѣръ, предположенія приступить 1) къ правильному сооруженію каменныхъ построекъ въ городахъ и къ урегулированію ихъ плановъ; 2) къ преобразованію полиціи въ городахъ, возложивъ ее на одного изъ бургомистровъ; 3) къ заведенію въ городахъ художествъ и ремеселъ съ особыми привилегіями и опредѣленіемъ числа таковыхъ въ каждомъ городѣ; 4) къ разведенію полезныхъ животныхъ и растеній, заведенію пороховыхъ заводовъ по обилію селитры; 5) къ устройству почтъ по всей Малороссіи; 6) къ учрежденію для сбереженія лѣсовъ, надзора за ними и выпискѣ искусныхъ лѣсоводовъ. Другія предположенія Румянцова повелѣно было для разсмотрѣнія передать: одни—въ Правительствующій Сенатъ, какъ-то объ учрежденіи двухъ судовъ въ Малороссіи вмѣсто одного; объ учрежденіи различныхъ богоугодныхъ заведеній, какъ-то больницъ для увѣчныхъ, безумныхъ, требующихъ призрѣнія; другія—въ Комиссію о Коммерціи (предположенія объ обложеніи акцизомъ всѣхъ припасовъ, потребляемыхъ въ городахъ, о пересмотрѣ существующихъ тарифовъ). Третій родъ предположеній былъ переданъ въ Коммиссію Духовную, какъ-то: объ отобраніи монастырскихъ имѣній и о назначеніи монастырямъ взамѣнъ оныхъ извѣстнаго денежнаго содержанія; о приспособленіи нѣкоторыхъ монастырей къ воспитанію дѣвицъ; о заведеніи первоначальныхъ школъ въ городахъ и селахъ; объ учрежденіи для Малороссіи заведенія вродѣ шляхетскаго Корпуса, а также школы музыки. Наконецъ, нѣкоторыя предположенія Румянцова были вовсе отклонены Ея Величествомъ, какъ-то: о назначеніи главнокомандующаго артиллеріею въ казачьемъ войскѣ, объ отобраніи въ казну обнесенныхъ валомъ мѣстечекъ, розданныхъ частнымъ лицамъ, объ отобраніи данныхъ служащимъ маетностей, съ назначеніемъ имъ взамѣнъ оныхъ опредѣленнаго жалованья; кромѣ того, были предположенія измѣненныя Императрицею: такъ, графъ Румянцовъ предлагалъ возвратить въ казну всѣ города, розданные частнымъ владѣльцамъ, и деревни, розданныя ратушамъ; Императрица разрѣшила отобрать города и деревни, только пожалованные не государевымъ указами. Равнымъ образомъ предположеніе о введеніи различныхъ привиллегій по нѣкоторымъ городамъ, для ихъ возстановленія, Императрица поручила разсмотрѣть и выяснить, не лучше ли въ политическомъ и коммерческомъ видѣ заводить въ пристойныхъ мѣстахъ новые города.

Осмотрѣвъ ввѣренный ему край, графъ Румянцовъ предпринялъ въ томъ же году осмотръ его границъ въ военно-политическомъ отношеніи, начавъ таковой съ нашихъ границъ съ Турціею. Онъ нашелъ наши крѣпости, тутъ расположенныя, неудовлетворительными, а селенія внутри линіи—довольно хорошими, но не усматривалъ средствъ сохранить ихъ при войнѣ. Равнымъ образомъ онъ призналъ не только труднымъ содержать нашу армію за Днѣпромъ, но даже невозможнымъ. За линіею онъ полагалъ пресѣчь вовсе заселеніе и дозволить имѣть тамъ только скотоводство и подвижные хутора для жителей, кои твердо осѣдлы внутри линіи, и т. д.

Возвратясь послѣ этого объѣзда 26-го ноября 1765 г. въ Глуховъ, графъ Румянцовъ приступилъ къ исполненію данной ему Высочайшей инструкціи и прежде всего занялся составленіемъ правилъ для штабъ-офицеровъ, которыхъ онъ предполагалъ послать въ полки для учиненія генеральной описи Малороссіи, столь теперь научно извѣстной, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и цѣль этой описи или ревизіи: она производилась единственно для освобожденія людей отъ

дошедшихъ до крайности отягощеній со стороны старшины, для лучшаго впредь извѣстія о породѣ (т.-е., о происхожденіи) всякаго человѣка, для отысканія неправаго и паче „гвалтоваго“ (т.-е., насильственнаго) отнятія земель и приведенія всѣхъ сихъ дѣлъ, на вѣчныя времена, въ твердое и надлежащее состояніе. Кромѣ того, ревизія должна была доставить о странѣ точныя свѣдѣнія, отсутствіе которыхъ ставило въ затрудненіе главное управленіе Малороссіею при осуществленіи необходимыхъ правительственныхъ распоряженій. Главною цѣлью переписи являлось также разграниченіе казаковъ отъ посполитыхъ (обыкновенныхъ крестьянъ-поселянъ) и закрѣпленіе тѣхъ и другихъ въ ихъ положеніи, съ тѣмъ, чтобы отстранить вредные переходы крестьянъ и удержать казаковъ въ ихъ званіи, не уменьшая ихъ численности. При переписи надлежало обратить вниманіе и точно записывать,—какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ,— составъ населенія и семейное положеніе каждаго, точно описать число обывателей, число домовъ и хатъ, число всякаго скота и всякаго имущества вообще; ни отъ кого ничего не слѣдовало отбирать; отнюдь не должно было входить въ разборъ могущихъ возникнуть или быть заявленныхъ споровъ и притязаній, но только записывать, оставляя до резолюціи все во владѣніи тѣхъ же лицъ, за кѣмъ что̀ нынѣ состоитъ. Всѣ должны были содѣйствовать успѣху описи, объявлять все, что отъ нихъ будутъ спрашивать, ничего не утаивать и т. д. При такомъ описаніи городовъ, мѣстечекъ, селъ, деревень и хуторовъ надлежало по возможности присутствовать полковымъ старшинамъ, поступавшимъ въ отношеніи переписи подъ начальство особыхъ посланныхъ для этого штабъ-офицеровъ изъ великороссіянъ. Они, повидимому, усердствовали исполнить въ скорѣйшемъ времени возложенное на нихъ порученіе, но новость самаго дѣла породила всякіе толки въ народѣ и недоумѣнія въ исполнителяхъ, обращавшихся за разъясненіями къ графу П. А. Румянцову. Наступившее позднее осеннее время къ тому же дѣлало невозможнымъ производство точныхъ измѣреній земель посредствомъ межевыхъ инструментовъ. Все это было причиною, что работы по переписи затянулись до 1769 года, когда возникшая съ Турціей война положила конецъ этимъ работамъ. Матеріалъ, собранный штабъ-офицерами, былъ сложенъ въ архивъ, и даже при графѣ П. А. Румянцовѣ былъ въ безпорядкѣ, приводившемъ самого его въ изумленіе, оставаясь незаконченнымъ. Позднѣе же собранный матеріалъ былъ, такъ сказать, брошенъ, не взирая на его важность, и преданъ забвенію до такой степени, что считался погибшимъ. Относительно недавно А. М. Лазаревскій нашелъ часть этой переписи, именно 148 фоліантовъ въ тысячу листовъ каждый, въ Архивѣ Черниговской Гражданской Палаты и передалъ въ библіотеку Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета., откуда большая часть „Описи“ передана была въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, гдѣ хранится и нынѣ, привлекая къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Лишнее добавлять, что эта перепись практически управленію Малороссіей при графѣ Румянцовѣ никакой пользы не принесла.

Въ томъ же году графъ Румянцовъ передалъ Малороссійской Коллегіи записку „о усмотрѣнныхъ имъ въ Малой Россіи недостаткахъ и неустройствахъ, о исправленіи которыхъ Коллегіи трактовать должно“. Записка эта является какъ бы сводомъ секретной инструкціи, ему данной, и высказаннаго въ запискѣ, представленной имъ Императрицѣ 18-го мая (о которой упомянуто выше), о замѣченныхъ имъ въ Малороссіи недостаткахъ и необходимыхъ переустройствахъ. Коллегія отнеслась со вниманіемъ къ этой запискѣ своего президента и взгляды свои на указанія графа Румянцова включила немного позднѣе въ Наказъ, врученный за подписью Румянцова депутату отъ Малороссіи въ Коммиссію составленія Проекта Новаго Уложенія, П. Д. Натальину.

Въ томъ же 1765 г. графъ Румянцовъ издалъ отъ имени Малороссійской Коллегіи указъ объ учрежденіи по всей Малороссіи конной почты для надобности казенной и частной, а также Уставъ объ этой почтѣ (ранѣе этого существовало только почтовое сообщеніе г. Кіева съ Петербургомъ, Москвою, Глуховомъ и Царьградомъ). Этотъ Уставъ о почтѣ графа Румянцова (позднѣе подтвержденный указомъ 21-го октября 1786 года) вводилъ почтовые тракты: изъ Глухова въ Кіевъ, Полтаву, Стародубъ, Черниговъ, Переяславль; изъ Кіева—въ Стародубъ и Полтаву; изъ Полтавы—въ Черни-

говъ, также изъ Александровской крѣпости въ Крымъ. Почтою могли пользоваться купцы въ пересылкѣ товаровъ, а также всякаго званія и чина люди не больше, однако, 10 пуд. клади и двухъ лошадей; желавшіе имѣть болѣе лошадей должны были заранѣе увѣдомлять о томъ почтмейстера. Были установлены табели о платежѣ денегъ за вѣсъ съ товаровъ и писемъ и табель прогонныхъ денегъ за лошадей, доставляемыхъ на почту обывателями. Въ 1776 г. Румянцевъ сдѣлалъ распоряженіе объ уменьшеніи на нѣкоторыхъ станціяхъ числа лошадей, въ виду уменьшенія гоньбы за наступившимъ мирнымъ временемъ (28-го апр. Арх. Малор. Колл., 2650), а затѣмъ, усмотрѣвъ, что ему доставляются съ почты письма съ поврежденными печатями или подпечатанныя, предписалъ Малороссійской Коллегіи и Глуховскому Почтовому Правленію въ 1780 г., чтобы не вскрывали самовольно на почтѣ письма и не подпечатывали бы ихъ (д. № 2640 и 2658).

Позднѣе графъ Румянцовъ (въ 1787 г.) обратилъ вниманіе на неравномѣрность обращенія почтовой повинности по ввѣреннымъ ему тремъ губерніямъ и предписалъ для ея уравненія, чтобы губерніи, по сношенію между собою, опредѣлили, какое число лошадей будетъ содержано каждою изъ нихъ и на какихъ станціяхъ. Румянцовъ же учредилъ и верстовые столбы по дорогамъ.

Упомянемъ также, что въ томъ же 1765 году изъ Сената, при указѣ 31-го мая, было прислано графу Румянцову подробное наставленіе, какъ разводить земляные яблоки, *potetes именуемые*, т.-е. картофель, а затѣмъ прислано было до 12 пудовъ самаго картофеля. Графъ Румянцовъ предложилъ этотъ указъ къ немедленному исполненію; картофель былъ поставленъ въ казенный погребъ, въ которомъ не малая часть его померзла; небольшая часть годнаго, около двухъ пудовъ, была роздана желающимъ заняться разведеніемъ этого растенія, появлявшагося тогда въ первый разъ въ Малороссіи (Арх. Малор. Колл., № 2651, 1263).

Въ началѣ 1766 г. графъ Румянцовъ отправился въ Петербургъ, куда былъ вызываемъ Императрицею еще въ концѣ 1765 года, для обсужденія различныхъ дѣлъ. Изъ Петербурга онъ проѣхалъ въ Лифляндію, въ свое имѣніе Буршневъ, гдѣ, по разсказамъ, пребывала близкая ему особа изъ Данцига, и возвратился въ Малороссію лишь въ концѣ октября мѣсяца. Онъ призналъ полезнымъ, въ виду большой волокиты въ судахъ и причиняемаго ею разоренія казаковъ и коронныхъ мѣстечекъ, селъ и деревень, учредить въ мартѣ 1767 г., при Малороссійской Коллегіи и судѣ генеральномъ, четырехъ адвокатовъ, для помощи бѣднымъ людямъ, лишеннымъ способовъ защищать свою пользу. Кромѣ того, онъ заботился о водвореніи въ Малороссіи колонистовъ въ Переяславскомъ полку, на форштадтахъ Кіево-Печерской крѣпости и въ пустомъ городкѣ Бѣлыя Вежи, а также проектировалъ рядъ правилъ объ упорядоченіи перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, причемъ самымъ существеннымъ являлось правило, что безъ дозволенія правительства таковой переходъ не допускался. Прошенія о переходѣ разсматривались въ особомъ правленіи; желавшій перейти долженъ былъ предварительно отыскать землю, на которую намѣренъ переселиться вновь.

Императрица Екатерина II, какъ извѣстно, желала выслушать мнѣнія русскихъ людей о существующихъ въ государствѣ законахъ и о средствахъ исправлять то, что казалось имъ дурнымъ, для чего въ Москву должны были собраться 30-го іюля 1767 года депутаты, числомъ до 460 человѣкъ, отъ правительственныхъ мѣстъ, а также отъ дворянства, городовъ, однодворцевъ и прочихъ старыхъ службъ служилыхъ людей и, наконецъ, поселяне и образовать извѣстную Коммиссію для сочиненія Проекта Новаго Уложенія, которой Императрица дала въ руководство свой знаменитый Наказъ, представляющій собою сводъ мнѣній, добытыхъ наукою, о лучшемъ устройствѣ человѣческихъ обществъ, при чемъ указывалось, что устройство страны должно соотвѣтствовать дѣйствительнымъ потребностямъ и страны, и народа. Помимо этого общаго Наказа, депутаты получили отъ своихъ избирателей особые частные наказы, въ которыхъ были изложены мѣстныя нужды и высказаны пожеланія; эти наказы читались и обсуждались въ засѣданіяхъ Коммиссіей, закрытой, какъ извѣстно, гораздо ранѣе окончанія возложенной на нее задачи,—въ концѣ 1768 года.

Указъ о выборѣ депутатовъ въ означенную Коммиссію объ уложеніи 1767 года возбудилъ въ Малороссіи много превратъ-

ныхъ толковъ и разсужденій и доставилъ немало заботъ графу Румянцову: 13-го іюня 1767 г. онъ рекомендовалъ Малороссійской Коллегіи разослать во всѣ полки и Земскіе Суды указы, чтобы отъ такихъ разсужденій воздерживались и упражнялись въ дѣлахъ полезныхъ, издалъ для предстоящихъ выборовъ предводителей и депутатовъ въ Коммиссію особый циркуляръ, въ которомъ предлагалъ: принять съ радостью подаваемый всѣмъ обывателямъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія и пользоваться имъ прямо; обратить все свое примѣчаніе на общенародное дѣло, отдаливъ все, что блеститъ нашею собственною корыстію; избрать въ Коммиссію лицъ, достойныхъ этого, помышляющихъ объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не о своихъ собственныхъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцовъ принималъ участіе въ составленномъ для депутатовъ наказѣ, который заканчивался пожеланіемъ: „да увѣнчаетъ Всевышній успѣхами счастливое начало сего дѣла и да сохранитъ виновницу онаго и россійскаго благополучія Императрицу, объявляющую намъ свои премудрыя мѣропожеланія“, и т. д. Помимо этого, онъ приказалъ собрать для руководства депутатамъ всѣ грамоты и указы, разновременно для Малороссіи изданные со временъ Хмѣльницкаго и объясняющіе положеніе дѣлъ, порядковъ и обычаевъ, и дать депутатамъ наставленіе о принадлежащихъ имъ дѣлахъ, дабы они могли давать объясненія въ Коммиссіи. Онъ старался немало вліять на выборъ депутатовъ, просматривалъ внимательно списки кандидатовъ и писалъ Екатеринѣ II о „коварствѣ и своевольствѣ“ украинцевъ, о фальшивыхъ или невѣжественныхъ „республиканскихъ“ мысляхъ ихъ, что многіе-де проявляютъ стремленіе къ возстановленію автономіи Украйны и ея древнихъ правъ, и т. д.

Нельзя не упомянуть, что выборы депутата въ Нѣжинскомъ полку и составленіе ему наказа, вызвавшіе небольшое разногласіе среди избирателей, дали поводъ генералъ-губернатору графу Румянцову возбудить уголовное преслѣдованіе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ, по его мнѣнію, неправильно. Сенатъ утвердилъ это мнѣніе графа Румянцова и предалъ обвиняемыхъ суду по принадлежности: воинскихъ лицъ—суду воинскому, а гражданскихъ и неслужащихъ—гражданскому. Состоявшіеся, однако, не безъ вліянія Румянцова, суровые приговоры объ означенныхъ лицахъ были, при разсмотрѣніи оныхъ Сенатомъ, значительно смягчены, и вмѣсто всякой ссылке Сенатъ опредѣлилъ посадить обвиняемыхъ всего на шесть недѣль въ тюрьму. Императрица же, на Высочайшее утвержденіе которой это опредѣленіе Сената поступило, собственноручно написала 15-го января 1770 г.: „Богъ проститъ“,—и осужденные были такимъ образомъ совершенно оправданы.

Стараясь искоренять въ народѣ суевѣріе, противное чистому разуму и вѣрѣ, графъ Румянцовъ предписалъ, 4-го августа 1767 г., послать по всей Малороссіи публикацію съ объясненіемъ, что различныя колдовства, чародѣйства и пр. сами по себѣ никакой силы не имѣютъ и неопасны, и потому нѣтъ основанія придавать имъ какое-либо значеніе. Равнымъ образомъ, въ 1767 г. онъ обратилъ вниманіе на обученіе казачьихъ дѣтей грамотѣ и военной экзерциціи.

Румянцовъ заботился также о равномѣрности взымаемыхъ съ населенія повинностей всякаго рода, о томъ, чтобы таковыя взымались одинаково съ козаковъ и посполитыхъ и съ этою цѣлью раздѣлилъ въ 1767 году Малороссію на 20 коммисарствъ, по способности положенія сотенъ и по уравненію въ нихъ числа хатъ по послѣдней ревизіи, возложивъ на этихъ коммисаровъ завѣдываніе сборомъ всякихъ податей и повинностей.

Въ 1768 г. графомъ Румянцовымъ были изданы различныя ордера (предписанія) Малороссійской Коллегіи о принятіи мѣръ противъ пьянства, „порока толь мерзкаго, отъ котораго текутъ наибольше злыя дѣла“, о печиненіи шума, безпокойства, драки и т. д., о различныхъ перекупщикахъ, о воспрещеніи въ городѣ грабить проѣзжихъ людей, дѣлать имъ какія-либо утѣсненія, самовольно чинить себѣ удовлетвореніе въ претензіяхъ, а также о прекращеніи всякихъ непорядковъ въ Судахъ и различныхъ злоупотребленій при производствѣ служащихъ въ чины и т. д.

Вскорѣ, однако, событія въ сосѣдней съ нами Польшѣ, а затѣмъ возникшія войны съ Турціею, въ которыхъ графъ П. А. Румянцовъ пріобрѣлъ столь большую славу, отвлекли на долгое время его вниманіе отъ управленія Малороссіею; онъ принужденъ

былъ даже, въ началѣ 1769 года, все главное управленіе краемъ возложить на члена Малороссійской Коллегіи князя Мещерскаго, поручивъ въ то же время генеральному судьѣ Журману наблюденіе и осмотръ судебныхъ установленій, оставивъ за собою только дѣла о назначеніи и увольненіи различныхъ должностныхъ лицъ, въ Малороссіи состоящихъ (Арх. Малор. Колл., № 2655).

Еще въ 1764 г. возникла у насъ война съ Польшею изъ-за предоставленія православнымъ и другимъ не-католическимъ обывателямъ (диссидентамъ вообще) правъ наравнѣ съ католиками. Католическій фанатизмъ поляковъ этому противился всѣми силами, а слабый король Станиславъ Понятовскій нерѣшительностью своею и уклончивыми дѣйствіями довелъ до того, что русскія войска въ февралѣ 1767 г. вступили въ предѣлы Польши на подкрѣпленіе находившихся уже тамъ ранѣе русскихъ войскъ. Въ Польшѣ образовались конфедераціи въ Барѣ, Радомѣ, Слуцкѣ и другихъ мѣстахъ, поднявшія знамя возстанія, на усмиреніе которыхъ и двинулись русскія войска. Преслѣдуя польскихъ мятежниковъ, значительный казацкій отрядъ въѣхалъ въ село Балту, на Польской границѣ съ Турціею, принадлежавшее хану Крымскому, убилъ нѣсколько татаръ и турокъ и проникъ до Дубоссаръ (также ханской вотчины) и сжегъ этотъ городъ. Это явилось предлогомъ для Турціи объявить Россіи войну въ мартѣ 1769 года. Императрица Екатерина II при этомъ созвала особый совѣтъ (открывшій свои дѣйствія 4-го ноября 1768 г.) и повелѣла образовать 3 арміи: *первую*—наступательную, подъ начальствомъ князя Голицына для дѣйствій на Днѣстрѣ, противъ Хотина; *вторую*, украинскую—подъ начальствомъ графа Румянцова, которая собралась около Бахмута и Усть-Самары для дѣйствій со стороны Крыма, и *третью* подъ командою генералъ-аншефа Олица, имѣвшую назначеніемъ служить какъ бы резервомъ для первой арміи. Голицынъ еще въ 1769 г. подошелъ къ Хотину, имѣлъ незначительное дѣло съ турками 19-го апрѣля, послѣ чего переправился обратно черезъ Днѣстръ по недостатку продовольствія и, отступивъ затѣмъ къ р. Бугу, сталъ близъ Меджибожа, въ окрестностяхъ Дережна. Скоро турки, переправясь черезъ Дунай, поднялись по р. Пруту до Балты и Рябой Могилы. Не желая допустить ихъ до г. Каменца-Подольска, князь Голицынъ 8-го іюня двинулся на нихъ и 1-го іюля подошелъ къ Пашковцамъ (въ 6-ти верстахъ отъ Хотина) и нанесъ туркамъ 2-го іюля пораженіе, послѣ котораго имѣлъ съ ними еще большое дѣло 29-го августа при переправѣ турецкихъ силъ черезъ Днѣстръ у Браге, а затѣмъ—дѣло 6-го сентября, послѣ котораго турки 9-го сентября очистили Хотинъ, немедленно занятый нашими войсками. Наступившая холодная и ненастная погода побудила князя Голицына съ главными силами отойти опять къ Меджибожу. Тѣмъ временемъ Императрица, недовольная его нерѣшительными дѣйствіями въ началѣ кампаніи, назначила на его мѣсто графа Румянцова, прибывшаго къ 1-й арміи 17-го сентября, въ то время, какъ она находилась въ м. Черчи.

Позднее время года побудило новаго начальника расположить только-что ввѣренную ему армію на тѣсныхъ квартирахъ между Днѣстромъ, Бугомъ и Збручемъ, причемъ главная его квартира была перенесена въ село Тинну. Графъ Румянцовъ занялся устройствомъ ввѣренной ему арміи, укомплектованіемъ ея полковъ, снабженіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ для предстоящей кампаніи и также составленіемъ плана оной. Екатерина II требовала отъ него самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій и подстрекала его самолюбіе. Румянцовъ, по плану, предположилъ для 1-й арміи—не допускать турокъ занимать Молдавію и часть Бессарабіи, тогда какъ 2-я армія, перешедшая подъ начальство Петра Ивановича Панина, будетъ осаждать Бендеры и охранять наши южныя границы со стороны Очакова и Крыма. Предположено было устроить флотилію на Азовскомъ морѣ и овладѣть Керчью, Еникале и Таманью (въ устьѣ рѣки Кубани). Еще зимою наши войска старались вытѣснить турокъ, находившихся въ Молдавіи и Валахіи, за Дунай. Штофельнъ направилъ отряды къ Журжѣ, и одинъ изъ нихъ, подъ командой маіора Анрепа, потерпѣлъ пораженіе при монастырѣ Команѣ на р. Аржисѣ, причемъ самъ Анрепъ былъ убитъ. Къ веснѣ 1770 г. пространство отъ Прута до Ольты было очищено нами отъ непріятеля, и 23-го апрѣля, несмотря на затрудненія и малочисленность полковъ своей арміи, Румянцовъ выступилъ изъ зимнихъ квартиръ къ Хотину, имѣя двухмѣсячный запасъ про-

віанта въ полковыхъ и наемныхъ подводахъ. Армія его, въ составѣ около 36.700 человѣкъ, собралась къ Хотину 12-го мая и вскорѣ встрѣтилась не только съ полчищами турокъ, но также съ различными климатическими невзгодами (частые дожди, сильные жары, смѣняемые холодными ночами, и т. д.) и съ опасностью свирѣпствовавшей въ Молдавіи чумы, отъ которой уже погибъ Штофельнъ. Эта опасность чумы побудила графа Румянцова направить армію по лѣвому берегу Прута. Отойдя отъ Хотина 130 верстъ, онъ остановился, чтобы лучше изучить пути и мѣстность дальнѣйшаго его движенія и дождаться вмѣстѣ съ тѣмъ приближенія къ Бендерамъ 2-й арміи Панина.

Рекогносцировки, имъ произведенныя, вскорѣ открыли присутствіе значительныхъ турецкихъ силъ, а затѣмъ и лагерь до 50.000 Крымскихъ татаръ, подъ начальствомъ хана, противъ Рябой-Могилы на р. Прутѣ. Движенія графа Румянцова побудили непріятелей снять лагерь и удалиться за р. Ларгу, при которой вскорѣ, 5-го и 7-го іюля, произошло большое сраженіе. Турки подъ начальствомъ Абди-паши и Крымскій ханъ не хотѣли безъ боя уступить занимаемой ими сильной и укрѣпленной позиціи за р. Ларгою. Графъ Румянцовъ, перейдя р. Цыганку, тремя каре аттаковалъ ихъ съ фронта (5-го числа), тогда какъ, съ главными силами пѣхоты и большею частью конницы, онъ рѣшился нанести врагамъ ударъ обходомъ занимаемой ими позиціи. Пораженіе непріятелей было полное: побѣдителямъ достались роскошныя палатки трехъ пашей и Крымскаго Капланъ-Гирея, 8 знаменъ, 33 орудія. Румянцовъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 1-го класса; онъ первый получилъ этотъ высокій знакъ незадолго передъ этимъ вновь учрежденнаго военнаго ордена. Потери его арміи были совершенно незначительны. Графъ Румянцовъ немедленно выслалъ впередъ два авангарда, доставившіе свѣдѣніе, что передовой отрядъ непріятеля стоитъ на лѣвомъ берегу р. Кагула; лѣвѣе, за озеромъ Елпухъ, верстахъ въ 20-ти отъ передового отряда, стояли татары. Имѣя продовольствія всего на 3—4 дня, графъ Румянцовъ не рѣшился двинуться немедленно, не выждавъ шедшихъ сзади обозовъ, а тѣмъ временемъ силы враговъ возросли; турокъ стало 150.000, въ томъ числѣ 100.000 конницы, собранной со всѣхъ мѣстъ, гдѣ она славилась. Графъ Румянцовъ могъ отступить на соединеніе со 2-ю арміею, но, держась правила „не считать врага, а только искать его“, рѣшился аттаковать турокъ 21-го іюля, прежде, нежели татары успѣютъ напасть на него съ другой стороны. Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія для аттаки непріятельской позиціи, прикрытой ретраншементами, имѣвшими общій видъ вогнутой, серпообразной дуги, графъ Румянцовъ, на разсвѣтѣ, перешелъ Трояновъ валъ, построилъ армію въ пять каре и подвергся немедленно нападенію турецкой кавалеріи со всей линіи, около 4-хъ часовъ утра. Послѣ жестокой пальбы эта аттака была отбита и въ 8 ч. утра Румянцовъ двинулся на ретраншементы. При этомъ, когда каре Племянникова подходило для овладѣнія ретраншементомъ, янычары, внезапно выскочивъ изъ лощины съ саблями въ рукахъ, толпою ударили на правый фасъ каре и въ самый его уголъ, смяли его, ворвавшись въ каре, и своею превосходною силою замѣшали полки, составлявшіе это каре, и пригнали ихъ въ каре генерала Олица. Увидѣвъ это, Румянцовъ сказалъ ѣхавшему съ нимъ Принцу Брауншвейгскому: „Теперь настало наше время“, бросился къ бѣгущимъ, несмотря на явную опасность, и словами „Стой, ребята“ удержалъ бѣжавшихъ, ободрилъ ихъ, повелъ на янычаръ, приказавъ въ то же время „ударить на нихъ наижесточаѣ изъ своихъ баттарей“. Вскорѣ великая часть янычаръ, общими усиліями нашей пѣхоты и конницы и огнемъ артиллеріи, была перебита. Визирь, увидѣвъ павшими свои лучшія войска, побѣжалъ изъ лагеря во всю мочь со всѣми войсками. Воронцовъ съ батальономъ егерей взошелъ въ ретраншементъ на оконечности лѣваго фланга и овладѣлъ находившимися тутъ баттареями. Полки Племянникова и Бауера непрерывно преслѣдовали турокъ по берегу р. Кагула. Потери турокъ были громадны—до 20.000 человѣкъ. Побѣдителямъ достались знамена, бунчуки, палатки, верблюды, разный скотъ, экипажи, провизія, фуры съ провіантомъ, 203 орудія и до 2.000 плѣнныхъ. Екатерина II наградила графа Румянцова очень лестнымъ рескриптомъ, возвела его въ званіе фельдмаршала и учредила для нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ этой битвѣ, осо-

бую медаль на голубой Андреевской лентѣ съ надписью: „Кагулъ Іюля 21-го дня 1770 г.“. На другой день битвы отслужено было торжественное молебствіе въ арміи, со 101 пушечнымъ выстрѣломъ и троекратнымъ залпомъ.

Послѣ этого незначительныя турецкія крѣпости на лѣвомъ берегу устьевъ Дуная стали сдаваться войскамъ графа Румянцова, кромѣ сильно укрѣпленнаго города Браилова въ Валахіи, для овладѣнія которымъ былъ посланъ довольно сильный отрядъ подъ начальствомъ ген.-маіора Глѣбова,—въ концѣ сентября 1770 года. Не имѣя осадной артиллеріи, представлялось мало вѣроятія овладѣть этою крѣпостью, и графъ Румянцовъ приказалъ Глѣбову не вдаваться въ рискованныя предпріятія до прибытія къ нему осадной артиллеріи отъ графа Панина изъ Бендеръ. Эта осадная артиллерія прибыла, заставила замолчать однѣ изъ бастіоновъ крѣпости, сбила многія орудія, но зарядовъ въ артиллеріи оставалось на одинъ день, а между тѣмъ было получено извѣстіе объ ожидаемомъ прибытіи въ Браиловъ значительнаго подкрѣпленія. Глѣбовъ, отрядъ котораго былъ очень ослабленъ сильными вылазками турецкаго гарнизона, вмѣсто того, чтобы отступить, рѣшился на отчаянное предпріятіе — на штурмъ крѣпости, укрѣпленія которой оставались еще въ цѣлости. Произведенная имъ 24-го октября аттака трехъ бастіоновъ крѣпости тремя особыми колоннами по 500 чел. въ каждой (четвертая, въ 200 чел. должна была производить фальшивую аттаку) не имѣла успѣха; мы потеряли болѣе двухъ третей сражавшихся; у Глѣбова оставалось способныхъ носить оружіе только 1.700 человѣкъ, и онъ принужденъ былъ поспѣшно снять осаду и отступить въ ту же ночь къ Максименамъ. Чрезъ четыре часа послѣ снятія осады въ Браиловъ дѣйствительно вступилъ, присланный на помощь гарнизону, сильный отрядъ турокъ. Графъ Румянцовъ, въ свою очередь, также послалъ Глѣбову подкрѣпленіе въ Максимены изъ 4-хъ полковъ пѣхоты и одного батальона гренадеръ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Хераскова. Тѣмъ временемъ возникли переговоры о прекращеніи войны между Россіею и Турціею, и Румянцовъ, усматривая, что взятіе нами Браилова можетъ значительно способствовать достиженію нами болѣе льготныхъ условій этого мира, рѣшилъ еще до наступленія зимы овладѣть Браиловомъ и очистить всю Валахію отъ турецкихъ войскъ. Уже 10-го ноября нами занята была Тульча, послѣ чего турки поспѣшили очистить Браиловъ, который и былъ занятъ нашими войсками. Это чрезвычайно встревожило визиря, стоявшаго въ Исакчи. Вскорѣ послѣ этого Гудовичъ занялъ 14-го ноября Бухарестъ, а затѣмъ самъ графъ Румянцовъ изъ Фальчи двинулся въ Яссы и торжественно вступилъ въ этотъ городъ. Послѣ этого наши войска расположились на зимнія квартиры. Турки только со стороны Журжи пытались двинуться по дорогѣ въ Краіову, но вскорѣ были разбиты Кречетниковымъ въ сраженіяхъ 16-го и 20-го декабря при р. Аржисѣ, а затѣмъ, 24-го декабря, при Браковано, послѣ котораго, 28-го числа, Кречетниковъ занялъ Краіову, чѣмъ и закончилась кампанія 1770 года. Во время этой кампаніи нашъ флотъ подъ начальствомъ Ѳ. Г. Орлова дѣйствовалъ въ Морѣ, занялъ Корону, Наваринъ и разбилъ турецкій флотъ при Хіосѣ, а затѣмъ, 24-го іюля, при Чесмѣ.

Армія наша требовала отдыха и пополненія ея боевыхъ силъ, а также всякаго рода военныхъ запасовъ. По распоряженію графа Румянцова изъ Россіи посылались въ армію самые необходимые предметы (сапоги, башмаки, сукно, холстъ, ранцы, палатки и т. д.) на подводахъ, подъ конвоемъ особыхъ воинскихъ командъ изъ Полоннаго, нерѣдко очень запаздывавшихъ своимъ прибытіемъ по причинѣ худого состоянія дорогъ, осенней и зимней непогоды, ненастья и пр.

Немало препятствовала снабженію арміи чума, появившаяся въ то время въ предѣлахъ Имперіи. Графъ Румянцова очень заботило продовольствіе арміи, доходившей до 38.000 человѣкъ. По примѣру минувшей кампаніи были учреждены опять три линіи запасныхъ магазиновъ; для скорѣйшаго движенія транспортовъ устроены особыя станціи съ подводами; самый путь движенія былъ сокращенъ и направленъ отъ Кіева чрезъ Польшу до Сорокъ на рѣкѣ Прутѣ и затѣмъ—по Молдавіи къ Фальчѣ, Яссамъ и далѣе въ Бухарестъ. Учреждены были госпитали, но недостатокъ топлива очень отягощалъ положеніе больныхъ. Нельзя не упомянуть, что турки также позаботились объ устройствѣ своей арміи: улучшили артиллерію при содѣй-

ствіи Французскихъ офицеровъ, устранили иррегулярныя войска съ главнаго театра войны, а главное—измѣнили самый образъ веденія ими войны: они стали вести войну оборонительную, заперлись въ своихъ крѣпостяхъ и заняли по возможности сильныя позиціи.

По плану кампаніи, составленному въ Петербургѣ, предназначено было въ 1771 году главнымъ образомъ дѣйствовать въ Крыму и завоевать его; эта задача была возложена на князя В. М. Долгорукова. Армія графа Румянцова должна была охранять мѣста, занятыя на лѣвомъ берегу Дуная, и дѣлать поиски на правый его берегъ, къ Журжѣ, Исакчѣ, Тульчѣ. Для этого мѣстными средствами графъ Румянцовъ устроилъ флотилію на Дунаѣ. Кампанія 1771 г. открылась рано весною удачными для насъ дѣлами генераловъ Вейсмана, Гудовича и князя Репнина. Графъ Румянцовъ, ожидая нападенія турокъ со стороны Браилова, приказалъ сдѣлать поискъ къ Тульчѣ храброму Вейсману, который и овладѣлъ ея батареями. Турки отступили къ Бабадагу. Этимъ былъ разстроенъ планъ турокъ въ самое Свѣтлое Воскресенье, 27-го марта, произвести нападеніе на нашу сторону. Послѣ этого, 15-го апрѣля, Вейсманъ дѣлалъ поиски къ Браилову и Исакчѣ, но овладѣть замкомъ въ Исакчѣ не могъ, а потому, оставивъ около него отрядъ, чтобы не выпускать турокъ, отошелъ назадъ. Въ то время турки пытались дѣлать поиски на нашу сторону близъ Виддина, но были отражены 18-го мая Гудовичемъ, послѣ чего занявшій его мѣсто князь Н. В. Репнинъ подошелъ къ гор. Турно, но штурмовать его не рѣшился и сталъ отходить къ Бухаресту. На пути онъ узналъ, что турки въ значительномъ числѣ двинулись на Слободзею, близъ Журжи, намѣреваясь вторгнуться въ Валахію и овладѣть Бухарестомъ, а потому князь Репнинъ направился также къ Журжѣ. Во время этихъ движеній турки подошли къ Журжѣ, а комендантъ ея, генералъ Гензель, не увѣренный въ успѣхѣ обороны крѣпости, сдалъ ее туркамъ, по ихъ требованію, 29-го мая, въ 10 ч. вечера, выговоривъ почетный выходъ всему гарнизону. Чрезъ нѣсколько часовъ подошелъ князь Репнинъ, но не рѣшился вступить въ бой съ турками, имѣвшими теперь въ Журжѣ до 14.000 человѣкъ, и отошелъ, какъ и намѣревался ранѣе, къ Бухаресту. Графъ Румянцовъ предалъ Гензеля суду, приговорившему его къ вѣчной каторгѣ, но этотъ приговоръ былъ смягченъ, по ходайству самого же графа Румянцова, указомъ отъ 14-го декабря 1771 г.

Занятіе Журжи придало смѣлости туркамъ и они стали тревожить наши посты на р. Яломицѣ. Графъ Румянцовъ предписалъ Вейсману предпринять поискъ на Измаилъ, а князю Репнину—охранять сообщеніе съ Браиловымъ черезъ Яломицу, самъ же двинулся изъ Фальчи къ Водянамъ. Вскорѣ получивъ извѣстіе, что турки изъ Журжи и Мачина намѣрены напасть на Браиловъ, а изъ Гирсова—на посты по р. Яломицѣ, графъ Румянцовъ предложилъ Репнину перейти въ наступленіе. Турки же перемѣнили свое направленіе, двинувшись не на Браиловъ, а на Бухарестъ. Поэтому и Репнинъ отступилъ къ Бухаресту и 30-го іюня при Бакарешти разбилъ турокъ. Послѣ этого графъ Румянцовъ предложилъ князю Репнину овладѣть Журжею, что̀ послѣдній исполнить былъ не въ состояніи, потому что въ этой крѣпости имѣлся гарнизонъ въ 15.000 человѣкъ. Притомъ дороги до Журжи были въ дурномъ состояніи и пересѣкались тяжелыми дефилеями. Помимо этого у князя Репнина было провіанта всего на 2 недѣли, т.-е. до 1-го іюля, и неоткуда было его получить; на мѣстныя же средства нельзя было разсчитывать, такъ какъ обыватели были сами въ крайности. Солдаты получали половину дачи хлѣба, а въ иныхъ отрядахъ вмѣсто хлѣба выдавали мѣшанину изъ кукурузы, проса и плохой муки. Обувь и одежда были въ отчаянномъ состояніи. Къ довершенію всего не было при отрядѣ ни воловъ, ни лошадей. При такомъ положеніи нельзя было помышлять о наступленіи въ Журжѣ, имѣя всего 17.500 солдатъ, которыми кн. Репнинъ долженъ былъ держаться къ Валахіи и защищать огромное пространство по теченію р. Дуная. Къ тому же слухи, что, по переговорамъ о мирѣ, Дунайскія княжества отойдутъ обратно въ Турцію, напугали жителей и они избѣгали чѣмъ-либо помогать войскамъ Репнина, чтобы не навлечь на себя за это мщенія турокъ впослѣдствіи. Графъ Румянцовъ, рѣшившись не очищать княжествъ, измѣнилъ расположеніе своихъ войскъ и приказалъ Вейсману сдѣлать въ что бы то ни стало поискъ на правую сторону Дуная. Вейсманъ 11-го іюля двинулся на судахъ къ Тульчѣ, штурмовалъ ее и занялъ го-

родъ, ретраншементъ и до 43 судовъ. Уничтоживъ все, что было возможно, Вейсманъ отошелъ къ Измаилу. Это движеніе его побудило турокъ отказаться отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій не только близъ Тульчи, но и въ другихъ пунктахъ.

Графъ Румянцовъ же все настаивалъ на движеніи впередъ. Осторожный кн. Репнинъ, предполагая въ туркахъ болѣе рѣшительности и болѣе военныхъ знаній, находилъ свое положеніе на р. Самборѣ безвыходнымъ, чего не раздѣлялъ графъ Румянцовъ. Это побудило князя Репнина просить увольненія отъ арміи по болѣзни. Преемникомъ его 19-го іюня 1771 г. былъ назначенъ генералъ Эссенъ, который, найдя принятыя графомъ Румянцовымъ мѣры для охраны княжествъ недостаточными и находя, что съ ввѣренными ему войсками онъ не въ состояніи что-либо сдѣлать, а тѣмъ менѣе идти къ Журжѣ, требовалъ присоединить къ нему еще отрядъ Бауера. Между тѣмъ, сильный разливъ рѣкъ Дуная, Самбора и Серета совершенно отдѣлилъ войска Эссена отъ остальной арміи. Графъ Румянцовъ совѣтовалъ Эссену выманить турокъ въ открытое мѣсто; онъ послѣдовалъ этому и 6-го августа произвелъ весьма неудачное для насъ нападеніе на турокъ, которые защищались отчаянно. Эссенъ былъ принужденъ отступить къ деревнямъ Бонѣ и Груѣ; турки его, впрочемъ, не преслѣдовали. Императрица, утѣшая графа Румянцова въ этой неудачѣ, писала: „Богъ много милуетъ насъ, но иногда и наказуетъ, дабы мы не возгордились. Но какъ мы въ счастьѣ не были горды, то надѣюсь, что и неудачу снесемъ съ добрымъ духомъ; сіе же несчастье, я надежна, что вы не оставите поправить, гдѣ случай будетъ". Румянцовъ не переставалъ высылать на поиски: Вейсмана—въ нижнюю часть Дуная, а Бауера—къ Гирсову. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Вейсманъ, 19-го числа, овладѣлъ Тульчею, захватилъ 36 пушекъ, 80 орудій и затѣмъ, преслѣдуя турокъ, овладѣлъ Бабадагомъ и сжегъ его. 20-го числа Эссену удалось разбить турокъ близъ Бухареста, а 23-го числа того же мѣсяца Вейсманъ занялъ Журжу и ея замокъ, брошенный турками; онъ хотѣлъ идти на Мачинъ, но, узнавъ, что этотъ городъ взятъ Милорадовичемъ, 21-го октября направился на Исакчу, которымъ скоро овладѣлъ. Этимъ окончился походъ графа Румянцова 1771 года [1]); наши войска расположились на зимнихъ квартирахъ; самъ графъ Румянцовъ пребывалъ въ Яссахъ, готовился къ предстоящей новой кампаніи и писалъ въ Петербургъ о доставкѣ рекрутъ для пополненія арміи, лошадей—для кавалеріи и т. д.—Въ это время онъ получилъ изъ Константинополя сообщеніе отъ представителей Пруссіи (Цегелина) и Австріи (Тугута), что Турція согласна приступить къ переговорамъ о мирѣ, на условіяхъ, ею предложенныхъ; это же подтвердилъ и великій визирь Муссинъ-Углу, домогаясь, чтобы мѣстомъ для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ, а затѣмъ и для конгресса былъ назначенъ не Измаилъ, а Бухарестъ или Фокшаны, какъ мѣста, удаленныя отъ военныхъ дѣйствій, и чтобы срокъ перемирія былъ назначенъ по 1-е іюля 1772 г., съ тѣмъ, что этотъ срокъ будетъ продолженъ еще на три мѣсяца, если миръ почему-либо не будетъ заключенъ къ 1-му іюля. Демаркаціонною линіею опредѣлялся Дунай. Перемиріе распространялось и на дѣйствія нашего флота на моряхъ. Графъ Румянцовъ, соглашаясь на веденіе переговоровъ о мирѣ въ Бухарестѣ, не бралъ на себя распространенія перемирія на дѣйствія флота и находилъ нужнымъ оговорить, чтобы разоренныя нами крѣпости и города по Дунаю не возобновлялись во время перемирія, которое онъ не признавалъ возможнымъ продолжить долѣе 1-го іюля. Визирь со всѣмъ этимъ согласился,—и уже 9-го апрѣля 1772 г. уполномоченные обѣихъ державъ приступили въ Журжѣ къ переговорамъ, скоро благополучно достигшимъ окончанія, какъ вдругъ изъ Петербурга получено было предложеніе принять на время перемирія другія условія и измѣнить нѣкоторые пункты, по которымъ уже состоялось предварительное соглашеніе съѣхавшихся уполномоченныхъ. Визирь былъ этимъ очень изумленъ, написалъ графу Румянцову довольно рѣзкое письмо, на которое послѣдній отвѣтилъ ему, что ведетъ переговоры вполнѣ

[1]) Въ теченіе 1771 г. князь В. М. Долгоруковъ успѣшно дѣйствовалъ въ Крыму. Онъ 14-го іюня подошелъ къ Перекопу, овладѣлъ имъ и двинулся къ Бахчисараю и Каффѣ, которые занялъ 29-го іюня, а затѣмъ 22-го іюля занялъ Козловъ. Послѣ этого Долгоруковъ овладѣлъ постепенно прочими городами Крыма. Ханъ Крымскій Селимъ-Гирей былъ смѣненъ и умеръ въ ссылкѣ. Покореніе Крыма явилось сильнымъ ударомъ Турціи.

самостоятельно, имѣя на то уполномочіе Ея Величества, добавивъ, что, въ доказательство сего, онъ приказалъ своему комиссару, если это непремѣнно надобно, заключить перемиріе и на тѣхъ прежнихъ пунктахъ, которые согласились-было подписать 22-го апрѣля оба коммисара (т.-е. ст. сов. Симолинъ съ нашей стороны и Абдулъ-Керимъ-эффенди — съ турецкой). Условія перемирія послѣ этого были подписаны и мѣстомъ для переговоровъ о мирѣ избранъ г. Фокшаны. Уполномоченными были назначенъ съ нашей стороны графъ Гр. Гр. Орловъ и т. с. Алексѣй Мих. Обрѣзковъ, освобожденный изъ заточенія въ Константинополѣ; съѣхаться рѣшено было 15-го іюля. Въ Рущукъ не замедлили прибыть Тугутъ и Цегелинъ — въ качествѣ представителей посредствующихъ державъ (Австріи и Пруссіи), сопровождаемые турецкимъ посольствомъ, и увѣдомили Румянцова о готовности своей отправиться въ Фокшаны. Однако, оба представителя не были приглашены на первое засѣданіе: имъ было объяснено, что Россія не искала и не принимала ихъ посредничества въ переговорахъ съ Турціею, а только одно ихъ содѣйствіе къ примиренію. Тугутъ и Цегелинъ этимъ удовольствовались и остались въ Фокшанахъ. На конгрессѣ возникли жаркіе споры о независимости Крымскихъ татаръ отъ султана, объ уплатѣ военныхъ издержекъ Россіи и т. д. Турки выказывали себя крайне настойчивыми и неуступчивыми, уповая, вѣроятно, на поддержку иностранныхъ державъ. Видя это, графъ Орловъ 28-го августа уѣхалъ въ Петербургъ, а Обрѣзковъ—въ Яссы къ графу Румянцову, турецкіе же уполномоченные—въ Рущукъ. Визирь, узнавъ объ этомъ, 7-го сентября просилъ графа Румянцова продлить перемиріе хотя бы на девять дней, но графъ Румянцовъ не согласился и сталъ подвигать свои отряды на Дунаѣ, хотя армія его далеко не была вполнѣ устроена. Но вести войну съ Турціею въ 1772 году намъ представлялось очень нежелательнымъ: государство наше было не мало истощено войнами предшествовавшихъ годовъ; въ арміи была большая убыль людей. Кромѣ того, моровая язва проникла уже въ Москву, на сѣверо-востокѣ Имперіи быстро распространялся бунтъ Пугачева; къ тому же надвигалась еще война со Швеціею. Поэтому графъ Румянцовъ согласился продолжить перемиріе, по просьбѣ визиря, до 20-го октября, надѣясь этимъ путемъ возстановить переговоры, что̀ и было вскорѣ достигнуто. 21-го октября открылся новый конгрессъ, но уже въ Бухарестѣ, гдѣ имѣлись болѣе удобныя и теплыя помѣщенія. Нашимъ представителемъ былъ Обрѣзковъ, а турецкимъ — рейсъ-эфенди Эльхазинъ Абдулъ Резакъ. Онъ предъявилъ въ первомъ собраніи просьбу о продленіи перемирія, находя невозможнымъ окончить переговоры къ истеченію срока установленнаго перемирія. Абдулъ Резакъ соглашался при этомъ на предоставленіе русскимъ торговымъ судамъ различныхъ преимуществъ и желалъ, чтобы вопросъ о независимости Крымскихъ татаръ былъ бы рѣшенъ такъ, чтобы устранялись въ будущемъ возможныя столкновенія Россіи и Турціи по этому поводу. Графъ Румянцовъ согласился прекратить военныя дѣйствія долѣе срока, назначеннаго перемиріемъ, и продолжать перемиріе сообразно съ ходомъ переговоровъ на конгрессѣ. Главнымъ затрудненіемъ явились теперь условія о Крымскихъ городахъ, которые Россія требовала для себя. Послѣ многихъ и долгихъ препирательствъ уполномоченные окончательно договорились на уступку Россіи Азова и Таганрога, на извѣстныя гарантіи для грузинъ, молдаванъ, казаковъ, на торговлю русскихъ подданныхъ на Черномъ морѣ и Архипелагѣ и т. д. Но турки упорно отказывались уступить Керчь и Еникале. Кромѣ того, турецкіе уполномоченные не рѣшались взять на себя отвѣтственность за уступку Россіи нѣкоторыхъ крѣпостей въ Крыму и признаніе гарантіи Россіи надъ татарами. Обрѣзковъ, истощивъ всѣ средства привести переговоры къ желаемому концу, уѣхалъ изъ Бухареста 11-го февраля 1773 года, а затѣмъ уѣхали и уполномоченные Порты, согласившись установить между собою переписку по вопросу о мирныхъ переговорахъ, несмотря на то, что военныя дѣйствія съ нашей стороны были возобновлены немедленно, по разъѣздѣ уполномоченныхъ, такъ какъ Румянцовъ получилъ отъ 28-го февраля 1773 г. Высочайшее повелѣніе вынудить у непріятеля силою оружія то, чего доселѣ нельзя было достигнуть переговорами, и для того съ арміею или частью ея перешедъ Дунай, атаковать визиря и главную его армію. По плану войны, арміи графа Румянцова, значительно

усиленной, предстояло перейти Дунай и направляться къ Константинополю, куда Азовская флотилія должна была также перевезти войска изъ Малой Азіи и сдѣлать дессантъ. Однако армія графа Румянцова не была еще усилена и не была пополнена; двинуться чрезъ Дунай въ Балканы, при натянутыхъ нашихъ отношеніяхъ съ Австріею, было очень рискованно, тѣмъ болѣе, что и турки собирали значительныя силы. Графъ Румянцовъ еще ранѣе, 13-го марта 1772 г., писалъ Императрицѣ, что „не предвидитъ удобствъ въ распространеніи въ даль дѣйствій съ настоящимъ числомъ ему ввѣренныхъ войскъ, которое довольно обременяется защитою и пространствомъ завоеванныхъ земель и крѣпостей“.

Теперь же, въ 1773 г. онъ встрѣчалъ еще бо̀льшія затрудненія исполнить желаніе Ея Величества, хотя имѣлъ армію уже въ 77.000, которая должна была, однако, охранять Дунай на протяженіи 750 верстъ, защищать княжества, оберегать тылъ арміи отъ Польши и т. д. Онъ писалъ 25-го марта 1773 г., что овладѣніе 7 крѣпостями штурмомъ или продолжительною осадою потребуетъ много времени и много людей; если же перенести войну за Дунай не овладѣвъ крѣпостями, то, вѣроятно, турки удалятся въ горы, и мы, не имѣя возможности углубиться внутрь страны или въ горы, принуждены будемъ уйти назадъ безъ всякаго результата. Онъ предлагалъ въ 1773 г. дѣйствовать противъ турокъ малыми отрядами, близъ бѣреговъ Дуная, и по мѣрѣ благопріятныхъ обстоятельствъ углубляться впередъ. При этомъ онъ добавлялъ: „не имѣвъ и въ лучшемъ вѣкѣ большихъ способностей и искусства, въ преклонномъ нынѣ чувствую, если не отъ долговременныхъ трудовъ, то отъ частыхъ припадковъ, всю слабость и оскудѣніе въ силахъ и не могу имѣть довольной довѣренности къ своимъ средствамъ и мѣроположеніямъ“. Графъ Румянцовъ сталъ тревожить турокъ близъ Силистріи; Турки нападали со стороны Гуробала, а ханъ татарскій—со стороны Шумлы къ Плевнѣ. Графъ Румянцовъ собралъ много судовъ для переправы чрезъ Дунай, но предпринять что-либо рѣшительное было очень трудно: дороги были непроходимы отъ грязи, подножнаго корма не было, кавалерія бѣдствовала, войска были изнурены, прибывшіе рекруты—незнакомы съ военнымъ дѣломъ. Появилась въ арміи болѣзнь—скорбутъ, армія была недостаточна, неукомплектована и разбросана на большомъ протяженіи. При такой обстановкѣ получено было изъ Петербурга предписаніе открыть рѣшительныя дѣйствія на правомъ берегу Дуная и атаковать визиря. Не рѣшаясь явиться ослушникомъ царскаго приказа, графъ Румянцовъ спросилъ мнѣнія главныхъ начальниковъ ему подчиненныхъ войскъ о перенесеніи войны за Дунай. Большинство изъ нихъ находило невозможнымъ двинуться на визиря, не овладѣвъ Шумлою или Силистріею. Чтобы прекратить частые поиски турокъ на нашу сторону, Вейсманъ, по приказанію графа Румянцова, дѣлалъ также поиски къ Бабадагу (17-го апрѣля), Карасу (20-го апрѣля) и Карауману; извѣстный А. В. Суворовъ овладѣлъ 9—10-го мая Туртукаемъ, при чемъ захватилъ 12 пушекъ и много судовъ, а Текелій—дѣлалъ поискъ къ Мавродину (15-го мая) и Турно (19-го мая). Около этого времени графъ Румянцовъ, съ главными силами, перешелъ изъ Фокшанъ къ Браилову и послѣ вторичнаго пораженія Вейсманомъ турокъ у Карасу 27-го мая совершилъ переправу чрезъ Дунай 5-го іюня, у Гуробала, въ 30 верстахъ отъ Силистріи, куда было доставлено все необходимое для этой переправы. Занявъ Гуробалъ, графъ Румянцовъ немедленно двинулся къ Силистріи и 12-го—18-го іюня открылъ рѣшительныя противъ нея дѣйствія, при палящей жарѣ днемъ, при чемъ по ночамъ было, однако, холодно. Османъ-паша, стоявшій особымъ лагеремъ, былъ разбитъ 12-го іюня. Подойдя еще ближе къ Силистріи, Румянцовъ овладѣлъ нагорнымъ редутомъ 18-го іюня, послѣ продолжительнаго сраженія, при чемъ на помощь туркамъ подошелъ отрядъ Черкалъ-паши, который также былъ разбитъ. Содѣйствовать Румянцову въ дѣйствіяхъ противъ Силистріи долженъ былъ графъ Ив. Петр. Салтыковъ, нерѣшительность котораго дала туркамъ возможность сосредоточить у Силистріи большія силы и тѣмъ воспрепятствовать намѣреніямъ графа Румянцова. Въ самой Силистріи было до 30.000 войска и къ ней подходило еще 20.000. Собранный графомъ Румянцовымъ военный совѣтъ рѣшилъ очистить занятый нами редутъ. Наступившія дожди воспрепятствовали совершить предположенныя передвиженія войскъ, и 20-го іюня графъ Румянцовъ отступилъ отъ

Силистріи къ Галацу. Вскорѣ было получено извѣстіе, что на нашемъ лѣвомъ флангѣ, между двумя деревнями Біюкъ и Кучукъ-Кайнарджи появились турецкія войска, угрожавшія тылу нашей арміи при ея отступленіи; это были лучшія турецкія войска въ числѣ 30.000 чел. подъ начальствомъ Нуманъ-паши, разсчитывавшаго на полное уничтоженіе нашей арміи. Вейсманъ, осматривавшій ихъ позиціи 22-го іюня, вступилъ съ нимъ въ бой и совершенно разбилъ турокъ, но былъ самъ убитъ. Нуманъ-паша бѣжалъ къ Базарджику. Это пораженіе навело страхъ на турокъ, и визирь, покинувъ Шумлу, ушелъ въ Румелію.

На собранномъ 24-го іюня военномъ совѣтѣ рѣшено было отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ, за отсутствіемъ подножнаго корма. Отступленіе наше ободрило турокъ. Они собрались около Шумлы и стали дѣлать въ разныхъ мѣстахъ нападенія на лѣвый берегъ Дуная. Главная квартира графа Румянцова была въ Жигалевѣ противъ Гуробала, а затѣмъ въ Браиловѣ. Графъ Румянцовъ писалъ Ея Величеству свое извѣстное письмо, въ которомъ говорилъ, что персональные непріятели выводятъ его на пробу жестокую; что всѣ генералы, съ нимъ бывшіе,—свидѣтели, сколько онъ старался, не щадя ни трудовъ, ни жизни, выполнить волю Ея Величества; что, имѣя подъ именемъ арміи только корпусъ въ 13.000 пѣхоты, онъ разбилъ турокъ; что въ походѣ этомъ очень утомлены люди и лошади; что если продолжать дѣйствія за Дунаемъ, то надо не удвоить, а утроить армію и т. д. Графъ заканчивалъ свое письмо словами, что „охотно *желаетъ увидѣть на своемъ мѣстѣ здѣсь таковаго*, кто лучше находитъ моего способы удовлетворить Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества и благу отечества,—симъ обоимъ драгоцѣннымъ предметамъ“.

Императрица въ извѣстномъ письмѣ своемъ отъ 18-го іюня 1773 г. по пунктамъ опровергла все высказанное графомъ: она прямо заявила, что непріятелей его, на которыхъ онъ жалуется, не знаетъ и о нихъ кромѣ, какъ отъ него, не слыхала, да и слышать не можетъ, „ибо *я свой* слухъ закрываю отъ всѣхъ партикулярныхъ ссоръ“, и т. д. Въ сраженіяхъ-де не число побѣждаетъ, но доброе руководство командующаго, совокупленное съ храбростію, порядкомъ и послушаніемъ войскъ... Удвоить и еще менѣе утроить армію она не въ состояніи и сверхъ того не почитаетъ сіе за полезное. Руки она ему не связываетъ, и какъ теперь, такъ и прежде въ совершенной волѣ Румянцова состоитъ наносить непріятелю всѣ тѣ удары, которые, по мѣрѣ силъ его, Богъ ему на сердце положитъ... Конечно, она сердечно жалѣетъ о его болѣзни, но со всѣмъ тѣмъ, еслибы по человѣчеству свойственнымъ припадкамъ онъ, къ общему сожалѣнію и ея также, не въ силахъ продолжать искусное свое руководство, то и въ семъ случаѣ „она поступила бы съ обыкновеннымъ своимъ ко всѣмъ въ подобныхъ обстоятельствахъ находящимся уваженіемъ“. Фельдмаршалъ, немного возражая въ отвѣтномъ письмѣ, высказывалъ надежду, что ему разрѣшено будетъ, въ случаѣ дальнѣйшей болѣзни, отлучиться по крайней мѣрѣ „куда-нибудь подъ кровлю, ради спасенія послѣднихъ его жизненныхъ силъ“.

Между тѣмъ графъ Румянцовъ составилъ новое расположеніе своей арміи и сталъ выжидать удобнаго случая для рѣшительнаго предпріятія противъ турокъ, не давая имъ возможности предпринять что-либо противъ нашихъ войскъ. Вскорѣ турки обратились къ Гирсову, куда еще ранѣе былъ высланъ Милорадовичъ, 30-го іюля, принудившій турокъ отступить; равнымъ образомъ неуспѣшны были ихъ нападенія на Журжу и Гирсово, а 3-го сентября Суворовъ разбилъ ихъ подъ Карасу, чѣмъ графъ Румянцовъ былъ очень доволенъ. Чрезъ нѣсколько дней, 16-го сентября Салтыковъ разбилъ турокъ у Баронешти, но страшная жара не дала ему возможности ихъ преслѣдовать. Императрица была довольна этими дѣйствіями фельдмаршала и подтверждала свою волю возобновить рѣшительныя дѣйствія за Дунаемъ. Графъ, зная, что осенью турецкія войска расходятся по домамъ, рѣшилъ опять переправиться въ разныхъ мѣстахъ чрезъ Дунай и появиться неожиданно для турокъ. Онъ намѣревался атаковать ихъ у Карасу, двинуться къ Шумлѣ и Варнѣ и овладѣть ими; для отвлеченія вниманія турокъ отъ этихъ мѣстъ онъ дѣлалъ демонстраціи къ Силистріи и Рущуку. Согласно этому, Суворовъ имѣлъ 7-го октября удачное дѣло противъ турокъ у Карасу, а затѣмъ Унгернъ и кн. Долгоруковъ заняли 23-го октября Базарджикъ. Графъ Румянцовъ предписалъ имъ употребить всѣ

усилія къ занятію Варны и особенно Шумлы, гдѣ была главная квартира визиря. Штурмъ Варны, произведенный Унгерномъ 30-го октября, былъ неудаченъ, и онъ пошелъ къ Аджемилеру; Долгоруковъ же, двигаясь по направленію къ Шумлѣ, разбилъ близъ Козлуджи турокъ, но, узнавъ о неудачѣ Унгерна, отошелъ къ Карасу. Графъ Румянцовъ, по болѣзни своей, оставался въ Браиловѣ все время. Вскорѣ оба упомянутые отряда отошли съ праваго берега Дуная, и армія стала располагаться на зимнія квартиры, произведя еще диверсію къ Рущуку, при-чемъ Салтыковъ имѣлъ удачное для насъ дѣло съ турками при Мавродинѣ 3-го ноября, послѣ котораго овладѣлъ Мавродинскимъ редутомъ и обложилъ Рущукъ, не имѣя способовъ его штурмовать. Главная квартира Румянцова была въ Яссахъ. Армія его, истомленная въ 1773 г. различными переходами, стояла теперь въ совершенно опустошенныхъ княжествахъ Валахіи и Молдавіи, не имѣвшихъ ничего необходимаго для снабженія арміи; приходилось все привозить изъ отдаленныхъ мѣстъ. Жители относились недружелюбно къ Русской арміи, которая была малочисленна и разстроена. Сообщеніе съ Имперіею, по отдаленности и плохимъ путямъ, было чрезвычайно затруднительно. Самъ Румянцовъ впалъ въ тяжелую болѣзнь, отъ которой, однако, оправился. Онъ сталъ готовиться къ новой кампаніи съ весны 1774 года, по плану которой надлежало перенести военныя дѣйствія за Дунай, оставивъ отрядъ Ив. Петр. Салтыкова для обезпеченія нашихъ сообщеній чрезъ Молдавію и Валахію и со стороны невзятыхъ крѣпостей и, постепенно занимая новую страну, проникнуть до Балканскихъ горъ, но не переходить ихъ. Исполненіе этого плана было очень затруднительно. Турки заперлись въ крѣпостяхъ и сильныхъ позиціяхъ, находившихся на пути движенія нашихъ войскъ и на флангахъ; оставить эти крѣпости, не занявъ ихъ нашими войсками, не было возможности. Сообщеніе чрезъ Дунай происходило на небольшихъ судахъ; мостовъ чрезъ Дунай не существовало,—они снесены были водою. Охрана и оборона устьевъ Дуная вынуждала отдѣлить для этого изъ состава армій значительный корпусъ. Тѣмъ не менѣе графъ Румянцовъ рѣшился дѣйствовать наступательно за Дунаемъ, хотя распускалъ слухи, что ограничится оборонительными дѣйствіями. Императрица одобрила это, приказала снарядить новую эскадру въ Петербургѣ для отправки ея въ Архипелагъ; Азовской же флотиліи было предписано охранять Крымъ и отвлекать турецкій флотъ. Такое же назначеніе получила и вторая армія. Румянцовъ съ ввѣренными ему войсками долженъ былъ перейти Дунай, направиться къ Шумлѣ, изгнать визиря, овладѣть Варною и начать трактованіе о мирѣ, крайне необходимомъ въ это время не для насъ однихъ. Нуждались въ мирѣ и турки: объ этомъ извѣщалъ Румянцова Прусскій уполномоченный Цегелинъ изъ Константинополя, а также и великій визирь, выражавшій желаніе прекратить пролитіе крови утвержденіемъ спасительнаго мира. Равнымъ образомъ турецкіе уполномоченные, бывшіе на конгрессахъ въ Фокшанахъ и Бухарестѣ, писали о желаніи окончить войну, высказывая надежду на успѣхъ новыхъ переговоровъ. Въ Константинополѣ въ началѣ 1774 году умеръ султанъ Мустафа; преемникъ же его, братъ его Абдулъ-Гамидъ, ретиво готовился къ дальнѣйшей войнѣ и намѣревался однимъ рѣшительнымъ ударомъ начать и кончить кампанію. Графъ Румянцовъ зналъ, что султанъ при переходѣ чрезъ Дунай не застигнетъ ввѣренной ему арміи врасплохъ, но самъ долго не рѣшался двинуться за Дунай, тѣмъ болѣе, что стояла стужа и не было подножнаго корма. Къ тому же рекруты не всѣ подошли и армія не была еще вполнѣ снабжена всѣмъ необходимымъ. Не прекращая военныхъ приготовленій, графъ Румянцовъ вступилъ въ переписку съ великимъ визиремъ и сдѣлалъ новыя назначенія начальниковъ ввѣренныхъ ему войскъ. Командованіе центромъ арміи, или главною арміею у Браилова онъ сохранилъ за собою; лѣвое ея крыло у Измаила предоставилъ М. Ѳ. Каменскому. Правое крыло, при Слободзеѣ, до прибытія князя Н. В. Репнина, поручено было А. В. Суворову, командовавшему резервомъ при р. Яломицѣ и охранявшему Гирсово. Корпусъ И. П. Салтыкова охранялъ Журжу и Банатъ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій надлежало дѣлать поиски у Рущука и Орсова.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Каменскій переправился чрезъ Дунай, дошелъ до Карасу; вмѣстѣ съ нимъ перешелъ у Гирсова и Суворовъ; они оба направлялись на Шумлу,

гдѣ находился визирь. Въ первыхъ числахъ мая перешелъ р. Яломицу Репнинъ и сталъ у Слободзеи, готовый двинуться къ Силистріи. Графъ Румянцовъ приказалъ Суворову и Каменскому самимъ условиться между собою объ ихъ дальнѣйшемъ наступленіи и опредѣлить удобное къ тому время.

Каменскій, разбивъ вскорѣ турокъ, овладѣлъ 2-го іюня Базарджикомъ, чѣмъ прекратилъ сношенія Шумлы съ Силистріею и Варною. Суворовъ въ это время прикрывалъ его движеніе со стороны Силистріи и 3-го іюня дошелъ до селенія Карачи. Графъ Румянцовъ предписалъ Каменскому идти на Шумлу, взявъ у Суворова войска, сколько потребуется, и самъ переправился черезъ Дунай у Гуробала 5-го іюня. Репнинъ же перешелъ Дунай у Лукорешти. Сильные дожди не дозволили Салтыкову прибыть въ Туртукай ранѣе 6-го іюня. Переправившись черезъ Дунай, онъ разбилъ турокъ 9-го іюня у Туртукая и выслалъ отряды къ Рущуку и Силистріи для наблюденія за турками, отошедшими къ Мавродину. Но въ то же время 9-го іюня Каменскій съ Суворовымъ жестоко разбили турокъ при Козлуджи: героями дня были А. В. Суворовъ, Милорадовичъ и Озеровъ. Слѣдовало немедленно идти на Шумлу, но созванный военный совѣтъ нашелъ осторожнѣе остаться въ Козлуджи дней шесть, чтобы дать отдыхъ изнуреннымъ войскамъ и выждать подвоза провіанта, а затѣмъ занять позицію между Шумлою и Силистріею, чтобы отрѣзать послѣдней сообщеніе съ внутреннею частью Турціи. Графъ Румянцовъ былъ очень недоволенъ такимъ рѣшеніемъ и настаивалъ на движеніи къ Шумлѣ, чтобы овладѣть ею, если же это окажется невозможнымъ—двинуться къ Силистріи и начать дѣйствія противъ этой крѣпости. Съ цѣлью воспрепятствовать туркамъ выслать изъ Силистріи войска на помощь Шумлѣ, графъ Румянцовъ, находясь у Лукорешти, направилъ часть своихъ войскъ къ Кучукъ-Кайнарджи и Эни-Базару.

Тѣмъ временемъ переговоры о мирѣ, шедшіе между графомъ Румянцовымъ и визиремъ, не приводили къ желаемой цѣли. Турки были попрежнему не сговорчивы и не соглашались на уступки Керчи и Ени-Кале, на вмѣшательство Россіи въ политическія дѣла Крымскихъ татаръ и на свободное плаваніе русскихъ военныхъ кораблей во всѣхъ принадлежащихъ Турціи моряхъ, съ правомъ захода въ гавани; русскимъ же купеческимъ судамъ, но безъ пушекъ, они соглашались предоставить плаваніе какъ въ Черномъ, такъ и Бѣломъ (Мраморномъ) моряхъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ торговымъ судамъ другихъ дружественныхъ съ Турціею державъ. Послѣ обоюднаго обмѣна нотъ по этимъ вопросамъ графъ Румянцовъ, видя несговорчивость визиря, отвѣтилъ ему 9-го іюня, что не намѣренъ напрасно тратить время и слова и сообщилъ объ этомъ въ Константинополь рейсъ-эфендію и Цегелину.

Вскорѣ послѣ этого, по приказанію графа Румянцова, Каменскій выступилъ изъ Козлуджи въ дер. Еникой, Суворовъ—въ Кулевчи, а самъ фельдмаршалъ, послѣ небольшого дѣла съ турками у Эни-Базара 16-го іюня, подошелъ къ Галацкому озеру близъ Силистріи.—Шумла, расположенная на высотахъ отрасли Балканскихъ горъ, представляла собою настолько сильную позицію, что Каменскій (Суворовъ, по недоразумѣніямъ съ нимъ, уѣхалъ въ то время по болѣзни въ Бухарестъ) не рѣшался прямо ее атаковать и принялъ мѣры, чтобы отрѣзать ее отъ сообщенія съ Константинополемъ и другими мѣстами и въ то же время, лишивъ ее провіанта и корма для лошадей, а также воды, принудить Шумлу къ сдачѣ. Въ началѣ іюля, 7-го числа, Каменскій, не безъ значительныхъ усилій, овладѣлъ ретраншементомъ предъ Шумлою (это было послѣднее военное дѣло въ кампанію 1774 года), послѣ чего турки въ Шумлѣ, видя, что ожидать имъ помощи неоткуда, что Шумлѣ предстоитъ штурмъ и что русское войско проникло въ Балканскія горы, сочли за лучшее возобновить переговоры о мирѣ съ графомъ Румянцовымъ. Визирь еще 20-го іюня (1-го іюля) писалъ объ этомъ Румянцову и просилъ перемирія, Румянцовъ не хотѣлъ слышать ни о перемиріи, ни о конгрессѣ, а требовалъ заключенія положительнаго мира. Твердость Румянцова и положеніе военныхъ дѣлъ побудили визиря согласиться на это и послать въ главную квартиру Румянцова своимъ уполномоченнымъ, Ресли-Ахметъ-эфенди и Ибрагима-Міуниба, которые, прибывъ 4-го іюля въ деревню Кучукъ-Кайнарджи, настаивали видѣть самого главнокомандующаго. Но этого они не достигли: для переговоровъ съ ними графъ Румян-

цовъ назначилъ князя Н. В. Репнина. Особыхъ затрудненій при переговорахъ не возникало, и 10-го іюля,—чрезъ 63 года, послѣ Прутскаго договора,—былъ подписанъ договоръ въ Кучукъ-Кайнарджи, съ тѣмъ, чтобы утвержденіе его визиремъ послѣдовало не позднѣе пяти дней, т.-е. 15-го (26-го) іюля. Это было выполнено турками, послѣ чего обѣ стороны обмѣнялись подписанными условіями, которыя и были отправлены, для установленной ратификаціи, въ Петербургъ и Константинополь. Султанъ подписалъ мирныя условія въ ноябрѣ 1774 года. Въ Петербургъ повезъ условія мира самъ князь Репнинъ. Императрица Екатерина II была чрезвычайно довольна этимъ миромъ и въ особомъ рескриптѣ къ графу Румянцову высказала, что „этотъ миръ — знаменитѣйшая услуга его предъ Нами и отечествомъ, что вамъ одолжена Россія за миръ славный и выгодный, каковаго по извѣстному упорству Порты Оттоманской, конечно, никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ съ разсудительною вѣроятностію. Самая зависть не можетъ оспорить сей истины".

Условія этого Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора состояли въ слѣдующемъ:

1. Всѣмъ татарамъ быть вольными и ни отъ кого, кромѣ Бога, независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ — сообразоваться имъ съ правилами магометанскаго закона, безъ малѣйшаго, однако, предосужденія ихъ вольности и независимости; всѣ земли и всѣ крѣпости въ Крыму и на Кубани и на островѣ Тамани отдаются татарамъ, кромѣ Керчи и Еникале, которыя уступаются Россіи.

2. Россіи уступается также замокъ Кинбурнъ съ его округомъ и всею степью, между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, а Порта удерживаетъ Очаковъ, Молдавію, Валахію и Архипелагскіе острова, на выгодныхъ для жителей условіяхъ.

3. Торговля и мореплаваніе купеческимъ кораблямъ дозволяется на всѣхъ водахъ, равно какъ плаваніе изъ Чернаго моря въ Бѣлое (Мраморное) и обратно, и въ этомъ отношеніи русскіе подданные пользуются преимуществами, предоставленными подданнымъ Франціи и Англіи.

4. Порта обязалась заплатить Россіи за военныя издержки 4.500.000 рублей.

По словамъ Императрицы Екатерины II, турки, лишившись Крыма и всѣхъ татарскихъ ордъ, лишились на будущее время значительнаго числа войскъ, тѣмъ болѣе полезныхъ, что содержаніе ихъ Портѣ ничего не стоило, а уступка намъ трехъ пристаней на Черномъ морѣ даетъ намъ способъ вредить Портѣ въ самыхъ для нея чувствительныхъ мѣстахъ, если-бъ она опять покусилась на войну съ нами, вслѣдствіе постороннихъ происковъ.

Извѣстіе объ этомъ мирѣ произвело сильное впечатлѣніе въ кабинетахъ главнѣйшихъ Европейскихъ державъ. „Невѣроятно, до какой степени простирается въ Парижѣ зависть къ нашимъ успѣхамъ", писалъ нашъ посолъ князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій изъ столицы Франціи. Въ Австріи было страшное негодованіе противъ турокъ, заключившихъ подобный миръ; главный министръ Маріи Терезіи князь Кауницъ говорилъ: „Турки вполнѣ заслужили несчастіе, которое ихъ постигло, частію своимъ слабымъ и глупымъ веденіемъ войны, частію недостаткомъ довѣрія къ державамъ, которыя, особенно Австрія, желали высвободить ихъ изъ затруднительнаго положенія. Зачѣмъ не потребовали они посредничества Австріи, Англіи и Голландіи".

Великій король и лукавый союзникъ — Фридрихъ II пробовалъ внушать въ Петербургѣ, что этотъ миръ непроченъ, и переслалъ депешу Цегелина о томъ, что Порта проситъ Прусскаго короля употребить свои добрыя услуги для смягченія условій Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Но все это не имѣло успѣха.

Торжественное празднованіе этой знаменитѣйшей услуги графа Румянцова не могло, однако, состояться своевременно — отчасти по болѣзни виновника торжества. Онъ лежалъ въ постели, въ мучительной болѣзни, въ такомъ изнеможеніи, что ему на помощь для окончанія мирнаго дѣла и принятія начальства надъ арміею былъ назначенъ князь Н. В. Репнинъ, который долженъ былъ ѣхать чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь для утвержденія мирныхъ условій подписью султана. Пріѣхавъ въ Фокшаны, князь Репнинъ писалъ князю Потемкину 15-го сентября 1774 года: „Я нашелъ фельдмаршала въ крайней еще слабости и не въ состояніи встать съ постели, хотя уже изъ всей опасности вышелъ. Жалко на него глядѣть и на всѣхъ, здѣсь находящихся, — изъ всего города сдѣлалась больница". Репнинъ полагалъ, что недѣли

черезъ три или четыре фельдмаршалъ придетъ въ желаемыя силы и тогда нѣтъ надобности ему, Репнину, при немъ оставаться. Но графъ Румянцовъ еще не оправился вполнѣ отъ болѣзни, какъ на него, особымъ рескриптомъ, были возложены новыя обязанности, а именно—завѣдываніе бывшею въ Крыму второю арміею (вмѣсто князя Долгорукова) и улаживаніе возникшихъ татарскихъ дѣлъ. Должно замѣтить, что послѣ подписанія мирнаго договора въ Кучукъ-Кайнарджи было предписано князю Долгорукову, находившемуся со ввѣренною ему арміею на Крымскомъ полуостровѣ, очищать постепенно Крымъ, оставивъ гарнизоны въ Керчи и Еникале. Князь не замедлилъ приступить къ исполненію этого приказанія, но въ это время въ Крымъ высадился турецкій сераскиръ Алибей и Крымскій ханъ Сагибъ-Гирей не только не оказалъ ему никакого сопротивленія, но выдалъ ему даже Веселицкаго, Русскаго при немъ въ то время резидента. Это побудило наше правительство предписать князю Долгорукову не очищать Крыма ранѣе, какъ турецкія войска покинутъ полуостровъ или по мѣрѣ ихъ выхода; съ турками и татарами, дабы не подано было съ нашей стороны ни малѣйшихъ поводовъ ко враждѣ, поступать съ такою разборчивостью, чтобъ всегда удаляться отъ первыхъ задоровъ. Пока составляли и посылали это предписаніе, князь Долгоруковъ прислалъ донесеніе, что онъ войска выводитъ изъ Крыма, а самъ, по слабости своего здоровья, проситъ увольненія въ Москву, съ позволеніемъ сдать команду старшему генералъ-поручику Щербинину (командовавшему недолго: на его мѣсто вскорѣ былъ назначенъ князь А. А. Прозоровскій). Эта просьба князя была уважена и вскорѣ затѣмъ главное командованіе войсками въ Крыму было возложено на больного графа Румянцова. Турецкія войска вскорѣ, впрочемъ, покинули Крымъ, вмѣстѣ со своимъ флотомъ; Веселицкій былъ освобожденъ, но татары были преисполнены крайняго отвращенія ко всѣмъ оказаннымъ имъ благодѣяніямъ и не пожелали принять дарованной имъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ вольности. Они послали въ Константинополь особыхъ депутатовъ просить, чтобы отношенія ихъ къ Портѣ были бы прежнія, при чемъ депутаты должны были заявить, что они никогда не переставали желать раболѣпствовать Портѣ по-прежнему, какъ это доносили еще и князь Долгоруковъ и Веселицкій. Графу Румянцову при такихъ обстоятельствахъ было тяжело завѣдывать двумя арміями, и хотя онъ и писалъ Ея Величеству, что „пощады не дѣлаю ни здоровью, ни самой жизни своей, противъ совѣту докторовъ жертвую вседневно послѣдними силами исполненію моей должности“, но, тѣмъ не менѣе, онъ просилъ Императрицу о назначеніи для второй арміи или прежняго командира—князя Долгорукова, или кого-либо другого, хорошо знающаго дѣла того края [1]). Тѣмъ временемъ великій визирь, въ виду заявленія Крымской депутаціи и подстрекаемый не мало Французскимъ представителемъ въ Константинополѣ Шуазелемъ не признавать независимость татаръ Крымскаго полуострова, просилъ графа Румянцова письмомъ объ измѣненіи мирныхъ условій трактата, касающихся татаръ и Дунайскихъ княжествъ. Графъ Румянцовъ, въ отвѣтномъ письмѣ, выразивъ крайнее свое удивленіе по поводу подобнаго желанія, высказалъ, что перемѣна священныхъ договоровъ вслѣдъ за ихъ постановленіемъ была бы предосудительна достоинству и славѣ Высочайшихъ дворовъ и рѣшительно отказалъ великому визирю въ его домогательствѣ.

Посланному же въ Константинополь для улаженія татарскихъ дѣлъ полковнику Петерсону онъ разрѣшилъ обѣщать сто, двѣсти и, наконецъ, триста тысячъ рублей тому, кто возьмется уничтожить всѣ происки недоброжелательныхъ людей и довести дѣло до того, чтобы ратификація была отправлена въ Петербургъ безъ всякихъ измѣненій въ первоначальномъ договорѣ. Это скоро было достигнуто, и Петерсонъ уже 5-го ноября, изъ Константинополя, поздравлялъ Румянцова съ утвержденіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго договора безъ всякой перемѣны. Но татары, домогавшіеся полной независимости отъ султана, были попрежнему недовольны тѣмъ, что должны считать султана своимъ духовнымъ владыкою и молиться за него. Этимъ настроеніемъ татаръ воспользовался Шагинъ-Гирей, калга-султанъ Крымскій, главный надъ Ногайскими ордами. Онъ началъ волновать татаръ—и не безъ успѣха,

[1]) Такимъ лицомъ былъ позднѣе избранъ, какъ упомянуто выше, князь Прозоровскій.

особенно на Кубани, и сообщилъ Щербинину, что есть возможность склонить ногаевъ къ протесту противъ поведенія крымцевъ (желавшихъ упорно оставаться подъ турецкимъ владычествомъ) и даже возведенію на Крымское ханство его, Шагинъ-Гирея, если будетъ ему отпущено сто тысячъ рублей и нѣсколько войска для охраны. Совѣтъ въ Петербургѣ призналъ, что предложеніе Калги весьма полезно къ утвержденію сооруженной нами татарской области; что Калга, будучи обязанъ намъ возведеніемъ своимъ на ханство, останется совсѣмъ преданнымъ къ нашей сторонѣ, и, такимъ образомъ, татары нечувствительно отвыкнутъ отъ турокъ и могутъ сдѣлаться, наконецъ, совершенно отъ нихъ независимыми. Тѣмъ временемъ, графъ Румянцовъ получилъ, какъ выше сказано, извѣстія отъ Петерсона объ утвержденіи Портою мирнаго трактата. Не желая препятствовать водворенію мира новыми движеніями на Кубани, онъ предписалъ Щербинину пріостановиться исполненіемъ плана Шагинъ-Гирея. Въ Петербургѣ съ этимъ согласились, и 15-го декабря было дано надлежащее о томъ предписаніе Щербинину, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ удержалъ татаръ къ тому въ готовности и не допускалъ ихъ переселяться въ старыя ихъ жилища. Этимъ закончились на время происки Шагинъ-Гирея и на Крымскомъ полуостровѣ возстановилась, хотя и не на долго [1]) тишина, доставившая возможность отправить въ Константинополь чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ князя Н. В. Репнина, при чемъ графу Румянцову пришлось позаботиться снабженіемъ его надлежащимъ конвоемъ и различными другими воинскими чинами. Вскорѣ послѣ этого состоялось въ Москвѣ торжественное празднованіе, 10-го іюля 1775 г., заключеннаго съ турками мира въ Кучукъ-Кайнарджи, подробно описанное въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ за 1775 годъ (стр. 432—478). Сообщимъ о немъ въ самыхъ краткихъ словахъ. Графъ Румянцовъ прибылъ для торжества въ Москву въ началѣ 6-го часа пополудни 8-го іюля, прямо въ Императорскій дворецъ у Пречистенскихъ воротъ, былъ встрѣченъ дежурнымъ генераломъ кн. Г. А. Потемкинымъ и препровожденъ къ Ея Величеству, а затѣмъ къ Ихъ Высочествамъ, послѣ чего въ дворцовой каретѣ отбылъ въ приготовленный ему для жительства Коломенскій дворецъ, въ которомъ и проживалъ во время своего пребыванія въ Москвѣ въ 1775 году.

Отъ предполагавшагося торжественнаго въѣзда въ Москву фельдмаршалъ уклонился, и 9-го іюля Ея Величество, вечеромъ, прибыла простымъ выходомъ въ городъ, въ Кремлевскій дворецъ, и шествовала къ всенощному бдѣнію въ Успенскій соборъ. Во время чтенія св. Евангелія на Ивановскую колокольню былъ совсѣмъ поднятъ большой колоколъ вѣсомъ 3500 пудовъ. Въ пятницу, 10-го числа, въ день торжества, въ 9 ч. утра, былъ торжественный съѣздъ всѣхъ особъ, имѣющихъ пріѣздъ во дворецъ, затѣмъ — парадный выходъ Ея Величества, въ малой коронѣ, подъ балдахиномъ, изъ дворца по Красному Крыльцу въ Успенскій соборъ, при чемъ фельдмаршалъ графъ Румянцовъ шелъ впереди Ея Величества въ фельдмаршальскомъ мундирѣ (а не въ орденскомъ уборѣ). Ихъ Высочества слѣдовали за Ея Величествомъ. Послѣ божественной литургіи произнесъ приличную торжеству рѣчь преосвященный Платонъ, а затѣмъ было благодарственное молебствіе и при возглашеніи пѣсни „Тебе Бога хвалимъ", по данному сигналу ракетою, была произведена пушечная пальба изъ всѣхъ пушекъ на Красной площади и колокольный звонъ у всѣхъ церквей, во время которыхъ подносились поздравленія Высочайшимъ Особамъ. Послѣ этого всѣ собрались въ Грановитую Палату, гдѣ, въ присутствіи Императрицы, генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій именемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ читалъ поздравительную и благодарственную рѣчь на благополучное заключеніе мира, по прочтеніи которой именемъ Ея Величества отвѣчалъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ. Послѣ этого Императрица, стоя на тронѣ, жаловала къ рукѣ всѣхъ находившихся въ Грановитой Палатѣ, а затѣмъ д. т. с. А. В. Олсуфьевъ, стоя на нижней ступени трона, читалъ вслухъ о милостяхъ и наградахъ, пожалованныхъ въ этотъ день различнымъ лицамъ, принимавшимъ участіе и содѣйствовавшимъ заключенію мира, причемъ однимъ изъ первыхъ явился графъ Румянцовъ, который въ тотъ день удостоился получить: 1) похвальную грамоту съ прописаніемъ службы

[1]) Въ концѣ 1775 г. былъ свергнутъ преданный Россіи Сагибъ-Гирей и возведенъ приверженецъ Турціи Девлетъ-Гирей, свергнутый Россіею, при чемъ былъ возведенъ Шагинъ-Гирей.

его въ прошедшую войну и при заключеніи мира съ прибавленіемъ къ его званію прозвища *Задунайскаго*, причемъ ему жаловались: 2) за разумное полководство—алмазами украшенный повелительный жезлъ или булава; 3) за храбрыя предпріятія—шпага, алмазами украшенная; 4) за побѣды—лавровый вѣнокъ; 5) за заключеніе мира—масляная вѣтвь; 6) въ знакъ монаршаго за то благоволенія—крестъ и звѣзда алмазами украшеннаго ордена Св. Ап. Андрея; 7) по честь ему, фельдмаршалу, и въ поощреніе потомству его примѣромъ—медаль съ его изображеніемъ; 8) для увеселенія его—пять тысячъ душъ, староство Гомельское; 9) для построенія дома—сто тысячъ рублей; 10) для его стола—серебряный сервизъ; 11) для убранства дома—картины; 12) графъ Румянцовъ не много ранѣе этого, 6-го марта 1775 г., былъ зачисленъ уже полковникомъ въ списки кирасирскаго военнаго ордена Св. великомученика и побѣдоносца Георгія полка (ранѣе бывшій Кирасирскій графа Миниха полкъ) и состоялъ таковымъ по день своей кончины. По прочтеніи всего списка лицъ, удостоившихся наградъ, эти лица приносили Ея Величеству благодареніе, а затѣмъ всѣ направились изъ Кремля торжественнымъ шествіемъ во дворецъ, что у Пречистенскихъ воротъ, при чемъ происходила пальба изъ 41 пушки и звонъ на Ивановской колокольнѣ; въ то же время генералъ-маіоръ Пав. Серг. Потемкинъ, съ двумя герольдами верхомъ, бросали народу особо приготовленные жетоны. По прибытіи во дворецъ, всѣмъ участвовавшимъ въ шествіи придворнымъ чинамъ розданы были большія золотыя медали. Во дворцѣ былъ обѣдъ, при чемъ графъ Румянцовъ съ весьма немногими сидѣлъ за столомъ, съ Императрицею, во внутренней комнатѣ. Вечеромъ и за полночь въ городѣ всѣ дома были иллюминованы. Въ слѣдующіе затѣмъ дни были обычные при дворѣ обѣды, балы, маскарады и прочія празднества, завершившіеся разными увеселеніями, устроенными для народа на Ходынкѣ, въ присутствіи Ея Величества и всего ея двора. Эти увеселенія начались 21-го іюля и закончились въ четвергъ, 23-го числа. Народу даны были 4 жареныхъ быка, а также множество жареной живности на особыхъ пирамидахъ, были устроены фонтаны съ виноградными винами и т. д. Кромѣ того, были различныя, увеселительныя игры и, въ томъ числѣ, три открытые театра, въ которыхъ являлись акробаты съ разными штуками, играла музыка, плясали и пѣли цыгане и цыганки и т. д. Въ нарочно устроенной круглой каланчѣ, названной Азовскою, былъ приготовленъ обѣдъ для особъ духовныхъ и первыхъ пяти классовъ, засѣдавшихъ по классамъ ихъ, за особыми столами, подъ номерами, на что раздавались особые билеты. При этомъ графъ Румянцовъ засѣдалъ вмѣстѣ съ Ея Величествомъ за столомъ № 1, а Его Высочество наслѣдникъ засѣдалъ за столомъ № 2 съ матерью фельдмаршала, графинею Марьей Андреевной Румянцовою. Вечеромъ 23-го числа былъ зажженъ фейерверкъ, продолжавшійся до 12 часовъ, по окончаніи котораго Ея Величество посѣтила маскарадъ и, побывъ малое время, возвратилась съ Ходынки во дворецъ.

По окончаніи празднествъ графъ Румянцовъ, оставаясь въ Коломенскомъ, бывалъ очень часто у Императрицы въ самой Москвѣ, обѣдалъ очень часто съ нею и принималъ участіе въ ея поѣздкахъ по окрестностямъ этой столицы, какъ-то въ село Коломенское, 4-го августа, гдѣ смотрѣли вновь построенный оперный домъ возлѣ дворца, на Царе-Борисовскіе пруды—8-го августа, гдѣ занимались ловлею рыбы, причемъ казакъ варилъ уху по-своему, въ Царицыно—19-го августа, въ подмосковное село Вѣры Борисовны Лопухиной въ 12-ти верстахъ отъ Царицына—25-го августа, въ Фили къ г. оберъ-шенку Алек. Александ. Нарышкину—1-го сентября, также въ Воскресенскій монастырь и село Ивановское (принадлежавшее В. Б. Лопухиной)—13—14-го августа, а затѣмъ въ село Ярополчь, принадлежавшее въ то время графу Захару Григор. Чернышеву, гдѣ пробыли до 17-го сентября. Графъ Румянцовъ участвовалъ также въ путешествіи Ея Величества въ г. Коломну и обратно, при чемъ посѣтили графа Петра Борисовича Шереметева въ селѣ Марковѣ и Мещериновѣ (съ 13-го октября по 17-е число), а также Голутвинъ монастырь, и принималъ участіе въ шествіи на охоту для стрѣлянія тетеревей въ Подмаксинской рощѣ, въ 12 верстахъ отъ Москвы, 23-го октября. Императрица 28-го октября посѣтила также съ особами Ея свиты подмосковное село Кайнарджи (ранѣе Троицкое, въ 20-ти верстахъ отъ Москвы), принадлежавшее графу П. А. Румянцову, кото-

рый выѣхалъ ей на встрѣчу изъ своего села верстахъ въ трехъ и былъ очень польщенъ этимъ посѣщеніемъ.

Румянцовъ участвовалъ также на большомъ балѣ-маскарадѣ, гдѣ была кадриль въ турецкомъ платьѣ, бывшемъ 15-го ноября, на которомъ присутствовалъ и чрезвычайный полномочный Турецкій посолъ, разговаривавшій съ Румянцовымъ и сидѣвшій за ужиномъ рядомъ съ нимъ.

Въ это пребываніе Румянцова въ Москвѣ на него, особымъ рескриптомъ отъ 5-го ноября 1775 года, было возложено главное начальство надъ кавалеріею нашей арміи, которая, по словамъ рескрипта, „въ бывшую Прусскую войну изъ неустройства или, паче сказать, изъ небытія его единственно искусствомъ и трудами приведена была въ доброе состояніе". Фельдмаршалу теперь предоставлялось устроить кавалерію въ наилучшемъ видѣ. Помимо этого важнаго и сложнаго дѣла, ему же поручалось въ то время на словахъ, какъ это надо заключить изъ позднѣйшихъ повелѣній, окончательное устройство Крыма, о чемъ сказано ниже. Въ томъ же 1775 г., ноября 8-го, графу Румянцову было Высочайше дозволено писать свое отчество съ окончаніемъ *вичъ*. Замѣтимъ при этомъ, что это же преимущество было даровано *позднѣе* графу К. Г. Разумовскому—11-го декабря и князю Г. А. Потемкину—20-го января 1776 г.

Императрица, какъ извѣстно, пробыла въ Москвѣ до 7-го декабря 1775 г., когда предприняла обратную поѣздку въ Петербургъ и, посѣтивъ при этомъ также города Серпуховъ, Тулу, Калугу, прибыла въ столицу 24-го декабря. Графъ Румянцовъ не сопровождалъ Ея Величества въ этомъ путешествіи, но оставался въ Москвѣ и въ Кайнарджи, которое покинулъ, оправившись отъ болѣзни, сильно безпокоившей его, по временамъ, въ продолженіе пребыванія его въ Москвѣ. Онъ только 20-го февраля 1776 г. прибылъ въ Черешенки, откуда писалъ графу Н. И. Панину о худомъ состояніи своего здоровья, о томъ, что силы его весьма слабѣютъ (21-го марта), и П. В. Завадовскому (того же 21-го марта), что принужденъ будетъ коснуться послѣдняго пособія—цѣлительныхъ водъ, и что здоровье его требуетъ великой починки,—„не знаю, откуда начать" (письмо 10-го апрѣля). При такомъ разслабленіи и „стеня подъ самымъ легкимъ бременемъ дѣлъ, здѣсь (въ Малороссіи) отправляемыхъ", Румянцовъ вдругъ получилъ рескриптъ Ея Величества отъ 18-го апрѣля 1776 года, чтобы онъ поспѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ, такъ какъ Государыня желаетъ сдѣлать его участникомъ въ „вѣрномъ, нужномъ и пріятномъ дѣлѣ, о коемъ инако не желаетъ объявить ему, какъ при свиданіи съ нимъ". При этомъ Екатерина II добавляла, что „ожидаетъ увидѣть его дней чрезъ двадцать конечно". Графъ Румянцовъ, естественно, былъ очень взволнованъ этимъ таинственнымъ приглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что и преданный ему П. В. Завадовскій, выражая свое удовольствіе вскорѣ увидѣть своего благодѣтеля въ столицѣ, не открывалъ ему, соблюдая тайну цареву, въ точности сущность дѣла, для котораго графъ столь скоро призывался, и только добавлялъ: „Храни Богъ отъ поѣздки отговариваться; весьма неугодно будетъ Государынѣ и Великому Князю". Очень вѣроятно, что эти послѣднія слова преодолѣли колебанія фельдмаршала ѣхать въ столицу, въ которой, по прибытіи своемъ, онъ узналъ и о цѣли его вызова, состоявшей въ слѣдующемъ. По кончинѣ первой супруги Наслѣдника престола, Великой Княгини Наталіи Алексѣевны 15-го апрѣля 1776 г., ему намѣчена была тогда же, при содѣйствіи брата Прусскаго короля Фридриха II, принца Генриха, находившагося въ то время въ Петербургѣ, въ новыя супруги одна изъ родственницъ короля, принцесса Виртембергская, пребывавшая въ это время въ Берлинѣ. Для ознакомленія съ предназначавшеюся ему супругою Великому Князю предстояло совершить поѣздку въ Берлинъ, при чемъ, по желанію Императрицы, его долженъ былъ сопровождать фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцовъ. Прибывъ въ Петербургъ въ началѣ іюня 1776 года, графъ отправился съ Его Высочествомъ въ Берлинъ въ сопровожденіи графа Н. И. Салтыкова, Нарышкина и князя Куракина. Они ѣхали изъ Царскаго Села на Ригу и Мемель въ Полангенъ, гдѣ, на границѣ съ Пруссіею, были торжественно встрѣчены извѣстнымъ генераломъ Фридриха II Лентулусомъ, земскими чинами, графомъ Денгофомъ и бургграфомъ Дона. Послѣ этого всѣ поѣхали въ Кенигсбергъ, Диршау и Данцигъ, осматривали аббатство въ Оливѣ и, миновавъ затѣмъ Вейсензе, совершили торжественный въѣздъ въ Бер-

линъ въ золоченыхъ каретахъ. Король Фридрихъ II сдѣлалъ всѣ распоряженія, чтобы обставить проѣздъ сына своей союзницы въ Берлинъ самымъ торжественнымъ образомъ, а самое пребываніе его въ Берлинѣ сдѣлать для Великаго Князя чрезвычайно разнообразнымъ, при чемъ оказалъ много лестнаго вниманія и самому графу Румянцову. Въ Потсдамѣ 29-го іюля король устроилъ для прибывшихъ большое воинское ученіе не только войскамъ, стоявшимъ въ Потсдамѣ, но и королевской гвардіи, пришедшей для этого изъ Берлина. Фридрихъ II, желая почтить и польстить графу Румянцову, на ученьѣ намѣревался изобразить различныя движенія и построенія, совершенныя Русскими войсками въ знаменитой Кагульской битвѣ. Существуетъ разсказъ, что фельдмаршалъ будто бы принялъ всѣ эти движенія войскъ за совершенныя не по его приказанію при Кагулѣ, а по распоряженіямъ какого-либо греческаго или римскаго полководца и выразилъ это довольно громко, что, конечно, не могло быть пріятно королю, если только все это справедливо.

Графъ Румянцовъ, какъ сопровождавшій Великаго Князя, участвовалъ на всѣхъ празднествахъ, собраніяхъ, обѣдахъ и пр., происходившихъ при Берлинскомъ дворѣ, ѣздилъ также къ принцу Генриху, проживавшему въ своемъ замкѣ Рейнсбергъ, близъ Берлина, гдѣ пробылъ два дня, и затѣмъ, 8-го августа, отправился въ обратный путь чрезъ Шветъ въ Кенигсбергъ въ сопровожденіи того же Лентулуса, съ которымъ и разстался въ этомъ городѣ. Посѣтивъ Митаву, гдѣ ихъ встрѣтилъ нашъ генералъ-губернаторъ Браунъ, а затѣмъ Ригу, путешественники прибыли въ Царское Село 14-го августа, въ 8 часовъ вечера. Послѣ этого графъ Румянцовъ оставался въ столицѣ до самаго бракосочетанія Великаго Князя, бывшаго 14-го сентября (на которомъ присутствовалъ), а также и на всѣхъ происходившихъ по этому случаю придворныхъ торжествахъ. Затѣмъ, съ разрѣшенія Ея Величества, графъ поѣхалъ на нѣкоторое время въ свой любимый Буртнекъ, гдѣ пробылъ до осени, и вернулся въ Малороссію осенью 1776 года, выразивъ Ея Величеству свою готовность принять на себя выработку проекта, по которому войско, во всѣхъ отношеніяхъ, не являлось бы тяжестью общенародною, и количество его было бы соразмѣрно внѣшнему и внутреннему онаго употребленію. При этомъ онъ испрашивалъ дозволеніе уклониться въ уединеніе, но, не получивъ на это разрѣшенія, вступилъ въ управленіе ввѣреннымъ ему краемъ и не замедлилъ подтвердить строжайше, въ томъ же 1776 г., о нечиненіи ссоръ, дракъ и смертоубійствъ, нерѣдко происходившихъ между обывателями и воинскими командами, и о нечиненіи послѣдними никакихъ утѣсненій и обидъ жителямъ, довольствуясь тѣмъ, что опредѣлено имъ законами.

Въ концѣ того же 1776 года Императорская Академія Наукъ, въ торжественномъ засѣданіи 29-го декабря, въ присутствіи Наслѣдника престола Великаго Князя Павла Петровича, принца Генриха Прусскаго (брата Фридриха II), князя Понятовскаго и прочихъ лицъ, избрала фельдмаршала графа Румянцова почетнымъ своимъ членомъ вмѣстѣ съ графами Н. И. Панинымъ и З. Гр. Чернышевымъ, Ив. Ив. Шуваловымъ и другими лицами.

По возвращеніи своемъ въ Глуховъ графъ П. А. Румянцовъ не замедлилъ приступить къ выполненію нѣкоторыхъ мѣръ, указанныхъ ему, несомнѣнно, Императрицею въ бытность его въ Москвѣ и направленныхъ къ непосредственному подчиненію Крыма Россійской Имперіи. Ему было, между прочимъ, указано составить предстоящею весною кампаменты изъ войскъ нашихъ въ сторонѣ Крыма и Кубани. Онъ это составилъ, и Екатерина II поручила ему расположить войска по разнымъ въ Крымской сторонѣ пристойнымъ мѣстамъ, по границѣ и по Днѣпру и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждала князю Потемкину въ 1776 году доставлять Румянцову всѣ нужныя снабженія и пособія, дабы ни въ чемъ не могло повстрѣчаться никакого недостатка или упущенія, „такъ какъ теперь наступило уже время къ дѣйствительному произведенію порученнаго отъ насъ графу Румянцову предпріятію на Перекопъ и Линію". Въ Крыму въ это время происходили внутренніе раздоры, которыми желательно было воспользоваться. Не задолго передъ этимъ былъ свергнутъ Крымскій ханъ Сагибъ-Гирей, бывшій ханомъ съ 1771 года, который своимъ пристрастіемъ къ европейскимъ порядкамъ и обычаямъ очень раздражалъ татаръ и усилилъ число приверженцевъ Турціи, которые и провозгласили ханомъ своимъ Девлетъ-Гирея.

Турція за преданность его султану обѣщала возвратить Керчь, Кинбурнъ и Еникале. Графъ Румянцовъ сталъ принимать мѣры къ составленію партіи преданному Россіи Шагину-Гирею (брату низвергнутаго Сагиба) и къ изгнанію Девлета-Гирея. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцовъ заботился принудить турокъ къ выполненію ими одного ихъ условія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, именно о выводѣ турецкихъ войскъ изъ Крыма. При помощи денегъ и различныхъ подарковъ Шагинъ-Гирей былъ избранъ въ 1776 г. ханомъ ногайскихъ ордъ; оставалось только склонить Турецкаго султана признать его въ этомъ достоинствѣ и выдать ему обычную грамоту. Но это очень затянулось, а между тѣмъ графъ Румянцовъ направилъ къ Перекопу и далѣе отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Прозоровскаго. Въ то же время другой отрядъ, подъ начальствомъ де Бальмена, шелъ чрезъ Чунгары къ Арабату, а третій, бригадира Бринка — къ Тамани и занялъ Темрюкъ. Прозоровскій, несмотря на крайне неблагопріятное для похода осеннее время, успѣшно занялъ весь Крымскій полуостровъ и тѣмъ много содѣйствовалъ признанію Шагинъ-Гирея (находившагося въ то время еще въ Абхазіи), ханомъ всего Крыма. Прежній же ханъ Девлетъ-Гирей и его приверженцы сперва всячески противодѣйствовали новому хану и нашимъ войскамъ, но скоро Девлетъ лично удалился въ Константинополь, гдѣ жаловался Портѣ на притѣсненія Шагинъ-Гирея при помощи русскихъ войскъ. Князь Прозоровскій составилъ отъ татарскихъ обществъ грамоты въ Петербургъ и Константинополь, въ которыхъ излагались свѣдѣнія о событіяхъ въ Крыму и опровергались жалобы Девлета, при чемъ въ грамотѣ къ Екатеринѣ II выражалась отъ татаръ благодарность Ея Величеству за присылку войскъ въ Перекопъ и избавленіе страны отъ коварства Девлета. Графъ Румянцовъ же предписывалъ князю Прозоровскому не мѣшаться въ дѣла, касающіяся самодержавной власти хана (именно права назначить себѣ преемника), и размѣстить свои войска такъ, чтобы имѣть жителей полуострова подъ наблюденіемъ войскъ и въ то же время имѣть возможность отразить турокъ въ случаѣ высадки ихъ на берега Крыма и полуострова Тамани. Для лучшаго достиженія означенныхъ двухъ цѣлей князь Прозоровскій просилъ графа Румянцова отрядить изъ Кизикермена въ Шагинъ-Гирейскій ретраншементъ одинъ пѣхотный полкъ и 5 эскадроновъ кавалеріи.

Шагинъ-Гирей, по словамъ князя Прозоровскаго, человѣкъ слабаго сложенія, больной, но самолюбивый и настойчивый, котораго „въ понятіе справедливости никакъ привести нельзя“, скоро вызвалъ всеобщее къ себѣ неудовольствіе различными несвоевременными и несообразными съ обстоятельствами распоряженіями, своею надменностью въ обхожденіи съ окружающими его и своимъ презрѣніемъ къ подвластному ему народу. Онъ вскорѣ представилъ графу Румянцову, 21-го апрѣля 1777 г., особый присяжный листъ, которымъ Крымское общество татаръ отказывалось отъ избранія впредь хановъ, видя вредныя для себя отъ этого послѣдствія. При этомъ Шагинъ-Гирей просилъ представить это на одобреніе и утвержденіе Ея Величества. Князь Прозоровскій изъ лагеря при Бузлыкѣ поздравлялъ графа Румянцова съ подобнымъ актомъ, которымъ вводятся союзъ, миръ и тишина въ странѣ... Шагинъ-Гирей, кромѣ того, намѣревался уравнять армянъ и грековъ въ податяхъ и преимуществахъ съ магометанами, заводилъ регулярное у себя войско на случай внезапнаго возмущенія послѣ ухода русскихъ войскъ, устраивалъ крѣпость у Бахчисарая на горѣ и т. д. Все это вмѣстѣ привело, въ октябрѣ 1777 года, къ возстанію новонабранныхъ Шагиномъ-Гиреемъ регулярныхъ войскъ, къ которому скоро примкнула и масса простого народа. Возстаніе распространилось по всему полуострову и поставило въ крайне затруднительное положеніе войска князя Прозоровскаго, размѣщенныя небольшими отдѣльными отрядами по всему Крыму. Вести правильной войны съ мятежниками князь Прозоровскій не имѣлъ никакой возможности и просилъ графа Румянцова усилить его корпусомъ Гудовича, дабы обратить оный для дѣйствія противъ турецкаго десанта; самъ же онъ съ ввѣренными войсками, будетъ продолжать усмирять всемѣстный бунтъ. Графъ Румянцовъ, пребывая въ своихъ имѣніяхъ, то въ Парафѣевкѣ, то въ Вишенкахъ, то въ Буртнекѣ и полагаясь на боевую опытность князя Прозоровскаго и на мужество его войскъ, былъ убѣжденъ, что мятежъ скоро будетъ прекращенъ; онъ усматривалъ въ мятежѣ только одну интригу Порты съ цѣлью

свергнуть Шагина-Гирея и не удовлетворялъ просьбы князя Прозоровскаго о присылкѣ ему подкрѣпленія, имѣя презрѣніе къ невѣжеству татаръ въ военномъ дѣлѣ, а также находя, что князь имѣетъ достаточно войскъ для усмиренія мятежа въ Крыму. Онъ писалъ князю, что надо принимать мѣры такія, которыя бы положили предѣлъ мятежу сообразно ихъ натурѣ и нашей пользы. Прозоровскій не оставлялъ безъ возраженій замѣчанія и совѣты фельдмаршала и между ними возникла очень любопытная переписка-полемика, во время которой графъ Румянцовъ тѣмъ не менѣе отправилъ изъ Кизикирмена два полка въ Перекопъ, а другіе два расположилъ такъ, чтобы они могли поспѣть по мѣрѣ надобности и къ Перекопу и къ Кинбурну. Этотъ мятежъ въ Крыму смутилъ Румянцова настолько, что онъ 30-го октября 1777 года высказывалъ Императрицѣ предположеніе, не лучше-ли, „оградясь отъ татаръ, оставить ихъ въ зависимости отъ Порты, а въ замѣну одержать въ прибавокъ нѣкоторыя выгоды для нашей торговли на Черномъ морѣ или гавань способнѣйшую отъ оной". Потемкину же онъ писалъ 14-го ноября того же года, что всего досаднѣе, что изъ всего военнаго искусства не изыскиваются и образы, какъ противъ татаръ войну вести и каковыми бы привести себя отъ нихъ въ нѣкоторое безопасное положеніе, развѣ двумя тысячами Донскихъ казаковъ. Въ письмахъ къ графу Н. И. Панину онъ высказывалъ, что „по непріязни турокъ не видится надежды кончить дѣло въ Крыму". Графъ Румянцовъ полагалъ, что по образу, какъ ведетъ себя Порта, должно ускорить рѣшительнымъ о Крымѣ опредѣленіемъ. Князь же Прозоровскій, однако, благодаря стойкости русскихъ войскъ и распорядительности такихъ ближайшихъ начальниковъ, какъ Михельсонъ, Тунцельманъ и др., успѣлъ сосредоточить свои отдѣльные отряды, соединиться съ графомъ Бальменомъ и занять Карасу-Базаръ, послѣ чего на берегу Сиваша князь Прозоровскій разбилъ главнаго предводителя бунтовщиковъ Сеитъ-Велидтазъ-агу 11-го декабря 1777 года, послѣ чего и вся восточная часть Крыма отъ Кафы до Карасу-Базара была очищена отъ мятежниковъ. Затѣмъ князь Прозоровскій сталъ постепенно очищать отъ нихъ прочія части полуострова. Но въ то время прибывшій изъ Очакова Селимъ-Гирей высадился въ Акмечети, былъ избранъ бунтовщиками ханомъ и дошелъ до р. Бештерека, близъ Салгира. Это встревожило графа Румянцова, получившаго отъ князя Прозоровскаго сообщеніе, что въ Портѣ возымѣла преобладаніе воинствующая партія, которая, признавъ Шагина-Гирея недостойнымъ ханскаго званія и заслуживающимъ смерти, рѣшила оказать поддержку бунтовщикамъ въ Крыму и отправила въ Черное море 8 турецкихъ кораблей. Графъ Румянцовъ предписалъ князю Прозоровскому отклонять татаръ отъ Селимъ-Гирея и прекратить мятежъ и сообщилъ верховному визирю о нарушеніи Портою мирнаго ея трактата съ Россіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вызвалъ резидента при Крымскомъ ханѣ Константинова и поручилъ ему дѣйствовать на хана и его правительство и побудить ихъ доказать свою непоколебимую привязанность и вѣрность Императрицѣ и усердіе къ отечеству и, кромѣ того, далъ ему непроницаемой тайны порученіе: убѣдить хана отправить къ Портѣ двухъ мазаровъ для признанія султана первосвященникомъ и для испрошенія у него себѣ духовнаго благословенія, а послѣ этого—стараться укрѣпить Кубань за Шагинъ-Гиреемъ и приводить ея обывателей въ единомыслiе... Графъ Румянцовъ, истощивъ уже свои вниманіе и мысли на наставленія, даваемыя по Крымскимъ дѣламъ, просилъ Потемкина, „своего дражайшаго друга", помочь ему своими совѣтами и наставленіями. Въ то же время графъ Румянцовъ доносилъ Императрицѣ о затрудненіяхъ, неизбѣжныхъ при войнѣ съ турками въ Крыму, опять просилъ снабдить его „рѣшительнымъ опредѣленіемъ о Крымѣ и наставленіемъ о дальнѣйшемъ пребываніи въ Крыму нашихъ войскъ, находя, что таковое несогласно съ нашимъ трактатомъ съ Турціею. Онъ получилъ обширный рескриптъ отъ 16-го февраля 1779 г., которымъ повелѣвалось прекратить мятежъ въ Крыму и возстановить власть хана Шагинъ-Гирея, дѣйствовать его именемъ и силою указовъ его дивана, вездѣ, гдѣ случай представится, принять подъ защиту нашихъ войскъ всѣхъ преданныхъ намъ татаръ и христіанъ; въ Кубани же составить независимое отъ крымскихъ татаръ благонамѣренное общество, подъ властью Шагина-Гирея. Если же мятежъ не будетъ пре-

кращенъ—занять въ сторонѣ Перекопа позицію, въ которой удобно отражать мятежниковъ и прикрывать Керчь, Еникале и наши сообщенія съ Кубанью. Тѣмъ временемъ кн. Прозоровскій, стѣснивъ мятежниковъ у Инкермана, принудилъ ихъ просить помилованія, но Селимъ-Гирей и другіе татарскіе начальники ранѣе этого отплыли, 10-го февраля, въ Турцію. Весь Крымъ былъ покоренъ Шагину-Гирею. Чтобы еще болѣе отклонить татаръ отъ содѣйствія туркамъ, графъ Румянцовъ приказалъ выдать бѣднымъ, пострадавшимъ отъ мятежа, 40.000 рублей, совѣтовалъ хану удалить татаръ отъ береговъ моря, чтобы пресѣчь имъ всякое сообщеніе съ турками, распускалъ слухъ о приближеніи двухъ нашихъ армій. Въ то же время онъ возъимѣлъ мысль переселить изъ Крыма христіанъ въ Россію, ради предохраненія ихъ отъ утѣсненій и свирѣпствъ, которымъ они могутъ подвергнуться отъ магометанъ. Ханъ былъ рѣшительно противъ подобнаго распоряженія, лишавшаго его не малой части дохода; правительство хана опасалось, что Порта сочтетъ подобную мѣру посягательствомъ Россіи на обращеніе Крыма въ свою провинцію. Митрополитъ въ Крыму Игнатій находилъ это переселеніе дѣломъ возможнымъ; князь же Прозоровскій считалъ оное совсѣмъ излишнимъ, въ виду имѣвшагося намѣренія присоединить весь Крымъ къ Имперіи, когда христіане будутъ здѣсь первыми жителями, и выводить ихъ отсюда незачѣмъ. Переселить христіанъ графъ Румянцовъ намѣревался на хорошія земли въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ.

Эта мѣра вызвала негодованіе Шагинъ-Гирея, который рѣзко перемѣнилъ свое обращеніе съ А. В. Суворовымъ, замѣнившимъ съ 23-го мая 1778 г. князя Прозоровскаго, и нашимъ президентомъ при немъ Константиновымъ: онъ сталъ избѣгать всякаго съ ними сношенія. Графъ Румянцовъ, узнавъ объ этомъ, объяснилъ эту перемѣну тѣмъ, что Шагинъ-Гирей, желая примириться съ Портою, готовъ сдѣлать ей уступки въ независимости татаръ, лишь бы она скорѣе признала его въ ханскомъ достоинствѣ. Румянцовъ рѣшился возобновить съ Портою переговоры о судьбѣ татаръ, при чемъ могли выясниться причины, по которымъ Порта упорствуетъ въ непризнаніи ханомъ Шагина-Гирея. Съ этою цѣлью графъ Румянцовъ испросилъ разрѣшеніе Ея Величества сдѣлать съ нашей стороны первый шагъ въ готовности уступить Портѣ что-нибудь въ статьѣ о независимости татаръ, потребовавъ за это уступки г. Очакова съ округомъ. Ханъ же Шагинъ-Гирей намѣревался просить объ отмѣнѣ выселенія татаръ, которое началъ производить уже А. В. Суворовъ. Въ продолженіе этихъ сношеній мѣрами Суворова было переселено въ Азовскую губернію въ концѣ іюнямѣсяца уже 3.000 обоего пола городскихъ жителей [1]). Графъ Румянцовъ писалъ, что такой выводъ христіанъ можетъ почесться завоеваніемъ знатной провинціи. Между тѣмъ, Шагинъ-Гирей былъ очень недоволенъ за это Суворовымъ и даже отказался отъ управленія и занятій дѣлами области. Это вызвало въ свою очередь неудовольствіе и волненіе народа, вѣрившаго распускаемымъ слухамъ, что будто бы русскія войска получили приказаніе избивать магометанъ. Румянцовъ, входя въ положеніе хана, предлагалъ Суворову обходиться съ ханомъ ласково, почтительно, но не таилъ своего недовѣрія къ хану и отзывался о немъ, что онъ, ханъ, предпочитаетъ всему свою собственность, оставляетъ свое отечество, имѣніе и ближнихъ, чтобы слѣдовать своимъ намѣреніямъ, старается всегда проникать по настоящему будущее и т. д. Графъ Румянцовъ колебался, въ надеждѣ удержать ханскій престолъ за Шагинъ-Гиреемъ, который будто бы побуждалъ татаръ къ мятежу и присоединенію къ Турціи, намѣревалсь бѣжать самъ за Кубань и т. д. Затѣмъ графъ Румянцовъ представлялъ о возвращеніи корпусовъ Крымскаго и Кубанскаго въ предѣлы Имперіи, для отдыха и чтобы имѣть ихъ подъ рукою въ виду толковъ объ участи Россіи въ дѣлахъ Германіи, по поводу возникшаго вопроса о баварскомъ наслѣдствѣ.

Самъ Шагинъ-Гирей въ январѣ 1778 года, высказывая графу Румянцову, что не желаетъ поступать въ чемъ-либо противъ воли Монаршей и премудрѣйшихъ постановленій графа Румянцова, въ его пользу издаваемыхъ, просилъ его не оставить своимъ высокимъ ходатайствомъ и довести, согласіемъ обѣихъ Имперій, положеніе области татарской до рѣшительнаго постановленія и утвержденія. Незадолго предъ этимъ, 8-го

[1]) Всѣхъ же вообще христіанъ было переселено въ Азовскую губернію 31.609 душъ обоего пола, на что израсходовано было до 130.000 руб.

января 1778 года графъ Н. И. Панинъ сообщилъ графу Румянцову, что Ея Величество возложила на него довѣренность по веденію Крымскихъ дѣлъ, при чемъ ему было разрѣшено, дабы не связать ему руки въ столь важномъ дѣлѣ, устраивать ихъ „по лучшему локальному (мѣстному) усмотрѣнію, къ достиженію предположенной цѣли, не ожидая разрѣшенія изъ С.-Петербурга. Это новое доказательство Монаршаго къ нему довѣрія побудило графа Румянцова принять ближайшее участіе въ дипломатической перепискѣ, происходившей въ то время между нашимъ кабинетомъ и Константинопольскимъ, при посредствѣ нашего уполномоченнаго при Портѣ г. Стахіева. Главное содержаніе этой многословной переписки заключалось въ томъ, что въ Константинополѣ усматривали доказательства полнаго притѣсненія и насилія съ нашей стороны надъ свободою татаръ въ томъ, что войска наши вступили въ Бахчисарай и пребывали тамъ послѣ избранія и утвержденія новаго Крымскаго султана, а также въ томъ, какимъ способомъ означенный ханъ извѣстилъ султана о своемъ избраніи. Съ нашей стороны это все опровергалось, при чемъ было заявлено, что наши войска будутъ выведены изъ Крыма немедленно по присылкѣ Портою хану установленныхъ знаковъ его избранія. Переписка эта долго тянулась, и, наконецъ, Императрица приказала графу Румянцову, 27-го января 1778 года, отозваться отъ своего лица великому визирю, что дѣлается послѣднее и окончательное предложеніе Портѣ, далѣе котораго идти невозможно, именно, что наши войска будутъ выведены изъ Крыма немедленно, послѣ того, какъ Порта признаетъ Шагинъ-Гирея ханомъ Крымскимъ и пришлетъ ему калифское благословеніе, а также признаетъ независимость татаръ новою декларацією. Это было сообщено великому визирю, давшему отвѣтъ, что послѣдняя резолюція Порты есть миръ и искренность, для приведенія себя въ равенство съ Россіею; Порта ни на шагъ не уступитъ Черное море ни Россіи, ни татарамъ; это собственность Турціи, и никакой военный корабль не можетъ плавать по Черному морю, кромѣ турецкихъ. Такой отвѣтъ убѣдилъ Императрицу Екатерину II въ тщетности дальнѣйшихъ переговоровъ. Она признала нужнымъ начать военныя дѣйствія осенью, когда турецкія войска расходятся по домамъ. Она была увѣрена, что турки будутъ разбиты, а тогда Очаковъ и Крымъ останутся въ нашихъ рукахъ „залогомъ за долгъ“, турками невыплаченный. Открывая графу Румянцову „сей сокровеннѣйшій замыселъ“ въ своемъ рескриптѣ отъ 2-го іюля 1778 года, Императрица поручала ему еще разъ, ради выиграния времени, въ отвѣтѣ визирю показать податливость къ трактованію, а между тѣмъ употребить всѣ средства къ выполненію ея плана. При этомъ же графу Румянцову былъ данъ особый указъ о пожалованіи ему остальныхъ деревень Гомельскаго старостваа, составлявшихъ предметъ его домогательствъ со времени пожалованія ему въ 1775 году не малой части Гомельскаго староства. Въ виду осложненій Баварскаго вопроса въ Германіи въ то время, опасаясь, что наше посредничество въ этомъ дѣлѣ можетъ вызвать съ нашей стороны и военное вмѣшательство, Императрица 7-го ноября 1778 г. предписывала графу Румянцову пріостановиться приготовленіями къ извѣстной осадѣ, до дальнѣйшаго о томъ повелѣнія.

Графъ Румянцовъ вступилъ въ переписку со Стахіевымъ и съ визиремъ, а также съ резидентомъ Константиновымъ, которому Румянцовъ также писалъ, чтобы онъ оказывалъ хану уваженіе, почетъ, заботу о его пользѣ, твердилъ бы всѣмъ султанамъ въ Крыму, что власть хана — главная въ Крыму, и т. д. Тому же Константинову графъ Румянцовъ поручалъ провѣрить слухи о томъ, будто бы самъ Шагинъ-Гирей побуждаетъ татаръ къ мятежу и присоединенію къ Турціи, намѣреваясь самъ бѣжать за Кубань. Неосновательность этихъ слуховъ скоро обнаружилась. Шагину-Гирею были вручены богатые отъ насъ подарки, а данъ кредитивъ въ 50.000 рублей. Въ то же время переговоры графа П. А. Румянцова съ Портою, благодаря содѣйствію Французскаго посла, кавалера де Сенъ-При, пришли въ желаемому окончанію, и графъ Румянцовъ 7-го апрѣля 1779 г., изъ своей Парафіевки, могъ сообщить Императрицѣ свою радость, что дѣла съ Портою рѣшились по желанію Ея Величества, а именно, что Порта, послѣ долгихъ переговоровъ, 30-го марта 1779 года [1]) подписала

[1]) Это состоялось до заключенія извѣстнаго Тешенскаго мира весною 1779 года, по которому Ба-

конвенцію, которою, подтверждая Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ, признала Шагинъ-Гиреяханомъ Крымскимъ,—и султанъ выдалъ ему благословенныя грамоты. Россія согласилась, чтобы ханы Крымскіе, по избраніи ихъ цѣлымъ народомъ, испрашивали благословенія у султана, и обѣщала вывести свои войска изъ Крыма и Тамани въ три мѣсяца послѣ подписанія конвенціи, а изъ Кубани—въ три мѣсяца двадцать дней. По просьбѣ Шагинъ-Гирея, на первое время, оставленъ былъ, на случай мятежа, эскадронъ кавалеріи, двѣ роты и одинъ баталіонъ. На имя графа Румянцова въ апрѣлѣ 1779 г. послѣдовало два рескрипта; однимъ ему разрѣшалось, по его о томъ просьбѣ, проживать по временамъ въ Бѣлорусскихъ его деревняхъ безъ всякаго формальнаго отпуска, тѣмъ болѣе, что онъ „и въ семъ пребываніи другимъ должностямъ, на немъ лежащимъ, удовлетворить не упуститъ". Другимъ рескриптомъ предписывалось ему сдѣлать распоряженіе объ изготовленіи ратификаціи договора и подарковъ участвовавшимъ въ переговорахъ, учинить пристойную публикацію отъ себя Высочайшимъ именемъ, вывести войска изъ Крыма, оставивъ немного, подъ видомъ гарнизона, въ Керчи и Еникале. Графъ Румянцовъ не замедлилъ все это исполнить, чѣмъ и завершилась дѣятельность его по приведенію Крыма въ необходимость отдаться Россіи. Дальнѣйшія мѣры въ томъ направленіи осуществлялись уже по указаніямъ свыше чрезъ князя Потемкина, на котораго было возложено завѣдываніе Крымскими дѣлами въ 1782 году.

Императрица Екатерина II, какъ извѣстно, вступила въ переговоры съ Австріею относительно событій, могущихъ произойти отъ смутъ въ Крыму, послѣ чего послѣдовалъ 14-го декабря 1782 г. рескриптъ на имя Потемкина о присоединеніи Крымскаго полуострова къ Россіи: „не иначе, что поводомъ къ таковому присвоенію долженствуютъ служить нѣкоторые точно означенные случаи". Потемкину вмѣнялось стараться преклонять татаръ на нашу сторону, внушать имъ, чтобы подали просьбу о присоединеніи Крыма къ Россіи, осыпать хана милостями и т. д. Въ началѣ 1782 г. вспыхнуло сильное возстаніе противъ Шагинъ-Гирея, вызванное его жестокостями. Онъ былъ принужденъ удалиться въ Таганрогъ, а затѣмъ Крымскіе татары просили Ея Величество о принятіи ихъ подъ свое покровительство. Указомъ отъ 8-го апрѣля 1783 г. Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи; Шагинъ-Гирей отказался отъ престола и былъ переведенъ въ Воронежъ, а затѣмъ въ Калугу; обыватели Крыма приведены къ присягѣ на вѣрность Россійской Имперіи 28-го іюня 1783 г., въ день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II; Турція признала присоединеніе полуострова Крыма конвенціею отъ 28-го декабря 1783 года.

Занимаясь дѣлами Крыма, графъ Румянцовъ по временамъ указывалъ Малороссійской Коллегіи на худое состояніе дорогъ въ Малороссіи и на неисправности мостовъ, предписывая принять мѣры къ приведенію ихъ въ должное состояніе и составить имъ описаніе съ чертежами; заботился о приведеніи мѣръ и вѣсовъ къ одинаковому размѣру, о прекращеніи нищенства и прошенія милостыни; предписывалъ осторожное обращеніе съ огнемъ въ лѣсахъ и поселеніяхъ для отвращенія пожаровъ и т. д. Онъ въ то же время получилъ повелѣніе озаботиться введеніемъ въ Малороссіи Учрежденія о губерніяхъ 1775 года. По этому Учрежденію, для исправленія различныхъ недостатковъ и злоупотребленій, существовавшихъ въ общемъ управленіи губерніями, Императрица Екатерина II предназначала раздѣлить Имперію на губерніи меньшаго объема, чѣмъ прежде существовавшія, именно заключавшія въ себѣ отъ 300 до 400 тысячъ обывателей, и самыя губерніи раздѣлить на уѣзды, содержащіе отъ 20 до 30 тысячъ жителей, и всю совокупность административныхъ и судебныхъ дѣлъ распредѣлить между спеціальными управленіями, дѣйствующими болѣе или менѣе самостоятельно на точномъ основаніи законовъ, при чемъ завѣдываніе судебными дѣлами отдѣлено было отчасти отъ административныхъ учрежденій. Ближайшее и непосредственное управленіе или завѣдываніе каждою губерніею было возложено на губернаторовъ или правителей намѣстничества, на которыхъ лежала и отвѣтственность за управленіе губерніею. Высшій же

варія сохранила свою независимость, уступивъ Австріи небольшое пространство своей земли, и по смерти ея правителя переходила герцогу Карлу Цвейбрюкенскому. Россія, Франція и Нѣмецкая имперія поручились за ненарушимость Тешенскаго договора, который, будучи подтвержденіемъ Вестфальскаго мира, являлся гарантіей имперской конституціи.

надзоръ и общее наблюденіе на мѣстахъ за администраціею вообще и дѣйствіями сословій (которымъ былъ предоставленъ также и выборъ лицъ на нѣкоторыя должности) лежали на Намѣстникахъ государевыхъ, или генералъ-губернаторахъ, которые назначались одинъ на двѣ губерніи и даже на три. Намѣстнику этому подчинялись и войска, находящіяся въ ввѣренныхъ ему губерніяхъ. Предѣлы его власти не были точно опредѣлены; въ Положеніи сказано, что онъ обязанъ строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстъ и людей, не долженъ быть ни законодателемъ, ни судьею, не имѣетъ права наказывать безъ суда и т. д. Контроля по закону надъ нимъ не было; онъ находился подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Его Величества и Сената.

Положеніе о губерніяхъ 1775 года вводилось въ Имперіи постепенно, и графъ Румянцовъ получилъ въ 1776 году Высочайшее повелѣніе озаботиться о введеніи означеннаго Положенія въ Малороссіи. Ему предстояло составить предположеніе о раздѣленіи Малороссіи на три губерніи или намѣстничества, примѣрное росписаніе каждаго намѣстничества, раздѣленіе его на уѣзды, осмотрѣть ихъ удобность, сообразить, какіе города назначить губернскими и уѣздными и т. д., и все это съ планами представить на Высочайшее утвержденіе, вмѣстѣ со списками лицъ, предназначаемыхъ къ отправленію новыхъ должностей. Послѣ Высочайшаго утвержденія всѣхъ означенныхъ предположеній графа Румянцова на него же было возложено приступить къ самому открытію намѣстничества и установленію границъ между ними и вновь образованными уѣздами. Графъ по означеннымъ обязанностямъ велъ не малую переписку съ преданнымъ ему А. А. Безбородко, постоянно обращаясь къ нему за совѣтами, указаніями, наставленіями по разнымъ возникавшимъ вопросамъ, въ виду того, что онъ самъ не занимался ими ранѣе, а къ тому же и по слабости своего здоровья, которое препятствовало ему отлучаться для осмотра на мѣстѣ будущихъ намѣстничествъ. Онъ позднѣе, въ 1781 г., 24-го августа, доносилъ Ея Величеству, что по введенію Положенія о губерніяхъ въ Малороссіи очень много трудился Милорадовичъ [1]) и понесъ неусыпные труды, работая за Румянцова, „по причинѣ и крайняго моего изнеможенія, въ коемъ я отъ прошедшей осени и понынѣ нахожусь“.—Тѣмъ не менѣе, графу Румянцову удалось открыть торжественно, 27-го декабря 1779 года, Курское намѣстничество, при чемъ онъ самъ произнесъ двѣ довольно обширныя рѣчи, преисполненныя похвалъ Великой Императрицѣ. Подобнымъ же образомъ были открыты и прочія намѣстничества: Слободско-Украинское или Харьковское въ 1780 году и Новгородъ-Сѣверское или Курское въ 1781 году, о чемъ было письменно доложено графомъ Румянцовымъ Ея Величеству. За открытіе намѣстничества ему было Высочайше пожаловано 15.000 рублей, и онъ приносилъ благодарность за щедрыя и безпримѣрныя благодѣянія Ея Величества, непрестанно на него изливаемыя.

Графъ Румянцовъ въ 1780 г. издалъ отъ себя весьма обстоятельный и практическій Наказъ о приказномъ и сельскомъ порядкѣ въ отношеніи крестьянъ, конечно—только казенныхъ или государственныхъ. Это—своего рода Уставъ сельскаго хозяйства, въ которомъ излагалось, въ видѣ наставленія, какъ надзирать за хозяйствомъ крестьянъ, какія вводить и распространять растенія и т. д., а затѣмъ въ слѣдующихъ статьяхъ говорилось объ обязанностяхъ десятскихъ, сотскихъ и войтовъ выборныхъ, а также о сельскихъ приказахъ, состоявшихъ изъ упомянутаго войта, по одному старостѣ отъ деревни и писаря, и излагались ихъ права и обязанности и т. д. Равнымъ образомъ излагались правила о соблюденіи чистоты и порядка въ селеніи, о содержаніи улицъ, дорогъ, мостовыхъ, мостовъ, различныхъ насажденій около домовъ, о воздержаніи отъ пьянства и безчинствъ, о ласковомъ и дружескомъ обхожденіи съ сосѣдями и гостепріимномъ съ проѣзжими и т. д.

Помимо этого, новое устройство управленія Малороссіи возбудило не мало различныхъ вопросовъ, получившихъ разрѣшеніе 26-го октября 1781 г. особымъ Высочайшимъ указомъ, бо́льшею частію согласно съ предположеніями графа Румянцова. При этомъ графъ предполагалъ домъ въ Глуховѣ, ранѣе сооруженный для высшихъ присутственныхъ мѣстъ всей Малороссіи, обратить на помѣщеніе высшаго учебнаго заведенія, которому предполагалъ дать названіе Екатерининская Коллегія. Однако,

[1]) Онъ и былъ назначенъ правителемъ Курскаго намѣстничества.

Императрица это не утвердила и приказала передать зданіе въ Приказъ общественнаго призрѣнія Новгородъ-Сѣверской губерніи.

Границы губерній и уѣздовъ, образованныхъ въ Малороссіи, при введеніи Положенія о губерніяхъ 1775 года, не совпадали съ границами полковъ и сотенъ, на которые до этого дѣлилась Малороссія. Это побудило Румянцова войти съ представленіемъ о коренномъ преобразованіи казачьихъ полковъ, бывшихъ въ Малороссіи. По его предположенію изъ бывшихъ девяти полковъ выборныхъ (реестровыхъ) казаковъ, предназначенныхъ для военнаго дѣла, но не одинаковыхъ по численному составу, онъ сформировалъ десять, которые всѣ дѣлились на равные по числу людей эскадроны и роты, не стѣсняясь принадлежностью ихъ къ тому или другому полку по мѣсту жительства. Въ каждомъ такомъ полку, названномъ Карабинернымъ, полагалось по 6-ти эскадроновъ, въ числѣ 138 человѣкъ каждый, т.-е. въ полку 828 человѣкъ; полки эти формировались каждый въ точно опредѣленной мѣстности и содержались на счетъ особаго подушнаго съ казаковъ въ Малороссіи сбора, въ размѣрѣ 1 р. 20 к., и квартировались въ селахъ по мѣсту жительства казаковъ, входившихъ въ составъ прежнихъ полковъ. Офицеры назначались изъ представителей Малороссійской старшины, съ утвержденія высшаго начальства. Эти карабинерные полки являлись переходною ступенью къ полному сліянію бывшихъ казачьихъ полковъ съ общею массою Россійскихъ войскъ въ позднѣйшее время, въ 1789 и 1791 годахъ; имъ присвоивалась тогда же аммуниція и мундиры по образцамъ кирасирскихъ полковъ. Позднѣе, при графѣ Румянцовѣ, въ 1786 г., былъ сформированъ въ его генералъ-губернаторство еще особый гренадерскій полкъ, въ составѣ 3974 чел.—путемъ набора изъ среды монастырскихъ крестьянъ въ Малороссіи, которыхъ насчитывалось въ то время въ этихъ трехъ губерніяхъ до 97.397 душъ мужескаго пола

Имѣя только высшій надзоръ за ввѣренными ему тремя губерніями, графъ Румянцовъ почти не находился въ главномъ мѣстѣ своего генералъ-губернаторства, а проживалъ преимущественно въ своихъ излюбленныхъ владѣніяхъ, какъ-то: сперва въ Парафіевкѣ, а послѣ пожара, истребившаго его роскошный домъ,—въ новомъ мѣстѣ, въ Вишенкахъ и Ташанѣ, откуда по временамъ, какъ бы напоминая о своемъ существованіи, доносилъ Ея Величеству или о всеобщемъ спокойствѣ и благополучіи ввѣреннаго ему края, или о какихъ-либо чрезвычайныхъ явленіяхъ, случаяхъ и событіяхъ происходившихъ въ его генералъ-губернаторствѣ, какъ, напр., объ открытіи заразительной болѣзни въ Лубенскомъ уѣздѣ, а также въ Екатеринославской губерніи, объ ужасной болѣзни въ Кіевской губерніи, возникшей отъ употребленія въ пищу черныхъ рожковъ, встрѣчающихся въ хлѣбѣ, о большомъ градѣ въ Козелецкомъ уѣздѣ, о необычайномъ разливѣ Днѣпра, о большомъ пожарѣ въ Глуховѣ въ 1785 году и о менѣе значительныхъ въ другихъ мѣстахъ, о рожденіи ребенка безъ рукъ съ однимъ пальцемъ на плечѣ и т. д. Кромѣ того, онъ нерѣдко ходатайствовалъ о награжденіяхъ подчиненныхъ ему лицъ. Едва-ли надо упоминать, что графъ Румянцовъ исправно присылалъ Ея Величеству и членамъ ея дома свои поздравленія съ наступающимъ новымъ годомъ, со Свѣтлымъ праздникомъ, съ днемъ ихъ рожденія и днемъ ангела и по другимъ случаямъ и поручалъ себя въ милостивѣйшее напамятованіе и благоволеніе съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Проживая въ деревнѣ, онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своей любимой сестры графини Прасковьи Александровны Брюсъ въ 1786 году, а затѣмъ немного позднѣе, въ 1788 году,—и его очень любимой матери, престарѣлой графини Маріи Андреевны Румянцовой. По обоимъ случаямъ Императрица писала ему утѣшительныя письма, на которыя графъ не замедлилъ благодарить, равно какъ и за состоявшееся ранѣе назначеніе его сына, графа Николая, полномочнымъ нашимъ министромъ во Франкфуртѣ, на Майнѣ, при нѣкоторыхъ округахъ Германской Имперіи, считая такое назначеніе „благопризнаніемъ Ея Величества къ его личнымъ заслугамъ“, кои, „въ разсужденіи великаго вашего благопризрѣнія ко мнѣ, суть весьма недостаточны“.

Проживая въ деревнѣ и наслаждаясь сельскою жизнію, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ приближенныхъ, среди которыхъ находились и лица женскаго пола, графъ Румянцовъ удѣлялъ не малую часть досуга на управленіе, улучшеніе и украшеніе своихъ земельныхъ владѣній, принявшихъ, благодаря щедротамъ Великой Императрицы,

весьма обширные размѣры. Объ этихъ владѣніяхъ Румянцова позволимъ себѣ упомянуть въ немногихъ словахъ.

Унаслѣдовавъ послѣ отца своего, перваго графа Румянцова, Александра Ивановича, не мало гаковъ въ Лифляндской губерніи, означаемыхъ общимъ названіемъ Буртнекъ, а также имѣнія внутри Россіи—въ Нижегородской губерніи — село Чеборчино, въ Московской — село Стрепково, Ильинское, Тельниково, Панино и т. д., графъ П. А. Румянцовъ, для управленія означенными вотчинами, составилъ еще въ 1754 году особенное хозяйственное учрежденіе, въ которомъ содержалось: 1) наставленіе въ отношеніи денежныхъ приходовъ и расходовъ цѣловальнику Андрею Володимірову; 2) пункты, утвержденные 17-го января 1754 года, по которымъ во всѣхъ принадлежащихъ ему низовыхъ вотчинахъ управители, приказчики и старосты имѣютъ наказывать крестьянъ за разныя преступленія; 3) окладные списки состоящихъ въ с. Чеборчинѣ дворовыхъ людей, съ означеніемъ, кому, по званію, что получать жалованья, провіанта, платья и пр. и пр.; 4) предписаніе отъ 20-го января 1754 г. вновь выбранному бурмистру Аврааму Аѳанасьеву въ Чеборчинѣ и наставленіе, по которому имѣютъ отправляться въ приказной избѣ вотчиннаго правленія дѣла отъ всѣхъ низовыхъ вотчинъ, принадлежащихъ Румянцову въ селѣ Чеборчинѣ; 5) правила о содержаніи конскаго завода, рогатаго скота и прочаго, также живности (куръ, утокъ, гусей и т. д.) и какимъ образомъ съ ними поступать опредѣленнымъ на то служителямъ; 6) наставленіе къ исправленію съ наилучшимъ порядкомъ нашихъ художественныхъ домовыхъ работъ, при чемъ было учрежденіе домовое, имѣвшее одно 12-ть частей или главъ, а именно: а) о генеральномъ управленіи домовъ и вотчинъ графа Румянцова; б) о казначействѣ; в) о вотчинной части, т.-е., гдѣ кому и какихъ дѣлъ управленію быть, и для того людямъ по званіямъ; г) какимъ образомъ въ произведеніи дѣлъ и (щотовъ) счетовъ поступать; д) о должностяхъ управителя, стряпчаго, приказчика, повѣреннаго, бухгалтера, о старостахъ изъ крестьянъ, цѣловальникахъ, купчинахъ, о старостахъ; е) о содержаніи вотчинныхъ людей и крестьянъ; ж) о экономіи, т.-е. уборкѣ хлѣба и содержаніи скота; з) домостроительство — о порядкѣ въ производствѣ строеній; и) о довольствѣ людей въ домехъ моихъ; і) о прочихъ расположеніяхъ экономическихъ; к) о томъ же продолженіе; л) о штрафахъ; м) роспись дней, по которымъ работъ не производить. (Составленная въ царствованіе Елизаветы Петровны, роспись была позднѣе дополнена днями восшествія на престолъ Екатерины II (28-го іюня), коронованія Ея (22-го сентября), а въ концѣ росписи приписано еще рукою графа: „декабрь 12 — рожденіе Его Имп. Выс. Александра Павловича“); н) учрежденіе, какимъ образомъ поступать въ содержаніи виннаго завода, въ истребленіи всѣхъ до нынѣ происходившихъ непорядковъ и вмѣсто пристойной пользы неописанныхъ убытковъ; о) учрежденіе о конскомъ заводѣ, по которому имѣютъ быть содержимы лошади цѣлый годъ; п) табель, коликое число въ Чеборчинѣ имѣется какихъ чиновъ у какого дѣла людей, что имъ денежнаго, хлѣбнаго и угоднаго жалованья отпускаютъ.

Всѣ учрежденія и наставленія подписаны по пунктамъ графомъ П. А. Румянцовымъ и, конечно, свидѣтельствуютъ о его стремленіи все въ хозяйствѣ упорядочить, все заранѣе опредѣлить и тѣмъ, конечно, по возможности, отвратить всякаго рода произволъ и непорядокъ, столь присущіе въ хозяйствѣ того времени, основанномъ на крѣпостномъ правѣ.

Всѣ эти наставленія и руководства были распространены и на разновременно пожалованныя графу имѣнія, которыхъ было не мало. Такъ, еще въ 1770 году Румянцову указомъ Сенату 1770 г. были пожалованы купленныя у графа Владиславича волость Топальская и село Парафѣевка съ принадлежащими къ нимъ землями и угодьями, а также три ранговыя деревни въ полкахъ: Нѣжинскомъ, Стародубовскомъ, Черниговскомъ и Переяславскомъ, изъ Кантакузенскихъ описныхъ имѣній нѣсколько селъ, со всѣми къ нимъ принадлежащими крестьянами, бобылями, землями и всякаго рода угодьями.

При празднованіи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ 1775 г., іюля 10-го, графу пожаловано мѣстечко Гомель и цѣлый рядъ селъ и деревень, къ этому мѣстечку принадлежавшихъ, а также не мало урядовыхъ деревень въ Нѣжинскомъ малороссійскомъ полку и не малое число описныхъ Кантакузинскихъ селъ въ Переяславскомъ полку,

извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Пологи, со всѣми къ нимъ крестьянами и бобылями. Въ 1778 году ему же пожалованы были остальныя деревни, входившія въ составъ Гомельскаго староства. Затѣмъ при третьемъ раздѣлѣ Польши въ 1794 году, совершенномъ послѣ извѣстныхъ побѣдъ графа А. В. Суворова, графу Румянцову также пожаловано было 7.099 душъ крестьянъ въ Литовской губерніи, въ экономіи Бржестской, и въ Брацлавской губерніи, село Серебрянецъ [1]). Такимъ образомъ графъ Румянцовъ, являясь однимъ изъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ того времени, весьма естественно обращалъ большое вниманіе на ихъ управленіе, сосредоточенное въ шести отдѣльныхъ большихъ экономіяхъ, ввѣренныхъ каждая особому управителю, надъ которыми позднѣе (съ 1792 г.) находился еще главный ревизоръ, обязанный осматривать подробно всѣ экономіи и о всемъ усмотрѣнномъ доносить графу. Помимо этихъ обширныхъ, пожалованныхъ ему владѣній, графъ, какъ домовитый хозяинъ, не упускалъ случая пріобрѣтать на свой счетъ подходящія ему имѣнія и неоднократно поручалъ довѣреннымъ лицамъ осмотрѣть то или другое изъ продающихся имѣній и войти въ переговоры съ ихъ владѣльцами объ условіяхъ продажи оныхъ, при чемъ графъ покупалъ иногда имѣнія болѣе пріятныя, нежели прибыльныя. Графъ, помимо прекрасныхъ помѣщеній для себя, устроенныхъ имъ въ различныхъ, особо излюбленныхъ имъ мѣстахъ (въ Парафіевкѣ, Топалѣ, Вишенкахъ и Гомелѣ) постоянно заботился то о возведеніи храма во славу Божію, то различныхъ хозяйственныхъ построекъ, то винокурни, то мельницы, обращалъ болото въ озеро, чтобы получить пріятный видъ, намѣревался строить театръ, обучалъ мальчиковъ духовной музыкѣ, держалъ псовую охоту, не будучи самъ охотникомъ, но чтобы посылать П. В. Завадовскому, при его пріѣздѣ въ деревню, довольно близкую отъ земель Румянцова. Онъ чрезвычайно заботился объ украшеніи своихъ садовъ, особенно въ Кайнарджи подъ Москвою, выписывалъ искусныхъ садовниковъ, а также огородниковъ изъ Ростова и различные деревья и кустарники, давалъ приказанія объ устройствѣ дорожекъ въ саду и т. д. Помимо этого, онъ велъ переписку о доставкѣ ему всякаго рода племенныхъ хозяйственныхъ животныхъ, а также фазановъ, лебедей и даже рыбъ для разведенія въ устраиваемыхъ имъ нарочно для этого прудахъ. Онъ намѣревался даже выписать изъ Константинополя померанцовыя и лимонныя деревья, но отложилъ это намѣреніе, найдя, что оранжереи, наполненныя ими, не приносятъ ничего ни пріятнаго, ни полезнаго.

Несмотря, однако, на всѣ изданныя графомъ правила и большую его заботливость о благоустройствѣ его имѣній, едва ли можно сказать, чтобы хозяйство его было бы удовлетворительно. Онъ самъ изумлялся, получая извѣстія о неявившихся вещахъ (т.-е. не оказавшихся) въ его домахъ, не знаетъ что и думать, когда въ его присутствіи видны большія упущенія; люди его все идутъ по-своему, не внимая ни мѣроположеніямъ, ни внушеніямъ графа относительно ихъ обязанностей. Графъ самъ усматривалъ, что зданія не ремонтируются своевременно, а если и ремонтируются—то не надлежащимъ образомъ, и сожалѣлъ о потраченныхъ на это деньгахъ, а еще болѣе —о потраченномъ времени. „У меня, писалъ графъ кн. Н. В. Репнину, съ которымъ былъ въ большой дружбѣ, ни вода, ни огонь, да не знаю что,—все глотаетъ и сокрушаетъ; иногда ничего не растетъ, не зрѣетъ и не собирается. Можетъ быть этому и быть надобно, чтобы чужое казалось“ (письмо къ Репнину въ 1777 году).

Не смотря на эту неудовлетворительность веденія хозяйства въ денежномъ отношеніи, графъ П. А. Румянцовъ оставилъ своимъ тремъ сыновьямъ имѣнія свои незаложенными и, кромѣ того, весьма значительную сумму наличными деньгами, найденными у него на дому въ Ташанѣ.

Впрочемъ, эта мирная, буколическая жизнь фельдмаршала неоднократно нарушалась событіями, если и не первостепенной важности, то, тѣмъ не менѣе, настолько вліявшими на его судьбу, что онъ покидалъ деревню и переселялся въ Кіевъ для соотвѣтствующихъ распоряженій, ими вызываемыхъ.

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1780 г. нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, князь Д. М. Голицынъ, сообщалъ графу П. А. Румянцову, что Императоръ Австрійскій Іосифъ II, совершая поѣздку по своимъ владѣніямъ Галиціи и

[1]) Графу былъ тогда же пожалованъ домъ въ Петербургѣ.

Трансильваніи, намѣренъ пріѣхать въ Могилевъ (на Днѣпрѣ), для свиданія съ Императрицею Екатериною II, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, самымъ партикулярнымъ образомъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна, съ очень небольшою свитою, не желая быть обезпокоенъ никакими церемоніальными обрядами или угощеніями. При этомъ князь добавлялъ, что Іосифъ II въ путешествіи довольствуется всякою пищею, лишь одинъ разъ въ день кушаетъ (обѣдаетъ), но для своей свиты приказываетъ дѣлать ужинъ, пьетъ утромъ кофе со сливками, никакого питья, кромѣ воды, не употребляетъ, привыкъ къ скорой ѣздѣ и во всякому въ дорогѣ безпокойству и т. д., и что Императоръ ожидаетъ указанія, какимъ путемъ наиболѣе удобно совершить переѣздъ въ Могилевъ и въ какое въ точности время, чтобы отнюдь не задержать Ея Величества долѣе назначеннаго Ею срока пребыванія въ Могилевѣ.

Графъ Румянцовъ, получивъ такое извѣщеніе, тѣмъ не менѣе, распорядился изготовить для пріема графа Фалькенштейна въ Васильковѣ (въ то время нашемъ пограничномъ городѣ) монастырскій домъ, въ Кіевѣ — находящійся тамъ дворецъ, а въ Черниговѣ—архіерейскій домъ и, кромѣ того, во всякомъ мѣстѣ, гдѣ опредѣлены станціи, — лучшіе обывательскіе дома, исправивъ и убравъ ихъ по приличію. Кромѣ того, онъ составилъ росписаніе, гдѣ на пути должны быть обѣды, ужины, ночлеги, въ каковыхъ мѣстахъ также соберутся войска для почетныхъ карауловъ. При этомъ онъ приказалъ на всѣхъ станціяхъ ледники наполнить пивомъ, медомъ, разными съѣстными припасами, перевезти серебряный сервизъ изъ Вишенокъ въ Кіевъ и просилъ Ея Величество 9-го апрѣля 1780 г. приказать доставить изъ Петербурга поваровъ и „ординарныхъ винъ“, такъ какъ ни тѣхъ, ни другихъ въ тамошнихъ мѣстахъ не имѣлось. Самъ Румянцовъ намѣревался ѣхать изъ Вишенокъ въ Кіевъ для должныхъ распоряженій къ пріѣзду Императора. Графъ послалъ въ Броды къ мѣстному губернатору особаго офицера съ просьбою его предварительно увѣдомить, когда Іосифъ II дѣйствительно отправится въ путь. Тѣмъ временемъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1780 г., прибылъ въ Кіевъ посланный Императоромъ Іосифомъ II офицеръ, нѣкто Кавалло, для пріисканія помѣщенія высокому путешественнику, сообщившій графу Румянцову о прибытіи Іосифа II въ Кіевъ 15-го числа и объ образѣ и порядкѣ его путешествія. Несмотря на всѣ убѣжденія графа Румянцова, что все уже приготовлено къ пріѣзду и пріему графа Фалькенштейна, г. Кавалло отъ всего этого отказался и пріискалъ довольно приличное помѣщеніе своему Государю на Подолѣ, въ трактирѣ грека, куда Іосифъ II дѣйствительно прибылъ 14-го мая, въ 2 часа пополудни, и немедленно послалъ сказать Румянцову, что на другой день, въ 10 часовъ утра, будетъ у него. Румянцовъ еще въ тотъ же день, въ 12 часовъ, послѣ обѣда, узнавъ что Іосифъ II приказалъ искать себѣ лошадей, самъ поѣхалъ, будто не нарочно, на Подолъ и, приближаясь къ занимаемому Іосифомъ II помѣщенію, увидѣлъ одного изъ его свиты, который, по его о томъ просьбѣ, и привелъ его къ прибывшему путешественнику, такъ что Румянцовъ успѣлъ сдѣлать первый визитъ Императору, бесѣдовавшему съ нимъ о нашей Императрицѣ и о своемъ намѣреніи пробыть въ Кіевѣ до 18-го числа, а затѣмъ направиться въ Могилевъ, куда онъ прибудетъ къ 25-му или 26-му мая. Румянцовъ нашелъ, что Іосифъ II очень снисходителенъ и разговорчивъ. Онъ осматривалъ Кіевскія святыя мѣста и пещеры, а также самый городъ, крѣпость, цейхгаузъ и даже смотрѣлъ небольшой маневръ „по положенію здѣшнихъ мѣстъ и по количеству людей“. Онъ, по словамъ Румянцова, весьма любопытствовалъ посмотрѣть древнюю Россійскую и знатнѣйшую въ свѣтѣ столицу—Москву. Изъ Кіева Іосифъ II уѣхалъ 18-го мая, направляясь въ Могилевъ, и не желалъ имѣть конвоя. Но по случившемуся недавно передъ тѣмъ ограбленію близъ Кіева графа Потоцкаго, Румянцовъ счелъ необходимымъ учредить такъ, чтобы конвойные ѣхали по сторонамъ дороги параллельно, въ лѣсныхъ мѣстахъ не отдаляясь много, но чтобы они только видимы не были, а въ открытыхъ мѣстахъ—чтобы и вовсе не можно было ихъ примѣтить. Графъ Фалькештейнъ намѣревался, не доѣзжая Могилева, остановиться на послѣдней станціи и ожидать прибытія Ея Величества, чтобы въѣхать въ городъ немного ранѣе Императрицы. Обо всемъ этомъ графъ Румянцовъ сообщилъ графу З. Г. Чернышеву, правителю Бѣлоруссіи. 19-го мая Іосифъ II былъ уже въ Черниговѣ,

гдѣ намѣревался остаться день для отдыха и осмотра мѣстностей и войска, но, получивъ эстафету изъ Полоцка объ ускореніи Екатериною II ея прибытія тремя днями ранѣе въ Могилевъ, отмѣнилъ свою остановку и немедленно по изготовленіи экипажа поѣхалъ далѣе. Нельзя не замѣтить, что графъ Фалькенштейнъ ничѣмъ приготовленнымъ для него дѣйствительно не пользовался и все необходимое для себя и своей свиты покупалъ на свои деньги; помѣщенія занималъ въ частныхъ домахъ, по выбору своего квартирмейстера, и не только ни у кого не обѣдалъ и не ужиналъ, но и вообще ничего не кушалъ изъ ему заготовленнаго, оставляя его безъ употребленія.

Вскорѣ послѣ этого, въ началѣ 1781 г., молодой Великій Князь Павелъ Петровичъ съ своею супругою, подъ именемъ „Князя Сѣверскаго", предпринялъ путешествіе по Европѣ, при чемъ долженъ былъ ѣхать на Вѣну черезъ Кіевъ. Графу Румянцову было заблаговременно сообщено объ этомъ для необходимыхъ его распоряженій по заготовкѣ лошадей для высокихъ путешественниковъ, для устройства имъ помѣщеній и надлежащихъ встрѣчъ. Графъ Румянцовъ, еще 31-го іюля 1781 г. предписавъ Кіевскому магистрату о пріемѣ Великаго Князя съ Супругою, самъ выѣхалъ ему на встрѣчу въ Гомель и затѣмъ прибылъ въ Кіевъ въ ночь съ 10-го на 11-е число октября, предшествуя Ихъ Высочествамъ. 11-го октября, въ 12 часовъ утра, онъ поѣхалъ съ парадными экипажами за Днѣпръ къ Лысой горѣ, куда прибыли Ихъ Высочества и, пересѣвъ въ экипажи, совершили, при пушечной пальбѣ, торжественный въѣздъ въ Кіевъ, черезъ тріумфальныя ворота, и направились прямо въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ у Троицкихъ воротъ ожидало ихъ духовенство. Приложившись къ святымъ мощамъ, высокіе посѣтители прибыли во дворецъ, гдѣ собрался для ихъ встрѣчи весь генералитетъ, оба фельдмаршала (графы Разумовскій и Румянцовъ) и прочія знатныя особы. Вечеромъ съѣхались во дворецъ всѣ знатныя дамы и были допущены къ рукѣ. На другой день, 12-го октября, Ихъ Высочества осматривали крѣпость, пещеры ближнія, церковную ризницу, прикладывались къ мощамъ, обѣдали у архимандрита и ѣздили по городу, а къ 9-ти часамъ вечера прибыли вмѣстѣ съ графомъ П. А. Румянцовымъ, въ одной каретѣ, въ Магистратъ, гдѣ было торжественное собраніе, окончившееся большимъ ужиномъ. При этомъ игралъ хоръ музыки изъ 29 человѣкъ, принадлежавшій графу Румянцову. 13-го октября былъ смотръ войскамъ съ разводомъ, затѣмъ — посѣщеніе Братскаго монастырскаго училища, Духовной Академіи, а послѣ обѣда во дворцѣ — балъ съ ужиномъ у графа Румянцова, въ губернаторскомъ домѣ. Въ слѣдующій день, 14-го октября, чествовали день рожденія Ея Высочества, Великой Княгини Маріи Ѳедоровны, причемъ былъ балъ во дворцѣ, иллюминація, а затѣмъ, въ 11 часовъ вечера — великолѣпный фейерверкъ. 15-го октября, въ день отъѣзда Ихъ Высочествъ изъ Кіева, всѣ собрались во дворецъ на торжественные проводы, послѣ чего, отслуживъ напутственное молебствіе, Ихъ Высочества поѣхали на Васильковъ въ сопровожденіи графа Румянцова. Переночевавъ въ этомъ городѣ, Ихъ Высочества поѣхали къ мѣстечку Фастову, на Польской границѣ, а графъ Румянцовъ возвратился 17-го октября въ Кіевъ и того же числа получилъ изъ мѣстечка Жидовецъ благодарственныя письма отъ Ихъ Высочествъ отъ 16-го октября 1781 г.

Въ 1784 году графъ Румянцовъ получилъ извѣщеніе о намѣреніи Ея Величества совершить путешествіе въ Кіевъ и на югъ ея Имперіи, съ Крымскимъ полуостровомъ включительно. Графъ Румянцовъ приступилъ-было къ необходимымъ распоряженіямъ, вызываемымъ подобнымъ путешествіемъ, но таковое было тогда отложено, въ виду появившейся чумы на югѣ Имперіи, и затѣмъ получило осуществленіе только въ 1787 году.

Это путешествіе Екатерины II вызвало со стороны Румянцова необычайно заботливую предусмотрительность для доставленія Императрицѣ всѣхъ возможныхъ удобствъ во время ея поѣздки. Кіевскому оберъ-коменданту Ельчаниновy онъ предписалъ озаботиться наилучшимъ устройствомъ дворца въ Кіевѣ, его убранствомъ и заготовкою всякаго рода жизненныхъ припасовъ. Генералъ-квартирмейстеръ Бердяевъ долженъ былъ привести въ наилучшій видъ дорогу отъ Чернигова до Кіева и по обѣимъ ея сторонамъ посадить чрезъ каждые десять саженъ по три разнородныхъ дерева. На станціяхъ по этому тракту должно было заготовить также всякіе припасы, а

въ мѣстахъ, назначенныхъ для ночлеговъ,— не только всѣ спальныя принадлежности, но также различную мебель, которую, по невозможности ни купить, ни изготовить на мѣстѣ, надлежало достать отъ ближайшихъ по тракту помѣщиковъ или монастырей. Придворнымъ садовникамъ въ Кіевѣ предписывалось вывести къ 1 мая земляннику, вишни, всякую кухонную зелень и приготовить медъ клюквенный, не крѣпкій. Словомъ, Румянцовъ старался все устроить къ лучшему пріему Ея Величества и не разъ спрашивалъ надлежащихъ для этого указаній и совѣтовъ отъ вполнѣ преданнаго ему графа А. А. Безбородко. Ея Величество, выѣхавъ изъ Царскаго Села 7-го января 1787 г. съ большою свитою, была уже 20-го января въ Чечерскѣ, гдѣ пребывала вдова графа Захара Григ. Чернышева, Анна Родіоновна. Тутъ, почти на границѣ своего генералъ-губернаторства, встрѣтилъ Екатерину II графъ П. А. Румянцовъ и сопровождалъ ее верхомъ до дома графини Чернышевой, гдѣ Ея Величество провела ночь. На другой день, 21-го января, на границѣ Новгородъ-Сѣверской губерніи, въ м. Столбунь, представлялось Ея Величеству все мѣстное дворянство. Проѣхавъ далѣе, самъ графъ Румянцовъ принималъ Императрицу въ своемъ великолѣпномъ домѣ въ Вишенкахъ, на берегу Десны, въ которомъ Екатерина обѣдала, и затѣмъ поѣхала чрезъ Сосницу въ Нѣжинъ, гдѣ остановилась въ домѣ графа А. А. Безбородко, встрѣтившаго ее на подъѣздѣ своего дома. Тутъ, на другой день, Румянцовъ представлялъ Ея Величеству должностныхъ лицъ и знатное купечество, а хозяинъ дома — дворянство. Нѣжинскихъ дамъ и женъ купцовъ. Затѣмъ Императрица направилась чрезъ Козелецъ и Бровары въ Кіевъ, гдѣ были устроены тріумфальныя ворота для въѣзда Ея Величества, и, несмотря на морозъ въ 20°, направилась къ святымъ вратамъ Кіево-Печерской лавры и поклонилась святымъ мощамъ, будучи водима подъ руку графомъ П. А. Румянцовымъ. Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что имѣетъ случай принимать высокочтимую имъ Императрицу, и не щадилъ своихъ денегъ на обычныя по такому случаю празднества. Онъ устроилъ въ своемъ домѣ большой балъ-маскарадъ, удостоенный посѣщеніемъ Ея Величества 5-го февраля, а затѣмъ, на другой день, на иждивеніе графа, былъ устроенъ маскарадъ же въ помѣщеніи Магистрата. Позднѣе онъ устроилъ предъ дворцомъ разныя гульбища, безденежно, въ теченіе Святой недѣли, а 21-го апрѣля—балъ во дворцѣ, на которомъ играла духовая музыка графа; въ заключеніе этого бала былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, стоившій 30.000 рублей. Императрица, какъ извѣстно, пробыла въ Кіевѣ въ ожиданіи теплой погоды и вскрытія Днѣпра до 22-го апрѣля, когда, послѣ молебствія въ Кіево-Печерской лаврѣ, сѣла на галеру „Десна“ и направилась въ дальнѣйшее путешествіе, при чемъ графъ Румянцовъ, будучи нездоровъ, былъ не въ силахъ сопровождать ее до границы ввѣренныхъ ему губерній, а возложилъ эту обязанность на Кіевскаго губернатора Ширкова. Предъ отъѣздомъ изъ Кіева Императрица пожаловала *знатный подарокъ* Румянцову, имѣвшему, по словамъ графа Сегюра, недовольный видъ во все время пребыванія Екатерины II въ Кіевѣ. Это многіе объясняютъ производствомъ въ это время осмотра графомъ Ангальтомъ учебныхъ заведеній, находившихся въ Кіевѣ, а также сенаторами графомъ А. Р. Воронцовымъ и д. т. с. и Коммерцъ-Коллегіи Президентомъ Алексѣемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ—ревизіи дѣлъ въ намѣстничествахъ Кіевскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ и Черниговскомъ. Но едва-ли это объясненіе основательно. Императрица Екатерина обыкновенно въ проѣздахъ своихъ поручала сенаторамъ, ее сопровождавшимъ, осматривать судебныя учрежденія, требовать вѣдомости о дѣлахъ рѣшеныхъ и объ остававшихся еще безъ рѣшенія, при чемъ обращалось особенное вниманіе, чтобы колодники не содержались долго безъ рѣшенія ихъ дѣлъ. Находясь въ Кіевѣ, Императрица точно такъ же пожелала узнать, насколько удовлетворителенъ и цѣлесообразенъ введенный, незадолго предъ этимъ, по ея приказанію, порядокъ дѣлопроизводства по правиламъ общаго Положенія о губерніяхъ 1775 года. Графъ Румянцовъ былъ своевременно предупрежденъ объ этой ревизіи письмомъ князя А. М. Голицына, который, добавляя, что Императрица, конечно, и о строеніяхъ спроситъ, выражалъ увѣренность, что Румянцовъ водворитъ во всемъ порядокъ, къ такому случаю потребный. Ревизовавшіе сенаторы, какъ видно изъ ихъ донесеній, усмотрѣли во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ скорое и согласное съ Высочайшими учре-

жденіями теченіе дѣлъ, нашли весьма малое число нерѣшеныхъ дѣлъ; а въ особенности уголовныхъ. Казенная Палата найдена была въ хорошемъ состояніи: дѣла въ Намѣстническомъ Правленіи найдены были во всей ихъ пространности вполнѣ удовлетворительными: вездѣ усмотрѣны были поспѣшность, порядокъ и попеченіе о веденіи оныхъ; заведенія вѣдомства Приказа общественнаго призрѣнія отличаются отмѣннымъ порядкомъ, чистотою и т. д., что дѣлаетъ не малую честь правителю губерніи, и т. д. Словомъ сказать, Румянцовъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода быть недоволенъ результатомъ ревизіи, которою онъ, по всей вѣроятности, и не обижался, понимая прекрасно ея цѣль. Грустное же настроеніе его духа правильнѣе объяснить его недомоганіемъ, которому онъ и безъ ревизіи весьма часто подвергался: трудно требовать веселаго настроенія духа отъ страждущаго человѣка.

Помимо этихъ кратковременныхъ отлучекъ отъ пребыванія въ своихъ имѣніяхъ, Румянцовъ вскорѣ былъ привлеченъ на гораздо болѣе продолжительное время къ берегамъ Дуная, по случаю возникшихъ вновь военныхъ дѣйствій нашихъ съ Оттоманскою Имперіею.

Хотя Турція, особою конвенціею отъ 28-го декабря 1783 г., и признала присоединеніе Крыма къ Россіи, но она вполнѣ сознавала важность и тягость понесенной ею потери и усматривала возможность появленія Русскаго флота предъ Константинополемъ въ весьма скоромъ времени. Желая предупредить эту опасность, Турція въ 1787 г. представила Русскому послу въ Константинополѣ, Я. И. Булгакову, ультиматумъ, которымъ требовала явно невозможнаго отъ Россіи, какъ-то: выдачи Молдавскаго господаря Маврокордато, признанія Грузинскаго царя Ираклія, присоединявшагося къ Россіи, Турецкимъ подданнымъ, согласія на осмотръ всѣхъ Русскихъ кораблей, выходящихъ изъ Чернаго моря, и т. д. Булгаковъ отвергъ эти требованія и былъ заключенъ турками въ Семибашенный замокъ, послѣ чего послѣдовало объявленіе войны Турціи со стороны Россіи. Не смотря на союзъ нашъ съ Австріею, мы начинали войну при весьма неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ. Нельзя было разсчитывать на Польшу, питавшую расположеніе къ султану, и кромѣ того надвигалась еще война со Швеціею, вскорѣ вспыхнувшая на самомъ дѣлѣ. Для военныхъ дѣйствій противъ Турціи были сформированы двѣ арміи: *Екатеринославская* подъ начальствомъ князя Потемкина, которая должна была идти къ Очакову и овладѣть имъ. и *Украинская*, подъ начальствомъ графа Румянцова, между Бугомъ и Днѣстромъ; она должна была прикрывать осаду Очакова и первую армію со стороны Польши и кромѣ того являться соединеніемъ первой арміи съ Австрійскою, расположенною по кордонной системѣ. По плану войны, Румянцову надлежало перейти Днѣстръ, взять Бендеры, перейти Прутъ и, соединившись съ австрійцами, двинуться къ р. Дунаю. Армія его состояла изъ 14.000 пѣхоты и 17.000 кавалеріи, составлявшихъ три дивизіи, изъ коихъ одна, подъ командою Салтыкова, стояла въ Подоліи, другая у Винницы, къ Немирову, подъ начальствомъ Эльмпта и третья, — Каменскаго — въ Уманьскомъ округѣ до Ольвіополя. Турки открыли военныя дѣйствія бомбардированіемъ Кинбурна, а затѣмъ, сдѣлавъ десантъ, были разбиты 14-го сентября 1787 г. Суворовымъ, чѣмъ кампанія 1787 года и закончилась.

Австрійцамъ, подъ начальствомъ Принца Кобургскаго стоявшимъ въ Буковинѣ [1]), предстояло взять Хотинъ; въ виду малочисленности его арміи, Румянцовъ послалъ ему, по его о томъ просьбѣ, дивизію Салтыкова. Опасаясь, что турки могутъ предпринять что-либо для усиленія Хотина и Очакова, Румянцовъ въ 1788 г. перешелъ Днѣстръ, подошелъ къ Пруту, чтобы прикрывать осаду обѣихъ крѣпостей, и настаивалъ на рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ Хотина; онъ писалъ не разъ объ этомъ Принцу Кобургскому, но безуспѣшно. Потемкинъ обложилъ Очаковъ, турки же заняли 24-го іюня Яссы. Австрійцы, вмѣсто того, чтобы двинуться впередъ, отступили изъ Фокшанъ къ Рябой Могилѣ, открывъ туркамъ всю Молдавію. Румянцовъ, перейдя Днѣстръ, двинулся въ Молдавію и, узнавъ на пути, что турки идутъ къ Хотину, распорядился направить войска Эльмпта и Австрійскаго генерала Сплени въ мѣстность между р.р. Прутомъ и Серетомъ.

[1]) Правѣе, въ Трансильваніи, стоялъ Фабрисъ съ войсками, а еще правѣе, у Слатена,—ген. Вартенслебенъ, а затѣмъ у Землина, противъ Бѣлграда,—самъ Императоръ Іосифъ II; рядомъ съ нимъ, въ Босніи, была армія Лихтенштейна.

Но Принцъ Кобургскій приказалъ Сплени идти на прикрытіе Трансильванской дороги, куда двинулся визирь. Это распоряженіе разстраивало планы графа Румянцова, выражавшаго Принцу Кобургскому свое неудовольствіе,—что̀ побудило Принца отмѣнить свое приказаніе, и Сплени остался, но затѣмъ Эльмпитъ [1]) не счелъ нужнымъ преслѣдовать турокъ, какъ это приказывалъ ему Румянцовъ. Около 7-го сентября австрійцы заняли Хотинъ, предоставивъ турецкому гарнизону покинуть крѣпость съ военными почестями, чѣмъ графъ Румянцовъ былъ недоволенъ. Онъ же не нашелъ возможнымъ исполнить просьбу Кобургскаго и расположить Русскую армію по р. Серету. Узнавъ въ то время, что турки стоятъ у Рябой Могилы, графъ Румянцовъ 17-го сентября двинулся къ Цоцорѣ и выждалъ взятія Очакова, чтобы стать на зимнія квартиры. Тѣмъ временемъ турки разбили австрійцевъ около Старой Орсовы и затѣмъ у Слатина, послѣ чего Императоръ Іосифъ II заключилъ съ турками перемиріе.—Графъ Румянцовъ же продолжалъ свои дѣйствія противъ турокъ, и Каменскій разбилъ ихъ подъ Ганкуромъ (западнѣе Бендеръ), чѣмъ и закончились военныя дѣйствія второй арміи въ эту кампанію 1788 года. Очаковъ былъ взятъ Потемкинымъ только 6-го декабря.

Слѣдующая кампанія, 1789 года открылась по-прежнему въ союзѣ съ Австріею, но мы вели, кромѣ того, тяжелую войну со Швеціею на сушѣ и на морѣ. Кромѣ того, Польша, находясь въ явно враждебномъ къ намъ настроеніи, не хотѣла пропускать чрезъ свои владѣнія ни наши войска, ни военные запасы всякаго рода. Пруссія, недовольная нашимъ союзомъ съ Австріею и распространеніемъ нашихъ владѣній въ Турціи и желая сама получить часть Польши возбуждала и Турцію, и Швецію къ продолженію войны съ нами. Для безпрепятственнаго снабженія нашей арміи всѣмъ необходимымъ было чрезвычайно важно занять теченіе Днѣстра и крѣпости Бендеры и Аккерманъ. Эта задача была возложена на армію Потемкина. Графу Румянцову предстояло дѣйствовать на р. Серетъ, по соглашенію съ австрійцами, подъ начальствомъ Лаудона опять расположенными отдѣльными отрядами; они должны были перейти Дунай и занять Бѣлградъ. Турецкій главнокомандующій Юсуфъ-Паша направился на Румянцова, стоявшаго въ Новороссіи и Екатеринославской губерніи (поэтому его армія теперь называлась Екатеринославскою) [1]) и поручилъ Гассанъ-пашѣ идти къ Измаилу. Зима 1788 — 1789 гг. прошла спокойно; турки весною, въ нижней части Прута, заняли монастырь св. Адама. Румянцовъ двинулъ противъ нихъ Дерфельдена, который ихъ оттѣснилъ и дошелъ до Фальги и дер. Цыганки.—Худая дорога не дозволила двинуться далѣе, и Дерфельденъ ожидалъ австрійцевъ изъ Баксу (на р. Быстрицѣ). Однако Принцъ Кобургскій не счелъ возможнымъ двинуться и тѣмъ далъ возможность туркамъ предпринять общее наступленіе на австрійцевъ со стороны Фокшанъ и на русскихъ со стороны Пуценъ. Австрійцы быстро отступили, оставивъ Дерфельдена одного, и онъ вскорѣ разбилъ турокъ (7-го апрѣля 1789 года).

Турки отступили къ Максименамъ, гдѣ были снова разбиты Дерфельденомъ 14-го апрѣля, и отошли къ сильной позиціи у Галаца. Дерфельденъ послѣдовалъ за ними и послѣ упорнаго боя овладѣлъ городомъ, сжегъ его и двинулся къ Бырладу, уничтоживъ на пути два Турецкіе корпуса. Графъ Румянцовъ остался очень доволенъ его дѣйствіями. Тѣмъ временемъ Императрица Екатерина II возымѣла мысль отозвать Румянцова, присоединивъ ввѣренную ему армію къ арміи князя Г. А. Потемкина, о чемъ и писала послѣднему 22-го марта [2]), вскорѣ послѣ чего Румянцовъ былъ отозванъ въ Петербургъ для порученія ему особой арміи, которая могла оказаться необходимою для дѣйствій противъ Пруссіи. Онъ получилъ объ этомъ 23-го апрѣля 1789 года рескриптъ, отвѣчая на который 24-го мая, высказывалъ: „сіе Всевысочайшее писаніе мою до крайности прискорбную душу вновь оживило, за исключеніемъ моей скорби, которою я такъ долго буду страдать, какъ долго я буду лишенъ случаевъ и способовъ на доказательство моего горячаго усердія въ военной службѣ

[1]) Эльмпитъ вскорѣ покинулъ армію и уѣхалъ въ Ригу. Мѣсто его занялъ генералъ Каменскій.

[1]) Армія Потемкина была расположена между р.р. Серетомъ, Прутомъ, Днѣстромъ въ Бессарабіи и Молдавіи и стала называться *Украинскою*.

[2]) Князь Потемкинъ уже 9-го апрѣля 1789 г. возлагалъ на князя Н. В. Репнина командованіе Украинскою арміею до будущаго росписанія.

Вашего Величества, коей я мою всю жизнь посвятилъ". Графъ А. А. Безбородко, прекрасно знавшій и понимавшій фельдмаршала, тогда же утверждалъ, что фельдмаршалъ въ Петербургъ не пріѣдетъ, а будетъ проситься къ водамъ. Слова эти оправдались. Фельдмаршалъ вскорѣ прислалъ прошеніе объ увольненіи его за границу для леченія. Это ему было, конечно, разрѣшено и былъ заготовленъ даже паспортъ для его проѣзда со всею при немъ свитою, а Императрица сердечно желала ему успѣха въ пользованіи водами. Однако Румянцовъ разрѣшеніемъ уѣхать не воспользовался и пребывалъ въ Яссахъ. „Его присутствіе въ Молдавіи подаетъ случай къ слухамъ, Моимъ и общимъ дѣламъ вреднымъ", писала Екатерина II Потемкину 6-го сентября 1789 г.: „я желаю и требую, чтобы онъ выѣхалъ изъ Молдавіи". Но фельдмаршалъ не выѣзжалъ. Видя его упорство, Императрица, прождавъ тщетно пол-года исполненія ея повелѣнія, писала ему 17-го апрѣля 1790 г., чтобы онъ выѣхалъ изъ Молдавіи либо къ водамъ, либо въ Россію, ибо пребываніе его въ Яссахъ вредно ея дѣламъ. Но фельдмаршалъ не помышлялъ повиноваться этому приказанію Ея Величества и подъ разными предлогами откладывалъ исполненіе приказанія, повтореннаго ему въ маѣ того же года. Императрица начала терять терпѣніе и полагала, въ письмѣ 20-го августа 1796 г., что „всего лучше послать ему, Румянцову, сказать, что легко случиться можетъ, что турки его вывезутъ скоро, если онъ не уѣдетъ заранѣе самъ, а если и сіе не поможетъ, то послать къ нему конвой, который бы его, оберегая, выпроводилъ". Однако, къ этому не пришлось прибѣгнуть: Румянцовъ въ концѣ 1790 г. переселился, наконецъ, въ свое малороссійское имѣніе Вишенки. Хотя при наградахъ по случаю заключенія мира съ Турціею въ Яссахъ 29-го декабря 1791 г. первымъ былъ помѣщенъ въ спискѣ фельдмаршалъ графъ Румянцовъ, въ началѣ войны предводительствовавшій Украинскою арміею, пожалованный за занятіе Молдавіи шпагою съ алмазами, тѣмъ не менѣе, Екатерина II долго не могла забыть ему неповиновенія его Ея приказанію покинуть театръ военныхъ дѣйствій. Она, по словамъ Храповицкаго, 30-го декабря 1790 г. даже отказалась подписать заготовленную ему благодарность за присланное отъ него поздравленіе съ новымъ годомъ и только *чрезъ три года*, именно 2-го января 1793 г. подписала ему *сухую благодарность* за присланное имъ новое поздравленіе. Ранѣе этого, 2-го января 1792 г. она вычеркнула изъ заготовленнаго ему письма *„пожеланіе добраго успѣха въ дѣлахъ и намѣреніяхъ*, сказавъ, что онъ ничего не дѣлаетъ". Все это можетъ служить доказательствомъ, что сама Екатерина II признала необходимымъ удалить изъ арміи графа Румянцова въ 1789 г., и что для этого вовсе не требовалось настоятельныхъ просьбъ и происковъ князя Потемкина, которымъ многіе писатели исключительно приписываютъ это удаленіе. Императрица не разъ имѣла свѣдѣнія о болѣе или менѣе продолжительныхъ болѣзняхъ фельдмаршала, была не совсѣмъ довольна медленностью его дѣйствій въ кампанію 1788 года и возымѣла весьма естественно мысль замѣнить его другимъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что благосклонное ея расположеніе къ фельдмаршалу, по словамъ Храповицкаго, уже было поколеблено въ это время. Она въ январѣ 1789 г. находила, что было бы лучше, если бы фельдмаршалъ пошелъ въ отставку. Эту мысль Императрица еще рѣшительнѣе высказываетъ сама въ письмѣ къ Потемкину въ томъ же 1789 г. *„Мое мнѣніе"*, писала она: „есть фельдмаршала Румянцова отозвать отъ арміи и поручить тебѣ объ арміи, дабы согласнѣе дѣло шло". Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Потемкинъ не противорѣчилъ этому мнѣнію Императрицы, являвшемуся къ тому же отголоскомъ мнѣнія самого Румянцова. Онъ самъ предлагалъ ранѣе объ арміи—Украинскую и Екатеринославскую—слить въ одну, поручивъ начальство надъ нею одному лицу. Кромѣ того, Румянцовъ самъ писалъ Потемкину, что „дѣло въ семъ краѣ не можетъ лучше пойтить, какъ подъ однимъ Вашимъ командованіемъ", что самъ онъ боленъ, чуть видитъ, что̀ пишетъ... Теперь это въ сущности и осуществилось, только едва-ли начальникомъ этой соединенной арміи Румянцовъ намѣчалъ то лицо, которое было назначено.

Проболѣвъ около 2-хъ лѣтъ, графъ Румянцовъ только въ іюлѣ 1791 г. перебрался въ свой любимый Ташанъ, гдѣ и проживалъ до начала 1794 г., опять занимаясь преимущественно разнообразными дѣлами своего обширнаго хозяйства

въ различныхъ имѣніяхъ, ему принадлежавшихъ.

Тѣмъ временемъ въ Польшѣ возникло возстаніе съ извѣстнымъ Костюшкою во главѣ, имѣвшее цѣлью вернуть все утраченною Польшею предшествовавшими двумя раздѣлами Польскаго королевства. Войска наши, стоявшія въ Варшавѣ, подверглись внезапному нападенію въ самый страстной четвергъ и съ трудомъ отступили къ Ловичу. Предстояло принять спѣшныя мѣры противъ поляковъ и направить въ Польшу войска изъ ближайшихъ мѣстъ. Общее начальство надъ войсками отъ предѣловъ Минской губерніи съ Изъяславскою до устья Днѣпра было поручено, 27-го февраля 1794 г., фельдмаршалу графу Румянцову. Извѣстіе это было принято съ восторгомъ публикою вообще, и особенно со стороны бывшихъ его ранѣе подчиненныхъ боевыхъ генераловъ, какъ-то графомъ М. Ѳ. Каменскимъ, княземъ А. А. Прозоровскимъ, графомъ А. В. Гудовичемъ и др. Графъ Румянцовъ писалъ Императрицѣ, что не замедлитъ всѣ наряды и распоряженія сдѣлать и назначить свою главную квартиру, получивъ всѣ необходимыя свѣдѣнія отъ командующихъ генераловъ, каковыми были князь Репнинъ, Ферзенъ и знаменитый уже А. В. Суворовъ, не замедлившій прибыть лично къ фельдмаршалу въ Ташанъ для надлежащихъ объясненій о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Объясненіе это было непродолжительно, и Суворовъ скоро уѣхалъ на поля битвъ пожинать новые лавры, а Румянцовъ остался у себя дома и вскорѣ пришелъ въ такое состояніе, что, по многимъ своимъ недугамъ, а паче по своему „изнеможенію въ здоровьѣ“, не въ состояніи былъ *даже писать своеручно* ни по-французски, ни по-русски, какъ объ этомъ онъ самъ писалъ пользовавшемуся его расположеніемъ князю П. М. Дашкову 25-го сентября 1794 года. Тѣмъ временемъ блистательныя побѣды графа Суворова, дѣйствовавшаго вполнѣ самостоятельно, при Кобринѣ 3-го сентября, подъ Крупчицами 6-го сентября и занятіе затѣмъ Бреста и пораженіе при Мацеіовицахъ генераломъ Денисовымъ и Дерфельденомъ самого Костюшки, взятаго при этомъ въ плѣнъ, привели вскорѣ къ знаменитому штурму Праги 24-го октября, послѣ котораго сдалась и Варшава 1-го ноября. Суворовъ послалъ къ графу Румянцову донесеніе объ этомъ вмѣстѣ съ ключами города. Румянцовъ не замедлилъ донести объ этихъ успѣхахъ Императрицѣ, которая 20-го ноября 1794 г. за торжественнымъ обѣдомъ провозгласила тостъ за возведеннаго въ званіе фельдмаршала графа Суворова и наградила его обширнымъ имѣніемъ „Кобринскій Ключъ“, заключавшимъ до 7.000 душъ мужескаго пола. Графъ же Румянцовъ былъ награжденъ домомъ въ Петербургѣ, предъ которымъ возвышался у Царицына Луга памятникъ съ надписью: „Побѣдамъ Румянцова-Задунайскаго“, а также деревнями въ Литовской губерніи, въ экономіи Бржестской, имѣвшими 5.700 душъ, да въ Брацлавской губерніи село Серебрянецъ, имѣвшее 1.399 душъ,—всего 7.099 душъ. Румянцовъ писалъ Суворову въ ноябрѣ 1795 г. объ устройствѣ управленія Русскою военною властью въ занятомъ нами Польскомъ королевствѣ, объ устраненіи короля отъ этого управленія, о сборѣ доходовъ и т. д., но это все не совсѣмъ совпадало съ распоряженіями Суворова, сдѣланными ранѣе, который, по словамъ графа Безбородко, *исключалъ себя изъ зависимости* стараго фельдмаршала, а сей послѣдній удалялся отъ надлежащихъ распоряженій. Въ виду несогласій съ нашими союзниками въ этой войнѣ, Австріею и Пруссіею, предстояло готовиться къ войнѣ съ ними, и было составлено новое росписаніе войскъ, по которому графу Румянцову были подчинены войска, расположенныя въ губерніяхъ Волынской, Подольской, Брацлавской, Вознесенской, Екатеринославской и во всей Малороссіи. Но опасности войны миновали; съ союзниками были заключены договоры: съ Пруссіею въ 1795 г., а съ Австріею позднѣе, въ 1796 году. Въ 1795 году графъ Румянцовъ, несмотря на свои недуги и довольно пожилые годы, возымѣлъ желаніе вступить въ новый законный бракъ, какъ это усматривается изъ переписки его въ это время съ генераломъ Петромъ Богдановичемъ Пассекомъ. Императрица Екатерина дозволяла ему выполнить это его намѣреніе, несмотря ни на что и ни на кого. Однако, это свое намѣреніе графъ Румянцовъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, не осуществилъ. Онъ продолжалъ жить въ Ташанѣ, гдѣ его навѣстилъ еще князь Эстергази, оставившій въ своихъ письмахъ любопытныя свѣдѣнія о послѣднихъ, такъ сказать, дняхъ жизни фельд-

маршала въ Ташанѣ. Эстергази видѣлъ въ немъ бодраго, здороваго старца, жаловавшагося только *на ноги*, но онъ читалъ безъ очковъ бумаги и письма, велъ очень хорошо разговоръ на французскомъ языкѣ, говорилъ разсудительно о дѣлахъ Франціи и очень скромно — о своихъ войнахъ съ турками, какъ будто на самомъ дѣлѣ „не онъ командовалъ арміею, не совершилъ ничего особеннаго, а сдѣлалъ то, что выполнилъ бы на его мѣстѣ всякій другой". Вскорѣ послѣ этого Румянцовъ узналъ о кончинѣ Великой Императрицы 6-го ноября 1796 г., а затѣмъ упомянутый Пассекъ сообщилъ ему, что новый Императоръ оставилъ себѣ Преображенскій полкъ, а въ Конную гвардію произвелъ полковникомъ же фельдмаршала графа Румянцова. При раздѣленіи 3-го декабря 1796 года войскъ на 12 дивизій, позднѣе названныхъ инспекціями, была въ числѣ другихъ образована и Украинская,—ввѣренная Румянцову. Къ нему Павелъ I, повидимому, благоволилъ и очень желалъ, чтобы фельдмаршалъ участвовалъ при погребеніи усопшей Императрицы, о чемъ ему было послано отъ Императора особое письмо, которое, по словамъ графа С. П. Румянцова, должно было увѣрить фельдмаршала въ *самыхъ благоволительныхъ расположеніяхъ* къ нему Павла I. Фельдмаршалъ отвѣчалъ на это письмо, но въ Петербургъ не прибылъ, весьма вѣроятно—по слабости здоровья и по недостатку подвижности. Къ тому же и самое письмо дошло до него не задолго предъ его кончиною, послѣдовавшею въ Ташанѣ почти чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины благоволившей къ нему Императрицы,—именно 8-го декабря 1796 года, въ три четверти десятаго часа по полуночи, отъ удара; захворалъ онъ, какъ видно изъ описанія его болѣзни, еще 28-го ноября. Всѣ старанія врачей не были въ состояніи спасти больного. Императоръ Павелъ I приказалъ всю армію облечь въ трауръ на три дня, а 25-го февраля 1797 г. повелѣлъ соорудить въ память побѣдъ фельдмаршала *обелискъ* на площади у Лѣтняго сада, перенесенный, по повелѣнію Императора Александра I, 23-го сентября 1813 г., на площадь Перваго Кадетскаго Корпуса, дабы питомцы его созерцали монументъ славы графа Румянцова. Фельдмаршалъ погребенъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ 8-го января 1797 г.

Всѣ почти признаютъ въ графѣ Румянцовѣ великаго полководца, но расходятся въ оцѣнкѣ его, какъ человѣка. Такъ, еще сама Императрица Екатерина II находила, что онъ имѣетъ военныя дарованія, „*но двоякъ*: храбръ умомъ, *а не сердцемъ*". Преданный ему графъ А. А. Безбородко, хорошо и давно его знавшій, писалъ однажды: „должно отдать и ту справедливость, что никто не пустится столько *подавать виміаму* случайнымъ (людямъ), какъ нашъ верховный полководецъ. Онъ пишетъ князю П. А. Зубову, что ему достоитъ слава наибольшаго участія въ дѣлахъ, что онъ ему (т.-е. Румянцову) былъ главнѣйшій споспѣшникъ, и т. д. *Жаль, что пристойность не вмѣстна съ большимъ талантомъ*", добавляетъ при этомъ Безбородко. Суровый приговоръ произноситъ о фельдмаршалѣ, какъ человѣкѣ, и Алексѣй Михайловичъ Маркевичъ, человѣкъ, какъ извѣстно, исключительный по своимъ высоконравственнымъ идеаламъ: Румянцовъ былъ „великій полководецъ, но не великій человѣкъ; онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомѣренъ, любострастенъ, льстецъ, корыстолюбивъ, скупъ,—слѣдовательно плѣнникъ страстей самыхъ низкихъ и слѣдовательно малодушенъ".

Графъ П. А. Румянцовъ состоялъ въ бракѣ съ княжною Екатериною Михайловною Голицыною (р. 25-го сентября 1724 г.) и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей: Михаила, Николая и Сергѣя (см. ихъ біографіи, помѣщенныя въ этомъ же томѣ). Но бракъ этотъ причислить къ удачнымъ или счастливымъ нельзя, потому что графъ очень рано, еще во время Семилѣтней войны, отказался отъ супружескаго сожительства, увлекаясь различными другими особами, и упорно отказывался даже для приличія жить въ одномъ домѣ съ своею законною супругою, какъ это можно усмотрѣть изъ писемъ къ нему послѣдней. Не живя вмѣстѣ, супруги состояли, однако, въ перепискѣ между собою до самой кончины въ 1779 году графини, которой графъ предоставилъ не только всѣ заботы по воспитанію своихъ дѣтей, проживавшихъ вмѣстѣ съ матерью, но и возложилъ управленіе своими подмосковными имѣніями и домами въ Москвѣ, а также исполненіе различныхъ его порученій, касавшихся хозяйства и его туалета. Не имѣя непосредственнаго надзора за своими сыновьями и наблюденія за ихъ воспита-

ніемъ, графъ-отецъ доставлялъ, однако, необходимыя для этого денежныя средства, а позднѣе отпускалъ каждому изъ нихъ извѣстную сумму въ годъ на житье (по 6.000 рублей). По временамъ онъ ходатайствовалъ за нихъ о движеніи по государственной службѣ, допуская ихъ себѣ на глаза лишь изрѣдка, и то каждый разъ съ особаго его разрѣшенія и притомъ на короткое время. Онъ болѣе всего былъ расположенъ къ среднему своему сыну — Николаю, съ которымъ и велъ немалую переписку, касавшуюся болѣе денежныхъ дѣлъ и разсчетовъ, существовавшихъ между отцомъ и сыновьями. Старшій сынъ—Михаилъ не пользовался его расположеніемъ, какъ объясняли,—за то, что служилъ при князѣ Потемкинѣ, а младшій, Сергѣй — за то, что служилъ не довольно усердно, часто мѣнялъ занимаемыя имъ служебныя должности и проводилъ время внѣ службы. Всѣ три сына, впрочемъ, были преисполнены искренней любви и привязанности къ отцу, очень дорожили родительскою лаской и высоко цѣнили его государственныя заслуги, какъ то усматривается изъ ихъ писемъ. Не пользуясь нормальною семейною жизнью, графъ Румянцовъ, живя большею частью въ своихъ имѣніяхъ, имѣлъ при семъ не мало близкихъ сердцу особъ, съ одной изъ которыхъ даже намѣревался вступить въ бракъ, какъ упомянуто выше, и притомъ уже въ преклонныя лѣта жизни. Къ числу незаконныхъ дѣтей его, обыкновенно болѣе или менѣе сомнительныхъ, нельзя не причислить нѣкіихъ братьевъ *Умянцевыхъ* или *Омянцевыхъ*: Петра, Александра, Ѳедора и Андрея, а также сестру ихъ Анну-Людовику, которые всѣ, даже и сестра, были возведены королемъ Польскимъ Станиславомъ Понятовскимъ, 4-го апрѣля 1772 года, въ званіе *барановъ Польскихъ*, вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, наслѣдниками и законными потомками, „за особенную ревность въ оказаніи услугъ Намъ (т.-е. Станиславу Понятовскому) и Нашему Королевству“. Эти бароны Умянцовы получили немалую долю изъ обширныхъ владѣній графа Румянцова въ нашихъ южныхъ губерніяхъ,—по преимуществу въ Екатеринославской; одинъ изъ нихъ былъ полковникъ русской службы и уволенъ въ отставку генералъ-майоромъ, другой былъ Симбирскимъ губернаторомъ.

По кончинѣ графа П. А. Румянцова все его обширное достояніе, по словамъ Е. П. Карновича, доходившее до 298 тысячъ десятинъ земли и 30.000 душъ крестьянъ (эти цифры ниже дѣйствительности), а также значительные денежные капиталы перешли къ тремъ его упомянутымъ законнымъ сыновьямъ, мирно распредѣлившимъ это достояніе между собою.

Графъ П. А. Румянцовъ, какъ должно заключить изъ напечатанной по сіе время переписки его, находился въ близкихъ и самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ главнѣйшими лицами двора Екатерины II, изъ числа которыхъ многіе пользовались ея благосклоннымъ расположеніемъ. Такъ, онъ былъ въ *пріятельскихъ* отношеніяхъ съ княземъ Гр. Гр. Орловымъ, при началѣ царствованія Императрицы, когда князь пользовался ея великимъ фаворомъ. Князь нерѣдко въ письмахъ своихъ просилъ Румянцова быть къ нему *милостивымъ*, сохранить *дружбу*, которую видитъ, и выражалъ намѣреніе (въ 1770 году) *поступить на службу подъ начальство* графа. Пребывая въ Петербургѣ, Гр. Гр. Орловъ былъ неоднократно преданнымъ ходатаемъ Румянцова предъ Ея Величествомъ и въ письмахъ своихъ называлъ часто послѣдняго *„голубчикъ мой“* и сообщалъ ему не только повелѣнія Ея Величества, но и ея желанія и намѣренія, дабы Румянцовъ могъ сообразоваться съ ними. Вмѣстѣ съ прочими Орловъ скорбѣлъ объ ослабленіи здоровья Румянцова.

Другое очень вліятельное лицо въ царствованіе Императрицы—графъ Иванъ Гр. Орловъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Румянцовымъ, постоянно заботился и о немъ лично, и объ его интересахъ и домашнихъ дѣлахъ, являясь въ то же время преданнымъ посредникомъ между Императрицею и ея полководцемъ. Отъ графа Ив. Гр. Орлова Румянцовъ узнавалъ взгляды на него Екатерины II, вывѣдывалъ, насколько его дѣйствія будутъ ей благоугодны, подносилъ благодарности за изливаемыя на него милости и просилъ о дарованіи ему новыхъ. Онъ нерѣдко спрашивалъ Ив. Гр. Орлова, какъ отнесется Ея Величество къ тому или другому предполагаемому ею подарку со стороны фельдмаршала. Графъ И. Г. Орловъ, какъ преданный Румянцову человѣкъ, постоянно заботился о денежныхъ его дѣлахъ, вносилъ за него платежи, хлопоталъ о покупкѣ для него деревень и о пожало-

ваніи ему хуторовъ и дворовъ, имъ желаемыхъ. Румянцовъ самъ пускался съ нимъ въ откровенности и писалъ о предметахъ, о которыхъ въ то время едва-ли было удобно писать на письмѣ.

Братъ И. Г. Орлова, извѣстный герой Чесмы графъ Алексѣй Григорьевичъ въ немногихъ дошедшихъ до насъ письмахъ неоднократно завѣрялъ Румянцова въ своей дружбѣ и преданности.

Очень вліятельное также лицо въ царствованіе Екатерины II, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, къ которому Румянцовъ весьма часто обращался въ письмахъ за совѣтами и указаніями по дѣламъ политическимъ, былъ также очень расположенъ къ графу Румянцову, называвшему его своимъ *милостивцемъ*. Братъ же его, покоритель Бендеръ, графъ Петръ Ивановичъ при концѣ своей жизни писалъ, что съ самой юной молодости своей заботился о соблюденіи графомъ Румянцовымъ милостивыхъ къ нему благодѣяній и искреннѣйшаго дружелюбія и благодарилъ за таковыя предъ своею кончиною.

Могущественный генералъ-прокуроръ Императрицы, пользовавшійся ея расположеніемъ почти тридцать лѣтъ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, считалъ себя обязаннымъ исполнять *угодное* графу Румянцову и просилъ его о благосклонномъ къ нему расположеніи. Изъ писемъ супруги князя Вяземскаго усматривается, что онъ считалъ Румянцова начальникомъ своего счастья, любившаго его по заслугамъ. Даже могущественный фаворитъ князь П. А. Зубовъ называлъ Румянцова своимъ благодѣтелемъ, благодарилъ за милости, ему оказанныя, писалъ о своемъ высокопочитаніи и завѣрялъ въ своей преданности.

Многочисленныя письма князя Н. В. Репнина, начиная съ 1770 г. по самую кончину графа Румянцова, удостовѣряютъ не только въ уваженіи, но и преданности къ нему Репнина, немало служившаго подъ начальствомъ Румянцова.

Нѣсколько труднѣе установить въ точности характеръ взаимныхъ отношеній Румянцова и князя Г. А. Потемкина, по неимѣнію обстоятельной біографіи послѣдняго и въ виду господствующаго пока мнѣнія, будто они оба, въ послѣдніе годы ихъ жизни, другъ друга *ненавидѣли*, что и было причиною опалы Румянцова и отозванія его отъ арміи въ 1789 году. Но изъ изложеннаго выше можно усмотрѣть, что Румянцовъ *самъ сдѣлалъ все*, чтобы быть отозваннымъ отъ арміи, и что самая мысль объ его отозваніи принадлежитъ Императрицѣ, а не Потемкину, который былъ не только расположенъ, но и *преданъ* Румянцову. Изъ обнародованнаго въ послѣднее время цѣлаго ряда писемъ Потемкина можно усмотрѣть, что, называя Румянцова дружески „батюшкою“, онъ неоднократно завѣрялъ, что душевно его любитъ, пребудетъ во всю жизнь вѣрнѣйшимъ его другомъ, покорнѣйшимъ слугою и будетъ *неложно преданъ* ему, и просилъ пренебрегать толками, которые сплетаютъ зависть и злость, — какъ онъ самъ это дѣлаетъ, т.-е. пренебрегаетъ этимъ. Потемкинъ оказываетъ ему цѣлый рядъ мелкихъ вниманій, которыя обыкновенно не оказываются лицами, къ которымъ расположенія не имѣется. Румянцовъ въ свою очередь называлъ Потемкина *вседражайшимъ* и любезнѣйшимъ другомъ, высказывалъ, что *благодѣянія его столь многочисленны*, что нѣтъ момента, въ которой онъ не находилъ бы обязательствъ быть ему признательнымъ и благодарнымъ, и просилъ неразъ Потемкина *помочь ему* въ его частныхъ дѣлахъ.

Нельзя не упомянуть при этомъ, что графъ Румянцовъ поручалъ преданному ему графу П. В. Завадовскому развѣдать о чувствахъ къ нему Потемкина, — и Завадовскій, исполнивъ это порученіе, писалъ подробно Румянцову, что князь, по его мнѣнію, имѣетъ полное уваженіе къ Румянцову и желаетъ, чтобы *собственныя дѣти его такъ любили и почитали* графа, какъ Потемкинъ его любитъ и почитаетъ.

Наиболѣе преданными Румянцову лицами должно, впрочемъ, считать двухъ лицъ, бывшихъ нѣкогда его подчиненными, которыя, бывъ представлены имъ Императрицѣ, быстро достигли и большой извѣстности, и большого при ней вліянія, — именно это были: нѣкогда полковникъ Старооскольскаго полка Петръ Васильевичъ Завадовскій, — позднѣе любимецъ Екатерины и графъ, а другой — Александръ Андреевичъ Безбородко, — служившій нѣкогда въ канцеляріи Румянцова, а впослѣдствіи бывшій главнымъ дѣятелемъ Великой Императрицы по дѣламъ внѣшней политики, а также и по внутреннему управленію государствомъ, ея правая рука, графъ, а позднѣе, при

Павлѣ I, канцлеръ и съ 1797 года князь. Безбородко считалъ себя *неоплатнымъ должникомъ* графа Румянцова, который вывелъ его на блестящій путь и продолжалъ особливое къ нему благоволеніе. Поэтому Безбородко принималъ большое участіе въ начинавшихъ только свое служебное поприще сыновьяхъ фельдмаршала, исполнялъ порученія самого фельдмаршала по дѣламъ, лично его касавшимся, а также просьбы его о другихъ лицахъ, сообщалъ ему о предстоящихъ назначеніяхъ и распоряженіяхъ Ея Величества, а также о ея намѣреніяхъ и, препровождая Румянцову Высочайшія повелѣнія по его представленіямъ, добавлялъ отъ себя о томъ, какъ было принято Императрицею то или другое его распоряженіе и что было при этомъ Ею выражено. Самъ Румянцовъ, въ свою очередь, часто обращался къ графу Безбородко по различнымъ вопросамъ, касавшимся дѣлъ, на него возложенныхъ, просилъ дать ему *совѣтъ* или указаніе, какъ лучше угодить Ея Величеству, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, и нерѣдко ходатайствовалъ за различныхъ лицъ, въ участи которыхъ принималъ бо́льшее или мѣньшее участіе. Все это даетъ полное основаніе причислить графа А. А. Безбородко къ числу лицъ, очень преданныхъ Румянцову, считавшему, впрочемъ, *лучшимъ своимъ пріятелемъ* и не только любезнымъ *другомъ*, но и дружбѣ *вѣрнымъ* графа Петра Васильевича Завадовскаго, который, какъ видно изъ ихъ переписки, вполнѣ оправдывалъ это мнѣніе фельдмаршала. Исполняя долгъ искренно преданнаго друга, Завадовскій совѣтовалъ Румянцову, какъ генералъ-губернатору, *не жить въ своей деревнѣ*, а въ городѣ, „ибо есть *толки*“; отнюдь не отговариваться отъ поѣздки съ Цесаревичемъ въ Берлинъ, потому-что это будетъ *весьма неугодно* Ея Величеству; не просить у нея новыхъ отпусковъ себѣ и не пребывать въ Молдавіи, чтобы *не раздражать Государыню*. Онъ же совѣтовалъ Румянцову по возможности не перечить Потемкину, старался установить добрыя между ними отношенія, добавляя при этомъ: „временемъ повиновеніе только доставляетъ благопристойность,—есть дѣло мудрости“.

Завадовскій, какъ другъ, преданный графу Румянцову и его семейству, заступался за сыновей послѣдняго и мирилъ ихъ съ отцомъ, не безъ успѣха. Кромѣ того, онъ постоянно заботился о матеріальныхъ дѣлахъ графа, какъ-то: объ извѣстномъ Пологскомъ дѣлѣ, производившемся въ Сенатѣ (большая тяжба съ поселянами), объ отводѣ графу земель по пожалованію, о покупкѣ ему деревень, о посылкѣ денегъ его сыновьямъ и т. д. и исполнялъ нерѣдко разныя хозяйственныя порученія графа Румянцова.

Онъ же, какъ и Безбородко, постоянно сообщалъ фельдмаршалу о различныхъ предположеніяхъ и намѣреніяхъ Ея Величества, о имѣющихся въ виду назначеніяхъ и наградахъ для самого Румянцова, о предстоящихъ путешествіяхъ Императрицы въ Смоленскъ, Кіевъ, Херсонъ и т. д., о разговорахъ, происходившихъ при дворѣ о графѣ Румянцовѣ, о предстоявшихъ ему пріемахъ Ея Величества и объ устройствѣ оныхъ по желанію и вкусу Государыни. Всего указаннаго не станутъ дѣлать лица нерасположенныя, а тѣмъ болѣе лица, враждебно относящіяся къ данному лицу, а потому можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что графъ Румянцовъ все время своего служенія имѣлъ усердныхъ и преданныхъ ему ходатаевъ у престола Екатерины II, и только подозрительный, мелочной характеръ графа могъ усматривать себѣ враговъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. Обращаясь послѣ этого къ отзывамъ о личности и дѣятельности Румянцова, должно упомянуть прежде всего, что извѣстный военный писатель М. И. Богдановичъ, въ своемъ изслѣдованіи „Походы Румянцова, Потемкина и Суворова“, сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку графа П. А. Румянцова. По его словамъ, онъ, какъ генералъ-губернаторъ Малороссіи, способствовалъ къ сліянію сей обширной страны съ прочими областями Имперіи и водворилъ въ ней порядокъ и владычество законовъ... Какъ военоначальникъ, дѣятельность его не имѣла предѣла. Начальствуя арміею, онъ безпрестанно являлся на конѣ между солдатами, старался видѣть все самъ и между тѣмъ занимался неусыпно кабинетными работами... Онъ обращалъ особенное вниманіе на соблюденіе строгой дисциплины въ войскахъ, говоря, что потворствомъ можно испортить лучшую армію. Но строгость его была всегда неразлучна съ справедливостью... Война съ Турціею 1769—1774 годовъ, названная современниками Румянцовскою, имѣла большое вліяніе на успѣхи военнаго искусства.

Тактическія его нововведенія дали рѣшительный перевѣсъ регулярнымъ войскамъ надъ нестройными полчищами. Прежнія походныя движенія, производившіяся въ огромномъ каре либо въ одной колоннѣ, были замѣнены движеніями войскъ въ небольшихъ колоннахъ, составъ которыхъ способствовалъ быстрому построенію нѣсколькихъ каре. Кавалерія при этомъ слѣдовала въ отдѣльныхъ колоннахъ, артиллерія же полковая и полевая шла въ интервалахъ колоннъ... Румянцовъ требовалъ отъ кавалеріи, чтобы она дѣйствовала исключительно холоднымъ оружіемъ и строилась для боя въ двѣ шеренги. Онъ обращалъ большое вниманіе на тактическое образованіе войскъ и на внушеніе имъ духа подчиненности и издалъ съ этою цѣлью не мало инструкцій и распоряженій... Онъ улучшилъ также провіантскую часть арміи... Для лучшаго ея устройства и завѣдыванія онъ предлагалъ учредить верховный военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, состоящій изъ директоровъ, назначаемыхъ Высочайшею властью, при чемъ непремѣнными его членами должны состоять генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-инженеръ и генералъ-комиссаръ. Каждый директоръ, кромѣ общихъ дѣлъ, завѣдуетъ особенными экспедиціями. Всѣ дѣла совѣта чрезъ директоровъ поступаютъ на Высочайшее разрѣшеніе. Графъ Румянцовъ находилъ, что наша Имперія по ея обширности, разновѣрію и разноправію своихъ обитателей и по разнообразію ея сосѣдей, должна наблюдать, чтобы подражать другимъ державамъ только *въ приличномъ* и *весьма уважать тотъ источникъ*, который и доселѣ *одинъ* питаетъ ея воинскія силы. Источникъ сей *есть народъ*, дающій войску и людей, и деньги. Надлежитъ стараться, дабы несоразмѣрнымъ и безповоротнымъ взыманіемъ не оскудить сей источникъ, но употреблять такія средства, которыя, въ случаѣ непредвидѣнной надобности, доставили бы казнѣ денежные запасы и увеличили бы силы Россіи для нея нечувствительно, но для души примѣтно. Графъ Румянцовъ, по приведеннымъ выше словамъ Маркевича, былъ великій полководецъ, но не великій человѣкъ; онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомѣренъ, любострастенъ, льстецъ, корыстолюбивъ, скупъ,—слѣдовательно, плѣнникъ страстей самыхъ низкихъ и слѣдовательно малодушенъ. Одинъ же великій человѣкъ заслуживаетъ похвальныхъ словъ. Какъ хозяинъ, онъ былъ замѣчателенъ. Благодарное перо Лѣсницкаго, бывшаго питомца и секретаря графа Румянцова, рисуетъ намъ иной очеркъ графа. По словамъ Лѣсницкаго, „онъ соединялъ съ начальствомъ уваженіе къ подчиненнымъ въ войскѣ и землѣ, удерживалъ правила общежитія, хранилъ гостепріимство въ домашней жизни, обходился со всѣми и со всякимъ ласково. Законы отечественные помнилъ совершенно. *Связи были для него неизвѣстны*; ссужалъ многихъ и долговъ не имѣлъ. Никому не подражалъ и ни отъ кого не заимствовалъ. Пышность ненавидѣлъ; шуму и городской жизни удалялся; нигдѣ не одолѣвался скукою. Пріятелями къ себѣ располагалъ всѣхъ и каждаго, а друзей—избиралъ опытомъ. Быстрѣйшій имѣлъ бѣгъ мыслей и даръ слова пространнѣйшій". Похвальный отзывъ о фельдмаршалѣ, какъ человѣкѣ, находится и въ Запискахъ Л. Н. Энгельгардта, у Бантышъ-Каменскаго, у Чичагова, написавшаго цѣлую книгу (безъ означенія года изданія) о заслугахъ и великихъ достоинствахъ фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, и у многихъ другихъ писателей, указанныхъ ниже.

Формулярный списокъ о службѣ графа П. А. Румянцова въ Архивѣ Главнаго Штаба въ Москвѣ, въ спискахъ 1773—1784 гг.; Общій Гербовникъ Россійской Имперіи; Русская родословная книга, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, т. II, стр. 188 и слѣд.; князь П. Долгоруковъ, Россійская Родословная книга, ч. I, стр. 302; ч. IV, стр. 389; В. Румель, „Родословный сборникъ", т. II; Н. Н. Селифонтовъ: „Къ біографіи гр. Румянцова"; Камеръ-Фурьерскій Журналъ (по алфавитамъ къ Журналамъ); Полное Собраніе Законовъ: Первое, т. XVIII, ст.ст. 37, 169, 170, 372, 891, 752, 801, 853, 914, 920, 1029; т. XIX, 525, 771, 852, 957, 966; т. XX, ст.ст. 49, 81, 169, 223, 306, 326, 401, 463, 555, 723, 763, 826, 917, 936, 979, 1023; т. XXI, ст.ст. 136, 246, 295, 374, 393, 721, 759, 1056, 1071; т. XXII, ст.ст. 138, 233, 273, 346, 418, 437, 456, 463, 507, 540, 677, 834, 838, 877, 879, 884, 887, 897, 1063, 1148; т. XXIII, ст. 9, 11, 104, 257, 613, 689, 691, 790; т. XXIV, ст. 225, XXV, ст. 108; XXVII, ст. 591; т. XXVIII, ст. 901; XXIX, ст. 653; XXXV, ст. 573; Второе, т. VIII, ст. 499; т. VIII$_2$—19; X—59; т. XII—441; т. XV приб. 1839, ст. 1; XXXI$_2$—115; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", томы II, III, V, VII по XIX включительно, XXIII, XXVI, XXIX, XXXIII, XXXIV, XL, XLII, L по LIV включительно, LVIII, LIX, LXVI, LXIX, LXXII по LXXXI включительно; LXXXIV, LXXXI; LXXXVIII, LXXXIX, XCI, XIV, CVIII, CXVI, CXVIII, CXXIV; „Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества", т. II; „Сборникъ Военно-историческихъ матеріаловъ", выпускъ VI, бумаги Потемкина; „Чтенія Императорскаго Обще-

ства Исторіи и Древностей въ Москвѣ", 1859 г., кн. 3; 1861 г., кн. 1; 1865 г., кн. I и II; 1866 г., кн. 1; 1868 г., 1869 г., 1875 г., кн. 1; 1876 г., кн. 1; 1876 г., кн. 2; 1891 г., т. I и V; „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца", кн. I, VI; „Русскій Архивъ": годы 1863 по 1867 включит.; 1869 — 1875 г. включит; 1877, 1879, 1880, 1882, 1889, 1892, 1893, 1898, 1899, 1901, 1902; Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ: ордера Румянцова 1770 г.; Дѣла Сената по бывшей Конференціи при Дворѣ, № 42—8143; Дѣла Черниговскаго Намѣстничества, в. № 2960, дѣло 86; Дѣла Молдавскія и Мутянскія; Архивъ Министерства Императорскаго Двора: въ Петроградѣ: оп. 352—1343, рос. I, д. №№ 37, 40 и 83; оп. 36/1629, д. №№ 138, 139 и 140; въ Москвѣ: № 62225, № 104; „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ", т. I, стр. 189; т. II, стр. 41, 537, т. III; „Архивъ князя Куракина, т. 8 — 10 включит.; Архивъ Малороссійской Коллегіи — въ Харьковскомъ Университетѣ (по описи); „Архивъ князя Воронцова", т. 4, 6, 7, 8, 10—13 включит.; 16, 17, 20, 22, 24, 25, 27, 31 — по 33 включит.; „Архивъ Государственнаго Совѣта", изд. 1880 г., т. I и II; Архивъ военно-ученый Главнаго Штаба въ Петроградѣ, т. I, опись, составл. капитаномъ Бендеромъ; Архивъ Правительствующаго Сената, книги Высочайшихъ повелѣній съ 1760 по 1796 г. включительно; Архивъ Государственный Министерства Иностр. Дѣлъ: въ Петроградѣ: разрядъ XI № 96, 865; XI крас. № 4 по 98; разр. XII № 332, разр. XVI № 496, разр. XVI № 742 ч. 1 и 2; разр. XX № 221; въ Москвѣ: дѣло Бранденбургскаго двора 1740 г., № 4; дѣла Турецкія, 1768—1790 гг.; дѣла Крымскія, 1770 — 1782 гг.; дѣла Прусскія № 43; дѣла Абовскаго Конгресса 1743 г.; Письма Императрицы Екатерины II къ графу П. А. Румянцову (часть напечатана въ „Сѣверномъ Архивѣ" 1822 г.); Архивъ 1-го Кадетскаго Корпуса, въ Петербургѣ, д. 1740 г.; Изъ архива семейныхъ бумагъ князя Мещерскаго; „Русская Старина", т. II, III, VIII, IX, XIII—XIV вкл.; XVI—XX включ.; XXII—XXIV, XL, XLII, XLIX, L, LII, LIII, LXI, LXIV, LXXIX, LXXX, LXXXVI, LXXXIX, CVIII, CXXVI, CXXVIII; „Старина и Новизна", изд. Обществомъ ревнителей Историч. Просвѣщенія, кн. I, III, IV и V; „Кіевская Старина" 1882 г., №№ 1—4; 1883 г., № 7; 1884 г., №№ 8, 9, 1885 г., № 15; 1888 г., №№ 20 — 23; 1889 г.; № 24, 25; 1890 г., № 31, 32; 1891 г., № 35; 1892 г., № 36; 1895 г., № 48; 1896 и 1901 г.; „Журналъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества" 1910 г., кн. I, дневникъ Каульбарса; „Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія" 1841 г., XXX, № 1 (статья А. А. Скальковскаго); „Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей", т. XXIII; Записки о Южной Россіи, изд. П. Кулиша, С.-Петербургъ. 1887 г., т. II, ст. 170 и слѣд.; Анекдоты, объясняющіе духъ фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, С.-Петербургъ. 1811 г.; Жизнь генералъ-фельдмаршала графа П. А. Румянцова - Задунайскаго, С.-Петербургъ. 1848 г. (Чичагова); Государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ, А. Ивановскаго, С.-Петербургъ; Д. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русскихъ свѣтскаго чина; Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, изд. Леера, ст. Н. Ѳ. Дубровина; Зарульскій (Станиславъ), Описаніе Малой Россіи и Украйны, съ приложеніями, Москва. 1840 г.; Переписка Екатерины II съ гр. П. А. Румянцовымъ, Москва. 1805 г.; Переписка Имп. Екатерины II съ разными особами, Москва. 1807 г.; Сочиненія Имп. Екатерины II, изд. Смирдина; Записки Императрицы Екатерины II, переводъ съ подлинника, изданнаго Имп. Академіей Наукъ, С.-Петербургъ. 1907 г., изд. Суворина, стр. 209, 440, 450; Г. А. Брикнеръ, Біографія князя Потемкина, С.-Петербургъ. 1891 г.; его же, Исторія Екатерины II, 1885 г., С.-Петербургъ, изд. Суворина; Записки Л. Н. Энгельгардта, 1766—1836 гг., Москва. 1867 г.; Россія и Русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Записки гр. Эрнста Миниха, С.-Петербургъ. 1891 г., изд. „Русской Старины"; Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, составили П. А. Гейсманъ и Дубовской; Н. В. Берхъ, Жизнеописанія первыхъ Россійскихъ адмираловъ, т. III, стр. 229 и слѣд.; Е. П. Карновичъ, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, С.-Петербургъ. 1874 г.; В. Д. Смирновъ, „Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты въ XVIII столѣтіи", Одесса. 1889 г.; Присоединеніе Крыма къ Россіи; рескрипты, письма, реляціи и донесенія, составилъ Н. Ѳ. Дубровинъ, С.-Петербургъ. 1885 г., т. I — IV; „Военный Сборникъ" 1868 г, № 7: Ген.-фельдм. князь А. А. Прозоровскій, статья П. Ѳ. Дубровина; А. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 157, 353—371, 466; т. III, стр. 170—175; Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, Берлинъ. 1870 г., т. I, стр. 19; Очеркъ исторіи Украинскаго народа, М. С. Грушевскаго, С.-Петербургъ. 1904 г.; Малороссія въ 1767 г., эпизодъ изъ исторіи XVIII столѣтія, соч. В. Г. Авсѣенко; Малороссійскіе посполитые крестьяне, А. М. Лазаревскаго; Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи, Тимченко; Исторія Руссовъ или Малороссіи, соч. Конискаго; Обозрѣніе Румянцовской описи Малороссіи, А. М. Лазаревскаго;—„Черниговскія Губернскія Вѣдомости" 1852 г., №№ 35, 50; 1895 г., №№ 54; 1898 г.; „Записки Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, выпускъ I и II; Собраніе разныхъ сочиненій и новостей, С.-Петербургъ. 1777 г., т. II, августъ, сентябрь; Историческія монографіи В. А. Бильбасова (Журналы во время царствованія Петра III); Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ, А. Востокова, 1842 г., стр. 488, № 355; „Исторія Россіи", С. М. Соловьева, изд. Общ. Пользы, т. VI; Памятники новой русской исторіи, С.-Петербургъ, т. I; Сухопутный Шляхетскій Кадетскій Корпусъ, П. Ѳ. Лузанова, С.-Петербургъ. 1907 г.; Исторія Императорской гвардіи, Пушкарева; Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, 1683—1883 гг., Чичерина и Долгова, въ 4-хъ томахъ; то-же, Азанчевскаго; то-же, Бобровскаго; Исторія л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка; Исторія Кирасирскаго военнаго ордена полка, Григоровича; Исторія л.-гв. Гренадерскаго полка, Судравскаго, Петербургъ. 1906 г.; Исторія л.-гв. Эриванскаго полка, П. О. Бобровскаго; Исторія Моршанскаго полка, Будницкаго; Исторія конницы, полк. Маркова, ч. IV, отд. I; Хроника 37 драгунскаго Военнаго ордена фельдмарш. Миниха полка, составилъ Григоровичъ; Краткая исторія гренадерскаго Малороссійскаго графа Задунайскаго полка, Правикова, изд. 1889 г.; Жизнь, характеръ и военныя дѣйствія графа П. А. Румянцова, соч. Сазоновича, Москва. 1803 г.; Русская армія въ Семилѣтнюю войну, Д. Ѳ. Масловскаго; Турецкая война 1769—1714 гг. и Польскіе конфедераты, соч. Петрова, въ 4-хъ томахъ; Вторая Турецкая война въ царствованіе Екатерины II, 1787—91 гг., соч. Петрова;

Генералиссимусъ князь А. В. Суворовъ, соч. Петрушевскаго, т. II; Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи, М. П. Богдановича; Историческій обзоръ дѣятельности графа Румянцова-Задунайскаго и его сотрудниковъ, Саковича, Москва. 1858 г.; Гр. А. В. Суворовъ среди преобразователей русской арміи, Н. Ѳ. Дубровина, 1876 г.; Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, соч. Ласковскаго, ч. III, стр. 513—613; Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи, выпускъ X; Матеріалы для исторіи Русскаго флота, т. XI и XII; Щукинскій Сборникъ, т. VI (Записки Грязнова); Памяти графа М. М. Сперанскаго, С.-Петербургъ. 1872 г.; Антонъ Бюшингъ, Автобіографія; Записки И. В. Лопухина (въ „Чт. Общ. ист. и древн." за 1866 г.); Записки А. Т. Болотова, С.-Петербургъ, кн. I; Записки Ф. Ф. Вигеля, Москва. 1891 г., т. II; Обозрѣніе царствованія и свойствъ Имп. Екатерины Великой, А. Сумарокова, Петербургъ. 1822 г.; Дѣянія Императрицы Екатерины II, Болотова, С.-Петербургъ. 1811 г.; Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея супругу, изд. графомъ Д. А. Толстымъ, а также находящіяся въ Рукописн. Отд. Имп. Публичной Библіотеки; Письма графовъ Николая и Сергѣя Петровичей Румянцовыхъ къ ихъ отцу, фельдмаршалу, въ Рукописн. Отд. Имп. Публичной Библіотеки; Записки А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсуковымъ; Mémoires de Falkenschöld, Paris. 1826; Mémoires du comte Rogers de Damas, Paris. 1826; Nouvelles lettres du comte Valentin Esterhazy, Paris. 1908.

П. Майковъ.

Румянцовъ, *Петръ Александровичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи, родился въ Петербургѣ въ 1805 году; отецъ его, Александръ Ивановичъ Р., былъ секундъ-маіоромъ и женатъ былъ на Натальѣ Яковлевнѣ Мещериновой. Послѣ домашняго обученія Р. опредѣленъ былъ въ 1820 году въ Пажескій Корпусъ, гдѣ за отличное поведеніе и успѣхи въ наукахъ былъ въ 1824 году (3-го апрѣля) назначенъ камеръ-пажемъ, а затѣмъ, по выдержаніи испытанія въ курсѣ наукъ, произведенъ былъ, 15-го апрѣля 1825 г., въ гвардіи прапорщики съ зачисленіемъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ; чрезъ годъ онъ былъ произведенъ въ подпоручики (6-го октября 1826 года), при чемъ немного ранѣе, за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи своихъ обязанностей, именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 28-го марта 1826 г., повелѣно было убавить ему одинъ годъ службы изъ 25-лѣтняго срока, опредѣленнаго на заслугу военнаго ордена св. Георгія.

Наступившая вскорѣ война съ Турціею 1828 г. привела Румянцова, вмѣстѣ съ полкомъ, сперва къ берегамъ Дуная, а затѣмъ къ крѣпости Варна, при осадѣ которой, въ 1828 году, Румянцовъ занималъ съ командами разные редуты для прикрытія осадныхъ батарей, находился въ траншеяхъ и шанцахъ при производствѣ траншейныхъ работъ и былъ неразъ въ составѣ ближайшихъ резервовъ подъ безпрестанными непріятельскими пушечными и ружейными выстрѣлами. За отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ Румянцовъ награжденъ былъ, 28-го ноября 1828 г., орденомъ св. Анны 4-й ст. за храбрость. По взятіи Варны Румянцовъ возвратился въ предѣлы Имперіи и находился на кантонирѣ-квартирахъ съ 24-го ноября 1828 г. по 18-е сентября 1829 г. въ Каменецъ-Подольской губ. въ г. Гайсинѣ, а затѣмъ съ 25-го сентября былъ въ походѣ къ Петербургу и 6-го апрѣля 1830 года былъ произведенъ въ поручики.

Возникшая вскорѣ война съ Польскими мятежниками 1830 года привела П. А. Румянцова въ Польшу; онъ участвовалъ въ 1831 году въ движеніяхъ нашихъ войскъ отъ г. Остроленки къ р. Нуру для воспрепятствованія мятежникамъ совершить переправы чрезъ р. Наревъ и Бугъ, а позднѣе—при отступленіи гвардейскаго корпуса къ Тыкочину, въ виду непріятеля, сильно на него нападавшаго, при занятіи 9-го мая Тыкочина и преслѣдованія поляковъ къ Остроленкѣ усиленными маршами, а затѣмъ въ движеніи къ Макову, Плоцку и въ переправѣ черезъ Вислу на лѣвый ея берегъ и, наконецъ, въ наступательныхъ движеніяхъ къ г. Варшавѣ, а также при взятіи съ боя передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и городового вала 25-го и 26-го августа, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ (15-го февраля 1832 года). Послѣ церемоніальнаго вступленія 27-го августа нашихъ войскъ въ Варшаву П. А. Румянцовъ находился въ составѣ особаго отряда войскъ гвардейскаго корпуса, высланнаго, въ сентябрѣ 1831 г., для преслѣдованія остальныхъ мятежническихъ шаекъ отъ мѣстечка Блонье къ Русской границѣ и послѣ удаленія мятежниковъ въ Пруссію возвратился въ концѣ сентября въ Варшаву, а затѣмъ и въ Петербургъ—28-го февраля 1832 года. Въ слѣдующемъ году (2-го апрѣля 1833 г.) Румянцовъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а въ декабрѣ 1839 г.—въ капитаны, оставаясь въ томъ же л.-гв.

Измайловскомъ полку, при чемъ за отлично усердную службу былъ награжденъ, 6-го декабря 1839 г., орденомъ св. Владиміра 4-й степени. 13-го іюля 1843 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники съ назначеніемъ для особыхъ порученій къ командующему Отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи. По главнымъ обязанностямъ, возложеннымъ на этотъ корпусъ въ тѣ времена—по конвоированію всякаго рода арестантовъ, при ихъ пересылкѣ и по пріему и доставленію рекрутъ по назначенію,—ихъ.—Румянцову очень часто приходилось объѣзжать этапныя команды, расположенныя на пространствѣ всей Имперіи, по порученіямъ разнаго рода, на него возлагаемымъ, и успѣшное исполненіе которыхъ его стороны доставило ему не разъ особыя благодарности: кромѣ того онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени 22-го августа 1843 г. и произведенъ за отличіе въ полковники (28-го сентября 1846 года) съ назначеніемъ командующимъ резервною бригадою 19-й пѣхотной дивизіи. Эту должность онъ отправлялъ до 1862 года. По назначенію своему резервная бригада подготовляла рекрутъ къ дѣйствительной службѣ въ дивизіи, и ревностное отношеніе Румянцова къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и заботливость его о сбереженіи нижнихъ чиновъ доставили ему неоднократно Высочайшія благоволенія за отлично усердную его службу (въ 1851), за отличное состояніе рекрутъ (въ 1852 г.), за бдительное вниманіе къ сбереженію чиновъ (въ 1854 году), за отличную распорядительность и заботливость по исправному содержанію резервной бригады (въ 1854 г.); кромѣ того, Румянцовъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени (22-го ноября 1852 года) и, наконецъ, произведенъ былъ, 11-го апрѣля 1854 г., въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ той же должности, которую онъ продолжалъ исполнять до 1862 г., когда былъ по прошенію уволенъ отъ службы. Румянцовъ по формулярному списку за 1856 годъ показанъ холостымъ.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба: выписки изъ формулярныхъ списковъ, доставленныхъ отъ Кавказскаго корпуса за 1856 г., по архиву № 33; князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская Родословная книга, т. II, стр. 189.

П. Майковъ.

Румянцовъ *Семенъ*, дьякъ Тобольскій съ 1658 г. по февраль 1664 г.; ранѣе августа 1665 г. былъ назначенъ дьякомъ Новой Чети, гдѣ состоялъ и въ 1666 г.; съ 1667 г. (сент.—дек.) по 10-е ноября 1668 г., вмѣстѣ со стольникомъ Петромъ Ив. Потемкинымъ, состоялъ посломъ въ Испанію для объявленія о заключеніи перемирія съ Польшею на $13^1/_2$ лѣтъ и предложенія дружбы, при чемъ получилъ отъ Испанскаго короля два портрета (короля и королевы) и запонъ въ 6500 ефимковъ. На обратномъ пути съ той же цѣлью заѣзжалъ во Францію, при чемъ, во время переговоровъ, французскіе министры убѣждали пословъ заключить трактатъ о свободной торговлѣ между обѣими странами, но послы, не имѣя полномочій, уклонились отъ переговоровъ по этому вопросу. Съ іюля 1669 г. онъ былъ дьякомъ Помѣстнаго Приказа. Въ октябрѣ 1673 г. участвовалъ въ государевомъ походѣ въ Троице-Сергіеву Лавру. Въ 1673—4 былъ временно отчисленъ отъ Помѣстнаго Приказа и состоялъ дьякомъ въ Калугѣ при князѣ Ив. П. Барятинскомъ во время приготовленія къ предполагавшемуся походу на Крымскаго хана. Въ 1677—1678 г.г.—дьякъ Астраханскій. Въ 1679 г., марта 28-го, вмѣстѣ со стольникомъ Сем. Ероф. Алмазовымъ, былъ назначенъ посланникомъ въ Данію для увѣренія Датскаго короля Христіана въ крѣпкой дружбѣ и любви, съ просьбой не вступать въ мирные переговоры со Швеціею, не извѣстивъ о томъ Москву, принять на себя посредничество въ примиреніи съ Польшею и о разрѣшеніи пріискать въ Даніи офицеровъ для Русской службы; на обратномъ пути послы должны были заѣхать въ Пруссію—просить курфюрста Бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма не мириться со Швеціею безъ согласія Русскаго двора; Р. отправился въ посольство 13-го мая и возвратился изъ Пруссіи 29-го ноября 1679 г. Въ 1680—1685 гг. Р. былъ дьякомъ Сибирскаго Приказа. Владѣлъ пустошами въ Долбинскомъ стану Московскаго уѣзда и помѣстной и вотчинной землей (вмѣстѣ съ сыномъ Василіемъ и братомъ Никономъ) въ дикомъ полѣ на р. Филиной Зушицѣ и въ починкѣ Избищахъ, Городского стана Чернскаго уѣзда. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Василія, Ивана (стряпчій 1676—1682 г.), Петра

(дворянинъ Московскій 1692 г.) и Степана (стольникъ 1689—1692 г.).

Доп. къ Акт. Ист., т. IV, 346; Древн. Россійск. Вивліоѳика, изд. 2, т. XX, стр. 344, 360, 396; Опис. докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст., т. 13-й, стр. 184; Двинская лѣтопись, изд. А. Титовымъ, стр. 30; П. Н. Петровъ „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, С.-Пб. 1885 г., стр. 304; Дворц. Разр., т. III (дополн.), 169; Доп. къ Акт. Ист., IV, 188, 236, 262, 345, 350; Дворц. Разр., т. III, 589; Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшн. снош. Россіи, т. I, 162; т. IV, 81, 261; С. Шумаковъ, Экскурсы по исторіи Помѣстнаго Приказа, стр. 47; его же, Сотницы, грамоты и записи, т. III, 144, 150, 153, 166; т. V, 77, 79; А. Г. Р., II, № 138 и № 168 (с. 679); Доп. къ Акт. Ист., т. VI, 65, 66; Дворц. Разр., т. III, 906, 1412; Опис. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. I, №№ 21, 41, 43, 320—321; Доп. къ Акт. Ист., т. VII, 221—224, 230, 237, 240—251, 254, 258, 259, 263, 267, 271, 273; т. VIII, 1—3, 24—27 36, 54, 55, 59, 74, 77; Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ снош. Россіи, т. I, 162, 233, 301; т. IV, 17—18, 81, 258, 261; Доп. къ Акт. Ист., т. VIII, 276, 277, т. VII, 50, 121, 122, 238, 363, 368; т. VIII, 11, 12, 15, 48, 117, 173, 210, 211, 238, 239, 241, 260, 282, 294, 297, 320, 333; т. IX, 214; т. X, 69, 323; Акты Ист., т. V, 88, 90—91, 98, 100, 101, 104, 106, 221; Опис. Докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. I, №№ 1445, 2821.

А. И. Андреевъ.

Румянцовъ, графъ *Сергій Петровичъ*, третій и послѣдній сынъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова и его супруги графини Екатерины Михайловны, рожд. княжны Голицыной; родился 17-го марта 1755 г., черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ рожденія своего брата Николая, въ селѣ Стрянковѣ, Юрьевскаго уѣзда Владимірской губерніи. Первые годы своей жизни провелъ онъ подъ непосредственнымъ надзоромъ своей матери, заботившейся о воспитаніи и образованіи своихъ сыновей. По обычаю того времени, молодой Сергѣй Румянцовъ воспитывался дома, хотя его мать, сознавая неудовлетворительность домашняго воспитанія, намѣревалась или отправить сыновей за границу, или опредѣлить ихъ въ особый пансіонъ, основанный графомъ Разумовскимъ для своихъ сыновей въ Петербургѣ, подъ главнымъ руководствомъ Г. Н. Теплова. Не получивъ на это разрѣшенія своего супруга, графиня для обученія своихъ сыновей нанимала различныхъ воспитателей: то отставного артиллерійскаго подполковника, чтобы учить сыновей ариѳметикѣ, то маіора Прусской службы, родомъ швейцарца (вѣроятно Мейера), „на сносныхъ кондиціяхъ“. Позднѣе является нѣмецъ Цвилеръ, обучавшій Сергѣя Р. не только нѣмецкому и латинскому языкамъ, но также исторіи, географіи, ариѳметикѣ и математикѣ, при чемъ ученикъ проявлялъ большое прилежаніе и особенную способность къ рисованію; ему же давалъ также уроки нѣкто Лайонсъ, но короткое время. Позднѣе въ домѣ проживалъ французъ Моно (Monod), который, разставаясь въ 1765 году со своими учениками, писалъ ихъ отцу, что оба младшіе сына (т.-е. Николай и Сергѣй Петровичи) очень прилежны, стараются пріобрѣсти познанія, любятъ занятія, могутъ служить во всемъ примѣромъ всѣмъ 15-лѣтнимъ юношамъ и современемъ будутъ предметомъ большой радости родителямъ; „эти растенія, пишетъ Моно, обѣщаютъ богатые плоды, если будутъ воздѣланы рукою искусною и опытною въ наукахъ“. Графиня Е. М. Румянцова, заботясь ничего не упускать, по ея понятіемъ, а также по силамъ и возможности, въ образованіи своихъ дѣтей, позднѣе, когда ея сыновья сдѣлались взрослыми, старалась обучать ихъ игрѣ на скрипкѣ, верховой ѣздѣ, танцамъ, фехтованію, а затѣмъ заботилась объ опредѣленіи на службу графа Сергѣя Петровича. По порядкамъ того времени онъ былъ записанъ съ дѣтства въ военную службу, но проживалъ вмѣстѣ съ матерью, переселившеюся въ село Аксиньино, въ 10 верстахъ отъ Москвы. Онъ былъ записанъ въ гвардейскую артиллерію, въ 1762 г. переведенъ былъ вахмистрюмъ въ л.-гв. Конный полкъ, а затѣмъ, въ 1769 году, января 1-го, былъ пожалованъ въ корнеты за службу своего отца, послѣ чего, Высочайшимъ указомъ 1-го августа 1772 г., пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ, съ производствомъ установленнаго жалованья (по 1.000 рублей въ годъ). Графъ проживалъ тогда въ Петербургѣ вмѣстѣ съ матерью, назначенною вскорѣ оберъ-гофмейстериною при дворѣ Великаго Князя Павла Петровича, вступившаго тогда въ первый бракъ съ Принцессою Гессенъ-Дармштадтскою. Это назначеніе, а также уваженіе и расположеніе, которыми пользовался со стороны Императрицы Екатерины II не только фельдмаршалъ графъ Румянцовъ, но и его мать, графиня Марья Андреевна, а также и его супруга, а равно родственныя связи Румянцовыхъ доставили молодому графу Сергѣю Петровичу возможность не только посѣщать высшее общество столицы, но и сдѣлаться ближе из-

вѣстнымъ Екатеринѣ II. Узнавъ его, Императрица удостоила его приглашеніемъ присутствовать на ея извѣстныхъ собраніяхъ въ Эрмитажѣ, въ которыхъ участвовали самыя избранныя лица и наиболѣе извѣстные приближенные Ея Величества. Изъ молодыхъ людей на эти собранія допускались только оба брата Румянцовыхъ, при чемъ Екатерина II въ графѣ Сергѣѣ Петровича усмотрѣла человѣка необыкновеннаго. Тутъ же графъ Сергѣй познакомился съ извѣстнымъ ученымъ и публицистомъ-писателемъ Мельхіоромъ Гриммомъ, пользовавшимся большимъ расположеніемъ Екатерины, незадолго прибывшимъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Наслѣднымъ Принцемъ Дармштадтскимъ, воспитаніемъ котораго онъ руководилъ. Графъ С. П. Румянцовъ, „имѣвшій желаніе посѣтить чужіе края и пополнить свое образованіе въ одномъ изъ германскихъ университетовъ“ (о которыхъ, особенно о Лейденскомъ, много слышалъ отъ своего двоюроднаго брата, князя Александра Борисовича Куракина), былъ очень обрадованъ, узнавъ, что и Гриммъ согласенъ руководить какъ имъ, такъ и его братомъ, графомъ Николаемъ, въ поѣздкѣ за границу. Онъ отправился въ концѣ 1773 года въ Молдавію къ своему отцу, командовавшему въ то время нашею арміею,—для испрошенія какъ его согласія на предполагаемую поѣздку, такъ и для полученія необходимыхъ на то денежныхъ средствъ. Получивъ желаемое безъ особыхъ затрудненій, графъ С. П. Румянцовъ испросилъ разрѣшеніе Ея Величества на поѣздку за границу, вслѣдствіе чего 14-го апрѣля 1774 г. состоялся указъ объ увольненіи его въ чужіе края вмѣстѣ съ братомъ его Николаемъ, безъ вычета жалованья во всю ихъ бытность въ чужихъ краяхъ. Срокъ увольненія опредѣленъ въ указѣ не былъ. Императрица совѣтовала при этомъ сопровождавшему молодыхъ людей Гримму путешествовать спокойно и возвратиться не спѣша.

Покинувъ отечество въ концѣ апрѣля 1774 г., графъ Сергѣй Петровичъ, вмѣстѣ съ братомъ, барономъ Гриммомъ и тремя слугами отправился единственнымъ въ то время способомъ путешествія—въ своихъ экипажахъ, на перемѣнныхъ лошадяхъ, на Варшаву и, совершивъ затѣмъ поѣздку по Германіи, заѣхалъ въ Карлсбадъ, гдѣ Гриммъ пилъ воды, а графъ Сергѣй Румянцовъ пить ихъ не пожелалъ. Посѣтивъ Лейпцигъ, Готу, берега Рейна и Голландію, онъ съ братомъ прибылъ въ Лейденъ, гдѣ оба они около года слушали лекціи въ пользовавшемся въ то время извѣстностью Лейденскомъ Университетѣ, о которомъ имѣли разныя необходимыя свѣдѣнія отъ упомянутаго уже выше князя Куракина, ихъ двоюроднаго брата. Въ концѣ сентября 1775 г. графъ Сергѣй Румянцовъ съ братомъ заѣхалъ въ Парижъ на короткое время, чтобы вмѣстѣ съ Гриммомъ, оставившимъ ихъ въ Лейденѣ однихъ, совершить затѣмъ совмѣстное путешествіе по Италіи. По пути изъ Парижа они остановились въ Женевѣ, посѣтили знаменитаго, но уже престарѣлаго Вольтера въ его уединеніи въ Фернеѣ; Вольтеръ, ознакомившись съ французскими стихами графа Сергѣя Петровича, сообщенными Вольтеру Гриммомъ, предрекъ молодому графу, что онъ пойдетъ далеко. Послѣ этого путешественники направились на Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь, откуда поѣхали обратно на Венецію и Вѣну. Узнавъ еще въ Венеціи о кончинѣ Великой Княгини Натальи Алексѣевны, супруги Великаго Князя Павла Петровича, и о томъ, что фельдмаршалъ Румянцовъ, ихъ отецъ, сопровождаетъ Великаго Князя Павла Петровича въ Берлинъ, чтобы ознакомиться съ предназначаемою ему въ супруги Принцессою Виртембергскою, путешественники поспѣшили ѣхать въ Берлинъ, чтобы повидаться съ родителемъ. Но фельдмаршалъ почему-то призналъ это для себя нежелательнымъ и неудобнымъ и чрезъ Куракина приказалъ своимъ сыновьямъ не пріѣзжать въ Берлинъ во все время его тамъ пребыванія. Они, конечно, повиновались этому приказанію и вблизи Берлина, въ небольшой деревнѣ, выжидали отбытія изъ этого города своего отца, чтобы самимъ въѣхать въ столицу великаго Короля.

Пробывъ въ Берлинѣ недолго, графъ Сергѣй возвратился 6-го сентября 1776 года въ С.-Петербургъ, не видѣвъ ни Франціи, ни Англіи по недостатку необходимыхъ на это средствъ, довольно скудно отпущенныхъ ему на то родителемъ. Графъ Сергѣй сталъ снова отправлять придворную службу, которая далеко не удовлетворяла его дѣятельности. Онъ намѣревался поступить въ военную службу, ѣздилъ къ отцу въ началѣ 1777 года, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ, но не встрѣтилъ надлежащаго согласія, а только успѣлъ получить отъ отца обѣщаніе производить сыновьямъ ежегодно опредѣленныя выдачи,

безъ чего, какъ онъ самъ писалъ 30-го августа 1777 г., „никакое помышленіе о пріобрѣтеніи понятнаго себѣ упражненія и въ мысли входить не могло". Онъ намѣревался представить своему отцу предположенія, „чтобы видѣть насъ вышедшихъ изъ обременяющей праздности". Тѣмъ временемъ его мать въ началѣ 1778 г. покинула занимаемую ею должность оберъ-гофмейстерины и переселилась въ Москву, гдѣ проживала зимою, проводя большую часть года въ близь-лежащемъ Кайнарджи, помѣстьѣ ея супруга; она выразила желаніе, чтобы и сынъ ея графъ Сергѣй поѣхалъ съ нею. Съ Высочайшаго разрѣшенія онъ былъ уволенъ, 23-го февраля 1778 года, въ отпускъ съ 26-го числа впредь на одинъ годъ и явился усерднымъ помощникомъ своей матери по всему управленію имѣніями, ей принадлежащими, и, какъ можно заключить изъ писемъ его, весьма ревностно принялся за это новое для него дѣло. Это, конечно, удаляло его отъ главной цѣли — искать дѣйствительной службы, но доставляло возможность быть полезнымъ матери, которой онъ былъ всѣмъ обязанъ. Хотя онъ и считалъ свое положеніе *наилестнѣйшимъ*, однако, не покидалъ мысли пріобрѣтать знанія и утвердить въ себѣ оныя и желалъ быть при отцѣ на службѣ, предоставляя на волю отца предписать ему какое угодно мѣсто и упражненіе. Въ концѣ года онъ возымѣлъ намѣреніе совершить поѣздку чрезъ Торнео кругомъ въ Стокгольмъ, при чемъ графъ Ив. Григор. Чернышевъ, большой пріятель его отца, фельдмаршала, готовъ былъ снабдить его санями и всѣмъ необходимымъ. Эта поѣздка, однако, почему-то не состоялась, а тѣмъ временемъ, 5-го мая 1779 г., графъ Сергѣй Петровичъ, въ день крещенія Великаго Князя Константина Павловича, былъ, вмѣстѣ съ братомъ, пожалованъ въ камергеры, ранѣе получивъ разрѣшеніе находиться при своей матери, по ея о томъ желанію, чтобы не быть одной. Но отецъ не одобрилъ этого,—и послушный сынъ поспѣшилъ прибыть въ Петербургъ, представился Ихъ Высочествамъ, сталъ опять отправлять придворную службу и сѣтовалъ въ письмахъ къ отцу на свое *претягостное положеніе*, образу мыслей его совсѣмъ противное, и ходатайствовалъ его разрѣшенія просить себѣ увольненіе отъ двора. Онъ желалъ бы снова ѣхать за границу—не для исканія наукъ, для которыхъ ѣзда уже поздняя, но для пріобрѣтенія *„знаній, гражданскимъ должностямъ приличныхъ"*.

Во время этой переписки сына съ отцомъ, очень раздражавшей фельдмаршала, скончалась супруга послѣдняго въ августѣ 1779 года. Графъ Сергѣй былъ чрезвычайно опечаленъ смертью горячо любимой имъ матери: онъ потерялъ съ ея кончиною все, что только на свѣтѣ потерять было можно. Горестное положеніе, въ которое онъ былъ повергнутъ этою кончиною, не дозволяло ему скоро воспринять службу, требующую спокойнаго настроенія и совсѣмъ иного, противнаго расположенія духа. Онъ опять обращается къ отцу съ просьбою о разрѣшеніи ему уѣхать за границу и на сей разъ получаетъ таковое,— и притомъ на *два* года, съ отпускомъ ему по 6.000 рублей въ годъ. Кромѣ того фельдмаршалъ отпустилъ съ нимъ, по его о томъ просьбѣ, числившагося при немъ адъютантомъ г. Замятина (прожившаго, впрочемъ, въ Москвѣ по дѣламъ графа), принявъ содержаніе его на свой счетъ. Предписаніемъ отъ 4-го октября 1779 года Ея Величество изволила разрѣшить графу Сергѣю Петровичу отлучиться въ чужіе краи по 1-е число октября 1780 года (позднѣе этотъ отпускъ былъ продолженъ, 4-го октября 1781 г., еще на одинъ годъ). Впрочемъ, отъѣздъ графа С. П. затянулся по многимъ причинамъ: то онъ пріискивалъ человѣка, бывшаго въ Даніи и Швеціи, то задерживалъ отъѣздъ Замятинъ, то графъ хотѣлъ повидаться съ братьями, то не имѣлъ случая откланяться Ея Величеству, то отъѣздъ затягивалъ Великій Князь, приглашая графа къ себѣ, и т. д., такъ что Румянцовъ покинулъ Петербургъ только 9-го января 1780 г. Онъ направился среди зимы въ Стокгольмъ чрезъ Финляндію намѣреваясь даже объѣхать берега Ботническаго залива, но въ г. Вазѣ онъ переѣхалъ заливъ по льду и тѣмъ сократилъ свой самый трудный путь чрезъ Торнео почти на тысячу верстъ. Онъ прибылъ въ Стокгольмъ, гдѣ прожилъ до конца іюня мѣсяца, послѣ чего проѣхалъ черезъ Ландскрону въ Копенгагенъ, куда прибылъ 29-го іюня, и затѣмъ ожидалъ прибытія въ городъ нашей эскадры, подъ начальствомъ адмирала Борисова, который взялъ его на собственный корабль и послѣ девятидневнаго плаванія моремъ высадилъ на берегахъ Голландіи въ Текселѣ, откуда С. П. Румянцовъ поѣхалъ уже

сухимъ путемъ въ Гаагу, для свиданія съ нашимъ посланникомъ и своимъ родственникомъ княземъ Димитріемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ. Послѣ этого свиданія графъ на пакетъ-ботѣ доѣхалъ 21-го августа до Лондона, гдѣ и прожилъ почти цѣлый годъ, истративъ не мало денегъ. Онъ представлялся королю и королевѣ, дѣлалъ разныя покупки, заказывалъ себѣ дорожную карету, ѣздилъ въ модное дачное мѣсто *Bath*, а также въ Вильтонъ, гдѣ жилъ лордъ Гербертъ и отецъ его, лордъ Пемброкъ, пилъ воды, посѣщалъ парламентъ и т. д. Припоминая, что срокъ его отпуска приближается къ концу, онъ просилъ отца дать наставленіе, что̀ ему дѣлать, т.-е. приличнѣе ли ему возвратиться, или попросить продлить отпускъ, и во всякомъ случаѣ прислать ему денегъ. Отецъ разрѣшилъ ему остаться еще за границею, прислалъ денегъ, и графъ Сергѣй Петровичъ, узнавъ, что въ модное въ то время мѣсто въ Спа (въ Бельгіи) прибылъ его братъ, графъ Михаилъ Петровичъ, и его тетушка, графиня Прасковья Александровна Брюсъ, колебался между удовольствіемъ ихъ видѣть и намѣреніемъ остаться въ Лондонѣ до зимы. Однако удовольствіе одержало верхъ,—и графъ, оставивъ Замятина въ Лондонѣ, направился въ Спа. Прибывъ 18-го августа въ Спа, онъ встрѣтилъ тамъ упомянутыхъ своихъ родственниковъ и „не малое собраніе значительныхъ особъ Европы“, по его собственнымъ словамъ,—въ томъ числѣ многихъ французскихъ дамъ, съ которыми познакомился и „тѣмъ пріуготовилъ себѣ привѣтствіе въ самомъ Парижѣ“. Онъ испрашивалъ разрѣшеніе отца на поѣздку въ столицу Франціи, вмѣстѣ со своимъ братомъ и тетушкою. Молодой графъ находилъ, что *вредъ* пребыванія въ Спа „*праздностью разумомъ и нравомъ слабымъ—неисчислимъ*“. Тѣмъ не менѣе, графъ С. П. пробылъ въ Спа до конца сентября, захворавъ довольно опасно кровавымъ поносомъ, и только въ первыхъ числахъ октября поѣхалъ въ Парижъ, при чемъ дорогою встрѣтилъ „прекрасную госпожу *А.*, имѣющую дарованіе разума и таланта“, съ которою болѣе, нежели близко познакомился и поддерживалъ свои съ нею отношенія во все время пребыванія своего во Франціи, которое пришлось до того по вкусу графу Сергѣю Петровичу, что онъ не замедлилъ въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ просить своего отца разрѣшить ему остаться въ Парижѣ на цѣлый годъ. Признавая пользу и удовольствіе, которыя доставляетъ ему пребываніе въ столицѣ Франціи, онъ, кромѣ того, считалъ необходимымъ познать обстоятельства здѣшней земли, для чего пріѣзжать во второй разъ и неудобно, и дорого. Къ тому же и здоровье его истощено было долгимъ путешествіемъ; на службѣ же въ своемъ отечествѣ ему трудно и почти невозможно получить приличное назначеніе. Въ ожиданіи отвѣта гр. С. П. Румянцовъ представился королевскому двору, многимъ важнымъ особамъ, а благодаря письмамъ Вольтера и Гримма и знакомству съ дамами въ Спа, имѣлъ доступъ въ очень многіе дома, въ которыхъ бесѣдовалъ съ отличными философами и красавицами, писалъ имъ стихи, игралъ на домашнихъ спектакляхъ, бывалъ въ различныхъ театрахъ, а также въ маскарадахъ, посѣщалъ престарѣлую г. Лавальеръ, очень его полюбившую,—словомъ, велъ жизнь совсѣмъ необыкновенную, по его словамъ, и доставлявшую ему „*знакомыхъ и отличіе*“. Тѣмъ временемъ (въ 1781 г.) братъ его, графъ Николай, получилъ назначеніе быть нашимъ полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, а самъ графъ Сергѣй Петровичъ, къ немалому, вѣроятно, своему изумленію, получилъ отъ отца разрѣшеніе остаться еще на годъ внѣ отечества, что̀ доставило ему возможность видѣть въ Парижѣ Великаго Князя Павла Петровича, посѣтившаго со своею супругою столицу Франціи въ іюнѣ 1782 года. Совершивъ послѣ этого опять поѣздку въ Спа, графъ Сергѣй Румянцовъ высказывалъ отцу своему желаніе остаться за границею нѣсколько лѣтъ, дабы послѣ „спокойнѣе и обстоятельнѣе посвятить жизнь службѣ и обитательству“. „Знаю, пишетъ графъ въ письмѣ отъ 1-го сентября 1782 г. изъ Спа, какъ предосудительно молодому человѣку проводить время въ праздности, но я въ ней не обращаюсь. Праздняѣе меня большинство сенаторовъ, на которое опирается благосостояніе государства“. Но это письмо, повидимому, до того раздражило его отца, фельдмаршала, что онъ даже ничего не отвѣчалъ сыну, который, пробывъ въ Спа съ мѣсяцъ, возвратился въ Парижъ, гдѣ въ тщетномъ ожиданіи писемъ отъ отца и графа Безбородко, продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, какъ и ранѣе. Пріятная жизнь, которую онъ велъ, и отличія, которыми во мно-

гихъ случаяхъ онъ пользовался, не позволяли ему и думать о выѣздѣ, такъ что кромѣ Парижа С. П. Румянцовъ нигдѣ не былъ во Франціи. Наконецъ, въ началѣ 1783 г. братъ его, графъ Николай Петровичъ, написалъ ему, что Императрица намѣревается дать ему назначеніе по службѣ. Графъ С. П., не имѣя возможности съ приличностью отговориться, рѣшился „не безъ печальнаго чувства“ возвратиться въ Россію. Онъ совсѣмъ собрался около 15-го апрѣля 1783 г. оставить Парижъ,—даже лошади были имъ заказаны для отъѣзда, но онъ захворалъ и, по совѣту графини П. А. Брюсъ, остался на нѣсколько дней, чѣмъ обязанъ былъ спасеніемъ жизни. Только въ концѣ апрѣля онъ покинулъ Парижъ и 5-го мая былъ уже въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, видѣлся съ братомъ Николаемъ, но не узналъ отъ него чего-либо опредѣленнаго о предполагаемомъ для него назначеніи и поѣхалъ чрезъ Берлинъ прямо въ Петербургъ, „не спавъ и не ѣвъ, чтобы поспѣшностью доказать, что жертвуетъ всѣми пріятностями положенія своего, коль скоро его сочли годнымъ получить какое-нибудь назначеніе“. Въ Петербургѣ онъ узналъ, что, считая его неудобнымъ къ отправленію должности внутри государства, его предполагаютъ назначить посланникомъ въ Данію; мѣсто это было еще занято, но, по ссорѣ нашего посланника съ Министерствомъ, предстояло его отозвать. Мѣсто это для начала должно было почитать отличнымъ, а по важности связи Датскаго двора съ нашимъ—даже превосходящимъ силы графа. Онъ рѣшался принять это мѣсто не прежде, какъ увидѣвъ, что не представляется никакой возможности помышлять о другомъ назначеніи. Графъ С. П. Румянцовъ и въ то время особенно желалъ бы испытать склонность свою въ военной службѣ, а потому просилъ своего отца дозволить ему, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, слѣдовать этой наклонности и прибыть къ нему въ армію. Фельдмаршалъ счелъ это непостоянствомъ съ его стороны, не согласился на подобную перемѣну, совѣтовалъ ожидать назначенія въ Петербургѣ и не разрѣшалъ ему пріѣхать къ себѣ въ деревню.

Графъ С. П. Румянцовъ, проживая въ Петербургѣ, нерѣдко бывалъ при дворѣ какъ Императрицы, такъ и Великаго Князя, пользовался расположеніемъ послѣднихъ и принималъ также участіе въ „Собесѣдникѣ Любителей Русскаго слова“, который издавала княгиня Дашкова, напечатавъ въ этомъ журналѣ нѣсколько статей безъ подписи своей фамиліи въ томахъ III и IV. Онъ занимался, какъ надо заключить изъ статей, исторіею Петра Великаго, будучи восторженнымъ почитателемъ его дѣятельности, и намѣревался издать какой-то Адресъ-Календарь съ примѣчаніями историко-философско-критическими. Въ это время онъ имѣлъ случай близко познакомиться съ Н. Н. Нелединскою-Мелецкою и этимъ достаточно утѣшился отъ негодованія на брата, который извлекъ его изъ Парижа. Вскорѣ, въ 1784 г. открылась вакансія оберъ-прокурора въ Сенатѣ и графъ С. П., по совѣту друзей, рѣшился просить это мѣсто для себя. Генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій принялъ это заявленіе „милостиво, но отклонительно“ и предложилъ ему обратиться лично къ Императрицѣ. Екатерина II отнеслась снисходительно къ его желанію, но всѣ назначенія были отложены до 24-го ноября. Вскорѣ послѣ этого Ея Величество предприняла свое извѣстное путешествіе на югъ Россіи, въ продолженіе котораго графъ С. П. Румянцовъ пребывалъ въ Петербургѣ, и только 28-го февраля 1785 года состоялось его назначеніе — посланникомъ къ курфюрсту Баварскому. Графъ Румянцовъ не счелъ это назначеніе для себя лестнымъ и просилъ Ея Величество чрезъ П. И. Пастухова освободить отъ онаго, представляя, что тѣмъ отдаляется онъ отъ отечества. Императрица, однако, очень разгнѣвалась этимъ, и графъ Румянцовъ рѣшился повиноваться ей и скоро явился благодарить за такое назначеніе. Онъ былъ милостиво принятъ и получилъ дозволеніе съѣздить къ отцу, чтобы проститься съ нимъ. Между тѣмъ, назначеніе со стороны курфюрста Палатинскаго своего уполномоченнаго въ Петербургѣ почему-то затянулось, и графу С. П. Румянцову не предстояло надобности скоро уѣзжать по назначенію. Въ то же время нашъ представитель въ Берлинѣ, князь Долгоруковъ, послѣ 20-лѣтняго своего пребыванія при Прусскомъ дворѣ, былъ уволенъ, и Ея Величество, по старательству князя А. А. Безбородка, назначила 23-го іюня 1785 года графа С. П. Румянцова чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ Прусскомъ, о чемъ Безбородко сообщилъ Сергѣю Петровичу, находивше-

муся у отца въ Малороссіи, особою эстафетою, совѣтуя пріѣхать, какъ можно скорѣе, чтобы еще зимнимъ путемъ отправиться въ Берлинъ. Молодой графъ пріѣхалъ въ столицу, но составленіе инструкцій, обыкновенно даваемыхъ нашимъ министрамъ при ихъ назначеніи, а также еще *особой*, которою пожелала снабдить графа Румянцова сама Екатерина, какъ новичка въ дипломатическомъ дѣлѣ, явилось причиною, что онъ отправился въ Берлинъ только въ іюнѣ 1786 года. Въ упомянутомъ наставленіи Румянцову предписывалось обращать особенное вниманіе на *Берлинскій* дворъ, потому что онъ самъ по себѣ сила и является, кромѣ того, средоточіемъ соединенія многихъ нѣмецкихъ дворовъ; нашъ союзъ съ Пруссіею основанъ не на природѣ вещей и можетъ быть только *временнымъ*, смотря по обстоятельствамъ; онъ не такъ выгоденъ, какъ союзъ съ Австріей.

Тѣмъ не менѣе, графу Румянцову предписывалось имѣть самое осторожное и бдительное поведеніе, являть доказательства, что въ Петербургѣ не было и нѣтъ намѣренія отмѣнять и уничтожать прежнія связи съ Прусскимъ королемъ. Онъ былъ обязанъ наблюдать и за Союзомъ князей, недавно возникшимъ, разузнавать о секретныхъ его статьяхъ, о количествѣ имѣющихся у Союза войскъ и ихъ размѣщеніи, о финансахъ Союза и т. д. Кромѣ того, графу С. П. Румянцову поручалось озаботиться о дѣлѣ г. Данцига, которое находилось въ столь непріятномъ положеніи, что здѣсь истощена была черта снисхожденія Россіи, а также всемѣрно препятствовать всякому покушенію короля Прусскаго на Курляндію, особливо, если онъ будетъ пытаться присвоить эту область себѣ или безпосредственно, либо подъ именемъ герцога, изъ дома его учрежденнаго, или даже не родственника его. Онъ долженъ былъ не допускать Пруссію до союза съ Англіею и быть весьма осторожнымъ въ сношеніяхъ съ Франціею, съ представителями которой происходили у насъ частыя недоразумѣнія и столкновенія.

Прибывъ въ Берлинъ, графъ С. П. Румянцовъ вмѣстѣ со своимъ предмѣстникомъ, княземъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Долгорукимъ, а также съ графомъ Финкенштейномъ не замедлилъ 16-го (27-го) іюня представиться въ Санъ-Суси великому Королю, находившемуся въ крайне болѣзненномъ состояніи. Мучимый водянкою, онъ сидѣлъ въ креслахъ, до пояса обвернутый одѣялами. Фридрихъ II былъ уже весьма слабъ, очень похудѣлъ, но сказалъ нѣсколько словъ о многихъ опытахъ дружбы, явленныхъ ему Императрицею Екатериною, а также немного лестныхъ словъ представлявшимся ему лицамъ. Не смотря на старанія врачей, въ томъ числѣ извѣстнаго Циммермана, здоровье Фридриха II все ухудшалось, и 6-го (17-го) августа 1786 г. онъ скончался. На престолъ вступилъ племянникъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ II, который негодовалъ на нашу Императрицу за холодный пріемъ, оказанный ему въ Петербургѣ въ 1780 году, ненавидѣлъ Римскаго Императора Іосифа II и былъ сильный приверженецъ Союза германскихъ князей. При немъ старика Финкенштейна замѣнилъ Герцбергъ, находившій, что Пруссія должна поддерживать свою славную роль рѣшительницы Европейскихъ дѣлъ и блюстительницы равновѣсія, и что она должна пріобрѣсти Данцигъ, Торнъ, Калишъ, Познань и Шведскую Померанію, раздѣлявшую земли Прусскаго королевства какъ бы на двѣ части. Кромѣ того, большимъ вліяніемъ у новаго короля пользовался Бишофсвердеръ. Вступленіе на престолъ новаго Короля вызвало необходимость присылки изъ Петербурга графу Румянцову новыхъ вѣрительныхъ грамотъ, при чемъ на него возлагалось сказать пристойное отъ Русскаго правительства привѣтствіе. Послѣ своего представленія 9-го (20-го) октября новому королю, отправившемуся вскорѣ осматривать свои войска и владѣнія, графъ Румянцовъ приступилъ къ исполненію возложенныхъ на него порученій, но не достигнулъ желаемаго успѣха. Пруссія уже давно стѣсняла торговлю вольнаго города Данцига, расположеннаго при устьѣ р. Вислы, учреждая на своихъ границахъ различные сборы съ провозимыхъ этимъ городомъ товаровъ. Обыватели Данцига не разъ на это жаловались и прибѣгали къ покровительству Россіи, при содѣйствіи которой эти неудовольствія города Данцига были одно время улажены. Но учрежденіе Пруссіею новыхъ сборовъ въ Фордонѣ, важномъ торговомъ пунктѣ, вызвало новыя жалобы со стороны Данцига. Для выясненія этихъ пререканій вызваны были депутаты отъ Данцига въ Берлинъ; они не разъ объяснялись съ графомъ С. П. Румянцовымъ и Прусскими министрами, на словахъ

выражавшими готовность исполнить желаніе Екатерины II; на дѣлѣ же весь этотъ вопросъ о торговлѣ Данцига, не получивъ разрѣшенія въ Берлинѣ, былъ переданъ въ концѣ 1787 года на разсмотрѣніе въ Варшаву вмѣстѣ съ прочими вопросами, относившимися до судоходства по рѣкѣ Вислѣ.

Во время сужденій о торговлѣ Данцига возникли сильныя препирательства въ Голландіи между штатгальтеромъ и гражданами этой страны, дошедшія до того, что супругѣ штатгальтера—родной сестрѣ Прусскаго Короля—было нанесено сильное оскорбленіе. Фридрихъ-Вильгельмъ II вступился за свою сестру,—и его войска подъ начальствомъ герцога Фердинанда Брауншвейскаго вступили въ Голландію, скоро овладѣли даже Амстердамомъ и принудили возставшихъ покориться. Это въ свою очередь много способствовало сближенію Пруссіи съ Англіею, съ которою 13-го августа 1788 года и былъ заключенъ договоръ, по коему обѣ державы обязались защищать другъ друга и въ особенности дѣйствовать согласно относительно предстоящей войны между Австріею и Россіею съ одной стороны и Оттоманскою имперіею съ другой. Румянцовъ сообщалъ немного ранѣе о прибытіи въ Берлинъ Французскаго повѣреннаго Грошлага съ предложеніемъ, чтобы Пруссія содѣйствовала Франціи къ принятію общихъ мѣръ для спасенія Турціи.

Эта возникающая война Россіи съ Турціею побудила самого графа С. П. Румянцова просить о переводѣ его въ ряды нашей арміи. Онъ былъ не особенно доволенъ своимъ мѣстомъ въ Берлинѣ и еще въ 1786 году, въ августѣ мѣсяцѣ, не прослуживъ еще года, просилъ разрѣшенія уѣхать изъ Берлина къ брату во Франкфуртъ на Майнѣ или въ Россію, оставивъ на его мѣсто простого повѣреннаго въ дѣлахъ. Не получивъ тогда надлежащаго разрѣшенія, графъ въ 1787 г., 31-го іюля, просилъ графа Безбородка исходатайствовать ему отпускъ для поправленія здоровья, но, не достигнувъ желаемаго, обратился къ своему отцу съ просьбою дозволить ему перейти въ военную службу и состоять подъ его начальствомъ въ арміи, предводительствуемой имъ противъ турокъ. Фельдмаршалъ пришелъ въ негодованіе отъ подобной просьбы и отказалъ въ ней своему сыну, который послѣ этого, 24-го ноября 1787 года, обратился къ графу Безбородку и просилъ его передать Ея Величеству письмо его и снабдить наставленіями относительно намѣренія перейдти на военную службу. Онъ желалъ присутствовать сперва волонтеромъ при арміи, а затѣмъ, ознакомившись съ дѣломъ, получить какое-либо назначеніе. Графъ добавлялъ, что ежели не опредѣлено ему быть *воину знаменитту*, то еще гораздо менѣе можетъ онъ отличиться въ дѣлахъ, возложенныхъ на него къ исполненію, опытъ котораго обнаружилъ всю скудость его дарованій. При этомъ онъ добавлялъ, что рѣшительно вознамѣрился покинуть это мѣсто съ начатіемъ весны. Послѣ такого заявленія на занимаемое Румянцовымъ мѣсто былъ назначенъ 13-го августа 1788 г. Нессельроде (отецъ будущаго канцлера), а Румянцову посланы отзывныя грамоты и три тысячи рублей на возвратный путь, по полученіи которыхъ онъ скоро покинулъ Берлинскій дворъ, гдѣ, по его собственнымъ словамъ, онъ не имѣлъ счастья понравиться столько же, какъ и его предшественникъ. По видимому, графъ С. П. Румянцовъ не усмотрѣлъ или не оцѣнилъ должнымъ образомъ наступавшую перемѣну въ отношеніяхъ между Пруссіею и Россіею. Новый король Фридрихъ-Вильгельмъ II, нерасположенный къ Императрицѣ Екатеринѣ II, какъ выше сказано, и недовольный ея сближеніемъ съ Австріею въ лицѣ Императора Іосифа II, старался противодѣйствовать этому сближенію и показать Россіи, что она можетъ только потерять отъ перемѣны Прусскаго союза на Австрійскій. Кромѣ того, онъ желалъ, пользуясь новой войною Россіи съ Турціею, увеличить также свои владѣнія на счетъ Польши, но дипломатическимъ путемъ,—именно заключивъ союзъ съ Портою, при чемъ Турція, уступая часть своихъ земель Россіи и Австріи, получала въ свою очередь только гарантію четырехъ державъ (Австріи, Англіи, Пруссіи и Швеціи) въ цѣлости на будущее время остальныхъ ея владѣній. Россія уступала Швеціи небольшія земли въ Финляндіи; Швеція за это отдавала Пруссіи свою Померанію; Австрія отдавала Польшѣ Галицію, а Польша, получивъ Галицію, отдавала Пруссіи Данцигъ и Торнъ. Всѣ эти сложные замыслы Фридриха-Вильгельма II и его новыхъ министровъ не получили, какъ извѣстно, осуществленія; въ то же время Пруссія противодѣйствовала нашимъ дѣйствіямъ въ Польшѣ,

но безъ успѣха. Обо всемъ этомъ графъ С. П. Румянцовъ умалчивалъ въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ.

Возвращеніемъ графа С. П. Румянцова въ Петербургъ былъ чрезвычайно недоволенъ его отецъ, фельдмаршалъ; онъ не желалъ даже видѣть своего сына, усматривая въ его возвращеніи какое-то самовольное странствованіе. Императрица Екатерина II совершала въ то время свое извѣстное путешествіе на югъ Россіи и, по прибытіи въ Петербургъ, отнеслась благосклонно къ своему камергеру, безъ всякой особенной служебной обязанности пребывавшему въ Петербургѣ. Вскорѣ, 1-го января 1791 года, графъ С. П. Румянцовъ, одновременно со своимъ братомъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники, послѣ чего онъ въ томъ же году ѣздилъ къ своему отцу, сильно въ то время недомогавшему. Повидимому, онъ былъ хорошо принятъ родителемъ, какъ надо заключить изъ собственныхъ его словъ въ письмѣ 15-го сентября 1791 г., что „милость отца открыла ему новую жизнь". Онъ тяготился, однако, своимъ бездѣйствіемъ, не занимая никакой должности.

Въ 1792 г. графъ пребывалъ въ Петербургѣ „въ поражающемъ унынiи" и просилъ всесильнаго тогда князя П. А. Зубова подпести его письмо Ея Величеству съ ходатайствомъ о соотвѣтствующемъ для него назначеніи. Было предположено назначить его въ число сенаторовъ, но графъ отъ этого отказался, что̀ не вызвало, однако, неудовольствія со стороны Императрицы; она ему намекала довольно ясно, что онъ получитъ скоро другое назначеніе. Тѣмъ временемъ, въ началѣ февраля 1793 г., ожидали прибытія въ Петербургъ графа д'Артуа,— и Екатерина II поручила графу С. П. Румянцову его принять и состоять при его особѣ во все время его пребыванія въ Петербургѣ. Графъ 1-го марта 1793 г. отправился его встрѣчать въ Дерптъ (Юрьевъ), а затѣмъ находился при немъ во все время пребыванія его въ Петербургѣ и проводилъ обратно до Ревеля, откуда графъ д'Артуа пустился моремъ въ Англію. Вскорѣ послѣ этого прибылъ изъ Стокгольма нашъ посланникъ графъ Стакельбергъ, а за тѣмъ на его мѣсто, 1-го іюня 1793 г., графъ С. П. Румянцовъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ при Его Величествѣ королѣ Шведскомъ. Передъ своимъ отъѣздомъ графъ съѣздилъ къ своему отцу въ Ташань, гдѣ пробылъ около мѣсяца, и, возвратясь въ Петербургъ, принималъ участіе въ торжествахъ по случаю окончанія княземъ Суворовымъ войны съ Польшею и затѣмъ—по случаю бракосочетанія Великаго Князя Александра Павловича съ принцессою Баденскою. Получивъ надлежащія инструкціи и награжденный орденомъ Бѣлаго Орла, графъ С. П. Румянцовъ собрался совсѣмъ ѣхать въ Стокгольмъ моремъ осенью, но кончина дяди его, нашего посла въ Вѣнѣ, князя Дмитрія Михайловичи Голицына, душеприказчикомъ котораго былъ назначенъ также графъ Сергѣй Петровичъ, задержала его отъѣздъ, и только въ концѣ октября онъ поѣхалъ въ Ревель, откуда отплылъ 27-го октября въ Стокгольмъ, въ самое неблагопріятное время для плаванія по Балтійскому морю. Послѣ тяжелаго переѣзда онъ добрался до окрестностей Стокгольма 4-го (15-го) ноября, претерпѣвъ значительную бурю, и чрезъ два дня вошелъ въ Стокгольмскую гавань, отказавшись отъ обычной салютаціи.

13-го (24-го) ноября онъ имѣлъ уже торжественный пріемъ у молодого Короля съ большими церемоніями, въ присутствіи регента (герцога Зюдерманландскаго) и другихъ лицъ, а на другой день представлялъ молодому Королю и регенту камергера С. А. Ададурова, присланнаго съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи Великаго Князя Александра Павловича. Отношенія Россіи и Швеціи были въ то время довольно натянутыя; регентъ, подъ вліяніемъ своего любимца Рейтергольма, начиналъ сближаться съ революціонною Франціею. Румянцовъ въ первыхъ своихъ донесеніяхъ сообщалъ не мало любопытнаго о личности молодого короля Густава IV (сына убитаго короля Густава III) и о регентѣ, о жизни Шведскаго двора и о соблюдаемыхъ при ономъ этикетахъ и порядкахъ; о томъ, что его не всегда приглашали на королевскіе ужины; о предполагаемомъ бракѣ Короля съ одною изъ дочерей наслѣдника Русскаго престола, при чемъ графъ Румянцовъ предупреждалъ, что Король—*ребенокъ* и охотно *подчиняется регенту*. Онъ также писалъ, что Шведское правительство, повидимому, рѣшилось принять необходимыя мѣры предосторожности противъ появившихся въ Стокгольмѣ, во множествѣ, дерзкихъ и наглыхъ республиканцевъ-якобинцевъ и т. д. Императрица Екатерина II была довольна донесеніями графа Румянцова, ко-

торый очень хорошо сошелся съ графомъ Спарре, въ то время великимъ канцлеромъ королевства, и другими членами Совѣта и пользовался, какъ онъ доносилъ въ декабрѣ 1793 г., лестнымъ для него довѣріемъ самого регента, что̀ даетъ ему большія надежды на успѣхъ въ разрѣшеніи могущихъ возникнуть дѣлъ. Таковое дѣло скоро и возникло совсѣмъ внезапно.

Въ Стокгольмѣ открытъ былъ заговоръ, имѣвшій цѣлью не только устранить отъ дѣлъ, но даже убить Рейтергольма при содѣйствіи народа, будто бы даже и Русскаго двора. Вождями заговора были Аминовъ, Армфельдтъ (Густавъ-Морицъ, позднѣе имѣвшій немалое вліяніе при Александрѣ I), Лилія, Монкъ и другія лица, въ томъ числѣ фрейлина двора Магдалена Руденшельдъ, очень близкая особа къ Армфельду, при посредствѣ которой онъ велъ переписку съ разными участниками заговора; ее зналъ также и графъ С. П. Румянцовъ. Началось слѣдствіе, при которомъ, какъ и всегда, открылось многое, не имѣвшее отношенія къ дѣлу; въ газетахъ стали печатать разные слухи и толки объ этомъ дѣлѣ, между прочимъ и объ участіи въ заговорѣ Русскаго двора, при чемъ опубликовали отрывки изъ переписки Армфельда, касавшіеся священной особы Ея Величества и нѣкоторыхъ ея подданныхъ, которымъ приписывали также нѣкоторое участіе въ заговорѣ, и т. д. Графъ С. П. Румянцовъ горячо вступился по этому поводу, не разъ объяснялся съ регентомъ и довелъ дѣло до того, что регентъ сообщилъ ему въ откровенности, что намѣревается всѣ сообщенія по дѣлу Армфельда (какъ означали дѣло объ этомъ заговорѣ) производить непосредственною личною перепискою съ Ея Императорскимъ Величествомъ, а затѣмъ графъ Спарре, по просьбѣ Румянцова, сообщилъ ему, 15-го мая 1794 г., что регентъ письменно уже объяснился съ Ея Величествомъ по интересующимъ его дѣламъ, доставилъ Ей всѣ желаемыя ею по нимъ свѣдѣнія во всей подробности, и не имѣетъ затѣмъ чего-либо для сообщенія по этимъ дѣламъ графу Румянцову, съ которымъ регентъ не разрѣшаетъ графу Спарре вступать въ какія-либо дальнѣйшія объясненія о ходѣ дѣла, представленнаго уже на разсмотрѣніе Парламента. При этомъ графъ Спарре выразилъ, что регентъ желаетъ, чтобы дѣла этого рода обсуждались непосредственно Императрицею съ самимъ регентомъ. Румянцовъ послѣ этого спрашивалъ Ея Величество, угодно ли ей предписать ему быть по сему случаю гласомъ ея расположенія; подобнымъ распоряженіемъ регента обрекаясь на бездѣйствіе и неловкое положеніе въ Стокгольмѣ, онъ просилъ Ея Величество дозволить ему прибыть въ Петербургъ, на нѣкоторое время, для личныхъ объясненій. Не получая на это отвѣта, онъ писалъ о томъ же Остерману и А. И. Моркову, который 21-го іюня 1794 г. сообщилъ Румянцову, что испрашиваемая имъ отлучка отъ занимаемаго поста разрѣшена, и что онъ можетъ ею воспользоваться по усмотрѣнію своему. При этомъ Морковъ добавлялъ, что въ Петербургѣ не придаютъ большого значенія инциденту по дѣлу Армфельда, смотрятъ на него совсѣмъ иначе, и лучше бы было, если бы и онъ со своей стороны не вызывалъ по этому поводу скандала, который приведетъ къ тому, что онъ лишится занимаемаго имъ поста. Графъ Румянцовъ, получивъ это письмо 29-го іюня 1794 г., немедленно собрался покинуть свой постъ въ Стокгольмѣ, къ великому изумленію и сожалѣнію графа Спарре и его супруги. Король, въ знакъ вѣчнаго своего къ нему расположенія, послалъ ему свой портретъ, будучи доволенъ его пребываніемъ въ Стокгольмѣ и сохраняя надежду, что оное продолжится. Графъ Румянцовъ не замедлилъ откланяться 31-го іюля (11-го августа) въ Дротнингольмѣ молодому Королю и членамъ его семейства, представилъ имъ г. Нотбека, оставляемаго имъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, а вечеромъ того же дня былъ въ собраніи во дворцѣ и на спектаклѣ, при чемъ Король и члены семейства разговаривали съ нимъ съ большою благосклонностью и поручили ему передать Императрицѣ чувства ихъ къ ней уваженія. На другой день Румянцовъ на катерѣ „Анна Маргаритъ“, подъ командою лейтенанта Креницына, отплылъ изъ Стокгольма и благополучно прибылъ въ Ревель, откуда сухимъ путемъ доѣхалъ въ Петербургъ 26-го августа. Онъ столько претерпѣлъ отъ переѣзда, что не въ силахъ былъ ѣхать въ Малороссію навѣстить отца своего и остался въ Петербургѣ. Императрица благосклонно приняла его, сохранила за нимъ занимаемое мѣсто посланника и получаемое по этому мѣсту жалованье, дозволивъ

ему ежедневно къ ней являться, что онъ и исполнялъ довольно усердно. Отецъ-фельдмаршалъ, какъ усматривается изъ писемъ графа С. П. Румянцова, былъ очень недоволенъ имъ и даже не хотѣлъ его видѣть. Сергій Петровичъ былъ въ отчаяніи, что лишенъ родительской милости, и тщетно просилъ своего отца допустить его повергнуть къ стопамъ родителя чувства горести, что лишенъ счастья его видѣть, умоляя возвратить ему его милость, и т. д. Фельдмаршалъ былъ неумолимъ, несмотря на заступничество графа П. В. Завадовскаго. Тѣмъ временемъ графъ Сергѣй Петровичъ занемогъ и болѣе шести мѣсяцевъ не выѣзжалъ изъ дома и „не только къ службѣ, но и къ общежитію едва ли былъ годенъ". Императрица, по своему великодушію, оставляла за нимъ по прежнему занимаемую имъ должность, хотя онъ и не помышлялъ отправляться изъ Петербурга въ Стокгольмъ, куда только въ 1795 году былъ назначенъ на его мѣсто баронъ Будбергъ, прибывшій въ Стокгольмъ въ концѣ ноября 1795 года.

Графъ С. П. Румянцовъ все время пребывалъ въ Петербургѣ, нерѣдко хворалъ и скоро былъ опечаленъ кончиною благоволившей къ нему Императрицы, послѣдовавшею въ ноябрѣ 1796 года. Вскорѣ послѣ этого онъ испыталъ и другую тяжкую утрату: въ томъ же году, 8-го декабря, скончался отецъ его, фельдмаршалъ, въ Ташанѣ; графъ С. П. Румянцовъ не только очень любилъ отца, но и очень высоко цѣнилъ и уважалъ за его полезную дѣятельность. Эта кончина дѣлала его однимъ изъ сонаслѣдниковъ огромнаго имущественнаго достоянія, какъ земельнаго, такъ и денежнаго, оставшагося послѣ фельдмаршала, которое три его сына, жившіе въ чрезвычайной дружбѣ, мирно подѣлили между собою.

Преемникъ Великой Императрицы, ея сынъ Павелъ I, благоволившій и къ самому фельдмаршалу Румянцову, и къ его сыновьямъ, которыхъ зналъ съ ранней ихъ молодости, приказалъ графу С. П. Румянцову въ самые первые дни своего царствованія донести, не теряя времени, „что можетъ быть сходнаго ему въ воздаяніе за претерпѣнныя имъ утѣсненія". Графъ выразилъ желаніе продолжать ту же службу,—и Павелъ I назначилъ его, указомъ 14-го ноября 1796 года, присутствующимъ членомъ (четвертымъ) въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (на мѣсто отставленнаго отъ службы графа Моркова), гдѣ вице-канцлеромъ былъ его двоюродный братъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, а канцлеромъ—графъ Иванъ Андревичъ Остерманъ.

На долю Румянцова выпало завѣдываніе всѣми текущими дѣлами (не политическими) Коллегіи, имѣвшими по преимуществу инспекторскій, канцелярскій характеръ,—занятіе, не удовлетворявшее дѣятельности Румянцова и потому продолжавшееся не долго. Съ учрежденіемъ 18-го декабря 1797 г. особаго Государственнаго Вспомогательнаго Банка для дворянства, при чемъ въ то же время была учреждена и учетная Контора на выдачу денегъ купечеству подъ векселя и товары россійскихъ издѣлій, главная дирекція этого Банка была возложена на графа С. П. Румянцова. Когда же въ сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года его двоюродный братъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, оставилъ не долго отправляемую имъ обязанность Министра удѣловъ, эта должность Высочайшимъ указомъ 25-го сентября 1798 г. была возложена на графа С. П. Румянцова (3-го), при чемъ впредь до повелѣнія онъ сохранялъ за собою и главную дирекцію въ Государственномъ Вспомогательномъ для дворянства Банкѣ.

Ставъ во главѣ управленія имущественными средствами (по преимуществу—населенными имѣніями, получившими наименованіе удѣльныхъ), которыя должны были служить къ обезпеченію содержанія членовъ Императорской фамиліи, Румянцовъ составилъ „наставленіе сельскимъ приказамъ съ выборными должностными лицами", создавши какъ бы крестьянское самоуправленіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ. При немъ же состоялось Высочайшее повелѣніе, разрѣшавшее удѣльнымъ крестьянамъ, при уплатѣ извѣстнаго выкупа, переходить въ сословія купцовъ и мѣщанъ. При Румянцовѣ (обозначенномъ, по служебнымъ того времени спискамъ, 3-мъ) началось также установленіе границъ удѣльныхъ земель и выдѣленіе изъ ихъ состава земель, почему-либо принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ; равнымъ образомъ лѣса удѣльнаго вѣдомства были переданы въ вѣдѣніе Адмиралтействъ-Коллегіи на основаніи указа отъ мая 1798 года. Возникавшіе такъ называемые *удѣльные капиталы* стали помѣщаться въ Государственный Банкъ и Сохранную Казну Воспитательнаго Дома,

при чемъ Департаментъ Удѣловъ получилъ право выдавать изъ свободныхъ средствъ удѣльнаго капитала суммы въ заемъ правительственнымъ учрежденіямъ. На самыя удѣльныя имѣнія распространены правила 29-го ноября 1799 г. о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ въ Имперіи, и были командированы съ Высочайшаго соизволенія 10-го марта 1799 г. особыя лица для изслѣдованія причинъ образовавшихся въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ недоимокъ, а также для уясненія вопроса, можно ли дополнить недостающее до 15 десятинъ на душу, согласно указу 1798 года, количество земли пустопорожними казенными землями, смежными съ удѣльными.

Императоръ благоволилъ къ графу С. П. Румянцову и разрѣшилъ ему пріѣзжать въ Павловскъ въ какое время онъ только пожелаетъ. Въ концѣ 1799 года болѣзненное состояніе графа С. П. Румянцова побудило его просить увольненія на годъ за границу, и 2-го января 1800 г. послѣдовало на то Высочайшее соизволеніе. Онъ на самомъ дѣлѣ отправился на воды въ Тёплицъ, гдѣ съ нимъ встрѣтился извѣстный Ѳ. П. Лубяновскій. Но еще до истеченія срока дозволеннаго ему отпуска послѣдовалъ, 7-го іюня того же 1800 г., Высочайшій указъ Сенату о томъ, что д. т. с. графъ Румянцовъ отставляется отъ службы. Причины такого отставленія отъ службы, конечно, въ указѣ указаны не были и въ различныхъ запискахъ современниковъ о нихъ также не упоминается. Румянцовъ одновременно былъ уволенъ и отъ директоріи Государственнаго Банка для дворянства, которая была возложена на князя Гагарина. Эта немилость Императора продолжалась недолго, и уже указомъ 24-го ноября 1800 г. графъ Р. былъ снова принятъ на службу чиномъ д. т. совѣтника, съ отдачею прежняго старшинства, и назначенъ членомъ Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ. Вскорѣ послѣ этого Императоръ Павелъ, 11-го марта 1801 г., скончался; новый монархъ, Александръ I, не замедлилъ упразднить 26-го марта самый Совѣтъ и назначилъ въ то же время С. П. Румянцова къ присутствованію въ Сенатъ.

Молодой Императоръ, за выбытіемъ князя Гагарина, намѣревался въ концѣ 1801 г. назначить графа С. П. Румянцова опять управляющимъ Банкомъ, но такое назначеніе почему-то не состоялось,—и только въ 1802 г., указомъ Государственному Совѣту отъ 21-го апрѣля, онъ былъ назначенъ членомъ вновь учрежденнаго *Государственнаго Совѣта* и принималъ участіе въ разсмотрѣніи проекта новаго устройства Сената, составленнаго по порученію Императора неофиціальнымъ комитетомъ. Въ томъ же году Румянцовъ былъ уволенъ отъ этой службы по непосѣщенію имъ засѣданій Совѣта, но въ 1805 году вновь назначенъ членомъ Совѣта и состоялъ таковымъ по день своей кончины въ 1838 году. Одно время онъ принималъ живое участіе въ разсмотрѣніи дѣлъ, восходившихъ на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, какъ это надо заключить изъ многихъ его отдѣльныхъ мнѣній по таковымъ дѣламъ, напечатанныхъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Еще въ концѣ того же 1802 г. графъ С. П. Румянцовъ, чрезъ Н. Н. Новосильцова, обратился къ Его Величеству съ предположеніемъ объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы и имѣлъ личное по сему дѣлу объясненіе съ Императоромъ въ декабрѣ 1802 года, послѣ чего этотъ важный вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Предложеніе графа Румянцова было въ основной мысли одобрено и состоявшееся мнѣніе Государственнаго Совѣта утверждено Императоромъ, послѣ чего и послѣдовалъ извѣстный указъ 20-го февраля 1803 г. (1-е П. С. З., № 20620), который Государь вручилъ графу С. П. Румянцову при особомъ рескриптѣ 25-го февраля; Монархъ выражалъ ему свою признательность, а также и то, „что расположеніе его принадлежитъ графу навсегда“. Во свидѣтельство своихъ чувствъ Государь наградилъ Румянцова тогда же своимъ портретомъ. Указъ этотъ навлекъ на графа С. П. Румянцова не мало рѣзкихъ и неблагопріятныхъ отзывовъ о немъ не только со стороны лицъ, его недолюбливавшихъ, какъ-то Державина, Ростопчина и т. д., но и со стороны лица, очень расположеннаго къ нему и всему его семейству,—именно графа П. В. Завадовскаго, который писалъ графу С. Р. Воронцову: „Графъ С. П. Румянцовъ не можетъ быть безъ затѣевъ и всегда странныхъ; вообразилъ подбиться любимою матеріею, что и удалось на первый взглядъ. Предполагаемое *не самъ* выполнитъ, а для другихъ дѣло

несбыточное". Ростопчинъ прямо высказалъ: „вѣрно захотѣлъ или четвертый разъ въ службу или двухъаршинной ленты голубой. Но, увы, наградили табакеркой".

Не касаясь вопроса о томъ, какія побужденія руководили графомъ Румянцовымъ при представленіи проекта о свободныхъ хлѣбопашцахъ, замѣтимъ только, что слова графа Завадовскаго оправдались на дѣлѣ, т.-е., что графъ лично почти не воспользовался состоявшимся указомъ, оставилъ за собою всѣхъ принадлежавшихъ ему многочисленныхъ крѣпостныхъ людей и передалъ ихъ позднѣе своимъ дочерямъ, за исключеніемъ весьма небольшого числа, около 400 душъ крестьянъ, обращенныхъ имъ въ свободные хлѣбопашцы.

Этотъ проектъ не доставилъ, однако, графу С. П. Румянцову какого-либо преимущества по службѣ. Онъ числился только членомъ Государственнаго Совѣта и, проживая въ столицѣ, нерѣдко бывалъ при Высочайшемъ Дворѣ на различныхъ торжествахъ, на спектакляхъ въ Эрмитажѣ, обѣдалъ у Ихъ Императорскихъ Величествъ въ самомъ тѣсномъ кругу, игралъ въ карты съ Ея Величествомъ и т. п. Все это не удовлетворяло честолюбія С. П. Румянцова и въ 1806 г. онъ обратился къ Государю съ письмомъ, въ которомъ, указывая на свою безполезность службѣ Его Величества, просилъ увольненія въ безсрочный отпускъ, для поѣздки заграницу. Но послѣ личнаго объясненія съ Императоромъ, выразившимъ намѣреніе доставить ему соотвѣтствующее назначеніе, графъ С. П. Румянцовъ отказался отъ путешествія заграницу и ограничился поѣздкою по своимъ многочисленнымъ деревнямъ со своею дочерью. По возвращеніи же своемъ въ столицу въ октябрѣ мѣсяцѣ, онъ посѣщалъ довольно рѣдко засѣданія Государственнаго Совѣта, становившіяся все болѣе и болѣе незначительными, безцвѣтными по его мнѣнію, а съ 1807 года и совсѣмъ прекратилъ ихъ посѣщеніе, особенно, когда въ октябрѣ 1807 года онъ былъ назначенъ членомъ Комитета по части финансовъ, учрежденнаго въ 1806 году и занимавшагося преимущественно составленіемъ государственной росписи, разсмотрѣніемъ смѣты доходовъ и расходовъ, а также проектируемыхъ новыхъ налоговъ и сборовъ и т. д. По этой новой должности графъ С. П. Румянцовъ не разъ удостоивался разговора съ Его Величествомъ о занятіяхъ этого Комитета, но скоро, послѣ столкновенія съ Государственнымъ Казначеемъ того времени, Ѳ. А. Голубцовымъ, онъ рѣшилъ не посѣщать болѣе засѣданій означеннаго Комитета и обратился къ Его Величеству вновь съ просьбою (10-го апрѣля 1808 года) о дозволеніи ему ѣхать къ цѣлительнымъ водамъ, для поправленія крайне разстроеннаго здоровья, на что и послѣдовало 5-го мая Высочайшее соизволеніе. Закончивъ свое дѣло о командорствахъ (о которомъ сказано ниже), онъ оставилъ Петербургъ въ началѣ іюня и пробылъ заграницею менѣе года. Возвратясь на родину въ началѣ 1809 года, графъ вскорѣ представилъ Его Величеству записку о финансахъ на французскомъ языкѣ и, по желанію Государя, сдѣлавъ ея переводъ, имѣлъ неоднократныя объясненія съ Александромъ I о содержаніи этой записки, при чемъ Императоръ подробно разбиралъ все касавшееся арміи. Позднѣе графъ С. П. Румянцовъ въ 1810 г. представилъ другую записку—о чеканкѣ мѣдной монеты и снова покинулъ столицу въ 1811 году. Въ началѣ возникшей вскорѣ Отечественной войны графъ С. П. Румянцовъ возвратился въ Петербургъ и счелъ долгомъ испрашивать у Его Величества, въ особомъ письмѣ отъ 6-го ноября, возможности „быть ему въ дѣятельной какой-либо должности". Сообщенный чрезъ князя А. Н. Голицына отвѣтъ Его Величества, что онъ изумленъ подобною просьбою о мѣстѣ, такъ какъ графъ С. П. Румянцовъ не хотѣлъ воспользоваться назначеніемъ, состоявшимся ранѣе, побудилъ графа С. П. Румянцова написать довольно длинное письмо Государю, отправленное имъ съ Д. А. Балашевымъ, отъѣзжавшимъ въ армію, при которой Государь въ то время находился. Балашевъ доставилъ ему отвѣтъ, что Его Величество сдѣлаетъ распоряженіе по возвращеніи своемъ въ столицу. Военныя дѣйствія противъ французовъ въ 1813 и 1814 году, какъ извѣстно, замедлили это возвращеніе, а вмѣстѣ замедлилось и какое-либо назначеніе графа С. П. Румянцова. Это побудило его просить 16-го марта 1816 года письмомъ частной аудіенціи у Императора. Послѣ не малаго ожиданія графъ Румянцовъ былъ милостиво принятъ и получилъ обѣщаніе, что Государь подумаетъ о лучшемъ для него назначеніи: его чинъ и мѣста, ранѣе ими занимаемыя, требуютъ обсужденій, послѣ

которыхъ онъ переговоритъ съ нимъ еще разъ. Добиваясь назначенія по внутреннему управленію государствомъ, графъ Румянцовъ, въ началѣ 1817 года, вновь просилъ о томъ Государя и 17-го февраля получилъ чрезъ князя А. Н. Голицына приказаніе яснѣе высказаться, какое мѣсто желалъ бы онъ получить. Румянцовъ призналъ для себя невозможнымъ точно указать желаемое имъ назначеніе, но выразилъ готовность исполнять волю Государя во всякой должности, которая будетъ ему ввѣрена. Но и это не содѣйствовало его назначенію. Графъ Румянцовъ просилъ всемогущаго графа Аракчеева не отказать ему въ содѣйствіи къ его назначенію, а самъ уѣхалъ въ 1818 году въ деревню. Онъ возымѣлъ намѣреніе совсѣмъ оставить городскую жизнь и поселиться въ деревнѣ; на приведеніе этого намѣренія въ исполненіе онъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе, напомнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ о данномъ всемилостивѣйшемъ обѣщаніи, и просилъ дозволенія явиться Государю. Письмо это осталось безъ отвѣта. Проживъ внѣ Петербурга до 1820 года, онъ при своемъ возвращеніи въ столицу нашелъ свою тетку Анну Никитишну Нарышкину въ отчаянномъ положеніи; она скончалась 2-го февраля 1820 года. Участіе и вниманіе, оказанное ей Императоромъ во время ея болѣзни, побуждали графа С. П. Румянцова лично выразить Его Величеству свою глубокую за это признательность. Онъ былъ принятъ 29-го февраля очень милостиво Государемъ особо, удостоился не малаго разговора, но о какомъ-либо назначеніи его не было и рѣчи. Вслѣдствіе этого Румянцовъ письмомъ отъ 12-го мая просилъ у Государя дозволенія явиться къ нему частно предъ своимъ отъѣздомъ, чтобы выразить ощущаемое имъ въ душѣ глубокое горе отъ несчастья, что навлекъ на себя нерасположеніе монарха. На это онъ не получилъ прямого отвѣта, но князь П. М. Волконскій сообщилъ ему, что въ Царскомъ Селѣ, гдѣ пребывалъ въ то время Государь, представленій Его Величеству не бываетъ. Графъ С. П. Румянцовъ уѣхалъ обозрѣвать, по заведенному порядку, свои обширныя имѣнія и, по возвращеніи своемъ въ 1822 году, видѣлся съ графомъ Аракчеевымъ, который подкрѣпилъ своимъ совѣтомъ его желаніе снова просить аудіенціи у Государя. Таковая на самомъ дѣлѣ ему была назначена на 5-е февраля, но оказалась очень непродолжительною; при томъ Государь болѣе интересовался его братомъ (бывшимъ канцлеромъ), находившемся въ то время уже въ полной отставкѣ. Послѣ этой аудіенціи графъ Румянцовъ писалъ Его Величеству 8-го февраля и просилъ о смягченіи его жребія, отягощающаго его уже шестой годъ. Вслѣдствіе этого письма Императоръ поручилъ графу Аракчееву переговорить съ графомъ Румянцовымъ и выяснить его желаніе. По просьбѣ перваго высказаться откровенно, графъ С. П. выразилъ желаніе быть назначеннымъ въ Комитетъ Министровъ. Но и это желаніе графа не получило осуществленія. Государь вскорѣ отправился на конгрессъ въ Верону; графъ Румянцовъ же, видя тщетность своихъ домогательствъ, рѣшился не дѣлать болѣе никакихъ попытокъ къ полученію какого-либо назначенія. Онъ занялся приготовленіями къ свадьбѣ одной изъ своихъ дочерей, графини Екатерины, вступавшей въ бракъ съ княземъ Мещерскимъ. Когда же другой его зять (женатый на его дочери графинѣ Варварѣ)—князь Павелъ Голицынъ былъ пожалованъ въ званіе камергера, графъ Румянцовъ счелъ долгомъ письменно благодарить за это назначеніе Государя, выразивъ при этомъ довольно ясно желаніе имѣть аудіенцію. Между тѣмъ, наступали горестные для графа Румянцова годы: Императоръ Александръ I скончался въ Таганрогѣ 19-го ноября; нѣжно любимый имъ братъ графъ Н. П. Румянцовъ въ концѣ декабря 1825 года упалъ въ своей квартирѣ, сильно повредилъ ногу и скончался 3-го января 1826 года. Графъ Сергѣй Петровичъ сопутствовалъ его прахъ, преданный землѣ въ Гомелѣ 1-го февраля. По возвращеніи графа въ Петербургъ скончалась горячо любимая имъ дочь его Екатерина; эта кончина повергла графа Румянцова въ жестокое одиночество, и онъ намѣревался уѣхать въ Москву къ другой дочери, княгинѣ Голицыной, но желаніе отдать послѣдній долгъ усопшему Императору побудило его остаться въ Петербургѣ и принять участіе въ печальной церемоніи погребенія Александра I, при чемъ графъ Румянцовъ былъ назначенъ нести Императорскую державу, одну изъ трехъ регалій, получаемыхъ непосредственно изъ рукъ самого Монарха. Послѣ этой печальной церемоніи графъ Румянцовъ уѣхалъ въ Москву, написавъ

молодому Императору Николаю I письмо, которымъ выражалъ готовность служить Его Величеству, не смотря на свои уже истекшія 65 лѣтъ жизни.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы графъ ожидалъ назначеннаго коронованія Императора, которое было отложено по случаю кончины вдовствующей Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и, тяготясь неопредѣленностью своего положенія, спрашивалъ князя А. Н. Голицына, можетъ ли онъ удостоиться отдѣльной аудіенціи у Государя. На это онъ получилъ краткое отъ князя извѣщеніе, что Монархъ не имѣетъ возможности принять его въ настоящее время, а если онъ имѣетъ что-либо сообщить Его Величеству, то предпочтительнѣе изложить это письменно. Графъ Румянцовъ и послѣ этого просилъ о личномъ представленіи Его Величеству, но, не имѣвъ успѣха, уѣхалъ въ Гомель и возвратился въ Москву 15-го сентября, къ окончанію празднествъ по случаю состоявшагося 22-го августа коронованія Императора. Онъ написалъ Его Величеству письмо, прося дозволенія пожертвовать 50.000 рублей на пользу вдовъ и сиротъ того полка, которому будетъ присвоено наименованіе полка фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго. Въ особомъ благосклонномъ рескриптѣ это предложеніе было почему то отклонено въ то время. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ мелочныхъ оскорбленій самолюбія графа, какъ то: при представленіи Императрицамъ онъ былъ поставленъ ниже генерала Яшвиля; онъ не былъ приглашенъ на балъ, бывшій въ покояхъ Императрицы, — и тому подобныя, указывавшихъ, что ему не придаютъ цѣны и не нуждаются въ его особѣ. Это побудило его не показываться при Дворѣ, устроиться у себя дома, принимая желавшихъ его посѣтить, посвятить себя домашнимъ дѣламъ и семейству и заняться вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленіемъ различныхъ благотворительныхъ мѣропріятій, по поводу которыхъ онъ не разъ обращался къ Его Величеству. Такъ, еще въ 1808 году онъ выразилъ намѣреніе получаемые имъ командорственные доходы по орденамъ св. Александра Невскаго и св. Іоанна Іерусалимскаго обратить на выдачи пенсіоновъ 10 гвардейскимъ и 20 армейскимъ отставнымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, отличившимъ себя болѣе другихъ службою и мужествомъ. Императоръ Александръ, въ особомъ рескриптѣ графу Румянцову чрезвычайно одобрилъ это предположеніе, дававшее возможность 30 заслуженнымъ воинамъ получать каждому по 105 руб. въ годъ, — сумму, довольно значительную въ то время. Чтобы обезпечить инвалидовъ, получающихъ эти пенсіи изъ командорственныхъ его доходовъ и на будущее, послѣ его смерти, время, графъ С. П. Румянцовъ еще при жизни своей внесъ, въ декабрѣ 1827 года, въ Сохранную Казну Опекунскаго Совѣта, особо 66.000 рублей, изъ процентовъ съ которыхъ должны были выдаваться пенсіи инвалидамъ, на основаніи изданныхъ на это правилъ. Затѣмъ въ 1832 году графъ С. П. Румянцовъ пожертвовалъ капиталъ въ 50.000 руб. для обращенія процентовъ въ пользу вдовъ и сиротъ, могущихъ остаться послѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка имени родителя его, фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго. Въ слѣдующемъ, 1833 году онъ пожертвовалъ неприкосновенный капиталъ въ 10.000 руб. для выдачи изъ онаго процентовъ одному изъ увѣчныхъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ получали именованіе Кайнарджійскихъ пенсіонеровъ. Въ 1834 году онъ внесъ въ инвалидный капиталъ 100.000 рублей, а въ 1838 году еще 112.948 рублей на содержаніе изъ процентовъ 59 штатныхъ пенсіонеровъ, замѣщая ваканціи пенсіонеровъ нижними чинами, ранеными въ войну съ Польскими мятежниками.

Еще въ 1827 году графъ Румянцовъ обратился къ Его Величеству съ предложеніемъ пріобрѣсти отъ него мѣстечко Гомель, со всѣми принадлежащими къ нему крестьянами, числомъ 13.579 душъ, деревнями и землями. Послѣ немалой переписки, при чемъ Румянцовъ не разъ обращался къ Его Величеству, это мѣстечко было пріобрѣтено окончательно въ 1836 г. и сдано князю И. Ѳ. Паскевичу-Эриванскому за 800.000 р., причемъ въ уплату этихъ денегъ зачтены два 8-ми-лѣтнихъ долга Румянцова Банку: одинъ въ 401.000 руб., а другой въ 399,300 рублей, — всего 800.300 рублей. Около того же времени графъ С. П. Румянцовъ, желая увѣковѣчить навсегда побѣду, одержанную Кутузовомъ надъ французами 6-го октября 1812 г. при дер. Тарутино, Калужской губ., доставшейся ему въ наслѣдство послѣ покойнаго его брата, испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія о

томъ, дабы всѣхъ крестьянъ села Тарутина съ деревнею Гранищевой, числомъ 439 душъ, признать вольноземледѣльческими, предоставивъ имъ всѣ угодья, коими они пользовались въ то время. Крестьяне же, такимъ образомъ освобождаемые отъ крѣпостной зависимости, воздвигаютъ свидѣтельствующій ихъ душевную признательность памятникъ, на свой счетъ, въ Тарутинѣ, въ честь битвы 6-го октября, по составленному рисунку. Это предположеніе графа Румянцова удостоилось Высочайшаго утвержденія 20-го декабря 1828 г. и было приведено въ исполненіе.

Помимо этого, исполняя словесную волю покойнаго брата своего, графа Н. П. Румянцова, графъ Сергѣй Петровичъ принесъ въ даръ Отечеству унаслѣдованный отъ него домъ на р. Невѣ, близъ Николаевскаго моста, для помѣщенія богатой библіотеки и собранія различныхъ рукописей, монетъ и прочихъ собраній, принадлежавшихъ умершему канцлеру, и для устройства Музея, доступнаго публикѣ. Кромѣ того, самъ графъ С. П. Румянцовъ пожертвовалъ еще другой домъ, ему принадлежавшій, смежный съ первымъ, но выходившій на Галерную улицу, а также и прекрасную свою библіотеку въ 10.000 сочиненій, украсилъ главное зданіи снаружи колоннадою, а зало—лѣпными работами, устроилъ шкафы, поставилъ портреты своихъ предковъ и своего брата, отремонтировалъ домъ на Галерной улицѣ и т. д. Этотъ Музей былъ въ 1828 г. переданъ въ непосредственное вѣдѣніе казны, послѣ довольно продолжительной переписки графа С. П. Румянцова съ разными лицами, на которыхъ было Высочайше возложено устройство высшаго управленія всего Музея, а затѣмъ, 28-го мая 1831 г., былъ утвержденъ и первый штатъ Музея, который получилъ наименованіе Румянцовскаго, въ память своихъ основателей—покойнаго государственнаго канцлера графа Николая и д. т. с. графа Сергія Румянцовыхъ, какъ прямо выражено въ ст. I Устава Музея 27-го мая 1846 г., утвержденнаго въ Варшавѣ. Графъ С. П. Румянцовъ и послѣ этого дѣлалъ пожертвованія для украшенія зала Музея и въ томъ числѣ пожертвовалъ полученную имъ изъ складовъ Эрмитажа картину художника Торелли, изображающую торжественный входъ Императрицы Екатерины II въ завоеванныя у турокъ земли, при чемъ на бѣлой лошади изображенъ былъ и фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцовъ.

Всѣ эти пожертвованія, конечно, обращали на Румянцова вниманіе Монарха, удостаивавшаго его неразъ лестными рескриптами. Помимо этого, Румянцовъ и другимъ путемъ обращалъ на себя вниманіе Его Величества. Такъ, при возстаніи грековъ и отчаянной ихъ борьбѣ съ турками онъ написалъ о нихъ, для генерала Дибича, записку, которую, какъ онъ самъ писалъ, можно представить Его Величеству. Затѣмъ въ 1830 году онъ написалъ записку графу Бенкендорфу (въ то время шефу жандармовъ) о современномъ положеніи дѣлъ, предоставляя ему воспользоваться ею для пользы службы. Бенкендорфъ доводилъ эту записку до Высочайшаго свѣдѣнія. Румянцовъ въ это время добивался обѣщанной ему ранѣе аудіенціи у Императора, но безуспѣшно: сначала, въ 1825 г., самъ графъ заболѣлъ воспаленіемъ лѣвой ноги, затѣмъ Его Величество былъ занятъ приготовленіемъ къ войнѣ съ Турціею, а потомъ покинулъ столицу и отбылъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ 1828 г., декабря 2-го, графъ С. П. Румянцовъ для скорѣйшаго безмятежнаго перехожденія изъ состоянія рабскаго въ свободное, представлялъ Его Величеству о необходимости оказать изъ Банковъ помощь желающимъ вступить въ сіе состояніе и не оставлять безъ покровительства тѣхъ, кои въ оное собственными средствами вступили. Наступившая Турецкая война, а затѣмъ Польская отвлекли, конечно, вниманіе Его Величества отъ этой благой мысли.

Помимо этого графъ испрашивалъ въ 1832 г. Высочайшаго разрѣшенія поставить, на собственномъ его иждивеніи, памятникъ своему отцу, фельдмаршалу, среди селенія Троицкаго, переименованнаго въ Кайнарджи по приказанію Императрицы Екатерины, причемъ графъ увольнялъ крестьянъ этого селенія безмездно, на основаніи законовъ о вольныхъ земледѣльцахъ. На это также, по разсмотрѣнію дѣла въ Комитетѣ Министровъ, послѣдовало Высочайшее утвержденіе.

Нельзя не упомянуть въ заключеніе, что, будучи очень крупнымъ землевладѣльцемъ, графъ удѣлялъ не мало времени на ежегодное почти обозрѣніе своихъ владѣній, какъ это видно изъ дошедшей до насъ, не въ полномъ составѣ, переписки его съ

братомъ, графомъ Н. П. Румянцовымъ. Почти ежегодно графъ Сергѣй уѣзжалъ изъ Петербурга то на Москву и далѣе, то на Дерптъ, Ригу, Витебскъ, направляясь къ Гомелю, претерпѣвая всякія неудобства отъ ѣзды въ экипажѣ по худымъ дорогамъ и нерѣдко при ненастной погодѣ. Изъ Гомеля онъ уже посѣщалъ различныя отдѣльныя экономіи, входившія въ составъ какъ его владѣній, такъ и принадлежавшихъ его брату, которыя онъ также осматривалъ и о результатахъ осмотра сообщалъ по принадлежности. Изъ писемъ графа нельзя придти къ заключенію, что положеніе его хозяйства было удовлетворительно; въ письмахъ встрѣчаются весьма часто сѣтованія на недобросовѣстность и хищничество различныхъ управляющихъ, на частыя ихъ увольненія, на скудость доходовъ и т. д. Кромѣ того, можно усмотрѣть, что графъ С. П. Румянцовъ, какъ и его братъ, занимался усовершенствованіемъ нашего овцеводства и достигъ хорошихъ результатовъ. Къ сожалѣнію, эта переписка прекратилась съ кончиною графа Николая Петровича въ 1826 г. и въ отношеніи остальныхъ годовъ жизни графа Сергѣя остается только предположить, что онъ и послѣ 1825 года продолжалъ, по заведенному порядку, свои объѣзды по имѣніямъ, а также возмущался хищеніемъ своихъ управляющихъ. Имѣется свѣдѣніе, что въ 1830 и 1837 годахъ онъ совершалъ опять поѣздки заграницу и, посѣтивъ снова Парижъ, имѣлъ случай, восхищаясь этою очаровательною столицею, вспоминать о тѣхъ развлеченіяхъ, которыми онъ наслаждался болѣе полувѣка тому назадъ. Сынъ его пріятеля, нашего знаменитаго исторіографа, Андрей Николаевичъ Карамзинъ встрѣчался съ нимъ въ Парижѣ и сообщалъ своей матери, что былъ у графа Румянцова, говорливаго и любезнаго по обыкновенію и также по обыкновенію страннаго; запахомъ донотонной старины отъ него такъ и несетъ; онъ магнитизмъ называетъ месмеризмомъ, защищаетъ тріединство въ трагедіи, нападаетъ на романтизмъ въ противоположность классицизму, — словомъ онъ совсѣмъ окаменѣлъ (fossile tout à fait). Это была уже послѣдняя поѣздка графа заграницу.

Графъ Сергій Петровичъ Румянцовъ скончался 24-го января 1838 г. и погребенъ близъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ, принадлежавшемъ въ то время дочери его, Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой, а нынѣ князю Голицыну. Графъ Румянцовъ состоялъ съ 14-го марта 1810 г. почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ, а съ 1828 г., апрѣля 14-го, дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи. Онъ женатъ не былъ, но оставилъ послѣ себя трехъ дочерей, носившихъ фамилію Кагуловыхъ (или Кагульскихъ); онѣ всѣ вступили въ бракъ, какъ упомянуто выше. Онъ долгое время находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Наталіею Николаевною Нелединскою-Мелецкою, жилъ съ нею въ одномъ домѣ, очень къ ней привыкъ и былъ очень къ ней привязанъ.

Отзывы о графѣ Румянцовѣ весьма различны. Извѣстный іерархъ Евгеній Болховитиновъ даетъ о немъ слѣдующій суровый отзывъ: „надо имѣть крѣпкое ухо, чтобы слушать всѣ его *вздорныя разсужденія*. Это непонятливая голова“. Такъ же неблагосклонно отзываются о немъ, какъ о членѣ негласнаго Комитета 1801 г.: „Румянцовъ С. П. не опасенъ: онъ будетъ говорить *пустыя вещи* (des choses nulles) и подпишетъ все“. Напротивъ того, Лубяновскій находитъ, что онъ обладалъ умомъ необыкновенно бѣглымъ и острымъ, а также счастливою памятью, много читалъ, и мало было предметовъ, о которыхъ онъ не имѣлъ бы разнообразныхъ свѣдѣній“.—„Онъ былъ блестящій вельможа временъ Екатерины, человѣкъ отмѣннаго ума, большой образованности, любознательный по всѣмъ отраслямъ наукъ“, — вотъ отзывъ о графѣ С. П. Румянцовѣ автора Старой записной книжки. Н. М. Карамзинъ, очень расположенный къ графу, „чѣмъ болѣе узнавалъ его, тѣмъ болѣе любилъ, не говоря о почтеніи, и спрашивалъ его, не сочиняетъ ли онъ новыя планы для поэмъ и романовъ, которые не уступили бы въ занимательности произведеніямъ Вальтера Скотта, и не собирается ли издать свои остроумныя басни съ веселымъ предисловіемъ“.

Весьма сочувственный въ общемъ отзывъ даетъ о графѣ и Гёрцъ въ своихъ Запискахъ о Россіи, если исключить слова, что „графъ можетъ, *пожалуй*, забавляться услащеніемъ своихъ донесеній шутками и злословіемъ, и что лучшимъ средствомъ для избавленія графа отъ скуки было бы, если бы нашлась какая-нибудь любезная дама и покладистая любовница, къ которой онъ могъ бы воспылать страстью“.

Нельзя не упомянуть въ заключеніе, что графъ С. П. Румянцовъ находился въ самыхъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ со своимъ братомъ-канцлеромъ; они оказывали другъ другу самую искреннюю заботливость и постоянное вниманіе, какъ это видно изъ ихъ переписки. Слѣдуя примѣру своего брата, графъ Сергѣй Петровичъ также очень интересовался отечественною исторіею, читалъ много изслѣдованій, до нея относящихся, и не разъ писалъ объ этомъ своему брату. Онъ состоялъ также членомъ литературнаго общества Арзамасъ (см. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 93). Къ своему отцу, фельдмаршалу, графъ Сергій Петровичъ былъ преисполненъ сыновней любви и привязанности, близко принималъ къ сердцу малѣйшее его неудовольствіе къ нему, заботился постоянно о снисканіи его благорасположенія, а также объ увѣковѣченіи и распространеніи громкой его извѣстности. Онъ заказывалъ то бюстъ отца скульптору Мюнстеру, въ 1799 г., то картину въ 8.000 р. художнику Квадалю, изображавшую смотръ войскъ Императоромъ Павломъ и фельдмаршаломъ Румянцовымъ. Потомство послѣдняго прекратилось совершенно съ кончиною графа Сергѣя Петровича Румянцова.

Формулярный списокъ о службѣ графа С. П. Румянцова въ Государственномъ Архивѣ; Россійская родословная книга, князя Лобанова-Ростовскаго, т. II, стр. 188; Князь П. В. Долгоруковъ, Родосл. книга; В. В. Руммель, Родословный Сборникъ, т. II; Камеръ-Фурьерскій Журналъ (по Алфавитнымъ Указателямъ); Полное Собраніе Законовъ: *первое* — т. XXVI, стр. 656; XXVII, стр. 462; XXX, стр. 744; *второе*: т. IV, стр. 325, VIII, стр. 499; X, стр. 59; XXI, стр. 551; XXXVI, стр. 777; XXXIX, стр. 416; Сборникъ Имп. Русскаго Ист. Общ., томы: V, IX—XI вкл., XVII, XXX, XL, LVIII, LXIV, LXI, LXIX, LXXVIII, LXXIX, CXXV; „Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. въ Москвѣ“, 1860, кн. I и IV; „Русскій Архивъ“, годы: 1863, 1868—1870, 1872, 1876, 1878, 1879, 1881 и 1882; „Русская Старина“, томы: V, IX, XI, XXX, XXXII, LXI, LXXII, LXXXV—LXXXVI, LXXXVIII, CXXV; Архивъ Мин. Имп. Двора въ Петербургѣ, оп. 36/1629, д. № 125, 135, 144, 148 и 152; Архивъ графовъ Мордвиновыхъ, т. III, стр. 31, 225; т. VII, стр. 447; Архивъ князя Куракина, т. 6—9 включит.; Архивъ князя Воронцова, т. 8, 10, 12—15 вкл., 17, 18, 20, 24, 27, 29, 30, 32; А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. III, стр. 151; т. V, стр. 80, 194, 219; Архивъ Государственный въ *Петербургѣ*, разр. XI, № 116, кр. 208; XV, № 41; р. XVI, № 13, р. XVII, б. 28, 86, 200, 204; въ *Москвѣ*: Берлинъ, III, Картоны № 18—22 вкл. и Швеція—Картоны 78, 79 и 80.— Архивъ Министерства Удѣловъ: дѣла, Высочайшія повелѣнія, а также въ связкахъ; Письма графини Ек. М. Румянцовой-Задунайской, изданныя графомъ Д. А. Толстымъ; дополненіе къ тѣмъ же письмамъ— въ Имп. Публичной Библіотекѣ, въ Рукоп. Отд., по отчету за 1888 г., № 1; Письма графа Серг. Петр. Румянцова къ его отцу фельдмаршалу — въ Имп. Публ. Библіотекѣ, въ Рукописн. Отдѣлѣ, въ собраніи бумагъ Дивова; „Памятники Русской Исторіи“; Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вѣка, Москва, изд. Клочкова, стр. 165—169; Списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ 1725—1907, составилъ Б. Л. Модзалевскій, С.-Пб. 1908, стр. 84 и 344; Исторія л.-гв. Коннаго полка, Н. П. Анненкова; Историческій очеркъ: „Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, къ столѣтію его существованія“; Государственный Совѣтъ за сто лѣтъ, 1801—1901, изданіе Государственной Канцеляріи, приложен.; Исторія Удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія, 1797—1897 года, т. II, стр. 43 б.; т. III, прилож.; Графъ П. А. Строгоновъ, соч. Великаго Князя Николая Михаиловича, т. II, стр. 137, 149; Письма Н. Н. Новосильцова къ Румянцову въ Имп. Публичной Библіотекѣ, Рукоп. Отдѣленіе, п. 1802 г., ноября 11 и декабря 11 и 12; Сочиненія Державина, изд. Гротомъ, т. VI, стр. 812, т. VIII, стр. 799, 822; В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Александра I; Отечественная война и Русское Общество въ 1812 году, т. II, стр. 152 и слѣд.; Столѣтіе Военнаго Министерства, т. XIII, ч. I, прил., стр. 48, 53, 61—63, 65; Собесѣдникъ Любителей Русскаго Слова, 1783 г., т. III и IV; „Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія“ 1846 г., т. LI, іюль, стр. 4—15 (Уставъ Рум. Музея 1846 года); А. С. Трачевскій, Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II, С.-Петербургъ. 1877, стр. 379—390, 405 и слѣд.; Записки графа Комаровскаго, въ изданіи: XVIII вѣкъ, стр. 354; „Старина и Новизна“, т. I, IV, V и XVII; Вѣстникъ Общества ревнителей исторіи, выпускъ I, стр. 21 („Изъ записокъ о Россіи графа фонъ-Герца“, Прусскаго посланника при дворѣ Екатерины II); Арх. Правит. Сената, Книги Высоч. повелѣній, № 184, стр. 54; № 232, стр. 358; № 236, стр. 134 и 135; А. Е. Викторовъ, Передача Румянцовскаго Музеума въ вѣдомство Мин. Народн. Просвѣщенія — въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Румянцовскаго Музеума. Выпускъ I, Москва. 1882, стр. 135 и слѣд.

П. Майковъ.

Рунебергъ, *Вальтеръ*, академикъ Императорской Академіи Художествъ по скульптурѣ. Родомъ финнъ, родился въ 1838 году; образованіе получилъ за границею и въ 1874 году былъ признанъ академикомъ скульптуры за статую изъ мрамора „Спящій Амуръ“ и группу изъ гипса „Психея и Купидонъ“; этими своими группами онъ экспонировалъ на Вѣнской Всемірной Выставкѣ 1873 года въ Русскомъ отдѣлѣ изящныхъ искусствъ; на Всемірной Парижской Выставкѣ 1877 года Рунебергъ заслужилъ „почетную похвалу“ выставленными имъ работами: „Психея съ Юпите-

ровымъ орломъ", „Психея съ лампою", „Психея, уносимая зефирами", — всѣ статуи изъ мрамора. Кромѣ того, извѣстны еще слѣдующія работы Рунеберга: „Аполлонъ и Мерласъ" (мраморъ), бюстъ профессора Норденшильда (мраморъ), высѣченный послѣ возвращенія Норденшильда изъ его полярнаго путешествія, и „мраморный надгробный памятникъ съ барельефомъ, представляющимъ ангела мира (памятникъ находится на кладбищѣ въ Римѣ). Будучи выбранъ академикомъ въ Императорскую Академію Художествъ, Рунебергъ благодарилъ послѣднюю короткимъ письмомъ, которымъ, кажется, и ограничилось участіе Рунеберга въ дѣлахъ Академіи Художествъ. Въ 1877 году онъ былъ выбранъ членомъ Стокгольмской Академіи Художествъ. Уже судя по названнымъ его произведеніямъ, Рунеберга можно считать представителемъ классицизма или, вѣрнѣе, лжеклассицизма въ скульптурѣ. По своимъ произведеніямъ Рунебергъ родственъ другому скульптору его времени—Залеману. Рѣзецъ его былъ твердъ и силенъ.

С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ, т. II, стр. 279; Отчеты Императорской Академіи Художествъ за 1873—74 г., стр. 13, 83, за 1877—78 г., стр. 53, 64, 65, 66; Архивъ Академіи Художествъ.

П. С—кій.

Руничъ, *Аркадій Павловичъ*, правитель Канцеляріи у графа Ѳ. В. Ростопчина; сынъ сенатора П. С. Рунича (см. ниже); род. въ 1785 г., въ службѣ числился уже съ ноября 1786 г. капенармусомъ л.-гв. Семеновскаго полка, 7-го января 1789 г. произведенъ былъ въ сержанты, а въ 1796 г., за реформою, остался въ томъ же чинѣ; затѣмъ, по именному указу 22-го мая 1802 г. Р. произведенъ былъ въ губернскіе секретари и опредѣленъ въ Канцелярію Вятскаго гражданскаго губернатора (своего отца), 5-го мая 1805 г. перешелъ въ штатъ Московскаго Почтамта и въ февралѣ 1806 г. пожалованъ чиномъ титулярнаго совѣтника. Затѣмъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, въ томъ же году прикомандированъ былъ, для исправленія дѣлъ, къ своему отцу, тайн. сов. сенатору Руничу, по случаю ревизіи симъ послѣднимъ разныхъ губерній, и за труды по этой должности награжденъ былъ, 29-го іюля 1807 г., чиномъ коллежскаго ассесора. 7-го февраля 1808 г. пожалованный бриллiантовымъ перстнемъ, Р. 31-го декабря 1809 г. опредѣленъ былъ правителемъ Канцеляріи главнокомандующаго въ Москвѣ, генерала-фельдмаршала графа Гудовича, 7-го сентября 1810 г. получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст., 5-го января 1812 г. произведенъ въ надворные совѣтники, а 17-го іюля того же года, за ревностное исполненіе должности правителя канцеляріи при Главнокомандующемъ въ Москвѣ графѣ Ростопчинѣ, пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 2-го класса. 1-го іюня 1813 г. Р. произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники, а 1-го августа 1815 г. уволенъ отъ должности, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Проведя 6 лѣтъ въ отставкѣ, онъ вновь вступилъ въ службу и, по Высочайшему повелѣнію отъ 16-го октября 1821 г., былъ опредѣленъ совѣтникомъ въ Коммисію сооруженія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя; въ 1824 г., съ другими членами Комиссіи, онъ былъ отданъ подъ судъ, причемъ въ 1828 г. на имѣніе его, какъ и другихъ членовъ, былъ наложенъ секвестръ; Р. былъ живъ въ 1841 году; время смерти его неизвѣстно; погребенъ онъ на Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

Формулярный списокъ въ Сенатскомъ Архивѣ; Дневникъ П. М Снегирева, т. I, стр. 299; „Русск. Стар." 1876 г., т. XVII, стр. 117, 122, 268—71. Московскій Некрополь, т. III.

Руничъ, *Дмитрій Павловичъ*, Попечитель Петербургскаго Учебнаго Округа; род. 19-го декабря 1778 г. и былъ сыномъ сенатора Павла Степановича Рунича и внукомъ выходца изъ Угорской Руси (Венгріи), поселившагося въ Россіи въ царствованіе Елисаветы Петровны; извѣстенъ, какъ одинъ изъ главныхъ возбудителей и дѣятелей возмутительнаго суда надъ нѣсколькими профессорами Петербургскаго Университета, обвинявшимися въ 1821 г. въ религіозномъ и политическомъ „вольнодумствѣ". Развитіе и измѣненіе воззрѣній Рунича, его литературные труды, сношенія съ видными масонами и служебная дѣятельность еще ждутъ подведенія итоговъ. Опытомъ этого подведенія и является настоящій біографическій очеркъ.

Р., будучи еще въ колыбели, былъ записанъ въ сержанты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка (1780); въ дѣйствительности же поступилъ въ военную службу 18-ти лѣтъ, въ 1797 г., въ началѣ цар-

ствованія Павла, будучи выпущенъ прапорщикомъ въ армейскіе полки. Въ томъ же году, 4-го февраля, онъ опредѣленъ былъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчикомъ, бывъ причисленъ къ Канцеляріи любимца Императора—вице-канцлера князя Куракина—и во время коронаціи Императора Павла находился въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Двора въ Петербургъ, Р. получилъ назначеніе (1-го мая 1797 г.) на должность секретаря-переводчика при Вѣнскомъ посольствѣ и пріѣхалъ въ Вѣну во время заключенія Кампо-Формійскаго мирнаго договора, а 25-го сентября 1798 г. былъ уже отчисленъ отъ посольства и „возвращенъ въ Коллегію", причемъ пожалованъ въ коллежскіе ассесоры. Въ 1799 г., при извѣстіи о первой побѣдѣ Суворова надъ французскими революціонными войсками въ Италіи, при Требіи, Р. находился въ Берлинѣ, откуда графъ Н. И. Панинъ, Русскій посланникъ при Прусскомъ Дворѣ, отправилъ его съ депешей, сообщавшей объ этомъ событіи Императору Павлу. Сравненіе столицъ двухъ главныхъ германскихъ государствъ, сдѣланное Р. въ его „Запискахъ", весьма кратко и образно: „Берлинъ послѣ Вѣны дѣлалъ впечатлѣніе облачнаго неба послѣ прекраснаго восхода солнца!" Р. пріѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ іюня 1800 г. и представился, какъ курьеръ, привезшій депеши, вице-канцлеру графу В. П. Кочубею.

Въ томъ же 1800 г. онъ былъ причисленъ (7-го іюля) къ штату своего отца, въ то время Владимірскаго гражданскаго губернатора, съ пожалованіемъ въ надворные совѣтники. По всему вѣроятію, къ этой порѣ относится воспоминаніе Р., мучительно-живо возставшее передъ нимъ въ одну изъ безсонныхъ ночей 1854 года: „Мнѣ не спалось,—говорилъ Р. пришедшему навѣстить его Д. Н. Родіонову,—и вдругъ воскресло передо мною давно былое время моей юности. Я видѣлъ себя въ Москвѣ, въ томъ обществѣ, которое слыло самымъ образованнымъ, потому что наизусть знало Вольтера, Дидерота и Руссо; но не знало преградъ въ удовлетвореніи своихъ хотѣній, среди роскоши и распутства. У князя N. послѣ обѣда барыни ушли на свою половину, а мужчины отправились въ диванную. Намъ подали халаты, мы одѣли колпаки и на турецкихъ подушкахъ, въ комнатѣ, освѣщенной пламенемъ отъ горѣвшей жженки, пѣли богохульныя пѣсни. Серебряная миска была неисчерпаемая, а гости становились все безпутнѣе и безпутнѣе. Пѣсни, крики, говоръ, плескъ вокругъ сиреватаго огня: все кружилось при хохотѣ и пѣсняхъ этихъ ужасныхъ!.. И вотъ, все это воскресло предо мной въ ночной тиши, и черезъ болѣе полустолѣтія повторялъ я слова давно забытой той страшной пѣсни, и ни отъ словъ, ни отъ напѣва не могъ я отдѣлаться!.. Такъ вотъ, теперь понялъ я тѣ муки, которыя души отшедшихъ претерпѣвать будутъ въ загробной жизни: имъ вспомнится до мельчайшей черты ихъ дѣяній дурныхъ, и это неотвязчивое воспоминаніе, при уразумѣніи ихъ нравственной нищеты и зла, которое отъ этого послѣдовало, и составитъ тяжесть загробной кары!.." Приводимъ это воспоминаніе Р., такъ какъ оно уясняетъ ту внутреннюю борьбу, которую пришлось ему пережить и которая привела его впослѣдствіи къ другой крайности. Религіозный мистицизмъ, въ соединеніи съ внѣшней православной обрядностью, и преклоненіе передъ власть имущими — вотъ тѣ отличительныя черты міросозерцанія Р., которыя создали ему печальную извѣстность.—16-го марта 1802 г. Р. былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и назначенъ состоять при своемъ отцѣ, переведенномъ губернаторомъ въ Вятку, гдѣ исполнялъ особыя порученія (напр., по приведенію въ повиновеніе крестьянъ коммерціи совѣтника Губина), и 8-го сентября 1802 г. пожалованъ былъ орденомъ Анны 2-й степени; съ назначеніемъ отца его сенаторомъ, Р. былъ оставленъ при немъ, а 28-го іюня 1805 г. былъ назначенъ Помощникомъ Московскаго Почтъ-Директора. Въ концѣ 1806 года (28-го сентября) онъ женился на Екатеринѣ Ивановнѣ Ефимовичъ (дочери помѣщика Малоярославецкаго уѣзда Орловской губерніи Ивана Николаевича Ефимовича) и по женѣ попалъ въ родство съ Нарышкиными и съ гр. Н. И. Салтыковымъ, воспитателемъ Александра I; 31-го августа 1807 г. пожалованный въ статскіе совѣтники, онъ 8-го сентября 1811 г. награжденъ былъ орденомъ Владиміра 4-й степени.

Въ 1812 г., послѣ ареста и высылки изъ Москвы графомъ Ростопчинымъ Московскаго Почтъ-Директора Ѳ. П. Ключарева, (несмотря на благоволеніе къ нему Императора), Р. былъ назначенъ на его мѣсто

(10-го августа). Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября Р. выѣхалъ изъ Москвы во Владиміръ, при чемъ по его распоряженію было спасено казенныхъ и частныхъ капиталовъ на 5.000.000 рублей. Не успѣлъ еще Р., по пріѣздѣ во Владиміръ, выработать планъ для упорядоченія почтоваго сообщенія, какъ получилъ отъ графа Ростопчина увѣдомленіе, что Главнокомандующій арміей князь Кутузовъ требуетъ отправить всѣ присутственныя мѣста изъ Владиміра въ Нижній Новгородъ. Прибывъ въ Нижній, Р. долженъ былъ создать новую почтовую линію для сношеній Москвы съ Сибирью, Графъ Ростопчинъ, очевидно, не долюбливалъ какъ Д. П. Рунича, такъ и его отца, сенатора Павла Степановича. Въ такое тяжелое время, каковъ былъ конецъ августа 1812 г., Ростопчинъ писалъ изъ Москвы Государю: „Нѣтъ больше времени заниматься отдѣльными лицами, но если вамъ придется спокойно царствовать, помните, Государь, что вы можете положиться на Нелединскаго, Нарышкина и Кушникова, но никогда на (И. В.) Лопухина и Рунича (сенатора): ибо это ваши враги". — 18-го ноября 1812 г. Ростопчинъ между прочимъ писалъ Александру I: „Находясь въ Нижнемъ, графъ Панинъ намекалъ, будто вы приказали сдать Москву. Другой господинъ, начавшій давать волю языку своему, есть сынъ сенатора Рунича, который замѣстилъ на почтѣ Ключарева". Несмотря, однако, на такого рода нападки со стороны Ростопчина, Р., по возвращеніи въ Москву, продолжалъ занимать мѣсто Почтъ-Директора. Къ этому времени (1813 г.) относится пріѣздъ въ Москву художника А. Л. Витберга, приглашеннаго графомъ Ростопчинымъ, чтобы рисовать виньетки и картины для предположеннаго имъ описанія патріотическихъ подвиговъ войны 1812 г. Съ благодарностью воспользовавшись гостепріимствомъ Рунича, Витбергъ прожилъ у него въ мезонинѣ два года; бесѣды и „исканія" Рунича, какъ видно, не остались безъ вліянія на Витберга. Одна изъ прогулокъ Витберга по Кремлю съ Руничемъ и какимъ-то ихъ общимъ знакомымъ рѣшающимъ образомъ опредѣлила дальнѣйшую судьбу Витберга. Разговоръ зашелъ о выборѣ мѣста для храма Христа Спасителя, задуманнаго Императоромъ, въ качествѣ памятника побѣды надъ Наполеономъ I. „Одушевленный моей идеею—пишетъ Витбергъ въ своихъ „Запискахъ",—я распространился о мысляхъ моихъ насчетъ храма, и Руничъ, одаренный горячею душою, просилъ меня убѣдительно, неотступно, для него хотя въ альбомъ набросать главный очеркъ моихъ идей храма. Я отвѣчалъ, что легко было говорить мнѣ, чувствуя это; но, не зная архитектуры, мудрено мнѣ было бы исполнить его просьбу". Вскорѣ послѣ того Витбергъ принялся за изученіе архитектуры и полгода спустя показалъ Руничу довольно удовлетворительный эскизъ храма.

Ко времени службы Р. въ Москвѣ относится переписка съ нимъ извѣстныхъ масоновъ: Н. И. Новикова (сохранились письма 1806—1817 гг.) и И. В. Лопухина (съ декабря 1812 до половины 1815 г.). Изъ этой переписки мы узнаемъ о новомъ поворотѣ въ воззрѣніяхъ Р.: онъ сталъ мистикомъ, не раздѣляя идей масоновъ, и эти воззрѣнія высказывалъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій. Новиковъ жилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, с. Тихвинскомъ; Лопухинъ—сначала въ подмосковной, а затѣмъ въ имѣніи Орловской губерніи—селѣ Воскресенскомъ. Р. былъ знакомъ съ масонами еще въ бытность свою въ Австріи, но по собственному признанію, ни за границей, ни въ Россіи не состоялъ дѣйствительнымъ членомъ какой бы то ни было масонской ложи. Изъ отвѣта Новикова на письмо Р. отъ 1808 г. видно, что Р. высказалъ намѣреніе не сближаться въ Москвѣ ни съ кѣмъ изъ масоновъ. Новиковъ одобрительно къ этому отнесся и приглашалъ его погостить въ Тихвинскомъ, чтобы получить такимъ способомъ возможность руководить имъ письменно. Польза отъ переписки бываетъ, по мнѣнію Новикова, лишь тогда, когда „водитель ведомаго брата поставитъ на прямой путь, узнаетъ всю нравственность его, поправитъ понятія его о вещахъ, направитъ и устремитъ его къ истинной цѣли, положитъ основаніе и выучитъ азбуку". Повидимому, Р. дѣлился впослѣдствіи съ Новиковымъ своими горестями, сообщалъ ему о разныхъ неудачахъ и притѣсненіяхъ по службѣ, такъ какъ Новиковъ приводилъ изъ Св. Писанія примѣры долготерпѣнія и утѣшалъ его тѣмъ, что „не возложится на насъ тяготы больше, нежели сможется понести". Изъ писемъ Новикова узнаемъ, что Р. исполнялъ его порученія, начиная отъ покупки сѣмянъ, разныхъ

лекарствъ, черносливу и т. д. и кончая продажей отхожей пустоши крестьянину графа Бобринскаго и хлопотами по внесенію въ Опекунскій Совѣтъ денегъ за имѣніе Новикова.—Письма Лопухина наглядно знакомятъ насъ съ умственными и общественно-политическими интересами какъ Лопухина, такъ и Р., бывшихъ въ то время членами Библейскаго Общества. Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Разумовскій преслѣдовалъ Библейскія Общества,—и мистическія и теософскія книги, выходившія изъ-подъ пера Р., запрещались и изымались изъ продажи, о чемъ глубоко скорбѣлъ Лопухинъ. Въ письмахъ къ Р. Лопухинъ подробно сообщалъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ и издаваемыхъ имъ мистическихъ книгахъ, которыя, печатаясь въ провинціальной типографіи въ Орлѣ, избѣгли участи сочиненій Рунича, и о кружкѣ тогдашнихъ мистиковъ, къ которому принадлежали: самъ Лопухинъ, Павелъ Степановичъ Руничъ и его сыновья Дмитрій и Аркадій, ветеранъ Московскихъ мистиковъ Ник. Ив. Новиковъ, А. И. Тарскинъ, С. И. Гамалѣя, И. И. Маклаковъ и профессора Московскаго Университета Х. А. Чеботаревъ и М. Я. Мудровъ. Преобладающимъ мотивомъ въ письмахъ Лопухина являются: восторгъ отъ личности Александра Благословеннаго, доходившій до обожанія, и ненависть къ Наполеону.

11-го февраля 1816 г. Р., произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ уволенъ отъ должности, съ причисленіемъ къ Почтовому Департаменту и съ производствомъ ему жалованья по званію помощника Московскаго Почтъ-Директора. Не удѣлъ Р. пробылъ до 8-го марта 1819 г., когда былъ назначенъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ. Тогда Главный Педагогическій Институтъ въ Петербургѣ былъ переименованъ въ Петербургскій Университетъ. Къ 1820-му году относится интересное письмо Р. къ издателямъ „Русскаго Инвалида“ по поводу статьи о лордѣ Байронѣ, переведенной изъ Парижскаго журнала „Conservateur“. Изъ этого письма ясно видно, въ какой мѣрѣ онъ уже въ то время вступилъ на путь совершеннѣйшаго обскурантизма и фарисейски считалъ благомъ для русскаго общества отстраненіе отъ него чужеземнаго вліянія и всѣхъ просвѣтительныхъ идей даже въ газетныхъ статьяхъ. Р. не желалъ признавать въ Байронѣ геніальнаго поэта, называлъ его „англійскимъ безбожникомъ-стихотворцемъ“, который даже по мнѣнію французскаго автора переведенной статьи имѣетъ мрачную и свирѣпую душу и изуродованный самолюбіемъ разумъ, воспламененные и освѣщенные адскимъ огнемъ! Р. считалъ совершенно излишнимъ помѣщать въ русскихъ газетахъ свѣдѣнія, что „въ Англіи, или Америкѣ, или Австріи есть чудовища, въ ожесточенномъ невѣріи сплетающія нелѣпыя системы и поэмы, цѣлію коихъ есть то, чтобъ представить преступленіе страстію и необходимою потребностію великихъ душъ“. Особенно вредно, по мнѣнію Р., печатать статьи, прославляющія Байрона, именно въ „Русскомъ Инвалидѣ“, такъ какъ эту газету читаютъ въ Россіи много тысячъ людей всякаго возраста и состянія. „Кто заразится бреднями Байрона,—восклицаетъ Р.,—такой погибъ навѣки!.. Кого публично похвалами превозносятъ, тому и подражать хочется, кто слыветъ геніемъ,—на того и походить всякъ желаетъ“. На предполагаемыя возраженія со стороны издателей-редакторовъ „Русскаго Инвалида“, что „хвалится только геній и поэзія Байрона, а философія его осуждается и представляется такою, какая есть“, Р. заходилъ такъ далеко, что сравнивалъ поэзію Байрона съ „искусствомъ убійцы, который проворно и ловко рѣжетъ и убиваетъ людей“. Въ поясненіе этого Р. писалъ: „Стихотворческій духъ его показываетъ, говорятъ, истиннаго поэта,—высокое достоинство, не спорю, но стихотворенія его исполнены смертоноснаго яда, такой философіи, которую изрыгаетъ только адъ!“ Р. заканчиваетъ свое письмо заявленіемъ, что „Русскому Инвалиду“ свойственно „возвѣщать согражданамъ своимъ, храбрымъ воинамъ и мирнымъ гражданамъ, торжество вѣры надъ невѣріемъ, великодушія надъ злобою, безкорыстія надъ алчностью, добродѣтели надъ порокомъ. Вотъ предметы, достойные вниманія русскихъ! Что имъ нужды до романической чувствительности и нѣжности французскихъ трубадуровъ, мрачной поэзіи англичанъ и человѣконенавистнической философіи нѣмцевъ! Мы имѣемъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка. Будемъ держаться сего свѣта, не обращая и вниманія нашего на чадные факелы лжеименнаго разума, какой бы онъ ни былъ:

англійскій, французскій, греческій или санскритскій".

Тѣ же воззрѣнія Р. очень остроумно и зло изображены А. Ѳ. Воейковымъ въ его знаменитой сатирѣ „Домъ Сумасшедшихъ":

Други, признаюсь: изъ кельи,
Уши я зажавъ, бѣжалъ...
Рядомъ съ ней, на новосельи,
Руничъ бѣгло бормоталъ:
„Вижу бѣсовъ предъ собою;
Отъ ученья сгибнулъ свѣтъ...
Этой тьмѣ Невтонъ виною
И безбожникъ Боссюэтъ!
Локкъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
Гельвертъ сердце обольстилъ;
Кантомъ бредятъ даже дѣти,
Дрекслеръ нравы развратилъ!"

Первая русская книга, присланная на просмотръ Р. послѣ назначенія его членомъ Ученаго Комитета, была „Естественное право" профессора Царскосельскаго Лицея Куницына. По этой книгѣ Куницынъ преподавалъ въ Лицеѣ и въ Петербургскомъ Университетѣ естественное право и спрашивалъ, черезъ Директора Лицея Энгельгардта, дозволенія Министра посвятить свою книгу Императору. Согласно съ мнѣніемъ Р., Главное Правленіе Училищъ нашло книгу о „Естественномъ правѣ" „противорѣчащею явно истинамъ Христіанства и клонящеюся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ", вслѣдствіе чего Куницынъ былъ уволенъ, въ мартѣ 1821 г., отъ преподаванія какъ въ Лицеѣ, такъ и въ Университетѣ. 7-го мая 1821 г. на мѣсто С. С. Уварова, получившаго отставку согласно собственному желанію, Р. былъ назначенъ исправляющимъ должность Попечителя Петербургскаго Университета и Учебнаго Округа.

Въ концѣ того же 1821 г. произошелъ печальный въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія эпизодъ — судъ надъ профессорами Петербургскаго Университета: Германомъ, Раупахомъ, Галичемъ и Арсеньевымъ. Съ этой исторіей особенно тѣсно связана въ общемъ представленіи, какъ сказано о томъ выше, личность Р. Дѣйствовалъ Р. подъ вліяніемъ своихъ единомышленниковъ— Попечителя Казанскаго Университета и Учебнаго Округа Магницкаго, жившаго тогда въ Петербургѣ, и Министра Народнаго Просвѣщенія князя А. Н. Голицына. Подозрѣвая, что между профессорами Петербургскаго Университета находятся лица, преподаваніе которыхъ вмѣсто пользы приноситъ вредъ юношеству, Р. поручилъ Директору Петербургскаго Университета и состоявшаго при немъ Благороднаго Пансіона Д. А. Кавелину взять тайно у нѣкоторыхъ студентовъ Университета и воспитанниковъ Благороднаго Пансіона тетрадки съ записями лекцій заподозрѣнныхъ профессоровъ. Студенческія тетради были препровождены въ Главное Правленіе Училищъ, откуда ректору Петербургскаго Университета А. М. Балугьянскому было дано знать, что „Главное Правленіе Училищъ, разсмотрѣвъ тетради студентовъ здѣшняго университета по Отдѣленію философскихъ и историческихъ наукъ, нашло лекціи профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и адъюнктъ-профессора Арсеньева составляющими обдуманную систему невѣрія и правилъ зловредныхъ и разрушительныхъ въ отношеніи къ нравственности, образу мыслей и духу учащихся и къ благосостоянію всеобщему...", а потому опредѣлило прекратить лекціи вышеупомянутыхъ профессоровъ.

3-го, 4-го и 7-го ноября 1821 г. состоялись засѣданія Конференціи и Правленія Петербургскаго Университета, подъ предсѣдательствомъ Р. и въ присутствіи Кавелина. По Высочайшему повелѣнію профессоръ Балугьянскій былъ уволенъ отъ должности Ректора, и, согласно предложенію Министра Народнаго Просвѣщенія, временное исправленіе этой должности поручено заслуженному профессору Зябловскому. Первымъ изъ обвиненныхъ былъ приглашенъ въ засѣданіе Конференціи профессоръ статистики Германъ. Р. прочелъ ему вопросные пункты, касавшіеся до его обвиненія, а Кавелинъ—выписки изъ студенческихъ тетрадей. Несмотря на усиленныя просьбы Германа дозволить ему написать отвѣты дома, его заставили исполнить это немедленно, но, по представленію нѣкоторыхъ профессоровъ, разрѣшили писать въ особой комнатѣ, подъ надзоромъ профессора Плисова. Призванный затѣмъ въ Присутствіе Раупахъ и словесно, и письменно заявилъ о невозможности дать удовлетворительные отвѣты на предлагаемые ему вопросы, если ему не будутъ возвращены собственныя его тетради, а для сличенія и удостовѣренія — та студенческая тетрадь, по которой сдѣланы выписки. Какъ только Раупахъ, отдавъ свой письменный отвѣтъ, вышелъ изъ Присутствія въ сопро-

вожденіи экзекутора, Р. сталъ называть его „бунтовщикомъ, возмутителемъ, иллюминатомъ, государственнымъ измѣнникомъ". Въ это время Плисовъ принесъ письменные отвѣты Германа, заканчивавшіеся просьбой передать на разсмотрѣніе знатоковъ политическихъ наукъ тѣ отмѣченныя въ студенческихъ тетрадяхъ выраженія, которыя онъ признаетъ своими. Р. распорядился призвать въ Присутствіе Германа и съ неудовольствіемъ заявилъ ему, что его отвѣты можно было бы признать достаточными, если бы не противозаконное требованіе „révision par des juges compétents" (суда компетентныхъ лицъ), который нельзя допустить, такъ какъ, слѣдовательно, ни его, ни Главное Правленіе Училищъ Германъ не считаетъ „компетентными судьями".

На другой день, 4-го ноября, состоялось засѣданіе для разсмотрѣнія дѣла Галича и Арсеньева. Упрекая Галича за то, что онъ въ своей книгѣ „Исторія философскихъ системъ" не опровергаетъ эти системы, Р. уподобилъ его книгу „тлетворному яду или заряженнымъ пистолетамъ, положеннымъ среди играющихъ дѣтей либо дикихъ, не знающихъ употребленія огнестрѣльнаго оружія", и торжественно произнесъ: „Я самъ, если бы не былъ истиннымъ христіаниномъ и если бы благодать свыше меня не осѣняла, я самъ не отвѣчаю за свое поползновеніе при чтеніи книги Галича". Когда Галичъ былъ призванъ въ Присутствіе, Р. обратился къ нему съ длиннымъ увѣщаніемъ, выставляя на видъ, что онъ русскій, и осыпая бранью всѣхъ иностранцевъ, живущихъ въ Россіи. Между прочимъ Р. позволилъ себѣ сказать слѣдующее: „Вы явно предпочитаете язычество Христіанству, распутную философію—дѣвственной невѣстѣ, Христовой церкви, безбожнаго Канта—самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому". По уходѣ Галича въ особую комнату съ адъюнктомъ Роговымъ, въ Присутствіе вошелъ Арсеньевъ. Р. обратился къ нему сначала тоже съ увѣщаніями, а затѣмъ, какъ сказано въ „Запискѣ" профессора Плисова,—„съ большимъ ожесточеніемъ устремился на него съ ругательствами и злословіемъ". На заявленіе Арсеньева, что онъ преподавалъ теорію статистики по печатной книгѣ профессора Германа, изданной въ 1807 г. отъ Главнаго Правленія Училищъ и одобренной Правительствомъ,—Р. рѣзко сказалъ: „Это не послужитъ вамъ въ оправданіе, что книга напечатана и одобрена отъ Правительства; тогда было время, а теперь другое!" При этомъ Р. добавилъ, что по порученію Главнаго Правленія Училищъ Ученый Комитетъ началъ разсматривать прежде изданныя и одобренныя книги и усмотрѣлъ 18 разныхъ сочиненій, изданныхъ и одобренныхъ *прежнимъ* Главнымъ Правленіемъ Училищъ, предосудительными, развратными и т. д., вслѣдствіе чего эти сочиненія будутъ осуждены на истребленіе. Въ то время, какъ Арсеньевъ былъ отпущенъ въ особую комнату для составленія письменныхъ отвѣтовъ на вопросные пункты, адъюнктъ Роговъ принесъ письменный отвѣтъ Галича. Отвѣтъ этотъ, по своей краткости и неожиданности, долженъ быть приведенъ цѣликомъ: „Сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть, предложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія". Р. зарыдалъ, по прочтеніи отвѣта Галича, велѣлъ призвать его въ Присутствіе, бросился обнимать его и называлъ „блуждающею овцою, оглашеннымъ, обращеннымъ, просвѣтившимся". Восторгъ Р. и Кавелина выражался бурно и вызвалъ недоумѣніе во многихъ членахъ собранія. Желая увѣрить всѣхъ присутствующихъ въ искренности „обращенія" Галича, Р. предложилъ ему издать вновь „Исторію системъ философскихъ" и „въ предисловіи къ оной торжественно описать свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лженменномъ разумѣ основаннаго". Молчаніе Галича заставило его задуматься, а затѣмъ онъ съ новой силой сталъ доказывать, что Галичъ заслужилъ прощеніе, которое онъ и выхлопочетъ непремѣнно у Министра. По уходѣ Галича вошелъ Арсеньевъ. Его письменные отвѣты вызвали со стороны Рунича и Кавелина „прежнія ругательства"; кромѣ того, Р. дозволилъ себѣ не только смѣяться, но просто хохотать надъ требованіемъ Арсеньева предоставить ему законныя средства для оправданія отъ взводимыхъ на него обвиненій.

7-го ноября 1821 г. были прочитаны протоколы двухъ предшествовавшихъ собраній; засѣданіе крайне затянулось (оно закончилось уже въ 4 часа по-полуночи) вслѣдствіе разглагольствованій Рунича и пререканій, возникшихъ изъ-за неправильныхъ записей,

допущенныхъ въ протоколахъ. Р. зашелъ такъ далеко, что находилъ нужнымъ „подсудимыхъ профессоровъ привесть съ жандармами, поставить въ собраніи аналой и заставить ихъ, при обнаженныхъ саблях, „писать отвѣты такъ, какъ то дѣлается въ Уголовной Палатѣ, или даже прямо отослать ихъ въ Уголовную Палату".

Вслѣдствіе донесенія Рунича Главное Правленіе Училищъ постановило: 1, печатные курсы всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ профессоровъ изъять изъ обращенія и 2, такъ какъ Раупахъ, Германъ и Арсеньевъ требовали суда надъ собою „компетентныхъ" лицъ, то предать ихъ суду уголовнымъ порядкомъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія князь Голицынъ внесъ все дѣло о профессорахъ въ Комитетъ Министровъ, при чемъ полагалъ: Германа и Раупаха выслать изъ Россіи; Галича оставить при Университетѣ, но въ другой должности; Арсеньеву запретить преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ какого бы то ни было вѣдомства, предоставивъ другой родъ службы; Рунича утвердить *Попечителемъ и наградить за открытіе* (подлинное выраженіе князя Голицына). Комитетъ Министровъ единогласно призналъ вреднымъ ученіе четырехъ обвиняемыхъ профессоровъ (на основаніи выписокъ изъ ихъ лекцій), но относительно самихъ профессоровъ были высказаны различныя мнѣнія. Что касается утвержденія Рунича Попечителемъ, Комитетъ допускалъ это отнюдь не въ видѣ награды, потому что Р., открывши въ Университетѣ вредное ученіе, исполнилъ только свою обязанность. Была избрана особая комиссія изъ трехъ членовъ Комитета Министровъ для разсмотрѣнія этого дѣла. Собиралась ли комиссія,—неизвѣстно; а при новомъ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ февралѣ 1827 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе считать дѣло оконченнымъ.

Въ 1821 г., тотчасъ по исключеніи изъ Университета адъюнктъ-профессора Арсеньева, Великій Князь Николай Павловичъ принялъ его въ преподаватели Главнаго Инженернаго Училища. Вслѣдъ за Раупахомъ, Германомъ и Арсеньевымъ еще нѣсколько профессоровъ покинули Петербургскій Университетъ и тоже получили мѣста преподавателей въ учебныхъ заведеніяхъ, не подвѣдомственныхъ Министру Народнаго Просвѣщенія. Протоіерей Павскій, къ которому Р. сначала очень благоволилъ, долженъ былъ прекратить въ Петербургскомъ Университетѣ чтеніе лекцій по „исторіи постепеннаго развитія религіозныхъ идей въ человѣческомъ обществѣ", такъ какъ Р. нашелъ ихъ зловредными. Вмѣсто этого курса, Р. вмѣнилъ ему въ обязанность читать студентамъ Университета церковную исторію по руководству, изданному для духовныхъ училищъ, и „объясненіе св. Писанія" при пособіи книги, составленной Митрополитомъ Амвросіемъ.

Увольненіе Арсеньева и добровольный выходъ изъ Университета другихъ профессоровъ заставили, однако, Р. пережить весьма непріятную минуту. Получивъ Владимірскую звѣзду (3-го февраля 1824 г.), онъ долженъ былъ, по обычаю, принятому при Дворѣ, представиться и благодарить старшаго изъ Великихъ Князей (вслѣдствіе частаго отсутствія изъ Петербурга Александра I). Доложили о Р. Великому Князю Николаю Павловичу. Выйдя въ залъ и не давъ Р. вымолвить ни слова, Великій Князь Николай Павловичъ началъ благодарить его отъ себя, отъ матери и отъ брата Михаила Павловича за Арсеньева и за другихъ профессоровъ, уволенныхъ изъ Университета, которыхъ они съ радостью пріобрѣли въ свои учебныя заведенія. „Сдѣлайте одолженіе, намъ очень нужны такіе люди,—пожалуйста, выгоняйте ихъ побольше изъ Университета, у насъ для всѣхъ найдутся мѣста".

Не менѣе интересный случай произошелъ съ Вас. Тимоѳ. Плаксинымъ: онъ, во время разгрома Петербургскаго Университета въ 1821 г., въ числѣ другихъ студентовъ, былъ исключенъ изъ него безъ всякихъ правъ, по неблагонадежности; но въ 1823 г. послѣдовало разъясненіе, что „студентъ Василій Плаксинъ неблагонадеженъ только къ учительскому дѣлу и можетъ быть принятъ въ государственную службу", почему и былъ опредѣленъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія канцеляристомъ; затѣмъ, съ 1826 по 1866 г., т.-е. въ теченіе сорока лѣтъ, онъ былъ учителемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Въ 1829 г. Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ однажды офицерскій классъ Морского Корпуса и остался, повидимому, очень доволенъ лекціей по исторіи Русской литературы Плаксина. Пробывъ на лекціи довольно долго,

Государь вышелъ изъ класса, а когда пробило два часа и офицеры окружили окончившаго лекцію Плаксина, Государь возвратился, остановился противъ Плаксина и притворно сердитымъ голосомъ сказалъ: „Какъ ты смѣешь учить, когда тебѣ это запрещено! Ну, если узнаетъ Руничъ? А?“— „Иванъ Ѳеодоровичъ“, — обратился Государь къ Директору Морского Корпуса Крузенштерну: „какъ ты принялъ къ себѣ въ Корпусъ такого вольнодумца? Васъ обоихъ подъ судъ къ Магницкому!“ И съ этими словами ушелъ, довольный своей шуткой.

Въ это время Р. не могъ уже никому вредить: Высочайшимъ указомъ 25-го іюня 1826 г. онъ былъ уволенъ отъ должности Попечителя Петербургскаго Учебнаго Округа, подвергнутъ слѣдствію и преданъ суду за безпорядки, допущенные въ отчетности при постройкѣ новаго зданія Петербургскаго Университета.

Повидимому уже послѣ увольненія Р. отъ должности былъ данъ ходъ проекту Цензурнаго Устава, составленному имъ и Магницкимъ. Проектъ былъ найденъ въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и поднесенъ Директоромъ Департамента княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ къ подписи Министру Шишкову, такъ какъ Государь требовалъ представленія Цензурнаго Устава, а на составленіе новаго Устава понадобилось бы немало времени. Кромѣ стѣснительности мѣръ, Уставъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что имъ запрещались не только цѣлые роды сочиненій (напр., біографіи, мемуары), но цѣлыя науки: философія, политика, геологія; наконецъ, всякое разсужденіе, гдѣ авторъ отъ разсмотрѣнія природы восходитъ мыслію къ божеству. Независимо отъ строгой цензуры, авторъ подвергался отвѣтственности какъ за пропущенное цензурою и напечатанное, такъ и за представленное въ рукописи къ цензурному дозволенію.

Считаемъ нелишнимъ остановиться на двухъ обстоятельствахъ, въ которыхъ Р., не занимавшій уже никакого служебнаго положенія, стремился проявить свои общественныя воззрѣнія, рѣзко отличавшіяся отъ его воззрѣній двадцатыхъ годовъ. Теперь онъ являлся сторонникомъ тѣхъ людей, которыхъ способенъ былъ бы преслѣдовать, будучи у власти, и, наоборотъ, порочилъ своего прежняго покровителя, князя Голицына. Такими обстоятельствами были: 1, смерть графа М. М. Сперанскаго въ 1839 г. и 2, оставленіе государственной службы княземъ А. Н. Голицынымъ въ 1842 г. — Возвратившись, 15-го февраля 1839 г., съ погребенія Сперанскаго въ Александро-Невской лаврѣ, Р. набросалъ свои „Мысли“, при чемъ высказалъ, что возвышеніе Сперанскаго „не есть дѣло ни счастія, ни случая, а естественное явленіе слѣдствій силы ума великаго, характера твердаго, способностей необыкновенныхъ“. Перечисливъ имена государей, полководцевъ, министровъ и писателей, прославившихся въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, Р. такъ закончилъ свою весьма небольшихъ размѣровъ статью: „И та же исторія и то же потомство, воспоминая съ благоговѣніемъ Вѣнценоснаго благотворителя своего, благополучно царствующаго Государя Императора, и по имени, и по дѣламъ Перваго, даровавшаго Россіи образованіе прочное и законы положительные, благословляя царствованіе Николая, при взглядѣ на Сводъ Законовъ, къ благодарнымъ чувствамъ присовокупятъ, конечно, и чувства глубокаго уваженія къ памяти и отечественнымъ заслугамъ Сперанскаго“. Статья о графѣ Сперанскомъ не появилась въ печати и вызвала переписку, сохранившуюся въ бумагахъ Р. Въ самый день полученія отъ Р. этой статьи, 15-го февраля 1839 г., Гречъ увѣдомилъ его, что не можетъ помѣстить ее въ „Сѣверной Пчелѣ“, потому что, „вслѣдствіе принятыхъ журналами правилъ, одно частное лицо не можетъ судить о жизни и заслугахъ государственныхъ мужей отъ своего собственнаго имени; сверхъ того, біографія графа М. М. составляется по оставшимся отъ покойнаго документамъ, съ согласія родственниковъ и одобренія высшаго начальства, Ѳ. В. Булгаринымъ“. Помѣщеніе статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ тоже не состоялось, какъ видно изъ письма Краевскаго отъ 25-го февраля того же года: цензоръ В. Н. Лангеръ возвратилъ ему статью со слѣдующей надписью: „На напечатаніе этой статьи Комитетъ не согласился“. Руничъ былъ и обиженъ, и раздосадованъ; онъ рѣшилъ препроводить и статью, и письма Греча и Краевскаго, при особомъ письмѣ, къ Н. А. Полевому, надѣясь, что онъ разскажетъ обо всемъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. По-

томъ Руничъ раздумалъ, и какъ статья его о графѣ Сперанскомъ, такъ и переписка напечатаны были, болѣе, чѣмъ черезъ полстолѣтія, въ „Русской Старинѣ“ 1893 года.

18-го іюня 1842 г., когда К. И. Арсеньевъ былъ уже ординарнымъ академикомъ, Р. прислалъ ему оправдательную записку, въ которой всю отвѣтственность по дѣлу Петербургскихъ профессоровъ 1821 года возлагалъ на князя А. Н. Голицына. Письмо, при которомъ она препровождалась, начинается такъ: „Вы удивитесь, конечно, получа письмо мое. Содержаніе его и прилагаемая записка объяснятъ вполнѣ мое побужденіе. Всему есть время! время молчать и время говорить! Я увѣренъ, что вы меня оправдаете!“... „Направленіе по дѣлу профессоровъ, по собственнымъ ли расчетамъ, или по постороннимъ внушеніямъ, но непосредственно давалъ князь Голицынъ. Я никогда не подалъ бы, если бы отъ власти моей зависѣло, повода къ насильственнымъ мѣрамъ по части народнаго просвѣщенія, которыя тогда принимались, и за мнѣнія и системы самыя ложныя не подвергъ бы гоненію лица, которыя въ нихъ обличались...“, а заканчивается записка словами: „При дверяхъ гроба я умру спокойнѣе, увѣренный, что Всемилостивѣйшій Государь преклонился къ невинности моей неистощимыми Высокомонаршими правосудіемъ и благостію“.

Не сумѣемъ сказать, сдѣлалась-ли „Записка“ Р. извѣстна Государю, но надежда оправдаться въ его глазахъ оказалась тщетной. Нѣкогда состоятельный и вліятельный, Р. жилъ въ 1854 г. въ С.-Петербургѣ, въ Бассейномъ переулкѣ, въ низенькомъ, одноэтажномъ, полуразвалившемся домикѣ, покинутый своими близкими. Бывавшій у него Д. Н. Родіоновъ (племянникъ Мих. Ник. Мусина-Пушкина, въ то время Попечителя Петербургскаго Учебнаго Округа) такъ описываетъ убранство его комнаты: „Нѣсколько бѣлыхъ стульевъ, простой столъ, мягкое кресло, нѣсколько сосновыхъ ящиковъ съ бумагами,—остатками отъ его долголѣтней жизни, и бюстъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ надъ кроватью—вотъ все, чѣмъ онъ владѣлъ и пользовался“. Скончался Р. 1-го іюня 1860 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

При жизни Р. появились въ свѣтъ слѣдующіе его переводы съ французскаго: 1) „Путешествіе въ Крымъ и Константинополь въ 1786 году милади Кравенъ“, М. 1795 г.; 2) „Удивительное мщеніе одной женщины“. Соч. Дидерота, М. 1796 г.; 3) „Дружескій совѣтъ всѣмъ тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ. Напечатано въ пользу разоренныхъ и неразоренныхъ. Продается по пятидесяти копѣекъ мѣдью“, М. 1813 г. (Книга эта была конфискована за разсужденія о таинствѣ крещенія, несогласныя съ ученіемъ о православной церкви). Р. издалъ въ Петербургѣ въ 1837 г. 4) „Histoire Chronologique du Nouveau Testament, ou tableau de la vie, de la doctrine, de la passion, de la resurrection et de l'ascension de notre Sauveur Jésus Christ“. Кромѣ того, изданы 3 стихотворенія Р.: „Къ портрету кн. Варшавскаго, гр. Паскевича Эриванскаго, С.-Пб. 6 сентября 1831.— На побѣды кн. Варшавскаго, С.-Пб. 13 сентября 1831 г.—На побѣды Русскихъ въ Польшѣ, С.-Пб. 13 сентября 1831“: всѣ три стихотворенія напечатаны вмѣстѣ, на одной четверткѣ съ помѣтою: „Печатать дозволяется, 18 сентября 1831“, въ типографіи Н. Греча, на 4 страницахъ.

Руничъ оставилъ въ рукописи „Записки“ на французскомъ языкѣ, законченныя имъ въ 1850-мъ году. „Записки“ эти обнимаютъ время Екатерины II, Павла и Александра I; въ видѣ вступленія къ „Запискамъ“ Р. касается эпохи Петра В. и характера его реформъ. „Записки“ могутъ служить вспомогательнымъ матеріаломъ для такъ называемой внутренней исторіи Россіи, т.-е. для исторіи нашей общественности и культуры за все указанное время, но пользоваться ими слѣдуетъ лишь при помощи тщательной исторической критики, такъ какъ, излагая большею частью извѣстные факты, Р. является субъективнымъ при характеристикѣ лицъ, съ которыми была связана его собственная дѣятельность. Своей личности Р. касается въ „Запискахъ“ лишь съ внѣшней стороны, отмѣчая свои служебныя назначенія. Переводъ „Записокъ“ Рунича въ двухъ редакціяхъ напечатанъ: въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., кн. 11-я, и 1901 г., кн. 1—6 (въ февральской книгѣ „Русской Старины“ 1901 г., кн. 2, помѣщенъ портретъ Р.) и въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1890 г., кн. 8—10. Въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и древн.“ 1905 г. А. А. Титовъ напечаталъ „Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг.“ къ князю А. Н. Голицыну и неизвѣстному лицу (отд. отт. М. 1905,

14 стр.). Тотъ же Титовъ издалъ, на правахъ рукописи, „Автобіографическія записки Дмитрія Павловича Рунича“, Ярославль. 1909, 8°, 14 стр. въ 2 столбца, и его Записку 1854 года „Россія отъ 1633 до 1854 года. Взглядъ на древній и новый ея бытъ“, Ярославль. 1909, 8°, 29 стр. въ 2 столбца.

Свѣдѣнія о судѣ надъ профессорами С.-Петербургскаго Университата въ 1821 г. находятся: 1) у В. В. Григорьева: Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, С.-Пб. 1870 г.; 2) въ „Сборникѣ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, С.-Пб. 1872 г., т. 9-й (въ „Бумагахъ К. И. Арсеньева“); 3) въ „Древней и Новой Россіи“ 1880 г., III („Представленіе Рунича Министру Народнаго Просвѣщенія князю Голицыну о С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1821—1822 г.г.“; 4) у С. А. Венгерова въ „Критико-Біографическомъ Словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“, С.-Пб. 1886 г., т. I (въ біографіи К. И. Арсеньева). — Записка Плисова о судѣ надъ профессорами Петербургскаго Университета напечатана дважды: 1) въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1862 г., кн. 3, отд. V и 2) у М. И. Сухомлинова: Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, С.-Пб. 1889 г., т. I.

Отрывочныя свѣдѣнія о Р-чѣ встрѣчаются: „Рус. Старина“ 1872 г., т. V; 1874 г., т. IX; 1880 г., т.т. XXVII и XXIX; 1893 г., т. 4; 1895 г., августъ; 1896 г., октябрь; 1898 г., августъ; „Русскій Архивъ“ 1870 и 1871 г.г.; „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.“ 1905 г., IV; формулярный списокъ (у Б. Л. Модзалевскаго); Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1870 г., стр. 50—60 (письма Карамзина къ Руничу); Переписка Р. съ Козодавлевымъ — М. И. Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, т. VI, стр. 478 — 484; П. П. Пекарскій, Біографія К. И. Арсеньева, С.-Пб. 1871; И. Чистовичъ, Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія, С.-Пб. 1894; Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1900—1901 гг., С.-Пб., стр. 193—196; „Литерат. Вѣстн“. 1904 г., т. VIII, стр. 106—119 (о масонствѣ); „Русск. Арх.“ 1866, ст. 850; Н. К. Шильдеръ, Имп. Николай I, С.-Пб. 1903, т. II; Н. И. Гречъ, Записки о моей жизни, С.-Пб. 1886.

В. Корсакова.

Руничъ, *Ефимъ Петровичъ*, переводчикъ; служа въ л.-гв. Преображенскомъ полку, онъ 4-го мая 1799 г. былъ отъ него отчисленъ съ чиномъ полковника, 13-го августа 1801 г. снова зачисленъ въ Преображенскій полкъ, въ 1802 г. былъ пожалованъ (5-го ноября) командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1806 г. снова уволенъ былъ изъ полка съ чиномъ полковника и съ мундиромъ, послѣ чего, повидимому, болѣе не служилъ; въ 1808 г. имѣлъ тотъ же чинъ полковника и до 1825 г. состоялъ домовладѣльцемъ въ Москвѣ. Переводы его: 1) „Письма нѣкоторой духовной особы и его дочери, писанныя изъ деревни къ его сыну, находящемуся въ Лондонѣ“, съ франц. языка, М. 1784, 8°; 2) „Достопамятныя и любопытныя приключенія Алфреда, короля англосаксонскаго“, соч. Галлера, перев. съ франц. языка, М. 1788, 12°; 3) „Наставленіе молодымъ госпожамъ, вступающимъ въ свѣтъ и брачные союзы, служащее продолженіемъ юношескому училищу, гдѣ изъясняются должности какъ въ разсужденіи ихъ самихъ, такъ и въ разсужденіи ихъ дѣтей“, соч. Лепренсъ де-Бомонтъ, съ франц. языка, М. 1788, 4 части.

Придворный Мѣсяцесловъ на 1811 г., стр. 645; М. Бѣляевъ, Историческія свѣдѣнія о Московской Григоріе-Неокесарійской церкви, М. 1894, стр. 228; Г. Геннади, Словарь Русскихъ писателей, т. III, М. 1908, стр. 283; А. Чичеринъ, Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, т. IV, приложеніе, С.-Пб. 1883, стр. 189. *Б. М.*

Руничъ, *Иванъ Степановичъ*, генералъ-маіоръ; служа въ л.-гв. Преображенскомъ полку сержантомъ, въ 1789 г., за отличіе въ сраженіи 13-го августа съ непріятельскимъ флотомъ, произведенъ былъ въ прапорщики того же полка и уже черезъ 10 лѣтъ, 15-го декабря 1799 г., получилъ чинъ генералъ-маіора съ назначеніемъ шефомъ Мушкатерскаго графа Ивелича (потомъ—Навагинскій мушкатерскій) полка.

А. Чичеринъ и др., Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, т. IV, прилож., С.-Пб. 1883, стр. 189; Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 62, стр. 227. *Н. М.*

Руничъ, *Павелъ Степановичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ, авторъ Записокъ о Пугачевскомъ бунтѣ; родился 25-го іюня 1750 г. и происходилъ изъ семьи, переселившейся изъ Угорской Руси (Венгріи) въ Южную Россію въ царствованіе Елисаветы Петровны. Р. рано потерялъ своего отца; дядя его, генералъ-поручикъ Черноевичъ, взялъ на себя заботы объ осиротѣвшемъ мальчикѣ и опредѣлилъ его въ Су-

хопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ; по окончаніи образованія въ этомъ, лучшемъ тогда учебномъ заведеніи въ Россіи, Р. въ чинѣ поручика Ярославскаго пѣхотнаго полка поступилъ въ военную службу (1-го января 1770 г.) и, вмѣстѣ со старшимъ братомъ своимъ Петромъ, участвовалъ въ Первой Турецкой кампаніи подъ начальствомъ графа Петра Ивановича Панина, знавшаго Р. еще въ бытность его въ Корпусѣ. Въ кровавомъ штурмѣ Бендеръ братъ Р. былъ убитъ, а самъ онъ—сильно контуженъ въ бою при Ларгѣ 7-го іюля 1770 г. и за отличіе произведенъ въ капитаны, принявъ участіе въ корпусѣ Боура, въ сраженіяхъ при Кагулѣ и др. Въ это время Р. занималъ должность квартирмейстера и къ концу кампаніи получилъ чинъ майора; въ 1771 г., по ордеру генерала-фельдмаршала графа Румянцова отъ 1-го января, былъ командированъ на Трансильванскую границу—для учрежденія форпостовъ по границамъ Молдавіи и Валахіи и для снятія на карту означенныхъ границъ; 10-го іюня, по ордеру же фельдмаршала, отправленъ былъ изъ лагеря, на Когурлуѣ находившагося, осмотрѣть строющіяся на р. Прутѣ до 300 судовъ, „шайками“ называемыхъ, сдѣлать исчисленіе, какое количество провіанта они вмѣстить и поднять могутъ, рапортовать о томъ и сопровождать означенныя суда по Пруту на Дунай и, наконецъ, сдать оныя подполковнику Мекнобу при постѣ его на Дунаѣ. Во исполненіе данныхъ ему порученій помянутыя суда были имъ препровождены по назначенію безъ всякой воинской команды, съ одними рабочими людьми. Въ 1772 г. Р. безотлучно находился въ разныхъ движеніяхъ арміи; въ 1773 г. откомандированъ былъ на военномъ суднѣ съ одною пушкою и одною гренадерскою ротою за Дунай, чрезъ который переправился 10-го марта, и 12-го марта вступилъ въ бой съ непріятелемъ при Гурабалѣ; дѣйствуя только съ одною гренадерскою ротою, онъ разбилъ непріятеля, состоявшаго изъ 2.500 человѣкъ подъ командою Куртъ и Чаферъ-пашей, взявъ при этомъ пораженіи въ плѣнъ Бонрастара и 8 человѣкъ турокъ, и освободилъ болѣе 50 человѣкъ болгаръ, которыхъ и перевезъ изъ-за Дуная въ корпусъ генералъ-поручика Потемкина. По переходѣ нашихъ войскъ за Дунай, находясь въ передовомъ корпусѣ генералъ-поручика Потемкина, Р. участвовалъ въ сраженіяхъ: 12-го, 14-го, 15-го, 16-го и 18-го іюня—при крѣпости Силистріи, гдѣ былъ сильно контуженъ въ правую ногу, выше ступни, въ самую кость; въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ въ разныхъ сраженіяхъ на островѣ противъ Силистріи; въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ находился въ траншеяхъ и на батареяхъ, построенныхъ противъ Силистріи. За раною, 1-го января 1774 г. былъ отставленъ отъ службы съ производствомъ въ секундъ-маіоры и возвратился въ Россію.

Пугачевскій бунтъ и затѣмъ назначеніе графа П. И. Панина усмирителемъ взволнованнаго мятежемъ Низового Края застали Р. въ Москвѣ, куда онъ прибылъ въ началѣ 1774 года изъ Южной арміи для леченія отъ контузіи. Узнавъ о назначеніи графа Панина главнокомандующимъ отправленныхъ противъ Пугачева войскъ, Р. явился къ нему, изъявилъ ему свое желаніе участвовать въ этомъ походѣ и тотчасъ былъ зачисленъ въ свиту Панина, а нѣсколько дней спустя, назначенъ въ составъ особой секретной комиссіи, прибывшей въ Москву изъ Петербурга. Задача этой комиссіи заключалась въ томъ, чтобы схватить Пугачева путемъ подкупа его приближенныхъ. Ей даны были весьма обширныя полномочія; такъ, напримѣръ, они могли останавливать курьеровъ, слѣдующихъ къ главнокомандующему, и вскрывать посылаемыя ему донесенія. Кромѣ того, комиссія обладала значительными денежными средствами. Она состояла всего изъ трехъ лицъ: капитана гвардіи Галахова (являвшагося въ ней начальникомъ), майора Павла Рунича и мнимаго Яицкаго козака, бывшаго купца г. Ржева, Тверской губерніи, Долгополова, именовавшагося Остафьемъ Трифоновымъ. Комиссія выѣхала изъ Москвы 5-го августа 1774 года и быстро пронеслась по взволнованному краю въ дни наибольшаго разгара мятежа. Однако, почти вездѣ она пріѣзжала слишкомъ поздно: разбитый нѣсколько разъ Михельсономъ, Пугачевъ бѣжалъ въ такую глушь, куда комиссія не осмѣлилась за нимъ слѣдовать. Такимъ образомъ, она не достигла своей цѣли, но усердная служба Р. была принята графомъ Панинымъ во вниманіе. Р. было поручено наблюдать за пойманнымъ Пугачевымъ и сопровождать его по дорогѣ въ Москву. Эту новую обязанность Р. исполнилъ, какъ должно: онъ

смотрѣлъ за Пугачевымъ самымъ тщательнымъ образомъ, водилъ его къ допросамъ, видѣлъ приготовленія къ его пыткѣ, былъ неотлучнымъ его спутникомъ; Р. много бесѣдовалъ съ Пугачевымъ и кое-что изъ слышаннаго отъ него записалъ.

Въ концѣ 1774 года (21-го ноября) Р. было поручено сформированіе Смоленскаго драгунскаго полка, шефомъ котораго былъ сдѣланъ въ это время Потемкинъ. По Высочайшему Ея Величества соизволенію отъ 4-го января 1775 г. Руничъ командированъ былъ съ особымъ порученіемъ къ графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, находившемуся съ главною квартирою арміи въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, для личнаго изустнаго изложенія генералъ-фельдмаршалу о бывшей секретной комиссіи противъ Пугачева, въ коей находился самъ Руничъ, а также и о дѣйствіяхъ города Ржева-Володимерова купца Астафія Трифонова Долгополова. По возвращеніи изъ этой командировки, 10-го февраля 1775 г. пожаловано ему было, за Пугачевскую комиссію, въ вѣчное и потомственное владѣніе, Полоцкой губерніи Несвижскаго повѣта 276 душъ крестьянъ. 1-го сентября 1775 г. Р. командированъ былъ съ 2 эскадронами въ г. Коломну для встрѣчи Екатерины II и получилъ изустное благоволеніе за исправность означенныхъ эскадроновъ, коимъ въ награжденіе пожаловано было 2.000 р.

7-го декабря 1777 г. Р. былъ переведенъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ капитанъ-поручикомъ, 1-го января 1779 произведенъ капитаномъ того же полка, 1-го января 1783—бригадиромъ съ повелѣніемъ опредѣлить его къ гражданскимъ дѣламъ. Руничъ состоялъ при Герольдіи съ означеннаго времени и болѣе 6 разъ просилъ Государыню объ опредѣленіи его къ должности; на это 22-го декабря 1792 г. объявлено ему было генералъ-прокуроромъ графомъ Самойловымъ Высочайшее повелѣніе опредѣлить его къ должности, которую самъ избрать пожелаетъ. Затѣмъ неоднократно повелѣно было опредѣлить его къ мѣсту, соотвѣтствующему его чину, и уже по повелѣнію Павла I, 29-го ноября 1796 г., на имя главнокомандующаго въ Москвѣ Измайлова, предписано было Руничу явиться въ Петербургъ для опредѣленія къ должности. Наконецъ 6-го января 1797 г. Р. былъ назначенъ Владимірскимъ гражданскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ д. с. с. Императоръ Павелъ уже въ самомъ началѣ царствованія обратилъ большое вниманіе на Уралъ и Донъ, откуда ждалъ новаго мятежа. Онъ рѣшилъ успокоить и привлечь на свою сторону старообрядцевъ, составлявшихъ значительную часть населенія восточныхъ губерній. Съ этою цѣлью Имп. Павелъ рѣшилъ послать туда человѣка, совершенно преданнаго ему, который нащупалъ бы почву и привезъ ему несомнѣнные факты, по которымъ онъ могъ бы составить себѣ разумный планъ способа держать себя относительно нихъ. Р. какъ разъ въ это время былъ въ Петербургѣ,—и его выбрали для этой поѣздки, какъ лицо, хорошо ознакомленное съ мѣстными обычаями и взглядами старообрядцевъ. Р. потребовали во дворецъ, гдѣ „онъ удостоился Высочайшей аудіенціи съ глазу на глазъ съ Государемъ". Павелъ далъ ему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія: „Вы поѣдете въ Уджинъ и окрестныя мѣстности, чтобы увѣрить жителей въ моемъ благоволеніи и желаніи видѣть ихъ всегда спокойными и счастливыми. Павелъ". Черезъ два мѣсяца Р. вернулся въ Петербургъ и представилъ Государю отчетъ о настроеніи умовъ посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Павелъ остался доволенъ отчетомъ, оставилъ Р. Владимірскимъ губернаторомъ и объявилъ ему, что съ этого времени онъ ввѣряетъ его попеченіямъ все, что могло касаться Донскихъ, Волжскихъ и Уральскихъ старообрядцевъ, съ правомъ обращаться въ экстренныхъ случаяхъ прямо къ нему, безъ посредниковъ.

Въ 1798 году Р. получилъ новое порученіе въ такомъ же родѣ: онъ долженъ былъ разслѣдовать причины безпорядковъ въ Саратовской губерніи, въ Иргизскомъ старообрядческомъ монастырѣ, и заявить отъ имени Государя, что обряды старообрядцевъ не будутъ больше стѣсняемы. Въ томъ же году Р. получилъ секретныя предписанія о князѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ, поселившемся, по повелѣнію Павла I-го, въ своихъ имѣніяхъ, находившихся во Владимірской губерніи. Р. долженъ былъ наблюдать за образомъ жизни князя Зубова, за его сношеніями и поступками и обо всемъ обстоятельно доносить въ Петербургъ [1]). Въ томъ же году,

[1]) Проѣзжая въ 1798 году черезъ Владиміръ, Имп. Павелъ остался такъ доволенъ сдѣланной ему

по предложенію Р., Павелъ I велѣлъ выдать старообрядцамъ 12.000 рублей для постройки сгорѣвшей въ Верхнеуспенскомъ монастырѣ церкви. Въ 1799 году во Владимірскую губернію былъ сосланъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ Николай Зубовъ, и Руничу было поручено наблюдать за нимъ такъ же строго, какъ и за его братомъ. Послѣ донесеній, посланныхъ Руничемъ въ Петербургъ „о упражненіяхъ" Платона и Николая Зубовыхъ, Павелъ I повелѣлъ имъ покуда не отлучаться изъ своихъ имѣній безъ особаго на то разрѣшенія изъ столицы.

Въ 1800 году Р. снова ѣздилъ къ старообрядцамъ и затѣмъ сообщилъ въ Петербургъ, что Владимірскій архіерей и Консисторія употребляютъ несоотвѣтствующія мѣры для обращенія старообрядцевъ въ православіе. Павелъ велѣлъ смѣнить и архіерея, и всѣхъ консисторскихъ чиновниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ Р. не входить во внутреннія распри старообрядцевъ между собою. Въ 1800 г., 21-го мая, Р. былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Имп. Александръ I-й оставилъ его на посту Владимірскаго губернатора, поручивъ ему (21-го апрѣля 1801 г.) дѣла Иргизскихъ, Уральскихъ и Узельскихъ старообрядцевъ, и велѣлъ обращаться съ ними мягко и безъ притѣсненій. Согласно предложенію Р., земли старообрядческихъ монастырей были отмежеваны отдѣльно, и указъ, изданный по этому поводу Правительствующимъ Сенатомъ, запрещалъ мѣстнымъ межевымъ начальствамъ какимъ бы то ни было образомъ распоряжаться этими землями.

Въ 1802 году (8-го февраля) Р. былъ переведенъ губернаторомъ въ Вятскую губернію, но дѣла о старообрядцахъ попрежнему остались у него въ рукахъ, и онъ, не испрашивая разрѣшенія, могъ во всякое время отлучаться изъ губерніи.

Въ 1804 году, 30-го августа, Р. назначенъ былъ сенаторомъ въ 6-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, а въ 1805 г. переведенъ былъ въ 7-й Департаментъ. Въ 1806 году онъ былъ посланъ ревизовать Рязанскую, Тамбовскую, Орловскую и Смоленскую губерніи и нашелъ все въ хорошемъ порядкѣ, за исключеніемъ дѣлъ однодворцевъ и казенныхъ крестьянъ съ помѣщиками изъ-за спорныхъ земель. Р. предложилъ упростить судопроизводство подобныхъ дѣлъ,—для того, чтобы долгими проволочками не отрывать крестьянъ отъ работъ. Александръ I велѣлъ Р., подробно разслѣдовавъ этотъ вопросъ, представить ему свое мнѣніе. Въ 1808 году, ревизуя Вятскую и Пермскую губерніи, Р. нашелъ большія неправильности въ судебныхъ дѣлахъ этого края и въ 1809 г., 28-го января, награжденъ былъ орденомъ св. Александра Невскаго. По его предложенію многіе чиновники были отрѣшены отъ должностей. Въ 1809 г. Р. докладывалъ Императору дѣло о безпорядкахъ, возникшихъ на Екатеринбургскихъ заводахъ, принадлежавшихъ наслѣдникамъ Турчанинова, при чемъ доказывалъ, что недовольство рабочихъ произошло отъ уничтоженія указомъ 25-го января 1805 года нѣкоторыхъ праздничныхъ дней. Въ 1813 году Р. былъ переведенъ въ 8-й апелляціонный Департаментъ Правительствующаго Сената.

18-го января 1818 г. Р. былъ уволенъ, по болѣзни, въ отпускъ на 1 годъ, съ сохраненіемъ получаемаго содержанія. Между тѣмъ, при производствѣ имъ въ 1808 г. ревизіи въ Вятской губерніи, по донесенію его, былъ удаленъ отъ должности бывшій тогда Вятскимъ гражданскимъ губернаторомъ д. с. с. В. И. Болгарскій, съ преданіемъ его суду за разные будто бы открытые въ той губерніи безпорядки; однако, по разсмотрѣніи сего дѣла Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ Болгарскій найденъ былъ ни въ чемъ невиновнымъ, вслѣдствіе чего, по докладѣ о семъ Государю Императору, Высочайше утвержденнымъ 9-го августа 1818 г. положеніемъ Государственнаго Совѣта, между прочимъ, повелѣно было, въ отношеніи къ сенатору Руничу, о найденной Болгарскимъ по управленію перваго тою же Вятскою губерніею утратѣ хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ на сумму болѣе 700.000 рублей, о недостаткѣ суммы, за его же Руничъ время, по Казенной Палатѣ до 500.000 рублей, а также и о произвольно издержанныхъ имъ, Руничемъ, 10.000 рубляхъ изъ строительной суммы,—Правительствующему Сенату войти по этимъ предметамъ въ особое разсмотрѣніе и сдѣлать по онымъ надлежащее заключеніе. Затѣмъ, по разсмотрѣніи въ Комитетѣ Министровъ Все-

---

здѣсь встрѣчей, что пожаловалъ Р. орденъ св. Анны 1-й степени (17-го мая).

поддаппѣйшаго донесенія Рунича, Комитетъ, найдя съ своей стороны, что приносимая имъ, въ объясненіе по означенному дѣлу, жалоба, за послѣдовавшимъ уже Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Государственнаго Совѣта, не только неосновательна, но и наполнена неприличными изъясненіями, полагалъ: замѣтить объ этомъ сенатору Руничу чрезъ Министра Юстиціи отъ Высочайшаго имени; это положеніе Комитета Министровъ въ 6-й день мая 1819 г. удостоено было Высочайшаго утвержденія, и Высочайшимъ указомъ отъ 27-го іюня 1819 г., согласно прошенію, „по болѣзненнымъ припадкамъ", тайн. сов. Руничъ былъ уволенъ вовсе отъ службы, причемъ повелѣно было, во уваженіе 44-хъ лѣтней службы его, производить ему въ пенсіонъ, по смерть, по 3.000 рублей изъ Государственнаго Казначейства.

Живя съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, на покоѣ, Р. принялся за разборку замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ въ эпоху Пугачевскаго бунта, и составилъ „Записки о Пугачевскомъ бунтѣ", напечатанныя впослѣдствіи въ „Русской Старинѣ" 1870 г., т. II, № 8, стр. 116—131, № 9, стр. 211—253 и № 10, стр. 321—372, и имѣющіе большой интересъ, какъ описаніе очевидца.

Р. умеръ въ Москвѣ 24-го февраля 1825 года и похороненъ на Ваганьковомъ кладбищѣ. По смерти его, указомъ Имп. Александра I, даннымъ въ Таганрогѣ 30-го сентября 1825 г., повелѣно было, во вниманіе къ долговременной усердной службѣ сенатора Рунича, оставшейся послѣ него вдовѣ производить тотъ пенсіонъ, съ коимъ онъ былъ уволенъ отъ службы въ 1819 году, т.-е., по 3.000 рублей въ годъ.

П. С. Руничъ былъ женатъ на дочери дѣйствительнаго камергера Аркадія Ивановича Бутурлина—дѣвицѣ Варварѣ Аркадіевнѣ (род. 10-го мая 1756, ум. 22-го апрѣля 1837) и имѣлъ дѣтей, сыновей: 1) Дмитрія (см. выше) 2) Александра, 3) Аркадія (см. выше), 4) Николая, 5) Ѳедора и дочерей 6) Александру, въ замужествѣ (1819) за надв. сов. Черевинымъ, 7) Екатерину и 8) Елену.

Формулярный списокъ; „Русское Обозрѣніе" 1890 г., № 8, стр. 653—686: „Записки Д. П. Рунича"; „Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1870 г.", С.-Пб. 1872 г., стр. 50—57; „Въ память графа Михаила Михайловича Сперанскаго", С.-Пб. 1872, стр. 448—450; „Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I города Владиміра на Клязьмѣ"—„Владимірскія Губ. Вѣдомости" 1870 г., № 1, часть неоффиціальная; „Записки Филиппа Филипповича Вигеля", М. 1892 г., т. I, стр. 208; „Журналы засѣданій Рязанской Ученой Архивной Комиссіи за 1885 г.", Рязань, 1885 г., засѣданіе 6-го октября 1885 г., приложенія, стр. 9—12: „Секретные рескрипты и письма Императоровъ Павла I, Императора Александра I-го, П. Х. Обольянинова и князя П. В. Лопухина къ Владимірскому губернатору П. С. Руничу"; „Ежегодникъ Владимірскаго Губ. Статистическаго Комитета", Владиміръ. 1878 г., т. II, стр. 101—124: „Матеріалы для исторіи пребыванія Императора Павла I-го въ городѣ Муромѣ, въ 1798 году"; „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ", т. I, Переписка князя Вяземскаго съ Тургеневымъ, подъ ред. В. И. Саитова, С.-Пб. 1899 г., стр. 579—580; „Журналы Комитета Министровъ", царствованіе Императора Александра I, съ 1802—1826 г., т. I, стр. 168 и 279; т. II, стр. 403, 404; „Русскій Архивъ" 1866 г., стр. 850, 1867 г., стр. 1176, 1870 г., стр. 1215; 1874 г., стр. 593; „Русская Старина" 1875 г., т. 13, стр. 124; „Осьмнадцатый вѣкъ", изд. Петромъ Бартеневымъ, М. 1869 г., кн. 4, стр. 472, 474, 475; Великій Князь Николай Михаиловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. I, С.-Пб. 1905, № 23; „Труды Орловской Ученой Архивной Комиссіи" 1894 г., вып. 4, стр. 39—40 (Ревизія Орловской губерніи въ 1806 г.).

К. Михайловъ.

Руно, *Иванъ Дмитріевичъ*, воевода. Въ борьбѣ Великаго Князя Василія Васильевича съ Димитріемъ Шемякой Руно, въ числѣ другихъ дѣтей боярскихъ, въ 6954 (1446) г. принималъ участіе въ замыслѣ сторонниковъ Великаго Князя освободить его изъ плѣна; для этого, вмѣстѣ съ князьями Ряполовскими, когда обнаружилось коварное отношеніе Шемяки къ дѣтямъ Великаго Князя, Р. отправился въ Мстиславль, къ Князю Василію Ярославичу, побуждая его освободить заключенныхъ въ Угличѣ Великаго Князя Василія Васильевича и его дѣтей; повидимому, онъ участвовалъ и въ болѣе раннемъ походѣ Ряполовскихъ къ Бѣлоозеру, спасаясь отъ преслѣдованій Шемяки. Въ 6976 г. Р. былъ посланъ Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, вмѣстѣ съ прочими воеводами, на Вятскихъ и Камскихъ инородцевъ, при чемъ на Камѣ разбилъ татарскій отрядъ. Въ слѣдующемъ году, весною, было рѣшено нанести окончательный ударъ Казанскимъ татарамъ, для чего въ Нижнемъ-Новгородѣ были собраны полки Великаго Князя и удѣльныхъ князей, но Иванъ III неожиданно измѣнилъ свое рѣшеніе: по объявленіи государевой воли собранной рати, по-

слѣдній, выдѣливъ изъ себя охочихъ людей, рѣшилъ самостоятельно идти „искать ратной чести“ и избралъ предводителемъ одного изъ „середнихъ бояръ“ — именно Ивана Руно. Вопреки запрещенію главнаго воеводы Нижегородскаго ополченія князя Константина Александровича Беззубцова, Руно вмѣстѣ со своимъ отрядомъ поспѣшно отправился въ Казань, безъ сопротивленія вошелъ 21-го мая въ предмѣстья, сжегъ ихъ вмѣстѣ со спавшими жителями, захватилъ большую добычу и освободилъ русскихъ плѣнниковъ. Нагруженный добычей, предводительствуемый имъ отрядъ, сѣвъ на суда, отправился къ Коровничьему острову, гдѣ по его приказанію стоялъ цѣлую недѣлю, чѣмъ Руно навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ; это, впрочемъ, врядъ-ли можно считать справедливымъ.

Въ 6986 г. Р. состоялъ приставомъ при Новгородскомъ посольствѣ. Онъ имѣлъ брата Поярка, участвовавшаго въ 7006 г. въ попыткѣ князя Василія Ивановича присвоить великокняжескую казну на Вологдѣ и Бѣлоозерѣ. Р. владѣлъ землями,—между прочимъ,—въ Костромскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Соти (въ 1477 г.).

„Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.“, т. IV, стр. 149, т. V, стр. 275; т. VI, стр. 43, 175, 176, 188, 189; 241*, 278*, 279, 212; т. VIII, 118, 153—154, 156, 157, 190, 234; т. XII, стр. 70, 119, 121; т. XX, стр. 279, 280; Арханг. лѣтоп., стр. 170; Акты, относящ. до юридич. быта, т. I, стр. 641, 642; т. II, стр. 477; М. Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ Всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода“, С.-Пб. 1871, прилож., стр. 76; Н. М. Карамзинъ, Ист. Госуд. Россійск. (изд. 5-е), т. V, пр. 340; т. VI, стр. 12, 13, пр. 17, 444; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. 3-е, „Общ. Пользы“), кн. 1-я, стр. 1069, 1414, 1415; А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси“, т. I, С.-Пб. 1889, стр. 173, 194, 195.

А. Андреевъ.

Руновскій, *Андрей Максимовичъ*, Нижегородскій губернаторъ; происходилъ изъ Малороссійскихъ дворянъ, родился 1-го октября 1761 г., службу началъ подканцеляристомъ въ Новороссійской Губернской Канцеляріи (22-го января 1780 г.), откуда переведенъ былъ регистраторомъ въ Харьковскую Казенную Палату (28-го іюня 1781 г.); перейдя затѣмъ, 26-го апрѣля 1782 г., актуаріусомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, онъ находился при секретныхъ дѣлахъ, ввѣренныхъ д. т. с. А. А. Безбородку, и послѣдовательно былъ произведенъ въ протоколисты (21-го марта 1784), секретари (30-го апрѣля 1785), коллежскіе ассессоры (21-го апрѣля 1787) и надворные совѣтники (8-го сентября 1790); кромѣ того, 2-го сентября 1793 г., за ревностные труды, „по мирной негоціаціи съ Оттоманской Портой понесенные“, Р. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Въ 1793—1794 гг. Р. находился для особыхъ порученій при сенаторѣ Т. И. Тутолминѣ, управлявшемъ тогда Минскою, Изяславскою и Брацлавскою губерніями, а 20-го декабря 1794 г. назначенъ былъ Директоромъ экономіи Черниговской губерніи; черезъ два года (6-го января 1797 г.) онъ произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники съ назначеніемъ вице-губернаторомъ Кіевской губерніи. Пожалованный затѣмъ чиномъ статскаго совѣтника (19-го февраля 1799 г.), Р. 29-го іюня того же года былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени и назначенъ вице-губернаторомъ Малороссійской губерніи. Въ 1802 г. (26-го іюля) онъ былъ произведенъ въ д. с. совѣтники и въ 1803 г. назначенъ Нижегородскимъ губернаторомъ. Здѣсь онъ прослужилъ десять лѣтъ, проявивъ въ 1812 году большую дѣятельность въ связи съ тогдашними военными событіями, наводнившими Нижній большимъ количествомъ бѣженцевъ и Московскихъ учрежденій; нѣсколько ранѣе, въ мартѣ 1812 г., ему пришлось принять на свое попеченіе сосланнаго въ Нижній Сперанскаго и затѣмъ отправить его въ Пермь. Р. умеръ отъ простуды 5-го марта 1813 г. и погребенъ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ. Въ 1800 г. Р. былъ холостъ и потомства послѣ себя не оставилъ.

В. Л. Модзалевскій, Малороссійскій родословникъ, т. IV, К. 1914, стр. 403; Формулярный списокъ въ Сенатскомъ Архивѣ 1800 г., кн. 59, л. 225—227; Списокъ чинамъ первыхъ 6 классовъ за 1806 г., стр. 59; „Сѣв. Почта“ 1813 г., № 24; надгробіе; Баронъ М. А. Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 47, 48, 52, 53, 68—70; Сочиненія Державина, подъ ред. К. Я. Грота, т. VI, стр. 810; П. И. Щукинъ, Бумаги, относящіяся до Отечественной войны, ч. I, стр. 148—149.

Б. М.

Руновъ, *Константинъ Алексѣевичъ*, флигель-адъютантъ, полковникъ; род. въ 1839 г. Получивъ воспитаніе въ Павлов-

скомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ поступилъ въ 1857 г. на службу прапорщикомъ л.-гв. въ Гренадерскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Михайловской Артиллерійской Академіи, а въ 1859 г. былъ переведенъ л.-гв. въ Павловскій полкъ; прикомандированный затѣмъ, въ 1861 г., къ Новгородскому графа Аракчеева Кадетскому Корпусу, въ должность репетитора по предмету математики, Р. въ 1862 г. произведенъ былъ въ подпоручики и въ 1863 г. въ поручики и участвовалъ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, въ усмиреніи Польскаго возстанія въ составѣ войскъ Виленскаго Военнаго Округа, при чемъ за отличіе, оказанное въ дѣлѣ у мѣстечка Гедройцъ, награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.

Неутомимая жажда дѣятельности влекла Р. къ занятіямъ,—и онъ не удовлетворялся только строгимъ выполненіемъ обязанностей строевой службы, а всегда былъ готовъ на всякій полезный трудъ. Общество офицеровъ Павловскаго полка выбрало его библіотекаремъ,—и въ этомъ дѣлѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память, ибо обогатилъ библіотеку новыми капитальными научными трудами, ввелъ правило о принятіи всѣми офицерами участія въ управленіи ею и записи всѣхъ мнѣній относительно порядка пріобрѣтенія сочиненій, устройства помѣщенія и пр. Въ началѣ 1864 г. Р. былъ назначенъ начальникомъ школы солдатскихъ дѣтей и дѣтскаго пріюта, состоявшихъ при Павловскомъ полку, и, для лучшаго изученія дѣла по преподаванію, посѣщалъ Крюковскія казармы, гдѣ въ то время обученіемъ завѣдывалъ опытный педагогъ. Р. относился къ дѣтямъ совершенно по-отечески и дѣлилъ съ ними всѣ ихъ интересы; много заботъ и изобрѣтательности вносилъ онъ, чтобы разнообразить монотонность ихъ казарменной жизни и облагородить нѣкоторую грубость ея нравовъ. По его почину явился въ школѣ волшебный фонарь, организовались чтенія, музыкальные вечера и домашніе спектакли; Р. привлекъ къ своему дѣлу всѣхъ молодыхъ офицеровъ и сдѣлался центромъ кружка, главный интересъ котораго сосредоточивался въ горячемъ интересѣ къ литературѣ, музыкѣ и школѣ.

Въ 1866 г. Р. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, въ 1867 г. назначенъ членомъ полкового суда, въ 1870 г. произведенъ въ капитаны, въ 1871 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст. и въ 1873 г. занялъ должность предсѣдателя полкового суда; затѣмъ, въ 1874 г. назначенный членомъ комиссіи для составленія Устава внутренней службы и членомъ комиссіи по вопросу объ учебной части въ войскахъ, Р. въ первой изъ этихъ комиссій, въ качествѣ дѣлопроизводителя, принималъ весьма дѣятельное участіе. Въ томъ же 1874 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1875 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и командиромъ 1-го и 2-го батальоновъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Въ 1877 г. Р. со своимъ полкомъ выступилъ въ походъ и послѣ того, какъ полковникъ Озеровъ былъ раненъ при переправѣ черезъ Дунай, былъ назначенъ начальникомъ своднаго конвоя Его Величества и съ этимъ конвоемъ участвовалъ при взятіи Ловчи. Въ этомъ сраженіи, несмотря на громадныя препятствія, гвардейцы и стрѣлки, все время имѣя впереди Р. и другихъ офицеровъ, взяли приступомъ турецкіе завалы и прогнали турокъ за р. Осьму. За это дѣло Р. былъ награжденъ золотой саблей съ надписью „за храбрость“. При штурмѣ Скобелевскими войсками турецкихъ редутовъ при Горномъ Дубнякѣ 12-го октября 1877 г. Р. однимъ изъ первыхъ бросился на приступъ и успѣлъ уже спуститься въ ровъ, но здѣсь былъ смертельно раненъ осколкомъ гранаты и вскорѣ скончался; по повелѣнію Имп. Александра II, тѣло его было перевезено въ Петербургъ и 22-го ноября погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

„Иллюстрированная Хроника войны 1877—1878 гг.“, приложеніе къ „Всемірной Иллюстраціи“ за 1877 и 1878 г., т. II, № 74, стр. 163 и 168; „Русскій Инвалидъ“ 1877 г., № 226, стр. 4 и № 205: „Рапортъ Свиты Его Величества ген.-м. князя Имеретинскаго Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему о взятіи г. Ловчи“; „Дополнительный альбомъ портретовъ дѣятелей войны 1877 и 1878 гг.“,—приложеніе къ Сборнику военныхъ разсказовъ, изд. кн. В. П. Мещерскаго, С.-Пб. 1879 г.; „Нива“ 1878 г., № 3, стр. 44, 46—47; А. Старчевскій, „Памятникъ Восточной войны 1877—1878 гг., С.-Пб. 1878, стр. 336—338; В. К. Шенкъ, Императорская Главная квартира. Исторія Государевой Свиты. Царствованіе Императора Александра II, С.-Пб. 1914, съ портр.; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 656.

Н. М.

Рупертъ, *Вильгельмъ Яковлевичъ*, генералъ-губернаторъ Иркутскій и Енисей-

скій съ 1837 г. по 1847 г.; род. въ 1787 г. и происходилъ изъ Голландскихъ дворянъ,— о чемъ, какъ говорится въ его формулярѣ, свидѣтельствовали инженеръ-генералы графъ Сухтеленъ и Деволанъ. Въ Русскую службу Р. вступилъ 8-го апрѣля 1800 года— юнкеромъ въ 1-й Конно-Артиллерійскій баталіонъ и въ 1804 г., 13-го апрѣля, будучи во 2-мъ Піонерномъ полку и „имѣя отъ роду 17 лѣтъ", былъ произведенъ въ подпоручики. Въ 1806 году, апрѣля 3-го,— поручикъ и въ 1810 году (30-го апрѣля)— штабсъ-капитанъ того-же полка, Р. въ 1812 г., за отличіе въ сраженіи при Калафатѣ, во время Турецкой кампаніи 1811 года, гдѣ онъ выказалъ свою храбрость, подъ непріятельскими пулями строя укрѣпленія, былъ произведенъ (14-го февраля) въ капитаны. Въ 1813 году Р. былъ переведенъ (17-го февраля) въ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ и въ этомъ же (1813) году находился при главной дѣйствовавшей противъ Французовъ арміи, вмѣстѣ съ которою въ слѣдующемъ году дошелъ до Кульма, и въ 1815 году вернулся въ Россію. Въ 1816 г. Р. былъ произведенъ (26-го ноября) въ полковники и назначенъ командиромъ 5-го Піонернаго баталіона; въ 1824 г., 16-го августа, переведенъ во 2-ю сводную Піонерную бригаду съ назначеніемъ командующимъ послѣднею, 1-го января 1826 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ командиромъ названной бригады, а въ 1833 году, 6-го декабря,—въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ начальникомъ 11-й пѣхотной дивизіи; однако, уже 10-го января слѣдующаго, 1834 г. Р. былъ переведенъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, а еще черезъ мѣсяцъ (9-го февраля 1834 г.) переведенный въ Корпусъ жандармовъ, съ назначеніемъ Начальникомъ 5-го округа этого корпуса, Р. въ 1837 г., 29-го іюля, былъ назначенъ Иркутскимъ и Енисейскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Восточной Сибири. Къ этому времени Р. за свою отличную службу и образцовое управленіе ввѣренными ему частями не разъ удостоился заслужить Высочайшее благоволеніе и получилъ нѣсколько орденовъ и знаковъ отличія. Особенное, повидимому, расположеніе Императора Николая Р. пріобрѣлъ впервые въ 1825 году, когда (25-го декабря), за отличное усердіе къ службѣ, Всемилостивѣйше былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазами; есть указаніе, что во время извѣстныхъ декабрьскихъ событій онъ находился въ Зимнемъ Дворцѣ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы, во время Турецкой кампаніи 1828 года, Р. не разъ обращалъ на себя вниманіе, какъ искусный руководитель осадныхъ и прочихъ военно-инженерныхъ работъ. Такъ, въ 1828 году, съ 6-го по 25-е мая, онъ устроилъ противъ непріятеля подступы къ берегамъ Дуная на разстояніи 6-ти верстъ, а за устройство въ томъ же году переправы черезъ Дунай удостоился выраженія Высочайшаго благоволенія; въ концѣ же кампаніи, 22-го августа 1829 года, за отлично ревностную службу и благоразумныя распоряженія, оказанныя при устроеніи переправъ и мостовъ, коими содѣйствовалъ къ успѣшному открытію кампаніи 1829 года, Всемилостивѣйше былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною.

Высочайшее расположеніе, которымъ Р. пользовался до конца своей службы на поприщѣ военнаго инженера, онъ сохранилъ, повидимому, даже при менѣе счастливой для него административной дѣятельности на генералъ-губернаторскомъ посту; благоволеніе къ нему сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что Императоръ Николай въ 1834 году крестилъ у него сына Николая, который позднѣе (въ 1837 г.) былъ зачисленъ въ пажи.

Назначенный въ іюлѣ 1837 года генералъ-губернаторомъ въ Иркутскъ, Рупертъ, совершенно неподготовленный предыдущею дѣятельностью къ новому назначенію, не отличавшійся, по свидѣтельству современниковъ, особеннымъ умомъ, слабохарактерный и добродушный, въ первые же годы своего управленія навлекъ на себя нѣкоторыми своими административными мѣропріятіями неудовольствіе Главнаго Управленія Сибири. Самъ человѣкъ не высокой нравственности, хотя, быть можетъ, и безукоризненной честности, Р., по слабости ли характера или по добродушію, попустительствовалъ общей въ то время распущенности Сибирскаго чиновничества, что̀ и навлекло на него въ концѣ концовъ сенаторскую ревизію. Послѣдняя окончилась для Руперта печально: онъ не сумѣлъ себя выгородить и въ 1847 году (29-го іюня) долженъ былъ выйти по прошенію въ отставку. Едва ли не единственною мѣрою, оставившею и понынѣ прочный

слѣдъ управленія Руперта было устройство имъ въ Иркутскѣ Сиропитательнаго дома и Банка имени купцовъ Медвѣдниковыхъ, которыхъ онъ убѣдилъ на пожертвованіе для этого особаго капитала.

Р. скончался въ мартѣ 1849 г. въ имѣніи Логанешти, близъ Кишинева; онъ былъ женатъ на дочери д. с. с. Недобы — Еленѣ Ѳедоровнѣ и имѣлъ сыновей Николая и Ивана и дочерей Елизавету, Аспазію и Александру.

Формулярный списокъ за 1846 г.; В. И. Вагинъ, Сороковые годы въ Иркутскѣ — „Литературный Сборникъ“, изд. Восточнаго Обозрѣнія, 1885 г., стр. 249—277; Изъ воспоминаній Леонида Ѳеодоровича Львова — „Русскій Архивъ“ 1885 г., № 3, стр. 355—360; № 4, стр. 541; С. Максимовъ, „Сибирь и Каторга“, ч. I, стр. 75, Изд. 3, 1900 г.; А. Заблоцкій-Десятовскій, Графъ Киселевъ, т. IV, стр. 47; А. А. Пановъ, Банкъ и Сиропитательный Домъ Медвѣдниковыхъ въ Иркутскѣ (съ портретомъ); Исторія л.-гв. Сапернаго батальона, С.-Пб. 1879 г., стр. по указ.

Рупини, *Иванъ Алексѣевичъ*, или, точнѣе Рупинъ, пѣвецъ и композиторъ; крѣпостной человѣкъ извѣстнаго любителя музыки и пѣнія шталмейстера Петра Ивановича Юшкова, онъ родился въ 1792 г. въ Костромской губ. и съ дѣтства обладалъ превосходнымъ альтомъ, перешедшимъ потомъ въ теноръ. Владѣлецъ его, Юшковъ, отдалъ его въ обученіе пѣнію къ Мускети, знаменитому въ свое время пѣвцу, проживавшему въ Москвѣ въ началѣ XIX вѣка. Этотъ Мускети, чтобы болѣе обратить вниманіе слушателей на своего даровитаго ученика, передѣлалъ его русскую фамилію Рупинъ въ итальянскую—Рупини. Рупини въ Москвѣ ограничивался церковнымъ пѣніемъ, но затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и началъ обучаться свѣтскому пѣнію и вскорѣ сдѣлался извѣстенъ, какъ исполнитель русскихъ пѣсенъ, которыя въ 1831—36 г. были положены имъ на музыку и изданы. Въ Петербургѣ Рупини былъ знакомъ съ Пушкинымъ, Туманскимъ, барономъ Дельвигомъ и другими писателями, произведенія которыхъ очень искусно перелагалъ на музыку. Рупини вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность и какъ хорошій учитель пѣнія и вполнѣ занялся педагогической дѣятельностью. Въ 1840 г., имѣвъ несчастіе потерять жену, онъ впалъ въ апатію, сталъ пренебрегать уроками и скоро очутился въ нуждѣ, заставившей его поступить въ театръ учителемъ хоровъ итальянской оперы (1843 г.). Онъ постепенно былъ забытъ публикою и умеръ 22-го марта 1850 г., въ бѣдности, въ своей небольшой квартиркѣ у Николы Морского, въ Петербургѣ; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ 1839 г. Р. издалъ 1-ю тетрадь сборника своихъ романсовъ, подъ заглавіемъ „Букетъ“, въ который вошли „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“, Пушкина, „Горитъ вся грудь моя въ огнѣ“ (слова Ѳ. Кони), „Не припадай ко мнѣ на грудь“ (слова Полежаева) и др. Отдѣльно Р. издалъ русскую пѣсню „Какъ вечоръ молода молодешенька“, на слова И. И. Козлова. Первая тетрадь его „Русскихъ пѣсенъ“, посвященная Императрицѣ, вышла въ свѣтъ въ 1831 году, вторая часть — въ 1833 году, а въ 1836 году вышла третья и послѣдняя тетрадь, которая содержала семь пѣсенъ, положенныхъ на одинъ голосъ, съ варіаціями и акомпаниментомъ фортепіано. Наибольшимъ успѣхомъ изъ послѣдней тетради пользовались слѣдующія пѣсни: „Голубчикъ, голубчикъ, голубчикъ ты мой!“ и „Я по цвѣтикамъ ходила, по лазоревымъ гуляла“. Главное достоинство пѣсенъ, положенныхъ на музыку Рупини, заключается въ сохраненіи чистаго народнаго напѣва. Ихъ варіаціи обладаютъ рѣдкимъ свойствомъ.—нисколько не удаляясь отъ темы, быть въ то же время и необыкновенно близкими къ переливамъ голоса нашихъ простонародныхъ пѣсенъ. Они своими мастерскими переходами изъ одного тона въ другой восхищаютъ и захватываютъ вниманіе слушателей. Благодаря своему неподражаемому умѣнью передавать русскія пѣсни и открытому, простому, добродушному характеру, у Рупини было много близкихъ пріятелей изъ кружка нашихъ лучшихъ поэтовъ и литераторовъ. Въ числѣ ихъ были, какъ сказано выше, сперва Пушкинъ, Дельвигъ, Туманскій и нѣкоторые другіе, а впослѣдствіи Полевой, Струговщиковъ, Якубовичъ, С. Глинка, Ѳ. Кони и др. Въ ту пору домъ его всегда былъ открытъ для друзей, и онъ очень любилъ блеснуть Московскимъ гостепріимствомъ и радушіемъ. У него въ домѣ всегда можно было встрѣтить нѣсколько человѣкъ литераторовъ, любителей музыки и артистовъ. Нерѣдко здѣсь же писались слова для пѣсенъ и романсовъ и здѣсь же сейчасъ ихъ клали на музыку. „Лучшія

русскія пѣсни и лирическія стихотворенія барона Дельвига, разсказываетъ Ѳ. А. Кони, родились въ минуту увлеченія, на рояли Рупини, и имъ положены на музыку. Жена И. А. своей непринужденной веселостью, добротой, остроумiемъ и простымъ, сердечнымъ обращеніемъ дѣлала эти литературно-музыкальные вечера еще болѣе привлекательными".

Кромѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ Р. является авторомъ еще около 50-ти пѣсенъ, романсовъ, кантатъ, каватинъ и мелодій, изъ которыхъ очень многія сдѣлались совершенно народными. Такова, напримѣръ, его пѣсня „Вотъ мчится тройка удалая". Лучшіе изъ его романсовъ: „Кого-то нѣтъ, кого-то жаль", „Нѣтъ, обманула васъ молва", каватина „Не припадай ко мнѣ на грудь", „Могила Маріи", „Дружба", „Сновидѣніе", „Не цвѣта небеснаго очи твои", „Бокалъ", „Нищій", „Видѣніе", „Тебя здѣсь нѣтъ", „Не улыбайся такъ привѣтно", „И нѣтъ въ мірѣ очей", „Ахъ какъ мнѣ быть, скажите мнѣ". Изъ его русскихъ пѣсенъ лучшія: „Одиноко мѣсяцъ плылъ", „Приди, приди на этотъ лугъ", „Ахъ не одна въ полѣ дороженька", „Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить", „Не бѣлы снѣги", „Рано, цвѣтикъ, рано ты въ полѣ распустился", „Не жемчугъ дорогой на цвѣтикѣ блеститъ", „По небу тучки громовыя ходятъ", „Что, соловушка, напѣваешь ты" и „Кольцо". Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ были изданы авторомъ въ Альбомахъ; наиболѣе интереснымъ альбомомъ считался вышеупомянутый „Букетъ". Остальныя пѣсни издавались имъ или отдѣльно, или были напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ. Послѣднее большое его изданіе было въ 1839 году: „Русскій привѣтъ Ея Императорскому Высочеству, Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ" и „Русское ура!". Произведенія Рупини пользовались успѣхомъ, ихъ часто пѣли на сценѣ и въ концертахъ. Повременныя изданія въ своихъ критическихъ разборахъ хвалили и одобряли ихъ и многія изъ нихъ были удостоены Высочайшихъ наградъ. Главное достоинство и отличительная черта творчества Р., кромѣ исключительно присущаго ему вкуса и мелодичности, состояли еще въ томъ, что у него каждая пьеса имѣла свойственный только ей одной колоритъ. Романсы его отличаются благородствомъ стиля и полны чувства, рѣдкой граціи, свѣжести и разнообразія мотивовъ. Ихъ эффектные переходы и драматизмъ въ особенности снискали имъ популярность.

Ѳ. А. Кони: Русскій пѣвецъ и композиторъ И. А. Рупини—„Пантеонъ и Репертуаръ русской сцены" 1850 г., т. II, кн. 4, стр. 21—40 (съ литограф. портретомъ); Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. III, примѣчанія, стр. 607; „Сынъ Отеч." 1839 г., т. VII; „Сѣв. Пчела" 1836 г., № 19; „Историч. Вѣстн." 1886 г., т. XXIV, стр. 229.

Рупрехтъ, *Францъ Ивановичъ* (Franz-Joseph Ruprecht), ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, изслѣдователь Дагестана, докторъ медицины; старшій сынъ умершаго въ Прагѣ интендантскаго чиновника Австрійской службы, Р. родился въ Фрейбургѣ, въ округѣ Бризгау, 4-го (16-го) ноября (или 1-го) 1814 г. Первые годы его дѣтства прошли среди кочевой, походной жизни, ибо онъ находился при отцѣ, по обязанностямъ службы сопровождавшемъ армію, сражавшуюся тогда противъ Наполеона. Во время кампаніи умерла его мать,—и отецъ его, по заключеніи мира, рѣшилъ поселиться навсегда въ Прагѣ, гдѣ женился во второй разъ. Въ Прагѣ молодой Р. поступилъ въ гимназію, по окончаніи курса въ которой изучалъ въ Пражскомъ Университетѣ, съ 1830 по 1836 г., медицину. Но не медицина составляла спеціальный предметъ занятій Р.: уже на студенческой скамьѣ онъ съ увлеченіемъ отдавался ботаникѣ, дѣлалъ экскурсіи въ Тирольскія Альпы и въ Богемію, старательно собирая рѣдкія растенія для коллекціи Рейхенбаха „Flora Germanica exsiccata" и составляя себѣ гербарій образцовъ Богемской флоры, уступленный имъ впослѣдствіи Казанскому Университету (объ этомъ гербаріи см. журн. „Lotos" 1852 г., стр. 191). Насколько успѣшны были эти занятія Р., доказывается тѣмъ, что уже въ 1837 г. онъ написалъ сочиненіе о топографіи и флорѣ Богеміи.

Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ботаникой, Р. имѣлъ случай познакомиться съ самыми выдающимися Пражскими спеціалистами, напр., Костелецкимъ, графомъ Штернбергомъ и др., и вступить въ корреспонденцію съ такими извѣстными учеными, какъ Бауеръ, Шамиссо, Клотцъ, Кунтъ, Линкъ, Люце, Неезе-фонъ-Эзенбекъ и др.; отношенія эти у него образовались со времени предпринятаго имъ путешествія по Германіи съ спеціальною цѣлью осмо-

трѣть и, по возможности, изучить важнѣйшія ботаническія коллекціи. Результатомъ этихъ занятій явился серьезный трудъ Р.—опытъ общей агростографіи („Tentamen agrostographiae universalis"), вышедшій въ свѣтъ въ 1838 г. Въ томъ же году онъ защищалъ диссертацію на степень доктора, при чемъ темой для этого ему послужилъ разборъ двухъ семействъ злаковыхъ растеній (paniceae и rottboliaceae). 1-го августа 1838 г. Р. получилъ желаемую степень.

Еще передъ защитой своей диссертаціи Р. познакомился съ знаменитымъ агростографомъ, русскимъ академикомъ Триніусомъ, пріѣхавшимъ въ Прагу на собраніе Германскихъ естествоиспытателей и врачей. Триніусъ сразу оцѣнилъ способности молодого ученаго и предложилъ ему мѣсто хранителя Ботаническаго Музея въ Имп. Академіи Наукъ. Вслѣдствіе этого Р., только что начавшій врачебную практику въ Прагѣ, оставилъ родину и уѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ весною 1839 г., а осенью былъ утвержденъ въ своей новой должности Конференціею Академіи. Въ Петербургѣ открылось для Р. поле самостоятельной и полезной дѣятельности. Основанный въ 1823 г. и устроенный Триніусомъ при Академіи Наукъ Ботаническій Музей обогатился въ сравнительно короткое время не только рѣдкими экземплярами Русской флоры, но также обширными коллекціями съ образчиками растеній изъ всѣхъ частей свѣта; весь этотъ матерьялъ былъ не обработанъ и не приведенъ въ порядокъ. Для систематизаціи его въ Академіи было только двое спеціалистовъ — Триніусъ и Бонгардъ; первый посвятилъ себя почти исключительно агростографіи, ученая дѣятельность второго была прервана преждевременной смертью. Такимъ образомъ, Р. сдѣлался, въ сущности, единственнымъ распорядителемъ Музея, и нужно было съ его стороны много энергіи и любви къ дѣлу, чтобы, исполняя трудныя и многосложныя обязанности хранителя такого обширнаго ботаническаго собранія, находить еще время для трудовъ научнаго содержанія.

Въ день своего утвержденія въ званіи хранителя Ботаническаго Музея Р. представилъ Академіи Наукъ подробную монографію о бамбуковыхъ растеніяхъ (Bambuseae), — трудъ, надъ которымъ онъ долго и упорно работалъ еще въ Прагѣ. Въ 1840 г. вниманіе всего ученаго міра обратило на себя другое, болѣе крупное сочиненіе Р.: „О водорослях Тихаго Океана" („Die Tange des nördlichen Stillen Oceans"),—трудъ тѣмъ болѣе цѣнный, что, послѣ „Historia fucorum" Гмелина, онъ явился первой попыткой самостоятельной работы въ этой области. Матеріаломъ для этого изслѣдованія Р—у послужили растенія, собранныя во время кругосвѣтнаго плаванія адмирала Ѳ. П. Литке, впослѣдствіи графа и Президента Академіи Наукъ. Академія удостоила это сочиненіе полной Демидовской преміи. Эти деньги онъ употребилъ на путешествіе съ научной цѣлью въ Архангельскую губернію, самоѣдскую тундру и на островъ Колгуевъ, куда былъ командированъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и гдѣ пробылъ съ мая по сентябрь 1841 г. Результатомъ этого путешествія были привезенныя имъ богатыя ботаническія коллекціи и сочиненіе, посвященное обработкѣ ихъ. Вмѣстѣ съ другимъ, позднѣйшимъ трудомъ Р. о флорѣ Сѣвернаго Урала, написанномъ на основаніи матерьяловъ, собранныхъ Уральской экспедиціей Русскаго Географическаго Общества, сочиненіе это даетъ полную картину растительной жизни крайняго Сѣвера Европейской Россіи.

Въ 1847 г. Р. женился на русской нѣмкѣ — Каролинѣ Мейнсгаузенъ изъ Риги и перешелъ изъ Австрійскаго подданства въ Русское; годъ спустя (5-го февраля 1848 г.), онъ былъ назначенъ адъюнктомъ Академіи Наукъ, въ 1853 г. избранъ (5-го ноября) и Высочайше утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1857 г. (11-го января)—ординарнымъ академикомъ. Еще ранѣе, въ 1850 г., онъ занялъ мѣсто Директора С.-Петербургскаго Ботаническаго Сада, которое и сохранялъ до 1855 г.; параллельно съ этимъ онъ до 1859 г. состоялъ преподавателемъ ботаники въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, при чемъ, находя имѣвшіеся учебники неудовлетворительными, написалъ пособіе къ своимъ лекціямъ на Русскомъ языкѣ, — работу, стоившую ему многихъ трудовъ. Послѣ смерти Директора Ботаническаго Музея Мейера Р. занялъ мѣсто его въ 1855 г.

Послѣ покоренія въ 1859 г. Русскими войсками восточной части Кавказа—Дагестана, Академія Наукъ постановила командировать Р. на Кавказъ со спеціальной цѣлью изученія Дагестанской флоры. Два

лѣта провелъ Р. въ Дагестанѣ, изучая образцы мѣстной растительности, а затѣмъ уѣхалъ въ Грузію, гдѣ занялся изслѣдованіемъ мѣстной флоры, обращая главное вниманіе на культуры экзотическихъ растеній. Результаты этого путешествія были чрезвычайно цѣнны: кромѣ богатыхъ и разнообразныхъ ботаническихъ коллекцій, собранныхъ имъ, онъ привезъ еще описаніе нѣкоторыхъ мѣстъ Дагестана, до тѣхъ поръ еще не изслѣдованныхъ и почти неизвѣстныхъ въ то время. Краткое описаніе результатовъ своего изученія мѣстной флоры Р. представилъ еще въ Тифлисѣ, прочитавъ докладъ въ тамошнѣмъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Краткій отчетъ о своей командировкѣ Р. представилъ Академіи тотчасъ по прибытіи въ С.-Петербургъ; весной того же года онъ сдѣлалъ къ нему дополненія и въ такомъ видѣ опубликовалъ. Параллельно съ этимъ Р. работалъ надъ приведеніемъ въ порядокъ и систематизаціей собранныхъ имъ матерьяловъ, что̀ заняло болѣе года. Самыми же важными и серьезными плодами его путевыхъ трудовъ явились два его сочиненія: „Barometrischen Höhenstimmungen“ (1863 г.) и „Flora Caucasi“ (1867); къ послѣднему было издано въ 1869 г. Прибавленіе.

Работая надъ своими коллекціями, Р. въ то же время значительную часть своей энергіи отдавалъ изслѣдованіямъ по ботаникѣ же, но въ нѣсколько другой области ея. Такъ, въ 1869 г. онъ взялъ на себя систематизацію образцовъ Азіатской флоры, собранныхъ Секретаремъ Русскаго Географическаго Общества барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ во время его поѣздки въ Тянь-Шань. Еще ранѣе того Р. занимался изученіемъ флоры С.-Петербургской губерніи и даже былъ командированъ съ этою цѣлью Академіей въ 1853 г. въ Петербургскій уѣздъ. Въ 1863 г. Р. ѣздилъ въ Харьковъ и Казань съ цѣлью осмотра ботаническихъ собраній мѣстныхъ Университетовъ. Кромѣ того, онъ занимался еще изслѣдованіемъ чернозема и результаты своихъ работъ опубликовалъ. Словомъ, Р., благодаря упорному труду и рѣдкой преданности наукѣ, сумѣлъ соединить свои прямыя обязанности съ серьезной работой ученаго.

За свои научныя заслуги Р. былъ избираемъ въ члены разныхъ ученыхъ Обществъ: съ 1841 г. онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Королевскаго Баварскаго Общества въ Регенсбургѣ; съ 1849 г.—Общества естествоиспытателей „Лотосъ“ въ Прагѣ; съ 1856 г. — членомъ Ученаго Общества въ Упсалѣ; съ 1857 г.—Русскаго Географическаго Общества; съ 1857 г.—Комитета акклиматизаціи при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства; съ 1859 г.—Вольно-Экономическаго Общества; съ 1859 г.—Русскаго Общества садоводства въ С.-Петербургѣ; съ 1861 г.—почетнымъ членомъ Совѣта Агрономическаго Горыгорецкаго Училища; съ 1863 г.—Эстляндскаго Общества садоводства въ Ревелѣ; съ 1868 г.—членомъ Общества Естествоиспытателей въ Москвѣ; съ 1869 г. — почетнымъ членомъ Общества естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ; съ 1870 г.—Общества естествоиспытателей при Харьковскомъ Университетѣ.—Въ ботаникѣ имя Р. связано съ видомъ Ruprechtia изъ семейства Polygonaceae.

Точный и аккуратный, одаренный сильнымъ аналитическимъ умомъ и обладавшій выдающейся эрудиціей, Р. оставилъ замѣтный слѣдъ въ своей любимой спеціальности.

Умеръ Р. 23-го іюля 1870 г. въ Петербургѣ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; погребенъ онъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Что касается научной дѣятельности Р., то онъ извѣстенъ слѣдующими своими трудами: I. F. Ruprecht in Prag: „Über Stellaria latifolia De C. Prodr.“ — въ „Flora“ 1834, годъ XVII, ч. II, ст. 707—710; „Tentamen Agrostographiae universalis, exhibens characteres ordinum generumque dispositionem naturalem cum distributione geographica, adjectis tabulis analyticis“, Pragae. 1838; „Tentamen agrostographiae universalis“ etc. Ordo I. II, Pragae. 1838; „Bambuseas monographice disposuit D-r F. I. Ruprecht“ — въ „Mém. de L'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg“, VI série, Sc. math. phys. et natur., t. V, 1840, 91—164; также отдѣльнымъ изданіемъ, С.-Пб. 1839; „Illustrationes Algarum in itinere circa orbem“ etc. Auctoribus prof. A. Postels et Doct. F. Ruprecht, Petropoli. 1840; „Lichenes — въ книгѣ Bongard und Meyer: Verzeichniss der .... Pflanzen... etc., St.-Petersburg. 1841,—въ „Mém. de l'Acad. de Sc., Sc. natur., t. IV, I, ст. 78; „Über einige neue brasilianische Bambusrohre“—въ „Bul-

letin scientif. de l'Académie Imp. des Sc. de St.-Pétersb., VIII, 1841, 332 — 336; „Bericht über die Bereicherungen der botanischen Sammlungen" etc.—въ „Bull. scientif.", VIII, 1841, 350—352; „Gramina Agrostidea etc., exposuerunt C. B. Trinius et F. J. Ruprecht" — въ „Mém. de l'Acad. Imp. des Sc.", VI série, t. VII, 2, ст. 1—189; отдѣльное изданіе подъ титуломъ „Species graminum stipaceorum", Petrop. 1842; „Gramineae"—въ „Bulletin de l'Acad. royale des sc. et. belles lettres de Bruxelles", 1842, IX, 2, ст. 227—248; „Neue Beobachtungen über Oscillaria" — въ „Bull. de la Classe physico-mathématique de l'Acad. Imp. des sc. de St-Pétersb.", III, 1845; „Flores Samojedorum cisuralensium offert F. I. Ruprecht"—въ „Beiträge zur Pflanzenkunde des Russischen Reichs", II, 1845; „Distributio Cryptogramarum Vascularium in Imperio Rossico" — тамъ же, III, 1845; „In historiam stirpium Florae Petropolitanae diatribae",—тамъ же, IV, 1845; „Symbolae ad historiam et geographiam plantarum Rossicarum", Petropoli. 1846; „Über den Standpunkt der Cryptogamie in Russland"— въ „Bull. de la cl. phys.-math.", VI, 1848, ст. 305—311; „Carl Bernhard *Trinius*" etc., Berlin. 1848; „Bemerkungen über den Bau und das Wachsthum einiger grösseren Algenstämme und über die Mittel das Alter derselben zu bestimmen" — въ „Mém. de l'Acad. Imp. des sc.", VI sér., VIII, 2, 1849, стр. 59—70; отдѣльное изданіе — 1848; „Die Vegetation des Rothen Meeres" etc.— въ „Mém. de l'Acad. Imp. d. sc.", VI sér., VIII, 2, 1849, ст. 71—84; отдѣльное изданіе — 1849 г.; „Chupp-Tatt" etc. — въ „Bull. de la cl. phys.-math.", VIII, 1850, ст. 121 — 126; отд. изд.—1849; „Vorläufige Anzeige über die Entdeckung von Gefässen" etc.—въ „Bull. de la cl. phys.-math.", VIII, 1850, ст. 233—234; отд. изд.—1850; „Über die Verbreitung der Pflanzen in nördlischen Ural"—въ „Bull. cl. phys.-math.", VIII, 1850, 273—297; „Tange des Ochotskischen Meeres" etc.—въ „Reise in den äussersten Norden u. Osten Sibiriens" etc., I, С.-Пб. 1856; „Über das System der Rhodophyceae" etc.—въ „Mém. de l'Acad. Imp. d. sc.", VI sér., IX, 2, 1855, ст. 25—54; „Hatte die diesjährige Sonnenfinsterniss in St. Petersburg einen Einfluss" etc.? — въ „Bull. cl. phys.-math.", IX, 1851; „Neue oder unvollständig bekannte Pflanzen" etc.— въ „Mém. de l'Acad. Imp. des sc.", VI sér., X, 2, 1855; „Разборъ сочиненія старшихъ учителей при Ревельской Гимназіи... Видемана и Вебера..." — въ „Отчетѣ о XXII присуж. Демид. наградъ", С.-Пб. 1853; „Analyse des Werkes der H. H. Wiedemann und Weber" etc. — въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XIII, 1855, стр. 113—128; „Flora boreali-uralensis" etc. — въ „Der nordliche Ural und das Küstengebirge Pae-choi" etc., ч. II, 1856; „Флора Сѣвернаго Урала. О распространеніи растеній на сѣверномъ Уралѣ", С.-Пб. 1854; „Bericht über eine Reise in Gouvernement St.-Pétersburg"—въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XII, 1854; „Разборъ сочиненія Д-ра Мерклина" и т. д. — въ „XXIV присужд. Демид. нагр.", С.-Пб. 1855; „D-r Carl Anton *Meyer*" — въ „Bot. Zeitung" 1855, ст. 374—375, „Einige Worte über die Gattung Calyptrostigma"—въ „Bull cl. phys. math.", XIV, 1856, ст. 93—94; „Rapport de M. Ruprecht sur un travail de Mr. E. Borszcsow" etc. — въ „Bull. de la cl. phys. math.", XIV, 1856; „Animadversiones in plantas" etc.—въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XIV, 1856, ст. 229—238; „Разборъ сочиненія г. Турчанинова" и т. д. — въ „XXVI присужд. Демид. нагр." 1857, стр. 37—48; „Разборъ сочиненія г. Ценковскаго" и т. д. — тамъ же, стр. 153—159; „Die ersten botanischen Nachrichten über das Amurland" etc. — въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XV, 1857, ст. 120—144; „Die ersten botanischen Nachrichten über das Amurland" etc. — въ „Bull. cl. phys.-math." XV, 1857, ст. 257—267; 352—383; „Ein Beitrag zur Frage über die Parthenogenesis bei Pflanzen" etc.— въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XVI, 1858, 273—279; „Bemerkungen über einige Arten der Gattung Botrychium"—въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XVII, № 3, 1858, 47—48; „Revision der Umbelliferen Kamtschatka" — въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XVII, № 7, 1858, 106—108; „Die Edeltannen von Pavlovsk" — въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XVII, № 17, 1858, 261 — 270; „Rapport sur un mémoire de Mr. Regel" etc — въ „Bull. de la cl. phys.-math.", XVII, 1859, 411—415; „Decas plantarum amurensium" etc., Petropoli. 1859; „Путешествіе на Амуръ" и т. д., С.-Пб. 1859; „Разборъ сочиненія г. Максимовича" и т. д. — въ XXVIII присужд. Демид. нагр., С.-Пб. 1859;

„Revision cer Umbelliferen aus Kamtschatka“ etc. — въ „Beiträge zur Pflanzenkunde des Russ. Reichs“, 1859; „Parthenogenesis bei Pflanzen“—„Bonplandia“, VII, 1859, 4—6; „Flora Ingrica“ etc., Petropoli. 1860; „Über einen verkieselten Baumfarn“ etc. — въ „Bull. de l'Acad. Imp.“, I, 1860, 147—153; „Разборъ сочиненія г. Анненкова“ — въ „XXIX прис. Демид. нагр.“, С.-Пб. 1860; „Разборъ соч. г. Рачинскаго“ и т. д. — тамъ же, ст. 193—200; „Записка Р.“ и т. д.—въ „Зап. Кавказ. Общ. Сельск. Хоз.“ 1861, Тифлисъ; „Vorläufige Nachrichten über meine Reise“ etc. — въ „Bull. Acad. Imp.“, V, 1862, 25—33; „Barometrische Höhenbestimmungen“—въ „Mém. de l'Acad. Imp.“, VII, № 1, 1863; „Bemerkungen über die Caukasischen Primeln“ — въ „Bull. de l'Ac. Imp.“, VI, 1863, 217—238; „О научныхъ пособіяхъ“ и т. д. — въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1863, 1—14; „Ein Beitrag zur Frage“ и т. д. — въ „Bull. de l'Acad. Imp.“, VII, 1864, 148—158; „Das botanische Museum“ etc.—въ „Zur Geschichte der Museen der K. Akademie der Wissenschaften“, прилож. къ „Bull. Acad.“, VII, 1864; „Очеркъ исторіи Ботаническаго Музея“—въ „Зап. Ак. Н.“, V, 2, 1864; „Über den Ursprung des Tschornosjom“—въ „Bull. Ac.“, VII, 1864, 417—425; „Über die... Bedeutung des Tschornosjom“ — въ „Bull. Ac.“, VII, 1864, 425—438; „О происхожденіи чернозема“ — въ „Учителѣ“ 1864, №№ 10, 11, 12, 9; „Разборъ соч. Борщова“ и т. д. — въ „XXXIII прис. Дем. нагр.“, С.-Пб. 1865, 146—158; „Beiträge zur Geschichte“ и т. д. въ „Bull. Ac.“, VIII, 1865; „Uber eine mikroskopische Süsswasser-Alge“ etc.—въ „Bull. Acad.“, IX, 1866, 35—43; „Neuere geobotan. Untersuchungen“ etc.—въ „Bull. Acad.“, IX 1866, 482—569; „Геоботаническое изслѣдованіе о черноземѣ“, С.-Пб. 1866; „Разборъ 1-го вып. соч. Цабеля“ и т. д.—„XXXVI прис. Дем. нагр.“, С.-Пб. 1866; „Замѣчанія по поводу доклада коммисіи“ и т. д., С.-Пб. 1866; „Revisio Campanularum Caucasi“ — въ „Bull. Ac.“, XI, 1867, 203—222; „Новыя изслѣдованія о черноземѣ“ — въ „Натуралистѣ“ 1867, № 13 — 20; „Sternbergia Fischeriana“—въ „Gartenflora“ 1868, 100—102; „Caucasische Zwiebelgewächse“ и т. д.—въ „Gartenflora“ 1868, 130—132, „О сочиненіи Шперка“ и т. д. — въ „Зап. Имп. Акад. Наукъ“, XIV, 1869, II, ст. 123—125; „Freicher von der *Osten-Sacken* u. F. I. *Ruprecht:* Sertum tianschanicum“ etc., С.-Пб. 1869; „Flora Caucasi“, ч. 1—въ „Mém. Acad.“, VII sér., XV, № 2, 1869; „О ботаническихъ названіяхъ“ въ „Толковомъ Словарѣ Даля“ и т. д. — въ „Зап. Им. Ак. Наукъ“ XVII, 2 ст. 87 и 88, и нѣкот. другія статьи. Въ „Трудахъ Вотаническаго Сада Имп. Юрьевск. Унив.“, т. XIV, 1913, напечатаны письма Р. къ женѣ (рожд. Мейнсгаузенъ) за время его путешествія на Кавказъ.

„Bullet. de L'Acad. Imp. des scienees de St. Pétersb.“, XVI, 1871, приложеніе; „Allgemeine Deutsche Biographie“, т. 29, ст. 748—753; К. Максимовичъ, „Очеркъ жизни и трудовъ Ф. И. Рупрехта“, С.-Пб. 1871; „Отчетъ Имп. Русскаго Географ. Общества“ за 1870 г.; „Отчетъ Имп. Академіи Наукъ“ за 1870 г.; „С.-Пбургскія Вѣдомости“ 1870, № 201; Б. Л. Модзалевскій, Списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ 1725—1907, С.-Пб. 1908, стр. 50; „Вѣстникъ Росс. Общ. Садоводства“ 1870 г., № 6, стр. 537—538; Г. Геннади, Словарь писателей, т. III, М. 1908; А. Пыпинъ, Исторія Русской Этнографіи, т. IV, стр. 288, 294; В. И. Липскій, Біографіи и литературная дѣятельность ботаниковъ и лицъ, соприкасавшихся съ Имп. Ботаническимъ Садомъ. Вып. III, Пгр. 1915, стр. 424—432 (съ портр.); Д. И. Литвиновъ, Библіографія флоры Сибири, С.-Пб. 1909, стр. 243—247; Энциклопед. Словарь Брокгауза-Ефрона, полут. 53, стр. 293.

Русановскій, *Михаилъ Руфовичъ*, врачъ Староингерманландскаго полка; род. въ 1853 году, среднее образованіе получилъ въ Тифлисской Гимназіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію. Еще будучи студентомъ, онъ напечаталъ въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ“ (1878 г., № 2, и рефер. „Мед. Обозр.“ 1878 г., стр. 144) изъ акушерской клиники проф. Славянскаго изслѣдованіе: „Кровотеченіе во время родовъ изъ разрѣза наружныхъ половыхъ частей“. Въ 1879 году Р. окончилъ курсъ Академіи, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ младшимъ врачомъ въ 9-й Староингерманландскій полкъ, стоявшій въ Нижнемъ-Новгородѣ. Здѣсь онъ дѣятельно принялся за практику, посылая время отъ времени статьи въ разные медицинскіе журналы. Такъ, въ 1880 г. имъ была помѣщена во „Врачѣ“ (1880 г. № 37) статья „Къ лѣченію ожоговъ содою“; въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ врачемъ Генрихомъ Родзевичемъ, Р. сдѣлалъ первую въ Нижнемъ-Новгородѣ операцію переливанія крови, послѣ чего напечаталъ (вмѣстѣ съ Г. Род-

зевичемъ) во „Врачѣ“ (1881 г., № 45) статью: „Первый успѣшный случай въ Нижнемъ-Новгородѣ переливанія крови въ полость брюшины“. Вскорѣ послѣ этого онъ напечаталъ во „Врачѣ“ же (1882 г., № 1) свою послѣднюю статью „О способахъ Ле-Бона оживлять мнимо умершихъ новорожденныхъ“ (погруженіемъ въ горячую воду). Дальнѣйшая работа его была прервана скоропостижною смертью отъ острaго отека легкихъ; онъ скончался 5-го апрѣля 1882 г., на 29 году отъ рожденія.

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, вып. II, С.-Пб. 1889 г., т. 5, стр. 102; „Врачебныя Вѣдомости“ 1882 г., № 14 (516), ст. Генриха Родзевича: „М. Р. Русановскій“ (некрологъ), стр. 3115.

Н. М.

Русановскій, *Петръ Ивановичъ*, Директоръ Музеума Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента; съ 1770 г. былъ учителемъ иностранныхъ языковъ въ Дворянской Гимназіи Московскаго Университета, отъ котораго имѣлъ званія баккалавра и магистра. Въ 1794 г. онъ былъ командированъ на Шведскую границу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при начальникѣ Русской гребной флотиліи вице-адмиралѣ маркизѣ де-Траверсе, съ которымъ и плавалъ непрерывно въ теченіе послѣдующихъ 5 лѣтъ, а затѣмъ былъ экспедиторомъ Коммисіи духовныхъ училищъ по ученой части. Будучи лично знакомъ маркизу де-Траверсе, съ 1809 г. Управлявшему Морскимъ Министерствомъ, Р., тогда коллежскій совѣтникъ, назначенъ былъ, 30-го іюня 1810 г., Директоромъ Музеума Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента,—на мѣсто извѣстнаго графа де-Местра; ему было поручено приведеніе въ порядокъ всего инвентаря Музеума, но, какъ говоритъ историкъ послѣдняго, „преклонные годы и видимая любовь къ сибаритству Русановскаго оказали на дѣла Музеума разлагающее вліяніе. Да и обстоятельства, къ тому же, сложились для Русановскаго самыя неблагопріятныя: наступалъ тревожный 1812 годъ, Наполеонъ приближался къ Москвѣ, что вызвало въ С.-Петербургѣ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, заключавшихся въ вывозѣ изъ столицы... музеевъ различнаго рода, въ числѣ которыхъ подвергся вывозу и Морской Музеумъ, съ его кабинетомъ рѣдкостей и обширною библіотекой. Поспѣшно уложенные въ ящики, предметы Музеума отправлены были на Накрохинскую пристань въ Новгородскую губернію, но, зазимовавъ въ Ладогѣ, они въ томъ же году возвращены обратно. Тутъ-то сибаритство Русановскаго и сказалось въ полной своей неприглядности. Вмѣсто быстраго приведенія въ должный порядокъ музейнаго имущества, Директоръ сталъ рѣже посѣщать Музеумъ, уклоняться отъ пріема вещей подъ предлогомъ болѣзни и неудобствъ помѣщенія, весьма-де холоднаго, гдѣ приходилось ему заниматься“. Адмиралтейскій Департаментъ долго понуждалъ Русановскаго къ работѣ и къ явкѣ на службу, но когда убѣдился, что понужденія не достигаютъ цѣли, постановилъ производить Директору полевинное жалованье. Еще въ 1818 году не была приведена въ порядокъ библіотека Музеума, такъ что, наконецъ, дѣло о приведеніи въ порядокъ инвентаря Музеума и составленіе каталоговъ его имущества поручено было особой Коммисіи, въ которой дѣятельное участіе принималъ Правитель Канцеляріи Адмиралтейскаго Департамента А. С. Никольскій (Членъ Россійской Академіи), благодаря которому желаемый порядокъ въ Музеумѣ водворился лишь къ 1822 г., а въ 1823 г. Р., уже бывшій тогда статскимъ совѣтникомъ, былъ уволенъ отъ службы, при чемъ, благодаря ходатайству маркиза де-Траверсе, Высочайше пожалованъ ему былъ въ пенсіонъ полный окладъ жалованья—1500 р. въ годъ. Умеръ Русановскій въ Москвѣ въ 1839 г. Онъ былъ членомъ масонской ложи Лабзина (члена Адмиралтейскаго Департамента) „Умирающій Сфинксъ“, но въ 1820 г. былъ изъ нея исключенъ за то, что не посѣщалъ собраній ложи.

С. Ѳ. Огородниковъ, Модель-Камера, впослѣдствіи Морской Музей, С.-Пб. 1909, стр. 27—28; Мѣсяцесловъ на 1820 г., ч. I, стр. 399 и на 1823 г., ч. I, стр. 309; Протоколы ложи „Умирающаго Сфинкса“ въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

Б. М.

Русановъ, *Александръ Андреевичъ*, художникъ, сынъ Кронштадтскаго купца 3-й гильдіи, род. 1-го іюня 1845 года; 21-го октября 1854 года поступилъ въ С.-Петербургѣ въ Главное Нѣмецкое Училище (Peterschule), гдѣ и окончилъ курсъ 27-го марта 1865 года, а въ декабрѣ этого года поступилъ вольнослушателемъ въ Академію Художествъ, въ классъ гипсовыхъ головъ.

Вольнослушателемъ Русановъ былъ до сентября 1866 года, когда представилъ приговоръ Кронштадтской Городской Думы о разрѣшеніи ему, какъ принадлежащему къ купеческому сословію, поступить въ Академію Художествъ. Въ послѣдней его заставили не только обучаться художеству, но и общеобразовательнымъ предметамъ. Не выдержавъ экзамена по геометріи (оффиціально, Русановъ не держалъ экзамена по болѣзни горла), онъ вспомнилъ, что у него имѣется аттестатъ Главнаго Нѣмецкаго Училища, и, слѣдовательно, онъ имѣетъ право не держать экзаменовъ по общеобразовательнымъ предметамъ: Русановъ и обратился съ означенною просьбою въ Совѣтъ Академіи, который, согласившись съ его доводами, разрѣшилъ ему держать экзамены только по спеціальнымъ предметамъ; но и спеціальные предметы были затруднительны для Р.; напримѣръ, 20-го мая 1869 года онъ просилъ разрѣшенія держать переэкзаменовку по перспективѣ. Для усовершенствованія въ художественныхъ познаніяхъ Р. отправился, въ 1867 г., на свой счетъ въ заграничное путешествіе по Германіи и Франціи, въ 1873—74 году посѣщалъ педагогическіе классы по рисованію и въ томъ же 1874 году, передъ выпускнымъ экзаменомъ, принесъ „для костюмнаго класса Академіи Художествъ“ въ даръ алебарду временъ Императрицы Елисаветы Петровны. 26-го октября 1874 г. Академія Художествъ выдала Р. аттестатъ 2-й степени за программу „Милосердіе самарянина“, а въ 1876 году рекомендовала его, какъ учителя рисованія, въ Гимназію человѣколюбиваго Общества.

Архивъ Имп. Академіи Художествъ, дѣло № 87 за 1866 г. *И. Ст—кій.*

Русановъ, *Василій Акимовичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1779 г., воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ и 8-го октября 1798 г. изъ камеръ-пажей былъ выпущенъ поручикомъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ, въ которомъ произведенъ былъ 20-го сентября 1799 г. въ штабсъ-ротмистры, 9-го декабря 1801 г.—въ ротмистры и 30-го ноября 1803 г.—уже въ полковники; переведенный затѣмъ, 13-го января 1805 г., въ Александрійскій гусарскій полкъ, онъ принялъ съ нимъ участіе въ дѣлахъ съ французами; 27-го января 1807 г., въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, былъ сорванъ ядромъ съ лошади, при чемъ ему повредило грудь и лѣвое плечо; за мужество, оказанное въ этомъ сраженіи, Р. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени (26-го апрѣля 1807 г.) и, кромѣ того, ему пожаловано было въ потомственное владѣніе 4.000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи. 5-го февраля 1809 г. Р., за ранами, уволенъ былъ въ отставку, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, а 4-го іюля былъ снова принятъ на службу и сперва назначенъ состоять по арміи, а затѣмъ опредѣленъ Окружнымъ начальникомъ 8-го Округа Отдѣльнаго Корпуса внутренней стражи. 30-го апрѣля 1812 г. Барклай-де-Толли поручилъ ему сформировать 6 новыхъ пѣхотныхъ и 2 егерскихъ полка въ Воронежѣ, Рязани и Тамбовѣ для дѣйствующей арміи; этимъ дѣломъ Р. былъ занятъ свыше двухъ лѣтъ; 30-го сентября 1827 г. онъ былъ уволенъ вовсе отъ службы съ пенсіономъ полнаго жалованья. Въ 1831 г. Р. проживалъ въ Землянскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Капитула Орденовъ; О. фонъ-Фрейманъ, Пажи за 183 года.

Н. М.

Русановъ, *Василій Михайловичъ*, генералъ-маіоръ; род. въ 1794 году и уже въ первый годъ своей военной службы принялъ участіе въ Турецкой войнѣ 1810 года. Затѣмъ весь 1812 и начало 1813 годъ онъ провелъ въ боевой обстановкѣ, участвуя во многихъ дѣлахъ съ французами. Находясь въ составѣ войскъ, отправленныхъ для преслѣдованія Наполеона; послѣ его бѣгства изъ Россіи, Русановъ, между прочимъ, принималъ участіе въ сраженіи 17-го января 1814 года при городѣ Бріень-Лешато, при чемъ былъ раненъ пулей, оторвавшей у него большую часть челюсти съ двумя зубами. Несмотря на эту тяжелую рану, онъ не бросилъ военной службы и въ 1823 году былъ назначенъ въ Новороссійскій край, гдѣ провелъ 15 лѣтъ; будучи уже въ чинѣ генералъ-маіора, онъ занималъ должность Начальника Одесской Карантинной стражи. Скончался онъ 1-го іюня 1838 года, на 44-мъ году отъ рожденія.

„Одесскій Вѣстникъ“ 1838 г., 15-го іюня, № 48, некрологъ, стр. 583—584. *Н. М.*

Русановъ, *Иванъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ; род. около 1753 года, въ службѣ

былъ съ 1771 года; служилъ въ Военной Коллегіи, въ 1784 г. былъ коллежскимъ ассессоромъ, а 27-го ноября 1788 г. изъ надворныхъ произведенъ былъ въ чинъ военнаго совѣтника; въ 1788 — 1793 гг. находился при Вице-Президентѣ Военной Коллегіи графѣ В. П. Мусинѣ-Пушкинѣ—„у исправленія дѣлъ, Всевысочайше ему ввѣренныхъ“, и имѣлъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, а 22-го сентября 1793 г. получилъ тотъ же орденъ 3-й степени; 24-го іюня 1801 г. Р. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ Правителемъ Канцеляріи Воинской Комиссіи Военной Коллегіи, учрежденной тогда подъ Предсѣдательствомъ Цесаревича Константина Павловача, а затѣмъ былъ (1810) генералъ-контролеромъ Счетной и Контрольной Экспедиціи Военной Коллегіи; умеръ 26-го января 1814 г. въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ „Историческомъ очеркѣ Главнаго Штаба“, въ исторіи организаціи, расквартированія и передвиженія войскъ за періодъ 1801—1805 гг., напечатана (Столѣтіе Военнаго Министерства, т. IV, ч. I, кн. 2, отд. 2, стр. 149—157) составленная Русановымъ для учрежденной Имп. Александромъ въ іюнѣ 1801 г. „Воинской Коммиссіи для разсмотрѣнія положенія войскъ и устройства оныхъ“—„Піеса о расположеніи войскъ по инспекціямъ“, представляющая большой интересъ для выясненія вопросовъ организаціи и дислокаціи войскъ въ началѣ царствованія Императора Александра I и послужившая Воинской Коммиссіи какъ бы отправною точкою при разработкѣ различныхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ организаціей войскъ и съ соображеніемъ „выгоднаго“ росписанія арміи по инспекціямъ; въ томъ же изданіи, т. IV, ч. I, кн. 1, отд. 1, прилож., стр. 1—4, напечатано составленное имъ-же „Исчисленіе о собранныхъ въ Россійской Имперіи въ прошедшемъ осьмнадцатомъ столѣтіи рекрутахъ“ (май 1802 г.). За первую „Піесу“ Р. получилъ Высочайшее благоволеніе. Въ 1804 г. онъ представилъ проектъ организаціи военныхъ поселеній на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ они впослѣдствіи осуществились. Проектъ Русанова, „выказавшаго“, по мнѣнію генерала И. Г. Фабриціуса, „во многихъ своихъ трудахъ по военнымъ вопросамъ весьма недюжинныя организаторскія способности, находился въ связи съ остальными предположеніями этого генерала по организаціи пенсіоннаго и инвалиднаго дѣла, изложенными въ объемистой докладной запискѣ, поданной имъ въ Военную Коллегію“ (на основаніи коихъ въ 1811 г. около крѣпости Бобруйска возникъ инвалидный поселокъ). Въ 1808—1810 гг. генералъ-контролеръ Р. былъ членомъ отъ Счетной экспедиціи Военной Коллегіи въ Комитетѣ о новомъ образованіи Военнаго Департамента.

Списокъ Воинскому Департаменту 1792 г., стр. 4; Мѣсяцесловы и Календари за разные годы; Архивъ Капитула орденовъ; Метрическія книги Смоленскаго кладбища; Столѣтіе Военнаго Министерства, т. I, стр. 165; т. III, ч. I, стр. 16; т. IV, ч. I, кн. 1, отд. 1, прилож., стр. 1, 4; отд. 2, стр. 5; кн. 2, отд. 2, стр. 149, 157, 158, 184, 394; т. VII, стр. 372, 504 и 610; Конспектъ, стр. 451 и 748; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 227 и 742.

Б. Л.

Русановъ, *Николай Ивановичъ*, С.-Петербургскій 1-й гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ; происходилъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, Онежскаго уѣзда, Пабережскаго прихода, и родился 4-го декабря 1820 года. Станціонный писарь Денисовской Почтовой Конторы научилъ крестьянина Р. читать по Часослову, а мѣстный священникъ подучилъ его писать и далъ нѣкоторое понятіе о четырехъ правилахъ ариѳметики. Съ этими познаніями одиннадцатилѣтній мальчикъ отвезенъ былъ отцомъ въ Петербургъ для дальнѣйшаго образованія, которое, впрочемъ, ограничилось посѣщеніемъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, школы одного Малоохтенскаго дьячка. Этимъ окончилось образованіе мальчика, и отецъ взялъ его съ собою для сплава лѣсныхъ матеріаловъ купца Скрябина изъ Олонецкой губерніи къ Петербургскомъ порту. Съ этого времени началась та дѣятельность Русанова, которой онъ посвятилъ всю свою дальнѣйшую жизнь. Съ конца 1830-хъ годовъ Р., въ качествѣ десятника, сплавлялъ лѣса для Петербургскаго кораблестроенія. Недовольный медлительнымъ и дорого стоившимъ сплавомъ бревенъ въ малыхъ плотахъ чрезъ озера Ладожское и Онежское, Р. рискнулъ сплавлять лѣсъ плотами 150 саженной длины, съ мачтами и парусами. Опытъ удался вполнѣ, — и Р. срав-

нительно щедро награжденъ былъ своими хозяевами. Это дало ему возможность въ 1852 году, съ капиталомъ въ 900 рублей, приступить къ веденію лѣсной торговли за собственный счетъ, всегда съ успѣхомъ для собственныхъ интересовъ и съ небывалыми выгодами для государства.

Въ 1855 г. малограмотный лѣсопромышленникъ Русановъ представилъ Министру Государственныхъ Имуществъ графу П. Д. Киселеву проектъ замѣны казеннаго способа доставки лѣсовъ для кораблестроенія путемъ подрядныхъ чрезъ частныхъ поставщиковъ. Проектъ былъ принятъ и Русановъ сталъ однимъ изъ крупныхъ контрагентовъ по снабженію флота лѣсными матеріалами. Въ 1861 году онъ устроилъ первый въ Россіи паровой лѣсопильный заводъ, близъ Петербурга, при впаденіи р. Утки въ Неву. Но наиболѣе значительнымъ предпріятіемъ Русанова является Мезенская лѣсная операція. Въ 1870 году на объявленные Лѣснымъ Управленіемъ торги на производство Мезенской лѣсной операціи явился одинъ только Русановъ, не убоясь, что предстояло организовать дѣло въ мѣстности малонаселенной, неизвѣданной ни въ лѣсоводственномъ отношеніи, ни въ отношеніи путей транспорта. Принявъ на себя эту операцію, Р. устроилъ въ устьѣ Мезени портъ и паровой лѣсопильный заводъ, приспособилъ суда для сплава лѣса — и все это по собственнымъ чертежамъ и проектамъ.

Не получивъ почти никакого образованія, Р. понималъ всю пользу его и тратилъ немалыя суммы на устройство школъ для дѣтей своихъ рабочихъ и мѣстнаго населенія, обставлялъ удобствами помѣщенія учителей и содержалъ ихъ на свой счетъ. Не менѣе того Р. заботился и о религіозной сторонѣ: строилъ церкви при своихъ заводахъ и въ другихъ мѣстахъ, обезпечивалъ существованіе причтовъ и т. под. — Кромѣ лѣсного дѣла, Р. занимался развитіемъ солеваренія и желѣзоруднаго дѣла, но всегда на родномъ Сѣверѣ. За полезную дѣятельность Р. неоднократно награжденъ былъ медалями и орденами — до ордена св. Анны 2-й степени, а потомству своему заслужилъ потомственное дворянство. Умеръ этотъ русскій самородокъ 14-го апрѣля 1882 года, оставивъ своимъ наслѣдникамъ многомилліонное состояніе. Погребенъ онъ въ Никольской церкви на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

„Николай Ивановичъ Русановъ“, С.-Пб. 1872; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 636; „Новое Время“ 1882 г., № 2204; „Кронштадтскій Вѣстникъ“ 1882 г., № 42.

Н. М.

Русецкій, *Александръ Христофоровичъ*, докторъ философіи; род. въ 1765 году и происходилъ изъ польскаго дворянскаго рода герба Равичъ; обучался, на иждивеніи родителей, въ Краковскомъ Университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ и удостоился степени доктора философіи, послѣ чего поступилъ (15-го іюля 1779 г.) ординарнымъ профессоромъ „природныхъ правъ“ въ Люблинскую Коллегію; отсюда онъ уволился 10-го марта 1782 г. и слѣдующія 13—14 лѣтъ находился, повидимому, внѣ службы, а по присоединеніи Польши къ Россіи пріѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился учителемъ въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, откуда, „съ отличнымъ аттестатомъ, свидѣтельствующимъ о хорошемъ поведеніи и рачительности, по желанію“ былъ уволенъ 20-го іюня 1799 года и черезъ годъ (3-го іюня 1800 г.) поступилъ инспекторомъ и учителемъ философіи и риторики въ С.-Петербургскую Армейскую Семинарію; однако, и здѣсь прослужилъ онъ недолго—лишь до 30-го мая 1801 г., когда снова вышелъ въ отставку; затѣмъ 25-го іюня 1802 г. Р. опредѣленъ былъ преподавателемъ математической и политической географіи со статистикою, а также всемірной древней исторіи въ Инженерный Корпусъ (нынѣ 2-й), а 1-го августа 1806 г. получилъ уроки „обѣихъ исторій и географіи, какъ древней, такъ и Россійской“,—въ Военно-Сиротскомъ Корпусѣ и преподавалъ въ первомъ—до 20-го іюня 1808, а во второмъ—до 20-го іюня 1809 г., послѣ чего Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа академикомъ С. Я. Румовскимъ былъ назначенъ (9-го декабря 1809 г.) учителемъ высшаго латинскаго класса въ Императорскую Казанскую Гимназію, гдѣ прослужилъ до 29-го іюня 1813 года, и затѣмъ (6-го іюля) поступилъ, по собственному желанію, въ Симбирское резервное ополченіе сотеннымъ начальникомъ, а затѣмъ—и батальоннымъ командиромъ, 7-го октября того же года, послѣ роспуска ополченія, былъ уволенъ „съ

отличнымъ аттестатомъ" и 12-го ноября 1813 же года, по прошенію, опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Вятскую Губернскую Гимназію. Въ этой же должности Р. былъ и въ 1820 г., но въ 1824 г. тамъ уже не служилъ.

Въ послужномъ спискѣ Р. такъ велерѣчиво записано,—конечно, со словъ его самого,—о его сочиненіяхъ: „Въ 1783 году, октября 23-го, сочинилъ природныя права на польскомъ языкѣ въ 11 главахъ и по напечатаніи поднесъ Польскому монарху Станиславу Августу; 1789 г., іюня 3-го дня, сочинилъ на латинскомъ языкѣ два ораторическія дѣла и по напечатаніи одно изъ оныхъ поднесено палатину Ромеру, а другое — аудитору принца [князя] Масальскаго — Антонію Крутевскому; того жъ 1789 г., февраля 19-го дня, сочинилъ рѣчь по указу на польскомъ языкѣ, по данной начальствомъ матеріи, а по написаніи съ предисловіемъ во многихъ экземплярахъ поднесена Его Свѣтлости принцу [князю] Альбрехту Радивиллу; въ 1795 г., 14-го іюня, сочинилъ и напечаталъ торжественную рѣчь на латинскомъ языкѣ съ предисловіемъ, которая и поднесена генеральному аудитору и администратору принца Масальскаго—Крутевскому"; находясь въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ, „сочинилъ въ 1798 году, апрѣля 14-го, книгу на латинскомъ языкѣ въ похвалу св. Александра Невскаго и по напечатаніи въ Академіи Наукъ [читай: въ Типографіи Академіи Наукъ] имѣлъ честь поднести Его Императорскому Величеству Павлу I"; „въ 1801 году, 10-го августа, сочинилъ ораторическое дѣло на латинскомъ языкѣ, во время коронованія въ Москвѣ, на Высочайшее имя Его Императорскаго Величества Александра I, которое и было поднесено г. докладчикомъ, генералъ-маіоромъ Муравьевымъ".

Въ 1790 г. Р. былъ пожалованъ деревнями отъ короля Станислава-Августа, но „лишился ихъ черезъ тяжбу", а въ 1794 г., 20-го апрѣля, получилъ отъ него же орденъ св. Станислава; кромѣ того, Р. почему-то носилъ громкій титулъ „маршала Герцогства Освѣтимскаго", съ каковымъ и записанъ въ послужномъ его спискѣ, сохранившемся въ дѣлахъ канцеляріи Вятскаго губернатора за 1815 г. и составленномъ, очевидно, при участіи самого Р., постаравшагося, съ извѣстными ему цѣлями, изобразить свою службу и дѣятельность какъ можно пышнѣе и велерѣчивѣе.

„Труды Вятской Ученой Архивной Коммиссіи" 1912 г., вып. III, отд. 2, стр. 102—105; „Мѣсяцесловъ" 1820 г., ч. I, стр.

Н. М.

Русецкій, *Болеславъ-Михаилъ-Юлій Канутовичъ*, художникъ; изъ дворянъ Виленской губерніи,—повидимому, сынъ живописца, кандидата философіи Виленскаго Университета Канута Ивановича Русецкаго, бывшаго пансіонеромъ Университета заграницею (род. 1801, ум. 1860); родился 23-го ноября 1824 года; въ 1844 году, какъ вольноприходящій ученикъ Академіи Художествъ, находился въ числѣ учениковъ Карла Брюллова. 23-го сентября 1850 года онъ обратился въ Совѣтъ Академіи Художествъ со слѣдующимъ прошеніемъ: „Поступивъ въ 1843 году въ число учениковъ Императорской Академіи Художествъ и послѣ двухъ лѣтъ занятій въ гипсовыхъ классахъ перешедши въ натуральный и выслушавши курсъ вспомогательныхъ наукъ, я занимаюсь живописью подъ руководствомъ профессора Ѳ. А. Бруни по части исторической, писалъ этюды и рисовалъ съ натуры. Теперь же, какъ слабое здоровье, по причинѣ вреднаго для меня климата, не позволяетъ мнѣ здѣсь далѣе совершенствоваться, честь имѣю представить сдѣланный мною съ натуры портретъ князя Гедройца и просить всепокорнѣйше Совѣтъ Императорской Академіи Художествъ разсмотрѣть его и удостоить меня за оный званіемъ художника". Пребываніе Б. Русецкаго въ мастерской Брюллова и Бруни не прошло даромъ, и, несмотря на необычную форму прошенія, Совѣтъ Академіи Художествъ нашелъ возможнымъ дать Русецкому званіе неклассн аго художника (25-го сентября 1850 года). Получивъ это званіе, Русецкій видимо отправился на родину, откуда 16-го іюля 1853 года прислалъ второе прошеніе въ Академію Художествъ,—прошеніе, оригинальное по своей формѣ: „Предпринявъ написать картину для моего благодѣтеля, имѣющаго помѣстье въ Ковенской губерніи при впаденіи рѣки Виліи въ рѣку Нѣманъ, я счелъ за лучшее избрать сюжетомъ представленіе упомянутыхъ рѣкъ"; а какъ исполненіе этого труда требуетъ много времени, этюдовъ и издержекъ, то Русецкій про-

силъ Академію Художествъ разрѣшенія представить эту картину на званіе академика. Такимъ образомъ, онъ хотѣлъ разомъ достигнуть двухъ цѣлей: отблагодарить своего благодѣтеля (къ сожалѣнію, онъ не называетъ его фамиліи) и сдѣлаться академикомъ. Отношеніе Совѣта Академіи Художествъ и въ этотъ разъ было нѣсколько необычное: тутъ же, на этомъ прошеніи, была положена резолюція: „признать назначеннымъ", т. е., желаніе Б. Русецкаго было выполнено. Картину онъ написалъ гораздо скорѣе, чѣмъ указывалъ, и она была выставлена на академической Выставкѣ 1853 года подъ названіемъ „Впаденіе рѣки Виллін въ Нѣманъ" (аллегорическая картина), причемъ объ этой картинѣ былъ данъ слѣдующій отзывъ: „достойна вниманія, по постановкѣ и исполненію, аллегорическая картина художника Русецкаго... Виллія представлена молодою дѣвушкою, которая какъ будто ищетъ покровительства у старика Нѣмана". Но, несмотря на благожелательство Академіи, на сочувственный отзывъ прессы того времени, Русецкій не получилъ за эту картину званія „академика" и въ слѣдующемъ, 1854 году прислалъ въ Академію Художествъ изъ Бѣлостока „портретъ съ натуры (до колѣнъ натуральной величины) Его Высокопревосходительства г. военнаго губернатора здѣшняго края генералъ-лейтенанта Ильи Гавриловича Бибикова" и просилъ разрѣшенія представить эту работу на званіе академика. Прошеніе было получено Академіей Художествъ, но никакой резолюціи на него не положено, что̀ позволяетъ предположить, что Б. Русецкій, видимо, больной чахоткою, умеръ, не дождавшись рѣшенія Академіи и не получивъ желаемаго званія академика.

Считаемъ умѣстнымъ указать, что фамилію Русецкаго носилъ еще одинъ художникъ, о дѣятельности котораго сохранилось лишь слѣдующее извѣстіе: 1829 года, октября 18-го, Академія Художествъ была извѣщена о пожалованіи Императоромъ Николаемъ Павловичемъ 6 копій съ картинъ Рафаэля, списанныхъ въ Римѣ Русскимъ художникомъ Русецкимъ и представляющихъ: 1) Богословіе, 2) Правосудіе, 3) Философію, 4) Поэзію, 5) Адама и Еву и 6) Аполлона, сдирающаго кожу съ Марсіаса; первая копія доставлена въ Академію Художествъ въ 1830 году.

Архивъ Имп. Академіи Художествъ, дѣло № 54 Р.; „С.-Пет. Вѣд." 1850 г., № 275, стр. 1108; „Сѣверная Пчела" 1853 г., стр. 895, П. Петровъ, Матеріалы по исторіи академіи художествъ, т. II, стр. 243 и 256, и т. III, стр. 144, 201.

П. Столпянскій.

Руска, *Александръ Іеронимовичъ*, архитекторъ; род. въ 1806, ум. въ апрѣлѣ 1861 г.; былъ уроженцемъ, повидимому, Швейцаріи, такъ какъ въ формулярномъ спискѣ о службѣ указано, что онъ „швейцарскій подданный", и что дѣти его отъ перваго брака—„сынъ Атилла, родившійся въ 1832 г., и дочь Жозефина", родившаяся въ 1834 году, находятся въ Швейцаріи". Очевидно, лишившись первой жены, Руска, подобно другимъ своимъ родственникамъ и однофамильцамъ, поѣхалъ въ Россію; первое свѣдѣніе о немъ относится ко 2-му февраля 1835 года, когда въ журналѣ Академіи Художествъ записано: „Чертежника Руско признавъ назначеннымъ академикомъ сей Академіи, задать ему на званіе дѣйствительнаго академика слѣдующую программу: сдѣлать проектъ публичной библіотеки на 200 т. волюмовъ книгъ, со всѣми удобствами и помѣщеніями, таковымъ зданіемъ требуемыми, фасадъ и профиль должны имѣть мѣру въ чертежахъ $^1/_2$ дюйма на сажень, а планъ $^1/_4$ дюйма на сажень". Судя по масштабу, заданному Академіей Художествъ, А. І. Руска долженъ былъ представить чертежъ громадныхъ размѣровъ; къ сожалѣнію, неизвѣстно, представилъ ли Руска этотъ чертежъ и Академія Художествъ признала его неудовлетворительнымъ,—или просто на просто А. І. Руска удовлетворился на время званіемъ „назначеннаго" въ академики и, за рядомъ работъ, не изготовилъ требуемаго проекта, но званіе академика А. І. Руска получилъ гораздо позднѣе и за другой проектъ; 27-го сентября 1846 года Руска за „проектъ публичныхъ бань съ удобствами и роскошью", во „уваженіе искусства и познаній, въ художествѣ доказанныхъ исполненной программою, былъ возведенъ въ званіе дѣйствительнаго академика. „Назначенный" академикъ былъ прикомандированъ къ инженеръ-генералъ-лейтенанту Базену, который былъ производителемъ работъ строившагося Троицкаго собора л.-гвардіи Измайловскаго полка. Базенъ поручилъ Рускѣ наблюденіе за по-

стройкою большого купола собора; такое отвѣтственное порученіе показываетъ, что А. І. Руска цѣнили, какъ опытнаго архитектора. По исполненіи этой сравнительно большой работы Руска былъ командированъ въ Константинополь, въ Русское посольство, помощникомъ архитектора при постройкѣ въ Перѣ „посланницкаго дома". Въ выданномъ А. І. Рускѣ чрезвычайнымъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ свидѣтельствѣ значится, что онъ занималъ означенную должность съ іюня 1838 года по окончаніи 1843 года. Въ этотъ періодъ времени Руска женился вторично на „Екатеринѣ Дмитріевой", католическаго исповѣданія, отъ которой затѣмъ у него родилась дочь Виргинія. Прибывъ изъ Константинополя въ Россію, Руско, съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора, былъ назначенъ „каменныхъ дѣлъ мастеромъ" при постройкѣ „театра-цирка", гдѣ и пробылъ съ 12-го іюля 1847 года до 29-го января 1849 года. Театръ-циркъ въ настоящее время—Маріинскій Театръ, конечно, перестроенный послѣ пожара. При постройкѣ этого театра особенное вниманіе обращало на себя значительное перекрытіе куполомъ; припоминая, что первая работа Руска былъ куполъ Троицкаго собора, можно заключить, что онъ считался знатокомъ въ постройкѣ сводовъ. Послѣ означенной работы Руска былъ прикомандированъ къ Кабинету Его Величества „для употребленія изобрѣтеннаго имъ способа къ осушенію придворныхъ зданій отъ сырости". По распоряженію Министра Двора отъ 24-го февраля 1849 года Руска былъ командированъ къ архитектору Росси для безотлучнаго надзора за успѣшнымъ производствомъ работъ по увеличенію четырехъ ложъ авансцены Александринскаго театра. Одной изъ слѣдующихъ работъ Руска нужно считать составленіе смѣты на перестройку генералъ-прокурорскаго дома.

За свои работы Руска неоднократно удостоивался Высочайшихъ наградъ; такъ, за работы по куполу Троицкаго собора, „въ награду за отличные труды и рвеніе", онъ 14-го февраля 1835 года Всемилостивѣйше пожалованъ былъ золотыми часами съ такою же цѣпочкою, а за перестройку ложъ въ Александринскомъ театрѣ ему была пожалована табакерка.

Умеръ Руска въ апрѣлѣ 1861 года въ Петербургѣ. Кромѣ указанныхъ дѣтей, у него былъ еще сынъ Павелъ, родившійся 5-го января 1848 г.

Формулярный списокъ отъ 30-го сентября 1859 г. (у Б. Л. Модзалевскаго): П. Петровъ, Матеріалы для Исторіи Академіи Художествъ, т. II, стр. 324 и т. III, стр. 65; С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ 1764—1914 г., т. II, стр. 382; „С.-Петерб. Вѣдомости" 1851 г., № 240, стр. 962; „Журналъ Министерства Юстиціи" 1896 г., X, стр. 270.

П. С—скій.

Руска, *Джеронимо-Джіованни*, каменныхъ дѣлъ мастеръ; былъ выписанъ И. И. Бецкимъ, начальникомъ Конторы С.-Петербургскаго Строенія, въ 1767 г., для работъ при памятникѣ Петру Великому и при Исакіевскомъ (Екатерининскомъ) соборѣ; это—отецъ извѣстнаго архитектора Луиза Руска и, быть можетъ,—Александра и Франца Руска.

И. Грабарь, Исторія Русскаго Искусства, вып. 17, стр. 476.

П. С—скій.

Руска, *Карлъ-Іосифъ Карловичъ*, швейцарскій подданный; очевидно, происходилъ, изъ той же фамиліи, какъ и другіе архитекторы Руска; въ 1853 году онъ обратился въ Академію Художествъ съ просьбою назначить ему программу на полученіе званія архитектора. Академія Художествъ предложила К. Руска представить проектъ: „вокзалъ въ саду"; составленіе проекта не заняло у К. Руска много времени, и 19-го ноября 1853 года онъ былъ удостоенъ просимаго званія неклассnаго художника. О дѣятельности его, какъ архитектора, пока еще не собрано свѣдѣній.

Архивъ Академіи Художествъ, дѣло № 59/Р.

П. С—скій.

Руска, *Луизъ (Луиджи, Алоизій) Ивановичъ*, архитекторъ, большой мастеръ переходной эпохи отъ Гваренги и Камерона къ Россіи; швейцарецъ по происхожденію, онъ родился въ Тессинскомъ кантонѣ въ 1758 г.; прибылъ въ Россію или вмѣстѣ съ отцомъ въ 1767 году, или значительно позднѣе,—въ концѣ 1770-хъ годовъ и оставался въ Россіи до 1818 года, когда вернулся въ Валенцо, гдѣ и умеръ въ 1822 году. Гдѣ и какое первоначальное образованіе онъ получилъ, неизвѣстно; болѣе, чѣмъ вѣроятно, что, родившись въ семьѣ „каменныхъ дѣлъ мастеровъ", онъ съ ма-

лолѣтства привыкалъ къ занятію отца и, если бы не случайное обстоятельство — пріѣздъ въ Россію, онъ такъ и остался бы на всю жизнь „каменныхъ дѣлъ мастеромъ“. Но прибывъ въ Россію, заявивъ себя рядомъ построекъ, онъ былъ удостоенъ званія академика Императорской Академіи Художествъ. Къ сожалѣнію, въ архивѣ Академіи не сохранилось дѣла объ Л. Руска и поэтому приходится цитировать по „Матеріаламъ къ исторіи Академіи Художествъ“ П. Н. Петрова. „1815 года, января 19, въ собраніи Совѣта происходило слѣдующее: по письменному отношенію архитектора Его Императорскаго Величества статскаго совѣтника Людовика Руска, при коемъ, представляя „Recueil des Dessins de différents batimes, construits à St.-Pétersbourg et dans l'intérieur de l'Empire de Russie par Louis Roesca, dédié à S. M. Alexandre I, Empereur de toutes les Rossies, avec la description“ (см. каталогъ „Russica“, т. II), изъявляетъ свое желаніе принадлежать къ Академіи и объявляя, что онъ намѣренъ ѣхать въ чужіе краи, предлагаетъ, не имѣетъ ли Академія чего препоручить ему. Опредѣлено: какъ г. архитекторъ Руска, столь извѣстный практическими своими работами, давно назначаемъ былъ Совѣтомъ въ члены Академіи и въ прошлое торжественное собраніе не поступилъ въ оные единственно по неполученію отъ него никакого отношенія, которое бы служило поводомъ къ его избранію; то нынѣ исполнить оное, тѣмъ болѣе, что и г. Министръ по объявленію гг. вице-президента и конференцъ-секретаря, изъявилъ на то также свое согласіе, почему и признать его въ званіи почетнаго вольнаго общника“.. Такимъ образомъ, Л. Руска 19-го января 1815 года былъ избранъ почетнымъ вольнымъ общникомъ; между тѣмъ, С. Кондаковъ въ „Справочникѣ Императорской Академіи художествъ“ (т. II, стр. 382) называетъ Л. Руска академикомъ. Провѣрить это несоотвѣтствіе, вслѣдствіе утраты подлиннаго дѣла, къ сожалѣнію, пока невозможно. Такъ же не полонъ и формулярный списокъ Л. Руска; по крайней мѣрѣ, мы можемъ только указать, что 1-го августа 1803 года Луизъ Руска, архитекторъ 8 класса, въ вѣдѣніи Гофъ-Интендантской Конторы, произведенъ въ надворные совѣтники, а 27-го декабря 1804 года въ коллежскіе совѣтники. Списокъ главныхъ работъ Л. Руска въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующій: 1) Обуховская больница (1782—84 гг.), 2) домъ Мятлева, нынѣ графовъ Бобринскихъ (90-ые года XVIII вѣка), 3) домъ іезуитовъ, нынѣ домъ Министерства Имп. Двора (уголъ Екатерининскаго канала и Итальянской улицы) (конецъ 1790-хъ годовъ—начало XIX вѣка), 4) театръ Таврическаго дворца (1801—1803), 5) Стрѣльнинскій дворецъ (1803), 6) казармы на Петербургской сторонѣ (1803—1805), 7) манежъ Кавалергардскаго полка (1803—1806), 8) перестройка Измайловскихъ казармъ (1805—1806), 9) гранитная терраса въ Царскомъ Селѣ (1809), 10) церковь Всѣхъ скорбящихъ (1816—1818). Эти постройки находятся въ Петербургѣ; кромѣ нихъ, Л. Руска строилъ очень много на югѣ Россіи—въ имѣніяхъ князя Кочубея, графа Румянцова, Д. П. Трощинскаго и другихъ. Какъ видимъ, главная дѣятельность Руска относится къ первому десятилѣтію XIX вѣка—въ Екатерининское время его затмевали Гваренги и Камеронъ, а затѣмъ, во второй половинѣ царствованія императора Александра I,— Росси. Это послѣднее обстоятельство—предпочтеніе Росси и неполученіе значительныхъ построекъ заставили Л. Руска покинуть въ 1818 году (по указанію И. Грабаря) Россію. Р. въ 1811 г. имѣлъ чинъ статскаго совѣтника, а 12-го ноября 1807 г. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени; въ 1814 г. онъ былъ избранъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества.

Отличительными чертами построекъ Л. Руска являются возвышенная простота и строгость формъ; но его постройки не поражаютъ своею грандіозностью,—въ нихъ не видно полета творческой фантазіи, ширины размаха; наоборотъ, каждая изъ нихъ тщательно продумана, взвѣшена. Нѣтъ у Л. Руска этихъ громадныхъ колонадъ, какъ у Гваренги и Камерона, нѣтъ того охватывающаго полукруга, какъ у Воронихина или Росси; размѣры построекъ менѣе громадны. Даже въ самой торжественной изъ своихъ построекъ — въ залѣ театра Таврическаго дворца Л. Руска не поражаетъ размѣрами. Лучшей изъ его построекъ, на нашъ взглядъ, является домъ іезуитовъ, сохранившійся въ почти неизмѣнномъ видѣ до нашихъ дней, и церковь Всѣхъ скорбящихъ радости. Первая постройка въ настоящее время нѣсколько теряетъ; не надо забывать, что

когда она строилась, напротивъ нея не было зданій, а тянулся заборъ Императорскихъ садовъ, а по Итальянской улицѣ были небольшія каменныя и деревянныя постройки. Теперь этотъ домъ стиснутъ, его нельзя даже хорошо разсмотрѣть, и понятно, что впечатлѣніе отъ его строгаго классицизма пропадаетъ. Въ церкви Всѣхъ скорбящихъ радости ярко выражается идея —храмъ этотъ не великъ, онъ даже какъ будто нѣсколько приземистъ, но въ то же время онъ радуетъ сочетаніемъ простыхъ и строгихъ по красотѣ формъ. Интересно отмѣтить, что Л. Руска работалъ въ то время, когда положеніе дѣлъ въ Россіи было неопредѣленное—всѣ жаждали и не знали, можно ли надѣяться, а въ политическомъ отношеніи только начиналась борьба съ Франціей; эта общая неопредѣленность жизни и высказалась въ отсутствіи яркости архитектурнаго творчества Л. Руска. Вѣдь постройки Гваренги такъ соотвѣтствуютъ величественному маршу: „Громъ побѣды раздавайся“, а творенія Росси вполнѣ воплощаютъ внѣшнее могущество и внѣшній блескъ царствованія Императора Николая I.

Въ 1810 году Л. Руска издалъ въ свѣтъ два тома своихъ проектовъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ; кромѣ того, въ библіотекѣ Академіи Художествъ есть два альбома его проектовъ, а одинъ альбомъ хранится въ библіотекѣ Института инженеровъ путей сообщенія; такимъ образомъ, несмотря на то, что многія изъ построекъ Л. Руска не сохранились, многія искажены позднѣйшими перестройками и исправленіями, мы имѣемъ—достаточно матеріала для изученія этого безспорно талантливаго, изящнаго архитектора.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1803 г., стр. 2121; тамъ же 1805 г., стр. 53; П. Свиньинъ, Достопамятности С.-Петербурга; С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ. 1764—1914 гг.; И. Грабарь. Исторія русскаго искусства, вып. 17; П. Петровъ. Матеріалы къ исторіи Академіи художествъ, II, стр. 59.

П. Столпянскій.

Руска, *Францъ Ивановичъ* (Frantz Ruska), докторъ медицины; родомъ изъ города Лугано, въ Швейцаріи, род. въ 1756 г. (вѣроятно, сынъ архитектора); учился въ Пармскомъ и Павійскомъ университетахъ въ теченіе 8 лѣтъ и въ первомъ изъ нихъ получилъ (5-го іюля 1781 г.) дипломъ доктора медицины; вслѣдъ затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, по экзамену въ Медицинской Коллегіи, получилъ право практики въ Россіи (11-го іюля 1782 г.); умеръ 4-го апрѣля 1788 г. въ Петербургѣ.

Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, С.-Пб. 1883, стр. CCXXXVI; Сборн. Имп. Русскаго Историч. Общества, т. 62, стр. 227.

Руска, *Францъ Ивановичъ* (или Руско)-архитекторъ вѣдомства Кабинета Его Величества; родился въ 1785 году; быть можетъ,—братъ извѣстнаго Луиджи Руска, онъ прибылъ въ Россію каменныхъ дѣлъ мастеромъ и 17-го мая 1817 года, по Высочайшей конфирмаціи, былъ причисленъ въ вѣдомство Кабинета Его Величества; черезъ 2 года—21-го августа 1819 года—Кабинетъ откомандировалъ его на Императорскую Петергофскую бумажную фабрику, на которой въ это время производилась усиленная постройка домовъ и казармъ; на Петергофской фабрикѣ Руска оставался недолго и въ началѣ слѣдующаго, 1820 года причисленъ былъ къ Строительной Комиссіи при Кабинетѣ для устроенія противъ Зимняго Дворца правильной площади. Затѣмъ, 7-го мая 1827 года, по распоряженію управляющаго Кабинетомъ Его Величества, Руска былъ командированъ къ оберъ-гофмейстеру барону Альбедилю, для передѣлки комнатъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и по окончаніи этой работы получилъ назначеніе въ строительную комиссію, учрежденную при Кабинетѣ для устроенія двухъ каменныхъ корпусовъ съ торговыми магазинами и новой театральной площади; эти корпуса помѣщаются на Театральной улицѣ: одинъ занятъ Театральнымъ Училищемъ, другой—учрежденіями Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; бывшіе въ первомъ этажѣ „торговые магазины“ въ скоромъ времени послѣ ихъ устройства были передѣланы, такъ какъ не находилось желающихъ снимать ихъ; въ одномъ изъ этихъ магазиновъ нѣкоторое время (въ серединѣ 30 хъ годовъ XIX вѣка) помѣщался ресторанъ „Фениксъ“,—пріютъ артистовъ Александринскаго Театра.

Въ 1829 году Руска получилъ новое назначеніе—быть архитекторомъ при домѣ бывшаго Главнаго Штаба и принималъ участіе въ передѣлкѣ бывшаго дома Кусовникова, входившаго въ зданіе Шта-

ба. Домъ Кусовникова выходилъ частію фасада на Дворцовую площадь, а частію — на Адмиралтейскую; домъ Главнаго Штаба, архитекторомъ котораго состоялъ Руска, нѣкогда принадлежалъ Молчанову и былъ на углу Б. Морской и Дворцовой площади; впослѣдствіи же дома соединились въ одинъ общій домъ.

3-го ноября 1832 года, по Высочайшему повелѣнію, объявленному Министромъ Императорскаго Двора, Ф. И. Руска былъ командированъ для провѣрки и подробнаго разсмотрѣнія и соображенія плановъ зданій, предположенныхъ къ постройкѣ въ Почаевскомъ монастырѣ Волынской губерніи. Вслѣдъ за командировкою въ Почаевскую лавру Ф. И. Руска получилъ слѣдующую командировку — 29-го апрѣля 1834 года,—которая для него, какъ католика по вѣроисповѣданію, не могла быть пріятною: по Высочайшему повелѣнію Ф. И. Руска отбылъ въ Варшаву, въ распоряженіе генералъ-фельдмаршала Паскевича князя Варшавскаго, для обращенія существовавшаго въ Варшавѣ костела и монастыря Бернардиновъ въ Грекороссійскій храмъ и архіерейскій дворъ. Какъ кажется, это была послѣдняя командировка Ф. И. Руско: 16-го февраля 1838 года онъ былъ опредѣленъ архитекторомъ въ комиссію проектовъ и смѣтъ, а черезъ недѣлю, 24-го февраля того же года, былъ назначенъ и наблюдающимъ, безъ особаго жалованія, за строеніями Императорскаго Ботаническаго сада; эти должности Ф. И. Руско совмѣщалъ со своею первоначальною—архитектора по дому Главнаго Штаба.

Въ началѣ своей службы Ф. И. Руска получалъ дважды назначеніе въ „печальныя комиссіи“: первую въ 1825 году, устроенную для похоронъ Императора Александра I, вторую — въ 1828 году — для похоронъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Служба Ф. И. Руска награждалась очень щедро. Кромѣ чиновъ (22-го августа 1822 года—10-го класса, 17-го іюля 1823 года, 9-го класса), онъ 11-го ноября 1826 года пожалованъ былъ кавалеромъ ордена св. Анны 3-ей степени, 2-го апрѣля 1828 года — орденомъ св. Владиміра 4-й степени (что по тому времени давало права Россійскаго дворянства), 11-го сентября 1830 года — орденомъ св. Анны 2-ой степени, 4-го іюня 1831 года—тѣмъ же орденомъ, украшеннымъ Императорскою короною, 2-го января 1833 года произведенъ въ 8-й классъ. 21-го апрѣля 1834 года пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 3-ей степени, повышеннаго впослѣдствіи во 2-ю степень; 31-го марта 1840 года произведенъ въ надворные совѣтники, 9-го іюня 1844 года получилъ орденъ св. Станислава 2-й степени, украшенный Императорскою короною, а 29-го мая 1849 года получилъ Высочайшее благоволеніе; кромѣ того, неоднократно получалъ Высочайшіе подарки драгоцѣнными вещами, деньгами и увеличеніемъ жалованья.

Пріѣхавъ въ Россію „каменныхъ дѣлъ мастеромъ“, Руска и остался таковымъ: хотя онъ и именовался архитекторомъ, но на это званіе онъ не получалъ права отъ Академіи Художествъ. Всѣ работы онъ производилъ по проектамъ другихъ архитекторовъ и, быть можетъ, лишь построенный имъ „castrum doloris“ при погребеніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ его собственнаго сочиненія. Состоя при Кабинетѣ, Руска исполнялъ проекты геніальнаго Росси; зданіе Главнаго Штаба онъ передѣлывалъ сперва по проектамъ того же Росси, а затѣмъ—военнаго инженера Чернина; такимъ образомъ, какъ архитекторъ, Руска не проявилъ себя никакою самостоятельною работою, но онъ былъ хорошимъ производителемъ работъ и за это производство былъ награждаемъ вполнѣ по-царски. Какъ кажется, онъ не былъ женатъ. Годъ его смерти намъ неизвѣстенъ, во всякомъ случаѣ — послѣ 1853 года, когда былъ составленъ использованный нами формулярный его списокъ.

„Волынскія Епархіальныя Вѣдомости“, прил. къ № 13, 1870 года; Я. Жилинскій, Зданіе Главнаго Штаба.

П. Столпянскій.

Руска, *Эжидіо Матвѣевичъ*, архитекторъ,—очевидно, родственникъ предъидущихъ; уроженецъ Швейцаріи; въ 1849 г. прислалъ въ Академію Художествъ, изъ Кіева, проектъ „церкви, составленный въ русскомъ вкусѣ“, и просилъ признать его „свободнымъ художникомъ по архитектурѣ“. Свое прошеніе Руска подписалъ латинскими буквами: очевидно, онъ не умѣлъ писать по-русски. 12-го ноября 1849 года Академія Художествъ увѣдомила Руска, что его проектъ былъ признанъ неудовле-

творительнымъ. 28-го февраля 1850 года Э. Руска обратился въ Академію Художествъ со вторымъ прошеніемъ, въ которомъ, указывая, что онъ 32 года работаетъ въ Россіи, прилагалъ планъ „вновь проектируемаго зданія“ и просилъ признать его свободнымъ художникомъ. Это признаніе или, какъ выражался Э. Руско, „милостивое благоизволеніе“ „истинно осчастливитъ и вознаградитъ 32-хъ лѣтніе труды постояннаго его въ Россіи пребыванія“. 30-го ноября 1850 года Академія Художествъ опредѣлила, „во уваженіе многолѣтнихъ практическихъ работъ по строительному искусству г. Руска, о которыхъ получены Совѣтомъ Академіи подробныя свѣдѣнія, удостоить его, Руска, званія неклассnаго художника по части архитектуры съ правомъ производить строенія“. Изъ указанныхъ свѣдѣній Академіи Художествъ видно, что весною Руска первоначально жилъ въ Петербургѣ и находился каменныхъ дѣлъ мастеромъ при Исаакіевскомъ соборѣ, при строеніи таможни въ Кронштадтѣ, а затѣмъ былъ откомандированъ въ Кіевъ, гдѣ состоялъ при постройкѣ Кіевскаго Университета. Передъ тѣмъ, какъ обратиться съ просьбою въ Академію Художествъ, Эжидіо Руска принялъ Русское подданство.

Архивъ Академіи Художествъ, № 56 Р; П. Петровъ, III, стр. 150.

П. С—кій.

Рускони, *Феликсъ Осиповичъ*, докторъ медицины, лейбъ-хирургъ; по происхожденію итальянецъ, Австрійскій подданный, родился въ 1769 или 1770 г. Вступивъ въ службу волонтеромъ при Московской Госпитали 13-го декабря 1795 г., онъ 1-го ноября 1798 г. былъ произведенъ въ кандидаты хирургіи и вскорѣ назначенъ былъ (23-го декабря) въ родильню Воспитательнаго Дома, откуда 18-го іюля 1799 г. опредѣленъ былъ лѣкаремъ въ Гренадерскій Лукашевичевъ баталіонъ; отсюда послѣдовательно переведенъ былъ въ гарнизонный Плуталова (20-го мая 1800), а затѣмъ въ л.-гв Семеновскій (9-го іюля того же 1800 г.) полки. Произведенный 14-го августа 1802 г. въ штабъ-лѣкари, онъ въ 1805 г. награжденъ былъ бриллiантовымъ перстнемъ, а въ 1806 г., за отличное усердіе, оказанное во время кампаніи 1805 г. въ корпусѣ Цесаревича Константина Павловича, произведенъ былъ въ коллежскіе ассессоры; въ томъ же году, по представленію Кутузова, онъ, за отличное исправленіе должности при размѣнѣ плѣнныхъ, награжденъ былъ 1.500 рублей. 9-го февраля 1807 г. Р. былъ назначенъ полковымъ штабъ-лѣкаремъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ и 31-го октября 1807 же года, за отличіе въ заграничной арміи въ Пруссіи, пожалованъ орденомъ Владиміра 4-й степени; 26-го іюля 1808 г., по образованіи Медицинской Экспедиціи Военнаго Департамента, онъ опредѣленъ въ нее совѣтникомъ и 29-го августа 1811 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники. 1-го февраля 1810 г. избранный въ корреспонденты Имп. Медико-Хирургической Академіи, онъ, при новомъ образованіи Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства, 23-го марта 1812 г., былъ утвержденъ въ должности начальника 1-го Отдѣленія означеннаго Департамента, а 1-го апрѣля того же 1812 г., по Высочайшему повелѣнію, приказано ему было исправлять должность Директора Департамента, которую онъ и исправлялъ по 1816 г. 2-го февраля 1813 г. онъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 класса, 12-го ноября того же года избранъ былъ членомъ Виленскаго Медицинскаго Общества, 9-го января 1814 г. былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники, а 14-го марта 1814 г. Императорскою Медико-Хирургическою Академіею признанъ докторомъ медицины и хирургіи. 30-го августа 1814 г., по предложенію главнаго по арміи медицинскаго инспектора, за неприбытіемъ еще изъ Франціи д-ра Геслинга къ назначенному мѣсту штабъ-доктора всей гвардіи, какъ пѣхоты, такъ и кавалеріи, Рускони велѣно было, до прибытія его, Геслинга, занять это мѣсто. Затѣмъ именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 14-го января 1816 г., Рускони былъ назначенъ Вице-Директоромъ Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства, 12-го декабря 1816 г. получилъ за ревностную службу Высочайшее благоволеніе; 10-го мая 1817 г., въ уваженіе усердной службы, пожалована была ему аренда на 12 лѣтъ, а 26-го іюня 1818 г. онъ былъ назначенъ членомъ Медицинскаго Совѣта при Министерствѣ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Ф. О. Рускони былъ женатъ на дочери гвардіи капитана Макарова, Аннѣ Николаевнѣ, но дѣтей не имѣлъ.

Умеръ 28-го ноября 1819 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Формулярный списокъ въ Сенатскомъ Архивѣ 1818 г., № 26, л. 6—11; надгробіе; Сборн. Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 62, стр. 227—228; „Историч. Вѣстн.“ 1894 г., № 4, стр. 35.

Н. М.

Руссау, *Карлъ Карловичъ*, Директоръ С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища; род. въ Ригѣ 4-го января (или февраля) 1764 г. Онъ началъ свою службу въ Преображенскомъ полку нижнимъ чиномъ, потомъ, по обычаю, былъ выпущенъ офицеромъ въ армію, сражался, во время войны съ Польшей въ 1794 г., при штурмѣ Праги (23—24-го октября), за что и имѣлъ золотой знакъ; кромѣ того, получилъ золотую шпагу съ надписью „за храбрость“; перейдя затѣмъ въ вѣдомство Путей Сообщенія, Р. въ 1803 г. находился у производства работъ при каналѣ для соединенія Днѣпра и Двины; въ 1804 г., будучи коллежскимъ ассесоромъ, за отличіе былъ награжденъ (26-го ноября) орденомъ св. Георгія 4-й степени, а въ 1805—1808 гг., въ чинѣ надворнаго совѣтника, состоялъ Главнымъ Смотрителемъ Березинскаго канала и 19-го іюля 1807 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Въ 1810 г. Р., по личному выбору самой Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Р. былъ назначенъ, на мѣсто В. С. Подшивалова, Директоромъ С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища; онъ былъ въ первый періодъ существованія Училища единственнымъ Директоромъ, не имѣвшимъ высшаго образовательнаго ценза. По мнѣнію историка Училища, „назначая его, Императрица заботилась, по всей вѣроятности, о поддержаніи дисциплины въ Училищѣ, на которую онъ и обращалъ главнымъ образомъ свое вниманіе“ за время почти девятилѣтняго своего директорства. Получивъ чинъ статскаго совѣтника около 1814 г., Р. скончался въ Петербургѣ 22-го октября 1819 г. и погребенъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища, Отд. IV, V и VI, С.-Пб. 1889, стр. 90, 114, 138 и др.; А. Г. Тимофеевъ, Исторія С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища, т. I, С.-Пб. 1901, стр. 95, съ фотот. портретомъ Руссау; В. Степановъ и Н. Григоровичъ. Въ память столѣтняго юбилея... ордена св. Георгія, С.-Пб. 1869; „Мѣсяцесловъ“ на 1820 г., ч. I, стр. 884; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 228; Петербургскій некрополь, т. III, стр. 637; Мѣсяцесловъ, на 1804 г., ч. I, стр. 261; на 1806 г., ч. I, стр. 338 и на 1808 г., ч. I, стр. 351.

Н. М.

Руссовъ, *Валеріанъ Ѳедоровичъ* (Friedrich-Iohann-Wilhelm Russow), зоологъ, изслѣдователь орнитололіи Туркестана; изъ потомственныхъ дворянъ, сынъ инженернаго полковника, род. 18-го апрѣля 1842 г. въ Ревелѣ, ум. 6-го января 1879 г. въ Оренбургѣ. Первоначальное воспитаніе Р. получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ Ревельскую Гимназію, курса которой, однако, не могъ окончить по слабости здоровья. По выходѣ изъ Гимназіи, онъ посвятилъ себя сельскому хозяйству, но вскорѣ его оставилъ, такъ какъ его влекло къ себѣ изученіе природы,—особенно жизни и систематики птицъ. Такъ какъ съ молодыхъ лѣтъ у Р. была страсть къ коллекціонированію и замѣчательная способность къ таксидерміи, то въ 1862 г., 26-го ноября, онъ поступилъ на мѣсто хранителя Зоологическаго Кабинета Дерптскаго Университета, въ которомъ и служилъ въ теченіе 12 лѣтъ,—до 1874 г. Въ продолженіе своей службы въ Дерптскомъ Университетѣ Р. постоянно производилъ экскурсіи въ окрестностяхъ Дерпта и, по порученію Дерптскаго Общества Естествоиспытателей, въ 1870, 1873 и 1874 гг.,—въ губерніяхъ Рижской, Митавской и Ревельской. Кромѣ того, въ 1871 г., съ апрѣля по октябрь, Р. имѣлъ случай совершить первую свою поѣздку въ Туркестанъ, куда онъ сопровождалъ профессора Дерптскаго Университета по каѳедрѣ сельскаго хозяйства Петцольда. Въ 1874 г. Р. оставилъ Дерптъ и поступилъ ученымъ хранителемъ отдѣловъ млекопитающихъ и птицъ въ Зоологическомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ. Р. началъ свою дѣятельность въ Музеѣ съ просмотра массы накопившихся шкурокъ, которыя были опредѣлены еще Брандтомъ, Менетріе, Нордманомъ, Миддендорфомъ, Шренкомъ и Радде и послужили матеріаломъ для ихъ работъ. Р. принялся, прежде всего, за пѣвчихъ птицъ, выдѣлилъ всѣ экзотическіе виды, разсортировалъ по родамъ и видамъ формы, принадлежащія вообще русской и палеарктической фаунѣ, опредѣлилъ ихъ частію окончательно, частію приблизительно, снабдивъ этикетками и переложивъ въ коробки. Далѣе, всѣ

шкурки плавающихъ птицъ были такимъ же образомъ систематически распредѣлены, снабжены этикетками и переложены въ ящики. Р. также составилъ подробные систематическіе списки для каждаго изъ этихъ (50) ящиковъ. Одновременно съ этими работами, требовавшими не мало времени и труда, Р. завѣдывалъ технической лабораторіей Музея и при этомъ отнюдь не ограничивался однимъ лишь руководствомъ и надзоромъ за работами, но принималъ въ нихъ личное участіе и мастерски, можно сказать, даже неподражаемо, самъ набивалъ особенно рѣдкіе и цѣнные экземпляры и заново разставилъ всѣхъ набитыхъ птицъ, при чемъ внесъ въ каталогъ болѣе половины числа ихъ, т.-е., свыше 3.500 номеровъ, почти всегда съ предварительной повѣркой опредѣленія. Кромѣ исчисленныхъ работъ, Р. собралъ всѣ имѣвшіяся въ Музеѣ гнѣзда и яйца, прибавилъ еще кое-какія, собранныя имъ самимъ въ Ревелѣ и его окрестностяхъ, и разложилъ весь этотъ матеріалъ въ трехъ шкафахъ, а также доставилъ чрезвычайно богатый и интересный зоологическій матеріалъ изъ своего Туркестанскаго путешествія. Орнитологическія коллекціи Р. изъ Туркестана особенно богаты, при томъ не только по числу видовъ, но и экземпляровъ, которыхъ онъ добылъ не менѣе 1.500. Коллекція рыбъ (Туркестанскихъ) Руссова оказалась также весьма богатою по числу видовъ и экземпляровъ.

Въ 1878 г., въ январѣ, Академія Наукъ командировала Р., на одинъ годъ, снова въ Туркестанъ для зоологическихъ изслѣдованій, въ экспедиціи А. Ѳ. Миддендорфа. Въ февралѣ того же года Р. прибылъ въ Чиназъ, который онъ избралъ центромъ своего пребыванія,—вслѣдствіе удобства, представляемаго имъ для собиранія птицъ и наблюденій надъ ними во время ихъ пролета, какъ это дознался онъ еще во время перваго своего путешествія въ Туркестанъ. Въ Чиназѣ Р. пробылъ вмѣстѣ съ сыномъ академика Миддендорфа до 15-го мая, а затѣмъ отправился въ Зааминъ, гдѣ въ сосѣднемъ Уръюкле-тау собралъ значительныя коллекціи. Въ концѣ іюня того же года Р. предпринялъ поѣздку въ горы чрезъ Пенджакентъ, Кштунъ, Артучъ, Кушхаланъ, Маргусааръ и Раватъ къ Искандеръ-кулю, который онъ достигнулъ 15-го іюля. Здѣсь пробылъ онъ мѣсяцъ и снова возвратился въ Чиназъ. Получивъ приглашеніе сопутствовать отправляемому въ Бухару Туркестантскимъ правительствомъ посольству, Р. выѣхалъ 30-го сентября изъ Самарканда и посѣтилъ Китабъ, Шаръ, Сааръ-теке, Дербентъ и Байссунъ. Въ послѣдней мѣстности Р. отдѣлился отъ посольства, такъ какъ быстрое его перемѣщеніе не давало возможности коллектировать съ надлежащей точностью. Возвратившись въ Самаркандъ, Р. въ декабрѣ предпринялъ свою обратную поѣздку въ Петербургъ, но на дорогѣ умеръ.

Р. напечаталъ: „Ueber die Zunahme der Vogelfauna in Liv-Ehst-und Curland"—„Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellshaft", Dritter Band, Zweites Heft, S. 143, 1870 г; „Uber Töne, die von einigen Vögeln während der Paarungszeit hervorgebracht werden, ohne Kehllaute zu sein" — ibid., S. 147, 1870 г.; „Verzeichniss der in des Matzol-Bucht als brütend oder als durchziehend beobachteten Vögel"—ibid., S. 155 1870 г.; „Ergebnisse einer ornithologischen Reise durch die Ostseeprovinzen, während der Sommermonate 1870—ibid., S. 150 и 159, 1870 г.; „Bericht über Ergebnisse einer zoologischen Reise durch Liv- und Ehstland im Frühjare 1873"—ibid., 3 Band, 5 Heft, S. 401, 1873 г.; „Bericht über Ergebnisse einer ornithologischen Reise im Jahre 1874" — ibid., 3 Band, 6 Heft, S. 483, 1874 г.; „Tabellarische Uebersicht der bei Dorpat beobachteten Zugzeite der Vögel in den Jahren 1866—1872—Meteorol. Beobacht. im Dorpat, VII, VIII Jahrz., Band 11, Heft 2—3, S. 82, 1874 г.

А. Богдановъ, Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, преимущественно за послѣднее 35-лѣтіе (1850–1885), т. III, М. 1891 г. („Извѣстія Императ. Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ Университетѣ", т. LXX, Труды Зоологическаго Отдѣленія Общества, т. VI, листъ 30); А. Штраухъ, Зоологическій Музей Имп. Академіи Наукъ. 50-лѣтіе его существованія—Приложеніе къ LXI т. „Записокъ Имп. Академіи Наукъ", стр. 133, 184—185; Формулярный списокъ о службѣ Руссова за 1868 г.

И. Давидовичъ.

Руссовъ, *Степанъ Васильевичъ*, писатель, составитель „Библіографическаго каталога Россійскимъ писательницамъ", авторъ многочисленныхъ произведеній въ области историческихъ изслѣдованій и ревностный поклонникъ Карамзина; былъ сыномъ по-

номаря и родился въ селѣ Рѣпнинѣ (Сухиненкахъ тожъ), Калужской губерніи и уѣзда, по мнѣнію однихъ (Неустроевъ)— въ 1768 г., по другимъ (Семевскій) — въ 1770 году. Учился сначала въ Калужской Семинаріи, а затѣмъ, въ сентябрѣ 1784 года, поступилъ въ Троицкую Семинарію, откуда въ 1786 году былъ посланъ въ Петербургъ для приготовленія въ учителя народныхъ училищъ. Изъ Петербурга въ томъ же 1786 году, 22-го сентября, Руссовъ былъ отправленъ въ Пензенскую губернію, гдѣ занялъ мѣсто учителя Пензенскаго Главнаго Народнаго Училища.

Педагогическая дѣятельность Руссова продолжалась до начала 1790-хъ годовъ: 4-го мая 1793 года, по желанію Директора экономіи Зубова, Руссовъ былъ переведенъ въ Пензенскую Казенную Палату на должность бухгалтера—„для установленія бухгалтеріи по казеннымъ винокуреннымъ заводамъ“. Черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ коллежскіе бухгалтеры. Въ Казенной Палатѣ Руссову поручено было вести переписку и съ высшимъ начальствомъ. 23-го января 1797 г. онъ былъ переведенъ въ Апелляціонный Сената Департаментъ и вмѣстѣ—въ Канцелярію Генералъ-Прокурора и 10-го апрѣля того же года былъ пожалованъ въ губернскіе секретари, а 6-го декабря 1798 г.—въ титулярные совѣтники.

Въ это именно время Руссовъ выступилъ на литературное поприще. По примѣру многихъ писателей того времени, Руссовъ началъ стихами. Изъ всѣхъ извѣстныхъ до сего времени его произведеній должна быть поставлена на первомъ мѣстѣ его „Ода Государю Императору Павлу Петровичу на... день... восшествія Его... на престолъ 1797 г., ноября 6-го числа“, С.-Пб. 1797, 20 стр. Эта ода, считавшаяся ненапечатанною, была вторично напечатана М. И. Семевскимъ въ сборникѣ „Осмнадцатый вѣкъ“ 1869 г., кн. 4-я, стр. 476—488); издатель въ предисловіи говоритъ, что нѣкій Степанъ Руссовъ, весьма дюжинный писатель, воспользовался богатымъ матеріаломъ изъ перваго года царствованія Павла I и составилъ свое пѣснопѣніе; но воспользовался онъ матеріаломъ „грубо, аляповато, бездарно и безъ всякаго разбора“. Ода, о которой идетъ рѣчь, далеко не единственное произведеніе Руссова въ стихахъ: изъ различныхъ списковъ его произведеній видно, что свои труды въ стихахъ выпускалъ онъ и отдѣльными брошюрами, а иногда помѣщалъ ихъ въ журналахъ своего времени (напр., въ „Новостяхъ Русской Литературы“). Мнѣніе Семевскаго о первомъ стихотворномъ трудѣ Руссова вполнѣ приложимо и къ послѣдующимъ: всѣ они такъ же грубы, аляповаты. Одно за нимъ можно признать достоинство: произведенія его иногда являются проникнутыми блестками сатирическаго ума, но и при всемъ томъ Руссова нельзя признать поэтомъ,—это былъ приличный стихослагатель, какихъ въ то время было очень много.

Служебная карьера С. В. Руссова на первыхъ порахъ была очень разнообразна: въ 1799 г. мы его видимъ Директоромъ Курскихъ Народныхъ Училищъ (апрѣль-іюль), а 15-го іюля того же года онъ былъ переведенъ опять въ Канцелярію Генералъ-Прокурора, въ 1800 г., въ декабрѣ,—въ Провіантскую Экспедицію Секретаремъ; здѣсь онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника. На этомъ мѣстѣ службы съ Руссовымъ случилось непріятное происшествіе: онъ былъ отданъ подъ судъ; событіе это самъ Руссовъ считалъ „важнѣйшею заслугою, ибо онъ имѣлъ случай сохранить нѣсколько милліоновъ казеннаго интереса“. Пока тянулись этотъ судъ и дѣло, Р. занимался частнымъ образомъ въ Конторѣ Россійско-Американской Компаніи И. А. Голикова, получая за это приличное вознагражденіе. Въ январѣ 1806 г. Руссовъ былъ снова принятъ на службу,—онъ былъ опредѣленъ Секретаремъ Общаго Собранія Сената, а 8-го октября того же года назначенъ Прокуроромъ Волынской губерніи. Результатомъ пребыванія Руссова въ Житомирѣ явились „Волынскія Записки“ (1809 г., С.-Пб.), напечатанныя, по ходатайству князя П. В. Лопухина, на счетъ суммъ Кабинета Его Императорскаго Величества. По словамъ самого Руссова, будучи въ должности Волынскаго Губернскаго Прокурора, онъ ходатайствомъ своимъ возвратилъ и охранилъ всѣ церковныя земли, во время Французской 1807 г. войны помѣщиками насильственно отъ греко-россійскихъ церквей отбиравшіяся. Въ Волынскомъ краѣ Руссовъ пробылъ только два года: 22-го октября 1808 г. онъ былъ переведенъ на должность Оберъ-Секретаря Сената,—именно въ 7-й Департаментъ, въ Москвѣ. Въ 1811 г. ему былъ

пожалованъ орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Служба въ Москвѣ свела Руссова съ тогдашними Московскими учеными, и онъ около 1810 г. былъ избранъ членомъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ; при нашествіи французовъ на Москву онъ былъ отправленъ съ дѣлами Сената сначала въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Казань, гдѣ въ 1814 г. былъ избранъ членомъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности.

Казалось, обстоятельства въ жизни Руссова складывались къ его благополучію, но онъ, надо думать, былъ плохой чиновникъ: какъ оказывается, его легко могъ обмануть и провести любой мелкій служащій, бывшій въ его подчиненіи. Таковымъ на службѣ въ Москвѣ и оказался Павелъ Леонтьевичъ Пучковъ, который въ 1815 г., сдѣлавъ въ одномъ судебномъ дѣлѣ подлогъ въ фактахъ, довелъ Руссова до того, что тотъ вмѣстѣ съ Пучковымъ лишенъ былъ мѣста и отданъ подъ судъ. По тогдашнему времени дѣло это тянулось очень долго, и Руссову для своего оправданія пришлось исписать немало бумаги.

Дѣло кончилось въ 1819 году по указу Императора Александра, который разрѣшилъ допустить Руссова „къ опредѣленію паки на службу". Однако, онъ отъ занятія всякой должности отказался, хотя прежде и очень добивался этого. Онъ долго путешествовалъ по Европѣ, а возвратясь въ Россію, посвятилъ всѣ свои досуги литературѣ.

Руссовъ, какъ писатель, былъ очень плодовитъ; онъ сотрудничалъ въ очень многихъ повременныхъ изданіяхъ своего времени: имя его встрѣчается въ „Отечественныхъ Запискахъ" (изд. Свиньина), въ „Сѣверномъ Архивѣ", въ „Сынѣ Отечества", „Литературной Газетѣ", „Славянинѣ" и др.; на 1832 г. онъ самъ издавалъ журналъ „Воспоминанія". Кромѣ указаннаго сотрудничества, Р. не мало сочиненій своихъ выпустилъ въ свѣтъ отдѣльными брошюрами и книгами.

Руссовъ посвятилъ себя въ литературѣ главнымъ образомъ разработкѣ словесности и отечественной исторіи. Въ области словесности извѣстна преимущественно его книжка, въ настоящее время весьма рѣдкая,—„Библіографическій каталогъ Россійскимъ писательницамъ", С.-Пб. 1826 г., 8°, 46 страницъ. Въ книжкѣ данъ краткій перечень писательницъ и ихъ произведеній. Далѣе извѣстно, что когда стихотворецъ графъ Д. И. Хвостовъ задумалъ составить и издать словарь Русскихъ писателей, то ревностнымъ сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ явился С. В. Руссовъ. Кромѣ поэтическихъ произведеній (оды, эпистолы и другія стихотворенія), извѣстно въ литературѣ нѣсколько статей Руссова, говорящихъ о филологическихъ попыткахъ автора, направленныхъ къ объясненію различныхъ словъ въ Русскомъ языкѣ.

Болѣе извѣстенъ Руссовъ по его попыткамъ, направленнымъ къ разработкѣ Отечественной исторіи. Здѣсь, по массѣ имъ написаннаго и по разнообразію лицъ и предметовъ, о которыхъ онъ писалъ, трудно сказать,—что особенно его интересовало, и надо согласиться съ В. П. Бурнашевымъ, который говоритъ, что этотъ приземистый старикъ, т.-е. С. В. Руссовъ, печатавшій брошюры и статьи въ защиту святой для него тѣни Карамзина, говорившій съ пѣной у рта о тѣхъ вольностяхъ, какія правительство дозволяетъ различнымъ нахаламъ,—невольно возбуждалъ смѣхъ своими курьезными статьями. Правда, Руссовъ былъ избранъ въ 1834 году, по предложенію А. С. Шишкова, членомъ Россійской Академіи, такъ какъ, „въ своихъ сочиненіяхъ онъ старался ясными и справедливыми, безъ всякой стачки и пристрастія, доводами и доказательствами опровергать неблагонамѣренное нѣкоторыхъ писателей намѣреніе ложными выдумками и умствованіями искажать бытописанія наши, лѣтописи, языкъ и даже нравственность",—но, несомнѣнно, болѣе справедливо отзывается о достоинствѣ историческихъ трудовъ Руссова П. А. Плетневъ, когда говоритъ: они (труды), „остаются, какъ матеріалъ, занимательный для небольшого числа ученыхъ, обязанныхъ проходить и самыя темныя стези въ области ихъ вѣдѣнія".

Что Руссовъ былъ членомъ Россійской Академіи, это, конечно, нисколько не оправдываетъ достоинства его сочиненій.

И дѣйствительно, Руссовъ подвергался немалымъ нападкамъ въ тогдашнихъ журналахъ за свой дубовый слогъ, которымъ онъ излагалъ свои статьи: „слогъ Руссова—чудо", писалось въ „Сѣверной Пчелѣ" 1836 г.: „Тредьяковскій, Елагинъ и Еминъ

легко могутъ принять его за контрафакцію своего стиля, — словомъ, слогъ Руссова не анахронизмъ только на Васильевскомъ Острову".

Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить одной выдающейся черты въ характерѣ С. В. Руссова: это былъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, для возстановленія своей будто-бы попранной чести или подорваннаго авторитета своей ученой эрудиціи не брезговавшій, кажется, никакими средствами. Дѣло доходило даже до доносовъ на своихъ противниковъ.

Руссовъ скончался въ Петербургѣ 20-го марта 1842 года, на 74 году, и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Въ заключеніе очерка жизни Руссова приводимъ списокъ его сочиненій.

1) Ода Государю Императору Павлу Петровичу на высокоторжественнѣйшій день Всевысочайшаго Его Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ восшествія 1797 г. Ноября 6 ч., С.-Пб., при Императорской Академіи Наукъ, 1797, 4°, 20 стр.; 2) Тоже,—съ предисловіемъ М. И. Семевскаго—„Осмнадцатый вѣкъ", изд. М. 1869, кн. 4, стр. 477—488; 3) „Челночикъ или путешествіе къ щастію". Стихи.—Первое изданіе напечатано въ Петербургѣ, въ Императорской типографіи, 1799 г., 8°, съ означеніемъ, что это переводъ; тоже (изд. 2-е), М., въ тип. С. Селивановскаго, 1819, 8°, 24 стр., ц. 1 р. 50 к.; 4) Епистола Всепресвѣтлѣйшему Государю Императору Всея Россіи Александру Павловичу, Сентября 15 дня 1801, въ Импер. тип. Стихи, ц. 2 р.; 5) Вопросъ. Стихи — „Нов. Рус. Литер." 1802, ч. II, стр. 301—302; 6) Басни: Басня, Стихотвореніе — тамъ же 1802, ч. IV, стр. 95—96; 7) Дубъ, Стихотвореніе—тамъ же 1802, ч. IV, стр. 239; 8) Біографія И. А. Голикова, перваго основателя Россійско-Американской Компаніи—„Нѣмецкій Журналъ" Шредера, С.-Пб., 1806 г., Январь; 9) Волынскія Записки, сочиненныя въ Житомирѣ, по Высочайшему Повелѣнію, С.-Пб., въ Импер. тип., 1809, 8°, XX и 196 лист., съ тремя картами, ц. 5 р. Изъ картъ: 1 представляетъ древнее положеніе Россіи до Рюрика, 2—Раздѣленіе Волынской губерніи, 3—водяныя сообщенія; 10) Словарь Россійской орѳографіи или правописанія, М. 1813, 8°, въ тип. Селивановскаго, ц. 1 р. 50 к.; 11) Ода Александру Первому, на случай пизверженія Наполеона, возстановленія всеобщаго мира и всеобщаго же совѣщанія, какое принадлежитъ названіе Царю-Герою, М. 1814 г., тип. Селивановскаго, 8°, 16 стр., ц. 2 р.; 12) Геній, С.-Пб., въ тип. Деп. Нар. Пр., 1820, 8°, II и 15 стр., ц. 1 р. 50 к. (Стихи,—нѣчто въ родѣ оды); 13) Обозрѣніе критики Ходаковскаго на Исторію Россійскаго Государства, сочиненную Н. М. Карамзинымъ, сочиненіе Руссова, С.-Пб., въ тип. Деп. Нар. Пр., 1820, 12°, 130 стр., ц. 5 р.; 14) Похвала патенсамъ (англійской обуви), съ пріобщеніемъ словарика всѣхъ обувей древнихъ. Переводъ съ иностраннаго, С.-Пб., въ тип. Медицинскаго Департамента, 1824, 8°, 10 стр., съ 2 рис.; 15) Варяжскіе законы съ Россійскимъ переводомъ съ латинскаго языка и краткими замѣчаніями, С.-Пб., въ тип. Медицинскаго Департамента, 1824, 8°, 32 стр., ц. 2 р. 50 к.; 16) Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ во время язычества и симъ же Великимъ Княземъ самимъ уничтоженныхъ, когда онъ просвѣтился благодатнымъ ученіемъ христіанской вѣры—„Сынъ Отечества", ч. 98 (1824, № 50), стр. 145—161; 17) Тоже, изд. отдѣльно: С.-Пб., тип Н. Греча, 1824, 8°, ц. 2 р. 50 к.; 18) О супругѣ Французскаго Короля Генриха I—„Сынъ Отеч." 1824 г., ч. 97, № 46, стр. 241—257 и ч. 98, № 47, стр. 3—24; 19) это же издано отдѣльно, подъ заглавіемъ: Историческое розысканіе о дочеряхъ Ярослава, С.-Пб., тип. Греча, 1824, 8°, 35 стр., ц. 2 р. 50 к., а послѣ смерти Руссова напечатано еще въ „Маякѣ" 1844 г., т. 14, кн. 27, мартъ, гл. 3, стр. 81—100; 20) Путешествіе по Петербургу, С.-Пб. 1824 г.; 21) Калейдакустиконъ, музыкальное упражненіе для составленія 214 милліоновъ вальсовъ и болѣе, на Россійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Изданіе 2-е, С.-Пб., въ тип. Смирдина, 1825, 8°, съ 231 карточками подвижныхъ нотъ, ц. 4 р.; 22) Отрывокъ изъ путешествія по Европѣ. Парижская выставка искуствъ и рукодѣлій — „Отеч. Зап." 1825, ч. 21, № 2, стр. 253—268; 23) Тоже, изд. и отд., С.-Пб., тип. Смирдина, 1825, 12°, 13 стр., ц. 1 р.; 24) Еще о Корсунскихъ вратахъ Новгородскаго Софійскаго собора—„Отеч. Зап." 1825, ч. 22, № 6, стр. 419—428; 25) Тоже было изд. и отд., С.-Пб. 1825, 12°; 26) Фантазія, или Россійско-Римскій

словарь, то-есть: Собраніе Славянскихъ и Римскихъ словъ, одни корни имѣющихъ, С.-Пб., Тип. Медиц. Департ., 1826, 8°; 27) Библіографическій каталогъ Россійскимъ писательницамъ, С.-Пб., въ тип. Медиц. Деп-та, 1826, 8°, 46 стр.; здѣсь указаны 87 писательницъ, съ самыми краткими и неполными извѣстіями о ихъ произведеніяхъ; 28) Объ основаніи города Вильны—„Отеч. Зап." 1826, ч. 27, стр. 140; 29) О происхожденіи слова рубль—„Отеч. Записки", т. 27, 1826 г., № 72, стр. 137—139; 30) Письмо о Россіяхъ, бывшихъ въ нынѣшней Россіи до Рурика — „Отеч. Записки", т. 30 (1827 № 86) стр. 463—488, и т. 31 (№ 87 и 89), стр. 104—126, 337—368; 31) Письмо Руссова—„Отеч. Записки", т. 30, 1827 г., стр. 327—334; 32) О времени печатанія первой Русской газеты — „Русск. Инвалидъ" 1827, № 172; 33) Замѣчанія на статью о убіеніи Св. Вячеслава, князя Чешскаго—„Сѣверн. Архивъ" 1827, ч. 29, № 19, стр. 239—254; 34) Еще нѣчто о легендѣ, въ которой повѣствуется о Вячеславѣ князѣ Чешскомъ—„Сѣверн. Арх." 1828, № 2, стр. 352—370. (Это—отвѣтъ на возраженія издателя той легенды); 35) Нѣсколько словъ о грамотѣ Владислава (1337)—„Сѣв. Пчела" 1828, № 121; 36) О происхожденіи двухъ простонародныхъ словъ: Карачунъ и Чуръ—„Отеч. Записки", ч. 34 (1828, № 98), стр. 474—480; 37) Краткое замѣчаніе относительно разныхъ мнѣній о началѣ Россійскаго государства—„Отеч. Зап." 1828 г., ч. 35, стр. 122—124 (гутъ же отвѣтъ Лупулу); 38) Нѣсколько словъ о книгѣ подъ названіемъ: Нынѣшнее состояніе Молдавіи, Валахіи и Бессарабской области, И. Яковенка—„Отеч. Записки" Свиньина, т. 35 (1828), стр. 124—127; то же отдѣльно: 39) Взглядъ на исторію трехъ княжествъ: Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, съ II по XIII столѣтіе, съ прибавленіемъ разбора палеографской статьи по сему же предмету. (Изъ журнала „Отеч. Записки"), С.-Пб. въ тип. К. Крайя, 1828, 12°, 42 стр.; 40) Мысли о критикѣ автора Исторіи Русскаго народа (Н. А. Полевого) на исторію Н. М. Карамзина, С.-Пб. 1829 г.; 41) Древняя исторія Волынской губерніи, служащая продолженіемъ первобытной исторіи народовъ государства Россійскаго, сочиненная Графомъ Іоанномъ Потоцкимъ. Переводъ съ франц., С.-Пб., въ тип. К. Крайя, 1829, 12°, 14+XII+32 стр.; 42) то же подъ заглавіемъ: 42) Письмо о книгѣ барона Розенкампфа подъ названіемъ „О Кормчей книгѣ" — „Сынъ Отеч." 1829, № 28, стр. 83—97; 43) Словарь жемчужный, или описаніе мѣстъ и водъ, на пространствѣ въ Россіи находящихся, въ коихъ добывался жемчугъ, С.-Пб., въ тип. Деп. Нар. Пр., 1829, 12°, 36 стр.; 44) О критикѣ г. Арцыбашева на исторію Государства Россійскаго, сочиненную Н. М. Карамзинымъ, С.-Пб., въ тип. Деп. Нар. Просв., 1829, 12°, 105 стр.; 45) Примѣчанія на нѣкоторыя непонятныя слова въ русской исторіи, занятыя изъ Порфирогента—„Сынъ Отечества" 1829 г., кн. 14; 46) Сокращеніе Скандинавской Миѳологіи. Переводъ съ иностраннаго языка, расположенный по русскому алфавиту, С.-Пб., въ тип. К. Крайя, 1829, 12°, 64 стр., 47) Разборъ Академической рѣчи проф. Артемовскаго-Гулака, произнесенной въ торжественномъ собраніи Харьковскаго Университета 30-го августа 1827 года, о разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся до Славянской древности—„Славянинъ", т. 12, 1829 г., № 40 и 41, стр. 64—90. Есть и отдѣльные оттиски этой статьи, въ тип. Штаба отд. Корпуса Внутренней стражи, на 27 стр.; 48) Замѣчанія на статью, въ XIII, XIV, XV и XVI книжкахъ „Вѣстника Европы" на сей 1829 годъ напечатанную подъ заглавіемъ Взглядъ на Русскую Правду — „Отеч. Записки", т. 40, 1829 г., № 116, стр. 337—379; 49) Повѣрка лѣтосчисленія нѣкоторыхъ достопамятныхъ событій, помѣщенныхъ въ Готскомъ Альманахѣ на нынѣшній 1829 годъ—„Бабочка" 1829, № 98; 50) Города, составлявшіе Ганзейскій Союзъ—„Отеч. Записки", томъ 40, 1829, № 116, стр. 483—489; 51) Опытъ о подлинности Несторовой лѣтописи, или разборъ статьи, помѣщенной въ № 15 „Вѣстника Европы" на сей 1830 годъ. О скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей древней исторіи, отъ основанія государства до смерти Игоря, т.-е. до 945 года — „Славянинъ", ч. 14, 1830, № 23, стр. 371—416; 52) Есть оттиски этой статьи, съ прибавленіемъ указателя предметовъ, С.-Пб., тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи, 1830, 8°, 50 стр.; 53) Замѣчаніе на Исторію Русскаго народа, сочиненную Николаемъ Полевымъ — „Славянинъ", ч. 13, 1830, № 6, стр. 367—401 и 463—481 и ч. 14, 1830, № 7, ч. 16, 1830, № 19 и

20, стр. 49—85 и 141—163; 54) Тоже и отд. оттиски (три брошюры), съ приложеніями указателей предметовъ, С.-Пб. 1830, тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. стражи, и 1831, тип. Главн. Управл. путей сообщенія, 8⁰ (то, что печаталось въ „Славянинѣ“); 55) Резенція на 2-й томъ „Исторіи Русскаго Народа“ Н. Полеваго—„Сѣверн. Меркурій“ 1831, № 6; 56) О происхожденіи суевѣрія на счетъ Мая мѣсяца, по сходству сего слова съ Римскимъ—„Отеч. Записки“ Свиньина, ч. 49, 1830, стр. 241; 57) Долгъ платежемъ красенъ—„Славянинъ“, ч. 15, стр. 233—237 и отд. изд.: 58) Замѣчанія на книжку, подъ названіемъ: изслѣдованіе о древнѣйшей Кіевской церкви Св. Иліи, соч. Е. Остромыслинскимъ, С.-Пб. 1830, въ Тип. Штаба Отд. Корпуса Внутрен. Стражи, 8⁰, 15 стр. Изъ „Славянина“; 59) Замѣчанія на бранчивую статью, въ 17 и 18 книжкахъ „Московскаго Телеграфа“ на 1830 годъ помѣщенную, по случаю изданія г. Бантышъ-Каменскимъ Малороссійской исторіи, С.-Пб., въ тип. Глав. Упр. Путей сообщ., 1831, 8⁰, 19 стр., ц. 50 к.; 60) Замѣчанія на 80 или послѣднюю главу Салическихъ законовъ—„Лит. Газета“ 1831 г., томъ III, № 2, стр. 14—15; 61) Нѣчто о ворономъ конѣ—„Литерат. Газета“ 1831 г., т. III, № 4, стр. 30; 62) Замѣчанія на статью, въ „Московскомъ Телеграфѣ“ напечатанную, „О историческихъ книгахъ, нѣкоторыми россіянами изданныхъ“ — „Литерат. „Газета“ 1831 г.; 63) Замѣчанія на слово ю б и л е й, неправильно будто бы помѣщенное въ рѣчи проф. Ив. Мих. Снегирева. — „Литерат. Газета“ 1831 г.; 64) Обозрѣніе книги подъ названіемъ Клятва при гробѣ Господнемъ, или русская быль XV вѣка. Изданіе второе, С.-Пб., въ тип. Депар. Нар. Просв., 1832, 8⁰, 27 стр. Первое изданіе въ журналѣ Руссова—„Воспоминанія“, кн. 8; 65) Воспоминанія на 1832 годъ, С.-Пб., 12 книжекъ (наполнено преимущественно статьями самого издателя): 66) Рюрики. Сколько ихъ по Европейскимъ лѣтописямъ и извѣстіямъ отыскать было можно, съ примѣчаніями—„Воспоминанія“, 1832 г., кн. I, стр. 35—52; 66) Хроника Русская—тамъ же, 1832, кн. 4, стр. 19—25; 67) Историческая замѣтка. (По поводу статьи въ „Чтеніяхъ Имп. Акад. Наукъ“)—тамъ же 1832, кн. 4, стр. 66; 68) Историческая замѣтка. (По поводу призванія Рюрика)—тамъ же, 1832, кн. 5, стр. 70—72; 69) Обозрѣніе прагматической исторіи государства Россійскаго—„Воспоминанія“ 1832, кн. 6, стр. 37—48; кн. 7, стр. 3—32; кн. 8, стр. 33—48 и кн. 9, стр. 65—82; 70) Еще о царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ—тамъ же, 1832, кн. 12, стр. 103—107; 71) Родословная Россійскихъ Государей, съ показаніемъ достопамятностей времени каждаго, С.-Пб., въ тип. Глав. Упр. Путей сообщ., 1832,— на открытомъ листѣ; 72) Примѣчанія на книгу, г. Верхомъ изданную, подъ названіемъ: „Царствованіе Михаила Ѳеодоровича и взглядъ на междуцарствіе, С.-Пб. 1832, 8⁰, въ тип. Департ. Народн. Просв., ц. 75 к. (имя автора — въ концѣ); 73) Кадетскіе вопросы, или разборъ книги подъ названіемъ: Руководство къ познанію литературы, В. П-на (Плаксина), С.-Пб. 1834, 8⁰, съ подписью: Р...); 74) О сагахъ въ отношеніи къ русской исторіи, или вообще о древней Руси, С.-Пб., въ тип. Иверсена, 1834, 8⁰, 122 стр., ц. 85 к.; 75) О подлинности древняго русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ „Слово о полку Игоревѣ, Игоря Святославля, сына Ольгова“. С-Пб., въ тип. Главнаго Управленія Путей Сообщенія и публич. зданій, 1834, 8⁰, 32 стр., съ подписью Руссова; 76) О происхожденіи слова М у з а — „Литературныя прибавленія къ Инвалиду“ на 1834 г.; 77) О русскихъ герундіяхъ—въ Собраніи разныхъ критикъ на грамматику Греча, самимъ имъ напечатанныхъ; 78) Замѣчанія на письма Строева, одобряющія критику Арцыбашева на Исторію Государства Россійскаго — „Сынъ Отечества“; 79) Замѣчанія къ розысканіямъ о словѣ вервь; 80) Опытъ о кожаныхъ деньгахъ, С.-Пб., въ тип. Имп. Рос. Академіи, 1835, 8⁰, 100 стр., ц. 60 к.; 81) Разборъ статьи, напечатанной въ „Сынѣ Отечествѣ“ на 1835 годъ въ № 37, 38, 39 о мнѣніяхъ касательно Руси, С.-Пб., въ тип. Имп. Росс. Академіи, 1836, 8⁰, 96 стр., ц. 60 к.; 82) Словарь Русскихъ простонародныхъ рѣченій, въ древнихъ французскихъ актахъ находящихся. (При книжкѣ о кожаныхъ деньгахъ); 83) О древностяхъ Россіи. Новые толки и разборъ ихъ, С.-Пб., въ тип. Россійской Академіи, 1836, 8⁰, 106 стр., ц. 75 к.; 84) Замѣчанія на статью въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1837 г., въ № 150 напечатанную, о книгахъ: Обозрѣніе монетъ русскихъ, Б. Шодуара, и Ключъ къ исторіи Государства Россійскаго, С.-Пб., въ тип.

Росс. Акад., 1837, 8⁰, ц. 50 к.; 85) Историческія воспоминанія, Губ. г. Житомиръ.— „Волын. Губ. Вѣд." 1838, № 12, стр. 61—66 (это — изъ „Волынскихъ Записокъ"); 86) Историко-критическія изслѣдованія. I. Опроверженіе мнѣній г. Крузе о мнимо-ютландскомъ происхожденіи Рюрика.—II. Разборъ мнѣній Н. М. Карамзина и П. Г. Буткова объ Алдейгабургѣ—„Маякъ" 1844, т. 14, кн. 27, мартъ, гл. 4, стр. 55—76; 87) Матеріалы для историческаго и статистическаго описанія Калужской губерніи, 1708—1840. (Изъ Калужской лѣтописи, собранной Ст. Руссовымъ—„Калужск. Губ. Вѣд." 1860, №№ 22—25; 88) Записки (Руссова) передъ книгою: „Выпись хронологическая изъ исторіи Русской". (Объ археологическомъ собраніи при Екатеринѣ II)—„Зап. Имп. Акад. Наукъ", т. IX, кн. I, стр. 99—101; 89) Притча „Путешественники" — въ „Новостяхъ Литературы" и „Казанскомъ Вѣстникѣ".

Нѣкоторыя сочиненія С. В. Руссова остались въ рукописяхъ (въ архивѣ М. И. Семевскаго). Перечень ихъ составилъ Н. М. Востоковъ. Вотъ этотъ списокъ: Еліада или война 1812 г. въ стихахъ; Исторія Калужской губерніи, отчизны руссовъ; Исторія русской нумизматики; Путешественныя записки, или взглядъ на Европу; Словарь словарей; Словарь хронологическій, общій; Стихотвореніе „Слава"; Хронологія всѣхъ орденовъ Европейскихъ; Черта древней и новой исторіи Бессарабіи; Разборъ мнѣній философовъ, древнихъ и новыхъ; Разборъ лѣтописи Іоакима; Опыты о происхожденіи Россіи; Разборъ польской исторіи Бандке; Цыгане Пушкина; Анекдоты; Афоризмы Гиппократовы; Басни и всякія стихотворенія (мелочь); Всеобщей исторіи обозрѣніе, или разборъ исторіи Кайданова; Естетика; Гимнъ Калеанта; Реестръ географическихъ картъ; Для забавы; Ливонская исторія; Славянская миѳологія; Названіе мѣсяцевъ у разныхъ народовъ; О патріаршествахъ; Опытъ о русскихъ лѣтописяхъ; Путешествіе по окрестностямъ Волги (критика); Слово о безсмертіи великихъ; Словарь христіанскій, или епархій; Записка объ университетахъ; Философія нравоучительная; Опыты, откуда произошла басня, что Рюрикъ—племянникъ Кесаря; Возраженіе на книгу о происхожденіи руссовъ; Географія россійская; I столѣтіе по повѣствованію Птоломея и прочихъ; Словарь энциклопедическій; Каталогъ поэмъ; Словарь архіереевъ и хронологія церковная; Альманахъ; Апологія или мое жизнеописаніе.

„Сѣверная Пчела" 1836 г., № 56; „Журналъ Министерства Нар. Просв." 1842, ч. 38, III, стр. 26; „Справочный Энциклоп. Словарь", С.-Пб., 1855, т. 9, ч. 2, стр. 232—233; „Рус. Энцикл. Словарь"; изд. И. Н. Березинымъ, т. I, отд. 4-е, стр. 346, „Энциклопедическій Словарь", изд. Брокгауза Ефрона, С.-Пб., 1899 г., т. 27 (полутомъ 53), стр. 364; С. К. Смирновъ, „Исторія Троиц. Лавр. Семинаріи", М., 1867, стр. 533—534; Петербургскій старожилъ В. Б. (Бурнашевъ): „Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 г." — „Русскій Вѣстникъ", т. 95, 1871 г. № 10, стр. 630—631; П. А. Плетневъ, „Отчеты Императ. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и словесности", С.-Пб. 1852 г., стр. 48—49; „Библіограф. Листы" П. И. Кеппена, т. I, стр. 147 и 430; „Русскій Архивъ" 1869 г., столб. 2096—2101: М. Погодинъ; М. И. Сухомлиновъ, „Исторія Рос. Академіи", т. VII, С.-Пб. 1885 г., стр. 220, 474, „Сборникъ, изд. студентами С.-Пб. Университета", т. I, С.-Пб. 1857: Предисловіе къ „Запискамъ о Московскомъ бытѣ" Герберштейна, стр. 7; Г. Н. Геннади, „Временникъ Имп. Московскаго Общества исторіи и древн. Росс.", Кн. 25, 1857 г., отд. IV, стр. 24—32; М. И. Семевскій и Н. М. Востоковъ: „Русская Старина", т. 74, 1892 г., № 4, стр. 103—115 и 116—119; А. В. См. (Смирновъ): „Труды Владимірской Ученой Архивн. Комиссіи", Кн. II, 1900 г., матеріалы, стр. 30—58; „Осмнадцатый вѣкъ", Историческій сборникъ, Кн. 4, 1869 г., стр. 476—488 (М. И. Семевскій); Григорій Геннади, Справочный словарь..., Т. 3-й, М. 1908 г., стр. 284—285; Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", Кн. II, стр. 357; кн. V, стр. 208, 403; Д. А. Ровинскій, „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", 1888 г. т. III, стр. 1888—1889; „Библіотека" Д. В. Ульянинскаго, Т. I, М. 1912 г., стр. 125 и др. по указателю; Каталоги Я. Ѳ. Березина-Ширяева, Сопикова, Смирдина, Плавильщикова и др.; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 638.

А. В. Смирновъ.

Рустемъ, *Иванъ Францовичъ*, художникъ, профессоръ живописи Виленскаго Университета, надворный совѣтникъ; происходилъ, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, „изъ купецкихъ дѣтей". Въ біографіи его есть нѣсколько темныхъ мѣстъ, которыя остаются невыясненными: такъ онъ, будучи по національности полякомъ, родился въ 1764 году въ Перѣ, предмѣстьѣ Константинополя; по формулярному списку онъ значится, какъ мы выше указали, „изъ купецкихъ дѣтей", а между тѣмъ въ немъ принималъ большое участіе князь А. Чарторыйскій, который увезъ его изъ Константинополя въ Варшаву и заботился о его воспитаніи, помѣстивъ его въ лучшее учебное заведеніе. Рустемъ впослѣдствіи отблагодарилъ князя

А. Чарторыскаго, увѣковѣчивъ его и его семью въ рядѣ портретовъ. Почувствовавъ въ ранней юности влеченіе къ живописи, Рустемъ получилъ начальныя знанія въ ней въ школѣ Норблена, а дальнѣйшія—въ мастерской польскаго художника Bacciarelli. Въ 1798 году онъ былъ назначенъ въ Виленскій Университетъ адъюнктомъ на каѳедру живописи, а послѣ смерти профессора живописи Франца Смуглевича, въ 1807 году, выбранъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ званіи котораго и утвержденъ былъ 9-го іюня 1811 года; чинъ надворнаго совѣтника онъ получилъ 12-го февраля 1812 года. Умеръ въ 1835 г., 71 года отъ роду, въ той же Вильнѣ.

Рустемъ—портретный живописецъ, хотя, какъ и большинство художниковъ того времени, писалъ и пейзажи (Видъ дворца Корытовецкаго и др.), жанры и исполнилъ много рисунковъ, которые были литографированы въ Вильнѣ и выпущены въ продажу альбомомъ подъ заглавіемъ: „Памятъ о Янѣ Рустемѣ“, Вильно. 1837 г. Главное достоинство портретовъ Рустема—ихъ сходство—не только внѣшнее, но и внутреннее: онъ, по выраженію современниковъ, умѣлъ передавать душу изображаемаго лица; особенно ему удавались портреты близкихъ ему лицъ или лицъ историческихъ. Его біографъ приводитъ длинный списокъ портретовъ, принадлежащихъ кисти Рустема; укажемъ изъ нихъ очень интересный и схожій „автопортретъ“, портреты князя А. Чарторыйскаго (имѣется и миніатюра, гдѣ князь изображенъ съ женою), Михаила Огинскаго, Іосифа Саундерса, Іосифа Гловацкаго, Снядецкихъ, Тизенгаузовъ, князя А. Сапѣги, епископа Виленскаго Яна-Непомука Коссаковскаго, и рядъ женскихъ—княгини И. Чарторыской (урожденной Флеммингъ), княгини Гедройцъ княгини Маріи Радзивиллъ и др.; изъ русскихъ — С. Н. Марина; большое значеніе для Польскаго, главнымъ образомъ, искусства (хотя въ Виленскомъ Университетѣ обучались и русскіе художники) Рустемъ оказалъ, какъ профессоръ живописи въ Университетѣ: онъ ввелъ въ преподаваніе рисованіе съ натуры, какъ съ антиковъ, такъ и съ живой натуры, при чемъ посвящалъ ученикамъ очень много времени, и, не довольствуясь преподаваніемъ въ самомъ Университетѣ, не только приглашалъ наиболѣе талантливыхъ къ себѣ на домъ, въ свою мастерскую, но и посѣщалъ ихъ. Какъ человѣкъ, Рустемъ отличался необыкновенною добротою.

Формулярный списокъ 1814 г. (у Б. Л. Модзалевскаго); E. Rastawiecki, Słownik malarzow polskich, Warszawa. 1851 (здѣсь приведена и библіографія о Р.); Великій Князь Николай Михаиловичъ, Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, т. II (портретъ Марина, 1810 г.).

П. Столпянскій.

Рутковскій, *Антонъ Ивановичъ*, врачъ; род. въ 1813 г.; происходилъ изъ дворянъ Виленской губерніи; обучался медицинѣ въ Виленской Медико-Хирургической Академіи на казенный счетъ съ 1832 г., въ 1836 г. выпущенъ былъ врачемъ въ паркъ 10-й артиллерійской бригады, въ 1840 г. переведенъ въ Селенгинскій пѣхотный полкъ, въ 1842 г. въ Виленской Академіи получилъ званіе штабъ-лекаря и въ 1843 г. назначенъ старшимъ лекаремъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, но въ томъ же году умеръ отъ воспаленія легкихъ. Въ „Тыгодникѣ лѣкарскомъ“ Р. напечаталъ работу „Крупъ травматическаго происхожденія“ (1851 г., № 21).

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 2, С.-Пб. 1886, стр. 88.

Н. М.

Рутковскій, *Владиславъ Игнатьевичъ*, врачъ; род. въ 1821 г. и происходилъ изъ дворянъ; воспитывался въ Университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ и выпущенъ былъ въ 1848 г. лекаремъ въ Симферопольскій военный госпиталь; переведенный въ 1849 г. въ Подольскій егерскій полкъ, а въ 1855 г. полковымъ врачемъ въ Волынскій пѣхотный полкъ, Р. въ 1860 г. былъ командированъ въ Кіевскій военный госпиталь съ научною цѣлью; съ 1864 г. онъ состоялъ секретаремъ изъ медиковъ Одесскаго Военно-Окружного Управленія, а въ 1867 г. назначенъ и. д. доктора 14 и 13 пѣхотныхъ дивизій и въ 1873 г.—17-й дивизіи; умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника въ 1873 году. Напечаталъ работу „Сакскія минеральныя воды и грязи“—„Военно-Медиц. Журналъ“ 1849 г., ч. 54, отд. II (съ Ф. Цвѣтаевымъ).

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 2, С.-Пб. 1886, стр. 88.

Н. М.

Рутковскій, *Клементій Лукьяновичъ*, тайный совѣтникъ, Плоцкій гражданскій губернаторъ; происходя изъ старинной дво-

рянской семьи, началъ службу 9-го ноября 1807 г. въ Литовскомъ краѣ; въ 1831 году онъ былъ Виленскимъ полиціймейстеромъ, въ 1838 году былъ полковникомъ корпуса жандармовъ и 29-го сентября этого года былъ, за отличіе, произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники и вскорѣ назначенъ Плоцкимъ Гражданскимъ Губернаторомъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ губерніи, онъ особенное вниманіе обратилъ на тяжелое положеніе Польскихъ крестьянъ. Многіе помѣщики, въ видахъ заведенія у себя многопольнаго или плодопеременнаго хозяйства, уничтожали усадьбы крестьянъ и занимаемыя ими земли присоединяли къ господскимъ, которыя обрабатывали своимъ скотомъ и своими же наемными поденьщиками. Послѣднихъ они помѣщали въ упраздненныхъ крестьянскихъ домахъ, давая имъ только огородъ и шестидесятое зерно отъ выработаннаго на господскихъ земляхъ хлѣба, или же деньгами отъ $7^1/_2$ до 10 копѣекъ серебромъ въ сутки. Понятно, что такое положеніе вещей не могло не внушать опасеній, такъ какъ оно неминуемо должно было вести къ обезземеленію, а слѣдовательно и къ обѣдненію крестьянскаго сословія. Понимая серіозность такого положенія вещей, Р. началъ бороться съ этимъ зломъ и обратился къ Главному Директору Внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго, но, видя, что это не приноситъ результатовъ, онъ во Всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ о состояніи Плоцкой губерніи за 1843 годъ, описывая положеніе дѣлъ, ходатайствовалъ о запрещеніи помѣщикамъ самовольно отнимать земли у крестьянъ, говоря, между прочимъ: „Къ предупрежденію столь вредныхъ послѣдствій (обезземеленія крестьянъ) я полагалъ бы полезнымъ всѣхъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ перевести на оброкъ (подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ Пруссіи), а между тѣмъ воспретить отнимать самовольно землю отъ крестьянъ, издревле поселенныхъ“. Не ограничиваясь одними донесеніями, Рутковскій, во время проѣздовъ Императора Николая I черезъ Остроленку, лично докладывалъ ему о положеніи крестьянъ, обращая вниманіе Государя на тѣ серіозныя послѣдствія, которыми грозило лишеніе ихъ земли. Кромѣ личнаго доклада, Р. подалъ еще по этому вопросу нѣсколько всеподданнѣйшихъ записокъ, на основаніи которыхъ и былъ изданъ законъ 1846 года объ ограниченіи своеволія Польскихъ помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ. Кромѣ того, Р. въ теченіе своего почти 9-лѣтняго управленія губерніей много сдѣлалъ для самаго города Плоцка и для всей Плоцкой губерніи. Въ самомъ Плоцкѣ, благодаря его стараніямъ, построенъ былъ постоянный мостъ, сдѣлана набережная, засаженъ бульваръ, открыты и вымощены многія улицы, общественный садъ приведенъ въ отличное состояніе, расширены помѣщенія многихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ; въ губерніи же при немъ начато было устройство шоссейныхъ сообщеній второго разряда. Награжденный 5-го октября 1840 г. орденомъ св. Станислава 1-й степени, Р. въ 1847 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника, вышелъ въ отставку и поселился въ Варшавѣ, гдѣ и скончался въ 1856 году.

„Варшавскій Дневникъ“ за 1867 г., 17-го (19) сентября, № 201, ст. Ю. А. Статковскаго: воспоминанія о К. Л. Рутковскомъ.

Н. М.

Рутковскій, *Кузьма Осиповичъ*, камеръ-музыкантъ, альтистъ Императорской Русской оперы; происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи и родился въ концѣ XVIII столѣтія. Съ 1810 года, въ теченіе семнадцати лѣтъ, Р. игралъ въ разныхъ частныхъ оркестрахъ Петербурга, а 10-го февраля 1828 года былъ принятъ на службу Дирекціи Императорскихъ театровъ въ качествѣ альтиста въ Русскую оперу и назначенъ камеръ-музыкантомъ на мѣсто умершаго Кистермахера, съ жалованьемъ 1250 рублей въ годъ. На службѣ Дирекціи Р. оставался до самой своей смерти; участвуя въ концертахъ, онъ исполнялъ партію альта въ квартетахъ. Рутковскій скончался 15-го декабря 1840 года.

Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ, Дѣло 1840 года за № 337.

Н. М.

Рутценъ, фонъ-, *Николай Карловичъ*, „Несторъ Курскаго губернскаго земства“; род. 4-го ноября 1826 г. въ г. Орлѣ и дѣтство свое провелъ въ семьѣ; отецъ его, поручикъ Карлъ фонъ-Рутценъ и мать Ольга Николаевна, рожденная Потемкина (род. 1799), жили въ деревнѣ, въ сельцѣ Костюринѣ, около г. Малоархангельска, а зимой—большею частію въ Орлѣ; какъ Р.,

такъ и его братъ и двѣ сестры воспитывались и учились дома, для чего родители старались отыскивать лучшихъ учителей русскихъ и иностранныхъ. Р. съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ учителѣ математики Василіи Петровичѣ Петровѣ, который сумѣлъ заставить его любить математику, а также о священникѣ Сидонскомъ, который давалъ ему уроки въ Петербургѣ.

Въ 1842 году Р. поступилъ въ Московскій Университетъ, на Математическій Факультетъ, откуда и вышелъ кандидатомъ въ 1846 году. Все время университетской жизни онъ охотно занимался математикой, дѣятельно посѣщалъ лекціи, записывалъ ихъ и благополучно сдавалъ экзамены. Будучи студентомъ, Р. почти все время жилъ у профессора Т. Н. Грановскаго, вліяніе котораго отразилось на характерѣ и идеяхъ Р. Общительность, привѣтливость и доступность были крайне развиты у Рутцена.

Вскорѣ по выходѣ изъ Университета, Р. потерялъ свою мать, при чемъ на его рукахъ остались двѣ молоденькія сестры, братъ и 1000 душъ крестьянъ въ Орловской губерніи (въ имѣніи матери), на которыхъ лежали такіе огромные и просроченные долги казнѣ и частнымъ лицамъ, что почти равнялись стоимости имѣнія. При такомъ положеніи о какой-нибудь дѣятельности для себя лично Р. не смѣлъ и думать, хотя его сильно влекло въ Корпусъ путей сообщенія—по его страстной наклонности къ механикѣ, которою онъ занимался въ промежутокъ между дѣлами по имѣнію у извѣстнаго академика и профессора Пафнутія Львовича Чебышева. Встрѣтясь въ это время гдѣ-то въ обществѣ съ Р., Ив. Серг. Тургеневъ спросилъ его, чѣмъ онъ занимается въ деревнѣ: Р. отвѣчалъ, что онъ „описываетъ свои имѣнія“,—и хотя отвѣтъ этотъ показался не совсѣмъ яснымъ Тургеневу, это выраженіе вполнѣ характеризовало тогдашнюю дѣятельность Р., такъ какъ тогда онъ былъ занятъ изученіемъ своихъ владѣній и ихъ экономическаго состоянія. Въ то же время Р. самъ готовилъ своего брата въ Университетъ, ѣздилъ съ сестрами для ихъ уроковъ и развлеченія въ Москву и въ Петербургъ. Онъ окружалъ ихъ заботами и, любя ихъ всей душой, пользовался взаимно ихъ безграничною привязанностію и преданностью. Сестры говорили часто про Р., что во всей его жизни не было ни одного промежутка, когда бы онъ не былъ кѣмъ-нибудь особенно любимъ. Однимъ изъ любимыхъ занятій Р. и въ то же время средствомъ для отдыха была охота, которой онъ предавался съ полнымъ увлеченіемъ въ промежуткахъ между дѣлами; своимъ учителемъ въ дѣлѣ охоты онъ считалъ извѣстнаго охотника Ивана Михайловича Казакова (сосѣда и пріятеля его отца).

Общественная дѣятельность Р. по выходѣ изъ Университета началась съ того, что онъ былъ избранъ почетнымъ попечителемъ Рыльскаго Уѣзднаго Училища и въ этой скромной роли стремился быть полезнымъ дѣлу народнаго образованія; уже тогда, въ 1850-хъ годахъ, онъ составилъ проектъ преобразованія уѣздныхъ училищъ (въ виду ихъ разобщенности со всей системой воспитанія) въ прогимназіи, которыя каждому открывали бы путь къ дальнѣйшему образованію и давали бы возможность жителямъ уѣздныхъ городовъ воспитывать дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ у себя, дома. Проектъ этотъ Р. докладывалъ и устно, и письменно бывшему въ то время Товарищу министра народнаго просвѣщенія князю Ширинскому-Шихматову, который, однако, отвѣчалъ ему на это лишь, что правительство „въ существующемъ порядкѣ руководится высшими соображеніями“. Въ это же время Рутцена занималъ однъ его проектъ, которому онъ придавалъ огромное общественное значеніе,—„проектъ перевозки грузовъ по снѣгу и по льду посредствомъ парового двигателя“; его увлекала, между прочимъ, и простота исполненія; онъ разсчитывалъ, что это доставитъ Россіи неисчислимыя выгоды, сдѣлавъ общедоступными всѣ лѣсныя и другія богатства сѣверо-восточной Россіи, казенныя и частныя.

Проектъ этотъ былъ имъ вполнѣ разработанъ дома и за границей и былъ напечатанъ въ „Промышленномъ Листкѣ“ и отдѣльными брошюрами въ Москвѣ и Парижѣ—въ„ Génie Industriel“. Р. имѣлъ привилегію на этотъ способъ перевозки, который былъ имъ представленъ на обсужденіе въ Академію Наукъ и, несмотря на то, что это составляло его idée fixe почти до конца его жизни, проектъ остался неосуществленнымъ,—сначала за недостаткомъ у него свободныхъ средствъ, потомъ за охватившей его общественной дѣятель-

ностью, а наконецъ за недостаткомъ здоровья и энергіи.

Хозяйство свое Р. мало-по-малу привелъ въ порядокъ и, вступивъ въ бракъ въ 1856 году, предложилъ своимъ дворовымъ свободу; ею воспользовались всѣ мастеровые и молодые люди, старики же и немощные остались; многимъ онъ далъ осѣдлость (земли), а другіе до смерти остались на его попеченіи; прислуга же съ 1856 года была уже вся нанятая. Въ имѣніи своего отца при с. Покровскомъ, Фатежскаго уѣзда, гдѣ Р. жилъ послѣднее время, не удалось отклонить крестьянъ отъ рѣшенія взять дворовый надѣлъ, и они все время находились въ опекѣ у Р.

Въ 1857 году, 20-го ноября, были опубликованы, какъ извѣстно, первые рескрипты, касавшіеся освобожденія крестьянъ. Р. прочелъ объ этомъ на почтовой станціи въ Тулѣ, въ декабрѣ, на пути въ Москву; въ полчаса у него созрѣлъ проектъ о выкупной операціи крестьянскихъ надѣловъ. Проектъ выкупа земли для крестьянъ давно уже занималъ Р. и былъ имъ уже составленъ и представленъ, кажется, въ Опекунскій Совѣтъ, вскорѣ по выходѣ изъ Университета.

Какъ ни рвался Р. къ общественной дѣятельности, въ виду открывавшейся въ то время новой жизни, давно ожидавшейся, но всѣ его попытки и желанія попасть по выборамъ или по назначенію на службу крестьянскому дѣлу оставались безуспѣшными.

Въ началѣ 1858 года Р. уѣхалъ изъ Москвы въ Орелъ—на Дворянское собраніе, состоявшееся для поднесенія Государю адреса, и, участвуя по 4-мъ уѣздамъ: Орловскому, Мценскому, Болховскому и Малоархангельскому и переходя изъ одного въ другой, старался содѣйствовать тому, чтобы отъ Орловской губерніи поднесенъ былъ такъ называемый „безусловный“ адресъ, т.-е., адресъ съ заявленіемъ о желаніи освобожденія крестьянъ съ землею.

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1858 же году происходило Дворянское собраніе для выборовъ членовъ въ Губернскій Комитетъ по крестьянскому дѣлу, по одному отъ каждаго уѣзда. Р. страстно желалъ попасть въ Комитетъ и не скрывалъ своего желанія, но въ уѣздѣ были опредѣленные на этотъ предметъ взгляды, партіи и готовые напередъ кандидаты, и, несмотря на все свое желаніе, Р. къ крайнему своему прискорбію, не попалъ въ Комитетъ ни отъ дворянъ, ни отъ правительства; тѣмъ не менѣе, это не охладило его желанія, и по окончаніи Орловскихъ выборовъ онъ сожалѣлъ, что продалъ имѣніе жены въ Ефремовскомъ уѣздѣ, такъ какъ иначе сейчасъ поѣхалъ бы баллотироваться въ Тулу. Въ 1860 году Р. былъ выбранъ въ Орловское губернское Дворянское собраніе для повѣрки земскихъ суммъ отъ Орловскаго уѣзда. Тутъ, собственно, онъ въ первый разъ вступилъ въ общественную жизнь; депутаты, по его иниціативѣ, доложили общему собранію дворянства, что отчетность находится въ хаотическомъ безпорядкѣ. Вслѣдствіе этого доклада, по ходатайству Орловскаго дворянства и съ разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ, открыта была коммисія для повѣрки расходовъ земства Орловской губерніи и для составленія предположеній объ измѣненіи правилъ повѣрки расходовъ суммъ земскаго сбора; въ составъ этой Коммисіи должны были войти депутаты по одному отъ каждаго уѣзда. Изъ всѣхъ депутатовъ для этой повѣрки явилось въ Орелъ только двое: Н. В. Карташевъ отъ Малоархангельскаго уѣзда и Р. отъ Орловскаго. Остальные 10 всѣ отказались подъ разными предлогами. Но и вдвоемъ, работая усердно надъ этой повѣркой, они открыли много безпорядковъ и злоупотребленій, о которыхъ Р. писалъ въ „Современной Лѣтописи“ „Русскаго Вѣстника“ въ началѣ 1861 года, въ № 7, 11 и 23, за подписью „Депутатъ отъ Орловскаго уѣзда по повѣркѣ земскихъ суммъ“, и о которыхъ они доложили Орловскому Дворянскому собранію. Среди этой работы застало Р. назначеніе его въ мировые посредники въ Малоархангельскій уѣздъ, въ іюлѣ 1861 года, куда онъ прямо и былъ назначенъ Орловскимъ губернаторомъ, графомъ Н. В. Левашевымъ. Сочувствуя всей душой освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и улучшенію ихъ быта, Р. во всей своей дѣятельности мирового посредника неуклонно и неотступно преслѣдовалъ эту цѣль, служа ей всѣми своими силами. Ему удалось сохранить порядокъ въ своемъ участкѣ, не прибѣгая ни разу къ помощи военной силы: ему удалось сдѣлать удобныя для крестьянъ разверстанія, провести нѣкоторыя мѣры, полезныя для крестьянъ,

благодаря сильной поддержкѣ предсѣдателя Орловскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Орловскаго губернатора графа Н. В. Левашева и членовъ отъ правительства: А. Д. Карпова и А. И. Нарышкина. Такъ, по письму Р. князь Меньшиковъ въ своемъ 2-мъ участкѣ Малоархангельскаго уѣзда далъ полный надѣлъ крестьянамъ и отдалъ имъ землю въ аренду; равнымъ образомъ, по письму же Р., простилъ имъ старую недоимку и помогъ деньгами послѣ пожара. По ходатайству Р. княжна Голицына выдала своимъ крестьянамъ за деньги много рекрутскихъ квитанцій, избавлявшихъ отъ рекрутства. Р. также ходатайствовалъ, чтобы квитанціи эти правительство зачло за службу; это вызвало общее распоряженіе,—и квитанціи, выданныя помѣщиками, были зачтены по всей Россіи. Въ имѣніи князя Куракина Р. устроилъ волостной банкъ, написавъ самъ для него Уставъ; банкъ этотъ имѣлъ большіе обороты и подъ контролемъ Р. шелъ отлично. Въ участкѣ Р. возникали училища, часто онъ посѣщалъ волостные суды и направлялъ ихъ дѣятельность. Словомъ, онъ усердно служилъ крестьянскому дѣлу.

Имѣя въ виду интересы крестьянъ, Р. служилъ имъ самоотверженно и подчасъ вызывалъ недовольство помѣщиковъ, находившихъ, что онъ мало защищаетъ ихъ интересы. Однако, упреки эти были несправедливы, такъ какъ Р. никогда не допускалъ пристрастія въ чью-либо сторону. Когда затѣмъ графъ Левашевъ назначилъ Р. исправлять должность члена Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія по болѣзни Карпова, Р. взялъ на себя работу по отдѣлу разрѣшенія выкупныхъ сдѣлокъ и подвинулъ его въ самое короткое время. Общіе пріемы всегда помогали Р. въ успѣхѣ дѣла и здѣсь, а такъ какъ разрѣшеніе выкупныхъ сдѣлокъ постоянно задерживалось за несоблюденіемъ разныхъ формальностей, онъ напечаталъ общую форму, со всѣми необходимыми вопросами, которую и разослалъ всѣмъ мировымъ посредникамъ: стоило только поставить въ каждую графу отвѣтъ,—и выкупная сдѣлка была правильно составлена. Такимъ образомъ, и тутъ онъ споспѣшествовалъ скорѣйшему, столь желаемому окончанію всѣхъ обязательныхъ отношеній.

Въ 1864 году открылся учредительный Комитетъ въ Царствѣ Польскомъ. Долго исправляя должность отъ Правительства въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, Р. отсталъ отъ дѣлъ своего участка, а такъ какъ мѣсто члена отъ Правительства, за смертью Карпова, было предложено графомъ Левашевымъ г. Ратынскому, то Р. и задумалъ перейти въ Польшу, гдѣ Правительство желало надѣлить крестьянъ землею. По пріѣздѣ Р. въ Варшаву, онъ получилъ мѣсто Предсѣдателя Калишской Коммисіи. И здѣсь Р. служилъ съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ и въ Орловской губерніи. Работая надъ устройствомъ быта Польскихъ крестьянъ, съ широкими полномочіями, онъ могъ идти въ томъ направленіи, которому всегда горячо сочувствовалъ и которое твердо поддерживало Правительство въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей тогдашняго времени: Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева, князя В. А. Черкасскаго, В. А. Арцимовича и др.

Въ Калишской Коммисіи Р. всевозможными средствами избѣгалъ, при развертаніи, помощи военной силы, находя это плохимъ средствомъ знакомить народъ съ монаршею милостью; Калишскому военному начальнику не удавалось никуда проѣхать съ казаками безъ того, чтобы Р. или не остановилъ его, или не отправился съ нимъ туда же. Войска не могли быть введены ни въ одно селеніе безъ вѣдома Предсѣдателя Коммиссіи, и много разъ его личное присутствіе на мѣстѣ разрѣшало дѣло мирнымъ путемъ. Бывали дѣла очень сложныя, но, благодаря поддержкѣ Учредительнаго Комитета, они всегда разрѣшались въ смыслѣ улучшенія положенія крестьянъ.

Первый правильный рекрутскій наборъ, между прочимъ, прошелъ при Рутценѣ въ полномъ порядкѣ. Для Польскихъ пановъ онъ также старался какъ можно скорѣе разрѣшать ликвидаціонныя табели (наши выкупныя сдѣлки), такъ какъ всѣ они въ то время нуждались въ деньгахъ.

Когда Правительство дало Польскимъ крестьянамъ всѣ ихъ надѣлы безвозмездно, отдавъ за землю панамъ по оцѣнкѣ выкупными свидѣтельствами, Р. говорилъ, что осталась теперь очередь за Остзейскими губерніями, что надо ѣхать туда надѣлять крестьянъ землей. Проникнутый желаніемъ пользы дѣлу, пользуясь довѣріемъ высшихъ инстанцій и имѣя большую власть, Р. располагалъ со стороны

почти всей Коммиссіи самыми лучшими къ себѣ чувствами, ибо никто не видѣлъ въ немъ никакихъ личныхъ стремленій и исканій; товарищи справедливо видѣли въ немъ хорошую силу; онъ же къ нимъ относился въ высшей степени доброжелательно, стараясь словомъ и примѣромъ внушить имъ любовь къ дѣлу, умѣренность и экономію. Товарищи его были съ разныхъ концовъ Россіи и изъ разныхъ родовъ войска и учебныхъ заведеній, разнаго возраста, разнаго образа мыслей, но очень скоро въ засѣданіяхъ коммисіи на его сторонѣ почти всегда составлялось большинство. Кромѣ засѣданій Коммиссій, которыя бывали въ Калишѣ, онъ остальное время почти постоянно бывалъ въ разъѣздахъ по разбору дѣлъ и только изрѣдка, окончивши дѣла, позволялъ себѣ принять участіе въ какой-нибудь охотѣ за кабанами и козами, куда его, впрочемъ, приглашали часто, узнавъ, что „панъ Презусъ“ любитъ охоту.

Разстроенное здоровье Р. не позволяло ему долго продолжать службу по крестьянскому дѣлу, но Я. А. Соловьевъ просилъ его не выходить въ отставку, а причислиться къ Учредительному Комитету,—въ томъ предположеніи, что онъ опять сможетъ вернуться на службу, когда поправится его здоровье. Р. такъ и сдѣлалъ.

Въ іюлѣ 1866 года Р. вернулся въ свое имѣніе — с. Покровское, Фатежскаго уѣзда, Курской губерніи. Найдя земскія и мировыя учрежденія давно уже открытыми, Р., однако, не могъ взять на себя какую-нибудь обязательную службу, такъ какъ здоровье его давно пошатнулось. Но въ то время открылся такой просторъ общественной дѣятельности для каждаго, что Р. всегда могъ имѣть столько дѣла, сколько хотѣлъ и сколько могъ взять на себя. Открыты были училища, училищные съѣзды, училищные совѣты, земскія уѣздныя и губернскія собранія, ревизіонныя коммисіи, наконецъ,— Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ; вездѣ въ нихъ Р. принималъ горячее, по мѣрѣ силъ, участіе въ качествѣ Предсѣдателя или Члена Училищнаго совѣта, уѣзднаго и губернскаго гласнаго, почетнаго мирового судьи, члена Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, члена Попечительнаго Совѣта и попечителя разныхъ учебныхъ заведеній. Фатежское земство никогда не отказывалось отъ его услугъ и ни въ чемъ не препятствовало его дѣятельности; къ сожалѣнію, разбитое здоровье не позволяло Р. служить земству такъ, какъ бы онъ желалъ. Онъ посѣщалъ училища, самъ давалъ уроки, экзаменовалъ, возился съ учителями, провѣрялъ ихъ, наставлялъ и помогалъ имъ. Онъ старался организовать въ училищныхъ совѣтахъ дѣло народнаго образованія, отстаивая интересы въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Не пропустивъ, въ качествѣ гласнаго, за все время ни одного ни уѣзднаго, ни губернскаго собранія, онъ являлся всегда постояннымъ и работающимъ членомъ Ревизіонныхъ коммиссій и всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ прямо и откровенно выражалъ свое мнѣніе о дѣлахъ и людяхъ. Въ качествѣ члена ревизіонной коммиссіи въ Губернскомъ земскомъ собраніи Р. потрудился еще надъ приведеніемъ въ порядокъ отчетности Губернской Управы. Онъ нашелъ остатки земскихъ сборовъ, не переведенные отъ старыхъ учрежденій, и старыя недоимки, нигдѣ не числившіяся, и убѣдилъ Губернское Земское Собраніе назначить ихъ на народное образованіе. Проводя принципъ взаимной помощи, онъ исходатайствовалъ у Губернскаго Земскаго Собранія помощь голодающимъ самарцамъ. Сторонникъ и поборникъ реальнаго образованія, онъ возбуждалъ ходатайство о дарованіи правъ поступленія въ Университеты реальнымъ училищамъ. Искренно желая прогресса путемъ мирныхъ реформъ, онъ возбуждалъ вопросъ о переселеніи крестьянъ изъ густо населенныхъ мѣстностей. Журналы губернскихъ земскихъ собраній, въ которыхъ онъ возбуждалъ важные вопросы экономическаго значенія, свидѣтельствуютъ о горячемъ участіи, которое принималъ въ нихъ Р.; эти работы поглощали послѣдніе остатки его силъ. Послѣдніе годы Р. былъ постоянно боленъ и не могъ принимать въ собраніяхъ того дѣятельнаго участія, какъ прежде и какъ ему хотѣлось. Совершенно больной, едва дыша, онъ, однако, пріѣзжалъ изъ своей деревни въ Курскъ на каждое земское засѣданіе, сопутствуемый цѣлыми ящиками земскихъ постановленій, отчетовъ, смѣтъ и т. п., въ которыхъ онъ любилъ рыться, отыскивая упущенные источники дохода, незамѣченные остатки суммъ и пр. Въ этомъ горячемъ интересѣ къ вопросамъ общественной жизни онъ почерпалъ силу

для забвенія тѣхъ страданій, которыя быстро приближали его къ могилѣ. Но и больной, съ прерывающимся голосомъ, останавливаемый на каждомъ словѣ глубокимъ кашлемъ, Р. до конца дней своихъ оставался въ собраніяхъ тою же нравственной силой, вдохновляющею на честное гражданское дѣло, направляющею на правдивый путь. Онъ скончался 6-го декабря 1880 года въ с. Покровскомъ. Узнавъ о его кончинѣ, Губернское Земское Собраніе, цѣня въ Р. его безкорыстную службу обществу, почтило его память своимъ высокимъ вниманіемъ, постановивъ 9-го декабря 1880 года: 1) учредить стипендію имени Р. для лучшаго воспитанника Курской Земской Учительской Школы, образовавъ для этого капиталъ въ 6.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы воспитанникъ имени Рутцена продолжалъ свое ученіе въ одномъ изъ учительскихъ институтовъ, безъ обязательности отслуживать земству; 2) помѣстить портретъ Р. въ залѣ Учительской Школы, которой онъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей и состоялъ членомъ Попечительнаго Совѣта до послѣдняго времени; 3) отслужить въ присутствіи земскаго собранія панихиду по Р. въ Учительской Школѣ и 4) выразить его вдовѣ соболѣзнованіе Курскаго Губернскаго Земскаго Собранія письмомъ. Своимъ духовнымъ завѣщаніемъ Р. уравнялъ части дочерей съ сыновьями и назначилъ 6.000 рублей въ пользу слушательницъ Женскихъ врачебныхъ курсовъ. Живя послѣднее время почти постоянно въ деревнѣ, Р. очень интересовался успѣхами сельскаго хозяйства, вводилъ разныя усовершенствованія въ обработкѣ и сѣвооборотахъ, устраивалъ крахмальные заводы, занимался садоводствомъ. Живя постоянно въ своей семьѣ, онъ живо интересовался воспитаніемъ и успѣхами дѣтей, самъ училъ ихъ математикѣ, самъ приготовилъ старшаго сына въ общій классъ Московскаго Техническаго Училища, со старшей дочерью прошелъ изъ математики весь курсъ мужской гимназіи и занимался со своими меньшими дѣтьми. Одинъ изъ друзей Р. такъ рисуетъ портретъ Рутцена: „Оригинальная высокая фигура, съ сѣдой гривой, безпорядочно откинутой назадъ, съ лицомъ, полнымъ ума, воодушевленія, въ костюмѣ небрежномъ до крайности,—внушали какое-то особенное довѣріе и симпатію. Рѣчь Р. была въ высшей степени естественна, проста и жива, какъ откровенная дружеская бесѣда, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, сверкала такими яркими образами, такимъ тонкимъ остроуміемъ, поражала такою убѣдительною и строгою логикою, что бороться съ нею было очень трудно, и передъ нею часто умолкали самые рѣшительные противные взгляды. Такой оригинальный ораторскій талантъ, какъ Р., могъ бы играть выдающуюся роль въ политическихъ и общественныхъ собраніяхъ въ странахъ, гдѣ цѣнятся парламентскія дарованія. Но сильнѣе его дара слова вліяли на рѣшенія Земскаго Собранія глубокія и цѣльныя убѣжденія Р. Это былъ съ головы до ногъ человѣкъ принципа, а не компромисса и не личностей. Это было до того всѣмъ ясно, что даже откровенные враги его почитали въ немъ эту нравственную стойкость".

„Русск. Стар." 1882 г., т. 33, стр. 597—624 (біографическій очеркъ, съ предисл. Е. Л. Маркова); В. В. Руммель, Родословный Сборникъ, т. II.

В. П. М.

Рутъ, *Яковъ Ивановичъ* (Ruuth), авторъ „Руководства къ изученію Испанскаго языка"; шведъ по происхожденію, онъ родился въ 1808 г. и имѣлъ ученую степень кандидата богословія; въ 1833 г., 30-го сентября, онъ былъ допущенъ къ исправленію должности Помощника Библіотекаря С.-Петербургскаго Университета по найму, а въ 1836 г., 22-го января, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенъ былъ исправляющимъ должность Библіотекаря Университета, — на томъ же основаніи; въ 1840 г., 4-го октября, по Высочайшему повелѣнію, Р. былъ принятъ въ Россійское Финляндское подданство и въ 1841-мъ году, 7-го января, по представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, былъ утвержденъ въ должности Библіотекаря. Затѣмъ, въ томъ-же 1841 году, 22-го августа, Р. перешелъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, бывъ уволенъ изъ Петербургскаго Университета, и опредѣленъ чиновникомъ во 2-ю Экспедицію Департамента Внѣшнихъ Сношеній этого Министерства. Въ 1841 же г. Р. выдержалъ экзамены въ Петербургскомъ Университетѣ, на Юридическомъ Факультетѣ, и получилъ степень кандидата правъ. Служа въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, онъ въ 1846 году, при наименованіи Департамента

Внѣшнихъ Сношеній Особою Канцеляріею Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, оставленъ былъ въ должности при означенной Канцеляріи и въ той же экспедиціи при чемъ, по словамъ Плетнева, вѣдалъ дипломатическими шифрами и въ 1847 г. проживалъ въ Гельсингфорсѣ,—о чемъ упоминаетъ Я. К. Гротъ въ письмѣ къ Плетневу отъ 16-го іюня. Въ 1850 году Р. отправленъ былъ дипломатическимъ курьеромъ изъ С.-Петербурга въ Стокгольмъ, а 12-го марта 1852 г. былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры. Въ 1854 г., 1-го января, Р. былъ назначенъ Помощникомъ Управляющаго Второю Экспедиціею Особой Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; въ той же должности состоялъ и въ 1859 г., а въ 1864 г., уже въ чинѣ д. с. совѣтника, былъ старшимъ чиновникомъ при той же Канцеляріи.

Въ 1840 г. Р. издалъ книгу: „Руководство къ изученію Испанскаго языка, въ IV отдѣленіяхъ: I) Испанская грамматика. II) Слова и Разговоры. III) Краткая Исторія и Литература Испанскаго языка. IV) Отрывки для упражненія въ чтеніи съ необходимымъ для сего словаремъ“ (С.-Пб. 1840, 8°, въ Тип. Х. Гинце, 287+5 нен. стр.); это былъ, по словамъ автора, „первый, совѣстливый опытъ“ его трудовъ.

Формулярный списокъ 1851 г.; Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. I—III, С.-Пб. 1896; В. В. Григорьевъ, Имп. С.-Петербургскій Университетъ въ первыя 75 лѣтъ его существованія, С.-Пб. 1869, стр. 288 и LXXVIII; Адресъ-Календари 1859—1864 гг.

Н. М.

Руфъ, преподобный, затворникъ Печерскій. Постоянно занятый богомысліемъ, онъ преставился въ XIV вѣкѣ. Мощи его покоятся въ Феодосьевыхъ пещерахъ въ Кіевѣ. Память его вспоминается Православною церковью 8-го апрѣля и 28-го августа.

Словарь историческій, 1836, стр. 232; Ив. Косоланов, Мѣсяцесловъ Православной Каѳолической Церкви, Симбирскъ. 1880 г., стр. 169, 403; Указатель святыни и священныхъ достопамятностей Кіева, изд. 10-е, К. 1898, стр. 114; Филаретъ, „Житія святыхъ“, изд. 3, 1900, апрѣль, стр. 89 и августъ, стр. 267; Ѳ. Титовъ, Краткое историческое описаніе Кіево-Печерской Лавры и другихъ святыхъ и достопримѣчательностей города Кіева, К. 1911, стр. 86.

А. Андреевъ.

Руцкій, *Илья Васильевичъ*, профессоръ Московской акушерской школы, докторъ медицины Страсбургскаго Университета; родился въ Кіевскомъ намѣстничествѣ, общее образованіе получилъ въ Кіевской Академіи, изъ которой 15-го ноября 1761 г. перешелъ ученикомъ въ Петербургскій Генеральный Сухопутный Госпиталь; здѣсь Р. прошелъ полный курсъ наукъ и 20-го ноября 1762 г. былъ произведенъ въ подлѣкари. Въ слѣдующемъ году онъ слушалъ акушерскія лекціи доктора Линдемана и 15-го мая 1766 г. былъ произведенъ въ лѣкари. Кончивъ полный курсъ ученія въ Госпитальномъ Училищѣ, Р. оставилъ службу, а спустя нѣсколько лѣтъ, задумавъ получить степень доктора медицины, съ этою цѣлью отправился, 28-го декабря 1778 года, въ Страсбургъ и здѣсь занялся спеціально изученіемъ акушерства. Въ началѣ 1781 года, по напечатаніи диссертаціи „De peste“ (Argentorati, Diss. D. M., 1781, 4°, 26 стр.), онъ получилъ (20-го іюня) докторскій дипломъ и вернулся въ Россію. Здѣсь, послѣ экзамена въ Медицинской Коллегіи, 28-го августа 1781 года, ему дано было право практики, и онъ сталъ проситься въ Курскъ на должность акушера Врачебной Управы. Однако, Медицинская Коллегія, не желая упустить знающаго врача-акушера, который могъ бы съ успѣхомъ занять должность профессора при одномъ изъ госпитальныхъ училищъ, назначила его младшимъ докторомъ въ Петербургскій Адмиралтейскій Госпиталь, а въ апрѣлѣ 1782 года—профессоромъ въ Московскую Акушерскую Школу съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ. Здѣсь, въ Москвѣ, И. В. Руцкій и скончался 2-го октября 1796 года; погребенъ онъ въ Донскомъ монастырѣ. Р. имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 3, С.-Пб. 1886, стр. 88; Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, С.-Пб. 1883 г., приложенія, стр. CCLXXXVI—CCLXXXVII; Я. Чистовичъ, Очерки по исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій въ XVIII столѣтіи, С.-Пб. 1870 г., стр. 176 и 185; Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ, т. IV, М. 1792, стр. 149; Московскій Некрополь, С.-Пб., т. III; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 285—286.

Б. М.

Рушковскій, *Иванъ Александровичъ*, Московскій Почтъ-Директоръ; происходилъ

изъ Бѣлорусскихъ дворянъ и родился въ 1763 г. Службу свою Р. началъ 1-го февраля 1780 г. въ штатѣ генералъ-поручика Степана Матвѣевича Ржевскаго — „генеральнымъ писаремъ сержантскаго чина"; выйдя, 8-го апрѣля 1784 г., въ отставку по болѣзни съ чиномъ прапорщика, онъ черезъ 7½ лѣтъ былъ принятъ вновь на службу (31-го декабря 1791 г.) въ Московскій Почтамтъ, съ производствомъ въ губернскіе секретари, и здѣсь, быстро двигаясь въ чинахъ (титулярный совѣтникъ 4-го мая 1797 г.; коллежскій ассесоръ — 30-го мая 1798 г. и надворный совѣтникъ 2-го января 1801 г.), онъ 22-го ноября 1802 г. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Назначенный 14-го сентября 1802 г. Экспедиторомъ при особыхъ дѣлахъ Московскаго Почтамта, Р. 5-го іюля 1804 г. получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, а 31-го мая 1808 г. пожалованъ былъ въ статскіе совѣтники и 8-го сентября 1811 г. награжденъ алмазными знаками къ ордену св. Анны 2-го класса. 30-го марта 1815 г., „какъ старшій по времени службы, имѣющій превосходныя способности и заслуживший всякую довѣренность", Р. былъ назначенъ къ исправленію должности помощника Московскаго Почтъ-Директора, а 15-го февраля 1816 г. утвержденъ былъ въ этой должности съ оставленіемъ, до времени, при отправленіи должности экспедитора по особой части; 21-го августа 1816 г. объявлено было Рушковскому Высочайшее благоволеніе за открытіе потаеннаго привоза неклейменныхъ иностранныхъ товаровъ, а 30-го того же августа, „за безкорыстіе и примѣрную любовь къ ближнимъ и ревностную службу", Всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, затѣмъ 24-го января 1818 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и 23-го декабря 1819 г. назначенъ былъ Московскимъ Почтъ-Директоромъ, а 17-го іюля 1821 г., „за отличное усердіе и похвальную службу, неусыпные труды и дѣятельность", получилъ орденъ св. Анны 1-го класса и въ концѣ 1820-хъ годовъ произведенъ былъ въ тайные совѣтники. Въ должности Почтъ-Директора Р. оставался до своей смерти, послѣдовавшей въ Москвѣ 7-го іюня 1832 г.; погребенъ онъ на иновѣрческомъ кладбищѣ на Введенскихъ горахъ, гдѣ надъ его могилой сестрою его воздвигнутъ памятникъ съ длинною надгробною надписью на латинскомъ языкѣ, восхваляющею его добродѣтели. По словамъ хорошо его знавшаго князя П. А. Вяземскаго, Р., старый холостякъ, „былъ большой оригиналъ, умный, со свѣдѣніями и, по крайней мѣрѣ, повидимому, простосердечный, скромный"... При К. Я. Булгаковѣ [предшественникѣ Рушковскаго] „Почтамтъ отличался любезною угодливостью всѣмъ невиннымъ ходатайствамъ Московскихъ барынь, особенно молоденькихъ и пригоженькихъ. Съ Рушковскимъ ничего этого не было. Почтамтъ сдѣлался заповѣднымъ монастыремъ и недоступною крѣпостью: съ нимъ существовали одни оффиціальныя сношенія. Въ Москвѣ Рушковскаго никто не зналъ: онъ былъ нелюдимъ и не общителенъ. Онъ точно родился на почтѣ: почта была мать его, семейство, родина. По нѣкоторымъ слухамъ, примѣтамъ и по выговору его можно было приписать къ бѣлоруссамъ, съ отпечаткомъ іезуитскаго образованія". Графъ М. Д. Бутурлинъ, въ свою очередь, пишетъ въ Запискахъ своихъ, что „по безукоризненности долговременной своей службы и по прямотѣ его характера, москвичи смотрѣли на него, какъ на новаго Аристида или Катона". По словамъ некролога, Р. „велъ жизнь уединенную, монастырскую, исключительно посвященную службѣ, въ отправленіи которой былъ неутомимо дѣятеленъ, зналъ много иностранныхъ языковъ и могъ называться не только человѣкомъ образованнымъ, но и ученымъ"; доказательствомъ справедливости послѣдняго утвержденія можетъ служить и то обстоятельство, что Московскій Университетъ въ 1830 г. избралъ Р. въ свои почетные члены.

Формулярные списки 1805 и 1821 г.; „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ", т. I, стр. 674; Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 389—390; „Русск. Арх." 1897 г., кн. II, стр. 182; „Молва" 1832 г., № 48; „Русскій Инвалидъ" 1832 г., № 164 и 165, стр. 657—658; „Русск. Арх." 1902 и 1904 гг.; „Моск. Вѣд." 1832 г. № 56, стр. 2518; „Моск. Некрополь", т. III, стр. 50.

Б. Модзалевскій.

Рчиновъ, *Артемій Михайловичъ*, стряпчій въ 7135, 7147, 7148 гг., а затѣмъ Патріаршій стольникъ; былъ воеводой Алатырскимъ въ 1649 и 1653 г., въ сентябрѣ 1662 г. былъ въ Приказѣ Денежныхъ Дѣлъ на положеніи начальника Приказа; въ 1665—66 г. описывалъ оброчныя пустоши Вяземскаго уѣзда.

П. Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ, стр. 369; Дворц. Разр., т. II, 949; Матер. историч. и

юридич района бывш. Казанскаго Дворца, I, стр. 37, 57; Дворц. Разр., III (дополн.), 351; Опис. Докум. и Бум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I. № 370.

А. Андреевъ.

Рыбакова, урожденная Каменская (по другимъ свѣдѣніямъ—Зелинская), провинціальная артистка средины XIX столѣтія, дочь самаго крупнаго въ то время антрепренера и жена извѣстнаго трагика Н. Х. Рыбакова (см. ниже); род. около 1820 года и, обнаруживъ склонность къ сценической дѣятельности весьма рано, въ концѣ 1830-хъ годовъ поступила въ одну изъ провинціальныхъ драматическихъ труппъ, при чемъ обнаружила драматическій талантъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, она встрѣтилась съ Н. Х. Рыбаковымъ, за котораго вскорѣ вышла замужъ, и съ этихъ поръ они постоянно играли вмѣстѣ. Уступая мужу въ силѣ и яркости таланта, она считалась одною изъ лучшихъ провинціальныхъ актрисъ. „Игра ея", по словамъ современниковъ: „была разнообразна до изумленія, и если не всегда равно вѣрна, то всегда очаровательно эстетична". Талантъ Р-вой былъ очень разнообразенъ; прекрасная наружность, безыскусственность и неподдѣльность игры были главными причинами ея успѣха въ трагическихъ ролях. Въ то же время обладая гибкимъ, звонкимъ, чистымъ голосомъ, она являлась и очень хорошей оперной исполнительницей. Изъ чрезвычайно обширнаго ея репертуара наиболѣе выдающимися ея ролями считались роль Марьи Петровны въ „Дѣловомъ человѣкѣ", роль Сусанны въ „Бабушкѣ и внучкѣ", Гретти въ „Тоскѣ по отчизнѣ", Габріели въ „Дѣвушкѣ-Гусарѣ", Маши въ „Подмосковскихъ Прокажахъ", Лизы въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ" Эспельды въ „Эспельдѣ", Вероники въ „Уголино", Офеліи въ „Гамлетѣ", Анны Львовны въ пьесѣ „Андрей Степановичъ Бука", Маріи въ пьесѣ „Материнское благословеніе, или бѣдность и честь" и многія другія роли. Вмѣстѣ со своимъ мужемъ она побывала почти во всѣхъ большихъ провинціальныхъ городахъ, особенно въ южныхъ. Она играла въ Харьковѣ, Казани, Таганрогѣ, Кіевѣ, Севастополѣ, Екатеринославѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ городахъ и вездѣ пользовалась выдающимся успѣхомъ. Въ серединѣ 1860-хъ годовъ, въ виду преклоннаго возраста и не желая переходить на амплуа старухъ, она оставила сцену. Современные ей провинціальные критики почти единодушно признавали ее самой выдающеюся провинціальной артисткой,—особенно хорошей исполнительницей чисто трагическихъ и сильныхъ драматическихъ ролей.

„Репертуаръ Русскаго Театра и Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ" 1843 г., ч. 4, кн. X, ст. Н. М.: „Екатеринославскій театръ во время Петропавловской ярмарки", стр. 7; 1845 г., т. VIII, отд. II, ст. М. Чернявскаго: „Екатеринославскій театръ", стр. 68 и 70, т. X, кн. IV (апрѣль), ст. Харьковскаго сторожила W. W.: „Харьковскій театръ", стр. 106; 1848 г., т. 4, отд. VI, ст. С: Саблина: „Ставропольскій театръ", стр. 36, 37—41; А. С. Гацискій, „Нижегородскій театръ (1798—1867)", Нижній-Новг. 1867 г., стр. 59.

Рыбаковъ, *Николай Хрисанѳовичъ*, извѣстный провинціальный артистъ; род. въ Курскѣ 7-го мая 1811 года. Отца своего, бывшаго управляющимъ въ имѣніи Курскаго помѣщика Вельяминова, но его словамъ, не помнилъ, мать же его содержала бѣлошвейную мастерскую и дамскій магазинъ. Много всякихъ посѣтителей являлось въ мастерскую, и мальчику, такимъ образомъ, представлялась широкая возможность наблюдать и изучать различные типы; этимъ опытомъ онъ и пользовался впослѣдствіи, нерѣдко говоря, что эти первые уроки ему очень пригодились на сценѣ. Дѣла бѣлошвейной мастерской матери шли не особенно хорошо,—надо было помогать ей, и 14-ти лѣтъ окончивъ Курскую 4-хъклассную Гимназію, Р. поступилъ въ Канцелярію Курской Казенной Палаты—въ качествѣ канцелярскаго служителя. Въ это время у Р. начала развиваться страсть къ театру, и все свое свободное время онъ отдавалъ ему. Правда, удовлетворять своей страсти сначала было очень трудно, такъ какъ платить за мѣсто въ театрѣ было нечѣмъ, однако, впослѣдствіи онъ справился съ этимъ затрудненіемъ: ему удалось получить выходныя роли, за что онъ и пользовался свободнымъ входомъ въ театръ. Скоро, впрочемъ, ему начали поручать и довольно видныя роли, такъ что въ 1826 году, дебютировавъ 5-го февраля въ выходной роли римлянина въ пьесѣ „Суматоха въ маскарадѣ", онъ сталъ выдѣляться изъ общей массы актеровъ труппы. По просьбѣ матери, Вельяминовъ увезъ Р. на службу на Кавказъ, но Р. бѣжалъ въ Курскъ и въ 1832 г. окончательно промѣнялъ свою чиновничью карьеру на арти-

стическую; это было въ Харьковѣ и притомъ совершенно случайно. Гастролировавшій тамъ Мочаловъ поссорился съ антрепренеромъ Млотковскимъ и отказался играть роль Гамлета. Отказъ былъ присланъ послѣ того, какъ афиши были уже напечатаны, и антрепренеръ, такимъ образомъ, былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Какъ разъ въ это время Н. Х. Рыбаковъ былъ въ Харьковѣ. Узнавъ объ отказѣ перваго трагика отъ роли Гамлета, онъ сейчасъ же отправился къ антрепренеру и началъ просить того, чтобы эта роль была поручена ему. Будучи въ безвыходномъ положеніи и въ то же время зная Рыбакова, какъ порядочнаго артиста, антрепренеръ согласился,—роль Гамлета была отдана молодому артисту, и онъ въ ней дебютировалъ предъ харьковской публикой. Дебютъ прошелъ необыкновенно удачно, такъ что ни публика, ни антрепренеръ не жалѣли о замѣнѣ стараго трагика Рыбаковымъ. Вскорѣ послѣ этого дебюта молодой артистъ, познакомившійся въ это время съ Мочаловымъ и пользовавшійся его руководительствомъ и совѣтами, получилъ нѣсколько хорошихъ ангажементовъ отъ разныхъ провинціальныхъ антрепренеровъ. Съ этого времени, прослуживъ въ Харьковѣ болѣе 10 лѣтъ, Рыбаковъ началъ жизнь странствующаго актера. Онъ неоднократно побывалъ въ Казани, Саратовѣ, Орлѣ, Воронежѣ, Тулѣ, Одессѣ, Таганрогѣ, Николаевѣ, Житомирѣ, Кишеневѣ и другихъ городахъ и вездѣ пользовался у публики большимъ успѣхомъ. Онъ былъ одаренъ истиннымъ дарованіемъ. Правда, въ его игрѣ были недостатки, свойственные, впрочемъ, всѣмъ провинціальнымъ артистамъ, не имѣвшимъ хорошихъ образцовъ, но вообще игра его всегда была обдумана, серьезна, мимика вполнѣ соотвѣтствовала словамъ, съ которыми соглашалось и выраженіе лица. У него никогда не было утрировки жестовъ и восклицаній. Видно было, что онъ вдумчиво относился къ своей игрѣ, всегда серьезно изучая свою роль и стараясь строго выполнить характеръ представляемаго лица именно такимъ, какимъ хотѣлъ его изобразить авторъ. Въ патетическихъ сценахъ онъ невольно увлекалъ и заставлялъ забываться зрителя. Его благородный, мужественный видъ, мужественное лицо, голосъ, полный страсти и чувства, такъ сильно дѣйствовали на душу, что публика нерѣдко плакала, глядя на артиста. Если же принять во вниманіе, что онъ игралъ въ провинціи, гдѣ публика склонна въ театрѣ скорѣе смѣяться, чѣмъ плакать, гдѣ игра даже лучшихъ артистовъ въ такихъ поистинѣ трагическихъ роляхъ, какъ роль Несчастливцева въ пьесѣ Островскаго „Лѣсъ“, зачастую и по сію пору вызываетъ бурные взрывы смѣха, тогда, конечно, станетъ понятно, что надо было имѣть большой талантъ, надо было играть дѣйствительно хорошо, чтобы эту самую публику заставить плакать, глядя на того же Несчастливцева. Рыбаковъ имѣлъ рѣдкую, необычайную способность каждое слово изъ своей роли переложить ко вниманію зрителей; этому, впрочемъ, много помогалъ его чистый, звучный, необыкновенно выразительный, проникающій прямо въ душу голосъ, полный то страсти, энергіи и мужества, то душу терзающей тоски или отчаянія.

Послѣ смерти Мочалова Р. дебютировалъ на сценѣ Императорскаго театра въ Москвѣ, а въ 1854 году—и въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, въ роли Гамлета. Дебюты имѣли большой успѣхъ, но театральное начальство предложило ему такія скромныя условія, что онъ уѣхалъ въ провинцію. Иногда успѣхамъ Р. мѣшало его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Этотъ порокъ Рыбакова, дѣйствительно, былъ очень серьезенъ, такъ какъ не разъ случалось, что онъ не только передъ самымъ спектаклемъ иногда вдругъ оказывался не въ силахъ выйти на сцену, но бывало даже и такъ, что во время самаго спектакля, сыгравъ два-три дѣйствія прекрасно, ему удавалось скрыться въ сосѣдній кабачекъ, изъ котораго обыкновенно приводили или приносили его въ состояніи невмѣняемости. Другимъ порокомъ этого прекраснаго артиста была необыкновенная страсть ко лжи; впрочемъ, это нисколько не отражалось на его сценической дѣятельности, а такъ какъ ложь его была обыкновенно самаго безобиднаго свойства и не причиняла никому ни малѣйшаго вреда, то за эту страсть можно и не поставить ему упрека. Столичная публика была знакома съ его игрой не по однимъ только дебютамъ на Императорской сценѣ: Москвичи познакомились съ его талантомъ въ 1872 г. во время Политехнической Выставки, на сценѣ народнаго театра, кото-

рымъ въ то время управлялъ Ѳедотовъ. Игра его и здѣсь нравилась публикѣ и нерѣдко вызывала шумныя овацiи. Зимній сезонъ 1873—74 гг. онъ игралъ въ Артистическомъ кружкѣ, а въ послѣднее время—въ „Общедоступномъ театрѣ“ С. В. Танѣева.

Въ февралѣ (5-го) 1876 года исполнилось 50 лѣтъ его сценической дѣятельности Р-ва, и его сотоварищи, артисты Московскихъ театровъ, и представители Общества драматическихъ писателей во главѣ съ А. Н. Островскимъ торжественно и тепло отпраздновали этотъ юбилей, почтя заслуженнаго артиста нѣсколькими очень прочувствованными адресами, подарками и серебрянымъ лавровымъ вѣнкомъ. Пятидесятилѣтняя артистическая дѣятельность хотя и чрезвычайно разстроила его здоровье, однако, онъ не хотѣлъ еще оставлять сцены и продолжалъ играть въ труппѣ Ѳедотова въ Павловскѣ до самой своей смерти. Въ послѣднее время онъ очень ослабѣлъ, и слухъ, и память часто измѣняли ему, такъ что онъ принужденъ былъ перейти на комическія роли и проститься со своими прежними ролями Гамлета, Лира, Ляпунова и даже любимою своею ролью трагика Несчастливцева въ „Лѣсѣ“ Островскаго. Однако, несмотря на перемѣну амплуа, талантъ его выдавался и въ новыхъ роляхъ, хотя и подвергался за послѣднее время въ нѣкоторой части періодической печати не совсѣмъ справедливымъ нападкамъ. Изъ его обширнаго репертуара наиболѣе выдающимися были роли Болотникова въ „Скопинѣ Шуйскомъ“, Тяпкина-Ляпкина въ „Ревизорѣ“, Президента въ „Коварствѣ и Любви“, Гамлета въ „Гамлетѣ“, Оттона въ „Смерть или Честь“, Антипа въ „Иванѣ Рябовѣ“, слуги Франца въ драмѣ Коцебу „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, Конрада въ „Живой покойницѣ“, Неизвѣстнаго въ „Парашѣ Сибирячкѣ“, Отелло въ „Отелло“, Несчастливцева въ „Лѣсѣ“ Островскаго, Ляпунова въ „Скопинѣ Шуйскомъ“, Лира въ „Королѣ Лирѣ“; наконецъ, Алупкина въ Тургеневскомъ „Завтракѣ у предводителя“ и многія другія. Онъ умеръ въ Тамбовѣ 15-го ноября 1876 года. Живыя о немъ воспоминанія, относящіяся къ послѣднему году жизни Р., оставилъ А. А. Плещеевъ.

Всеобщій Календарь на 1878 г., стр. 28, некролог; „Суфлеръ“ 1879 г., 14-го октября, № 1, стр. 3—4; „Репертуаръ Русскаго театра и Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“ 1848 г., т. 4, отд. VI, ст. С. Саблина: „Ставропольскій театръ“, стр. 37 и 41; 1852 г., т. 4, кн. VII, ст. Валентина Средина: „Воронежскій театръ“, стр. 22; 1853 г., т. 7, кн. I, ст. Е. Гринберга: „Театръ въ Костромѣ“, стр. 6 и 7 и т. 8, кн. 3, ст. Ѳ. П. Грехновскаго: „Курскій театръ“, стр. 19; „Историческій Вѣстникъ“ 1891 г., ст. Н. И. Иванова: „Воспоминанія антрепренера“, ноябрь, стр. 336, и декабрь, стр. 589—597; А. С. Гацискій, „Нижегородскій театръ“ (1797—1867 г.), стр. 54, 55 и 59, Нижній-Новгородъ. 1869 г.; Л. Н. Самсоновъ, „Пережитое. Мечты и разсказы русскаго актера (1860—1871 гг.)“, С.-Пб. 1820, стр. 20, 22—26, 30—35, 39—42; „Иллюстрированная Газета“ 1876 г., 5-го декабря, № 48, некрологъ, стр. 384; „Костромскія Губ. Вѣдом.“ 1852, № 4, стр. 429—430; „Ист. Вѣстн.“ 1901, т. 86, Восном. А. А. Плещеева; то же въ книгѣ А. А. Плещеева: Что вспомнилось. Актеры и писатели, С.-Пб. 1914, стр. 182—196; „Радуга“ 1884 г., № 38—41 (Воспоминанія о Р. Е. Литовской); „Россія“ 1901 г., № 917 и № 919 (замѣтка В. М. Дорошевича); „Дневникъ Артиста“ 1893, статья о Рыбаковѣ Н. Городецкаго.

Рыбасовъ, *Иванъ Осиповичъ*, капельмейстеръ Александринскаго Театра; род. въ 1846 г.; музыкальное образованіе получилъ въ Придворной Пѣвческой Капеллѣ, въ которой потомъ былъ и учителемъ. Въ 1860-хъ годахъ, послѣ смерти Погожева, его назначили капельмейстеромъ Александринскаго Театра, и онъ съ этихъ поръ до самой своей смерти не покидалъ этой должности. Основательное музыкальное образованіе, даровитая артистическая натура, большія дирижерскія способности вполнѣ соотвѣтствовали занимаемому Р. мѣсту. Съ другой стороны, его личныя качества—сердечность, душевная доброта, чувство товарищества—создали ему уваженіе и любовь среди всѣхъ знавшихъ его. Искренній художникъ, онъ думалъ только о своемъ искусствѣ, никогда не заботясь о матеріальныхъ выгодахъ; онъ скончался всего 30-ти лѣтъ отъ роду, 13-го марта 1877 г.; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

„Петербургская Газета“ 1877 г., № 51 и № 53, некрологъ; „Голосъ“ 1877 г., № 74, 15-го марта, некрологъ.

Рыбинскій, *Ѳедоръ*, дьякъ 1628—29 г.; съ 1630—31 г. по 1633—34 г. состоялъ дьякомъ въ Казани; въ маѣ 1635 г. и въ августѣ 1637 г. присутствовалъ на пріемѣ Государемъ Персидскихъ и Литовскихъ пословъ, при чемъ въ 1637 г. состоялъ

дьякомъ Большого Прихода и подписалъ, между прочимъ, таможенную откупную грамоту г. Шуѣ: въ 1639 г. онъ былъ дьякомъ въ Великомъ Новгородѣ; скончался въ томъ же 1639 г. (въ іюлѣ или августѣ).

П. Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ, стр. 361; Кн. Разр., II, 354, 687; Дворц. Разр., II, 290, 342, 395; А. Ю., т. X, стр. 166 (с. 186—188); Акты Московск. Госуд., I, № 387; Дворц. Разр., II, 464, 878; А. Ю. Б., I, 250; Дворц. Разр., II, 614; А. А. Э., III, № 289 (с. 432); Рус. Ист. Библ., V, № 7; П. Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ, стр. 361.

А. Андреевъ.

Рыбинскій, *Василій Петровичъ*, художникъ акварельной живописи, ученикъ Московской Школы Живописи; род. въ 1826 году и былъ дворовымъ человѣкомъ камеръ-юнкера Н. Шереметева изъ села Кубенцова, Балахнинскаго уѣзда; онъ былъ отпущенъ своимъ помѣщикомъ на волю въ 1846 году,—очевидно, изъ-за его способностей къ рисованію. Нужно думать, что въ это же время онъ поступилъ въ Московскую Рисовальную Школу. Въ 1851 году генералъ-адъютантъ А. Философовъ, согласно желанію Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, представилъ въ Академію Художествъ 11 рисунковъ и акварелей В. П. Рыбинскаго, представлявшихъ собою виды г. Нижняго-Новгорода, для полученія Р. званія художника. Эти рисунки и акварели были представлены 15-го января 1851 года, а 1-го февраля того же года Совѣтъ Академіи Художествъ призналъ В. П. Рыбинскаго достойнымъ просимаго званія. Рисунки были слѣдующіе: акварели—1) видъ внутренняго базара въ переднемъ приходѣ ярмарочнаго двора, 2) видъ на ярмарку съ гребешка, 3) видъ съ плашкоута ярмарочнаго моста на Благовѣщенскій монастырь и гребешекъ, 4) видъ ярмарочнаго собора и китайскихъ рядовъ отъ татарской мечети, 5) театральная площадь на ярмаркѣ, 6) ярмарочный мостъ съ видомъ на Нижегородскій кремль, карандашемъ: 7) видъ Благовѣщенскаго монастыря, 8) видъ на Нижній съ каланчи при домѣ полицмейстера, 9) видъ на соборъ и дворецъ съ Николаевской башни, 10) Печерскій монастырь и Нижегородская набережная съ фигурою живописца, и 11) церковь Михаила Архангела. Вслѣдъ за первымъ успѣхомъ послѣдовали и слѣдующіе: въ 1854 году работы В. П. Рыбинскаго, продолжавшаго еще оставаться въ Московской школѣ живописи и ваянія, выставленныя имъ на академической Выставкѣ этого года, были пріобрѣтены Президентомъ Императорской Академіи Художествъ Великою Княгинею Маріею Николаевною, а въ 1858 г. Рыбинскій былъ отправленъ въ Италію, въ Римъ, пансіонеромъ Академіи Художествъ. Въ Римѣ онъ не забывалъ Москвы и въ 1858 году прислалъ туда нѣсколько пейзажей изъ окрестностей Рима. Пейзажи эти были выставлены для публики въ единственной (въ то время) въ Москвѣ картинной галереѣ купца Родіонова. Художественная критика того времени отмѣтила, что „эти пейзажи холодны по тону". Такой отзывъ не смутилъ художника, и онъ выставилъ на Выставкѣ Московской Школы живописи и ваянія, бывшей 20-го апрѣля 1860 года, еще нѣсколько видовъ Рима, которые были признаны уже не только холодными по тону, но прямо неудачными. Послѣ этого года (1860) мы не имѣемъ свѣдѣній о художникѣ, по началу подававшемъ большія надежды.

Архивъ Академіи Художествъ, д. № 55; С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ, т. II, 171; П. Петровъ, Матеріалы, III, стр. 153; „С. Петербургскія Вѣдомости" 1851 г., № 233, стр. 934; „Сѣверная Пчела" 1854 г., стр. 1328; „Иллюстрація" 1858 г., № 98, стр. 362; 1860 г., № 119, стр. 302.

П. Ст—скій.

Рыбинскій, *Николай Петровичъ*, художникъ пейзажной живописи, ученикъ Московскаго Училища живописи и ваянія; род. въ 1829 году, вѣроятно—братъ предыдущаго, хотя онъ и значится мѣщаниномъ города Горбатова, Нижегородской губерніи; изъ мѣщанскаго общества онъ получилъ увольнительный приговоръ 8-го ноября 1847 года. Учился Р. въ Московскомъ Училищѣ живописи и ваянія, гдѣ былъ товарищемъ извѣстнаго художника И. Неврева и ученикомъ Скотти. 24-го января 1855 года Московское Училище живописи и ваянія представило картину И. И. Рыбинскаго: „Видъ на Воробьевы горы", за которую Рыбинскій былъ признанъ некласснымъ художникомъ. Въ 1875 г. Московскій Комитетъ о просящихъ милостыню обратился въ Академію Художествъ съ просьбою выслать состоящему въ числѣ призрѣваемыхъ въ Работномъ домѣ этого Комитета художнику Николаю Петровичу

Рыбинскому утраченный имъ въ Москвѣ аттестатъ отъ Академіи Художествъ на званіе художника. Что довело послѣдняго до работнаго дома, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Архивъ Академіи Художествъ, д. № 39; С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ, т. II, стр. 171; П. Петровъ, Матеріалы къ исторіи Академіи Художествъ, т. III, стр. 231, 232 и 234.

П. Ст—скій.

Рыбинъ, *Василій Андреевичъ*, художникъ; род. 17-го февраля 1794 г.; 23-го сентября 1805 года Р. былъ принятъ казеннымъ воспитанникомъ Академіи Художествъ, въ которой обучался съ успѣхомъ: 4-го августа 1813 года получилъ вторую серебряную медаль, 4-го мая 1815 года, будучи ученикомъ 3 возраста, былъ удостоенъ первой серебряной медали за рисунокъ съ натуры, а въ 1819 году, 7-го декабря (по указанію П. Н. Петрова) или 19-го декабря (на основаніи послужного списка), былъ выпущенъ изъ Академіи Художествъ, съ аттестатомъ 1 степени и шпагою, по живописному историческому классу. 3 года В. А. Рыбинъ оставался не у дѣлъ,—можетъ быть, мечтая усовершенствоваться въ искусствѣ и добиться высшихъ наградъ, пока 17-го февраля 1822 года не поступилъ учителемъ рисованія въ 1-й Кадетскій Корпусъ. Занятіе педагогическою дѣятельностью шло вполнѣ успѣшно: кромѣ 1 Кадетскаго Корпуса, Рыбинъ преподавалъ и въ Пажескомъ Корпусѣ, при чемъ въ 1833 году за успѣшныя занятія въ послѣднемъ получилъ денежную награду въ 600 руб., а въ 1835 году былъ утвержденъ въ званіи наставника-наблюдателя рисованія и за исполненіе этой послѣдней должности 30-го августа 1836 года былъ награжденъ Высочайшимъ подаркомъ по чину. Въ 1838 году, въ чинѣ коллежскаго ассесора, былъ представленъ ко знаку за XV лѣтъ безпорочной службы. Въ 1846 г. Рыбинъ находился, въ качествѣ художника-реставратора, при Императорскомъ Эрмитажѣ, при чемъ „Иллюстрація“ Н. Кукольника высказывала надежду, что умершій передъ тѣмъ реставраторъ Эрмитажа Андрей Филипповичъ Митрюхинъ, умирая, успѣлъ передать Рыбину тайну „удивительной“ реставраціи картинъ. Р. умеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, 28-го мая 1855 г., на 62 г., и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Послужной списокъ В. А. Рыбина отъ 31 іюля 1838 г. (у Б. Л. Модзалевскаго); С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ, т. II, 171; П. Петровъ, Матеріалы къ Исторіи Академіи Художествъ, т. I, стр. 567, т. II, стр. 49, 63, 118, 124; „Иллюстрація“ 1846 г., № 14, стр. 220; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 641.

П. Ст—скій.

Рыбкинъ, *Николай Андреевичъ*, генералъ-маіоръ; родители его были дворяне, помѣщики Воронежской губерніи, гдѣ онъ и родился 6-го іюня 1842 года. Военную службу свою Р. началъ 16-го іюня 1859 г., поступивъ юнкеромъ въ Константиновское Военное Училище; въ слѣдующемъ же году произведенный въ прапорщики артиллеріи, онъ былъ назначенъ въ 11-ую артиллерійскую бригаду, въ которой и прослужилъ 5 лѣтъ. Поступивъ въ 1865 году, уже въ чинѣ поручика, въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, Р. черезъ два года по окончаніи курса въ Академіи по первому разряду былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и вслѣдъ за тѣмъ былъ причисленъ къ Генеральному Штабу. Первая служба его по окончаніи курса Академіи была при Штабѣ Харьковскаго Военнаго Округа, но уже въ 1868 году онъ былъ назначенъ на должность старшаго адъютанта 2-ой Гренадерской дивизіи, которую и занималъ вплоть до 1874 года, когда былъ назначенъ состоять для порученій при Штабѣ Харьковскаго Военнаго Округа; въ слѣдующемъ году, за отличіе по службѣ, онъ былъ произведенъ въ подполковники, годъ спустя—прикомандированъ къ Тамбовскому пѣхотному полку для командованія батальономъ, но по случаю мобилизаціи войскъ въ томъ же 1876 году откомандированъ былъ обратно къ мѣсту служенія. Вслѣдъ за этимъ Р. былъ назначенъ на должность штабъ-офицера для особыхъ порученій. Съ этимъ же корпусомъ въ 1877 году, по объявленіи войны Турціи, онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій и во все время кампаніи находился въ составѣ дѣйствующей арміи, за отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ былъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени съ мечами и бантомъ. Въ слѣдующемъ, 1878 году онъ получилъ золотое оружіе съ надписью „за храбрость — за отличіе въ дѣлѣ противъ турокъ при оборонѣ, 30-го октября 1877 года, знамени-

гаго Шипкинскаго перевала, въ которой онъ принималъ дѣятельное участіе. Кромѣ того, въ Турецкую кампанію онъ получилъ еще орденъ св. Анны 2-ой степени съ мечами за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлѣ съ турками 28-го декабря 1877 года на Шипкѣ. Въ 1878 году Р. былъ назначенъ Начальникомъ Штаба 11 пѣхотной дивизіи, по возвращеніи же изъ Турціи состоялъ Начальникомъ Штаба 31-ой пѣхотной дивизіи (съ 1879 года по 1886 годъ), при чемъ неоднократно исполнялъ обязанности Начальника Штаба 10-го армейскаго корпуса. Въ 1881 году, за отлично-усердную и ревностную службу, Р. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-ей степени, а въ 1886 году былъ назначенъ командиромъ 150-го пѣхотнаго Таманскаго полка, которымъ и прокомандовалъ около двухъ лѣтъ, — до 1888 года, когда, произведенный за отличіе въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ на постъ Начальника Войскового Штаба Терскаго казачьяго войска. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г. Р. прибылъ во Владикавказъ, но спустя мѣсяцъ серьезно заболѣлъ и уѣхалъ въ Пятигорскъ, для пользованія минеральными водами, а оттуда—на Южный берегъ Крыма; возстановивъ здоровье, онъ въ декабрѣ вернулся во Владикавказъ, но болѣзнь вернулась, и онъ скончался, отъ воспаленія мозга, 23-го февраля 1889 года; тѣло его предано землѣ въ Харьковѣ.

„Новое Время“ 1889 г., 14-го марта, № 4684, некрологъ; „Всеобщій Календарь“ на 1890 г., некрологъ, стр. 496; „Терскія Вѣдомости“ 1889 г., 26-го февраля, № 77, ст.: „Генералъ-маіоръ Николай Андреевичъ Рыбкинъ“; „Русскій Инвалидъ“ 1889 г., № 60, некрологъ.

Н. М.

Рыбниковъ, *Александръ Николаевичъ*, авторъ стихотвореній; сынъ Московскаго купца, умершаго до 1843 г., воспитывался, съ братомъ своимъ, въ Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ и, еще въ бытность ученикомъ ея, выступилъ въ печати съ произведеніями своими: „Стихи Директору Московской Практической Академіи Статскому Совѣтнику А. И. Шредеру“, М., въ тип. А. Семена, 1840, 8°, и „Стихи, произнесенные на торжественномъ актѣ въ Московской Практической Коммерческой Академіи воспитанникомъ оной Александромъ Рыбниковымъ ноября 28-го дня 1841 года“, М., въ тип. А. Семена, 1841, 8°; стихотвореніе это „Къ Москвѣ“, съ эпиграфомъ изъ Ѳ. Глинки, напечатано также въ Исторіи Академіи, на стр. 353—354; на актѣ 1843 г. Р. читалъ разсужденіе свое, на французскомъ языкѣ: „Sur la Technologie en général, ses divisions et ses progrès“. Въ этомъ, 1843 г. Р. окончилъ курсъ въ Академіи и былъ выпущенъ изъ нея съ правомъ на званіе личнаго почетнаго гражданина. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

И. Глѣбовъ и Д. Ивановъ, Исторія Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, М. 1860, стр. 352—354, 355 и 361; М. Ольхинъ, Систематическій реестръ русскимъ книгамъ, С.-Пб. 1846, № 5575 и 5576. *Б. М.*

Рыбниковъ, *Иванъ*, купецъ; въ 1767 г. былъ выбранъ депутатомъ отъ города Кронштадта въ Екатерининскую Коммисію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Въ засѣданіи 29-го октября 1767 г. онъ произнесъ рѣчь въ защиту русскаго купечества отъ обвиненій его въ нерадѣніи и косности по отношенію къ внѣшней торговлѣ. 29-го апрѣля 1768 г. Р. былъ выбранъ отъ маршала и генералъ-прокурора Коммисіи въ особую Коммисію „О предостереженіи противорѣчія между воинскими и гражданскими законами“. Участвуя съ 10-го іюля по 9-е сентября 1768 г. въ засѣданіяхъ по разсмотрѣнію проекта правъ благородныхъ, онъ стоялъ за мнѣніе объ ограниченіи правъ дворянъ на владѣніе фабриками и заводами и за предоставленіе лицамъ, дослужившимся до оберъ-офицерскаго чина, правъ потомственнаго дворянства.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общ.“, т. VIII, стр. 176 и т. XXXII, стр. 44, 186 и 252.

Рыбниковъ. *Иванъ Назаровичъ*, старѣйшій изъ суконныхъ фабрикантовъ, мануфактуръ-совѣтникъ, Московскій 1-й гильдіи купецъ, почетный гражданинъ; родился 13-го ноября 1777 г. Отецъ его, Калужскій мѣщанинъ Назаръ Андреевичъ Р., былъ иконописцемъ. Это ремесло давало плохой заработокъ, и семья Р. часто находилась въ большой нуждѣ. Отецъ хотѣлъ, чтобы сынъ научился грамотѣ, и на 8-мъ году Р. отданъ былъ къ пономарю, который за 60 алтынъ мѣдью взялся выучить мальчика читать и писать. Затѣмъ, подъ руководствомъ отца, Р. сталъ изучать иконопись.

но не доучился. Въ 1785 г. отецъ Р. умеръ, оставивъ семью почти въ нищетѣ. Вдова, желая, чтобы сынъ ея продолжалъ ремесло отца, отдала Р. въ ученіе къ живописцу, но вскорѣ принуждена была взять его обратно, такъ какъ этотъ живописецъ не давалъ мальчику даже достаточно хлѣба, чтобъ утолить его голодъ; послѣ этого мать отдала Р. въ услуженіе въ мелочную лавочку на 4 года; здѣсь его главное занятіе заключалось въ дѣланіи калачей и баранковъ, а иногда, въ отсутствіе хозяина, Р. исполнялъ и должность приказчика. Прослуживъ 4 года въ мелочной лавкѣ, Р. не захотѣлъ остаться у стараго хозяина, несмотря на то, что тотъ предлагалъ ему хорошее жалованье, пошелъ искать болѣе прибыльнаго занятія и вскорѣ поступилъ приказчикомъ, на жалованье въ 75 р. въ годъ, къ богатому хлѣбному торговцу, имѣвшему обширныя дѣла въ нѣсколькихъ городахъ. Р. исправлялъ у него должность лабазнаго приказчика,—принималъ и отпускалъ хлѣбъ. Несмотря на выгодность этого мѣста, Р. вскорѣ рѣшилъ его оставить и поступилъ на службу къ знаменитымъ тогда въ Калугѣ купцамъ Пряшниковымъ, на 6 лѣтъ. Здѣсь въ обязанность ему вмѣнялось, кромѣ магазинной торговли, исправленіе домашнихъ должностей: ставить самовары, топить печи, ѣздить за каретой, а нерѣдко быть и кучеромъ. Выполняя всѣ эти обязанности терпѣливо и старательно, Р. обратилъ, наконецъ, на себя вниманіе хозяевъ, и они поручили ему новое дѣло: пріемку и продажу желѣза на желѣзодѣлательныхъ заводахъ, принадлежавшихъ Демидову,—Любимовскомъ и Сукремежскомъ. Это было весьма значительное дѣло: за полтора года Р. принялъ и продалъ желѣза на полтора милліона рублей. Однако, при полученіи отчета Пряшниковы остались недовольны Р., и тотъ долженъ былъ искать себѣ новое мѣсто. Проведя годъ безъ всякаго дѣла, Р. отправился, въ 1796 г., въ Москву и здѣсь поступилъ сначала къ суконному фабриканту Ѳ. А. Бородину, а затѣмъ перешелъ къ И. И. Овчинникову, имѣвшему также суконную фабрику и магазины. Р. поступилъ сидѣльцемъ въ лавку Овчинникова и долженъ былъ торговать вмѣстѣ съ 14-лѣтнимъ сыномъ хозяина. Однако, и здѣсь едва не вышло недоразумѣнія, такъ какъ Р. потакалъ слишкомъ широкимъ замашкамъ хозяйскаго сына. Между тѣмъ, вскорѣ И. И. Овчинниковъ умеръ, дѣла его стали запутываться, и родственники вдовы совѣтовали ей выдать дочь замужъ за Р. Сначала Овчинникова-мать сильно сопротивлялась этому, но, наконецъ, согласилась на этотъ бракъ. Съ этого времени для Р. началась новая жизнь: хотя онъ не считался хозяиномъ завода, но фактически былъ имъ, послѣ же смерти тещи, когда фабрика была назначена въ продажу за долги съ аукціона, Р. пріобрѣлъ ее за 1.000 рублей. Понемногу онъ довелъ фабрику до блестящаго состоянія и она стала приносить ему громадные барыши. Въ то время былъ большой спросъ на байку и фризы, которые Р. и выдѣлывалъ на своей фабрикѣ; кромѣ того, онъ бралъ товары другихъ фабрикантовъ для окончательной отдѣлки. Въ 1810 г. съ нимъ могли конкурировать только братья Бабкины; тогда Р. вошелъ съ ними въ товарищество и этимъ еще улучшилъ свои дѣла. Въ 1812 году общій капиталъ товарищества простирался до 400.000 рублей. Когда французы вступили въ Москву, Р. уѣхалъ въ г. Даниловъ, Ярославской губерніи, и во время его отсутствія всѣ товары, спрятанные частью у Бабкиныхъ, а частью въ городскихъ амбарахъ, сгорѣли. Убытокъ товарищества достигалъ отъ пожара до 300.000 рублей. Однако, часть суконъ на сумму до 28.000 рублей была вывезена въ Козловъ, а до 150.000 руб. осталось въ долгахъ за разными купцами. Возвратясь въ Москву, Р. продалъ полученный изъ Козлова товаръ по очень выгоднымъ цѣнамъ. Фабрика Бабкиныхъ сгорѣла, а фабрика Р. осталась безо всякихъ поврежденій. Случайно они нашли большое количество шерсти, смѣшанной съ навозомъ: французы постилали ее лошадямъ вмѣсто соломы; эта шерсть была пущена въ дѣло и благодаря чрезмѣрному спросу на суконные товары дала товариществу около 100.000 рублей прибыли въ теченіе 10 мѣсяцевъ.

Въ 1813 г. Р. ѣздилъ въ Пензу, къ графу О. А. Толстому, и снялъ у него въ аренду Ципіановскую фабрику въ 52 станка; фабрика эта оказала сильное вліяніе на расширеніе дѣйствій товарищества, такъ какъ отдѣлка на ней была особенно хороша и считалась одною изъ лучшихъ въ Россіи. Въ 1814 г. Р., уже независимо отъ товарищей, купилъ у князя Барятинскаго поссессіонную

Даниловскую фабрику,—съ мельницами и крестьянами въ Даниловской слободѣ. Дѣла у него шли вполнѣ успѣшно, и Р. сдѣлался поставщикомъ суконъ въ казну, при чемъ поставка суконъ производилась имъ вмѣстѣ съ Бабкиными, на общій счетъ. Въ 1819 г. за поставку суконъ на Павловскую фабрику Р. получилъ золотую медаль на Анненской лентѣ, а въ 1821 г. былъ пожалованъ въ мануфактуръ-совѣтники, въ 1826 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й степени, а 1831 г.—св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й степени. Въ томъ же 1831 г. фабрика, содержимая имъ и братьями Бабкиными, была удостоена на Московской Выставкѣ золотой медали за сукна, приготовленныя для Китая. При учрежденіи званія почетнаго гражданства Р. однимъ изъ первыхъ получилъ это званіе. Въ 1833 г. Р. особенно отличился своими суконами на бывшей въ Петербургѣ Выставкѣ, за что получилъ черезъ Министра Финансовъ Высочайшую благодарность, былъ приглашенъ къ Высочайшему столу и въ томъ же году получилъ орденъ св. Станислава 2-й степени. Въ 1834 г. Р. было выражено Высочайшее благоволеніе за предупрежденіе затрудненій въ продовольствіи Москвы и пожалованъ ему брилліантовый перстень; затѣмъ, въ 1838 г. Р. получилъ орденъ св. Анны 2-й степени съ Императорскою короной по званію церковнаго старосты и за сооруженіе новаго каменнаго храма.

Въ 1838 г. Р. окончательно раздѣлился съ Бабкиными и купилъ у Турубаева Чудинскую суконную фабрику. Главное количество своихъ суконъ Р. производилъ для торговли съ Китаемъ.

Р. умеръ, послѣ продолжительной болѣзни, 19-го декабря 1844 г. въ Москвѣ и похороненъ на кладбищѣ Даниловскаго монастыря.

Съ 1833 г. Р. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства; кромѣ того, въ 1825 г. онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей коммерческихъ знаній при Московской Практической Коммерческой Академіи.

„Москвитянинъ“ 1845 г., кн. 1, № 1 (Московская лѣтопись), стр. 13; кн. 3, № 5 и 6, стр. 246—250; „Московскія Вѣдомости“ 1845 г., № 10 (некрологъ, П. Веретенникова); Степанъ Масловъ, „Историческій Обзоръ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства“, М. 1846 г., Приложеніе, стр. 280; Мѣсяцесловъ на 1846 г. стр. 166; Московскій Некрополь, т. III.

Н. М.

Рыбниковъ, *Павелъ Николаевичъ*, извѣстный собиратель былинъ; родился 24-го ноября 1831 г. въ Москвѣ, умеръ 17-го ноября 1885 г. въ Калишѣ. Предки его были Московскими купцами-старообрядцами; отецъ Р. умеръ, когда ему было около 5 лѣтъ, оставивъ семью съ довольно ограниченными средствами. Это не помѣшало, однако, младшему изъ братьевъ, Павлу Р., получить хорошее образованіе, — сперва домашнее, давшее ему прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ, затѣмъ — въ гимназіи и, наконецъ, въ Университетѣ. Въ 3-ей Московской (реальной) Гимназіи, когда поступилъ въ нее Р. въ 1844 г., Директоромъ былъ извѣстный педагогъ П. Погорѣльскій; преподавательскій персоналъ насчитывалъ въ своей средѣ цѣлый рядъ лицъ, причастныхъ къ наукѣ и литературѣ, какъ, напр., П. Перевлѣсскій, В. Клоссовскій, С. Шестаковъ, Б. Ордынскій, М. П. Капустинъ и, наконецъ, Ѳ. И. Буслаевъ (съ 1841 по 1846 г.). Несмотря на матеріальныя затрудненія,—по словамъ сестры, „ему приходилось съ младшихъ классовъ давать уроки“,—Р. учился блестяще и кончилъ въ 1850 г. курсъ гимназіи съ серебряною медалью. Въ промежуткѣ между 1850 г. и 1854 г. Р. совершилъ путешествіе за границу въ качествѣ переводчика при К. Т. Солдатенковѣ (указаніе на связи Р. съ Московскимъ старообрядчествомъ) и Н. П. Боткинѣ, при чемъ, по собственнымъ словамъ его, довольно долго жилъ въ Италіи. Поступивъ въ 1854 г. на Филологическій Факультетъ Московскаго Университета, Р. на первомъ же курсѣ успѣлъ зарекомендовать себя переводами изъ Тацита у проф. П. М. Леонтьева, а на второмъ—читалъ у проф. Шевырева, вмѣстѣ съ А. А. Котляревскимъ, свою работу о II томѣ „Мертвыхъ Душъ“ (Университетскіе отчеты 1854—1858 гг.). Другими учителями его были Шестаковъ, Буслаевъ, Бодянскій. Онъ слушалъ Кудрявцева, Соловьева, Грановскаго, котораго засталъ еще на каѳедрѣ, Тихонравова. Кончилъ Р. курсъ кандидатомъ въ 1858 г. Не менѣе плодотворнымъ въ своемъ родѣ было для Р. также и то дѣятельное участіе, какое онъ принималъ въ студенческой жизни. По словамъ сестры,

„онъ часто говорилъ на сходкахъ и все время былъ подъ надзоромъ полиціи", вслѣдствіе чего, „изъ боязни обыска, чтобы не пугать мать", съ которою жилъ вмѣстѣ, уѣхалъ и жилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ товарищей: А. А. Козловымъ (извѣстнымъ впослѣдствіи профессоромъ философіи Кіевскаго Университета), М. Я. Свирѣденко (былъ потомъ управляющимъ книжнаго магазина Кожанчикова въ Петербургѣ), Вл. Васьевымъ (державшимъ магистерскіе экзамены по уголовному праву). Другими товарищами и современниками Р. по Университету были А. А. Котляревскій, талантливый переводчикъ Разсадинъ, Александръ и Ѳедоръ Веселовскіе. Изъ нихъ Котляревскій и Разсадинъ вмѣстѣ съ Козловымъ занесены были гр. А. А. Закревскимъ въ знаменитый „списокъ подозрительныхъ лицъ 1859 г.". Но неосторожно было бы отсюда заключать о дѣйствительной партійной принадлежности всѣхъ ихъ и Р. въ томъ числѣ: правильнѣй было бы указать вообще на свободомысліе тогдашней молодежи, питавшейся идеями передовой журналистики. Всюду возникали кружки для совмѣстнаго горячаго обсужденія всевозможныхъ вопросовъ современности, — преимущественно соціально-политическихъ и философскихъ. Однимъ изъ такихъ былъ и кружокъ Козлова и Р. Послѣдняго занимали Фейербахъ, Максъ Штирнеръ, Луи Бланъ, Прудонъ, а также Гегель, Вико, Монтескье. Но интересы этого кружка, еще болѣе широкіе, всего лучше, можетъ быть, опредѣляетъ тотъ фактъ, что эти идейные ученики „Современника" оказались вдругъ (съ 1854—1855 гг.) въ самыхъ тѣсныхъ личныхъ отношеніяхъ съ человѣкомъ діаметрально-противоположнаго направленія, А. С. Хомяковымъ. Въ своемъ некрологѣ Хомякова (1860 г.) Козловъ разсказалъ, какъ этотъ большой Московскій баринъ и знаменитый писатель пріѣзжалъ на поздніе собранія безвѣстныхъ студентовъ-„бѣдняковъ", гдѣ-нибудь „въ душной мансардѣ", для споровъ о наукѣ и философіи. Рыбникову это знакомство съ Хомяковымъ дало очень много. В. И. Модестовъ, говоря о широкой образованности его, упоминаетъ, между прочимъ, и о хорошемъ знаніи богословской литературы, — очевидное вліяніе Хомякова. Черезъ послѣдняго Р. сблизился и съ другими славянофилами: К. С. и И. С. Аксаковыми, Юріемъ Самаринымъ (со всѣми ими онъ потомъ переписывался). Въ дѣлѣ сближенія со славянофилами не малую роль сыграла неумиравшая въ Р. старообрядческая традиція и вообще органическая близость его къ народу.

Говорятъ, въ дѣтствѣ нянька сказывала ему былины. Трудно поэтому ему было не заинтересоваться, когда послѣ смерти Петра Кирѣевскаго, начались заботы объ изданіи его собранія, когда появился П. И. Якушкинъ, а затѣмъ П. В. Шейнъ изъ Симбирской губерніи со своими былинами и историческими пѣснями. Р. давалъ уроки дѣтямъ Хомякова и лѣтомъ 1858 г. жилъ въ его Тульскомъ имѣніи Богучаровѣ Отъ него онъ получилъ рекомендацію въ Черниговскую губернію къ помѣщику Жеребцову (имѣніе Лаврики или Лаврентьево), а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Черниговскія старовѣрческія слободы — для изученія раскола и записи пѣсенъ. Р. удалось сдѣлать много записей, но результатъ всего этого былъ вполнѣ неожиданный — арестъ и гибель всего собранія, сожженнаго вмѣстѣ со всѣми его бумагами г-жей Жеребцовой (французское письмо ея къ матери Р.). Причиною ареста были, по совокупности, и споры Р. съ Черниговскимъ архіереемъ, вызвавшіе неудовольствіе полиціи, и отсутствіе паспорта, и едва ли не болѣе всего — то „русское платье", въ которое онъ яко бы „переряживался" при этомъ своемъ „хожденіи въ народъ". По свидѣтельству сестры его, Р. не для чего было спеціально переряживаться по той простой причинѣ, что онъ вообще тогда носилъ это русское платье, т.-е. поддевку, рубаху, высокіе сапоги — согласно со своими славянофильскими устремленіями. Несмотря на хлопоты друзей-славянофиловъ, прежде всего, конечно, Хомякова, черезъ такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ Шеншина и особенно фрейлина А. О. Тютчева, Р. былъ сосланъ въ Олонецкую губернію. Вдительный Герценъ не преминулъ по этому поводу помѣстить въ „Колоколѣ" (№ 51, отъ 1 го сентября 1859 г.) замѣтку, полную сарказма.

Р. прибылъ въ Петрозаводскъ, вѣроятно, къ началу весны 1859 г. и 10-го іюня уже былъ записанъ въ число канцелярскихъ служителей Канцеляріи начальника губерніи. Мѣстная интеллигенція, сплошь чиновничья, встрѣтила его съ недовѣріемъ и страхомъ, но то былъ только первый

моментъ. Очень скоро положеніе Р. вполнѣ опредѣлилось и упрочилось, какъ самое благопріятное и въ служебномъ, и въ общественномъ отношеніи — благодаря, конечно, прежде всего ему самому, его уму и образованію, его живой и яркой личности. По примѣру Герцена и Салтыкова онъ очень быстро сталъ повышаться по службѣ: 30-го ноября того же 1859 г. Р. былъ уже дѣлопроизводителемъ Губернскаго Комитета; въ 1860 г.—младшимъ помощникомъ Правителя Канцеляріи губернатора; въ 1861 г.—секретаремъ Статистическаго Комитета и младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій; въ 1862 г. — старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій; въ 1863 г. совѣтникомъ Губернскаго Правленія. Начальство у него было хорошее, всѣ три губернатора: Н. П. Волковъ, еще въ 1858 г. подавшій правительству проектъ эмансипаціи; А. А. Философовъ (недолго); Ю. К. Арсеньевъ (1862—1870), сынъ К. И. Арсеньева, профессора Петербургскаго Университета, пострадавшаго нѣкогда вмѣстѣ съ Галичемъ и Раупахомъ. Съ другой стороны, и среди мѣстной интеллигенціи нашелся цѣлый рядъ лицъ, съ которыми Р. не замедлилъ войти въ самое живое общеніе на той или иной почвѣ: членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ Д. В. Полѣновъ; Е. В. Барсовъ; В. И. Модестовъ, — тогда учитель Гимназіи, впослѣдствіи извѣстный профессоръ классической филологіи; И. П. Хрущовъ, также учитель и также потомъ профессоръ (въ Кіевѣ); сослуживецъ Р.— А. В. де Сенъ-Лоранъ (сохранились интересныя письма къ нему Р.); К. Петровъ, работавшій вмѣстѣ съ Р. въ Петрозаводскомъ Статистическомъ Комитетѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, — напр., съ Модестовымъ, Р. связали узы тѣсной дружбы. Цѣлые вечера и даже ночи проводили они въ разговорахъ, при чемъ Р., по словамъ Модестова, постоянно обнаруживалъ самыя широкія познанія въ исторіи философіи (особенно Гегеля), экономикѣ („лѣвыя“ ученія Франціи и Германіи), древней классической литературѣ, приводившія „въ изумленіе“ классика Модестова. Неизмѣнный интересъ Р. къ народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ осмыслилъ его оффиціальныя занятія по должности статистика. Онъ дѣятельно работалъ надъ собираніемъ всевозможныхъ свѣдѣній о практическихъ потребностяхъ мѣстной жизни. Эти труды его, часто довольно обширныхъ размѣровъ, появлялись въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, затѣмъ въ „Памятныхъ книжкахъ Олонецкой губерніи“. Статистической, но уже неоффиціальной явилась работа его по составленію въ 1864 г. таблицъ сравнительнаго спроса въ губерніи на журналы и газеты и на игральныя карты. Отсюда былъ прямой переходъ къ такимъ культурно-просвѣтительнымъ начинаніямъ среди мѣстнаго населенія, какъ организація и открытіе, въ январѣ 1860 г., городской Публичной Библіотеки. Тотъ фактъ, что Р. былъ избранъ ея библіотекаремъ, самый подборъ газетъ и журналовъ указываютъ на то, что Р. долженъ былъ принимать во всемъ этомъ самое живое участіе. Не имѣя солидной поддержки, Библіотека просуществовала только до 1862 г. Но въ 1865 г. Р. вновь принялся за аналогичное дѣло — снабженіе книгами библіотеки Уѣзднаго Училища, послѣ того, какъ въ нее получили доступъ частныя лица и жертвовали въ нее журналы и газеты. Любопытно извѣстіе о выступленіи Р., въ мартѣ 1866 г., въ качествѣ защитника на первомъ въ краѣ уголовномъ процессѣ послѣ введенія судебной реформы. Защита оказалась блестящей,—и подсудимый, которому угрожала смертная казнь, былъ оправданъ.

Главною работою Р., сдѣлавшею извѣстнымъ его имя, было собираніе памятниковъ народной словесности и старины. Здѣсь послѣ былинъ нужно упомянуть также о духовныхъ стихахъ, собранныхъ Р. въ большомъ количествѣ и переданныхъ имъ П. А. Безсонову (вошли въ его сборникъ „Калики перехожіе“), о поступившей отъ него въ Археологическое Общество коллекціи каменныхъ орудій, старинныхъ стеклянныхъ отливокъ—копій съ античныхъ оникосовъ, — а также монетъ и рукописей. Другая партія рукописей была передана имъ П. А. Безсонову и содержала, какъ говорятъ, замѣчательный по полнотѣ экземпляръ Кіево-Печерскаго Патерика.

Обращаясь къ собранію былинъ Р., должно отмѣтить, что здѣсь Р. до извѣстной степени примкнулъ къ традиціи, существовавшей уже до него въ Олонецкой губерніи. Такъ, собиралъ былины начальникъ Олонецкихъ горныхъ заводовъ Н. Ѳ. Бутеневъ, и собраніе это, по словамъ самого Р., было „значительнымъ“. Есть свѣ-

дѣнія также о другомъ собраніи ссыльнаго чиновника-петрашевца, А. П. Болассогло, поступившемъ затѣмъ въ распоряженіе учителя гимназіи Ѳ. И. Дозе. Изъ собранія Болассогло были напечатаны всего одна-двѣ старины въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1856—1857 гг. (вошли въ собраніе Р.). Собраніе Бутенева поступило къ самому Р., который и началъ печатаніе его въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1859 г. Но у Р. мы находимъ только пять былинъ, полученныхъ „отъ Н. Ѳ. Бутенева“. Получены Р-мъ еще былины: отъ чиновника Шкалина три, отъ Обручева—четыре, отъ Миролюбова — двѣ и отъ Прозоровскаго — одна. Остальныя чужія записи въ его сборникѣ сдѣланы уже по его иниціативѣ и заказу (большей частью — волостными писарями). Этнографическія поѣздки Р. совпадали обыкновенно со служебными. „Въ первыя два путешествія“, писалъ Р. 11-го апрѣля 1861 г. П. А. Безсонову: „выдалось у меня пять свободныхъ дней; въ это время я записалъ бытовыя пѣсни, заплачки, свадебныя пѣсни и духовные стихи, собралъ разные рукописные матеріалы“ (январь и мартъ 1860 г.). „Въ третью поѣздку, въ два съ небольшимъ мѣсяца записалъ болѣе осьмидесяти былинъ, а долженъ былъ, между тѣмъ, возиться въ сельскихъ волостныхъ правленіяхъ со становыми и исправниками“ (май—іюнь 1860); „и, наконецъ, въ четвертую поѣздку въ одинъ день записалъ послѣднія былины“ (январь 1861 г.). Р. упоминаетъ еще о пятой своей поѣздкѣ. Кромѣ этихъ пяти, біографъ (А. Е. Грузинскій) насчитываетъ за періодъ 1861—1866 гг. еще 12—13 поѣздокъ, — какъ за новымъ матерьяломъ, такъ равно и для провѣрки ранѣе полученнаго. Очевидцы (В. И. Модестовъ) свидѣтельствуютъ, съ какою тщательностью производилась Р. эта провѣрка, до мельчайшихъ подробностей въ отношеніи какъ языка, такъ и содержанія, — провѣрка по нѣскольку разъ и притомъ у того же самаго сказителя, у котораго старина была впервые записана. Та же самая былина въ передачѣ другого пѣвца ставилась всегда отдѣльно, съ сохраненіемъ всѣхъ ея индивидуальныхъ особенностей, языка (произношенія) и содержанія (мотива). Въ составѣ его сборника 200 слишкомъ былинъ могутъ быть „отнесены сколько-нибудь опредѣленно къ селенію или лицу“. Точныя указанія мѣста жительства и имени имѣются относительно 29 пѣвцовъ... За указанными 29 пѣвцами идетъ еще 9 лицъ, не носящихъ имени, но обозначенныхъ, помимо мѣста, какими-нибудь личными примѣтами, вродѣ: „Калика изъ д. Красныя Ляги“, „90-лѣтній старикъ изъ Колодозера“, „Шальскій лодочникъ“... Все это обусловило высокое научное достоинство его собранія, явившагося по тому времени настоящимъ откровеніемъ (Пыпинъ, О. Миллеръ). Впечатлѣніе отъ I тома было настолько сильно, что ученый міръ не хотѣлъ даже вѣрить, и акад. Срезневскій, прежде, чѣмъ дать свой отзывъ, почелъ нужнымъ справиться на мѣстѣ у Д. В. Полѣнова и В. И. Модестова, включивъ затѣмъ ихъ сообщенія въ свою рецензію. Позднѣе Авг. Шлейхеръ привѣтствовалъ сборникъ, „какъ одну изъ самыхъ важнѣйшихъ книгъ новѣйшаго времени“, которая открываетъ читателю новый, до сихъ поръ незнакомый свѣтъ“. Сохранилось два письма его къ Р., который посылалъ Шлейхеру свои сборники по мѣрѣ ихъ выхода съ 1861 по 1867 г. Первые два тома его были редактированы П. А. Безсоновымъ, третій — самимъ Р., четвертый—О. Ѳ. Миллеромъ.

Послѣднему Р. принужденъ былъ поручить редакцію потому, что самъ къ тому времени переведенъ былъ (1-го сентября 1866 г.) на должность Калишскаго вице-губернатора, въ каковой и оставался безъ всякаго дальнѣйшаго движенія до самой своей смерти, послѣдовавшей 17-го ноября 1885 г.

Если никто не ставилъ въ вину Салтыкову его вице-губернаторства, то таковое Рыбникова справедливо считается компромиссомъ въ виду того ярко обрусительнаго характера, какой приняла политика Русскаго правительства по отношенію къ Польшѣ послѣ Милютина и князя Черкасскаго. Въ бумагахъ Р. сохранились двѣ статьи его по Польскому вопросу, вполнѣ готовыя къ печати. Если сказать, что въ нихъ положеніе не только австрійскихъ, но даже прусскихъ поляковъ признается куда болѣе благопріятнымъ по сравненію съ поляками русскими, то врядъ-ли нужно будетъ объяснять, почему статьи эти такъ и не увидѣли свѣта за подписью вице-губернатора Рыбникова. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ противорѣчіемъ, достаточно мучительнымъ, между внутреннимъ убѣжде-

ніемъ и поступками человѣка. На извѣстное обостреніе моральныхъ запросовъ указываетъ, повидимому, и интересъ Р. въ послѣдніе годы жизни къ Л. Н. Толстому. Онъ добывалъ и читалъ появлявшіяся тогда за границей произведенія Толстого, какъ „Исповѣдь“ и „Изложеніе Евангелія“. Въ его домѣ молодой М. С. Громека читалъ по частямъ свою книгу объ „Аннѣ Карениной“. Наконецъ, и самъ Р. пробовалъ писать какъ о художественныхъ произведеніяхъ Толстого („Война и Миръ“ и „Анна Каренина“), такъ и о религіозно-философскихъ („Изложеніе Евангелія“): въ его бумагахъ находимъ черновики статьи и письма къ Л. Толстому. Сохранившіяся письма къ Рыбникову О. Ѳ. Миллера и Ѳ. И. Буслаева указываютъ, что и будучи оторванъ отъ научной работы, Р. не порывалъ дружескихъ связей со своими учителями. Онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ (избранъ 17-го октября 1861 г., по предложенію И. С. Аксакова), Имп. Русскаго Географическаго Общества и членомъ-сотрудникомъ Имп. Археологическаго Общества.

Труды Р.: „Былины, пѣсни и духовные стихи“ („Олонецкія Губернскія Вѣдом.“ 1859 г., №№ 30, 32, 34, 37, 39, 42, 43—45; здѣсь старины: о Добрынѣ Никитичѣ, о трехъ богатыряхъ, о Дюкѣ Степановичѣ, о Настасьѣ королевнѣ Политовской; стихи: о Егоріи Храбромъ, о Борисѣ и Глѣбѣ); „Былины, пѣсни и духовные стихи“ (тамъ же, 1860 г., №№ 17, 33, 35, 39 и 47; здѣсь былины: о Василіи Игнатьевичѣ; о двухъ братьяхъ, двухъ Ливикахъ и кн. Романѣ Дмитріевичѣ; о Джедимитріи; о добромъ молодцѣ неудачливомъ; стихи о чудѣ святителя Николая); „О льняной промышленности Пудожскаго уѣзда“ (тамъ же 1860 г., № 32; перепечатано въ „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ“ 1860 г., кн. 8); „Шунгская въ Олонецкой губерніи крещенская ярмарка („Вѣстникъ промышленности“ 1860 г., кн. 8); „Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ“, ч. I: Старины и побывальщины (М. 1861 г., 488 стр.); ч. II: Народныя былины, старины и побывальщины (М. 1862 г., 354 стр.); ч. III: Народныя былины, старины, побывальщины и пѣсни (Петрозаводскъ. 1864 г., 460 стр.); ч. IV: Былины, побывальщины, старины и былевыя пѣсни (С.-Пб. 1867 г., 299 стр.). Изданіе удостоено было отъ Академіи Наукъ Демидовской награды; „Описаніе рукописей, доставленныхъ въ Имп. Арх. Общество“, („Изв. Имп. Арх. Общества“ 1862 г., т. IV, вып. 5); „Ониксы, найденные въ Олонецкой губ.“ („Олон. Губ. Вѣдом.“ 1862 г., № 8); Замѣтки съ дороги“ (тамъ же, 1862, №№ 43—45, 48—49. Перепечатано въ „Днѣ“ 1862 г., №№ 47, 50 и 52; 1863 г., № 4); „Нашествіе татаръ“, былина („День“ 1863 г., № 11); Былина о Хотенѣ Блудовичѣ“ („Олон. Губ. Вѣд.“ 1863 г., № 10); „Былина о кн. Владимірѣ (тамъ же, № 11); „Варіантъ Новгородской лѣтописи“ (тамъ же, №№ 37—42); „Иванъ Гостиный сынъ“, былина (тамъ же, № 43); „Царь Алексѣй Михайловичъ“, былина (тамъ же, № 44; перепечатано въ „Смол. Губ. Вѣд.“ 1864 г., № 1); „О началѣ града Москвы“, изъ Новгородской лѣтописи („Олон. Губ. Вѣд.“ 1863 г., № 45; перепечат. въ „Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи на 1863 г.“, ч. II); „Бой Ильи съ сыномъ“, былина („Олон. Губ. Вѣд.“ 1863 г., № 46); „Шунгская Богоявленская ярмарка въ 1864 г. (тамъ же, 1864 г., №№ 6—9); „Сборникъ словъ, употребляемыхъ въ Олонецкой губ.“ („Этнографич. Сборникъ“, изд. Имп. Русск. Геогр. Обществомъ, 1864 г., в. VI); „О каменныхъ орудіяхъ“ („Извѣстія Имп. Археол. Общества“ 1864 г., т. V, в. 6); „Народныя повѣрья и суевѣрья въ Олонецкой губерніи. Заонежскія повѣрья“. („Памятная книжка Олонецкой губ.“ 1864 г., отд. II, стр. 191); „О разведеніи льна въ Пудожскомъ уѣздѣ“ (тамъ же, отд. II, стр. 145); „Народныя легенды о водяникахъ“ („Олон. Губ. Вѣд.“ 1865 г., № 9); „Объ особенностяхъ Олонецкаго подрѣчія. Произношеніе. Словообразованіе. Словопроизношеніе“ („Памятная книжка Олонецкой губерніи“ на 1865 г., отд. II, стр. 105); „Статистическія таблицы о состояніи Олонецкой губерніи въ 1863 г.“ (тамъ же, стр. 3); „Шунгская Богоявленская ярмарка въ 1843—65 гг.“ (тамъ же, отд. II, стр. 149); „Слова такъ называемаго билямскаго языка, употребляемаго Ладвинскими стекольщиками“ („Олон. Губ. Вѣд.“ 1866 г., № 8); „О Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ. Даниловъ и Лекса“ (тамъ же, №№ 26, 27, 35; перепечатано въ „Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи“ на 1867 г.); „О Тивдійскихъ мраморныхъ ломкахъ“ (тамъ же, № 48); „Этнографиче-

скія замѣтки о Заонежанахъ" (вѣроятно, Р.)—„Памятная книжка Олонецкой губерніи 1866 г.", отд. II, стр. 3); „Былины объ Ильѣ Муромцѣ, Иванѣ Гостинномъ сынѣ, Кострюкѣ, наѣздѣ литовцевъ на Москву. Пудожскія свадебныя заплачки" (тамъ же, отд. II, стр. 71—94); „Петрозаводскіе сѣверные вечера" Баландина, напечатанные Р-мъ („Олон. Губ. Вѣд." 1866 г.); „Старинные акты, доставленные П. Н. Рыбниковымъ въ Имп. Археологическое Общество („Олон. Губ. Вѣд." 1867 г., № 38). „Ониксы, найденные въ Олон. губ." (тамъ же, № 10); „Пѣсни, собранныя П. Н. Р-мъ", изд. 2-е, подъ ред. А. Е. Грузинскаго, съ портретомъ, біографіей и указателемъ., М. 1909—1911 гг., CII+512, V+727, VI+432 стр.

А. Герценъ въ „Колоколѣ" 1859 г., 1 сент., № 51; И. И. Срезневскій—въ „Извѣстіяхъ 2 Отд. Акад. Наукъ", т. X, 1863 г.; Статья о сборникѣ Р—а—„Олон. Губ. Вѣд." 1867 г., № 47; Некрологи: Отчетъ Имп. Русскаго Географ. Общ. за 1885 г. (В. Модестова); „Новости" 1885 г., № 354 (его же); „Новое Время" 1885 г., 2 декабря; „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1885 г., CCXIII, кн. 12; отд. IV, стр. 217—221; „Церковно-Общественный Вѣстникъ" 1885 г., № 106; „Библіографъ" 1886 г., № 6—7, стр. 99—100; „Историческій Вѣстникъ" 1886 г., кн. I, стр. 256—57; „Новь" 1886 г., кн. 4, стр. 269; „Сѣверный Вѣстникъ" 1886 г., кн. 3, отд. II, стр. 73—93; 1887 г., кн. 4, отд. II, стр. 82—86; „Новь" 1888 г., кн. 7, стр. 222 (съ портретомъ); „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности", I, прил., стр. 3; Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности", стр. 244; Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", в. V и дополненія при вып. VII и XII; А. Н. Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи", т. I, стр 34, 226; т. II, стр. 48, 61—64, 68, 82, 105, 136, 221—224, 229, 231, 240—41, 245, 311, 326, 346; т. III, стр. 104, 457; С. Приклонскій, „Судьба губернскихъ статистиковъ"—„Сѣв. Вѣсти." 1886 г., т. 3, отд. I, стр. 73—93; К. Петровъ, „Провинціальные статистики и писатели"—„Сѣв. Вѣсти." 1887 г., т. 4, отд. II, стр. 82—86; М. С—скій, Эпизодъ изъ исторіи нашего народовѣдѣнія" — „Трудъ" 1890 г., т VI, стр. 153—167; Энциклоп. Словарь Брокгауза-Ефрона, т. XXVII, 1899 г.; Л. Пантелѣевъ, „Изъ воспоминаній прошлаго", т. I, стр. 263; И. А. Шляпкинъ, „П. Н. Рыбниковъ и новое изданіе его сборника". (Съ приложеніемъ новыхъ матеріаловъ: списокъ трудовъ Р—а, письма его къ О. Ѳ. Миллеру и Д. Е. Кожанчикову, письма къ О. Ѳ. Миллеру Е. В. Барсова и А. А. Котляревскаго) — „Журн. Мин. Нар. Пр." 1912 г., № 6, стр. 305—321.

Н. Яковлевъ.

Рыбушкинъ, *Михаилъ Самсоновичъ*, Директоръ Астраханскихъ училищъ, адъюнктъ Казанскаго Университета, писатель; род. въ 1792 году въ Симбирскѣ, ум. 20-го марта 1849 г. въ Казани; учился въ Казанской Гимназіи, а затѣмъ въ Казанскомъ Университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1812 г. со степенью кандидата по Словесному отдѣленію и въ томъ же году назначенъ (22-го мая) учителемъ славяно-россійскаго класса въ Казанскую Гимназію, а два года спустя (2-го октября 1814 г.)—комнатнымъ надзирателемъ. Со 2-го апрѣля 1815 Р. занималъ должности: учителя исторіи и географіи, корректора Университетской типографіи (съ 1-го января 1816 г. до 24-го апрѣля 1819 г.), старшаго учителя историческихъ наукъ (съ 27-го января 1820), члена Гимназическаго Совѣта (съ 16-го августа 1820) и, наконецъ, Инспектора Гимназіи (съ 4-го августа 1823 г.). Составивъ славянскую грамматику, Р. пытался въ 1821 г. получить званіе адъюнкта Россійской словесности при Казанскомъ Университетѣ, но его постигла неудача, и лишь въ 1823 г., сентября 17-го, онъ былъ избранъ и утвержденъ въ этой должности. Назначенный членомъ Училищнаго Комитета (27-го августа 1824 г.), онъ ровно черезъ годъ оставилъ эту должность, которую снова занялъ 30-го іюня 1827 г., будучи 2-го августа 1826 г. назначенъ Секретаремъ Отдѣленія словесныхъ наукъ Университета, а въ 1830 г. (17-го ноября) опредѣленъ былъ управляющимъ Университетской типографіей. Въ 1828—29 гг. Р. исправлялъ должность Директора Казанскихъ училищъ, продолжая оставаться адъюнктомъ въ Казанскомъ Университетѣ, въ 1835 г. назначенъ былъ Директоромъ училищъ Астраханской губерніи, а въ концѣ 1843 г.—Директоромъ училищъ Пензенской губерніи. Въ Пензѣ у него произошли крупныя служебныя непріятности, что и было причиной выхода его въ отставку.

Р. много писалъ и въ прозѣ, и въ стихахъ, какъ по разнымъ отдѣламъ изящной литературы, такъ и по литературной критикѣ и по вопросамъ изъ мѣстной исторіи, археологіи и этнографіи. Онъ выступилъ на литературное поприще въ 1814 г., напечатавъ въ Казани отдѣльной книжкой трагедію въ прозѣ „Іоаннъ, или взятіе Казани". Остальныя его произведенія печатались въ „Казанскомъ Вѣстникѣ", въ „Прибавленіяхъ" къ нему и въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Главной заслугой Р. является изданіе въ 1832—

1834 гг., совмѣстно съ адъюнктомъ латинской словесности М. В. Полиновскимъ, перваго Казанскаго частнаго періодическаго журнала—„Заволжскій Муравей". На выходномъ листѣ журнала, наверху, подъ словомъ „Заволжскій", было изображено насѣкомое (больше похоже на пчелу, чѣмъ на муравья) въ вѣнкѣ изъ лавровой и дубовой вѣтокъ; подъ насѣкомымъ поставлено слово „Муравей". Въ качествѣ эпиграфа—слѣдующее двустишіе:

За трудъ мой не ищу себѣ похвалъ и славы,
Люблю трудиться лишь для пользы иль забавы.

Журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ, книжками небольшого формата, приблизительно по 62 страницы въ книгѣ; цензуровался въ Москвѣ. Одною изъ усердныхъ сотрудницъ „Заволжскаго Муравья" была жена профессора Казанскаго Университета, Александра Андреевна Фуксъ, сама по себѣ Казанская дворянка и помѣщица,—рожденная Апехтина. Въ „Заволжскомъ Муравьѣ" помѣщено было, между прочимъ, довольно много статей по мѣстнымъ исторіи, археологіи и этнографіи, а чтобы дать понятіе о разнообразіи содержанія этого журнала, беремъ наудачу 1-ю книгу за январь 1833 г.: 1) Арасланъ-Бабръ (башкирская повѣсть). 2) Модная жена; 3) Казань; 4) Извѣстія, полученныя о Черемисскомъ Телеграфѣ; 5) Церковный обрядъ вшествія Христа Спасителя въ Іерусалимъ; 6) Объ искусствѣ чтенія; 7) О смыслѣ русскихъ пословицъ; 8) Разговоръ двухъ пріятелей.

Склонность къ историческимъ изысканіямъ побуждала Р. совершать поѣздки въ окрестности Казани и внимательно изучать какъ прошлое, такъ и настоящее города Казани и Казанской губерніи. Кромѣ множества статей, посвященныхъ частнымъ историческимъ вопросамъ, Р. занялся составленіемъ „Краткой исторіи г. Казани"; ея вышло два изданія: 1-е изд. въ 1834 г., 2-е изд. въ 1848 и 1850 гг; оба изданія въ двухъ частяхъ. Посвященіе Городскому головѣ, находящееся во 2-мъ изданіи, настолько своеобразно, что мы выписываемъ его цѣликомъ: „Его Высокостепенству Господину Градскому Главѣ, Потомственному Почетному Гражданину, имѣющему три золотыя медали за усердіе и одну серебряную и Высочайше пожалованный отъ Двора нарядный кафтанъ, Онисиму Кирилловичу Месетникову, усерднѣйше посвящаетъ сочинитель". Первыя двѣ вводныя главы „Краткой исторіи г. Казани" (пользуемся вторымъ изданіемъ) доселѣ не утратили своего значенія по тѣмъ статистическимъ даннымъ о Казани за XVIII и XIX вв., которыя сообщаетъ Р. Самая исторія въ общихъ событіяхъ, касающихся Казани отъ ея основанія до покоренія Іоанномъ Грознымъ, составляетъ сокращеніе повѣствованія Карамзина и только съ VI-й главы начинается самостоятельное изложеніе Р-на. Сказавъ объ учрежденіи въ Казани епархіи, Р. сообщаетъ краткія жизнеописанія Казанскихъ іерарховъ и топографію Казанскаго Кремля и его древностей, главнымъ образомъ церковныхъ. Затѣмъ долго останавливается на посѣщеніи Казани Петромъ I и на учрежденіяхъ, основанныхъ имъ въ этомъ городѣ. Дальнѣйшія главы 1-й части „Краткой исторіи г. Казани" посвящены: основанію въ г. Казани Духовной Семинаріи, новокрещенскихъ школъ, гимназій и связанныхъ съ ними татарскихъ училищъ, возникновенію театральныхъ зрѣлищъ, пребыванію въ Казани Императрицы Екатерины II и нашествію Пугачева. Такъ какъ послѣ Пугачева произошли въ г. Казани большія измѣненія въ топографическомъ отношеніи, а нѣкоторые храмы и зданія были совершенно истреблены, то Р. счелъ небезполезнымъ перечислить главныя улицы, слободы и церкви, существовавшія тамъ до нашествія Пугачева.

Во 2-й части Р. отводитъ цѣлую главу описанію пожаровъ, испепелявшихъ Казань девять разъ, съ 1598 по 1842 г., при чемъ особенно подробно останавливается на пожарѣ 1842 г. Весьма интересны статистическія данныя о населеніи Казани и о развитіи въ ней торговли и фабричной промышленности въ 1842 г. Немало мѣста отведено учебнымъ заведеніямъ: Главному Народному Училищу, открытому въ 1786 г., и Гимназіи, преобразованной въ 1798 г. Особенно обстоятельно говоритъ Р. объ окончательномъ устройствѣ въ 1814 г. Казанскаго Университета, о профессорахъ, ихъ заграничныхъ командировкахъ и ученыхъ трудахъ, объ университетской Библіотекѣ, учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ и т. д. Вслѣдъ за Университетомъ идетъ описаніе Духовной Семинаріи и Академіи, Школы военныхъ кантонистовъ, Землемѣрнаго Училища и Родіоновскаго Института для дѣ-

вицъ. Желая представить наиболѣе полно всѣ интересы Казани и все, чѣмъ она отличалась отъ другихъ городовъ, Р. посвящаетъ отдѣльныя главы Пороховому Заводу, основанному на берегу р. Казанки по повелѣнію Екатерины II, и памятнику въ честь воиновъ, убіенныхъ при осадѣ Казани Іоанномъ Грознымъ въ 1552 г. Говоря о нравахъ и обычаяхъ жителей, Р. такъ характеризуетъ дворянство и купечество: „Дворянство Казанское довольно многочисленно, но не столь богато въ сравненіи съ подобными сословіями въ другихъ губерніяхъ. Патріотическія чувствованія издавна были отличительными чертами дворянства Казанскаго. Еще во времена Императрицы Елисаветы Петровны здѣшнее благородное сословіе могло гордиться любовію къ отечеству, утонченностію нравовъ, гостепріимствомъ и общежитіемъ". За содѣйствіе къ усмиренію Пугачевскаго бунта Екатерина II въ рескриптѣ на имя генералъ-маіора Бибикова выразила благоволеніе въ очень лестныхъ для Казанскихъ дворянъ выраженіяхъ: „Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла я, яко помѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей, съ каждыхъ двухъ сотъ душъ, Вамъ отдать по одному рекруту"... Р. очень высоко ставилъ Казанское дворянство и находилъ, что „трудно изложить вполнѣ всѣ человѣколюбивые подвиги здѣшняго дворянства: они столь многочисленны и разнообразны, что требуютъ подробнѣйшаго описанія". Раздѣляя Казанское купечество на „первостатейное" и „средняго класса", Р. дѣлаетъ между ними такого рода сравненіе: „Первостатейное Казанское купечество отличается уединеннымъ образомъ жизни и чуждается общественныхъ увеселеній. По нашему мнѣнію, это происходитъ, во-первыхъ, отъ того, что купцы здѣшніе безпрерывно занимаются своимъ дѣломъ и не находятъ досуга развлекать себя роскошью или тратить время для пустой забавы, а во-вторыхъ, и отъ самаго образа ихъ воспитанія... Болѣе примѣтно общежитія и стремленія къ образованности въ среднемъ классѣ купеческаго сословія Оно съ разборчивостію препровождаетъ время своего досуга, любитъ заниматься чтеніемъ книгъ, судитъ о литературѣ иногда съ отчетливою основательностью; старается объ образованіи дѣтей и даже заботится о пользѣ просвѣщенія". Далѣе Р. говоритъ о татарахъ, останавливаясь главнымъ образомъ на ихъ школахъ и праздникахъ.

Въ 1-й части „Краткой исторіи", какъ мы видѣли выше, были описаны пребыванія въ Казани Петра I и Екатерины II; во 2-й части сказано не только о посѣщеніяхъ города Императорами Павломъ и Николаемъ I, но и о пріѣздахъ великихъ князей и другихъ особъ царской фамиліи. Послѣдняя, XI-я глава посвящена подробному перечисленію и историческому описанію монастырей г. Казани и Казанской губерніи. Въ заключеніе приложенъ списокъ Казанскихъ царей, а съ 1552 г.—списокъ боляръ, воеводъ и прочихъ правителей Казани.

Изъ предисловія Р. къ „Краткой исторіи г. Казани" видно, что онъ пользовался, кромѣ печатныхъ, многими рукописными источниками, представлявшими въ то время рѣдкій матеріалъ для мѣстной Казанской исторіи.

„Записки объ Астрахани" составлены по тому же плану, какъ и „Краткая исторія г. Казани", но менѣе обширны.

Списокъ сочиненій Р. и краткая его біографія напечатаны въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Казанскаго Университета" (1804—1904 гг.), Казань. 1904 г., ч. 2-я. Указатель статей по археологіи исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ журналѣ „Заволжскій Муравей" (1832 — 1834 гг.), находится въ „Извѣстіяхъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ", Казань. 1892 г., т. X, вып. 3.

„Москвитянинъ" 1849 г., ч. 2, № 8, апр., кн. 2, стр. 141—147 некр., А. Артемьева); „Казанскія Губ. Вѣд." 1849 г., № 15, стр 129 и № 16, стр. 133 134; 1852 г, № 15, стр. 147—151; „Казанскій Литерат. Сборникъ" 1878 г., стр. 179—222; Н. П. Загоскинъ, Дѣятели Имп. Казанскаго Университета, М. 1900, стр. 49—50.

В. Корсикова.

Рыддеръ, *Денисъ Петровичъ*, генералъ поручикъ; еще въ 1696 году, будучи поручикомъ и маіоромъ, онъ участвовалъ въ Петровскомъ походѣ подъ Азовъ; затѣмъ, вѣроятно, участвовалъ въ другихъ войнахъ Петра и позже. при Имп. Елисаветѣ Петровнѣ, былъ бригадиромъ; 25-го декабря 1755 г., пожалованъ былъ изъ бригадировъ въ генералъ-маіоры, съ состояніемъ при арміи, а уже черезъ годъ, 9-го сентября

1756 г., произведенъ былъ въ генералъ-поручики при арміи же; въ это время онъ былъ посланъ для осмотра Сибирской Линіи.

„Походъ боярина... Шеина къ Азову", изд. В. Рубана, С.-Пб. 1773, стр. 73; П. Барановъ, Опись Высоч. указамъ Сенатскаго Архива; Ильенко и Масловскій, Опись дѣлъ секретнаго повытья Моск. Отд. Архива Главнаго Штаба, М. 1890, стр. 69 и 80; Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства, т. IV; „С.-Петерб. Вѣдомости" 1756 г., № 7; Списокъ военнымъ генераламъ со временъ Петра I до Екатерины II, С.-Пб. 1809, стр. 68.

Рыдзевскій, *Александръ Людвиговичъ*, докторъ медицины; родомъ полякъ и католикъ, онъ воспитывался на казенный счетъ въ Московскомъ Университетѣ и въ 1846 г. былъ выпущенъ лѣкаремъ, съ назначеніемъ въ Гренадерскій Румянцова-Задунайскаго полкъ, въ которомъ въ 1852 г. былъ назначенъ полковымъ штабъ-лѣкаремъ; выйдя въ отставку въ 1853 г., Р. въ 1861 г. опредѣлился старшимъ врачемъ больницы Псковского Приказа Общественнаго Призрѣнія и въ томъ же году получилъ степень доктора медицины отъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Уволившись въ отставку въ 1865 г., онъ въ 1867 г. былъ назначенъ Саратовскимъ врачебнымъ инспекторомъ, гдѣ былъ и въ 1886 г., имѣя чинъ д. с. совѣтника. Умеръ 20-го мая 1887 г., 64 л. Напечаталъ диссертацію: „О затрудненныхъ или болѣзненныхъ мѣсячныхъ очищеніяхъ", С.-Пб. 1862, 8°, 59 стр.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 2, С.-Пб. 1886, стр. 88; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 62, стр. 742.

Н. М.

Рыдзевскій, *Георгій-Эдуардъ-Андрей Николаевичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи; происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, родился 8-го ноября 1837 г., окончилъ курсъ въ Николаевскомъ Инженерномъ Училищѣ (поступилъ въ него кондукторомъ 28-го сентября 1853 г., произведенъ въ портупей-юнкера 9-го января 1857 г.); 6-го іюня 1857 г. произведенный въ прапорщики и оставленный при Академіи для продолженія курса наукъ, онъ 22-го іюня 1859 г. переведенъ былъ прапорщикомъ въ л.-гв. Саперный батальонъ, 30-го августа 1859 г., въ чинѣ подпоручика, командированъ былъ въ Офицерскую Стрѣлковую Школу, которую окончилъ 21-го августа 1862 г., а 30-го августа 1863 г. произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны и назначенъ командиромъ роты Его Величества. Съ 1865 по 1872 г. Р. получилъ нѣсколько орденовъ, до св. Владимира 4-й ст. (14-го ноября 1871 г.), 16-го апрѣля 1867 г. произведенъ былъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году, 6-го апрѣля, назначенъ командиромъ 1-го Кавказскаго сапернаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго батальона. Черезъ четыре года (22-го іюня 1872 г.) ему поручено было командованіе 14-мъ Гренадерскимъ Грузинскимъ Великаго Князя Константина Николаевича полкомъ, съ которымъ онъ и принималъ участіе въ Турецкой кампаніи 1877—78 гг. Первымъ боевымъ подвигомъ Р. было отраженіе, 3-го іюня 1877 г., вылазки Карсскаго гарнизона у сел. Аварвартанъ и Чифтликъ, затѣмъ, 10-го сентября, за бой подъ Зивиномъ 13-го іюня, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 40-й пѣхотной дивизіи. При штурмѣ Карса Р. командовалъ седьмою колонною, состоявшею изъ двухъ батальоновъ Гурійскаго и Абхазскаго полковъ при 24 орудіяхъ. Задачей его было, по диспозиціи, выступивъ у сел. Мицри, занять позицію передъ фронтомъ укрѣпленій Араба и Карадача и демонстрировать противъ нихъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, угрожая рѣшительнымъ наступленіемъ. Задачу эту онъ и выполнилъ 5-го ноября блестяще, при чемъ, какъ было сказано въ реляціи, подъ его личнымъ начальствомъ взятъ былъ фортъ Арабъ. За штурмъ Карса Рыдзевскій награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. (10-го декабря 1877 г.) и затѣмъ до 1880 г. получилъ цѣлый рядъ наградъ: 12-го февраля 1878 г.—золотое оружіе съ надписью „за храбрость" за дѣла 20, 21 и 22-го сентября подъ Аладжинскими высотами и у горъ Б. и М. Ягны, 13-го мая 1878 г.—орденъ Короны со звѣздою, пожалованный ему Императоромъ Германскимъ, 20-го сентября 1878 г.—св. Станислава 1-й ст. съ мечами за пораженіе Турокъ подъ Аладжинскими высотами, 7-го сентября 1878 г.—серебряную медаль на Андреевско-Георгіевской лентѣ въ память войны 1877—78 гг. и медаль, пожалованную Княземъ

Николаемъ Черногорскимъ, наконецъ 19-го іюня 1879 г.—св. Анны 1-й ст. съ мечами за отличіе при блокадѣ Эрзерума.

2-й бригадой 40-й пѣхотной дивизіи Р. командовалъ недолго: 6-го мая 1878 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, а 31-го декабря — 1-й бригады той же дивизіи, затѣмъ (2-го сентября 1882 г.) ему поручено было командованіе 2-й бригадой Кавказской гренадерской дивизіи и, наконецъ, 20-го декабря 1884 г. — 2-й бригадой 21-й пѣхотной дивизіи. 30-го августа 1882 г. онъ награжденъ былъ орденомъ св. Владимира 2-й ст.—Р. скончался (застрѣлился) 3-го декабря 1885 г. въ урочищѣ Дешлагаръ, Дагестанской области.

Полный послужной списокъ А. Н. Рыдзевскаго по 1 янв. 1883 г.; „Русскій Инвалидъ“ 18 декабря 1885 г., № 275; „Новое Время“ 5 и 6-го декабря 1885 г., №№ 3511 — 12; Исторія л. гв. Саперпаго батальона, С.-Пб. 1879, по указ.

П. Н. П.-С.

Рыдзевскій, *Николай Антоновичъ*, инженеръ-генералъ-лейтенантъ, членъ Военнаго Совѣта и Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета; происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, родился въ 1805 году; первоначальное образованіе получилъ въ Финляндіи, гдѣ служилъ его отецъ, затѣмъ былъ опредѣленъ пансіонеромъ въ Петербургѣ, въ нынѣшнюю 2-ю Гимназію. 30-го октября 1820 г. онъ, сдавъ экзаменъ, поступилъ кондукторомъ въ Главное Инженерное Училище, 19-го ноября 1822 г. произведенъ былъ въ прапорщики полевыхъ инженеровъ, какъ тогда назывались офицеры нынѣшняго Корпуса военныхъ инженеровъ, и 18-го декабря 1824 г., по окончаніи курса въ офицерскихъ классахъ Главнаго Инженернаго Училища (нынѣ Николаевская Инженерная Академія), былъ назначенъ на службу въ крѣпость Бобруйскъ, получивъ при переходѣ въ старшій офицерскій классъ чинъ подпоручика (22-го декабря 1823 г.)—высшую тогда академическую награду. 6-го марта 1825 г., въ числѣ немногихъ русскихъ инженерныхъ офицеровъ (Зеленко, Алекс. День, Алекс. Аврежіо, Типольдъ), Р. былъ командированъ въ распоряженіе Наслѣдника Цесаревича Константина Павловича для работъ въ Польскихъ крѣпостяхъ — Модлинѣ и Замостьѣ вмѣстѣ съ инженерами Польскихъ войскъ, пользовавшимися тогда хорошею репутаціею, и подъ руководствомъ извѣстнаго строителя этихъ крѣпостей, инженернаго генерала Наполеоновскихъ войскъ—Моллета, поступившаго на Польскую службу подъ фамиліею Мелецкаго. 8-го ноября 1827 г. Рыдзевскій произведенъ былъ въ поручики, а 5-го апрѣля 1829 г. командированъ въ Европейскую Турцію къ исправляющему должность Начальника инженеровъ 2-й арміи и, по прибытіи на мѣсто, съ 10-го по 23-е мая производилъ осадныя работы подъ крѣпостью Силистріей, за что былъ, 14-го іюля 1829 г., награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Затѣмъ, во время движенія (24-го мая) главныхъ силъ по Шумлинской дорогѣ черезъ сел. Каургу, Р. находился при Начальникѣ инженеровъ 2-й арміи ген. Лейхнерѣ, участвовалъ при пораженіи, 30-го мая, великаго визиря подъ Кулевчею, а послѣ перехода, въ іюлѣ мѣсяцѣ, нашихъ войскъ черезъ Балканы, укрѣплялъ этапы и военныя дороги въ горахъ блокгаузами, за что получилъ (30-го августа 1829 г.) орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Послѣ Адріанопольскаго мира онъ, 24-го февраля 1830 г., вернулся въ Бобруйскъ, при чемъ ему было дано не въ зачетъ, въ видѣ награды, годовой окладъ жалованья.

Съ началомъ Польскаго возстанія, Р. 6-го апрѣля 1831 г. прикомандированъ былъ къ Начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи инженеръ-генералу Ив. Ив. Дену, съ которымъ и работалъ надъ укрѣпленіемъ города Брестъ-Литовска (27-го апр.), Мендзержица (1-го мая) и Сѣдлеца (9-го мая); 11-го мая, послѣ переправы нашихъ войскъ черезъ р. Бугъ, онъ слѣдовалъ съ войсками черезъ Соколово, Гродно и Высокомазовецкъ до Остроленки, откуда вмѣстѣ съ ген. Деномъ поѣхалъ, 18-го мая, въ Ломжу для укрѣпленія этого города, а 26-го мая посланъ былъ въ отрядъ ген. Ридигера, съ которымъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Люблинской губ. (въ гор. Люблинъ пріѣхалъ 24-го іюня). 6-го іюля онъ устроилъ переправу черезъ р. Вѣпржъ подъ Лысобоками, 7-го іюля участвовалъ при пораженіи корпуса Янковскаго подъ Будиско, а 8-го іюля—при движеніи на Коцкъ, при чемъ вторично устроилъ переправу черезъ р. Вѣпржъ; съ 18-го по 26-е іюля работалъ надъ устрой-

ствомъ укрѣпленій и переправы черезъ р. Вислу у. м. Юзефова, 28-го іюля былъ въ авангардномъ дѣлѣ при м. Границѣ, а съ 1-го по 6-е августа опять укрѣплялъ и устраивалъ переправу черезъ р. Вислу у дер. Подгуржи.

Съ окончаніемъ Польской кампаніи боевая дѣятельность Р. смѣнилась мирною строительною. Произведенный, 14-го октября 1831 г., въ штабсъ-капитаны, онъ 22-го апрѣля 1832 г. назначенъ былъ командиромъ инженерной команды въ крѣп. Замостье и здѣсь до 1838 г. работалъ надъ перестройкой и укрѣпленіемъ крѣпости; 28-го марта ему былъ пожалованъ брилліантовый перстень „за работы въ Замостской крѣпости", 6-го декабря ему объявлено Высочайшее благоволеніе, 1-го января 1835 г. онъ произведенъ былъ въ капитаны, а 9-го августа 1838 г. награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст.

10-го ноября 1838 г. Р—му поручена была инженерная команда въ проектированной крѣпости Ивангородѣ. Р. пріѣхалъ сюда, когда на мѣстѣ крѣпости стояла только корчма при перевозѣ черезъ Вислу близъ впаденія въ нее Вѣпржа. Въ сравнительно короткій промежутокъ времени, до 1844 г., онъ создалъ всю крѣпость въ ея главныхъ частяхъ и за это, кромѣ производства въ подполковники (23-го мая 1840 г.), получилъ два раза—9-го августа и 27-го сентября 1840 г. — выраженіе Высочайшаго благоволенія. 13-го января 1844 г. Р. назначенъ былъ начальникомъ инженерной команды въ Новогеоргіевскую крѣпость. Здѣсь до его пріѣзда главнѣйшія фортификаціонныя работы были уже закончены, но онъ устроилъ цѣлый рядъ другихъ сооруженій, имѣвшихъ не только практическое, но и научное значеніе: устроилъ полную контръ-минную систему, первый въ Россіи висящій на проволочныхъ канатахъ мостъ черезъ р. Наревъ, первую же, послѣ Мытищенской въ Москвѣ, паровую водокачку, паровую мельницу, долго бывшую единственною въ нашихъ крѣпостяхъ, и т. д. Затѣмъ онъ предпринялъ обширныя работы по регулированію теченія рр. Вислы и Нарева и по укрѣпленію ихъ береговъ подъ крѣпостью. Работы увѣнчались полнымъ успѣхомъ, также какъ и очень пригодились впослѣдствіи, при приведеніи крѣпости въ 1854—55 гг. въ оборонительное положеніе, построенные имъ запасные плавучіе мосты черезъ рр. Вислу и Наревъ. 17-го декабря 1844 г., за выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ, онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст., 8-го мая 1845 г. ему объявлено было Высочайшее благоволеніе „за работы въ Новогеоргіевской крѣпости", а черезъ годъ — 28-го мая 1846 г. онъ вышелъ въ отставку полковникомъ. Въ отставкѣ Р., впрочемъ, былъ недолго—до 6-го мая 1848 г. и 15-го мая 1848 г. опять вернулся въ Новогеоргіевскъ — Начальникомъ инженерной команды. До 1850 г. онъ два раза получалъ выраженіе Высочайшаго благоволенія (25-го іюня 1849 и 4-го мая 1850 г.) „за отличный порядокъ по содержанію воинскихъ зданій и верковъ крѣпости". Произведенный 4-го мая 1850 г. въ полковники, онъ 21-го ноября назначенъ былъ въ Штабъ Начальника инженеровъ дѣйствующей арміи ген. К. А. Шильдера и занялъ должность штабъ-офицера для особыхъ порученій, на которомъ лежала вся проектная часть по городамъ и крѣпостямъ Западнаго инженернаго округа и повѣрка смѣтъ на годовыя работы. За свою дѣятельность на этой трудной должности онъ 3-го февраля 1853 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й ст.

Во время Восточной войны 1854—55 гг. на Р. возложено было приведеніе всѣхъ западныхъ крѣпостей въ оборонительное положеніе и военно-инженерныя работы въ Царствѣ Польскомъ, въ виду ожидавшагося тогда разрыва съ Австріей. За успѣшное выполненіе этой задачи ему былъ пожалованъ, 31-го мая 1855 г., орденъ св. Анны 2-й ст. съ Имп. короною, а въ слѣдующемъ, 1856 г., 10-го января, онъ назначенъ былъ состоять при Инспекторѣ по инженерной части ген. Денѣ, 26-го августа 1856 г. получилъ орденъ св. Владимира 3-й ст. съ мечами, а 17-го апрѣля 1858 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и утвержденъ въ должности Вице-Директора бывшаго Инженернаго Департамента. Съ 1860 по 1862 г. Р. былъ удостоенъ послѣдовательно нѣсколькихъ наградъ: 8-го марта 1860 г. ему объявлено Монаршее благоволеніе за успѣшное управленіе Департаментомъ во время болѣзни Директора, 17-го апрѣля — орденъ св. Станислава 1-й ст., 27-го апрѣля 1862 г. — св. Анны 1-й ст. съ мечами. 26-го января 1863 г., съ преобразованіемъ Департамента въ Главное Инженерное Управленіе, онъ

назначенъ былъ въ немъ Вице-Директоромъ, вскорѣ, 4-го апрѣля 1865 г., произведенъ въ генералъ-лейтенанты, затѣмъ въ 1867 г. вступилъ въ должность Члена Инженернаго Комитета и завѣдующаго дѣлами этого Комитета, а въ 1872 г. былъ назначенъ Членомъ Военнаго Совѣта. На немъ, какъ на единственномъ въ то время Членѣ Совѣта-инженерѣ лежало разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ, касавшихся инженерной спеціальности. „Ему не суждено было совершать блестящихъ подвиговъ, о которыхъ пишутъ въ реляціяхъ, онъ не сооружалъ бьющихъ въ глаза монументальныхъ зданій, не участвовалъ въ административныхъ работахъ, съ которыми навсегда связаны имена участниковъ, но онъ выполнилъ дѣятельность, плодотворную для общества, очень нужную ему, требующую основательныхъ знаній, солиднаго ума и громаднаго трудолюбія“—такъ сказалъ въ своей рѣчи инженеръ-генералъ Герсфельдъ въ 1874 г., по случаю 50-ти лѣтія службы Рыдзевскаго въ офицерскихъ чинахъ. Р. умеръ 10-го марта 1878 г., отъ воспаленія легкихъ.

Полный послужной списокъ ген.-лейтенанта Рыдзевскаго; А. Савельевъ, Историческій очеркъ Инженернаго Управленія въ Россіи, т. IV, С.-Пб. 1899, стр. 50—51; „Русскій Инвалидъ“ 1878 г., 25-го марта, № 70; „Новое Время“ 13-го марта 1878 г., № 732; „Ежегодникъ Русской арміи“ 1879 г., некр., стр. 126; Н. М. Затворницкій. Память о членахъ Военнаго Совѣта, С.-Пб. (съ портр.).

Н. Н. П-С.

Рыжковъ, *Митрофанъ Егоровичъ*, докторъ медицины, род. въ 1835 году и происходилъ изъ дворянъ Могилевской губерніи; учился въ Ярославской Гимназіи и съ 1852 г. въ Московскомъ Университетѣ, откуда в 1856 г., марта 1-го, былъ выпущенъ лѣкаремъ, съ назначеніемъ въ Кирасирскій Военнаго Ордена полкъ; въ 1860 г. переведенный въ понтонный № 6 паркъ, онъ въ 1872 г. былъ прикомандированъ къ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, отъ которой въ 1875 г. получилъ, по защитѣ диссертаціи, степень доктора медицины и былъ назначенъ старшимъ врачемъ въ Донской казачій № 26 полкъ; перейдя въ 1876 г. въ Охотскій пѣхотный полкъ, онъ въ 1877 г. былъ старшимъ ординаторомъ лазаретовъ 11-й пѣхотной дивизіи, въ 1879 г. обратно вернулся въ полкъ и умеръ въ 1881 г., отъ брайтовой болѣзни. Его докторская диссертація — „О перевариваніи сушенаго мяса желудочнымъ сокомъ“ была напечатана въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“ 1875 г., ч. 123, т. VII, стр. 5—62 и вышла въ томъ же году отдѣльною брошюрою (С.-Пб., 8°, 59 стр.).

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 5, С.-Пб. 1889, стр. 103—104.

Н. М.

Рыжовъ, Алексѣй Ивановичъ, цензоръ, писатель; родился въ 1829 г.; получивъ домашнее воспитаніе, онъ затѣмъ поступилъ въ Московскій Университетъ, на Юридическій Факультетъ; здѣсь подъ вліяніемъ Т. Н. Граповскаго, у котораго одно время Р. даже жилъ, онъ проникся идеальными стремленіями того времени: либеральныя идеи пустили въ немъ глубокіе корни, и впослѣдствіи Р. при всякомъ удобномъ случаѣ старался провести ихъ въ жизнь. По окончаніи курса Университета Р. опредѣлился въ Петербургѣ въ Надворный Уголовный Судъ; здѣсь, однако, онъ пробылъ не долго и затѣмъ перевелся въ Комитетъ Иностранной Цензуры, гдѣ и состоялъ въ званіи Секретаря Комитета иностранной цензуры съ 1854 по 1858 годъ. Въ тѣ строгія времена Р. былъ сравнительно либеральнымъ цензоромъ и всячески облегчалъ затрудненія при выдачѣ иностранныхъ книгъ. Часто Р. дѣйствовалъ даже вопреки предписаніямъ, когда видѣлъ, что данная книга дѣйствительно удовлетворяетъ потребности въ знаніи. Въ 1859 г. Р. перевелся въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, до 1865 г. былъ Секретаремъ при Канцеляріи Министра, а затѣмъ былъ назначенъ членомъ юридической комиссіи при Учредительномъ Комитетѣ Царства Польскаго. Обладая хорошими юридическими познаніями, серьезной научной подготовкой и честными взглядами, Р. принесъ много пользы своей дѣятельностью въ юридической комиссіи. По упраздненіи Учредительнаго Комитета Р. жилъ въ Петербургѣ. За послѣднее время онъ исполнилъ, по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ, нѣсколько важныхъ командировокъ: на Волгу, въ Сѣверо-Западный край (Гродненская губ.) и въ Привислянскій край.

Кромѣ служебной дѣятельности, Р. тру-

дился еще на литературномъ поприщѣ. Много статей было имъ помѣщено въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Голосѣ“ и др. періодическихъ изданіяхъ. Эти статьи, большею частью подписанныя псевдонимомъ „О. Колядинъ“, касались видныхъ литературныхъ явленій или носили юридическій характеръ. Изъ его болѣе крупныхъ статей укажемъ слѣдующія: „Воспоминанія о Т. Н. Грановскомъ“—въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1855 г., № 12, отд. III и IV; „Прусскій государственный человѣкъ 1806—1815 годовъ“—„Отечеств. Записки“ 1857 г., т. CXV, № 11 и 12, отд. I, стр. 293—334, 737—776; „Къ вопросу о Цензурномъ Уставѣ“—„Отечеств. Записки“ 1862 г., № 7, отд. III; „Біографія генералъ-лейтенанта князя Мадатова“, С.-Пб. 1863 (не подписана авторомъ). Кромѣ того, Р. перевелъ трагедію Шекспира „Титъ Андроникъ“; этотъ переводъ помѣщенъ въ „Собраніи сочиненій Шекспира“, изданномъ Н. В. Гербелемъ. Когда послѣдняя служба по Министерству Государственныхъ Имуществъ открыла Р. во время командировокъ новое поле для наблюденій различныхъ сторонъ народной жизни, онъ высказалъ въ газетныхъ корреспонденціяхъ много практическихъ указаній и разъясненій относительно существующихъ неудобствъ административной машины. Изъ этихъ корреспонденцій особеннаго вниманія заслуживаютъ адресованныя имъ изъ Варшавы въ „Голосъ“. Жизнь Р. закончилась трагически: онъ былъ убитъ въ Петербургѣ своимъ шуриномъ, поручикомъ Шляхтинымъ, во время ссоры съ нимъ, 29-го января 1872 г.; погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1872 г., № 33; „Петербургская Газета“ 1872 г., № 17 и 19; „Русск. Архивъ“ 1874 г., стр. 1115; „Голосъ“ 1872 г., № 32 и 33; „Московскія Вѣдомости“ 1872 г., № 60; „Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи“ 1872 г., № 25; Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 642.

Н. М.

Рыкалова, *Аграфена Гавриловна*, артистка Московскихъ Императорскихъ Театровъ, жена Василія Васильевича Рыкалова, рожденная Степанова, сестра извѣстнаго комика Петра Гавриловича Степанова. На Московской сценѣ она дебютировала въ началѣ ноября 1821 года въ роли Эдельмоны въ „Отелло“; объ ея дебютѣ сохранилась статья въ „Вѣстникѣ Европы“,—хотя въ ея время журналы писали только о выдающихся сценическихъ дѣятеляхъ или о какомъ-либо особенно интересномъ спектаклѣ и не имѣли постояннаго отдѣла театральной критики. Это вниманіе къ дебютанткѣ надо отнести не столько къ ея сценическому дарованію, которое хотя и подавало тогда довольно большія надежды, но впослѣдствіи оказалось не особенно блестящимъ; будетъ болѣе вѣрно предположить, что восторженная статья театральнаго критика „Вѣстника Европы“ была вызвана главнымъ образомъ замѣчательной внѣшностью артистки: она была высока, стройна, имѣла свѣжее лицо съ правильными чертами, рѣзко обозначенными, прелестную улыбку и черные большіе глаза, „способные выразить всѣ оттѣнки чувства“, какъ говоритъ о ней авторъ статьи. По словамъ П. Н. Арапова, она была очень интересна собой и занимала роли первыхъ любовницъ какъ въ драмахъ, такъ и въ комедіяхъ, хотя, какъ артистка, она далеко не была выдающейся, и дарованіе ея во много разъ было ниже дарованія ея мужа; однако, о ней осталось довольно много свѣдѣній и воспоминаній. Она играла разнообразныя роли и притомъ нерѣдко весьма важныя: въ комедіяхъ, напримѣръ,—княгиню Вѣтрону въ „Мѣщанинѣ во дворянствѣ“, Леонору въ „Школѣ мужей“; въ трагедіяхъ—Амалію въ „Разбойникахъ“, Эдельмону (или Дездемону) въ „Отелло“.

На сценѣ Р. пробыла почти 20 лѣтъ, на много переживъ своего мужа. Скончалась она 28-го мая 1840 года, всего на 35 году, и погребена на Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ; сообщая Каратыгину о ея смерти, Д. Т. Ленскій между прочимъ писалъ: „Умерла А. Г. Рыкалова; актриса она была незавидная, но женщина прелестная и по душѣ, и по наружности“. Рыкалова была очень дружна съ своимъ братомъ, П. Г. Степановымъ.

„Русскій Архивъ“ 1887 г., ст. А. П. Сиротинина: „Артистическая семья Рыкаловыхъ“, стр. 385—386; „Вѣстникъ Европы“ 1821 г., № 21, стр. 68—70; П. Араповъ, „Драматическій Альбомъ“, С.-Пб. 1850 г., стр. LXXXIX; „Русская Старина“ 1876 г., т. XV, стр. 57; 1880 г., № 10, стр. 331; „Ежегодн. Имп. Театровъ“, сез. 1900—1901 г., 2 прил. стр. 11; „Московскій Некрополь“, т. III, стр. 52.

Рыкалова, *Елизавета Васильевна*, въ замужествѣ *Марсель*, артистка Петербургскихъ Императорскихъ Театровъ, сначала водевильная, а потомъ оперная. Она была дочерью знаменитаго Петербургскаго комика Василія Ѳедотовича Рыкалова и рано осталась сиротою; на театральныхъ подмосткахъ въ первый разъ появилась вскорѣ послѣ смерти отца—26-го января 1813 года, въ бенефисъ, данный въ пользу ея и ея братьевъ. Впрочемъ, это появленіе ея на сценѣ было лишь пассивное: по обычаямъ того времени, если давался бенефисъ въ пользу чьихъ-нибудь сиротъ, то старшій изъ нихъ долженъ былъ со сцены поблагодарить публику за ея вниманіе. Рыкалова воспитывалась затѣмъ въ Театральномъ Училищѣ, откуда должна была выйти въ балетъ, но князь А. А. Шаховской замѣтилъ у нея голосъ и драматическій талантъ,—и съ этого времени она стала готовиться къ драмѣ и оперѣ. Въ первый разъ выступила она на сценѣ въ качествѣ исполнительницы 27-го мая 1818 года въ комедіи „Маскарадъ“, въ день бенефиса своего учителя пѣнія Біанки; она произвела хорошее впечатлѣніе своею привлекательною внѣшностью, молодостью, веселой увлекательной игрой. Въ то время Р. была еще воспитанницей школы, изъ которой, впрочемъ, скоро была выпущена на сцену. Р. обладала не большимъ, но красивымъ и мелодичнымъ голосомъ и съ успѣхомъ исполняла многія оперныя партіи, но главный успѣхъ имѣла въ водевиляхъ, гдѣ во всей силѣ проявлялось ея милое простодушіе и та рѣзвая, увлекательная веселость, которая была отличительной чертой ея отца. Поэтому она выступала исключительно въ пьесахъ этого рода и въ теченіе 5-ти лѣтъ считалась лучшею водевильною актрисой Петербургской сцены. Она отличалась въ роли Бабеты въ комедіи „Новая Шалость“, Жоржеты въ комедіи „Бабушкины попугаи“, Розы въ комедіи „Суженаго конемъ не объѣдешь“, Ленушки въ „Карантинѣ“. Какъ извѣстный П. И. Хмельницкій водевилями составилъ себѣ литературное имя, такъ и слава Рыкаловой основалась на тѣхъ же водевиляхъ, при чемъ исполненіемъ разныхъ ролей въ пьесахъ Хмельницкаго Р. не мало способствовала извѣстности этого писателя. Репертуаръ ея былъ чрезвычайно обширенъ, и въ него входили почти всѣ пьесы этого рода, игравшіяся тогда на сценѣ. Съ теченіемъ времени извѣстность ея начала падать: необходимыя условія ея успѣха—молодость и юная грація проходили, а съ ними исчезалъ и тотъ восторгъ, который она вызывала у зрителей и который теперь должна была дѣлить, а затѣмъ уступить новымъ талантамъ. Видя себя на второмъ планѣ въ водевиляхъ, артистка захотѣла вернуть себѣ прежнее положеніе въ оперѣ и снова стала заниматься пѣніемъ, но подняться на прежнюю высоту уже не могла, такъ какъ въ теченіе 5-ти лѣтъ совершенно забросила свою музыкальную дѣятельность. Однако, она все таки пользовалась значительнымъ успѣхомъ и послѣ ухода со сцены Нимфодоры Семеновой заняла нѣкоторыя изъ ея ролей. Наибольшее вниманіе публики на ея долю выпадало въ оперѣ Вебера „Фрейшюцъ“, гдѣ она выступала въ роли Анеты, и въ „Красной Шапочкѣ“ въ роли Красной Шапочки, но на этомъ и закончился ея успѣхъ: имя Рыкаловой перестало интересовать общество и уже въ концѣ 1830-хъ годовъ не встрѣчается въ театральныхъ отчетахъ. Правда, Р. М. Зотовъ въ 1840 году говоритъ еще, что если Рыкалова захочетъ перейти на амплуа комическихъ старухъ, то будетъ на мѣстѣ, такъ какъ „талантъ никогда не старѣется“,—однако, этого не случилось. „Она, по выраженію одного изъ ея біографовъ, А. Н. Сиротинина, промелькнула на русской сценѣ мимолетной звѣздочкой и какъ неожиданно удивила всѣхъ своимъ живымъ, увлекательнымъ талантомъ, такъ же незамѣтно и скоро затерялась среди новыхъ талантовъ, озарившихъ своимъ блескомъ русскій театръ“.

П. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра, С.-Пб. 1864, стр. 265, 279, 295, 317 и 329; „Артистъ“ 1891 г., кн. 18, ст. А. Н. Сиротинина: Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства, стр. 45; „Русская Старина“ 1880 г., № 10; „Репертуаръ русскаго театра“ 1840 г., № 9, ст. Р. Зотова: „И мои воспоминанія о театрѣ“, стр. 41—42; „Русскій Архивъ“ 1887 г., ст. А. Н. Сиротинина: „Артистическая семья Рыкаловыхъ“, стр. 381—383.

Рыкалова, *Пелагея Тимовна*, артистка Петербургскихъ Императорскихъ Театровъ начала XIX столѣтія, жена знаменитаго комика Василія Ѳедотовича Рыкалова; рожденная Пожарская, она родилась въ 1779 г., воспитывалась въ Петербургскомъ Театраль-

номъ Училищѣ, при чемъ обучалась пѣнію у Саліенцы. Выпущена была изъ Училища 23-го января 1798 года и сейчасъ же вышла замужъ за В. Ѳ. Рыкалова, такъ, что 1-го февраля 1798 года, при зачисленіи на службу Дирекціи Императорскихъ Театровъ, значилась уже подъ новою фамиліей. Сначала она заняла амплуа служанокъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ перешла на амплуа комическихъ старухъ, при чемъ жалованье ея было увеличено съ 350 рублей до 500 рублей въ годъ; кромѣ того, ей ежегодно выдавалось еще по 150 рублей квартирныхъ денегъ. Какъ артистка, она была довольно талантлива, но объ игрѣ ея свѣдѣній сохранилось очень немного; она скончалась 15-го февраля 1862 г., 83 лѣтъ, и погребена съ мужемъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ: „Распоряженія Дирекціи, книга V, листъ 288; кн. VI, л.л. 113, 181; кн. VII, л. 116; Приходо-расходная книга III, л. 9; „Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ“, вып. I, С.-Пб. 1892 г., Отд. I, стр. 102 (1069); Отд. II, стр. 443 (404), 500 (468), 508 (473), 529 (486), Отд. III, стр. 38 (63, 64), 148 (37), 151 (12), 321; Азбучный указатель, стр. 95; Пименъ Араповъ, Лѣтопись Русскаго театра, С.-Пб. 1861 г., стр. 203; „Русскій Архивъ“ 1887 г., ст. А. Н. Сиротинина: „Артистическая семья Рыкаловыхъ“, стр. 380; „Петербургскій Некрополь“, т. III, стр. 642.

Рыкаловъ, *Василій Васильевичъ*, артистъ Московскихъ Императорскихъ Театровъ первой четверти XIX столѣтія; сынъ знаменитаго комика Василія Ѳедотовича Рыкалова, родился 1-го января 1799 года, воспитывался, какъ и сестра его Елизавета Васильевна, въ Петербургскомъ Театральномъ Училищѣ; впервые выступилъ на Императорской сценѣ въ маѣ 1818 года, на роли слугъ, и послѣ дебюта былъ принятъ на службу Дирекціи, но, пробывъ недолго въ Петербургѣ, перешелъ на Московскую сцену. О Московскихъ артистахъ вообще сохранилось мало свѣдѣній; та же участь постигла и В. В. Рыкалова, хотя Араповъ утверждаетъ, что Р. во все время своей дѣятельности пользовался славой „знаменитаго комика“. Онъ выступалъ въ водевиляхъ, комедіяхъ и фарсахъ и занималъ то же амплуа, что и знаменитый французскій комикъ Потье, производя впечатлѣніе на зрителей своей способностью оставаться совершенно спокойнымъ и серьезнымъ въ самыхъ комическихъ мѣстахъ своей роли. Онъ игралъ комическія роли съ такимъ видомъ, какъ будто и не понималъ ихъ комизма,—и эта естественность исполненія заставляла зрителей смѣяться до слезъ. Онъ, такъ же, какъ и его отецъ, особенно хорошъ былъ въ Мольеровскихъ комедіяхъ,—съ тою разницею, что онъ исполнялъ лишь роли слугъ. На сценѣ пробылъ онъ сравнительно не долго, — не болѣе шести лѣтъ, но успѣлъ завоевать себѣ довольно видное мѣсто въ исторіи нашего театра. Послѣ его смерти многія изъ его ролей долгое время оставались незанятыми, а изъ-за нѣкоторыхъ пришлось даже спять пьесы съ репертуара, такъ какъ не было никого, кому можно было бы поручить ихъ исполненіе. В. В. Рыкаловъ былъ женатъ на Аграфенѣ Гавриловнѣ Степановой, сестрѣ комика Петра Гавриловича Степанова, которая тоже была артисткой Московскихъ Императорскихъ Театровъ (см. выше). Какъ человѣкъ, В. В. Рыкаловъ, такъ же, какъ и его отецъ, оставилъ по себѣ добрую память. Неподдѣльная веселость, добродушіе, искренность и умъ снискали ему любовь и уваженіе всѣхъ его товарищей. Онъ скончался 12-го марта 1827 г. (по другимъ свѣдѣніямъ — въ 1825 году). Послѣ него остались жена и дѣти, въ пользу которыхъ былъ данъ спектакль 22-го апрѣля 1827 года; въ этотъ бенефисъ шла комедія Мольера „Сициліецъ“, передѣланная княземъ А. А. Шаховскимъ.

„Русскій Архивъ“ 1887 г., ст. А. Н. Сиротинина: Артистическая семья Рыкаловыхъ, стр. 383—385; П. Араповъ, Драматическій Альбомъ, С.-Пб. 1850 г., стр. LXXXVIII; „Русскій Вѣстникъ“ 1872 г., № 3, ст. Родиславскаго: „Мольеръ въ Россіи“, стр. 68, Артистъ“ 1891 г., кн. 18, ст. А. Н. Сиротинина: „Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства“; стр. 44—45; „Московскій Некрополь“, т. III.

Рыкаловъ. *Василій Ѳедотовичъ*, артистъ Петербургскихъ Императорскихъ Театровъ; родился 1-го марта 1771 года; отецъ его, Ѳедотъ Рыкаловъ, былъ впослѣдствіи „Театральной Дирекціи офицеромъ“ и умеръ 5-го марта 1815 г. (пережившъ сына), 75 лѣтъ отъ роду (род. 1740). В. Ѳ. Рыкаловъ впервые выступилъ на провинціальной сценѣ,—въ Тулѣ, въ роляхъ благородныхъ отцовъ, въ которыхъ имѣлъ большой успѣхъ. Этотъ успѣхъ побудилъ Рыкалова испробовать свои силы на столичной сценѣ; къ тому же побуждало его

и тяжелое положеніе провинціальнаго актера. Въ 1792 году Р. явился въ Петербургъ и обратился къ Ивану Аѳанасьевичу Дмитревскому, который какъ разъ въ это время составлялъ молодую труппу изъ неокончившихъ учениковъ Театральной Школы, выпущенныхъ въ оркестръ театральнымъ начальствомъ по недостатку въ средствахъ. Въ этой, такъ называемой „молодой“ комической труппѣ недоставало актера на роли благородныхъ отцовъ, и поэтому Дмитревскій былъ очень доволенъ пріѣзду Рыкалова, прослушалъ его чтеніе и охотно принялъ его въ число актеровъ своей новой труппы, при чемъ даже самъ взялся обучать его. Вскорѣ, однако, отдѣльное существованіе молодой труппы прекратилось, и она всецѣло слилась со старой, при чемъ актеры, ее составлявшіе, были зачислены на службу Дирекціи. Такимъ образомъ, съ 1-го іюля 1793 года Рыкаловъ былъ уже на Императорской сценѣ. Въ Петербургѣ, однако, ему сначала не повезло, и въ драматическихъ роляхъ здѣсь онъ не имѣлъ никакого успѣха: избалованная столичная публика поставила ему въ упрекъ и его мало подходившую къ драматическимъ ролямъ физіономію, и его грубоватыя манеры, и нечистый выговоръ, и привычку сильно повышать голосъ въ патетическихъ сценахъ, за что игру его насмѣшливо прозвали рычаніемъ. Только одинъ Дмитревскій не смѣялся надъ нимъ, стараясь исподволь исправить его игру. Р. игралъ преимущественно въ пьесахъ Коцебу, который въ то время былъ наиболѣе популяренъ изъ драматитескихъ авторовъ. Въ знаменитомъ спектаклѣ въ Гатчинѣ 26-го августа 1800 г., когда давали переведенную Н. С. Краснопольскимъ драму Коцебу (бывшаго въ то время въ ссылкѣ): „Лейбъ-Кучеръ Императора Петра III“, Рыкаловъ исполнялъ роль столяра Либрехта, а роль Лейбъ-Кучера игралъ Крутицкій. На этомъ спектаклѣ присутствовалъ Императоръ Павелъ I, и пьеса, исполненная лучшими артистами, произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ приказалъ возвратить ея автора изъ ссылки. На пьесахъ Коцебу Рыкаловъ пріобрѣлъ себѣ необходимый свѣтскій лоскъ, но слава его была еще впереди. По смерти Крутицкаго князь А. А. Шаховской предложилъ его амплуа Р-ву. Послѣдній неохотно согласился на это, отказываясь и утверждая, что его призваніе—трагическія роли, но, выступивъ въ комическихъ роляхъ, сталъ первымъ комикомъ не только въ глазахъ современниковъ, но и всего XIX вѣка. Всѣ современные ему отзывы полны самыхъ восторженныхъ похвалъ; театръ неистовствовалъ, встрѣчая Рыкалова въ его новыхъ роляхъ. Тѣ недостатки, которые такъ мѣшали ему стать трагикомъ, какъ нельзя болѣе подошли къ ролямъ комическихъ стариковъ, за которыя онъ взялся. Это былъ прирожденный комикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ не „игралъ“,—онъ самъ становился тѣмъ лицомъ, которое изображалъ, такъ что Императоръ Павелъ, видѣвшій его однажды въ роли Гарпагона, спросилъ его по окончаніи спектакля: „А скажи, сударь, не на самомъ ли дѣлѣ ты такой скаредъ, какого представляешь?“ На это Рыкаловъ отвѣчалъ, что искусство актера и заключается именно въ умѣньи притворяться, и что хотя онъ и сознаетъ въ себѣ очень много пороковъ, но отъ скупости его Господь миловалъ. Затѣмъ Имп. Павелъ еще довольно долго съ нимъ разговаривалъ, разспрашивая его о сценическомъ искусствѣ и о классическихъ писателяхъ для сцены и, отпуская его, восхищенный его игрой, пожаловалъ ему цѣнный подарокъ. Послѣ этого, по желанію Государя, Рыкаловъ участвовалъ почти въ каждомъ представленіи во дворцѣ. Лучшей похвалой артисту и характеристикой его таланта могутъ служить слова Арапова: „Нашъ неподражаемый Щепкинъ одинъ можетъ быть сравненъ съ Рыкаловымъ“. Особенно хорошъ былъ Рыкаловъ въ Мольеровскихъ пьесахъ, въ коихъ онъ исполнялъ роли: Гарпагона въ „Скупомъ“, Сганареля въ „Мнимомъ рогоносцѣ“, Журдена въ „Мѣщанинѣ во дворянствѣ“ и главную роль въ „Лѣкарѣ поневолѣ“. Коронною же его ролью можно назвать роль Жеронта въ „Скапиновыхъ обманахъ“. Ѳ. Булгаринъ, видѣвшій впослѣдствіи эту пьесу нѣсколько разъ на Парижской сценѣ, игранную лучшими артистами, всегда вспоминалъ игру Рыкалова и Сандунова, говоря, что лучшихъ комическихъ артистовъ на эти роли онъ не встрѣчалъ. Рыкаловъ иногда позволялъ себѣ прибѣгать къ фарсу, не только въ такихъ роляхъ, какъ, напримѣръ, Журдена въ „Мѣщанинѣ во дворянствѣ“, гдѣ и самъ авторъ тоже собственно переходитъ

въ фарсъ. Объ исполненіи Рыкаловымъ роли Жеронта Жихаревъ писалъ въ своемъ „Дневникѣ Чиновника“: „Какая великолѣпная комическая фигура! Лицо, станъ, походка, движенія—все въ немъ такъ натурально глупо, что при одномъ появленіи его нельзя удержаться отъ смѣха, а органъ, а дикція—это совершенная натура! Никакихъ натяжекъ, никакого преувеличенія, ничего площадного,—словомъ видишь передъ собой не актера, а настоящаго Жеронта“. Дѣйствительно, онъ умѣлъ сообщить необыкновенный комизмъ каждому своему слову, каждому своему взгляду, каждому движенію. Его высокій ростъ, его глаза на выкатѣ, которымъ онъ по желанію могъ сообщать выраженіе удивительной простоты и добродушія, его тонъ, соотвѣтствовавшій выраженію глазъ,—все было просто, такъ естественно, такъ натурально, что зрители невольно забывались, и одно его появленіе вызывало смѣхъ во всѣхъ углахъ театра. Такъ же хорошъ былъ Рыкаловъ и въ Русской комедіи: онъ не только талантливо изображалъ героевъ комедіи, но умѣлъ сообщить имъ и особыя черты, развивавшіяся въ нихъ вслѣдствіе особыхъ условій Русской жизни. Такимъ образомъ, онъ сталъ лучшимъ исполнителемъ не только Мольеровскихъ комедій, но и русскихъ. Наиболѣе выдающимися въ его русскомъ репертуарѣ были роли собачьяго охотника Вспышкина въ комедіи князя А. А. Шаховского „Ссора или два сосѣда“ и Транжирина въ „Полубарскихъ затѣяхъ“ того же автора; особенно хорошъ былъ онъ въ послѣдней; затѣмъ въ роляхъ Предсѣдателя въ комедіи Струговщикова „Неслыханное диво или честный секретарь“, Якова Силина въ комедіи Клушина „Разсудительный дуракъ“, Деревенскаго въ комедіи Павла Сумарокова „Деревенскій въ столицѣ“ и Сумбурова въ комедіи Крылова „Модная Лавка“. Въ этой послѣдней пьесѣ роль Сумбуровой играла тоже очень извѣстная въ свое время актриса Христина Ѳедоровна Рахманова, и совмѣстная игра ея съ Рыкаловымъ, по словамъ Жихарева, не только смѣшила, но и заставляла удивляться той вѣрности, съ какой представляли они своихъ персонажей. Успѣхъ Рыкалова былъ равенъ его таланту, онъ сдѣлался любимцемъ публики въ качествѣ лучшаго комическаго актера. Но самъ онъ не былъ доволенъ своею славой,—ему все еще хотѣлось попробовать свои силы въ трагедіи и только обѣщаніе прибавить жалованья и назначить бенефисъ заставили его, наконецъ, перейти совсѣмъ на амплуа комическихъ стариковъ. Однако, онъ не отказался еще отъ своей idée fixe, и въ первый же свой бенефисъ, когда самъ могъ назначить пьесу и выбрать себѣ роль, рѣшилъ поставить трагедію Озерова „Эдипъ въ Аѳинахъ“ и самъ взялся за роль Эдипа. Успѣхъ былъ отрицательный, и когда Рыкаловъ, по разсказу Жихарева, послѣ спектакля спросилъ у товарищей о впечатлѣніи, на нихъ произведенномъ, то Ежева мѣтко высказала общее мнѣніе: „Шуточно, батюшка,—какъ изъ мѣшка вылѣзалъ“, намекая этимъ на комическую сцену Жеронта въ „Скапиновыхъ обманахъ“. Эта неудача образумила артиста, и съ этихъ поръ онъ отдался комедіи, къ сожалѣнію, не надолго, такъ какъ удѣломъ этого великаго таланта была ранняя смерть. „Это былъ замѣчательный артистъ, какого русскій театръ долго имѣть не будетъ, говоритъ о немъ Р. М. Зотовъ въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ. „Это было одно изъ тѣхъ рѣдкихъ явленій въ художественномъ мірѣ, которыя случаются только для того, чтобы показать другимъ, до чего трудъ и дарованіе могутъ достигнуть“. Въ комизмѣ Рыкалова ничего не было ни искусственнаго, ни принужденнаго, ни вымученнаго: его игра была жива и увлекательна, непринужденная веселость лилась въ ней широкимъ, неудержимымъ потокомъ. Это была „натура-фарсъ“, какъ удачно охарактеризовалъ ее С. Т. Аксаковъ; однако, у него ничего не было общаго съ пошлымъ буффонствомъ, и она нисколько не мѣшала вѣрному и естественному изображенію характеровъ какъ въ русскихъ пьесахъ, такъ и въ комедіяхъ Мольера. Въ Рыкаловѣ общество потеряло не только артиста, но и прекрасную личность, готовую на всякую помощь, на всякое доброе дѣло. Многіе обращались къ нему со своими нуждами, и онъ удовлетворялъ ихъ, какъ могъ. Помощь его была обширна, такъ какъ съ добрымъ сердцемъ онъ соединялъ въ себѣ умъ и образованіе, что дало ему возможность помогать совѣтами многимъ начинающимъ авторамъ и актерамъ. Вообще это былъ человѣкъ, оставившій по себѣ лучшую память.

У Рыкалова было нѣсколько человѣкъ

дѣтей, изъ которыхъ дочери Елизавета и Ольга Васильевны и сынъ Василій Васильевичъ впослѣдствіи пользовались извѣстностью (см. выше); вообще В. Ѳ. Рыкаловъ былъ родоначальникомъ замѣчательнаго артистическаго семейства, которое въ теченіе болѣе ста лѣтъ постоянно имѣло въ числѣ своихъ членовъ выдающихся представителей сценическаго искусства.

В. Ѳ. Рыкаловъ скончался 9-го января 1813 года въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. 26-го января того же года Дирекціей данъ былъ спектакль въ пользу его сиротъ. На могилѣ Рыкалова вырѣзана слѣдующая эпитафія:

Прохожій! прослезись! подъ камнемъ симъ сокрытъ
Прахъ добродѣтельнаго мужа;
Не славой громкихъ дѣлъ онъ въ мірѣ знаменитъ,
Но, сердца благость обнаружа,
Для ближнихъ, для семейства жилъ
И съ радостной душой одно добро творилъ.

„Артистъ“ 1891 г., кн. 18, стр. 44—45, ст. А. Н. Сиротинина: „Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства; „Репертуаръ русскаго театра“ 1840 г., № 11, стр. 16—17, ст. кн. А. А. Шаховского: „Лѣтопись русскаго театра“; „Отечественныя Записки“ 1855 г., № 9, стр. 139—140, ст. Жихарева: „Дневникъ Чиновника“, и № 10, стр. 121; П. Н. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра“, С.-Пб. 1863 г., стр. 141, 163, 174, 184, 192, 200, 205; „Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“ 1840 г., ч. I, стр. 81—82, ст. Ѳ. Булгарина: „Театральныя воспоминанія“; Семейная хроника и воспоминанія С. Т. Аксакова, С.-Пб. 1879, стр. 463; „Отечественныя Записки“ 1854 г., № 11, стр. 34; „Репертуаръ русскаго театра“ 1840 г., № 4, стр. 5 и № 7, стр. 26—27, ст. Р. М. Зотова: „И мои воспоминанія о театрѣ“; П. Н. Араповъ, „Драматическій Альбомъ“, С.-Пб. 1850 года, стр. XXXIII—XXXIV; „Русская Старина“ 1873 г., т. VII, стр. 150; „Сѣверная Пчела“ 1830 г., 26-го авг., № 102, стр. 4, ст. „Русскій Театръ“; „Отечественныя Записки“ 1854 г., № 10, стр. 109, ст. „Воспоминанія Стараго театрала“; „Русскій Архивъ“ 1887 г., ст. А. Н. Сиротинина: „Артистическая семья Рыкаловыхъ“; „Петербургскій Некрополь“, т. III, стр. 642; „Извѣстія Отд. Русск. яз. и слов.“, т. XI, кн. 3, стр. 255; Метрич. книги Смоленскаго кладбища 1815 г. о умершихъ (о смерти отца Рыкалова).

Н. К.

Рыкатовъ, *Петръ Гавриловичъ*, художникъ-мозаичистъ; род. 22-го февраля 1838 г., ум. 4-го января 1879 г.; будучи ученикомъ Академіи Художествъ, онъ 27-го августа 1863 г. былъ удостоенъ званія неклассnаго художника по портретной живописи, но уже съ 1856 года началъ заниматься мозаикой въ мозаичномъ заведеніи Императорской Академіи Художествъ, которымъ завѣдывалъ Бруни. Съ 1856 по 1868 годъ П. Г. Рыкатовъ участвовалъ въ исполненіи для Исаакіевскаго собора „образа фамильнаго по правой сторонѣ, произвелъ образъ св. Николая Чудотворца изъ мелкой мозаики (этотъ послѣдній образъ въ 1857 году былъ представленъ Государю Императору) и образъ Казанской Божіей Матери“. Всѣ вышеуказанныя работы позволили Рыкатову, состоявшему со 2-го октября 1865 г. младшимъ художникомъ при мозаическомъ заведеніи, просить Совѣтъ Академіи Художествъ удостоить его званія художника 3-й степени. Академія, при благосклонномъ отзывѣ Бруни, въ 1868 году, 19-го октября, присудила Рыкатову просимое званіе. Отличаясь необыкновеннымъ трудолюбіемъ, Рыкатовъ страдалъ болѣзнью легкихъ, и Бруни стремился помочь своему младшему помощнику и въ отношеніи леченія. Въ маѣ 1869 года Рыкатовъ командированъ былъ въ Севастополь для исправленія поврежденій въ мозаическомъ образѣ Спасителя въ Николаевскомъ кладбищенскомъ храмѣ. Одновременно съ этою командировкою Рыкатовъ обратился съ просьбою къ Вице-Президенту Академіи Художествъ князю Г. Г. Гагарину исхлопотать ему разрѣшеніе на безплатное пользованіе Сакскими грязями. Академія, по распоряженію князя Гагарина, возбудила соотвѣтственное ходатайство передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но послѣднее отвѣтило, что Сакскія грязи сданы въ аренду, при чемъ арендаторъ обязался давать безплатное леченіе только тремъ бѣднѣйшимъ чиновникамъ Таврической губерніи, а потому-де Министерство не вправѣ предоставить безплатное леченіе Рыкатову. Послѣдній все-таки лѣчился и обратился съ просьбою къ Бруни о выдачѣ ему истраченныхъ денегъ. Бруни принялъ къ сердцу и это прошеніе Рыкатова и такъ какъ находилъ, что „неудобно“ просить у Министерства Двора этихъ денегъ въ дополненіе къ ассигновкѣ на командировку Рыкатова въ Севастополь, такъ какъ расходъ по командировкѣ былъ исчисленъ самимъ Отдѣленіемъ, то полагалъ возможнымъ возбудить особое ходатайство; это ходатайство было возбуждено, но Министерство Двора вмѣ-

сто 200 рублей выдало Рыкатову пособіе лишь въ 80 рублей.

29-го сентября 1869 г. Рыкатовъ просилъ о дачѣ ему званія художника 2-го разряда за исполненіе въ образѣ св. Александра Невскаго для Исаакіевскаго собора части руки и всей драпировки; это званіе было дано ему 30-го октября 1869 г., а черезъ три года, 1-го ноября 1872 года, за исполненіе въ Исаакіевскомъ Соборѣ „во образѣ Положеніе во гробъ въ маломъ иконостасѣ фигуръ св. Маріи и св. Іосифа и за портретъ мелкой мозаикой тайнаго совѣтника Алексѣя Дмитріевича Сивкова", Рыкатовъ просилъ о назначеніи своемъ въ академики. Но здѣсь произошла небольшая заминка,—были пущены слухи, что портретъ А. Д. Сивкова Рыкатовъ исполнилъ не самостоятельно, а съ постороннею помощью. Секретарь Конференціи „конфиденціально" запросилъ Бруни объ этихъ слухахъ, и Рыкатовъ представилъ свидѣтельство за подписью ряда художниковъ о томъ, что портретъ исполненъ имъ самостоятельно; 26-го января 1873 года Рыкатовъ былъ удостоенъ званія,—но не академика, а художника 1-й степени, и 1-го іюля того же года назначенъ былъ, по представленію Ѳ. А. Бруни, старшимъ художникомъ при мозаическомъ отдѣленіи. Это повышеніе нѣсколько устраивало денежныя дѣла Рыкатова, видимо, очень нуждавшагося матеріально и постоянно обращавшагося въ Совѣтъ Академіи Художествъ съ просьбами о выдачѣ ему впередъ или жалованья, или квартирныхъ денегъ. 31-го октября 1877 года Бруни полагалъ возможнымъ назначить Рыкатова, за выполненіе головы и спины воина во образѣ „Бичеванія", академикомъ; это предложеніе было утверждено Совѣтомъ Императорской Академіи Художествъ въ засѣданіи 4-го ноября 1877 года, при чемъ въ опредѣленіи говорилось, что званіе академика дается ему „за отличныя познанія въ искусствѣ, доказанныя при выполненіи мозаичныхъ работъ". Но старый недугъ — легочное заболѣваніе—усиливался, и 4-го января 1879 года Рыкатовъ умеръ; погребенъ онъ въ Александро-Невской лаврѣ, на Никольскомъ кладбищѣ.

Какъ мозаичистъ, Рыкатовъ безусловно выдѣлился, но, къ сожалѣнію, ему приходилось увѣковѣчивать въ мозаикѣ образа работы Т. А. Неффа, которые только по недоразумѣнію называются образами; такъ, въ образѣ св. Николая Чудотворца угодникъ одѣтъ въ современное архіерейское одѣяніе, особенно же поразительна его митра.

Весьма естественно, что выполненіе такихъ работъ не могло вліять благотворно на развитіе таланта художника.

Изъ работъ Р. извѣстны: двѣ переднихъ фигуры въ образѣ „Положеніе во гробъ", исполненномъ П. С. Васильевымъ въ Исаакіевскомъ соборѣ; руки и драпировка въ образѣ „св. Александра Невскаго", исполненномъ Хмѣлевскимъ, съ оригинала профессора К. Б. Венига; доска для стола съ изображеніемъ птицъ и цвѣтовъ, исполненная имъ вмѣстѣ съ Дмитріевымъ; „Положеніе во гробъ", съ оригинала профессора Дузи; „св. Николай Чудотворецъ"; „Казанская икона Божіей Матери" изъ мелкой мозаики, для князя В. А. Долгорукова, и упомянутый портретъ А. Д. Сивкова, тоже изъ мелкой мозаики.

Архивъ Академіи Художествъ, дѣло № 40; Отчетъ Императорской Академіи Художествъ 1876—77 г., стр. 16; С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ, т. II, стр. 451; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 642; Указатели художественнымъ произведеніямъ на выставкахъ Импер. Академіи Художествъ за 1869, 1874 и 1880 гг.; Отчетъ Импер. Академіи Художествъ за 1876/7 г.; Ѳ. И. Булгаковъ, Наши художники, С.-Пб. 1887 г.

П. Столпянскій.

Рыкачевъ, *Александръ Петровичъ*, отставной капитанъ-лейтенантъ, участникъ Наваринскаго сраженія, земскій и общественный дѣятель. Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода, имѣвшаго жалованныя помѣстья въ Ярославской, Тверской и Тамбовской губерніяхъ, внукъ М. И. Рыкачева (см. ниже), А. П. Рыкачевъ родился въ 1803 году; родителями его были Петръ Марковичъ Р., служившій ротмистромъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку и участвовавшій въ Суворовскихъ походахъ, и Марья Андреевна Авинова, дочь Рязанскаго помѣщика. Въ 1814 году, по смерти своей матери, Р., одиннадцати лѣтъ отъ роду, вмѣстѣ со своими братьями былъ перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ пансіонъ Д. А. Сорокина, бывшаго однимъ изъ лучшихъ преподавателей математики въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Всѣ заботы о воспитаніи мальчиковъ были предоставлены полностью Д. А. Сорокину,

отличавшемуся необыкновенно честными взглядами и любовью къ дѣтямъ,—и мальчики вскорѣ полюбили своего наставника и его семейство. Р. очень хорошо учился въ пансіонѣ и въ 1816 году (12-го мая) поступилъ въ Морской Кадетскій Корпусъ прямо въ гардемарины, откуда въ 1817 г., въ числѣ 12 лучшихъ гардемаринъ, былъ назначенъ на бригъ „Фениксъ“ подъ командою капитанъ-лейтенанта Дохтурова, и сдѣлалъ плаваніе въ Стокгольмъ и Копенгагенъ. Въ это плаваніе товарищами Р. были герой Синопа П. С. Нахимовъ, Влад. Ив. Даль—писатель и знатокъ русскаго языка, и другіе извѣстные моряки. Въ 1818 году Р. былъ произведенъ въ гардемаринскіе унтеръ-офицеры, а въ 1819 году (3-го марта)—въ мичманы, выдержавъ экзаменъ девятымъ въ выпускѣ. По пріѣздѣ въ Кронштадтъ Р., имѣя тамъ много родственниковъ, попалъ сразу въ морское общество, состоявшее изъ лучшихъ моряковъ того времени. Въ 1822 году, служа на кораблѣ „Ретвизанъ“, онъ обратилъ на себя вниманіе адмирала Р. В. Кроуна, который вскорѣ зачислилъ его въ свой штабъ флагъ-офицеромъ, въ каковой должности онъ и состоялъ почти безъ перерыва до 1827 г., находясь постоянно въ плаваніи на „Ретвизанѣ“ и „Кацбахѣ“. Въ 1827 году, уже въ чинѣ лейтенанта (съ 21-го апрѣля 1824 г.), Р. былъ назначенъ на корабль „Гангутъ“, уходившій въ Средиземное море въ составѣ эскадры подъ общимъ начальствомъ контръ-адмирала графа Логгина Петровича Гейдена. Въ этомъ году, 8-го октября, Р. участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи при истребленіи Турецко-Египетскаго флота, при чемъ за отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ былъ, 21-го декабря этого же года, орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Весною 1828 года корабль „Гангутъ“ по своему ненадежному состоянію былъ возвращенъ въ Россію, но Р. по его собственному желанію перевелся на фрегатъ „Касторъ“, блокировавшій Наваринъ, Коронъ и Модонъ. Состоя на этомъ фрегатѣ, Р. участвовалъ въ арестѣ и взятіи въ плѣнъ Египетскаго корвета, названнаго впослѣдствіи корветомъ „Наваринъ“. Вслѣдствіе того, что на взятомъ корветѣ оказались признаки чумы и на „Касторѣ“ было нѣсколько подозрительныхъ смертныхъ случаевъ, послѣдній былъ посланъ на островъ Мальту, гдѣ выдержалъ полный чумный карантинъ, по окончаніи котораго вышелъ опять въ море для блокады Пороса и Наварина. Въ январѣ 1829 года, по приходѣ фрегата „Касторъ“ на Мальту, Р. получилъ назначеніе состоять при интендантѣ эскадры—капитанѣ 2 ранга Л. Ѳ. Богдановичѣ, съ зачисленіемъ въ судовой составъ корабля „Александръ Невскій“, а въ іюлѣ 1830 года, по окончаніи дѣлъ на Мальтѣ, отправился на бригѣ „Ахиллесъ“ въ Архипелагъ, гдѣ явился къ мѣсту своего служенія на корабль „Александръ Невскій“, плававшій въ отрядѣ извѣстнаго контръ-адмирала П. И. Рикорда. На этомъ кораблѣ Рыкачевъ проплавалъ въ Греціи и Архипелагѣ вторую половину 1830 года и возвратился въ Кронштадтъ 10-го октября 1831 года въ отрядѣ контръ-адмирала Г. И. Платера. Возвращеніе этого отряда ознаменовалось страшной катастрофой на кораблѣ „Фершампенуазъ“, сгорѣвшемъ на маломъ Кронштадтскомъ рейдѣ въ виду порта и эскадры. Во время этого пожара корабль „Александръ Невскій“ подвергся серьезной опасности, находясь бортъ-о-бортъ съ горящимъ судномъ, но избѣжалъ ея, благодаря находчивости лейтенанта Рыкачева, бывшаго въ это время на вахтѣ: ловкимъ маневромъ онъ обрубилъ канатъ, поставилъ паруса и отошелъ подъ вѣтеръ, чѣмъ спасъ свой корабль отъ гибели. По возвращеніи въ Кронштадтъ, получивъ 6-мѣсячный отпускъ, Р. отправился на родину, гдѣ вскорѣ сдѣлался женихомъ своей дальней родственницы—княжны Аскитріи (Александры) Николаевны Солнцевой-Засѣкиной, дочери князя Николая Андреевича Солнцева-Засѣкина, послѣдняго представителя старшей линіи этого древняго рода. Свадьба состоялась въ іюлѣ 1832 года. Вернувшись изъ отпуска, Р. поступилъ адъютантомъ къ адмиралу Р. П. Кроуну, а въ началѣ 1833 года, получивъ извѣстіе о смерти своего тестя — князя Н. А. Засѣкина, уѣхалъ въ отпускъ, откуда уже болѣе на службу не возвращался.

Получивъ при отставкѣ (8-го ноября 1833 г.) чинъ капитанъ-лейтенанта и поселившись въ имѣніи жены своей, въ сельцѣ Николаевскомъ, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда Ярославской губерніи, Р. занялся сначала сельскимъ хозяйствомъ, а затѣмъ воспитаніемъ своихъ девятерыхъ дѣтей. Такъ текла жизнь его

до того времени, когда старшіе его сыновья поступили въ Морской Кадетскій Корпусъ, а самъ онъ переселился съ семьей въ губернскій городъ Ярославль. Съ этой поры начинается его общественная служба по выборамъ и въ земствѣ. Сначала онъ прослужилъ нѣсколько трехлѣтій въ званіи Уѣзднаго Предводителя дворянства Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, а затѣмъ, послѣ окончанія Крымской войны и по вступленіи на престолъ Императора Александра II, принялъ дѣятельное участіе въ проведеніи реформъ новаго царствованія. Онъ былъ избранъ членомъ въ первый подготовительный Комитетъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, принималъ самое горячее участіе въ работахъ этого Комитета, а затѣмъ былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ Ярославское Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе. Одновременно съ этимъ Р. состоялъ гласнымъ въ Романово-Борисоглѣбскомъ и Мышкинскомъ земскихъ уѣздныхъ собраніяхъ и почетнымъ мировымъ судьей въ тѣхъ же уѣздахъ. Пользуясь большимъ уваженіемъ, довѣріемъ и любовью своихъ согражданъ и сосѣдей, Р., служа по выборамъ, никогда не разставался съ любимымъ морскимъ мундиромъ и даже отказывался отъ наградъ орденами, считая полученный имъ за Наваринское сраженіе орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ выше всѣхъ орденовъ за гражданскія заслуги. Обладая всю жизнь хорошимъ здоровьемъ и заболѣвъ въ началѣ декабря 1870 года, Р. сразу слегъ и скончался черезъ нѣсколько дней,—именно 9-го декабря, окруженный многочисленнымъ своимъ семействомъ; похороненъ онъ въ своемъ имѣніи Николаевскомъ, при церкви Воскресенія.

Въ морской литературѣ извѣстны „Записки гардемарина А. Рыкачева во время плаванія на бригѣ „Феникс“. Часть этихъ записокъ была напечатана въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“ 1877 г. Другой его трудъ напечатанъ былъ въ 1877 году и вышелъ подъ названіемъ „Годъ Наваринской кампаніи. 1827 и 1828 годъ. Изъ записокъ лейтенанта Александра Петровича Рыкачева, веденныхъ на эскадрѣ контръ-адмирала графа Логгина Петровича Гейдена. Съ портретами союзныхъ адмираловъ, видомъ корабля „Гангутъ“ въ Наваринскомъ сраженіи и двумя планами сраженія. Посмертное изданіе“, Кронштадтъ. 1877, 8°. Представляя изъ себя дневникъ, веденный авторомъ для самого себя, записки эти интересны тѣмъ, что рисуютъ картину внутренней, домашней жизни офицеровъ на кораблѣ, описаніе которой записки и посвящены главнымъ образомъ. Кромѣ того, въ нихъ можно найти и правдивый, безхитростный разсказъ очевидца о военныхъ событіяхъ того времени,—такъ, какъ ихъ наблюдалъ самъ авторъ; объ отношеніяхъ нашихъ офицеровъ съ другими союзниками и съ мѣстными жителями, гдѣ эскадрѣ приходилось имѣть продолжительныя стоянки. Изъ этихъ разсказовъ видно, что отношенія союзниковъ, англичанъ и французовъ, были самыми лучшими, о чемъ свидѣтельствуетъ то радушіе, съ которымъ наши офицеры принимались на Мальтѣ. Эти же записки послужили опроверженіемъ статей, помѣщенныхъ около того же времени въ англійскихъ газетахъ и журналахъ, въ которыхъ говорилось о недружелюбныхъ отношеніяхъ, якобы существовавшихъ между Наваринскими союзниками, а также разсказовъ о необразованности и угловатости тогдашнихъ русскихъ моряковъ: „Записки“ А. П. Рыкачева показываютъ, какъ дружно жили наши моряки со своими англійскими товарищами, не говоря уже о Греціи и Архипелагѣ, гдѣ офицеры эскадръ Гейдена и Рикорда были несомнѣнно самыми дорогими, желанными гостями.

И. Н. Ельчаниновъ, Матеріалы для генеалогіи Ярославскаго дворянства, Яр. 1911, стр. 54; Общій Морской Списокъ, т. VIII, стр. 153—154; Предисловіе издателя книги „Годъ Наваринской кампаніи“, Кронштадтъ. 1877, стр. III—VII.

Вс. Модзалевскій.

Рыкачевъ, *Владиміръ Петровичъ*, генералъ-маіоръ, братъ предыдущаго; родился въ 1804 году; въ 1816 году отданный въ Морской Кадетскій Корпусъ, онъ 9-го іюня 1818 года былъ произведенъ въ гардемарины, а 2-го декабря 1821 года—въ мичманы, съ назначеніемъ въ Балтійскій флотъ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ Р. крейсировалъ на разныхъ судахъ по Балтійскому морю, а въ 1826 году былъ командированъ въ Архангельскій портъ, при чемъ 30-го декабря того же года произведенъ былъ въ лейтенанты; въ слѣдующемъ

году онъ снова возвратился, на кораблѣ „Кульмъ", въ Кронштадтъ и пробылъ въ составѣ Балтійскаго флота недолго, будучи въ 1829 году переведенъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ служба его продолжалась безпрерывно въ теченіе 30-ти лѣтъ. Назначенный въ 1830 году командиромъ брандвахтенной лодки № 7, Р. въ теченіе 2 лѣтъ плавалъ на Керченскомъ рейдѣ, въ 1832 г. былъ переведенъ на фрегатъ „Штандартъ", который уходилъ въ Архипелагъ, и на этомъ кораблѣ побывалъ въ Александріи, а въ слѣдующемъ году—на Буюкдерскомъ рейдѣ, откуда съ дессантными войсками перешелъ въ Ѳеодосію, за что былъ пожалованъ Турецкою медалью. Затѣмъ въ теченіе 6 лѣтъ Р. плавалъ въ Черномъ морѣ, командуя съ 1836 года тендеромъ „Быстрый", 18-го апрѣля 1837 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1840 году назначенъ состоять для особыхъ порученій при Командирѣ Севастопольскаго порта и военномъ губернаторѣ контръ-адмиралѣ А. П. Авиновѣ (впослѣдствіи адмиралѣ и членѣ Адмиралтействъ-Совѣта). Въ этой должности Р. состоялъ до 1843 года, когда получилъ въ командованіе пароходъ „Боецъ". Въ слѣдующемъ году, за усердіе по службѣ, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й степени, а 17-го апрѣля 1846 года, за отличіе же по службѣ, былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга. Пароходъ „Боецъ" былъ изъ числа тѣхъ четырехъ пароходовъ, которые охраняли Черноморскую Береговую Линію и поддерживали сообщеніе между нашими береговыми укрѣпленіями; поэтому, онъ постоянно крейсировалъ вдоль побережья, при чемъ ему неоднократно приходилось принимать участіе въ морскихъ экспедиціяхъ къ берегамъ Кавказа, которыя нерѣдко назначались для поддержки нашихъ сухопутныхъ войскъ. Въ 1848 году В. П. Рыкачеву, вмѣстѣ съ остальными судами Черноморской Береговой Линіи, а также и съ нѣкоторыми другими судами этого флота пришлось вытерпѣть ужасную Новороссійскую бурю, во время которой погибъ тендоръ „Струя" со всѣмъ экипажемъ, замерзнувъ подъ тяжестью намерзшаго вокругъ него льда; въ ту же бурю на корветѣ „Пиладъ" погибло 48 человѣкъ команды; кромѣ того было много разбито торговыхъ судовъ и еще больше попорчено какъ торговыхъ, такъ и военныхъ кораблей, при чемъ погибло много людей. Только пароходъ „Боецъ", благодаря распоряженіямъ Рыкачева, отдѣлался сравнительно легко: По его приказанію „Боецъ" не оставался на мертвомъ якорѣ, какъ это сдѣлалъ тендоръ „Струя", что и было главной причиной его гибели, а сталъ на оба свои якоря, при чемъ пары были все время разведены, и машинѣ давали соотвѣтственный ходъ для облегченія канатовъ, когда же командиръ увидѣлъ, что канаты выдержатъ уже недолго, то приказалъ наполнить трюмъ водой, чтобы предохранить пароходъ отъ ударовъ о грунтъ. Дѣйствительно, канаты вскорѣ лопнули, но, благодаря принятой мѣрѣ, пароходъ выбросило или, вѣрнѣе, посадило на песокъ довольно легко, вслѣдствіе чего какъ самое судно, такъ и весь экипажъ его остались цѣлы и невредимы. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и находчивости Р., былъ спасенъ не только „Боецъ", но и вся его команда.

Въ 1846 году исполнилось 25 лѣтъ службы Рыкачева въ офицерскихъ чинахъ, и онъ 26-го ноября былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени. 6-го марта 1849 года Р. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, за отличіе по службѣ, и до 12-го марта 1852 года продолжалъ плавать въ Черномъ морѣ. Въ началѣ 1852 года Начальникомъ интендантской части въ Черномъ морѣ былъ назначенъ контръ-адмиралъ Н. Ѳ. Метлинъ, впослѣдствіи адмиралъ и Членъ Государственнаго Совѣта; зная лично Рыкачева, онъ предложилъ ему перейти комиссіонеромъ Черноморскаго флота въ Одессѣ. Рыкачевъ принялъ это предложеніе и 12-го марта 1852 г. былъ переименованъ въ полковники съ зачисленіемъ по Адмиралтейству. Въ виду предстоявшей Крымской кампаніи, интендантству было много работы, а главное—ему нужны были честные, хорошіе люди. Поэтому Р. пришелся какъ нельзя болѣе кстати: его трудолюбіе, энергія, неутомимая дѣятельность, неподкупная честность рѣзко выдѣляли его среди другихъ служащихъ интендантства, почему многіе изъ служащихъ не любили его, видя въ немъ живой укоръ. Но Р. былъ почти одинъ среди остальныхъ старыхъ служащихъ интендантства, которые смотрѣли на свою службу, какъ на средство наживы; поэтому, несмотря на всѣ свои старанія,

ему удалось лишь очень немного сдѣлать для улучшенія интендантской части въ нашихъ Крымскихъ портахъ. Комиссіонеромъ Черноморскаго флота въ Одессѣ Рыкачевъ прослужилъ болѣе 8 лѣтъ и 4-го апрѣля 1860 года, когда была упразднена эта должность, вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, прослуживъ болѣе 40 лѣтъ по морскому вѣдомству. Съ этихъ поръ, несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ велъ кочевой образъ жизни, живя то въ имѣніи брата въ Ярославской губерніи, то въ Севастополѣ, то въ Николаевѣ, то въ Одессѣ. Въ послѣдніе годы онъ страдалъ ракомъ въ желудкѣ, однако, до послѣднихъ дней сохранялъ веселый и живой характеръ. В. П. Рыкачевъ скончался 27-го іюня 1875 года въ имѣніи своего брата, въ сельцѣ Николаевскомъ, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда Ярославской губерніи. Его служивцы по флоту съ глубокимъ уваженіемъ отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, энергичномъ, умномъ, рѣшительномъ и обладавшемъ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ.

„Кронштадтскій Вѣстникъ“ 1875 г., № 91, некрологъ; „Общій Морской Списокъ“, ч. VIII, С.-Пб. 1894 г., стр. 156—158.

Рыкачевъ, *Дмитрій (Марковичъ?)*, переводчикъ, учился въ Московскомъ Университетѣ и въ 1776—1778 гг. имѣлъ званіе ученика его. Извѣстны слѣдующіе переводы Дмитрія Р.: „Юлія или торжество дружбы“, комедія съ французскаго, М. 1780, 8°; „Журналъ и любопытные анекдоты путешествія графа Фалькенштейна“, съ французскаго, М. 1781, 8°; „Журналъ и любопытные анекдоты путешествія графа Фалькенштейна“, съ нѣмецкаго, М. 1787, 8°.—Рѣчи студента Московскаго Университета Дмитрія Р. помѣщены въ двухъ изданіяхъ: „Торжество, въ которомъ Е. И. В. Императрицѣ Екатеринѣ II, Великому Князю Павлу Петровичу и Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по счастливомъ... ихъ бракосочетаніи, публичными рѣчами на разныхъ языкахъ Московскій университетъ приноситъ поздравленія“, М. 1776; и „Торжество въ которомъ ....12-го декабря 1777 года Московскій Университетъ публичными рѣчами на разныхъ языкахъ приноситъ поздравленія“, М. 1778, 4° (подробное описаніе этихъ двухъ изданій см. у А. Родосскаго: Описаніе книгъ гражданской печати XVIII столѣтія, хранящееся въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи“, С.-Пб. 1899, стр. 219 и 220). Кромѣ того, Дмитрій Р. сотрудничалъ въ „Утреннемъ Свѣтѣ“ 1780 гг., ч. VIII и IX, въ „Московскомъ Еженедѣльномъ изданіи, заключающемъ въ себѣ собраніе разныхъ лучшихъ статей, касающихся до нравоученія, политической и ученой исторіи“, 1781 г. (ч. I), и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1780 г., гдѣ онъ помѣщалъ переводы.

Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 286; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ 1793 г., стр. 158; Сопиковъ, Опытъ, изд. В. Н. Рогожина; А. П. Неустроевъ, Историческое розысканіе, С.-Пб. 1871.

Б. М.

Рыкачевъ, *Дмитрій Петровичъ*, участникъ Наваринской битвы, капитанъ-лейтенантъ, братъ А. П. и В. П. Рыкачевыхъ, родился 7-го іюля 1807 г.; воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ (съ 18-го марта 1817 г.), въ маѣ 1820 г. произведенъ былъ въ гардемарины, а 22-го февраля 1823 г. — въ мичманы и на фрегатѣ „Патрикій“ крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ; въ 1824 и 1825 гг. онъ на брантвахтенномъ транспортѣ „Невка“ плавалъ между Свеаборгомъ и Гангутомъ, въ 1827 г. на кораблѣ „Гангутъ“, находившемся подъ командою капитана 2 ранга А. П. Авинова, перешелъ отъ Кронштадта до Портсмута, а оттуда въ Средиземное море въ эскадру контръ-адмирала Л. П. Гейдена, гдѣ ему пришлось принять участіе въ Наваринскомъ сраженіи; здѣсь Р. былъ раненъ осколкомъ коечныхъ сѣтокъ въ плечо, получивъ въ награду орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а 22-го февраля 1828 г. произведенъ въ лейтенанты и возвратился въ Кронштадтъ. Переведенный въ томъ же году, 27-го сентября, въ Морской Корпусъ, Р. въ 1829 г. на фрегатѣ „Уранія“ плавалъ съ кадетами между Петербургомъ и Кронштадтомъ, а 18-го декабря того же года, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, уволенъ былъ отъ службы съ чиномъ капитанъ-лейтенанта; умеръ въ Рязани, однимъ изъ послѣднихъ, оставшихся въ живыхъ участниковъ Наваринской битвы, въ маѣ 1888 года.

„Кронштадтскій Вѣстникъ“ 1888 г.; „Нов Вр.“ 1888 г., № 4403; Общій Морской Списокъ, ч. VIII, стр. 158.

Рыкачевъ, *Маркъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, затѣмъ — тайный совѣтникъ; происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, восходящаго къ началу XVI столѣтія и внесеннаго въ VI часть дворянской родословной книги Тверской, Ярославской и Тамбовской губерній; сынъ бригадира Ивана Матвѣевича и внукъ стольника Матвѣя Ивановича Рыкачевыхъ, онъ родился 16-го апрѣля 1716 г.; воспитывался въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ, куда поступилъ 30-го мая 1732 г. и откуда выпущенъ былъ въ армію прапорщикомъ 13-го февраля 1738 года; въ томъ же 1738 г. былъ штаба генералъ-фельдмаршала графа Миниха флигель-адъютантомъ „ранга поручицкаго". 25-го декабря 1755 г. изъ подполковниковъ и кригсъ-коммиссаровъ Р. былъ произведенъ въ оберъ-кригсъ-коммиссары. Во время войны съ Пруссіей (Семилѣтней), въ 1751 — 58 гг. Р. находился при заграничныхъ арміяхъ, подъ командою оберъ-кригсъ-коммиссара Карабанова. съ денежными суммами при дивизіяхъ для продовольствія въ кампаніи полковъ. Въ 1761 г. Р. былъ ландмилиціи подполковникомъ, а 21-го марта 1762 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ главнымъ судьей въ Канцелярію Конфискаціи въ Москвѣ, при чемъ 19-го апрѣля 1764 г. былъ перечисленъ въ статскую службу; за время нахожденія въ этой должности (1762 — 1781 гг.) имъ были, между прочимъ, сдѣланы представленія Сенату: о томъ, что налагаемыя на судей и секретарей штрафы совсѣмъ почти не взыскиваются, вслѣдствіе безконечной судебной волокиты, и о необходимости ограничиться печатаніемъ публикацій о продажѣ конфискованныхъ имуществъ только въ Петербургѣ и Москвѣ, а не по губерніямъ, что не достигаетъ цѣли. Въ 1767 г., будучи въ чинѣ генералъ-маіора, Р. былъ выбранъ депутатомъ отъ дворянъ Серпейскаго уѣзда Московской (нынѣ Калужской) губ. въ Екатерининскую Комиссію о сочиненіи Проекта новаго Уложенія; онъ былъ также избранъ въ повѣренные для выбора головы, подъ руководствомъ котораго должны были производиться, въ свою очередь, выборы депутата отъ города Москвы. Будучи выбранъ депутатомъ отъ Бѣжецкаго дворянства, Р. сдалъ свое Серпейское депутатство, такъ какъ быть депутатомъ отъ двухъ мѣстъ было нельзя. Имъ же былъ подписанъ наказъ отъ Канцеляріи Конфискаціи. 10-го іюля 1775 г. Р. былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Скончался Р. въ 1814 году, 98 лѣтъ отъ роду, Мышкинскаго уѣзда Ярославской губерніи въ усадищѣ Плишкинѣ, и погребенъ у церкви Покрова. Его портретъ, принадлежащій его правнуку, академику М. А. Рыкачеву, былъ на Выставкѣ „Ломоносовъ и Елизаветинское время" (1912), какъ и портретъ его жены—Анны Даниловны, рожд. Опочининой. М. И. Рыкачевъ былъ помѣщикомъ Весьегонскаго, Борисоглѣбскаго, Шацкаго, Мышкинскаго и Краснохолмскаго уѣздовъ.

Именной списокъ кадетамъ Шляхетнаго Корпуса, С.-Пб. 1761 г., стр. 56—57; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", т. IV, стр. 20 и 60; т. VIII, стр. 511, и т. XLIII, стр. 389; Архивъ Департамента Герольдіи Прав. Сената, книги рѣшенныхъ дѣлъ: № 17, 1770 г., стр. 262 и № 66—1844—1851 г.; „Записки Я. П. Шаховского 1705 — 1777 г.", изд. „Русской Старины", С.-Пб., 1872, стр. 109, и „Русская Старина" 1881 г., т. XXXI (И. Е. Андреевскій: Канцелярія Конфискаціи 1729—1780 г., стр. 175 и 178); Мѣсяцесловы и списки чинамъ за разные годы; А. П. Рыкачевъ, Годъ Наваринской кампаніи. 1827—1828", Кронштадтъ, 1877, стр. III; „С.-Петерб. Вѣдом." 1756 г., № 7; И. Н. Ельчаниновъ, Матеріалы для генеалогіи Ярославскаго дворянства, Яр. 1911, стр. 55.

Б. Модзалевскій.

Рыкачевъ, *Николай Александровичъ*, контръ-адмиралъ, редакторъ, издатель и основатель „Кронштадтскаго Вѣстника". Происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи и былъ сыномъ А. П. Рыкачева (см. выше) и жены его А. Н., рожденной княжны Засѣкиной; родился 17-го апрѣля 1833 г.; хорошо подготовленный дома, онъ поступилъ затѣмъ, 18-го февраля 1847 г., въ Морской Кадетскій Корпусъ, въ которомъ окончилъ курсъ и въ 1851 году, послѣ неоднократныхъ плаваній въ Балтійскомъ морѣ, былъ произведенъ въ мичманы (7-го августа). Въ этомъ чинѣ Р. совершилъ заграничное плаваніе въ Англію и Голландію на корветѣ „Наваринъ". 13-го декабря 1853 года „Наваринъ" снялся съ Спитгетскаго рейда и послѣ семидневнаго плаванія въ Англійскомъ каналѣ долженъ былъ, вслѣдствіе поврежденія, войти въ р. Шельду и въ портѣ Флиссингенъ сталъ на якорь. Три мѣсяца простоялъ корветъ въ Голландіи, и русскіе моряки въ продолженіе всего этого времени пользовались самымъ радушнымъ пріемомъ со стороны Голландскаго

правительства и мѣстныхъ офицеровъ. Флиссингенское общество также весьма любезно встрѣтило гостей. Постоянныя увеселенія, вечера и обѣды были устраиваемы въ честь русскихъ моряковъ, которые, кромѣ того, знакомились съ бытомъ голландцевъ. Любознательный и въ высшей степени наблюдательный, Р. въ особенности интересовался Голландіей,—этой колыбелью русскаго флота, гдѣ Великій Петръ, работая, какъ простой плотникъ, поучался морскому дѣлу у голландскихъ корабельщиковъ. Посѣтивъ Гагу и милостиво принятый, въ числѣ прочихъ своихъ товарищей, вдовствующей королевой, Р. вынесъ самое пріятное впечатлѣніе о пребываніи въ Голландіи; множество интересныхъ наблюденій заставило Р. описать свое путешествіе и пребываніе въ Флиссингенѣ.

Съ 1854 по 1856 годъ Р. участвовалъ въ дѣлахъ Восточной войны, командуя на Западной Двинѣ взводомъ канонерскихъ лодокъ батальона Рижской гребной флотиліи, при чемъ 5-го іюля 1855 г. участвовалъ въ перестрѣлкѣ на Рижскомъ рейдѣ съ англійскимъ винтовымъ фрегатомъ: въ боевой дѣятельности онъ проявилъ смѣлость, распорядительность и полное знаніе дѣла и за бой съ англійскимъ кораблемъ 29-го іюля 1855 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й ст. „за храбрость". Кабинетная работа была, однако, болѣе по сердцу Р—ву; множество разнообразныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ за продолжительное плаваніе по чужимъ морямъ, влекло его къ литературному труду, и онъ все свободное время проводилъ въ каютѣ, составляя записки и воспоминанія о пережитомъ и видѣнномъ. По возвращеніи своемъ изъ плаванія въ 1856 году, Рыкачевъ напечаталъ въ „Морскомъ Сборникѣ" 1856 г. (книжки 9 и 10, стр. 102—131 и 402—423) свои путевыя записки: „Три мѣсяца во Флиссингенѣ". Эта же статья, дополненная и исправленная, была выпущена имъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Ободренный первымъ успѣхомъ, Р. началъ серьезно работать въ „Морскомъ Сборникѣ", время отъ времени помѣщая тамъ свои статьи (напр., „Морская жизнь—"по поводу сочиненій Д. В. Григоровича, И. А. Гончарова и И. И. Лъховскаго—1862 г., № 5, библ., стр. 1—17 и № 6, библ., стр. 23—40; „По поводу Записокъ Севастопольца"—1868 г., № 3, библ., стр. 32—45 и др.). Знаніе языковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго при наблюдательности и любознательности Р., оказывали ему большую помощь въ его литературной работѣ.

Въ 1858 г., января 1-го, Р. былъ произведенъ въ лейтенанты, плавая въ Средиземномъ морѣ въ теченіе трехъ лѣтъ: сперва на пароходо-фрегатѣ „Камчатка" онъ ходилъ изъ Кронштадта въ Бордо и обратно (на „Свѣтланѣ") и на „Свѣтланѣ" же, съ Великимъ Княземъ Генералъ-Адмираломъ, изъ Кронштадта въ Англію, откуда на кораблѣ „Гангутъ" перешелъ въ Средиземное море и тамъ поступилъ на корветъ „Медвѣдь". Въ концѣ 1860 года онъ возвратился въ Кронштадтъ, будучи уже опытнымъ офицеромъ и удостоившись назначенія командовать винтовымъ корветомъ „Новикъ".

Время въ Кронштадтѣ Р. проводилъ среди своихъ друзей, развитыхъ и литературно образованныхъ товарищей-офицеровъ, которые часто собирались въ его небольшой квартиркѣ и за стаканомъ чая вели горячіе споры о морскихъ вопросахъ.

Однажды, въ концѣ декабря 1860 года, у Р. собрались мичманы Павелъ Павловичъ Новосильскій, Николай Ивановичъ Тимиревъ и Петръ Дмитріевичъ Рыкачевъ (родственникъ и сожитель Н. А. Рыкачева) и лейтенантъ Егоръ Ивановичъ Костенко, старшій офицеръ пароходо-фрегата „Олафъ". Рѣчь шла о недостаткѣ морской прессы, о томъ, что въ Кронштадтѣ до того времени еще не имѣется самостоятельнаго органа. Въ этомъ-то кружкѣ зародилась тогда же мысль объ изданіи Кронштадтской газеты; Н. А. Рыкачевъ подхватилъ зародившуюся идею, которая у него развилась въ серьезный планъ крупнаго предпріятія. Онъ тутъ же рѣшилъ издавать газету, могущую отвѣчать своему серьезному назначенію частнаго органа Русскаго флота. Въ компаніи съ названными лицами Р. выработалъ программу новой газеты, при чемъ Р. единогласно избранъ былъ главою дѣла. Не откладывая, началъ онъ хлопоты о разрѣшеніи газеты,—чего можно было добиться только съ Высочайшаго соизволенія, и рѣшилъ назвать ее „Кронштадтскимъ Вѣстникомъ". Заручившись разрѣшеніемъ главнаго командира надъ Портомъ, Р. отправился къ Управляющему

Морскимъ Министерствомъ Н. К. Краббе, который принялъ Р. очень любезно и обѣщалъ немедленно сдѣлать представленіе Государю о разрѣшеніи Рыкачеву издавать „Кронштадтскій Вѣстникъ". Между тѣмъ, Р. внезапно сильно заболѣлъ, а неудача по службѣ ухудшила его здоровье. Занятый приготовленіями къ своему изданію, устройствомъ матеріальнаго положенія газеты, онъ не могъ слѣдить за своей службой и вакансіями старшихъ офицеровъ, а потому вторично былъ обойденъ начальствомъ. Въ началѣ 1861 года онъ взялъ отпускъ и до іюля мѣсяца занялся лѣченіемъ разстроившагося здоровья.

По возвращеніи изъ отпуска его уже ожидало Высочайшее разрѣшеніе на изданіе газеты,—и работа закипѣла. Съ двумя помощниками Р. работалъ днемъ и ночью: составлялъ статьи, писалъ фельетоны, редактировалъ рукописи и читалъ корректуры. Сотоварищи его вскорѣ должны были уйти въ море, Рыкачевъ же остался на берегу и началъ кабинетную работу. Благодаря усердному труду и умѣнью вести дѣло, которое проявилось съ перваго же мѣсяца изданія „Кронштадтскаго Вѣстника", газета имѣла большой успѣхъ. „Морской Сборникъ", иногда вступавшій въ полемику съ „Кронштадтскимъ Вѣстникомъ", „Сѣверная Почта", „Journal de St.-Pétersbourg" и „Петербургскія Вѣдомости" печатали выдержки изъ него; интересовались имъ и „Московскія Вѣдомости". Петербургское начальство благоволило къ „Кронштадтскому Вѣстнику", а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Рыкачеву, видя въ немъ офицера, приносившаго несомнѣнную пользу флоту. Лица, стоявшія во главѣ Морского Министерства, охотно принимали Р. въ своихъ салонахъ и оказывали ему всевозможную поддержку. Надо замѣтить, что Рыкачевъ обладалъ необыкновенно красивою рѣчью, а потому былъ весьма пріятнымъ собесѣдникомъ, всегда умѣлъ убѣдить своими доводами каждаго, а потому, благодаря этому, онъ многаго добился для „Кронштадтскаго Вѣстника" при тогдашнихъ тяжелыхъ условіяхъ цензуры. Дѣятельное участіе въ газетѣ, по просьбѣ Рыкачева, принимали князь М. П. Голицынъ и даже Н. К. Краббе. Флигель-адъютантъ С. А. Грейгъ, благодаря хорошимъ отношеніямъ съ Рыкачевымъ, сообщалъ ему немедля всѣ телеграммы и оффиціальныя извѣстія о плаваніи судовъ. Кромѣ того, Р. сумѣлъ привлечь къ сотрудничеству въ газетѣ адмирала Г. И. Бутакова. С. С. Лесовскаго, А. А. Попова, И. А. Шестакова, В. А. Стеценкова и И. Ѳ. Лихачава. За короткое время „Кронштадтскій Вѣстникъ" былъ поднятъ на такой уровень, что сталъ необходимою газетою для каждаго моряка. Зачастую на страницахъ его печатались извѣстія о состояніи судовъ, находившихся въ плаваніи, раньше, чѣмъ публиковались о томъ оффиціальныя извѣстія; такъ, напримѣръ, 27-го октября 1862 г. вышедшій въ море клиперъ „Жемчугъ" подъ командою капитанъ-лейтенанта Шварца, сѣлъ на мель: „Кронштадтскій Вѣстникъ" напечаталъ объ этомъ первый, тогда, когда еще и помину не было о какихъ-либо донесеніяхъ по начальству. Краббе очень разсердился на это,—и Рыкачевъ былъ вызванъ къ нему для объясненія, изъ какихъ источниковъ онъ почерпнулъ извѣстія о катастрофѣ.

Будучи редакторомъ, сотрудникомъ и издателемъ, Р. не переставалъ время отъ времени работать и въ „Морскомъ Сборникѣ": такъ, въ 1862 году, онъ напечаталъ на его страницахъ упомянутыя выше интересныя статьи подъ заглавіемъ „Морская жизнь", въ которыхъ подробно разобралъ вышедшіе въ свѣтъ сочиненія Д. В. Григоровича „Годъ въ Европѣ и на Европейскихъ моряхъ", И. А. Гончарова „Фрегатъ Паллада" и И. И. Льховскаго „Сандвичевы острова".

Въ 1865 году, февраля 6-го, Р. былъ назначенъ адъютантомъ Штаба Главнаго Командира Кронштадтскаго порта, а въ 1867 году (2-го января) получилъ назначеніе состоять старшимъ адъютантомъ дежурства при Кронштадтскомъ военномъ губернаторѣ. Чинъ капитана 2-го ранга Р. получилъ по линіи въ 1876 году (4-го января), а въ 1877 году принималъ участіе въ торжествахъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Николаевской Морской Академіи; на Р. было возложено составленіе описанія этихъ празднествъ, что онъ и исполнилъ, напечатавъ составленную имъ брошюру въ типографіи „Кронштадтскаго Вѣстника". Въ 1880 году Р. былъ произведенъ (1-го января) въ капитаны 1-го ранга, 8-го мая 1882 г. назначенъ адъютантомъ Штаба Главнаго Командира Кронштадтскаго порта, а въ 1886 г., 3-го февраля, на основаніи 5-ой статьи Положенія

о морскомъ цензѣ, былъ зачисленъ по флоту съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Командира Кронштадтскаго порта. Служба въ порту и частыя порученія, возлагаемыя на Рыкачева, сильно мѣшали ходу его работъ въ редакціи, но онъ умѣлъ удачно распредѣлять время между служебными и литературными работами.

Изъ первыхъ основателей „Кронштадтскаго Вѣстника“ Р. съ теченіемъ времени остался одинъ, но до послѣдней минуты жизни оставался вѣрнымъ любимой газетѣ. Считая во всякомъ случаѣ невыгоднымъ для своего дѣла выходъ въ отставку въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, Рыкачевъ продолжалъ службу въ Кронштадтскомъ портѣ. Положеніе его давало ему возможность имѣть сношенія со многими лицами, стоявшими во главѣ Морского Министерства, что приносило пользу его газетѣ, и Р., сознавая это, дорожилъ службой, поставивъ себѣ цѣлью дослужить до чина контръ-адмирала. Наконецъ, 9-го іюля 1886 г. Р. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей.

Располагая съ этой поры свободою, онъ поспѣшилъ всего себя посвятить любимому своему дѣлу и другимъ отраслямъ общественной дѣятельности. Газета его въ это время достигла высоты своего положенія. У „Кронштадтскаго Вѣстника“ была своя типографія, свой книжный магазинъ, въ которомъ находилось множество изданій; кромѣ того, число подписчиковъ газеты значительно увеличилось. Задачею своей газеты Р. поставилъ исключительно интересы флота и города Кронштадта и оставался вѣрнымъ своему плану до конца. Морской отдѣлъ газеты, которымъ почти исключительно теперь Р. занимался, заключалъ въ себѣ не только извѣстія о текущихъ событіяхъ и дѣлахъ Морского Вѣдомства и флота, съ разработкою иногда новыхъ техническихъ вопросовъ, но содержалъ также описаніе доблестныхъ дѣяній прежнихъ, давно сошедшихъ въ могилу моряковъ.

Рядъ подробныхъ біографій героевъ Русскаго флота и старыхъ заслуженныхъ адмираловъ помѣщался на страницахъ „Кронштадтскаго Вѣстника“. Описывая дѣянія моряковъ давно минувшихъ временъ, Р. не забывалъ и подвиговъ современниковъ, поддерживая тѣмъ старыя традиціи Русскаго флота. Проникнутый самымъ горячимъ желаніемъ успѣха нашему морскому дѣлу, Р. неуклонно шелъ въ этомъ направленіи: онъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ морскомъ мірѣ какъ въ Россіи, такъ и за границей, слѣдилъ за иностранной литературой, знакомя читателей съ современными вопросами морской спеціальности.

Городская Дума, общественныя учрежденія, благотворительныя общества и обыватели города Кронштадта широко пользовались услугами „Кронштадтскаго Вѣстника“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Рыкачева, который никогда не отказывалъ въ своей посильной помощи различнымъ благотворительнымъ базарамъ, гуляньямъ и т. п., помѣщая въ газетѣ безплатныя объявленія, сборы, пожертвованія и т. д.

Между тѣмъ, дѣятельность Р. не ограничивалась только редакторствомъ и издательствомъ „Кронштадтскаго Вѣстника“: онъ состоялъ членомъ и секретаремъ Кронштадтскаго Окружнаго Правленія Общества Спасанія на водахъ. Въ этомъ Обществѣ имя Р. осталось особенно памятнымъ, ибо его трудами много было введено новаго въ устройствѣ Общества, дѣятельность котораго особенно была замѣтна во время его секретарства. Рыкачевъ былъ также почетнымъ членомъ и секретаремъ Кронштадтскаго Благотворительнаго Общества: много трудился онъ на пользу этого общества и много добра сдѣлалъ большому числу бѣдняковъ во время своей дѣятельности. Кромѣ того, Р. состоялъ членомъ Кронштадтскаго Отдѣленія Краснаго Креста и неутомимо работалъ въ немъ во время кампаніи 1877 и 1878 г. Когда Императоръ Александръ II выразилъ желаніе, чтобы офицеры дѣлали для солдатъ образовательныя сообщенія, Р. принялъ на себя задѣдываніе устройствомъ лекцій для нижнихъ чиновъ въ Морскомъ манежѣ, за что неоднократно получалъ благодарность отъ Управляющаго Министерствомъ. Дѣятельное участіе принималъ Р. также въ организаціи лекцій въ Морскомъ Собраніи для офицеровъ, пользуясь большою популярностью и любовью морской молодежи.

Всегда занятый съ утра до вечера, Р. позволялъ себѣ одно развлеченіе: онъ былъ членомъ-сотрудникомъ Петербургскаго рѣчного Яхтъ-Клуба. Характера Р. былъ пылкаго, человѣкъ былъ отзывчивый на всякое хорошее дѣло

и всегда твердо стоялъ за правду. Въ дружбѣ былъ онъ непоколебимъ и съ самыхъ юношескихъ лѣтъ не поссорился ни съ однимъ изъ своихъ товарищей и друзей. Такъ и въ газетѣ своей онъ не измѣнилъ себѣ; преслѣдуя всякія ложныя и злыя толкованія, онъ былъ непоколебимымъ стражемъ и охранителемъ чести газеты. Въ послѣднемъ отношеніи Р. былъ особенно щепетиленъ, и гдѣ дѣло касалось этой чувствительной стороны редактора, тутъ онъ былъ неприступенъ. Будучи пріятнымъ собесѣдникомъ въ обществѣ, Р. обладалъ въ высшей степени добрымъ сердцемъ, безъ зависти радовался успѣху каждаго и горячо сочувствовалъ удачамъ ближнихъ. До послѣднихъ дней жизни Р. сохранилъ бодрый и здоровый видъ, не жаловался ни на какіе недуги. Смерть застала его въ самый разгаръ его дѣятельности, на 58 г. жизни; онъ скончался скоропостижно, въ Кронштадтѣ, 24-го ноября 1891 г., искренно оплакиваемый друзьями. Тѣло его перевезено было въ Петербургъ и предано землѣ на Волковомъ кладбищѣ.

„Библіографическія Записки“ 1892 г., № 1, стр. 37; С. И. Недѣльковичъ, Краткій историческій очеркъ морской и городской газеты „Кронштадтскій Вѣстникъ“... за XXV л., Кронштадтъ. 1886 г., passim; „Новое Время“ 1891 г., № 5658; „Общій Морской Списокъ“, ч. XI, С.-Пб. 1900, стр. 412—415; „Историч. Вѣстникъ“ 1892 г., т. XLVII, янв., стр. 293; „Сынъ Отеч.“ 1892 г., 2 изд., № 1, некр.; „Петерб. Газета“ 1891 г., № 329, стр. 2 (некр.); Д. Д. Языковъ, Обзоръ, вып. XI; „Петерб. Некрополь“, т. III, стр. 642.

Н. М.

Рыковъ, *Александръ Максимовичъ*, писатель; вѣроятно, сынъ рисовальнаго ученика Академіи Наукъ Максима Рыкова (см. ниже); въ службѣ состоялъ съ 1766 г., былъ учителемъ у дѣтей Императора Павла: въ 1782 г. былъ принятъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и 8-го февраля 1783 г. произведенъ былъ въ переводчики Коллегіи, гдѣ въ 1784 г. получалъ жалованья по 300 р. въ годъ; 17-го іюля 1786 г. онъ былъ пожалованъ въ коллежскіе ассессоры и въ 1793 г. числился на службѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, при чемъ въ этомъ году, 18-го ноября, отъ Императрицы Екатерины II получилъ грамоту на дворянское достоинство и гербъ, вошедшій въ I часть „Гербовника“ (№ 138). Въ 1801 г. Р. числился при Герольдіи; съ 8 апрѣля 1801 до марта 1803 гг. онъ былъ членомъ Коммиссіи объ учрежденіи училищъ и въ 1806 году былъ еще живъ, состоя снова при Герольдіи и имѣя чинъ коллежскаго совѣтника, въ который онъ произведенъ былъ еще 3-го іюня 1799 г.

Ему принадлежитъ составленіе и изданіе слѣдующихъ книгъ: „Руководство, ведущее къ удобному изученію Россійскаго чистописанія, написано и издано А. Рыковымъ“, С.-Пб. 1782, 4°; „Способъ, извѣданный опытомъ, писать на пергаментѣ золотомъ и чернилами“, С.-Пб. 1784, 8°; „Азбука, или руководство, ведущее къ удобному изученію россійскаго чистописанія, написано и издано А. Рыковымъ“, С.-Пб. 1787; „Прописи Россійскія“, С.-Пб. 1789, 17 листовъ; „Забавный вечерокъ“, С.-Пб. 1790, 12°; „Тестіада, или чтеніе для пользы и удовольствія, издалъ А. Рыковъ“, 3 части, С.-Пб. 1806—1808, 12° (должно было выйти 4 части, но послѣдняя, быть можетъ за смертію Рыкова, издана не была).

Архивъ Департ. Герольдіи. Книги рѣшенныхъ дѣлъ 1805 г., 14 марта и 1806 г., л. 304—307; Описаніе дѣлъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, подъ ред. С. Ѳ. Платонова и А. С. Николаева, т. I, Пгр. 1917, стр. 4, 60, 87, 109 и 167; Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 286—287; Сопиковъ, Опытъ, изд. В. П. Рогожина; Графъ А. А. Бобринской, Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ, т. II, С.-Пб. 1890, стр. 544; Мѣсяцесловъ на 1793 г., стр. 36; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ 1793 г., стр. 210; Списокъ чинамъ I—VI классовъ на 1806 г., ч. II, стр. 14; „Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества“, т. 62, стр. 229; Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. I, С.-Пб. 1893; В. Н. Александренко. Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в., т. II, Варш. 1897, стр. 400; Н. Губерти, Матеріалы для библіографіи, в. III, 150; Ю. Битовтъ, Рѣдкія русскія книги, М. 1905, стр. 449.

В. М.

Рыковъ, *Василій Дмитріевичъ*, генералъ-маіоръ, участникъ Отечественной войны; происходилъ изъ дворянъ Саратовской губерніи, родился въ 1759 году, ум. 25-го іюля 1827 г. въ Кіевѣ. Поступивъ въ 1776 г. фурьеромъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, Р. въ 1779 г. произведенъ былъ въ сержанты, въ 1790 г. выпущенъ въ армію капитаномъ съ опредѣленіемъ въ Оренбургскій драгунскій полкъ, въ 1797 г. произведенъ въ маіоры, въ 1798 г. назначенъ полковымъ командиромъ, въ 1800 г. произведенъ въ подполковники и за усердную службу награж-

денъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1806 г., 14-го февраля, назначенъ командиромъ новосформированнаго Лифляндскаго драгунскаго полка. Въ первый разъ Р. выступилъ въ походъ противъ непріятеля послѣ 30-ти лѣтъ своей службы, въ ноябрѣ 1806 года, когда готовилась вторая война съ Наполеономъ. Лифляндскій драгунскій полкъ состоялъ тогда въ 8-й дивизіи генералъ-маіора Эссена 3-го, и вмѣстѣ съ Петербургскимъ драгунскимъ и Ольвіопольскимъ гусарскимъ полками составлялъ кавалерійскую бригаду 8-й дивизіи. Этой бригадой командовалъ сначала генералъ-лейтенантъ Шепелевъ, а затѣмъ генералъ-маіоръ Глѣбовъ. 4-го декабря Р. пришелъ къ Остроленкѣ, откуда черезъ нѣсколько дней направился при своей дивизіи внизъ по Нареву къ Попову, а оттуда въ половинѣ декабря, послѣ Пултускаго сраженія, къ Остроленкѣ, на соединеніе съ Беннигсеномъ. Поступивъ подъ начальство Беннигсена, назначеннаго главнокомандующимъ русскою арміей, Р. участвовалъ въ походѣ отъ Остроленки, черезъ Новоградъ, Тыкочинъ и Гейльсбергъ до Янкова, откуда армія наша отступила къ Прейсишъ-Эйлау. Въ первые дни отступленія, 23-го, 24-го и 25-го января 1807 г., Р. находился съ своимъ полкомъ въ арріергардѣ, имѣлъ частыя схватки съ непріятелемъ, а 27-го января участвовалъ въ Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи, гдѣ Лифляндскій полкъ стоялъ на правомъ нашемъ крылѣ. 27-го января маршалъ Сультъ, по приказанію Наполеона, занялъ мельницу, находившуюся вблизи нашего праваго крыла. Генералъ-маіоръ Фокъ выступилъ противъ французовъ съ двумя пѣхотными полками и, подкрѣпленный Лифляндскими и Рижскими драгунами, выгналъ непріятеля изъ мельницы. Здѣсь Р. былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу и впослѣдствіи, по ходатайству Фока, получилъ за это золотую шпагу съ надписью: „за храбрость“. Послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія русская и французская арміи, утомленныя трудными зимними маршами, не предпринимали ничего одна противъ другой въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Военныя дѣйствія возобновились 24-го мая подъ Гутштадтомъ нападеніемъ Беннигсена на корпусъ маршала Нея. Въ этомъ сраженіи Лифляндскій драгунскій полкъ былъ посланъ къ Эльдингену подкрѣплять генералъ-маіора Юрковскаго и помочь ему прогнать непріятеля, переправившагося изъ Либштата черезъ рѣку Пассаргу. На другой день, 26-го мая, Р., находясь съ Лифляндскимъ полкомъ на правомъ крылѣ нашей арміи, подъ начальствомъ Уварова, участвовалъ въ вытѣсненіи непріятеля изъ селенія Вольфсдорфъ, а 2-го іюня въ кровопролитной битвѣ подъ Фридландомъ, нѣсколько разъ ходилъ въ атаку съ полкомъ, шефъ котораго, баронъ Паленъ, былъ убитъ въ этомъ сраженіи. Награжденный за дѣло 26-го мая и за отличіе подъ Фридландомъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ, Р. по заключеніи Тильзитскаго мира возвратился съ полкомъ въ Россію и въ томъ же году, 12-го декабря, былъ произведенъ въ полковники.

Спустя около года со времени окончанія второй войны противъ Наполеона, Лифляндскій драгунскій полкъ получилъ приказаніе идти въ Молдавскую армію, предводимую фельдмаршаломъ княземъ Прозоровскимъ. Въ то время было перемиріе между нашими и Турецкими войсками. Въ началѣ апрѣля 1809 года оно прекратилось, и Лифляндскій драгунскій полкъ перешелъ въ Валахію, гдѣ съ 20-го іюля до 10-го сентября содержалъ передовую цѣпь у Слободзеи, съ 10-го по 14-е того же мѣсяца былъ на передовыхъ постахъ противъ Силистріи, съ 14-го по 20-е октября—противъ Браилова, а послѣ, со 2-го по 13-е ноября участвовалъ въ блокадѣ сей крѣпости. Послѣ покоренія Браилова П. К. Эссеномъ Р. отправился съ полкомъ на зимнія квартиры въ Молдавію. Весной 1810 г., по новому расписанію Молдавской арміи, Лифляндскій драгунскій полкъ, вошедши въ составъ корпуса графа Ланжерона, перешелъ въ началѣ мая на правый берегъ Дуная и слѣдовалъ къ Гирсову и Харасу, а оттуда, съ корпусомъ графа Каменскаго, къ Базарджику. Утромъ 22-го мая графъ Каменскій, раздѣливъ войска на четыре колонны, окружилъ Базарджикъ. Колонна генералъ-маіора князя Долгорукова, къ которой принадлежалъ Лифляндскій полкъ, первая была встрѣчена вышедшею изъ Базарджика турецкою конницею, но опрокинула ее, пошла на приступъ и выломала городскія ворота. Р. съ двумя эскадронами Лифляндскихъ драгунъ и четырьмя конными орудіями кинулся въ крѣпость и разсѣялъ встрѣченную имъ толпу непріятельскихъ всадниковъ. Одновременно вломились въ

Базарджикъ наши войска съ другихъ сторонъ — и городъ палъ. За участіе въ этой побѣдѣ Р. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Изъ Базарджика графъ Каменскій 1-й пошелъ къ Шумлѣ на соединеніе съ главною арміей. На пути туда Р. находился 3-го іюня въ дѣлѣ подъ Янибазаромъ. Черезъ недѣлю, 11-го іюня, во время сближенія нашихъ корпусовъ къ Шумлѣ, и потомъ, 12-го, 21-го и 26-го того же мѣсяца Лифляндскіе драгуны рубились съ турецкою конницею, дѣлавшею вылазки изъ Шумлы. Продолжая находиться при блокадѣ сей крѣпости, Лифляндскій полкъ особенно отличился въ сраженіи 23-го іюля, гдѣ подкрѣплялъ отрядъ генералъ-маіора Сабанѣева, и вмѣстѣ съ Ольвіопольскимъ гусарскимъ полкомъ отбросилъ турокъ въ лощину. Оба полка были награждены за сей подвигъ серебряными трубами, а Р-у пожалованъ Георгіевскій крестъ 4-й степени. 26-го августа Р. находился при пораженіи турокъ подъ Батинымъ; въ октяб. ходилъ при арміи графа Каменскаго 2-го подъ Никополь, а потомъ, возвратясь за Дунай, расположился на зиму въ Валахіи.

Весною 1811 года, вслѣдствіе болѣзни графа Каменскаго 2-го, начальство надъ Молдавскою арміей было передано Голенищеву-Кутузову, который сосредоточилъ главныя силы свои подъ Журжею, 19-го іюня перешелъ съ ними на правую сторону Дуная и сталъ лагеремъ въ 4-хъ верстахъ передъ Рущукомъ. 22-го іюня, на разсвѣтѣ, турецкая армія, предводимая Верховнымъ Визиремъ Ахметъ-Всемъ, повела общую атаку на русскую армію. Въ началѣ сраженія Верховный Визирь, прорвавшись сквозь наше лѣвое крыло, старался обойти правое, но два эскадрона Лифляндскихъ драгунъ вмѣстѣ съ Донцами ударили на турокъ и опрокинули ихъ. Послѣ Рущукской побѣды Лифляндскій драгунскій полкъ поступилъ въ резервъ. Въ маѣ 1812 г., послѣ окончанія войны съ Турціею, когда Наполеонъ готовился вступить въ Россію, армія Кутузова поступила подъ начальство адмирала Чичагова и въ половинѣ іюля двинулась отъ береговъ Дуная на Волынь. Лифляндскій полкъ поступилъ въ корпусъ графа Ланжерона, а Р., оставаясь въ званіи полкового командира, былъ назначенъ исправлять должность коменданта главной квартиры арміи Чичагова, именовавшейся Дунайской. Исполняя эту должность до января 1813 г. при адмиралѣ Чичаговѣ, а затѣмъ, до второй половины мая того же года при Барклаѣ-де-Толли, Р. участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ, какъ-то: 11-го сентября 1812 г. подъ Павловичами и Локачами, 14-го — подъ Любомлемъ, 29-го подъ Брестъ-Литовскомъ, 16-го ноября, во время переправы Наполеона черезъ Березину, у Стахова и Бриля, 7-го мая 1813 г. подъ Кёнигсвартою, а 8-го и 9-го того же мѣсяца — подъ Бауценомъ. Чичаговъ „за благоразумную расторопность и особенное усердіе“ Р-а исходатайствовалъ ему орденъ св. Анны 2-го класса. 19-го мая 1813 г., когда Барклай-де-Толли былъ назначенъ главнокомандующимъ Главной арміи, Р. занялъ мѣсто коменданта главной квартиры арміи Барклая-де-Толли. Тогда же ему было поручено начальство и надъ конвоемъ главной квартиры. По возобновленіи военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ, Р. находился въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ и Парижемъ, и по ходатайству Барклая-де-Толли былъ награжденъ: за Дрезденъ — орденомъ св. Анны 2-го класса съ алмазами, за Лейпцигъ чиномъ генералъ-маіора, а за Парижъ — Высочайшимъ благоволеніемъ. Кромѣ того, король Прусскій пожаловалъ ему орденъ „За заслуги“. Въ концѣ іюля 1814 г. Р. пришелъ съ арміей Баклая-де-Толли въ Варшаву, и оставался тамъ до апрѣля 1815 г., когда бѣгство Наполеона съ острова Эльбы побудило Императора Александра двинуть вторично войска во Францію, гдѣ Р. находился на блистательныхъ смотрахъ подъ Вертю. Во время обратнаго слѣдованія въ Россію, 1-го декабря 1815 г., въ Плоцкѣ онъ былъ назначенъ командиромъ 3-й бригады 1-й уланской дивизіи, 22-го октября 1816 г. командиромъ 2-й бригады Украинской Казачьей Дивизіи, а въ 1817 году — начальникомъ Бугской Уланской Дивизіи. За труды по расквартированію этой дивизіи въ Херсонской губ. Р. былъ награжденъ въ 1820 г. орденомъ св. Анны 1-го класса. Съ 17-го октября 1823 г. Р. состоялъ по кавалеріи безъ должности и жилъ въ Кіевѣ до своей смерти; онъ былъ холостъ.

А. И. Михайловскій-Данилевскій, Императоръ Александръ I и его сподвижники. Военная Галлерея Зимняго дворца, т. 5, вып. 109, тетрадь 5, С.-Пб. 1848 г.; Военная Галлерея 1812 г., С.-Пб. 1912, стр. 211—212, съ портр.

И. Давидовичъ.

Рыковъ, *Василій Ивановичъ*, контръ-адмиралъ; родился 5-го марта 1829 г., образованіе получилъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и 5-го марта 1844 года былъ произведенъ въ гардемарины, затѣмъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ и 18-го августа 1847 г. былъ произведенъ въ мичмана въ Балтійскомъ флотѣ, гдѣ служилъ до 1852 г. и послѣ производства, 30-го марта, въ лейтенанты былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ. Съ начала Русско-Турецкой войны 1853—1856 гг. Р. принималъ въ ней участіе, въ 1853 г. плавая на фрегатѣ „Кагулъ", а въ 1854 и 1855 году командуя канонерской лодкой № 15 въ составѣ Дунайской флотиліи. За Синопское сраженіе въ 1853 г. В. И. Рыковъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость". Въ Черноморскомъ флотѣ онъ оставался до 1-го января 1862 г., когда былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ въ Сибирскую флотилію, а въ слѣдующемъ году получилъ въ командованіе винтовую шхуну „Востокъ". Въ 1864 году Р. получилъ орденъ св. Анны 3-й степени и командовалъ шхуной „Гонецъ", а съ 1864 по 1869 годъ командовалъ винтовымъ транспортомъ „Японецъ". 17-го августа 1868 года Рыковъ былъ назначенъ презусомъ Коммиссіи военнаго суда въ портахъ Восточнаго океана, 1-го января 1871 года произведенъ былъ въ капитаны 2-го ранга и переведенъ снова въ Балтійскій флотъ, а спустя два года, за выслугу 25-ти лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени, 8-го апрѣля того же 1873 года произведенъ въ капитаны 1-го ранга и переведенъ въ 8-ой флотскій экипажъ; въ томъ же году, за 10-ти-лѣтнюю службу на Амурѣ, ему была назначена пенсія въ 450 рублей въ годъ. Въ слѣдующемъ году Р. былъ командированъ въ Вологодскую губернію для выбора новобранцевъ во флотъ, а 25-го іюня 1879 г., по разстроенному здоровью, былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ въ контръ-адмиралы. Скончался 27-го ноября 1880 г. въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

„Общій Морской Списокъ", т. VIII, С.-Пб. 1894 г., стр. 415—416; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 642.

Рыковъ, *Евгеній Владиміровичъ*, художникъ; происходилъ изъ дворянъ Таврической губерніи, родился 5-го марта 1838 г. въ Симферополѣ; перейдя въ 4-й классъ Симферопольской Гимназіи, Рыковъ поступилъ въ 1857 году въ Академію Художествъ и въ 1864 году, на третномъ экзаменѣ, получилъ 2-ую серебряную медаль за этюдъ съ натуры. Матеріальная необезпеченность и необходимость содержать младшаго брата заставили Рыкова отказаться отъ дальнѣйшаго усовершенствованія въ видимо любимомъ имъ искусствѣ (любовь къ живописи чувствуется въ его прошеніи въ Совѣтъ Академіи Художествъ) и, получивъ серебряную медаль, онъ просилъ о выдачѣ ему аттестата на званіе свободнаго художника; этотъ аттестатъ и былъ выданъ ему 6-го марта 1865 года. Дальнѣйшая судьба художника намъ неизвѣстна.

Архивъ Академіи Художествъ, д. № 42; С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ, т. II, стр. 171.

П. С—кій.

Рыковъ, *Иванъ Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ флота, род. въ 1797 г., ум. 12-го мая 1869 г. въ Петербургѣ, похороненъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. 15-го іюня 1812 г. Р. поступилъ въ Морской Корпусъ кадетомъ, 14-го мая 1815 г. былъ произведенъ въ гардемарины, а черезъ три года, 9-го февраля 1818 г.,—въ мичманы. Въ 1820 г. на галетѣ „Англія" онъ плавалъ между Свеаборгомъ и Ревелемъ, въ 1821 г., на брантвахтенномъ бригѣ „Молнія", былъ въ кампаніи на Свеаборгскомъ рейдѣ, съ 1822 по 1824 г.г. находился при Свеаборгскомъ портѣ и въ это время, 22-го марта 1823 г., произведенъ былъ въ лейтенанты. Въ 1825 г. на шхунѣ „Радуга" Р. плавалъ между Кронштадтомъ и Свеаборгомъ, въ 1827—1829 г.г., командуя транспортомъ „Невка" и „Фонтанка", ежегодно плавалъ по портамъ Финскаго залива, съ 1830 г. по 1836 г., командуя пароходомъ „Охта", ходилъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ и 22-го апрѣля 1833 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1836 г. Р. находился при работахъ у форта „Александръ I" и награжденъ былъ 1000 рублями, а съ 1837 по 1844 г.г., командуя пароходами „Проворный" и „Поспѣшный", ходилъ тамъ же; 6-го декабря 1843 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, съ назначеніемъ помощникомъ капитана надъ Свеаборг-

скимъ портомъ, и въ томъ же году, за выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. 20-го февраля 1846 г. Р. назначенъ былъ помощникомъ капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ, а 7-го апрѣля того же года произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1846 по 1856 гг., состоя въ той же должности, Р. ежегодно командовалъ внутренней брантвахтою, въ 1853 г., за выслугу 35 лѣтъ, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ., 22-го февраля 1856 г. назначенъ былъ присутствовать въ Конторѣ надъ Кронштадтскимъ портомъ, 26-го августа того же года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ состояніемъ при томъ же портѣ, 28-го декабря 1859 г. зачисленъ по резервному флоту, а 30-го августа 1861 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и уволенъ отъ службы.

„Общій Морской Списокъ, ч. VIII, царствованіе Александра I", С.-Пб. 1894 г., стр. 159—160; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 642—643.

И. Марченко.

Рыковъ, *Максимъ*, рисовальщикъ Академіи Наукъ; сынъ солдата, онъ 12-го ноября 1736 г. былъ принятъ для обученія нѣмецкаго языка въ Академическую Гимназію, въ которой учился и въ 1741 году, получая по 4 р. жалованья въ треть; съ 1740 года онъ опредѣленъ былъ къ Академическому мастеру Гриммелю для обученія рисовальному художеству, въ 1742 г., за ревность и прилежаніе, получилъ прибавку къ жалованью—еще по 12 р. въ годъ (всего по 24 р. въ годъ) и въ 1743 г. былъ ученикомъ рисованія, оказывая посредственные успѣхи. 15-го іюня 1743 г. Р. былъ уволенъ изъ Академіи, „для изысканія себѣ другой службы", но, не найдя таковой, въ декабрѣ просился снова въ Академію, къ „молярному и живописному дѣлу ученикомъ" и 9-го января 1744 г. былъ принятъ,—въ виду „изрядныхъ пробъ", имъ представленныхъ, и „доброва и тихова состоянія"; въ 1748 г. онъ получалъ уже по 36 р. жалованья, въ 1750 г. употребленъ былъ, въ числѣ другихъ, для рисованія дипломовъ и гербовъ для чиновъ Лейбъ-Компаніи; въ мартѣ 1751 г. онъ находился въ вѣдѣніи унтеръ-библіотекаря И. И. Тауберта и исполнялъ разныя художественныя работы при художественномъ собраніи Академіи Наукъ; въ 1754 г. (какъ и въ 1767 г.) состоялъ при Кунсткамерѣ; въ 1756 г. былъ произведенъ въ званіе подмастерья рисовальнаго художества и получалъ по 100 р. въ годъ жалованья. Пробывъ при Академіи 31 годъ, Р. постановленіемъ Коммиссіи Академіи Наукъ отъ 26-го февраля 1767 г. „за частыя его отлучки и неприлежность" былъ уволенъ отъ Академіи, при чемъ въ прошеніи своемъ, поданномъ въ Коммиссію въ тотъ же день, указывалъ, что онъ „въ разныя времена и при разныхъ профессорахъ и мастерахъ, такожъ и при Кунстъ-Камерѣ отправлялъ препоручаемыя дѣла прилежно и рачительно" и просилъ о награжденіи его чиномъ мастера и о выдачѣ „милостиваго аттестата". Однако, Комиссія, выдавъ ему аттестатъ, въ которомъ свидѣтельствовала, что Р. „въ дѣлѣ своемъ искусенъ, въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не бывалъ", чина мастера ему не дала и уволила съ аттестатомъ отъ 1-го марта 1767 г. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ, т. IV—X; Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. 1133, кн. 537 (§ 248) и кн. 303, лл. 280—282; Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв., С.-Пб 1895, ст. 197 и 203.

Б. Модзалевскій.

Рылѣевъ, *Александръ Николаевичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ древняго Тверского рода; по десятнямъ 1650 г. въ числѣ городовыхъ дворянъ г. Торжка Тверской губерніи числился *Василій Барановъ* с. Рылѣевъ, владѣвшій 300 четями земли, въ новикахъ же въ томъ же году упоминается *Никита Ивановичъ* Рылѣевъ, родственныя отношенія котораго къ будущему Петербургскому оберъ-полицеймейстеру, носившему то же самое имя и отчество, не установлены. Позднѣе, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, въ дѣлѣ о преданіи суду въ 1728 г. капитана Нырскаго, поступившаго въ противность данной ему инструкціи при сопровожденіи въ ссылку въ Раненбургъ князя А. Д. Меншикова, упоминается гвардіи солдатъ *Карпъ* Рылѣевъ. Многимъ позднѣе встрѣчается *Александръ Николаевичъ* Рылѣевъ, дворянинъ Казанской губерніи, владѣвшій лично (его родители имѣнія недвижимаго не имѣли) имѣніемъ въ уѣздахъ Тетюшскомъ, Цивильскомъ и Чебоксар-

скомъ, изъ 150 душъ. Онъ родился въ 1778 году и послѣ домашняго обученія поступилъ, 24-го мая 1794 года, въ военную службу сержантомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, въ которомъ служилъ весьма недолго и былъ переведенъ въ 1797 году въ учрежденный Императрицею Екатериною въ 1762 г. Кавалергардскій корпусъ, съ переименованіемъ въ унтеръ-офицеры. Императоръ Павелъ еще въ августѣ 1797 возымѣлъ мысль не то сократить численность кавалергардовъ, не то вовсе уничтожить Кавалергардскій полкъ; мысль эта еще усиливалась тѣмъ, что начальникъ ихъ въ то время, маркизъ д'Отишанъ, слишкомъ рѣзко расходился съ вошедшими въ силу Гатчинцами, особенно съ барономъ Аракчеевымъ, и неоднократно утруждалъ Государя своими предположеніями, въ которыхъ старался доказать, что можно управлять людьми и не прибѣгая къ палкѣ. Наконецъ, 5-го сентября 1797 г. при парадѣ состоялся Высочайшій приказъ о сокращеніи штатовъ Кавалергардскаго полка, а затѣмъ Императоръ 19-го октября выразилъ желаніе не имѣть никакихъ кавалергардовъ, послѣ чего, 1-го декабря 1797 г., Кавалергардскій полкъ фактически прекратилъ свое существованіе; офицерамъ полка предоставлялось выйти въ отставку или перейти тѣмъ же чиномъ въ Конную гвардію или въ лейбъ-гусары; унтеръ-офицерамъ—перейти тѣмъ же званіемъ въ полкъ, откуда поступили въ кавалергарды, или выйти въ отставку съ чиномъ гвардіи корнета или же коллежскимъ юнкеромъ въ гражданскую службу. На этомъ основаніи А. Н. Рылѣевъ былъ переведенъ по своему желанію въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ и въ скоромъ времени, 10-го сентября 1798 года, произведенъ былъ въ корнеты. Продолжая службу въ полку, онъ былъ послѣдовательно произведенъ въ поручики (9-го декабря 1801 года), штабсъ-ротмистры (31-го марта 1803 г.) и ротмистры (15-го января 1805 года). Наступившая вскорѣ война Франціи съ Австріею, при чемъ Россія явилась на помощь Австріи на основаніи союзнаго договора 25-го октября (6-го ноября) 1804 года, доставила Рылѣеву случай, вмѣстѣ съ гвардейскимъ корпусомъ, принять участіе въ единственномъ замѣчательномъ, но бѣдственномъ для насъ сраженіи этой кампаніи,—именно при Аустерлицѣ, близъ Ольмюца, 20-го ноября (2-го декабря) 1805 г., при чемъ онъ за отличіе удостоился Всемилостивѣйшей награды орденомъ св. Анны 3 класса (что нынѣ 4-й). Вскорѣ было заключено, 22 ноября (4-го декабря) 1805 г. перемиріе обѣихъ воюющихъ сторонъ, и напа гвардія, а въ томъ числѣ л.-гв. Гусарскій полкъ, немедленно возвратилась въ Петербургъ въ началѣ 1806 г., и А. Н. Рылѣевъ 27-го іюля того же года былъ, по болѣзни, уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ полковника. Въ отставкѣ онъ пробылъ менѣе двухъ лѣтъ и вступилъ вновь на службу съ прежнимъ чиномъ подполковника въ Павлоградскій гусарскій полкъ (27-го февраля 1808 года) и, продолжая службу въ этомъ полку, былъ командированъ въ 1809 г. съ двумя эскадронами для усмиренія крестьянъ въ мѣстечкѣ Мѣличицахъ (на границѣ Гродненской губерніи Брестъ-Литовскаго уѣзда), возставшихъ противъ своего владѣльца Цукербекера. Своими благоразумными, спокойными распоряженіями Рылѣевъ возстановилъ порядокъ. Затѣмъ въ 1810 г. онъ былъ командированъ въ Ровенское и Чудновское рекрутское депо для надзора за обученіемъ рекрутъ и успѣлъ довести всѣхъ рекрутъ до знанія кавалерійской службы, надлежащей выправки и при томъ безъ малѣйшей убыли въ людяхъ.

Произведенный 30-го августа 1811 года въ полковники, А. Н. Рылѣевъ 2-ой во время Отечественной войны 1812 г. состоялъ въ распоряженіи Инспектора всей кавалеріи Цесаревича Константина Павловича и былъ командированъ сперва для осмотра рекрутскихъ депо: Азовскаго, Бахмутскаго, Изюмскаго, Павлоградскаго, Таганрогскаго и Чигиринскаго и для выбора изъ нихъ въ кавалерію оставшихся по болѣзнямъ рекрутъ, а затѣмъ былъ посланъ для сформированія 8-и эскадроновъ гусаръ и драгунъ въ Новороссійскихъ рекрутскихъ резервахъ, но въ скоромъ времени, въ концѣ 1812 г., былъ вытребованъ въ свой Павлоградскій гусарскій полкъ и присоединился къ нему уже въ то время, когда, послѣ бѣдственной для Наполеона переправы черезъ Березину, различныя уцѣлѣвшія части его арміи поспѣшно отступали, преслѣдуемыя нашими войсками. При этомъ для преслѣдованія Саксонско-Французскихъ войскъ подъ командою генер. Репье, а также Австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ фельдмаршала Шварценберга,

отходившихъ по направленію къ Варшавѣ, были направлены наши войска подъ предводительствомъ графа Милорадовича, скоро занявшаго Варшаву—26-го января (7-го февраля) 1813 г. Во время этого движенія были военныя дѣйствія подъ Картугъ, Березою и Кобринымъ, при чемъ А. Н. Рылѣевъ 2, двигаясь Кобринскими болотами, заболѣлъ нервическими припадками, принудившими его оставить полкъ, къ которому онъ снова примкнулъ, по выздоровленіи своемъ, лишь въ 1813 году, поступивъ подъ команду генер.-лейт. графа М. С. Воронцова, находившагося съ корпусомъ при обложеніи и блокадѣ крѣпости Магдебурга на р. Эльбѣ. При этомъ Рылѣевъ съ кавалеріею, не разъ переходя р. Эльбу, участвовалъ въ разбитіи непріятельскихъ отрядовъ, шедшихъ изъ Испаніи къ Наполеону, а также во внезапныхъ форсированныхъ маршахъ, приводившихъ даже къ стѣнамъ города Лейпцига. Рылѣевъ скоро, вмѣстѣ съ другими русскими войсками, былъ посланъ на усиленіе войскъ Наслѣднаго Шведскаго Принца Бернадотта, стоявшаго впереди Берлина, для охраненія этого города отъ французскихъ войскъ, наступавшихъ подъ начальствомъ маршала Удино, и принялъ участіе въ сраженіи при Гроссъ-Бееренѣ 11-го (23-го) августа, въ которомъ Удино былъ разбитъ и отступилъ къ Виттенбергу. Въ этомъ сраженіи Рылѣевъ съ тремя казачьими полками былъ командированъ къ мѣстечку Гребену и удерживалъ въ дефилэ цѣлыя сутки болѣе 8000 непріятельскихъ войскъ, шедшихъ къ Гроссъ-Беерену, а затѣмъ преслѣдовалъ отступавшихъ послѣ сраженія французовъ. Вскорѣ послѣ этого Наслѣдный Принцъ Шведскій вознамѣрился аттаковать маршала Нея, наступавшаго также къ Берлину; при этомъ послѣдовало сраженіе при Денневицѣ 25-го августа (6-го сентября) 1813 года, въ которомъ Ней потерпѣлъ пораженіе и отступилъ въ Торгау. Рылѣевъ въ этомъ дѣлѣ прикрывалъ нашу артиллерію, много содѣйствовавшую успѣху дня, и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а затѣмъ вскорѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (15-го сентября 1813 года). При общемъ движеніи нашихъ войскъ къ Лейпцигу, въ послѣдовавшей извѣстной битвѣ годъ Лейпцигомъ 4-го—6-го октября, Рылѣевъ былъ командированъ съ 2 эскадронами гусаръ и двумя орудіями конной артиллеріи выбить французовъ изъ селенія Таука, занятаго имъ двумя сильными баталіонами пѣхоты. Рылѣевъ успѣшно исполнилъ это приказаніе, занялъ селеніе, преслѣдовалъ отступавшихъ французовъ картечными выстрѣлами и взялъ много плѣнныхъ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-го класса. Послѣ этого сраженія Рылѣевъ былъ командированъ корпуснымъ генераломъ барономъ Винценгероде во Франкфуртъ на Одерѣ для принятія 5-ти эскадроновъ кавалерійскаго резерва и 6-ти пѣхотныхъ баталіоновъ. Онъ доставилъ ихъ въ лучшемъ видѣ по собственному маршруту въ городъ Бременъ и, находясь подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова, принималъ участіе въ дѣлахъ противъ датчанъ и маршала Даву, вышедшаго изъ Гамбурга по приказанію Наполеона, чтобы идти въ Голландію, а также въ обложеніи Гарбурга. Маршалъ Даву вскорѣ отступилъ за р. Билле,—и датскія войска одни не въ силахъ были противиться русскимъ войскамъ Воронцова и Строганова, а также войскамъ наслѣднаго Шведскаго Принца; поэтому Датское правительство 2-го (14) января 1814 г. заключило въ Килѣ конвенцію, по которой отложилось отъ Наполеона, обязалось выставить противъ него 10.000 чел солдатъ и уступило Швеціи королевство Норвежское, кромѣ острововъ Исландіи и Фареръ, получивъ въ свою очередь островъ Рюгенъ и всю Шведскую Померанію. Войска русскія подъ начальствомъ графа Воронцова направились во Францію, при чемъ Рылѣевъ, командуя казаками, составлялъ авангардъ этого отряда. Онъ дошелъ до г. Ретеля, а затѣмъ вытѣснилъ французовъ, укрывшихся въ крѣпости Седанѣ, и упорно удерживалъ каменный мостъ на р. Эпъ у Бери-о-бакъ 22-го февраля (6-го марта) 1814 года. Послѣ этого Рылѣевъ принималъ участіе въ извѣстномъ сраженіи подъ Краономъ, въ которомъ войска Воронцова, числомъ около 18.000 чел., упорно оборонялись противъ превосходныхъ французскихъ силъ, подъ начальствомъ самого Наполеона, нанесли ему огромный уронъ и отошли частью къ Шавиньону, а частью по направленію къ Лаону (Laons), гдѣ къ 25-му февраля (9-го марта) собралась вся Прусская армія ген. Блюхера числомъ 40.000 чел. Наполеонъ, имѣя около 36.000

человѣкъ, а также и русскія войска числомъ 60.000 человѣкъ, аттаковалъ союзниковъ 26-го февраля, потерпѣлъ сильное пораженіе и отступилъ къ Суассону. Рылѣевъ, участвовавшій и въ этомъ сраженіи, былъ по окончаніи онаго назначенъ Блюхеромъ военнымъ генералъ-губернаторомъ двухъ департаментовъ (Лаонскаго и Арденскаго) и отправлялъ эту обязанность до заключенія извѣстнаго перваго мирнаго Парижскаго трактата 18-го (30-го) марта 1814 г. и вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ 19-го (31-го) марта. По условіямъ особой конвенціи 11-го (23-го) апрѣля 1814 г. союзныя войска обязывались выступить изъ Франціи, ограниченной предѣлами 1792 г., по мѣрѣ очищенія Французскими войсками крѣпостей внѣ этихъ предѣловъ и передачѣ ими большого числа орудій, огромныхъ запасовъ, литейныхъ дворовъ, кораблей и т. д. на сумму до 1.200 милліоновъ франковъ. Пока всѣ эти сдачи происходили, получено было извѣстіе, что въ ночь съ 22-го на 23-е февраля (6-го марта) 1815 года Наполеонъ покинулъ островъ Эльбу, двинулся къ Парижу, вступилъ безъ выстрѣла въ Тюльерійскій дворецъ, при чемъ король Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Лилль и т. д., послѣ чего вскорѣ начались извѣстныя военныя дѣйствія союзныхъ державъ противъ Наполеона, съ намѣреніемъ навсегда съ нимъ покончить. Послѣ рѣшительной побѣды при Ватерлоо 10-го (22-го) іюня 1815 г. Наполеонъ вторично отказался отъ престола Франціи—13-го (25-го) іюня; наши войска вторично вступили въ Парижъ 29-го іюля (10-го августа) и затѣмъ 8-го (20-го) ноября 1815 г. былъ подписанъ второй Парижскій миръ, по которому, сохраняя свои границы 1790 года, Франція обязывалась уплатить военную контрибуцію въ 700 милліоновъ франковъ. Въ обезпеченіе этой уплаты и для сохраненія спокойствія въ странѣ войска союзниковъ въ количествѣ 150.000 чел. должны были въ продолженіе пяти лѣтъ занимать 17 крѣпостей Франціи въ сѣверо-восточныхъ департаментахъ, подъ общимъ главнымъ начальствомъ англійскаго полководца герцога Веллингтона; въ составъ этого войска вошелъ корпусъ графа М. С. Воронцова въ числѣ 27.000 человѣкъ съ 84 орудіями, при чемъ въ этотъ корпусъ по назначенію начальства былъ опредѣленъ Рылѣевъ 2-й. Во время пребыванія во Франціи онъ былъ назначенъ, 11-го октября 1815 года, состоящимъ при дивизіонномъ начальникѣ 3-й драгунской дивизіи, а позднѣе, 12-го декабря 1816 г., — командиромъ 1-й бригады 1-й драгунской дивизіи.

Онъ пребывалъ въ предѣлахъ Франціи до возвращенія упомянутаго корпуса въ отечество въ 1818 году; вскорѣ послѣ этого, по случаю паралича, лишившаго его употребленія языка, а также правой руки и ноги, Рылѣевъ въ 1818 году, 25-го іюля, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ состоящимъ по кавалеріи, при чемъ ему Высочайше пожаловано было 3.000 десятинъ земли съ сохраненіемъ получаемаго по чину жалованья. Онъ пребывалъ въ этомъ положеніи до 1829 года и неоднократно назначался президомъ (т.-е. предсѣдателемъ) военно-судныхъ комиссій, учреждаемыхъ при С.-Петербургскомъ Ордонансъ-Гаузѣ для разсмотрѣнія дѣйствій различныхъ лицъ, какъ-то провіантскаго казначея Иванова и прикосновенныхъ къ оному лицъ—провіантскихъ чиновниковъ Рагозина, Матвѣева, генералъ-маіора Ставицкаго, состоящаго по кавалеріи генералъ-маіора Баркова. Высочайшимъ приказомъ 3-го октября 1829 года Р. былъ уволенъ отъ службы вовсе; онъ скончался 25-го (или 28-го) мая 1840 года въ Саратовѣ.

Рылѣевъ былъ женатъ два раза (1-мъ бракомъ на Елизаветѣ Михайловнѣ, рожд. Осокиной) и отъ обоихъ браковъ имѣлъ сыновей Петра и Николая и дочерей Любовь и Анну, воспитывавшихся въ Смольномъ монастырѣ и (отъ 2-го брака) дочь Александру.

В. Сторожевъ, Тверское дворянство XVII вѣка, Тверь, 1893, выпускъ 2, стр. 130–134; „Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества", т. 84, стр. 62; формулярный списокъ о службѣ Алек. Ник. Рылѣева 2-го въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, формул. списки состоящихъ по Арміи, № 691; Исторія Кавалергардовъ, сост. С. А. Панчулидзевымъ, т. II, 1901, стр. 138—141; М. Богдановичъ, Исторія Отечественной войны 1813 года, С.-Петербургъ. 1868; Сборникъ біографій кавалергардовъ, т. II, стр. 328 (съ портр.); Военная галлерея 1812 года, С.-Пб. 1912, стр. 212—213, съ портр.

П. Майковъ.

Рылѣевъ, *Кондратій Ѳеодоровичъ*, писатель, поэтъ и политическій дѣятель; родился въ небогатой старо-дворянской семьѣ 18-го сентября 1795 года. Годъ рожденія Рылѣева долгое время былъ въ литературѣ

предметомъ разногласія (см. сообщеніе Д. Кропотова въ „Русск. Старинѣ“ 1872 г., № 11, стр. 602—604, статью А. Бестужева: „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“ въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 г., стр. 29, ст. В. Е. Якушкина: „Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ“ въ „Вѣстн. Европы“ 1888 г., ноябрь, стр. 196—199), пока наконецъ не былъ установленъ съ точностью на основаніи показанія близкаго къ нему А. А. Бестужева и соображеній редактора собранія его сочиненій, П. А. Ефремова. Отецъ его, Ѳедоръ Андреевичъ Р., служилъ главноуправляющимъ имѣніями княгини В. В. Голицыной; онъ отличался жестокимъ и деспотическимъ характеромъ. Не такова была его жена, мать Кондратія Ѳедоровича, Анастасія Матвѣевна (рожд. Эссенъ), покорная, тихая, кроткая натура. Ѳедоръ Андреевичъ очень дурно обращался съ женою, запиралъ ее въ погребъ, наносилъ ей побои; такъ же круто поступалъ онъ и съ маленькимъ сыномъ. Отъ матери Р. наслѣдовалъ кроткій характеръ, глубокое религіозное чувство и чрезвычайную впечатлительность. Когда мальчику было три года, онъ опасно заболѣлъ, и наступилъ такой критическій моментъ, когда болѣзнь клонилась къ печальному исходу; Анастасія Матвѣевна заснула за молитвой о выздоровленіи своего дитяти, и ей привидѣлась во снѣ висѣлица, на которой суждено было ея сыну окончить свои дни (сообщеніе В. Савицкой „Сонъ Рылѣевой“ —„Историч. Вѣстникъ“ 1894 г., январь, 210—214). Безобразныя сцены, которыя устраивалъ буйный отецъ, тихія слезы и молчаливая покорность матери раздирали душу бѣднаго мальчика, и, какъ ни горько было Анастасіи Матвѣевнѣ разставаться съ сыномъ, маленькій Р. былъ помѣщенъ въ Первый Кадетскій Корпусъ, куда былъ принятъ въ январѣ 1801 года, въ Отдѣленіе для малолѣтнихъ. Въ корпусѣ того времени, гдѣ былъ Директоромъ генералъ Клингеръ, науки не особенно процвѣтали, но тѣлесныя наказанія примѣнялись въ видахъ возмездія и устрашенія. Рылѣева часто сѣкли, но наказанія не могли сломить его, и иногда, перенеся наказаніе, онъ тутъ же, немедленно, грубилъ начальству. Корпусная жизнь Р—ва изобиловала шалостями и проказами; особенно популярна была его продѣлка съ любимцемъ всѣхъ кадетъ, добрѣйшимъ экономомъ А. П. Бобровымъ. Въ этой шуткѣ впервые обнаружилась и его страсть къ стихамъ. Выбравъ удобный моментъ, Р. выкралъ изъ треугольной шляпы Боброва рапортъ, съ которымъ тотъ шелъ къ начальству, и на мѣсто его положилъ свою шуточную поэму въ стихахъ — „Кулакіаду“. Въ этой поэмѣ, состоящей изъ двухъ пѣсней и 156 стиховъ, описывалась скорбная кончина „творца пироговъ“, корпуснаго повара Кулакова, и горе эконома Боброва, который, „напересника лишенный, восплакалъ, возрыдавъ“. Подобныя остроумныя и довольно безобидныя шалости доставили Рылѣеву любовь товарищей и репутацію удальца. Учился онъ очень недурно и только въ математикѣ былъ слабъ, за то до чтенія былъ большой охотникъ. Въ одномъ письмѣ къ отцу онъ проситъ денегъ на книги: „сдѣлайте милость, не позабудьте мнѣ прислать денегъ на книги, потому что я, любезный батюшка, весьма великій охотникъ до книгъ“. Среди сантиментально-слезливой беллетристики Рылѣеву отъ времени до времени попадалось и „философское“ чтеніе. Книги были для него учителями жизни; въ 1812 г. онъ писалъ отцу: „я знаю свѣтъ только по однѣмъ книгамъ, и онъ представляется уму моему страшнымъ чудовищемъ, но сердце видитъ въ немъ тысячи питательныхъ для себя надеждъ“. Изъ того же письма (17-го декабря 1812 г.) видно, какъ пессимистически смотритъ 17-лѣтній юноша на жизнь: „Въ свѣтѣ умъ мой видитъ рядъ непрерывныхъ дѣйствій и ужасается. Несчастія занимаютъ первое мѣсто; за ними слѣдуютъ обманы, грабительства, вѣроломства и такъ далѣе“. Вообще все это письмо, въ которомъ молодой Р. излагаетъ свои взгляды на жизнь, носитъ печать вліянія тогдашнихъ романовъ съ ихъ чувствительными, разсудительными и подолгу разглагольствовавшими героями; что же до развиваемыхъ въ немъ политическихъ взглядовъ, то по нимъ можно судить, какъ мало способствовали корпусное воспитаніе и замкнутся жизнь развитію политическихъ убѣжденій Рылѣева, который только по выходѣ изъ Корпуса на самостоятельную дорогу выработалъ и развилъ то политическое credo, пѣвцомъ, дѣятелямъ и мученикомъ котораго суждено было ему стать. Изъ раннихъ его произведеній, кромѣ „Кулакіады“, до насъ до-

шло только нѣсколько стишковъ приторно-идиллическаго настроенія, прославляющихъ прелести скромнаго и мирнаго житія (въ одномъ изъ писемъ къ матери, 1814 года), да ода „Любовь къ отчизнѣ", внушенная войной съ французами и помѣченная 4-мъ іюни 1813 года.

Выходъ Рылѣева изъ Корпуса или, какъ онъ выражался въ упомянутомъ письмѣ къ отцу, „переходъ въ волнуемый страстями міръ" состоялся 10-го февраля 1814 г., когда онъ былъ произведенъ въ офицеры и выпущенъ въ первую резервную артиллерійскую бригаду, въ конную № 1 роту. Рылѣевъ очень обрадовался свободѣ и долгожданнымъ офицерскимъ эполетамъ. Почти немедленно по производствѣ въ офицеры онъ былъ отправленъ въ дѣйствовавшую за границей армію. 28-го февраля онъ писалъ матери изъ Дрездена, гдѣ комендантомъ былъ его родственникъ, Михаилъ Николаевичъ Рылѣевъ; въ мартѣ находимъ его въ Шафгаузенѣ. Полгода онъ былъ въ походѣ и побывалъ въ Швейцаріи и во Франціи, а въ сентябрѣ уже опять находился въ Дрезденѣ, гдѣ комендантъ Рылѣевъ выхлопоталъ ему мѣсто при артиллерійскомъ магазинѣ. Здѣсь онъ пробылъ не долго и въ томъ же году за какую-то провинность былъ посланъ обратно въ Россію, въ Минскую губернію, гдѣ была расквартирована бригада, въ которой онъ состоялъ. 12-го апрѣля 1815 г. онъ былъ вторично отправленъ въ заграничный походъ и побывалъ въ Парижѣ, откуда 23-го сентября того же года поѣхалъ на родину. Заграничное путешествіе принесло много пользы его развитію и многому его научило. Среди разсѣянной, полной недоступныхъ на родинѣ удовольствій Парижской жизни Рылѣевъ учился, читалъ и самъ писалъ. Его занимала исторія; до насъ дошли нѣкоторыя его сужденія („Нѣчто о среднихъ временахъ" и отрывокъ изъ письма изъ Парижа отъ 18-го сентября 1815 г.); они проникнуты духомъ сентиментальнаго либерализма. Изъ его стиховъ заграничнаго періода до насъ дошла только небольшая часть сатиры „Путешествіе на Парнассъ", написанной въ Дрезденѣ и помѣченной 15-мъ октября 1814 г. Заграничный походъ сильно подвинулъ развитіе Рылѣева; онъ былъ свидѣтелемъ великихъ политическихъ событій, завершившихъ эпопею великаго завоевателя XIX вѣка, и, можетъ быть, грандіозный примѣръ обаянія Наполеона на массы внушилъ ему мысль, что и его личность сможетъ вліять такъ же сильно на окружающихъ; онъ видѣлъ разницу между просвѣщеннымъ западомъ и своей бѣдной родиной; онъ привыкъ задумываться объ историческомъ ходѣ развитія общества, и въ немъ, еще незамѣтно для него самого, начинало прозябать революціонное сѣмя. Такія настроенія и мысли привезъ онъ въ Россію. Опять потекла его служба. Матеріальныя же дѣла Рылѣева и его родныхъ были очень запутаны. Ѳедоръ Андреевичъ Р. умеръ въ началѣ 1814 г., и вдова его принципала, князя Серг. Ѳед. Голицына, княгиня Варвара Васильевна, сдѣлала на него начетъ въ 80.000 рублей. Бѣдную семью Рылѣева этотъ начетъ окончательно подкосилъ; всю свою жизнь старался онъ снять съ наслѣдственнаго имущества это тяжелое бремя, но дѣло было окончено только послѣ его смерти. Воинская часть, въ которой служилъ Рылѣевъ (11-ая конно-артиллерійская рота), стояла въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи. Служба была не обременительна, и Рылѣевъ ею не тяготился. Вотъ какъ описываетъ онъ свою жизнь въ одномъ письмѣ къ матери (10-го августа 1817 г., изъ слободы Бѣлогорья): „Время проводимъ весьма пріятно: въ будни свободные часы посвящаемъ или чтенію, или пріятнымъ бесѣдамъ, или прогулкѣ; ѣздимъ по горамъ и любуемся восхитительными мѣстоположеніями, которыми страна сія богата; подъ вечеръ бродимъ по берегу Дона и при тихомъ шумѣ воды и пріятномъ шелестѣ лѣсочка, на противоположномъ берегу растущаго, погружаемся мы въ мечтанія, строимъ планы для будущей жизни и чрезъ минуту уничтожаемъ оные; разсуждаемъ, споримъ, умствуемъ"... Здѣсь, въ гостепріимномъ домѣ жившаго въ 30 верстахъ отъ Бѣлогорья, лѣтней стоянки части, гдѣ служилъ Рылѣевъ, помѣщика Михаила Андреевича Тевяшева, Рылѣевъ нашелъ себѣ жену въ лицѣ младшей дочери Тевяшева, Наталіи Михайловны. Въ письмѣ къ матери (17-го сентября 1817 г., изъ Бѣлогорья), прося ея благословенія, Р. описываетъ свою невѣсту: „Ея невинность, доброта сердца, плѣнительная застѣнчивость и умъ, обработанный самою природою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи содѣлать счастіе каждаго, въ

комъ только искра хоть добродѣтели осталась. Я люблю ее, любезнѣйшая матушка, и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно... Узнавъ нѣкоторыя достоинства милой Наталіи, а особенно доброту души ея, я полюбилъ ее, и теперь время отъ времени любовь моя болѣе и болѣе увеличивается"... По желанію Тевяшевыхъ прапорщикъ Р. вышелъ въ отставку 26-го декабря 1818 г., съ чиномъ подпоручика, но, вслѣдствіе различныхъ дѣлъ и хлопотъ, свадьба его съ Натальей Михайловной состоялась только 22-го января 1820 г.

Послѣ женитьбы Рылѣевъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь снова началась его служебная дѣятельность,—хотя на иномъ поприщѣ, и правильныя литературныя занятія. Поэтическій талантъ его окрѣпъ. Къ этому времени принадлежитъ его переводъ написанной по-польски сатиры Ѳ. В. Булгарина „Путь къ счастью" (см. „Вѣстн. Европы" 1888 г., ноябрь, стр. 217—221). Въ столицѣ кипѣла умственная жизнь, издавалось нѣсколько журналовъ, существовали масонскія ложи. Рылѣевъ былъ избранъ въ члены Вольнаго Общества любителей Россійской словесности (25-го апрѣля 1821 г. онъ былъ выбранъ въ члены-корреспонденты, а 5-го апрѣля 1823 г.—въ дѣйствительные члены); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвовалъ въ масонской ложѣ „Пламенѣющей Звѣзды" и въ 1820—1821 гг. числился въ ней дѣйствительнымъ членомъ 1-ой степени: пренія велись тамъ исключительно по-нѣмецки, изъ чего видно, что Рылѣевъ зналъ этотъ языкъ; польскимъ и французскимъ языками онъ также владѣлъ. Онъ не писалъ въ это время почти ничего серьезнаго: его тогдашнія произведенія — игривыя, легкія любовныя пѣсенки, буколическія посланія и описанія и беззлобные сатирическіе опыты. Среди всего этого малозамѣтнаго и легковѣснаго литературнаго багажа начинавшаго писателя ярко выдѣлилась доставившая ему большую популярность дерзкая и рѣзкая выходка противъ всемогущаго графа А. А. Аракчеева, обличавшая въ Рылѣевѣ уже вполнѣ сорѣвшаго гражданина. Это была сатира „Къ временщику", явившаяся въ „Невскомъ Зрителѣ" 1820 г., въ IV кн., и бывшая первымъ печатнымъ произведеніемъ Рылѣева. Она была напечатана съ указаніемъ, что это подражаніе сатирѣ Персія „Къ Рубеллію"; у Персія ничего подобнаго сатирѣ Рылѣева нѣтъ, и ссылка на римскаго поэта была только уловкой, придуманной для того, чтобы отвлечь подозрѣнія цензуры. Вся читающая публика была поражена смѣлостью автора, который называлъ „преданнаго безъ лести", всесильнаго временщика „подлецомъ", „тираномъ" и обличалъ его „низкія страсти и подлую душу". Къ счастью, этотъ первый дебютъ въ журнальной литературѣ прошелъ Рылѣеву благополучно: „наверху" не замѣтили или сдѣлали видъ, что не замѣтили смѣлаго нападенія. Сатира сразу сдѣлала Рылѣева извѣстнымъ, и онъ сталъ „своимъ" въ лучшихъ литературныхъ кругахъ. Наиболѣе близки къ нему были А. А. Бестужевъ (Марлинскій) и Ѳ. В. Булгаринъ, тогда еще не занимавшій въ литературѣ той позорной позиціи, на которой онъ очутился впослѣдствіи, и пользовавшійся дружбой и расположеніемъ такого человѣка, какъ А. С. Грибоѣдовъ. Познакомился онъ и съ А. С. Пушкинымъ, барономъ А. А. Дельвигомъ, Н. И. Гнѣдичемъ. Писалъ и печаталъ Рылѣевъ немного; свои произведенія онъ помѣщалъ въ „Невскомъ Зрителѣ", „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду" А. Ѳ. Воейкова, „Благонамѣренномъ" А. Е. Измайлова, „Сынѣ Отечества" Н. И. Греча, „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія", „Литературныхъ Листкахъ" и „Сѣверной Пчелѣ". Лѣто Рылѣевъ обыкновенно проводилъ въ Малороссіи, въ имѣніи родныхъ жены. „Пирую на Украйнѣ, пью донскія вина и обжираюсь стерлядями"—писалъ онъ изъ Острогожска 20-го іюня 1821 г. Ѳ. В. Булгарину. Острогожскъ Рылѣевъ описалъ въ особой исторической замѣткѣ („Объ Острогожскѣ") и воспѣлъ въ думѣ „Петръ Великій въ Острогожскѣ" этотъ „городокъ уединенный острогожскихъ казаковъ". Литература не могла поддерживать Рылѣева: другія его средства были ничтожны, и ему приходилось служить. Благодаря тому, что у Рылѣевыхъ было маленькое имѣньице въ С.-Петербургской губерніи—сельцо Батово, Петербургскаго уѣзда,—дававшее ему необходимый служебный цензъ, онъ былъ избранъ 24-го января 1821 г. засѣдателемъ отъ дворянства Палаты Уголовнаго Суда: на этой должности онъ пробылъ до 1824 г. Служба по судебному вѣдомству въ тѣ времена не пользовалась общественнымъ

уваженіемъ, и если Рылѣевъ избралъ ее, то имъ, несомнѣнно, руководило желаніе не только вообще служить, но приносить народу пользу, и притомъ въ такой сферѣ, гдѣ честныхъ и преданныхъ долгу людей было тогда очень немного. Всю свою службу Р. посвятилъ борьбѣ съ „мучительными крючкотворствами неугомоннаго и непасытнаго рода приказныхъ", какъ назвалъ онъ судейскихъ взяточниковъ въ письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину изъ сл. Подгорной, отъ 8-го августа 1821 г.: „это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, сколько сіе лютое отродіе"... Какъ судья, Рылѣевъ стоялъ на высотѣ своего призванія, и его очень любили и цѣнили. Однажды Петербургскій военный губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ пригрозилъ какому-то мѣщанину отдачей подъ судъ; мѣщанинъ обрадовался и сталъ благодарить графа: „Теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ; знаю, что буду оправданъ. Тамъ есть Рылѣевъ,—онъ не даетъ погибать невиннымъ". Даже Н. И. Гречъ, постаравшійся въ своихъ „Запискахъ" унизить и очернить Рылѣева, признаетъ за нимъ эту благородную сторону его служебнаго поприща. Между 29-мъ ноября 1823 г. и 1-мъ октября 1824 г. Рылѣевъ вышелъ изъ засѣдателей Петербургской Палаты Уголовнаго Суда и тогда же перешелъ въ Россійско-Американскую Компанію правителемъ Канцеляріи; тамъ онъ и прослужилъ до самаго декабря 1825 года. Его честность и исполнительность и здѣсь были достойно оцѣнены. Благодаря своей службѣ въ Компаніи онъ свелъ знакомство съ М. М. Сперанскимъ и съ графомъ Н. С. Мордвиновымъ. Послѣдній, котораго высоко ставили современники (между прочимъ, и Пушкинъ) за его честность и прямоту, внушилъ Рылѣеву такое уваженіе къ себѣ, что поэтъ посвятилъ ему оду „Гражданское мужество" и отдѣльное изданіе своихъ „Думъ".

„Думы" Рылѣева — рядъ историческихъ картинъ, въ стихахъ, исполненныхъ въ духѣ умѣреннаго либерализма, лишенныхъ всякаго протеста, и проникнутыхъ довольно скромной и невинной гражданской моралью. Судя по нимъ, трудно угадать въ авторѣ будущаго заговорщика и мятежника; негодующаго пыла, энергичнаго гражданскаго возмущенія въ нихъ совершенно нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, строгая цензура къ нѣкоторымъ изъ нихъ отнеслась сурово и отказала имъ въ своей санкціи, такъ что увидѣть свѣтъ имъ пришлось лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти ихъ автора.

Въ домѣ Рылѣева происходили иногда собранія литераторовъ. На одномъ изъ этихъ собраній возникла мысль объ изданіи альманаха-ежегодника. Въ „Сынѣ Отечества" 1822 г., № XLVIII („Новости не-политическія", стр. 84), появилось извѣщеніе о готовящемся изданіи, которое было первымъ въ Россіи типичнымъ альманахомъ и послужило образцомъ для многихъ подобныхъ изданій: „Два извѣстные литератора К. Ѳ. Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ вознамѣрились сдѣлать въ семъ родѣ первый опытъ. Они издаютъ на будущій 1823 годъ карманную книжку, или альманахъ, подъ заглавіемъ „Полярная Звѣзда". Многіе русскіе поэты и литераторы сообщили имъ статьи въ стихахъ и прозѣ для составленія сего альманаха". Въ концѣ 1822 г. явилась „Полярная Звѣзда" на 1823 годъ. Этотъ небольшой сборникъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе; Пушкинъ писалъ о немъ брату Льву Сергѣевичу 30-го января 1822 г., изъ Кишинева: „Бестужевъ прислалъ мнѣ „Звѣзду", — эта книга достойна всякаго вниманія". Въ „Полярной Звѣздѣ" были между прочимъ піесы Пушкина, подписанныя ***. Издателемъ альманаха былъ книгопродавецъ И. В. Сленинъ. Слѣдующій выпускъ „Полярной Звѣзды" въ 1824 г. имѣлъ еще большій успѣхъ: въ три недѣли были раскуплены полторы тысячи экземпляровъ; издателемъ былъ тотъ же Сленинъ. Въ 1825 г. Рылѣевъ и Бестужевъ издали свои альманахъ сами. Къ 1826 г. они приготовили меньшаго объема альманахъ, подъ названіемъ „Звѣздочка", но событіе 14-го декабря 1825 г. не позволило ей появиться въ свѣтъ; отпечатанное изданіе сгнило въ подвалахъ Третьяго Отдѣленія. Третья книжка альманаха была посвящена Императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ: Бестужевъ получилъ за это золотую табакерку, а Рылѣевъ — два брилліантовые перстня. Въ „Полярной Звѣздѣ" на 1824 г. былъ напечатанъ отрывокъ изъ поэмы Ры-

лѣева „Войнаровскій“, по поводу котораго Пушкинъ писалъ брату Льву Сергѣевичу въ январѣ 1824 г., изъ Одессы: „«Войнаровскій» полонъ жизни“. Вообще, „Поэмы“ Рылѣева стоятъ по политическому подъему чувства гораздо выше его „Думъ“; о послѣднихъ такой тонкій цѣнитель, какъ Пушкинъ, отзывается, что онѣ происходятъ не отъ польскаго слова, а отъ нѣмецкаго dumm, и былъ очень невысокаго мнѣнія объ ихъ однообразномъ тонѣ искусственной, по его мнѣнію, морали; онъ писалъ В. А. Жуковскому: „Думы Рылѣева и цѣлять, да всѣ невпопадъ“. Самому автору великій поэтъ писалъ: „Что сказать тебѣ о „Думахъ“? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые: окончательныя строфы „Петра въ Острогожскѣ“ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ: описаніе мѣста дѣйствія, рѣчи героя и нравоученіе. Національнаго, русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая „Ивана Сусанина“—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ)“. Въ „Поэмахъ“ талантъ Рылѣева проявилъ себя ярче и сильнѣе. Матеріалъ для нихъ онъ взялъ изъ исторіи борьбы вольнаго и свободолюбиваго Малороссійскаго казачества за вѣру и народную свободу. Герои ихъ—Войнаровскій, Наливайко, Хмѣльницкій. Въ поэмахъ этихъ замѣтенъ значительный подъемъ лирическаго боевого чувства; еще не виденъ тотъ Рылѣевъ, который сложилъ свою голову на эшафотѣ, потому что въ поэмахъ нѣтъ особенно яркаго революціоннаго протеста, но все-же онѣ не звучатъ простыми воздыханіями о свободѣ скромнаго „либералиста“ Александровской эпохи. Рылѣевъ тогда уже былъ членомъ тайнаго общества. Весьма любопытны мнѣнія Пушкина о поэмахъ Рылѣева. 12-го января 1824 г. онъ писалъ А. А. Бестужеву: „Рылѣева „Войнаровскій“ несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ“. Въ мартѣ 1825 г. „Войнаровскій“ вышелъ изъ печати весь, отдѣльной книгою, съ посвященіемъ А. А. Бестужеву и съ жизнеописаніями Мазепы, которое написалъ А. О. Корниловичъ, и Войнаровскаго, написаннымъ А. А. Бестужевымъ. Пушкинъ писалъ тогда брату: „Войнаровскій“ мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня“. Князю П. А. Вяземскому Пушкинъ писалъ: „Поэма „Чернецъ“ (Козлова) полна чувства и умнѣе „Войнаровскаго“, но въ Рылѣевѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ“. Когда Рылѣевъ напечаталъ отрывокъ „Палѣй“ изъ поэмы „Богданъ Хмѣльницкій“, Пушкинъ писалъ брату: „Если „Палѣй“ пойдетъ, какъ началъ, Рылѣевъ будетъ министромъ“ (на Парнассѣ). Менѣе понравился Пушкину отрывокъ изъ „Наливайка“; онъ писалъ Рылѣеву: „объ „Исповѣди Наливайки“ скажу, что мудрено что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ Р. свою печать“. Общій отзывъ Пушкина о поэзіи Рылѣева мы находимъ въ одномъ изъ его писемъ къ Бестужеву: „Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своею дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго“ и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!“ Князь П. А. Вяземскій смотрѣлъ на „Думы“ съ другой стороны и одобрялъ ихъ за то, что находилъ въ нихъ „цѣль“ и „намѣреніе“. „Цѣль“ и „намѣреніе“ свои Рылѣевъ кратко указалъ въ посвященіи А. А. Бестужеву „Войнаровскаго“: „Прими жъ плоды трудовъ моихъ... Ты не увидишь въ нихъ искусства,—зато найдешь живыя чувства: я не поэтъ, а гражданинъ“. Свое поэтическое и человѣческое credo Рылѣевъ выразилъ въ посланіи „Къ А. А. Бестужеву“: „Моя душа до гроба сохранитъ высокихъ думъ кипящую отвагу; мой другъ, недаромъ въ юношѣ горитъ любовь къ общественному благу“. Увѣренностью въ своемъ призваніи звучатъ его стихи (изъ того же посланія): „Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ, кого съ земли восторгъ души уноситъ, на зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ, тотъ славы требуетъ, не проситъ!“ Мнѣнія свои о поэзіи Рылѣевъ изложилъ въ „Нѣсколькихъ мысляхъ о поэзіи“ („Сынъ Отечества“ 1825 г., ч. CIV). Предметъ статьи —еще не разрѣшенный споръ о романтиче-

ской и классической поэзіи, и взглядъ, высказываемый по этому поводу Рылѣевымъ, дѣлаетъ много чести его критическому пониманію: „Ни романтической, ни классической поэзіи не существуетъ. Истинная поэзія въ существѣ своемъ всегда была одна и та же, равно какъ и правила оной. Она различается только по существу и формамъ, которыя въ разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени, степенью просвѣщенія и мѣстностью той страны, гдѣ она появлялась... Много вредитъ поэзіи суетное желаніе сдѣлать опредѣленіе оной, и мнѣ кажется, что тѣ справедливы, которые утверждаютъ, что поэзіи вообще не должно опредѣлять. По крайней мѣрѣ, по его перу никто еще не опредѣлилъ ее удовлетворительнымъ образомъ: всѣ опредѣленія были или частныя, относящіяся до поэзіи какого-нибудь вѣка, какого-нибудь народа или поэта, или общія со всѣми словесными науками... Идеалъ поэзіи, какъ идеалъ всѣхъ другихъ предметовъ, которые духъ человѣческій стремится обнять, безконеченъ и недостижимъ, а потому и опредѣленіе поэзіи невозможно, да, мнѣ кажется, и безполезно". Пушкинъ былъ совершенно правъ, когда писалъ о Рылѣевѣ: „я его учитель въ стихотворномъ языкѣ"; дѣйствительно, Рылѣевъ не могъ не поддаться вліянію Пушкина, но не сдѣлался его подражателемъ и сохранилъ свою самостоятельность, которую за нимъ признавалъ и Пушкинъ: „онъ идетъ своею дорогой". Рылѣевъ преклонялся предъ Пушкинымъ. Въ письмахъ онъ расточаетъ ему горячія похвалы и называетъ его чародѣемъ, чудотворцемъ, геніемъ, но въ мотивахъ и содержаніи своей поэзіи остается вполнѣ самостоятеленъ. Впослѣдствіи онъ „заплатилъ" Пушкину, своему учителю: Пушкинъ воспользовался „Войнаровскимъ" какъ богатымъ матеріаломъ, для своей „Полтавы".

Рылѣевъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ не только съ Булгаринымъ и А. А. Бестужевымъ: онъ водилъ дружбу съ Е. А. Боратынскимъ, Н. И. Гнѣдичемъ, которому написалъ „Посланіе" и посвятилъ думу „Державинъ", и завязалъ сношенія съ польскимъ писателемъ и патріотомъ Юліаномъ Урсыномъ-Нѣмцевичемъ. Его „Историческія пѣсни" своимъ горячимъ патріотизмомъ привлекли вниманіе Рылѣева, который въ предисловіи къ отдѣльному изданію своихъ „Думъ" привелъ слова Нѣмцевича изъ предисловія къ „Историческимъ пѣснямъ" и перевелъ одну изъ нихъ—„Глинскій". По этому поводу между ними завязалась переписка. Письмо отъ 11-го сентября 1822 г., при которомъ Рылѣевъ послалъ Нѣмцевичу переводъ думы „Глинскій", отыскалось лишь недавно; нашелъ его и напечаталъ въ журналѣ „Kraj" польскій историкъ А. Краусгаръ (см. „Новое Время", 16-го марта 1904 г., № 10069). Въ письмѣ къ Нѣмцевичу (январь 1823 г.) русскій поэтъ-гражданинъ превозноситъ польскаго патріота за то, что онъ, „какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждалъ въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства".

Домашняя жизнь Рылѣева не отличалась особымъ спокойствіемъ. Первый его ребенокъ, Александръ, умеръ въ 1824 г., въ 1823 г. у Рылѣева родилась дочь Анастасія, впослѣдствіи издательница его сочиненій; въ 1824 г. умерла его мать, и пошатнулись его денежныя дѣла; пришлось заложить имѣніе. На долю Рылѣева, вообще отличнаго семьянина и, какъ можно видѣть изъ его писемъ къ женѣ, любящаго мужа, выпало несчастье: онъ увлекся какой-то госпожей К., женщиной недостойной и преслѣдовавшей отнюдь не любовныя цѣли. Влюбившись въ нее, Рылѣевъ не переставалъ любить и жену, сознаніе своего паденія мучило его, и онъ переживалъ тяжелыя душевныя страданія. Отголосокъ этой внутренней драмы находимъ въ его поэзіи: „молю, да ненависть"—писалъ онъ—„заступитъ преступной страсти пламень злой—и честь, и стыдъ, и мой покой цѣной достойною искупитъ". Онъ сознавалъ, что „преступная страсть" губитъ его и отвлекаетъ отъ дѣла, которому онъ себя обрекъ (въ это время Рылѣевъ уже цѣликомъ былъ погруженъ въ революціонные замыслы): „мнѣ не любовь теперь нужна, занятья нужны мнѣ иныя, отрадна мнѣ одна весна, однѣ тревоги боевыя. Любовь никакъ нейдетъ на умъ. Увы! Моя отчизна страждетъ, душа въ волненьѣ тяжкихъ думъ теперь одной свободы жаждетъ". Въ началѣ 1824 г. Рылѣеву пришлось драться на дуэли. Въ домѣ у него жила его побочная сестра, Александра Ѳедоровна, дѣвица уже немолодая, но вѣтреная и легко-

мысленная. Съ ней вступилъ въ связь молодой офицеръ л.-гвардіи Финляндскаго полка князь Шаховской, и репутація дѣвушки пострадала. Рылѣевъ вызвалъ его на поединокъ; тотъ отказался, и Рылѣевъ, чтобы заставить его принять вызовъ, плюнулъ ему въ лицо. Дуэль состоялась, и Рылѣевъ былъ раненъ въ ногу на вылетъ.

Гражданскія стремленія, воодушевлявшія Рылѣева еще въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности и носившія въ началѣ какую-то расплывчатую, туманную физіономію, съ теченіемъ времени становились все яснѣе и опредѣленнѣе, и поэтъ сталъ говорить въ стихахъ уже не просто объ „общественномъ благѣ“, а объ отмѣнѣ рабства, объ уничтоженіи царившаго въ судѣ и въ администраціи произвола, о необходимости просвѣтить народъ. Въ одѣ „Видѣніе“, написанной на день тезоименитства Великаго Князя Александра Николаевича, будущаго Александра II, Рылѣевъ обращается къ нему: „Люби народъ, чти власть закона..., дай просвѣщенные уставы въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ, наукамъ очисти нравы и вѣру укрѣпи въ сердцахъ..., люби гласъ истины свободной..., рабства духъ неблагородный—неправосудье истреби..., будь просвѣщенья покровитель..., будь человѣкъ для человѣка, будь гражданинъ для согражданъ“. Самая священная, почетная дѣятельность въ глазахъ Рылѣева — дѣятельность самоотверженнаго гражданина, который „души возвышенной свободу хранитъ въ совѣтахъ и судѣ“ и презираетъ „неправый гласъ страстей“; его удѣлъ истинно-прекрасенъ и высокъ: „подвигъ воина гигантскій и стыдъ сраженныхъ имъ враговъ въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ ничто предъ доблестью гражданской“ (ода „Гражданское мужество“). Изъ опубликованныхъ В. Е. Якушкинымъ черновыхъ набросковъ Рылѣева („Вѣстникъ Европы“ 1888 г., ноябрь, стр. 210—212) можно видѣть, какъ живо интересовался Рылѣевъ русской исторіей и національно-русскими и общемірovыми политическими вопросами. Въ программѣ для статьи: „Духъ времени, или судьба рода человѣческаго“ онъ записываетъ положенія: „I. Человѣкъ отъ дикой свободы стремится къ деспотизму; невѣжество причиною тому. II. Человѣкъ добръ и добродѣтеленъ по знанію, по увѣренности, что быть таковымъ для его блага необходимо“. „Усовершеніе есть цѣль, къ которой стремится человѣчество по предназначенію Промысла; исторія всѣхъ народовъ служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ“.

Таковы были взгляды Рылѣева; его живая и кипучая натура рождала трудъ, рождала возможности осуществить свои мечты, не оставить праздными свои чаянія. Кругомъ себя Рылѣевъ видѣлъ сѣрую, безотрадную русскую дѣйствительность: дряблое, инертное, слабо на что-то надѣющееся русское общество и грузнымъ гнетомъ нависшую надъ нимъ могучую реакцію послѣднихъ годовъ Александровскаго царствованія. Въ одной только сферѣ дѣятельно мыслили, работали для лучшаго будущаго; это было революціонное тайное общество,—и Рылѣевъ примкнулъ къ нему.

Союзы Благоденствія и Общественнаго Спасенія уже не существовали: первый закрылся къ началу 1818 г., второй распался въ 1821 г. На смѣну имъ образовались два новые тайные союза: первый, центръ котораго находился въ Тульчинѣ, гдѣ квартировалъ штабъ Южной арміи, и сѣверный—въ Петербургѣ. Главнымъ дѣятелемъ въ Южномъ союзѣ былъ Пестель, а во главѣ Сѣверной думы стоялъ Никита Муравьевъ. Сѣверное общество, возникшее въ концѣ 1822 г., состояло изъ убѣжденныхъ и соединенныхъ или согласныхъ. Право набирать новыхъ приверженцевъ принадлежало только убѣжденнымъ, которые занимали въ обществѣ главенствующее положеніе и изъ числа которыхъ избиралась дума или директорія.—Свободолюбивый поэтъ, участникъ великой войны за освобожденіе Европы, пламенный гражданинъ, популярный дѣятель, вступая въ Сѣверное общество, былъ принятъ прямо въ разрядъ „убѣжденныхъ“, минуя разрядъ „согласныхъ“. Ввелъ его въ общество И. И. Пущинъ, извѣстный другъ Пушкина. Въ какой дружбѣ былъ съ нимъ Рылѣевъ, видно изъ одного письма Рылѣева къ неизвѣстному (въ мартѣ 1825 г.): „Спасибо, что полюбилъ Пущина... Кто любитъ Пущина, тотъ уже непремѣнно самъ рѣдкій человѣкъ“. Въ концѣ 1824 г., когда изъ-подъ пера Рылѣева уже выходили прокламаціи въ стихахъ съ прямымъ призывомъ къ революціонному возстанію, онъ былъ избранъ однимъ изъ трехъ директоровъ общества, на мѣсто князя С. П. Трубецкого. По своимъ убѣжденіямъ Рылѣевъ

былъ настоящій демократъ. Выработанный Муравьевымъ проектъ аристократической конституціи не пользовался его одобреніемъ; конституціонный проектъ Южнаго общества, который, при всемъ своемъ радикализмѣ, устанавливалъ олигархію и игнорировалъ возможныя требованія народа, Рылѣевъ также отвергалъ. Точно опредѣленной политической программы у Рылѣева не было, какъ впослѣдствіи не оказалось и разумной революціонной тактики. Несмотря на свои дышавшія призывомъ къ возстанію революціонныя пѣсни (ихъ нѣтъ въ русскихъ изданіяхъ сочиненій Рылѣева, и печатаются онѣ только въ заграничныхъ), Рылѣевъ признавалъ себя сторонникомъ ограниченной монархіи и находилъ, что для республиканской формы правленія Россія еще далеко не созрѣла.

Извѣстіе о смерти Александра I застало оба тайные союза врасплохъ; приходилось дѣйствовать скоро и рѣшительно. Съ величайшей неохотой согласился Рылѣевъ на кровавый умыселъ, возникшій среди заговорщиковъ, уступая усердным настояніямъ пламеннаго Якубовича и пылкаго Каховскаго. Наконецъ, и онъ согласился, что цареубійство должно быть совершено.

Незадолго до кончины Александра I, именно 8-го сентября 1825 г. произошла извѣстная дуэль Чернова, двоюроднаго брата Рылѣева, подпоручика Семеновскаго полка, съ флигель-адъютантомъ Новосильцовымъ. Она кончилась смертью обоихъ противниковъ. Дуэль эта имѣла особенное значеніе, такъ какъ поведеніе Новосильцова истолковывалось, какъ обычное поведеніе аристократа и богача по отношенію къ людямъ не столь выдающагося общественнаго положенія. На либеральную часть общества сильнѣйшее впечатлѣніе произвели слова предсмертной записки Чернова: „пусть паду я, но пусть падетъ и онъ, въ примѣръ жалкимъ гордецамъ, и чтобы золото и знатный родъ не насмѣхались надъ невинностью и благородствомъ души“. Рылѣевъ въ этой дуэли участвовалъ въ качествѣ секунданта со стороны Чернова. Похоронны послѣдняго носили характеръ политической манифестаціи. Рылѣевъ написалъ проникнутое грозящимъ протестомъ стихотвореніе „На смерть Чернова“: „Клянемся честью и Черновымъ,—вражда и брань временщикамъ, тиранамъ, насъ угнесть готовымъ. Нѣтъ, не отечества сыны питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ! Мы чужды ихъ семей надменныхъ,—они отъ насъ отчуждены... Я ненавижу ихъ, клянусь, клянусь и честью, и Черновымъ!“ Столь высокій гражданскій пафосъ могъ быть продиктованъ только глубокимъ гражданскимъ негодованіемъ и готовностью бороться съ вѣковымъ гнетомъ, однимъ изъ проявленій котораго была даже та семейная исторія, которая навлекла гибель оскорбленнаго—Чернова и оскорбителя—Новосильцова.

Наступило послѣ смерти Александра I то „роковое время“, когда, по словамъ Рылѣева („Гражданинъ“), было постыдно „позорить гражданина санъ и подражать тебѣ, изнѣженное племя переродившихся славянъ“. Тѣ, которые „постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка и не готовятся для будущей борьбы за угнетенную свободу человѣка“, впослѣдствіи „раскаются, когда народъ, возставъ, застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной лѣни и въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ, въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Рѣзи“. Моментъ для государственнаго переворота, о которомъ мечтали дѣятели тайнаго общества, казался имъ очень удобнымъ. Въ народѣ не знали, кто будетъ на престолѣ: Константинъ Павловичъ или Николай Павловичъ, такъ какъ отреченіе Константина Павловича отъ правъ на престолъ почему-то хранилось въ тайнѣ; заговорщики разсчитывали на растерянность войска, съ помощью котораго надѣялись произвести переворотъ. 14-е декабря 1825 г., день, когда назначено было принесеніе войсками присяги Николаю Павловичу, былъ роковымъ днемъ для Сѣвернаго общества и, въ частности, для Рылѣева. Многіе изъ заговорщиковъ измѣнили данному слову и не явились на Сенатскую площадь, гдѣ стояла сбитая съ толку горсть солдатъ. Избранный въ „диктаторы“ князь Трубецкой не явился на площадь. Рылѣевъ недолго былъ тамъ и, видя полный неуспѣхъ задуманнаго дѣла, „увидалъ безначаліе и неустройство“, какъ показалъ онъ впослѣдствіи своимъ судьямъ, и мрачный и опечаленный вернулся домой. Надежда на успѣхъ вооруженнаго возстанія разлетѣлась,—и Рылѣевъ сидѣлъ дома, погруженный въ тупую апатію, ничего не предпринимая. Ночью онъ былъ арестованъ и отвезенъ во дворецъ, гдѣ заговорщиковъ допрашивалъ самъ государь. Оттуда его

свезли въ Петропавловскую крѣпость, и онъ былъ заключенъ въ казематъ № 17 Алексѣевскаго равелина. На государя онъ произвелъ, повидимому, довольно выгодное впечатлѣніе, потому что онъ разрѣшилъ ему переписываться съ женою и оказалъ ей значительное денежное пособіе. Рылѣева, какъ одного изъ самыхъ важныхъ дѣятелей заговора, часто вызывали въ Слѣдственную коммиссію для дачи показаній и очныхъ ставокъ. Показанія Рылѣева отличались откровенностью, прямотою и спокойствіемъ. За товарищей своихъ онъ стоялъ горой и всячески старался своими показаніями облегчить ихъ участь. Онъ осуждалъ себя и своихъ товарищей за ихъ отчаянную попытку, упрекалъ себя въ неумѣніи взвѣшивать обстоятельства и оцѣнивать реальныя силы, но напоминалъ судьямъ, что „духъ времени — такая сила, передъ которою они не въ состояніи были устоять". Изъ крѣпости Рылѣевъ писалъ государю: „Государь, будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я, съ самаго вступленія моего въ думу Сѣвернаго общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ, чрезъ меня пролилась невинная кровь. Они по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ". Какъ разсказываетъ А. О. Смирнова въ своихъ извѣстныхъ „Запискахъ", Николай Павловичъ не зналъ тогда, что Рылѣевъ поэтъ; узналъ онъ это только впослѣдствіи и пожалѣлъ о томъ, что не зналъ этого раньше, — иначе онъ оставилъ бы жизнь поэту. Сидя въ крѣпости, Рылѣевъ горько и искренно раскаивался въ своемъ увлеченіи; о немъ можно сказать его же словами о Новгородскомъ борцѣ за свободу Вадимѣ, который занималъ умы тогдашней „вольнолюбивой" русской интеллигенціи (о „Вадимѣ" пробовалъ писать и Пушкинъ): „Несмотря на хладъ убійственный сограждапъ къ правамъ своимъ ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно хочетъ пламенный Вадимъ", Напечатанное П. Е. Щеголевымъ дѣло объ отношеніяхъ А. С. Грибоѣдова къ декабрьскому движенію („А. С. Грибоѣдовъ и декабристы", С.-Пб. 1905) показываетъ, что запутанный въ несчастное дѣло авторъ „Горя отъ ума" благополучно избавился отъ грозившей ему большой опасности только благодаря показанію Рылѣева, рѣшительно заявившаго, вопреки другимъ показаніямъ, что Грибоѣдовъ, хотя и зналъ изъ его намековъ о существованіи тайнаго общества, однако, не былъ принятъ въ него совершенно, такъ какъ не выказывалъ полнаго сочувствія его цѣлямъ.

Письма Рылѣева къ женѣ полны дружеской нѣжности; онъ даетъ ей совѣты и указанія по разнымъ денежнымъ и домашнимъ дѣламъ. Защищаться Рылѣевъ не пытался, какъ не пытался онъ бѣжать 14-го декабря. Суду онъ говорилъ то же, что̀ писалъ государю: „Я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествій 14-го декабря: я могъ все остановить и, напротивъ, былъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно, нужную для блага Россіи, то, конечно, я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемѣну образа мыслей". Въ маѣ 1826 г. слѣдствіе было закончено, и дѣло изъ Коммиссіи перешло въ учрежденный 1-го іюня Верховный Уголовный Судъ; изъ числа членовъ этого Суда былъ избранъ особый Комитетъ, въ девять человѣкъ, для опредѣленія мѣры наказанія осужденнымъ. Въ это время женѣ Рылѣева было разрѣшено свиданіе съ мужемъ, которое и произошло 9-го іюня. Во второй половинѣ іюня Комитетъ установилъ законныя мѣры наказанія, и дѣло снова перешло въ Верховный Судъ для опредѣленія степени виновности каждаго. Осужденные были раздѣлены по тяжести ихъ вины на четырнадцать разрядовъ; ни въ одинъ изъ нихъ не были включены П. И. Пестель, С. И. Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ, Каховскій и Рылѣевъ: докладъ Суда гласилъ, что, „превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія". Рылѣевъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что „умышлялъ на цареубійство, назначалъ къ совершенію онаго лица, умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе Императорской фамиліи и пріуготовлялъ къ тому средства, усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества, управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи прави-

тельства, самъ сочинялъ и распространялъ возмутительные пѣсни и стихи и принималъ членовъ, пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ, возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь". Въ числѣ особо-именованныхъ пяти человѣкъ Рылѣевъ былъ приговоренъ къ четвертованію, но наказанія всѣмъ осужденнымъ были смягчены—и они приговорены были къ повѣшенію. Передъ самой казнью Рылѣевъ написалъ женѣ письмо, полное удивительнаго спокойствія и благодарнаго чувства за то счастье, которое она ему дарила въ теченіе всей ихъ супружеской жизни. Рылѣевъ находился эти дни въ чрезвычайно повышенномъ состояніи какого-то мистическаго восторга продъ раскрывавшеюся смертью. „О, милый другъ",—писалъ онъ женѣ,—„какъ спасительно быть христіаниномъ! Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ, и что я умираю во Христѣ". 13-го іюля, на разсвѣтѣ, казнь совершилась. Казнимые были въ оковахъ выведены изъ своихъ келій и приведены къ эшафоту. Впереди всѣхъ шелъ П. Г. Каховскій, за нимъ Бестужевъ-Рюминъ подъ руку съ Муравьевымъ, потомъ Пестель съ Рылѣевымъ, тоже подъ руку; они говорили по-французски. Когда приговоръ былъ имъ прочитанъ и они услышали слова: „за такія злодѣянія повѣсить!"—Рылѣевъ бодро обратился къ товарищамъ: „Господа, надо отдать послѣдній долгъ", и всѣ они упали на колѣна, и, обращая взоры къ небу, крестились. Рылѣевъ молился вслухъ о благоденствіи Россіи. Поцѣловавъ руку у священника и сказавъ ему: „Батюшка, помолитесь за наши грѣшныя души, не забудьте моей жены и благословите мою дочь",—онъ перекрестился и первый взошелъ на эшафотъ. Вслѣдствіе дурного устройства эшафота, Рылѣевъ выскользнулъ изъ петли и больно расшибся; то же случилось съ Пестелемъ и Каховскимъ. Ихъ немедленно подняли, взяли другія веревки и повѣсили. Гдѣ покоится прахъ Рылѣева, въ точности неизвѣстно.

Среди нашихъ гражданскихъ поэтовъ Рылѣеву принадлежитъ первое мѣсто. Нравственная чистота „Рыцаря Полярной Звѣзды", обаяніе, которое онъ производилъ на окружающихъ, глубокая гражданская скорбь, жажда борьбы дѣлаютъ его одною изъ самыхъ привлекательныхъ, свѣтлыхъ личностей нашей культурной исторіи. „Я не поэтъ, а гражданинъ" говорилъ о себѣ Рылѣевъ, но онъ былъ и гражданиномъ, и поэтомъ, и если примѣнить къ его произведеніямъ то художественное мѣрило, котораго онъ самъ чуждался, придется заключить, что въ немъ угасло большое художественное дарованіе.

„Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева", изданныя подъ редакціею М. Н. Мазаева, изданіе Я. Соколова, С.-Пб. 1895; „Сочиненія и переписка" Рылѣева, подъ редакціей П. А. Ефремова, С.-Пб., 1872; „Сочиненія и переписка" К. Ѳ. Рылѣева, изданіе журнала „Всемірный Вѣстникъ", С.-Пб., 1905 г.; „К. Ѳ. Рылѣевъ, поэтъ-публицистъ" („Новое Время", приложеніе, 16-го сентября 1895 г.); „Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ, новые матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева", В. Е. Якушкина („Вѣстникъ Европы" 1888 г., ноябрь, стр. 195—222); „Стихотворенія" К. Рылѣева. Берлинъ, 1857; „Сочиненія" Н. С. Лѣкова, т. II, С.-Пб., 1897, стр. 97—99; „Сочиненія" Р—ва, Лейпцигъ. 1860; „Русск. Стар." 1875 г., сентябрь, 74; письмо Р—ва къ А. Ѳ. Воейкову отъ 1-го іюля 1823 г.—въ „Трудахъ Черниговской губернской архивной коммиссіи", вып. II, стр. 25; „Пушкинъ и Рылѣевъ" В. В. Сиповскаго („Пушкинъ и его современники", вып. III, С.-Пб., 1905, 68—88); „Записки" П. А. Каратыгина, С.-Пб., 1880 г., 137, 139; „Полярная Звѣзда" 1906 г., № 7, 27-го января, стр. 466—480, статья П. Котляревскаго „Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ"; письмо К. Ѳ. Рылѣева къ В. И. Туманскому отъ 15-го января 1825 г.—„Кіевская Старина" 1899 г.; „Отрывокъ изъ моей жизни 1825—1826 гг." І. И. Ростовцева — „Русск. Арх.", 1873 г., № I, 459; „Украинскій Журналъ" 1825 г., VIII, 72; „Нѣсколько словъ о К. Ѳ. Рылѣевѣ" Д. И. Кропотова—„Русск. Вѣстн." 1869 г., № 12; „Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ" его же—„Русск. Вѣстн." 1869 г., № 3; письмо А. А. Бестужева къ П. А. и К. А. Полевымъ—„Русск. Вѣстн." 1861 г., № 3, стр. 286; „Вѣстникъ Европы" 1872 г., августъ 865—867; К. Ѳ. Рылѣевъ, „Извѣстіе о смерти предсѣдателя Спб. палаты гражданскаго суда, 2-го декабря колл. сов. Д. Г. Высочина"—„Русск. Инвалидъ" 1823 г., № 247, 18-го октября, стр. 986, и „Ист. Вѣстн." 1910, № 11, стр. 816; Думы и поэмы", изданіе А. С. Суворина; В. Андреевъ, „Очерки изъ исторіи литературы и образованія въ Россіи", С.-Пб. 1872, стр. 71—74; „Венера или собраніе стихотвореній разныхъ авторовъ", М. 1831, стихотворенія К. Р—ва; „Московскія Вѣдомости" 1826 г., № 82, 13-го октября, стр. 3339, объявл. № 26, отъ книжнаго магазина Глазунова; см. указатель „Русск. Старины", „Историческаго Вѣстника" и „Русск. Архива"; „Звѣздочка" на 1826 г., изданіе А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева—„Русск. Стар.", 1883 г., XXXIX, 43—100; „Литературные Листки" Ѳ. Булгарина, 1824 г., ч. I, № 5, стр. 194; „Девятнадцатый вѣкъ" П. И. Бартенева, ч. I, М. 1872; А. Н. Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи", т. I, 231; III, 18, 96, 117; IV, 372; В. И. Масловъ, „Литер. дѣятельность К. Ѳ. Р.", К. 1912 и дополн. вып., К.

1916; В. И. Масловъ, „Архивъ К. Ѳ. Р.“—„Изв. Акад. Наукъ“ 1910 г., № 12; Ел. Милічъ, „Кондратій Р. Картины прошлаго“ (на нѣмецк. яз.), Майнцъ. 1914; Н. Котляревскій, „Р.“, изд. „Свѣточа“, С.-Пб., 1908.

Н. Лернеръ.

Рылѣевъ *Михаилъ Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ; происходилъ изъ дворянъ Костромской губерніи, Галицкаго уѣзда, и родился въ 1771 году; обучившись дома по-россійски, по-нѣмецки и по-французски (какъ упомянуто въ его формулярѣ), онъ былъ зачисленъ, имѣя 13 лѣтъ, въ военную службу, 2-го января 1785 г., въ л.-гв. Конный полкъ и 4-го числа того же мѣсяца произведенъ былъ въ вахмистры. Въ этомъ полку онъ прослужилъ до 1-го января 1794 года, когда былъ выпущенъ изъ гвардіи капитаномъ арміи, а затѣмъ, февраля 1-го того же года, зачисленъ былъ въ Московскій гренадерскій полкъ, а изъ онаго переведенъ въ Сибирскій гренадерскій полкъ (1-го февраля 1796 года). Въ означенномъ Сибирскомъ полку Р. былъ произведенъ въ маіоры 3-го ноября 1799 г. и пребывалъ вмѣстѣ съ полкомъ по квартирамъ въ Польшѣ, въ Очаковѣ (въ 1797 году) и въ Одесѣ (въ 1798 и 1800 годахъ), находясь въ 1799 г. въ Волынской губ., а затѣмъ въ 1801—1804 годахъ стоялъ въ Николаевѣ. Возникшая война съ Франціею побудила, въ концѣ 1804 года, перевезти Сибирскій полкъ на судахъ Черноморскаго флота по Черному морю, а также по Мраморному и Средиземному, на Іоническіе острова, состоявшіе въ то время подъ верховнымъ владычествомъ турокъ и подъ покровительствомъ Россіи, которая содержала тамъ свою эскадру и занимала острова своими гарнизонами. Въ началѣ 1805 г. Сибирскій полкъ пребывалъ въ Корфу, подъ общимъ главнымъ начальствомъ генерала Анрепа. По объявленіи Россіею, Англіею и Австріею войны Франціи въ 1805 году, войска подъ начальствомъ Анрепа были перевезены въ Италію для изгнанія французовъ. Они прибыли 7-го ноября въ Неаполь, двинулись къ Риму, но близъ Гаэты получили приказаніе часть войскъ отправить опять для защиты Іоническихъ острововъ, а другую, въ томъ числѣ и Сибирскій полкъ, направить въ Черноморскія гавани. Въ 1806 г. въ мартѣ мѣсяцѣ Сибирскій полкъ прибылъ въ Одесу и вскорѣ, 27-го апрѣля 1806 г., Рылѣевъ былъ произведенъ въ подполковники. Въ томъ же году Сибирскій полкъ былъ включенъ въ составъ 11-й пѣхотной дивизіи, которая, при началѣ военныхъ дѣйствій съ Турціею въ 1806 году, подъ начальствомъ генерала Милорадовича, перейдя Днѣстръ у г. Могилева, двинулись далѣе, на Бырладъ и Рымникъ къ Бухаресту, который послѣ небольшого сраженія и былъ занятъ нашими войсками 13-го декабря 1806 г. Главнокомандующій нашими войсками, дѣйствовавшими противъ турокъ на Дунаѣ, генералъ И. И. Михельсонъ имѣлъ намѣреніе овладѣть Измаиломъ и, чтобы лишить турокъ возможности доставить подкрѣпленія этой важной крѣпости, выслалъ отрядъ графа Каменскаго къ Браилову, а генерала Милорадовича—къ Журжѣ. Послѣдній на пути своемъ имѣлъ упорное сраженіе съ турками 5-го—6-го марта 1807 г. при Турбатѣ, близъ Журжи. Затѣмъ было получено извѣстіе о наступленіи изъ Журжи Турецкой арміи подъ начальствомъ Мустафы Байрактара, а также изъ Силистріи къ Бухаресту—подъ предводительствомъ верховнаго визиря Ибрагима-паши, подходившаго уже къ м. Обилешти. Милорадовичъ двинулся на Ибрагима-пашу двумя колоннами, при чемъ во второй, подъ начальствомъ ген.-м. Бахметева, находился и Сибирскій полкъ. 2-го іюня при Обилештахъ произошло сраженіе, продолжавшееся съ 7-ми часовъ утра до 2-хъ ч. дня; раздраженные солдаты „не давали пардону“—говорится въ реляціи. При этомъ Рылѣевъ 1-й удостоился полученія, за храбрость свою, ордена св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Милорадовичъ, давъ войскамъ отдыхъ, поспѣшно двинулся къ Бухаресту, имѣя въ виду, что Мустафа Байрактаръ спѣшитъ занять Бухарестъ, въ которомъ было очень мало нашихъ войскъ. Это, однако, ему не удалось, потому что Милорадовичъ былъ 3-го іюля уже подъ Бухарестомъ. Вскорѣ, 12-го августа 1807 г., было заключено съ турками перемиріе въ Слободзеѣ, продолжавшееся и весь 1808 годъ. Сибирскій полкъ въ это время стоялъ спокойно сперва въ Бухарестѣ, а также въ Сентештахъ. Тѣмъ временемъ скончался Михельсонъ, и прибывшій въ мартѣ 1808 года новый главнокомандующій, князь А. А. Прозоровскій (вскорѣ также скончавшійся—9-го августа 1809 года) намѣревался начать военныя дѣйствія противъ Журжи. Рылѣевъ же въ это время, за болѣзнію,

былъ переведенъ, 4-го мая 1808 года, въ Ахтіарскій гарнизонный баталіонъ, въ которомъ и пробылъ до 30-го декабря 1808 года, когда былъ переведенъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ, а затѣмъ назначенъ, 1-го января 1810 г., полковымъ командиромъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, во главѣ котораго принялъ вновь участіе въ дѣлахъ съ турками. Онъ находился сначала въ Болгаріи, за Дунаемъ, и вскорѣ принялъ участіе въ штурмѣ крѣпости Базарджика, назначенномъ, по усмотрѣнію новаго главнокомандующаго, молодого графа Ник. Мих. Каменскаго, на 22-е марта 1810 года. Смоленскій полкъ входилъ въ составъ 3-й штурмовой колонны, находившейся подъ начальствомъ ген. Войнова. Въ реляціи о штурмѣ упомянуто, что при штурмѣ особенно отличился подполковникъ Рылѣевъ 1-й, командовавшій Смоленскимъ полкомъ: онъ былъ сперва отряженъ къ прикрытію подвижной батареи, а затѣмъ при самомъ штурмѣ распоряжался баталіономъ съ отличною храбростью и мужествомъ, поражая всюду на насъ бросавшагося врага.—Рылѣевъ за штурмъ Базарджика былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью „за храбрость“ и получилъ вмѣстѣ съ другими особый золотой крестъ, выбитый по случаю взятія Базарджика. Послѣ этого Смоленскій полкъ принялъ участіе въ обложеніи крѣпости Шумлы) въ Балканскихъ горахъ) и въ пораженіи войскъ Юсуфа-паши 11, 12 и 26-го іюня подъ стѣнами Шумлы. Особенно же отличился подполковникъ Рылѣевъ при сильной вылазкѣ, сдѣланной турками изъ Шумлы 23-го іюля. Онъ, какъ говорилось въ донесеніи, управляя своею частью съ благоразумнымъ распоряженіемъ, многократно наносилъ гибель непріятелю, поражая его съ неописанною храбростью повсюду, гдѣ онъ осмѣливался показаться, чѣмъ не мало содѣйствовалъ къ одержанію побѣды надъ войсками верховнаго визиря. За подобныя отличія Рылѣевъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Послѣ взятія Шумлы Рылѣевъ съ полкомъ былъ въ поискѣ и открытіи турокъ по дорогѣ изъ Шумлы, при блокадѣ крѣпости Рущука и, наконецъ, 13-го октября,—при блокадѣ и взятіи Никополя.

Послѣ этого Смоленскій полкъ былъ передвинутъ въ Молдавію, въ Ясссы, гдѣ пробылъ до февраля 1811 года, а Рылѣевъ былъ вскорѣ произведенъ въ полковники (30-го августа 1811 года).

До начала Отечественной войны 1812 г, Рылѣевъ 1-й 29-го мая 1812 г. былъ назначенъ шефомъ Копорскаго пѣхотнаго полка, но, по причинѣ скоро открывшихся военныхъ дѣйствій, не отправился къ мѣсту назначенія, а остался при 12-й пѣхотной дивизіи, назначенный командиромъ 1-й ея бригады, состоявшей изъ полковъ Нарвскаго и Смоленскаго.

Въ началѣ Отечественной войны 1812 г. армія Багратіона должна была отступить отъ Волковиска на соединеніе съ 1-й арміею, находившеюся подъ начальствомъ Барклая-де-Толли. Французскія войска, подъ начальствомъ маршала Даву, предупредили ее на пути къ Минску, что̀ и побудило Багратіона двинуться на Несвижъ, Бобруйскъ и Могилевъ. Въ Бобруйскѣ 6-го іюля онъ получилъ приказаніе двинуться на города Могилевъ и Оршу. Надѣясь предупредить войска Даву въ Могилевѣ и пробиться силою, Багратіонъ выслалъ корпусъ Раевскаго, въ составъ котораго входилъ и Смоленскій полкъ, къ Могилеву 7-го іюля, а на другой день выслалъ и корпусъ Бороздина. 9-го іюля Раевскій достигъ Стараго Быхова и скоро оттѣснилъ французовъ къ Салтановкѣ (Могилевской губ.), гдѣ Даву и стянулъ свои войска. 11-го числа Багратіонъ приказалъ аттаковать сильную позицію французовъ, но, несмотря на всѣ усилія нашихъ войскъ, оказалось невозможнымъ ни обойти флангъ французовъ, ни прорвать фронтъ ихъ. Раевскій приказалъ начать отступленіе къ Дашковкѣ, и затѣмъ вся армія Багратіона двинулась чрезъ Мстиславль на Смоленскъ, гдѣ и соединилась со 2-ю арміею. Донося о сраженіи при Салтановкѣ, Раевскій писалъ о Рылѣевѣ, что когда было приказано Смоленскому полку идти впередъ въ штыки, онъ съ отличнымъ присутствіемъ духа бросясь съ первыми рядами на непріятельскую колонну, подавалъ собою примѣръ неустрашимости и опрокинулъ французовъ, при чемъ былъ раненъ картечью. За это дѣло Рылѣевъ былъ произведенъ, 11-го іюля 1812 г., въ генералъ-маіоры, при чемъ Императоръ Александръ I велѣлъ считать старшинство со дня оказаннаго имъ отличія.

Въ дѣлѣ при Салтановкѣ Рылѣевъ былъ довольно тяжело раненъ картечью на вылетъ въ плюсну лѣвой ноги, что̀ побудило его, для

лѣченія раны, покинуть на полтора года дѣйствующую армію, къ которой онъ могъ снова присоединиться только въ 1813 году, когда наши войска, послѣ битвы подъ Лейпцигомъ 4—6-го октября 1813 г., двигались уже къ берегамъ Рейна. Маршалъ Сенъ-Сиръ, упорно оборонявшій городъ и крѣпость Дрезденъ, столицу Саксоніи, принужденъ былъ сдаться на капитуляцію въ концѣ 1813 г., послѣ чего генералъ-губернаторомъ Саксоніи былъ назначенъ князь Н. Г. Репнинъ, а военно-областнымъ начальникомъ 3-го округа и комендантомъ города Дрездена былъ назначенъ генералъ М. Н. Рылѣевъ 1-й, отправлявшій эту обязанность до заключенія перваго Парижскаго мира 18-го (30-го) мая 1814 года, послѣ чего возвратился въ Россію. Скорое появленіе Наполеона съ острова Эльбы во Францію 22-го февраля (6-го марта) 1815 года побудило Императора Александра I спова направить нѣкоторыя свои войска въ предѣлы Франціи, въ томъ числѣ и Рылѣева 1-го, командовавшаго уже, съ 25-го мая 1815 года, 25-ю пѣхотною дивизіею во 2-мъ корпусѣ. Онъ совершилъ походъ изъ Россіи до города Байрейта въ Баваріи, когда было получено извѣстіе о пораженіи Наполеона при Ватерлоо 10-го (22-го) іюня 1815 года и отреченіи его отъ престола Франціи 13-го (25-го) іюня, а затѣмъ и о заключеніи второго Парижскаго мира 8-го (20-го) ноября 1815 г. Послѣ этого М. Н. Рылѣевъ 1-й возвратился вмѣстѣ съ нашими войсками въ отечество и вскорѣ былъ назначенъ (22-го іюня 1818 г.) командиромъ 2-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи и за Высочайшій смотръ при городѣ Тирасполѣ въ 1818 г. удостоился Монаршаго благоволенія, при чемъ ему пожалована была аренда на 12 лѣтъ, считая съ 1820 года, въ Лифляндской губерніи, а также орденъ св. Георгія 4-й степени за 25 лѣтъ службы (15-го февраля 1819 года). Послѣ Парижскаго мира 1815 г. возобновились учрежденія военныхъ поселеній, начатыя еще въ 1811 году водвореніемъ одного баталіона Елецкаго пѣхотнаго полка въ Могилевской губерніи. Теперь, съ 1816 года, послѣдовательно водворялись третьи баталіоны различныхъ дивизій. Рылѣевъ 1-й былъ назначенъ сперва бригаднымъ командиромъ третьихъ поселенныхъ баталіоновъ 7, 8 и 9-й пѣхотныхъ дивизій съ 1820 г., а затѣмъ таковымъ же командиромъ баталіоновъ 16, 18 и 19-й пѣхотныхъ дивизій съ 15-го октября 1823 г., при чемъ за отличіе по службѣ удостоился получить въ вѣчное владѣніе въ Бессарабской области 3.000 десятинъ земли. Послѣ этого, удостоившись не разъ монаршаго благоволенія за смотры въ 1820, 1822 и 1823 годахъ, Рылѣевъ 1-й 9-го мая 1824 года былъ назначенъ отряднымъ командиромъ поселенныхъ войскъ, расположенныхъ въ Могилевской губерніи. За отличіе по службѣ онъ былъ затѣмъ произведенъ, 19-го марта 1826 года, въ генералъ-лейтенанты, 22-го августа 1826 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й ст., а чрезъ $2^1/_2$ года послѣ этого (22-го марта 1829 г.) былъ назначенъ комендантомъ въ Новгородъ и въ этой почетной должности скончался 8-го іюня 1833 (или 1831?) г. (исключенъ изъ списковъ въ приказѣ 28-го іюня).

И. Н. Рылѣевъ въ началѣ 1811 года вступилъ въ бракъ съ дочерью генерала Говорова—Маріею Ивановною и оставилъ послѣ себя двухъ сыновей (Ивана и Михаила) и четырехъ дочерей (Екатерину, Елизавету, Наталью и Аделаиду).

Формулярный списокъ о службѣ въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба: Книги формул. списковъ состоящихъ по роду оружія за 1-ю половину 1818 года; Справочный Энциклопедическій Словарь А. Старчевскаго, С.-Петербургъ 1855 г., т. IX; Военно-Энциклопедическій Словарь подъ ред. ген. Леера (гдѣ ошибочно указано производство Рылѣева въ генералъ-лейтенанты въ 1811 году); С. Южаковъ, Большая Энциклопедія (очень кратко); Краткая исторія 9-го Гренадерскаго Сибирскаго Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Николая Николаевича Старшаго полка. 1700—1889, составилъ Лугининъ, Тамбовъ. 1889 года; Исторія 25 пѣхотнаго Смоленскаго полка за 2 вѣка его существованія, 1700—1900 года, составилъ князь В. В. Максутовъ. С.-Петербургъ. 1901; М. Богдановичъ, Отечественная война 1812 года; Военная Галлерея 1812 года, С.-Пб. 1912 (съ портр.); „Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.“, т. 62, стр. 229.

П. Майковъ.

Рылѣевъ, *Никита Ивановичъ*, С.-Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, а потомъ губернаторъ. Свѣдѣнія о его происхожденіи и о первыхъ годахъ его службы намъ неизвѣстны; равнымъ образомъ не удалось намъ найти и формулярнаго списка о его службѣ: таковой, должно полагать, сгорѣлъ вмѣстѣ со многими другими дѣлами С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія во время большого пожара 1864 года, достигшаго до зданія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что у Чернышева моста. Служ-

бу свою Р. началъ въ 1760 году, изъ чего можно заключить, что онъ родился, вѣроятно, въ концѣ 1740-хъ гг.; въ мартѣ 1776 г. онъ былъ полковымъ секретаремъ въ канцеляріи л.-гв. Преображенскаго полка и въ этой же должности былъ и въ октябрѣ 1777 г. Будучи уже полковникомъ и и. д. С.-Петербургскаго полицеймейстера, онъ 1-го января 1784 г. назначенъ былъ С.-Петербургскимъ же оберъ-полицеймейстеромъ и 24-го ноября того же года пожалованъ въ бригадиры. Императрица Екатерина, не задолго передъ этимъ, „въ виду крайней необходимости", „для споспѣшества доброму порядку, удобнѣйшему исполненію законовъ и для облегченія присутственныхъ мѣстъ, по недостатку установленій до сего затрудняемыхъ", утвердила для всѣхъ городовъ ея Имперіи 8-го апрѣля 1782 (1-е П. С. З., № 15379) новый Уставъ Благочинія, или Полицейскій. По этому замѣчательному памятнику Русскаго законодательства XVIII вѣка полицейское управленіе поручалось въ каждомъ городѣ *единому мужу*, которое учреждалось подъ именемъ Управы Благочинія или Полицейской, состоявшей въ столицѣ подъ предсѣдательствомъ оберъ-полицеймейстера (въ прочихъ же городахъ—городничаго), изъ двухъ приставовъ (уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ) и двухъ ратмановъ, избираемыхъ отъ обывателей. Этой Управѣ былъ данъ подробный наказъ (ст. 28—74), въ которомъ содержались: 1) правила добронравія обывателей, 2) правила общественныя, 3) качества опредѣленнаго къ благочинію начальства и т. д. Власть такой Управы не распространялась далѣе черты города, его предмѣстій и слободъ. Подъ вѣдѣніемъ ея находились частные пристава (столица тогда дѣлилась на 10 частей, полагая на часть отъ 200 до 700 дворовъ, а каждая часть дѣлилась на кварталы, въ которыхъ полагалось примѣрно отъ 50 до 100 дворовъ). Въ каждой части города былъ еще словесный судъ, разбиравшій окончательнымъ примиреніемъ гражданскія дѣла до 25 рублей и притомъ не долѣе одного дня. Кто этимъ судомъ бывалъ недоволенъ, тому объявлялось, что до него суду дѣла нѣтъ и стороны могутъ бить челомъ, куда пожелаютъ (стр. 63). Управа налагала также взысканія по уставу безъ суда и сажала подъ арестъ. Очень подробно опредѣлены были обязанности частныхъ приставовъ (ст. 85—131). По этому же Уставу въ столицѣ долженъ былъ находиться полицеймейстеръ, о которомъ въ этомъ Уставѣ имѣлось только одно упоминаніе въ ст. 28,—именно, что этотъ полицеймейстеръ засѣдаетъ въ Управѣ Благочинія подъ оберъ-полицеймейстеромъ и выше приставовъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Въ дѣятельности своей онъ долженъ былъ, очевидно, руководствоваться узаконеніями, состоявшимися ранѣе 1782 года, какъ-то узаконеніями 1763 года, декабря 15-го, а также 28-го февраля 1768 года (№ 13075), извѣстнымъ дополненіемъ къ большому наказу, гл. XXI, статьями 527—566, въ которыхъ опредѣлялось, что должно разумѣть подъ словомъ „благочиніе, называемое инако полиція, и какъ сія послѣдняя должна поступать и дѣйствовать". Полицеймейстеръ, являясь помощникомъ оберъ-полицеймейстера, имѣлъ ближайшій и непосредственный надзоръ за дѣйствіями частныхъ приставовъ. Помимо этого, на имя Рылѣева послѣдовали особые указы: 24-го апрѣля 1788 года (1-е П. С. З., № 16648) о неупотребленіи впредь никому изъ лакеевъ, скороходовъ, егерей и прочихъ служителей бѣдныхъ перьевъ на лакейскихъ шляпахъ, киверахъ и шапкахъ; 13-го іюля 1790 г., № 16884,—о неупотребленіи въ одеждѣ ливрейныхъ служителей и кучеровъ изящныхъ украшеній и о невпряганіи въ карету лошадей болѣе дозволеннаго числа. Ему же, по словамъ А. В. Храповицкаго, было дано приказаніе въ 1787 году примѣчать за шведами (стр. 44 Записокъ), прибывающими въ столицу, а также порученіе вмѣстѣ съ Архаровымъ разыскать старый образъ Тобольской Божіей Матери съ богатымъ окладомъ, цѣною въ 8.000 рублей, похищенный изъ большого Придворнаго Дворца. Изъ того же дневника Храповицкаго усматривается, что за успѣшный розыскъ денегъ, украденныхъ въ Морскомъ Корпусѣ и полиціею найденныхъ, Рылѣеву былъ данъ въ 1789 году указъ удержать изъ этой суммы тысячу рублей въ награжденіе чинамъ полиціи. Въ 1790 году, въ виду наступившей войны со Швеціею, признано было необходимымъ имѣть въ столицѣ запасные баталіоны, изъ которыхъ можно было бы употреблять людей туда, гдѣ для службы нужда окажется, и Рылѣеву поручено было составить таковой противу полевыхъ баталіоновъ мушкатер-

скихъ. Немного позднѣе, въ 1790 году, ноября 8-го (№ 16917), состоялось Положеніе о гербергахъ и трактирахъ въ Петербургѣ, открытіе коихъ никому изъ мѣщанъ не воспрещалось. Нельзя не упомянуть также, что помимо чисто-полицейскихъ обязанностей и всякаго рода надзоровъ и наблюденій, на Управу Благочинія, еще указомъ генваря 15-го 1783 г., (1-е П. С. З., № 15634), былъ возложенъ не только надзоръ за типографіями, но и наблюденіе за произведеніями печати (т.-е., ихъ цензура). По означенному указу всякому дозволялось заводить, по собственной волѣ, типографію для печатанія книгъ, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давая знать о заведеніи таковой Управѣ Благочинія. Въ этихъ типографіяхъ дозволялось печатать книги на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, съ соблюденіемъ, чтобы въ отдаваемыхъ въ печать книгахъ ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося, издаваемо не было; для сего Управа Благочинія должна была свидѣтельствовать отдаваемыя въ печать книги, и если усмотритъ въ нихъ что-либо противное законамъ, то воспрещаетъ печатать, а въ случаѣ самовольнаго напечатанія — конфискуетъ книги и о виновныхъ сообщаетъ, куда слѣдуетъ. Для исполненія этого, при Управѣ Благочинія находился особый смотритель отъ Академіи Наукъ. Исполненіе этой цензорской обязанности чинами полиціи, составлявшими Управу Благочинія, при многочисленности другихъ обязанностей, на нихъ лежавшихъ, и совершенно не соотвѣтствующей прямымъ ихъ обязанностямъ, должно было неизбѣжно повлечь за собою то, что они цензуровали не малое число книгъ, *не читая ихъ обстоятельно*, а довольствовались поверхностнымъ просмотромъ и нерѣдко только титуломъ (заглавіемъ), какъ поступилъ, по словамъ графа А. А. Безбородко, *шалунъ* Н. И. Рылѣевъ въ отношеніи извѣстной книги Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", сильно обезпокоившей, какъ извѣстно, Императрицу Екатерину II, которая, повидимому, отнеслась, однако, совершенно снисходительно къ Рылѣеву за такую небрежность и не подвергла его за это какому-либо взысканію или замѣчанію.

Императрица, повидимому, благоволила къ Рылѣеву, что̀ подтверждается отчасти и тѣмъ, что, состоя еще полицеймейстеромъ, онъ былъ включенъ въ небольшое число лицъ, которыхъ было приказано пропускать во дворцѣ „за постъ кавалергардовъ", занимавшихъ внутренній караулъ (Архивъ кн. Вор., т. XXVI, стр. 259). О дѣятельности Н. И. Рылѣева, какъ полицеймейстера, вообще свѣдѣній сохранилось мало. Припоминая, однако, что назначенный полицеймейстеромъ въ 1783 году, онъ вскорѣ же былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (22-го сентября 1786 г.) за отличіе по службѣ, а послѣ пятилѣтняго отправленія своихъ обязанностей, награжденный орденомъ св. Владиміра 2-й степени, занималъ со 2-го сентября 1793 года и должность Петербургскаго губернатора, нельзя не придти къ заключенію, что Императрица Екатерина была довольна дѣятельностью Рылѣева, хотя, при невысокомъ уровнѣ умственно-нравственнаго развитія всѣхъ чиновъ полиціи, особенно того времени, конечно, эта дѣятельность могла вызывать справедливыя нареканія, остававшіяся небезызвѣстными Императрицѣ. Это усматривается, между прочимъ, изъ письма Ея Величества къ Рылѣеву отъ 10 го августа 1794 года, хотя и помѣщеннаго въ 1-мъ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 17240), но мало извѣстнаго вообще и написаннаго по слѣдующему поводу. Приставъ, подполковникъ Верещагинъ, неизвѣстно за что и почему, поколотилъ бомбардира, сержанта Ларіонова, посланнаго съ нужнымъ пакетомъ отъ генералъ-фельдцейхмейстера князя П. А. Зубова къ оберъ-гофмейстеру графу А. А. Безбородко. Соприкосновеніе къ этому дѣлу, довольно заурядному въ тѣ времена, двухъ первыхъ лицъ двора Императрицы, пользовавшихся большимъ значеніемъ въ то время, дѣлаетъ понятнымъ, что дѣло очень скоро дошло до свѣдѣнія Ея Величества и побудило вмѣстѣ съ тѣмъ Императрицу написать Рылѣеву слѣдующія строки: „Поступокъ пристава сугубо наглъ и дерзокъ,—не дана власть полицейскимъ офицерамъ самоличнo ударить кого-либо. Кромѣ личной обиды, нанесено оскорбленіе мундиру всего артиллерійскаго корпуса, не сдѣлано уваженія и тѣмъ особамъ, отъ кого и къ кому сержантъ посланъ. Прикажите тотчасъ частнаго пристава Верещагина арестовать, отрѣшить отъ должности, опредѣлить на его мѣсто другого и обвѣстить семъ по всѣмъ частямъ Управы Благочинія"

При этомъ изъ письма не усматривается, чтобы было сдѣлано замѣчаніе или выговоръ самому Рылѣеву, какъ главному начальнику, за подобныя незаконныя дѣйствія его подчиненныхъ. Что касается отзывовъ о Н. И. Рылѣевѣ, какъ о человѣкѣ, то нельзя умолчать о единственномъ въ этомъ родѣ отзывѣ о немъ, сдѣланномъ лицомъ, пользовавшимся большимъ уваженіемъ,—именно Алек. Мих. Тургеневымъ. Онъ записалъ въ своихъ Запискахъ, что Петербургскіе генералъ-губернаторъ Брюсъ и оберъ-полицеймейстеръ Рылѣевъ—„оба извѣстные превыспреннѣйшею глупостію своею". А. М. Тургеневъ, какъ бы въ подтвержденіе этого, приводитъ два слѣдующихъ разсказа. Императрица Екатерина II однажды приказала имъ обоимъ наблюдать за французомъ, присланнымъ новою Французскою республикою въ Петербургъ, чтобы совершить покушеніе на ея жизнь, и арестовать его. Позабывъ сообщенную имъ фамилію прибывшаго француза, Брюсъ и Рылѣевъ заподозрѣли въ этомъ намѣреніи явившагося въ ихъ пріемную комнату француза, только-что прибывшаго въ Петербургъ, и, не довольствуясь словеснымъ его допросомъ, не давшимъ желаннаго имъ результата, подвергли его наказанію розгами, послѣ чего оказалось, что наказуемый вовсе не злодѣй, а просто главный поваръ бывшаго французскаго министра Верженя, прибывшій искать себѣ соотвѣтствующаго мѣста въ Россіи. Все дѣло уладилось мирно, и гражданинъ новой республики остался доволенъ, получивъ жалованья въ годъ 12.000 рублей вмѣсто 6.000 р., которыя предполагалъ получить. Императрица очень смѣялась этому. Конечно, достовѣрность разсказа крайне сомнительна и остается всецѣло на А. М. Тургеневѣ, который также утверждаетъ, что самъ видѣлъ и читалъ приказъ Рылѣева 1796 года о томъ, чтобы было объявлено хозяевамъ домовъ съ подпискою, чтобы они заблаговременно, именно за три дня, извѣщали полицію о томъ, у кого въ домѣ имѣетъ быть пожаръ („Русск. Стар." 1887, т. 53, стр. 92). На это было уже замѣчено, что Тургеневъ такого приказа Рылѣева отъ 1796 г. читать *не могъ*, потому что Рылѣевъ уже въ то время оберъ-полицеймейстеромъ не былъ („Русск. Стар." 1888, т. 57, стр. 79). Мы же добавимъ къ этому, что по Уставу Благочинія обязательныя распоряженія для обывателей города издавались въ то время не полицеймейстеромъ, а самою Управою Благочинія, какъ это видно изъ ея Устава. Есть еще и другой разсказъ, также анекдотическаго свойства, а слѣдовательно не заслуживающій особеннаго вниманія, но мы его приводимъ потому, что его сообщаетъ серьезный ученый Я. К. Гротъ (см. Собраніе Сочиненій Державина, т. I, стр. 399). Въ день торжественнаго празднества большого маскарада, бала и фейерверка на озерѣ, устроенныхъ княземъ Г. А. Потемкинымъ-Таврическимъ 25-го іюня 1791 года въ Петербургѣ, въ извѣстномъ нынѣ Таврическомъ дворцѣ, въ то время еще частномъ домѣ, поблизости казармъ Конной гвардіи, на площади предъ этимъ зданіемъ были устроены для простого народа различныя угощенія и увеселенія, которыя надлежало начать при приближеніи ко дворцу экипажа Императрицы Екатерины II. Между тѣмъ, распоряжавшіеся этимъ народнымъ празднествомъ, принявъ ошибочно экипажъ одного изъ вельможъ за экипажъ Ея Величества, распорядились дать знакъ началу народнаго празднества, послѣ чего толпа быстро устремилась и всѣ увеселенія и угощенія начались гораздо ранѣе, такъ что при пріѣздѣ Ея Величества ко дворцу на площади происходилъ невообразимый безпорядокъ. Императрица, недовольная этимъ, подозвавъ находившагося тутъ же Н. И. Рылѣева къ своему экипажу, сказала ему: „Въ прекрасномъ порядкѣ я совершенно узнаю васъ",—на что Рылѣевъ немедленно отвѣтилъ: „Радуюсь, что имѣю счастье заслужить удовольствіе Вашего Величества", не понявъ (а быть можетъ и умышленно объяснивъ въ свою пользу) истинный смыслъ словъ Императрицы, которая, какъ можно заключить изъ записаннаго А. В. Храповицкимъ, была весьма не высокаго мнѣнія объ умственныхъ качествахъ своего оберъ-полицеймейстера. Въ извѣстномъ Дневникѣ Храповицкаго подъ 27-мъ сентября 1790 г. записаны слѣдующія ея слова: „Ежели полковые офицеры малый разсудокъ имѣютъ, то отъ практики дѣлаются способными оберъ-полицеймейстерами, но здѣшній—*самъ дуракъ*, celui ne profitera pas" (т.-е., онъ этимъ не воспользуется). Несмотря на такое мнѣніе, Императрица, однако, спрашивала Храповицкаго, сколько лѣтъ Рылѣевъ генералъ-майоромъ,—намѣреваясь, очевидно, награ-

дить его слѣдующимъ чиномъ, а въ 1791 г. выразила, что ему пора въ губернаторы, добавивъ: „quand ils sont longtemps en place, ils deviennent grognards“, т.-е., „занимая долго одно мѣсто, они дѣлаются ворчунами“.

Дѣйствительно, въ скоромъ времени Петербургскій губернаторъ Петръ Петровичъ Коновницынъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Архангельскаго и Олонецкаго намѣстничествъ (2-го марта 1793 г.), а Петербургскимъ губернаторомъ былъ назначенъ (2-го сентября 1793 г.) Н И. Рылѣевъ, вскорѣ произведенный въ генералъ-поручики (въ 1795 году), а затѣмъ награжденный, 13-го ноября 1796 г., орденомъ св. Анны 1-й степени, что̀ можетъ служить доказательствомъ милостиваго расположенія къ нему со стороны новаго Императора. Вскорѣ послѣ кончины Императрицы Екатерины II Н. И. Рылѣевъ Императоромъ Павломъ, 7-го января 1797 г., былъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими губернаторами, переименованъ изъ генералъ-поручиковъ въ тайные совѣтники, а затѣмъ, 9-го іюня того же года, уволенъ въ отставку; занимаемая имъ должность была возложена на графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена. Рылѣевъ, съ полученіемъ по смерть пенсіона въ 3.000 рублей, вѣроятно, проживалъ въ деревнѣ Галицкаго уѣзда, гдѣ и скончался 22-го февраля 1808 года; погребенъ онъ при Ильинской, что̀ въ Шарикѣ, церкви Галицкаго уѣзда; на надгробномъ памятникѣ его не имѣется никакихъ датъ.

Н. И. Рылѣевъ былъ женатъ, но на комъ, намъ неизвѣстно; его дочь, Елизавета Никитична, въ 1818 г. была замужемъ за генералъ-маіоромъ Иваномъ Ивановичемъ Прево-де-Люміаномъ (род. 1758); сынъ Рылѣева, неизвѣстный намъ по имени, былъ полковникомъ, былъ также женатъ и оставилъ малолѣтнюю дочь, которую тетка ея, упомянутая Е. П. Прево-де-Люміанъ, лишила всего имѣнія; спорное объ этомъ дѣло тянулось до 1819 г., какъ то видно изъ Записокъ А. С. Шишкова.

1-е Полное Собраніе Законовъ, томы XXI, № 15379 и 15634, XXII, № 16648, XXIII, № 16963, 16882, 16884, 17189 и 17240; „С.-Петербургская Столичная Полиція и Градоначальство. Краткій историческій очеркъ“, С.-Петербургъ. 1903 г.; Памятная Книжка С.-Петербургской губерніи на 1899 г., стр. XV; Князь Н. Н. Туркестановъ, Губернскій Служебникъ, С.-Петербургъ. 1869 г., стр. 7, 118; Архивъ графа Мордвинова, изд. Бильбасова, т. V, С.-Петербургъ. 1902, стр. 146; „Остафьевскій Архивъ“, т. III, стр. 514; „Русская Старина“ 1886, нояб., стр. 262, 1887, январь, стр. 92; 1888, т. 57, мартъ, стр. 791; Архивъ Правит. Сената, кн. Высоч. повел., кн. 192, стр. 152 и кн. 193, стр. 61; „Архивъ князя Воронцова“, т. V, стр. 424, 430; т. XVIII, 26, 35; „Сборн. Импер. Русск. Истор. Общества“, т. 29, стр. 94—95; „Дневникъ Храповицкаго“, изд. Н. П. Барсукова, стр. 26, 44, 213, 354; „Собраніе сочиненій Г. Р. Державина“, изд. Я. К. Грота, т. I, стр. 383 и слѣд. и 399, т. V, стр. 596; Провинціальный Некрополь, С.-Пб. 1914, т. 1, стр. 753; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Историческое собраніе списковъ кавалеровъ 4-хъ Императорскихъ орденовъ, стр. 335; Приложеніе къ Камеръ-Фурьерскому Журналу 1784 г., стр. 73; Списокъ Воинскому Департаменту 1792 г., стр. 59—60; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 21; Мѣсяцесловы 1786 г., стр. 116 и 1792 г., стр. 123; Безакъ, Описаніе С.-Петербурга, С.-Пб. 1794, стр. X; „Русск. Арх.“ 1870 (ст. 2081), 1872, 1875 и 1878 гг.; Восемнадцатый Вѣкъ, сборникъ Бартенева, т. I, стр. 242, 243; Записки, мнѣнія и переписка А. С. Шишкова, т. II, Берл. 1870, стр. 87 — 89; Опись дѣлъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 192.

П. Майковъ и Б. М—й.

Рымашевскій, *Ипполитъ Августовичъ*, операторъ, главный врачъ Ставропольскаго военнаго Госпиталя; родился 26-го марта 1823 года и происходилъ изъ дворянъ Минской губерніи; медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, откуда выпущенъ былъ лѣкаремъ въ 1849 году и назначенъ въ запасную бригаду 4-ой артиллерійской дивизіи, а черезъ два года—въ 1-ый Сводный резервный гусарскій полкъ. Въ томъ же году Р. былъ переведенъ сначала въ Екатеринодарскій военный Госпиталь, потомъ назначемъ Таманьскимъ окружнымъ врачемъ, а въ 1854 году—исполняющимъ должность оператора Черноморской войсковой Врачебной Управы. Въ 1856 году, получивъ званіе оператора Московскаго Университета, Р. занялъ должность главнаго лѣкаря Екатеринодарскаго военнаго Госпиталя, въ которомъ прослужилъ до 1870 года, когда былъ переведенъ на ту же должность въ Георгіевскій военный Госпиталь. Въ 1875 году былъ назначенъ консультантомъ Грозненскаго военнаго Госпиталя, въ которомъ служилъ до 1880 года. Во время Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. онъ находился при Эриванскомъ отрядѣ и въ это время получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, въ 1880 году былъ назначенъ главнымъ врачемъ Ставропольскаго военнаго Госпиталя, а въ слѣдующемъ году состоялъ при

Закаспійскомъ отрядѣ; умеръ отъ апоплексіи 9-го января 1882 года въ чинѣ д. с. совѣтника. Въ 1863 году имъ была издана въ Тифлисѣ книжка: „Псекупскія минеральныя воды".

Л. Ѳ. Змѣевъ. „Русскіе врачи-писатели", вып. II, С.-Пб. 1889 г., тетр. 5, стр. 104.

Н. М.

Рындинъ, *Другой Тимофѣевичъ*, былъ думнымъ дьякомъ Приказа Казанскаго и Мещерскаго Дворца въ 1611 г.

А. Ю. Б., II, стр. 528.

Рындинъ, *Кириллъ Степановичъ*, сенаторъ; происходилъ изъ дворянъ и родился около 1753 года. По обычаю того времени, онъ еще мальчикомъ, 30-го іюня 1765 года, былъ опредѣленъ сержантомъ въ армію, а 1-го января 1769 года произведенъ въ прапорщики и принялъ участіе въ походѣ противъ Оттоманской Порты: въ 1769 г. находился при аттакѣ и взятіи Хотина, въ 1770 г., получивъ званіе адъютанта (1-го января), былъ при разбитіи непріятеля при Ларгѣ (7-го іюля) и при Кагулѣ (21-го іюля) и за отличіе въ бояхъ, 21-го іюля 1770 г., былъ награжденъ чиномъ поручика. Черезъ 3 дня онъ присутствовалъ у Дунайскихъ береговъ при взятіи въ плѣнъ разбитыхъ турокъ и при отнятіи всего непріятельскаго обоза. Въ 1771 и 1772 г.г. Р. находился въ главной арміи, гдѣ 1-го января 1772 г. былъ произведенъ въ капитаны; въ 1773 г. участвовалъ при аттакѣ городовъ Силистріи и Рущука, а въ 1774 г.— въ дѣлахъ при разбитіи турокъ подъ Базарчукомъ (2-го іюня) и непріятельской конницы при Яни-Базарѣ (12-го іюня), а также при отбитіи, 4-го и 7-го іюля, вылазокъ изъ гор. Шумлы. За оказанную отличную храбрость при разбитіи непріятеля подъ Базарчукомъ, Р. былъ награжденъ чиномъ секундъ-маіора. Въ 1778 г. Рындинъ оставилъ военную службу и, произведенный при отставкѣ въ премьеръ-маіоры (29-го іюля), занялъ должность предсѣдателя Костромской Верхней Расправы (12-го сентября), а затѣмъ былъ Предсѣдателемъ Костромского Губернскаго Магистрата; 31-го іюля 1780 года Р. назначенъ былъ Совѣтникомъ Вологодскаго Намѣстническаго Правленія, гдѣ получилъ чинъ надворнаго совѣтника (24-го января 1782 г.), 24-го мая 1783 г. опредѣленъ Предсѣдателемъ Вологодскаго Верхняго Земскаго Суда, 29-го іюня 1784 г. переведенъ предсѣдателемъ Архангелогородской Гражданской Палаты, 22-го сентября 1785 г. награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, а 14-го ноября того же года назначенъ Предсѣдателемъ Вологодской Уголовной Палаты. Кромѣ указанныхъ выше должностей, Рындинъ два трехлѣтія несъ на себѣ званіе Вологодскаго Губернскаго Предводителя Дворянства (1787 — 1792 гг.), дѣятельно работая на пользу дворянства и заботясь „о заведеніи и сочиненіи узаконенной Всемилостивѣйшею дворянству грамотою родословной книги". 22-го сентября 1792 г. онъ получилъ назначеніе Поручикомъ Правителя Костромского намѣстничества, а 22-го сентября 1794 г., за отлично усердную и ревностную службу, пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1796 году Рындинъ былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника (28-го іюня) и назначенъ къ отправленію должности Оберъ-Прокурора во вновь учрежденномъ тогда для рѣшенія прежнихъ дѣлъ Межевомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. 11-го февраля 1797 г. ему было повелѣно быть въ должности Оберъ-Прокурора Межевого Департамента Сената, а 5-го апрѣля, въ день коронаціи Павла I, онъ пожалованъ былъ въ Оберъ-Прокуроры. Высочайшимъ указомъ 24-го декабря 1797 г. Р. пожаловано было 3000 десятинъ земли „изъ пустопорожнихъ земель, казнѣ принадлежащихъ", въ число которыхъ, по указу 24-го марта 1798 года, вошли земли: въ Вологодской губерніи 139 дес. 420 саж., въ Ярославской 883 дес. 458 с., въ Орловской 234 дес. 1867 саж., во Владимірской 185 дес. 1134 саж., въ Пензенской 62 дес. 229 саж. и въ Нижегородской 1495 дес. 692 саж.— 9-го іюля 1800 г. К. С. Рындинъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники, а 14-го октября того же года ему повелѣно было присутствовать во Временномъ Межевомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, изъ котораго 12-го декабря 1806 г. онъ былъ перемѣщенъ къ присутствованію въ 4 Департаментъ Сената. Рындинъ скончался 8-го февраля 1809 года, по полуночи въ 5-мъ часу, и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

У Р. было 4 сына: Филадельфъ (генералъ-маіоръ въ 1827 г.), Петръ (арміи

маіоръ), Николай (штабсъ-капитанъ) и Александръ, въ 1827 г. поручикъ и Вологодскій помѣщикъ.

Сенатскій Архивъ, Высочайшіе указы; Списки чинамъ гражданскаго вѣдомства; „Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества“, т. 62; Н. А. Мурзановъ, Списокъ сенаторовъ (рукописный); Князь Н. Туркестановъ, Губернскій служебникъ, стр. 119; „Русск. Арх.“ 1876, кн. III, стр. 422; Метрическія книги о умершихъ, Смоленскаго кладбища; „Архивъ Князя Воронцова“, pass.

Н. Мурзановъ и *Б. М.*

Рындинъ, *Лука Васильевичъ*, былъ дьякомъ Вологодскаго владыки въ 1579 и 1587 г.г.

А. А. Э., т. I, стр. 334 (Архивъ Строева, I, стр. 520); С. Шумаковъ, Сольвычегодскія сотницы, стр. 10.

Рындо, *Иванъ Сидоровичъ*, врачъ; происходилъ изъ мѣщанъ, родился въ 1824 г., медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, изъ котораго былъ выпущенъ лѣкаремъ 1-го Отдѣленія и назначенъ въ Мингрельскій егерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ Модлинскій пѣхотный полкъ, съ которымъ и сдѣлалъ всю Венгерскую кампанію; по возвращеніи въ Россію былъ переведенъ въ Измайловскій госпитальный кадръ, а въ 1854 году назначенъ штабъ-лѣкаремъ Подольскаго егерскаго полка, съ которымъ совершилъ кампанію 1854—1856 гг.; затѣмъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ Кіевскаго гусарскаго полка, а въ 1862 г. переведенъ на ту же должность въ 5-й стрѣлковый баталіонъ, гдѣ прослужилъ 3 года и въ 1865 году вышелъ въ отставку и поселился въ Витебскѣ, гдѣ занялся частной практикой и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ Витебскаго Общества врачей. Въ 1875 году въ „Протоколахъ“ этого Общества были помѣщены его статьи: „По поводу отвѣтственности врача за неявку къ больному“ и „О рожѣ“; въ 1876 г. тамъ же помѣстилъ статью „О леченіи бродячей рожи лица у дѣтей старшаго возраста“, а въ 1877 году статью „Взглядъ на гигіеническое положеніе г. Витебска и жителей его“ (1877 г., стр. 28). Скончался 3-го ноября 1880 г., на 57 году отъ рожденія.

Ѳ. Л. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, вып. II, С.-Пб. 1889 г., тетр. V, стр. 104.

Н. М.

Рындовскій, *Ѳедоръ Михайловичъ*, поэтъ; родился 7-го февраля 1783 года въ Черниговской губерніи, въ семьѣ священника; образованіе получилъ въ Черниговской Семинаріи, изъ которой затѣмъ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію въ Петербургѣ. По даннымъ формуляра, курсъ Академіи онъ окончилъ въ 1805 году, со званіемъ лѣкаря (7-го марта), а въ 1809 году получилъ званіе штабъ-лѣкаря (18-го мая). По окончаніи курса Р. долгое время жилъ въ Петербургѣ, о чемъ и вспоминаетъ, какъ о времени веселья, какъ о времени, прожитомъ среди друзей безъ заботъ (см. „Путешествіе и Отдыхи“, „Къ пріятелю въ столицу изъ деревни“).

Можно думать, что литературная дѣятельность Р. началась еще въ Черниговѣ: въ то время въ Семинаріяхъ процвѣтали занятія поэзіей, но оффиціально, въ печати, онъ выступилъ уже въ Петербургѣ. Въ 1809 году онъ издалъ книжку своихъ мелкихъ стихотвореній: „*Унылые, веселые и печальные тоны моего сердца*“ (С.-Пб. 1809). Жизнь среди веселья, когда „языкъ развяжетъ намъ вино, а сердце надѣлитъ словами“,—наложила опредѣленный отпечатокъ на міровоззрѣніе поэта. Чисто внѣшнія удовольствія скоро, очевидно, ему надоѣли. Въ нихъ онъ увидѣлъ жизненную фальшь, и въ дальнѣйшемъ о столичной жизни отзывается не особенно лестно:

Тамъ языки—ехидны жало!
Въ сердцахъ же чувствъ не ожидай.

(„Къ пріятелю въ столицу изъ деревни“).

Въ силу этого, при первой возможности онъ покинулъ столицу и поѣхалъ въ глухую провинцію, въ 1811 году бывъ назначенъ въ Тетюшское рекрутское Депо (Казанской губерніи).

На первыхъ порахъ послѣ сутолоки и разочарованія въ столичной жизни, онъ въ провинціи жаждалъ отдыха. Тетюши и теперь—большое захолустье, въ то же время это была скорѣе деревня:

Городомъ назвать неможно: Въ городахъ квартиры есть.

Но это не смущало его, мечтавшаго о душевномъ покоѣ, и онъ съ большими надеждами отправился къ мѣсту своего новаго служенія:

Все готово—дунемъ къ мѣсту! Какъ женихъ
красу-невѣсту Жаждетъ въ первый разъ обнять

Такъ и я лечу въ Тетюши На безлюдьи бить баклуши, Тѣломъ жить, душою спать.

(Путешествіе и отдыхъ).

И онъ мечталъ здѣсь,—среди чувашъ, татаръ, мордвы,—найти отдыхъ своему сердцу, усталому отъ притворной любви столицы.

Его ожиданія отчасти оправдались. Правда, физическаго отдыха онъ здѣсь не нашелъ: въ 1811 году онъ уже, вмѣстѣ съ Депо, былъ переведенъ въ Таганрогъ. Стихотворенія этого года помѣчены Таганрогомъ, Ростовомъ, но начатки душевнаго покоя въ его личной жизни намѣчаются уже въ Тетюшахъ. „Чтобы сердцемъ излечиться, нужно съ сердцемъ подружиться"—писалъ онъ въ Тетюшахъ,—и дѣйствительно, въ Тетюшахъ онъ нашелъ то, что искалъ: здѣсь онъ знакомится съ помѣщичьими семьями, особенно съ семьей извѣстнаго въ то время идиллика Влад. Ив. Панаева. Въ стихотвореніяхъ этихъ годовъ (напечатаны они были позднѣе) мы можемъ замѣтить уже намеки на его сильное чувство къ семьѣ Панаевыхъ.

Въ Таганрогѣ Р. былъ до 16-го апрѣля 1815 года, когда былъ назначенъ въ „Казанскую Военную Гошпиталь",—можетъ быть, не безъ содѣйствія старыхъ знакомыхъ, и здѣсь уже Р. окончательно поселился. Въ 1818 году онъ женился на второй дочери Ивана Ивановича Панаева—Поликсенѣ Ивановнѣ (род. 1789, ум. 1848), сестрѣ поэта, а вскорѣ вышелъ въ отставку „по болѣзни" (1819 г., 24-го марта) и сдѣлался Казанскимъ жителемъ.

Казань въ началѣ XIX вѣка была однимъ изъ крупныхъ провинціальныхъ литературныхъ центровъ, съ опредѣленной литературной традиціей, созданной здѣсь такими поэтами, какъ Державинъ или Г. Каменевъ, родоначальникъ сентиментализма. Ко времени же пріѣзда Ѳ. М. Рындовскаго эта традиція вылилась въ опредѣленную литературную организацію—Общество Любителей Отечественной Словесности при Имп. Казанскомъ Университетѣ, гдѣ руководителемъ былъ извѣстный въ то время проф. Г. Н. Городчаниновъ.

Рындовскій, конечно, не могъ пройти мимо этого литературнаго кружка и какъ близкій человѣкъ къ Казанской интеллигенціи, благодаря родству съ Панаевыми, такъ и въ силу своихъ литературныхъ интересовъ, которые въ немъ не заглохли ни въ провинціи, ни во время скитальчества по Россіи, о которомъ онъ пишетъ въ своемъ „Путешествіи и отдыхѣ":

Я не годъ живу на свѣтѣ,
Ѣздилъ на ослахъ верхомъ.
Съ барской гордостью въ каретѣ,
На телѣгѣ мужичкомъ;
А нерѣдко и пѣхотой
По неволѣ и охотой
До упаду силъ своихъ
Измѣрялъ въ Руси дорогу
И доселѣ,—слава Богу!—
Безъ напастей роковыхъ.

Въ литературномъ же отношеніи къ этому времени онъ былъ вполнѣ самоопредѣлившимся поэтомъ. Мотивы его поэзіи, правда, были не широки. Онъ не внесъ ничего новаго. Онъ шелъ по проторенной дорожкѣ, вполнѣ уничтожался, такъ сказать, поэтически въ міросозерцаніи Жуковскаго: и для него „земная жизнь, есть сновидѣнье: Мы въ ней осуждены къ мечтамъ" („Настоящая и будущая жизнь").

И только вѣра въ будущую жизнь даетъ ему силы:

О, вѣра! Я живу тобою,
Хоть и увялъ здоровья цвѣтъ;
Иду нетрепетной ногою,
Куда мой рокъ меня зоветъ.

(Жизнь и Смерть).

Въ этой же жизни для него привлекательнаго ничего нѣтъ. Въ ней онъ не можетъ найти осуществленіе своимъ мечтамъ,—она полна „пустыхъ надеждъ, слѣпыхъ желаній", она является „смѣсью добра и зла". Лучшее, что въ ней есть—это любовь. Ей онъ и слагаетъ свои пѣсни:

Пусть вдохновенные поэты
Гармоніей своихъ стиховъ,
Одушевляютъ всѣ предметы,—
Я пѣть хочу одну любовь.

(Мое занятіе).

Но истинной, вѣчной любви, которая является космическимъ началомъ міровой жизни, лучемъ Божества („Любовь". „Сотвореніе міра"),—на землѣ нѣтъ. Земная любовь слишкомъ вѣтренна и непостоянна. На землѣ является закономъ мода—

Настали тѣ блаженны годы!
Счастлива участь милыхъ женъ!
Нѣтъ вѣрности—по праву моды—
А мода всѣмъ даетъ законъ!

(Вѣкъ просвѣщенья).

И въ его поэзіи, когда онъ касается земныхъ отношеній любящихъ, звучитъ нотка сатиры. Поэтъ предостерегаетъ мужчинъ отъ женъ-модницъ, которыя даютъ счастье любви лишь два раза въ жизни:

Всю жизнь съ ней два лишь дня онъ не
клянетъ судьбины—
День брачныхъ радостей и день ея кончины.

(О супружествѣ N. N.).

Въ сатирахъ предостерегаетъ поэтъ и женщинъ отъ увлеченій мечтами:

Красавицы! мужчинъ страшитесь;
Въ ихъ каждомъ словѣ ядъ сокрытъ;
Онъ сладокъ вамъ, но берегитесь:—
Въ немъ заключается вашъ стыдъ.

(Непостоянство мужчинъ).

И непостоянству любви на землѣ поэтъ посвящаетъ рядъ сатирическихъ стихотвореній, съ особенною силою указывая на превратность любви женщинъ („О супружествѣ N. N.“, „Непостоянство женщинъ“, „Модная жена“, „Вѣкъ просвѣщенія“,— и крупное произведеніе: „Модница, или жена, какихъ вездѣ довольно“). Этотъ мотивъ онъ и считаетъ единственнымъ для современныхъ Ювеналовъ.—

А дней новѣйшихъ Ювеналы,
Ни то, ни се,—и намъ ихъ жаль—
Они то приторны, то вялы,
То носятся въ туманну даль.

(Непостоянство женщинъ).

О чистой же, божественной любви можно только мечтать подъ дымкой меланхоліи въ силу несоотвѣтствія идеала и дѣйствительности. И поэтъ тоскуетъ по этой любви въ цѣломъ рядѣ элегическихъ произведеній, пропикнутыхъ этой скорбью по неосуществленному идеалу.

И въ этомъ отношеніи учителемъ его былъ Жуковскій—

свѣтлый нашъ пѣвецъ
Балладъ единственный творецъ,
Небеснымъ даромъ вдохновленный,
Безсмертной славой озаренный.
Мы жаждемъ слушать твой напѣвъ:
Пой милыхъ дѣвъ—для юныхъ дѣвъ,
Рать русскую—для русскихъ воевъ,
Героевъ славу для героевъ
Нашъ Русскій Шиллеръ, нашъ Тиртей
Плѣняй насъ музыкой своей.

(Метроманія).

Естественно, что, когда Рындовскій, уже опредѣлившійся поэтъ, явился въ Казань, онъ занялъ въ литературныхъ кругахъ опредѣленное мѣсто,—настолько опредѣленное, что нашлись и подражатели ему, правда,—неудачные, какъ вице-губернаторъ Казанскій Е. В. Филипповъ.

Въ это время Рындовскій возобновилъ литературныя связи съ Петербургомъ. Въ 1818 году онъ началъ печатать свои стихотворенія въ журналѣ Измайлова: „Благонамѣренный“, гдѣ сотрудникомъ былъ и Влад. Ив. Панаевъ. Въ этомъ журналѣ Рындовскимъ напечатано до 16 стихотвореній, разнообразныхъ по содержанію и настроенію: находимъ среди нихъ и элегіи, и сатиры, и даже оды.

Благодаря участію въ этомъ журналѣ, Рындовскій, какъ поэтъ, становится уже извѣстнымъ, и, конечно, въ Казани онъ былъ однимъ изъ крупныхъ; безъ него уже теперь не возникаетъ ни одно литературное предпріятіе. И когда здѣсь возникъ литературный кружокъ основанный проф. К. Ѳ. Фуксомъ, гдѣ главную роль играла его жена — Казанская поэтесса А. А. Фуксъ,—Ѳ. М. Рындовскій явился однимъ изъ дѣятельныхъ его участниковъ, принявъ участіе и въ журналѣ, каторый началъ издаваться по иниціативѣ кружка,—„Заволжскій Муравей“.

Каждый номеръ этого журнала имѣлъ въ себѣ то или иное произведеніе Рындовскаго. Здѣсь же были напечатаны и нѣкоторыя прежде написанныя имъ произведенія; такъ, на страницахъ этого журнала начали печататься отрывки „Путешествія и Отдыхи“—произведенія, начатаго еще въ 1810 году, нѣкоторыя элегіи, написанныя имъ въ Таганрогѣ въ 1813 году, и т. д. Здѣсь же мы находимъ и тѣ стихотворенія, въ которыхъ сказались его литературные вкусы и взгляды на русскую поэзію. Его отзывъ о поэзіи Жуковскаго уже приведенъ. Но не одинъ Жуковскій былъ его поэтическимъ учителемъ. Такія стихотворенія, какъ „Мое занятіе“, „Пѣснь пирующихъ“ не могли быть навѣяны поэзіей Жуковскаго. Здѣсь былъ другой источникъ, и онъ вскрывается въ стихотвореніи, посвященномъ Державину, гдѣ Рындовскій устанавливаетъ для того времени исключительный, но совершенно правильный взглядъ на поэзію Державина. Державинъ для него

не поэтъ Екатерины, а поэтъ земныхъ радостей и счастья въ духѣ Анакреона:

Твои вакханки огневыя
И пламенѣютъ, и кипятъ,
Странъ русскихъ дѣвы молодыя
Родною пляской говорятъ.
Изобразишь ли женъ прекрасныхъ—
Въ ихъ свѣтломъ взглядѣ, въ чувствахъ ясныхъ
И вепорочность, и любовь;
Твои амуры—дѣти рая;
Хариты—прелесть неземная,—
То хоры дѣвъ другихъ міровъ.

(Дума).

Всего въ „Заволжскомъ Муравьѣ" было помѣщено около 20 стихотвореній такого же характера и формъ, какія мы находимъ въ „Благонамѣренномъ". Вообще Р. и къ концу своей литературной дѣятельности остался тѣмъ же сентименталистомъ, послѣдователемъ Жуковскаго, съ чего началъ свою литературную карьеру. Въ этомъ отношеніи новѣйшія теченія поэзіи, какія обрисовались въ лицѣ Пушкина, прошли мимо него. Всю жизнь онъ продолжалъ писать элегіи, воспѣвать идеальную любовь, иногда только отступая отъ этого въ сторону сатиры.

Умеръ Р. въ Казани 27-го сентября 1839 г.

Перу Р. принадлежатъ слѣдующія произведенія:

„Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца", С.-Пб. 1809 г. Въ журналѣ „Благонамѣренный" помѣщены, съ подп.: Ѳ. Рындовскій; Ѳ. Р.; Ѳ. Ры-скій: „Вѣкъ Просвѣщенія". Съ польскаго—1818, № 1 (Январь), стр. 15—16; „Къ пріятелю въ столицу изъ деревни". Съ польскаго. Казань—1818, № V, (Май), стр. 142—144; „Пѣснь пирующихъ"—1818 г., № II (Февраль), стр. 196—197; „Жизнь и смерть"—1818 г., № VI (Іюнь), стр. 267—268; „Г. И. П."—Къ грудной булавкѣ съ птичкою, держащей сердечко на золотой цѣпочкѣ. Казань—1818, № VI (Іюнь), стр. 286; „Къ Полинѣ". Элегія. Таганрогъ. 1811—1818, № VII (Іюль), стр. 3—9; „Шарада". Казань—1819. № X (Май), стр. 219; „Пѣснь радости". Съ латинскаго. Казань—1819, № XXI (ноябрь), стр. 129—134; „Волкъ и Лисица". Басня. Казань—1819, № VI (мартъ), стр. 330—331; „Надежда на будущую жизнь". Подражаніе французскому. Казань—1819, № X (Май), стр. 209—210: „Акростихи": I. Лиза.—Таганрогъ 1812; II. Глафира.—Казань. 1811—1821, № IV (Февраль), стр. 206; „Экспромптъ" (на вопросъ: что скажу о дѣвицахъ П...). Ростовъ. 1812—1821, № IV (Февраль), стр. 205—206; „Къ Полинѣ". При врученіи ей золотого перстня, на которомъ изображены двѣ руки, укрѣпленныя алмазомъ. Казань. 1811—1821, № III (Февраль), стр. 145—146; „Модница, или жена, какихъ вездѣ довольно". Съ польскаго. Казань—1821, № V (Мартъ), стр. 256—268; „Наказанное любопытство". Съ французскаго. Казань—1821, № XV (августъ), стр. 158—159.

Въ журналѣ „Заволжскій Муравей" помѣщены (съ подп.: Ѳ. М. Рындовскій, Ѳ. Р., Ѳ. Ры-скій): „Мое занятіе"—1832 г., ч. I, № 1, стр. 29—32; „Копія съ письма въ Санктъ-Петорбургъ". Къ Вл. Ив-чу Па-ву—1832, ч. I, № 3, стр. 119—129; Стихи, пѣтые 20 ноября 1831 года въ день восшествія на всероссійскій престолъ Его Имп. Величества Государя Императора Николая I (три стихотворенія)—1832 г., ч. I, № 3, стр. 130—131, 132—133; 133—134; „О супружествѣ N. N." (Отвѣтъ на письмо пріятеля)—1832, ч. II, № 9, стр. 482—488; „Любовь"—1832 г. ч. II, № 10. стр. 535—538; „Непостоянство женщинъ"—1832 г., ч. II, № 12, стр. 637—643; „Настоящая и будущая жизнь"—1832 г., ч. III, № 17, стр. 942—943; „Коварство мужчинъ"—1832 г., ч. III, № 18, стр. 1006—1008; „Къ ней"—1832, ч. III, № 21, стр. 1193—1195; „Метромания"—1832 г., ч. III, № 22, 1255—1260; „Лѣтнее утро". Элегія. Таганрогъ, 1813—1832 г.. ч. III, № 24, стр. 1885—1889; „На смерть малолѣтней дочери Надежды, скончавшейся 9 августа 1832 г. Село Никольское—1832 г., ч. III, № 24, стр. 1389—1392; „Модная жена"—1833 г., ч. I, № 1, стр. 20—32; Посланіе пріятелямъ моимъ. Изъ „Путешествіе и Отдыхъ". Рыбинскъ. Ноября 2 дня 1810 г.—1833, ч. I, № 8, стр. 432—439; Отрывокъ изъ стихотворенія „Путешествіе и Отдыхъ". Тетюши. 24 ноября. 1810—1833 г.. ч. II, № 9, стр. 499—504; Отрывокъ изъ стихотворенія „Путешествіе и Отдыхъ"—1833, ч. II, № 10, стр. 556—561; Дума при полученіи Высочайшаго соизволенія на сооруженіе въ Казани памятника великому поэту—1834 г., № 5, стр. 250—255; „Элегія". Таганрогъ, 1811 г.—

1834 г., № 11, стр. 146—154; „Экспромтъ, написанный послѣ благороднаго спектакля въ пользу бѣдныхъ, даннаго въ г. Казани 5 февраля 1834 года—1834 г., № 11 стр. 154—155; „Сотвореніе міра", Поэма, С.-Пб. 1832; „Путешествіе и Отдыхъ" Стихотворный разсказъ, Казань. 1833 г.

Ѳ. М. Рындовскій—„Русск. Вѣстникъ", ч. CXVIII (1875 г.), стр. 611—615; Н. Я. Агафоновъ, Казанскіе поэты—„Истор. Вѣстн." 1900 г., кн. VIII, стр. 594—595; Е. А. Бобровъ, А. А. Фуксъ и Казанскіе литераторы 30—40-хъ г.г.—„Русск. Стар." 1904 г., № VII; Н. П. Лихачевъ, Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки—„Русск. Библіофилъ" 1913, кн. V, стр. 59—63 (здѣсь же напечатано стих. Ѳ. М. Рындовскаго: „Вездѣ въ Альбомахъ много словъ"—стр. 62); Г. Геннади, Словарь, т. III, 2875; А. Мезьеръ, Русская литература, ч. II, стр. 353; В. Карцевъ и М. Мазаевъ, „Опытъ словаря псевдонимовъ русск. писателей", С.-Пб. 1891, стр. 114, 145; „Московскій Телеграфъ", 1832, ч. 47, стр. 256; „Библіотека для Чтенія", 1834 г., т. II, отд. VI, стр. 2; „Мѣсяцесловъ" 1825, ч. I, стр. 599; 1834, ч. I, стр. 560.

Л. Ильинскій.

Рынкевичъ (также **Ренкевичъ**), *Ефимъ Ефимовичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Вятскій Гражданскій Губернаторъ (1830—1834 гг.); происходилъ изъ дворянъ Лифляндской, губерніи и родился 25-го марта 1772 г. въ Ямбургѣ: въ службу вступилъ нижнимъ чиномъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ и 1-го января 1790 г. былъ выпущенъ изъ него капитаномъ въ Псковскій мушкатерскій полкъ, а 3-го іюля 1791 г. перемѣщенъ былъ въ Козловскій мушкатерскій же полкъ и 29-го сентября 1794 г., за отличіе, былъ пожалованъ въ секундъ-маіоры, получивъ, кромѣ того, за штурмъ Праги, золотой крестъ (24-го сентября 1794 г.). Переведенный, 21-го августа 1798 г., въ Полтавскій мушкатерскій полкъ, Р. 12-го января 1799 г. былъ назначенъ его полковымъ командиромъ и 15-го сентября того же года произведенъ былъ въ подполковники. Награжденный 30-го января 1800 г. орденомъ Анны 2-й степ., а 11-го декабря того же года произведенный въ полковники, Р. 24-го декабря 1801 г., по прошенію, уволенъ былъ отъ службы. Въ годъ своего поступленія въ дѣйствительную службу, Р. принялъ участіе въ походахъ противъ Шведовъ—въ 1790 году; апрѣля 28-го находился въ командѣ у секундъ-маіора Несвѣтаева и при пограничной деревнѣ у Раксаловой перешелъ непріятельскую сторону за рѣку Кюмень, при занятіи непріятельскаго стана. Въ 1792 г. съ 26-го іюля находился въ Польшѣ, въ 1794 г. былъ тамъ же въ дѣлахъ противъ поляковъ: 26-го мая—при Щикочинѣ, 28-го и 29-го—при Песочномъ; былъ затѣмъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ со 2-го іюля по 26-е августа у Варшавы, подъ долговременною канонадою; 27-го сентября—переправясь на правую сторону рѣки Вислы, и 29-го при атакѣ и разбитіи непріятеля, укрѣпившаго станъ при Мещевицѣ, гдѣ взятъ былъ Костюшко. 24-го сентября онъ былъ при штурмѣ Праги, за что получилъ вышеупомянутый золотой крестъ въ петлицу.

Поступивъ, 30-го ноября 1806 г., въ составъ Земскаго войска, Р. находился сначала тысячникомъ по 4-й области, а потомъ, по требованію Главнокомандующаго ею, назначенъ былъ для образованія подвижной милиціи—до 31-го января 1808 г., при чемъ въ 1808 г. получилъ за это подарокъ и золотую медаль на Владимірской лентѣ. Въ 1812 г. Р. съ Рязанскимъ ополченіемъ, въ которое поступилъ 8-го августа 1812 г. и въ коемъ командовалъ 3-мъ пѣхотнымъ полкомъ, былъ „въ походахъ и дѣйствіяхъ противу непріятеля для защищенія къ столичному городу Москвѣ", за что и получилъ Высочайше установленную въ 1812 году серебряную медаль на голубой лентѣ; по переходѣ же за границу 19-го іюля 1813 года Р. принялъ подъ свое начальство бригаду и былъ взятъ съ оною изъ Рязанскаго ополченія по именному Высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантомъ Закревскимъ въ Польскую армію; по 1-е января 1815 года онъ находился въ Галиціи, въ Герцогствѣ Варшавскомъ, въ Силезіи, Богеміи, Саксоніи и въ оной при блокадѣ Дрездена, съ 1-го октября по 1-е ноября 1813 года, и въ бывшей вылазкѣ французовъ изъ Дрездена, октября 5-го числа, и въ дѣйствительномъ сраженіи противъ оныхъ; былъ равно и при сдачѣ того города на капитуляцію; послѣ сего, выступивъ съ полкомъ чрезъ Пруссію, Бранденбургъ и Вестфалію, находился при блокадѣ крѣпости Магдебурга съ 15-го декабря 1813 г. по 4-е января 1814 года, гдѣ во время сдѣланной непріятелемъ сильной вылазки декабря 19-го, при деревнѣ Дездорфъ, а также 23-го—при

другой деревнѣ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ находился; затѣмъ, выступивъ къ крѣпости Гамбургу, проходилъ чрезъ владѣніе Брауншвейгское, Ганноверское, Голштинію, Данію и земли Ганзеатическія и по прибытіи къ крѣпости Гамбургу находился при блокадѣ оной съ 22-го генваря по 15-е іюня 1814 года, а за дѣла, бывшія 28-го генваря и 5-го февраля того же года, и за ночныя вылазки получилъ золотую шпагу съ надписью „за храбрость"; по сдачѣ Гамбурга, слѣдуя со ввѣреннымъ ему отрядомъ вторично чрезъ Голштинію и владѣніе Ганноверское, проходилъ Герцогства Мекленбургъ-Шверинское и Мекленбургъ-Штрелицкое и потомъ чрезъ Пруссію, Померанію и Польшу достигъ до границъ Россійскихъ.

Уволившись отъ службы 13-го апрѣля 1815 г., по роспускѣ ополченія, Р. 12-го іюля того же 1815 г. былъ назначенъ и. д. Симбирскаго вице-губернатора, въ каковой должности былъ утвержденъ 10-го ноября 1816 г. съ производствомъ въ статскіе совѣтники. 3-го августа 1817 г. Р. былъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Москву, 21-го августа 1818 г. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ., а 18-го апрѣля 1819 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 28-го октября 1821 г. Р. уволенъ былъ, по прошенію, отъ должности Московскаго вице-губернатора съ назначеніемъ состоять при Герольдіи. Въ Москвѣ Р., по словамъ одной записки Фонъ-Фока (Управляющаго III Отдѣленіемъ), „велъ жизнь чрезвычайно раскошную, позволяя себѣ, по занимаемому имъ мѣсту, большія злоупотребленія. Покойный Графъ Гурьевъ намѣренъ былъ предать его уголовному Суду, но предстательствомъ Оберъ-Егермейстера Пашкова, на племянницѣ котораго Ринкевичъ былъ женатъ, онъ избавился отъ Суда и былъ только удаленъ отъ мѣста". — 27-го августа 1829 г. онъ былъ опредѣленъ въ Коммиссію, Высочайше учрежденную для разсмотрѣнія Положенія о мѣрахъ борьбы съ корчемствомъ, 28-го ноября того же года опредѣленъ былъ чиновникомъ особыхъ порученіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и, наконецъ, назначенъ Вятскимъ гражданскимъ Губернаторомъ — 24-го января 1830 года; находясь на службѣ, онъ умеръ 19-го марта 1834 года, послѣ десятинедѣльной болѣзни, и похороненъ былъ сперва въ Вяткѣ, въ церкви Всѣхъ Святыхъ, гдѣ донынѣ сохранилась чугунная доска съ соотвѣтствующею надписью, а затѣмъ—въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, куда тѣло его было вывезено 5-го іюня того же года.

Въ бытность свою въ Вяткѣ, Рынкевичъ пожертвовалъ серебряную лампаду къ чтимой мѣстной иконѣ Спасителя, которая находится въ Присутствіи Губернскаго Правленія, гдѣ ежегодно, въ день 16-го августа, совершается торжественное молебствіе.

Изъ отношенія, поступившаго въ Губернское Правленіе изъ Рязанскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія отъ 21-го іюля 1912 года за № 1298, въ которой одна изъ внучекъ Рынкевича ходатайствовала о выдачѣ ей копіи съ формулярнаго списка Е. Е. Рынкевича, видно, что потомки его, согласно указу Правительствующаго Сената по Департаменту Герольдіи отъ 28-го февраля 1891 года за № 2334, послѣдовавшему въ Рязанское Дворянское Депутатское Собраніе, теперь именуются по фамиліи „Рынкевичи", а не „Ренкевичи".

Е. Е. Рынкевичъ былъ женатъ съ 1799 г. на Александрѣ Александровнѣ Пашковой (род. 27-го сентября 1772 г., ум. 22-го апрѣля 1823 г. въ Москвѣ; погребена съ мужемъ), старшей дочери А. И. Пашкова, женатаго на богачкѣ Д. И. Мясниковой, и получилъ за ней большія помѣстья въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. Изъ ихъ сыновей Александръ Ефимовичъ Р. (род. 1802 г.), товарищъ по л.-гв. Конному полку поэта князя А. И. Одоевскаго, былъ прикосновенъ къ дѣлу декабристовъ и въ 1826 г. былъ переведенъ въ Бакинскій гарнизонный батальонъ прапорщикомъ, а Ефимъ Ефимовичъ (род. 7-го апрѣля 1807 г., ум. 14-го марта 1849) съ 10-го мая 1848 г. былъ Управляющимъ Московской Палатой Государственныхъ Имуществъ (до того былъ въ той же должности въ Тулѣ); изъ дочерей Р. Татьяна Ефимовна (род. 30-го октября 1804, ум. 29-го апрѣля 1828) была за Иваномъ Алексѣевичемъ Пушкинымъ (род. 1804, ум. 1875).

Съ дѣтьми Е. Е. Рынкевича, въ качествѣ домашняго ихъ учителя, занимался, съ 1817 г., Д. М. Перевощиковъ, впослѣдствіи академикъ.

Формулярный списокъ 1831 г.; „Сѣв. Пчела“ 1834 г., № 78 (некр.); „С.-Петерб. Вѣд.“ 1834 г., № 82 (некр.); „Труды Вятской Ученой Арх. Комм.“, 1912 г., кн. III, стр 96—98; С. П. Жихаревъ, Дневникъ студента, изд. „Русск. Арх.“, стр. 248; „Московскій Некрополь“, т. III, стр. 16; Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родосл. книга, т. II, стр. 79; „Русск. Стар.“ 1904 г., іюль, стр. 161; В. И. Чернопятовъ, Тульскій Родословецъ, ч. VI; Столѣтіе Вятской губерніи. 1780—1880, т. II, Вятка. 1881 г., стр. 401 и сл., 415.

Б. М—ій.

Рыхлевскій, *Андрей Ивановичъ*, Директоръ Медицинскаго Департамента; род. въ 1783 г., въ службѣ находился съ 1792 г. въ Совѣстномъ Судѣ бывшей Колыванской губерніи, откуда около 1795 г. перешелъ въ штатъ Тобольскаго гражданскаго губернатора. Въ 1803 г. Р. опредѣлился въ Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1808 г. произведенъ былъ въ коллежскіе ассессоры и въ 1810 г. перешелъ въ Департаментъ Полиціи. Съ 1811 по 1815 г. Р. былъ Совѣтникомъ Рязанскаго Губернскаго Правленія, а въ 1816 г. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Главноуправляющемъ Грузіи А. П. Ермоловѣ, былъ у него Правителемъ Канцеляріи, а въ 1817 г. участвовалъ, въ званіи коммиссара, въ Персидскомъ посольствѣ Ермолова, завѣдуя денежными суммами и подарками, предназначавшимися для Шаха; въ 1818—1820 гг. ему пришлось участвовать въ походахъ въ Грузіи, причемъ въ 1819 г. онъ былъ въ дѣйствительномъ сраженіи при защитѣ крѣпости Внезапной отъ нападеній черкесовъ. Въ 1821 г., будучи уже статскимъ совѣтникомъ, онъ былъ назначенъ Олонецкимъ гражданскимъ губернаторомъ; въ этой должности онъ прослужилъ до 8-го января 1825 г., когда былъ переведенъ губернаторомъ же въ Вятку, въ 1826 г. произведенъ въ д. с. совѣтники, 24-го февраля 1829 г. награжденъ былъ орденомъ Анны 1-й степени, а 24-го января 1830 г. отъ этой должности уволенъ съ назначеніемъ Директоромъ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но уже 3-го декабря того же 1830 г. скончался, 48 лѣтъ отъ роду, въ Петербургѣ, гдѣ и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ; его вдова, Елена Павловна, пережила его на 45 лѣтъ и скончалась 10-го декабря 1875 г., на 73 г. Р. имѣлъ сыновей Павла (род. въ 1827 г., ум. 25-го мая 1883 г., д. с. с.) и Ивана (род. 1828 г., ум. въ Палермо 15-го октября 1900 г., д. с. с., Управляющей Гродненской Казенной Палатой). Въ Вяткѣ Р. оставилъ по себѣ память человѣка, „отличавшагося особенною справедливостію въ своихъ дѣйствіяхъ и заслужившаго расположеніе жителей ввѣреннаго его управленію края“.

Адресъ-Календари и Списки губернаторовъ; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 644; Столѣтіе Вятской губерніи 1780—1880, т. I, Вятка. 1880, стр. 141—143, 381—387 и т. II, стр. 390—401; формулярный списокъ въ дѣлѣ Архива Департамента Герольдіи Прав. Сената.

Б. М.

Рычковъ, *Владиміръ Дмитріевичъ*, присяжный повѣренный, редакторъ „Судебнаго Вѣстника“ и „Сѣвернаго Вѣстника“, ум. въ ноябрѣ 1884 г. По окончаніи курса въ Казанскомъ Университетѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь вскорѣ занялъ замѣтное мѣсто въ средѣ присяжной адвокатуры, такъ какъ былъ выдающимся цивилистомъ, хорошо знавшимъ теорію гражданскаго права, и принималъ дѣятельное участіе въ „Судебномъ Вѣстникѣ“, издававшемся подъ редакціей профессора А. П. Чебышева-Дмитріева. Въ концѣ 1875 г. эта газета (и приложеніе къ ней — „Судебный Журналъ“) перешла отъ А. Думашевскаго къ Рычкову, и все время его редакторства (до 21 № за 1877 г., когда изданіе было пріостановлено) была органомъ лучшей части русскихъ юристовъ. По прекращеніи „Судебнаго Вѣстника“, Р. былъ нѣкоторое время редакторомъ замѣнившаго эту газету „Сѣвернаго Вѣстника“ (началъ выходить съ мая 1877 г. и былъ запрещенъ по Высоч. повелѣнію на 94 № за 1878 г.), но это редакторство было также непродолжительно, а послѣдніе годы жизни Рычкова были исключительно посвящены адвокатурѣ.

„Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права“ 1884 г., декабрь, отд. II, стр. 35; П. М. Лисовскій, Библіографія русской періодической печати, Пгр. 1915 г.

Н. М.

Рычковъ, *Николай Петровичъ*, сынъ историка Оренбургскаго края П. И. Рычкова; родился въ 1746 году, умеръ въ 1784 г. Съ малолѣтства былъ записанъ

въ военную службу и числился, а затѣмъ и служилъ сперва въ драгунскомъ Троицкомъ, а потомъ въ Ревельскомъ и, наконецъ, въ Пензенскомъ пѣхотныхъ полкахъ. Въ 1767 году онъ оставилъ военную службу съ чиномъ капитана и въ томъ же году поступилъ въ снаряженную Императорскою Академіею Наукъ экспедицію проф. Палласа „для физическаго описанія южныхъ Россійскихъ провинцій“ и описалъ мѣста по западному берегу рѣки Бѣлой до Камы и далѣе до Кунгура, Челябинска и по Киргизской степи; былъ въ Вяткѣ и Перми и осматривалъ Соликамскіе заводы.

Въ этой экспедиціи Н. П. Рычковъ объѣздилъ въ 1769 и 1770 годахъ Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Казанскую губерніи. „Не имѣя ученой подготовки, — пишетъ П. П. Пекарскій: „въ чемъ откровенно сознавался самъ, онъ выказалъ, однако, много добросовѣстности и усердія при выполненіи данной ему инструкціи, такъ что его описанія и донынѣ могутъ служить съ пользою, въ особенности по значительному количеству довольно точныхъ для своего времени чертежей и извѣстій о древнихъ городищахъ и объ устныхъ преданіяхъ, съ ними связанныхъ, а также о нравахъ, обычаяхъ и занятіяхъ разнородныхъ обитателей проѣханныхъ имъ странъ; наконецъ, о состояніи горнаго дѣла въ названныхъ губерніяхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія“. Этотъ трудъ Н. П. Рычкова изданъ Императорскою Академіею Наукъ въ 2 частяхъ: „Журналъ, или дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1769 и 1770 годахъ“, С.-Пб. 1770, 1772 гг.; былъ переводъ на нѣмецкій языкъ: „Herrn Rytschkow Tagebuch über seine Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in d. Jahren 1769, 1770 и 1771“. Aus dem Russ. von Chr. H. Hase, Riga. 1774, съ рис. Здѣсь переведено и второе путешествіе.

Въ 1771 году изъ Орской Крѣпости отправился отрядъ войска въ киргизскую степь для преслѣдованія калмыковъ, и Р. присоединился къ этому отряду, — по его словамъ: „для изслѣдованія достопамятныхъ мѣстъ, находящихся во владѣніи киргизъ-кайсацкаго народа и собранія продуктовъ, находимыхъ въ той странѣ“. Описаніе этого путешествія составлено Н. П. Рычковымъ и издано также Академіею Наукъ, подъ заглавіемъ: „Дневныя записки путешествія въ Киргизъ-Кайсацкой степѣ (sic.) 1771 году“ (С.-Пб. 1772).

Въ 1772 году Р. былъ назначенъ Директоромъ только что открытаго Ахтубскаго шелковаго завода, вблизи города Царицына; это мѣсто Р. и занималъ до смерти, послѣдовавшей въ 1784 году.

Н. И. Новиковъ. Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ (С.-Пб. 1772), переиздано П. А. Ефремовымъ въ книгѣ: „Матеріалы для исторіи русской литературы“ (С.-Пб. 1867); Митр. Евгеній (Болховитиновъ), Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, Томъ II, М. 1845; П. П. Пекарскій. „Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, С.-Пб. 1867; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 287.

Рычковъ, *Петръ Ивановичъ*, первый членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, историкъ Оренбургскаго края; родился въ Вологдѣ 1-го октября 1712 года, умеръ 15-го октября 1777 г. въ Екатеринбургѣ.

Отецъ П. И. Рычкова былъ Вологодскій купецъ, имѣвшій торговыя сношенія съ Архангельскомъ. Около 1720 года семейство Рычковыхъ постигло несчастіе: Рычковъ-отецъ взялъ подрядъ на отправку за границу поташу, смольчугу, клею и проч., но суда его потерпѣли крушеніе дорогой, — и казна конфисковала имущество Рычковыхъ для взысканія убытковъ. Разорившіеся Рычковы переѣхали въ Москву (въ 1722 г.), гдѣ черезъ нѣкоего графа Бонде отецъ Рычкова былъ опредѣленъ ко двору герцога Шлезвигъ-Голштинскаго Карла-Фридриха экономомъ или гофъ-факторомъ.

Еще до переѣзда изъ Вологды въ Москву П. И. Рычковъ, по его словамъ, „читать и писать по-русски умѣлъ уже нарочито“ и познакомился съ начатками ариѳметики. По пріѣздѣ въ Москву онъ поступилъ „для обученія бухгалтерской науки и внѣшней коммерціи“ къ директору полотняныхъ фабрикъ И. Тамесу. „Онъ меня, — пишетъ П. И. Рычковъ, — какъ сына любилъ и въ своей конторѣ не только языковъ и бухгалтерству училъ, но и при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и представленіяхъ, къ размноженію мануфактуръ и къ пользѣ Россійской коммерціи чинимыхъ, употреблялъ“. По смерти Тамеса П. И. Рычковъ жилъ нѣкоторое время у отца и въ 1730 году переѣхалъ

въ Петербургъ и поступилъ къ англичанину Элмзену, бывшему директоромъ казенныхъ стеклянныхъ Ямбургскихъ и Жабинскихъ заводовъ, а вскорѣ перешелъ въ С.-Петербургскую Портовую Таможню переводчикомъ и помощникомъ бухгалтера.

Въ 1734 году Р. былъ опредѣленъ бухгалтеромъ въ извѣстную экспедицію оберъ-секретаря Сената И. К. Кириллова. О первыхъ годахъ службы въ Оренбургскомъ краѣ Рычковъ пишетъ въ своихъ Запискахъ: „Они (т.-е. начальники), по тогдашнимъ башкирскимъ безпокойствамъ, о томъ, какъ бы счетныя книги по регулѣ бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но, усмотря, что я въ такихъ строгихъ случаяхъ къ правленію канцелярскихъ дѣлъ другихъ былъ способнѣе, все канцелярское правленіе на меня одного положили. При такихъ обстоятельствахъ имѣли они меня всегда и во всѣхъ походахъ безотлучно при себѣ и подлинно содержали меня въ отмѣнной милости".

Съ учрежденіемъ Оренбургской губерніи Рычковъ остался служить въ Канцеляріи Губернатора. Въ 1743 году первый Оренбургскій губернаторъ И. И. Неплюевъ выхлопоталъ Рычкову, въ награду за его усердную службу, земли въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ онъ и поселилъ крестьянъ и устроилъ усадьбу „Спасское".

Въ 1757 году черезъ академика Г. Ф. Миллера Рычковъ началъ хлопотать, „по силѣ Регламента Императорской Академіи Наукъ, причислить его въ титулярные ея члены для исторіи". Въ январѣ 1759 года былъ учрежденъ при Академіи классъ „членовъ-корреспондентовъ", и Академическая Канцелярія, сообщая Конференціи объ утвержденіи Президентомъ доклада, писала: „а онымъ корреспондентамъ давать дипломы и начать сіе учрежденіе принятіемъ въ такіе корреспонденты, съ даніемъ дипломы, коллежскаго совѣтника Рычкова". Такимъ образомъ Рычковъ является первымъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ.

16-го марта 1760 года онъ получилъ годовой отпускъ, во время котораго, побывавъ въ Петербургѣ, выхлопоталъ окончательное увольненіе отъ службы, которое и получено было въ самомъ началѣ 1761 года. Р. поселился было въ своей усадьбѣ „Спасское", но она въ декабрѣ 1761 года выгорѣла, вслѣдствіе чего онъ задумалъ опять поступить на службу.

Въ его письмахъ къ акад. Миллеру есть просьбы похлопотать въ 1761 и 1763 годахъ о назначеніи его Директоромъ Казанской Гимназіи, а въ 1767 г.—Помощникомъ Казанскаго Губернатора. Въ серединѣ 1770 года Рычковъ былъ, наконецъ, опредѣленъ на службу: ему было ввѣрено правленіе Оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ. Въ 1774 году главнокомандующимъ Оренбургской, Казанской и Нижегородской губерніями П. И. Панинымъ поручено было Рычкову собрать свѣдѣнія о киргизахъ и башкирахъ. „Его Сіятельство—писалъ онъ въ декабрѣ 1774 года къ акад. Миллеру—первымъ моимъ трудомъ, по предписанію его чиненнымъ, столько доволенъ былъ, что пожаловалъ мнѣ отъ имени Ея Величества 2000 рублей".

Въ письмахъ Р. съ 1775 года попадаются все чаще и чаще его жалобы на нездоровье и слабость силъ. Болѣзненное его состояніе еще болѣе ухудшилось отъ паденія на крыльцѣ, когда онъ раздробилъ ногу и потому могъ ходить лишь упираясь на палку съ одной стороны и поддерживаемый съ другой.

Но, не смотря и на это болѣзненное состояніе, Рычковъ началъ собирать свѣдѣнія для составленія географическаго и историческаго лексикона Оренбургской губерніи. Около середины 1776 года онъ первую часть своего труда (на буквы: А—М) послалъ съ письмомъ къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, „приложа при томъ по его совѣту и просительное письмо къ Ея Императорскому Величеству о нуждахъ и недостаткахъ къ содержанію своему". Въ февралѣ 1777 года Рычковымъ была получена копія съ Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату, на пожалованіе ему за труды и службу 15.000 рублей.

14-го марта 1777 года онъ былъ назначенъ Главнымъ Командиромъ Екатеринбургскаго Заводскаго Правленія, а 15-го октября того же 1777 года умеръ въ Екатеринбургѣ. Тѣло его было перевезено въ его усадьбу „Спасское" и погребено при построенной имъ тамъ церкви.

П. И. Рычковъ былъ избранъ въ ноябрѣ 1765 году въ дѣйствительные члены только что открывшагося въ Петербургѣ Вольнаго Экономическаго Общества и отъ

этого Общества, за сообщеніе сочиненій и опытовъ, былъ награжденъ двумя медалями: въ 1769 — серебряною и въ 1770 году—большой золотою.

Въ 1773 году учрежденное при Московскомъ Университетѣ учено-литературное общество — Вольное Россійское Собраніе избрало Рычкова въ свои члены. Въ письмѣ къ Рычкову по этому поводу, между прочимъ, читаемъ: „Вольное Россійское Собраніе, совершенно извѣстное, съ какою ревностію вспомоществовали всегда С.-Петербургской Академіи Наукъ и Вольному Экономическому Обществу, основательно питаетъ себя надеждою, что если предложеніе вами будетъ принято, то сообщенія ваши не менѣе принесутъ пользы и чести, какъ донынѣ приносили обоимъ упомянутымъ мѣстамъ".

Немало сочиненій Рычкова помѣщено въ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія", напр.: „Переписка между двумя пріятелями о коммерціи" (1755, № 2, 4, 12, 1757, № 1), „Исторія Оренбургская по учрежденіи Оренбургской губерніи" (1759, № 1—8, 10, 11; издано отдѣльно Оренбургскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1896 году); „Письмо къ издателю на вопросъ о титулѣ Бѣлаго Царя" (1763, № 8), „Топографія Оренбургской губерніи" (1762, № 1—11) и другія. Послѣднее его сочиненіе было издано и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Топографія Оренбургская, то-есть обстоятельное описаніе Оренбургской губерніи" (2 тома, С.-Пб. 1762); оно дважды переведено на нѣмецкій языкъ: переводъ Родде изданъ отдѣльной книгой въ Ригѣ въ 1772 году, а переводъ Газе помѣщенъ въ V и VI частяхъ изданія Бюшинга: „Magazin für die neue Historie und Geographie".

Въ „Трудахъ Вольнаго Этокомическаго Общества" помѣщены статьи Рычкова по вопросамъ экономическимъ и сельско-хозяйственнымъ: „Опытъ о козьей шерсти" (1766 г., части II и III), „О мануфактурахъ изъ хлопчатой бумаги и изъ верблюжьей шерсти" (1766, II), „О березовой водѣ" (1766, IV), „О содержаніи пчелъ" (1767, V, 1769, XI), „О прежнемъ и нынѣшнемъ земледѣліи" (1767, V), „О сбереженіи и размноженіи лѣсовъ" (1767, VI), „О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи" (1767, VII), „Описаніе урожая хлѣба въ Оренбургской губерніи" (1769, XIII), „О крапивной куделѣ и о употребленіи въ пряжу" (1770, XV), „Описаніе Илецкой соли прежней и нынѣшней и о ея добываніи" (1772, XX), „О спиртѣ изъ вербовыхъ цвѣтовъ и изъ травы, называемой Воробьиной" (1773, XXIV) и другія.

Изданы отдѣльными книгами, безъ помѣщенія въ какихъ-либо журналахъ, два его труда: „Опытъ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ" (С.-Пб. 1766; переведена на нѣмецкій языкъ Родде и издана въ Ригѣ въ 1772 году) и „Введеніе къ Астраханской топографіи, представляющее въ первой части разныя извѣстія о древнемъ состояніи сей губерніи и обитавшихъ въ ней народовъ, а во второй—о покореніи сего царства подъ державу Россійскихъ монарховъ" (М. 1774).

Н. И. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" (переиздано въ книгѣ П. А. Ефремова: „Матеріалы для исторіи русской литературы", С.-Пб. 1867); Митроп. Евгеній (Болховитиновъ), „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, томъ II, М. 1845; Акад. П. П. Пекарскій, „Сношенія П. И. Рычкова съ Академіей Наукъ въ XVIII столѣтіи", С.-Пб. 1866; Его же, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, С.-Пб. 1867, „Оренбург. Губ. Вѣдом." 1867, № 7; 1869, № 50; 1870, № 4; „Сѣверн. Почта" 1867, № 99; „Бесѣды въ Обществѣ Любит. Россійск. Словесности" 1867, вып. II; „Уфимскія Губ. Вѣдом." 1897, № 16, 17; „Справочн. листокъ г. Казани" 1867, № 54, 56, 65; А. Пушкинъ. Исторія Пугачевскаго бунта (въ прилож.); Г. Геннади, Словарь, т. III.

П. Дилакторскій.

Рѣдкинъ, *Аполлонъ Михайловичъ*, Орловскій вице-губернаторъ, поэтъ; родился въ 1807 г. и происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи, гдѣ у него было, въ Елецкомъ уѣздѣ, родовое имѣніе въ с. Покровскомъ и сельцѣ Ясенкахъ; образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1826 г. дѣйствительнымъ студентомъ, послѣ чего, 20-го іюля 1826 г., поступилъ въ Канцелярію Экспедиціи Кремлевскаго строенія и тогда же былъ назначенъ къ дѣламъ Комиссіи о Высочайшей Коронаціи, при чемъ надзиралъ за убранствомъ внутри Успенскаго собора и за отдѣлкою входовъ и находился при устройствѣ народнаго праздника на Дѣвичьемъ полѣ. 19-го іюля 1829 г. утвержденный въ званіи Почетнаго Смотрителя

Задонскаго Уѣзднаго Училища, онъ въ 1830 г. сдѣлалъ ему пожертвованій на 650 рублей и содѣйствовалъ учрежденію при немъ Школы взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера; въ 1829 г. ему поручено было (2-го сентября) Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа осмотрѣть Ефремовское Уѣздное Училище. Отчисливши отъ Экспедиціи Кремлевскаго Строенія 7-го марта 1830 г., онъ исполнялъ порученія Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, а 30-го марта 1831 г. утвержденъ былъ въ званіи Почетнаго блюстителя Задонскаго Уѣзднаго Училища, „съ изображеніемъ его имени золотыми буквами на доскѣ въ залѣ онаго Училища", и 6-го іюня 1831 г. назначенъ Директоромъ Училищъ Астраханской губерніи, откуда 16-го ноября 1833 г. переведенъ былъ на ту же должность по Курской губерніи. 6-го марта 1836 г. Р. пожалованъ былъ въ званіе камеръ-юнкера, 24-го апрѣля 1837 г. назначенъ Директоромъ Училищъ Херсонской губерніи, а 17-го ноября перешелъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и 26-го февраля 1838 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса. 20-го октября 1839 г. Р. перешелъ на ту же должность въ Департаментъ разныхъ податей и сборовъ. Перейдя, наконецъ, снова въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 31-го октября 1842 г., Р. 4-го ноября былъ назначенъ Орловскимъ вице-губернаторомъ и должность эту занималъ до 1-го апрѣля 1847 г.—Въ 1859—1867 гг. Р. былъ, въ званіи камеръ-юнкера и въ чинѣ статскаго совѣтника, причисленнымъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ и Директоромъ Орловскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, а въ 1868—1869 гг.—въ такой же должности, но уже въ чинѣ д. с. совѣтника и въ званіи камергера, и въ 1871 г. на службѣ уже не значился. Въ особомъ же прибавленіи къ „Отчету Московскаго Опекунскаго Совѣта Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи за 1875 г.", М. 1876 г., указано, что А. М. Рѣдкинъ скончался 3-го февраля 1867 г. (sic!), при чемъ наслѣдниками его явились: родная племянница (дочь сестры) Варвара Николаевна Коротнева (дочь Елецкаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства) и Аполлонъ Михайловичъ Прибытковъ, сынъ его двоюродной сестры Раисы Алексѣевны Прибытковой, рожд. Рѣдкиной.

Въ молодости Р. писалъ стихи, изъ коихъ намъ извѣстны стихотв. „Бабочка" (Подражаніе Ламартину)—въ „Сѣв. Пчелѣ" № 142; „Элегія" (Подражаніе Восточному), съ подп.: „Москва. 23 Авг."—тамъ же, № 171; „Встрѣча въ гавани, или сердце дѣлу не поможетъ", водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго, М., въ тип. Семена, 1827, 12° (рец. — „Сѣв. Пчела" 1827 г., № 53); „Цѣвница. Стихотворенія Аполлона Рѣдкина", М., въ тип. Селивановскаго, 1828 г. (рец.—„Атеней" 1828 г., ч. Ш, № 12, стр. 419—422, и „Revue Encyclopédique" 1830, т. 46, стр. 143, Edme'a Hereau). Въ эту миніатюрную, изящно изданную книжку съ эпиграфомъ изъ Парни вошло 20 маленькихъ посредственнаго достоинства пьесъ (pièces fugitives), оригинальныхъ и подражательныхъ: элегіи, альбомныя стихотворенія, романсы, „Мадагаскарская пѣснь" и т. под., подражанія Байрону, Ламартину, Гафизу, Парни переводъ изъ Т. Мура.

Съ 21-го декабря 1828 г. Р. былъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Отечественной Словесности при Казанскомъ Университетѣ, съ 26-го октября 1829 г. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Имп. Московскаго Общества испытателей природы, а съ 23-го ноября 1829 г.—дѣйствительнымъ же членомъ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Имп. Московскомъ Университетѣ.

Послужной списокъ А. М. Рѣдкина, 1846 г.; Адресъ-Календари; Смирдинъ, Роспись.

Б. М—ій.

Рѣдкинъ, *Петръ Григорьевичъ*, профессоръ Московскаго Университета, Ректоръ С.-Петербургскаго Университета, Сенаторъ, Почетный Опекунъ, Членъ Государственнаго Совѣта; родился 4-го октября 1808 г. въ г. Ромнахъ, Полтавской губерніи, въ семьѣ зажиточнаго малорусскаго дворянина-помѣщика. Четверо братьевъ его и сестра умерли въ младенческомъ возрастѣ, и онъ остался единственнымъ ребенкомъ у своихъ родителей. Отецъ его, Георгій (Григорій) Ѳедоровичъ, служилъ сначала въ военной службѣ и совершилъ Итальянскій походъ Суворова, а также участвовалъ въ штурмѣ Варшавскаго предмѣстья—Праги, за что былъ награжденъ большимъ золотымъ крестомъ на Георгіев-

ской лентѣ. Впослѣдствіи Г. Ѳ. Рѣдкинъ долгое время занималъ должность полиціймейстера въ Ромнахъ: въ 1820 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго совѣтника и поселился въ своемъ хуторѣ, гдѣ и умеръ въ 1848 году.

Первоначальное воспитаніе П. Г. Рѣдкинъ получилъ частью въ родительскомъ домѣ, гдѣ съ нимъ занимались русскій учитель и французъ-дядька, а съ 1-го декабря 1816 г. поступилъ въ Роменское трехклассное Уѣздное Училище. Въ этомъ Училищѣ, по случайному стеченію обстоятельствъ, всѣ почти учителя были люди достойные, и всѣ предметы были преподаваемы по хорошимъ, для своего времени, руководствамъ, изданнымъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II для Народныхъ Училищъ. Не довольствуясь тѣмъ, что давала школа, мальчикъ много читалъ самъ, пользуясь книгами изъ небольшой домашней библіотеки, состоявшей главнымъ образомъ изъ литературныхъ произведеній, но заключавшей въ себѣ также нѣсколько историческихъ сочиненій. Призваніе къ педагогической дѣятельности сказывалось уже тогда: любимѣйшею игрою молодого Рѣдкина было собирать вокругъ себя мальчиковъ, задавать имъ уроки и выслушивать отвѣты.

Лѣтомъ 1820 г. Рѣдкинъ съ отличіемъ окончилъ курсъ Уѣзднаго Училища и осенью того же года былъ отправленъ родителями въ открывавшуюся въ г. Нѣжинѣ (Черниговской губерніи) девятиклассную гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко (впослѣдствіи Нѣжинскій Лицей); въ ноябрѣ 1820 г. онъ былъ зачисленъ туда сверхштатнымъ пансіонеромъ.

Постановкой образованія Гимназія была обязана первому своему Директору, отцу извѣстнаго писателя Н. В. Кукольника—В. Г. Кукольнику, пробывшему, однако, Директоромъ недолго,—всего нѣсколько мѣсяцевъ. Вторымъ ея Директоромъ, при которомъ Рѣдкинъ и окончилъ курсъ, былъ медикъ И. С. Орлай. Преподавались здѣсь языки новые и древніе, историческія, естественныя и этико-политическія науки. Программа была широкая и довольно пестрая: начиная отъ логики, естественной исторіи, физики, естественнаго права и народнаго хозяйства, римскаго права, россійскаго права, гражданскаго и уголовнаго, вплоть до Литовскаго Статута, артиллеріи, фортификаціи, каллиграфіи, музыки, танцевъ и фехтованія. Всѣ 9 классовъ Рѣдкинъ прошелъ въ 6 лѣтъ. Политическія науки преподавалъ М. В. Билевичъ, венгерскій выходецъ, профессоръ, въ смыслѣ знаній своихъ, не особенно блестящій. Гораздо выше его стоялъ, имѣя большое и благотворное вліяніе на слушателей, Бѣлоусовъ,—питомецъ Харьковскаго Университета, кантіанецъ, профессоръ естественнаго и римскаго права.

Энциклопедизмъ гимназическаго образованія впослѣдствіи послужилъ Рѣдкину въ пользу при преподаваніи вообще, въ особенности же Энциклопедіи Законовѣдѣнія, требующей знанія не однихъ юридическихъ наукъ. Много дала ему библіотека Гимназіи, состоявшая почти исключительно изъ французскихъ—и при томъ историческихъ книгъ. Доступъ въ библіотеку былъ свободный, тѣмъ болѣе, что профессоръ французской словесности, онъ же и библіотекарь, Ландражинъ, взялъ Рѣдкина къ себѣ въ помощники. Но въ особенности благотворно подѣйствовало на него господствовавшее тогда между воспитанниками, независимо отъ преподаванія, направленіе, выражавшееся не только въ страсти къ чтенію, но и въ начаткахъ литературной дѣтельности. Такъ, вмѣстѣ съ тремя другими воспитанниками—Базили, Кукольникомъ и Тарновскимъ—былъ предпринятъ Рѣдкинымъ огромный трудъ: возможно полное сокращеніе Всеобщей Исторіи, изданной Обществомъ англійскихъ ученыхъ (нѣсколько десятковъ томовъ in-quarto). Работа не была окончена, но много способствовала и основательному изученію русскаго и французскаго языковъ, и „развитію историческаго смысла“, и пріучила къ ученымъ трудамъ. Кромѣ того, кружокъ, въ коемъ принималъ участіе также и Н. В. Гоголь, собираясь на квартирѣ гувернера Мышковскаго,—въ тѣсной комнаткѣ котораго Рѣдкинъ жилъ, порученный его надзору, — занимался еще изданіемъ рукописныхъ журналовъ и альманаховъ. Писались статьи, и друзья собирались для чтенія ихъ и критической оцѣнки.

Въ іюлѣ 1826 г. Рѣдкинъ былъ выпущенъ изъ Нѣжинской Гимназіи первымъ кандидатомъ перваго выпуска, записанный въ Liber honoris, съ правомъ на полученіе золотой медали по ея изготовленіи.

Окончивъ курсъ Гимназіи, молодой Р. имѣлъ намѣреніе отправиться въ Дерпт-

скій Университетъ, разсчитывая встрѣтить тамъ лучшія условія для подготовки къ профессорскому званію. Но отцу не хотѣлось отпускать единственнаго сына, — онъ желалъ опредѣлить его въ общую гражданскую службу. И не столько усиленныя просьбы, сколько молодость лѣтъ повели къ тому, что Р. отпустили на нѣсколько времени въ Москву для поступленія въ Московскій Университетъ.

Отправившись вмѣстѣ съ товарищемъ, В. В. Тарновскимъ, въ октябрѣ 1826 г., Р. поступилъ на Этико-Политическое Отдѣленіе Московскаго Университета, съ освобожденіемъ отъ слушанія общихъ, приготовительныхъ курсовъ. Богословіе, библейскую и церковную исторію читалъ архимандритъ Иннокентій, русское право—Маловъ и Смирновъ, практическое судопроизводство—„знаменитый юристъ-практикъ и отлично остроумный человѣкъ“, бывшій сенатскій оберъ-прокуроръ, извѣстный Сандуновъ; римское право и „права знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ“—Цвѣтаевъ, докторъ философіи Геттингенскаго Университета, поклонникъ французовъ XVIII вѣка; политическое и народное право – Василевскій, политическую экономію и „дипломацію“ — Бекетовъ, всеобщую исторію и статистику—Ульрихъ, русскую словесность—Мерзляковъ, русскую исторію и статистику—„первый критикъ Отечественной исторіи“ Каченовскій, которому Р. считалъ себя обязаннымъ „въ отношеніи не столько самаго содержанія, сколько ученыхъ пріемовъ“.

Въ Москвѣ окончательно созрѣло рѣшеніе Р. посвятить себя профессорскому званію. Неудовлетворенность, однако, преподаваніемъ тогдашнихъ профессоровъ Университета заставила его воспользоваться первымъ же случаемъ—приглашеніемъ отъ правительства поступить въ такъ называемый профессорскій институтъ, чтобы начать объ этомъ хлопоты. Неизвѣстный никому изъ профессоровъ ближайшимъ образомъ и не имѣя времени испросить позволенія своихъ родителей, въ согласіи которыхъ имѣлъ, впрочемъ, основательную причину сомнѣваться, Р., послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, осуществилъ свою мечту о Дерптскомъ Университетѣ. Дѣло въ томъ, что кандидаты въ Профессорскій Институтъ должны были, согласно инструкціи, пробыть извѣстное время въ Дерптѣ, а затѣмъ ихъ отправляли въ заграничные университеты; „по удостоенію“, они получали каѳедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и обязывались за все это прослужить, не выходя въ отставку, 12 лѣтъ.

Въ маѣ 1828 г. Р. былъ отправленъ въ Петербургъ и послѣ экзамена, произведеннаго въ Академіи Наукъ, прибылъ въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года въ Дерптъ. Каждый слушатель находился подъ ближайшимъ руководствомъ того профессора, спеціальность котораго являлась главнымъ предметомъ ученика. Избравъ главнымъ своимъ предметомъ Римское право, Р. занимался у профессоровъ Дабелова и Клоссіуса. Р. считалъ, что Дерптскому Университету онъ обязанъ многимъ. Здѣсь онъ приготовился къ тому, чтобы вполнѣ воспользоваться заграничнымъ пребываніемъ; здѣсь его общему и въ особенности юридическому образованію положена была прочная основа; здѣсь онъ изучилъ, кромѣ нѣмецкаго, и древніе классическіе языки.

Къ концу 1830 г. занятія на Юридическомъ Факультетѣ почти разстроились за отъѣздомъ, смертью и болѣзнями нѣкоторыхъ профессоровъ; а потому, по предложенію тогдашняго Начальника II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, М. М. Сперанскаго, Р. вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Калмыковымъ былъ, 5-го октября 1830 г., зачисленъ на службу по этому Отдѣленію, а 22-го ноября оба они были отправлены за-границу.

Здѣсь Р. пробылъ до половины 1834 г. Лекціи онъ слушалъ, главнымъ образомъ, въ Берлинскомъ Университетѣ, а вакаціи проводилъ „въ ученыхъ путешествіяхъ“ по Германіи, Швейцаріи и Италіи. Берлинскій Университетъ былъ въ ту пору въ расцвѣтѣ своей славы. Римское право (Институты и Пандекты) и Прусское право Р. слушалъ у Савиньи, пользуясь его рѣдкой библіотекой; Римское и общегерманское наслѣдственное и общегерманское судопроизводство—у Рудорфа, беря у него же частные уроки по исторіи Римскаго права; у Раумера слушалъ „политику“ и новую исторію; у Гегеля—логику и исторію философіи. Частнымъ образомъ Рѣдкинъ продолжалъ изученіе древне-классическихъ и новыхъ языковъ, — особенно англійскаго, итальянскаго, испанскаго. „По особому вызову“ графа Сперанскаго онъ принялся также за изученіе санскрита у профессора Боппа.

Товарищами Р. были здѣсь: Никита Ив. Крыловъ, Орнатскій, Куницынъ, Неволинъ и др. Общее руководство юристами лежало на проф. Савиньи. Однако, послѣдователемъ исторической школы Р. не сдѣлался: его влекли къ себѣ Гегель и Тибо.

Въ іюнѣ 1834 г. Р. вернулся изъ-за границы. Полгода прошло въ подготовкѣ къ экзамену на степень доктора правъ по особой программѣ и еще полгода ушло на выдержаніе испытанія въ особой комиссіи, учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, при Юридическомъ Факультетѣ Петербургскаго Университета изъ профессоровъ и старшихъ чиновниковъ II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи подъ предсѣдательствомъ М. А. Балугьянскаго. Послѣ публичной защиты тезисовъ, выбранныхъ изъ разныхъ частей правовѣдѣнія, и по полученіи въ сентябрѣ 1835 г. диплома на степень доктора правъ, Р. отправленъ былъ, по выбору только что назначеннаго Попечителемъ графа С. Г. Строганова, преподавателемъ въ Московскій Университетъ, гдѣ, въ началѣ ноября того же года, началъ чтеніе лекцій на Юридическомъ Факультетѣ по Энциклопедіи законовѣдѣнія.

31-го декабря 1835 г. Р. былъ произведенъ въ экстра-ординарные профессоры для преподаванія Энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ, а 24-го марта 1837 г.—въ ординарные и по сему званію „получилъ патентъ на чинъ надворнаго совѣтника".

Почти въ началѣ своей ученой карьеры Р. былъ избранъ Совѣтомъ Дерптскаго Университета на каѳедру Русскаго права, но отклонилъ это приглашеніе, не желая уѣзжать изъ Москвы.

Съ 1841 г. по 19-е марта 1847 г. Р. былъ ежегодно утверждаемъ Инспекторомъ надъ частными учебными заведеніями въ Москвѣ; время съ іюля 1842 г. по августъ 1843 г. онъ снова провелъ за границей, совершивъ путешествіе по Англіи, Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи,—преимущественно для нагляднаго ознакомленія съ постановкою учебнаго дѣла, администраціею и судопроизводствомъ этихъ странъ. Въ 1844 г., 8-го іюня, за представленную диссертацію „Объ уголовной кодификаціи" (первоначально напечатано было въ „Юридическихъ Запискахъ" 1842 г.) онъ былъ вторично утвержденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ степени доктора правъ.

Профессорскую и административную свою дѣятельность Р. соединялъ съ литературною. Въ 1841—1842 гг. онъ издавалъ безсрочное повременное изданіе „Юридическія Записки", въ 1843—1846 гг.—журналъ „Библіотека для воспитанія", въ 1847 г.—журналъ „Новая библіотека для воспитанія" (вышли въ 1847 г. книги 1—9, въ 1849 г. кн. 10). Педагогическіе журналы явились результатомъ убѣжденія Рѣдкина, что русскія дѣти почти совсѣмъ лишены внѣкласснаго чтенія, пріобрѣтая скудныя знанія лишь въ среднихъ заведеніяхъ и то большею частью отъ плохихъ учителей. Особенное значеніе въ своихъ журналахъ онъ придавалъ научному отдѣлу, пригласивъ для веденія его Грановскаго, С. М. Соловьева и др. Оттого то историческій отдѣлъ въ журналѣ „Новая библіотека для воспитанія" былъ поставленъ настолько хорошо, что нѣкоторыя статьи его, напр., „Геродотъ", „Похищеніе Энея", „Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія" С. М. Соловьева вышли также въ отдѣльныхъ изданіяхъ, а „Русская лѣтопись" выдержала ихъ даже нѣсколько.

Въ теченіе 12-ти лѣтъ профессорства въ Московскомъ Университетѣ Р. читалъ и общіе, и частные курсы изъ области юридическихъ наукъ. Общими курсами были: „Энциклопедія законовѣдѣнія въ связи съ исторіей философіи права и философіи вообще", „государственные законы", историко-догматическое изложеніе русскаго государственнаго права съ введеніемъ въ науку государственнаго права вообще. Частные курсы были: изъ исторіи философіи права, изъ историко-догматическаго изложенія государственнаго права иностранныхъ государствъ, исторія общегерманскаго гражданскаго права, всемірно-историческое обозрѣніе законовъ и обычаевъ о бракѣ, о составленіи Французскаго гражданскаго Уложенія, Европейское право награжденія. Наконецъ, по особому приглашенію Попечителя, онъ нѣсколько лѣтъ къ-ряду для студентовъ всѣхъ факультетовъ излагалъ догматически Русскіе Основные Законы и учрежденія и Русскіе законы о гражданской службѣ и состояніи.

Въ Университетѣ Р. пользовался большою извѣстностью. „Рѣдкинъ",—говоритъ А. Н. Афанасьевъ, вспоминая Московскій

Университетъ въ 1843—1849 гг.: „читалъ съ одушевленіемъ оратора; онъ любилъ отпустить иной разъ пышную фразу, особенно при окончаніи своей лекціи, при чемъ обыкновенно разгорячался и возвышалъ голосъ и говорилъ быстро; въ выговорѣ его слышался непріятный малороссійскій акцентъ, а въ лекціяхъ часто попадались иностранныя слова: индивидуальность, конкретность, абсолютность, абстрактъ и проч. Меня сильно поразила его первая лекція, которую началъ онъ вопросомъ: „Милостивые государи, зачѣмъ вы сюда явились?“—и потомъ самъ же отвѣчалъ, что насъ вело въ Университетъ предчувствіе узнать здѣсь истину и сдѣлаться въ своемъ отечествѣ защитниками правды. „Вы жрецы правды—вы юристы!“ восклицалъ онъ, и окончилъ лекцію любимою своею поговоркою: „все минется, одна правда остается!“—при чемъ быстро соскочилъ съ каѳедры и убѣжалъ, что онъ дѣлалъ очень часто... Онъ былъ истый гегелистъ; Гегеля онъ уважалъ по преимуществу передъ всѣми германскими философами и по его началамъ построилъ всѣ свои лекціи. Онъ толковалъ намъ о принципѣ, изъ котораго все развивается, о трехъ моментахъ въ *кругѣ* развитія: моментъ абсолютнаго, всеобщности, моментъ конкретнаго обособленія и моментъ единства того и другого; отъ этой тройственности онъ не отступалъ ни на шагъ. Всѣ лекціи его дѣлились на три части, изъ которыхъ каждая опять на три, и такъ далѣе, что если и придавало имъ строгій систематическій видъ, за то всегда искусственный и изысканный. Въ „Энциклопедіи законовѣдѣнія“ онъ объяснялъ намъ развитіе права по тремъ его моментамъ: право обычное, законодательство и право юристовъ: право обычное — темно, безсознательно истекающее изъ массы народа, —это первый моментъ; второй — будетъ законодательство, гдѣ право высказывается уже съ сознательною цѣлью, исходитъ отъ лица и условливается его произволомъ; наконецъ, въ 3-мъ моментѣ, въ которомъ два первые являются въ единствѣ, право вступаетъ на высшую ступень; здѣсь оно бываетъ уже плодомъ трудовъ образованныхъ юристовъ, вышедшихъ изъ народа и вѣдающихъ его нужды и потребности. Право обычное восходило по слѣдующимъ ступенямъ: a) устныя юридическія пословицы и поговорки, b) юридическіе символы и формулы и c) записанное обычное право. Отъ вещественныхъ, грубыхъ, символическихъ формъ право, все болѣе и болѣе одухотворяясь, принимаетъ словесную оболочку и въ послѣднемъ своемъ моментѣ приближается уже къ законодательству и какъ бы становится первымъ моментомъ въ развитіи этого послѣдняго. Законодательство проходитъ также три момента: a) отдѣльныя записанныя постановленія, b) сводъ, c) уложеніе, т.-е. не только собранныя въ одно цѣлое, но и подвергнутыя критикѣ законопостановленія, — слѣдовательно, здѣсь уже ясно вліяніе законовѣдцевъ (юристовъ). Право юристовъ, выражая въ себѣ вполнѣ сознательное развитіе права, возвращаетъ его народному обычному источнику, а такимъ образомъ конецъ совпадаетъ съ началомъ и кругъ развитія завершается. Въ предисловіи (которое также дѣлилось и подраздѣлялось на неминуемыя три части) къ этимъ лекціямъ П. Г. Рѣдкинъ объяснялъ намъ названіе науки, ея методы, источники, *возможность*, *дѣйствительность* и *полезность*, доказывая философское положеніе: „все, что возможно, то дѣйствительно“.

„Не смотря на явную искусственность и однообразіе системы, лекціи Рѣдкина намъ, первокурсникамъ, явившимся изъ гимназій и изъ родительскихъ домовъ съ мало развитыми головами, оказали въ своемъ родѣ пользу. Онѣ заставили насъ видѣть въ явленіяхъ сего міра внутреннее развитіе и въ этомъ развитіи признавать постепенность; показали намъ, что ничто не возникаетъ вдругъ и что есть законы, которыхъ никакъ нельзя обойти. Мы были въ восторгѣ отъ его лекцій, но это продолжалось только на первомъ курсѣ. Уже на второмъ курсѣ, гдѣ читалъ онъ „Государственное право“ (коренные законы, учрежденія и законы о состояніяхъ), увлеченіе наше значительно ослабѣло, а на 4-мъ курсѣ мы уже нисколько не восхищались его гегелевскими замашками и смотрѣли на нихъ съ благоразумною трезвостью. На 4-мъ курсѣ Рѣдкинъ имѣлъ обыкновеніе мѣнять свои лекціи; предшественникамъ нашимъ онъ читалъ одинъ годъ философію права по Гегелю, другой годъ—сравнительный (и весьма любопытный) курсъ современнаго гражданскаго права во Франціи и Англіи; намъ читалъ

онъ исторію философіи права—предметъ весьма интересный, но доведенный имъ только до новой исторіи, и то средневѣковое ученіе изложено имъ было весьма кратко, въ трехъ лекціяхъ,—не болѣе. За то древній періодъ прочиталъ пространно; онъ даже перевелъ намъ цѣлыя мѣста изъ сочиненій Платона, Аристотеля и Цицерона о государствѣ и законахъ. Изложеніе, впрочемъ, было нѣсколько сухо и по старому натянуто на гегелевскую тройственную систему, которая такъ сильно надоѣла намъ подъ конецъ. Той же системѣ подчинялъ онъ и государственное право, или, правильнѣе, свое длинное предисловіе къ государственному праву, читанное имъ болѣе полугода; постановленія Свода Законовъ изложены имъ были весьма кратко и безъ всякаго указанія на ихъ историческое происхожденіе и судьбу. Помню только, что лекціи Рѣдкина о разныхъ формахъ правленія, о значеніи и формахъ конституціоннаго устройства были и живы, и любопытны, и либеральны. Этимъ послѣднимъ качествомъ (либерализмомъ) отличались, впрочемъ, всѣ его лекціи, и это то особенно располагало насъ въ его пользу. Въ жизни онъ былъ строгій формалистъ и потому бывалъ несносенъ. Если не въ срокъ подавали ему студенты конспекты лекцій, которыми онъ насъ мучилъ, то ни за что уже не бралъ, хотя бы это было на другой день послѣ срока, а потомъ за неподачу конспекта ставилъ дурной баллъ".

Таковъ былъ Р. въ 40-ые годы для студентовъ. Иначе рисуется образъ его въ характеристикѣ его товарища — Грановскаго, въ кружкѣ котораго и Герцена Р. былъ близкимъ всѣмъ другомъ. „Человѣкъ, какихъ не много,—писалъ о немъ Грановскій Н. В. Станкевичу (письмо отъ 25—26-го ноября 1839 г. въ книгѣ А. В. Станкевича „Т. Н. Грановскій", т. II, стр. 368).—Лекціи его о философіи права (въ Энциклопедіи) будутъ поосновательнѣе Гансовыхъ. Онъ крѣпко занимается исторіей философіи и государственнымъ правомъ. Мы вмѣстѣ держимъ обѣдъ и видимся, слѣдовательно, ежедневно. Въ поэзіи ничего не смыслитъ и не преслѣдуетъ, между тѣмъ, какъ у него препоэтическая натура. Живетъ оригинально: почти нигдѣ не бываетъ, работаетъ цѣлый день —и умѣетъ, кромѣ 8000 рублей жалованья (онъ получаетъ прибавочное за другую каѳедру) и отцовскихъ денегъ, входитъ ежегодно въ долги. Добрѣйшій изъ добрѣйшихъ".

Въ 1847 г. разыгралась извѣстная исторія съ Н. И. Крыловымъ, женатымъ на Любови Ѳедоровнѣ Коршъ: Л. Ѳ. оставила мужа. Въ этой исторіи приняли горячее участіе друзья семейства Коршъ: Грановскій, Рѣдкинъ, Кавелинъ (женатый на А. Ѳ. Коршъ); они обратились къ Попечителю графу Строганову съ жалобами на недостойное поведеніе Крылова и предложили на выборъ: или онъ, или они должны оставить Университетъ. Въ половинѣ января 1848 г. Р. подалъ прошеніе объ отставкѣ и 6-го іюля былъ уволенъ, удержавъ должность Инспектора классовъ Александринскаго Сиротскаго Института.

23-го апрѣля Р. женился на дочери лектора англійскаго языка при Московскомъ Университетѣ, Елисаветѣ Эдуардовнѣ Гарве, а съ 1-го августа 1848 г. опредѣленъ былъ преподавателемъ предварительныхъ понятій о законовѣдѣніи, основныхъ законовъ, учрежденій и законовъ о состояніяхъ въ вышеназванномъ Институтѣ.

Въ это время товарищъ Р. по Дерпту, извѣстный В. И. Даль, передалъ ему предложеніе графа Л. А. Перовскаго, у котораго состоялъ секретаремъ, занять мѣсто секретаря у Товарища министра Удѣловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть управляющимъ собственною Канцеляріею Министра. 10-го іюля 1849 г. назначеніе состоялось. На службѣ въ Удѣльномъ вѣдомствѣ Р. пробылъ до 1882 г.; 19-го марта 1850 г. онъ былъ назначенъ членомъ Общаго Присутствія Департамента Удѣловъ, 1-го января 1866 переименованъ въ члены Совѣта того же Департамента, 23-го сентября назначенъ Предсѣдателемъ Департамента Удѣловъ и, наконецъ, въ январѣ 1882 г. назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта. Въ качествѣ юриста и администратора Рѣдкинъ принималъ дѣятельное участіе въ устроеніи экономическаго быта удѣльныхъ крестьянъ по Положенію 26-го іюля 1863 г.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ наступаетъ 15-лѣтній перерывъ въ профессорской дѣятельности Р.; но влеченіе къ педагогіи не покидаетъ его и въ это время: съ пробужденіемъ, послѣ Крымской войны, въ обществѣ интереса къ вопросамъ вос-

питанія, съ легкой руки Н. И. Пирогова—коллеги Р. по Дерпту,—послѣдній задумываетъ проводить новые педагогическіе взгляды въ жизнь и съ этою цѣлью уговариваетъ одного изъ членовъ своего постояннаго кружка, А. А. Чумикова, издавать педагогическій „Журналъ для Воспитанія, руководство для родителей и преподавателей“ (1857—1859 гг.). Всѣ главныя статьи „Журнала для Воспитанія“ за первые годы существованія его принадлежатъ перу самого Рѣдкина.

Къ этой порѣ жизни Р. относится наивная, но довольно любопытная, эскизная характеристика его, занесенная студентомъ Главнаго Педагогическаго Института, будущимъ публицистомъ „Современника“, 20-лѣтнимъ Н. А. Добролюбовымъ, въ его Дневникѣ. Они встрѣтились въ домѣ извѣстнаго дѣятеля по крестьянской реформѣ Татаринова 8-го февраля 1857 г. „Часа два, пишетъ Добролюбовъ, я съ желчнымъ наслажденіемъ распространялся о педагогической теоріи и практикѣ Давыдова и Вышнеградскаго. Рѣдкинъ былъ внѣ себя отъ восторга. Вообще въ нашихъ понятіяхъ о воспитаніи и пр. мы съ нимъ сошлись (!)... Въ разговорѣ онъ кажется лучше, нежели въ статьяхъ своихъ... Мнѣ даже нравится его уклончивый тонъ, за которымъ какъ то скрывается человѣкъ себѣ на умѣ. Стриженъ онъ какъ то странно... Я не знаю, какъ назвать эту прическу, въ которой волосы на головѣ всѣ совершенно ровны... Это солдатская стрижка, только здѣсь волосы больше, чѣмъ у тѣхъ, большею частію чуть не подбритыхъ служивыхъ. Эта стрижка придаетъ нѣсколько звѣриный видъ г. Рѣдкину; но лицо его довольно умно; тонъ умѣренный и увѣренный... Стремленія благородны... Я ему сказалъ о своей статьѣ, что передалъ Чумикову,—онъ обѣщался пересмотрѣть ее, заранѣе согласившись съ моей основной мыслью и выразивши мысль, что воспитаніе именно къ тому и должно быть направляемо, чтобы мало по малу разрушать авторитетъ (!) въ душѣ ребенка... Вообще говоря, я на него произвелъ хорошее впечатлѣніе и, прощаясь, онъ усердно просилъ продолженія моего знакомства“.

11-го октября 1859 г. въ квартирѣ Р. состоялось собраніе педагоговъ (А. А. Чумиковъ, І. И. Паульсонъ А. С. Вороновъ, К. И. Май, К. Я. Люгебиль и др.) и, по предложенію хозяина, единогласно постановило: образовать въ Петербургѣ первое Педагогическое Общество въ цѣляхъ изученія и изслѣдованія вопросовъ воспитанія и обученія, сближенія отечественныхъ педагоговъ между собою и распространенія въ обществѣ здравыхъ педагогическихъ понятій и свѣдѣній. Сначала собранія носили частный характеръ, но съ 9-го января 1860 г. Общество стало существовать легально. Рѣдкинъ до 1874 г. былъ безсмѣннымъ его Предсѣдателемъ; онъ прекрасно руководилъ его собраніями, умѣлъ указывать темы для рефератовъ, умѣлъ вести пренія, во-время останавливалъ горячаго референта или оппонента, коротко и ясно обобщалъ мнѣнія, а иногда прочитывалъ молодымъ педагогамъ цѣлыя лекціи, если вопросъ требовалъ разъясненій съ философской или юридической точки зрѣнія Болѣе 500 лицъ самыхъ разнообразныхъ званій перебывали членами Общества.

Съ 1861 по 1870 г. въ Петербургѣ издавался журналъ „Учитель“, возникшій не безъ содѣйствія Р., принявшаго въ немъ живое участіе. Здѣсь онъ помѣстилъ 47 небольшихъ статей (общій ихъ заголовокъ: „Современныя педагогическія замѣтки“), использовавъ свои знанія иностранныхъ языковъ для обзоровъ всего новаго, что совершалось въ области педагогики. Это—замѣтки о типахъ школъ въ различныхъ государствахъ, а „такія статьи, пишетъ Д. Д. Семеновъ,—какъ: „Выгонять или не выгонять ученика изъ училища?“, „Какъ учителю вести себя съ ученикомъ“, „Дѣтскія руки—золотыя руки“, „Не наказывать, а предохранять отъ наказанія“, „Любовь все можетъ“, „Малолѣтніе преступники“ — дышатъ любовію къ дѣтямъ, проводятъ гуманный христіанскій взглядъ на воспитаніе и обученіе, ратуютъ за тѣсную связь семьи со школою; въ статьѣ „Безъ учительской семинаріи—нѣтъ спасенія“ П. Г. первый, еще въ 1863 г., заговорилъ о необходимости давать спеціально педагогическое образованіе нашимъ народнымъ учителямъ и учительницамъ. Можетъ быть, благодаря статьѣ Рѣдкина „Дѣтскіе сады“ и вообще журналу „Учитель“, идеи Фребеля стали зарождаться и на русской почвѣ. И вотъ, однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ основанія въ Россіи Фребелевскаго Общества является снова П. Г. Рѣд-

кинъ, который былъ и первымъ его Предсѣдателемъ въ 1872 г.".

12-го іюня 1863 г., по докладу Министра Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнина, Р. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго Университета по каѳедрѣ энциклопедіи права.

„Появленію Р. предъ студентами, говоритъ Коркуновъ, предшествовали слухи о томъ, что онъ не избранъ, а назначенъ. Въ иныхъ студенческихъ кружкахъ это возбуждало противъ него предубѣжденіе. Но первая же его лекція завоевала ему всю его аудиторію безраздѣльно. По разсказамъ тогдашнихъ его слушателей, онъ взошелъ на каѳедру видимо взволнованный и нѣсколько минутъ молчалъ, прежде чѣмъ произнесъ обычное: „милостивые государи!" Онъ началъ съ выясненія той новой постановки, какую его каѳедрѣ давалъ Университетскій Уставъ 1863 года, переименовавшій ее изъ энциклопедіи *законовѣдѣнія* въ энциклопедію *права*. Затѣмъ, объяснивъ причины, побудившія его принять эту каѳедру, онъ закончилъ свою вступительную лекцію призывомъ слушателей судить его профессорскую дѣятельность, его лекціи со всею строгостью, напомнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что безпристрастный судья долженъ всегда выслушивать подсудимаго, прежде чѣмъ произнесетъ надъ нимъ приговоръ.

„Этотъ призывъ не прошелъ безплодно. Пятнадцать чередующихся одно за другимъ поколѣній молодежи съ чуткимъ, жаднымъ вниманіемъ слушали любимаго учителя. И какъ читались эти лекціи! Кто изъ бывшихъ студентовъ Петербургскаго Университета не помнитъ одиннадцатой (теперь девятой) аудиторіи во время лекцій Р. Обширный амфитеатръ аудиторіи, весь биткомъ набитый до самыхъ ступеней каѳедры слушателями, внимающими словамъ учителя, такъ торжественно, съ такимъ сознаніемъ святости долга выполняющаго свое дѣло, словно онъ священнодѣйствуетъ на каѳедрѣ. Въ его любви къ „нашей наукѣ", какъ онъ называлъ энциклопедію права, въ его преданности призванію учителя была какая то сила, невольно покорявшая умъ и увлекавшая за собой. Чѣмъ иначе объяснить, что въ тревожное время шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ университетская молодежь, такъ увлекавшаяся тогда политическими и соціальными вопросами, толпилась у каѳедры, съ которой ей во всѣхъ детальныхъ подробностяхъ и съ строгой методичностью излагали теологизирующую систему Шталя и панэнтеизмъ Краузе?" Приступивъ къ лекціямъ въ Петербургскомъ Университетѣ, Р. въ области философіи права слѣдовалъ инымъ уже началамъ, нежели въ Москвѣ. Убѣжденный гегеліанецъ прежде, здѣсь онъ явился сторонникомъ позитивизма, однако, далеко не полно и не послѣдовательно имъ проводимаго. „Многое въ его лекціяхъ, говоритъ Коркуновъ, и въ это время подходило ближе къ системѣ Гегеля, чѣмъ къ позитивизму. Ученіе позитивистовъ, что все человѣческое знаніе относительно, что намъ недоступно познаніе абсолютнаго, никогда не было Р. воспринято вполнѣ. Начала правды и справедливости являлись въ его изложеніи началами абсолютизма. Генетическій методъ, которымъ, съ переходомъ къ позитивизму, онъ думалъ замѣнить діалектическій методъ Гегеля, въ практическомъ приложеніи оказывался очень близкимъ къ діалектическому. Въ лекціяхъ Р. раскрывался не генезисъ реальныхъ явленій историческаго развитія положительнаго права, а только генезисъ понятій правды и справедливости. Потому и курсъ энциклопедіи сводился у Р къ изложенію, собственно, развитія философскихъ ученій о правѣ. Такъ, въ послѣднемъ читанномъ имъ курсѣ 1877—78 учебнаго года, I отдѣлъ первой части, посвященный изложенію принциповъ и опредѣленій права, дѣлится сообразно стадіямъ генетическаго развитія на три главы: 1) восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права; 2) развитіе принциповъ и опредѣленій и 3) отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Подъ „восхожденіемъ къ принципамъ права" Р. понималъ рядъ положительныхъ фактовъ, какъ ступеней поступательнаго, генетическаго движенія восхожденія человѣчества въ своемъ сознаніи къ принципамъ права. Весь этотъ рядъ положительныхъ фактовъ служитъ отправною точкою генезиса этого предмета, какъ „развитія поставляемыхъ философами принциповъ права". Въ второй главѣ подъ „развитіемъ" разумѣется генетическое развитіе, а не другое какое-нибудь, напр., историческое, а подъ принципами права разумѣются здѣсь „поставленныя философами начала права". Наконецъ, въ третьей главѣ подъ „отно-

шеніемъ науки къ принципамъ права" должно разумѣть „различные взгляды представителей науки на поставленные принципы и вообще указанія на то, какъ можетъ смотрѣть на нихъ наука, какъ смотритъ и какъ должна смотрѣть". Этотъ отрывокъ какъ нельзя характернѣе и нагляднѣе изображаетъ особенности генетической методы Р. Дѣйствительный предметъ его изслѣдованія—не явленія дѣйствительности, а создаваемыя человѣческимъ сознаніемъ понятія. Если въ первой главѣ разсматриваемаго отдѣла и говорится о *положительныхъ фактахъ*, то только какъ объ отправной точкѣ генезиса устанавляемыхъ философами принциповъ права, являющихся уже подлиннымъ предметомъ изслѣдованія по генетическому методу.

„Заявивъ себя въ 1865 г. рѣшительнымъ сторонникомъ О. Конта, Р. курсъ 1872—73 учебнаго года началъ вступительной лекціей, въ которой отстаивалъ самостоятельность философіи, основываясь на доводахъ такого метафизика, какъ Эд. Гартманъ. Во вступительной лекціи 1874—75 учебнаго года Р. выступилъ убѣжденнымъ послѣдователемъ Дарвина... А черезъ годъ новому поколѣнію первокурсниковъ объяснялъ, что „юридическія науки изучаютъ человѣка, какъ существо нравственное вообще, которому присуща свобода, которое этою своею свободою возвышается и надъ природою, и надъ исторіею, подчиняя себѣ первую и творя самъ послѣднюю". Еще черезъ годъ Р. призывалъ слушателей отвергнуть отождествленіе права съ силой и признать, что „право есть ни что иное, какъ осуществленіе человѣчествомъ въ дѣйствительности правды и справедливости, этого мыслимаго человѣчествомъ права, законами котораго управляется міръ нравственный, подобно тому, какъ законами физическими управляется міръ вещественный, природа, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что законы физическіе дѣйствуютъ съ роковою необходимостью, между тѣмъ, какъ дѣйствіе права происходитъ не иначе, какъ подъ условіемъ содѣйствія человѣческаго разума и свободной воли".

„Р. не выработалъ законченнаго цѣлостнаго ученія о правѣ. Тѣмъ не менѣе, его преподаваніе имѣло огромное и благотворное вліяніе.

До самаго конца жизни онъ съ поразительною неутомимостью слѣдилъ за новыми явленіями литературы. Лекціи стараго профессора дышали всѣмъ обаяніемъ новизны, современности. Если у него не всегда можно было найти опредѣленный точный отвѣтъ, то во всякомъ случаѣ никто другой не умѣлъ съ такою силою возбуждать въ слушателяхъ интересъ къ вопросамъ научнаго знанія, такъ расширять ихъ кругозоръ—такъ увлекать ихъ въ изслѣдованіи истины. Ему былъ данъ полною мѣрою великій даръ учителя".

Нѣсколько иначе отзывался тотъ же Н. М. Коркуновъ о значеніи Р., какъ ученаго, въ первой своей вступительной лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ въ 1878 г. Р., по его словамъ, „займетъ видное, почетное мѣсто въ исторіи русской энциклопедіи (права). Онъ первый далъ энциклопедіи вполнѣ самостоятельную, вполнѣ научную постановку". Въ его лекціяхъ „она получила вполнѣ опредѣленную постановку, какъ общее ученіе о правѣ", какъ „самостоятельная наука, имѣющая свое содержаніе, свою задачу".

Съ 19-го сентября 1873 г. по 9-е сентября 1876 г. Р. былъ выборнымъ Ректоромъ Петербургскаго Университета, а осенью 1878 г. оставилъ его и профессорскую дѣятельность навсегда. Назначенный Предсѣдателемъ Департамента Удѣловъ послѣ увольненія изъ Университета, онъ въ 1882 г. получилъ званіе члена Государственнаго Совѣта. Послѣдніе годы Р. провелъ почти исключительно въ кругу своей семьи, весьма рѣдко выѣзжая либо по служебнымъ обязанностямъ, либо посѣщая, почти слѣпой, собранія учителей въ Педагогическомъ Музеѣ Военно-Учебныхъ заведеній, да подготовляя къ печати свои лекціи по исторіи философіи права (1889—1891). 5-го октября 1890 г. праздновался шестидесятилѣтній юбилей его ученой дѣятельности, а 7-го марта 1891 г. Р. скончался; погребенъ онъ на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ.

Лѣтомъ 1901 г. наслѣдники Рѣдкина принесли всю его библіотеку въ даръ Петербургскому Университету, при чемъ дочь Р., Е. П. Рѣдкина, отъ имени всѣхъ наслѣдниковъ, выразила желаніе, чтобы всѣ книги юридическаго и философскаго содержанія поступили въ Юридическій Кабинетъ Университета, въ которомъ

былъ помѣщенъ также и портретъ его, писанный въ 1878 г. его дочерью.

Сочиненія Р., въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдующія.

1841 г. Обозрѣніе Гегелевой логики („Москвитянинъ“, ч. IV, № 8, стр. 410 слл.; „Юридическія Записки“, издаваемыя Петромъ Р., докторомъ правъ и ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета. Томъ I, М.: 1) Предисловіе. 2) О казенныхъ подрядахъ и поставкахъ въ Россіи до перваго ихъ преобразованія (т. I, стр. 161 — 187). 3) О Гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ (ibid., стр. 277—342).

1842 г. „Юридическія Записки“, т. II: 1) Прусскій уставъ о домашнихъ слугахъ (т. II, стр. 179—193). 2) О причинахъ преступленій и о средствахъ противодѣйствовать ихъ умноженію (ibid., стр. 194—262). 3) Объ уголовной кодификаціи (ibid., стр. 409—490).

1845 г. „Библіотека для Воспитанія“. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Двѣнадцать частей, М. 1845—1846 гг.: 1) Плиній младшій (1845 г., отд. I, ч. 2, стр. 160 — 189). 2) Ѳукидидъ (ibid., отд. II, ч. 1, стр. 87—130). 3) Объ изученіи новыхъ языковъ (ibid , отд. II, ч. 1, стр. 28 — 90). 4) На чемъ должна основываться наука воспитанія (1846 г., отд. II, ч. 3, стр. 1—46).

1846 г. „Какое общее образованіе требуется современностію отъ русскаго правовѣдца? Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Московск. Университета 15-го іюня“, М.

1847 г. „Новая Библіотека для Воспитанія“, издаваемая Петромъ Р. Десять частей, М.

1857 г. Что такое воспитаніе? („Журналъ для Воспитанія“, т. I, № 1, стр. 3 слл.; № 2, стр. 137 слл.; № 3, стр. 265 слл.); Исторія педагогики отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, Ф. Кернера. Рецензія (ibid., т. I, стр. 125 слл.); Обозрѣніе педагогической литературы (ibid., № 1, стр. 125 слл.; № 2, стр. 213 слл.); Можно ли и должно ли воспитывать дѣтей? (ibid., № 4, стр. 373 слл.); Съ чего начать? (ibid., т. II, № 10); Починъ дѣло красить (ibid., № 11); Первое знакомство дѣтей съ природою (ibid., № 11, стр. 395 слл.).

1858 г. Обозрѣніе педагогической литературы во Франціи (ibid., т. III, отд. I, № 1, стр. 75 слл.; № 2, стр. 140 слл.).

1859 г. Обозрѣніе юридической литературы по римскому праву („Юридическія Записки“, т. III, стр. 250—402).

1860 г. О независимости юстиціи (ibid., т. IV, стр. 179—191); Обозрѣніе юридической литературы (по юридической энциклонедіи) (ibid., стр. 339—710).

1861—1866 гг. „Современныя педагогическія замѣтки“ (47 небольшихъ статей) въ педагогическомъ журналѣ „Учитель“.

1888 г. „Къ рѣшенію женскаго вопроса“. Книга статей. [Изданіе П. Г. Рѣдкина], С.-Пб.

1889—1891 гг. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіей вообще, С.-Пб. Т. I. I—VII.

1890 г. О значеніи изученія естественныхъ наукъ въ общеобразовательномъ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Докладъ въ Педагогич. Музеѣ военно-учебныхъ заведеній.

Университетскія лекціи Р. (въ рукописяхъ) см., напр., Отчетъ Имп. Румянцовскаго Музея за 1883—1885 гг., М. 1886, стр. 88—89. [„Обзоръ государственнаго права иностранныхъ государствъ“, „Государственное право Россійской Имперіи“, „Энциклопедія законовѣдѣнія“]. Подъ редакціей Р.: „Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества“, 1851 г., т. V, С.-Пб.

Біографическій Словарь профессоровъ Имп. Московскаго Университета, ч. II, М. 1855 г., стр. 376—386; (В. Толбинъ), Лицей кн. Безбородко, С.-Пб. 1859, стр. 119—125 (съ портретомъ Р.); В. В. Григорьевъ. Имп. С.-Пб. Университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія. Историч. записка, С.-Пб. 1870, стр. 330 слл.; Е. В. Пѣтуховъ. Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, С.-Пб. 1895, стр. 35—38; (Н. М. Коркуновъ), Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. С.-Пб. Университета за истекшую третью четверть вѣка его существованія 1869—1894, Т. II, С.-Пб. 1898, стр. 155—168; Письма П. Г. Р. къ Н. В. Гербелю (см. Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1906 г. С.-Пб., стр. 166); И. Ф. Павловскій. Полтавцы, Полтава. 1914, стр. 249 (съ портретомъ); Жизнь и труды М. П. Погодина, см. Указатель; Album Academicum des Kais. Universitäts Dorpat, Dorpat. 1889 г.; М. В. Шимановскій, П. Г. Р. (біографическій очеркъ; съ приложеніемъ портрета), Одесса. 1891; П. В. Быковъ, П. Г. Р.—„Всемірная Иллюстрація“ 1890, № 1133, стр. 239—242 (съ портретомъ); Драшусова. Записки—„Русскій Вѣстникъ“ 1881, № 11, стр. 311, 313; А. Н. Аѳанасьевъ, Московскій Университетъ

1843—1849 гг.—„Русская Старина“ 1886, № 8, стр. 363—366, 375—376. А. Головачева-Панаева, Русскіе писатели и артисты, С.-Пб. 1890, гл. VII, стр. 146, 150; „Откликъ. Литературный сборникъ“, Одесса. 1892, стр. 50—54; А. Станкевичъ, Т. Н. Грановскій, М. 1897, т. II. Указатель; Н. А. Добролюбовъ. Дневникъ 1857 г. въ „Юбилейномъ сборникѣ Литературнаго Фонда 1859—1909“, С.-Пб. 1910, стр. 334, 336—337. — Некрологи: „Правительств. Вѣстникъ“ 1891 г., 14 марта, № 58; „Новости“ 8 марта, № 67; „Новое Время“, 8 марта, № 5396 (портретъ въ № 5404); „Недѣля“ 1891, № 10; (К. Н. Бестужевъ-Рюминъ) „Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія“ 1891, ч. 274, апрѣль, отд. IV, стр. 167—170; „Журналъ Гражданск. и Уголовн. Права“ 1891, кн. 4, стр. 220—224; Отчетъ по дѣлопроизводству Госуд. Совѣта за 1891 г., приложенія, стр. 14—16; К. М[одзалевскій], Памяти Р.—„Русская Школа“ 1891, № 4, стр. 50—63; „Историч. Вѣстн.“ 1891 г., т. XLIV, май, стр. 527; „Труды Одесскаго Юридич. Общ.“ 1872, т. 5, стр. 20—28; Н. Коркуновъ, „Наука права и естествознанія“ „Журналъ Гражд. и Угол. Права“ 1879, мартъ—апрѣль, стр. 29; Е. О., Здоровый идеализмъ—„Вѣстникъ Европы“ 1889, № 6, стр. 667—677; „Судебная Газета“ 1890, № 41; И Василевскій (Буква) „Новороссійскій Телеграфъ“ 1890, № 4913; Д. Д. Семеновъ, П. Г. Р., какъ педагогъ—„Женское Образованіе“ 1891, № 5, стр. 481—487; „Библіографич. Зап.“ 1892, № 1, стр. 37, № 6, стр. 437; „Истор. Вѣстн.“ 1901, іюль, Смѣсь, стр. 742—743; Д. Языковъ, Обзоръ, Вып. XI; Пыпинъ, Ист. русск. этнографіи, Т. I, стр. 338; т. II, стр. 30, 72, 110.

Вл. Княжнинъ.

Рѣзановъ (**Резановъ**, **Рязановъ**), *Гавріилъ Андреевичъ*, генералъ-поручикъ; 1-го марта 1749 г., будучи полковникомъ, пожалованъ былъ въ бригадиры, 29-го марта 1753 г. былъ опредѣленъ къ работамъ по исправленію Ладожскаго канала, дѣлалъ изысканія о водяномъ трактѣ между Волгою и Волховомъ и 25-го декабря 1755 г. былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры. 7-го мая 1757 г. было повелѣно ускорить отправку Р., назначеннаго въ помощь къ генералъ-аншефу Фермору, „по особо возложенной на него военной экспедиціи“, при чемъ 22-го мая это повелѣніе было вновь подтверждено, а 5-го января 1758 г. онъ былъ пожалованъ, одновременно съ графами П. А. Румянцовымъ и З. Г. Чернышевымъ и др., въ генералъ-поручики, — за участіе въ дѣйствіяхъ во время Семилѣтней войны. Будучи отозванъ изъ заграничной арміи, онъ получилъ, 1-го сентября 1759 г., порученіе завѣдывать, по прежнему, Ладожскимъ каналомъ; въ этой должности онъ оставался до 2-го апрѣля 1761 г., когда былъ замѣщенъ генераломъ А. П. Ганнибаломъ, а его самого повелѣно было опредѣлить къ какимъ-либо дѣламъ по усмотрѣнію Сената. Въ 1762 г. повелѣно было производить новую водяную коммуникацію отъ Волги до Волхова по планамъ и мнѣніямъ Р.,—сперва подъ его наблюденіемъ, а потомъ подъ наблюденіемъ генерала Деденева. Въ 1763 г. Р. находился при Балтійскомъ Портѣ и 16-го октября того же года ему повелѣно было принять участіе въ работахъ по сооруженію водяной коммуникаціи отъ Волги до Волхова. Въ 1766—1768 гг. онъ былъ Главнымъ Начальникомъ при Балтійскомъ Портѣ.

П. Барановъ, Опись Высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Сенатскомъ Архивѣ, т. III, С.-Пб. 1878; Сенатскій Архивъ, т. XIII и XIV; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 62, стр. 229.

Б. М.

Рѣзановъ (**Резановъ**), *Дмитрій Ивановичъ*, сенаторъ; по происхожденію дворянинъ, родился въ началѣ 1757 года. Начавъ службу 7-го марта 1774 г. капраломъ въ л.-гв. Конномъ полку, онъ 9-го декабря 1777 г. былъ переведенъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ, 1-го января 1782 г. произведенъ былъ въ прапорщики, въ 1785 г. — въ подпоручики, въ 1787 г.—въ поручики и въ полковые секретари, въ 1790 г. — въ капитанъ-поручики, а въ 1793 г.—въ капитаны, съ возвращеніемъ къ строевой службѣ. Черезъ два года Р. былъ изъ Преображенскаго полка уволенъ—для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ армейскаго бригадира, и 20-го марта того же 1795 г. поступилъ въ Провіантскій штатъ. Въ день коронованія Императора Павла Петровича, 5-го апрѣля 1797 г., онъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры и въ томъ же году опредѣленъ (25-го августа) Управляющимъ Статнаго Казначейства, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ царствованіе Павла I Р. получилъ въ награду орденъ св. Анны 2-й степени (6-го августа 1798 г.), чинъ тайнаго совѣтника (9-го іюля 1800 г.) и назначеніе управлять Первою Экспедиціею о государственныхъ доходахъ (14-го іюля 1800 г.). — Александръ I, указомъ 19-го декабря 1801 г., пожаловалъ Р. орденъ св. Анны 1-й степени, а съ образованіемъ Министерствъ, 29-го октября 1802 г., повелѣлъ ему быть Директоромъ Департа-

мента Министерства Финансовъ. Высочайшимъ указомъ 5-го сентября 1805 г. Р. былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, при чемъ за нимъ было сохранено то же жалованье и содержаніе, какое онъ получалъ по послѣдней должности.

Службу въ Сенатѣ, по обязанности сенатора, Р. началъ въ 1-мъ Отдѣленіи 5-го Департамента, 1-го мая 1813 г. былъ переведенъ въ число сенаторовъ 4-го Департамента, черезъ годъ, 30-го іюня 1814 г., ему было повелѣно присутствовать въ 1-мъ Отдѣленіи 3-го Департамента Сената, а 30-го мая 1816 г., на время, онъ былъ помѣщенъ въ число присутствующихъ 4-го Департамента Правительствующаго Сената. 24-го іюня 1819 г. сенаторъ Рѣзановъ былъ назначенъ членомъ учрежденнаго при Правительствующемъ Сенатѣ Комитета для уравненія по всему государству земскихъ повинностей. 6-го апрѣля 1826 г. Р., по разстроенному здоровью, былъ отъ службы уволенъ—впредь до совершеннаго выздоровленія, съ производствомъ жалованья по 3000 руб. въ годъ изъ Государственнаго Казначейства. Точныхъ свѣдѣній о времени смерти его мы не имѣемъ; онъ скончался не позже 1-го января 1828 года, такъ какъ съ этого времени была опредѣлена его вдовѣ пенсія, ходатайство о которой было возбуждено ею въ февралѣ мѣсяцѣ 1828 года; но возможно, что умеръ онъ и ранѣе указаннаго времени.

Д. И. Резановъ былъ женатъ: первымъ бракомъ—на Варварѣ Ѳедоровѣ (род. 24-го ноября 1773, ум. 12-го января 1820) и вторымъ бракомъ—на вдовѣ, повидимому француженкѣ, по имени Маріи Ивановнѣ; отъ 1-й жены онъ имѣлъ двухъ дочерей: Елизавету (род. въ 1798 или 1797 гг.), вышедшую замужъ за помѣщика Вологодской губерніи, колл. секр. Макшеева, и Анну, бывшую въ замужествѣ за колл. сов. Сушковымъ; послѣдняя умерла въ 1825 г. Въ Пензенской губерніи у Р. было родовое имѣніе.

„Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества“, т. 62; формулярный списокъ о службѣ въ дѣлѣ М-ва Юстиціи 1828 г., о пенсіи вдовѣ; Н. А. Мурзановъ, Списокъ сенаторовъ, С.-Пб. 1911, стр. 40.

Н. А. Мурзановъ.

Рѣзановъ, *Иванъ Гавриловичъ*, сенаторъ; родился 21-го января 1726 г. и былъ сыномъ генералъ-поручика Г. А. Рѣзанова (см. выше); служилъ съ 1736 г.; 30-го ноября 1762 г. онъ, будучи отъ арміи подполковникомъ, былъ назначенъ въ Московскую Синодскую Контору Прокуроромъ, съ чиномъ и жалованьемъ противъ прокурора Сенатской Конторы, и въ этой должности былъ и въ 1766 г. (въ 1767 г. былъ уже С. И. Рожновъ); въ 1767—1770 гг. онъ, въ чинѣ бригадира, былъ Главнымъ Судьею въ Конторѣ Канцеляріи Опекунства иностранныхъ въ Саратовѣ, 21-го апрѣля 1773 г. былъ пожалованъ въ д. с. совѣтники; состоялъ и въ 1778 г. оберъ-прокуроромъ въ I Департаментѣ Сената—до 1780 г., когда, 24-го ноября, былъ назначенъ сенаторомъ, а 13-го іюля 1786 г. былъ уволенъ отъ службы до выздоровленія; въ 1785, 1786 и 1796 гг. Р. упоминается, какъ Главный Директоръ Монетнаго Департамента и Конторы раздѣленія золота отъ серебра; на надгробіи Р. на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Александро-Невской лаврѣ значится, однако, что онъ умеръ 23-го декабря 1787 г.; повидимому здѣсь ошибка въ годѣ (вмѣсто 1797 г.) такъ какъ еще въ Мѣсяцесловѣ на 1797 г. Р. значится уволеннымъ до „выздоровленія“. Съ 24-го ноября 1782 г. Р. былъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени.

Сенатскій Архивъ, т. XI, стр. 302—303; Статской Календарь на 1765 г.; Петербургскій Некрополь, т. III; Н. А. Мурзановъ, Правительствующій Сенатъ, С.-Пб. 1911, стр. 40; Сборн. Имп. Русск. Историческаго Общ., т. 62, стр. 229; Мѣсяцесловы 1766—1797 гг.; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Списки кавалерамъ.

Б. М—ій.

Рѣзвые или, по написанію прежняго времени, *Резвые*. Названіе фамиліи производится отъ стариннаго правописанія прилагательнаго: „резвой“. Объясненіе такого происхожденія написанія находится въ семейномъ преданіи, по которому одинъ изъ предковъ, очень быстро исполнившій какое то порученіе Императрицы Елисаветы Петровны, получилъ отъ нея названіе „рѣзвой“.

Рѣзвой, *Дмитрій Петровичъ*, одинъ изъ героевъ Отечественной войны, сынъ Петра Терентьевича и внукъ Терентія Рѣзваго; род. въ 1762 г. и получилъ, видимо, основательное домашнее образованіе; по-

ступивъ въ военную службу фурьеромъ въ 1781 г., онъ 25-го декабря 1785 г. произведенъ былъ въ сержанты въ л.-гв. Артиллерійскомъ полку, а въ 1786 г., 12-го мая, произведенъ былъ въ прапорщики и назначенъ, вслѣдствіе знанія иностранныхъ языковъ, переводчикомъ въ штатъ генералъ-аншефа Меллера, при коемъ состоялъ адъютантомъ и по производствѣ своемъ, 24-го мая 1788 г., въ капитаны.

Съ 1788 года началась боевая жизнь Р.: онъ участвовалъ при штурмѣ Очакова, въ 1789 году былъ при занятіи Аккермана и Бендеръ, въ 1791 году—при взятіи Мачина; въ Польской кампаніи 1794 года онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ при Кручицѣ, Брестѣ, Кобылкѣ и за штурмъ Праги былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени. 28-го іюля 1796 г. произведенный въ маіоры 2 Каноперскаго полка, онъ 24-го декабря того же года произведенъ былъ уже въ чинъ подполковника въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ, а 12-го августа 1798 г. произведенный въ полковники, переведенъ былъ въ батальонъ генерала Челищева и затѣмъ отправился вмѣстѣ съ Суворовымъ въ Швейцарскій походъ, гдѣ состоялъ въ корпусѣ генерала-отъ-инфантеріи Розенберга, въ дивизіи генералъ-лейтенанта Ферстера, начальствуя надъ полевой артиллеріей; послѣ неудачнаго, но все же славнаго сраженія при Цюрихѣ и Шлахѣ, онъ вмѣстѣ съ Римскимъ-Корсаковымъ совершилъ знаменитое отступленіе передъ во много разъ превосходящими силами генерала Массены. Чинъ генералъ-маіора (15-го октября 1799 года), назначеніе шефомъ батальона своего имени во 2-мъ Артиллерійскомъ полку (13-го сентября 1800 г.) и рескриптъ Императора Павла I (4-го декабря 1800 года) съ пожалованіемъ его въ почетные командоры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго были наградами Рѣзвому за Швейцарскій походъ.

Въ 1801 году (27-го августа) Р. былъ назначенъ шефомъ 3-го Артиллерійскаго, а затѣмъ (23-го сентября) 4-го баталіоновъ на мѣсто генерала-маіора Берха, а въ 1803 г., іюля 18-го, при преобразованіи баталіоновъ въ полки,—шефомъ 2-го Артиллерійскаго полка.

Въ слѣдующіе года, когда у насъ производилось преобразованіе полевой артиллеріи, Д. П. Рѣзвой принялъ самое дѣятельное участіе въ этой работѣ. 18-го ноября 1803 года Аракчеевъ писалъ ему слѣдующія строки: „Имѣя въ васъ себѣ хорошимъ помощникомъ, поставляю себѣ за удовольствіе съ вами и разсуждать о дѣлахъ, до артиллеріи касающихся". Не смотря, однако, на этотъ отзывъ, Аракчеевъ вскорѣ сдѣлался личнымъ врагомъ Рѣзваго и жестоко мстилъ ему. За участіе въ преобразованіи нашей пѣшей артиллеріи Р. былъ награжденъ Высочайшимъ рескриптомъ и орденомъ св. Анны 2-го класса съ алмазами, а 1-го іюня 1805 года была подписана грамота на дворянство Рѣзваго. Участіе его во второй войнѣ противъ Наполеона выразилось въ сраженіяхъ при Янковѣ, Лансбергѣ, Вольсдорфѣ, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ; за послѣднія два сраженія Рѣзвой получилъ украшенную алмазами шпагу. Но особенное участіе принималъ онъ въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау (награда—Анненская звѣзда): въ этомъ сраженіи онъ командовалъ всею артиллеріею, благодаря которой Прейсишъ-Эйлауская битва не кончилась для русскихъ пораженіемъ. Въ этомъ сраженіи Рѣзвой былъ раненъ въ первый разъ; вторая рана была получена имъ въ Турецкую кампанію 1808—1812 г., когда, за подвиги въ сраженіи подъ Татарицею, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-ей степени. Въ великую Отечественную войну Рѣзвому предстояла крупная роль, если бы не ненависть къ нему Аракчеева, о чемъ мы уже упоминали выше.

Въ Запискахъ Маевскаго мы читаемъ слѣдующія строки: „Докладываю фельдмаршалу (князю Кутузову), что по случаю соединенія всѣхъ армій нужно назначить одного начальника артиллеріи. „Кого же лучше, какъ не Дмитрія Петровича Рѣзваго", — отвѣчаетъ князь: „онъ человѣкъ умный и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ".— Вдругъ докладываютъ, что графъ Аракчеевъ пріѣхалъ къ Свѣтлѣйшему,—и представьте наше удивленіе: графъ говоритъ о томъ же, о чемъ говорили и мы за минуту до него, но разговоръ былъ въ другомъ тонѣ и духѣ. Графъ Аракчеевъ: „Государю Императору угодно соединить командованіе всею артиллеріею въ лицѣ одного артиллерійскаго генерала, а выборъ послѣдняго предоставляется Вашей Свѣтлости. Его Величество думаетъ, что всего ближе дать этотъ постъ А. П. Ермолову".

Князь: „Вотъ спросите у него (указы-

вая на меня): мы сію минуту объ этомъ говорили, и я самъ хотѣлъ просить Государя Императора, чтобъ назначенъ былъ А. П. Ермоловъ. И можно ли назначить лучше кого-либо другого?"

Маевскій въ своихъ Запискахъ добавляетъ: „Надо примѣтить, что Кутузовъ ненавидѣлъ Ермолова, а Аракчеевъ—Резваго". Поводомъ ненависти (особливо послѣ вышеприведеннаго нами похвальнаго отзыва) служило будто бы слѣдующее обстоятельство. У Р. собралось какъ то за вечернимъ столомъ нѣсколько сослуживцевъ. Говорили о томъ, что Аракчеевъ недавно сказалъ кому-то изъ артиллерійскихъ офицеровъ: „Уйди ты въ отставку, — да я тебѣ пенсію въ тысячу рублей назначу". — На это будто бы хозяинъ дома сказалъ: „Тысячу! Да я ему самъ дамъ три отъ себя, только бы ушелъ!" Слова эти были переданы Аракчееву, и первымъ результатомъ этой передачи была выше указанная интрига Аракчеева съ А. П. Ермоловымъ.

Не получивъ главнаго командованія, Рѣзвой продолжалъ исполнять хотя и черновую, но отвѣтственную работу; такъ, въ 1813 г. (по словамъ того же Маевскаго) ему было поручено исправленіе невѣрно составленной смѣты для огнестрѣльныхъ запасовъ. 5-го іюля 1814 года главнокомандующимъ графомъ Беннигсеномъ было отдано въ приказѣ по арміи Высочайшее повелѣніе о пожалованіи генералъ-маіора Д. П. Рѣзвого въ генералъ-лейтенанты, но приказъ не былъ утвержденъ Аракчеевымъ даже при выходѣ Рѣзвого въ отставку 17-го декабря 1815 года. Рѣзвой, не смотря на то, что онъ прослужилъ въ чинѣ генералъ-майора полныя пятнадцать лѣтъ, былъ уволенъ безъ производства.

Будто бы для выясненія этого обстоятельства Рѣзвой явился къ Аракчееву и просилъ доложить, что пріѣхалъ „генералъ-лейтенантъ Рѣзвой". Аракчеевъ вышелъ и сказалъ: „Генералъ-лейтенанта Рѣзваго я не знаю, но отставной генералъ-маіоръ Рѣзвой мнѣ извѣстенъ",—и вмѣстѣ съ этимъ подалъ Высочайшій приказъ съ подписью Императора Александра I объ увольненіи Рѣзваго въ отставку генералъ-маіоромъ. Дѣло въ томъ, что Императоръ, всецѣло довѣряя Аракчееву, снабдилъ его пустыми бланками за своею подписью, предоставляя право ихъ заполнить. Этимъ правомъ и воспользовался для своей мести графъ Аракчеевъ.

По выходѣ въ отставку Рѣзвой до своей смерти—19-го января 1823 года—жилъ или въ Петербургѣ, въ домѣ на Шпалерной,—тамъ, гдѣ теперь Домъ предварительнаго заключенія,—или въ своемъ благопріобрѣтенномъ въ началѣ XIX вѣка имѣніи „Маріенгофъ", Ямбургскаго уѣзда. Это имѣніе было собственностью бароновъ Блескенъ и послѣдній представитель этого рода, генералъ-аншефъ (въ 1763 году), владѣлъ всей этой территоріей, которую тогда называли „Терпигорьемъ". Со смертью послѣдняго Блескена земля перешла къ сестрѣ его, Шведской подданной фонъ-Марквартъ, у которой купилъ ее Шведскій консулъ въ Нарвѣ, по фамиліи Дельфинъ, а у послѣдняго пріобрѣлъ Рѣзвой. Въ имѣніи сохранялся до нашихъ дней помѣщичій домъ постройки временъ Петра Великаго.

Въ 1803 году Д. П. Рѣзвой женился на дочери маіора Василія Осиповича Налетова—Надеждѣ Васильевнѣ (р. 1780, ум. 1845 г.), вышедшей за Рѣзвого вторымъ бракомъ, отъ котораго были сынъ Модестъ (смотри ниже) и дочь Вѣра, замужемъ за извѣстнымъ дѣятелемъ Общества поощренія художествъ А. П. Сапожниковымъ, главнымъ руководителемъ рисованія въ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ и составителемъ нѣкогда популярнаго курса рисованія.

Д. П. Рѣзвой погребенъ въ Петербургѣ, на кладбищѣ Фарфороваго завода.

Великій Князь Николай Михайловичъ, Русскіе портреты, томъ VI, стр. 99; А. И. Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны Россіи съ Франціею 1799 года, т. VI, стр. 394; Столѣтіе Военнаго Министерства, т. VI, ч. I, приложеніе, стр. 53; „С.-Петербургскій Некрополь", т. III, стр. 559; „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1797 г., стр. 608, 1801 г. стр. 2847; 1803 года, стр. 1895; 1805 г., стр. 715; 1808 г., стр. 1222; „Русская Старина", т. I, стр. 254, Т. VII, стр. 491, т. VIII, стр. 164, 257; „Старые годы" 1913, № 4 (апрѣль), стр. 3—31, статья барона Н. Н. Врангеля; Военная Галлерея 1812 г., С-Пб. 1912, стр. 213—114 и портр. на табл. 61-й.

П. Столпянскій.

Рѣзвой, *Модестъ Дмитріевичъ*, сынъ предыдущаго, военный и общественный дѣятель царствованія Императора Николая Павловича. Получилъ образованіе въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, гдѣ, по окончаніи полнаго курса ученія въ 1825 г., былъ записанъ „на почетную доску въ кон-

ференцъ-залѣ". Затѣмъ, по выходѣ изъ Училища, назначенъ на службу въ С.-Петербургскую Инженерную команду и съ ноября 1826 года преподавалъ исторію въ „верхнихъ" (т.-е. старшихъ) классахъ Инженернаго Училища; въ 1828 году гвардіи инженеръ-поручикъ, онъ въ 1833 году произведенъ былъ въ капитаны и тогда же участвовалъ въ хронометрической экспедиціи въ Балтійское море, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Шуберта. Въ 1835 году Р. по болѣзни уволенъ былъ отъ преподаванія исторіи и переведенъ (13-го января 1836 года) въ Корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній, а въ 1837 году уволился за болѣзнью въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассессора, но менѣе, чѣмъ черезъ годъ, въ 1838 году, опредѣлился въ Инженерный Департаментъ Начальникомъ перваго строительнаго Отдѣленія, въ 1840 году произведенъ былъ въ надворные совѣтники, въ 1842 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 3-ей степени, въ 1846 году, съ Высочайшаго соизволенія, былъ командированъ въ крѣпость Нарву для обозрѣнія на мѣстѣ существующихъ тамъ зданій, примѣчательныхъ своею древностію, и для содѣйствія при составленіи полнаго проекта на исправленіе происшедшихъ въ нихъ поврежденій. Въ 1849 г. онъ былъ переименованъ въ полковники по Корпусу инженеровъ морской строительной части и былъ назначенъ Вице-Директоромъ Строительнаго Департамента Морского Министерства. Умеръ 7-го сентября 1853 года и погребенъ вмѣстѣ съ отцомъ, на кладбищѣ Императорскаго Фарфороваго завода.

Таковъ послужной списокъ М. Д. Рѣзвого, но извѣстность свою онъ пріобрѣлъ на поприщѣ художественномъ.

19-го сентября 1839 года Императорская Академія Художествъ, въ засѣданіи своемъ, постановила: „признать почетнымъ вольнымъ общникомъ Модеста Дмитріевича Резваго, коллежскаго ассессора, извѣстнаго любовью къ искусствамъ и отличнымъ успѣхомъ въ рисованіи и музыкѣ".

Почти въ это же время Рѣзвой былъ избранъ въ члены Общества Поощренія Художествъ (39-ый по порядку членъ этого Общества), а выборы въ Общество Поощренія Художества въ то время были обставлены очень тяжелыми условіями: производилась закрытая баллотировка, и если у баллотирующагося находились „два черныхъ балла" (т.-е. два отрицательныхъ голоса),—онъ лишался права быть когда-либо избраннымъ въ Общество; при нахожденіи одного чернаго балла, если никто изъ присутствовавшихъ не пожелаетъ изъяснить, почему онъ положилъ черный шаръ,—назначалась черезъ годъ вторая и послѣдняя баллотировка; Рѣзвой же не только былъ избранъ въ члены Общества, но съ 12-го октября 1844 года былъ почтенъ званіемъ Секретаря Общества, которымъ и оставался до 1850 года.

„Любовь къ искусствамъ",—такъ говорилось въ постановленіи Академіи Художествъ при выборѣ Рѣзваго въ Почетные вольные общники, — была главнымъ импульсомъ жизни М. Д. Рѣзваго, и эта любовь была вполнѣ чистою, безкорыстною; даже болѣе того,—она до извѣстной степени вредила успѣхамъ его по службѣ. Не забудемъ, что въ то время на писателя и вдобавокъ—на художественнаго писателя въ сферахъ былъ отрицательный взглядъ, и если Рѣзвой не слишкомъ успѣшно двигался по іерархической лѣстницѣ и довольно часто выходилъ въ отставку „по болѣзни", то во всемъ этомъ была виновата вышеуказанная „любовь къ искусству".

Самъ Рѣзвой выдѣлялся среди любителей того времени исполненіемъ миніатюрныхъ портретовъ и литографій; между послѣдними извѣстны слѣдующія: 1) портретъ профессора А. А. Бунге въ костюмѣ мандарина (А. А. Бунге былъ нѣкоторое время въ Китаѣ); 2) портретъ бургомистра города Вендена Іоганна Эвальда Гассинга (предка жены М. Д. Рѣзвого); 3) портретъ доктора Рейнека Грота; 4) портретъ баронессы Корфъ, рожденной Врангель; 5) портретъ графини Кутайсовой; родная тетка М. Д. Рѣзвого — Анна Петровна Рѣзвая (176..., ум. 1848 г.), бывшая замужемъ за извѣстнымъ фаворитомъ Императора Павла I— графомъ Иваномъ Павловичемъ Кутайсовымъ); 6) портретъ Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, Президента Императорской Академіи Художествъ; 7) портретъ генерала Ѳ. Ѳ. Шуберта (подъ начальствомъ котораго М. Д. Рѣзвой, какъ было указано выше, совершалъ хронометрическую экспедицію въ Балтійское море).

Изъ этого, далеко неполнаго перечня литографическихъ портретовъ видно, что М. Д. Рѣзвой рисовалъ съ своихъ родныхъ

и знакомыхъ въ часы досуга. Но эти портреты не могутъ назваться „неопытными упражненіями дилетанта-любителя“: въ нихъ виденъ и опытный карандашъ, и безусловное художественное чутье; между тѣмъ Рѣзвой никогда не учился спеціально рисованію, и можно думать, что при полученіи систематическаго художественнаго образованія изъ него вышелъ бы талантливый художникъ. Но неполученіе Рѣзвымъ спеціальнаго художественнаго образованія было и къ лучшему,—пожалуй, появился бы еще одинъ талантливый художникъ, но уже навѣрное не былъ бы такой ревностный, даже, — можно сказать болѣе,— фанатическій защитникъ и покровитель начинающихъ талантовъ, какимъ сталъ Рѣзвой, какъ Секретарь Общества Поощренія Художествъ. Основатели этого Общества — богатые и знатные филантропы — не могли бы дѣйствовать такъ успѣшно, если бы въ Обществѣ не состояли Рѣзвой и А. П. Сапожниковъ (женатый на сестрѣ М. Д. Рѣзвого и состоявшій Казначеемъ Общества). Секретарь и Казначей Общества выискивали всевозможныя средства, чтобы поощрить, развить зарождающееся русское искусство. Пусть они часто ошибались, пусть многіе изъ открытыхъ ими талантовъ оказывались „пустоцвѣтами“, но нельзя ни на мгновеніе забывать, что только благодаря усиленной поддержкѣ Общества Поощренія Художествъ Александръ Андреевичъ Ивановъ могъ закончить свою картину „Явленіе Христа въ міръ“, что пенсіонеромъ Общества былъ и Карлъ Брюлловъ,—конечно, не признаваемый нынѣ всемірнымъ геніемъ, но все же бывшій большимъ талантомъ и сильно вліявшій на развитіе русскаго искусства; наконецъ, пенсіонерами Общества были и братья Чернецовы, граверы Пожалостинъ, Іорданъ и рядъ другихъ, менѣе значительныхъ художниковъ. Литографія же вполнѣ обязана Обществу Поощренія Художествъ, которое всѣми зависящими отъ него способами стремилось распространить это искусство у насъ въ Россіи. И главнымъ работникомъ въ этомъ направленіи былъ Рѣзвой, никогда не забывавшій своихъ питомцевъ и всегда умѣвшій оказать поддержку—и въ такой формѣ, чтобы не оскорбить, не обидѣть нуждавшагося въ этой поддержкѣ. Для этого дѣлались заказы художникамъ, устраивались лотереи художественныхъ произведеній, выдумывались различныя иллюстрированныя изданія, посылались рекомендательныя письма къ сильнымъ міра сего и, наконецъ, обращались и къ туго набитому кошельку меценатовъ, не говоря уже о личной матеріальной помощи. Внукъ Терентія Рѣзвого, разбогатѣвшаго на подрядахъ, умѣлъ находить остаткамъ дѣдовскихъ капиталовъ достойное примѣненіе.

Еще болѣе значительны, хотя и еще менѣе оцѣнены заслуги Рѣзвого въ области музыки. Будучи самъ віолончелистомъ, Рѣзвой устраивалъ самъ и участвовалъ въ устраиваемыхъ другими музыкальныхъ вечеринкахъ, гдѣ исполнителями были все любители: генералы Шубертъ и Шильдеръ, Сапожниковъ и многіе другіе.

„Собирались рано—вспоминаетъ одинъ изъ современниковъ,—часовъ въ 6 вечера, и далеко за полночь игрались квартеты, квинтеты, тріо Гайдена, Моцарта и изрѣдка Бетховена“.—Но кромѣ этихъ любительскихъ вечеринокъ, Рѣзвой былъ постояннымъ участникомъ того любительскаго оркестра, который, заключая въ себѣ представителей высшаго свѣта, начиная съ середины 1840-хъ годовъ, игралъ на ежегодно устраиваемомъ концертѣ въ пользу частныхъ школъ Патріотическаго Общества. Затѣмъ Рѣзвой былъ въ теченіе ряда лѣтъ защитникомъ и покровителемъ чуть ли не большинства пріѣзжавшихъ въ Петербургъ музыкантовъ. Въ этомъ отношеніи Рѣзвой прибѣгалъ и къ помощи прессы, помѣщая въ „Сѣверной Пчелѣ“ замѣтки и отзывы; къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ помѣщалось или анонимно, или подъ затѣйливыми псевдонимами (такъ, кажется, подпись ξ [кси], довольно часто встрѣчающаяся на столбцахъ „Сѣверной Пчелы“ за 1838 и 1839 г.г. подъ различными музыкальными рецензіями, принадлежитъ Рѣзвому).

Но подъ одной изъ своихъ замѣтокъ— объ музыкантѣ-піанистѣ Адольфѣ Гензельтѣ Рѣзвой подписался полностію „Модестъ Резвой“. Не говоря уже о томъ, что въ этой замѣткѣ сохранились очень любопытныя подробности, указывающія, какъ нужно было устраивать концерты въ 1840-хъ годахъ въ Петербургѣ, — эта замѣтка интересна и потому, что въ ней отразились взгляды Рѣзвого на музыку.

Объ Адольфѣ Гензельтѣ послѣ его пріѣзда въ Россію ходило много слуховъ, и Рѣзвой пишетъ: „Не взирая на нѣкоторое недо-

вѣріе и даже предубѣжденіе,—мы нашли въ немъ виртуоза геніальнаго въ полномъ значеніи этого слова. Игра его исполнена огня, силы, чувства, выраженія, мягкости, всегда вдохновенія. Если по исполненію ставятъ его на одну степень съ знаменитымъ Тальбергомъ, то онъ имѣетъ надъ нимъ большой перевѣсъ по своимъ сочиненіямъ, въ которыхъ отразилась мощность и творческая сила самобытнаго генія. Гензельтъ есть явленіе совершенно поэтическое. Тальбергъ, Листъ и Шопенъ принадлежатъ столько же своему искусству, сколько міру, въ которомъ живутъ. Гензельтъ весь сосредоточенъ въ своемъ искусствѣ. Онъ отдѣленъ отъ свѣта, онъ, какъ младенецъ, не знакомъ съ прозою житейскихъ потребностей и отношеній... Утѣшительно видѣть, что въ наше время художественныхъ бѣснованій (извините за выраженіе) Гензельтъ сохранилъ всю чистоту и выспренность своего искусства; отвергая все, что только приближается къ шарлатанству, убѣгая холодности и сухости записныхъ классиковъ, не вдается въ безотчетность буйнаго романтизма; отклоняясь отъ злоупотребленій новѣйшихъ школъ, онъ воспользовался, однако, нововведеніемъ и усовершенствованіемъ по части механизма. Нѣтъ трудностей, которыя бы затрудняли его".

Къ этому отзыву объ артистѣ приведемъ не менѣе характерную рецензію Рѣзвого на „Новыя изданія древнихъ напѣвовъ православной церкви". Замѣтка была помѣщена въ той же „Сѣверной Пчелѣ" за 1848 годъ и также подписана его полной фамиліей.

„Пользуясь всѣми пособіями науки и искусства, вникал въ духъ и складъ нашей церковной музыки, дошедшей до насъ или въ письменныхъ памятникахъ, или по преданіямъ, г. Львовъ—писалъ М. Д. Рѣзвой—облекъ родные, священные напѣвы въ стройныя, звучныя гармоніи, отвергая все чужое, постороннее и несвойственное и тщательно сохраняя то, что сохранило время, и съ тонкою разборчивостью отыскивая и возстанавливая утраченное. Это новое произведеніе г. Львова, свидѣтельствуя о неутомимой его дѣятельности и стремленіи къ полезному и изящному, конечно, принято будетъ съ благодарностью всякимъ русскимъ, всякимъ православнымъ! Остается сказать нѣсколько словъ о музыкальномъ достоинствѣ и неподдѣльной подлинности упомянутыхъ изданій. Имѣвъ случай слушать нѣкоторые изъ заключающихся въ нихъ напѣвовъ, превосходно исполненныхъ хоромъ Придворной Капеллы, мы ощутили величайшее художественное наслажденіе, исполнившее душу умилительнаго благоговѣнія. Эти дивные звуки казались намъ твореніемъ неземнымъ, а принадлежащимъ обители чистѣйшаго міра". И далѣе Рѣзвой высказываетъ слѣдующій взглядъ на молитву.

„Молитва должна быть не концертомъ, а молитвою; музыка должна сообразоваться со словомъ, а не слово съ музыкою. Молитва читается или рецитируется, и музыка только тогда можетъ почитаться вполнѣ соотвѣтственною, если, подчиняясь условіямъ просодическихъ формъ, не отвлекаетъ отъ содержанія текста, а напротивъ того способствуетъ къ уразумѣнію его".

Изъ приведенныхъ отзывовъ ясно, что Рѣзвой не былъ новаторомъ музыкальной критики; а скорѣе хранителемъ хорошихъ музыкальныхъ традицій добраго стараго времени. И, конечно, не въ любительскомъ музицированіи, быть можетъ, иногда доходившемъ и до виртоузности; не въ писаніи музыкальныхъ рецензій было значеніе Рѣзвого. Значеніе его въ отношеніи къ музыкѣ ярко, ясно и, главное, въ немногихъ словахъ охарактеризовалъ другой дѣятель той же эпохи — князь В. Ѳ. Одоевскій. Послѣдній писалъ въ 1845 году:

„Резвой не только глубокій знатокъ музыки и талантливый сочинитель, но онъ своимъ переводомъ Фуксова „Генералъ-баса" установилъ впервые нашъ технической языкъ. Этотъ трудъ—нелегкій и требовалъ со стороны переводчика не только знанія обоихъ языковъ, но и полнаго обладанія музыкою, какъ наукою и какъ искусствомъ. Если нынѣ преподаваніе музыки на русскомъ языкѣ сдѣлалось возможнымъ, если каждый изъ насъ можетъ теперь писать о музыкѣ, не останавливаясь на каждомъ шагу, то этимъ мы обязаны единственно ночтеннымъ трудамъ Резвого".

Все выше сказанное княземъ Одоевскимъ о Рѣзвомъ позволило въ 1842 году Отдѣленію Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (въ слѣдующемъ, въ 1843 году, Рѣзвой былъ избранъ въ члены-корреспонденты Отдѣленія) по-

ручить Рѣзвому обработку всѣхъ словъ, относящихся къ музыкѣ. Не прошло и года, какъ Отдѣленіе Академіи Наукъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовало работу Рѣзвого:

„М. Д. Резвой со всѣмъ усердіемъ принялся за полезное и столь новое у насъ дѣло. Сравнивая объясненія музыкальныхъ терминовъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Французской Академіи, съ нынѣшнимъ состояніемъ теоріи музыки, онъ увидѣлъ, до какой степени было бы недостаточно это пособіе для добросовѣстнаго исполненія дѣла. Итакъ, онъ рѣшился, вмѣсто перерабатыванія статей, внесенныхъ въ корректурные листы нашего словаря, постепенно составить отдѣльный Словарь музыки, который, къ большому удовольствію Отдѣленія и къ общей пользѣ Русскихъ литераторовъ, онъ уже успѣлъ закончить и представить въ Отдѣленіе“.

Въ препроводительномъ письмѣ къ Предсѣдательствовавшему въ Отдѣленіи Рѣзвой такими словами охарактеризокалъ главныя, основныя свои положенія: „Во-первыхъ, по всѣмъ отраслямъ просвѣщенія существуютъ, въ большемъ или меньшемъ изобиліи, на русскомъ языкѣ теоретическія сочиненія. По одной только музыкѣ, какъ въ художественномъ, такъ и въ ученомъ отношеніи языкъ нашъ не имѣетъ почти никакихъ прочныхъ основаній. То, что до сихъ поръ было издаваемо по этой части, содѣйствовало, можетъ быть, къ водворенію и распространенію понятій о музыкальномъ искусствѣ въ нашемъ отечествѣ; но Русская терминологія музыки, подавляемая выраженіями и формами, заимствованными безъ разбора у французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, нерѣдко вовсе не свойственныхъ духу нашего языка и здравому смыслу, получила какое-то чудовищное безобразіе и неопредѣлительность. Два весьма хорошіе музыканта могутъ говорить по-русски о музыкальномъ предметѣ, имъ обоимъ совершенно знакомомъ, и не понимать другъ друга единственно по несходству терминологіи, которымъ каждый изъ нихъ слѣдуетъ.

„Во-вторыхъ, по отвлеченности музыкальныхъ понятій, такъ какъ они относятся къ искусству самому идеальному, оказывается иногда затруднительнымъ сдѣлать краткое опредѣленіе какого-либо слова по части музыки безъ нѣкотораго описательнаго дополненія или объясненія.

„Въ-третьихъ, русскіе имѣютъ большую наклонность,—можно даже сказать—врожденную страсть къ музыкѣ; но по недостатку словъ не всегда могутъ выразить на родномъ языкѣ то, что чувствуютъ.

„Вотъ причины, по которымъ мнѣ казалось простительнымъ и даже нужнымъ допустить въ Русскомъ Словарѣ нѣсколько, хотя и весьма незначительно, бо́льшую подробность при обдѣлкѣ словъ, относящихся къ музыкѣ. Впрочемъ, я искалъ по возможности избѣгать изложенія энциклопедическаго и всѣхъ вообще подробностей. Для устраненія нѣкоторыхъ повтореній, безъ пользы увеличивающихъ объемъ сочиненія, я старался, гдѣ оказывалось удобнымъ, совокуплять въ одну статью все то, что можно было къ ней отнести, не раздробляя напрасно предмета, ограничиваясь потомъ, въ своемъ мѣстѣ, одними ссылками на эту статью“.

Отдѣльнымъ изданіемъ „Музыкальный Словарь“ Рѣзвого не вышелъ, но всѣ объясненія терминовъ по части музыки, заключающіяся въ изданномъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ „Словарѣ Русскаго и церковно-славянскаго языка“, принадлежать Рѣзвому.

Мы выше указали, что у Рѣзвого остались лишь остатки большого состоянія его дѣда, Терентія Рѣзвого: домъ на Шпалерной улицѣ Рѣзвой передалъ еще своимъ наслѣдникамъ; какъ кажется, этотъ домъ былъ послѣднею Петербургскою его недвижимостью, потому что еще въ 1845 году можно было прочесть въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ нижеслѣдующее объявленіе:

„Противъ Екатерингофскаго Дворца, на рукавѣ рѣки Невы продается Островъ (извѣстный подъ названіемъ Малаго Рѣзваго Острова) съ каменнымъ на ономъ домомъ и другимъ строеніемъ. Объ условіяхъ продажи узнать у коллежскаго совѣтника М. Д. Резвого, живущаго въ Инженерномъ Замкѣ“.

М. Д. Рѣзвой былъ женатъ на Фанни Алексѣевнѣ Гассингъ (род. 30-го августа 1816 г., ум. 8-го марта 1846 года, погребена на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ), дочери извѣстнаго въ Петербургѣ врача, и имѣлъ трехъ дѣтей: сына Дмитрія Модестовича, генерала-отъ-инфантеріи, скончавшагося 29-го ноября 1912 года, и двухъ дочерей: Ольгу и Софію.

Приведемъ въ заключеніе небольшой списокъ статей подписанныхъ М. Д. Рѣзвымъ: „Сѣверная Пчела“ 1838 г., стр. 245 (замѣтка о Гензельтѣ); 1835 г., стр. 1154 (о віолончелистѣ Кнехтѣ); 1839 г., № 42 (Смѣсь, статья М. Р.); 1842 г., № 53 (Историческая Ораторія Петръ Великій); 1848 г., № 71, стр. 281 (Древніе напѣвы православной неркви). Кромѣ того М. Д. Рѣзвымъ составленъ текстъ къ литографированнымъ картинамъ по Русской Исторіи, изданнымъ Обществомъ Поощренія Художествъ.

Столѣтіе Военнаго Министерства, т. VII, ч. I, стр. 180; формулярный списокъ 1846 г.; Отчеты Общества Поощренія Художествъ разныхъ лѣтъ до 1852 г.; „Петербургскій Некрополь“, томъ III. 559; П. Петровъ, „Матеріалы къ Исторіи Императорской Академіи Художествъ“, томъ II, стр. 287; „Аполлонъ“, 1912 года, № 1; „Русская Старина“, томъ LXXIII, стр. 425; „Художественная Газета“ 1840 г., № 25, стр. 22; „Отчетъ Императорской Академіи Наукъ“ за 1853 г., стр. 62—65; Березинъ, „Русскій Энциклопедическій Словарь“, буква Р., стр. 149 (здѣсь не вѣрно указано, что М. Д. Рѣзвой былъ генералъ-майоромъ); „Вѣдомости С.-Петербургской Полиціи“ 1845 г., № 20, объявленія; „Литературная Газета“ 1845 г., стр. 185; Б. Л. Модзалевскій, „Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ“, С.-Пб. 1908.

П. Столпянскій.

Рѣзвой, *Николай Петровичъ*, Петербургскій Городской Голова, старшій сынъ нижеслѣдующаго и братъ Д. П. Рѣзвого (см. выше); род. около 1749 г. и, оставаясь купцомъ, продолжалъ торговыя дѣла и подряды своего отца. Между прочимъ, въ 1788 г. онъ взялъ на откупъ Красносельскіе сады придворнаго вѣдомства на 4 года съ платою въ 1500 рублей въ годъ; но придворная Контора, видимо, имѣя какія то счеты съ Рѣзвыми (номня его отца или даже дѣда), на слѣдующій же годъ (1789 г.) удалила Рѣзвого отъ аренды и стала взыскивать съ него убытки, высчитавъ ихъ, какимъ то непонятнымъ образомъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Р. подалъ жалобу въ Судъ, который нашелъ претензіи Дворцоваго Управленія несправедливыми. Дѣло пошло по инстанціямъ и дошло до Государственнаго Совѣта, который, разсмотрѣвъ его въ засѣданіи 15-го марта 1809 года, т. е. спустя 20 лѣтъ послѣ начала иска, призналъ Рѣзвого правымъ и сложилъ бывшую на немъ недоимку. Помимо подрядовъ, Р. продолжалъ содержать открытый еще его отцомъ гастрономическій магазинъ.

Кромѣ торговыхъ дѣлъ, Н. П. Рѣзвой продолжалъ, идя по стопамъ отца, городскую службу: въ 1783 году онъ былъ выбранъ въ Городовой Магистратъ бурмистромъ, въ 1785 году—засѣдателемъ Губернскаго Магистрата и Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ 1792 году—Городскимъ Головою. Съ восшествія на престолъ Павла I карьера Рѣзвого сразу выяснилась, такъ какъ на его родной сестрѣ, Аннѣ Петровнѣ, былъ женатъ недавній брадобрѣй, а теперь всесильный любимецъ Императора, — новопожалованный графъ Кутайсовъ.

4-го мая 1797 года колежскій ассессоръ Рѣзвой былъ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, когда же было введено новое Положеніе для столичнаго града С.-Петербурга, то 12-го сентября 1798 года появился именной указъ Павла I: „Надворному Совѣтнику Резвому повелѣваемъ въ Санктъ-Петербургскомъ Городскомъ Правленіи отправлять должность Экономіи Директора, всемилостивѣйше жалуя его въ коллежскіе совѣтники“; въ 1799 году, 13-го ноября, т. е. уже черезъ годъ, „С.-Петербургскаго Городоваго Правленія Экономіи Директоръ коллежскій совѣтникъ Резвой, въ воздаяніе за усердную службу и труды, по сей части прилагаемые“, всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ статскіе совѣтники, съ оставленіемъ въ настоящей должности, а 1-го марта 1800 года повелѣно было: „служащему въ Камеръ-Департаментѣ Экономіи Директору статскому совѣтнику Резвому, оставляя ему въ пенсіонъ нынѣшнее жалованье, быть Президентомъ въ Санктъ-Петербургскомъ Ратгаузѣ“ и, наконецъ, 15-го іюня 1800 года: „Санктъ-Петербургскаго Ратгауза Президента Резваго всемилостивѣйше жалуемъ въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники“, а 14-го іюля того же года: „Президенту Ратгауза“ Рѣзвому всемилостивѣйше пожаловано было 3.000 десятинъ въ Саратовской губерніи. Кромѣ этихъ наградъ чинами и землею, Н. П. Рѣзвому были пожалованы ордена св. Анны 2-й степени (19-го февраля 1799 г.) и св. Іоанна Іерусалимскаго (19-го сентября 1800 г.).

Такимъ образомъ именитый гражданинъ города Петербурга въ 3 года, 2 мѣсяца и 11 дней сдѣлался дѣйствительнымъ стат-

скимъ совѣтникомъ, кавалеромъ и владѣльцемъ 3.000 десятинъ земли.

При вступленіи на престолъ Александра I Ратгаузъ былъ упраздненъ, снова ввелась жалованная грамота Императрицы Екатерины II городамъ, и Н. П. Рѣзвой въ 1803 году былъ причисленъ къ Герольдіи, а въ 1808 году, 15-го января, былъ избранъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства Шлиссельбургскаго уѣзда.

Въ бытность Рѣзвого Президентомъ Ратгауза былъ произведенъ значительный ремонтъ зданія Ратгауза и выстроена, между прочимъ, сохранившаяся до нашихъ дней башня Ратгауза—башня Городской Думы.

Н. П. Рѣзвой скончался въ 1816 году; онъ былъ женатъ на Прасковьѣ Матвѣевнѣ Бѣлозеровой (род. 25-го октября 1762 г., ум. 20-го февраля 1842 г.), дочери Шлиссельбургскаго купца и городского головы, и имѣлъ 3 сыновей: Петра, Дмитрія и Николая (всѣ три служили въ артиллеріи) и 3-хъ дочерей: Александру, Екатерину и Анну; послѣдняя была замужемъ за инженеръ-генералъ-лейтенантомъ, сенаторомъ Василіемъ Ивановичемъ Масловымъ и умерла 6-го апрѣля 1875 г., 81 года.

Объ имущественномъ положеніи Рѣзвого даетъ нѣкоторое представленіе слѣдующее объявленіе, помѣщенное въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ уже долго спустя послѣ смерти Н. П. Рѣзвого,—въ 1829 году:

„Съ 1-го іюня 1830 года отдается въ содержаніе мукомольный крупичатый заводъ о 7 поставахъ, находящійся на 49-ой верстѣ отъ С.-Петербурга, по правому берегу Невы, на Черной рѣчкѣ, на дачѣ наслѣдниковъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рѣзваго. При семъ заводѣ устроены пильная мельница и красильная толчея, также имѣется сѣнокосная и пахотная земля. Желающіе взять таковую мельницу въ содержаніе могутъ явиться для заключенія условій на вышеупомянутую дачу“.

Архивъ Государственнаго Совѣта, т. III, ч. 1, ст. 555; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1797 г., стр. 793; 1789, № 8; 1798 г., стр. 595; 1803 г., прибавленіе къ № 56; 1829 г., стр. 1909; Сенатскій Архивъ, т. I, стр. 439, 562, 597, 625, 635; „Московскія Вѣдомости“ 1804 г., стр. 1669; „Русская Старина“, т. VII, стр. 491; „Архивъ Воронцова“, т. XXX, стр. 351; Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, отдѣлъ III, пунктъ II, № 1073; Сенатскій Архивъ, Формулярные списки 1816 г., кн. 72, л. 484.

П. Столпянскій.

Рѣзвой, *Петръ Терентьевичъ*, сынъ Терентія Рѣзвого, Санктпетербургскій купецъ, родился въ 1731 году; онъ продолжалъ торговое дѣло своего отца и былъ подрядчикомъ дворцоваго вѣдомства. Императрица Екатерина II любила его звать „мой подрядчикъ“. 20-го октября 1774 г. П. Т. Рѣзвой былъ избранъ въ бургомистры г. Петербурга. Кромѣ дома на Шпалерной (теперь на мѣстѣ этого дома возвышается зданіе Петербургской тюрьмы для предварительнаго заключенія), Рѣзвой имѣлъ еще два дома въ Петербургѣ: одинъ на углу Мошкова переулка и Дворцовой набережной (въ этомъ домѣ жилъ самъ П. Т. Рѣзвой; онъ отличался, по семейнымъ преданіямъ, богатствомъ внутренней отдѣлки), а второй—на Луговой Милліонной улицѣ (нынѣшняя Морская; въ настоящее время на мѣстѣ этого дома находится арка Главнаго Штаба); въ этомъ послѣднемъ домѣ помѣщалась торговля П. Т. Рѣзвого гастрономическими товарами и фруктами, едва ли не первая по времени открытія въ Петербургѣ; далѣе въ этомъ домѣ была одна изъ первыхъ публичныхъ библіотекъ Петербурга, носившая названіе „Вивліоѳика Дальгрена“. Въ этомъ же домѣ любили останавливаться и разные заѣзжіе знаменитости, артисты и артистки, а въ 1783 году весь верхъ дома заарендовалъ для своей труппы Петербургскій антрепренеръ Книпперъ.

П. Т. Рѣзвой скончался 15-го іюня 1779 г., 49 л., 11 м. и 22 дней отъ роду; онъ погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ; на памятникѣ его имѣется слѣдующая трогательная надпись: „Жизнью своею украшалъ гражданство и съ пользою тому служилъ, а смертію причинилъ неутѣшную горесть многочисленной семьѣ своей“.

Р. былъ женатъ на Аннѣ Дмитріевнѣ Куниной, на долго пережившей мужа (умерла 23-го мая 1801 года, 67 лѣтъ; погребена также въ Лаврѣ). Дѣти его были: Дмитрій, Николай (см. выше) и Павелъ, умершій 20-го мая 1841 года, на 75-мъ году, жизни надворнымъ совѣтникомъ (погребенъ на кладбищѣ Фарфороваго завода); дочери Анна (гр. Кутайсова) и Татьяна (по мужу Разнатовская). У Павла Петровича Рѣзвого были дѣти Орестъ (род. 21-го февраля 1811 г., ум. 29-го января 1904 года, генералъ-отъ-артиллеріи),

Клеоникъ (род. 1812 г., ум. 15-го марта 1878 г., служилъ въ Капитулѣ Россійскихъ Орденовъ), и дочери: Евдокія (ум. 9-го марта 1900 г.) и Таисія (род. 31-го мая 1806 г., ум. 24-го сентября 1861 г.).

Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 559; П. Н. Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 799; „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. XIII, стр. 206; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1787 г., стр. 8.

П. Столпянскій.

Рѣзвой, *Терентій*, купецъ, родоначальникъ фамиліи; переселился въ Петербургъ вскорѣ послѣ его основанія изъ города Осташкова,—быть можетъ, вмѣстѣ съ другимъ Осташковскимъ жителемъ, Саввою Яковлевичемъ Собакинымъ, измѣнившимъ впослѣдствіи свою фамилію на отчество (Яковлевъ) и положившимъ основаніе другому, тоже извѣстному роду Яковлевыхъ. Въ городѣ Осташковѣ Рѣзвые, видимо, пользовались почетнымъ положеніемъ, такъ какъ впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, Кузьма Рѣзвый, былъ депутатомъ отъ города Осташкова въ Екатерининской Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія. Терентій Рѣзвой занялся въ Петербургѣ рыбною торговлею; его барка или, по нынѣшнему, живорыбный садокъ, стояла на Невѣ, возлѣ Почтоваго Дома, у Троицкой пристани,—приблизительно тамъ, гдѣ теперь взъѣздъ на Троицкій мостъ. Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго былъ изданъ указъ о переводѣ садка повыше по Невѣ, противъ Фонтанки. Этотъ переводъ былъ сдѣланъ потому, что здѣсь же, по берегу Фонтанки, на мѣстѣ нынѣшнихъ домовъ Дворцоваго Вѣдомства, извѣстныхъ подъ названіемъ „Бауровскій“ и „Прачешный“, и Училища Правовѣдѣнія, устраивался „Сытный дворъ“, т. е. мѣсто для храненія припасовъ для царской семьи. А рыба потреблялась при Дворѣ въ большомъ количествѣ и, слѣдовательно, было удобно, когда и живорыбные садки находились тутъ же, подъ бокомъ; для того, чтобы и владѣлецъ этихъ садковъ жилъ неподалеку отъ нихъ, ему отвели и домовый участокъ по нынѣшней Шпалерной улицѣ,—тамъ, какъ мы и указали выше,—гдѣ теперь возвышается зданіе Дома Предварительнаго заключенія. Поставкою рыбы для Двора Терентій Рѣзвой занимался и въ царствованіе преемниковъ Петра Великаго, такъ какъ его фамилія встрѣчается въ расходныхъ книгахъ Императрицы Екатерины I; дочь Петра Великаго, Елисавета Петровна, освободила Терентія Рѣзвого отъ всякой службы, а домъ его—отъ всякаго постоя, дабы онъ могъ безпрепятственно поставлять къ царскому двору живыхъ стерлядей; кромѣ царскаго двора, Рѣзвой являлся поставщикомъ и другихъ Петербургскихъ учрежденій; такъ, въ Архивѣ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса (нынѣ 1-й Кадетскій), въ сохранившейся описи уничтоженныхъ дѣлъ, подъ ноябремъ 1732 года значится дѣло „О рыбникахъ Дмитреѣ Пиначевѣ и Терентьѣ Резвомъ,—сколько отъ нихъ по цѣнѣ и какой рыбы въ Кадетскомъ Корпусѣ забрано“. Кромѣ рыбнаго подряда, Т. П. Рѣзвой держалъ на откупу „конскій сборъ“ въ Шлиссельургскомъ уѣздѣ и мало-помалу сдѣлался крупнымъ земельнымъ собственникомъ: у него появилось большое имѣніе подъ Шлиссельургомъ; кромѣ того, ему былъ пожалованъ островъ, сохранившій его прозвище—Рѣзвый—противъ Екатерингофа.

„Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества“, томъ 32; Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, отдѣленіе I, томъ II, № 664 и 679; „Архивъ Государственнаго Совѣта“, т. III, ч. I, стр. 551; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1807 г., стр. 440.

П. Столпянскій.

Рѣпина, *Надежда Васильевна*, жена композитора А. Н. Верстовскаго,—артистка Императорскихъ Московскихъ театровъ; род. въ Москвѣ 25-го сентября 1809 года; съ ранняго дѣтства вращалась въ артистической средѣ; отецъ ея, В. Д. Рѣпинъ, происходившій изъ крѣпостныхъ людей помѣщиковъ Столыпиныхъ и выкупленный на волю Дирекціей театровъ, былъ музыкантомъ Императорскихъ Московскихъ театровъ, и естественно, что, благодаря окружающей обстановкѣ, у его дочери рано начала пробуждаться любовь къ театру; къ тому же весьма скудныя средства отца заставили его отдать свою дочь, уже на седьмомъ году ея жизни, 7-го іюля 1816 года, въ Московское Театральное Училище, гдѣ она пробыла около 9 лѣтъ. Въ Училищѣ вскорѣ выяснилось, что у дѣвочки недюжинныя артистическія способности и довольно силь-

ный и мелодичный голосъ. Будучи еще ученицей Театральнаго Училища, Рѣпина съ 1823 года стала появляться на сценѣ Московскаго Театра, при чемъ завоевала вниманіе публики и Театральной Дирекціи. Это вниманіе, однако, досталось ей не даромъ: Дирекція въ ту пору не только къ воспитанникамъ и воспитанницамъ Театральнаго Училища, но даже и къ служащимъ артистамъ относилась очень строго; за ошибку при исполненіи какой-либо роли наказывали весьма серьезно; такъ, Рѣпина, вспоминала, что однажды, при первомъ представленіи переведенной съ французскаго пьесы Скриба „Простая Исторія", въ которой она играла главную женскую роль, она сбилась при исполненіи одного куплета,—и за это ее послѣ спектакля поставили на колѣни. Вскорѣ послѣ первыхъ своихъ выходовъ она обратила на себя вниманіе Инспектора музыки Московскихъ Театровъ А. Н. Верстовскаго, который, понимая сценическое искусство, много помогалъ ей своими совѣтами. Выступивъ въ 1823 году въ первый разъ на Московской сценѣ, Рѣпина еще почти цѣлыхъ два года, часто появляясь въ спектакляхъ, продолжала оставаться въ Театральной Школѣ и только 26-го мая 1825 года, не имѣя еще полныхъ 16-ти лѣтъ, вышла изъ Училища. Публика къ этому времени уже хорошо знала ее. Дарованіе Р., по отзывамъ современниковъ, было обширно и многосторонне, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что, несмотря на свои еще очень молодые годы, она заняла одно изъ первыхъ мѣстъ на Московской сценѣ, на которой прослужила 16 лѣтъ. О гибкости и разносторонности ея таланта можно судить по чрезвычайно разнообразному репертуару пьесъ, въ которыхъ она исполняла нерѣдко роли самаго противоположнаго характера. То она исполняла роли наивныя, веселыя, то роли страстныя, сильно драматическія, то водевильныя, то первыя роли въ драмахъ и первыя партіи въ операхъ, въ которыхъ, даже несмотря на свой не особенно обширный голосъ, исключительно благодаря неподражаемой игрѣ, занимала первое мѣсто. А. Н. Верстовскій, впослѣдствіи ея мужъ, написалъ для нея партіи Надежды въ „Аскольдовой Могилѣ" и Пахиты въ „Тоскѣ по родинѣ". Особенно же Н. В. Рѣпина выдѣлялась во французской комической оперѣ, гдѣ, какъ извѣстно, хорошая игра требуется въ такой же мѣрѣ, какъ и хорошее пѣніе, а тамъ, гдѣ дѣло касалось игры,—успѣхъ Рѣпиной былъ вполнѣ обезпеченъ. Ея репертуаръ этого рода былъ очень обширенъ, но наибольшими симпатіями она пользовалась въ операхъ: „Невѣста", „Фрадьяволо", „Черное Домино" и нѣкоторыхъ другихъ. Не будучи красавицей, Рѣпина была очень миловидна, жива, полна чувства, страсти. Всѣ свои роли, какъ сильно драматическія, такъ и водевильныя, проводила она воодушевленно, жизненно, страстно. Бѣлинскій, говоря объ ея игрѣ въ „Цыганахъ" (по Пушкину) и исполненіи ею пѣсни Земфиры „Старый мужъ, грозный мужъ", такъ охарактеризовалъ ее: „Н. В. вся была огонь, страсть, трепетъ, дикое упоеніе". О силѣ, естественности и чрезвычайно захватывающей страстности ея игры можно судить уже по слѣдующему случаю, разсказанному бывшимъ режиссеромъ Московскихъ Императорскихъ Театровъ, покойнымъ С. П. Соловьевымъ. Въ этихъ же „Цыганахъ", въ которыхъ исполненіе Н. В. Рѣпиною роли Земфиры приводило въ восторгъ не только Бѣлинскаго, но и всю Москву, роль Алеко исполнялъ П. С. Мочаловъ. Однажды онъ до того поддался очарованію артистки, что при стихахъ пѣсни: „Какъ ласкала его я въ ночной тишинѣ", совершенно забылся и вскричалъ: „Это чертъ, а не женщина!" Но не въ одной только роли Земфиры Рѣпина производила такое сильное, захватывающее впечатлѣніе. Послѣднею созданною ею ролью была роль Славской въ водевилѣ Д. Т. Ленскаго (посвятившаго ей водевиль „Левъ Гурычъ Синичкинъ"): „Въ людяхъ ангелъ—не жена, дома съ мужемъ—сатана"; здѣсь, не смотря на свои почти 32 года, она силою таланта, молодостью души сумѣла дать замѣчательно рельефное изображеніе молоденькой женщины, кажущейся то ангеломъ смиренія, покорности, кротости и любви, если на нее смотрѣлъ кто-нибудь посторонній, то капризнымъ, своенравнымъ ребенкомъ, безпощадно мучающимъ своего мужа, какъ только она остается съ нею наединѣ. По отзыву Вл. Родиславскаго, особенно восхитительна она была, когда произносила, какъ бы по секрету публикѣ, приложивъ при послѣднемъ словѣ палецъ къ губамъ, слова заключительнаго куплета: „И здѣсь есть вѣрно не одна, Что въ лю-

дяхъ ангелъ—не жена, А дома съ мужемъ—сатана!" Эта роль была послѣдняя, созданная Н. В. Рѣпиной, и ею она закончила свою артистическую карьеру, исполнивъ ее въ послѣдній разъ на Московской сценѣ 8-го февраля 1841 года. Однако, не смотря на такую одухотворенность и страстность игры, Р. нельзя было назвать артисткой вдохновенія, артисткой минуты; нѣтъ, она всегда много работала надъ каждою ролью, вдумывалась въ нее, заботилась объ отдѣлкѣ даже мелочей; въ то же время она не была и артисткой заученной, разсчитавшей и изучившей каждый свой жестъ, каждое свое движеніе, что̀ всегда придаетъ игрѣ какую-то дѣланность, натянутость и даже мертвенность. Это была артистка, полная жизни, страсти, таланта и ума; всякую роль, какъ бы она ни была безцвѣтна и безсодержательна, Рѣпина умѣла провести съ захватывающимъ интересомъ. Бѣлинскій, вообще сильно увлекавшійся Р., разбирая ея игру въ роли Сусанны въ „Свадьбѣ Фигаро", говоритъ между прочимъ: „Признаемся, что если бы всѣ и всегда такъ играли (какъ Н. В. Рѣпина), то не было бы больше плохихъ пьесъ, и всѣ пьесы, даже дурныя, были бы превосходны. По словамъ Родиславскаго, Р. „изъ каждой роли создавала законченное художественное произведеніе. Тонкое, эстетическое пониманіе ролей, глубина и сила чувствъ, звучный, симпатичный голосъ, одушевленное, выразительное лицо, блестящіе черные глаза и грація, присущая всѣмъ ея движеніямъ,—вотъ тѣ орудія, которыми она побѣждала всѣ трудности искусства, очаровывая всѣхъ зрителей"... Сила ея таланта особенно рельефно обрисовалась въ послѣдніе годы ея артистической дѣятельности. Будучи уже не первой молодости, она, однако, такъ естественно изображала то наивныхъ, то капризныхъ 15—16-лѣтнихъ дѣвочекъ, что видѣвшіе ее на сценѣ никогда не повѣрили бы, что артисткѣ уже за 30 лѣтъ.

Прослуживъ на сценѣ 16 лѣтъ, Рѣпина въ 1841 году, еще въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта, вышла въ отставку. Одною изъ причинъ этой отставки былъ, кажется, ея бракъ съ А. Н. Верстовскимъ, состоявшійся вскорѣ послѣ того, какъ она оставила сцену. Но и въ отставкѣ артистка не переставала интересоваться театромъ и до самой смерти своего мужа очень часто посѣщала театръ. Многія артисты и особенно артистки часто обращались къ ней за совѣтомъ, весьма дорожа ея мнѣніемъ объ ихъ игрѣ. Строгая къ себѣ, она была снисходительна къ другимъ, и отзывы ея даже о дурномъ исполненіи всегда отличались мягкостью и деликатностью, хотя, конечно, всегда было видно, что это обусловлено не отсутствіемъ вкуса и непониманіемъ дѣла, а сердечной добротой и снисходительностью. По смерти мужа здоровье Р. сильно пошатнулось. 19-го ноября 1867 г., вечеромъ, она вдругъ почувствовала себя дурно, а 20-го ноября, въ 11 часовъ утра, скончалась; тѣло ея погребено на Ваганьковомъ кладбищѣ, возлѣ могилы ея мужа.

„Иллюстрированная Газета" 1867 г., 14-го декабря, № 49, стр. 382, некрологъ; „Энциклопедическій Словарь" Брокгауза и Ефрона, т. 27, стр. 481 и т. VI, стр. 52; „Современная Лѣтопись" 1867 г., № 45, ст. Вл. Родиславскаго: „Надежда Васильевна Рѣпина", стр. 14—15 (некрологъ); „Репертуаръ Русской сцены" 1840 г., т. 2, кн. XI, ст. Л. Л.: „Русскій театръ въ Петербургѣ и въ Москвѣ", стр. 3 и 4; „Московскія Вѣдомости" 1825—1841 г.г.; „Историч. Вѣстн." 1912 г., № 6, стр. 881—882; Сочиненія С. Т. Аксакова, изд. Просвѣщенія, по указ.

Н. М.

Рѣпинскій, *Косьма Григорьевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, сотрудникъ Сперанскаго по кодификаціоннымъ его работамъ; сынъ сельскаго священника, родился 29-го іюня 1796 г. въ селѣ Рѣпномъ, Саратовской губерніи. Окончивъ въ 1816 г. курсъ наукъ въ Пензенской Духовной Семинаріи, онъ, по рекомендаціи ректора ея, архимандрита Аарона, былъ принятъ на службу въ Канцелярію Пензенскаго гражданскаго губернатора, которымъ тогда состоялъ М. М. Сперанскій. Случайная служебная встрѣча со Сперанскимъ предопредѣлила всю дальнѣйшую чиновничью карьеру Рѣпинскаго: начиная съ 1817 г. и до самой смерти Сперанскаго Рѣпинскій слѣдовалъ за своимъ патрономъ по всѣмъ канцеляріямъ, его обслуживавшимъ, исполняя въ то же время обязанности личнаго его секретаря. Умѣніе Сперанскаго всегда безошибочно находить нужныхъ ему для дѣла людей заставляетъ насъ предположить, что въ молодомъ Рѣпинскомъ рано проявились цѣнныя канцелярскія способности. Дѣйствительно, до насъ дошли указанія на то,

что уже въ первые годы службы Рѣпинскаго Сперанскій цѣнилъ въ немъ „скромность и вѣрность“. Въ тѣ же годы будущій декабристъ Г. С. Батенковъ, служившій съ Рѣпинскимъ въ канцеляріи Сибирскаго генералъ-губернатора, отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ ученомъ, вѣрномъ и честномъ. Переводъ Рѣпинскаго изъ Пензы въ канцелярію Сибирскаго генералъ-губернатора состоялся въ 1819 г.,— одновременно съ назначеніемъ на постъ генералъ-губернатора Сперанскаго.

Въ 1821 г., вслѣдъ за возвратившимся въ Петербургъ Сперанскимъ, Рѣпинскій былъ прикомандированъ къ дѣлопроизводству Сибирскаго Комитета, оставаясь формально „при дѣлахъ“ Сибирскаго генералъ-губернатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, входя въ составъ личной канцеляріи Сперанскаго, снова получившаго ближайшее соприкосновеніе съ Комиссіей Составленія Законовъ, Рѣпинскій оказался какъ бы причастнымъ дѣятельности и этого учрежденія, непосредственнаго предшественника II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ дѣлѣ кодификаціонныхъ работъ. Въ 1822 г., съ раздѣленіемъ Главнаго Сибирскаго Управленія на двѣ части, Рѣпинскій, оставаясь откомандированнымъ въ дѣлопроизводство Сибирскаго Комитета, былъ назначенъ въ Канцелярію Главнаго Управленія Восточной Сибири, но въ томъ же году формально закрѣпленъ и за Сибирскимъ Комитетомъ, будучи назначенъ столоначальникомъ въ его дѣлопроизводствѣ. Въ Сибирскомъ Комитетѣ Рѣпинскій служилъ до самаго закрытія Комитета. Въ іюлѣ 1827 г. Рѣпинскій поступилъ на службу во II Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи и въ связи съ этимъ назначеніемъ покинулъ вѣдомство Главнаго Управленія Восточной Сибири. Съ этого времени и до начала 1860-хъ годовъ служебная карьера Рѣпинскаго была тѣсно связана съ дѣломъ кодификаціи.

Ко времени поступленія во II Отдѣленіе низшія ступени служебной лѣстницы были Рѣпинскимъ уже пройдены: поступивъ въ 1817 г. на службу въ чинѣ губернскаго регистратора, онъ въ 1826 г. былъ уже коллежскимъ ассессоромъ. Щедро вознаграждавшаяся служба во II Отдѣленіи ускорила дальнѣйшее служебное продвиженіе Рѣпинскаго. Получая каждый годъ по одной, а иногда и по нѣсколько наградъ (чиномъ, орденомъ, деньгами), Рѣпинскій по окончаніи работъ надъ составленіемъ Свода Законовъ, въ историческій для Свода день 29-го января 1833 г., былъ пожалованъ: 1) въ коллежскіе совѣтники, 2) орденомъ св. Анны 2-й ст., украшеннымъ Императорскою короною, и 3) единовременною выдачею 10.000 рублей.

Состоя во II Отдѣленіи „младшимъ помощникомъ“, Рѣпинскій являлся однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ рядовыхъ работниковъ въ созиданіи Полнаго Собранія и Свода Законовъ. На него возложена была подготовка слѣдующихъ частей Свода Законовъ: общаго учрежденія министерствъ и нѣкоторыхъ частныхъ учрежденій; всѣхъ губернскихъ учрежденій; устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій; устава о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ. Кромѣ того, Рѣпинскій принималъ участіе и въ окончательной провѣркѣ нѣкоторыхъ другихъ частей Свода. Служба во II Отдѣленіи, руководимомъ Сперанскимъ, способствовала, конечно, неизмѣнной прочности какъ дѣловыхъ, такъ и чисто личныхъ отношеній Рѣпинскаго къ послѣднему. Длинный рядъ записокъ и писемъ Сперанскаго къ Рѣпинскому, сохранившійся въ архивѣ послѣдняго, неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что Сперанскій видѣлъ въ Рѣпинскомъ „своего“ человѣка, которому можно поручить, притомъ въ столь характерной для Сперанскаго мягкой, деликатной формѣ, не только служебныя дѣла, но и хлопоты, связанные съ переѣздомъ на новую квартиру. Доброму отношенію со стороны Сперанскаго Рѣпинскій отвѣчалъ чувствомъ безграничной преданности. Всю свою жизнь онъ оставался вѣрнымъ стражемъ благоговѣйной памяти Сперанскаго: не только служебные завѣты, но и все, что касалось личности Сперанскаго тщательно, любовно имъ оберегалось.

Послѣ завершенія работъ надъ изданіемъ Свода Законовъ Рѣпинскій продолжалъ принимать дѣятельное участіе во всѣхъ кодификаціонныхъ работахъ II Отдѣленія, а также образовывавшихся при II Отдѣленіи Комитетовъ. При его участіи и подъ его наблюденіемъ производились работы по изданію Продолженій Свода Законовъ, работы по передѣлкамъ и новымъ изданіямъ Свода (въ 1842 г.—но-

вый изданія I, II и IV томовъ; въ 1857 г.—тѣхъ же трехъ томовъ и 2-й части VIII тома), наконецъ, подготовлялись новыя части Свода (въ 1848 г. Рѣпинскій принималъ ближайшее участіе въ составленіи всѣхъ Счетныхъ уставовъ, въ 1856 г.—Свода уставовъ о управленіи духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій). Весьма близкое касательство имѣлъ Рѣпинскій и къ работамъ состоявшаго при II Отдѣленіи Рекрутскаго Комитета: членомъ Рекрутскаго Комитета онъ былъ, правда, назначенъ лишь въ 1854 г., но до этого, съ 1829 г. онъ былъ неизмѣннымъ производителемъ дѣлъ Комитета. Черезъ руки Рѣпинскаго прошли, такимъ образомъ, всѣ важнѣйшія законоположенія о рекрутской повинности (въ 1829 и 1830 годахъ подготовлялся общій Рекрутскій Уставъ по началамъ долговой системы и очередного порядка, а въ 1837 году и послѣдующихъ—особенные Уставы о жеребьевомъ порядкѣ). Въ 1834 г. Рѣпинскій исполнялъ обязанности производителя дѣлъ въ Комитетѣ, составленномъ изъ высшихъ чиновъ Министерства Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи „для разсмотрѣнія одного особаго дѣла, тайнѣ подлежавшаго". Въ 1836 и 1837 г. онъ состоялъ производителемъ дѣлъ въ комитетѣ объ устройствѣ столичной полиціи. Съ 1833 по 1860 г. Рѣпинскій состоялъ юрисконсультомъ Государственнаго Заемнаго Банка.

Продвиженіе Рѣпинскаго по лѣстницѣ чиновъ, орденовъ и денежныхъ наградъ производилось въ то же самое время безъ всякихъ задержекъ, я отмѣчу лишь важнѣйшее. Еще въ 1834 г. онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ по II Отдѣленію, въ 1837 г.—произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1839 г.—ему пожалована аренда по 1000 р. въ годъ па 12 лѣтъ, въ 1841 г.—онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1844 и 1845 г. Рѣпинскому приходилось уже временно исполнять должность Начальника II Отдѣленія, а въ 1852 г., на время отъѣзда заграницу Главноуправляющаго II Отдѣленія, графа Д. Н. Блудова, Рѣпинскому довѣрены были и нѣкоторыя изъ функцій послѣдняго, а именно, производство сношеній по текущимъ дѣламъ Отдѣленія, завѣдываніе личнымъ составомъ Отдѣленія и его типографіи. Въ 1854 г. Рѣпинскій былъ произведенъ въ тайные совѣтники и, наконецъ, 30-го августа 1856 г. ему Высочайше повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Рѣпинскій былъ, однако, слишкомъ тѣсно связанъ съ работой II Отдѣленія, чтобы съ легкимъ сердцемъ отъ этой работы отстать; поэтому, одновременно съ назначеніемъ его сенаторомъ ему было повелѣно остаться на службѣ во II Отдѣленіи—„до окончанія новаго, третьяго изданія Свода Законовъ". Связь К. Г. Рѣпинскаго со II Отдѣленіемъ была закрѣплена, однако, и послѣ появленія въ свѣтъ Свода Законовъ изданія 1857 года: въ 1857 г. состоялось Высочайшее повелѣніе „оставить сенатора Рѣпинскаго при II Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, безъ обязанности присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ". Въ томъ же 1858 году Рѣпинскій былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

Между тѣмъ, подошла полоса новыхъ вѣяній. Пришли новые люди, во всѣхъ областяхъ государственной жизни были выдвинуты новые лозунги. Рѣпинскому, перешедшему уже 60-лѣтній возрастъ, послѣ долгихъ лѣтъ службы въ рядахъ прочнаго Николаевскаго чиновничества, вся новизна показалась чуждой и ненужной. Въ ряду активныхъ дѣятелей эпохи „великихъ реформъ" его имени мы не встрѣтимъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ получалъ къ этимъ реформамъ формальное касательство, дальше чисто внѣшняго къ нимъ отношенія дѣло у него не шло. Въ апрѣлѣ 1859 г. Рѣпинскій былъ назначенъ отъ II Отдѣленія въ образованную при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, Комиссію о составленіи проектовъ положеній объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи и объ учрежденіи для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами. Однако, уже въ октябрѣ того-же 1859 г., въ связи съ порученіемъ Милютинской Комиссіи составленія проекта преобразованія губернскихъ учрежденій, Рѣпинскій представилъ Блудову ходатайство о замѣнѣ его въ Комиссіи другимъ лицомъ; ссылался онъ на сердечную болѣзнь, мѣшающую ему ѣздить „въ утомительныя засѣданія Комиссіи", но помимо болѣзни ощущалъ, повидимому, и неизмѣнную внутреннюю отчужденность отъ производившагося подъ руководствомъ

Милютина дѣла; не скрывая своего недовѣрія къ новымъ вѣяніямъ, Рѣпинскій въ той же запискѣ Блудову писалъ: „Какую затѣваютъ перемѣну въ губернскомъ управленіи, я еще ничего не знаю, да едва-ли знаютъ что-нибудь положительно и тѣ сами, которые затѣяли её...“ Въ ноябрѣ 1859 г. Рѣпинскій былъ формально замѣненъ въ Комиссіи Н. В. Калачовымъ. Когда же волна либерализма докатилась до II Отдѣленія, Рѣпинскій покинулъ и это учрежденіе, съ которымъ его тѣсно связывали столь долгіе годы добросовѣстной службы. 4-го апрѣля 1861 г. Рѣпинскій писалъ Блудову: „Ваше Сіятельство! Отовсюду слышу, что судьба увлекаетъ Второе Отдѣленіе подъ новое начальство... Крайне смущенный этими вѣстями, рѣшаюсь... утруждать Васъ представляемою при семъ формальною просьбою объ увольненіи меня отъ дѣлъ Отдѣленія“. „Новымъ начальствомъ“ для II Отдѣленія явился баронъ М. А. Корфъ, назначенный Главноуправляющимъ Отдѣленіемъ не въ апрѣлѣ 1861 г., какъ думалъ Рѣпинскій, а лишь 6-го декабря того-же года; незадолго до этого назначенія, 30-го ноября 1861 г., и состоялось формальное увольненіе Рѣпинскаго отъ занятій по II Отдѣленію. Баронъ Корфъ стремился наложить столь знаменательную для эпохи печать либерализма, выражавшуюся въ сочетаніи самодержавнаго по существу своему политическаго строя съ формой нѣкоторыхъ западно-европейскихъ публично-правовыхъ категорій и на дѣятельность II Отдѣленія. Въ этомъ стремленіи Рѣпинскій могъ, конечно, увидѣть только измѣну заложеннымъ въ кодификаціонную дѣятельность самимъ Сперанскимъ принципамъ, измѣну его, священной для Рѣпинскаго памяти. Сохранились любопытныя отмѣтки Рѣпинскаго на двухъ печатныхъ экземплярахъ запискъ Корфа: о преобразованіи порядка составленія продолженій Свода и новыхъ его изданій и на запискѣ объ отдѣленіи законовъ отъ административныхъ постановленій. Замѣтки Рѣпинскаго на поляхъ этихъ записокъ выдаютъ чрезвычайное недоброжелательство ихъ автора по отношенію ко всѣмъ затѣвавшимся Корфомъ нововведеніямъ, рѣзкую, порой ироническую критику отдѣльныхъ предположеній и даже выраженій, и начинаются слѣдующимъ двустишіемъ:

Вамъ нуженъ новый Сводъ?—извольте:
Вотъ вамъ совѣтъ; но насъ—увольте!

Заканчиваются эти замѣтки личнымъ выпадомъ противъ Корфа („Не узнаю! фразерство—прежнее, а трудолюбіе исчезло!“) и грустнымъ предположеніемъ: „Была Комиссія *составленія* законовъ; пора быть Комиссіи *оставленія* законовъ!“

Рѣпинскій былъ привлеченъ и къ работамъ „по преобразованію судебной части“, но въ исторіи и этихъ работъ не обезпечилъ себѣ сколько-нибудь прочной памяти.

Послѣ освобожденія отъ работъ по II Отдѣленію Рѣпинскій былъ назначенъ присутствовать во Второмъ Департаментѣ Сената (съ 1-го января 1862 г.), но, видимо, въ Сенатѣ онъ чувствовалъ себя чужимъ человѣкомъ и стремился къ дѣятельности, болѣе близкой къ той „суетѣ служебной“, въ которой по его собственнымъ словамъ (письмо къ Блудову), провелъ онъ всю свою жизнь: уже 28-го марта 1862 г. онъ былъ освобожденъ отъ присутствованія въ Сенатѣ въ виду назначенія въ Комиссію для пересмотра Рекрутскаго Устава и согласованія его съ новыми условіями крестьянскаго быта. Въ октябрѣ 1863 г. Рѣпинскій вернулся, однако, къ присутствованію во Второмъ Департаментѣ Сената, а въ мартѣ 1865 г. былъ освобожденъ, согласно желанію, отъ занятій по Комиссіи о пересмотрѣ Рекрутскаго Устава. 24-го декабря 1865 г. Рѣпинскій былъ назначенъ Первоприсутствующимъ въ 1-е Отдѣленіе Третьяго Департамента Сената, отъ каковыхъ обязанностей былъ, опять-таки по собственному о томъ ходатайству, освобожденъ 13-го апрѣля 1868 г. съ назначеніемъ присутствовать въ Общемъ Собраніи первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи. 17-го іюля 1869 г. исполнилось пятидесятилѣтіе службы Рѣпинскаго въ классныхъ чинахъ: въ этотъ день онъ получилъ отъ Государя рескриптъ и орденъ Св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями. 1-го января 1872 г. Рѣпинскій получилъ послѣднюю награду: „за отлично ревностную службу“ онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Скончался Рѣпинскій 80-ти лѣтъ отъ роду — 25-го ноября

1876 г. и похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Рѣпинскій былъ женатъ на купеческой дочери Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Ильиной и имѣлъ четырехъ сыновей (Михаила, Григорія, Владиміра и Александра) и дочь (Надежду, вышедшую замужъ за камеръ-юнкера Тевяшева). Второй сынъ Рѣпинскаго — Григорій Косьмичъ, родившійся въ 1832 г. (ум. 1906), былъ назначенъ сенаторомъ 30-го августа 1875 г.: такимъ образомъ около года сенаторами были и отецъ, и сынъ Рѣпинскіе.

Формулярный о службѣ списокъ Рѣпинскаго въ Сенатскомъ Архивѣ; Бумаги Рѣпинскаго—въ Россійской Публичной Библіотекѣ, куда онѣ были переданы въ 1877 г. (См. „Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1877 годъ“, С.-Пб. 1879, стр. 11—24); свѣдѣнія о службѣ Рѣпинскаго во II Отдѣленіи Собств. Е. И. В. Канцеляріи—въ дѣлахъ II Отдѣленія, хранящихся нынѣ въ Архивѣ Законодательныхъ Дѣлъ; упоминаемыя въ текстѣ печатныя записки барона М. А. Корфа съ рукописными отмѣтками Рѣпинскаго—въ Библіотекѣ Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ; П. М. Майковъ, „Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи 1826—1882“, С.-Пб. 1906, приложенія, стр. 38—42 (Приложеніе XIV — „Біографическія свѣдѣнія о К. Г. Рѣпинскомъ“); Бар. М. А. Корфъ, „Жизнь графа Сперанскаго, С.-Пб. 1861, т. II; Сборникъ „Въ память графа Сперанскаго“, С.-Пб. 1872; „Графъ М. М. Сперанскій и графъ А. А. Аракчеевъ (по воспоминаніямъ Г. С. Батенкова, написаннымъ 31 Марта 1826 г.)“—„Русская Старина“ 1897 г., т. 92, стр. 84; „Записки Иркутскаго жителя (И. Т. Калашникова)“, сообщ. Б. Л. Модзалевскій—„Русская Старина“ 1905 г., т. 123, стр. 249; „Судебные Уставы 20 Ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ“, т. I, Птгр. 1914, стр. 195; „Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ, 1711—1911 г.г.“, т. V, С.-Пб. 1911, стр. 148; Гр. А. Бобринской, Дворянскіе роды, т. II, стр. 647.

А. Н. Макаровъ.

Рѣпинъ, *Иванъ Ивановичъ*, сенаторъ; дворянинъ по происхожденію, онъ родился въ началѣ 1750-хъ гг.; въ 1765 г. зачисленный въ службу солдатомъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ, онъ въ 1770 г. принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Архипелагѣ, въ теченіе 1772 года былъ въ двухъ сраженіяхъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ—на островѣ Негропонтѣ, а въ ноябрѣ—на островѣ Митиленѣ. За это время Рѣпинъ былъ произведенъ: въ 1771 году—въ капралы, въ 1772 году—въ подпрапорщики, а въ 1773 году—въ сержанты. По возвращеніи съ мѣста военныхъ дѣйствій, Рѣпинъ отправился въ г. Пензу для свиданія съ родными и здѣсь, во время поднявшагося Пугачевскаго бунта, былъ выбранъ дворянствомъ на службу, въ силу манифеста, дававшаго такое право желающимъ офицерамъ, находившимся въ отпуску или въ отставкѣ; за это Р. 29-го октября 1774 года былъ произведенъ изъ сержантовъ гвардіи въ капитаны арміи и опредѣленъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ. Въ 1785 году, 13-го февраля, онъ былъ отставленъ отъ службы секундъ-маіоромъ, а въ маѣ слѣдующаго года, произведеный въ надворные совѣтники, былъ принятъ на службу по Водяной Коммуникаціи между Москвой и С.-Петербургомъ. Въ этой должности Рѣпинъ пробылъ всего годъ, такъ какъ уже въ апрѣлѣ 1787 года вновь перешелъ въ армію и, будучи переименованъ въ подполковники, вступилъ въ Московскій карабинерный полкъ. Въ 1789 году онъ былъ посланъ на передовые посты противъ десанта, сдѣланнаго Королемъ Шведскимъ въ Біоркэ, и здѣсь, съ 22-го мая по 23-е іюля, былъ ежедневно въ дѣлахъ съ непріятелемъ, за что и былъ награжденъ, 23-го мая 1790 года, орденомъ св. Владиміра 4-ой степени. Во время войны въ Польшѣ въ 1794 году Рѣпинъ находился дежурнымъ при корпусѣ генералъ-поручика князя Голицына и былъ командированъ княземъ Голицынымъ съ отрядомъ подъ мѣстечко Сакати, подъ которымъ „отбилъ атаку въ великомъ числѣ непріятеля подъ командою генерала Гудовича“ и прикрылъ ретираду „сильнѣйшему отряду“, командированному подъ начальствомъ полковника Экеля. За эти отличія Рѣпинъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени и въ томъ же году, въ октябрѣ, былъ, съ чиномъ полковника, переведенъ въ Ахтырскій легкоконный полкъ, а черезъ 3 года, въ январѣ 1797 г.,—въ гусарскій Дунина полкъ. Въ сентябрѣ того же года онъ былъ отстраненъ отъ службы, а въ ноябрѣ, съ пожалованіемъ въ генералъ-маіоры, былъ вновь принятъ по арміи. Въ маѣ 1799 г. Рѣпинъ былъ назначенъ командиромъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка и уже въ октябрѣ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1800 году, 4-го марта, уже съ чиномъ генерала-отъ-кавалеріи, снова былъ отставленъ отъ службы, но въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года, по Высочайшему указу, былъ посланъ на Донъ для ревизіи ата-

манскихъ дѣлъ и Войсковой Канцеляріи; сверхъ того, ему было поручено наблюденіе за ходомъ и ускореніе окончанія возникшаго тогда дѣла Грузиновыхъ, обвинявшихся съ товарищами въ государственномъ преступленіи; для этой-же цѣли вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ генералъ Кожинъ. Прибывъ на мѣсто назначенія въ Старочеркасскъ, Р. такъ ревностно принялся за дѣло, что не больше, какъ въ мѣсяцъ покончилъ съ нимъ; Старочеркасскій Прокуроръ протестовалъ,—и въ результатѣ этого протеста, дошедшаго до Императора, былъ посланъ новый указъ о помилованіи виновныхъ. Но Р. и Кожинъ задержали повелѣніе до тѣхъ поръ, пока казнь надъ осужденными не была приведена въ исполненіе,—опираясь въ своихъ дѣйствіяхъ на предшествовавшій указъ—отъ 21-го августа 1800 года,—въ которомъ было повелѣно „Евграфа Грузинова, полковника гвардіи, за измѣну (его обвиняли въ непочтительныхъ отзывахъ о Государѣ), лиша чиновъ и дворянства, нещадно бить кнутомъ". Казнь надъ Грузиновымъ была совершена 5-го сентября при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „Полиція передъ казнью ходила по всѣмъ домамъ Старочеркасска и выгоняла старыхъ и малыхъ обывателей смотрѣть на экзекуцію. У эшафота на углахъ поставлено было четыре заряженныхъ пушки, дула которыхъ направлены были въ народъ. Въ рукахъ прислуги были зажженные фитили. Ропотъ и сожалѣніе народа высказывались только причитаніемъ бабъ и плачевными возгласами мущинъ. Битье началось при восходѣ солнца и продолжалось до 2 часовъ пополудни. При каждомъ ударѣ Грузиновъ громко произносилъ: „Господи, помилуй",—до тѣхъ поръ, пока третій палачъ бросилъ кнутъ и отошелъ въ сторону; четвертаго палача не нашли, а потому рѣшили умертвить Грузинова другимъ способомъ: приказали ему напиться холодной воды, отчего онъ тотчасъ-же и скончался". 27-го сентября были казнены остальные товарищи Грузинова: войсковой старшина Иванъ Аѳанасьевичъ Апоносовъ и три казака; имъ были отрублены головы.

Свѣдѣнія объ этихъ звѣрствахъ дошли до Павла: Рѣпинъ и Кожинъ были отданы, 13-го октября 1800 г., подъ судъ Правительствующаго Сената; однако, какимъ-то образомъ, Сенатъ, по разсмотрѣніи дѣла, не нашелъ Рѣпина виновнымъ и представилъ о томъ Императору, на что воспослѣдовала Высочайшая резолюція: „дать абшидъ"; въ томъ же 1801 году повелѣно было производить Рѣпину пенсіонъ по 2000 рублей въ годъ. Далѣе, въ 1805 году, Рѣпинъ былъ пожалованъ землею, но, по невозможности населить ее, просилъ принять ее обратно въ Казну, за что было Высочайшѣ повелѣно выдать ему 16.000 рублей. Уже въ 1807 году Рѣпинъ вновь былъ принятъ на службу генералъ-лейтенантомъ по арміи и откомандированъ для командованія и приготовленія къ походу 30-ти башкирскихъ и 10-ти калмыцкихъ командъ, расположенныхъ въ нѣсколькихъ внутреннихъ губерніяхъ; но, по заключеніи съ Франціею мира, войска эти были распущены, а Рѣпинъ получилъ Высочайшую благодарность.

Въ 1808 году, 22-го іюля, онъ былъ назначенъ комендантомъ въ городъ Баку и, сверхъ того, ему поручено было управленіе Бакинской, Дербентской и Кубанскою провинціями, а также веденіе политическихъ сношеній съ сосѣдними ханствами. За особыя заслуги по этой дѣятельности Р. въ 1810 году получилъ орденъ Анны I-ой степ. при Высочайшемъ рескриптѣ и былъ сдѣланъ Шефомъ Бакинскаго гарнизоннаго полка. Въ 1813 году, послѣ продолжительнаго отпуска, Рѣпинъ былъ отправленъ въ Могилевскую губернію для скорѣйшаго изслѣдованія и приведенія въ ясность безпорядковъ, произведенныхъ въ Бѣлоруссіи Малороссійскимъ Ополченіемъ подъ командою графовъ Гудовичей. Наконецъ, 16-го февраля 1816 года ему повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, во 2-мъ Департаментѣ, а въ іюлѣ того-же года было особо Высочайше повелѣно „казенныхъ деньщиковъ оставить при немъ"; 6-го сентября 1817 года Р—у повелѣно было присутствовать въ Межевомъ Департаментѣ Сената; онъ умеръ 24-го ноября 1832 года, 80 лѣтъ, и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Формулярный списокъ; „Русская Старина", т. II, стр. 239, т. VII, стр. 630, 632, 574, 575; т. XII, стр. 258; т. XXIII, стр. 243—247, 262, 263, т. XVIII, стр 602; „Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества", т. VI; „Журналы Комитета Министровъ. Царствованіе Александра I", т. II; „Донскія Войсковыя Вѣдомости" 1860 года, № 5, стр. 10; „Историч. Вѣстникъ" 1901, № 4, стр. 216,

226, 228, 229, 233; „Акты Кавк. Археографич. Комм.“, т. IX, стр. XXVIII и т. X, стр. XXIX.

Рѣшетиловъ, *Константинъ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, Наказной Атаманъ Азовскаго казачьяго войска; род. въ 1793 году на Дону, но принадлежалъ къ роду дворянъ Таврической губерніи; зачисленный чуть-ли не въ день своего рожденія въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, онъ еще юношей началъ свою дѣйствительную службу, при чемъ вскорѣ же ему пришлось получить и боевое крещеніе, такъ какъ началась Отечественная война. Постепенно подвигаясь въ чинахъ и должностяхъ, Р. въ 1840-хъ годахъ былъ назначенъ Наказнымъ Атаманомъ Азовскаго казачьяго войска, а вскорѣ затѣмъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и пожалованъ значительнымъ участкомъ земли въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи; въ самомъ Бердянскѣ у него тоже была земля и нѣсколько домовъ. Послѣ Крымской кампаніи Р. вышелъ въ отставку и послѣдніе годы жизни провелъ или въ своемъ имѣніи, или въ Бердянскѣ; скончался 25-го мая 1867 г., на 75 году отъ рожденія.

„Одесскій Вѣстникъ“ 1867 г., 27-го іюня, № 147, ст. А. Родіонова.

Рѣшетниковъ, *Андрей Гордѣевичъ* (или *Гордіановичъ*), Московскій типографщикъ, издатель; когда въ 1783 г., 15-го января, былъ данъ указъ о разрѣшеніи всякому желающему заводить типографіи, то Р., наряду со многими другими лицами, завелъ свою собственную типографію, которая и существовала, вѣроятно, до конца 1796 г., когда, указомъ 16-го сентября, всѣ „вольныя“ типографіи были запрещены. Когда, въ силу указа 9-го февраля 1802 г., была открыта, 16-го марта 1803 г., съ дозволенія Управы Благочинія, Московская Губернская Типографія, Р. взялъ ее на содержаніе и былъ содержателемъ ея и въ 1807 г.; въ этомъ году въ ней печатаніе производилось на языкахъ россійскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, при чемъ въ ней было собственныхъ Рѣшетникова становъ 5, да принадлежащихъ Губернскому Правленію 2 и 2 фигурныхъ стана для печатанія эстамповъ. Въ 1792 г. типографія Р. находилась въ Москвѣ, на Дмитровкѣ, близъ Гіоргіевскаго монастыря, а въ 1810 году—на Петровкѣ, у Рождества въ Столешникахъ, въ собственномъ его домѣ. Во время нашествія французовъ на Москву Рѣшетниковъ съ семьею, въ которой находился и мальчикъ-Погодинъ, соученикъ его сына, удалился въ Суздаль; домъ Р., въ которомъ во время занятія Москвы стояли французы, уцѣлѣлъ отъ пожара.

Р. имѣлъ чинъ губернскаго регистратора, какъ отмѣчено въ формулярномъ спискѣ его сына. Время смерти его намъ неизвѣстно. По отзыву Погодина, прожившаго въ его семьѣ около двухъ лѣтъ, Рѣшетниковъ былъ „строгій“, но добрый старикъ, человѣкъ просвѣщенный. Его издательская дѣятельность ограничивается двумя десятками лѣтъ (1791 — 1812), въ продолженіе которыхъ онъ издалъ (а отчасти, повидимому, самъ и составилъ) слѣдующія книги: 1) „Любопытный художникъ и ремесленникъ, или Записки, касающіяся до разныхъ художествъ, рукодѣлій, составовъ и до нѣкоторыхъ экономическихъ, поваренныхъ и садовыхъ работъ и проч., собралъ и издалъ Андрей Рѣшетниковъ“, 2 ч., съ фигурами, М. 1791, 8^0, въ тип Рѣшетникова; 2) „Новый способъ, или новѣйшая Азбука—для наученія дѣтей по правиламъ Грамматическимъ Россійскому и Французскому чтенію, Ариѳметикѣ, Географіи, Рисованію и нотному пѣнію, собрано и издано Андреемъ Рѣшетниковымъ“, 3 ч., М. 1791, 8^0; 3) „Начальныя правила Ариѳметики и краткое руководство къ Географіи, въ пользу Россійскаго юношества собралъ Андрей Рѣшетниковъ“, М., въ тип. Рѣшетникова, 1792, 8^0, ц. 5 р.; 4) „Краткая Рѣшетникова Азбука для юныхъ дѣтей, при помощи Божіей начинающихъ ученію письменъ Россійскаго языка, съ присовокупленіемъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“, М., въ тип. Рѣшетникова, 1800, 8^0; 5) то же, изд. 4 и 6, подъ названіемъ „Краткая Рѣшетникова Россійская Азбука для юныхъ дѣтей, съ Священною Исторіею Ветхаго и Новаго Завѣта“, М., въ тип. Рѣшетникова, 1815 и 1819 гг., 8^0; 6) то же, изданіе 5, подъ названіемъ „Россійская Азбука для юныхъ дѣтей, съ Священною Исторіею и нравоучительными баснями“, М., въ тип. Рѣшетникова, 1815, 8^0, ц. 1 р. 50 к.; 7) „Но-

вая Россійская Азбука, для обученія дѣтей чтенію, съ присовокупленіемъ прописей, руководствующая къ чистому Россійскому письму, содержащая въ себѣ примѣрныя письма, многія нравоучительныя правила, краткую грамматику и басни съ картинками", М. 1801, 8°; 8) „Азбука для чистописанія", изданная Рѣшетниковымъ, М., 4°, s. a.; 9) „Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, сокращенная изъ библейскихъ книгъ Андреемъ Рѣшетниковымъ", М., 1803, 8°; 10) „Первоначальное ученіе Россійскаго языка чтенію обоего пола дѣтей, или Новѣйшая азбука, содержащая въ себѣ по возрасту ихъ многія наставленія, какъ-то: въ вѣрѣ, добронравіи и благопристойномъ обхожденіи въ обществѣ, съ присовокупленіемъ басенъ, собралъ А. Рѣшетниковъ", М. 1808, въ тип. Рѣшетникова; изд. 4, 5, 6 и 7, М. 1813, 1814 и 1815; новое изданіе означено 4-мъ, М. 1818, 8°; 11) „Для малолѣтнихъ дѣтей, начинающихъ обучаться Россійскому чтенію, Азбука или первоначальный урокъ, руководствующій ихъ легчайшимъ способомъ къ чтенію книгъ", изд. 1, 2, 4 и 6, М. 1810, 1811, 1813 и 1820, 8°, въ тип. Рѣшетникова; 12) „Полное собраніе Псалмовъ Давида, поэта и царя, преложенное какъ древними, такъ и новыми Россійскими стихотворцами изъ прозы стихами, съ надписаніемъ каждаго изъ нихъ имени, собранное по порядку Псалтыри Андреемъ Рѣшетниковымъ", 2 т. съ фигурами, М. 1811, 8°, въ тип. Рѣшетникова (по Сопикову — М. 1809 и 1812); въ изданіи этомъ многое переведено съ еврейскаго Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ; 13) „Новый Мѣсяцесловъ, или полный показатель во весь годъ празднуемыхъ Россійскою церковію святыхъ, съ росписью всѣхъ церквей, находящихся въ Москвѣ, и съ толкованіемъ именъ", съ гравированными картинами, собралъ Андрей Рѣшетниковъ, М. 1799, 8°, изд. 2-е—М. 1802, 8°.

Кромѣ книгъ, Р. издавалъ еще журналы: 1) „Дѣло отъ бездѣлья, или пріятная забава, раждающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому, по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстями, въ стихахъ и прозѣ состоящими, угождающая", М. 1792, 8°, 4 части (12 книжекъ, янв. — дек.); сотрудниками здѣсь были М. Сушковъ, Н. Павловъ, И. Наумовъ, И. Вахромѣевъ, А. Есиповъ, И. Андреевскій, И. Виноградовъ; 2) „Прохладные Часы, или аптека, врачующая отъ унынія, составленная изъ медикаментовъ старины и новизны, то-есть: философическихъ, критическихъ, рифмотворныхъ, пастушьихъ и аллегорическихъ веществословій", М. 1793, 8°, 2 части (12 книжекъ, янв. — дек.); здѣсь сотрудничали: П. Рославлевъ, П. Левашевъ, Н. Павловъ, Д. Зиновьевъ. Я. Романовскій, Е. П. Люценко и др. Вѣроятно, онъ же былъ издателемъ и третьяго подобнаго журнала, печатавшагося въ его типографіи, но значительно позже: „Московскій Собесѣдникъ, или Повѣствователь мыслей въ вечернее время упражняющихся въ своемъ кабинетѣ писателей; разсказывающій повѣсти, анекдоты, стихотворенія, полезныя разсужденія, а временемъ и критику. Ежемѣсячное изданіе на 1806 годъ", М., у А. Рѣшетникова, 1806, 8°.

Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. I, стр. 7, 11, 15, 17; М. Погодинъ, Годъ въ чужихъ краяхъ, ч. II, М. 1844, стр. 201; „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящ. въ Музеѣ П. И. Щукина", ч. VIII, М. 1901, с. 128; В. Н. Рогожинъ, Матеріалы для Русской библіографіи, т. I, вып. 1, С.-Пб. 1903; Краткій обзоръ книжной торговли Глазуновыхъ, С.-Пб. 1882, стр. 11; Г. Геннади, Словарь, т. III; В. Сопиковъ, Опытъ Россійской библіографіи, изд. В. Рогожина; Смирдинъ, Роспись книгамъ; А. Неустроевъ, Историческое розысканіе о русск. поврем. изданіяхъ и сборникахъ, С.-Пб. 1874, стр. 715 и 738.

Б. Модзалевскій.

Рѣшетниковъ, *Иванъ Андреевичъ*, сельскій хозяинъ, писатель; сынъ предыдущаго, онъ родился въ 1800 году, воспитывался и учился дома, совмѣстно съ мальчикомъ - Погодинымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ ученымъ, и Оверомъ, ставшимъ затѣмъ знаменитымъ врачемъ, при чемъ бралъ уроки у студента Носникова, а по-французски учиться ходилъ съ товарищами въ пансіонъ г. Порта; въ декабрѣ 1815 г. Р. опредѣленъ былъ на службу въ Московское Губернское Правленіе подканцеляристомъ, получивъ въ то же время позволеніе слушать лекціи въ Московскомъ Университетѣ; оказывая здѣсь хорошіе успѣхи, онъ въ іюнѣ 1817 г., за представленное имъ разсужденіе, награжденъ былъ серебряною медалью, а 20-го

января 1819 г. утвержденъ былъ, по окончаніи Университетскаго курса, въ званіи дѣйствительнаго студента; все время числясь на службѣ въ Губернскомъ Правленіи, Р. 16-го февраля 1820 г. перешелъ въ Канцелярію Московскаго Гражданскаго Губернатора Дурасова и въ декабрѣ произведенъ былъ въ губернскіе секретари, послѣ чего 18-го октября 1823 г., по предложенію губернатора Безобразова, опредѣленъ былъ корректоромъ (безъ жалованья) въ Московскую Губернскую Типографію, содержавшуюся его отцомъ, и уже 10-го января 1824 г. назначенъ былъ ея Смотрителемъ. Въ іюлѣ 1826 г. Р. былъ командированъ въ Коммиссію о коронаціи Николая I и въ октябрѣ, по ея представленію, получилъ подарокъ и коронаціонную медаль, а въ декабрѣ поизведенъ въ титулярные совѣтники. 17-го ноября 1840 г. онъ былъ опредѣленъ въ число чиновниковъ Канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора князя Д. В. Голицына и прослужилъ здѣсь до 9-го февраля 1845 г., когда вышелъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго ассессора, а 3-го ноября того же года былъ назначенъ Почетнымъ Смотрителемъ при Городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ, въ коей у Р. въ 1846 г. былъ на Петровкѣ каменный домъ, купленный имъ въ 1845 г. у княгини Вѣры Гавр. Долгоруковой. Въ 1847 г. Р. былъ избранъ, на 3-лѣтіе, депутатомъ по Московскому уѣзду для раскладки земскихъ повинностей. Умеръ онъ въ Москвѣ 27-го мая 1852 г., на 53 году отъ роду, и погребенъ на Ваганьковомъ кладбищѣ.

Въ 1830-хъ гг. и до смерти Р. состоялъ членомъ Московскаго Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета Имп. Человѣколюбиваго Общества, а 2-го марта 1831 г. былъ избранъ, „изъ уваженія къ трудамъ его, содѣйствующимъ успѣхамъ сельскаго хозяйства“, дѣйствительнымъ членомъ Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства; 12-го октября 1835 г. онъ, въ числѣ прочихъ членовъ этого Общества, получилъ Монаршее благоволеніе „за труды и стремленіе къ улучшенію сельскаго хозяйства“, а 31-го марта 1843 г., по засвидѣтельствованію Министерства Государственныхъ Имуществъ о „полезной предпріимчивости и особенномъ усердіи, оказанныхъ имъ по части сельскаго хозяйства“, Р-ву былъ пожалованъ орденъ Анны 3-й степени; въ 1841—1842 гг. Р. временно управлялъ учебно-практическимъ Хуторомъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, а ранѣе, съ 1838 по 1842 г., былъ казначеемъ этого Общества; кромѣ того, состоя также членомъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства въ Москвѣ, онъ 14-го февраля 1838 г. былъ избранъ Вице-Директоромъ Ученаго Отдѣленія этого Общества.

Будучи еще студентомъ, Р. перевелъ съ латинскаго языка и издалъ въ типографіи своего отца книгу: „Опытъ разсужденія о томъ, что̀ именно Римляне заимствовали отъ Грековъ и Етрусковъ, и какимъ образомъ заимствованное отъ сихъ народовъ обратили въ свою пользу“, М. 1817, 8°. Позже онъ издалъ слѣдующія книги по вопросамъ сельскаго хозяйства: „Краткое руководство къ выгоднѣйшему воздѣлыванію картофеля въ поляхъ“, М., въ тип. Степанова, 1834, 12°, ц. 50 к; „Наставленіе крестьянамъ, какъ садить картофель въ подѣ“, М., въ тип. Селивановскаго, 1834, 8°, ц. 50 к.; „Руководство къ пріисканію и распознаванію мергеля и удобренію имъ полей и луговъ. Сочиненіе Домбаля. Издалъ Рѣшетниковъ, съ цѣлію обратить вниманіе Русскихъ хозяевъ на это могущественнѣйшее средство къ поправленію истощенныхъ полей, какъ въ черноземныхъ, такъ и въ другихъ губерніяхъ, нуждающихся въ землеудобреніи“, М., въ тип. Рѣшетникова, 1840, 8°, ц. 75 к.; то же, изд. С.-Пб. 1841, 16°; „Краткое Руководство“ и „Руководство къ пріисканію мергеля“ въ 1835 и 1840 гг. было пріобрѣтено въ большомъ числѣ экземпляровъ, для распространенія, Имп. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, членомъ котораго Р. состоялъ.

Кромѣ книгъ, Р. написалъ много статей по сельскому хозяйству и домоводству, — напр.: „Нѣсколько улучшеній, способствующихъ прочности крестьянскихъ избъ“ — „Моск. Губ. Вѣдом.“ 1851 г., № 41; статья объ усовершенствованномъ имъ колесѣ — „Землед. Газета“ 1839 г.; перепечатано въ „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1839 г., № 91, стр. 402; въ „Трудахъ Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства“: 1) „О содержаніи ананасовъ, съ замѣчаніями на книгу Г. Нерехотскаго о семъ предметѣ“ (1831), 2) „О запашкѣ гречи подъ посѣвъ озимаго“ (1832), 3) „Опыты съ озимымъ

посѣвомъ клевера" (1833), 4) „Наставленіе крестьянамъ, какъ садить картофель въ полѣ" (1834, тоже и отд.), 5) „Нѣсколько словъ о животно-угольномъ тукѣ" (1834), 6) „О посѣвѣ и уборкѣ клевера" (1843), 7) „О болѣзни картофеля «сухая гниль»" (1844), 8) „О воздѣлываніи червы" (1844).

Имѣніе самого Р., въ которомъ онъ жилъ, было въ Московскомъ уѣздѣ—село Знаменское (Марьино), въ 20 верстахъ отъ Прѣсненской заставы; въ селѣ было 70 душъ крестьянъ мужского пола; здѣсь же былъ и крахмальный заводъ Рѣшетникова.

Будучи членомъ Московскаго Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета, Р. принималъ участіе въ его издательской дѣятельности и въ типографіи своей напечаталъ сочиненія Г. С. Сковороды: 1) „Убогій жайворонокъ. Притча", М. 1837 (здѣсь помѣщено предисловіе, содержащее, на 2 страницахъ, біографію Сковороды, съ подписью: „М. Макаровъ и И. Рѣшетниковъ, члены Попечительнаго Комитета"; 2) „Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ", М. 1837; 3) „Бесѣда двое", М. 1837; 4) „Басни Харьковскія", М. 1837; 5) „Брань Архистратига Михаила съ сатаною", М. 1839.

Формулярный списокъ 1846 г.; „Моск. Вѣд." 1835, № 15, стр. 727; Г. П. Данилевскій, Украинская Старина, Харьк. 1866, стр. 88; „Труды Имп. Вольнаго Эконом. Общ.", т. 77, стр. 884; А. П. Перепелкинъ, Краткій историч. очеркъ Земледѣльческой Школы Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1895, прил. 4; его же, Историческая записка объ учрежденіи Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1895, стр. 44 и прил., стр. 30; С. Масловъ, Историческое Обозрѣніе Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1846, стр. 61, 118, 256, 267, прил., стр. 123 191—192; А. И. Ходневъ, Исторія Имп. Вольнаго Экономическаго Общества, С.-Пб. 1865, стр. 283; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 290; „Русск. Арх." 1904 г., № 1, стр. 105 (въ Дневникѣ И. М. Снегирева); „Русск. Арх. 1878 г., т. I, стр. 483; „Моск. Губ. Вѣдом." 1847, № 3, стр. 9; К. Нистремъ, Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи, М. 1852, стр. 35 и 54; „Московскій Некрополь", т. III.

Б. Л. М—ій.

Рѣшетниковъ, *Ѳедоръ Михайловичъ*, писатель; родился 5-го сентября 1841 г. въ Екатеринбургѣ. Отецъ его былъ бѣдный дьячекъ, горькій пьяница; когда Р. было 40 недѣль отъ роду, мать ушла съ нимъ въ Пермь, къ дядѣ; здѣсь, не вполнѣ еще оправившись отъ родовъ, она испугалась громаднаго пожара, заболѣла и умерла въ больницѣ. Такимъ образомъ, Р. совсѣмъ не помнилъ свою мать, а отца видѣлъ только разъ въ жизни, на десятомъ году отъ роду. Р. пріютили у себя его дядя и тетка. Дядя его былъ старшимъ сортировщикомъ въ Пермской Почтовой Конторѣ и получалъ небольшое жалованье. Онъ держалъ воспитанника изъ сожалѣнія и въ силу своей бѣдности тяготился имъ. Дядя Р. былъ крайне малообразованъ и не любилъ читать, считая это пустою тратой времени. Онъ, можетъ быть, по своему любилъ Р., но требовалъ отъ него къ себѣ безусловнаго почтенія и полнѣйшаго послушанія; въ характерѣ же юнаго Р. обнаруживалось много игриваго и веселаго. Онъ непрочь былъ пошалить и подурачиться, но деспотическій характеръ дяди и общая огрубѣлость и жестокость окружавшихъ его вскорѣ превратили веселость Р. въ озлобленіе.

Съ раннихъ поръ въ Р. обнаруживалась впечатлительность: онъ вѣчно разыскивалъ что-нибудь новое и съ жадностью набрасывался на все, что обращало на себя его вниманіе. Но дядя не поощрялъ подобной любознательности, приказывалъ мальчику вести себя смирно и всегда прибѣгалъ къ ремню, когда хотѣлъ научить его уму-разуму. „Пёсъ", „ножовое востре", „балбесъ", „безрогая скотина" и пр. были самыми обыкновенными для Р. кличками. Пять—шесть лѣтъ битья, наконецъ, совершенно ожесточили ребенка, добродушная наблюдательность его превратилась въ злость, и Р. сталъ изыскивать средства, какъ бы досадить окружающимъ; въ свою очередь и дядя билъ его съ ожесточеніемъ и разъ такъ ударилъ объ полъ, что у Р. потекла кровь изо рта. Шестилѣтній Р. чувствовалъ кругомъ себя только враговъ и все больше озлоблялся. Никто изъ окружавшихъ его людей не дѣйствовалъ смягчающимъ образомъ на его характеръ; въ своихъ „воспоминаніяхъ дѣтства" онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ установившіяся у него отношенія къ окружающимъ. „Пройдетъ мимо меня почтальонъ и смѣется: „Что сидишь, дрянная харя?" — „Что ты дразнишься, пёсъ ты экой?" отвѣчаю я. Почтальонъ щиплетъ меня за волосы. „Что дерешься, подлецъ!" и я ударяю его. Онъ отойдетъ и говоритъ: „Воръ, воръ! не ходи во дворъ"... „Я тѣ, сволочь!", скажетъ другой почтальонъ,

выходя изъ дверей. Пройдетъ женщина и со злостью, направляя на меня кулаки, говоритъ: „У, подкидышъ!“ — „Молчи, чуча!“... „Молчи, чумасибирская!“. Плюнетъ на меня женщина, уйдетъ и скажетъ теткѣ, что я обозвалъ ее скверной руганью“. Побои сыпались на Р. со всѣхъ сторонъ, но они не укрощали его. Наконецъ, дядя принялся учить Р. грамотѣ при помощи того же ремня. Дѣло шло плохо, Р. упрямился, и никакія побои не въ состояніи были заставить его учиться прилежнѣе. Тогда дядя отдалъ его въ ученье къ одному отставному чиновнику, съ платой по четыре рубля въ мѣсяцъ. Всѣхъ учениковъ у него было 8. Чиновникъ былъ страстнымъ любителемъ птицъ,—и ученики главнымъ образомъ занимались чисткой клѣтокъ и кормленіемъ ихъ обитателей. Въ 1850 г. дядя рѣшилъ отдать девятилѣтняго Р. въ бурсу. Сначала тотъ былъ въ восторгѣ. Ему понравилась жизнь съ товарищами послѣ одинокой, загнанной жизни у дяди. Однако, онъ вскорѣ ощутилъ отрицательныя стороны бурсы: здѣсь били уже совершенно безъ всякаго повода, а прямо по принципу; въ видѣ назиданія было принято, кромѣ частныхъ случаевъ битья, въ концѣ каждой недѣли сѣчь всѣхъ учениковъ подрядъ. Сверхъ того, товарищи обильно надѣляли Р. пинками и ударами; Р. стало здѣсь жить не въ-моготу, и онъ рѣшилъ убѣжать. Съ этой цѣлью Р. забрался на колокольню и, выждавъ удобное время, спустился съ нея и ушелъ къ рѣкѣ. Тамъ онъ нашелъ шалашъ рыбака, рыболовныя принадлежности, а также пищу; Р. съѣлъ найденный хлѣбъ и, сѣвъ въ лодку, поплылъ по рѣкѣ. Такъ какъ онъ не умѣлъ управлять лодкой, то ее прибило къ берегу. Здѣсь его настигъ хозяинъ лодки и такъ избилъ, что Р. остался въ безпамятствѣ лежать на землѣ. Когда онъ очнулся, то замѣтилъ, что по рѣкѣ плыветъ лодка со сторожемъ и бурсаками, отправленными на поиски за нимъ. Р. хотѣлъ убѣжать, но бурсаки его поймали и снова жестоко избили. Однако, худшее ожидало его впереди. Въ бурсѣ девятилѣтняго мальчика такъ высѣкли, что его пришлось замертво снести въ больницу, гдѣ онъ пролежалъ цѣлыхъ три мѣсяца. Все это, однако, не измѣнило намѣренія Р. бѣжать изъ бурсы. Какъ только онъ оправился отъ болѣзни, онъ снова незамѣтно выбрался на свободу и, чтобы не быть узнаннымъ, бросилъ верхнее платье и измазалъ себѣ лицо грязью. Въ такомъ видѣ Р. добрался до ближайшаго завода, гдѣ его пріютили рабочіе. Ему понравилась ихъ простая, хотя и трудная жизнь, и онъ захотѣлъ съ ними остаться; но бѣглеца боялись держать у себя, и поэтому Р—ву приходилось переходить съ мѣста на мѣсто. Вслѣдствіе такой бродячей жизни, Р. познакомился съ нищими, старавшимися увлечь его и эксплуатировать. Они обращались съ нимъ крайне жестоко, заставляли его пить водку, пѣть, танцовать, а когда онъ отказывался исполнить ихъ требованія, тогда его жестоко били. Часто Р. доходилъ до отчаянія и молилъ встрѣчныхъ спасти его изъ рукъ нищихъ, но никто не обращалъ на его просьбы вниманія. Однажды случайно знакомая дяди узнала Р. и привела его домой; но здѣсь вмѣсто участія и ласки онъ встрѣтилъ холодность, жестокость и презрѣніе. Отъ прежней веселости и шаловливости у Р. не осталось и слѣда. Съ этого времени онъ сталъ вдумываться въ свое положеніе и взвѣшивать свои поступки. Хотя ему было всего только съ небольшимъ 10 лѣтъ, но онъ перенесъ уже столько страданій, столько видѣлъ и пережилъ такія сильныя ощущенія, что охота вновь обогащаться ими и блуждать по свѣту у него какъ бы пропала. Долго не могъ Р. придти въ себя. Почти цѣлый годъ провелъ онъ дома, рѣдко выходя даже изъ комнаты. Чаще всего онъ сидѣлъ въ углу, за дверью, чтобы никому не мѣшать и чтобы на него обращали меньше вниманія. Голова его была обременена видѣннымъ и слышаннымъ; иногда все это путалось и голова у него шла кругомъ. Одно лишь онъ сознавалъ вполнѣ ясно: свое одиночество и беззащитность. Часто, сидя въ своемъ углу, Р. плакалъ. Тутъ онъ вспомнилъ о своемъ отцѣ, котораго ни разу еще не видѣлъ. Со всей полнотой одинокаго существа Р. полюбилъ отца заочно и желалъ его поскорѣе увидѣть, чтобъ разсказать ему свое горе и искать у него помощи и защиты. Какъ разъ къ этому времени его отецъ пріѣхалъ изъ Екатеринбурга. Конечно, при первой же встрѣчѣ мальчикъ убѣдился, что это совсѣмъ чужой для него человѣкъ и при томъ еще болѣе грубый, чѣмъ дядя.

На другой день послѣ пріѣзда, разговорившись съ теткой о сынѣ, на жалобы ея онъ сказалъ: „Дери ты его, что есть мочи дери!“... А когда ему предложили взять сына съ собой, отецъ отвѣтилъ: „Куда мнѣ съ нимъ? Не надо... Мнѣ и одному трудно жить!“ Р. пробовалъ излить предъ отцомъ накипѣвшія въ немъ чувства и мысли, но тотъ ничего не понялъ и еще прикрикнулъ на сына. Распрощались они, какъ чужіе, и съ тѣхъ поръ Р. его больше не видѣлъ: года черезъ два отецъ его умеръ. Какъ глубоко долженъ былъ чувствовать Р. свое одиночество, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Когда я узналъ о его (отца) смерти, я долго плакалъ о немъ. Горячи и ядовиты были эти слезы, и плакалъ я, какъ помню, потому, что теперь я остался безъ отца и безъ матери“. Сидя въ своемъ углу, за дверью, Р. не терялъ времени даромъ: онъ учился читать; у дяди въ погребѣ стоялъ сундукъ со старыми, разрозненными книгами,—и вотъ, когда тетка посылала Р. туда за чѣмъ-нибудь, онъ захватывалъ изъ сундука книжку и тайкомъ читалъ ее у себя за дверью. Когда дядя, считавшій чтеніе праздным препровожденіемъ времени, узналъ о занятіяхъ Р., то сильно его наказалъ...

На одинадцатомъ году жизни Р., по приказанію дяди, началъ ходить въ Почтовую Контору—присматриваться къ дѣлу и помогать чиновникамъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ Р. изучилъ все почтовое дѣло и даже научился считать на счетахъ, что было величайшей мудростью для многихъ почтовыхъ чиновниковъ. Наконецъ, дядя рѣшилъ отдать его въ Уѣздное Училище. Р. говоритъ объ этомъ ученіи слѣдующее: „Я три года пробылъ въ первомъ классѣ и ничего не понялъ. Объ умственномъ развитіи учителя не заботились, а учили насъ въ-зубрежку и ничего не объясняли. Кромѣ того, учителя считали за наслажденіе бить насъ. Я отсюда не убѣжалъ, потому что уже привыкъ къ розгамъ“. По свидѣтельству товарища Р. по Уѣздному Училищу, тотъ былъ въ это время „угрюмъ, сосредоточенъ въ себѣ, необщителенъ и чуждался всѣхъ и всего. Ни съ кѣмъ онъ не велъ особенной дружбы, хотя и рѣдко съ кѣмъ ссорился. Игры, особенно шумныя, онъ не любилъ, и если временами принималъ въ нихъ участіе, то какъ то нехотя, чтобы только чѣмъ-нибудь заняться“. По словамъ того же товарища, у Р. были выдающіяся способности, которыя были признаны какъ преподавателями, такъ и учениками, но механическое заучиваніе наизусть было ему такъ непріятно, что онъ готовъ былъ выдержать побои и сдѣлать даже скверный поступокъ, лишь бы избавиться отъ этой зубрежки.

Вмѣстѣ съ посѣщеніемъ Училища Р. продолжалъ ходить въ Почтовую Контору и помогать чиновникамъ. Часто Р. помогалъ сортировать безграмотнымъ сторожамъ пришедшія книги и газеты,—и вотъ однажды ему пришла въ голову мысль снести газету учителю, чтобы его задобрить. Это прекрасно удалось: остался доволенъ не только учитель, но и весь классъ, потому что преподаватель тутъ же принялся за чтеніе и ни у кого не спрашивалъ уроковъ. Это поощрило Р., и съ этихъ поръ онъ занялся регулярно похищеніемъ съ почты газетъ и книгъ, которыя относилъ учителямъ или обмѣнивалъ товарищамъ на нравившіяся ему вещи. Разъ Р. нечаянно захватилъ вмѣстѣ съ газетой одну дѣловую бумагу и, боясь ее возвратить назадъ, чтобъ его не поймали, забросилъ ее въ огородъ. Бумаги хватились и стали ее розыскивать. Одинъ изъ почтовыхъ чиновниковъ, не долюбивавшій дядю Р., узналъ, что Р. носитъ учителямъ газеты. Онъ поѣхалъ къ учителямъ, но тѣ, конечно, сказали, что не знали, какимъ путемъ доставалъ Р. газеты, и предложили чиновнику взять ихъ обратно. Р. признался въ своей винѣ; началось судебное дѣло, тянувшееся два года. Дядя Р. употреблялъ всѣ усилія, чтобы выпутать племянника. Враждовавшіе съ нимъ чиновники упрекали его, что изъ его воспитанника вышелъ воръ. „Сначала мнѣ стыдно было выйти изъ дому, — разсказываетъ самъ Р.: „стыдно встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь,—всѣ друзья мои отшатнулись отъ меня и я сидѣлъ дома, въ углу за дверью, читая географію или катехизисъ... Но книги не шли мнѣ на умъ! Я готовъ былъ Богъ знаетъ что сдѣлать для дяди, только бы онъ не сердился“.

За это время Р. переработалъ новый рядъ мыслей. Онъ увидѣлъ, какъ необдуманный поступокъ, которымъ онъ никому не думалъ принести вредъ, привелъ къ такимъ тяжелымъ послѣдствіямъ для

близкихъ къ нему людей. Подъ вліяніемъ этихъ размышленій въ Р. выработалась та поразительная честность, которой впослѣдствіи всѣ удивлялись. Наконецъ, дѣло его было рѣшено бывшей Палатой Уголовнаго и Гражданскаго Суда, и ему была назначена ссылка на покаяніе въ Соликамскій монастырь на три мѣсяца. Здѣсь Р. исполнялъ самыя низкія должности, но, не смотря на это, монастырская жизнь ему понравилась. Ея „исправительное" значеніе было скорѣе отрицательнымъ, такъ какъ нравы монаховъ отличалась крайней распущенностью. „Въ Соликамскѣ, говоритъ Р.: „я въ одну недѣлю позналъ нечестіе монаховъ, какъ они пьютъ вино, ругаются, ѣдятъ говядину, ходятъ по ночамъ, ломаютъ ворота". Подъ конецъ пребыванія въ монастырѣ Р. съ каждымъ днемъ все болѣе привязывался къ своимъ новымъ знакомымъ. „И такъ я чудно и весело проводилъ время съ монахами,—разсказываетъ онъ дальше: „они меня поили пивомъ, и я часто приходилъ домой пьянымъ. Иногда обѣдалъ и спалъ въ кельяхъ. Словомъ, очень весело я проводилъ время съ доброй братіей и въ особенности тогда, когда пили пиво". По его же словамъ, пиво это обыкновенно для большей крѣпости настаивалось на табакѣ... Но, не смотря на распущенные нравы монаховъ, Р. все таки вынесъ изъ монастыря религіозное чувство и пристрастіе къ аскетизму и мистицизму. Въ теченіе 1857 и 1858 годовъ онъ читалъ большею частью духовныя книги и посвящалъ много благочестивымъ размышленіямъ какъ въ письмахъ къ друзьямъ, такъ и въ своихъ замѣткахъ. Въ этотъ періодъ религіознаго настроенія Р. началъ писать проповѣди. По возвращеніи изъ монастыря онъ снова поселился у дядя въ Перми и поступилъ въ Уѣздное Училище. Школьный товарищъ Р. говоритъ, что „ссылка замѣтно повліяла на Р. Выраженіе его лица сдѣлалось серьезнѣе и задумчивѣе. Въ отношеніяхъ съ окружающими онъ старался быть мягче и привѣтливѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ еще болѣе замкнутымъ и сосредоточеннымъ въ себѣ". Онъ усердно принялся за работу и вмѣсто прежнихъ единицъ сталъ получать пятерки. Сравнительно трудно давалась ему математика.

Въ 1859 году дядя переѣхахъ въ Екатеринбургъ, куда былъ переведенъ въ качествѣ Помощника Почтмейстера (впослѣдствіи онъ былъ назначенъ Почтмейстеромъ въ Оханскъ). Оставшись на свободѣ, Р. какъ будто ожилъ,—и вмѣсто разсужденій о непостижимомъ въ его запискахъ появляются стихи, очерки лицъ, съ которыми ему пришлось жить, описаніе городскихъ проишествій и т. п. Во время пожаровъ въ 1859 г. въ Перми Р. нанимался по ночамъ караулить дома, за что получалъ по 20 копѣекъ за ночь: видно денегъ у него не было въ избыткѣ!

25-го іюля 1859 года Р. окончилъ курсъ Уѣзднаго Училища и получилъ аттестатъ съ отличными, хорошими и (только изъ ариѳметики и геометріи) достаточными отмѣтками. Тотчасъ же Р. отправился къ дядѣ въ Екатеринбургъ. Здѣсь онъ поступилъ въ Екатеринбургскій Уѣздный Судъ, съ жалованьемъ по 3 рубля въ мѣсяцъ. Р. поступилъ туда съ большой охотой и чрезвычайно гордился тѣмъ, что служитъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ. Принося служебную присягу, Р. думалъ про себя: „Зачѣмъ я буду измѣнять ей? Я буду вѣрно служить, не такъ, какъ они... для пользы людей"... Въ то же время онъ принялся усиленно за писаніе. Первые его труды на литературномъ поприщѣ носили стихотворную форму. 1860-мъ годомъ помѣчена его поэма въ трехъ частяхъ „Приговоръ", а въ 1861 году Р., повидимому, окончилъ драму въ 6 дѣйств. „Паничъ". Пока онъ жилъ у дяди, ему трудно было вполнѣ отдаться работѣ. „Пора тебѣ, дураку, за канцелярское дѣло приниматься; нечего зря-то бумагу марать",—говорилъ, бывало, дядя племяннику, когда тотъ, забравшись на полати, „сочинялъ" что-нибудь на четвертушкѣ бумаги. Не разъ дядя, чтобъ отучить Р. отъ „сочинительства", прибѣгалъ къ старому средству—ручной расправѣ. Въ 1860 году Р. получилъ мѣсто въ томъ же Уѣздномъ Судѣ—помощника столоначальника чернорабочаго стола. Въ это же время Р. познакомился съ однимъ рабочимъ, служившимъ на Екатеринбургскомъ Монетномъ Дворѣ; онъ поддерживалъ въ Р. честныя стремленія и внушалъ ему мысль о необходимости жить для пользы другихъ. Подъ его вліяніемъ Р. началъ писать обличительныя статьи; изъ нихъ извѣстны только двѣ и то лишь по однимъ названіямъ: „Черное озеро" и „Дѣловые люди"—онѣ не сохранились въ бумагахъ

Р. По мѣрѣ того, какъ у Р. укрѣплялось сознаніе, что съ помощью своихъ произведеній онъ можетъ сдѣлать полезное дѣло, Уѣздный Судъ и Екатеринбургъ стали ему надоѣдать, и все сильнѣе возростало въ немъ желаніе ѣхать въ Пермь. Онъ хотѣлъ принести пользу своимъ ближнимъ, но не зналъ, какъ за это взяться. Р. глубоко чувствовалъ недостаточность своего образованія и еще до поѣздки въ Пермь говорилъ: „Не было у меня ни одного такого человѣка, съ которымъ можно было бы отвести душу. Часто случалось, что я, сидя на рѣкѣ, глядѣлъ куда-нибудь въ даль; глаза останавливались, въ головѣ чувствовалась какая то тяжесть и вертѣлись слова: какъ же это? отчего это? и въ отвѣтъ ни одного слова... И думаешь: эхъ, если бы я былъ богатъ,—накупилъ бы себѣ книгъ, много, много... Все бы выучилъ и пользу какую-нибудь принесъ бы". Кромѣ желанія поучиться и увидѣть побольше свѣта, Р. тянула въ Пермь еще привязанность къ какой то дѣвушкѣ, имя которой осталось неизвѣстно. Ему пришлось выдержать тяжелую борьбу съ дядей, не хотѣвшимъ отпустить его отъ себя.

Въ Перми Р. долго не могъ найти мѣста,—съ одной стороны потому, что онъ былъ нѣкогда подъ судомъ, а съ другой стороны мѣшали его обличительныя статьи, слухъ о которыхъ распространился по Перми, такъ какъ Р. ихъ посылалъ въ редакцію „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Послѣ долгихъ поисковъ Р. удалось, въ іюнѣ 1861 г., получить мѣсто канцелярскаго служителя Казенной Палаты. „Меня посадили", пишетъ Р.: „въ регистратуру. Вся моя работа, не умственная, а машинная, состоитъ въ записываніи входящихъ бумагъ, а при полученіи пяти или шести рублей жалованья кажется вдвое обремепительнѣе. Для ума же никакой пищи". Въ этотъ періодъ, какъ и почти всю свою жизнь, Р. прожилъ на границѣ нищеты. О скромности его средствъ къ существованію можно судить по относящемуся къ тому времени бюджету, имъ самимъ записанному: „За квартиру—1 р. 50 к. На говядину—30 ф. по 3 коп. за фунтъ—90 к. Хлѣба на 60 коп. и молока на 60 коп."—„Буду жить", замѣчаетъ дальше Р.: „какъ Богъ велитъ". Терпя такую нужду, Р. въ то же время переживалъ внутреннюю драму: дѣвушка, которую онъ любилъ, измѣнила ему и вышла за другого, болѣе обезпеченнаго жениха. Послѣ этого новаго удара онъ съ новымъ рвеніемъ схватился за перо и сталъ передавать бумагѣ свои мысли и чувства. Въ Перми у него нашлось нѣсколько судей его литературныхъ работъ: какой то сослуживецъ—Т. и редакторъ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей"—П. Въ это время Р. началъ писать разсказъ изъ заводской жизни „Скрипачъ", а затѣмъ поэмы „Два барина", „Воля" и драму въ 5 дѣйствіяхъ „Раскольникъ" (отрывки, съ предисловіемъ Г. И. Успенскаго, не пропущенные въ свое время цензурой и нынѣ принадлежащіе Пушкинскому Дому, напечатаны въ ч. II „Невскаго Альманаха", Пгр. 1917 г.). Тогда же Р. написалъ вчернѣ многое изъ того, что впослѣдствіи было имъ обработано и напечатано. Р. неутомимо читалъ и писалъ во все свободное отъ занятій время. При Казенной Палатѣ была своя библіотека, тамъ получались также новые журналы и газеты. Первая статья Р., напечатанная въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", касалась этой библіотеки. „Какъ же вы пишете, а меня не спрашиваете?"—сказалъ ему Предсѣтель Палаты, когда прочиталъ статью. Но дурного отъ этого для Р. ничего не вышло, а наоборотъ,—статья принесла ему пользу: ему прибавили жалованья и назначили библіотекаремъ, что̀ дало ему возможность еще больше времени посвящать на чтеніе. Однако, Р. вскорѣ увидѣлъ, что, живя въ Перми, онъ такъ и не принесетъ никакой пользы своими сочиненіями. Р. хотѣлось высказать передъ всѣми ту массу горя, нищеты и бѣдствій, которую онъ наблюдалъ въ жизни. Ему хотѣлось, чтобы всѣ узнали о страданіяхъ, выпадающихъ на долю простого рабочаго и крестьянина. Онъ думалъ, что все это существуетъ лишь потому, что общество объ этомъ ничего не знаетъ. Ему казалось, что достаточно описать все видѣнное имъ во всей наготѣ, правдѣ и искренности, чтобы каждый интеллигентный человѣкъ постарался уменьшить страданія народа. Провинціальная жизнь перестала удовлетворять Р., и его стало тянуть въ Петербургъ. Съ одной стороны онъ чувствовалъ, что знаетъ еще мало, и стремился въ столицу, по его собственнымъ словамъ, „чтобы поумнѣть и поучиться". Съ другой, только тамъ онъ могъ надѣяться, что будутъ напечатаны его

произведенія. Случай помогъ Р.: въ Пермь пріѣхалъ изъ Петербурга ревизоръ; Р. попалъ къ нему въ переписчики бумагъ и, видя къ себѣ хорошее отношеніе со стороны ревизора, рѣшился попросить его — и то только письменно — помочь ему перевестись въ Петербургъ. Ревизоръ расхохотался, когда узналъ о желаніи канцелярскаго служителя заняться писательствомъ. Желая испытать способности Р., онъ поручилъ ему въ теченіе двухъ недѣль выучить наизустъ весь Рекрутскій Уставъ. Р. исполнилъ блестяще эту задачу, и тогда ревизоръ, убѣдившись въ его способностяхъ, обѣщалъ ему свое содѣйствіе, но на прощанье совѣтовалъ Р., вмѣсто занятій литературой, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время работать въ *квартал*ѣ, „гдѣ вамъ все-таки дадутъ лишнихъ рублей восемь“...

Въ 1863 г. Р. прибылъ въ Петербургъ. Нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось жить безъ мѣста, пока бывшій ревизоръ не пристроилъ его въ какое-то присутственное мѣсто съ жалованьемъ по 9 рублей въ мѣсяцъ. И въ Петербургѣ Р. жилъ почти въ нищетѣ. Сначала онъ послалъ нѣсколько очерковъ въ „Сѣверную Пчелу“, гдѣ ихъ приняли (напр., „Лоттерея“, съ подп.: „2-го сент. 1863 г.“,—1863 г., № 240 и 241), но денегъ Р. не заплатили. Въ 1864 году Р. написалъ своихъ знаменитыхъ „Подлиповцевъ“, но такъ мало былъ избалованъ успѣхомъ, что стѣснялся самъ отнести ихъ въ редакцію, а послалъ рукопись съ дворникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Р. написалъ письмо къ редактору, въ которомъ высказывалъ мотивъ, заставившій его взяться за перо: „Зная хорошо жизнь этихъ бѣдняковъ (бурлаковъ), я задумалъ описать ее, чтобы хоть сколько-нибудь помочь этимъ несчастнымъ труженикамъ“. Напечатанные въ №№ 3 и 4 „Современника“ за 1864 годъ, „Подлиповцы“ сразу обратили на себя вниманіе публики. Наша интеллигенція, обитающая большею частью въ городахъ, даже не воображала, что въ нѣдрахъ богоспасаемой Россіи могли существовать дикари, подобно неграмъ обращенные во вьючный скотъ. Передъ читателемъ былъ не опытный, хитроумный художникъ, которому ничего не стоитъ и присочинить ради эффекта, а безыскуственный самоучка, пишущій лишь для того, чтобы объявить всенародно, какъ страдаютъ „Подлиповцы“, и обратить на нихъ вниманіе общества.

Въ продолженіе своей дальнѣйшей литературной дѣятельности Р. написалъ много произведеній, помѣщающихся нынѣ въ двухъ томахъ, содержащихъ 124 листа компактной печати. Всѣ его произведенія заключаютъ въ себѣ неизмѣнно одно и то же содержаніе: „какъ голодаютъ, холодаютъ, терпятъ всевозможныя мытарства, обиды и оскорбленія бѣдные люди, пробивая себѣ дорогу къ обезпеченію своего существованія“. Наиболѣе выдающимися изъ произведеній Р. считаются: „Ставленникъ“, „Между людьми“, „Глумовы“, „Гдѣ лучше?“ и „Свой хлѣбъ“.

Жизнь Р. значительно улучшилась послѣ пріобрѣтенія литературной извѣстности. Вскорѣ онъ женился на своей землячкѣ, такъ же, какъ и онъ, круглой сиротѣ, пріѣхавшей въ Петербургъ искать, „гдѣ лучше“. Р. имѣлъ двухъ дѣтей, (изъ коихъ дочь Марія за свящ. Евстратовымъ). Изъ оставшихся послѣ Р. записокъ видно, что его ни на минуту не покидала жажда знанія. Живя въ Петербургѣ, Р. не переставалъ работать надъ собой: онъ читалъ книги и составлялъ изъ нихъ конспекты, чтобы усвоить себѣ ихъ содержаніе. Нѣсколько разъ Р. ѣздилъ въ Пермь и посѣщалъ чугунно-литейные и другіе заводы, съ цѣлію снова освѣжить въ своей памяти прежнія наблюденія и дополнить ихъ новыми. Каждое новое произведеніе Р. вызывало въ литературѣ цѣлую бурю. Эстетики и любители легкаго чтенія набрасывались на него съ пѣной у рта, глумились надъ его „пріемами“, надъ „языкомъ“ и „нехудожественностью“ его произведеній. Они считали ихъ ниже всякой критики и незаслуживающими никакого вниманія. Каково долженъ былъ чувствовать себя Р., читая подобные отзывы интеллигенціи? Вѣдь, онъ стремился только къ тому, чтобы вѣрно изобразить страданія народа и этими картинками, списанными съ дѣйствительности, тронуть сердца „власть имѣющихъ“ — „соли земли Русской“. И вотъ журналы со всѣхъ сторонъ набрасывались на него за то именно, что онъ написалъ слишкомъ реально, безъ всякаго творческаго вымысла, „не художественно“. Это, конечно, вызвало въ немъ сомнѣніе относительно полезности его писательской дѣятельности. Къ тому же, не смотря на свою извѣстность въ литературѣ,

Р. постоянно нуждался въ деньгахъ, во-первыхъ, потому, что его эксплуатировали издатели, во-вторыхъ, потому, что онъ всегда дѣлилъ со всѣми все, что у него было. Сомнѣніе въ продуктивности своей дѣятельности и вѣчная нужда крайне пагубно дѣйствовали на Р., и онъ сталъ все больше запивать. Онъ умеръ отъ отека легкихъ, на 29-мъ году жизни, 9-го марта 1871 года. Послѣ него осталось много замѣтокъ и громадный дневникъ, который онъ велъ въ продолженіе 10 лѣтъ; дневникъ этотъ до сихъ поръ еще не напечатанъ „по независящимъ обстоятельствамъ".

„Сіяніе" 1872 г., т. I, № 19, стр. 305—308; „Грамотѣй" 1871 г., т. II, кн. VIII, стр. 41—53; „Русск. Архивъ" 1873 г., стр. 1504; „Илл. Календарь" 1872 г., приложеніе, стр. 69; „Заря" 1869 г., № 9; „Русскій Вѣстникъ" 1869 г., № 4, стр. 670—704; „Русскій Календарь" на 1872 г.; „Русское Слово" (Воспоминанія дѣтства) 1864 г., № 10 и 11, стр. 289—322 и 1—29; „Илл. Газета" 1871 г., № 12; 1872 г., № 40; „Отечественныя Записки" 1871 г., № 4, стр. 418—436; А. Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи", т. I, стр. 44; т. II, стр. 73, 350 и 408; „Донъ" 1871 г., № 36, стр. 2—4; А. М. Скабичевскій, „Исторія новѣйшей русской литературы", С.-Пб., 1900 г., стр. 229—236; „Петербургская Газета" 1871 г., № 36; „Петербургскій Листокъ" 1871 г., № 50; „Новости" 9-го марта 1901, № 67; „Къ біографіи Ѳ. М. Рѣшетникова"—въ сборн.: „Въ память женщины-врача Е. П. Серебренниковой", С.-Пб., 1900, стр. 337—357; „Памяти Ѳ. М. Рѣшетникова", Е. Колтоновской—„Вѣсти. Евр." 1911, мартъ, стр. 367—371; „Кіевск. Мысль" 1911, № 68 (замѣтка Л. Войтоловскаго); „Труды Пермск. Ученой Арх. Комм.", вып. V, стр. 56—57; А. М. Скабичевскій, „Беллетристы-народники: Рѣшетниковъ, Левитовъ, Г. Успенскій, Н. Златовратскій и пр.", Критическіе очерки, С.-Пб., 1888; Г. С. Десятовъ, Къ біографіи Ѳ. М. Рѣшетникова, изд. ред. газеты „Волжскій Вѣстникъ", Казань. 1897; „Ист. Вѣсти." 1910, № 3, стр. 819—824 (Восп. Скабичевскаго).

Рѣшетовъ (Решетовъ), *Гавріилъ Степановичъ*, д. ст. сов., Товарищъ Министра Департамента Удѣловъ, Волынскій губернаторъ; родился въ 1746 г. и, вѣроятно, былъ сыномъ С. Ѳ. Рѣшетова (см. ниже); образованіе получилъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда 22-го апрѣля 1764 г. выпущенъ былъ подпоручикомъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ и откомандированъ для межеванія земель подъ поселенія иностранцевъ въ вѣдомство Опекунской Канцеляріи; произведенный 1-го іюля 1769 г. въ поручики, онъ, за увольненіемъ въ томъ же году отъ межеванія, поступилъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ, изъ котораго въ 1770 г., при формированіи въ Смоленскѣ С.-Петербургскаго легіона, переведенъ былъ въ этотъ легіонъ тѣмъ же чиномъ, 1-го января 1771 г. былъ произведенъ въ капитаны и принималъ участіе, въ 1772—1773 г., въ походѣ „противу возмутителей Польскихъ", а 18-го іюля 1773 г. былъ уволенъ отъ военной службы секундъ-маіоромъ.

Дальнѣйшая служба Рѣшетова протекла по гражданскому вѣдомству: въ 1774 году онъ былъ назначенъ въ Чертежную Межевой Экспедиціи Правительствующаго Сената, откуда 1-го мая 1776 г. переведенъ былъ членомъ вновь учрежденной Смоленской Межевой Конторы, а въ 1781 г.—совѣтникомъ въ Смоленскую Казенную Палату. 1-го января 1794 г. Рѣшетовъ былъ избранъ Предводителемъ дворянства Рославльской округи Смоленской губерніи, гдѣ у него было имѣніе при сельцѣ Михайловскомъ-Половитнѣ, но вскорѣ затѣмъ (1-го мая 1794 г.) онъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Смоленской Гражданской Палаты. При посѣщеніи Императоромъ Павломъ Смоленска Рѣшетовъ былъ награжденъ, 9-го мая 1797 г., орденомъ св. Анны 2-го класса и вслѣдъ за симъ, указомъ 30-го іюля 1797 г., былъ назначенъ Товарищемъ Министра Департамента Удѣловъ, недавно передъ этимъ образованнаго согласно Учрежденію объ Императорской Фамиліи. Будучи пожалованъ (3-го ноября 1798 г.) въ дѣйств. статскіе совѣтники и по особому указу отъ 25-го апрѣля 1800 г. награжденъ пожизненнымъ пенсіономъ въ 1000 руб. въ годъ за отличное усердіе въ отправленіи этой должности, Рѣшетовъ вслѣдъ засимъ, по удостоенію Правительствующаго Сената, Высочайше назначенъ былъ, 19-го января 1802 г., Волынскимъ губернаторомъ, коимъ и оставался до смерти.

По поводу кончины Рѣшетова сохранилось письмо извѣстнаго Кіевскаго протоіерея І. В. Леванды, адресованное ко вдовѣ его, Екатеринѣ Андреевнѣ (рожденной Якушкиной): изъ письма этого видно, что Рѣшетовъ скончался 28-го августа 1805 г.

Именные указы Императора Павла I (Сенатскій Архивъ, томъ I, стр. 147, 265, 457); Сенатскій Архивъ—формулярные списки 1802 г., № 53, л. 1—3 и 1803 г., № 45, л. 2—3; Мѣсяцесловъ 1804 г., ч. 2-я, стр. 39; Исторія Удѣловъ. 1797—1897, т. III, стр. 51; Біографія протоіерея І. В. Леванды, Кіевъ 1879 г., стр. 375.

А. А. Сиверсъ.

Рѣшетовъ (Решетовъ), *Степанъ Ѳедоровичъ*, переводчикъ; воспитывался въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ, затѣмъ служилъ въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ 1767 г. имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника и, въ числѣ прочихъ, подписалъ наказъ депутату отъ г. Петербурга въ Екатерининскую Комиссію о сочиненіи Проекта Новаго Уложенія; спустя 23 года,—въ 1790 г. онъ носилъ званіе Совѣтника Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; умеръ до апрѣля 1791 г., когда его жена, Акулина Андреевна, упоминается уже вдовою.

Р. принадлежатъ переводы: „Исторія о персидскомъ шахѣ Тахмаспъ-Кули-Ханѣ. Съ французскаго на россійскій языкъ переведенная ассессоромъ Степаномъ Рѣшетовымъ", С.-Пб. 1762; 2-е изданіе этой книги вышло въ Петербургѣ въ 1788 г., а 3-е изданіе извѣстно подъ заглавіемъ: „Персидскій Александръ или страшный Надиръ, потрясшій самое богатѣйшее въ свѣтѣ Индѣйское царство и нанесшій трепетъ на весь востокъ, переведено Канцеляріи Совѣтникомъ Степаномъ Рѣшетовымъ", С.-Пб. 1790; „Исторія Англинская", сочиненіе Рапина де Тоараса, переводъ съ французскаго, 6 частей, С.-Пб., въ Типографіи Академіи Наукъ, 1768—1783 г.

Именной списокъ кадетамъ... Шляхетнаго Корпуса, С.-Пб. 1761; Мѣсяцесловы; Архивъ Конференціи Академіи Наукъ; П. Бутковъ, Матеріалы для новой исторіи Кавказа, ч. III, С.-Пб. 1869, стр. XIX; Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 290; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества, т. 107.

Б. М.

Рѣшимовъ, *Михаилъ Аркадьевичъ*, артистъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ; род. въ Рязани и происходилъ изъ артистической семьи: отецъ его, окончившій Театральную Школу, былъ преподавателемъ танцевъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Рязани, а также давалъ и частные уроки. Сына своего онъ отдалъ сначала въ мѣстную Гимназію и не готовилъ его къ артистической карьерѣ; однако, серьезно заниматься у мальчика не было охоты, и поэтому, не окончивъ Гимназіи, онъ поступилъ въ военную службу. Впрочемъ, и къ военной дѣятельности онъ не питалъ особенной любви и обнаружилъ стремленіе сдѣлаться артистомъ. Принимая участіе въ любительскихъ спектакляхъ и пользуясь при этомъ успѣхомъ у зрителей, онъ все больше и больше увлекался мыслью сдѣлаться актеромъ. Сценическая дѣятельность казалась ему настолько привлекательной, что онъ рѣшилъ, какъ только произведутъ его въ первый офицерскій чинъ, бросить военную службу и поступить на сцену. Дѣйствительно, какъ только произвели его въ прапорщики, онъ тотчасъ же подалъ въ отставку и вступилъ въ труппу извѣстнаго въ ту пору провинціальнаго антрепренера и артиста Медвѣдева. Жизнь провинціальныхъ актеровъ въ 1840-хъ годахъ была далеко не заманчива: матерьяльное ихъ положеніе было тяжелое; работы же для добросовѣстнаго артиста, въ виду малочисленнаго обыкновенно состава труппы, было много. Но за то провинціальная сцена имѣла и довольно большое преимущество предъ столичными: она давала возможность молодымъ начинающимъ артистамъ испробовать свои силы въ роляхъ самаго разнохарактернаго свойства. Такимъ образомъ талантливому, энергичному, умному и работящему артисту представлялась полная возможность выдвинуться впередъ. Этою возможностью, конечно, не премипулъ воспользоваться и Рѣшимовъ. Онъ дѣятельно принялся за работу, разучивалъ роль за ролью, пробовалъ себя на разныхъ амплуа. Какъ артистъ талантливый и горячо преданный сценическому искусству, онъ каждую роль, какъ бы ничтожна она ни была, разучивалъ весьма тщательно, вдумывался въ нее, отдѣлывалъ ее. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе провинціальной публики и пріобрѣлъ ея симпатіи. Переѣзжая изъ города въ городъ, онъ перебывалъ почти во всѣхъ крупныхъ городахъ: Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ставрополѣ, Таганрогѣ, Екатеринославѣ и во многихъ другихъ. Объ его игрѣ въ ту пору И. Филаретовъ въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ Русскаго театра" отзывался, между прочимъ, такъ: „Онъ (М. А. Рѣшимовъ въ роли Ивана въ пьесѣ „Барская спѣсь, или Анютины глазки") очаровывалъ публику... совершенно понималъ ее (роль), и это глубокое пониманіе олицетворялось въ игрѣ, мастерски обдуманной и мастерски исполненной». Обыгравшись въ провинціи, пріобрѣтя тамъ симпатіи и вниманіе публики, Р. задумалъ перейти въ Москву. Его дебюты въ Маломъ

Театрѣ прошли удачно, и онъ былъ принятъ въ Императорскую труппу. Но порученное ему амплуа jeune premier'а не совсѣмъ соотвѣтствовало его дарованію, да къ тому же на это амплуа въ ту пору въ Москвѣ было нѣсколько болѣе даровитыхъ артистовъ, почему Рѣшимовъ сначала и не обратилъ на себя особеннаго вниманія Московской публики, но за то, когда онъ перешелъ на амплуа jeune comique, которое такъ соотвѣтствовало его дарованіямъ, то сразу завоевалъ себѣ вниманіе и симпатіи москвичей,—такое же, если даже не большее, чѣмъ то, какимъ онъ пользовался въ провинціи. Такимъ образомъ, многолѣтняя нелегкая работа не пропала даромъ. Будучи вообще уменъ, онъ прекрасно понималъ, что, не получивъ спеціальнаго артистическаго образованія,только благодаря одному таланту, нельзя сдѣлаться выдающимся артистомъ; поэтому онъ всегда охотно выслушивалъ и исполнялъ совѣты людей безпристрастныхъ и компетентныхъ въ вопросахъ сценическаго искусства, а также присматривался къ игрѣ опытныхъ, извѣстныхъ артистовъ, но, впрочемъ, никогда не старался подражать имъ, копировать ихъ, а всегда оставался оригинальнымъ. Поэтому всегда веселая, живая, энергичная, подчасъ страстная игра его увлекала зрителей и имѣла большой успѣхъ. Изъ весьма обширнаго и разнообразнаго его репертуара можно указать на роли Ивана („Барская спѣсь, или Анютины глазки"), Макшеева въ пьесѣ Шпажинскаго „Поздній расцвѣтъ", присяжнаго повѣреннаго въ пьесѣ „Второй бракъ" и мн. др.

Усиленная работа, тянувшаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ и требовавшая постояннаго напряженія нервовъ, не могла не отразиться на здоровьѣ артиста. Въ началѣ 1880-хъ годовъ у него развилась чахотка, которая заставляла его послѣдніе годы рѣже появляться на сценѣ. Но, не смотря на болѣзнь, не смотря на почти полный упадокъ силъ, онъ по прежнему оставался хорошимъ и добросовѣстнымъ актеромъ и заботился всегда объ отдѣлкѣ роли. Послѣдній годъ онъ былъ уже на столько слабъ, что, начиная роль, ни самъ онъ, ни товарищи не знали, хватитъ ли у него силъ окончить ее. По окончаніи зимняго сезона 1886—1887 года, Рѣшимовъ поѣхалъ на Кавказскія минеральныя воды, чтобы тамъ отдохнуть и собраться немного съ силами; но эта поѣздка была для него роковою: по несчастью, онъ захватилъ на Кавказѣ страшную даже и не для чахоточнаго „кавказскую лихорадку", которая въ конецъ надломила его силы. Въ Москву онъ возвратился уже совсѣмъ умирающимъ и, промучившись нѣсколько недѣль, скончался 21-го августа 1887 года; тѣло его погребено въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

„Московскія Вѣдомости" 1887 г., 22-го августа, № 230, некрологъ, стр. 4 и 25-го августа, № 233; „Русскія Вѣдомости" 1887 г., 23-го августа, № 231, некрологъ, и 25-го августа, № 233; „Московскія Вѣдомости" 1880 г., №№ 23 и 29 (театръ и музыка); „Репертуаръ Русскаго театръ и Пантеонъ Русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ" 1852 г., т. 6, кн. XI, ст. И. Филаретова: „Вышневолоцкій театръ", стр. 16; Всеобщій Календарь на 1888 г., стр. 522, некрологъ; С. В. Танѣевъ, „Театральныя мелочи", вып. IV, стр. 41, С.-Пб. 1887 г.; „Московскій Некрополъ", т. III.

Н. М.

Рюль, *Иванъ Ѳедоровичъ* (Іоганнъ-Георгъ), лейбъ-медикъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ; род. въ Маріенбургѣ, въ Лифляндіи, 21-го мая 1768 г. (по другимъ свѣдѣніямъ — 20-го мая 1769 г.) и былъ сыномъ доктора Ѳ. Рюля (см. ниже); получивъ домашнее образованіе, онъ на 15 году поступилъ въ Хирургическій Институтъ и службу началъ 28-го іюля 1787 г., вступивъ изъ вольнопрактикующихъ медико-хирурговъ въ С.-Петербургскую Обуховскую Больницу ординаторомъ, а 21-го февраля 1788 г. перешелъ врачемъ въ морской корабельный флотъ, при чемъ опредѣленъ былъ на отправлявшійся тогда въ Средиземное море корабль „Побѣдоносецъ"; здѣсь онъ находился по 3-е іюля 1788 г. и былъ въ сраженіяхъ у Гохланда и Гельсингфорса (во время Шведской войны), послѣ чего, подъ командою капитана Тимашева, отправился отъ Кронштадта до Красной Горки, а оттуда до острова Сескари, гдѣ соединился съ Россійскимъ флотомъ подъ предводительствомъ адмирала Грейга, который крейсировалъ для поиска непріятельскаго флота и прибылъ на Ревельскій рейдъ; отсюда, по приказу вице-адмирала Козлянинова, Р. 16-го октября прибылъ въ Копенгагенъ къ состоявшему тамъ Россійскому флоту подъ предводительствомъ вице-адмирала фонъ-Дезина и здѣсь зимовалъ, при чемъ посѣщалъ лекціи Копенгагенскихъ профессоровъ Винслова, Ко-

стенштейна, Тоде и другихъ. Въ 1789 г. Р. крейсеровалъ съ эскадрою Козлянинова и былъ въ сраженіяхъ, а у о. Бернгольма соединился съ флотомъ адм. Чичагова. По возвращеніи въ Петербургъ, Р. 10-го января 1790 г. назначенъ былъ штабъ-лекаремъ въ С.-Петербургскій Генеральный Сухопутный Госпиталь и въ 1792 г. отъ Эрфуртскаго Университета признанъ былъ докторомъ медицины и хирургіи; послѣ этого, 28-го марта 1793 г., Р. перешелъ въ Московскій Генеральный Госпиталь, а 19-го января 1794 г.—полковымъ врачемъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ.

Съ 20-го марта 1798 г. началась служба Рюля при Дворѣ, куда онъ, замѣченный Имп. Павломъ въ Преображенскомъ полку, былъ назначенъ младшимъ гофъ-хирургомъ; 1-го февраля 1799 г. онъ пожалованъ былъ въ надворные совѣтники, а 9-го ноября 1800—въ 6-й классъ и 19-го мая 1802 г.—въ гофъ-хирурги; 26-го того же мая Рюль, по желанію Великой Княгини Екатерины Павловны, назначенъ былъ къ ея Двору, но въ сентябрѣ снова вернулся къ Высочайшему Двору и 1-го августа 1805 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ откомандированъ къ генералъ-адъютанту графу Ливену для дальнѣйшаго отправленія, согласно полученному имъ повелѣнію, при чемъ былъ опредѣленъ Главнымъ Докторомъ въ Армію Волынской губерніи. Находясь въ походахъ, Р. въ сраженіи у монастыря Ламбаха спасъ 163 человѣка нашихъ раненыхъ и больныхъ, а при монастырѣ Мёлькъ, въ виду непріятеля,—300 раненыхъ, съ великою для себя опасностью, едва самъ успѣвъ спастись, за что 3-го марта 1806 г. награжденъ былъ орденомъ Владиміра 4-й степени. Бывъ въ 1805—1806 г. въ сраженіяхъ въ мѣст. Вельсъ, Энсъ, Кремсъ, Штейнъ и при Аустерлицѣ, Рюль дѣятельно помогалъ раненымъ воинамъ.

30-го марта 1806 г. возвратившись въ Петербургъ, Р. постоянно оставался при особахъ Императорской Фамиліи и по Высочайшему повелѣнію имѣлъ надзоръ за больницами воспитательныхъ и богоугодныхъ заведеній; 9-го іюля 1808 г. онъ награжденъ былъ чиномъ статскаго совѣтника, 1-го января 1810 г. пожалованъ въ лейбъ-хирурги, 3-го января 1817 г. произведенъ въ д. с. совѣтники, въ 1819 г. получилъ отъ Короля Прусскаго орденъ Краснаго Орла, а отъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи—почетный дипломъ на званіе доктора медицины и хирургіи (членомъ - корреспондентомъ этой Академіи онъ состоялъ еще съ 1813 года); послѣ этого Рюль, 26-го іюля 1821 г., награжденъ былъ орденомъ Владиміра 2-й степени большого креста, а 24-го октября 1823 г.—пожалованъ въ лейбъ-медики (со старшинствомъ съ 15-го марта 1819 г.) и былъ членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а въ 1825 г. пожалованъ въ тайные совѣтники. 7-го мая 1828 г. Р. былъ утвержденъ Совѣтомъ Имп. Человѣколюбиваго Общества въ званіи Предсѣдателя Медико-Филантропическаго Комитета, а 6-го декабря того же года, Высочайшимъ рескриптомъ, ему повелѣно было быть Инспекторомъ по Медицинской части въ состоявшихъ подъ покровительствомъ Имп. Маріи Ѳеодоровны заведеніяхъ. За составленіе проекта Устава для управленія Домомъ для умалишенныхъ онъ 27-го октября 1829 г. получилъ благоволеніе Николая I, а 15-го января 1831 г. награжденъ былъ орденомъ Анны 1-й степени; въ сентябрѣ того же года, „за похвальное рвеніе и неутомимую попечительность“ при появленіи холеры въ Петербургѣ и за лѣченіе больныхъ, получилъ благодарственный рескриптъ; въ 1833 г. (17-го марта) назначенъ былъ Почетнымъ Членомъ Демидовскаго Дома призрѣнія трудящихся, состоявшаго подъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны и получилъ (16-го апрѣля) Монаршее благоволеніе за усердные труды по званію и. д. Попечителя по нравственной части Больницы всѣхъ скорбящихъ вѣдомства Попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ; 3-го февраля 1835 г. онъ былъ утвержденъ Попечителемъ Больницы по нравственной части, получая неоднократно благодарность за труды по этимъ заведеніямъ. 12-го іюля 1837 г. Рюль утвержденъ былъ Почетнымъ Членомъ Совѣта Имп. Человѣколюбиваго Общества и 16-го іюля награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Состоя все время Инспекторомъ медицинской части учрежденій Императрицы Маріи, Р. 6-го декабря 1843 г. пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Болѣя послѣдніе годы жизни и не будучи уже въ состояніи выѣзжать изъ дому, Р. скончался въ Петербургѣ 17-го декабря 1846 г.;

погребенъ на Волковомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Въ 1806 г. Р. значился по формулярному списку вдовымъ и имѣющимъ 12-лѣтняго сына Алексѣя, обучающагося въ 1 Кадетскомъ Корпусѣ, а въ 1841 г. показанъ женатымъ на Авдотьѣ Сергѣевнѣ Сергѣевой (род. 25-го февраля 1785, ум. 27-го сентября 1848) и имѣющимъ дочерей Эмилію (39 л.) и Вѣру (род. 3-го августа 1811, ум. 16-го января 1893), находящихся въ замужествѣ; послѣдняя была за Виллié.

Особенную память по себѣ Р. оставилъ въ области общественной психіатріи, въ которой явился новаторомъ; разсмотрѣнію этой стороны его дѣятельности по лѣченію и призрѣнію душевно-больныхъ посвящено спеціальное изслѣдованіе Л. Прозорова, составленное на основаніи докладныхъ записокъ и печатныхъ трудовъ Рюля (см. ниже ихъ перечень).

„Кротостью, мягкосердіемъ и искреннимъ участіемъ къ страданіямъ близкихъ", читаемъ въ одной изъ его біографій: „Рюль пріобрѣлъ довѣренность и благоволеніе Высочайшихъ особъ Императорской Фамиліи; болѣе всѣхъ оказывала ему довѣрія Императрица Марія Ѳеодоровна, при Дворѣ которой онъ находился съ 1807 года. Она, оцѣнивая его достоинства и благородный характеръ, выразила ему свою благодарность въ своемъ духовномъ завѣщаніи, назначивъ ему, на память, нѣкоторыя изъ своихъ драгоцѣнностей. Для усовершенствованія заведеній, ввѣренныхъ его надзору, Рюль дѣлалъ много пожертвованій изъ собственнаго достоянія. Такъ, онъ въ 1844 и 1846 году внесъ значительныя суммы въ Заемный Банкъ, съ назначеніемъ ежегодныхъ процентовъ въ награду отличнымъ ученикамъ, выпускаемымъ изъ фельдшерскихъ школъ при Маріинской и Обуховской больницахъ. Особенно близка его сердцу была больница Всѣхъ Скорбящихъ, и онъ много содѣйствовалъ къ приведенію ея до нынѣшняго отличнаго состоянія. Нося званіе Предсѣдателя V Отдѣленія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, Рюль содѣйствовалъ всѣми мѣрами къ распространенію въ Россіи оспопрививанія и изданію общеполезныхъ народно-врачебныхъ наставленій. Его ходатайствомъ введено безденежное снабженіе бандажами бѣдныхъ, страждущихъ грыжею; опредѣлены во всѣхъ частяхъ города повивальныя бабки для безвозмезднаго поданія помощи бѣднымъ родильницамъ.—16-го іюля 1837 г. было праздновано 50-лѣтіе служенія его въ званіи врача; при этомъ онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла; благотворительныя и ученыя общества прислали къ нему депутатовъ для поздравленія, и на великолѣпномъ обѣдѣ поднесена ему, на серебряномъ блюдѣ, золотая медаль, съ Высочайшаго соизволенія выбитая въ честь его".

Рюль издалъ слѣдующія сочиненія: 1) „Dissertatio de usu medicamentorum antimonialium in febribus intermittentibus", Erfordiae. 1792, 4° (докторская диссертація); 2) „Объ уединеніи, Циммермана", перев. съ нѣм., С.-Пб. 1794, 12°; 3) „Фармакопея для руководства врачамъ бѣдныхъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ Филантропическаго Комитета", С.-Пб. 1829; 4) Проектъ Устава С.-Петербургскаго Дома умалишенныхъ, нынѣ Больницы всѣхъ скорбящихъ, С.-Пб. 1832; 5) „Project zum Reglement der Verwaltung des St.-Petersburg. Irrenhauses", St.-Petersb. 1837; 6) „Краткое наставленіе, какимъ образомъ должно обходиться съ умалишенными, доколѣ они не будутъ помѣщены въ заведеніе, устроенное для больныхъ этого роду; необходимость и польза помѣщенія ихъ въ оное. Изданное лейбъ-медикомъ Рюлемъ, С.-Пб. 1839, въ тип. Глазунова, 8°, стр. 23; то-же по-польски: „Krotkie przepisy co do sposobu, jakim ochodzic sie nalezy z oltakanymi na umysle", переводъ M. Giedroyc'a, Wilno. 1840. Здѣсь, по словамъ рецензента, „ученый и человѣколюбивый авторъ этой книги, учредитель превосходнаго заведенія, въ которомъ страждущіе душевными болѣзнями могутъ быть помѣщаемы до принятія ихъ въ больницу ума-лишенныхъ, говоритъ сначала о необходимости привѣтливаго обращенія съ этими несчастными, потомъ старается опровергнуть предразсудки, которые удерживаютъ многихъ отъ помѣщенія помѣшанныхъ своихъ родственниковъ или знакомцевъ въ заведенія, назначенныя для леченія этого роду больныхъ; объясняетъ, какъ надобно ходить за ними, какія укротительныя средства можно употреблять безъ вреда для страждущихъ; наконецъ, упоминаетъ о необходимой для нихъ діетѣ и содержаніи вообще. Къ книжкѣ приложенъ рисунокъ, на которомъ изображена

такъ называемая усмирительная фуфайка". Изд. 2-е, С.-Пб. 1840; 6) „Опытъ статистическаго обозрѣнія о числѣ одержимыхъ разнаго рода душевными недугами въ Россіи", С.-Пб. 1840; 7) „Вѣдомость о состояніи Больницы Всѣхъ Скорбящихъ въ 1836 г."— „Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ" 1837 г.; 8) „Объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ временнаго заведенія для пріема больныхъ, страдающихъ душевными болѣзнями" — „Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ" 1836 г., т. XIX. Кромѣ того, Р. содѣйствовалъ изданію полезныхъ сочиненій и изъ собственныхъ средствъ назначалъ для этого преміи. Онъ также изобрѣлъ искуственную ногу, которая „повсюду нашла одобрительный пріемъ".

Формулярный списокъ 1841 г.; Г. Н. Геннади, Словарь, т. III, стр. 290; П. И. Якобій, Основы административной психіатріи, Орелъ. 1900; Справочный Энциклопедическій Словарь Старчевскаго-Крайя, С.-Пб. 1855, т. IX, ч. 2, стр. 243; Ю. Б. Иверсенъ, Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, вып. IV, С.-Пб. 1882, стр. 166—167; „Сѣв. Пчела" 1837 г., № 166 (юбилей); „Другъ здравія" 1837, № 31, стр. 246 (тоже); некрологи: „Innland" 1846, стр. 1275; „Сѣв. Пчела" 1846, № 286; „Mediz. Zeitung Russlands" 1847, № 81 (Bredow); Recke und Napiersky, Lexicon, III, 581 и Nachträge II, 157; списокъ статей—у Callisen, Medicin. Schriftsteller-Lexicon, XVI, 400 и XXXI, 39; „Моск. Вѣд." 1846, № 154; „Русск. Инвалидъ" 1847, № 61, стр. 244, № 62, стр. 248 и № 63, стр. 253 (Воспоминаніе о Рюлѣ А. Никитина); „Русск. Инвалидъ" 1847 г., № 144, стр. 575—576; И. Селезневъ, 50-лѣтіе IV Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи, С.-Пб. 1878, стр. 54 и 278 и прил., стр. 2; Н. П. Черепнинъ, Имп. Воспит. Общество Благородныхъ Дѣвицъ, т. I, С.-Пб. 1914, стр. 499 (портретъ); А. И. Ходневъ. Исторія Имп. Вольнаго Экономическаго Общества, С.-Пб. 1865, стр. 651; К. Ординъ, Попечительный Совѣтъ Общества призрѣнія въ С.-Петербургѣ, С.-Пб. 1878, стр. 4, прил. и др.; „Мѣсяцесловъ" на 1848 г., стр. 169; „Библ. для Чтенія" 1839 г., апр., отд. VI, стр. 45—46 (рец.); Петербургскій Некрополь, т. III; Л. Прозоровъ, Изъ Исторіи русской психіатріи. И. Ѳ. Рюль, М. 1914, 8°, 20 стр.

Н. М.

Рюль, *Ѳедоръ* (Friedrich-Ludwig Rühle или Rüll), отецъ предыдущаго, докторъ медицины, родомъ изъ Маріенбурга, род. въ 1736 г., учился въ Берлинскомъ Университетѣ, отъ котораго и получилъ докторскій дипломъ. Прибывъ послѣ этого въ Курляндію, Рюль вскорѣ получилъ при Курляндскомъ Герцогскомъ Дворѣ мѣсто гофъ-хирурга и практиковалъ въ Курляндіи въ теченіе 22-хъ лѣтъ. Пріѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ, онъ подвергся экзамену въ Медицинской Коллегіи и получилъ право практики въ Россіи (20-го іюля 1784 г.), послѣ чего состоялъ на службѣ сперва въ Валкскомъ, а потомъ въ Верроскомъ уѣздахъ, въ Лифляндіи. Уже достигнувъ 57 лѣтъ, Р. сталъ ходатайствовать о чинѣ надворнаго совѣтника, но Медицинская Коллегія отказала ему въ этомъ,—на томъ основаніи, что онъ не прослужилъ еще 10 лѣтъ со времени полученія права практики въ Россіи (1793); будучи уже гофъ-хирургомъ, онъ 9-го ноября 1800 г. получилъ чинъ 6-го класса.

Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, С.-Пб. 1883, стр. CCLXXXVII.

Н. М.

Рюминъ, *Алексѣй*, художникъ-пейзажистъ; изъ мѣщанъ г. Москвы, былъ ученикомъ профессора Маркова; 16-го сентября 1855 года представилъ въ Совѣтъ Академіи Художествъ нарисованный имъ по выбору Маркова видъ на Петербургъ съ Вольнаго Острова и этюдъ съ натуры и просилъ за означенныя картины удостоить его званія некласснаго художника по живописи пейзажной. Просьба его была удовлетворена, такъ какъ картины были признаны удовлетворительными.

П. Н. Петровъ, Матеріалы по исторіи Академіи Художествъ,, т. III, стр. 244; С. Кондаковъ, Императорская Академія Художествъ, т. II, стр. 172.

П. С—кій.

Рюминъ, *Василій Гавриловичъ*, генералъ-маіоръ; сынъ мичмана Гавріила Герасимовича Р., воспитывался дома и 8-го іюля 1820 г. произведенъ былъ въ гардемарины; плавая въ 1820—1827 гг. ежегодно въ Черномъ морѣ, былъ произведенъ, 22-го февраля 1823 г., въ мичмана; въ 1828 г. на бригѣ „Ганимедъ" крейсировалъ у Абхазскихъ береговъ, послѣ чего, командуя іоломъ № 14, участвовалъ при взятіи Варны, за что награжденъ былъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ и 2-го октября того же года былъ произведенъ, за отличіе, въ лейтенанты, а въ 1829 г. на фрегатѣ „Штандартъ" крейсеровалъ у Румелійскихъ и Анатолійскихъ береговъ, при чемъ, „за вырѣзку и истребленіе турецкихъ судовъ изъ-подъ крѣпости Ахіолло", награжденъ былъ орденомъ Владиміра

4-й ст., послѣ чего на бригѣ „Ганимедъ“ крейсеровалъ между Сизополемъ и Трапезундомъ. Въ слѣдующемъ, 1830 г онъ на кораблѣ „Пименъ“ плавалъ при перевозкѣ десантныхъ войскъ изъ Румеліи и Болгаріи въ Черноморскіе порты, потомъ командовалъ транспортомъ № 16 у Крымскихъ береговъ и, наконецъ, командуя катеромъ „Жаворонокъ“, плавалъ въ Черномъ морѣ отъ Севастополя до Геленджика. Въ послѣдующіе годы Р. командовалъ брантвахтеннымъ судномъ № 17 у Керчи (1832), на кораблѣ „Пименъ“ перешелъ изъ Севастополя на рейдъ Буюкдере у Константинополя, откуда съ десантными войсками прибылъ въ Ѳеодосію, при чемъ награжденъ былъ Турецкою медалью (1833), крейсеровалъ на разныхъ судахъ (1834—1837), въ сентябрѣ 1837 г. произведенъ былъ за отличіе въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1838—1848 гг. командовалъ бригомъ „Аргонавтъ“ въ отрядѣ судовъ Абхазской экспедиціи; 6-го декабря 1846 г. онъ произведенъ былъ, за отличіе, въ капитаны 2 ранга и 23-го апрѣля 1850 г.—въ капитаны 1 ранга, при чемъ командовалъ фрегатомъ „Марія“. Назначенный, 31-го октября 1851 г., коммиссіонеромъ въ Ростовѣ на Дону, съ переименованіемъ въ полковники и съ состояніемъ по Черноморскому Адмиралтейству, Р. 4-го апрѣля 1860 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и уволенъ отъ службы.

Общій Морской Списокъ, ч. VIII, С.-Пб. 1894, стр. 161—162.

Рюминъ, *Василій Гавриловичъ*, писатель; младшій сынъ Рязанскаго откупщика Г. В. Рюмина (см. ниже), родился въ 1807 г., въ 1817 — 1821 гг. былъ воспитанникомъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, гдѣ окончилъ курсъ съ золотою медалью, а въ 1822 г. былъ студентомъ Московскаго Университета, затѣмъ служилъ въ Москвѣ и въ 1829 г. имѣлъ чинъ коллежскаго ассессора; въ 1846—1848 г. былъ надворнымъ совѣтникомъ, что видно изъ его договоровъ съ крестьянами его имѣній Зарайскаго (дер. Клинской, 123 души), Егорьевскаго (сел. Угорная слобода, Березники, Василькова, Шарапова и Погостища, 460 д.) и Касимовскаго (14 селеній—1769 душъ) уѣздовъ Рязанской губ., которыхъ уволилъ въ свободные хлѣбопашцы. По этому поводу Д. И. Ростиславовъ пишетъ въ Запискахъ своихъ: „Василію (Рюмину) достались деревни Тумскаго прихода и окрестностей этого села. Это былъ едва ли не самый лучшій по отношенію къ крестьянамъ изъ сыновей Рюмина. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца своего онъ рѣшился на рѣдкій во время крѣпостничества поступокъ,—какъ увольненіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Поступокъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что старшій братъ—Николай давалъ ему гораздо большую сумму, нежели какую должны были внести крестьяне. Благородный этотъ человѣкъ недолго пожилъ“.

Переселившись въ Швейцарію, Р. навсегда тамъ остался и въ Лозаннѣ владѣлъ доселѣ существующею въ неприкосновенномъ видѣ виллою „Eglantine“, надъ Женевскимъ озеромъ. Отъ брака съ княжною Шаховскою онъ имѣлъ одного сына—Гавріила, умершаго холостымъ и завѣщавшаго нѣсколько милліоновъ франковъ на устройство въ Лозаннѣ Университета; въ послѣднемъ помѣщенъ бюстъ жертвователя, а одна изъ главныхъ улицъ въ Лозаннѣ, ведущая къ „Eglantine“, называется „Avenue Rumine“.

Будучи воспитанникомъ Благороднаго Пансіона, Р. занимался литературными упражненіями, изъ коихъ въ Пансіонскомъ изданіи „Калліопа“ были напечатаны: 1) „Страсть къ похвалѣ. Изъ Томаса“ (ч. III, 1817 г., стр. 251 — 253), 2) „О строеніи языка. Изъ Блера“ (ч. IV, 1820 г., стр. 115—137) и 3) „О мнѣніи. Изъ Вейса“ (тамъ-же, стр. 149 — 160), затѣмъ издалъ 4) „О причинахъ заблужденій, разсужденіе изъ класса философіи“, М. 1821 (рецензія — въ ж. „Благонамѣренный“ 1821, приб. къ № 7—8, стр. 16—18); за это сочиненіе Р. былъ причисленъ къ сотрудникамъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ— 8-го марта 1821 г., но вскорѣ, 29-го октября того же года, Общество опредѣлило не числить его болѣе своимъ сотрудникомъ „по причинѣ отсутствія“.

Р. былъ также, съ 1833 г., членомъ Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и членомъ Главнаго при немъ Общества улучшеннаго овцеводства.

А. Повалишинъ, Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные, Ряз. 1903, стр. 216, 218, 119; Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словес-

ности, М. 1911, стр. 245; Н. В. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, М. 1855, стр. 52 и прилож., стр. 89; С. Масловъ, Историческое Обозрѣніе Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1846, прил., стр. 267, 280; „Столица и Усадьба“ 1917 г., № 81—82.

Б. М.

Рюминъ *Гавріилъ Васильевичъ*, статскій совѣтникъ, откупщикъ, благотворитель; сынъ мѣщанина г. Рязани, онъ родился здѣсь въ 1752 году. „Бѣдность“, разсказываетъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій: „постигла его въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ и пріучила къ трудолюбію; лишась отъ пожара, по кончинѣ отца, послѣдняго своего имущества, онъ отправился во Владиміръ, гдѣ опредѣлился къ содержателямъ винныхъ откуповъ. Особенная честность и расторопность Рюмина, равно какъ и доставленныя имъ значительныя выгоды откупщикамъ снискали ему совершенно ихъ довѣренность. Они, по прошествіи нѣкотораго времени, приняли его къ себѣ въ часть и такимъ образомъ содѣйствовали ему въ пріобрѣтеніи значительнаго капитала. Тогда Рюминъ имѣлъ возможность самъ снимать винные откупы и, посредствомъ полученнаго навыка, умныхъ оборотовъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составилъ себѣ обширное состояніе».

Рескриптомъ на имя Генералъ-Прокурора князя А. Б. Куракина Рюминъ, за усердіе и ревность «къ пріумноженію доходовъ казны», былъ 12-го іюля 1798 года пожалованъ шпагою и медалью на голубой лентѣ. „Съ Монаршимъ и особеннымъ благоволеніемъ нашимъ»,— читаемъ въ рескриптѣ: «принявъ представленное вами Намъ донесеніе о благоуспѣшномъ совершеніи торговъ на будущее четырехлѣтіе винныхъ откуповъ, справедливымъ находимъ Мы вознаградить засвидѣтельствованное вами усердіе и ревность нѣкоторыхъ изъ купечества, къ пріумноженію доходовъ казны Нашей по сему случаю содѣйствовавшихъ, а посему и возлагаемъ на васъ изъявить имъ милость Нашу, пожалованіемъ..... именитому гражданину Рюмину шпаги и медали на голубой лентѣ“. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 27-го мая 1799 г., за то же усердіе къ пользамъ казны, онъ пожалованъ былъ въ надворные совѣтники, съ оставленіемъ въ прежнихъ по купечеству правахъ. Съ производствомъ въ этотъ чинъ, Рюминъ былъ зачисленъ по Герольдіи, а съ 7-го марта 1801 г. вступилъ въ дѣйствительную государственную службу: именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, онъ былъ назначенъ Президентомъ Рязанскаго Ратгауза, съ чиномъ по мѣсту, т.-е., съ производствомъ въ коллежскіе совѣтники. По упраздненіи Ратгауза Рюминъ вновь былъ причисленъ къ Герольдіи. Будучи при Герольдіи, Р., по докладу Министра Финансовъ, 28-го февраля 1806 г. получилъ Высочайшее повелѣніе принять на себя коммиссію перевозки съ Симбирскихъ и Пензенскихъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ до С.-Петербурга 418.415 ведеръ вина. Окончивъ возложенное порученіе съ успѣхомъ и немалою выгодою для казны, Р. 28-го сентября 1807 г. получилъ отъ Имп. Александра I брилліантовый перстень съ сапфиромъ, а 31-го мая 1809 г. опредѣленъ былъ въ Экспедицію казенныхъ винокуренныхъ заводовъ Инспекторомъ и 1-го сентября 1810 г., за особое усердіе къ службѣ на пользу казны, пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени. 23-го сентября того же 1810 г., по именному Высочайшему указу, Р. былъ опредѣленъ членомъ Комиссіи снабженія государства солью, съ оставленіемъ и при прежней должности, 5-го января 1812 г. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-ей степени, а 2-го сентября 1813 г. назначенъ Инспекторомъ казенныхъ питейныхъ сборовъ по губерніямъ Московской, Смоленской и Калужской; 17-го января 1817 г. Рюминъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовыми знаками ордена св. Анны 2-го класса. Въ 1822 г. онъ былъ уже вдовъ; изъ дѣтей его старшіе,—Николай (26 л.) и Константинъ (19 л.) служили въ Экспедиціи о государственныхъ доходамъ; Александръ (23 лѣтъ) былъ въ то время капитаномъ въ отставкѣ, а младшіе—Иванъ (18 л.) и Василій (15 лѣтъ) обучались въ Московскомъ Университетѣ. Въ томъ же 1822 году за Р. состояло во владѣній 9000 душъ крестьянъ, поселенныхъ въ Рязанской, Московской, Нижегородской и Пензенской губерніяхъ. Въ 1824 г., за старостію и болѣзнію, Р. былъ, по прошенію, уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника и умеръ 26-го ноября 1827 г., на 75 году отъ рожденія; погребенъ въ Троицкомъ монастырѣ, которому завѣщалъ 10.000 рублей.

Въ 1822 г. Р. пожертвовалъ въ пользу учрежденнаго въ Рязани Дома Трудолюбія и призрѣнія неимущихъ 20.000 руб.; на возобновленіе собора во имя Рождества Христа Спасителя — 30.000 руб., на поддержаніе огромнаго и величественнаго Успенскаго каѳедральнаго собора, клонившагося въ 1800 г. къ разрушенію, — болѣе 10.000 руб., при чемъ употребилъ средства на сдѣланіе въ немъ, по обѣимъ сторонамъ царскихъ вратъ, двухъ сереброкованныхъ вызолоченныхъ иконъ, и 40.000 руб.— на сооруженіе соборной колокольни. Въ 1803 г. онъ пожертвовалъ 7000 руб. Воспитательному Дому, отъ котораго въ 1799—1803 гг., вмѣстѣ съ прочими, держалъ откупъ продажи игральныхъ картъ.

Любопытныя воспоминанія оставилъ о Р. въ Запискахъ своихъ проф. Д. И. Ростиславовъ. Вотъ что пишетъ онъ здѣсь: „...И до Балашова, и послѣ Балашова, и при Балашовѣ жила въ Рязани туземная, можно сказать, самородная знаменатость—статскій совѣтникъ Гавріилъ Васильевичъ Рюминъ, о которомъ даже и теперь, слишкомъ 40 лѣтъ послѣ его смерти, разсказываются легендарныя преданія. Несмотря на то, что въ 1824 г. ему уже было за 70 лѣтъ, въ Рязани было еще нѣсколько стариковъ, его сверстниковъ, которые видѣли его дѣтство и знали былыя его занятія. Рюминъ по своему происхожденію былъ мѣщанинъ, въ дѣтствѣ и молодыхъ лѣтахъ добывалъ себѣ хлѣбъ разноскою аладьевъ, блиновъ, пирожковъ и разною мелочною торговлею и, разумѣется, былъ очень бѣденъ, перебиваясь, по поговоркѣ, со дня на день кое-какъ, гдѣ сытый, а гдѣ и впроголодь .. О томъ, какъ Рюминъ сдѣлался богачемъ, носились различные слухи; но всѣ они сходились въ томъ, что, бросивъ аладьи, пирожки, блинцы и другіе предметы мелочной торговли, пошелъ, по тогдашнему выраженію, по кабацкой части; сначала пристроился гдѣ-то подносчикомъ, т.-е. помощникомъ цѣловальника, потомъ самъ сдѣлался цѣловальникомъ; тутъ его замѣтилъ тогдашній богачъ и откупщикъ рязанецъ Малыгинъ, сдѣлавъ своимъ агентомъ, помощникомъ и пр. Поговаривали даже, что Рюминъ умѣлъ не совсѣмъ добросовѣстно понажиться около своего благодѣтеля, но, какъ бы то ни было, только онъ скоро сдѣлался самъ откупщикомъ и зачислился, разумѣется, въ первую купеческую гильдію. Отсюда уже было не далеко до званія коммерціи совѣтника, а почислившись нѣсколько лѣтъ коммерціи совѣтникомъ, хоть, можетъ быть, ровно ничего не посовѣтовавши по части русской коммерціи, можно уже было получить чинъ надворнаго совѣтника. Сверхъ того, Рюминъ сдѣлалъ много крупныхъ пожертвованій; особенно говорили, что въ 1812 г. едва-ли не до милліона пожертвовалъ на тогдашнія военныя нужды. Все это давало ему ордена, чины, извѣстность. О немъ узналъ покойный Императоръ Александръ I, увидѣлъ, полюбилъ его и былъ крестнымъ отцомъ одного или нѣсколькихъ дѣтей его и, когда пріѣзжалъ въ Рязань, всегда останавливался въ домѣ Рюмина. Однажды Балашовъ, будучи недоволенъ за что-то Рюминымъ, приготовилъ квартиру для Государя въ другомъ какомъ-то домѣ. Но Государь, когда его подвезли къ отведенной для него квартирѣ, сказалъ: „Это что такое? Я хочу остановиться у Рюмина“—и велѣлъ везти себя туда. Старикъ на всякій случай приготовился, и Императоръ нашелъ прежнюю свою квартиру въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ засталъ ее прежде. Но Рюминъ, награждаемый чинами и орденами, не забывалъ того, что ему ихъ доставляло, т.-е. деньги. Какъ ловкій и оборотливый откупщикъ, онъ жилъ и наживался и, сдѣлавшись дворяниномъ, началъ покупать крестьянъ на нажитыя деньги. По смерти его, случившейся, кажется, въ 1827 г., оказалось, что онъ оставилъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, какъ тогда говорили, болѣе 10,000 душъ крестьянъ и до 15 милліоновъ рублей денегъ. Этотъ бывшій блинщикъ и подносчикъ, сдѣлавшійся статскимъ совѣтникомъ, богачемъ и кумомъ Государя, кажется не забывалъ о прежней своей бѣдности и былъ очень хорошимъ помѣщикомъ относительно своихъ крестьянъ. Оброкъ на нихъ налагалъ очень не большой, рублей по 20 — 30 съ тягла, снабжалъ крестьянъ землею болѣе, нежели въ достаточномъ количествѣ, а главное—его фамилія служила имъ защитою противъ чиновничьихъ придирокъ. Рюминскаго крестьянина опасались поприжать и исправникъ, и засѣдатель, и стряпчій, и даже все временное Отдѣленіе, составлявшееся для производства какого-либо слѣдствія; развѣ только къ бурмистрамъ Рюмина любили заѣзжать напиться чаю, поѣсть и попить.

Послѣ этого не удивительно, что крестьяне Рюмина жили хорошо; нищіе между ними были рѣдкость. Въ Тумѣ и около нея Рюминскіе крестьяне были самыми зажиточными. Не забывалъ онъ, какъ выражались духовные, и церквей Божіихъ. Въ Рязани онъ выстроилъ второй этажъ соборной колокольни и передѣлалъ теплый соборъ. Затѣмъ священники, въ приходѣ которыхъ находились Рюминскіе крестьяне, смѣло могли идти къ барину ихъ; почти не было примѣра, чтобы, по объясненіи церковныхъ нуждъ, онъ отказалъ въ пособіи просимаго, но большею частью всегда давалъ порядочную сумму. Мой батюшка при постройкѣ каменной церкви и въ разныхъ другихъ случаяхъ являлся къ нему не одинъ разъ; покойникъ говорилъ, что былъ принимаемъ самымъ вѣжливымъ образомъ; случалось даже, что онъ занимался съ однимъ батюшкою и, выслушавъ его нужды, просилъ посидѣть, напиться чаю и разговаривалъ съ нимъ по часу, по два, оставляя даже своихъ гостей. Два раза батюшка имѣлъ случай видѣть его казначейство. Одинъ изъ этихъ случаевъ онъ такъ описывалъ. Выслушавъ разсказъ о нуждахъ Тумской церкви, Рюминъ позвалъ свою ключницу и спросилъ моего батюшку: „Пойдетъ-ли отецъ протопопъ въ мою кладовую?“ Она была устроена у него на одномъ изъ угловъ его дома, безъ оконъ. Сначала была, кажется, деревянная красная дверь, потомъ слѣдовала желѣзная съ нѣсколькими замками. Когда обѣ двери были отворены, батюшка, вошедши за ключницею и Рюминымъ въ кладовую, увидѣлъ большой желѣзный сундукъ, прикованный цѣпями со всѣхъ сторонъ. Сначала Рюминъ попробовалъ висячіе замки, потомъ велѣлъ ключницѣ отпереть сундукъ, и когда крышка открылась при помощи какого-то механизма, онъ быстро осмотрѣлъ внутренность сундука, гдѣ батюшка замѣтилъ кучи ассигнацій и мѣшки монеты. — Старикъ сказалъ ключницѣ: „Возьми вонъ въ томъ углу тысячу рублей“. Взявъ ее въ руки, онъ велѣлъ запереть сундукъ, попробовалъ каждый замокъ послѣ того, какъ его заперла ключница; то же самое сдѣлалъ съ замками дверными. Пришедши въ одну изъ комнатъ, онъ ключницѣ велѣлъ положить связку ключей въ тотъ ящикъ комода, откуда она ихъ прежде вынула, и ключъ отъ него уже положилъ къ себѣ въ карманъ. Отдавши батюшкѣ деньги и попросивши непремѣнно пересчитать ихъ, онъ сказалъ: „Я, батюшка, въ комодѣ мало держу денегъ, а въ кладовую самъ всегда хожу за ними,—это надежнѣе“. Настоящимъ, впрочемъ, благодѣтелемъ Рюминъ былъ для Рязанской аристократіи, какъ помѣщичьей, такъ и чиновничьей; для купцовъ, кажется, онъ былъ не очень доступенъ, по крайней мѣрѣ, они у него едва-ли бывали гостями; какъ-то объ этомъ мало тогда говорили. За то имѣвшіе свободный входъ въ домъ Рюмина чиновники и помѣщики находили тамъ всегда щедрое угощеніе. Кажется, особенныхъ пріемныхъ дней не было; едва ли не каждый день двери были отворены для желающихъ воспользоваться гостепріимствомъ хозяина. Надобно полагать, что иногда у старика бывали гости даже и среди дня; такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ мой батюшка. Однажды, пришедши къ Рюмину до обѣда, онъ былъ принятъ имъ въ одной изъ залъ и слышалъ, что въ сосѣдней комнатѣ происходила карточная игра...»

„Но и прочимъ жителямъ Рязани Рюминъ доставлялъ разныя удовольствія. Нѣсколько лѣтъ онъ содержалъ на свой счетъ въ Рязани театръ, который, по тогдашнимъ слухамъ, приносилъ ему до 10.000 руб. чистаго убытка. Я самъ никогда не бывалъ при представленіяхъ на этомъ театрѣ, но слыхалъ, съ какимъ восхищеніемъ разсказывали богословы и философы о томъ, что они тамъ видѣли и слышали. Особенно хвалили какую-то оперу подъ названіемъ „Русалка“. Потомъ всѣмъ городскимъ жителямъ,—разумѣется, порядочно одѣтымъ,—открытъ былъ во все лѣтнее время входъ на загородную дачу Рюмина. Она находится близъ самаго города и даже до сихъ поръ служитъ чуть не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно подышать свѣжимъ полевымъ воздухомъ, имѣя возможность прикрываться подъ тѣнью деревьевъ и прогуливаться по хорошо утрамбованнымъ дорожкамъ. При старикѣ Рюминѣ она содержалась гораздо лучше, нежели при сынѣ и внукѣ его; тогда небольшая деревенька крѣпостныхъ крестьянъ только и имѣла обязанность содержать рощу въ чистотѣ. Ежегодно на этой дачѣ Рюминъ въ какіе-то семейные праздники устраивалъ очень порядочные фейерверки, которые отличались особеннымъ великолѣпіемъ, когда онъ выдавалъ двухъ своихъ дочерей, одну, между

прочимъ, за генерала Павленко, бывшаго послѣ начальникомъ Рязанскаго ополченія въ Крымскую войну...

„Разбогатѣвши, вѣроятно, онъ въ былыя времена не захотѣлъ довольствоваться нашимъ зеленымъ виномъ, несмотря на то, что оно ему доставило и богатство, и почетъ, и даже маленькую знатность; должно думать, принялся за шампанское и другія вина западнаго происхожденія, за что Бахусомъ и былъ наказанъ, наживъ болѣзнь богачей. За долго еще до моего переселенія въ Рязань я слыхалъ, что Рюминъ весь опухъ, что ноги и руки его въ язвахъ, что его каждый день обкладываютъ пластырями, что пальцы его на рукахъ толсты отъ опухоли и пластырей и всегда при людяхъ покрыты перчатками. Такъ описывала народная молва подагру и хирагру, которыми Рязанскій Лукуллъ страдалъ, кажется, не одинъ десятокъ лѣтъ. То же самое молва гласила, что онъ будто бы лѣчился не одними пластырями и подражалъ царю Давиду. Въ какой степени справедливо это, — сказать я не могу. Но о вліяніи подагры и хирагры на стараго Селадона я самъ имѣлъ возможность судить, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ на такъ называемые публичные экзамены. Несмотря на то, что онъ даже свое имя подписывалъ очень дурно и не умѣлъ хорошо читать, а читалъ одни векселя, контракты и т. п., его съ особенною заботливостью приглашали въ Семинарію на экзамены, чтобы онъ оцѣнилъ своимъ откупщичьимъ взглядомъ наши ученыя занятія и своимъ высокимъ вниманіемъ поощрилъ насъ къ дальнѣйшему продолженію ихъ. Какая, бывало, тревога поднимается при его пріѣздѣ!... И удивительное дѣло! Вѣрно среда имѣетъ волшебное дѣйствіе. Этотъ бывшій продавецъ аладьевъ и блиновъ, подносчикъ и откупщикъ предлагалъ тоже вопросы, которые выслушивались и рѣшались съ достодолжнымъ вниманіемъ къ его если не уму, то карману. Вотъ тутъ-то бывало мы и смотрѣли во всѣ глаза.

„Но и Рязанская медицина со своими пластырями и Давидовскіе компрессы не могли спасти Лукулла Рязанскаго отъ костлявой старухи съ ея косою. Рюминъ скончался, какъ я уже говорилъ, въ 1827 г. Его наслѣдники—дѣти озаботились доставить при этомъ случаѣ Рязанскимъ жителямъ не совсѣмъ обыкновенный спектакль. Покойникъ лежалъ въ одной изъ залъ своего огромнаго дома, на возвышенномъ катафалкѣ, въ великолѣпномъ гробѣ, покрытомъ богатѣйшею парчею, обставленномъ подсвѣчниками съ толстѣйшими свѣчами. Высшая Рязанская публика приглашалась на двукратно совершавшіяся панихиды при гробѣ въ каждый день; духовенство соборне пѣло „со святыми упокой“ и „вѣчную память“. Прочей средней и низшей публикѣ дозволено было почтить память покойника своими поклонами во время панихидъ. Двери дома были отворены для всякаго желавшаго войти въ нихъ; нужно было только при входѣ вытирать ноги. Гробъ былъ поставленъ гдѣ-то далеко отъ передней, нужно было проходить по длинному ряду комнатъ, гдѣ лакеи разставлены были въ приличномъ траурномъ одѣяніи; доходили до катафалка и до гроба; тутъ дозволялось не надолго остановиться, поклониться покойнику и отправляться далѣе,—но по другимъ комнатамъ; такъ что посѣтители имѣли возможность любоваться чуть не всѣми комнатами втораго этажа дворца покойнаго. Самое же перенесеніе тѣла изъ дома въ Троицкій монастырь и отпѣваніе тамъ происходило не очень торжественно. Разумѣется, дроги, балдахинъ, траурныя лошади и кучера, факелы и еловыя вѣтви, — все это было, какъ слѣдовало. Хотя архіерей, жившій въ то время въ Петербургѣ, не могъ быть при погребеніи, но все-таки духовенства подъ предстательствомъ нашего ректора было вдоволь; пѣвчіе со всеусердіемъ пѣли „Святый Боже“. За гробомъ, въ приличномъ траурѣ, шли четыре сына покойнаго, безъ фуражекъ, несмотря на холодное время и трехъ-верстное разстояніе между домомъ и монастыремъ. Но охотниковъ провожать нашлось не очень много; по улицамъ стояло вездѣ порядочное количество зѣвающихъ, но они не присоединялись къ печальной церемоніи, въ которой за гробомъ шло едва-ли 200 человѣкъ.

„Такъ какъ Ректоръ и Инспекторъ были въ церемоніи, то нѣкоторые изъ насъ, въ числѣ ихъ и я, нашли возможность уйти изъ Семинаріи и присоединиться къ погребальному шествію. Къ этому насъ побудилъ слухъ о томъ, что Ректоръ станетъ говорить проповѣдь. И слушали мы ее... Самая низкая лесть относительно покойника, пересоленныя, такъ сказать, похвалы его добродѣтелямъ, множество церковно-

библейскихъ словъ, соединявшихся въ надутыя выраженія, опошленныя мысли о суетѣ міра сего, о тлѣнности благъ земныхъ и пр.—все даже намъ, семинаристамъ, не имѣвшимъ почти никакого литературнаго вкуса, и то показалось слишкомъ натянутымъ и невыносимо-приторнымъ".

Г. В. Рюминъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Макаровой; портреты его и его жены воспроизведены въ журналѣ „Столица и Усадьба", № 81—82 (1917 г.). Изъ дочерей ихъ одна была за генераломъ Павленковымъ, бывшимъ Рязанскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства; сынъ ихъ, флигель-адъютантъ, былъ женатъ на Берсъ (сестрѣ жены графа Л. Н. Толстого), разведшейся съ нимъ и вышедшей за другого Берса; другая дочь — за сенаторомъ Д. М. Морозомъ; впослѣдствіи она пошла въ монашество съ именемъ Алексіи и въ своемъ Рязанскомъ имѣніи основала монастырь.

Сенатскій Архивъ (формулярный списокъ); Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, ч. IV, М. 1836, стр. 377—379; „Моск. Вѣд." 1828 г., № 2, стр. 61 и № 6, стр. 213—214 (некрологъ); „С.-Петерб. Вѣдом." 1804 г., приб. къ № 15; Записки Д. И. Ростиславова—„Русск. Стар." 1894 г., т. 82, дек., стр. 67—74; „Столица и Усадьба", № 18, 69 и 81—82.

Рюминъ, *Иванъ*, участникъ бунта и побѣга Беніовскаго изъ Камчатки (1771 г.) и авторъ Записокъ, содержащихъ описаніе ихъ кругосвѣтнаго плаванія отъ Камчатки до Франціи. Рюминъ былъ, какъ о немъ говорится въ слѣдственномъ дѣлѣ, „шельмованный казакъ", разжалованный за какое то преступленіе „изъ канцеляристовъ". Довезенный Беніовскимъ до Франціи и оставленный тамъ на произволъ судьбы, Рюминъ съ женой, въ числѣ прочихъ 17 человѣкъ злополучныхъ спутниковъ, добрался до Парижа, гдѣ они обратились къ нашему резиденту. Объявившіеся бѣглецы были прощены Имп. Екатериной, приведены снова къ присягѣ и получили право выбора своего мѣстожительства. Рюминъ съ женой выбралъ Тобольскъ, куда и былъ высланъ въ 1773 г., 5-го октября. Записки его были помѣщены сначала въ „Сынѣ Отечества" за 1821 г., ч. XXVII и XXVIII, затѣмъ В. Н. Берхомъ въ опроверженіи мемуаровъ Беніовскаго — въ „Сѣверномъ Архивѣ" 1822 г. (№ 5, стр. 376, № 6, стр. 477 и Апрѣль, стр. 3) и отдѣльно — „Записки канцеляриста Рюмина о приключеніяхъ его съ Беніовскимъ", изд. В. Берхъ, С.-Пб., Тип. Греча, 1822, 8°.

Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ, Лейт. Сгибневъ—„Морск. Сборн." 1869 г., № 6, стр. 52—69; Записка о бунтѣ, произведенномъ Беніовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ, и о послѣдствіяхъ онаго—„Русскій Архивъ" 1865 г., № 4, стр. 417—38; № 7, стр. 859—895; Н. В. Слюнинъ; „Охотско-Камчатскій край", С.-Пб. 1900 г., т. I, стр. 63; Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ—„Русская Старина" 1876 г., т. XV, стр. 526, 540, 546, 757—761; И. Вейдемейеръ, Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи, стр. 112, 118.

Рюминъ, *Михаилъ Акимовичъ*, оберъ-прокуроръ Московскихъ Департаментовъ Сената; род. 4-го ноября 1805 г. и былъ сыномъ купца; въ 1822 г. онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ со степенью кандидата и съ золотою медалью, послѣ чего, 3-го ноября того же года, поступилъ на службу во 2-е Отдѣленіе 6-го, Московскаго Департамента Сената. Во время производившейся сенаторомъ Дурасовымъ ревизіи Костромской губерніи Р. находился при немъ и получилъ отъ него полное одобреніе, за что награжденъ былъ чиномъ титулярнаго совѣтника; въ февралѣ 1828 г. онъ былъ утвержденъ Секретаремъ 1-го Отдѣленія 6-го Департамента и въ мартѣ 1833 г. награжденъ былъ бриллiантовымъ перстнемъ, а 20-го іюня того же года переведенъ былъ на службу въ Департаментъ Министерства Юстиціи для занятій по повѣркѣ Свода Законовъ; 13-го мая 1836 г. Р. былъ утвержденъ Начальникомъ II-го Отдѣленія Департамента Министерства Юстиціи и въ этой должности получилъ нѣсколько наградъ. Въ 1840 г. Р. обозрѣвалъ порядокъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ и тюремныхъ замкахъ въ губерніяхъ Новгородской, Тверской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской и Псковской, а по окончаніи этого порученія назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ то-же II-е Отдѣленіе 6-го Департамента Сената (15-го декабря 1840 г.), откуда уже 8-го января 1841 г. былъ перемѣщенъ на ту же должность въ I-е Отдѣленіе 5-го Департамента. Въ 1843 г. назначенный Вице-Директоромъ Департамента Министерства Юстиціи, съ принятіемъ въ особое управленіе его двухъ Отдѣленій, Рюминъ былъ назначенъ также Членомъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи и членомъ

Комитета для разсмотрѣнія Уложенія о Наказаніяхъ, при чемъ въ 1844 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники; затѣмъ, въ 1845 г. онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ II-го Отдѣленія 6-го, Московскаго Департамента Сената и въ 1848—1849 гг. исправлялъ, одновременно, обязанности оберъ-прокурора I-го Отдѣленія того же Департамента и ревизовалъ суммы Московскаго Сенатскаго Казначейства и дѣла Владимірской Палаты Гражданскаго Суда. Въ 1851 г. Р. былъ назначенъ и. д. оберъ-прокурора Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Сената и въ 1854 г. былъ утвержденъ въ этой должности, съ 1853 г. въ то же время и. о. оберъ-прокурора 8-го Департамента и въ 1859 г. награжденъ былъ орденомъ Анны 1-й степ.

Скончался въ Москвѣ 15-го января 1873 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Формулярный списокъ въ дѣлѣ Архива Департамента Герольдіи; „Моск. Епарх. Вѣд." 1873 г., № 5, стр. 45—46 (некр.).

Рюминъ, *Николай Гавриловичъ*, тайный совѣтникъ; старшій сынъ Г. В. Рюмина (см. выше), родился 6-го ноября 1793 г.; въ службѣ числился съ 15-го февраля 1806 г., въ 1820 г. награжденъ былъ орденомъ Владиміра 4-й ст., въ 1822 г. служилъ въ Экспедиціи Государственныхъ доходовъ и въ 1831 г. получилъ бриллiантовый перстень съ вензелемъ Императора Николая I; затѣмъ, 5-го августа 1839 г., будучи коллежскимъ совѣтникомъ и Почетнымъ Попечителемъ Рязанской Губернской Гимназіи, Р. былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, а 25-го августа 1840 г. пожалованъ въ званіе камергера Высочайшаго Двора. Продолжая быть Попечителемъ Рязанской Губернской Гимназіи, Р. въ 1847 г. былъ статскимъ совѣтникомъ и затѣмъ послѣдовательно получилъ чины д. с. совѣтника и тайнаго совѣтника. Скончался 15-го января 1870 г. и погребенъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, вмѣстѣ съ женою, Еленой Ѳедоровной, рожд. Кандалинцевой (род. 14-го іюня 1800 г., ум. 9-го іюня 1874 г.); онъ имѣлъ 12 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ выжили: сынъ Ѳедоръ, бывшій пажъ и Царскосельскій гусаръ, а затѣмъ камеръ-юнкеръ и въ 1875—1878 гг. Рязанскій Губернскій Предводитель Дворянства (женатъ былъ на княжнѣ О. С. Голициной и имѣлъ одного, умершаго бездѣтнымъ, сына Ѳедора) и дочери: Екатерина, бывшая за графомъ Буксгевденомъ, Любовь — за Б. А. Полторацкимъ, Прасковья — за А. В. Вельяшевымъ и Марья — за Н. С. Мухановымъ; Вѣра умерла дѣвицей.

Въ 1860 г. Р. былъ Вице-Президентомъ, а съ 1862 г. — Президентомъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства въ Москвѣ, и въ 1870 г. состоялъ Президентомъ Рязанскаго Общества Сельскаго Хозяйства; кромѣ того, съ 1833 г. онъ былъ членомъ Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, въ Исторіи котораго упоминается о томъ, что въ 1837 г. Р. занимался улучшеннымъ овцеводствомъ и съ 1833 г. былъ членомъ Главнаго Московскаго Общества улучшеннаго овцеводства.

Въ 1845 г. его имѣніе состояло изъ 2.830 душъ, каменнаго дома въ Рязани и 700 душъ благопріобрѣтенныхъ, а у жены былъ, съ 1841 г., каменный домъ въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ. Въ Московской губерніи Р. въ 1851 г. принадлежали имѣнія: дер. Кучино въ Московскомъ уѣздѣ, въ 21 в. отъ города (описаніе этой живописной усадьбы см. въ журн. „Столица и Усадьба" № 18, № 69 и № 81—82, со снимками) и Федуркино въ томъ же уѣздѣ, Алексупино, Андроново, Большой Дворъ, Борисово, Буньково, Васильева, Васютино, Вострикова, Гаврилова, Гаврина, Грибнино, Дуброва, Заозерье, Зуево, Карабанова, Кузнецы, Михалево, Нажицы, Насырево, Никулино, Ожерелки, Понкратово, Семернино, Тарасово (всѣ въ Богородскомъ уѣздѣ), Алексино, Новинки, Симбухово и Тютчево (въ Верейскомъ уѣздѣ); было у него также имѣніе и въ Рязанской губерніи.

Говоря о сыновьяхъ Г. В. Рюмина, Д. И. Ростиславовъ пишетъ въ Запискахъ своихъ: „Николай былъ сыномъ, достойнымъ своего отца, любилъ и былъ способенъ беречь и наживать деньги, и за эту, вѣроятно, способность награжденъ былъ отцомъ болѣе, нежели другіе сыновья. По тогдашнимъ слухамъ, крестьяне были будто бы раздѣлены поровну между сыновьями; каждому досталось будто бы съ чѣмъ-то по 3.000 душъ или около того. Но деньги едва ли не всѣ или по крайней мѣрѣ большею частію достались Николаю, и онъ постарался поскорѣе прибрать ихъ подъ свой непосредственный надзоръ. Еще при жизни отца онъ жилъ въ особомъ домѣ, почти визави

съ отцовскимъ дворцомъ. Пока еще тѣло отца стояло въ дому, сундукъ оставался тамъ же, въ кладовой; но лишь тѣло торжественно отправили въ Троицкій монастырь, какъ лица, уполномоченныя Николаемъ Гавриловичемъ, едва-ли не съ большею тождественностью перенесли въ домъ его,—разумѣется, со всѣми пачками и мѣшками, въ немъ хранившимися... Получивши милліоны рублей и тысячи крестьянскихъ душъ въ свое владѣніе, онъ пошелъ по слѣдамъ папаши, сдѣлался однимъ изъ почетныхъ нашихъ откупщиковъ и нажилъ, какъ долго говорили, громадное состояніе. Рязанское дворянство чуть-ли не слишкомъ 30 лѣтъ постоянно выбирало его Почетнымъ Попечителемъ своей Гимназіи. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно оказалъ огромныя услуги ей. Не говоря уже о томъ, что, купивши отцовскій дворецъ у своего брата, кажется Василія, онъ его подарилъ для Благороднаго Пансіона, отъ него ежегодно были дѣлаемы болѣе или менѣе значительныя пожертвованія, общая сумма которыхъ превышала сотню тысячъ. Но этотъ богачъ, по уничтоженіи откуповъ, пустился въ разныя неудачныя спекуляціи, конечно, не сдѣлался бѣднымъ, но пересталъ быть богатымъ человѣкомъ и оставилъ единственному своему сыну не Богъ знаетъ какое состояніе"... Садъ свой въ Рязани, близъ дома находившійся, онъ подарилъ городу. Его богатое помѣстье подъ Рязанью „Рюмина Роща" описано въ романѣ Всеволода Крестовскаго (псевдонимъ) „Большая Медвѣдица".

Адресъ-Календари и Списки чинамъ за разные годы; „С.-Петерб. Вѣдом." 1839 г., № 207, и 1840 г., № 208; С. Масловъ, Историч. обозрѣніе Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1846, стр. 145, прил., стр. 123, 267, 280; А. Повалишинъ, Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные, Ряз. 1903, стр. 224; К. Нистремъ, Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи, М. 1852; Записки Д. И. Ростиславова—„Русск. Стар." 1894, т. 82, стр. 75—76.

Б. М—ій.

Рюрикъ, первый Русскій князь. Біографическія свѣдѣнія о немъ, почерпаемыя изъ лѣтописей, довольно скудны. Впервые древнѣйшія лѣтописи (Лаврентьевская и Ипатьевская) упоминаютъ о Р. въ разсказѣ 6370 г. о возстаніи сѣверныхъ племенъ, покоренныхъ варягами и обложенныхъ данью, противъ своихъ поработителей,—возстаніи, окончившемся изгнаніемъ варяговъ. Освободившіяся племена начали управляться самостоятельно, но „не бѣ въ нихъ правды", „въста родъ на родъ и быша въ нихъ усобицѣ". Тогда они рѣшили поискать себѣ князя — и съ этой цѣлью „идоша за море къ варягомъ, къ Руси; сице бо тіи звахуся Варязи Русь (вар.: Русью), яко се друзіи зовутся Свие (вар. Свее), друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте (вар.: Готе), тако и си. Рѣша Руси Чюдь и Словѣни и Кривичи и Вси: „земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами". — Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку разсказъ объ изгнаніи варяговъ и посольствѣ къ нимъ приводитъ наряду съ другими извѣстіями 6362 г., съ неопредѣленнымъ дополненіемъ, что отмѣченныя событія произошли во времена Кія, Щека и Хорива, при чемъ въ изгнаніи, по разсказу этой лѣтописи, не участвуетъ Весь; отсутствуетъ въ Новгородской первой лѣтописи и объясненіе племенного имени варяговъ—Русь. — Въ отвѣтъ на предложеніе посольства, отправленнаго къ варягамъ, „изъбрашася" три брата „съ роды своими", „пояша по себѣ всю Русь" и отправились въ путь. Въ отношеніи мѣста, куда прибыли, наконецъ, братья, и, въ частности, гдѣ остановился Р., одинъ изъ братьевъ, источники наши даютъ разныя показанія. Ипатьевская лѣтопись и нѣкоторыя списки Лаврентьевской (Радзивилловскій и Академическій, — изъ болѣе позднихъ лѣтописныхъ сводовъ такъ называемый Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго) разсказываютъ объ этомъ такъ: „и придоша къ словѣнамъ пѣрвѣе (вар. изъ Радзив. и Академ.: первое) и срубиша (Переясл.: съдѣлаше) городъ Ладогу и сѣде старѣйшей (Радзив. и Академ.: стареи, Переясл.: старшіи) въ Ладозѣ Рюрикъ, а другой Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а третій въ Изборьсцѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля". По словамъ же Троицкаго списка Лаврентьевской лѣтописи, „старѣйшій, Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ"; въ дополненіе къ этому, Новгородская первая разсказываетъ, что сюда, въ Новгородъ, съ „дружиной многой и предивной", пришли сначала всѣ братья. „И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля, Новугородьци, ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжьска,

преже бо бѣша Словѣни", заключаетъ свой разсказъ Лаврентьевская лѣтопись; въ Новгородской же первой то же мѣсто изложено уже иначе: „и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Руская земля; и суть Новгородстіи людіе до днешняго дня отъ рода Варяжьска". — Въ соотвѣтствіи съ указаннымъ различіемъ мѣста поселенія Р., идетъ и дальнѣйшій разсказъ лѣтописи по разнымъ спискамъ. Когда, спустя два года, братья Р. скончались, то онъ, „прия... власть всю одинъ", отправился „къ Ильмерю и сруби городъ (вар. изъ Радзивиловскаго и Академическаго списковъ Лаврентьевской лѣтописи: городокъ) надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ и сѣде ту княжа". Ранніе лѣтописные своды даютъ немного свѣдѣній о дальнѣйшей жизни и дѣятельности Р. Извѣстно только, что Р. раздавалъ мужамъ своимъ „волости" и „грады", подвластные ему (Полоцкъ, Ростовъ, Бѣлоозеро, Муромъ). Двое изъ его мужей — Аскольдъ и Диръ „съ родомъ своимъ", съ согласія Р., отправились „ко Царюгороду". Р. имѣлъ сына Игоря, котораго, въ виду малолѣтства, вмѣстѣ съ княженіемъ, въ годъ смерти (6387) поручилъ родственнику своему Олегу. — Приведенныя скудныя данныя о Р. поздніе лѣтописные своды дополняютъ рядомъ новыхъ подробностей. Такъ, напр., по словамъ Густынской и Воскресенской лѣтописей, совѣтъ послать за мудрымъ мужемъ въ Прусскую землю далъ Новгородскимъ „владальцамъ" старѣйшина Гостомыслъ; „они же шедше в Прусьскую землю обрѣтоша князя Рюрика, суща отъ рода Римскаго царя Августа, и молиша его с посланными всѣхъ новоградецъ, дабы к нимъ шелъ княжить". Происхожденіе Р. отъ Римскаго кесаря Августа положено въ основу тѣхъ княжескихъ родословныхъ, которыя находятся въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (Воскрес., Степенная книга). По словамъ другого лѣтописнаго свода (Никоновскаго), словене („рекше новгородцы"), меря и кривичи не сразу послали къ варягамъ за княземъ: было намѣреніе пригласить его изъ своей среды „или от казаръ, или от полянъ или отъ дунаичевъ"; когда же посланные въ 6367 г. пришли къ варягамъ, то тѣ не хотѣли сначала идти, „бояхуся звѣринскаго ихъ обычая и нрава и едва избрашася три брата" и „поидоша из нѣмецъ". Спустя два года послѣ того, какъ Р. сѣлъ въ Новгородѣ (6372 г.), новгородцы, призвавшіе его, „оскорбишася ....глаголюще: яко быти намъ рабомъ и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и от рода его". Р., по словамъ той же Никоновской лѣтописи, жестоко расправился съ недовольными: „уби Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ, совѣтниковъ его". Внутренній миръ не устанавливался и послѣ того, какъ Р. сдѣлался единовластнымъ правителемъ (смерть бездѣтныхъ Синеуса и Трувора, братьевъ Р., Никон. лѣтопись относитъ къ 6373 г.): еще въ 6375 г. много новгородскихъ мужей бѣжало отъ Р. въ Кіевъ. Въ дополненіе къ этому, нѣкоторыя поздніе лѣтописные своды (напр., Воскрес.) разсказываютъ, что Р. и въ отношеніи сосѣдей держалъ себя не очень мирно: едва только прибылъ въ Новгородъ, какъ „началъ воевати всюду". Въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ поздняго происхожденія есть извѣстія о посылкѣ Р. (въ 6374 г.) воеводы Валета для завоеванія Карелiи, причемъ и самъ Р. будто бы „умре... в войнѣ в Корелѣ" (6387 г.). — Поздніе лѣтописные своды даютъ иногда новую хронологію для отдѣльныхъ моментовъ біографіи Р. Такъ, нѣкоторые указываютъ годъ рожденія Игоря (6370—по Воскрес., 6362—Софійск., Новгородск. 4-я, 6373—Никоновск.—и др.); годъ смерти Р. по одной лѣтописи (Ермолинской) не обычный 6387, а 6877—и др. По тѣмъ же лѣтописямъ, Олегъ, которому Р. передалъ княженіе, приходился ему племянникомъ (Воскресенская и друг.).

Сказаніе лѣтописи о первыхъ князьяхъ на Руси, въ частности о Р. составляетъ особый вопросъ русской исторической науки, такъ назыв. „варяжскій", обсужденіе котораго началось со времени появленія первыхъ научныхъ трудовъ по русской исторіи и продолжается до настоящаго времени. За столь долгій промежутокъ времени было высказано много теорій, объяснявшихъ въ той или иной степени начало „Русской земли", но ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана окончательной. Разница между старшими по времени изслѣдователями вопроса (до 2-й половины XIX в.) и новыми заключается, главнымъ образомъ, въ отношеніи къ лѣтописному разсказу. Если первые принимаютъ букву традиціи и лишь изощряются въ тол-

кованіи лѣтописнаго сказанія, то новые изслѣдователи (начиная съ Д. И. Иловайскаго и особенно А. А. Шахматова) стараются уяснить себѣ происхожденіе и развитіе лѣтописныхъ разсказовъ и домысловъ о началѣ Русскаго государства. Литература вопроса до сихъ поръ не сведена воедино исчерпывающимъ образомъ: есть отдѣльные обзоры (см., напр., ниже труды Куника, Kreck'a и Грушевскаго), но полная библіографія отсутствуетъ. Ниже приводятся указанія только на нѣкоторыя важнѣйшія сочиненія, относящіяся къ такъ называемому „варяжскому" вопросу русской исторической науки.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., I, 8, 9, 251 (лѣтоп. по Лаврент. списку (С.-Пб. 1897), с. 19, 20, 22); II 234—237 (Лѣтоп. по Ипатск. списку (С.-Пб. 1871), с. 11—13); IV, 173, 174, то же, изд. 1915 г. (т. IV, ч. 1), с. 11, 12 IV, ч. 2, с. 11—13; V, 1—2, 88; VI, 18, 33*, 205; VII, 222, 231, 239, 250, 267, 268; VIII, 160; IX, 8—9, 15; XV; XVI, 35, 36, 261, 307, 308; XVII, 3, 4, 111, XVIII, 7—9, 23, 226, 227, 253; XX, 1, 11, 43, 44; XXI, 2, 3, 6, 7, 41, 42, 59—61, 63—65, 165, 168; 190, 221, 235, 236, 279, 296, 315, 343, 393, 412, 435, 457, 528, 531, 535, 582, 629, 653; XXII, ч. 1-я, 20, 349, 476, 477, 495, ч. 2-я, 150, 154; XXIII, 2, 3, 167; „Новгородск. лѣтоп. по Синодальн. харатейн. списку (С.-Пб. 1888), с. 4—5, 431—483; „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго" („Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн." 1851, кн. 9), с. 5—6; „Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Россійскую исторію отъ 852 до 1598 г." (М. 1781), с. 3—5; „Древн. Россійск. Вивліоѳика", изд. 2-е (1791), т. XVI, с. 52—53.

Th. Baier, „Русскія лѣтописи". Съ пред. С. А. Бѣлокурова („Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн." 1898, кн. IV), с. 12—13, *20—*21; „Opuscula", ed. Klotz, Halle. 1770; Bioerner, „Schediasma historico-geographicum de Varegis heroibus Scandianis et primis Russiae dynastis", Stockholmiae. 1743; G. Friedr. Müller, „Origines gentis et nominis Russorum", Petrop. 1749; Strube de Piermont, „Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes", St.-P. 1756; Thunmann, „Untersuchungen über die älteste Geschichte der nordlichen Völker", 1772; его же, „Untersuchungen über die älteste Geschichte der östlichen Völker", Leipz. 1774; Ł. Schlözer, „Nestor"; Ph. Krug, „Zur Münzkunde Russlands", St.-P. 1805; его же, „Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands", St.-P. 1810; его же, „Forschungen in der älteren Geschichte Russlands", I—II, St.-P. 1848; G. Ewers, „Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen", I—II, Dorpat. 1814; его же, „Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung dargestellt", Dorpat u. Hamburg. 1826; A. Lehrberg, „Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands", St.-P. 1816; Н. Карамзинъ, „Исторія Государства Россійскаго"; F. Fraehn, „Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen", St.-P. 1823; J. Neumann, „Über die Wohnsitze der ältesten Russen. Sendschreiben an Gust. Ewers", Dorpat. 1825; М. Погодинъ, „О происхожденіи Руси", 1825, изд. 2-е, перераб., подъ заглавіемъ „Происхожденіе Варяговъ Руси",—во 2-мъ томѣ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій", 1846; его же, „Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ на Руси" („Зап. Имп. Акад. Наукъ" 1864, т. VI, прилож. № 2); его же: „Борьба не на животъ, а на смерть съ новыми историческими ересями", М. 1874; М. А. Максимовичъ, „Откуда идетъ Русская земля. По сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ старинным писаніямъ Русскимъ", К. 1837; Ю. Венелинъ, „Скандинавомания и ея поклонники, или столѣтнія изысканія о варягахъ", М. 1842; A. Kunik, „Die Berufung der schwedischen Rodsen durch Finnen und Slawen", I—II, St.-P. 1844—1845; его же—Предисловіе къ „Отрывкамъ С. Гедеонова („Зап. Имп. Акад. Наукъ" 1862, т. I прилож. № 3), его же—Примѣчанія къ „Каспію" Б. Дорна („Зап. Имп. Акад. Наукъ", 1875, т. 26, кн. 1; на с. 445—462, 687—697 приводится обзоръ литературы по варяжскому вопросу за 1859—1875 гг.); его же и бар. В. Розена: „Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ", I—II, С.-Пб. 1878—1903; его же, „О запискѣ Готскаго топарха", С.-Пб. 1874; его же, „Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ", С.-Пб. 1903; Н. Савельевъ-Ростиславичъ, „Варяжская Русь по Нестору и чужеземнымъ писателямъ" („Журн. Минист. Народн. Просв." 1845, ч. 48, отд. II, с. 1—64); В. Ламанскій, „О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи" („Учен. Зап. 2-го Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ" 1859, кн. 5); Н. Ланге, „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды", С.-Пб. 1860; Н. Костомаровъ, „Начало Руси" („Современникъ" 1860, т. 79, с. 5—32 и въ „Собр. сочиненій"); „Публичный диспутъ 19 марта 1860 г. о началѣ Руси между гг. Погодинымъ и Костомаровымъ" („Современникъ" 1860, т. 80, с. 257—292); Н. Щегловъ, „Кто были варяги Русь, то есть, что мы такое" („Отечеств. Зап." 1860, кн. 7 и 8); С. Гедеоновъ, „Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ" („Зап. Имп. Акад. Наукъ" 1862—1863 гг.); его же, „Варяги и Русь", 1—II, С.-Пб. 1876; А. Котляревскій, „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ", М. 1868; Д. Хвольсонъ, „Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, булгарахъ, мадьярахъ и руссахъ Ибнъ-Даста", С.-Пб. 1869; Гаркави, „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ", С.-Пб. 1870; Д. Иловайскій, „О мнимомъ призваніи варяговъ", М. 1871; его же, „Къ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси", М. 1873; его же, „Разысканія о началѣ Руси", М. 1876, изд. 2-е, М. 1882; его же, „Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому", М. 1886; его же, „Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому", М. 1902; Н. Ламбинъ, „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси" („Журн. Минист. Народн. Просв." 1874, ч. 173, іюнь, с. 225—268; ч. 174, іюль, с. 53—119); Б. Дорнъ, „Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ, съ дополнительными свѣдѣніями и о другихъ набѣгахъ ихъ на прибрежья Каспійскаго моря", С.-Пб. 1875; И. Забѣлинъ, „Исторія Русской жизни съ древнѣйшихъ временъ", I—II, М. 1876—1879, изд. 2. М. 1912; Thomsen „The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin o

Russian state", 1877, нѣмецкій перев. съ дополнен. подъ заглав. „Der Ursprung der russischen Staates", 1879, русскій переводъ подъ заглав. „Начало русскаго государства"—въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн." 1891. кн. I; В. Г. Васильевскій, „Русско-византійскіе отрывки. VIII. Житіе Георгія Амастридскаго" („Журн. Минист. Народн. Просв." 1878, ч. 195, февр., с. 277—306, ч. 196, мартъ, с. 128—181); его же, „Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Греческій текстъ и переводъ, съ введеніемъ" („Лѣтоп. занятій Археогр. Ком.", в. IX (1893), отд. II, с. I—CCCV+1—128); его же, „Русско-Византійскія изслѣдованія", в. 2-й, С.-Пб. 1893; Kreck, „Einleitung in die slavische Literaturgeschichte", изд. 2, 1887, с. 335 и слѣд.—библіографія вопроса; А. Будиловичъ, „Къ вопросу о происхожденіи слова Русь" (изложеніе содержанія доклада въ „Журн. Минист. Народн. Просв." 1890, ч. 269, май, соврем. лѣтоп., с. 25—29); Ѳ. Браунъ, „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній", С.-Пб. 1899; S. Rozniecki, „Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkunde der russischen Mythologie" („Archiv für slavische Philologie" 1901, B. 23, SS. 462—520); Марквардтъ, „Osteuropäische und ostasiatische Streifzuge", Leipz. 1903 (ср. Ю. Кулаковскій, „Новые домыслы о происхожденіи имени Русь"—„Кіевск. Универс. Изв." 1906, № 6); Фр. Вестбергъ, „Комментарій на записку Ибрагима Ибнъ-Якуба о славянахъ", С.-Пб. 1903; его же, „Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ" („Журн. Минист. Народн. Просв." 1908, новая серія, ч. 13, февр., с. 364—412, ч. 14, мартъ, с. 1—52); Ѳ. Успенскій, Рецензія на сочиненіе Ф. Вестберга, С.-Пб. 1904; Ѳ. Тарановскій, „Норманнская теорія въ исторіи русскаго права" („Зап. Общ. ист., филол. и права при Имп. Варш. Унив." 1909, в. 4); А. А. Шахматовъ, „Сказаніе о призваніи варяговъ" („Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн." 1904, т. IX, кн. 4, стр. 284—365); его же, „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ", С.-Пб. 1908; его же, „Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка" („Энциклоп. славянск. филологіи", вып. 11, 1. Пг. 1915); его же, „Повѣсть временныхъ лѣтъ", т. I, Пг. 1916; Arne, „Les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings" („Cinquiéme Congrès prèhistorique de France", 1909); его же, „Sveriges förbindelser med Östern under Vikingatiden", Fornvannen. 1911; его же, „La Suède et l'Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Suède et l'Orient pendant l'âge des Vikings", Upsal. 1914; Еписк. Киріонъ, „Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси", Тифл. 1910; М. С. Грушевскій, „Исторія Украіни-Руси", т. I, виданне трете, К. 1913 (обзоръ норманнской теоріи—с. 602—624); Г. Барацъ, „Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси", К. 1913; Д. Багалѣй, „Русская исторія", т. I, М. 1914; Л. Падалка, „Происхожденіе и значеніе имени Русь" („Тр. XV Археолог. съѣзда", т. I, М. 1914 и „Тр. Полтавск. Учен. Арх. Ком.", 1915, в. 12); К. Тіандеръ, „Датско-русскія изслѣдованія", в. III, Пг. 1915 (рец. М. Грушевскаго въ „Украин. Науков. Збірн.", в. II (1916), с. 110—112); его же, „Варяжскій вопросъ" (Нов. Энцикл. Слов., т. 9-й, стб. 611—614); М. Любавскій, „Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI в.", М 1915; Е. Щепкинъ, „Варяжская вира" („Записки Импер. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.", т. 32 и отд., Одесса. 1915); его же, „Древнѣйшія сношенія Швеціи съ востокомъ (Новости шведскихъ археолог. журн.")—„Истор. Изв." 1917, № 1, с. 14—24; В. С. Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи", т. 1 (кн. 1 и 2) и II (кн. 1 и 2).

А. Андреевъ.

Рюрикъ-Василій Ростиславичъ, сынъ великаго князя Ростислава Мстиславича, великій князь Кіевскій. Въ 6665 г. во главѣ смольнянъ участвовалъ въ походѣ великаго князя Изяслава Давидовича на Туровъ. Въ 6667 г. посланъ отцомъ на помощь князю Полоцкому Рогвольду Борисовичу противъ Ростислава Глѣбовича; въ томъ же году помогалъ Черниговскимъ князьямъ Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу въ ихъ борьбѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и половцами; послѣ отступленія Изяслава Р. возвратился „въ свояси", но въ виду новаго нападенія Изяслава Святославъ Ольговичъ шлетъ за нимъ; узнавъ же о томъ, что на помощь Изяславу Давидовичу шелъ Изяславъ Андреевичъ съ ростовцами, онъ вмѣстѣ съ Святославомъ заключилъ миръ съ Изяславомъ Давидовичемъ. Въ слѣдующемъ году (6668), въ союзѣ съ Святославомъ Ольговичемъ, во главѣ Кіевскаго полка, былъ въ походѣ противъ Святослава Владиміровича. Въ 6670 г. вмѣстѣ съ другими князьями отправился изъ Торческа къ Бѣлгороду на Изяслава Давидовича, причемъ отнялъ Слуцкъ у князя Владиміра Мстиславича. Въ 6671 г. женился на дочери Половецкаго хана Белука. Въ 6671 г. вмѣстѣ съ прочими князьями оберегалъ въ Каневѣ торговые караваны отъ нападенія половцевъ. Когда умеръ его отецъ (6677), Рюрикъ участвовалъ вмѣстѣ съ прочими князьями въ призваніи на Кіевскій столъ Мстислава Изяславича. Принявъ предложеніе, Мстиславъ послалъ въ Кіевъ до своего пріѣзда Василька Ярополковича; приверженцы Мстислава донесли Василько о состоявшемся будто бы договорѣ Рюрика, брата его Давида и нѣкоторыхъ другихъ князей, имѣвшихъ цѣлью „взяти... волость у Мстислава по своей волѣ". Въ томъ же году Рюрикъ заключилъ рядъ съ Мстиславомъ о волостяхъ, получивъ Овручъ, при чёмъ но приглашенію Мстислава пріѣзжалъ въ Кіевъ, гдѣ принималъ участіе въ походѣ противъ половцевъ. Въ слѣдующемъ году (6678) онъ опять былъ въ Кіевѣ, охранялъ въ Каневѣ путь гречникамъ и залозникамъ. Отно-

шенія Рюрика къ великому князю, однако, ухудшились, такъ какъ еще при вступленіи Мстислава на великое княженіе братъ Рюрика, Давидъ, получилъ донось отъ Петра и Нестора Борисла́вичей о намѣреніи великаго князя захватить Рюрика и Давида на званномъ обѣдѣ; братья условливаются не идти на пиръ къ великому князю, объясняя ему причину, и требуютъ отъ него, чтобы онъ вновь цѣловалъ имъ крестъ, что не замышляетъ противъ нихъ зла. Мстиславъ изъявилъ готовность цѣловать крестъ согласно ихъ желанію, прося, однако, выдать клеветника, на что Ростиславичи не согласились. Хотя крестоцѣлованіе состоялось, „обаче сердце ихъ не бѣ право“ по отношенію къ великому князю. Причиною раздора между князьями, повидимому, былъ Новгородъ: новгородцы изгнали брата Р., Романа, и звали кого-либо изъ сыновей Мстислава.

Недобрыя отношенія между Ростиславичами и великимъ княземъ обнаружились въ томъ же 6678 г., когда, услыхавъ о приближеніи рати Андрея Боголюбскаго, Р. отправилъ брата Давида захватить въ пути Михаила Георгіевича, посланнаго великимъ княземъ Мстиславомъ къ сыну въ Новгородъ; самъ же выступилъ съ ратью изъ Овруча на соединеніе съ Андреемъ Боголюбскимъ и принялъ участіе во взятіи и разграбленіи Кіева. Повидимому, онъ участвовалъ и въ послѣдующихъ походахъ Андрея, между прочимъ, въ осадѣ и взятіи Михайлова, гдѣ скрылся князь Василько Ярополковичъ. Изгнавъ Мстислава изъ Кіева, Андрей въ союзѣ съ Рюрикомъ подступилъ къ Новгороду. Въ награду за оказанную помощь Рюрикъ получилъ отъ Андрея Новгородъ, куда отправился въ 6681 г., передавъ свою волость брату Давиду. Впрочемъ, Рюрикъ не долго оставался въ Новгородѣ, успѣвъ, однако, перессориться съ новгородцами. На обратномъ пути изъ Новгорода въ Смоленскъ у него родился сынъ Ростиславъ-Михаилъ, которому онъ далъ въ удѣлъ городъ Лучинъ. По уходѣ Р. изъ Новгорода Андрей послалъ туда своего сына. Это послужило одною изъ причинъ испортившихся отношеній между Р. и великимъ княземъ. Тогда же началъ Андрей „вины покладывати“ на братьевъ Ростиславичей, при чемъ одного изъ нихъ, Романа, лишилъ Кіева и отдалъ распоряженіе о высылкѣ остальныхъ изъ русской земли. Когда же протестъ Р. и всѣхъ прочихъ Ростиславичей остался даже безъ отвѣта, Р. въ союзѣ съ братьями захватилъ Кіевъ и занялъ великокняжескій столъ. Въ томъ же году онъ подвергъ осадѣ Торческъ, гдѣ заперся великій князь Кіевскій Михаилъ Георгіевичъ; впрочемъ, вскорѣ онъ заключилъ съ Михаиломъ рядъ и получилъ отъ него Переяславль. Поведеніе Р. не осталось безъ отвѣта со стороны Андрея, который приказалъ ему покинуть Кіевъ и отправиться къ брату въ Смоленскъ. Рѣшивъ бороться съ Андреемъ, пославшимъ противъ него большое войско, Р. оставилъ Кіевъ и заперся въ Бѣлгородѣ, заключивъ договоръ съ Ярославомъ Изяславичемъ Луцкимъ. Когда осаждавшая Бѣлгородъ рать удалилась, Р. вновь возвратился въ Кіевъ и передалъ его Ярославу, оставивъ себѣ и братьямъ кіевскія волости. По переходѣ же Кіева къ Святославу Всеволодовичу Черниговскому, Р. обращался къ Андрею Боголюбскому съ просьбой разрѣшить посадить въ Кіевѣ брата Романа. На эту просьбу, заключавшую, въ сущности, признаніе Р. права Андрея распоряжаться Кіевскимъ столомъ, не было получено удовлетворительнаго отвѣта. Въ 6683 г. Р. участвовалъ въ походѣ Олега Святославича противъ Святослава Всеволодовича, непріязненно относившагося къ Ростиславичамъ. Въ 6685 г., по приказанію великаго князя Романа Ростиславича, Р. былъ въ походѣ противъ половцевъ, при чемъ изъ-за ссоры съ братомъ Давидомъ потерпѣлъ отъ половцевъ пораженіе. Въ борьбѣ со Святославомъ Всеволодовичемъ за Кіевскій столъ, Р, „не хотячи губити Русской земли“, по совѣту съ великимъ княземъ Романомъ и своими союзниками, уступилъ великокняжескій столъ Святославу, который занялъ Кіевъ. По кончинѣ въ 6686 г. брата Мстислава, Р. взялъ, по просьбѣ брата, на попеченіе его сына Владиміра вмѣстѣ съ братнею волостью. Между тѣмъ, великій князь Святославъ Всеволодовичъ по прежнему непріязненно относился къ Рюрику и его братьямъ; такъ, отъ 6688 г. сохранилось извѣстіе о намѣреніи великаго князя изгнать Р. „изъ землѣ“; въ томъ же году Святославъ Всеволодовичъ напалъ на волость брата Р., Давида, который бѣжалъ изъ Смоленска къ Р. въ Бѣлгородъ. Понимая, что Ростиславичи не простятъ ему такого отношенія къ нимъ и

сознавая ихъ превосходство, Святославъ уѣхалъ изъ Кіева, который былъ затѣмъ занятъ Р. На помощь къ нему пришли Всеволодъ и Ингварь Ярославичи; брата же Давида Р. отослалъ въ Смоленскъ къ Роману Ростиславичу. По полученіи извѣстія о смерти послѣдняго, Р. плакалъ по немъ, какъ по отцѣ. Въ томъ же году онъ вновь уходитъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ, въ виду приближенія Святослава Всеволодовича и Игоря Святославича съ половцами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посылаетъ противъ нихъ рать, которая одержала надъ ними побѣду, но, несмотря на это, ради мира Р. счелъ необходимымъ вновь уступить Святославу Кіевъ и старѣйшинство, оставивъ себѣ Кіевскія волости. Князья взаимно цѣловали крестъ. Такимъ образомъ, въ Кіевщинѣ установилась діархія: лѣтописецъ и того, и другого князя называетъ великими князьями. Если въ послѣдующія тринадцать лѣтъ (до смерти Святослава) отношенія между „великими князьями“ не всегда были сердечными, то, во всякомъ случаѣ, князья связаны были нѣкоторой солидарностью интересовъ въ защитѣ Кіевской земли отъ половцевъ. Такъ, въ 6691 г. Р. принималъ участіе въ походѣ великаго князя на половцевъ, причемъ нанесъ имъ большое пораженіе; участвовалъ также въ удачномъ походѣ слѣдующаго года противъ Кончака, въ походахъ 6693, 6695 и др. годовъ. Еще ранѣе этой совмѣстной борьбы противъ половцевъ оба князя породнились между собою: Р. выдалъ свою дочь за сына великаго князя Глѣба Святославича. Въ 6695 г. Р. отправилъ сватовъ къ великому князю Всеволоду Юрьевичу просить руки дочери его Верхуславы для своего сына Ростислава. Въ томъ же году была отпразднована пышная свадьба, „аки же нѣсть бывала на Руси“. Тогда же Р. праздновалъ другую свадьбу, выдавъ дочь свою Ярославу за князя Святослава Игоревича Новгородъ-Сѣверскаго. — Въ послѣдующіе годы Р. былъ вовлеченъ въ Галицкія дѣла. Такъ, еще въ 6695 г. къ нему въ Овручъ прибѣжалъ Олегъ Ярославичъ, прозвищемъ Настасевичъ, сынъ Галицкаго князя Ярослава Осмомысла, изгнанный по смерти отца боярами и Владиміромъ Ярославичемъ; не получивъ отъ Р. просимой помощи, Олегъ удалился въ Польшу. Въ слѣдующемъ, 6696 г. въ Бѣлгородъ къ Р. явился другой претендентъ на Галицкія волости — зять Р., женатый на его дочери Предславѣ, князь Романъ Мстиславичъ, пытавшійся путемъ возмущенія галичанъ завладѣть городомъ, въ чемъ, однако, онъ потерпѣлъ неудачу, хотя и получилъ отъ Р. просимую помощь. Отстаиваніе интересовъ Романа въ его домогательствахъ Галича и въ спорѣ съ братомъ Всеволодомъ изъ-за Владиміра-Волынскаго, а также тайные переговоры великаго князя Святослава съ Венгерскимъ королемъ объ уступкѣ завоеваннаго венграми Галича сыну великаго князя Глѣбу едва не поссорили Р. съ Святославомъ. По совѣту митрополита князья рѣшаютъ предпринять походъ для отвоеванія Галича, но неуступчивость Р. въ вопросѣ о дѣлежѣ еще не завоеваннаго Галицкаго княжества привела къ тому, что походъ не состоялся. Впрочемъ, споры о волости Галицкой не прошли, повидимому, безслѣдно для взаимныхъ отношеній князей. Подъ 6698 г. лѣтопись сообщаетъ, что Р. и Святославъ, „утишивше землѣ Русскую и половцы примиривши въ волю свою“, ѣдутъ охотиться на устье Тесмени, гдѣ „во любви пребыста и во веселіи“. Но слухи о приближеніи половцевъ нарушили идиллію, нарисованную лѣтописцемъ. Р. отправляется въ Овручъ, просить помощи у Святослава на защиту Русской земли; послѣдній хотя обѣщаетъ послать свой отрядъ, но даннаго обѣщанія не выполняетъ, „зане бяшетъ ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленскою землей“, и лишь настойчивыя требованія Р. и его угрозы прикончить мирныя отношенія заставили Святослава послать вспомогательный отрядъ для борьбы съ половцами, при чемъ Святославъ цѣловалъ крестъ Р. на всей его волѣ. Въ послѣдующіе годы (до смерти Святослава Всеволодовича въ 6702 г.) Р. пытался путемъ заключенія мирныхъ договоровъ добиться отъ половцевъ прекращенія нападеній на Русскую землю, не всегда, однако, встрѣчая въ этомъ отношеніи содѣйствіе со стороны Святослава. Въ тѣ же годы Р. неоднократно намѣревался идти на Литву, но, въ виду несочувствія Святослава и постоянной угрозы со стороны половцевъ, не могъ привести своего намѣренія въ осуществленіе. Послѣ смерти Святослава Всеволодовича въ 6702 г. Р. занялъ вновь великокняжескій столъ. Въ слѣдующемъ году, среди

безконечныхъ пировъ и общаго ликованія, онъ заключилъ съ братомъ Давидомъ рядъ о землѣ Русской, назначивъ каждому изъ князей соотвѣтствующія волости; при этомъ князья забыли или не захотѣли принять во вниманіе притязаній Всеволода на право рѣшать одному эти вопросы. Тогда (въ 6704 г.) послѣдній прислалъ къ Р.ословъ съ упреками, что Р. забылъ его, своего „старѣйшаго", и не далъ ему части въ Русской землѣ, отказывая въ дальнѣйшемъ въ помощи Рюрику и претендуя, между прочимъ, на волости, данныя Р. зятю своему Роману Мстиславичу. На предложеніе Р. дать Всеволоду какія-либо другія земли послѣдній отвѣтилъ отказомъ. Въ виду нежеланія нарушить клятву, данную Роману, Р. обратился за совѣтомъ къ митрополиту Никифору, который, во избѣжаніе междоусобія, разрѣшилъ его отъ клятвы. Извѣстивъ Романа о притязаніяхъ Всеволода, Р. отдалъ съ его согласія требуемыя земли Всеволоду, послѣдній же уступилъ часть ихъ сыну Р., Ростиславу. Тогда Романъ началъ подозрѣвать Р. въ злomъ умыслѣ, въ намѣреніи оттягать его волость въ пользу сына, и, несмотря на убѣжденія тестя Р. въ противномъ, не вѣрилъ ему, началъ побуждать Ольговичей въ лицѣ Ярослава Всеволодовича Черниговскаго завладѣть Кіевомъ и пытался постричь свою жену, дочь Рюрика. Началась новая междоусобица. Увѣдомивъ о случившемся Всеволода, Р. расторгнулъ крестное цѣлованіе съ Романомъ, но послѣдній, боясь его, бѣжалъ за помощью въ Польшу, гдѣ въ то время происходила борьба Казимировичей съ дядей ихъ Межкой. Одолѣвъ племянниковъ, Межка пошелъ на сторонника ихъ—Романа и разбилъ его. Въ тяжелую минуту, будучи раненъ, Романъ призналъ себя виновнымъ передъ Р., и, по просьбѣ митрополита Никифора, Р. простилъ его и далъ ему нѣкоторыя волости. Съ другой стороны, заручившись содѣйствіемъ Всеволода и брата Давида, Р. потребовалъ, чтобы сторонники Романа, Ольговичи, навсегда отказались отъ своихъ притязаній на Кіевъ и Смоленскъ. Ольговичи готовы были дать обязательство только за себя и по отношенію лично къ Р. и просили его заключить съ ними миръ отдѣльно отъ его союзниковъ, Всеволода и Давида. Не подозрѣвая съ ихъ стороны злого умысла и имѣя намѣреніе примирить ихъ со своими союзниками, Р. не только заключилъ съ ними отдѣльный миръ, но даже распустилъ войско и „своихъ дѣля орудій" уѣхалъ въ Овручъ. Когда же въ 6704 г. Ольговичи напали на Смоленскую землю, Р. разорвалъ съ ними крестное цѣлованіе и грозилъ, въ случаѣ, если Черниговскіе князья пойдутъ на Смоленскъ, отправить рать на Черниговъ; тогда же (6704), не взирая на оправданія Ярослава Всеволодовича, заручившись согласіемъ Всеволода помочь ему, Р. вторгнулся въ Черниговскую область. Ярославъ просилъ мира, на что Р. согласился подъ условіемъ свободнаго пропуска егоословъ къ Всеволоду и Давиду; миръ не былъ заключенъ изъ-за нежеланія Ярослава принять это условіе. Борьба продолжалась; въ ней принялъ активное участіе на сторонѣ Ярослава зять Р.—Романъ Мстиславичъ, сторону же Р. держалъ Всеволодъ. Но въ разгарѣ борьбы Всеволодъ, безъ вѣдома Р., заключилъ союзъ съ Ольговичами. Упрекая Всеволода за то, что онъ перессорилъ его съ Романомъ и Ольговичами, втянувъ къ тяжелую борьбу и не исполнивъ союзныхъ обѣщаній до конца, заключивъ миръ, Р. отобралъ отъ него всѣ ранѣе данные ему города Кіевщины и роздалъ ихъ братьямъ. Неизвѣстно, заключилъ ли Р. миръ съ Ольговичами, но во всякомъ случаѣ, по договору послѣднихъ съ Всеволодомъ, они обязались не добиваться Кіева до смерти Рюрика и Смоленска—до кончины Давида, но не согласились порвать связи со своимъ союзникомъ Романомъ. Р. самому предстояло, такимъ образомъ, посчитаться съ послѣднимъ. Борьба началась не сразу; наоборотъ даже, всѣ послѣдующіе годы (6705—6710) Р. занимался мирнымъ строительствомъ; такъ, въ 6705 г. на его средства былъ построенъ въ Бѣлгородѣ соборъ во имя св. Апостолъ и церковь во имя его соименнаго святого—Василія въ Кіевѣ; въ 6707 году была создана каменная стѣна въ Выдубецкомъ монастырѣ и, весьма вѣроятно, церковь св. Василія въ Овручѣ. Между тѣмъ, Роману, по смерти Владимира Ярославича, съ помощью поляковъ удалось прочно утвердиться на Галицкомъ княженіи. Непрочность междукняжескихъ отношеній сравнительно долго еще не позволяла Р. двинуться на Романа; лишь въ 6710 г. въ союзѣ со Всеволодомъ Черм-

нымъ Черниговскимъ, хотѣвшимъ посадить на Галицкій столъ Игоря Святославича, Р. рѣшилъ выступить противъ Галицко-Волынскаго князя, но Романъ предупредилъ союзниковъ и самъ вторгся въ Русскую землю. Дѣло принимало очень благопріятный для Романа оборотъ: вся Кіевская область во главѣ съ Кіевомъ поднялась противъ Р. и передалась Роману. Причины такой перемѣны отношенія кіевлянъ къ Р. неясны; можетъ быть, они надѣялись, что въ рукахъ сильнаго Галицкаго князя Кіевская земля получитъ покой и былую славу, что Кіевъ вновь сдѣлается политическимъ центромъ Руси. Р. ничего не оставалось сдѣлать, какъ заключить миръ и удалиться въ Овручъ; Кіевъ же былъ отданъ великимъ княземъ Всеволодомъ и Романомъ племяннику послѣдняго Ингварю Ярославичу. Но въ слѣдующемъ же 6711 г. Рюрикъ въ союзѣ съ Ольговичами и половцами появился вновь передъ Кіевомъ, взялъ его приступомъ и подвергъ городъ небывалому погрому: были разграблены Подолъ, Гора, церкви и монастыри. Послѣ такого разгрома Р. не могъ надѣяться удержать Кіевъ въ своихъ рукахъ и потому отправился опять въ Овручъ. Тогда Романъ осадилъ Овручъ, убѣждая Р. цѣловать крестъ ему, Роману, и великому князю Всеволоду и его дѣтямъ и обѣщая просить для него у Всеволода Кіева. Р. согласился на эти условія—и, съ согласія Всеволода, вновь становится Кіевскимъ княземъ. Враждебныя отношенія князей, однако, этимъ не окончились. Въ 6712 г. Р. и Романъ совершали совмѣстно походъ противъ половцевъ. На обратномъ пути, остановившись въ Треполѣ, князья заспорили о распредѣленіи волостей согласно заслугамъ каждаго. Дѣло кончилось тѣмъ, что Романъ схватилъ Р., его жену и дочь (свою жену), отослалъ ихъ въ Кіевъ и велѣлъ постричь въ монашество. По приказанію великаго князя Всеволода Романъ долженъ былъ, однако, отпустить сыновей Р., причемъ старшій, Ростиславъ, занялъ Кіевъ. По смерти Романа (6713), убитаго въ борьбѣ съ ляхами, Р. сбросилъ съ себя чернеческое одѣяніе, хотѣлъ и съ женой сдѣлать то же, но она приняла схиму. Заключивъ союзъ съ Ольговичами и сѣвъ снова въ Кіевѣ, Р. отправился затѣмъ на Галичъ, но въ его отсутствіе Кіевъ былъ занятъ его союзникомъ—Всеволодомъ Чермнымъ. Застигнутый врасплохъ, Р. на короткое время отправился опять въ Овручъ. Собравшись съ силами, онъ въ томъ же 6714 г. вновь отнялъ у Всеволода Кіевъ, а также Переяславль. Въ слѣдующемъ, 6715 году Всеволодъ опять выгналъ Р. изъ Кіева; послѣ краткаго пребыванія Всеволода въ Кіевѣ, Р. снова садится тамъ. Эта безпрерывная борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ, повидимому, одинаково утомила обѣ стороны, а въ особенности Р. Было рѣшено, что Р. уступитъ Всеволоду Кіевъ, себѣ же возьметъ Черниговъ и Кіевскія волости. Въ 6718 г. Р. окончательно покинулъ Кіевъ, переѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ и умеръ. Годъ смерти его въ точности неизвѣстенъ: лѣтописныя показанія группируются около 6723—6727 гг., хотя, по вполнѣ справедливому мнѣнію историковъ (Карамзинъ, Соловьевъ, Грушевскій), смерть его произошла ранѣе 1214 года. Татищевъ, основываясь на неизвѣстныхъ источникахъ, утверждалъ, что Р. умеръ 19 апрѣля 1211 г.—Р. былъ женатъ трижды: 1) въ 6671 г. на дочери Половецкаго хана Белука, 2) на дочери Турово-Пинскаго князя Юрія Ярославича и 3) на дочери какого-то князя Всеволода—Аннѣ. Отъ этихъ браковъ у него было два сына: Ростиславъ-Михаилъ (род. 6681 г.) и Владимиръ-Димитрій (род. 6695 г.) и дочери: 1) Предслава (Передслава) (за Романомъ Мстиславичемъ Галицкимъ); 2) неизвѣстная по имени (за Глѣбомъ Святославичемъ съ 6690 г.); 3) Ярослава (за Святославомъ Игоревичемъ Новгородъ-Сѣверскимъ съ 6695 г.) и 4) Всеслава (за Рязанскимъ княземъ Ярославомъ Глѣбовичемъ съ 6706 г.).

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, стр. 149, 151, 155, 166, 173—176, 179, 180, 182—185 (Лѣтоп. по Лавр. сп. (С.-Пб. 1891), стр. 332, 336, 346, 374, 391, 392, 397—400, 405—408, 411, 413, 416); т. II, стр. 82, 83, 86—88, 90—92, 94, 96, 98, 99, 105, 107—110, 117, 119, 120, 122—129, 132—156, 305—331, 334, 336 (Лѣтоп. по Ипатск. сп. (С.-Пб. 1871), стр. 337, 340, 347—349, 354, 356, 357, 361, 365, 368, 370, 371, 376, 383, 386, 388—392, 408, 409, 412, 416, 418, 420—422, 424—427, 429, 430, 435, 438—440, 442, 446, 448, 450, 453—470, 472—476, 480, 481); т. III, стр. 14, 15, 26; т. IV, стр. 10, 12, 13, 19; т. V, стр. 161, 163, 164, 172; т. VII, стр. 66, 71, 72, 74, 76, 77, 79—84, 87, 97, 98, 102—109, 112, 113, 115—117, 119, 234, 235; т. IX, стр. 209, 215—6, 219, 233, 235, 237, 248; т. X, стр. 11, 23—30, 34—36, 50—53, 59, 60, 62, 69; т. XVI, стр. 47, 314; т. XVIII, стр. 28, 36—39, 42, 43, 45, 46, 48; т. XX, стр. 11, 12, 120, 121, 123, 124, 126, 136, 139, 140, 142, 143, 145, 146; т. XXI, стр. 47, 239, 249, 250, 277, 284; т. XXIII, стр. 25, 42—44, 46—48, 53,

55—63; Новгородск. лѣтоп. по Синод. харатейн. списку, С.-Пб. 1888, стр. 68, 150, 151, 179, 440; Русск. Истор. Библ., т. XXXI, С.-Пб. 1914, стр. 31, 38.—В. Н. Татищевъ, „Исторія Россійская", кн. 3, М. 1774, стр. 187—193, 307—353, 363—369;—Н. М. Карамзинъ, „Исторія Государства Россійскаго", изд. 5-е, С.-Пб. 1842, т. II, стр. 176, 186, 189, пр. 385, 386, 396, 397, 401, 404, 410, 415—417, 419, 420, 422—424; т. III, стр. 11, 13—16, 35, 36, 38, 40, 44, 46, 47, 50, 55—62, 65—67, 69, 71, 73, 75, 77, 89, 133, пр. 3, 8, 11, 12, 15, 16, 18, 33, 54, 58, 60, 67, 72—74, 77, 80, 89, 93—95, 99, 104, 107—110, 113, 114, 118, 121, 126, 133, 135, 153, 155, 341; т. IV, пр. 27, 192;—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. 3-е („Обществ. Пользы"), кн. I, стб. 460, 464, 467, 469, 473, 475, 476, 478, 484—486, 502, 504—506, 511, 526, 530—533, 537, 538, 540—542, 544—552, 555, 562—564, 569, 588, 630, 631, 635, 637—639,—М. Грушевський, „Історія України-Руси", т. II, Львъ 1905 г., стр. 193, 194, 198—207, 209—233, 235, 288, 297, 298, 309, 310, 342, 446, 449, 450, 521, 531, 560—562, 587;—Д. Зубрицкій, „Исторія древняго Галичско-Русскаго княжества", ч. 2-я, Львъ. 1852, стр. 131; ч. 3-я, Львъ. 1855, стр. 5—7, 9, 21—26, 33, 35—37, 40, 61, 65;—П. Голубовскій, „Исторія Сѣверской земли до половины XIV стол.", К. 1881, стр. 152, 158, 161, 164—170, 175;—Д. Багалѣй, „Исторія Сѣверской земли до полов. XIV стол.", К. 1882, стр. 253—261;—П. Голубовскій, „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ", К. 1884, стр. 155—158, 168;—Н. Молчановскій, „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г.", К. 1885, стр. 62, 82;—А. Андріяшевъ, „Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV стол.", К. 1887, стр. 143, 145, 146, 148—150, 155;—М. Довнаръ-Запольскій, „Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол.", К. 1891, стр. 132, 134, 137—146, 160;—М. Грушевскій, „Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол.", К. 1891, стр. 207, 208, 214, 215, 220, 221, 226—273;—П. Голубовскій, „Исторія Смоленской земли до начала XV стол.", К. 1895, стр. 192—195, 279, 280, 282—285, 289, 291, 293—295;—К. Бестужевъ-Рюминъ, „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка", С.-Пб. 1868, стр. 149—150;—Д. Иловайскій, „Разыскапія о началѣ Руси", М. 1882, стр. 104—106, 108; А. Шахматовъ, „Повѣсть временныхъ лѣтъ", т. I, Петр., стр. XLIII—XLIV;—С. Голубевъ, „Подбережная каменная стѣна въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ"—„Чтен. въ Общ. Нестора Лѣтописца", кн. 19, в. 4, К. 1907, отд. IV, стр. 88—101;—С. Голубевъ, „Кіево-Выдубецкій монастырь (до-монгольское время)", К. 1913, стр. 48—56, 85—94.

А. Андреевъ.

Рюрикъ Ростиславичъ, князь Перемышльскій, сынъ князя Ростислава Владимировича Тмутараканскаго, одинъ изъ князей-изгоевъ. Первыя извѣстія о немъ встрѣчаются въ разсказѣ лѣтописи о томъ, какъ въ 6592 г. два Ростиславича (повидимому, старшій Рюрикъ и Василько, такъ какъ третій братъ, Володарь, находился въ это время въ Тмутаракани), живя (волею или неволею — неизвѣстно) у Ярополка Изяславича во Владимирѣ Волынскомъ, воспользовавшись, несомнѣнно, поѣздкой Ярополка въ Кіевъ, „выбегоста" отъ него и, собравши рать, выгнали его изъ Владимира. На помощь Ярополку выступилъ великій князь Всеволодъ, пославшій противъ князей-изгоевъ сына своего Владимира, который прогналъ Рюрика и брата его изъ Владимира. Для замиренія Ростиславичей имъ, повидимому, тогда же были даны Галицкія волости (Перемышль, Теребовль, Звенигородъ и др.), которыя до того времени были въ рукахъ Ярополка. Вопреки утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ (Соловьевъ и др.), лѣтопись въ разсказѣ о Любецкомъ съѣздѣ говоритъ, что Перемышль, гдѣ сѣлъ Р., Ростиславичи получили отъ Всеволода (а не отняли отъ поляковъ). Такимъ образомъ, 1084 г. можно считать годомъ основанія самостоятельнаго Галицкаго княжества, а Р. и его брата—первыми Галицкими князьями. Это надѣленіе Ростиславичей было, по всей вѣроятности, одною изъ причинъ войны Ярополка съ Всеволодомъ и тѣхъ непріязненныхъ отношеній его къ Р. и его братьямъ, которыя завершились тѣмъ, что Ярополкъ въ 6695 г., послѣ примиренія съ великимъ княземъ, „иде Звенигороду",—очевидно, походомъ противъ Рюрика и его братьевъ, но на пути былъ убитъ Нерадцомъ, бѣжавшимъ затѣмъ къ Рюрику въ Перемышль. Въ томъ же году великій князь Всеволодъ ходилъ походомъ къ Перемышлю. Причины похода, а также вопросъ о роли Рюрика въ убійствѣ Ярополка до сихъ поръ не находятъ согласнаго объясненія среди историковъ. Въ послѣдующіе годы Рюрикъ несомнѣнно участвовалъ въ начинавшейся борьбѣ Галича съ Польшей. Умеръ онъ въ 6600 г.—Карамзинъ высказалъ ошибочное предположеніе, что жену Рюрика звали Ланкой (Янкой; упоминается во время борьбы съ венграми въ 1099 г.): на самомъ дѣлѣ Ланка—мать Рюрика.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 88, 92; т. II, стр. 277, 278, 284; т. V, стр. 148; т. VII, стр. 4, 6; т. IX, стр. 114, 118; т. XX, стр. 95, 96,—Н. М. Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійск.", изд. 5-е, т. II, стр. 58, 59, 77, пр. 149, 190, 191.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. 3 (Обществ. Пользы), стр. 306, 309.—А. Тюринъ, „Смерть Ярополка Изяславича"—въ „Современникѣ", т. XVI;—Д. Зубрицкій, „Исторія древняго Галичско-Русскаго княжества", ч. 2-я, Львъ. 1852, стр. 19—20;—А. М. Андріяшевъ, „Очеркъ исторіи Волынской земли", К. 1887, стр. 111;—П. Ивановъ, „Историческія

судьбы Волынской земли", К. 1895, стр. 121;— М. Грушевський, „Історія України—Руси", т. II. Львъ. 1905, с. 72, 74, 75, 77, 100, 408—417, 417;— В. С. Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи", т. II, кн. 1, К. 1908, ст. 540. *А. Андреевъ.*

Рютчи, *А. А.*, артистъ Московскихъ и провинціальныхъ частныхъ театровъ; началъ артистическую карьеру на одной изъ провинціальныхъ сценъ и въ короткое время пріобрѣлъ извѣстность, какъ исполнитель сильныхъ драматическихъ ролей; путешествуя изъ города въ городъ, переходя съ одной провинціальной сцены на другую, онъ побывалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ, пользуясь вездѣ симпатіями публики. Въ 1882 году Р. былъ приглашенъ Коршемъ играть на сценѣ его Московскаго театра, въ Газетномъ переулкѣ. Пробывъ въ Москвѣ два года, Р. снова уѣхалъ въ провинцію, но въ 1888 г. вернулся въ Москву и здѣсь игралъ въ труппѣ Лентовскаго. Какъ и всѣ почти артисты, Р. не сумѣлъ обезпечить себя на случай болѣзни или старости; между тѣмъ, разныя житейскія невзгоды въ послѣднее время сильно разстроили его матеріальныя дѣла, при томъ онъ захворалъ, его пришлось помѣстить въ Голицынскую Больницу, гдѣ онъ и скончался 25-го сентября 1889 года. Такъ какъ послѣ него ничего не осталось, то Коршъ и его товарищи хотѣли похоронить Р. на свой счетъ, но Горева, на сестрѣ которой, Колосовой-Рютчи, онъ былъ женатъ, всѣ расходы по погребенію приняла на себя. Р. былъ погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

„Русскія Вѣдомости" 1889 г., № 271, некрологъ (въ хроникѣ); „Петербургскій Листокъ" 1889 г., № 269 (некрологъ). *Н. М.*

Рябининъ, *Александръ Дмитріевичъ*, подполковникъ Генеральнаго Штаба, писатель; родился въ Валуйскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи 11-го февраля 1833 г. и былъ младшимъ ребенкомъ въ семьѣ своихъ родителей; отца онъ лишился въ 1837 г. и росъ на попеченіи боготворившей его матери, а въ 1845 г. былъ опредѣленъ во вновь открытый Михайловскій Воронежскій Кадетскій Корпусъ, гдѣ былъ товарищемъ по классу А. С. Суворина; въ іюлѣ 1851 г., по окончаніи курса въ Корпусѣ, Р. былъ переведенъ сперва въ Дворянскій Полкъ, а оттуда, черезъ два года—въ Образцовый Кавалерійскій полкъ, стоявшій въ Павловскѣ, подъ Петербургомъ. 16-го мая 1854 г. Р. былъ произведенъ въ корнеты Глуховскаго кирасирскаго Великой Княгини Александры Іосифовны полка, расположеннаго въ Подольской губерніи и переходившаго съ мѣста на мѣсто въ Волынскую, Кіевскую и Херсонскую губерніи. Въ дѣлахъ заканчивавшейся Крымской кампаніи ему не пришлось принять участія. Въ маѣ 1857 г. онъ прикомандировался къ Воронежскому Корпусу репетиторомъ, съ цѣлью приготовиться въ это время къ Военной Академіи, куда онъ и поступилъ, по экзамену, въ сентябрѣ 1858 г. Числясь, по расформированіи армейскихъ кирасиръ, въ Александрійскомъ гусарскомъ Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полку (съ октября 1860 г.), Р. 21-го декабря того же года окончилъ курсъ въ Академіи и былъ причисленъ къ Генеральному Штабу, съ назначеніемъ состоять при Штабѣ Оренбургскаго Корпуса (окончательно переведенъ былъ въ Генеральный Штабъ съ 1863 г.) и въ маѣ 1861 г. отправился въ Оренбургъ; здѣсь пробылъ онъ до апрѣля 1863 г., когда перевелся сперва состоящимъ при Департаментѣ Генеральнаго Штаба, а затѣмъ—старшимъ адъютантомъ въ Штабъ 28-й пѣхотной дивизіи въ г. Витебскѣ. Въ 1865 г. Р. былъ командированъ на Уралъ, въ качествѣ дѣлопроизводителя Комиссіи, учрежденной для раздѣла между Уральскими казаками и Зауральскими киргизами долины лѣваго берега р. Урала. Съ мая 1867 г. Р. былъ дѣлопроизводителемъ по Главному Управленію иррегулярныхъ войскъ,—до 12-го февраля 1872 г., когда вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника, намѣревался занять частную должность въ предпріятіи по разработкѣ каменно-угольныхъ коней; обманутый нѣкіимъ ловкимъ дѣльцомъ, довѣрчивый Р. былъ совершенно разоренъ и лишился мѣста, что̀ вынудило его, въ концѣ 1878 г., снова поступить на службу штабъ-офицеромъ Генеральнаго Штаба по войскамъ Кіевскаго Военнаго Округа; 11-го декабря 1879 г. онъ скончался въ Кіевѣ, отъ разрыва сердца; погребенъ въ Кіевѣ же, на Лыбедскомъ кладбищѣ.

Р. напечаталъ слѣдующія работы: 1) „Яицкое казачество" — „Русск. Вѣстн.", іюль 1863 г., т. 46, стр. 311—336 и іюль 1864 г., т. 52, стр. 590—619; 2) „Мате-

ріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами Генеральнаго Штаба. — Уральское казачье войско", 2 ч., III + V + 419 стр. и 108 стр. + 47 статист. табл., съ картою, С.-Пб. 1866, 8°; 3) „Общедоступное изложеніе Уложенія о наказаніяхъ съ примѣрами замѣчательныхъ процессовъ и съ приложеніемъ Воинскаго и Дисциплинарнаго Уставовъ". Составили Рябининъ и Шведеръ, С.-Пб. 1870; 4) „Краткое объясненіе Уложенія о наказаніяхъ для нижнихъ чиновъ и крестьянскаго сословія, съ приложеніемъ замѣчательныхъ процессовъ и съ приложеніемъ Воинскаго и Дисциплинарнаго Уставовъ". Составили Рябининъ и Шведеръ, С.-Пб. 1870; 5) „Руководство практическихъ свѣдѣній: уголовнаго законодательства, судебной реформы, обязанностей общей полиціи и закона 19-го мая 1871 г. Для офицеровъ Корпуса Жандармовъ", С.-Пб. 1872; 6) Г. О. Тэнъ, „Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы". Переводъ подъ ред. А. Рябинина и М. Головина, 2 ч., VIII + IX + 577 и XII + 552 стр., С.-Пб. 1871, 8°.

Сборникъ воспоминаній и матеріаловъ для исторіи Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса, статья Д. Д. Рябинина: А. Д. Рябининъ. Бывшій кадетъ 1-го выпуска Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса; то-же, отд. отт., Екатеринославъ. 1889, 8°. *Б. Гарскій.*

Рябининъ, *Андрей Михайловичъ*, Директоръ Московскаго Ассигнаціоннаго Банка; былъ сыномъ адмирала М. И. Рябинина (см. ниже) и родился въ 1772—1773 г.г.; въ 1780 г., 1-го января, былъ опредѣленъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ, гдѣ въ 1782 г. произведенъ былъ въ младшіе унтеръ-офицеры, а въ 1783 г. — въ старшіе; выпущенный въ арміи капитаны, онъ 25-го января 1790 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ при Вице-Президентѣ Адмиралтействъ-Коллегіи графѣ И. Г. Чернышевѣ и принялъ участіе въ слѣдующихъ походахъ: въ 1790 г. — на кораблѣ „Три Іерарха", подъ командою флота капитана Обольянинова, находился въ крейсерствѣ въ Балтійскомъ морѣ и въ сраженіяхъ со Шведскимъ флотомъ у Красной Горки; 23-го и 24-го мая—при „сикурсѣ", 22-го іюня—при пораженіи непріятельскаго флота во время прорыва его изъ Выборгской бухты; въ 1791 г., на кораблѣ „12 Апостоловъ", подъ командою флота капитана Федорова, стоялъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, а 25-го января 1792 г. былъ переименованъ въ лейтенанты и весь этотъ годъ находился въ Кронштадтѣ, на берегу. Въ 1793 г., на кораблѣ „Три Іерарха", подъ командою флота капитана Обольянинова, Р. ходилъ отъ Ревеля до Копенгагена; въ 1794 г., на кораблѣ „Саратовъ", подъ командою флота капитана Мясоѣдова, находился въ плаваніи отъ Ревеля до Балтійскаго порта, а затѣмъ, на кораблѣ „12 Апостоловъ", подъ командою капитана Бачманова, ходилъ до Кронштадта. 1795 годъ Рябининъ провелъ на кораблѣ „12 апостоловъ", подъ командою флота капитана Ломена, стоя на Кронштадтскомъ рейдѣ, а 11-го января 1797 г. былъ опредѣленъ въ Провіантскій штатъ оберъ-провіантмейстеромъ и 5-го апрѣля того же года назначенъ былъ провіантмейстеромъ - лейтенантомъ. 1-го января 1799 г. опредѣленный въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, Р. 17-го числа произведенъ былъ въ полковники, а 22-го января назначенъ флигель-адъютантомъ къ Павлу I, но уже 3-го ноября опредѣленъ былъ бригадъ-маіоромъ по инфантеріи. Пожалованный 8-го апрѣля 1800 г. въ дѣйствительные камергеры, а 1-го мая опредѣленный Совѣтникомъ Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ 13-го января 1804 г. занялъ мѣсто Перваго Директора въ Московскомъ Отдѣленіи этого Банка, а 8-го іюня назначенъ Управляющимъ этимъ Отдѣленіемъ и Московскою Учетною Конторою; 22-го сентября 1807 г., при рескриптѣ, онъ получилъ орденъ Владиміра 3-й степени. Должность Директора Р. занималъ до 1809 г. включительно, когда былъ отрѣшенъ отъ должности за обнаруженную недостачу мѣдныхъ денегъ на 100.245 р., при чемъ Высочайше повелѣно было взыскать эти деньги со всѣхъ чиновниковъ Отдѣленія Банка.

За Рябининымъ въ С.-Петербургской губерніи состояло лишь 30 душъ крестьянъ.

Р. былъ въ многолѣтнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ и съ княземъ А. И. Вяземскимъ (отцомъ писателя). Когда съ Р. стряслась служебная катастрофа, Карамзинъ принималъ въ немъ живое участіе и въ январѣ 1817 г. обратился съ письмомъ къ Императору Александру I, приложивъ къ нему записку по

дѣлу Рябинина и прося Государя обратить вниманіе на это дѣло и оказать милость „одному изъ его добрыхъ и честныхъ подданныхъ“,—т. е., „причислить къ Герольдіи“, какъ хотѣлъ того Рябининъ. Просьба Карамзина увѣнчалась успѣхомъ, какъ видно изъ письма его къ И. И. Дмитріеву отъ 5-го февраля 1817 г., гдѣ онъ писалъ: „На сихъ дняхъ Государь оказалъ намъ большую милость. Я осмѣлился черезъ письмо просить его о А. М. Рябининѣ, котораго не велѣно было опредѣлять ни къ какому мѣсту. Вынесли справку, и Государь простилъ Рябинина, то-есть, велѣлъ именнымъ указомъ причислить его къ Герольдіи“.

Ф. Ф. Вигель, въ Запискахъ своихъ упоминая о Рябининѣ, выставилъ его, какъ человѣка самодовольнаго, „состряпавшаго себѣ Русскую знатность“ благодаря только своимъ связямъ, матеріальному достатку, женитьбѣ и знанію французскаго языка.

А. М. Рябининъ въ 1820-хъ годахъ жилъ въ Москвѣ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ — въ 1854 или 1855 г.г. (до 29-го апрѣля). Онъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Шаховской, дочери князя Алексѣя Леонтьевича (род. 1755, ум. 1838), и имѣлъ сыновей: Александра (гвардіи штабсъ-капитанъ, род. 23-го августа 1808, ум. 31-го декабря 1857), Михаила (колл. асс., род. 2-го янв. 1814, ум. 6-го дек. 1867) и Алексѣя (род. 1-го августа 1806, ум. въ Москвѣ 3-го апрѣля 1882, д. с. совѣтникомъ), крестника князя А. И. Вяземскаго; и дочерей: Варвару, Наталью (ум. 1891) и Екатерину. Всѣ они вмѣстѣ съ отцомъ 1-го февраля 1850 г. были внесены въ Дворянскую Родословную книгу Новгородской губерніи, во II ея часть.

Р. былъ членомъ-учредителемъ Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и въ 1846 г., по случаю 25-лѣтія Общества, получилъ отъ него серебряную медаль.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Департамента Герольдіи Прав. Сената; Князь П. П. Голицынъ, Родословная книга дворянъ Новгородской губерніи, Новг. 1910, стр. 124; Общій Морской Списокъ, ч. IV, 1890, стр. 704; Московскій Некрополь, т. III, стр. 55; „Русск. Арх.“ 1897 г., кн. II, стр. 110—112 (письмо Карамзина и записка по дѣлу Р.); Вигель, Записки, ч. IV, М. 1892, стр. 65; Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, С.-Пб. 1866, стр. 205; „С.-Пб. Вѣдом.“ 1804 г., стр. 246; Архивъ Капитула орденовъ, Журналъ по ордену Влад. 3 ст. 29 апр. 1855; С. Масловъ, Историческое Обозрѣніе Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1846, прил., стр. 267; А. П. Перепелкинъ, Историч. Записка объ учрежденіи Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, М. 1895, стр. 6 и 65; В. В. Квадри, Имп. Главная Квартира. Исторія Государевой Свиты. XVIII вѣкъ, С.-Пб. 1902, стр. 326, 434, 446, 456, 474, прилож., стр. 193, 201, 202 и 238.

Б. Л. М—ій.

Рябининъ, *Егоръ Михайловичъ*, Новгородскій губернаторъ, посланникъ въ Баденѣ; сынъ адмирала М. И. Рябинина (см. ниже) и жены его Екатерины Михайловны, рожд. Колошиной (ум. 1778), родился 19-го ноября 1768 г. и въ 1780 г. началъ службу сержантомъ л.-гв. въ Преображенскомъ полку, изъ котораго 1-го января 1785 г. былъ выпущенъ въ капитаны арміи и 13-го марта опредѣленъ во флигель-адъютанты къ Вице-Президенту Адмиралтействъ-Коллегіи графу И. Г. Чернышеву, при чемъ въ 1785—1787 г.г. ежегодно плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, а въ 1787 г. командовалъ трешкоутомъ на р. Днѣпрѣ во время путешествія въ Крымъ Екатерины II. Опредѣленный въ генеральсъ-адъютанты къ графу Чернышеву 1-го января 1788 г., онъ на кораблѣ „Три Іерарха“, въ эскадрѣ адмирала Фонъ-Дезина, перешелъ изъ Кронштадта въ Копенгагенъ и крейсеровалъ въ Балтійскомъ морѣ у Карлскроны, послѣ чего на фрегатѣ „Брячиславъ“ возвратился въ Кронштадтъ и въ 1789 г., командуя шебекою „Летучая“, участвовалъ въ Роченсальмскомъ сраженіи, за отличіе въ которомъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Въ 1790 г., января 11-го, онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и затѣмъ, командуя гребнымъ фрегатомъ „Св. Екатерина“, былъ въ Выборгскомъ и Роченсальмскомъ сраженіяхъ и въ послѣднемъ былъ взятъ въ плѣнъ. Освобожденный изъ плѣна, Р. уже въ 1791 г. командовалъ на Петергофскомъ рейдѣ плавучими батареями и канонерскими лодками, въ 1792 г. командовалъ при гребномъ портѣ 1-ю дивизіею и 4-ю эскадрою канонерскихъ лодокъ, а въ 1793 г. былъ командированъ, въ числѣ другихъ дворянъ торжественнаго посольства, въ Константинополь, откуда вернулся въ Петербургъ, по болѣзни, въ 1795 г. и 15-го ноября 1796 г. произведенъ былъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1797 г. Р. перевелъ и исправилъ книгу „Факелъ морской“, за что получилъ денежную награду, и въ томъ же году опредѣленъ былъ

къ чертежной при Адмиралтействъ-Коллегіи, 12-го октября 1798 г. произведенъ былъ въ капитаны 1 ранга, 25-го ноября 1799 г. назначенъ въ члены учрежденнаго при Адмиралтействъ-Коллегіи Комитета и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Опредѣленный въ 1800 г. снова во флотъ, Р. черезъ два года (1802) назначенъ былъ въ члены Коммерцъ-Коллегіи и 13-го февраля 1803 г., „въ сравненіе со сверстниками", пожалованъ въ д. с. совѣтники. Уволившись по прошенію отъ должности 26-го марта 1804 г., Р. въ 1805—1806 г.г. былъ Новгородскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, а съ 23-го января 1808 г. по 27-е декабря 1810 г.—посланникомъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ (въ Карлсруэ). Выйдя затѣмъ въ отставку, Е. М. Рябининъ скончался въ Петербургѣ 28-го мая 1827 г., 58 лѣтъ отъ роду, и погребенъ былъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Кромѣ указанныхъ выше орденовъ, Р. имѣлъ Шведскій орденъ Меча и былъ командоромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Сестра Е. М. Рябинина — Александра Михайловна (ум. 1841 г.), жена генералъ-лейтенанта и сенатора И. П. Пущина, была матерью декабриста И. И. Пущина.

Общій Морской Списокъ, ч. IV, С.-Пб. 1890, стр. 706—707; Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, С.-Пб. 1902, прил., стр. 8; Путешествіе П. Озерецковскаго по озерамъ Ладожскому, Онежскому и вокругъ Ильменя, С.-Пб. 1812, стр. 401; „Разныя свѣдѣнія о Россійской внѣшней торговлѣ", С.-Пб. 1829, стр. 64, 65; Метрич. книги Смоленскаго кладбища; „С.-Петерб. Вѣдом." 1804 г., № 30, стр. 929; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 648.

Б. М.

Рябининъ, *Жданъ*, дьякъ въ 1628—1629 г.; въ 1631—1633 г. былъ дьякомъ въ Алатырѣ, а въ 1634—1636 гг.—дьякомъ Земскаго Приказа; умеръ въ 1636 г.

П. Ивановъ, Указатель къ боярскимъ книгамъ, 362; Кн. Разр., II, 688; А. А. Э., III, № 219; А. И., III, с. 105—106; Дворц. Разр., II, 480; Древняя Росс. Вивліоѳика, изд. 2, т. XX, стр. 30.

Рябининъ, *Михаилъ Ильичъ*, вице-адмиралъ и генералъ-контролеръ; поступивъ въ 1743 г. въ ученики Морской Академіи, онъ уже въ 1744 г. былъ произведенъ въ гардемарины, съ 1745 по 1747 г. ежегодно находился въ кампаніяхъ въ Балтійскомъ морѣ и разъ сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Въ 1746 г. Р. былъ произведенъ въ мичманы и съ 1748 по 1751 г., командуя ботомъ, принималъ участіе въ гидрографическихъ работахъ въ восточной части Балтійскаго моря, въ 1751 г. былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году былъ въ Казани, гдѣ завѣдывалъ отправкой въ Петербургъ дубовыхъ лѣсовъ. Въ 1754 г. Р. былъ произведенъ въ корабельные секретари, а въ 1756 г.—въ лейтенанты, затѣмъ два года плавалъ въ Балтійскомъ морѣ и сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Затѣмъ, въ 1759 г. произведенный въ капитанъ-лейтенанты и переведенный въ галерный флотъ, Р. въ 1762 г. произведенъ былъ въ капитаны 3 ранга и въ томъ же году, 2-го сентября, былъ опредѣленъ въ штатъ Морского Кадетскаго Корпуса; въ слѣдующемъ году, командуя 54-мъ пушечнымъ кораблемъ, онъ совершилъ съ гардемаринами практическое плаваніе въ Нѣмецкомъ морѣ. Въ 1764 г. Р. былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга и назначенъ командиромъ корабля „Москва", въ слѣдующемъ, 1765 году, 1-го января, былъ произведенъ въ полковники и назначенъ въ Совѣтники Интендантской Экспедиціи, а въ 1768 г., въ званіи Совѣтника Интендантскаго Департамента, былъ командированъ въ Донскую Экспедицію. Назначенный затѣмъ, въ 1769 г., за оберъ-интенданта при постройкѣ въ Новопавловскѣ судовъ новаго типа, Р. въ 1771 г., 27-го ноября, былъ посланъ изъ Кіева на Дунай начальникомъ экспедиціи для заведенія флотиліи въ завоеванныхъ княжествахъ; въ 1772 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные оберъ-интенданты въ Главной Интендантской Экспедиціи Адмиралтейской Коллегіи, въ 1776 г. произведенъ былъ въ генералъ-интенданты и въ слѣдующемъ году былъ уже въ Петербургѣ; въ 1780 г., 24-го ноября, Р. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1782 г. Р. былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ генералъ-контролеромъ; онъ умеръ 17-го мая 1790 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ съ женою, Екатериной Михайловной, рожд. Колошиной (ум. 1778). Двухъ изъ оставшихся послѣ него сыновей было тогда же Высочайше повелѣно принять во флотъ, а дочь его Александра Михайловна, впослѣдствіи Пущина, была взята во дворецъ.

„Общій Морск. Списокъ“, т. II, стр. 360—361; „Матеріалы для исторіи Русскаго флота“, т.т. VI, X, XI, XII, XIV (см. указатели); Разныя свѣдѣнія, относящіяся къ экспедиціи П. В. Чичагова—„Записки Гидрографическаго Департамента“ 1811, ч. IX, стр. 110—111; Достопамятныя происшествія, относящіяся къ военной морской части и проч.—„Записки Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента“ 1824 г., ч. VII, стр. 286, 288, 290; Петербургскій Некрополь, т. III, стр. 648.

Н. М.

Рябининъ, *Николай Егоровичъ*, контръ-адмиралъ, герой Севастопольской обороны, писатель; родомъ изъ дворянъ Новгородской губ., сынъ Е. М. Рябинина (см. выше), род. 10-го августа 1813 г., ум. 18-го сентября 1880 г. Въ 1827 г. Р. поступилъ въ Морской Кадетскій Корпусъ кадетомъ, 18-го января 1830 г. былъ произведенъ въ гардемарины, а 21-го декабря 1832 г.—въ мичманы, съ назначеніемъ въ 13-й флотскій экипажъ. Въ 1836 г., 2-го іюня, онъ былъ переведенъ въ Морской Кадетскій Корпусъ, черезъ годъ, 17-го апрѣля 1837 г., снова назначенъ былъ въ 13-й флотскій экипажъ, гдѣ 3-го апрѣля 1838 г. произведенъ былъ въ лейтенанты, 22-го января 1840 г. былъ переведенъ въ 7-й флотскій экипажъ, 27-го января 1843 г. назначенъ адъютантомъ къ начальнику 1-й флотской дивизіи, вице-адмиралу А. П. Лазареву, 28-го октября 1848 г. опредѣленъ въ 5-й флотскій экипажъ, съ оставленіемъ въ прежней должности, и въ томъ же году, 6-го декабря, награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени, а ровно черезъ годъ, 6-го декабря 1849 г., произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1850 г., 25-го января, Р. былъ переведенъ въ 32-й флотскій экипажъ, 25-го мая того же года — въ 37-й флотскій экипажъ, съ назначеніемъ командиромъ брига „Неархъ“, и 6-го мая 1853 г.—въ 31-й флотскій экипажъ съ назначеніемъ командиромъ брига „Тезей“. Въ 1854 г., 1-го іюня, Р. находился въ дѣлѣ при бомбардированіи англо-французскимъ флотомъ г. Севастополя, 14-го августа былъ командиромъ бастіона № 3; 4-го октября командовалъ бастіономъ № 6; 7-го числа того же мѣсяца назначенъ былъ, въ составѣ 44-го флотскаго экипажа, на Малаховъ Курганъ, гдѣ и былъ раненъ въ лѣвую ногу съ обнаженіемъ кости. 22-го декабря 1854 г. Р. былъ пожалованъ, за отличіе при оборонѣ Севастополя, орденомъ св. Владиміра 4-й степ., 1-го ноября 1855 г., за защиту Севастополя, награжденъ серебряною медалью на Георгіевской лентѣ, а спустя нѣсколько дней, 24-го ноября, переведенъ въ 9-й флотскій экипажъ, откуда 6-го мая 1856 г. былъ прикомандированъ, на правахъ раненыхъ, къ Морскому Кадетскому Корпусу. Того же года, 26-го августа, Р. былъ награжденъ бронзовою свѣтлою медалью на Андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 г.г.; 22-го августа 1857 г. пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ; 30-го сентября 1857 г., съ разрѣшенія генералъ-адмирала, назначенъ былъ командиромъ учебнаго фрегата, находившагося въ кадетскомъ лагерѣ въ Ораніенбаумѣ, 12-го февраля 1858 г. назначенъ состоять по флоту, а 26-го сентября того же года, за отличіе по службѣ, произведенъ былъ въ капитаны 2 ранга. 11-го января 1860 г. Р. былъ зачисленъ по резервному флоту, 25-го апрѣля зачисленъ на дѣйствительную службу, 7-го мая прикомандированъ къ Инженерному и Артилерійскому Училищу Морского Вѣдомства, какъ раненый 2-го класса, и въ 1862 г., 1-го января, произведенъ въ капитаны 1 ранга. Въ 1863 г., 27-го марта, Р. былъ причисленъ къ Инженерному Артиллерійскому Училищу, черезъ два года, 4-го апрѣля 1865 г., награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст., въ 1870 г., 1-го января, произведенъ въ контръ-адмиралы, 19-го декабря того же года прикомандированъ къ Инженерному Училищу, какъ раненый 2-го класса, 18-го октября 1872 г., на правахъ же раненаго, прикомандированъ къ Морскому Училищу, а 22-го января 1874 г. назначенъ членомъ въ Комиссію для разбора и описанія дѣлъ Архива Морского Министерства за время до 1805 г. Въ плаваніяхъ Р. находился: отъ Кронштадта до о-ва Гогланда и обратно на кораблѣ „Арсисъ“; въ 1832 г. отъ Кронштадта до о-ва Борнгольма и обратно на кораблѣ „Св. Георгій Побѣдоносецъ“; въ 1833 г.—на кораблѣ „Императрица Александра“, подъ командою капитана 1 ранга Епанчина, — съ 22-го іюня по 28-е августа, по Балтійскому морю и Финскому заливу; въ 1834 г., на тендерѣ „Лебедь“, отъ Ревеля до Свеаборга, о-ва Сескари, Гогланда, Оденгольма и Балтійскаго порта и обратно въ Ревель, а оттуда въ Кронштадтъ. Въ 1835 г., съ 6-го іюля по 15-е октября, на бригѣ „Филоктетъ“, подъ командою капитанъ-лейтенанта барона

Левандаля, Р. плавалъ отъ Кронштадта до Ревеля и находился въ стояніи на Кронштадтскомъ рейдѣ; въ 1837 г. на кораблѣ „Великій Князь Константинъ", съ 15-го мая по 15-е іюля, онъ былъ въ крейсерствѣ изъ Ревеля въ Балтійское море, а оттуда въ Кронштадтъ; въ 1839 г.— на кораблѣ „Великій Князь Михаилъ", подъ командою капитана 2-го ранга Трескина; съ 30-го іюля по 2-е сентября былъ въ крейсерствѣ отъ Кронштадта въ Балтійскомъ морѣ и потомъ въ Ревель; въ 1841 г., на кораблѣ „Березина", подъ командою капитана 2-го ранга Антипина, съ 24-го іюля по 6-е сентября, крейсеровалъ по Балтійскому морю и Финскому заливу, а въ 1842 г., съ 14-го мая по 18-е іюля, отъ Свеаборга по Балтійскому морю. Въ 1845 г. на корабляхъ „Фершампенуазъ" и „Россія" Р. былъ флагъ-офицеромъ при начальникѣ 1-й флотской дивизіи вице-адмиралѣ Лазаревѣ, съ 23-го іюня по 25-е августа былъ снова въ плаваніи по Финскому заливу; въ 1847 г. на фрегатѣ „Церера", подъ командою капитанъ-лейтенанта Тобизена, съ 17-го мая по 30-е августа, Р. плавалъ по Балтійскому морю и Финскому заливу; въ 1848 г., на кораблѣ „Императоръ Александръ I", былъ флагъ-офицеромъ при начальникѣ 1-й флотской дивизіи вице-адмиралѣ Лазаревѣ, съ 12-го іюля по 20-е сентября плавалъ отъ Кронштадта до кеге-бухты и находился въ крейсерствѣ у Датскихъ и Прусскихъ береговъ, потомъ прошелъ въ Ревель, а оттуда на зимовку въ Кронштадтъ; въ слѣдующемъ году, на томъ же кораблѣ, съ 15-го мая по 14-е августа, плавалъ отъ Кронштадта до Ревеля, а оттуда крейсеровалъ по Балтійскому морю. Въ 1850 г. на пароходѣ „Херсонесъ" Р. плавалъ, съ 1-го мая по 24-е сентября, изъ Севастополя въ Константинополь для принятія въ свое командованіе брига „Неархъ"; въ томъ же году, въ качествѣ командира брига „Неархъ", съ 24-го сентября по 18-е декабря, находился на Севастопольскомъ рейдѣ для посылокъ по разнымъ портамъ Черпаго моря; въ 1851 г., на томъ же бригѣ, съ 26-го февраля по 23-е іюля, онъ былъ въ крейсерствѣ у восточныхъ береговъ Чернаго моря; съ 11-го по 25-е сентября плавалъ на Севастопольскомъ рейдѣ и въ морѣ до Николаева, а съ 3-го по 19-е ноября отъ Николаева до Севастополя. Въ 1852 г. на бригѣ „Неархъ", въ качествѣ командира, съ 20-го февраля Р. былъ въ плаваніи отъ Севастополя въ Одессу, потомъ въ Новороссійскъ, для присоединенія къ отряду судовъ, крейсеровавшихъ у восточныхъ береговъ; затѣмъ онъ возвратился, 15-го іюля, въ Севастополь, гдѣ находился по 24-е апрѣля 1853 г. на рейдѣ; наконецъ, въ 1853 г., съ 3-го мая по 15-е октября, Р. находился въ крейсерствѣ у восточныхъ береговъ Чернаго моря.

Изъ трудовъ Р. извѣстны: „Новый способъ оконопачивать мореходныя и рѣчныя суда"—„Морской Сборникъ" 1849 г., № 10, стр. 678 — 682; „Графическій способъ составить чертежъ парусности на данное гребное судно", практическая замѣтка Р—а подъ псевдонимомъ: Folliculaire — ibid., 1865 г., № 8, ч. неоф., стр. 203 — 209; „Матросская библіотека", съ подп. Folliculaire—ibid, 1861 г., № 1, с. об., стр. 49—61; „Царскосельская флотилія", съ подп. Folliculaire — ibid, 1864 г., № 4, отд. неоф., стр. 247—262.

Р. погребенъ въ с. Шереховичахъ, Боровичскаго уѣзда Новгородской губерніи, при Покровской церкви.

Послужной списокъ за 1879 г.; „Кронштадтскій Вѣстникъ" 1880 г., № 113; Общій Морской списокъ, ч. XI, С.-Пб. 1900 г., стр. 420—421; „Новое Время" 1880 г., № 1650; Провинціальный Некрополь, т. I, стр. 755.

И. Давидовичъ.

Рябчиковъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, докторъ медицины; происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1787 г. Вступивъ 2-го мая 1807 г. въ число студентовъ Московскаго Университета, онъ 2-го сентября былъ помѣщенъ въ Отдѣленіе врачебныхъ наукъ и, выслушавъ курсъ медицины, 6-го сентября 1811 г. получилъ званіе лекаря, а 24-го октября опредѣленъ былъ при Университетѣ прозекторомъ при проф. Грузиновѣ. 20-го августа 1812 г. удостоенный за диссертацію степени доктора медицины отъ Московскаго Университета, Р. чрезъ два дня (22-го августа), по требованію бывшаго тогда въ Москвѣ главнокомандующимъ графа Ѳ. В. Ростопчина и по собственному желанію, командированъ былъ отъ Университета съ проф. Грузиновымъ для пользованія военнослужащихъ чиновниковъ Московской военной силы. Вмѣстѣ съ арміею Р. находился въ 1812 г. въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Тару-

тинымъ, Малымъ-Ярославцемъ, Вязьмою, Краснымъ и другими мѣстами въ предѣлахъ Россіи. 26-го мая 1813 г. главнокомандовавшимъ Московскою военною силою графомъ А. И. Марковымъ Р. былъ помѣщенъ, послѣ смерти проф. Грузинова, на вакансію штабъ-доктора. Въ іюлѣ 1813 г. Р. вернулся обратно въ Университетъ и 9 числа удостоенъ былъ, по представленію М. Я. Мудрова, званія адъюнкта. Въ этой должности онъ пробылъ лишь до 10-го декабря, а затѣмъ вышелъ въ отставку. 26-го февраля 1814 г., за усердіе и помощь ратникамъ въ бытность Р. при арміи, объявлено ему было Монаршее благоволеніе. 19-го мая 1815 г. Р. вновь вступилъ въ службу, занявъ должность уѣзднаго врача въ г. Коломнѣ и вмѣстѣ и. д. уѣзднаго лекаря въ г. Бронницахъ. Эти должности Р. занималъ до 4-го февраля 1818 г., получивъ въ 1816 г. въ Московскомъ Университетѣ званіе акушера. Выйдя затѣмъ вторично въ отставку, онъ занялся изученіемъ медицинской науки и 16-го марта 1826 г., по выдержаніи испытанія, получилъ званіе Инспектора Врачебной Управы. 22-го февраля 1827 г. Р. занялъ должность старшаго ординатора Московской Екатерининской Больницы. Въ 1830 г., независимо отъ своихъ обязанностей, онъ около 2-хъ мѣсяцевъ исправлялъ должность доктора при Домѣ умалишенныхъ и въ томъ же году оказалъ особое усердіе по лѣченію больныхъ холерою, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени (22-го мая 1831 г.). Въ 1831 г. Р. получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а 1-го февраля 1835 г., по открытіи при Екатерининской Больницѣ Фельдшерской Школы, добровольно изъявилъ желаніе быть въ качествѣ Инспектора Школы, безъ всякаго за то вознагражденія. Въ 1835 г., въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, Р. исправлялъ должность старшаго врача Екатерининской Больницы, 14-го іюня 1835 г. пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., а въ 1837 г.—чиномъ коллежскаго совѣтника. Въ 1840 г. (22-го ноября) произведенный въ статскіе совѣтники, онъ въ 1848 г. уволился изъ Московской Екатерининской Больницы и жилъ въ деревнѣ, въ Переяславскомъ уѣздѣ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 2, С.-Пб. 1886, стр. 89; Архивъ Капитула Орденовъ, кавалерскіе списки по ордену Владиміра 4-й ст., кн. 11, стр. 87. *Н. М.*

Рязанскіе, князья; вели свое происхожденіе отъ Святослава Ярославича Черниговскаго, получившаго по завѣщанію отца (ум. въ 1054 г.) Черниговъ съ Тмутараканью, Муромомъ и страной вятичей. Святославу Ярославичу приписывается основаніе въ 60-хъ гг. XI вѣка ряда укрѣпленныхъ пунктовъ, которые должны были защищать юго-восточныя границы Руси отъ нападенія половцевъ. Однимъ изъ такихъ пограничныхъ пунктовъ была Рязань, нынѣ селеніе Старая Рязань, противъ города Спасска, на правомъ берегу р. Оки,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка достигаетъ наибольшаго юго-восточнаго изгиба и, принявъ рѣку Проню, поворачиваетъ на сѣверъ. Впервые Рязань упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1096 г. До второй четверти XII в. земли Муромо-Рязанскія не выдѣлялись въ самостоятельное княжество, отдѣльное отъ Черниговскаго, и не имѣли своего особаго князя. Первымъ такимъ княземъ былъ сынъ Святослава Ярославича—Ярославъ, изгнанный въ 1127 г. племянникомъ, Всеволодомъ Ольговичемъ, изъ Чернигова и занявшій вновь Муромъ, гдѣ онъ сидѣлъ до перехода на Черниговскій столъ. Ни онъ, ни его дѣти не стремились послѣ того къ занятію Черниговскаго княжества. По смерти Ярослава Муромо-Рязанская область распалась на удѣлы Муромскій, Рязанскій и Пронскій. Борьба съ кочевниками (печенѣгами и половцами) и болгарами, которые вели въ краѣ оживленную торговлю; участіе въ междоусобіяхъ Ольговичей и Мономаховичей; постоянныя столкновенія съ Владиміро-Суздальскими князьями, которые нерѣдко распоряжались Муромо-Рязанскими князьями, какъ князьями подручными; внутреннія усобицы между князьями, иногда достигавшія неслыханныхъ жестокостей и во многомъ способствовавшія ослабленію княжества и подчиненію его суздальскимъ князьямъ,—вотъ главнѣйшіе факты біографій Рязанскихъ князей до XIV в. Отмѣченныя обстоятельства во многомъ разъясняютъ особенности характера Рязанскихъ князей. По словамъ Д. И. Иловайскаго, Рязанскіе князья „безспорно... самая воинственная и безпокойная вѣтвь Рюрикова дома, въ то же время самая жестокая и коварная: нигдѣ не были такъ часты нарушеніе крестнаго цѣлова-

нія, измѣны и злодѣйства между ближними родственниками... Рязанскіе князья болѣе другихъ забываютъ объ единствѣ Рюрикова поколѣнія, о цѣлости Русской земли и преслѣдуютъ только свои личные интересы". Князья, впрочемъ, являлись въ этомъ отношеніи вѣрными представителями населенія, которое слыло у сосѣдей за буйныхъ, гордыхъ и строптивыхъ людей.—Татарское иго едва ли не больше, чѣмъ гдѣ-либо, чувствовалось въ Рязанской землѣ, въ виду ея пограничнаго положенія. Въ зависимости отъ татарскихъ отношеній находилась внѣшняя политика Рязанскихъ князей. Близость Орды, полустепной характеръ южныхъ частей княжества, слабость силъ не позволяли Рязанскимъ князьямъ стремиться къ возвращенію независимости. Полной покорностью хану пытались они удержать свои волости и спасти ихъ отъ новыхъ разгромовъ. Между тѣмъ, возвышеніе Москвы съ ея стремленіемъ къ собиранію русскихъ земель грозило самостоятельности Рязанскихъ князей съ другой стороны. Московскіе князья стараются привлечь къ себѣ благоволеніе хановъ и тѣмъ лишаютъ Рязанскихъ князей сильной опоры. Вмѣшательство же ихъ въ междоусобицы князей Рязанскихъ и Пронскихъ, стремившихся обособиться и стать въ равныя отношенія къ старшей линіи, только способствовало усиленію Москвы за счетъ своихъ сосѣдей. Съ XIV в. Рязанскіе князья, кромѣ Москвы, столкнулись съ новымъ соперникомъ въ лицѣ князей Литовскихъ, преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли собиранія русскихъ земель, что и князья Московскіе. Основные вопросы внѣшней политики Рязанскаго княжества—отношенія къ татарамъ, Москвѣ и Литвѣ—были поставлены съ наибольшей яркостью въ княженіе великаго князя Рязанскаго Олега Ивановича. Олегъ многое сдѣлалъ для разрѣшенія ихъ съ наибольшей выгодой для интересовъ Рязанскаго княжества, но и онъ не могъ придать самостоятельности княжества жизненной прочности, способной къ дальнѣйшему развитію, такъ какъ „отдѣльная личность, какъ бы она ни была высоко поставлена, не можетъ создать что-нибудь крѣпкое, живучее тамъ, гдѣ недостаетъ твердой исторической почвы". Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы дѣло Олега окончилось вмѣстѣ съ его жизнію и не оставило замѣтныхъ слѣдовъ: безъ Олега Рязанское княжество едва ли пережило бы всѣ великіе удѣлы. По справедливому замѣчанію автора „Исторіи Рязанскаго княжества", „между преемниками Олега нѣтъ ни одного князя, надъ которымъ историкъ могъ бы съ участіемъ остановить свое вниманіе. Ихъ имена сливаются вмѣстѣ и не оставляютъ послѣ себя никакихъ цѣльныхъ образовъ. Въ этомъ отношеніи потомковъ Олега можно сравнить съ его предшественниками, которые наполнили собой первую половину XIV в.,—разница въ томъ, что на послѣднихъ лежитъ печать жесткаго и безпокойнаго характера, между тѣмъ какъ первые, напротивъ, отличаются мягкостью, несвойственною ихъ предкамъ, и замѣтнымъ недостаткомъ энергіи".

1. *Василій Александровичъ*—см. *Иванъ Александровичъ*.

2. *Василій Ивановичъ*, сынъ великаго князя Ивана Ѳедоровича, великій князь Рязанскій, род. въ 1448 г., ум. 7-го января 1483 г. По смерти отца, восьмилѣтнимъ мальчикомъ былъ взятъ, „по приказу" отца, вмѣстѣ съ сестрой Ѳеодосіей на воспитаніе великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ, а въ Рязанскіе города „на соблюденіе" были посланы Московскіе намѣстники. Отъ имени малолѣтняго Василія Ивановича великій князь Василій Васильевичъ велъ всѣ внутреннія и внѣшнія дѣла Рязанскаго княжества; сохранились, напр., въ источникахъ указанія на „записи докончальныя", заключенныя Василіемъ Васильевичемъ „за великаго князя Василія Ивановича" съ князьями царевича Касыма и др. Пробывъ въ Москвѣ до 1463 г., юный князь былъ отпущенъ Иваномъ III и его матерью Маріею Ярославной на Рязань. Въ томъ же году зимой Василій Ивановичъ вновь пріѣзжалъ въ Москву и женился тамъ на младшей сестрѣ Ивана III—Аннѣ; бракъ былъ совершенъ 28-го января 1464 г. въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы. На память трехъ святителей (30-го января) молодые выѣхали въ Рязань. Довольно продолжительное княженіе Василія Ивановича носило мирный характеръ по отношенію сосѣдей, въ частности, Москвы. Взаимному согласію обоихъ княжествъ, несомнѣнно, во многомъ способствовала супруга Василія Ивановича, се-

стра Ивана III, великая княгиня Анна Васильевна, игравшая видную роль въ Рязанской исторіи второй половины XV в. Между прочимъ, Анна Васильевна нерѣдко гостила въ Москвѣ; въ свое пр. бываніе тамъ въ 1467 г. она родила (14-го апрѣля) сына Ивана. Весьма вѣроятно не безъ ея посредничества передъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ совершилось при ея мужѣ окончательное присоединеніе къ Рязани Пронскаго удѣла; впрочемъ, подробности этого дѣла остаются намъ неизвѣстны. Передъ кончиной Василій Ивановичъ благословилъ старшаго сына Ивана двумя третями княжества съ городами Переяславлемъ (столицей княжества), Ростиславлемъ и Пронскомъ со всѣми волостями и отъѣзжими мѣстами; второй сынъ, Ѳедоръ, получилъ отъ отца въ удѣлъ треть всего княжества съ городами Перевитскомъ, Старой Рязанью и третью Переяславскихъ доходовъ; „четверть во всемъ“ въ надѣлахъ сыновей была отдана въ пожизненное владѣніе супругѣ Василія Ивановича, великой княгинѣ Аннѣ, скончавшейся значительно позже мужа (въ 1501 г.). Кромѣ упомянутыхъ сыновей Ивана и Ѳедора, новѣйшія родословныя приписываютъ Василію Ивановичу еще третьяго сына, Петра (род. въ 1468 г., ум. при жизни отца). Василій Ивановичъ имѣлъ также неизвѣстную по имени дочь, бывшую съ января 1498 г. въ замужествѣ за княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Бѣльскимъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 149, 152, 155; V, 274; VI, 36, 42, 43, 181, 185, 235, 241*, 277*, 278*; VII, 226, 244; VIII, 3, 147, 150—152, 155, 214, 234; XII, 112, 116, 117, 214; XVIII, 212, 216, 270; XX, 277, 350; XXI, 3, 473; XXIII, 158, 183, 191, 194; „Лѣтописецъ, содержащій Россійскую ист. съ 1206 по 1534 г.,“ стр. 262, 305; А. Шахматовъ, „О такъ назыв. Ростовской лѣтописи“, М. 1904, стр. 72; „Собр. Гос. Гр. и Догов.“ I, №№ 115—116, 127—128; „Акты XIII—XVII вв., представл. въ Разрядн. Прик.“, М. 1898, №№ 13, 26; „Рязанск. Достопам., собр. архим. Іеронимомъ. Съ примѣч. І. Добролюбова“, Ряз. 1889, §§ 85 и 93.—Д. Тихомировъ, „Истор. изслѣдов. о генеалогіи князей Рязанск., Муромск. и Пронск.“, М. 1844, стр. 18; Д. Иловайскій, „Исторія Рязанск. княжества“, М. 1858, стр. 213—217, 290—291; А. Экземплярскій, „Вел. и удѣльн. князья Сѣв. Руси въ татарскій періодъ“, т. 2-й (Спб. 1891), стр. 600—601; К. Баумгартенъ, „Къ родословію послѣднихъ великихъ князей Рязанскихъ“—Лѣтоп. Истор.-Родосл. Общ. въ Москвѣ 1907, в. 3-й, стр. 5.—Н. М. Карамзинъ, „Ист. Госуд. Россійск.“, изд. 5-е, V, 203; VI, 6, 114, пр. 1, 629 (подъ 1468 г.); С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйш. врем.“, изд. 3-е, Т-ва „Обществ. Польза“, I, 1083, 1386, 1387.—А. Пресняковъ, „Образованіе великорусскаго государства“, Пг. 1918 г., стр. 255. — А. Селивановъ „Деньга кн. Василія Ивановича Рязанскаго“—Журн. засѣд. Рязанск. учен. арх. ком. за 1884 — 1885 гг., стр. 40—41; О великой княгинѣ Аннѣ Васильевнѣ см. статью Л. Б. Вейнберга „Личность Анны Васильевны, вел. княг. Рязанской“ въ „Труд. Рязанск. учен. арх. ком.“ за 1889 г., т. IV, стр. 167—169, и его же статью въ „Русск. Біогр. Слов.“, т. II, стр. 156 — 157.

3. *Василій Константиновичъ*, сынъ князя Константина Романовича. Единственное лѣтописное извѣстіе, сохранившееся объ этомъ князѣ, относится къ 1308 г., когда Василій Константиновичъ былъ убитъ въ Ордѣ. Неизвѣстно, что послужило причиной ханскаго гнѣва, которому подверглись и всѣ рязанцы, такъ какъ въ томъ же году татары воевали ихъ область. Въ годы невольнаго пребыванія его отца въ Москвѣ (1301—1306), Василій Константиновичъ, какъ полагаютъ, управлялъ Рязанскимъ княжествомъ, но смерти же отца въ 1306 г. ему удалось удержать великое княженіе за собой, помимо другихъ внуковъ св. Романа—Ивана и Михаила Ярославичей, князей Пронскихъ, по происками которыхъ, какъ думаютъ, Василій Константиновичъ и былъ убитъ въ Ордѣ. Неизвѣстно, былъ-ли женатъ Василій Константиновичъ, но потомства онъ не оставилъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. X, 176; ср. „Рязанск. Достопамяти.“, § 55, пр. 189; Тихомировъ, стр. 17; Иловайскій, стр. 139; Экземплярскій, II, стр. 577—578; Карамзинъ, IV, пр. 247, 264; Соловьевъ, I, 913.

4. *Владимиръ Дмитріевичъ*, князь Пронскій. Родословныя считаютъ его или сыномъ Ярослава Александровича Пронскаго, приписывая послѣднему второе (христіанское) имя Димитрія, или внукомъ Ярослава чрезъ неизвѣстнаго по лѣтописямъ сына Ярослава — Димитрія. Лѣтописи знаютъ этого князя только подъ именемъ Владимира Пронскаго или Владимира Дмитріевича Пронскаго, и нѣтъ основаній считать Владимира Дмитріевича сыномъ Ярослава Александровича. Владимиръ Дмитріевичъ, по волѣ великаго князя Московскаго Димитрія, занималъ великокняжескій Рязанскій столъ послѣ Скорнищевской битвы 14-го декабря 1371 г., но еще до лѣта 1372 г. великій князь Рязанскій Олегъ Ивановичъ изгналъ Владимира Дмитріевича изъ Рязани и „привелъ его

въ свою волю". Никоновская лѣтопись подъ 1372 г. называетъ Владимира Дмитріевича зятемъ Олега Ивановича, что возможно, если не считать Владимира Дмитріевича сыномъ Ярослава Александровича, дяди Олега Ивановича. Владимиръ Дмитріевичъ, умершій въ 1372 г., является первымъ достовѣрнымъ родоначальникомъ князей Пронскихъ. Онъ имѣлъ или оставилъ единственнаго сына Ивана.

Лѣтоп. по Лаврент. списку, С.-Пб. 1897 г., стр. 506; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 65, 67; V, 230, 232*; VII, 243; VIII, 13, 17, 19; XI, 5, 6, 14, 17, 19; XV, 431; XVI, 91, 95; XVII, 38, 39, 131; XVIII, 104, 110, 112; XX, 191, 193, 194; XXII (ч. 1), 412; XXIII, 114, 116, 117; Иловайскій, 164; Экземплярскій, II, 584, 585, 628—630; Баумгартенъ, 4—5; „Жалов. грамота Олега Рязанскаго, древнѣйшій докум. Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Снимокъ и текстъ со статьями Д. В. Цвѣтаева и А. И. Соболевскаго", М. 1913, стр. 14, 33; Карамзинъ, IV, пр. 250; V, 6, 12, 16, 18, пр. 24, 29, 135, 137; Соловьевъ, I, 963, 965, 966, 973.

5. *Глѣбъ Владимировичъ*, сынъ Владимира Глѣбовича. Самыя раннія лѣтописныя извѣстія о немъ относятся къ октябрю 1196 г., когда вмѣстѣ съ отцомъ Глѣбъ присутствовалъ въ Москвѣ на свадьбѣ сына великаго князя Всеволода Юрьевича, Константина, и на постригахъ его другого сына, Владимира. Въ слѣдующемъ году Рязанцы и Муромцы вмѣстѣ съ великимъ княземъ Всеволодомъ принимали участіе въ междоусобіяхъ Черниговскихъ и Смоленскихъ князей. Какъ зять Давида Ростиславича Смоленскаго, Глѣбъ, былъ посланъ послѣднимъ противъ Ольговичей, напавшихъ на Смоленскія земли. Въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ лѣтописи молчатъ о Глѣбѣ. Между тѣмъ, въ эти годы одинъ за другимъ умерли сыновья Глѣба Ростиславовича, отецъ и дяди Глѣба Владимировича (Владимиръ, Игорь, Всеволодъ и Ярославъ); оставались въ живыхъ только дяди Глѣба—Романъ и Святославъ, родные братья Глѣба—Олегъ, Константинъ и Изяславъ, и его двоюродные братья, сыновья Игоря (Ингварь, Романъ, Глѣбъ, Юрій и Олегъ) и Всеволода (сынъ его Киръ-Михаилъ) Глѣбовичей. Произошелъ новый раздѣлъ Рязанскихъ волостей и, слѣдовательно, новыя распри. Среди недовольныхъ оказался Глѣбъ Владимировичъ съ братомъ Олегомъ. Повидимому, братья жаловались великому князю Всеволоду Юрьевичу на своихъ дядей, но, не получивъ удовлетворенія, затаили до случая обиду противъ родственниковъ. Въ 1207 г. великій князь Всеволодъ, отправляясь въ походъ противъ Кіевскаго князя Всеволода Чермнаго, послалъ звать къ себѣ, между прочимъ, Рязанскихъ князей. Направляясь къ Окѣ на соединеніе съ ними, Всеволодъ получилъ доносъ, что Глѣбовичи вступили уже въ тайныя сношенія съ его врагами, сторонниками Всеволода Чермнаго—Черниговскими князьями. Доносчиками явились бояре, посланные Глѣбомъ и Олегомъ Владимировичами. Лѣтописцы различно относятся къ этому факту: лѣтописи Новгородскія и Никоновская называютъ Глѣба и Олега клеветниками, но Лаврентьевская, Симеоновская и Львовская признаютъ, повидимому, за обвиненіемъ извѣстныя основанія. Нѣкоторыя обстоятельства (напр., родственныя связи Рязанскихъ князей съ Черниговскими), дѣйствительно, могли возбудить подозрѣніе въ великомъ князѣ Всеволодѣ, и онъ повѣрилъ сообщенію Глѣба и Олега. Когда отряды Рязанскихъ князей соединились съ войсками Всеволода, онъ пригласилъ князей къ себѣ, принялъ ихъ радушно, но за обѣдомъ въ одномъ шатрѣ съ собою посадилъ только Глѣба и Олега. Неизвѣстно, какія доказательства были приведены затѣмъ Владимировичами въ изобличеніе измѣны дядей и двоюродныхъ братьевъ, но только шесть Рязанскихъ князей (Романъ и Святославъ Глѣбовичи, двое сыновей послѣдняго—Мстиславъ и Ростиславъ—и Ингварь и Юрій Игоревичи) съ ихъ боярами были схвачены и отправлены во Владимиръ. Глѣбъ же и Олегъ Владимировичи принимали затѣмъ участіе въ осеннемъ походѣ Всеволода противъ Рязанскаго княжества; Глѣбъ Владимировичъ находился въ войскахъ Всеволода при осадѣ Пронска. Когда же великій князь Всеволодъ отдалъ Пронскъ не Владимировичамъ—Глѣбу и Олегу, а Муромскому князю Давиду, братья въ слѣдующемъ 1208 г. явились вмѣстѣ съ половцами подъ стѣнами города и заставили Давида покинуть Пронскъ. Послѣ же того, какъ великій князь Всеволодъ въ томъ же году отправилъ на Рязань сына своего Ярослава, а по Рязанскимъ городамъ посажалъ своихъ намѣстниковъ, Рязанцы вступили въ сношенія съ Глѣбомъ и Изяславомъ Владимировичами (Олегъ умеръ въ 1208 году), предлагая имъ выдать Ярослава Всеволодовича. Неизвѣстно, какъ отнесся къ этому

предложенію Глѣбъ Владимировичъ; во всякомъ случаѣ, лѣтописи молчатъ объ его участіи въ борьбѣ съ Всеволодомъ Рязанскихъ князей Киръ-Михаила Всеволодовича и брата Глѣба, Изяслава, напавшихъ зимой 1209 г. на Владимирское княжество и опустошившихъ окрестности Москвы. Впрочемъ, лѣтописцы мало говорятъ о жизни Рязанскаго княжества между 1209 г. и событіями 1217 г. Въ этомъ году Глѣбъ былъ великимъ княземъ Рязанскимъ. Не довольствуясь, повидимому, своимъ положеніемъ, Глѣбъ задумалъ освободиться отъ своихъ родичей, чтобы присоединить ихъ волости себѣ. Пособникомъ Глѣба явился его братъ Константинъ. Глѣбъ пригласилъ князей-сородичей пріѣхать къ нему въ Исады (на берегу Оки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Старой Рязани) для улаженія споровъ о волостяхъ. Среди пріѣхавшихъ находились родной братъ Глѣба—Изяславъ и пять двоюродныхъ — Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ, Мстиславъ и Ростиславъ Святославичи, Романъ и Глѣбъ Игоревичи. 20-го іюля, когда князья весело пировали въ шатрѣ Глѣба, Владимировичи (Глѣбъ и Константинъ), при помощи скрытыхъ за шатромъ вооруженныхъ слугъ и половцевъ, набросились на братьевъ, и всѣ шесть внуковъ Глѣба Ростиславича были убиты; вмѣстѣ съ князьями погибло немало бояръ и слугъ. Заговоръ Глѣба удался невполнѣ, такъ какъ среди оставшихся въ живыхъ былъ Ингварь Игоревичъ, только случайно не попавшій на „порядъ“ къ Глѣбу. Съ помощью великаго князя Юрія Всеволодовича, Ингварь Игоревичъ выступилъ противъ Глѣба и одолѣлъ его. Глѣбъ принужденъ былъ бѣжать къ половцамъ, не разъ, впрочемъ, дѣлая затѣмъ набѣги на Рязань, пока въ 1219 году не былъ окончательно разбитъ Ингваремъ, послѣ чего едва спасся бѣгствомъ къ половцамъ. По нѣкоторымъ лѣтописямъ (Воскрес.), Глѣба постигла обычная съ точки зрѣнія лѣтописцевъ судьба братоубійцъ: Глѣбъ „обезумѣ и тамо (среди половцевъ) скончася“,—неизвѣстно, впрочемъ, въ какомъ году.

Глѣбъ Владимировичъ былъ женатъ на дочери Давида Ростиславича Смоленскаго, но потомства, повидимому, не оставилъ.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., стр. 409, 410, 418, 419, 422, 465, 476; Лѣтоп. по Ипатск. сп., стр. 464—465; Новгор. лѣтоп. по Синод. харат. сп., стр. 190, 207; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV (ч. 1-я), 181, 197, (ч. 2-я), 180, 193; V, 172*; VII, 105, 114—116, 124—126, 219, 235, 242, 243; X, 23, 27, 55, 56, 59, 77, 78, 81, 82; XV, 305—307, 325, 329; XVIII, 36, 44, 49, 51; XX, 141, 145—147, 149, 150; XXI, 224, 258; XXIII, 57, 61, 62, 66, 67; „Лѣтописецъ, содерж. Россійск. ист. съ 1206 до 1534 г.“, М. 1784, стр. 6, 7; „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго“, М. 1851, стр. 102, 108, 109; Тихомировъ, 12—13; Иловайскій, 75, 76, 78—80, 83, 84, 88—90; Карамзинъ, III, 59, 74, 102, 106, 120, пр. 80, 95, 123, 125, 130, 178; Соловьевъ, I, 566, 568, 595; А. Селивановъ, „Къ вопросу объ основаніи гор. Переяславля Рязанскаго“—Тр. Рязанск. учен. арх. ком., VI (1892), стр. 25, пр. 3. *А. Андреевъ.*

6. *Глѣбъ Ростиславичъ*, князь Рязанскій, сынъ князя Ростислава Ярославича. Въ 1145 г. онъ былъ посланъ своимъ отцомъ изъ Мурома княжить въ Рязани, но княженіе его продолжалось лишь одинъ годъ, потому что сыновья Юрія Долгорукаго вытѣснили изъ Рязани не только Глѣба, но и его отца,—за союзъ ихъ съ южными князьями, враждебными Юрію. Въ 1161 г. въ Муромѣ сѣлъ Юрій Владиміровичъ (сынъ Владиміра Святославича), а Рязанскій столъ занялъ Глѣбъ Ростиславичъ. Свѣдѣнія о немъ продолжаютъ оставаться отрывочными; такъ, напр., извѣстно, что въ 1167 г. князь Владиміръ Мстиславичъ, обратившійся къ Андрею Боголюбскому во время распри своей съ роднымъ племянникомъ, Кіевскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, нашелъ пріютъ у Глѣба Рязанскаго. Андрей Боголюбскій послалъ его съ такими словами: „Ступай (пока) въ Рязань къ Глѣбу Ростиславичу; я надѣлю тебя“. Какъ изъ этой посылки, такъ и изъ участія въ нѣсколькихъ походахъ Андрея Боголюбскаго сыновей Глѣба Рязанскаго и Юрія Муромскаго, заключаемъ о нѣкоторой подчиненности ихъ Андрею Боголюбскому. Между Андреемъ и женой Глѣба существовало родство: Глѣбъ былъ женатъ на дочери Ростислава, старшаго брата Боголюбскаго,—слѣдовательно, на его родной племянницѣ. Весьма вѣроятно, что и это имѣло значеніе, такъ какъ мы знаемъ, что старшіе родственники пользовались почетомъ даже и въ то время, когда между князьями бывали распри.

Послѣ смерти въ 1174 г. Андрея, суздальцы, очевидно, опасались, что сосѣдніе князья, смирявшіеся передъ нимъ, могутъ выместить на Суздальской области за прежнія обиды. Во Владимірѣ, куда съѣхались дружинники Андрея, слышались такія рѣчи:

„За какимъ княземъ мы пошлемъ? сосѣдями у насъ князья Муромскіе и Рязанскіе; боимся ихъ мести, какъ вдругъ придутъ на насъ войною; а князя у насъ нѣтъ. Пошлемъ къ Рязанскому Глѣбу и скажемъ ему: хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ". Надо полагать, что это пожеланіе было высказано не безъ вліянія присутствовавшихъ на Владимірскомъ съѣздѣ Рязанскихъ бояръ Дѣдильца и Куневича. Суздальцы отправили къ Глѣбу посольство изъ знатнѣйшихъ людей, съ просьбой отпустить своихъ мужей вмѣстѣ съ суздальцами въ Черниговъ за обоими Ростиславичами. Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи пригласили княжить съ собой совмѣстно и дядьевъ своихъ, Михаила и Всеволода Юрьевичей. Весьма возможно, что ихъ побудила къ тому рознь, существовавшая между различными городами и слоями населенія Суздальской области, и вліяніе Черниговскаго князя Святослава Всеволодовича, который держалъ сторону Юрьевичей. Вскорѣ по прибытіи на сѣверъ вышеупомянутыхъ князей возникли междоусобія, и Юрьевичи удалились на югъ. Глѣбъ не сумѣлъ ни упрочить положенія своихъ шурьевъ въ Суздальской области, ни подчинить ихъ своему вліянію; онъ оказалъ имъ помощь только въ весьма постыдномъ дѣлѣ: вмѣстѣ съ ними ограбилъ богатый Владимірскій соборъ и воротился въ Рязань съ большою добычею. При вторичномъ столкновеніи Юрьевичей съ Ростиславичами, въ 1176 г., Глѣбъ не принималъ никакого участія въ ихъ распрѣ; послѣ пораженія Мстислава дядей его Михаиломъ, Глѣбъ оказалъ гостепріимство Ярополку, а Мстиславъ бѣжалъ въ Новгородъ. По утвержденіи своемъ во всей землѣ Ростовской, Михалко отправился съ войскомъ на Рязань, чтобы возвратить соборной церкви Владиміра награбленныя оттуда Глѣбомъ сокровища, между прочимъ, самый образъ Богоматери, привезенный Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышгорода, и богослужебныя книги. На рѣкѣ Нерской, впадающей въ Москву, встрѣтили Михалка послы Глѣба: „Князь—сказали они,—Глѣбъ кланяется тебѣ и говоритъ: я во всемъ виноватъ и теперь возвращаю все, что̀ взялъ у шурьевъ своихъ, Ростиславичей, все до послѣдняго золотника". Михалко согласился на миръ, дѣйствительно, получивъ все награбленное Глѣбомъ. Кромѣ того, Глѣбъ долженъ былъ поклясться, что не станетъ помогать своимъ шурьямъ противъ Михалка и Всеволода.

Нѣсколько времени спустя умеръ Михалко; ростовцы призвали къ себѣ изъ Новгорода прежняго своего князя Мстислава Ростиславича; владимірцы цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу и дѣтямъ его. Всеволодъ старался мирно окончить дѣло, однако, ни ростовцы съ боярами Мстислава, ни владимірцы съ переяславцами не соглашались рѣшить споръ иначе, какъ оружіемъ. Проигравъ сраженіе, Мстиславъ бѣжалъ въ Новгородъ, но не былъ тамъ принятъ и нашелъ пріютъ у своего зятя Глѣба въ Рязани. Подстрекаемый Мстиславомъ къ войнѣ съ Всеволодомъ, Глѣбъ напалъ осенью 1177 г. на Москву, сжегъ ее и опустошилъ окрестныя села. Всеволодъ выступилъ было противъ него, но за Переяславлемъ его встрѣтили новгородскіе послы и совѣтовали подождать помощи изъ Новгорода. Всеволодъ возвратился; помощь онъ получилъ, нѣсколько времени спустя, не отъ новгородцевъ, а со стороны Черниговскихъ князей Олега и Владиміра Святославичей и своего племянника, князя Переяславля Залѣсскаго—Владиміра Глѣбовича. Всеволодъ пошелъ съ ними къ Коломнѣ, а Глѣбъ съ своими сыновьями Романомъ и Игоремъ, съ обоими Ростиславичами и съ половцами, прямымъ путемъ черезъ лѣса, направился къ Владиміру. Получивъ извѣстіе, что Глѣбъ разграбилъ въ Боголюбовѣ соборную церковь, щедро украшенную Андреемъ, пожегъ нѣсколько церквей и боярскихъ селъ, а женъ, дѣтей и всякое имѣніе отдалъ половцамъ *на щитъ*, Всеволодъ немедленно вернулся въ свою волость и встрѣтилъ Глѣба на р. Колакшѣ. Вслѣдствіе оттепели, ледъ на рѣкѣ сдѣлался очень тонокъ, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца противники не могли предпринять рѣшительной битвы. Въ февралѣ произошло сраженіе, окончившееся побѣдой Всеволода: рязанцы были разбиты; Глѣбъ съ сыномъ Романомъ, Мстиславъ Ростиславичъ, бо̀льшая часть дружины и много знатныхъ бояръ Рязанскаго князя попали въ плѣнъ. Ярополкъ Ростиславичъ и сынъ Глѣба—Игорь успѣли спастись бѣгствомъ.

Во Владимірѣ радовались побѣдѣ и ждали, что Всеволодъ расправится съ плѣнными безъ всякаго милосердія. Такъ какъ онъ, напротивъ, снисходительно относился

къ нимъ, то на третій день поднялся мятежъ; пришли къ Всеволоду бояре и купцы и сказали ему: „Князь, мы тебѣ добра хотимъ и головы за тебя складываемъ; а ты держишь враговъ своихъ на свободѣ: враги твои и наши—суздальцы и ростовцы: либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо отдай намъ!“ Для утишенія мятежа Всеволодъ велѣлъ посадить плѣнниковъ въ тюрьму и послалъ къ рязанцамъ съ требованіемъ выдать Ярополка Ростиславича. Рязанцы разыскали на Воронежѣ скитавшагося Ярополка и привезли его во Владиміръ; сами они были сердиты на Ярополка, говоря: „Князь нашъ и братья наши погибли изъ-за чужого князя“.

Между тѣмъ Смоленскій князь Мстиславъ Ростиславичъ, по прозванію *Храбрый*, женатый на дочери Глѣба, послалъ къ Святославу Всеволодовичу Черниговскому просить его заступничества передъ Всеволодомъ Юрьевичемъ за плѣнныхъ князей; княгиня Рязанская, жена Глѣба, обратилась съ той же просьбой относительно мужа и сына. Святославъ отправилъ во Владиміръ ходатаями Черниговскаго епископа Порфирія съ игуменомъ Ефремомъ. Глѣбу было предложено отказаться отъ Рязани и ѣхать на житье въ южную Русь. Онъ не согласился на такое условіе. „Лучше умру въ тюрьмѣ — говорилъ онъ,—а не пойду въ Русь на изгнаніе“. 30-го іюня того же 1177 года Глѣбъ умеръ въ тюрьмѣ. Сынъ его Романъ былъ отпущенъ на Рязанское княженіе лишь два года спустя.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., 342, 345, 353, 359, 360, 363—365; Лѣтоп. по Ипатск. сп., 227, 370, 376, 404, 408, 410, 411; Новгор. лѣтоп. по Синод. харат. сп , 153, 154. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., IV, ч. 1 (в. I), 167—169, ч. 2 (в. I), 169—171; V, 166, 167; VII, 81, 86, 90, 92—95, 234, 242, 253, IX, 252, 253, 256; X, 3—5; XV, 238, 254, 259, 262—264; XVIII, 24, 25; XX, 123, 131—133; XXI, 3; XXIII, 46, 49—52; Иловайскій, 42, 51—63; Карамзинъ, II, 187, пр. 288, 417; III, 23, 25, 27, 30—32, 35, пр. 35, 39, 41, 44, 49—52; Соловьевъ, I, 389, 515, 521, 523, 524.

В. Корсакова.

7. *Иванъ Александровичъ*, великій князь Рязанскій, сынъ князя Пронскаго Александра Михайловича, внукъ Михаила Ярославича, отецъ великаго князя Рязанскаго Олега Ивановича. Вопреки утвержденію нѣкоторыхъ родословныхъ, считающихъ, можетъ быть, изъ вражды къ памяти Олега его отцомъ братоубійцу Ивана Ивановича Коротопола, самъ Олегъ въ жалованной грамотѣ Ольгову монастырѣ на село Арестовское называетъ своимъ отцомъ Ивана Александровича („молитвою отца своего князя великаго Ивана Александровича“), а договорныя преемниковъ Олега—великихъ князей Рязанскихъ Ѳеодора Ольговича, Ивана Ѳедоровича, Василія Ивановича и Ивана Васильевича называютъ Ивана Александровича ближайшимъ преемникомъ Ивана Ивановича Коротопола и непосредственнымъ предшественникомъ Олега Ивановича на великомъ княженіи Рязанскомъ. Между тѣмъ, лѣтописи Воскресенская, Никоновская и Симеоновская, не зная совсѣмъ Ивана Александровича, сообщаютъ подъ 1350—1351 г.г. о кончинѣ князя (по Никон.—великаго князя) Василія Александровича; въ Львовской же лѣтописи князь Рязанскій, умершій въ въ 1351 г., названъ „Василій Ярославичъ Александровичъ (или Александровича)“, т. е. Василій—сынъ Ярослава Александровича. Довѣряя болѣе свидѣтельству современныхъ грамотъ, извѣстія лѣтописей Воскресенской и Никоновской считаются нѣкоторыми историками (Иловайскій, Добролюбовъ, Экземплярскій) ошибочными (указанные авторы не пользовались лѣтописями Симеоновской и Львовской), и Иванъ Александровичъ грамотъ признается тѣмъ же лицомъ, что и Василій Александровичъ лѣтописей. Существуетъ, впрочемъ, другое мнѣніе (Н. А. Баумгартена), что несомнѣнно княжившій на Рязани послѣ убіенія Коротопола (1343 г.) великій князь Иванъ Александровичъ былъ братомъ Ярослава и Василія Александровичей; для согласованія же лѣтописныхъ извѣстій, на основаніи которыхъ можно предположить, что въ промежуткѣ между Иваномъ Коротополомъ и Олегомъ Ивановичемъ великое княженіе занимали Ярославъ и Василій Александровичи, съ грамотами, которыя совсѣмъ не упоминаютъ ихъ въ числѣ великихъ князей Рязанскихъ, высказывается предположеніе, что „Іоаннъ Александровичъ, по какимъ либо неизвѣстнымъ причинамъ (можетъ быть, душевный или тѣлесный недугъ), не могъ лично защищать свои интересы и поэтому за него выступали его братья какъ въ борьбѣ съ Коротополомъ, такъ и въ управленіи великимъ княжествомъ“. По мнѣнію историковъ, отож-

дествлющихъ Василія Александровича съ Иваномъ Александровичемъ, въ годы княженія на Рязани его брата Ярослава (1342—1344 гг.), занимавшаго Рязанское великое княженіе помимо старшаго брата Ивана только по волѣ хана, Иванъ Александровичъ, повидимому, сидѣлъ въ Пронскѣ, а по смерти Ярослава занялъ великокня жескій столъ и умеръ великимъ княземъ въ 1350—51 гг. Н. А. Баумгартенъ, сомнѣваясь, чтобы братья Ивана Александровича, Ярославъ и Василій, занимали великое княженіе, считаетъ Ивана Александровича княземъ Пронскимъ до 1342 г. и великимъ княземъ Рязанскимъ „по всей вѣроятности“ съ 1342 г.; по мнѣнію того же автора, Иванъ Александровичъ скончался „до 1353 г.“, когда лѣтописи впервые называютъ его сына Олега великимъ княземъ Рязанскимъ. Въ дополненіе къ послѣднему мнѣнію А. Е. Пресняковъ справедливо полагаетъ, что у насъ нѣтъ основанія утверждать, что князь Иванъ не занялъ старшаго Рязанскаго стола (въ Переяславлѣ) еще при жизни брата Ярослава, т. к. послѣдній умеръ княземъ въ Пронскѣ.

Отъ брака съ неизвѣстной Иванъ Александровичъ оставилъ сына Олега и дочь Анастасію, бывшую замужемъ за татарскимъ мурзой Салахмиромъ, во святомъ крещеніи Иваномъ Мирославичемъ, родоначальникомъ Апраксиныхъ и Вердеревскихъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, 215, 243; X, 222; XVIII, 97; XX, 186; „Жалованная грамота Олега Рязанскаго...“, М. 1913, стр. 5, 11, 47, 57, 60—62; „Собр. Гос. Грам. и Догов.“, I, №№ 36, 48, 65, 115, 116; Карамзинъ, IV, п. 335, 373. Тихомировъ, стр. 17; Иловайскій, стр. 158, 159, 308—313, 328. „Рязанск. Достопамятности“, стр. 22—23, пр. 26. Экземплярскій, II, стр. 575, 576, пр. 854, 581, 582, 627, 628; Баумгартенъ, стр. 3, 4; Иконниковъ, II, стр. 1032, 1033; Пресняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 232, 233.

8. *Иванъ Васильевичъ*, сынъ великаго князя Василія Ивановича, род. 14-го апрѣля 1467 г. въ Москвѣ, сконч. 20-го мая 1500 г. Иванъ Васильевичъ занялъ великокняжескій столъ послѣ смерти отца своего въ январѣ 1483 г., получивъ въ управленіе большую часть (двѣ трети) Рязанскаго княжества, чѣмъ объясняется прозвище этого князя — „Большія области Третной“, встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ грамотахъ, напр., въ жалованной грамотѣ Ивана Васильевича воздвигнутой имъ въ 1485 г. церкви Іоанна Златоуста въ гор. Переяславлѣ и др. Въ виду молодости Ивана Васильевича въ первые годы его великаго княженія дѣлами Рязанскаго княжества руководила его мать, великая княгиня Анна Васильевна. Внѣшняя политика княжества въ годы правленія Анны Васильевны, а также въ послѣдующіе годы княженія Ивана Васильевича, мало чѣмъ отличалась отъ политики отца Ивана Васильевича, великаго князя Василія Ивановича. Все большее подчиненіе Москвѣ, положеніе, въ сущности, подручника великаго князя Московскаго—вотъ что характеризуетъ дѣятельность Ивана Васильевича въ сношеніяхъ его съ Иваномъ Васильевичемъ Московскимъ. Это подтверждается, съ одной стороны, тѣмъ договоромъ, который былъ заключенъ Иваномъ Васильевичемъ Рязанскимъ съ Иваномъ Васильевичемъ Московскимъ 9-го іюня 1483 г., а съ другой — извѣстіями лѣтописей, которыя отмѣчаютъ, напр., участіе Рязанскихъ войскъ во главѣ съ братомъ Ивана Васильевича, Ѳедоромъ, и его воеводой Инькой Измайловымъ въ походѣ 1493 г. великаго князя Московскаго на Серпейскъ и Мезецкъ. Въ упомянутомъ договорѣ 1483 г. великій князь Рязанскій называетъ Ивана III и его сына братьями старѣйшими, его брата Андрея — братомъ и другихъ братьевъ Ивана III, Бориса и Михаила,—младшими братьями; обязуется быть съ великимъ княземъ Московскимъ и его сыномъ „вездѣ за одинъ безъ хитрости“, можетъ вступать съ сношенія съ Литовскими князьями и недругами Ивана III лишь съ его согласія, а съ татарскими царевичами обязуется жить по докончанію съ ними Ивана III, признаетъ за Москвой куплю великаго князя Василія Васильевича въ иредѣлахъ великаго княжества—Тѣшиловъ, Веневъ, Ростовецъ и др., и не имѣетъ права вступаться въ Елецъ и елецкія мѣста. Съ своей стороны Иванъ III обѣщалъ „печаловатися“ объ Иванѣ Васильевичѣ и его отчинѣ. Нѣсколькими годами позже, въ договорѣ 7-го февраля 1494 г., заключенномъ между Литвой и Москвой, великій князь Московскій считается уже единственнымъ судьей надъ великимъ княземъ Рязанскимъ, если онъ въ чемъ-либо „сгрубитъ“ великому князю Литовскому. Несмотря, однако, на московскую опеку и

полное униженіе передъ Москвой, въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ—въ отношеніяхъ къ сородичамъ великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичъ держится такъ же, какъ великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ по отношенію къ своимъ братьямъ и родственникамъ. Въ договорѣ 19-го августа 1496 г. великаго князя Рязанскаго съ роднымъ братомъ Ѳедоромъ отношенія между братьями устанавливаются по образцу Московскихъ междукняжескихъ отношеній. Иванъ Васильевичъ, какъ старшій, называется въ договорѣ великимъ княземъ, Ѳедоръ—удѣльнымъ. Братья договорились, между прочимъ, что оба княженія должны быть строго раздѣльными, наслѣдственными въ нисходящей линіи; въ случаѣ, если который-либо изъ нихъ умретъ бездѣтнымъ, братья обоюдно обязались не отдавать свои удѣлы мимо другъ друга „никакою хитростью“. Но въ договорѣ случайно или умышленно не былъ предусмотрѣнъ тотъ случай, который произошелъ на самомъ дѣлѣ: старшій братъ Иванъ Васильевичъ умеръ раньше младшаго, оставивъ сына,—и удѣльный князь Ѳедоръ Васильевичъ, пользуясь недомолвкой договора, безъ всякой хитрости отказалъ передъ смертью (въ 1503 г.) свой удѣлъ великому князю Московскому. Лѣтописи ничего не сообщаютъ о послѣднихъ годахъ жизни Ивана Васильевича.

Отъ брака (съ 13-го іюля 1485 г.; вѣнчаніе, происходившее въ Переяславлѣ, совершалъ Рязанскій епископъ Симеонъ) съ Аграфиной Васильевной Бабичъ-Друцкой Иванъ Васильевичъ оставилъ сына Ивана. Нѣкоторыя новѣйшія родословныя даютъ ему еще сыновей Василія и Ѳедора, въ лѣтописяхъ не упоминаемыхъ, впрочемъ, не признаваемыхъ историками (Иловайскій, Экземплярскій и Баумгартенъ), кромѣ автора примѣчаній къ„ Рязанскимъ Достопамятностямъ“.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 155, 161; VI, 36, 39*, 44, 45, 235, 237, 240, 243*, 278*; VIII, 152, 214, 238; XII, 117, 214, 234, 251; XVIII, 270, 277; XX, 350, 352, 358, 370; XXI, 3; XXIII, 183, 194; „Лѣтописецъ, содерж. Россійск. ист. съ 1206 по 1534 г.“, стр. 262, 305, 328; А. Шахматовъ, „О такъ назыв. Ростовской лѣтописи“, стр. 72; „Собр. Гос. Грам. и Догов.“, I, №№ 115, 116, 127, 128; „Сборникъ Муханова“, изд. 2, №№ 40, 41; „Акты XIII—XVII вв., представл. въ Разр. Прик.“, №№ 29, 30, 32, 35, 40, 41, 44; С. Шумаковъ, „Сотницы, грамоты и записи“, в. I, стр. 47; „Рязанск. Достопамятности“, §§ 87, 88, пр. 325, 326; „Тр. Рязанск. учен. арх. ком.“, т. XII, в. 2, стр. 316—317; И. Бѣляевъ, „Церковь св. Іоанна Златоустаго въ Переяславлѣ Залѣсскомъ“—Москвитянинъ, 1855, т. II, № 12, кн. 2, стр. 143—144; Тихомировъ, стр. 18; Иловайскій, стр. 217—222, 251, 252; Экземплярскій, II, стр. 576, 600—605, 609, 638, 645, 646.—Карамзинъ, VII, 114, 203, пр. 294, 383, 396, 562, 629; Соловьевъ, I, 1387, 1388; В. Ключевскій, „Курсъ русской исторіи“, ч. I (изд. 2-е), стр. 423—425; А. Пресняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 256—258.

9. *Иванъ Ивановичъ*, прозвищемъ *Коротополъ* или *Коротопольй*, сынъ князя Ивана Ярославича, великій князь съ 1327 г., убитъ въ 1343 г. Занявъ по смерти отца великое княженіе, Иванъ Ивановичъ, въ силу договора, заключеннаго его отцемъ съ Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ въ 1320 г., несомнѣнно, принималъ участіе въ походѣ Ивана Даниловича Калиты въ 1333 г. противъ Новгорода; въ числѣ союзниковъ Ивана Калиты упомянуты князья Рязанскіе. Затѣмъ до 1339 г. (Никон., Тверская) или 1340 г. (прочія лѣтописи) лѣтописи ничего не сообщаютъ объ Иванѣ Ивановичѣ; въ этомъ же году великій князь Рязанскій ходилъ въ Орду, на обратномъ пути откуда сопровождалъ татарскаго посла Товлубія и татаръ, посланныхъ царемъ Азбекомъ противъ Смоленскаго князя Ивана Александровича; въ Переяславлѣ къ татарской рати должны были присоединиться рязанскія войска. Въ пути Иванъ Ивановичъ встрѣтилъ одного изъ удѣльныхъ Рязанскихъ князей,—князя Пронскаго Александра Михайловича, своего двоюроднаго брата, который везъ въ орду выходъ. Подобно Московскимъ князьямъ, великіе князья Рязанскіе желали одни вѣдать сношенія съ татарами, и поступокъ князя Пронскаго встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Ивана Ивановича. Онъ ограбилъ Александра Михайловича, отвелъ его въ Переяславль и тамъ его убилъ; впрочемъ, Львовская лѣтопись замѣчаетъ при этомъ, что убіеніе князя Пронскаго было совершено по приказанію ханскаго посла Товлубія. Сыну убитаго, князю Пронскому Ярославу, отправившемуся въ Орду вмѣстѣ съ другими Рязанскими и Пронскими князьями послѣ смерти Ивана Калиты, удалось склонить на свою сторону хана,—и въ 1342 г. Ярославъ, въ сопровожденіи ханскаго посла Киндяка и татаръ, прибылъ изъ Орды къ Переяславлю, который былъ осажденъ пришедшими. Несмотря на от-

чалънное сопротивленіе, оказанное Иваномъ Ивановичемъ, ночью того же дня Коротополъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Въ слѣдующемъ 1343 г. Иванъ Ивановичъ былъ убитъ, но кѣмъ и почему, лѣтописи не сообщаютъ; если же сопоставить извѣстіе Воскресенской и Ермолинской лѣтописей о томъ, что Иванъ Ивановичъ былъ убитъ „на Рязани", т. е. въ Рязанской землѣ, съ сообщеніемъ Львовской, что въ томъ же 1343 г. князь Иванъ Ивановичъ убилъ „на Рязани" какого-то князя Ярополка, то возможно, что новое злодѣяніе со стороны Ивана Ивановича было причиной его гибели. Предполагаютъ, что именно Иванъ Коротополъ началъ первый титуловать себя великимъ княземъ Рязанскимъ.

Повидимому, Иванъ Ивановичъ Коротополъ не оставилъ потомства; признаваемый родословными его сыномъ великій князь Олегъ Ивановичъ является на самомъ дѣлѣ сыномъ не Ивана Ивановича, а Ивана Александровича.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, ч. 1-я (в. 1-н), 270, ч. 2-я (в. 1-й), 254; V, 222*; VII, 206, 209, 243; X, 211, 215; XV, 421; XVI, 73; XVII, 31, 125; XVIII, 93, 94; XX, 180, 181, 184; XXI, 3; XXIII, 105, 107; „Лѣтоп., содерж. Россійск. ист. съ 1206 по 1534 г.", стр. 85, 88, 89; „Русскія лѣтописи. I—III. По рукоп., принадлеж. И. П. Никифорову", стр. 43.—Тихомировъ, стр. 17; Иловайскій, стр. 139, 140; Экземплярскій, II, стр. 260, 400, 575, 576, 578—580, 582, 626—628; Карамзинъ, IV, 127, 147, 148, 157, пр. 271, 320, 335; Соловьевъ, I, 922, 941; А. Нѣсняковъ, „Образов. великорусск. госуд.", стр. 230—232.

10. *Иванъ Ивановичъ*, сынъ великаго князя Ивана Васильевича, послѣдній великій князь Рязанскій, род. въ 1496 г., ум. около 1534 г. По смерти отца въ 1500 г. Иванъ Ивановичъ остался на попеченіи матери, Аграфены Васильевны, и бабки, Анны Васильевны, вскорѣ (въ 1501 г.) умершей. Великое княженіе Рязанское, потерявшее по смерти въ 1503 г. дяди Ивана Ивановича, Ѳедора Васильевича, значительную часть земель, перешедшихъ по завѣщанію Ѳедора Васильевича къ Москвѣ, съ каждымъ годомъ попадало все въ большую зависимость отъ Москвы; какъ это видно изъ наказа великаго князя Ивана III Якову Телѣшову 1502 г., великій князь Московскій распоряжался на Рязани, какъ въ своей отчинѣ, а въ договорѣ Василія III съ великимъ княземъ Литовскимъ 1508 г. земля Рязанская считается принадлежащей Москвѣ. Въ годы малолѣтства Ивана Ивановича при Рязанскомъ великокняжескомъ дворѣ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна группировалась около молодого князя и ставила своей цѣлью освобожденіе Рязанскаго княжества отъ Московской опеки, для достиженія чего она пыталась устранить отъ власти главу противной партіи — сторонниковъ Москвы, послушную Московскому князю мать Ивана Ивановича, Аграфену. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ мѣстныхъ патріотовъ, указывавшихъ молодому князю на Крымъ и Литву, какъ единственныхъ союзниковъ противъ Москвы, Иванъ Ивановичъ при помощи Крымскихъ татаръ отнялъ въ 1516 г. власть у матери; не безъ связи съ этими событіями находилось нападеніе въ томъ же году на Рязанскую землю Крымскаго царевича Богатыря. Сношенія Ивана Ивановича съ Крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ, приславшимъ ему помощь при занятіи великаго княженія, не остались тайной для Василія III. Онъ звалъ Ивана Ивановича въ Москву для объясненій, но великій князь Рязанскій колебался и не ѣхалъ. Когда же подкупленный Василіемъ III одинъ изъ самыхъ довѣренныхъ совѣтниковъ Ивана Ивановича, Семенъ Крубинъ или, какъ справедливо исправляетъ Герберштейна Д. И. Иловайскій — Коробьинъ уговорилъ великаго князя Рязанскаго отправиться въ Москву, по пріѣздѣ туда Иванъ Ивановичъ былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу, мать его отправлена въ монастырь, а на Рязань посланы Московскіе намѣстники, въ частности, въ Переяславль извѣстный воевода Иванъ Васильевичъ Хабаръ, еще въ маѣ 1520 г. бывшій намѣстникомъ Перевитскимъ, одного изъ Рязанскихъ городовъ, доставшихся Москвѣ въ 1503 г. Въ іюлѣ 1521 г. союзникъ Ивана Ивановича—Крымскій ханъ Магметъ-Гирей ходилъ на Москву въ связи съ Рязанскимъ переворотомъ и присоединеніемъ княжества къ Москвѣ. Такимъ образомъ, заключеніе Ивана Ивановича подъ стражу произошло между маемъ 1520 г. и іюлемъ 1521 г., а не въ 1515—16 гг. (зимой 7024 г.), какъ полагали на основаніи Архангелогородской лѣтописи. Помимо отмѣченнаго выше, еще отъ іюня 1519 г. сохранились жалованныя грамоты „великаго князя Рязанскаго Ивана Ивановича". Обстоятель-

ства окончательнаго присоединенія Рязанскаго княжества къ Москвѣ разсказаны современникомъ, С. Герберштейномъ, посѣтившимъ Москву вскорѣ послѣ того; русскія лѣтописи (за единственнымъ исключеніемъ, указаннымъ выше) молчатъ о послѣднихъ годахъ самостоятельнаго существованія Рязани, а нѣкоторые хронографы считаютъ даже послѣднимъ самостоятельнымъ княземъ Рязанскимъ не Ивана Ивановича, а его отца.—Въ іюлѣ 1521 г., въ виду приближенія къ Москвѣ Магметъ-Гирея, въ городѣ произошли безпорядки; въ возникшей сумятицѣ Ивану Ивановичу удалось бѣжать изъ Москвы. Извѣстіе Степенной книги, что въ пути, на Бронницахъ, Иванъ Ивановичъ былъ убитъ татарами, невѣрно. Окольными путями Иванъ Ивановичъ пробирался къ Переяславлю, разсчитывая при помощи хана вернуть себѣ великое княженіе Рязанское. Чрезъ довѣренныхъ лицъ Иванъ Ивановичъ старался завязать сношенія съ рязанцами, но попытки его вернуть свою отчину оказались безуспѣшными: посланные Иваномъ Ивановичемъ въ Переяславль Димитрій Сунбуловъ и нѣкій Наска были пойманы Московскими воеводами и отправлены въ Москву, гдѣ подъ пыткой назвали многихъ лицъ, на которыхъ разсчитывалъ Иванъ Ивановичъ. Видя безполезность своихъ усилій, Иванъ Ивановичъ бѣжалъ въ Литву и тамъ получилъ отъ Сигизмунда въ пожизненное владѣніе мѣстечко Стоклишки въ Ковельскомъ повѣтѣ. Крымскій ханъ неоднократно пытался переманить Ивана Ивановича къ себѣ, чтобы имѣть въ его лицѣ, какъ претендентѣ на Рязань, постоянную угрозу Москвѣ, но Иванъ Ивановичъ остался въ Литвѣ. Онъ велъ тамъ обычную жизнь Литовскихъ магнатовъ: богато одѣвался и не платилъ долговъ, какъ видно изъ одного дѣла о немъ 1533 г., державъ большое количество бояръ и слугъ, которымъ позволялъ грабить сосѣдей, награждая своихъ приближенныхъ казенными землями безъ королевскаго разрѣшенія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ два другихъ дѣла (1533 и 1560 г.г.), занесенныхъ въ Литовскую Метрику. Неизвѣстно точно, когда умеръ Иванъ Ивановичъ, но предположительно смерть его относится къ 1534 г., такъ какъ въ этомъ году пожизненное владѣніе Ивана Ивановича въ Литвѣ, Стоклишки, было пожаловано князю Семену Ѳедоровичу Бѣльскому, бѣжавшему изъ Москвы, а въ 1537 г. князь Семенъ просилъ у Сигизмунда помощи, чтобы возвратить себѣ свою старинную отчину—не только княжество Бѣльское, но и Рязанское. По пресѣченіи мужской линіи князь Семенъ Бѣльскій считалъ себя наслѣдникомъ Рязанскимъ, такъ какъ по матери былъ внукомъ великаго князя Рязанскаго Василія Ивановича и княгини Анны Васильевны. Такимъ образомъ, въ это время Ивана Ивановича уже не было въ живыхъ.

Неизвѣстно, былъ ли женатъ Иванъ Ивановичъ, но потомства онъ не оставилъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, 244; XII, 251; XXI, 3; „Лѣтоп., служащ. продолж. Нестору“, 224; „Лѣтописецъ (Архангелогородскій), содерж. въ себѣ Россійск. ист. отъ 852 до 1598 г.“, М. 1781, стр. 190; „Сборн. кн. Оболенскаго“, стр. 1—12, 47—52; А. И., I. № 127; С. Герберштейнъ, „Записки о московитск. дѣлахъ“, С.-ПБ. 1908, стр. 104, 105; „Акты XIII—XVII в.в., представл. въ Разряды. Прик.“, №№ 46—50, 93, 94, 98, 101—103, 105—108, 110, 111. А. З. Р., II, № 116; „Опис. докум. и бумагъ, хранящ. въ Моск. Арх. Мин. Юст.“, кн. XXI, стр. 121, 253; Тихомировъ, стр. 18; Иловайскій, стр. 222, 223, 228—242, 317—325; Экземплярскій, II, стр. 604—609, 646; Баумгартенъ, стр. 6.—Карамзинъ, VI, 203, пр. 562; VII, 16, 73, пр. 248; Соловьевъ, I, 1888, 1647, 1648; А. Пресняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 258.

11. *Иванъ Ярославичъ*, сынъ Ярослава Романовича, занималъ Рязанское княженіе, какъ старшій въ потомствѣ Ярослава Святославовича, послѣ смерти Василія Константиновича, съ 1308 по 1327 годъ. Ранѣе этого года Лаврентьевская лѣтоп., не называя Ивана Ярославича по имени, отмѣчаетъ подъ 1300 годомъ, что „Рязанскіе князи Ярославичи (т. е. Иванъ и Михаилъ)... у Переяславля“. По догадкѣ Д. И. Иловайскаго, это отрывочное извѣстіе указываетъ на усобицу племянниковъ Константина Романовича, занявшаго, по мнѣнію автора „Исторіи Рязанскаго княжества“, Рязанское княженіе послѣ смерти отца Ивана Ярославича. Какъ полагаютъ нѣкоторые, по происканъ Ярославичей былъ убитъ въ Ордѣ въ 1308 г. сынъ Константина Романовича, Василій. За время княженія Ивана Ярославича лѣтописи отмѣчаютъ только три факта изъ его біографіи. По неизвѣстнымъ причинамъ, не указаннымъ лѣтописью (Новгор. 1-й), въ 1320 г. Юрій Даниловичъ Московскій отправился въ походъ противъ Рязанскаго князя, но дѣло, повидимому, не дошло до столк-

новенія,—князья примирились и между ними былъ заключенъ договоръ. Какъ разсказываютъ нѣкоторыя западно-русскія лѣтописи, за князя Кіевскаго Станислава, изгнаннаго Гедиминомъ изъ Кіева и жившаго въ Брянскѣ, князь Рязанскій Иванъ сватался свою единственную дочь Ольгу и, не имѣя сына, обѣщалъ ему за дочерью великое княженіе Рязанское; Станиславъ женился на Ольгѣ и послѣ смерти Ивана Ярославича былъ великимъ княземъ Рязанскимъ. Не говоря уже о томъ, что личность Кіевскаго князя Станислава считается легендарной, приведенный разсказъ является одной изъ историческихъ басенъ: послѣ Ивана Ярославича княжилъ на Рязани не Станиславъ, а сынъ Ивана Ярославича, Иванъ Ивановичъ. Наконецъ, подъ 1327 г. лѣтописи сообщаютъ объ убіеніи Ивана Ярославича, но обстоятельства дѣла рисуютъ различно: по однимъ лѣтописямъ (Львовская и др.), Иванъ Ярославичъ убитъ въ Ордѣ, по другимъ (Никон.)—убитъ въ то время, когда татары наказывали тверичей за убіеніе Шевкала, и, наконецъ, третьи (Лавр., Новгор.) не указываютъ ясно, была ли связь между нашествіемъ татаръ на Тверь и убіеніемъ Рязанскаго князя.

Отъ брака съ неизвѣстной Иванъ Ярославичъ оставилъ сына Ивана.

Лѣтоп. по Лаврент. списку, изд. 3-е, стр. 461, 503; Новгор. лѣтоп. по Синодальн. харат. списку, стр. 319, 323; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, ч. 1 (в. 1), 261, ч. 2 (в. 1), 246; V, 218; VII, 201, 243; X, 194; XV, 416; XVI, 65; XVII, 260, 313, 374, 439, 493; XVIII, 90; XX, 178; XXI, 3; Лѣтоп., содерж. Россійск. ист. съ 1206 до 1534 г., стр. 82.—Тихомировъ, стр. 17; Иловайскій, стр. 137, 139; Экземплярскій, II, стр. 575—579, 626, 627.—Карамзинъ, IV, 121, 127, пр. 264, 271; V, пр. 224, 275; Соловьевъ, I, 911, 913, 922; М. Грушевський, „Історія Украіни-Руси", IV (1907), стр. 18.

12. *Иванъ Ѳедоровичъ*, сынъ великаго князя Ѳедора Ольговича. Лѣтописи не отмѣчаютъ ни года его рожденія, ни времени, когда онъ занялъ великокняжескій столъ; неизвѣстно также, когда умеръ его отецъ,—годомъ смерти Ѳедора Ольговича нѣкоторые считаютъ 1409 г., а другіе 1423—1427 г.г. Самое раннее упоминаніе объ Иванѣ Ѳедоровичѣ, какъ великомъ князѣ Рязанскомъ, находится въ договорѣ его съ Витовтомъ, заключенномъ, несомнѣнно, послѣ 1425 г. и ранѣе 1430 г. Признавая себя по отношенію къ Витовту служебнымъ княземъ, Иванъ Ѳедоровичъ обязывается вѣрно служить ему, имѣть общихъ друзей и недруговъ и безъ его воли ни съ кѣмъ не заключать договоровъ и никому не помогать; въ случаѣ спора Витовта съ великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Васильевичемъ, Иванъ Ѳедоровичъ долженъ помогать Витовту. Этотъ договоръ имѣлъ силу до смерти Витовта въ 1430 г. По нѣкоторымъ лѣтописямъ, Иванъ Ѳедоровичъ (по другимъ лѣтописямъ—его послы) принималъ участіе въ 1430 г. въ извѣстныхъ празднествахъ, на которыхъ Витовтъ намѣревался объявить себя Литовскимъ королемъ. Въ промежуткѣ между 1425 (вѣроятнѣе, 1430) и 1433 г. Иваномъ Ѳедоровичемъ былъ заключенъ какой-то договоръ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, которому Иванъ Ѳедоровичъ помогалъ въ его борьбѣ съ Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ. Когда же Юрій взялъ Москву (1434 г.), Иванъ Ѳедоровичъ какъ лично отъ себя, такъ и отъ имени Пронскаго князя, съ которымъ онъ незадолго передъ тѣмъ помирился, заключилъ договоръ съ Юріемъ, обязавшись участвовать лично или чрезъ воеводъ во всѣхъ походахъ Юрія Дмитріевича. Послѣ смерти Юрія въ томъ же году не видно, чтобы Иванъ Ѳедоровичъ принималъ участіе въ борьбѣ великаго князя Василія Темнаго съ дѣтьми Юрія; уже по окончаніи междоусобицы Иванъ Ѳедоровичъ заключилъ 20-го іюня 1447 г. новый договоръ съ Василіемъ Васильевичемъ. Договоръ 1447 г. допускаетъ возможность заключенія Иваномъ Ѳедоровичемъ новаго соглашенія съ Литвой, но „по думѣ" съ великимъ княземъ Московскимъ, а въ договорѣ 1449 г. съ великимъ княземъ Казимиромъ Василій Темный обѣщаетъ даже не гнѣваться и не мстить Ивану Ѳедоровичу, если онъ захочетъ служить Казимиру; на случай, если Иванъ Ѳедоровичъ въ чемъ-либо сгрубитъ Казимиру, послѣдній долженъ обослаться о томъ съ великимъ княземъ Московскимъ; если же вразумленія Московскаго князя не будутъ способствовать исправленію великаго князя Рязанскаго, то Казимиръ въ правѣ его наказать, а Василій Васильевичъ въ то не вступается. Неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ къ Литвѣ находился Иванъ Ѳедоровичъ въ эти годы; смуты въ Польско-Литовскомъ государствѣ способствовали, однако, набѣгамъ рязанцевъ на Литовскія земли; жалобы пограничныхъ жителей, сильно страдавшихъ отъ этихъ набѣговъ, заставили Казимира отправить по этому поводу спеціаль-

наго посла къ Ивану Ѳедоровичу, который принималъ его въ іюнѣ 1456 г. Лѣтописи ничего не сообщаютъ объ Иванѣ Ѳедоровичѣ за годы его княженія, хотя упоминаютъ объ отдѣльныхъ событіяхъ изъ жизни Рязанскаго княжества, напр., о набѣгахъ татаръ и пр.

Въ іюнѣ или позже въ 1456 г., по постриженіи въ иноческій чинъ съ именемъ Іоны, Иванъ Ѳедоровичъ скончался, вскорѣ за своей супругой по имени Анной (имя ея устанавливается на основаніи одного изъ синодиковъ Московскаго Успенскаго собора), неизвѣстной по происхожденію; вопреки утвержденіямъ нѣкоторыхъ авторовъ (Дителя, Макарія и др.), гробница одной изъ двухъ великихъ княгинь съ именемъ Анны, находящаяся въ Рязанскомъ Рождественскомъ соборѣ, должна принадлежать именно супругѣ Ив. Ѳед.; тамъ же погребенъ самъ Иванъ Ѳедоровичъ. Отъ брака съ великой княгиней Анной Иванъ Ѳедоровичъ имѣлъ сыновей Петра (ум. малолѣтнимъ при жизни отца) и Василія (род. 1448 г.) и дочь Ѳеодосію. Малолѣтнихъ дѣтей своихъ Иванъ Ѳедоровичъ оставилъ на попеченіе великаго князя Московскаго.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 147; V, 272; VI, 181; VII, 226, 243, 244; VIII, 3, 147; XII, 111, 112; XVII, 61, 101, 133, 616; XVIII, 212; XX, 263; XXI, 3, 473; XXIII, 155; „Русскія лѣтописи“, стр. 39; А. А. Э., I, № 25. С. Г. Г. и Д., I, №№ 48, 65; А. З. Р., I, №№ 50 (стр. 65), 58. А. И., I, № 36; А. Пискаревъ, „Древн. грам. и акты Рязанск. края“, № 3; Сборн. Муханова, изд. 2, № 324; Акты XIII—XVII в.в., представл. въ Разр. Прик., №№ 7, 8; Н. Лихачевъ, „По поводу сборн. А. И. Юшкова...“—Сборн. Археол. Инст., VI (1898), стр. 28; Изв. Тамбовск. уч. арх. ком., в. XXV, стр. 41; „Рязанск. Достопамятн.“, §§ 93, 125; „Жалов. грам. Олега Рязанскаго“, стр. 58, 60, 63; Н. Голицынъ, „О синодикѣ Московск. Успенскаго собора“—Изв. Русск. Генеалогич. Общ., в. II, стр. 29—30.—Тихомировъ, стр. 18; Иловайскій, стр. 205—213; Экземплярскій, II, стр. 232, 324, 331, 575, 596—599, 605; Баумгартенъ, стр. 5.—Карамзинъ, V, 146, 154, 195, 203, пр. 261, 275, 349, 362; Соловьевъ, I, 1062, 1082, 1083; А. Пѣсняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 251—255.

13. *Ингваръ Игоревичъ*, сынъ Игоря Глѣбовича. Въ числѣ прочихъ Рязанскихъ князей Ингваръ приходилъ со своими отрядами въ 1207 г. къ Всеволоду III, направлявшемуся въ походъ противъ Кіевскаго князя Всеволода Чермнаго. Будучи обвиненъ наряду съ остальными князьями въ измѣнѣ Всеволоду III, Ингваръ былъ схваченъ и отправленъ во Владиміръ, гдѣ оставался до самой смерти Всеволода въ 1212 г., когда Ингваръ былъ отпущенъ на Рязань Юріемъ Всеволодовичемъ. Случайно избѣгнувъ участи своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, убитыхъ Глѣбомъ Владимировичемъ въ 1217 г., Ингваръ съ помощью Юрія Всеволодовича выступилъ противъ Глѣба и изгналъ его изъ Рязани; окончательная битва между Глѣбомъ, пришедшимъ къ Рязани со множествомъ половцевъ, и Ингваромъ Игоревичемъ произошла въ 1219 г.—„и Божьею помощью и креста честнаго силою“ Ингваръ побѣдилъ Глѣба. Въ благодарность за спасеніе отъ руки Глѣба и въ память побѣды, одержанной надъ братоубійцей, Ингваромъ Игоревичемъ былъ основанъ въ томъ же 1219 г. Льговскій Успенскій монастырь, по сосѣдству съ укрѣпленнымъ городкомъ Льговомъ, верстахъ въ 12-ти внизъ по теченію р. Оки.

Неизвѣстно, когда умеръ Ингваръ Игоревичъ, т. к. лѣтописи послѣ 1219 г. почти ничего не сообщаютъ о Рязанскомъ княжествѣ до второго нашествія татаръ въ 1237 г., когда великимъ княземъ Рязанскимъ былъ сынъ Ингвара, Юрій. У Ингвара Игоревича были дѣти: Юрій, Олегъ и Романъ; упоминаемые родословными три другихъ его сына (Давидъ, Глѣбъ и Ингваръ) неизвѣстны по лѣтописямъ.

Лѣтоп. по Лаврент. списку, стр. 409, 418, 419; 422, 465, 487; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. III, 30; 50; IV, ч. 1 (в. 1), 181, ч. 2 (в. 1), 180; V, 172*, VII, 114, 115, 118, 124—126, 242, 243; X, 55, 77, 78, 81, 82; XV, 305, 325, 329; XVIII, 44, 49, 51; XX, 145; XXI, 3, 258, 300; XXIII, 61, 66, 67-Лѣтоп., содерж. Россійск. ист. съ 1206 до 1534 г.; стр. 7; „Рязанск. Губ. Вѣдом.“ 1855, № 9; „Жалов. грам. Олега Рязанскаго“, стр. 18. — Тихомировъ, стр. 12, 13; Иловайскій, стр. 79, 80, 90, 91, 116; Карамзинъ, III, 74, 106, 166, 168, пр. 123, 178, 185, 356; Соловьевъ, I, 566, 582, 595; А. Пѣсняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 225, 226.

14. *Ингваръ Ингваровичъ*. Раннія лѣтописи совсѣмъ не знаютъ этого князя. Свѣдѣнія о немъ даетъ „Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ“, вошедшая въ нѣкоторые поздніе лѣтописные своды и сборники; вслѣдъ за „Повѣстью“ нѣкоторыя родословныя считаютъ этого князя сыномъ Ингвара Игоревича. Въ Батыевъ приходъ Ингваръ Ингваровичъ, по разсказу „Пов.“, находился въ Черниговѣ у „брата“ своего, великаго князя Михаила Всеволодовича и послѣ Батыева плѣненія сѣлъ на великомъ княженіи Рязанскомъ. Но въ своей исторической части „Повѣсть“ явно

недостовѣрна: 1) „братъ“ Ингвара, великій князь Черниговскій Михаилъ Всеволодовичъ, у котораго находился Ингваръ въ Батыевъ приходъ 1237 г., еще въ 1232 г. покинулъ Черниговъ и вернулся въ свою отчину только въ 1245 г., а въ годъ татарскаго нашествія (1237 г.) въ Черниговѣ сидѣлъ Мстиславъ Глѣбовичъ; 2) авторъ „Пов.“ (а за нимъ нѣкоторые историки) смѣшиваетъ Ингвара Ингваровича съ Ингваромъ Игоревичемъ, такъ какъ считаетъ отцомъ перваго Игоря Глѣбовича, а его „братьями“ великаго князя Георгія, Глѣба и Олега Игоревичей, убитыхъ по „Пов.“ татарами; впрочемъ, среди спутниковъ Ингвара при посѣщеніи имъ поля битвы упоминается братъ его, Олегъ Игоревичъ Красный, выше отмѣченный въ „Повѣсти“ среди убитыхъ князей; 3) среди братьевъ Ингвара, оставшихся въ живыхъ, названъ Романъ Игоревичъ Коломенскій, на самомъ дѣлѣ, по согласному свидѣтельству лѣтописей, убитый татарами — и др. Данныя „Повѣсти“, въ связи съ показаніями столь же недостовѣрной въ историческомъ отношеніи „Повѣсти о приходѣ чудотворнаго Николина образа Зарайскаго, иже бѣ изъ Корсуня града, въ предѣлы Рязанскіе ко князю Феодору Юрьевичу во 2-е лѣто по Калкскомъ (!) побоищѣ“, внесли немалую смуту въ генеалогію Рязанскихъ князей: приходилось, напр., какъ нибудь объяснять отмѣченное выше одновременное существованіе и живого, и мертваго Олега Игоревича Краснаго; рѣшили считать одного братомъ Ингвара, а другого его дядей. Такимъ образомъ, у генеалоговъ, считавшихся съ показаніями повѣстей, выходило, что у Игоря Глѣбовича (сына Глѣба Ростиславича) были дѣти: Ингваръ, Романъ, Глѣбъ (два послѣднихъ убиты Глѣбомъ Владимировичемъ въ 1217 г.), Юрій и Олегъ (погибшіе отъ татаръ въ 1237 г.), а у Ингвара Игоревича, кромѣ извѣстныхъ по лѣтописямъ Юрія, Олега и Романа, еще Давидъ и Глѣбъ, убитые по „Повѣсти“ въ 1237 г., и Ингваръ; если сравнивать имена дѣтей Игоря Глѣбовича и Ингвара Игоревича, то выходитъ, что они носили одинаковыя имена, — фактъ любопытный, но мало вѣроятный. Между тѣмъ, еще Карамзинъ указывалъ на недостовѣрность исторической стороны повѣстей; соображенія историографа только подкрѣпляются приведенными выше справками. Такимъ образомъ, нѣтъ основаній вѣрить показаніямъ упомянутыхъ повѣстей, не подтверждаемымъ другими источниками, а отсюда самое существованіе Ингвара Ингваровича, котораго не знаютъ ни раннія лѣтописи, ни многія родословныя, приходится отвергнуть.

Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн., X, 29, 30, 193; Рязанск. Достопамяти. §§ 44—46; Иловайскій, стр. 128, 132, 134—136, 307; Экземплярскій. II, стр. 568—572, 582, 626; Карамзинъ, III, пр. 360; К. Калайдовичъ, „Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологич. изслѣдов. въ Рязанск. губ.“, М. 1823, стр. 75; Иконниковъ, II¹, 482, 1031, 1042, 1054; А. Пресняковъ, „Образованіе великорусск. государства“, стр, 225, 226.

15. *Константинъ Романовичъ*, сынъ великаго князя Романа Ольговича. Родословныя считаютъ Константина непосредственнымъ преемникомъ его отца, Романа, умершаго въ 1270 г., а сыномъ Константина называютъ Ярослава, тогда какъ послѣдній по Никон. лѣтописи приходился Константину братомъ и былъ княземъ (или по той же лѣтописи — великимъ княземъ) Пронскимъ, умершимъ въ 1299 г. Лѣтописныя извѣстія о Константинѣ очень скудны: лѣтописи разсказываютъ только о столкновеніи его съ Московскимъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ и о кончинѣ его. Въ 1301 г. Даніилъ Московскій предпринялъ походъ противъ Константина. Лѣтописи не указываютъ причину похода, но Д. И. Иловайскій справедливо, кажется, полагаетъ, что яблокомъ раздора была Коломна, Рязанскій городъ, который запиралъ устье р. Москвы и былъ необходимъ Москвѣ для округленія ея владѣній. Не лишено основанія предположеніе А. В. Экземплярскаго, что походъ Даніила имѣлъ также цѣлью поддержать удѣльныхъ князей Пронскихъ, сыновей Ярослава Пронскаго, Ивана и Михаила, противъ дяди ихъ Константина, хотѣвшаго присоединить Пронскій удѣлъ къ своему княжеству. Нападеніе Даніила не было внезапнымъ, такъ какъ Константину помогали татары. Рязанскій князь проигралъ битву, вслѣдствіе измѣны Рязанскихъ бояръ; Константинъ былъ взятъ въ плѣнъ „нѣкакою хитростью“, какъ поясняется позднѣйшимъ лѣтописцемъ, и отправленъ въ Москву, гдѣ его, по словамъ Никоновской лѣтописи, держали „въ чести“: Даніилъ, повидимому, надѣялся заключить съ Константиномъ договоръ и отпустить его на Рязань. Константинъ оставался въ плѣну до самой

смерти Даніила въ 1303 г., но не былъ отпущенъ на Рязань даже при сынѣ Даніила, Юріи, по приказанію котораго въ 1306 или 1307 г. Константинъ былъ убитъ; лѣтописи не указываютъ причину расправы Юрія съ плѣнникомъ, но замѣчаютъ при этомъ, что Рязанскій городъ Коломна остался послѣ того за Москвой.

По словамъ Никон. лѣтописи, Константинъ имѣлъ сына Василія.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., стр. 462; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, 183, 220, 243; X, 173, 176; XVIII, 85, 87; XX, 172, 173; XXI, 3; XXIII, 95; Лѣтописецъ, содерж. Россійск. ист. съ 1206 по 1534 г., стр. 53, 54.—Тихомировъ, стр. 91, 16, 17; Иловайскій, стр. 137, 138; Экземплярскій, II, стр. 274, 461, 573—578, 626.—Карамзинъ, IV, 98, 107, 173, пр. 188, 211; Соловьевъ, I, 883, 884, 903; Пресняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 118, 229, 230.

16. *Олегъ Ивановичъ*, сынъ великаго князя Ивана Александровича, великій князь Рязанскій. Лѣтописи не указываютъ года рожденія Олега; лишь подъ 1353 г., іюня 22, когда рязанцы захватили Московскую волость Лопастню, лѣтописецъ замѣчаетъ: „князь же ихъ (рязанцевъ) Олегъ Ивановичъ тогда еще былъ младъ“. Обычно принимается, что Олегу было не болѣе 12—15 лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о той обстановкѣ, въ которой протекали юные годы Олега. Если же судить по тому, какъ искусно воспользовались рязанцы обстоятельствами, въ которыхъ оказалось Московское и великое княженіе по смерти Симеона Гордаго въ княженіе Ивана Ивановича и годы малолѣтства Димитрія, нельзя, кажется, отрицать, что молодого князя окружали умные и преданные совѣтники. Рязанскіе бояре сумѣли сохранить Лопастню и шесть другихъ мѣстъ за Рязанью и пытались въ 1358 г. при помощи татаръ добиться исправленія границы съ Москвою. Въ своихъ притязаніяхъ къ Москвѣ Рязанскіе бояре (какъ позже ихъ князь Олегъ) ищутъ опоры въ Ордѣ. Въ послѣдующіе годы XIV в. значеніе Рязанскаго княжества только усиливалось. Впрочемъ, отмѣчая отдѣльные факты изъ жизни Рязани за это время, лѣтописецъ только подъ 1365 г. говоритъ опять объ Олегѣ. Въ этомъ году одинъ изъ татарскихъ князей, Тагай изъ Наровчата (въ Мордовской странѣ), внезапно напалъ на Переяславль, взялъ городъ, сжегъ его и окрестныя волости и съ большимъ полономъ ушелъ „въ поле“. Олегъ вмѣстѣ съ князьями Владиміромъ Пронскимъ и Титомъ Козельскимъ погнался за Тагаемъ, настигъ татаръ подъ Шишевскимъ лѣсомъ, въ урочищѣ Войновѣ, и послѣ жаркой битвы одержалъ надъ ними побѣду. Тагай едва спасся бѣгствомъ съ немногими людьми. Въ продолженіе пяти слѣдующихъ лѣтъ лѣтописи опять молчатъ объ Олегѣ; кажется, въ эти годы нарушилось внѣшнее согласіе Олега съ Москвой, хотя въ 1370 г. войска Рязанскія, подъ предводительствомъ Владимира Пронскаго, еще ходили на помощь Московскому князю при нашествіи Ольгерда на Москву, но уже въ слѣдующемъ 1371 г. началась открытая война между Москвою и Рязанью. Причины ея въ точности неизвѣстны. Татищевъ полагалъ, что на разрывъ повліяли пограничные споры изъ-за Лопастни и двойственное отношеніе Олега къ русско-литовской борьбѣ; по мнѣнію же Д. И. Иловайскаго и отчасти А. В. Экземплярскаго, одною изъ основныхъ причинъ конфликта является вражда между Олегомъ и Владиміромъ Пронскимъ; наконецъ, А. Е. Пресняковъ „мотивъ“ разрыва между Москвой и Рязанью „всего естественнѣе“ видитъ въ возраженіяхъ Олега противъ попытокъ Димитрія лишить Рязань самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній, какъ о томъ можно заключить изъ договора Димитрія съ Ольгердомъ, который А. Е. Пресняковъ относитъ къ іюлю 1371 г. Какъ бы то ни было, великій князь Московскій послалъ рать на Рязанскаго князя подъ начальствомъ искуснаго воеводы кн. Димитрія Михайловича Волынскаго. Въ мѣстечкѣ Скорнищевѣ, недалеко отъ Переяславля, 14-го декабря 1371 г. москвичи разбили рязанцевъ на голову,—и Олегъ съ небольшою дружиною едва спасся бѣгствомъ. Рязанское княженіе по волѣ великаго князя Московскаго занялъ князь Пронскій Владиміръ Дмитріевичъ. Однако, еще до лѣта 1372 г. Олегъ согналъ Владиміра Пронскаго съ великаго княженія Рязанскаго, привелъ его въ свою волю и вернулъ себѣ великое княженіе. По нѣкоторымъ нелѣтописнымъ извѣстіямъ, большое содѣйствіе въ возвращеніи великаго княженія Рязанскаго оказалъ Олегу татарскій мурза Самахмиръ, по его просьбѣ пришедшій изъ Орды съ большою военною силою

и поступившій къ Олегу на службу; по принятіи Салахмиромъ крещенія подъ именемъ Ивана, Олегъ далъ ему щедрый земельный надѣлъ, женилъ его на своей родной сестрѣ Анастасіи и сдѣлалъ однимъ изъ ближайшихъ своихъ совѣтниковъ. Неизвѣстно, какъ отнесся къ возвращенію Олега Димитрій Ивановичъ, но на этотъ разъ онъ уклонился отъ рѣшительнаго столкновенія съ Рязанскимъ княземъ. Возобновившаяся борьба съ Михаиломъ Тверскимъ и Ольгердомъ Литовскимъ и ордынскія отношенія заставляли Димитрія искать въ Олегѣ союзника, хотя и ненадежнаго. Послѣ того въ теченіе восьми лѣтъ мирныя отношенія князей не нарушались ничѣмъ; Олегъ сохранялъ, повидимому, нейтралитетъ въ борьбѣ Москвы съ Тверью; объ этомъ свидѣтельствуетъ договорная грамота Димитрія Ивановича съ Михаиломъ Тверскимъ 1375 г.; грамота назначаетъ Рязанскаго князя третейскимъ судьей въ спорныхъ дѣлахъ между Московскимъ и Тверскимъ князьями. 70-е годы Олегу пришлось провести, главнымъ образомъ, въ отраженіи татарскихъ нападеній на Рязанскія окраины. По словамъ лѣтописца, въ 1373 г. Мамаевы татары пришли изъ Орды на Рязанскаго князя Олега, города его пожгли, множество людей побили и съ большимъ полономъ возвратились восвояси. Димитрій Ивановичъ съ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ выступалъ во главѣ Московскихъ полковъ на берега Оки, но, кажется, явился слишкомъ поздно на помощь Олегу. Осенью 1377 г. на Рязанскую землю „изгономъ“ набѣжалъ царевичъ Арапша и взялъ Переяславль. Олегъ попался было въ плѣнъ, но весь израненный татарскими стрѣлами вырвался и убѣжалъ. Въ слѣдующемъ 1378 г. (11 августа) татары подъ предводительствомъ мурзы Бегича были разбиты Московскими войсками въ Рязанскихъ предѣлахъ въ битвѣ на берегахъ р. Вожи; лѣтописи не отмѣчаютъ, однако, участія Олега въ этомъ сраженіи. Но татары шли не только противъ Димитрія, но и противъ его союзника Олега. Въ 1379 г. въ сентябрѣ Мамай, мстя за пораженіе на берегахъ Вожи, устремился на Рязанское княжество, сжегъ много городовъ и селеній и съ большой добычей вернулся домой. Не считаясь съ возможностью такого нападенія послѣ нанесеннаго татарамъ пораженія, Олегъ былъ застигнутъ врасплохъ и бѣжалъ на лѣвый берегъ Оки. Разгромъ лучшей части княжества не могъ не повліять на послѣдующую политику О. и, въ особенности, на его поведеніе въ знаменитый 1380 г. Мамай съ огромными полчищами собирался двинуться на Русь; въ числѣ своихъ союзниковъ онъ считалъ великаго князя Литовскаго. Не было никакой увѣренности даже среди приближенныхъ Московскаго князя, что удастся отразить татарскія полчища. Независимо отъ исхода дѣла первый ударъ ихъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ пасть на Рязанское княжество, которое еще не успѣло оправиться отъ погрома 1379 г. Съ другой стороны, успѣхъ Москвы не принесъ бы ничего хорошаго Рязанскому княжеству. Обстоятельства заставляли Олега вести двойственную политику — съ одной стороны, онъ вступаетъ въ тайныя сношенія съ татарами, обѣщаетъ давать прежній выходъ, присоединить свои отряды къ татарскимъ и заключаетъ съ союзникомъ Мамая, великимъ княземъ Ягайлой, договоръ; съ другой стороны, онъ поддерживаетъ наружно дружескія отношенія съ Димитріемъ Ивановичемъ, предупреждаетъ даже его о грозящей опасности. Олегъ не участвовалъ въ знаменитой Куликовской битвѣ. Ему не удалось предотвратить столкновеніе рязанцевъ съ возвращавшимися съ Дону москвичами. Это послужило поводомъ для Москвы, чтобы покончить съ самостоятельностью Рязанскаго княжества. Димитрій Ивановичъ собирался послать рать на рязанскаго князя, но Рязанскіе бояре внезапно явились къ нему и сообщили, что Олегъ покинулъ со своимъ семействомъ Рязанскую землю и просили не посылать на Рязань войско. Исполняя ихъ просьбу, Димитрій ограничился отправкой на Рязань своихъ намѣстниковъ. Неизвѣстно точно, куда бѣжалъ Олегъ и когда онъ вернулся обратно. Во всякомъ случаѣ, не ранѣе августа 1381 г. между нимъ и великимъ княземъ Димитріемъ были начаты формальные переговоры о заключеніи договора, проектомъ котораго, составленнымъ въ Москвѣ, не утвержденнымъ и не вошедшимъ въ силу, является грамота 1381 г. На основаніи упомянутаго проекта договора Олегъ признавалъ себя младшимъ братомъ Московскаго князя; неясныя до-

толѣ границы обоихъ княжествъ опредѣлялись болѣе точно, причемъ нѣкоторыя части Рязанской территоріи отходили къ Москвѣ; за Московскимъ княземъ утверждались его пріобрѣтенія въ областяхъ, находившихся въ сферѣ вліянія Рязанскаго княжества (Мещера и др.); въ заключеніе Олегъ обязывался сложить крестное цѣлованіе къ Литовскому князю, а свои внѣшнія отношенія (къ татарамъ, Литвѣ и другимъ русскимъ княжествамъ) долженъ былъ вести въ согласіи съ интересами великаго князя Московскаго. Договоръ, на такихъ тяжелыхъ для Олега условіяхъ, не былъ принятъ Олегомъ. Когда же въ слѣдующемъ, 1382 г. новый ханъ Тохтамышъ шелъ походомъ на Москву, Олегъ, пытаясь спасти свое княжество отъ новаго погрома, встрѣтилъ хана съ покорностью, обѣщалъ ему помощь противъ Димитрія и указалъ татарамъ броды на р. Окѣ. Безъ всякаго навѣта Суздальскихъ князей, какъ это утверждаетъ Татищевъ, татары знали цѣну обѣщаніямъ Олега и на обратномъ пути не пощадили Рязанскаго княжества, причемъ Олегъ принужденъ былъ снова бѣжать. Но и Москва не могла оставить на этотъ разъ безнаказаннымъ поведеніе Олега. По возвращеніи въ столицу, Димитрій Ивановичъ отправилъ свои рати на Рязанскаго князя; Московскія войска подвергли Рязанскую область страшному опустошенію: „пущи ему бысть и татарскія рати“, замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ. Самъ Олегъ, возвратившійся на Рязань послѣ нашествія Тохтамыша, съ небольшой дружиной едва спасся бѣгствомъ отъ московскаго плѣна. Неясно, чѣмъ закончилось это опустошеніе. Лѣтописи не говорятъ, когда и какъ вернулся Олегъ на свое княженіе; есть нѣкоторыя основанія предполагать, что это произошло осенью 1382 г. Вѣроятно, послѣдующіе два года были проведены Олегомъ въ упорной подготовкѣ къ новой борьбѣ съ Москвой. 25-го марта 1385 г. неожиданнымъ нападеніемъ Олегъ взялъ Коломну, подвергъ ее грабежу и захватилъ при этомъ въ плѣнъ многихъ бояръ и богатыхъ гражданъ. Московскія войска подъ предводительствомъ Владиміра Андреевича, высланныя противъ Олега, вернулись на этотъ разъ съ большими потерями. Положеніе Москвы въ указанное время не позволяло ей вести наступательную политику противъ Рязани; Димитрій Ивановичъ пытался склонить Олега къ миру, но великій князь Рязанскій, чувствуя свою силу, не соглашался на эти предложенія. И только личное участіе въ посольствѣ 1386 г. (въ Филипповъ постъ) къ Рязанскому князю игумена Сергія, уже тогда извѣстнаго своей святой жизнью далеко за предѣлами Москвы, привело къ заключенію „вѣчнаго мира“ между Рязанью и Москвою. Неизвѣстно, былъ ли заключенъ договоръ между Олегомъ и Димитріемъ Ивановичемъ, но во всякомъ случаѣ до конца жизни Олега между нимъ и Москвой не было новыхъ столкновеній. Въ слѣдующемъ году (въ сентябрѣ) миръ былъ скрѣпленъ установленіемъ родственныхъ связей между Рязанскимъ и Московскимъ князьями: сынъ Олега, Ѳедоръ, женился на дочери Димитрія Ивановича, Софьѣ.—Что касается отношеній О. къ татарамъ, то они вплоть до смерти его оставались неопредѣленными. Нельзя не указать, во-первыхъ, что Олегъ путемъ купли или захвата постепенно отнялъ у татаръ и мордвы многія земли по Дону и Цнѣ. Не безъ связи съ этой колонизаціей стояли татарскіе набѣги на Рязань. Послѣ нашествія Тохтамыша Олегъ, подобно всѣмъ князьямъ сѣверо-восточной Руси, долженъ былъ платить татарамъ выходъ; въ качествѣ заложника О., былъ отпущенъ въ Орду его сынъ Родославъ, бѣжавшій оттуда зимою 1387 г. Можетъ быть, въ связи съ бѣгствомъ Родослава стоитъ нападеніе въ томъ же году татаръ на Рязань, когда едва не былъ захваченъ ими самъ Олегъ. Безъ всякихъ видимыхъ причинъ татары совершали свои набѣги на Рязанское княжество и въ 1388—1390 г.г.; лѣтописцы ничего не говорятъ о мѣрахъ О. противъ нападеній татаръ, но при набѣгѣ 1394 г. Олегъ побилъ татаръ Тохтамышевой орды. Нашествіе Тамерлана едва затронуло Рязанское княжество, а въ послѣдующіе до 1398 года отношенія къ татарамъ носили, кажется, мирный характеръ; въ этомъ году Олегъ принималъ даже на Рязани Темирь-хана, посла Тохтамыша, пріѣзжавшаго сюда по торговымъ дѣламъ. Впрочемъ, черезъ два года, въ 1400 г. Олегъ вмѣстѣ съ князьями Пронскими, Муромскимъ и Козельскимъ ходилъ противъ татаръ къ Червленому Яру, гдѣ рязанцы избили множество татаръ, взявъ въ плѣнъ царевича Мамата и другихъ ордынскихъ князей, а въ 1402 г. татары вновь при-

ходили на Рязанскія окраины.—Не менѣе заботъ, чѣмъ татарскія отношенія, доставляла Олегу Литва. Какъ и въ татарскихъ дѣлахъ, Олегъ велъ здѣсь независимую отъ Москвы политику. Отчасти подъ вліяніемъ родственныхъ связей (дочь Олега была замужемъ за Юріемъ Святославичемъ) со Смоленскими князьями, а еще болѣе изъ боязни усиленія Литвы за счетъ Смоленска и сосѣднихъ мелкихъ княжествъ, Олегъ вынужденъ былъ вести активную политику противъ Витовта. Въ ноябрѣ 1393 г. Олегъ вмѣшивается въ дѣла Литвы и беретъ на поруки своего зятя Корибута, попавшаго въ плѣнъ къ Витовту, а въ 1394 г. онъ идетъ ратью къ литовскому городу Любутску (близъ Калуги) и со многимъ полономъ возвращается во свояси. Когда въ 1395 г., въ отсутствіе Юрія Святославича, бывшаго у тестя на Рязани, Смоленскъ былъ взятъ великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ, Олегъ съ зятемъ своимъ Юріемъ и князьями Пронскими, Козельскимъ и Муромскимъ ходилъ ратью на Литву и „много зла сотвориша имъ“. Еще до возвращенія Олега, Витовтъ, съ своей стороны, напалъ на Рязань, повоевавъ многія волости. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Олега, онъ оставилъ плѣнныхъ „въ нѣкоемъ мѣстѣ“ и устремился на Рязань, и Витовтъ вскорѣ принужденъ былъ вернуться назадъ. Въ слѣдующемъ 1396 г. въ сентябрѣ Олегъ опять ходилъ ратью къ Любутску, но, въ виду вмѣшательства Василія Дмитріевича, отступилъ отъ города; черезъ годъ въ 1397 г. около Покрова Витовтъ „со всею Литовскою силою“ совершилъ новое нападеніе на Рязань и жестоко расправился съ рязанцами; „люди улицами сажали, и многа кровь неповинная пролита бысть“, разсказываетъ лѣтописецъ; самъ Олегъ принужденъ былъ бѣжать. Между тѣмъ, Юрій Святославичъ, проживая у тестя на Рязани, не оставлялъ надежду вернуть себѣ Смоленскъ. Послѣ большого пораженія, понесеннаго Витовтомъ въ битвѣ при Ворсклѣ 12 августа 1399 г., сторонники Юрія изъ среды смольнянъ, прибывъ тайно на Рязань, стали особенно настаивать на томъ, чтобы Юрій попытался вернуть себѣ великое княжество Смоленское. Юрій „съ великимъ рыданіемъ и плачемъ, и слезы проливая яко-же источницы“, просилъ помощи у тестя. Въ 1401 г. Олегъ вмѣстѣ съ Юріемъ и князьями Пронскими, Муромскимъ и Козельскимъ отправился походомъ на Смоленскъ. По прибытіи къ городу въ августѣ того же года, О. послалъ смольнянамъ требованіе отворить городскія ворота и принять къ себѣ исконнаго князя, угрожая въ противномъ случаѣ подвергнуть городъ длительной осадѣ и все предать мечу и огню. Въ виду опасности, угрожавшей городу, смольняне выполнили требованіе Олега. Послѣдній, вернувъ зятю Смоленскъ, отправился походомъ на Литву, разорилъ нѣкоторыя Литовскія волости и съ большимъ полономъ вернулся домой. Олегъ уже не принималъ участія въ походѣ рязанцевъ 1402 г. на Брянскъ, гдѣ сидѣли подручные Литвѣ князья; въ бою у Любутска рязанцы, бывшіе подъ предводительствомъ сына Олега, Родослава, потерпѣли большое пораженіе, причемъ самъ Родославъ попалъ въ плѣнъ и отведенъ былъ въ Литву, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ сидѣлъ въ заключеніи, пока не былъ выкупленъ изъ плѣна за нѣсколько (по Никон.—за три, по другимъ лѣтописямъ—за двѣ) тысячъ рублей. 5-го іюля 1402 г. Олегъ скончался и былъ похороненъ въ Солотчинскомъ монастырѣ. Таковы главные факты біографіи Олега.

Княженіе Олега составляетъ славную страницу въ исторіи Рязанскаго княжества. Въ свое долголѣтнее правленіе О. поставилъ Рязанское княжество въ небывалое положеніе. Предѣлы княжества расширились при немъ замѣтнымъ образомъ. Договорныя грамоты его преемниковъ называютъ пріобрѣтенія, сдѣланныя при О. на востокѣ у мордвы (въ Мещерѣ) и на юго-востокѣ у татаръ; южная граница при О. охранялась постоянными караулами, какъ это видно изъ разсказа лѣтописи о проводахъ О. въ 1389 г. митрополита Пимена и его спутниковъ, ѣхавшихъ въ Царьградъ. Не осталась безъ измѣненій и западная граница, мало устойчивая при О. Удѣльные князья—Пронскіе, Муромскіе, Козельскіе и Елецкіе—почти самостоятельные до того, при О. были вновь въ подчиненіи Рязанскому князю, отдавая свои полки въ его распоряженіе. О. заботился также объ укрѣпленіи Переяславля, столицы княжества, и объ украшеніи его дворцами и храмами. При немъ упоминаются города, о которыхъ не было извѣстно ранѣе. Съ именемъ О. связано построеніе монастыря въ честь Богородицы при впаденіи Солотчи

въ Оку; О. щедро одарилъ монастырь движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Покидая невольно въ декабрѣ 1371 г. Переяславль, О. далъ обѣтъ надѣлить другой монастырь край, Ольговъ, основанный его предками Ингваромъ Игоревичемъ съ дѣтьми Юріемъ и Олегомъ; по возвращеніи въ свою вотчину въ 1372 г., въ дополненіе къ прежде пожалованному селу Арестовскому, О. далъ монастырю право на сборъ мыта и побережнаго на Рязани. Дворъ О. отличался многолюдствомъ и пышностью. Руководители и совѣтники О. первыхъ лѣтъ его княженія не утратили, конечно, своего вліянія въ послѣдующіе годы; но „крамола“ Рязанскихъ бояръ въ 1371 и 1380 годахъ не могла не отразиться на ихъ составѣ. Среди приближенныхъ О. замѣчаемъ въ послѣдніе годы его княженія новыхъ лицъ, татарскихъ и литовскихъ выходцевъ, каковыми являются, напр., татарскій мурза Салахмиръ, явившійся къ О. на службу съ значительной военной силой, принявшій христіанство подъ именемъ Ивана Мирославича, женившійся на сестрѣ О. и ставшій его ближайшимъ совѣтникомъ,—или пришлецъ изъ Литвы Семенъ Ѳедоровичъ по прозв. Кобыла Веселой и др. Ко времени О. относится окончательное утвержденіе епископской каѳедры въ Переяславлѣ; епископовъ Василія и Ѳеогноста, занимавшихъ эту каѳедру при О., онъ щедро надѣлилъ землями. Какъ устроитель внутренняго порядка и защитникъ народный, О. сохранился въ памяти самаго отдаленнаго потомства, а объ его пирахъ и гостепріимствѣ существуютъ историческія пѣсни.— По своему положенію Рязанское княжество, какъ отмѣчено выше, острѣе всѣхъ чувствовало на себѣ татарское иго и вражескія нашествія,—отсюда зависимая отъ татарскихъ отношеній внѣшняя политика О. Не вступая въ открытую борьбу съ татарами, О. старался сохранить передъ ханами внѣшній видъ покорности, не отказываясь даже отъ союза съ ними противъ ихъ враговъ,—но въ благопріятную минуту тотъ же О. не разъ наносилъ имъ жестокія пораженія. Не могъ О. спокойно смотрѣть на политику своихъ другихъ сосѣдей—великихъ князей Московскихъ и Литовскихъ, стягивавшихъ въ свои руки мелкіе удѣлы и усиливавшихъ свою власть. О. удалось задержать распространеніе литовцевъ на востокъ, отбить наступательное движеніе Москвы и заставить Димитрія Ивановича Московскаго пріостановить воинственную политику въ отношеніи Рязани. По примѣру Литвы и Москвы, О. стремился создать на берегахъ р. Оки третій центръ объединенія, около котораго могли бы сплотиться юго-восточныя земли. Так. обр. и во внѣшней политикѣ, какъ и въ области внутренняго управленія, на первомъ мѣстѣ ставились О. интересы его княжества. Эта основная черта дѣятельности О. была понятна и для лѣтописца, когда, по поводу поведенія О. во время нашествія Тахтамыша, лѣтописецъ-москвичъ замѣтилъ: „не хотяше бо добра намъ, но своему княженію помогаше“. Интересами своего княжества, а не общерусскими, руководился О. также въ знаменитый 1380 г. Лѣтописцы не жалѣютъ красокъ, чтобы представить О. въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Необходимо замѣтить, однако, что обличительный и страстный тонъ разсказа объ О. распространенной редакціи лѣтописной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ указываетъ на позднее происхожденіе этого разсказа: въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за Куликовской битвой, какъ указано выше, упрочились мирныя отношенія Рязани къ Москвѣ. Имѣя въ виду подражательный характеръ лѣтописной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, нельзя, конечно, требовать отъ автора ея, несомнѣннаго москвича, спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ событіямъ 1380 г. Между тѣмъ, разсказъ лѣтописи (Новгор. IV и др.), а въ особенности различныхъ сказаній, построенныхъ на основѣ лѣтописнаго разсказа и занесенныхъ въ другія лѣтописи (напр., Никон.), несомнѣнно повліялъ на сужденіе историковъ о личности О., разсматривающихъ его дѣятельность, подобно автору лѣтописной повѣсти, въ большинствѣ случаевъ съ точки зрѣнія интересовъ только Московскаго княжества. Впрочемъ, послѣ характеристики О., сдѣланной Д. И. Иловайскимъ, устанавливается болѣе правильный взглядъ на него. „Воинственный и упорный, съ живой любовью кт. Рязанской землѣ, этотъ незаурядный политикъ сумѣлъ многое сдѣлать для своего княжества“, пишетъ, напр., про О. Д. В. Цвѣтаевъ. Олегъ—его христіанское имя Іаковъ—по обычаю князей и знатныхъ того времени, въ концѣ жизни принялъ мона-

шество съ именемъ Іоны; время его постриженія въ точности неизвѣстно, но обычная дата (1390 г.) основана на показаніи надписи надъ гробницей Олега, сдѣланной въ XVIII в. и на неправильной датировкѣ жалованной грамоты Олега епископу Ѳеогносту, подъ которымъ надо разумѣть не Ѳеогноста I, а Ѳеогноста II (1393—1408)—и по всей вѣроятности, Олегъ постригся незадолго до смерти, а не за 12 лѣтъ, какъ утверждаютъ историки (Иловайскій, Добронравовъ, Цвѣтаевъ). Передъ самой смертью Олегъ принялъ схиму съ именемъ Іоакима и похороненъ въ Покровской церкви Солотчинскаго монастыря; въ концѣ XVIII в. гробница князя была устроена въ Рождественской церкви того же монастыря; на днѣ гробницы показываютъ его черепъ, нѣсколько костей и кольчугу; кости и кольчуга составляютъ предметъ почитанія мѣстныхъ жителей. Вмѣстѣ съ Олегомъ похоронена его супруга Евфросинія (въ иночествѣ Евпраксія, умерла 5-го декабря 1405 г.). До появленія статьи Н. А. Баумгартена полагали, что Олегъ былъ женатъ одинъ разъ и отъ этого брака имѣлъ или оставилъ двухъ сыновей—Ѳедора и Родослава (Ярослава) и четырехъ дочерей: 1) неизвѣстную по имени, бывшую еще до 1371 г. замужемъ за Владиміромъ Дмитріевичемъ Пронскимъ; нѣтъ основаній отрицать этотъ бракъ, если не признавать, по указаннымъ выше причинамъ (см. біогр. Влад. Дм.), что Влад. Дм. былъ двоюроднымъ братомъ Олега; 2) неизвѣстную по имени (по Баумгартену, Агриппину), бывшую, по Никон. лѣтоп., съ 1377 г. за Иваномъ Титовичемъ Козельскимъ, 3) неизвѣстную по имени—за кн. Юріемъ Святославичемъ Смоленскимъ, причемъ „Kronika litewska“, „Latopisiec Litwy“ и др. указываютъ, что вел. кн. Скиргайла „посади его (Юрія, въ 1386 г.) на великомъ княженьи Смоленскомъ занеже быстъ за княжь Юрьемъ дщи старшее (вар.: старее) сестры Скиргайловы“; другими словами, супруга Олега какъ будто происходила изъ Литвы и приходилась старшей сестрой Скиргайлу Ольгердовичу и, наконецъ, 4) Анастасію — за княземъ Дмитріемъ Васильевичемъ Друцкимъ и вторично (еще до 1393 г.) за кн. Корибутомъ-Дмитріемъ Ольгердовичемъ — или, если признать, что Олегъ былъ женатъ на старшей дочери Ольгерда, то Корибутъ-Дмитрій Ольгердовичъ вступилъ въ бракъ, такимъ образомъ, со своей родной племянницей, что, конечно, маловѣроятно. Эту генеалогическую путаницу Н. А. Баумгартенъ, не сомнѣвающійся въ литовскомъ происхожденіи в. кн. Евфросиніи, старается разрѣшить предположеніемъ, что Олегъ былъ женатъ дважды, имѣя дѣтей также отъ перваго брака, и на дочери Олега отъ перваго брака былъ женатъ Корибутъ-Дмитрій Ольгердовичъ, что будто бы болѣе допустимо по церковнымъ правиламъ; къ первой женѣ Олега относится, по мнѣнію Н. А. Баумгартена, преданіе о ея татарскомъ происхожденіи, что, однако, противорѣчитъ передачѣ преданія у автора „Исторіи Рязанскаго княжества“ (стр. 199, прим.)—именно вел. кн. Евфросинія, по преданію, была дочь какого-то татарскаго князя. Но едва ли есть надобность въ предположеніи, что Олегъ былъ женатъ дважды, если принять во вниманіе, во-первыхъ, что старшая сестра Скиргайлы была замужемъ не за Олегомъ—фактъ неизвѣстный генеалогамъ, и во-вторыхъ, Юрій Святославичъ могъ быть женатъ дважды—въ первый разъ, какъ указываетъ „Kronika litewska“ и др., на племянницѣ Скиргайлы и уже послѣ 1386 г. вступить во второй бракъ съ дочерью Олега; вѣдь, наши лѣтописи только подъ 1396 г. называютъ Олега тестемъ Юрія Святославича. Т. обр., вопреки мнѣнію Н. А. Баумгартена, остается въ силѣ утвержденіе, что, по имѣющимся даннымъ, О. былъ женатъ одинъ разъ.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., 506, 609. Новгор. лѣтоп. по Синод. харат. сп., 392; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV (старое изд.), 65, 67, 74—77, 82, 84, 85, 89, 90, 95, 99, 101, 102, 105; то же, изд. 1915 г., ч. I (в. I), 291, 296, 297, 308, 310—312; V, 230—232, 237, 240, 242, 245, 247; VI, 90—92, 97—99, 103, 123, 129, 131; VII, 243; VIII, 13, 18, 19, 33—36, 41, 43, 44, 47, 49, 69, 70, 75; X, 227; XI, 5, 6, 14, 16, 17, 19, 26, 42, 43, 46—48, 51, 52, 55, 56, 66, 67, 72, 77, 80, 81, 86, 87, 90, 91, 93, 95, 156, 162, 163, 166—168, 184—186, 188; XV, 431, 441, 451, 462; XVI, 91, 94, 95, 105, 107, 108, 110, 118, 121, 122, 129, 130; XVII, 37—40, 42, 44, 46, 48, 81, 96, 97, 169, 174, 278, 281, 327, 330, 389, 392, 453, 457, 516—518; XVIII, 98, 104, 110—112, 127, 130, 132, 133, 135, 136, 149, 150, 281; XX, 191, 194, 200—205, 217, 218, 220; XXI, 3, 396, 419, 420, 444; XXII (ч. I), 412, 414—416, 423; XXIII, 114, 116, 117, 124, 125, 127, 129, 130, 135, 138; „Лѣтоп., содерж. Россійск. ист. съ 1206 по 1534 г.“, 102, 110, 112, 113, 151, 153, 154, 156, 157, 166, 167, 170, 180, 181, 184, 185, 207, 209, 215, 217; „Лѣтописецъ (Архангелогородскій), содерж. въ себѣ

Россійск. ист. отъ 852 до 1598 г.", 71, 74, 80, 81, 83, 86—88, 90; „Русскія лѣтописи", 47, 48—50, 53, 55, 85, 86. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, №№ 28, 31, 32, 36, 65, 115, 116; А. Н., I, №№ 2, 13 и 14; „Жалов. грам. Олега Ряз., древнѣйшій документъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Снимокъ и текстъ со статьями Управл. Архивомъ Д. В. Цвѣтаева и академ. А. И. Соболевскаго", М. 1913, стр. I—V+1—63 (указанія на предшеств. изданія грамоты на стр. 31, примѣч.); „Рязанск. Достопам.", §§ 52, 63, 67, 71, 72, 74, 78, 93; „Акты XIII—XVII вв., представл. въ Разр. Прик.", М. 1898, №№ 2, 115; Н. П. Лихачевъ, „По поводу сборника А. И. Юшкова..." (Сборн. Археол. Инст. VI (1898), стр. 26); И. Проходцовъ, „Такъ назыв. «Олеговъ дворецъ» въ Рязани, нынѣ Архіерейскій домъ"—Тр. Ряз. учен. арх. ком. т. XX (1905), в. 1, стр. 90—106; С. Шамбинаго, „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ". Спб. 1906. — Щербатовъ, т. IV, ч. I, стр. 125; Арцыбашевъ, II, прим. 984; Карамзинъ, IV, 157, 173, 177, 179, пр. 375; V, 6, 15, 18, 23, 27, 28, 34, 37, 43, 45, 49—51, 61, 67, 85, 90, 91, 102, 103, 127, пр. 24, 29, 49, 65, 73—75, 86, 90 105, 115, 190, 224, 230, 284; Соловьевъ, „Ист. отнош. между князьями Рюрикова дома", М. 1847, стр. 388—395; Соловьевъ, I, 963—966, 973, 976—979, 982, 984, 985, 1028, 1032, 1035; Иловайскій, „Ист. Ряз. княж.", стр. 158—200; его-же, „Ист. Россіи", т. II (1884). стр. 139—140, 255—258; Костомаровъ, „Истор. моногр. и изслѣд.", III (изд. 2-е), стр. 17—22; Экземплярскій, II, 299, 328, 419, 425, 494. 575, 576, 578, 580—594, 624, 628—630, 633, 643, 644; Иконниковъ, II (полов. 1-я), 1033—1034; Грушевьскій, „Іст. Украіни-Руси" IV, 69—70, 168; Пресняковъ, „Образов. великорусск. госуд.", 233—247. — В. Бумистровъ, „Олегъ Ивановичъ, вел. кн. Рязанскій" — въ сборн. „Празднованіе 800-лѣтія (1095—1895 гг.) г. Рязани", Ряз. 1896, стр. 56—69; П. Залѣсовъ, „Взглядъ на историч. прошлое Рязанск. края" — въ томъ же сборн., стр. 78—80; П. Внуковъ, „Что побудило Рязанскаго князя Олега Иван. постричься въ иноки Солотчинскаго мон-ря"—Ряз. Губ. Вѣд. 1845, № 22, стр. 118—119; К. Калайдовичъ, „Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологич. изслѣдов. въ Ряз. губ.", М. 1823, стр. 36; Н. Любомудровъ, „Гробница вел. кн. Рязанск. Олега Иван. и супруги его вел. княг. Евфросиніи"—Изв. И. Археол. О-ва, т. II (Спб. 1861), стр. 111—112; П. Внуковъ, „Могила схимонаха Іоны (в. кн. Ряз. Олега Ивановича) въ Солотчинск. мон-рѣ"—Странникъ 1862, сент., отд. I, стр. 389—402; „Рязанск. Достопам.", § 78, примѣч. 283.—Тихомировъ, стр. 5, 6, 17; Иловайскій, стр. 199, примѣч.; Баумгартенъ, стр. 4; I. Daniloviez, „Latopisiec Litwy i Kronika ruska", Wilno 1827, стр. 43; „Pomniki do dziejow litewskich (Kronika litewska). Zebrane przez T. Narbutta", Wilno 1847, стр. 30—31; П. Голубовскій, „Исторія Смоленской земли до начала XV стол.", К. 1895, стр. 326; Иконниковъ, II, стр. 505; „Археологич. Изв. Моск. Археол. О-ва" 1895, № 12, стр. 423; М. Грушевьскій, „Історія Украіни-Руси", т. IV (1907), стр. 168, 510.

17. *Олегъ Ингваровичъ*, сынъ великаго князя Ингвара Игоревича, великій князь съ 1238 по 1258 г.г. Во время нашествія Батыя на Рязань помогалъ брату Юрію защищаться противъ татаръ; ему удалось, однако, избѣгнуть участи братьевъ—Юрія и Романа, убитыхъ татарами въ 1237 г. Нѣкоторыя родословныя утверждаютъ, что Батый взялъ Олега съ собою въ Орду, гдѣ послѣдній пробылъ до 1252 г. Основаніемъ для этого, кажется, послужило лѣтописное извѣстіе о томъ, что въ 1252 г. татары „пустиша" О. на его отчину, Рязань, а отсюда заключеніе родословныхъ, что О. былъ въ Ордѣ всѣ годы послѣ татарскаго нашествія. Но другія лѣтописи (Новгор. 4-я и др.) отмѣчаютъ, что и въ промежуткѣ между 1238 и 1252 годами О. ходилъ къ хану, напр., въ 1242 году (по Новгор. 5-й въ 1241 г.), а въ слѣдующемъ 1243 г. вернулся отъ хана. Повидимому, лѣтописное извѣстіе 1252 г. говоритъ объ одномъ изъ обычныхъ путешествій О. въ Орду. На долю О. выпало устроеніе разореннаго татарами Рязанскаго княжества, хотя объ этой сторонѣ его дѣятельности лѣтописи ничего не говорятъ. Въ княженіе О. въ 1257 г. татары „изочли" Рязанскую землю. Съ именемъ О. связана одна изъ древнѣйшихъ грамотъ—жалованная грамота 23-го ноября 1257 г. ханскому свойственнику Ивану Шаи, который выѣхалъ къ О. изъ Орды и крестился; грамота признается нѣкоторыми (Н. М. Карамзинъ и Н. П. Лихачевъ) подложной; по мнѣнію же другихъ (А. И. Юшковъ), хотя грамота дошла до насъ въ сильно испорченномъ видѣ, но она „отражаетъ" древнѣйшій текстъ.

Олегъ умеръ 20-го марта 1258 г., на Страстной недѣлѣ въ среду, принявъ иноческій образъ и схиму, и положенъ въ церкви св. Спаса, что въ Зарѣцкомъ Спасскомъ монастырѣ, находившемся противъ Старой Рязани. Отъ брака съ неизвѣстной Олегъ оставилъ сына Романа.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., 450, 451, 487; Новгор. лѣтоп. по Синод. харат. сп., 247; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, ч. I (в. I), 215, 228, ч. 2 (в. I). 208, 218; V. 173*, 187; VII, 139, 160, 162, 243; X, 105, 139, 141; XV, 366, 397, 401; XVI, 52, 53; XVII, 17, 26, 119; XVIII, 54, 55, 70, 71; XX, 56, 163, 164; XXI, 3; XXII (ч. I), 396; XXIII, 74, 84, 85; „Русскія лѣтописи", 27, 37; „Бархатная книга", ч. I, 54; „Времен. М. О. И. и Др.", X, 29, 30, 193; „Рязанск. Достопамяти.", § 42, 133, пр. 134, §§ 47, 49, пр. 168; Н. Лихачевъ, „Разряди. дьяки XVI в.", 357; „Акты XIII—XVII в.в., представл. въ Разр. Прик.", №№ 1 (стр. 1—2), 180 (стр. 163); Н. Лихачевъ, „По поводу сборн. А. И. Юшкова..."—Сборн. Археол. Инст., VI (1898), стр. 24—26; Иконниковъ, I, 394; Тихомировъ, 14, 15; Иловайскій, 128, 134, 136; Экземплярскій, II, 570—572, 616,

626.—Карамзинъ, III, 166, 167, пр. 356, 357, 360; IV, 45, пр. 90; Соловьевъ, I, 821, 852; Пресняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 225, 226, 230.

18. *Романъ Глѣбовичъ*, старшій сынъ Глѣба Ростиславича. Впервые въ лѣтописяхъ Р. упоминается въ разсказѣ о неудачномъ походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ въ 1169 г., а въ 1170 г. съ прочими Глѣбовичами и сыновьями Юрія Муромскаго воевалъ съ волжскими болгарами и принималъ участіе во второмъ походѣ Андрея Боголюбскаго на Кіевъ. Послѣ битвы при Колакшѣ въ 1177 г. Р. вмѣстѣ съ отцомъ и братьями попалъ въ плѣнъ къ Всеволоду и былъ заключенъ въ тюрьму во Владимирѣ, гдѣ едва не подвергся расправѣ озлобленныхъ владимирцевъ. Благодаря хлопотамъ тестя, Святослава Всеволодовича Черниговскаго, не ранѣе 1179 г. Р. былъ отпущенъ на Рязанское княженіе. Лѣтописцы не говорятъ прямо объ условіяхъ, на которыхъ былъ освобожденъ Р., но выраженія ихъ, вродѣ: „князя Р., укрѣпивше крестнымъ цѣлованіемъ и смиривше зѣло, отпустиша въ Рязань“, указываютъ на признаніе Р. полной своей подчиненности Всеволоду Юрьевичу. Пораженіе на Колакшѣ, плѣнъ князей и послѣдующее униженіе и подчиненіе Рязанскихъ князей Владимирскому князю послужили поводомъ для нападеній степныхъ кочевниковъ на Рязанскую землю,—отсюда первымъ дѣломъ Р. по возвращеніи въ свою отчину былъ походъ на половцевъ, которымъ онъ нанесъ пораженіе на р. Большой Воронѣ. Съ 1180 г. начинаются усобицы между сыновьями Глѣба. Поводъ къ раздорамъ подалъ старшій изъ нихъ, Р. Опираясь на помощь тестя, Святослава Всеволодовича Черниговскаго, и въ союзѣ съ братьями Игоремъ и Святославомъ, Р. затѣялъ споръ о волостяхъ съ младшими братьями, Всеволодомъ и Владимиромъ, которые княжили на Пронѣ. Послѣдніе обратились за помощью къ Всеволоду Юрьевичу, обвиняя Р. въ томъ, что онъ „уимаетъ волости“ у нихъ, слушая тестя своего Святослава, и нарушилъ крестное цѣлованіе великому князю. На предложеніе Всеволода III уладить дѣло мирнымъ путемъ, Р. отвѣтилъ отказомъ. Тогда Всеволодъ Юрьевичъ выступилъ противъ него со своими полками. На помощь Р. тесть его Святославъ отправилъ Черниговскую дружину, которая заняла Коломну, вскорѣ, однако, взятую Всеволодомъ обратно. Осаждавшій братьевъ въ Пронскѣ Р., при вѣсти о приближеніи Всеволода, снялъ осаду и отправился ему навстрѣчу. Передовые отряды рязанцевъ, переправившись черезъ Оку, были разбиты или взяты въ плѣнъ. Узнавъ о пораженіи, Р. бѣжалъ въ степь, мимо Рязани. Преслѣдуя его, Всеволодъ взялъ Борисовъ-Глѣбовъ и осадилъ Рязань. Р. и его братья просили Всеволода о мирѣ и снова цѣловали ему крестъ на всей его волѣ, обѣщая не обижать другъ друга и не вступаться въ чужія волости. Всеволодъ „порядъ сотвори всей братіи, раздавъ имъ волости ихъ по старѣйшинству“. Въ томъ же году Рязанскіе князья должны были помогать Всеволоду въ походѣ его противъ тестя Р., Святослава Черниговскаго, а затѣмъ участвовать съ владимирцами въ походѣ противъ дяди Глѣбовичей, Ярополка Ростиславича; въ 1184 г. Р. съ братьями принималъ участіе въ походѣ великаго князя Всеволода противъ волжскихъ болгаръ. Несогласія между Глѣбовичами, повидимому, не прекращались и послѣ 1180 г. „Рязанскіе князья, хотя братья родные, но между собой воюютъ“, писалъ Всеволодъ Святославу въ Кіевъ въ 1184 г. Въ 1186 г. Глѣбовичи произвели новый раздѣлъ волостей: Романъ, Игорь и Владимиръ сѣли на Рязани, а Всеволодъ и Святославъ—на Пронѣ. Тогда же Р. послалъ къ Пронскимъ князьямъ, приглашая ихъ на совѣтъ для разбора ихъ споровъ съ Игоремъ и Владимиромъ. Узнавъ отъ бояръ о намѣреніи старшихъ братьевъ схватить ихъ, Пронскіе князья стали готовиться къ защитѣ, а старшіе Глѣбовичи начали опустошать Пронскую область. Увѣщанія Всеволода и его угрозы только усилили вражду между братьями. Старшіе Глѣбовичи осадили Пронскъ, „бившася крѣпко“. но, узнавъ о приближеніи посланныхъ Всеволодомъ Юрьевичемъ войскъ, должны были снять осаду и вернуться въ Рязань. Когда же отряды великаго князя отправились обратно во Владиміръ, старшіе Глѣбовичи снова осадили Пронскъ, переняли у жителей воду и велѣли сказать оставшемуся въ Пронскѣ Святославу: „не мори себе и дружины своея и людей своихъ гладомъ, но иди сѣмо къ намъ; ты намъ братъ свой, что ся боншн насъ, еда

снѣмы тя, но точію не приставай къ брату своему ко князю Всеволоду". По совѣту дружины Святославъ отворилъ ворота города. Братья цѣловали крестъ и оставили его княжить въ Пронскѣ; дружину же Всеволода Глѣбовича, его жену и дѣтей связанными отправили въ Рязань; владимирцы, посланные Всеволодомъ Юрьевичемъ на помощь Всеволоду и Святославу Глѣбовичамъ, были также объявлены плѣнниками. Всеволодъ Юрьевичъ требовалъ освобожденія его дружинниковъ. Не желая войны съ великимъ княземъ, Р. съ братьями отправили къ Всеволоду посольство: „ты господинъ, ты отецъ, ты братъ; гдѣ будетъ твоя обида, мы же преже головы своя положимъ за тя; а не имѣй на насъ гнѣва, мужи твоя пущаемъ", говорили братья Всеволоду. Но послѣдній не согласился, однако, на „лестный" (льстивый) миръ. Тогда старшіе Глѣбовичи обратились къ посредничеству Черниговскихъ князей и духовенства. Въ слѣдующемъ, 1187 г. послы Святослава и Ярослава Всеволодовичей вмѣстѣ съ Порфиріемъ, епископомъ Черниговскимъ, прибыли во Владимиръ просить Всеволода заключить миръ съ Рязанскими князьями. Всеволодъ далъ свое согласіе и для окончательныхъ переговоровъ вмѣстѣ съ епископомъ Порфиріемъ отправилъ въ Рязань своихъ бояръ. Условія, поставленныя Всеволодомъ, были, повидимому, очень тяжелыми, и епископъ Порфирій, весьма вѣроятно, не совѣтовалъ Рязанскимъ князьямъ принимать ихъ. Начатые переговоры не привели къ заключенію мира. Въ томъ же году Всеволодъ отправился съ войскомъ на Рязань, разорилъ много волостей и селъ и захватилъ большое число плѣнныхъ; тогда же южныя Рязанскія волости грабили половцы. Рязанскимъ князьямъ не оставалось ничего дѣлать, какъ вновь просить Всеволода о мирѣ, согласившись на всѣ его требованія. Глѣбовичи попрежнему остались подручными Всеволоду князьями. Мирныя отношенія между ними и великимъ княземъ не нарушались въ послѣднее 10-лѣтіе XII вѣка. Въ 1196 г. Романъ съ братьями присутствовалъ на свадьбѣ сына великаго князя, Константина, и на постригахъ его другого сына, Всеволода; въ томъ же 1196 г. Глѣбовичи ходили вмѣстѣ съ Всеволодомъ противъ Ольговичей къ Чернигову, а въ 1199 г., подъ личнымъ начальствомъ Всеволода, Рязанскіе князья выступали противъ половцевъ. Ко времени старѣйшинства Р. относится учрежденіе на Рязани въ 1198 г. самостоятельной епископіи. По просьбѣ брата Р., Ярослава, женатаго на дочери Кіевскаго князя Рюрика Ростиславича, послѣдній согласился на раздѣленіе Черниговской епархіи и склонилъ къ тому митрополита Іоанна. Лѣтописцы молчатъ о послѣдующихъ до 1207 г. годахъ жизни Р. Между тѣмъ, въ эти годы умерли его братья Игорь, Всеволодъ, Владиміръ и Ярославъ. Смерть старшихъ Глѣбовичей вела къ новому раздѣлу Рязанскихъ волостей. Недовольными новымъ распредѣленіемъ земель оказались сыновья Владимира Глѣбовича, Глѣбъ и Олегъ. Когда полки Всеволода направлялись въ 1207 г. въ походъ къ Кіеву, противъ Всеволода Чермнаго, къ нимъ присоединились на р. Окѣ отряды Рязанскихъ князей—двухъ Глѣбовичей, Романа и Святослава (послѣдній съ двумя сыновьями), двухъ Игоревичей—Ингвара и Юрія и двухъ Владимировичей—Глѣба и Олега. По навѣту Глѣба Владимировича, Романъ, его братъ и племянники были схвачены по приказанію Всеволода, обвинены въ измѣнѣ и тайныхъ сношеніяхъ съ Черниговскими князьями и отправлены во Владиміръ, „а оттолѣ въ Петровъ". Въ 1212 г. Рязанскіе князья были отпущены въ свою отчину преемникомъ Всеволода, Константиномъ, но лѣтописи не говорятъ, находился ли среди нихъ Р., или онъ умеръ въ заключеніи у Владимирскаго князя, какъ полагаетъ Д. И. Иловайскій.

Романъ не оставилъ потомства.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., 364, 365, 367—369, 380, 381, 384, 407, 409, 410, 465; Лѣтоп. по Ипатск. сп., 410, 411, 415; Новгор. лѣтоп. по Синод. харат. сп., 153, 190; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, ч. 1 (в. 1), 169, 181, ч. 2. (в. 1), 170, 180; V, 166, 167, 172*; VII, 94, 95, 99—101, 106, 112, 114, 115; X, 4—9, 14—18, 23, 54, 56; XV, 263, 264, 266, 268, 274—278, 305, 311; XVIII, 24—26, 31, 32, 36, 44; XX, 133—135, 137, 138, 145; XXI, 221, 225; XXIII, 51—54, 61.—Тихомировъ, 9, 11, 12; арх. Макарій, „Сборн. церк.-истор. и статистич. свѣдѣній о Рязанск. епархіи" — Чт. М. О. И. и Др. за 1863 г., кн. II, отд. I, стр. 59—64; Иловайскій, 61—66, 68, 70—72, 77—80, 87; Экземплярскій, II, 564, 565.—Карамзинъ, III, 31, 32, 35, 41, 74, пр. 50, 52, 63, 67, 80, 123, 153, 178; Соловьевъ, I, 523, 524, 528, 564, 565, 566, 582; Прѣсняковъ, „Образов. великорусск. госуд.", стр. 224.

19. *Романъ Ольговичъ*, сынъ Олега Ингваровича, великій князь съ 1258 по

1270 годъ. Лѣтописи сообщаютъ только о мученической кончинѣ Р. въ Ордѣ 19 іюля 1270 г. Будучи обвиненъ въ хулѣ хана Менгу-Тимуру и его вѣры, Р. былъ вызванъ въ Орду, гдѣ его принуждали принять „бесермепскую вѣру“. Въ отвѣтъ на это Р. сталъ вновь поносить вѣру хана и славить христіанскую, за что былъ подвергнутъ страшнымъ мученіямъ: татары отрѣзали ему языкъ, пальцы рукъ и ногъ, губы и уши и, содравъ съ головы князя кожу, повѣсили голову на копье и надругались надъ ней. Князь-мученикъ причтенъ православной церковью къ лику святыхъ еще до собора 1547 г.; мѣстное празднованіе ему началось съ 1854 г.

Отъ брака съ Анастасіей, извѣстной изъ приписки къ рязанскому списку Кормчей книги, Романъ оставилъ сына: Константина; Никон. лѣтоп. считаетъ также его сыновьями князей Ѳедора (ум. въ 1294 г.) и Ярослава Пронскаго (ум. въ 1299 г.).

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, ч. I (в. 1), 240, 241, ч 2 (в. 1), 227; V, 197; VII, 170, 243; X, 141, 149, 150; XV, 403, 404; XVIII, 73; XX, 167; XXI, 3, 39, 48, 300, 301; XXIII, 88. Лѣтописецъ, содерж. Россійск. ист. съ 1206 по 1534 г., стр. 43.—Тихомировъ, 15, 16; Иловайскій, 136, 137; Экземплярскій, II, 572—574.—„Романъ Ольговичъ, князь Рязанскій. О страданіяхъ и убіеніи князя Романа Ольговича въ Ордѣ“—Рязанск. Губ. Вѣд. 1842, № 3; А. Пискаревъ, „Смерть Романа Ольговича, князя Рязанскаго“—Рязанск. Губ. Вѣд. 1845, № 4; И. Сладкопѣвцевъ, „Романъ Ольговичъ, благовѣрный великій князь Рязанскій великомученикъ“ — Рязанск. Епарх. Вѣд. 1865, №№ 1 — 2; „Святый благовѣрный князь Рязанскій великомученикъ Романъ Ольговичъ“—Рязанск. Епарх. Вѣд. 1895, № 17; Филаретъ, „Русскіе святые“, іюль, стр. 114—118; Н. Барсуковъ, „Источники русской агіографіи“, СПб. 1882, стр. 466; „Слово о царяхъ, князехъ и властелехъ“—Истор. Вѣстн. 1897, № 3, стр. 1152; Е. Голубинскій, „Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“. М. 1903, стр. 66, 196.

20. *Ростиславъ Ярославичъ*, сынъ Ярослава Святославича, родоначальникъ князей рязанскихъ и пронскихъ. По смерти отца въ 1131 году и до 1143 года (года смерти Юрія Ярославича Муромскаго) Р. сидѣлъ, повидимому, въ Пронскѣ, а затѣмъ на Рязани; когда же въ 1145 г. умеръ его другой братъ, Святославъ, Р. занялъ его мѣсто въ Муромѣ, а на Рязани оставилъ своего сына Глѣба. Кажется, на Муромскій столъ претендовалъ сынъ Святослава, Владиміръ, искавшій противъ дяди Р. помощи и покровительства у Святослава Ольговича и Юрія Владимировича. Это обстоятельство явилось поводомъ къ первому столкновенію Р. съ суздальскими князьями. Изяславъ Мстиславичъ, занявшій Кіевскій столъ въ 1146 г., когда на него собирались силы недруговъ Р., Святослава Ольговича и Юрія Владимировича, просилъ помощи у Р.; послѣдній воюетъ Суздальскую область и заставляетъ Юрія отступить отъ Козельска. Но борьба съ Суздальскими князьями была не по силамъ Р. Въ томъ же 1146 г. Ростиславъ и Андрей Юрьевичи заставляютъ Р. бѣжать изъ Рязани къ половцамъ. Не ранѣе 1149 г. удалось ему вернуться въ свою волость. Уступая необходимости, Р. принужденъ былъ измѣнить прежнимъ союзникамъ и подчиниться Юрію. Такъ, въ 1152 г., послѣ разоренія Городка, по требованію Юрія Долгорукаго, Р. явился съ полками Муромскими и Рязанскими, чтобы отправиться противъ черниговскихъ князей. Впрочемъ, спустя два года Р. отказался участвовать въ походѣ суздальцевъ на Кіевъ и опять былъ изгнанъ изъ Рязани, куда Юрій Долгорукій посадилъ своего сына Андрея. Черезъ короткое время Р. вернулся съ половцами, и Андрей едва спасся бѣгствомъ, а дружина его подверглась совершенному истребленію. „Если дѣлать заключеніе о характерѣ Р. по его поведенію, то, очевидно, ему нельзя отказать въ настойчивости и какой-то суровой энергіи... Р. замѣчателенъ для насъ особенно въ типическомъ отношеніи, потому что онъ вмѣстѣ съ дядею Олегомъ (Святославичемъ) начинаетъ цѣлый рядъ Рязанскихъ князей, отмѣченныхъ общею печатью жестокаго, безпокойнаго характера“ (Иловайскій). Годъ смерти Р. неизвѣстенъ, но, по справедливой догадкѣ Д. И. Иловайскаго, онъ умеръ, повидимому, въ 1155 г. У Р. упоминаются лѣтописями два сына: Андрей и Глѣбъ.

Лѣтоп. по Ипатск. сп., 227, 236, 240, 314, 315. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, 38, 58, 242, 244; IX, 194 — 197; XV, 220; XX, 117; XXI, 3; XXIII, 39.—Тихомировъ, 4, 8, 9; Макарій, 56, 57; Иловайскій, 41 — 51.— Карамзинъ, II, 128, 130, 156. пр. 288, 299, 307, 350, 358; III, пр. 35; Соловьевъ. I, 389, 438, 453.

21. *Юрій Игоревичъ*, сынъ Игоря Глѣбовича, приходилъ въ 1207 г. къ великому князю Всеволоду, направлявшемуся походомъ противъ Кіева, и, будучи обви-

ненъ вмѣстѣ съ прочими Рязанскими князьями въ измѣнѣ, былъ схваченъ по приказанію Всеволода и отправленъ во Владимиръ, гдѣ въ заключеніи пробылъ, весьма вѣроятно, до 1212 г. Умеръ, кажется, ранѣе 1217 г. и великаго княженія Рязанскаго, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ историковъ, не занималъ. Юрія Игоревича нерѣдко смѣшиваютъ съ великимъ княземъ Юріемъ Ингваревичемъ, такъ какъ нѣкоторыя лѣтописи будто бы называютъ великаго князя Юрія Ингваревымъ (т. е. Ингваря Игоревича) братомъ; но слово братъ (или какъ стоитъ въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ — братъ его) должно быть связываемо съ слѣдующимъ за нимъ словомъ Олегъ; при такомъ толкованіи соотвѣтствующаго мѣста лѣтописи (извѣстіе 1237 г.) выходитъ, что у великаго князя Юрія Ингваревича былъ братъ Олегъ; такимъ образомъ, утвержденіе жалованной грамоты Олега Ивановича Ольгову монастырю на село Арестовское и показанія Воскресенской лѣтописи о томъ, что послѣ Ингваря Игоревича княжили его дѣти, Юрій и Олегъ, совершенно правильны.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., 409, 465. Новгор. лѣтоп. по Синод. харат. сп., 190. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, ч. 1 (в. I), 181, ч. 2 (в. I), 180, V, 210*; VII, 114, 115; X, 55, 65; XVIII, 44; XX, 145; XXII^1, 61.—Ср. Иловайскій, 79, 80, 91, 116, 128, 134, 135; Иконниковъ II^1, 1045, пр. 2 и 3.

22. *Юрій Ингваревичъ*, сынъ великаго князя Ингваря Игоревича, великій князь. Неизвѣстно, когда занялъ Юрій великое княженіе, но во второе нашествіе татаръ въ 1237 г. онъ былъ великимъ княземъ Рязанскимъ. Вмѣстѣ съ прочими князьями — братьями Олегомъ и Романомъ, и князьями Муромскимъ и Пронскимъ, на требованіе татарами десятины, Юрій, по словамъ лѣтописи, мужественно отвѣтилъ татарскимъ посламъ: „коли насъ не будетъ всѣхъ, то все то ваше будетъ". Собравъ войско, Ю. выступилъ противъ татаръ къ р. Воронежу, имѣя въ виду въ открытомъ полѣ дать сраженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ просьбу о помощи къ великому князю Юрію Всеволодовичу, но послѣдній ни самъ не отправился въ походъ, ни помощи не прислалъ. Послѣ упорной битвы Ю. и его союзники были разбиты татарами. Опустошая все на пути, татары подступили 16-го декабря 1237 г. къ Рязани, гдѣ заперся Ю. со своимъ войскомъ. Несмотря на упорное сопротивленіе, городъ былъ взятъ 21-го декабря того же года и преданъ сожженію. Князь, княгиня, много мужей, женъ и дѣтей были убиты татарами; вся Рязанская земля была предана страшному опустошенію. Ипатьевская лѣтоп. прибавляетъ къ этому, что татары лестью заманили къ себѣ великаго князя Юрія, повели его въ Пронскъ, гдѣ находилась супруга Ю., и тамъ обоихъ убили.

Родословныя утверждаютъ, что Юрій не имѣлъ дѣтей.

Лѣтоп. по Лаврент. сп. 487, 488 (ср. 437, 438). Лѣтоп. по Ипатьев. сп., 518. Новгор. лѣтоп. по Синод харат. сп., 247, 248. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, ч. 1 (в. I), 208, 209; V, 173*; VII, 139; X, 105, 106; XV, 366, 367; ср XVI, 51; XVII, 17, 119; XVIII, 54, 55; XX, 156; XXII, 396; XXIII, 74. Лѣтописецъ, содерж. Россійск. ист. съ 1206 до 1534 г., стр. 22. „Русскія лѣтописи", 27, 28.—Иловайскій, 79, 80, 91, 116, 128, 134, 135; Экземплярскій, II, 568, 569. Карамзинъ, III, 166—168, пр. 356—358, 360; Соловьевъ, I, 821; Пѣсняковъ „Образов. великорусск. госуд." стр. 224. 225.

23. *Ярославъ Александровичъ*, сынъ князя Пронскаго Александра Михайловича, князь Пронскій, повидимому, занималъ великое княженіе Рязанское съ 1342 по 1344 г. По смерти Ивана Калиты въ 1341 г. въ числѣ прочихъ Рязанскихъ и Пронскихъ князей Я. отправился въ Орду, откуда въ 1342 г. былъ отпущенъ ханомъ на Рязанское княженіе. Вмѣстѣ съ татарами Я. пришелъ къ Переяславлю, гдѣ затворился Иванъ Ивановичъ Коротополъ, убійца его отца, бѣжавшій послѣ дневной битвы изъ города, куда ворвались затѣмъ татары, предавшіе городъ разгрому. Можетъ быть, въ виду послѣдняго обстоятельства Я. сѣлъ не въ Переяславлѣ, а въ Ростиславлѣ. Источники не указываютъ, игралъ ли Я. какую-либо роль въ убіеніи Коротопола въ 1343 г. Самъ Я. умеръ въ слѣдующемъ 1344 г. въ Пронскѣ. Лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ на Рязани въ первые годы княженія Олега упоминаютъ Пронскаго князя, котораго называютъ то Владимиромъ Пронскимъ, то Владимиромъ Дмитріевичемъ Пронскимъ; нѣкоторыя родословныя считаютъ этого Владимира сыномъ Я., приписывая Я. второе имя—Димитрія; но къ такому заключенію нѣтъ, въ сущности, никакого основанія. Впрочемъ, другія родословныя считаютъ Владимира внукомъ Я. по сыну его Димит-

рію. Львовская лѣтоп. подъ 6859 г. даетъ Я. второго сына, которымъ считаетъ умершаго въ этомъ году князя Рязанскаго Василія (по другимъ лѣтописямъ — Василій приходился братомъ Ярославу)

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, 209; X, 215, 216; XVIII, 94; XX, 180, 181, 184. Лѣтописецъ, содерж. Россійск. ист. съ 1206 по 1534 г., стр. 88, 89. Времен. М. О. И. и Др., X, стр. 31.—Иловайскій, 140, 141, 308, 309; Экземплярскій, II, 580, 581, 624, 627, 628; Баумгартенъ, 3—5. Карамзинъ, IV, 151, пр. 335; Соловьевъ, I, 911; Прѣсняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 232.

24. *Ярославъ Романовичъ*, по Никон. лѣтоп. сынъ Романа Ольговича. Лѣтописи (Лавр., Воскр., Симеон. и Львовск.) отмѣчаютъ подъ 1299 г. смерть князя Ярослава Пронскаго, а Никон. лѣтоп. подъ тѣмъ же годомъ говоритъ о преставленіи „князя великаго Ярослава Романовича Пронскаго“. Родословныя считаютъ Я. не братомъ, а сыномъ Константина Романовича. Нѣтъ, въ сущности, серьезныхъ основаній для утвержденія историковъ, что Я. занималъ великое княженіе Рязанское. Я. былъ женатъ на неизвѣстной по происхожденію Ѳеодорѣ и имѣлъ двухъ сыновей—Ивана и Михаила.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., 461. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, 182, 243; X, 172; XVIII, 84; XX, 172; XXI, 3; XXIII, 95. „Рязанск. Достопам.“, § 61.—Иловайскій, 137, 147, 307, 308; Экземплярскій, II, 573—576, 582, 626, 627. — Карамзинъ, IV, 107, пр. 271; Соловьевъ, I, 883; Прѣсняковъ, „Образов. великорусск. госуд.“, стр. 228—230.

25. *Ярославъ Святославичъ*, сынъ Черниговскаго князя Святослава Ярославича, князь Муромо-Рязанскій, родоначальникъ князей Муромскихъ, Рязанскихъ и Пронскихъ. Судя по изображенію княжескаго семейства въ извѣстномъ Святославовомъ сборникѣ, Я. родился немного ранѣе 1073 г. По смерти отца его въ 1076 г. Я., какъ младшій изъ сыновей Святослава, получилъ въ удѣлъ муромо-рязанскія волости Черниговскаго княжества, но, повидимому, по малолѣтству Я. управляли этими волостями посадники брата Я., Олега. Въ роли подручника брата Олега встрѣчаемъ Я. еще двадцать лѣтъ спустя, когда во время борьбы Олега съ Мстиславомъ Владимировичемъ за Суздальскую землю Я. былъ посланъ съ сторожевымъ отрядомъ на р. Медвѣдицу, откуда Я. при приближеніи Мстислава спасался бѣгствомъ. Послѣ же битвы Олега съ Мстиславомъ у Суздаля, „на Кулачьцѣ“ (Колакшѣ), въ 1096 г., въ четвергъ на второй недѣлѣ поста, Я. былъ запертъ Олегомъ въ Муромѣ, а самъ Олегъ „иде къ Рязани“. Неизвѣстно, однако, какая судьба постигла Я., когда Муромъ былъ взятъ Мстиславомъ. Лѣтописецъ подъ 1097 г. говоритъ, что за Я. на Любечскомъ съѣздѣ были сохранены тѣ же земли, которыя онъ получилъ отъ отца. Въ 1101 г. Я. участвовалъ на княжескомъ съѣздѣ на Золотчѣ, гдѣ былъ заключенъ миръ съ половцами. Подъ 1103 г. узнаемъ, что Я. „бися... съ мордвою“ и былъ побѣжденъ ею 4-го марта, а подъ 1111 г. нѣкоторыя лѣтописи упоминаютъ среди князей, принимавшихъ участіе въ походѣ противъ половцевъ, также Я. (по другимъ извѣстіямъ—это Ярославъ Святополковичъ). По смерти въ 1123 г. Давида Святославича Черниговскаго на его мѣсто въ Черниговъ, переходитъ Я. По смерти Владимира Мономаха въ 1125 г. Я. не добивается Кіева, но беретъ съ Мстислава Владимировича клятву поддерживать его въ Черниговѣ. Въ 1127 г. племянникъ Я., Всеволодъ Ольговичъ, неожиданно напалъ на Черниговъ, захватилъ дядю Я., а дружину его перебилъ и ограбилъ. Когда же на выручку Я. къ Чернигову сталъ собираться великій князь Кіевскій Мстиславъ Владимировичъ вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ, Всеволодъ Ольговичъ отпустилъ Я. въ Муромъ и пытался склонить на свою сторону Мстислава, приходившагося ему тестемъ. Тогда Я. изъ Мурома прибылъ въ Кіевъ и умолялъ Мстислава не медлить походомъ на Черниговъ. „Хрестъ еси цѣловалъ ко мнѣ, поиди на Всеволода“, говорилъ Я. Но противъ новой междуусобной борьбы рѣшительно выступило Кіевское духовенство и особенно уважаемый Владимиромъ Мономахомъ и самимъ Мстиславомъ игуменъ Андреевскаго монастыря Григорій. „То ти менше есть... переступивъ хрестьное цѣлованіе на рать не встанешь, неже кровь пролити хрестьянскую“. говорилъ Григорій великому князю. „На ны будетъ тотъ грѣхъ“, вторилъ ему „сборъ иереискый“. Мстиславъ „сотвори волю ихъ“ и „съступи хреста... къ Ярославу“. Я. принужденъ былъ отправиться назадъ въ Муромъ, гдѣ въ 1129 г. скончался.

Ярославу приписывается историками крупная роль въ устроеніи Муромо-Рязанскаго края, вѣроятно, ему обязаны своимъ

возникновеніемъ нѣкоторые древніе города края, какъ, напр., Пронскъ, Переяславль, который, по словамъ С. Герберштейна, первоначально назывался Ярославлемъ. Еще большая заслуга Я., по мнѣнію нѣкоторыхъ, заключается въ его трудахъ по утвержденію христіанства въ Муромо-Рязанской землѣ. Лѣтописи ничего не знаютъ объ этомъ, не упоминаютъ даже о построеніи Я. какихъ-либо церквей. Историки, указывающіе на эту сторону дѣятельности Я., пользуются не лѣтописями, а „Сказаніемъ о житіи и о пребываніи и о чудесахъ св. чудотворцевъ Муромскихъ благовѣрнаго князя Константина и чадъ его Михаила и Ѳеодора“ (въ спискахъ XVI—XVII в.в.). „Сказаніе“, между прочимъ, изображаетъ древнѣйшее состояніе Муромо-Рязанскаго края, время борьбы христіанства съ язычествомъ и водворенія въ немъ перваго Константиномъ Святославичемъ; въ составъ его входитъ также разсказъ объ обрѣтеніи мощей Муромскихъ просвѣтителей, которымъ на соборѣ 1547 г. установлено мѣстное празднованіе 21 мая и мощи которыхъ покоятся въ Благовѣщенскомъ Муромскомъ монастырѣ. Тѣ авторы, которые видятъ въ князѣ Константинѣ „Сказанія“ дѣйствительное историческое лицо (Филаретъ, Иловайскій, арх. Макарій и др.), считаютъ имя Константина христіанскимъ именемъ Ярослава Святославича, а такъ какъ у Даніила Паломника (правда, не во всѣхъ спискахъ его „Житья и хоженья“) христіанское имя Ярослава—Панкратій и имена дѣтей его по „Сказанію“ не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ, то тѣ же авторы считаютъ имена „Сказанія“ монашескими именами Я. и его дѣтей. Но едва ли не болѣе правы другіе авторы (Ключевскій и др.), которые хотя признаютъ историческую основу „Сказанія“, но отказываются пользоваться его подробностями, между прочимъ, на томъ основаніи, что редакціи „Сказанія“ несогласны въ своихъ показаніяхъ о времени описываемаго событія, изъ которыхъ ни одна, впрочемъ, не заслуживаетъ вѣры: полная относитъ прибытіе Константина въ Муромъ къ 6731 (1223) году (въ этомъ году въ Муромѣ княжилъ Давидъ Юрьевичъ), замѣчая однако-жъ, что это было немного послѣ св. Владимира; краткая—неопредѣленно обозначаетъ событіе 6700 г., по ея словамъ, спустя 200 лѣтъ по убіеніи перваго Муромскаго князя Глѣба (убитаго, на самомъ дѣлѣ, въ 6523 году). Есть и другія несообразности въ „Сказаніи“. Константину не было надобности, какъ разсказываетъ авторъ „Сказанія“, брать Муромъ силой, т. к. онъ получилъ его въ удѣлъ. Онъ не могъ быть первымъ просвѣтителемъ Мурома, потому что уже въ 1096 г. существовалъ тамъ Спасскій монастырь. Ярославъ Святославичъ могъ, конечно, содѣйствовать распространенію и утвержденію въ краѣ христіанства, хотя положительнаго объ этомъ мы пока ничего не знаемъ. Высказано, наконецъ, мнѣніе (Серебрянскій), что Константинъ Святославичъ „Сказанія“—неизвѣстный по лѣтописямъ Муромскій князь, жившій въ XIII в.—Историками отмѣчалось также посланіе митр. Никифора о латинахъ, обращенное къ Ярославу Святославичу; какъ показалъ А. Поповъ, и это и подобное ему посланіе къ неизвѣстному князю обращено не къ Ярославу Святославичу, а къ Ярославу Святополковичу, князю Волынскому, который имѣлъ свой удѣлъ въ сосѣдствѣ съ „Ляской (Польской) землей“.

Отъ брака съ неизвѣстной по имени (умершей въ 1124 г.) Я. оставилъ трехъ сыновей: Ростислава, Юрія и Святослава.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., 230, 231, 247, 265, 269, 281, 282, 285. Лѣтоп. по Ипатск. сп., 165, 167, 181, 185, 206, 207, 209—211. Новгор. лѣтоп. по Синод. харат. сп., 119. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, ч. 1 (в. 1), 138, ч. 2 (в. 1), 140; V, 150; VII, 11, 12, 18, 20, 25—27, 242, 244; IX, 128, 129, 137, 139, 154, 156; XV, 184, 189, 193—195, 293; XX, 11, 99, 102—105; XXI, 3, 300; XXIII, 26, 29, 30. — Тихомировъ, 7, 9; Макарій, „Сборн. церк.-истор. и статист. свѣд. о Ряз. еп.“, 47—51; Иловайскій, 17—19, 25—41; С. Д. Яхонтовъ, „Вел. кн. Яросл. Святославичъ—первый князь Ряз., основатель Рязани“—Рязанск. Губ. Вѣд. 1895, сент.; „Памятн. старин. русск. литер.“, I, 229—237 (текстъ „Сказанія“); А. А. Э., I, стр. 203; Русск. Истор. Библ., III, 78, 79. — Филаретъ (Гумилевскій), „Ист. русск. церкви“, изд. 6-е, М. 1894, стр. 35—36; Рязанск. Епарх. Вѣд. 1877, №№ 22—24 (текстъ „Сказанія“; третье печати. изд. см. ниже подъ Серебрянскимъ); „Житье и хоженье Даніила Руськыя земли игумена 1106—1108 г.г.“, подъ ред. М. В. Веневитинова—Правосл. Палест. Сборн. т. I, в. 3 (предисловіе) и т. III, в. 3; Макарій, „Ист. русск. церкви“, II, стр. 29—34, 192—194, 358; А. Поповъ, „Истор.-литер. обз. древне-русск. полемич. сочиненій противъ латинянъ“, М. 1875, стр. 108, 109. — „Ярославъ во святомъ крещеніи Константинъ, благовѣрный князь Муромскій“—Христ. Чтеніе 1855, I, 287—288; „Рязанск. Достопам.“, пр. 10, 178; В. Ключевскій, „Древне-русск. житія святыхъ, какъ истор. источн.“, стр. 286—288; Н. Барсуковъ, „Источн.

русск. агіографіи", стр. 312—313; Е. Голубинскій, „Ист. канонизаціи святыхъ въ Русской церкви", стр. 84, 101; его же, „Ист. русск. церкви", т. I, (половина первая), стр. 206, 207, 857, т. II (вторая половина), стр. 188; Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ, „О князьяхъ Муромскихъ, причтенныхъ къ лику святыхъ"—Тр. второго областн. Тверск. археол. съѣзда, Тв. 1906, отд. II, стр. 315, 316; арх. Михаилъ, „Святой благовѣрный кн. Константинъ и Благовѣщенскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи князя и чадъ его Михаила и Ѳеодора"—Тр. Владим. учен. арх. ком. VIII, 1906, стр. 1 — 88; Иконниковъ, „Опытъ русск. исторіогр.", т. II, стр. 1045; Н. Серебрянскій, „Древне-русскія княжескія житія", М. 1915, стр. 234—247, прилож., стр. 100—107, (краткая редакція „Сказанія").—Карамзинъ, II, 70, 71, 80, 82, 94, 101, 102, 127, пр. 132, 151, 173, 178, 198, 247, 278, 299, III, пр. 33, 153; Соловьевъ, I, 304, 324, 346, 361, 362.

26. *Ѳеодоръ Ольговичъ*, сынъ Олега Ивановича, великій князь. До занятія великаго княженія послѣ смерти отца 5-го іюля 1402 г., лѣтописи дважды упоминаютъ о Ѳ.: въ 1387 г., когда онъ женился на Софіи Дмитріевнѣ, дочери Димитрія Донского, и подъ 1401 г. по случаю выхода замужъ дочери Ѳ. Василисы за сына Владимира Андреевича Храбраго, Ивана. По смерти отца Ѳ. отправился съ дарами въ Орду къ хану Шадибеку. По-видимому, вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Орду князь Пронскій Иванъ Владимировичъ, добивавшійся великаго княженія. На этотъ разъ ханъ далъ ярлыкъ на отчину и дѣдину Ѳ.; впрочемъ, и Иванъ Владимировичъ носилъ уже въ первые годы княженія Ѳ. титулъ великаго князя Пронскаго. Въ томъ же 1402 г. (ноября 25-го) Ѳ. заключилъ новую неремирную грамоту съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, гдѣ признавалъ себя младшимъ братомъ Московскаго князя; Ѳ. обязался при этомъ заключить договоръ „по давнымъ грамотамъ" съ упомянутымъ Иваномъ Пронскимъ и князьями новосильскимъ и торусскимъ. Отношенія Ѳ. къ татарамъ не были, однако, прочными. Въ 1405 г. они изгономъ налетѣли на Рязань и, забравъ добычу, отправились во-свояси. Ѳ. выслалъ за ними погоню, которая отняла плѣнниковъ и награбленное и многихъ татаръ перебила. Не желалъ оставлять своихъ притязаній на великое княженіе Рязанское князь Пронскій Иванъ. Въ 1408 г. онъ „безвѣстно" подошелъ съ татарскими отрядами къ Переяславлю и согналъ Ѳ. съ великаго княженія. Ѳ. принужденъ былъ бѣжать за Оку. Въ томъ же году Ѳ. пытался вернуть свою отчину. По совѣту „бояръ юныхъ" великій князь Василій Дмитріевичъ оказалъ помощь Ѳ. 1-го іюня 1408 г. между соперниками произошла битва между рѣками Смедвой и Осетромъ, притоками Оки. Побѣда осталась за Иваномъ Владимировичемъ, несмотря на то, что въ рѣшительную минуту татары не оказали ему помощи. Впрочемъ, въ томъ же или слѣдующемъ 1409 г. князья помирились и каждый занялъ свою наслѣдственную отчину. Послѣ описаннаго столкновенія лѣтописи ничего не говорятъ о Ѳ., — поэтому нѣкоторые полагаютъ, что Ѳ. умеръ въ 1409 г.; по мало обоснованному мнѣнію другихъ, Ѳ. скончался около 1423 — 1427 г.г. Отъ брака съ Софьей Дмитріевной Ѳ. имѣлъ двухъ сыновей: Василія (ум. весною 1407 г.) и Ивана, и дочь Василису, бывшую, какъ указано выше, съ 1401 г. въ замужествѣ за княземъ Иваномъ Владимировичемъ Серпуховскимъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 110; VI, 131, 135; VII, 243, 244; VIII, 51, 75, 82; XI, 90, 185, 188, 191, 203, 204; XV, 480, 481; XVI, 157; XVIII, 137, 154, 281; XX, 205, 219, 220, 225; XXI, 3; XXIII, 130, 138, 143. Лѣтописецъ, содерж. Россійск. ист. съ 1206 по 1534 г., стр. 186, 187, 229. — Собр. Гос. Гр. и Догов., I, № 36; „Изв. Тамбовск. учен. арх. ком.", в. XXV (189), стр. 40.—Тихомировъ, 17; Иловайскій, 202—205, 224; Экземплярскій, II, 224, 305, 575, 576, 582, 589, 592—596, 605, 619, 625, 630, 631; Баумгартенъ, 4; І. Диттель, „Святыни, древности и достопримѣчательности гор. Рязани" — Чт. въ М. О. И. и Др. 1859, кн. 3, отд. II, стр. 125.—Карамзинъ, V, 52, 103, 129, пр. 187, 190, 224, 229, 254; Соловьевъ, I, 1023, 1024.

27. *Ѳеодоръ Романовичъ*, по Никоновской лѣтоп. сынъ Романа Ольговича; родословныя считаютъ этого Ѳ. сыномъ Константина Романовича. Единственное лѣтописное извѣстіе объ этомъ князѣ находимъ подъ 1294 г., когда князь Ѳ. скончался. Занималъ ли онъ великое княженіе Рязанское, мы не знаемъ, хотя нѣкоторые историки (Иловайскій, Экземплярскій) утверждаютъ, что Ѳ. былъ великимъ княземъ съ 1270 по 1294 г. Ни изъ лѣтописи, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы Ѳ. имѣлъ дѣтей.

Лѣтоп. по Лаврент. сп., 460. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. X, 169; XVIII, 83. — Тихомировъ, 17; Иловайскій, 137, 147, 307, 308; Экземплярскій, II, 573—575, 626. — Карамзинъ, IV, пр. 218; Соловьевъ, I, 883; Прѣсняковъ, „Образов. великорусск. госуд.", стр. 228—230.

А. Андреевъ.

Рязанцевъ, *Василій Алексѣевичъ*, писатель; род. въ 1831 г.; онъ напечаталъ нѣсколько разсказовъ въ „Сынѣ Отечества“ 1860 г. и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; умеръ 5-го ноября 1866 г., 35 лѣтъ отъ роду.

„Иллюстрированная Газета“ 1866 г., № 49, стр. 383; Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 291.

Рязанцевъ, *Василій Ивановичъ*, даровитый актеръ-комикъ начала XIX вѣка; во время своего непродолжительнаго пребыванія на сценическомъ поприщѣ, успѣлъ сдѣлаться любимцемъ театральной публики обѣихъ столицъ и, несмотря на крайнюю недостаточность образованія, обѣщалъ быть блестящимъ украшеніемъ Императорской сцены. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, какъ Щепкинъ однажды шепнулъ ему про Рязанцева: «Это нашъ капиталъ!“ Это былъ въ полномъ смыслѣ актеръ-самородокъ, съ прирожденной комической жилкой, имѣвшій неотразимую способность заражать публику свойственнымъ ему веселымъ и шутливымъ настроеніемъ. Одного его появленія на сценѣ было достаточно, чтобы возбудить въ зрителяхъ самый искренній и задушевный смѣхъ, въ чемъ онъ имѣлъ такъ много общаго съ знаменитымъ комикомъ Московскаго Малаго театра В. И. Живокини. Если Рязанцевъ не оставилъ по себѣ такого же громкаго имени, то виною этого была слишкомъ преждевременная смерть. При всемъ томъ надо удивляться, какъ мало о немъ говорила печать; но это объясняется условіями того времени, когда онъ жилъ. Только въ концѣ 30-хъ годовъ появился у насъ первый театральный журналъ, а въ газетахъ и другихъ изданіяхъ предшествующей поры почти не было обыкновенія говорить о дѣятеляхъ сцены. Единственно этимъ можно объяснить и тотъ удивительный фактъ, что когда умеръ Рязанцевъ, то нигдѣ не появилось никакихъ некрологовъ и воспоминаній о немъ, и только въ «Сѣверной Пчелѣ“, и то спустя нѣкоторое время, была лаконически отмѣчена кончина этого даровитаго артиста,—буквально только отмѣчена, и то не въ некрологѣ или хотя бы краткомъ сообщеніи о немъ, а въ простомъ перечнѣ умершихъ отъ холеры: лишь почти черезъ десять лѣтъ является въ журналѣ „Репертуаръ Русской Сцены“ посвященная ему краткая біографическая замѣтка подъ громкимъ заглавіемъ: „Біографія Василія Ивановича Рязанцева“. Эта замѣтка, служившая потомъ и остающаяся донынѣ единственнымъ источникомъ, откуда почерпались свѣдѣнія о талантливомъ артистѣ, повторенныя въ нѣсколько сокращенномъ и перефразированномъ видѣ въ „Иллюстрированной Газетѣ“ и въ нѣкоторыхъ справочныхъ изданіяхъ, далеко не свободна отъ неточностей и ошибокъ...

Родиной Рязанцева была Москва. Онъ происходилъ изъ податного сословія (Московскій мѣщанинъ) и долженъ былъ пробивать себѣ дорогу самъ, своимъ во всякомъ случаѣ далеко недюжиннымъ дарованіемъ, рѣшительно безъ всякой поддержки. Родился онъ 13-го февраля 1803 г. Благопріятнымъ обстоятельствомъ для Рязанцева въ чисто отрицательномъ смыслѣ можно считать развѣ то, что во время его дѣтства отцу его удалось получить отпускную отъ помѣщиковъ Усачевыхъ и сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ, что, по крайней мѣрѣ, давало возможность нашему комику не зависѣть отъ чужого произвола и распоряжаться своей личностью. Отецъ Рязанцева приписался къ мѣщанскому сословію. О даровитости молодого человѣка громко говоритъ уже то обстоятельство, что, послѣ безусловно потерянныхъ для ученія лѣтъ отрочества, онъ нашелъ свое поприще, начавъ учиться грамотѣ уже въ томъ возрастѣ, въ которомъ такія занятія не могли не считаться крайне запоздалыми даже въ началѣ этого вѣка; онъ познакомился съ книгой только 18 лѣтъ, когда поступилъ въ приходское училище на Большой Никитской. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ, что побудило Рязанцева въ такіе годы сѣсть на школьную скамью рядомъ съ малолѣтними ребятами; но трудно, кажется, сомнѣваться въ томъ, что причина этого должна была имѣть что-нибудь общее съ его позднѣйшимъ влеченіемъ къ сценѣ, что то и другое имѣло болѣе или менѣе близкое отношеніе къ его природной даровитости. По словамъ названной біографіи, „несмотря на свой живой, рѣзвый характеръ и на шалости, неразлучныя съ юношескимъ возрастомъ, онъ учился довольно прилежно“. Но здѣсь мы наталкиваемся на недоумѣнія, указывающія, повидимому, на недостаточную достовѣрность „біографіи“. „Въ этомъ самомъ училищѣ“—читаемъ дальше—„былъ въ то время также и сынъ

актера Куликова", съ которымъ подружился Рязанцевъ. Между тѣмъ, Николай Ивановичъ Куликовъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, родился лишь въ 1815 г. и, имѣя это въ виду, нельзя уже съ безусловнымъ довѣріемъ отнестись къ дальнѣйшимъ словамъ біографіи: „Рязанцевъ подружился съ Куликовымъ, хотя былъ старѣе его нѣсколькими (?) годами и защищалъ его часто отъ обидъ другихъ учениковъ". Вѣроятно, здѣсь невѣренъ не самый фактъ, но есть какая-нибудь неточность въ годахъ, такъ какъ по этимъ даннымъ оказывается, что Куликову въ годъ поступленія Рязанцева въ школу было только три года. Какъ же они могли быть товарищами? Надо предположить, что Рязанцевъ пробылъ въ училищѣ нѣсколько лѣтъ, и, можетъ быть, въ послѣдній годъ своего пребыванія тамъ онъ сдѣлался покровителемъ маленькаго Куликова, которому было суждено, въ свою очередь, стать вскорѣ его благодѣтелемъ. Провѣрить приведенное въ настоящее время едва ли могла бы представиться какая-нибудь возможность за неимѣніемъ никакихъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о юности Рязанцева; провѣрить нечѣмъ, но сущность дѣла остается несомнѣнной, потому что, благодаря Куликову, чувствовавшему признательность къ своему великовозрастному школьному однокашнику-покровителю, Рязанцеву удалось попасть на представленія театра любителей, бывшаго также на Большой Никитской улицѣ, въ домѣ князя Юсупова. Маленькій Куликовъ, очевидно, могъ въ данномъ случаѣ оказывать своему товарищу извѣстную протекцію, какъ сынъ одного изъ актеровъ этого театра. Рязанцевъ былъ совершенно очарованъ театромъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ случая попасть на представленіе; въ немъ тотчасъ же сказался прирожденный артистъ. Далѣе біографъ Рязанцева разсказываетъ, что въ виду его успѣховъ отецъ его, взявъ (?) изъ Никитскаго Училища, опредѣлилъ въ гимназію. Здѣсь мы впадаемъ еще въ большее недоумѣніе: спрашивается, сколькихъ же лѣтъ Рязанцевъ поступилъ въ гимназію, и что значитъ эта фраза, что отецъ „взялъ его изъ Никитскаго Училища": если до окончанія курса, то какъ это согласить съ фактомъ дружбы Рязанцева съ Куликовымъ: вѣдь если послѣдній поступилъ въ училище даже пяти лѣтъ, то и въ такомъ случаѣ, черезъ годъ, положимъ, Рязанцевъ уже долженъ былъ кончить курсъ. Какъ бы то ни было, оставивъ въ сторонѣ не поддающуюся провѣркѣ, за отсутствіемъ иныхъ свѣдѣній о Рязанцевѣ, путаницу въ хронологическихъ данныхъ, послѣдуемъ дальше за единственнымъ біографомъ артиста. „Въ гимназіи"—говоритъ онъ—„Рязанцевъ уже не имѣлъ товарища, который бы водилъ его даромъ въ театръ, а не имѣя денегъ, не могъ даже въ воскресные дни покупать себѣ билеты въ раекъ". Пробывши въ гимназіи около двухъ лѣтъ, Рязанцевъ долженъ былъ оставить ее и опредѣлился сидѣльцемъ въ одномъ изъ магазиновъ на Кузнецкомъ мосту. Тамъ, несмотря на вседневныя занятія свои по торговлѣ, онъ имѣлъ, однако же, довольно свободнаго времени, которымъ могъ располагать по своему произволу. Помня, какое удовольствіе доставляли ему театральныя представленія, въ которыя водилъ его Куликовъ, онъ познакомился съ однимъ изъ актеровъ вольнаго театра, дававшаго свои представленія за Москвой-рѣкой, близъ Калужскихъ воротъ, и сталъ ходить туда, не пропуская ни одного спектакля. Изъ всего этого безусловно достовѣрнымъ можно считать лишь то, что послѣ посѣщенія представленій въ театрѣ на Большой Никитской, Рязанцевъ страстно стремился къ сценическимъ наслажденіямъ и, наконецъ, благодаря знакомству съ актерами вольнаго театра, добился возможности посѣщать спектакли. Рязанцеву тѣмъ легче было завязать знакомства и дружескія отношенія въ театрѣ любителей, что тамъ принимали участіе въ представленіяхъ преимущественно люди его круга, купцы и сидѣльцы. Черезъ нѣсколько времени Рязанцеву удалось добиться дебюта и вскорѣ онъ уже сталъ выступать въ комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ.

Когда о сценическихъ успѣхахъ Рязанцева дошло до одного изъ чиновниковъ Московскаго Малаго театра Сухопрудскаго, послѣдній, желая дать надлежащее направленіе таланту даровитаго самоучки, помѣстилъ его въ Театральную школу. Въ то же время Рязанцеву было назначено жалованье 100 р. въ годъ, слишкомъ ничтожное по современнымъ понятіямъ, но въ то время немаловажное для человѣка, вышедшаго изъ простого званія и совер-

шенно неприхотливаго. Главное же было то, что Рязанцевъ, наконецъ, могъ свободно вздохнуть, сознавая, что отнынѣ для него открывается желанное поприще. Однако, на императорской сценѣ ему снова предстояли обычныя тернія; надо было мириться съ такъ называемыми выходными ролями. Все это показываетъ, какъ много времени взяла у Рязанцева подготовительная ступень къ артистической карьерѣ, и какъ мало недолгая жизнь отвела ему простора для самостоятельнаго служенія музамъ. Біографъ находитъ хорошую сторону и въ этихъ мытарствахъ—въ томъ, что, „благодаря выходнымъ ролямъ“, Рязанцевъ выучился ходить по сценѣ, понимая это выраженіе въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ при покатости рампы это представляетъ немалыя трудности. Нельзя, однако, не согласиться, что подобное соображеніе едва-ли можетъ имѣть большую цѣну, когда рѣчь идетъ объ артистѣ съ положительнымъ дарованіемъ; надо полагать, что такое пріобрѣтеніе было слишкомъ ничтожно для Рязанцева и затрата на него около года времени была для него прискорбной и непроизводительной потерей времени,—настолько это было ниже артистическихъ средствъ хотя и неопытнаго, но чрезвычайно способнаго молодого артиста. Наконецъ, когда Рязанцеву однажды дана была роль вѣстника въ пьесѣ „Густавъ Ваза“, гдѣ онъ долженъ былъ произнести всего три слова: „датскіе драгуны приближаются!“, онъ сумѣлъ такъ сказать это восклицаніе, что весь театръ обратилъ на него вниманіе и проводилъ его дружными рукоплесканіями. Тутъ уже Рязанцеву удалось, наконецъ, пробить себѣ дорогу. Хотя и послѣ этого ему снова пришлось еще, по выраженію біографа, „долго отдыхать на лаврахъ“, но все же онъ былъ замѣченъ и могъ надѣяться на дальнѣйшіе успѣхи: такъ трудно было отвоевать себѣ артисту достойное мѣсто въ труппѣ Малаго театра. Рязанцевъ еще выступилъ однажды съ немалымъ успѣхомъ въ роли Тарабара въ операѣ „Русалка“ (въ тѣ времена не было такого строгаго раздѣленія, какъ теперь, между артистами оперными и драматическими, а Рязанцевъ обладалъ также хорошимъ голосомъ и могъ пользоваться успѣхами и въ операѣ). И все-таки ему снова приходилось нѣкоторое время заниматься преимущественно обученіемъ людей его прежняго круга, купцовъ и сидѣльцевъ, танцовальному искусству, а въ театрѣ ждать „у моря погоды“. Возможно, что ему снова пришлось бы долго напрасно мечтать о томъ, чтобы, наконецъ, ему дана была возможность проявить талантъ и чтобы ему дали ходъ, но его снова выручилъ счастливый случай. Въ 1823 г. въ Москву пріѣхала на гастроли оперная пѣвица Сандунова. Она выбрала для перваго спектакля оперу „Cosa Rara“; но ей недоставало артиста на роль Тита. Она сама отправилась въ театральную школу, испытывала тамъ голоса воспитанниковъ и осталась видимо недовольна, пока наконецъ разборчивая артистка не обратилась къ Рязанцеву, котораго она перебила на первыхъ же нотахъ, сказавъ: „Вотъ мой Титъ; лучшаго мнѣ не надобно“. И здѣсь уже, не имѣя протекціи, столь всевластной въ театральномъ мірѣ, Рязанцевъ могъ заявить себя во всемъ блескѣ; долгое ожиданіе было вознаграждено самымъ несомнѣннымъ успѣхомъ. Послѣ этого его положеніе было обезпечено; оставалось кончить курсъ въ Театральной школѣ, что имѣло мѣсто въ 1824 г. Затѣмъ Рязанцевъ пробылъ на Московской сценѣ около пяти лѣтъ, и хотя недостатокъ воспитанія и постоянное пребываніе въ низменной средѣ наложили на него невыгодный отпечатокъ, сдѣлавъ изъ него артиста, имѣвшаго недостаточное понятіе о значеніи своего призванія, мало работавшаго и притомъ предававшагося позорному пороку пьянства, но при его несомнѣнно крупномъ дарованіи слава его постоянно росла, и онъ завоевалъ себѣ симпатіи публики, которыя особенно обнаружились, когда ему было предложено перейти на Петербургскую сцену,—это значило уже, что его дарованіе было вполнѣ оцѣнено и что Петербургская Дирекція желала привлечь его въ свою труппу. Въ Москвѣ Рязанцевъ долженъ былъ дослужить обязательный срокъ службы за обученіе въ Театральной школѣ, послѣ чего онъ рѣшился перейти въ Петербургъ, гдѣ тогда были сосредоточены почти всѣ лучшія силы русской сцены. Тамъ же находился горячо полюбившій его и оцѣнившій его дарованіе артистъ Сосницкій, отношенія котораго къ Рязанцеву носили какой-то трогательный отпечатокъ. Московская публика съ сожалѣніемъ должна была уступить своего любимца Петербургу.

Въ концѣ февраля 1828 г. мы видимъ

Рязанцева на Петербургской сценѣ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ восторженно и пожиналъ богатые лавры. Товарищъ его П. А. Каратыгинъ (братъ знаменитаго трагика и также весьма даровитый актеръ) въ своихъ „Запискахъ“ такъ говоритъ о немъ: „Въ 1828 году перешелъ съ Московской сцены на Петербургскую актеръ Рязанцевъ и съ первыхъ же своихъ дебютовъ сдѣлался любимцемъ публики. Это былъ, дѣйствительно, замѣчательный комикъ. Онъ былъ небольшого роста, толстенькій, кругленькій, краснощекій, съ лицомъ, полнымъ жизни, съ большими черными выразительными глазами; всегда веселъ и натураленъ, всегда дѣйствовалъ онъ на зрителей. Такой непринужденной веселости и простоты не встрѣчалъ я ни у кого изъ своихъ товарищей въ продолженіе моей службы. При появленіи его на сцену, у всѣхъ невольно появлялась улыбка, и комизмъ его возбуждалъ въ зрителяхъ единодушный смѣхъ“. Рязанцевъ, какъ и въ Москвѣ, продолжалъ играть въ комедіяхъ, операхъ, водевиляхъ, занимая самыя разнообразныя, но непремѣнно комическія амплуа. Къ сожалѣнію, онъ иногда относился къ своимъ обязанностямъ до такой степени небрежно, что иногда совершенно не зналъ роли. П. А. Каратыгинъ разсказываетъ забавный случай, какъ Рязанцевъ однажды на репетиціи взбѣсилъ своимъ отношеніемъ къ дѣлу инспектора драматической труппы Храповицкаго, который поспѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Директора театровъ, князя Гагарина, и просилъ послѣдняго присутствовать на спектаклѣ. Не ожидая такой энергичной мѣры, Рязанцевъ вечеромъ прибылъ на спектакль неприготовленный; какъ вдругъ онъ узнаетъ, что князь Гагаринъ въ театрѣ. Ему ничего не оставалось больше, какъ заставить суфлера какъ можно проворнѣе прочитать роль, пока самъ Рязанцевъ одѣвался и гримировался. И что же? „Лишь только онъ вышелъ на сцену“,—разсказываетъ Каратыгинъ,—„публика оживилась, симпатичность его вступила въ свои права,—и дѣло пошло на ладъ; онъ игралъ молодцомъ, весело, живо, съ энергіей, не запнулся ни въ одномъ словѣ. Публика была совершенно довольна, смѣялась отъ души, вызвала его и другихъ артистовъ, и комедія удалась вполнѣ“.

Таковъ былъ этотъ актеръ-самородокъ. Къ сожалѣнію, его блистательно начавшаяся сценическая карьера была рано и неожиданно прервана смертью отъ холеры въ ночь съ 28-го на 29-е іюня 1831 года; погребенъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ, на холерномъ участкѣ. Рязанцевъ, веселый, развязный, пріятный въ обществѣ, любимецъ товарищей и начальства, шутникъ и острякъ, привыкшій ко всему относиться самоувѣренно и безпечно, и въ эту страшную годину, когда всѣми овладѣлъ ужасъ, разъѣзжая по дачамъ, постоянно былъ въ самомъ веселомъ настроеніи и отважно насмѣхался надъ эпидеміей и людьми, трепетавшими за свою жизнь; онъ утверждалъ, что холеры ему бояться нечего и что такого здоровяка ей не скосить. Натура несдержанная, Рязанцевъ совершенно не хотѣлъ слышать ни о какой діэтѣ, ни о какихъ самыхъ элементарныхъ предосторожностяхъ. На сценѣ онъ являлся такимъ же разбитнымъ весельчакомъ, какъ всегда, и заставлялъ забывать объ ужасномъ бѣдствіи. 27-го іюня онъ игралъ въ послѣдній разъ „съ обычной неподдѣльной веселостью, электрически дѣйствовавшей и на товарищей по сценѣ, и на публику,—въ ту печальную холерную пору довольно малочисленную“, какъ разсказывалъ по дошедшимъ до него воспоминаніямъ покойный артистъ И. Ѳ. Горбуновъ. „По окончаніи спектакля“—читаемъ мы въ той же статьѣ—„придя въ уборную, въ которой съ нимъ вмѣстѣ одѣвался и Сосницкій, Рязанцевъ, снявъ костюмъ и увидѣвъ у дверей квасника съ большимъ жбаномъ ледяного квасу, съ жадностью осушилъ два стакана. „Эхъ, Вася“, замѣтилъ Сосницкій, „можно ли, распотѣвши, въ нынѣшнее время, пить холодное, да еще такую кислую бурду?“ — „А что?“ сказалъ Рязанцевъ, не то съ недовѣріемъ, не то съ робостью: „Ничего... не въ первый разъ. Надобно же чѣмъ-нибудь освѣжиться въ эту жару... я, братъ, не трусливаго десятка“.

На другой день даровитаго артиста не стало.

„Сѣверная Пчела“ 1828 г., № 42 и 1831 г., № 207 (15 сентября); „Біографія Василія Ивановича Рязанцева“, Н. Мундта — „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1840, кн. 1, стр. 1—4; „Пантеонъ Русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“ 1840 г., ч. 4, № 10, стр. 40—46 (съ портр.); „Литературныя и театральныя воспоминанія“ С. Т. Аксакова, изд. Мартынова, т. IV, стр. 58, 68, 84—85; „Иллюстрированная Газета“ 1867, № 18; „Русская Старина“ 1873, т. VII, стр. 168—

175; 1880, т. XXIX, стр. 301; „Историческій Вѣстникъ“, въ статьѣ г. Сиротинина „Біографія Сандунова“, 1889, стр. 574—575. „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1831 г., приб. № 160, стр. 1461; „Моск. Вѣд.“ 1831 г., № 160, стр. 1461; „Ежег. Имп. Театровъ“, сезонъ 1899—1900, прилож. кн. 2; Воспом. М. Каратыгиной—„Русск. Вѣстн.“ 1881, № 4, стр. 590.

Рязанцевъ (Резанцевъ), *Григорій Петровичъ*, докторъ медицины; медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ; окончилъ курсъ докторантомъ, а 21-го іюля 1824 г. получилъ степень доктора медицины и званіе акушера и былъ опредѣленъ (20-го августа 1824 г.) акушеромъ Архангельской Врачебной Управы, въ 1833 г. переведенъ былъ на ту же должность въ Новгородъ, а въ 1835 г., получивъ въ Московскомъ Университетѣ званіе Инспектора Врачебной Управы, былъ назначенъ таковымъ въ Оренбургскую (нынѣ Уфимскую) губернію; здѣсь, въ Уфѣ, онъ прослужилъ до 1872 г., когда вышелъ въ отставку; онъ читалъ лекціи также въ мѣстной Семинаріи. Скончался въ 1875 году, въ чинѣ д. с. совѣтника, который получилъ 19-го іюля 1869 г.

Его докторская диссертація—„Dissertatio inaugur. medico-legale de praestantia vasorum utensilium“, M. 1824, 8°.

Р. имѣлъ въ Уфимскомъ уѣздѣ имѣніе съ 860 десятинами земли и домъ въ гор. Уфѣ.

„Уфимскія Губ. Вѣдом.“ 1875 г., № 9 (некр., И. Гурвича); Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, тетр. 2, С.-Пб. 1886, стр. 89.

Ря(е)занцевъ, *Степанъ Родіоновичъ*, подъячій Вятской Приказной Избы въ 1677—1679 г.г.; въ 1686 г. былъ дьякомъ Сибирскаго Приказа; въ 1688—1689 гг.—дьякомъ въ Симбирскѣ, а въ 1691—92 гг.—дьякомъ Двинской Приказной Избы.

А. И., V, № 18, стр. 28, 65, 75; Д. къ А. И., VIII, стр. 109, XII, № 52, стр. 337, 338; А. А. Э., IV, стр. 451; Двинская лѣтопись (изд. А. Титова), стр. 57, 61.—П. Ивановъ, Указат. къ боярск. книгамъ, стр. 352; „Древн. Росс. Вивл.“, изд. 2, т. XX, стр. 397; Симбирск. Губ. Вѣд. 1852 г., №№ 41, 42; Симбирск. Епарх. Вѣд. 1898 г., № 18, прилож., 1901 г., № 16.

А. Андреевъ.

Ряполовскій (Стародубскій, Стригинъ), князь, *Андрей Ивановичъ*, сынъ князя Ивана Ѳедоровича Ряполовскаго-Стригина, умершаго окольничимъ, нерѣдко смѣшивается съ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Ряполовскимъ Хрипуновымъ и съ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Оболенскимъ-Стригинымъ. Въ 1546 г. онъ принималъ участіе въ Казанскомъ походѣ. Въ 1551 г., съ 27-го сентября, въ предполагавшемся Полоцкомъ походѣ, онъ былъ назначенъ первымъ воеводой одного изъ полковъ, а въ ноябрѣ того же года отправленъ восьмымъ воеводой подъ Могилевъ. Въ 1554—55 гг. былъ послухомъ въ данной князя Ивана Александровича Оболенскаго Троице-Сергіеву монастырю на сельцо Бубнецъ съ деревнями въ Переяславскомъ уѣздѣ (на оборотѣ данной сохранилась подпись князя Андрея). Вмѣстѣ съ племянникомъ, Никитой Михайловичемъ Стародубскимъ, онъ участвовалъ въ Полоцкомъ походѣ 1563 г., при чемъ состоялъ посыльнымъ воеводой. Въ 1565 г., во время нашествія Крымскихъ татаръ, былъ вторымъ воеводой передового полка на берегу Оки; въ 1567 г. состоялъ первымъ воеводой въ Мценскѣ, а въ 1569—70 г.г. былъ намѣстникомъ въ Почепѣ, по полученіи же вѣстей изъ Путивля о приближеніи татаръ, былъ назначенъ третьимъ воеводой большого полка на берегъ Оки. Въ Ливонскомъ походѣ 1570 г. Р. былъ присланъ перемѣннымъ воеводой къ Юрьеву. Въ томъ же году, сентября 4-го, посланъ въ Серпуховъ вторымъ воеводою передового полка, съ приказаніемъ, въ случаѣ, если Крымскіе татары не уйдутъ съ берега Оки, а станутъ грабить украинскія мѣстности, идти за рѣку воеводой сторожевого полка. Въ томъ же году, сентября 22-го, отправленъ былъ „съ берега“ вторымъ воеводой въ Туду, гдѣ, повидимому, и скончался 28-го октября 1570 г. Былъ похороненъ въ Троицѣ-Сергіевомъ монастырѣ, противъ западныхъ дверей церкви Сошествія Св. Духа. Князь Андрей былъ женатъ на княгинѣ Маріи Тимоѳеевнѣ Пожарской и приходился, такимъ образомъ, дядей извѣстному князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Отъ этого брака дѣтей не было. Онъ владѣлъ вотчинами въ уѣздахъ Московскомъ (село Лялово), Дмитровскомъ (деревни и пустоши въ Рязанскомъ концѣ) и Стародубѣ-Ряполовскомъ (села Волосынино и Пантелѣево). По духовной 1556—57 г.г. все его имущество, движимое и недвижимое, было завѣщано имъ женѣ, при чемъ половина села Пантелѣева по ея смерти должна была поступить въ Троице-Сергіевъ монастырь; во

исполненіе воли мужа, княгиня Марья дала въ 1569—70 г.г. данную монастырю на эту половину, часть же села была продана ею племяннику мужа, князю Никитѣ Михайловичу Стародубскому, сынъ же послѣдняго, Иванъ, передалъ и эту часть, въ 1571—72 г.г., въ Троице-Сергіевъ монастырь. По родословнымъ князь Андрей и братъ его Михаилъ считаются послѣдними представителями рода Стригиныхъ-Ряполовскихъ, но это утвержденіе невѣрно, такъ какъ князь Михаилъ имѣлъ сына Димитрія, по словамъ Курбскаго, казненнаго Іоанномъ Грознымъ, и уже упомянутаго Никиту, а у послѣдняго былъ сынъ Иванъ; тѣ же родословныя не отмѣчаютъ третьяго сына Ивана Ѳедоровича Стригина-Ряполовскаго—Симеона, умершаго ранѣе 1556—57 г.г., женатаго на княгинѣ Евфросиніи и имѣвшаго дочь Ѳеодору.

Сборн. Троице-Сергіевой Лавры, № 530, по Стародубу-Ряполовскому, главы 12, 13, 16—20; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. XIII (полов. 1-я), стр. 350; „Древн. Россійск. Вивліоѳика“, изд. 2, т. XIII, стр. 384, 399, 412; т. XX, стр. 31; „Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ“, ч. II, М. 1787, стр. 76, 300, 372, 384, 413; (М. Спиридовъ) „Сокращенное описаніе службъ Россійскихъ дворянъ“, ч. 2-я, М. 1810, стр. 88—89; „Русскій Историч. Сборн.“, т. II, М. 1838, стр. 69, 71, 79, 277, 303; „Временникъ Московск. Общ. Ист. и Древн.“, кн. X, М. 1851, стр. 66, 154. 250; „Синбирскій Сборникъ“, т. I, М. 1845, стр. 18, 24, 26, 28; А. Сапуновъ, „Витебская Старина“, т. IV, Витебскъ. 1885, стр. 42; „Сборникъ Муханова“, изд. 2-е, С.-Пб. 1866, стр. 153; А. В. Горскій, „Историч. опис. Свято-Троицкія Сергіевы Лавры“, ч. 2-я, М. 1879, стр. 95; П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. 1, М. 1885, стр. 138; С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.“, С.-Пб. 1897, стр. 65 примѣч., 73, 81, 118—119, 172—174, 177, 179, 180, 193; С. Шумаковъ, „Обзоръ грам. Коллегіи Экономіи“, в. 4-й, М. 1917, стр. 272.

А. Андреевъ.

Ряполовскій, князь *Василій Семеновичъ* **Мних**ъ. Въ 1478 г. въ Казанскомъ походѣ, въ конной рати, участвовали князь Вас. и братъ его князь Ѳеодоръ Семеновичъ *Хрипунъ*; пришедъ подъ Казань, имъ велѣно быть въ передовомъ полку съ княземъ Сем. Ив. Ряполовскимъ. Въ 1492 г., въ походѣ въ Новгородъ-Сѣверскую область,—первый воевода въ лѣвой рукѣ; въ 1495—въ Новгородскомъ походѣ; въ 1500 г., въ Литовскомъ походѣ,—воевода въ лѣвой рукѣ; въ 1502 г. въ Смоленскомъ походѣ, подъ предводительствомъ кн. Дмитрія Ивановича (сына Іоанна III), въ передовомъ полку съ князьями Стародубскимъ и Шемячичемъ. Въ 1503 г. онъ былъ намѣстникомъ въ Брянскѣ и получилъ приказаніе отъ Іоанна III давать Московскимъ посламъ, возвращавшимся изъ Крыма, кормъ и лошадей отъ Путивля. Въ концѣ этого года кн. Р-ій довелъ до свѣдѣнія вел. князя, что Кричевскій намѣстникъ Остафій Дашковичъ вступается въ волость Прикладни и въ деревни этой волости, а кричевцы „чинятъ многія обиды“ русскимъ людямъ. Въ 1506 г., въ Казанскомъ походѣ,—воевода въ правой рукѣ. Въ томъ же году, въ апрѣлѣ, вел. князь Василій Ивановичъ пожаловалъ кн. Р-го—выдалъ за него свою свояченицу Марію Юрьевну Сабурову; являли это жалованье, т.-е. сообщали его кн. Р-му бояре: Яковъ Захарьинъ, Григорій Ѳеодоровичъ, печатникъ Юрій Дм. Траханіотовъ и дьяки. Разрядъ свадебнаго поѣзда не писанъ. Въ Россійской родосл. книгѣ кн. Долгорукова имѣется свѣдѣніе, что кн. Р-ій былъ женатъ на Еленѣ Ивановнѣ *Заболоцкой*. Мы полагаемъ, что въ первомъ бракѣ кн. Р-ій былъ женатъ на Заболоцкой, а во второмъ на Сабуровой. Въ 1507 г. кн. Р. участвовалъ въ Литовскомъ походѣ вмѣстѣ съ князьями Стародубскимъ и Шемячичемъ: былъ первымъ воеводой въ лѣвой рукѣ, а въ 1513 г.—въ Литовскомъ походѣ первымъ воеводой въ передовомъ полку.

Карамзинъ, Ист. госуд. Рос., т. VI; Погодинъ, Рус. Ист. Сб., II; кн. Долгоруковъ, Рос. Род. Кн., IV; Петровъ; Экземплярскій, I; „От. Зап.“ 1830, ч. 44; „Чт. М. О. И. Др.“ 1902 г., I; „Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.“, т.т. 35, 41 и 61.

В. Корсакова.

Ряполовскій, князь *Дмитрій Ивановичъ*, въ монашествѣ Домитіанъ. Въ 1446—47 гг., вмѣстѣ со своими братьями Иваномъ и Семеномъ, держалъ сторону Вас. Вас. Темнаго противъ Шемяки. Имя его записано въ синодикѣ Патріаршей ризницы.

Карамзинъ. Ист. госуд. Рос., V; Соловьевъ. Ист. Россіи, IV; Экземплярскій, I и II; Петровъ.

В. Корсакова.

Ряполовскій, князь *Иванъ Андреевичъ*, по прозвищу **Нагавица**, XIV—XV (первая половина) в. в.; по родословнымъ—третій сынъ князя Андрея Ѳедоровича Стародубскаго. Получивъ въ удѣлъ Ряполовскій станъ Суздальскаго

уѣзда, онъ прозвался по мѣсту владѣнія Ряполовскимъ. Считается родоначальникомъ князей Ряполовскихъ, Хилковыхъ и Татевыхъ. Извѣстенъ только по родословнымъ, которыя указываютъ, что онъ имѣлъ 4-хъ сыновей: Ивана, Семена Хрипуна, Димитрія и Андрея Лобана.

„Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн.“, кн. X, стр. 64, 66, 154, 250; „Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ“, ч. II, М. 1787, стр. 76; (М. Спиридовъ), „Сокращенное описаніе службъ Россійскихъ дворянъ“, ч. 2-я, М. 1810 г., стр. 84; П. Н. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, Спб. 1885, стр. 138; А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси“, т. II, Спб. 1891, стр. 183, 186, 191.

А. Андреевъ.

Ряполовскій, князь *Иванъ Ивановичъ*. Какъ онъ, такъ и братья его, князья Дмитрій и Семенъ, держали сторону Вас. Вас. Темнаго въ борьбѣ его съ Шемякою. Въ 1446 г., когда Вас. Вас. былъ схваченъ въ Троицкомъ монастырѣ и увезенъ въ Москву приверженцами Шемяки, два малолѣтнихъ сына Вас. Вас. укрылись на монастырскомъ дворѣ. Въ ту же ночь, съ оставшимися при нихъ людьми они бѣжали къ Юрьеву, въ с. Боярково, къ кн. Ив. Ив. Ряполовскому. Вмѣстѣ съ братьями своими, Дмитріемъ и Семеномъ, съ княжичами и со всѣми людьми, кн. Ив Ив. спѣшно отправился въ Муромъ и затворился тамъ. Узнавъ объ этомъ, Шемяка призвалъ къ себѣ Рязанскаго и Муромскаго епископа Іону, обѣщая дать ему митрополію, освободить Вас. Вас. и надѣлить его „отчиною“; онъ просилъ Іону ѣхать въ Муромъ и взять дѣтей Вас. Вас., подъ ручательство въ ихъ безопасности, „на свой патрахѣль“. Епископъ отправился въ Муромъ и передалъ кн. Ряполовскимъ желаніе Шемяки. Посовѣтовавшись между собою, кн. Ряполовскіе рѣшили, что лучше добровольно передать княжичей святителю, чѣмъ допустить, чтобы Шемяка взялъ ихъ силою. Они передали дѣтей въ соборной Рождественской церкви епископу Іонѣ, который принялъ ихъ съ пелены на свою епитрахиль, слѣдовательно, поручился своимъ святительскимъ саномъ въ ихъ безопасности. 6-го мая Іона прибылъ съ дѣтьми Вас. Вас-ича въ Переяславль къ Шемякѣ; онъ принялъ княжичей съ притворною лаской, звалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, одарилъ ихъ, а на третій день, въ сопровожденіи епископа Іоны, отправилъ въ Углицъ къ отцу, въ заточеніе. Видя коварство Шемяки, кн. Ряполовскіе начали придумывать средства къ освобожденію Вас. Вас., и составилось большое сообщество единомышленниковъ. Условились собраться подъ Угличемъ, въ полдень Петрова дня, что и было исполнено всѣми, исключая кн. Ряполовскихъ. Такъ какъ Шемяка узналъ о ихъ замыслѣ, то они вынуждены были уйти за Волгу, къ Бѣлоозеру. Шемяка отправилъ въ погоню за ними два многочисленныхъ отряда, которые должны были соединиться при устьѣ Шексны. Одинъ изъ предводителей опоздалъ и былъ разбитъ кн. Ряполовскими на Мологѣ, а другой бѣжалъ отъ нихъ за Волгу. Послѣ этого кн. Ряполовскіе направились въ Литву черезъ Новгородскую землю. Вслѣдъ за ними пришли въ Мстиславль къ кн. Вас. Яросл. Боровскому какъ ихъ сообщники, такъ и постороннніе люди и стали побуждать кн. Вас. Яросл. снарядиться для освобожденія Вас. Вас. изъ Углича. Въ слѣдующемъ, 1447 г., узнавъ, что Шемяка выпустилъ изъ Углича Вас. Вас. и что онъ находится въ Твери, кн. Ряполовскіе со своими единомышленниками и кн. Боровскій рѣшили итти туда и, въ случаѣ необходимости, оказать Вас. Вас. помощь.

Въ 1459 г. кн. Р-ій вмѣстѣ съ кн. Ив. Юр. Патрикѣевымъ ходилъ въ Вятку. Они взяли Орловъ и Котельничъ, долго держали въ осадѣ Хлыновъ, и вятчане, наконецъ, „добили челомъ на всей волѣ великаго князя“.

Имя кн. Ив. Ив. Р-го записано въ сводникѣ Патріаршей Ризницы.

Др. Рос. Вивл., VI; Карамзинъ, Ист. гос. Рос., V; Соловьевъ, Исторія Россіи, IV; Экземплярскій, I. II; Петровъ.

В. Корсакова.

Ряполовскій-Стригинъ, князь *Иванъ Ѳеодоровичъ*. Въ 1522 г., во время похода вел. кн. Василія Ивановича на Коломну противъ Крымскаго хана Магметъ-Гирея, кн. Р-ій былъ однимъ изъ рындъ у вел. князя. Въ 1537 г., когда во Владимірѣ стояло войско, кн. Р-ій былъ вторымъ воеводой въ правой рукѣ. Въ томъ же году—воевода городовой въ Нижнемъ-Новгородѣ; съ нимъ кн. Мих. Мих. Троекуровъ. Въ 1540 г., когда Казанскій царь Сафа-Гирей приходилъ къ

Мурому, полковыми воеводами тамъ были: кн. Р-ій, Ив. Вас. Шереметевъ и кн. Петръ Дѣевъ. Въ томъ же году онъ пожалованъ въ окольничіе. Въ 1541 г.—первый воевода сторожевого полка въ походѣ изъ Владиміра въ Казань на судахъ, онъ въ 1542 г., во время посольства отъ польскаго короля Сигизмунда къ царю Ивану Васильевичу, съ паномъ Яномъ Юрьев. Глѣбовичемъ во главѣ, упоминается въ числѣ тѣхъ, которые „въ думѣ не живутъ, а при послахъ въ избѣ были". Въ 1543 г. въ Псковѣ были намѣстниками: бояринъ кн. Дан. Дм. Пронской и кн. Р-ій. Полоцкій воевода Довойна увѣдомилъ ихъ, что литовскіе судьи прибыли въ Полоцкъ для размежеванія сиорныхъ Себежскихъ земель. Князья Пронской и Р-ій довели объ этомъ до свѣдѣнія вел. князя, который рѣшилъ отложить размежеваніе до лѣта и обѣщалъ выслать тогда на старыя границы своего сына боярскаго.—Кн. Р-му въ Костромскомъ у., на посадѣ у Соли у Малыя, принадлежала цѣлая улица; на этой улицѣ находились два двора, которыми затѣмъ владѣлъ Троице-Сергіевъ монастырь.

Др. Рус. Вивл., XX; Кн. Щербатовъ, VII; Погодинъ, Рус. Ист. Сб., т.т. II и V; Экземплярскій, II; Писц. кн. XVI в., т. I; Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 59; Петровъ.

В. Корсакова.

Ряполовскій, князь *Петръ Семеновичъ* **Лобанъ**, бояринъ; ум. въ 1524 г. Въ 1492 г. въ походѣ въ Новгородъ-Сѣверскую скую область, — второй воевода въ лѣвой рукѣ. Въ 1499 г. Іоаннъ III послалъ въ Казань войско противъ Шибанскаго царевича Агалака, ополчившагося противъ Абдулъ-Летифа. Когда Агалакъ ушелъ назадъ въ свои улусы, въ Казани были оставлены для защиты интересовъ Абдулъ-Летифа бояринъ кн. Вас. Вас. Шуйскій и Р-ій. Въ 1500 г. подъ Казанью стояли три недѣли ногайскіе мурзы, да Ямгурча со многими людьми; русскіе воеводы, находившіеся тамъ, кн. Мих. Ѳеод. Карамышъ-Курбской и кн. Р-ій, отразили ногайцевъ. Въ томъ же году кн. Р. находился въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ кн. Вас. Дан. Холмскаго съ дочерью Іоанна III—Софіей. Въ 1502 г. онъ—первый воевода въ передовомъ полку, при походѣ въ Стародубъ и въ Литовскую землю; послѣ побѣды надъ княземъ Ижеславскимъ, близъ Мстиславля, были оставлены въ Стародубѣ кн. Воротынскій и кн. Р-ій. Въ 1503 г. кн. Р. былъ воеводой въ передовомъ полку въ Литовскомъ походѣ, въ 1506 г.—въ Казанскомъ походѣ, а въ 1507 г.—по Казанскимъ вѣстямъ въ Муромѣ. Кромѣ участія въ 1506 г. въ Казанскомъ походѣ, князь Р. исполнилъ порученіе вел. князя: основалъ на Бѣлой новую крѣпость, въ защиту отъ Литвы. Въ 1508 г.—второй воевода въ лѣвой рукѣ во время Литовскаго похода; 1509 г.—одинъ изъ воеводъ сторожевого полка въ походѣ къ Дорогобужу, а въ 1511—12 г.—третій воевода въ правой рукѣ во время Литовскаго похода. Лѣтомъ 1513 г. вел. кн. Василій Ивановичъ пошелъ въ Боровскъ для „своего Смоленскаго дѣла". Большимъ воеводамъ онъ велѣлъ напередъ себя идти къ Смоленску 11-го августа, въ правой рукѣ—кн. Мих. Дан. Щенятевъ и Ѳед. Никит. Бутурлинъ, „а какъ придетъ кн. Лобанъ Ряполовскій,—и Лобану быть со кн. Михайлой въ правой рукѣ на Ѳеодорово мѣсто Бутурлина, а Ѳеодору быти со кн. Даниломъ въ большомъ полку". Въ 1517 г.—второй воевода въ большомъ полку въ Мещерѣ, на Толстикѣ; затѣмъ, вмѣстѣ съ кн. Ив. Петр. Шуйскимъ, намѣстникъ въ Псковѣ. Они прислали вел. князю донесеніе, что собирается въ Москву посольство Прусскаго магистра Альбрехта Бранденбургскаго съ посланникомъ Дитрихомъ Шонбергъ. Въ 1518—19 г.г. кн. Р-ій долженъ былъ заботиться то объ отправкѣ съ дьякомъ Некрасовымъ къ магистру Альбрехту того толмача, который ѣздилъ раньше съ Загряжскимъ, то о проводахъ и выдачѣ корма человѣку магистра, то о пріисканіи для посольства Конст. Тим. Замыцкаго толмача, „который бы умѣлъ по-нѣмецки и собою добренекъ". Въ 1519 г. кн. Р. пожалованъ въ бояре. Въ 1522 г. участвовалъ въ походѣ вел. князя противъ Крымскихъ татаръ; на устьѣ р. Осетра стояли съ передовымъ полкомъ воеводы: кн. М. В. Горбатой, князь Р-й и князь П. Ѳ. Охлябининъ.

Др. Рос. Вивл., XIII, XX; Софійскій Временникъ, II; Карамзинъ, Ист. госуд. Рос., VI и VII; Погодинъ, Рус. Ист. Сб., М. 1838 г., т.т. II и V; Экземплярскій, II; Лихачевъ, Сборникъ актовъ, С.-Пб. 1895; Петровъ; Чт. М. О. И. Д. Р. 1902 г., I; Памятники диплом. сношеній древней Россіи съ держ. иностр., С.-Пб. 1851, I; Сб. Имп. Рус. Истор. Общ., т. 53.

В. Корсакова.

Ряполовскій, князь *Семенъ Ивановичъ* **Хрипунъ**, ум. въ 1503 г. Въ 1446—47 г.г. вмѣстѣ со своими братьями Дмитріемъ и Иваномъ держалъ сторону Вас. Вас. Темнаго противъ Шемяки. Въ 1458 г. вел. князь отправилъ на вятчанъ воеводъ: кн. Ив. Вас. Горбатаго-Суздальскаго, кн. Сем. Ив. Р-го и Григ. Перхушкова; но этотъ походъ не удался, потому что Перхушковъ за „посулы" благопріятствовалъ вятчанамъ.

Карамзинъ, V; Соловьевъ, IV; Экземплярскій, I.

В. Корсакова.

Ряполовскій, князь *Семенъ Ивановичъ*, бояринъ; сынъ князя Ивана Ивановича; женатъ на княжнѣ Марьѣ Ив. *Патрикѣевой*, дочери кн. Ив. Юрьев. Патрикѣева. Въ 1477 г. предводительствовалъ суздальцами и юрьевцами во время похода Іоанна III въ Новгородъ. Подойдя къ Новгороду, онъ былъ посланъ къ Юрьеву монастырю съ нѣсколькими воеводами и съ войскомъ; они перешли черезъ Ильмень по льду и отняли городище и всѣ монастыри подъ городомъ. Послѣ этого кн. Р. былъ съ войскомъ по Пидбѣ и на Стипѣ. Въ 1478 г. пожалованъ въ бояре. Въ 1487 г. воевода передового полка въ Казанскомъ походѣ, содѣйствовалъ кн. Холмскому во взятіи Казани. Въ 1488 г. на мѣсто выселенныхъ изъ Великаго Новгорода въ разныя области бояръ, именитыхъ гражданъ и купцовъ были посланы служилые люди и гости изъ Москвы; между прочимъ, въ Вотскую пятину перевезены послужильцы кн. Р-го: Сарыевы, Теткины, Зеленины, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы. Въ 1491 г. на его долю выпало исполнить весьма тягостное порученіе Іоанна III. Осенью этого года пріѣхалъ изъ Углича въ Москву братъ вел. князя, Андрей Васильевичъ. Хотя вел. князь былъ недоволенъ братомъ за то, что онъ не послалъ весною своего войска противъ татаръ, тѣмъ не менѣе, принялъ его радушно, а на слѣдующій день позвалъ къ себѣ обѣдать. Ласково встрѣтивъ Андрея Вас., Іоаннъ III отослалъ его бояръ въ другую комнату, гдѣ велѣлъ взять ихъ подъ стражу. Кн. Р., по приказанію вел. князя, явился со многими боярами передъ Андреемъ. Не будучи къ состояніи побороть внутренняго волненія, кн. Р., заливаясь слезами, сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Государь князь Андрей Васильевичъ! поиманъ еси Богомъ да государемъ, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ". Андрей всталъ и съ твердостью отвѣтилъ: „Воленъ Богъ да государь, братъ мой; а Всевышній разсудитъ насъ въ томъ, что лишаюсь свободы безвинно".

Въ 1494 г. (17-го янв.—12-го февр.) къ Іоанну III пріѣхало посольство отъ вел. кн. Литовскаго Александра, для заключенія мирнаго договора и для сватовства дочери Іоанна III, Елены. Въ числѣ бояръ, которые вели разговоры съ Литовскими послами, находился кн. Р-ій; 27-го января послы обѣдали у него. 9-го марта того же года кн. Р. былъ посланъ вмѣстѣ со своимъ шуриномъ, кн. Вас. Ив. Косымъ Патрикѣевымъ, въ Литву для переговоровъ съ вел. кн. Александромъ по поводу его сватовства на дочери Іоанна III. Князю Р-му поручено было передать вел. кн. Александру поминки отъ вел. кн. Софьи Ѳоминишны, отъ сыновей великаго князя—Василія, Юрія и Дмитрія Ивановичей, и отъ его внука, кн. Дмитрія Ивановича (сына умершаго Іоанна Младого, отъ перваго брака Іоанна III съ Тверской княжной). 18-го апрѣля Московскіе послы прибыли въ Вильну, а 23-го обѣдали у вел. кн. Александра. Они должны были настаивать на сохраненіи вел. княжною Еленою греческаго закона, а Александръ, заключивъ мирный договоръ, упомянулъ, между прочимъ, въ грамотѣ относительно вѣроисповѣданія своей будущей жены, что онъ не станетъ принуждать ее къ перемѣнѣ вѣры, но въ случаѣ, если она сама захочетъ принять римскую вѣру, то онъ не можетъ помѣшать ей. Московскіе послы не соглашались на такое измѣненіе и отказались взять грамоту. Девять лѣтъ спустя, весной 1503 г., отправляя снова посольство въ Литву къ вел. кн. Александру, Іоаннъ III въ наказѣ, данномъ посламъ, какъ они должны держать себя во взаимныхъ отношеніяхъ, между прочимъ, упомянулъ съ укоризной къ памяти кн. Р-го: „а не такъ бы есте чинили, какъ кн. Семенъ Ряполовскій высокоумничалъ надъ княземъ Васильемъ княжимъ Ивановымъ сыномъ Юрьевича (т. е. надъ кн. Вас. Ив. Патрикѣевымъ), ...а розни бы межъ васъ ни въ чемъ не было, чтобъ есте своею розньо мнѣ нечти (т. е.

безчестья) не учинили, а дѣлу бы моему въ томъ порухи не было".

Въ августѣ того же 1494 г. снова пріѣзжало въ Москву посольство отъ вел. кн. Александра для объясненій и дальнѣйшихъ переговоровъ, и послы обѣдали у кн. Р-го. 13-го января 1495 г. вел. княжна Елена Іоанновна была отпущена родителями изъ Москвы въ Литву для вѣнчанія съ вел. кн. Александромъ. За ней пріѣхали Литовскіе бояре, а изъ Москвы даны въ провожатые бояре: кн. Р-ій и Мих. Яковл. Русалка, съ ихъ женами. Въ „памяти", данной кн. Р-му, сказано, чтобы по пути останавливаться и заказывать молебны въ Звенигородѣ, Можайскѣ, Смоленскѣ; въ случаѣ плохого состоянія моста въ Витебскѣ — не придется быть у молебна въ соборѣ; въ Полоцкѣ слѣдуетъ заказать молебенъ въ Софійскомъ соборѣ. Кн. Ряполовская и боярыня Русалка должны сидѣть въ теченіе пути въ повозкѣ съ великой княжной, а во время остановокъ для обѣда—быть при ней. По пріѣздѣ въ Вильну бояре, дьякъ и дѣти боярскія должны явиться къ вел. кн. Александру съ поминками; уговариваться съ панами относительно вѣнчанія будутъ только бояре. Въ тайномъ наказѣ, данномъ Р-му, какъ главному изъ сопровождавшихъ вел. княжну бояръ, высказано требованіе, чтобы она вѣнчалась въ греческой церкви, въ русской одеждѣ. При совершеніи брачнаго обряда, на вопросъ католическаго епископа о любви ея къ Александру, она должна отвѣтить: „любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ закона; держать мнѣ греческій, а ему не пудить меня къ римскому". Послѣ вѣнчанія боярамъ вмѣнялось въ обязанность послать къ Іоанну III такого гонца съ грамотою, который бы „умѣлъ великому князю и словомъ сказать", какъ ѣхали, гдѣ были встрѣчи, какъ въѣхали въ Вильну, какъ были у вѣнчанія, гдѣ и кто вѣнчалъ. Бояре и другіе, сопровождавшіе вел. княжну, согласно желанію Іоанна III, должны были остаться въ Вильнѣ, съ разрѣшенія Александра, до тѣхъ поръ, пока вел. кн. Елена „обойдется", т. е. привыкнетъ.

Въ февралѣ 1495 г., послѣ вѣнчанія, была послана Іоанну III княземъ Р-мъ запись, изъ которой видно, что въ Вязьмѣ, Смоленскѣ, Витебскѣ и Полоцкѣ были встрѣчи, при чемъ кн. Р-ій „являлъ пановъ" вел. княжнѣ. Возлѣ мостовъ кн. Р-ій и Русалка выходили изъ саней и пѣшкомъ сопровождали вел. княжну, ѣхавшую въ повозкѣ, до соборовъ. Во время остановки въ Смоленскѣ, кн. Р-ій подавалъ въ свѣтлицѣ вел. княжны Смоленскому епископу и Литовскимъ боярамъ, а кн. Р-ая подносила вино вел. княжнѣ. Со Смоленска начались уже переговоры относительно вѣнчанія. Вел. кн. Александръ встрѣтилъ свою невѣсту въ Немежахъ, въ трехъ верстахъ отъ Вильны; сойдя съ лошади, онъ привѣтствовалъ Елену, затѣмъ подалъ руку боярынямъ, снова сѣлъ на коня, и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ городъ. Въ тотъ же день произошло вѣнчаніе въ католической церкви. Боярыни (кн. Р-ая и Русалка) расплели передъ вѣнчаніемъ вел. княжнѣ косу, причесали ее, положили на нее кику и осыпали хмелемъ. Католическій епископъ и вел. кн. Александръ усиленно возражали противъ того, чтобы пріѣхавшій съ вел. княжной Еленой русскій попъ Ѳома читалъ въ церкви православныя молитвы, а кн. Р-ая держала бы надъ Еленой вѣнецъ; но кн. Р-ій настоялъ на исполненіи того и другого.

Отпуская обратно кн. Р-го и Русалку, Александръ заявилъ, что не можетъ поставить для своей жены греческую церковь „на переходахъ", какъ того желаетъ Іоаннъ III, потому что въ „правахъ" написано, чтобы не увеличивать количества греческихъ церквей; въ городѣ есть греческая церковь — и вел. княгиня можетъ посѣщать ее. Въ маѣ 1495 г. пріѣхалъ отъ Александра посолъ Петряшкевичъ къ Іоанну III благодарить за присылку Елены, объявить о нападеніи на Литовскія владѣнія воеводы Молдавскаго Стефана и, въ концѣ концовъ, принести жалобу на московскихъ пословъ, кн. Р-го и Русалку, которые будто-бы по пути изъ Вильны въ Москву грабили жителей на двѣ мили по обѣ стороны дороги, а также и встрѣчныхъ купцовъ. Іоаннъ былъ во многихъ отношеніяхъ недоволенъ своимъ зятемъ, что и высказалъ Петряшкевичу; по поводу жалобъ на кн. Р-го и Русалку послѣдовалъ отвѣтъ, что они не грабили, а напротивъ во всемъ терпѣли недостатокъ во время пути.

Въ 1498 г. въ походѣ противъ шведовъ кн. Р-ій былъ вторымъ воеводой въ передовомъ полку подъ Выборгомъ. Вслѣд-

ствіе просьбы о помощи со стороны Казанскаго царя Магметъ-Аминя, котораго согналъ съ Казанскаго царства ногайскій ханъ Мамутекъ,—вел. кн. Іоаннъ III убавилъ воеводъ въ Шведскомъ походѣ и приговорилъ на весну послать воеводъ въ Казань: воеводой въ судовой рати въ большомъ полку былъ кн. Р-ій. Въ томъ же году произошло сильное измѣненіе въ отношеніяхъ къ женѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ, къ сыну отъ брака съ нею Василію, къ невѣсткѣ (вдовѣ кн. Іоанна Младого) и къ внуку Дмитрію Ивановичу, и это измѣненіе явилось погубнымъ для кн. Р-го, враждебно настроеннаго противъ Софьи Ѳоминишны и Василія Ивановича. Это враждебное отношеніе обусловливалось извѣстной распрей изъ-за вопроса о Московскомъ престолонаслѣдіи между двумя партіями, образовавшимися въ Москвѣ не только среди бояръ и царедворцевъ, но и среди посадскихъ людей. Когда верхъ взяла партія Софьи Ѳоминишны и Василія Ивановича, то Іоаннъ III произвелъ жестокую расправу съ знатнѣйшими боярами, обличенными въ крамолѣ, въ томъ числѣ и съ кн. Р-мъ. Князья Патрикѣевы, Ив. Юрьев. и старшій сынъ его—Василій Косой, избѣгли смертной казни благодаря заступничеству митрополита Симона, архіепископа Ростовскаго и другихъ святителей, но должны были постричься въ монахи. Кн. Р-ій былъ обезглавленъ 5-го февраля 1499 г. на берегу Москвы-рѣки. Не спасло его отъ гнѣва Іоанна III воспоминаніе о важной услугѣ, оказанной отцомъ кн. Семена Ивановича, кн. Иваномъ Ивановичемъ, и дядьми его, какъ самому Іоанну, такъ и Василію Васильевичу во время утѣсненія ихъ Шемякою. Имя кн. Р-го записано въ сунодикѣ Патріаршей Ризницы.

Никон. Лѣт., VI; Соф. Временникъ, II; Царств. Лѣтописецъ; Др. Рос. Вивл., XIV, XX; „Отеч. Зап.“ 1830 г., ч. 44; „Чт. М. О. И. Д. Р.“ 1902, I; Сб. Имп. Р. И. Общ., т. 35; Карамзинъ, Ист. госуд. Рос., VI, X; Соловьевъ. Ист. Россіи, V; Экземплярскій, I; Петровъ; Бантышъ-Каменскій, Словарь достоп. людей, изд. 1836 г., т. IV.

В. Корсакова.

Ряполовскій, князь *Ѳеодоръ Семеновичъ большой*, бояринъ; прозывался въ родословныхъ *Стрига*, а въ лѣтописяхъ *Хрипунъ*. Въ 1468—69 г.г.—воевода Нижегородскій; ходилъ съ Московскою дружиною противъ казанцевъ и разбилъ на Волгѣ отрядъ ханскихъ тѣлохранителей. Въ 1487 г. участвовалъ во взятіи Казани кн. Дан. Холмскимъ и привезъ радостное извѣстіе объ этой побѣдѣ вел. кн. Іоанну III. Въ грамотѣ сына Іоанна III, кн. Іоанна Іоанновича, писанной прежде 1490 г. прикащикамъ Коршакову и Козмину объ отдачѣ Спасо-Евфимьеву монастырю двухъ луговъ с. Омуцкаго, принадлежавшихъ лично кн. Іоанну Іоанновичу, сказано: „и о тѣхъ лузѣхъ билъ ми челомъ Спасскій архимандритъ Константинъ да строитель Іовъ Кодаковъ съ моею братьею, кн. Иваномъ Александровичемъ, да кн. Петромъ Ивановичемъ, да кн. Ѳеодоромъ Семеновичемъ Хрипуномъ“. Въ 1493 г. пожалованъ въ бояре. Въ 1496 г. былъ подъ Выборгомъ въ передовомъ полку, въ 1500 г. находился въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ кн. Вас. Дан. Холмскаго, въ 1502 г. участвовалъ въ походѣ къ Смоленску, а въ 1506 г. въ Казанскомъ походѣ; оба раза—воевода въ лѣвой рукѣ. По всему вѣроятію, кн. Р-ій былъ убитъ во время этого похода, такъ какъ имя его помѣщено въ сунодикѣ Патріаршей Ризницы въ числѣ тѣхъ, которые сражались съ татарами подъ Казанью, пострадали за православную вѣру и были убиты.

Соф. Временникъ, II.—Др. р. Вивл., VI, XIII, XX; „Отеч. Зап“. 1830 г., ч. 44. Акты ист., I; Чт. М. О. И. Д. Р. 1902 г., 1; Карамзинъ. Ист. госуд. Рос., VI; — Соловьевъ, Исторія Россіи, V; Экземплярскій, II; Петровъ.

В. Корсакова.

Ряполовскій-Хрипуновъ, князь *Ѳеодоръ Семеновичъ меньшой*, ум. въ 1498 г. Въ 1496 г. былъ вторымъ воеводой въ передовомъ полку подъ Выборгомъ.

Погодинъ, Рус. Ист. Сб., II и V; Лихачевъ, Разр. дьяки; Петровъ.

В. Корсакова.

Рясовскій, *Григорій Андреевичъ*, докторъ медицины, адъюнктъ Московскаго Университета, докторъ Серпуховскаго Дѣтскаго Пріюта въ Москвѣ; род. въ 1798 г. въ Воронежской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Образованіе получилъ сначала въ Воронежской Духовной Семинаріи, въ которой, впрочемъ, курса не окончилъ, будучи исключенъ изъ богословскаго класса 8-го іюля 1817 года, послѣ чего

поступилъ студентомъ въ Харьковскій Университетъ, на Медицинскій Факультетъ; пробывъ тамъ три года, Р. въ 1820 году перешелъ въ Московскій Университетъ и здѣсь закончилъ свое медицинское образованіе въ сентябрѣ 1820 г. Въ 1824 году онъ перевелъ съ нѣмецкаго сочиненіе Консбруха и Эбермейера: „Рецептура“ (М. 1824 г., 8°, стр. 6+VI+387), а въ слѣдующемъ году, 27-го іюня, защитилъ докторскую диссертацію „De lithiasi, seu morbo calculoso“ (Дисс. Д. М., М. 1825 г., 8°) и былъ удостоенъ искомой степени. Оставленный, „за отличные успѣхи и примѣрное поведеніе“, при Университетѣ „по ученой части“, Рясовскій съ 1-го сентября 1826 по 1-ое сентября 1828 г. преподавалъ студентамъ Университета ветеринарную анатомію и физіологію, руководствуясь преимущественно сочиненіемъ Фейта. 30-го іюня 1827 года Р. былъ утвержденъ адъюнктомъ, а съ начала того же академическаго года—акушеромъ и докторомъ при родильномъ институтѣ Университетской Клиники,—въ качествѣ помощника профессора акушерства. Затѣмъ, съ 1-го сентября 1828 года, въ теченіе семи лѣтъ, Р. преподавалъ науку о женскихъ болѣзняхъ, руководствуясь отчасти сочиненіями Сибольта. Въ 1830 году, во время холерной эпидеміи въ Москвѣ, Р. будучи членомъ Комитета, учрежденнаго при Университетѣ для охраненія отъ холеры жившихъ въ немъ и въ заведеніяхъ, ему подвѣдомственныхъ, принялъ на себя, 19-го сентября, обязанности доктора временной больницы въ Московской Губернской Гимназіи и исполнялъ ихъ до 17-го февраля 1831 года; за свою полезную дѣятельность въ борьбѣ съ холерой онъ получилъ, 25-го августа 1831 г., Монаршее благоволеніе. Въ 1830 году Р. помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 93) статью: „О паровой ваннѣ для лѣченія холерныхъ“.

Избранный въ 1832 году (23-го августа) Секретаремъ Отдѣленія врачебныхъ наукъ при Московскомъ Университетѣ, онъ болѣе двухъ лѣтъ исполнялъ эту должность; кромѣ того, съ 1832 по 1834 г. былъ акушеромъ и докторомъ при Родильномъ институтѣ, а въ концѣ 1835 года, за реформою при введеніи новаго Устава и штатовъ, уволенъ былъ отъ службы при Университетѣ.

Въ своей „Памятной запискѣ о профессорахъ Московскаго Университета“, поданной графомъ А. Н. Панинымъ, Помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, въ 1831 году князю А. Н. Голицыну, онъ характеризуетъ Рясовскаго слѣдующими словами: „Рясовскій. Смыслитъ акушерство, по словамъ медиковъ, но малодушенъ въ заразительныхъ болѣзняхъ“, что, впрочемъ, противорѣчитъ дѣйствительности: на основаніи другихъ источниковъ, можно съ достовѣрностью утверждать, что Рясовскій, во время холерной эпидеміи 1830 года не боялся заразиться и энергично боролся съ ужасною болѣзнью. Оставивъ Университетъ, онъ занялъ должность врача Серпуховскаго Дѣтскаго Пріюта въ Москвѣ.

Г. А. Рясовскій былъ женатъ и въ 1834 г. имѣлъ двухъ сыновей: Василія 4-хъ лѣтъ и Николая 1 года. Скончался, въ чинѣ статскаго совѣтника, 28-го іюня 1864 г., на 66 году отъ роду, и погребенъ въ Москвѣ, на Ваганьковомъ кладбищѣ.

Сенатскій Архивъ, формуляръ; Словарь Геннади, т. III, стр. 291; Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ.“, т. 62, стр. 232; Московскій Некрополь, т. III, стр. 56; Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, М. 1855 г., т. II, стр. 386—387; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, вып. I, С.-Пб. 1886, тетр. 2, стр. 89—90; „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1870 г., кн. IV, смѣсь,—записка графа А. Н. Панина: Памятная записка о профессорахъ Московскаго Университета, стр. 218.

Б. М.